

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Т О М Ъ LXXII.

1898.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1898.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

АПРѢЛЬ, 1898

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1898 г.

	СТР.
I. Коржинскіе коршуны. (Романъ-хроника). IX—XI. (Продолженіе). Н. П. Мердеръ	5
II. Изъ воспоминаній баронессы М. П. Фредерикъ. (Посвящается другу дѣтства Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу). Часть вторая. I—VI. (Продолженіе) . .	49
III. Лепта вдовицы. (Разсказъ). П. Н. Потапенко	80
IV. На царскомъ пути. (Черты изъ жизни графа Д. Е. Остенъ-Са- кена). Д. В. Федорова	103
V. Неудобоносимое иго. (Изъ давнихъ воспоминаній). П. Н. По- левого	122
VI. Недавніе люди. (Характеристики и воспоминаній). Степанъ Стамбуловъ. (Окончаніе). А. В. Амфитеатрова	132
VII. Къ біографіи Н. В. Успенскаго. Я. П. Полонскаго	148
VIII. Поѣздка на Мурманъ. (Путевыя замѣтки). III—V. (Окончаніе). А. Г. Слезкинскаго	152
Иллюстраціи: 1) Славовище Еретики (портъ Владимира).—2) Колонія Малая Мотка.—3) Колонія Печенга.—4) Церковь въ Печенгскомъ монастырѣ.—5) Домъ общежитія въ Печенгскомъ монастырѣ.—6) Гостиница въ Печенгскомъ мо- настырѣ.—7) Пазрыцкій погостъ. Церковь св. Бориса и Глѣба.—8) Городъ Кола.— 9) Ловарская туна.—10) Островъ Малавья на Имандрѣ.—11) Расволоцкая станція.—12) Поморская казарма.	
IX. Еврейскія колоніи въ Аргентинѣ. Мариа Басанина	192
X. По китайскому побережью. I. Городъ Вей-ха-вей. В. Д. Черевков	229
XI. Русскіе дипломаты XVIII столѣтія въ Англіи. I—III. В. А. Ти- мирязева	243
Иллюстраціи: 1) Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ.—2) Князь Борисъ Ива- новичъ Куракинъ.—3) Князь Антохъ Дмитриевичъ Кантемиръ.	
XII. Литературныи памятники г. Б. 100лѣю. В. Я. Глинскаго . . .	267
XIII. Критика и бібліографія.	276
1) Жизнь и труды М. П. Погодина, Николая Барсукова. Книга двѣнадцатая. Спб. 1898. Б. Глинскаго.—2) А. Сорель, Монтеסקье. Переводъ М. Г. Василье- вскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. И. Карѣева. Спб. 1898. И.—скаго.— 3) О. М. Уманецъ. Гетманъ Мазепа. Историческая монографія. Спб. 1897. Щ.— 4) А. Газо. Шуты и скоморохи всѣхъ временъ и народовъ. Переводъ и допол- ненія Н. Федоровой. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1898. В. П.—5) У сѣня моря. Кн. Дм. Голицынъ (Муравлинъ). Спб. 1898. А. Фаресова.—6) Очеркъ жизни и дѣятельности въ Бозѣ почивающаго великаго князя Михаила Пав- ловича. Къ столѣтію со дня его рожденія, 1798—1898. Съ двумя портре- тами. Составилъ генералъ-отъ-артиллеріи М. С. Лалаевъ. Спб. 1898. Первый царственный генералъ-фельдшехмейстеръ, великій князь Михаилъ Павловичъ, 1798—1898 г. Біографическій очеркъ съ 8-ю портретами и автографомъ. Соста- вилъ И. Н. Вожеряновъ. Спб. 1898 г. В. Т.—7) А. Н. Неустроевъ. Литературные дѣятели XVIII вѣка. I. Василій Григорьевичъ Рубанъ. Спб. 1898. Н. С. Тихо- нравовъ. Сочиненія. III, ч. I. М. 1898. проф. А. Архангельскаго.—8) Н. Дружи- нинъ. Юридическое положеніе крестьянъ. Спб. 1897. Б. г.—9) На сибирскихъ золотыхъ приискахъ. Н. Латкинъ. Спб. 1898. А. Фаресова.—10) П. Е. Тимо- шенко. Литературные первоисточники и прототипы трехсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1897. С.—11) Очерки современной Япоши. Женщины-врача А. А. Черевковой. Съ 12-ю гравюрами. Спб. 1898. Л. Ж.—12) Альбомъ кар-	

См. слѣд. стр.

тинъ и рисунковъ И. Е. Рѣпина. Изданіе В. В. Матв. Выпускъ первый. Сі 1898. С. ш.—13) Гаспарі Адольфъ. Исторія итальянской литературы. Томъ II Итальянская литература эпохи возрожденія. Переводъ К. Вальмонга. Изд. К. Солдатенкова. Москва. 1897. А. И.—14) Путешествіе антохійскаго патріар Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіа номъ Павломъ Алепскимъ. Переводъ съ арабскаго, г. Муркоса (по рукописи Мусковскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ). Выпускъ второй (отъ Днѣстра до Москвы). Москва. 1897. С.

XIV. Заграничныя историческія новости и мелочи 310

1) Новая монографія о Платонѣ. — 2) Легенда о Тангейзерѣ. — 3) Иоанна д'Аркъ и ея сподвижники. — 4) Былъ ли Леонардъ Да-Винчи магомъ?—5) Мазаньелло.—6) Окончательное разрѣшеніе вопроса о Желѣзной Маскѣ.—7) Воспоминанія герцогини Деказъ о княгинѣ Д. Х. Ливень.—8) Новая біографія Гладстона.—9) Портной-радикаль.—10) Столѣтній юбилей «*Allgemeine Zeitung*». — 11) Пятидесятилѣтіе перваго германскаго парламента.—12) Новооткрытыя сокровища Ватиканской бібліотеки.—13) Платоническая любовь графини Христіны Фонтанъ къ Александру I.

XV. Изъ прошлаго. 238

Великопостное посланіе. П. И. Григорьева.

XVI. Смѣсь 335

1) Археологическое общество въ Москвѣ.—2) Кіевское общество Нестора лѣтописца.—3) Общество любителей древней письменности.—4) Собраніе общества ревнителей русскаго просвѣщенія.—5) Историческое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ. — 6) Географическое общество. — 7) Философское общество. — 8) Археологическій институтъ. — 9) Чествованіе памяти О. И. Вуслаева.—10) Некрологи: П. А. Безсоновъ; Г. П. Смирновъ-Платоновъ; Я. О. Березинъ-Шаряевъ; В. Н. Чиколевъ; А. Борковская.

XVII. Замѣтки и поправки 355

1) Къ статьѣ «Товарищи Достоевскаго». М. Базанова. — 2) Отвѣтъ проф. Д. В. Цвѣтаеву. Г. А. Воробьева.

XVIII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графа Остенъ-Сакена.—2) Невѣста короля А. Fountain Sealet). Романъ. Вальтера Везанта. Переводъ съ англійскаго Прологъ. Гл. I—V.

ОПЕЧАТКА въ № 3 «Историческаго Вѣстника».

Въ статьѣ «М. Бакунинъ и его бѣгство изъ Сибири» на стр. 1-й, строки 7-я (снизу) напечатано «неумнаго» вмѣсто «неугомоннаго».

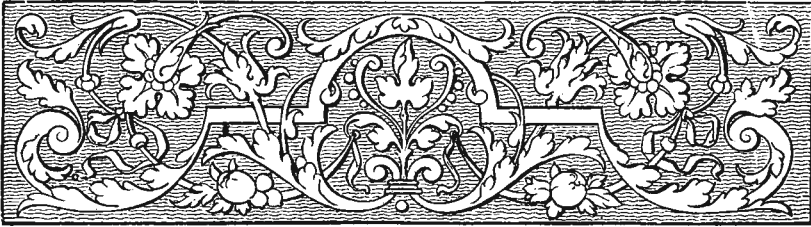

ГРАФЪ ДМИТРІЙ ЕРОФЪЕВИЧЪ ОСТЕНЪ-САКЕНЪ.

ДОВ. ЦЕНЗ. 4 ФЕВРАЛЯ 1898 Г. СПБ.

КОРЖИНСКІЕ КОРШУНЫ ¹⁾.

Романъ-хроника.

IX.

РАФЪ, наконецъ, поѣхалъ съ управляющимъ осматривать Артемкино.

Очутившись въ обычномъ своемъ обществѣ за утреннимъ чаемъ, Марья Алексѣевна вспомнила, что цѣлую недѣлю забывала о существованіи Кати, и почувствовала угрызения совѣсти.

— Гдѣ ты вчера была весь день, душенька?— ласково спросила она у нея.—Даже къ ужину не пришла.

— Я гуляла,—отрывисто отвѣчала Катя.

— Очень жаль, что ты выбираешь для гулянья именно такое время, когда мы всѣ вмѣстѣ,—замѣтила Марья Алексѣевна, подавая жуткое безпокойство, поднимавшееся въ ея душѣ отъ предчувствія неприятной сцены.—Графъ пѣлъ, у него прекрасный голосъ....

— Я стараюсь никому не мѣшать,—объявила Катя, обдавая Машу съ Соней такимъ выразительнымъ взглядомъ, что онѣ вспыхнули, а мать ихъ тотчасъ же поняла, что между дѣвушками опять произошла одна изъ тѣхъ размолвокъ, которыя ставили ее каждый разъ въ затруднительное положеніе.

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», томъ LXXI, стр. 801.

— Ты никому бы не помѣшала,—поспѣшила она прибавить,—напротивъ... Въ то время, какъ ты гуляла, графъ предложилъ пѣть тотъ самый дуэтъ, который ты пѣла съ синьоромъ Пинетти, но тебя не было, и пришлось ужъ Машѣ...

Усмѣшка, съ которою слушала ее Катя, такъ смутила Марью Алексѣевну, что ей все труднѣе и труднѣе было поддерживать разговоръ въ миролюбивомъ тонѣ, но, тѣмъ не менѣе, сдѣлавъ надъ собой усиліе, она посовѣтовала ей повторить этотъ дуэтъ, чтобы завтра пропѣть его съ графомъ.

— Для чего же, когда Маша его поетъ?—возразили ей вызывающимъ тономъ.

— У тебя онъ выйдетъ лучше.

— Не думаю. Къ тому же мнѣ некогда повторять старыя вещи, я должна изучать партитуру изъ «Донъ-Паскаля».

Съ этими словами она поднялась изъ-за стола, ни на кого не глядя, вышла въ залу, и вскорѣ раздался ея звучный голосъ въ мастерски исполняемыхъ вокализахъ.

Марья Алексѣевна была уничтожена.

Съ какой стороны ни подойти къ этой отвратительной дѣвчонкѣ, непременно нарвешься на дерзости и непріятности. И всего хуже то, что придаться къ ней невозможно; трудно передать тонъ, которымъ она умѣетъ произносить слова, когда она хочетъ ими кого нибудь уязвить; надо видѣть и слышать, сколько враждебности и холоднаго презрѣнія въ выраженіи ея лица и въ голосѣ.

Марья Алексѣевна взглянула на дочерей. Онѣ были точно также смущены, какъ и она, и переглядывались съ тоскливымъ недоумѣніемъ.

— Какъ это дурно съ вашей стороны, mesdemoiselles, всю эту недѣлю ни разу не пригласить ее въ гостиную вечеромъ,—строго объявила мать.—Вы знаете, какъ она болѣзненно самолюбива и какъ оскорбляется всякимъ невниманіемъ, а вы точно нарочно...

Дѣвушки, опустивъ глаза, молчали.

— Да и вообще вы всю эту недѣлю вели себя неприлично, и я ужъ давно ищу удобнаго случая, чтобы вамъ это замѣтить,—продолжала Марья Алексѣевна,—вы шепчетесь между собой, переглядываетесь, какъ дурно воспитанныя дѣвицы. Вчера, когда графъ предложилъ повторить дуэтъ, ты тотчасъ же кинулась къ клавишину, не взглянувъ на меня, не убѣдясь, нахожу ли я это удобнымъ,—обратилась она къ старшей дочери, которая съ трудомъ сдерживала слезы.

— И что за манера пропадать изъ гостиной вдвоемъ, не сказавъ, куда вы идете! Гдѣ вы были вчера послѣ обѣда, когда я заговорила съ графомъ о сегодняшней поѣздкѣ?

— Мы прошли по аллеѣ, тамап,—отвѣчала Соня.

— Вдвоемъ?

— Да, мы разговаривали, но потомъ пришла Катя...

— И вы, безъ сомнѣнія, замолчали или заговорили о другомъ при ея появленіи?

— Да, тапал.

— Ну, вотъ и разгадка всему! Вы ее обидѣли, и она до сихъ поръ сердится. Ахъ, дѣти, дѣти, какъ вы меня огорчаете!—вымолвила съ печальнымъ вздохомъ Марья Алексѣевна.—Сколько разъ повторяла я вамъ желаніе папеньки, чтобъ вы жили дружно съ Катей, и чтобъ она была у насъ довольна и счастлива!

Маша не въ силахъ была дольше бороться съ душившимъ ее волненіемъ.

— Простите меня, маменька!—вскричала она, срываясь съ мѣста и кидаясь обнимать мать.—Я знаю, что я виновата, но я сама не понимаю, что со мной дѣлается,—прибавила она прерывающимся отъ рыданій шопотомъ и прижимаясь лицомъ къ груди матери.

— Ступай, Соня, мнѣ надо поговорить съ твоей сестрой,—сказала Марья Алексѣевна и, оставшись наединѣ съ старшей дочерью, стала ее допрашивать.

Бѣдная дѣвочка тотчасъ же во всемъ созналась. Подозрѣніе, цѣлую недѣлю мучившее ея мать, оправдалось: Маша влюбилась до безумія въ графа. И она ужъ была несчастна этою любовью, ее уже мучили сомнѣнія и ревность. Вчера, находясь въ чаду отъ восторга, она блаженствовала, а сегодня она въ отчаяніи. Вчера она мечтала, что графъ будетъ ея мужемъ, а сегодня она убѣждена, что этого никогда не случится...

Марья Алексѣевна обомлѣла отъ страха, изумленія и жалости. Неужели опасенія ея начинаютъ сбываться! Какой переворотъ въ ихъ внутренней жизни, до сихъ поръ такой мирной и спокойной!

— Изъ чего же ты заключила, что ты ему нравишься?—спросила она, стараясь казаться спокойною.—Неужели онъ позволилъ себѣ говорить съ тобою о любви?

— О, нѣтъ, маменька! Этого слова онъ ни разу не произнесъ, но это по всему было видно,—отвѣчала, запинаясь, дѣвушка.—Онъ такъ на меня смотрѣлъ... и голосъ у него дѣлался совсѣмъ другой, когда онъ со мной говорилъ... Я не могу объяснить, но я это чувствую... И Соня тоже говоритъ, что я ему нравлюсь...

Ужъ и Соня это говоритъ! А Марья Алексѣевна воображала, что, кромѣ нея, никто не замѣчаетъ, какое впечатлѣніе произвела Маша на ихъ гостя, и что сама Маша смущается подъ его взглядомъ безсознательно, не подозрѣвая настоящей причины своего волненія.

О, какъ она заблуждалась!

Наступила, наконецъ, развязка, которую она съ такимъ постыднымъ малодушіемъ отдаляла отъ себя всѣми силами, вмѣсто того, чтобъ предупредить ее.

Какъ теперь поступить?

Какъ, сохраняя материнское достоинство и не унижаясь до недостойнаго сообщничества, открыть эту невинную душу, чтобъ знать, чѣмъ дѣйствовать противъ зарождающагося въ ней чувства, не запугивая ея, не оскорбляя, не усиливая ея страданій и не возбуждая въ ней недовѣрiя?

Къ счастью, Маша сама облегчила матери эту задачу. Въ ея чистомъ сердцѣ для скрытности и обмана не находилось мѣста, и откровенность съ тою, которую она со дня рожденiя привыкла любить и уважать больше всего на свѣтѣ, была для ея души такою же потребностью, какъ воздухъ для ея тѣла.

— Маменька, это очень не хорошо, что я чувствую? Это грѣхъ?— спросила она, опускаясь на колѣни передъ матерью и устремляя на нее взглядъ, полный невиннаго недоумѣнiя и страха.

— Грѣхъ, дѣвочка, но если ты будешь меня слушать и ничего отъ меня не скроешь, мы будемъ вмѣстѣ молиться, чтобъ Господь простилъ тебѣ этотъ грѣхъ, и онъ проститъ.

— Мнѣ, кажется, что я ужъ не могу безъ него жить, маменька; когда онъ уѣхалъ сегодня утромъ, мнѣ было такъ больно, такъ больно, что хотѣлось умереть.

— Ну, а теперь?—спросила Марья Алексѣвна, заглядывая съ любовью въ милые, голубые глаза, устремленные на нее съ такимъ глубокимъ и невозмутимымъ довѣрiемъ.

— Теперь мнѣ немножко легче.

— А когда ты мнѣ все скажешь, будетъ еще легче.

— Я отъ васъ ничего не скрою. Онъ сказалъ мнѣ вчера: «Мы вѣдь увидимся завтра, утромъ, въ саду, передъ моимъ отъѣздомъ, не правда ли?» И я сегодня утромъ пошла туда въ полной увѣренности, что, наконецъ, онъ мнѣ признается въ любви, и я молила Бога, чтобъ такъ и случилось... Это дурно, маменька? Объ этомъ грѣхъ молиться?

— Хорошо, что ты, по крайней мѣрѣ, сама это сознаешь. Но что-жъ онъ тебѣ сказалъ?

— Ничего онъ мнѣ не сказалъ, я его застала съ Катей. Они такъ заняты были разговоромъ, что онъ даже не обернулся, когда я подошла... Она смѣялась, а онъ держалъ себя такъ, точно меня совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ... И вдругъ она пошла къ бесѣдкѣ, и онъ за нею...

— Ты, конечно, за ними не послѣдовала?

— Нѣтъ, маменька, я не могла, мнѣ было слишкомъ обидно... Я заплакала и убѣжала домой, а онъ уѣхалъ.

Слушая невинную, безыскусственную рѣчь несчастной влюбленной дѣвочки, Марья Алексѣвна съ трудомъ сдерживала слезы, подступавшiя ей къ горлу.

Много перенесла она горя въ жизни, много испытала разочаро-

ваній, такъ много, что, казалось, сердце ея должно бы было привыкнуть къ печали и обтерпѣться, а между тѣмъ это бѣдное, слабое сердце обливалось кровью въ мучительной тоскѣ и страхѣ за дочь еще больше, чѣмъ за себя. Вполнѣ безпомощною и придавленною чувствовала она себя подъ гнетомъ этого новаго и неожиданнаго креста. Она хоть нѣкоторое время была счастлива съ избранникомъ сердца, сдѣлавшимся ея мужемъ, а неужели ея бѣдной дѣвочкѣ даже такого счастья не суждено испытать, и она познаетъ горечь разочарованія и ужасъ измѣны раньше, чѣмъ сдѣлается женщиной?

— Неужели все кончено, маменька?—спросила дрожащимъ голосомъ Маша, испуганная ея молчаніемъ и печальнымъ выраженіемъ ея глазъ, въ которыхъ она съ мучительною пытливостью искала поддержки и утѣшенія.

И столько отчаянія звучало въ этомъ вопросѣ, что у Марьи Алексѣвны не хватило духу сообщить ей печальное предчувствіе, наполнявшее ей душу.

— Полно, дѣвочка, будь умницей, не мучь себя понапрасну, ничего еще не случилось ужаснаго, вчера онъ говорилъ съ тобой, сегодня съ Катей, завтра, можетъ быть, заговорить съ Соней, не слѣдуетъ этому придавать значенія.

— Но вѣдь я пришла, чтобъ съ нимъ проститься, маменька! Онъ самъ меня просилъ выйти пораньше въ садъ.

— Онъ могъ это забыть.

— Забыть?!.. Но тогда онъ и все остальное можетъ забыть, и стало быть...

Голосъ ея порвался въ рыданіяхъ.

Дѣлать нечего, пришлось открыть этому ребенку глаза на жизнь, объяснить, какъ она бываетъ жестока и несправедлива, и какъ необходимо сносить ея удары съ достоинствомъ, чтобъ не накликалъ на себя злорадное презрѣніе или обидную жалость окружающихъ.

Кокетничанье съ графомъ, легкомысленно начатое Катей съ цѣлью испробовать силу своего обаянія надъ юношей, влюбленнымъ въ ея подругу, завлекло ее гораздо дальше, чѣмъ она ожидала.

Все къ тому способствовало: и холодная неприязненность, проглядывающая неволью въ каждомъ словѣ и въ каждомъ взглядѣ Марьи Алексѣвны и ея дочерей, и чрезмѣрная сдержанность Маши, которая, слѣдуя совѣтамъ матери и сознанію собственнаго достоинства, пробудившагося въ ея душѣ вмѣстѣ съ чувствомъ оскорбленія и отчаянія, черезчуръ рѣзко и рѣшительно отстранилась, предоставляя безъ борьбы свое мѣсто соперницѣ, и, наконецъ, возбужденное любопытство, съ которымъ вся дворня слѣдила за неожиданнымъ поворотомъ въ разыгрывающейся въ барскихъ хо-

ромахъ идилліи, все это способствовало къ тому, что Катя съ графомъ очутились внезапно, какъ бы отрѣзанными отъ остальнаго міра и предоставленными самимъ себѣ.

Сдѣлалось это само собой. Когда графъ вернулся вечеромъ изъ своей экскурсіи на хуторъ и, по обыкновенію, предложилъ барышнямъ заняться музыкой, Катя заняла мѣсто Маши у клавиноды; услышавъ ея голосъ, онъ пришелъ въ такой восторгъ, что если пожалѣлъ о чемъ нибудь, такъ развѣ только о томъ, что ему раньше не пришло въ голову просить ея съ нимъ пѣть. Тѣмъ не менѣе его мучило, что за весь день онъ не сказалъ ни одного любезнаго слова Машѣ и уѣхалъ, не простившись съ нею; всею душой хотѣлъ онъ исправить эту оплошность, но каждый разъ, когда онъ искалъ ея взглядомъ, съ готовымъ комплиментомъ на устахъ, либо ея тутъ не было, либо выраженіе ея лица было такъ серьезно и холодно, что у него слова не выговаривались.

Марья Алексѣевна тоже, невзирая на усиліе скрывать подъ спокойною привѣтливостію мучившія ея чувства, была печальна и молчалива, и помимо ея воли въ голосѣ ея и во взглядѣ выражались разочарованіе и досада; Соня же прямо враждебно относилась къ гостю, и онъ не могъ не замѣтить, какъ мать ея показывала ей знаками, чтобъ она относилась къ нему приличнѣе.

Всѣмъ было неловко и тяжело, кромѣ Кати, которая, притворяясь, что ровно ничего не замѣчаетъ, съ увлеченіемъ пѣла, играла и разспрашивала графа о томъ, понравилось ли ему мѣсто, выбранное для завода, и когда именно примутся за его постройку.

— Неужели же вы и зимой будете тамъ жить?—спросила она, между прочимъ, и на утвердительный отвѣтъ графа, съ непростительною развязностью, предложила ему поселиться въ ея Коржинскомъ домѣ.

— Не правда ли, сестрица, графу будетъ во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе и лучше у меня, чѣмъ на хуторѣ?—прибавила она, напирая на слова «у меня».

Графъ невольно обернулся къ Марьѣ Алексѣевнѣ и былъ пораженъ выраженіемъ ея лица: оно поблѣднѣло отъ сдержаннаго гнѣва.

Не отвѣчая на дерзкій вызовъ Куклы, г-жа Коржина встала изъ-за стола и, ледянымъ тономъ пожелавъ графу покойной ночи, вышла изъ комнаты.

Дочери постѣдовали за нею, а Катя, оставшись съ графомъ за столомъ съ не доѣденнымъ десертомъ и не прибранной посудой, облокотилась обѣими руками на столъ, оперлась подбородкомъ на вывернутыя ладони и устремила на своего собесѣдника взглядъ, полный иронической пытливости.

— Марья Алексѣевна чѣмъ-то недовольна,—замѣтилъ графъ, смущаясь подъ этимъ взглядомъ.

— Ее всегда сердить напоминаніе о томъ, что все здѣсь при-

надлежитъ не имъ, а мнѣ,—отвѣчала съ усмѣшкой Катя.—Точно я виновата, что отецъ оставилъ все мнѣ; у него были на это свои причины,—прибавила она, пожимая плечами.

Странная дѣвушка!

Онъ знаетъ ее только съ утра, и она коробитъ его грубою рѣзкостью, проскальзывающею по временамъ сквозь оболочку цивилизаціи, еще плохо усвоенной ею необузданнымъ, дикимъ нравомъ, а между тѣмъ она ужъ заставила его рассказать о себѣ то, чего онъ никогда никому не говорилъ, и успѣла открыть ему глаза на окружающихъ. Марья Алексѣевна представлялась ему теперь совсѣмъ не такою, какою она казалась ему еще вчера, а чистый образъ Маши тускнѣлъ отъ зарождающагося недовѣрія къ ея искренности и невинности. Ему ужъ трудно было вызвать въ воображеніи ту Машу, которою онъ восхищался цѣлую недѣлю, она представлялась ему теперь сообщницей матери въ погонѣ за богатымъ женихомъ.

Онъ долженъ быть благодаренъ Катѣ за то, что она открыла ему глаза, и ужъ изъ-за одного этого извинить грубую шероховатость ея пріемовъ и странности ея ума и характера.

Впрочемъ, она была такъ умна и красива, что и безъ всякихъ другихъ смягчающихъ обстоятельствъ ей можно было все простить.

— Ну, дозавтра, — сказала она, поднимаясь съ мѣста и присѣдая передъ нимъ по всѣмъ правиламъ искусства, съ жеманной граціей свѣтской дѣвицы, точно желая ему доказать, что она и въ любомъ салонѣ можетъ быть у мѣста, если захочетъ.

Но въ этомъ онъ и не сомнѣвался, онъ считалъ теперь эту маленькую чародѣйку на все способною, и къ его восхищенію ею примѣшивался невольный страхъ. А между тѣмъ, его тянуло къ ней, ему хотѣлось быть съ нею дольше, всегда, и это слово: «дозавтра» долго-долго звучало въ его ухахъ, лаская его заманчивымъ обѣщаніемъ счастья.

Однако, на слѣдующее утро онъ вышелъ въ садъ съ смутною надеждой встрѣтить Машу и объясниться съ нею, но она не пришла, и ему стало такъ обидно и горько, что когда на поворотѣ изъ парка въ поле передъ нимъ очутилась Катя, онъ обрадовался ей, какъ старому другу, который пойметъ его печаль и сумѣетъ утѣшить его.

Онъ не ошибся; она заставила его забыть все, чѣмъ онъ мучился до ея появленія.

Кто подсказывалъ этой дѣвочкѣ именно такія слова, которыя лучше всего подходили къ настроенію его ума, вливали спокойствіе и бодрость въ его сердце и будили въ немъ такія чувства, на которыя онъ до сихъ поръ ни въ комъ еще не рѣшался искать отголоска?

Женскій инстинктъ, безъ сомнѣнія.

Какъ бы тамъ ни было, но послѣ трехъ или четырехъ свиданій

ній съ Катей, когда еще между ними не было произнесено ни одного слова любви, графъ вспоминалъ про Машу только для того, чтобы съ досадою спрашивать себя: какъ онъ могъ увлекаться ею, когда въ томъ же домѣ находилось такое очаровательное существо, какъ Катя? Гдѣ у него были глаза? Сколько жизни, сколько разнообразія въ прелестяхъ этого шестнадцатилѣтняго ребенка! Какъ она умна и проникательна? Отъ нея ничего нельзя скрыть, и когда она останавливаетъ на немъ глубокой взглядъ своихъ чудныхъ, черныхъ глазъ, ему неудержимо хочется излить ей всю свою душу, безъ остатка.

Съ Машей онъ никогда ничего подобнаго не чувствовалъ.

Катѣ было весело.

Дня три тѣшилась она своимъ торжествомъ надъ Машей и новымъ чувствомъ, которое ей такъ ловко удалось пробудить въ сердцѣ графа, но на четвертый день, когда она, по обыкновенію, проснулась въ пять часовъ утра, она увидала, что стоявшая до сихъ поръ хорошая погода испортилась: было пасмурно, осенній вѣтеръ нагналъ тучи, грозившія каждую минуту разразиться дождемъ, и она подумала, что глупо въ такую рань покидать теплую постель, чтобы идти въ садъ.

Полячокъ ее тамъ ждетъ. Ну, и пусть! Надоѣло ужъ ей слушать его напыщенные жалобы на одиночество, на несправедливость къ нему судьбы, на то, что онъ всему міру готовъ отдать свое сердце, да никто его не беретъ, его намеки, что онъ узналъ счастье только съ тѣхъ поръ, какъ она обратила на него вниманіе... И какъ онъ вертится, какъ онъ изловчается, чтобы съ языка не соскользнуло запретное слово! Даже смѣшно слушать, право!

До сихъ поръ, и вчера, и третьяго дня, осторожность эта раздражала ее, ей не терпѣлось услышать, наконецъ, признаніе въ любви, первое въ жизни, и разыграть роль разочарованной героини романа, но сегодня все это ей казалось глупо и ей было досадно на себя за то, что она такъ волновалась, такъ хлопотала изъ-за пустяковъ. Ну, что ей въ этомъ мальчишкѣ? Не нуженъ онъ ей вовсе. Ни минуты онъ ей серьезно не нравился, даже и тогда, когда голосъ его и страстные взгляды, лаская ея самолюбіе, приятно щекотали ей нервы. Позабавилась съ нимъ и довольно. Пусть идетъ теперь къ Машѣ, пусть признается ей въ любви, женится на ней, ей ни крошечки не будетъ завидно.

Въ комнату вошла Демьяновна. Увидавъ свою барышню въ постели, она всплеснула руками.

— Еще нѣжишься, а ужъ восьмой часъ! Ты чтожь это сегодня гулять не пошла!

— Дождь идетъ,—отвѣчала, лѣниво потягиваясь, Катя.

— Съ чего ты это взяла? Солнышка, правда, не видать, а дождя нѣтъ.

Она отдернула занавѣску и растворила окно. Въ комнату вошелъ свѣжій, душистый воздухъ, но Катя продолжала лежать неподвижно, устремивъ въ пространство задумчивый взглядъ.

— А прынецъ-то твой все тебя дожидается. Сидить, бѣдняжка, одинъ одинешенекъ, подъ деревцомъ, носъ повѣсивши, какъ мокрый воробушекъ,—говорила старуха, не отходя отъ окна.

— Ну, и пусть сидить,—небрежно сказала Катя. И замѣтивъ порывистое движеніе, съ которымъ Демьяновна откинулась за занавѣску, не переставая глядѣть въ садъ, она спросила:—Чего ты испугалась?

— А ты встань-ка, да посмотри на твоего сокола яснаго, какъ онъ вадрогнулъ, какъ окошко-то растворилось! Какъ ужаленный! А лицо-то въ аршинъ вытянулось! Того и гляди сейчасъ заплачетъ. Да иди же скорѣе, чего проклажаешься...

А Катя, въ одной рубашкѣ и босикомъ, съ всключенными кудрями, стояла ужъ за ея спиной и, прячась за драпировку, смотрѣла черезъ ея плечо на печальную фигуру своего разочарованнаго рыцаря. Не подоврѣвая, что за нимъ подсматриваютъ, онъ пристально и съ выраженіемъ тоскливаго ожиданія въ широко раскрытыхъ глазахъ глядѣлъ въ растворенное окно, точно пытаясь силою своего желанія вызвать обожаемый образъ.

— Ну, и глупъ же твой прынецъ,—проворчала Демьяновна,—развѣ прилично такъ долго передъ окномъ молодой дѣвицы стоять да глазами ее къ себѣ на свиданіе выманивать! Хорошо, что теперь въ домѣ не до него, и некому въ садъ выйтить...

— Почему некому?—спросила Катя.

— Да нешто я тебѣ не сказала? Сегодня ночью изъ города гоонецъ прискакалъ, баринъ Леонтій Артемьевичъ изволилъ пріѣхать. У губернатора присталъ. Чуть свѣтъ лошадей за нимъ выслали съ коляской, Степанъ поѣхалъ. Сегодня къ ужину надо ждать, къ обѣду не поспѣть. И суматоха же у насъ въ кухнѣ, страсть! Да и въ домѣ-то дымъ коромысломъ, все прибираютъ, занавѣски къ окнамъ приколачиваютъ... Марья Алексѣевна въ Пустошкино за рыбой послала. Ужъ не знаю, достанутъ ли...

Звонкая пощечина заставила ее оборвать рѣчь на полусловѣ и схватиться рукой за щеку.

— Какъ ты смѣла мнѣ объ этомъ раньше не доложить, старая хрычевна?—вскричала Катя, блѣдная отъ волненія и гнѣвно топая ногами.

— А ты драться! Хорошо же, ничего же я тебѣ больше не скажу, разузнавай сама у кого хочешь,—плаксиво проворчала Демьяновна и, не отнимая руки отъ лица, направилась къ двери.

— Не смѣй уходить!—запальчиво ее остановила госпожа.

— Да на что я тебѣ? Бить-то есть кого и безъ меня. Возьми себѣ хоть дюжину дѣвокъ, да и расправляйся съ ними, какъ хо-

чень, а ужь меня уволь. Я вотъ, какъ братецъ прїѣдетъ, въ ногахъ у него буду валаться, чтобъ на родину, въ Мурзоевку, меня сослать. Ничего, что дичь тамъ такая, что медвѣди въ сѣни заходятъ... отъ такого сахара, какъ ты, и въ Сибирь уйдешь...

— Ну, полно причитывать, обуи меня,—все еще сердито, но ужь болѣе спокойно сказала Катя, вытягивая босую ножку изъ-подъ одѣяла.

Старуха молча повиновалась.

— Что тамъ еще дѣлается?—спросила барышня, прыгивая съ постели и указывая на дверь.

— Ничего. Барышни въ залѣ, за клавикордами. Сперва Марья Леонтьевна пѣла, а таперича съ сестрицей въ четыре руки играютъ,—угрюмо отвѣчала старуха.

— Опуститъ штору, да прежде посмотри, тамъ ли еще онъ,—отрывисто кинула ей Катя.

— Ушелъ,—буркнула старуха.—Чего добраго, крику твоему испугался. А увидѣлъ бы, какъ его краля дерется...

— Какая я ему краля? Не смѣй глупости говорить! Его краля! Я еще ничья,—объявила барышня.

Гнѣвъ ея ужь миновалъ, она только притворялась сердитой, и Демьяновна, которой до тонкости были извѣстны всѣ отгѣнки ея нрава, видѣла это какъ нельзя лучше.

— Ладно ужь, не хочешь о немъ слушать, такъ и не буду, перестань только гнѣваться, не хорошо это молодой боярышнѣ сердитой да драчуньей прослыть; женихи и на богатство не посмотрятъ, обгѣгать стануть,—проговорила она съ добродушною усмѣшкой, забывая, въ собачьей своей преданности, про пощечину, еще горѣвшую на ея щекѣ.

— Когда захочу, тогда и женихи будутъ.

— Это что говорить,—поспѣшила согласиться нянька.—Здѣсь, что ли, будешь чай кушать или со всѣми?

— Сюда принеси. Насмотрюсь я еще тамъ на нихъ за день-то, проронила Катя съ презрительною гримаской, а когда Демьяновна направилась къ двери, чтобъ исполнить приказаніе, она прибавила ей вслѣдъ:—да не забудь посмотрѣть и послушать, что тамъ дѣлается, мнѣ надо знать.

— Ладно, все тебѣ узнаю,—отвѣчала старуха, продолжая, не оборачиваясь, свой путь.

А Катя стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, останавливаясь то у окна, чтобъ посмотрѣть, не видно ли ея вздыхателя, то передъ зеркаломъ, чтобъ убѣдиться, что она свѣжа и хороша, какъ роза, гораздо красивѣе, чѣмъ была весной, когда она разставалась съ Петербургомъ и съ Леонтиемъ Артемьевичемъ.

Онъ навѣрное удивится, увидавъ, что она такъ выросла и пополнила. Что—то онъ ей скажетъ, когда они останутся вдвоемъ?

И какъ онъ съ нею теперь будетъ обращаться, какъ прежде или иначе?

Чѣмъ больше она объ этомъ думала, тѣмъ больше волновалась. Сердце замирало отъ ожиданія. Казалось, что день этотъ никогда не кончится, такъ нестерпимо медленно тянулись минуты. Когда Демьяновна вошла съ подносомъ въ рукахъ, она накинулась на нее съ упреками:

— Чего ты такъ долго таскалась? Цѣлый часъ я тебя жду!

— Какой тамъ часъ! и десяти минутъ не прошло. Сама же велѣла посмотрѣть, что тамъ дѣлается,—отвѣчала съ усмѣшкой старуха, устанавливая на столѣ большой подносъ съ чаемъ, булками, сливками и пр.—Ну, сидятъ всѣ за самоваромъ, барышня Марья Леонтьевна чай наливаютъ. Про приѣздъ Леонтія Артемьевича говорятъ.

— Что же говорятъ?—съ живостью спросила барышня.

— Говорятъ, что сегодня къ вечеру надо ждать...

Катя молча принялась за чай, не замѣчая лукаваго выраженія, сверкавашаго въ глазахъ старой няньки.

— Чтожъ ты меня про графа-то не спрашиваешь?—снова начала эта послѣдняя, помолчавъ немного.

— Чего мнѣ про него спрашивать? Надоѣлъ онъ мнѣ,—замѣтила, пожимая плечиками, ея воспитанница.

— Надоѣлъ? Какъ у тебя это скоро! Причудница, право, причудница. Красавецъ вѣдь онъ.

— На чей вкусъ,—небрежно вымолвила барышня, наливая себѣ вторую чашку чая.

— Значитъ, ты больше и не желаешь имъ заниматься?—спросила, лукаво ухмыляясь, старуха.

— А тебѣ зачѣмъ это знать?

— Мало ли зачѣмъ! Можетъ, онъ мнѣ письмо далъ тебѣ отнести...

Катя встрепелась. — Письмо? Неужели онъ мнѣ написалъ письмо? Не правда? Ты врешь? Гдѣ письмо? Давай скорѣе...

Она сорвалась съ мѣста и со смѣхомъ принялась тормошить старуху.

— Да вѣдь онъ тебѣ надоѣлъ,—тоже смѣясь, защищалась Демьяновна отъ нападенія.

— Давай, сейчасъ давай!—повторила Катя, роясь въ карманѣ ея передника.—Куда ты его дѣла?

Демьяновна вытащила изъ-за пазухи хитро сложенную цвѣтную, золотообрѣзную бумажку, съ графской короной, которую у нея немедленно вырвали изъ рукъ.

— Заранѣе оно у него ужъ было написано; вѣрно самой тебѣ хотѣлъ отдать, а какъ услышалъ, что ты къ чаю не выйдешь, обомлѣлъ и выскочилъ въ коридоръ, чтобы мнѣ эту цидулку въ руки сунуть...

«Вмѣстѣ съ червонцемъ» должна была бы она прибавить, чтобы оставаться вѣрною истинѣ. Впрочемъ, ея не слушали,—барышня съ жаднымъ любопытствомъ пробѣгала любовное посланіе, очень коротенькое, всего только три строчки, безъ подписи:

«Si Vous saviez comme je Vous aime, Vous ne me feriez pas souffrir l'intolérable supplice que j'endure depuis ce matin». «Если-бъ вы знали, какъ я васъ люблю, вы не подвергали бы меня нестерпимой пыткѣ, которую я выношу съ сегодняшняго утра».

Вотъ и все. Но довольно и этого. Ей стало такъ весело, такъ радостно, что захотѣлось прыгать отъ избытка чувствъ. Какой сегодня чудный день! Съ утра радости и удачи. Это письмо и пріѣздъ обратно! А ему она покажетъ это письмо, чтобы онъ видѣлъ, какъ въ нее влюбился графъ? Непремѣнно покажетъ, неpremѣнно!—мелькало у нея въ головѣ.

— Чтожъ, отвѣчать ему что ли будешь? — спросила Демьяновна, слѣдя съ любопытствомъ за своей любимицей

— Отвѣчать? Съ какой стати? — со смѣхомъ возразила Катя. Она подошла къ своему бюро, отперла его и спрятала посланіе въ потайной ящикъ, гдѣ у нея лежали драгоценности, подаренныя ей отцомъ.

«Si Vous saviez comme je Vous aime», повторяла она про себя съ восхищеніемъ.

А между тѣмъ она не любитъ графа, онъ ей даже не нравился. Что же она будетъ чувствовать, когда эти самыя слова напишетъ ей любимый человѣкъ?

«Какъ хороша жизнь и какъ много еще счастья впереди! Какъ весело отбивать поклонниковъ у соперницъ и кружить головы красивымъ мужчинамъ! Какое наслажденіе сознавать себя обаятельнѣе всѣхъ, умнѣе, талантливѣе и богаче», твердилъ ей на всѣ лады внутренній голосъ.

И ни разу воспоминаніе о печали Маши не защемило ей сердца, ни разу не пришло ей въ голову задуматься о томъ: честно ли было съ ея стороны завлекать человѣка съ единственною цѣлью разрушить счастье подруги и нанести ударъ его сердцу и самолюбію, чтобы отомстить ему за то, что въ ея присутствіи онъ осмѣлился обратить вниманіе на другую дѣвицу.

Вотъ какова была Катя пятнадцати лѣтъ.

Вспоминая впоследствии это время, она сама сознавала, что не знала тогда разницы между добромъ и зломъ, а совѣсти у нея какъ не бывало, такимъ непробуднымъ сномъ спала она на самозъ днѣ ея души.

А между тѣмъ, юный идеалистъ серьезно влюбился въ нее и всѣ ея поступки объяснял по-своему и въ самомъ выгодномъ для нея смыслѣ. Внезапное ея охлажденіе къ нему онъ приписывалъ чув-

ству, заставившему, наконецъ, заговорить ея сердце, а, когда она, явившись къ обѣду, съ сдержаннымъ достоинствомъ отвѣчала на его поклонъ, не поднимая на него глаза, и все время потомъ продолжала избѣгать его взгляда, опасаясь, безъ сомнѣнія, не выдержать горѣвшей въ немъ страсти и выдать свое чувство къ нему при постороннихъ, ему казалось, что иначе и быть не могло. Она не была бы той дѣвушкой, которую сердце его избрало себѣ въ подруги жизни между всѣми, если бы любовное признаніе не смутило бы ея дѣвической стыдливости. Очень можетъ быть, что онъ даже и оскорблялъ ее, обращаясь къ ней раньше, чѣмъ къ человѣку, заступившему ей мѣсто отца. Она такъ горда и чувствительна, что всякое напоминаніе о ея сиротствѣ и одиночествѣ не можетъ не уязвлять ея сердца. Онъ долженъ скорѣе загладить свою вину передъ нею, доказать ей чистоту своихъ помысловъ, чтобы она знала, что единственной его мечтой — посвятить ей всю свою жизнь. Къ счастью, черезъ нѣсколько часовъ долженъ пріѣхать Леонтій Артемьевичъ, и судьба его рѣшится въ самомъ непродолжительномъ времени.

Мечтая такимъ образомъ и предаваясь радужнымъ надеждамъ, молодой человѣкъ, чтобы не встрѣчаться больше съ Катей и съ прочими обитательницами дома, приказалъ осѣдлатъ себѣ лошадь и, объявивъ, чтобы къ вечернему чаю его не ждали, поскакалъ разсѣивать свое нетерпѣніе и сердечное волненіе по полямъ и по лѣсамъ, окружавшимъ старое боярское Коржинское гнѣздо.

Въ лѣсу онъ привязалъ лошадь къ дереву и долго бродилъ между вѣковыхъ деревьевъ, разряженныхъ въ пестрый, осенній нарядъ, размышляя объ ожидавшей его перемѣнѣ жизни.

Какъ неожиданно и странно складывалась его судьба! Думалъ ли онъ, ѣхавъ сюда, три недѣли тому назадъ изъ Петербурга и знакомясь въ первый разъ со страной, которую его съ дѣтства пріучали презирать и ненавидѣть, какъ виновницу всѣхъ бѣдствій его несчастной, порабощенной отчизны, думалъ ли онъ, что въ нѣдрахъ этой страны, въ глухой провинціи, онъ найдетъ существо, которое яркимъ пламенемъ любви озаритъ его печальную жизнь.

Все, что онъ теперь испытывалъ, какъ будто давно ужъ кѣмъ-то подготовлялось для него... Его ангеломъ хранителемъ, безъ сомнѣнія! Развѣ не странно, что, пріѣхавъ въ Петербургъ по самому неприятному и щекотливому дѣлу—искать защиты отъ преслѣдованія родной матери, онъ съ первыхъ же шаговъ попалъ на такого человѣка, какъ Коржинъ, который сумѣлъ его ободрить и успокоить, научить, какъ и черезъ кого дѣйствовать и самъ за него ходатайствовалъ передъ высокопоставленными личностями, къ которымъ доступъ такъ труденъ для юноши, воспитаннаго за границей и не имѣющаго въ Россіи ни друзей, ни родныхъ, ни покровителей.

Леонтіи Артемьевичъ такъ сумѣлъ овладѣть его сердцемъ и волей, что Ксаверій забылъ ненависть и жажду мщенія, завѣщанная ему изгнанникомъ отцомъ на смертномъ одрѣ, и всей душой привязался къ этому русскому человѣку. Въ его оправданіе надо сказать, что отъ своихъ соотечественниковъ онъ, кромѣ злобы, коварства и стремленія воспользоваться его наивною и неопытною, чтобы обобрать его, ничего до сихъ поръ не видѣлъ. Всѣмъ отраднымъ, испытаннымъ имъ въ жизни, онъ былъ обязанъ иностранцамъ, а родина, которую онъ совсѣмъ не зналъ, представлялась ему, какъ и мать его, злой, взыскательной и безжалостной мачихой. Леонтіи Артемьевичъ примирилъ его съ Россіей, а Катя— съ жизнью. Эти два существа наполняли для него весь міръ. Съ первымъ онъ будетъ работать на пользу людей, вторую будетъ любить. И все забудется, и горькое разочарованіе въ матери и тоска одиночества.

Только бы она была съ нимъ. Только бы онъ былъ увѣренъ, что она его понимаетъ и любитъ...

Чтобъ отогнать сомнѣнія, заползавшія въ его душу, онъ сѣлъ на коня и выѣхалъ на большую дорогу, но не успѣлъ проѣхать и полверсты, какъ услышалъ, сначала издалека, а затѣмъ все ближе и ближе, звонъ колокольчика и, узнавъ въ мчавшемся дорожномъ экипажѣ лошадей и коляску Коржиныхъ, поспѣшно свернулъ въ сторону, чтобъ не попасться Леонтію Артемьевичу на глаза.

Почему? Онъ этого самъ не зналъ. Подобно тому, какъ инстинктъ самохраненія удерживаетъ коня въ темную, бурную ночь на краю невидимой пропасти, такъ смутное предчувствіе заставило графа Ксаверія доѣхать до хижины старика пасѣчника и просидѣть у него, слушая его рассказы про старину, до тѣхъ поръ, пока стемнѣло, и луна освѣтила ему своимъ мягкимъ, таинственнымъ блескомъ обратный путь.

Но радостное настроеніе его покинуло, и чѣмъ ближе наступала рѣшительная минута, тѣмъ сильнѣе омрачалась его душа сомнѣніями. Ихъ, наконецъ налетѣло такое множество, что для надежды и мѣста не осталось, и онъ въ уныніи себя спрашивалъ: не лучше ли повременить требованіемъ рѣшительнаго отвѣта? Не лучше ли продолжать тѣшить себя хотя бы смутной надеждой на счастье, чѣмъ убѣдиться въ невозможности его достигнуть даже современемъ.

Теперь и сама Катя представлялась ему совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ нѣсколько часовъ тому назадъ. Съ чего онъ взялъ, что она его любитъ?

Все въ этой дѣвушкѣ загадочно и странно. Она и думаетъ и чувствуетъ не такъ, какъ всѣ. На нее ни въ чемъ полагаться нельзя. Она, какъ будто, и сама себѣ не можетъ дать отчета въ томъ, что въ ней происходитъ; то безъ причины радостна и болтлива, то вдругъ, ни съ того, ни съ сего, подозрительна, придирчива, и

явительна, какъ змѣя, то страстно отзывчива, то замкнута и холодна какъ ледъ. Сколько наслажденій и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько мукъ успѣлъ онъ ужъ испытать изъ-за нея! Ни на одну минуту нельзя полагаться на постоянство ея чувствъ и мыслей, и нѣтъ такой странности, которой нельзя было бы отъ нея ждать.

Говорятъ—она зла. Это убѣжденіе дворни, осторожно переданное ему Казимиромъ, который, по всему видно, ничего такъ не боится, какъ чтобы владѣтельница Коржинскій усадьбы сдѣлалась его госпожей. Во всякомъ случаѣ, она не такой ангелъ, какъ Маша.

Маша! Вотъ сокровище... увы, навсегда для него утраченное! Графъ Ксаверій не можетъ болѣе ни на одну минуту остановиться на ней мыслями, съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ Катю, сознавая при этомъ, какое ясное, безмятежное счастье ждало его съ первой, и какія терзанія готовить ему вторая. И несмотря на это сознаніе, онъ шель на встрѣчу къ этимъ терзаніямъ, отвертываясь отъ счастья.

По приѣздѣ Леонтія Артемьевича, первый вопросъ его былъ о графѣ.

— А гдѣ же вашъ гость?—спросилъ онъ, здороваясь съ женой и дочерьми, выбѣжавшими встрѣчать его.

— Онъ поѣхалъ кататься верхомъ и вернется только къ ужину,—объявила Марья Алексѣвна.

— А Кукла гдѣ?

Катя, розовая отъ волненія, съ радостно сверкающими глазами, отдѣлилась отъ двери, у которой она ждала, чтобъ о ней вспомнили. Изъ-за ея спины выглядывала Демьяновна, прибѣжавшая посмотрѣть собственными глазами на встрѣчу своей барышни съ опекуномъ.

Прежде чѣмъ поцѣловать Катю, Леонтій Артемьевичъ быстрымъ взглядомъ скользнулъ по ея стройной, миниатюрной фигуркѣ, и весело улыбающееся лицо его сдѣлалось вдругъ серьезно. Ихъ окружала толпа людей, въ двухъ шагахъ стояла его жена и дочери. Прикасаясь губами къ ея щекѣ, онъ на одно мгновеніе прижалъ ее къ своей груди, но ей этого было достаточно, чтобъ убѣдиться что разлука не порвала того таинственнаго «нѣчто», возникшаго между ними весной, и сознаніе это привело ее въ восхищеніе; оно опьяняло ее, какъ та чудная, волшебная вода жизни, о которой говорится въ сказкахъ.

— Ну, что, какъ вы съ нею?—спросилъ Леонтій Артемьевичъ у жены, когда они остались вдвоемъ. Онъ увелъ ее въ спальню, чтобъ предложить ей этотъ вопросъ.

— Да все попрежнему, Léonse,—отвѣчала смущаясь Марья Алексѣвна.

Онъ сдвинулъ брови.—То-есть какъ же это попрежнему?—сердито произнесъ онъ.

— Съ нею невозможно сблизиться, у нея все только каверзы на умѣ... Она только тогда и довольна, когда можетъ сдѣлать намъ непріятность... Мы всѣ несчастны черезъ нее... Я тебѣ потомъ все расскажу,—поспѣшила она прибавить, замѣчая, какъ затуманивается его лицо.

Нервно пощипывая бакенбарды, онъ опустился на первый попавшійся стулъ.

— Рассказывай теперь,—рѣзко произнесъ онъ.

— Но тебѣ надо умыться и переодѣться послѣ дороги, сейчасъ подадутъ ужинать,—нерѣшительно замѣтила Марья Алексѣевна.

— Все это успѣется. Садись и рассказывай.

Она повиновалась и все ему рассказала, про всѣ выходки Кати, про отношенія къ дворнѣ и, наконецъ, про исторію съ графомъ. Мало-по-малу одушевляясь перечнемъ вынесенныхъ страданій за себя и за дочь, Марья Алексѣевна не пожалѣла красокъ на описаніе Катинаго поведенія, и съ понятнымъ негодованіемъ останавливалась на развращенности и безсердечіи своей мучительницы.

— И это все?—спросилъ онъ, когда она кончила.

— А тебѣ этого кажется мало?—вскричала она внѣ себя отъ негодованія.—Изъ зависти, изъ подлаго тщеславія, сдѣлать несчастье подруги...

— Чье несчастье?—съ досадою перебили ее.

— Нашей дочери. Развѣ ты не слышалъ, что я говорю? Маша съ перваго дня понравилась графу, онъ цѣлую недѣлю ухаживалъ за нею, и мы имѣли полное основаніе думать... Маша имъ увлеклась...

— Ну, мало ли что! Надѣюсь, она не дала ему этого замѣтить?—прибавилъ онъ, поднимаясь съ мѣста.

— Не въ томъ дѣло, Леопсе, она, разумѣется, держитъ себя съ достоинствомъ, но ты только подумай, каково ей это переносить!

— Ахъ, душа моя, не надо этому придавать значенія, вотъ что главное! Всѣ дѣвочки шестнадцати лѣтъ влюбляются, и это не мѣшаетъ имъ выходить замужъ при случаѣ и быть счастливыми. Графъ завтра уѣдетъ отсюда, и если вы только не станете раздувать эту глупую исторію, то Маша очень скоро про него забудетъ,—прибавилъ онъ, небрежно пожимая плечами и направляясь къ двери.

— Такъ ты думаешь, что онъ и на Катѣ не женится? нерѣшительно спросила Марья Алексѣевна, слѣдуя за нимъ до двери и опуская руку на его плечо.

— На Катѣ? Это съ какой стати?—возразилъ онъ рѣзко.— Да вы тутъ, кажется, съ ума сошли на сватовствѣ! Мальчишка, которому еще нѣтъ двадцати двухъ лѣтъ, у котораго безконечный процессъ виситъ на носу, который самъ еще не знаетъ, куда его метнетъ отсюда черезъ мѣсяць, въ Америку, въ Китай или въ Индію, и его-то вы изволили произвести въ женихи, онъ позволяетъ себѣ явно волочиться то за одной барышней, то за другой, и вы это

дозволяете? Да какъ могли вы допустить, чтобъ до этого дошло?— вскричалъ онъ запальчиво.—И все это отъ нечего дѣлать и отъ скуки,—продолжалъ онъ стихая:—надо васъ скорѣе увезти отсюда. Впрочемъ, я за этимъ и пріѣхалъ.

Марья Алексѣевна совсѣмъ растерялась отъ грознаго окрика мужа и, мысленно упрекая себя въ томъ, что своею неосторожностью заслужила его гнѣвъ, робко спросила его:

— Гдѣ ты получилъ мѣсто?

Онъ назвалъ одну изъ южныхъ губерній, граничащую съ той, гдѣ находилось Коржино, и объявилъ, что онъ долженъ вступить на новый свой постъ не позднѣе октября.

— Если вы не успѣете собраться, я одинъ отправлюсь, а вы пріѣдете послѣ.

— Мы успѣемъ, Léonce.

— Ну, и прекрасно. Значить, недѣли черезъ двѣ и выѣдемъ. И вотъ что еще: убѣдительно прошу тебя не вспоминать про эту глупую исторію съ графомъ и сдѣлать такъ, чтобъ и въ домѣ про нее забыли. Намъ надо съ нимъ разстаться друзьями, я у него сорокъ тысячъ занялъ.

— Да вѣдь онъ тутъ заводъ хотеть строить?

Леонтій Артемьевичъ съ досадой махнулъ рукой.

— Мало ли, что онъ хотеть и что онъ воображаетъ! Будеть такъ, какъ я хочу, и какъ мнѣ удобно,—прибавилъ онъ злобно.

Ужинъ прошелъ очень оживленно. Леонтій Артемьевичъ, обращаясь все больше къ гостю, рассказывалъ о столичныхъ новостяхъ, о томъ, что сказалъ ему министръ на прощальной аудіенціи, и какъ милостиво обошелся съ нимъ государь, когда онъ явился во дворецъ откланяться.

— Его величество изволилъ и про тебя вспомнить,—объявилъ онъ женѣ.

Въ тотъ же вечеръ имѣлъ онъ съ графомъ продолжительный разговоръ наединѣ. Что именно онъ нашелъ нужнымъ ему сказать, чтобъ заставить его рѣшиться немедленно уѣхать въ Варшаву, неизвѣстно, но графъ былъ точно въ чаду отъ сообщенныхъ ему извѣстій и всю ночь не ложился спать; до разсвѣта видѣли огонь въ окнахъ его комнаты и самого его за письменнымъ столомъ пишущимъ что-то такое. По временамъ онъ ерывался съ мѣста, ходилъ большими шагами по комнатѣ, подходилъ къ окну и подолгу всматривался въ темноту, точно ожидая кого-то.

Но никого онъ не дождался.

Маша тихо плакала въ своей комнатѣ, рядомъ съ спальней, зарывшись лицомъ въ подушки, чтобы рыданіями своими не разбудить мать, а Катя, переживая ощущенія, испытанныя ею въ

этотъ день, въ радостномъ волненіи металась по постели. Мыслей въ головѣ не было, были только впечатлѣнія, но такія живыя и ясныя, что порой ей казалось, что не въ воображеніи только, а на самомъ дѣлѣ братецъ обнимаетъ ее и цѣлуетъ. Она чувствовала его горячія губы на своей щекѣ и его дрожавшую руку вокругъ своей талии, чувствовала его взглядъ, пронизывающій ее насквозь, какъ бывало прежде, и, сладко замирая подъ гнетомъ этихъ впечатлѣній, она закрывала глаза и вся уходила въ смутный, таинственный міръ дѣвическихъ, любовныхъ грезъ. Про графа она совсѣмъ забыла, и еслибъ ей сказали, что того, что происходило на прошлой недѣлѣ, совсѣмъ не было, а что все ей только приснилось, она безъ труда повѣрила бы этому.

Къ утру она, наконецъ, заснула и, когда проснувшись вспомнила, что Леонтій Артемьевичъ пріѣхалъ, вспыхнула отъ радости.

Первымъ ея вопросомъ, когда Демьяновна вошла въ ея комнату, было про него:

— Который часъ? Братецъ всталъ?

— Давнымъ давно! Графчика въ путь снаряжаютъ. Гуляютъ теперь по саду. Чаю вмѣстѣ накушались. Барыня съ барышнями изъ своихъ комнатъ еще не выходили.

Отлично, она, значитъ, первая его увидитъ!

— Одѣваться! Скорѣе, скорѣе,—вскричала Катя, вскакивая съ постели.

— Успѣешь еще съ нимъ попрощаться, раньше какъ послѣ-завтра не уѣдетъ,—замѣтила, ухмыляясь, старуха.

Барышня ея остановилась, какъ вкопанная, не добѣжавъ до умывальника.

— Развѣ онъ опять уѣзжаетъ? Куда? Зачѣмъ?—спросила она дрогнувшимъ голосомъ.

— А ты и не знала? Еще вчера вечеромъ баринъ приказалъ ихній экипажъ осмотрѣть и чтобъ лошади къ двѣнадцати часамъ были готовы. До города на нашихъ поѣдетъ, а тамъ на почтовыхъ...

Это графъ уѣзжаетъ. У Кати отлегло отъ сердца. Одѣвшись, она сбѣжала внизъ. Двери на половину Леонтія Артемьевича были растворены, и изъ нихъ несся тонкій аромат духовъ, всегда имъ употребляемыхъ. По коридорамъ взадъ и впередъ озабоченно шныряли лакеи и казачки, съ принадлежностями его туалета; кто осторожно несъ свѣжее бѣлье изъ гладильной и вычищенный сѣрый фракъ съ металлическими пуговицами, кто выносилъ серебряный умывальный тазъ съ водой; а въ столовой тѣмъ временемъ торопились убрать чайный сервизъ, чтобъ все готовить къ завтраку.

Весело припрыгивая, Катя сошла съ террасы и послѣ минутнаго колебанія пустилась бѣжать къ старой бесѣдкѣ.

Предчувствіе ее не обмануло; Леонтій Артемьевичъ былъ тамъ, но не одинъ, а съ графомъ. Это немного смутило ее, но не на-

долго. Радостно улыбаясь, подкралась она къ аллеѣ, по которой они прохаживались, о чемъ-то разговаривая. Впрочемъ, говорилъ только Леонтіѣ Артемьевичъ, а графъ, блѣдный и взволнованный, понуривъ печально голову, только слушалъ.

— Вы скоро утѣшитесь, молодой человѣкъ, и будете мнѣ благодарны за то, что я такъ сурово съ вами теперь поступаю. Она такой еще ребенокъ, что оцѣнить вашего чувства не въ состояніи. Повѣрьте мнѣ, я ее хорошо знаю...

Произнося эти слова съ обычною привѣтливостью въ голосѣ и ироніей въ глазахъ, онъ посматривалъ по сторонамъ и замѣтилъ бѣлое платье, мелькнувшее въ чащѣ уже на половину обнаженныхъ деревьевъ.

— Да вотъ, если хотите, мы сдѣлаемъ маленькое испытаніе, чтобъ убѣдить васъ, что она къ вамъ совершенно равнодушна и не понимаетъ, что такое любовь... Катя! Что же ты прячешься! Иди сюда!—прибавилъ онъ, возвышая голосъ и обращаясь къ предательскому платью, продолжавшему мелькать между деревьями.

Краснѣя отъ волненія и съ лукаво смѣющимися глазами, Катя выступила на аллею и сдѣлала реверансъ.

Графъ отвѣтилъ почтительнымъ поклономъ, а Леонтіѣ Артемьевичъ ласково потрепалъ ее по щекѣ. Она схватила на лету его руку и порывистымъ движеніемъ прижалась къ ней губами.

— Шалунья! Что ты пряталась? Вѣчно, проказы на умѣ! А ужъ, кажется, не маленькая, взрослая дѣвица, невѣста... Что мнѣ отвѣчать женихамъ, которые за тебя будутъ свататься, плутовка? Что?—весело шутилъ онъ съ нею, обнявъ ее одной рукой за талію и пристально глядя ей въ глаза.

— Я не хочу замужъ, братецъ, не хочу слышать про жениховъ,—капризно проговорила она, отвертывая въ сторону лицо съ опущенными глазами и улыбающимися губками.

— Ай, ай, ай, какой стыдъ! Развѣ такъ отвѣчаютъ опекуну, да еще при постороннемъ молодомъ человѣкѣ? Вы не умѣете себя вести, сударыня, васъ въ уголъ слѣдуетъ поставить,—продолжалъ онъ шуточно ее журить.—Какое мнѣніе увезетъ о васъ графъ? Онъ сейчасъ уѣзжаетъ, вы знаете?

Катя, не переставая прижиматься къ Леонтію Артемьевичу, выглянула исподлобья на молодого человѣка, который съ замирающимъ сердцемъ ждалъ этого взгляда и, не прочитавъ въ немъ ничего, кромѣ холоднаго любопытства, еще больше поблѣднѣлъ отъ боли, стиснувшей ему сердце.

Невзирая на старанія Леонтія Артемьевича открыть ему глаза, онъ до этой минуты все еще надѣялся, несчастный!

Неужели это та самая дѣвушка, которая за два дня передъ тѣмъ съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ и участіемъ вслушивала его сердечныя изліянія, которая изыскивала всевозмож-

ныя средства, чтобъ доказать ему, что ей пріятно оставаться съ нимъ наединѣ, и что она во всемъ ему сочувствуетъ, которая, если не словами, то взглядомъ и улыбкой давала ему понять, что онъ ей милъ, и всячески обнадеживала его? Теперь она смотрѣла на него съ полнымъ равнодушіемъ и, когда узнала о его отъѣздѣ, не выразила ни малѣйшаго сожалѣнія, точно она этого ждала, точно ей и въ голову не приходило, что могло бы быть иначе. Она даже не спрашивала, что случилось съ его планами насчетъ завода, куда онъ ѣдетъ и вернется ли когда нибудь.

Да, Леонтіи Артемьевичъ былъ правъ, эта дѣвочка еще не понимаетъ любви.

— Графъ насъ покидаетъ сегодня, послѣ завтрака,—объявилъ Леонтіи Артемьевичъ послѣ небольшого молчанія,—и у васъ не будетъ больше кавалера,—прибавилъ онъ съ шутливымъ сожалѣніемъ.

Катя хотѣла что-то сказать на это, но воздержалась и, презрительно пожимая плечиками, улыбнулась.

Ужъ это было слишкомъ. Графъ Ксаверій вспомнилъ, что ему надо присмотрѣть за приготовленіями къ отъѣзду, и поспѣшно удалился, а Леонтіи Артемьевичъ съ Катей, оставшись наединѣ, пристально взглянули другъ другу въ глаза и разсмѣялись.

— Такъ тебѣ его не жалко, Кукла?—спросилъ Коржинъ, пригибаясь къ ней и понижая голосъ до шепота.

Не переставая смѣяться и подѣтски зажмурившись, она тряхнула кудрями.

— А вѣдь ты могла бы сдѣлаться графиней...

— Не хочу я быть графиней, братецъ.

У него радостно заискрились глаза.

— Ахъ, ты моя кукла!—весело вскричалъ онъ, обнимая ее, и, цѣлуя, прибавилъ:—зови меня Леонтіемъ. Какой я тебѣ братецъ! Мы съ тобой друзья на жизнь и на смерть.

Х.

Изъ представителей того общества, среди котораго произошли послѣдующія событія, всѣ почти перемерли, но дѣти ихъ и внуки такъ много слышались про Леонтія Артемьевича Коржина и про таинственныя и скандальныя его отношенія къ опекаемой имъ меньшей сестрѣ, что въ этой мѣстности до сихъ поръ разсказовъ о нихъ не оберешься, и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, разсказы эти изобилуютъ противорѣчіями и несообразностями. Сложилась цѣлая легенда, изъ которой мнѣ ни за что не удалось бы вывести истину, еслибъ семейный архивъ, довѣренный мнѣ Анной Никитишной, да разсказы, слышанные ею отъ самой героини этого своеобразнаго романа, не облегчили бы мнѣ эту задачу.

Мы имѣемъ данныя предполагать, что первые два года послѣ вышеописанныхъ событій Коржинъ увлекся своею должностію столько же, если не больше, чѣмъ Катей. Имъ въ Петербургѣ очень довольны, его вызываютъ для совѣщаній по вопросу о разныхъ государственныхъ дѣлахъ, его производятъ въ тайные совѣтники, жалуютъ орденами, и ко всѣмъ его мнѣніямъ и предложеніямъ относятся съ особеннымъ вниманіемъ.

Живеть онъ очень открыто въ большомъ губернаторскомъ домѣ на соборной площади; у него свой оркестръ музыки; на его балы и обѣды съѣзжаются помѣщики изъ сосѣднихъ губерній; такихъ поваровъ, какъ у Коржиныхъ, такого убранства комнатъ, освѣщенія, сервировки, старожилы не запомнятъ, чтобъ было у кого нибудь до ихъ появленія сюда, хотя одинъ изъ предшественниковъ Леонтія Артемьевича, извѣстный родовитый вельможа и любимецъ императрицы Екатерины II, былъ здѣсь еще на памяти у всѣхъ, когда назначили губернаторомъ Коржина.

И гдѣ только набрался этотъ послѣдній умѣнья держать себя такъ чванно, говорить такъ авторитетно и нагонять благоговѣйный страхъ даже и на такихъ людей, которые ни въ чемъ отъ него не зависѣли? Всѣ его боялись, всѣмъ сумѣлъ онъ, безъ словъ, однимъ своимъ взглядомъ и тономъ внушить убѣжденіе въ безпредѣльности своего могущества.

Ни съ кѣмъ онъ не сближался, и семью свою поставилъ на ту же ногу неприступной отчужденности.

Марью Алексѣвну и дочерей ея тоже всѣ считали гордыми. Ихъ видали только въ парадѣ, когда онѣ ѣздили съ визитами и принимали у себя на балахъ и на званыхъ обѣдахъ. Запросто онѣ къ себѣ никого не приглашали, и ихъ никто не отваживался звать иначе, какъ на торжественныя празднества.

Первое время блѣдность и печальное выраженіе лица губернаторши заставило предполагать, что она чѣмъ-то больна, и поэтому ведетъ уединенную жизнь, которую, понятно, должны были раздѣлять и ея дочери; нельзя же дѣвицамъ появляться въ свѣтъ безъ матери. И предположеніе это, благодаря по истинѣ столичной сдержанности этой семьи и замѣчательной дрессировкѣ окружавшей ихъ челяди, держалось довольно долго.

— Вотъ ужъ придворныя-то косточки,—говорили про нихъ губернскія кумушки,—каждое-то слово у нихъ взвѣшено и обдуманно. Нашимъ барынямъ до нихъ далеко.

Мало-по-малу, въ общество стали проникать слухи про странныя отношенія, существующія между семьей губернатора и богатой наслѣдницей, которую онъ опекалъ, и слухи эти возбуждали всеобщее любопытство. Маменьки, расспрашивая своихъ дочерей о губернаторскихъ барышняхъ, узнавали, что Марья Леонтьевна и Софія Леонтьевна относятся ко всѣмъ съ одинаковымъ вниманіемъ,

но Катерина Артемьевна горда, надъ всѣми насмѣхается и, по всему замѣтно, въ очень холодныхъ и натянутыхъ отношеніяхъ съ своими родственниками.

Впрочемъ и раньше, чѣмъ успѣли все это подслушать и подмѣтить, губернскимъ домамъ и дѣвицамъ Катя не нравилась. Всѣ почему-то ждали, что она будетъ при каждомъ удобномъ случаѣ проявлять свое капризное своеволие, всѣхъ третировать свысока, выставляя на видъ превосходство своего ума, красоты и состоянія, и, Богъ знаетъ, откуда взявшееся мнѣніе объ ея безсердечіи, жестокости и коварствѣ, расплзшееся съ непостижимой быстротой по всему городу, было всѣми принято безъ малѣйшаго сомнѣнія.

Что этому способствовало—трудно рѣшить: зависть ли къ ея привилегированному положенію (богата, красива, самостоятельна и умна), или смутные слухи про ея необузданный характеръ и привычку властвовать надо всѣми, долетавшіе сюда, можетъ быть, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она провела дѣтство и гдѣ такъ удачно испробовала силу своего обаянія надъ первымъ поклонникомъ, наивнымъ юношей, мечтавшимъ плѣнить ее чистою, восторженною любовью, а, можетъ быть, она сама подавала поводъ къ подтвержденію всеобщихъ слуховъ и догадокъ на ея счетъ; выбитая изъ колеи всеобщимъ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ, постоянно раздражаемая непонятными для нея самой сердечными волненіями, озлобленная и втайнѣ удрученная нравственнымъ одиночествомъ, распространявшимся вокругъ нея все шире и шире, все это, вмѣстѣ взятое, заставляло ее отвѣчать насмѣшками и надменностью на косые взгляды и холодное отчужденіе отъ нея. Такъ или иначе, по той или другой причинѣ, но и здѣсь ее терпѣть не могли и считали долгомъ это выказывать, не опасаясь ниоткуда заступничества за нее.

Вдругъ какъ-то догадались, что и Марья Алексѣевнѣ и дочерямъ ея пріятно, что безъ малѣйшей жалобы и намека съ ихъ стороны общественное мнѣніе возстало противъ ихъ мучительницы, и преслѣдованіе этой послѣдней приняло характеръ какого-то доблестнаго возмездія за угнетаемыхъ ею невинныхъ жертвъ.

— Бѣдная Марья Алексѣевна! Каково ей съ такимъ зельемъ постоянно маяться!—говорила, соболѣзнующе покачивая головой, мать пяти взрослыхъ дочерей, потерявшая надежду ихъ выдать замужъ съ тѣхъ поръ, какъ хорошенькія губернаторскія барышни появились на здѣшнемъ горизонтѣ.

— Надо еще дивиться, какъ это ея дочки не переняли манеръ этой кокетки. Вѣдь постоянно вмѣстѣ, долго ли молодымъ дѣвицамъ испортиться отъ дурнаго примѣра,—подхватывала другая, злившаяся на Катю за то, что она пренебрежительно усмѣхалась, слушая пѣніе ея дочери, и не отказалась спѣть послѣ нея ту же арію, для того, безъ сомнѣнія, чтобъ выставить превосходство своего голоса.

— Ну, знаете, мнѣ изъ вѣрнаго источника извѣстно, что Марья Алексѣевна тщательно отдаляетъ своихъ дочерей отъ этой язвы; онѣ только при гостяхъ вмѣстѣ, все остальное время это зелье хоронится одна въ своихъ покояхъ,—злорадно спѣшила объявить третью кумушка, еще красная отъ сцены, только что выдержанной съ мужемъ, позволившимъ себѣ слишкомъ явно восхищаться прелестями «зелья».

Надо и то сказать, что Катя держала себя съ мужчинами очень вольно, и ничто ее такъ не забавляло, какъ кружить головы молодымъ и старымъ представителямъ сильнаго пола. Ей это было такъ легко! Нужно было только оставаться самой собой, никому не подражать и никакимъ условнымъ свѣтскимъ правиламъ не подчиняться, чтобъ обратить на себя вниманіе самобытною прелестью врожденной граціи и остроумія, подчасъ рѣзкаго и злаго, но всегда оригинальнаго и смѣлаго.

Очень скоро всѣ такъ называемые женихи въ губерніи убѣдились, что ухаживать за нею съ другою цѣлью, кромѣ забавы, не стоитъ; никому не отдастъ она предпочтенія, всѣ передъ нею равны и ничтожны, надъ всеми она глумится. Убѣжденіе это вмѣсто того, чтобъ отдалить отъ нея поклонниковъ, увеличило ихъ число. За нею бѣгали толпой. Изъ-за удовольствія протанцовать съ нею чуть не дрались, и закадычнѣйшіе друзья ссорились между собой. Ея остроты повторялись по всему городу, и счастливецъ, котораго она удостоила мимолетнымъ вниманіемъ, хвастался этимъ встрѣчному и поперечному, какъ не вѣсть какой удачей.

Но во всемъ этомъ страстномъ къ ней интересѣ, любопытствѣ и восхищеніи не было ни капли нѣжности и участія, никому не было никакого дѣла до ея чувствъ и душевныхъ страданій, никому не приходило въ голову себя спросить: счастлива ли она, не жаждетъ ли ея душа другаго удовлетворенія, кромѣ потѣхи тщеславію? А она была еще такъ молода и не только другихъ людей, а даже и себя, хорошо еще не знала. Все ее толкало въ бѣдну, и люди, и обстановка, и, благодаря пагубному воспитанію, страстный, преждевременно разившійся темпераментъ, и систематически растлѣвающее вліяніе единственнаго человѣка, отъ котораго она была въ зависимости, и который, какъ злой духъ, подкарауливалъ каждую свѣтлую искру, загоравшуюся въ ея душѣ, чтобъ тотчасъ же погасить ее своимъ тлетворнымъ дыханіемъ. Спасти ее было некому, она, въ полномъ смыслѣ этого слова, была одна на свѣтѣ, и самые лучшіе люди становились безсердечны, когда дѣло касалось до нея. Легко это вывести изъ множества мелкихъ фактовъ, сохранившихся въ ея памяти до самой смерти.

Слѣдующій эпизодъ можетъ служить иллюстраціей ея тогдашняго душевнаго настроенія и отношеній къ ней окружающихъ.

Дѣло было весной. Леонтій Артемьевичъ губернаторствовалъ въ

Т—кой губерніи уже около двухъ лѣтъ. Устройство дома, роскошная жизнь и двѣ поѣздки въ Петербургъ такъ истощили его средства, что онъ занялъ крупную сумму подъ земли въ Оренбургской губерніи, принадлежавшія Катѣ. Избѣгнуть этого новаго займа онъ не могъ; собственныхъ средствъ на прекрасно веденныя дѣла (безъ толку трагидъ онъ только Катино состояніе) еле хватало на субсидіи двумъ сыновьямъ, гвардейцамъ, на туалетъ жены и дочерей, да на уплату старыхъ долговъ. Снова понадобилась ему Катина подпись подъ какой-то бумагой, которую онъ цѣлую ночь сочинялъ съ помощью пріѣхавшаго изъ Москвы подьячаго, извѣстнаго въ домѣ подъ кличкой востроносаго Ермолаича, и на другой день, рано утромъ, когда Катя упражнялась на арфѣ, Леонтіи Артемьевичъ повалъ ее къ себѣ.

Вышла она изъ кабинета, съ часъ спустя, и вошла въ свою комнату такая взволнованная, что Демьяновна не вытерпѣла, чтобъ не спросить, о чемъ она разговаривала съ братцемъ.

Барышня, уткнувшись пылающимъ лицомъ въ подушку, ничего не отвѣчала.

— Ужъ не заставилъ ли онъ тебя опять бумаги какія подписывать?—спросила, переждавъ немного, старуха.

Это слово «бумаги» заставило Катю, какъ ужаленную, сорваться съ мѣста.

— А ты почему знаешь?—вскричала она запальчиво.—Подслушивала?

— Перекрестись, матушка, какъ же подслушать, что вы промежь себя разговариваете, запершись въ кабинетѣ? Да тамъ такъ отъ всѣхъ далеко, что можно человѣка убить, никто крику его не услышитъ.

Катя успокоилась. Старуха была права, никто въ мірѣ не могъ знать, что происходитъ между ею и ея опекуномъ, когда она съ нимъ въ кабинетѣ одна.

Ничего предосудительнаго. Онъ дѣлится съ нею своими впечатлѣніями и планами, увѣряя, что ему это необходимо, что безъ ея одобренія и совѣта онъ ничего не предпринимаетъ... И какъ это не покажется страннымъ, но онъ съ нею говорилъ о самыхъ серьезныхъ дѣлахъ, и ея замѣчанія и возраженія были такъ остроумны и мѣткі, что вызывать ихъ было для него истиннымъ наслажденіемъ.

Ни одна жевщина въ мірѣ не доставляла ему столько удовольствія, сколько эта дѣвочка. Съ каждымъ днемъ становилась она ему необходимѣе; онъ дня не могъ провести, чтобы хоть нѣсколько минутъ не поговорить съ нею. Чѣмъ бы ни былъ онъ взбѣшенъ и раздосадованъ, стоило ей только войти къ нему, и дурнаго расположенія духа какъ не бывало. Самъ того не замѣчая, онъ дошелъ до того, что думалъ при ней вслухъ, и безъ малѣйшаго стѣсненія сообщалъ ей свои мысли про всѣхъ, даже про жену и про дѣтей.

Такимъ образомъ, она узнала, что давно ужъ ничто не связываетъ его съ Марьей Алексѣвной, кромѣ необходимости выказывать любовь и уваженіе законной супругѣ, никогда ни въ чемъ передъ нимъ не провинившейся и воспитывающей ихъ дѣтей по всѣмъ правиламъ морали и свѣтскихъ требованій. Онъ былъ влюбленъ въ нее двадцать лѣтъ тому назадъ и далъ ей свое имя,—вотъ и все. Любовь давнымъ давно прошла, а дружбы никогда между ними и не было. Она не поняла бы его, еслибъ онъ вздумалъ раскрыть ей тѣ уголки своей души, которые онъ теперь раскрываетъ Катѣ; она испугалась бы и назвала бы преступленіемъ его безпощадное, ни передъ чѣмъ не останавливающееся честолюбіе, его эгоизмъ и презрѣніе къ людямъ, доходившее до того, что онъ не задумываясь губилъ каждаго, кто становился на его пути къ достиженію цѣли. Вообще, онъ усвоилъ тѣ же понятія о жизни и людяхъ, которыми старый коршунъ руководствовался всю свою долгую, грѣшную жизнь. Міросозерданіе Леонтія Артемьевича не внушало Катѣ ни малѣйшаго ужаса, напротивъ того, оно скорѣе вызывало сочувствіе въ ней и, во всякомъ случаѣ, забавляло ее. Дружно осмѣивали они дураковъ, не подозрѣвавшихъ ни ихъ цѣлей, ни чувствъ, и имъ было очень весело вдвоемъ.

Леонтію Артемьевичъ такъ увлекался этой дружбой, что по временамъ относился къ Катѣ, какъ къ доброму товарищу, равному ему по возрасту и по понятіямъ, забывая, что она молодая и красивая дѣвушка.

Но стоило ему только подмѣтить, что кто нибудь проявляетъ попользованіе за нею поухаживать, какъ въ немъ тотчасъ же пробуждалась самая страстная и необузданная ревность, и онъ дѣлалъ ей жестокія сцены. Какъ мужъ или любовникъ, упрекалъ онъ ее въ кокетствѣ, грозно, со сверкающими гнѣвомъ глазами, запрещалъ ей поощрять воздыхателя, котораго осыпалъ насмѣшками, ругательствами и угрозами. Разъ онъ даже ударилъ ее, и Катя не только покорно снесла это, но даже не разсердилась на него.

Никогда никого не боявшаяся, она дрожала при одномъ воспоминаніи объ этихъ сценахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, время отъ времени, сама вызывала ихъ, такимъ необъяснимымъ, жуткимъ и сладкимъ блаженствомъ волновали онѣ все существо ея.

Иногда размолвки между ними длились долго, и тогда Леонтію Артемьевичъ дѣлался такъ раздражителенъ и жестокъ со всѣми домашними, что со всѣхъ сторонъ обращались къ Демьяновнѣ съ просьбой помирить барышню съ бариномъ.

— Сладу съ нимъ нѣтъ, ко всѣмъ придирается... Вчера Япку драли, сегодня Марюшку за то, что на глаза ему въ коридорѣ попалась, Степану посулили лобъ забить, Петрушку въ подвалъ холодный приказалъ запереть... Съ барыней не говорить, барышни всю ночь проплакали... А ужъ въ правленіи что творится, страсть!

Не то, что писаря, а и чиновники то всё дрожма дрожать, не знаютъ, какимъ угодникамъ молиться, чтобы губернаторъ гнѣваться пересталъ...

Демьяновна выслушивала эти жалобы съ большимъ удовольствіемъ. Наконецъ-то она пригодилась и здѣшнимъ людшкамъ. Поняли, что безъ нея имъ еще плоше бы пришлось. Барышня ей-ная, какъ старымъ бариномъ вертѣла, такъ теперь и молодаго въ руки забрала, что хочеть, то и заставляетъ его дѣлать, ни въ чемъ ей отказу отъ него нѣтъ. Мало-по-малу всё убѣдились въ этомъ, и къ Демьяновнѣ начали подѣзжать съ приношеніями. Опять оказывали ей въ людской такой же почетъ, какъ, бывало, въ Коржинѣ, при старомъ баринѣ. А за послѣднее время ужъ не одни крѣпостные ухаживали за нею, а также и тѣ изъ городскихъ обывателей, у которыхъ было дѣло до губернатора; послѣ тщетныхъ попытокъ склонить въ свою пользу ближайшихъ къ нему чиновниковъ, кидались къ ней за помощью и, конечно, не съ пустыми руками.

Аудіенціи свои старуха давала обыкновенно на нижней площадкѣ черной лѣстницы, выходившей на ту сторону двора, гдѣ были людскія, кухни и помойная яма. Дѣло происходило большею частью такимъ образомъ: проситель, дождавшись сумерекъ, осторожно пробирался къ заднему крыльцу черезъ нижнія ворота, въ которыя господа никогда не выѣзжали, и, остановившись у помойной ямы, терпѣливо ждалъ появленія казачка или дѣвчонки, которые съ утра до вечера, только и дѣлали, что сновали съ порученіями изъ дома въ людскую и обратно. Завидѣвъ такого посланца, проситель останавливалъ его, совалъ ему въ руку копейку или грошъ и просилъ доложить Аксинѣ Демьяновнѣ, что человѣчекъ тутъ одинъ желаетъ переговорить съ нею по дѣлу.

Утвердительно кивнувъ, посланецъ исчезалъ, а проситель проникалъ въ темныя сѣни и ждалъ. Иногда приходилось очень долго ждать. Случалось такъ, что Демьяновна была чѣмъ нибудь занята въ комнатѣ барышни, а иногда ей просто не хотѣлось сойти съ теплой лежанки въ дѣвичьей, на которой она вязала чулокъ. Но въ концѣ концовъ она все-таки выходила въ сѣни и, сердито наступившись, спрашивала у просителя шипящимъ шепотомъ, чтѣ ему надо.

Но не успѣвалъ онъ начать свое повѣствованіе, какъ она прерывала его:

— Ты много-то не лопочи, все равно забуду.

Тогда проситель совалъ ей въ руку мзду, чаще всего деньги, завернутыя въ тряпочку, которая она тутъ же при немъ выворачивала, пересчитывала и опускала въ карманъ.

— Ну, скажи, какъ тебя звать по имени и прозвищу, больше ничего не надо,—объявляла она.

Проситель называлъ себя. Иногда случалось, что произнесенное имя было знакомо старухѣ, и она требовала поясненія.

— Александръ Терка... Намедни съ народъ болталъ про того разбойника, что пять душъ загубилъ, тоже Теркой его звать. Ты ему какъ же доводишься?

— Братомъ роднымъ, бабушка,—не стѣсняясь, сознавался проситель.—Бумага отъ меня губернатору подана, прошу, значить, съ братикомъ свиданія...

— Такъ, такъ... А ты въ убивствѣ-то помогаль ему вѣрно?—спрашивала она, пронизывая его исподлобья испытующимъ взглядомъ.

— Про меня ничего не доказано,—спѣшилъ заявить проситель.

— То-то, не доказано... Ну, вотъ что я тебѣ скажу, молодець, дѣло твое дрянъ...

— Мнѣ бы только съ братикомъ повидаться...

— А тамъ за рѣку удрать? Знаемъ мы вашу повадку! За рѣкой-то лѣсъ, вплоть до другой губерніи тянется, тамъ ужъ нашему губернатору тебя не достать... И ты это отъ плетей тремя золотыми откупиться желаешь? Ахъ, ты, бездѣльникъ эдакій! — злобно шипѣла Демьяновна.

Проситель валился въ ноги.

— Матушка, благодѣтельница! Еще принесу, смилуйся только!

— Принеси, тамъ увидимъ.

Такимъ образомъ случилось, что она и два, и три, и четыре раза отсылала просителя за новой мздой, находи недостаточной ту, которую онъ приносилъ ей.

Сторговавшись окончательно, она приступала къ барышнѣ: — «скажи ты братцу, чтобъ помиловать такого-то», или: «далъ бы какое ни на есть мѣстишко такому-то», либо: «не дозволилъ бы ужъ больно прижимать такую-то. Да не забудь, смотри! Тебѣ ничего не стоять, а имъ счастье, молиться за тебя будутъ».

Чтобъ отвязаться отъ нея, Катя исполняла ея просьбы и всегда съ успѣхомъ. Братецъ ни въ чемъ не могъ ей отказать. Иногда онъ со смѣхомъ замѣчалъ:

— А у тебя какая-то особенная симпатія къ завѣдомымъ мерзавцамъ и влодѣямъ; ни разу еще ты не просила меня за порядочнаго человѣка.

— За тѣхъ пусть ужъ другіе просятъ,—возражала Катя, тоже смѣясь.

Наконецъ, дошло до того, что Леонтій Артемьевичъ узнавалъ черезъ Катю о нуждахъ и желаніяхъ собственной жены и дѣтей.

— Послалъ бы ты денегъ Сашѣ, ему нужно.

— А ты откуда знаешь? Развѣ онъ тебѣ писалъ?

— Онъ писалъ матери.

— А она тебѣ сказала?

— Нѣтъ, она мнѣ не скажетъ. Я узнала отъ Демьяновны. Но все равно, ты все-таки пошли.

Леонтіій Артемьевичъ корчитъ озабоченное лицо.

— У меня теперъ денегъ нѣтъ. Мальчики и безъ того мнѣ слишкомъ дорого стоятъ. Напрасно только я ихъ въ такой дорогой полкъ опредѣлить.

— Ну, что за вздоръ! Возьми изъ моихъ денегъ, если у тебя своихъ нѣтъ.

— Такъ дай записку. Мнѣ вѣдь придется передъ опекой за каждый твой грошъ въ отвѣтъ быть.

Катя писала и подписывала все, что угодно. Ей это ничего не стоило, такъ какъ она деньгамъ счетъ не знала; можно безъ преувеличенія сказать, что въ то время она не понимала разницы между однимъ рублемъ и тысячью.

Постепенно и Леонтіій Артемьевичъ такъ запутался въ дѣлахъ, начатыхъ по примѣру отца въ обѣихъ столицахъ и за границей, что потерялъ счетъ деньгамъ. Служба отошла на второй планъ, и на положеніе свое въ административномъ мѣрѣ онъ все больше и больше смотрѣлъ, какъ на поддержку въ его коммерческихъ предпріятіяхъ. Но, при его неопытности и страстности, онъ не могъ не попадать въ просакъ и не нуждаться постоянно въ крупныхъ суммахъ на поправку надѣланныхъ ошибокъ.

Все это, разумѣется, стало извѣстно въ губерніи, и къ нему начали являться все чаще и чаще болѣе или менѣе темныя личности съ предложеніями услугъ. Сначала онъ крѣпился и гналъ ихъ вонъ, предпочитая имѣть дѣло съ клиентами Ермолаича, ссужавшими ему деньги подъ залогъ Катинаго имуществва, но въ одинъ прекрасный день не вытерпѣлъ и вошелъ въ долю съ богатѣйшимъ торговцемъ скотомъ и хлѣбомъ, который гонялъ свои гурты черезъ Z—скую губернію. А затѣмъ, нуждаясь въ деньгахъ на поѣздку въ Петербургъ, онъ рѣшился было взять крупный кушъ у нѣкоего Альбертини, итальянскаго еврея, наѣзжавшаго сюда изъ Одессы, гдѣ у него были дома и лавки. Торговалъ онъ всякой всячиной и, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ покойнымъ Артеміемъ Васильевичемъ, самъ явился къ его сыну съ предложеніемъ услугъ какъ разъ въ то время, когда Леонтіій Артемьевичъ, узнавъ черезъ доброжелателей изъ столицы, что на него подано множество доносовъ въ министерство, рѣшилъ немедленно ѣхать въ Петербургъ. Вмѣсто процентовъ за ссуду, Альбертини требовалъ отмѣны приговора, по которому его компаньонъ Лемпрованіусъ высылался изъ Россіи, по подозрѣнію въ сбытѣ фальшивой монеты.

Когда Катя все это узнала, она пришла въ ужасъ и стала умолять Леонтія Артемьевича, чтобъ онъ запретилъ этому Альбертини показываться ему на глаза. О человѣкѣ этомъ она много слышала отъ отца. Покойный старый коршунъ иначе не называлъ его, какъ разбойникомъ, и не разъ говаривалъ при ней, что онъ никого не знаетъ хитрѣе и коварнѣе этого мерзавца.

Катя все это помнила и съ чуткостью любящей женщины прозрѣвала неминуемую опасность тамъ, гдѣ опекунъ ея видѣлъ только рискъ. Она такъ краснорѣчиво сумѣла доказать ему справедливость своихъ доводовъ, что онъ началъ колебаться.

— Но вѣдь не могу я не ѣхать въ Петербургъ. Если назначать слѣдствіе, дѣло можетъ скверно окончиться для меня,—возразилъ онъ.

— Поѣзжай, непременно поѣзжай,—подхватила она съ живостью.

— На какія деньги! Вѣдь мнѣ нужно сейчасъ тысячь десять; на однѣ подмазки выйдеть тысячь девять.

— Возьми мои брильянты!—вскричала Катя, внѣ себя отъ радости, что такая блестящая мысль осѣнила ее.

— Твои брильянты?—повторилъ онъ въ недоумѣніи.—Да развѣ у тебя ихъ такъ много?

— Сейчасъ принесу.

Она вихремъ вылетѣла изъ кабинета, вбѣжала въ свои комнаты и черезъ минуту вернулась къ нему съ шкатулкой изъ розоваго дерева въ рукахъ. Шкатулка была очень тяжела, но нервы ея были въ такомъ напряженіи отъ восторга, что она не чувствовала тяжести, и только тогда упала въ изнеможеніи на диванъ, когда поставила передъ Леонтіемъ Артемьевичемъ свои сокровища и передала ему снятую съ шеи золотую, тонкую цѣпочку съ миниатюрнымъ ключикомъ.

— Открой и возьми, все твое,—проговорила она задыхающимся отъ волненія голосомъ.

Леонтій Артемьевичъ отперъ шкатулку, и то, что онъ увидѣлъ въ разноцвѣтныхъ бархатныхъ и сафьяновыхъ футлярахъ, которые онъ открывалъ одинъ за другимъ, такъ поразило его, что у него захватило духъ отъ восторга. Тутъ было цѣлое состояніе. Тысячь на полтараста драгоценныхъ каменьевъ въ оправкахъ заграничной работы и чудной красоты.

И нигдѣ ни въ какой описи сокровища эти не значились. Опекунъ неизвѣстно про ихъ существованіе; никто про нихъ не знаетъ, кромѣ его, Кати, да еще, безъ сомнѣнія, Демьяновны, но старуха такъ предана своей госпожѣ, что отдѣлить ихъ одну отъ другой невозможно.

У покойнаго отца, вѣроятно, были причины не поминать про эти драгоценности въ духовномъ завѣщаніи. Безъ сомнѣнія, онъ передалъ ихъ своей обожаемой Куклѣ изъ рукъ въ руки и съ глазу на глазъ...

Мысли эти вихремъ проносились въ его головѣ въ то время, какъ взглядъ его перебѣгалъ отъ коле въ крупныхъ брильянтовъ къ діадемѣ изъ рубиновъ и жемчуговъ, отъ парюры изъ сафировъ къ браслетамъ изъ изумрудовъ, и, должно быть, чувства, волновавшія ему душу, очень явственно отражались на его лицѣ, по-

тому что Катя весело смѣялась, глядя на него сверкающими отъ радости глазами.

— Поздравляю, ты богаче, чѣмъ я думалъ,—сказалъ онъ, съ трудомъ сдерживая волненіе.

Онъ вложилъ футляры въ ящикъ, заперъ его и съ ключемъ въ рукахъ подошелъ къ дивану, на которомъ она лежала, облокотившись на сафьянную подушку и подперевъ вывернутою ладонью розовую щеку.

— Довольно тутъ будетъ, чтобъ тебѣ съѣздить Петербургъ, не обязываясь Альбертини?—спросила она, глядя на него снизу вверхъ съ лукавой усмѣшкой.

— Съ какихъ поръ у тебя это?—спросилъ онъ, не отвѣчая на ея вопросъ и кивая на шкатулку.

— Шкатулку папенька мнѣ подарилъ, когда я была совсѣмъ маленькая, но тогда она была еще почти пустая. Вещи набирались понемногу; иныя онъ самъ привозилъ, корда ѣздилъ въ Одессу и за границу, другія доставлялъ ему проклятый жидъ Альбертини, къ которому ты въ когти хочешь влѣзть. Папенька былъ охотникъ до камней и большой знатокъ въ нихъ. Бывало, взглянетъ на брильянтъ, на изумрудъ или другой какой камень, сейчасъ скажетъ, сколько за него можно дать. Много онъ ихъ покупалъ, а также и продавалъ. Сколько разъ хвастался онъ при мнѣ, что четыре императрицы въ его брильянтахъ щеголяли. Благодаря ему, и я въ нихъ толкъ знаю, онъ меня этому обучилъ.

— Тебѣ, значитъ, извѣстно, что все это стоитъ?

Не спуская съ него смѣющагося взгляда, она утвердительно кивнула.

— Ну, бери же ключъ и не соблазняй меня. Я прикажу отнести шкатулку къ тебѣ,—сказалъ Леонтій Артемьевичъ, подавая ей цѣпочку съ ключемъ.

— Ты прежде возьми, что тебѣ надо,—возразила Катя, отстраняя отъ себя небрежнымъ движеніемъ его руку съ цѣпочкой.—А еще лучше, возьми все,—прибавила она послѣ минутнаго колебанія.

— Ну, нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Лишить тебя твоихъ драгоценностей...

Катя приподняла голову съ подушки.

— А сама-то я развѣ тебѣ не принадлежу?—проговорила она дрогнувшимъ голосомъ.

Взглядъ ея сверкалъ нѣжностью. Она была такъ прекрасна съ пылающими щечками и горѣвшими любовью глазами, что давно ужъ тлѣвшаяся въ немъ страсть вспыхнула и охватила все его существо.

— Да... да... ты моя, и я никому тебя не отдамъ. Я обожаю тебя!—глухо прошепталъ онъ, падая на колѣни передъ диваномъ и осыпая ее поцѣлуями . . . . .

. . . . .

Когда онъ пришелъ въ себя отъ порыва страсти, помутившаго ему разумъ до полной потери сознанія, Кати уже не было въ комнатѣ.

Она вырвалась изъ его объятій и убѣжала прежде, чѣмъ онъ очнулся.

Еслибъ не шкатулка, стоявшая на столѣ, да не цѣпочка съ ключемъ, валявшаяся на полу, Леонтій Артемьевичъ могъ бы принять все случившееся за дьявольское наважденіе, за сновидѣніе наяву.

Въ тотъ же вечеръ стало извѣстно, что баринъ собирается въ Петербургъ.

Требовали ли такого послѣдшаго отъѣзда неотложныя служебныя дѣла, или ему не хотѣлось оставаться подъ одной кровлей съ Катей послѣ случившагося, такъ или иначе, но когда Марья Алексѣевна стала просить его повременить отъѣздомъ, онъ рѣзко возразилъ, что она сама не знаетъ, чего просить.

— Развѣ я для своего удовольствія ѣду? Ты въ моихъ дѣлахъ никогда ничего не понимала...

— Кто же въ этомъ виноватъ, Léonсе?—прервала она его кротко, но настойчиво.—Развѣ ты когда нибудь дѣлишься со мной твоими мыслями и намѣреніями? Развѣ ты всегда не отвертывался съ досадою отъ моихъ совѣтовъ? Даже и тогда, когда я была молода и ты меня любилъ,—прибавила она печально.

— Женщины въ дѣлахъ ничего не понимаютъ,—отрывисто замѣтилъ онъ, поднимаясь съ мѣста, чтобъ уйти.

— Зачѣмъ же ты съ нею совѣтуешься?—спросила дрогнувшимъ голосомъ Марья Алексѣевна.

Чего ей стоило произнести этотъ вопросъ, можно было понять, взглянувъ на нее: она даже поблѣднѣла отъ страха и волненія въ ожиданіи отвѣта на свой дерзкій вызовъ, но сердце ея такъ наболѣло за послѣднее время и за себя и за дѣтей, въ оскорбительныхъ догадкахъ и мучительныхъ предчувствіяхъ, что она не въ силахъ была дольше молчать, и ей казалось, что она вызоветъ на объясненіе мужа даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ знала навѣрное, что ей за такую дерзость грозитъ смерть. Она имѣла твердое намѣреніе поставить ему на видъ, что, допуская такую интимность между собой и Катей, онъ компрометируетъ свой престижъ, какъ сановника и отца семейства; хотѣла передать ему городскіе толки про всемогущество Демьяновны и про то, какъ эта старая вѣдьма злоупотребляетъ его слабостью къ ея питомницѣ, и, наконецъ, какъ сама Катя возбуждаетъ противъ себя общественное мнѣніе своей странной манерой себя держать; но при первыхъ же ея словахъ Леонтій Артемьевичъ такъ вспыхнулъ и устремилъ на нее такой злобный и пытливый взглядъ, что она смолкла на полусловѣ.

Впрочемъ это длилось одно только мгновеніе; онъ тотчасъ же овладѣлъ собой и, пожимая небрежно плечами, процѣдилъ сквозь зубы съ презрительною усмѣшкой:

— Вы, кажется, съ ума сошли! Ревновать меня къ этой дѣвочкѣ!... Почему же бы и не къ Машѣ съ Соней?

Это было сказано очень обиднымъ и холоднымъ тономъ, но тѣмъ не менѣе у Марьи Алексѣевны отлегло отъ сердца, и, краснѣя отъ стыда, что она позволила себѣ оскорбить отца своихъ дѣтей незаслуженнымъ упрекомъ, она поспѣшила переимѣнить разговоръ.

— Мнѣ жаль, что ты именно теперь уѣзжаешь,—проговорила она, съ нѣжностью взявъ его руку и поднимая на него умоляющій взглядъ.

— Почему?—все еще сердито спросилъ онъ.

— Да потому, что я имѣю основаніе думать... меня предупредили, что Лачиновъ хочетъ сдѣлать предложеніе Сонѣ,—объяснила она, запинаясь.

Онъ отнесся къ предполагаему сватовству болѣе, чѣмъ благосклонно, и лицо его просіяло отъ радостнаго изумленія.

Лачиновъ былъ молодой помѣщикъ безъ большаго образованія, но честный и добрый малый и съ порядочнымъ состояніемъ.

— А Сонѣ онъ нравится?

— Кажется, нравится.

— Чтожь, я ничего противъ этого не имѣю. Одно только развѣ, что младшая выскочить въ дамы раньше старшей,—прибавилъ онъ шуточно.

Неожиданная вѣсть его обрадовала. Онъ чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, стремящагося къ чему-то недосягаемому, передъ которымъ, вдругъ, неожиданно, нежданно, негаданно, одна изъ многочисленныхъ преградъ, заслоняющихъ цѣль, сама собою рухнула.

«Что это? Предзнаменованіе?»—мелькало у него въ головѣ помимо вѣли и разсудка.

А Марья Алексѣевнѣ при напоминаніи о Машѣ взгрустнулось.

— И Маша была бы ужъ теперь, можетъ быть, замужемъ, кабы не Катя,—замѣтила она со вздохомъ.

— Охота вамъ про этого дурака вспоминать,—съ злой усмѣшкой замѣтилъ ея мужъ.

— Боюсь, что она никогда его не разлюбитъ...

— Полноте глупости говорить,—прервалъ онъ ее съ досадой.

Марья Алексѣевна не настаивала, ни никто не могъ вырвать изъ ея души убѣжденія, что дочь ея продолжаетъ любить графа Ксаверія также беззавѣтно, какъ два года тому назадъ, когда онъ гулялъ съ нею по тѣнистымъ аллеямъ Коржинскаго сада и каждымъ своимъ словомъ, каждымъ взглядомъ давалъ ей чувствовать, что увлеченъ ею столько же, сколько и она имъ.

О немъ съ тѣхъ поръ не было ни слуху, ни духу, какъ въ воду канулъ.

-- Надо благодарить судьбу, что сватовство ваше не состоялось,—продолжалъ все съ тою же сардоническою усмѣшкой Леонтіи Артемьевичъ.—Этотъ безмозглый полячишка съ своими завиральными идеями до висѣлицы бы дошутился, еслибъ остался въ Россіи.

— А развѣ онъ уѣхалъ изъ Россіи?—вырвался у Марьи Алексѣевны вопросъ.

— Давно ужъ. Недавно я получилъ отъ него письмо изъ Америки,—небрежно отвѣтилъ ей мужъ и прибавилъ еще болѣе равнодушнымъ тономъ:—Онъ хорошо сдѣлалъ, что убрался отсюда подобру-поздорову, въ Польшу-то пошевеливаются... Но намъ на все это наплевать. Съ этимъ графчикомъ, чортъ бы его побралъ, у меня всѣ счеты покончены, а вы лучше подумайте о томъ, чтобъ Лачиновъ поторопился съ своей декларацией...

— Онъ сегодня же къ тебѣ явится, если узнаетъ, что ты уѣзжаешь въ Петербургъ,—поспѣшила заявить Марья Алексѣевна.

Она такъ боялась мужа, что не рѣшалась сознаться ему, что Лачиновъ ужъ обращался къ ней съ предложеніемъ, и что, зная чувства къ нему Сони, она обѣщала ему употребить всѣ усилія, чтобъ склонить Леонтія Артемьевича на согласіе.

Проученная горькимъ опытомъ, Марья Алексѣевна держала отъ всѣхъ въ строжайшемъ секретѣ весь этотъ несложный романъ своей второй дочери, а сама героиня его, вострушка Соня, даже съ сестрой говорила про ухаживанье приглянувшагося ей кавалера не иначе, какъ шопотомъ и при закрытыхъ дверяхъ. Катя надѣлала имъ столько горя и обиды, что недовѣріе къ ней обѣихъ сестеръ и ихъ матери было весьма естественно, и когда Марья Алексѣевна объявила дочери, что отецъ согласенъ на ея бракъ съ Лачиновымъ, первымъ побужденіемъ Сони было спросить:

— А вы увѣрены, маменька, что Катя не заставитъ папеньку раздумать?

Но Катѣ было теперь не до того, чтобъ вмѣшиваться въ чужія дѣла и разстроивать чужое счастье. Она отнеслась совершенно равнодушно къ извѣстію о помолвкѣ своей младшей подруги.

Свадьбу рѣшено было сыграть по возвращеніи Леонтія Артемьевича изъ Петербурга, т. е. мѣсяца черезъ два, на Красную горку.

Въ хлопотахъ и сборахъ къ отъѣзду, Леонтіи Артемьевичъ совсѣмъ не видѣлъ Катю наединѣ. Оба, точно сговорившись, избѣгали оставаться вдвоемъ, и простился онъ съ нею при всѣхъ. Она стояла рядомъ съ его женой и дочерьми, въ двухъ шагахъ отъ многочисленной дворни, сбѣжавшейся провожать барина въ далекій путь. Прикоснувшись губами къ ея лбу, онъ поспѣшно и не оглядываясь, сбѣжалъ съ крыльца. Сердце его сильно билось; передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ экипажъ, онъ сталъ ее искать глазами въ толпѣ, тѣснившейся у подножія лѣстницы, но ея тутъ не было, она осталась на верхней ступенькѣ, и стройная фигура ея въ на-

кинутой на плечи мѣховой шубкѣ, крытой алымъ бархатомъ, одиноко вырѣзывалась на сверкающемъ фонѣ яснаго, холоднаго утра.

Глаза ихъ встрѣтились, и то, что онъ прочелъ въ ея взглядѣ, заставило тоскливо сжаться его сердце. Все вдругъ вспомнилось, все, отъ чего онъ, какъ отъ зловѣщаго сна, упорно отвертывался послѣдніе два дня, и ему стало такъ жаль съ нею разстаться, что къ горлу его подступили слезы.

XI.

Конецъ этой зимы и весна ознаменовались въ семьѣ Коржиныхъ слѣдующими, такъ сказать, официальными событіями: во-первыхъ, побѣдоноснымъ возвращеніемъ Леонтія Артемьевича изъ столицы, съ новымъ знакомъ монаршей милости на груди и съ одобреніемъ министромъ его дѣйствій въ видѣ конфиденціального выговора его противникамъ, председателю уголовной палаты и предводителю дворянства, за неумѣніе жить въ мирѣ и согласіи съ губернаторомъ и за размноженіе кляузниковъ и клеветниковъ въ губерніи, дерзающихъ утруждать высшее начальство безыменными доносами, ничѣмъ инымъ, кромѣ злобы за справедливыя взысканія, не побуждаемыми.

Вторымъ событіемъ, оживившимъ всю губернію недѣль на шесть по крайней мѣрѣ, было обрученіе второй губернаторской дочки съ помѣщикомъ Лачиновымъ, затѣмъ и свадьба, справленная съ необычайною пышностью. Тутъ ужъ Леонтія Артемьевичъ развернулся, какъ говорится, во всю. Злые языки утверждали, что на одинъ свадебный пиръ потрачено тщеславнымъ губернаторомъ втрое больше того, чѣмъ стоило приданое его дочери, съ брильянтами, серебромъ и экипажами включительно, и къ этому прибавляли, что во всемъ остальномъ онъ проявилъ себя достойнымъ сыномъ своего отца, настоящимъ алчнымъ коршуномъ и ничѣмъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ тряпокъ, одной семьи дворовыхъ да родительскаго благословенія въ оправѣ, дочь свою не наградила.

Ни имѣнія, ни капята Лачиновъ за женой не получилъ. На это жаловались друзья и родственники послѣдняго, что же касается до него самого, женитьба на любимой дѣвушкѣ приводила его въ такой восторгъ, что о приданомъ онъ и не думалъ. Еслибъ можно было, онъ и отъ тѣхъ сундуковъ съ тряпками, что за нею дали, отказался бы, только бы ее-то отпустили съ нимъ скорѣе въ деревню, хотя бы въ томъ самомъ простенькомъ, перкалевомъ платицѣ, въ которомъ онъ въ первый разъ ее увидѣлъ и безъ памяти въ нее влюбился.

И никто не замѣтилъ бы отсутствія молодыхъ на пирахъ, въ честь ихъ устраиваемыхъ, всеобщее вниманіе было поглощено Ка-

тей, которой опекунъ навезъ такихъ роскошныхъ нарядовъ изъ Петербурга, что когда она въ нихъ явилась, красота и роскошь прочихъ щеголихъ померкли въ ея блескѣ, какъ меркнуть звѣзды въ сіяніи солнца.

Дамы, задыхаясь отъ изумленія и зависти, рассказывали, что въ день свадьбы на ней было платье изъ розоваго муара по пятнадцати рублей аршинъ и все отдѣланное такими кружевами, котормъ и пѣны нѣтъ, а на балѣ, дня два послѣ вѣнчальнаго обряда, одни цвѣты, покрывавшіе почти сплошь ваперовую юбку, стояли не менѣе трехъ сотъ рублей.

— А каковъ клокъ, въ которомъ она вошла въ церковь? Замѣтили? Настоящимъ горностаемъ подбитъ, какъ у царицы!

— А брильянтовъ, брильянтовъ-то сколько она на себя нацѣпляла!—воскликали съ негодованіемъ губернскія кумушки.—Сейчасъ видно, что по своей волѣ живетъ, и никто ей не смѣетъ сказать, что такъ одѣваться молодой дѣвушкѣ неприлично.

— Ахъ, Боже мой, да развѣ она кого нибудь послушаетъ! Марья Алексѣевна ужъ давно на нее махнула рукой. Она и читаетъ все, что хочетъ, какъ дама. Отецъ ея былъ извѣстенъ своею безнравственностью и вольнодумствомъ; послѣ него осталась богатѣйшая бібліотека, ну, все это она ужъ успѣла перечитать и всякимъ гадамъ научиться.

Дамы были правы, дѣйствительно Катю никто не стѣснялъ ни въ выборѣ книгъ, ни въ поступкахъ.

Чѣмъ ближе сходилса съ нею Леонтій Артемьевичъ, тѣмъ дальше отходили отъ нея жена его и дочери.

Это выходило само собою, инстинктивно, какъ неминуемое послѣдствіе загадочно-фальшиваго положенія, которое онъ создалъ своей питомицѣ въ домѣ и въ обществѣ страннымъ своимъ обращеніемъ съ нею.

Отчужденіе отъ Кати окружавшей ея семьи, постепенно возрастаая, дошло наконецъ до того, что никому и въ голову не приходило давать ей почувствовать, что она на каждомъ шагѣ нарушаетъ самыя элементарныя правила свѣтскихъ приличій. Всѣ объ одномъ только заботились: не раздражать ее и не сближаться съ нею.

Ей это особенно было замѣтно во время частыхъ отлучекъ Леонтія Артемьевича по губерніи. При немъ она ни въ комъ не нуждалась, но когда онъ уѣзжалъ, одиночество тяготило ее, хотѣлось развлечься отъ тяжелыхъ мыслей, забыть хотя на минуту удручавшую душу тайну, пожить чужой жизнью и позабавиться чужими интересами. Но когда она входила въ гостиную, гдѣ находилась Марья Алексѣевна съ дочерьми и съ будущимъ своимъ зятемъ, посѣщавшимъ ихъ домъ ежедневно на правахъ жениха, интимные разговоры прерывались, на всѣхъ лицахъ выражалась худо скрытая досада, всѣ переглядывались и неловко начинали распространяться о погодѣ,

городскихъ новостяхъ и т. п. И Катя, съ трудомъ сдерживая злобное раздраженіе, спѣшила уйти съ смутною жаждой мщенія въ сердцѣ.

А иногда случалось и хуже.

Разъ какъ-то, въ то время, какъ Леонтіи Артемьевичъ ѣздилъ въ Петербургъ, остановившаяся у нихъ въ домѣ, проѣздомъ въ Варшаву, дальняя родственница и пріятельница Коржиной, увлекшись разговоромъ о новомъ французскомъ романѣ, стала рассказывать его содержаніе, но, дошедши до того мѣста, гдѣ несчастную героиню лишаетъ невинности гнусный обольститель, она въ замѣшательствѣ прервала на полусловѣ свое повѣствованіе, сообразивъ, что при дѣвицахъ нельзя упоминать о такихъ скабрзныхъ предметахъ.

Догадавшись о причинѣ ея смущенія, Марья Алексѣевна приказала дочерямъ идти въ садъ.

Маша съ Соней немедленно повиновались; за ними послѣдоваль и Лачиновъ.

Но Катя, сидѣвшая у окна за пяльцами, не тронулась съ мѣста. Не разслышала ли она приказанія сестрицы или рѣшила ждать, чтобъ къ ней обратились отдѣльно съ просьбой не мѣшать бесѣдѣ старшихъ, такъ или иначе, но она осталась въ комнатѣ. И вдругъ, ее точно что-то толкнуло поднять глаза съ работы и, увидавъ въ растворенную балконную дверь удаляющуюся молодежь, она машинально перевела взглядъ на сидѣвшихъ въ глубинѣ комнаты двухъ дамъ, какъ разъ въ ту минуту, когда гостья краснорѣчивымъ кивкомъ на нее указывала, а Марья Алексѣевна съ горькой и презрительной усмѣшкой отвѣчала вполголоса на обращенный къ ней нѣмой вопросъ:

— О, при этой все можно говорить!

Она намекала, безъ сомнѣнія, на своеволие Кати, на ея привычку читать безъ разбора все, что попадалось ей подъ руку, и на невозможность подчинить какой бы то ни было нравственной дисциплинѣ ея испорченную съ малолѣтства, необузданную натуру, но Катѣ слышалось еще другое въ этихъ словахъ; ее отъ нихъ, какъ варомъ, обдало съ ногъ до головы, а щеки ея зардѣлись, какъ отъ пощечины.

Какъ сорвалась она съ мѣста, какъ выбѣжала изъ комнаты, и замѣтили ли ея исчезновеніе, этого она не знала; она была, какъ въ чадѣ отъ обиды и гнѣва. Ей было такъ больно, она чувствовала себя такой одинокой и безпомощной, что, упавъ на кровать и зарывая пылающее гнѣвомъ и стыдомъ лицо въ подушки, она молила Бога о смерти.

На нее вдругъ нашло просвѣтленіе, и на одно мгновеніе она увидѣла бездонную, мрачную пропасть, на краю которой она стояла; ей сдѣлалось страшно, и она сознала, что жить ей не для чего, что, кромѣ горя и позора, ей нечего ждать отъ жизни, что чѣмъ

дальше, тѣмъ для нея будетъ все хуже и хуже... Слезы, лившіяся по ея щекамъ, не смягчали душивныхъ ея мукъ, а жгли ее, какъ расплавленнымъ свинцомъ. Мысли, одна другой безотраднѣе, вихремъ кружились въ мозгу.

Но что всего было ужаснѣе, это сознаніе, что онѣ правы, ненавида ея и презирая. Она достойна того еще больше, чѣмъ онѣ воображаютъ. Если бъ Марья Алексѣевна знала, что произошло въ кабинетѣ ея мужа за два дня до его отъѣзда въ Петербургъ! О, еслибъ она это знала! Она тогда не вполголоса и не обиняками намекала бы своимъ друзьямъ о томъ, что Катю нельзя сравнивать съ ея дочерьми, она объявила бы во всеуслышаніе, что потерянная дѣвушка не достойна дышать однимъ воздухомъ съ чистыми и невинными существами; она запретила бы дочерямъ подходить къ Катѣ и сочла бы позоромъ даже лишнюю минуту, оставлять ихъ подъ одной кровлей съ ненавистной всѣмъ любимицей стараго дѣда коршуна.

«Да, да, ты потерянная», повторялъ ей внутренній голосъ такъ громко, что въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, это ужасное слово звенѣло въ ея ушахъ, точно не она сама, а другой кто-то громкогласно изрекалъ надъ нею смертный приговоръ всякой надеждѣ на радость и счастье.

А ей всего только восемнадцать лѣтъ, она, можетъ быть, проживетъ еще долго, долго...

И ей стало себя такъ жалко, что она еще съ часъ времени плакала о себѣ, о своей поруганной дѣвической чести, поруганной тѣмъ самымъ человѣкомъ, котораго отецъ избралъ ей въ покровители.

О, еслибъ покойникъ могъ предвидѣть, что случится! Но онъ заботился только о томъ, чтобъ приумножить наслѣдство, которое онъ ей оставить. И успѣлъ въ этомъ, она богата, слава Богу, богаче всѣхъ дѣвицъ, которыхъ она знаетъ. А деньги много значатъ. Деньги важнѣе всего. Ужъ на что отецъ ея былъ злой и черствый старикъ, но онъ былъ богатъ, и всѣ его боялись и уважали.

Да, деньги важнѣе всего, и много счастья могутъ онѣ доставить.

Ей вспомнилась сцена, предшествующая ея паденію, сіяющее благодарностью и любовью лицо Леонтія Артемьевича, когда она объявила ему, что онъ можетъ взять всѣ ея драгоценности, если захочетъ, и отчаяніе ея стало постепенно утихать.

Стоитъ оскорбляться чьими бы то ни было намеками и горевать о томъ, что она не можетъ уже считаться такой невинной и чистой дѣвицей, какъ Маша съ Соней, когда никто этого не знаетъ, когда она красивѣе ихъ, умнѣе, богаче, и любима человѣкомъ, выше котораго нѣтъ никого на свѣтѣ! Она имъ себя покажетъ, она всему міру себя покажетъ, всѣхъ заставитъ удивляться и восхищаться собой.

И подъ впечатлѣніемъ новыхъ мыслей и ощущеній, нахлынувшихъ ей на душу, блѣдная и трепещущая, съ глазами еще распух-

шими отъ слезъ, пролитыхъ въ минуты отчаянья, Катя сорвалась съ постели, сѣла къ своему письменному столику и написала длинное письмо Леонтію Артемьевичу, съ перечнемъ нарядовъ, которые она приказывала ему привезти ей изъ столицы.

И по мѣрѣ того, какъ она писала, воображеніе ея развѣтывалось все шире и шире; она видѣла себя то въ розовомъ шелку, то всю въ цвѣтахъ, то въ бархатѣ и, мысленно любуясь собой, улыбалась прелестнымъ образамъ, возникавшимъ одинъ за другимъ въ ея фантазіи, и зависти, которую она будетъ возбуждать.

Леонтій Артемьевичъ исполнилъ въ точности ея требованія и даже привезъ ей множество вещей, о которыхъ она не упоминала, потому что не знала о ихъ существованіи.

Ему была на руку ея безразсудная расточительность, и онъ не упускалъ случая поощрять ее.

Послѣ свадебныхъ празднествъ и отъѣзда молодыхъ въ деревню домъ затихъ и опустѣлъ. Началась прежняя жизнь. Марья Алексѣевна принялась вышивать большой коверъ въ спальню новобрачныхъ, а Маша снова занялась воздухами въ церковь, которые она начала по обѣщанію, еще до обрученія сестры. Обѣ, и мать и дочь, сидѣли съ утра до вечера въ глубокой зеленой гостиной, съ окнами въ густой садъ, и работали большею частью молча.

Дѣлиться мыслями имъ не хотѣлось: горе ихъ было такого рода, что словами его не разобъять, а только пуще разбередишь. Да и не было ни у той, ни у другой такихъ словъ, которыми можно было бы выразить то, что томило имъ сердце.

Съ тѣхъ поръ, какъ графъ Ксаверій уѣхалъ, прошло два года, но Маша продолжала его любить, думать о немъ и вспоминать тѣ минуты, когда и онъ тоже ее любилъ. Надежды на свиданіе съ нимъ у нея не было ни малѣйшей, еще меньше мечтала она о томъ, чтобъ погибшее счастье воскресло когда нибудь; ей просто нельзя было жить настоящимъ. Разочарованіе въ восхитительной мечтѣ, которой она предавалась съ безграничнымъ упованіемъ невинной души, незнакомой съ коварствомъ судьбы и людей, убило въ ней вкусъ къ жизни. Послѣ минутнаго небеснаго блаженства, испытаннаго ею, земныя радости не находили больше отклика въ ея сердцѣ; оно въ безпредѣльной тоскѣ рвалось выше, туда, гдѣ нѣтъ ни лжи, ни обмана, ни разочарованій. Какъ нѣжное растеніе, охваченное морозомъ, блекла она, ни на что не жалуясь, никого не упрекая, ничего не требуя ни отъ жизни, ни отъ людей. И такъ тихо и ясно уходила она постепенно всеѣмъ своимъ духовнымъ существомъ отъ окружающаго ея міра, что, кромѣ ея матери, никто этого не замѣчалъ. Одна только мать видѣла, какихъ мучительныхъ усилій стоило ей принимать участіе въ мірскихъ утѣхахъ и суетѣ, и какъ равнодушна она къ земнымъ досадамъ и печалямъ. Все это, съ той высоты, въ которой она теперь царилла, казалось ей такъ ничтожно, что Марья Але-

кѣевна ужь перестала дѣлиться съ нею своими опасеніями, тревогами и печальми и съ отъѣздомъ Сони очутилась въ полнѣйшемъ одиночествѣ. Однако, когда она стала замѣчать со дня на день усиливающуюся разсѣянность Маши и равнодушіе ея ко всему мірскому, когда она узнала, что старшая дочь ея иногда по цѣлымъ ночамъ простаиваетъ на колѣняхъ передъ образами, каждый день изыскиваетъ средства пойти въ церковь и тогда только счастлива, когда, забившись въ темный уголъ промежъ нищихъ, упивается божественной службой, Марья Алексѣевнѣ стало жутко. Неужто ея дѣвочка уйдетъ изъ міра, не испытавши земныхъ радостей? Неужто ей не суждено быть ни супругой, ни матерью, а только молитвенницей за тѣхъ, кому она могла бы всю свою жизнь служить счастьемъ и утѣхой?

И упрекая себя въ слабости и грѣхѣ, она тѣмъ же не менѣе со слезами молила Бога отвести отъ ея усть эту новую чашу горечи, оставивъ ей Машу, на утѣшеніе и поддержку ея изнемогающаго подъ бременемъ испытаній, духа.

Сыновья ея были далеко, и вся жизнь ихъ пройдетъ вдали отъ нея, въ чуждыхъ ей интересахъ, радостяхъ и печальяхъ. Если ужь дочь, по выходѣ замужъ, для матери отрѣзанный ломоть, то съ сыномъ и подавно обрываются связи, когда онъ вылетаетъ въ жизнь изъ родного гнѣзда.

Но чѣмъ она особенно терзалась въ глубинѣ души, не смѣя сознаться въ этомъ даже передъ самой собой, это страхомъ остаться съ мужемъ наединѣ.

Теперь, когда она начинала смутно подозрѣвать, что до сихъ поръ ошибалась въ немъ и любила въ немъ не его, а существо, созданное ея фантазіей, когда проникала все глубже и глубже въ эту мрачную, до сихъ поръ сокрытую отъ нея душу, она съ ужасомъ убѣждалась въ томъ, что, кромѣ равнодушія къ ней и къ дѣтямъ, лицемѣрія, алчности и разврата, ничего въ ней нѣтъ, она содрогалась при мысли, что связана съ этимъ нравственнымъ уродомъ неразрывными узами до самой смерти.

Бросить его, разстаться съ нимъ ей и въ голову не приходило. Развѣ она не поклялась передъ алтаремъ ему принадлежать до послѣдняго издыханія? Развѣ онъ не отецъ дѣтей, за которыхъ она должна дать отвѣтъ передъ Богомъ, и развѣ позоръ его не падетъ на ихъ голову, если она не предотвратитъ этого позора, цѣной собственнаго спокойствія?

Пока она съ нимъ, никто не осмѣлится явно его осуждать, пока она съ нимъ, дѣти ихъ будутъ его любить и уважать, значитъ долгъ повелѣваетъ ей съ нимъ не разлучаться, а она всю жизнь покорялась долгу. И наконецъ развѣ не можетъ наступить минута, когда онъ тоже будетъ несчастливъ и нуждаться въ ея поддержкѣ и преданности, вѣдь не даромъ же Господь ихъ соединилъ.

Вотъ сколько причинъ имѣла Марья Алексѣевна покоряться безропотно судьбѣ и оставаться въ глазахъ свѣта супругой Леонтія Артемьевича, такой же преданной и любящей, какой она была, когда вѣрила въ его честь, совѣсть и любовь.

А это было еще недавно. Не дальше, какъ три мѣсяца тому назадъ, она приписывала его ухаживаніе за Катей единственно тому, что ея деньги ему нужны для предпріятій, начатыхъ съ цѣлью обогатить ихъ дѣтей. Разумѣется, одобрить этого она не могла и желала бы лучше прожить всю жизнь въ бѣдности, чѣмъ видѣть, что корысть, развивающаяся въ немъ, грозитъ превратиться нъ опасную страсть, но она была тогда далека отъ мысли подозрѣвать его въ преступномъ увлеченіи дѣвушкой, отданной на его попеченіе умирающимъ отцомъ, и съ которой онъ былъ въ такомъ близкомъ родствѣ. Да и теперь, когда эта мысль наvertsывалась ей на умъ, она съ ужасомъ отгоняла ее прочь отъ себя, всячески стараясь себя увѣрить, что этого не можетъ быть, и что съ ея стороны преступно предполагать такую гнусность.

Но увы, улики, подтверждающія это подозрѣніе, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ мѣсяцемъ размножались, какъ песокъ морской. Она читала ихъ на лицахъ городскихъ дамъ, которыя при имени Кати или при ея появленіи съ какимъ-то страннымъ недоумѣніемъ переглядывались, и во взглядахъ, полныхъ почтительнаго состраданія, которыми дворовые смотрѣли на бѣдную барыню, и въ затѣнной злобѣ, съ которой всѣ слѣдили за каждымъ движеніемъ виновницы готовящагося семейнаго разгрома. А старанія Леонтія Артемьевича избѣгать всякаго столкновенія съ женой, его боязнь нарваться на объясненіе съ нею и постоянная забота, чтобъ, когда онъ дома, были всегда гости, которые не дозволяли бы ему оставаться наединѣ съ семьей, даже на минуту,—развѣ все это не подтверждало ея догадокъ?

Что же касается до Кати, она, какъ говорится, закусила удила и въ мучительной борьбѣ съ своими чувствами, въ стремленіи скрыть роковую страсть, волнующую все ея существо, увѣрить весь міръ, что ей не въ чемъ себя упрекать и нечего стыдиться, она доходила до наглости и однимъ своимъ вызывающимъ тономъ выдавала себя головой.

Все это раздражало Леонтія Артемьевича до чрезвычайности и, чтобъ развлечься, успокоить напряженные нервы, онъ предпринималъ далекія путешествія по губерніи, нагоняя внезапными наѣздами страхъ на подчиненныхъ, повсюду устанавливая образцовый порядокъ и нововведенія, слѣды которыхъ до сихъ поръ можно найти въ той мѣстности, гдѣ мѣстами торчатъ еще пни насаженныхъ по его предписанію деревьевъ по обѣимъ сторонамъ большой, столбовой дороги, развалины красивыхъ грандіозныхъ каменныхъ зданій, воздвигнутыхъ въ бытность его тутъ губернаторомъ, и тому подобное.

Но ничто ему не помогало, ни лихорадочная дѣятельность, ни продолжительная разлука съ предметомъ его страсти, ни попытки развлечься любовными похождениями съ другими красавицами, ничто его не успокоивало; безумное его чувство къ Катѣ не переставало усиливаться, и черезъ два года послѣ описанныхъ событій, передъ свадьбой меньшей его дочери, ему ужь нужны были не деньги Куклы, а сама Кукла.

По временамъ ему казалось, что онъ тогда только успокоится, когда уѣдетъ съ нею на край свѣта, въ какую нибудь пустыню, гдѣ ихъ никто не знаетъ, и гдѣ они никого, кромѣ другъ друга, не будутъ видѣть.

Долго ли будетъ удовлетворять его такого рода счастье, и какія произойдутъ оттого послѣдствія, онъ даже и останавливаться на этихъ соображеніяхъ не хотѣлъ и не могъ, въ одномъ только былъ онъ твердо увѣренъ, это въ томъ, что счастье это онъ долженъ испытать во что бы то ни стало, и хотя бы имъ обоимъ это стоило жизни.

Намѣреніе это съ каждымъ днемъ въ немъ все больше и больше крѣпло, и въ изыскиваніи средствъ привести его въ исполненіе онъ проводилъ цѣлыя ночи.

И вдругъ, совершенно неожиданно навернулся для него удобный предлогъ.

На суконной фабрикѣ, невзирая на размолвку съ графомъ Ксаверіемъ, основанной годъ тому назадъ близъ Коржина, произошли беспорядки, которые во избѣжаніе огромныхъ убытковъ надо было во что бы то ни стало прекратить, какъ можно скорѣе, а для этого немедленно смѣнить управляющаго-нѣмца, найти другого и наказать примѣрно зачинщиковъ бунта, большею частью изъ дворовыхъ, принадлежащихъ Катѣ.

Леонтій Артемьевичъ рѣшилъ, что присутствіе этой послѣдней тамъ необходимо, и сталъ собираться съ нею въ путь.

Когда въ домѣ это стало извѣстно, въ дѣвичьей, послѣ таинственнаго совѣщанія, между старой горничной Аннушкой, нянюшкой Петровной и старикомъ буфетчикомъ Самсонычемъ, рѣшено было, что барынѣ надо этому воспротивиться.

— Это будетъ срамъ на весь міръ, если баринъ съ барышней Катериной Артемьевной хоть недѣльку проживуть вдвоемъ въ старомъ Коржинскомъ домѣ! Послѣ этого добрымъ людямъ и въ глаза нельзя будетъ смотрѣть!

— Нельзя ему этого дозволить, нельзя,—повторялъ, покачивая сѣдой головой, Самсонычъ.

— А какъ ему запретишь?—спросила Аннушка.

— Барыня должна запретить,—рѣшила Петровна.

— Послушаетъ онъ ее, какъ бы не такъ!

— Не можетъ не послушать, они въ законѣ,—строго объявилъ старикъ.

— Ну, а барынь-то какъ же сказать?

— Начни съ того, что доложи про ихъ сборы: такъ и такъ, дескать, сударыня, позвольте вашей милости доложить про то, что людишки наши болтають, будто баринъ вдвоемъ съ барышней Катериной Артемьевной въ Коржино изволятъ ѣхать. Ну, а тамъ сообразно съ отвѣтомъ и дѣйствуй. Если ничего не скажетъ тебѣ на это, тогда...

— Тогда ужь я съ нею поговорю и все ей представлю,—подхватила Петровна.

— Да и я не побоюсь на сѣдую свою голову бѣду накликаеть, а ужь всю правду ей выложу,—объявилъ Самсонычъ,—скажу ей, что грѣхъ такому соблазну потачку давать.

Послѣдствіемъ этого совѣщанія было то, что Марья Алексѣвна рѣшилась умолить мужа прекратить отвратительный скандалъ, возмущавшій весь домъ.

Съ этимъ намѣреніемъ она послала просить его къ себѣ и, ожидая его въ лихорадочномъ волненіи, прохаживалась взадъ и впередъ по длинной и темноватой гостиной, стараясь сообразить, какими словами на него лучше подѣйствовать; но въ головѣ ея былъ такой хаосъ, что она ни на чемъ не могла остановиться и рѣшилась положиться на волю Божию: что Господь ей внушитъ, она ему то и скажетъ.

Ждать пришлось недолго, Леонтію Артемьевичу не хотѣлось, чтобъ обвинили его въ трусости, и не прошло пяти минутъ, какъ шаги его послышались по залѣ, и раздался твердый, громкій голосъ, которымъ онъ спрашивалъ лакея: почему лампы не зажжены?

— Восьмой часъ... того и гляди, гости пріѣдутъ, а у васъ тутъ темень... Что за беспорядокъ! Барыня въ гостиной?

Съ этими словами онъ быстро вошелъ въ комнату, гдѣ его съ трепетомъ ждали.

— Что вамъ бѣтъ меня угодно, *chère amie*? Я страшно занятъ... готовлю на завтра почту... курьеръ дожидается... надо еще донесеніе министру просмотрѣть, эти писаря вѣчно перевирають... Какъ у васъ темно!..

Но онъ былъ этому радъ. При свѣтѣ она замѣтила бы волненіе, которое онъ старался скрыть подъ обычнымъ рѣзкимъ тономъ и высыкомѣнной развязностью.

— Ты собираешься ѣхать въ Коржино, *Léonce*?—спросила она.

— Да... Представь себѣ, тамъ эти мерзавцы фабричные устроили настоящій бунтъ... Клеменцъ прислалъ нарочнаго съ письмомъ... грозить уѣхать, не дождавшись замѣстителя, если я тотчасъ же не пріѣду... Это въ самый разгаръ работы...

— И ты рѣшилъ ѣхать?

— Разумѣется. Надо самому все на мѣстѣ изслѣдовать. Главными зачинщиками оказались изъ Коржинской дворни...

— Ты ѣдешь одинъ?— снова прервала его Марья Алексѣвна, для которой разговоръ этотъ былъ настоящей пыткой.

— Нѣтъ, съ Катей,— твердо произнесъ онъ.

И бросивъ ей, со свойственною ему смѣлостью, этотъ вызовъ, онъ продолжалъ ужъ спокойнѣе.

— Ей ужъ девятнадцать лѣтъ, скоро придется сдать ей все ея состояніе, пусть управляетъ имъ, какъ знаетъ... Но моя обязанность ее подготовить... а этого заочно не сдѣлаешь, надо, чтобъ она лично ознакомилась и съ людьми своими, и съ дѣлами, пора. Да она и сама, узнавши про донесеніе Клеменца, объявила, что хочетъ ѣхать со мной въ Коржино, и ты понимаешь, что запретить этого я ей не могу, усадьба принадлежитъ ей,— прибавилъ онъ, слегка недоумѣвая передъ терпѣливымъ молчаніемъ, съ которымъ его выслушивали.

— Хорошо, но въ такомъ случаѣ и мы съ Машей съ вами поѣдемъ,— объявила дрогнувшимъ голосомъ Марья Алексѣвна.

Онъ до этой минуты говорилъ, не глядя на нее, но несвойственная ей твердость, звучавшая въ ея голосѣ, еще больше, чѣмъ слова, произнесенныя ею, такъ его удивили, что онъ устремилъ на нее полный любопытства и подозрительности взглядъ. Глаза ихъ встрѣтились, и то, что онъ въ нихъ прочелъ, усилило его раздраженіе и смущеніе.

— Какъ хотите,— сказалъ онъ, помолчавъ.— Я вамъ это не предлагалъ потому, что, сколько мнѣ помнится, вы не желали подвергать Машу неприятнымъ воспоминаніямъ... Но если вы теперь иного мнѣнія, поѣдьте всѣ вмѣстѣ,— поспѣшилъ онъ прибавить, избѣгая повода къ продолженію опаснаго разговора, который на этомъ и прекратился.

Семья Леонтія Артемьевича пріѣхала въ родовое имѣніе безъ него. Необходимость цѣлыхъ трое сутокъ сдерживаться, сидя рядомъ съ женой въ большой четверомѣстной каретѣ, и не выдавать ни во взглядѣ, ни въ голосѣ своихъ чувствъ къ сидѣвшей противъ него Катѣ, довела его до такого раздраженія, что подвергаться этой нравственной пыткѣ еще нѣсколько лишнихъ часовъ онъ ужъ былъ не въ силахъ и, не доѣзжая верстъ пятидесяти до Коржина, вышелъ изъ экипажа, пересѣлъ въ бричку, съ прислугой и поклажей, слѣдовавшую за каретой, и, подъ тѣмъ предлогомъ, что необходимо, какъ можно скорѣе разобрать недоразумѣнія рабочихъ съ управляющимъ, поскакалъ въ Артемкино.

Подѣзжая къ усадьбѣ, Катя, все время молча смотрѣвшая изъ окна на знакомую мѣстность, обратилась вдругъ къ Марьѣ Алексѣвнѣ съ заявленіемъ, что она намѣрена поселиться въ комнатахъ покойнаго отца.

— Я ужъ говорила объ этомъ съ братцемъ, ему все равно, гдѣ ни жить, вѣдь онъ не надолго, ему можно устроить спальню и кабинетъ въ зеленой угловой,—поспѣшила она прибавить.

— Какъ хочешь, и намъ тоже все равно, не правда ли, Маша?

Маша утвердительно кивнула. Разумѣется, ей теперь все равно, гдѣ ни жить въ Коржинѣ; прошло то время, когда она, чуть забрезжится заря, срывалась со своей постели, чтобъ бѣжать къ окну и, отвернувъ кончикъ занавѣски, посмотрѣть, не прохаживается ли по липовой аллеѣ бѣлокурый юноша, дожидаясь ея появленія.

О, да, это время такъ безвозвратно прошло, что ей иногда кажется, что все это было не наяву, а во снѣ. Но какой это былъ чудный, свѣтлый сонъ! Какую пустоту и холодъ оставилъ онъ въ ея душѣ, отлетая! И, кромѣ этой ледяной пустоты, — ничего. Первое время она чувствовала себя обиженной, и ей хотѣлось спросить у Кати, за что она нанесла такой ударъ ея счастью? Ей казалось, что ей будетъ легче, если Катя узнаетъ, какъ она страдаетъ изъ-за нея, и что она будетъ сама мучиться раскаяніемъ. Въ глубинѣ сердца, когда боль становилась невыносима, Маша роптала на мать за то, что она такъ сдержанно отнеслась ко всей этой исторіи и и ни словомъ не намекнула Катѣ, что она ее осуждаетъ за причиненное, изъ тщеславія, зло. Ей было отраднo сознать, что Соня возненавидѣла Катю съ этихъ поръ, а къ ней стала относиться еще любовнѣе. Но мало-по-малу и эти чувства застыли; Катя не возбуждала въ ней больше ни злобы, ни досады, ей даже порой было ее жалко. Съ чуткостью изстрадавшей души Маша чувствовала, что подруга ея далеко не такъ счастлива, какою кажется, что и ей тоже гложетъ сердце какой-то червь.

Не подозрѣвая настоящихъ причинъ враждебнаго недовѣрія къ ней Маріи Алексѣевны, ей ужъ давно хотѣлось сказать матери: «перестань на нее сердиться, я зла къ ней не чувствую. Все, что терзало мнѣ сердце, теперь ужъ умерло...».

А съ нѣкоторыхъ поръ, прозрѣвая душой новыя цѣли и стремленія, съ мірскими радостями ничего общаго не имѣющія, ей хотѣлось къ этому прибавить: «и все къ лучшему».

Она даже, повидимому, отнеслась равнодушно къ извѣстію о поѣздкѣ въ тѣ мѣста, гдѣ все, каждая вещь, каждый кустикъ и цвѣтокъ будетъ ей напоминать о погибшемъ счастьѣ. Но ужъ съ этой минуты начала бессознательно пробуждаться въ ея душѣ заглохшая была тоска и, чѣмъ ближе подѣзжала она къ Коржину тѣмъ жгуче и непреодолимѣе становились ея страданія. Воспоминанія, навѣваемые на нее самымъ воздухомъ, которымъ она здѣсь дышала, беспощадно угнетали все ея существо. Чувствуя себя безсильною съ ними бороться, она съ сладострастіемъ безпомощнаго отчаянія имъ предалась, упиваясь ими, какъ сладкимъ ядомъ, влекущимъ за собою забвеніе и смерть.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ БАРОНЕССЫ М. П. ФРЕДЕРИКСЪ ¹⁾.

(Посвящается другу дѣтства Его Императорскому Высочеству
Великому Князю Михаилу Николаевичу).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

О ОКОНЧАНІИ грустныхъ церемоній, продолжавшихся нѣсколько недѣль, и послѣ погребенія государя, императрица переѣхала на время въ Аничковъ дворецъ. Изъ фрейлинъ переѣхали туда съ ея величествомъ графиня Тизенгаузенъ и я. Аничковъ дворецъ оставался любимымъ пребываніемъ императрицы Александры Ѳеодоровны въ Петербургѣ и по воспоминаніямъ прежнихъ счастливыхъ, беззаботныхъ дней, когда великій князь и великая княгиня не подозрѣвали, что ихъ ожидалъ всероссійскій престоль, и потому, что воздухъ въ этомъ дворцѣ былъ гораздо здоровѣе, чѣмъ въ Зимнемъ, ради его Амосовскаго отопленія, которое сушитъ чело-вѣка; Амосовское отопленіе было устроено послѣ пожара Зимняго дворца въ 1837 году. Ихъ величества переѣзжали почти каждый годъ въ началѣ весны въ Аничковъ дворецъ. Что касается меня, то я очень любила это пребываніе. У меня тамъ была преуютная

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXI, стр. 454.

комната наверху; вообще жизнь въ Аничковомъ дворцѣ была гораздо симпатичнѣе, походя скорѣе на дачную жизнь.

Потрясеніе всей нервной системы у императрицы было страшное; она еще чаще прежняго болѣла. Дни грустно проходили за днями; все было мрачно и тяжело вокругъ насъ. Ихъ величества прѣзжали каждый день навѣщать матушку; ихъ любящимъ заботамъ не было предѣла.

Мы начали наши дежурства при императрицѣ Маріи Александровнѣ. Я отправлялась изъ Аничкова въ Зимній, когда приходила моя очередь. Но это дежурство было, такъ сказать, совсѣмъ фиктивное; оно состояло въ томъ, что императрица позоветъ меня къ себѣ, скажетъ нѣсколько ласковыхъ словъ и сейчасъ же отпуститъ опять къ матушкѣ императрицѣ. Императрица Марія Александровна такъ понимала своимъ чуткимъ сердцемъ, что и ея августѣйшей свекрови и мнѣ было не легко это новое положеніе. Онѣ-то сами, наши возлюбленныя, всегда добры и сердечны во всемъ.

Послѣ смерти Николая Павловича, я впервые узнала, что значить «паденіе съ высоты». Впослѣдствіи, съ годами, я съ этимъ чувствомъ хорошо познакомилась и смотрѣла на него свысока и съ презрѣніемъ; но тогда оно было для меня ново, и я имъ страшно возмущалась. Но ангельское сердце императрицы, хотя и очень чувствовало все, что происходило вокругъ нея, такъ кротко и спокойно принимало это, какъ бы до нея не касающееся; она только потихоньку и снисходительно улыбалась, и тѣмъ давала великій примѣръ и намъ, кипѣвшимъ отъ негодованія, и тѣмъ, которые поступали такъ неблагородно противъ нея. Что была за великая душа у этой женщины, какъ она умѣла понимать и цѣнить людей, стараясь, однако, всегда и во всѣхъ видѣть только хорошую сторону. Она была очень сообщительнаго характера и любила быть окружена близкими ей людьми; съ ними она дѣлилась своими впечатлѣніями и всегда была одинаково милостива и добра. У нея былъ удивительно ровный характеръ. Никогда нельзя было сказать, напримѣръ, про императрицу Александру Ѳеодоровну, что «въ эту минуту она не въ духѣ, къ ней лучше не приступаться». Она во всю жизнь была для всѣхъ и всегда доступна и готова подать помощь въ какомъ бы видѣ ни было. Сколько слезъ было ею осушено, сколько несчастныхъ осчастливлено, сколько голодныхъ накормлено: она была настоящая мать своихъ подданныхъ, всѣхъ безъ исключенія, понимая и принимая свои обязанности такъ серьезно и высоко; никогда никто не получалъ отказа въ своей просьбѣ, если только была малѣйшая возможность ее удовлетворить. Это была истинно христіанская душа въ полномъ смыслѣ слова, которая проливали только добро вокругъ себя, и часто, очень часто дѣлала добро поевангельски, такъ что «правая рука не знала, что творить лѣвая». Ея душа была трогательно дѣтская, чистая и непорочная, оставалась

она такую всю свою жизнь до самой смерти, и эта душевная чистота отражалась на всемъ ея существѣ и во всѣхъ ея дѣйствіяхъ.

Я знаю, что Александрѣ Ѳеодоровнѣ ставили и ставятъ въ укоръ, что она любила только свѣтъ, общество, была расточительна и т. п. Но какъ этотъ укоръ не справедливъ и доказываетъ, какъ люди любятъ напрасно осуждать, не зная сути того, что осуждаютъ.

Въ молодости императрица Александра Ѳеодоровна, какъ уже сказано, дѣйствительно любила и вела вполне свѣтскую жизнь, но развѣ это порокъ, когда при томъ никогда не забываешь свой долгъ жены, матери и царицы.

II.

На лѣто высочайшій дворъ переѣхалъ по обыкновенію въ Петергофъ, живя очень спокойно и уныло; носился строгій трауръ. Великая княгиня Ольга Николаевна оставалась при матери до поздней осени.

Мы всѣ, фрейлины, занимались вышивкой большого ковра, предназначавшагося къ могилѣ государя, чтобъ покрыть пустое мѣсто, ожидавшее Александру Ѳеодоровну, на которое мы не могли хладнокровно смотреть.

Я жила, какъ всегда, въ Знаменскомъ съ отцемъ, который видимо слабѣлъ и угасалъ отъ своей болѣзни сердца.

Императрица хворала, была очень грустна и слаба, часто ѣздила на могилу дорогого покойника; переносила жгучее горе съ покорностью воли Божіей.

Осада Севастополя продолжалась и поглощала все болѣе и болѣе напихъ людей; все было мрачно и тяжело. Но ужасна была минута, когда пришла вѣсть о паденіи Севастополя. Императрица Александра Ѳеодоровна была совсѣмъ убита этой вѣстью, хотя ожидала ее со дня на день...

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ наше семейство постигло личное горе; 13 числа, какъ уже сказано, отецъ скончался отъ разрыва сердца, оплакиваемый своей семьей и своими подчиненными, любившими его, какъ рѣдко подчиненные могутъ любить. Императрица Александра Ѳеодоровна была очень огорчена его смертью. Государь, всѣ великіе князья и великія княгини отдали послѣдній долгъ вѣрному слугѣ ихъ родителей, присутствовавъ при его отпѣваніи. Сестра же моя, Софія, жившая всегда при отцѣ, немедленно была взята въ свиту императрицъ и переѣхала на жительство во дворецъ.

Слѣдующую зиму императрица Александра Ѳеодоровна провела очень дурно; состояніе ея здоровья все ухудшалось. Она страшно тосковала по мужѣ, когда бывала наединѣ, или съ лицами, не стѣсняющими ее; при другихъ она принуждала себя казаться твердой и спокойной духомъ, главное не огорчать своего сына, больше чѣмъ нужно, которому и безъ того было такъ тяжело...

Весной было рѣшено медиками везти императрицу на воды для возстановленія силъ, въ виду предстоящей коронаціи, на которой она хотѣла непременно присутствовать.

Назначены были сопровождать ея величество изъ фрейлинъ графиня Тизенгаузенъ и я. Изъ мужчинъ, состоящихъ при ея особѣ генераль-адъютантъ графъ С. Ѳ. Апраксинъ и оберъ-гофмаршалъ графъ Шуваловъ—последній ѣхалъ съ императрицей матерью въ последній разъ, передъ его переходомъ къ новому императору.

Императрица встала съ одра болѣзни, чтобъ пуститься въ путь. Такъ какъ она не могла сама ѣхать въ Казанскій соборъ, чтобъ приложиться къ образу Божіей Матери, какъ вся императорская фамилія имѣетъ обычай это совершать передъ дальнимъ отъѣздомъ изъ Петербурга и по приѣздѣ въ оный, то образъ былъ привезенъ во дворецъ, и въ покояхъ императрицы былъ отслуженъ наутственный молебенъ. Этотъ отъѣздъ былъ ужасно грустенъ, всѣ рыдали, и остающіеся и отъѣзжающіе. Императрица была до того слаба, что казалось невозможнымъ ее привести въ живыхъ обратно.

Мы выѣхали изъ Петербурга въ маѣ на Варшаву въ дорожныхъ каретахъ; желѣзной дороги еще не существовало. Ѣхали мы «à petites journées», чтобъ ея величество не утомлялась ¹⁾).

Черезъ недѣлю, или десять дней, мы наконецъ добрались до Варшавы и провели нѣсколько дней въ Лазенкахъ для отдыха ея величества. Тамъ погода была уже теплая, и замѣтна была тѣнь улучшенія въ состояніи здоровья императрицы. Потомъ мы отправились по желѣзной дорогѣ чрезъ Кенигсбергъ въ Берлинъ.

Въ Кенигсбергъ на встрѣчу своей августѣйшей сестры приѣхалъ король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV, и туда же собрались всѣ короли, королевы, владѣтельные герцоги, принцы и принцессы всей Германіи привѣтствовать вдову великаго Николая, обаяніе котораго еще царствовало надъ всѣми. Притомъ, всѣ такъ любили и глубоко чтили императрицу Александру Ѳеодоровну, что всякій чувствовалъ погребность ее увидать и выказать свое соболѣзнованіе въ ея великой скорби. Собралось всѣхъ этихъ коронованныхъ особъ чловѣкъ около ста, если не болѣе. Между ними былъ король греческій Оттонъ съ супругою, несчастный король ганноверскій—слѣпой, и разные другіе несуществующіе больше теперь, которыхъ жизнь и владычество уже заросли быльемъ. Тамъ императрица оставалась дня два, окруженная всѣми этими гостями, относившимися къ ней съ величайшимъ почтеніемъ и нѣжностью. Затѣмъ ея величество отправилась, въ сопровожденіи великаго князя Михаила Николаевича, догнавшаго свою мать въ Динабургъ, короля прусскаго и другихъ принцевъ ея братьевъ, прямо въ «Sans-Souci» ²⁾).

¹⁾ Малыми переѣздами.

²⁾ Санъ-Суси—около Берлина.

Только что я вошла въ приготовленную мнѣ комнату въ Потсдамскомъ дворцѣ, меня пришли приглашать въ собраніе «Marschal soirée». Усталая съ дороги, я кое-какъ приодѣлась и пошла на это собраніе и тотчасъ же была окружена множествомъ не знакомыхъ мнѣ лицъ, которыя наперерывъ подходили ко мнѣ представляться и рекомендоваться очень любезно; но я была еще молода и до крайности застѣнчива, и меня все это страшно конфузило; сверхъ того, я говорила плохо понѣмецки; а такъ какъ я носила не русскую фамилію и была дочь пруссачки, то всѣ эти господа хотѣли во что бы то ни стало меня заставить говорить понѣмецки; мнѣ просто хотѣлось бѣжать вонъ изъ комнаты, тѣмъ болѣе мнѣ было неловко, что по возрасту я была самая младшая изъ фрейлинъ и привыкла въ необыкновенныхъ случаяхъ быть за спиной старшихъ, а тутъ я очутилась совершенно одна, все относилось ко мнѣ первый разъ въ жизни, и я совсѣмъ терялась между всѣми этими чужими людьми. Когда я на другое утро рассказала это императрицѣ, она посмѣялась надо мной. Впослѣдствіи я со всѣми этими господами перезнакомилась, передружилась и стала тоже и ихъ «enfant gatée». Меня вѣчно всѣ баловали, не знаю уже почему.

При дворѣ Фридриха-Вильгельма IV все были очень престарѣлые люди. За маршальскими обѣдами въ «Sans-Souci» я имѣла постояннымъ сосѣдомъ знаменитаго Александра Гумбольдта. Онъ былъ уже весьма преклонныхъ лѣтъ, совершенно сгорбленный, небольшого роста старикъ, и когда говорилъ съ вами, какъ-то своеобразно приподымался всѣмъ тѣломъ, смотря на васъ выразительными, цвѣта бирюзы, глазами; волоса его были совершенно серебристо-бѣлые. Онъ очень много говорилъ про свой «Космосъ», рассказывалъ про свои путешествія и т. д., очень изящно выражался по-французски, а умъ его такъ и блисталъ въ голубыхъ глазахъ. Теперь я бы наслаждалась такимъ постояннымъ собесѣдникомъ, но тогда, признаюсь откровенно, меня гораздо больше «Космоса» интересовали два черные глаза, смотрѣвшіе на меня съ конца стола, и мнѣ очень хотѣлось бы пересѣсть пониже отъ знаменитаго старика, чтобы поболтать съ молодежью, но этикетъ, строго соблюдаемый при прусскомъ дворѣ, этого не позволялъ, и я принуждена была слушать умныя рѣчи Гумбольдта. Какъ я еще была молода и глупа въ то время! Еще тамъ были изъ допотопныхъ стариковъ: фельдмаршалъ Врангель, боготворившій память императора Николая I и не называвшій его иначе, какъ «mein Kaizer» ¹⁾; между прочимъ онъ очень любезничалъ со мною, очень походилъ на печеное яблоко, одѣтое въ кирасирскій мундиръ, и много болталъ; старый генераль-адъютантъ фонъ-Гребенъ, оберъ-гофъ-маршалъ гр. Келлеръ, генераль-адъютантъ Герлахъ и прочіе. Герлахъ очень

¹⁾ Мой императоръ.

любилъ сладкіе пирожки; когда подавали десертъ, то гр. Келлеръ всякій разъ клалъ два пирожка на тарелку и посылалъ ихъ черезъ официанта Герлаху, который, получивъ пирожки, привставалъ съ своего стула и чинно отвѣшивалъ низкій поклонъ Келлеру. Мнѣ объяснили, что эта церемонія происходитъ ровно 40 лѣтъ между этими двумя стариками за каждымъ обѣдомъ.

Императрица провела тогда шесть недѣль въ «Sans-Souci». Въ это время прибылъ въ Берлинъ нашъ новый царь Александръ II, чтобы повидаться съ королемъ прусскимъ, а, главное, съ своей матерью. Императрица, великій князь Михаилъ Николаевичъ и мы всѣ выѣхали въ Берлинъ на встрѣчу государя. Его приняли съ большимъ почетомъ и церемоніей. Такъ какъ онъ выѣхалъ въ прусскую столицу вечеромъ, то была устроена большая иллюминація, колокольный звонъ и проч., и проч. Дня черезъ два его величество пріѣхалъ въ «Sans-Souci» и прожилъ тамъ съ августѣйшей матушкой въ семейномъ кругу нѣсколько дней. Въ то же время я имѣла удовольствіе познакомиться и подружиться съ милой принцессой Анной, дочерью принца Карла Прусскаго. Она очень напоминала своимъ ростомъ, таліей и граціей нашу незабвенную покойную великую княгиню Александру Николаевну. Принцесса Анна тогда только-что вышла замужъ за вдовца Александры Николаевны, принца Фридриха Гессенъ-Кассельскаго. Она къ намъ, русскимъ, питала особенную любовь.

Изъ Берлина императрица поѣхала въ Веймаръ навѣстить старшую сестру императора Николая I, великую княгиню Марію Павловну, къ которой государь питалъ всегда глубокое уваженіе и относился, какъ къ матери; пока великая княгиня была жива ¹⁾, ни одинъ членъ царской семьи, находившійся за границей, не пропускать заѣхать въ Веймаръ засвидѣтельствовать свое почтеніе ея высочеству. Свиданіе этихъ двухъ высокихъ свояченицъ было раздирающее душу, послѣ понесенной ими утраты. Императрица жила у великой княгини въ Бельведерѣ, —загородномъ дворцѣ ея высочества, —равно какъ и мы всѣ. Данъ былъ большой обѣдъ въ честь ея величества и великаго князя Михаила Николаевича. За обѣдомъ этимъ мнѣ пришлось сидѣть около протоіерея Сабинина, духовника великой княгини. Я не подозрѣвала тогда, что семейство его будетъ играть такую громадную роль въ моей жизни.

Послѣ обѣда мы имѣли великое удовольствіе слушать игру знаменитаго Листа. Еще разъ въ жизни, но, увы, послѣдній, я услышала этого гения музыки и фортепیانной игры. Съ тѣхъ поръ никогда больше не приходилось его слышать.

Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Веймарѣ, императрица отправилась въ Штутгартъ, къ нашей дорогой великой княгинѣ

¹⁾ Она скончалась въ 1859 г., очень преклонныхъ лѣтъ.

Ольгѣ Николаевнѣ. Тамъ я была счастлива и довольна, живя на виллѣ ¹⁾ и чувствуя себя совершенно дома между моихъ возлюбленныхъ: императрицы и дочери ея.

Послѣ шести-недѣльнаго пребыванія у своей августѣйшей дочери, императрица отбыла съ нею же въ Вильдбадъ, гдѣ предприняла курсъ лѣченія. Тамъ жили мы тоже 6 недѣль и проводили время очень пріятно. Но почти все время шелъ дождь, и поэтому у насъ, въ шутку, выработалась поговорка «il pleut» ²⁾. Однажды императрица нарисовала на бумажкѣ гору и по бокамъ двѣ елки, подписавъ «il pleut», и прислала мнѣ этотъ рисунокъ въ мою комнату; онъ хранится до сихъ поръ у меня; для меня это было очень знаменательно, потому что доказывало, что она опять входитъ въ свою колею и даже начинаетъ понемногу шутить. Я этимъ была такъ счастлива, потому что постоянно дрожала за ея дорогую жизнь.

Въ Вильдбадѣ я узнала довольно много интересныхъ личностей, между прочими, живописца Винтергальтера, который написалъ въ это время портретъ ея величества для императора Александра Николаевича. Извѣстный портретъ Александры Ѳеодоровны въ профиль, натуральный величины, почти до колѣнъ; одѣта вся въ бѣломъ. Винтергальтеръ удивительно хорошо схватилъ сходство лица, равно какъ и всю ея статную и граціозную фигуру. Несмотря на довольно преклонныя лѣта и болѣзненное состояніе, императрица Александра Ѳеодоровна вполне сохранила свою несравненную грацію и изящность до послѣдней минуты своей жизни. Еще я видала тамъ знаменитаго маэстро Россини, испросившаго честь представиться ея величеству. Онъ былъ уже старъ, очень тученъ и собственно не представлялъ собой ничего замѣчательнаго. Еще я узнала тамъ княгиню Ливенъ, игравшую въ то время большую роль въ политическомъ мірѣ. Она была невѣсткой той княгини Ливенъ, которая была наставницей августѣйшихъ дѣтей императора Павла I и императрицы Маріи Ѳеодоровны; постоянно жила въ Парижѣ уже много лѣтъ, гдѣ имѣла у себя очень вліятельный политическій кружокъ. Она всякую недѣлю писала императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ весьма интересныя письма по своему политическому содержанію; писаны они были на какой-то бумагѣ особеннаго зеленого цвѣта и назывались у насъ «les lettres vertes»; когда этакое зеленое письмо приходило, то эта вѣсть распространялась по всему дворцу, и мы, самыя приближенныя къ государынѣ, собирались къ ней слушать это письмо, читаемое вслухъ одною изъ фрейлинъ. Очень было интересно познакомиться съ авторомъ этихъ «зеленыхъ писемъ». Княгиня Ливенъ была уже очень преклонныхъ лѣтъ, не могла ходить, ее возили въ креслахъ на колесахъ, но умомъ она была совершенно бодрa и свѣжа.

¹⁾ Villa Bergъ подъ самымъ Штутгартомъ.

²⁾ Идетъ дождь.

Въ началѣ августа мы возвратились чрезъ Штетинъ пароходомъ въ Петербургъ. Путешествіе и вильдбадскія ванны принесли императрицѣ видимую пользу, и мы всѣ были такъ счастливы привезти ея величество домой совсѣмъ другою, чѣмъ увозили; силы ея удивительно возстановились. Мы очень веселились на пароходѣ во время этого морского перехода. Съ нами находились разные принцы, отправлявшіеся на коронацію, между прочими, принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ Прусскій¹⁾. Онъ только-что былъ помолвленъ съ принцессою Викторіею Англійскою; такой онъ былъ милый, симпатичный, можно сказать, еще юноша. Кто могъ ожидать тогда, что его унесетъ такая страшная болѣзнь! Затѣмъ—принцъ Вильгельмъ Баденскій, женившійся впоследствии на дочери великой княгини Маріи Николаевны, княжнѣ Маріи Максимилиановнѣ Лейхтенбергской; наконецъ, принцъ Леопольдъ Гогенцолернскій, изъ-за котораго загорѣлась франко-прусская война въ 1870 г. Если бы въ то время мнѣ кто нибудь сказалъ, что я буду на этой войнѣ въ качествѣ сестры милосердія, — вотъ посмѣялась бы я и сочла бы это предсказаніе сумасброднымъ, однако же оно было такъ. Вся эта молодежь, плывущая съ нами, въ полномъ цвѣтѣ юности, рѣзвилась и радовалась предстоящимъ празднествамъ.

Въ Петергофѣ мы прожили, кажется, недѣлю и потомъ всѣ послѣдовали за императрицей-матерью въ Москву, на нѣсколько дней впередъ ихъ величествъ.

III.

Императрица Александра Ѳеодоровна, по прибытіи въ Москву, поселилась со всей своей свитой въ Александрію, а ихъ величества нѣсколькими днями позже проѣхали прямо въ Останкино, имѣніе графа Шереметева, гдѣ прожили недѣлю въ полномъ уединеніи, говѣя къ миропомазанію.

Между тѣмъ въ Москву съѣзжались августѣйшіе и высокопоставленные гости. Пріѣхала и великая княгиня Марія Павловна, несмотря на свои преклонныя лѣта, присутствовать на коронаціи своего племянника.

Во время говѣнія ихъ величествъ, приѣмъ всѣхъ этихъ высокихъ гостей лежалъ всецѣло на императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, что ее, понятно, очень утомляло.

Наканунѣ высочайшаго торжественнаго вѣзда въ столицу, императрица-мать со свитой переѣхала въ Петровскій дворецъ, откуда высочайшее шествіе имѣло начаться. Вечеромъ этого же дня ихъ величества прибыли туда же изъ Останкина и были приняты ихъ

¹⁾ Императоръ германскій, скончавшійся 3-го (15-го) іюня 1888 г., отъ рака въ горлѣ.

любящей матерью во дворцѣ съ многолѣтнемъ и заздравной литіей. Это была первая глубоко потрясающая минута изъ всѣхъ, которыя были еще впереди; видѣть вдову отца, принимающую въ свои объятія сына и его супругу и благословляющую ихъ на великій шагъ въ ихъ жизни при громкомъ пѣніи «многая лѣта»! Не мало тихихъ, скрытыхъ, но неудержимыхъ слезъ лилось въ эту минуту.

Сама же мать, при всей своей слабости и неутѣшномъ горѣ, которое, несмотря ни на что, изнуряло тайно ея сердце, была удивительно бодрa и крѣпка духомъ. Материнская любовь брала верхъ надъ всѣмъ. Она хотѣла присутствовать при всѣхъ церемоніяхъ, утомительныхъ и потрясающихъ, принадлежащихъ къ коронаванію русскихъ царей; при томъ это было коронаваніе ея возлюбленнаго сына, ея Саши! И она хотѣла своимъ благословеніемъ и молитвою сопровождать его при каждомъ его шагѣ въ эти великіе для него и для Россіи дни. Твердою волей она преодолѣла свою физическую слабость, все перенесла и выполнила данную себѣ задачу на удивленіе всѣхъ окружающихъ ее.

Можно только удивляться, какъ, при всей нѣжности, добротѣ и мягкости характера императрицы Александры Ѳеодоровны, она была тверда духомъ, когда это требовалось отъ нея. Замѣчательная она была женщина во всемъ и всегда.

А царь-то и сынъ какъ былъ тронуть и благодаренъ своей возлюбленной матери, вполнѣ понимая и цѣняя, что она дѣлала для него и его супруги въ эти серьезныя минуты. Вижу еще нашу матушку-императрицу въ день самой коронаціи, какъ она была поразительна во всемъ блескѣ наряда русской царицы, въ порфирѣ и коронѣ! Ея высокій прямой станъ поражалъ своимъ величіемъ и граціей. По окончаніи церемоніи, какимъ твердымъ и величественнымъ шагомъ она первая подошла къ своему коронаванному сыну и приняла его въ свои материнскія распростертыя объятія. Боже! какая это была потрясающая минута!

Для насъ, свитскихъ фрейлинъ, время коронаціи императора Александра Николаевича было что-то такое сверхъестественно-утомительное, что, я думаю, изъ насъ, оставшихся еще въ живыхъ, свитскихъ фрейлинъ императрицы Александры Ѳеодоровны того времени ¹⁾, всякая хорошо помнитъ эти дни. Мы буквально должны были разрываться между обѣими императрицами, и, несмотря на то, что мы по службѣ должны были слѣдовать всюду за императрицей Маріей Александровной, все-таки наша обязанность была не отлучаться отъ императрицы Александры Ѳеодоровны, которая не присутствовала при всѣхъ празднествахъ, послѣдовавшихъ за коронаціею. Наша матушка, какъ мы ее называли, будучи, понятно, все-таки въ очень

¹⁾ Живы только: гр. Гудовичъ, вдова кн. М. И. Голицына, Н. А. Бартењева и я (1888 г.).

напряженномъ состояніи, часто неожиданно уѣзжала или въ Александрію, или въ Петровское; поэтому мы часто не знали, гдѣ намъ придется ночевать. Напримѣръ, день проведется по службѣ, на высочайшихъ пріемахъ, обѣдахъ, балахъ, что случалось почти ежедневно, и, возвратясь домой поздно вечеромъ, мы узнавали, что наша возлюбленная матушка уѣхала въ одинъ изъ загородныхъ дворцовъ. Тогда мы сбрасывали нашъ нарядъ и летѣли за нею, гдѣ бы она ни была, и какъ бы поздно ночью это ни было, чтобы на другое утро быть на своемъ мѣстѣ при ея величествѣ. Для насъ было бы ужаснымъ горемъ, если бы она одну изъ насъ потребовала, и она бы не оказалась тутъ, чтобы нашей императрицѣ, какъ мы тоже ее звали, и въ голову не могло прійти, что мы ею пренебрегаемъ и льнемъ къ восходящему солнцу.

Лично для меня это время коронаціи было очень тяжело; первыхъ, это положеніе между двухъ императрицъ мнѣ не нравилось—оно совсѣмъ не подходило къ моему характеру. Одну я боготворила и всецѣло ей принадлежала,—къ другой мнѣ надо было привыкать. Во-вторыхъ, я была еще въ траурѣ по отцѣ и, хотя я, по обязанности, и присутствовала на празднествахъ, но на балахъ не танцевала и очень скучала, бродя по заламъ, когда другіе веселились. Въ-третьихъ, умиралъ графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій, котораго я привыкла любить съ дѣтства и огорчалась его приближающейся кончиной, а, въ-четвертыхъ, кто-то ко мнѣ сватался, и меня очень уговаривали принять это предложеніе, но я чувствовала, что оно дѣлается не ради меня, а ради моего положенія при дворѣ, и мнѣ это было гадко¹). Въ концѣ-концовъ я рѣшительно отказалась отъ этого брака, и тогда успокоилась. Вздохнула я свободно, лишь когда сѣла въ дорожную карету, увозившую меня въ свитѣ нашей матушки за границу. Доктора требовали рѣшительно, чтобы послѣ всѣхъ утомленій и потрясеній императрица Александра Ѳеодоровна провела зиму въ Ниццѣ, опасаясь тоже для ея шаткаго здоровья за петербургскій климатъ и морозы, которые положительно ея величество не могла больше переносить безъ опасности для жизни.

IV.

Послѣ напутственнаго молебна и прощальнаго завтрака у императрицы матери въ московскомъ Николаевскомъ дворцѣ, мы тронулись въ долгое путешествіе. На этотъ разъ императрицу сопровождали: графиня Тизенгаузенъ, графиня Гудовичъ, баронесса Шиллеръ и я, изъ мужчинъ: графъ С. Ѳ. Апраксинъ и баронъ Петръ Казимировичъ Мейендорфъ съ женою. Послѣдней не могу не посвятить нѣсколько словъ. Это была женщина безусловно умная, до-

¹) Была пожалована въ день коронаціи въ камеръ-фрейлины.

нельзя оригинальная, и своими остроумными, шутливыми выходками поражала и занимала всѣхъ. Она была родомъ австріячка, графиня «Booi»¹⁾. Мое первое знакомство съ нею было преоригинально. Мужъ ея, баронъ Мейендорфъ, долго жилъ за границей при различныхъ русскихъ миссіяхъ. Послѣдніе годы онъ былъ посланникомъ при берлинскомъ дворѣ. Уже довольно преклонныхъ лѣтъ онъ возвратился въ Россію и получилъ званіе гофмейстера высочайшаго двора. Это еще было при жизни Николая Павловича. Въ Знаменскомъ дворцѣ, гдѣ наше семейство постоянно проводило лѣто, какъ сказано выше, давался однажды танцевальный вечеръ. Императрица Александра Θεодоровна очень любила Знаменское, принадлежащее лично ея величеству, и во дворцѣ часто давались обѣды, вечера и балы; случалось, что императрица проводила тамъ нѣсколько дней, къ моей великой радости въ дѣтствѣ! Она завѣщала Знаменское сыну своему, великому князю Николаю Николаевичу. Вотъ на этотъ танцевальный вечеръ, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ, были приглашены баронъ и баронесса Мейендорфъ. Какъ-то случилось, что я не представилась баронессѣ по разсѣянности ли, или по увлеченію танцами—не помню. Въ концѣ вечера, когда всѣ стали расходиться, я шла по лѣстницѣ около баронессы и внутренно конфузилась, что ей не была представлена. Вдругъ она надменнымъ голосомъ говоритъ мнѣ: «votre bras»²⁾, чтобы ей помочь сойти съ лѣстницы; я поспѣшила ей подать руку, и такимъ образомъ мы познакомились, а впослѣдствіи очень подружились. У нея былъ холодно гордый видъ, а въ сущности она была добрѣйшая, мягко-сердечная женщина. Во время нашего пребыванія въ Ниццѣ я задумала учиться у нея хорошему нѣмецкому чтенію; она очень хорошо читала понѣмецки, такъ какъ императрица между нами, фрейлинами, не находила хорошей чтницы на ея родномъ языкѣ, и когда случалось читать что нибудь понѣмецки, нужно было прибѣгать къ какому нибудь постороннему лицу. Я ходила къ баронессѣ каждый день брать свой урокъ, но изъ этого ничего не вышло, потому что мы больше проводили время въ пріятныхъ разговорахъ и смѣхѣ—она слова не могла сказать, чтобы не разсмѣшить до упаду. Императрица любила и цѣнила общество этой пріятной женщины.

Изъ Москвы мы опять проѣхали черезъ Берлинъ въ Штутгартъ, тамъ провели довольно долгое время на виллѣ у Ольгѣ Николаевны, которая умѣла всегда такъ успокоительно и благотворно дѣйствовать на свою мать. У нея императрица вполне отдохнула отъ утомительнаго времени коронаціи.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ мы отправились въ Ниццу, куда великая княгиня Ольга Николаевна должна была позже прибыть, чтобъ провести зиму съ матерью.

¹⁾ Буоль.

²⁾ Вашу руку.

Путь нашъ лежалъ черезъ Бернардино; на «Via mala» мы, три фрейлины, подверглись страшной опасности, которая могла намъ стоить жизни.

Императрица ѣхала впереди съ графиней Тизенгаузенъ въ легкомъ экипажѣ, за ней слѣдовала, гуськомъ, вся ея свита, въ нашихъ большихъ, тяжелыхъ, русскихъ дорожныхъ экипажахъ. Графиня Гудовичъ, баронесса Пиллеръ и я сидѣли въ восьмигрессорной, четырехмѣстной каретѣ, нагруженной важами, разными баулами и ящичками, какъ это въ то время еще практиковалось; это былъ не экипажъ по теперешнимъ понятіямъ, а какой-то движущійся домъ въ видѣ башни. Мы, три молодыя дѣвушки, очень интересовались мѣстностью, по которой проѣзжали въ первый разъ, придумали, чтобы лучше наслаждаться зрѣлищемъ горъ, насъ окружавшихъ,—зрѣлищемъ, дѣйствительно поражающимъ своимъ величіемъ и поэзіей,—выйти изъ душной кареты, заграждающей намъ всѣ прелести этого пути, и пересѣсть на лакейскія мѣста; графиня Гудовичъ и баронесса Пиллеръ устроились на широкихъ запяткахъ въ видѣ коляски, а я сѣла на небольшія козла въ видѣ высокаго торчка. Почтальонъ управлялъ, сидя верхомъ, шестью большими сильными лошадьми, а лакея, сопровождавшаго насъ, мы посадили въ карету. Вотъ ѣдемъ мы, такимъ образомъ, очень весело и благополучно, восхищаясь гористою мѣстностью и нашей выдумкой, пока мы подымались въ гору!... Начинается спускъ; мы ѣдемъ хорошо... спускъ становится круче... колеса хотя и заторможены,—карега спускается быстро, несмотря на свою тяжесть; наконецъ чувствуется, что ѣзда дѣлается слишкомъ ускоренною, я обращаю вниманіе на почтальона и замѣчаю, что онъ что-то очень возится, и лошади у него путаются... я ему кричу понѣмецки, чтобы онъ держалъ лошадей... онъ отвѣчаетъ «ich kann nicht!»¹⁾ Карета мчится во весь духъ, уклоняясь все влѣво къ пропасти. Нужно сказать, что «Via mala» находится на вершинѣ Бернардино, и потому, можно себѣ представить, что за пропасть зіяла по нашей лѣвой сторонѣ. Наше удовольствіе мало-по-малу превращается въ ужасъ! Лошади несутъ; нашъ рыдванъ покачивается со стороны на сторону, какъ щепочка, и все тянется больше и больше къ пропасти, къ коей, вѣроятно, дорога имѣла уклонъ. Вдругъ лошади со всего размаха кидаются влѣво, и передняя пара уже виситъ надъ пропастью, а задняя четверка барахтается на краю оной, еще мгновеніе... и вся эта машина съ нами полетѣла бы въ потокъ, бурлившій у подножія горы и казавшійся узенькою ленточкой съ этой громадной высоты. Тутъ уже Господь Богъ видимо заступился за насъ! Карета получаетъ сильный толчекъ и мгновенно останавливается, зацѣпившись за гнилой пень, у самой пропасти, такъ что оба лѣвья

¹⁾ Я не могу.

колеса, переднее и заднее, висятъ надъ нею, а весь шестерикъ карабкается на крутомъ склонѣ и держится только постромками за карету, висящую на гнилушкѣ! До сихъ поръ морозъ по кожѣ подираетъ, когда припоминаю это положеніе... Мои подруги съ запятокъ не могутъ соскочить, потому что съ лѣвой стороны пропасть и прямой обрывъ, такъ что немислимо удержаться, а съ правой стороны фартукъ запятокъ наглухо зашитъ; въ этотъ моментъ, полный ужаса, потому что гнилушка трещитъ и время дорого, къ нашему счастью, буквально, слетаетъ съ противоположной горы охотникъ, разрѣзаетъ ударомъ своего ножа злосчастный фартукъ и помогаетъ моимъ подругамъ выйти изъ этого страшнаго положенія. Я же сама съ большими усиліями освобождаюсь отъ своего фартука, къ счастью моему, не зашитаго, а туго затянутаго, а то бы отъ толчка кареты мнѣ пришлось неминуемо слетѣть, и соскакиваю съ своей вышки на дорогу съ правой стороны... можно себѣ представить наше состояніе! Докторъ Карель, ѣхавшій за нами, видя нашу неминуемую гибель, выскочилъ отъ страха изъ своего экипажа и бѣжалъ за нами съ распростертыми руками, блѣдный, какъ полотно. Первые его слова были: «Вась Богъ спасъ!» Со стороны, я думаю, еще страшнѣе было видѣть эту мчавшуюся карету прямо въ пропасть съ сѣдоками, почтальономъ и лошадьми. Лакей нашъ, нѣкто Мѣлинъ, вылѣзъ полумертвый изъ кареты. Пожалуй, мы благоую часть избрали, не сѣвъ въ эту клѣтку; все лучше видѣть, что съ вами происходитъ, когда грозитъ опасность.

Тутъ стали спасать лошадей, которыя, скользя по утесу и стараясь прицѣпиться за что нибудь, изображали изъ себя какой-то живой клубъ, — вытаскивать экипажъ, словомъ приводить все въ порядокъ, что взяло не мало времени.

Когда мы перекрестились и поблагодарили Бога за спасеніе, первая наша мысль, конечно, была о нашей дорогой матушкѣ, какъ она будетъ беспокоиться, видя, что мы такъ опаздываемъ на ночлегъ, который былъ по срединѣ спуска въ какой-то избушкѣ. Пока перепрягали лошадей, мы, по совѣту Кареля, пошли пѣшкомъ впередъ, чтобы успокоиться.

Когда нашъ злополучный экипажъ насъ догналъ, мы принуждены были влѣзть въ карету, представлявшуюся теперь намъ мѣстомъ пытки, но такъ какъ оставалось довольно много еще ѣзды до мѣста перемѣны лошадей, нечего было дѣлать, надо было отправляться какъ можно скорѣе въ путь. На этотъ разъ намъ было уже не до видовъ... мы рѣшились войти въ карету, но положеніе наше было ужасно, намъ все казалось, что карета катится къ пропасти, и мы всѣ три держались за правую дверцу, которую не заперали крѣпко съ намѣреніемъ, въ случаѣ бѣды, выскочить поскорѣе. Въ настоящее время (1888 г.) этому происшествію ровно 32 года, — я до сихъ поръ сохранила это чувство, — когда ѣду въ

экипажѣ и если онъ наклоняется даже немного на лѣвую сторону, то мнѣ дѣлается очень непріятно, хотя я вовсе не труслива и собственно ничего не боюсь, да и съ тѣхъ поръ были со мною другіе опасные случаи разнаго рода! До слѣдующей станціи, откуда уже ея величество давно отбыла, мы доѣхали благополучно, но продолжать путешествіе въ этомъ постоянномъ страхѣ, вися на дверцѣ кареты, было невысказуемо, и мы объявили, что ни подъ какимъ видомъ больше не сядемъ въ нашу колымагу. Послѣ большой возни на этой станціи, чтобъ найти себѣ экипажъ поменьше, мы наконецъ добились своего, и намъ подали какую-то удивительную каріолку, двухмѣстную, узенькую, въ пару лошадей, въ которую мы помѣстились втроемъ, какъ могли, съ почтальономъ на козлахъ, и предвольныя пустились въ дальнѣйшій путь, бросивъ свой рыдванъ съ лакеемъ на произволь судьбы. Но недолго мы такъ спокойно ѣхали; съ нами случилось опять маленькое происшествіе. Мы встрѣтили по дорогѣ громадное стадо воловъ, которые своими огромными рогами чуть не перевернули нашу низенькую каріолку, но криками нашего кучера и пастуховъ мы, наконецъ, выпутались изъ этого рогатаго легіона и поѣхали дальше. День уже клонился къ вечеру, мы потеряли много время со всей этой возней. Всѣ экипажи свиты прослѣдовали впередъ, не имѣя возможности насъ забрать потому, что въ подобныхъ путешествіяхъ всѣ мѣста рассчитаны, и при томъ намъ не хотѣлось уже расставаться въ нашей бѣдѣ; экипажи же не могли ѣхать медленно за нашей парой лошадей, которыя еле подвигались. Словомъ, мы остались совсѣмъ однѣ. Совершенно смерклось. Мы проѣзжали по дремучему лѣсу, но, къ счастью, взошла луна и освѣтила намъ путь. Зрѣлище было великолѣпное! Мы восхищались, болтали и смѣялись втроемъ, позабывъ уже о грозившей намъ опасности; молодость брала верхъ надъ всѣмъ и входила въ свои права! Становилось уже поздно, а мы все не доѣзжали до ночлега. Однако же, мало-по-малу, началъ насъ разбирать страхъ; ночью, въ густомъ лѣсу, съ чужимъ человѣкомъ, стало казаться намъ немного непріятнымъ. Тогда, чтобъ придать себѣ храбрости, мы попросили графиню Гудовичъ спѣть чтонибудь; у нея былъ чудный сопрано, и она прелестно пѣла малороссійскія пѣсни. Эти звуки, раздавшіеся по дремучему лѣсу, на чужбинѣ, производили такое тихое, отрадное чувство на душѣ! Когда она замолкала, то нашъ молодой возница поворачивался и съ сіяющей отъ восторга улыбкой говорилъ: «Singen sie noch»¹⁾; его добродушная фигура насъ окончательно ободрила, и мы уже совсѣмъ спокойно ѣхали въ нашей каріолкѣ. На ночлегъ мы добрались очень поздно; насъ встрѣтили всѣ въ ужасной тревогѣ. Императрица страшно безпокоилась; ее почти принудили лечь хоть

¹⁾ Спойте еще.

въ постель — о снѣ не было и рѣчи. Графиня Тизенгаузенъ была особенно въ отчаяніи, узнавъ отъ Кареля, что съ нами случилось; она обожала свою племянницу Нину Пиллеръ; камеръ-фрау ея величества, м-ше Рорбекъ ¹⁾, довѣренное лицо императрицы, насъ встрѣтила съ ворчаньемъ. Она всегда на всѣхъ ворчала, начиная съ самой императрицы, на всѣхъ ея дѣтей и даже иногда на императора Николая Павловича; она была вполнѣ хорошая, честная женщина, ее всѣ очень почитали, хотя и побаивались. Тутъ же общимъ совѣтомъ мы рѣшили скрыть отъ ея величества случившееся съ нами страшное происшествіе, потому что на другой день предстоялъ опять длинный спускъ, и опасались, что она будетъ слишкомъ тревожиться за всѣхъ. М-ше Рорбекъ пошла сказать ея величеству что-то такое, кажется, что у насъ лошади не шли, и что поэтому мы такъ запоздали. Лишь спустя довольно долгое время, мы рассказали императрицѣ всю правду, и, несмотря на это, нашъ рассказъ произвелъ на нее тяжелое впечатлѣніе, такъ ея величество всегда заботилась и любила окружающихъ ее.

На другой день мы опять тронулись въ путь рано утромъ тѣмъ же порядкомъ. Но лично мы, три фрейлины, иначе устроились. Графиня Гудовичъ сѣла въ карету графа Апраксина, а баронесса Пиллеръ и я предпочли всему нашу излюбленную каріолку, которую на этотъ разъ запрягли въ четыре лошади, и весь нашъ поѣздъ благополучно и въ порядкѣ доѣхалъ и спустился въ Ломбардію, въ городокъ Домодоссоло, гдѣ мы провели сутки для отдыха императрицы.

Какъ прелестна эта мѣстность! Когда послѣ лѣснаго темнаго Бернардино вѣзжаешь въ этотъ маленькій городокъ, имѣющій уже совсѣмъ итальянскій характеръ, чувствуешь какую-то невыразимую веселость и бодрость. Солнце какъ-то иначе свѣтитъ и обдаетъ васъ своимъ пріятнымъ жаромъ! Массы народа встрѣтили нашъ мчавшійся поѣздъ, съ побрякушками, щелканіемъ бичей и проч. Народъ такой привѣтливый, живой, веселый, въ своихъ праздничныхъ костюмахъ, составлялъ такую разнообразную картину. Все улыбалось, все стремилось посмотреть на русскую царицу и на ея сѣверныхъ подданныхъ; это была такая рѣдкость въ то время! Тутъ были и восторженные крики, и забрасыванія цвѣтами, и выраженіе удивленія на наши колымаги, покачивающіяся со стороны на сторону отъ быстрой ѣзды. Словомъ, впечатлѣніе было самое радушное, въ особенности послѣ пережитыхъ нами накануне ужасовъ.

¹⁾ Г-жа Рорбекъ состояла при императрицѣ Александрѣ Осодоровнѣ около 40 лѣтъ, сперва старшей камеръ-юнгферой, а по смерти г-жи Эллисъ была сдѣлана камеръ-фрау. Послѣ кончины государыни она жила на покоѣ въ Зимнемъ дворцѣ и была посѣщаема всей царской семьей. Скончалась въ 1889 году.

Въ Домодоссоло съ императрицей былъ... даже не знаю, какъ назвать... ну, положимъ, маленькій инцидентъ, не представляющій ровно ничего особеннаго и совершенно обыкновенный, но возбуждившій такіе глупые толки, что я считаю своею обязанностью здѣсь о немъ упомянуть, чтобы доказать всю нелѣпость напраслинь, взводимыхъ на императрицу Александру Ѳеодоровну ¹⁾.

Послѣ обѣда ея величество отдыхала, и, по обыкновенію, я при ней сидѣла. Подъ окнами занимаемой императрицей гостиницы заиграла шарманка самага простаго свойства; играла она итальянскіе мотивы, и между прочими одна пѣсенка очень характерная понравилась ея величеству, и она приказала мнѣ спросить, что это такое; выйдя на балконъ, я спросила у ободраннаго шарманщика, что онъ играетъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ: «la bella Dgigugina» ²⁾. Императрица приказала мнѣ что нибудь дать шарманщику и велѣла повторить этотъ мотивъ. Я вынула изъ кармана пятифранковую монетку и собственноручно опустила ее въ грязную шапку шарманщика. Кажется, это просто? Впослѣдствіи мы узнали, что это была самая революціонная гарибальдійская пѣсня. Императрица, узнавъ это, посмѣялась и пошутила надъ собою, что ей понравилась революціонная пѣсня, — тѣмъ все и кончилось и, конечно, позабылось нами, какъ всякіе мелкіе факты обыденной жизни.

Что же наша добрая русская публика вывела изъ этого? Что императрица Александра Ѳеодоровна въ послѣдніе годы своихъ поѣздокъ за границу бросала горстями золото въ окно и именно больше всего шарманщикамъ!.. Ну, можно ли выдумывать такую чухъ?! И кто только занимается такими нелѣпостями? Эта молва такъ распространилась въ публикѣ и такъ держится крѣпко и упорно, что даже еще теперь (1888 г.), когда рѣчь зайдетъ о нашей незабвенной дорогой императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, всегда припоминаютъ ей эту лживую, нелѣпую басню. Еще надняхъ я имѣла разговоръ съ одной барыней, которая, не зная совѣтъ моихъ отношеній къ императорской фамиліи, рассказала мнѣ эту исторію про императрицу, какъ самый вѣрный фактъ. Хорошо же она попала! Я ее выслушала терпѣливо до конца, а потомъ отпѣла ей такую нотацию, что, вѣроятно, она больше про этотъ вздоръ не заговорить.

Отдохнувъ, какъ сказано, въ Домодоссоло, мы прослѣдовали на

¹⁾ Въ 1896 году я читала въ «Историческомъ Вѣстникѣ» ни на чемъ не основанные отзывы о расточительности императрицы Александры Ѳеодоровны въ «Разказахъ объ императорѣ Николаѣ I», сообщенныхъ г. Эвальдомъ, гдѣ онъ затрогиваетъ даже характеръ ея величества; меня это возмутило до глубины души, и я сейчасъ же послала опроверженіе въ «Русскій Архивъ». Прибавлено авторомъ сихъ воспоминаній въ 1897 году.

²⁾ Белла Джигуджина!—не могу перевести, сама не зная, что это означаетъ; это—на народномъ ломбардскомъ нарѣчій.

другой день въ Геную; за нѣсколько времени до приѣзда туда, уже не упомяну, въ какомъ мѣстѣ, встрѣтилъ императрицу двоюродный братъ короля сардинскаго—принцъ Кариніанскій, и сопутствовалъ императрицѣ до Генуи. Изъ себя онъ не представлялъ ничего особенно интереснаго, былъ малоразговорчивъ, довольно тученъ и грузенъ, и его умъ казался такимъ же тяжелымъ. Онъ все время (нѣсколько часовъ ѣзды) простоялъ въ вагонѣ въ полной формѣ, и никакія увѣщанія ея величества не могли его убѣдить сѣсть. Съ нимъ прибылъ генераль-адъютантъ короля—Саласко и камергеръ Далліе; послѣдніе назначались состоять при ея величествѣ на все пребываніе ея въ Ниццѣ, тогда еще сардинской.

Въ Генуѣ императрица была встрѣчена королевемъ Викторомъ-Эммануиломъ съ необычайною торжественностью; онъ принялъ ея величество на дебаркадерѣ желѣзной дороги и потомъ сопровождалъ ее со всѣмъ своимъ штабомъ, верхомъ, самъ красуясь около дверцы коляски, до своего дворца, приготовленнаго имъ для приѣма нашей государыни.

Улицы, по которымъ мы проѣзжали въ нарядныхъ экипажахъ сардинскаго двора, были наполнены войсками, стоявшими шпалерами по обѣимъ сторонамъ, публикой, народомъ, флагами, цвѣтами, коими осыпали императрицу и насъ тоже, хорами музыки, игравшими русскій гимнъ, виватами—«a l'impératrice di Russia»¹⁾, словомъ, «galant-huomo»²⁾ ничего не забылъ и старался выказать всевозможную любезность и восторгъ высокой вдовѣ того, противъ котораго два года назадъ онъ такъ жестоко сражался.

Императрицѣ было тяжело и непріятно ѣхать въ Сардинію, и такъ какъ она была всегда и во всемъ очень откровенна, пряма и тверда въ своихъ мнѣніяхъ и чувствахъ, то въ первую же минуту, какъ только Викторъ-Эммануилъ вошелъ въ вагонъ, чтобъ представиться ея величеству и поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ, императрица ему прямо высказала то, что тяготило ея сердце, а именно, что «только непреодолимые обстоятельства могли заставить ея величество приѣхать въ его владѣнія»... Король видимо смутился и перемѣнился въ лицѣ. Мы всѣ немного испугались, не зная, что изъ этого можетъ выйти. Но императрица Александра Феодоровна, которая иногда умѣла ошеломить человѣка, когда хотѣла,—по добротѣ же сердечной это случалось съ нею очень рѣдко,—умѣла тоже сейчасъ же его ободрить добрымъ словомъ. Она имѣла, какъ никто, эту способность, и въ этотъ разъ, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, ей стало жаль сконфуженнаго короля, и она, со свойственною только ей обаятельною сердечною любезностью, заставила Виктора-Эммануила склонить передъ нею свою

¹⁾ Россійская императрица.

²⁾ Честный человѣкъ—прозвище, которымъ пользовался Викторъ-Эммануилъ.

гордую, но повинную голову; а впоследствии онъ имѣлъ къ императрицѣ,—если можно выразиться такъ,—нѣжное почтеніе, которое онъ старался выказывать, когда и какъ только могъ; онъ держался передъ императрицей, какъ почтительный ученикъ, ожидающій только приказаній, чтобы броситься ихъ исполнить съ восторгомъ.

Король Викторъ-Эммануиль былъ замѣчательно невзраченъ наружностью; средняго роста, онъ былъ коренастый, неотесанный обрубокъ, имѣлъ нагло-гордый видъ, вскидывалъ постоянно голову, выпучивая глаза и стараясь взглядомъ внушать страхъ; но въ сущности онъ былъ добродушенъ, имѣлъ рыцарскія чувства, въ разговорѣ былъ боекъ и рѣзокъ и выказывалъ нѣкоторую острогу, весьма оригинальную подчасъ своею дикостью; вообще, когда его узнавали ближе, онъ скорѣе былъ пріятный, чѣмъ непріятный собесѣдникъ.

Дворецъ въ Генуѣ, въ коемъ мы провели два дня, представляетъ изъ себя что-то магическое своимъ положеніемъ на возвышенномъ мѣстѣ, надъ самымъ портомъ, имѣя всю Геную у своего подножія.

Прибывъ въ наши великолѣпные апартаменты, мы успѣли только немного вздохнуть послѣ нашего долгаго, утомительнаго пути и торжественнаго вѣзда, какъ пришли насъ приглашать къ королевскому столу. Переодѣвшись въ большіе парадные туалеты, очень нарядные, мы отправились на этотъ замѣчательный для насъ обѣдъ. Императрица, само собою разумѣется, была не въ силахъ послѣ такого утомленія присутствовать на такомъ банкетѣ, данномъ впрочемъ въ ея честь. Графиня Тизенгаузенъ, вѣроятно, почувствовавъ усталость, тоже отказалась отъ обѣда, не обдумавъ, конечно, что мы, три молодыя фрейлины, не имѣвшія права отказаться по той же причинѣ, очутимся однѣ посреди 50 или болѣе мужчинъ разнаго возраста, званія и положенія.

При этомъ дворѣ не было дамъ. Викторъ-Эммануиль вдовѣлъ уже давно, а его дочь, принцесса Клотильда¹⁾, была еще подросткомъ и оставалась съ своими гувернантками въ Туринѣ.

Намъ было ужасно неловко посреди этой массы мужчинъ, смотрѣвшихъ на насъ въ упоръ, нисколько не стѣсняясь. Но что дѣлать! Усѣлись за столъ послѣ обычныхъ представленій и церемоній. Король посрединѣ стола, имѣя около себя съ правой стороны графиню Гудовичъ, съ лѣвой меня; я сидѣла между нимъ и Кавуромъ, извѣстнымъ въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ, а графиня Гудовичъ—между королемъ и принцемъ Кариніанскимъ; баронесса Пиллеръ противъ короля, имѣя по обѣ стороны—министра двора Нигра и... не упомяну, кого именно.

Всѣ три мы не смѣли смотрѣть другъ на друга, чтобы не расхотаться, такъ намъ это положеніе—быть однимъ посреди нѣ-

¹⁾ Впоследствии супруга принца Наполеона «Plon—plon».

сколькихъ десятковъ мужчинъ, пожирающихъ насъ глазами, какъ коршуны, казалось ново и смѣшно и тоже не нравилось нашимъ русскимъ кавалерамъ—барону Мейендорфу¹⁾, а въ особенности графу Апраксину, бывшему старинныхъ правилъ и очень щепетильнымъ насчетъ приличія для молодыхъ дѣвушекъ; имѣя самъ двухъ дочерей, онъ очень ворчалъ на графиню Тизенгаузенъ за ея невниманіе къ намъ.

Обѣдъ былъ изященъ во всѣхъ отношеніяхъ; сардинскій дворъ былъ великолѣпно и очень нарядно обставленъ. Король сидѣлъ, упираясь руками на свою саблю, а подбородкомъ на руки, ни до чего не дотрогивался, даже не развѣтывалъ салфетки, увѣряя насъ, что онъ ѣстъ и пьетъ разъ въ сутки—только въ 11 часовъ вечера, но тогда «ѣстъ и особенно пьетъ очень плотно». Онъ безъ умолку съ нами болталъ, не стѣняясь въ выборѣ своихъ разговоровъ; извѣстно, что обхожденіе его съ женскимъ поломъ было довольно свободно, чтобы не сказать—очень свободно; въ этомъ отношеніи онъ велъ себя очень прилично съ нами, но анекдоты, которыми онъ насъ занималъ и смѣшилъ, были далеко не того же свойства; онъ намъ того наговорилъ, что мы не знали, куда и смотрѣть,—лукаво прищуриваясь на насъ и крутя свой громадный усъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ казался такимъ «bon enfant», что негодовать на него не было возможности.

Наконецъ, наша оригинальная пытка кончилась. Насъ отпустили на свободу, и мы всѣ три побѣжали прямо къ нашей матушкѣ подѣлиться впечатлѣніями, пережитыми нами. Много было смѣху, когда мы ей все подробно рассказывали. Но ея величество была не совсѣмъ довольна графиней Тизенгаузенъ; императрицѣ и въ голову не могло прійти, что графиня насъ оставитъ однѣхъ посреди этого мужского двора.

Вечеромъ, мои подруги отправились въ «spectacle de gala»²⁾, данный по случаю приѣзда русскихъ гостей, а я осталась дома, такъ какъ императрица не ѣхала въ театръ, и необходимо было, чтобы кто нибудь находился при ея величествѣ.

Мы съ Алиной Гудовичъ вдвоемъ занимали прелестную квартиру въ верхнемъ этажѣ дворца. Наши окна выходили на море, видъ былъ восхитительный; бухта была освѣщена луной, и сотни кораблей, стоящихъ въ гавани, представляли своими разнообразными формами и мачтами волшебное зрѣлище. Я, радуясь отдохнуть спокойно, устроилась у окна, чтобы писать письма и помечтать. Мало-по-малу я стала припоминать о нашемъ удивительномъ обѣдѣ; въ голову невольнo пришелъ мнѣ тоже удивительный разговоръ съ Викторомъ-Эммануиломъ, я стала его разбирать подробно въ умѣ, и мнѣ

¹⁾ Баронесса путешествовала отдѣльно отъ ея величества.

²⁾ Торжественный спектакль.

сдѣлалось какъ-то не по себѣ одной въ этихъ громадныхъ высокихъ покояхъ, полныхъ старинны.... Вдругъ, мнѣ пришла глупая мысль — ну, если «galant-huomo» придетъ въ голову намъ сдѣлать визитъ не въ обычный часъ?!... Сознаюсь, что нужно быть очень молодой, неопытной и съ пылкимъ воображеніемъ, чтобы возымѣть такую мысль, но я была и молода, и неопытна, и съ очень пылкимъ воображеніемъ,—и разъ, что эта мысль зародилась во мнѣ, я уже не могла отъ нея отдѣлаться. Чѣмъ становилось позднеѣ, тѣмъ страхъ мой возрасталъ. Рѣшительно никого не было около меня во всемъ этажѣ; мы отпустили нашихъ дѣвушекъ и всю нашу русскую прислугу тоже въ театръ. Наконецъ, я рѣшилась пройти по всей нашей длинной анфиладѣ комнатъ, чтобы произвести рекогноспировку, что меня вовсе не утѣшило, потому что я наткнулась на массу потаенныхъ дверей, лѣстницъ, чулановъ и проч., какъ обыкновенно бываетъ въ старинныхъ жилищахъ такого рода. Нужно сказать, въ свое оправданіе, что въ теченіе разговора своего за обѣдомъ Викторъ-Эммануиль, поглядывая многозначительно на насъ и крутя свой длинный усъ, предупреждалъ насъ, что изъ нашихъ апартаментовъ потаенная лѣстница ведетъ прямо къ нему въ кабинетъ; это-то меня пуще всего и смущало. Я начала заглядывать во всѣ углы и за всѣ занавѣси и въ концѣ концовъ наткнулась таки въ одномъ изъ алькововъ на потаенную дверь,—я ее открыла, и передо мной представилась узенькая, очень ярко освѣщенная лѣстница.... не было сомнѣнія, лѣстница вела прямо въ кабинетъ «galant-huomo», и онъ насъ предупреждалъ не напрасно, воображая себѣ, что мы въ родѣ итальянокъ... Страхъ мой увеличивался, воображеніе все больше и больше разыгрывалось... Наконецъ, очень поздно вечеромъ пріѣхала изъ театра Алинъ, и, видя мое перепуганное лице, не понимала, что могло случиться со мною; я сообщила ей свои опасенія; сперва она стала надо мной смѣяться; но когда я ей напомнила разговоръ короля и показала въ доказательство потаенную, освѣщенную лѣстницу—неоспоримый фактъ—то и ей стало тоже не по себѣ, или, лучше сказать, ее страхъ разобралъ, хотя она была и постарше меня; но, оправившись отъ перваго впечатлѣнія, она рѣшила, повидимому, сдѣлать самое простое—замкнуть дверь, но оказалось, что и помину не было о замкѣ или задвижкѣ; положеніе становилось самое неприятное. Тогда мы придумали заслонить эту злосчастную дверь столами и стульями; вѣдуче—сдѣлано! — мы нагромодили всякую мебель, и тогда только немного успокоились и рѣшились лечь спать, потому что усталость насъ одолѣвала.... Только что мы улеглись и не успѣли еще заснуть.... слышимъ шорохъ на этой лѣстницѣ, кто-то положительно по ней поднимается; мы притаились,—ни живы, ни мертвы! Шаги приближаются.... они уже у двери.... сердце совсѣмъ упало отъ страха... Наконецъ, стучатся въ дверь—мы молчимъ и еле дышимъ.... стучатся вторично—

отвѣта нѣтъ. Вдругъ слышимъ за дверью.... «Aber, meine Damen, was antworten sie nicht?»...¹⁾ это голосъ madame Рорбекъ!... Тутъ мы вскакиваемъ обрадованныя, отодвигаемъ наши барикады и выпускаемъ ее; видя такой беспорядокъ у насъ, m-me Рорбекъ, конечно, ничего не понимаетъ и думаетъ, что мы несовсѣмъ въ здоровомъ умѣ; мы ей сейчасъ же все разъясняемъ!... ну, и посмѣялась же она надъ нами! Оказалось, что нашей матушкѣ не спалось; она стала беспокоиться за насъ обѣихъ, вѣроятно, припоминая переданный нами ея величеству разговоръ съ королемъ, и она послала m-me Рорбекъ, въ своей всегдашней заботѣ, посмотреть, что у насъ дѣлается, и узнать, хорошо ли и покойно ли намъ, а страшная потаенная лѣстница, причинившая намъ столько опасеній, вела не къ Виктору-Эммануилу, а прямо къ нашей дорогой императрицѣ.

На другой день мы осматривали Геную; ѣздили на виллу Палла-вичини, въ знаменитомъ саду коей императрица провела нѣсколько часовъ, сидя въ тѣни столѣтнихъ деревьевъ, а вечеромъ мы перешли на нашъ пароходъ «Олафъ», чтобы отплыть въ Виллафранку. Вечеръ былъ восхитительный, море какъ зеркало. Король провожалъ свою высокую гостью, со всѣмъ возможнымъ великолѣпиемъ. Весь большой дворцовый садъ, доходящій до самаго моря, былъ иллюминированъ. Изъ дворца идетъ подземный коридоръ, выходящій на самую пристань. Императрицу несли на носилкахъ—она не могла много ходить отъ слабости, а коридоръ этотъ, по крайней мѣрѣ, въ полверсты длины, если не больше; король и обѣ свиты ихъ величествъ сопровождали императрицу. Это шествіе освѣщалось факелами и представляло весьма оригинальный «Fackelzug» по этой сводчатой галлерей. Когда же мы вышли изъ двери, представилось нашимъ глазамъ восхитительное зрѣлище.

Эти милліоны огней, обливающихъ и рейдъ и садъ и отражающіеся въ водѣ, казались чѣмъ-то сверхъестественнымъ! Одинъ «Олафъ», готовящійся къ отплытію, стоялъ по срединѣ рейда, какъ черная масса. Тутъ императрица распростилась дружески съ королемъ, поблагодаривъ его за радушный пріемъ; онъ обѣщался навѣстить ея величество зимою въ Ниццѣ, и мы поплыли на нашъ родной пароходъ.

V.

Въ Ниццѣ для императрицы была нанята русскимъ дворомъ, villa банкира «Avigdor»²⁾ на «Promenade des anglais». Король предлагалъ свой дворецъ ея величеству, но это предложеніе было отклонено государыней; тогда онъ просилъ позволеніе, по крайней

¹⁾ Но, мои дамы, что же вы не отвѣчаете?

²⁾ Вилла Авигдоръ на Англійской набережной.

мѣрѣ, устроить нанятый домъ приличнымъ образомъ, и поэтому напимъ дворомъ взята была нѣкоторая недостающая мебель изъ ницскаго дворца, чтобы не слишкомъ обидѣть отказами на всѣ предложенія короля.

Домъ банкира Авигдоръ былъ довольно мило устроенъ, но безъ всякой роскоши; вообще роскошь избѣгалась императрицею Александрою Теодоровной, насколько возможно было въ ея высокомъ положеніи, а за границей тѣмъ болѣе, вопреки тому, что послѣ ея кончины распространилось ложнаго на счетъ ея любви къ роскоши.

Предложеніе же собственныхъ своихъ лошадей королемъ, для выѣздовъ ея величества, было принято императрицей. Тильбюри же ея привезенъ былъ на «Олафъ» изъ Петербурга.

Жизнь наша въ Ниццѣ потекла мирно и спокойно. Нѣсколько времени спустя, прибыла туда и великая княгиня Ольга Николаевна съ своимъ супругомъ, наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ. Трое сыновей ея величества, великіе князья: Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи, пріѣзжали попережѣнно въ Ниццу, чтобы провести по нѣсколько недѣль съ августѣйшей матерью. Всѣ дѣти окружали мать свою такою любовію и такими сердечными заботами, не допуская, чтобы она оставалась безъ кого либо изъ членовъ семьи. Счастлива была эта мать своими дѣтьми, а она-то какъ ихъ любила! Братья императрицы — принцы прусскіе, тоже пріѣзжали въ Ниццу навѣщать августѣйшую сестру.

Для насъ же, фрейлинъ, это было очень счастливое время. Мы почти весь день проводили при нашей дорогой матушкѣ, начиная съ утренняго завтрака. Кофе подавался императрицѣ и намъ отдѣльно, но за однимъ столомъ. Она имѣла всегда свой собственный маленькій приборъ и любила сама для себя распоряжаться. Для меня же императрица дѣлала исключеніе, она всегда наливала мнѣ сама чашку кофе по старой памяти дѣтства моего и, какъ бы въ оправданіе передъ моими товарищами, чтобы ихъ не обидѣть, прибавляла, что она знаетъ, что Маша любитъ пить кофе ея приготовленія. Я упоминаю объ этомъ незначительномъ, въ сущности, фактѣ не для хвастовства, а только, чтобъ показать нагляднѣе всю тонкость чувствъ, даже въ самыхъ мельчайшихъ обстоятельствахъ, этой несравненной женщины. Конечно, моимъ товарищамъ и въ голову не приходило мнѣ завидовать; мы слишкомъ были въ хорошихъ отношеніяхъ для этого, въ особенности Алинѣ Гудовичъ, бывшей моимъ лучшимъ другомъ; притомъ императрица умѣла такъ ровнять всѣхъ если не однимъ, то другимъ. Послѣ завтрака занимались чтеніемъ или писаніемъ. По утрамъ чтеніе было всегда самаго серьезнаго или ученаго содержанія; читались тоже газеты. Послѣ обѣда и вечеромъ читали ея величеству какіе нибудь мемуары или новые романы и т. п. Въ это время она постоянно что нибудъ работала.

Императрица имѣла привычку каждый день вести свой дневникъ,

съ своихъ юныхъ лѣтъ. Для этого у нея были нарочно заказываемые маленькіе альбомы продолговатаго формата, въ темномъ сафьянномъ переплетѣ, съ видами Петербурга или его окрестностей, подъ стекломъ на лицевой сторонѣ обложки; всѣ эти книжечки хранились въ деревянной шкатулкѣ, которая сопровождала всюду ея величество. Писала императрица постоянно сама, но въ то время ея зрѣніе начинало страдать отъ слезъ и физической слабости, поэтому свои путевыя впечатлѣнія государыня диктовала Алинѣ, и въ томъ же интересномъ дневникѣ императрицы Александры Теодоровны многое написано рукою графини Гудовичъ. Мнѣ же государыня диктовала письма къ своимъ дѣтямъ, съ которыми вела постоянно переписку, когда была съ ними въ разлукѣ. Приходилось писать, такимъ образомъ, государю и императрицѣ. Два раза въ недѣлю государыня имѣла свой докладъ по дѣламъ, присылаемымъ съ курьерами изъ Петербурга¹⁾; докладывалъ ея величеству секретарь ея Н. А. Шторхъ. Всѣ эти занятія происходили по возможности, въ саду, такъ какъ ея величеству предписано было больше всего находиться на воздухѣ.

Послѣ второго завтрака катались; иногда мы всѣ сопровождали ея величество, а иногда только одна дежурная. Ихъ высочества большею частью прогуливались отдѣльно отъ матери, совершая прогулки длиннѣе и дальше... Великая княгиня Ольга Николаевна постоянно каталась и гуляла пѣшкомъ со своимъ супругомъ.

Обѣдали мы не всегда съ ея величествомъ. Она часто купала въ своихъ внутреннихъ комнатахъ семейно, а у насъ былъ гофмаршальскій столъ, за который приглашались постоянно офицеры нашей маленькой русской эскадры, состоявшей изъ «Олафа», «Свѣтланы» и корвета «Медвѣдь»; командовалъ эскадрой адмиралъ Нордманъ. Эскадра имѣла стоянку въ Виллафранкѣ.

Къ вечернимъ собраніямъ приглашались нѣкоторые гости. Въ Ниццу съѣхалось тогда много соотечественниковъ, извѣстныхъ ея величеству, такъ что общество было очень пріятное.

Великая княгиня Елена Павловна²⁾ проживала тоже въ это время въ Ниццѣ, на виллѣ «Vermond». Она часто бывала у императрицы со своей свитой, состоявшей изъ фрейлинъ: Е. П. Эйлеръ, баронессы Э. О. Раденъ, дѣвицы Стааль и шталмейстера барона Розена. Вечера эти были весьма пріятны. Иногда играли въ «jeux d'esprit»³⁾, иногда что нибудь читали, новопоявившуюся повѣсть или

¹⁾ Посылались ея величеству дѣла изъ Петербурга чрезъ курьеровъ. а не боченки невской воды, какъ это ложно рассказываютъ, которую императрица Александра Теодоровна никогда въ ротъ не брала, живя даже въ Петербургѣ. Ея величество употребляла постоянно для питья зельтерскую воду—здоровья ради.

²⁾ Вдова великаго князя Михаила Павловича.

³⁾ Остроумныя игры.

комедію Октава Фелъе и т. п. Баронесса Раденъ имѣла замѣчательный даръ читать вслухъ ¹⁾, императрица и мы всѣ очень охотно ее слушали. Въ это же время графиня Гудовичъ и я очень подружались съ Е. П. Эйлеръ ²⁾, и мы часто проводили свободное время вмѣстѣ. У великой княгини Елены Павловны мы тоже бывали на вечернихъ собраніяхъ, но рѣдко, такъ какъ императрицѣ вечеромъ не очень-то позволяли выѣзжать.

Иногда нѣкоторые изъ насъ отправлялись въ театръ, съ позволенія ея величества; у насъ была своя ложа. Въ то время въ Ниццѣ былъ маленькій и гаденькій театръ, но очень хорошенькая итальянская опера.

Проживалъ тогда въ Ниццѣ извѣстный пѣвецъ Тамбурины, который столько лѣтъ плѣнялъ своимъ пѣніемъ и игрой петербургскую публику. Онъ былъ уже старъ и жилъ на покой, но, несмотря на это, иногда пѣлъ у императрицы на вечерахъ и даже разъ, для благотворительной цѣли, выступилъ на сценѣ въ своей знаменитой роли въ «Севильскомъ цирюльникѣ», роли, которую онъ создалъ, и, несмотря на свою старость и упадокъ голоса, привелъ публику въ восторгъ своей игрой и манерой пѣть.

Среди зимы нашъ баронъ Мейендорфъ былъ отозванъ въ Петербургъ, получивъ мѣсто директора императорскаго кабинета; мы очень горевали, разлучаясь съ милой баронессой, которая оставляла пустое мѣсто за собой въ нашемъ небольшомъ кружкѣ. Барона Мейендорфа замѣнилъ графъ Матвѣй Юрьевичъ Виельгорскій. Съ его прибытіемъ начался у насъ музыкальный періодъ. Присутствіе въ Ниццѣ графа Матвѣя Юрьевича привлекло множество артистовъ; между прочими явились знаменитости: Вьетанъ, который еще дивно игралъ на скрипкѣ, несмотря на свои преклонныя лѣта. Затѣмъ тутъ были извѣстный виолончелистъ Серве, Антонъ Рубинштейнъ; послѣдній впрочемъ находился при Еленѣ Павловнѣ. Въ Ниццѣ проживала тогда тоже извѣстная итальянская пѣвица Крувелли, только что вышедшая замужъ за барона Вижье и недавно покинувшая сцену. Она была еще въ полномъ блескѣ своего голоса и часто пѣла у насъ. Но я не восхищалась ею. Она была врагомъ милой графинѣ Росси, которая сама мнѣ рассказывала, какъ Крувелли ей строила разные подкопы и козни въ театральномъ мірѣ. Память о Росси была еще слишкомъ свѣжа для меня, и мнѣ казалось измѣной противъ нея восхищаться ея личнымъ врагомъ; она же была одной изъ причинъ отъѣзда графини Росси въ Америку.

---

¹⁾ Она была взята первоначально чтицей къ великой княгинѣ.

²⁾ Въ супружествѣ княгиня Сайнъ-Витгенштейнъ.

VI.

Здоровье императрицы видимо укрѣплялось. Она уже начинала дѣлать часто поѣздки за городъ, какъ-то: въ Виллафранку, «St.-Jean» и другія мѣста. Тогда вся наша маленькая царская колонія со свитами ѣхала вмѣстѣ въ нѣсколькихъ экипажахъ или на пароходѣ, или графиня Гудовичъ и я сопровождали ея величество верхомъ. Обыкновенно брался съ собою завтракъ, гдѣ нибудь останавливались и купали подъ тѣнью апельсиновыхъ деревьевъ, маслинъ и пальмъ. Императрица такъ любила природу, что для нея было настоящее наслажденіе эти прогулки по рощамъ и лѣсамъ.

Однажды, мы катались съ ея величествомъ въ четырехмѣстномъ тильбюри. Упоминаю объ этой прогулкѣ, потому что для меня она очень памятна, какъ увидятъ дальше—почему; тильбюри былъ «à la Domon»¹⁾. Государыня сидѣла на заднемъ мѣстѣ съ графиней Тизенгаузенъ, а Алина и я на козлахъ, мы ѣхали въ «St.-André». Передъ нами ѣхалъ верхомъ, какъ это принято во всѣхъ европейскихъ странахъ для царскихъ особъ, поитальянски такъ называемый «battistrada», то-есть «piqueur», ведущій прогулку и очищающій дорогу отъ встрѣчающихся экипажей. Проѣзжали мы по узенькой дорожкѣ въ густой чащѣ лѣса. «Battistrada» уже уѣхалъ на нѣсколько сажень впередъ, когда, откуда ни возьмись, выскочила съ проселочной дороги, идущей изгибомъ по лѣсу въ гору, какая-то длинная телѣга, запряженная быстро бѣгущей парой лошадей. Поселянинъ, правившій ими, не успѣвъ ихъ удержать, вѣхалъ дышломъ прямо въ тильбюри, между заднимъ мѣстомъ, гдѣ сидѣла императрица, и козлами. Мы всѣ страшно перепугались, но я, слава Богу, не потерявъ голову²⁾, высунулась всѣмъ корпусомъ съ козелъ почти на императрицу и толкнула рукой дышло; отъ этого толчка мужицкія лошади подались назадъ, испугавшись моей бросающейся на нихъ фигуры, этимъ движеніемъ лошадей длинное дышло отъ телѣги приподнялось и прошло надъ самой головой императрицы, не задѣвъ ея; не дай я этого толчка, императрица получила бы сильный ударъ по головѣ. Конечно, это все произошло въ одинъ мигъ, потому что и мы ѣхали довольно крупною рысью. По возвращеніи домой, батистрада велѣлъ мнѣ о себѣ доложить, пришелъ отъ своего имени и отъ имени везшаго насъ жокея меня поздравить, что я такъ нашлась. Можно себѣ представить, какъ я сама-то была счастлива.

¹⁾ Жокей съ коня.

²⁾ Тутъ никакой заслуги для меня нѣтъ, потому что имѣю въ характерѣ не терять въ опасныя минуты голову. Будучи ребенкомъ 5-ти или 6-ти лѣтъ, я разъ играя загля оконную занавѣску, бывъ одна въ комнатѣ, и хотя испугъ мой былъ великъ, я бросилась сама сзывать людей и, схвативъ кастрюлю въ кухнѣ, побѣжала за водой, такъ что все было потушено. прежде чѣмъ страхъ этотъ дошелъ до моихъ родителей.

Иногда мы предпринимали дальнія поѣздки, но уже безъ императрицы; изъ нихъ двѣ остались мнѣ памятны, и я хочу ихъ здѣсь описать. Одна изъ нихъ была устроена графомъ Стакельбергомъ, въ то время нашимъ посланникомъ въ Туринѣ, находившимся во все пребываніе въ Ниццѣ при особѣ ея величества; онъ былъ женатъ на очень красивой барышнѣ французскаго происхожденія, m-elle Tamisier. Графиня была очень мила и любезна и постоянно находилась съ нами; у насъ была, кромѣ нея, еще одна молодая дама, графиня М. С. Шувалова¹⁾, жена графа П. Г. Шувалова; онъ былъ вояжнымъ маршаломъ при ея величествѣ; его обязанность была готовить и нанимать помѣщенія и все устроить въ мѣстахъ, куда ѣхала ея величество; на немъ же лежала и хозяйственная часть путешествія государыни.

Графъ Стакельбергъ давалъ завтракъ въ честь великаго князя Михаила Николаевича, который смѣнилъ своихъ двухъ братьевъ и, будучи еще холостымъ, могъ дольше всѣхъ оставаться при матери.

Мы всѣ были приглашены на эту «partie de plaisir»²⁾ графомъ Стакельбергомъ. Ёхали въ экипажахъ до Виллафранки, оттуда нужно было плыть на катерѣ въ «St.-Jean», а изъ «St.-Jean» идти еще далеко пѣшкомъ по лѣсу, чтобъ попасть на мѣсто, гдѣ насъ ожидалъ завтракъ. Все это исполнилось благополучно, но взяло болѣе времени, чѣмъ предполагалось, такъ что, позавтракавъ, или, лучше сказать, пообедавъ, потому что часъ уже былъ скорѣе обѣденный, мы отправились обратно въ сумерки; сбились съ тропинки въ лѣсу и блуждали довольно долго, не зная, какъ попасть въ «St.-Jean»; наконецъ, дошли туда, но уже совсѣмъ впотьмахъ. Между тѣмъ поднялся свѣжій вѣтерокъ и нѣкоторое волненіе на морѣ, въ катерѣ возвращаться было немислимо, такъ что мы принуждены были идти пѣшкомъ изъ «St.-Jean» въ Виллафранку; путешествіе весьма длинное, лѣсомъ и все по тропинкамъ, дороги не было; шли мы, освѣщенные фонаремъ, захваченнымъ въ катерѣ. Насъ было большое общество; страшнаго эта ночная прогулка по лѣсу ничего не представляла, но мы были ужасно утомлены; вдобавокъ еще пошелъ дождь, такъ что мы вернулись поздно вечеромъ домой, измученные и промокшіе до костей. Но хуже всего, что эта не совсѣмъ удавшаяся «partie de plaisir» причинила большое безпокойство нашей матушкѣ, такъ что уже было послано насъ розыскивать.

Другой разъ мы поѣхали въ «Cannes»; императрица отпустила графиню Гудовичъ и меня, чтобъ мы посѣтили Антибскіе острова. Съ нами отправились: фрейлина Эйлеръ, нашъ общій другъ княгиня Трубецкая³⁾, съ дочерью проживавшая въ Ниццѣ, графъ Апраксинъ,

¹⁾ Рожденная княжна Гагарина.

²⁾ Гуляніе.

³⁾ Рожденная княгиня Четвертинская.

нашъ вѣрный спутникъ, когда мы ѣхали куда нибудь безъ императрицы, и мой дядя графъ Гуровскій ¹⁾, проживавшій тоже тогда въ Ниццѣ и часто бывавшій съ нами.

Каннъ тогда былъ совсѣмъ пустая деревушка съ однимъ единственнымъ каменнымъ домою, гдѣ, говорили, умерла знаменитая Рашель. Каннъ былъ еще только извѣстенъ своимъ сосновымъ лѣсомъ на берегу моря, насаженнымъ Наполеономъ I и къ которому онъ присталъ, возвращаясь съ острова Эльбы. Больше рѣшительно тамъ ничего не было замѣчательнаго.

Въ Каннѣ мы наняли парусную шлюпку и поплыли въ «Antibe». На островѣ себѣ вообразили, что на этой шлюпкѣ ѣдетъ сама императрица всероссійская, и приготовили встрѣчу. Можно себѣ представить наше конфузное положеніе, когда насъ встрѣтилъ комендантъ крѣпости со своимъ штабомъ въ полной парадной формѣ, и для большаго чествованія русской царицы было назначено помилованіе нѣсколькихъ арестантовъ, содержавшихся въ крѣпости. Ошибку французовъ мы успѣли разъяснить, но арестантовъ мы все-таки заставили освободить именемъ императрицы. Возвратясь домой, мы передали все случившееся съ нами ея величеству, которая осталась очень довольна, что мы употребили ея имя для добраго дѣла.

Для императрицы на виллѣ Авигдоръ былъ поставленъ походный иконостасъ и устроена маленькая, совсѣмъ простенькая церковь, куда допускалась безъ исключенія вся русская колонія, проживавшая въ Ниццѣ. При этой домовою церкви были придворные: протоіерей, протоіакоу и четыре пѣвчихъ, между прочими, теноръ Никольскій, который по нашему совѣту бралъ въ Ниццѣ серьезные уроки пѣнія у очень хорошаго итальянскаго учителя и перешелъ впоследствии въ русскую оперу, гдѣ долго восхищалъ нашу публику, напоминая своимъ голосомъ Тамберлика.

Императрица пожелала, чтобы мы участвовали въ церковномъ хорѣ: графиня Гудовичъ, Е. П. Эйлеръ и я. Хоръ нашъ былъ очень хорошъ, мы пѣли всякіе концерты Бортиянскаго и проч. Но нашъ регентъ, одинъ изъ пѣвчихъ, старый хохоль Подгородинскій, донималъ насъ своими спѣвками. Иногда мы сидимъ съ гостями, вдругъ сѣдая голова его просовывается въ дверь, и онъ говоритъ басомъ: «надо бы спѣвочку»; онъ смотрѣлъ очень серьезно на это пѣніе, и если кто нибудь изъ насъ ошибется, то онъ кричитъ: «стойте, вы сдѣлали гагачку», и мы, конечно, всегда расхохочемся на репетиціяхъ, а онъ нахмурясь заставляетъ насъ повторять.

Видя, какъ много соотечественниковъ постоянно проживаютъ и умираютъ въ Ниццѣ и до какой степени имъ тяжело безъ православною церкви, равно какъ и нашимъ морякамъ, останавливаю-

¹⁾ Извѣстенъ тѣмъ, что въ молодости увезъ инфанту Изабеллу изъ монастыря, въ коемъ она воспитывалась въ Мадридѣ, и на ней женился.

щимся мимоходомъ на судахъ въ Виллафранкѣ, императрица задумала устроить православную, постоянную церковь въ Ниццѣ.

Ея величество дала крупную сумму изъ собственныхъ денегъ на приобрѣтеніе земли. Немедленно выбрали мѣсто, купили участокъ и приступили къ работамъ. Все было подведено такъ, чтобъ до своего отъѣзда императрица положила первый камень фундамента этого православнаго храма въ Ниццѣ, починъ и созданіе коего принадлежитъ всецѣло государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Морское министерство тоже приняло участіе въ постройкѣ этой церкви, были и частные жертвователи; но главныя заботы и расходы императрица Александра Ѳеодоровна приняла на себя. Сверхъ того, ея величество пожертвовала богатую церковную утварь и весь иконостасъ. Онъ былъ заказанъ нашимъ русскимъ рѣзчикамъ на Охтѣ и весьма изящно исполненъ ими изъ дубоваго дерева; хотя спеціальность Ниццы это именно рѣзба по дереву, но государыня хотѣла, чтобы всѣ предметы, жертвованные ею, были только русскаго произвенія. Иконы писалъ тоже русскій, и онѣ очень хороши.

Какъ императрица, такъ и мы всѣ принимали большое участіе въ устройствѣ этой церкви, много о ней хлопотали и старались какъ можно лучше ее соорудить, такъ что можно по истинѣ сказать, что ниццкая православная церковь вполне дѣло рукъ императрицы Александры Ѳеодоровны и ея свиты.

Не думали мы тогда въ нашихъ радостныхъ заботахъ объ этой церкви на пользу нашихъ соотечественниковъ, для какого горестнаго событія она будетъ служить около девяти лѣтъ спустя.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, сколько помню, посѣтилъ императрицу король Викторъ-Эммануилъ. Онъ пробылъ въ Ниццѣ нѣсколько дней. Опять начались парадные обѣды, вечера, туалеты и проч. Между прочимъ, онъ далъ съ своей стороны большой обѣдъ въ честь ея величества, на коемъ въ этотъ разъ она присутствовала съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, великими княгинями: Ольгой Николаевной, Еленой Павловной, наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ и всѣми свитами.

Послѣ обѣда, когда подали ея величеству карету для возвращенія домой, въ то же время подвели королю верховую лошадь, и, несмотря на то, что онъ былъ въ нарядномъ статскомъ платьѣ, съ Андреевской лентой черезъ плечо подъ фракомъ, въ чулкахъ и башмакахъ, что лилъ сильный дождь и была большая слякоть въ этотъ день, чтѣ и въ Ниццѣ случается,— онъ вскочилъ на сѣдло, какъ былъ, и у дверцы кареты сопровождалъ императрицу, окруженный своей свитой, тоже верхомъ, изъ своего дворца на виллу Авигдоръ. Онъ промокъ до костей, съ него лила буквально вода, но онъ оставался на конѣ, снявъ шляпу, пока ея величество вышла изъ кареты и удалилась въ свои покои; тогда только онъ ускакалъ домой. Вотъ каковъ былъ *galant-huomo!*

Между прочими, въ многочисленной свитѣ короля находились въ то время три молодыхъ адъютанта, имена которыхъ позже стали извѣстны въ военной лѣтописи при соединеніи Италіи въ одно государство въ 70-хъ годахъ. «Cialdini», «Robilant» и «Clavezana» — всѣ три сдѣлались «cavalliero sergente» насъ трехъ фрейлинтъ: первый — графини Гудовичъ, второй — баронессы Пиллеръ, третій — мой.

Въ день отъѣзда короля изъ Ниццы былъ данъ большой обѣдъ у ея величества въ его честь; была приглашена тоже вся его свита. Послѣ обѣда, откланявшись императрицѣ и простясь дружески съ нами всѣми, онъ отправился домой. Великій князь Михаилъ Николаевичъ провожалъ его до экипажа. Вдругъ великій князь возвращается въ гостиную императрицы, гдѣ мы всѣ еще были собраны, держа въ рукахъ чудный букетъ цвѣтовъ, говоря, что король поручилъ ему передать этотъ букетъ графинѣ Гудовичъ со словами: «à la plus charmante» ¹⁾. Несравненная наша матушка, при всемъ ея горѣ и слабомъ здоровьи, очень смѣялась надъ любезностью короля къ одной изъ ея фрейлинтъ — уже невѣстѣ тогда кн. М. П. Голицына; императрица одна знала эту тайну, помолвка гр. Гудовичъ не была еще объявлена.

Государыня принимала такое живое участіе въ окружающихъ ее, во всемъ и всегда, такъ что мы, фрейлины, никогда ничего отъ нея не скрывали и ей первой повѣряли всѣ наши тайны, радостныя или горестныя; въ первомъ случаѣ она такъ искренно принимала участіе и радовалась съ нами, а въ послѣднемъ случаѣ умѣла всегда поддержать и утѣшить. Этимъ вполне материнскимъ отношеніемъ къ каждому она такъ глубоко привязывала къ себѣ. Около нея все оживало, и такъ было отрадно и тепло на душѣ! Если же она была чѣмъ нибудь недовольна, что рѣдко случалось, потому что снисходительнѣе ея мнѣ никого не встрѣчалось во всю мою долгую жизнь, и ей необходимо было сдѣлать замѣчаніе и даже выговоръ, то она никогда не выкажетъ свое неудовольствіе, даже не посмотритъ сурово, но кротко и мягко удовольствуется лишь сказать «je gronde» ²⁾, и тѣмъ все кончается! Мы всѣ ее такъ любили, такъ любили, что готовы были бы отдать жизнь, чтобы только ее утѣшить и успокоить въ ея скорби, тайно гложущей ее, да не мы одни, приближенные къ ней, питали это чувство глубокой любви — всѣ боготворили императрицу Александру Феодоровну, кто имѣлъ счастье хоть немного ее знать.

А когда императрица посѣщала институты, Боже мой, что это былъ за восторгъ! Дѣти и дѣвицы ее окружали совершенно, какъ мать родную. Тутъ не существовало императрицы и воспитанницъ, тутъ была нѣжная мать съ любящими ее дочерьми. То же самое

¹⁾ Для самой милой.

²⁾ Я браню.

было, когда еще съ своимъ великимъ супругомъ ея величество посѣщала кадетскіе корпуса, въ лагерѣ и на гуляньяхъ въ Петергофѣ лѣтомъ. Вообще ихъ величества относились особенно благосклонно къ учащейся молодежи. Въ институтахъ же дѣвицы стремились къ императрицѣ безъ всякаго стѣсненія, малютки лѣзли къ ней на колѣни, взрослые окружали ее. Дежурной фрейлинѣ, сопровождавшей ея величество, часто плохо приходилось: такъ ее тѣснили, толкали, чтобы отдалить хоть на минуту отъ государыни, и фрейлинѣ приходилось проходить, какъ сквозь строй, между воспитанницами, которыя съ ревностью ей кричали: «счастливая! счастливая! счастливая!». Но главное трудно было спасать вещи императрицы, которыя фрейлина держала, какъ-то: мантилью, шаль или какой нибудь платочекъ. Если, бывало, на минуточку не обратишь вниманія на эти предметы, то мигомъ вырвутъ что нибудь изъ рукъ, и тогда кончено, все обращается въ клочки, чтобы сохранить на память хоть шелковинку или ниточку. Классныя дамы пытались иногда водворять порядокъ, но напрасно: ихъ такъ закружатъ, что онѣ не знаютъ, куда и дѣться. О, какъ эта несравненная женщина была любима всѣми и какъ она дѣлала разумно много добра!..

Возвращаюсь въ Ниццу. Въ началѣ весны данъ былъ большой народный праздникъ въ честь нашей императрицы. Городъ соорудилъ новый бульваръ около берега моря, который долженъ былъ вести, кажется, въ Виллафранку. Когда часть этого бульвара была готова, то старшины города пришли просить позволенія посвятить этотъ новый бульваръ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и назвать его «Avenue de l'Impératrice»¹⁾. Церемонія этого посвященія, по ихъ обычаю, состояла въ томъ, что въ началѣ поперекъ аллеи была протянута простая бѣлая лента, которую, проѣзжая въ экипажѣ, ея величество должна была собственноручно разрѣзать простыми ножницами, поданными мѣромъ города императрицѣ. Ея величество все исполнила, какъ отъ нея требовалось,—перерѣзала ленту при громкихъ и восторженныхъ крикахъ народа.

Все было убрано цвѣтами и флагами, какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, музыка играла, публика была очень довольна, весела, радовалась, кричала. Словомъ, народный праздникъ этотъ самаго скромнаго свойства, безъ всякихъ обѣдовъ и угощеній, вполне удался; погода была чудная, и послѣ нѣсколькихъ минутъ присутствія ея величества уѣхала при громкихъ и восторженныхъ демонстраціяхъ народа.

Ниццары очень полюбили нашу императрицу, которая своею обаятельною натуральною привѣтливостью и ихъ плѣнила; когда ея величество возвратилась въ Ниццу во второй разъ, ее приняли съ такую неподдѣльную радость и совѣмъ, какъ свою. Но не слѣдуетъ думать, что это потому, что она бросала горстями русское

¹⁾ Аллея императрицы.

золото и дарила народу какіе-то серебряные стаканчики съ своимъ вензелемъ. Пусть тѣ, которые распространяють эту непростительную ложь про нашу незабвенную императрицу Александру Ѳеодоровну, и еще болѣе тѣ, которые ей вѣрятъ,—краснѣютъ отъ стыда.

Я это говорю потому, что опять-таки теперь (1888 г.) послѣ болѣе тридцати лѣтъ назадъ у меня спрашивали люди, которые еле тогда родились на свѣтъ Божій,—«правда ли, что во время своего пребыванія въ Ниццѣ императрица Александра Ѳеодоровна, августѣйшая бабушка нынѣ царствующаго императора Александра Александровича, открывала тамъ какую-то дорогу, черезъ которую былъ протянутъ золотой шнуръ, который прорѣзала она золотыми ножницами, стоя въ экипажѣ между двумя громадными мѣшками, набитыми золотомъ, которое она бросала горстями въ народъ, и что вообще, когда она каталась въ Ниццѣ, то изъ ея коляски только и были видны вылетающія горсти золота».

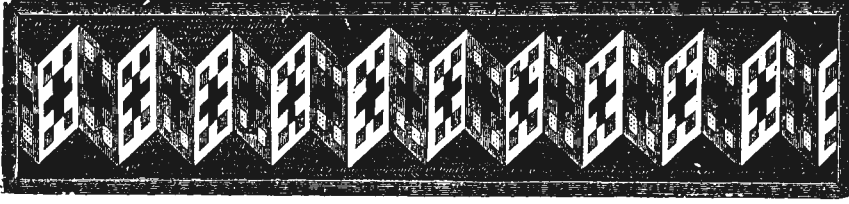
Ну, можно ли сочинять такія напраслины!? И не права ли я, неразлучная, самая близкая свидѣтельница всей жизни послѣднихъ лѣтъ императрицы Александры Ѳеодоровны, говоря, что нужно «краснѣть отъ стыда» за распространеніе подобныхъ лживыхъ и нелѣпыхъ слуховъ?

Нѣтъ сомнѣнія, что императрица Александра Ѳеодоровна дѣлала добро и помогала бѣднымъ въ Ниццѣ, какъ и всюду, гдѣ она бывала. Да развѣ всякій этого не дѣлаетъ по мѣрѣ силы и возможности? Въ особенности царственные лица, которыхъ всегда и вездѣ забрасываютъ просьбами всякаго рода,—могутъ ли они оставаться безъ отзыва къ нуждающимся жителямъ той мѣстности, въ которой они пребываютъ и въ которую они пріѣзжаютъ для возстановленія своего здоровья? Но не слѣдуетъ думать, что поступающія просьбы не рассматриваются; онѣ, напротивъ того, очень тщательно приводятся въ извѣстность посредствомъ наводимыхъ справокъ, и согласно полученнымъ справкамъ рѣшается, какъ поступать. Сверхъ того, назначается особенная сумма, выдающаяся въ пользу бѣдныхъ той мѣстности, которую царственная особа оставляетъ, послѣ продолжительнаго пребыванія въ оной; кажется, этотъ обычай долженъ бы быть извѣстенъ. Деньги эти особые и не выдаются въ ущербъ тѣмъ благодѣяніямъ, которыя производятся дома, въ Россіи. Такимъ образомъ дѣлается вездѣ и у всѣхъ, и такимъ же образомъ дѣйствовала и императрица Александра Ѳеодоровна, а не бросала горстями русское золото.

Баронесса Фредерикъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЛЕПТА ВДОВИЦЫ.

(Разсказъ).

I.

БЛО ЭТО восходило на благоусмотрѣніе его преосвященства, который и далъ ему окончательное рѣшеніе. А произошло оно слѣдующимъ образомъ.

Въ пригородѣ, верстахъ въ трехъ отъ губернскаго города, умеръ дьякъ Филиппъ Ивановичъ Кадиловъ. Умеръ онъ естественною смертію, хотя и мѣстный настоятель, и благочинный, и другія столь же высокопоставленныя особы духовной іерархіи, когда онъ еще былъ живъ, часто говорили ему:

— Эй, Филиппъ Ивановичъ, помани ты мое слово, когда нибудь ты шею себѣ сломаешь, либо переѣдетъ тебя пополамъ мужицкая телѣга!

Филиппъ Ивановичъ на это обыкновенно махалъ рукой и отвѣчалъ въ томъ или другомъ тонѣ, смотря потому, съ кѣмъ говорилъ. Но смыслъ его рѣчи всегда былъ одинаковъ. Если это былъ благочинный, онъ редактировалъ свой отвѣтъ въ безусловно почтительныхъ выраженіяхъ:

— Оно, конечно, ваше высокопреподобіе,—говорилъ онъ,—слабость человѣческая... А только, ежели которая смерть человѣку отъ Бога назначена, той и не избѣжишь.

Если то былъ настоятель, отецъ Меодій Свѣтлоризовъ, то отвѣтъ Филиппа Ивановича, не теряя своей почтительности, принималъ нѣкоторый оттѣнокъ свободомыслія.

— Э, отецъ Меодій,—говорилъ тогда Филиппъ Ивановичъ Кадиловъ: — волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить. Живой человѣкъ о жизни и думаетъ, а смерть и сама придетъ.

Если же укорялъ его человѣкъ, своимъ званіемъ не превышавшій его самого, напримѣръ, сверхштатный псаломщикъ той же пригородной церкви, Амосъ Риленко, то ему Филиппъ Ивановичъ отвѣчалъ просто:

— А плевать мнѣ, Амосъ, на твои глупыя слова! Переѣдетъ, такъ переѣдетъ. Меня переѣдетъ мужицкій возъ, а не тебя, и ты еще въ такомъ случаѣ доволенъ будешь, потому послѣ моей смерти штатное утвержденіе получишь.

Но вышло, однако, что всѣ ошиблись. Филиппъ Ивановичъ взялъ да и умеръ естественною смертію. Положимъ, передъ этимъ онъ три недѣли такъ пьянствовалъ, что вѣсть объ этомъ даже до архіерея дошла, а затѣмъ умеръ отъ какой-то болѣзни, секретъ которой онъ унесъ съ собою на тотъ свѣтъ, такъ какъ не имѣлъ обыкновенія обращаться къ докторамъ. Говорили, что у него внутри какая-то кишка перегорѣла. Но достовѣрно этого никто не зналъ. Во всякомъ случаѣ Филиппъ Ивановичъ умеръ съ совершенно цѣлой шеей и самъ былъ вполне цѣлъ, такъ какъ его не переѣхала пополамъ никакая телѣга.

А послѣ того, какъ онъ умеръ, какъ это обыкновенно бываетъ въ духовномъ званіи, осталась дьячиха и при ней горбатая дочка лѣтъ пятнадцати. Умеръ дьякъ Кадиловъ, прослуживъ на приходѣ лѣтъ четырнадцать, и потому вдова его никакой пенсіи не получила. И такъ какъ Амоса Риленко сейчасъ же утвердили въ званіи штатнаго псаломщика, то онъ изъ наемной квартиры перешелъ въ церковный домъ, для чего, согласно закону непроницаемости, который имѣетъ силу и въ духовномъ сословіи, долженъ былъ вытѣснить вдову Филиппа Ивановича Кадилова.

И вдова съ дочерью, благодаря особой снисходительности настоятеля, перешла въ сторожку, отнявъ, по распоряженію того же настоятеля, одну изъ двухъ миниатюрныхъ комнатокъ у сторожа, который хотя и былъ этимъ очень недоволенъ, но молчалъ, такъ какъ дорожилъ мѣстомъ церковнаго сторожа, доставлявшимъ ему квартиру и семь рублей въ мѣсяцъ жалованья.

Въ первое время всѣ эти обстоятельства произвели въ средѣ причта пригородной церкви нѣкоторое замѣшательство, но прошло нѣсколько недѣль, и всѣ привыкли къ новымъ ролямъ. Сторожъ съ большимъ искусствомъ размѣстилъ въ единственной комнатѣ себя, жену, пятерыхъ дѣтей и тещу; вдова Филиппа Кадилова съ своей дочерью тяжело вздыхала въ другой комнатѣ, а штатный псаломщикъ Амосъ Риленко славилъ Бога, вполне довольный изряднымъ помѣщеніемъ въ церковномъ домѣ.

Только для настоятеля, отца Меодія, переѣзна прошла совершенно незамѣченной. Онъ жилъ въ своемъ собственномъ домѣ, который давно уже купилъ у мѣщанина Беркушина. И вообще все въ приходѣ шло съ обычной аккуратностью и постоянствомъ, какъ будто дьякъ Филиппъ Кадиловъ не только не умеръ, но и вовсе никогда не существовалъ. Когда люди рождались, ихъ крестили, когда люди женились, ихъ вѣнчали, когда люди умирали, ихъ хоронили. И при всѣхъ этихъ случаяхъ получали доходъ.

Но очень скоро выплыло наружу одно обстоятельство, которому въ первую минуту всѣ удивились, но потомъ, подумавъ, пришли къ заключенію, что это такъ и должно быть, а именно: что вдовѣ Филиппа Кадилова съ дочерью нечего ѣсть.

Первый узналъ объ этомъ сторожъ. Оно такъ и слѣдовало, потому что онъ жилъ рядомъ съ вдовой. И узналъ онъ это самымъ страннымъ образомъ.

Дѣло въ томъ, что въ сторожкѣ была только одна печь, въ которой можно было варить кушанья. Помѣщалась она въ сѣнцахъ. И вотъ сторожъ, желая жить въ мирѣ съ сосѣдями, которыхъ онъ еще такъ недавно по своему служебному положенію не только уважалъ, но даже и боялся, зашелъ въ комнату вдовы и сказалъ:

— Я собственно къ тому, Дарья Антоновна, чтобы не было у насъ свары... И какъ печка у насъ одна и варить разомъ на два семейства невозможно, то, чтобы вы варили въ одно время, примѣрно, утречкомъ, а моя баба въ остальное время.

— Да что варить-то?—спросила его Дарья Антоновна.

Сторожъ удивился, что могъ существовать такой вопросъ.

— Какъ что? Собственно пищу варить... Вѣдь обѣдъ варить, напримѣръ, вы будете для себя, и для дочери.

— Да ты мнѣ скажи, что варить-то?—спросила его еще разъ вдова дьяка Кадилова.

На это сторожъ уже не могъ дать опредѣленнаго отвѣта, и Дарья Антоновна продолжала:

— Варить-то нечего. Ты мнѣ скажи, изъ какихъ доходовъ варить я буду? Понялъ?

— Это дѣйствительно такъ,—согласился сторожъ,—но только собственно, какъ же безъ пищи?

— Не знаю я, какъ... А только варить у меня нечего... Покойникъ пропивалъ все, что зарабатывалъ. Насчетъ пенсіи ходила я къ благочинному, такъ онъ мнѣ сказалъ, что не полагается, мало, говорить, служилъ твой дьякъ.

Сторожъ все это принялъ къ свѣдѣнію и на этотъ день выдалъ ей немного картошки, но такъ какъ онъ получалъ всего только семь рублей въ мѣсяцъ, то очень дорожилъ картошкой, и его великодушіе не могло длиться болѣе двухъ дней.

Тогда онъ рассказалъ о своемъ открытіи штатному псаломщику

Амосу Риленкѣ. Амосъ Риленко, хотя и былъ долгое время всего только сверштатнымъ псаломщикомъ, тѣмъ не менѣе въ это время размножился исправно и когда переселился въ церковный домъ, то семья его заняла всѣ углы двухъ комнатъ и кухни, въ хлѣву поселилась свинья, въ сараѣ—корова, а во дворѣ—нѣсколько куръ и двѣ собаки.

Когда сторожъ сообщилъ ему о случившемся, онъ подумалъ, а потомъ сказалъ:

— Ну, да такъ оно и должно быть! Откуда же ей взять?

— Такъ какъ же быть, Амосъ Петровичъ?—спросилъ сторожъ.

— А ужъ не знаю, не знаю... Не могу же я изъ своего дохода давать ей? У меня у самого вонъ какая капша!.. Теперь только руки развязались. Тридцать копеекъ съ рубля получаю и третій хлѣбъ съ панихиды. А то, вѣдь, братецъ ты мой, когда сверхштатнымъ былъ, на десяти копейкахъ съ рубля сидѣлъ лѣтъ восемь, а хлѣба бывало дадутъ—спасибо, а не дадутъ—и такъ пойду! А ужъ ежели и дадутъ, такъ выберутъ который похуже. Особенно ежели сама матушка дѣлится, самъ знаешь, какая она... Одно слово—сверхштатный!

Тѣмъ не менѣе и Амосъ Петровичъ выдалъ вдовѣ Филиппа Кадилова изъ своего добра довольно большую булку, три дня тому назадъ полученную на похоронахъ. Она уже изрядно подсохла, но, размочивъ въ водѣ, ее можно было ѣсть. Для вдовы и то находка.

Кромѣ того, Амосъ Петровичъ счелъ своимъ долгомъ поговорить съ вдовой о ея бѣдственномъ положеніи и, чтобы нѣсколько утѣшить ее, сказалъ:

— Мнѣ жаль васъ, Дарья Антоновна, сердечно и душевно жаль. Но что же я, напримѣръ, могу сдѣлать? Человѣкъ я маленькій, сами знаете, никакой власти не имѣю. Ежели бы я былъ, напримѣръ, архіереемъ, то я приказалъ бы выдавать вамъ, ну, хоть пять копеекъ съ рубля, а то, вѣдь, я только штатный псаломщикъ не больше, а все же, по моему мнѣнію, надобно поговорить съ отцомъ Меодіемъ. Онъ человѣкъ вліятельный. Онъ и съ благочиннымъ хорошъ, и преосвященный его любитъ. Можетъ, онъ вамъ что нибудь и хлопочетъ.

— Охъ, ты, Господи!—воскликнула вдова Филиппа Кадилова:— мнѣ бы только всего два рубля въ мѣсяцъ. Всего только два рубля. Да топлива немного, чтобъ печку протапливать. Всего-то только два рубля, Господи ты, Боже мой!..

И, говоря эти слова, она воздѣвала очи и молитвенно складывала руки по направленію къ висящему въ углу образу въ посеребренной ризѣ—единственное достояніе, какое оставилъ ей покойный мужъ.

Амосъ исполнилъ слово и въ субботу послѣ вечерни, когда они вмѣстѣ съ отцомъ Меодіемъ вышли изъ церкви, повелъ рѣчь и

о вдовѣ дьяка Кадилова. Онъ началъ издалека, такъ какъ не хотѣлъ огорчать разомъ отца Меѳодія.

— А Дарья-то поселилась въ сторожкѣ, отецъ Меѳодій; сторожа, конечно, притѣснила, да что дѣлать?.. По бѣдности, конечно!

— Что дѣлать,—откликнулся отецъ Меѳодій:—Филиппъ самъ виноватъ, могъ бы еще долго жить. Махина-то какая была! Говорилъ я ему: не пей, Филиппъ, худо будетъ, вотъ и допился.

— Конечно, онъ виноватъ, отецъ Меѳодій, какъ же не виноватъ! А только Дарью жалко, и дочка у ней горбатая... Жалко ихъ...

— А, жалко? Какъ же не жалко! Да что-жъ подѣлаешь!? Несчастье...

— Оно несчастье—это само собой! — осторожно подѣлалъ Амосъ.—да вотъ ѣсть имъ нечего, отецъ Меѳодій.

— Ёсть? Говоришь, нечего ѣсть?—спросилъ отецъ Меѳодій и чуть-чуть омрачился.

— Да, нечего, отецъ Меѳодій, доходовъ никакихъ. Прямо-таки нечего ѣсть. Мнѣ и сторожъ говорилъ, и она сама... Ужъ я булку ей пожертвовалъ... Да, вѣдь, булкой долго нельзя питаться...

— Гм... Такъ пускай она придетъ ко мнѣ, я тоже дамъ ей булку... Ахъ, несчастье! А самъ виноватъ Филиппъ, говорилъ я ему: не пей, худо будетъ, вотъ и допился... Смотри же, Амосъ, завтра въ половинѣ восьмого обѣдню звони, у меня въ городѣ дѣло есть, хочу пораньше отдѣлаться.

И отецъ Меѳодій ушелъ къ себѣ домой. Амосъ сказалъ Дарьѣ, чтобъ сходила къ нему за булкой, но онъ не могъ считать, что его разговоръ произвелъ на отца Меѳодія глубокое впечатлѣніе. Такъ вопросъ и остался открытымъ.

Дарья сильно бѣдствовала. На дворѣ стояла осень. Попахивало холодомъ. Покамѣсть можно было обходиться безъ топлива, но надвигалась зима. Кромѣ того, вотъ уже четыре недѣли, какъ они съ дочкой горячей пищи не ѣли. То Амосъ пожертвуетъ хлѣбъ, то церковный староста сжалится, пришлетъ сухарей, то отецъ Меѳодій, по особому заявленію Амоса, отпуститъ полъ-хлѣба. Дарья плакала, но это не помогало.

Въ это самое время въ голову Амосу пришла мысль, которая сперва показалась ему настолько опасною, что онъ хотѣлъ было затаить ее въ себѣ. Но затѣмъ, хорошенько подумавъ, высказалъ.

II.

Первый, кто узналъ эту мысль, была супруга Амоса. Онъ ей сказалъ:

— Я насчетъ Дарьи Антоновны думаю. Невозможно ей, напри-
мѣръ, съ дочкой такъ оставаться. Онѣ съ голоду помереть могутъ.

— А само собою могутъ,—согласилась супруга Амоса.

— И я такого мнѣнія, что, напримѣръ, ей полезно просвиры печь, и этимъ себѣ кусокъ хлѣба снискивать...

— Гм... Просвиры. А матушка? Ты полагаешь, она дастъ ей?

— Отдать—не отдасть, а только это будетъ по справедливости.

— Мало, что по справедливости. Можетъ, по справедливости тебѣ не псадомщикомъ надо быть, а, напримѣръ, протоіереемъ, а ты псаломщикъ.

— О-го-го! Хватила. Протоіереемъ! Хотя бы въ діаконы выползти. Ну, а только я полагаю, что ей, Дарьѣ Антоновнѣ, напримѣръ, безъ просвирнаго дѣла обойтись никакъ невозможно. Ничего другого не остается.

— Такъ вѣдь матушка ей глаза выцарапаетъ, она жадная?

— А ужъ это, какъ онѣ себѣ тамъ знаютъ... А я такъ думаю... И надо, чтобы сторожъ шепнулъ ей это какъ нибудь. Ей самой это въ голову не придетъ, потому что она человѣкъ забитый, а у забитаго человѣка никакихъ мыслей не бываетъ. Самъ по себѣ знаю. Когда сверхштатнымъ былъ, овца овцой ходилъ... Куда ни пихнуть тебя, идешь, какъ баранъ. А теперь, какъ утвердили, смотри, со всѣмъ другая походка у меня явилась, потому знаю, что безъ причины меня съ мѣста спихнуть никто не можетъ... Надо сказать сторожу...

— Эй, Амосъ, лучше бы ты при себѣ держалъ это! Не нажилъ бы ты на этомъ хлопотъ?!

— Зачѣмъ хлопотъ, мое дѣло сторона. Я скажу сторожу, а тамъ они сами между собой, какъ знаютъ...

Супруга Амоса покачала головой, но Амосъ вечеромъ, когда сторожъ пришелъ брать у него ключи отъ церкви, все-таки сказалъ ему:

— Ты, Михайло, сумѣй это сказать умно. Моя хата съ краю, понимаешь... Я тутъ, можно сказать, не при чемъ. А ты это умно сдѣлай! Дарьѣ Антоновнѣ тоже, вѣдь, помирать не приходится. Тоже, вѣдь, человѣкъ она, и жить ей надо. Понялъ?

— Извѣстно, надо.

— Ну, вотъ! Такъ ты ей и шепни. Не отъ себя и не отъ меня, напримѣръ, а такъ, молъ, отъ людей слышалъ, что самое, молъ, настоящее ей занятіе—это просвирное дѣло. Просвирой она уже какъ никакъ сто карбованцевъ въ годъ выручить. А для вдовы это лепта большая.

— А какъ же матушка, Амосъ Петровичъ? Матушка просвиры не отдастъ.

— А ужъ это ихнее, промежду собою дѣло. Насъ съ тобой это не касается, мы сторона, понимаешь? Ты только шепни. Доброе зерно, да ежели оно на добрую почву упадетъ, такъ ужъ оно непременно произрастетъ. Понялъ?.. А наша хата съ краю, напримѣръ. Это главное...

— Я скажу, Амосъ Петровичъ, а только не разсвирѣѣла бы матушка, тогда худо будетъ. Я мѣста лишусь, а у меня семейство. Вы, Амосъ Петровичъ, человѣкъ штатный, васъ зря не могутъ уволить, а меня во всякое время прогнать могутъ.

— Такъ ты умно скажи, понимаешь? Отъ людей, молъ, слышалъ,—вотъ и все...

Сторожъ долго колебался. Съ одной стороны видѣлъ онъ, что Амосу пришла хорошая и справедливая мысль. Онъ былъ старый и опытный церковный сторожъ. Раньше служилъ онъ сторожемъ въ другихъ приходяхъ. Не всякій человѣкъ можетъ быть церковнымъ сторожемъ. Конечно, для этого не надо учиться какимъ нибудь высокимъ наукамъ, но все же надо знать дѣло и, кромѣ того, обладать особымъ искусствомъ—трезвона на разные лады. Такимъ образомъ, за него были опытъ и искусство.

Но матушка,—это всѣмъ было извѣстно,—дама рѣшительная, захочетъ и сгонитъ, невзирая на искусство. Служилъ онъ раньше въ трехъ мѣстахъ и нигдѣ не видалъ, чтобы просвирное дѣло вела попадья. Оно даже какъ-то и неловко особѣ въ такомъ важномъ санѣ заниматься такими пустяками. Всюду дѣломъ этимъ завѣдывала либо дьяконица, либо дьячиха, а если имѣлась въ приходѣ духовная вдова, то обязательно она. Но матушка отца Мееодія держала въ своихъ рукахъ просвирное дѣло и добровольно выпустить его не захочетъ.

Тѣмъ не менѣе сторожъ рѣшился такъ или иначе повѣдать эту мысль Дарьѣ и выбралъ для этого весьма подходящій моментъ, когда Дарья вмѣстѣ съ своей дочкой, съ утра ничего не ѣвшая, попросила у него сухарей.

— Гм... сухарей,—какъ-то неопредѣленно сказалъ сторожъ:—а вы думаете, Дарья Антоновна, сухари у меня на огородѣ растутъ?

— Такъ что-жъ мнѣ дѣлать, коли ѣсть нечего?

— Вы не обижайтесь, Дарья Антоновна, это я не къ тому. Конечно, вамъ кушать надо, и я сухарей вамъ дамъ... А только я къ тому говорю, что, примѣрно, я вамъ дамъ сухарей сегодня, ну, и завтра, скажемъ, дамъ, а потомъ и у меня сухарей не станетъ... Я къ тому говорю.

— А это такъ... Разумѣется, не станетъ... Я знаю... Ты самъ человѣкъ бѣдный!

— Вотъ это самое я и говорю. Вамъ надобно и о себѣ подумать, Дарья Антоновна.

— Эхъ, сколько ни думала, ничего не могла придумать.

— Вы, Дарья Антоновна, послушайте, что люди говорятъ...

— А что мнѣ ихъ слушать? Говорятъ они много, а хлѣба мнѣ не дадутъ...

— Нѣтъ, вы только послушайте. Иной разъ и хорошо скажутъ. Примѣрно, я слышалъ... Такъ вотъ слышалъ, не знаю и отъ кого...

Такъ себѣ, человѣкъ идетъ по улицѣ и говорить: по моему, говорить, мнѣнію, вдовѣ Дарьѣ Антоновнѣ, супругѣ покойнаго дьяка Филиппа Ивановича, самое подходящее дѣло просвиры печь...

— Просвиры?

— Я это, Дарья Антоновна, не отъ себя говорю, а отъ людей... Я тутъ—стороннее лицо. Люди говорятъ такъ: ей самое справедливое дѣло просвирой заниматься... Сто карбованцевъ на худой конецъ въ годъ заработаетъ. Примѣрно въ великій постъ или въ справку большое говѣніе бываетъ. Просвира, она за семь копеекъ продается, а матеріалу на нее всего копейки на три пойдетъ, не больше—такъ это доходъ!

— Да кто же мнѣ дастъ ее, просвиру-то?

— Хе! Я вамъ такъ скажу, Дарья Антоновна, что никто ничего не даетъ, а надо взять. Примѣрно вотъ у меня въ кладовкѣ сухари есть, и они лежатъ, и съ какой стати я возьму ихъ да и отдамъ вамъ, а вотъ вы попросили, я и согласился дать. Гдѣ вы видѣли, чтобы человѣкъ шелъ по улицѣ, да и раздавалъ, скажемъ, деньги или хлѣбъ? Такого дурака вы не найдете. А надо имѣть свои права, и надо искать ихъ.

— Да гдѣ искать-то ихъ?

— А ужъ это ваше дѣло... Такъ люди говорятъ, а я тутъ не при чемъ. И вы, Дарья Антоновна, въ случаѣ какого разговора, меня и не поминайте. Я вѣдь тоже кушать хочу съ моимъ семействомъ. Я семь рублей получаю, они тоже на улицѣ не валяются.

Сухарей онъ Дарьѣ отпустилъ. И Дарья два дня ѣла ихъ вмѣстѣ съ дочкой, а на третій опять ѣсть захотѣла. Въ первое время, послѣ разговора съ сторожемъ, она даже не обсуждала вопроса о просвирѣ: до такой степени ей казалось невозможнымъ, чтобы матушка уступила ей просвирное дѣло. Но, когда очень захотѣлось ѣсть, просвира стала не давать ей покою. Старалась она всячески отдалить отъ себя эту мысль, какъ бесполезную, но просвиры рисовались ея воображенію, являлись передъ нею цѣлыми десятками, сотнями и довели ее до того, что она однажды вечеромъ надѣла на шею сильно потертый шерстяной платокъ, который она называла шалью, и отправилась къ настоятелю.

У отца Мееодія въ это время пили чай и, когда работница доложила о приходѣ Дарьи Антоновны, матушка сказала:

— Вѣдь, кажется, ей недавно выдали полъ-булки. Чего же она еще хочетъ?

Отецъ Мееодій, сидѣвшій въ свѣтломъ полукафтанѣ съ разстегнутой шеей, замѣтилъ на это:

— Душа моя, она бѣдная. Выдай ей чтонибудь!

— Бѣдныхъ много на свѣтѣ,—возразила матушка;—я не виновата, что ея мужъ пропивалъ все, что зарабатывалъ, и ей ничего не оставилъ.

— Душа моя, прошу тебя, выдай ей какіе нибудь тамъ пустяки. Мы должны помогать ближнему.

— Ну, хорошо! Дай ей мѣрочку житнихъ сухарей. Только ты намекни ей, что нельзя же каждую недѣлю просить. Мы не можемъ содержать ее.

— Матушка,—сказала работница,—онѣ желаютъ васъ видѣть и батюшку.

— Это зачѣмъ еще?

— Говорять, дѣло есть...

— Ну, вотъ глупости... Какое еще тамъ дѣло?

— Душа моя,—примирительно промолвилъ отецъ Мееодій,—почему же у нея не можетъ быть дѣло? У всякаго человѣка можетъ быть дѣло, прими ее.

— Ну, не стану же я ее приглашать сюда. Самъ посуди...

— Почему же, душа моя? Она дьячиха... Она духовнаго званія... Я не вижу причины.

Кончилось тѣмъ, что Дарью позвали въ столовую, но, когда она вошла, ее оставили стоять у порога.

Отецъ Мееодій встрѣтилъ ее ласково. Онъ всегда и всѣхъ встрѣчалъ ласково и иначе не могъ. Это было видно по его лицу—веселому, добродушному, сіяющему довольствомъ, красивому, обрамленному роскошными кудрями и шелковистой свѣтлой бородой. Это лицо сыграло большую роль въ его жизни. Какъ-то рука не подымалась обидѣть человѣка, у котораго было такое пріятное лицо.

Отецъ Мееодій не кончилъ курса семинаріи и былъ сперва дьякономъ въ деревенскомъ приходѣ, но когда онъ явился къ архіерею просить іерейскаго сана, то архіерей только взглянулъ на него, и ему уже сдѣлалось пріятно, онъ сталъ улыбаться и сдѣлалъ его священникомъ. То же лицо было причиной перевода отца Мееодія въ завидный приходъ въ пригородѣ. И, наконецъ, оно же сдѣлало его общимъ любимцемъ и благочиннаго, и консисторіи, и прихожанъ, и всѣхъ знакомыхъ, и самого преосвященнаго. И никакихъ другихъ достоинствъ не было у отца Мееодія, а только пріятное лицо. Это было счастливое лицо въ полномъ смыслѣ этого слова.

Другое дѣло—матушка. У нея было лицо непріятное, и ея никто не любилъ. Она была бездѣтна и страдала какими-то болѣзнями, которыя сдѣлали ея характеръ мрачнымъ и необщительнымъ. И лицо у нея было худое, желтое и злое. И никому не было пріятно бесѣдовать съ нею.

— Что скажешь, Дарьюшка,—спросилъ отецъ Мееодій, когда Дарья остановилась на порогѣ и низко поклонилась ему и матушкѣ?

— Что я скажу, отецъ Мееодій? Такое мое горе, что мнѣ и сказать нечего.

— Ну, вотъ,—желчно воскликнула матушка,—а говоришь по дѣлу.

— По дѣлу, матушка, именно по дѣлу. Только не знаю, какъ и сказать?

— А ты, вотъ такъ возьми да и скажи—вотъ и все,—посовѣтоваль отецъ Меѳодій.—Такъ, какъ я говорю сейчасъ. Можетъ, попросить чего желаешь?

Но Дарья на это не успѣла отвѣтить, какъ какъ матушка перебила.

— Но нельзя же весь вѣкъ просить? Человѣкъ даетъ, даетъ, да и устанетъ. Мы тоже не богачи какіе нибудь. Тоже свой хлѣбъ зарабатываемъ.

— Душа моя, ты дай ей сказать! Ну, о чемъ же ты просишь, Дарьюшка?

— Не я, отецъ Меѳодій, а люди говорятъ. Не мое это, а отъ людей...

— Что же такое люди говорятъ?

— Жить мнѣ не въ могу... Вотъ и сегодня я съ утра не ѣвши...

— Гм... Налей ей чаю, матушка. Пусть она выпьетъ...

Матушка нахмурила брови, но чаю все-таки налила. Чай вышелъ слабый, едва окрашенный, такъ какъ матушка полагала, что дьячиху не къ чему баловать крѣпкимъ чаемъ.

Но дьячиха за столъ не сѣла и чаю не взяла. Она видѣла, что ее не такъ поняли, и торопилась высказать свою мысль.

— Люди говорятъ, отецъ Меѳодій, что я должна выпросить себѣ просвирное дѣло...

— Какое это такое просвирное дѣло?—спросилъ отецъ Меѳодій, а матушка прищурила глаза и пытливо посмотрѣла на Дарью.

— На счетъ печенья просвирь... Это, говорятъ люди, твое дѣло, Дарья, это тебѣ заработокъ дастъ. На него ты и проживешь...

У матушки ротъ скривился въ презлую усмѣшку.—А умные то были люди, какъ погляжу,—сказала она.—Неглупо они тебѣ посовѣтовали. Очень даже неглупо...

— Я сама подумала такъ... Что жъ, мнѣ другого выхода нѣту, хоть съ голоду помирай.

— Гм... Меня это удивляетъ, право, удивляетъ...—какъ-то нерѣшительно промолвилъ отецъ Меѳодій. Кажется, что въ душѣ его легла тѣнь сомнѣнія, и онъ, какъ человѣкъ, не привыкшій брать на себя отвѣтственность за дѣйствія, смотрѣлъ на матушку и ожидалъ отъ нея отклика.

Дарья Антоновна, высказавъ суть дѣла, замолкла. А матушка свирѣпо кусала то нижнюю, то верхнюю губу, и опытный глазъ могъ бы разглядѣть въ ея лицѣ назрѣвавшую бурю. Вдругъ она откинулась на спинку стула, гордо подняла голову и промолвила рѣзко и отрывисто.

— А ты вотъ что, голубушка. Скажи ты своимъ умнымъ людямъ, что они дураки и къ тому же еще разбойники. И больше ты ко мнѣ съ такими дѣлами не являйся. Скажите, пожалуйста, что придумала. Вотъ тебѣ и бѣдная вдова! Скажите, пожалуйста! Просвиры. Очень, очень даже неглупо. Вотъ тебѣ и весь мой сказъ!

— Но, душа моя... началъ было отецъ Меѳодій.

— Да что—душа моя, душа моя. Я знаю твой характеръ (надо сказать, однако, что въ жизни отца Меѳодія еще никогда не было такого случая, чтобы онъ снялъ кафтанъ и отдалъ комунибудь), а я себя разорять не намѣрена. Ну, и больше тебѣ здѣсь нечего торчать. Можешь идти.

Дарья помялась съ минуту, ожидая, можетъ быть, что отецъ Меѳодій заступится за нее. Но отецъ Меѳодій, очевидно знавшій по опыту, что заступничество въ такихъ случаяхъ приводитъ къ противоположному результату, смотрѣлъ на дно своего стакана и молчалъ.

Тогда Дарья низко поклонилась и вышла. Будучи въ передней, она слышала, какъ матушка, тотчасъ же послѣ ея ухода, сорвалась съ мѣста, и въ ту же минуту изъ устъ ея полился бурный потокъ сильныхъ словъ. Но она ничего не слышала. Она старалась поскорѣе убраться.

Дома ее встрѣтилъ сторожъ.

— Ну, что Дарья Антоновна?—спросилъ онъ.

Дарья только махнула рукой и удалилась въ свою комнату.

III.

Безъ сомнѣннй, трудно было во всемъ губернскомъ городѣ вмѣстѣ съ пригородами отыскать существо болѣе смирное, чѣмъ вдова штатнаго дьяка Филиппа Кадилова. Смиряла ее многолѣтняя жизнь съ мужемъ, который только наканунѣ праздникоу, а въ самые праздники до полудня, пока не кончилась обѣдня, бывалъ трезвъ — все же остальное время своей жизни былъ пьянъ. Смиряла ее и истекавшая отъ такого положенія нужда, и внезапная потеря, со смертью мужа, того небольшого блага, какимъ она владѣла, и переходъ въ сторожку, и голодъ. Поэтому трудно было ожидать, чтобы при такихъ обстоятельствахъ Дарья Антоновна стала предпринимать чтонибудь противъ такого сильнаго въ приходѣ челоуѣка, какъ матушка.

Но зима приближалась, уже начались холода, и по утрамъ на деревьяхъ и крышахъ домовъ виденъ былъ сѣдой иней, а многочисленныя лужи, которыми изобиловали улицы предмѣстья, покрывались сверху тончайшимъ слоеуъ льда. По ночамъ было холодно въ сторожкѣ, а утромъ такъ хотѣлось согрѣть грѣшное тѣло чашкой теплаго чая и дать работу желудку при посредствѣ ломтика хлѣба, да не одному желудку, а двумъ, такъ какъ горбатая дочка тоже хотѣла ѣсть. Голодъ и холодъ самаго смиреннаго челоуѣка способны подвинуть на смѣлыя дѣла.

И вотъ въ одинъ скверный осеннй день Дарья, украсивъ свои плечи «шалю», единственнымъ предметомъ, который способенъ былъ придавать ей нѣсколько парадный видъ, покинула предмѣстье и

пошла по направленію къ городу. Если бы мы внимательно слѣдили за ходомъ дѣлъ и пристально изучали предшествовавшія этому событія, то, можетъ быть, замѣтили бы, что предварительно Дарья Антоновна совѣтовалась и съ сторожемъ, и съ Амосомъ, и даже съ его женой, которая вообще изъ осторожности держалась въ этомъ дѣлѣ въ сторонѣ. Мы могли бы сказать, что именно Амосъ и былъ виновникомъ столь рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Дарьи Антоновны, а сторожъ вполне раздѣлялъ его мнѣніе.

Но, взявъ во вниманіе, что и у Амоса и у сторожа большія семейства, и что имъ обоимъ очень важно сохранить за собою мѣста, мы не станемъ губить ихъ и потому лучше пройдемъ мимо всего этого.

Съ насъ достаточно того факта, что Дарья, накинувъ на плечи шаль, отправилась въ городъ и, дойдя до соборнаго дома, гдѣ жило счастливое соборное духовенство, вошла въ ворота и направилась къ широкому крыльцу, которое вело въ квартиру благочиннаго.

О. благочиннаго не было дома, но онъ вернулся часа черезъ полтора и, когда поднимался по ступенькамъ крыльца, то увидѣлъ худую и блѣдную женщину, которая усердно и часто кланялась ему и говорила:

— Къ вашей милости прибѣгаю, ваше высокопреподобіе! Отъ васъ спасенія жду, отецъ благочинный!

Благочинный смотрѣлъ на нее, но не узналъ. Да онъ въ сущности и не зналъ ее, какъ слѣдуетъ. Можетъ быть, видѣлъ когда нибудь, когда случалось ему бывать въ предмѣстьи. Правда, она приходила къ нему просить на счетъ пенсіи, но извѣстно, что лица просителей, особенно такихъ, у которыхъ нѣтъ шансовъ, особенно плохо сохраняются памятью.

— Кто ты такая?—спросилъ благочинный.

— Вдова штатнаго дьяка Филиппа Кадилова.

— А! Кадиловъ! Филиппъ Кадиловъ!

Когда благочинный услышалъ это имя, то для него все стало яснымъ.

— Вдова Кадилова! Ты, должно быть, на счетъ пенсіи?.. Такъ пенсіи не дадутъ. Не дослужилъ онъ, твой дьякъ, до пенсіи, потопился...

— Нѣтъ, ваше высокопреподобіе, я на счетъ другого.

— А, на счетъ другого. Ну, хорошо. Иди сюда. Иди въ домъ...

Дарья послѣдовала за нимъ и очутилась въ весьма благоустроенномъ кабинетѣ благочиннаго. Благочинный снялъ камилавку и рясу и остался въ кафтанѣ изъ толстаго сукна, потомъ пригласилъ ее сѣсть.

Дарья начала излагать свое дѣло, благочинный слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, такъ какъ все никакъ не могъ уловить сути. Дарья отъ излишняго старанія быть краснорѣчивой и трога-

тельной страшно пугалась и единственное, что могъ понять благочинный, это то, что ей съ дочерью нечего ѣсть.

— Такъ,—сказалъ онъ,—такъ. Вижу, вижу, что дѣло твое плохо. А во всемъ виноватъ твой дьякъ. Говорилъ я ему: не пей, Филиппъ, плохо будетъ, ну, вотъ и вышло... Такъ что же я могу сдѣлать? Ты говоришь, что тебѣ дали сторожку? Ну, что жъ это хорошо. Все-таки ты имѣешь пристанище. Надо за это поблагодарить добраго отца Меодія.

— Ваше высокопреподобіе! Я къ вамъ съ просьбой. Люди говорятъ, не я говорю, а люди, что мнѣ, какъ вдовѣ дьяка, безъ средствъ, подходящее дѣло просвиры печь.

— Просвиры? Что жъ прекрасно. Пеки просвиры. Хорошая мысль. Это тебя прокормитъ. Пеки просвиры.

Дарья не ожидала такого скорого и блестящаго результата, встала и отвѣсила благочинному низкій поклонъ.

— Уже я, ваше высокопреподобіе, всю жизнь съ дочерью буду за васъ Бога молить, поддержали вы бѣдную вдову.

— Да чѣмъ же я тебя поддержалъ, милая? Я ничего для тебя не сдѣлалъ. Пеки себѣ просвиры. Что жъ мнѣ отъ этого?

— И буду печь, отецъ благочинный, и прокормлюсь съ дочкой, прокормлюсь! Она у меня горбатенькая, замужъ никто не возьметъ ее. Всю жизнь должна при себѣ держать. Поддержали вы сиротъ, отецъ благочинный.

И опять Дарья отвѣсила ему низкій поклонъ.

— Ну, вотъ и хорошо!—сказалъ благочинный и всталъ, давая этимъ понять, что просительницѣ пора уходить. Но Дарья не уходила.

— Ваше высокопреподобіе, такъ вы уже разомъ сдѣлайте и распоряженіе.

— Какое распоряженіе?

— Распоряженіе на счетъ печенія просвиръ.

— Для чего же распоряженіе? Пеки себѣ просвиры, милая. Для этого никакого распоряженія не требуется.

— Ваше высокопреподобіе, такъ вѣдь просвиры печеть матушка...

— Какая матушка?

— Матушка... Отца Меодія супруга.

— Да—а? Супруга отца Меодія печеть просвиры?

— Печеть, отецъ благочинный.

— Гм... Вотъ что... Ну, и что же? Ты не просила у нея?

— Просила, отецъ благочинный, такъ она меня вонъ выгнала...

— Гм... Вотъ что. Я не зналъ, не зналъ... Это совсѣмъ другое дѣло. Совсѣмъ, совсѣмъ другое дѣло. Такъ это надо подумать, поговорить надо... Ты зайди ко мнѣ потомъ, потомъ.

— Значитъ распоряженія не будетъ, отецъ благочинный.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты погоди... Къ чему торопиться! Мы подумаемъ, поговоримъ, а ты зайди потомъ... Ну, иди, милая, у меня есть дѣла...

Дарья съ нѣсколько растеряннымъ видомъ поклонилась ему и неохотно вышла. Теперь она не знала, какъ ей надлежитъ понимать все дѣло. Одно только было ясно, что счастье, которое, какъ ей казалось, она держала въ рукахъ, отдалилось отъ нея.

За симъ послѣдовалъ рядъ событій, которыя произошли не столь явнымъ образомъ, какъ тѣ, что описаны выше, и потому о нихъ мы можемъ судить только по слухамъ.

Извѣстно, что отецъ благочинный, послѣ того какъ Дарья ушла, отправился во внутренніе покои и сказалъ своей женѣ, которая въ это время вышивала ему туфли:

— Можешь себѣ представить, мой другъ, что я узналъ? Оказывается, что супруга отца Меоодія просвиры печетъ. Никогда не ожидалъ этого. У нихъ такой богатый приходъ, что, если бы я не занималъ мѣсто въ соборной церкви, то не желалъ бы для себя лучшаго... И она еще такимъ занятіемъ не брезгаетъ, какъ печеніе просвиры, и у вдовы, понимаешь ли ты, у вдовы дьячка отнимается... Не ожидалъ, никакъ не ожидалъ...

— Ахъ, она всегда была жадная!.. Развѣ ты не зналъ? Она извѣстна своей жадностью,—сказала супруга благочиннаго.

Затѣмъ извѣстно также, что благочинный написалъ отцу Меоодию посланіе, въ которомъ, не говоря ни слова о просвирахъ, деликатно просилъ его пожаловать къ себѣ, чтобъ поговорить по одному дѣлу. Отецъ Меоодій получилъ посланіе и сказалъ:

— Это, должно быть, преосвященный по епархіи ѣхать собирается, такъ ужъ непремѣнно меня съ собой взять хочетъ.

Такъ думалъ отецъ Меоодій не безъ основанія. Давно уже ходили слухи, что преосвященный собирается ѣхать по епархіи, а ужъ если такъ, то никакъ не обойдется безъ того, чтобы онъ не взялъ съ собою отца Меоодія. Безъ отца Меоодія онъ не могъ ѣздить. Скучное путешествіе по сквернымъ проселочнымъ дорогамъ могъ оживить своимъ веселымъ лицомъ только одинъ отецъ Меоодій. Скучающему человѣку (а преосвященный все-таки былъ человѣкъ) довольно было взглянуть на его лицо, какъ ему становилось весело.

И отецъ Меоодій поѣхалъ къ благочинному. Разговоръ происходилъ у нихъ въ кабинетѣ, при чемъ дверь была плотно притворена, и никто не знаетъ, что собственно они сказали другъ другу. Знаетъ, положимъ, это супруга благочиннаго, которая стояла все время около двери въ гостиной и прислушивалась. Но она сохраняетъ это въ тайнѣ и никому не скажетъ.

Только послѣднія фразы были произнесены уже при открытыхъ дверяхъ. Благочинный, пожимая руку отцу Меоодию, сказалъ:

— Ну, однимъ словомъ, отецъ Меоодій, уладьте, пожалуйста, это дѣло: корысть отъ него небольшая, а оно, знаете, лучше будетъ намъ съ вами, лучше будетъ! А то, знаете, пойдутъ разговоры и пересуды и прочее.

Отец Меодій сказалъ въ отвѣтъ:

— Отецъ благочинный, вѣдь вы же знаете, что я, можно сказать, человекъ какъ бы подневольный. Я поговорю, крѣпко поговорю... А только... Ну, однимъ словомъ желаю вамъ здравствовать, отецъ благочинный.

И онъ удалился. А когда прибылъ домой, то позвалъ къ себѣ въ кабинетъ матушку и долго говорилъ ей что-то своимъ мягкимъ, добродушнымъ голосомъ, а у матушки въ это время глаза наливались кровью, и ея большіе зубы безжалостно кусали губы—каждую по очереди.

Послѣ этого въ кабинетѣ произошла буря, которую отецъ Меодій нѣсколько разъ пробовалъ утишить ласковымъ обращеніемъ.

— Но, душа моя... душа моя...

Но буря все-таки разразилась и окончилась тѣмъ, что матушка съ шумомъ растворила дверь и, убѣгая изъ кабинета, крикнула:

— Да, пусть онъ и не выдумываетъ, твой благочинный! Никому я не отдамъ просвирь! Никому! Слышаль? Такъ и скажи ему: не отдамъ, не отдамъ и не отдамъ. Никто себѣ не врагъ и нѣтъ такого дурака на свѣтѣ, который взялъ бы да вынулъ бы изъ кармана сто рублей и отдалъ бы другому. На, моля, кушай на здоровье. И я не такая дура. Такъ и скажи своему благочинному!

— Но, душа моя, худо будетъ, ежели дойдетъ до преосвященнаго... Непрiятно будетъ...

— А тамъ хоть и до самаго митрополита пускай доходить!

Тутъ матушка хлопнула дверью и, на подобіе вихря, промчалась черезъ всѣ комнаты, направляясь въ кухню.

Какъ разъ въ это время тамъ, въ широкомъ и высокомъ горшкѣ, имя которому было «манитра», уже высоко поднялось тѣсто, изъ котораго вечеромъ должны были печь просвиры. И, можетъ быть, никогда еще съ такимъ усердіемъ не занималась она этимъ дѣломъ, какъ въ этотъ разъ, видя въ этомъ единственный способъ отомстить своимъ врагамъ.

Отецъ Меодій долго ходилъ по кабинету, и его красивое лицо съ ясными свѣтлыми глазами смотрѣло уже не такъ весело, какъ всегда. Онъ былъ удрученъ.

Онъ думалъ о томъ, что въ сущности претензія вдовы дьяка Кадилова вполне справедлива, но у него нѣтъ никакихъ средствъ убѣдить въ этомъ свою попадью. Онъ думалъ и о томъ, что ему придется дать благочинному отрицательный отвѣтъ и, такимъ образомъ, поставить себя въ глупое положеніе. По лицу и по тону, какимъ говорилъ съ нимъ благочинный, было ясно, что онъ мысленно на сторонѣ Дарьи и, если не сказалъ этого, то лишь изъ деликатности. Благочинный очень любилъ отца Меодія и зналъ также, что преосвященный его любитъ. Всего этого было достаточно, чтобы благочинный не рѣшился на крутыя мѣры, передъ которыми онъ

не остановился бы, если бы дѣло шло не объ отцѣ Меѳодіи, а о другомъ іерее.

Но есть случаи, когда даже власть благочиннаго кончается. Есть еще консисторія, есть наконецъ преосвященный; любятъ его и въ консисторіи, ласковъ къ нему и архіерей, но не можетъ же онъ разсчитывать, что всѣ изъ-за него захотятъ сдѣлать несправедливость.

Наконецъ, самое худое то, что пойдутъ разговоры про его жадность. Будутъ говорить: вотъ человѣкъ, у котораго лучший приходъ въ городѣ. Уже, кажется, судьба взыскала его своими милостями, а ему и этого мало. Польстился на какіе-то тамъ сто рублей, и у кого урвалъ? у бѣдной вдовицы съ горбатой дочерью.

Да, будутъ такъ говорить. Непремѣнно будутъ, потому что въ городѣ и въ губерніи у него очень много враговъ. Многія духовныя лица дали бы себѣ ногу отрѣзать за удовольствіе видѣть его посрамленіе и погибель. Кто только не завидуетъ ему, человѣку, не кончившему курса въ семинаріи и, тѣмъ не менѣе, пользующемуся столь великими благами!

И грустно было лицо у отца Меѳодія, когда онъ на своей собственной маленькой телѣжкѣ ѣхалъ въ городъ къ благочинному. Когда благочинный взглянулъ, то понялъ все безъ словъ.

Они тихо бесѣдовали въ кабинетѣ, а въ заключеніе благочинный сказалъ:

— Вы знаете, отецъ Меѳодій, какъ я васъ люблю. Я васъ сердечно люблю, отецъ Меѳодій, и я буду молчать, я ничего не предприму, но... Но знаете, отецъ Меѳодій, не хорошо это, ей, ей, не хорошо! Не приличествуетъ настоятелю. И оно можетъ проявиться съ другой стороны. Вотъ что худо. Тогда и вамъ, и мнѣ стыдно будетъ.

Отецъ Меѳодій уѣхалъ отъ благочиннаго съ такимъ же печальнымъ лицомъ, съ какимъ пріѣхалъ къ нему.

Прошло уже болѣе недѣли съ той поры, когда Дарья, вдова дьяка Кадилова, была у благочиннаго. Никто не приходилъ къ ней и не предлагалъ печь просвиры. Она этому удивлялась и не разъ поздно вечеромъ бесѣдовала съ сторожемъ и также заходила къ Амосу и спрашивала: что это значитъ?

Сторожъ пожималъ плечами, такъ какъ онъ, по своей специальности, умѣлъ хорошо звонить во всѣ колокола, но не могъ достаточно хорошо смыслить въ такихъ тонкихъ дѣлахъ. Но Амосъ качалъ головой и говорилъ:

— Я вамъ скажу, Дарья Антоновна, напимѣрь, что дѣло ваше замято... Такъ я полагаю, что оно замято, и никакого распоряженія вамъ печь просвиры и не будетъ.

— Такъ какъ же мнѣ быть?— спросила Дарья Антоновна.

— Да, вѣдь, что жъ мнѣ совѣтовать вамъ, Дарья Антоновна. Я человѣкъ дѣлу посторонній, что жъ я могу посовѣтовать? Конечно, отецъ Меѳодій сильный человѣкъ, и у благочиннаго онъ сильный,

и у преосвященнаго онъ сильный. Однако я полагаю, что справедливость, напримѣръ, выше ихъ будетъ... такъ я полагаю, Дарья Антоновна, хотя я здѣсь посторонній. А ходъ такому дѣлу извѣстный. Благодичный, напримѣръ, персона, а все же надъ нимъ есть консисторія... Это я такъ себѣ говорю, а, впрочемъ, напримѣръ, я тутъ лицо постороннее, у меня жена и дѣти, сами знаете...

Дарья хорошо понимала, что и у сторожа, и у Амоса жена и дѣти, а потому во всѣхъ своихъ злоключеніяхъ ни разу не упоминала ихъ. Но изъ этого разговора она очень легко вывела мысль о томъ, что ей совершенно необходимо отправиться въ консисторію.

Можетъ быть, покажется странной такая рѣшимость со стороны смиренной вдовы дьяка Кадилова, но не нужно забывать, что у вдовы была такая сильная побудительная причина, какъ голодъ и наступавшій съ приближеніемъ зимы холодъ.

IV.

Консисторія—страшное слово для людей, носящихъ на себѣ скромное званіе дьячка, пономаря, псаломщика до дьякона включительно. Входитъ онъ въ предѣлы этого зданія робко, нерѣшительно, говорить голосомъ тихимъ, подавленнымъ, и даже тѣ, кто обладаютъ густыми басами, вдругъ начинаютъ разговаривать едва слышными альтиками.

И кажется имъ, что каждымъ своимъ шагомъ, каждымъ движеніемъ, каждымъ словомъ, даже каждой мыслью они совершаютъ дѣяніе, за которое можно сослать въ монастырь на епитимію, лишитъ прихода и тѣхъ надеждъ, которыми живетъ человѣкъ въ этой скудной доли, называемой землею.

Но, если такъ чувствуютъ себя въ этомъ зданіи люди, носящіе на себѣ, хотя и маленькіе, но все же данные имъ отъ Бога и епархіальнаго начальства чины, то ихъ горестныя вдовы и сироты, нося на себѣ только отраженіе скромныхъ достоинствъ ихъ умершихъ мужей, вступаютъ на порогъ большого казеннаго зданія, именуемаго консисторіей, испытывая такое ощущеніе, какъ будто душа временно покидаетъ ихъ и остается ждать ихъ за порогомъ.

Въ этихъ огромныхъ шкафахъ съ поцарапанной облѣзлой полировкой, въ этихъ длинныхъ тяжеловѣсныхъ столахъ, на этихъ подоконникахъ и просто въ углахъ—кучи толстыхъ дѣлъ и всякаго рода бумагъ, въ которыхъ заключается судьба всего духовенства всей губерніи. Тутъ и мѣста, тутъ и пенсіи и награды, тутъ и судъ, и расправа, и помилованіе, и кара.

А эти молчаливые люди, такъ важно и безшумно двигающіе перьями по бумагѣ знаютъ и могутъ все, что касается духовныхъ особъ. Однимъ почеркомъ пера они могутъ повернуть дѣло въ ту или другую сторону. Какъ же не дрожать при видѣ всего этого

какому нибудь смиренному пономарю, прибывшему изъ глухого захолустья ходатайствовать о переводѣ въ другой приходъ, или о награжденіи саномъ дьячка? Какъ «не потерять душу» еще болѣе смиренной вдовѣ, не умѣющей даже толкомъ выразить, въ чемъ состоитъ ея нужда? Страшное слово—«консисторія» и страшное мѣсто—этотъ большой угрюмый домъ, который носить это названіе.

Но Дарья все-таки пришла къ нему. Она не могла не прийти, потому что ее подгонялъ голодъ. Она пришла и очень долго безъ причины и цѣли стояла внизу во дворѣ, не рѣшаясь подняться наверхъ по лѣстницѣ. Но и на это она рѣшилась.

Въ большой передней два сторожа въ какихъ-то форменныхъ кафтанахъ съ мѣдными пуговицами спросили, кого ей надо — и это было первое затрудненіе, какое она встрѣтила здѣсь. Она не знала кого ей надо.

— У меня дѣло,—сказала она,—мое собственное дѣло.

— А по какому столу?

— Не знаю я, по какому оно будетъ столу...

— Такъ нельзя и доложить... Какъ же такъ? Нельзя же доложить всѣмъ разомъ.

Дарья простояла тутъ съ полчаса, все надѣясь, что выйдетъ такой человѣкъ, который пойметъ ее сразу. Но такой человѣкъ не появлялся. Въ консисторію приходили всевозможныя лица—и важныя духовныя особы въ камилавкахъ съ крестами на груди, въ красивыхъ и богатыхъ рясахъ, и заморенные деревенскіе причетники, въ замусленныхъ полукафтаньяхъ съ косичками на затылкахъ, и молодые семинаристы, только что получившіе аттестаты и высматривавшіе мѣсто подходнѣе, и такія же вдовы, какъ она. И всѣхъ сторожа опрашивали и всѣ знали, кого имъ нужно, и по какому столу, и ихъ куда-то звали, и они потомъ возвращались съ видомъ удовлетворенія.

Наконецъ, сторожъ сжалился надъ нею или ему надоѣло, что она торчитъ передъ нимъ. Онъ спросилъ ее.

— Вы, сударыня, скажите, въ чемъ такомъ ваше дѣло состоитъ? Можетъ, мы и разберемъ, кому оно принадлежитъ...

— Мое дѣло вдовье,—сказала Дарья.

— Да вдовьихъ-то дѣлъ множество. Одной вдовѣ надо хлопотать по части пенсіона, другой по дѣтской части, чтобы на казенномъ коштѣ учили ихъ, третья желаетъ мужнино мѣсто за дочкой зятю передать. Да, мало ли что, всего не переберешь!..

— Нѣтъ,—сказала Дарья,—мое дѣло совсѣмъ другое. Мое дѣло просвирное.

— Какъ такъ просвирное?

— На счетъ того, чтобъ просвиры мнѣ печь...

Сторожъ сдѣлалъ на лицѣ мину недоумѣнія.—Ну, это дѣло странное... Оно, кажется, ни къ какому столу не подойдетъ.

- Какъ же не подойдетъ? Должно подойти.
 — Да такъ... Никогда не слыхаль, чтобъ такія дѣла были... Вамъ, должно быть, придется къ самому секретарю обратиться.
 — Родной ты мой, устрой ты мнѣ это. Къ кому ни на есть, лишь бы мнѣ мое дѣло высказать...
 — Трудно. Секретарь—онъ птица большая.
 — Ахъ, да какая ужъ ни на есть тамъ птица, а только ты доведи.
 — Не знаю. Не могу ручаться. Я, пожалуй, скажу чиновнику, который при немъ.

Сторожъ ушелъ и довольно долго не возвращался. Объясняя чиновнику, въ чемъ дѣло, онъ встрѣтилъ такія же затрудненія, какія Дарья Антоновна, когда объясняла то же самое ему.

— Просвирное дѣло... На счетъ просвирь... Печенье просвирь... говорилъ онъ.

— Какія просвирь? Развѣ консисторія завѣдуетъ печеньемъ просвирь? Что ты, братецъ мой?

— Не могу знать... А только она на счетъ просвирь объясняетъ.

— Навѣрно ты чтонибудь перепуталъ.

— Нѣтъ, такъ говорю, какъ есть. Я сказалъ: такого и стола нѣтъ, говорю, а она все ожидаетъ.

— Ну, позови ее сюда...

Позвали Дарью. Она объяснила то же, что и сторожъ.

— Но, позвольте,—спросилъ ее чиновникъ,—при чемъ же тутъ консисторія? Консисторія здѣсь не при чемъ.

— Консисторія при всемъ,—отвѣтила Дарья на этотъ разъ очень твердо, такъ какъ это было ея глубокое убѣжденіе, — консисторія все можетъ сдѣлать.

— Вы полагаете?—съ иронической усмѣшкой спросилъ чиновникъ.

— Все можетъ сдѣлать консисторія, ежели захочетъ.

— Ага... А гдѣ вашъ мужъ служилъ?

— Онъ служилъ въ пригородѣ. А фамилія ему была Кадиловъ, Филиппъ.

— Ахъ, Кадиловъ!

Лицо чиновника просвѣтлѣло. Съ этимъ именемъ было связано множество смѣшныхъ и невѣроятныхъ анекдотовъ, которые рассказывала вся губернія.—Такъ вы Кадилова?

— Кадилова. Ужъ устройте, пожалуйста.

— Гм... Устроить. А кто же у васъ теперь просвирь печать?..

— Печать ихъ много уже лѣтъ матушка, отца Меодія жена.

— А, вотъ что!.. Странное занятіе для матушки. И она вамъ не даетъ? Такъ, понялъ. Такъ вы значить съ жалобой на отца Меодія?

Дарья даже испугалась этого предположенія.—Охъ, нѣтъ! Гдѣ же мнѣ съ жалобой ходить? Я не съ жалобой. Я такъ... Прошу... Потому мнѣ съ дочкой ѣсть нечего, прямо таки нечего ѣсть...

— Да, ну, знаете, съ отцомъ Меодиёмъ затѣвать дѣло не безо-

пасно. Онъ любимецъ преосвященнаго. Онъ и съ членами консисторіи хорошъ. Ужъ не знаю, что вамъ и посовѣтовать. Вы вотъ что: напишите прошеніе. Да, да, напишите прошеніе, а мы дадимъ ему ходъ, и тогда уже видно будетъ... Да, да! Тогда будетъ видно.

И, сказавъ это, чиновникъ углубился въ бумагу. Дарья отошла прочь. Написать прошеніе она сама не могла, но очень хорошо знала, что въ консисторіи никто ничего даромъ не дѣлаетъ. Между тѣмъ у нея въ карманѣ не было ни одной копейки. Вспомнила она, что дочка ея недурно умѣетъ писать, и рѣшила вернуться домой. Она прошла мимо двухъ сторожей и стала уже спускаться по лѣстницѣ. Въ это время замѣтила она, что снизу по лѣстницѣ подымается что-то величественное. Вотъ они уже поравнялись. Дарья подняла глаза. Это былъ отецъ Меѳодій.

— А, это ты, Дарьюшка!—противъ ея ожиданія, ласково заговорилъ отецъ Меѳодій,—ты что-жъ на счетъ просвирь хлопотала?

— Что-жъ мнѣ больше дѣлать, отецъ Меѳодій? Что-жъ мнѣ дѣлать бѣдной вдовѣ?

И Дарья вдругъ, неожиданно для самой себя, заплакала и вытерла слезы рукавомъ кофты. Она продолжала сквозь слезы: —голодь и холодъ, отецъ Меѳодій, погнали меня сюда, не сама я пошла, нѣтъ, не сама.

— Такъ, такъ. Но ты не плачь, не плачь... Ну, и что же тебѣ сказали тутъ въ консисторіи?

— Прошеніе подать велѣли...

— Ага! Значитъ прошеніе... Такъ... Вотъ что, голубушка, ты прошенія не подавай—это такъ уладится.

— Значитъ, матушка согласилась?

— Нѣтъ, какой тамъ, и слушать не хочетъ. А только я тебѣ говорю, уладится! И ты вотъ что: ты этого никому не говори, что видѣла меня, и что я тебѣ это сказалъ, никому, слышишь!? Ну, и иди себѣ съ Богомъ домой. Ты сегодня небось не ѣла? Ну, такъ вотъ тебѣ двадцать копеекъ. Купи себѣ хлѣба и дочкѣ... Иди съ Богомъ. Только никому, слышишь? Никому не говори...

Дарья съ изумленіемъ посмотрѣла на отца Меѳодія, взяла двадцать копеекъ и пошла внизъ, а онъ поднялся въ консисторію.

V.

Эта встрѣча, если хорошо вникнуть въ дѣло, безъ сомнѣнія, заключала въ себѣ нѣчто роковое.

Дѣло въ томъ, что отецъ Меѳодій въ консисторію зашелъ просто по пути, рассчитывая тамъ встрѣтить благочиннаго и перекинуться съ нимъ двумя-тремя словами. Но, подымаясь по лѣстницѣ, думалъ онъ о вдовѣ дьяка Кадилова, Дарьѣ Антоновнѣ.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ переживалъ борьбу. Въ сущности онъ былъ человѣкъ мягкій и добрый, но въ то же время лѣнивый и равнодушный. Онъ могъ бы сто лѣтъ смотрѣть на то, какъ вдова дьяка Кадилова изнываетъ отъ голода и холода и, пожалуй, искренно скорбѣть по этому поводу, но изъ лѣни не сдѣлалъ бы ни одного шага, чтобы улучшить ея положеніе.

Но тутъ дѣло было совсѣмъ другого рода. Благочинный хотя и любилъ отца Меѳодія, но былъ человѣкъ слабый и не могъ удержаться, чтобъ не высказать кое-кому изъ близкихъ людей свое удивленіе по поводу того, что матушка отца Меѳодія дорожить такими пустяками, какъ просвиры.

Съ своей стороны и штатный псаломщикъ Амось Риленко тоже разсказалъ кое-кому изъ низшей іерархіи, а церковный сторожъ проговорился кое-кому изъ прихожанъ пригорода. Въ результатѣ получилось, что всѣ знали о событіи, случившемся въ пригородѣ; и отцу Меѳодію показалось, что кое-кто при встрѣчѣ даже намекалъ ему на это.

Такъ одинъ молодой батюшка, котораго недавно помѣстили на самомъ скудномъ приходѣ и который поэтому страшно завидовалъ отцу Меѳодію, встрѣтился съ нимъ на улицѣ и, бесѣдуя о погодѣ, вдругъ безъ всякаго повода сказалъ:

— Да, дурная погода, отецъ Меѳодій, а особенно плохо отъ нея приходится бѣднымъ вдовамъ духовнаго званія, которыя живутъ въ сторожкахъ!

Тутъ отецъ Меѳодій протянулъ ему руку и началъ торопливо прощаться. Были и другіе намеки, и отецъ Меѳодій, рѣшивъ, что столь худая молва не приличествуетъ его положенію, вступилъ въ дѣятельную борьбу съ своей матушкой.

Но что подѣлаешь съ упорнымъ женскимъ характеромъ? Она затвердила себѣ, что, хотя бы молъ самому митрополиту жаловались—все равно она не дура и добровольно хорошаго дѣла изъ рукъ не выпуститъ. Отецъ Меѳодій привелъ ей всѣ доказательства, какія только зналъ, но она стояла на своемъ.

— Наконецъ,—сказалъ онъ ей,—неужели ты хочешь, чтобы самъ преосвященный вмѣшался въ дѣло и предписалъ?

— Преосвященный? Вотъ еще выдумалъ! Станетъ преосвященный заниматься такими пустяками,—я думаю, у него дѣла поважнѣе есть.

Однимъ словомъ, отецъ Меѳодій убѣдился, что тутъ разумными доводами ничего не подѣлаешь, и рѣшился на сильное средство, такое средство, на какое, можетъ быть, никто никогда еще не рѣшался. Онъ и шелъ осуществить его, а, встрѣтившись съ Дарьей, только укрѣпился въ своемъ рѣшеніи.

Въ консисторіи онъ не нашелъ благочиннаго, но ему показалось, что чиновники смотрѣли на него какими-то странными глазами. Особенно тотъ чиновникъ, который принималъ по дѣламъ къ секретарю. Онъ поскорѣе ушелъ и направился прямо къ архіерею.

На немъ была новая темнокоричневая суконная ряса, камилавка а на груди крестъ. Курчавые волосы свои и бороду онъ расчесалъ, густымъ гребнемъ.

Швейцаръ и келейникъ, увидѣвъ его, просіяли, какъ сіяли всѣ при встрѣчѣ съ отцомъ Меоодіемъ. Преосвященный былъ дома и, когда ему доложили о приходѣ отца Меоодія, несмотря на то, что страдалъ въ это время отъ ревматизма, улынулся и сказалъ:

— А! отецъ Меоодій! вотъ хорошо! Проси, проси его.

И вотъ уже отецъ Меоодій стоитъ передъ архіереемъ, беретъ у него благословеніе, а потомъ, по приглашенію хозяина, сидитъ на стулѣ, тогда какъ самъ архіерей въ креслѣ,—другъ противъ друга.

— Ну, съ чѣмъ пришелъ, отецъ Меоодій? говори, исповѣдайся,—молвилъ архіерей, который никакъ не могъ разговаривать съ отцомъ Меоодіемъ серьезно.

— Пришелъ, ваше преосвященство, съ безпокойнымъ дѣломъ.

— Неужели съ безпокойнымъ? Да неужто и у тебя бываютъ безпокойства? А лицо у тебя такое, что не повѣрилъ бы. У тебя лицо самага счастливаго человѣка, отецъ Меоодій.

— Я и не жалуясь, ваше преосвященство. Я счастливъ. Особливо вашею милостію взысканъ, ваше преосвященство. А дѣло мое такое, что я какъ бы на себя самъ жалуясь и прошу учинить съ меня строгое взысканіе...

— Это любопытно, отецъ Меоодій. Такое дѣло только съ тобой и можетъ случиться.

— Умеръ въ моемъ приходѣ извѣстный вашему преосвященству дьякъ Кадиловъ.

— Ну, какъ же не извѣстный? Весьма печальной извѣстности дьякъ Кадиловъ.

— И оставилъ послѣ себя вдову съ дочерью.

— И ты обидѣлъ вдову? А? Притѣснилъ? Не повѣрю. У тебя такое лицо, что ты никого притѣснить не можешь.

— Ахъ! ваше преосвященство!.. Но у меня есть жена.. И пекла она много лѣтъ просвиры для церкви и для продажи. А теперь бѣдственной вдовѣ надо бы это дѣло передать, а она не хочетъ...

— Должна передать,—сказалъ преосвященный.—'Это по обычаю—лепта вдовицы. Обязана передать.

— Я и говорю ей, что должна. А она не слушаетъ. Болѣзненная и оттого норовистая она, ваше преосвященство. И вдова эта благочинному жаловалась и въ консисторію ходила.

— Такъ и благочинный и консисторія ничего не могли подѣлать съ твоей женой? А? Ну значить сила же твоя попадья, отецъ Меоодій, большая сила! Выходить, что и ты претерпѣваешь кое-что въ жизни. А? На всякаго человѣка, даже на самага счастливаго, имѣется своя кара. Вотъ я отъ ревматизма претерпѣваю, а ты отъ

жены. А что хуже—не знаю. Такъ чего же ты отъ меня желаешь, отецъ Меодій?

— Желаю, чтобъ ваше преосвященство строго предписали мнѣ передать печеніе просвирь вдовѣ дьяка Кадилова. Тогда уже нельзя будетъ не исполнить.

— А жена твоя тогда тебя пополамъ перепилить... А? Ну, вотъ что. Я въ воскресенье хотѣлъ отслужить обѣдню въ какойнибудь приходской церкви—избираю твою. И завтра ты получишь о семъ бумагу. А остальное предоставь моему хитроумію. Постараюсь такое предписаніе сдѣлать, чтобы и вдовицѣ польза была, и жена твоя тебя оставила въ цѣлости. Ну, иди съ миромъ!

На другой день, дѣйствительно, въ пригородѣ была получена бумага, которую принялъ и росписался въ книгѣ штатный псаломщикъ Амосъ Риленко. А, получивъ бумагу, онъ, разумѣется, не выдержалъ и прочиталъ ее. А прочитавъ вдругъ позвалъ громкимъ голосомъ не только своихъ жену и дѣтей, но послалъ въ сторожку за сторожемъ и за Дарьей и за ея дочерью, а когда всѣ собрались, Амосъ прочиталъ вслухъ слѣдующее:

«Симъ доводится до свѣдѣнія причта пригородной церкви, что его преосвященство изъявилъ желаніе отслужить литургію въ той церкви въ воскресенье, такого-то числа. При семъ присовокупляется, что его преосвященству благоугодно совершать службу непременно на просфорахъ, отъ лепты вдовицы умершаго дьячка, Филиппа Кадилова, происшедшихъ».

Услышавъ такое предписаніе, Дарья тутъ же на мѣстѣ принялась плакать отъ радости, а когда Амосъ отнесъ бумагу отцу Меодію, онъ, познакомившись съ нею, не говоря ни слова, отослалъ бумагу матушкѣ.

Минуты черезъ двѣ работница принесла бумагу обратно.

— Что же сказала матушка?—спросилъ отецъ Меодій.

— Матушка сказали: пусть она подавится ими, этими просвирами!...

— Ну, слава Богу!—сказалъ отецъ Меодій и съ облегченіемъ перекрестился.

А на другой день въ сторожкѣ были несказанныя хлопоты. Это было уже дѣломъ Амоса уговорить церковнаго старосту дать Дарьѣ для перваго раза муки и дрожжей, и закипѣла работа, въ которой приняли участіе всѣ члены семейства церковнаго сторожа.

Въ воскресенье, въ пригородной церкви была архіерейская служба. Преосвященный служилъ торжественно, совершая литургію на просвирахъ, «отъ лепты вдовы умершаго дьячка Кадилова происшедшихъ». Лицо отца Меодія было такое веселое, какимъ никогда еще не бывало. Дарья стояла позади клироса въ своей торжественной шали и усердно молилась. Только матушка, несмотря на столь торжественную службу, совсѣмъ не явилась въ церковь.

Такъ была восстановлена справедливость въ пригородѣ губернскаго города.

И. Потапенко.

НА ЦАРСКОМЪ ПУТИ.

(Черты изъ жизни графа Д. Е. Остенъ-Сакена).

«А тамъ Сакенъ-генераль
«Все акаеисты читалъ
«Богородицъ»...
(Солдатская пѣсня).

I.

РОБЪЗЖАЯ минувшимъ лѣтомъ чрезъ Елизаветградскій уѣздъ Херсонской губери, по дорогѣ, носившей еще не такъ давно названіе «Царскаго тракта», я совершенно неожиданно очутился въ имѣніи наслѣдниковъ извѣстнаго графа Дмитрія Ерооевича Остенъ-Сакена. Такъ какъ молва о причудахъ этого историческаго лица, а также о достопримѣчательностяхъ его помѣстья, уже не разъ доходила до моего слуха, то весьма естественно, что я не преминулъ воспользоваться представившимся мнѣ случаемъ, чтобы осмотрѣть графскую усадьбу и разспросами у мѣстныхъ старожилонъ пополнить запасъ имѣвшихся у меня свѣдѣній касательно покойнаго Остенъ-Сакена. Собранный мною при этомъ матеріалъ дастъ мнѣ возможность представить довольно вѣрную и не безынтересную картину частной жизни этого оригинальнаго человѣка; однако, прежде считаю нелишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ по поводу происхожденія названія: «Царскій трактъ».

До появленія въ Новороссіи желѣзныхъ дорогъ, особы императорской фамиліи, а также другія высокопоставленныя лица, совершали путешествіе на югъ, въ Одессу или Крымъ, на лошадахъ,

направляясь большею частью по дорогѣ, пересѣкающей Елизаветградскій уѣздъ Херсонской губ. и ведущей къ городу Николаеву. Въ указанной мѣстности высокіе гости часто и даже подолгу останавливались то въ имѣніи графа Остенъ-Сакена, то въ усадьбѣ Д. И. Лорера, лежащей верстѣ на 20 южнѣе мѣстечка Ольгополя (оно же — «Графское»). Вотъ эти-то проѣзды, а въ особенности остановки, и упростили за дорогой названіе «Царской». Наканунѣ проѣзда кого либо изъ высокихъ путешественниковъ, къ почтовой станціи доставлялись лошади со всей окрестности, и изъ нихъ выбирались, конечно, самыя лучшія; для достиженія этой цѣли лошадей запрягали обыкновенно поочередно (по 8—12 паръ цугомъ) въ большой возъ, нагруженный тяжелою кладью, и гнали ихъ во весь духъ до слѣдующей станціи; если во время этого перегона какая нибудь лошадь падала, то владѣлецъ ея получалъ впоследствии приличное вознагражденіе изъ рукъ царскаго казначея, слѣдовавшаго постоянно въ хвостѣ императорскаго поѣзда; павшее животное замѣнялось другимъ, и такимъ образомъ испытаніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока не оказывались въ запряжкѣ лошади, могущія съ быстротою вѣтра и безъ всякихъ приключеній пробѣжать перегонъ въ 20—25 верстѣ.

Чаще всего останавливался въ домѣ Остенъ-Сакена императоръ Николай Павловичъ, пріѣзжая осматривать южнорусскія военныя поселенія и расположенныя въ Новороссіи войска. Объ одномъ изъ такихъ пріѣздовъ императора къ графу мнѣ пришлось слышать отъ мѣстнаго церковнаго старосты, престарѣлаго крестьянина, слѣдующій разсказъ. Получивъ извѣщеніе о днѣ прибытія императора въ м. «Графское», Остенъ-Сакенъ въ назначенное время уже находился на почтовой станціи; тутъ же присутствовала почти вся графская дворня, одѣтая въ парадные костюмы, и почетный караулъ отъ уланскаго полка; самъ графъ былъ въ полной формѣ съ массою различныхъ орденовъ на груди, представлявшей собою настоящій иконостасъ; Д. Е. поминутно выходилъ на дорогу и пристально всматривался вдаль. Наконецъ, ровно въ 12 часовъ дня, на дорогѣ показалось густое облако пыли, скрывавшей царскій поѣздъ, который чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже у станціи.

— Его императорское величество изволить почивать,—сообщилъ кто-то изъ генераловъ, обратившись къ Остенъ-Сакену, направлявшемуся уже къ государевой каретѣ.

— Это ничего,—отвѣтилъ съ улыбкой графъ, открывая къ великому ужасу присутствующихъ дверцу экипажа.

Императоръ Николай Павловичъ, несмотря на остановку кареты и стукъ отворяемой дверцы, продолжалъ почивать глубокимъ сномъ. Видя это, графъ Д. Е. взялъ слегка ногу государя и, тряся ею, произнесъ громко:

— Ваше императорское величество, проснитесь!..

При первыхъ звукахъ этого голоса государь быстро приподнялся

и съ видомъ крайняго изумленія и даже гнѣва посмотрѣлъ на дерзкаго, осмѣливагося потревожить сонъ самодержца Россіи; узнавъ Остенъ-Сакена, государь моментально выскочилъ изъ экипажа и, поздоровавшись самымъ радушнымъ образомъ съ Д. Е., сказалъ:

— Извини, пожалуйста, меня, любезный графъ, что я оказался въ отношеніи тебя такимъ невѣжею; вѣдь мнѣ было хорошо извѣстно, что ты выѣдешь встрѣчать меня на станцію...

Съ этими словами онъ взялъ за руку Остенъ-Сакена и, сѣвъ съ нимъ въ другую карету, направился къ графской усадьбѣ... Случай этотъ служить доказательствомъ того, какимъ расположеніемъ и даже любовью со стороны царственныхъ особъ пользовался покойный графъ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, графа также часто посѣщаль и государь Александръ II Николаевичъ, проводившій здѣсь иногда цѣлые дни. Еще до сихъ поръ въ памяти нѣкоторыхъ лицъ графской дворни свѣжо воспоминаніе о томъ обѣдѣ, которымъ угощаль Остенъ-Сакенъ этого государя вскорѣ послѣ покушенія Каракозова. По рассказамъ очевидцевъ, какъ изготовление обѣда, такъ и подача его, сопровождалась рядомъ предосторожностей и формальностей, не говоря уже о томъ, что главный надзоръ за всѣмъ дѣломъ былъ порученъ одному изъ высшихъ генераловъ, пользовавшихся особеннымъ довѣріемъ императора. Изъ кухни пища передавалась прежде всего на расположенный у двери обѣденнаго зала небольшой столикъ, за которымъ сидѣлъ лейбъ-медикъ и пробоваль каждое блюдо; отсюда уже оно передавалось на царскій столъ. По обѣ стороны входа въ столовую находились часовые съ саблями наголо; позади государя стояли два лейбъ-казака. Не зная, что подобныя предосторожности были вызваны печальными обстоятельствами послѣдняго времени, народъ пришелъ къ тому заключенію, что императоръ всегда и повсюду обѣдаетъ при такой обстановкѣ.

II.

Причиною расположенія и довѣрія къ Д. Е. Остенъ-Сакену со стороны двухъ русскихъ монарховъ была неподкупная честность графа, а также его феноменальное безкорыстіе и непоколебимая преданность престолу и отечеству. Самъ Д. Е. неоднократно говариваль:

— Любовь и вниманіе къ себѣ батюшки-государя я заслужилъ тѣмъ, что всегда оберегалъ интересы казны паче собственныхъ... И въ то время, когда графъ X., князь Y. и князь Z. подъ шумокъ войны сумѣли сколотить себѣ кругленькіе капиталы и приобрѣли затѣмъ имѣнія въ 10 и болѣе тысячъ десятинъ земли,—я на свой счетъ организоваль цѣлый кавалерійскій полкъ, одѣваль и кормилъ его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, затрачивая на это огромныя деньги... Все это и было въ послѣдствіи по справедливости оцѣнено импера-

торомъ, который назначилъ мнѣ двѣнадцати-тысячную аренду и повелѣлъ отрядить въ мою усадьбу особый конвой подъ командой офицера; этотъ отрядъ солдатъ былъ предназначенъ для меня въ видѣ личной охраны по день моей смерти.

Необходимо замѣтить здѣсь, что формированіе названнаго полка оказало большую услугу въ свое время всей Новороссіи. Дѣло въ томъ, что въ первую половину текущаго столѣтія наши черноморскія степи были переполнены различными бродягами, большинство которыхъ принадлежали къ числу бѣжавшихъ отъ жестокихъ помѣщиковъ крестьянъ; остальная же часть этой вольницы состояла изъ всевозможныхъ преступниковъ, ухитрившихся улизнуть изъ рукъ правосудія. Пока еще сельскохозяйственная промышленность здѣшняго края находилась въ зачаточномъ состояніи, а обширныя пространства Новороссіи оставались малонаселенными,—этотъ бродячій элементъ промышлялъ разбоями и грабежами, нападая преимущественно на чумацкіе обозы, а также на знатныхъ и богатыхъ лицъ, проѣзжавшихъ по большимъ дорогамъ. По мѣрѣ развитія земледѣлія и увеличенія жителей въ южнорусскихъ степяхъ здѣшнимъ бродягамъ приходилось перекочевывать въ болѣе пустынные восточныя и юговосточныя мѣстности, или же входить въ составъ туземнаго осѣдлаго населенія и приниматься за честный трудъ; однако, подобныя переселенія и «обращенія» совершались до того медленно, что даже въ концѣ сороковыхъ годовъ мѣстное начальство имѣло еще не мало хлопотъ съ полудикою вольницей, являвшейся въ исторіи Новороссіи однимъ изъ весьма важныхъ препятствій въ отношеніи сельскохозяйственнаго прогресса. Невзирая на рядъ самыхъ энергичныхъ мѣръ, принятыхъ противъ здѣшнихъ бродягъ со стороны генераль-губернатора М. С. Воронцова, они все-таки отъ времени до времени напоминали о своемъ существованіи, производя попережнему нападенія на путешественниковъ и даже на помѣщичьи усадьбы. Преслѣдуемые же, однако, постоянно властями эти искатели приключеній доведены были въ концѣ концовъ до того, что стали искать спасенія на службѣ у южнорусскихъ землевладѣльцевъ, а также у богатыхъ нѣмцевъ-арендаторовъ и поселянъ, обязываясь исполнять хозяевамъ всевозможныя работы почти задаромъ, лишь бы избѣжать тюрьмы и ссылки; въ свою очередь хозяева могли весьма удобно скрывать нелегальныхъ работниковъ отъ зоркихъ глазъ исправника и становаго пристава, которые, впрочемъ, и сами частенько смотрѣли сквозь пальцы на подобные поступки мѣстныхъ помѣщиковъ и арендаторовъ, получая зато весьма приличную мзду. Нечего, разумѣется, и говорить, что, пользуясь трудомъ безпаспортнаго люда, такіе хозяева очень рѣдко расплачивались добросовѣстно съ своими рабочими, которые по своему положенію безусловно не могли жаловаться на незаконныя дѣйствія помѣщика. Въ силу послѣднихъ обстоятельствъ, черноморская вольница еще долго могла бы

влачить свое преступное, но жалкое существованіе, если бы на помощь новороссійской администраціи не явился графъ Остенъ-Сакенъ, затѣявшій сформировать изъ адѣшнихъ бродягъ кавалерійскій полкъ. Получивъ на это разрѣшеніе правительства, Д. Е. принялся за дѣло съ такимъ умѣньемъ и энергіей, что не прошло и года, какъ въ его рукахъ оказалась значительная часть степныхъ «гайдамакъ». По словамъ очевидцевъ, въ это время по всѣмъ направленіямъ Новороссіи день и ночь скакали графскіе люди и полицейскіе чины, розыскивая бродягъ и вообще всякаго рода подозрительныхъ людей. Не было деревушки, хутора, оврага и дѣска, куда бы не заглянули ищейки Остенъ-Сакена. Слѣдствіемъ этого было то, что остальная «вольница» успѣшила частью скрыться въ дѣса Бессарабіи и прикубанскія степи, а частью сочла болѣе благоразумнымъ приписаться всякими правдами и неправдами къ разнымъ мѣщанскимъ обществамъ. Лица же, вошедшія въ составъ сформированнаго графомъ Остенъ-Сакеномъ полка, получили полную «амнистію» и, принявъ вскорѣ участіе въ севастопольской кампаніи, выказали рѣдкую храбрость и самоотверженіе въ борьбѣ съ врагами отечества. Впослѣдствіи этотъ полкъ былъ зачисленъ въ регулярную кавалерію и получилъ названіе О-скаго уланскаго полка.

III.

Въ 1856 г. графъ Д. Е. оставилъ дѣйствительную службу и всецѣло посвятилъ себя хозяйству, дѣламъ благотворительности и молитвѣ. На первыхъ порахъ его сельскохозяйственныя занятія шли довольно успѣшно, благодаря энергіи самого владѣльца, а также умѣнію его управителя изъ поляковъ.

Въ это время земледѣліе и скотоводство въ имѣніи графа Остенъ-Сакена было поставлено вполне рационально, служа такимъ образомъ примѣромъ для всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ.

Кромѣ прекрасныхъ плуговъ иностранной конструкціи, онъ ввелъ еще въ своемъ хозяйствѣ такъ называемыя «балансовыя» бороны, которыхъ, несмотря на ихъ несомнѣнныя достоинства, теперь уже почти нигдѣ не видно въ Новороссіи. Особенность этихъ боронъ состояла въ томъ, что онѣ, двигаясь по полю, принимали круговращательное движеніе, способствовавшее быстрому и прекрасному разрыхленію почвы. Для улучшенія своихъ овецъ и рогатаго скота графъ выписывалъ племенныхъ производителей изъ Германіи, Швейцаріи и Франціи, не останавливаясь въ этомъ отношеніи ни предъ какими затратами.

Всѣ административныя лица графскаго имѣнія боялись Остенъ-Сакена, какъ огня; причиною этого было то, что графъ Д. Е., несмотря на свою доброту, старался все-таки держать подчиненныхъ ему людей въ строгихъ рукахъ, а, отличаясь подчасъ необычайною

вспыльчивостью, онъ могъ расправиться съ любымъ изъ своихъ низшихъ «администраторовъ» чисто повоенному; однако, все увеличивающаяся съ теченіемъ времени наклонность графа къ мистицизму и пунктуальному исполненію мельчайшихъ религіозныхъ обрядностей послужила причиною того, что экономическая сторона хозяйства Остенъ-Сакена скоро сильно пошатнулась; въ особенности это стало для всѣхъ очевидно тотчасъ послѣ смерти управителя-поляка, который отличался рѣдкими административными способностями и глубокимъ знаніемъ агрономіи. Графъ искренно и долго сожалѣлъ о потерѣ этого разумнаго, добраго и честнаго человѣка. Въ усадьбѣ Остенъ-Сакена до сихъ поръ можно видѣть могилу этого управителя; на ней находится прекрасная плита съ краткою, но весьма выразительною надписью на польскомъ языкѣ. Разстройству графскаго хозяйства не мало способствовало еще то обстоятельство, что Д. Е. сильно увлекался сооруженіемъ различныхъ зданій и безграничною благотворительностью. Очутившись въ уединеніи деревенской жизни, графъ въ скоромъ времени принялся за постройку въ своемъ имѣніи церкви, мѣсто для которой было выбрано среди весьма живописной рощи, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень отъ барскаго дома. Это сооруженіе сильно интересовало Д. Е., и онъ проводилъ значительную часть дня, сидя на какомънибудь камнѣ вблизи возводимаго зданія. По окончаніи постройки храма совершенно было торжественное освященіе его въ присутствіи многихъ высокопоставленныхъ особъ и императрицы Маріи Александровны, которая прибыла для этой цѣли изъ Петербурга по просьбѣ графа. Находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ покойнымъ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ, Остенъ-Сакенъ получилъ отъ него для своей церкви частицы св. мощей многихъ угодниковъ. Эта святыня и до сихъ поръ хранится въ алтарѣ храма, привлекая всегда массу молящихся. Въ той же рощѣ, распланированной отчасти наподобіе Геосиманскаго сада вблизи Іерусалима, находится еще нѣсколько предметовъ, заслуживающихъ вниманія туриста. Такъ, на примѣръ, въ одномъ изъ искусственныхъ гротовъ было устроено графомъ даже нѣчто въ родѣ вилеемскаго вертепа съ яслями и красивою звѣздой. Здѣсь также находилась частица святыхъ мощей, горѣла неугасимая лампада и въ опредѣленные дни совершалось богослуженіе; въ праздникъ же Рождества Христова подлѣ яслей привязывался для большей реальности и осель. Въ этомъ вертепѣ безотлучно находился особый старикъ-монахъ, получавшій содержаніе отъ графа и обязанный слѣдить за чистотою и неприкосновенностью вертепа. Послѣ смерти Д. Е. вертепъ существовалъ еще около десяти лѣтъ; но затѣмъ, вслѣдствіе образовавшейся вверху грота трещины, велѣно было вынести оттуда всѣ священные предметы и навсегда упразднить эту странную «копію» съ вилеемской святыни.

Неподалеку отъ храма была расположена еще часовня, устроенная надъ фамильнымъ склепомъ графовъ Остенъ-Сакеновъ и тоже напоминавшая собою часовню, устроенную надъ гробомъ Господнимъ. Въ прежнее время по обѣ стороны ея дверей были нарисованы даже турецкіе часовые, якобы оберегающіе входъ въ одну изъ величайшихъ христіанскихъ святынь. Здѣсь тоже горѣла неугасимая лампада, стояла гробница со св. мощами и часто служились панихиды, на которыхъ постоянно присутствовали самъ графъ, а иногда и члены его семейства. Но самую интересную достопримѣчательность рощи составляла подлинная келья извѣстнаго русскаго святителя, Димитрія Ростовскаго. Перевозка этой кельи на разстояніи почти 2000 верстъ стоила графу не малыхъ денегъ и хлопотъ; кромѣ того, осуществленіе подобной затѣи сопряжено было еще съ массою другихъ затрудненій; и только благодаря участію того же митрополита Филарета, Остенъ-Сакену удалось довести до конца задуманное дѣло. Въ виду того, что доставленная въ усадьбу графа келья отличалась уже необыкновенною ветхостію, пришлось устроить надъ нею особаго рода каменное прикрытіе; сама же келья была превращена въ часовню, гдѣ, кромѣ иконы, подсвѣчниковъ съ восковыми свѣчами, аналоя и другихъ священныхъ предметовъ, постоянно горѣла лампада предъ частию мощей св. Димитрія Ростовскаго. На самомъ берегу большого пруда, занимавшаго глубокую долину среди рощи, стояли три довольно изящныхъ домика, для помѣщенія въ нихъ трехъ инвалидовъ О—скаго полка, шефомъ котораго графъ состоялъ до самой своей смерти. Какъ только кто либо изъ этихъ инвалидовъ умиралъ, Д. Е. тотчасъ же замѣщаль свободную вакансію новымъ лицомъ изъ числа солдатъ того же полка. На обязанности этихъ инвалидовъ лежалъ, между прочимъ, присмотръ за рощей, а также забота о поддержаніи въ должной чистотѣ лѣсныхъ дорожекъ и двора подлѣ домиковъ. Общее наблюденіе за рощей принадлежало садовнику Матвѣю, которому было памятно еще возникновеніе этого лѣса. По его словамъ (старикъ, кажется, уже умеръ), графъ сядетъ бывало на лошадь и ѣдетъ по отведенному для рощи мѣсту, а садовникъ долженъ ставить колья въ тѣхъ точкахъ, гдѣ стояли лошадиныя ноги; затѣмъ на этихъ мѣстахъ производилась посадка деревьевъ. Часто графъ, проѣзжая по извилистымъ дорожкамъ рощи въ небольшомъ экипажѣ, приказывалъ садовнику водить подъ уздцы лошадь по нѣскольку часовъ сряду; при этомъ Остенъ-Сакенъ строго смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы колеса экипажа не портили на поворотахъ правильности дорожекъ; если же это случалось, то на голову неосторожнаго садовника сыпался градъ самыхъ отборныхъ ругательствъ, а то и ударовъ хлыстомъ. На первыхъ порахъ Матвѣй, конечно, безропотно переносилъ эту ругань и «заушенія», но впоследствии, когда графъ по причинѣ старости сдѣлался глухъ, садовникъ, выслушивая брань Остенъ-

Сакена, тоже не оставался въ долгу, осыпая съ своей стороны отборными ругательствами и барина.

Графъ, какъ оказывалось, хотя и не слышалъ, но отлично понималъ, въ чемъ дѣло, и когда садовникъ слишкомъ ужъ возвышалъ голосъ, онъ спокойно произносилъ слѣдующую фразу:

— Матвѣй, закрой ротъ, а не то языкъ простудишь...

Домики инвалидовъ были просторны, свѣтлы и чисты; какъ наружная, такъ и внутренняя отдѣлка ихъ отличалась довольно изящнымъ видомъ; полы въ каждомъ изъ нихъ были сдѣланы изъ разноцвѣтныхъ камней, представляя собою нѣчто въ родѣ инкрустацій. Не задолго до своей смерти Остенъ-Сакенъ вздумалъ было построить на мѣстѣ этихъ домиковъ настоящій пріютъ для нѣсколькихъ десятковъ престарѣлыхъ лицъ; но затѣя его не суждено было осуществиться. Изъ всѣхъ домиковъ до настоящаго времени уцѣлѣлъ только одинъ; въ немъ теперь живутъ въ качествѣ пансіонеровъ старикъ-регентъ и какая-то вдова; оба и до сихъ поръ получаютъ ежегодно отъ наслѣдниковъ графа незначительное денежное вспомошествованіе.

IV.

Домъ Остенъ-Сакена представлялъ собою довольно оригинальное зданіе. Выстроенный еще чуть ли не въ концѣ прошлаго столѣтія и отличавшійся прежде весьма скромными размѣрами, онъ съ теченіемъ времени такъ расширился множествомъ разнообразнѣйшихъ пристроекъ, что къ концу семидесятыхъ годовъ, по своему внѣшнему виду, уже напоминалъ не то Ноевъ ковчегъ, не то какой-то гигантскій грибокъ. Во всемъ домѣ была только одна сколько нибудь порядочная обширная и высокая комната; это — гостиная, замѣчательная, между прочимъ, тѣмъ, что представляла внутренность какой-то богатой кунсткамеры, въ которой хранилось безчисленное множество весьма дорогихъ и рѣдкихъ подарковъ, пожалованныхъ Остенъ-Сакену въ разное время высочайшими особами. Особенно же оригинальностью и простотою отличался кабинетъ самого графа. Онъ былъ сдѣланъ на подобіе сруба обыкновенной крестьянской избы въ строго выдержанномъ старо-русскомъ стилѣ. Внутри этого кабинета не было ни обоевъ, ни какихъ либо другихъ украшеній, если не считать изящной рѣзной работы вокругъ оконъ и дверей. Въ комнатѣ находились только: простая походная кровать, небольшой столъ, покрытый чернымъ сукномъ, и аналой, на которомъ постоянно лежало раскрытое евангеліе; по обѣ стороны аналая, а также въ переднемъ углу подъ образами, стояли большіе подсвѣчники (ставники) для восковыхъ свѣчей; позади аналая стояло большое распятіе. Въ кабинетѣ также теплилась неугасимая лампада. Такимъ образомъ эта комната во многомъ напоминала собою часовню или келью какого нибудь схимника.

Вставалъ Д. Е. очень рано, зимою—въ 6—7 часовъ, а лѣтомъ въ 4 часа. Вскочивъ съ постели, онъ тотчасъ же умывался и одѣвался по большей части самъ, безъ помощи лакея, затѣмъ становился на колѣни предъ распятіемъ и громкимъ голосомъ произносилъ утреннія молитвы, послѣ этого вставалъ и, перейдя къ аналою, прочитывалъ еще нѣсколько главъ изъ евангелія. Въ такихъ занятіяхъ Д. Е. проводилъ около часу, послѣ чего отворялъ дверь кабинета и принималъ нѣкоторыхъ членовъ семьи, а такъ же служащихъ, являвшихся къ графу по дѣламъ хозяйства. Каждый изъ нихъ, войдя въ кабинетъ долженъ былъ прежде всего пожелать Д. Е. добраго утра, потомъ сдѣлать нѣсколько земныхъ поклоновъ предъ распятіемъ и прочитать молитву за царя; если же кто забывалъ сдѣлать это, то графъ самъ напоминалъ ему, говоря:

— А за батюшку-государя забылъ помолиться? Сію же минуту становись опять на колѣни и читай: «Спаси, Господи, люди твоя»... Не надо забывать, что каждый вѣрнопопавшій россиянинъ долженъ ежедневно молиться о томъ, кто послѣ Господа-Бога является для насъ главнымъ отцомъ и попечителемъ на землѣ...

По окончаніи этихъ обрядностей Д. Е. давалъ присутствующимъ въ кабинетѣ лицамъ свое благословеніе и допускалъ ихъ къ цѣлованію графской руки, а затѣмъ уже дѣлалъ соответствующія распоряженія по хозяйству. Такой порядокъ соблюдался ежедневно; нѣкоторыя измѣненія допускались только во время большихъ праздниковъ, а также въ случаѣ болѣзни графа.

Послѣ утренняго чая, Остенъ-Сакенъ отправлялся по хозяйству, не переставая шептать молитвы и раздавать благословенія встрѣчающимся во дворѣ и саду людямъ. Если погода стояла хорошая, то Д. Е. садился въ маленькую одноколку, въ которую долгое время закладывался его любимый конь Васька, и отправлялся въ поле, взявъ съ собою въ дорогу маленькое евангеліе, завернутое въ кусокъ чернаго бархату. Все имѣніе графа, около 3.000 десятинъ, было раздѣлено на квадраты, или клѣтки по 10 десятинъ въ каждой; по угламъ каждой изъ этихъ «клѣтокъ» лежали большіе камни съ вырѣзанными на нихъ инициалами Остенъ-Сакена. Подѣзжая къ какому нибудь изъ этихъ межевыхъ знаковъ, Д. Е. останавливался, открывалъ евангеліе и прочитывалъ изъ него строкъ пять-шесть. Такого рода чтеніе совершалось графомъ и въ томъ случаѣ, если въ экипажѣ находилось какое нибудь постороннее лицо. Эти остановки на межахъ до того вошли въ привычку Д. Е., что не только онъ, но и его лошадка никогда бывало не пропустить лежащаго на границѣ «клѣтки» камня. Остановившись на межѣ, умный Васька трогался дальше только тогда, когда графъ прекращалъ чтеніе евангелія. Проѣзжая мимо какого нибудь стада рогатаго скота, табуна или «кирда» овецъ, графъ требовалъ, чтобы пастухи подходили къ нему, выслушивали нѣсколько стиховъ изъ евангелія и цѣловали

руку Д. Е., который благословлялъ ихъ, подобно священнику. Находясь въ добромъ настроеніи духа, Остенъ-Сакенъ вступалъ въ бесѣду съ пастухами.

— Ну, что, какъ васъ тутъ Господь милуетъ?—спрашивалъ онъ ихъ.—Здорова ли ваша скотина и не нуждается ли она въ чемъ нибудь?

— Слава Богу, ваше сіятельство, все пока обстоитъ благополучно...

— Въ такомъ случаѣ, прощайте, и да сохранить васъ Господь-Вседержитель и на будущее время отъ всякихъ бѣдъ и напастей... Не забывайте только воздавать Ему должную хвалу утромъ, вечеромъ и во всякъ часъ дня!..

— Слушаемъ, ваше сіятельство!—отвѣчали съ притворнымъ благоговѣніемъ пастухи, надѣвая свои шапки и возвращаясь обратно къ стадамъ, гдѣ, спустя нѣкоторое время, преспокойнѣйшимъ образомъ рѣзали барскаго барашка и съѣдали его за здоровье графа.

Часто Остенъ-Сакенъ бралъ въ свою одноколку кого либо изъ экономическихъ администраторовъ, и тѣ въ послѣдствіи много рассказывали о необыкновенной религіозности Д. Е., который во время такихъ объѣздовъ не стѣснялся повѣствовать сидящему съ нимъ въ экипажѣ лицу о своемъ прошломъ. Чаше всѣхъ другихъ графа сопровождалъ въ этихъ поѣздкахъ нѣкто С., служившій у него въ качествѣ управляющаго послѣ смерти поляка-агронома. Видя рѣдкую набожность Остенъ-Сакена, упомянутый С. спросилъ его однажды:

— Почему это вы, ваше сіятельство, такъ часто читаете евангеліе и почти безпрестанно шепчете молитвы? Мнѣ кажется, что даже монахи не удѣляютъ столько времени бесѣдѣ съ Богомъ?

На это графъ отвѣтилъ:

— Если бы я могъ вдвое больше времени употреблять на молитвы и чтеніе этой св. книги, то и тогда не замолилъ бы всѣхъ своихъ прегрѣшеній, сдѣланныхъ мною въ молодости.

— Но развѣ у вашего сіятельства есть на душѣ больше грѣховъ, чѣмъ у другихъ подобныхъ вамъ лицъ?—продолжалъ С.

— О-хо-хо, голубчикъ,—отвѣчалъ графъ:—велики были дѣла на моихъ рукахъ, но зато и немалыми грѣхами отягчена душа моя.

— Однако, насколько мнѣ извѣстно,—замѣтилъ С.,—ваше сіятельство всегда пользовались рѣдкимъ расположеніемъ государя императора; изъ этого я заключаю, что находившіяся на вашихъ рукахъ дѣла были въ прекрасномъ состояніи...

— Такъ-то оно такъ, голубчикъ С., но, благодаря своей ужасной вспыльчивости, я подчасъ слишкомъ сурово обращался съ людьми, за что неоднократно получалъ выговоры отъ самого императора Николая Павловича. Ты видѣлъ надняхъ у меня въ кабинетѣ залитую свинцомъ саблю, а?

— Видѣлъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ С.

— А приходилъ ли тебѣ въ голову вопросъ: чего ради у такого лица, какъ я, была залита сабля?

— Да, я, дѣйствительно, не разъ задумывался надъ этимъ вопросомъ, ваше сіятельство.

— То-то же, а причина тому не маленькая. Ты вотъ говоришь, что меня царь-батюшка любилъ и любить; это—вѣрно, но бывали случаи, что онъ на меня сильно гнѣвался, и причиною того была одна моя вспыльчивость; изъ-за нея и саблю мою залили по приказу императора Николая Павловича; хоть это и шутя было сдѣлано, однако все-таки подобное наказаніе для генерала великій позоръ.

— По какому же случаю, позвольте, ваше сіятельство, спросить, было примѣнено такое наказаніе?—обратился къ графу С.

— А вотъ, видишь ли, донесли мнѣ какъ-то подъ Силистріей, что одинъ изъ подчиненныхъ мнѣ офицеровъ снюхался будто бы съ непріятелемъ и затѣваетъ, что то недоброе противъ своего же государя и отечества. Понятное дѣло, что подобная штука возмутила меня до глубины души. Я немедленно потребовалъ къ себѣ измѣнника и, не вдаваясь въ подробное разбирательство дѣла, съ грязью смѣшавъ офицера и тутъ же хотѣлъ собственноручно снять ему голову. Къ счастью, Господь во время образумилъ меня, и рука моя такъ и застыла въ воздухѣ съ обнаженною саблею, лишь только мнѣ пришла въ голову мысль, что стоящій предо мною офицеръ можетъ оказаться совершенно невиннымъ въ ввѣденномъ на него преступленіи... Такъ оно впоследствии и вышло. Между тѣмъ объ этомъ происшествіи узнать какимъ-то образомъ государь и при первомъ случаѣ сдѣлалъ мнѣ строгое замѣчаніе за неумѣстную горячность. «Въ виду же того», присовокупилъ его величество, «что съ тобой подобныя вещи случались уже неоднократно, я повелѣваю залить свинцомъ твою саблю; для охраны же твоей особы достаточно будетъ и находящагося при тебѣ конвоя, который я могу оставить при тебѣ до твоей смерти». И, дѣйствительно, этотъ конвой сохранили мнѣ и по выходѣ моемъ въ отставку.

Залитую свинцомъ саблю Остенъ-Сакенъ часто показывалъ г. С.

По поводу необычайной вспыльчивости графа существуетъ среди мѣстныхъ жителей еще слѣдующаго рода легенда. Узнавъ, что одинъ изъ его сыновей, крестникъ государыни, вступилъ въ сношенія съ польскими мятежниками, Остенъ-Сакенъ явился въ Петербургъ и, позвавъ къ себѣ молодого человѣка, лишилъ его жизни. Совершивъ это ужасное преступленіе, графъ отправился тотчасъ же къ императору и чистосердечно рассказалъ ему обо всемъ. Что послужило основаніемъ къ распространенію столь удивительной легенды,—трудно сказать, но что она существуетъ въ нѣсколькихъ вариантахъ и перешла далеко за предѣлы описываемой мною мѣстности,—этотъ фактъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

V.

Въ праздничные дни Остенъ-Сакенъ отправлялся въ церковь по первому звону колокола, дабы всё приготовленія къ совершенію божественной литургіи были сдѣланы подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. Сначала Д. Е. ходилъ въ храмъ пѣшкомъ, но по мѣрѣ приближенія старости онъ сталъ ѣздить туда въ каретѣ, въ которую впрягались не лошади, а обыкновенные украинскіе волы съ вызолоченными рогами. Въ Верное же воскресенье вмѣсто воловъ употреблялся тотъ оселъ, который фигурировалъ по временамъ въ «виолеевской» пещерѣ. Для большей торжественности на ослѣ возсѣдалъ кто нибудь изъ графской дворни. Нечего и говорить, что на первыхъ порахъ эти оригинальные «вызды» Остенъ-Сакена привлекали къ себѣ массу любопытныхъ, но съ теченіемъ времени народъ до того присмотрѣлся къ золоторогимъ воламъ и ослу, что ужъ почти никакого вниманія не обращалъ на экипажъ графа. Съ такими же церемоніями Д. Е. разъѣзжалъ изрѣдка и по сосѣдямъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ Остенъ-Сакенъ предпочиталъ воловъ лошадямъ потому, что при такомъ способѣ передвиженія совершенно устранялась опасность вылетѣть когда нибудь изъ экипажа и полатиться боками, а то и жизнью. Во всякомъ случаѣ такого рода «путешествія» представляли нѣчто въ высшей степени комичное, и молва о нихъ переходила далеко за предѣлы нашей губерніи...

— Для чего же вы, Д. Е., рога-то этимъ воламъ велѣли вызолотить?—спросить кто нибудь изъ гостей.

— А для того,—отвѣчаетъ графъ,—чтобы этихъ животныхъ не взялъ кто нибудь по ошибкѣ въ другую работу; вѣдь они у меня считаются до нѣкоторой степени священными воликами...

Въ церкви графъ любилъ до глубокой старости исполнять многія обязанности пономаря: онъ зажигалъ свѣчи и лампады, носилъ свѣчу впереди священника во время большого и малаго выходовъ; когда же совершалось причащеніе мірянъ, Остенъ-Сакенъ собственноручно подводилъ каждаго мужика къ св. чапѣ, стараясь слабыхъ поддерживать, а дѣтей даже приподнималъ, хотя въ послѣднее время уже и самъ еле-еле держался на ногахъ.

Въ усадьбу графа народъ стекался на богомолье, словно въ какой нибудь монастырь. Объясняется это, во-первыхъ, присутствіемъ въ церкви и часовняхъ Остенъ-Сакена мощей многихъ угодниковъ, а, во-вторыхъ, религіозностью самого владѣльца, который съ рѣдкою внимательностью и радушіемъ относился всегда къ богомольцамъ. Въ особенности много народу собиралось сюда въ такіе дни, какъ Вознесеніе, Пятидесятница, Воздвиженіе Креста Господя и храмовой праздникъ. Въ такое время здѣсь оказывалось нищихъ и всевозможнаго рода странниковъ несмѣтное число, и каждый изъ нихъ

получалъ отъ Д. Е. изрядную лепту. Сначала раздачею милостыни завѣдывалъ домашній врачъ графа, которому, какъ лицу, пользовавшемуся большою довѣренностью со стороны Остенъ-Сакена, отпущалась для этой цѣли опредѣленная сумма денегъ; впослѣдствіи же, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, этимъ дѣломъ руководила одна молоденькая особа, исполнявшая въ то же время и обязанности домашняго секретаря графа и графини. Кстати, замѣчу, что за исключеніемъ этой дѣвицы, въ домѣ Сакена постоянно жили и останавливались въ качествѣ гостей лица весьма преклонныхъ лѣтъ. По поводу этого обстоятельства рассказываютъ, между прочимъ, слѣдующій анекдотъ.

Къ Д. Е. часто заѣзжали почти всѣ епархіальные архіереи не только во время ревизіи своихъ епархій, но и неофициальнымъ образомъ; нѣкоторые изъ нихъ гостили у графа по нѣсколько дней и служили литургію въ мѣстной церкви. Въ такое время все принимало въ усадьбѣ праздничный видъ, приглашались болѣе почетные сосѣди, и вообще замѣтно было значительное оживленіе. Правда, и въ подобныхъ случаяхъ домашняя жизнь и вся обстановка Д. Е. мало чѣмъ отличались отъ порядковъ какой нибудь иноческой обители, а бесѣда собравшихся къ графу гостей не выходила за предѣлы общеизвѣстныхъ духовныхъ темъ; однако самъ Остенъ-Сакенъ во многомъ измѣнялъ свой обычный режимъ, что отражалось и на внѣшности Д. Е., который наряжался въ парадный мундиръ, а въ церковь надѣвалъ всѣ ордена, приводя въ крайнее удивленіе присутствующихъ на литургіи крестьянъ, находившихъ, что на груди Остенъ-Сакена гораздо больше крестовъ, чѣмъ образовъ на иконостасѣ; кромѣ того, графъ въ такіе дни меньше занимался чтеніемъ евангелія и молитвъ, а все почти время посвящалъ гостямъ. Однажды усадьбу Остенъ-Сакена посѣтилъ архіепископъ одесскій Платонъ, бывшій впослѣдствіи кievскимъ митрополитомъ За обѣдомъ, устроеннымъ въ честь такого почетнаго гостя, очутились слѣдующія лица: самъ Д. Е., имѣвшій уже около 90 лѣтъ, его супруга мало чѣмъ уступавшая въ возрастѣ своему мужу, архіерей—80 лѣтъ, домашній докторъ графа—90 съ лишнимъ лѣтъ, гувернантка графини—болѣе 80 лѣтъ, сосѣдка-генеральша—70 лѣтъ, садовникъ—85 лѣтъ и еще нѣсколько стариковъ приблизительно такого же возраста. Когда гости усѣлись за столъ, то Остенъ-Сакенъ, обратившись къ нимъ, замѣтилъ въ шутливомъ тонѣ:

— Если бы сложить лѣта всѣхъ присутствующихъ здѣсь въ данный моментъ, то получилось бы сумма, далеко превышающая число пятьсотъ.

— А я такъ полагаю,—прибавилъ владыка,—что сегодня за столомъ вашего сіятельства обѣдаетъ цѣлое тысячелѣтіе...

Весьма естественно, что отсутствіе молодежи, а также постоянное и самое строгое соблюденіе мельчайшихъ религіозныхъ обра-

довъ со стороны Остенъ-Сакена, служило причиною того обстоятельства, что забъжавшіе къ нему изрѣдка вмѣстѣ съ своими дѣтьми сыновья не долго засиживались въ усадьбѣ и спѣшили поскорѣе выбраться на вольный свѣтъ изъ монастырской атмосферы графскаго дома; для овдовѣвшей же невѣстки, принужденной по многимъ соображеніямъ жить нѣкоторое время въ деревнѣ, Д. Е. выстроилъ совершенно отдѣльный домъ.

VI.

По мѣрѣ приближенія глубокой старости, характеръ Остенъ-Сакена подвергался быстрой перемѣнѣ: прежняя необузданная вспыльчивость уступала мѣсто спокойному и разумному отношенію къ окружающимъ модамъ и предметамъ, а врожденная доброта графа превращалась въ самую широкую благотворительность и всепрощеніе. И старый, и малый, и знатный, и простолюдинъ, всѣ шли къ Д. Е. за помощью, протекціей или за совѣтомъ; и не было кажется случая, чтобы ктонибудь изъ нихъ уходилъ отъ графа неудовлетвореннымъ. Не говоря уже о томъ, что причтъ его церкви, а также всѣ лица, имѣвшія какое бы то ни было отношеніе къ храму, вертепу и часовнѣ, содержались исключительно на счетъ Остенъ-Сакена, къ нему стекались нищіе и всякаго рода обиженные судьбой люди за десятки и сотни верстъ; особенно много ихъ можно было встрѣтить здѣсь въ тѣ дни, когда графъ получалъ свою аренду, что случилось нѣсколько разъ въ годъ. Вообще щедрость покойнаго Д. Е. въ этомъ отношеніи не имѣла предѣловъ, и если бы не вмѣшательство графини, которая пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы не допускать къ мужу разныхъ попрошаекъ, то Остенъ-Сакенъ могъ бы въ короткое время раздать все свое имущество. Не мало добра дѣлалъ графъ крестьянамъ еще тѣмъ, что неоднократно принималъ на себя роль третейскаго судьи относительно разбора многихъ тяжбъ, такъ часто встрѣчающихся въ деревенскомъ быту и ведущихъ нерѣдко мужика къ полному разоренію, если только никто не наставитъ его на первыхъ же порахъ на путь истины. Зная нелицеприятность и доступность графа, крестьяне и крестьянки зачастую обращались къ его справедливому суду; при этомъ Д. Е. въ большинствѣ случаевъ стремился къ тому, чтобы склонить спорящихъ на миръ, говоря: «Самъ Спаситель и святые угодники Божіи совѣтовали людямъ жить въ мирѣ и прощать обижающимъ и ненавидящимъ насъ...». Достоинно, между прочимъ, удивленія то обстоятельство, что послѣ графскаго разбирательства никто изъ мужиковъ не прибѣгалъ къ апелляціи...

Получая, кромѣ пенсіи, еще 12.000 аренды, пожалованной ему государемъ по окончаніи Севастопольской войны, Д. Е. тратилъ почти всю эту сумму, а также значительную часть доходовъ имѣнія

на дѣла благотворительности; причемъ деньги раздавались не только въ усадьбѣ и селѣ, но разсылались еще по нѣкоторымъ монастырямъ и столичнымъ богоугоднымъ заведеніямъ. Не довольствуясь выстроеннымъ уже храмомъ, графъ не задолго до своей смерти приступилъ къ сооруженію еще небольшой зимней церкви, которая должна была соединяться посредствомъ коридора съ домомъ. Однако, это зданіе не было окончено, такъ какъ графиня и остальные члены семейства не сочувствовали новой затѣѣ старика, находя, что для нихъ и для мѣстнаго населенія вполнѣ достаточно и одной церкви. Пока еще Остенъ-Сакенъ былъ въ состояніи самъ руководить работами по постройкѣ затѣянныхъ имъ сооружений, то онъ, во избѣжаніе излишнихъ сценъ съ женой, велѣлъ, чтобы наблюдавшій за рабочими церковный староста являлся къ нему за приказаніями какъ можно пораньше, т. е. пока графиня еще въ постели; при этомъ неоднократно случалось, что староста, войдя въ кабинетъ и видя спящаго еще Д. Е., подолгу ждалъ его пробужденія. Замѣтивъ это, графъ и говоритъ однажды церковному старостѣ:

— Что же ты, братецъ, не будишь меня тотчасъ же, какъ войдешь въ комнату, а?

— Не осмѣливаюсь беспокоить васъ, ваше сіятельство.

— Вотъ тебѣ разъ! Какъ же не осмѣливаешься, коли я тебѣ это приказываю самъ дѣлать постоянно!

— Да я, ваше сіятельство, не знаю, какъ будить васъ,—отвѣчаетъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ мужикъ.

— Ха-ха-ха!—покатился графъ со смѣху... Что же, или тебѣ никогда не приходилось будить спящаго человѣка?

— Какъ не приходилось?—приходилось, ваше сіятельство; но то человѣкъ, а то вы...

— А я, что же, по твоему, не человѣкъ?—и при этомъ графъ расхохотался больше прежняго.

— Ну, такъ я научу тебя, братецъ, какъ надо будить меня. Полагаю, ты еще помнишь, какъ мы встрѣчали однажды государя Николая Павловича, и какъ я разбудилъ его въ каретѣ?

— Помню, помню, ваше сіятельство.

— Такъ вотъ тебѣ и примѣръ; если я осмѣлился потянуть за ногу спящаго императора, то чего же тебѣ не попытаться и меня будить подобнымъ же образомъ, а?

Мужикъ молча ухмылялся.

— Смотри же,—заклучилъ графъ:—какъ только застанешь меня спящимъ, тотчасъ же безъ всякой церемоніи тащи за ноги...

Надо отдать справедливость церковному старостѣ: онъ неоднократно съ пунктуальной точностью исполнялъ это оригинальное приказаніе. Когда Д. Е. не могъ уже совершенно выходить изъ дому и наблюдать за работами, тогда по распоряженію графини была окончательно приостановлена постройка новой церкви и пріюта,

основаніе котораго можно видѣть и до сихъ поръ въ усадьбѣ Остенъ-Сакена; тѣмъ не менѣе, графу ежедневно дѣлали подробный докладъ о ходѣ работъ относительно воздвигаемыхъ зданій. Выслушивая эти доклады, Д. Е. снабжалъ являющагося къ нему старосту новыми инструкціями, планами и чертежами, радуясь отъ души, что его предпріятія близятся къ осуществленію.

VII.

Пользуясь постояннымъ расположеніемъ государя, Остенъ-Сакенъ часто имѣлъ возможность помогать многимъ лицамъ и въ Петербургѣ своимъ заступничествомъ и ходатайствомъ. Такъ, напримѣръ, еще до сихъ поръ свѣжо въ памяти всѣхъ здѣшнихъ обывателей то участіе, которое принималъ покойный графъ въ судьбѣ декабриста Н. И. Лорера и его дочери, которая послѣ отпращиванія отца въ Сибирь осталась круглою сиротою на рукахъ своего дяди Д. И. Лорера; имѣніе этого послѣдняго находилась, какъ я уже говорилъ выше, на той же «Царской» дорогѣ, верстѣ на 20 южнѣе усадьбы Остенъ-Сакена. Благодаря ходатайству графа, Н. И. Лореръ былъ возвращенъ изъ Сибири гораздо раньше извѣстнаго манифеста. Правда, возвращеніе это было обусловлено тѣмъ, чтобы Лореръ жилъ безвыѣздно въ своей деревнѣ В—кѣ, доставшейся ему въ наслѣдство послѣ генерала В—скаго вскорѣ по пріѣздѣ на родину. Не мѣшаетъ тутъ сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшихъ обстоятельствахъ изъ жизни м-ле Лореръ, находившейся нѣкоторое время подъ покровительствомъ Остенъ-Сакена. Окончивъ образованіе въ одномъ изъ столичныхъ учебныхъ заведеній, она затѣмъ снова вернулась къ своему дядѣ и долго еще жила у него на правахъ ближайшей, но бѣдной родственницы. Несмотря на свою привлекательность, м-ле Лореръ нескоро нашла себѣ мужа; причиною этого было, во-первыхъ, то, что сосланный въ Сибирь Н. И. Лореръ не оставилъ своей дочери почти никакого состоянія, а, во-вторыхъ, что на нее, какъ на дочь декабриста, всѣ смотрѣли съ нѣкоторою подозрительностью, опасаясь даже связывать свою судьбу съ этой дѣвушкой. Вотъ тутъ-то ей на помощь и подоспѣлъ графъ Остенъ-Сакенъ. Замѣтивъ, что его адъютантъ Г—съ неравнодушенъ къ м-ле Лореръ, и что она также симпатизируетъ молодому офицеру, Д. Е. взялся самъ за устройство свадьбы; когда же Г—съ заявилъ, что главнымъ препятствіемъ къ браку является матеріальная необезпеченность жениха и невѣсты, то графъ обѣщаль сдѣлать своего адъютанта въ самомъ непродолжительномъ времени полковымъ командиромъ. Нечего и говорить, что, заручившись покровительствомъ и поддержкой такого лица, какъ Остенъ-Сакенъ, Г—съ поспѣшилъ сдѣлать предложеніе м-ле Лореръ. Вскорѣ послѣ свадьбы онъ получилъ команду надъ О—скимъ уланскимъ полкомъ. Спустя нѣ-

сколько лѣтъ, Г—су досталось въ наслѣдство около 7.000 десятинъ земли, принадлежавшей упомянутому выше генералу В—скому, такъ какъ возвратившійся изъ ссылки Лореръ безусловно отказался вести хозяйство въ полученномъ имѣніи и передалъ все дочери. Сдѣлавшись такимъ образомъ однимъ изъ крупныхъ помѣщиковъ, Г—съ послѣдшилъ оставить военную службу и принялся хозяйничать; а такъ какъ онъ въ этомъ отношеніи оказался полнѣйшимъ профаномъ, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что, несмотря на свободное отъ всякихъ долговъ помѣстье и на перевозку въ усадьбу значительной части полкового имущества, нашъ молодой хозяинъ скоро успѣлъ такъ запутаться, что поневолѣ пришлось познакомиться съ кредитными учрежденіями. Правда, быстрому разоренію Г—са немало способствовали и семейныя дѣла, въ особенности съ того времени, какъ его жена сочла необходимымъ перѣхать въ Италію для образованія дѣтей. Тутъ ужъ потребовались ежегодно баснословныя суммы денегъ; а, между тѣмъ, какъ разъ въ эту пору начался рядъ неурожайныхъ годовъ, падежъ скота, и хозяйство, несмотря на всѣ ухищренія ученаго нѣмца агронома, пришло въ окончательный упадокъ. На нѣкоторое время дѣла Г—са поправились, благодаря смерти Д. И. Лорера, оставившаго своей племянницѣ около 3.000 десятинъ земли. Однако, и это имѣніе скоро было заложено въ банкъ, такъ какъ выдача нѣсколькихъ дочерей замужъ, а затѣмъ болѣзнь жены, чуть ли не удесатерили бывшіе до того времени расходы Г—са. Наступали сроки банковскихъ платежей, а денегъ въ наличности не оказывалось. Приходилось понемножку спускать землю. Не прошло и десяти лѣтъ послѣ первой продажи, какъ Г—су пришлось продать всѣ свои помѣстья. Расплатившись съ кредиторами, онъ уѣхалъ въ Прибалтійскій край, гдѣ на оставшіяся крохи приобрѣлъ клочекъ земли десятинъ въ 300 и сталъ доживать свой вѣкъ... Въ настоящее время на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда красовались великолѣпныя зданія усадьбы Д. И. Лорера, гдѣ царили роскошь и богатства стариннаго барства, гдѣ останавливались и подолгу гостили высочайшія особы,—въ настоящее время, повторяю, тамъ господствуетъ мерзость запустѣнія. Переходя изъ рукъ въ руки, одно имѣніе Лорера досталось какому-то кулаку, который окончательно разорилъ старое «дворянское гнѣздо», превративъ большую часть полуразвалившихся зданій въ магазины для ссыпки хлѣба; а на мѣстѣ бывшего сада и парка настроилъ скотныхъ дворовъ и «кошаръ» для испанскихъ овецъ.

VIII.

Такъ какъ безграничная щедрость графа и его сооруженія требовали большихъ расходовъ, то весьма естественно, что для удовлетворенія ихъ пришлось скоро заложить въ банкъ помѣстье. Полу-

ченная посредствомъ этой операціи сумма также быстро была израсходована, послѣ чего получаемой Остенъ-Сакеномъ аренды еле еле хватало на погашеніе банковскихъ платежей. Въ эту критическую пору графа поддержалъ самъ государь, а произошло это слѣдующимъ образомъ. По случаю исполнившагося пятидесятилѣтняго служенія Остенъ-Сакена въ генеральскихъ чинахъ ему была высочайше пожалована сабля, украшенная брильянтами, и выражено особое монаршее благоволеніе. Вскорѣ послѣ этого графскому имѣнію стала угрожать публичная продажа за долги. Дабы избѣжать этого скандала, Д. Е. рѣшился, какъ говорятъ, заложить находящіяся на саблѣ брильянты, а на ихъ мѣсто вставить искусственные камни. Когда объ этомъ узналъ императоръ Александръ Николаевичъ, то при первой же встрѣчѣ сдѣлалъ Остенъ-Сакену за это выговоръ.

— Виноватъ, ваше императорское величество,—послѣшилъ извиниться графъ:—причиною такого обстоятельства была моя чрезмѣрная благотворительность, слѣдствіемъ которой оказалась крайняя задолженность принадлежащаго мнѣ имѣнія...

Спустя нѣкоторое время, государь велѣлъ принять долги Остенъ-Сакена на счетъ казны, а подлинныя брильянты водворить на прежнее мѣсто.

Знакомство съ мѣстною аристократіею графъ поддерживалъ весьма слабо, да и не любилъ онъ подолгу засиживаться въ гостяхъ и вести разговоры на современныя темы. Будучи нѣкоторое время начальникомъ южнорусскихъ поселеній, онъ изрѣдка заѣзжалъ въ г. Вознесенскъ, гдѣ всегда останавливался въ домѣ полковника Р—скаго. Сюда въ такихъ случаяхъ заходили два мѣстныхъ генерала Ш. и С., извѣстныхъ между прочимъ, тѣмъ, что, несмотря на связывавшую ихъ дружбу, вели между собою нескончаемые споры по поводу какого нибудь военнаго вопроса. Слушая эти жаркіе дебаты, Остенъ-Сакенъ часто говорилъ съ добродушной улыбкой Р—скому:

— Послѣ бесѣды этихъ двухъ Аяковъ у меня въ головѣ пѣлую недѣлю шумить, а сути ихъ спора все-таки никогда не уловишь.

Полковникъ спрашивалъ графа:

— Почему же вы сами, Д. Е., никогда не вмѣшаетесь въ ихъ бесѣду?

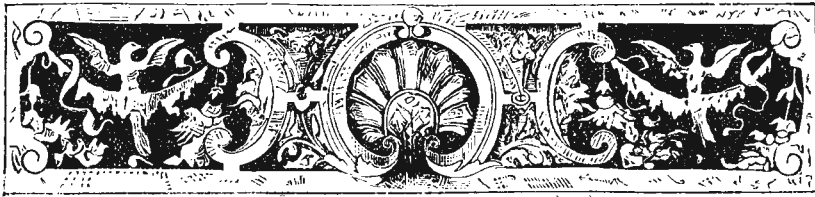
— Да это положительно невозможно, такъ какъ съ гг. С. и Ш. только въ томъ случаѣ удается заговорить, когда кто нибудь изъ нихъ закашляется или начнетъ чихать...

Я забылъ сказать выше, что Остенъ-Сакенъ заканчивалъ свой день также продолжительными молитвословіями въ присутствіи нѣкоторыхъ служащихъ въ экономіи и членовъ семьи; даже ночью можно было видѣть его стоящимъ на колѣняхъ предъ распятіемъ или читающимъ евангеліе у аналая.

Умеръ графъ, какъ извѣстно, спустя два или три дня послѣ смерти государя Александра Николаевича. Извѣстіе объ этомъ ужасномъ событіи до того сильно подѣйствовало на Д. Е., что онъ тотчасъ же слегъ въ постель и больше уже не вставалъ съ нея. По приказанію графини, уѣхавшей вскорѣ за границу, вся находившаяся въ кабинетѣ ея мужа въ день его кончины обстановка сохраняется въ неприкосновенности и до сихъ поръ. У гроба покойнаго графа въ теченіе нѣсколькихъ дней стоялъ почетный караулъ отъ О—скаго полка, такъ какъ погребеніе тѣла было отложено до пріѣзда одного изъ сыновей Остенъ-Сакена. Заканчивая настоящую статью, мы не можемъ не замѣтить, что умершій графъ Д. Е., несмотря на всѣ свои причуды и крайній религіозной мистицизмъ, оставилъ по себѣ самое лучшее воспоминаніе среди мѣстнаго населенія, которое и понынѣ считаетъ Остенъ-Сакена чѣмъ-то въ родѣ угодника Божія.

Д. В. Федоровъ.

НЕУДОБОНОСИМОЕ ИГО.

(Изъ давнихъ воспоминаній).

ИВЫЯ и чрезвычайно интересныя воспомина-
нiя нашего талантливаго писателя, графа Са-
лiаса, напечатанныя въ первыхъ книжкахъ
«Историческаго Вѣстника», побудили и меня
порыться въ моей памяти и извлечь изъ ея
запаса воспоминанiе объ одномъ довольно
курьезномъ эпизодѣ.

«Подъ арестомъ» мнѣ никогда не случилось
быть; но зато я имѣлъ удовольствiе дѣлныхъ
двѣнадцать лѣтъ подъ рядъ состоять подъ
надзоромъ полицiи, хотя въ теченiе всей своей жизни ни на
мгновенiе не переставалъ питать въ душѣ моей самыя искреннiя
патрiотическiя чувства, никогда не сносился ни съ какими сколько
нибудь сомнительными личностями, не былъ замѣшанъ ни въ ка-
комъ «дѣлѣ», и — могу сказать смѣло — не погрѣшилъ ни одной
хлесткой фразой, судя потому, что цензура, въ теченiе моей почти
сорокалѣтней литературной дѣятельности, никогда не вычеркнула
у меня ни одной строчки, ни одного слова!.. Согласитесь, что, при
этихъ условiяхъ, попасть подъ надзоръ полицiи — курьезно, и
что этотъ фактъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманiя? Но рассказъ
мой приходится начинать издалека...

Въ 1866 году (25-го марта) я былъ командированъ Новороссiй-
скимъ университетомъ за границу «съ ученою цѣлью»; заглянулъ
недѣльки на двѣ въ Петербургъ и въ послѣднихъ числахъ мая дви-
нулся (въ первый разъ въ жизни!) за границу. Проѣхавъ всю Гер-

манію въ поѣздахъ, переполненныхъ войсками, которыя двигались къ австрійскимъ границамъ, я въ первыхъ числахъ іюня очутился въ Парижѣ и засѣлъ тамъ надолго, работая въ тогдашней императорской (нынѣ національной) бібліотекѣ, а по вечерамъ—въ бібліотекѣ св. Женевьевы. Знакомыхъ у меня въ Парижѣ не было, а потому въ свободное отъ занятій время я, съ непривычки, еще скучалъ и очень былъ радъ, когда розыскалъ въ Парижѣ сына поэта Мицкевича и познакомился съ нимъ, напомнивъ ему о старыхъ московскихъ связяхъ нашихъ отцовъ. Знакомство было пріятное, сходились мы по вечерамъ довольно часто, говорили о многомъ, и очень много, и очень настойчиво спорили о польскомъ вопросѣ, который тогда въ Россіи составлялъ насущную злобу дня. Спорили мы, не горячась и не раздражаясь, потому что Владиславъ Мицкевичъ не принадлежалъ къ партіи «непримиримыхъ» и былъ чловѣкомъ такъ же умѣреннаго склада, какъ и я. Помню, что Мицкевичъ, на прощаньи подарилъ мнѣ даже одно изъ своихъ изданій («Memoires d'un seigneur polonais») и провожалъ меня на желѣзную дорогу...

Возвратился я изъ-за границы въ Петербургъ, чтобы повидаться съ своей семьей, и подъ живымъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ изъ моего пребыванія въ Парижѣ, написалъ нѣсколько фельетоновъ для Коршевскихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Въ одномъ изъ этихъ фельетоновъ я рассказалъ совершенно откровенно о своемъ знакомствѣ съ В. Мицкевичемъ и о нашихъ спорахъ ¹⁾. Затѣмъ я уѣхалъ въ Одессу, служилъ тамъ еще два года, потомъ служилъ годъ инспекторомъ гимназій въ Херсонѣ, потомъ—еще три года—въ Варшавѣ, профессоромъ главной школы и новоучрежденнаго Варшавскаго университета, и наконецъ въ 1871 году (въ февралѣ) вышелъ въ отставку, переселился въ Петербургъ и занялся издательствомъ. Само собою разумѣется, что, переживъ въ этотъ довольно бурный пятилѣтній періодъ моей жизни очень много трудныхъ и черныхъ дней, я совсѣмъ забылъ и о статьѣ своей, и даже,—каюсь,—о самомъ Владиславѣ Мицкевичѣ...

Во время трехъ-лѣтняго моего пребыванія въ Варшавѣ, моя семья оставалась въ Петербургѣ, и я проводилъ съ нею зимнія и лѣтнія вакаціи и еще наѣзжалъ раза два въ годъ на недѣльку, на десять дней. Чрезвычайно страннымъ казалось мнѣ, при этихъ временныхъ пребываніяхъ моихъ въ столицѣ, какое-то необыкновенно-предупредительное отношеніе ко мнѣ со стороны петербургской полиціи... Чуть только я, бывало, приѣду, ужъ на другой день, утромъ,

---

¹⁾ Помню, что А. С. Суворинъ, бывшій въ то время секретаремъ редакціи, дружески посоветовалъ мнѣ смягчить нѣкоторыя выраженія этой статьи и ослабить кое-гдѣ краски, что послужило статьѣ на пользу.

ко мнѣ непременно явится въ квартиру околоточный ¹⁾, попросить показать ему мой отпускной билетъ, справится, когда я думаю обратно уѣхать, черкнетъ нѣсколько словъ на какомъ-то листѣ въ своемъ неразлучномъ портфельѣ, и удалится съ поклономъ. Ничего не предполагая, я былъ не любопытенъ; околоточный былъ не разговорчивъ, и визитъ его кончался очень быстро. Къ тому же, времена тогда были довольно смутныя, и эту внимательность полиціи къ моимъ приѣздамъ и отъѣздамъ я больше относилъ къ тому, что, молъ, за всѣми приѣзжими въ столицѣ приказано слѣдить; ну, вотъ и за мною тоже поручено слѣдить, какъ за приѣзжимъ...

Послѣ моей отставки прошло еще полтора или два года; въ теченіе этого времени я переселился со старой квартиры (на Невскомъ, противъ д. Бенардаки), въ Надеждинскую, на уголъ Итальянской. Какъ-то весною, отправивъ семью въ деревню, я и самъ собрался ее навѣстить, и задумалъ записаться въ Петербургѣ подорожной, чтобы не подвергаться обычнымъ въ то время прижимкамъ на нѣкоторыхъ почтовыхъ станціяхъ. Для полученія подорожной изъ петербургскаго уѣзднаго казначейства, по тогдашнимъ порядкамъ (я говорю о началѣ 70-хъ годовъ), надо было отправить свой паспортъ съ дворникомъ въ полицію, получить разрѣшеніе на выѣздъ, и потомъ уже съ полицейскимъ разрѣшеніемъ и паспортомъ отправиться въ казначейство, гдѣ, по уплатѣ прогонныхъ денегъ, выдавалась подорожная на гербовомъ бланкѣ.

Рано утромъ призываю дворника, даю ему въ руки паспортъ и сколько-то мелочи на ускореніе процедуры, и затѣмъ начинаю укладываться, соображая такъ:

— Къ 12-ти часамъ онъ мнѣ принесетъ разрѣшеніе; къ 3-мъ часамъ получу я въ казначействѣ подорожную, а съ вечернимъ поѣздомъ и выѣду...

Но прошелъ и полдень, и часть, и второй — нѣтъ дворника съ разрѣшеніемъ на выѣздъ!.. Я посылаю узнать, и онъ приходитъ самъ, нѣсколько смущенный.

— Ну, что же, братецъ?

— Да еще не получилъ-съ.

— Отчего же такъ долго?

— Не могу знать... Приставъ... тамъ... говоритъ — справки какія-то... Въ 6 часовъ вечера приказалъ придти.

Меня это удивило и раздосадовало: подорожной въ тотъ день я уже не могъ получить, и поѣзду приходилось отложить еще на день. Жаль!

¹⁾ Этого околоточнаго зналъ весь Петербургъ: высокій, черноглазый, съ большой сѣдой бородой, онъ стоялъ постоянно у Анничина моста, противъ дома (бывшаго) Бѣлосельской; онъ былъ человекъ недалекій и добродушный, и погибъ во время какой-то стачки на Кренгольмской мануфактурѣ, гдѣ хотѣлъ выказать усердіе... Его страшно избили, и онъ умеръ отъ побоевъ.

Но каково же было мое удивленіе, когда дворникъ вернулся изъ участка въ 7-мъ часу и заявилъ мнѣ категорически:

— Не выдаютъ-сь.

— Какъ не выдаютъ? И почему?..

— А такъ. Господинъ приставъ сами ко мнѣ вышли и говорятъ: сегодня нельзя.

— Да какъ же нельзя? Такъ отдай мнѣ паспортъ... Гдѣ онъ у тебя?

— Тамъ у ихъ остался. И паспортъ не выдаютъ; приказали васъ просить, чтобы вы сами къ нимъ пожаловали, утречкомъ, часу въ одиннадцатомъ...

Съ тѣмъ и ушелъ, оставивъ меня въ весьма непріятномъ недоумѣніи. И признаюсь, сколько я ни ломалъ голову, никакъ не могъ понять, что бы все это значило, и почему меня задерживаютъ въ городѣ.

Послѣ очень дурно проведенной ночи, нервно и гнѣвно настроенный, ровно въ 10 часовъ утра, иду на другой день въ участокъ. Пробираюсь черезъ толпу дворниковъ и какихъ-то темныхъ субъектовъ, наполняющую и сѣни, и прихожую участка, и прошу доложить обо мнѣ господину приставу. Писецъ или мелкій чиновникъ, къ которому я обратился, оглядываетъ меня съ головы до ногъ, медленно закладываетъ перо за ухо, еще медленнѣе поднимается изъ-за столика и направляется въ сосѣдную комнату.

— Пожалуйте,—говоритъ онъ мнѣ какъ-то особенно хмуро, выходя опять къ своему столику.

Вхожу въ пріемную господина пристава и вижу его за письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами... Это высокій, стройный мужчина, очень красивый, съ правильными чертами лица; только глаза у него — свѣтло-сѣрые — какіе-то черезчуръ острые и непріятные; въ нихъ есть что-то хищное... Въ манерахъ, во всей выправкѣ и даже въ томъ, какъ на немъ отлично сидитъ сюртукъ, чувствуется несомнѣнно гвардейская выправка. Онъ весьма предупредительно поднимается мнѣ на встрѣчу и подвигаетъ мнѣ кресло.

— Вы, вѣроятно, удивлены, г. профессоръ, этою невольною задержкою, которую я долженъ былъ вамъ сдѣлать...

— Конечно, удивленъ и рѣшительно не понимаю, по какому поводу?..

— Какъ?.. Въ самомъ дѣлѣ не понимаете?—съ нѣкоторымъ удивленіемъ переспросилъ меня приставъ.

— Положительно не понимаю!—подтвердилъ я съ меньшимъ удивленіемъ.

— Да вѣдь вы же... вы... состоите подъ надзоромъ полиціи... Неужели это вамъ неизвѣстно?

Но на моемъ лицѣ, вѣроятно, слишкомъ ясно выразилось, что этотъ фактъ мнѣ былъ дѣйствительно неизвѣстенъ, потому что г. приставъ счелъ долгомъ добавить.

— Какъ же, какъ же! И уже давно... Должно быть, пять-шесть лѣтъ...

— Да, помилуйте! за что же? Чѣмъ я провинился?—проговорилъ я съ нескрываемою досадою.

— Признаться сказать, и не припомню... Да вотъ, если угодно, мы съ вами вмѣстѣ сейчасъ посмотримъ!

И онъ любезно развернулъ какую-то лежавшую у него на столѣ огромную книгу съ очень многими графами, розыскалъ въ ней мою фамилію и, прикрывъ листомъ бумаги остальные фамиліи, далъ мнѣ прочесть все, что обо мнѣ значилось въ этой «книгѣ живота».

— Вотъ, извольте посмотрѣть—Полевой, Петръ Николаевичъ, отставной профессоръ—за сношенія съ эмигрантами, живущими за границей...

— Господи, Боже мой!—воскликнулъ я, вскакивая съ мѣста.—Да это ложь! Чистѣйшая ложь!... Въ жизни своей ни съ однимъ эмигрантомъ ни въ сношеніяхъ, ни въ перепискѣ не состоялъ--и не зналъ, и не хотѣлъ ихъ знать...

И я зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, едва владѣя собою.

— Ужъ это, конечно, вамъ лучше знать. Да вотъ вы, можете быть, догадаетесь, почему именно вы записаны сюда? Тутъ вотъ стоитъ, въ графѣ, съ какого времени: съ 1868 года, по докладу варшавскаго жандармскаго генерала...

— Рѣшительно не могу догадаться!.. И во время службы въ Варшавѣ тоже ни съ какими эмигрантами не сносился!—воскликнулъ я съ полною увѣренностью...

Мнѣ и въ голову не пришло, что эту услугу мнѣ могла оказать моя печатная и цензурованная статья о моемъ знакомствѣ съ Владиславомъ Мицкевичемъ.

— Э-э, да вы не волнуйтесь, г. профессоръ!—въ видѣ утѣшенія заговорилъ приставъ.—Вѣдь это, въ сущности, одна только формальность, которая нисколько не можетъ васъ затруднить.

— Какъ же не можетъ, когда ужъ затруднила!—проговорилъ я съ досадою.—Вѣдь вотъ, вмѣсто того, чтобы выѣхать вчера, я, пожалуй, и сегодня еще не выѣду...

— О, нѣтъ! Сегодня выѣдете -- вотъ вамъ и разрѣшеніе на выѣздъ приготовлено, и всѣ препятствія устранены...

И онъ подаль мнѣ паспортъ и разрѣшеніе, которое я поспѣшно сунулъ въ карманъ.

— Скажите, пожалуйста, ну, а если бы я не вадумалъ брать по-дорожную, а просто бы уѣхалъ въ деревню—что тогда?

Приставъ покрутилъ свои красивые усы, пожалъ плечами и проговорилъ:

— Да ничего!.. Отмѣтили бы васъ, что вы выбыли неизвѣстно куда—и только! Я вамъ говорю: пустяки... одна формальность... И вы не думайте: вѣдь въ одномъ положеніи съ вами—сотни и сотни лицъ, и всѣ живутъ, слава Богу!.. И есть курьезы! Вотъ, напримѣръ,

посмотрите: мужъ—тайный совѣтникъ и лейбъ-медикъ, а жена подъ надзоромъ у насъ! Вотъ генераль и сенаторъ, заслуженный, почтенный человѣкъ, а сыновья его и дочь подъ надзоромъ!

Приставъ захлопнулъ книгу и, откланиваясь мнѣ, проговорилъ весьма любезно:

— Извините за невольную задержку... И все же очень радъ, что она доставила мнѣ случай съ вами познакомиться.

Можно себѣ представить, что шевельнулось у меня на душѣ въ отвѣтъ на эту любезность ¹⁾...

Я уѣхалъ въ тотъ же день, вечеромъ, изъ Петербурга и провелъ два мѣсяца въ глуши Новгородской губерніи. Отъ мѣстнаго становаго пристава, человѣка весьма простаго и ограниченнаго, я узналъ потомъ, что обо мнѣ, какъ о важномъ лицѣ, было послано отъ полиціи отношеніе къ новгородскому губернатору съ точнымъ обозначеніемъ моего лѣтняго мѣстопробыванія; а отъ губернатора—бумага къ мѣстному исправнику (хорошо знакомому мнѣ человѣку) и отъ исправника—къ простоватому становому, съ тайнымъ (замѣтьте: тайнымъ!) порученіемъ за мною слѣдить и своевременно донести, куда я отбуду изъ деревни... Господи Боже! сколько такой напрасной переписки ведется на матушкѣ Руси—подумаешь.

Съ годъ послѣ того я провелъ совершенно спокойно и, дѣйствительно, не ощущалъ никакихъ неудобствъ отъ своей «поднадзорности»; только изрѣдка, когда мое странное, двусмысленное положеніе приходило мнѣ на память,—мнѣ становилось какъ-то жутко, какая-то безсильная досада закипала на сердцѣ, и я старался поскорѣе забыть о своемъ неприятномъ кошмарѣ, отгонялъ отъ себя черныя мысли обычнымъ людскимъ утѣшеніемъ:

— Ну, что же дѣлать! Не я первый, не я послѣдній... Многие другіе раздѣляютъ со мною эту глупую невзгуду...

Но когда мое издательское дѣло разрослось настолько, что я завязалъ сношенія съ Парижемъ и почти каждый годъ сталъ туда ѣздить,—вотъ тогда-то я вкусилъ всю прелесть той «пустой формальности», которой судьба меня подчинила...

Каждый разъ, когда мнѣ нужно было получить разрѣшеніе на выѣздъ изъ полиціи, это разрѣшеніе затягивалось на пѣлюю недѣлю, а иногда и долѣе. Ждешь, ждешь, наконецъ потеряешь терпѣніе и идешь объясняться съ любезнымъ приставомъ.

— Что же, это батенька! Сколько еще времени продлятся проводочки ваши! — спрашиваешь съ горечью и досадой.

— Честью увѣряю васъ, что съ моей стороны тутъ никакой вины нѣтъ. Еще шесть дней тому назадъ я отослать въ секретное

¹⁾ Этотъ приставъ въ послѣдствіи сдѣлалъ блестящую полицейскую карьеру, дослужился до генеральскаго чина и съ большимъ почетомъ вышелъ въ отставку. Много разъ потомъ онъ оказывалъ мнѣ дѣйствительно любезное содѣйствіе въ обходѣ всякихъ формальностей.

отдѣленіе при градоначальникѣ всѣ ваши бумаги и свой отзывъ, что препятствій къ выѣзду не имѣется...

— Ну, и что же?

— Ну, и не возвращаютъ вашихъ бумагъ; а я безъ этого не могу вамъ выдать разрѣшеніе...

— Да когда же они возвратятъ наконецъ?

— А кто же ихъ знаетъ!

— Но какъ же быть?.. Посовѣтуйте!

— Да развѣ ужъ вамъ самимъ бы съѣздить туда да попросить, чтобы вашимъ дѣломъ занялись поскорѣе...

И онъ дѣлалъ мнѣ различныя указанія: куда и какъ тамъ войти, къ кому обратиться и въ какое именно время. Ёду, скрѣпя сердце, въ указанное имъ вѣдомство, вхожу туда, вмѣстѣ съ какими-то довольно подозрительными личностями, которыя держатъ себя тамъ вполнѣ развязно, какъ несомнѣнные завсегдатаи, и шныряютъ изъ комнаты въ комнату, безслѣдно исчезая за неслышно запирающимися дверьми.

Отыскиваю указанное мнѣ приставомъ лицо, какого-то юрнаго, рябенькаго, быстроглазаго чиновника, излагаю ему, въ чемъ дѣло, и совершенно нежданно подвергаюсь слѣдующему курьезному допросу.

— Да вы по какому собственно дѣлу замѣшаны?

— Я?.. Ни по какому!

— Отчего же такая выходитъ задержка?

— Вамъ это лучше знать... Я недоумѣваю.

Куркій чиновничекъ поглядываетъ на меня съ нѣкоторымъ недо-вѣріемъ и, понижая голосъ, говоритъ мнѣ:

— Да, можетъ быть, у васъ какое нибудь... этакое... не политическое дѣло... но все же уголовного характера?..

— Не приведи Богъ! Никогда подъ судомъ не былъ, ни съ кѣмъ не судился и дѣлъ въ судѣ не имѣю...

Чиновничекъ пожимаетъ плечами...

— Такъ обождите... Вотъ я справлюсь.

Ожидая; справляется—и высылаетъ ко мнѣ другого чиновника: молодого, красиваго малаго, обворожительно любезнаго.

— Ваши бумаги здѣсь—почти недѣля,—говорилъ онъ мнѣ, граціозно разводя руками,—и представьте: мы все ищемъ, и никакъ не можемъ отыскать, по какому собственно дѣлу...

— Да ни по какому дѣлу я не замѣшанъ,—говорю я уже съ досадой, начиная горячиться.

— Такъ, такъ... Предполагать мы ничего не смѣемъ... Но, можетъ быть, вы сами будете такъ любезны, что наведете, направите насъ.

Вижу, ясно вижу изъ его словъ, что они и сами ничего не знаютъ.

— Не могу васъ навести, при всемъ желаніи,—отвѣчаю я уже съ невольною улыбкой.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте—я вотъ еще у Семена Ивановича спрошу... Будьте такъ добры, присядьте. Я сейчасъ...—и онъ устремляется въ одну изъ боковыхъ дверей; но черезъ минуту возвращается также стремительно.

— Pardon! еще однимъ вопросомъ васъ обезпкою: вы не изволили давать по какому нибудь случаю подписки о невыѣздѣ?

— Никогда, никому! И не думалъ!

— Нѣтъ! Я вѣдь васъ потому только объ этомъ спрашиваю, что тогда это у насъ особый картонъ... Впрочемъ, я сію минуту.

На этотъ разъ приходится ждать подольше; тѣ же развязные завсегдатаи вѣдомства шныряютъ мимо меня, весело и весьма игриво о чемъ другъ съ другомъ перешептываясь... Мимо меня проходятъ какія-то дамы въ траурѣ, какой-то студентъ со старикомъ отцомъ, какая-то всхлипывающая баба... Наконецъ обворожительно-любезный чиновникъ опять вылетаетъ ко мнѣ.

— Будьте спокойны,—утѣшаетъ онъ:—завтра, много послѣзавтра, мы возвратимъ бумаги и васъ извѣстимъ объ этомъ изъ участка.

— Значитъ, я могу рассчитывать навѣрно?

— Навѣрно, навѣрно! Тѣмъ болѣе, что тутъ нѣтъ ничего важнаго: однѣ только пустыя формальности...

И онъ расшаркивается удивительно ловко и красиво.

— Охъ, ужъ эти мнѣ формальности!—думаю я почти съ озлобленіемъ, выходя на свѣтъ и воздухъ.

Черезъ три дня получаю изъ участка свои бумаги и разрѣшеніе на выѣздъ, въ которомъ значитъ, что препятствій не имѣется. Но мытарства мои этимъ еще не оканчиваются... Когда я приѣзжаю въ паспортное отдѣленіе, чиновникъ, завѣдывающій выдачею заграничныхъ паспортовъ, говоритъ мнѣ, конфиденціально отводя меня въ сторону:

— Сегодня вамъ паспортъ не можемъ выдать... Объ васъ мы еще не имѣемъ свѣдѣній.

— Да какія же вамъ еще свѣдѣнія? Вотъ тутъ всѣ мои бумаги и разрѣшеніе отъ полиціи!

— Это для насъ ничего не значитъ... У насъ вѣдь свои правила. Пока не получимъ извѣщенія изъ секретнаго отдѣленія...

— Да когда же этому конецъ будетъ?—восклицаю я, окончательно выведенный изъ терпѣнія.

— О! мы васъ не задержимъ... Вѣдь это все не болѣе, какъ маленькія формальности...

И только два дня спустя я, наконецъ, получаю заграничный паспортъ.

Подобнымъ мытарствамъ я подвергался при каждомъ выѣздѣ за границу и отъ начала до конца каждый разъ выносилъ ту же унизительную и ничѣмъ незаслуженную муку... Наконецъ, я твердо рѣшился избавиться отъ этого «ига неудобноносимаго» во чтѣ бы то

ни стало! Къ тому же, во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ явился графъ Игнатевъ, прославленный своею любезностью и доступностью, и я, ни съ кѣмъ не посоветовавшись, ни у кого не справившись ни о какихъ «формальностяхъ», рѣшился прямо къ нему явиться въ одинъ изъ приемныхъ дней и подать письмо, въ которомъ изложилъ главную суть моего дѣла.

Письмо написалось у меня какъ-то особенно удачно. Я указалъ въ немъ на всю нелѣпость моего положенія; указалъ на то, что по моимъ учебникамъ учились и учатся десятки тысячъ юношей, а я состою по милости какого-то жандармскаго генерала Варшавскаго округа подъ надзоромъ полиціи. Упомянулъ я и о томъ, что одинъ изъ моихъ историческихъ трудовъ удостоенъ высокой чести покровительства и помощи со стороны его императорскаго высочества государя наслѣдника цесаревича (въ Востѣ почившаго императора Александра III),—а я состою подъ надзоромъ полиціи? Затѣмъ, совершенно искренно высказывая свои убѣжденія и отрицая какіе бы то ни было поводы къ «поднадзорности», я, въ заключеніе письма, просилъ графа разслѣдовать серьезно мое дѣло, и либо отдать меня подъ судъ, если будетъ доказано, что я въ чемъ нибудь виновенъ и вину свою укрываю, либо избавить меня отъ несноснаго, тяготяющаго на мнѣ, ига.

Въ опредѣленный день и часъ я пріѣхалъ къ подъѣзду историческаго «зданія у Цѣпнаго моста», гдѣ тогда жилъ графъ Игнатевъ, или по крайней мѣрѣ, гдѣ онъ принималъ лицъ, имѣвшихъ до него дѣло или нужду. Сильно взволнованный, сталъ я въ приемной тамъ, гдѣ мнѣ было указано стоять. Немного спустя, графъ вышелъ изъ кабинета и сталъ обходить присутствующихъ; разговаривалъ съ одними, отбиралъ прошенія у другихъ... Когда онъ подошелъ ко мнѣ и чиновникъ назвалъ ему мою фамилію, графъ обратился и ко мнѣ съ обычнымъ вопросомъ.

— Я бы просилъ ваше сіятельство выслушать меня наединѣ,— сказалъ я съ поклономъ.

— Въ такомъ случаѣ подождите до конца приѣма,— сказалъ графъ.

Когда приемъ былъ оконченъ, онъ любезно пригласилъ меня въ кабинетъ, сѣлъ на диванъ, стоявшій въ глубинѣ комнаты, и указалъ мнѣ на кресло рядомъ.

— Ну, я васъ слушаю,— и онъ сказалъ это такъ просто, что мое волненіе сразу успокоилось, и я коротко и ясно изложилъ ему все дѣло, а затѣмъ подаль заготовленное мною письмо.

Графъ выслушалъ меня очень внимательно, потомъ пробѣжалъ мое письмо и, дочитавъ до конца, улыбнулся:

— Ну, до суда не дойдетъ дѣло!.. Мы это разберемъ... Не долго васъ заставимъ ждать!

И онъ поднялся съ дивана.

— Усердствуют! Все усердствуют!—добавилъ онъ, прощаясь со мною.

Дѣйствительно, не прошло и недѣли, какъ ко мнѣ, въ одно прекрасное утро, явился офицеръ-жандармъ и предложилъ мнѣ заѣхать на слѣдующій день въ то же «зданіе у Цѣпного моста». «Но только не съ того подъѣзда»,—замѣтилъ онъ мнѣ,—«а съ другого»,—и онъ растолковалъ, какъ войти, и куда.

На другой день, въ назначенный часъ, я входилъ въ указанный подъѣздъ.

— Что вамъ угодно?—спросили меня два усача, заступая мнѣ дорогу.

Я объяснилъ, что мнѣ велѣно было сюда явиться, и подаль свою карточку. Усачъ посмотрѣлъ на карточку, попросилъ «повременить» и ушелъ съ карточкой. Минуты черезъ двѣ онъ вернулся и сказалъ мнѣ:

— Пожалуйте по коридору налѣво: тамъ они васъ ждутъ.

Онъ—оказался высокимъ господиномъ въ виць-мундирѣ, съ крестомъ на шеѣ. Лица я не могъ разсмотрѣть, потому что въ коридорѣ было довольно темно. Раскланившись со мною, высокій господинъ спросилъ меня:

— Вы — г. Полевой?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, такъ позвольте васъ поздравить... Ваше дѣло окончено... Съ васъ все снято, по вашему желанію.

И, поклонившись мнѣ, онъ исчезъ за дверью.

У меня точно камень съ сердца свалился... На этотъ разъ, слава Богу, обошлось безъ формальностей!..

П. Полевой.

НЕДАВНІЕ ЛЮДИ ¹⁾.

(Характеристики и воспоминанія).

II.

Степанъ Стамбуловъ.

УЗУБОВОЮ девятою Стамбулова оказались роковыя настоянія его на военномъ положеніи. Онъ споткнулся на камнѣ, о который издавна запинались ноги весьма многихъ политическихъ Васекъ Буслаевыхъ—диктаторовъ воинственныхъ, но не военныхъ: на арміи.

Романъ съ м—не Савовою былъ для Стамбулова фатальнымъ не скандальною огласкою своею, но косвеннымъ послѣдствіемъ—что на мѣсто удалившагося Савова военнымъ министромъ былъ назначенъ полковникъ Рачо Петровъ, пресловутый «руцукскій убійца», подписавшій смертный приговоръ друзьямъ своимъ и однокапникамъ Узунову и Панову за руссофильскій заговоръ. Креатура Стамбулова, Петровъ былъ слѣпымъ исполнителемъ его воли, пока не съѣлъ въ министерскія кресла, но тутъ показалъ свои когти. Молодой, талантливый, страшно честолюбивый, съ характеромъ жестокимъ и холоднымъ, съ желѣзною силою воли, съ кошачьею гибкостью природы, новый министръ сразу овладѣлъ довѣріемъ князя и арміи и почувствовалъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» 1898 г., мартъ, стр. 950.

себя во главѣ силы, рѣшающей судьбы государства. Стихийная мощь Стамбулова стала встрѣчать вѣжливый, но систематическій отпоръ въ правильной военной организаціи, руководимой Петровымъ. Стамбуловъ понялъ свою ошибку, спохватился, но было уже поздно.

Былой одесскій семинаристъ, Степанъ Николаевичъ Стамбуловъ, хотя и неоднократно проявлялъ въ дѣятельности своей признаки воинственнаго азарта, но арміи не зналъ, корпоративному духу ея былъ чуждъ, да, я полагаю, и не любилъ ея. Армія, съ своей стороны, не любила диктатора. Когда Стамбуловъ палъ, ни въ Софіи, ни въ провинціи—даже въ такихъ городахъ, какъ Рущукъ, гдѣ комендантомъ былъ архи-стамбулистъ Дандеревскій—войско не шевельнулось въ защиту «льва Болгаріи». Напротивъ, въ беспорядкахъ 18 мая софійскій гарнизонъ сыгралъ, хотя нейтральную, но важную роль, весьма прозрачно покровительствуя анти-стамбуловскому движенію. Объ этомъ я расскажу нѣсколько ниже, теперь же—два слова объ отношеніяхъ между Стамбуловымъ и военнымъ міромъ.

Диктаторъ любилъ хвалиться, будто онъ націонализировалъ армію.

— Самостоятельная національная обособленность Болгаріи, полное отчужденіе отъ Россіи, национализированная армія, сильное сближеніе съ Турціей,—вотъ задачи, которыхъ я достигалъ и достигнулъ,—говорилъ онъ мнѣ и смѣялся при этомъ:—ха-ха-ха! могъ ли я, борецъ первыхъ освободительныхъ востаній, членъ бухарестскаго комитета, предполагать, что современемъ долженъ буду тянуть Болгарію къ союзу съ турками?

Но, націонализируя армію, онъ въ то же время находилъ удобнымъ дурачить обѣщаніями за ея счетъ австрійскихъ дипломатовъ и дѣлалъ это съ такою самоувѣренностью, что даже личный другъ Стамбулова, участникъ его политическихъ и финансовыхъ операцій, австрійскій агентъ Буръень считалъ возможнымъ поддерживать предъ своимъ правительствомъ Стамбулова въ его заносчивыхъ посулахъ въ родѣ указаннаго уже, объ инструкторахъ. Это трактованіе арміи, какъ вещи, которою или по крайней мѣрѣ именемъ которой можно распорядиться по произволу, отзывалось въ военныхъ кругахъ серьезнымъ неудовольствіемъ. Я живо помню рѣзкій отзывъ Петрова о Стамбуловѣ по этому поводу.

— Это басня!—горячился онъ,—безосновательная нелѣпая басня. Я даже не вѣрю, чтобы она исходила отъ Стамбулова. Онъ слишкомъ уменъ и слишкомъ знаетъ Болгарію для подобнаго замысла. Онъ долженъ понимать, что, если бы даже и затѣялъ что либо подобное, то не смогъ бы выполнить свой планъ. Какой военный министръ согласится быть проводникомъ мѣры, и не нужной до бессмыслицы, и до бѣшенства оскорбительной и для него, и для арміи, и для страны? Болгарская армія считаетъ пятнадцать лѣтъ существованія. Она прошла русскую школу, вполне достаточную, чтобы охранять внѣшнее спокойствіе страны. Мы имѣемъ много офицеровъ,

заявившихъ себя опытными, храбрыми и толковыми служаками. Дисциплина войскъ безупречна. Зачѣмъ намъ при всѣхъ этихъ условіяхъ иностранные инструкторы, да еще австрійскіе? Неужели наши офицеры хуже австрійскихъ? Австрійцевъ не было съ нами, когда мы били сербовъ при Сливницѣ! Мы разбили ихъ сами, съ помощью недавней русской школы: вѣдь наши учителя только что были отозваны отъ насъ. И, какъ же мы плакали, ихъ провожая! Нѣтъ, ученыхъ учить — только портить. Сажать на шею нашимъ офицерамъ иноземцевъ — и нелѣпость, и несправедливость. Армія никогда не снесла бы такой пощечины. Я первый подалъ бы въ отставку, если бы зашла рѣчь о подобной мѣрѣ!..

Кое-что Стамбуловъ сдѣлалъ для арміи хорошаго и, надо отдать ему полную справедливость, сдѣлалъ сознательно, хотя, какъ оказалось потомъ, и на свою голову. Напуганный политическимъ вліяніемъ поборниковъ, памятуя военную революцію противъ Баттенберга, смущаемый армейскими заговорами Паницы, Узунова и т. п., въ постоянномъ опасеніи офицерскаго авантюризма, онъ чрезъ своихъ ставленниковъ-министровъ принялся очень ловко и послѣдовательно отучать армію отъ политики и добился въ этомъ отношеніи блестящихъ результатовъ,—для себя самого, повторяю, черезчуръ блестящихъ... до неожиданности! Армія настолько выучилась видѣть въ себѣ орудіе исключительно внѣшней національной защиты, а не хозяйку внутренняго распорядка страны, что очутилась совершенно внѣ сферы партійной борьбы, и когда Стамбулову самому понадобилось позвать ее въ партію, онъ встрѣтилъ въ военныхъ кругахъ гдѣ холодное недоумѣніе, а гдѣ—и явное негодование: какое молъ намъ до васъ дѣло? мы—специально военная корпорація, со своимъ специальнымъ управленіемъ, и знать не хотимъ ни иныхъ государственныхъ функцій, кромѣ тѣхъ, вершить которыя мы специально призваны, ни иного командирства, кромѣ того, которому мы специально подчинены.

Новый министр, выдвинутый къ этому посту Стамбуловымъ съ цѣлью поправить «ошибки» восьмилѣтняго воспитанія арміи въ столь безупречно конституціонномъ направленіи, совершенно обманулъ надежды диктатора. Уличная софійская кличка зоветъ Петрова «кошечкой»—«котка». Кошечка не захотѣла таскать изъ огня каштаны для перваго министра, обжигая при этомъ свои собственныя лапы. Петровъ подумалъ:

— Зачѣмъ арміи быть частью стамбуловской партіи, когда она, сама по себѣ, партія—и самая завидная, самая грозная изъ всѣхъ? Зачѣмъ я позволю г. Стамбулову распоряжаться своими судьбами, когда онъ самъ вложилъ въ мои руки власть распоряжаться судьбою его?

И, главное, теперь это ему ровно ничего не стояло. Надо было лишь исполнить долгъ истинно военнаго человѣка и истинно кон-

ституционального гражданина, то-есть: держать подчиненную Петрову армию в столь же строгом удалении от государственных бурь, как завелось это до Петрова; не допускать к распоряжению армии никого, кроме себя, на то княжескою волею и поставленного, и спасти болгарскую боевую силу от превращения в легионы преторианцевъ, послушных личной волѣ Стамбулова, исполнителей его личныхъ цѣлей, частныхъ задачъ. Роль эффектная, а сыграть ее— и благородно, и просто, и выгодно.

Замѣтивъ свою ошибку в Петровѣ, Стамбуловъ сдѣлалъ одинъ изъ тѣхъ рискованныхъ политическихъ прыжковъ наудалую, какими онъ часто, в минуты крайней опасности, бралъ верхъ надъ противниками, заставляя ихъ теряться предъ сюрпризами совершенно исключительной наглости. По болгарской конституціи, первый министр, в отсутствіе князя изъ страны, замѣняетъ его особу съ подчиненіемъ себѣ всѣхъ министерствъ, кромѣ военнаго. Стамбуловъ потребовалъ распространенія этого параграфа и на военное министерство. Для князя Фердинанда это значило—либо безвыѣздно приковаться къ Софіи, отказавшись отъ всякихъ экскурсій въ Европу, что, по трудному его тогдашнему положенію, было совершенно невымыслимо; либо, уѣзжая, каждый разъ сознавать, скрѣпя сердце, что оставилъ свое государство всецѣло во власти Степана Николаевича, в безконтрольномъ его распоряженіи, съ руками, развязанными для какой угодно узурпаціи. Богъ знаетъ, на что рѣшился бы Фердинандъ, сиди на мѣстѣ Петрова другой военный министр. Но теперь Стамбуловъ промахнулся. Увѣренный в поддержкѣ Петрова, увѣждаемый принцессою Марією-Луизою, подстрекаемый волненіемъ народа, до котораго уже дошли отголоски дворцоваго конфликта, Фердинандъ отвергъ притязанія диктатора и предпочелъ принять отставку Стамбулова. Бубновая девятка была бита, шуллеръ полетѣлъ за окно.

Уличные сцены переворота 18 мая рассказаны мною в «Софійскомъ житьѣ-бытьѣ». Онѣ были грозны, но, безъ косвеннаго участія в революціи полковника Петрова, стамбуловской полиціи удалось бы задавить демонстраціонное движеніе горожанъ и студентовъ Великой Школы. Петровъ предписалъ войскамъ весьма двусмысленный вооруженный нейтралитетъ: способствуйте, моль, прекращенію беспорядковъ, обуздывая разыгравшіяся страсти обѣихъ враждующихъ сторонъ в равной мѣрѣ. Намъ де все равно, кто и за кого дерется. Мы—внѣшняя оборона, а это дѣла внутреннія. Такъ оно и случилось... на словахъ и бумагахъ. На дѣлѣ же войска страннымъ образомъ опаздывали становиться между народомъ и агентами Стамбулова всюду, гдѣ народъ одолѣвалъ полицію, и моментально появлялись тамъ, гдѣ полиція одолѣвала народъ. Кучка мальчугановъ срывала вывѣски съ именемъ Стамбулова на улицѣ, в послѣдствіи переименованной вмѣсто Стамбуловской в улицу 18-го мая. Полиція схватила шалуновъ и

заклѣчила плѣнниковъ въ страшной памяти пятый участокъ. Толпа хлынула ихъ освобождать. Участокъ осадили. Жандармы дали залпъ. Толпа отвѣчала градомъ камней. Явились войска; солдаты раздѣлили осажденныхъ и осаждающихъ тѣсною стѣною. Жандармы потеряли возможность стрѣлять по толпѣ, а революціонеры продолжали швырять камни черезъ головы солдатъ, которые отъ души смѣялись этому нелѣпому бою—междоусобию съ дозволенія начальства. Потерявъ терпѣніе, жандармы ринулись было сквозь солдатскіе ряды на вылазку. Войска не препятствовали до перваго револьвернаго выстрѣла. Чуть Стамбуловскіе агенты взялись за привычныя имъ револьверы, солдаты загородили народъ грудью и, пустивъ въ ходъ приклады, загнали стамбуловцевъ обратно въ участокъ.

Тѣмъ временемъ, какъ на Софійскихъ улицахъ разыгрывались подобныя сцены, во дворцѣ все было полно и надеждъ, и сомнѣній. Князь, въ нерѣшительности, сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Предъ нимъ лежала стамбуловская просьба объ отставкѣ. На дворцовой площади гудѣла многотысячная толпа: «дѣлу тирана, дѣлу блудника, дѣлу Стамбулова!» Кто-то изъ свиты почтительно указалъ князю на народное нетерпѣніе знать, какъ рѣшится роковой вопросъ, быть или не быть министерству Стамбулова? Князь возразилъ:

— Я не могу согласиться на требованія господина Стамбулова, но не могу также уволить министерства, не зная, какъ составить новое.

Ему замѣтили:

— Ваше высочество, обыкновенно новыя назначенія совершаются лишь послѣ того, какъ уничтожены старыя.

Князь промолчалъ. Тогда Грековъ—стамбуловецъ больше, чѣмъ самъ Стамбуловъ, и теперь, по смерти самого эксъ-диктатора, шефъ стамбуловской партіи,—будучи увѣренъ, что колебанія князя искренни, и никакъ не предполагая, что отставка Стамбулова можетъ быть принята, позволилъ себѣ сказать, повисивъ голосъ и съ заносчивой горячностью:

— Ваше высочество, рѣшайте такъ или иначе! Въ Софіи безпорядки... при такомъ положеніи дѣлъ мы не хотимъ удерживать наши портфели.

Нахальство Грекова вылило въ чуть тлѣвшій огонь цѣлую бочку керосина.

Князь поблѣднѣлъ, смѣрилъ Грекова долгимъ взглядомъ, молча взялъ перо и подписалъ отставку. Грековъ былъ такъ пораженъ, что присѣлъ на мѣстѣ...

Министерство еще не было составлено. Стоиловцы торговались съ каравелистами и никакъ не могли сторговаться... всѣ партіи боялись другъ друга, правительство шаталось. Тогда-то именно Рачо Петровъ и прислалъ къ Стоилову своего адъютанта съ наставле-

нѣмъ, что нельзя испытывать народное терпѣніе и оставлять страну безъ правительства, и въ предупрежденіе, что, если въ теченіе двухъ часовъ онъ, Петровъ, не получитъ списокъ новаго кабинета, то вынужденъ будетъ къ пропunciamento и объявить военную диктатуру... Эта энергическая мѣра прекратила споры... Получить на свою шею новаго Стамбулова, горше прежняго, да еще вооруженнаго грозною силою славянскихъ штыковъ, никто не желалъ. Хоть плохо, да сговорились на скорую руку. Создалась, изъ обрывковъ разныхъ партій, лыкомъ шитая, на живую нитку сметанная «народная партія», надъ которою такъ зло издѣвался потомъ Стамбуловъ. Объявлено было народу выдѣленное ею министерство Стоилова. Народъ принялъ вѣсть съ восторгомъ. Ему было все равно, кто,—только бы не Стамбуловъ.

Когда Стамбуловъ, послѣ прощальной аудіенціи у князя, возвратился домой, пройдя сквозь строй народнаго волненія, подъ крики, насмѣшки, брань, угрозы толпы, между нимъ и княземъ произошелъ слѣдующій разговоръ по телефону:

— Ваше высочество, бунтовщики, подученные моими врагами—вашимъ новымъ министерствомъ, угрожаютъ мнѣ смертью, хотятъ разграбить мой домъ.

Князь отвѣчалъ горько и язвительно:

— Успокойтесь, Степанъ Николаевичъ, я уже просилъ гг. Стоилова, Радославова и Начевича принять мѣры къ охраненію васъ отъ вашего народа.

Въ поясненіе этой фразы надо напомнить, что сильнѣйшимъ козыремъ въ игрѣ Стамбулова съ княземъ была его фальшивая манера держать князя въ увѣренности, будто Степанъ Николаевичъ необычайно популяренъ въ болгарскомъ народѣ: вся де нація за него, а противъ него лишь ничтожная кучка честолюбивыхъ крикуновъ, реакціонеровъ-руссофиловъ и неблагонадежныхъ антидинастическихъ партизановъ. Для этого стамбуловская полиція выбивала изъ населенія благодарственные адреса диктатору, организовала искусственные митинги, разсылала телеграфическія привѣтствія, хвалы и одобренія, сфабрикованныя по участкамъ. Въ «Софійскомъ житьѣ-бытьѣ» рассказано, какую важную роль сыграла измѣна диктатору государственнаго телеграфа въ роковой день 18 мая.

Отвѣтъ князя поразилъ Стамбулова. Онъ растерялся и, вопреки обычной своей находчивости, не сумѣлъ ничего отвѣтить, кромѣ:

— Хорошо, ваше высочество, очень хорошо... Благодарю, ваше высочество, очень благодарю.

Впослѣдствіи, Стамбуловъ увѣрялъ, что благодарность его была ироническою, — врядъ ли: ему приходилось въ это время туго до ироніи. Вообще, опаматовавшись отъ перваго погрома, онъ усиленно старался доказать, что въ дни переворота ничуть не струсилъ. Но сотни очевидцевъ единогласно свидѣтельствовали мнѣ, что онъ

совершенно потерялъ голову. Да и трудно было не потерять. Стамбуловъ зналъ, что у него врагамъ счета нѣтъ, но все же, кажется, самъ не подозрѣвалъ всей силы народной ненависти, какую воспиталъ онъ въ странѣ, и одѣнилъ грозную полноту ея, лишь когда полетѣлъ въ пропасть и не нашелъ ни соломинки, за что бы ухватиться, погибая. Струсить въ такой моментъ не стыдно. Не всѣмъ же дано быть эпическими римлянами.

Первые годы бытія самостоятельной Болгаріи — богатый матеріалъ для историческихъ романистовъ будущаго, а Стамбуловъ и князь Фердинандъ — безспорно, интереснѣйшіе изъ всѣхъ героевъ болгарскихъ драмъ, отношенія ихъ между собою — любопытнѣйшее и общественно-политическое, и психологическое явленіе. Разъ мы стоимъ у момента, когда Фердинандъ и Стамбуловъ явились въ особенно обострѣнномъ противопоставленіи одинъ другому, остановимся нѣсколько на этихъ отношеніяхъ, одинаково характерныхъ и для болгарскаго государя, и для его министра.

Европейскій дипломатъ, котораго я въ этомъ очеркѣ уже неоднократно цитировалъ, объясняя долгую пассивность князя подъ стамбуловскимъ гнетомъ, рисовалъ мнѣ такую картину.

— Принцъ—европеецъ, а Болгарія—порядочная Азія. Она еще не успѣла отвыкнуть отъ авторитета кулака и палки турецкаго наслѣдія. У Фердинанда ни воли, ни власти бить кулакомъ и палкой не было, а чтобы утвердиться, кулакъ и палка были ему необходимы. Вотъ вамъ и вся тайна его покорности Стамбулову. Стамбуловъ, который, случись ему стать ренегатомъ, могъ бы сдѣлаться первымъ человѣкомъ въ исламѣ—онъ рожденъ для власти на ориентальный манеръ—оборудовалъ для принца огромное дѣло: онъ вколотилъ Кобурга въ Болгарію. Процессъ былъ острый, не могъ не возбудить ненависти, но, какъ показали теперь послѣдствія, не противъ вколотеннаго принца, а противъ мастера, который его вколачивалъ. Пока принцъ чувствовалъ себя слабымъ, онъ терпѣлъ, когда Стамбуловъ въ своемъ азартѣ,—онъ весь сотканъ изъ азарта,—задѣвалъ и его. Окрѣпъ, кулакъ и палка стали ненужны—вонъ ихъ! Старая хлѣбъ-соль забывается. Стамбуловъ мнилъ себя чуть ли не державцемъ, а на дѣлѣ былъ просто игрушкой политическаго Witz'a. Надо было быть очень самонадѣяннымъ, вотъ именно какъ самонадѣяны Стамбуловъ, чтобы этого не замѣчать. Онъ считалъ принца ничтожествомъ, а ничтожество, какъ Сикстъ V, въ одинъ прекрасный день выпрямилось и заговорило барскимъ тономъ: ты мой слуга, я тобой недоволенъ, пошелъ вонъ!

Что князь Фердинандъ, въ душѣ, убѣжденный абсолютистъ,—старинное обвиненіе его враговъ. А Стамбулова иные удачно характеризовали, какъ анархиста, ставшаго тираномъ. Стремленіе къ неограниченной власти было сильно у обоихъ — у Фердинанда, умѣренное воспитаніемъ европейскаго принца, тактомъ, званіемъ консти-

туціоннаго государя, у Стамбулова разнузданное до истинно-семи-нарскаго бѣснованія. Одесская бурса успѣла таки породить полудикаря, кого капризь судьбы сдѣлалъ внослѣдствіи полудержавнымъ властелиномъ цѣлаго славянскаго народа.

Помимо долгой взаимной необходимости, Стамбулова могла соединять съ Фердинандомъ и нѣкоторая фантастичность, свойственная натурамъ, какъ перваго, такъ и втораго. Авантюристъ, ставшій первымъ министромъ, и молодой государь, брошенный имъ на путь политическаго авантюризма,—щадимые Европою, оставленные безъ вниманія, на произволъ судьбы русскимъ царемъ,—въ упоеніи властью, наперерывъ строили воздушные замки—широкіе планы, огромные замыслы. Болгарія имъ была тѣсна, хотѣлось уже ее расширить. Для князя Фердинанда то былъ періодъ *Sturm und Drang*, необходимыхъ въ каждой веснѣ—какъ житейской, такъ и политической.

Стамбуловъ, по присоединеніи Румелии, тотчасъ же принялся за интриги въ Македоніи. А при свиданіи со мною онъ высказалъ не маленькую мысль, что разъ всѣ и каждый въ Европѣ добиваются Константинополя, отчего же не попробовать въ этомъ направленіи счастья и болгарамъ, причемъ даже прямо указалъ на Кобурга, какъ на человѣка съ честолюбіемъ, способнымъ посягнуть на такую огромную цѣль. Высказалъ онъ это въ весьма громкихъ словахъ:

— Меня утѣшаетъ одно сознаніе: я сдѣлалъ, что могъ. Я всегда работалъ для одной Болгаріи. Ни одна иностранная держава, не только Россія, не можетъ указать, чтобы я поступилъ для нея хоть шагомъ въ области болгарскихъ интересовъ. Я отвѣчалъ Трикупису—первому министру греческаго королевства—на его предложеніе тройственнаго раздѣла Македоніи: если вы думаете, что болгарскій элементъ въ Македоніи—посторонній, попробуйте владѣть ею безъ раздѣла; если же болгарскій элементъ тамъ свой—Македонія должна быть нашей. Я готовъ разорваться за каждую пядь земли, тронутую болгарской пятой. Вы, русскіе, видите въ Болгаріи ключъ къ Константинополю. Кто будетъ владѣть Константинополемъ, будетъ и поводителемъ великаго балканскаго государства, которое должно будетъ тогда создаться самою силою вещей. Я не имѣю ни малѣйшаго желанія, чтобы эта сила попала въ русскія руки. Наше государство молодо, невелико, но... есть же и у него какое нибудь счастье! Почему знать? Можетъ быть, именно намъ и суждено пробиться къ Босфору и сыграть тамъ историческую роль... Это загадка будущаго.

Все это, конечно, очень похоже на старинную пѣсенку:

*Malbrough s'en va-t en guerre,
Dieu sait quand reviendra.*

Полковникъ Петровъ расхохотался, когда я сообщилъ ему замыслы Стамбулова повторить подвиги царя Симеона.

— Добираться до Константинополя? намъ? съ какими же силами? Господинъ Стамбуловъ каждому говоритъ чтонибудь такое, что должно произвести эффектное или странное впечатлѣніе, удивить, озадачить, заставить задуматься надъ новостью идеи. Какъ будто все дѣло въ томъ, чтобы дойти до Константинополя и занять его! Константинополь взять не трудно, но кто въ состояніи его удержать? И такія предположенія строятся для Болгаріи, не имѣющей ни флота, ни средствъ его построить!

Здѣсь будетъ уместно привести личное мнѣніе князя Фердинанда о Стамбуловѣ, высказанное мнѣ послѣ 18 мая, опредѣляющее въ то же время, какое участіе принималъ въ событіи самъ князь.

— Я ничуть не перемѣнился къ Стамбулову послѣ его паденія, какъ думаютъ нѣкоторые, — говорилъ принцъ. — Воображаютъ, будто я былъ съ нимъ очень близокъ. Нѣтъ, между нами давно уже были только официальные встрѣчи. Но, такъ какъ онъ былъ первымъ министромъ, то, естественно, встрѣчи эти были чаще, чѣмъ съ кѣмънибудь другимъ. Да, я относился къ нему всегда такъ, какъ отношусь теперь. На мой взглядъ, его энергія и упрямство принесли въ разное время много добра Болгаріи. Онъ, несомнѣнно, способствовалъ развитію въ болгаряхъ національнаго самосознанія и націоналистической политики. Онъ очень уменъ, очень талантливъ, хотя и слишкомъ крутъ и жестокъ. Въ свое время онъ былъ не только полезенъ — былъ необходимъ. Но Стамбулова испортило сознаніе своихъ заслугъ и своей силы. Онъ сдѣлался капризенъ, какъ женщина, онъ не выносилъ противорѣчій и много разъ подавалъ въ отставку. Я не считалъ возможнымъ ее принять, пока видѣлъ въ Стамбуловѣ человѣка послѣдовательнаго. Но этого не было въ послѣдніе годы, и особенно въ 1893—1894 гг. Наоборотъ, онъ дѣйствовалъ какъ-то внезапно, точно подъ вліяніемъ минутныхъ вдохновеній. Минутнымъ вдохновеніямъ нельзя вѣрять судьбы страны молодой и неустановившейся. И потомъ, онъ вѣчно хотѣлъ срывать игру угрозами своей отставки... Я предупреждалъ Стамбулова: смотрите, г. Стамбуловъ, можетъ выйти такое совпаденіе обстоятельствъ, что вы опять должны будете подать въ отставку, а я — ее принять... Онъ не слушалъ. И вотъ такое совпаденіе нашло себѣ мѣсто.

— Предполагалъ ли Стамбуловъ, что ваше высочество примете отставку? — просилъ я.

— Нѣтъ, не предполагалъ, — рѣшительно заявилъ принцъ. — Онъ былъ очень изумленъ, и плодъ этого изумленія — софійскіе безпорядки 18 мая. Господинъ Стамбуловъ, — сказалъ принцъ не безъ горечи, — могъ бы уйти съ политической арены тихо, съ достоинствомъ, но, вѣря въ свое обаяніе въ народѣ, онъ предпочелъ уйти съ шумомъ; какъ видите, онъ наказанъ за это самообольщеніе: демонстраціи упали на его голову...

Что князь Фердинандъ, хотя и горько разочарованный въ Стам-

буловъ, былъ крайне недоволенъ скандаломъ, сопровождавшимъ его паденіе, можно вѣрить. Ни одному монарху не доставляло наслажденія убѣждаться воочию въ революціонныхъ способностяхъ своего народа, да еще такихъ блестящихъ, какъ проявили софійцы. При томъ же, хоть за отставку Стамбулова князь Фердинандъ и былъ прославленъ «вторымъ освободителемъ Болгаріи», но, такъ какъ послѣдняя управлялась восемь лѣтъ Стамбуловымъ не отъ своего, а отъ князя Фердинанда имени, то вышло повидимости, какъ будто князь освободилъ ее отъ самого себя въ прошломъ, давая какія-то покаянныя программы на будущее. И народъ волненіемъ противъ Стамбулова выразилъ князю рѣзкое порицаніе за прошлое, снисходительно принявъ будущую программу,—такъ сказать, выражаясь парламентскимъ языкомъ, «выразилъ довѣріе правительству», хотя и сильно скомпрометтированному.

Что дворъ князя Фердинанда желалъ сбыть павшаго Стамбулова за границу, тоже весьма вѣроятно. Потерявъ власть, Стамбуловъ сталъ ужасно лишнимъ въ Софіи. Точно какое-то пугало—не то, что страшное, а неприличное—стѣснительное и надѣдливое. Завѣдомый врагъ, котораго надо мало, что терпѣть,—сторожить и оберегать: того гляди, станется съ нимъ чтонибудь неладное... и что тогда скажетъ Европа? Его оскорбятъ,—за него отписывайся! Его убьютъ,—за него отвѣчай! Мы его береги! а онъ себѣ, припѣваячи, будетъ сидѣть у моря да ждать погоды, строя козни, заговоры, фабрикуя новую революцію... Тѣмъ не менѣе, я не думаю, чтобы Стамбуловъ говорилъ искренно, когда передавалъ мнѣ, будто съ презрѣніемъ отклонилъ предложеніе тайнаго бѣгства въ чужіе края. Онъ и радъ бы имъ воспользоваться, какъ правительство радо бы сбыть его съ рукъ, да нельзя было: желанія двора разошлись съ желаніями министерства, которое, сгоряча, рѣшилось было исполнить требованіе народной Немезиды—судить отставленнаго диктатора. Кромѣ государственнаго суда, на голову Стамбулова обрушились десятки частныхъ обвиненій въ разныхъ уголовныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ; онъ очутился на положеніи подслѣдственнаго преступника, не посаженнаго въ предварительное заключеніе лишь по трусости властей. За нимъ былъ учрежденъ негласный полицейскій надзоръ. Въ провинцію его, правда, отпустили бы, но мы видѣли, что значило для Стамбулова отправиться въ провинцію. Стамбуловъ очутился въ глупѣйшемъ положеніи. Внутри страны ѣхать нельзя—убьютъ, вонъ изъ страны—не позволяютъ. Оставалось сидѣть въ Софіи и—*faire bonne mine au mauvais jeu*, притворяясь, что сидитъ онъ по собственной своей доброй волѣ, въ защиту друзьямъ и на страхъ правительству. Выходило въ родѣ извѣстной побасенки:

- Медвѣдя поймалъ!
- Веди его сюда!
- Да онъ меня не пускаетъ!

Изъ всѣхъ корреспондентовъ, говорившихъ въ то время съ Стамбуловымъ, я имѣлъ то случайное преимущество, что, явившись первымъ, засталъ эксъ-диктатора въ искреннемъ раздраженіи недавнею катастрофою, которая вызывала его къ большей обычнаго откровенности. Предо мною онъ не скрывалъ, что поймалъ медвѣдя, который его не пускаетъ. Онъ прозрачно намекалъ, что—съ судомъ или безъ суда—онъ, на болгарской территоріи, человѣкъ погибшій. Онъ собирался бѣжать; говорятъ, бѣжалъ даже передѣтый въ старушечье платье, но былъ узанъ и водворенъ восвоеси.

— Объ одномъ жалѣю, что его, негодая, не фотографировали тогда!—алорадствовалъ политиканъ, сообщавшій мнѣ эту легенду.

Задержавъ Стамбулова въ Софіи, правительство, когда остыли первые восторги побѣды, весьма скоро поняло однако, что и оно по отношенію къ Стамбулову поставлено не лучше, чѣмъ Стамбуловъ къ нему: оно тоже поймало медвѣдя, котораго никуда не поведешь, ибо онъ не пускаетъ. Судить Стамбулова, какъ выяснялось со дня на день все ярче и ярче, было немыслимо: судъ надъ нимъ,—это онъ говорилъ правду,—явился бы судомъ и надъ всѣмъ правительствомъ князя Фердинанда до самого князя.. включительно. Съ другой стороны, обѣщанный стгоряча судъ сдѣлался уже надеждою народною: его ждали, его требовали,—замять его, замолчать было невозможно. Нельзя судить, а надо судить! Толпа видѣла затрудненія власти и относилась къ нимъ съ непріязненною подозрительностью. Выпустить Стамбулова за границу стало совсѣмъ невозможно: за нимъ слѣдила во всѣ глаза ненависть оскорбленной и ограбленной націи. Итакъ, сидѣли они, волею или неволею прикованные на одну и ту же цѣпиру и смотрѣли другъ на друга ненавистными глазами—Стамбуловъ, смущенный невѣдѣніемъ, что съ нимъ сдѣлаютъ, а правительство, смущенное невѣдѣніемъ, что съ нимъ сдѣлать. И обѣ стороны храбрились.

Выходъ изъ затрудненія представлялся одинъ: могила.

Уѣзжая въ 1894 году изъ Болгаріи, я предсказывалъ, что, не зная, какъ отдѣлаться отъ «стамбуловскаго вопроса», бывшаго диктатора, вѣроятно, отправятъ ad patres путемъ таинственнаго покушенія. Пророчество оправдалось, къ сожалѣнію, какъ по писанному: ровно черезъ годъ, 3—15 іюля 1895 года, Стамбуловъ былъ иврубленъ, въ двухъ шагахъ отъ Union-Club, тремя неизвѣстными лицами—засвѣтло, только что не средь бѣла дня, почти что на глазахъ полиціи, не ударившей палець о палець, чтобы помочь своему бывшему шефу. Три дня спустя, тиранъ скончался въ страшныхъ мученіяхъ. Онъ самъ задолго предчувствовалъ свою участь.

— Меня убьютъ!—вырвалось у него среди разговора со мною. Онъ понималъ, что больше съ нимъ нечего дѣлать его политическимъ побѣдителямъ.

Убійцы Стамбулова,—собственно говоря, всѣмъ знакомые незна-

комцы,—остались фактически безнаказанными, да, пожалуй, даже и не уличенными. Иначе и быть не могло, ибо ни правительству, ни народу не было рѣшительно никакой нужды въ наказаніи людей, разрубивших своимъ преступленіемъ Гордіевъ узелъ болгарской политики. Всякій понималъ, что смерть его, одновременно, и частное и политическое убійство: и личная месть и судъ Линча, казнь самосуда народнаго. Убить стоило,—и убили, и скрыли убійцъ, не справляясь о правахъ, о законѣ, какъ у насъ въ деревняхъ пришибаютъ конокрадовъ и за грѣхъ того не считаютъ. Какъ трудно было провести даже формальное слѣдствіе по стамбуловскому процессу, рассказано въ «Софійскомъ житьѣ-бытьѣ». Въ Черной Джаміи я видѣлъ одного изъ убійцъ Стамбулова—Боно Георгіева. Впослѣдствіи онъ, хотя и осужденный, очутился милостью властей на свободѣ и оказался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ эмиссаровъ болгарскаго революціоннаго комитета въ Македоніи.

Смерть Стамбулова и послѣдовавшія за похоронами его бурныя демонстраціи взволновали умы во всей Европѣ. Кто убилъ? обсуждалось съ горячностью всею европейскою прессою мѣсяца два, если не болѣе. Въ государствахъ тройственнаго союза и въ Англіи Стамбуловъ, въ качествѣ заклятаго руссофоба, былъ весьма популяренъ. Такъ какъ въ это время уже назрѣвало болгаро-русское примиреніе, и въ Петербургѣ гостила депутація, отправленная болгарскимъ народомъ на поклонъ государю императору, жидки вѣнской печати, а, всѣдъ за ними, и Берлинъ зашумѣли было, что убійство Стамбулова—дѣло рукъ руссофильской партіи: Болгарія де поклонилась Россіи головою Стамбулова. Авторитетное слово князя Бисмарка разбило эту глупую клевету. Тогда тяжесть обвиненія перевалили на плечи князя Фердинанда. Вопреки крикамъ о томъ стамбулиствѣ и въ особенности вдовы Стамбулова, можно съ увѣренностью утверждать, что, изъ всего болгарскаго правительства князь менѣе всѣхъ могъ быть причастенъ къ смерти своего отставнаго министра.

Въ преступленіяхъ, не лишенныхъ политической окраски, роковой уголовный вопросъ—*cuī prodest*,—играетъ особо важное значеніе. И это—противопоказаніе клеветѣ на князя Фердинанда. Зачѣмъ было ему убивать Стамбулова, обезвреженнаго, подъ судомъ, безъ полиціи своей—одного противъ цѣлаго народа-антистамбулиста, противъ цѣлой арміи, слѣпо повинующейся полковнику Рачо Петрову, вопросъ о чьемъ подчиненіи стамбуловской диктатурѣ и вызвалъ переворотъ 18-го мая. Что касается до угрозъ письмами, яко бы компрометирующими принца Фердинанда, пущенныхъ одно время въ ходъ Стамбуловымъ, теперь хорошо извѣстно, каковы были эти письма: на первыхъ порахъ по прибытіи въ Болгарію князь не сразу страшнуль съ себя «австрійскаго поручика» и не только пожурировалъ нѣсколько болѣе, чѣмъ слѣдуетъ государю страны, но и писалъ шуточныя записки объ этихъ похожденіяхъ участнику

своего жуирства Степану Стамбулову, предполагая, что, какъ водится между порядочными людьми, записки эти уничтожаются и, во всякомъ случаѣ, не увидятъ свѣта. А Стамбуловъ пряталъ «документы» въ шкатулку на всякій случай... Компрометировать князя политически письмами этими Стамбуловъ, конечно, не могъ, но Болгарія—страна пуританская, на кутежь и донъ-жуанство смотритъ косо и устроить легонькій скандалчикъ князю онъ былъ бы въ состояніи. Что касается «политическихъ документовъ», одинъ изъ приближенныхъ къ Фердинанду, пользующихся его довѣріемъ придворныхъ, увѣрялъ меня:

— Такихъ у Стамбулова не было и не могло быть. Князь не вѣрилъ Стамбулову, боялся его и не могъ дать ему въ руки оружія противъ себя. И если стамбуловская партія когда либо огласитъ какіе нибудь политическіе документы отъ имени князя, первою моею мыслью будетъ: «это подлогъ!»—подлогъ во вкусѣ пресловутыхъ русскихъ бумагъ Якобсона и, можетъ быть, именно его же рукъ мастерство.

Стамбуловъ долженъ былъ скоро умереть — и непременно насильственной смертью, и зналъ это самъ. Онъ набилъ слишкомъ много людей, убилъ и помучилъ слишкомъ много невинныхъ. А его насильническіе грѣхи по бабьей части? А обманутые имъ македонцы? За нимъ всегда слѣдили мстители. Боно Георгиевъ когда-то на могилѣ Паницы, котораго онъ былъ личнымъ секретаремъ, далъ, колѣнопреклоненный, клятву зарѣзать Стамбулова. Стоило зазѣваться полиціи, чтобъ эксъ-диктаторъ погибъ. Но вотъ вопросъ: какъ она зазѣвалась—нечаянно или съ расчетомъ? стерегла или не стерегла или не стерегла вовсе? Былъ выданъ Стамбуловъ своимъ мстителямъ, или они взяли его сами? На этотъ вопросъ, я думаю, могутъ отвѣтить только префектъ полиціи, да, можетъ быть, г. Тюфкчиевъ... оправданный судомъ «не убійца» Стамбулова.

— Раздѣлаться съ Стамбуловымъ,—говорилъ мнѣ въ 1894 году одинъ каравеловецъ,—да ничего нѣтъ проще! Когда правительству надоѣстъ это бѣльмо на глазу, оно сниметъ полицейскій надзоръ и уведетъ роту солдатъ, слѣдящую за домомъ Стамбулова, во избѣжаніе народныхъ беспорядковъ. Словомъ, оставитъ Стамбулова одного, лицомъ къ лицу съ обиженными имъ людьми. А затѣмъ за голову Стамбулова я не прозакладываю ни одного лева.

Въ самомъ дѣлѣ, подумать только, что, едва палъ Стамбуловъ, какъ на него было заявлено болѣе семидесяти жалобъ лишь за насильственныя дѣйствія надъ женщинами, не считая насилій имущественныхъ!.. Были люди, которые боялись его, и падшаго, вѣроятно, по правилу, что

Змѣя раненая злѣе,
Чѣмъ невредимая змѣя.

— Что тамъ еще судить его? — выражали мнѣніе даже вполне интеллигентные люди, съ европейскимъ образованіемъ, — онъ ловокъ, вывернется, пожалуй. Его низверженіе — полумѣра. Надо было его убить.

— Какъ? Вы говорите — убить? Не выслушавъ, не давъ оправдаться?

— Эхъ! Говорилъ же Стамбуловъ народному собранію, что будетъ управлять Болгаріей по внутреннему убѣжденію... ну, и спроводить его можно по внутреннему убѣжденію!

При подобномъ настроеніи народномъ, понятно, что похороны Стамбулова превратились въ неописуемый скандалъ. Полиціи и войскамъ пришлось вооруженною силою отражать толпу, ринувшуюся въ атаку на погребальную процессію. Хотѣли разбить гробъ и выбросить покойника въ болотистый ровъ. Перепуганное духовенство чуть не бѣгомъ бѣжало до кладбища, гдѣ закипѣла отчаянная свалка, сопровождаемая яростными демонстраціями противъ представителей державъ, дружелюбныхъ Стамбулову. Пострадали и безъ вины виноватые: сербскаго и румынскаго агентовъ сбили съ ногъ и ходили по нимъ, какъ по паркету. Князь Фердинандъ былъ въ это время въ Карлсбадѣ. Его адъютантъ явился въ домъ Стамбулова съ выраженіемъ высочайшаго соболѣзнованія, — адъютанта не приняли. Тогда князь прислалъ вдовѣ Стамбуловой сочувственную телеграмму, — она отвѣчала градомъ дерзостей, открыто обвиняя правительство въ убійствѣ мужа. Что за человекъ жена Стамбулова, трудно опредѣлить съ точностію. При жизни мужа она совершенно исчезала за его колоссальною для Болгаріи фигурою. О ней какъ-то совѣмъ не говорили. Къ его безобразнымъ любовнымъ похождениямъ она относилась съ равнодушіемъ истинно восточной гаремной женщины, для приличія дѣлая видъ, что не вѣритъ слухамъ. Даже савовская исторія не вывела ее изъ этого искусственнаго безразличія. Въ Софіи говорятъ о ней скорѣе хорошо, чѣмъ дурно. Любила она Стамбулова, кажется, до безумія и, по убійствѣ его, превратилась въ яростную тигрицу, жаждавшую мести и крови охотниковъ, умертвившихъ ея самца... Въ процессѣ убійцы Стамбулова она вела себя геройски. Когда я пріѣхалъ на февральскія торжества, мнѣ бросился въ глаза траурный флагъ на одномъ домѣ: оказывается, подняла его — демонстративно противъ примиренія съ Россіей — вдова Стамбулова. Софійцы пожимали плечами и говорили:

— Взалмошная баба!

Что убило Стамбулова болгарское правительство, она кричитъ до сихъ поръ.

Болѣе умѣренные стамбулисты говорили о попустительствѣ. Самъ Стамбуловъ, умирая, указывалъ, что его убили «князь, Тюфекчиевъ, Халіу и Бельчевъ», намекая этимъ послѣднимъ именемъ на мстителей за повѣшенныхъ имъ мнимыхъ убійцъ министра Бельчева —

по известному миларовскому процессу... Фердинандъ, наконецъ, потерялъ терпѣніе. Въ официальномъ органѣ появилась телеграмма изъ Эбенталя, холодно и рѣзко заявившая: «Въ виду непріязннаго отношенія родственниковъ Стамбулова къ благоговѣйному и сердечному почину князя, онъ считаетъ неумѣстнымъ подвергать своихъ вѣрныхъ слугъ дальнѣйшимъ оскорбленіямъ и признаетъ необходимымъ запретить гражданскимъ и военнымъ чинамъ участвовать въ погребеніи Стамбулова». Престарѣлая мать Миларова прислала вдовѣ Стамбулова телеграмму столь ужасную въ дикомъ трагизмѣ своемъ, что развѣ у героевъ Эсхила да въ эпосѣ Нибелунговъ можно найти подобную энергію ненависти!

«Плачьте,— писала старуха,— плачьте о кровосійцѣ и убійцѣ, который, веселясь въ Бургасскомъ монастырѣ, при пѣсняхъ и танцахъ цыганъ, подписалъ смертный приговоръ моему незабвенному сыну Святославу. Богъ далъ мнѣ силы дожидаться того времени, когда я увидѣла убійцу плавающимъ въ своей собственной крови! Утѣшенная, посылаю свое презрѣніе его разлагающемуся трупу». Выразить «послѣднее презрѣніе» трупу Стамбулова приглашали и расклеенныя повсемѣстно въ Софіи афиши. Спустя полгода по смерти Стамбулова, кладбищенскіе сторожа жаловались намъ, русскимъ, что могила диктатора — истинное ихъ наказаніе: чуть не присмотри,— и навалыть на нее всякой гадости... Не прощенъ даже за гробомъ! Признаюсь, эта канибальская ненависть братушекъ къ человѣку, предъ которымъ они, заживо, рабски трепетали, показалась мнѣ весьма прогивною. Онъ стоилъ болгарскаго политикующаго общества, а общество стояло его. Какъ говорятъ поляки — wart Paс palasa, а palac Paса.

Такъ погибъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, одинъ изъ самыхъ антипатичныхъ, но, безспорно, и самыхъ замѣчательныхъ людей новѣйшей европейской исторіи. Ворвался онъ въ нее грубо и неожиданно,— грубо же и былъ ею извергнутъ. «Анархистъ у власти» — Степанъ Николаевичъ Стамбуловъ, явленіе глубоко поучительное; даже теряешься, соображая, какъ могла въ концѣ XIX вѣка, вѣка парламентаризма и правового порядка, возникнуть на горизонтѣ политическомъ такая дикая насмѣшка именно надъ парламентаризмомъ и правомъ, словно посланная въ міръ лукавымъ Асмодеемъ, чтобы убить всякое къ нимъ довѣріе?

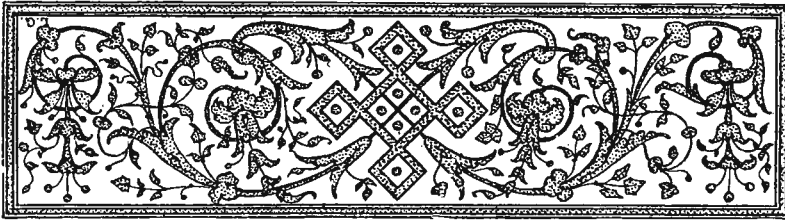
Что оставилъ по себѣ Стамбуловъ потомству? Ровно ничего. Грубый авантюристъ въ политикѣ, онъ старался пріобрѣсти славу націоналиста, что и удалось ему въ глазахъ людей близорукихъ или заинтересованныхъ въ успѣхахъ его лже-націоналистическаго режима. Невѣжественный и жестокій, онъ, если даже исключить эгоистическія цѣли, вѣчно преслѣдуемая имъ въ своей политикѣ, превратилъ послѣднюю въ самодурство. Съ народною волею онъ не считался, народнаго духа знать не хотѣлъ. Подобно Угрюмъ-

Бурчееву, что хотѣлъ заставить рѣку течь вспять, онъ насилуесть управляемый имъ болгарскій народъ къ культурной эволюціи, совершенно ему не свойственной, отрывая его отъ единства съ Россією, великимъ корнемъ славянства, и искусственно прививая къ нему швабовъ и швабство. Но, хотя рѣки иной разъ и мѣняютъ русла, а вспять еще ни одна изъ нихъ не пошла. И болгарскій ручей, побурливъ малость въ стамбуловской запрудѣ, все-таки, въ концѣ концовъ, принялъ свое естественное теченіе,—бросился въ русское море, смывъ съ лица земли всѣ сооруженія диктатора и потопивъ въ своемъ разливѣ его самого... Напрасное зданіе, кичливо выстроенное на пескѣ, рухнуло... «И погibe память его съ шумомъ».

Ал. Амфитеатровъ.

КЪ БІОГРАФІИ Н. В. УСПЕНСКАГО.

РАЗСКАЗЪ г. Юдина о Н. В. Успенскомъ, помѣщенный на страницахъ «Историческаго Вѣстника», впервые сообщаетъ намъ нѣкоторыя данныя о жизни и характерѣ этого полузабытаго нами писателя, лично мнѣ когда-то знакомаго. Но всѣ данныя, собранныя г. Юдинымъ, касаются главнымъ образомъ службы и карьеры Николая Успенскаго.

Когда мы съ нимъ познакомились, и онъ сталъ посѣщать меня, я смотрѣлъ на него только какъ на начинающаго писателя, и, ознакомившись съ первымъ изданіемъ его рассказовъ, старался понять, какой именно путь въ области литературы проложить себѣ этотъ оригинальный талантъ, который сразу всѣмъ пришелся по вкусу своими небольшими сценками, разговорами людей всякаго рода, званій и возрастовъ.

Сценки эти были такъ правдивы, что казались точно подслушанными авторомъ, что, конечно, справедливо только на половину: чтобъ умѣть начать ихъ и кончить, дать имъ извѣстный колоритъ, наложить печать своего личнаго взгляда на пустоту окружающаго жизни,—нуженъ былъ талантъ, и талантомъ этимъ Н. В. Успенскій обладалъ и не выходилъ изъ границъ того небольшого кругозора, который дала ему сама жизнь, и той формы, которая оказалась ему по плечу. Къ счастью для его литературнаго успѣха, форма его рассказовъ оказалась оригинальною и соответствующею настроенію тогдашняго молодого общества. Книжку съ рассказами г. Успенскаго, едва я приобрѣлъ и прочелъ ее, взяли у меня читать на два дня и зачитали.

Что Н. В. Успенскій никогда не напишетъ большого романа или повѣсти, это было мнѣ ясно и въ то время, когда я съ нимъ знакомился; я и тогда понималъ, что Успенскій былъ талантливымъ рисовальщикомъ, а это еще не значитъ быть живописцемъ. Неожиданный успѣхъ въ литературномъ мірѣ, къ сожалѣнію, очевидно кружилъ ему голову. Онъ дорого цѣнилъ свои летучія произведенія.

Помню, однажды (въ 1861 г., если не ошибаюсь), онъ зашелъ ко мнѣ сильно взволнованный и тотчасъ же сталъ рассказывать, что онъ прибѣжалъ ко мнѣ прямо отъ Некрасова.

— Что съ вами?—спросилъ я.—Пожалуйста, успокойтесь и расскажите.

— Вообразите,—началъ онъ,—что со мной сдѣлалъ Некрасовъ. Я считалъ его у себя въ долгу, такъ какъ онъ не заплатилъ мнѣ всего, что мнѣ слѣдуетъ, и я уже нѣсколько разъ заходилъ къ нему за деньгами... заходилъ неудачно, такъ какъ лакей его мнѣ отказывалъ постоянно: то говорилъ, что барина дома нѣтъ, то увѣрялъ, что онъ вернулся поздно изъ клуба и спитъ. Наконецъ, сегодня я его засталъ... говорю ему: такъ и такъ, подавайте деньги.—Я, говоритъ, ничего вамъ не долженъ, не приставайте.—Я сталъ горячиться—и что же вы думаете?! Некрасовъ взялъ заряженное охотничье ружье и поставилъ его около себя, въ уголокъ. Я тотчасъ же понялъ, чѣмъ это пахнетъ... и, разумѣется, ради самосохраненія ушелъ.

Все это было рассказано мнѣ съ величайшимъ негодованіемъ,—Успенскій и блѣднѣлъ, и краснѣлъ, и задыхался отъ волненія, точно и въ самомъ дѣлѣ жизнь его была въ опасности, и не уйди онъ во время, Некрасовъ бы застрѣлилъ его. Тогда съ Некрасовымъ мы были въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, и я настолько зналъ его, что, понятно, въ его намѣреніе подстрѣлить Успенскаго не повѣрилъ. Мнѣ было только одно очевидно, что Некрасову Успенскій такъ надоѣлъ, что ему захотѣлось напугать его: дескать, берегитесь, иначе я, чего добраго, и выстрѣлю. Зналъ я и то, что сотрудники «Современника» довольно аккуратно получали свой гонораръ, и въ данномъ случаѣ Некрасовъ, безъ торгу взявшисъ напечатать что-то изъ сочиненій Ник. Успенскаго, заплатилъ ему по расчету столько, сколько, по его мнѣнію, слѣдовало ему заплатить. Успенскій этого не ожидалъ, ибо цѣнилъ себя втрое дороже другихъ беллетристовъ, печатавшихъ въ то время въ журналѣ Некрасова. Явилось крупное недоразумѣніе, и настойчивость Успенскаго получить за труды свои несравненно больше того, что было ему уплачено, наткнулась на человѣка тоже настойчиваго, переломить котораго ему было не по силамъ.

Что я говорилъ Успенскому, какой разговоръ въ то время между нами послѣдовалъ, не помню, а сочинять цѣлые разговоры при изложеніи своихъ воспоминаній есть тѣма охотниковъ, я не изъ ихъ числа. Вотъ еще, что помню я изъ жизни Успенскаго... Когда вре-

менно исправлять я обязанность редактора только что появившейся «Пчелы», затѣянной г. Героглифовымъ, Успенскій приносилъ мнѣ свою повѣсть (не помню заглавія). Я ее прочелъ — повѣсть эта сильно мнѣ не понравилась; но, какъ мнѣ кажется, она все же была напечатана. Я всегда былъ такого мнѣнія, что авторъ, пріобрѣтшій себѣ извѣстность и даже ставшій любимцемъ читающей публики, самъ за себя отвѣчаетъ.

Г. Юдинъ говоритъ о пристрастіи Н. Успенскаго къ спиртнымъ напиткамъ, но пьянымъ я никогда его не видалъ.

Вѣроятно, сталъ онъ пить уже повдѣе, когда самъ замѣтилъ охлажденіе къ себѣ и публики и журналовъ. Публика же наша также иногда скоро простываетъ, какъ и воспламеняется. Г. Юдинъ описываетъ въ своей статейкѣ скитанія несчастнаго, сбившагося уже съ пути Ник. Успенскаго, — но знаетъ ли онъ его отношенія къ Ив. С. Тургеневу? Разъ, явился онъ къ Тургеневу въ его имѣніе «Спасское» и упросилъ его дать ему въ полное его владѣніе нѣсколько десятинъ земли, увѣряя его, что ему тяжело шлаться и ничего не дѣлать, что на землѣ, уступленной ему Тургеневымъ, онъ построить избушку, будетъ въ ней жить и обрабатывать поле, что онъ разведетъ огородъ, будетъ продавать овощи и какъ нибудь проживетъ безъ особенной нужды. Тургеневъ далъ ему, неподалеку отъ своей усадьбы, нѣсколько десятинъ земли (кажется, не болѣе пяти), и Успенскій былъ въ восторгѣ.

Чѣмъ же все это кончилось? Черезъ годъ или два Тургеневъ сталъ получать отъ своего управляющаго извѣстія, что Успенскій съ своей племянницей поселился у него въ домѣ, что для него готовятъ обѣдъ, что онъ часто пьянъ, и что на своихъ десятинахъ онъ ровно ничего не дѣлаетъ. Кончилась эта исторія тѣмъ, что Тургеневъ взялъ у него эту землю обратно, и Успенскій выѣхалъ изъ его усадьбы, ругая Тургенева на всѣ корки и говоря всѣмъ, что Тургеневъ его надулъ, что онъ отнялъ у него то, что было ему подарено, и тому подобное.

Вѣроятно, найдутся еще люди, которые лучше меня выяснятъ отношенія Тургенева къ Н. В. Успенскому и подробнѣе расскажутъ эту исторію о подаренной землѣ, я же могу только удостовѣрить, что Тургеневъ былъ очень радъ, что отдѣлался отъ посѣщеній Успенскаго. Не знаю, какія были отношенія Успенскаго къ его двоюродному брату Глѣбу Успенскому, который, какъ талантливый беллетристъ, значительно переросъ его; слышалъ только, что отношенія эти были далеко не родственныя. Утверждать же, чего я не знаю, не могу, я говорю только о томъ, что подсказываютъ мнѣ мои отрывочныя воспоминанія.

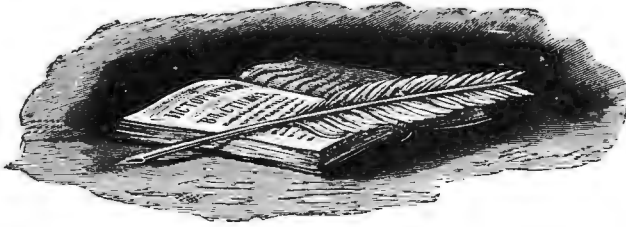
Скажу въ заключеніе, что въ тѣ годы, когда еще заходилъ ко мнѣ Н. Успенскій, я не замѣтилъ въ немъ никакой молчаливости или меланхоліи, напротивъ, со мною онъ былъ говорливъ и откоро-

венень. Я вѣрилъ въ его литературный вкусъ, — въ его смекалку, что хорошо, что дурно, и, помню, бросилъ писать одну начатую мною комедію подъ заглавіемъ: «Воры», только потому, что Успенскій,—не успѣлъ я и одной страницы прочитать,—замахалъ руками и воскликнулъ:

— Не такъ! не такъ!

Недавно попались мнѣ на глаза черновыя страницы этой пьесы, и я невольно вспомнилъ моего безпощаднаго критика.

Я. Полонскій.

ПОЪЗДКА НА МУРМАНЪ ¹⁾

(Путевыя замѣтки).

III.

О ДРУГУЮ сторону Кольской губы тянется западный Мурманскій берегъ и оканчивается рѣкой Ворьемой, впадающей въ Варангерскій заливъ. Въ этой губѣ много маленькихъ бухтъ, въ которыхъ нашли себѣ мѣсто девять колоній: Грязная, Рослякова, Бѣлокаменная, Варламова, Средняя, Тюва, Екатерининская гавань, Сайда и Торосъ. Океанскій пароходъ доставилъ меня въ Екатерининскую гавань; въ ней я пробылъ сутки. Любопытно было посмотрѣть мѣстность, гдѣ предполагается построить самый сѣверный городъ, подъ именемъ, какъ я слышалъ еще въ Петербургѣ, Екатерининской Колы. Бухта будущаго города узкая, но глубокая, съ высокими берегами, дугообразная. Подъ уклономъ праваго берега раскинулись строения, принадлежащія колонистамъ и пароходному обществу.

— Зачѣмъ общество содержитъ здѣсь дома?—спросилъ я сторожа.

— Одинъ пароходъ зимуетъ въ гавани, такъ живутъ матросы, — отвѣчалъ онъ. — Съ марта тянутся промышленники на весенніе промыслы, ну, пароходъ и возить ихъ по становищамъ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXI, стр. 981.

На одномъ зданіи я прочелъ предупрежденіе, которымъ строго воспрещалось ломать деревья и тѣмъ паче рубить. Я смотрѣлъ во все стороны и никакихъ деревьевъ не видалъ. Должно быть, предупрежденіе заботилось насчетъ кустарника по берегамъ, да и тотъ былъ низкорослый, изуродованный суровымъ климатомъ и подпочвеннымъ камнемъ. За скалами лѣваго берега открывается долина, — избранное мѣсто, на которомъ въ ближайшемъ будущемъ возникнетъ новый городъ. Насколько тверда здѣсь почва, самъ я въ этомъ лично не убѣждался, но мнѣ рассказывали люди, работавшіе при изслѣдованіи плотности ея. Сверлили буравомъ на 56 футовъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не могли добраться до твердаго грунта. Тогда же у изслѣдователей явилось предположеніе, что на этомъ мѣстѣ было когда-то озеро, какія и теперь существуютъ по сосѣдству въ глубинѣ материка. Озеро годъ отъ году мелѣло, заволакивалось тиной, заростало травой и, быть можетъ, черезъ вѣка образовалась наглядная сушь; тѣмъ не менѣе, озеро тянетъ къ себѣ заросли, тянетъ, конечно, такъ незначительно, что невозможно примѣтить осадка. Но когда будетъ городъ, черезъ нѣкоторое время на постройкахъ можетъ отразиться видимое втягиваніе, въ смыслѣ искривленій, вростаній въ землю и даже разрушеній. Скалы, затрудняющія доступъ къ городу, думаютъ взорвать динамитомъ. Работы были отданы норвежскому инженеру, отъ котораго въ гавань прибыли уже изъ Норвегіи и рабочіе, а вслѣдъ за ними пріѣхалъ и промѣрщикъ, состоявшій въ Вадзѣ школьнымъ учителемъ. Говорили, что динамитныя работы извѣстны норвежцамъ болѣе, чѣмъ кому либо, и притомъ они, новержцы, согласились взорвать скалы дешевле, нежели предлагали наши инженеры, но въ какихъ размѣрахъ выражалась разница — никто не могъ сказать, да и врядъ ли, кромѣ нанимателя, кому она извѣстна. Передавали также, что въ городъ будетъ переведена изъ Колы вся администрація, будутъ отдаваться бесплатно дома свободнымъ переселенцамъ; для передвиженія грузовъ черезъ городъ протянутся рельсы, а двухмѣсячная мгла уступить электрическому освѣщенію. Въ отношеніи же снабженія горожанъ прѣсною водою, предположено углубить ближайшую рѣчку и придвинуть ее къ долинѣ канализаціоннымъ способомъ. Вообще, я слышалъ утѣшительные отзывы объ устройствѣ новаго города, только климатическія условія что-то не хвалятъ.

— Страшное дѣло, баринъ, — рассказывалъ мнѣ колонистъ. — Зимую поднимется такая мятель, что свѣту Божьяго не видно. А къ осени пойдутъ сильныя вѣтры съ дождемъ. Какъ задуетъ и начнетъ рвать да метать, того и гляди изба кувырнется въ воду. Ежели-бъ не горный берегъ — спасенія нѣтъ.

Изъ Екатерининской гавани я отправился на шлюпкѣ къ пароходу «Казенному», который стоялъ въ 5-ти верстахъ отъ Колы. Оказалось, что пароходъ собирался въ Вардѣ за динамитомъ и попутно

взять въ Мотовскомъ заливѣ шняку съ телеграфною проволокой, чтобы сбуксировать ее въ колонію Малую Мотку, находящуюся въ одной изъ бухтъ Варангерскаго залива. Поэтому онъ легко могъ меня доставить во всѣ колоніи Кольской губы, Мотовскаго залива и Рыбачьяго полуострова. «Казенный» — пароходъ небольшой, съ низкою кормою. Машина и уголь занимаютъ въ немъ громадное мѣсто, такъ что на долю пассажировъ приходится коморки; только для «его благородія» имѣется отдѣльная каюта и даже съ предупредительною дощечкой его имени.

И теперь ѣхалъ на пароходѣ «его благородіе» и, кромѣ того, молодой человекъ г. Ш., собиравшій въ Мурманскомъ краѣ цѣны на рыбу. Его я видѣлъ въ восточныхъ становищахъ, но онъ все время скрывалъ цѣли своего уполномочія, тѣмъ не менѣе я узналъ, что г. Ш. собираетъ свѣдѣнія для какого-то предпріятія на Мурманѣ, затѣваемаго обществомъ архангельской желѣзной дороги.

Долго пароходъ не снимался съ якоря, хотя былъ уже подъ парами.

— Однако, мы стоимъ порядочно безъ толку,—замѣтилъ я капитану изъ отставныхъ моряковъ.

— Всегда такъ, какъ онъ съ нами, а онъ когда не ѣдетъ?.. Ни одного разу не пропуститъ.

— Кто такой—онъ?

Капитанъ наклонился и, улыбаясь, отвѣтилъ:

— Лапландскій правитель. Онъ копаются въ своей каютѣ. Видѣли, гдѣ дощечка прибита?

Я утвердительно кивнулъ головой, а капитанъ продолжалъ:

— Мы его приказаній слушаемъ. Сегодня онъ, навѣрно, прокопается десять часовъ.

— Это почему же?

— Какъ почему?! Человекъ вы изъ Петербурга, надо начальство разыграть, не уронить своего достоинства—хитрый старикъ.

— Ну, пусть его,—сказалъ я и перемѣнилъ разговоръ на болѣе существенную тему.—Скажите, капитанъ, что дѣлаетъ вашъ пароходъ на Мурманѣ?

— Вотъ сегодня поѣдемъ въ Норвегію за динамитомъ, по пути завеземъ въ Мотку проволоку, тамъ еще кой-что подвернется.

— Это теперь, а въ началѣ навигаціи?..

— Тогда буксировали телеграфные столбы отчасти...

— То-есть, какъ отчасти?

— Не всегда. Потому что столбы идутъ плотомъ, сильно упорствуютъ; такой ходъ портитъ машину. Возимъ въ необходимыхъ случаяхъ. На это есть буксирный пароходъ мурманскаго общества «Кандалакша».

— Прекрасно. А въ прошломъ году чѣмъ занимались?

— Мало ли чѣмъ. Доставляли въ становища чиновъ, стояли

Становище Ерегики.

у Колы, ходили въ докъ чиниться, опять ѣздили кое-куда, работы было достаточно,—уклонялся отъ прямого отвѣта капитанъ.

— А сколько стоитъ содержаніе парохода въ годъ?

— Оно обходится казнѣ въ 16 тысячъ. Но министерству внутреннихъ дѣлъ извѣстно, что здѣсь все крайне дорого.

На этихъ словахъ насъ прервалъ «правитель» приказаніемъ отправляться въ путь. Пароходъ тронулся. При встрѣчѣ со мною «правитель» сразу началъ съ того, что лѣтъ десять назадъ статистика по Архангельской губерніи составлялась дугая и только, благодаря его трудамъ, хотя невмѣненнымъ ему въ обязанность начальствомъ, она получила правдивую окраску.

— Прежде, знаете, какъ было?—говорилъ онъ.—Цифра колоніямъ, дворамъ, скоту проставлялась дома: въ одинъ годъ отбросятъ справа ноль, въ другой — прибавятъ два, въ третій передвинутъ прочія цифры. А у меня все обслѣдовано на мѣстѣ, все добыто лично отъ колонистовъ и сельской администраціи. Я съ любовью отнесся къ этому дѣлу, за то и начальство не пустило меня со службы, когда я хотѣлъ уйти въ отставку. Вотъ, батенька, не угодно ли позаимствовать? Онъ принесъ папку и вынулъ изъ нея внушительныхъ размѣровъ тетрадь; затѣмъ, подавая мнѣ ее, сказалъ:—здѣсь вы найдете мельчайшія подробности.

Я поблагодарилъ и отказался отъ «заимствованій».

— Напрасно гнушаетесь. Кто до васъ здѣсь проѣзжалъ, всякій списывалъ отсюда.

Я объяснилъ «правителю», что его свѣдѣнія, быть можетъ, и прекрасны, но чужой статистики я вообще сторонюсь, а собираю самъ данныя и интересуюсь лично побывать въ колоніяхъ.

Колоніи Кольской губы расположены другъ отъ друга въ 5—15 верстахъ. Всѣ онѣ въ 1—3 двора, только одна Сайда имѣетъ 5 дворовъ. Избы большею частью земляныя, поэтому грязь, спертый вонючій воздухъ царятъ въ нихъ круглый годъ. Населеніе преимущественно финляндское. Колонисты ловятъ треску на поддевь, удочкой. Остановится ловець среди губы на карбасѣ, заброситъ грузило съ крючкомъ и дергаетъ уду, пока не зацѣпитъ треску за спину или брюшко. Промышляютъ также семгу, ловя ее неводами и сѣтками. Скотоводство въ колоніяхъ, конечно, весьма скудное, но у финляндцевъ замѣчается его развитіе. У одного колониста въ Варламовѣ есть до 500 оленей, которые составляютъ для него важную доходную статью. Лѣсу строеваго совсѣмъ нѣтъ, дровянаго мало; хлѣбъ дорогъ, питаются соленой и сушеной треской.

Изъ кольскихъ колоній обращаетъ на себя вниманіе Средняя, въ которой два двора—финляндскій и русскій. У перваго большой домъ, прочный, красивый, совсѣмъ какъ въ городѣ. Внутри обширная комната; по стѣнамъ висятъ картины; на столѣ бронзовые часы, скатерть, посуда. Когда я вошелъ съ матросами къ колонисту, по-

слѣдній довольно чисто порусски предложилъ мнѣ вина, сигаръ, сыру; приче́мъ оказалось, что вино норвежское, сигары гамбургскія, сыръ шведскій. Былъ я и въ кладовой финляндца для покупки консервовъ, видѣлъ тамъ соль, треску, семгу, кильки, сардины, бифштексы, котлеты въ жестянкахъ, чай, сахаръ — словомъ, довольно приличный съѣдобный, а также и красный товаръ. При уходѣ, колонистъ просто меня озадачилъ, когда предложилъ мнѣ, не желаю ли я купить въ дорогу двѣ-три парочки бутылокъ мадеры, хересу, портвейну, рому. Надо было удивляться, кто можетъ въ такой глуши покупать изысканные предметы. Я приобрѣлъ у финляндца сигаръ, консервовъ и вина, а матросы купили 10 ф. чаю по 65 к. и 1 ф въ 2 рубля.

— Куда вамъ столько чаю?—спросилъ я матросовъ, возвращаясь на пароходъ.

— Это не намъ, а его благородію,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.— Да и онъ покупаетъ не для себя.

— Для кого же?

— Ладить выдавать норвежцамъ, что пріѣхали въ гавань для городскихъ работъ. Они на чай не берутъ; у нихъ такое заведеніе, чтобы хозяинъ ихъ даромъ поилъ чаемъ. Ихъ 20 человекъ привалило — чаю надо не мало. Вотъ онъ смѣшаетъ дешевый сортъ съ дорогимъ, и сойдетъ въ лучшую.

— Развѣ «его благородіе» считается хозяиномъ по постройкамъ?

— Надо думать. Онъ принимаетъ, отпускаетъ, расчетъ чинить. Что говорить — ворочаетъ, — пояснилъ матросъ, сдѣлавъ особенное удареніе на послѣднемъ словѣ.

Тѣмъ временемъ мы подошли къ жилищу русскаго колониста. Это была землянка; кругомъ ни кола, ни двора, а внутри ни ложки, ни плошки. Бѣдность, убожество, нищета, наложили на всемъ печать. Насъ встрѣтила старуха, мать колониста, и горько плакала. Она рассказывала, что переселились они сюда съ надеждой заполучить отъ казны «пособіе», на которое рассчитывали построить избу, купить корову, завести карбасъ, рыболовныя снасти и жить своимъ хозяйствомъ, ловя въ морѣ рыбку. Сынъ послалъ по начальству прошеніе о пособіи, и прошло два года, а отвѣта все нѣтъ. Нынѣ онъ подалъ вторично, но семья мало питаетъ надежды на благопріятный исходъ, больше склонна къ тому, что изъ этого дѣла ничего путнаго не выйдетъ. Между тѣмъ, землянка рушится, помощи ниоткуда нѣтъ, сынъ ушелъ далеко на ловли, просто «кусить нечего». Вслѣдствіе такого положенія старуха просила:

— Добрый баринъ, скажи ты тамъ, кому надо, о нашей нищетѣ, закинь словечко насчетъ пособія; вѣдь изморились, ожидаючи его. Помоги, родненькій, вѣчно будемъ Бога молить за твою милость.

Я объяснилъ старухѣ, что эти дѣла скоро не дѣлаются: наведутъ справки, заслушаютъ прошеніе, составятъ, напишутъ и, вѣроятно, семья получитъ просимое.

Вернулся я на пароходъ удрученный и сталъ рассказывать «правителю» о русской семьѣ.

— Много ихъ тутъ вонючихъ переселяется,— злобно возразилъ онъ, даже не выслушавъ меня до конца, и затѣмъ обратился къ матросамъ:—Ну, что, привезли?

Матросы отвѣтили утвердительно, причемъ одинъ прибавилъ:

— 3-хъ рублей не хватило.

— Ладно, подождетъ. А баранъ какъ?

— Не нашлось подходящаго,—былъ отвѣтъ.

Вскорѣ пароходъ тронулся дальше. Сѣди обѣдать. Я поставилъ на столъ вино и замѣтилъ, что оно куплено у финляндца въ колоніи Средней, между тѣмъ законъ 1876 г. о дарованіи мурманскимъ колонистамъ льготъ едва ли разрѣшаетъ продажу имъ иностранныхъ винъ. «Правитель», видимо, согласился со мною и снисходительно вставилъ: «за всѣми не угонаешься». Обѣды у насъ были разные: мнѣ и г. Ш. подавали обыкновенныя блюда, «правитель» аппетитно истреблялъ морошку съ молокомъ, а капитанъ ѣлъ исключительно жареную треску и гречневую кашу безъ масла. Капитанъ въ этомъ отношеніи оказался оригиналомъ: кромѣ трески и каши, онъ круглый годъ никакой больше пищи не употребляетъ.

Мы выѣхали изъ Кольской губы, которая считается едва ли не самой большой по длинѣ изъ всѣхъ губъ океана. Въ концѣ губы довольно тепло; берега низкіе, сплошь покрытые луговою растительностью. Часто попадаются березки, сосны, словомъ съ береговъ все смотреть весело, нарядно. По мѣрѣ удаленія температура понижается и даетъ ясное понятіе, что вы приближаетесь къ океану. Берега постепенно повышаются и какъ бы стряхиваютъ съ себя лишнюю флору. Травы уже не имѣютъ вида зеленого ковра, а виднѣются только въ логахъ между скалами. Деревья встрѣчаются и ниже, и рѣже; сама же губа становится шире и чаще вдается въ материкъ малыми бухтами. Еще дальше — и навстрѣчу вѣетъ уже рѣзкимъ холодомъ. Скалистые берега чужды всякой растительности. Фонъ ихъ бурый, мѣстами съ темнозелеными пятнами, которыхъ не могутъ смыть вѣковые дожди. Наконецъ, губа развертывается во всю ширь, и открывается путь въ Ледовитый океанъ.

Пароходъ повернулъ на западъ въ Мотовской заливъ. Въ бухтахъ этого залива водворилось семь колоній: Кислая, Ура, Ара, Малая и Большая Лица, Большая Мотка и Эйна. Изъ нихъ двѣ послѣднія на сѣверномъ берегу, а прочія — на южномъ. Есть въ заливѣ также два лѣтнихъ становища, безъ колоній: Еретики и Титовка. Въ первомъ мы остановились тотчасъ же послѣ входа въ заливъ.

Становище заключается въ двухъ большихъ станахъ, построенныхъ на берегу маленькой бухты. Здѣсь я нашелъ четырехъ промышленниковъ и нѣсколько зуйковъ.

Колонія Малая Мотка.

— Какъ ловится? — спросилъ я поморовъ.

— Жаловаться нечего, слава Богу, — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. — Да, вѣдь намъ какая съ лововъ польза, развѣ вотъ за хорошій уловъ хозяинъ похвалить.

— Почему нѣтъ пользы?

— Мы ловимъ изъ жалованья, въ покручникахъ не состоимъ. Пройдетъ лѣто, тамъ сколько ни словили, а денежки ряженныя подавай.

— Сколько же получаете?

— Работникъ, къ примѣру, 50 рублей, зукъ — 15 рублей въ лѣто. Намъ тутъ съ зуйками до 80 человекъ наберется, служимъ только двумъ норвежскимъ ховяевамъ, Пильфельду и Кнюцену.

— Какъ продовольствуетесь?

— Все хозяйское: харчи, посудыны, снасти.

Отсюда я отправился на китобойный заводъ, стоящій неподалеку отъ становища. Заводъ прекратилъ свои операціи, но при немъ сохранились всѣ постройки, машины, приспособленія. Нынѣшній владѣлецъ, г. Гебель, рассказывалъ, что китобойное предпріятіе погубили управители, которые насчетъ завода больше бражничали, чѣмъ старались развить выгодное дѣло. Убивъ кита, они не думали объ интересахъ предпріятія, а рассчитывали, сколько онъ дастъ имъ бутылокъ шампанскаго. Затѣмъ, въ недалекомъ разстояніи слѣдовали колоніи, изъ которыхъ въ Малой и Большой Лицахъ проживаетъ смѣшанное населеніе, а въ остальныхъ водворились исключительно финляндцы. Впрочемъ, въ самой большой Урѣ (25 дворовъ) попробовалъ поселиться русскій, но онъ вскорѣ былъ вытѣсненъ финляндцами. Въ финляндскихъ колоніяхъ говорить порусски никто не умѣетъ, да и на родномъ языкѣ финляндцы сообщаютъ свѣдѣнія вяло и неохотно. Колонисты занимаются ловомъ трески на яруса и уды, но скотоводство здѣсь ведется настолько хорошо, что считается едва ли не первой доходной статьей въ быту. Особенно оно развито въ Урѣ, гдѣ имѣется до 120 коровъ и 300 овецъ и оленей. Каждый дворъ уплачиваетъ казнѣ 30 копеекъ лѣсного налога и за это пользуется правомъ вырубать годовую пропорцію: 7 бревенъ, 6 жердей и 4 кв. с. дровъ. Весною колонисты берутъ хлѣбъ въ своемъ магазинѣ въ кредитъ, а осенью, когда онъ подешевѣетъ, покупаютъ въ Колѣ, уплачиваютъ долгъ магазину и запасаютъ до весны. Въ общемъ здѣшніе колонисты живутъ хорошо: избы прочныя; внутри чисто, опрятно. Въ концѣ Мотовскаго залива я любовался становищемъ Титовскимъ, этимъ живописнымъ и бойкимъ уголкомъ крайняго сѣвера. На берегахъ его чувствуется совсѣмъ какъ будто не на сѣверѣ: высокихъ, угрюмыхъ скалъ нѣтъ, и кое-гдѣ виднѣются отдѣльно небольшіе камни. Берега сплошь покрыты мелкимъ сыпучимъ пескомъ, а выше тянутся отлогіе зеленые луга и уходятъ куда-то въ даль. Разговоръ и крики рыбаковъ, засолка

Колонія Печенга.

и раздѣлка трески, приходъ съ океана и уходъ въ голымень судовъ—все это придавало становищу рѣдкую оживленность.

Въ Титовскомъ промыселъ производится безъ той пресловутой «покруты», которая глубоко пустила злые корни на нашемъ восточномъ Мурманѣ. Здѣсь ловятъ на артельныхъ началахъ, каждый изъ равной части. Выловленную рыбу артель дѣлитъ поровну, причемъ хозяинъ судна со снастями пользуется такою же долей. Такъ, судохозяинъ, не выѣзжавшій на промыселъ, получаетъ, что и одинъ промышленникъ, а выѣзжавшій—двѣ доли. Въ становищѣ работаетъ 150 рыбаковъ и 60 мальчиковъ, на 70 судахъ. Артели проживаютъ въ 12 досчатыхъ станахъ, которые на зиму отдаются подъ охрану ближайшимъ лопарямъ.

— Кому вы рыбу сбываете?

— Продаемъ тутъ же купцу Хипатову, — отвѣчалъ одинъ изъ поморовъ.— Онъ изъ Колы, занимается 13 лѣтъ этимъ дѣломъ. У него въ становищѣ свой домъ, двѣ салогрѣйки.

— А кто вамъ съѣстные припасы доставляетъ?

— Все онъ же, Хипатовъ. Муку везетъ изъ Колы и ставитъ 6 р.—6 р. 50 к. куль, а припасы идутъ отъ него изъ Архангельска. Оборотистый купецъ и для насъ хорошій. Цѣны на рыбу ставятъ хорошія, а на припасы беретъ маленькую прибыль. Вонъ церковь ладитъ соорудить въ становищѣ, ужъ и фундаментъ положенъ.

Изъ Титовскаго мы проѣхали 6 верстъ, черезъ заливъ, и попали въ Мотовскую губу, гдѣ по берегамъ въ 1—2 верстахъ разбросаны землянки—это была колонія Большая Мотка съ 12-ю финляндскими дворами. Кромѣ скотоводства и рыбной ловли, колонисты занимаются охотой на нерповъ и ловятъ акулъ.

По сѣверному берегу мы завернули въ маленькую колонію Эйну, которую слѣдуетъ отмѣтить потому, что въ ней всего одинъ женскій дворъ. Въ 1860 году поселился въ Эйнѣ норвежецъ Дренеръ съ сыномъ, но оба умерли и теперь хозяйствомъ управляетъ вдова, а работниками у нея три дочери. Женщины содержатъ 4 коровы и 40 овецъ и оленей; ловятъ на поддевъ треску и сѣтками въ р. Эйнѣ семгу.

Изъ Мотовскаго залива мы отправились въ объѣздъ Рыбачьяго полуострова. Едва вышли въ океанъ, какъ насъ встрѣтилъ штормъ. Пароходъ стало раскачивать съ боку на бокъ, точно въ люлькѣ. Черезъ нѣкоторое время вѣтеръ рвалъ сильнѣе, производя грозное волненіе. Волны одна за другой бѣжали черезъ палубу, и мы шли, такъ сказать, подъ водой. Плескъ, удары волнъ сливались со страшнымъ ревомъ океана. На пароходѣ то что-то треснетъ, то съ грохотомъ упадетъ. Бодрость уступала страху, который все больше овладѣвалъ нами, состояніе было слишкомъ угнетенное; тутъ вспоминалось все дорогое—и суша, и родные, и семья. Къ счастью, мы шли въ эту ужасную бурю недолго и завернули въ колонію Ципь-Наволокъ, гдѣ переждали штормъ.

Въ этой колоніи населеніе норвежское, проживаетъ въ 8 дворахъ. По разведенію скота (45 штукъ), зажиточности, замкнутой жизни, колонія скорѣе похожа на финляндскія колоніи.

Здѣсь я обратилъ вниманіе на особыя строенія и спросилъ о нихъ у сопровождавшаго меня матроса, такъ какъ изъ колонистовъ никто порусски не говорилъ. Оказалось, что ранѣе въ Ципъ-На-

Церковь въ Печенгскомъ монастырѣ.

волокѣ существовало большое становище, куда стекались поморы на весенніе промыслы. О прежней промышленной жизни краснорѣчиво говорили удѣлѣвшіе рыбацкіе станы, больница, православный храмъ и пр. Въ 20 верстахъ отъ Ципъ-Наволока мы миновали цѣльнъ зубовскихъ острововъ съ колоніей зубовской, изъ одного финляндскаго двора. Въ этой колоніи я видѣлъ также рыбацкіе станы, но теперь становище заброшено промышленниками.

Проѣхавъ еще 30 верстъ, мы приблизились къ колоніи и становищу Вайдо-Губа, лежащимъ на самомъ сѣверѣ Рыбачьяго полуострова. Становище это служить такимъ же главнымъ промышленнымъ пунктомъ весною на западномъ Мурманѣ, какъ Гаврилово и Териберка,—лѣтомъ на восточномъ. Въ мою бытность становище, конечно, бездѣйствовало, станы были заколочены, но весною оно привлекаетъ до 1000 рыбаковъ и 170 зуевъ. Промышляютъ на 200 посудинахъ, грузится болѣе 25 судовъ треской.

Въ колоніи 3 норвежскихъ и 8 финляндскихъ дворовъ, поселившихся съ 1865 года. Колонисты занимаются рыболовствомъ, скотоводствомъ и живутъ безбѣдно. На берегу меня встрѣтилъ колонистъ норвежецъ Пильфельдъ, слывшій за перваго богача на Мурманѣ. Онъ пригласилъ меня въ свой домъ, прекрасный по внѣшности и внутри. Дома мнѣ былъ предложенъ столъ, уставленный всевозможными питіями и яствами норвежскаго произведенія. Самъ Пильфельдъ старался быть крайне любезнымъ и даже приниженнымъ, видимо, заподозрѣвъ во мнѣ лицо, почему-то могущее имѣть официальные притязанія къ его дѣламъ на Мурманѣ. Я раньше слышалъ о Пильфельдѣ многое. Онъ записался русскимъ колонистомъ, выучился русскому языку, попалъ въ печенгскіе волостные старшины и свилъ на русской территоріи прочное гнѣздо. У него не мало промышленныхъ и грузовыхъ судовъ, не мало рыболовныхъ снастей, свои станы, образцовое хозяйство. Въ семьѣ Пильфельда никто не обмолвится русскимъ словомъ; дѣти обучаются въ Норвегіи, и самъ онъ обрѣтается тамъ постоянно, чувствуя себя какъ дома—словомъ, если жизнь Пильфельда вывернуть на изнанку, то несомнѣнно, что онъ съ ногъ до головы преданъ Норвегіи, только карманъ его толстѣетъ отъ русскихъ силъ и на русской землѣ. Впоследствии я видѣлъ Пильфельда въ Норвегіи, но тамъ онъ былъ совсѣмъ не тотъ: въ Норвегіи этотъ русскій колонистъ отвѣчалъ мнѣ неохотно, говорилъ заносчиво, съ пренебреженіемъ, сводя мысленно обращеніе со мной къ одному: «вѣдь мы съ вами не въ Россіи».

Сидя у Пильфельда въ колоніи, я спросилъ его:

— У васъ работаютъ покручники?

— Нѣтъ, я въ поморьѣ народа не беру, онъ ко мнѣ приходитъ самъ и нанимается въ работники. У меня жить легко и сытно; иные живутъ по пяти и больше лѣтъ.

— Отчего же норвежцевъ не берете?

— Нашъ людъ требовательный; подавай имъ свинину, сало, кофе; русскій же человекъ доволенъ хлѣбомъ да треской; къ тому же норвежцы больше способны ловить на поддевъ, а на русскомъ берегу ловятъ ярусами.

— А рыбу гдѣ продаете?

— Намъ ближе сбывать норвежскимъ купцамъ.

— Почему же не русскимъ торговцамъ: вѣдь ихъ бываетъ въ Норвегіи сотни?

— Мы продаемъ за деньги, а русскіе больше мѣняють хлѣбъ на рыбу.

— Однако, русскіе промышленники ловятъ съ вами въ одномъ становищѣ, а везутъ на свои рынки, хотя ѣхать ближе въ Норвегію.

— Такъ ужъ оно ведется давно. Вы какъ думаете? Моя рыба тоже попадаетъ въ Россію, но только чрезъ норвежскія руки. Архангельскіе рынки требуютъ очень много рыбы. На нихъ сбывается весь уловъ русскихъ береговъ, а также и нашихъ, особенно низшій сортъ рыбы.

— Какой же лучшій сортъ?

— Это хорошо очищенная, безъ хребтовой кости, треска; она солится и вялится на солнцѣ. Такой сортъ называется лабарданомъ, русскіе готовятъ его мало, а изъ Норвегіи онъ идетъ въ Италію и Францію.

— Ваша колонія сѣверная; я думаю, климатическія условія здѣсь тяжелыя?

— Особенно жаловаться грѣшно. Зимой не бываетъ выше 20°, зато лѣтомъ жаркій день считается съ 15°. Вѣтеръ и бури очень часты; зимою при вѣтрѣ морозъ становится невыносимъ. И растительность порядочная: колонисты накашиваютъ сѣна для всего скота. Садятъ картофель, и вырастаетъ. Я пробовалъ выращивать редиску, тоже растетъ, но поспѣваетъ поздно.

Затѣмъ Пильфельдъ показывалъ мнѣ свое хозяйство. Я видѣлъ хлѣвы, конюшни (у него двѣ лошади) съ деревянными полами, особыми мѣстами для каждого животнаго и всѣми удобными приспособленіями для лежки и корма скота. Смотрѣлъ также помѣщенія для рабочихъ, кухню и печь, выпекающую въ сутки куль ржаной муки. Всюду замѣчались удобства и чистота. Въ концѣ концовъ, Пильфельдъ сталъ угощать меня даже шампанскимъ.

Изъ Вайдо-Губы мы поѣхали на югъ, вдоль восточнаго берега Варангерскаго залива, мимо двухъ финляндскихъ колоній: Земляной (40 дворовъ) и Червяной (11 дв.).

Одинъ изъ колонистовъ водилъ насъ внутрь полуострова и указывалъ на залежи кроновой краски. Мы пришли къ небольшой безыменной рѣчкѣ, шумно бѣжавшей въ каменистыхъ берегахъ. По фарватеру неслась чистая прозрачная вода, но у береговъ, соприкасаясь съ грунтомъ, она окрашивалась въ пурпурный цвѣтъ. На берегахъ подъ камнями лежитъ кроваво-красный слой песку, который настолько густо смѣшанъ съ крономъ, что достаточно бросить горсть песку въ рѣчку, какъ вода тотчасъ побагровѣетъ. Вообще берега этой рѣчки изобилуютъ краской, никому еще, вѣроятно, неизвѣстной своимъ мѣстороженіемъ.

При дальнѣйшемъ пути, мы спустились въ юго-восточный уголъ

залива, гдѣ нашли колонию Малую Мотку, съ 4 норвежскими дворами. Здѣсь только одинъ дворъ приписной, а остальные колонисты проживаютъ съ десятокъ лѣтъ по паспортамъ.

За колоніей, на открытой полянѣ, виднѣлись палатки, у которыхъ копошились люди, собираясь, точно солдаты, куда-то въ походъ. Это былъ телеграфный станъ.

Домъ общежитія въ Печенгскомъ монастырѣ.

— Очень кстати подѣхали, господа. Здравствуйте, — привѣтствовалъ насъ телеграфный чиновникъ.

— Почему такъ?—спросилъ кто-то изъ насъ.

— Въ этой губѣ мы работы уже окончили, и надо перебираться въ другую. У насъ рабочіе, провіантъ, инструменты, и все это приходится переправлять на двухъ карбасахъ—безъ буксировки невозможно. Вотъ и сидимъ у моря да ждемъ погоды. Теперь вы насъ подтащите въ слѣдующую губу.

Чиновникъ отдалъ приказаніе рабочимъ, и карбасы быстро стали нагружаться разными принадлежностями стана. Я вступилъ въ разговоръ съ чиновникомъ.

— Скажите, большая линія ведется?

— Немаленькая. Телеграфное сообщеніе существуетъ до г. Кеми, а нынѣ линія пойдетъ отъ Кеми на Кандалакцу, Колу; отсюда предполагается проложить три вѣтви: на Гаврилово, Вайдо-Губу и

Гостиница въ Печенгскомъ монастырѣ.

до норвежскаго телеграфнаго пункта. Я работаю на послѣдней вѣтви и иду теперь на колонію Печенгу.

— Трудно работать?

— Очень даже. Случается утверждать столбы на высокихъ скалахъ; тамъ выбивать ямы медленно и тяжело, солнце виситъ надъ головой и палитъ весь день. Просто съ рабочими не сбиться; иные отказываются отъ работъ и не берутъ меньше 20 рублей въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ. При проведеніи линіи въ Вайдо-Губу, у моего товарища рабочіе забастовали, онъ хотѣлъ ихъ удержать невыдачей жалованья, такъ они безъ получки сбѣжали. Значитъ, нелегко.

Наконецъ, всѣ собрались, и пароходъ повелъ на буксирѣ два баркаса съ живымъ и мертвымъ грузомъ. Надо было отыскать губу Потайную и оставить тамъ грузъ. Прошли 2 — 3 версты и повернули обратно, будто бы прозѣвали искомую губу. Присматривались, приглядывались къ берегу, а губы нѣтъ какъ нѣтъ. Телеграфный чиновникъ безпрестанно кричалъ съ карбаса, что губа гдѣ-то здѣсь, гдѣ-то очень близко отъ колоніи Малой Мотки. Снова сдѣлали оборотъ, проѣхали слишкомъ 6 верстъ, а губы все-таки не нашли. Капитанъ вывелъ заключеніе, что губа Потайная вполне отвѣчаетъ своему названію, и для ея отысканія потребуется немало времени. Рѣшили подтащить карбасы поближе къ берегу и предоставить розыски спрятавшейся губы самому чиновнику.

Выѣзжая изъ Маломотовской губы, мы съ интересомъ наблюдали, какъ тучами проходила рыба сайда, преслѣдуемая массою чаекъ. Последнія съ жадностью впивались когтями въ добычу, вытаскивали ее изъ воды и уносились въ высь. Рыба укрывалась всевозможными способами: плескала по водѣ хвостомъ, кувыркалась, прыгала.

Приѣхавъ въ Печенгскую губу, я оставилъ пароходъ, такъ какъ онъ отсюда направлялся чрезъ Варангерскій заливъ за динамитомъ въ Вардэ, а я намѣренъ былъ побывать въ населенныхъ пунктахъ южнаго берега этого залива. Здѣсь ходитъ пароходъ мурманскаго общества «Трифонъ», дѣлая рейсы отъ Печенгской губы вдоль русскаго берега до г. Вадзэ, а тамъ передаетъ пассажировъ, ѣдущихъ въ Вардэ, на норвежскій пароходъ.

Печенгская губа вдается въ материкъ узкою полоскою, съ мало-скалистыми берегами, покрытыми густою травою и кустарникомъ. Въ этой губѣ, какъ и Кольской, водворилось нѣсколько колоній: Печенга, Гагарка, Баркина, Княжуха, Трифонова и Оленья Горка.

Колоніи сгущились въ концѣ губы; онѣ имѣютъ отъ 6 до 26 дворовъ и населены корельскими православными колонистами. Жизнь въ печенгскихъ колоніяхъ держится тѣмъ же скотоводствомъ и рыбными промыслами, какъ и въ другихъ колоніяхъ. Я пожелалъ осмотрѣть здѣсь монастырь, о которомъ слышалъ ранѣе, какъ о самой глухой сѣверной обители; монастырь стоитъ въ сторонѣ, въ 18 верстахъ отъ колоніи, и потому я взялъ лошадей въ Печенгѣ.

Монастырь составляютъ старая и новая деревянныя церкви, братское общежитіе, гостиница и надворныя службы. Онъ живописно раскинулся на р. Печенгѣ, которая быстро несетъ чистыя воды среди высокихъ песчаныхъ береговъ въ морскую губу.

При мнѣ въ Печенгской обители насчитывалось до 40 человекъ братьевъ; изъ нихъ одинъ игуменъ, 4 іеромонаха, 3 іеродіакона и 7 неслужащихъ монаховъ; остальную часть составляютъ послушники и тѣ «годовики», которые, по данному обѣту, приходятъ въ монастырь и работаютъ въ теченіе года по доброй волѣ, бесплатно.

Пазрьбкий погостъ. Церковь св. Бориса и Гльба.

Сѣнокосы здѣсь прекрасные; есть огороды, гдѣ растетъ картофель, лукъ и пр.

Изъ скота содержится 8 коровъ и 5 лошадей. Чего не хватаетъ въ продолженномъ отношеніи, то привозится изъ Соловецкаго монастыря, которому подчинена обитель. Проводить по монастырю и указать его примѣчательности любезно предложилъ мнѣ казначей о. Эммануилъ. Я осмотрѣлъ ризницу, ходилъ по церквамъ и въ новой, между прочимъ, обратилъ вниманіе на жернова.

— Объ этихъ жерновахъ,—замѣтилъ о. казначей,—существуетъ преданіе. Въ XVI столѣтіи иновѣрцы разорили въ Колѣ монастырь. Изъ него пришелъ сюда извѣстный просвѣтитель лапландскаго народа, преп. Трифонъ, и для основанія храма принесъ на себѣ эти жернова. Онъ построилъ храмъ и началъ было крестить мѣстныхъ лопарей, но закоренѣлые вожаки идолопоклонства сугубо его преслѣдовали; проповѣдникъ удалился и скрывался въ пещерахъ. Одна изъ такихъ пещеръ сохранилась и понынѣ на берегу губы Пазы, подъ именемъ Трифоновой.

— Слѣдовательно Трифонъ далеко удалился, потому что Пазы лежатъ въ предѣлахъ Норвегіи.

— Да, вѣдь они, нехристи, какъ надъ нимъ издѣвались-то. Попробуйте спросить у лопаря, почему у него лысая голова, онъ непременно отвѣтитъ, что случилось это отъ Бога въ наказаніе, зачѣмъ ихъ предки нападали на Трифона, оказывали ему презрѣніе и трепали его за волосы. А все-таки гоненія прекратились, и Трифонъ сталъ явно проповѣдывать христіанскую вѣру. Потомъ открыто поселился въ Печенгской губѣ и тамъ вскорѣ, на мѣстѣ нынѣшней колоніи Печенги, основалъ монастырь во имя св. Троицы, гдѣ спаслось до 100 монаховъ.

— Что же сдѣлалось съ этимъ монастыремъ?

— Когда начались на сѣверѣ войны, къ обители приплыли на корабляхъ шведы и, какъ ни сопротивлялись монахи, непріятель перерѣзалъ ихъ, разграбилъ монастырь и сжегъ его до основанія. Да, я вамъ сейчасъ представлю вещественное доказательство. Пожалуйста за мною,—добавилъ о. Эммануилъ и повелъ меня въ угловое помѣщеніе церкви; здѣсь онъ указалъ на витрину, гдѣ лежалъ обуглившійся кусокъ изъ сплава какого-то металла и пережженной кости.

— Смотрите, что мы нашли. Въ Печенгѣ вынимали землю и откопали вотъ это самое. Теперь ясно, что монастырь былъ сожженъ, а съ нимъ сгорѣла и убогая братія.

— Для чего же тамъ рыли землю?

— А разрѣшено перенести туда Печенгскій монастырь. Конечно, какъ перенести?.. Здѣсь все упразднить, а тамъ построить вновь. Уже камень доставленъ подъ бутъ, заводъ кирпичный поставленъ, на немъ работаютъ «годовики».

— Что же съ колонистами будетъ?

— Ихъ избы монастырь относить на свой счетъ въ другія колоніи, а имъ и ладно. У другого хата старая; къ ней бревешекъ прибавятъ, сложатъ и будетъ новая. Все это орудуетъ нашъ игумень. Монахъ онъ нестарый, изворотливый; тамъ, въ Питерѣ, онъ знаетъ, кто можетъ жертвовать деньгами, кто лѣскомъ,—однимъ словомъ,—человѣкъ ходовой.

Затѣмъ мы ходили съ домъ общежитія, монастырскую гостиницу для богомольцевъ и на сѣнокосы.

Въ гостиницѣ о. Эммануилъ предложилъ мнѣ обѣдъ, такой вкусный и сытный, что стоитъ привести его меню. Подавали: селедку съ лукомъ, малосольную семгу, холодное со свѣжими огурцами и свѣжей семгой, щи изъ кислой капусты съ палтусиной и семгой,—кашу пшеничную и морошку со сливками. За обѣдомъ о. казначей угощалъ меня какимъ-то старымъ виномъ, довольно вкуснымъ и крѣпкимъ. При послѣднемъ блюдѣ онъ замѣтилъ:

— Эта ягода—испытанное средство противъ цынготныхъ заболѣваній. У насъ ея заготавливается въ прокъ изрядное количество, и братія ѣсть ее въ сушеномъ, вареномъ и моченомъ видѣ. И нынѣ нашъ игумень отсутствуетъ по той причинѣ, что находится на Аинскихъ островахъ, гдѣ наблюдаетъ за сборомъ морошки. Онъ сегодня хотѣлъ вернуться; можетъ быть, повидаете его.

Вскорѣ послѣ обѣда, поблагодаривъ о. Эммануила за любезный приемъ, я уѣхалъ изъ монастыря и игумена не дождался.

На обратномъ пути, въ Печенгѣ, къ моему удивленію, меня встрѣтила цѣлая толпа колонистовъ, снимая шапки и низко кланяясь.

— Зачѣмъ вы собрались?

— Прошеніе подать! жалобу принести!—раздались голоса; причемъ одинъ колонистъ приблизился ко мнѣ и подалъ листъ бумаги. Въ немъ они жаловались на Соловецкій монастырь и поясняли, что, послѣ того, какъ ему разрѣшили построить въ Печенгѣ новую обитель, онъ переноситъ изъ нея дворы въ другія колоніи и незаконно обездоливаетъ послѣднія въ отношеніи покосовъ, лѣсовъ и семужьихъ лововъ на р. Печенгѣ. Больше сѣтовали на игумена, который будто бы безъ всякаго права завладѣлъ Аинскими островами, издавна принадлежавшими имъ, колонистамъ, и приносившими хорошій доходъ по сбору морошки и сѣна.

— Вы бы обратились къ мѣстнымъ властямъ,—посоветовалъ я имъ.

— Было дѣло. Посылали прошеніе не разъ—ни слуху ни духу,—говорила толпа.

— Еще пошлите, и, вѣроятно, разслѣдуютъ.

— Толку-то въ посылкѣ никакого, поэтому мы къ вамъ лично. Защитите; у монастыря—сила, а мы—народъ темный.

— Я не имѣю права входить въ разборъ жалобы,—отвѣчалъ я, и мнѣ оставалось только пожалѣть бѣдныхъ тружениковъ, хотя жалоба ихъ была справедлива.

На пароходѣ «Трифонъ» я попалъ къ вечеру и, утомленный, легъ спать. Вдругъ ночью меня будить прислуга и сообщаетъ, что ко мнѣ приѣхалъ печенгскій игумень. Я вышелъ въ общую каюту, гдѣ, правда, сидѣлъ монахъ, въ сообществѣ лѣснаго генерала и среднихъ лѣтъ дамы, которая, какъ говорили послѣ, не одинъ годъ совершаетъ путешествіе изъ Крыма на сѣверъ съ единственною цѣлью побывать въ Печенгскомъ монастырѣ.

— Вамъ, кажется, жаловались колонисты?—спросилъ меня игумень.

— Не только «кажется», но и на самомъ дѣлѣ жаловались.

— Этакій людъ неблагодарный. Начальство разрѣшило снести Печенгу во имя будущаго монастыря—и, конечно, мы и расселяемъ ихъ на свой счетъ; строимъ имъ избы, помогаемъ въ хозяйствѣ, ставимъ, такъ сказать, ничего неимущихъ на ноги, а они что? за благо воздаютъ зло, жалуются, клеветуютъ. Ну, и алчный народъ эти колонисты!

Игумень, видимо, долго бы распространялся касательно причиняемаго колонистами «зла», но я поспѣшилъ замѣтить, что съ моей стороны прямого и существеннаго отношенія къ жалобѣ рѣшительно нѣтъ, и поэтому лица, заинтересованныя въ недовольствѣ колонистовъ, могутъ быть вполне спокойны; затѣмъ я извинился и вышелъ.

Изъ Печенгской губы и отправился по Варангерскому берегу. Здѣсь образовалось четыре маленькихъ колоніи со становищами: Малонѣмецкая, Столбовая, Фильманская и Вормса. Первая лежитъ сейчасъ же за поворотомъ изъ Печенгской губы, а послѣднія расположены въ 27 верстахъ отъ первой и отдѣляются другъ отъ друга разстояніемъ въ $\frac{1}{2}$ —1 версту. Въ колоніяхъ водворилось по 1—3 двору и притомъ со смѣшаннымъ населеніемъ; только въ Фильманской проживаетъ одинъ семейный норвежецъ, Кнюцентъ, считающійся вторымъ богачемъ на русскомъ Мурманѣ. У него есть въ трехъ становищахъ все для промысловыхъ операций: наемные работники, промысловыя и мореходныя суда, станы, рыболовныя снасти; есть такъ же пароходъ съ неводами для лова наживки. Кнюцентъ—тотъ же Пильфельдъ, тотъ же колонистъ, ничего общаго съ русской колонизаціей не имѣющій. Впрочемъ, можно указать между ними разницу лишь въ томъ, что послѣдній добился выборной сельской власти, завелъ у себя въ колоніи хозяйство, такъ сказать, старается казаться русскимъ колонистомъ, а первый, напротивъ, дѣйствуетъ прямо, безъ всякой маскировки. Кнюцентъ физическаго труда никакого не несетъ, равно не несетъ такого труда и семейный работникъ, сынъ его. Отецъ играетъ роль владѣльца промысла, а сынъ

Городъ Кола.

исполняетъ обязанности приказчика. Женскій полъ въ семействѣ норвежца сѣна не убираетъ, за скотомъ не ходитъ, снастей не отвиваетъ, а, разодѣтый въ модные наряды, катается на пароходѣ изъ Фильманскаго въ Норвегію и обратно, какъ бы съ дачи въ городѣ. Колонистскій дворъ Кнюцена представляетъ отличный домъ, со всевозможными приспособленіями, удобствами и прекрасной обстановкой. Дѣти обучаются въ Норвегіи, поэтому русскій языкъ чуждъ для всей семьи. Послѣ всего этого, какой же Кнюценъ—колонистъ мурманскаго берега! Разумѣется, приписка въ колонисты для него важна въ томъ отношеніи, чтобы имѣть возможность свободно вести промышленныя дѣла въ русскихъ владѣніяхъ, а отнюдь не въ томъ, чтобы преслѣдовать осѣдлую жизнь, какъ это дѣлаютъ прочіе переселенцы. Вотъ онъ и ведетъ дѣла съ 1870 г., ведетъ на славу, богатѣетъ, блаженствуетъ—словомъ, Кнюценъ матеріально крѣпко привязанъ къ нашему отечеству, а нравственно весь преданъ интересамъ Норвегіи.

Что же касается варангерскихъ становищъ, то они малы по промышленной производительности и состоятъ большею частью изъ земляныхъ становъ; въ нихъ промышляетъ отъ 20 до 60 человѣкъ и непремѣнно лѣтомъ. Во всѣхъ становищахъ рыбаки придерживаются системы «покрута» за исключеніемъ Малонѣмцакаго, гдѣ ловятъ лопари на артельныхъ условіяхъ.

Отъ колоніи Ворясы, стоящей на пограничной рѣкѣ съ тѣмъ же названіемъ, начинается уже норвежскій берегъ и, какъ извѣстно, западный русскій Мурманъ кончается. Сравнивая его съ восточнымъ, увидимъ нѣкоторую разницу. Первый по числу колоній больше, зато самыя колоніи перваго населены гуще. По національности въ восточныхъ колніяхъ преобладаютъ русскіе, а въ западныхъ—финляндцы. Скотоводство сильно развито на западномъ берегу, потому что тамъ чаще встрѣчаются отлогія мѣста, съ травой; напротивъ, восточный берегъ скалистѣе, раскидывается внутрь материка тундрами и больше способствуетъ оленеводству. Относительно рыбной промышленности слѣдуетъ сказать, что на западномъ побережьѣ ярусамы ловятъ рѣже, а распространенъ способъ удебный.

Что же касается пришлыхъ поморовъ, то весною ихъ появляется на западномъ Мурманѣ до 1.000 человѣкъ а, съ наступленіемъ лѣта, ²/₃ этого количества переселяется на восточный берегъ.

Отъ колоніи Ворясы мы проѣхали около 60 верстъ до губы Пазы, и пароходъ бросилъ якорь. Я отправился на шлюпкѣ къ самой сѣверной православной церкви, сооруженной во имя св. Бориса и Глѣба. Сначала путь лежалъ по губѣ, потомъ по р. Пазрѣкѣ, представляющей собою два плеса. На высокихъ скалистыхъ берегахъ попадались красивые дачные домики, изъ которыхъ впослѣдствіи на пароходѣ сѣло много норвежцевъ, ѣхавшихъ въ Вадзэ. Норвежскія владѣнія простираются до половины втораго плеса и обозначаются

столбомъ, сложеннымъ на берегу изъ камней. За этимъ столбомъ на правомъ берегу прячутся въ густомъ березнякѣ старая и новая церкви, и тутъ же въ низинѣ скрывается Пазрѣцкій погостъ лопарей, а за нимъ снова начинается Норвегія. Такимъ образомъ, русское селеніе съ церквами стоитъ на концѣ узкой полоски, и попасть въ него лѣтомъ нельзя иначе, какъ черезъ норвежскую территорию.

Въ погостѣ я встрѣтилъ священника отца Константина, который любезно пригласилъ меня къ себѣ. Прежде всего батюшка выразилъ сожалѣніе, что въ Пазрѣцкую мѣстность очень мало заглядываютъ русскіе, а больше являются иностранные путешественники и живутъ по нѣсколько дней. Такъ, три года назадъ пріѣзжали два англичанина и пробыли, живя въ грязной лопарской вежѣ, цѣлое лѣто, лишь изъ одного только удовольствія ловить въ Пазрѣкѣ семгу.

— Я десять лѣтъ веду книгу,—сказалъ священникъ,—и прошу путешествующихъ записывать свои фамиліи.—Онъ подаль мнѣ книгу и прибавилъ:—Не угодно ли полюбопытствовать—все иностранные гости.

Правда, стояли англійскія, французскія, голландскія имена; записалъ и я свою фамилію.

— Да, англичанинъ и французъ—народъ любопытный, любознательный,—снова заговорилъ батюшка, смотря безцѣльно въ открытую книгу.—Вѣдь надо же притащиться, скажемъ, изъ Лондона за такимъ пустякомъ, какъ половить семгу. Поди, нашего русака и за дѣломъ не прогонишь.

Я вполне согласился съ отцомъ Константиномъ и прибавилъ, что проѣхалъ весь Мурманъ, останавливался, жилъ въ колоніяхъ, а встрѣтилъ одну только русскую даму изъ Крыма, между тѣмъ иностранцевъ видѣлъ нѣсколько.

— Вотъ и теперь,—сказалъ я,—остались на пароходѣ два молодыхъ англичанина. Со мною они ѣдутъ отъ Печенгской губы; дорогою все заглядываютъ въ морскую карту, дѣлаютъ въ книжкахъ помѣтки, набрасываютъ карандашомъ рисунки нашихъ судовъ. Да, кстати сказать, варангерскій берегъ небезынтересенъ въ международномъ отношеніи, какъ русско-норвежская граница.

— Охъ, ужъ эти границы,—вздыхнулъ батюшка.—Мнѣ извѣстно по документамъ—въ половинѣ XVI вѣка царь Іоаннъ Грозный далъ игумену Печенгскаго монастыря, Гурію, грамоту, которою жалуетъ братію морскими губами: Мотовской, Лицкой, Урской, Пазой и Нявдемской. Въ 1826 году была утверждена конвенція, и Россія потеряла до 800 квадратныхъ верстъ, и въ эту площадь вошли Паза и Нявдема. Не такъ важны губы, какъ берегъ отъ рѣки Ворьсмы до Пазы: онъ самый лучшій промысловой; его долго будутъ помнить наши рыбаки—поморы. Наконецъ, обрѣтали на этомъ берегу остатки православныхъ крестовъ. Отсюда ясно, что здѣсь про-

мышляли рускіе на своей землѣ и водружали, по обыкновенію, на пустынныхъ мѣстахъ кресты.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ отецъ Константинъ сообщилъ мнѣ относительно границъ любопытный рассказъ, который хотя и кажется анекдотичнымъ, но тѣмъ не менѣе его выдаютъ за фактъ. Норвежцы, будто бы, желая завладѣть промысловымъ берегомъ, посулили русскому чиновнику мѣшечекъ червонцевъ, если онъ устроитъ имъ это дѣло. Чиновникъ соблазнился предлагаемой данью и сдѣлалъ такъ, какъ угодно было норвежцамъ, причемъ, чтобы православная церковь не очутилась на норвежской землѣ, выдѣлилъ для нея указанную полосу. Такой гнусный поступокъ былъ наказанъ смертью. Подъ верхнимъ слоемъ золота оказались обыкновенныя мѣдныя монеты. Предатель пришелъ въ бѣшенство и тутъ же повѣсился. Послѣ я отъ многихъ слышалъ этотъ рассказъ съ заключительными словами: «туда ему и дорога, Іудѣ».

Затѣмъ я побывалъ въ обѣихъ церквахъ. Древняя представляетъ собою развалившуюся деревянную избу. Церковная утварь въ ней ветхая и относится къ отдаленнымъ временамъ. Видѣлъ, на примѣръ: деревянный подсвѣчникъ для свѣчи, съ которою ходитъ при служеніи діаконъ; смотрѣлъ священническое облаченіе, вышитое одноставными и двуглавыми орлами. Эти орлы, какъ объяснилъ батюшка, обозначаютъ переходное состояніе въ эпоху царя Грознаго, которымъ облаченіе и было прислано въ даръ храму. Надъ райскими вратами и по бокамъ висятъ желѣзные подсвѣчники. Въ иконостасѣ, между прочимъ, останавливаютъ на себѣ вниманіе: по древности—образъ Іоанна Богослова, съ надписью «Иванъ Богословъ», и по оригинальности живописи—образъ Богородицы, гдѣ Богоматерь изображена прядущею нитки. Призываетъ людей къ молитвѣ не колоколь, а било—желѣзный полукругъ, на подобіе шины. Новая церковь заложена лишь въ 1870 году, въ бытность великаго князя Алексѣя Александровича, отъ котораго имѣются въ храмѣ пожертвованные образа.

Поблагодаривъ отца Константина за радушный пріемъ, я отправился изъ губы Пазы въ норвежскіе города Вадзэ и Вардэ.

Эти города имѣютъ одну и ту же фізіономію: изрѣзаны гладкими каменными дорогами; дома исключительно деревянные, всевозможныхъ уродливыхъ формъ, покрыты большею частью, за дороговизною лѣса, дерномъ. Тѣ же въ нихъ санитарныя условія, отъ которыхъ можно прийти въ ужасъ. Вонь и смрадъ заявляютъ о себѣ еще въ то время, когда вы приближаетесь къ городу, въ особенности къ Вардэ, который отъ китобойныхъ заводовъ буквально пропитанъ запахомъ жира. На берегу вонь ударяетъ васъ точно палкой по носу, вызываетъ тошноту и одурѣніе. Да, и не мудрено, если, при раздѣлкѣ рыбы, головы и внутренности бросаются на берегу; тутъ же сваливаются и отбросы отъ перегона тресковаго жира.

Все это разлагается на солнцѣ и распространяетъ убійственный, заразительный запахъ.

Городское населеніе показалось мнѣ угрюмымъ, несловоохотливымъ; смотреть на русскихъ какъ-то подозрительно. Можетъ быть, за краткимъ пребываніемъ, въ этомъ опредѣленіи я ошибаюсь, но во всякомъ случаѣ послѣднее въ норвежцахъ рѣзко выдѣляется. 2-го августа, я былъ уже въ Колѣ, самомъ сѣверномъ уѣздномъ городкѣ, оставшемся нынѣ «за штатомъ». Онъ стоитъ на мыскѣ, между рѣками Туломой и Колой, и смотреть въ Кольскую губу. Кола именуется городомъ, конечно, вслѣдствіе присвоенной ей адми-

Лопарская тупа.

нистраціи, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она просто-на-просто поморское село съ сотнею дворовъ и пятью сотнями душъ обоего пола. Улицъ нѣтъ, дома старые, кривые, въ беспорядкѣ разбросаны. Среди города стоитъ каменный храмъ во имя Благовѣщенія.

Лѣтомъ коляне занимаются рыбными промыслами, и мужчины поголовно уходятъ въ море; остаются только женщины да чиновники мѣстныхъ учреждений. Зимомъ коляне бездѣйствуютъ—нѣтъ ни работъ, ни промысловъ, и они проживаютъ то, что заработали лѣтомъ. Торговля сосредоточена въ рукахъ 2—3 лавочниковъ и, какъ мнѣ передавали, негласныхъ торгашей, на которыхъ власть имущіе смотрятъ сквозь пальцы.

«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1898 г., т. LXXII.

12

Я думалъ, что въ такомъ отдаленномъ уголкѣ живетъ скучно, но на самомъ дѣлѣ ошибся.

— У насъ очень весело,—говорила мнѣ одна колянка,—не замѣтишь, какъ время бѣжитъ. Особенно лѣтомъ привольно. Кругомъ сутки свѣтло; солнышко ни на минуту не закатывается, только лѣто короткое. Днемъ работаемъ по дому, а вечеромъ гуляемъ, пѣсни поемъ, катаемся и даже иногда, въ тихую погоду, выѣзжаемъ въ ближайшія колоніи. Зимой собираемся на вечера: кто въ карты играетъ, кто танцуетъ—бываетъ весело. Танцуемъ подъ пѣсни и подъ гитару, на которой у насъ отлично играетъ казначейскій чиновникъ.

Что кольскіе обыватели любятъ пѣсни, я самъ убѣдился. Когда пришлось порядочно ожидать отхода парохода, то мимо насъ по направленію отъ Колы къ взморью постоянно скользили лодки, переполненные людьми, и съ каждой непремѣнно раздавалась какая нибудь русская удалая пѣсня.

Когда именно возникъ этотъ интересный городокъ дальняго сѣвера, ни въ какихъ лѣтописяхъ не найдено, но говорятъ и пишутъ, что основаніе Колы покрыто сѣдою стариной. Чуть ли не въ XIII столѣтіи пришли сюда новгородцы и стали заниматься въ губѣ рыбодовствомъ, построивъ на берегу вольный рыбацкій поселокъ, послужившій зачаткомъ нынѣшняго городка.

Кола за свое существованіе пережила много разныхъ преобразованій—гражданскихъ и военныхъ; подвергалась нападеніямъ шведовъ и норвежцевъ, была нерѣдко разграбляема непріателемъ, сгорала дотла и все-таки снова воскресала.

Одновременно съ основаніемъ Колы начались и наши мурманскіе промыслы. Къ новгородскимъ выходцамъ присоединилось бѣломорское населеніе, и ловить въ губѣ стало тѣсно. Тогда поморы изъ губы подвинулись сначала на западъ, а потомъ на востокъ. Поэтому Кольская губа и раздѣлила Мурманскій берегъ на восточный и западный.

Не знаю, въ какихъ размѣрахъ существовалъ въ древности промыселъ, но нынѣ Мурманъ, по собраннымъ мною статистическимъ даннымъ, привлекъ изъ Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ болѣе 4 тысячъ поморовъ, которые, выѣзжая изъ 18 становищъ, ловили на 1.000 судовъ. Пойманная рыба была погружена въ 155 судовъ и отправлена преимущественно на архангельскіе рынки. Количество ея выразилось въ 800 тысячъ пудовъ, изъ печенокъ отъ этой рыбы было вытоплено 40 тысячъ пудовъ жира. Весь рыбный продуктъ по цѣнамъ на мѣстахъ лова стоитъ болѣе 500 тысячъ рублей. Дѣла о колонизаціи Мурмана, хотя идутъ тихо, но все-таки лучше, нежели до 1868 г., когда былъ обнародованъ законъ о льготахъ для переселенцевъ на сѣверъ. Теперь на Мурманѣ считается 40 колоній съ 270 дворами. Производительная сила ихъ выражается въ 370 семей-

ныхъ работникахъ и въ 240 наемныхъ. Всѣ колонисты имѣютъ для рыбныхъ промысловъ болѣе 200 судовъ. Для подспорья въ быту, колонисты содержатъ болѣе 3.000 штукъ скота, причемъ половина приходится на оленей.

Преобладающій элементъ въ Мурманскомъ краѣ—финляндцы, затѣмъ русскіе и норвежцы. Иностранцы живутъ лучше, богаче; они даютъ русскимъ и сгвѣяты ихъ въ зависимость.

IV.

Изъ Колы я рѣшилъ переправиться черезъ Лапландію къ Бѣлому морю. Обычныхъ дорогъ здѣсь нѣтъ. Зимой отъ с. Кандалакши, лежащаго въ сѣверо-западномъ углу моря, до Колы тянется тропа, по которой бѣгаютъ олени, запряженные въ кережи-сани, безъ полозьевъ, на подобіе лодочки, нерѣдко обтянутые сверху парусиною. Лѣтомъ же переправа совершается на карбасахъ черезъ озера и рѣки, но гдѣ встрѣчаются пороги, путникъ принужденъ дѣлать обходы, именуемые тайболами. Конечно, вся дорожная часть исполняется лопарями; они и оленями управляютъ, и на карбасахъ ѣздятъ, и таскаютъ за спиною крошки съ багажемъ. Со мною шель телеграфный инженеръ г. М., и четыре лопаря несли наши скудные пожитки. Г. М. былъ мнѣ попутчикомъ на поль-дороги, далѣе онъ долженъ былъ свернуть въ сторону къ рабочему стану, который велъ по Лапландіи телеграфную линію.

Сейчасъ же за городомъ намъ пришлось подниматься на высокую гору Соловаровку. Трудно было идти по извилинамъ и камнямъ. Съ горы открывался видъ на тундру и Кольскую губу, удаляющуюся къ океану. Я спросилъ лопарей, не знаютъ ли они, откуда эта гора получила названіе, не было ли здѣсь когда нибудь производства соли?

— Не слышали, баринъ,—отвѣтилъ лопарь Семень.—Надо полагать, за то ее прозвали такъ, что солоно по ней подниматься.

Спустившись, мы подошли къ р. Колѣ, гдѣ встрѣтили урядника, какъ оказалось, занимавшаго здѣсь таможенный постъ.

— Какое же ему ввѣрено разстояніе для охраны?—спросилъ я своихъ проводниковъ.

Одинъ изъ лопарей махнулъ лѣвою рукою въ одну сторону, а правую въ другую и флегматично замѣтилъ:

— Сюда—до св. Носа, сюда—до Финляндіи.

— Мы уйдемъ далѣе, и онъ уйдетъ въ Колу,—вставилъ другой.

Отсюда нашъ путь лежалъ по р. Колѣ, которая начинается внутри Лапландіи плесомъ и на своемъ протяженіи дѣлаетъ нѣсколько такихъ плесовъ, именуемыхъ мѣстнымъ населеніемъ озерами. Изъ главныхъ, по величинѣ, считаются: Мурдозеро, Пулозеро, Колозеро.

Плеса занимают пространство 10—20 верст; они неглубоки, берега частью каменистые, частью песчаные, съ тощею растительностью.

Какъ ни пустынно и бѣдно природою эти озера, но для населенія они имѣютъ промышленное значеніе; въ нихъ лопари ловятъ кумжу, форелей, щукъ, сига и пр.

Мѣстами р. Кола завалена порогами, поэтому ихъ приходилось обходить тайболами. По тайболамъ обыкновенно вела узкая тропа, извиваясь по болотамъ и торфяникамъ, а если гдѣ и попадался лѣсокъ, то низкій, тщедушный, корявыѣ.

Островъ Маланья на Имандрѣ

Наши спутники сами по себѣ больше молчали, даже на вопросы отвѣчали кратко и лѣнливо. Лопари—народъ вообще несловоохотливый, да и заняты они были своимъ дѣломъ крѣпко: на карбасѣ сильно работали веслами, а по тайболамъ не отставали отъ насъ, обливаясь потомъ подъ крошнями. Только одинъ Семень оказался какъ-то развязнѣе своихъ земляковъ.

— Прибыльное это озеро, — сказалъ онъ послѣ суточного путешествія, когда мы ѣхали по Пулозеру.

— Должно быть, рыбоводное?

— Рыба особъ статья, — отвѣчалъ онъ, — а есть еще промыселъ. Въ Пулозеро течетъ рѣчка, махонькая, безъ всякаго прозвища. Въ ней лопари промышляютъ жемчужную раковину. Бѣда, что цѣны жемчугу не знаютъ.

— Кому же сбывается онъ?

— А прѣзжаютъ сюда издалека покупатели; они что дадутъ, то и ладно. Другое дѣло—кандалакшскіе ловцы; они продаютъ въ Архангельскъ, а лопарь не полъзаетъ; онъ несмѣлый, темный, дальше своей земли лопской никуда не ступить.

Въ концѣ Пулозера г. М. предложилъ мнѣ посмотрѣть строящійся здѣсь телеграфный домъ, гдѣ будетъ жить чиновникъ и контролировать извѣстный участокъ. Въ домѣ складывались печи и вставлялись рамы. Г. М. сообщилъ, что пройдетъ мѣсяць, и домъ

Расноволоцкая станція.

будетъ совсѣмъ готовъ, поспѣеть какъ разъ къ тому времени, когда откроется передача депешъ отъ Кандалакши до Колы. Чѣмъ-то страннымъ казалось это сооруженіе, украсившее берега безлюднаго, пустыннаго озера, но въ то же время оставалось пріятное впечатлѣніе, что свѣтъ культуры сталъ проникать и въ нашу Лапландію.

На Колозерѣ мы привалили къ Мисельскому погосту, но тамъ никого не было. Всѣ лопари разбрелись по озерамъ для рыболовства. Они живутъ на берегахъ все лѣто во временныхъ жилищахъ—вежахъ, сложенныхъ конусообразно изъ кольевъ и покрытыхъ мхомъ. Полъ вежи устилается оленьими шкурами, а вверху оставляется отверстіе для дыма.

Въ погостѣ стоятъ черныя убогія тупы — постоянныя жилища лопарей. Размѣромъ тупа въ $1\frac{1}{2}$ —2 саж.; стѣны срублены изъ тонкихъ бревенъ; потолокъ въ большинствѣ случаевъ не подѣ крышей, а обложенъ дерномъ. Въ стѣнахъ врѣзаны 1—2 конца и маленькая дверь, въ которую лопарь не входитъ, а лѣзаетъ на-четверенькахъ. Внутри, въ углу стоитъ камелокъ (печь), сложенный изъ дикаго камня. Онъ поднимается до самаго потолка и трубы не имѣетъ, а вмѣсто нея, сіяетъ черная дыра, чрезъ которую изъ тупы видно небо. Лицевая сторона совершенно открыта и даетъ возможность ставить дрова дыбомъ—словомъ, лопарскій камелокъ отнюдь не походить на русскую печь, а скорѣе напоминаетъ каминъ. У одной стѣны нары, а вдоль другихъ—тянутся скамьи. Въ тупѣ 1—2 стола. У стѣнъ прибиты полки, гдѣ хранится глиняная посуда. Вообще внутренность тупы соотвѣтствуетъ внѣшности и носитъ печать неяршливости и неопрятности лопарей.

Отличительный характеръ лопарскихъ погостовъ заключается въ томъ, что тупы въ нихъ разбросаны и ютятся въ ложбинахъ, дабы не очень донимала обитателей ихъ снѣжная пурга.

— Живутъ же такъ люди и довольны своей судьбой,—сказалъ я, идя съ проводникомъ по погосту.

— А чего жъ не жить, — отозвался все тотъ же Семень. — Лопинъ здѣсь рождается, здѣсь и умираетъ. Да для насъ ничего нѣтъ краше тундры да оленьковъ. Проѣхать зимою по тундрѣ куда какъ пріятно: самому въ совичкѣ тепло, а вокругъ морозно, въюжно. Опять же съ холоду въ тупу ввалиться, да поспѣть къ вяленой оленчанѣ—вѣдь это праздникъ лопину.—Слова эти Семень сказалъ съ какимъ-то особеннымъ восторгомъ.

— Все такъ, да пустынно, дико, непроходимая тьма въ народѣ.

— А лопину не надо болѣ, что есть. Живетъ онъ не хуже своихъ отцовъ—и ладно. Куда ему еще...

— Вотъ это-то и худо, что онъ не желаетъ жить лучше. Его надувають, а онъ не смекнетъ.

— Вы развѣ баринъ знаете, какъ насъ обманываютъ?—вдругъ спросилъ меня Семень.

Я сообщилъ ему, что слышалъ, какъ лопарей эксплуатируютъ разные торгаши и кулаки. Разсказалъ объ отставномъ чиновникѣ, который проживаетъ въ Колѣ и снабжаетъ масельскихъ лопарей съѣстными продуктами безъ всякихъ торговыхъ документовъ. Прежде всего этотъ чиновникъ лопаря угоститъ водкой до опьяненія, а затѣмъ обсчитываетъ, обмѣриваетъ, обвѣшиваетъ его. Въ прошлую зиму чиновникъ-кулакъ ставилъ въ кредитъ лопарямъ капорскій чай 80 коп. за фунтъ, соль по 50 к. за пудъ, куль муки 9 р. 20 к., причемъ угощеніе записывалось также на счетъ лопарямъ и, конечно, не безъ барышей.

Все это лопари выслушали съ большимъ вниманіемъ.

— Точно, это самое бываетъ, — подтвердилъ Семень.—Лопинъ видитъ обманъ, но не ссорится; ужъ, видно, ему отъ Бога положено молчать сунпротивъ всякихъ обидъ.

— Вѣдь главнымъ образомъ лопари занимаются оленеводствомъ и рыболовствомъ?

— Именно. Зимую промышляемъ шкурами, а по лѣту проживаемъ вокругъ озеръ.

— А какъ продовольствуетесь?

— У насъ все свое. Только муку, соль и еще кое-что прикупаемъ, когда продадимъ свой товаръ.

Лопари — народъ полудикій, полукочующій; онъ не имѣетъ понятія о значеніи памятниковъ, поэтому и не оставляетъ ихъ. Специалисты дѣлали попытки составить точную исторію Лапландіи, но напрасно. Впрочемъ, она составлена при наличности отрывочныхъ свѣдѣній, да и то заимствованныхъ отъ народовъ Даніи, Швеціи и Норвегіи.

Съ сожалѣніемъ я удивлялся, какъ это до сего времени не проникнетъ въ Лапландію народный культъ.

— Здѣсь, мнѣ кажется, — говорилъ я, — можно завести хотя небольшое хозяйство, заняться новыми промыслами. Думается, что содержаніе молочнаго скота, лѣсные промыслы, ископаемые продукты возможны — отчего бы не попробовать лопарямъ.

— А знаете что! — какъ бы озаренный какою-то мыслью, воскликнулъ г. М. — Сама по себѣ культура — вещь прекрасная, но она вредна для Лапландіи.

— Это почему же?

— Лопарь смиренный, кроткій, честный, а появивсь въ его странѣ культура и, повѣрьте, чрезъ десятокъ лѣтъ нашего лопаря не узнаешь; къ нему привьется всякая гадость, народятся разные порочные элементы.

— Однако и теперь они есть, но народъ не развращается.

— Настоящій лопарь дальше своей Лапландіи шагу не сдѣлаетъ, а тогда, въ силу культурныхъ операцій, онъ пойдетъ за предѣлы родины и принесетъ самъ домой немало соблазна.

Далѣе вдаваться въ детали этого вопроса я не могъ, такъ какъ подробно не изучалъ этого народа, и потому уклонился отъ дальнѣйшаго разговора. Я только думалъ одно, что лопари — совсѣмъ забытый народъ въ Россіи и достойный всякаго сожалѣнія, тѣмъ болѣе, что у него сохранилось рѣдкое по нынѣшнимъ временамъ качество — это честность.

За Колозеромъ мы переходили съ $\frac{1}{2}$ версты водораздѣлъ лапландскихъ водъ и поѣхали озеромъ Пермесомъ, отъ котораго воды изливаются въ Бѣлое море. Съ Пермеса показались вдали горы, время отъ времени окутываемыя группами свѣтлыхъ и темныхъ облаковъ.

— Кажется, близко и хребет Хибинских горь.

— Ну, не скажите, баринъ,—заговорилъ Семень.—Лопская мѣстность нами измѣрена въ точности; скажу, что отсюда до Хибинъ будетъ хорошихъ 40 верстъ. Онѣ на глазъ такъ показываются, потому высота у нихъ непомѣрная; вѣдь на нихъ снѣгъ не таетъ, почитай, съ сотворенія міра.

Затѣмъ снова проходили тайболой и пришли къ громадному озеру.

— Вотъ и наша кормилица Имандра,—сказалъ одинъ изъ лопарей, когда послѣдніе сѣли на берегу, чтобы освободиться отъ крошней.

— Она васъ кормить?

— А какъ же! Много кормить. Настанетъ лѣто, сколько лопари выловятъ въ ней рыбы—и для себя, и для промысла, а вѣдь насъ въ Лопской землѣ, почитай, двѣ тысячи.

Въ началѣ пути по Имандрѣмы остановились на Расноволоцкой земской станціи. Подобныхъ станцій, кромѣ указанной, считается по дорогѣ отъ с. Кандалакши до г. Колы четыре: Зашеечная, Экостровская, Масельская и Кицкая. Станціи сдаются съ торговъ отъ Архангельскаго комитета за 200—300 р. въ годъ. Арендаторами обыкновенно являются зажиточные крестьяне изъ поморья и кольскіе мѣщане, но сами они избѣгаютъ натурального обязательства, а подряжаютъ частнымъ образомъ лопарей за 40—50 р., которые, какъ уже сказано, и возятъ проѣзжающихъ, давая на каждого зимою двухъ оленей, а лѣтомъ, вмѣсто одного оленя, двухъ провозятыхъ.

Въ Расноволокѣ весною стекается весь «покручный» людъ, идущій съ родины на мурманскіе промыслы, поэтому здѣсь устроены три казармы и церковь. Изъ Расноволока поморы расходятся въ стороны. Одни идутъ на Ловозерскій погостъ и развѣтвляются по становищамъ восточнаго берега, а другіе тянутся на Колу и попадаютъ на западный берегъ. Во время движенія на промыслы въ Расноволокѣ можно видѣть и хозяевъ, снабжающихъ покручниковъ деньгами на дальнѣйшій путь, и полицейскихъ чиновъ, записывающихъ рабочій людъ; здѣсь поморы мѣняютъ оленей, закупаютъ провизію, рядятся съ лопарями, словомъ, Расноволокѣ тогда оживаетъ, суетится, шумитъ. Въ Лапландіи поморы проходятъ большія пространства, не приваливая къ жилымъ помѣщеніямъ, ибо ихъ на пути имѣется крайне недостаточно. На этихъ пространствахъ лопари сворачиваютъ оленей въ лѣсъ для кормежки, и тогда поморы должны ночевать подъ открытымъ небомъ, въ стужѣ, на снѣгу. Въ Расноволокѣ скучивается иногда до 900 человекъ въ день, и казармы не могутъ вмѣстить такого числа, поэтому несчастные набиваются на нары сверхъ нормы и даже валяются на полу, плотно прижавшись другъ къ другу. Во всякомъ случаѣ лучше спать въ тѣсотѣ и теплѣ, чѣмъ на свободѣ, да въ холодѣ.

Казарма—бревенчатая изба съ тесовою крышей; длиною ѓ саж., шириною — 3 саж. и вышиною — 2 саж. Внутри кругомъ въ два яруса нарѣ, шириною въ 2³/₄ арш. Среди нарѣ — печь до самаго потолка одинаковой съ нарами ширины.

Послѣ Расноволока вскорѣ потянулись по лѣвому берегу Хибинскія горы, отражаясь на безоблачномъ небѣ всевозможными формами. На вершинахъ ихъ брильянтами блестяль вѣчный снѣгъ и придавалъ горному хребту чудный видъ. Черезъ 2 — 3 часа пути Хибины стали понемногу теряться, удаляясь внутрь материка.

Поморская казарма.

Подѣзжая къ Экостровской станціи, мы миновали живописный островокъ, берега котораго какъ бы нарочно вымощены камнями, а на верху растутъ красивыя ели. Среди растительности мелькали деревянные кресты, напоминающіе кладбище. Это былъ островъ Маланья, гдѣ дѣйствительно лопари погребають покойниковъ.

На Экостровской станціи мы ночевали. Я опишу ее вообще, какъ образецъ. Экостровская станція представляетъ какую-то конуру. Всюду щели; дуетъ постоянный сквознякъ, такъ что отдыхать и спать даже лѣтомъ невозможно. Крыша развалилась, потеряла наклонность и настолько одырявилась, что во время дождя съ потолка льются цѣлые потоки. Внутри все переломано, сгнило, состарилось и загрязнилось до омерзѣнія. Воображаю, что происхо-

дять здѣсь зимою. Тогда, по словамъ лопарей, быть въ такой избѣ — все равно, что чувствовать себя подъ открытымъ небомъ. Насъ страшно клонило ко сну, и мы, не взирая на убожество избы, расположились спать. Подъ утро, когда стало холоднѣе, свѣжій вѣтеръ гулялъ по избѣ и нѣсколько разъ заставлялъ меня перемѣнять ложе, такъ что въ концѣ концовъ я очутился въ печкѣ.

Отдохнувъ съ грѣхомъ пополамъ на этой станціи, мы расстались съ г. М., и я поѣхалъ дальше. По дорогѣ я завернулъ къ другому и послѣднему поморскому пункту. Въ этомъ пунктѣ одна казарма, при которой живетъ сторожъ Миронъ. Онъ рассказывалъ мнѣ, какъ ночуютъ въ этой казармѣ поморы.

— Перебываетъ ихъ болѣе трехъ сотенъ. Я считалъ три года и бросилъ — надоѣло. Кладъ и провизію оставляютъ на снѣгу, а сами набьются въ казарму стоямя и, Богъ вѣдаетъ, какъ они тамъ ложатся. Иной разъ не войдутъ всѣ и ночуютъ на холоду въ парусинныхъ балаганахъ. У казармы разводятъ костры, варятъ рыбу, а больше согрѣваютъ чайники и пьютъ чай, потому дешевле и тѣлу теплѣй.

Отъ казармы оставалось проѣхать до Зашеечной станціи, которою и оканчивался путь по Имандрѣ. Насколько я замѣтилъ, озеро Имандра длинное, узкое; берега отлогіе, каменистые, покрыты мелкимъ лѣсомъ. Оно изобилуетъ небольшими губами и островами, такъ что надо имѣть опытнаго лопаря-кормчаго, чтобы не заблудиться въ заливахъ и среди водныхъ кургановъ.

Въ общемъ кормилица лопскаго народа произвела на меня пріятное впечатлѣніе, и это зависѣло, конечно, отъ сравнительно тихой погоды, державшейся все время перехода. Но я слышалъ, что Имандра озеро злое, постоянно бурное, и плаваніе по немъ очень опасно. Въ штормы путникъ спасается на берегу и живетъ тамъ подъ судномъ цѣлыми недѣлями.

Отъ Имандры до с. Кандалакши надо пробираться частью пѣшкомъ, частью озеромъ Пинозеромъ и р. Нивой. Въ началѣ рѣки мѣстами попадаются пороги и настолько сильные, что вода въ нихъ кипитъ точно въ котлѣ, оглашая окрестности страшнымъ шумомъ. Въ концѣ же, за 12 верстъ до села, по берегамъ тянутся высокія Кандалакшскія горы, а внизу лежитъ сплошной порогъ: вода бѣжитъ по камнямъ, перекатывается черезъ нихъ бѣлыми гребнями, неистово рвется и мечется. Гребни сливаются и заволакиваютъ рѣку бѣлымъ покровомъ.

Такимъ образомъ, Ледовитый океанъ соединяется съ Бѣлымъ моремъ черезъ Лапландію внутреннею водною системою, къ сожалѣнію, недоступною для плаванія судовъ. Вся система тянется слишкомъ 200 верстъ, изъ коихъ въ общемъ на долю каменистыхъ заваловъ приходится 60 верстъ. Все-таки и черезъ эти завалы иной разъ пробіраются маленькія лодки, управляемыя, конечно, ловкими и опытными сынами Лапландіи.

V.

Изъ Кандалакши я поѣхалъ Бѣлымъ моремъ. Довольно странные установлены здѣсь рейсы. Чтобы попасть изъ указаннаго села въ г. Кемь, приходится побывать во всѣхъ селеніяхъ Кандалакшскаго залива, слѣздить на терскій берегъ и оттуда уже вернуться къ назначенному мѣсту. Желая попасть въ Кемь, я такъ и катался на пароходѣ «Королева Ольга Константиновна». Въ заливѣ насъ застигъ сильный штормъ. Всѣхъ страшно укачало, всѣ лежали больными. Близъ с. Керети подвернулась другая бѣда: палъ туманъ. Пароходъ посвистывая пошелъ тихимъ ходомъ.

Когда мы были у терскаго берега, погода стихла. Пассажиры выходили на палубу съ веселыми лицами; доносился чей-то басъ, кто-то слѣлъ за піанино—словомъ, все замѣтно оживилось. Въ нѣкоторыхъ терскихъ селеніяхъ пароходъ бралъ на бортъ крестьянъ, которые говорили о перенесенномъ нами штормѣ, какъ объ одномъ изъ многихъ. «Погодишка была гораздо изморная, буря стояла знатная»...—сообщали новые пассажиры. Близъ Соловецкихъ острововъ показался маякъ. Но что это за маякъ? Онъ такъ былъ слѣпъ, что мы его увидали позже, чѣмъ берега острововъ. Содержитъ маякъ дирекція лоціи, а управляютъ имъ соловецкіе монахи. Вообще Бѣлое море далеко не можетъ похвастаться маяками, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ.

Вскорѣ увидали Соловецкую обитель, замѣчательную своимъ образцовымъ хозяйствомъ и обособленною жизнью. Сначала обрисовывались скиты на горахъ Сѣкирной и Голгоѣ, потомъ открылся видъ и самаго монастыря, съ многочисленными главами, обнесеннаго каменною древнею стѣною. Этотъ монастырь привлекаетъ массу богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи; его многіе знаютъ лично и по описаніямъ.

За островами вниманіе всѣхъ было обращено на англійскій пароходъ «Фламборо», сѣвшій два мѣсяца назадъ на банку. Пароходъ отъ насъ находился такъ далеко, что замѣтенъ былъ небольшой чертой. Я глядѣлъ въ бинокль, и казалось, что онъ сидѣлъ высоко, нѣсколько покачнувшись на бокъ. О печальной исторіи съ пароходомъ среди пассажировъ рассказывалъ какой-то норвежець.

— Этотъ пароходъ шелъ съ лѣсомъ изъ Кеми въ Англію,—говорилъ норвежець.—Онъ бѣжалъ полнымъ ходомъ и налетѣлъ на банку съ такою силой, что три парохода стаскивали, проволочный тросъ лопался, и то не могли тронуть съ мѣста. А потерпѣлъ онъ аварію по винѣ морской русской карты. На ней въ 4 миляхъ отъ Соловецкихъ острововъ обозначена банка, вотъ пароходъ и держался курса въ 8 миляхъ, а тамъ какъ разъ лежитъ такая же банка. «Англичанинъ» вѣдь несется, какъ угорѣлый и въ туманѣ, и въ

штормъ; бѣжить сломя голову и никому не свищеть, ну, и налетѣлъ всѣмъ корпусомъ.

— На картѣ не обозначена банка, такъ вѣху должны поставить,—замѣтилъ кто-то.

— Раньше ставили и нынѣ прїѣзжали, но опоздали. Прїѣхали, увидѣли пароходъ, да, смѣясь, и говорятъ: «напрасно мы безпокоились, тутъ уже вѣха стоитъ здоровая». Недавно другой пароходъ «Вествудъ» сѣлъ близъ с. Ковды тоже на банку, не показанную на картѣ. Ужасная небрежность.

Прибывъ въ г. Кемь, я перебрался на пароходѣ «Великая Княгиня Ксенія» и отправился въ Сумскій посадъ, гдѣ намѣренъ былъ оставить морскія воды и ѣхать на лошадахъ въ г. Повѣнецъ. Среди новыхъ пассажировъ я, между прочимъ, встрѣтилъ двухъ студентовъ изъ Петербурга, которые, крайне интересуясь солнечнымъ затменіемъ, были на Новой Землѣ.

— Удачно наблюдали?—спросилъ я ихъ.

— Къ счастью, да,—отвѣтилъ одинъ изъ студентовъ.—Правда, надежды были почти потеряны, такъ какъ все время небо бороздили непроницаемыя облака, но за два какихъ нибудь часа вдругъ стало ясно.

— Много вынесли полезнаго?

— Какъ вамъ сказать... ожидали больше, чѣмъ получили. Были, видите ли, среди новоземельныхъ экспедицій профессора, отъ которыхъ мы думали почерпнуть не мало новаго, но жестоко ошиблись. Дорогою почтенные ученые рассказывали анекдоты, а на берегу постоянно переругивались.

Затѣмъ студенты передали мнѣ интересный фактъ, какъ пароходъ «Ломоносовъ», на которомъ они ѣхали, при входѣ въ заливъ Малыя Кармакулы, потерялъ правый винтъ. Впереди «Ломоносова» шелъ военный транспортъ «Самоѣдъ», имѣвшій въ авангардѣ паровой катеръ. Послѣдній дѣлалъ промѣры и нашелъ банку, о чемъ сообщилъ «Самоѣду», который моментально далъ задній ходъ и вошелъ въ бухту, не сдѣлавъ никакого сигнала. «Ломоносовъ», шедшій сзади и не оповѣщенный объ угрожавшей опасности, налетѣлъ на подводный камень. Когда пароходъ миновалъ банку, отдѣлавшись сравнительно легкою аваріей, то съ «Самоѣда» вдругъ раздался салютъ, привѣтствовавшій какъ бы храбрость «Ломоносова». Объ этомъ членъ экспедиціи Казанскаго университета, г. Б., составилъ актъ; пассажиры подписали его и просили капитана г. Постникова непременно дать акту законный ходъ.

Сумскій посадъ—одинъ изъ зажиточныхъ населенныхъ пунктовъ—раскинулся на р. Сумѣ, въ 5—6 верстахъ отъ моря. Въ немъ болѣе полуторы тысячи жителей. Мужское населеніе занимается рыболовствомъ, а женское прекрасно вяжетъ кружева и выпиваетъ узоры на бѣлѣѣ. Посадскіе богачи вербуютъ «покрутчиковъ» и ве-

дутъ на Мурманѣ тресковый промыселъ. Есть также судохозяева, которые занимаются мѣнною торговлей въ Норвегіи. По дорогѣ отъ Сумы до Повѣнца безпрестанно попадаются горы; по сторонамъ чередуются луга, пашни и чаще участки нашихъ сѣверныхъ дремучихъ лѣсовъ. Между прочимъ, ѣхали и на паромѣ чрезъ р. Выгъ. Здѣсь на берегу стоитъ село Петровскій Ямъ, названное такъ въ память о стоянкѣ Петра I, во время путешествія по сѣверу. Паромщики рассказывали, какъ неподалеку ходитъ медвѣдь, который успѣлъ уже на глазахъ мужиковъ унести жеребенка.

— И кричить Потапычъ на разные голоса,—пояснилъ одинъ изъ мужиковъ.

— А именно?

— Погагарски, пожеребчьи. Иной разъ засвиститъ, какъ полицейскій, и на послѣдокъ съ трескомъ. Одного жеребенка доѣдаетъ, а теперь присматриваетъ другого.

— Вы бы убили его.

— Гдѣ-жъ его убить, коли онъ ходитъ ночью. Нашли крестьяне половину жеребенка, насторожили четыре ружья, да пришла лисица и стравила ружья, а въ самое пуля не попала.

— А днемъ такъ-таки и не дастъ знать о себѣ?

— Бываетъ. Днемъ почнетъ щелкать въ когти, словно косточками, сначала рѣдко, а потомъ въ частую, или заржетъ, какъ жеребенокъ, чтобы матку выманить. Хитроумный, бестія!

Изъ с. Ямъ меня повезъ ямщикъ, совершенно безусый, съ юношескимъ лицомъ, просто мальчикъ, но, несмотря на это, онъ былъ уже два года женатъ.

Заинтересовавшись имъ, я сталъ его расспрашивать.

— Зовутъ меня Власомъ,—началъ онъ.—Самъ я не сваталъ, а сватами были отецъ и зять. Перво-на-перво засватали по сосѣдству въ деревнѣ—дѣло не выгорѣло. Дѣвка ранѣ манила, а потомъ отказала. Батюшка нашель другую. Я говорю: рано мнѣ жениться, дайте годъ погулять или послѣ солдатчины. А отецъ мнѣ—мать при смерти, самъ я старикъ, работниковъ нѣтъ, женись, или уходи прочь. Что-жъ думаю, эта дѣвка согласна будетъ, хотя я съ ней и не игралъ, только слово подкати—и готово. Обмыслилъ, да и рѣшилъ жениться. Начали облаживать свадьбу о великомъ мясоѣдѣ; мнѣ въ ту пору не хватало до 18 лѣтъ. Батюшка не въ согласіи былъ вѣнчать; говорилъ, бумаги выправи, прошеніе подай. Тутъ отецъ, замѣсть обыкновенныхъ 3 р., совъ попу двѣ красненькихъ,—ну, и повѣнчали.

— А въ приданое взялъ деньги?

— У насъ этого не полагается.

— Такъ что же дали?

— Моя баба изъ бѣдныхъ, потому и пошла безъ прекословья. Маленько-то дали: привели корову, пару овецъ, платице тамъ какое есть.

— Сколько твоей женѣ лѣтъ?

— Она выходила по началу семнадцати.

Лѣсность проѣзжаемой мною мѣстности даетъ населенію хорошіе лѣсные заработки, а также пріучила крестьянъ къ охотничьимъ промысламъ. Въ каждой деревнѣ можно видѣть собакъ желтой масти, съ короткими торчащими ушами. Собаки идутъ на птицъ: мошняка, каплана, тетерку; на звѣрей: медвѣдя, лисицу, бѣлку, куницу. Стрѣляютъ крестьяне изъ своихъ винтовокъ мѣтко, почти безъ промаха, даже на птицу пускаютъ не дробь, а пулю.

Обращая вниманіе на хлѣбныя поля, я убѣдился, что многіе крестьяне ведутъ подсѣчное хозяйство: рубятъ лѣсъ, сжигаютъ его и этимъ удобряютъ землю.

Изъ Повѣнца—этого небольшого чистенькаго городка—я поѣхалъ по Онежскому озеру въ г. Петрозаводскъ. Путь лежалъ среди малыхъ острововъ, покрытыхъ травой, а больше кустарникомъ. Пароходъ заходилъ въ заливы, къ селеніямъ. Много садилось крестьянъ, грузился скотъ. Въ концѣ концовъ пассажировъ набилось, какъ сельдей въ бочкѣ.

Въ Петрозаводскѣ я пересѣлъ на другой пароходъ и снова поѣхалъ Онежскимъ озеромъ. На первыхъ же порахъ мнѣ пришлось убѣдиться, что служащіе на пароходѣ, во главѣ съ капитаномъ г. Бекманомъ, грубы, невѣжественны и, вѣроятно, потому, что на немъ царитъ полнѣйшій произволъ.

Тотчасъ послѣ отхода я просилъ капитана предупредить меня насчетъ предстоящихъ свирскихъ пороговъ, а онъ отвѣтилъ:

— Мнѣ некогда.

— Но у васъ есть помощники.

— Вамъ офиціантъ скажетъ,—продолжалъ г. Бекманъ.

Между тѣмъ, когда мы отвалили, на пароходѣ взрывались ракеты, воспламенялись искристыя мельницы, солнца. Въ ухахъ отдавались выстрѣлы, искры падали на головы, публика приходила въ негодованіе. Я спросилъ одного изъ служащихъ.

— Что обозначаетъ этотъ фейерверкъ?

— Ничего особеннаго, просто капитанъ любитъ эти штуки, ну, и забавляется отъ нечего дѣлать.

— Слѣдовательно, у него много свободнаго времени?

— Сколько угодно. Здѣсь штурвалистъ хорошій капитанъ; за нимъ, какъ за каменной стѣной.

Если позволяетъ такая невѣжливость съ интеллигентными людьми, то надо представить себѣ, какъ обращается капитанъ-пиротехникъ съ пассажирами изъ рабочаго класса. Мнѣ говорили, пароходъ возьметъ грузъ больше нормы и въ свирскихъ порогахъ не можетъ идти. Тогда капитанъ приказываетъ «палубной» публикѣ выходить на берегъ. Рабочіе вылѣзаютъ на берегъ и шагаютъ десятки верстъ, часто на дождѣ, по грязи. Миновавъ порожистыя мѣста, капитанъ

ждеть, да на рабочихъ же и ругается, зачѣмъ они отстаютъ и задерживаютъ пароходъ.

Пріѣхали въ с. Вознесенье, куда стягиваются всѣ продукты Онежья и Заонезья. Здѣсь я любовался громадными судами о семи и болѣе парусахъ, со множествомъ рей. Суда напоминаютъ прежніе корабли, плававшіе въ русскихъ водахъ до примѣненія пара.

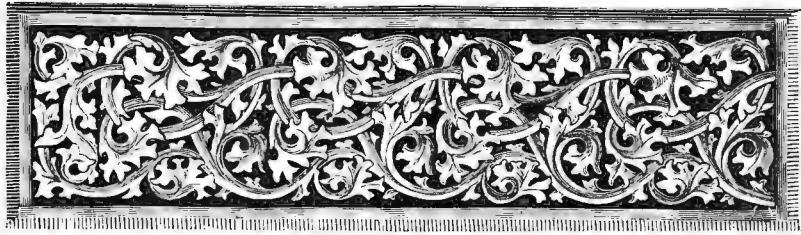
Плывя по р. Свири, конечно, нельзя не обратить вниманія на пороги, изъ которыхъ самыми большими считаются: Остреченскій, Медвѣдскій и Сиговець. Теченіе въ порогахъ чрезвычайно быстрое, фарватеръ узкій, постоянно заваливается камнями, потому на берегахъ все время не снимаются ворота, поднимающія съ пороговъ камни.

Свирь течетъ въ однообразныхъ луговыхъ берегахъ, къ устью становится извилистою и обрамленною ровнымъ сосновымъ лѣсомъ, какъ будто бы насажденнымъ искусственно. Рѣка крайне оживленная. Часто попадаются селенія и, повидимому, все зажиточныя. У береговъ встрѣчаются разбитыя суда съ грузомъ, около которыхъ копошится рабочій людъ, отливая воду и разгружая суда. Тамъ и сямъ работаютъ землечерпательныя машины. По всей рѣкѣ снуютъ одного типа буксирныя пароходики, стучатъ винтами и пронзительно посвистываютъ встрѣчнымъ собратьямъ.

Далѣе путь лежалъ по Ладожскому озеру и р. Невѣ—путь довольно скучный и бѣдный природою. 20-го августа я пріѣхалъ въ Петербургъ.

А. Слезкинский.

ЕВРЕЙСКІЯ КОЛОНИИ ВЪ АРГЕНТИНѢ.

I.

Европейская эмиграція въ Аргентину.—Отношеніе аргентинскаго правительства къ эмигрантамъ. — Первые еврей-эмигранты.— Баронъ Гиришъ и первая еврейская колонія.

ВЪ ЕВРОПѢ, съ 1857 года, начинается эмиграціонное движеніе въ Южную Америку, преимущественно, въ Аргентину, страну новую, почти незнакомую и, однако, уже извѣстную обширностью своей территоріи, мягкимъ климатомъ, роскошною растительностью, богатствомъ, щедростью, а главное, свободой и независимостью. Нагуры отважныя и предприимчивыя, которымъ надоѣло сидѣть дома, гдѣ онѣ не находили, къ чему приложить руки, фантазеры, искатели приключеній, бѣдняки, которымъ нечего было терять, наконецъ, преступники, предпочитавшіе избѣгнуть законной кары,—все это устремилось въ Аргентину.

До 1895 года, по официальной статистикѣ, туда прибыло 2.139,467 эмигрантовъ, не считая пассажировъ I класса. Многие изъ нихъ вернулись впослѣдствіи на родину или отправились искать счастья въ другихъ мѣстахъ, но полтора милліона остались и окончательно утвердились въ странѣ. Эти полтора милліона въ аргентинскомъ просторѣ оказались каплей въ морѣ.

Аргентинская республика занимаетъ пространство въ 2.888,203 квадратныхъ километра. Если предположить плотность населенія равной таковой во Франціи, то-есть, семьдесятъ три человѣка на

квадратный километр, то понадобилось бы 200.000,000 человекъ, чтобы соотвѣтствующимъ образомъ населить Аргентину.

Въ настоящее же время плотность ея населенія едва достигаетъ 1,40 человекъ на 1 квадратный километр. Аргентинское правительство давно уже сознало всю важность заселенія своихъ обширныхъ, до времени бесполезно лежащихъ пустынь и въ свое законодательство внесло рядъ параграфовъ специально для эмигрантовъ, общаая имъ свое покровительство и возможные выгоды и льготы.

Вотъ эти параграфы:

1) Иностранцы пользуются всѣми гражданскими правами наравнѣ съ коренными жителями страны. Они могутъ заниматься какою угодно промышленностью, торговлей или профессіей, приобретать недвижимость и продавать ее, свободно проживать всюду, исповѣдывать свою религію, присягать и вѣнчаться по своимъ законамъ. Они не обяваны принимать подданство республики, а равно платить особые подати и налоги. Послѣ двухъ лѣтъ, проведенныхъ безъ перерыва въ странѣ, они имѣютъ право считать себя аргентинцами. Этотъ срокъ, въ виду особыхъ заслугъ или настоятельныхъ ходатайствъ, можетъ быть сокращенъ.

2) Федеральное правительство всячески будетъ способствовать эмиграціи изъ Европы, тщательно избѣгая всего, что могло бы ограничить или стѣснить ее. Съ этой цѣлью всякій, кто желаетъ заниматься земледѣліемъ, расширеніемъ какой нибудь промышленности или преподаваніемъ наукъ и искусствъ, освобождается отъ пошлинъ.

Эти два параграфа относятся, главнымъ образомъ, къ пассажирамъ I и II класса, которые обыкновенно не называютъ себя эмигрантами.

Но существуютъ спеціальныя постановленія и для пассажировъ III класса, который, собственно, и есть классъ эмигрантовъ, такъ какъ третьеклассники не имѣютъ претензіи, подобно ѣдущимъ во II и I классѣ, изображать изъ себя людей, путешествующихъ для своего удовольствія, и не желаютъ отказываться отъ тѣхъ выгодъ, которыя имъ общають.

Впрочемъ, нерѣдко случается, что выгоды эти заставляютъ и тѣхъ, кто называлъ себя просто путешественникомъ, становиться въ ряды эмигрантовъ.

Напримѣръ, въ случаѣ карантина, когда всякій пассажиръ обязанъ платить за свое содержаніе соотвѣтственно занимаемому имъ классу, тѣ самые люди, которые не желали называться эмигрантами, объявляли, что они, эмигранты, чтобы имѣть право не вносить платы. Нежеланіе слыть эмигрантомъ на кораблѣ происходитъ отъ того, что насколько аргентинское правительство старается покровительствовать эмигранту, заманивать его своими обѣщаніями, льготами и правами, настолько же пренебрежительно, почти презрительно, относится къ этому эмигранту начальство и экипажъ.

Позднѣе, несмотря на всякія заманиванія, онъ встрѣчаетъ это презрительное отношеніе и въ аргентинцѣ, который полезность эмигрантовъ сознаетъ, но не уважаетъ людей, бросившихъ свою родину и пришедшихъ къ нему просить гостепріимства.

Чтобы правами эмигрантовъ не вздумали пользоваться и другіе пассажиры, въ законодательствѣ сказано:

1) Эмигрантомъ считается всякій иностранецъ, не старѣе шестидесяти лѣтъ,—кто бы онъ ни былъ, журналистъ, художникъ, ремесленникъ, земледѣлецъ, учитель,—пріѣзжающій въ республику съ тѣмъ, чтобы въ ней основаться, независимо отъ того, на свои ли средства прибылъ онъ или на средства націи и покровительствующихъ эмиграціи и колонизаціи обществъ.

2) Лица, не желающія называться эмигрантами, должны о томъ заявить капитану, садясь на корабль.

Каждый эмигрантъ, владѣющій какимъ бы то ни было ремесломъ, искусствомъ или знакомый съ какою нибудь отраслью промышленности, а также отличающійся хорошимъ поведеніемъ, вступающая на аргентинскую землю, имѣетъ право на слѣдующія преримущества:

1) Онъ пользуется квартирой и содержаніемъ на счетъ правительства, пока не найдетъ себѣ подходящаго занятія или, если заболѣетъ, пока не поправится.

2) Правительство предлагаетъ ему на выборъ мѣсто, соотвѣтствующее его способностямъ во всей странѣ.

3) Правительство на свой счетъ обязуется доставить его въ любое мѣсто республики, гдѣ онъ пожелаетъ основаться.

4) Эмигрантъ имѣетъ право ввезти въ страну вещи, необходимыя для его употребленія: одежду, мебель, земледѣльческія орудія, инструменты и оружіе въ одномъ экземплярѣ на каждого совершеннолѣтняго. Все, что относится къ эмигрантамъ, относится и къ ихъ семействамъ.

5) Въ городахъ Буэносъ-Айресѣ, Лаплатѣ и другихъ, вездѣ, гдѣ можно ожидать наплыва эмигрантовъ, для нихъ имѣются спеціальныя дома, въ которыхъ они могутъ разсчитывать найти временный пріютъ. Тамъ же, гдѣ нѣтъ такихъ домовъ, особая комиссія займется доставленіемъ помѣщенія и всего необходимаго въ городскихъ гостиницахъ и тому подобныхъ учрежденіяхъ.

6) Впродолженіе пяти дней эмигрантъ имѣетъ полное право на столъ и квартиру отъ правительства.

7) Въ случаѣ болѣзни, правительство переноситъ этотъ срокъ до дня выздоровленія.

8) Исключеніе изъ послѣднихъ правилъ представляютъ тѣ эмигранты, которые приглашены правительствомъ въ колоніи, и которые до тѣхъ поръ имѣютъ право на пищу и квартиру, пока ихъ не доставятъ на мѣсто назначенія.

Съ цѣлью облегчить положеніе эмигрантовъ на первыхъ порахъ и помочь имъ устроиться, учреждены были бюро, на обязанности которыхъ лежитъ приискивать занятія, вести переписку съ обращающимися за совѣтомъ и доставлять имъ мѣста; бюро, кромѣ того, вступаютъ въ переговоры, заключаютъ контракты и наблюдаютъ интересы эмигрантовъ.

Эмигранты, желающіе переѣхать въ какую нибудь провинцію, доставляются туда на счетъ правительства и получаютъ впродолженіе десяти дней квартиру и полное содержаніе. Но тѣ эмигранты, которые пожелали бы, воспользовавшись этой льготой, переѣхать въ пограничныя съ Аргентиной страны, рискуютъ оплатить всѣ издержки.

На ряду съ этими покровительствующими эмиграціи мѣрами, Аргентина не брезгаетъ и другими средствами. Распространяются брошюры, восхваляющія страну, которая въ нихъ изображается земнымъ раемъ, рассылаются агенты, подтверждающіе рассказанныя въ нихъ басни, а главное обѣщается земля даромъ или за безцѣнокъ.

Въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ Европа бредила Аргентиной. Самые невѣроятные, сказочные слухи проникли во всѣ слои общества и начали волновать даже неподатливыхъ и серьезныхъ людей; нечего и говорить о неудачникахъ и обездоленныхъ, которымъ рассказы о необыкновенныхъ урожаяхъ, о рѣкахъ, буквально текущихъ по золотому дну, и безчисленные примѣры поразительно быстрыхъ обогащеній просто не давали спать.

Эти годы были годами памятнаго правленія президента Хуареса Сельмана, который, заказавъ по порученію конгресса въ Нью-Йоркѣ миллиардъ бумажныхъ песо (наши 75 копеекъ, денежная единица въ Аргентинѣ), кстати распорядился заказать еще миллиардъ, который и подѣлили между собой онъ и его два сподвижника.

Можно себѣ представить, какой переполохъ произвело въ бѣдной деньгами Аргентинѣ это денежное наводненіе. Деньги не знали куда дѣвать. Иностранецъ, прибывшій съ сотней франковъ въ карманѣ, получалъ аргентинскими деньгами такую сумму, что не вѣрилъ глазамъ, до того упалъ курсъ. Обладателями миллиарда овладѣла манія строительства. Возводились грандіозныя зданія, проектировались и вчернѣ исполнялись цѣлые города. Рабочія руки стали небывало дороги. Земли стали дѣйствительно давать даромъ или за самую ничтожную сумму. Деньги стали не нужны. Ихъ и безъ того было слишкомъ много. Правительство бредило колонизаціей и спѣшило приготовить мѣсто для колонистовъ.

Тогда же въ голой пустынѣ разбитъ былъ планъ города Лаплаты, и сооруженъ былъ его грандіозный портъ. Повидимому, дѣйствительность оправдывала самыя смѣлыя мечты.

Теперь ужъ не одни рассказы агентовъ и брошюры, а письма родныхъ и знакомыхъ изъ Аргентины полны были чудесъ.

Послѣдствія бѣшеннаго ажіотажа и денежной горячки не заставили себя долго ждать. Но реклама была сдѣлана. Для всякаго, кто только задумывался надъ переселеніемъ, Аргентина являлась золотымъ дномъ, земнымъ раемъ.

Чѣмъ же другимъ, какъ не обѣтованной землей, предметомъ вѣчныхъ исканій и желаній, должна была рисоваться Аргентина въ воображеніи евреевъ, этого народа безъ отечества, отовсюду гонимаго и всюду чужаго?

А отсутствіе всякихъ стѣсненій, чрезмѣрные барыши, возможность легкой и чрезвычайной наживы?

И все это обѣщается еврею, нашему русскому еврею, живущему въ чертѣ осѣдлости, въ тѣснотѣ, въ нищетѣ (ибо когда же еврей бываетъ не бѣденъ, если живетъ среди единовѣрцевъ?), задыхающемуся въ грязныхъ предмѣстьяхъ и городишкахъ Западнаго края?

Конечно, не ширь и просторъ полей, не таинственная сѣнь лѣсовъ, не жаркій блескъ полуденнаго солнца, не апельсины и лимоны, которые подъ нимъ зрѣютъ, не синее, уходящее въ недосыгаемую высь небо, не вѣчный ропотъ,—то нѣжный лепетъ, то грозный рокотъ,—темно-зеленой волны морской, набѣгающей на берегъ, не черная ночь, не золотыя звѣзды, не розово-палевыя зори влекли его. Да и зналъ ли онъ о нихъ? Могъ ли представить себѣ? Желалъ ли ихъ? Мечталъ ли о нихъ?

Но что-то все-таки чудилось ему, что-то манило и звало его и заставляло его, отвернувшись съ омерзѣніемъ отъ окружающаго, думать подолгу и страстно объ Аргентинѣ.

Что рисовалъ онъ себѣ? Быть можетъ, болѣе уютный и чистый домъ, дѣтей не въ лохмотьяхъ и не такихъ худыхъ и блѣдныхъ, жену въ нарядномъ платьѣ, себя въ новомъ люстриновомъ лапсердакѣ и плисовомъ картузѣ?

А, можетъ, просто глубокомысленно соображалъ и рассчитывалъ, во сколько лѣтъ и при какихъ процентахъ можно въ Аргентинѣ изъ ста рублей сдѣлать сто тысячъ.

Конечно, много было между ними горячихъ, увлекающихся головъ, много было и корыстолюбцевъ, и просто глупыхъ людей. Но были и люди серьезные, люди, постаравшіеся подойти, какъ можно, ближе къ дѣлу, насколько возможно, познакомиться со страной, выпишывавшіе книги изъ Аргентины объ Аргентинѣ, обращавшіеся и за границу къ разнымъ ученымъ и знающимъ господамъ, а чаще къ агентамъ, предлагавшимъ пароходные билеты.

Агентовъ этихъ и теперь въ достаточномъ количествѣ можно встрѣтить въ Константинополь, въ Одессѣ, повсемѣстно въ Западномъ краѣ, въ Венгріи, въ Вѣнѣ, въ Галиціи, въ Гамбургѣ, въ Бременѣ и Любекѣ, въ Италиі, въ Испаніи,—ездѣ, гдѣ есть недвольный, неустойчивый элементъ, безпечный и несчастный, легкомысленный и жалкій, вѣчно нищій и вѣчно мечтающій стать богатымъ.

Вотъ съ этими-то агентами, получающими процентъ за cadaго доставленнаго ими на пароходъ пассажира отъ пароходныхъ обществъ, а за cadaго эмигранта, высадившагося въ Аргентинѣ, отъ эмиграціоннаго департамента, и приходилось говорить серьезнымъ евреямъ.

И вотъ сто семействъ бросаютъ родину, распродаютъ все, что имѣютъ, покидаютъ родныхъ, близкихъ и ѣдутъ въ невѣдомую, но, какъ имъ сказали, гостепріимную, богатую и щедрую страну.

Не будемъ останавливаться на томъ, сколько труда и энергіи, силы воли, мучительныхъ заботъ, тревогъ и волненій понадобилось только для того, чтобы подняться съ насиженнаго мѣста. Нечего также говорить о тѣхъ страданіяхъ, нравственныхъ и физическихъ, лишеніяхъ, униженіяхъ, опасностяхъ, которыя имъ пришлось перенести за время своего путешествія на пароходъ, гдѣ они ѣхали въ самыхъ скверныхъ условіяхъ, употребивъ на проѣздъ мѣсяць съ лишкомъ.

Всякій, болѣе или менѣе, можетъ себѣ представить это. Все это они перенесли относительно легко и бодро. Ихъ поддерживала увѣренность, что это только тернистый путь въ царство небесное, та пустыня аравійская, за которой лежитъ обѣтованная земля.

Въ 1890 году эти сто семействъ, первые піонеры, первые еврей-эмигранты, прибыли въ портъ Буэносъ-Айресь.

Не успѣли они вступить на эту столь жданную землю, какъ на ихъ бѣдныя головы обрушились всевозможныя несчастія и бѣдствія.

Когда они стали требовать земли, имъ отвѣтили, что нѣтъ такихъ земель, которыя давались бы даромъ. Въ отчаяніи они метались туда и сюда и вскорѣ очутились въ положеніи людей, которымъ буквально негдѣ преклонить голову.

Въ такомъ положеніи застало ихъ предложеніе богатаго землевладѣльца Паласіоса взять у него часть земли на выплату съ тѣмъ, что первый годъ онъ будетъ выдавать имъ содержаніе.

Измученные, обезсиленные, разочарованные, они согласились на всѣ условія съ закрытыми глазами.

Изъ Буэносъ-Айреса ихъ перевезли въ провинцію Санта-Фре, на чистое поле, подъ открытое небо, въ департаментъ Кристобаль, едва населенный, гдѣ Паласіосъ владѣлъ громадными участками земли въ 66.548 гектаровъ.

Благодѣтель выдалъ каждому семейству четыре дикихъ быка и лошадей и предоставилъ имъ устраиваться, какъ знаютъ...

Что пережили они, что выстрадали, можно себѣ представить, если только подумать, что никакого подобія жилищъ у нихъ не было, что дикіе быки и лошади не только не могутъ идти въ работу, но свирѣпы и представляютъ большую опасность для людей, не умѣющихъ съ ними обращаться. Наконецъ, была осень, дожди въ этомъ году были проливные, мѣстность, это голое поле, гдѣ ихъ оставили съ ихъ пожитками, однихъ, съ дикиимъ скотомъ, бѣгавшимъ по степи,

вся была залита водой. Ихъ сундуки, чемоданы, платье, бѣлье,—все это плавало, все портилось, гнило, а сами они сидѣли въ водѣ и не имѣли возможности отъ нея укрыться. Если бы не изобиліе рыбы, которая, благодаря наводненію, сама, что называется, шла въ руки, имъ угрожала бы опасность умереть съ голода.

Ища спасенія хотя гдѣ нибудь и отодвигаясь отъ настигавшей ихъ всюду воды, они добрались до лѣса и приютились на его опушкѣ. Здѣсь провели они два мѣсяца, кое-какъ сдѣлавъ себѣ изъ сучьевъ шалаши, и около этого же лѣса похоронили 85 ребятишекъ. Эти 85 могилочекъ-бугровъ можно видѣть и теперь.

Въ томъ же году, позднѣе нѣсколькими мѣсяцами, прибылъ въ Буэносъ-Айресъ докторъ Левенталь. Извѣстный филантропъ, обладатель колоссальнаго состоянія, нынѣ уже умершій, баронъ Морицъ Гиршъ поручилъ Левенталю на мѣстѣ ознакомиться съ Аргентиной, разузнать, какія земли можно приобрѣсти въ ней и на какихъ условіяхъ.

Услыхавъ объ этомъ, несчастные евреи послали къ Левенталю депутацію, умоляя его спасти ихъ отъ медленной ужасной смерти. Левенталь такъ былъ тронутъ разсказами этихъ людей и ихъ жалкимъ видомъ, что тотчасъ же вступилъ въ переговоры съ Паласіосомъ и предложилъ ему продать шесть легвъ земли. Паласіосъ согласился, и Левенталь телеграфировалъ о покупкѣ Гиршу, который немедленно перевелъ деньги.

Такъ положено было начало еврейскимъ аргентинскимъ колоніямъ.

Послѣ покупки земли, рѣшено было приступить къ постройкѣ жилищъ. Но такъ какъ евреи сами строители плохіе, а въ Аргентинѣ рабочихъ рукъ мало, подъѣздныхъ путей нѣтъ, наконецъ, тамъ, гдѣ поселились евреи, прямо не было дорогъ, то, чтобы не оставлять несчастныхъ переселенцевъ еще долгое время безъ крова, Левенталь рѣшился выписать изъ-за границы разборныя палатки. Доставка ихъ обошлась безобразно дорого, и сами по себѣ очень дороги онѣ, какъ оказалось впоследствии, далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Но на первое время и онѣ были все-таки лучше, чѣмъ ничего. Это первое еврейское поселеніе названо было Моизесвилъ.

II.

Вторая еврейская колонія.—Памписты.—Ихъ бѣдствія.—Покупка земли въ провинціи Энтре-риосъ.—Администрація.—Петербургскій комитетъ и вербовка эмигрантовъ.—Голодный тифъ.—Пятьдесятъ покойниковъ и обща паника.—Послѣдняя партія.

Вслѣдъ за первой сотней семействъ стали пріѣзжать въ Аргентину новые еврей-переселенцы.

Левенталь приобрѣлъ тогда въ провинціи Буэносъ-Айресъ еще участокъ земли въ три легвы и назвалъ его Мориціо, въ честь барона Гирша.

Охотниковъ заселить эту новую колонію, повидимому, было много. Извѣстіе о покупкѣ барономъ Гиршемъ земель въ Аргентинѣ распространилось по всему свѣту и перебило начавшееся около этого времени сильное движеніе евреевъ въ Болгарію.

Всѣ они устремились на зовъ своего благодѣтеля, обѣщавшаго имъ новый Іерусалимъ и звавшаго ихъ на новую жизнь и на новый трудъ.

Легко и быстро агенты барона набрали пятьсотъ человекъ, нагрузили ими огромный морской пароходъ «Пампу» и отправили въ Аргентину.

Все это были селибаты, т. е. одинокіе. Тѣ изъ нихъ, что были женаты, ѣхали безъ семей, оставивъ ихъ на родинѣ.

Часть «пампистовъ», какъ назвали эту первую партію гиршевскихъ переселенцевъ, послали въ Мориціо, а остальныхъ поселили въ Моизесвилѣ, гдѣ первые эмигранты все еще находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Прошелъ годъ, а они продолжали жить въ своихъ палаткахъ, неустроенные, голодные, больные, дрожа отъ холода зимой и палимые зноемъ лѣтомъ. Непривычка къ климату, невозможныя условія, масса насѣкомыхъ, страшныя грозы, рѣзкіе, мучительные холода, отъ которыхъ подъ открытымъ небомъ и въ картонныхъ жилищахъ они страдали невыносимо, а главное, совершенное отсутствіе работы, какого нибудь осмысленнаго, имѣющаго цѣль занятія,—все это окончательно привело ихъ въ отчаяніе. Они упали духомъ и безропотно стали ждать смерти.

И смертность между ними была страшная. Изъ ста семействъ осталось пятьдесятъ.

Чтобы дать имъ подобіе труда и ободрить ихъ, стали строить шоссе и платили имъ за поденную работу. Это шоссе стоило 50.000 песовъ, но оно не пробудило энергіи переселенцевъ и нисколько не улучшило положенія этой несчастной колоніи.

А между тѣмъ Левенталь высмотрѣлъ еще землю въ провинціи Энтре-риосъ, въ департаментѣ Вилагвай, и купилъ ее. Сюда перевели большую часть «пампистовъ» и нѣкоторыхъ изъ семейныхъ. Дѣло

колонизації, повидимому, наладилось. Надо было только заботиться о томъ, чтобы оно шло успѣшно и правильно. Явилась необходимость въ администраціи. Во главѣ ея сталъ нѣкто Ротъ, вмѣсто уѣхавшаго въ Европу Левенталя.

Кстати сказать, объ этомъ Левенталя сохранилось среди евреевъ-колонистовъ самое благодарное воспоминаніе и симпатичное представленіе, чего нельзя сказать о послѣдующихъ правителяхъ Аргентинской Іудей.

Мѣстомъ жительства администрація избрала Энтреріосъ, будущій центръ «еврейской колонизації, гдѣ можно было поселить наибольшее количество переселенцевъ.

Но пока администрація могла дѣйствовать, такъ сказать, только теоретически. На практикѣ же ей немного было дѣла. Колонистовъ было еще слишкомъ мало, и огромный участокъ Энтреріосской земли пока пустовалъ и ждалъ работниковъ.

Притомъ же первые колонисты, какъ скоро замѣтила администрація, представляли элементъ, мало подходящій для предложенной цѣли. Особенно пятьсотъ «пампистовъ», спѣшно и безъ разбора набранные не въ мѣру усердными агентами, никогда не имѣвшіе земли и не работавшіе на ней, жители городовъ и мѣстечекъ, ремесленники, торговцы, старьевщики и тому подобный народъ, сразу стали въ положеніе опекаемыхъ и могли только повредить колонизації, дурно дѣйствуя на другихъ.

Съ цѣлью поддержать эмиграціонное движеніе и вмѣстѣ упорядочить его, учрежденъ былъ въ Петербургѣ комитетъ, который долженъ былъ заботиться объ отправкѣ эмигрантовъ въ колоніи и выбиралъ бы надежныхъ, имѣющихъ понятіе о земледѣліи и не слишкомъ нуждающихся людей.

Комитетъ остановился на губерніяхъ Бессарабской и Подольской и отправилъ туда своихъ агентовъ, снабдивъ ихъ самыми подробными инструкціями, вербовать охотниковъ ѣхать на землю Гирша.

Съ своей стороны, послѣдній вошелъ въ соглашеніе съ пароходной итальянской компаніей, которая обязалась, по возможно дешевой цѣнѣ, со всевозможными льготами и удобствами, перевозить евреевъ-эмигрантовъ въ Аргентину. Не имѣвшихъ денегъ на дорогу перевозили за счетъ барона Гирша, причемъ комитетъ бралъ долговые обязательства, которыя предстояло уплатить уже на мѣстѣ, по частямъ и по мѣрѣ силъ.

Возможность ѣхать на чужой счетъ, хотя бы въ долгъ, была слишкомъ соблазнительна, и триста пятьдесятъ семействъ изъявили желаніе эмигрировать.

На этотъ разъ комитетъ рѣшилъ дѣйствовать, какъ можно, осторожно, и, помимо строгаго и осмотрительнаго выбора, придумалъ рядъ мѣръ, которыя долженствовали прикрѣпить къ землѣ буду-

щих колонистовъ и въ случаѣ неудачъ и разочарованій отрѣзать имъ путь къ отступленію.

Каждый глава семьи обязывался внести не менѣе двухсотъ рублей въ обезпеченіе его долга администраціи и, кромѣ того, подписывалъ контрактъ, гдѣ по пунктамъ перечислялись его обязанности, нарушение которыхъ тотчасъ же влекло за собой наказаніе. Этимъ же контрактомъ колонистъ признавалъ долгъ свой администраціи за проѣздъ, за аренду земли, за строительные матеріалы, больницы, школы и т. п. заведенія, земледѣльческія орудія, пособія, за все, кромѣ воздуха.

Въ случаѣ же нежеланія колониста оставаться въ колоніяхъ, залогъ его, какой бы онъ ни былъ, ему обратно не выдавался.

Очевидно, что въ эту группу попали только зажиточные люди. Многіе изъ нихъ внесли по тысячѣ и полторы залогоу. Ни одинъ изъ нихъ не обѣщаль, такъ сказать, сѣсть на шею администраціи.

Ихъ отправили изъ Одессы на Геную, разрѣшивъ имъ захватить съ собой все, что имъ угодно, и они повезли весь свой домашній скарбъ, мебель, посуду, земледѣльческія орудія, даже телѣги и доски.

Аргентинское правительство, усмотрѣвъ въ этихъ эмигрантахъ большія выгоды для страны, освободило ихъ отъ всякой таможенной пошлины и даже обѣщало не досматривать ихъ вещей.

Можно было надѣяться, что эти триста пятьдесятъ семействъ, поставленныя, повидимому, въ несравненно лучшія условія, чѣмъ первые колонисты, благополучно придутъ въ Аргентину. Но переселеніе ихъ совершилось при самыхъ трагическихъ и плачевныхъ обстоятельствахъ.

Во-первыхъ, пароходъ, благодаря худой погодѣ и карантину, запоздалъ почти на три недѣли.

Не столь невзыскательныя, какъ «памписты», эти семьи, какъ болѣе зажиточныя и избалованныя, и безъ того трудно мирились съ непривычною и тяжелою обстановкой. Когда же переездъ затянулся, они окончательно изнемогли. Къ этому присоединилась скверная пароходная пища, отъ которой многіе предпочитали совсѣмъ отказываться, и на кораблѣ начался повальный голодный тифъ.

Больные вошли они въ портъ Лаплата.

Здѣсь, не обращая вниманія ни на болѣзнь, угнетавшую ихъ, ни на потребность въ отдыхѣ, столь необходимомъ послѣ такого мучительнаго и долгаго пути, ихъ пересадили на маленькіе рѣчные пароходы и отправили вверхъ по Лаплатѣ въ Энтреріосъ.

Было холодное и сырое время года, когда теченіе Лаплаты, этой громадной и полноводной рѣки, особенно бурно, и когда въ степяхъ дуетъ страшный памперо. Плоскіе рѣчные пароходы, неудобные, маленькіе, плохо нагруженные, качаются невыносимо, и

эта качка куда противнѣ морской. Только на третій день доставлены были переселенцы въ Энтреріосъ, обезсиленные, простуженные, въ самомъ жалкомъ положеніи.

На ихъ счастье въ Энтреріосъ уже была устроена больница. Помѣщеніе однако было такъ недостаточно, что многихъ больныхъ пришлось положить прямо на землю. Завѣдывавшій больницей докторъ, русскій еврей, кончившій медицинское образованіе въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, приложилъ всѣ свои знанія и всю энергію, чтобы спасти ихъ. Наболѣе слабыхъ и нуждавшихся въ уходѣ онъ помѣстилъ у себя въ домѣ и съ рѣдкимъ самопожертвованіемъ ухаживалъ за ними.

Этотъ докторъ, — фамилія его Ярхо, — и въ настоящее время находится въ колоніяхъ и не только любимъ своими единовѣрцами, но сумѣлъ покорить сердце грубаго, необузданнаго и подозрительнаго гаучо и завоевать его уваженіе и довѣріе.

Но что могъ сдѣлать одинъ человѣкъ тамъ, гдѣ были сотни больныхъ? Несмотря на всѣ мѣры, пятьдесятъ колонистовъ умерли.

Эти пятьдесятъ покойниковъ поселили панику между вновь прибывшими.

Изнуренные трудной дорогой, болѣзною, пораженные потерю друзей и близкихъ, обезумѣвшіе отъ страданій, слезъ и горя, обезсиленные лишеніями, неспособные къ труду и къ борьбѣ, въ конецъ разочарованные и отчаявшіеся въ своихъ надеждахъ, они были окончательно добыты видомъ этихъ пятидесяти труповъ.

Не внимая никакимъ доводамъ, ничему не вѣря, ни на что не надѣясь, они остановились только на одной мысли: бѣжать, бѣжать, какъ можно скорѣе.

Шестдесятъ семействъ оставили свои залого, побросали имущество и поспѣшили покинуть ненавистную имъ Аргентину.

Остальныхъ ждали еще новыя испытанія, правда, сравнительно съ тѣмъ, что перенесли ихъ предшественники, и съ тѣмъ, что пережили они сами, не столь тяжелыя.

Это было въ 1893 году, памятномъ всей Аргентинѣ, какъ послѣдній урожайный годъ. Въ этомъ году былъ неслыханный урожай. Первые колонисты и памписты были вознаграждены. Нѣкоторые заработали отъ восьми до десяти тысячъ песо.

Прибывшіе послѣдними еще только учились работать и привыкали къ обращенію съ дикимъ скотомъ, и не могли ничего собрать.

А на слѣдующій годъ прилетѣла дангоста (саранча) и съѣла все, что было посѣяно въ Энтреріосъ.

Съ этихъ поръ, въ продолженіе двухъ почти лѣтъ, евреи не переселяются въ Аргентину.

Эмиграція, несмотря на всѣ старанія заинтересованныхъ лицъ, прекратилась.

Наконецъ, въ 1895 году, прибыла третья и послѣдняя партія,

набранная главнымъ образомъ въ Гродненской и отчасти въ Таврической губерніи (мѣстечко Перлиса).

Итальянская пароходная компанія Флоріо и Рубитино доставила ихъ въ Аргентину въ количествѣ 120 семействъ. Они попали сравнительно въ прекрасныя условія, но только сравнительно. Они уже застали каменные и кирпичные дома. Были сложены печи, вырыты колодцы, заведены школы,—онѣ же синагоги. Въ самой администраціи выработался извѣстный порядождь. Притомъ, большинство этихъ новыхъ пришельцевъ жило очень плохо на родинѣ и въ нѣкоторомъ смыслѣ очутилось даже въ лучшей обстановкѣ. Но все въ Аргентинѣ покупается дорогой цѣной, и за каждую выгоду приходится мириться съ нѣсколькими невыгодами, за изобиліе въ одномъ приходится платиться многими тяжелыми лишеніями.

Въ настоящее время приливъ эмигрантовъ-евреевъ свелся на ноль. Аргентина жестоко обманула всѣ расчеты и безжалостно насмѣялась надъ всѣми надеждами.

III.

Провинція Энтреріосъ.—Земли барона Гирша.—Колоніи-деревни.—Колоніи-группы.—Хозяйство колонистовъ.—Рабочія руки.—Дѣти-труженники.—Школы и учителя.—Штюце, или субсидія.—Альмасены.

Провинція Энтреріосъ лежитъ между 30,7 и 34 градусами южной широты и между 57° 45' и 60° 40' западной долготы по Гринвичскому меридіану.

Расположенная между исполинскими рѣками Параной и Уругвайемъ, эта аргентинская Месопотамія (Энтреріосъ значитъ между рѣчье), орошаемая множествомъ рѣкъ, богатая черноземомъ, защищенная съ сѣвера, съ его тропическими жарами и вѣтрами, дремучими лѣсами Монтиело, дѣйствительно, представляется одной изъ самыхъ удобныхъ для земледѣлія и въ далекомъ будущемъ обѣщаетъ стать житницей для Аргентины.

Занимая площадь въ 551.480 квадратныхъ километровъ, Энтреріосъ имѣетъ только 302.000 жителей, считая въ томъ числѣ и 70.000 иностранцевъ.

Провинція дѣлится на 102 административныхъ участка, въ которые входятъ 29 городовъ, городковъ и мѣстечекъ и 933 мелкихъ поселка. Все остальное пространство представляетъ однообразную степную равнину, по которой бродитъ дикій и мансый (укрощенный, ручной, отъ испанскаго слова manso), какъ говорятъ здѣшніе евреи, скотъ.

По рѣкамъ Парана и Уругвай существуетъ правильное пароходное сообщеніе, которое вмѣстѣ съ желѣзными дорогами даетъ

возможность Энтреріосу находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Буэносъ-Айресомъ и сосѣдними провинціями.

Главный городъ провинціи Парана, съ портомъ и таможей, находится въ 493 километрахъ отъ Буэносъ-Айреса и въ 12-ти отъ города Санта-Фе, откуда желѣзная дорога проведена въ столицу, куда поѣздъ, если ѣхать на Розаріо, идетъ пятнадцать часовъ.

Климатъ этой провинціи, удаленной отъ моря и сѣвернымъ краемъ своимъ граничащей съ югомъ провинціи Корріентесъ, гдѣ уже сказывается близость экватора, имѣетъ характеръ континентальный.

Но о немъ лучше всего могутъ дать понятіе цифры:

Средняя температура года	+18° 45
Средняя температура лѣта	+35° 5
Средняя температура зимы	— 1° 9
Атмосферическое давленіе	755, 25
Количество осадковъ	76, 2

Минеральныхъ богатствъ пока въ этой провинціи не найдено, да врядъ ли они и есть. Но здѣсь есть все, что обезпечиваетъ ея процвѣтаніе въ будущемъ.

Уже въ настоящее время мы находимъ въ Энтреріосѣ много промышленныхъ заведеній. Торговля скотомъ, живымъ, въ гуртахъ, и битымъ, и теперь ведется на широкихъ началахъ; сотни тысячъ кожъ сушеныхъ и соленыхъ ежегодно отправляются за границу; туда же или внутрь страны везутъ шерсть, рогъ, конскій волосъ, мясные консервы и проч. продукты. Кромѣ фабрикъ и заводовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ скотоводству, которое занимаетъ первое мѣсто, здѣсь основываются и развиваются и другія промышленныя предпріятія.

Изъ сказаннаго можно заключить, что мѣсто для еврейской колонизаціи выбрано очень удачно, тѣмъ болѣе, что барономъ Гиршемъ куплены лучшія земли въ Энтреріосѣ какъ по ихъ качеству, такъ и потому, что онѣ находятся вблизи линіи желѣзной дороги Уругвай-Вилагвай, и всѣ колоніи расположены недалеко отъ станцій. Въ настоящее время колоніи владѣютъ 150.000 гектаровъ земли, и постоянно прикупаются все новые и новые участки.

Всѣ условія еврейской колонизаціи таковы, что на первый взглядъ кажется несомнѣннымъ, что колоніямъ обезпечены успѣхъ и процвѣтаніе.

Но на практикѣ видимъ другое.

Первыя еврейскія колоніи, встрѣчающіяся по желѣзной дорогѣ изъ Уругвая въ Вилагвай, расположены у станціи Примеро-де-Майо. Это колоніи-деревни Аккерманъ I и Аккерманъ II. У слѣдующей ст. Басо-биль-басо находятся еще двѣ подобныя же колоніи Новобугъ I и Новобугъ II.

Названіе ихъ указываетъ, изъ какихъ мѣстъ переселенцы.

Всѣ эти четыре колоніи очень напоминаютъ наши русскія деревни въ степной полосѣ.

По сторонамъ широкой улицы бѣлыя мазанки, кирпичныя хатки, подъ навѣсомъ около домовъ русскія телѣги, и тѣ же кудлатыя собаченки, у которыхъ хвостъ вѣеромъ, и одно ухо постоянно торчитъ вверхъ, а другое виситъ внизъ, а морда умильно и глупо улыбается, бросаются съ визгомъ и лаемъ подъ ноги лошадамъ. Попадаются люди, одѣтые въ рубахи и въ штаны, въ сапоги, и всюду слышится русская рѣчь, иногда очень хорошая рѣчь, безъ того непріятнаго и рѣзкаго акцента, который такъ коробитъ насъ въ Россіи.

Происходитъ это отъ того, что еврейская молодежь въ Аргентинѣ говоритъ между собою почти исключительно порусски. Жаргономъ она гнушается, а испанскій языкъ еще чуждъ ей. Но старики говорятъ почти исключительно на жаргонѣ и не знаютъ и испанскаго.

Пока ѣдешь въ колоніи, мѣстность до того однообразна и пустынна, что одинъ видъ деревни уже радуетъ взглядъ. Но когда приглядишься къ этимъ деревнямъ, съ ихъ бѣдными, маленькими домишками, поражаетъ убожество хозяйства, отсутствіе деревьевъ, унылая нагота, оскорбляющая взоръ, тщетно ищущій хоть чего нибудь похожаго на садикъ, на огородъ.

Отъ станціи Басо-билъ-басо до станціи Домингесъ, центра еврейской эмиграціи, два часа ѣзды по желѣзной дорогѣ. Поѣздъ движется медленно среди голой, печальной равнины. Только въ одномъ мѣстѣ, близъ станціи Уркиса, по кампѣ, какъ зовутъ здѣсь степь, рѣдко раскиданы некрасивыя, кривыя, съ бѣдной листвою деревья. Это парайсо. Растутъ они такъ рѣдко, что отъ дерева до дерева добрыхъ десять шаговъ. Но здѣсь это называется лѣсомъ.

На каждой станціи васъ заставляютъ стоять очень долго, столько, сколько погребется, чтобы разгрузить товарные вагоны. Но вотъ и Домингесъ. Обычная картина: среди голаго поля кусокъ черной, какъ уголь, и рыхлой, какъ жидкая каша, земли. На немъ убогое зданіе вокзала (эстасьонъ), станція,—сарайчикъ, сложенный изъ тонкаго, плохого и неровнаго кирпича въ однослойку, съ плоской кровлей и двумя дверями-окнами.

По платформѣ, вымощенной тоже кирпичемъ, на пространствѣ двухъ сажень, расхаживаетъ *vigilante de policia provincial*, то-есть блюститель порядка провинціальной полиціи, существо, съ черной, за небольшими исключеніями, рожей, въ красной баскѣ на головѣ, въ синихъ, необъятныхъ спускающихся до щиколотки бамбачахъ—шаварахъ, въ прямой, какъ у нашихъ бабъ, кофтѣ, въ неизмѣнныхъ альпартгахъ, бѣлыхъ парусинныхъ туфляхъ и съ саблей въ жестяныхъ ножнахъ на боку.

Отъ станціи необыкновенной ширины скверная немощеная дорога ведетъ въ колоніи, до которыхъ добрыхъ 10 верстъ. Направо, налево, впереди, сзади, все та же голая, мертвая степь, отдѣленная отъ дороги алаамброй (проволокой).

Находящаяся здѣсь колонія - деревни носятъ общее названіе «Клара».

Этихъ деревень немало.

Три изъ нихъ: Зоненфельдъ, Файнбергъ и Бѣльцы, съ населеніемъ по пятидесяти семействъ, заняты семьями, присланными пестербургскимъ комитетомъ съ извѣстнымъ выборомъ. Почти у всѣхъ были средства, и на мѣстѣ они получили земледѣльческія орудія и нашли уже кирпичные дома. Но живутъ бѣдно, и у большинства недовольный, удрученный видъ. Затѣмъ идутъ:

«Рахиль»	25 семействъ.
«Рошпино»	8 »
«Кармела»	23 »
«Баронъ Гиршъ»	16 »
«Ида»	12 »
«Мигуэль»	14 »

Теперь и эти имѣютъ каменные дома, а раньше они жили въ мазанкахъ. Это были первые колонисты «Клары», охотники-пионеры, перевезенные сюда изъ Моизесвиля.

Всѣ эти деревни до того похожи одна на другую, что разнятся только количествомъ домовъ. А всѣ дома выстроены одинаково и до того ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, что на нихъ, наконецъ, становится противно смотрѣть. Но деревни все-таки куда веселѣе группъ или, какъ ихъ здѣсь называютъ, разбросанныхъ—desparcadas (деспарамадосъ).

«Баронъ Гинсбургъ» имѣетъ населеніе въ 100 семействъ, въ трехъ группахъ. «Санъ Антонио» недавно приобретенъ. Здѣсь заселено только восемь группъ и занято только 28 домиковъ, тогда какъ всѣхъ домиковъ выстроено 300. «Памписты», выходцы изъ Константинополя, которыхъ помѣстили здѣсь, оказались плохими колонистами, и ббльшая часть ихъ покинула колоніи. «Перлиса» съ 25 семействами, «Бареросъ» съ 20 семействами (носитъ это названіе по имени помѣщика), «Ачиросъ» (растеніе) съ 22 семействами, «Ласмоскасъ» (комары) съ 18 семействами населены послѣдними прибывшими въ Аргентину. Они находятся въ колоніяхъ только два года. Это преимущественно литовцы изъ Гродненской губ., гдѣ они жили бѣдно и привыкли мириться съ нуждой. Притомъ они нашли все готовое, попали въ мѣстность населенную, и населенную своими. Они довольнѣе другихъ и пока могутъ считаться самыми надежными изъ колонистовъ.

Всѣ хозяйственныя постройки въ колоніяхъ сдѣланы на счетъ адми-

нистраціи, по выработанному ею плану. Точно также весь хозяйственный инвентарь, живой и мертвый, составляет собственность администраціи и только выдается для пользованія колонистамъ.

Каждый колонистъ получаетъ отъ администраціи:

12 воловъ,

2 коровы,

2 жеребца,

7 кобылъ,

1 телѣгу,

2 желѣзныхъ плуга (одинъ ручной),

4 плужныхъ цѣпи,

2 деревянныхъ бороны съ желѣзными зубьями,

6 ярмъ съ ремянными кожундами,

2 лопаты желѣзныя,

1 топоръ,

1 пилку ручную,

2 ведра,

а также лѣсъ и доски, необходимые въ хозяйствѣ. Кромѣ того, на участокъ въ 100 гектаровъ дается жатвенная машина и вѣялка.

Потреро, то-есть пастбище, устраивается общественное, со своимъ или наемнымъ пастухомъ. Администрація завѣдуетъ также дорогами, мостами, заводитъ и поддерживаетъ школы, пока на свой счетъ, но съ раскладкой долга на колонистовъ.

Населеніе перечисленныхъ нами колоній равняется 5.000 душъ. Рабочія силы ихъ считаются въ 2.000 душъ, въ возрастѣ отъ 14-ти до 50-ти лѣтъ. Не надо забывать, что еврей, попавшій въ Аргентину уже въ зрѣломъ возрастѣ, только съ трудомъ и неохотно занимается земледѣліемъ, которому ему надо еще учиться. Если къ тому же мы примемъ во вниманіе, что рабочихъ рукъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы это понимаемъ, въ Аргентинѣ нѣтъ какъ потому, что мало людей, такъ и потому, что гаучо, или *hijo del pais*—сынъ страны, какъ онъ себя величаетъ, ненавидитъ трудъ и не идетъ работать,—то тогда становится очевиднымъ, что вся тяжесть труда падаетъ на молодежь.

Но труда не мало, а молодыхъ людей не такъ уже много, и на помощь являются дѣти.

Дѣти въ Аргентинѣ—настоящіе труженики. Они несутъ постоянный и тяжелый трудъ. Не только восьмилѣтній ребенокъ въ еврейской семьѣ считается работникомъ, но уже въ четыре года, въ пять лѣтъ дѣти трудятся. Пятилѣтняя дѣвочка и покачаетъ маленькаго братишку, и присмотритъ за самоваромъ, и нальетъ воды птицамъ и соберетъ на столъ, и сбѣгаетъ съ завтракомъ къ отцу и братьямъ, въ поле. Въ восемь лѣтъ мальчикъ справляется съ такими работами, какъ перепашка, уборка маиса, присмотръ за скотомъ. Кончились работы въ полѣ, они идутъ въ школу. Школу можно встрѣ-

тить въ каждой еврейской деревнѣ. Изъ нихъ 14 благоустроены, и каждая изъ нихъ имѣетъ учителя. Кромѣ того, есть инспекторъ надъ всѣми школами.

Въ каждой такой школѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и синагога. Пока всѣ затраты дѣлаетъ администрація. Только учителямъ древне-еврейскаго языка (меламедамъ) колонисты платятъ сами. Остальные учителя получаютъ жалованье отъ администраціи. Знающіе испанскій языкъ получаютъ 75 песо, а незнающіе — 45 песо. Большинство этихъ учителей—интеллигентные колонисты. Такихъ процентовъ десять среди евреевъ. Нѣкоторые занимаютъ мѣста въ администраціи.

Школа, въ большинствѣ случаевъ, представляетъ изъ себя снаружи точно такъ же кирпичный домикъ, какъ и всѣ остальные. Внутри сарай иногда перегороженъ на двое, для старшаго и младшаго отдѣленія, а иногда безъ перегородки. Полъ земляной, крыша изъ пахи (соломы). Дѣти сидятъ за партами, мальчики и дѣвочки вмѣстѣ.

Даже въ младшемъ отдѣленіи всѣ они хорошо читаютъ по-испански, на это обращаютъ особенное вниманіе. Кромѣ того, ихъ учатъ нѣмецкому языку, ариѳметикѣ, началамъ географіи. Дѣвочкамъ преподають рукодѣлья.

Дѣти любятъ школу и посѣщаютъ ее охотно. Самые занятія сравнительно съ обычнымъ трудомъ не обременительны, а классы пѣнія и географіи являются пріятнымъ развлеченіемъ. Но чтобы посѣщать школу, ребенку колонисту приходится затрачивать очень много силъ. Разстоянія здѣсь громадныя. 6—8 километровъ до школы—это очень близко. Есть школы, которыя находятся въ 12—15 километрахъ. Если погода хорошая, то это еще ничего. Но если распутица, а здѣсь стоитъ пойти дождю, чтобы дороги превратились въ жидкую, черную кашу, то можно себѣ представить, какъ должны уставать дѣти, являющіяся въ школу по такой дорогѣ, даже если они не идутъ пѣшкомъ, а пріѣзжаютъ на лошади, на которой обыкновенно ихъ сидитъ двое, трое, а то и четверо.

Въ школѣ можно ночевать, но не говоря о томъ, что удобствъ никакихъ тамъ для ночлега нѣтъ, ребенокъ все-таки терпитъ еще отъ того, что лишень ласки матери, не видитъ своихъ родныхъ, а, можетъ быть, ляжетъ голодный спать. Въ одну изъ такихъ школъ мнѣ пришлось заглянуть въ такую скверную погоду. Только четыре дѣвочки, жившія близко, отважились явиться на уроки. Ихъ посадили на скамейку, заставили показать тетрадки, въ которыхъ онѣ писали по-испански и по-староеврейски. Двумъ учитель задалъ задачу, а одну вызвалъ къ классной доскѣ, продиктовалъ ей нѣсколько испанскихъ фразъ и велѣлъ перевести.

Дѣвочки были очень смущены и отвѣчали робко, но толково и, очевидно, понимая, что говорятъ. Послѣ этого маленькаго экзамена, учитель показалъ намъ кое-какія школьныя пособія, между про-

чимъ, сказали, что ужъ два года занимается въ этой школѣ, что дѣти очень способны, учатся съ большой охотой и за это время далеко подвинулись. Разговорившись, онъ разсказалъ, что уѣзжаетъ на югъ Франціи, гдѣ его ожидаетъ невѣста. Онъ взялъ отпускъ отъ администраціи на шесть мѣсяцевъ, такъ какъ теперь начинаются полевые работы, и дѣти будутъ заняты, а, женившись, онъ пріѣдетъ назадъ и привезетъ съ собою молодую жену.

Глядя на холодное, голое зданіе школы, на раскинувшуюся кругомъ пустыню и на невылазную грязь, среди которой тонулъ одинокій, точно упавшій сюда съ луны, неудобный кирпичный сарай, невольно думалось, что много потребуетъ любви и самопожертвованія у молодой жены учителя, чтобы влачить здѣсь печальное, полное лишеній существованіе. Не на чемъ остановиться взору, не съ кѣмъ сказать слова.

Кажется, и у самого учителя мелькнула та же мысль, и онъ высказалъ надежду, что его молодая жена полюбитъ деревню и сумѣетъ устроить и свою, и его жизнь.

Но главный расходъ администраціи составляютъ не школы и не постройка и ремонтъ и т. п. необходимыя затраты, а субсидія или, по выраженію евреевъ, штюце. Каждая колонистская семья пользуется субсидіей—пособіемъ. Каждый взрослый членъ семьи получаетъ ежемѣсячно восемь песо, считая отъ 10-ти-лѣтняго возраста; отъ 2-хъ до 10-ти лѣтъ—4 песо (песо—75 коп.), чета—25 песо.

Въ настоящее время евреи цѣликомъ зависятъ отъ администраціи. Нѣтъ ни одного еврея, который бы былъ долженъ менѣе 10.000, а есть и такіе, задолженность которыхъ администраціи доходитъ до 30.000 песо.

Чтобы поддержать въ нихъ мужество, имъ недавно простили четверть долга. Но долгъ этотъ все растетъ и общается рости. Колонистъ еврей съ перваго момента дѣлается должникомъ администраціи. Уже за переѣздъ каждый изъ нихъ долженъ отъ 700 до 1.500 песо. Пока съ нихъ не взыскиваютъ, да и взыскать нечего.

Не будь субсидіи, еврей колонистъ обреченъ на голодную смерть. Если даже предположить въ будущемъ богатый урожай, то и тогда немного изъ этого урожая останется въ его пользу. Нѣтъ колониста, который былъ бы бѣднѣе еврея. Будь это испанецъ, итальянецъ, французъ, англичанинъ, онъ можетъ сѣсть безъ копейки на землю, но за то онъ никому и не долженъ. Что бы онъ ни посѣялъ, что бы ни посадилъ,—все его.

Еврей совѣтъ въ другомъ положеніи. У него — все чужое, и онъ самъ—чужой. Онъ не можетъ себя чувствовать хозяиномъ ни этого дома, выстроеннаго не такъ, какъ онъ бы его построилъ для себя, ни этого участка земли, который ему не принадлежитъ и, можетъ быть, никогда принадлежать не будетъ, ни этихъ орудій, ни этого скота, выданныхъ ему администраціей, которая всегда можетъ

ихъ отобрать. Онъ здѣсь не хозяинъ, а разъ онъ не хозяинъ, самый могучій, самый главный стимуль дѣятельности, энергія труда отсутствуетъ.

Поэтому еврейская колонизація носитъ характеръ искусственности, дѣланности и поддерживается только милліонами Гирша.

Не будь контракта, не будь долга и связанныхъ съ нимъ обязательствъ, евреи давно бы побросали колоніи. Съ 1893 года они ничего не могли собрать со вспаханныхъ и засѣянныхъ ими полей, и не будь субсидіи, умерли бы съ голоду.

Да и съ субсидіей они живутъ впроголодь. Представьте себѣ семью, въ которой трое взрослыхъ, четверо старше четырехлѣтняго возраста и трое моложе. Эта семья въ десять человѣкъ будетъ получать сорокъ песо въ мѣсяць. Сорокъ песо въ мѣсяць въ деревнѣ, какъ мы привыкли это понимать, дѣло хорошее. Но надо считаться съ мѣстными условіями.

Мѣшка муки такой семьѣ не хватитъ, а онъ стоитъ 18 песо. Своихъ овощей нѣтъ, плодовъ нѣтъ. Всѣ продукты, какъ сахаръ, соль, чай, вино, печеный хлѣбъ очень дороги. Мясо, правда дешево, но за то и плохо. А одежда? бѣлье? Но это роскошь, о которой колонисты не мечтаютъ. Они и сейчасъ ходятъ въ томъ, въ чемъ пріѣхали въ Аргентину. Тѣмъ не менѣе, мы видимъ въ колоніяхъ населеніе въ 5.000 душъ. Отчасти ихъ поддерживаетъ надежда, что въ слѣдующемъ году лангосты не будетъ, а съ другой стороны имъ мѣшаютъ уйти недостатокъ характера и рѣшимости, страхъ разорвать съ обществомъ, и, наконецъ, не изъ послѣднихъ стимуловъ надо признать отвычку отъ самостоятельности. Конечно, субсидія, выдаваемая еврейской администраціей, — благодѣяніе, но что это благодѣяніе развращаетъ и деморализуетъ благодѣтельствуемыхъ, убиваетъ въ нихъ личную энергію и пріучаетъ ихъ рассчитывать не на свои силы, а на могущественную поддержку общества, съ этимъ врядъ ли можно не согласиться.

Такъ какъ еврей, выбывшій изъ колонистовъ, исключается изъ ихъ числа навсегда и обратно ни въ какомъ случаѣ не принимается, то и это пугаетъ нѣкоторыхъ, и у нихъ не хватаетъ духу объявить войну обществу. И все-таки больше половины ушло. Кто занялся торговлей въ Буэносъ-Айресѣ, другіе устроились въ провинціальныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Нѣкоторые тутъ же на желѣзной дорогѣ, на самой станціи, завели альмасены, мелочныя лавки. Почти всѣ они устроились хорошо, особенно послѣдніе. Альмасенъ колонисту необходимъ. Все, что ему нужно, онъ здѣсь найдетъ и за все заплатитъ втридорога.

Администрація барона Гирша не разъ подумывала о томъ, какъ бы избавить колониста отъ эксплуатаціи альмасенера, но до сихъ поръ не пришла ни къ какому прагматическому рѣшенію этого вопроса, для еврея колониста составляющаго вопросъ первой важности.

Одно время предполагалось устроить потребительскую лавку, которая находилась бы въ вѣдѣніи особо избраннаго комитета изъ числа колонистовъ.

Но собрать необходимые взносы съ нищихъ евреевъ нечего было и рассчитывать, тѣмъ болѣе, что они отнеслись къ этой затѣѣ съ большимъ недовѣріемъ.

Устроить же лавку отъ администраціи показалось слишкомъ щекотливымъ. Колонисты враждебно относятся къ администраціи и недовѣрчиво принимаютъ каждое ея нововведеніе.

— Можно съ увѣренностью сказать,—говорилъ мнѣ по этому поводу одинъ изъ администраторовъ,—что устрой мы имъ лавку, большинство, несмотря на самыя умѣренныя цѣны и превосходное качество товара, предпочло бы лучше имѣть дѣло съ кулакомъ—альмасенеромъ, чѣмъ съ нами.

И это вѣрно.

Колонисты почти безъ исключенія смотрятъ на администраторовъ, какъ на враговъ и на ближайшую причину своихъ несчастій.

— Наши директора—пауки, а мы—мухи,—съ тонкой улыбкой говорилъ мнѣ одинъ колонистъ.—Всѣ они богатыли на нашъ счетъ и, напившись нашей крови, уѣзжали въ Европу. А мы становимся все бѣднѣе да бѣднѣе.

IV.

Мизерія.—Гаучо.—Какъ живетъ еврейскіе въ колоніяхъ.—Отцы—горожане и дѣти земледѣльцы.—Отношеніе тѣхъ и другихъ къ Россіи.—Косеча и лангоста.

Мы уже говорили, что 1893 годъ былъ послѣдній урожайный годъ въ Аргентинѣ. Съ тѣхъ поръ земледѣльцы не сняли ни одной косечи (cosescha—жатва, урожай).

Въ настоящее время Аргентина переживаетъ кризисъ. Въ Аргентинѣ, по выраженію итальянцевъ и испанцевъ, мизерія.

Пароходы, прежде подвозившіе въ Буэносъ-Айресъ и Лаплату многочисленными партіями эмигрантовъ всѣхъ національностей и уходившіе въ Европу налегкѣ, теперь привозятъ ихъ едва въ половинномъ количествѣ, а отходятъ переполненные пассажирами, возвращающимися на родину.

Особенно много уѣзжаетъ итальянцевъ и испанцевъ, преимущественно бѣдняковъ, не имѣющихъ возможности выжидать и не желающихъ на чужбинѣ мириться съ знакомой имъ нуждой, отъ которой они бѣжали за море.

Эмиграція пріостановилась, а съ ней пріостановился и приливъ капиталовъ.

Кромѣ хлѣба и скота, Аргентина не имѣетъ продуктовъ для рынка. Земли ея раздѣлены между богатыми и не приносятъ ничего или приносятъ мало.

Гаучо, жившій въ кампѣ господиношъ, теперь всюду натывается на ненавистную ему аламбру (провода). Скотъ въ полѣ—весь чужой, перемѣченъ клеймами, разобранъ по рукамъ, и гаучо говорить, что онъ не смѣетъ охотиться за нимъ. Тогда какъ прежде онъ набрасывалъ свои боласъ—лассо, съ тремя круглыми камнями на любого вола, закалывалъ его ножомъ, вырѣзывалъ кусокъ мякоти, жарилъ свою осадку (тонкіе куски жаренаго на угляхъ мяса) и, поужинавъ, ѣхалъ дальше. Гдѣ угодно, могъ онъ поставить свое ранчо (шалашъ, хижину), лежать и сосать мате (парагвайскій чай). Теперь онъ въ кампѣ не хозяинъ, а гость. Всюду аламбра, всюду ненавистный экстражего (иностранецъ). Голодный, холодный, озлобленный, не имѣя коня, — какое униженіе для гаучо, — уныло бродитъ онъ по кампѣ и рѣшается, наконецъ, идти въ пеоны (поденщики), нанимается къ эстансiero (помѣщику), ищетъ работы, онъ, презирающій всякій трудъ и считающій себя сеньоромъ.

Молодымъ евреямъ, особенно подросткамъ, которые уже акклиматизировались, освоились со страной, гаучо еще не такъ страшенъ. Они сами превращаются въ гаучо, по крайней мѣрѣ, своею внѣшностью, своей повадкой не отличаются отъ него. Но старики и зрѣлые люди боятся гаучо, какъ огня.

— Нѣтъ въ немъ человѣческихъ чувствъ, — рассказывалъ мнѣ одинъ еврей, котораго гаучо прокололъ сзади, бросивъ ему ножъ въ спину. — Жалости, раскаянія онъ не знаетъ. Зарѣзать человѣка ему нипочемъ.

Къ этому надо прибавить, что еврей угнетенъ своей бѣдностью, зависимою отъ администраціи, которая связываетъ ему руки и, заставляя его заниматься несвойственнымъ и, очевидно, невыгоднымъ трудомъ, лишаетъ его возможности нажить. Аргентина — страна наживы; всѣ заботятся только о наживѣ. Сюда пріѣзжаютъ только для того, чтобы нажить деньги, и не слишкомъ задумываются надъ способами. И будь это французъ, испанецъ, итальянецъ, грекъ, нѣмецъ, англичанинъ, у всѣхъ цѣль одна: затратить ничтожный капиталъ и выиграть на него состояніе. И еврей съ завистью видитъ, что многимъ это удается. А онъ прикрѣпленъ къ землѣ и нищій. А если взять во вниманіе удручающую обстановку, становится понятнымъ, что для еврея, особенно для русскаго, привыкшаго къ нашей нѣсколько распущенной, халатной и сравнительно изобильной жизни, — ужъ непремѣнно изобильной противъ Аргентины, гдѣ въ иномъ захолустѣ фунтъ сахару стоитъ пять рублей, — жизнь въ колоніяхъ невыносима. Такому еврею, съ его перинами, подушками, русскимъ самоваромъ и привычками, — хотя, можетъ быть, и ограниченными, но для Аргентины роскошными, — къ чаю, къ сахару, къ леденцамъ, къ варенью, къ селедкамъ, къ молочнымъ продуктамъ, въ родѣ сыра, масла, къ яйцамъ, здѣсь слишкомъ не по себѣ.

Масло здѣсь въ ходу только оливковое, какъ называютъ его

изъ деликатности. На самомъ дѣлѣ, это просто рициновое масло. Мѣстный сыръ сквернаго приготовления—рубль, полтора фунтъ. Варенье,—но о вареньѣ лучше не говорить. Конфеты,—но, во-первыхъ, за ними скачи сто верстъ, не доскачешь, а, во-вторыхъ, цѣна на нихъ страшно кусается, и эти дорогія конфеты хуже русскихъ дешевыхъ леденцовъ.

Наконецъ, между этими евреями очень много интеллигентныхъ. Есть семья, въ которыхъ старшій сынъ—бывшій студентъ, второй попалъ въ Америку изъ пятаго класса гимназіи. Есть еврейки колонистки, бывшія гимназистки. Встрѣчаются хозяева значительныхъ торговыхъ фирмъ, ужъ не говоримъ о тѣхъ, что были прежде портными, часовщиками, сапожниками и жили все-таки куда въ лучшихъ условіяхъ.

Къ климату они не могутъ привыкнуть. Зимой страдаютъ отъ холода, лѣтомъ отъ жары, отъ которой негдѣ укрыться, и которая пугаетъ ихъ больше холода, потому что случаи солнечнаго удара очень обыкновенны. Сильныя грозы, съ страшными раскатами и непрерывными, освѣщающими полнеба молніями, съ непривычки производятъ потрясающее впечатлѣніе. Докторъ еврейскихъ колоній говорилъ мнѣ, что нерѣдко среди евреевъ, особенно среди женщинъ, наблюдаются во время грозы припадки столбняка и истерики. Эти же припадки и временное помѣшательство являются вслѣдствіе тоски по родинѣ.

А сколько убито евреевъ и ранено гаучо? Сколько погибло отъ дикихъ лошадей и воловъ?

Даже люди, хорошо устроившіеся, совсѣмъ обезпеченные, служащіе въ администраціи, получающіе хорошіе оклады, и тѣ тоскуютъ, и тѣ мечтаютъ о томъ, чтобы скопить капиталецъ и уѣхать.

Въ домѣ одного богатаго эстансьеро мнѣ пришлось познакомиться съ гувернанткой-еврейкой изъ колонистокъ. Она кончила въ Россіи гимназію, была на курсахъ въ Женевѣ, и когда ея родители уѣхали въ Аргентину, она поѣхала за ними, не кончивъ своихъ курсовъ.

«Я ѣхала сюда, — рассказывала она мнѣ: — полная надеждъ и силъ. Мнѣ казалось, что кончатъ мое образованіе не нужно, что это возьметъ много времени, а тамъ, куда меня зовутъ, интеллигентные люди нужнѣе, чѣмъ гдѣ либо.

«Я рисовала себѣ жизнь на лонѣ природы, русскую деревню, какія бываетъ въ Малороссіи,— мы изъ Екатеринославля,—бѣлыя мазанки, тополя, кусты черепенъ, яблони, усыпанныя бѣлыми цвѣтами, цвѣтуція степи, просторъ и свободу.

«Я мечтала, какъ заведу въ такой деревнѣ школу, окружу себя дѣтьми и буду работать для нихъ. Но все это и осталось мечтами. Ничего не дала мнѣ дѣйствительность изъ того, что создала моя фантазія. Дикая, печальная природа поразила меня съ первыхъ

шаговъ. Сердце мое сжалось, когда предо мною встали еврейскіе дома, тогда еще просто сложенные изъ земли и глины жалкія лачуги, около которыхъ, какъ и теперь, не видно было ни одного деревца, ни одного кустика.

«Но что почувствовала я, когда переступила порогъ такой лачуги!

«Меня встрѣтили отецъ, сгорбленный, не похожій на себя, полуслѣпой, мать, съ глазами, полными слезъ, съ лицомъ, котораго никогда не забуду, братья, оборванные, грубые, настоящіе мужики, сестры, еще маленькія, еле прикрытыя лохмотьями и дикія.

«На другой же день пришлось приняться за тяжелый, отвратительный для меня, трудъ. Была пятница. У насъ, евреевъ, въ этотъ день принято убираться въ домъ. Все моютъ, чистятъ, приводятъ въ порядокъ. И въ нашей лачугѣ принялись за уборку. Я увидала, что мать слаба и больна, сестры еще малы и плохія помощницы, у братьевъ своя работа, и какая тоже работа. Я принялась за дѣло. Я говорила себѣ, что надо быть мужественной и умѣть мириться съ обстоятельствами, что плохъ тотъ, кто на первыхъ порахъ бросаетъ все, при первомъ разочарованіи отказывается отъ цѣли.

«Не хотѣлось мнѣ также огорчать мать и остальныхъ родныхъ, не хотѣлось показать, какъ мнѣ не по себѣ среди этой обстановки. Наконецъ, вѣдь они-то жили же въ ней, выносили ее, а вѣдь я—то же, что они. И они привыкли къ лучшей жизни. Братья учились, старшій былъ студентомъ, дѣвочекъ одѣвали барышнями.

«Скрѣпя сердце, принялась я за работу. Полъ былъ земляной. Отъ времени онъ становился неровнымъ, негладкимъ, и вотъ чтобы поправить его, колонисты собирали конскій навозъ, мѣшали его съ землей и разбавляли водой. Когда эта замазка была готова, надо было мазать полъ; онъ, высыхалъ и становился гладкимъ; хорошъ трудъ для гимназистки-бѣлоручки!

«Но это было хоть не страшно и не опасно, а потомъ пришлось мнѣ познакомиться и съ лошадьми, почти всегда полудикими, съ волами, манситыми, какъ говорятъ у насъ, и тоже дикими, не привыкшими къ ярму.

«О школѣ, о моихъ затѣяхъ — нечего было и думать. Времени не было. Надо было мѣсить хлѣбы, варить обѣдъ, чинить лохмотья, въ рабочую пору работать въ полѣ, ломать маисъ, возить его на мельницу.

«Годъ прожила я со своими, наконецъ, не выдержала: захворала. Поправилась, но стала слаба. Вижу, что не могу такъ жить. Тоска взяла такая, что думала наложить на себя руки. Мать испугалась, стала меня просить бросить работу. Но жить съ ними и не работать было невысказано.

«На счастье, я попала сюда въ гувернантки. Я получаю 50 песо въ мѣсяцъ, кромѣ того, со мною живетъ маленькая сестра. Сегодня она уѣхала домой на праздникъ. Здѣсь мы не терпимъ ли-

шеній, не видимъ черной работы, но я чувствую, что жить такъ не могу. Я только и думаю о томъ, чтобы накопить денегъ и уѣхать въ Европу. Но накопить трудно. 25 песо я даю каждый мѣсяць роднымъ, на нихъ они нанимаютъ пеона, да приходится и на себя тратить. Но я уѣду, уѣду. Этой надеждой я только и живу. Посмотрите на меня, вѣдь я старуха, у меня сѣдые волосы, а между тѣмъ, мнѣ только 26 лѣтъ.

И дѣйствительно на видъ моей собесѣдницѣ было никакъ не менѣе 30.

Вообще, здѣсь, въ Аргентинѣ, сѣдѣютъ рано, и среди еврейскихъ дѣвушекъ колонистокъ многія имѣютъ сѣдые волосы.

Зато дѣти производятъ отрадное впечатлѣніе. Они здоровы, веселы, смѣлы и имѣютъ цвѣтущій видъ. Это и понятно: тревоги, заботы старшихъ имъ чужды, а климатъ и просторъ полей дѣйствуетъ на нихъ прекрасно. Подростки же лѣтъ 12, 13, 14-ти прямо изумляютъ. Они высоки, сильны, плечисты, обыкновенно несутъ очень тяжелый трудъ. Иногда на плечахъ такого парнишки вся семья: старикъ-отецъ, мать, двѣ-три сестры и младшіе братья. Смотришь—у него 50—60 десятинъ воздѣланной земли, и онъ не только не жалуется, а еще очень доволенъ.

И когда проѣзжаешь по еврейскимъ колоніямъ и видишь сотни зеленѣющихъ десятинъ и другія сотни черной, хорошо вспаханной, приготовленной къ посѣву земли, то невольно задаешь себѣ вопросъ: сколько нужно было потратить силъ, какой запасъ энергіи, желанія, надо было имѣть, чтобы совершить эту тяжелую работу почти безъ надежды на вознагражденіе? И тогда становится понятнымъ, что только молодость, съ ея неизсякаемой энергіей, съ ея непочатыми свѣжими силами, съ ея беззавѣтной вѣрой въ жизнь и въ радость жизни, съ ея кипучей жаждой дѣятельности, могла совершить этотъ гигантскій трудъ.

И все это—дѣло не зрѣлыхъ людей, а юношей, подростковъ и дѣтей, да, дѣтей, восьми-десятилѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

Это—колонисты, земледѣльцы. Они любятъ и эту землю, жирную, черную, плодородную и щедрую землю, и эту унылую, вѣчно-желтую безъ конца, безъ края, съ далеко-уходящимъ горизонтомъ степь, и дикій, непослушный, упрямый и некрасивый скотъ, который пастется въ ней, и это небо, и это солнце.

Грозы ихъ не пугаютъ, къ лишеніямъ они привыкли и равнодушно внимаютъ старикамъ-родителямъ, слезливо жалующимся на отсутствіе гешефта и барыша и зовущимъ ихъ въ города, рисуя имъ соблазнительную картину бойкаго, дающаго хорошій пурцентъ, хандлунга.

Не понятны имъ также сѣтованія стариковъ на то, что они не могутъ вернуться въ Россію, и сожалѣнія о ней. Тѣ изъ нихъ, что покинули Россію уже юношами, не жалѣютъ о ней и предпочи-

таютъ свободную и независимую Аргентину, а про подростковъ и дѣтей и говорить нечего. Они давно забыли и думать о Россіи, испански они говорятъ свободно и считаютъ этотъ языкъ своимъ, и нравы, и обычаи страны имъ не кажутся дики. Но старики скукаютъ, грустятъ и не могутъ равнодушно говорить о Россіи. Ко всякому русскому, прибывшему изъ Россіи или заброшенному въ Аргентину и живущему тамъ, евреи относятся хорошо, больше, чѣмъ хорошо, братски, и готовы подѣлиться съ нимъ всѣмъ, чѣмъ могутъ. Еврей охотно говоритъ о Россіи, и рѣдкій изъ евреевъ не отзывается о ней, какъ о милой и родной отчизнѣ.

Въ еврейской избѣ вы встрѣтите и русскія книги, и портреты русскихъ великихъ людей. Самыя ихъ отрадныя воспоминанія—о Россіи. Ихъ лучшіе годы, драгоцѣнные каждому человѣку, дѣтство и юность протекли тамъ. А сколько пріѣхало сюда дряхлыхъ стариковъ, которые не могутъ привыкнуть къ новой странѣ и тоскуютъ!

Еслибъ они еще видѣли, что трудъ ихъ дѣтей окупается, и что земля вознаграждаетъ ихъ, они бы еще могли помириться съ земледѣліемъ, съ этимъ нелюбимымъ и чуждымъ имъ занятіемъ.

Но и этого нѣтъ. Вотъ уже пять лѣтъ ждутъ евреи «косечи» (урожай) и пять лѣтъ не имѣютъ ничего. Каждый годъ вспахивается и засѣвается земля, каждый годъ зеленѣютъ всходы, и каждый годъ прилетаетъ лангоста (саранча) и съѣдаетъ все дочиста.

Косеча и лангоста—вотъ два слова, которыя не сходятъ съ языка еврея-колониста.

О чемъ бы вы съ нимъ ни заговорили, въ концѣ концовъ вы договоритесь до одного: нѣтъ косечи, потому что есть лангоста.

Земля все родитъ прекрасно, сѣмя, брошенное въ нее, возвращается сторицею, но все уничтожаетъ лангоста. И вотъ почему такое унылое, такое безотрадное впечатлѣніе производятъ еврейскія колоніи.

Еще тамъ, гдѣ дома скучены, на подобіе русской деревни, они выглядятъ не такъ грустно, но въ группахъ, въ *desparramados*, гдѣ четыре домика, обращенные въ одну сторону,—въ подвѣтряную, чтобы не сорвало крышъ,—стоятъ по краямъ грязно-черной дороги среди неприглядной, голой, необозримой равнины,—и не смотрѣлъ бы на нихъ! Кругомъ ничего: ни двора, ни навѣса, ни клѣти, ни огорода, ни какого растенія.

Встрѣтишь такую группу, протащившись верстъ двѣнадцать по ужасной, избитой, пустынной и затерявшейся въ степи дорогѣ, но мелькнутъ четыре кирпичныхъ сарайчика-дома, построенные, какъ не строятъ у насъ и конюшенъ, и опять потянется скучная дорога до новой, такой же безотрадной, затерянной въ глуши группы.

Самая степь здѣсь не похожа на нашу степь. Нѣтъ ни высокой по грядъ, волнующейся, какъ море, зеленой травы, ни разнообразныхъ

и разноцвѣтныхъ, тонко благоухающихъ цвѣтовъ. Жесткая, колючая, желтая лѣтомъ отъ зноя, зимой отъ холода, невысокая, некрасивая трава, похожая на ту низкорослую, растущую кучками осоку, что встрѣчается у насъ по мочевидамъ и низкимъ мѣстамъ, вблизи болотъ и лѣсныхъ, покрытыхъ зеленоватою плѣсенью и заросшихъ камышомъ и мхомъ прудовъ, разнообразится только репейникомъ и волчпомъ.

Ежегодно администрація выдаетъ деньги на посадку деревьевъ, и деревья принимаются и должны бы расти. Но колоніи и группы не утопаютъ въ зелени; вашего взора не ласкаютъ сады, рощи и огороды, и въ зной вы не найдете тѣни въ голой степи, гдѣ ни деревца, ни бѣдной тычинки.

Каждый годъ сажаются деревья и каждый годъ съѣдаетъ ихъ лангоста. Въ Энтреріосѣ двѣ лангосты. Во-первыхъ, своя черная, постоянная и сравнительно не очень серьезная неприятельница; кромѣ нея, есть еще красная лангоста, вотъ уже нѣсколько лѣтъ сподрядъ прилетающая изъ Чако. Это бичъ неотвратимый и ужасный.

Гостя черной тучей, затмевающей солнце, несется на поля. Эта страшная гостя—лангоста *voladora* (летучая). Но она еще не такъ страшна, она можетъ пролетѣть мимо, страшнѣе ея лангоста *saltona* (прыгающая), которая отроится отъ первой.

Выбравъ удобное мѣсто, мягкую, рыхлую почву, лангоста кладетъ въ нее яички, 80—100 штукъ. Изъ нихъ сначала выйдутъ личинки, червячки, а потомъ выростутъ у нихъ крылья. Въ шесть недѣль, необходимыхъ для того, чтобы изъ личинокъ вышла летучая лангоста, все будетъ уничтожено: не только хлѣбъ на поляхъ, овощи на огородахъ, молодые побѣги,—кора на большихъ деревьяхъ, платья, занавѣси на окнахъ, обивка на мебели. Спаситься отъ лангосты нѣтъ возможности. Средствъ нѣтъ, рукъ нѣтъ, чтобы бороться съ ея безчисленными полчищами. Въ провинціи Санта-Фе отпущено было въ прошломъ году $\frac{1}{2}$ милліона на борьбу съ лангостой. Между прочимъ, въ одномъ изъ департаментовъ вырыли канаву, въ два метра глубиною. Лангоста наполнила всю канаву, и слой ея надъ канавой достигъ полутора метровъ.

Но вотъ снялась лангоста и улетѣла. На мѣстѣ зеленѣющихъ полей голая, черная земля. Отъ молодыхъ деревьевъ не осталось и слѣда. Большія деревья засохли и погибли. Овощи уничтожены, домашнія вещи испорчены, паха (солома) на крышахъ и та съѣдена. Всѣ надежды, всѣ расчеты на урожай и на сопряженные съ ними радости безжалостно опрокинуты и разрушены. Въ нѣсколько часовъ колонистъ превращается въ нищаго.

У колониста еврея есть поддержка, о немъ заботится администрація. Она не дастъ ему умереть съ голода. Но колонистъ, не принадлежащій къ еврейской колонизаціи, осужденъ на голодную смерть. Надѣяться ему не на что, помощи ждать не отъ кого. Онъ соби-

раетъ свои жалкіе пожитки и пѣшкомъ съ семьей уходитъ съ насиженнаго мѣста, оставляя свой домъ и все, чего онъ не можетъ захватить.

Бывали и такіе случаи: выйдетъ колонистъ на поле, взглянетъ на черную землю, на обглоданныя деревья, постоитъ, подумаетъ, тихонько вернется за ружьемъ и застрѣлится.

Еврей-колонистъ знаетъ, что ему не дадутъ погибнуть. Но и у него глаза не глядѣли бы на эту политую его слезами и потомъ землю.

За послѣднее время даже самые ретивые молодые работники стали отчаиваться.

— Еще два такихъ года,—говорятъ они,—и надо будетъ уходить. Что же работать на лангосту?

Но къ лангостѣ мы еще вернемся.

V.

Вмѣшательство аргентинскаго правительства въ дѣло еврейской колонизаціи.—Контрактъ и внесенныя въ него поправки.—Лангоста или задолженность?—Почему непременно земледѣліе, а не скотоводство.

17-го іюля 1895 г. генеральный комиссаръ эмиграціоннаго департамента въ Буэносъ-Айресѣ, заинтересованный наплывомъ евреевъ-эмигрантовъ и желая вникнуть въ отношенія между ними и Обществомъ еврейской колонизаціи, издалъ распоряженіе, чтобы особо-образованная комиссія задерживала всѣхъ евреевъ, прибывающихъ на пароходахъ, и предлагала имъ слѣдующіе вопросы:

1) На какихъ условіяхъ Общество еврейской колонизаціи предложило имъ устроиться въ Аргентинѣ?

2) Что побудило ихъ покинуть родину?

3) Какой контрактъ или условіе заключили они съ Обществомъ, въ какомъ учрежденіи или при какомъ официальномъ лицѣ?

4) Заключая условіе, ясно ли сознавали всю важность принимаемыхъ на себя обязательствъ?

5) Занимались ли они на родинѣ тѣмъ дѣломъ, какимъ собираются заняться въ республикѣ; какова ихъ профессія; если были земледѣльцы, то что сѣяли; держали ли домашнихъ животныхъ и какихъ именно: лошадей, коровъ или овецъ; думаютъ ли они и здѣсь завести ту же отрасль и на чьи средства?

6) Имѣютъ ли контрактъ или копию его?

7) Приняли ли они на себя обязательство исполнять только ту работу, на которую ихъ опредѣлитъ Общество, или они свободны выбирать себѣ занятія и могутъ покупать и продавать, что имъ угодно?

8) Обѣщали ли имъ, въ случаѣ нежеланія ихъ оставаться въ колоніяхъ, доставить ихъ обратно на родину на счетъ Общества?

Начиная съ 1-го августа того же года, комиссія стала опрашивать по вышписанной программѣ евреевъ эмигрантовъ и составила рядъ протоколовъ этихъ опросовъ.

Для примѣра приведемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Русскій эмигрантъ Грабе Шмуль съ парохода «Манильця», представъ предъ комиссіей, на первый вопросъ отвѣтилъ, что агенты Блуменпедъ и Мулившицъ барона Гирша предложили ему перевести его въ Аргентинскую республику, гдѣ ему дадутъ семьдесятъ пять гектаровъ земли, и получили съ него пятьсотъ рублей, въ чемъ выдали ему росписку, которую онъ передалъ отцу своему въ Бессарабіи.

На второй вопросъ отвѣтилъ, что на родинѣ у него плохо шли дѣла.

На третій—что не заключалъ никакого контракта и поѣхалъ въ Аргентину съ цѣлью улучшить свое положеніе.

На пятый—что занимался всегда земледѣліемъ, сѣялъ овесъ, кукурузу, пшеницу, а также держалъ домашній скотъ. На чей счетъ ѣхалъ, не знаетъ.

На шестой—что не имѣетъ никакого письменнаго условія или копій съ него.

На седьмой—что онъ рассчитываетъ заниматься земледѣліемъ, но позволять ли ему продавать продукты, не знаетъ.

На восьмой—что онъ объ этомъ не спрашивалъ, а ему не говорили.

Допрашивается комиссіей русскій эмигрантъ Зухъ Мительманъ.

На вопросъ объ условіяхъ, на которыхъ еврейское колонизаціонное общество предложило ему приѣхать въ республику, отвѣтилъ, что одинъ изъ агентовъ еврейскаго общества, по имени Файноергъ въ бытность свою въ Бессарабіи, предложилъ ему перевести его въ Аргентинскую республику, на что онъ согласился и заплатилъ субъ-агенту Шлёмъ Лунтону 350 (триста пятьдесятъ рублей) за 75 гектаровъ земли, которые онъ долженъ получить въ колоніяхъ, гдѣ будетъ заниматься земледѣліемъ.

На вопросъ, есть ли у него документъ на уплаченныя имъ деньги, представилъ росписку на русскомъ языкѣ, слѣдующаго содержанія:

«Еврейское колонизаціонное общество,

«1895 года, 24-го апрѣля.

«Получено отъ Лудвига Мительмана и Марка Гамшвитца 350 рублей на путевые расходы двухъ семействъ и ихъ багажа.

«Агентъ: Шлюма Лунтонъ».

Спрошенный, почему покинулъ родину, отвѣтилъ, что русское правительство два года тому назадъ запретило евреямъ заниматься земледѣліемъ и не даетъ имъ земли. На вопросъ, обращался ли онъ

къ русскому правительству съ предложеніемъ купить землю, отвѣчалъ, что нѣтъ и не знаетъ, продали ли бы ему землю.

На третій вопросъ отвѣтилъ, что никакого контракта ни въ Россіи, ни здѣсь съ Обществомъ или его агентомъ не заключалъ, а что на словахъ ему обѣщали 75 гектаровъ земли, скотъ, земледѣльческія орудія, сѣмена, съ разсрочкой платежа на 13 лѣтъ. Купчую, сказали, выдадутъ въ колоніяхъ.

На четвертый отвѣтилъ, что никакихъ обязательствъ не принималъ.

На пятый отвѣтилъ, что земледѣліемъ никогда не занимался, скотъ не держалъ, на родинѣ былъ старьевщикомъ, здѣсь въ колоніяхъ намѣренъ заняться земледѣліемъ.

На вопросъ, обязался ли онъ заниматься тѣмъ трудомъ, какой укажетъ ему общество, или воленъ дѣлать, что угодно, и можетъ самостоятельно покупать и продавать, что найдетъ нужнымъ по своему усмотрѣнію, отвѣтилъ, что условился заниматься только земледѣліемъ, и не знаетъ, можетъ ли продавать продукты, такъ какъ долженъ окупить впродолженіе трехъ лѣтъ земледѣльческія орудія, взятыя у общества.

На послѣдній вопросъ отвѣтилъ, что о возвращеніи на счетъ общества въ Россію не было разговора.

Русскій эмигрантъ Грабе Авраамъ на допросѣ показалъ:

1) что агентъ докторъ Муничокъ предложилъ ему переѣхать въ Аргентинскую республику, чтобы работать на земляхъ барона Гирша, гдѣ ему дадутъ 75 гектаровъ земли. Онъ согласился на взносъ 500 (пятьсотъ рублей).

2) что слышалъ, что въ республикѣ многіе изъ его соотечественниковъ хорошо устроились.

3) что въ Россіи дѣла у него шли плохо, такъ какъ не даютъ заниматься, чѣмъ хочешь.

4) что контракта не заключалъ и удовольствовался словеснымъ обѣщаніемъ,

5) что не знаетъ, приобрѣтетъ ли въ колоніяхъ землю въ свою собственность,

6) что въ Россіи занимался земледѣліемъ, выдавая себя за христіанина, такъ-какъ иначе русское правительство не дозволило бы ему работать на землѣ, теперь же не знаетъ, на кого будетъ здѣсь работать на себя или на общество,

7) что не знаетъ также, имѣетъ ли право продавать продукты кому бы то ни было, кромѣ общества,

8) что о возвращеніи на родину не было и рѣчи.

Протоколы эти подписали:

Шефъ департамента торговли Анхель Каррионъ.

Судовой инспекторъ Х. Вильсонъ.

Присяжные переводчики: Энрике Сольти.

Отто фонъ-Дуйсбургъ.

Такихъ протоколовъ масса, и во всѣхъ допрашиваемые показывали приблизительно одно и то же съ незначительными вариациями.

Въ архивѣ эмиграціоннаго департамента находимъ и такой документъ:

«27 - го іюля 1895 года въ департаментъ явился русскій эмигрантъ, израэлитъ Израэль Грицпонъ, 24-хъ лѣтъ, родившійся въ Одессѣ, и показалъ, что, около года тому назадъ агентъ барона Гирша въ Одессѣ уговорилъ его ѣхать въ Аргентинскую республику.

«Грицпонъ объяснилъ ему, что онъ не земледѣлецъ, а электро-механикъ, на что агентъ возразилъ, что это не важно, и что онъ можетъ въ колоніяхъ Гирша заниматься своимъ ремесломъ. Поѣхалъ на счетъ еврейскаго Общества во второмъ классѣ и, восемь мѣсяцевъ тому назадъ, прибылъ на пароходѣ «Оріонъ» со своимъ компаньономъ и его семействомъ, женой и четырьмя дѣтьми.

«Компаньонъ его, тоже механикъ, по имени Вольфъ Янкелевичъ, завербованъ былъ тѣмъ же агентомъ. Изъ Лаплаты, гдѣ они высадились, ихъ немедленно отправили въ Басо-биль-басо на счетъ, какъ они полагали, Общества. Въ колоніи они явились къ администратору Рапопорту, который сказалъ имъ, что здѣсь не нужно механиковъ, но что онъ дастъ имъ землю, которую они могутъ обрабатывать. Компаньонъ отказался и ушелъ въ Санта-Фе, гдѣ поступилъ на желѣзную дорогу, а онъ Грицпонъ остался и получилъ небольшую чакру (участокъ). Рапопортъ далъ тотчасъ же знать объ этомъ еврейскому Обществу въ Буэнос-Айресъ.

«Прошло три недѣли. Рапопортъ получилъ приказъ отъ Общества не принимать Грицпона въ колонисты, такъ какъ онъ не семейный. Въ виду этого его лишили земли, и онъ три мѣсяца жилъ безъ работы въ одной семьѣ, которая дала ему пріютъ и кормила его.

«Тогда онъ отправился къ Рапопорту, прося помочь ему. Тотъ далъ ему тридцать песо подъ росписку и рекомендательное письмо къ директорамъ Общества въ Буэнос-Айресъ, совѣтуя ему искать тамъ занятіе.

«Директоровъ онъ не могъ добиться видѣть, но одинъ изъ служащихъ далъ ему рекомендательное письмо къ г. Оствальду, а тотъ рекомендовалъ его директору перваго газоваго общества, и его приняли на службу электромеханикомъ. Онъ проработалъ пять дней и принужденъ былъ уйти, по незнанію испанскаго языка, что удостоавѣрилъ выданнымъ ему тамъ свидѣтельствомъ.

«Теперь онъ живетъ въ улицѣ Вьямонта, 1600, у пріятеля Махмановича. Не имѣя возможности найти мѣсто или занятіе, обращается въ департаментъ съ просьбой дать ему работу.

«На вопросъ, заключилъ ли онъ съ агентомъ контрактъ въ Одессѣ, отвѣтилъ, что нѣтъ, и что ему сказали, что все уладится въ Буэнос-Айресѣ. И здѣсь точно также не было заключено никакого договора».

Рядъ такихъ жалобъ и протоколовъ показали, что въ еврейской колонизаціи далеко не все такъ хорошо, какъ кажется, и побудили эмиграціонный департаментъ обратиться къ еврейскому Обществу съ запросомъ, на какихъ условіяхъ доставляются въ Аргентину эмигранты-евреи, и существуетъ ли документъ, которымъ бы гарантировались права переселенцевъ и опредѣлялись ихъ обязательства по отношенію къ Обществу.

На это Общество отвѣтило, что до сихъ поръ документа не было, но въ настоящее время составленъ контрактъ, который оно называетъ «контрактомъ на обѣщанную продажу», и экземпляръ котораго при семъ прилагаеть.

Каковъ былъ этотъ контрактъ, видно изъ того, что Хуанъ Альсина, генеральный комиссаръ эмиграціоннаго департамента въ своемъ докладѣ отозвался о немъ, какъ о сводѣ стѣснительныхъ условій и тяжелыхъ обязательствъ, подъ бременемъ которыхъ изнываетъ колонистъ, сверхъ того постоянно рискующій потерять все, плоды долгихъ трудовъ, домъ, орудія, засѣянную имъ землю и т. д.

Департаментъ, оговорясь, что, хотя по конституціи частные договоры не подлежатъ критикѣ правительства, тѣмъ не менѣе приполъ къ заключенію, что въ данномъ случаѣ, въ виду важности эмиграціи и ея нормальнаго теченія для страны, а также въ виду безпомощности евреевъ-колонистовъ по отношенію къ Обществу еврейской колонизаціи, необходимо просить Общество внести въ контрактъ нѣкоторыя поправки и смягчить его, насколько возможно. При этомъ департаментъ подчеркнул заголовокъ контракта: «Контрактъ на обѣщанную продажу» — *Contracto de promesa de venta*.

Вотъ этотъ контрактъ, въ сокращенномъ и смягченномъ по настоянію аргентинскаго правительства видѣ.

Колонія . . . . . № . . .

Общество еврейской колонизаціи и колонистъ N положили:

1. Общество обѣщаетъ продать колонисту N слѣдующія недвижимости:

- а) участокъ земли въ . . . гектаровъ, стоимостью . . . гектаръ;
- б) домъ и усадьбу въ . . . гектаровъ, стоимостью . . . гектаръ.

Кромѣ того, Общество считаетъ за колонистомъ долгъ въ . . . за расходы на проѣздъ, доставку его на мѣсто, стройку и ремонтъ, покупку скота, земледѣльческихъ машинъ и орудій, предметовъ домашней обстановки, сѣмянъ и на выдачу ему и его семейству субсидіи.

Колонистъ обязуется заплатить Обществу за недвижимость всю означенную сумму сполна, съ $\frac{1}{100}$ изъ пяти годовыхъ, а также арендную плату за всѣ года въ количествѣ . . . , причемъ первый взносъ

долженъ быть произведенъ 1-го апрѣля 18... года, а послѣдній 1-го апрѣля 18... года.

2. Колонистъ обязуется, безъ расчетовъ на возмѣщеніе и безвозмездно, освободить участокъ, необходимый для проложенія улицъ, дорогъ и другихъ общественныхъ цѣлей, какъ по требованію правительства, такъ и по требованію Общества.

3. Въ случаѣ смерти колониста, наслѣдники его, подъ страхомъ уничтоженія настоящаго контракта, обязуются отнюдь не дѣлать недвижимости, пока не выполнены будутъ всѣ обязательства.

4. Пока колонистъ не очистилъ участокъ отъ долга, онъ обязуется заниматься исключительно земледѣліемъ и воздѣлывать его съ членами семьи или другими колонистами, отнюдь не позволяя, безъ письменнаго разрѣшенія администраціи, работать на немъ третьему лицу, за исключеніемъ времени жатвъ, когда онъ можетъ нанимать пеоновъ. Запрещается также заниматься торговлей, промыслами или имѣть заведеніе.

5. Пока колонистъ долженъ, урожаи есть обезпеченіе его долга, каковъ бы онъ ни былъ. Поэтому колонистъ обязуется свозить въ галпоны Общества часть продуктовъ. Общество отвѣчаетъ за количество принятыхъ имъ четвериковъ, но во всемъ остальномъ не беретъ на себя никакой отвѣтственности. Общество вольно продать этотъ запасъ, за счетъ и рискъ колониста, и деньги взять себѣ, если въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ колонистъ самъ не продастъ его.

6. Всѣ подати, налоги, существующія или имѣющія быть отъ правительства, колонистъ безъ исключенія принимаетъ на себя.

7. Настоящій контрактъ и все, что къ нему относится, не можетъ быть переданъ третьему лицу, а равно колонистъ не имѣетъ права, безъ письменнаго разрѣшенія администраціи, сдать землю въ аренду или поселить на ней постороннее лицо.

8) Въ случаѣ отказа колониста выполнять этотъ контрактъ или вносить, по требованію администраціи, арендную плату, Общество имѣетъ право вступить во владѣніе его участкомъ, а также постройками, посѣвами, насажденіями и тому подобнымъ безъ всякихъ возмѣщеній и вознагражденій.

9) Съ того момента, какъ колонистъ исполнилъ всѣ свои обязательства, Общество составляетъ перепись всей недвижимости и того, что въ ней заключается. До уплаты же единственнымъ хозяиномъ считается Общество, а колонистъ разсматривается только, какъ жилецъ.

10) Въ случаѣ недоразумѣній и неудовольствій, могущихъ возникнуть между колонистомъ и дирекціей въ Буэносъ-Айресѣ, условлено обращаться за разъясненіемъ къ лицу, живущему въ Буэносъ-Айресѣ и ежегодно назначаемому президентомъ «Еврейскаго всемірнаго союза» въ Парижѣ.

Подписали...

Добавочные параграфы.

- 1) Во время уборки, колонисты обязуются помогать другъ другу. Споры разрѣшаются назначенными Обществомъ администраторами.
- 2) Помимо сѣянiя хлѣба, колонистъ обязуется засѣять не менѣ гектара альфальфой (люцерна).
- 3) Ежегодно колонистъ обязанъ посадить 100 деревьевъ, по крайней мѣрѣ, на своей чакрѣ.
- 4) Деревья, срубленные колонистомъ на его участкѣ, должны быть замѣщены.
- 5) На второй годъ послѣ вступленiя въ силу настоящаго контракта, колонистъ обязанъ аламбрировать (огородить проволокой) свою чакру.
- 6) Каждый колонистъ обязуется дѣлать взносы на школы, бани, врачебную помощь и т. под., по раскладкѣ

Познакомившись съ этимъ контрактомъ, можно видѣть, что и въ смягченномъ видѣ, онъ своего рода перлъ, всѣмъ контрактамъ — контрактъ.

Какъ согласить этотъ контрактъ съ филантропiей?

Передъ нами 5.000 душъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, связанныхъ страшнымъ обязательствомъ, которое не только отнимаетъ у нихъ все, что они имѣютъ, но отнимаетъ у нихъ волю, заставляетъ ихъ жить жизнью рабовъ и преступниковъ, разрѣшаетъ имъ сѣять, жать, работать только то и только такъ, какъ прикажутъ, — 5.000 душъ, не имѣющихъ своего угла, потому что изъ этого угла ихъ всегда могутъ выгнать самымъ законнымъ образомъ, и въ неоплатномъ долгу у администраціи.

И еврей-колонистъ плачется на лангосту и ждетъ счастливой поры, когда ея не будетъ, чтобы, наконецъ, собрать косечу и... свезти её въ галпоны администраціи. Лангосты не будетъ, она можетъ не прилетѣть, но задолженность всегда тутъ, и избавиться отъ нея еврею-колонисту еще долго не удастся, да и удастся ли когда либо. И съ лангостой и безъ лангосты на шеѣ колониста-еврея петля, и эта петля, пожалуй, страшнѣе лангосты. Если вникнуть въ этотъ контрактъ, если принять въ соображеніе, какъ великъ долгъ cadaго колониста, и какъ страшно прогрессируетъ этотъ долгъ, то надо сознаться, что это своего рода «лангоста», которая можетъ съѣсть самую роскошную «косечу».

Все, что окружаетъ еврея, все, что онъ ѣстъ и пьетъ, видитъ кругомъ, все это долгъ. И когда подумаешь, какія громадныя суммы ежегодно расходуются на управленіе этими колоніями, на администрацію, невольно приходитъ на умъ странное сопоставленіе: зачѣмъ для столь несчастнаго, можно сказать, нищаго населенiя, какъ

еврей-колонистъ, нужна такая грандіозная, стоящая сотни тысячъ администрація?

Раньше дѣла вѣдалъ баронъ, теперь управляетъ совѣтъ, главная контора котораго находится въ Парижѣ, и администрація еврейскихъ колоній должна сноситься съ парижской дирекціей.

Мы не знаемъ, изъ кого состоитъ послѣдняя, получаетъ ли оклады, или нѣтъ. Но вотъ оффиціальныя данныя расходовъ по администраціи въ самой Аргентинѣ.

Администрація владѣетъ на одной изъ лучшихъ улицъ Буэносъ-Айреса, на Кальяо или Каджао, прекраснымъ домомъ, которымъ не побрезговаль бы любой изъ европейскихъ банковъ.

Главноуправляющіе Гиршъ и Казесъ

получаютъ	60.000	франковъ	ежегодно.
Три секретаря	12.000	»	»
На бухгалтерію	15.000	»	»
На бюро корреспонденцій	15.000	»	»
Главный бухгалтеръ, семь помощниковъ и кассиръ получаютъ	35.000	»	»
Мелкіе служащіе	5.000	»	»

Итого въ Буэносъ-Айресѣ расходуется 142.000 франковъ ежегодно.

Кромѣ того, въ Энтре-ріосъ, гдѣ находятся колоніи:

Главный управляющій получаетъ	20.000	франковъ	ежегодно.
Пять помощниковъ по 3.000 фр.	15.000	»	»
Канцелярія	12.000	»	»

Съ прежними . . . . . 189.000 франковъ ежегодно.

Кромѣ того, на ежемѣсячную субсидію колонистовъ, на доставку строительнаго матеріала, покупку скота, орудій, земли, возведеніе построекъ, рытье колодцевъ, посадку деревьевъ, ремонтъ и т. д. уходитъ ежемѣсячно до 85.000 франковъ, что въ годъ составляетъ капиталъ 1.020.000 франковъ. Вообще деньгами распоряжается администрація свободно.

— Насколько сдѣлаемъ команду, столько и получимъ, — выразился одинъ изъ служащихъ.

Все это прекрасно и, можетъ быть, доказываетъ, насколько еврейское колонизаціонное Общество заботится о своихъ единовѣрцахъ.

Но если оно такъ заботится, отчего эти заботы такъ мало отражаются на колоніяхъ? Евреи—колонисты съ негодованіемъ говорятъ о томъ, что ихъ администраторамъ живется слишкомъ хорошо, а имъ слишкомъ плохо. При такой огромной, такими щедрыми средствами оплачиваемой администраціи, не было бы слишкомъ смѣло рассчитывать и на лучшіе результаты.

Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлаетъ этой администраціи, получающей

такіе оклады, расходующей такія огромныя суммы, какъ не заботиться о нуждахъ евреевъ? И неужели положеніе колонистовъ евреевъ такъ безвыходно, что администрація не можетъ придумать ничего иного, чтобы облегчить и улучшить ихъ положеніе, какъ выдавать имъ жалкія нищенскія подачки, оставляя ихъ въ прежнихъ условіяхъ и не стараясь поставить ихъ въ инныя?

На такіе вопросы тотчасъ же отъ людей заинтересованныхъ вы услышите въ отвѣтъ, что Энтреріосъ неудачно выбранъ, тутъ де постоянно «лангоста», «бичемора», все, что поѣбешъ, — все пропадетъ и т. д. Людей мало, средствъ нѣтъ бороться, поневолѣ приходится бѣдствовать.

Это все такъ. Но если это такъ, то то же самое относилось бы и ко всеѣмъ колоніямъ, не къ однимъ еврейскимъ. Однако мы не видимъ этого.

Въ той же провинціи, Энтреріосъ, не одни только еврейскія колоніи, и лангоста поѣбщаетъ не одну только провинцію Энтреріосъ. Провинція Санта-Фе ежегодно подвергается нападениямъ лангосты, и однако въ этой провинціи масса колоній, — итальянскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и т. п., и все существуютъ безъ всякой поддержки, рассчитывая только на себя и на свои силы, затративъ обыкновенно самый ничтожный капиталъ на приобрѣтеніе земли. А рядомъ еврейскія колоніи, пользующіяся такой сильной поддержкой, поставленныя въ несравненно лучшія условія, погибають.

Является и другой вопросъ. Цѣлый рядъ неурожайныхъ годовъ, — т. е. урожайныхъ, но не для колониста, урожай весь сняла лангоста, — кажется, наглядно доказалъ, что земледѣліе здѣсь возможно только тогда, когда нѣтъ лангосты. Но лангоста прилетаетъ каждый годъ, слѣдовательно, бесполезно говорить о томъ, что въ Энтреріосѣ великолѣпная земля, что здѣсь все рождается сторицей, что лѣсъ вырастаетъ въ десять лѣтъ. Тутъ чѣмъ лучше, тѣмъ хуже. Лѣсовъ, выросшихъ въ десять лѣтъ, мы не видимъ. Болѣе безотраднѣе мѣстности, какъ въ еврейскихъ колоніяхъ, трудно себѣ представить. Это, говорятъ, отъ того, что поѣла лангоста, но что же это за хозяйство, цѣль котораго пахать и сѣять для того, чтобы кормить лангосту!

Очевидно, что надо избавиться отъ лангосты. На это, говорятъ, нѣтъ средствъ.

Тогда придумайте другіе способы вести хозяйство. Англичане давнымъ давно это поняли и рѣшительно не занимаются земледѣліемъ въ Аргентинѣ. Ихъ примѣру слѣдуютъ французы, итальянцы и испанцы. Правда, у англичанина вы увидите почти всегда около дома небольшую рощу, тѣнистый паркъ, садъ, усаженный цвѣтами и фруктовыми деревьями. Французъ ужъ непременно разведетъ у себя огородъ, предъ домомъ разобьетъ клумбы, но вотъ и все ихъ земледѣліе. А сотни тысячъ десятинъ земли у нихъ гуляютъ, и на

нихъ пасется скотъ, для котораго опять-таки тамъ и сямъ засѣяны небольшіе участки альфальфой (люцерна) или клеверомъ.

Они занимаются скотоводствомъ, которое въ этой странѣ даетъ не такой баснословный доходъ, какъ высчитываютъ сторонники земледѣлія, но за то ужъ самый вѣрный и безобманный. И садовъ ихъ не трогаетъ лангоста, потому что въ нихъ ей дѣлать нечего. Она не станетъ останавливаться на этихъ маленькихъ, ничтожныхъ пространствахъ, когда знаетъ, что въ другомъ мѣстѣ она можетъ найти тысячи десятинъ, спеціально для нея приготовленныхъ.

Но, говорятъ, для скотоводства нужно гораздо больше земли. Какъ мы видимъ, земли и сейчасъ немало въ Энтреріосѣ у евреевъ. Земля ежегодно прикупается. Но пусть нужно земли еще вдвое, втрое, вчетверо больше. Не выйдете ли купить много земли и пасти на ней скотъ, чѣмъ держать на своей шеѣ 5.000 душъ чело-вѣкъ, изнывающихъ отъ постоянныхъ неудачъ, разочарованій и бессмысленнаго труда?

Тогда вамъ начинаютъ высчитывать, какъ скотоводство даетъ мало, и какъ земледѣліе, при одномъ только урожаѣ, можетъ дать много. На первый взглядъ всѣ эти высчитыванія кажутся очень логичными, но въ 1893 году былъ урожай въ Энтреріосѣ и во всей Аргентинѣ, кое-кто, дѣйствительно, успѣлъ разбогатѣть, а очень многіе пострадали отъ этого урожая еще больше, чѣмъ отъ неурожая.

— Помилуйте,—говорилъ мнѣ одинъ итальянецъ,—рабочихъ рукъ у насъ нѣтъ, климатъ такой, что въ день—два, хочешь-не хочешь, убери поле. Ну, положимъ, вы убрали все, пеонамъ платили, сколько они хотѣли. Четвертной мѣшокъ стоитъ у насъ 50 копеекъ, доставка на рынокъ мнѣ обошлась песо съ куля. Ну, думаю, все равно, барыши будутъ огромные. И что же вы думаете? Мнѣ мой мѣшокъ маиса стоитъ восемь песо, а рыночная цѣна ему три песо. И хлѣбъ лежитъ, некому покупать. Навезли отовсюду столько, что дѣвать некуда. Заговорили тогда о томъ, что хлѣбъ можно продать за-границу, во Францію, въ Россію, гдѣ люди умираютъ, будто бы, съ голода. Да вѣдь отъ насъ до Франціи и до Россіи не ближній конецъ. Пока говорили, время прошло. А между тѣмъ въ городѣ нужно ѣсть, пить. Такъ и развѣхались ни съ чѣмъ. Засѣялъ я этимъ маисомъ поле. Ну, думаю, какъ будетъ такой же урожай, какъ въ прошломъ году, куда я столько зерна дѣну. Однако прилетѣла лангоста и все сожрала.

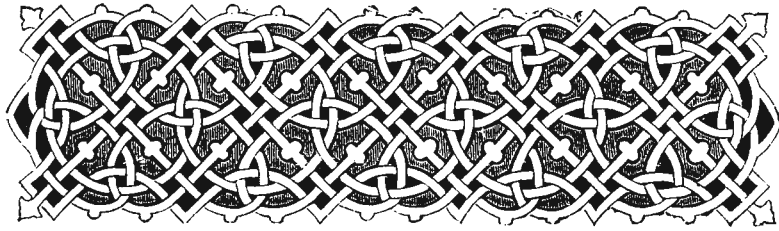
Многіе изъ колонистовъ сами догадались, что скотоводство обѣщаетъ такія выгоды, какихъ они никогда не увидятъ съ земледѣліемъ. Но заниматься скотоводствомъ они не могутъ. Въ контрактѣ совершенно ясно сказано, что евреи должны пахать и сѣять. И евреи пашутъ и сѣютъ изъ-подъ палки, боясь администраціи, контракта, гаучо, чужой страны, возможности потерять субсидію, а пуще всего, привыкнувъ ходить на помочахъ, боятся остаться безъ няньки.

Но если положеніе евреевъ не улучшится, можно съ увѣренностью сказать, что они, наконецъ, потеряютъ терпѣніе, бросятъ землю, какъ бросила ее почти половина колонистовъ, и уйдутъ въ городъ, гдѣ займутся тѣми дѣлами, какими занимались всегда и заведутъ всевозможные гешефты и хандлунги.

И столь ретивая теперь молодежь тоже уйдетъ изъ колоній, какъ только ей надоѣстъ носить воду рѣшетомъ.

Маркъ Басанинъ.

ПО КИТАЙСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ.

I.

Городъ Вей-ха-вей.

НАКОМСТВО мое съ Китаемъ началось съ посѣщенія маленькаго приморскаго городка, о которомъ въ то время (лѣтъ тринадцать назадъ) никто не зналъ, не вѣдалъ, которымъ и на Дальнемъ-то Востокаѣ интересовались лишь нѣсколько лицъ, близко стоявшихъ къ тамошнимъ дипломатическимъ канцеляріямъ, да немногіе моряки. Имя городка, — Вей-ха-вей, — ничего еще тогда не говорило намъ, и старый сибирскій «Моржъ», получившій въ октябрѣ 1885-го года предписаніе зайти сюда по дорогѣ въ Чифу, явился, сколько я знаю, первымъ русскимъ военнымъ кораблемъ, посѣтившимъ этотъ портъ.

Раннимъ утромъ, 15-го октября 1885 года, «Моржъ» входилъ на Вей-ха-вейскій рейдъ. Былъ ясный, солнечный день, дулъ свѣжій сѣверо-западный вѣтеръ, и въ сухомъ, прозрачномъ воздухѣ рѣзко рисовались остроконечныя вершины окрестныхъ горъ и глубокія борозды и морщины ихъ крутыхъ скатовъ. Скучная растительность, лишенная въ эту пору года почти всѣхъ своихъ живыхъ-красокъ, придавала еще болѣе унылый видъ этимъ невеселымъ горамъ. Въ глубинѣ огромнаго залива, ближе къ западному краю его, сѣрѣла куча какихъ-то строеній; а далѣе виднѣлись очертанія стѣнъ въ видѣ правильнаго пятиугольника, острая вершина котораго упиралась въ скатъ одного изъ холмовъ. Это и былъ городъ Вей-ха

вей. Полукруглый рейдъ его, охваченный амфитеатромъ высокихъ холмовъ, имѣетъ въ длину шесть, въ ширину безъ малаго пять верстъ. Два большихъ полуострова образуютъ крайнія оконечности залива, береговая линия котораго тянется на 25 верстъ. При входѣ на рейдъ — два острова: Лиу-кун-тао, 500 футъ высоты и 8 верстъ въ окружности, и Жи-тао, или Я-тао, совсѣмъ крошечный издали. Большимъ островомъ естественно образуются два прохода; изъ нихъ восточный гораздо шире и имѣетъ въ центрѣ островокъ Жи. Бухта вообще мелководна, особенно въ восточной своей части; но близъ западнаго угла острова Лиу-кун-тао имѣется превосходное якорное мѣсто. Мы здѣсь и отдали якорь. На островѣ ютилось нѣсколько поселковъ; здѣсь же раскинулся небольшой механической заводъ, устроенный китайскимъ правительствомъ для починокъ и исправленій своихъ военныхъ судовъ. Завѣдывалъ имъ англичанинъ Кирквудъ. Мистеръ Кирквудъ тотчасъ же нанесъ намъ визитъ и не замедлилъ сообщить рядъ весьма интересныхъ подробностей о своемъ житьѣ-бытьѣ въ этой китайской глуши, гдѣ онъ являлся единственнымъ европейцемъ «на 30 миль кругомъ» (ближайшая европейская колонія, городъ Чифу, лежитъ въ 30 миляхъ отсюда). Отъ него-то я узналъ впервые, что такое Вей-ха-вей, или, вѣрнѣе, чѣмъ долженъ быть и чѣмъ впоследствии дѣйствительно сталъ этотъ невѣдомый тогда міру уголокъ.

Вей-ха-вей лежитъ при входѣ въ Печилійскій заливъ, имѣющій громадную важность для Китая: онъ — кратчайшій путь къ столицѣ имперіи, и на Вей-ха-вей возлагается задача стать стражемъ по одну сторону воротъ этого пути; по другой сторонѣ, въ 70 миляхъ отсюда, стоитъ уже такой стражъ — портъ Артуръ; и портъ Артуръ, и Вей-ха-вей должны представить надежную защиту и опорный базисъ для китайскаго флота, оперирующаго противъ непріятели, если бы тотъ вздумалъ высадить войска гдѣ нибудь близъ Шаньгайгуана, лежащаго тамъ, гдѣ знаменитая Великая Стѣна упирается въ Печилійскій заливъ и гдѣ, какъ говорятъ, самый удобный пунктъ для десанта арміи, идущей на Пекинъ; съ весны 1886-го года въ Вей-ха-вей должны были начаться работы по углубленію и очисткѣ бухты; для защиты отъ морскихъ волнъ проектированъ длинный молъ; проходы между островами и материкомъ будутъ обстрѣливаются фортами, которые выстроитъ на обоихъ островахъ, и сильными береговыми баттареями; зданіе минной мастерской уже выстроено вчернѣ близъ города; сюда ожидается офицеръ англійскаго флота, минеръ, которому и будетъ поручена эта мастерская. Вотъ суть тѣхъ любопытныхъ свѣдѣній, какія сообщилъ намъ тогда мистеръ Кирквудъ.

Въ Вей-ха-вей «Моржъ» простоялъ нѣсколько дней, и мы воспользовались этимъ временемъ, чтобы познакомиться съ городомъ и его окрестностями.

Городъ расположенъ приблизительно въ полутора верстахъ отъ песчаного и отлогого берега моря; обнесенъ онъ каменною стѣной, вышиною сажени четыре, шириною до 1½ сажень, съ нѣсколькими воротами и башнями по угламъ. Улицы вымощены камнемъ. Дома небольшіе, одноэтажные, сложенные изъ камня или сбитые изъ глины. Кое-гдѣ попадаются лавки съ разными предметами туземнаго, домашняго обихода. Народа, очевидно, немного здѣсь: говорятъ, всего двадцать тысячъ. Появленіе наше на улицахъ заставляеть женщинъ поспѣшно прятаться въ жилище и собираеть толпы любопытныхъ ребятъ и мужчинъ. Враждебности, впрочемъ, ни въ комъ не замѣтно; напротивъ, масса настроена добродушно и весело. За нами идутъ всюду, куда мы хотимъ идти, и никто нигдѣ не останавливаетъ насъ. За городомъ тянутся поля, вѣрнѣе — огороды, окруженные канавами; между ними, въ разбросъ, одиноко стоящіе домики; деревьевъ очень мало; горизонтъ не великъ: его заслоняють вездѣ хребты возвышенностей, выступающихъ съ той рѣзкой отчетливостью, какая свойственна первозданнымъ породамъ. Неподалеку отъ западнаго угла городской стѣны стоитъ на холмѣ каменный памятникъ, на которомъ написано, что Вей-ха-вей былъ выстроенъ въ эпоху Минской династіи для защиты отъ набѣговъ японскихъ пиратовъ, составлявшихъ въ 16-мъ вѣкѣ ужасъ всего восточнаго побережья Китая. Островъ Лиу-кун-тао находился нѣкогда во власти этихъ морскихъ разбойниковъ и нынѣшнее свое имя получилъ отъ имени того китайскаго военначальника, который палъ во время геройскихъ усилій прогнать отсюда непрошенныхъ гостей. Верстахъ въ двухъ къ востоку отъ города, неподалеку отъ бухты, лежатъ остатки стариннаго укрѣпленія въ видѣ высокаго землянаго вала, охватывающаго квадратомъ довольно большое пространство земли. Дорогъ, въ нашемъ смыслѣ, нѣтъ. Есть болѣе или менѣе широкія тропинки между полями да пересохшія русла ручьевъ. Идти тяжело и неудобно: надо постоянно смотрѣть себѣ подъ ноги, чтобы не оступиться въ рытвину или не споткнуться о камень, котораго вездѣ изобиліе. Въ поляхъ копошится народъ, занятый добываніемъ изъ земли овощей и кореньевъ. Мужчины созерцають насъ съ неописаннымъ изумленіемъ, а на прекрасную половину мѣстнаго челоувѣчества нападаетъ настоящая паника: завидѣвъ странные костюмы европейцевъ, женщины бросаютъ всякое дѣло, сбиваются въ кучки, точно испуганное стадо, и торопливо начинаютъ уходить, странно покачиваясь изъ стороны въ сторону на своихъ маленькихъ ногахъ. Лица ихъ, съ европейской точки зрѣнія, не представляютъ, конечно, ничего особенно привлекательнаго: желтый цвѣтъ кожи, узенькіе глазки, плоскій носъ — данныя на красоту, очевидно, скорѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго свойства; но все это выкупається, особенно у молодыхъ, изяществомъ формъ и гибкостью движеній. Мы не встрѣтили ни одной рослой китаянки. Эта миниатюрность,

въ соединеніи съ тонкостью формъ и странной волнующейся походкой, дѣлала ихъ на взглядъ такими безпомощными и хрупкими созданіями, что, казалось, исключала самую мысль о возможности тяжелого труда. А между тѣмъ работаютъ онѣ, говорятъ, хорошо. Малорослость сѣверныхъ китаянокъ зависитъ, вѣроятно, отъ распространенной здѣсь моды уродованія ногъ,—операциі, начинающейся въ раннемъ дѣтствѣ и задерживающей не только развитіе ступни, но послѣдовательно и всей ноги. Мы пугаемъ здѣсь не только человѣческія существа: возлѣ одной деревни мы набрали какъ-то разъ на осла, смиренно стоявшаго на привязи; едва онъ замѣтилъ насъ, какъ поднялъ такой дикій ревъ и всей своей фігурой обнаружилъ такой глубокой ужасъ, точно передъ нимъ явились какіе-то невѣдомые могучіе, хищные звѣри. Другой осель, на которомъ ѣхала китаянка съ ребятами въ мѣшкахъ, перекинутыхъ черезъ сѣдло, бросился при нашемъ появленіи въ сторону, и, если бы не хозяинъ, ведшій его въ поводу, онъ, вѣроятно, разбилъ бы своихъ сѣдоковъ. Даже собаки, очевидно, терялись и съ жалобнымъ визгомъ убѣгали отъ насъ въ дома. Ничто здѣсь не пропадаетъ даромъ. Бродя по полямъ и холмамъ, можно на каждомъ шагу наблюдать, какъ заботливо собирается то, на что у насъ и вниманія никто не обратилъ бы: сухіе стебли травъ, сухія вѣтки, скотскій и человѣческій пометъ,— все идетъ въ корзины, которыя таскаютъ на своихъ плечахъ ребята съ голыми ногами и непокрытой головой, спующіе всюду по тропинкамъ: лѣсовъ въ окрестностяхъ нѣтъ и хворостъ—единственный матеріалъ для топлива, а пометъ идетъ на удобреніе.

Мистеръ Кирквудъ, сдѣлавшійся завсегдатаемъ нашей каюты компаниі, гдѣ онъ отводилъ душу отъ окружавшей его китайщины и, вѣроятно, немножко шпионилъ за нами, указалъ намъ, между прочимъ, одинъ пунктъ на материкѣ, гдѣ будто бы водится много зайцевъ. Это—высокія, скалистыя горы въ разстояніи часа ходьбы отъ города. Въ одинъ прекрасный, теплый день мы отправились туда цѣлою компаніей. Зайцевъ, дѣйствительно, видѣли много, палили по нимъ усердно, однако ни одной заячьей души не загубили. Карабкаясь по утесамъ, мы на каждомъ шагу поражались этимъ удивительнымъ умѣньемъ китайцевъ пользоваться малѣйшимъ клочкомъ земли для обработки его подъ рисовое поле или огородъ. Упорство, настойчивость въ трудѣ здѣсь, дѣйствительно, громадны, и каждый клочекъ воздѣланной земли носитъ на себѣ слѣды все побѣждающей энергіи человѣка. Никакое описаніе, впрочемъ, какъ бы краснорѣчиво оно ни было, не въ состояніи передать того смѣшаннаго чувства глубокаго удивленія и уваженія, какое возникаетъ въ душѣ при видѣ этой грандіозной картины человѣческаго труда, при видѣ этого отношенія къ землѣ, проникнутаго такою любовью и заботливостью.

Съ высотъ каменистыхъ громадъ, на которыя мы, наконецъ,

взобрались, развертывалась предъ наши широкая панорама, гдѣ деревни, поля и купы деревьевъ чередовались другъ съ другомъ въ живописномъ разнообразіи, и на всемъ лежала печать глубокаго мира и тишины невозмутимой: вѣяло чѣмъ-то прочно сложившимся, устойчивымъ, увѣренно-спокойнымъ, какъ сама природа...

Прошло шесть лѣтъ. Судьба опять забросила меня въ Вей-ха-вей, и я не узналъ стараго знакомаго: изъ скромнаго, безвѣстнаго китайскаго мѣстечка онъ обратился въ грозную, первоклассную крѣпость, неприступную, какъ тогда казалось, ни съ суши, ни съ моря. На обоихъ полуостровахъ, окаймляющихъ рейдъ съ востока и запада, выросли 12 сильныхъ фортовъ; крошечный островокъ преобразился тоже въ фортъ. На островѣ Ліу-кунъ-тао—три форта, представляющихъ послѣднее слово инженернаго и артиллерійскаго искусства. Здѣсь же госпиталь, угольные склады, обширныя мастерскія. 57 орудій Крупна и Армстронга (отъ 12 до 28 сантим. калибра), между которыми было много скорострѣльныхъ пушекъ, составляли вооруженіе всѣхъ этихъ укрѣпленій. И на материковомъ побережьи, и на островахъ—электрическіе фонари для освѣщенія гавани и входовъ на рейдъ. Надъ сооруженіемъ грозныхъ фортовъ Вей-ха-вея много потрудился тотъ самый фонъ-Ганнекенъ, майоръ германской службы, имя котораго такъ гремѣло недавно на Дальнемъ Востокѣ.

Твердыни Вей-ха-вея и укрѣпленія Портъ-Артура должны были охранять Печилійскій заливъ главнымъ образомъ отъ насъ. Никому и въ голову тогда не приходило, что срокъ для испытанія ихъ мощи такъ близокъ, что пробовать эту мощь придется другимъ, и что мы очутимся такъ скоро въ роли сперва защитника, а потомъ союзника того самаго Китая, котораго на всѣ лады вооружали противъ насъ: Англія—открыто, Германія—исподтишка. Одни только японцы, въ глубокой тайнѣ отъ остальнаго міра, дѣлали обширныя приготовленія къ давно задуманной войнѣ съ Китаемъ, и черезъ своихъ шпионовъ, которыми являлись переодѣтые офицеры ихъ генеральнаго штаба, изучали всѣ дорожки и пути въ Корей, Манчжуріи, Ліаотунѣ и Шантунѣ, всѣ подступы къ Портъ-Артуру и Вей-ха-вею. 5-го (17-го) февраля 1895 года, Вей-ха-вей, какъ извѣстно, былъ взятъ японцами. Нѣкоторыя подробности паденія этой твердыни такъ характерны, а обстоятельства гибели здѣсь для Китая всего его флота полны такого глубокаго трагизма, что я позволю себѣ привести наиболѣе выдающіеся моменты этой драмы, явившейся, несомнѣнно, самымъ интереснымъ эпизодомъ послѣдней войны, тѣмъ болѣе, что, сколько мнѣ извѣстно, въ нашей печати о Вей-ха-веѣ не было почти ни слова.

Послѣ битвы при устьѣ рѣки Ялу, 5 сентября 1894-го года, стоявшей Китаю четырехъ кораблей, адмиралъ Тингъ съ остальною эскадрой ушелъ подъ защиту фортовъ Вей-ха-вея, гдѣ и устроилъ самъ себѣ блокаду на все остальное время военныхъ дѣйствій.

Японцы перевозили войска въ Корею, Манчжурію, на Шантунскій полуостровъ, не тревожимые рѣшительно никѣмъ. Тингъ засѣлъ въ Вей-ха-вей и рѣшилъ, что отсюда онъ не двинется ни на шагъ, будь что будетъ, — все равно. Бѣдный старый китайскій адмиралъ слишкомъ хорошо зналъ духъ своей эскадры послѣ страшнаго урока при Ялу, чтобы отважиться еще разъ испытать военное счастье въ морскомъ сраженіи. Онъ думалъ, что единственной его задачей теперь сохранить своей странѣ ея флотъ впредь до лучшихъ временъ, не рискуя больше ни однимъ кораблемъ, а для этой цѣли — лучше всего сидѣть смирно въ Вей-ха-вей и ждать, пока война не кончится.

Между тѣмъ японцы, укрѣпившись прочно на Лиаотунскомъ полуостровѣ и будучи задержаны въ Манчжуріи суровою зимою, рѣшили покончить съ Вей-ха-веемъ и попытаться взять вмѣстѣ съ послѣдней приморской крѣпостью сѣвернаго Китая и флотъ его, здѣсь укрывшійся. Этотъ флотъ былъ все еще достаточно грозенъ, и японцы не могли чувствовать себя свободно въ китайскихъ водахъ, пока онъ не взятъ, или не уничтоженъ. Только тогда они являлись бы полными господами на морѣ.

Крайне интересна и поучительна быстрота, съ какою были закончены всѣ приготовленія къ новой кампаніи. 10-го января 1895 года (по новому стилю), въ японскомъ портовомъ городѣ Ужина началась посадка на транспортныя суда войскъ, предназначенныхъ для похода на Вей-ха-вей; черезъ недѣлю всѣ эти войска (въ составѣ одной дивизіи и одной бригады) были въ Талиенванѣ. 19-го января, первый отрядъ транспортовъ, подъ конвоемъ 20-ти военныхъ кораблей, уже шелъ къ берегамъ Шантунскаго полуострова; три дня спустя, на 38 транспортахъ, пошли къ мѣсту высадки остальные части десанта, и 26-го армія въ полномъ составѣ уже двигалась двумя колоннами по двумъ дорогамъ въ Вей-ха-вей. 18.000 солдатъ и 10.000 военныхъ кули представляли численность этой арміи¹⁾.

Въ то время, какъ часть японскихъ военныхъ кораблей конвоировала свои транспорты, другая наблюдала за Вей-ха-веемъ съ моря; остальные корабли крейсировали близъ пункта высадки, которымъ оказался Люнгшуйай, или Люн-чу-тао, — на крайней юго-восточной оконечности Шантунскаго полуострова. Этотъ выборъ былъ въ высшей степени удаченъ: закрытая отъ господствующихъ здѣсь зимою сѣверо-западныхъ вѣтровъ, бухта Люн-чу-тао являлась превосходнымъ якорнымъ мѣстомъ: глубина позволяла транспортамъ останавливаться въ какихъ нибудь 200 саженяхъ отъ берега; а самый этотъ берегъ, отлогій и песчаный, представлялъ обширную площадь, гдѣ различныя части десанта имѣли достаточно мѣста развернуться. Высадка арміи не стояла ей ни одного человѣка.

¹⁾ Отъ Ужины до Талиенвана около 1.200 верстъ моремъ, конечно; отъ Талиенвана до мѣста высадки 200 верстъ.

Планъ японскаго главнокомандующаго, какъ выяснилось впоследствии, состоялъ въ слѣдующемъ:

Оборона Вей-ха-вей дѣлилась на три участка: первый изъ нихъ образовывалъ восточный полуостровъ — Онсенто; вторымъ являлся западный полуостровъ, или собственно Вей-ха-вей; третьимъ — острова Лиу-кун-тао и Жи-тао; флотъ адмирала Тинга составлялъ могучую поддержку крѣпостнымъ фортамъ и самъ укрывался подъ ихъ защитю. Японцы поэтому рѣшили, что прежде всего необходимо взять восточный полуостровъ, занятіе котораго отдастъ имъ одну изъ оконечностей большаго фарватера; затѣмъ въ ихъ руки долженъ перейти западный полуостровъ, обойденный также съ тыла. Тогда эскадра адмирала Тинга, подвергнутая сосредоточенному огню фортовъ, занятыхъ японцами на сушѣ, принуждена будетъ или сдаться, или искать спасенія въ бѣгствѣ. Во избѣжаніе возможности успѣха подобной попытки, флотъ адмирала Ито долженъ все время наблюдать за выходами съ рейда, днемъ крейсируя въ виду крѣпости, на ночь уступая мѣсто миноносцамъ. Якорной стоянкой для него была выбрана одна изъ ближайшихъ бухтъ—Инзанко.

Отъ Лиун-чу-тао до Вей-ха-вей сухимъ путемъ около 75 верстъ. 29-го января, передовой отрядъ правой колонны японской арміи пришелъ уже на видъ восточныхъ фортовъ крѣпости. 30-го, безумнодерзкая атака генерала Одера отдала въ руки японцевъ полуостровъ Онсенто, замыкающій рейдъ Вей-ха-вей съ востока, и орудія китайскихъ фортовъ этого полуострова направились теперь на самихъ же китайцевъ: на укрѣпленія острова Лиу-кун-тао и на корабли китайской эскадры. Послѣдняя состояла изъ двухъ большихъ броненосцевъ, въ 7.000 тоннъ каждый, пяти хорошихъ крейсеровъ, шести канонерскихъ лодокъ и 15 миноносцевъ и миноносокъ. Съ такими силами китайцы могли еще обороняться; но о прорывѣ блокады, объ уходѣ въ открытое море думать было поздно, да адмиралъ Тингъ и не думалъ объ этомъ.

Интересный фактъ, между прочимъ: еще 25-го января въ Вей-ха-вей явился британскій военный корабль «Severn» съ письмомъ къ Тингу отъ японскаго адмирала Ито. Приводимъ это въ высшей степени характерное письмо цѣликомъ:

«Превратности времени, — писалъ Ито, — сдѣлали насъ врагами. Это — несчастье. Но, вѣдь, въ войнѣ находятся только наши страны; отдѣльныя личности не должны питать другъ къ другу вражды. Дружба, существовавшая раньше между вами и мною, также горяча теперь, какъ и прежде. Не думайте, что я пишу это письмо, руководствуясь только побужденіемъ убѣдить васъ сдаться. Главныя дѣйствующія лица въ великихъ событіяхъ часто заблуждаются; постороннимъ зрителямъ истина виднѣе. вмѣсто спокойнаго обсужденія, какой путь лучше всего соответствуетъ интересамъ его страны и его собственнымъ, человекъ иногда позволяетъ себѣ быть увле-

ченнымъ дѣломъ, въ которомъ онъ принимаетъ активное участіе и усваиваетъ себѣ ложный взглядъ на него. Не долгъ ли его друзей тогда обратиться къ нему съ совѣтомъ и повернуть его мысли на вѣрный путь? Пишу вамъ, руководимый мотивами истинной дружбы, и прошу васъ должнымъ образомъ оцѣнить ихъ. Откуда берутъ начало тѣ повторныя несчастья, которыя постигли китайское оружіе? Я думаю, не трудно найти истинную причину ихъ, если только искать спокойно и разумно. Ваша проницательность несомнѣнно уже открыла вамъ ее. Не ошибкой одного человѣка Китай доведенъ до своего теперешняго положенія; позоръ лежитъ на всемъ правительствѣ этой страны. Она выбираетъ своихъ слугъ путемъ конкурсныхъ экзаменовъ, и литературныя достоинства сочиненій являются единственнымъ мѣриломъ годности кандидатовъ. Въ результатѣ всѣ чиновники страны, все ея правительство—ученые литераторы, и древняя литература почитается превыше всего. Въ этомъ отношеніи все осталось такимъ, какъ было тысячу лѣтъ тому назадъ. Отсюда не слѣдуетъ, что эта система—непремѣнно дурная система, и что она должна неизбѣжно порождать дурное правительство. Но страна никогда не можетъ сохранить свою независимость при помощи такихъ средствъ. Вамъ хорошо извѣстно, съ какими смутами пришлось бороться Японіи 30 лѣтъ назадъ, какія опасности ей нужно было преодолѣть. Своей нынѣшней сохранностью и цѣлостью она обязана вполнѣ тому, что отбросила тогда прочь старину и примкнула къ новизнѣ. И ваша страна должна теперь пойти по тому же пути. Если вы послѣдуете имъ, вы спасены, если отвергнете новый путь,—вамъ не избѣжать гибели. Давно было предопредѣлено, что въ войнѣ съ Японіей вы узрите то, что теперь предъ вашими глазами. Можетъ ли быть долгомъ вѣрнопопданныхъ имперіи, людей, дѣйствительно заботящихся о ея благѣ, плыть вмѣстѣ съ теченіемъ, проносящимся нынѣ надъ страною по велѣніямъ древней судьбы, не дѣлая усилий остановить его. Государство съ исторіей, насчитывающей тысячи лѣтъ, и съ территоріей, обнимающей десятки тысячъ миль, древнѣйшая имперія въ свѣтѣ, развѣ можетъ она легко совершить дѣло возрожденія путемъ замѣны старыхъ основъ новыми, прочными основаніями. Одинъ столбъ не въ силахъ удержать все великое зданіе отъ паденія. Развѣ въ такомъ случаѣ существуетъ выборъ между невозможнымъ и невыгоднымъ? Сдать флотъ врагу, сдать ему всю армію это—пустяки въ сравненіи съ судьбами страны. Всей славой, какою японскій солдатъ пользуется въ глазахъ всего свѣта, клянусь вамъ, что я считаю самымъ мудрымъ шагомъ съ вашей стороны пріѣздъ теперь въ Японію, гдѣ вы сможете ждать, пока судьбы вашей страны не измѣнятся, и пока не прійдетъ время, когда ваши услуги снова понадобятся ей. Послушайте этихъ словъ вашего вѣрнаго друга. Нужно ли мнѣ напоминать вамъ, что лѣтописи исторіи содержатъ немало именъ людей, сумѣвшихъ потомъ снять съ себя

подобное пятно и живших для выполненія великихъ дѣлъ. Макъ-Магонъ, сдавшійся въ плѣнъ непріятелю, вернулся спустя нѣкоторое время въ свою страну, принималъ дѣятельное участіе въ правительственныхъ реформахъ, и французы не только забыли его позоръ, но и возвели на постъ президента. Османъ-паша потерялъ Плевну, былъ взятъ въ плѣнъ и, вернувшись потомъ въ Турцію, достигъ званія военнаго министра и приобрѣлъ большую славу своими военными реформами. Если вы явитесь въ Японию, я могу завѣрить, что вы встрѣтите хорошее обращеніе и милость императора. Его величество не только простилъ своихъ собственныхъ подданныхъ, которые поднимали противъ него знамя возстанія, но вознаградилъ ихъ таланты, возвысивши ихъ до постовъ лицъ, обремененныхъ его высокимъ довѣріемъ, какъ это было, напримѣръ, въ случаѣ адмирала Еномото, нынѣ члена кабинета, и Отори Кейсукэ, нынѣ члена государственнаго совѣта. Такихъ примѣровъ много. Тамъ, гдѣ извѣстные люди не являются подданными его величества, его великодушное обращеніе выразится, конечно, еще болѣе рѣзко. Вамъ предстоитъ теперь рѣшить великій вопросъ: свяжете ли вы свой жребій съ страной, которую вы видите гибнущею, и будете нести на себѣ всѣ послѣдствія, неизбежныя при теперешней системѣ управленія, или же вы сохраните ваши силы и осуществите потомъ другіе планы? Воины вашей страны вообще привыкли употреблять надменный и грубый языкъ, обращаясь къ своимъ врагамъ. Я пишу вамъ изъ побужденій истинной дружбы и прошу васъ вѣрить моей искренности».

Курьезное письмо своего «друга» адмиралъ Тингъ оставилъ безъ отвѣта.

30-го января, какъ мы сказали, японцы овладѣли полуостровомъ Онсенто; форты его доставили имъ тѣ пушки, въ которыхъ они такъ нуждались здѣсь, за неимѣніемъ при арміи осаднаго парка (положеніе окрестныхъ дорогъ таково, что перевозка большихъ орудій заняла бы слишкомъ много времени): на Онсенто они нашли 12 вполне исправныхъ круповскихъ орудій, которыми, конечно, тотчасъ же и воспользовались.

Въ ночь на 31-е, разразился жестокій снѣжный штормъ, при сильномъ морозѣ, продолжавшійся весь слѣдующій день и ночь. Японцы принуждены были приостановить свои операціи. Адмиралъ Тингъ воспользовался этой передышкой и, зная по опыту ненадежность крѣпостнаго гарнизона, высадился 1-го февраля съ отрядомъ своихъ моряковъ на берегъ и разрушилъ всѣ орудія западныхъ фортовъ. Если бы онъ не сдѣлалъ этого, японцы, овладѣвши ими, могли бы обстрѣливать китайскій флотъ и островъ Лиу-Кун-тао съ гораздо болѣе близкаго разстоянія, и сдача китайцевъ сдѣлалась бы неизбежною. Тингъ уничтожилъ также всѣ джонки и китайскія шлюпки въ гавани.

2-го февраля японцы вступили въ г. Вей-ха-вей; а на слѣдующій день были взяты форты сѣверо-западнаго берега бухты.

Положеніе воюющихъ сторонъ было теперь въ высшей степени оригинальное. Японцы кольцомъ охватили китайцевъ: въ морѣ сильный флотъ адмирала Ито сторожилъ всѣ выходы, а берегъ былъ занятъ японской арміей. У Тинга оставались только его корабли, островные форты, минныя загражденія и боны, защищавшіе входы на рейдъ. Эти боны сдѣланы были изъ крѣпкихъ дубовыхъ досокъ и толстыхъ стальныхъ канатовъ, укрѣпленныхъ дѣями и якорями между островами съ одной стороны и материкомъ съ другой; они предназначались для огражденія эскадры отъ нападеній японскихъ миноносцевъ и являлись, дѣйствительно, весьма надежной преградой. Островъ Лиу-Кун-тао, почти перпендикулярно подымавшійся на своей сторонѣ, обращенной къ морю, дѣлалъ высадку совершенно невозможной. Форты его были слишкомъ сильны и слишкомъ хорошо защищены, чтобы японскій флотъ могъ заставить ихъ замолчать, тѣмъ болѣе, что японцы не имѣли тогда ни одного броненосца, который могъ бы попытаться на такой рискъ; форты Онсенто находились слишкомъ далеко, чтобы нанести какое либо серьезное поврежденіе Лиу-Кун-тао и флоту, который онъ прикрывалъ. Суда же самаго флота, обильно снабженные всѣми запасами и хорошо вооруженныя, могли еще долго защищаться. Такимъ образомъ даже въ этомъ критическомъ положеніи Тингъ имѣлъ надежду продержаться до тѣхъ поръ, пока не подоспѣетъ помощь съ суши или не придетъ желанный миръ.

До сихъ поръ первенствующую роль въ дѣлѣ паденія Вей-ха-вей играла сухопутная армія; теперь на сцену выступаетъ японскій флотъ въ лицѣ тѣхъ маленькихъ своихъ представителей, какіе зовутся миноносцами и миноносками. Попытки японскихъ минныхъ отрядовъ прорваться на Вей-ха-вейскій рейдъ были сдѣланы уже 30-го января, но кончились тогда ничѣмъ. Снѣжная буря двухъ слѣдующихъ дней задержала дальнѣйшія дѣйствія ихъ въ этомъ направленіи. Наконецъ, японцамъ удалось расширить тотъ промежутокъ, который отдѣлялъ крайній восточный конецъ бона отъ соседнихъ скалъ. Пока часть минеровъ работала надъ брешью въ бонѣ, другая успѣла выловить китайскія мины, составлявшія здѣсь линію миннаго загражденія рейда, и въ ночь на 4-е февраля два минныхъ отряда, въ количествѣ 10 судовъ, прошли черезъ узкую брешь на самый рейдъ. Однако, только четверемъ изъ нихъ удалось выпустить 8 минъ по непріятельскимъ судамъ. Результатомъ этого ночного дѣла была гибель одного изъ двухъ самыхъ большихъ китайскихъ броненосцевъ — Тин-юэна; броненосецъ, получивъ три пробоины отъ удара японскихъ минъ, затонулъ черезъ нѣсколько часовъ.

5-го февраля, рѣшено было повторить ночную атаку миноносцами. Въ дѣло на этотъ разъ долженъ былъ пойти третій минный

отрядъ изъ пяти судовъ. Начальникъ маленькой флотиліи распорядился, между прочимъ, передъ атакой отправить на одинъ изъ остающихся кораблей всѣ карты, приказы, вахтенные журналы и сигнальныя книжки изъ опасенія, чтобы какой нибудь изъ этихъ документовъ не попалъ въ руки непріятеля. Въ атаку пошли только три миноносца. Они выпустили семь минъ, которыми и были потоплены два китайскихъ крейсера и одна канонерская лодка.

Гибель четырехъ военныхъ кораблей должна была произвести, конечно, самое удручающее впечатлѣніе на команды остальныхъ судовъ китайской эскадры и на обывателей острова Лиу-Кун-тао. Жители этого острова, собравшись у пристаней, громко вопили къ властямъ, моля ихъ о спасеніи. Дѣйствительно, сопротивление теперь являлось бесполезнымъ. Впечатлѣнія послѣднихъ дней осады были таковы, что могли надорвать нервы самыхъ крѣпкихъ войскъ. Мачты потонувшихъ кораблей являлись грознымъ мemento mori для командъ оставшихся еще цѣлыми китайскихъ военныхъ судовъ, постоянно напоминая людямъ, что такая же участь можетъ постигнуть и ихъ каждую ночь. Одно ожиданіе подобной катастрофы должно было дѣйствовать сильнѣе самихъ атакъ. Въ фортахъ Лиу-кун-тао убитые и раненные ежедневно насчитывались цѣлыми сотнями. Тутъ же на островѣ толпилась масса беззащитныхъ жителей, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, о которыхъ никто не заботился и которымъ предоставлена была полная свобода умирать отъ голода, ранъ и болѣзней. Всѣ эти ужасы совершались на маленькомъ клочкѣ земли, отрѣзанномъ отъ остальнаго міра волнами залива, что еще болѣе отгѣняло безнадежность положенія его обитателей.

7-го февраля японцы взорвали фортъ маленькаго островка Джи-тао. Во время оживленной перестрѣлки между непріятельскими фортами и судами, часть китайской эскадры, въ составѣ 11 миноносцевъ и двухъ авизо, пользуясь пороховымъ дымомъ, застилавшимъ рейдъ и его окрестности, бросилась черезъ западный проходъ, намѣреваясь скрыться въ Чифу. Одни говорятъ, будто бы это было сдѣлано по приказу адмирала Тинга; другіе увѣряютъ, что командиры бѣглыхъ судовъ на свой страхъ и рискъ рѣшились на такой поступокъ. Нѣсколько японскихъ быстроходныхъ крейсеровъ пустились въ погоню за бѣглецами и всѣхъ ихъ переловили.

Наступила еще одна томительно-страшная ночь. Гарнизонъ Лиу-Кун-тао обратился къ своимъ начальникамъ съ мольбой о спасеніи. Адмиралъ Тингъ и генералъ Чангъ успокоили ихъ, какъ могли.

На слѣдующій день, во время перестрѣлки, одинъ изъ японскихъ снарядовъ разорвался на китайскомъ броненосцѣ Чин-юэнгъ, убивши и ранивши 40 матросовъ. Команда корабля обратилась къ адмиралу Тингу, моля его прекратить борьбу. Адмиралъ отвѣтилъ, что долгъ матросовъ и солдатъ биться до конца, прибавивъ, однако, что если онъ не получитъ подкрѣпленій до 11-го февраля, то онъ приметъ

мѣры къ ихъ спасенію. Эти повторныя просьбы командъ китайскихъ судовъ и сухопутнаго гарнизона крайне характерны: ни въ какой другой арміи онѣ совершенно немыслимы. Японцы между тѣмъ продолжали по ночамъ свою работу разрушенія бона. Визгъ перепиливаемыхъ цѣпей и стальныхъ канатовъ громко раздавался въ ночной тишинѣ, далеко разносясь по рейду, отчетливо доходя до слуха осажденныхъ.

Къ 9-му февраля, около 200 сажень бона были уничтожены, и 9-го японцы начали усиленную пальбу съ моря и съ суши; они громили теперь китайцевъ и съ фортовъ западнаго полуострова, гдѣ имъ удалось поставить мортирныя батареи. Броненосецъ Чин-юэнь, снявшись съ якоря, пошелъ къ одному изъ этихъ фортовъ, чтобы заставить его замолчать. Но два снаряда изъ 28 сантим. орудій, пущенные японцами, попали въ броненосецъ близъ его ватеръ-линіи такъ удачно, что онъ тотчасъ же пошелъ ко дну.

Артиллерійскій бой продолжался весь слѣдующій день.

Въ ночь на 11-е февраля, Тингъ получилъ телеграмму отъ Ли-хун-чана, гдѣ вице-король извѣщалъ адмирала, что подкрѣпленія не могутъ быть ему посланы, и совѣтовалъ уйти съ флотомъ въ какойнибудь другой портъ. Солдаты, матросы и жители Ли-хун-тао молили о сдачѣ, говоря, что назначенный срокъ прошелъ, а подкрѣпленія не прибыли. Тингъ рѣшилъ сдаться. 12-го, вѣстовое китайское судно, подъ бѣлымъ парламентарскимъ флагомъ, повезло къ адмиралу Ито слѣдующее письмо отъ адмирала Тинга: «получивъ ваше первое письмо, я не отвѣчалъ на него тогда, потому что наши страны находились въ войнѣ. Теперь, послѣ рѣшительнаго сопротивленія, когда мои суда потоплены и люди истреблены, я рѣшилъ оставить борьбу и просить о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій, чтобы спасти жизнь остальныхъ моихъ подчиненныхъ. Я сдамъ Японіи военные корабли, нынѣ находящіеся на рейдѣ Вей-ха-воя, вмѣстѣ съ фортами острова Ли-хун-тао и военными запасами, на одномъ только условіи: чтобы жизнь всѣхъ лицъ моей арміи и флота, какъ китайцевъ, такъ и иностранцевъ, была пощажена, и чтобы имъ позволено было разойтись по домамъ. Если на это будетъ выражено согласіе, пусть главнокомандующій британскими морскими силами въ здѣшнихъ водахъ явится посредникомъ и поручителемъ въ данномъ дѣлѣ».

Въ тотъ же день адмиралъ Ито отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ.

«Я готовъ завтра принять корабли, форты и военные матеріалы, которыми вы нынѣ владѣете.... Смѣю думать, что для вашей собственной безопасности и въ интересахъ вашей страны лучше будетъ вамъ отправиться теперь въ Японію и оставаться тамъ, пока война не кончится. Если вы рѣшитесь на этотъ шагъ, я даю вамъ самое торжественное увѣреніе, что вы встрѣтите пріемъ полный уваженія и будете состоять подъ особымъ покровительствомъ. Но

если вы предпочтете остаться въ своей странѣ, ваше желаніе будетъ исполнено. Относительно того, чтобы британскій адмиралъ явился поручителемъ и посредникомъ въ улаженіи подробностей настоящаго дѣла, я считаю совершенно излишней такую предосторожность: я вполнѣ полагаюсь на ваши увѣренія, какъ офицера».

Въ второмъ и послѣднемъ своемъ письмѣ адмиралъ Тингъ, поблагодаривъ адмирала Ито за дарованіе жизни и свободы его подчиненнымъ, просилъ только отложить сдачу острова Ліу-кун-тао и кораблей до 16-го февраля. Затѣмъ старый Тингъ послалъ телеграмму Ли-Хун-Чану, заперся въ своей каютѣ и отравился опиумъ. Его примѣру послѣдовали: командиръ броненосца Тин-Юэнь и начальникъ сухопутныхъ войскъ гарнизона Ліу-Ку-Тао генералъ Чангъ.

Смерть этихъ китайскихъ военнопленныхъ поставила въ большое затрудненіе японцевъ, не знавшихъ, съ кѣмъ теперь продолжать переговоры о сдачѣ. Наконецъ, было рѣшено, что губернаторъ города Вей-ха-веля, какъ высшее должностное лицо въ данный моментъ, долженъ явиться главно-уполномоченнымъ съ китайской стороны. Съ этимъ губернаторомъ и заключенъ окончательный договоръ о сдачѣ фортовъ, судовъ, военныхъ матеріаловъ и объ отправкѣ на всѣ четыре стороны китайскихъ солдатъ и матросовъ. Въ руки японцевъ перешли слѣдующіе военные корабли: одинъ большой броненосецъ, три крейсера, 6 канонерскихъ лодокъ, 7 миноносцевъ, что вмѣстѣ съ нѣкоторыми затонувшими судами, вполнѣдствіи ими поднятыми и исправленными, составляло военную добычу стоимостью въ 30 милліоновъ рублей.

Для отправки тѣлъ адмирала Тинга и командира броненосца Тин-Юэнь было назначено одно изъ небольшихъ китайскихъ военныхъ судовъ, которое японцы отпустили по этому случаю изъ плѣна.

На немъ же отплыли въ Чифу иностранцы, служившіе на китайскихъ военныхъ судахъ, всего 10 человекъ; между ними оказался одинъ вице-адмиралъ Мак-Клюръ, одинъ докторъ Киркъ, остальные были инженеры-механики флота. Всѣхъ иностранцевъ отпустили на честное слово, что они не будутъ больше принимать участія въ войнѣ Китая противъ Японіи.

Когда военное китайское судно съ останками Тинга выходило изъ Вей-ха-веля, всѣ японскіе военные корабли приспустили свои флаги и салютовали изъ орудій тѣлу покойнаго адмирала установленнымъ числомъ выстрѣловъ.

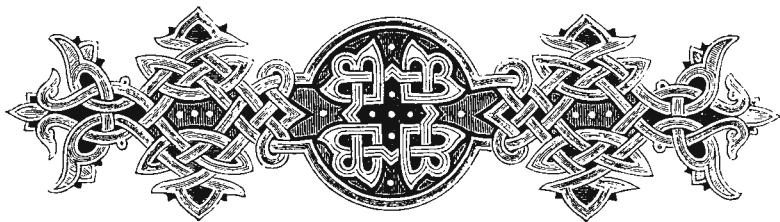
Китайскіе солдаты, частные жители, женщины и дѣти были немедленно перевезены съ Ліу-кун-тао на материкъ. Японцы затѣмъ разрушили всѣ форты на материкѣ, снявъ съ нихъ все, что только было годно по части артиллеріи и военныхъ запасовъ. Сильный японскій гарнизонъ занялъ островъ Ліу-кун-тао, а остальныя войска были перевезены обратно въ Талиенванъ.

Японцы, какъ извѣстно, до сихъ поръ держатъ въ своихъ рукахъ Вей-ха-вей и будутъ держать впредь до уплаты Китаемъ полнотью всей суммы военной контрибуціи. Такъ, по крайней мѣрѣ, было обусловлено Симонсексимъ договоромъ. Но теперь, въ виду занятія Германіей Кіао-чау, Россіей Портъ-Артура и Талиенвана,— трудно сказать, что станетъ съ Вей-ха-веемъ. Говорятъ, будто бы Японія и не думаетъ возвращать его Китаю; говорятъ, будто Англія займетъ его. Кто знаетъ? Дальній Востокъ полонъ теперь грозныхъ неожиданностей!

В. Черевковъ.

РУССКІЕ ДИПЛОМАТЫ XVIII СТОЛѢТІЯ ВЪ АНГЛІИ.

РУССКАЯ дипломатія долго оставалась невѣдомой, недоступной областью для историковъ, и только въ послѣдніе годы стали появляться драгоцѣнные матеріалы для ея изученія: сборники архивныхъ документовъ, біографіи дипломатическихъ дѣятелей и ихъ письма, наконецъ, воспоминанія современниковъ о международныхъ сношеніяхъ петербургскаго кабинета. Среди этихъ международныхъ сношеній, быть можетъ, наиболѣе интересныя и важныя по результатамъ были съ Англіей; они, какъ извѣстно, начались съ половины XVI столѣтія, именно, съ отправки въ 1556 г. перваго посла въ Лондонъ, Осипа Григорьевича Непея, но до Петра Великаго имѣли характеръ случайный, такъ какъ чрезвычайныя посольства отправлялись въ необходимыхъ случаяхъ и, по окончаніи возложеннаго на представителей Россіи порученія, они возвращались на родину. Только Петръ назначилъ Андрея Артамоновича Матвѣева первымъ постояннымъ посломъ при англійскомъ дворѣ въ 1707 году; поэтому черезъ девять лѣтъ наступить двухвѣковой юбилей правильныхъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Англіей. Хотя нѣтъ еще полной общей исторіи двухсотлѣтней русской дипломатической дѣятельности въ Англіи, но недавно вышла обширная монографія В. Н. Александренко «Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII вѣкѣ», а относительно XIX вѣка, можно почерпнуть основательныя свѣдѣнія изъ XI тома «Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами», издаваемаго Ф. Мартенсомъ, который связываетъ текстъ трактатовъ мастерскими историческими очерками,

основанными на неизданныхъ архивныхъ данныхъ, изъ его же статей объ отношеніяхъ между Россіей и Англійей при Николаѣ I, напечатанныхъ въ «Космополисѣ» за прошедшій годъ и въ «Вѣстникѣ Европы», за 1896 и 1898 г., а также изъ переписки гр. К. В. Несельроде съ кн. М. С. Воронцовымъ, помѣщенной въ сороковомъ томѣ «Архива кн. Воронцова», и къ которой приложены депеши русскаго посла въ Лондонѣ, барона Брунова. Такимъ образомъ, съ помощью этихъ почтенныхъ трудовъ, легко составить себѣ ясное понятіе о представителяхъ Россіи въ Лондонѣ отъ Петра Великаго до Николая I, объ ихъ разнообразной дѣятельности, ихъ отношеніяхъ къ англійскимъ государственнымъ людямъ, ихъ роли въ англійской общественной жизни и вліяніи Англии на нихъ, а потому мы и постараемся набросать картинку того, чѣмъ были и что дѣлали въ Лондонѣ русскіе дипломаты, но теперь ограничимся XVIII вѣкомъ, такъ какъ главные матеріалы объ эпохѣ Николая I еще вполне не напечатаны, именно, «Сборникъ трактатовъ» профессора Мартенса остановился на 1831 г., и обширная статья того же Мартенса «Россія и Англія въ царствованіе императора Николая I», начатая печатаніемъ съ январьской книжки «Вѣстника Европы» за настоящій годъ, еще не окончена. Что же касается, перваго столѣтія дѣятельности въ Лондонѣ русскихъ дипломатовъ, то, кромѣ книги профессора В. Н. Александренко, существуетъ немало другихъ цѣнныхъ матеріаловъ, преимущественно въ реляціяхъ кн. А. Д. Кантемира, изданныхъ тѣмъ же В. Н. Александренко, въ архивахъ кн. Куракина и кн. Воронцова, въ X т. «Собранія трактатовъ» Мартенса и въ различныхъ томахъ «Сборника» имп. русс. ист. общества, а потому очеркъ этой дѣятельности можетъ отличаться болѣею полнотою и живостью.

Но прежде всего необходимо сказать нѣсколько словъ о трудѣ В. Н. Александренко ¹⁾, которымъ наиболѣе всего руководствовался составитель этого очерка. Занимая кафедру въ Варшавскомъ университетѣ и уже десять лѣтъ знакомя публику съ своими работами по изученію вопросовъ, касающихся русской дипломатіи и англійской администраціи, профессоръ Александренко какъ нельзя болѣе компетентенъ для составленія обстоятельной монографіи о русскихъ дипломатахъ въ Лондонѣ въ XVIII вѣкѣ. Предыдущія его сочиненія, съ одной стороны: «Реляціи кн. А. Д. Кантемира изъ Лондона», которыя будутъ состоять изъ трехъ томовъ, хотя вышель еще только одинъ, «Русская посольская церковь въ Лондонѣ въ XVIII вѣкѣ», брошюра, вошедшая цѣликомъ въ новую его книгу «Къ біографіи кн. А. Д. Кантемира», также брошюра по случаю недавняго юбилея знаменитаго дипломата и сатирика, съ перечнемъ

¹⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII столѣтіи», В. Н. Александренко. Варшава. 1897. 2 тома.

трехсотъ книгъ его бібліотеки, два письма изъ Лондона, помѣщенныя въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» за 1889 г., о найденной имъ въ англійскихъ архивахъ перепискѣ кн. А. Кантемира и небольшой брошюрѣ «Изъ переписки княгини Ливень съ графомъ Греемъ», а съ другой: «Англійскій тайный совѣтъ и его исторія», въ 2 томахъ, «Новая реформа мѣстнаго управленія въ Англии» и «О правахъ и преимуществахъ дипломатическихъ агентовъ», — вполне подготавливали почву для настоящаго труда. Поставивъ себѣ теперѣ цѣлю представить полную картину дѣятельности русскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Англии въ XVIII столѣтіи и освѣтить ее теоретическимъ обсужденіемъ всѣхъ вопросовъ посольскаго права, почти у насъ не разработаннаго, авторъ старательно изучилъ подлинныя документы по избранному имъ предмету въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ лондонскомъ государственномъ архивѣ, въ рукописномъ отдѣленіи Британскаго музея въ Лондонѣ, въ парижскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ архивѣ Бастилии въ Парижѣ, въ с.-петербургскомъ государственномъ архивѣ и въ архивѣ таможеннаго департамента, бывшей комерцъ-коллегіи, уже не говоря о печатныхъ матеріалахъ. Въ результатѣ получилось основательное и добросовѣстное изслѣдованіе въ двухъ томахъ. Первый изъ нихъ посвященъ исторіи русскихъ посольствъ въ Англии съ Петра Великаго до Александра I, причемъ изложено въ первыхъ четырехъ главахъ общій очеркъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Англійей въ прошедшемъ вѣкѣ, съ характеристикой всѣхъ ея дипломатическихъ агентовъ въ Лондонѣ, а въ остальныхъ главахъ разсмотрѣны съ теоретической и исторической точекъ зрѣнія всѣ разнообразныя вопросы дипломатической службы: назначеніе дипломатическихъ агентовъ, ихъ прибытіе на мѣсто, права ихъ и преимущества, функціи ихъ дѣятельности, порядокъ ихъ сношеній, лица и учрежденія, имъ подчиненныя, и высшіе органы международныхъ сношеній. Во второмъ томѣ помѣщены матеріалы: выписки изъ статейныхъ списковъ, рескрипты, инструкции, реляціи, депеши и письма, относящіяся до различныхъ посольствъ и расположенныя хронологически. Заключеніемъ почтеннаго и въ высшей степени полезнаго труда профессора Александренко служатъ выводы, къ которымъ онъ приходитъ въ послѣдней главѣ перваго тома. По его словамъ, «дипломатическія сношенія Россіи съ Англійей, сдѣлавшись постоянными и правильно-организованными въ XVIII вѣкѣ, приобрѣли важное значеніе вслѣдствіе первенствующаго положенія Англійи на морѣ, ея культурно-политическаго вліянія и обширныхъ торговыхъ связей съ Россіей. Въ области этихъ сношеній зарождаются идеи (вооруженный нейтралитетъ), имѣющія мировое значеніе, и назрѣвали вопросы (восточный и среднеазиатскій), разрѣшеніе которыхъ принадлежитъ будущему, и изученіе

которыхъ на долгое время сохранить свой интересъ. Функціи политическія постоянно являются важнѣйшими у русскихъ дипломатическихъ агентовъ, а задачи мирнаго характера играютъ второстепенное значеніе, хоть тѣ и другія обширны». Права и преимущества этихъ агентовъ были окончательно обезпечены еще въ началѣ прошедшаго столѣтія, а если коллегія иностранныхъ дѣлъ не исполнѣ отвѣчала своей задачѣ руководить посольскими дѣлами, то при учрежденіи министерства иностранныхъ дѣлъ въ царствованіе Александра I самостоятельность дипломатическихъ агентовъ уменьшилась, и самая жизнеспособность дипломатическаго представительства стала подвергаться сомнѣнію.

Конечно, для общаго читателя книга Александренко покажется слишкомъ спеціальной, сухой и скучной, но для всѣхъ интересующихся вопросами иностранной политики она не только представляетъ цѣнное пособіе, но и можетъ служить для справокъ по различнымъ дипломатическимъ вопросамъ, постоянно возникающимъ при чтеніи газетъ. Кромѣ того, въ ней встрѣчаются очень интересныя и новыя свѣдѣнія объ отношеніяхъ русскихъ дипломатическихъ агентовъ къ англійскому обществу и печати, о культурно-политическомъ вліяніи на нихъ Англійи и о положеніи русскихъ учащихся молодыхъ людей, состоявшихъ подъ покровительствомъ посольства. Этими вопросамъ и вообще всему, что имѣетъ общій интересъ въ русской дипломатической дѣятельности въ Англійи прошедшаго столѣтія, преимущественно посвященъ настоящій очеркъ, изъ котораго старательно устранены спеціальныя вопросы политики и дипломатической техники.

I.

7-го мая 1707 года, прибылъ въ Англійю первый постоянный русскій посоль, ближній окольничій, Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, котораго Петръ Великій отправилъ «въ взаимное благодареніе» за присылку чрезвычайнаго англійскаго посланника въ Петербургъ, Карла Витворта, королевой Анной. Трудно было выбрать лучшаго человѣка для начала дипломатической дѣятельности въ новой странѣ, такъ какъ Матвѣевъ, сынъ знаменитаго боярина Артамова Сергѣевича, былъ ранѣ посломъ въ Голландію, ѣздилъ съ секретной миссіей въ Парижъ и считался однимъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ русскихъ людей того времени. Д'Ибервилль писалъ Кольберу: «Я нашелъ въ этомъ посланникѣ гораздо болѣе ума, болѣе свѣдѣній объ европейскихъ дѣлахъ и болѣе обходительности, нежели сколько могъ ожидать отъ русскаго» ¹⁾. Въ Лондонѣ его встрѣ-

¹⁾ «Обозрѣніе современныхъ извѣстій о замѣчательныхъ лицахъ въ царствованіе Петра I и Екатерины I», А. И. Тургенева. Журналъ министерства народного просвѣщенія, 1844 года. Т. ХLI, стр. 117—118.

тили очень хорошо и отвели ему даровую квартиру въ домѣ герцога Нортумберланда, и на десятый день послѣ его прїѣзда онъ былъ принятъ королевой въ «приватной аудіенціи, въ домѣ, называемомъ Сентджемсъ». Вотъ какъ графически описывается это представленіе въ статейномъ спискѣ Матвѣева ¹⁾. «Присланъ былъ по него, посла, церемоніймейстеръ господинъ Шевалье Катерель съ товарищемъ своимъ, съ господиномъ Энгитьсомъ, и провожали его, посла, черезъ весь тотъ королевинъ домъ, гдѣ стояла гвардія и честь ему, послу, отдавала. Немного послѣ того, вышедши изъ королевина кабинета, статскій секретарь сѣверныхъ иностранныхъ дѣлъ, господинъ Гарлей, объявилъ ему, послу, что ея королевино величество готова есть

Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ.

его видѣть, чтобъ онъ, посоль, шелъ, котораго онъ провожалъ, вмѣстѣ и вышеупомянутые церемоніемейстеры, до кабинета, а въ кабинетъ тотъ ввелъ токмо онъ, господинъ Гарлей, а тѣ церемоніемейстеры остались у дверей. Вшедши, онъ, посоль, въ тотъ кабинетъ и увидѣвъ, что ея королевино величество стояла при своемъ ледикантѣ, или кровати, по обычаю, въ уборѣ изрядномъ, учинилъ ей обыкновенные три поклона; насупротивъ того, и ея величество, стоя на мѣстѣ своемъ, учтиво уклоняться ему изволила; при томъ онъ, посоль, по-французски въ пристойныхъ изъясненіяхъ отправя ея величеству приличную рѣчь, вручилъ ей, королевѣ самой, его царскаго величества присланную съ нимъ, посломъ, грамоту, которую она, съ лю-

¹⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», В. Н. Александренко. Томъ II, стр. 2—3.

бовнымъ почтеніемъ сама принявъ, отдала тѣму вышеупомянутому статскому секретарю, и послѣ того ея величество на французскомъ языкѣ въ словахъ зѣло склонныхъ отвѣтствовала ему, послу, съ обнадеживаніемъ доброжелательной своей нынѣ и впредь съ его царскимъ величествомъ дружбы и пріятельской пересылки, и что за пересылку въ его посольской особѣ ея величеству пріятна есть. Потомъ окончивъ вышеупомянутую церемонію, онъ, посолъ, отдавъ по обыкновенному чину поклоны свои, въ пополненіе получилъ еще отъ ея величества отвѣтъ, что о наказанныхъ ему, послу, дѣлахъ прикажетъ она немедленно назначить своихъ министровъ къ выслушанію оныхъ».

Дѣйствительно, между Матвѣевымъ и Гарлеемъ начались переговоры, и первый представлялъ записки, въ которыхъ подробно излагалъ намѣренія Петра, который предписывалъ ему въ инструкціи, данной при отъѣздѣ: 1) предложить заключеніе союза ко взаимной пользѣ обоихъ государствъ и ихъ подданныхъ, 2) напомнить о посредничествѣ въ войнѣ съ Швеціей, которое предлагалъ Витвортъ, но въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, 3) заявить о готовности царя вступить въ «великую аліанцію» и послать войска союзникамъ туда, гдѣ это окажется нужнымъ, и 4) заключить торговый трактатъ, который могъ бы дать прочную гарантію интересамъ англичанъ и большія выгоды изъ прямыхъ сношеній съ пристанями Балтійскаго моря ¹⁾. Но англійское правительство долго не давало рѣшительнаго отвѣта и все медлило, ссылаясь на отсутствіе всемогущаго тогда герцога Марльборо, который воевалъ съ Франціей на континентѣ. Въ сущности, этотъ искусный полководецъ и опытный дипломатъ былъ рѣшительнымъ противникомъ завоевательной политики Россіи и вовсе не желалъ союза съ ней, а потому писалъ первому министру Годольфину изъ Гаги до прибытія Матвѣева въ Лондонъ: «конечно, вы не будете въ состояніи удовлетворить его въ какой либо части переговоровъ съ нимъ». Вернувшись, наконецъ, 9 ноября въ Англію, онъ также рѣзко сказалъ министрамъ: «Старайтесь замаять дѣло, не оскорбляя царя, но не подлежатъ допустить его въ великій союзъ» ²⁾. Но, несмотря на постоянныя увертки, проволочки и смутныя обѣщанія англійскаго правительства, Матвѣевъ узналъ, что Англія, по наущенію прусскаго и ганноверскаго дворовъ, боявшихся усиленія Россіи, тайно поддерживала Швецію въ продолженіе военныхъ дѣйствій противъ Россіи, вмѣсто предложеннаго посредничества о мирѣ, и сообщилъ объ этомъ Петру, а когда еще, вопреки настояніямъ царя, Англія признала его врага Станислава Лещинскаго польскимъ королемъ, то онъ пересталъ являться ко двору Анны, и въ виду полной неудачи

¹⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты». Т. I, стр. 4—5.

²⁾ Тамъ же, стр. 6.

дипломатическаго порученія, «не отъ произвола королевы, но отъ тѣхъ, которые здѣсь ея мочь и силу превосходятъ», по собственному его выраженію, въ письмѣ къ канцлеру графу Головкину отъ 29 іюля 1708 года ¹⁾, онъ былъ отозванъ изъ Лондона, гдѣ пробылъ всего четырнадцать мѣсяцевъ. Онъ откланялся въ Виндзорѣ Аннѣ, которая повторила ему увѣренія въ дружбѣ къ русскому государю, а затѣмъ его «почтили столомъ статскій секретарь Боель и милордъ дукъ Дармондъ, капитанъ въ конной гвардіи королевиной, гдѣ былъ принятъ съ неописанной честью и съ такой учтивостью и любительствомъ, какого во всю бытность въ Англіи не видалъ» ²⁾.

Но эти любезности не могли позолотить для него горькой пилюли, тѣмъ болѣе, что, кромѣ политической неудачи, онъ потерпѣлъ еще фiasco въ борьбѣ съ враждебными Россіи выходками англійской прессы и, наконецъ, передъ самымъ отъѣздомъ, подвергся личному оскорбленію, именно, аресту за долги. Что касается первой неприятности, то она заключалась въ слѣдующемъ. Англійская печать уже въ то время пользовалась почти совершенной свободой, и правительство потеряло право опеки надъ нею путемъ административныхъ мѣръ, а потому, когда Матвѣевъ, прочитавъ въ либеральной газетѣ «Flyig Post», въ февралѣ 1708 года, извѣстіе о томъ, что «король шведскій намѣренъ низложить съ престола русскаго царя», просилъ въ письмѣ къ Бойлю о наказаніи «сочинителя этого извѣстія, типографщика и издателя», то получилъ неудовлетворительный отвѣтъ. Но Матвѣевъ не унялся, такъ какъ онъ, несмотря на свое европейское образованіе, не терпѣлъ журналистовъ и, еще будучи посломъ въ Гагѣ, напалъ на одного тамошняго журналиста за то, что онъ въ своей статьѣ поставилъ имя русскаго посла шведа ³⁾. Спустя два мѣсяца, въ апрѣлѣ, офиціозный органъ London Gazette сообщилъ, что Карлъ XII рѣшился отнять русскій престолъ у Петра и сдѣлать его преемникомъ царевича Алексѣя, обязавъ его ввести конституцію; тотчасъ Матвѣевъ вторично пожаловался министру на «безстыдство газетчиковъ, надѣясь, что оно будетъ наказано за прошлое и предотвращено на будущее время» ⁴⁾. Но, по справедливому замѣчанію В. Н. Александренко, англійскій министръ не могъ сдѣлать ни одного, ни другого, такъ какъ жалоба Матвѣева носила голословный характеръ и не подкрѣплялась доказательствами, при наличности которыхъ могло бы быть возбуждено преслѣдованіе судебнымъ порядкомъ; къ тому же, скандалъ, лично приключившійся съ нимъ, и его отъѣздъ заглушили возбужденный имъ вопросъ, объ

¹⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты»; т. II, стр. 7.

²⁾ Тамъ же, стр. 8.

³⁾ «Поѣздка графа Матвѣева въ Парижъ въ 1705 году», Покарскаго. Современникъ, 1856, № 6. стр. 4—6.

⁴⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты»; т. I, стр. 282.

оскорбительныхъ для его правительства газетныхъ извѣстiяхъ, который однако возобновился при его преемникахъ.

Дѣло объ оскорбленiи русскаго посла надѣлало въ свое время много шума, едва не возбудило разрыва между Россiей и Англiей, причинило продолжительную дипломатическую переписку и послужило поводомъ къ принятию парламентомъ новаго закона о привилегiяхъ дипломатическихъ агентовъ. Самое происшествiе очень драматически рассказано въ указанномъ уже письмѣ Матвѣева. «Въ 21 день iюня,—говоритъ онъ;—въ 9 часу вечера я поѣхалъ для свиданiя съ чужестранными министрами, которымъ звичайно есть по средамъ собираться на дворъ, Сомерсетъ Гаусъ названный, чтобъ увѣдать мнѣ о новинахъ, понеже того дня двѣ почты изъ Фляндрии чрезъ Остенду сюды прибыли. Когда я изъ Сенджемской къ улицѣ отъ двора дука Болтона съ каретой переѣзжалъ, необычайной ночью три человекъ напали на меня, съ свирѣпымъ видомъ и звѣрообразнымъ озлобленiемъ, и не показавъ мнѣ никакихъ указовъ, не объявляя причины, карету мою задержавъ и лакеевъ въ либереѣ моей разбивъ, вошли двое въ карету мою, а третiй сталъ козлахъ на сторонѣ и велѣли кучеру, какъ наискорѣе, мчать меня невѣдомо куды. Несмотря, я, что тѣ люди разбойнически нападши на меня внѣ всякой наименьшей причины отъ меня имъ, и которыхъ я николи зналъ, а особливо же, что меня въ каретѣ стали бить, шпагу и трость, и шляпу отбили, уразумѣлъ, что злой и наглой мнѣ смерти отъ нихъ конецъ будетъ послѣдовать. Чрезъ всѣ силы мои сталъ я кричать воплемъ великимъ, въ которое время всѣ въ каретѣ тѣ плуты меня также били и держали за воротъ, и платье изодрали съ такимъ барбарствомъ, какъ описать не могу. На тотъ крикъ мой на улицѣ, Шарлестритъ названной, близъ оперы собравшiйся народъ, услыша таковое неслыханное въ свѣтѣ не только послушно и меньшаго градуса публичному министру оскорбленiе, насилу мою карету, овладѣнную отъ тѣхъ плутовъ, удержали и вывели меня изъ кареты, безобразно разбитаго въ таверну, или домъ, гдѣ сходятся ѣсть, Олеу Постъ называемый. Тѣ плуты, увидя свое злочинство, избояся отъ народа себѣ великой бѣды, объявили причину, что я будто по причинѣ и по письму, имъ данному отъ правительства купеческаго, шерифа именуемаго, за долгъ двумъ купцамъ, угольному и кружевному въ 50 фунтовъ, они меня взяли за арестъ. Съ того кабарета, т. е. таверны, они, взявъ меня по расходѣ людей и кинувъ въ извозчичью карету, повезли въ домъ, гдѣ въ великихъ долгахъ арестуютъ людей, и еслибъ одинъ лекаръ, французанинъ, прозвищемъ Лафашъ, не случился при томъ и въ карету со мною не сѣлъ, я чаю, что тѣ плуты-балыи своими бы людьми умертвили меня или куда безвѣстно завезли» ¹⁾. Еще изъ

¹⁾ «Русскiе дипломатическiе агенты», т. II, стр. 9—11.

таверны перепуганный и взбѣшенный Матвѣевъ увѣдомилъ своихъ товарищей пословъ о случившемся и вызвалъ знакомаго купца, Стельси, чтобъ онъ взялъ его на поруки. Немедленно явились къ нему посланники флорентинскій, кавалеръ Жиральди, и португальскій, Данлукъ, два лорда, Лафордъ и Февершаль, а также приказчикъ Стельса, Робинсонъ, такъ какъ его хозяина не оказалось дома. Первые четыре выказали усердную дружбу Матвѣеву и остались съ нимъ до 2 часовъ ночи, когда его высвободили изъ «того мерзостей исполненнаго дому тиранскаго», такъ какъ «Робинсонъ взялъ на свое имя ту раздѣлку», а затѣмъ всѣ проводили до дому оскорбленнаго посла.

Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ.

Хотя Матвѣевъ и признавалъ, что онъ долженъ означеннымъ купцамъ 50 фунтовъ, явиться за которыми назначилъ имъ 23-го числа, но пришелъ въ ярость отъ подобнаго «аффронта» и заподозрѣлъ въ этомъ тайные ковы враждебнаго Россіи шведскаго посла. Все это онъ объяснилъ на словахъ, посѣтившему его на другой день, Бойлю и въ поданномъ меморіалѣ, требуя удовлетворенія за оскорбленіе священной чести русскаго государя. Его жалобу поддерживали всѣ остальные послы въ Лондонѣ. Не получая рѣшительнаго отвѣта, Матвѣевъ еще два раза писалъ Бойлю, настаивая на своемъ требованіи и, наконецъ, не взявъ, установленныхъ по случаю отъѣзда посла, подарковъ, уѣхалъ 20 іюля въ Гагу, откуда продол-

жалъ бомбардировать по своему дѣлу англійскаго министра, уже прямо заявляя, что царь требуетъ смертной казни для всѣхъ, нанесшихъ ему оскорбленіе. При такомъ оборотѣ дѣла, въ Англіи стали бояться, чтобы Петръ не вымѣстилъ своей злобы на англійскихъ купцахъ, находившихся въ Россіи, и поручено было послу Витворту, не жалѣя «ни усилій, и расходовъ» ¹⁾ предотвратить грозу; при этомъ было сообщено, что по этому дѣлу арестовано 17 человѣкъ, которые ждутъ суда, и что королева готова выразить свое сожалѣніе и неудовольствіе по поводу «недостойнаго оскорбленія, нанесеннаго русскому послу, посылкой чрезвычайнаго посольства, которое вручить царю самое любезное письмо королевы». Витвортъ старался успокоить свое правительство и писалъ въ своей депешѣ отъ 1 сентября 1708 года: «Я надѣюсь, что это происшествіе не повлечетъ за собою никакихъ печальныхъ послѣдствій, особенно, если русскіе вспомнятъ, сколько я здѣсь перенесъ непріятностей, совершенно незаслуженныхъ, и какъ я былъ мало требователенъ въ своихъ притязаніяхъ на удовлетвореніе. Короче, къ вопросамъ чести здѣсь относятся не очень строго, и царскій гнѣвъ будетъ незначителенъ, развѣ Матвѣевъ представитъ очень страстный отчетъ, или послѣдній попадетъ царю въ недобрый часъ» ²⁾. Когда же Петръ потребовалъ смертной казни оскорбителей своей чести, въ лицѣ его посла, то Витвортъ такъ объясняетъ это требованіе, въ депешѣ отъ 8 декабря: «не думаю, чтобъ казнь оскорбителей доставила удовольствіе царю, но онъ желалъ бы смертнаго надъ ними приговора, для устрашенія другихъ, а также, чтобъ ему предоставлено было право помилованія ради поддержанія достоинства Россіи и его представителей въ прочихъ государствахъ; такой порядокъ обыченъ въ Германіи при подобныхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, и ему слѣдовали и здѣсь въ Россіи» ³⁾. Однако смертная казнь была несогласна въ этомъ случаѣ съ англійскими законами и судопроизводствомъ, а потому Байль отвѣчалъ Витворту: «нельзя ожидать, чтобъ мы нарушили конституцію, извративъ основныя начала государственнаго управленія ради удовлетворенія подобнаго требованія» ⁴⁾. А такъ какъ все-таки надо было найти средство поладить съ Петромъ, то былъ придуманъ очень искусный и ловкій выходъ изъ затруднительнаго положенія.

Парламенту былъ предложенъ новый билль о сохраненіи привилегій пословъ и публичныхъ министровъ отъ иностранныхъ государей и чиновъ, мотивомъ котораго приведено «грубое, безчестье, нанесенное возмутительными и безпорядочными людьми особѣ чрез-

¹⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», I т., 216 стр.

²⁾ Сборникъ имп. р. ист. об., т. 50, стр. 46—47.

³⁾ Тамъ же, стр. 116—117.

⁴⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», т. I, стр. 218.

вычайнаго посла, императора всероссійскаго, добраго пріятеля и союзника великобританской королевы, чѣмъ умалена и поругана ея королевскимъ величествомъ дарованная защита, вопреки международному праву и къ ущербу правъ и привилегій, которые посламъ и инымъ дипломатическимъ агентамъ, какъ таковымъ назначеннымъ и принятымъ, всегда принадлежать и свято ненарушимо подобаютъ быть соблюдаемы»¹⁾. Самый актъ состоялъ изъ двухъ частей: въ первой уничтожались и признавались недѣйствительными всѣ существующіе по дѣлу Матвѣева иски, жалобы, указы, поруки и т. д., а вторая устанавливала, съ одной стороны, недѣйствительность впредь подобныхъ дѣйствій противъ пословъ и дипломатическихъ агентовъ, а равно ихъ служителей и слугъ, имена которыхъ внесены въ списки, вывѣшанные у мѣстныхъ шерифовъ, за исключеніемъ купцовъ, подлежащихъ статутамъ о банкротствѣ и вступившихъ на посольскую службу, а съ другой, уголовную отвѣтственность нарушителей этого закона, которые, какъ возмутители общественнаго спокойствія, подвергались работамъ, штрафамъ и тѣлеснымъ наказаніямъ по опредѣленію лорда-канцлера, лорда хранителя печати, или предсѣдателей судовъ общихъ тяжбъ и королевской скамьи. Такъ какъ этотъ билль имѣлъ международный характеръ, то онъ былъ сообщенъ всѣмъ членамъ дипломатическаго корпуса, но ихъ замѣчанія насчетъ большаго расширенія ихъ привилегій не были уважены, и билль, принятый парламентомъ, сохранилъ до сихъ поръ свою силу. Такимъ образомъ, непріятный случай съ Матвѣевымъ породилъ парламентскій актъ, который урегулировалъ положеніе въ Англіи дипломатическихъ агентовъ всѣхъ странъ и даже послужилъ впоследствии образцомъ для таковой же законодательной мѣры въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ.

Въ виду этого билля, могущаго считаться удовлетвореніемъ Россіи, и на томъ основаніи, что не только смертный приговоръ оскорбителей Матвѣева былъ невыносимъ, но при независимости судей нельзя было поручиться за исходъ процесса, министерство прекратило злополучное дѣло весной 1709 года, а Витворта возвелъ въ званіе чрезвычайнаго посла и поручило ему прикончить «скучное дѣло». Однако долго пришлось Витворту ждать царя, воевавшаго съ шведами; его торжественная аудіенція состоялась лишь въ февралѣ 1710 года. Вернувшись въ столицу послѣ полтавской побѣды, Петръ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и на англійскую рѣчь Витворта, въ которой онъ изложилъ все, что сдѣлано англійскимъ правительствомъ, дабы дать должное удовлетвореніе царю, и просилъ отъ имени королевы этотъ несчастный случай «ея королевскому величеству и народу британскому не ставить въ вину, но всеконечному забвенію предать», отвѣчалъ порусски, что «надлежало было ея

¹⁾ Русскіе дипломатическіе агенты, т. II, стр. 14—18.

королевскому величеству дать сатисфакцію и, по желанію его, тѣхъ преступниковъ, по обычаю всего свѣта, наижесточайше наказать»¹⁾, но коль скоро это невозможно за неполнотой конституціи, государь, принимая на видъ вниманіе націи, выраженное въ парламентскомъ актѣ, а также честь, оказанную ея величествомъ королевой настоящимъ посольствомъ, то согласенъ принять предлагаемое удовлетвореніе и прикажетъ министрамъ обсудить остальные статьи въ особомъ совѣщаніи. «Это совѣщанье состоялось въ тотъ же день; графъ Головкинъ и другіе министры только повторили Витворту увѣреніе его величества въ совершенномъ уваженіи и дружественномъ расположеніи къ королевѣ, а Витвортъ поблагодарилъ ихъ за то, что они содѣйствовали соглашенію. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ подарокъ въ 400 фун. ст. Шафирову, который заявилъ, что впредь готовъ служить Англій. Такъ кончилось пресловутое дѣло Матвѣева, и чтобы окончательно похоронить его, Бойль написалъ любезное письмо Матвѣеву и просилъ принять 3,000 ф. ст. и цѣнныхъ вещей на 500 ф. ст. для «его сожительницы», но Матвѣевъ отвѣтилъ отказомъ. Кто была эта «сожительница», не разъясняется ни В. Александренко, ни А. Тургеневымъ, который говоритъ о «Лаурѣ, любимицѣ Матвѣева, писавшей письма въ Римъ, заботясь о привлеченіи тамошнихъ грековъ въ союзъ съ русскими»²⁾, ни Пекарскій, рассказывающій о красивой молодой женѣ Матвѣева, который такъ ее ревновалъ, что однажды набросился на башмачника, потому что тотъ, ему показалось, снимая мѣрку, пожалъ маленькую ножку его жены. Во всякомъ случаѣ, что Матвѣевъ не взялъ взятки, дѣлаетъ ему честь, такъ какъ въ тѣ времена подобные подарки не считались позорными, что доказываетъ примѣръ Шафирова. Дальнѣйшая жизнь Андрея Артамановича протекла мирно, спокойно; въ Гагѣ онъ оставался до 1712 г., потомъ былъ переведенъ въ Вѣну, гдѣ произведенъ въ графы Римской имперіи, въ 1819 назначенъ сенаторомъ и президентомъ юстицъ-коллегіи, а въ 1827 году уволенъ отъ дѣлъ и спустя годъ умеръ, на 62 году жизни.

II.

Болѣе двухъ лѣтъ длилось «досадительное дѣло» Матвѣева, и только по его окончаніи былъ назначенъ новый представитель Россіи въ Англій—князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ. Хотя онъ былъ гвардейскимъ подполковникомъ и участвовалъ во взятіи Азова, но въ 1697 г. отправленъ въ Венецію «для изученія европейскихъ языковъ, математики, мореплаванія, равно какъ для примѣчанія чуже-

¹⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», т. I, стр. 222.

²⁾ «Журналъ министерства народнаго просв.», 1844, т. XIII, стр. 120.

³⁾ Современникъ, 1856 г., № 6, стр. 46.

странныхъ нравовъ и поведенія», а въ 1707 году велъ съ папой переговоры о непризнаніи Станислава Лещинскаго польскимъ королемъ. Вообще, это былъ также, какъ Матвѣевъ, человѣкъ образованный, но отличался большимъ тактомъ и наблюдательностью. Онъ прибылъ въ Лондонъ въ октябрѣ 1710 г. съ чиномъ полномочнаго министра, оставался тамъ 10 мѣсяцевъ и очень характеристично

Князь Антиохъ Дмитріевичъ Кантемиръ.

резюмировалъ свою тогдашнюю дѣятельность въ своихъ мемуарахъ, писанныхъ въ 1712 г. «Въ это время,—говоритъ онъ,—я прожилъ государевыхъ 6.000 ефимковъ, да своихъ 10.000 со всякою магницею, что и министровъ и другихъ всѣхъ трактовалъ. То правда, что по се число такъ регольно и пространно нигдѣ домомъ своимъ такъ не жилъ, какъ уже мнѣ была сія четвертая комиссія. Теперь о дѣлахъ своихъ кратко объявлю. По инструкціямъ, мнѣ

даннымъ, что по желанію его царскаго величества, все то исправилъ... Что же было непорядочное аффронту господина посла Матвѣва, и то заглажено. На остатокъ объявляю, что отгѣхаль безъ долгу и со всякимъ отъ всѣхъ почтеніемъ и великою эстимою, какъ уже и публичныя газеты о томъ объявляютъ. Особливо жъ себѣ кредитъ великой тѣмъ учинилъ, какъ мой гофмейстеръ наплутавъ многіе долги учинилъ, за котораго съ полтрети тысячи ефимковъ заплатилъ. И прежде своего отгѣзду за 8 дней чрезъ газету публиковалъ, ежели кто имѣетъ долги, чтобъ приходили для того, что вскорѣ буду отгѣзжать, и тѣмъ великую себѣ славу прибрѣлъ. Окончивъ эту комиссію аглинскую и получа отгѣтствованную на вѣрющую, съ великою похвалою себѣ отгѣхаль до Голландіи¹⁾. Дѣйствительно, хотя сначала въ Лондонѣ кн. Куракина принимали холодно и сдержанно, но его быстро оцѣнили, и статсъ-секретарь, герцогъ Куинсбури, писалъ Витворту послѣ его отгѣзда: «Очень сожалѣю, что приходится разстаться съ нимъ такъ неожиданно, тѣмъ болѣе, что онъ держалъ себя здѣсь прекрасно; врядъ ли при замѣнѣ можно ожидать чего нибудь лучшаго»²⁾.

Предчувствіе англійскаго государственнаго человѣка оправдалось. На мѣсто кн. Куракина, отозваннаго Петромъ въ армію, назначенъ надворный совѣтникъ фонъ-деръ-Лить, бывший при прусскомъ дворѣ чрезвычайнымъ посланникомъ, но онъ прибылъ въ Лондонѣ только два года, и его дѣятельность была самая блѣдная, безцвѣтная; онъ не заботился объ интересахъ Россіи и даже молчалъ, когда при немъ бранили его родину. Въ послѣднемъ отношеніи очень знаменательно его письмо къ гр. Головкину отъ 30 декабря 1712 г.: «Мнѣ самому,— пишетъ онъ,—учинена обида, что одинъ изъ моихъ заимодавцевъ о заплатѣ долгу съ великой грубостью мнѣ напоминалъ и черезъ сей случай російскую націю бранными словами поносилъ; я принужденъ былъ въ томъ ему смолчать, понеже его претензія справедлива, а я оной заплатить не въ состояніи былъ»³⁾. Относительно его политической дѣятельности извѣстно только изъ письма къ нему статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ Болинброка отъ того же дня, что онъ жаловался на оскорбительное выраженіе въ газетѣ «Post-Boy» о Петрѣ, и что королева приказала генеральному прокурору преслѣдовать автора судебнымъ порядкомъ, но какія изъ этого были послѣдствія неизвѣстно, а, по всей вѣроятности, это дѣло окончилось также неудовлетворительно, какъ жалобы Матвѣва на англійскую прессу⁴⁾. О замѣнившемъ Лита въ 1713 году баронѣ Шакѣ, датскомъ камергерѣ, принятомъ на русскую службу, существуетъ еще менѣе

¹⁾ «Архивъ кн. Куракина», т. III, стр. 302—303.

²⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», т. I, стр. 8.

³⁾ Тамъ же, т. II, стр. 24.

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 9.

свѣдѣній, и заслуживаетъ вниманія лишь, что въ данной ему инструкціи гр. Головкина сказано, что «по невозможности дать напередъ инструкціи, государь полагается на доброе искусство посла». «Такимъ образомъ,—замѣчаетъ В. Александренко,—эта инструкція устанавливала принципъ, впоследствии принятый въ теоріи и въ практикѣ, по которому способный дипломатическій агентъ не нуждается въ подробной инструкціи, которая давалась прежнимъ представителямъ Московскаго государства». Но «доброе искусство» датскаго камергера не удовлетворяло Петра, и хотя баронъ Шакъ былъ отозванъ официально съ увольненіемъ отъ русской службы, но въ этотъ промежутокъ времени, отъ 2 октября 1714 г. по 2 июль 1715 года, снова находился въ Лондонѣ съ титуломъ посла князь Б. И. Куракинъ, который до тѣхъ поръ былъ посломъ въ Голландіи и представителемъ Россіи на Утрехтскомъ конгрессѣ. Такимъ образомъ, онъ принялъ отъ Шака и сдалъ ему свою должность да, кромѣ того, еще временно оставлялъ его за себя въ Лондонѣ, когда онъ ѣздилъ на Брауншвейгскій конгрессъ, но онъ несочувственно относился къ нему и писалъ графу Головкину въ декабрѣ 1714 г.: «По должности своей доношу, что здѣсь лучше быть министру изъ русскихъ, и потому что теперь къ интересамъ царскаго величества присоединились дѣла имперскія, причемъ иностранцы имѣютъ свои собственные интересы, и потому что англичанамъ министръ изъ русскихъ пріятнѣе, чѣмъ изъ нѣмцевъ»¹⁾.

Однако, несмотря на популярность князя Куракина въ Лондонѣ, его второе посольство не было такъ удачно, какъ первое, и данное ему порученіе заключить съ Англіей оборонительный союзъ и торговый трактатъ не увѣнчалось успѣхомъ. Покинувъ еще разъ Лондонъ, онъ былъ посломъ въ Гагѣ, Ганноверѣ и Парижѣ, гдѣ и умеръ въ 1727 году. Послѣ его кратковременнаго двойнаго посольства въ Англію осталось много любопытныхъ бумагъ: мемуаровъ, записокъ, реляцій, писемъ, которыя напечатаны въ архивѣ князя Куракина. Онъ первый изъ русскихъ дипломатовъ сталъ обращать вниманіе на особенности государственнаго строя Англіи, на внѣшнюю политику страны и на внутреннее ея положеніе. Это тѣмъ болѣе можетъ быть поставлено ему въ заслугу, что не только дипломатическіе представители Московскаго государства, какъ Ховрадевъ въ 1582 г., Григорій Микулинъ въ 1600 и Дохтуровъ въ 1646 г., упоминали въ своихъ реляціяхъ только о встрѣчахъ и переговорахъ съ членами англійскаго правительства, а не заботились знакомить своихъ царей съ особенностями англійскаго государственнаго и общественнаго строя, но и большинство дипломатическихъ агентовъ XVIII вѣка заботились лишь объ узкихъ дипломатическихъ цѣляхъ, о которыхъ и писали исключительно въ своихъ депешахъ, не обращая внима-

¹⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», т. I, стр. 10.

«истор. вѣстн.», апрѣль, 1898 г., т. LXXII.

нія на интересы общечеловѣческіе. Поэтому, замѣчаетъ Г. Александренко, и встрѣчается такой странный фактъ, что въ 8.000 реляціяхъ, написанныхъ этими агентами, нѣтъ ни одной обстоятельной характеристики англійскихъ судовъ, мировыхъ учреждений и института присяжныхъ. Хотя князь Куракинъ не обращалъ вниманія на эту сторону судопроизводства въ Англии, но онъ изучалъ и собиралъ въ Петербургъ свѣдѣнія объ англійскомъ военно-морскомъ правѣ и гражданскомъ, въ особенности, по наследственнымъ законамъ. Но наибольшій интересъ представляютъ его оцѣнка англійскихъ партій, характеристика главныхъ государственныхъ дѣятелей, очерки парламентскаго устройства и состава кабинета, описаніе Итонской школы и Оксфордскаго университета, наконецъ, разумный взглядъ на значеніе всѣхъ сословій, хотя, конечно, онъ остается аристократомъ, по складу мысли и убѣжденій. Тѣмъ любопытнѣе его размышленія, въ родѣ слѣдующаго: «въ нынѣшній нашъ вѣкъ изъ европейскихъ который народъ, или область, видимъ въ славѣ, и въ силѣ, и въ почитаніи, то-есть Англія и Голландія, одна—корона, а другая—республика, отъ всѣхъ не только европейскихъ и другихъ частей свѣта отъ потентатовъ и республикъ въ почтеніи и славѣ, но уже яко бы въ силу древнихъ римлянъ пришли, хотя другимъ образомъ, токмо всѣмъ европейскимъ князьямъ повелѣваютъ, а другихъ отъ ихъ желанія въ дѣлѣхъ, противныхъ общимъ интересамъ европейскимъ, удерживаютъ, или воспрепятствуютъ. Но сія слава, честь и сила онымъ народамъ пришла отъ богатства, а богатство отъ ремесленныхъ и купечества»¹⁾.

Петръ послѣдовалъ совѣту князя Куракина и назначилъ преемникомъ Шаку русскаго, впрочемъ, еврейскаго происхожденія, Феодора Павловича Веселовскаго, который былъ дьякомъ посольскаго приказа и состоялъ въ Гагѣ и Лондонѣ секретаремъ посольства при Куракинѣ, отзывавшемся въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ объ его «умномъ поведеніи» и «прилежности въ дѣлахъ». Но этого оказалось недостаточно, и во время его четырехлѣтняго пребыванія въ Лондонѣ, въ качествѣ резидента, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха въ своихъ сношеніяхъ съ англійскими государственнымъ людьми, которые даже надъ нимъ издѣвались, и однажды лордъ Стангопъ, по словамъ французскаго резидента Шамореля, разсердившись на ироническое выраженіе Веселовскаго относительно любезности англійскаго правительства къ русскому царю, гнѣвно воскликнулъ: «Да, съ вами были слишкомъ, слишкомъ любезны», и, хлопнувъ его нѣсколько разъ по животу, обернулся къ нему спиной и вышелъ изъ комнаты²⁾. Правда, и положеніе въ то время представителя Россіи въ Лондонѣ было очень тяжелое и затруднительное, такъ какъ, съ

¹⁾ «Архивъ князя Куракина», т. III, стр. 207.

²⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», т. I, стр. 74.

одной стороны, Петръ сердился на Англію за ея интриги противъ него въ Швеціи, Франціи, Польшѣ, Пруссіи и Голландіи, а Георгъ I опасался сношеній Петра съ претендентомъ черезъ преданнаго партіи стюартовъ доктора Роберта Эрскина, принятаго въ русскую службу и состоявшаго при Петрѣ въ качествѣ лейбъ-медика. Недо-разумѣнія и столкновенія между двумя дворами доходили до того, что Петръ предписалъ Веселовскому внушать парламенту, предостерегать англійскій народъ и протестовать на словѣ и на письмѣ относительно интригъ короля и его министровъ, дружественныхъ съ Швеціей, и декларировать, что если они окажутъ помощь Швеціи, то царь зѣло имъ отомститъ, пресѣчетъ всю коммерцію съ Англіей, арестуетъ всѣхъ англійскихъ купцовъ въ Россіи и конфискуетъ ихъ имущество¹⁾. Слѣдую приказамъ царя, русскій резидентъ подавалъ англійскому правительству мемуары, въ которыхъ отрицалъ сношенія Россіи съ претендентомъ и жаловался на дѣйствія англійскаго правительства противъ русскихъ интересовъ; мало того, онъ печаталъ свои объясненія, желая подѣйствовать на общественное мнѣніе, что было совершенной новостью въ русской дипломатіи. Кромѣ того, видя бесполезность жалобъ на враждебныя Россіи газетныя статьи, онъ по приказанію Петра, изложенному въ указѣ отъ 21 марта 1720 г., сталъ опровергать подобныя статьи такъ же въ газетахъ, для чего ему посылались изъ Петербурга печатныя вѣдомости. Все это только подливало масло къ огню, и отношенія между представителемъ Россіи и англійскимъ правительствомъ все болѣе и болѣе обострялись, но разрывъ произошелъ при преемникѣ Веселовскаго. Что же касается до его посольства, то оно окончилось самымъ печальнымъ для него образомъ. Недовольный дѣятельностью Веселовскаго, Петръ замѣнилъ его въ Лондонѣ М. Бестужевымъ, а когда его братъ, Аврамъ, заподозрѣнный въ участіи въ дѣлѣ царевича Алексѣя, бѣжалъ въ Швейцарію, то Бестужеву было приказано арестовать и Ѳедора Веселовскаго для отправки въ Россію. Это, конечно, не удалось, и затѣмъ началась травля обоихъ братьевъ, скрывавшихся долго въ Англіи. На всѣ требованія Петра о выдачѣ ихъ получался одинъ отвѣтъ: «англійскій король не можетъ исполнить просьбы царя, не нарушая права убѣжища, которое должно оставаться неприкосновеннымъ у всѣхъ народовъ, тѣмъ болѣе, что лица, о выдачѣ которыхъ требуетъ царь, не были ни судимы, ни приговорены къ наказанію»²⁾. Но когда Аврамъ Веселовскій подалъ въ нижнюю палату прошеніе о натурализаціи, то по ходатайству русскаго правительства въ этомъ было отказано. Что же касается до Ѳедора Веселовскаго, то много лѣтъ спустя онъ вернулся

¹⁾ «Архивъ кн. Куракина», т. III, стр. 58,

²⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», т. II, стр. 34.

въ Россію, былъ кураторомъ Московскаго университета и умеръ въ отставку, но когда неизвѣстно ¹⁾).

Естественно, что исторія Веселовскаго еще болѣе раздражила Петра, и дипломатическія сношенія съ Англіей стали невозможными, и новый резидентъ, М. П. Бестужевъ-Рюминъ, служившій прежде секретаремъ въ Копенгагенѣ, провелъ тамъ только пять мѣсяцевъ. Прибывъ въ Лондонъ, Бестужевъ представилъ англійскимъ министрамъ еще болѣе рѣзкій меморіаль, чѣмъ всѣ записки Веселовскаго, прямо называя отвѣты англійскаго правительства лживыми и несостоятельными, а ихъ предположенія о сношеніяхъ Петра съ претендентомъ ни на чемъ не основанными. Печальный результатъ этого рѣшительнаго шага очень типично рассказанъ въ реляціи Бестужева отъ 7-го октября 1720 г.: «Принявъ отъ меня меморіаль, статсъ-секретарь Крексъ не сказалъ мнѣ ничего и пошелъ въ тотъ апартаментъ, гдѣ регенты сидятъ (король находился въ Ганноверѣ), а я пошелъ домой, и не бывъ съ часъ дома, какъ Крексъ по меня прислалъ и велѣлъ меня просить, дабы я паки къ нему въ канцелярію возвратился. Когда я туда пошелъ, то Крексъ, вышедъ изъ поманутаго апартамента, сказалъ мнѣ, что господа регенты мой поданный меморіаль нашли зѣло въ крѣпкихъ и не въ обыкновенныхъ терминахъ, который есть зѣло предосудителенъ чести королевской, и что регенты заблагоразсудили тогожъ дня курьера съ онымъ меморіаломъ къ королю отправить. И я зачалъ было ему на то отвѣтствовать, что ихъ отвѣтъ на поданный Веселовскимъ меморіаль достоинъ такой реплики, и что ихъ отвѣтъ паче не въ обыкновенныхъ терминахъ написанъ и болѣе предосудителенъ для чести моего всеилостивѣйшаго монарха. Но онъ, не выслушавъ моего отвѣта, съ сердцемъ возвратился къ регентамъ, а я пошелъ домой». Спустя мѣсяць полученъ отвѣтъ короля, и Бестужеву заявлено безъ объясненія причинъ, чтобъ онъ въ восемь дней выѣхалъ изъ Англіи. Русскому резиденту оставалось только повиноваться, а въ началѣ декабря и англійскій резидентъ, Джефризъ, покинулъ Петербургъ. Всякія дипломатическія сношенія между Россіей и Англіей были прекращены и возобновились только при Аннѣ Іоанновнѣ. Что же касается до М. Бестужева-Рюмина, то онъ впослѣдствіи былъ посломъ въ Гагѣ, Стокгольмѣ, Варшавѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и Парижѣ. Вообще онъ провелъ сорокъ лѣтъ при европейскихъ дворахъ и умеръ въ 1760 г. Графъ А. Р. Воронцовъ видѣлъ его въ Парижѣ, когда ему было 70 лѣтъ, и отзывается о немъ очень сочувственно, какъ о человѣкѣ прекраснаго тона, очень любезномъ, глубоко знавшемъ свѣтъ, пользовавшемся повсюду общимъ уваженіемъ, жившемъ на широкую ногу и плѣнявшемъ всѣхъ своей пріятной, назидательной бесѣдой.

¹⁾ «Реляціи кн. Кантемира», В. Александренко, т. I (1732—1733), стр. 120. Москва. 1892 г.

Подводя итоги дѣятельности русскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Англіи при Петрѣ, Г. Александренко указываетъ, что хотя они впервые были постоянными представителями своей родины и впервые стали членами дипломатическаго корпуса, но ихъ положеніе по различнымъ причинамъ не вполне опредѣлилось, и Россія все еще являлась державой второго ранга, конечно, уже съ авторитетнымъ голосомъ въ европейскихъ дѣлахъ, и только во второй половинѣ царствованія Екатерины II она достигла положенія одной изъ первыхъ державъ въ мірѣ.

III.

Послѣ двѣнадцатилѣтняго перерыва въ дипломатическихъ сношеніяхъ между Россіей и Англіей, они возстановлены стараніями графа Остермана, съ одной стороны, и англійскаго правительства, съ другой, въ 1732 г. Прежде всего явился въ Петербургъ англійскій резидентъ Рондо, а затѣмъ былъ посланъ въ Лондонъ также въ качествѣ резидента поручикъ гвардіи, князь Антиохъ Дмитриевичъ Кантемиръ. Сынъ молдавскаго государя, получившій прекрасное образованіе подъ руководствомъ Байера, Бернули и другихъ академиковъ, будущій сатирикъ, несмотря на свою молодость, именно 22 года, получилъ этотъ высокій, отвѣтственный постъ, благодаря своимъ свѣтскимъ связямъ, участію въ переворотѣ, доставившемъ Аннѣ Иоанновнѣ побѣду надъ верховниками и, главное, протекціи Остермана и Бирона. Объ его назначеніи въ слѣдующихъ словахъ извѣщала свое правительство Рондо: «Князь молдавскій, назначенный въ Англію, обѣдалъ у меня нѣсколько дней тому назадъ съ графомъ Остерманомъ и многими знатными особами здѣшняго двора. Князь кажется очень молодымъ, но онъ человѣкъ здраво-мыслящій, говоритъ пофранцузски и на нѣсколькихъ языкахъ. На мое замѣчаніе по поводу его молодости графъ Остерманъ отвѣчалъ, что ему 28 лѣтъ, что онъ человѣкъ весьма достойный, что молодость его во всякомъ случаѣ не помѣшаетъ веденію дѣлъ между дворами русскимъ и великобританскимъ, такъ какъ эти дѣла мы здѣсь можемъ вести»¹⁾. Прибывъ въ Лондонъ 10 марта, новый представитель Россіи былъ принятъ очень любезно и произвелъ на всѣхъ самое лучшее впечатлѣніе; такъ министръ Гаррингтонъ тотчасъ сообщилъ Рондо въ депешѣ отъ 7 апрѣля: «Антиохъ Кантемиръ прибылъ сюда на прошлой недѣлѣ въ качествѣ резидента и черезъ день или два милостиво и любезно принятъ королемъ въ аудіенціи; что касается до личности князя, прибывшаго сюда, можете сообщить, что онъ производитъ на всѣхъ самое благопріятное впечатлѣніе, и что мы сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее, дабы пре-

¹⁾ «Новыя данныя къ біографіи кн. А. Кантемира», П. И. Шимко. Петербургъ. 1891 г., стр. 74—75.

бываніе въ Англіи было ему пріятно»¹⁾... Несмотря на свою молодость, Кантемиръ энергично принялся за исполненіе данныхъ ему порученій русскимъ правительствомъ, и нельзя не сказать, что его посольство, продолжавшееся шесть лѣтъ, надо отнести къ удачнымъ. Хотя его старанія о заключеніи союза съ Англіей и признаніи императорскаго титула за русской государыней не привели къ успешному результату, но за то онъ много способствовалъ къ заключенію англо-русскаго торговаго трактата 1714 г., провелъ мысль о назначеніи русскаго консула въ Лондонъ, причемъ вполне основательно указывалъ на неудобство назначенія въ эту должность природнаго англичанина, убѣдилъ англійское правительство послать въ Петербургъ новаго представителя съ титуломъ полномочнаго министра, что имѣло послѣдствіемъ и возведеніе его въ соотвѣтственное званіе, настоялъ на отозваніи Англіей изъ Константинополя ея посла, лорда Кинуля, враждебнаго Россіи, и вообще поддерживалъ дружественныя сношенія Россіи съ Англіей, которая подъ управленіемъ виговъ, съ Вальполемъ во главѣ, если не оказывала Россіи активной помощи, то не противодѣйствовала русской политикѣ въ Польшѣ и Турціи. Подробный отчетъ объ его официальной дѣятельности и о всемъ, что онъ видѣлъ и слышалъ замѣчательнаго въ Англіи, можно найти въ еженедѣльныхъ реляціяхъ, которыя аккуратно отправлялись имъ съ перваго до послѣдняго дня пребыванія въ Лондонѣ, и которыя, по справедливому замѣчанію анонимнаго автора первой его біографіи на французскомъ языкѣ, въ которомъ одни изслѣдователи, какъ Стоюнинъ и Шимко, видятъ аббата Венути, и другіе, въ томъ числѣ Бантышъ-Каменскій и Александренко, съ большимъ основаніемъ друга Кантемира, аббата Гваско, «все написано хорошо, тогда какъ многія изъ нихъ верхъ искусства»²⁾. Характеризуя эти реляціи, издатель ихъ В. Александренко, обѣщающій докончить ихъ изданіе въ настоящемъ году выпускомъ остальныхъ двухъ томовъ, замѣчаетъ, что онъ важны по уму и наблюдательности автора, по его недовѣрію къ себѣ и сознанію шаткости своего положенія, а также по литературнымъ достоинствамъ и богатству содержанія, которое, кромѣ дипломатическихъ вопросовъ, обнимаетъ политическую и общественную жизнь тогдашней Англіи съ ея внутренними интересами и партіями, о чемъ онъ говоритъ вѣрно и безпристрастно, по мнѣнію современниковъ англичанъ: Гарвея, Честерфильда, Вальполя и др.

Одна изъ наиболѣе интересныхъ чертъ этихъ реляцій—выписки изъ англійскихъ газетъ, за которыми постоянно слѣдилъ кн. Кан-

¹⁾ «Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества», т. LXVI, стр. 443—444.

²⁾ «Новыя данныя къ біографіи кн. А. Д. Кантемира», И. И. Шимко, стр. 23. «Къ біографіи кн. А. Д. Кантемира», В. Александренко, Варшава, 1896 г., стр. 10—13.

темиръ, и, согласно даннымъ ему инструкціямъ, онъ часто печаталъ въ нихъ опроверженія враждебныхъ Россіи статей, хотя самъ считалъ подобныя мѣры бесполезными. Въ своей депешѣ отъ 11 декабря 1733 года онъ очень разумно писалъ: «сколько турецкихъ, персидскихъ и польскихъ дѣлъ касается, здѣсь многія ложныя вѣдомости въ разныя числа изданы, которыя я опровергалъ экстрактами изъ писемъ г. Неплюева и г. Эрдмана, а печатниковъ здѣшнихъ отъ того унять никоимъ образомъ невозможно, понеже свободное печатаніе за основаніе аглицкой вольности почитаютъ, и оный привилегіумъ противъ самого своего короля и министровъ повседневно употребляютъ, къ тому же всѣ здѣшнихъ газетъеровъ вѣдомости списаны слово отъ слова съ голландскихъ и парижскихъ, такъ что они свободно извинить себя могутъ, еслибы можно и суда на нихъ найти» ¹⁾. Князь Кантемиръ считалъ безуспѣшной и безцѣльной борьбу не только съ газетами, но и съ книгами, путемъ репрессивныхъ мѣръ и прямыхъ опроверженій, хотя былъ вынужденъ, по предписанію, полученному изъ Петербурга, вступить на эту двойную почву относительно появленія на французскомъ и англійскомъ языкахъ пресловутыхъ «Московскихъ писемъ» Ф. Локатели, который былъ задержанъ въ Россіи и отомстилъ за это обличеніемъ мрачнаго господства нѣмцевъ въ Россіи и характеристикой современнаго положенія этой страны въ неприглядномъ видѣ. Русская коллегія иностранныхъ дѣлъ требовала, чтобы эта книга была конфискована и запрещена какъ въ Англии, такъ и во Франціи; относительно послѣдней страны князь Кантемиръ вступилъ въ переговоры, хотя неизвѣстно, съ какимъ результатомъ, съ французскимъ посломъ въ Лондонѣ, Шавиньи, о наказаніи издателя и сожженіи книги черезъ палача, но съ подобнымъ требованіемъ онъ не могъ обратиться къ англійскому правительству, и въ реляціи отъ 23-го января 1736 г. онъ писалъ: «Сколько касается книги «Лѣтръ московитъ», то я отъ друзей старался узнать, можно ли здѣсь конфисковать, и всѣ согласно признаютъ, что того чинить законы здѣшніе не позволяютъ, такъ что, если я о томъ министрамъ здѣшнимъ говорить стану, то принужу ихъ противно воли въ томъ мнѣ отказать» ²⁾. Поэтому Кантемиръ предложилъ написать и напечатать возраженіе на «Московскія письма» въ формѣ также писемъ, на что и согласились въ Петербургѣ. Но пока готовился этотъ трудъ, бывшій не по душѣ кн. Кантемиру, который хотѣлъ вести борьбу съ печатнымъ словомъ совершенно иначе и болѣе достойнымъ образомъ, написалъ въ своей депешѣ отъ 13-го февраля 1736 г. ³⁾: «ваше императорское величество не соизволитъ ли удер-

¹⁾ «Реляціи кн. Кантемира», т. I, стр. 221.

²⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», т. I, стр. 293.

³⁾ Тамъ же, стр. 295.

жаться на оную книгу формально отвѣтствовать, но токмо повелѣтъ издать совершенное описаніе какъ географическое, такъ и политическое Россійской имперіи, каковыя имѣются о всѣхъ знатныхъ государствахъ подъ титуломъ «ета презантъ» (etat present), въ которомъ описаніи, изъяснивъ прямое состояніе вашего императорскаго величества имперіи, вашего мудраго правленія и народныхъ обычаевъ, тѣмъ самымъ опровержены будутъ Локателены злобныя басни, и поводъ не подастся къ чтенію его книги». Но его совѣта не послушались, и «Московскія письма» вмѣстѣ съ возраженіями были напечатаны на нѣмецкомъ языкѣ въ Франкфуртѣ въ 1738 г.

Что касается до жизни князя Кантемира въ Лондонѣ, то онъ, по недостатку средствъ, не могъ такъ широко жить, поддерживая связи съ богатыми и знатными лордами, какъ, напримѣръ, князь Куракинъ. Онъ даже чуждался свѣтскаго общества, а составилъ себѣ тѣсный кружокъ и даже особый клубъ изъ людей скромныхъ, но интересныхъ, какъ поэта Ролли, философа Альгаротти, ученаго аббата Гваско, французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Бюсси, и представителей второстепенныхъ государствъ: Гессена, Тосканы, Португаліи и Польши. Придерживаясь правила, изложеннаго имъ въ своей сатирѣ «Объ истинномъ блаженствѣ»:

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучать другихъ...

Князь Кантемиръ спокойно проводилъ жизнь среди этихъ друзей, интересуясь болѣе, чѣмъ политикой, вопросами науки, литературы и искусства, преимущественно, театра, музыки и живописи. Естественно, что на человѣка съ такими наклонностями, такого образа жизни, Англія повліяла культурно, воспитательно, а не политически, какъ впослѣдствіи на графа С. Р. Воронцова. Князь Кантемиръ смотрѣлъ на дипломатію, только какъ на средство служить наукѣ и литературѣ въ тиши своего кабинета. Ему тѣсно было въ Россіи, гдѣ наука послѣ Петра, по его выраженію въ одной изъ сатиръ, была «ободрана и въ лоскутахъ обшита», а писатель не имѣлъ права гражданства. Воспитанный реформой Петра, Кантемиръ жаждалъ просвѣщенія и нашелъ полную возможность утолить свою жажду въ Англіи, а потому, какъ онъ ни удивлялся внутреннему строю этого государства, гдѣ, по словамъ его перваго біографа, «его плѣняло, что парламентъ держитъ верховную власть въ справедливыхъ границахъ, не дозволяя ей возвыситься надъ законами», но не изучалъ ея государственныхъ и общественныхъ учрежденій, а углублялся во внутренній міръ человѣка, занимаясь главнымъ образомъ философскими вопросами, въ чемъ ему помогало знаніе не только французскаго и итальянскаго языка, но также латинскаго и греческаго. Что касается англійскаго, то онъ самъ созна-

вался, что «поанглійски мало понимаю», но это не мѣшало ему находиться подъ вліяніемъ Локка, въ особенности, книги этого знаменитаго философа о воспитаніи, и слѣдить за всѣми новыми явленіями англійской литературы, даже во время его послѣдующаго пребыванія въ Парижѣ.

Переводъ туда князя Кантемира въ качествѣ полномочнаго министра состоялся въ 1738 году, и тамъ онъ умеръ спустя 6 лѣтъ, на тридцать шестомъ году своей жизни. Во Франціи онъ расширилъ свои литературныя знакомства, зналъ Вольтера, Мопертюи, Реомюра, Монтескье, который очень цѣнилъ его, и другихъ, но не могъ свыкнуться съ тамошней жизнью. Послѣ Англии ему было душно въ Парижѣ, онъ нимало не скрывалъ этого отъ французскихъ государственныхъ людей, которые его не любили и считали англоманомъ. Такъ, министръ Амело писалъ Шетарди, по поводу его смерти. «Его слѣдуетъ сожалѣть скорѣе за мягкость его характера и умственныя способности, чѣмъ за его дружбу къ намъ, такъ какъ онъ былъ болѣе англичаниномъ, чѣмъ еслибъ родился въ Лондонѣ, и всегда старался распространять въ Россіи самыя дурныя мнѣнія о Франціи»¹⁾.

Новымъ представителемъ Россіи въ Англии былъ назначенъ также очень образованный человекъ, князь Н. Щербатовъ, авторъ книги «Вѣдѣніе о торговлѣ россійской», и посолъ въ Испаніи и Константинополь, наконецъ, президентъ юстицъ-коллегіи. Онъ поддерживалъ дружественныя сношенія между обѣими странами, и при немъ, хотя не въ Лондонѣ, а въ Петербургѣ, былъ подписанъ 3-го апрѣля 1741 года трактатъ мира, дружбы и оборонительнаго союза, но въ концѣ года взошла на престолъ Елисавета, и англійское вліяніе въ Петербургѣ смѣнилось французскимъ, трактатъ съ Англіей объявленъ недѣйствительнымъ, и Щербатова замѣнилъ Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ.

Это былъ, по словамъ В. Александренко, представитель стараго барства, первый щеголь своего времени, но прекрасно воспитанный; онъ занимался литературой, отлично зналъ французскій языкъ и очень любилъ Францію, считая, что тамъ жить лучше человеку, привыкшему къ монархическому государству, чѣмъ въ Англии, хотя и достойной всякаго вниманія, но похожей на республику. Однако онъ былъ доволенъ своимъ назначеніемъ въ Лондонъ и писалъ императрицѣ: «теперь жизнь моя мнѣ пріятна». Англичане его встрѣтили очень любезно, но министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Картеретъ, прямо сказалъ ему: «хотя вашъ пріѣздъ сюда пріятенъ, только король былъ очень доволенъ княземъ Щербатовымъ». Поэтому, когда черезъ годъ и семь мѣсяцевъ Нарышкинъ былъ отозванъ, то снова въ Англию перевели Щербатова, «яко тамъ

¹⁾ «Къ біографіи кн. Кантемира», стр. 6.

уже лучше всякаго другаго знакомаго и у милорда Картерета въ конфиденціи находящагося». Эта «persona grata» оставалась въ Англіи пять лѣтъ, и при немъ былъ заключенъ новый оборонительный союзъ между Россіей и Англіей стараніями Лестока, которому была заплачена англійскимъ правительствомъ значительная сумма денегъ и назначена пенсія въ 600 ф. ст. Хотя князь Шербаговъ былъ удаленъ, благодаря доносамъ, но это ему, однако, не помѣшало въ 1748 году попасть въ сенаторы.

Полномочнымъ министромъ въ Лондонъ аккредитованъ былъ генералъ-поручикъ графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ, который прежде занималъ такой же постъ въ Берлинѣ, и несмотря на то, что онъ провелъ тамъ девять лѣтъ, объ его дѣятельности сохранился слѣдъ лишь въ подробномъ описаніи церемоніала великобританскаго двора, гдѣ, между прочимъ, набросана картина придворныхъ баловъ, и также въ замѣчаніи, сдѣланномъ ему изъ Петербурга, что «въ его реляціяхъ ни явственнаго сепсе (т.-е. смысла), ниже склада, и стилия не находится, и нужнѣйшіе пассажи въ оныхъ прямо не вразумительны»¹⁾. Чернышева замѣнилъ въ 1755 году Александръ Михайловичъ Голицынъ, о которомъ также нечего сказать, кромѣ того, что послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Лондонѣ онъ назначенъ вице-канцлеромъ, слѣдовательно, имъ были довольны въ Петербургѣ. При его преемникѣ графѣ Александрѣ Романовичѣ Воронцовѣ, котораго назначилъ Петръ III, началось царствованіе Екатерины II, и наступила новая эра въ русской дипломатіи.

В. Тимирязевъ.

(Окончаніе отъ слѣдующей книжки).

¹⁾ «Русскіе дипломатическіе агенты», т. I, стр. 344.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИКЪ Н. В. ГОГОЛЮ.

БШИРНАЯ работа В. И. Шенрока по собиранію матеріаловъ для біографіи Гоголя закончена—имъ выпущенъ уже IV-й томъ этихъ «Матеріаловъ», превосходящій по своимъ размѣрамъ чуть ли не вдвое и втрое предшествовавшіе томы той же работы. Кромѣ того, почтеннымъ ученымъ закончено редактированіе полнаго собранія сочиненій автора «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора», начатое въ свое время покойнымъ Н. С. Тихонравовымъ и доведенное послѣднимъ лишь до пятаго тома включительно. Свѣрка текста, сводка вариантовъ, примѣчанія къ послѣдующимъ томамъ, шестому и седьмому, сдѣланы именно В. И. Шенрокомъ, какъ равно имъ же составленъ и указатель къ «Сочиненіямъ» Гоголя, хотя по плану, выработанному Тихонравовымъ, но нѣсколько видоизмѣненному редакторомъ послѣднихъ двухъ томовъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время передъ нами два обширныхъ труда, посвященныхъ литературной дѣятельности и біографіи одного изъ величайшихъ русскихъ писателей, являющагося настоящей гордостью нашей литературы и вызывающаго передъ собою удивленіе и поклоненіе даже иностранцевъ, которымъ такъ трудно оцѣнить именно Гоголя по типическимъ особенностямъ его своеобразнаго языка и складу малороссійскаго юмора, мало подающагося передачѣ на иностранномъ языкѣ. Такъ, К. Дюрингъ, этотъ строгій и безпощадный критикъ, въ своей работѣ «Великіе люди въ литературѣ», о коемъ я давалъ отзывъ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Историч. Вѣстника», ставитъ Гоголя въ ряду другихъ представителей европейской изящной словесности чрезвычайно

высоко, несмотря на «невидимыя міру слезы» въ произведеніяхъ этого писателя, слезы, которыя въ сущности не должны бы были вызывать сочувствія жизнерадостнаго нѣмецкаго мыслителя. И вотъ, когда бессмертный авторъ «Тараса Бульбы» дождался своей оцѣнки даже у чужеземцевъ, наконецъ-то появляются первые настоящіе труды, посвященные критикѣ текста его произведеній и составленію его біографіи и на русскомъ языкѣ. Если мы, его соотечественники, не сумѣли собраться съ силами и средствами, чтобы воздвигнуть ему памятникъ, на подобіе памятника Пушкину въ Москвѣ, то хотя нѣкоторымъ угѣшеніемъ намъ можетъ послужить то, что нашелся среди насъ человѣкъ, который пожертвовалъ нѣсколькими годами упорнаго и громаднаго труда, чтобы создать бессмертному писателю заслуженный имъ литературный памятникъ. Человѣкъ этотъ—В. И. Шенрокъ, работы котораго, посвященныя Гоголю и его произведеніямъ, мнѣ и предстоитъ вкратцѣ обзорѣть на сегодняшній разъ. Я сказалъ—вкратцѣ потому, что «Историческій Вѣстникъ» внимательно уже слѣдилъ за ходомъ изданія «Матеріаловъ», давая, по мѣрѣ выхода каждаго тома, посильные о нихъ отзывы, писанные разными лицами, подходившими къ автору съ различныхъ точекъ зрѣнія. На страницахъ же нашего журнала нѣсколько лѣтъ тому назадъ было дано мѣсто отвѣту г. Шенрока по адресу одного изъ рецензентовъ, гдѣ редація предоставила отвѣчающему, по законамъ литературнаго гостепримства и изъ желанія объективнаго разслѣдованія вопроса, право свободной защиты своихъ положеній. Полагая, что всѣ эти недавнія обстоятельства еще свѣжи въ памяти всегдашнихъ читателей журнала, я и не считаю нужнымъ повторять еще разъ однажды уже сказаннаго и ограничусь общимъ обзоромъ того, что сдѣлано г. Шенрокомъ въ совокупности его трудовъ для выясненія характера Гоголя, его сложной духовной личности и созданія его полной біографіи.

Авторъ въ первомъ томѣ обрисовалъ намъ родню Гоголя, его ученическіе годы, первое время жизни въ Петербургѣ (1829—1830 гг.) и начало его литературной карьеры; во второмъ—онъ представилъ Гоголя въ періодъ «Арабесокъ» и «Миргорода» и его же, какъ историка и педагога, а также далъ разборъ и исторію его драматическихъ произведеній. Третій томъ обнимаетъ собою пять лѣтъ (1836—1841 гг.) пребывания Гоголя за границей, его бытность въ Москвѣ (1841—1842 гг.), его хлопоты о напечатаніи «Мертвыхъ душъ», испытанныя имъ цензурныя затрудненія и его литературную дѣятельность въ 1836—1842 годахъ. Наконецъ, нововышедшій IV томъ посвященъ десяти послѣднимъ, наиболѣе сложнымъ въ психологическомъ отношеніи, годамъ жизни автора «Ревизора» и «Переписки съ друзьями». Таково внѣшнее обзорѣніе содержанія всѣхъ томовъ «Матеріаловъ».

Г. Шенрокъ не считаетъ своей работы собственно законченной

и ставить эпиграфомъ IV тому «Матеріаловъ» перифразъ известной латинской цитаты въ слѣдующей формѣ: *feci, quod potui; meliora facturus sum*. Это обѣщаніе, поставленное категорически въ будущемъ времени—«*facturus sum*», показываетъ, что нашъ изслѣдователь имѣетъ намѣреніе вернуться къ занимающей его столько лѣтъ темѣ и обработать ее еще разъ и притомъ обработать лучше, нежели это ему удалось сдѣлать до сихъ поръ. Въ предисловіи къ этому тому онъ говоритъ по настоящему предмету... «Мы предполагаемъ современемъ вернуться (къ настоящему труду), чтобы обработать его въ окончательной формѣ (т. е. въ видѣ уже не «матеріаловъ», а самой біографіи). Мы предполагаемъ не столько расширить размѣры его, для чего едва ли можетъ найтись много новыхъ данныхъ, сколько точнѣе выяснить всѣ подробности, начиная съ мелочныхъ хронологическихъ, и устранить кое-гдѣ нарушающія стройность общаго плана невольныя возвращенія къ предыдущему, вслѣдствіе появленія въ печати новыхъ матеріаловъ, которые не могли быть приняты во вниманіе въ предшествующемъ, уже отпечатанномъ томѣ. Въ слѣдующей обработкѣ нашего труда, послѣ того, какъ теперь готовы и собраны всѣ данныя, было бы очень легко достигнуть безусловно строгаго распредѣленія матеріала, какъ по отдѣльнымъ томамъ, такъ и вообще, также явилась бы возможность опустить нѣкоторыя напечатанныя нынѣ письма, мелкія бібліографическія поясненія... полемику, пересмотръ высказанныхъ другими мнѣній и т. п.».

Этимъ обѣщаніемъ новаго будущаго труда о Гоголѣ, а также косвеннымъ признаніемъ изъясновъ въ настоящемъ, г. Шенрокъ ставитъ рецензентовъ и критиковъ въ довольно затруднительное положеніе. Однажды самъ человекъ сознаетъ недостатки своей работы, утверждаетъ, что ее нужно передѣлать, то остается только терпѣливо ожидать, когда все это будетъ сдѣлано и тогда только уже произнести свое окончательное слово и приговоръ надъ его трудами. Мнѣ сдается только, что г. Шенроку не такъ-то легко будетъ выполнить свои обѣщанія, если онъ подъ словомъ «біографія» разумѣетъ художественную обрисовку Гоголя, воспроизведеніе его рельефнаго портрета. Весьма вѣроятно и это вполне осуществимо, ему удастся внѣшне упорядочить свои «Матеріалы», выкинувъ изъ нихъ все то, что не идетъ непосредственно къ Гоголю, удастся установить въ точности хронологическую канву, къ которой въ свое время придиралась такъ усердно критика, удастся освободиться отъ повтореній и детальной кропотливости; вѣроятно, почтенный изслѣдователь со всѣмъ этимъ справится и современемъ представитъ намъ свои «Матеріалы» въ новой исправленной редакціи. Но это все же не будетъ та настоящая истинная біографія, тотъ литературный портретъ, о которомъ какъ будто мечтаетъ самъ г. Шенрокъ и который дѣйствительно такъ желательно имѣть. Я даже думаю, что не только это не удастся сдѣлать г. Шенроку, но и никому, кто будетъ

подходить къ великому писателю съ желаніемъ втиснуть въ его біографію весь его житейскій багажъ съ оцѣнкой и критикой этого багажа, а также съ оцѣнкой и критикой его литературной дѣятельности. Слишкомъ все въ Гоголѣ и у Гоголя было сложно, необыкновенно, неуловимо и непонятно даже людямъ, его нѣкогда близко знавшимъ, съ нимъ жившимъ, а тѣмъ болѣе нынѣ судящимъ о немъ по оставшимся отъ него литературнымъ матеріаламъ, его письмамъ и воспоминаніямъ о немъ.

Понять настоящаго Гоголя, возсоздать его художественный портретъ будетъ въ состояніи развѣ только такой же художникъ, какимъ былъ авторъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора», тотъ, которому дано будетъ постигнуть весь ходъ мыслей, всѣ движенія души покойнаго писателя. Весьма возможно, что этотъ художникъ-портретистъ воспользуется изъ «Матеріаловъ» г. Шенрока многими цѣнными страницами, а, можетъ быть, онъ изъ нихъ возьметъ лишь очень ограниченную долю и на основаніи ихъ однихъ, по нѣсколькимъ черточкамъ, которыя дано прозрѣть и оцѣнить лишь таинственному дару творчества, возсоздастъ и освѣтитъ намъ истиннымъ свѣтомъ того, которому посвящается сейчасъ столько трудовъ и кропотливой работы. Пушкинскій Пугачевъ въ «Капитанской дочкѣ» рельефнѣе и понятнѣе намъ Пугачева въ «Матеріалахъ для исторіи Пугачевского бунта» того же Пушкина, Наполеонъ I, фельдмаршалъ Кутузовъ въ «Войнѣ и Мирѣ» графа Л. Толстаго куда жизненнѣе всего того, что писалось о тѣхъ же дѣятеляхъ приснопамятной эпохи учеными изслѣдователями и завзятыми историками. И если эти историческія личности подъ перомъ художниковъ слова выпли болѣе людьми съ настоящей ихъ плотью и кровью, которую мы видимъ и осязаемъ, нежели на страницахъ многотомныхъ изслѣдованій, то что же говорить о такой сложной психической организаціи, какою былъ Гоголь и которая осталась въ сущности невыясненной и у г. Шенрока, того самаго его біографа, который потратилъ на разгадку характера автора «Мертвыхъ душъ» и «Перепишки съ друзьями» столько времени и труда.

Вѣдь самъ г. Шенрокъ съ первой же страницы своего послѣдняго тома «Матеріаловъ» впадаетъ въ явныя противорѣчія, то отвергая «нелѣпую легенду о сумасшествіи Гоголя», то утверждая происшедшее въ немъ нарушеніе «душевнаго равновѣсія» и признавая у него «больныя мысли», а его самого за «явно больного человѣка». Тутъ что-то неладное, происходящее отъ нерѣшительности г. Шенрока, когда онъ, признавая себя за неспециалиста по психологіи, возлагаетъ надежды на разрѣшеніе противорѣчій въ дѣятельности Гоголя за послѣднія 10 лѣтъ его жизни на врачебную науку, на психіатровъ, а также на богословіе и представителей церкви. Мнѣ кажется, что если г. Шенрокъ изъ личнаго документальнаго изученія въ теченіе многихъ лѣтъ не пришелъ въ настоящемъ вопросѣ къ опре-

дѣленнымъ выводамъ, то врядъ ли тѣ спеціалисты, на коихъ онъ возлагаетъ надежды, много ему помогутъ. Во-первыхъ, объ категоріи названныхъ спеціалистовъ, по всей вѣроятности, скажутъ нѣчто разное и, пожалуй, явно противорѣчивое, а, во-вторыхъ, одна изъ этихъ категорій будетъ въ высшей степени затруднена постановкой правильнаго діагноза. Я разумѣю, конечно, представителей медицинской науки, лишенныхъ въ данномъ случаѣ возможности личнаго эксперимента и наблюденія, безъ которыхъ по большей части діагнозы правильно поставленъ быть не можетъ. Наконецъ, если бы даже этотъ діагнозъ и былъ поставленъ, и при томъ въ направленіи, неблагопріятномъ для умственныхъ способностей Гоголя, то опять таки г. Шенрокъ при современномъ положеніи русскаго печатнаго слова снова очутился бы въ безвыходномъ положеніи: съ чѣмъ и съ кѣмъ согласиться — съ мнѣніемъ ли представителей опытнаго знанія, или съ представителями знанія, основаннаго на вѣрѣ? Если онъ ихъ призвалъ къ суду и отвѣтственности, то оба показанія придется обсудить, сравнить и дать предпочтеніе одному передъ другимъ. А это будетъ дѣломъ нелегкимъ и щекотливымъ.

Такимъ образомъ, однажды у самого г. Шенрока по настоящему существенному вопросу въ жизни и дѣятельности Гоголя не составилось до сихъ поръ еще опредѣленнаго рѣшенія, то врядъ ли такое рѣшеніе состоится у него и въ дальнѣйшемъ. Онъ будетъ постоянно колебаться въ своей ученой щепетильности и не будетъ въ состояніи отрѣшиться отъ давящаго его матеріала, почерпнутаго изъ показаній «свѣдущихъ людей»; а при такомъ положеніи не можетъ быть и рѣчи о настоящей біографіи Гоголя въ полномъ ея объемѣ и при непремѣнномъ условіи ея художественнаго освѣщенія, требуемаго для изображенія живого человѣка. Къ тому же мнѣ сдается, что г. Шенрокъ, потратившій столько силъ на собраніе самаго детальнаго и дробнаго матеріала для біографіи Гоголя, какъ всякій завзятый собиратель и коллекціонеръ, слишкомъ уже привязался ко всѣмъ этимъ деталямъ и подробностямъ, отъ коихъ ему отказаться, какъ это и всегда случается съ архивными работниками, будетъ трудно. Онъ сжился уже съ ними, они его благопріобрѣтенныя должимъ трудомъ и многими годами дѣтища, и они всегда его будутъ всюду преслѣдовать. Если бы онъ, еще до напечатанія своихъ «Матеріаловъ» составилъ себѣ опредѣленный планъ біографической работы, гдѣ бы точно былъ разграниченъ матеріалъ, съ одной стороны, входящій въ біографію и, съ другой, подлежащій выноскѣ въ примѣчанія и приложения, тогда другое дѣло — переработка не была бы такъ затруднительна, а теперь, при настоящемъ его отношеніи къ дѣлу, уже ясно обнаружившемся въ изданіи «Матеріаловъ», врядъ ли легко будетъ освободиться отъ давящихъ его умъ и чувство накопленныхъ богатствъ. Да и кому изъ русскихъ ученыхъ и писателей удавалось кореннымъ образомъ переработывать свои труды,

особенно имѣя въ виду ихъ художественныя цѣли? Лучшая иллюстрація тому самъ Гоголь, такъ мало успѣвшій въ своей работѣ, относящейся ко второй части «Мертвыхъ душъ», въ томъ видѣ, какъ она до насъ дошла.

Всѣмъ вышесказаннымъ я имѣю въ виду утвердить то мое положеніе, что г. Шенроку нечего преслѣдовать пока инныя цѣли, какъ только нѣкоторой систематизація уже опубликованныхъ имъ матеріаловъ, упорядоченія ихъ состава и редактированія тѣхъ или иныхъ частей, которыя, можетъ быть, даже не по его винѣ, вышли не совсѣмъ гладкими. Уже то, что имъ сдѣлано, является, какъ я уже заявилъ въ началѣ статьи, пока единственнымъ цѣннымъ литературнымъ памятникомъ Гоголю; пусть только онъ освободитъ этотъ памятникъ отъ давящихъ его, а потому и портящихъ его виѣшній видъ, излишнихъ лѣсовъ, почиститъ его и приведетъ въ такое состояніе, при которомъ не приходилось бы, какъ это имѣетъ мѣсто нынѣ, въ чемъ-то извиняться передъ публикою и сулить ей нѣчто лучшее въ будущемъ. Если ему удастся сдѣлать это (а его трудолюбіе, съ одной стороны, и любовь къ писателю, съ другой, вполне гарантируютъ такую возможность), то мы будемъ имѣть для изученія Гоголя и знакомства съ нимъ такой трудъ, котораго удостоился изъ нашихъ писателей пока только Державинъ въ известной академической работѣ покойнаго Я. К. Грота. Жуковскій, Пушкинъ, Лермонтовъ, не говоря уже про позднѣйшихъ писателей, — кто изъ нихъ въ настоящее время имѣетъ для ихъ изученія хоть половину столь хорошо систематизированныхъ и полно собранныхъ матеріаловъ, какъ Гоголь, благодаря работамъ г. Шенрока? Въ этомъ неотъемлемая и воистину громадная заслуга послѣдняго передъ отечествомъ и современниками, заслуга, къ сожалѣнію, пока еще недостаточно оцѣненная.

Да, недостаточно оцѣненная, принимая въ расчетъ, что, если Я. К. Гроту удалась его работа о Державинѣ, то при всѣхъ неоспоримыхъ достоинствахъ, относящихся лично къ ученому академику, онъ былъ во всякомъ случаѣ неодинокъ, и въ его распоряженіи были средства Академіи; г. Шенрокъ же велъ все дѣло исключительно за свой страхъ и рискъ, экскурсируя для этого не только по разнымъ угламъ нашего отечества, но и за границу, тратя на это личныя средства, съ очень слабою надеждою когда либо возмѣститъ свои расходы, а подчасъ съ рискомъ прогуляться напрасно. Собираніе свѣдѣній и біографическаго матеріала въ Россіи дѣло далеко нелегкое, а иногда и совсѣмъ невозможное. Мы или слишкомъ дорожимъ крупицами, оставшимися послѣ нашихъ «великихъ людей», дорожимъ въ томъ смыслѣ, что неохотно (по скупости ли, по конфузливости ли или еще почему либо, ужъ не берусь точно опредѣлить) дѣлимся ими съ тѣми, передъ которыми по законамъ нравственнаго долга въ сущности всѣ карты должны бы были быть открыты, или,

наоборотъ, оказываемся на дѣлѣ столь легкомысленными передъ памятью славныхъ покойниковъ, что въ нужныя минуты общественной жизни ничего не можемъ представить суду потомства: все куда-то у насъ исчезло, затерялось, точно и самая память о нихъ никогда не была намъ дорога. Отсюда все то малое и въ жизненной области и въ книжныхъ сокровищницахъ, что нами сдѣлано по части увѣковѣчиванья своихъ отечественныхъ героевъ—забвеніе ихъ могилъ, разрушеніе обстановки, въ которой они когда-то жили, отсутствіе сносныхъ ихъ жизнеописаній. Въ исключительномъ положеніи за послѣднее время оказался лишь біографъ Погодина, и то лишь благодаря тому, что самъ покойный историкъ какъ бы тщательно сохранилъ въ цѣлости и невредимости все относящееся къ собственной жизни: дневники, клочки записокъ, письма и знаменитое древнехранилище, которыми такъ удачно и воспользовался г. Барсуковъ.

При иныхъ условіяхъ работалъ г. Шенрокъ—ему именно приходилось возстановлять и созидать то, что старательно было уничтожено въ припадкѣ умственного аффекта самимъ безсмертнымъ авторомъ «Ревизора». Кромѣ того, трудность положенія г. Шенрока усугублялась еще тѣмъ, что собраніе свѣдѣній именно о Гоголѣ у лицъ, съ кѣмъ онъ когда-то былъ близокъ, болѣе чѣмъ относительно кого либо дѣло щекотливое. Его отношенія къ окружающимъ всегда отличались удивительной экспансивностью, той душевной интимностью, обнажать которую и посвящать въ которую постороннихъ русскіе люди обыкновенно неохочи, такъ какъ тутъ приходится выводить и себя на сцену, чего большая часть насъ не любитъ и избѣгаетъ.

И тѣмъ не менѣе, г. Шенроку, повидимому, въ тѣ 15 лѣтъ, что онъ работалъ надъ Гоголемъ, удалось справиться со всѣми трудностями и представить читателямъ обширнѣйшій матеріалъ, вполне исчерпывающій внѣшнія, а отчасти и внутреннія обстоятельства жизни нашего писателя, нарисовать въ достодожной полнотѣ и въ правильномъ освѣщеніи его взаимоотношенія къ окружающимъ и опредѣлить ту роль, которую среда и ея представители сыграли въ его жизни и литературной дѣятельности. Такъ широко поставленная задача въ трудахъ г. Шенрока выдѣляетъ ихъ въ исторіи нашей литературы на особое мѣсто: передъ нами протекаетъ здѣсь не только жизнь одного опредѣленнаго лица, одной центральной фигуры, но тутъ же мы получаемъ возможность близко и интимно познакомиться съ цѣлымъ рядомъ характерныхъ портретовъ, его современниковъ, его знакомыхъ и пріятелей. Какъ живые, встаютъ передъ нами здѣсь мать Гоголя, Вельгорскіе, Аксаковы, Ивановъ, Шереметевъ, Погодинъ, Данилевскій и множество другихъ лицъ, которыхъ по тому или иному поводу приходилось біографу выводить на сцену; встаютъ они передъ нами не изолированными, не, какъ хотя удачно, но случайно набросанные эскизы портретовъ,

но именно въ ихъ интимныхъ отношеніяхъ къ безсмертному сатирику, съ ихъ чувствами къ нему, съ ихъ запросами по отношенію его, какъ человѣка и писателя.

Изображая такимъ образомъ жизнь въ ея движеніи и пестрой смѣнѣ событий, г. Шенрокъ всегда старается быть совершенно объективнымъ, деликатно и осторожно произнося свой судъ и осужденіе надъ средою, окружавшею Гоголя, и не его вина поэтому, если не всѣ дѣйствующія лица (напр., Погодинъ) выходятъ симпатичными и привлекательными. Объясненій этому нужно искать въ фактахъ жизни, въ психологическихъ особенностяхъ этихъ самыхъ лицъ; биографъ не счелъ себя вправѣ, повидимому, ничего скрашивать и ничего замалчивать. Поэтому «Матеріалы для біографіи Гоголя», помимо ихъ ближайшей удачно выполненной задачи, имѣютъ и еще то достоинство, что рисуютъ намъ настроеніе современнаго Гоголю общества, идеалы и стремленія этого общества, а также позволяютъ судить, поскольку эти идеалы и стремленія отразились на творчествѣ автора «Мертвыхъ душъ», поскольку среда вліяла на складъ его убѣжденій и его мучительныхъ поисковъ вѣчной правды и абсолютной истины.

Намъ уже давно извѣстно, еще со школьной скамьи, чѣмъ закончились эти поиски. Апоѳеозомъ ихъ явилась знаменитая «Переписка съ друзьями» и сожженіе литературныхъ рукописей. Если въ объясненіи послѣдняго изъ двухъ названныхъ моментовъ жизни писателя, какъ я уже отмѣтилъ выше, г. Шенрокъ не оказался достаточно твердъ и еще находится въ ожиданіи мнѣнія свѣдущихъ людей, то гораздо удачнѣе и счастливѣе вышелъ онъ изъ другого затрудненія. Онъ не побоялся открыто стать въ отрицательное отношеніе къ панегиристамъ «Переписки», столь усердно за послѣднее время рекламировавшимъ это произведеніе и старавшимся убѣдить читателей, что здѣсь-то именно и открывается все величіе души Гоголя, высшій подъѣмъ его мысли и чувства. Авторъ «Матеріаловъ» во всеоружіи знанія предмета, отменяя изъ своей работы шумиху трескучихъ фразъ, праздныхъ домысловъ и ни на чемъ неоснованныхъ метафизическихъ гаданій, сливается въ своей оцѣнкѣ «Переписки» въ значительной мѣрѣ съ лучшимъ представителемъ русской критической мысли—съ В. Г. Бѣлинскимъ, и тѣмъ самымъ кладетъ правильный конецъ вреднымъ толкамъ послѣдняго времени. Въ данномъ случаѣ г. Шенрокъ проявилъ настоящее гражданское мужество, такъ какъ для него, какъ для біографа Гоголя, могло явиться чрезвычайно соблазнительнымъ, по человѣческой общей слабости, воспользоваться цвѣтами краснорѣчія панегиристовъ «Переписки», чтобъ вложить въ свой памятникъ великому писателю лишній красиво облицованный камень, придѣлать къ нему лишнее украшеніе и тѣмъ самымъ пріобрѣсти расположеніе и заслужить хвалы еще лишняго десятка людей. Но чувство эстетической мѣры, требованія исторической и психологической правды удержали его отъ

ложнаго и соблазнительнаго шага и побудили сказать строгое слово тамъ, гдѣ нѣкогда разразилась грозная рѣчь величайшаго въ свое время почитателя автора «Мертвыхъ душъ».

Указанныя мною бѣгло достоинства работы г. Шенрока и по собиранію «Матеріаловъ» и по редактированію VI и VII томовъ «Сочиненій» Гоголя въ роскошномъ изданіи г. Маркса создаютъ этимъ работамъ великое историческое значеніе единственнаго пока въ настоящее время достойнаго литературнаго памятника Гоголю, памятника, который еще не суждено видѣть другому колоссу русской изящной литературы—А. С. Пушкину. Въ силу этого, если въ настоящемъ памятникѣ и замѣчаются нѣкоторые недочеты и неполадокъ, мы не должны и не имѣемъ права слишкомъ строго ихъ ставить въ укоръ творцу памятника: онъ дѣлалъ свое большое дѣло при очень слабой поддержкѣ русскаго общества, а горькихъ минутъ ему суждено было видѣть за время работы слишкомъ достаточно. Можетъ быть, единственнымъ утѣшеніемъ для него было признаніе по крайней мѣрѣ Академіей Наукъ достоинствъ его работы. Академія, какъ извѣстно, присудила ему за редактированіе VI и VII томовъ «Сочиненій» Гоголя пушкинскую премію, но и тутъ дѣло обошлось не совсѣмъ благополучно: обнаружился недостатокъ денежныхъ средствъ, и премія была замѣнена почетнымъ отзывомъ. Это ужъ въ истинномъ смыслѣ слова, что называется,—«не повезло». Такъ или иначе, но во всякомъ случаѣ высшее наше ученое учрежденіе все-таки сумѣло оцѣнить труды г. Шенрока, какъ смѣю надѣяться, настанетъ время, когда всѣ подходящія учрежденія оцѣнятъ и остальные его работы, направленные къ увѣковѣчанью имени того писателя, коему вся Россія, во всей совокупности своихъ словій, все еще никакъ не можетъ собраться съ средствами, чтобъ соорудить рукотворный памятникъ изъ камня, бронзы и гранита. Памятникъ литературный въ видѣ «Матеріаловъ», собранныхъ г. Шенрокомъ, опередилъ такимъ образомъ памятникъ матеріальный, вещественный. Это твердо надо помнить и за это чувствовать глубокую признательность къ автору «Матеріаловъ». Онъ былъ одинъ въ свое время и одинъ опередилъ всѣхъ остальныхъ.

Б. Глинскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга двѣнадцатая. Спб. 1898.

В КАЖДЫМЪ годѣмъ вырастаетъ громадный трудъ неутомимаго біографа Погодина, и уже въ настоящемъ году мы имѣемъ двѣнадцатый томъ его прекрасной работы, обнимающій собою 1852 и 1853 годы жизни русскаго и преимущественно московскаго общества. Въ прошедшемъ году, воспользовавшись выходомъ XI книги г. Барсукова, я, основываясь на ней, помѣстилъ въ «Истор. Вѣстникъ» очеркъ «Раздвоившаяся редація Москвитянина»; въ настоящее время мнѣ приходится нѣсколько пожалѣть о своей торопливости: лучше было бы, если бы означенный мой очеркъ появился въ текущемъ году, такъ какъ въ ново-вышедшей книгѣ г. Барсуковъ, на основаніи новыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ Погодинскаго архива, сообщаетъ немало любопытныхъ свѣдѣній о послѣднихъ дняхъ жизни «молодой редакціи Москвитянина» и о ея разрывѣ съ издателемъ этого журнала.

Читатели «Историческаго Вѣстника» благоволятъ припомнить, какъ не прочтенъ былъ союзъ Островскаго, Григорьева, Алмазова и др. съ ворчливымъ, скупымъ и несуразнымъ Погодинымъ. Кто знаетъ литературный міръ, кто знакомъ съ закулисами русскою журнальной жизни, тотъ при первомъ и даже поверхностномъ наблюденіи могъ безошибочно предсказать, что союзъ этотъ не долговѣченъ, и что краснымъ днѣмъ его скоро долженъ наступить конецъ. Такъ оно и случилось уже въ началѣ 1852 года. Въ апрѣлѣ Погодинъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «Нелѣпности сотрудниковъ. Ужасно ограни-

чены... Думалъ о сдачѣ журнала». Разрывъ состоялся, однако, не сразу, и выходъ изъ журнала литературной молодежи сопровождался попытками съ ихъ стороны захватить въ свои руки издательскія и редакторскія бразды правленія. Но мы уже достаточно знаемъ, какъ Погодинъ любилъ мучить всѣхъ обращающихся къ нему безконечными переговорами, и какъ эти переговоры еще ни разу въ жизни не приходили къ благополучному концу. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, старанія молодой редакціи не привели къ желаннымъ результатамъ, и Т. И. Филипповъ въ одномъ изъ своихъ писемъ извѣщалъ Погодина: «Молодая редакція разлетѣлась по разнымъ сторонамъ: Островскій у себя въ деревнѣ, поѣхалъ къ больному отцу, но не засталъ его въ живыхъ; Борисъ (Алмазовъ) поѣхалъ къ здоровому отцу, и неизвѣстно, какъ нашелъ его, и съ чѣмъ пріѣдетъ назадъ; мы сходимся, то-есть Эдельсонъ, Григорьевъ и я, рѣдко и грустно. Я постоянно боленъ; жду тепла». Но, кромѣ продленія времени въ переговорахъ съ своими молодыми бывшими сотрудниками, Погодинъ тогда же бралъ изморомъ по тому же предмету и Каткова, рѣшившагося обзавестись собственнымъ литературнымъ органомъ. Какъ ни расписывалъ послѣдній свою литературную порядочность и свѣтлыя перспективы для «Москвитянина» въ будущемъ, кремень-Погодинъ выставлялъ одно препятствіе для передачи за другимъ, и дѣло не подвигалось ни на шагъ. Утомленный всѣми этими переговорами, Катковъ, наконецъ, писалъ несговорчивому издателю: «Всѣ эти колебанія и сомнѣнія меня истомили. Едва, повидимому, уладится дѣло въ одномъ пунктѣ, какъ вдругъ начнетъ разстраиваться въ другомъ. Съ самаго начала я предложилъ вамъ мои условія касательно «Москвитянина». Нѣсколько разъ вызывалъ я васъ на объясненія по этому пункту, и каждый разъ вы отвѣчали мнѣ, что матеріальныя условія—дѣло второстепенное, что, по вашему теперешнему состоянію, вамъ затрудняться ими не должно, что мы можемъ считать дѣло въ этомъ отношеніи оконченнымъ. Я имѣлъ, послѣ всего этого, полное право ожидать, что вы, по крайней мѣрѣ, удовлетворитесь сдѣланными мною предложеніями, и старался исполнить всѣ ваши желанія по другимъ пунктамъ. Но, къ сожалѣнію, нынѣшній разговоръ заставляетъ меня сильно сомнѣваться въ благопріятномъ исходѣ дѣла. Вы вдругъ какъ будто забыли то, что было предлагаемо вамъ прежде, и почти, по всѣмъ признакамъ, вы уже соглашались, и заговорили о такихъ условіяхъ, которыя намъ и въ голову не приходили. Увѣряю васъ, что дальнѣйшая проволочка дѣла не только тяжела, но и невозможна для меня. Я долженъ непременно знать ваше окончательное рѣшеніе завтра, т.-е. въ пятницу или, по крайней мѣрѣ, въ субботу. Вотъ мои условія: 1.500 р. с. въ годъ до 400 подписчиковъ, а начиная съ этой цифры 2.000 р. с. Девяги впередъ, въ началѣ года. Если вы непременно хотите получать съ cadaго подписчика, то я могу назначить никакъ не болѣе 50 к. с. Разсудите сами, что будетъ вамъ выгоднѣе; я же не могу ни на шагъ отступить отъ этихъ условій. Всякое измѣненіе въ нихъ, съ вашей стороны, я приму за отвѣтъ отрицательный. Контрактъ заключимъ мы на десять лѣтъ, съ предоставленіемъ мнѣ права возобновить оный, по истеченіи этого срока, на тѣхъ же условіяхъ. Умоляю васъ быть ко мнѣ свисходительнѣе и не медлить отвѣтомъ. Или да, или нѣтъ».

Если я въ субботу не получу отъ васъ рѣшительнаго отвѣта, то буду считать дѣло оконченнымъ неблагопріятно и буду принужденъ приняться за другое, отъ чего былъ отвлеченъ переговорами съ вами». Конечно, по обыкновенію, Погодинъ къ сроку рѣшительнаго отвѣта не далъ, опять затянулъ дѣло, такъ что въ концѣ концовъ оно разстроилось. Виною же сего были славянофилы, — говорить г. Барсуковъ.—20-го января 1854 года С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: «Если хотите, чтобъ направленіе осталось прежнее, никому не отдавайте журнала. Катковъ человѣкъ очень хорошій, но направленіе будетъ особенное и крайне одностороннее».

Какъ извѣстно, Каткову въслѣдствіи удалось обзавестись своимъ ежемѣсячнымъ органомъ, который онъ и редактировалъ въ первые годы въ направленіи, далеко противоположномъ «Москвитяину». Его журналъ «Русскій Вѣстникъ» издавался на первыхъ порахъ въ либерально-конституціонномъ направленіи англійскаго пошиба. Такимъ образомъ, старикъ Погодинъ, дорожившій вынужденнымъ имъ литературнымъ дѣтищемъ и его природной физиономіей, съ своей точки зрѣнія, былъ правъ, сначала колебался въ своихъ переговорахъ съ Катковымъ, а потомъ и окончательно ихъ прервалъ. Славянофилы, въ лицѣ старшаго Аксакова, съ которыми онъ сходилъ лишь на почвѣ личныхъ дружескихъ отношеній и расходился по вопросамъ политическимъ и общественнымъ, сыграли въ настоящемъ его жизненномъ случаѣ рѣшающую роль. Они удержали въ Москвѣ органъ русско-консервативной окраски, несмотря на то, что имъ-то самимъ, съ ихъ тоже національнымъ направленіемъ иной лишь фракціи, приходилось жутко отъ преслѣдованій и стѣсненій со стороны полицейско-консервативныхъ инстанцій сѣверной столицы.

Г. Барсуковъ, въ добавленіе къ тому, что извѣстно по настоящему предмету изъ работъ М. И. Сухомлинова, чрезвычайно обстоятельно повѣствуетъ о разгромѣ, учиненномъ надъ славянофилами, какъ лицами неблагонамѣреннаго направленія, министромъ народнаго просвѣщенія Ширинскимъ-Шихматовымъ и предсѣдателемъ негласнаго комитета, генераломъ Анненковымъ. По поводу впечатлѣнія, произведеннаго 1-мъ т. «Московского Сборника», въ изданіи Ив. Аксакова, авторъ «Погодина» сообщаетъ нѣкоторые любопытные документы, изъ коихъ одинъ, почерпнутый изъ Михайловскаго архива гр. С. Д. Шереметева, заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ цѣнный документъ для исторіи нашей цензуры и для исторіи умственныхъ общественныхъ теченій первой половины столѣтія. Документъ этотъ—мнѣніе Ширинскаго-Шихматова о 1-мъ т. «Московского Сборника». Министръ писалъ въ своемъ донесеніи: «Когда я кончилъ разсмотрѣніе цѣлой книги, мнѣ само собою представилось замѣчательное сходство во взглядахъ участниковъ этого изданія на неудовлетворительность для русскихъ образованности западной и необходимость обратиться къ нашимъ собственнымъ началамъ просвѣщенія. Объ этомъ подробно разсуждаетъ Кирѣевскій и повторяетъ К. Аксаковъ; о томъ же говоритъ Кошелевъ и упоминаетъ Хомяковъ. Эта, такъ сказать, господствующая мысль въ «Московскомъ Сборникѣ» едва ли можетъ быть признана дѣломъ случайнымъ и невольно приводитъ къ вѣроятности предположенія, что она не чужда цѣли изданія. Осмѣливаюсь думать, что хотя народность и составляетъ одну изъ

главныхъ основъ нашего государственнаго быта, но развитіе понятій о ней не должно быть односторонне и безусловно; иначе безотчетное стремленіе къ народности можетъ перейти въ крайность и, вмѣсто пользы, принести существенный вредъ. Повергая все сіе на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества, считаю долгомъ всеподданнѣйше довести, что мною сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) цензору статскому совѣтнику князю Львову, разсматривавшему первый томъ «Московского Сборника», за необращеніе надлежащаго вниманія на содержаніе заключающихся въ немъ статей, сдѣланъ строгій выговоръ; причѣмъ я внушилъ ему лично, что за подобную впредь неосмотрительность онъ будетъ подвергнутъ строжайшему по законамъ взыскавію; цензоръ князь Львовъ принялъ такое внушеніе съ искреннимъ сознаніемъ вины своей и съ изъявленіемъ полной готовности загладить ее усерднымъ и точнымъ исполненіемъ своей обязанности; 2) я обратилъ вниманіе московскаго цензурнаго комитета на собранія сочиненій разныхъ писателей, извѣстныя у насъ подъ названіемъ сборниковъ; эти изданія, замѣняя нѣкоторымъ образомъ журналъ, представляютъ ту же удобность развивать и распространять между читателями одну или нѣсколько главныхъ идей, съ сохраненіемъ, при видимомъ разнообразіи статей своего содержанія, постоянного направленія къ одной и той же цѣли, особливо, если такія изданія будутъ появляться послѣдовательными томами и переходить изъ года въ годъ; возможность злоупотребленія со стороны неблагонамѣренныхъ издателей здѣсь очевидна, и потому цензурное разсмотрѣніе сборниковъ требуетъ всей возможной осмотрительности, чтобъ они не сдѣлались отголосками какого либо политическаго мнѣнія, несогласнаго съ видами правительства; 3) признавая необходимымъ и съ своей стороны имѣть за сборниками самый бдительный надзоръ, я предложилъ попечителю Московскаго учебнаго округа, по мѣрѣ разсмотрѣнія въ цензурномъ комитетѣ предполагаемыхъ къ изданію остальныхъ трехъ томовъ «Московского Сборника», представить ихъ въ рукописяхъ въ главное управленіе цензуры, съ заключеніемъ комитета объ общемъ направленіи каждаго тома по позволительности или непозволительности каждой статьи въ особенности».

Это рѣшеніе министра, «роковое для русской литературы», еще не задѣвало непосредственно славянофиловъ. Какъ литературно-общественную группу, ихъ доканала участь 2-го т. «Сборника», который, наперекоръ превратностямъ 1-го т., все же былъ представленъ Ив. Аксаковымъ въ рукописяхъ цензурному комитету. Тутъ уже рѣшающую роль въ судьбѣ славянофиловъ сыгралъ начальникъ Третьяго Отдѣленія, Л. В. Дубельтъ, который произнесъ жестокій приговоръ, обрекавшій, по словамъ г. Барсукова, «нашихъ лучшихъ писателей на безмолвіе».

23-го января 1853 года, Л. В. Дубельтъ доводилъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія слѣдующее: «Разсмотрѣвъ статьи, помѣщенныя во второмъ томѣ «Московского Сборника», я нахожу, что московскіе славянофилы смѣшиваютъ приверженность свою къ русской старинѣ съ такими началами, которыя не могутъ существовать въ монархическомъ государствѣ и, явно недоброжелательствуя нынѣшнему порядку вещей, въ заблужденіи мыслей своихъ, безпрерывно желаютъ оттолкнуть наше отечество ко временамъ равно-

апостольнаго князя Владимира, что хотя нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ-то, Ивану Аксакову, Константину Аксакову и Хомякову, уже были дѣлаемы внушенія, но это на нихъ не подѣйствовало, а первый изъ нихъ такое сочиненіе, которое правительствомъ признано неумѣстнымъ, не только дополнилъ, но и напечаталъ; что вообще они, даже послѣ сдѣланныхъ имъ внушеній, дерзко представляютъ къ напечатанію статьи, которыя обнаруживаютъ ихъ открытое противодѣйствіе правительству. Дабы разъ навсегда положить предѣлъ распространенію такого вреднаго образа мыслей и предупредить строгія, но справедливыя взысканія правительства, которымъ подвергаются цензоры, я полагаю: 1) второй томъ «Московского Сборника» вполне запретить, 2) равно прекратить и дальнѣйшее изданіе этого Сборника, 3) редактора Ивана Аксакова лишить права быть редакторомъ какихъ бы то ни было изданій, 4) Ивану Аксакову, Константину Аксакову, Хомякову, Кирѣевскому и князю Черкасскому, сдѣлавъ наипрожайшее внушеніе за желаніе распространять нелѣпныя и вредныя понятія, воспретить даже и представлять къ напечатанію свои сочиненія, 5) всѣхъ сихъ, какъ людей открыто неблагонамѣренныхъ, подвергнуть не секретному, но явному полицейскому надзору».

Въ этомъ списокѣ опальныхъ славянофиловъ, хотя мы и не встрѣчаемъ имени старика Аксакова, однако на дѣлѣ оказалось, что и онъ былъ записанъ у Дубельта въ скрижали неблагонамѣренныхъ, несмотря на свой глубокой возрастъ и самый миролюбивый образъ мыслей. Такъ, когда онъ задумалъ изданіе своего «Охотничьяго Сборника», куда казалось бы ничто нецензурное попасть не могло, оно ему разрѣшено не было.

Вообще цензурныя строгости послѣ 1848 г. напустили жестокія, и съ ними пришлось считаться даже издателю «Москвитянина». Такъ, когда онъ въ объявленіи о подпискѣ на 1852 г. упомянулъ, что журналъ его устанавливается, «не смотря на всѣ препятствія», то эти слова были истолкованы «комитетомъ», какъ слова подозрительныя. «Не приписывая, — писалъ по этому поводу Н. Анненковъ князю Ширинскому, — онымъ никакого предосудительнаго значенія, по извѣстной благонамѣренности главнаго редактора «Москвитянина» дѣйствительнаго статскаго совѣтника Погодина, оказавшаго несомнѣнныя услуги отечественной литературѣ, въ особенности, изысканіемъ по части русскихъ древностей, комитетъ счелъ однако же долгомъ замѣтить, что вышеприведенныя слова, въ мнѣніи нѣкоторой части публики, могутъ быть отнесены къ препятствіямъ со стороны правительства и въ особенности цензуры, а потому лучше было бы оныя вовсе не помѣщать; если же они относятся къ препятствіямъ со стороны литературныхъ партій или завистниковъ заслуженнаго успѣха «Москвитянина», то оговорить ихъ такъ, чтобы смыслъ былъ вполне опредѣленный». Не довольствуясь этимъ, комитетъ испрашивалъ высочайшее соизволеніе предоставить князю Ширинскому «сообщить о вышеизложенномъ замѣчаніи, конфиденціально, дѣйствительному статскому совѣтнику Погодину, не давая сему дѣлу дальнѣйшихъ послѣдствій».

Правда, этотъ эпизодъ доставилъ даже удовольствіе Погодину, увидѣвшему въ приведенныхъ словахъ лестное о немъ мнѣніе правительства; но важно не это, а то, какъ правительство въ лицѣ «комитета» зорко слѣдило тогда за

настроением умовъ, и какъ всякая мелочь вызывала опасенія и мѣры предосторожности.

Помимо фактовъ, относящихся непосредственно къ исторіи литературы, въ 12-й книгѣ г. Барсукова собрано немало любопытнаго матеріала, касающагося какъ личной жизни самого Погодина, такъ и исторіи русскаго просвѣщенія вообще за тотъ періодъ.

В. Глинскій.

А. Сорель. Монтескье. Переводъ М. Г. Васильевского, подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. И. Карѣева. Спб. 1898.

Эта небольшая, увлекательно написанная, книжка принадлежит перу одного изъ талантливѣйшихъ французскихъ историковъ и первоклассныхъ европейскихъ ученыхъ, Сорелю. Онъ извѣстенъ, не только какъ историкъ, написавшій превосходное сочиненіе «Европа и французская революція», но и какъ знагокъ международнаго права, профессоромъ котораго онъ состоитъ въ «Ecole libre des sciences politiques». Названная книга о Монтескье написана имъ для извѣстнаго изданія «Les grands écrivains français», гдѣ работаютъ видные специалисты, и переводъ этого сочиненія на русскій языкъ пополняетъ замѣтный пробѣлъ въ нашей литературѣ. У насъ есть книги о Вольтерѣ, Руссо, Дидро, но до сихъ поръ мы не имѣли обстоятельнаго сочиненія, посвященнаго жизни, сочиненіямъ и идеямъ Монтескье. (Биографія А. Н. Никонова, вышедшая въ 1893 г. въ библиографической библиотекѣ Д. Павленкова, единственная до появленія разбираемаго труда книжка на русскомъ языкѣ даетъ очень немного). Имя Монтескье одно изъ крупнѣйшихъ въ боевой литературѣ XVIII в. Его книга «Духъ законовъ» облетѣла весь міръ. «Это мой молитвенникъ», говорила о ней Екатерина Вторая. Въ книжкѣ Сореля дана блестящая тонкая характеристика великаго гасконца, любившаго свѣтъ и удовольствія, уравновѣшеннаго и глубокаго, какимъ былъ Монтескье въ пору своей зрѣлости, около 1720 г. Не останавливаясь подробно на библиографическихъ данныхъ Монтескье, такъ какъ его частная жизнь не представляетъ интереса и не освѣщаетъ его трудовъ, Сорель переходитъ къ «Персидскимъ письмамъ», поразившимъ, какъ громъ, общество въ 1721 г. «Письма» Монтескье—ѣдка сатира на современное общество. Въ нѣсколькихъ словахъ Сорель развернулъ яркую картину людей и событий регентства, того общества, которое «такъ охотно показывалось нагимъ и вызывало такъ нагло сатиру». Персидскія письма—«настоящій потокъ французскаго ума, направляющагося къ Вольтеру и Бомарше». Въ появленіи этой замѣчательной сатиры слышится глубокое разочарованіе въ «старомъ порядкѣ». Другимъ крупнымъ произведеніемъ Монтескье было «Разсужденіе о причинахъ величія и паденія римлянъ», написанное съ точки зрѣнія политики, гдѣ онъ стремится дать «нить всѣхъ событий.» Въ этомъ сочиненіи Монтескье совершенство стиля особенно ярко. Сжатая образность и строго формулированная программа философскаго изученія исторіи—таково значеніе, по справедливому замѣчанію Сореля, книги Монтескье. Однако, слава Монтескье зиждется не на этихъ трудахъ: они были только подготовительными моментами его капиталь-

наго произведенія «L'esprit des lois». Сорель подробно разсматриваетъ планъ и композицію этого труда и касается отдѣльныхъ вопросовъ, трактуемыхъ въ монументальномъ сочиненіи Монтескье. Онъ останавливается на политическихъ законахъ и формахъ правленія, климатахъ, гражданскихъ законахъ, международномъ правѣ, экономическихъ законахъ и теоріи феодальныхъ законовъ. Замѣчательно умѣло, съ чутьемъ историка — юриста и психолога, Сорель разбирается въ той отрывочности, въ тѣхъ паузахъ, которыми переполнена книга Монтескье. Онъ невольно сравниваетъ произведеніе Монтескье и «Демократію въ Америкѣ» Токвиля, гдѣ тотъ же приподнятый тонъ, но гдѣ, вмѣсто веселости и привѣтливости, сквозить суровость и меланхолія. Монтескье зналъ, для кого онъ пишетъ; вотъ причина его тумана, которымъ онъ окуталъ свое произведеніе. Сорель удачно подмѣтилъ, какъ Монтескье старается «заманивать» читателя, того свѣтскаго читателя, которыхъ отлично зналъ Монтескье: «ихъ нетерпѣливую любознательность, несистематичность ихъ чтеній, страхъ, который они чувствуютъ предъ усталостью, ихъ желаніе добраться поскорѣе до цѣли, ихъ постоянную готовность прервать чтеніе и вѣчную разсѣянность». Монтескье обобщающій гений; въ этомъ его величіе и недостатокъ, говоритъ Сорель. Онъ изображалъ монархію или республику, какъ Мольеръ — скупого. Натяжки и парадоксы въ трудѣ Монтескье Сорель объективно отмѣтилъ, но преклоняется предъ великой заслугой Монтескье: онъ положилъ начало историческому методу, чѣмъ опередилъ свой вѣкъ — эпоху рационализма. Сорель подчеркиваетъ послѣднія 4 главы сочиненія Монтескье, разсматривающія происхожденіе феодальныхъ повинностей и оставляемая обыкновенно въ тѣни вслѣдствіе ихъ нѣкоторой беспорядочности. Заслуга Монтескье въ этихъ главахъ сводится, по вѣрному замѣчанію Сореля, къ возбужденному имъ интересу къ среднимъ вѣкамъ, изученію которыхъ онъ положилъ прочную основу. Послѣднія 3 главы книжки Сореля — VIII, IX и X разсматриваютъ вліяніе Монтескье на Европу при старомъ порядкѣ, взгляды его на французское правительство, отношеніе его къ революціи и отношеніе къ Монтескье критики.

Въ общемъ, переводъ — довольно удачный, хотя красивый и оригинальный языкъ Сореля трудно поддается переводу. Къ большимъ достоинствамъ книжки, очень опрятно изданной, служатъ приложенія, гдѣ представлены: 1) важнѣйшіе отрывки изъ «Духа законовъ», главнымъ образомъ, изъ XI книги — сердцевины всего труда, и XII, и 2) перечень сочиненій Монтескье, съ указаніемъ датъ появленія его разныхъ сочиненій. Въ ряду другихъ немногихъ сочиненій по исторіи идей XVIII вѣка, книжка Сореля, по своей сжатости, рельефности и научности, должна занять видное мѣсто. К — ия.

Ө. М. Уманецъ. Гетманъ Мазепа. Историческая монографія. Спб. 1897.

«Поэты и художники, историки и моралисты двѣсти лѣтъ разрабатываютъ эту тему. Но коренное противорѣчіе взглядовъ на весь предметъ, поразительная неясность даже главныхъ обстоятельствъ, странное умолчаніе о многомъ и не менѣе странное толкованіе нѣкоторыхъ фактовъ, показываетъ, что въ этой трагедіи еще много непонятаго и загадочнаго». Во многомъ разоидясь съ своими

предшественниками, г. Уманецъ поставленъ былъ въ необходимость еще разъ пересмотрѣть старое забытое дѣло. Отсюда — очеркъ жизни знаменитаго гетмана.

Книга г. Уманца — оригинальна и интересна. Если судить только по ней, то трудно будетъ подыскать для ея автора такую историческую школу, къ которой онъ могъ бы пристроиться: г. Уманецъ просто щеголяетъ независимостью и оригинальностью своихъ сужденій. Интересъ ихъ — въ новомъ освѣщеніи дѣятельности Мазепы; новаго фактическаго матеріала дано очень мало. Увлекательное и остроумное изложеніе поддерживаетъ этотъ интересъ.

Нельзя не согласиться съ авторомъ въ томъ, что большая часть изслѣдованій о Мазепѣ написана безъ соблюденія исторической перспективы, безъ перемѣны красокъ. Въ нихъ гетманъ представляется театральнымъ злодѣемъ, съ головы до ногъ, какимъ-то Францомъ Моромъ или Яго, все свое время проводящимъ въ злыхъ козняхъ на друга и недруга. «Онъ измѣнилъ Польшѣ, когда пребываніе въ Варшавѣ сдѣлалось для него невыгоднымъ; — измѣнилъ Петру, когда шведская сторона казалась сильнѣй; — измѣнилъ Дорошенку, когда отъ него нечего было ожидать; — измѣнилъ Самойловичу, когда представилась возможность захватить гетманство»... Таковъ традиціонный взглядъ. Г. Уманецъ противъ такого односторонняго изображенія личности гетмана, и его изслѣдованіе должно разсѣять тѣ ложныя представленія, которыя навѣяны его измѣной и поддерживаются церковнымъ проклятіемъ. Жизни и дѣятельности Мазепы придается г. Уманцемъ своеобразный характеръ, дающій право уважать гетмана-патріота и борца за счастье родины. Мы иллюстрируемъ это общее положеніе автора небольшимъ очеркомъ не жизни гетмана, а только тѣхъ ея эпизодовъ, которые создали изъ имени Мазепы оскорбительное прозвище.

Семья Мазепы была не только глубоко религіозна, но и православна. Принадлежа къ среднему кругу малороссійскаго дворянства, она выдѣлялась изъ массы тѣмъ, что осталась православною и продолжала дружить съ казачествомъ, послѣ того, какъ большая часть малороссійской аристократіи измѣнила вѣрѣ и народности предковъ. Отецъ гетмана, Адамъ Степанъ Мазепа, находился на службѣ у польскаго короля Яна Казимира и пользовался его расположеніемъ. Своего сына онъ пустилъ по своей дорогѣ. «Пусть лучше сынъ мой научится обращенію съ людьми вблизи королевской особы, а не гдѣ вибудъ въ корчмахъ, предаваясь всякимъ безобразіямъ», — говорилъ Адамъ Мазепа. Прошедшій риторическую школу въ Кіевѣ, Иванъ Мазепа былъ взятъ ко двору короля. (Кстати, годъ рожденія гетмана — 1629, или немного позднѣе. Эту дату можно считать установленной послѣ розысканій г. Уманца). Янъ Казимиръ подарилъ свое расположеніе и сыну Адама Мазепы. Иванъ Степановичъ нѣсколько разъ исполнялъ важныя порученія короля. Но, несмотря на его довѣріе, положеніе Мазепы было непрочно среди непривѣтливыхъ взглядовъ заносчивой шляхты, для которой онъ былъ только *nie dawno pobilitowany*. Послѣ ряда измѣнъ своей вѣрѣ и народности онъ могъ добиться лишь ничтожнаго мѣста, чтобы, подъ командой Чернецкаго или короннаго канцлера, терзать свою родину и ежедневно слышать ея проклятія. Мазепа избѣрился въ Польшу и пересталъ надѣяться устроить въ ней свое личное положеніе и счастье родины. Поэтому онъ

уходитъ оттуда, но онъ еще не выбралъ направленія. Нѣсколько лѣтъ онъ прожилъ въ типѣ уединенія, присматриваясь къ лицамъ и событіямъ. Въ 1665 г. былъ избранъ гетманомъ Дорошенко, объявившій себя за «Рѣчь Посполитую Украинскую», т. е. за Малороссію обѣихъ сторонъ Днѣпра, подъ властью одного гетмана, независимую какъ отъ Москвы, такъ и Польши. На сторонѣ Дорошенка былъ престижъ таланта, патриотизмъ и увлекательная для малороссіянъ идея. Мазепа не могъ колебаться въ выборѣ направленія своей дѣятельности и въ 1669 г. вступилъ на службу къ Дорошенкѣ, не преслѣдуя никакихъ личныхъ выгодъ. Черезъ пять лѣтъ вполне выяснилась неспособность Дорошенка осуществить свои цѣли, ошибочность его расчетовъ. Какъ всѣ въ то время, Мазепа рѣшилъ отстать отъ своего патрона. «Факты говорятъ, что Мазепа оставилъ его не потому, что нашелъ болѣе выгодное мѣсто, а вслѣдствіе непредвидѣннаго стеченія обстоятельствъ». Съ этого времени до 1687 г. мы находимъ будущаго гетмана на службѣ у Самойловича, съ 1687 г. первый становится на мѣсто послѣдняго. Все время службы у Самойловича и первые годы своего гетманства Мазепа искренно и безкорыстно служилъ Москвѣ. Гарантіей вѣрности гетмана служила, во-первыхъ, невозможность вѣрить въ самостоятельность Малороссіи и, во-вторыхъ, чувство самохраненія: измѣни Мазепа Москвѣ, его предала бы старшина. Прогрессивныя теченія въ Московскомъ государствѣ скрашивали вѣрнопопдавническія обязанности. Поднимая Москву на высоту тогдашняго прогресса, Петръ долженъ былъ поднять и Малороссію. Вѣра въ Петра отразилась во многихъ дѣлахъ гетмана, во взглядахъ на войну съ турками и татарами. Эпоха, послѣдовавшая за возвращеніемъ Петра изъ-за границы, разрушила иллюзіи Мазепы: рѣзкій переломъ сказался въ дѣятельности царя, круты стали реформы. Способъ проведенія ихъ никому не понравился. Малороссія, не испытывая на себѣ благъ прогресса, несла всѣ его тяжести. Стала ясна невозможность ожидать чего либо хорошаго отъ Петра, здѣсь начало измѣны, зародившейся въ головѣ не одного Мазепы, а цѣлой націи. Мазепа взялъ на себя только руководство. Очагъ измѣны образовался самъ собою, независимо отъ вліянія гетмана. Умри онъ въ Батуринѣ въ августѣ или сентябрѣ 1708 г., вмѣсто того, чтобы годомъ позднѣе погибнуть при Бендерахъ, ходъ дѣлъ въ Малороссіи измѣнился бы очень мало. Необходимость измѣны понятна: колоссальная энергія, выдвинувшая Хмельницкаго и едва не основавшая государство, не могла разомъ сойти на нѣтъ. Измѣняя, Мазепа хотѣлъ лишь одного — полной независимости Украины.

Довольно этихъ выписокъ, чтобы выяснитъ взгляды г. Уманца на личность Мазепы. Мазепа является ужъ не измѣнникомъ, а однимъ изъ величайшихъ мужей Украины, работавшимъ для ея независимости. Въ каждомъ его поступкѣ сознательное стремленіе къ благу родины. Намъ кажется, что, если прежніе историки грѣшили противъ истины, изображая гетмана злодѣемъ, то г. Уманецъ впадаетъ въ противоположный грѣхъ: слишкомъ много благородства въ его портретѣ Мазепы. Значеніе труда г. Уманца въ томъ, что онъ ставитъ своего героя въ условія времени и пространства, помѣщаетъ его среди живыхъ людей. Но толкованія отношеній Мазепы къ средѣ не всегда отличаются основательностью, оставаясь на почвѣ болѣе или менѣе остроумныхъ гипотезъ. Въ концѣ

концовъ, остается темнымъ вопросъ: почему же измѣна не имѣла успѣха? Вся Украина, какъ оказывается изъ изслѣдованія г. Уманца, была охвачена измѣной, которая была даже необходима... и вдругъ за Мазепой идетъ только ничтожное количество! Г. Уманецъ объясняетъ это тѣмъ, что «хоть движеніе къ революціи было всеобщимъ, но въ каждомъ оно слишкомъ слабо, чтобы на самомъ дѣлѣ произвести революцію». Но тогда совершенно непонятно, почему же Мазепа не предвидѣлъ этого. Вѣдь г. Уманецъ невозможность существованія многихъ положеній и мнѣній у гетмана доказываетъ именно тѣмъ, что не могъ же думать такъ такой умный человѣкъ, какъ Мазепа. Очевидно, этотъ пріемъ доказательствъ нельзя назвать удачнымъ. Можно, конечно, не соглашаться съ г. Уманцемъ въ общемъ взглядѣ на Мазепу, но значеніе книги именно въ противоположности воззрѣній автора взглядамъ его предшественниковъ: имѣя два противоположныхъ сужденія, легче получить истину.

Недостатокъ труда, какъ мы указали выше, въ невыработанности метода. Напримѣръ, доказывая принадлежность «Думы» Мазепѣ, г. Уманецъ ссылается на сходство выраженій «Думы» и мемуара Орлика, передающаго смыслъ письма Мазепы. Если даже допустить достовѣрность передачи Орлика, то вѣдь сходство, несомнѣнно принадлежащаго Мазепѣ, документа съ другимъ сомнительнымъ, можетъ свидѣтельствовать лишь о томъ, что Мазепѣ извѣстенъ послѣдній, — и только. Далѣе, врядъ ли можно пользоваться въ научномъ изслѣдованіи такими эмпирическими обобщеніями, какъ «жизненный опытъ говоритъ, что человѣкъ съ феноменальной способностью располагать хотя бы отдѣльныя единицы не можетъ быть абсолютно дурнымъ человѣкомъ».

Мы коснулись лишь одной части изслѣдованія г. Уманца. Оно не исчерпывается общими соображеніями о дѣятельности Мазепы. Въ немъ есть, между прочимъ, экскурсъ въ исторію крестьянскаго дѣла при Мазепѣ. Къ сожалѣнію, украинофильскія тенденціи автора ярко сказались въ этомъ очеркѣ. Любители романчнаго найдутъ въ книгѣ г. Уманца цѣлую главу о «поздней любви» гетмана, геройски поступившаго въ дѣлѣ Матрены Кочубей. Послѣдній отдѣлъ посвященъ исторіи изображеній Мазепы.

Въ разбираемой нами книгѣ много отступленій въ область великорусской исторіи, изъ нихъ самое значительное—это страницы, посвященныя характеристикѣ реформаторской дѣятельности Петра. По заявленію автора, въ этихъ страницахъ онъ «во имя истины, вопреки господствующему ученію, взглянулъ на дѣятельность царя нѣсколько иначе, чѣмъ смотрятъ обыкновенно». Впрочемъ, взгляды г. Уманца совсѣмъ не новы: Петръ сдѣлалъ никому и ни для чего ненужную ломку; особенность его реформъ — страшная, обыкновенно ничѣмъ не оправдываемая расточительность народныхъ силъ; онъ не выдумалъ тему, а только варьировалъ ее по своему, и притомъ въ чрезвычайно грубой формѣ и т. д. Въ настоящее время странно встрѣчать въ ученой монографіи такія выходы: онъ оправдывались въ ту пору, когда исторія народа была исторіей личностей. Самъ же г. Уманецъ вставляетъ въ рамки исторію своего героя, а для Петра ихъ не существуетъ. Повидимому, г. Уманецъ остался въ сторонѣ отъ новѣйшихъ историческихъ работъ, выясняющихъ степень личнаго участія Петра въ реформахъ. Не знакомы г. Уманцу выводы капитальнаго изслѣдова-

нія о государственномъ хозяйствѣ при Петрѣ В., выводы по вопросу о томъ, насколько спѣшность и напряженность реформъ обуславливались необходимостями военного положенія страны.

Но эти неудачныя отступленія являются мелочами для главной темы труда г. Уманца; въ области малороссійской исторіи онъ, безъ сомнѣнія, станетъ цѣннымъ вкладомъ по новому освѣщенію стараго предмета, по постановкѣ новыхъ вопросовъ.

Щ.

А. Газо. Шуты и скоморохи всѣхъ временъ и народовъ. Переводъ и дополненія Н. Федоровой. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1898.

Передъ нами книжка, опрятно напечатанная, чистенькая, снабженная иллюстраціями, довольно аккуратно исполненными, цѣна ея не высока — 1 р. 50 к. Задача и намѣренія автора — «въ бѣгломъ очеркѣ... представить на судъ читателей исторію шутинства, начиная съ грековъ и римлянъ».

«Удовольствіе, доставляемое смѣхомъ, представляетъ одну изъ существенныхъ потребностей человѣка», — говоритъ учитель Вольтера, знаменитый въ XVIII вѣкѣ профессоръ Горэй, мнѣніе котораго цитируется въ предисловіи къ названной книгѣ. Но, кажется, въ наше время можно задать себѣ вопросъ, безразлично ли то, какъ смѣется человѣкъ и надъ кѣмъ, надъ чѣмъ? Едва ли мы станемъ смѣяться и забавляться надъ тѣмъ, что приводило въ самое беззаботно-веселое настроеніе духа людей хотя бы XVII в., не говоря уже о среднихъ вѣкахъ. Всепутѣйшіе соборы, издѣвательства надъ личностью, самое существованіе шутовъ, — этихъ общепризнанныхъ мишеней для всеобщихъ насмѣшекъ и издѣвательствъ, уже настолько отжили свои вѣкъ, что вызываютъ въ интеллигентномъ человѣкѣ нашего времени порою даже недоумѣніе: «да что же здѣсь, въ сущности, смѣшного?»

Постепенная эволюція въ жизни шута и шутинства, постепенно мѣняющаяся картина предметовъ, вызывающихъ смѣхъ человѣчества, одно изъ непринужденныхъ выраженій его настроеній, способностей, степени умственного и нравственного развитія, — вотъ что, собственно, кажется намъ важнымъ и интереснымъ въ исторіи шутства. Это-то обстоятельство и даетъ основаніе историку культуры съ интересомъ заняться исторіей скоморошества, не исключая прибаутокъ раешниковъ и балаганныхъ дѣдовъ. Заслуга и историческое значеніе шута въ томъ, что онъ безсознательно является неподкупнымъ свидѣтелемъ развитія и настроенія массъ народныхъ, въ извѣстную современную ему эпоху.

Нѣсколько иначе понимаетъ историческое значеніе шутовъ авторъ (или переводчица?): «они, — читаемъ въ заключеніи, — забавляя и развлекая людей, отрывали ихъ отъ грустныхъ мыслей, заставляли на время забывать и нужду, и горе, и вселяли въ ихъ сердца хотя и мимолетную, но все же радость, влияя на ихъ хорошее расположеніе духа. Шуты всякаго рода и всякаго происхожденія порождали и возбуждали въ людяхъ благодѣтельный смѣхъ, который необходимъ человѣчеству. Они поддерживали черезъ цѣлый рядъ вѣковъ сча-

стливый даръ смѣха. Благодаря этимъ шутамъ, человѣческія поколѣнія передавали одно другому свѣтильникъ веселья (?!). Вотъ въ чемъ заключается заслуга шутовъ, и этого имъ было совершенно достаточно» (стр. 310).

Освѣщая въ сторонѣ эту точку зрѣнія на значеніе шутовъ, обратимся къ тому матеріалу, какой даетъ намъ книга Газа съ дополненіями г-жи Федоровой. Первая часть (стр. 1—118) рассказываетъ о придворныхъ шутахъ и скоморохахъ, вѣрнѣе, о такихъ шутахъ, которые кормились отъ своихъ покровителей, а не зарабатывали свой хлѣбъ, паясничая для толпы. Болѣе всего удѣлено вниманія шутамъ въ средніе вѣка, когда они были почти повсюду: и при дворахъ владѣтельныхъ особъ и даже у лицъ духовныхъ, которые также любили поглумиться надъ «образомъ и подобіемъ» шутовъ. Авторъ рассказываетъ о шутахъ на королевской службѣ и даетъ характеристики цѣлаго ряда шутовъ— во Франціи; шутству Англіи, Германіи, Италіи и «нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ» удѣлено 16 стр. Вторая часть посвящена судьбамъ народныхъ и городскихъ шутовъ, состоявшихъ какъ бы на службѣ у городовъ и городскихъ корпорацій и получавшихъ отъ нихъ жалованье. Здѣсь также главный матеріалъ французскій, хотя, между прочимъ, читаемъ и о народныхъ шутахъ на Востокѣ. Третья часть «скоморохи и шуты въ Россіи» (стр. 205—307) представляетъ собою компіляцію изъ изслѣдованія Ал. С. Фаминцына «Скоморохи на Руси», статьи «Историческаго Вѣстника», за 1888 годъ, и сборника Кириши Данилова, какъ говоритъ самъ авторъ, и компіляцію довольно неискусную, какъ скажемъ мы. Г-жа Федорова почему-то не ограничивается сокращеніемъ изслѣдованія г. Фаминцына, а переписываетъ порою чуть ли не цѣликомъ былинны то изъ сборника Кириши, то изъ вторыхъ рукъ—изъ указанной статьи «Шуты и скоморохи» «Историческаго Вѣстника» 1888 года (см. стр. 231). Ссылаясь на «Равинскаго» (то-есть, вѣроятно, Д. А. Ровинскаго), авторъ дополненій могъ бы непосредственно позаимствовать у него хотя бы въ извлеченіи болѣе обстоятельную картину шутства въ XVIII вѣкѣ въ Россіи и свѣдѣнія о Еремѣ и Омѣ и другихъ дурацкихъ персонахъ могъ бы изложить такъ, какъ этого требовалъ самый интересъ темы. Вообще, въ этой части матеріалъ расположенъ удивительно хаотично и безсистемно: не успѣвъ охарактеризовать допетровскихъ скомороховъ, авторъ переходитъ къ XVIII вѣку, затѣмъ возвращается къ Петру Великому и его любимому шуту Балакиреву. Относительно послѣдняго, замѣтимъ, авторъ могъ бы ограничиться характеристикой и привести два-три дѣйствительно остроумныхъ анекдота объ этомъ представителѣ шутства эпохи реформъ. Но г-жа Федорова перепечатываетъ едва ли не весь матеріалъ, какой находитъ въ лубочныхъ народныхъ книжкахъ подъ заглавіемъ: «Анекдоты Балакирева», и тѣмъ непомѣрно растягиваетъ и безъ того весьма водянистую 3-ю часть книги, мало прибавляя дѣйствительно интереснаго.

Книга такимъ образомъ дополнена не совсѣмъ удачно. Что до перевода этой, такъ сказать, внѣшней стороны разбираемой книги,— то онъ сдѣланъ довольно небрежно: встрѣчаются такіе стилистическіе перлы: «Петръ Великій, бывшій очень хорошій хирургъ» (260 стр.), «этотъ тинъ взятъ съ итальянскаго

шута Gian Fařina» (228), «Бризисъ (Бризейда), дочь Бризеса, жреца Лирнеса въ Силици» (129); на второй же страницѣ наталкиваемся на «Тертульева»: что должно обозначать Тертуллиана. На стр. 218 почему-то отождествляются бахари (сказочники) и шуты. Опечатокъ—также немало.

Не смотря на все вышесказанное, книга Газа въ переводѣ и съ дополненіями г-жи Федоровой, вѣроятно, найдетъ широкій сбытъ въ публикѣ: подобныя компиляціи, безъ глубокой мысли, хотя порой не совсѣмъ грамотныя, но написанныя вѣсколко риторическимъ и приподнятымъ языкомъ, нравятся и «идутъ», дѣлаясь любимымъ чтеніемъ нетребовательнаго, сѣраго читателя.

В. П.

У Синя моря. Кн. Дм. Голицынъ (Муравлинъ). Спб. 1898.

Кн. Дм. Голицынъ извѣстенъ въ литературѣ болѣе, какъ романистъ. Его первый романъ «Теноръ» написанъ такъ талантливо, что создалъ автору сразу почетное имя въ ряду молодыхъ беллетристовъ. Критика провидѣла въ немъ второго Флобера и т. д. Послѣдующія произведенія, однако, были слабѣе («Баба», «Князь», «Около любви», «Мракъ» и т. д.), благодаря повторенію описанія однихъ и тѣхъ же пустотъ большого свѣта, нейрастени, адюльтера, самоубійствъ и воспроизведенію «правды» въ отрицательныхъ краскахъ неизвѣстно для какой цѣли или во имя затасканныхъ идеаловъ. Такой авторъ не воспитываетъ публику, и она скоро охладѣваетъ къ нему.

Новую книгу кн. Голицына «У Синя моря» слѣдуетъ разсматривать, не только какъ самое позднѣйшее описаніе Черногоріи, но и какъ политическій трактатъ по славянскому вопросу. Эта книга рисуетъ намъ и общественные идеалы кн. Голицына, немало влияющіе на судьбу его, какъ беллетриста. По славянскому вопросу онъ является патриотомъ, съ преувеличеннымъ понятіемъ о политическомъ значеніи православія и съ запаматованіемъ его незначительнаго «творчества» въ судьбахъ нашего собственнаго отечества (см. о «церкви» въ «Очеркахъ по исторіи русской культуры», ч. II, П. Милюковъ), съ презрѣніемъ къ федерации славянъ съ Россіей, такъ какъ «создавать новыя Финляндіи для насъ нѣтъ никакого основанія», и такимъ же недовѣріемъ къ самостоятельности Босніи, Герцеговины и Черногоріи, если «совокупная Сербія» будетъ соприкасаться съ «куцыми идеалами Запада» и «вывѣтривать свою религіозную сплоченность». «Но,—говоритъ онъ,—надо надѣяться, что указанія, щедро расточаемыя исторіей послѣднихъ лѣтъ, приведутъ ее къ самодержавію, какъ къ формѣ правленія, отвѣчающей исконнымъ идеаламъ православнаго славянства».

Намъ кажется, что такое предсказаніе, конечно, гораздо болѣе благопріятно для южныхъ славянъ, чѣмъ то, «что трясина дипломатической лжи окончательно засосетъ Боснію и Герцеговину, что Далмація мало-по-малу ошвабится,—что Черногорія затретъ соединенными усиліями Австріи и Турціи, и что звоницы черногорскихъ церквей познаютъ ритмъ католическаго колокольнаго боя». При такой, конечно, дилемѣ князя Голицына,—считая въ томъ

числѣ невозможнымъ федерацію славянскихъ земель съ Россіей и даже Австро-Венгріей съ сохраненіемъ автономіи, — самодержавіе возрожденной Сербіи, съ династіей черногорскаго князя Михаила, явится наилучшимъ разрѣшеніемъ славянскаго вопроса. Въ этомъ смыслѣ книгу г. Голицына надо разсматривать, какъ политическій трактатъ, и не удивляться его постояннымъ восторгамъ отъ монастырей, отъ духовныхъ владыкъ, которымъ болѣе къ лицу носить турецкіе ятаганы, его снисходительности къ духовному управленію владыкъ, простирающейся до того, что избіеніе владыкою Данииломъ, въ 1702 году, своихъ же подданныхъ черногорцевъ, перешедшихъ въ исламъ, онъ оправдываетъ тѣмъ, что варооломеевская ночь во Франціи была еще хуже и т. д. Подобныя взгляды автора на историческія событія характерны для оцѣнки общаго міросозерцанія писателя; но они являются совершенно вводными, и книга его мало отъ нихъ страдаетъ. Даже самый идеалъ его о новой монархіи «у Синяго моря» обоснованъ весьма серьезно историческими фактами и не только «гораздо болѣе соотвѣтствуютъ его желаніямъ», но находится, несомнѣнно, въ тѣсной связи съ европейской политикой. Къ разрѣшенію славянскаго вопроса, не менѣе оригинальнымъ является указаніе кн. Голицына на то, что изъ своихъ наблюденій онъ вынесъ впечатлѣнія, подсказывающія ему, что ключъ къ разрѣшенію балканскаго вопроса находится не въ узкомъ Босфорѣ, а на славянскомъ побережьи Адриатическаго моря. «Мнѣ кажется, — говоритъ онъ, — что лишь въ маленькой Черногоріи, къ которой тяготѣютъ милліоны славянъ, возможно развязать петли гордіева узла. Судьба же Босніи и Герцеговины тѣсно связана съ судьбой Черногоріи, этого цвѣта южнаго славянства, этой небольшой по своей территоріи и громадной по значенію своему въ сознаніи южнаго славянства странѣ».

Очень возможно, что образованіе изъ сербскихъ земель новой монархіи и новаго самодержца въ Европѣ и оправдается въ ближайшемъ будущемъ. Книга кн. Голицына написана съ цѣлью привлечь вниманіе нашей публики на Черногорію, какъ на родственную намъ страну по идеаламъ, и возстановить забытую нами духовную связь съ княжествомъ. Въ книгѣ впервые обрисовывается, въ общихъ чертахъ, не только будущность славянскихъ княжествъ, но и современное положеніе Босніи и Герцеговины подъ австрійскимъ управленіемъ. Авторъ говоритъ: «война 1877—1878 гг., поведшая къ созданію двухъ самостоятельныхъ славянскихъ небольшихъ державъ, оказалась, разумѣется, существеннымъ благодѣяніемъ для Болгаріи, которая втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ сумѣла какъ бы заслонить собой на политическомъ горизонтѣ интересы сербскаго народа. Объ этомъ надо глубоко пожалѣть, потому что, благодаря такому положенію дѣла, въ глазахъ нашего общества болгаре явились какъ бы представителями южнаго славянства и его выразителями. Шайка управлявшихъ Болгаріей убійць и лгуновъ вызвала въ насъ отвращеніе къ болгарамъ, которые, къ тому же, значительно ассимилировавшись съ турками, повидимому, никогда не ощущали большой преданности къ Россіи. Въ свое время, пмъ Россія была необходима, какъ избавительница отъ турецкаго ига. Добившись освобожденія, они поспѣшили доказать, что, по ихъ понятіямъ,

«братушекъ» и, заодно, отвернулось отъ всего Балканскаго полуострова. Ослабѣло въ насъ сознаніе нашего родства съ сербами, и мы возложили на нихъ какъ бы отвѣтственность за свое разочарованіе, вызванное поведеніемъ болгаръ. Между тѣмъ, сербы Герцеговины и Босніи перешли изъ-подъ турецкаго ярма подъ иго австрійское, отъ мусульманъ освободились и подпали власти воинствующихъ католиковъ, избавились отъ султана, но стали рабами Австріи. Воспользовавшись безсрочностью своихъ временныхъ полномочій, Австрія сумѣла укрѣпиться въ Сараевѣ и Мостарѣ, вѣдриться туда съ арміей чиновниковъ и обиліемъ гарнизона. Съ перваго же дня она рѣшила, что оккупация должна быть превращена въ захватъ, а захватъ въ окончательное завладѣніе. Между тѣмъ населеніе Босніи и Герцеговины сожалѣетъ о прошломъ, находя теперешній режимъ превосходящимъ суровостью прежній. И, въ концѣ концовъ, австро-венгерская внутренняя политика достигаетъ только того, что славяне, населяющіе южную часть имперіи, закаленные въ политической борьбѣ, никогда не ассимилируются съ господствующимъ германскимъ племенемъ и всею силой своихъ чувствъ и мышленія тяготеютъ къ Россіи. Эту любовь къ Россіи и русскимъ можетъ понять только тотъ, кто побывалъ въ австрійскихъ славянскихъ странахъ. Много разъ мнѣ случалось видѣть, — говоритъ Голицынъ, — въ хижинахъ самыхъ глухихъ деревень портреты нашихъ государей, портретовъ австрійскаго императора я въ этихъ хижинахъ не видѣлъ. Крестьянинъ, горецъ, рыбакъ, узнавъ въ васъ русскаго, искренно радуется и засыпаетъ васъ вопросами о царѣ, о Россіи. Къ счастью, элементъ постоянного возрожденія сербскаго національнаго духа являетъ собою Черногорія, значеніе которой громадно въ психологіи южнаго славянства, и, если когда нибудь балканское славянство воспрянетъ и завоюетъ снова свою независимость, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что краеугольнымъ камнемъ движенія окажется Черногорія.

Не только какъ политическій трактатъ, но и какъ описаніе путешествія, книга кн. Голицына обращаетъ вниманіе читателя на Черногорію, какъ на красивѣйшую и удобопосѣщаемую страну, съ точнымъ описаніемъ Цетиньи, Подгорицы, Никшича, Острожскаго монастыря и Которской Бокки, съ фотографическими снимками съ этихъ мѣстъ. Цѣль этой книги, говоритъ авторъ, «дать общую картину условій, которыми сопровождается путешествіе по Далмаціи и Черногоріи, и, по возможности, доказать русскому читателю, что посѣщеніе этихъ родственныхъ намъ странъ вовсе не сопряжено ни съ какими затрудненіями. Намѣренно я даю свѣдѣнія только о тѣхъ мѣстностяхъ, куда поѣхать легко, гдѣ туристу не приходится видѣть себя лишеннымъ привычныхъ путевыхъ удобствъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы мой примѣръ увлекъ другихъ и чтобы возможно большее число моихъ соотечественниковъ посѣтило Черногорію. Иллюстраціи, которыми снабжена моя книга, гораздо лучше и полнѣе, нежели текстъ, выясняютъ прелесть описываемыхъ краевъ. Довелось мнѣ видѣть Кавказъ, Крымъ, Швейцарію, Ривьеру, Тироль, Сирію, горы Атласа, Босфоръ, Корфу и почти всю Италію, и я нахожу, что высшимъ проявленіемъ красоты въ природѣ любовался я на Черной Горѣ. Свообразныя черты патриархальнаго быта княжества придаютъ путешествію особенную

наиболѣе рельефнымъ проявленіемъ самостоятельности должна почитаться неблагодарность. Справедливо возмущенное общество наше вознегодовало на привлекательность. А тому, кто любить славянство, знакомство съ Далмаціею и Черногоріей дастъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній».

А. Фаресовъ.

Очеркъ жизни и дѣятельности въ Возѣ почивающаго великаго князя Михайла Павловича. Въ столѣтію со дня его рожденія. 1798—1898. Съ двумя портретами. Составилъ генераль-отъ-артиллеріи М. С. Лалаевъ. Спб. 1898.

Первый царственный генераль-фельдцейхмейстеръ, великій князь Михайлъ Павловичъ, 1798—1898 г. Биографическій очеркъ съ 8-ю портретами и автографомъ. Составилъ И. Н. Вожеяновъ. Спб. 1898.

28-го января настоящаго года минуло сто лѣтъ со дня рожденія великаго князя Михайла Павловича, и по этому случаю М. С. Лалаевъ составилъ краткій биографическій очеркъ, въ которомъ сжато положилъ всѣ событія какъ жизни великаго князя, такъ и его дѣятельности, въ качествѣ начальника артиллерійскаго, инженернаго и военно-учебнаго вѣдомствъ, а также главнокомандующаго гвардейскими и гренадерскимъ корпусами. Первую должность генераль-фельдцейхмейстера онъ получилъ въ день своего рожденія, по указу императора Павла, хотя до него ее исполняли со времени создавшаго ее Петра, преимущественно, люди знающіе, опытные и не царской крови, какъ, напримѣръ, Я. В. Брюсъ, Б. Х. Минихъ, Н. П. Вильбоа. Воспитаніе великій князь получилъ очень старательное, сначала подъ руководствомъ вдовы генерала, впоследствии княгини, Ш. К. Ливенъ, а потомъ генерала М. И. Ламздорфа. «По сохранившимся преданіямъ, — говоритъ г. Лалаевъ, — императрица Марія Теодоровна была довольно холодна и суха съ своими дѣтьми, такъ что, въ ранніе годы Михайла Павловича, отношенія его къ августѣйшей родительницѣ носили характеръ лишь строгой почитательности и даже боязни; впоследствии же, оставшись вдовою, императрица-мать съ чувствомъ сердечной заботливости вполне отдалась дѣлу воспитанія двухъ младшихъ сыновей, которые по ея волѣ велись большею частью вдали отъ двора, въ загородныхъ дворцахъ Павловска и Гатчины». Императоръ Александръ мало входилъ въ дѣло обученія своихъ братьевъ, но, предпочитая общественную систему воспитанія домашней, намѣревался отдать ихъ въ Царскосельскій лицей, открытый въ концѣ 1811 года, но отечественная война помѣшала осуществленію этого плана. Впрочемъ, великія князья Николай и Михайлъ были вызваны въ армію лишь въ февралѣ 1814 года и провели полгода во Франціи, Нидерландахъ и Германіи, гдѣ подъ руководствомъ генерала графа П. П. Коновницына, осматривали всѣ достопримѣчательности, особенно по военному дѣлу. Въ 1815 году, великій князь Михайлъ вторично посѣтилъ Парижъ и на смотру подъ Вертю впервые командовалъ конно-артиллерійскою бригадою. Затѣмъ, возвратившись въ Россію, онъ продолжалъ два года учебныя занятія и, наконецъ, покончилъ дѣло своего

19*

образования продолжительнымъ четырнадцатимѣсячнымъ путешествіемъ по Россіи и Европѣ, причемъ Италію онъ посѣтилъ въ сопровожденіи стараго воспитателя Александра, знаменитаго Лагарпа. По возвращеніи въ Петербургъ началась его служебная дѣятельность, которая не прерывалась до самой его смерти въ 1849 году отъ тяжелаго недуга, усилившагося благодаря тому, что великій князь, женатый на принцессѣ виртембергской Еленѣ Павловнѣ, потерялъ въ теченіе одного года двухъ любимыхъ дочерей. Такъ какъ біографическій очеркъ г. Лалаева отличается строго официальнымъ характеромъ и, въ сущности, представляетъ только пространный послужной списокъ, то въ немъ встрѣчается мало данныхъ, а тѣмъ болѣе новыхъ, о великомъ князѣ, какъ человѣкѣ, и почти не затронута анекдотическая сторона его жизни, столь характеристическая и любопытная. Только въ послѣдней главѣ приведено нѣсколько фактовъ изъ воспоминаній служившихъ при немъ лицъ, которые доказываютъ, что, не смотря на внѣшнюю его суровость и взыскательность по службѣ, доходившую до строгаго соблюденія самыхъ мелочей, онъ отличался добротой, теплымъ сочувствіемъ къ чужому горю и справедливостью. Такъ, однажды, узнавъ о томъ, что у одного гвардейскаго офицера оказался значительный недочетъ по казенной кассѣ, онъ накануне ревизіи послалъ ему необходимыя деньги съ адъютантомъ, которому сказалъ: «Отдай ему и не смѣй мнѣ никогда называть его, а то я, какъ корпусный командиръ, отдамъ его подъ судъ; скажи, что я помогаю ему, какъ частный человѣкъ». Въ другой разъ, на смотру верховой ѣзды, великій князь сдѣлалъ проницательное замѣчаніе о посадкѣ одного изъ юнкеровъ гвардейской юнкерской школы, но тутъ же замѣтилъ командиру школы: «Не обидѣлъ ли я этого толстяка? Распечь за дѣло или для острастки по службѣ, это я понимаю; но оскорблять ради краснаго словца, это не въ моей натурѣ». Наконецъ, въ искреннемъ разговорѣ съ К. Ф. Коссаковскимъ, онъ однажды сказалъ: «Такъ я пугало и страшилище всѣхъ гвардейскихъ господчиковъ. Изъ меня хотятъ сдѣлать человѣка безъ сердца и утробы, который любить потѣшать себя зрѣлищемъ несчастныхъ... Но меня напрасно боятся; я исполняю свой долгъ и ничего не боюсь, но я никому не желаю зла». Справедливость этого отзыва великаго князя о самомъ себѣ вполне подтверждаетъ въ своихъ запискахъ князь Н. К. Имеретинскій, состоявшій при немъ камеръ-пажемъ: «Великій князь неусыпно, энергично и неослабно поддерживалъ дисциплину въ войскахъ, безпощадно каралъ малѣйшее ея нарушеніе, неуклонно выполняя общепринятую крутую программу военнаго обученія. Но суровость его лица и взгляда, рѣзкая манера выговаривать и распекать и неумѣренная строгость взысканій даже за сравнительно маловажные проступки, — все это было вынужденно, ненормально и свойственно только видимому, но не настоящему характеру Михаила Павловича. По природѣ онъ былъ добрѣйшимъ человекомъ, имѣлъ мягкое сердце, дѣлалъ много добра, не превозносился благодареніями, и только послѣ кончины выказались безчисленные примѣры его помощи бѣднымъ».

Во второй юбилейной брошюрѣ о великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, составленной И. Н. Божеряновымъ, обращено болѣе вниманія на внутреннюю и анекдотическую сторону его жизни, а потому, изобилуя ссылками на воспоминанія,

нанія современниковъ, она возбуждаетъ болѣе общій интересъ, чѣмъ официальная реляція М. С. Лалаева. О дѣтствѣ великаго князя авторъ, напримѣръ, приводитъ свидѣтельство партизана Сеславина о младенцѣ-фельдцейхмейстерѣ: «На маневрахъ я пришелъ въ палатку его величества съ рапортомъ къ фельдцейхмейстеру. Увидавъ меня, мой шефъ спряталъ личико на груди августѣйшей своей матери. Много труда стоило августѣйшему родителю уговорить упрямаго фельдцейхмейстера, который плакалъ, кричалъ и барахталъ ножками, чтобы принялъ отъ меня рапортъ, и то не иначе, какъ отворотясь отъ меня и протянувъ назадъ ручку, въ которую я вложилъ рапортъ». Воспитаніе двухъ младшихъ сыновей императора Павла было самое строгое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неосновательное; хотя, поручая ихъ попеченіямъ генерала Ламздорфа, императоръ сказалъ ему: «одного только требую, чтобы ты не сдѣлалъ изъ мальчиковъ шелопаевъ, каковы нѣмецкіе принцы»; но почтенный наставникъ исполнялъ это требованіе очень оригинально. Не имѣя никакого понятія о педагогикѣ, онъ видѣлъ все спасеніе въ строгости, билъ своихъ воспитанниковъ линейкой и ружейнымъ шомполомъ, а розги у него были въ такомъ ходу, что сѣченіе заносилось въ ежедневныхъ журналахъ, въ которыхъ, между прочимъ, записано отъ 19-го апрѣля 1804 года, что Михаилъ Павловичъ, сдѣлавъ проступокъ, пришелъ къ бывшей своей нянѣ и самъ просилъ, чтобы она его высѣкла, полагая, что послѣ этой операціи, сравнительно легкой, онъ будетъ обезпеченъ отъ сильнѣйшаго сѣченія генераломъ Ламздорфомъ. «Дядька, къ намъ приставленный,—говорилъ впослѣдствіи императоръ Николай графу Киселеву,—не умѣлъ ни руководить нашими уроками, ни внушить намъ любовь къ литературѣ и къ наукамъ; онъ вѣчно ворчалъ, подчасъ раздражался сильнѣйшимъ гнѣвомъ изъ-за пустяковъ, бранился и нерѣдко надѣлялъ насъ тычками и щипками, которыхъ особенно много доставалось на мою долю. Братъ, при своемъ болѣе податливомъ характерѣ и болѣе веселомъ нравѣ, лучше уживался съ этимъ беспокойнымъ человѣкомъ. Богъ ему судья за бѣдное образованіе, нами полученное». Когда Михаилъ Павловичъ и его братъ достигли юношескихъ лѣтъ, то получили лучшаго руководителя, въ лицѣ генерала П. П. Коновницына, живой, нравственный обликъ котораго нарисованъ графомъ Л. Н. Толстымъ въ «Войнѣ и Мирѣ», но все-таки, поступивъ на дѣйствительную военную службу, имъ обоимъ приходилось часто многое терпѣть отъ Аракчеева. Такъ, Ю. К. Арнольдъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «все хвалили скромность великихъ князей и привѣтливость, отзываясь о нихъ, какъ объ образцовыхъ молодыхъ офицерахъ-служакахъ, и искренно негодовали на то, что имъ иногда жутко приходилось отъ заносчивости всесильнаго временщика, графа Аракчеева». Наконецъ, послѣднимъ руководителемъ Михаила Павловича былъ Паскевичъ, который сопровождалъ его въ обширныхъ путешествіяхъ по Россіи и за границей, предпринятыхъ съ образовательною цѣлью. Хотя императрица Марія Ѳеодоровна и говорила Паскевичу, поручая его попеченію своего младшаго сына: «я знаю, что у него есть особое расположеніе къ фрунту, но ты старайся ему внушить, что это хорошо, но гораздо существеннѣе узнать бытъ государства», однако, Паскевичъ доносилъ ей съ дороги: «страсть къ экзерцирмейстерству неизлѣчима, а самъ государь предоставляетъ все спо-

собы развивать ее». Такимъ страстнымъ фронтовикомъ Михаилъ Павловичъ и остался на всю жизнь, отчего происходила его послѣдующая суровая взыскательность по службѣ. Впрочемъ, Фридрихъ Гагенъ, бывшій въ Россіи въ 1839 году съ принцемъ Нидерландскимъ, говоритъ о немъ: «въ великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ есть что-то мрачное и суровое, но, въ сущности, его можно назвать «le bougi bienfaisant», и о немъ рассказываютъ случаи, гдѣ онъ проявилъ прекрасныя черты великодушія». На нѣкоторыя изъ этихъ чертъ указываетъ И. Н. Божеряновъ, именно: на спасеніе отъ смертной казни декабриста В. Кюхельбекера, прицѣпившагося въ него изъ пистолета, 14-го декабря, на Сенатской площади, на освобожденіе изъ Петропавловской крѣпости Фролова, привлеченнаго къ дѣлу декабристовъ, на избавленіе отъ отвѣтственности бѣднаго пьянаго солдатика, который, упавъ въ лужу, все-таки, лежа, снялъ фуражку, при видѣ великаго князя, и т. д. Что касается до анекдотовъ о Михаилѣ Павловичѣ и объ его остроумныхъ шуткахъ, то И. Н. Божеряновъ приводитъ ихъ немало. Отмѣтимъ два, три. Однажды, встрѣтивъ извѣстнаго остряка, Булгакова, одѣтаго не по формѣ, великій князь приказалъ ему сѣсть къ себѣ въ сани, а когда Булгаковъ отвѣчалъ: «извините, ваше высочество, никакъ не могу, русская пословица говоритъ: «не въ свои сани не садись», то Михаилъ Павловичъ разсмѣялся и не подвергъ его никакому высканію. Самъ великій князь очень любилъ шутить, и его остроты ходили по городу. Однажды, указывая на лицо, назначенное въ Америку съ дипломатическимъ порученіемъ, онъ сказалъ: «никогда графъ Несельроде не выказалъ столько такта и проницательности, какъ въ этомъ назначеніи; дѣйствительно, у этого дипломата лицо съ того свѣта (de l'autre monde). Въ другой разъ, при представленіи государю астронома Струве, которому только-что пожаловали звѣзду, Михаилъ Павловичъ замѣтилъ, указывая на неловкость ученаго: «Il n'y a rien d'étonnant, — il voit tant d'étoiles déplacées qu'il a perdu son compte».

А. Н. Неустроевъ. Литературные дѣятели XVIII вѣка. I. Василий Григорьевичъ Рубанъ. Спб. 1898. Н. С. Тихонравовъ. Сочиненія. III, ч. I. М. 1898.

Періодъ царствованія императрицы Екатерины II, и вообще вторая половина XVIII вѣка, является однимъ изъ могущественнѣйшихъ моментовъ въ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. Вліяніе французскаго ложноклассицизма, составлявшее основную черту предшествовавшаго ломоносовскаго періода нашей литературы, смѣняется теперь вліяніемъ общеевропейской литературы «просвѣщенія». Потокъ новыхъ идей, хлынувшій въ нашу литературу вмѣстѣ съ «Наказомъ комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія», разомъ поднялъ и литературу, и всю общественную мысль. Въ литературѣ начинается новое теченіе, во главѣ котораго становится сама императрица. Вниманіе ея къ печатному слову, какъ бы мановеніемъ волшебнаго жезла, вызываетъ быстрое и широкое развитіе литературы, не только собственно поэтической, но и научной, особенно, исторіографіи, исторической пу-

блистистики; разомъ принимаетъ довольно разнообразное развитіе журналистика, почти не существовавшая до того времени; сравнительно съ прежнимъ Ломоносовскимъ періодомъ, постепенно преобразуется весь характеръ нашей литературы; въ литературу какъ-то незамѣтно пробивается все сильнѣе струя народности, дѣлаются изученія народнаго быта, собираются памятники народной поэзіи и т. д.... И въ литературѣ, и въ обществѣ замѣчается общій духовный подъемъ; во всѣхъ сферахъ литературы и науки видимъ необычную работу мысли, стремленіе къ дѣятельности... Все это вызываетъ, помимо главныхъ наиболѣе выдающихся представителей литературы и общественной мысли, цѣлый рядъ писателей и общественныхъ дѣятелей, второстепенныхъ, мелкихъ, не выступающихъ на первый планъ, дѣятельность которыхъ не всегда бывала замѣтной для общества, но которые самой многочисленностью своей, часто самой массой своихъ разнообразныхъ полуученыхъ, полупопулярныхъ литературныхъ трудовъ могущественно способствовали развитію и духовному росту этого общества, увеличивали кругъ читателей, способствовали развитію и поднятію въ нихъ болѣе духовныхъ интересовъ и стремленій.

Къ числу такихъ дѣятелей безспорно долженъ быть причисленъ В. Г. Рубанъ (1739—1795).

Разнообразные литературные отчасти ученые труды Рубана, конечно, заслуживали бы болѣе обстоятельной и подробной характеристики, чѣмъ та, которую мы находимъ въ брошюрѣ г. Неустроева, заглавіе которой вынесано нами выше; но и за эту сравнительно небольшую работу нельзя не быть благодарнымъ автору: она все же вызываетъ память о писателѣ, о которомъ мы совсѣмъ забыли... Прекрасная статья Н. С. Тихонравова, нѣкогда начатая имъ и теперь вошедшая въ собраніе его сочиненій, къ сожалѣнію, осталась неоконченной.

Брошюра г. Неустроева состоитъ изъ двухъ частей: на первыхъ своихъ страницахъ она даетъ краткую біографію Рубана; на дальнѣйшихъ — библиографическій перечень его сочиненій, переводовъ и изданій въ хронологическомъ порядкѣ. Перечень составленъ очень обстоятельно; но біографическій очеркъ заставляеть желать очень многого... Онъ недалеко уходитъ отъ простаго формулярнаго списка... Статья Тихонравова, даже и въ томъ видѣ, въ какомъ она осталась и теперь, даетъ несравненно больше для пониманія и оцѣнки и самой личности Рубана, и всей его научно-литературной дѣятельности.

В. Г. Рубанъ былъ одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ писателей своего времени. Родомъ онъ былъ изъ Малороссіи и родился невдалекѣ отъ Кіева, въ 1739 году. Семья, къ которой онъ принадлежалъ, неизвѣстна; но учился онъ сначала въ Кіевской духовной академіи, потомъ въ Московскомъ университетѣ. Повидимому, Рубанъ былъ однимъ изъ способныхъ и прилежныхъ воспитанниковъ, такъ какъ, по сообщенію его современника, Новикова, за свои успѣхи въ наукахъ «получилъ медали золотыя и серебряныя» («Опытъ историческаго словаря»). Рубанъ отличался знаніемъ иностранныхъ языковъ: кромѣ греческаго и латинскаго, зналъ французскій, нѣмецкій и турецкій. Какъ всѣ наши писатели XVIII вѣка, Рубанъ, конечно, «служилъ» сначала

переводчикомъ въ сенатѣ, потомъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; митрополитъ Евгеній называетъ Рубана «директоромъ екатеринославскихъ училищъ». Болѣе подробныхъ извѣстій объ его службѣ, повидимому, не имѣется.

Литературная дѣятельность Рубана началась еще въ студенческіе годы, въ бытность его въ Московскомъ университетѣ, и вообще въ журналахъ, издававшихся при университетѣ. Въ «Полезномъ Увеселеніи» (1761) Хераскова и «Добромъ Намѣреніи» (1764) Сенковского Рубанъ помѣщаетъ рядъ различныхъ переводовъ отчасти правоучительнаго, отчасти болѣе свободнаго содержанія. Широкая и разнообразная литературная дѣятельность Рубана начинается съ переѣздомъ его изъ Москвы въ Петербургъ, куда онъ переселяется въ 60-хъ годахъ, вскорѣ по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ.

Въ нашей начальной литературѣ XVIII вѣка особенно видное мѣсто занимаетъ пантегирическое направленіе, дѣликомъ перенесенное изъ кіевской литературы XVII вѣка и нашедшее для себя выраженіе сначала въ тѣхъ же силлабическихъ виршахъ, а вскорѣ затѣмъ въ такъ называемыхъ «надписяхъ» — произведеніяхъ совершенно особаго рода, намъ теперь мало понятныхъ, наконецъ, въ безчисленныхъ одахъ... «Оды», «надписи», различные «сгихи» занимаютъ главное мѣсто и въ длинномъ спискѣ сочиненій Рубана, приложенномъ къ брошюрѣ Неустроева. Это были наиболѣе обычныя, самыя модныя, современныя литературныя формы, и Рубанъ, вмѣстѣ съ другими своими современниками-пиітами, здѣсь особенно потрудился. И на какіе только случаи не писалъ своихъ одъ Рубанъ!.. Такъ одними изъ болѣе раннихъ были «Ода на день всерадостнѣйшаго торжества за предпріятый и благополучно совершившійся, къ неопisanному счастью всея Россіи, ея императорскаго величества и его императорскаго высочества въ привитіи оспы подвигъ, 22 ноября 1768 г.» (Спб., 1768), «Стихи на великолѣпное зданіе соборной Исакиевской церкви съ придѣломъ храма святыхъ Кира и Іоанна, сооружаемое въ Санктъ-Петербургѣ» (Спб., 1770), за которыми слѣдовали «Ода его свѣтлости князю Г. А. Потемкину, въ которой приносится благодареніе за оказанныя благодѣянія сочинителю сего, въ окончаніи 1777 года» (Спб., 1778), «Надпись на новостроящійся ея императорскаго величества дворецъ, близъ Невскихъ пороговъ, въ 30 верстахъ отъ С.-Петербурга по Шлиссельбургской дорогѣ при мызѣ Пеллѣ» (1785), «Пукъ цвѣтовъ парнасскихъ, принесенный въ даръ его высокопревосходительству, Ив. Ив. Вецкому (s. a.)», «Россійской музы объ учрежденіи и открытіи Вознесенской губерніи, въ южной полосѣ Россійской имперіи, посланіе къ Овидію» (Спб., 1795) и т. д., и т. д. Рубанъ не былъ поэтомъ и въ этомъ отношеніи нисколько не выдѣлялся изъ большинства современныхъ ему кронателей-стихоплетовъ, наводнявшихъ въ то время нашу литературу безчисленными «одами», «диѳирамбами», «пеанами или пѣснями на побѣды», разными «эпикдіонами», «пуками цвѣтовъ парнасскихъ» и т. д., и т. д., не особенно гонявшихся ни за содержаніемъ своихъ произведеній, ни даже за рѣчами, и высокія стремленія которыхъ часто были просто

«награда перстенькомъ,
«Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,
«Иль похвада своихъ пріятелей...

Рубанъ, можетъ быть, былъ лучшимъ въ рядахъ этихъ стихотворцевъ, но и его поэтическіе приемы были не сложны. Въ своихъ одахъ онъ чаще всего ограничивается риторическими сравненіями, въ подборѣ которыхъ не мудрствуетъ лукаво; такъ, въ одѣ на привітіе оспы императрицѣ онъ сравниваетъ Екатерину... съ змеемъ, котораго Моисей вознесъ на древо для спасенія своего народа... Содержаніе одъ Рубана вообще бѣдно; они почти лишены всякаго искренняго чувства, котораго «поэтъ» не проявляетъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда «приноситъ благодареніе» за оказанныя ему самому «благодѣянія»... Иногда Рубанъ прямо подражаетъ, чуть не буквально, Ломоносову... Впрочемъ, не надо забывать, что все это имѣло совсѣмъ другое значеніе для современника, и въ этомъ заслуга нашей часто весьма незатѣйливой «оды» XVIII вѣка. Она нравилась современникамъ, была для нихъ поэтическимъ произведеніемъ... О стихотворныхъ произведеніяхъ Рубана даже такіе люди, какъ Новиковъ, прямо заявляли, что они «заслуживаютъ похвалу»; въ своемъ «Опытѣ словаря» онъ цѣликомъ приводитъ одну «надпись» Рубана, замѣчая, что она «особливо» заслужила отъ всѣхъ знающихъ людей похвалу»... Хотя, надо прибавить, что и отъ современниковъ Рубану доставалось немало, и за свои стихи онъ нерѣдко подвергался насмѣшкамъ.

Наиболѣе важное значеніе Рубана было однако не здѣсь. Это былъ вообще человѣкъ просвѣщенный, горячій приверженецъ науки, образованія, любилъ русскую старину, имѣлъ вкусъ къ классикамъ и вообще къ древности. Этими вкусами опредѣлялась наиболѣе существенная и важная сторона его научно-литературной дѣятельности, на которую, однако, онъ выступилъ не вдругъ.

Рядомъ съ лирикой, Рубанъ принимаетъ живое участіе въ журналистикѣ. Въ моментъ разцвѣта у насъ сатирическихъ журналовъ, Рубанъ выступаетъ съ журналомъ «Ни то, ни се» (1769), позднѣе въ 70-хъ годахъ издаетъ «Трудолюбивый Муравей» (1771) и «Старину и Новизну» (1772 — 1773). Дѣятельность Рубана, какъ журналиста, тоже была не вполне удачною; отчасти онъ и самъ это сознавалъ, замѣчая въ одномъ мѣстѣ, что пустился на журнальное поприще, «очертя голову»... Первые два журнала, повидимому, должны были носить сатирической характеръ; но къ легкой, живой сатирѣ Рубанъ совсѣмъ не былъ способенъ. Да и вообще онъ не сознавалъ, повидимому, ясно цѣли и назначенія своихъ журналовъ; издателемъ иногда руководятъ просто «охота показаться грамотнымъ и желаніе услужить публикѣ»... Если журналъ не будетъ ни полезенъ, ни бесполезенъ для общества, «то мы, — замѣчаетъ по поводу своего перваго журнала издатель, — будемъ не первые отягощать свѣтъ бесполезными сочиненіями; между множествомъ ословъ и мы вислоухими быть не покраснѣемъ»... Конечно, въ этихъ выраженіяхъ нельзя не видѣть и обычной тогдашней манеры вообще слишкомъ своеобразно-скромно говорить о своей дѣятельности; но въ отношеніи къ журналамъ Рубана это была и не одна скромность. Журналы его, особенно два первые, были также безцвѣтны и безсодержательны, какъ и его «оды». Нѣсколько лучше

былъ третій журналъ «Старина и Новизна» внесенными въ него матеріалами и статьями по русской исторіи, къ которой все чаще и чаще сталъ обращаться теперь издатель. Впрочемъ, при всемъ небогатствѣ содержанія, и журналы Рубана находили для себя читателей и, какъ вся наша тогдашняя сатирическая журналистика, очевидно, «попадали на вкусъ мѣщанъ, простыхъ людей»; въ 1771 г. «Ни то, ни се» вышло вторымъ изданіемъ... Прекративши свой третій журналъ, Рубанъ окончательно нашелъ здѣсь въ сферѣ популярно-научныхъ своихъ работъ и изданій свое призваніе. При своей любви къ наукѣ, просвѣщенію, при своемъ трудолюбіи, Рубанъ болѣе всего склоненъ былъ къ кропотливымъ, ученымъ занятіямъ, и, будучи весьма плохимъ стихотворцемъ, очень посредственнымъ журналистомъ, онъ является весьма виднымъ и почтеннымъ дѣятелемъ въ сферѣ научнаго изученія и обработки матеріаловъ русской исторіи, исторической и современной топографіи, вообще русской старины, древностей, придавая всему этому нерѣдко популярный характеръ, ставя главной своей задачей распространеніе подобныхъ знаній въ читающемъ большинствѣ...

Труды Рубана по изданію матеріаловъ русской исторіи начинаются въ 1772 году и, повидимому, стояли въ связи съ общимъ возбужденіемъ интересовъ къ старинѣ, къ собиранію и обнародованію историческихъ памятниковъ, вызваннымъ Татищевымъ, Новиковымъ и др. Рубанъ былъ также довольно близокъ съ извѣстнымъ Хлѣбниковымъ. Рубану принадлежитъ изданіе цѣлаго ряда различныхъ историческихъ матеріаловъ и документовъ, относящихся преимущественно къ XVII в., отчасти къ началу XVIII-го. Слѣдующія его слова показываютъ, какъ смотрѣлъ Рубанъ на изданіе историческихъ памятниковъ: «Чтеніе древнихъ преданій, — говорятъ онъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ изданій, — наилучше изъясняетъ дѣянія тогдашнихъ временъ, представляетъ образъ мыслей и жизни предшественниковъ нашихъ. Изданіе старинныхъ російскихъ лѣтописей, изъ челюстей вѣдкія древности исхищаемыхъ, нарочито умножаетъ знаніе отечественной исторіи и обогащаетъ природный языкъ, отъ многого чужеземныхъ нарѣчій введенія оскудѣвать начавшій». Въ издаваемыхъ памятникахъ, впрочемъ, Рубанъ не всегда придерживается подлинника со всею строгостью; онъ позволяетъ себѣ дѣлать въ немъ при печатаніи нѣкоторыя поправки «погрѣшностей», и не всегда удачно. Но это былъ общій господствовавшій тогда приемъ изданія старыхъ памятниковъ. Болѣе важными изданіями Рубана научнаго характера были «Походъ боярина и большого полку воеводы А. С. Шейна къ Азову» (Сиб., 1773) «Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, переведенный при Василии Шуйскомъ и Михаилѣ Ѳеодоровичѣ» (Сиб., 1777—1781) «Пѣшеходца Василя Григоровича Барскаго Плаки-Албова. путешествіе къ св. мѣстамъ» (Сиб., 1778), — въ 1819 г. вышедшее шестымъ изданіемъ «Землеописаніе Малыя Россіи» (Сиб., 1777), «Краткая лѣтопись, Малыя Россіи» (Сиб., 1777), «Начертаніе, подающее понятіе о достохвальномъ царствованіи Петра Великаго» (Сиб., 1778), писанное неизвѣстнымъ авторомъ, но современникомъ и встрѣчающееся очень часто въ рукописяхъ, и др. Немало историческихъ и топографическихъ свѣдѣній разбросано въ издававшихся Рубаномъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ «Любопытныхъ

Мѣсяцесловахъ» (на 1775, 1776, 1778, 1779 гг.), имѣвшихъ большой успѣхъ и отличавшихся вообще разнообразіемъ и содержательностью. Особенно большую популярность имени Рубана далъ изданный имъ въ 1783 году «Россійскій царскій памятникъ, содержащій по азбучному порядку краткое описаніе жизни россійскихъ государей, ихъ супруговъ и чадъ», въ теченіе двухъ лѣтъ выдержавшій шесть изданій. Книга имѣла практическое назначеніе и предназначалась главнымъ образомъ для православнаго духовенства; но въ ней было собрано множество историческихъ свѣдѣній, которыя могли интересовать и всякаго вообще средняго читателя. Помимо краткихъ справочныхъ свѣдѣній о жизни русскихъ государей, великихъ князей, ихъ женъ и дѣтей, свѣдѣній о времени и мѣстѣ ихъ рожденія, пребыванія, кончины и погребенія, въ книжкѣ находились особыя краткія «росписи» русскихъ губерній, намѣстничествъ, областей, епархій, времени ихъ учрежденія, монастырей и т. п. Особое, чисто практическое значеніе имѣлъ также издаваемый Рубаномъ «Дорожникъ чужеземный и россійскій» (Спб., 1777), издававшійся имъ неоднократно.

В. Г. Рубанъ былъ, наконецъ, усерднымъ переводчикомъ. Его трудолюбію русская литература второй пол. XVIII в. обязана приобрѣтеніемъ цѣлаго ряда иностранныхъ произведеній, преимущественно, классическихъ писателей, также нѣкоторыхъ западноевропейскихъ и древнихъ, духовнаго, общеморальнаго характера. Такими были «Омирова Ватрахомиомахія, то есть война мышей и лягушекъ, забавная поэма» (Спб., 1772), «Двѣ Ироиды, или два письма древнихъ героинь, Публія Овидія Насона» (Спб., 1774), «Публія Виргилія Марона Кніиды» (Спб., 1775), «Виргилія Марона Георгини» (Спб., 1777), «Настоятель Килеринскій, нравоучительная исторія, сочиненная изъ записокъ одной знатной ирландской фамиліи и снабженная всѣмъ тѣмъ, что можетъ учинить чтеніе ея полезнымъ и пріятнымъ, d'Аржанса» (Спб., 1765—1781), «Мурета отроческое наставленіе (Спб., 1770), «Царскій свитокъ, посвященный греческому императору Іустину, діакономъ Агапитомъ», извѣстное духовно-нравоучительное произведеніе византійской литературы, бывшее весьма извѣстнымъ въ старой русской письменности, и нѣкот. др.

Вся эта столь обширная и разносторонняя литературная дѣятельность Рубана не проходила, конечно, для современниковъ безслѣдно,—она «плодила читателей», и въ этомъ заключается почетное значеніе такихъ дѣятелей, какъ Рубанъ, въ исторіи народнаго образованія и просвѣщенія.

Проф. А. Архангельскій.

Н. Дружининъ. Юридическое положеніе крестьянъ. Спб. 1897.

Авторъ настоящаго интереснаго изслѣдованія уже давно извѣстенъ въ нашей ежемѣсячной печати своими серьезными, обстоятельными и полными любви къ предмету статьями по крестьянскому вопросу. Онъ принадлежитъ къ числу немногихъ, тѣхъ которые, еще задолго до выразительнаго земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ намѣренія о пересмотрѣ положенія о

крестьянахъ громко выступили въ журналахъ съ дѣльнымъ рядомъ очерковъ, разъясняющихъ ненормальное юридическое положеніе крестьянъ, съ указа- ніями въ ихъ историческомъ освѣщеніи, откуда и отчего эта аномальность произошла и что слѣдуетъ предпринять для уврачеванія обнаружившихся въ практикѣ изъяновъ крестьянской жизни. Книга, заглавіе которой приведено выше, является именно собраніемъ статей г. Дружинина, помѣщенныхъ въ «Наблюдатель», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Богатствѣ», «Юридиче- скомъ Вѣстникѣ» и «Журналѣ юридическаго общества» и посвященныхъ раз- нымъ сторонамъ внутренней и внѣшней исторіи крестьянскаго права. По этому въ настоящее время, когда вопросъ о пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ поставленъ на очередь, и на эту сторону нашей жизни обращено особенное вниманіе правительства, общества и печати, книга г. Дружинина является какъ нельзя кстати и можетъ сослужить добрую и полезную службу. Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ критики реформы 19 февраля 1861 г. и подчеркиваетъ въ этой реформѣ слѣдующіе недостатки: 1) въ поземельномъ отношеніи на крестьянъ было возложено непосильное истощившее ихъ бремя— земля досталась слишкомъ дорого; 2) устройство ихъ во всѣхъ отношеніяхъ было предоставлено почти исключительно мѣстнымъ представителямъ того самого сословія, изъ подъ зависимости котораго они только что вышли, и 3) вообще крѣпостнымъ крестьянамъ, дотолѣ безправнымъ, жившимъ вѣѣ зако- на, и послѣ освобожденія не было дано прочнаго юридическаго положенія.

«И законоположенія 19 февраля не установили ихъ правъ и обязанностей вполнѣ твердо, ясно и опредѣленно,—говоритъ г. Дружининъ.—Крѣпостные крестьяне не подпали съ этого момента дѣйствию закона, и только закона, да и съ теченіемъ времени ихъ юридическое положеніе, какъ и прочихъ разря- довъ крестьянъ, не получало этой необходимой опредѣленности и не подчини- лось единственно строгому, ясному и точному закону, этому дѣйствительно прочному условію. Въ этомъ отношеніи положеніе вещей осталось совершенно неудовлетворительнымъ какъ съ точки зрѣнія самыхъ насущныхъ потребно- стей, такъ и съ точки зрѣнія историческихъ стремленій крестьянъ и юриди- ческой сущности русскаго государственнаго устройства и управления».

Въ дальнѣйшихъ главахъ своей работы г. Дружининъ сжато, но и отчет- ливо рисуетъ исторію крестьянскаго права за послѣднія 35 лѣтъ, опре- дѣляетъ основныя начала и важнѣйшія стороны обширнаго пореформен- наго законодательства о крестьянахъ и выясняетъ, наконецъ, главнѣйшую и общую потребность сельскаго населенія въ юридическомъ обезпеченіи. Дабы осуществить свою задачу въ полномъ ея объемѣ авторъ къ основной части своей книги, посвященной непосредственно изслѣдованію юридическаго поло- женія крестьянъ, присоединяетъ нѣкоторыя дополнительныя главы, имѣющія существенныя точки соприкосновенія съ первой частью. Къ таковымъ главамъ относятся—опытъ изслѣдованія положенія крестьянской женщины, разработка вопроса объ употребленіи «ты» вмѣсто «вы» земскими начальниками въ ихъ сношеніяхъ съ крестьянами, о наказаніи безъ суда и т. п.

Обращаясь къ практическому разрѣшенію г. Дружининымъ трудныхъ во- просовъ нынѣшней крестьянской жизни, вносящихъ сюда неурядицу и до-

ставляющих немало хлопотъ, какъ самимъ крестьянамъ, такъ и администраціи, мы видимъ слѣдующія одиннадцать проектируемыхъ имъ мѣропріятій, при помощи которыхъ онъ полагаетъ привести современную жизнь деревни къ нормѣ и порядку. Мѣры эти: 1) распространеніе обязательнаго выкупа надѣловъ на крестьянъ закавказскихъ губерній, съ пониженіемъ для всѣхъ состоящихъ на выкупѣ крестьянъ платежей, равно роста на капитальный долгъ, до размѣровъ, допускаемыхъ настоящимъ состояніемъ денежнаго рынка; 2) отмена круговой поруки и всѣхъ тѣхъ мѣръ взысканія платежей съ крестьянъ, которыя падаютъ на самую личность плательщика (арестъ, наложеніе опеки, отдача въ заработки, лишеніе права передвиженія и пр.); 3) отмена тѣлеснаго наказанія; 4) преобразование волостнаго суда на началѣ всесословности; 5) скорѣйшее отдѣленіе вообще въ области сельскаго правосудія власти судебной отъ административной, въ интересахъ законности; 6) замѣщеніе должностей земскихъ начальниковъ и непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій лицами съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, безотносительно къ ихъ происхожденію, и вообще устраненіе сословно-дворянскаго начала изъ области управленія крестьянскими дѣлами; 7) учрежденіе крестьянскихъ повѣренныхъ изъ лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ, — обязанностями по изслѣдованію на мѣстахъ юридическаго быта крестьянъ; 8) ревизія дѣятельности всѣхъ нынѣшнихъ административно-судебныхъ установленій; 9) приданіе значенія юридическаго лица каждому селенію, несоставляющему отдѣльнаго сельскаго общества, — съ образованіемъ въ его средѣ особаго деревенскаго схода, вѣдающаго дѣла, исключительно до этого селенія относящаяся; 10) допущеніе въ составъ крестьянскихъ сходовъ, — деревенскихъ, сельскихъ и волостныхъ, — лицъ всѣхъ сословій, живущихъ въ околоткѣ, но пока лишь съ совѣтательнымъ голосомъ (впредь до окончательнаго преобразованія крестьянскаго общественнаго управленія на началѣ всесословности, безусловно требующей здѣсь широкаго примѣненія); 11) принятіе на счетъ государственнаго казначейства мірскихъ расходовъ на содержаніе общественнаго крестьянскаго управленія, какъ получившаго уже и нѣмного получить въ еще большей мѣрѣ общегосударственное значеніе, и — увеличеніе общегосударственныхъ средствъ на народное образованіе.

Такова практическая программа г. Дружинина по крестьянскому вопросу, программа, въ общихъ своихъ началахъ сходящаяся съ мнѣніями тѣхъ нашихъ представителей прогрессивнаго направленія, о которыхъ было достаточно говорено въ статьѣ «Реформа на очереди» («Историч. Вѣстн.» 1897 г.). Только тѣ лица по большей части касались принциповъ желательной реформы, авторъ же «Юридическаго положенія крестьянъ» далъ себѣ трудъ приложить эти принципы къ многочисленнымъ конкретнымъ явленіямъ жизни, чѣмъ и придалъ своей работѣ характеръ практической дѣловитости, столь именно необходимой въ настоящіе дни. Поэтому читателямъ, и въ особенности провинціальнымъ, соприкасающимся по своему общественному, либо служебному положенію, съ крестьянскою средою, книга г. Дружинина можетъ быть особенно усердно рекомендована. Остается пожалѣть, что она нѣсколько запоздала выходомъ и поступила въ продажу тогда, когда мѣстныя учрежденія ужь успѣли выска-

заться и отвѣтить на вопросы, предложенные земскимъ отдѣломъ. Остается также пожалѣть, что издатель, г. Мартыновъ, не нашелъ возможнымъ назначить ей цѣну ниже: 2 р. 50 к., по нынѣшнимъ временамъ, когда дѣло идетъ о пониженіи цѣнъ на книги, слишкомъ высока для подобнаго изданія, небольшого по объему и изданнаго, хоть прилично, но далеко не роскошно, по сравненію съ цѣною.

В. Г.

На сибирскихъ золотыхъ приискахъ. Н. Латкинъ. Спб. 1898.

Книга г. Латкина заключаетъ въ себѣ его воспоминанія о сибирской золотопромышленности, которая рисуется имъ въ цѣломъ рядѣ картинъ мало художественныхъ, но всегда вѣрныхъ. Особый мірокъ искателей золотого руна какъ въ лицѣ приисковыхъ хозяевъ, такъ и рабочихъ, представленъ имъ въ темномъ и мало симпатичномъ видѣ. Золотопромышленная дѣятельность капиталиста вполне зависитъ отъ таежныхъ развѣдчиковъ, которые находятъ золотосносныя площади, ставятъ на нихъ явочные столбы и подаютъ о неприкосновенности этихъ площадей заявку административнымъ властямъ. Часто развѣдчики отъ разныхъ хозяевъ нападаютъ на одну и ту же мѣстность и между ними происходятъ ссоры, драки или обманы своихъ довѣрителей: промочетъ развѣдчикъ въ тайгѣ бадей съ десятью песку и скажетъ, что промылъ 2—3 бады. Пробы будутъ богаты золотомъ, но при дальнѣйшей разработкѣ, послѣ покупки прииска, послѣдній окажется пустымъ и безвыгоднымъ. Требуется много опытности, чтобы развѣдчики приисковыхъ мѣстъ не обманули покупателя. Много предпримчивыхъ людей разорилось на ложныхъ развѣдкахъ. «Въ сибирской тайгѣ, — говоритъ г. Латкинъ, — чуть гдѣ появлялось какое нибудь открытіе золога, часто даже фиктивное, какъ всѣ разомъ бросаются къ этому мѣсту и начинаютъ неистово заявлять направо и налево всѣ горы и доли, о которыхъ раньше никто не думалъ. Еще не такъ давно, когда была открыта въ К. округѣ, по р. Осиновой, хорошаго содержанія россыпь, то десятки поисковыхъ партій бросились искать золото въ его окрестности; чуть не весь городъ К. принялся бредить золотыми богатствами, и, какъ говорится, старъ и младъ, чиновникъ и мѣщанинъ, чуть ли даже кухарки и горничныя не составляли компанію для поисковъ; сотни площадей было заявлено, но путнаго ничего не вышло. Одна казна отъ марокъ на прошенія, да рабочіе, или, скорѣе, кабаки, были въ барышахъ. Горячечный бредъ этой золотой лихорадки развѣшился для многихъ разореніями и всеобщимъ разочарованіемъ». Не менѣе грустную картину рисуетъ г-нъ Латкинъ и жизни приисковыхъ рабочихъ, особенно, до 60-хъ годовъ: законтрактованные и замученные непосильными работами, они бѣжали съ приисковъ и подвергались преслѣдованіямъ приисковой администраціи и «таежныхъ волковъ» (якутовъ съ винтовкой). А тѣ, которые оставались на приискахъ до окончанія работъ и зарабатывали хорошія деньги, употребляли послѣднія на кутежи и развратъ. «Идетъ это, бывало, — пишетъ г. Латкинъ, — богачъ-рабочій по улицѣ, весь въ бархатѣ или въ шелковой рубахѣ, шляпа съ павлинымъ перомъ на головѣ на бекрень надѣта, въ одной рукѣ шелковый платокъ держитъ, да его по грязи

волочить, въ другой пачка рублевокъ, которыя онъ впереди себя въ грязь швыряетъ и по нимъ выступаетъ, впереди его какойнибудь молодецъ на гармоникъ наигрываетъ, а сзади его свита— полупьяныя дѣвки да бабы молодыя пѣсни вязать, а тутъ, какъ пройдетъ эта процессія, на брошенные въ грязь ассигнаціи накидывается толпа прокутившихся оборванцевъ, и начинается отыскиваніе затоптанныхъ бумажекъ, и, конечно, подымается между ними ругань и драка». Авторъ, во многихъ мѣстахъ своей книги, пытается показать деморализующее вліяніе пріискового пролетаріата на коренное населеніе Сибири, бросившее и звѣроловство и иные промыслы, въ ожиданіи выходовъ съ пріисковъ, послѣ расчета, рабочихъ.

Въ виду ожидаемой въ Сибири реформы питейной торговли, особенный интересъ въ книгѣ г. Латкина представляютъ тѣ страницы, гдѣ онъ рисуетъ свободную продажу крѣпкихъ напитковъ, развившую и «спиртоношество» и такъ называемую промывку золота «на деревянной бочкѣ», когда какойнибудь аферистъ поселяется около чужого пріиска, покупаетъ рядомъ за безцѣнокъ бездоходный пріискъ и торгуетъ водкой на краденое золото съ сосѣдняго пріиска... Что касается спеціально «спиртоносовъ», то, по словамъ г. Латкина, «въ настоящее время хищничество и дерзость этихъ контрабандистовъ дошли до того, что они организуются въ вооруженныя скорострѣльнымъ оружіемъ шайки и оказываютъ сопротивленіе высылаемымъ для поимки ихъ казакамъ. Впрочемъ, наши енисейскіе спиртоносы далеко скромнѣе своихъ олекминскихъ и особенно пріамурскихъ собратьевъ. Случившееся два года тому назадъ и встревожившее всю тайгу нападеніе на караванъ съ 17 пудами золота (Ниманской комп.) было дѣломъ пріамурскихъ спиртоносовъ». Съ введеніемъ въ Сибирь казенной продажи питей, надо думать, значительно сократится выгода тайной торговли виномъ, которая теперь, при отсутствіи крупнымъ сибирскимъ винокурненнымъ фирмамъ конкуренціи и высокихъ цѣвъ на виноприноситъ отличные барыши и спиртоносамъ, и содержателямъ золотыхъ пріисковъ, расплачивающимся съ рабочими порціями водки, и аферистамъ, которые моютъ золото тоже «на деревянной бочкѣ»... А. Фаресовъ.

И. Е. Тимошенко. Литературные первоисточники и прототипы трехсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1897.

Извѣстно, какое важное значеніе имѣютъ пословицы. Онѣ выражаютъ міровоззрѣніе народа, его религіозныя, нравственныя и юридическо-бытовыя понятія, служатъ живыми памятниками народнаго духа и представляютъ народный характеръ въ его первоначальномъ, естественномъ видѣ, свободномъ отъ вліянія внѣшней культуры. Будучи выразительницами народнаго характера, пословицы, однако, не имѣютъ безусловно самобытнаго происхожденія и заключаютъ въ себѣ и элементы, привнесенные извнѣ. Выдѣленіе этихъ элементовъ и вообще указаніе и объясненіе тождественныхъ, или даже только сходныхъ явленій, наблюдаемыхъ въ пословицахъ разныхъ народовъ, представляетъ для историка большой интересъ, такъ какъ можетъ пролить новый свѣтъ на международныя сношенія, о которыхъ исторія имѣетъ неясныя или недостаточ-

ныя свѣдѣнія. При этомъ особенно важное значеніе имѣетъ тождество содержанія пословицъ вмѣстѣ со сходствомъ ихъ формы или способа выраженія, потому что такое двойное сходство — и формы, и содержанія — не можетъ быть объяснено случайнымъ совпадениемъ, но имѣетъ свое основаніе въ международныхъ сношеніяхъ, въ культурныхъ вліяніяхъ и въ литературныхъ связяхъ, и для его толкованія необходимо обращаться къ исторіи и литературѣ. Изученіе русскихъ пословицъ съ культурно-исторической точки зрѣнія едва лишь начато (Снегиревъ, отчасти Буслаевъ), и книга г. Тимошенка представляетъ первый серьезный опытъ такого изученія.

Сочиненіе г. Тимошенка предваряется краткимъ предисловіемъ (стр. XI—XII) и введеніемъ (стр. XIII—XXV), гдѣ рѣчь идетъ о задачѣ труда, его методѣ и источникахъ. Г. Тимошенко задался цѣлью сравнить въ своемъ трудѣ русскія и отчасти славянскія пословицы съ древнѣйшими ихъ образцами или прототипами, находящимися въ греческой и римской литературѣ, надѣясь установить одинъ малозвѣстный, но не подлежащій сомнѣнію фактъ, что многія русскія пословицы и поговорки представляютъ или буквальный переводъ или передѣлку греческихъ и латинскихъ изреченій. Какимъ путемъ та или другая классическая пословица перешла къ намъ, путемъ ли устной передачи, или литературной, — отвѣтовъ на это въ книгѣ нѣтъ, да и трудно указать такой путь по отношенію къ каждой пословицѣ, въ виду многочисленныхъ и многообразныхъ связей Россіи съ Востокомъ и Западомъ. Авторъ не воспользовался въ своемъ изслѣдованіи и тѣмъ обширнымъ и весьма важнымъ для выясненія литературной исторіи русскихъ пословицъ матеріаломъ, который находится въ различныхъ памятникахъ древне-русской письменности: онъ ограничивается лишь сравненіемъ русскихъ пословицъ съ соответствующими мѣстами изъ сочиненій греческихъ и римскихъ писателей, а изслѣдованіемъ посредствующихъ формъ, встрѣчающихся въ древне-русской письменности, онъ не занимается. Въ изложеніи своего предмета онъ держится хронологическаго порядка, наиболѣе удобнаго въ книгѣ, посвященной исторіи русскихъ пословицъ. Во введеніи содержатся также краткія свѣдѣнія о греческихъ пареміографѣхъ — составителяхъ пословицъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ и оканчивая новѣйшими трудами (Куртца, Крумбахера) изъ этой области.

Самое изслѣдованіе исторіи русскихъ пословицъ (стр. 1—170) состоитъ въ сравненіи ихъ съ образцами и прототипами, находящимися въ греческой и римской литературѣ. Авторъ беретъ русскія пословицы изъ собранія Даля и сопоставляетъ ихъ съ соответствующими греческими и римскими литературными изреченіями. Такіе первоисточники русскихъ пословицъ онъ находитъ у Гомера, Гезіода, Солона, Эзопа, Пифагора, Пиндара, Эсхила, Софокла, Еврипида, Геродота, Фукидида, Аристофана, Ксенофонта, Платона, Аристотеля, Менандра, Теокрита, Плавта, Теренція, Цицерона, Виргилія, Горация, Овидія, Сенеки, Лукіана, Діогена Лаертскаго, Зиновія, бл. Иеронима, бл. Августина, Глики, Никиты Акомина, Плануда, Томы Кемпійскаго, Еразма Роттердамскаго и у многихъ другихъ греческихъ и римскихъ писателей, не только классическихъ, но и христіанскихъ, вплоть до среднихъ вѣковъ. Въ общемъ, г. Тимошенко представилъ исторію трехсотъ русскихъ пословицъ, воспользовавшись для ихъ объясненія 82-мя источниками.

Трудъ г. Тимошенка представляетъ первую попытку изученія русскихъ пословицъ съ культурно-исторической точки зрѣнія и по одному этому заслуживаетъ вниманія. Конечно, въ немъ неизбежно должны быть промахи и недочеты, касающіеся полноты греческихъ и латинскихъ первоисточниковъ для русскихъ пословицъ и цѣлесообразности ихъ сопоставленія, но они не могутъ значительно понижать цѣнность работы, еще разъ прекрасно доказывающей тѣсную культурно-историческую связь Россіи съ Западомъ, а главнымъ образомъ съ Византіей, которая вліяла на славянскій и въ частности на русскій міръ въ области религій, духовной литературы и искусства, отразилась и на произведеніяхъ народнаго духа—на народныхъ сказаніяхъ, пѣсняхъ и, наконецъ, на пословицахъ, какъ показываетъ г. Тимошенко. Его книга должна имѣть особый интересъ для интересующихся культурно-историческою связью Россіи съ Византіей.

О.

**Очерки современной Японіи. Женщины-врача А. А. Черевковой.
Съ 12-ю гравюрами. Спб. 1898.**

Еще недавно никто у насъ и не думалъ объ Японіи. Кромѣ немногихъ специалистовъ, ею интересовался лишь тѣсный кружокъ лицъ, которыхъ служба или случай забрасывали на крайній азіатскій востокъ, и которымъ приходилось не въ книгѣ, а въявь столкнуться со сказочной «страной восходящаго солнца». Путешествіе на востокъ государя наслѣдника цесаревича пробудило въ нашемъ обществѣ стремленія поближе ознакомиться съ дальнимъ востокомъ вообще; а извѣстное покушеніе на жизнь цесаревича, совершенное въ самомъ сердцѣ Японіи самымъ чистокровнымъ японцемъ, вызвало у насъ, какъ и вездѣ, вслѣдъ за понятнымъ недоумѣніемъ, желаніе разобраться, наконецъ, въ хаосѣ нашихъ смутныхъ представленій объ Японіи. Дальнѣйшія событія на востокѣ—война Японіи съ Китаемъ, вмѣшательство Россіи, Германіи и Франціи, борьба изъ-за Кореи, наконецъ, послѣдніе шаги Германіи и Англіи въ связи съ толками о раздѣлѣ Китая,—все это очень сильно повысило интересъ читающей публики къ тому, что такъ или иначе затрогивало огромный, но, въ сущности, совершенно невѣдомый ей, міръ загадочнаго востока. На встрѣчу возникшему спросу не замедлило, конечно, явиться предложеніе: въ газетахъ, журналахъ и, наконецъ, отдѣльными изданіями стали все чаще и чаще появляться замѣтки, статьи, изслѣдованія, посвященныя, конечно, главнымъ образомъ Японіи, представляющей весьма крупную фигуру въ сложной драмѣ неожиданно выступившаго и очень грознаго новаго восточнаго вопроса.

Къ сожалѣнію, весьма немногія изъ такихъ произведеній имѣютъ какую либо научную или литературную цѣнность: это—частью плохія комилляціи, составленныя на основаніи такого же плохого или стараго книжнаго матеріала, частью—крайне поверхностныя замѣтки туристовъ, явившихся на востокъ безъ всякой солидной подготовки и остававшихся тамъ слишкомъ короткое время для того, чтобы имѣть возможность разобраться въ пестромъ калейдоскопѣ сильныхъ впечатлѣній и совершенно чуждой и чрезвычайно своеобразной жизни.

Исключеніе изъ этой груды накопившагося у насъ за послѣднее время печатнаго матеріала объ Японіи представляютъ только-что вышедшіе въ свѣтъ «Очерки современной Японіи» женщины-врача А. А. Черевковой.

Авторъ прожилъ въ странѣ нѣсколько лѣтъ. За это время ему удалось посѣтить самыя интересныя мѣстности Японіи, подолгу оставаться въ каждой изъ нихъ, присматриваясь внимательно къ различнымъ подробностямъ жизни, столь отличной отъ нашей. Особенную цѣнность здѣсь имѣетъ еще то обстоятельство, что автору приходилось не разъ и не при одинаковыхъ условіяхъ провѣрять свои впечатлѣнія тамъ же, на мѣстѣ.

Написанныя прекраснымъ литературнымъ языкомъ «Очерки современной Японіи» представляютъ рядъ яркихъ, картинныхъ описаній нравовъ, природы, жизни и искусства крайне любопытной страны. Живость, ясность, отчетливость всѣхъ подробностей каждаго явленія, каждой изображаемой сцены составляютъ отличительныя черты «Очерковъ», чрезвычайно выгодно выдѣляя ихъ изъ многихъ другихъ сочиненій, касающихся Японіи.

Книга издана изящно и снабжена двѣнадцатью художественно-исполненными гравюрами.

Л. Ж.

Альбомъ картинъ и рисунковъ И. Е. Рѣпина. Изданіе В. В. Матѣ. Выпускъ первый. Спб. 1898.

И. Е. Рѣпинъ принадлежитъ къ числу наиболѣе выдающихся современныхъ художниковъ нашихъ; но большинство публики знакомо съ замѣчательными произведеніями его кисти преимущественно по многочисленнымъ, но, большею частью, весьма неудовлетворительнымъ цинкографіямъ, помѣщаемымъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Профессору В. В. Матѣ пришла прекрасная мысль воспроизвести картины и рисунки Рѣпина офортъ, фототипіей и гравюрой на деревѣ. Поступившій недавно въ продажу первый выпускъ этого изящнаго изданія заключаетъ въ себѣ копіи съ 16 произведеній художника, разнообразнаго содержанія. Между прочимъ, здѣсь находятся извѣстныя картины: «Бурлаки на Волгѣ», «Король Лиръ», «Кончина сына Іоанна Грознаго», портреты графа Л. Н. Толстого, Гоголя, Пирогова, Стасова, Третьякова и др. Три рисунка превосходно исполнены красками въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Мы увѣрены, что всѣ любители отечественнаго искусства будутъ благодарны г. Матѣ за изданный имъ альбомъ и, вмѣстѣ съ нами, пожелаютъ скорѣйшаго появленія слѣдующихъ выпусковъ.

О. Ш.

Гаспари Адольфъ. Исторія итальянской литературы. Томъ II-й. Итальянская литература эпохи возрожденія. Переводъ К. Вальмонта. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1897.

По поводу появленія I тома Гаспари мы уже говорили въ «Историческомъ Вѣстникѣ» о чрезвычайной важности этой высоконаучной и вполне самостоятельной исторіи итальянской литературы, а также и о несомнѣнныхъ до-

стоинствахъ перевода, предпринятаго г. Бальмонтомъ. Лежащій передъ нами томъ заключаетъ въ себѣ 16 главъ: Боккаччіо (стр. 1—60), Эпиговы великихъ флорентійцевъ (стр. 60—89; разумѣются: авторъ Пекороне, Серкамби, Саккетти, Пуччи, Джіованни изъ Прато, Федерико Фреци, Зеноне Зенони и др.), Гуманисты XV вѣка (стр. 89—161), Народный языкъ въ XV столѣтіи (стр. 161—198), Полициано и Лоренцо де Медичи (стр. 198—231), Рыцарская поэзія. Пульчи и Бойардо (стр. 231—266), Неаполь, Понтано и Саннацаро (стр. 266—310), Маккиавелли и Гвиччардини (стр. 310—357), Бембо (стр. 357—375), Аріосто (стр. 375—403), Кастильоне (стр. 403—412), Пьетро Аретино (стр. 412—435), Лирика въ XVI столѣтіи (стр. 135—475; здѣсь говорится о Бернардо Капелло, Франческо Маріи Мольца, Джіованни делла Каза, Луиджи Трансилло, Микель Анджело Буанаротти, о Витторіи Колоннѣ и друг. поэтессахъ, о Франческо Верни, о такъ называемой Ласкѣ и др.), Героическая поэма въ XVI столѣтіи (стр. 475—507; рѣчь идетъ главнымъ образомъ о Триссино, Аламанни и Бернардо Тассо), Трагедія (стр. 507—530; Триссино, Ручеллаи, Лодовико Дольче и многіе другіе), Комедія (стр. 530—580; Аріосто, Маккиавелли, Пьетро Аретино и пр.).

Въ изложеніи литературы эпохи Возрожденія Гаспари, какъ и всякій историкъ итальянской литературы, не могъ не оказаться въ затрудненіи относительно того, говорить ли ему о дѣятельности итальянскихъ гуманистовъ (черезъ что итальянская литература обращается въ исторію просвѣщенія и латинскую литературу въ Италіи), или оставитъ ее въ сторонѣ (отъ чего литература интереснѣйшей эпохи оказалась бы бѣдною и неполною). Онъ вышелъ изъ этого затрудненія съ честію, но не безъ нарушенія послѣдовательности: въ главѣ XV о Боккаччіо (подобно тому, какъ и въ послѣдней главѣ I-го тома о Петраркѣ) онъ занимается почти исключительно итальянскими произведеніями автора Декамерона, о латинскихъ же его трудахъ и о вліяніи на развитіе новой науки говоритъ только вскользь, будто онъ намѣренъ игнорировать участіе Италіи въ развитіи гуманизма; но за тѣмъ, посвятивъ три десятка страницъ подражателямъ Данта, Петрарки и Боккаччіо, онъ даетъ обширную и прекрасную главу о гуманистахъ—она такъ умѣло и красиво написана, что можетъ замѣнить три-четыре недурныхъ монографіи на эту тему—и въ изложеніи послѣдующаго, отдавая первое мѣсто произведеніямъ итальянскимъ, параллельно разбираетъ и вліятельныя произведенія латинской литературы въ Италіи.

Всѣ отдѣлы настоящаго тома хорошо составлены и интересно изложены, но по новости матеріала и выводовъ мы особенно рекомендуемъ главу XVIII-ю, гдѣ содержится много любопытнаго для исторіи ранняго итальянскаго театра, которая представляетъ не лишеныя поучительности параллели и для русской духовной драмы. А въ качествѣ образчика научной объективности и удивительной ясности въ изложеніи спорнаго (хотя и донельзя истертаго) вопроса мы можемъ указать характеристику политическихъ взглядовъ Маккиавелли, начиная съ 321 страницы русскаго перевода.

Переводъ этотъ въ общемъ также вполне удовлетворителенъ, какъ и переводъ I тома. Не можемъ только не пожалѣть, что г. Бальмонтъ на этотъ разъ

будто совсѣмъ забылъ, что такъ хорошо владѣеть стихомъ, и не перевелъ ни одной изъ многочисленныхъ стихотворныхъ цитатъ; для вящаго неудобства многихъ читателей, эти итальянскія (равно какъ и латинскія) цитаты остались и безъ всякаго перевода.

Переводчикъ очень хорошо сдѣлалъ, что на стр. I Приложеній указалъ на прекрасную монографію академика А. Н. Веселовскаго о Боккаччіо; но было бы еще лучше, еслибъ онъ внесъ изъ нея, въ видѣ примѣчаній, какъ къ тексту, такъ и къ Приложеніямъ хотя бы важнѣйшіе изъ выводовъ русскаго изслѣдователя. На стр. XIII этихъ Приложеній слѣдовало бы указать русское изданіе (магистерскую диссертацию) изслѣдованія того же А. Н. Веселовскаго о Виллѣ Альберти.

Мелкихъ недосмотровъ больше въ Приложеніяхъ, нежели въ текстѣ. Отмѣтимъ на случай 2-го изданія: Бенуа де Сенъ Море (чит. Моръ), Геваиде Стація (чит. Тебаида), «греческое обозначительное имя» (стр. VI), «встрѣча съ Петраркой въ Падуѣ слѣдуетъ изъ словъ Петрарки (стр. IX) и т. д. Что касается до текста, то мы не встрѣтили такихъ неловкостей и недосмотровъ (на стр. 191, безъ сомнѣнія, вмѣсто «сюжеты, взятые изъ латинской исторіи», надо читать изъ итальянской или изъ современной исторіи; но это простой lapsus calami, только не отмѣченный въ опечаткахъ); иной сочтетъ дѣломъ вкуса, писать ли: по-латински, дантевскій, Кризолора и пр., какъ пишетъ переводчикъ, или по-латыни, дантовскій, Хризолоръ и пр. но мы предпочли бы способъ болѣе обычный.

Когда выйдетъ окончаніе труда Гаспари въ переводѣ г. Бальмонта, итальянская литература будетъ въ Россіи поставлена лучше, нежели какая либо другая.

А. К.

Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго г. Муркоса (по рукописи Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ).

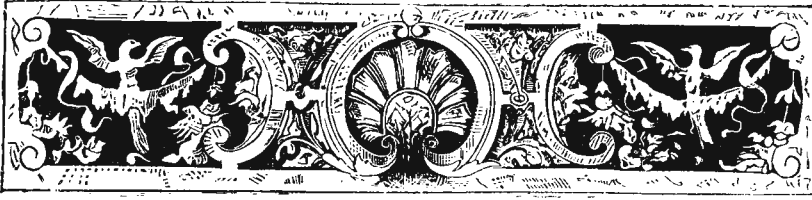
Выпускъ второй (отъ Днѣстра до Москвы). Москва. 1897.

«Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ XVII вѣкѣ», описанное архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ произведеній арабской литературы и имѣетъ весьма важное значеніе и для исторіи Россіи. О первомъ выпускѣ этого памятника, переведеннаго г. Муркосомъ на русскій языкъ, въ свое время у насъ было дано сообщеніе («Историческій Вѣстникъ» за 1897 г., май, стр. 616—617). Теперь предъ нами второй выпускъ того же произведенія въ русскомъ изданіи, содержащій въ себѣ четвертую, пятую и шестую книги «Путешествія». Книга четвертая (стр. 1—80) описываетъ путь патріарха Макарія по Украйнѣ до Кіева и содержитъ немало любопытныхъ историческихъ данныхъ. Здѣсь разсказывается, между прочимъ, о войнѣ казаковъ съ ляхами, описывается казацкій бытъ и административный строй въ казацкой землѣ, характеризуется гетманъ Хмельницкій, съ которымъ патріархъ имѣлъ свиданіе, а главное, описывается

Кіево-Печерскій монастырь съ его святынями, богослуженіемъ, монашескимъ строемъ, наконецъ, разсказывается и о другихъ достопримѣчательностяхъ (храмахъ и монастыряхъ) города Кіева. Описаніе Кіево-Печерской лавры съ ея великою церковію, сдѣланное арабскимъ авторомъ, въ настоящее время особенно важно потому, что является единственнымъ ея описаніемъ до пожара 1718 года, который испепелилъ весь Печерскій монастырь, истребивъ въ немъ всѣ остатки древности, еще видѣнные Павломъ Алеппскимъ. Книга пятая (стр. 81—144) разсказываетъ о путешествіи патріарха Макарія отъ Кіева до Коломны. И здѣсь имѣется немало интересныхъ свѣдѣній касательно русской жизни и быта. Архидіаконъ Павелъ заносилъ въ свое описаніе путешествія все, что видѣлъ и слышалъ. Здѣсь разсказывается о церквахъ и монастыряхъ Украйны и Московской земли, лежавшихъ на пути арабскихъ путешественниковъ, описываются города и крѣпости, сообщаются наблюденія надъ бытомъ простаго русскаго народа и духовенства, изображается отношеніе русскихъ къ иностранцамъ и т. п. Въ шестой книгѣ (стр. 145—199) разсказывается о пребываніи патріарха Макарія въ Коломнѣ. По обычаю арабскій авторъ подробно описываетъ городъ и его достопримѣчательности, говоритъ о богослуженіи и духовенствѣ, о религіозныхъ процессіяхъ, совершенныхъ по случаю моровой язвы и въ праздникъ Крещенія Господня, повѣствуетъ о набожности русскихъ и т. п. Кромѣ того, въ этой книгѣ рѣчь идетъ о страшной моровой язвѣ, постигшей Русь во время пребыванія въ Коломнѣ арабскихъ пономниковъ, и о походѣ царя Алексѣя Михайловича подъ Смоленскъ. Наконецъ, есть небольшое сообщеніе о коломенскомъ епископѣ Павлѣ, ставшемъ въ оппозицію въ отношеніи къ патріарху Никону по случаю исправленія богослужебныхъ книгъ и за это подвергнутому ссылкѣ въ Сибирь. Книга заканчивается замѣткою о прибытіи арабскихъ путешественниковъ въ Москву, о пребываніи въ которой рѣчь будетъ въ слѣдующихъ книгахъ.

И второй выпускъ «Путешествія» антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію представляетъ интересъ съ исторической стороны и содержитъ немало такихъ данныхъ, которыхъ нѣтъ въ аналогичныхъ произведеніяхъ иностранной литературы и которыя любопытны, какъ сообщенія современника, не всегда, быть можетъ, достовѣрнаго, но, несомнѣнно, наблюдательнаго, воспримчиваго и усердно заносившаго въ свой трудъ свои впечатлѣнія и впечатлѣнія своего авторитетнаго отца, патріарха Макарія. Г. Муркосъ своимъ переводомъ на русскій языкъ выдающагося арабскаго произведенія оказываетъ безспорную услугу русской исторической наукѣ. С.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОВАЯ монографія о Платонѣ. Хотя авторъ почтеннаго труда о происхожденіи и развитіи логики Платона, Викентій Лютославскій, полякъ и ученикъ Деритскаго профессора Тейхмюллера, но его объемистая книга появилась на англійскомъ языкѣ, въ Лондонѣ ¹⁾. Главное достоинство этой ученой монографіи, по словамъ компетентныхъ критиковъ, заключается въ подробномъ изслѣдованіи платоновской литературы, изученной авторомъ въ главнѣйшихъ европейскихъ бібліотекахъ, въ новой хронологической классификаціи сочиненій Платона, на основаніи стилистическихъ ихъ особенностей, и въ уясненіи нѣкоторыхъ спорныхъ фактовъ жизни великаго философа. Въ послѣднемъ отношеніи, Лютославскій опровергаетъ вѣскими аргументами признаваемое большинствомъ комментаторовъ Платона пребываніе его въ Мегарѣ, гдѣ онъ будто бы написалъ вскорѣ послѣ смерти Сократа свою трилогію: «Theaetetus», «Sophist» и «Politicus». По словамъ польскаго ученаго, единственнымъ авторитетомъ, подкрѣпляющимъ эту легенду, представляется Діогенъ Ласрцій, который ссылается на Герматора, но его свидѣтельство не внушаетъ никакого довѣрія, тогда какъ достоинъ полнаго вниманія тотъ фактъ, что Цицеронъ ни словомъ не упоминаетъ о Мегарѣ, говоря о странствіяхъ Платона. «Поэтому, какъ ни искусна гипотеза о вліяніи Мегары для выясненія нѣкоторыхъ изъ самыхъ своеобразныхъ сочиненій Платона, замѣчаетъ Лютославскій, но проще и справедливѣе заключить, хотя это какъ бы не согласуется съ безграничнымъ культомъ платоновскаго совершенства, исповѣдуемаго его

¹⁾ The origin and Growth of Plato's Style and of the chronology of his writings, by Wincenty Lutoslavsky. London. 1898.

поклонниками, что подъ старость въ мѣвнiяхъ великаго философа произошла радикальная перемѣна, благодаря которой проявляются въ его послѣднихъ произведенiяхъ слѣды будущихъ теорiй Декарта, Канта и Лейбница». Всѣ ученые изслѣдованiя почтеннаго автора приводятъ его къ заключенiю, что платоновская философiя не была теорiей объективнаго идеализма, которой отличаются лишь три, или четыре диалога, представляющiе переходную фазу его умственнаго развитiя, а, конечная форма платонизма составляетъ не систему идей, а систему душъ, или постепеннаго развивающагося совершенства.

— Легенда о Тангейзерѣ. Ученый изслѣдователь литературы и народной поэзiи среднихъ вѣковъ, французскiй академикъ, Гастонъ Пари, помѣстилъ во второй мартовской книжкѣ *Revue de Paris* любопытный очеркъ происхожденiя легенды, вдохновившей Вагнера и послужившей сюжетомъ его оперы «Тангейзеръ»¹⁾. По странной иронiи судьбы, Вагнеръ, воскрешая въ своихъ поэтическихъ музыкальныхъ произведенiяхъ средневѣковыя легенды, преимущественно потому что онѣ были германскiя, черпалъ не разъ свое вдохновенiе изъ поэмъ, хотя и нѣмецкихъ, но заимствованныхъ изъ французскихъ подлинниковъ, кельтскаго происхожденiя, таково происхожденiе «Тристана и Изольды», «Парсеваля» и, по всей вѣроятности, «Лоенгина». Указавъ на этотъ странный фактъ, Гастонъ Пари подробно рассказываетъ аналогичную исторiю легенды о Тангейзерѣ, которая, однако, хотя также кельтскаго происхожденiя, но прошла чрезъ горнило итальянскон народной поэзiи, а не французской, прежде чѣмъ достигнуть Германiи. Въ послѣдней странѣ эта легенда впервые появляется въ половинѣ XV столѣтiя въ поэмѣ Германа фонъ Саксенгейма, но только въ слѣдующемъ вѣкѣ она воплотилась въ удивительную народную пѣснь, различные варианты которой существуютъ на верхне-нѣмецкомъ и ниже-нѣмецкомъ нарѣчiяхъ, на голландскомъ и датскомъ языкахъ, въ рукописяхъ и книгахъ XVI и XVII вѣковъ, а также въ найденныхъ недавно устныхъ пересказахъ въ Швейцарiи и Австрiи. Гастонъ Пари приводитъ самый древнiй текстъ этой народной пѣсни, которую Гейне сравнивалъ съ «Пѣснью пѣсней» Соломона и называлъ «самымъ пламеннымъ на свѣтѣ гимномъ любви, окрашенномъ красной кровью сердца». Такъ какъ это произведенiе народной музы отличается не только поэзiей, но философской, гуманной глубиной, и очень кратко, то мы приводимъ его цѣликомъ: «Тангейзеръ былъ добрый рыцарь, желалъ видѣть всѣ чудеса и посѣтилъ гору Венеры, гдѣ она жила съ другими красавицами. Прошелъ годъ, грѣхи стали его печалить: «Венера, благородная и утонченная дама, я хочу съ вами разстаться». — «Рыцарь Тангейзеръ, я люблю васъ, не забывайте, что вы клялись не разставаться со мною». «Дама Венера, я не клялся въ этомъ, я отрицаю это и, вѣроятно, клялся кто нибудь другой, видитъ Богъ». — «Рыцарь Тангейзеръ, что вы говорите? Вы должны остаться съ нами, я дамъ вамъ въ жены одну изъ моихъ подругъ». — «Если-бъ я думалъ о другой женщинѣ, кромѣ той, которая всегда въ моихъ мысляхъ, то я былъ бы достоинъ вѣчнаго сожженiя адскимъ огнемъ». — «Вы говорите объ адскомъ огнѣ, но вы его никогда не чувствовали; развѣ вы думаете о моихъ

¹⁾ La legende du Tannhäuser. par Gaston Paris. *Revue de Paris*. 15 mars, 1898.

красныхъ губахъ, которыя вѣчно смѣются?»—«Что мнѣ ваши красныя губы? мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ. Отпустите меня, благородная дама, и разлучите со своимъ гордымъ тѣломъ»—«Тангейзеръ не говорите такъ, вернитесь къ другимъ мыслямъ, пойдите ко мнѣ и насладимся благородной игрою въ любовь».—«Ваша любовь мнѣ стала противна; я отгадываю въ васъ дурныя мысли, а по огню вашихъ глазъ я вижу, что вы чертовка». И онъ удалился изъ горы съ тревогой и раскаяніемъ.—«Я пойду въ Римъ и исповѣдаюсь папѣ. Да сопустствуетъ мнѣ Господь, я пойду къ папѣ Урбану и увижу, можетъ ли онъ меня спасти». И увидѣвъ онъ папу и сказалъ ему: «О папа, сладчайшій новелитель сердца моего, сознаюсь тебѣ въ смертельномъ грѣхѣ. Я цѣлый годъ пробылъ у дамы, называемой Венерой, я хочу исповѣдываться тебѣ во всемъ, получить эпитимью и узнать, могу ли я когда лицеарѣтъ Бога?» Папа держалъ въ рукахъ трость и, воткнувъ ее въ землю, сказалъ: «Эта трость не можетъ зацвѣсть, такъ и ты не можешь получить прощенья Божья». Тангейзеръ ушелъ въ смущеніи и горѣ. «О Марія, Пречистая Дѣва, мнѣ надо проститься съ тобою!» И онъ вернулся въ гору навсегда: «Я пришелъ къ вамъ, дама-Венера, потому, что Богъ вернулъ меня сюда».—«Милости просимъ, Тангейзеръ. Я васъ давно ждала, привѣтствую васъ, благородный рыцарь, котораго я люблю болѣе всѣхъ». На третій день, трость папы начала цвѣсти, и папа послалъ во всѣ страны, чтобы узнать, гдѣ Тангейзеръ. Онъ скрылся въ горѣ и предался своей любви, а потому четвертый папа Урбанъ не видалъ вѣчной жизни. Ни одинъ папа, ни одинъ кардиналъ не долженъ проклясть грѣшника, какъ бы великъ ни былъ его грѣхъ. Богъ всегда можетъ его простить». Какъ извѣстно, Вагнеръ не удовольствовался этой прекрасной народной пѣсню и совершенно измѣнилъ ее въ своей оперѣ, примѣшавъ къ ней другую легенду, о поэтической борьбѣ въ Вартбургѣ, идеальную любовь къ Елисаветѣ и спасеніе души Тангейзера, вмѣсто его возвращенія въ гору Венеры. Что касается до итальянскаго прототипа Тангейзера, то легенда о Сибиллѣ и ея горѣ встрѣчается въ одномъ тосканскомъ романѣ XIV столѣтія, значить задолго до первыхъ намековъ о Тангейзерѣ въ Германіи; она изложена совершенно также, какъ въ германской народной пѣснѣ, но только въ ней папа сначала хотѣлъ простить раскаявшагося рыцаря, но рыцаря подвелъ его конюхъ, благодаря хитрости котораго онъ подумалъ, что папа его проклялъ. Конечно, имя рыцаря уже въ Германіи преобразилось въ Тангейзера, и Гастонъ Пари полагаетъ, что это имя было дано герою легенды, потому что, дѣйствительно, существовалъ въ XIII вѣкѣ минезингеръ Тангейзеръ, который писалъ стихи, полные то порочной страстью, то раскаяніемъ. Наконецъ, по словамъ Гастона Пари, даже итальянская легенда о «Monte dello-Sibillo» не была первобытная, а въ свою очередь имѣла древнее языческое, кельтическое происхожденіе, но у кельтовъ, въ основѣ легенды, лежала мысль болѣе глубокая, болѣе человѣчная, чѣмъ борьба между плотской и духовной любовью, а именно сознаніе человѣка, что онъ призванъ на свѣтъ къ борьбѣ за человѣческіе интересы, а потому онъ, среди всѣхъ прелестей райскаго блаженства, ощущаетъ потребность въ борьбѣ, въ живой дѣятельности, въ трудѣ.

— Иоанна д'Аркъ и ея сподвижники. Культъ Орлеанской дѣвственницы, какъ высшаго олицетворенія во Франціи патріотизма, растетъ съ каж-

дымъ днемъ, и 8 мая настоящаго года въ парижскомъ учебномъ округѣ произойдетъ первый въ ея честь школьный праздникъ, программа котораго съ подробно изложенными инспекторомъ Парижской академіи, Евелиномъ, мотивами напечатана въ «Revue Bleue»¹⁾. Что же касается до книгъ и статей о національной французской героинѣ, то онѣ появляются чуть не каждый день. Въ послѣднее время особенно обращаетъ на себя вниманье статья въ первой мартовской книжкѣ «Revue des Deux Mondes» генерала Драгомирова подъ заглавіемъ «Боевые шаги Іоанны д'Аркъ» (24 февраля 1428—30 мая 1431)²⁾ и обширная монографія Генри Шапуа объ ея сподвижникахъ³⁾. Краткій очеркъ русскаго генерала представляетъ характеристику военныхъ дѣйствій Орлеанской дѣвы и хотя не сообщаетъ ничего новаго, но нѣкоторыя изъ его замѣчаній любопытны, особенно тѣ изъ нихъ, которыя касаются сверхъестественной стороны ея подвиговъ. По его словамъ, главными элементами ея благородной природы были пламенная вѣра и культъ чудснаго, благодаря вліянію на нее въ дѣтствѣ очень религіозной матери и кельтическихъ мѣновъ, сохранившихся тогда съ жизненной силой въ Лотарингіи. «Для лицъ, любящихъ объяснять необыкновенныя явленія естественными причинами, — замѣчаетъ авторъ, — этихъ указаній было бы достаточно для объясненія умственнаго и нравственнаго состоянія Іоанны, но если, дѣйствительно, этого достаточно, то много было бы Іоаннъ, такъ какъ условія ея жизни были тѣ же, которыя окружали всѣхъ ея современницъ. И, однако, извѣстна только одна Іоанна, съ которой не можетъ сравниться никто въ исторіи, и она представляется настолько сверхъестественнымъ существомъ, что еслибъ о ней не существовали достовѣрныя свѣдѣнія, въ особенности, протоколы Руанскаго процесса, то ее слѣдовало бы отнести къ числу мѣновъ. Нѣкоторые серьезные писатели, какъ Мишлэ, составляютъ себѣ о ней слишкомъ простое представленіе и стараются видѣть всю ея силу не въ ея энергіи и въ ея видѣніяхъ, а въ ея здоровомъ смыслѣ. По ихъ мнѣнію, здравый смыслъ внушилъ ей мысль попытать счастья съ войсками, вѣчно разбиваемыми, противъ побѣдоносной втеченіе столѣтія англійской арміи. Въ сущности, здравый смыслъ посоветывалъ бы ей скорѣе противоположное, именно, то, что онъ совѣтовалъ любимцамъ Карла VII и его опытнымъ полководцамъ даже послѣ того, какъ Іоанна обнаружила всему міру возможность побѣждать англичанъ. Умные люди всегда одни. Встрѣчая фактъ, не подходящий подъ скудный запасъ ихъ понятій о причинахъ явленій, они замалчиваютъ этотъ фактъ, или объясняютъ его такъ неудовлетворительно, что недостаточность объясненія сразу бросается въ глаза человѣку безъ предвзятыхъ мнѣній. Эти интелектуальные люди говорятъ что все на свѣтѣ естественно, но не все извѣстно, и что, наталкиваясь на непонятное можетъ быть невѣдомое до сихъ поръ, а, быть можетъ, и навсегда, лучше признать это явленіе непонятнымъ, чѣмъ стараться его ступешать или объяснить простыми, невѣроятными причинами. При этомъ,

1) Une Fête scolaire en l'honneur de Jeanne d'Arc, par M. Evelin. Revue Bleue. 5 fevrier.

2) Les etapes de Jeanne d'Arc (24 fevrier 1428—30 mai 1431), par le general Dragomirof.—Revue des Deux Mondes. 1 mars.

3) Les compagnons de Jeanne d'Arc, par Henri Chapois.—Paris. 1898.

ошибочность объясненія внутренней силы, одушевлявшей Іоанну, однимъ здравымъ смысломъ, тѣмъ непростительнѣе Мишлэ, что онъ самъ принадлежалъ къ расѣ вдохновенныхъ душъ. Къ тому же, какъ можно объяснить, не извращая истины, однимъ здравымъ смысломъ такіе факты, какъ утверждение Іоанной еще въ Вокулерѣ, что она сниметъ осаду Орлеана и поведетъ дофина въ Реймсъ для коронованія, какъ указанье ею въ толгѣ царедворцевъ дофина, предсказанье своей раны, дѣйствительно случившейся, спустя двѣ недѣли, или, наконецъ, чуда изъ чудесъ, командованія простой, молодой поселянкой арміей и одержанія побѣды, возглавляея?» Такимъ образомъ Драгомировъ склоняется въ пользу чудеснаго, сверхъестественнаго объясненія геройскихъ подвиговъ этой дочери народа, просто спасшей свою страну внушеніемъ ей энергіи и патріотизма, тогда какъ аристократы и военачальники, окружавшіе короля губили ее своими эгоистичными и корыстными интригами; даже онъ ставитъ подвиги Орлеанской дѣвы въ одну категорію явленій съ гипнотизмомъ, внушеніемъ, раздвоеніемъ личности и т. д. Переходя отъ этихъ болѣе чѣмъ странныхъ идей, особенно, когда онъ проповѣдуются боевымъ генераломъ, къ его характеристикѣ военнаго поприща Іоанны д'Аркъ, начавшагося ровно 470 лѣтъ тому назадъ и продолжавшагося только три года, до ея мученической смерти, мы видимъ, что особый восторгъ въ немъ возбуждаетъ ясное понятіе, которое она имѣла объ основахъ военнаго дѣла, заключающихся, по его словамъ, «въ томъ, что надо всегда идти прямо къ цѣли, что, ударивъ на врага, необходимо продолжать нападеніе до конца, не давъ врагу опомниться, что натискъ хорошъ въ началѣ дѣла, а потомъ обязательно упорство, что потеря времени иногда приводитъ къ потери сраженія». Когда ей не мѣшали и не связывали ей рукъ, замѣчаетъ онъ, то она совершала чудеса во главѣ арміи; такъ, въ пять дней она взяла два города приступомъ и одержала побѣду въ открытомъ бою, что было достойно самого Наполеона. Мимоходомъ Драгомировъ справедливо указываетъ, что «Іоанну д'Аркъ нельзя было обмануть насчетъ происходившаго въ душѣ народной массы и въ сердцѣ простолюдина», что, «какъ дочь народа, она одна понимала народныя чувства среди развращеннаго двора», и что, наконецъ, «народъ громко обвинялъ богачей-вельможъ и военачальниковъ въ предательствѣ святой дѣвы, защищавшей смиренныхъ и возстававшей противъ пороковъ сильныхъ міра сего». Къ сожалѣнію, эти мысли не развиты въ очеркѣ Драгомирова, а именно, въ народномъ элементѣ и кроется разгадка будто бы сверхъестественныхъ подвиговъ простой поселянки, которая спасла свою родину отъ чужеземнаго ига силой любви и подъема народнаго духа. Что касается до книги Шауа о сподвижникахъ Іоанны д'Аркъ, то она представляетъ много любопытныхъ свѣдѣній о лицахъ, окружавшихъ народную героиню, въ первые дни ея военнаго поприща, въ минуты торжества, и въ горькіе пять мѣсяцевъ ея мученичества. Передъ читателемъ проходятъ интересныя фигуры Ла-Гира, Ксантраля, герцога Алансонскаго, аббата Фронтэ, Ройэ, Пуланжи, Кузино, Іоана Д'Олина и двадцати другихъ скромныхъ дѣятелей, а чтобы рельефнѣе обрисовать ихъ, авторъ графически рисуетъ картины выхода арміи, съ Жавной д'Аркъ во главѣ, изъ Блуа, вступленія въ Орлеанъ, сраженія при Патэ и коронаціи Карла VII. При этомъ все, что рассказываетъ Шауа въ своемъ добросовѣст-

номъ трудъ, основано на подлинныхъ документахъ и достовѣрныхъ матеріалахъ, такъ что можно вполне положиться на вѣрность изображаемыхъ имъ сценъ сельской, городской и бивачной жизни, какъ фона, на которомъ ярко выдѣляются всѣ эпизоды геройской дѣятельности Орлеанской дѣвственницы и ея сподвижниковъ.

— Былъ ли Леонардъ Да-Винчи магомъ? Извѣстный французскій художественный критикъ, академикъ Еженъ Мюнцъ, посвящаетъ нѣсколько страницъ во второй мартовской книжкѣ «Revue des Revues»¹⁾ выясненію вопроса о томъ, занимался ли великій живописецъ окултизмомъ, какъ это увѣряютъ нѣкоторые ученые и романисты, между прочимъ, Симондсъ и Д'Анунціо. Какъ извѣстно, въ этомъ итальянскомъ Фаустѣ²⁾ соединялись художникъ и ученый, мало того, онъ любилъ общество мистиковъ, иллюминатовъ, астрологовъ, алхимиковъ и тому подобныхъ темныхъ личностей, но, какъ доказываетъ Мюнцъ, ни одинъ ученый его времени не возставалъ такъ рѣзко, какъ Да-Винчи, противъ всякой ложной науки. Какъ могъ онъ быть адептомъ окултизма и магіи, когда онъ прямо говорилъ: «многіе торгуютъ псевдо-чудесами и обманываютъ глупую толпу», или, «среди человѣческихъ заблужденій, нѣтъ глупѣе вѣры въ некромантію, сестру алхиміи». Наконецъ, задавшись вопросомъ, могутъ ли говорить духи, онъ отвѣчаетъ отрицательно и приводитъ въ доказательство своего мнѣнія аргументы, достойные современнаго ученаго. «Его магія, — замѣчаетъ Мюнцъ, — заключалась въ томъ, что онъ изслѣдовалъ глубже и смѣлѣе тайны природы, чѣмъ это дѣлали до него. Поэтому заявимъ во всеуслышаніе, что если любознательность влекла его къ окултизму, то удивительный здравый смыслъ постоянно удерживалъ его на краю; если онъ любилъ играть съ огнемъ, то умѣлъ во время отдернуть руку отъ огня, чтобы не обжечься». Его пламенная натура не довольствовалась искусствомъ и тогдашней наукой, а потому онъ старался похитить у природы ея тайны, но путемъ не магіи, а положительнаго, строго-научнаго анализа; онъ производилъ химическіе опыты, гналъ духи, очищалъ масла, составлялъ краски и лаки, приготовлялъ сложныя горючія вещества для фейерверковъ и т. д., но никогда не занимался хиромантіей, некромантіей, алхиміей и тому подобнымъ, хотя любилъ окружать себя таинственностью, писалъ всегда справа налево, рисовалъ всюду головы медузъ и оставилъ среди своихъ эскизовъ, хранящихся въ виндзорской библіотекѣ и ея Оксфордѣ, немало рисунковъ, изображающихъ сцены волшебства и кудесничества. Насколько Да-Винчи опередилъ въ этомъ отношеніи своихъ современниковъ, доказываетъ тотъ фактъ, что послѣ его смерти Карданъ, Парацельсъ и Компанелла были настоящими адептами окултизма и магіи, послѣдователями Пифагора и Аполлонія Тіянскаго, а также провозвѣстниками Сень-Жермена, Калиостро и новѣйшихъ маговъ конца нашего вѣка.

— Мазаньелло. Въ прошедшемъ году минуло 250 лѣтъ народному движенію въ Неаполѣ 1647 г., которое сдѣлало изъ простаго рыбака Мазаньелло втеченіе недѣли трибуна, короля, мученика и народнаго кумира. Но этотъ юбилей прошелъ незамѣченнымъ, и только недавно предсѣдатель общества

¹⁾ Leonard de-Vinci était il mage, par E. Müntz.—«Revue des Revues». 15 mars.

патріотической исторіи въ Неаполѣ, В. Капассо, помѣстилъ въ «Историческомъ архивѣ неаполитанской провинціи» замѣчательное изслѣдованіе о своемъ знаменитомъ соотечественникѣ, по новымъ и невѣдомымъ доселѣ рукописнымъ воспоминаніямъ современниковъ: Делла-Порте, Делла-Манека, Кампаниле, Малини, Себастьяно и пр., хранившимся въ частныхъ архивахъ, а также по очень рѣдкимъ теперь книгамъ: Липонари, Делла-Горе, Вираго, Бураньи и т. д. ¹⁾ Этотъ важный историческій трудъ снабженъ драгоценными, никогда еще не напечатанными портретами Мазаньелло, XVII столѣтія, находящимися въ бібліотекѣ Болоньскаго университета, въ національномъ неаполитанскомъ музее, и въ коллекціяхъ кн. Гаспильязи, герцога Мартина и т. д. Такимъ образомъ, благодаря стараніямъ Капассо, можно вполне возстановить правду о благородномъ народномъ героѣ, память котораго испанское правительство въ Неаполѣ, послѣ его мученической смерти, всячески старалось очернить, уничтожая всѣ документы, касавшіяся его девятидневнаго господства, и создавая, на основаніи подложныхъ данныхъ, легенду о томъ, что онъ былъ бичемъ Божьимъ, возбуждающимъ только ужасъ и проклятiя. По слѣдамъ официальныхъ фальсификаторовъ исторіи пошло большинство историковъ, которые, вѣря этой легендѣ, рассказываютъ до сихъ поръ, что Мазаньелло былъ вредный честолюбецъ и демагогъ, захватившій обманомъ власть и предавшій Неаполь грабежу и кровопролитію, пока порядокъ не былъ возстановленъ, и онъ не получилъ заслуженной кары. Даже тѣ, которые относятся къ нему наиболѣе сочувственно, представляютъ его преступнымъ маттоидомъ, который въ припадкахъ сумасшествія совершалъ такіе ужасы, что пришлось искать средства къ спасенію отъ него въ тѣхъ мѣрахъ, къ которымъ прибѣгаютъ, чтобъ отдѣлаться отъ бѣшенныхъ собакъ. Теперь оказывается напротивъ, что никогда не было болѣе достойной уваженія жертвы, искупившей мученичествомъ свою любовь къ народной свободѣ, какъ этотъ рыбакъ изъ Амальфи, котораго Капассо справедливо называетъ неаполитанскимъ Гракхомъ. Такъ какъ его неожиданное возвышеніе, торжество и паденіе, заняли всего девять дней, то и рассказъ о нихъ очень кратокъ и несложенъ. Въ 1647 году Неаполь, находившійся подъ властью испанскихъ вице-королей, можно было сравнить съ боченкомъ пороха, къ которому все болѣе и болѣе приближалась искра, отъ которой онъ долженъ былъ вспыхнуть. Послѣ цѣлаго ряда тирановъ, вице-королемъ былъ слабохарактерный герцогъ Аркосъ, который возстановилъ противъ своего двоюдушія и налагаемыхъ имъ тяжелыхъ налоговъ пламенное населеніе Неаполя, ожидавшее только предлога къ возстанію. 7 іюля, этотъ предлогъ нашелся въ маловажномъ столкновеніи одного поселянина съ испанскимъ сборщикомъ податей, за его отказъ уплатить требуемую пошлину; его схватили и хотѣли увести въ тюрьму, но толпа заступилась, произошла свалка, принявшая серьезный характеръ. Во главѣ народа всталъ очень популярный въ городѣ рыбакъ, Томасо Аньелло, имя котораго было сокращено въ Мазаньелло. Онъ былъ родомъ изъ Амальфи, имѣя не болѣе 25 лѣтъ, торговалъ

¹⁾ Masaniello, di B. Capasso — Archivio storico per la province napoletane; anno XXII. fascicolo I.

рыбой и перенеся много преслѣдованій испанскихъ властей, постоянно проповѣдывалъ сопротивленіе правительственнымъ злоупотребленіямъ. Принявъ предводительство надъ толпой, Мазаньелло повелъ ее ко дворцу герцога Аркоса при крикахъ: «да здравствуетъ король! Долой дурное правительство!» Такимъ образомъ, народное возстаніе съ самаго начала было не мятежемъ противъ королевской власти, а движеніемъ противъ несправедливыхъ администраторовъ, злоупотреблявшихъ данными имъ королемъ уполномочіями. Этотъ характеръ народныхъ демонстрацій ясно указанъ самимъ Мазаньелло во всѣхъ его рѣчахъ, а если они приняты буйный характеръ, то это зависѣло отъ неаполитанскаго нрава, но въ основѣ ихъ лежало требованіе законнаго уничтоженія злоупотребленій. Вице-король сначала прибѣгъ къ силѣ и заперся въ Castello Nuovo, но толпа осадила эту твердыню, и ему пришлось пойти на сдѣлки. Онъ вступилъ въ переговоры съ Мазаньелло, и, по требованію послѣдняго, былъ отмѣненъ налогъ на хлѣбъ, и объявлена общая амнистія всѣмъ политическимъ узникамъ. Мазаньелло, провозглашенный *capo del popolo*, царилъ семь дней въ Неаполѣ и всячески старался поддержать порядокъ, не дозволяя грабежа частнаго имущества, и если производились нѣкоторыя буйства, то въ этомъ виноваты были не сторонники Мазаньелло, а воры и мошенники, немѣвшіе ничего общаго съ народнымъ движеніемъ. Этотъ фактъ былъ засвидѣтельствованъ самимъ вице-королемъ, который былъ пораженъ честностью рыбака, отвѣтвшаго на его предложеніе отъ имени короля крупной пенсіи за усмиреніе возстанія: «Нѣтъ другой власти, какъ власть народа; я отвергаю вашу подкупу, какъ недостойную измѣну интересамъ народа». Видя, что Мазаньелло пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе могущество, вооружаетъ своихъ приверженцевъ, отмѣняетъ несправедливые налоги, освобождаетъ незаконно заключенныхъ гражданъ, издаетъ таксу на хлѣбъ, понижая его цѣнность, и вообще распоряжается въ городѣ въ пользу народа, но именемъ короля, портретъ котораго онъ велитъ носить по городу съ криками: «да здравствуетъ король», герцогъ Аркосъ прибѣгаетъ къ вѣроломству. Прежде всего онъ подкупаетъ наемныхъ убійцъ, чтобъ зарѣзать Мазаньелло, а когда это не удается, и народъ, растерзавъ убійцъ, приходитъ въ ярость, то онъ съ помощью также подкупленнаго имъ друга Мазаньелло, Джуліо Дженовино, устраиваетъ народному трибуну западню. Онъ приглашаетъ его во дворецъ для переговоровъ объ исполненіи народной воли, и довѣрчивый Мазаньелло, собравъ толпу, объявляетъ ей, что отправится къ вице-королю для доставленія торжества народнымъ требованіямъ, а совершивъ это великое дѣло, сдѣлается по прежнему рыбакомъ. Народъ рукоплещетъ и провожаетъ своего вождя ко дворцу; герцогъ Аркосъ торжественно принимаетъ его и послѣ непродолжительныхъ переговоровъ соглашается на все, чего требуетъ народный трибунъ, который, выйдя на балконъ, объявляетъ объ этомъ толпѣ и, въ виду удовлетворенія правительствомъ всѣхъ народныхъ желаній, проситъ разойтись и сложить оружіе. Ему безпрекословно повинуются, а вице-король, въ доказательство полнаго примиренія правительства съ народомъ, даетъ въ честь трибуна блестящій банкетъ, на который приглашаетъ и его жену. Но во время пиршества бѣдному рыбаку подносятъ кубокъ отравленнаго вина и, выпивъ

его, Мазаньелло мгновенно измѣняется. Имъ овладѣваетъ безумная ярость, онъ выбѣгаетъ изъ дворца, бьетъ кого ни попадо, собираетъ на площади толпу, кричитъ, неистовствуетъ, чинитъ судъ и расправу, наконецъ, скрывается въ сосѣднемъ монастырѣ. Между тѣмъ, вице-король съ помощью Дженовино распространяетъ въ народѣ клевету, что ихъ вождь проданъ правительству, собираетъ поддонки черни и посылаетъ въ монастырь подкупленныхъ убійцъ. Вѣрные Мазаньелло, лаццарони толпой устремляются туда, но уже поздно, бѣдный трибунъ обезглавленъ, и разъяренная чернь, которую, по справедливому замѣчанію Капассо, не слѣдуетъ смѣшивать съ народомъ, волочитъ его тѣло по улицамъ. Вице-король торжествуетъ; тяжелыя налоги восстановлены, цѣна на хлѣбъ возвышена, и прежнія злоупотребленія царятъ съ новой силой. Но неаполитанскій народъ на слѣдующій день устраиваетъ королевскія похороны своему мученическому вождю и заставляетъ принять въ нихъ участіе самого герцога Аркоса съ испанской арміей и многочисленнымъ духовенствомъ.

— Окончательное разрѣшеніе вопроса о Желѣзной Маскѣ. Французъ Функъ-Брентано, разбирая архивъ Бастиліи, нашелъ въ спискахъ заключенныхъ новыя свѣдѣнія, которыя подтверждаютъ уже прежде высказанную имъ теорію, что пресловутой Желѣзной Маской былъ не братъ Людовика XIV, какъ увѣряли многіе, на основаніи легенды, а графъ Матиоли, секретарь герцога мантуанскаго, схваченный по приказанію Людовика XIV на итальянской территоріи за его предательство во время переговоровъ относительно пріобрѣтенія Франціей Казалия. Въ своей послѣдней статьѣ, помѣщенной въ *Revue Bleue*¹⁾, ученый изслѣдователь говоритъ, что со времени напечатанія имъ своей теоріи въ *Revue Historique*, не появилось ни одного опроверженія, и всѣ критики единогласно признали, что вопросъ о Желѣзной Маскѣ окончательно разрѣшенъ. Если могла оставаться еще тѣнь сомнѣнія, основанная на томъ, что если Желѣзной Маской былъ Матиоли, то къ чему французское правительство столь таинственно обставляло заключеніе такого незначительнаго человѣка. Но теперь обнародованные документы вполне выясняютъ и этотъ второстепенный вопросъ. Оказывается, что эта таинственность обращенія съ Желѣзной Маской также легендарна, какъ и всѣ остальные о немъ рассказы. Въ спискѣ узниковъ, который велся комендантомъ Бастиліи, по имени Дю-Юнка, имѣется запись отъ 30-го апрѣля 1701 года, въ которой говорится о томъ, что Моранвиль, заключенный въ Бастилію за преступныя рѣчи, былъ посаженъ во вторую комнату Бретодьерской башни, гдѣ уже сидѣли старый узникъ и бывший слуга, Доминикъ Тюльмонъ, попавшій въ Бастилію за противурелигиозныя занятія магіей. Какъ уже извѣстно изъ прежде напечатанныхъ достовѣрныхъ документовъ, старымъ узникомъ назывался, именно, тотъ человѣкъ, который знаменитъ подъ названіемъ Желѣзной Маски. Такимъ образомъ личность, которая была окружена, по словамъ легенды, такой таинственностью, и которой даже интересовались короли: Людовикъ XV и Людовикъ XVI, обращала на себя такъ мало вниманія коменданта, что онъ сажалъ этого человѣка въ одну комнату съ

¹⁾ Nouveaux documents sur la Bastille: Le masque de fer. Par F. Funck-Brentano. *Revue Bleue*, 26 mars 1898.

уличнымъ сплетникомъ и лакеемъ. Если прибавить это новое свѣдѣніе къ тѣмъ документамъ, которые прежде нашель Функъ-Брентано, а въ особенности, къ акту объ его смерти, гдѣ Желѣзная Маска прямо названа графомъ Матиоли, то нельзя не согласиться съ почтеннымъ ученымъ, что врядъ ли найдется какое нибудь основаніе признавать серьезными легенды объ этой таинственной исторической личности, и однако въ концѣ своей статьи Функъ-Брентано указываетъ, что въ настоящемъ году появилась книга, въ двухъ томахъ, председателя Бордоской академіи, Анатолія Локена, подъ заглавіемъ: «Мольеръ въ Бордо», въ которой авторъ серьезно доказываетъ, что Желѣзной Маской былъ не кто иной, какъ Мольеръ.

— Воспоминанія герцогини Деказъ о княгинѣ Д. Х. Ливенъ. Очень любопытнымъ добавленіемъ къ напечатанному въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» біографическому очерку княгини Д. Х. Ливенъ служатъ отрывки изъ мемуаровъ герцогини Деказъ, помѣщенные въ парижской газетѣ «Temps»¹⁾ Эрнестомъ Додэ. Эти мемуары и вообще всѣ бумаги, принадлежавшія герцогу Деказу, любимому министру Людовика XVIII и его женѣ, переданы ихъ внукомъ автору этой статьи, и онъ, на основаніи этихъ драгоценныхъ документовъ, составляетъ обширную монографію объ эпохѣ реставраціи; но, до появленія этого труда, онъ, время отъ времени, помѣщаетъ въ газетахъ любопытные отрывки изъ находящихся въ его рукахъ матеріаловъ. Воспоминанія герцогини Деказъ о княгинѣ Ливенъ относятся къ двумъ эпохамъ въ жизни послѣдней, именно, къ ея пребыванію въ Лондонѣ съ мужемъ, русскимъ посланникомъ, и ея долговременному проживанію въ Парижѣ. «Вотъ уже тридцать шесть лѣтъ,—писала въ 1857 году герцогиня,—какъ я знала только-что умершую княгиню Ливенъ. Когда я прибыла въ Англію со своимъ мужемъ, французскимъ посланникомъ, то она уже находилась тамъ десять лѣтъ, въ томъ же качествѣ посланницы. Она мнѣ казалась старухой, потому что мнѣ было семнадцать лѣтъ, а въ сущности ей было только тридцать шесть. Невысокаго роста, она казалась очень рослой, благодаря тому, что всегда держалась очень прямо. Ея маленькая голова на длинной шеѣ, тонкій носъ, большой ротъ, короткій подбородокъ и прекрасные русые волосы дѣлали ее похожей на нѣкоторыхъ аристократическихъ героинь Бальзака, а по своему холодному достоинству и гордой граціи, она напоминала великосвѣтскихъ героинь фронды». Отъ физическаго портрета княгини, герцогиня Деказъ переходитъ къ нравственному: «ея умъ отличался снисходительностью и любезностью, такъ что она всегда умѣла выставить умственные способности другихъ лицъ. Я слыхала не разъ, что многіе сомнѣвались въ ея умѣ, но это не справедливо, и хотя ея умъ не отличался оригинальностью, но она обладала въ высшей степени способностью ассимилировать себѣ чужой умъ, поэтому, когда Губнеръ въ 1854 году доказывалъ, что она не умна, потому что не поняла восточнаго вопроса; то онъ самъ ошибался, и заблужденіе княгини Ливенъ происходило не отъ недостаточности ея ума, а потому, что она смотрѣла на австрійскую политику глазами Метерниха. Точно также и ея доброта была относительная, т.е.

¹⁾ La princesse de Liven, par E. Daudet. «Temps» 10—20 Janvier 1898.

просто она не была зла. Но главное ея достоинство заключалось въ сильно развитомъ чувствѣ дружбы, хотя, сама преданная друзьямъ, она требовала отъ нихъ преданности. Княгиня Ливенъ была переполнена предрассудками, но скорѣе неаристократическими, а буржуазными, такъ какъ ей все равно было, какого происхожденія были ея друзья, только бы они имѣли крупное положеніе въ свѣтѣ. Она всегда сохраняла серьезный тонъ и рѣдко улыбалась, но я никогда не слыхала ея смѣха. Въ гостинныхъ, пока другіе шутили и хохотали, она вполголоса разговаривала съ излюбленными лицами и вообще предпочитала бесѣды вдвоемъ общему разговору. Въ ея собственномъ салонѣ, въ Лондонѣ и Парижѣ, политическія разсужденія служили единственнымъ развлеченіемъ. Изъ дальнѣйшихъ воспоминаній герцогини Деказъ видно, что княгиня Ливенъ вела въ Лондонѣ очень дѣятельную жизнь, такъ какъ, въ сущности, она исполняла обязанности посла, не отличавшагося большими умственными способностями. Кромѣ того, она очень часто руководила и другимъ посольствомъ, именно, австрійскимъ, гдѣ его глава, князь Эстергази, занимался только свѣтскими интрижками, а Метернихъ, по старой дружбѣ къ княгинѣ Ливенъ, прямо велъ дѣла съ ней. Такимъ образомъ она постоянно переписывалась не только съ Петербургомъ, но и съ Вѣной, а въ числѣ ея петербургскихъ корреспондентовъ находилась императрица, которой она сообщала по нѣскольку разъ въ недѣлю лондонскія новости, извѣстія о модахъ, свѣтскіе скандалы и т. д. Естественно, что имѣя такого мужа и находясь въ самой блестящей свѣтской средѣ, княгиня Ливенъ, по замѣчанію Додэ, пользовалась репутаціей легкомысленной женщины, и ей приписывали близкія отношенія къ нѣкоторымъ изъ виднѣйшихъ европейскихъ дипломатовъ, именно, съ Метернихомъ, которому она безусловно вскружила голову на Вѣнскомъ конгрессѣ, съ лордами Абердиномъ и Пальмерстономъ, наконецъ, съ Гизо, относительно котораго она многіе годы исполняла преданную роль Эгеріи. Этимъ отношеніямъ къ Гизо посвящена наибольшая часть статьи Додэ, и хотя онъ приводитъ мало отрывковъ изъ мемуаровъ герцогини Деказъ о парижской жизни княгини Ливенъ, но очевидно, что онъ изъ нихъ почерпаетъ свои свѣдѣнія. Какъ извѣстно, Гизо впервые увидалъ своего будущаго друга у герцога Брольи, въ 1837 году. Несмотря на то, что ей было тогда пятьдесятъ три года, но, по его собственнымъ словамъ, онъ былъ сначала пораженъ ея умомъ и гордымъ достоинствомъ, а потомъ красотою. Ему самому было тогда пятьдесятъ лѣтъ, и онъ недавно потерялъ свою вторую жену, а потому легко подпалъ подъ влияніе княгини Ливенъ. Съ перваго дня ихъ знакомства и до смерти княгини, они не разставались. Она для него жила въ Парижѣ, для него переехала въ Лондонъ, когда онъ былъ назначенъ туда посломъ, и для него провела свои остальные дни во Франціи, во время его могущества и въ печальную для него эпоху февральской революціи и декабрьской имперіи. Если же она не вышла за него замужъ, то въ этомъ она сама была виновата, а не онъ, такъ какъ Гизо предложилъ ей обвѣнчаться, но она поставила непремѣннымъ условіемъ сохранить свой княжескій титулъ, на что, конечно, онъ не согласился. Это обстоятельство не помѣшало ихъ тѣсной дружбѣ, и хотя они жили розно, но Гизо посѣщалъ княгиню Ливенъ ежедневно, по два раза, причемъ, во время дневного его визита, посто-

роннія лица всегда ступшевывались. Хотя княгиня Ливень въ эту эпоху своей жизни не имѣла официальнаго положенія, но она сохранила свой дипломатическій престижъ, собирала въ своемъ салонѣ всѣхъ дипломатовъ и продолжала переписываться съ императоромъ Николаемъ и Метернихомъ. Несмотря на то, что она умерла въ 1857 году, на шестьдесятъ девятомъ году жизни, она до послѣдняго дня сохранила свой рѣдкій умъ, занималась политикой и въ отношеніи Гизо обнаруживала юношескій пылъ. За нѣсколько минутъ до смерти она написала ему: «благодарю за двадцать лѣтъ привязанности и счастья. Прощай! Прощай! Доротея Ливень». Въ постскриптѣ она прибавила: «не откажите принять на память мою карету».

— Новая біографія Гладстона. Хотя о великомъ старикѣ писано немало, и существуетъ нѣсколько хорошихъ и подробныхъ его біографій, но вышедшій только что трудъ ирландскаго депутата и англійскаго романиста, Джюстина Маккарти, подъ заглавіемъ «Исторія жизни Гладстона», является далеко нелишнимъ, такъ какъ въ немъ отражается, такъ сказать, взглядъ англійской палаты общинъ на одного изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ членовъ, съ самаго основанія парламента до настоящей минуты¹⁾. Конечно, новый біографъ не рисуетъ только картины парламентской дѣятельности своего героя, но она служитъ центромъ его разсказа, а никто изъ современныхъ писателей не знаетъ такъ хорошо Гладстона въ качествѣ парламентскаго бойца, какъ этотъ литераторъ-депутатъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ на парламентской скамьѣ въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Большею частію онъ дѣйствовалъ съ нимъ заодно, поддерживая великія реформы народнаго Вильяма, а потому естественно онъ отзывался о немъ съ глубокимъ сочувствіемъ. По словамъ Маккарти, лучшей характеристикой Гладстона служатъ слова Брайта, что онъ всегда стремился къ свѣту. Дѣйствительно, этотъ первый государственный человѣкъ нашего времени всегда учился, всегда развивался, всегда измѣнялъ свои мнѣнія, когда къ тому являлся уважительный поводъ. «Умъ Гладстона, по словамъ Маккарти, всегда жаждалъ правды, но для измѣненія своихъ убѣжденій всегда требовалъ вѣскіе аргументы. Конечно, онъ иногда ошибался, но всегда руководствовался самыми чистыми, самыми возвышенными чувствами. Никакой человѣческій интересъ не былъ ему чуждъ, и какъ крупное, такъ и мелкое зло одинаково возбуждали въ немъ желаніе устранить это зло. Я сталкивался почти со всѣми современниками Гладстона, какъ его друзьями, такъ и врагами, но никогда не слышалъ ни отъ кого даже намека на какойнибудь серьезный недостатокъ его характера, или на недостойный мотивъ того, или другого поступка въ его общественной, или частной жизни. Прозвище, данное ему неизвѣстно кѣмъ и когда, останется за нимъ на вѣчныя времена, и доколѣ исторія царствованія Викторіи сохранится въ памяти человѣчества, онъ будетъ извѣстенъ какъ великій старикъ». Эта симпатичная, справедливая и прекрасно написанная біографія Гладстона появляется какъ нельзя болѣе кстати въ печальные дни, когда вся Англія, а за нею весь свѣтъ, слѣдитъ съ глубокимъ сожалѣніемъ и неподдѣльнымъ сочувствіемъ за медленной агоніей великаго старика.

¹⁾ The story of Gladstone's Life. By J. Macarthy. London. 1898.

«ИСТОП. ВѢСТН.», апрѣль, 1898 г., т. LXXII.

— Портной-радикалъ. На дняхъ вышла въ Лондонѣ обширная біографія замѣчательной, хотя совершенно невѣдомой личности, Франсиса Плэса, который, по словамъ Роберта Овена, былъ «настоящимъ вожакомъ партіи виговъ» въ первой половинѣ XIX столѣтія. Эта любопытная книга написана Грэмомъ Воллесомъ и составляетъ первый литературный опытъ этого передового муниципальнаго администратора и ревностнаго изслѣдователя социальныхъ и экономическихъ вопросовъ¹⁾. Если можно въ чемъ упрекнуть автора, то въ излишнихъ подробностяхъ и длиннотахъ, которыя, впрочемъ, очень понятны, такъ какъ онъ имѣлъ дѣло съ громаднымъ рукописнымъ матеріаломъ, состоящимъ изъ семидесяти томовъ автобіографіи Плэса, его переписки, записныхъ книгъ, вырѣзокъ изъ газетъ и т. д. Но благодаря этому недостатку въ литературномъ отношеніи, увеличилась историческая цѣнность труда Воллеса, который въ его теперешнемъ видѣ представляется не только біографіей его героя, но и картиной его времени, въ которой рельефно выступаетъ вся подноготная радикальнаго движенія въ Англіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Юность Плэса, по словамъ Воллеса, могла бы послужить достойнымъ предметомъ для пера Смайльса, такъ какъ онъ является героемъ самопомощи. Онъ выросъ въ одной изъ лондонскихъ трущобъ, среди всякаго рода разврата и преступленій; обучившись портняжному ремеслу, онъ долго велъ полубродяжную жизнь поденщика и большую часть своего времени проводилъ въ уличныхъ играхъ, дракахъ, попойкахъ и греблѣ на восьмивесельномъ катерѣ, изъ другихъ гребцовъ котораго одного повѣсили за убійство, а другого посадили въ тюрьму за воровство. Наконецъ, онъ женился и сталъ вести скромную, степенную и трезвую жизнь, такъ что онъ и его жена заслужили въ околоткѣ прозвища «джентельмена и лэди». Открытая имъ маленькая мастерская пошла хорошо, и черезъ нѣсколько времени онъ завелъ большой магазинъ на Черингъ-Кроссѣ, въ которомъ и нажилъ себѣ состояніе. Впрочемъ, ремесло портного было для него только средствомъ къ жизни, и онъ самъ часто говаривалъ, что «человѣкъ, желающій быть хорошимъ портнымъ, долженъ или быть философомъ, или низкопоклоннымъ рабомъ». Онъ избралъ первое и даже пошелъ еще далѣе, такъ какъ, въ сущности, проводилъ свою жизнь ни въ мастерской, ни въ магазинѣ, а въ маленькой внутренней комнатѣ, куда допускались только друзья. Онъ съ юности отличался жаждой къ чтенію, а когда состояніе ему позволило, то онъ собралъ себѣ порядочную бібліотеку, преимущественно, по политическимъ и экономическимъ предметамъ. Мало-по-малу его магазинъ сдѣлался центромъ радикальнаго движенія въ Лондонѣ, а онъ самъ его вожакомъ, благодаря своимъ замѣчательнымъ организаторскимъ способностямъ. Къ этому портному радикалу часто обращались за совѣтомъ такіе люди, какъ сэръ Франсисъ Бурдетъ, а съ 1808 году онъ вступилъ въ кружокъ Бентама. Объ этомъ кружкѣ сохранились любопытныя письма Плэса. Такъ, посѣтивъ Фордское аббатство, гдѣ въ то время жилъ Бентамъ вмѣстѣ съ Джемсомъ Миллемъ, онъ описалъ знаменитое воспитаніе будущаго великаго мыслителя Джона Стюарта Милля. «Педагогическій методъ Джемса Милля, — говоритъ онъ, — лучший изъ всѣхъ ме-

¹⁾ The life of Francis Place, 1771 — 1854, by Graham Wollas.—London. 1898.

тодовъ, видѣнныхъ мною, но онъ очень строгъ. Ни одна ошибка, какъ бы она не была маловажна, не ускользнетъ отъ его вниманія и тотчасъ исправляется, и карается тѣмъ или другимъ путемъ. Такъ, сегодня утромъ, Вилли и Клара не знали одного слова въ своемъ урокъ, и ихъ оставили вмѣстѣ съ ихъ репетиторомъ Джономъ безъ обѣда и за книгами до 6 часовъ, тогда какъ мы отобѣдали въ часъ. Конечно, я не могъ бы обнаруживать такой строгости, но эти дѣти такъ учены и такъ здраво разсуждаютъ, какъ никто на свѣтѣ въ ихъ года. Джонъ просто чудесное, необыкновенное явленіе; когда онъ прибавитъ къ своему знанію языковъ, логики, математики и философіи знакомство съ жизнью и людьми, то онъ сдѣлается удивительнымъ человѣкомъ, но, вѣроятно, онъ будетъ отличаться меланхоліей и эгоизмомъ. Я, на сколько могу, стараюсь побороть въ немъ эти склонности». Подъ вліяніемъ Бентама, Плэсъ, принялъ участіе въ литературной пропагандѣ утилитаріанизма, но безъ большого успѣха, такъ какъ его статьи писаны невозможнотяжелымъ языкомъ. Но его дѣятельность, какъ тайнаго руководителя лондонскимъ радикализмомъ, была очень успѣшна. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ открытіи народныхъ школъ, въ неомальгусовскомъ движеніи, въ агитаціи въ пользу избирательной реформы, приведшей къ парламентскому биллю 1830 года, и написалъ «Народную Хартію», положившую начало чартизма. Онъ рѣдко появлялся на публичныхъ митингахъ, но передовые радикалы того времени всегда прибѣгали къ его совѣту, и хотя Плэсъ не славился ни какъ мыслитель, ни какъ ораторъ, но онъ имѣлъ больше вліянія на своихъ современниковъ, чѣмъ люди гораздо его талантливые.

— Столѣтній юбилей «*Algemeine Zeitung*». Одна изъ самыхъ распространенныхъ газетъ въ Германіи, «*Algemeine Zeitung*», надняхъ вступила во второй вѣкъ своего существованія, и по этому случаю Е. Гейкъ написалъ очеркъ ея столѣтней дѣятельности¹⁾. Исторія этой газеты очень любопытна, такъ какъ она служитъ отраженіемъ исторіи всей интеллектуальной Германіи, которая начала этотъ вѣкъ съ Шиллера и Гете, съ горячаго сочувствія къ французской революціи, а окончила его Бисмаркомъ и милитаризмомъ. Подобное же превращеніе пережила «*Algemeine Zeitung*», основанная въ 1798 году извѣстнымъ издателемъ Коттой, который хотѣлъ поставить во главѣ своей редакціи Гете и Шиллера, съ цѣлью проповѣдывать гуманныя идеи, навѣяныя революціей. Но Гете прямо отказался отъ всякаго сотрудничества, а Шиллеръ хотя обѣщалъ много, но далъ этой газетѣ только пять строкъ о томъ, что король шведскій пожаловалъ ему брилліантовый перстень. Разочарованный издатель обратился къ помощи Поссельта, умнаго и ученаго юриста изъ Бадена, который съ успѣхомъ руководилъ «*Algemeine Zeitung*» въ продолженіе многихъ лѣтъ. Хотя онъ жилъ въ Тюбингенѣ, гдѣ и начала издаваться эта газета, но онъ душой виталъ въ древнемъ Римѣ и въ революціонной Франціи, о которой всегда отзывался съ самымъ горячимъ энтузіазмомъ. Его либеральное направленіе вполне соответствовало настроенію общественнаго мнѣнія въ тогдашней Германіи, и предпріятіе Котты вскорѣ достигло значительнаго успѣха. Съ теченіемъ времени, газета переходила постепенно изъ

¹⁾ «*Die Algemeine Zeitung*», von E. Heyck. München, 1898.

Тюбингена въ Штутгардѣ, Ульмѣ, Аугсбургѣ и, наконецъ, въ Мюнхенѣ, гдѣ она и выходитъ въ настоящее время; но втеченіе этого вѣкового существованія, она оставалась и остаеся въ рукахъ фирмы Котта. Двумя характеристичными чертами «*Algemeine Zeitung*» всегда были ея замѣчательныя литературныя прибавленія, которыя даютъ обстоятельное понятіе объ интеллектуальномъ движеніи въ Германіи, и заграничныя корреспонденціи, особенно, парижскія, которыя велись Тьеромъ, Луи-Бонапартомъ (будущимъ Наполеономъ III) и Генрихомъ Гейне. Письма послѣдняго въ тридцатыхъ годахъ составляли приманку для всѣхъ передовыхъ умовъ, но отпугивали старыхъ подписчиковъ, которые грозили прекратить подписку, если будутъ продолжаться скандальныя статьи, въ которыхъ процвѣдалось, что Наполеонъ палъ подъ ударами коалиціи европейской глупости, что французскій народъ—избранный, что Парижъ—новый Иерусалимъ и т. д. Но если эти старые подписчики дожили бы до эпохи Бисмарка, то какъ ихъ сердца должны были бы пріятно биться, видя, что ихъ излюбленная газета сдѣлалась рьянымъ защитникомъ милитаризма и бисмарковского единства Германіи, причемъ Бисмаркъ и Мольтке не разъ удостоивали ее своимъ сотрудничествомъ.

— Пятидесятилѣтіе перваго германскаго парламента. 18 мая 1848 года, былъ открытъ въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ протестантской церкви св. Павла, первый германскій парламентъ, и по случаю наступающей полулѣтней годовщины этого историческаго событія, одинъ изъ немногихъ его свидѣтелей, оставшихся въ живыхъ, Карлъ Бидерманъ, помѣстилъ въ январской и февральской книжкахъ «*Nord und Sud*» свои интересныя личныя воспоминанія¹⁾. Дѣйствительно, онъ былъ однимъ изъ учредителей извѣстной партіи «*Erbkaiser*», состоявшей, преимущественно, изъ молодыхъ людей, хотя ихъ вожакомъ былъ семидесяти-восьми-лѣтній патріотическій поэтъ Арндтъ, и изъ членовъ которой теперь на лицо только 8 человекъ, въ томъ числѣ докторъ Симсонъ, предсѣдатель франкфуртскаго парламента, а потомъ рейхсрата. Не успѣла вспыхнуть революція 1848 года въ Парижѣ, какъ ея отголоски проявились въ Германіи. 27 марта состоялось большое народное собраніе въ Оффенбургѣ, въ Баденѣ, на которомъ заявлено было требованіе о новой конституціи, свободѣ печати и другихъ либеральныхъ реформахъ. Движеніе быстро распространилось, но нигдѣ не произошло ни одного столкновенія между народомъ и войсками, за исключеніемъ Берлина; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно нисколько не походило на революціи въ Англіи и Франціи въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ, а было просто протестомъ противъ правительственныхъ злоупотребленій, не отличалось республиканскимъ характеромъ и просто имѣло цѣлью придать строго конституціонный характеръ существовавшимъ монархіямъ. Еще въ началѣ сороковыхъ годовъ образовалась умѣренная либеральная партія, стремившаяся къ объединенію Германіи; въ числѣ ея видныхъ членовъ были Дальманъ, братья Булеры и Генрихъ фонъ Гагернъ, а ихъ органомъ была газета «*Deutsche Zeitung*», издававшаяся Гервинусомъ и Гейзеромъ. Но только въ 1847 г. эта партія создала первое публич-

¹⁾ Der erste deutsche parlament, von K. Biedermann. Nord und Süd.—Januar und februar.

ное собраніе въ Геппенгеймѣ для обсужденія тогдашняго положенія родины. Второе собраніе произошло 5 марта слѣдующаго года въ Гейдельбергѣ, на которомъ была выработана программа необходимыхъ коренныхъ реформъ. Затѣмъ, и состоялось собраніе представителей Германіи въ Франкфуртѣ. Это такъ называемый *Vorparlament* или предварительный парламентъ, а настоящій конституціонный съѣздъ, или національное собраніе созвано было въ томъ же городѣ 18 мая. На бумагѣ этотъ первый германскій парламентъ состоялъ изъ 649 представителей (по одному на 70.000 жителей), но въ нихъ дѣйствительно засѣдало отъ 500 до 600 депутатовъ. Въ голосованіи формы правленія даже участвовало только 474 члена, изъ которыхъ 277 подало за конституціонную монархію, 107 за монархію на широкой демократической основѣ и 90 за республику. Подробно разсказавъ дѣятельность франкфуртскаго парламента въ 1848 г., Карль Бидерманъ продолжаетъ его исторію и въ слѣдующемъ году, характеризуя пересмотръ конституціи 27 марта 1849 г. и рельефно изображая голосованіе въ пользу наследственной Германской имперіи, въ пользу которой высказалось незначительное большинство въ 4 голоса.

— Новооткрытыя сокровища Ватиканской библіотеки. По сообщенію польскихъ газетъ, проф. Львовскаго университета д-ръ Владиславъ Абрагамъ (*Abraham*) открылъ въ пыли Ватиканскаго архива цѣлый рядъ интересныхъ документовъ по средневѣковой исторіи Польши, оставшихся доселѣ неизвѣстными. Среди находокъ этого ученаго особый интересъ представляютъ слѣдующія: актъ тяжбы между гнѣзненской архіепископіей и кафедрой краковскаго епископа, бросающій новый свѣтъ на эпоху Владислава Локетка, большое количество документовъ, касающихся краковскаго университета, переписка объ организаціи римской церкви на Руси, причѣмъ особеннаго вниманія заслуживаетъ актъ номинаціи перваго епископа холмскаго діоцеза (1358 г.), источники для біографіи знаменитаго польскаго хрониста, очевидца событій XIV в., Яна Чарнковскаго и т. д. Новооткрытыя документы будутъ изданы краковскою академіей наукъ особой книгой, которая явится превосходнымъ дополненіемъ къ извѣстному изданію польскихъ актовъ Тейнера (*Theiner, Vetera monumenta Poloniae Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia, Roma, 1860*). Пока же академія рѣшила обнародовать важнѣйшіе документы въ своихъ ученыхъ изданіяхъ въ видѣ приложенія къ отчету Абрагама объ его занятіяхъ въ ватиканскомъ архивѣ.

— Платоническая любовь графини Христіны Фонтанъ къ Александру I. Въ послѣднихъ книжкахъ «*Correspondant*» напечатанъ цѣлый рядъ статей о Жуберѣ, педагогѣ, моралистѣ, салонномъ философѣ и критикѣ первой четверти XIX вѣка. Причиной и основой этого неожиданнаго вниманія, обращеннаго на малоизвѣстнаго, забытаго, и въ сущности, второкласснаго сентиментальнаго писателя, служитъ находка его громадной переписки съ друзьями, до сихъ поръ не напечатанной, а теперь впервые обнародованной въ отрывкахъ двумя авторами: Адольфомъ Лэромъ ¹⁾ и Жоржемъ Пальессомъ ²⁾. Въ

¹⁾ *La jeunesse et la mort de Joubert, par A. Lair.—Correspondant. 10 janvier—25 janvier. 1898.*

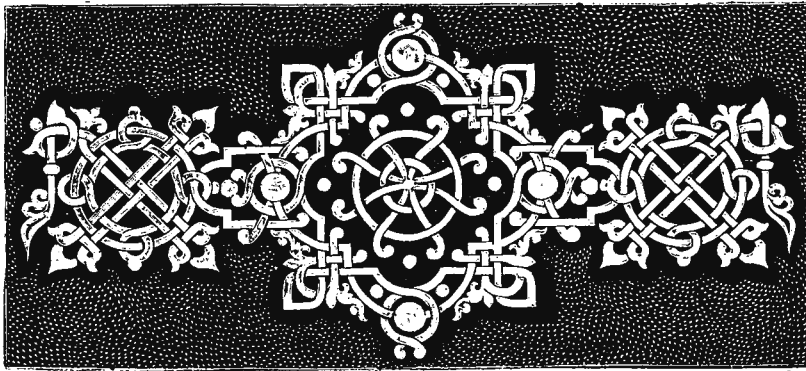
²⁾ *Joubert. Le conseiller et le moraliste, par G. Pailhes. — Correspondant. 10—25 fevrier.*

очеркъ послѣдняго, подъ заглавіемъ «Жуберъ, какъ совѣтчикъ и моралистъ», приведены многія письма Жубера къ дочери его друга гр. Фонтанъ, Христинѣ, и сдѣланъ намекъ на любопытный романъ ея жизни, именно, на платоническую любовь къ императору Александру I. Эготъ намекъ заключается въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: «Въ письмахъ Жубера къ графинѣ Фонтанъ не упоминается объ ея удивительно романтической страсти, кромѣ, быть можетъ, въ словахъ «я не имѣю въ виду вашего долга». Дѣло въ томъ, что, по примѣру многихъ другихъ женщинъ, эта пятнадцатилѣтняя дѣвушка потеряла голову и сердце въ 1814 г. Безумно влюбившись въ царя Александра I, этого рыцарскаго побѣдителя, она готова была бросить все ради него и слѣдовать за нимъ на край свѣта. Фактъ этотъ несомнѣненъ: онъ переданъ мнѣ ближайшимъ другомъ гр. Фонтанъ, г-жей Ленорманъ и его подтверждаютъ два письма аббата Николая». Означенныя два, еще нигдѣ непечатанныя, письма аббата Николая, друга герцога Ришелье, долго проживавшаго въ Россіи, гдѣ онъ содержалъ въ Петербургѣ великосвѣтскій пансіонъ, а потомъ былъ директоромъ Ришельевского лицея въ Одессѣ, заключаютъ въ себѣ не прямое упоминаніе о романтической любви графини, а лишь намеки на варшавскія событія конца 1815 г. и на смерть Александра I, а также совѣты «исполнять свой долгъ, нарушеніемъ котораго молодая дѣвушка пойдетъ противъ воли Божіей» и пожеланія ей «душевнаго спокойствія, что ей всего полезнѣе». Возбудивъ такимъ образомъ любопытство читателей хотя и мимоходомъ къ неизвѣстному эпизоду изъ исторіи многочисленныхъ романовъ, героемъ которыхъ вольно, или неволью, былъ Александръ I, редація «Correspondant» помѣстила въ своей книжкѣ отъ 25-го марта, хотя не большую, но фактическую статейку объ этомъ предметѣ лица, знавшаго лично графиню Фонтанъ, но скрывшаго свое настоящее имя подъ псевдонимомъ «Fraser»¹⁾. Благодаря свѣдѣніямъ, сообщаемымъ имъ и основаннымъ на собственныхъ словахъ графини Фонтанъ, а также на томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ во время личнаго знакомства съ нею въ ея старости, можно составить себѣ понятіе объ этой странной романтической любви «Любовь графини Фонтанъ къ русскому императору, — говоритъ «Фразеръ», — была столь же неожиданна, сколько романтична. Родившись въ 1801 г., Христина была еще ребенкомъ, когда, увидѣвъ во время пребыванія союзниковъ въ Парижѣ въ 1814 году въ группѣ офицеровъ одного красавца, она сказала своей любимой подругѣ, Матильдѣ: «Вотъ единственный человѣкъ, котораго я буду любить въ своей жизни и никогда не выйду замужъ ни за кого другаго». Спустя нѣсколько дней, присутствуя на балѣ, данномъ въ честь иностранныхъ государей, она узнала героя своихъ мечтаній въ русскомъ императорѣ и упала въ обморокъ. Прошло много лѣтъ, и при полученіи извѣстія о смерти Александра, объ подруги бросились со слезами въ объятія другъ друга, а Матильда созналась впервые, что и она «любила его». Все это мнѣ рассказывала сама графиня Фонтанъ въ старости и съ такимъ искреннимъ чувствомъ, что никому не могла прійти мысль о насмѣшкѣ надъ такой поэтической, чистой, безумной любовью». Этой любви сентиментальная, экзальтированная, но умная

¹⁾ Le roman de la comtesse de Fontanes, par Fraser. — Correspondant. 25 mars.

и прекрасно образованная, женщина оставалась вѣрна во всю свою долгую жизнь; ради нея она отказалась отъ многихъ блестящихъ партій, а по смерти своего отца, извѣстнаго псевдо-классическаго поэта, напыщеннаго оратора, министра народнаго просвѣщенія при Наполеонѣ и члена палаты пэровъ при реставраціи, она удалилась въ маленькую, живописную виллу близъ Женевы, гдѣ и жила до своей смерти въ 1872 г., занимаясь благотворительностью и сохраняя до послѣднихъ минутъ въ пламенномъ, преданномъ сердцѣ юношеское увлеченіе идеальнымъ героемъ своего единственнаго романа. Такъ анонимный авторъ ея характеристики въ «Соггесpondant» рассказываетъ: «Одно изъ моихъ послѣднихъ свиданій съ графиней Фонтанъ произошло у ея старой пріятельницѣ г-жѣ Анжервиль въ Фернеѣ. Это было въ 1855 году, при самомъ началѣ крымской войны. Обѣ дамы высказывали противоположныя политическія мнѣнія и такъ горячились, что не обращали вниманія на постороннихъ лицъ, бывшихъ въ комнатѣ. Г-жа Анжервиль была ярая легитимистка и ненавидѣла вторую имперію, но изъ патріотизма она желала побѣдъ французскому оружію и говорила съ жаромъ: «Первый выстрѣлъ французскихъ пушекъ долженъ прекратить всѣ ненависти партій». Напротивъ, Христина Фонтанъ съ крайней запальчивостью отстаивала ту мысль, что право было на сторонѣ Россіи. Исчерпавъ всѣ аргументы и придя въ неописанную ярость, г-жа Анжервиль, наконецъ, воскликнула: «Милая моя, у всѣхъ такія причины, какъ у васъ, для защиты Россіи, не всѣ не любили безумно, какъ вы, русскаго императора». Пораженная этимъ неожиданнымъ ударомъ, бѣдная Христина вскочила съ кресла блѣдная, взволнованная, дрожащая всѣмъ тѣломъ и гнѣвно объявила, что она порываетъ всѣ отношенія съ своей старой подругой, не желая больше видѣть женщины, которая рѣшилась растравить старую рану ея сердца. Много стоило хлопотъ свидѣтелямъ этой траги-комической сцены, чтобъ помирить расходившихся старухъ, но, наконецъ, это удалось, и онѣ объялись со слезами и нѣжными поцѣлуями».

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Великопостное посланіе.

В ДВАДЦАТЫХЪ годахъ текущаго столѣтія, на русской петербургской драматической сценѣ дебютировалъ молодой актеръ, П. Н. Григорьевъ, сперва готовившійся въ музыканты, но направленный на актерскую карьеру тогдашнимъ начальникомъ труппы, княземъ Шаховскимъ. Первые годы артистической карьеры Григорьева прошли незамѣтно, и болѣе видное положеніе на сценѣ онъ получилъ послѣ того, какъ началъ (въ 1830 г.) писать водевили и небольшія пьесы, конкурируя съ Каратыгиннымъ и Ленскимъ. Въ 1839 году Григорьевъ въ свой бенефисъ сыгралъ роль солдата, въ пьесѣ ветерана 1812 года, Скобелева, подъ заглавіемъ «Кремневъ, русскій солдатъ». Въ этой роли артистъ имѣлъ настолько успѣхъ, что съ той поры роли солдатъ и военныхъ стали его достояніемъ. Впослѣдствіи къ этой специальности прибавилась еще и другая — роли купцовъ; причемъ, однако, онъ игралъ всякаго рода другія роли черезчуръ пестраго репертуара того времени. Среди тогдашней богатой труппы, Григорьевъ никогда не поднимался выше значенія полезности; но (особенно подъ конецъ жизни) на сценѣ занималъ почетное мѣсто, благодаря добросовѣстному отношенію къ своему дѣлу, маленькой извѣстности литератора-водевилиста, а также и скромной, солидной семейной жизни. Многія изъ оригинальныхъ и переводныхъ пьесъ Григорьева не только въ свое время имѣли

успѣхъ, но даже и до нашихъ временъ сохранились въ репертуарѣ провинціальныхъ сценъ («Жена кавалериста», «Комедія съ дядюшкой», «Губкинъ», «Бука», «Разлука тоже наука» и мн. др.).

Великимъ постомъ 1857 года Григорьевъ написалъ своему пріятелю, главному жеппе ргеиіег тогдашней сцены А. А. Максиму, назидательное посланіе въ стихахъ, характеризующее какъ обоихъ пріятелей, такъ отчасти и бытъ актеровъ конца пятидесятихъ годовъ. Максимовъ былъ значительно моложе Григорьева; послѣдній игралъ уже добрый десятокъ лѣтъ на сценѣ и началъ свою литературную карьеру, когда Максимовъ только дебютировалъ 19-ти лѣтъ (въ 1832 г.). Горячимъ темпераментомъ, прекраснымъ чтеніемъ и умѣнемъ держаться на сценѣ Максимовъ вскорѣ завоевалъ большую любовь публики, хотя съ годами нажилъ такую худобу, что она дѣлала лицо его прямо некрасивымъ и уже никакъ не отвѣчающимъ ролямъ молодыхъ обольстителей. Къ тому же и органъ Максимова, съ сильнымъ оттѣнкомъ носовыхъ звуковъ, былъ довольно непріятенъ. Но всѣ эти недостатки выкупались воодушевленіемъ, гдѣ веселостью, гдѣ искреннимъ драматизмомъ. Послѣ Дюра, Максимовъ занялъ вполнѣ его мѣсто и, за свою недолголѣтнюю карьеру (26 лѣтъ), переигралъ огромный репертуаръ ролей, начиная отъ водеvilныхъ волокитъ и до Хлестакова, Чацкаго, Фигаро, Меркуціо (Ромео и Юлія), Яго (Отелло), маркиза Поза (Донъ Карлосъ) и Гамлета. Максимовъ, хотя и былъ женатъ, но любилъ жить внѣ семьи, среди богатыхъ купеческихъ сынковъ, въ кутежахъ и попойкахъ. Такимъ поведеніемъ артистъ скоро разстроилъ свое здоровье, развилъ въ себѣ чахотку, отъ которой и умеръ, не доживъ и до 50 лѣтъ отъ роду, въ 1861 году.

Печатаемое ниже стихотворное посланіе Григорьева, написанное за три года до смерти Максимова, подъ шутовской внѣшностью, скрываетъ искреннее сочувствіе, сожалѣніе и дружескую угрозу. Солидный Григорьевъ, хотя былъ значительно старше Максимова, пережилъ его на 10 лѣтъ, онъ умеръ лѣтомъ 1871 года, въ Пятигорскѣ.

Посланіе это доставлено въ редакцію «Историческаго Вѣстника» Н. А. Поповымъ. Мы его печатаемъ съ пояснительными примѣчаніями, написанными А. А. Яблочкинѣмъ, нѣкогда главнымъ режиссеромъ русской драматической труппы въ С.-Петербургѣ.

Великопостное посланіе Алексѣю Михайловичу Максиму.

Ну, что, товарищъ забубенный?
 Вотъ, наконецъ, насталь великій постъ для насъ!
 Скажи же мнѣ, усталый, истомленный,
 Насталь ли твой покоя часть,
 Утихли ли волненія и страсти,
 Отмыта-ль грѣшная тѣлесъ нечистота,
 И въ храмѣ Божиѣмъ, спасаясь отъ напасти,
 Ты поклоняешься ль Владыкѣ живота,

Ты просишь ли себѣ и силы, и здоровья,
 Иль такъ, какъ въ мясоѣдъ, разгула жизнь полна,
 Ужель духъ праздности, унынья, празднословья
 Поддерживаешь ты бутылкою вина,
 Ужель, невольный ты поклонникъ злого хмеля,
                     Земныхъ поклоновъ не творишь,
 А все попрежнему, у бестіи Бореля,
 Иль въ Арендаторской ¹⁾ гостиницѣ кутишь,
 Куда, какъ слышалъ я, въ посту на поклоненье
                     Отправиться съ компаніей хотѣлъ?..
 Признаться, о тебѣ въ душѣ я пожалѣлъ
                     И пожелалъ не впасть во искушенье!
 Тамъ вѣсть спасенія, по правдѣ говоря!
                     Тамъ только лишь кутилы городскіе,
                                     Усердемъ будто бы горя,
                                     Нанявши тройки удалыя,
 Снѣшать проказничать вблизи монастыря,
 Гдѣ, позабывъ и постъ, и все святое въ мірѣ,
                     Толкуютъ только лишь о томъ,
 «Какъ хорошо, удобно имъ въ трактирѣ,
 «Какія порціи, или вино почемъ,
                     «Какъ комнаты устроены опрятно,
                                     «Какой порядокъ, чистота,
                     «Какъ прокатиться весело, пріятно,
                     А въ церкви быть нельзя, такая тѣснота!» —
                     Поклонникамъ такимъ, чай, очень радъ лукавый!
 Тамъ наши женщины, молясь, толкуютъ въ лады,
                     Какой монахъ хорошъ собой на взглядъ;
 Мужчины-жъ тѣшатся охрицлою октавою!
                     Такъ если, другъ, и ты съ компаніей тамъ былъ,
 И если не пришлось тебѣ пораскутиться,
                     То Сергій, пастырь душъ, твой вѣрно грѣхъ простилъ;
 Межъ тѣмъ за мясоѣдъ ты, чай, не позабылъ,
                     Что долгъ велить серьезно попоститься?
                     Страхнувъ житейскихъ дѣлъ нечистоту,
                     Пора забыть, что ты актеръ, потѣшникъ.
                     Иди, иди во храмъ съ молитвой ко Христу!
                                     Во прахъ, какъ кающійся грѣшникъ!
                                     Подумай, какъ нашъ кратокъ вѣкъ!
 На жизненномъ пути, какъ здѣсь грязна дорога...
 Подумай, Алексѣй, ты — Божій человекъ!
 За что же чорту все... и ничего для Бога!?

¹⁾ По Петергофской дорогѣ, подлѣ монастыря св. Сергія.

Къ раскаянью, для всѣхъ открыта дверь:
 Во храмъ снѣшать — здоровый и калѣка!..
 Гордоны-жъ ¹⁾, Палкины, Борели, мнѣ повѣрь,
 Все это демоны подѣ видомъ челоуѣка!
 Вѣги отъ нихъ! и будешь цѣль и здравы!
 Эхъ, Алексѣй, досадно, да и скверно,
 Что весь гортанный твой рукавъ
 Такъ умѣстителенъ чрезмѣрно!
 Ты, вѣрно, какъ вино передъ тобой стоятъ,
 Твердишь себѣ: Богъ милостивъ! простить!..
 Конечно, многихъ насъ Онъ милуетъ, прощаетъ,
 Но многихъ и... безжалостно караетъ!
 Хоть Богу отъ души ты благодаренъ; такъ
 За то, что, ты, во-первыхъ, — не дуракъ,
 И прочая... такъ ты и не дурачься жъ, милый!
 Разсудокъ, высшій даръ, поберегай,
 Своей природы не насилуй,
 И въ годъ одинъ трехъ лѣтъ не проживай;
 Не лучше-ль быть всегда здорову,
 Поукротивъ земную страсть,
 Чѣмъ вновь въ безуміи попасть
 На Выборгскую сторону къ Орлову ²⁾?
 Да и не вѣчно же вылѣчивать ему
 Твою старинную болячку;
 Подумай же: къ чему пороть горячку
 И ночевать не въ Жуковомъ дому ³⁾?
 Не лучше-ль у себя, въ бесѣдѣ ежедневной,
 Поѣсть, и вышить, поболтать...
 Или съ своей Натальею Сергѣвной ⁴⁾
 На черный день кой-что съ умомъ приготавливать?
 Вѣдь старость намъ какъ разъ укоротитъ дорогу!

¹⁾ Англійскій погребъ Лаутона, подѣ фирмою «Карлъ Гордонъ», на углу Невскаго и Михайловской улицы.

²⁾ Извѣстный въ то время докторъ, переводчикъ комедіи Мольера «Скупоу» и авторъ нѣсколькихъ водевилей, въ томъ числѣ водевиля «Гусарская стоянка», имѣвшаго въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ колоссальный успѣхъ. Въ клиникѣ на Выборгской, въ отдѣленіи Орлова, Максимова четыре раза вылѣчивали отъ бѣлой горячки.

³⁾ На Фонтанкѣ, на углу Лештукова переулка, въ домѣ извѣстнаго табачнаго фабриканта, коммерціи совѣтника Василія Жукова, бывшаго прежде плотникомъ въ Большомъ театрѣ.—Плотникъ Василій приготавливалъ особеннымъ, ему одному извѣстнымъ способомъ нюхательный табакъ, настолько хорошо, что за кулисами, во время антрактовъ, актеры, музыканты и всѣ служащіе поминутно обращались къ дядѣ Василію за понюшками «отмѣннаго Жуковского».

⁴⁾ Жена А. М. Максимова, урожденная Аполонская, балетная танцовщица, играла роль «Фенеллы» въ оперѣ того же названія, отличалась классическою красотою.

Такъ лучше тише жить; ктому-жъ,
 И мозгъ свой сберечь должны мы понемногу,
 А то вѣдь, какъ опять ты попадешь подъ душъ,
 Такъ душу-то отдашь Орлову, а не Богу!
 Вдругъ, глядь, протянешься переважно во весь ростъ,
 Съ гримасой кислою валяясь на койкѣ...
 Фи! гадко! глупо!.. нѣтъ, теперь великій постъ,
 Такъ надо мысль изгнать о всяческой попойкѣ!
     Чортъ знаетъ! странно, первый трагикъ шутъ¹⁾,
     Ну, словомъ, первые актеры,
 А жизнь какую-то послѣднюю ведутъ!
     Имъ чертики грезятся тамъ и тутъ,
     Иль никой въ носъ имъ колятъ командоры²⁾,
     Ну, словомъ, разныхъ видовъ и сортовъ
 Всѣ дьяволы въ мозгу, въ крови и... нѣтъ спасенья!
     Ничуть! актеръ очнулся и готовъ
 Предъ публикой читать переважно наставленья!
 И тутъ, очнувшійся старается весьма,
 Чтобъ публику свести рѣшительно съ ума;
     Она же, какъ ни своенравна,
 Смѣется вмѣстѣ съ нимъ и плачетъ за свой грошъ...
 Да!.. какъ подумаешь, посмотришь, разберешь,
 Жизнь—поучительна глубоко... и забавна!
     Ты, впрочемъ, счастливъ тѣмъ, что ты не семьянинъ,
 Что нѣтъ вокругъ тебя дѣвченокъ и мальчишекъ,
     Ты дерзко тратишь жизнь и жизненный излишекъ
     И за себя отвѣтствуешь одинъ;
     Но тѣ изъ насъ, которые, къ несчастью,
     Окружены толпой ребятъ³⁾,

¹⁾ Послѣ смерти знаменитаго трагика В. А. Каратыгина, Максимовъ, игравшій до тѣхъ поръ драматическія и комическія роли любовниковъ и повѣсь, сыгралъ нѣсколько трагическихъ ролей, въ томъ числѣ «Гамлета» и въ «Заколдованномъ домѣ»—Людовика XI.

²⁾ Какъ только начиналась бѣлая горячка, Максимовъ запирался въ своемъ кабинетѣ. Ему казалось, что статуя командора, изъ оперы «Донъ-Жуанъ», просовывая въ замочную скважину дверей длинную соломинку, въ видѣ пики, старается попасть этой пикой въ носъ Максиму. «Я,—разсказывалъ Максимовъ,—сперва долго-долго молюсь передъ иконами; потомъ сяду за письменный столъ и начинаю прилежно учить, попросту сказать, зубрить какую нибудь новую роль (которыми къ слову сказать, онъ былъ всегда заваленъ), и хотя стараюсь не смотрѣть на дверь, но чувствую, что чортъ, переодѣтый командоромъ, просовываетъ въ замочную скважину тонкую и длинную соломенную пикю. Я долблю роль, а самъ дрожу и невольно скашиваю глаза въ сторону, къ дверямъ. Какъ только чертъ размахнется, чтобы ударить меня въ носъ никой, я быстро прячу голову подъ столъ. Чертъ промахнулся и, сконфуженный, тащитъ соломинку назадъ. Черезъ минуту та же исторія начинается вновь».

³⁾ Намекъ на знаменитаго комика А. Е. Мартынова.

И, зараженные неизлечимой страстью,
 Не думая о будущемъ, кутятъ,
 Забывъ священный долгъ отца и мужа!
 Что Богъ хоть милосердъ, заблудшаго щадить,
 Но послѣ, силы въ насъ и умъ обезаружа,
 Онъ взыщетъ за дѣтей и грозно поразить!
 Вино! вино! что дѣлаешь ты съ нами?
 Какъ пораздумаешь, невольню страхъ беретъ!..
 Мы отъ вина не можемъ быть отцами,
 Умъ, мысли, все вверхъ дномъ идетъ!
 Въ бѣды и глупости, и въ ссору,
 Въ болѣзни тяжкія, во все влечетъ оно!
 И кажется, самъ Богъ всѣхъ болѣе актеру
 Даль средства — погибать черезъ вино!

* * *

Не смѣйся надъ моею ты постной небылицей:
 Писалъ тебѣ я такъ, какъ чувствовать умѣлъ,
 Я, братъ, воспользуясь сей первою седмицею,
 Свободно, скромно отговѣлъ,
 Какъ могъ, за всѣхъ усердно помолился,
 Когда же тайнъ Христовыхъ причастился,
 То пожелалъ, чтобъ всѣ товарищи, друзья
 Спокойно также отговѣли,
 Покаялись, забывши хмель,
 И не дурачились на тройкахъ, не пьянѣли,
 По крайней мѣрѣ, семь недѣль!

* * *

Такъ не по-розамъ, а по тернію
 И ты теперь ходи, молись,
 А въ Новгородскую губернію ¹⁾
 Молиться ѣздить не трудись;
 Пошли туда твое усердіе,
 Свой даръ и въ деньгахъ, и въ вещахъ,
 И вѣрь, что Божье милосердіе
 Тебя номилуетъ въ грѣхахъ!
 Теперь, всякъ въ грѣшныхъ мысляхъ кается, —
 А кто, чтобъ въ жизни не страдать,
 Контрактъ свой всячески старается
 Повыгоднѣе заключить ²⁾,

¹⁾ Въ новгородскій Деревяницкій монастырь, куда Максимовъ дѣлалъ большіе вклады и гдѣ постоянно говѣлъ, исповѣдывался и приобщался.

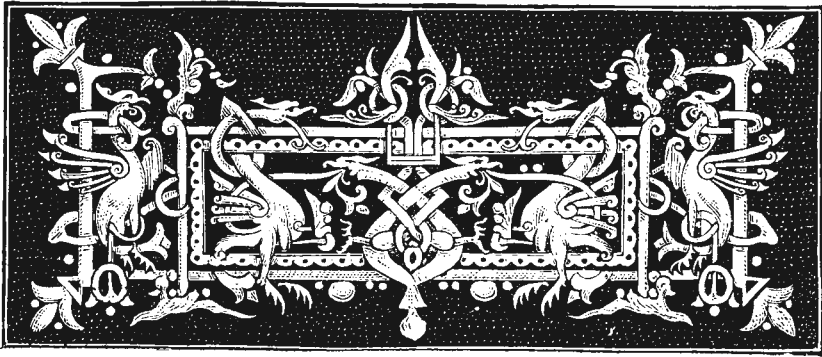
²⁾ Въ 1857 году В. В. Самойловъ заключилъ съ дирекціею императорскихъ театровъ очень выгодный контрактъ, гораздо лучше контрактовъ Мартыновскаго и Максимовскаго.

Самойлова многохвалимаго
 Вознаградилъ важно, братъ!
 Посмотримъ, что-то у Максимова,
 Такой ли выйдетъ результатъ?
 Дай Богъ, тебѣ нажить имѣніе,
 Здоровымъ невредимымъ быть...
 За симъ, мое тебѣ почтеніе;
 Прошу посланье сохранить
 И въ немъ кой-что позаучить
 О томъ, что «Быть? или не быть?»
 Цль—только нить???

П. Григорьевъ.

2-я седмица поста.
 Февраля 25-го 1857 г.

С М Ъ С Ъ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ общество въ Москвѣ. Въ годичномъ собраніи, состоявшемся 24-го февраля, былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности общества за истекшій годъ, который навсегда останется памятнымъ въ исторіи русской археологіи. 13-го апрѣля 1897 года, государь императоръ соизволилъ на ежегодный отпускъ, начиная съ 1897 года, въ распоряженіе общества, на нужды съѣздовъ и подготовительныя работы, а также изданія трудовъ, по 5,000 рублей. Это упрочило навсегда осуществленіе съѣздовъ и обезпечило ихъ изданія. Въ истекшемъ году обществомъ были организованы 7 экспедицій для изученія древностей на Кавказѣ, по бассейну р. Оки, въ мѣстности, прилегающія къ р. Камѣ; раскопаны были курганы въ Московской, Калужской и другихъ губерніяхъ. За границей, по порученію общества, продолжались работы въ Бейрутѣ и Марокко. Въ теченіе отчетнаго года общество имѣло 16 засѣданій: 1 годичное, 1 посвященное памяти академика *Θ. И. Буслаева* и *В. С. Румянцева*, 7 обыкновенныхъ, 6 распорядительныхъ и 1 редакціоннаго комитета. Въ засѣданіяхъ доложено было 27 рефератовъ. Въ истекшемъ году исполнилось 10 лѣтъ существованія состоящей при обществѣ восточной комиссіи, которая имѣла 6 засѣданій, гдѣ прочитаны были 18 докладовъ. Къ учрежденію комиссіи мотивами были: необходимость имѣть кружокъ лицъ для изслѣдованія восточныхъ памятниковъ, поступающихъ въ общество; задачи русской археологіи въ Средней Азійи и на Кавказѣ, требующія систематическихъ и совмѣстныхъ занятій археологовъ съ ориенталистами; обширность

и важность для науки памятниковъ архаическаго Востока и обязанность для нашей науки включить ихъ въ среду своего изслѣдованія; лингвистическій по преимуществу характеръ изслѣдованій по восточной археологiи, обособляющій ее отъ другихъ отраслей археологической науки; достаточный контингентъ московскихъ ученыхъ силъ по востоковѣдѣнiю, внутри общества и внѣ его. За десять лѣтъ существованія комисси ея изслѣдованы были: клинообразныя надписи Закавказья, армянскія надписи Юга Россiи, рядъ мусульманскихъ надписей: арабскихъ татарскихъ, турецкихъ и персидскихъ изъ Средней Россiи, съ Кавказа и изъ Туркестана; грузинскія надписи Гелатскаго монастыря и другихъ древнихъ грузинскихъ храмовъ, сирскія и несторiанскія надписи Семирѣченской области, осетинская надпись—и п i с и п, надписи еврейскія, палмирскія и многія другія. Кромѣ того, комиссiей за время ея существованія были разсмотрѣны, описаны и ислѣдованы рукописи и акты на 7 различныхъ языкахъ Востока. Членами комисси совершены были 4 экспедици на Кавказъ. Труды комисси печатались въ основанныхъ для нея обществомъ «Древностейъ Восточныхъ», которыхъ съ 1889 года вышло четыре обширныя выпуска. Состоящая при обществѣ славянская комисси въ отчетномъ году имѣла 5 засѣданій, и печатался 2-й томъ трудовъ комисси. Археографическая комисси въ теченіе отчетнаго года имѣла 11 засѣданій, въ которыхъ доложены были 26 рефератовъ. Въ теченіе года обществомъ были изданы: II т. трудовъ Виленакаго съѣзда и III т. трудовъ Московскаго съѣзда. Въ настоящее время печатается VI и VII вып. матеріаловъ по археологiи Кавказа, IV т. Московскаго и I т. Рижскаго съѣздовъ и XVI т. Древностей и др. Общество продолжало печатать «Археологическія Извѣстія и Замѣтки». По прочтеніи отчета о дѣятельности общества доложены были: отчетъ комисси по сохраненію древнихъ памятниковъ, отчетъ по библиотекѣ общества, казначея и ревизіонной комисси. Изъ доклада, доставленнаго въ общество А. А. Тихомировымъ, производившимъ въ прошломъ году раскопки близъ Ярославля, сообщены были выдержки. Референтомъ раскопанъ былъ могильникъ, расположенный вблизи с. Михайловскаго, Ярославской губерніи и уѣзда. Иллюстраціей сообщенія г. Тихомирова служили фотографическіе снимки съ предметовъ, добытыхъ при раскопкахъ древнихъ могилъ, причемъ референтомъ предоставлено обществу право воспользоваться этими предметами. Въ заключеніе произведены были выборы на должность секретаря общества. Большинствомъ голосовъ избранъ былъ В. К. Трутовскій, занимавшій означенную должность въ теченіе десяти лѣтъ, причемъ вновь избранному секретарю общество выразило благодарность за его прошлую дѣятельность.

Кіевское общество Нестора лѣтписца. Въ собраніи по поводу 25-ти лѣтiя общества, проф. В. В. Антоновичъ произнесъ слѣдующую рѣчь, которую мы сообщаемъ въ краткомъ извлеченіи. Ораторъ отмѣтилъ, что празднованіе двадцатипятилѣтiя общества совпадаетъ съ другою знаменательною годовщиною. Въ первыхъ числахъ января исполнилось 250 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Запорожской Сѣчи впервые появился изъ Чигирина, спасаясь отъ преслѣдованій, Богданъ Хмѣльницкій и, заручившись поддержкой Сѣчи, отправился въ Крымъ просить у хана помощи. Богданъ является типичнымъ выразителемъ идеи и

пожеланій Малорусскаго народа своей эпохи; онъ лучше чѣмъ кто либо изъ современниковъ понялъ и сумѣлъ формулировать желанія и стремленія своего народа. Въ этомъ заключается и главная причина успѣха возстанія, иниціаторомъ котораго явился Хмѣльницкій. Нѣкоторые упрекають его—и совершенно напрасно—въ томъ что онъ, будучи побѣдителемъ въ полномъ смыслѣ слова, не основалъ обособленнаго малороссійскаго государства. Подобнаго рода заявленія отличаются крайне поверхностнымъ взглядомъ. Южнорусская народность обладаетъ такими этнографическими особенностями, которыя не позволяютъ ей создать самостоятельное государство: въ ней отсутствуетъ то самообладаніе, воздержность въ дѣйствіяхъ, вызываемыхъ впечатлѣніемъ минуты, которыя необходимы для обоснованія крѣпкаго государственнаго порядка. Существовали неоднократныя попытки, начиная съ Даніила Галицкаго и кончая Мазепой, создать самостоятельное малорусское государство, но всѣ эти попытки закончились неудачей, такъ какъ народъ относился къ нимъ съ полнымъ равнодушіемъ или даже протестовалъ противъ этихъ попытокъ, понимая, что онъ не годится для самостоятельной жизни. Ставъ частью государства, не признававшего основныхъ принциповъ общественной жизни Малороссіи, украинскій народъ протестуетъ противъ порядковъ, установившихся на Украинѣ. За полтора вѣка до возстанія Хмельницкаго казаки протестуютъ противъ порядковъ, введенныхъ Польшей, но эти протесты направлены не противъ государственной власти, а противъ шляхетства и его своеволія. Казаки не только признають авторитетъ короля, но даже взываютъ къ его власти, просятъ о томъ, чтобъ онъ употребилъ свою силу для обузданія шляхетства и учиненія справедливости. Но казакамъ на этотъ разъ пришлось столкнуться съ такимъ представителемъ власти, который являлся блѣдною, почти ничтожною фигурой, не имѣвшею возможности принять какихъ бы то ни было мѣръ къ водворенію порядка. Одинъ только Владиславъ IV былъ близокъ къ цѣли — низложенія съ себя ига дворянства. Осуществить это онъ замышлялъ при посредствѣ учрежденія въ Польшѣ контингента иностранныхъ войскъ, частью при помощи казаковъ. Казацкимъ старшинамъ король выдалъ документальныя обѣщанія экономическихъ и политическихъ реформъ въ случаѣ успѣха, котораго онъ, однако, не достигъ. Извѣстно, что Хмѣльницкій въ самомъ началѣ возстанія постарался, прежде всего, выманить хранившіяся у одного изъ казацкихъ старшинъ королевскія грамоты, послужившія, такъ сказать, юридическимъ основаніемъ для возстанія. Хмѣльницкій впоследствии самъ разорвалъ ту связь, какая существовала между Украиною и Польшей, но на первыхъ порахъ онъ искренно вѣрилъ, что призванъ исполнить волю короля, и не возставалъ противъ власти. Это доказываютъ, между прочимъ, слѣдующіе факты. Послѣ удачныхъ побѣдъ при Корсунѣ и Пилявцахъ, Хмѣльницкій разбилъ польскія арміи и, побѣдоносно двигаясь внутрь Польши, безъ всякаго труда могъ взять самую столицу. Въ это время король Владиславъ IV умеръ, наступило междоцарствіе, новаго короля не было, арміи не существовало, шляхта, собравшаяся на сеймъ для избранія новаго короля, предполагала уже перенести сеймъ въ Данцигъ; но Хмѣльницкій медлитъ и не подступаетъ къ Варшавѣ, ведетъ переговоры съ кандидатомъ на польскій престолъ, братомъ покойнаго

короля, Яношъ-Казимиромъ. Послы кандидата убѣдили Хмѣльницкаго, что Янъ-Казимиръ будетъ продолжать политику Владислава IV, въ виду этого Хмѣльницкій снимаетъ осаду Замостья и уходитъ изъ Польши, ожидая послѣ короля. Но преемникъ Владислава IV слѣдуетъ совершенно другой политикѣ, и война вновь загорается. Послѣ неудачной битвы Зборажской половина польской арміи разбита, вторая половина подъ начальствомъ самого короля окружена со всѣхъ сторонъ Хмѣльницкимъ, и онъ имѣетъ полную возможность уничтожить ее; но начинаются переговоры съ королемъ, и Хмѣльницкій, побѣдитель, не только идетъ охотно на уступки, но при свиданіи съ королемъ надеетъ на колѣни, проситъ прощенія за бунтъ и предъявляетъ покорность. Тѣмъ не менѣе успѣхъ возстанія казаковъ, инициаторомъ котораго является Хмѣльницкій, несомнѣненъ. Объясняется это тѣмъ, что послѣдній являлся положительнымъ носителемъ и выразителемъ идеаловъ и настроенія, охватывавшаго въ ту пору народныя массы. Чего добивался народъ? Вольности казацкой, то есть равноправности передъ закономъ, уничтоженія крѣпостнаго права, равномернаго распредѣленія поземельной собственности и свободы православной вѣры. Съ этимъ слово въ слово совпадала программа Хмѣльницкаго, объявленная имъ въ универсалѣ, данномъ подъ Бѣлою Церковью. Эту же программу Хмѣльницкій сформулировалъ въ двухъ словахъ, объѣзжая ряды войскъ передъ каждою битвой: «за вольность и віру». На ряду съ этимъ большой успѣхъ возстанія его объясняется несомнѣнными врожденными дарованіями. Управление арміей въ 200 — 300 тысячъ человекъ является вообще дѣломъ труднымъ и сложнымъ. Армія Хмѣльницкаго, если не считать шести тысячъ нестроевыхъ казаковъ, представляла собой вооруженный косами, вилами, дубинами сбродъ, не имѣвшій никакого понятія о военной дисциплинѣ и только что оторванный отъ сохи. Подобной арміи, представлявшей собою въ полномъ смыслѣ слова то, что извѣстно въ наше время подъ названіемъ пушечнаго мяса, пришлось имѣть дѣло съ одною изъ лучшихъ въ то время среди Европы армій, во главѣ которой стояли талантливые руководители арміи Вишневецкій, Пржіемскій и Убальдъ. Хмѣльницкій одерживалъ побѣды и надъ этою арміей. Дарованія его выражались не только въ умѣнн составить хорошій планъ битвы, но и организовать свою армію. У него постепенно появляются пушки, оружіе, нѣтъ недостатка въ порохѣ. Какимъ образомъ Хмѣльницкому удавалось пріобрѣтать вооруженіе для своихъ войскъ — установить трудно: извѣстно что посылались эмиссары въ Турцію, Валахію, Молдавію для закупки оружія. Какъ администраторъ, Хмѣльницкій умѣлъ прекрасно справляться со столь трудною задачей, какъ расположеніе военныхъ отрядовъ на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, причеиъ связь между отрядами не нарушалась; провіантская часть у казаковъ была всегда хорошо организована. Въ то время, какъ польскія войска часто страдали отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ, войска Хмѣльницкаго, расположенныя всего только въ нѣсколькихъ верстахъ отъ врага, не терпѣли нужды, и если полякамъ случалось разбивать казацкіе отряды, то они поражались обиліемъ занасовъ, заготовленныхъ казаками. Хмѣльницкій всегда умѣлъ организовать цѣлую армію лазутчиковъ, которые доносили ему о всѣхъ передвиженіяхъ польскихъ войскъ, въ то время какъ польскіе военачальники

часто даже не знали, гдѣ именно находится Хмѣльницкій. Гетманъ отличался большими финансовыми способностями. Въ возставшей странѣ населеніе не было переписано, земля не была оцѣнена, никакихъ основаній для установленія правильной податной системы не было,— и тѣмъ не менѣе Хмѣльницкій никогда не нуждался въ деньгахъ, платилъ наемнымъ войскамъ огромныя средства, не заставляя никого жаловаться на поборы и контрибуціи. Разочаровавшись въ своихъ силахъ, убѣдившись, что онъ не можетъ исполнить справедливыхъ требованій малорусскаго народа, Богданъ Хмѣльницкій замыслилъ присоединеніе Малороссіи къ другому государству, и результатомъ его намѣреній является Переяславльскій договоръ 1654 года. Но и въ эту пору подъ московскимъ владычествомъ, связанный договорами, Хмѣльницкій разными ухищреніями старается пробить дорогу основнымъ желаніямъ народа. Такъ, напри- мѣръ, было съ вольными казаками, которыхъ Хмѣльницкій обязавъ былъ имѣть не свыше 40 тысячъ, а на самомъ дѣлѣ имѣлъ окодо 150 тысячъ. Такова кипучая и разносторонняя дѣятельность Богдана Хмѣльницкаго, закончившаяся смертью отъ того недуга который въ наше время носитъ названіе переутомленія. Зная ее, упрекать Хмѣльницкаго смѣшно. Говорять, что, воплощая въ себѣ народные идеалы, онъ долженъ былъ развить ихъ и закрѣпить въ учрежденіяхъ и статутахъ. Но ставить это въ вину энергичному дѣятелю, по мнѣнію В. Б. Антоновича,— значить обвинять его, что онъ не переросъ самого себя на 2½ столѣтія. («Моск. Вѣд.» № 35).

Общество любителей древней письменности. I. 30-го января, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго члена Д. Θ. Кобеко, состоялось общее собраніе. Первое сообщеніе — о нѣкоторыхъ эіопскихъ рукописяхъ — было сдѣлано Б. А. Тураевымъ. Докладчикъ остановился прежде всего на эіопской рукописи, принадлежащей обществу. Въ основѣ эта рукопись—довольно обычный текстъ Псалтири; но ея особенность составляютъ приписки послѣ каждаго псалма (добавленіе въ честь Богоматери), календарныя вычисленія и двѣ магическія молитвы—заговоры противъ раны въ правомъ боку и противъ трудныхъ родовъ. По поводу этихъ молитвъ Б. А. Тураевъ коснулся вообще вопроса объ абиссинскихъ заговорахъ и, указавъ на то, что они подобны этому виду литературы у другихъ народовъ (нагромозженіе таинственныхъ именъ божествъ, ссылки на прецеденты изъ религиозныхъ сказаній), привелъ рядъ заговоровъ въ переводѣ изъ различныхъ эіопскихъ рукописей: заговоръ противъ болѣзни печени, заговоръ противъ болѣзни глазъ, молитву для избавленія отъ всѣхъ бѣдъ, влагаемую въ уста Спасителя, который сообщаетъ ее двѣнадцати апостоламъ; молитву, полученную монахомъ съ неба отъ ангела (чтеніе ея спасаетъ отъ смерти безъ покаянія) и др. Наконецъ, докладчикъ указалъ на рукопись Н. П. Лихачева, въ которой вмѣстѣ такъ называемое «разрѣшеніе заговоровъ». Здѣсь находятся формулы, разрѣшающія всевозможные заговоры, при чемъ они перечисляются по областямъ Абиссиніи и народностямъ, живущимъ вокругъ ея; разрѣшаются даже заговоры турецкіе, франкскіе и германскіе. По поводу этого сообщенія С. О. Долговъ указалъ на паралели эіопскимъ заговорамъ въ древне-русской письменности. Второе сообщеніе было сдѣлано А. И. Никольскимъ и состояло изъ двухъ частей: 1) докладчикъ ознакомилъ собраніе со

статьей XVI вѣка (изъ сборника С.-Петербургской библіотеки святѣйшаго синода), въ которой не только перечисляются, но и распределяются по семи соборамъ церкви Великаго Новгорода, и подводится итогъ вѣмъ новгородскимъ церквамъ, придѣламъ и службамъ. Огмѣтивъ, что списокъ этой статьи, имѣющей въ Румянцовскомъ музеѣ, представляетъ копію, сдѣланную въ XIX вѣкѣ съ синодальнаго списка, А. И. Никольскій указалъ на значеніе найденнаго имъ текста для исторіи новгородской церкви и для топографіи древняго Новгорода; 2) докладчикъ сообщилъ неизвѣстный въ печати рассказъ (по рукоп. XVII в. императорской публичной библіотеки) о чудѣ, совершонномъ Варлаамомъ Хутынскимъ въ 1663 г. Варлаамъ явился въ часовнѣ близъ Хутынскаго монастыря нѣкоему земледѣльцу Ивану и повелѣлъ ему идти въ монастырь и сказать тамъ, что онъ, преподобный, вслѣдствіе беззаконій братіи, ушелъ изъ монастыря и живетъ въ часовнѣ, и что, если братія не покается, монастырь сгоритъ и кони «изомрутъ». Братія не повѣрила Ивану, а новгородцы даже посадили его въ темницу. За невѣріе князь Иванъ Репнинъ, «градоначальникъ» Новгорода, былъ наказанъ расслабленіемъ тѣлеснымъ, и тогда земледѣлецъ Иванъ съ посланіемъ отъ князя Репнина былъ отправленъ къ царю Алексѣю Михайловичу, который одарилъ его и отпустилъ. Монастырь въ томъ же году сгорѣлъ, и кони измерли. Сказаніе это записано въ 1663 г. въ Соловецкомъ монастырѣ, со словъ служебника новгородской соборной церкви Льва. II. 20-го февраля, состоялось подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева общее собраніе. Первое сообщеніе: «Два коментарія къ лѣтописному сказанію о происхожденіи славянской грамоты», было прочитано А. Н. Петровымъ. Лѣтописное сказаніе находится въ связи съ исторіей расселенія славянъ; изъ нея взяты перечень славянскихъ племенъ, для которыхъ книги были переведены въ Моравіи и заключеніе о племенномъ единствѣ славянъ. Сказаніе оказало вліяніе на статью толстовскаго хронографа о времени преложенія книгъ, главная цѣль которой сказать, что переведенныя свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ книги предназначались и для сербовъ съ албанцами и босняками, «все бо сіи глаголаху однимъ языкомъ словенскимъ». Связь статьи хронографа и лѣтописнаго сказанія несомнѣнно доказывается и буквальными выписками изъ лѣтописи. Грамота называется въ лѣтописномъ сказаніи словенской въ томъ смыслѣ, что она предназначена для племенъ, которые говорятъ однимъ языкомъ словенскимъ. Подъ 6406 годомъ помѣщено это сказаніе въ лѣтописи вслѣдствіе смѣшенія книгъ, переведенныхъ св. Кирилломъ для славянъ, съ учительнымъ евангеліемъ Константина Болгарскаго, составленнымъ, какъ можно догадываться, въ 12-й годъ царствованія Льва Философа. т. е. въ 6406 году. Затѣмъ А. В. Башкировъ сдѣлалъ критическій обзоръ нѣкоторыхъ статей, помѣщенныхъ въ XIII томѣ Сборника болгарскаго министерства народнаго просвѣщенія. Здѣсь отмѣчены референтомъ интересныя статьи Кончева и Каранова. Первый сообщаетъ текстъ пяти апокрифическихъ молитвъ-заговоровъ, второй даетъ описаніе памятниковъ и изданіе текстовъ хожденія Богородицы по мукамъ, житіе Агапія, апокрифъ, какъ Христа въ пошы ставили, причѣмъ эти тексты даютъ небезынтересныя разночтенія къ доселѣ изданнымъ. Любопытныя новыя свѣдѣнія читаемъ въ статьѣ Милетича о дако-славянахъ; авторъ

посѣтилъ селенія въ Трансильваніи, въ которыхъ живутъ славяне (Czerged, Vausgarten и др.) и на основаніи данныхъ языка и указаній документовъ утверждаетъ, что это болгары, еще въ средніе вѣка переселившіеся сюда. Въ статьѣ Златарскаго сообщены письма византійскаго императора Комина Лаканена къ Симеону, царю болгарскому, извлеченныя изъ Патмосской бібліотеки и представляющія значительный историческій интересъ. Въ общемъ сборникъ заключаетъ много интереснаго матеріала — историческаго и литературнаго, но памятники описываются (и, вѣроятно, издаются также) довольно небрежно, порой при описываемой рукописи даже приблизительно не обозначается время написанія. Третій докладчикъ, П. Н. Шефферъ, указалъ на существованіе лицевого списка повѣсти XVII вѣка о Саввѣ Грудстынѣ — одной изъ интереснейшихъ древне-русскихъ повѣстей. До сихъ поръ списки съ миниатюрами были чрезвычайно рѣдки. Интересный списокъ графа Толстого пропалъ изъ императорской публичной бібліотеки. Въ лицевомъ спискѣ 1794 года, сохранившемся въ бібліотекѣ кн. Долгорукова въ Тульской губ. — тамъ же, гдѣ нашелся въ прошломъ году сборникъ Кирши Данилова — имѣется 22 миниатюры къ повѣсти; референту удалось сдѣлать 2 фотографическихъ снимка; первый: Савва, повидимому, бесѣдуетъ съ Богономъ и его женой; второй — Савва даетъ рукописавіе на свою душу дьяволу, съ цѣлью пріобрѣсти любовь жены купца Божена.

Собраніе общества ревнителей русскаго просвѣщенія. 26-го февраля, въ 3 часа дня, происходило торжественное собраніе общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Передъ началомъ засѣданія въ залѣ была совершена панихида по императорѣ Александрѣ III. Пѣлъ хоръ графа С. Д. Шереметева, подъ управленіемъ г. Архангельскаго. Послѣ панихиды открылось засѣданіе. Товарищъ предсѣдателя графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ прочиталъ стихотвореніе, которое сложилось у него въ прошломъ году, навѣянное ощущеніями при посѣщеніи въ Ливадіи комнаты, гдѣ окончилъ жизнь императоръ Александръ III и гдѣ графу довелось присутствовать на панихидѣ по царѣ миротворцѣ. Затѣмъ оркестръ и хоръ графовъ Шереметевыхъ исполнили кантату, Чайковскаго (слова А. Микова); дирижировалъ графъ А. Д. Шереметевъ. Послѣ кантаты прочтены были воспоминанія харьковскаго профессора Грубе объ императорѣ Александрѣ III, начиная съ катастрофы въ Боркахъ, въ 1888 году, при крушеніи императорскаго поѣзда, когда профессоръ Грубе былъ вызванъ изъ Харькова и вмѣстѣ съ врачами и студентами прибылъ оказывать помощь раненымъ. Профессоръ Грубе рассказываетъ подробно объ ужасномъ положеніи потерѣвшихъ при проливномъ дождѣ, холодномъ вѣтрѣ и о томъ вниманіи къ раненымъ, которое проявилъ почившій императоръ къ пострадавшимъ, о его заботахъ объ нихъ. Императоръ не хотѣлъ уѣхать раньше, чѣмъ будутъ отправлены раненые. И въ Харьковѣ государь посѣтилъ съ августѣйшею семьей больницы, гдѣ лежали пострадавшіе. Обаятельная простота, ласковость взгляда и задушевный голосъ царя дѣйствовали на всѣхъ неотразимо; всѣ оживали. По прибытіи государя въ Петербургъ, ежедневно по телеграфу спрашивалось о здоровьи раненыхъ. Впослѣдствіи, когда въ 1889 г. профессоръ Грубе представлялся императору въ Петербургѣ, государь разспрашивалъ его о здоровьи пострадавшихъ,

благодарилъ за заботы и лѣченіе и, между прочимъ, въ разговорѣ о томъ, что желѣзнодорожныя раны и ушибы исцѣляются медленно и долго чувствуются, высказалъ, что и онъ, государь, до сихъ поръ ощущаетъ нѣкоторую боль въ правомъ бедрѣ, поясницѣ и въ другихъ мѣстахъ. Далѣе Грубе рассказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ при слѣдующихъ встрѣчахъ, о вниманіи царя къ нему, когда государь узналъ о его тяжелой болѣзни (отъ зараженія при операци). Говоря о высокимиъ душевныхъ качествахъ почившаго монарха, профессоръ высказывалъ, что государь былъ внимательнымъ пациентомъ, отличаясь выдающимся терпѣніемъ, и выразилъ увѣренность, что тяжелая неизлѣчимая болѣзнь почекъ у государя, охватившая его могучій организмъ, явилась и развилась вслѣдствіе полученныхъ имъ ушибовъ и сотрясенія въ 1888 году. Собраніе закончилось исполненіемъ хоромъ и оркестромъ гимна «Боже, царя храни».

Историческое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ. I. Въ засѣданіи 20-го января В. В. Водозовъ прочелъ докладъ объ исторіи антисемитической партіи въ Германіи. Пространный докладъ имѣлъ цѣлью показать, что эта партія представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ политической случайности, будучи неспособной къ устойчивой организаціи и развитію. Всѣ представители антисемитизма оказались у докладчика людьми невѣжественными, совершенно некультурными и въ значительной части просто мазуриками. Отмѣчая постоянный приростъ партіи, докладчикъ успѣшилъ однако же разъяснить, что этотъ несомнѣнный ростъ въ сущности оказывается только убылью въ пользу консерватизма и социаль-демократіи; впрочемъ, въ концѣ доклада находилось также и утвержденіе, что антисемитизмъ растетъ всегда на счетъ консерватизма. Наряду съ этимъ докладчикъ находилъ, что чѣмъ менѣе въ данной мѣстности евреевъ, чѣмъ ихъ вліяніе на народную жизнь ничтожнѣе, тѣмъ сильнѣе ростъ антисемитизма и обратно. Изъ этого положенія авторъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ окончательнаго вывода—именно, что антисемитизмъ всего слабѣе тамъ, гдѣ евреи составляютъ большинство, и всего сильнѣе тамъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ евреевъ; хотя, конечно, его ребяческія сужденія едва ли нуждались и въ такомъ самоубійственномъ опроверженіи. Въ продолжительныхъ преніяхъ приняли участіе гг. Лесевичъ и Струве. **II.** 18-го февраля состоялось, подъ предсѣдательствомъ профессора Н. И. Карѣва, торжественное собраніе, посвященное памяти Огюста Конта, по случаю исполнившагося столѣтія со дня его рожденія. Первый докладчикъ, проф. А. С. Лаини-Данилевскій подробно ознакомилъ слушателей съ историческими условіями возникновенія позитивизма О. Конта и преимущественно его социологическихъ воззрѣній и обстоятельно выяснилъ характерныя особенности его философіи. Слѣдовавшій затѣмъ докладъ В. В. Лесевича касался спеціально философскихъ воззрѣній Конта. Назначенный къ чтенію третій докладъ профессора Н. И. Карѣва о Контѣ, какъ основателѣ социологіи, за позднимъ временемъ отложенъ до слѣдующаго засѣданія. **III.** Въ годовомъ общемъ собраніи, бывшемъ 25-го февраля, проф. Н. И. Карѣвъ сдѣлалъ рефератъ о Контѣ, какъ основателѣ социологіи. Докладчикъ весьма подробно выяснилъ значеніе О. Конта въ этой «наукѣ». Въ настоящее время, однако, его курсъ положительной философіи, по мнѣнію докладчика, представляетъ уже только чисто историческій интересъ и на его со-

ціологію слѣдуетъ смотрѣть не болѣе, какъ лишь на памятникъ человѣческой мысли, такъ какъ за послѣднія 50 лѣтъ, со времени появленія «курса» Конта, явились новыя положенія, новыя точки зрѣнія, да и сама жизнь создала много новыхъ общественныхъ явленій, сравнительно съ его временемъ. Тѣмъ не менѣе, по словамъ Н. И. Карѣева, и теперь дальнѣйшее развитие науки продолжается совершаться въ томъ же направленіи господства научнаго духа, которое рекомендовано Контомъ. Докладчикъ закончилъ свой рефератъ опредѣленіемъ значенія О. Конта въ исторіи нашей русской мысли. Въ Россіи впервые стали интересоваться Контомъ въ срединѣ 60-хъ годовъ, въ особенности же начали изучать съ конца 60-хъ годовъ, и четверть вѣка назадъ у насъ философія Конта была очень популярна. Затѣмъ явилось стремленіе отбросить въ ученіи Конта все, что было неосновательно и ложно, и прочее соединить съ другими науками въ одномъ общемъ направленіи. Въ общемъ, по мнѣнію лектора, значеніе Конта въ развитіи русской мысли было очень велико. Затѣмъ былъ доложенъ отчетъ о дѣятельности общества за истекшій 1897 годъ. Въ отчетномъ году всего было 8 общихъ собраній. Научная дѣятельность общества, между прочимъ, выразилась въ выпускѣ 9-го тома «Историческаго Обзоренія» и въ подготовленіи матеріаловъ для 10-го тома. Всѣхъ членовъ въ обществѣ въ настоящее время числится: 279 дѣйствительныхъ и 1 членъ-сопоставитель. Библіотека общества включаетъ въ себѣ 542 названія, составляющія 762 тома. Въ приходѣ общества въ теченіе года было 1.188 р., а израсходовано 120 р., такимъ образомъ имѣется въ остаткѣ 1.068 р. По смѣтѣ на 1898 годъ приходъ исчисленъ въ суммѣ 1.687 р., а расходъ въ 693 р.

Географическое общество. I. Въ засѣданіи этнографическаго отдѣленія, 16-го января, В. И. Юхельсонъ сдѣлалъ сообщеніе о древнемъ и современномъ бытѣ юкагировъ, инородцевъ сѣвернаго округа Якутской области, обитающихъ по рр. Ясачной и Коркодону. Докладчикъ путешествовалъ для изученія ихъ по порученію восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества. Начавъ путешествіе съ Якутска, онъ посѣтилъ область р. Колымы, доходя на сѣверо-востокъ до Ангойской пристани по р. Малой Ангоѣ и на юго-востокъ до р. Разсоха. Обратный путь изъ Колымскаго округа совершенъ по тундрѣ черезъ устья рр. Индигирки, Ялы и Лелы и по р. Ленѣ въ Якутскъ. Юкагиры (тунгусское слово юка—далеко) не знаютъ, кто и почему окрестилъ ихъ этимъ именемъ и сами себя называютъ одулами. Соціальный строй юкагировъ былъ первобытенъ. Общественныя отношенія древнихъ юкагировъ не только не носили характера политической группы, но исключали всякаго рода власть. Нынѣшніе выборные старосты, имѣющіе, правда, очень малое значеніе, привиты русскими. Типичнымъ является для древняго строя юкагировъ рѣзкое противоположеніе между собой, какъ двухъ отдѣльныхъ группъ, мужчинъ и женщинъ. На женщинъ, какъ хранительницъ домашняго очага, возложены рѣшительно всѣ работы по дому и хозяйству; мужчины же занимаются охотой и войнами. По распространенному у нихъ повѣрью, между охотникомъ и животнымъ существуетъ таинственная связь, и если животное не любитъ охотника, то послѣднему никогда не удастся его убить. Убитымъ животнымъ оказываютъ знаки почтенія, и существующій у юкагировъ культъ животнаго не

обходится безъ человѣческихъ жертвъ. Однимъ изъ ужасныхъ бичей для юкагировъ являются посѣщающія ихъ часто сильныя голодовки, во время которыхъ матери нерѣдко убиваютъ своихъ дѣтей. Въ общемъ, однако, это удивительно жизнерадостный полярный народъ, любящій проводить время въ пѣніи, пляскахъ, играхъ и состязаніяхъ. Что касается современнаго быта юкагировъ, то матеріальныя условія ихъ жизни остались во многихъ отношеніяхъ такими же, какими были 250 лѣтъ тому назадъ, до столкновенія ихъ съ русскими. Желѣзные орудія замѣнили каменные и костяныя, хотя и теперь еще встрѣчаются пережитки каменнаго вѣка. Формы быта остались прежнія, условія же питанія скорѣе ухудшились—пищей являются исключительно рыба и оленье мясо, добыча которыхъ подвержена различнымъ случайностямъ, и болѣе жалкой жизни трудно представить. Русскіе купцы вымѣниваютъ у нихъ въ Верхне-Колымскѣ за бездѣнокъ добытые ими продукты на чай, табакъ, ситцы и пр. Докладчикъ выразилъ пожеланіе, чтобы приняты были какія либо мѣры къ огражденію юкагировъ отъ голодовокъ, ставшихъ почти нормальнымъ явленіемъ, а также и отъ производимыхъ нерѣдко неправильныхъ обложеній. Докладъ иллюстрированъ былъ фотографическими снимками съ различныхъ мѣстностей и типовъ инородцевъ. Демонстрировались также предметы инородческой одежды и образцы картинныхъ изображеній письменъ на берестѣ.

II. 21 января 52-я годовщина общества была ознаменована торжественнымъ засѣданіемъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора П. П. Семенова. Секретаремъ общества г. Григорьевымъ былъ прочитанъ годовоі отчетъ. Были помянуты словомъ благодарности имена почившихъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ общества, между которыми были названы генер. І. Е. Стебницкій, К. К. Гротъ, гр. И. Д. Деляновъ, академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, профессоръ Ѳ. А. Слудскій и много другихъ. Въ теченіе года было 1.128 членовъ, почетныхъ и дѣйствительныхъ, русскихъ и иностранныхъ. На научныя предпріятія затрачено свыше 25 тыс. рублей. Предпріятія были слѣдующія: экспедиція Э. Э. Аверта и В. Л. Комарова въ Манчжурію и Сѣверную Корею; экспедиція академиковъ С. И. Коржинскаго и К. Г. Залемана, при участіи Д. В. Иванова и А. Н. Кознакова,—въ Рошанъ и Шугнанъ; экспедиція Б. А. Федченка и инженера Леонова—въ окрестности Туркестана и г. Островскихъ—въ страну шамановъ и тоджинцевъ; поѣздка г. Вардена по Енисейской и Томской губ. и Н. А. Буша и Н. Н. Щукина по тѣмъ же мѣстамъ; экспедиція гг. Некрасова и Истомина по инициативѣ пѣсенной комисіи, предсѣдательствуемой государственнымъ контролеромъ Т. И. Филиповымъ,—въ губерніи: Симбирскую, Пензенскую и Саратовскую. Ею собрано 90 пѣсенъ. Далѣе были перечислены экспедиціи М. Ѳ. Кривошапкина и Э. Е. Лейста для изслѣдованія магнитной аномаліи въ Курской губ. на площади 1.300 кв. верстъ, въ 370 точкахъ. Общество положило начало изученію Ладожскаго и Онежскаго озеръ, и на этомъ поприщѣ трудились гг. Звѣринцевъ и Совѣтовъ. Совѣтъ общества примкнулъ къ международному изученію высшихъ слоевъ атмосферы и приобрѣлъ аэростатъ; но полетъ не состоялся за позднимъ прибытіемъ инструментовъ. На изданіе своихъ трудовъ и иныхъ сочиненій затрачено 42 т. руб. Выпущены въ свѣтъ: отчетъ за 1896 г., 4 выпуска «Извѣстій», 1 томъ «Живой Старины»,

отчетъ г. Шиндера, «Всемирная торговля» и др. изданія. Капиталы общества составляютъ 120.400 р.; общіе расходы—50.500 р. Поступило отъ В. Ф. Голубева пожертвованіе въ 5.000 р. Въ виду исполнившагося 17-го января 25-ти-лѣтія служенія обществу сенатора П. П. Семенова, по ходатайству общества, Высочайше разрѣшено открыть по всей имперіи подписку для учрежденія медали его имени. Затѣмъ были провозглашены награды: высшая и чрезвычайная награда—Константиновская медаль Нансену—за его полярныя экспедиціи; Константиновская же медаль В. И. Роборовскому—за труды по географическому изслѣдованію Средней Азіи; медаль графа Ѳ. П. Литке—И. И. Стрѣльбицкому за путешествіе по Персіи и Манчжуріи (1891—1896); медаль имени П. П. Семенова—С. Л. Гедину—за трехлѣтнее путешествіе по Центральной Азіи; большая золотая медаль—И. Н. Жданову—за совокупность трудовъ по этнографіи вообще и за сочиненіе «Русскій эносъ» въ частности; малая золотая: Ѳ. Ѳ. Витраму—за изслѣдованіе силы тяжести на крайнемъ востокѣ Азіи; Ф. Ф. Шперку—за обширный трудъ «Климатъ Астраханскаго края»; С. Г. Рыбакову—за труды по собиранію памятниковъ музыкальнаго творчества среди приуральскихъ инородцевъ; С. О. Гулишамбарову за его трудъ «Всемирная торговля XIX вѣка и участіе въ ней Россіи»; серебряныя медали: А. В. Пастухову, Г. Ѳ. Альбесу, В. А. Федченку, В. Е. Тимонову, В. В. Сапожникову, А. М. Кованько, В. А. Семковскому, кн. Оболенскому, Томиловскому и Утѣшеву; бронзовыя медали: В. Р. Кроткову и В. А. Федченку. Кромѣ того, медали отъ совѣта общества, бронзовыя: бухарскому чиновнику Мирзѣ-Насрѣ-Эдину-Хаджи—за содѣйствіе В. И. Липскому во время путешествія его по Гисарайскому хребту и проводникамъ Н. А. Буша во время экскурсій его по верховьямъ Кубани—Рамазану Кимчаеву и Чомаю Семенову и подарокъ Ахгѣ Семенову. Собраніе закончилось выборами. III. Въ засѣданіи этнографическаго отдѣленія, 6-го февраля, П. Е. Островскій сдѣлалъ сообщеніе о своей поѣздкѣ, совершенной минувшимъ лѣтомъ, въ Тоджинскій хошунъ Урянхайской земли (хошунъ—знамя; монголы раздѣляютъ весь урянхайскій народъ на пять знаменъ). До сихъ поръ въ этой мѣстности были только въ качествѣ путешественниковъ: полковникъ иркутскаго штаба Бобырь и ботаникъ Томскаго университета Крыловъ, я собственно о тоджинцахъ въ литературѣ почти не имѣется свѣдѣній. Докладчикъ, вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ М. И. Райковымъ, отправился изъ Минусинска на с. Кужебары, затѣмъ вверхъ по р. Амылу, откуда, переваливъ Саянскій хребетъ и перейдя границу, направился по р. Алгаюкъ, впадающей въ р. Систикемъ, и прибылъ къ устью его. Далѣе отъ Систикема вверхъ по р. Пэгъ-Кэмъ до р. Тора-Кэмъ и отсюда до озера Тоджи-Куль, бывшаго крайнимъ восточнымъ пунктомъ его путешествія. Тоджинскій хошунъ составляетъ сѣверо-восточную часть Урянхайской земли и на сѣверо-востокѣ соприкасается къ корачассами, съ которыми имѣетъ, повидимому, много общаго. Населеніе здѣсь довольно густое, и главное занятіе его составляетъ скотоводство. Въ то время какъ западные обитатели Урянхайской земли слывутъ прославленными ворами, тоджинцы чрезвычайно честный и прямодушный народъ. Они отличаются также смѣтливостью, веселостью и большимъ юморомъ; но напѣвы у нихъ преимущественно своеобразно грустные, бьющіе по нервамъ. Костюмъ ихъ,

остающийся неизвѣстнымъ на западѣ, отличается тщательностью работы. Пищей ихъ является мясо и главнымъ образомъ коренья; много употребляется ими также чай. Весь счетъ у нихъ ведется на бѣлку (лошадь, напримѣръ, стоитъ 200—300 бѣлокъ, фунтъ пороку 25 бѣлокъ и т. д.). Подать тоджинцы платятъ монголамъ также пушниной, по три соболя съ души или по 120 бѣлокъ. Основные товары, сбываемые русскими тоджинцамъ: порохъ, свинецъ, затѣмъ миткаль, плизъ и пр. Вкусъ относительно одежды у нихъ очень развитъ. По религіи всѣ они по преимуществу шаманисги. Гостеприимство, которое у нихъ развито, не считается какою либо добродѣтелью. При разспросахъ и особенно при производствѣ фотографическихъ снимковъ, докладчику пришлось испытать не мало затрудненій, вслѣдствіе возникавшихъ по этому поводу подозрѣній, разныхъ кривотолковъ и пр., причѣмъ главными противниками являлось духовенство-ламы, опасавшееся, какъ бы не было нашествія съ сѣвера русскихъ миссіонеровъ. Докладъ былъ иллюстрированъ разнообразными этнографическими коллекціями, вывезенными съ мѣста и множествомъ фотографическихъ снимковъ. Докладчикъ былъ награжденъ шумными аплодисментами. IV. 11 февраля, состоялся докладъ академика С. И. Коржинскаго о совершенной имъ лѣтомъ минувшаго года экспедиціи въ провинціи Рошанъ и Шугнанъ, лежація на западномъ склонѣ Памира. Экспедиція была организована на средства географическаго общества и состояла изъ докладчика, взявшаго на себя естественно-историческую часть изслѣдованій, академика К. Г. Залемана—этнографа и горнаго инженера г. Иванова—спеціалиста по геологіи. Кромѣ того, къ экспедиціи присоединился, въ качествѣ добровольнаго спутника, поручикъ кавалергардскаго полка А. Н. Казнаковъ, взявшій на себя составленіе зоологическихъ коллекцій. Провинціи Рошанъ и Шугнанъ до сихъ поръ, по политическимъ условіямъ, оставались почти совершенно недоступными для путешественниковъ и только лишь въ прошломъ году, когда, въ силу извѣстнаго англо-русскаго соглашенія, онѣ отошли къ бухарскимъ владѣніямъ, въ нихъ открылся доступъ для ученыхъ изслѣдователей. Исходнымъ пунктомъ экспедиціи, продолжавшейся болѣе четырехъ мѣсяцевъ, былъ Самаркандъ, откуда члены экспедиціи, раздѣлившись, направились каждый разными путями, сообразно своимъ цѣлямъ. Экспедиція С. И. Коржинскаго направилась къ югу черезъ Шахрисябскій хребетъ на Китабъ, Шааръ, Ширабадъ къ р. Аму-Дарьѣ, откуда, повернувъ къ сѣверу, сдѣлала экскурсію на неосѣщенный еще никѣмъ изъ европейцевъ хребетъ Баба-Тау, съ которымъ у мѣстнаго населенія соединяется не мало различныхъ повѣрій и разсказовъ про водящихся тамъ въ изобиліи гигантскихъ змѣй, львовъ, тигровъ и т. п., оказавшихся совершенно фантастичными. Отсюда экспедиція пошла далѣе къ сѣверу въ Гиссаръ и затѣмъ на востокъ въ Кала-и-хумъ, откуда вдоль по р. Панджу дошла до Ванча. Здѣсь въ дальнѣйшемъ движеніи встрѣтилось препятствіе, оказавшееся непреодолимымъ. Переваль Гушховъ, черезъ который предстояло перебраться въ долину Язгулеша, былъ заваленъ массой снѣга еще отъ прошлаго года, и, не смотря на работу специально высланныхъ для расчистки пути болѣе ста человекъ, проходъ оказался невозможнымъ. Пришлось идти обратно прямымъ путемъ, черезъ Алай и Памиръ. Въ Алаѣ, однако, недостатокъ въ припасахъ

заставилъ экспедицію, прежде чѣмъ направиться на Памиръ, идти въ Маргеланъ, гдѣ между прочимъ были оставлены собранныя коллекціи. Съ Памира, куда затѣмъ прибыла экспедиція, она направилась къ озеру Кара-куль и, спустившись черезъ перевалъ Кизиль-Джикъ въ весьма богатыхъ въ ботаническомъ отношеніи окрестности озера Ракъ-куль, достигла Памирскаго поста, а затѣмъ, пройдя къ юго-западу, къ верховьямъ рѣки Шахъ-Дары, и предѣловъ Шугнана. Выйдя отсюда въ Хорогъ, гдѣ находится смѣнный памирскій отрядъ, экспедиція совершала двѣ экскурсіи въ стороны: къ сѣверу—въ Рошанъ до Кала-и-Вамарта и къ югу—въ Вазанъ до Андыроба. Обратный путь былъ совершенъ черезъ мало-извѣстный перевалъ Лянгаръ къ Ташъ-Кургану, затѣмъ по Кударѣ на Кокъ-джаръ, и черезъ долину Алая въ Ферганы и Маргеланъ. Путешествіе вышло богатымъ въ научномъ отношеніи. Докладчикъ собралъ множество свѣдѣній ботаническихъ, этнографическихъ и пр. Между прочимъ, имъ было сообщено много интересныхъ данныхъ о наблюдавшихся имъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ различныхъ аномаліяхъ въ природѣ и среди населенія. Такъ, напр., встрѣчались горныя рѣки, текуція только днемъ при солнцѣ, съ закатомъ же его прекращающія свое теченіе. Среди жителей Кала-и-Рахаръ встрѣчено было множество пораженныхъ огромными зубами (до двухъ третей населенія), причиной чего, — по словамъ жителей, — является мѣстный ключъ, по мнѣнію же докладчика—всего вѣроятнѣе, замкнутый и неподвижный образъ жизни. Явленій кретинизма, обычнаго спутника зубастости, однако, не было замѣчено. Докладъ былъ иллюстрированъ множествомъ фотографическихъ снимковъ съ различныхъ мѣстностей и типовъ населенія. Затѣмъ сдѣлано было сообщеніе другимъ членомъ экспедиціи, академикомъ К. Г. Залеманомъ, касавшееся результатовъ изученія языка живущихъ въ Рошанѣ и Шуганѣ народовъ.

Философское общество. I. 31-го января, состоялось открытіе и первое публичное собраніе философскаго общества. Въ началѣ засѣданія предсѣдатель, Э. Л. Радловъ, обратился къ собравшимся съ рѣчью, въ которой указалъ, что еще 18 лѣтъ тому назадъ среди лицъ, интересующихся философіей, явилась мысль о желательности болѣе постоянной и прочной связи философскихъ работъ и интересовъ въ Россіи, въ формѣ особаго общества, но попытка 1879 года не имѣла успѣха. За послѣднія 18 лѣтъ интересъ къ философіи въ русскомъ обществѣ замѣтно возросъ и явился побужденіемъ къ возобновленію попытки основать философское общество въ Петербургѣ. Но дѣло, вѣроятно, и на этотъ разъ не имѣло бы желательнаго результата, еслибъ не истрѣбило содѣйствія со стороны профессора С.-Петербургскаго университета А. И. Введенскаго, который, такимъ образомъ, и является главнымъ организаторомъ этого дѣла. Послѣ этого на кафедрѣ взошелъ А. И. Введенскій. Въ началѣ своей рѣчи онъ поставилъ вопросъ, можетъ ли философія принести въ Россіи такую же пользу, какъ и въ другихъ странахъ, и является ли у насъ занятіе ею результатомъ дѣйствительной потребности, или есть дѣло совершенно наивное? Для рѣшенія этого вопроса недостаточно обратить вниманіе только на то, въ какой мѣрѣ наши философы оказывались оригинальными, но необходимо также припомнить, какъ распространялись и развива-

лись у насъ философскія знанія. Все время до начала настоящаго столѣтїя можно считать только подготовительнымъ періодомъ въ исторїи русской философіи. До этого времени, несмотря на сильное распространеніе «вольтерьянства» въ концѣ XVIII в., философія, какъ наука, еще не пустила глубокихъ корней въ русскомъ обществѣ. Настоящій серьезный интересъ къ философіи, какъ наукѣ, пробудился у насъ, главнымъ образомъ, съ того времени, какъ мы познакомились съ ученіемъ нѣмецкихъ идеалистовъ. Это знакомство началось въ первой половинѣ царствованія императора Александра I, когда, какъ извѣстно, былъ совершенъ цѣлый рядъ преобразованій на пользу просвѣщенія. Между прочимъ, въ это время преподаванію философіи было отведено почетное мѣсто въ университетахъ и духовныхъ академіяхъ. Въ программы среднихъ учебныхъ заведеній также вводились философскіе предметы. Не говоря уже о духовныхъ семинаріяхъ, даже въ гимназіяхъ было удѣлено 18-недѣльныхъ уроковъ на философскія науки. Такое положеніе дѣла замѣтно оживило интересъ къ знанію, но, къ сожалѣнію, продолжалось недолго. Въ концѣ царствованія Александра I былъ созданъ цѣлый рядъ препятствій къ распространенію у насъ философскихъ знаній. Преподаваніе философіи въ гимназіяхъ было запрещено. Гимназистамъ позволялось изучать одну только логику. Университетская философія тоже была стѣснена. Тогдашній попечитель Казанскаго округа, Магницкій, прямо заявлялъ, что сущность философіи Шеллинга составляютъ «вольнодумство и развратъ». Однако, несмотря на такое печальное положеніе университетскаго преподаванія, философскія знанія продолжали распространяться въ русскомъ обществѣ и университетахъ. Ихъ распространителями прежде всего явились профессора естественныхъ наукъ, придававшіе своимъ специальнымъ лекціямъ философскій характеръ, а также извѣстные философскіе кружки—Станкевича, Аксаковыхъ и проч. Подъ влияніемъ философскаго образованія, въ лицѣ славянофиловъ и западниковъ, у насъ сталъ вырабатываться философскій взглядъ на прошлое и будущее русскаго народа. Знакомство съ теорїей познанія способствовало у насъ развитію и нѣкоторыхъ специальныхъ наукъ. Блестящимъ примѣромъ этого служить знаменитый Лобачевскій. Въ 1850 году противъ философіи у насъ были приняты чрезвычайныя мѣры. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, кн. Ширинскій-Шихматовъ, стоявшій на той точкѣ зрѣнія, что «польза философіи не доказана, а вредъ отъ нея возможенъ», позаботился о томъ, чтобы вовсе изгнать ее изъ университетовъ. И дѣйствительно, кафедръ философіи были закрыты. Изъ философскихъ наукъ въ университетахъ оставлены были только логика и психологія, преподаваніе которыхъ обязательно поручалось духовнымъ лицамъ. Такъ дѣло продолжалось до 1863 года, когда въ университетахъ снова была восстановлена кафедра философіи. Обозрѣвая общій ходъ распространенія философіи въ Россіи, профессоръ Введенскій пришелъ къ заключенію, что занятіе философіей у насъ вызывалось дѣйствительною, серьезною потребностью. Сочиненія славянофиловъ и западниковъ обнаружили способность русскихъ самостоятельно пользоваться философскими трудами чужихъ мыслителей, а примѣръ Лобачевскаго показываетъ, что, получая много знаній отъ западныхъ мыслителей, мы и сами далеко не всегда остаемся передъ ними въ долгу. Въ

заключеніе, указавъ на замѣтный подъемъ интереса къ философіи въ настоящее время, А. И. Введенскій выразилъ увѣренность, что вновь открытое философское общество принесетъ много пользы русскому просвѣщенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русскому народу. II. Въ засѣданіи 17-го февраля, В. С. Соловьевъ прочелъ часть доклада на тему «Жизненная драма Платона». Въ прочитанной части рѣчи о Платонѣ, собственно, было сказано очень мало, такъ какъ она была посвящена, главнымъ образомъ, судьбѣ Сократа. Когда же докладчикъ, послѣ продолжительнаго вступленія, приступилъ, наконецъ, къ своему предмету, то, послѣ первыхъ же словъ о Платонѣ, ссылаясь на крайнее утомленіе, прекратилъ чтеніе.

Археологическій институтъ. 29-го января, въ археологическомъ институтѣ состоялось засѣданіе, въ которомъ А. Θ. Селивановъ сдѣлалъ сообщеніе «Историческія изслѣдованія о Подоліи и труды подольскаго епархіальнаго комитета по историческому изученію Подольской епархіи». На засѣданіи былъ преосвященный Димитрій, епископъ тверской и кашинскій, бывшій съ 1887 г. по 1897 г. на епископской кафедрѣ въ Каменецъ-Подольскѣ. Докладчикъ остановился подробно на трудахъ подольскаго епархіальнаго комитета. Имъ издано 8 томовъ, въ которыхъ помѣщено много интересныхъ изслѣдованій и напечатано значительное количество актовъ. По мысли преосвященнаго Димитрія, приступлено къ изданію «Историко-статистическаго описанія епархіи». Преосвященный Димитрій, послѣ доклада, сдѣлалъ интересное сообщеніе объ открытомъ во время управленія имъ Подольской епархіей древняго монастыря въ м. Бакатѣ (прежняя столица Понизья) и монастыря при рѣкѣ Двѣстрѣ. Преосвященный сообщилъ также интересныя свѣдѣнія о вѣкоторыхъ древнихъ церковныхъ памятникахъ на Подоліи и о храмѣ въ честь Бориса и Глѣба въ Тверской епархіи.

Чествованіе памяти Θ. И. Буслаева. 22-го января, въ педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній засѣданіе отдѣла Коменскаго было посвящено памяти Θ. И. Буслаева. А. А. Шахматовъ выяснилъ заслуги Буслаева въ историческомъ изученіи русскаго языка. Послѣдователь Востокова и Гримма, Θ. И. явился не только вполне самостоятельнымъ въ своихъ трудахъ, но и истиннымъ основателемъ несуществовавшей дотолѣ исторической науки о русскомъ языкѣ. Его «Историческая грамматика», «Матеріалы для русской грамматики и стилистики», «Историческая хрестоматія древне-русскаго и церковно-славянскаго языковъ» послужили широкимъ фундаментомъ для этой науки. Имъ установлена связь русскаго языка съ группою индо-европейскихъ, связь нашей живой, разговорной рѣчи съ языкомъ древнихъ памятниковъ. Внесъ новыя начала въ изслѣдованіе языка и въ дѣло преподаванія его, Θ. И. первый внесъ раздѣленіе грамматики на элементарную и научную, далъ для первой методъ и руководство. Его «Краткій курсъ къ первоначальному преподаванію русскаго языка», безъ правилъ, безъ примѣровъ, безъ исключеній—стоитъ въ безусловномъ противорѣчій со всѣми существовавшими и существующими руководствами этого рода. Къ сожалѣнію, покойный не нашелъ послѣдователей въ средѣ молодыхъ филологовъ,—его цѣнныя указанія почти забыты, а, между тѣмъ, дѣло первоначальнаго преподаванія языка у насъ не

можетъ считаться блестяще поставленнымъ, оно не развилось, не пошло впередъ; самое лучшее, самое полезное для него—возвратиться назадъ, къ методу Буслаева. Не менѣ замѣчательны и труды Ѳ. И. въ области истории русской словесности, значеніе которыхъ въ немногихъ словахъ охарактеризовалъ проф. П. И. Ждановъ. Памятники нашей старины, нашъ народный эпосъ впервые получили отъ Буслаева должную оцѣнку, впервые была найдена поэзія тамъ, гдѣ ее всего менѣ ожидали найти. Ѳ. И. указалъ первый на несомнѣнные достоинства нашей народной поэзіи: на ея естественность, цѣльность, общенародность. Народная поэзія, по словамъ покойнаго, это народный бытъ, облеченный въ пѣсню, сама жизнь въ пѣснѣ. Съ негодованіемъ относился онъ къ пренебрежительному отношенію высшихъ классовъ къ народной поэзіи, доказывая, что языкъ ея—языкъ нашихъ предковъ; презирая его, они презираютъ этимъ послѣднихъ. Извѣстности трудовъ Буслаева, печатавшихся въ обще-литературныхъ журналахъ, не мало способствовало и изложеніе послѣднихъ живымъ, блестящимъ языкомъ, несмотря на научность излагаемаго. Вниманіе, привязанность, любовь ко всему, что онъ изслѣдовалъ и издавалъ, были такъ велики, что заставляли и его послѣдователей не только изучать, но и всю душою любить народную словесность. Новаторъ во всемъ, Буслаевъ явился таковымъ и въ университетѣ, гдѣ читалъ лекціи по французской системѣ, гдѣ официальному курсу вовсе не соответствовали тѣ широкія рамки, въ какія ставилъ онъ преподаваніе «исторіи русскаго языка». Нѣсколько словъ о дѣятельности Буслаева въ этой области, краткая характеристика его, какъ товарища и собесѣдника, нашли себѣ выразителя въ лицѣ ученика покойнаго—проф. А. И. Соболевскаго, закончившаго этимъ сообщеніемъ засѣданіе.

† П. А. Безсоновъ. 22-го февраля, въ Харьковѣ, скончался заслуженный профессоръ мѣстнаго университета Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ. Имя покойнаго дѣятеля науки давно извѣстно всей образованной Россіи и среди славянскихъ земель. П. А. Безсоновъ родился въ 1828 году, въ семьѣ московскаго священника Алексѣя Терентьевича Безсонова, состоявшаго законоучителемъ университетскаго пансіона. Свое начальное образованіе онъ получилъ въ московской духовной семинаріи, откуда въ 1846 году поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета. Одинъ изъ лучшихъ учениковъ Буслаева, Каткова, Шевырева и, особенно, Бодянскаго, онъ еще студентомъ втораго курса обратилъ на себя вниманіе гр. С. С. Уварова, тогда обозрѣвавшаго университетъ, своимъ прочтеннымъ сочиненіемъ «о современномъ состояніи психологіи»: по словамъ М. П. Погодина, «ясностью, обдуманностью, внутреннимъ сильнымъ убѣжденіемъ въ своихъ мысляхъ, которое слышно было въ самомъ ихъ выраженіи, зрѣлостію—отличалось разсужденіе г. Безсонова; слушая его, забывалось, что это студентъ, дающій отчетъ; онъ казался уже преподавателемъ». По окончаніи курса въ 1851 году первымъ кандидатомъ, Безсоновъ, продолжая усовершенствоваться въ славянскихъ нарѣчіяхъ, древнихъ языкахъ и санскритѣ, началъ свою службу: съ 1855 года онъ состоялъ чиновникомъ въ комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ; съ августа 1857 года—старшимъ совѣтникомъ Московской Синодальной типографіи; съ 1864 года—директоромъ Виленскаго раввинскаго учи-

лица и мѣстной гимназіи, завѣдующимъ тамошнимъ музеемъ, публичною библіотекою и предсѣдателемъ археографической комиссіи, а съ 1867 по 1879 г. — библіотекаремъ Московскаго университета. Эта почти двадцатипятилѣтняя служба соединялась съ обширною учено-литературною дѣятельностью, выразившеюся во многочисленныхъ статьяхъ и отдѣльныхъ изданіяхъ, главнымъ образомъ, по исторіи русской и славянской литературы. Сверхъ того, съ 50-хъ же годовъ, въ Московскомъ университетѣ П. А. читалъ для желающихъ славянскія нарѣчія, языки чешскій, польскій и въ особенности сербскій и болгарскій, по памятникамъ, съ объясненіями историческими, этнографическими и филологическими. Свою литературную дѣятельность онъ сосредоточилъ въ «Русской Бесѣдѣ», примкнувъ къ славянофильскому кругу. Труды его были направлены на изслѣдованіе русской старины, народной поэзіи и русской и славянской біографіи. Одной изъ первыхъ его работъ была біографія Калайдовича, затѣмъ имъ были отысканы и по частямъ издаваемы (въ «Русской Бесѣдѣ» и потомъ отдѣльно) сочиненія тогда еще мало извѣстнаго Крижанича и изданъ сборникъ болгарскихъ пѣсень. Особенно же покойный былъ извѣстенъ своими изданіями по народной словесности, какъ, напримѣръ: «Болгарскія пѣсни» (М., 1855 г., два тома), «Пѣсни П. В. Кирѣевскаго» (М., 1860—1874 гг., десять выпусковъ), «Калѣки перехожіе», сборникъ русскихъ народныхъ стиховъ, съ рисунками и нотами (М., 1861—1864 гдахъ, шесть выпусковъ), «Дѣтскія пѣсни» (М., 1868 г.) и «Вѣлорусскія пѣсни» (М., 1871 г.). Названныя изданія сопровождались подробными объясненіями народнаго творчества и языка, очерками обрядовъ, обычаевъ и воззрѣній русскаго народа и славянскихъ племенъ, такъ что представлялись не простыми «сборниками матеріаловъ», а «собраніями памятниковъ народнаго пѣснотворчества» съ изслѣдованіями и примѣчаніями издателя. Они были оцѣнены Казанскимъ университетомъ, который въ 1878 году поднесъ П. А. Безсонову почетный дипломъ на званіе доктора славянской филологіи. Благодаря этому, покойный занялъ кафедру славянскихъ нарѣчій въ Харьковскомъ университетѣ (съ 23 ноября 1878 года) и почти двадцать лѣтъ состоялъ тамъ профессоромъ, продолжая до кончины заниматься излюбленнымъ предметомъ — народною русскою и славянской литературой. Помимо отдѣльно выпущенныхъ сочиненій, перу П. А. Безсонова принадлежитъ рядъ статей, разбросанныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ «Русской Бесѣдѣ», «Молвѣ», «Дѣѣ» Аксакова, «Православномъ Собесѣдникѣ», «Русскомъ Архивѣ» и «Современной Лѣтописи». Изъ этихъ статей назовемъ: «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка», «Книга Пчела», «Стоглавъ», «Знаменательные года и знаменитѣйшіе представители послѣднихъ двухъ вѣковъ въ исторіи церковнаго русскаго пѣснопѣнія» (1872 г.), «Мнимый туранизмъ русскихъ» (1885 г.) и др. Еще полтора года тому назадъ онъ на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» подробно описывалъ свое богатое собраніе произведеній народной поэзіи. «Со смертью П. А. Безсонова, говорятъ «Московскія Вѣдомости», прекращается дѣятельность одного изъ старѣйшихъ питомцевъ нашего университета, неутомимаго собирателя и издателя произведеній народнаго творчества, ревностнаго члена общества любителей Россійской словесности, гдѣ онъ долгое время слу-

жилъ секретаремъ, и — наконецъ — человѣка, котораго труды, по словамъ М. Н. Каткова, — какъ посвященные нашему народному самопознанію, заслуживаютъ всякой хвалы и признанія». («Моск. Вѣд.» № 54; «Нов. Вр.» № 7902; «Нов.» № 55).

† Г. П. Смирновъ-Платоновъ. 16-го февраля, скончался въ Москвѣ протоіерей Григорій Петровичъ Смирновъ-Платоновъ. Покойный родился въ 1825 году въ Москвѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Здѣсь же, въ духовной семинаріи, онъ началъ свое образованіе, которое съ 1846 года продолжалъ въ Московской духовной академіи. По окончаніи въ 1850 году курса въ академіи Г. П. оставленъ былъ при ней бакалавромъ и получилъ кафедру библейской исторіи. Въ слѣдующемъ году за сочиненіе «О литургіи преждеосвященныхъ даровъ» получилъ степень магистра богословія. Названная диссертация была напечатана по настоянію митрополита Филарета. Послѣ двухъ лѣтъ академической службы Г. П. въ награду былъ перемѣщенъ на кафедру патрологіи. Въ 1853 году была образована особая комиссія для разбора и описанія рукописей бібліотеки бывшаго печатнаго двора, нынѣ при Московской Синодальной типографіи. Въ эту комиссію вошелъ Г. П., много и съ пользою въ ней работавшій. Съ осени 1850 года покойный, сверхъ того, поступилъ слушателемъ въ Московскій университетъ, въ которомъ сосредоточилъ вниманіе на курсахъ профессоровъ Ѳ. И. Буслаяна и П. М. Леонтьева. Затѣмъ Г. П. поступилъ на службу въ духовную семинарію. Въ 1856 году покойный получилъ мѣсто приходскаго священника въ церкви Воскресенія, что на Остоженкѣ, гдѣ священствовалъ болѣе 35 лѣтъ до пережщенія къ Николо-Явленской, что на Арбатѣ, церкви, послѣдовавшаго въ 1892 году. Вскорѣ послѣ того, въ 1859 году, Г. П. выступилъ на поприще общественнаго дѣятеля и журнальнаго работника. Онъ состоялъ гласнымъ городской думы, былъ дѣятельнымъ членомъ общества попеченія о немущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ, въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ членомъ московскаго комитета грамотности и одно время былъ въ немъ товарищемъ председателя, основалъ первый въ Москвѣ пріютъ для дѣтей — «ясли», принималъ самое близкое и дѣятельное участіе въ извѣстномъ журналѣ профессора Сергіевскаго «Православное Обзорѣніе», а съ 1869 г. года сдѣлался его редакторомъ. Въ 1885 году онъ основалъ журналъ «Дѣтская Помощь», который долженъ былъ служить органомъ упомянутаго общества попеченія о немущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ. Въ дѣйствительности «Дѣтская Помощь» была болѣе нежели органомъ общества, она вообще была шире своего названія: это былъ журналъ, касавшійся всѣхъ вопросовъ общественной благотворительности и призрѣнія бѣдныхъ. Г. П. ясно сознавалъ, что помощь бѣднымъ — дѣло не одной только филантропіи, что здѣсь необходима дѣятельность государственныхъ и общественныхъ органовъ, почему онъ и удѣлялъ въ своемъ журналѣ немало мѣста вопросамъ законодательства о бѣдныхъ. Только благодаря «Дѣтской Помощи», читающая публика могла, наприимѣръ, имѣть свѣдѣнія о трудахъ комиссіи покойнаго статсъ-секретаря К. К. Грота, имѣвшей своею цѣлью реформу нашего законодательства объ общественномъ призрѣніи. Г. П. умѣлъ сплотить около себя кружокъ молодежи, горячо отдававшей свои силы и свой безвозмездный трудъ редактируемому имъ

журналу, который не уступал по своимъ достоинствамъ лучшимъ иностраннымъ изданіямъ этого рода. Журналъ никогда не имѣлъ широкаго распространенія, но это не ослабляло энергии неутомимаго Г. П. Въря въ плодотворность работы, онъ въ теченіе десяти лѣтъ не покидалъ начатаго имъ дѣла, и только недостатокъ матеріальныхъ средствъ на изданіе, ежегодно приносившее редактору довольно крупный дефицитъ, заставилъ Г. П. въ 1895 году прекратить «Дѣтскую Помощь», которая по богатству собраннаго ею матеріала, твердости и опредѣленности руководящихъ статей долго еще будетъ составлять необходимое пособіе для всякаго работающаго въ области вопросовъ о призрѣніи бѣдныхъ. Будучи вынужденъ закрыть «Дѣтскую Помощь», Г. П. не переставалъ мечтать объ ея возобновленіи, и въ 1896 году велъ въ этомъ смыслѣ переговоры съ однимъ изъ официальныхъ вѣдомствъ въ Петербургѣ, причемъ даже предлагалъ, если это окажется нужнымъ для изданія, оставить Москву и просить о переводѣ въ одинъ изъ петербургскихъ приходоу. До самыхъ послѣднихъ мѣсяцевъ своей жизни Г. П. не покидалъ пера, и не далѣе какъ въ 9-мъ номерѣ «Русскаго Архива» за 1897 годъ были напечатаны имъ воспоминанія объ А. П. Протасовѣ. Въ послѣднее время Г. П. работалъ въ московскомъ отдѣленіи попечительства о слѣпыхъ, гдѣ былъ товарищемъ предсѣдателя. Лѣтомъ и осенью 1897 года онъ устроилъ глазную амбулаторію въ Сергіевскомъ посадѣ. Общество любителей духовнаго просвѣщенія лишилось въ немъ одного изъ видныхъ своихъ членовъ. При содѣйствіи покойнаго общество обогатилось значительною богословскою бібліотекою протоіерея А. М. Иванцова-Платонова. Со времени перемѣщенія къ церкви св. Николая Явленскаго, Г. П. стоялъ во главѣ братства св. Николая въ память цесаревича Николая и много способствовалъ упроченію и развитію его дѣятельности. При своей разнообразной общественной и литературной дѣятельности покойный находилъ время для занятія законоучительствомъ. Такъ, между прочимъ, онъ преподавалъ законъ Божій въ Александро-Маринскомъ училищѣ, Елисаветинской гимназіи и др. Въ послѣднее время почившій протоіерей много потрудился по устройству публичныхъ богословскихъ чтеній, которыя возникли по его инициативѣ и ближайшемъ участіи. Успѣхъ перваго опыта этихъ чтеній доставилъ большое нравственное удовлетвореніе усопшему. «Почившій былъ выдающейся и крайне разностороннею личностью, говорятъ «Русскія Вѣдомости». Талантливость и глубина ума соединились въ немъ съ широкимъ философскимъ образованіемъ, съ одной стороны, и рѣдкою любовью и способностью къ общественной дѣятельности—съ другой. Это былъ энергическій, живой общественный дѣятель, всегда отзывчивый на все доброе, всегда готовый всякому помочь словомъ и дѣломъ, всегда смѣлый и правдивый». («Русск. Вѣд.» № 50; «Моск. Вѣд.» № 48; «Нов. Вр.» № 7899).

† Я. О. Березинъ-Ширяевъ. 23-го января, въ С.-Петербургѣ, скончался Яковъ Федуловичъ Березинъ-Ширяевъ, бібліографъ и бібліофилъ. Сынъ купца, онъ родился 20 октября 1824 года, еще въ молодости пристрастился къ чтенію и началъ пріобрѣтать книги самаго разнороднаго содержанія, преимущественно касающіяся исторіи и древностей Россіи, литературы, искусствъ и художествъ. Съ теченіемъ времени онъ составилъ себѣ замѣчательную бібліотеку,

«Истор. вѣстн.», апрѣль, 1898 г., т. LXXII.

¹/₂23

закрывающую до 14.000 сочиненій въ 80.000 томахъ, въ томъ числѣ много цѣнныхъ и рѣдкихъ изданій. Кромѣ библиотеки, покойный составилъ богатую нумизматическую коллекцію и собраніе гравюръ. Главная заслуга Я. О. заключается въ томъ, что онъ не только собиралъ книги, но и занимался ихъ описаніемъ, издавъ нѣсколько сочиненій, имѣющихъ большую библиографическую цѣнность. Такъ, ему принадлежатъ «Матеріалы для библиографіи или описаніе русскихъ и иностранныхъ книгъ, находящихся въ библиотекѣ любителя историческихъ наукъ» (8 книжекъ); «Описаніе русскихъ и иностранныхъ книгъ, или дополнительные матеріалы для библиографіи»; «Послѣдніе матеріалы для библиографіи или описаніе русскихъ и иностранныхъ книгъ, гравюръ и портретовъ, русскихъ и иностранныхъ»; «Обозрѣніе книгъ, гравюръ и монетъ временъ царствованія Петра Великаго и Екатерины Первой»; «Описаніе книгъ, брошюръ, указовъ и эстамповъ, изданныхъ въ царствованіе Петра Великаго и императрицы Екатерины I Алексѣевны». Кромѣ того, имъ помѣщено много статей и замѣтокъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ.

† **В. Н. Чиколевъ.** 22-го февраля, въ С.-Петербургѣ, скончался извѣстный русскій электротехникъ Владиміръ Николаевичъ Чиколевъ. Покойный родился въ 1845 году, образованіе получилъ въ Александровскомъ сиротскомъ военномъ училищѣ въ Москвѣ. Своими обширными спеціальными знаніями В. Н. обязанъ главнымъ образомъ самообразованію. Онъ поступилъ вольнослушателемъ въ Московскій университетъ, усердно занимался физикой и былъ приглашенъ вскорѣ ассистентомъ въ физическій кабинетъ профессора Цвѣткова. Затѣмъ онъ занимался нѣкоторое время въ лабораторіи Московскаго технического общества, посвятивъ свои работы преимущественно электротехникѣ и электричеству, мало еще въ то время разработанному. Въ 1869 году онъ работалъ уже надъ примѣненіемъ дифференціального принципа къ электрическимъ дуговымъ лампамъ, въ 1874 году устроилъ первую въ мірѣ дифференціальную лампу. Въ 80-хъ годахъ покойный принялъ дѣятельное участіе въ трудахъ технического общества и явился инициаторомъ-устройтеlemъ первой въ мірѣ электрической выставки, бывшей въ Петербургѣ въ 1881 году, и редакторомъ перваго русскаго электрическаго журнала «Электричество», возникшаго также по его инициативѣ. Техническое общество отплатило полезныя труды покойнаго по электричеству медалью, присужденною преимущественно за примѣненіе электричества къ практическимъ цѣлямъ. Съ 1876 года В. Н. служилъ дѣлопроизводителемъ артиллерійскаго комитета по электротехническому отдѣлу. Его стараніями открыта въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ электрическая лабораторія, и электричество стало примѣняться къ многимъ военнымъ цѣлямъ, напримѣръ, къ стрѣльбѣ и пр. Въ 1892 году покойный изобрѣлъ способъ проверки рефлекторовъ фотографированіемъ и изложилъ теорію электрическихъ прожекторовъ. Помимо изобрѣній В. Н. Чиколевъ извѣстенъ своими многочисленными литературными работами и популярными публичными лекціями объ электричествѣ, прочитанными въ Солянѣмъ Городкѣ. Изъ его трудовъ назовемъ: «Электрическое освѣщеніе въ примѣненіи къ военнымъ цѣлямъ», «Справочная книжка по электротехникѣ», «Проверка рефлекторовъ», «Освѣтительная способность прожекторовъ электрическаго свѣта», «Электротехническія измѣренія и по-

вѣрки», «Математическія таблицы» и мн. др. сочиненія, между прочимъ, «Пиротехнику» — первую популярную книгу о приготовленіи фейерверковъ. («Нов. Вр.» № 7902).

† А. Борковская. 23-го февраля, въ Варшавѣ, скончалась одна изъ виднѣйшихъ работницъ мѣстной польской прессы Александра Борковская (рожд. Хоментовская). Воспитанная въ традиціяхъ благочестивой старо-польской семьи, Борковская послѣ смерти мужа (подляшскаго помѣщика) поселилась съ 1856 года въ Варшавѣ и отдалась литературной дѣятельности. Счастливый случай помогъ ей занять видное положеніе въ избранномъ родѣ дѣятельности. Въ 1868 году началъ издаваться въ Варшавѣ на средства графа Влад. Красинскаго журналъ «Kronika godzinna», редакторомъ котораго назначенъ былъ Влад. Хоментовскій, бібліотекаръ ординаціи Красинскихъ, родной братъ Борковской. Послѣдняя издававшая уже въ 1861 году журналъ «Kółko domowe», выходившій два раза въ мѣсяць, стала постоянной сотрудницей ново-основаннаго журнала, а съ 1878 года (послѣ смерти брата) получила журналъ въ свое полное завѣдываніе. Въ 1889 году она стала во главѣ второго журнала «Wieczory Rodzinne» (еженедѣльный иллюстрированный). Задачей своей журнальной дѣятельности Борковская считала поддержаніе и защиту традиціонныхъ основъ какъ семейной, такъ и общественной жизни, опиравшихся на началахъ клерикально-консервативнаго характера. Играя замѣтную роль въ общественной жизни города Варшавы, Борковская являлась центромъ цѣлаго кружка съ ясно-опредѣленной консервативной тенденціей: собранія ея (носившія названія «сессій семейной хроники») пользовались значительной извѣстностью въ польскомъ обществѣ. Независимо журнальной дѣятельности, Борковской напечатаны слѣдующія книжки: «Obrazki z życia świętobliwych Polaków i Polek» (1859 г.), «Wspomnienia z przeszłości, poświęcone młodemu wiekowi» (1 изд. — 1860 г., 2 изд. — 1877 г.), «Marja Klementyna» (1861 г.), «Powieści i opowiadania dla młodego wieku» (1874 г.) и мн. др.

~~~~~

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьѣ «Товарищи Достоевскаго».

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщена статья г. Николаевскаго, подъ заглавіемъ «Товарищи Достоевскаго».

Приложенный къ замѣткѣ статейный списокъ политическихъ и государственныхъ преступниковъ, снабженный выдержками изъ «Записокъ изъ мертваго дома», представляетъ несомнѣнный интересъ; но жаль, что въ заключеніи замѣтки Г. Николаевскій сдѣлалъ ошибку, которую я и хочу исправить.

Г. Николаевскій пишетъ: «въ настоящее время Омской каторжной крѣпости уже не существуетъ, но самое зданіе острога еще цѣл о

1/223*

Это три деревянныхъ корпуса, въ которыхъ живутъ музыканты и солдаты мѣстнаго гарнизона».

Все это невѣрно. Во-первыхъ, «каторжной крѣпости» въ Омскѣ никогда не существовало, да врядь ли и вообще гдѣ нибудь были такія крѣпости, а, вторыхъ, крѣпость эта хотя и упразднена, но до сихъ поръ стоитъ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ была во времена Достоевскаго. Затѣмъ меня удивляетъ, что г. Николаевскій, нѣсколько лѣтъ жившій въ Омскѣ и, вѣроятно, здѣсь у насъ добывшій статейный списокъ, не заинтересовался даже спроситься, гдѣ былъ острогъ, и осталось ли отъ него что нибудь.

Омскій острогъ находился на сѣверо-восточномъ бастіонѣ бывшей крѣпости и существовалъ до 1877 года, а затѣмъ лѣтомъ въ этомъ году валь былъ срытъ, «пали», окружавшія острогъ, уничтожены, и остались только четыре острожныхъ корпуса: двѣ казармы, кухня и амбары, да знаменитая кордегардія, въ которую не менѣе знаменитый своимъ звѣрствомъ, угреватый маіоръ отправлялъ арестантовъ для наказанія розгами. Вотъ что говоритъ Достоевскій объ этой кордегардіи.

«Я помню, какъ одного изъ такихъ арестантовъ, человѣка безстрашнаго и рѣшительнаго, извѣстнаго начальству своими звѣрскими наклонностями, за какое-то преступленіе позвали разъ къ наказанію. День былъ лѣтній, пора нерабочая. Штабъ-офицеръ, ближайшій и непосредственный начальникъ острога, пріѣхалъ самъ въ кордегардію, которая была у самыхъ нашихъ воротъ, присутствовать при наказаніи. Этотъ маіоръ былъ какое-то фатальное существо для арестантовъ, онъ довелъ ихъ до того, что они его трепетали. Былъ онъ до безумія строгъ, «бросался на людей», какъ говорили каторжные. Всего болѣе страшились они въ немъ его пронизательнаго рыскаго взгляда, отъ котораго нельзя было ничего утаить. Онъ видѣлъ какъ-то не глядя. Входя въ острогъ, онъ уже зналъ, что дѣлается на другомъ концѣ его. Арестанты звали его восьмиглазымъ. Его система была ложная. Онъ только озлоблялъ уже озлобленныхъ людей своими бѣшенными, злыми поступками, и если-бъ не было надъ нимъ коменданта, человѣка благороднаго и разсудительнаго, умѣрявшаго иногда его дикія выходки, то онъ бы надѣлалъ большихъ бѣдъ своимъ управленіемъ. Не понимаю, какъ онъ могъ кончить благополучно; онъ вышелъ въ отставку живъ и здоровъ, хотя, впрочемъ, и былъ отданъ подъ судъ.

«Арестантъ поблѣднѣлъ, когда его крикнули. Обыкновенно онъ молча и рѣшительно ложился подъ розги, молча терпѣлъ наказаніе и вставалъ послѣ наказанія, какъ встрепанный, хладнокровно и философски смотря на приключившуюся неудачу. Съ нимъ впрочемъ поступали всегда осторожно. Но на этотъ разъ онъ считалъ себя почему-то правымъ. Онъ поблѣднѣлъ и, тихонько отъ конвоя, успѣлъ сунуть въ рукавъ острый англійскій сапожный ножъ. Ножи и всякіе инструменты страшно запрещались въ острогѣ. Обыски были частые, неожиданные и нешуточные, наказанія жестокія, но такъ какъ трудно отыскать у вора, когда тотъ рѣшится что нибудь спрятать, и такъ какъ ножи и инструменты были всегдашнюю необходимостью въ острогѣ, то, несмотря на обыски они не переводились. А если и отбирались, то заводились новые. Вся каторга бросилась къ забору и съ замираніемъ сердца смотрѣла сквозь щели

паль. Всѣ знали, что Петровъ въ этотъ разъ не захочетъ лечь подъ розги и что маіору пришелъ конецъ. Но въ самую рѣшительную минуту нашъ маіоръ сѣлъ на дрожки и уѣхалъ, поручивъ исполненіе экзекуціи другому офицеру. «Самъ Богъ спасъ!» говорили потомъ арестанты. Что же касается до Петрова, онъ преспокойно вытерпѣлъ наказаніе. Его гнѣвъ прошелъ съ отъѣздомъ маіора».

Вообще, по описаніямъ Достоевскаго, кордегардія въ жизни каторжныхъ играла большую роль. У кордегардіи былъ барабанъ утреннюю и вечернюю зорю, что было сигналомъ отпирать или запираеть казармы; предъ кордегардіей арестанты строились по утрамъ и ихъ распредѣляли на работы; къ кордегардіи въ праздничные дни со всѣхъ концовъ города приносили подаваніе; но преимущественно съ воспоминаніями о кордегардіи связаны фатальный маіоръ, а главнымъ образомъ, розги. А чтобы наказать арестанта, нужно было немного: нужна была злая воля начальника.

Вотъ что разсказываетъ, напримѣръ, Достоевскій о наказаніи старика Ж—скаго, бывшаго профессора математики:

«Въ дорогѣ отъ У—горска до нашей крѣпости ихъ (поляковъ) не брили и они обросли бородами, такъ что когда ихъ привели къ плацъ-маіору, то онъ пришелъ въ бѣшеное негодованіе на такое нарушеніе субординаціи, въ чемъ, впрочемъ, они вовсе не были виноваты.

— «Въ какомъ они видѣ!—заревѣлъ онъ,—это бродяги, разбойники.

«Ж—скій, тогда еще плохо понимавшій порусски и подумавши, что ихъ спрашиваютъ, кто они такіе,—бродяги или разбойники, отвѣчалъ:

— «Мы не бродяги, а политическіе преступники.

— «Ка-а-акъ! Ты грубить! грубить!—заревѣлъ маіоръ.—Въ кордегардію! Сто розогъ сейчасъ же, сію же минуту!

«Старика наказали. Онъ легъ подъ розги безпрекословно, закусилъ себѣ зубами руку и вытерпѣлъ наказаніе безъ малѣйшаго крика или стопа, не шевелясь».

Зданіе острога мнѣ какъ омскому старожилу тѣмъ болѣе памятно, что въ одной изъ каторжныхъ казармъ я прожилъ цѣлое лѣто 1878 года. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Въ 1876 году я былъ призванъ для отбыванія воинской повинности и зачисленъ въ строй, въ 1-ю роту Омскаго мѣстнаго баталіона. Какъ имѣющій льготу по образованію, я черезъ годъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и назначенъ старшимъ писарскаго класса. Команда писарскаго класса помѣщалась въ бывшей артиллерійской кордегардіи около Тарскихъ крѣпостныхъ воротъ, не болѣе какъ саженьхъ въ 60 — 70 отъ острога.

Когда каторга была упразднена, острожные пали срубили, оставшіяся зданія кое-какъ отремонтировали, соединили невысокими заборчиками и вотъ лѣтомъ въ 1878 году, по причинѣ ремонта зданія около Тарскихъ воротъ, меня съ командой перевели въ одну изъ бывшихъ каторжныхъ казармъ.

Живо интересуясь острогомъ, памятнымъ мнѣ по «Запискамъ изъ мертваго дома», я обошелъ обѣ казармы и кухню, думая найти какіе нибудь слѣды бывшей каторги: надписи на стѣнахъ или что нибудь въ этомъ родѣ; но стѣны

казармъ были забѣлены, нары сняты, и ничто уже не напоминало о «мертвомъ домѣ», домѣ ужасовъ и гражданской смерти многихъ людей.

Надѣюсь, всего сказаннаго достаточно для того, чтобы судить, знаю ли я, гдѣ былъ Омскій острогъ.

Въ 1880 году я уѣхалъ въ Томскъ и зданія бывшаго острога были тогда еще цѣлы; но когда я пріѣхалъ обратно въ Омскъ въ 1886 году, объ острогѣ не было уже и помину.

«Свѣтлый вольный міръ» не только подошелъ къ окнамъ казармъ, — какъ пишетъ Г. Николаевскій; — а ворвался въ эти казармы, уничтожилъ ихъ и на томъ мѣстѣ, гдѣ ранѣ бродили угрюмые каторжные, позвякивая кандалами, въ настоящее время идетъ широкая улица, находящаяся между казармой 5-ой роты резервнаго баталіона и заборомъ классической гимназіи.

Впрочемъ памятникомъ тѣхъ печальныхъ временъ, о которыхъ «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ», осталась во всей своей неприглядности знаменитая острожная кордегардія, которая какъ-то совсѣмъ нелѣпо пріютилась въ углу двора при казармѣ 5-ой роты и до сихъ поръ стоитъ такая же мрачная, какою была и ранѣе.

Что же касается зданій, которыя г. Николаевскій называетъ въ своей замѣткѣ бывшимъ острогомъ; то зданія эти находятся какъ разъ въ противоположной сторонѣ крѣпости и тоже могутъ назваться знаменитостью: это бывшія спальни и классы баталіона военныхъ кантонистовъ или «палочной академіи» какъ прозвали омскіе обыватели печальной памяти аракеевскую школу.

По упраздненіи баталіона военныхъ кантонистовъ (что случилось значительно ранѣе упраздненія острога) вмѣсто него учреждена была школа военнаго вѣдомства, переименованная впоследствии въ военную прогимназію. Съ тѣхъ поръ же какъ упразднили и военную прогимназію, въ зданіяхъ этихъ дѣйствительно живутъ музыканты и солдаты резервнаго баталіона.

М. Вазановъ.

II.

Отвѣтъ проф. Д. В. Цвѣтаеву.

Извѣстный защитникъ и даже едва ли не проповѣдникъ теоріи, будто сооруженная королею Сигизмундою III надъ гробами Шуйскихъ въ Варшавѣ «московская часовня» стояла на мѣстѣ теперешней 1-й варшавской мужской гимназіи, проф. Варшавскаго университета г. Цвѣтаевъ выступилъ съ возраженіемъ противъ нашей замѣтки «Усыпальница Шуйскихъ въ Варшавѣ» («Историч. Вѣстн.» 1897 г., кн. 12).

Возраженіе г. Цвѣтаева, облеченное въ форму двухъ статей, аналогичныхъ по своему содержанію, появилось въ «Варшавскомъ Дневникѣ» (№ 338, отъ 20 декабря 1897 г., «Сообщеніе по вопросу объ усыпальницѣ Шуйскихъ въ Варшавѣ») и на стр. «Историч. Вѣстн.» (1898 г., кн. II, «Къ вопросу объ усыпальницѣ Шуйскихъ въ Варшавѣ»). Авторъ ихъ (выражаясь его же словами) «трактуетъ о предметѣ безъ должныхъ; розысканій», заявляетъ,

что «зданіе, стоящее за первой гимназіей, въ саду ея... никогда не было усыпальницей Шуйскихъ, или московской каплицей, и связи съ нею не имѣеть», что «каплицы не существуетъ уже давно», и что «на землѣ ея стоятъ теперь памятникъ Коперника и главное переднее зданіе гимназіи, въ которомъ сооружается церковь»... («Истор. Вѣстн.», стр. 663).

Вмѣсто того, чтобы подкрѣпить свои столь категорическіе выводы ссылками на планы и документы, г. профессоръ рассказываетъ исторію костѣла Пресв. Дѣвы (при монастырѣ доминикановъ-обсервантовъ), стоявшаго на мѣстѣ быв. «палаца Сташица» (теперь 1-я гимназія), передаетъ ни для кого неинтересный рассказъ о самоубійствѣ на алтарѣ этого костѣла кс. каноника Іос. Даниковскаго, пускается въ описаніе строящейся въ 1-й гимназіи церкви, наконецъ, договаривается до того, что «настоячивые рассказы, будто ксендзь Сташицъ приобрѣлъ или купилъ себѣ подоминиканскія зданія и землю, выстроилъ домъ и подарилъ все это обществу любителей (?) наукъ, — неточная легенда; ни площадь (?), ни домъ никогда не были собственностью Сташица, и таковыми не считали и не называли ихъ ни общество, ни Сташицъ» (665), а «зданьице, имѣющееся въ саду гимназіи», — бесѣдка на земельномъ участкѣ, принадлежавшемъ въ концѣ XVII столѣтія женѣ виленскаго каштеляна Служко (665 — 666). Въ заключеніе, г. Цвѣтаевъ обѣщаетъ «собственно о бесѣдкѣ» сказать подробнѣе «въ дальнѣйшихъ розысканіяхъ, въ изложеніи о времени, когда начали признавать ее за царско-княжескую усыпальницу» (666).

Ожидая съ понятнымъ нетерпѣніемъ обѣщаемыхъ «розысканій» и въ интересахъ почтеннаго автора, позволимъ себѣ порекомендовать ему обратиться къ одному официальному документу (который, строго говоря, долженъ былъ бы давнымъ-давно быть извѣстенъ г. Цвѣтаеву, какъ профессору Варшавскаго университета). Это «Циркуляръ по Варшавскому учебному округу», іюнь 1893 г., № 6. Здѣсь, на стр. 33—37, помѣщены «Свѣдѣнія о временномъ погребеніи тѣла царя Василія Іоанновича Шуйскаго на мѣстности, нынѣ занимаемой варшавскою 1-ю мужскою гимназіею. Изъ представленія директора гимназіи г. попечителю Варшавскаго учебнаго округа»¹⁾. Въ этихъ «Свѣдѣніяхъ» (и при томъ свѣдѣніяхъ официальныхъ) г. Цвѣтаевъ найдетъ для себя полезныя указанія, касающіяся исторіи бывшаго палаца Сташица, а относительно «цвѣтаевской» бесѣдки узнаетъ слѣдующее: «...Бесѣдка находится въ саду очень далеко отъ всякаго жилого помѣщенія, и устроенный подъ нею погребъ не могъ быть полезенъ ни для какихъ хозяйственныхъ надобностей и вообще странно видѣть погребъ подъ бесѣдкою. Самая бесѣдка нисколько не похожа на обыкновенныя садовыя постройки; съ перваго же взгляда на это зданьице, въ немъ видится строеніе церковное, съ католическимъ характеромъ; задняя стѣна ея представляетъ какъ бы нишу, очевидно, для большаго образа и, можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ для католическаго алтаря. Въ текущемъ (т.-е. 1893) году я (т.-е. директоръ гимназіи) показалъ бесѣдку профессору университета св. Владиміра А. В. Прахову, и онъ полагаетъ, что не только погребъ, находящійся подъ бесѣдкою, есть погребальный склепъ, въ

¹⁾ Копія этого циркуляра сообщена нами редакціи «Истор. Вѣстн.».—Г. В.

которомъ помѣщался гробъ царя Василя Іоанновича Шуйскаго, но что и самая бесѣдка, судя по кирпичамъ и по характеру постройки, есть часовня, построенная Сигизмундомъ III надъ могилою царя Василя Шуйскаго, знаменитая *Kaplica Moskiewska*» (37).

Нельзя не пожалѣть, что мнѣніе извѣстнаго ученаго и знатока древностей, къ которому обращалось за совѣтомъ варшавское учебное вѣдомство въ 1893 году, черезъ два года было совсѣмъ игнорировано тѣмъ же самымъ вѣдомствомъ...

Г. А. Воробьевъ.

НЕВѢСТА КОРОЛЯ

РОМАНЪ

ВАЛЬТЕРА БЕЗАНТА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

(A. Fountain Sealet)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

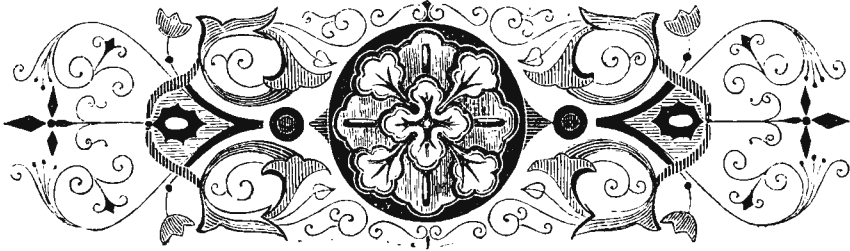
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., д. 13

1898

ОТЪ АВТОРА.

СТОРИЯ любви или связи Георга, принца Уэльскаго (будущаго Георга III), съ молодой квакершей долго ходила по свѣту. Какъ различно называли героиню этой легенды, Лайтфуть, Вилеръ и Войтфуть, такъ различно рассказывали ея романъ: одни увѣрили, что она вышла замужъ за принца Уэльскаго въ церкви Сентъ-Джемскаго дворца, а по словамъ другихъ, она была женой не принца, а какого-то лавочника, по фамиліи Аксфорда; по одному варианту она, обвѣнчавшись въ часовнѣ на Мейферской улицѣ, рассталась съ мужемъ у дверей часовни и никогда болѣе съ нимъ не видалась, а умерла въ Пикадилѣ отъ разбитаго горемъ сердца; по другому же варианту, она долго жила съ мужемъ, лавочникомъ, имѣла дѣтей и умерла черезъ много лѣтъ въ Излингтонѣ, гдѣ похоронена на мѣстномъ кладбищѣ подъ вымышленнымъ именемъ. Въ подтвержденіе легенды объ ея замужествѣ съ принцемъ представлялись будто бы подлинныя документы, а въ Америкѣ и Африкѣ нашлись люди, которые выдавали себя за ея потомковъ. Наконецъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, В. Томсъ взялся за основательное изученіе этого сложнаго и запутаннаго вопроса. Послѣ долгихъ и старательныхъ изслѣдованій онъ доказалъ достоверно, что дѣйствительно существовала молодая дѣвушка, по имени Ганна Лайтфуть, что она происходила изъ квакерской семьи, жившей въ Шадвелѣ, что она вышла замужъ за Аксфорда въ часовнѣ на Мейферской улицѣ, что ее из-

1*

гнали изъ секты квакеровъ за то, что она вѣнчана пасторомъ англійской церкви и не жила съ своимъ мужемъ, что все это происходило, когда принцу Георгу не было и пятнадцати лѣтъ, что неизвѣстно, гдѣ и когда умерла Ганна, что Аксфордъ, овдовѣвъ, женился вторично, въ Варминстергѣ, въ 1759 году, и, наконецъ, что нѣтъ ни малѣйшихъ свѣдѣній о близкихъ отношеніяхъ Ганны къ Георгу.

Вотъ, что говорятъ объ этой темной исторіи легенды и трезвые факты. Была ли Ганна когда нибудь фавориткой принца? Во-первыхъ, не существуетъ никакихъ скандальныхъ свѣдѣній объ этомъ въ письмахъ и воспоминаніяхъ современниковъ, во-вторыхъ, жизнь всякаго принца настолько проходитъ на глазахъ у всѣхъ, что трудно предположить, что Георгъ могъ сохранить въ тайнѣ этотъ эпизодъ своей жизни, и, въ-третьихъ, самъ Георгъ, пользовавшійся репутаціей правдиваго человѣка, торжественно заявилъ, спустя двадцать лѣтъ послѣ своего восшествія на престолъ, что онъ никогда не былъ замѣшанъ въ подобной интригѣ. Эти соображенія побудили Томса отвергнуть, какъ безусловно невѣрную, всю эту исторію отъ начала до конца. Однако можно предположить, и съ большой вѣроятностью, что Георгъ, въ юности, ухаживалъ за какой нибудь дѣвушкой средняго класса, и что при этомъ онъ скрывалъ свое настоящее положеніе. Подобное обстоятельство и могло служить основой для упорныхъ слуховъ объ его связи съ красивой квакершей.

Другими словами, предлагаемый рассказъ составляетъ попытку изложить настоящую исторію Георга и Ганны. Что бы ни сказали критики о достовѣрности этой исторіи, всякій признаетъ, что она ближе къ истинѣ, чѣмъ всѣ прежнія легенды. Но, конечно, я не ручаюсь, какъ историкъ, за безусловную точность каждой подробности въ этомъ рассказѣ.

Лондонъ, 4 мая, 1897 года.

Прологъ.

Ровно въ полдень, какъ это доказывалось солнечными часами, посреди зеленаго лужка, боемъ на колокольнѣ Гакнейской церкви и исчезновеніемъ тѣни на боковыхъ стѣнахъ моего сада, который лежитъ прямо на югъ и сидѣла на скамейкѣ и дышала чистымъ воздухомъ. Я очень хорошо помню, что это было въ субботу 16 сентября 1780 года. Хотя на дворѣ уже стояла осень, но погода была свѣтлая и теплая: на яблоняхъ еще виднѣлись золотистые, розовые плоды, а послѣдніе лѣтніе цвѣты сохраняли свой блескъ и благоухали. Пчелы жужжали въ воздухѣ, а малиновки пѣли въ листьѣ.

Что жужжали пчелы, и о чемъ гѣбли малиновки я не знаю, но я чувствовала мирное спокойствіе и была настолько счастлива, насколько можетъ быть счастливой такая женщина, какъ я, для которой вся жизнь въ прошедшемъ, а будущее освѣщено лишь скучною, однообразною покорностью судьбѣ.

Передъ моими глазами тянулся красивый садъ моего дома, выходившій въ долину, по которой пробѣгала рѣка Ли. Такъ какъ мой домъ находится на возвышеніи, то я могу видѣть изъ его оконъ и изъ сада безконечную ширь Гакнейской равнины.

Я имѣю полное право называть этотъ домъ и садъ моими, такъ какъ они дѣйствительно принадлежать мнѣ. Хотя мнѣ ихъ подарили, но вовсе не то лицо, съ именемъ котораго соединяють этотъ подарокъ, а потому теперь я рѣшилась рассказать, отъ кого я ихъ получила, и по какой причинѣ я живу здѣсь вдали отъ всего свѣта.

Болѣе двадцати лѣтъ я одна обитаю въ этомъ домѣ съ моей вѣрной служанкой Молли. Много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ я поселилась здѣсь, и хотя во всѣ эти годы я не испытала ни серіозной болѣзни, ни новаго горя, но иногда, вспоминая о томъ, что я собственница всего, что окружаетъ меня, въ моемъ умѣ пробуждаются тревожныя мысли. Все въ этомъ домѣ мое: и книги, и мебель, и серебро, и гардеробъ, и драгоценныя камни, и цвѣты въ саду, и фруктовыя деревья въ огородѣ, и тропическія растенія въ оранжереяхъ, но какой цѣной я заплатила за обладаніе всѣмъ этимъ? При такой мысли мое сердце начинаетъ сильно биться, а щеки покрываются румянцемъ. Если подобныя минуты находятъ на меня въ моей комнатѣ, то я поспѣшно открываю ящикъ письменнаго стола и вынимаю два медальона. Одинъ изъ нихъ изображаетъ того, кто нѣкогда меня любилъ, другой — самаго вѣрнаго и преданнаго друга, какого когда либо имѣла женщина. Оба эти человѣка были моими, и вотъ какой цѣной я за все заплатила, что меня окружаетъ. Послѣдующій мой рассказъ покажетъ, какъ я добровольно пожертвовала своимъ добрымъ именемъ и репутаціей, своими родственниками и друзьями, какъ я предпочла одиночество веселой свѣтской жизни. Врядъ ли кто когда нибудь жилъ такъ одиноко, какъ я во всѣ эти годы, не видя никого, кромѣ одного стараго пріятеля, который изрѣдка меня посѣщаетъ, и пастора сосѣдней церкви, добраго и достойнаго человѣка, вѣрящаго всѣмъ злымъ слухамъ обо мнѣ и ожидающаго, что я когда нибудь повинюсь ему во всемъ.

Конечно, я купила теперешнюю свою жизнь тяжелой цѣной, и, принося всѣ эти жертвы, я никогда не думала о ихъ грустныхъ послѣдствіяхъ, но все-таки, если бы надо было повторить то, что прошло, то я радостно на это бы рѣшилась. Какое мнѣ дѣло до рассказываемыхъ обо мнѣ скандаловъ: я умерла для свѣта и не слышу, что говорятъ вокругъ меня. Мнѣ теперь за сорокъ лѣтъ, и вся моя жизнь была сосредоточена въ трехъ быстро пролетѣвшихъ мѣся-

пахъ. Однако, какъ ни кратко было это счастливое время, но оно наполнило всю мою жизнь, и до сихъ поръ я существую только, снова и снова вспоминая о каждомъ днѣ этого краткаго блаженнаго времени. Я никогда не устаю воскрешать въ моей памяти все, что произошло съ перваго дня, когда лица, изображенныя на этихъ двухъ медальонахъ, явились впервые въ моей жизни, и до послѣдняго дня, когда я навсегда разсталась съ тѣмъ, для котораго я снова отдала бы все на свѣтѣ.

При думахъ объ этомъ прошедшемъ времени въ моихъ глазахъ исчезаетъ и домъ, и садъ, и огородъ, и лазоревое небо, а я снова переносусь въ гостиную дома на Сентъ-Джемской площади, гдѣ я такъ часто ждала того, кто меня горячо любилъ, и котораго я была первой любовью. У меня достаточно мѣднаго лба, чтобы въ своемъ сердцѣ гордиться своимъ прошедшимъ, всю правду о которомъ знаетъ только одна вѣрная Молли. Но и съ ней я никогда прямо не говорю о немъ, такъ какъ бываютъ такіе предметы, о которыхъ нельзя упоминать и шепотомъ.

Сидя въ саду въ упомянутое утро, я въ тысячный разъ уносила мысленно въ былые и счастливые дни, когда неожиданно ко мнѣ подбѣжала Молли и вернула меня въ мрачную дѣйствительность.

— Добрая госпожа!—воскликнула она,—лордъ пріѣхалъ, но его экипажъ завязъ на дорогѣ, такъ что вы успеете переодѣться. Прикажете вамъ подать черное шелковое платье?

Такъ какъ меня посѣщалъ только одинъ лордъ, единственный свидѣтель моей прежней жизни, то мы съ Молли никогда не называли его по имени.

— Молли,—отвѣчала я,—дай мнѣ сѣрое шелковое платье, и если есть еще время, то поправь мнѣ волосы, и пока лордъ будетъ здѣсь, угости его слугъ пивомъ и сыромъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я вышла въ свою гостиную въ сѣромъ шелковомъ платьѣ, съ золотой цѣпочкой на шеѣ и въ ажурныхъ перчаткахъ.

Моему гостю, виконту Роберту де-Лису, было въ то время пятьдесятъ лѣтъ. Съ молодости онъ былъ преданъ бутылкѣ, и съ нѣкоторыхъ поръ въ немъ обнаруживались симптомы, грозившіе престѣчь его земное поприще. Дѣйствительно, онъ умеръ, спустя три мѣсяца послѣ этого визита, бывшаго послѣднимъ нашимъ свиданіемъ. Подагра окончательно доконала его среди ужасныхъ страданій, и онъ похороненъ съ установленными почестями въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, гдѣ надъ его могилой поставленъ памятникъ, съ изображеніемъ, какъ два ангела несутъ его на небо. Я надѣюсь, что это символическое изваяніе представляетъ совершившійся фактъ, такъ какъ, въ сущности, кромѣ пьянства, онъ велъ жизнь очень нравственную и былъ добрымъ, великодушнымъ человѣкомъ и вѣрнымъ другомъ.

Въ описываемый день онъ хромалъ болѣе обыкновеннаго, опираясь на свою палку съ золотымъ набалдашникомъ. На ногахъ у него были мягкіе башмаки, пальцы его вспухли въ суставахъ, глаза налиты кровью, лицо поражало пурпурнымъ оттѣнкомъ, а голосъ раздавался глухо. Когда я вошла въ комнату, то онъ всталъ съ подоконника, на которомъ сидѣлъ, любясь на цвѣты въ моемъ саду, поцѣловалъ мнѣ руку и сказалъ изысканно свѣтскимъ тономъ:

— Мнѣ, конечно, излишне повторять, что я попрежнему вашъ преданный слуга и готовъ исполнять всѣ ваши приказанія.

— Нѣтъ, почтенный лордъ,—отвѣчала я,—вы мнѣ не слуга, а лучший другъ.

— Причиной моего сегодняшняго посѣщенія служатъ письма, которыя я считаю нужнымъ вамъ показать.

— Я очень обязана этимъ письмамъ, что они доставили мнѣ удовольствіе видѣть васъ. Но что это за письма? Вѣроятно, они такъ или иначе касаются меня.

— Во всякомъ случаѣ, они для васъ интересны, но насколько они касаются вашей особы, вамъ судить самимъ.

— Покажите, покажите! Я стораю отъ любопытства.

— Это письма отъ извѣстной особы, которую вы когда-то хорошо знали, къ лорду Нортю.

— Не понимаю, какое дѣло лорду Нортю до меня, и зачѣмъ извѣстная мнѣ особа пишетъ ему письма обо мнѣ?

— Вы совершенно правы, что лорду Нортю нѣтъ до васъ никакого дѣла, и онъ не знаетъ о вашемъ существованіи.

— Такъ я рѣшительно отказываюсь понять, какъ они могутъ касаться меня. Неужели свѣтъ по своей жестокости продолжаетъ клеветать на меня?

— Не тревожьтесь. Вы часто объясняли мнѣ истинный характеръ вашихъ отношеній, т. е. я хочу сказать, вашей искренней дружбы съ извѣстной особой, а потому я полагалъ, что вамъ пріятно будетъ взглянуть на эти письма, подтверждающія ваши слова.

— Если вы желаете, то я взгляну на эти письма, но очень неохотно. Я думала, что все кончено между мной и свѣтомъ, и что никогда болѣе не будетъ между нами столкновенія.

— Повѣрьте, я никогда безъ причины не нарушилъ бы избранное вами одиночество, но вы должны прочесть эти письма для своего собственнаго удовлетворенія.

— Но я вторично спрашиваю васъ, какъ лордъ Нортъ можетъ знать что нибудь обо мнѣ?

— Мнѣ это неизвѣстно, и я увѣренъ, что его свѣдѣнія очень неопредѣленны. Кромѣ меня, никто на свѣтѣ теперь не узнаетъ вашей исторіи.

— А вы вполне убѣждены, что ее знаете?

— Никто не можетъ знать женщины болѣе того, что она сама захочетъ о себѣ открыть.

— Ну, не томите же меня и скажите, что думаетъ или слышалъ обо мнѣ лордъ Нортъ.

— Объ юности извѣстной особы ходятъ смутные слухи. Это, вѣроятно, происходитъ отъ того, что онъ одинъ среди людей его положенія всегда велъ и ведетъ въ настоящее время незапятнанную жизнь. Вообще люди не любятъ, чтобы человѣкъ, стоящій высоко, отличался добродѣтелью, и, чтобы заслужить популярность, принцамъ необходимо отличаться обычными людскими слабостями, что доводитъ ихъ до уровня простыхъ смертныхъ. Слухи, о которыхъ я упоминаю, соединяютъ имя извѣстной особы съ однимъ домомъ на Сентъ-Джемской площади и съ жившей тамъ молодой дѣвушкой.

— И эти слухи, конечно, самага позорнаго характера?

— Это зависитъ отъ варианта легенды. Одни говорятъ, что молодая дѣвушка убѣжала съ нимъ, а другіе утверждаютъ, что она тайно вышла за него замужъ. Достовернаго во всемъ этомъ только то, что извѣстно ваше имя, и то, что вы были кэакершей. Всякій, кто желаетъ оклеветать извѣстную особу, идетъ на Сентъ-Джемскую площадь и, указывая на пресловутый домъ, рассказываетъ любопытную исторію.

— Мнѣ рѣшительно все равно, что бы ни говорили, такъ какъ я окончательно отеклась отъ свѣта.

— Лордъ Нортъ заѣхалъ ко мнѣ надняхъ и сказалъ: «говорятъ, что вы знаете кое-что о темномъ эпизодѣ въ жизни... ну, извѣстной особы?» Я отвѣчалъ, что дѣйствительно мнѣ извѣстны изъ этой исторіи такіе факты, которые не могутъ быть обнаружены.

— Такимъ образомъ, вы дали понять лорду, что позорные слухи справедливы.

— Нимало. Онъ требовалъ, чтобы я призналъ справедливыми ходящія по городу слухи, но я отказался. Тогда онъ вынулъ изъ кармана эти письма и просилъ, чтобы я ихъ прочелъ. «Если какая другая личность знаетъ объ этихъ фактахъ, то дайте ей прочесть означенныя письма, и онъ или она пойметъ, что теперь болѣе, чѣмъ когда, слѣдуетъ хранить молчаніе».

— А если нечего скрывать?

— Лордъ Нортъ еще прибавилъ: «если существуютъ другія письма, и надо заплатить за нихъ деньги»...

— Не оскорбляйте меня!

— Простите, но я повторяю то, что мнѣ было сказано.

— Письма, о которыхъ вы говорите, писаны извѣстной особой; но ей извѣстно, что вы покажете мнѣ эти письма?

— Не думаю, даже увѣрять, что нѣтъ. Извѣстная особа, вѣро-

ятно, забыла о моемъ существованіи. Онъ, конечно, желаетъ изгладить изъ своей памяти нѣкоторыя обстоятельства своей жизни.

— Никакая низкая мысль не можетъ входить въ его голову, такъ какъ онъ выше всѣхъ людей. Совершенно излишне толковать теперь о сохраненіи тайны. Я могла въ прежнее время искать славы извѣстнаго рода, но теперь, послѣ двадцатилѣтняго одиночества, бессмысленно заподозрѣвать меня въ этомъ. Что касается денегъ, то я никогда въ нихъ не нуждалась и теперь не нуждаюсь.

— Ваше поведеніе всегда было безупречно и вполнѣ достойно той высокой любви, которую вы нѣкогда внушали!

— Довольно болтать. Покажите мнѣ письма.

Онъ вынулъ записную книжку, въ которой лежали два письма, и подаль ихъ мнѣ со словами:

— Вы, вѣроятно, признаете почеркъ.

Я посмотрѣла на адресъ писемъ и узнала почеркъ. У меня было одно, только одно письмо, написанное той же рукой. Лордъ открылъ одно изъ писемъ, и я прочла въ немъ сначала распоряженіе писавшаго объ учрежденіи особаго штата для его старшаго сына, а потомъ слѣдующія слова: «я благодарю небо, что мои нравственныя правила и моя прежняя жизнь не похожи на то, что преобладаетъ теперь въ свѣтѣ, и наибольшей моей заботой служить желаніе воспитать своихъ дѣтей такъ, чтобы они служили достойнымъ примѣромъ для всѣхъ».

— Это чувство вполнѣ достойно того, кто писалъ это письмо,— сказала я.

— И его благодарность небу, конечно, имѣетъ твердую, незыблемую почву.

— Конечно. Это все, что вы имѣете мнѣ показать?

— Нѣтъ, прочтите второе письмо,— отвѣчалъ онъ и пристально посмотрѣлъ на меня.

Второе письмо было строго частнаго характера, и такъ какъ оно предназначалось для глазъ одного только лорда Норта, то мнѣ было какъ-то совѣстно его читать. Оно оканчивалось слѣдующими словами: «я, по счастью, могу сказать, что никогда лично не былъ замѣшанъ въ подобномъ дѣлѣ, которое поэтому такъ меня озабочиваетъ».

— Онъ разумѣетъ подъ подобнымъ дѣломъ,— замѣтилъ лордъ,— юношескую добрачную любовь.

— Нисколько,— отвѣчала я,— это означаетъ, что его сынъ увлекся какою нибудь низкой, позорной любовью, и теперь приходится откупить у презрѣнной женщины его письмо. Вотъ почему его отецъ пишетъ, что на его совѣсти нѣтъ такого недостойнаго дѣла, что онъ никогда не писалъ писемъ, которыхъ весь свѣтъ не могъ бы читать, и что нѣтъ на свѣтѣ существа, которое могло бы или хотѣло угрожать ему. Вотъ смыслъ этихъ словъ.

— А мнѣ кажется просто, что память ему измѣнила; хотя удивительно, что онъ все забылъ.

— Что вы этимъ хотите сказать, лордъ? — воскликнула я, покраснѣвъ.

— Оставимъ это, но я долженъ прибавить, что въ настоящее время очень важно сохраненіе въ тайнѣ намековъ, заключающихся въ этомъ письмѣ. Даже не слѣдуетъ, чтобы существовалъ слухъ о любви, хотя бы платонической, высокой особы, писавшей письмо, такъ какъ, въ случаѣ распространенія этихъ слуховъ, злые языки могутъ спросить, почему за одну дружбу заплачено красивымъ загороднымъ домомъ и ежегодной пенсіей.

— Подождите, лордъ! — воскликнула я, перебивая его, — вы совершенно ошибаетесь. Этотъ домъ и пенсія, на которую я живу, назначена мнѣ вовсе не тѣмъ лицомъ, которое писало это письмо. Если вы такъ думали до сихъ поръ, то прошу васъ измѣнить свое мнѣніе.

— Неужели? — замѣтилъ онъ, задумываясь, — кто же тогда... Впрочемъ, я не желаю дѣлать вамъ непріятность, и, показавъ вамъ письмо, а также, передавъ слова лорда Норта, я болѣе ничего не прибавлю.

— Я, съ своей стороны, не понимаю, отчего вы такъ хлопочете о сохраненіи въ тайнѣ этой старой исторіи. Кто же можетъ ее разболтать? Вы, почтенный лордъ, никому объ этомъ не расскажете; его братъ Эдуардъ умеръ, спустя семь лѣтъ послѣ означенной исторіи. Капраль Бетцъ убитъ на войнѣ; моя двоюродная сестра Изабелла умерла. Робертъ Сторей также умеръ, бѣдняжка, въ тюрьмѣ за долги. Докторъ мистеръ Чемберъ уѣхалъ за границу и, должно быть, теперь не находится въ живыхъ. Молли держитъ языкъ за зубами, а мистриссъ Бетцъ если и знаетъ что нибудь, то очень немного.

— Если дѣйствительно ни я, ни вы, ни Молли не проговоримся, то, можетъ быть, чрезъ посредство мистриссъ Бетцъ и распространились слухи. А, вы знаете, заткнуть всѣмъ ротъ невозможно. Достаточно будетъ, если я увѣрю лорда Норта, что дѣло не пойдетъ дальше слуховъ, и никто не можетъ представить доказательствъ того, что сынъ идетъ по стопамъ отца. Ну, лучше поговоримъ о прошломъ, которое гораздо интереснѣе глупыхъ слуховъ, старающихся омрачить ваше доброе имя.

Мы, дѣйствительно, перемѣнили разговоръ и часа три или четыре вспоминали о старомъ, добромъ времени.

— Нанси, — произнесъ онъ, наконецъ, такъ какъ во время разговора онъ выпилъ стакана два вина и совершенно перенесся въ ту отдаленную эпоху, когда онъ, дѣйствительно, называлъ меня попросту Нанси, — вспоминая о тѣхъ годахъ, когда двѣ, три бутылки вина причиняли мнѣ головную боль на слѣдующее утро, я вижу всегда передъ собою ваше прелестное лицо, милая Нанси.

— Вы видите меня чрезъ выпитыя бутылки?

— Можеть быть; но это не мѣшало мнѣ до сихъ поръ помнить, что вапе лицо, и теперь очень пріятное, было тогда самымъ красивымъ, самымъ очаровательнымъ на свѣтѣ.

— Что же это, лордъ, сегодня вы такъ щедры на комплименты?

— Это не комплименты, а правда. Поэтому, какъ бы вы ни увѣряли въ противномъ, я все-таки увѣренъ, что извѣстная особа раздѣляла тогда мое мнѣніе. Ну, послушайте, Нанси, мы старые друзья, и я никогда не открою вашей тайны. Не увѣряйте же меня, что извѣстная особа былъ камнемъ.

— Конечно, онъ не былъ камнемъ; но то, что написано въ показанномъ мнѣ вами письмѣ, совершенная правда.

— Ну, ну, ну! Вы всегда были упрямы, хотя и очаровательны. И онъ сталъ подмигивать, качая головой.

— Знаете что?—воскликнула я, озаренная неожиданной мыслью,— посоветуйте, лордъ, не взаться ли мнѣ за опроверженіе ходящихъ обо мнѣ неблагопріятныхъ слуховъ?

— Въ настоящее время лучше было бы хранить молчаніе.

— Но вѣдь вы говорите, что ходятъ слухи.

— Да, ходятъ, и какъ имъ не ходить: вѣдь извѣстную особу видали часто на Сентъ-Джемской площади, у дома, гдѣ жила извѣстная молодая дѣвушка, которая вдругъ исчезла.

— Прибавьте къ этому, что молодую дѣвушку всегда сопровождала дама, а извѣстная особа приходила въ означенный домъ со своимъ братомъ.

— Этого никто не знаетъ,—замѣтилъ лордъ, пожимая плечами.

— Ну, все равно. Разъ, что слухи существуютъ, то не написать ли мнѣ всю правду, не ради себя, а въ интересахъ извѣстной особы!

— Конечно, публика очень заинтересовалась бы такимъ сочиненіемъ, и книгопродавцы нажили бы себѣ состояніе. Но извѣстная особа не была бы вамъ благодарна, вы не очистили бы себя, и слухи продолжались бы попрежнему.

— Но, вѣдь, всегда лучше, если извѣстна правда.

— Конечно. Никому она такъ хорошо неизвѣстна, какъ вамъ, и для всякой женщины пріятно говорить о своихъ побѣдахъ.

Мнѣ показалось, что лордъ де-Лисъ произнесъ эти слова саркастически, а потому я поспѣшила отвѣтить:

— Какъ бы то ни было, я рѣшилась исполнить свое намѣреніе.

— Хорошо, Нанси, но имѣйте въ виду, что свѣтъ всегда отдаетъ предпочтеніе своему варианту вашей правдивой исторіи. Но все-таки, милая моя, скажите всю правду, и навѣрное, читая вашу книгу, всѣ влюбятся въ васъ.

— Безъ комплиментовъ, лордъ! Но дайте мнѣ добрый совѣтъ.

— Относительно совѣта вотъ все, что я могу сказать. Если вы

намѣрены писать о вашей любви, то придерживайтесь только этой любви и не пускайтесь ни въ какія постороннія разсужденія, а, главное, не касайтесь государственныхъ дѣлъ. Пусть читатель видитъ передъ собой только любовь и слышитъ только голосъ любви. Не примѣшивайте къ своей исторіи ни обстоятельствъ его прежней жизни, ни событій вашего послѣдующаго существованія. Скажите лишь въ нѣсколькихъ словахъ, кто вы, и затѣмъ разсказывайте о своей любви. Когда же исторія любви окончена, то сходите со сцены и пишите конецъ.

Его слова показались мнѣ очень благоразумными, и я отвѣтила:

— Я постараюсь воспользоваться вашимъ совѣтомъ, но позвольте мнѣ, лордъ, сказать теперь лично вамъ нѣсколько словъ. Вы только что говорили, что извѣстная молодая дѣвушка исчезла со свѣта и продолжала жить роскошно, но втайнѣ отъ всѣхъ. Я очень хорошо понимаю, на что вы намекали, и всегда предчувствовала, что такъ будутъ говорить обо мнѣ. Это мой домъ, и мнѣ его подарили по моей собственной просьбѣ. Я живу въ немъ съ ноября 1760 года, а 25-го октября того же года, когда я разсталась съ извѣстной особой, ко мнѣ вечеромъ пришелъ его братъ Эдуардъ.

— Да, это вѣрно. Я очень хорошо помню, какъ онъ переходилъ въ этотъ день, вечеромъ, черезъ Сентъ-Джемскую площадь.

— Вы видите, что я говорю правду. Ну, Эдуардъ сидѣлъ у меня долго и бесѣдовалъ со мной очень нѣжно, очень печально. По его словамъ, во всемъ былъ виновенъ онъ, такъ какъ ему слѣдовало открыть мнѣ тайну его брата съ самаго начала. Потомъ онъ спросилъ меня, что я намѣрена дѣлать, и согласился съ мной, что я не могу вернуться къ моему брату; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ поручить своимъ стряпчимъ заставить брата отдать мнѣ мое состояніе; а когда я заявила желаніе, чтобы онъ подарилъ мнѣ небольшой загородный домикъ, живя въ которомъ я всегда считала бы себя обязанной своимъ существованіемъ его брату и ему, то онъ охотно согласился исполнить мою прихоть.

— Вы меня удивляете! Я всегда былъ увѣренъ, что вы получили этотъ домъ и пенсію, которой вы существуете, отъ извѣстной особы.

— Я вамъ сказала полную правду. Этотъ благороднѣйшій, преданнѣйшій изъ друзей часто посѣщалъ меня въ этомъ домѣ до своего послѣдняго путешествія, изъ котораго онъ никогда не вернулся. Никто не повѣритъ, какую братскую любовь онъ питалъ ко мнѣ, и какъ онъ горько оплакивалъ судьбу, которая разбила вдребезги чашу счастья, уже поднесенную къ моимъ губамъ. Свѣтъ не знаетъ, какой прекрасной души онъ лишился, когда умеръ Эдуардъ... мой братъ Эдуардъ. Я, право, не могу его иначе называть!

Въ эту минуту пробило четыре часа, и Молли, отворивъ дверь, сказала, что обѣдъ поданъ.

— Любезный лордъ,— сказала я, быстро перемѣняя свой тонъ:— если вы окажете мнѣ честь отобѣдать у меня, то я васъ угощу жареной телятиной, пудингомъ и бутылкой хорошаго вина. Молли не важная кухарка, но все, что она подаетъ на столъ, здорово и вкусно.

Онъ остался обѣдать, но ѣлъ очень мало, хотя все похваливалъ, а когда, послѣ пудинга, Молли поставила на столъ бутылку стараго портвейна, то онъ взялъ ее дрожащими руками и, обращаясь къ ней, сказалъ:

— Я всегда любилъ тебя, дорогая бутылка, и если бы не моя любовь къ ней, то я теперь былъ бы здоровый человѣкъ и стоялъ бы на колѣняхъ передъ очаровательной Нанси. И чѣмъ же ты воздала мнѣ за всю мою любовь? Проклятой подагрой. Но все-таки, хотя я и инвалидъ, продолжаю обожать тебя.

Онъ налилъ два стакана вина и, подавая одинъ изъ нихъ мнѣ, прибавилъ:

— Я долженъ выпить за ваше здоровье, красавица Нанси. Можете себѣ представить, нашъ разговоръ о старинѣ совершилъ чудо, и вы мнѣ кажетесь теперь тою очаровательною Нанси, которую когда-то любилъ онъ. Ахъ, если бы онъ могъ видѣть васъ теперь и отдѣлаться отъ...

— Полноте, лордъ, неприлично человѣку вашего положенія такъ говорить. Въ этомъ домѣ мы съ Молли каждый день пьемъ за здравіе и благоденствіе ивѣстной особы.

Онъ молча налилъ третій стаканъ для Молли, а я, вставъ съ кресла, сказала:

— Пью... нѣтъ, лучше мою Бога, чтобы онъ сохранилъ надолго въ здравіи и безопасности благороднѣйшаго человѣка всего королевства!

— Съ вашего позволенія, сударыня, — произнесла Молли, опускаясь на колѣни:— я пью за здоровье и счастье вашего друга!

Лордъ съ трудомъ всталъ и, высоко поднявъ стаканъ, сказалъ:

— Нѣтъ на свѣтѣ сердца болѣе преданнаго и нѣжнаго, чѣмъ ваше, Нанси. Я пью за здоровье того, кто нѣкогда васъ любилъ и былъ вашимъ женихомъ!.. За его величество короля!..

I.

Если я закрою глаза и перенесусь мысленно во дни моего дѣтства, то передъ моими глазами возникаетъ большой четырехугольный домъ, съ зеленымъ лужкомъ передъ фасадомъ. Отъ большой дороги онъ отдѣленъ высокой каменной стѣной съ двумя желѣзными рѣшетчатыми воротами, сквозь которыя виденъ рядъ низенькихъ зданій, принадлежащихъ бумажной фабрикѣ квакера Самюэля Вольдена. По ту сторону фабрики протекала рѣка Дорентъ, а въ разстояніи

одной мили находился городъ Дартфордъ. По внѣшности домъ некрасивый, мрачный; въ него, кажется, никогда не свѣтитъ солнце, а внутри, хотя комнаты большія и высокія, мебель же массивная, дорогая, но въ виду обнаженныхъ стѣнъ, безъ малѣйшихъ украшеній, это квакерское жилище очень походило на тюрьму.

Позади дома тянулся прекрасный садъ, въ которомъ цѣлыми часами бѣгала дѣвочка, а по временамъ въ его аллеяхъ показывалась сухошавая, блѣдная фигура женщины въ сѣромъ, квакерскомъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ. Это мать ребенка: она иногда смотритъ на него, но чаще погружена въ размышленія. Вся жизнь этой квакерши проходила въ подобныхъ размышленіяхъ о спасеніи души, и она очень мало разговаривала, безмолствуя даже на квакерскихъ собраніяхъ.

У дѣвочки не было ни подругъ, ни кукль, ни игрушекъ, ей никогда не рассказывали волшебныхъ сказокъ, и она никогда не читала другихъ книгъ, кромѣ Библии. Она не знала, что такое музыка, такъ какъ въ домѣ никогда не раздавалось ни пѣнія, ни звуковъ гитары; она не видывала ни картинъ, ни рисунковъ, такъ какъ въ домѣ не было ни одного художественнаго изображенія деревьевъ и цвѣтовъ, а тѣмъ болѣе человѣческихъ существъ. Ея ушамъ невѣдомъ былъ смѣхъ, такъ какъ въ домѣ никто не смѣялся, и вообще квакеры считаютъ смѣхъ грѣховнымъ дѣломъ.

Эта дѣвочка была я, и легко можно представить, какова была моя дѣтская жизнь въ такой средѣ и при такихъ условіяхъ. Что касается до внѣшняго міра, то я знала только, что это царство дьявола, и что истинно вѣрующему человѣку надо избѣгать всего мірскаго, какъ дьявольскаго наважденія.

Общество друзей, какъ называли себя квакеры, начало свое существованіе въ самой бѣдной обстановкѣ, но мало-по-малу оно разбогатѣло, и хотя среди него находились, какъ всюду и вездѣ, бѣдняки, но между ними встрѣчалось значительное число богачей, которые, вмѣстѣ со своимъ богатствомъ, потеряли свой прежній идеальный характеръ, духовную энергію и человѣчныя стремленія. Они были совершенно замуравлены въ узкихъ рамкахъ своего рутиннаго существованія и, отказавшись отъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, стали сухими эгоистами, безъ малѣйшаго слѣда человѣколюбія. Хотя они кичились тѣмъ, что вѣчно думаютъ о спасеніи души, но ничто не можетъ быть такъ вредно для человѣческой души, какъ отчужденіе отъ науки, литературы и общественной жизни, съ ихъ передовыми представителями, какъ холодное равнодушіе къ страждущимъ и неимущимъ внѣ лона ихъ церкви.

Мое воспитаніе было основано на строгихъ квакерскихъ началахъ, и моя мать внушила мнѣ свои узкія религіозныя вѣрованія, а также научила всему, что необходимо для хозяйки.

Однако, несмотря на то, что мое дѣтство не было счастливымъ и веселымъ, но я не узнала настоящаго горя до смерти моихъ ро-

дителей, которые умерли вскорѣ одинъ послѣ другого, когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ. Я осталась на попеченіи моего брата Джозефа. Не было человѣка, на котораго бы я въ дѣтствѣ смотрѣла съ такимъ страхомъ и уваженіемъ, какъ на него. Еще юношей, онъ былъ всегда серьезень, никогда не смѣялся и казался старше отца. Онъ вѣчно читалъ только одну книгу—Библию, да и то не всю, а только посланіе святого Павла. Если онъ когда нибудь открывалъ ротъ въ квакерскихъ собраніяхъ, то одинаково исключительно комментировалъ слова святого Павла, въ особенности его ученіе о малочисленности избранныхъ. Въ практической жизни Джозефъ былъ очень благо-разумный, смѣтливый дѣлецъ. Но, кромѣ религіи и дѣла, для него ничего не существовало.

По внѣшности Джозефъ веегда отличался мрачнымъ, суровымъ видомъ; его волоса, густыя брови и большіе глаза были черны, какъ смоль; росту онъ былъ высокаго, сухощавъ и держалъ себя очень гордо, надменно. У него не было друзей, а знакомство онъ водилъ только съ людьми, которые могли бесѣдовать о религіозныхъ вопросахъ. Онъ не выказывалъ никакой склонности къ женщинамъ и считалъ, что онѣ обяваны во всемъ подчиняться мужчинамъ. По вечерамъ онъ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ, сводя фабричныя книги, и громко стоналъ, когда итоги обнаруживали малый процентъ барыша. Онъ не читалъ книгъ, не интересовался политическимъ положеніемъ страны, не хотѣлъ знать о томъ, пользовалось ли миромъ или несло бремя войны то государство, которое охраняло его богатства. Въ домашней жизни онъ отличался умѣренностью и трезвостью, хотя любилъ пить мадеру, повидимому, вовсе не дѣйствовавшую на него.

Вѣроятно, есть человѣческія натуры, которыя рождены для счастья и, не достигнувъ его, хирѣютъ и даже умираютъ. Я полагаю, что у меня была подобная натура, потому что, перейдя изъ дѣтства въ молодость и не видя вокругъ себя ничего счастливаго, свѣтлаго, радужнаго, а лишь мракъ, суровыя лица и скучную, до одурѣнія, обстановку,—я подверглась на двадцать первомъ году своей жизни странному умственному недугу, называемому меланхоліей. Мысль объ этомъ болѣзненномъ состояніи возбуждаетъ во мнѣ страхъ. Сначала на меня напало черное отчаяніе, подѣ влияніемъ вѣчныхъ бесѣдъ брата о томъ, что очень немногіе могутъ спасти свою душу, а потомъ со мной сдѣлался какой-то нравственный столбнякъ, и я стала равнодушно, даже съ отвращеніемъ относиться ко всему: къ цвѣтамъ въ саду, къ пѣвию птицъ, къ хозяйству, къ ѣдѣ, даже къ чтенію Библии.

Вскорѣ послѣ того, что со мной приключился этотъ диковинный недугъ, къ намъ пріѣхала погостить вдова племянника моей матери, Изабелла Сторей, которая въ дѣвушкахъ принадлежала къ англиканской церкви, а въ квакерскую секту вступила только изъ любви

къ мужу. Она жила въ Лондонѣ, но отъ времени до времени прѣзжала къ намъ. Эту молодую женщину очень поразило мое разстроенное положеніе, и она сначала стала разспрашивать мою служанку Молли, но, не добившись отъ нея ничего, кромѣ слезъ, она пыталась поговорить со мной, но это также ни къ чему не привело, и она обратилась къ Джозефу. Оказалось, что онъ не замѣтилъ во мнѣ никакой перемѣны, но, узнавъ отъ Изабеллы, что я больна, послалъ за докторомъ, который прописалъ мнѣ какое-то лѣкарство, но принесшее мнѣ никакой пользы. Мнѣ становилось все хуже: я не знала, что дѣлать съ собой, то плакала безъ всякой причины, то падала въ обморокъ; дни я проводила безцѣльно, ни за что не принимаясь, а ночи не смыкала глазъ. Наконецъ мои нравственныя и физическія страданія дошли до того, что однажды утромъ я направилась къ пруду, отстоявшему не вдалекѣ отъ дома, и уже хотѣла съ отчаяніемъ броситься въ воду, какъ Молли, послѣдовавшая за мною, схватила меня сзади и потащила домой.

Я слегла въ постель, и братъ снова послалъ за докторомъ. Онъ наговорилъ много ученой белиберды, въ которой я не понимала ни слова, но мое положеніе ничуть не измѣнилось. Я попрежнему ничего не дѣлала, ничего не говорила, ни о чемъ не думала. Мое безнадежное положеніе, которое могло окончиться только сумасшествіемъ, такъ подѣйствовало на Изабеллу, что она сказала брату:

— Джозефъ, положеніе Нанси очень серьезно.

— На то воля Божья,—отвѣчалъ онъ.

— Конечно, но и мы не должны плошать.

— Я привывалъ два раза ученаго доктора, и онъ сказалъ, что ничего нельзя сдѣлать.

— Извини, братецъ, я не могу согласиться съ твоей покорностью судьбѣ, и даже съ квакерской точки зрѣнія нельзя успокоиться, прежде чѣмъ сдѣлать все, что возможно, для спасенія бѣдной Нанси.

— Что же еще можно сдѣлать?

— Я думаю, что ея припадки меланхолія происходятъ отъ того, что она не видитъ никакого общества и не имѣетъ ни малѣйшаго развлеченія.

— Но общество и развлеченія могутъ отвлечь ея мысли отъ спасенія души.

— Я не буду съ тобой спорить, Джозефъ, но очень бы хотѣла испытать самое простое средство для излѣченія бѣдной дѣвушки.

— Что же ты хочешь сдѣлать?

— Я хочу увезти ее въ Лондонъ къ себѣ, на мѣсяць или на два. Она тебѣ не нужна, а я постараюсь ее вылѣчить и вернуть тебѣ веселой, счастливой.

— Она увидитъ суету мірскую,—сказалъ братъ, качая головой.

— Что касается суеты мірской,—замѣтила Изабелла:—то на нее

можно насмотрѣться здѣсь. Вотъ, напримѣръ, наши кузинки Рахиль и Ревекка окружены суетой въ перчаточной лавкѣ своего отца. А я живу въ Лондонѣ, очень скромно, въ отдаленномъ кварталѣ.

Но Джозефъ колебался, и тогда Изабелла воскликнула:

— Ну, Джозефъ, будемъ говорить прямо. Твоей сестрѣ грозитъ сумасшествіе, а можетъ быть, худшій недугъ, особенно для юнаго существа. Доктора отъ нея отказались. Позволь же мнѣ попробовать мои средства для ея излѣченія. Я измѣню воздухъ, которымъ она дышитъ, обстановку, окружающую ее, и мысли, наполняющія ея голову. Въмѣсто этого пустыннаго сада она увидитъ шумную улицу, полную экипажей, пѣшеходовъ и нарядныхъ дамъ.

— Изавелей.

— Можетъ быть, но вѣдь Нанси невинный ребенокъ и не отличить Изавели изъ Руэи. Право, отпустите ее ко мнѣ. Я увѣрена она поправится, благодаря развлеченію и перемѣнѣ жизни. Ну, Джозефъ, соглашайся. Вѣдь ты не желаешь же смерти своей сестры.

— Конечно, нѣтъ, но я боюсь за ея душу.

Послѣ продолжительнаго разговора, онъ наконецъ согласился на предложеніе Изабеллы, а она, настоявъ на своемъ, конечно, поспѣшила меня увезти. Ни она, ни Молли, которая должна была сопровождать, не сказали мнѣ ни слова о поѣздкѣ, и однажды утромъ, когда я сидѣла въ саду, въ обычномъ припадкѣ меланхоли, онѣ обѣ, одѣтыя подорожному подошли ко мнѣ.

— Нанси,—сказала Изабелла, пока Молли надѣвала мнѣ шаль и шляпу, необходимыя принадлежности квакерскаго наряда:—ты поѣдешь со мной и Молли. У воротъ ждетъ карета четверкою, и она довезетъ насъ часа въ три или четыре въ Лондонъ. Ну, ну, поѣдемъ. Ты будешь у меня счастлива; я окружу тебя всѣмъ, что необходимо молодежи.

Я молча послѣдовала за ними и сѣла въ карету. Онѣ обѣ помѣстились рядомъ и противъ меня. Кучеръ хлестнулъ бичемъ, и экипажъ покатился.

Такъ какъ Изабелла всегда у насъ одѣвалась и держала себя поквакерски, то я ужасно удивилась, когда выѣхавъ изъ воротъ, она обняла меня и осыпая поцѣлуями, стала говорить, совершенно несвойственныя для квакерши рѣчи:

— Голубушка, милое дитя мое, ты просто жаждешь счастья. Я знаю причину твоего недуга и скоро тебя вылѣчу. Молодая и красивая дѣвушка должна жить весело, счастливо и пріятно. Я окружу тебя новой обстановкой, дамъ тебѣ новыя мысли, заставлю смѣяться. Подумай только, Нанси, ты никогда не слыхивала смѣха въ вапемъ мрачномъ домѣ. Тебѣ сначала будетъ очень странно смѣяться, но ты скоро привыкнешь. Я научу тебя играть и пѣть. Право, стыдно квакерамъ, что они изгнали музыку изъ своей среды, а вѣдь музыка возвышаетъ душу, и ты знаешь, что музыка облегчила душу

Саула. Ты увидишь, твое хорошенькое лицо въ два дня станетъ еще прелестнѣе, твои блѣдныя щеки порозовѣютъ и твои сухощавыя руки станутъ полными, красивыми. Что ты скажешь на это, Молли?

Я съ удивленіемъ слушала эту странную болтовню Изабеллы, а Молли отвѣчала:

— Вы совершенно правы, моей барышнѣ надо только вырваться изъ печальной квакерской среды, и она скоро поправится.

— Посмотри, Молли,—продолжала Изабелла,—у нея уже теперь блестятъ глаза. Да, Нанси, тебѣ необходимо посмотрѣть на грѣшный міръ! Вонъ по улицамъ все ходятъ грѣшные люди, работающіе для пропитанія своихъ грѣшныхъ женъ и грѣшныхъ дѣтей. А вонъ тамъ (мы уже въ это время ѣхали по Лондону) грѣшный паркъ, въ которомъ гуляютъ грѣшныя дамы, а передъ нами уже мое грѣшное жилище.

Я нарочно распространилась о моемъ дѣтствѣ и напавшей на меня меланхоліи, чтобы было понятно, какимъ я была простымъ, не вѣдавшимъ жизни, существомъ, когда неожиданно совершились событія, совершенно меня пересоудавшія.

II.

Теперь мнѣ приходится разсказать о чудѣ, которое совершилось по моемъ прибытіи въ Лондонъ, такъ я иначе не могу назвать происшедшей во мнѣ неожиданной перемѣны.

Какъ только экипажъ остановился передъ домомъ, въ которомъ жила Изабелла, то я хотѣла выйти изъ него, но задрожала всѣмъ тѣломъ и упала въ обморокъ. Очнувшись, я увидала себя въ хорошенькой спальнѣ на диванѣ. Подлѣ меня стояли Изабелла и Молли. Онѣ быстро меня раздѣли и положили въ постель, словно я была ребенкомъ. Мною овладѣлъ крѣпкій сонъ, и я проспала не только цѣлый день, но и слѣдующую ночь, нисразу не проснувшись и не вида никакихъ сновъ.

Я открыла глаза только въ девять часовъ утра подъ странные для меня, но пріятные звуки. Я впоследствии узнала, что это Изабелла играла на фортепiano. На сердцѣ у меня стало легко, отрадно, и счастливыя слезы потекли изъ моихъ глазъ. Я не могу изъяснить словами, какое сладкое впечатлѣніе произвела на меня впервые услышанная музыка.

Мало-по-малу я сознала, что находилась не дома, а у Изабеллы. Я вскочила съ постели, подбѣжала къ окну и отдернула темную занавѣсъ. Моимъ глазамъ представилась комната, совершенно иная, чѣмъ та, въ которой я жила дома. Въ моей комнатѣ не было ничего, кромѣ кровати, шкафа и плетенаго стула; при этомъ стѣны были обнаженныя и чисто выбѣлены, а тутъ на стѣнахъ висѣли картины, на полу лежалъ мягкій коверъ, кровать стояла подъ бал-

дахиномъ съ дорогиими занавѣсями; подлѣ виднѣлся туалетъ съ большимъ зеркаломъ и со всѣми предметами, которые для женщины необходимы. По обѣ его стороны стояли два низкихъ маленькихъ кресла, покрытыхъ краснымъ плюшемъ.

Окинувъ быстрымъ взоромъ внутренность комнаты, я выглянула въ окна. Оно выходило въ Гринъ-паркъ. Погода была свѣтлая, теплая, дѣти съ матерями и няньками наполняли аллеи парка; не много далѣе, сквозь зеленую листву, виднѣлась дорога, по которой ѣхали всадники и тянулись экипажи, въ томъ числѣ большой дилижансъ, нагруженный сверху чемоданами и сундуками.

Нѣсколько времени я съ любопытствомъ смотрѣла на всѣ эти новые для меня предметы. Потомъ я сдѣлала удивительное открытіе. Меланхолія исчезла, и я чувствовала себя совершенно здоровою.

Вотъ то чудо, о которомъ я только что упоминала.

Музыка продолжалась, и я приписала ей мое чудесное исцѣленіе, вспомнивъ примѣръ Сауда. Но вотъ замолкли чудные звуки, и мнѣ стало страшно, чтобы я не впала снова въ прежнее оцѣпенѣніе. Но нѣтъ, оно не возвращалось. Я чувствовала свѣжій воздухъ, доносившійся до меня изъ парка, я слышала смѣхъ дѣтей, а также команду сержанта, обучавшаго солдатъ на песчаной площадкѣ. Я могла сознавать то, что меня окружало, я могла думать и разсуждать.

Дѣйствительно, совершилось чудо, и въ одну ночь! При этомъ нелишне замѣтить, что я никогда впослѣдствіи не страдала меланхоліей.

Я наскоро одѣлась и отворила дверь въ гостиную. Изабелла подбѣжала ко мнѣ, обняла меня и поцѣловала на обѣ щеки.

— Ну, вотъ видишь, какъ мое дѣкарство дѣйствуетъ!—воскликнула она съ веселымъ смѣхомъ:—твой глаза счастливо блестятъ, а щеки похожи на розы. Ну, что, ты хорошо спала? Голова у тебя не болитъ? Мысли ясны, и на сердцѣ спокойно? Я была въ этомъ увѣрена. Все случилось, какъ я думала. Ну, теперь садись и давай пить шоколадъ.

Въ эту минуту Молли вошла съ подносомъ.

— Вотъ жареный хлѣбъ и сдобныя булки, — продолжала Изабелла;—ѣшь и пей, голубушка, а потомъ мы поговоримъ. Ты, вѣроятно жаждешь поговорить послѣ такого продолжительнаго молчанія.

Въ сущности я желала не говорить, а слушать и смотрѣть. Пока болтала Изабелла, я осматривала комнату. Съ перваго взгляда было видно, что тутъ жила не квакерша, а женщина, которой не были чужды свѣтскіе обычаи и удовольствія. Стѣны были увѣшаны масляными картинами и крашенными гравюрами, изображавшими сцены изъ сельской и городской жизни; на фортепіано лежала груда нотъ, а на полкахъ виднѣлись книги не серіозныя, а сочиненія беллетристовъ, драматурговъ и поэтовъ.

— Ты удивляешься, что я не придерживалась квакерскихъ взглядовъ въ своей обстановкѣ и туалетѣ,—произнесла между прочимъ Изабелла;—но знай же, что я вступила въ общество квакеровъ изъ любви къ мужу и вышла отсюда изъ любви къ себѣ. Я надѣваю квакерскій нарядъ, только посѣщая домъ твоего брата.

Дѣйствительно на ней былъ красивый розовый капотъ и чепецъ съ лентами того же цвѣта; на пальцахъ ея блестѣли кольца, и вообще она далеко не походила на квакершу.

— Я не говорила еще Джоржу о томъ, что вышла изъ общества квакеровъ, такъ какъ онъ, узнавъ объ этомъ, пересталъ бы принимать меня въ свой домъ, — продолжала она; — но, Нанси, ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ жаль было видѣть тебя, такую юную, красивую дѣвушку въ скучной, мрачной квакерской средѣ. Клянусь небомъ, что твоя мать, увидѣвъ тебя въ эту минуту съ блестящими глазами и розовыми щеками, простила бы мнѣ обманъ, благодаря которому я спасла тебя. Въ сущности что же я сдѣлала? Я родилась въ лонѣ англиканской церкви и вернулась въ него. Развѣ это грѣшно?

Нанси долго говорила безъ умолка. Я никогда не слышала такой свободной, легкомысленной рѣчи, но эта красивая, молодая женщина съ большими глазами, здоровымъ румянцемъ во всю щеку и полною фигурой была такъ добра, что въ каждомъ ея взглядѣ и словѣ обнаруживалось желаніе, чтобъ всѣ вокругъ нея были счастливы. Поэтому я съ удовольствіемъ слушала ее, хотя плохо понимала ея слова. Одно для меня было только ясно, что она удержитъ меня у себя на время, и что мнѣ придется видѣть много новаго.

— Ну, какъ я рада, что ты просвѣтлѣла и оправилась отъ твоего мрачнаго настроенія, — воскликнула она наконецъ: — теперь мы съ тобой увидимъ грѣшный міръ, и грѣшный міръ увидитъ въ паркѣ прелестное олицетвореніе невинности. Я говорю, моя милая, о томъ паркѣ, гдѣ гуляютъ модныя дамы, но я не принадлежу къ ихъ числу, хотя я одѣваюсь не хуже ихъ, потому что мой мужъ оставилъ мнѣ много денегъ. Но эти дамы не принимаютъ въ свое общество вдову торговца, какъ бы хорошо и богато одѣта она ни была. Но я на это и не обращаю вниманія, и мы, Нанси, посмотримъ на нихъ въ паркѣ, и я буду не я, если онѣ не посмотрятъ съ завистью на тебя. Ты уже теперь совершенно измѣнилась; мысль о твоёмъ домѣ, отъ котораго несетъ могильной...

Она неожиданно умолкла и бросилась ко мнѣ, такъ какъ я поблѣднѣла и лишилась чувствъ при одномъ воспоминаніи о мрачномъ домѣ, проповѣдяхъ брата, о маломъ числѣ избранныхъ и моей страшной меланхоли, которая могла всегда вернуться. Когда я очнулась, то Изабелла давала мнѣ нюхать спирту, а Молли терла мнѣ руки губкой.

— Слышишь, Молли,—говорила въ это время добрая кузина:—

никогда не надо упоминать при ней о старомъ ея домѣ. Надо старательно удерживаться отъ мыслей о прошедшемъ.

Дѣйствительно когда я совсѣмъ пришла въ себя, то она продолжала попрежнему болтать, но исключительно о настоящемъ и о томъ новомъ свѣтѣ, въ который она хотѣла меня ввести.

— Вотъ видишь, Нанси, если мы живемъ въ свѣтѣ, то должны жить, какъ всѣ живутъ. Поэтому ты будешь одѣваться, говорить, смѣяться и вообще вести себя, какъ всѣ свѣтскія дамы и дѣвушки, я даже полагаю, что въ такой жизни заключается большая нравственная польза. Въ квакерской средѣ нѣтъ никакихъ соблазновъ для красивой молодой дѣвушки, никто не ухаживаетъ за ней, никто не кружитъ ей голову комплиментами, сладкими рѣчами, никто не разставляетъ ей предестныхъ силковъ? Но подумай, Нанси, что лучше—побороть всѣ соблазны, или никогда ихъ не видать? Какъ неизмѣримо выше первое?

Если меня упрекнуть въ томъ, что я очень легко и быстро намѣнила своей церкви, то не надо упускать изъ вида, что я не была тогда въ состояніи разсуждать и противодѣйствовать. Мною въ то время совершенно овладѣли два чувства: смущенное любопытство относительно настоящаго и ужасный страхъ прошедшаго. Ни я, ни Изабелла не понимали, что, однажды снявъ квакерскую одежду и отказавшись отъ ихъ образа жизни, я уже не могла къ нимъ вернуться. Все прошлое было связано въ моихъ мысляхъ съ меланхоліей, а о ней я не могла вспомнить безъ лихорадочной дрожи и даже теперь, двадцать лѣтъ спустя, холодъ пробѣгаетъ по всему моему тѣлу, когда я неожиданно переношусь въ мрачный, безмолвный домъ моего брата и слышу его роковыя слова, что мало избранныхъ, а потому громадному большинству грѣшниковъ грозитъ геенна огненная.

Надо отдать справедливость Изабеллѣ, что она энергично и серьезно принялась за исполненіе своей задачи заставить меня забыть мрачное прошедшее и превратиться въ свѣтскую барышню. Прежде всего она обратила вниманіе на туалетъ и была очень удивлена, какъ скоро я усвоила себѣ я уроки относительно шелковыхъ, штофныхъ и бархатныхъ платьевъ, модныхъ шляпъ и кушаковъ, лентъ и кружевъ, перчатокъ и т. д. Когда же я по временамъ протестовала противъ исключительнаго занятія женщинами однимъ туалетомъ, то Изабелла отвѣчала смѣясь.

— Конечно, Нанси. Какая польза отъ хорошаго туалета? Онъ украшаетъ прелестную женщину. Но зачѣмъ прелестной женщинѣ заботиться объ увеличеніи своихъ чаръ? Чтобъ привлечь къ себѣ мужчинъ. А зачѣмъ имъ привлекать къ себѣ мужчинъ? Чтобъ овладѣть ими и дѣлать все, что вздумается. Мужчины думаютъ, что они повелѣваютъ свѣтомъ, но въ сущности женщины повелѣваютъ повелителями свѣта.

Какъ ни были легкомысленны эти слова, но я находилась тогда всецѣло подъ вліяніемъ Изабеллы и оказалась очень способною ученицей. Спустя недѣлю или двѣ, мнѣ можно было видѣть моду каждый день въ модныхъ магазинахъ Лудіэтъ-Гиль или Чипъ-Сайда, гдѣ ловкіе приказчики показывали мнѣ послѣднія новости по части женскаго туалета.

Второй заботой Изабеллы было научить меня свѣтскимъ манерамъ, и это стоило ей небольшого труда. Я вскорѣ усвоила себѣ свѣтскую рѣчь, свѣтское обращеніе и свѣтскую граціозность. Для пріобрѣтенія послѣдняго качества моя учительница нашла нужнымъ дать мнѣ нѣсколько уроковъ танцевъ. Но чему я научилась безъ всякихъ уроковъ, это смѣяться. Я, право, не знаю, когда я разсмѣялась въ первый разъ и почему, но, вѣроятно, я стала смѣяться такъ же, какъ утенокъ начинаетъ плавать, смогря на другихъ.

Музыка, рисованье и чтеніе докончили мое превращеніе изъ квакерши въ свѣтскую барышню. Я уже говорила, что у Изабеллы было много книгъ по беллетристикѣ. Она начала читать ихъ со мной и выбирала для перваго опыта моего знакомства съ литературой извѣстный романъ Ричардсона. Безсмертный образъ Клариссы показался мнѣ столь жизненнымъ, ея несчастья столь незаслуженными, а поведеніе ея обольстителя столь гнуснымъ, что я почувствовала изъ чтенія этой книги большую нравственную пользу. Отъ Клариссы мы перешли къ поэтамъ: къ Шекспиру, Мильтону, Драйдену, Попу и другимъ. Изабелла читала очень хорошо и по временамъ останавливаясь указывала мнѣ на красоты поэтическаго произведенія, на истинный смыслъ какойнибудь возвышенной мысли, на художественную картину и т. д.

Посѣщеніе Вестминстерскаго аббатства убило во мнѣ послѣдніе слѣды квакерства. Все различіе между шириной взглядовъ англиканской церкви и узкостью нашей секты поразило меня настолько, что, выходя изъ аббатства, гдѣ одинаково похоронены всѣ послужившіе отечеству, богатые и бѣдные, знатные и простые смертные, гдѣ раздаются краснорѣчивыя слова проповѣдниковъ, призывающихъ всѣхъ, вѣрующихъ въ Лого Христово, не дѣля ихъ на избранныхъ и неизбранныхъ, гдѣ чудное пѣніе славно переноситъ васъ на небо,—я сказала Изабеллѣ, что отнынѣ во что бы то ни стало буду принадлежать къ церкви, позволяющей вѣрить въ милосердіе и любовь Бога.

— Что ты, дитя мое!—воскликнула она съ ужасомъ.—Вѣдь всѣ скажутъ, что я тебя научила быть отступницей.

— Добрая Изабелла,—отвѣчала я:—многимъ я тебѣ обязана, но какъ хочешь, я не могу болѣе оставаться въ обществѣ друзей.

Мое превращеніе было окончено, и я стала совершенно инымъ новымъ существомъ. Три мѣсяца, май, іюнь и іюль 1760 года, Изабелла посвятила на мое развитіе, и по истеченіи этого времени я стала

одѣваться, говорить, читать и думать, какъ всѣ дѣвушки и женщины того времени. Друзей у насъ было мало и хоть мы знали жильцовъ нашего дома: сержанта Батса съ семьей, капитана Селлинджера и доктора мистера Чембера, но мы имѣли мало съ ними сношеній. Мнѣ такъ опротивѣли квакеры, что я перестала посѣщать ихъ собранія и даже начала ходить съ Изабеллой въ церковь св. Іакова на улицѣ Пикадилли, что же касается пѣнія, рисованія, чтенія, игры на фортепьяно, вышиванія и туалета, то я все это обожала, къ полному удовольствію моей учительницы.

III.

Въ среду, 17 августа случилось событіе, которое измѣнило всю мою жизнь. Въ 7^{1/2} часовъ вечера я возвращалась домой отъ вечерни въ церкви св. Іакова. Меня сопровождала Молли, которая шла за мной и держала въ рукахъ мой молитвенникъ. Много другихъ дамъ и молодыхъ дѣвушекъ также шло изъ церкви съ лакеями или служанками.

Мы съ Молли благополучно достигли угла Сентъ-Джемской площади, но тутъ встрѣтились лицомъ къ лицу съ двумя джентельмэнами, которые шли, поддерживая другъ друга.

Они оба были въ красныхъ офицерскихъ мундирахъ. Одного изъ нихъ я хорошо знала. Это былъ Робертъ Селлинджеръ, младшій братъ лорда де-Лиса и капитанъ королевской гвардіи. Ему тогда было не болѣе двадцати пяти лѣтъ; онъ былъ высокаго роста, и къ нему прекрасно шель гвардейскій мундиръ, такъ что на него нельзя было смотрѣть безъ удовольствія, хотя отъ излишняго употребленія портвейна и пунша, шея у него стала слишкомъ толстой, а щеки слишкомъ красными для его лѣтъ. Но по утрамъ онъ былъ прекраснымъ собесѣдникомъ, отличаясь приличными манерами, хорошимъ образованіемъ, основательнымъ знаніемъ литературы, добротой и предупредительностью. По внѣшности онъ былъ, какъ я уже сказала, высокаго роста, глаза у него всегда лучезарно свѣтились, а губы вѣчно улыбались. Онъ былъ очень внимателенъ къ моей кузинѣ и ко мнѣ, часто насъ посѣщалъ, ходилъ съ нами гулять въ паркъ и рассказывалъ намъ о старомъ королѣ, жившемъ въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ, а также о принцахъ, обитавшихъ въ Лейстерскомъ сквэрѣ. Хотя онъ постоянно говорилъ мнѣ комплименты, но не ухаживалъ за мной, и въ сущности онъ никогда никого не любилъ, кромѣ бутылки, зло воздавшей ему впослѣдствіи подагрой за этотъ преданный культъ.

Еслибъ капитанъ Селлинджеръ былъ трезвымъ въ этотъ вечеръ, то ничего бы не случилось. Трезвый онъ уважалъ всѣхъ женщинъ, но въ пьяномъ видѣ онъ приравнивалъ всѣхъ женщинъ къ тѣмъ безстыднымъ созданіямъ, которыхъ мужчины скандально хватали

за подбородокъ въ паркѣ, какъ я не разъ видывала. Въ этотъ вечеръ онъ былъ совершенно пьянъ и едва держался на ногахъ.

Увидавъ насъ, эта веселая парочка загородила намъ дорогу.

— Капитанъ Селлинджеръ,—сказала я:—пропустите меня.

— Джакъ,—произнесъ онъ, съ трудомъ ворочая языкомъ:—это Нанси, это божественная Нанси. Она молилась въ церкви, опустившись на свои прелестныя колѣнки. Знаешь, что Джакъ, поѣдемъ съ ней въ Мерилебонскій садъ и весело окончимъ тамъ вечеръ.

— Еще бутылку,—пробормоталъ его товарищъ, ничего не понимая отъ опьяненія.

— Пропустите меня, капитанъ Селлинджеръ,—повторила я.

— Ты возьмешь служанку, Джакъ, — продолжалъ капитанъ не сторонясь: —тебѣ и она годится. Молли, крикните карету для насъ четверыхъ.

— Капитанъ Селлинджеръ,—воскликнула я:—вы пьяны, иначе я не могу объяснить вашего страннаго обращенія. Стыдитесь, сэръ, и пропустите меня.

— Др...угую бутылку,—пробормоталъ его товарищъ, поникнувъ головою.

— Вы отправитесь въ моихъ объятіяхъ, въ каретѣ, въ паланкинѣ,—отвѣчалъ капитанъ, самъ не зная, что онъ говорилъ:—въ Мерилебонскій садъ. Тамъ... мы будемъ танцовать. Я еще никогда не танцевалъ съ вами, прелестная Нанси. А потомъ мы поужинаемъ и... Джакъ, опрокинемъ другую бутылку.

— Др...угую бутылку, — повторилъ Джакъ, но по его стекляннымъ глазамъ было видно, что онъ уже опрокинулъ болѣе бутылокъ, чѣмъ слѣдовало, и неспособенъ на дальнѣйшіе подвиги.

— Пустите меня, капитанъ Селлинджеръ, — закричала я въ испугѣ.

— Мы вмѣстѣ поѣдемъ въ Мерилебонскій садъ, — промолвилъ онъ, схвативъ меня за руку:—всѣ другія женщины допнуть отъ ревности, чортъ ихъ возьми, а мужчины отъ зависти. Я имъ покажу Венеру, настоящую Венеру, богиню красоты. Добромъ или зломъ, а быть тебѣ, Нанси, сегодня въ Мерилебонѣ.

— Это нестерпимо, капитанъ Селлинджеръ. Вы такъ пьяны, что забываетесь. Вы не знаете, что говорите. Пустите меня, или силой вырвусь отъ васъ.

Что затѣмъ случилось, я хорошенько не помню: знаю только, что онъ сжалъ мнѣ обѣ руки и хотѣлъ поцѣловать, а я совершенно потеряла голову отъ страха и чувства оскорбленія. Однако я закричала и стала звать на помощь; Молли также закричала и, оттолкнувъ капитана, заслонила меня. Онъ спяна не разобралъ, кто передъ нимъ, и онъ сталъ обнимать служанку вмѣсто госпожи, за что Молли ударила его кулакомъ по уху. А затѣмъ я увидѣла его впервые.

Два молодыхъ человѣка, одинъ лѣтъ двадцати одного, а другой моложе года на два, перебѣжали черезъ улицу и, поровнявшись съ нами, обнажили шпаги.

— Не бойтесь, сударыня,—сказалъ старшій изъ нихъ рѣшительнымъ голосомъ и сверкающими глазами: — мы очистимъ для васъ путь.

Говоря это, онъ всталъ передо мной и направилъ свою шпагу въ грудь пьянаго капитана.

Второй джентельменъ всталъ рядомъ съ своимъ другомъ, но не много впереди и какъ бы защищалъ его. Несмотря на мое волненіе, я замѣтила, что они оба были въ богатыхъ мундирахъ. Старшій, болѣе высокій и статный, былъ въ такомъ красномъ мундирѣ, какъ капитанъ Селлинджеръ, но съ золотымъ шитьемъ на воротникѣ и обшлагахъ, а также въ треуголкѣ съ широкимъ золотымъ галуномъ; на младшемъ былъ синій мундиръ съ большими отворотами и одинаковымъ золотымъ шитьемъ. Я тогда такъ мало умѣла отличать мундиры, что не узнала въ немъ офицера королевскаго флота.

При видѣ обнаженныхъ шпагъ капитанъ вдругъ преобразился. Въ его сердцѣ проснулась военная доблесть; онъ неожиданно отрезвѣлъ, оттолкнулъ товарища, который упалъ на землю, и быстро обнажилъ шпагу.

— Къ вашимъ услугамъ, господа, — скавалъ онъ:—если вамъ угодно вмѣшаться въ чужое дѣло.

Онъ поклонился своимъ противникамъ и скрестилъ свою шпагу съ шпагой старшаго джентельмена.

Мы обѣ съ Молли закричали въ одинъ голосъ:

— Господа, остановитесь. Онъ пьянъ.

Но въ капитанѣ Селлинджерѣ произошла новая перемѣна. Лицо его выразило удивленіе, сомнѣніе и, наконецъ, полное сознаніе, что ему знакомъ его противникъ.

— Господа!—воскликнулъ онъ, опустилъ шпагу до земли, снялъ треуголку, низко поклонился, вложилъ шпагу въ ножны и, пятясь назадъ, исчезъ въ паркѣ.

Меня это странное обращеніе не очень удивило, такъ какъ у квакеровъ вовсе не въ ходу такіе поклоны, и я не знала, какъ слѣдуетъ кому кланяться.

— Ну, дѣло кончилось хорошо, — сказалъ младшій джентельменъ:—что дѣлать съ этимъ поклонникомъ бутылки.

— Благодарю васъ, господа, за вашу помощь,—произнесла я,— что же касается до этого лежачаго врага, то онъ пьянъ. Будьте такъ добры, вложите въ ножны ваши шпаги.

Они повиновались. Старшій съ почтительнымъ поклономъ спросилъ, далеко ли мнѣ идти. Я отвѣчала, что живу у родственницы въ Сенъ-Джемской площади и что могу теперь дойти до дома совершенно безопасно.

— Нѣтъ, сударыня,—отвѣчалъ онъ:—позвольте намъ проводить васъ до дверей.

Они пошли со мною, и когда мы очутились передъ домою, гдѣ жила Изабелла, я снова поблагодарила ихъ и пожелала имъ доброй ночи.

— Сударыня,—произнесъ старшій, смотря мнѣ прямо въ глаза, но безъ слѣдовъ надменности или нахальства въ взглядѣ:—мы по крайней мѣрѣ должны узнать имя молодой дѣвушки, скорѣе юной богини, которой мы по счастью оказали услугу.

— Сэръ,—отвѣчала я, покраснѣвъ отъ его комплимента:—я дочь покойнаго Самюэля Вольдена, бумажнаго фабриканта въ Дартфордѣ, въ Кентѣ. Я здѣсь въ гостяхъ у мистриссъ Изабеллы Сторей, вдовы моего двоюроднаго брата Рувима Сторей, американскаго лавочника въ Тауерской улицѣ.

— Ну, Джорджъ,—сказалъ младшій изъ джентельменовъ:—мы задерживаемъ миссъ Вальденъ.

— Сударыня,—произнесъ старшій съ почтительнымъ поклономъ:—я надѣюсь, что вы позволите намъ быть знакомыми съ вами?

— И я также, сударыня,—отвѣчалъ младшій:—прошу о томъ же.

— Господа,—отвѣчала я:—мнѣ невозможно ни принять, ни отказать той чести, которую вы хотите мнѣ оказать, такъ какъ я сама гостя въ домѣ моей двоюродной сестры.

— Что вы, миссъ Нанси,—замѣтила Молли, смѣло вмѣшиваясь въ разговоръ:—въ нашемъ домѣ бываетъ такъ мало молодыхъ людей, что знакомство этихъ джентельменовъ будетъ очень пріятно хозяйкѣ. Приходите, господа, а я вамъ ручаюсь за радушный пріемъ. Прощайте, господа, благодарю васъ отъ имени моей госпожи.

Они громко засмѣялись и, раскланявшись, стали уходить. Я не могла вытерпѣть и, повернувъ голову, поглядѣла имъ вслѣдъ; но была за это наказана: мой взглядъ встрѣтился со взглядомъ старшаго джентельмена, и я невольно покраснѣла.

Въ дверяхъ нашего дома стоялъ докторъ мистеръ Чемберъ, въ старомъ, поношенномъ халатѣ и ночномъ колпакѣ.

— Эге!—сказалъ онъ съ низкимъ поклономъ:—вы уже обзавелись поклонниками, да еще такими, что другія нифмы съ ума сойдутъ отъ зависти.

— У меня нѣтъ никакихъ поклонниковъ.

— Полно, полно. Васъ только можно поздравить съ такимъ блестящимъ началомъ. Одинъ изъ нихъ, конечно, вернется сюда. А скажали они вамъ, кто они такіе?

— Нѣтъ еще.

— Ну, это придетъ со временемъ. Вся исторія полна женскихъ побѣдъ. Любовь повелѣваетъ самыми могущественными государями и самыми славными завоевателями. Имена этихъ героинь, которыя водили за насъ королей,—Розамунда, Алиса, Нелли, Габріэль и т. д.

Онѣ царятъ одинъ день—и довольно. Вы знаете, какъ мошки вертятся вокругъ огня? Повертятся, повертятся и сгорятъ.

Все это онѣ говорилъ какимъ-то зловѣщимъ тономъ, который тѣмъ болѣе меня утешалъ, что лицо у него было ястребиное.

— Я не понимаю, о чемъ вы говорите.

— Хорошо, хорошо! Поймете со временемъ. Но, знаете что, не спрашивайте ихъ именъ. Но все-таки странно, чтобы они явились именно въ этотъ домъ.

Онѣ удалился въ свою комнату, но его слова меня напугали, и я никакъ не могла понять, зачѣмъ онѣ упоминалъ намъ объ историческихъ женщинахъ, и о какихъ мошкахъ, сгорающихъ на огнѣ, говорилъ онѣ.

Когда я рассказала Изабеллѣ о случившемся, она воскликнула:

— Удивляюсь, кто были господа! А Молли, значить, пригласила ихъ сюда. Вотъ нахалка! Впрочемъ, я не стану мѣшать твоему счастью. Они придутъ къ тебѣ, и я приму ихъ радушно. Только бы они не оказались кутилами.

— Нѣтъ, они кажутся очень нравственными молодыми людьми.

— Всѣ они кажутся нравственными до поры до времени. По вѣшности никогда нельзя довѣрять мужчинамъ. Вотъ еще въ прошломъ году одинъ искатель приключеній увезъ богатую наслѣдницу, и, прежде чѣмъ родители узнали объ ея исчезновеніи, парочка уже была въ Гретна-Гринъ.

— Но я вѣдь небогатая наслѣдница, и поэтому никто меня не увезетъ.

— Не знаю, дитя мое, увозятъ женщинъ и по другимъ причинамъ. Мужчины столько же охотятся за нимфами, сколько за деньгами. Помни о Клариссѣ и о Ловеласѣ.

— Если бы Кларисса жила у тебя, милая Изабелла, то Ловеласъ никогда бы не рѣшился посягнуть на ея честь, и во всякомъ случаѣ это ему не удалось бы.

IV.

На слѣдующій день у насъ перебивало много гостей.

Прежде всего явился капитанъ Селлинджеръ, чтобы извиниться за свое неприличное поведение. Его извиненія были однако довольно странныя: онѣ увѣрялъ, что не былъ очень пьянъ, такъ какъ могъ отличить хорошенькую женщину.

— А вы это доказали тѣмъ, что поцѣловали вмѣсто меня Молли,— замѣтила я съ улыбкой.

Онѣ отвѣчалъ, что на него нашло только минутное потемнѣніе. Однако, какъ подобало джентльмену, онѣ все-таки выразилъ сожалѣніе, что оскорбилъ женщину.

— Простите, капитанъ Селлинджеръ, но я очень рада, что Молли ударила васъ по лицу.

— Я вызову её на дуэль, потому что джентльменъ долженъ смыть кровью подобную обиду. Вы говорите, что я поцѣловалъ Молли вмѣсто васъ, и что она меня ударила, но я этого рѣшительно не помню. Но вотъ что я помню, такъ это принца Уэльскаго, который вдругъ появился передо мной съ обнаженной шпагой.

— Вы это во снѣ видѣли, капитанъ Селлинджеръ.

— Нѣтъ, наяву. Но скажите мнѣ, пожалуйста, прелестная Нанси, какъ попалъ въ нашу компанію принцъ Уэльскій?

— Право, вамъ это померещилось спьяна. Къ тому же ко мнѣ на помощь явились два джентльмена, а не одинъ.

— Ни, ни, ни, я дѣйствительно видѣлъ двухъ, но когда человекъ выпьетъ три бутылки, то у него всегда въ глазахъ двоится; а потому я и говорю, что былъ одинъ, а не два. Вотъ если бы я видѣлъ четырехъ, то это значило бы, что было два.

Вполнѣ убѣжденный въ справедливости своихъ словъ, капитанъ никакъ не хотѣлъ признать, что онъ ошибся, и, чтобы положить конецъ этому разговору, я его простила, подъ условіемъ, что онъ не будетъ пить портвейна цѣлую недѣлю.

— Прелестная Нанси! — воскликнулъ онъ съ какой-то странной улыбкой:—я готовъ не пить двѣ недѣли, чтобы только заслужить ваше прощеніе.

Однако, въ тотъ же вечеръ его принесли мертвецки пьянымъ, а на слѣдующее утро онъ клялся, что сдержалъ свое слово, такъ какъ напился не портвейномъ, а пуншемъ.

Вторымъ нашимъ гостемъ былъ сержантъ Бетцъ, служившій въ одномъ гвардейскомъ полку съ капитаномъ. Онъ жилъ съ женой и шестью дѣтьми на чердакѣ нашего дома. Цѣлый день, если только не шолъ дождь, дѣти бѣгали и играли въ Гринъ-паркѣ, а ихъ мать шила и штопала ихъ одежду, которую они рвали немилосердно. Сержантъ же, которому тогда было около тридцати лѣтъ, содержалъ свою семью, благодаря многочисленнымъ своимъ талантамъ и урокамъ по различнымъ предметамъ. Дѣйствительно, я никогда не встрѣчала человека съ такими разнообразными способностями. Но при всемъ этомъ его заработокъ былъ такой скромный, что если бы Изабелла не навѣщала по временамъ чердака, то его дѣти голодали бы и ходили въ лохмотьяхъ. Прежде всего сержантъ обучалъ военному дѣлу, т. е. фехтованію, фортификаціи и исторіи великихъ полководцевъ, отъ Александра и Ганнибала до Мальборо. Во-вторыхъ, онъ давалъ уроки французскаго языка, на которомъ говорилъ очень бѣгло, алгебры, межеванія и другихъ отраслей математики, наконецъ, въ-третьихъ, онъ могъ учить рисованію и чистописанію. Въ свободное же время онъ составлялъ планы знатныхъ сраженій и осадъ, а также писалъ различныя военныя брошюры, которыхъ

ни одинъ книгопродавецъ не хотѣлъ печатать. Его излюбленной мечтой было добиться офицерскаго патента, что было для него недостижимо, такъ какъ средства ему не позволяли купить этотъ патентъ.

Возвращаясь въ это утро домой съ дежурства, сержантъ Бетцъ, въ мундирѣ съ шерстяными эполетами, означавшими, что онъ стоялъ все-таки на іерархической лѣстницѣ, хотя и на первой ступени,—зашелъ къ намъ.

— Почтенная красавица,—сказалъ онъ, салютуя намъ повоевному:—я явился, чтобы засвидѣтельствовать вамъ свое глубочайшее почтеніе и поздравить васъ со счастливымъ избавленіемъ отъ дерзостей нахаловъ. Я едва не вырвалъ изъ головы всѣ свои волосы, услыхавъ, что злая судьба лишила меня счастья спасти васъ, а предоставила это сдѣлать двумъ джентльменамъ, да еще, можетъ быть, не военнаго сословія. Если бы я былъ на мѣстѣ, то задаль бы ему ходу, хотя онъ и капитанъ моего полка, и меня могли бы за это разжаловать.

— Благодарю васъ, сержантъ Бетцъ,—сказала я:—но лучше, что дѣло обошлось безъ драки. Но если бы представилась надобность въ вашихъ услугахъ, то я воспользуюсь вашей любезностью.

— Пожалуйста, и какъ только вы соберетесь вечеромъ въ церковь, то скажите мнѣ, и я пойду за вами съ обнаженной шпагой.

— Я не могу оставить безъ награды такой преданности и храбрости!—воскликнула Изабелла:—васъ, вѣроятно, мучитъ жажда?

Съ этими словами она вынула изъ буфета бутылку портвейна и, наливъ стаканъ, поднесла сержанту.

— Въ присутствіи красоты каждый воинъ чувствуетъ жажду!—произнесъ сержантъ:—пью за ваше здоровье, сударыня, и за здоровье миссъ Нанси. Надѣюсь, что вы, миссъ, прибѣгнете въ слѣдующій разъ, когда вамъ понадобится помощь героя, ко мнѣ.

Третьимъ нашимъ посѣтителемъ въ этотъ день былъ Робертъ Сторей, книгопродавецъ въ улицѣ Пель-Мель. Онъ приходился двоюроднымъ братомъ покойному мужу Изабеллы, но та вѣтвь семьи, къ которой онъ принадлежалъ, не исповѣдывала квакерства. Ему было не болѣе двадцати восьми лѣтъ, и онъ недавно наслѣдовалъ книжную торговлю своего отца. Одѣвался онъ, какъ состоятельный гражданинъ, и по внѣшности походилъ на почтеннаго завсегдатая биржи. На немъ всегда былъ черный бархатный кафтанъ, бѣлые шелковые чулки, башмаки съ серебряными пряжками, напудренный парикъ, кружевное жабо и шляпа съ серебрянымъ позументомъ.

— Кузина Сторей и миссъ Нанси, свидѣтельствую вамъ свое почтеніе,—сказалъ онъ, переступивъ порогъ и становясь въ картинную пову.

Выгнѣтъ съ этимъ онъ отвѣсилъ намъ обѣимъ низкій поклонъ, а потомъ торжественно усѣлся въ кресло, скрестивъ ноги, засунувъ лѣвую руку за жилетъ и оставивъ правую свободной для жестовъ.

Его книжная лавка, которую мы часто посѣщали по утрамъ была переполнена всякаго рода книгами и разнообразными посѣтителеми, въ томъ числѣ поэтами, учеными, духовными лицами и собирателями рѣдкихъ книгъ. По вечерамъ же онъ нерѣдко заходилъ къ намъ и то читалъ намъ книги, то рассказывалъ о поэтахъ, ученыхъ и мыслителяхъ, которые избрали себѣ пристанищемъ его лавку. Среди этихъ завсегдатаевъ его книжной лавки были такіе люди, какъ Самюэль Джонсонъ, Генри Фильдингъ, Тобіасъ Смолетъ, Лоренсъ Стернъ, лордъ Лительтонъ и Давидъ Гаррикъ, если можно примѣшать актера къ такимъ знаменитостямъ.

Но чаще всего Робертъ рассказывалъ намъ о свѣтскихъ новостяхъ, скандалахъ и анекдотахъ, которые онъ слышалъ отъ своихъ пріятелей, такъ какъ, повидимому, ученые и писатели любятъ сплетничать еще болѣе женщинъ.

На этотъ разъ, однако, Изабела не дала ему возможности пуститься въ болтовню, такъ какъ, она прямо встрѣтила его разговоромъ о моемъ вчерашнемъ приключеніи.

— Это событіе,—произнесъ онъ съ благороднымъ негодованіемъ:—кажется мнѣ самымъ поворнымъ актомъ въ длинномъ рядѣ безнравственныхъ поступковъ аристократіи нашего времени.

— Но, мистеръ Робертъ,—замѣтила я, удивляясь, что онъ отнесся къ этому случаю съ такимъ жаромъ:—капитанъ былъ пьянъ и не зналъ, что дѣлалъ.

— Ваше невѣдѣніе зла, миссъ Нанси,—отвѣчалъ онъ съ улыбкой:—побуждаетъ васъ защищать такого дурного человѣка. Я хорошо знаю, по необходимости, нечестивый свѣтъ и потому увѣренъ, что эти четыре джентльмена разыграли заранѣе придуманную комедію: первые двое представились пьяными и напали на беззащитную дѣвушку, а другіе два взяли на себя роль ея спасителей.

— Это невозможно, мистеръ Сторей, потому что они не знали, когда и гдѣ мы пройдемъ, къ тому же, увѣряю васъ, капитанъ былъ пьянъ.

Онъ пожалъ плечами, покачалъ головой и продолжалъ:

— Я знаю, что миссъ Нанси уже многіе замѣтили. Я слыхалъ въ моемъ магазинѣ, какъ восторгались ея красотой доктора богословія. Если достопочтенные пасторы обращаютъ вниманіе на красоту молодой дѣвушки, то вы можете быть увѣрены, что объ ней ужъ давно болтаютъ франты. Впрочемъ, будемъ надѣяться, что это дѣйствительно кончилось.

— Нѣтъ, Робертъ,—отвѣчала Изабелла:—эти господа заявили желаніе быть знакомыми съ нами, что намъ дѣлаетъ большую честь.

— Ай! Ай! Нечестье молодежи въ этой части города необыкновенно, хотя одна моя фирма издаетъ сочиненія пяти сатириковъ въ стихахъ и одиннадцати въ прозѣ, которые бичуютъ пороки знатныхъ и богатыхъ. Каждое воскресенье о томъ же проповѣду-

ють въ церкви св. Іакова. Ну, милостивыя государыни, это дѣло очень серьезное. Поручите его мнѣ и будьте увѣрены, что я сумѣю защитить васъ.

— Мнѣ кажется, — отвѣтила я: — что нѣтъ ничего удивительнаго въ желаніи двухъ хорошо воспитанныхъ джентельменовъ засвидѣтельствовать свое почтеніе двумъ дамамъ, одной изъ которыхъ они оказали услугу. Я рѣшительно не понимаю, мистеръ Сторей, отчего вы горячитесь и обвиняете ихъ въ обманѣ, въ питіи. Не лучше ли считать всякаго человѣка порядочнымъ и благороднымъ, пока противное не доказано.

— Вѣрьте мнѣ, миссъ, что вы и ваша родственница ничего не понимаете въ этомъ дѣлѣ. Какъ можете вы знать, въ какую компанію вы попадете?

— Мы, по крайней мѣрѣ, читали «Клариссу», — отвѣчала Изабелла.

— Конечно, мистеръ Ричардсонъ умѣетъ учить и предостерегать женскія сердца. Но я не могу, Нанси, не вызвавъ улыбку на вашихъ щекахъ, рассказать, въ какомъ обществѣ вы можете очутиться. Знайте, по крайней мѣрѣ, что подобныя франты живутъ въ совершенно особомъ мірѣ, въ который мы не можемъ ни за что попасть. Слава Богу, я вовсе не желаю промѣнять свою долю на ихъ положеніе. Мы честные труженики, а они — праздные трутни; мы создаемъ богатства, а они проживаютъ ихъ; мы откладываемъ на черный день, а они расточаютъ; мы заботимся о завтрашнемъ днѣ, а они ни о чемъ не думаютъ, зная, что будущее для нихъ обезпечено; мы живемъ для будущей жизни, а они — для настоящей; мы боимся Бога и исполняемъ его заповѣди, а они претендуютъ, словно не существовало вовсе никакихъ заповѣдей; мы преданны и постоянны въ своихъ чувствахъ, а они постоянно обманываютъ и оболъцаютъ довѣрчивыхъ женщинъ. Вотъ, еслибъ эти господа, возлоупотребившіе вашей неопытностью, пришли при мнѣ, то я сказалъ бы имъ: уходите со стыдомъ изъ этого дома добродѣтели и набожности: оставьте не оскверненными украшающихъ этотъ домъ дщерей невинности. Уходите и раскайтесь въ своемъ зломъ намѣреніи, или приведите его въ исполненіе въ другомъ домѣ, болѣе соответствующемъ вашимъ недостойнымъ цѣлямъ. Уважьте благородное негодованіе книгопродавца, хотя вы и гордитесь титуломъ барона.

Неизвѣстно, когда бы окончилась эта блестящая рѣчь, еслибъ въ комнату не вбѣжала Молли, крича во все горло:

— Сударыня! Миссъ Нанси! Молодые господа пришли.

Дѣйствительно, на порогѣ показались наши благородные рыцари, и мы всѣ встали.

— Сударыня, — сказалъ старшій изъ нихъ, кланяясь прежде Изабеллѣ, а потомъ мнѣ, — мы позволили себѣ зайти къ вамъ, чтобъ

узнать, оправилась ли миссъ Нанси отъ вчерашняго страха и не-пріятности.

— Помилуйте, — отвѣчала я: — благодаря вашему мужеству, сэръ...

— Нанси, — перебила меня Изабелла: — естественно чувствовала себя нехорошо, но вскорѣ она успокоилась, выпивъ немного вишневки.

Я поспѣшила представить ей молодыхъ людей и сказала:

— Господа, это моя двоюродная сестра, мистриссъ Сторей, вдова Рувима Сторей, американскаго торговца въ Тоуерской улицѣ.

Они вторично низко поклонились.

— А это мистеръ Робертъ Сторей, — прибавила я.

Они слегка кивнули головой, словно я имъ представляла свою горничную Молли. На нихъ были прежніе мундиры, но шпаги они оставили въ сѣняхъ.

Мы всѣ сѣли, и я, признаюсь, со страхомъ ожидала, что Робертъ произнесетъ обѣщанную филиппику. Но онъ былъ очень смущенъ, и на него нашель какой-то столбнякъ. Лицо его вытянулось, руки висѣли, какъ плетки, вся его рѣшимость исчезла. Онъ даже не присѣлъ, а пробормоталъ что-то Изабеллѣ, отвѣсилъ низкій поклонъ джентельменамъ и направился къ дверямъ. По дорогѣ онъ спотыкнулся и едва не упалъ. Такъ постыдно кончилась его защита добродѣтели невинности.

V.

Послѣ того, какъ мистеръ Сторей такъ странно и непонятно исчезъ, младшій изъ джентельменовъ сказалъ, обращаясь къ Изабеллѣ:

— Позвольте мнѣ, сударыня, представить вамъ моего брата, сэра Джорджа ле-Бретона, а я самъ — мистеръ Эдуардъ ле-Бретонъ, офицеръ королевскаго флота. Вѣрьте намъ, что мы всегда остаемся къ вашимъ услугамъ.

Сэръ Джорджъ молча поклонился и сталъ съ любопытствомъ осматривать комнату, словно онъ попалъ въ необычайную для него обстановку.

— Господа, — отвѣчала Изабелла съ привѣтливой улыбкой, — я очень польщена вашимъ посѣщеніемъ, тѣмъ болѣе, что оно даетъ мнѣ возможность поблагодарить васъ за ваше рыцарское поведеніе вчера относительно моей двоюродной сестры.

Они заявили, что не заслуживаютъ никакой похвалы, и, покончивъ съ комплиментами, мы завели общій разговоръ.

— Мой братъ, землевладѣлецъ, — сказалъ морякъ и живетъ въ деревнѣ, а я постоянно рыскаю по морямъ.

— Очень пріятно быть землевладѣльцемъ, — произнесла Изабелла, обращаясь къ сэру Джорджу: — но позвольте спросить, гдѣ находится ваше помѣстье?

Онъ смутился и покраснѣлъ.

КНИЖНЫЕ НОВОСТИ

Магазиновъ, Новаго Времени'

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ МАРТЪ 1898 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 3-й.

- Агриновъ, Н. Сборникъ стихотвореній. М. 1898 г. Ц. 40 к.
- Александрова, А. Черногорка въ жизни частной и общественной. Страничка изъ бытовой исторіи Черногорья. Казань 1897 г. Ц. 10 к.
- Александровскій, И. Соборъ св. Владимира въ Кіевѣ. Изд. 3-е. Кіевъ. 1897 г. Ц. 40 к.
- Алексѣевскій, В. Справочная книга для фабрикантовъ, заводчиковъ и владѣльцевъ промышленныхъ заведеній. М. 1898 г. Ц. 3 р.
- Аметистова, Н. Средство противъ переутомленія или какъ надо работать, чтобы вмѣсто переутомленія да получалась жизнерадостность. Харьковъ. 1898 г. Ц. 5 к.
- Андерсонъ, Р. Исторія вымершихъ цивилизацій востока. Переводъ съ англ. Съ 4-мя картами и рисунками. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Анненковъ, Г. Упрощенная фототипія. Руководство для фотографовъ-любителей. Съ 17-ю рис. Спб. 1898 г. Ц. 70 к.
- Арабагинъ, М. Народный университетъ въ С.-Петербургѣ. Докладъ председателя комисіи по устройству курсовъ общеобразовательныхъ предметовъ при спб. Педагогическомъ обществѣ взаимной помощи въ учебно-воспитательномъ комитетѣ педагогическаго музея, 8-го января 1898 г. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Аріосто, Людовинъ. Неистовый Роландъ. Поэма въ сорока шести пѣсняхъ въ переводахъ русскихъ писателей, подъ ред. А. Н. Чудинова. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Арцишъ, В. Порча и ремонтъ паровоза. Вып. 1-й. Порча и ремонтъ паровознаго котла. Изд. 3-е, исправл. Съ 192 чертежами. Пенза. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.—Вып. 2-й. Порча и ремонтъ экипажа и паровой машины паровоза. Пенза. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Аванасьевъ, Г. Наполеонъ I. Кіевъ. 1898 г. Ц. 75 к.
- Багинъ, С. Свадебные обряды и обычаи вотяковъ Казанскаго уѣзда. Этнографическій очеркъ. М. 1897 г. Ц. 40 к.
- Баранцевичъ, Маз. Сказки жизни. 13 рассказовъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Баронъ (проф.). Система римскаго гражданскаго права. Вып. I. Общая часть. Второе изданіе, М. 1898 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Барсуковъ, Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга двѣнадцатая. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Bede, Donald. Самодѣйствующіе фонтаны. Руководство для любителей ремесла. Переводъ съ англійскаго. Съ 3 таблицами чертежей. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Бенкерледжъ, О. Простѣйшій телескопъ и его изготовленіе. Руководство для любителей научныхъ приложеній. Съ 3 таблицами чертежей. М. 1898 г. Ц. 65 к.
- Бѣлелюбскій, А. Справочная книга для дорожныхъ мастеровъ, старшихъ рабочихъ, смотрителей зданій и десятниковъ. Съ приложеніемъ 36 отдѣльныхъ таблицъ чертежей. Кіевъ. 1898 г. Ц. 2 р.
- Богдановская, вѣра. Начальный учебникъ химіи. Съ 15 рис. Спб. 1897 г. Ц. 35 к.
- Булыгинъ, П. Въ поляхъ и лѣсахъ. Повѣсть. Вязники. 1898 г. Ц. 75 к.
- Бурановскій, С. Новая русская литература отъ Ломоносова до Пушкина въ разборахъ главнѣйшихъ произведеній, въ біографіяхъ и характеристикахъ. Посobie для учащихся. Изд. 2-е. Новгородъ. 1897 г. Ц. 80 к.
- Бутурлинъ, П. Д. (Графъ). Стихотворенія, собранныя и изданныя послѣ его смерти графинею Я. А. Вутурлиной. Кіевъ. 1897 г. Ц. 1 р.
- Ванъ-Мюнденъ. Исторія Швейцарскаго союза. Перев. съ франц. Вып. 2-й. Съ 6 планшетами. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

- Вармингъ (Д-ръ). Основы ботаники. Систематика растений. Переводъ съ 3-го датскаго изданія. Изд. 2-е. Часть вторая. Явнобрачныя. М. 1898 г. Ц. за 2 т. 5 р.
- Венгеровъ, С. Русскія книги. Съ биографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Изд. Г. В. Юдина. Вып. XXII. Богуславскій—Баратынскіе. Спб. 1898 г. Ц. 35 к.
- Вѣщій боянъ. Возрожденіе идейнаго искусства. Гергардтъ Гауптманъ. Его драматическая сказка «Потонувшій колоколь». М. 1898 г. Ц. 40 к.
- Вильноммъ, М. Ботаническій атласъ. Текстъ подъ редакціей Н. Раевского. Съ 124 раскрашенными таблицами. Спб. 1898 г. Ц. 7 р.
- Винклеръ (фонъ), П. Изъ исторіи монетнаго дѣла въ Россіи. Чеканка монеты для Грузіи (1804—1833). (Печатано 75 экземпляровъ). Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Винклеръ (фонъ), П. Изъ исторіи монетнаго дѣла въ Россіи. Перечеканка мѣдной монеты (1796—1797). Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Виноградовъ, П. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть III. Новое время. Третье исправл. изданіе. М. 1898 г. Ц. 90 к.
- Воротынский, Б. Задачи судебной психопатологіи и современное ея значеніе для врача и юриста. Казань. 1898 г. Ц. 35 к.
- Восточный вопросъ. Политико-этнографическій очеркъ. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- Ганзень, А. Повторительный курсъ ботаники для натуралистовъ, медиковъ и фармацевтовъ. Одесса. 1898 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Ге, А. Курсъ венерическихъ болѣзней. Изд. 5-е, вновь просмотрѣнное и дополненное. Съ 15 рис. Казань. 1898 г. Ц. 3 р.
- Геранъ, М. Илюзіи и идеалы. Перев. съ 6-го нѣмецкаго изданія. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.
- Гернертъ, А. Законодательство о пріобрѣтеніи дворянскаго достоинства Россійской Имперіи. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Герцогъ и Фельдманъ. Распредѣленіе свѣта и лампъ при устройствѣ электрическаго освѣщенія. Переводъ подъ ред. М. А. Шателена. Съ 30 рис. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Гесдерферъ, М. Комнатное садоводство. Вып. 2-й. Ц. 1 р., по подпискѣ за 5 вып.—4 р. 50 коп.
- Геффдингъ, Г. (Проф.). О принципахъ этики. Перев. съ нѣмецкаго. Одесса. 1898 г. Ц. 15 к.
- Гиро, П. (проф.). Фюстель-де-Куланжъ. М. 1898 г. Ц. 60 к.
- Гиршъ, П. Преступленія и проституція, какъ социальныя болѣзни. Перев. съ нѣм. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.
- Гитдичъ, П. Ноша міра сего. Романъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гусинъ, Д. О способахъ предсказанія высотъ рѣчныхъ уровней въ интересахъ судоходства. Съ чертежами. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Гоголь, Н. Сочиненія. 5 т. Изд. 14-е. Спб. 1898 г. Ц. 6 р., въ переп. 8 р. 50 к.
- Головинъ, К. (Орловскій). Медовый мѣсяцъ. Романъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Голодайно, Г. Другъ счетовода. Сумы. 1894 г. Ц. 2 р.
- Гофманъ, С. Новый лѣсной календарь на 1898 г., съ приложеніемъ справочной книжки для лѣсовладельцевъ, лѣсопромышленниковъ, лѣсничихъ и земледѣльцовъ. Самара. 1898 г. Ц. 1 р.
- Гофманъ, В. Ботаническій атласъ по системѣ Де-Кандоля. Вып. 4-й. Ц. 1 р. 10 к. за выпускъ.
- Грени и Русь. Оглавленіе приготовленнаго къ печати полнаго собранія историко-литературныхъ и археологическихъ данныхъ для сужденія о характерѣ русскоинвантійскихъ отношеній въ хронологическомъ порядкѣ съ древнихъ временъ до 1453 г. Спб. 1898 г. Ц. 70 к.
- Грибодовъ, А. С. Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ д. въ стихахъ. Съ биографіей и портретомъ автора. Изд. 13-е. (Дешевая Библиотека А. С. Суворина. № 1). Спб. 1898 г. Ц. 10 к.
- Гречинскій (д-ръ). Цвѣтная фотографія. Краткое изложеніе разныхъ методовъ фотографирования въ натуральныхъ краскахъ, съ предисловіемъ о широкомъ распространеніи и примѣненіи фотографіи въ наукахъ, искусствѣ и спортѣ. Изд. 20-е. и испр., съ 4 рис. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Григоровскій, С. Причины и послѣдствія развода и бракоразводный процессъ на судѣ духовномъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Григоровскій, Сергѣй. О родствѣ и свойствахъ. Виды и степени родства и свойства, исчисленіе степеней и о значеніи родства и свойства, какъ препятствія къ браку, по дѣйствующимъ узаконеніямъ. Изд. 4-е. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Гротъ, Я. К. Труды. Изъ скандинавскаго и финскаго міра (1839—1881). Очерки и переводы. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Грынковскій, О. Русско-французскій словарь. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Грэмъ, Менетъ. Золотой возрастъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Дени, Леонъ. Послѣ смерти. Научные и моральные доводы философіи. Переводъ съ французскаго. В. К. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Додъ, А. Опора семьи. Романъ. Переводъ съ французскаго С. Леонтьевой. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Дорнблитъ, Отто. Гигіена умственнаго труда. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.
- Дорожная библиотечка, Еженедѣльный журналъ для путешественующихъ. № 4. П. 70 к.
- Драгомировъ, М. Жанна д'Аркъ. Очеркъ съ рисунками и чертежомъ. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Дрезденская картинная галерея. Текстъ Германа Люке. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. А. И. Сомова. Вып. IX. Ц. по подпискѣ на 10 вып. 60 р. Допускается разсрочка.
- Дрэперъ, Д. Сонъ и смерть. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Дюкло, Э. Пастеръ, броженіе и самозарожденіе. Перев. подъ ред. и съ предисл. К. Тимрязева. М. 1897 г. Ц. 40 к.
- Дюрингъ, Е. Любовь и половая жизнь. Переводъ съ нѣмецкаго. Л. А. Золотарева, М. 1898 г. Ц. 30 к.

- Дюфрэнъ, Жанъ. Руководство къ изученію шахматной игры. Переводъ съ нѣмецк. съ измѣненіями и дополненіями М. И. Чигорина. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Евдонимовъ, Л. Журналы дежурныхъ генералъ-адъютантовъ. Царствование императрицы Елизаветы Петровны. Вып. I. 1745, 1748, 1751 г. г. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Ежегодникъ пчеловодства на 1897—98 г. Кіевъ. 1898 г. Ц. 1 р.
- Еленовскій, Ю. Паровыя самоходныя повозки системы Мориса Леблана для безрельсовыхъ дорогъ. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Емельновъ-Иоханскій, А. Вскрытіе. Кеопатра. Великая тѣнь. Изд. 2-е. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Енисеевъ. Сѣверный морской путь. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Ермиловъ, В. Гордость вѣка (Николай Ивановичъ Новиковъ). Биографич. очеркъ. М. 1898 г. Ц. 15 к.
- Ермиловъ, В. Въ борьбѣ съ рутинкой. М. 1898. Ц. 1 р. 50 к.
- Жане, Поль. Произвольное зарожденіе и превращеніе половъ. Пер. съ франц. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Жеденевъ, И. Краткія свѣдѣнія по породности. Посobie для земледѣльческихъ приютовъ и сельскихъ школъ. Съ 4 рис. Спб. 1898 г. Ц. 15 к.
- Огурцы. Какъ они растутъ, и какъ ихъ сажать. Съ 13 рис. Спб. 1898 г. Ц. 15 к.
- Женщина. Статьи Э. Ожешковой, т-ше А. Додэ, Пардо Вазанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, Д. Мепант. М. 1898 г. Ц. 40 к.
- Жераръ, Эр. Электрическія изобрѣненія. Перевелъ и дополнилъ П. Д. Войнаровскій. Съ 225 рис. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Жизнь замѣчательныхъ людей, Л. Пастеръ. Его жизнь и научная дѣятельность. Биограф. очеркъ М. А. Энгельгардта. Съ портретомъ Пастера. Петръ Великій. Его жизнь и государственная дѣятельность. Биографическій очеркъ И. М. Иванова. Съ портретомъ Петра Великаго. Спб. 1898 г. Ц. каждой биографіи 25 к.
- Жизнь. Литературный, научный и политическій журналъ. № 8. Ц. 40 к.
- Жманинъ, В. (протоіерей). Коронаціи русскихъ императоровъ и императрицъ. Вып. 1. Съ 1724—1801 г. Церковно-историч. очеркъ. Спб. 1898 г. Ц. 80 к.
- Журналъ журналовъ и энциклопедическое обозрѣніе. Мартъ. № 5. Ц. 50 к., на лучшей бумагѣ 75 к.
- Журналъ юридическаго общества. Мартъ. 1898 г. Ц. 2 р.
- Загурскій, Л. Элементарный учебникъ римскаго права. Особенная часть. Семейное право. Вып. I и II. Харьковъ. 1898 г. Ц. 2 р.
- Загурскій, Л. Элементарный учебникъ римскаго права. Общая часть. Вып. II. Изд. 2-е, дополн. и исправл. Харьковъ. 1898 г. Ц. 2 р.
- Замокъ ураганъ и разбойникъ Блэкъ-Дональдъ. Романъ изъ американской жизни. М. 1898 г. Ц. 2 р.
- Захарыинъ, И. Самодѣльный волшебный фонарь. Сызрань. 1898 г. Ц. 10 к.
- Землеводеніе: Периодическое изданіе. 1897 г. Книжка III—IV. Съ 7 таблицамаи. Подъ ред. Д. Н. Анучина. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Златковскій, М. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. 1821—1897 г. Биографическій очеркъ. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Золотавинъ, М. Бесѣда о дидтеритѣ и о мѣрахъ противъ него. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Золя, Э. Парижъ (Paris). Романъ. Переводъ съ французскаго Л. Гей. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ивановъ, Ив. Люди и факты западной культуры. Герой современной легенды. Совѣсть въ исторіи одной жизни. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Ивановъ, Ив. Исторія русской критики. Части первая и вторая. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Ильминскій, М. Анализы главнѣйшихъ минеральныхъ водъ. Таблица. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Иллюстрированный календарь Краснаго Креста на 1898 г. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Иллюстрированный словарь общедолезныхъ свѣдѣній, подъ редакціей Эльпе. Съ 1.708 рисунками въ текстѣ. Спб. 1898 г. Ц. въ переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
- Юдль, Фр. Этика и политическая экономія. Перев. съ нѣмецкаго Александра Острогорскаго. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Найгородовъ, Дм. Изъ царства пернатыхъ. Популярныя очерки изъ міра русскихъ птицъ. Вып. III. Съ 2 хромотографированными таблицами. Ц. вып. 50 к.
- Шестой стѣнной календарь петербургской весны. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.
- Найгородовъ, Дм. Наглядное (графическое) изображеніе пользы и вреда, приносимыхъ нашими птицами. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Накъ не заражаться сифилисомъ. Д-ра К. П. Спб. 1898 г. Ц. 10 к.
- Маллашъ, В. Безсознательно-юмористическое направленіе въ современной педагогической литературѣ. М. 1898 г. Ц. 25 к.
- Черты дореформеннаго воспитанія. Корнетъ Отлетаевъ (Повѣсть князя Г. Кугушева. Спб. 1897 г.) М. 1897 г. Ц. 25 к.
- Малчановскій, П. Отъ Москвы до Архангельска по Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дорогѣ. Описаніе всѣхъ мѣстъ, лежащихъ на пути дороги и въ ея окрестностяхъ, имѣющихъ историческое или промышленное значеніе. Съ рисунками. М. 1897 г. Ц. 1 р.
- Наменскій, Ф. Къ исторіи полового процесса у растений. Одесса. 1897 г. Ц. 50 к.
- Намплфмейеръ, П. Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры. Перев. съ нѣм. А. М. Гердъ. Подъ ред. Петра Струве. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- Наптеревъ, П. Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели. Спб. 1898 г. Ц. 80 к.
- Марачевскій-Волькъ, А. Графіки и таблицы для опредѣленія отверстій и искусственныхъ сооружений малыхъ отверстій. М. 1897 г. Ц. 75 к.
- Маргрэмъ, Г. Въ крѣпости небывалой. Разсказы изъ военнаго быта. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Матковъ, М. Собраніе передовыхъ статей «Московскихъ Вѣдомостей» 1879—1887 г. Ц. по подлинкѣ на все сочин. 62 р. 50 к.

- Кено, Л.** Вліяніе среды на организмы. Перев. съ франц. подъ ред. В. Агафопова. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Нернеръ, Ф. Марилангъ, А. (проф.).** Жизнь растений. Вып. 4—5. Ц. по подпискѣ (за 30 вып.), 12 р. 80 к.
- Клейнъ.** Астрономическіе вечера. Со многими портретами, рисунками, картами. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Koslow, J.** Das russische Patentgesetz. Riga. 1898 г. Ц. 80 к.
- Кольсниковъ, М.** Глухонѣмота въ судебно-медицинскомъ отношеніи. Кіевъ. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кольшино, І.** Маленькія мысли «сѣренъкаго». Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кони, А. Ѡ.** За послѣдніе годы. Судебныя рѣчи (1888—1896 гг.). Юридическія сообщенія и замѣтки. Воспоминанія и біографическіе очерки. Приложенія. Изданіе второе, дополненное. Спб. 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Коптяевъ, А.** Путеводители къ операмъ Рихарда Вагнера. № 1. Легучій Голландецъ. № 2. Тристанъ и Изольда. № 3. Мейстерзингеры изъ Нюрнберга. Спб. 1898 г. Ц. по 25 к. за выпускъ.
- Корнуновъ, Н. М. (Проф.).** Сборникъ статей. 1877—1897 гг. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Корнигъ, Т. (Д-ръ).** Гигіена цѣломудрія. Переводъ съ нѣмецк. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.
- Корсунскій, Ив. (Проф.).** Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности. Свято-Троицкая Сергіева лавра. 1898 г. Ц. 3 р.
- Cosmopolis Revue internationale.** Mars. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Космополисъ.** Русскій отдѣлъ. Мартъ. Ц. 60 к.
- Красногорскій, П.** Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскою (въ вопросахъ и отвѣтахъ). Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- Краткая справочная книжка для экзаменующихся въ военно-медицинской академіи на разныя ученые степени и званія и списокъ учебныхъ руководствъ и пособій, принятыхъ въ военно-медицинской академіи.** Спб. 1898 г. Ц. 15 к.
- Krause, H., D-r.** Болѣвній голоса пѣвцовъ, ихъ причины и леченіе. Докладъ. Перев. съ нѣмецк. Кіевъ. 1898 г. Ц. 50 к.
- Kraerelin, E. (Проф.).** Къ вопросу о переутомленіи. Перев. съ фѣм. д-ра Л. Оршанскаго. Ц. 25 к.
- Кривцовъ, С.** Элементарный курсъ физики для низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Съ 153 рис. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Кривякина, А.** Руководство къ изученію кройки и шитья безъ примѣрки. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Круковский, М.** Самоучитель фотографіи и приготовленіе картинъ для волшебнаго фонаря. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- Лазаревскій, Ал.** Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Т. IV. Съ рисунками. Кіевъ. 1898 г. Ц. 1 р.
- Ламанскій, Д. Н.** Гирлянда. Веселые рассказы. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Лампа, Ант. (Д-ръ).** Силы и законы притока. Перев. съ нѣм. Г. А. Паперна. Съ 45 рис. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Лаппо-Дамилевскій, А.** Очерки внутренней политики императрицы Екатерины II. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Левость.** Женскіе типы Шекспира. Перев. съ нѣм. А. Страхова. Съ предислов. проф. Н. П. Стороженко. Съ приложеніемъ статьи Даудена «Женскіе типы Шекспира». Перев. съ англ. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Левинсонъ-Лесингъ, Ф.** Изслѣдованія по теоретической петрографіи въ связи съ изученіемъ изверженныхъ породъ центральнаго Кавказа. Съ 5-ю таблицами графикъ, Юрьевъ. 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Леобнеръ, Г. (Проф.).** О манесмановскомъ способѣ прокатки трубъ. Съ 3 табл. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- Лестушевскій, в. Устья Волги.** Спб. 1898 г. Ц. 10 к.
- Лидовъ, А. (Проф.).** Смолы и эфирныя масла. Краткій технологическій очеркъ. Съ 19 рис. М. 1898 Ц. 1 р.
- Лопухинъ, А.** Новое поприще для мисси св. православной церкви. Несторіане или сирохалдейцы, ихъ происхожденіе, исторія, теперешнее состояніе и стремленіе къ православію. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.
- Луговской, П.** Напомощь дѣтямъ. Нѣсколько мыслей по школьному вопросу. Новгородъ. 1898 г. Ц. 60 к.
- Лукашевичъ Кладзія.** Дядюшка флейтистъ, Повѣсть. М. 1898 г. Ц. 40 к.
- Лунскій, И.** Политическая арифметика Братскій элементарный курсъ долгосрочныхъ финансовъ операций. Одесса. 1898 г. Ц. 65 к.
- Лухманова, Н.** О счастьѣ. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Лянченковъ, М.** Сборникъ правительственныхъ распоряженій, циркуляровъ и соглашеній по министерствамъ путей сообщенія и финансовъ и государственному контролю, относящихся до эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Май, О.** Наставленія объ уходѣ за электрическими уставовками. Перев. съ нѣм. 1898 г. Ц. 30 к.
- Манаревскій, М.** Церковная школа на Всероссийской выставкѣ. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Мандель, М.** Мессенскія войны и возстановленіе Мессеніи. Исторія и традиціи. Одесса. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Масальскій, В. (князь).** Овраги черноземной полосы Россіи, ихъ распространеніе, развитіе, и дѣятельность. Съ 9 фототипіями. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мейеръ, Э.** Экономическое развитіе древняго міра. Переводъ подъ редакціей М. О. Гершензона. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- Мейдельсонъ, А.** Уходъ за душевно-болѣзными. Руководство для надзирательскаго и служительскаго персонала психіатрическихъ заведеній. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Мендесъ, К.** О поцѣлуяхъ. Переводъ съ франц. Спб. 1898 г. Ц. 10 к.
- Метень, А.** Соціализмъ въ Англии. Перев. съ англ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

- Щерский, В.** (князь). Мужчины петербургскаго большого свѣта. Этюдъ. Спб. 1897 г. Цѣна за 3 т. 3 р.
- Письма отца къ сыну (старога правоведа къ новому) и сына (министра) къ отцу. (Изъ прошлаго). Спб. 1897 г. Ц. 2 р.
- Миноръ, А.** (д-ръ). Борьба съ алкоголизмомъ съ точки зрѣнія нервной патологии. М. 1897 г. Ц. 25 к.
- Митцевъ, П.** Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. Спб. 1898 г. Ц. 80 к.
- Михайловъ, С.** и **Берберовъ, Н.** Положеніе о крѣпостныхъ пошлаяхъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Михалевскій, А.** Бесѣда для крестьянъ о производствѣ охоты въ Россіи, съ приложеніемъ указки, когда и на что охотиться дозволено. Спб. 1898 г. Ц. 5 к.
- Моргулисъ, М.** Историческія этюды (Гилель, Акиба). Одесса. 1898 г. Ц. 50 к.
- Морлея, Дмонъ.** Воспитательное значеніе литературы. Перев. съ англ. Спб. 1898 г. Ц. 15 к.
- Мысли Бѣлинскаго** о воспитаніи. Къ пятидесятилѣтію со дня его смерти (1848—1898) г. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.
- Назарьева, Н.** Любовь. Безъ любви. Развѣтная исторія. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Намсенъ, Фр.** Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи. Переводъ А. А. Крубера, подъ ред. Д. Аучина. Вып. IV (последній) М. 1898 г. Ц. 1 р. 70 к.
- Научное обозрѣніе.** Ежемѣсячный научно-философскій журналъ. № 2, февраль. Ц. 75 к.
- Научный словарь.** Научные термины и формулы, географическія и историческія имена. Вып. I. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.
- Неврологическій вѣстникъ.** Т. VI. Вып. I. Казань. 1898 г. Ц. 2 р.
- Немировичъ-Данченко, Вас.** Монахъ (ром.) Ошибка (повѣсть). Неотъ міра сего (очеркъ). Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Нечаевъ, А.** Поззія А. Н. Майкова. Критическій очеркъ. Спб. 1898 г. Ц. 10 к.
- Николаевъ, И.** Драматическій театр въ Кіевѣ. Историческій очеркъ (1803—1893 г.). Кіевъ. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Николаевъ, Н.** Первый Всероссийскій съездъ сценическихъ дѣателей и его критикъ. Кіевъ. 1898 г. Ц. 50 к.
- Образованіе.** Педагогическій и научно-популярный журналъ, № 3, мартъ. Ц. 60 к.
- Общедоступная богословская бібліотека.** Собраніе лучшихъ сочиненій извѣстнѣйшихъ писателей-богослововъ въ русской и иностранной литературѣ. Вып. I: Собесѣдательное богословіе. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Омешкова, Элиза.** Пяна Роза.—Великій.—Среди цвѣтовъ. Переводъ съ польскаго В. М. Лаврова. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Озеровъ, И.** Подходящій налогъ въ Англіи. Экономическія и общественныя условія его существованія. М. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Описаніе документовъ** архива западно-русскихъ униатскихъ митрополитовъ. 1470—1700. Томъ первый. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.
- Описаніе документовъ** и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Т. V (1725). Спб. 1897 г. Ц. 3 р.
- Орловъ, Г.** Объясненіе пасхальнаго богослуженія и пасхальныхъ обычаевъ. М. 1898 г. Ц. 15 коп.
- Осетровъ, З.** Полный сборникъ одноактныхъ пьесъ игранныхъ въ С.-Петербургѣ. Т. I. М. 1898 г. Ц. 2 р.
- Офицерское собраніе** арміи и флота въ Петербургѣ. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Павловъ, А.** (проф.) Номоканонъ при большомъ требникѣ. Его исторія и тексты, греческій и славянскій, съ объяснительными и критическими примѣчаніями. М. 1897 г. Ц. 3 р.
- Павловскій, И.** Русско-нѣмецкій словарь. Изд. 3-е, совершенно переработанное, исправленное и дополненное. Вып. VI. Рига. 1898 г. Ц. 1 р.
- Палновъ, А.** Эпоха преобразованія западно-русскихъ церковныхъ братствъ (1586—1600 гг.). Сергіевъ Посадъ. 1898 г. Ц. 40 к.
- Паскаль, Влезъ.** Письма къ провинціалу о морали и политикѣ лезуитовъ. Перев. съ примѣч. и введеніемъ подъ ред. А. И. Попова. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Пассаирискій 10-колесный паровозъ** системы Компаундъ, съ тремя спаренными осами постройки Ганноверскаго завода. 20 таблицъ исполнительныхъ чертежей. Спб. 1898 г. Ц. 8 р.
- Пасаирискій 10 колесный ганкъ-паровозъ,** съ тремя спаренными осями постройки ганноверскаго завода. 13 таблицъ исполнительныхъ чертежей. (Владикавказская желѣзная дорога). Спб. 1898 г. Ц. 5 р.
- Паска, свѣтлый Христовъ праздникъ.** Сборникъ статей. Изд. Нв. Преображенскаго. Спб. 1898 г. Ц. 35 к.
- Перро.** Волшебныя сказки. Съ 23 иллюстраціями. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.
- Персий, С.** На берегу Женевского озера. Веве, Монтре и ихъ окрестности. Съ 20 иллюстраціями. Женева. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Романская или французская Швейцарія. Очерки природы, исторіи, достопримѣчательностей, обзоръ климатическихъ и бальнеологическихъ станцій и практическія свѣдѣнія для туристовъ. Съ 3 картами и 38 иллюстраціями. Женева. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Петражицкій Л.** Акціонерная компанія. Акціонерныя злоупотребленія и роль акціонерныхъ компаній въ народномъ хозяйствѣ. По поводу предстоящей реформы акціонернаго права. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Права добросовѣстнаго владѣльца на доходы съ точекъ зрѣнія дождя и политики гражданскаго права. Приложенія. 1) Модные лозунги юриспруденціи. 2) Обязанности юриспруденціи въ Россіи. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.
- Пинарь, Эдм.** Оу адвокатъ (Парадоксъ). Переводъ М. Бетрицы. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Писаревъ, Д.** Полное собраніе. Т. VI. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.
- Письма Николая Ивановича Ильинскаго.** Казань. 1898 г. Ц. 2 р.
- Пландовскій, Вл.** Народная перепись. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Погожева, Е.** Безъ денегъ—горе, при деньгахъ—вдвое. Изъ рассказовъ бабушки. М. 1898 г. Ц. 20 к.

- Погонинъ, Вл. Дочь графа Сечени. Разсказъ изъ венгерской жизни. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Помары въ столицахъ и другихъ большихъ городахъ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Полковъ, Ф. Исторія политическихъ учений. Переводъ съ англійскаго. М. 1898 г. Ц. 40 к.
- Поляновъ, А. Двойная бухгалтерія по нововведеннымъ формамъ. Руководство упрощеннаго счетоводства. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Половъ, Вл. Критическій очеркъ новаго закона о юныхъ преступникахъ, 2-го юня 1897 г. М. 1898 г. Ц. 25 к.
- Половъ, А. Сельская геодезія. Общедоступное руководство къ производству земельныхъ и межевыхъ работъ, непосредственно самими хозяевами. Съ 25 рис. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.
- Поспѣлова, М. Методика женскихъ рукодѣлій. Съ 260 рис. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Поталенко, И. Живая жизнь. Романъ. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Потоцкій, Ф. Конспектъ рижскаго права. Примѣнительно къ программамъ испытаній въ комиссіи юридической, утвержденной 10-го декабря 1890 г. Харьковъ. 1896 г. Ц. 40 к.
- Правила содержанія и охраненія паровозныхъ желѣзныхъ дорогъ, открытыхъ для общественнаго пользованія. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.
- Правила движенія по желѣзнымъ дорогамъ (паровознымъ), открытымъ для общественнаго пользованія. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Правила содержанія и употребленія подвижнаго состава паровозныхъ желѣзныхъ дорогъ, открытыхъ для общественнаго пользованія. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.
- Приготовление протравъ для дерева и поддѣлка (имитация) простыхъ породъ дерева подъ благородныя. Изд. 3-е, испр. и дополн. М. 1898 г. Ц. 40 к. Приготовление протравъ для дерева и поддѣлка (имитация) простыхъ породъ дерева подъ благородныя. Изд. 3-е, испр. съ прибавленіемъ отдѣловъ 1) Приготовление протравъ для рога и 2) Окрашивание простой и слоновой кости. М. 1898 г. Ц. 40 к.
- Пругавинъ, А. Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію. Спб. 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Путеводитель по Варшавѣ и всему привислянскому краю (Царству Польскому). Варшава. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Пыпинъ, А. Исторія русской литературы. Т. II. Древняя письменность, времена московскаго царства. Канунъ преобразованія. Спб. 1898 г. Ц. за 4 т. по подпискѣ 10 р., отдѣльно ц. тома 3 р.
- Рабиновичъ, И. Теорія и практика желѣзнодорожнаго права по перевозкѣ грузовъ, багажа и пассажировъ. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1898 г. Ц. 4 р.
- Резголь, Е. Астрономическій вѣлючъ. Результатъ научныхъ изслѣдованій. Одесса. 1898 г. Ц. 30 к.
- Рейбо, Луи. Жеромъ Патуро, въ поискахъ за общественнымъ положеніемъ. Переводъ съ франц. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Рейсъ, Карлъ (д-ръ). Астма (Удушье и одышка). Сущность болѣзни и успѣшное лечение ея. Популярное изложеніе. Переводъ съ нѣмецкаго. врача С. Ноткина. Спб. 1898 г. 25 к.
- Ремезовъ, М. Картины жизни Византіи въ Х-лѣ вѣкъ (по Г. Шаюмберже). М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Ромашевичъ, П. Полный русскій орфографическій словарь. Исправилъ и дополнилъ А. А. Быковъ. Изд. 5-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Рунго, Мансъ (д-ръ). Женщина съ своей половой индивидуальности. Съ нѣмецкаго. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Русское экономическое обозрѣніе. Февраль. 1898 г. Ц. 1 р.
- «Русскій Вѣстникъ». Мартъ. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сабатье, Арманъ. 1) О безсмертіи души съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. 2) Опытъ изслѣдованія о жизни. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Саломинковъ, А. Иновѣрцы и иноземцы въ Россіи. Ихъ права и отношенія къ кореннымъ жителямъ. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Сѣверный торговый путь и ходатайства сибирскихъ городовъ. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Симоновичъ, Н. Гипотеза функціи атомнаго вѣса элементовъ. Тверь. 1898 г. Ц. 40 к.
- Славянскія снази. Съ рисунками. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Соболевскій, А., (проф.) Великорусскія народныя пѣсни. Т. IV. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Спасовичъ, В. Новыя направленія въ наукѣ уголовного права. М. 1898 г. 35 к.
- Спенсеръ, Г. Права женщины. Перев. съ англ. Спб. 1898 г. 15 к.
- Этика половыхъ отношеній. Перевелъ съ англійскаго. Л. Гольдшерштейнъ. Спб. 1898 г. Ц. 35 к.
- Старицкій, М. Богданъ Хмельницкій. Историческая драма въ V-ти дѣйствіяхъ и 6-ти отдѣлахъ съ апофеозомъ. Кіевъ. 1897 г. Ц. 75 к.
- Стриндбергъ, А. Въ пучинахъ. Романъ. Перев. съ шведскаго. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- Субботинъ, М. (проф.) Геморрой, его признаки, причины и лечение. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Руководство къ общей хирургіи. Вып. 2-й. Съ 19 рис. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Сусловъ, В. Памятники древняго русскаго зодчества. Изданіе императорской академіи художествъ. Вып. 4-й. Спб. 1898 г. Ц. 12 р.
- Tableau general d'orthographe d'usage. Initiales. Médialis. Finales., par. Z. Т. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.
- Таргонскій, В. Къ вопросу о вліяніи хѣсовъ на явленіе града въ Европейской Россіи. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Темъ-Бринкъ. Шекспиръ. Лекціи. Переводъ. П. И. Вейнберга. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Терешинъ, С. Къ вопросу о зависимости лучеиспусканія отъ температуры. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Тиле, Р. Практическая фототопографія (фототриграмметрія). Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

- Тимошенко, И. Литературные первоисточники и прототипы трехсотъ русскихъ посланицъ и поговорокъ. Киевъ. 1897 г. Ц. 1 р.
- Византійскія пословицы и славянскія параллели къ нимъ. Варшава. 1895 г. Ц. 40 к.
- Тихонравовъ, М. С. Сочиненія. Т. II. Русская литература XVII и XVIII вв. М. 1898 г. Ц. по подпискѣ 7 р. 50 к.
- Толочниковъ, И. Учебникъ акушерства. Часть I-я. М. 1898 г. Цѣна по подпискѣ на все сочиненіе 5 р.
- Товарный десятиколесный паровозъ системы Компаундъ, съ 4 спаренными осями постройки Ганноверскаго завода. 12 таблицъ исполнительныхъ чертежей. (Владикавказская желѣзная дорога). Спб. 1898 г. Ц. 5 р.
- Толстой, Левъ Львовичъ. Для дѣтей. Разсказы. М. 1898 г. Ц. 80 к.
- Торсо, А. Исторія нашего столѣтія, 1815—1890 г. Т. I. 1815—1863. Переводъ съ датскаго. Киевъ. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Указатель пригороднаго движенія С.-Петербурга. Желѣзные дороги и пароходство на 1898 г. Спб. 1898 г. Ц. 10 к.
- Урусовъ, С. (князь). Конеразведеніе. Практическое руководство. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.
- Утѣхинъ, Н. Практичный испытанный способъ устройства провѣтриванія (вентиляціи) скотныхъ дворовъ (по способу Муира). Съ 10 рис. Спб. 1898 г. Ц. 10 к.
- Ученіе двѣнадцати апостоловъ. Недавно открытое сочиненіе временъ апостоловъ. Переводъ съ греческаго К. Д. Попова. М. 1898 г. Ц. 20 к.
- Ушанъ, Ив. Поѣздка Глазова за границу. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Федоровъ, Ф. Вспомогательная таблица при продажѣ обыкновеннаго вина въ винныхъ казенныхъ лавкахъ. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.
- Федоровъ, П. Столярно-мебельное мастерство. Практическое руководство для любителей и самообученія. Съ 372 рис. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Федотьевъ, П. Садовое дѣло и связанныя съ нимъ производства. Производство сульфата, соляной кислоты, соды и бѣлизной извести. Съ 161 рисункомъ. Спб. 1898 г. Ц. 5 р.
- Ферберъ, Ю. Учебникъ англійскаго языка, сравнительно съ нѣмецкимъ и французскимъ. Курсъ элементарный. Часть I. Харьковъ. 1898 г. Цѣна 50 к.
- Филиповичъ, В. Матеріалы для лиманотерапіи въ дѣтскомъ возрастѣ. Одесса. 1898 г. Ц. 1 р.
- Филиповъ, И. Очеркъ тысячелѣтней борьбы Балтійско-полабскаго славянства съ нѣмцами до возрожденія сербо-лужицкаго племени. IX—1848 г. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.
- Фулье, А. Любовь по Платону. Перев. и предисловіе. Спб. 1898 г. Ц. 35 к.
- Fourmier, Alered. Лечение сифилиса. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Харламовъ, В. Проектъ двухъ молочныхъ съ жильемъ для мастерицы и ледниковъ. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Хашнесь, М. О знаменитыхъ людяхъ. Характеристика, изреченія и анекдоты великихъ людей. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Хвольсонъ, О. Курсъ физики. Томъ второй. Ученіе о звукѣ (акустика). Ученіе о лучистой энергіи. Съ 597 рис. Спб. 1898 г. Ц. 5 р.
- Хедеръ, Г. (Haeder. H.). Полная паровая машина и первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ съ нею. Практическое руководство къ уходу и надзору за паровой машиной. Вып. II. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Хребтовъ, А. Памятная книжка для собирателей монетъ. Вып. III. Монеты,чеканенныя въ царствованіе императора Александра I. 1801—1825. Съ 2 таблицами рисунковъ и приложеніемъ. Спб. 1898 г. Ц. 65 к.
- Худяковъ, П. Сопротивленіе матеріаловъ. Курсъ. Въ приложеніи къ курсу помѣщенъ «Сборникъ задачъ на теорію растяженія и сжатія, составленныхъ В. Шуховымъ и П. Худяковымъ». М. 1898 г. Ц. 4 р.
- Цѣхановичъ, А. Невѣста-Вакханка (Кровавый тузъ). Романъ изъ петербургской жизни. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Червонова, А. (Женщина-врачъ). Очерки современной Японіи. Съ 12-ю гравюрами. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Черняевъ, Н. «Капитанская дочка» Пушкина. Историко-критическій этюдъ. М. 1897 г. Ц. 1 р.
- Чеховъ, Антонъ. Каштанка. Разсказъ. Изданіе шестое. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Пестрые разсказы. Изданіе одиннадцатое. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Въ сумеркахъ. Очерки и разсказы. Изд. 11-е. Спб. Ц. 1 р.
- Хмурые люди. Разсказы. Изд. 8-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Шантени-де-ля-Соссей. Иллюстрированная исторія религіи. Вып. 2-й. М. 1898 г. Цѣна за все сочин. 4 р.
- Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. Томъ восьмой. Комедія: Буря, Какъ вамъ угодно, Конецъ вѣнчаетъ дѣло. Потерянные труды любви, Комедія ошибокъ. Трагедія: Титъ Андроникъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- *)Шекспиръ, В. Венеціанскій купецъ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ П. И. Вейнберга («Дешевая Библиотека». № 199) Ц. 25 к.
- Шереметевскій, В. Значеніе математическаго анализа для изученія природы. М. 1898 г. Ц. 40 к.
- Шерръ, I. Переселеніе народовъ. Переводъ съ нѣмецк. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Шмидтъ, Ф. (Проф.). Практическая фотографія. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Щербатовъ, М. (князь). Сочиненія. Т. II. Статьи историко-политическія и философскія. Спб. 1898 г. Ц. 4 р.
- Эйслеръ, М. Извлеченіе золота синеродистымъ калиемъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Элиссъ, Гевлонъ. Мужчина и женщина. Этюдъ о вторичныхъ половыхъ признакахъ у человѣка. Перев. съ англ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Энгель, Эрн. Цѣнность человѣка. Перев. съ нѣм. Ц. 40 к.

Энциклопедическій словарь. Полутомъ 45. Патенты на изобрѣтенія. Петропавловскій. Ц. 3 р.

Яноби, А. Терапія дѣтскаго возраста. Перев. съ англ. подъ ред. проф. В. Е. Чернова. Кіевъ, 1898 г. Ц. 2 р.

Яковлева, М. Повѣсти и разсказы. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ярославская, М. Пасха Красная. Сборникъ для назидательнаго чтенія въ дни Святой недѣли. Одесса, 1898 г. Ц. 80 к.

Ярошъ, А. (Проф.) Русско-польскія отношенія. Харьковъ. 1898 г. Ц. 50 к.

— Психологическая параллель: Іоаннъ Грозный и Петръ Великій. Харьковъ. 1898 г. Ц. 50 к.

— Характеры былаго времени. Протопопъ Аввакумъ. Казаки XVI вѣка. Русскій ученый XVIII вѣка. Харьковъ. 1898 г. Ц. 80 к.

*) Изданіе А. С. Суворина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

МАЙ, 1898

СОДЕРЖАНІЕ.

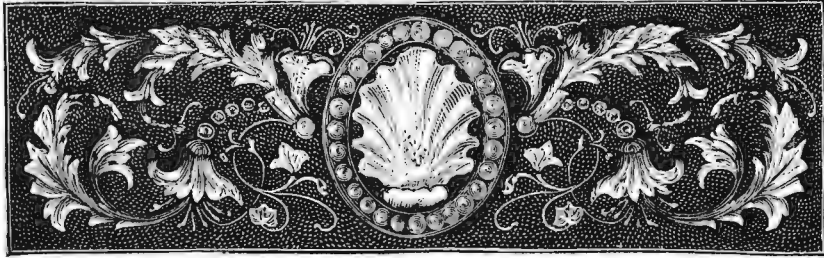
МАЙ, 1898 г.

	стр.
I Коржинскіе коршуны. (Романъ-хроника). XII—XV. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	361
II. Изъ воспоминаній баронессы М. П. Фредериксъ. (Посвящается другу дѣтства Его Императорскому Высочеству Вликому Князю Михайлу Николаевичу). Часть вторая. VIII—XIV. (Окончаніе)	396
III. Послѣдняя княжна Ромодановская. А. В. Верещагина	414
IV. Воспоминанія Константина Карловича Жерве. I—II.	419
V. Землетрясеніе. (Очеркъ). А. В. Амфитеатрова	450
VI. Театральныя воспоминанія. I—II. В. А. Тихонова	464
VII. Эвакуація. (Разсказъ офицера). П. М. Невѣжина	489
VIII. Въ смѣшанной семьѣ. (Изъ временъ польскаго возстанія 1863— 1864 гг.). А. И. Писанецкаго	506
IX. Воспоминанія о Ѳеодорѣ Ивановичѣ Буслаевѣ. А. И. Кирпич- никова	512
X. Наканунѣ Бѣлинскаго. (Посвящается М. Л.). С. А. Адрианова	532
XI. Бѣлинскій въ русской литературѣ. Д. Я—ва	563
XII. Русскіе дипломаты XVIII столѣтія въ Англии. IV—V. (Окончаніе). В. А. Тимирязева	567
Иллюстраціи: 1) Графъ Семень Романовичъ Воронцовъ. — 2) Графъ Але- ксандръ Романовичъ Воронцовъ.	
XIII. Воспоминанія французскаго солдата о походѣ 1812 года. В. М. С.	585
XIV. По китайскому побережью. II. Талиенванъ и Портъ-Артуръ. В. Д. Черевкова	606
Иллюстраціи: 1) Карта сѣверо-восточной части Китая. — 2) Видъ Портъ- Артура. — 3) Докъ въ Портъ-Артурѣ. — 4) Видъ форта Гошанъ въ Талиенванѣ. — 5) Внутренность форта Гошанъ въ Талиенванѣ.	
XV. Критика и библиографія.	635
1) Книжкаль. Критика политическаго экономіи. Сочиненіе Карла Маркса. Второе изданіе. Томъ первый. Спб. 1898. А. Фирсова. — 2) Архивъ исторія ли- тературы и просвѣщенія въ Польшѣ (Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce). Изданіе Академіи Наукъ въ Краковѣ. Томъ IX-й. 1898. I. к. — 3) Аполлонъ Николаевичъ Майковъ (1821—1897 г.), биографическій очеркъ, со- ставленъ М. Л. Злаковскимъ. Изданіе второе, значительно дополненное. Спб. 1898. С. у—ца. — 4) Извѣстія Русскаго Археологическаго института въ Кон- стантинополѣ. Томъ второй. Одесса: 1897. С. — 5) Adam Dąbrowski. Szkice historyczne. Serja trzecia. Petersburg. 1897. к. х. — 6) Левъ Дембовскій. Моя воспоминанія. «Leon Dembowski. Moje Wspomnienia». 2 тома. Спб. 1898. I. к. — 7) Nasza literatura dramatyczna. Szkice nakreslone przez Piotra Chmielowskiego. Petersburg. 1898. к. х. — 8) С. Л. Пташницкій. Сред- невѣковыя западно европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ I. Повѣсти изъ Римскихъ дѣяній. (Gesta Romanorum). Спб. 1897. щ.	

См. слѣд стр.

	СТР.
XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи	653
1) Историческія и археологическія находки.—2) Гробница Чингисъ-хана.— 3) Юбилей Васко-де-Гама.—4) Французскій король Америки.—5) Вольтеръ, Лю- довикъ XV и Фридрихъ II.—6) Автобіографія Артура Юнга.—6) Нполеонъ на Эльбѣ и св. Еленѣ.—8) Любимцы Шатобриана.—9) Отголоски 1848 года.— 10) Письма Виктора Гюго.—11) Воспоминанія американки о мексиканскомъ императорѣ.—11) Англійскія книги, статьи и пьесы о Россіи.	
XVII. Изъ прошлаго.	675
Къ исторіи декабристовъ. Сообщено А. Е. П.	
XVIII. Сибѣрь	678
1) Русскій музей императора Александра III.—2) Музей изящныхъ искусствъ имени императора Александра III въ Москвѣ.—3) Двадцатилѣтіе казанскаго археологическаго общества.—4) Историческое общество.—5) Общество любителей древней письменности.—6) Союзъ ревнителей русскаго слова.—7) Москов- скій библиографическій кружокъ.—8) Географическое общество. I.—9) Философ- ское общество.—10) Романовскій отдѣлъ при костромской архивной комис- сіи.—11) Премія митрополита Макарія и епископа Михаила.—12) И. И. Шиш- кинъ; I. И. Паульсонъ; И. И. Свягскій; А. А. Григорьевъ; Н. Г. Шильдеръ.	
XIX. Замѣтки и поправки	701
1) Еще объ усыпальницѣ Шуйскихъ. (Замѣтка на «Отвѣтъ» г. Вороѣева). профессора Дм. Цвѣтаева.—2) Къ біографіи А. П. Щапова. С—ва.—3) Письмо въ редакцію. Сергья Протопопова.	
XX. Отчетъ Кассы взаимопомощи при Обществѣ для пособія нуж- дающимся литераторамъ и ученымъ за 1897 годъ	707
XXI. Объявленія.	
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Ѳздора Ивановича Буслаева.—2) Невѣста короля. (A. Fountain Seale). Романъ Вальтера Безанта. Переводъ съ англій- скаго. Гл. VI—XI.	

КОРЖИНСКІЕ КОРШУНЫ ¹⁾.

Романъ-хроника.

ХІІ.

ОСПОДА прїѣхали въ Коржино неизвѣстно насколько времени. Лѣто подходило къ концу, да и отпускомъ, который онъ самъ себѣ разрѣшилъ, Леонтій Артемьевичъ не могъ долго пользоваться. Подъ этимъ предлогомъ Марья Алексѣевна запретила оповѣщать сосѣдей о ихъ прїѣздѣ и, устроившись съ дочерью не верху, предоставила Катѣ весь остальной домъ.

Демьяновна осталась, по желанію ея барышни, въ городѣ, и, благодаря этому обстоятельству, на этотъ разъ миръ и тишина ничѣмъ не нарушались ни въ людскихъ, ни въ двѣвничихъ. Впрочемъ, теперь къ Катѣ, и безъ угрозъ Демьяновны, вся дворня относилась, какъ къ полновластной госпожѣ. Марья Алексѣевна ни во что не вмѣшивалась и держала себя отъ всего такъ далеко, что можно было забыть о ея присутствіи, еслибъ не Аннушка, которая удвоеннымъ вниманіемъ къ требованіямъ своей барыни и барышни, безпрестанно напоминала о правахъ ихъ на почеть.

¹⁾ Продолженіе См. «Истор. Вѣстн.», томъ LXXI, стр. 801.
«Истор. вѣстн.», май, 1898 г., т. LXXII.

Скоро подспорьемъ ей въ этой задачѣ явился камердинеръ Алексаша, пріѣхавшій вмѣстѣ съ баринномъ изъ Артемкина, гдѣ на то, чтобъ все привести въ надлежащій порядокъ, понадобилось не болѣе недѣли.

Довольный благополучнымъ окончаніемъ непріятнаго дѣла, Леонтіи Артемьевичъ вернулся къ семьѣ въ отличномъ расположеніи духа и, когда выкупавшись и переодѣвшись послѣ дороги, онъ вошелъ въ столовую, гдѣ жена съ Машей и съ Катей ждали его за чайнымъ столомъ, Марья Алексѣевна нашла его помолодѣвшимъ: такой у него былъ цвѣтущій и оживленный видъ. Катѣ же оживленіе это показалось неестественнымъ, а его смѣхъ натянутымъ и, всматриваясь въ зловѣщіе огоньки, бѣгавшіе у него въ глазахъ, она тревожно спрашивала себя: что случилось?

— Клеменца я выгналъ и, пока не сыщется другой управляющій, поручилъ дѣла твоему Никанору,—разсказывалъ онъ между тѣмъ, обращаясь больше къ Катѣ, что было весьма естественно, такъ какъ фабрика, хотя и построенная на его землѣ, принадлежала ей.—Ты ничего противъ этого не имѣешь, Кукла?—спросилъ онъ, съ усмѣшкой прищуриваясь.

— Развѣ я что нибудь въ этомъ понимаю?—возразила она тоже съ улыбкой.

— Должна понимать, сударыня, черезъ два года я вамъ сдамъ все ваше состояніе, управляйте имъ, какъ знаете. Поѣзжайте въ въ ваши киргизскія земли, заключайте условія съ башкирами, а оттуда уже до Саратова не далеко, тамъ у васъ имѣніе на Волгѣ. Придется вамъ также и въ Москву заглянуть, домъ-то вашъ, мнѣ пишутъ, большого ремонта требуетъ,—продолжалъ онъ шутливо и, повидимому, совершенно беззаботно, но Катя съ каждой минутой все больше и больше утверждалась въ мысли, что онъ чѣмъ-то крѣпко озабоченъ, и съ нетерпѣніемъ ждала узнать, въ чемъ дѣло.

Но безъ Демьяновны это было не такъ-то легко; все равнохать, разспросить и подслушать, чтобъ передать ей, теперь было некому, и ей стало жаль, что, уступая желанію Леонтіи Артемьевича, она не взяла съ собой старуху. Весь день и весь вечеръ не удалось имъ сказать другъ другу ни одного слова наединѣ. Онъ ходилъ по полямъ и на скотный дворъ съ приказчикомъ, долго толковалъ со старостой и съ стариками на крыльцѣ, потомъ опять затворился съ приказчикомъ въ комнатѣ, въ которой ему устроили спальню и кабинетъ и которая находилась въ противоположной сторонѣ отъ половины, занимаемой его покойнымъ отцомъ, гдѣ поселилась теперь Катя.

Она уже теряла надежду повидать его съ глазу на глазъ, когда, прощаясь съ нею, передъ тѣмъ какъ идти спать, онъ шепнулъ ей на ухо, чтобъ она черезъ часъ вышла въ садъ, къ дубовой бесѣдкѣ.

Бесѣдка эта состояла изъ огромнаго, вѣтвистаго стараго дуба, опоясаннаго широкою скамьей, и находилась въ концѣ липовой аллеи, примыкавшей къ берегу, заросшаго плѣсенью и водорослью, пруда, съ островкомъ, украшеннымъ мраморной Венерой.

Когда Катя, осторожно, чтобъ никого не разбудить, соскочила съ постели и, закутавшись поверхъ ночного пеньюара въ большую турецкую шаль, въ туфелькахъ на босую ногу, вышла на террасу, чтобъ пройти въ садъ, луна выплыла изъ-за дома и омывала своимъ мягкимъ, серебристымъ блескомъ всю окрестность. Было такъ свѣтло, что можно было различать цвѣты на клумбахъ. Всѣ спали. Царствовавшая кругомъ тишина ничѣмъ не нарушалась, кромѣ тѣхъ таинственныхъ звуковъ въ листьяхъ и травѣ, которые никогда не смолкаютъ, свидѣтельствуя о вѣчной, ни на мгновение не прерывающейся жизни въ природѣ, но, тѣмъ не менѣе, Катя съ бьющимся отъ страха сердцемъ и не оглядываясь, перебѣжала пространство, отдѣлявшее ее отъ назначеннаго мѣста свиданія, гдѣ ждалъ Леонтій Артемьевичъ.

— Ну, чего ты, глупая, дрожишь? Перестань. Ты со мной, никому я тебя не дамъ въ обиду,—прошепталъ онъ, сажая ее къ себѣ на колѣни и прижимая къ своей груди.—Да успокойся же? Я нарочно вышелъ раньше, чтобъ убѣдиться, что всѣ спятъ, и никто намъ не помѣшаетъ... А ты развѣ встрѣтила когонибудь?—продолжалъ онъ, замѣчая, что лицо ея подъ его поцѣлуями остается холодно, а по тѣлу ея продолжаетъ пробѣгать дрожь.

— Да... мнѣ показалось... Кто-то тамъ, какъ будто ходитъ... по липовой аллеѣ,—проговорила она съ усиленіемъ.

Онъ засмѣялся. — Привидѣніе, можетъ быть? — замѣтилъ онъ шутливо.

Однако, чтобъ успокоить ее, онъ поднялся съ мѣста и, удалившись шаговъ на двадцать отъ скамейки, на которой они сидѣли, подъ густыми вѣтвями стараго дуба, лицомъ къ пруду съ Венерой, повернулъ въ липовую аллею и минуты черезъ три вернулся назадъ съ противоположной стороны.

— Ну, вотъ, все кругомъ обошелъ, можешь быть покойна. Привидѣнія меня испугались и всѣ до одного скрылись, теперь въ саду никого нѣтъ.

Усаживаясь на прежнее мѣсто и прижимая ее къ себѣ, онъ прибавилъ: — Мы тутъ съ тобой въ пустыхъ страхахъ время препровождаемъ, а намъ о многомъ надо переговорить.

— Будешь въ страхѣ, когда на тебя со всѣхъ сторонъ, какъ на лютаго звѣря, смотрятъ,—продолжала она вполголоса.—Никому я не мѣшаю, ни съ кѣмъ даже не говорю, а всѣ шипятъ. Вчера даже Дарька... собственными ушами слышала, какъ она рассказывала вашей Аннушкѣ про покойнаго папеньку и при этомъ назвала его старымъ коршуномъ. Демьяновна мнѣ говорила, что здѣсь всѣ его

такъ называютъ и увѣряютъ, что я вся въ него... Какъ они смѣютъ такъ думать!—прибавила она дрогнувшимъ отъ сдержаннаго гнѣва голосомъ.

Но Леонтій Артемьевичъ какъ будто забавлялся ея негодованіемъ; по губамъ его скользнула саркастическая усмѣшка, отразившаяся въ глазахъ алораднымъ блескомъ.

— Прикажете ихъ пересѣчь за такую дерзость? Завтра же распоряджусь, чтобъ всѣхъ перепороли, начиная съ Аннушки,—предложилъ онъ, не переставая улыбаться.

Она презрительно передернула плечиками.

— Я вовсе не для этого тебѣ это рассказала.

— И по-моему тоже не стоитъ на это обращать вниманіе! Съ меня бери примѣръ. Чѣмъ больше люди на меня злятся, клянутъ меня и козни мнѣ строятъ, тѣмъ мнѣ веселѣе, тѣмъ бодрѣе я себя чувствую. Задоръ какой-то юношескій является, молодѣешь. Ненависть поддаетъ мнѣ жару и ума изловчатся, чтобъ не съѣли меня люди. Да и куда имъ! Развѣ овцы могутъ съѣсть волка? А цыплята развѣ осмѣлятся бороться съ коршуномъ? Мы съ тобой коршуны, Катя, и благо намъ!

— Надолго ли?—прошептала она въ раздумьѣ.

— Будущее въ нашихъ рукахъ, не робѣй только.

— Въ нашихъ рукахъ!—повторила она съ горькой усмѣшкой.— Однако-жъ вотъ не удалось намъ съ тобой здѣсь вдвоемъ даже недѣлку пожить, помѣшали,—прибавила она со вздохомъ.

— Дай срокъ, всѣ помѣхи съ пути сметемъ.

— Это когда-то еще будетъ, а до тѣхъ поръ въ собственномъ домѣ, гдѣ я надъ всѣмъ хозяйка, я крадучись, да дрожа, сюда пришла, какъ послѣдняя дѣвка, которую каждый староста можетъ на конюшнѣ выдрать,—продолжала жаловаться Катя.

— Да говорятъ же тебѣ, что недолго ужъ намъ такъ жить.

— Какъ же ты сдѣлаешь?

Вопросъ этотъ его взбѣсилъ. Не разъ ужъ задавалъ онъ его самому себѣ съ тѣхъ поръ, какъ преступное чувство овладѣвало имъ все сильнѣе и сильнѣе, и, какъ ни ломалъ онъ голову надъ этой задачей, разрѣшить ее не могъ такъ, какъ бы ему хотѣлось, чтобъ безъ шума, безъ нареканій, оставаясь во всеобщемъ мнѣніи добродѣтельнымъ и всѣми почитаемымъ сановникомъ, пользоваться безконтрольно и состояніемъ Кати и ею самой. Да, трудная это была задача, но онъ былъ убѣжденъ, что въ концѣ концовъ ему удастся со временемъ ее разрѣшить въ самомъ благопріятномъ для себя смыслѣ.

— Какъ же ты это сдѣлаешь?—повторила свой вопросъ Катя.

— Не твое дѣло, много будешь знать, скоро состаришься. А ты мнѣ молодая да красивая нужна, что мнѣ въ старухѣ-то!—замѣтилъ онъ со смѣхомъ.

Онъ прижалъ ее къ себѣ еще крѣпче и, любуясь ея личикомъ, съ котораго отъ его словъ быстро сбѣгали тѣни сомнѣнія и досады, страстно прижался къ нему губами.

Съ минуту длилось молчаніе. Кругомъ царилъ все та же тишина. Но въ травѣ и въ листьяхъ, не нарушая торжественнаго спокойствія ночи, все такъ же неумолкаемо стрекотала и шуршала невѣдомая людямъ жизнь.

А луна, тѣмъ временемъ, все плыла да плыла по темному небу, поднимаясь все выше и выше надъ деревьями, осыпая серебромъ—тутъ спрятавшуюся въ ночную тѣнь верхушку трепещущей осины, тамъ притаившійся кустъ розъ, покрытый запоздалыми цвѣтами. Засверкалъ въ ея мягкомъ сіяніи изумруднымъ блескомъ затянутый плѣсенью прудъ и, какъ живая, затрепетала, серебрясь и нѣжась въ свѣтломъ эфирѣ, мраморная женщина на своемъ пьедесталѣ.

Коснулась ночная царица мимоходомъ и до привидѣнія, испугавшаго Катю, и оно на мгновеніе вырѣзалось живымъ бѣлымъ пятномъ на темной зелени деревьевъ, между которыми осторожно пробиралось къ старому дубу у пруда.

Тутъ оно остановилось, прислушиваясь и пытаясь проникнуть взглядомъ сквозь густую листву, загораживающую отъ него ту сторону скамейки, что обращена была къ пруду.

— Какъ хорошо!—шептала Катя, не отрывая головы отъ груди своего возлюбленнаго и любуясь залитымъ луннымъ блескомъ прудомъ, съ бѣлою мраморною женщиной посреди.

— Ты хороша, моя прелесть,—вымолвилъ Коржинъ, нагибаясь къ сверкающимъ любовнымъ восторгомъ глазкамъ и цѣлуя ихъ.

А привидѣніе все продолжало всматриваться въ темную листву, прислушиваясь къ любовному лепету и къ вздохамъ, такимъ сдержаннымъ и беззвучнымъ, что они сливались съ шелестомъ листьевъ подъ дыханіемъ ночи.

И вдругъ лунный свѣтъ, скользнувъ промежъ вѣтвей, отдернулъ на мгновеніе темную завѣсу, скрывавшую влюбленныхъ, и призракъ помертвѣлъ отъ ужаса. Какъ подкошенный, упалъ онъ на траву, но сознаніе не покидало его, и онъ жадно, съ безумнымъ любопытствомъ вслушивался въ разговоръ, который беззаботно велся отъ него такъ близко, что не одни только слова, но и поцѣлуи, и самое дыханіе влюбленныхъ съ изумительною ясностью долетали до его слуха.

— Знаешь, съ кѣмъ я видѣлся въ Артемкинѣ? — спросилъ Леонтій Артемьевичъ между двумя поцѣлуями.

— Не говори про другихъ... не все ли мнѣ равно... Я хочу только про тебя думать, про нашу любовь, — протянула съ нѣгой въ голосъ Катя.

— Глупая! это отъ насъ не уйдетъ...

— Какъ не уйдетъ? Я такъ давно жду этой минуты! Намъ

только ночью, одинъ часочекъ и пробыть вмѣстѣ... сейчасъ наступить утро, всѣ проснутся, намъ надо разстаться далеко до восхода солнца и цѣлый потомъ день, длинный, скучный, бродить поровнь, притворяться, ломать себя... Охъ, какъ тошно!

— Опять! Ты думаешь, мнѣ легче?

— Знаю я, что и тебѣ тяжело! Если я не была въ тебѣ увѣрена, развѣ я была бы такъ счастлива, такъ безконечно счастлива, въ тѣ рѣдкія минуты, когда ты со мной!..

— Такъ ты счастлива и ничего не жалѣешь?—спросилъ послѣ небольшого молчанія Леонцій Артемьевичъ.

— Мнѣ нечего жалѣть,—отвѣчала Катя.—Для кого мнѣ себя беречь? Развѣ меня кто нибудь любилъ такъ, какъ ты меня любишь?

— А графчикъ?

Катя засмѣялась и, забывшись, такъ громко, что въ сосѣднемъ кустѣ встрепенулась птица и зашуршала крыльями.

— Тише! Того и гляди, она услышитъ,—прошептала Коржинъ, кивая на Венеру, отражанную въ зеленой влагѣ, трепетавшей въ лунномъ блескѣ.—Смѣешься теперь,—продолжалъ онъ шутливо,—а кто вотъ тутъ сейчасъ дрожалъ, увѣряя, что по саду бродятъ при-видѣнія?

— Съ тобой я ничего не боюсь.

— Спасибо. А къ графчику ты все-таки несправедлива, онъ до сихъ поръ въ тебя безъ ума влюбленъ.

— Ну, и пусть. А ты откуда это знаешь?

— Онъ мнѣ самъ сказалъ вчера...

— Вчера? Ты его видѣла вчера? Гдѣ?

— Въ Артемкинѣ. Онъ пріѣхалъ въ городъ, узналъ тамъ, что мы уѣхали въ Коржино, и поскакалъ за нами; а по дорогѣ ему сказали, что я свернулъ въ Артемкино, ну, онъ и заблагоразсудилъ ко мнѣ туда отъявиться.

— И что же?

— Да все то же. Любить тебя безъ памяти и спать, и видеть на тебѣ жениться.

— А Машу?

— Объ ней и рѣчи не было. Во все время, что онъ тамъ пробылъ, часа три,—надо было дать его лошадямъ отдохнуть,—ни разу про нее и не вспомнилъ.

— Откуда онъ явился?

— Изъ-за границы. Всѣ эти два года тамъ мотался. И нисколько не поумнѣлъ, такой же шалый, какъ тогда, когда я вотъ тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, уговаривалъ его быть благоразумнѣе. Увѣряетъ, будто я ему тогда сказалъ, что тебѣ еще рано думать о женихахъ, и будто покойный отецъ не желалъ, чтобъ ты выходила замужъ раньше двадцати лѣтъ... Очень можетъ быть, что я ему это и сказалъ, между прочимъ, чтобъ скорѣе отъ него отдѣлаться. Ну, вотъ онъ, переждавъ два года, и явился.

— А теперь чѣмъ ты отъ него отдѣлался?

— Теперь я не могу за тебя отвѣчать, какъ раньше, ты ужъ не дитя и сама можешь отказывать претендентамъ.

— О чемъ же вы толковали цѣлыхъ три часа?

— Странный вопросъ! О тебѣ, конечно. Онъ разспрашивалъ, а я долженъ былъ отвѣчать. Не скажу, чтобъ мнѣ это было особенно пріятно, но заставить его мысли свернуть съ этой точки не было никакой возможности. Ты совсѣмъ его околдовала, онъ и объ «отчизнѣ» своей пересталъ заботиться и дѣла свои такъ запустилъ, что мать опять всѣмъ завладѣла. Ну, дуракъ, однимъ словомъ. Надняхъ сюда пріѣдетъ, и ты сама увидишь...

— Для чего онъ сюда пріѣдетъ?

— Чтобъ отъ тебя самой услышать что ты не желаешь быть его женой... Что ты? Опять увидѣла привидѣніе?—спросилъ онъ со смѣхомъ, обрывая свою рѣчь на полусловѣ при видѣ испуга, вырвавшагося на лицѣ его собесѣдницы.

— Тссс! Слыпишь?—прошептала Катя, хватая его за руку и продолжая прислушиваться.

— Ничего не слышу,—отвѣчалъ онъ, невольно понижая голосъ и оглядываясь по сторонамъ.

— Теперь ничего, но сейчасъ я слышала стонъ... и такъ явственно!—проговорила послѣ минутнаго молчанія Катя.

— Это она, можетъ быть, стонала. Просилъ я тебя такъ громко не говорить, а ты все по-своему, вотъ она и услышала,—весело замѣтилъ онъ, намекая на Венеру среди пруда.

Но Катю шутка эта не развеселила; ей было не по себѣ, и она рѣшила, что пора разстаться.

— И не увидишь, какъ подкрадется утро и весь домъ проснется,—сказала она, поднимаясь съ мѣста и закутываясь въ шаль.

Луна скрылась, свѣжѣло, и туманная бѣлесоватая мгла, постепенно разгоняя ночныя тѣни, предвѣщала наступленіе утра.

— До послѣзавтра, значить, сегодня я ѣду въ Артемкино и ночью тамъ, — объявилъ Леонтіи Артемьевичъ, тоже вставая со скамейки.

— Нечего тамъ загадывать, — процѣдила сквозь зубы Катя.— Мало ли что можетъ случиться до тѣхъ поръ!

— Ничего не можетъ случиться... Дождикъ развѣ пойдетъ... Ну, тогда я приду къ тебѣ...

— Мало ли что можетъ случиться,—повторила Катя, задумчиво глядя на Венеру. Лишенная своего серебристаго, таинственнаго убора и окутанная сѣрымъ утреннимъ туманомъ, она неясными очертаніями выступала надъ потускнѣвшей тиной пруда и казалась грязной, старой и поблекшей.

— Да полно тебѣ, какъ ворона, каркать!—съ досадой возразилъ Коржинъ. — Кто можетъ помѣшать намъ проводить вмѣстѣ время

если мы этого желаемъ? Графчикъ раньше, какъ черезъ недѣлю, не прїѣдетъ...

— О, я объ немъ и не думаю!

— Такъ кто же? А по-моему такъ напротивъ, жизнь наша отлично устроивается. Соню мы выдали замужъ, одной помѣхой, значить, меньше...

— Но еще двѣ остались, — подхватила съ живостью Катя. Ей вспомнились полные подозрительной ненависти взгляды, которыми обдавала ее Марья Алексѣевна, оскорбительное стараніе Маши удалиться отъ нея, презрительное и холодное молчаніе, которое, точно сговорившись, мать съ дочерью хранили въ ея присутствіи, и сердце ея залилось горечью.

— Экая ты нетерпѣливая! — сказалъ смѣясь Леонтіи Артемьевичъ, обнимая ее на прощаніе. — Говорю тебѣ, что все устроится, и что мы останемся съ тобою вдвоемъ, ну, и жди, и вѣрь мнѣ.

Они разстались; она безъ оглядки побѣжала къ террасѣ, на которую вела дверь изъ кабинета покойнаго стараго коршуна, а онъ направился въ противоположную сторону дома, къ крыльцу, съ каменными звѣрями по обѣимъ сторонамъ широкой лѣстницы, въ парадныя комнаты.

На слѣдующее утро, довольно рано, чтобъ никого не беспокоить (онъ приказалъ подать себѣ чай въ кабинетъ), Леонтіи Артемьевичъ съ однимъ Лексашкой поѣхалъ на хуторъ. Вернуться они должны были только къ вечеру, а потому въ сундукъ, сзади, поставили корзины съ жареными цыплятами, пирожками, виномъ и прочими съѣстными припасами.

Но Леонтію Артемьевичу не удалось пообѣдать на хуторѣ, не прошло и двухъ часовъ послѣ его прїѣзда туда, какъ ему объявили, что изъ Коржина прискакалъ къ нему посланецъ.

— Что тамъ еще случилось? Пошли его сюда, — приказалъ баринъ, отодвигая отъ себя счетныя книги, которыя онъ просматривалъ на столѣ, обитомъ кожей засиженной мухами и покрытой чернильными пятнами, въ лучшей комнатѣ управительскаго дома, съ низкимъ потолкомъ и съ маленькими окошками, растворенными въ огородъ во избѣжаніе духоты.

Первая его мысль была о Катѣ. Никто, кромѣ ея, не посмѣлъ бы посылать за нимъ гонца. Что тамъ случилось? — повторилъ онъ мысленно, и не безъ тревоги, оборачиваясь къ растворенной двери въ сѣни, гдѣ уже раздавались шаги фореитора Акимки.

— Что у васъ тамъ? Кто тебя прислалъ? Зачѣмъ? — спросилъ отрывисто баринъ у переминавшагося на порогѣ, смущеннаго парня.

— Барыня изволили приказать...

— Записку дала? Что же ты не подаешь, болванъ?

— Никакъ нѣтъ-съ... письма не дали... приказали только скорѣе ѣхать... вашей милости доложить... барышня пропала...

— Катерина Артемьевна?!—сорвалось у барина съ языка помимо воли.

— Никакъ нѣтъ-съ, Марья Леонтьевна-съ.

У Коржина отлегло отъ сердца, и онъ ужъ спокойно сталъ спрашивать посланца.

Оказалось, что съ шести часовъ (Леонтія Артемьевичъ былъ еще дома), какъ хватились Маша, и до сихъ поръ нигдѣ не могутъ ее найти. Весь домъ обшарили, весь садъ обѣгали, нигдѣ ея нѣтъ.

— Въ лѣсъ, вѣрно, ушла,—замѣтилъ баринъ.

— И въ лѣсу искали, ажно до Кузнецовъ доходили, у всѣхъ спрашивали, никто не видалъ.

— А по дорогѣ въ Лысково посылали?

— Посылали-съ,—отвѣтилъ Акимка, не поднимая глазъ съ шапки, которую онъ судорожно комкалъ въ грязныхъ, корявыхъ пальцахъ.

Смущеніе его не ускользнуло отъ Леонтія Артемьевича. Онъ, какъ будто, страшился что-то договорить.

— Просятъ вашу милость скорѣе пожаловать, Василій Сидорычъ погналъ мужиковъ съ баграми къ пруду,—вымолвилъ онъ, наконецъ, съ отчаянною рѣшимостью.

Баринъ насупился.—Лошадей аапрягать!—крикнулъ онъ столпившемуся у входа въ сѣни народу.

— Готово-съ, сейчасъ подають-съ,—объявилъ Лексашка.

Они, стало быть, узнали раньше его про бѣду, обрушившуюся на его семью, и ужъ успѣли оцѣнить важность этой бѣды, если, не дожидаясь приказанія, распорядились приготовить ему экипажъ для отъѣзда.

Кучеръ такъ гналъ лошадей, что не успѣло еще стемнѣть, когда они остановились у крыльца Коржинской усадьбы.

О чемъ думалъ Леонтія Артемьевичъ, проѣзжая мимо желтѣющихъ нивъ и пестрѣющихъ осеннимъ нарядомъ лѣсовъ, — одинъ Богъ, которому открыты темнѣйшіе и мрачнѣйшіе закоулки души и тѣ преступныя въ ней движенія, которыя человекъ самъ отъ себя тщательно скрываетъ, одинъ Богъ это зналъ. Можетъ быть, проблески раскаянія жгли ему сердце, можетъ быть, онъ вспоминалъ свое желаніе, чтобъ всѣ преграды къ тому, что онъ считалъ счастьемъ, были сметены съ его пути, и его пугало такое быстрое исполненіе преступнаго желанія, а, можетъ быть, ослѣпленный тщеславіемъ разумъ, подавляя и совѣсть, и жалость, успокоивалъ его мыслью, что если сама судьба взялась ему во всемъ благопріятствовать, то упрекать ему себя не въ чемъ, и ничего больше не остается, какъ смѣло идти по очищенному для него пути къ желанной цѣли, не заботясь ни о чьей гибели.

Какъ бы тамъ ни было, но когда по растерянному виду встрѣ-

тившихъ его на крыльцѣ людей онъ убѣдился, что дочери его ужъ нѣтъ въ живыхъ, кромѣ глубокой сдержанной скорби, на лицѣ его ничего нельзя было прочесть.

Выслушавъ съ блѣднымъ лицомъ и стиснутыми губами подробное донесеніе о томъ, какъ барышню вытащили изъ воды у самаго островка съ Венерой, куда ее, безъ сомнѣнія, прибило уже мертвую, и какъ ее откачивали цѣлыхъ два часа до тѣхъ поръ, пока не убѣдились, что отлетѣвшей жизни ничѣмъ не вернуть, онъ отрывисто спросилъ: гдѣ барыня?

— Изволятъ убирать барышню, чтобъ на столъ положить, — дрожащимъ отъ слезъ голосомъ отвѣчала Аннушка.

Леонтіи Артемьевичъ судорожнымъ движеніемъ поднесъ къ глазамъ руку, какъ бы для того, чтобы смахнуть слезу, и, поспѣшными шагами удалившись въ кабинетъ, заперся тамъ.

И долго, цѣлый часъ, люди, затаивъ дыханіе, нацыпочкахъ проходили мимо этой запертой двери, опасаясь нарушить покой несчастнаго, убитаго горемъ отца, уединившагося, чтобы выплакать на просторѣ свою печаль; они не подозрѣвали, что онъ потайнымъ ходомъ прошелъ въ противоположную часть дома, въ кабинетъ покойнаго отца, гдѣ была Катя.

Съ той минуты, какъ она узнала объ исчезновеніи Маши, Катя, какъ потерянная, бродила по саду, а когда искали пропавшую въ прудѣ, ее видѣли въ толпѣ, тѣснившейся на берегу. Тутъ она, блѣдная, но спокойная, точно съ окаменѣвшимъ лицомъ, стояла до тѣхъ поръ, пока нырнувшій въ воду парень не закричалъ, что нашелъ барышню. Но когда тѣло вытащили и положили у подножія скамейки подъ дубомъ, Катя, какъ будто только тутъ появивъ роковое значеніе происходившей вокругъ нея суматохи, вскрикнула и упала въ обморокъ.

Ее подняли, отнесли въ ея комнату и стали приводить въ чувство, а когда она открыла глаза, первымъ ея движеніемъ было приказать всѣмъ удалиться и оставить ее одну.

Леонтіи Артемьевичъ нашелъ ее распростертой на диванѣ, вздрагивающей отъ истерическихъ рыданій и, убѣдившись послѣ тщетныхъ попытокъ ее успокоить, что она не въ состояніи ни слушать его, ни понимать, онъ сѣлъ въ кресло въ темный уголъ обширной комнаты, освѣщенной одной свѣчей, и рѣшился терпѣливо ждать, пока первый взрывъ ея отчаянія минуеть. Онъ хорошо зналъ ея страстную, необузданную натуру; въ минуты душевнаго смятенія ей надо было нарыдаться и накричаться вдосталь. И чѣмъ сильнѣе былъ кризисъ, тѣмъ быстрѣе онъ проходилъ, если ей только не мѣшали предаваться ему безъ стѣсненія.

Впрочемъ, ему и самому хотѣлось сосредоточиться, чтобы обдумать положеніе и избрѣсти для себя и для нея благовидный исходъ.

Мысль о томъ, чтобы разстаться съ нею, ему даже и на мгно-

веніе не приходила въ голову, но ее надо удалить изъ семьи, это онъ понималъ, какъ нельзя лучше. Связь между появленіемъ графа Ксавера въ здѣшной мѣстности и катастрофой съ Машей не можетъ не броситься въ глаза всѣмъ, кому извѣстно то, что происходило здѣсь два года тому назадъ. Теперь ужъ, навѣрно, и въ людскихъ и въ дѣвичьихъ толкуютъ о свиданіи барина въ Артемкинѣ съ графомъ и о томъ, что этотъ послѣдній долженъ надняхъ пріѣхать въ Коржино. Объ этомъ ужъ, безъ сомнѣнія, и Марья Алексѣевна знаетъ. Можно себѣ представить ея чувства къ Катѣ! Разумѣется, она винить ее въ смерти дочери... И она права потому, что привидѣніе, испугавшее ихъ сегодня ночью, это была Маша. Она подслушала весь ихъ разговоръ и, узнавъ, что графъ про нее совсѣмъ забылъ и любитъ Катю больше, чѣмъ когда либо, несчастная рѣшила, что жить ей больше не для чего.

Она вмѣстѣ съ тѣмъ узнала и ихъ тайну...

Леонтій Артемьевичъ поморщился при мысли, какъ это было бы неприятно, еслибъ дочь его осталась послѣ этого въ живыхъ. Какія произошли бы тогда неудобныя осложненія въ его семьѣ!

Онъ въ эту минуту какъ нельзя лучше понималъ, какъ иногда бываетъ необходимо изъять человѣка изъ общества, отстранить его съ дороги какимъ бы то ни было способомъ... Въ данномъ случаѣ вышло, значитъ, къ лучшему...

— Зачѣмъ, зачѣмъ она бросилась въ прудъ? Теперь всѣ скажутъ, что это я виновата!—простонала Катя.

Это были первыя внятные слова, которыя можно было разслышать среди рыданій и глухихъ воплей, вырывавшихся изъ ея груди.

Леонтій Артемьевичъ рѣшилъ, что теперь можно съ нею говорить толкомъ, и, поднявшись съ кресла, подошелъ къ дивану.

— Кто посмѣетъ сказать такую ложь?—произнесъ онъ сурово и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ, рѣзко отчеканивая слова:— Перестань дурачиться и пойми, что отъ тебя зависитъ заставить говорить про насъ то или другое.

Она продолжала молчать, не отрывая лица отъ подушки, но волненіе ея постепенно стихало, и когда онъ приподнялъ ее и усадилъ рядомъ съ собой, обнявъ одной рукой, она не сопротивлялась. Какъ всегда, все ея существо покорилось его вліянію, безъ малѣйшей попытки къ сопротивленію.

— Леонтій, скажи мнѣ, что Маша не подслушала насъ вчера въ дубовой бесѣдкѣ!—умоляюще протянула она упавшимъ голосомъ.

— Разумѣется, нѣтъ. Съ чего ты это взяла?

— Такъ отчего же?..

— Милая, да неужто ты никогда не замѣчала, что она была ненормальна? Я давно это зналъ и даже говорилъ объ этомъ съ докторами. Это—во-первыхъ, а, во-вторыхъ, въ то время, какъ мы тамъ были, она еще не выходила изъ дому...

— Откуда ты это знаешь?

— Отъ тѣхъ, кому это извѣстно,—развязно солгалъ онъ.

Лицо ея прояснилось.

— Правда? Ты меня не обманываешь?—спросила она, устремляя на него полный жаднаго упованія взглядъ.

— Развѣ я когда нибудь тебя обманывалъ?

— Ахъ, какъ ты меня успокоилъ! Повтори мнѣ это еще разъ, повтори, пожалуйста!—вскричала она, прижимаясь къ нему, точно лица въ немъ защиту отъ осаждающихъ ее страшныхъ представлений.

— А вотъ ты, такъ вовсе меня не радуешь,—продолжалъ онъ озабоченнымъ тономъ, отвѣчая на ея ласки.—Пари держу, что ты вела себя до невозможности глупо весь сегодняшний день.

Она все ему рассказала, все, что помнила до той минуты, какъ упала въ обморокъ, и, узнавъ, что она ни съ кѣмъ не говорила и что никто ее ни о чемъ не спрашивалъ, онъ немного успокоился.

— Значитъ, никто не знаетъ, гдѣ мы были ночью,—вымолвилъ онъ вполголоса, какъ бы про себя.

— Никто... только она...

Лицо ея опять исказилось ужасомъ, и голосъ порвался на полусловъ.

— Ну, полно,—строго вымолвилъ онъ, махнувъ рукой, какъ бы отгоняя назойливый призракъ.—А мы вотъ что сдѣлаемъ: ты скажешься больною и не встанешь съ постели ни завтра, ни послѣзавтра, а я ихъ увезу отсюда... Марью Алексѣвну съ людьми,—поспѣшили онъ пояснить,—ты здѣсь поживешь пока одна съ Демьяновкой. Я за ней сейчасъ пошлю...

— А потомъ?—не спуская съ него мучительно-тревожнаго взгляда, спросила Катя.

— Потомъ, когда въ домѣ некому будетъ намъ мѣшать, я, разумѣется, за тобой приѣду. Она, вѣрно, захочетъ къ Сонѣ ѣхать... а тамъ, можно будетъ ей предложить пожить съ сыновьями въ Петербургѣ,—продолжалъ онъ съ разстановкой, и избѣгая произносить вслухъ имя матери своихъ дѣтей.

И довольный изобрѣтеніемъ такихъ удачныхъ комбинацій, онъ продолжалъ почти весело:

— Ну, вотъ намъ съ тобой и лафа года на три, по крайней мѣрѣ. Будь же умница и думай о будущемъ, а прошлаго не вспоминай. Прошлое умерло и больше не воскреснетъ,—объявилъ онъ такимъ убѣжденнымъ тономъ, что не заразиться его спокойною самоувѣренностью было невозможно.

Крѣпко обнявъ свою слушательницу, онъ вышелъ, обѣщая при первой возможности зайти ее навѣстить.

Возможность эта представилась не скоро; въ ту минуту, когда онъ входилъ черезъ потайную дверь въ свою комнату, въ другую дверь стучались и звали его.

Онъ отворилъ и увидалъ Аннушку. Она пришла отъ имени барыни просить его всёмъ распорядиться для...

Ей не дали кончить.

— Сейчасъ приду. А что барыня? — спросилъ онъ съ тревожнымъ участіемъ.

— Лежатъ-съ... Теперича какъ будто полегче имъ крошечку стало... У нихъ батюшка... Панихиду будутъ служить, — прерывающимъ отъ слезъ голосомъ отвѣчала горничная.

Не вздумала бы только откровенничать съ попомъ, мысли ему свои да предположенія повѣрять, мелькнуло въ головѣ Леонтія Артемьевича, но на одно только мгновеніе. Марья Алексѣевна была слишкомъ хороша воспитана, чтобъ забыть приличествующую ея положенію сдержанность, даже въ такую ужасную минуту, какъ ту, что она переживала.

— Сейчасъ приду, — повторилъ Леонтій Артемьевичъ.

И дѣйствительно не прошло и двухъ минутъ, какъ растерявшійся людъ, наполнившій барскую усадьбу, почувствовалъ присутствіе барина въ домѣ.

Все пришло внезапно въ порядокъ подъ его властной, распорядительной рукой; прекратилось безцѣльное бѣганье изъ комнаты въ комнату, праздные разговоры, оханья и причитанья по угламъ, всё вострепнулись и подтянулись, каждый зналъ, что ему дѣлать, и всёмъ стало легче.

По истинѣ трогательное вниманіе проявилъ баринъ къ убитой горемъ супругѣ, послалъ тотчасъ же за докторомъ въ уѣздный городъ и, съ нѣжною настойчивостью напоминая ей о дѣтяхъ, которыми жизнь ея и здоровье такъ еще нужны, настоялъ на томъ, чтобъ она не поднималась съ кровати и не присутствовала бы при панихидѣ.

— Мы лучше съ тобой помолимся объ ней ночью, когда никого въ залѣ не будетъ, — говорилъ онъ съ скорбною покорностью къ волѣ Провидѣнія, пожимая ей руку.

О Катѣ онъ, повидимому, совсѣмъ забылъ и только послѣ панихиды, вернувшись въ спальню жены, вспомнилъ про нее, чтобъ спросить у Аннушки: — почему барышня Катерина Артемьевна не пришла помолиться за покойницу?

— Онѣ очень нездоровы-съ, пытались было подняться съ постели, но не могли, отъ слабости имъ опять задурнилось, — отвѣчала Аннушка. — Съ ними обморокъ былъ нынче утромъ, насилу мы ихъ оттерли, — сочла она своимъ долгомъ прибавить.

— Скоро доктора изъ города привезутъ для барыни, — обратился къ ней Леонтій Артемьевичъ съ серьезною сдержанностью, — не забудьте его къ барышнѣ попросить... Послѣ, когда онъ увидаетъ барыню и пропишетъ ей, что нужно, — поспѣшилъ онъ прибавить.

И, пригнувшись къ женѣ такъ близко, что она почувствовала его дыханіе на своемъ лицѣ, онъ со вздохомъ, понижая голосъ, вымолвилъ:—ея горе не можетъ быть такъ глубоко, какъ наше!

До разсвѣта не ложился онъ; всю ночь видѣли его то пишущимъ письма, то сидящимъ неподвижно, съ поникшей головой и закрывъ рукой лицо въ печальномъ раздумьѣ, то толкующимъ съ людьми, которыхъ онъ разсылалъ съ письмами и порученіями по разнымъ направленіямъ: къ вятю въ деревню, въ губернской городъ на почту, въ лавки за всѣмъ, что нужно было для похоронъ и для поминальнаго обѣда, къ сосѣдямъ, которыхъ онъ считалъ нужнымъ пригласить на печальную церемонію.

Безпрестанно входилъ онъ къ женѣ, чтобъ совѣтоваться съ нею, сообщать о сдѣланныхъ распоряженіяхъ, о написанныхъ имъ письмахъ къ родственникамъ и дѣтямъ, ободрялъ и развлекалъ ее планами на счетъ будущаго, надеждой скорого свиданья съ сыновьями, съ которыми такъ давно она не видалась.

И онъ достигъ цѣли. Горькія сомнѣнія и оскорбительныя подозрѣнія, терзавшія ей душу еще такъ недавно, постепенно блѣднѣя подъ обаяніемъ его любовнаго взгляда, задушевнаго голоса и ласковыхъ словъ, казались ей тяжелымъ кошмаромъ, съ каждой минутой уходящимъ дальше и дальше, а прежняя любовь и довѣріе, пробуждаясь въ измученной ея душѣ, съ новой силой вступали въ свои права.

Опять любила она мужа и вѣрила ему, какъ прежде, и другихъ мыслей, кромѣ тѣхъ, которыя онъ ей внушалъ, у нея не было. Вспоминались странности, проявляемыя Машей послѣднее время, ея нелюдимость, отвращеніе къ обществу и къ свѣтскимъ удовольствіямъ, возростающая съ каждымъ днемъ страсть ея къ уединенію...

Развѣ Марья Алексѣевна еще недавно не сокрушалась расположеніемъ своей старшей дочери къ отшельнической жизни? Развѣ она не дрожала при мысли, что Маша захочетъ ее покинуть, чтобъ поступить въ монастырь?

Ну, вотъ опасенія ея и сбылись, она покинута дочерью. Вышло еще ужаснѣе, чѣмъ она предполагала, но на все воля Божья...

Ночью, когда весь домъ успокоился наконецъ и заснулъ крѣпкимъ, сномъ, она молилась и плакала съ мужемъ у бездыханнаго тѣла дочери.

Въ бѣломъ, дѣвственномъ нарядѣ, съ закрытыми глаза и сомкнутыми навѣки устами, Маша казалась такою спокойною и счастливою, точно достигла давно желанной цѣли. Право же, тѣ, отъ которыхъ она ушла, были достойнѣе сожалѣнія, чѣмъ она.

Дьячокъ, читавшій надъ нею псалтырь, по знаку барина, вышелъ, и въ длинной залѣ съ темными углами, до которыхъ не достигало мерцаніе восковыхъ свѣчъ у наряднаго стола съ покойницей, кромѣ ихъ троихъ, матери, отца и мертвой дочери, никого не было.

Чувствовать себя такъ близко къ мужу, видѣть, что онъ раздѣляетъ ея печаль, было для Марьи Алексѣевны такъ отрадно, что душа ея переполнилась благодарностью, любовью и прощеньемъ.

— А что Катя? не легче ей?—спросила она, когда Леонтій Артемьевичъ привелъ ее обратно въ спальню.

— Говорять, будто у нея сильный жаръ и бредъ начинается,— отвѣчалъ онъ, помогая женѣ раздѣться и лечь въ постель.

— Николай Федоровичъ ее видѣлъ?

— Видѣлъ. Прислать къ тебѣ Аннушку?

Но Марья Алексѣевна продолжала беспокоиться о Катѣ.

Мучила ли ее совѣсть за дурныя чувства, которыя она до этой ночи питала къ ней, или ей просто хотѣлось отвлечься отъ тяжелыхъ мыслей заботами о постороннемъ лицѣ, такъ или иначе, но она выказала большое участіе къ ея положенію и даже выразила желаніе ее навѣстить.

Но Леонтій Артемьевичъ энергично этому воспротивился.

— Если хочешь, я самъ ее увижу и приду тебѣ сказать, какъ я ее нашелъ. Николай Федоровичъ вѣчно преувеличиваетъ, ему вѣрить нельзя,—объявилъ онъ, выходя изъ комнаты.

Минуть черезъ десять онъ вернулся, чтобъ успокоить жену насчетъ положенія Кати.

— Просто нервничаетъ. Ну, испугалась, конечно, и огорчилась, оттого и обморокъ приключился, а теперь лихорадочное состояніе послѣ истерики. Впрочемъ, иначе и быть не могло, она, говорятъ, безъ перерыва цѣлыхъ два часа рыдала...

И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Я всегда тебѣ говорилъ, что она вовсе не такъ зла и безсердечна, какою всѣ ее считаютъ, но выдержки у нея совѣмъ нѣтъ, и владѣть собою она не умѣетъ... Скверное воспитаніе, ничего не подѣлаешь.—И, цѣлуя жену, онъ повторилъ ей свою просьбу ради него и дѣтей поберечь себя и постараться заснуть.

ХІІІ.

Ничто не помѣшало Леонтію Артемьевичу привести въ исполненіе его ловко задуманный планъ.

Машу похоронили въ фамильномъ Коржинскомъ склепѣ. «Невинную голубку рядошъ съ старымъ, грѣшнымъ коршуномъ», думали присутствующіе при печальной церемоніи обитатели барской усадьбы.

Послѣ похоронъ Леонтій Артемьевичъ увезъ свою супругу въ городъ, вмѣстѣ съ людьми, пріѣхавшими сюда съ нею, а Катя осталась въ родовомъ гнѣздѣ одна съ старыми отцовскими слугами и съ Демьяновной.

Но не надолго. Леонтій Артемьевичъ жить безъ нея не могъ. Это видно изъ писемъ, которыми они обмѣнивались каждую недѣлю. Въ письмахъ этихъ онъ сообщалъ ей, между прочимъ, о прїѣздѣ Ладогина за Марьей Алексѣвной. Соня, по случаю беременности, не могла сопровождать мужа и умоляла его не возвращаться домой безъ маменьки.

«Она у нихъ проживетъ до появленія на свѣтъ внука или внучки, что случится въ февралѣ, а тамъ я увезу ее въ Петербургъ, гдѣ поселю съ сыновьями. Какъ видишь, все складывается къ нашему благополучію»...

Затѣмъ идутъ подробности о его служебныхъ дѣлахъ, изъ которыхъ явствуетъ, какъ были близки тогда его отношенія къ Катѣ.

Онъ ничего отъ нея не скрываетъ и такъ увѣренъ въ ея сочувствіи, что безъ опасеній повѣряетъ ей не только всѣ свои поступки, но и самые дерзкіе планы и мысли. Не стѣсняясь рассказываетъ онъ ей, какимъ способомъ рассчитываетъ раздѣлаться съ врагами и недоброжелателями, пользуясь ихъ недалковидностью тѣмъ, что у нихъ нѣтъ такихъ связей и протекцій въ столицѣ, какъ у него, и что онъ всегда раньше всѣхъ знаетъ, что тамъ дѣлается, кому грозитъ опала, кого ждетъ повышение и т. д. Развязно пользуется онъ этими преимуществами, не останавливаясь ни передъ ложью, ни передъ клеветой, ни передъ инсинуаціями, и беззастѣнчиво хвастается способностью изъ всего извлекать для себя пользу, никого не щадя.

Его безграничное тщеславіе и чудовищный эгоизмъ развертываются тутъ такъ нагло, что надо только дивиться, какъ могла молодая и неопытная въ житейскихъ дѣлахъ дѣвушка читать эти изліянія, не содрогаясь отъ стыда, негодованія и страха.

Но Катя была воспитана въ тѣхъ же самыхъ правилахъ и чувствахъ, которыми руководствовался ея опекунъ, и отъ стараго коршуна отца она прямо перешла въ опытныхъ руки того изъ его сыновей, который всѣхъ ближе подходилъ къ нему умомъ и нравомъ. О различіи между зломъ и добромъ она никогда не задумывалась и, видя вокругъ себя съ дѣтства добродѣтель въ постоянномъ гоненіи, она смѣло отождествляла ее съ глупостью.

Голосъ проснувшейся въ ней на мгновеніе совѣсти, послѣ катастрофы съ Машей, Леонтій Артемьевичъ такъ быстро заглушилъ своими софизмами, что она больше не пробуждалась въ ней, и мы узнаемъ вліяніе стараго коршуна въ злой остротѣ, съ которою она вышучиваетъ своего злополучнаго поклонника, графа Ксавера, описывая своему опекуну его появленіе въ Коржинѣ и бесѣду съ Демьяновной.

Катя его не приняла, но Демьяновна обошлась съ нимъ вѣжливо. «Пожалуйте въ домъ, ваше сіятельство, лошадамъ вашимъ необходимо отдохнуть и вамъ самимъ подкрѣпитесь прежде, чѣмъ

пуститься въ обратный путь. Барышня Катерина Артемьевна во всемъ домѣ одиѣ, безъ компаньонки, и принять васъ не могутъ, но онѣ поручили мнѣ предложить вашему сіятельству отдохнуть у насъ въ нижнемъ кабинетѣ и покушать»...

Покушать! Онъ слушалъ ее съ такимъ лицомъ, точно слова ея отбивали у него аппетитъ на всю жизнь. Однако, онъ все-таки не вдругъ рѣшился повернуть оглобли и, чтобъ продлить время и подышать однимъ воздухомъ съ предметомъ своей страсти, сталъ разспрашивать про Машу, поглядывая при этомъ безпрестанно на окна, въ надеждѣ увидѣть въ нихъ свою Плѣниру.

Но Плѣнира къ окнамъ не подходила; онъ такъ и уѣхалъ, не ѣвши и на измученныхъ коняхъ.

«Кажется, лучшаго отвѣта на его претензіи нельзя было дать, и надо надѣяться, что мы никогда больше не увидимъ этого рыцаря печальнаго образа», прибавляла въ заключеніе Катя.

Впрочемъ, по вырывающимся уже въ этихъ письмахъ, какъ бы помимо воли, жалобамъ видно, что она не всегда смѣется, а гораздо больше тоскуетъ въ одиночествѣ, и что страсть ея къ опеуну доходитъ въ этотъ мѣсяць разлуки съ нимъ до апогея. Смерть Маши, какъ будто, еще неразрывнѣе скрѣпила соединяющія ихъ узы. Съ наивнымъ эгоизмомъ сознается она, что, кромѣ его да себя, она никого и ничего не признаетъ на свѣтѣ.

«Жизнь моя—это ты. Сама по себѣ я не существую, и ни до кого мнѣ дѣла нѣтъ. Что люди, что тѣни деревьевъ, колыхающіяся на землѣ отъ вѣтра, для меня все равно. Еслибъ мнѣ сказали: вымолви слово, и все вокругъ тебя умретъ, кромѣ его, одинъ только онъ останется съ тобой на всемъ земномъ шарѣ, я, не задумываясь, вымолвила бы это слово. И съ какою радостью! Ты тоже, не правда ли? Ни къ кому нѣтъ у меня жалости, только къ самой себѣ... Больше страдать, чѣмъ я въ разлукѣ съ тобой—невозможно. Но никто этого не понимаетъ, кромѣ тебя, а потому ты мое—все».

Въ другомъ письмѣ такія разсужденія: «Знаешь ли ты, что до тебя я никогда ни съ кѣмъ не говорила того, что думаю? И еслибъ я не нашла тебя, такъ бы и умерла, никому не открывши мою душу. И мужъ бы у меня былъ и дѣти, а все-таки никто бы меня не зналъ, какая я на самомъ дѣлѣ есть»...

Попадаются и попытки къ анализу: «Всегда, съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, чувствую я, что не похожа на другихъ людей. За это, я знаю, отецъ любилъ меня одну на свѣтѣ и хотѣлъ сдѣлать меня всѣхъ счастливѣе, а ты? За что ты меня любишь? За то только, что я понимаю тебя и похожа на тебя, или за то, что ты ни съ кѣмъ не можешь быть самимъ собой, кромѣ какъ со мной? О, скажи мнѣ это въ письмѣ, не отговаривайся тѣмъ, что мы скоро увидимся и наговоримся досыта, слушать—это одно наслажденіе, а читать и перечитывать твои письма, впиваться глазами въ каждую букву,

начертанную твоей рукой, пока онѣ не начнутъ оживать и въ каждой изъ нихъ не отразится твой образъ—это другое»...

Иногда она ревнуетъ: «Я чувствую, что въ послѣднемъ письмѣ ты мнѣ не весь отдаешься. Почему? Кто мѣшаетъ тебѣ думать обо мнѣ, обо мнѣ одной? Скажи лучше самъ, и скорѣе, а то я надѣлаю такихъ бѣдъ, что потомъ и не поправить. Вѣдь ты знаешь, что обмануть меня нельзя. Всякаго можешь провести, только не меня»...

Временами ее гнетутъ тяжелыя предчувствія, и какъ бы проблески, если не раскаянія, то сознанія безвыходности ея положенія, сверкаютъ то тутъ, то тамъ въ ея изліяніяхъ. «Напрасно совѣтуешь ты мнѣ мириться съ настоящимъ, не задаваясь мыслями о томъ, чего еще нѣтъ, и безъ твоихъ указаній не могу я не гнать отъ себя всѣми силами души призракъ будущаго. Онъ ужасенъ этотъ призракъ и всегда является мнѣ въ видѣ мрачной, бездонной пропасти, ужаснѣе того ада, что ждетъ грѣшниковъ послѣ смерти... Иногда мнѣ кажется, что я скоро умру, но это меня ни крошечки не пугаетъ, Бога я не такъ боюсь, какъ людей».

И еще попадаетъ такая фраза съ подчеркнутыми послѣдними словами, проливающая извѣстный свѣтъ на ея душевное смятеніе во время этой разлуки: «Пріѣзжай за мною скорѣе, не оставляй меня долго одну, опасно, я начинаю тебя бояться».

Въ отвѣтахъ своихъ на эти посланія онъ мягокъ и нѣженъ до чрезвычайности и убаюкиваетъ бушующія въ ней сомнѣнія ласковыми увѣщаніями. Онъ умоляетъ ее вѣрить, что все его счастье въ ней въ одной, и что всѣ его помыслы направлены исключительно къ тому, чтобъ устранить препятствія, мѣшающія имъ безмятежно наслаждаться любовью.

«Да, мы съ тобой въ исключительномъ положеніи,—сознается онъ,—въ этомъ наше горе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и счастье. Развѣ мы похожи на другихъ людей, и развѣ ихъ законы къ намъ примѣнимы? Скажи себѣ разъ навсегда, что нѣтъ, и всѣ твои сомнѣнія, недоумѣнія и страхи на счетъ будущаго исчезнутъ...». Есть и жалкія слова: «ты явилась, когда я утратилъ надежду когда нибудь понять смыслъ жизни, ничего мнѣ до этой минуты не давшей, кромѣ мукъ разочарованія, и ужъ за одно то, что ты заставила меня забыть всю горечь прошлаго, я ставлю тебя въ моемъ сердцѣ выше всего и всѣхъ. Ты высшее благо, посланное мнѣ судьбой, можетъ быть, за тайныя слезы, пролитыя мною въ одиночествѣ. Но передъ тобой жизнь только что раскрывается, а моя близится къ закату. Твоя любовь ко мнѣ—первая вспышка пробуждающейся къ чувствительности души, а моя къ тебѣ—догорающее пламя сердца, истлѣвшаго въ напрасныхъ порывахъ къ удовлетворенію духовныхъ потребностей»... И такъ далѣе, все въ томъ же возвышенномъ и платоническомъ духѣ, который такъ обаятельно дѣйствовалъ и дѣйствуетъ на женщинъ всѣхъ вѣковъ, когда имъ пользуются опытные соблазнительи.

Прежде чѣмъ пріѣхать за своей питомицей, Леонтіи Артемьевичъ, который во всемъ любилъ порядокъ и предусмотрительность, заѣхалъ въ имѣніе своего зятя и прожилъ тамъ цѣлую недѣлю.

Во время этого посѣщенія онъ завелъ рѣчь о томъ, гдѣ теперь жить Катѣ, и представилъ этотъ вопросъ на обсужденіе жены, дочери и зятя.

— Чтобъ прочно утвердиться въ министерствѣ, уплатить долги и поставить на твердую ногу наше состояніе, мнѣ необходимо еще года три оставаться здѣсь губернаторомъ,—началъ онъ тономъ дѣловитаго чиновника и семьянина.—Ты проведешь эти три года въ Петербургѣ,—обратился онъ къ женѣ,—на болѣе короткое время устроиваться тамъ домою не стоитъ. Но куда же намъ дѣтъ на это время Катю?—прибавилъ онъ, обводя вопрошающимъ взглядомъ присутствующихъ, и смолкъ въ ожиданіи отвѣта.

Но жена продолжала сидѣть потупившись и не проронила ни слова, а Соня съ такимъ испугомъ переглянулась съ мужемъ, что Леонтіи Артемьевичъ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Дѣлать нечего, придется, видно, мнѣ одному взвалить себѣ на плечи эту обузу. Предложу ей переѣхать ко мнѣ въ городъ. Тамъ увидимъ, если не уживемся, придумаемъ чтонибудь другое. Впрочемъ,—продолжалъ онъ, поднимаясь съ мѣста, если вы найдете какуюнибудь другую комбинацію, болѣе для всѣхъ насъ удобную и на которую она согласится, я буду очень радъ. Не забудьте только, что ей скоро минетъ двадцать лѣтъ, что она красива и богата, и что покойный отецъ завѣщалъ мнѣ заботу найти ей блестящую партію. Да и сама она себѣ слишкомъ хорошо знаетъ цѣну, чтобъ выйти за перваго встрѣчнаго и примириться съ второстепенною ролью въ обществѣ. Вывозить ее въ свѣтъ при такихъ условіяхъ крайне затруднительно, и надо, чтобы семья, которая согласилась бы изъ корысти ее пріютить, знала бы, чему она подвергается, точно такъ же, какъ и я знаю, чему я подвергаюсь, допуская чужихъ совать носъ въ дѣла, которыми я шестой годъ занимаюсь безконтрольно.

Проговоривъ послѣднія слова по адресу Марьи Алексѣевны, и ей одной вполне понятныя, онъ прошелся по комнатѣ, а затѣмъ остановился передъ зятемъ, который почтительно поднялся со своего мѣста, чтобъ его выслушать:—Никогда не совѣтую тебѣ, Александръ Михайловичъ, брать на себя опеку надъ богатой наслѣдницей, даже если эта наслѣдница оказалась бы тебѣ сестрой или племянницей. Дѣло это всегда опасное и лучше въ него не впутываться, если дорожишь своей репутаціей и не желаешь въ конецъ разориться.

Съ этими словами онъ вышелъ, оставивъ молодого человѣка въ большомъ недоумѣніи.

— Что это значитъ, маменька?—спросилъ онъ съ испугомъ у тещи.—Неужели папенька запутался въ дѣлахъ опеки?

— Надо, чтобъ все оставалось такъ, какъ было до сихъ поръ, и чтобъ Катя изъ нашей семьи, до своего совершеннолѣтїя, не уѣзжала никуда жить, вотъ какъ надо понимать папенькины слова,— съ живостью подхватила Соня. Замѣтивъ замѣшательство матери и краску стыда, выступившую на ея лицѣ, она желала спасти ее отъ унижительнаго признанїя.

— Я могу не ѣхать въ Петербургъ и жить съ ними въ Z.,—съ усиленїемъ вымолвила Марья Алексѣевна.

— Нѣтъ, нѣтъ, маменька, мы васъ отпустимъ отсюда только въ Петербургъ, къ братьямъ, никуда больше,—вскричала Соня.— Катѣ можно будетъ взять компаньонку... И наконецъ, что намъ до нея за дѣло, пусть сама о себѣ заботится, довольно мы отъ нея натерпѣлись... бѣдная Маша...

Ладогинъ поспѣшилъ поддержать жену.

— Она права, маменька, какое намъ до нихъ дѣло! пусть живутъ, какъ хотятъ, не намъ ихъ учить... Катерину Артемьевну никому не исправить, и чѣмъ дальше отъ нея, тѣмъ лучше... Помогъ бы намъ Господь васъ только успокоить, милая маменька, вотъ что главное,—произнесъ онъ съ чувствомъ, цѣлуя руку у тещи.

Тонъ для дальнѣйшихъ отношенїй къ Катѣ былъ такимъ образомъ данъ самыми близкими къ Леонтію Артемьевичу людьми, его женой, дочерью и зятемъ. Что же касается до остальныхъ членовъ Коржинской семьи, во всѣхъ почти письмахъ, полученныхъ Марьей Алексѣевной по случаю постигшаго ее несчастья, ее поздравляютъ, болѣе или менѣе горячо, съ рѣшенїемъ переѣхать на жительство въ Петербургъ, при чемъ нѣкоторые изъ родственниковъ ставятъ ей на видъ необходимость близкаго надзора за сыновьями, изъ которыхъ старшїй, Алексѣй, проявляетъ наклонности довольно опаснаго свойства: на дурномъ счету у начальства, завелъ опасныя знакомства, мотаетъ и тому подобное.

Есть письмо и отъ мужа княгини Марѣи Артемьевны. Сама она была такъ лѣнива, что давно разучилась грамотѣ и никогда не брала въ руки ни пера, ни книги, и поручила мужу отвѣчать на печальное извѣстїе, сообщенное имъ братомъ Леонтіемъ. Князь между прочимъ сообщаетъ, что сестрица Лизавета Артемьевна раздумала выходить замужъ и этимъ поставила и его, и его жену, въ крайне неловкое и непрїятное положенїе передъ столичнымъ обществомъ. Цѣлыхъ двѣ недѣли судачили про нихъ въ свѣтѣ. «Глазъ никуда нельзя было показать, всюду встрѣчали и провожали издѣвками, прямо для нашей чести обидными».

Къ этому онъ прибавляетъ, что «теперича сестрица Лизанька новый фокусъ выкидываетъ, новую загадку досужимъ сплетницамъ столичнымъ загинаетъ: надумала жить отъ насъ отдѣльно и

изъ сестринаго дома, гдѣ, кажется, не въ стѣсненіи жила, на вольную квартиру переѣзжать. Насколько такой пассажъ приличествуетъ дѣвкѣ изъ хорошей семьи, добрые люди только головами покачиваютъ да плечами пожимаютъ, а мы съ Марѳой кланяйся да утирайся. Представляетъ такую пустую причину, будто ей у насъ не покойно и будто въ домѣ нашемъ поманиваетъ къ соблазну. А я такъ полагаю: очутившись на волѣ послѣ смерти батюшки, дѣвка съ жиру сбѣсилась. Хочетъ обострожитья ближе къ церкви, а я говорю: шла бы ужь, матушка, точить пѣшки къ Невскому монастырю, тамъ тебя скорѣе монахи ублажатъ. А мнѣ, между прочимъ, къ вѣщему моему нестроенію, приходится съ господиномъ Урбановичемъ, котораго наша разборчивая невѣста изволила такъ несуразно отъ себя послѣ помолвки отсунуть, при дворѣ встрѣчаться и пріятности въ томъ, сами можете судить, для моей особы не много»...

Объ этомъ скандалѣ — расторженіи помолвки Лизаветы Артемьевны Коржиной съ камеръюнкеромъ Урбановичемъ, упоминается въ письмахъ и другихъ родственниковъ, но вскользь, какъ о событіи, о которомъ ужь достаточно было говорено въ свое время. Сама же Лизавета Артемьевна вовсе про это не упоминаетъ въ отвѣтахъ своихъ, какъ всегда, на французскомъ языкѣ и въ очень сдержанномъ, даже враждебномъ тонѣ, на печальное извѣстіе, сообщенное ей братомъ, изъ чего можно заключить, что о перемѣнѣ своего рѣшенія не выходитъ замужъ и о причинахъ этого рѣшенія она увѣдомила его раньше. Но письма съ этимъ увѣдомленіемъ въ документахъ, переданныхъ мнѣ Анной Никитишной, не находится. Нѣтъ также и отвѣта на него Леонтія Артемьевича, а потому о причинахъ охлажденія, возникшаго между Лизаветой Артемьевной и семьей брата въ такую тяжелую для нихъ минуту, можно только дѣлать предположенія болѣе или менѣе загадочнаго свойства.

Но вотъ страничка, оторванная отъ ея письма къ Катѣ и завернутая въ отдѣльную бумажку вмѣстѣ съ локономъ бѣлокурыхъ волосъ, перевязанныхъ ленточкой, нѣкогда розовой, и съ надписью рукою Кати: «Отъ сестрицы Лизаньки 10-го октября 1828 года», т. е. два мѣсяца послѣ катастрофы. Что локонъ этотъ срѣзанъ съ головки уже мертвой Маши, сомнѣваться трудно. Что побудило Катю его хранить, какъ святыню, вмѣстѣ со строками, начертанными Лизаветой Артемьевной, на вопросъ этотъ отвѣтить съ достовѣрностью трудно.

Чувства ея къ Машѣ хорошо извѣстны, и хранить на память объ ней локонъ кажется болѣе чѣмъ страннымъ, когда знаешь причины, побуждавшія ее избѣгать всякое напоминаніе о погибшей подругѣ.

Но чѣмъ больше углубляешься въ душу этой странной и во всѣхъ отношеніяхъ сильной духомъ личности, тѣмъ легче допускаешь въ ней всевозможныя крайности и противорѣчія. Ей все

возможно, отъ нея всего можно ждать, она это доказываетъ на каждомъ шагу.

Что же касается до отрывка изъ письма, завернутаго вмѣстѣ съ локономъ, отрывокъ этотъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на переворотъ, совершившійся въ мысляхъ и чувствахъ Лизаветы Артемьевны въ томъ роковомъ для нея, какъ и для Маши съ Катей, году. На этомъ пожелтѣвшемъ отъ времени клочкѣ бумаги, чернилами, до такой степени выцвѣтшими, что съ трудомъ можно разобрать буквы, она вспоминаетъ о послѣднихъ минутахъ покойнаго отца, выражаетъ желаніе приѣхать въ Коржино, чтобъ отслужить панихиду надъ плитой, покрывающей его гробъ, и намекаетъ на то, что она сознаетъ себя виноватою передъ нимъ.

Но для чего она пишетъ это именно Катѣ и почему эта послѣдняя находитъ нужнымъ хранить эти строки вмѣстѣ съ локономъ Маши, все-таки остается тайной.

Во всякомъ случаѣ нельзя сомнѣваться въ томъ, что нравственное вліяніе стараго коршуна надъ его близкими не прекращается съ его смертью.

Очень можетъ быть, что и самое рѣшеніе Лизаветы Артемьевны отказать жениху навѣяно этимъ вліяніемъ. Предположеніе это не разъ подтверждается послѣдующими событіями, а также убѣжденіемъ людей, близко знавшихъ обѣихъ сестеръ. Анна Никитишна слышала отъ самой Катерины Артемьевны, что передъ большимъ несчастьемъ ей всегда являлся во снѣ покойный отецъ.

Иногда случалось, что онъ ей являлся, когда несчастье еще только готовится въ будущемъ, и никакихъ другихъ признаковъ надвигавшейся на нее бури, кромѣ зловѣщаго сна, у нея не было, но по расчету времени, всегда выходило такъ, что предупрежденіе являлось именно въ тотъ день, а, можетъ быть, и въ ту минуту, когда въ окружающей ее атмосферѣ зарождалась причина бѣды.

По словамъ Анны Никитишны, она увѣряла, что отецъ не всегда являлся ей во снѣ, и что въ тотъ промежутокъ времени, когда удары судьбы стали сыпаться на нее съ особенною жестокостью, ей случалось и наяву ощущать его присутствіе.

XIV.

Всю зиму, послѣ смерти старшей дочери Марья Алексѣевна провела у Ладोगиныхъ въ деревнѣ, утѣшаясь счастьемъ молодыхъ супруговъ и помогая имъ нянчиться съ новорожденною дочерью.

Акуратно получала она письма отъ мужа, и ужъ одно сравненіе этихъ писемъ съ тѣми, которыя онъ писалъ въ тотъ же самый годъ Катѣ, служить доказательствомъ гибкости ума этого человѣка.

Въ сношеніяхъ съ женой и дѣтьми онъ является серіознымъ и работливымъ мужемъ и отцомъ, съ непоколебимыми убѣжденіями и достойнымъ похвалы уваженіемъ къ законамъ нравственности и свѣтскаго приличія. Какъ и Катѣ въ то время, когда она оставалась безъ него въ Коржинѣ, сообщаетъ онъ подробно женѣ о ходѣ своихъ служебныхъ и частныхъ дѣлъ, но какой контрастъ въ самыхъ фактахъ, въ ихъ оцѣнкѣ и освѣщеніи! Невозможно себѣ представить, не зная оборотную сторону медали, чтобъ это писалъ про себя тотъ же самый человѣкъ. Катѣ онъ постоянно жалуется на неудачи, обманы, предательства, а женѣ доказываетъ, что все идетъ какъ нельзя лучше, долги понемногу уплачиваются, предпріятія, затѣянные имъ, процвѣтаютъ, начальство все больше и больше ему довѣряетъ, враговъ и недоброжелателей у него нѣтъ, всѣ познали, наконецъ, что, кромѣ добра, онъ никому ничего не желаетъ и, оцѣнивъ его труды по достоинству, воздаютъ ему должное уваженіе и признательность.

Про Катю въ этихъ письмахъ упоминается вскользь: здорова, каждый день гуляетъ за городомъ пѣшкомъ или катается. Подъ предлогомъ траура по Машѣ, продолжаетъ отказываться отъ пріемовъ и выѣздовъ, предпочитая заниматься одна чтеніемъ и музыкой. «Всѣ книги она у меня перечитала и всѣ упи мнѣ прожужжала своими гаммами да вокализами», прибавляетъ онъ шутливо.

Впрочемъ, домосѣдство Кати ему на руку: «задавать пиры, чтобъ ее веселить, въ отсутствіи настоящей хозяйки дома, было бы крайне для меня стѣснительно, хлопотъ у меня и безъ этого достаточно много».

Возвращается онъ также довольно часто, хотя и мимоходомъ, къ ея нежеланію сближаться съ обществомъ. «Все гордость, мнить себя всѣхъ умнѣе и лучше. Да, характеръ у нея претяжелый и натура въ конецъ испорченная», сознается онъ какъ бы поневолѣ то въ одномъ письмѣ, то въ другомъ. И этимъ, конечно, доставляетъ большое удовольствіе женѣ и дочери.

— Наконецъ-то понялъ онъ, какъ много я отъ нея выстрадала!— говорила со вздохомъ Марья Алексѣевна, перечитывая эти письма.

— Надо надѣяться, что, когда она сдѣлается совершеннолѣтней, папенька сумѣетъ куда нибудь подальше ее пристроить, чтобъ она намъ больше не отравляла жизнь,—говорила Соня мужу, оставаясь съ нимъ наединѣ.

— Дай Богъ! И раньше по однимъ твоимъ рассказамъ терпѣть ее не могъ, а теперь, съ тѣхъ поръ, какъ случился этотъ ужасъ съ Машей, вспомнить не могу равнодушно про это чудовище,—спѣшилъ согласиться Ладогинъ.

— А я-то? Хорошо, что она тогда не попала мнѣ на глаза! Кажется, не вытерпѣла бы и все бы ей высказала...

— И какъ бы ты этимъ разгнѣвала папеньку!

— Да, онъ постоянно за нее заступался и сердился на насъ за то, что мы съ нею не умѣли ладить, но теперь, какъ видно, ужъ и самъ начинаетъ понимать, что это за сокровище.

— Правда, если судить по его письмамъ...

— Да и люди говорятъ. Она все одна, и гуляетъ, и катается, все одна. А онъ службой занятъ, безпрестанно въ развѣздахъ и, какъ всегда, за каждой хорошенькой волочится... Теперь, говорятъ, для жены стряпчего домикъ у рѣки выстроилъ и каждую ночь туда ѣздитъ... Это на него похоже. О, я папеньку хорошо знаю!—наивно увѣряла Соня,—съ Куклой его дружба долго не могла продолжаться, дерзкая, непривѣтливая, злая, съ претензіями, только о себѣ думаетъ... Они, навѣрное, какъ сойдутся, такъ ссорятся.

Ненавидстную всѣмъ Катю опять начинаютъ звать давно забытымъ прозвищемъ—Куклой. Въ письмѣ къ теткѣ Лизаветѣ Артемьевнѣ Соня пишетъ: «Не спрашивайте насъ, любезная тетенька, про Куклу, мы ничего про нее не хотимъ знать. Это, можетъ быть, грѣхъ, но Господь, читающій въ сердцахъ, намъ его простить. Онъ знаетъ, какъ много это чудовище надѣлало намъ зла. Дня не проходитъ, чтобъ наша дорогая маменька не плакала о бѣдной Машѣ»...

Такой отвѣтъ не могъ удовлетворить Лизавету Артемьевну, которая съ того дня, какъ узнала про смерть Маши, начинаетъ настойчиво интересоваться судьбой Кати и пытается принимать дѣятельное участіе въ этой судьбѣ; она обращается съ разспросами о меньшей сестрѣ къ Леонтію Артемьевичу, и мы находимъ его отвѣтъ, въ которомъ онъ ей говоритъ то же, что и женѣ.

И наконецъ, у меня передъ глазами еще два письма изъ того времени, когда Катя прожила съ своимъ опекуномъ всю зиму вдвоемъ въ его городскомъ домѣ. Въ первомъ, жалуясь, по обыкновенію, на нестерпимый нравъ Куклы, онъ намекаетъ на ея порочныя наклонности, а во второмъ прямо заявляетъ, что предположенія его оправдались самымъ ужаснымъ образомъ, и несчастная Кукла такъ себя оповорила, что остается только скорѣе скрыть ее отъ всѣхъ глазъ.

«Найду предлогъ, чтобъ отвезти ее въ Москву или въ Одессу. Чѣмъ больше городъ, тѣмъ легче сохранить тайну»...

Дальше онъ оправдывается въ томъ, что не сумѣлъ оградить свою питомицу отъ паденія, выставляя на видъ невозможность себѣ представить такую испорченность и отсутствіе всякихъ нравственныхъ правилъ, всякаго стыда и женственности въ дѣвушкѣ девятнадцати лѣтъ, да еще барышни стараго дворянскаго рода. Письмо это дышитъ такимъ благороднымъ негодованіемъ и печалью, что не могло не произвести желаемого дѣйствія на чистую, наивную душу Марьи Алексѣевны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могло не подѣйствовать на нее отрадно, если взять въ соображеніе, что обожаемый супругъ пересыпаетъ свои изліянія такого рода фразами: «прожить двадцать лѣтъ съ тобой, лучшей изъ супруговъ и матерей, и не позаимство-

ваться твоими взглядами на жизнь и людей—невозможно... повторяю тебѣ, я старался въ ней видѣть тебя, Соню, нашего отлетѣвшаго ангела Машу, и мнѣ порой казалось, что со временемъ она будетъ на васъ похожа, но, увы, хитрости и притворства въ ней столько же, сколько безсердечія и разврата; она нагло обманула всѣ мои ожиданія, и я жду—не дождусь той минуты, когда мнѣ можно будетъ прекратить съ нею всякія сношенія. Везу ее въ Москву съ одной Демьяновной. Ты понимаешь, что чѣмъ меньше людей будетъ посвящено въ эту гнусную тайну, тѣмъ лучше будетъ, какъ для нея, такъ и для меня, и для всѣхъ насъ. До настоящей минуты, кромѣ меня съ тобой, да преданной ей, какъ собака, старой няньки, никто ничего не подозрѣваетъ. Про того я не говорю, онъ изъ такого низкаго сословія и самъ поставленъ этой авантюрой въ такое опасное положеніе, что будетъ молчать. Да никто ему и не повѣрять, еслибъ онъ заговорилъ»...

Быль ли Леонтіи Артемьевикъ менѣе остороженъ съ женой, разговаривая съ нею, при личномъ свиданіи, про то, что онъ называлъ «авантюрой Куклы», или она узнала это изъ другихъ источниковъ, такъ или иначе, но онъ сумѣлъ такъ искусно усыпить всѣ ея подозрѣнія, что до конца своей жизни Марья Алексѣевна оставалась въ убѣжденіи, что Катя потеряла себя съ однимъ изъ монаховъ того монастыря, въ который она ѣздила говѣть въ тотъ злополучный годъ.

А въ то время, какъ онъ писалъ эти письма женѣ, вотъ что происходило у него съ Катей.

Въ самый разгаръ ея счастья, когда, окружая ее ласками и заботливостью, Леонтіи Артемьевичъ не давалъ ей ни на мгновеніе усомниться въ томъ, что онъ принадлежитъ ей вполне и безраздѣльно, когда, ослѣпленная страстью, не сознавая ужаса своего положенія и забывая весь окружающій міръ, съ его злобой, правилами и законами, она, очертя голову, съ отчаяннымъ упоеніемъ предавалась своему преступному счастью любить и быть любимой, блаженству чувствовать себя въ зависимости отъ любимаго чело-вѣка, потребности на каждомъ шагѣ, каждую минуту доказывать ему, что онъ одинъ только и существуетъ для нея на свѣтѣ, когда она съ восхищеніемъ повторяла себѣ, что у нея подъ сердцемъ его ребенокъ, который связываетъ ихъ неразрывными узами, однимъ словомъ въ самый разгаръ любовнаго чада, когда она въ первый разъ въ жизни (и, увы, въ послѣдній) была женщиной въ полномъ смыслѣ этого слова, со всѣми женскими слабостями и влеченіемъ къ восторженному самопожертвованію, она вдругъ узнала, что ему, ея возлюбленному, грозитъ страшная опасность.

Про этотъ эпизодъ она такъ часто рассказывала передъ смертью Аннѣ Никитишнѣ, что эта послѣдняя передала мнѣ его слово въ слово.

Дѣло было такъ: еще наканунѣ они провели чудный вечеръ. Ей нездоровилось, и онъ настоялъ на томъ, чтобъ она не сходила внизъ изъ своихъ комнатъ. Со службы онъ тотчасъ прибѣжалъ къ ней; они обѣдали вдвоемъ въ ея маленькой, уютной гостиной и провели весь остальной день вмѣстѣ. Чтобъ не разставаться съ нею, какъ можно дольше, онъ самъ раздѣлъ ее, разулъ, уложилъ въ постель, какъ маленькаго ребенка, рассказывалъ ей интересныя исторіи, смѣшивалъ забавными анекдотами и ушелъ тогда только, когда ея маленькая, нѣжная ручка, которую онъ держалъ въ своей рукѣ, перестала отвѣчать на его пожатіе, и она заснула крѣпкимъ, безмятежнымъ сномъ.

Проснувшись на другой день позже обыкновеннаго, послѣ ночи, проведенной въ чудныхъ любовныхъ грезахъ, она была въ самомъ свѣтломъ и радостномъ настроеніи, и ей такъ захотѣлось скорѣе его видѣть, хотя бы на минуту, что первый ея вопросъ вошедшей на ея звонокъ горничной былъ о немъ.

— Дома баринъ? Не уѣхалъ еще?

Онъ наканунѣ сказалъ ей, что ему нужно сдѣлать нѣсколько визитовъ.

— Они дома-съ.

Странное дѣло, произнося эти слова, дѣвушка стояла съ опущенными глазами, и лицо ея, кромѣ обычной почтительной сдержанности, ничего не выражало, да и голосъ звучалъ, какъ всегда, а, между тѣмъ, Катя уловила въ ея отвѣтѣ что-то такое, отъ чего сердце ея забилось безотчетной тревогой.

— У него никого нѣтъ?

— Не могу знать-съ, кажется, теперь никого-съ.

— А раньше кто былъ?—продолжала свой допросъ барышня, привычнымъ движеніемъ протягивая для обуванія ноги. Но вдругъ она раздумала и, не дождавшись отвѣта на свой вопросъ, спрятала ножку подъ одѣяло и приказала позвать Демьяновну.

— Ступай внизъ, узнай, что тамъ дѣлается, и пусть скажутъ барину, что я прошу его не уѣзжать изъ дому, не повидавшись со мной,—приказала она прибѣжавшей старухѣ.

Въ ожиданіи ея возвращенія, Катя, отъ усиливающагося съ минуты на минуту волненія, съ трудомъ удерживалась отъ слезъ. Наконецъ, Демьяновна вернулась.

— Ну, что?

— Да ничего. Почту принесли. Сидятъ у себя въ кабинетѣ, никого не приказали принимать.

Барышня нахмурилась.

— Такъ ты ему не сказала, чтобъ онъ зашелъ ко мнѣ?—гнѣвно вскричала она.

— Да говорятъ же тебѣ, что никого не велѣлъ къ себѣ пускать, какъ же бы я къ нему попала...

Ей не дали договорить: пущенный въ нее изо всѣхъ силъ стаканъ съ ночного столика, пролетѣвъ на четверть вершка отъ ея лица, ударился о комодикъ изъ розоваго дерева съ живописью и разбился вдребезги.

— Ахъ, ты, грѣховодница! Чуть было не убила старую няньку, крошечку въ високъ не попала,—проворчала Демьяновна, нагибаясь къ коври.

— Вставать!—приказала барышня.

— Дай черепки-то подобрать, долго ли наколоться...

— Обуй меня, послѣ все тутъ приберете...

— Да куда тебѣ торопиться-то? Еще и лошадей не приказали запрягать. Писемъ съ почты въ какую кучу принесли, до обѣда ихъ не перечитать,—возразила Демьяновна.

Однако послушаться барышни она не осмѣлилась и, послѣшно отодвинувъ ногой осколки стекла въ сторону, принялась надѣвать шелковые ажурные чулочки и открытыя свѣтлыя атласныя туфельки на ея стройныя ножки.

Послѣшно накинувъ на себя пудермантель, съ распущенными волосами, спустилась барышня съ витой лѣстницы, что вела изъ нижняго этажа на ея половину, перебѣжала коридоръ и схватилась за ручку маленькой двери, выходящей сюда изъ кабинета Леонтія Артемьевича.

Но дверь была заперта. Сначала тихо, а потомъ, забывая въ волненіи своемъ всякую предосторожность, все сильнѣе и сильнѣе заколотила она въ нее кулаками, повторяя все громче и громче:

— Отвори, это я!

Дверь отворилась, и при видѣ его блѣднаго, взволнованнаго лица, у нея отъ испуга на мгновеніе помутилось въ глазахъ.

— Что случилось?—съ удивленіемъ проговорила она, не спуская съ него пытливаго взгляда.

— Какъ ты узнала?—вырвался у него, помимо воли, вопросъ.

Слова эти, точно каленымъ желѣзомъ, обожгли ей сердце.

— Что узнала? Такъ значить и вправду что нибудь случилось? Предчувствіе не обмануло меня? Что, что такое? говори скорѣе!

Она вся дрожала отъ нетерпѣнія и страха.

— Успокойся, сейчасъ все узнаешь... Кто тебѣ могъ сказать? Кто? Садись, успокойся... я тебѣ все скажу... Но откуда ты могла узнать?..—повторялъ онъ тономъ человѣка, растерявшагося отъ обрушившейся на него, неожиданно-негаданно, напасти.—Я только сейчасъ получилъ эти письма, и никто ко мнѣ не входилъ, пока я ихъ читалъ,—прибавилъ онъ, кидая тревожный взглядъ на письменный столъ, съ возвышающейся на немъ грудой письменныхъ пакетовъ съ казенными и частными печатями.

— Откуда это извѣстіе? Изъ Петербурга или отъ твоихъ?..

— Нѣтъ, тамъ еще все благополучно, слава Богу, и никто ни-

чего не знаетъ. Я хотѣлъ это и отъ тебя скрыть, моя радость, но ты такъ настойчиво стучала, — продолжалъ онъ, усиливаясь овладѣть собой и оправиться отъ замѣшательства.

— Что случилось?—повторила она.

— Лучше бы тебѣ этого не знать... Ну, хорошо, хорошо, не волнуйся, сейчасъ все узнаешь, — торопливо прибавилъ онъ, испугавшись ужаса, выражавшагося въ ея глазахъ.

— Мы должны разстаться? — вымолвила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Да... то-есть... Нѣтъ, нѣтъ! Что ты! Развѣ я могу безъ тебя жить! Развѣ я могу!... Лучше умереть...

Въ голосѣ его звучало такое отчаяніе, что роли перемѣнились, и она принялась его успокоивать и утѣшать. Кто же можетъ ихъ разлучить теперь, когда у нихъ будетъ ребенокъ? Развѣ это мыслимо? У нея никого, ровно никого нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ его, и любятъ они другъ друга безмѣрно... Раньше, когда всѣ тутъ были, и тогда никто не могъ мѣшать ихъ любви, а ужъ теперь и недавно, кто же на это рѣшится? И наконецъ никто этого не знаетъ...

— Узнали... чуть слышно и съ усиліемъ вымолвилъ онъ.

— Кто?

— Пишутъ изъ Петербурга... Старый товарищъ, человѣкъ преданный... предупреждаетъ... на меня доносъ...

И вдругъ, мѣняя тонъ, точно подъ напоромъ прорваваго всѣхъ плотинъ отчаянья, онъ вскричалъ, хватая себя за голову:

— Точно я и самъ не знаю, что пропалъ съ той минуты, какъ все узнается! Что мнѣ грозитъ позорный судъ, Сибирь, каторга...

— За что же? За что?

— За тебя? Я твой братъ и опекунъ, и ты отъ меня беременна... Это уголовное преступленіе...

Голосъ его дрогнулъ и оборвался.

Наступило молчаніе. Онъ стоялъ, отъ нея отвернувшись, опершись на каминъ и закрывая лицо руками, но она видѣла, какъ вздрагивали его плечи отъ сдержанныхъ рыданій, и мысли, одна другой мучительнѣе, мелькали въ ея головѣ съ такою умопомрачительною быстротой, что ни на одной изъ нихъ не могла она остановиться даже на мгновеніе, чтобъ обсудить положеніе.

А онъ, между тѣмъ, сдавливая усиліемъ воли волненіе, прошелся по комнатѣ большими шагами и понуривъ голову, а затѣмъ подошелъ къ бюро, взялъ раскрытое письмо, лежавшее на немъ, и сталъ его перечитывать.

Она не спускала съ него полныхъ тоскливаго ужаса глазъ. Никогда не видѣла она его такимъ жалкимъ, измученнымъ, растеряннымъ. О, какъ онъ долженъ страдать! И какъ она его любила! О себѣ ей ни разу даже и въ голову не пришло вспомнить. Съ капкомъ восторгомъ отдала бы она жизнь, чтобъ его спасти...

Оставаться дальше въ неизвѣстности ей стало наконецъ нестерпимо; она сорвалась съ мѣста, кинулась къ нему и вырвала листокъ почтовой бумаги изъ его дрожащихъ и похолодѣвшихъ пальцевъ.

— Дай... я хочу сама прочесть...

И какъ ни умолялъ онъ ее отказаться отъ этого намѣренія, какъ ни представлялъ ей, что, кромѣ излишней муки, чтеніе это никакой пользы ихъ дѣлу не принесетъ, она осталась непоколебима въ своемъ рѣшеніи все знать.

— Да ты и не поймешь.

Онъ ошибался, она все поняла, какъ нельзя лучше и, дочитавъ внимательно письмо до конца, успокоилась.

— Ничего еще нѣтъ, а противъ того, что можетъ быть, надо принять мѣры,—объявила она рѣшительнымъ тономъ.

И, сложивъ письмо, положила его въ карманъ своего пудермантля.

— Какія же мѣры? Дознаться, кто донесъ? Но къ чему же это поведетъ? Къ еще большей огласкѣ... А если доносъ написанъ не однимъ мерзавцемъ, а нѣсколькими? Враговъ у меня много, всѣхъ не переловишь, чтобъ заставить отречься...

— Заставить отречься, — повторила она раздумчиво.

И вдругъ глаза ея сверкнули отъ новой мысли, внезапно озарившей ее, а на блѣдныхъ щекахъ вспыхнулъ румянецъ.

— Постой!—вскричала она, одной рукой дѣлая ему знакъ, чтобъ онъ не мѣшалъ ей думать, а другой сдавливая себѣ лобъ, какъ бы для того, чтобъ выдавить изъ мозга блеснувшую въ немъ мысль.

Онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на нее, ожидая, что она скажетъ, и по мѣрѣ того, какъ лицо ея прояснилось, онъ и самъ невольно успокоивался. Она его такъ любила, что, можетъ быть, и дѣйствительно, придумаетъ что нибудь такое, чего ему самому, не смотря на всю его опытность и неразборчивость въ средствахъ къ достиженію цѣли, не могло прійти въ голову.

Въ дверь постучали.

— Черти! Даже на минуту не могутъ оставить въ покоѣ!—выругался онъ, не трогаясь съ мѣста.

— Ихъ превосходительство князь Андрей Николаевичъ изволили пожаловать,—раздался голосъ камердинера за дверью.

— Принять!—закричала ему Катя. И обращаясь къ своему другу:— А я побѣгу къ себѣ, и до обѣда мы не увидимся... но за то, когда ты вернешься... найдешь сюрпризъ и останешься доволенъ,—прибавила она скороговоркой и такъ весело, съ такой радостной улыбкой, что у него совершенно отлегло отъ сердца.

«Что такое она придумала?» — продолжалъ онъ себя спрашивать, выходя въ залу на встрѣчу къ предводителю дворянства, выслушавъ его сообщеніе о новомъ предписаніи министра и разсуждая съ нимъ о томъ, какъ привести это предписаніе въ исполненіе. Но, какъ ни ломалъ онъ себѣ голову надъ загадкой, брошенной

ему Катей передъ ся уходомъ, разгадки на нее не находилось, такъ что сюрпризъ, придуманный для него, удался, какъ нельзя лучше. Какъ ни былъ онъ убѣжденъ въ могущество въ своего обаянія надъ женщинами вообще и надъ Катей въ особенности, и какъ ни вѣрилъ въ искренность и въ силу ея страсти къ нему, но о томъ, что она рѣшилась для него сдѣлать, онъ не смѣлъ и мечтать.

А сдѣлала она вотъ что: сочинила письмо, хранящееся до сихъ поръ въ архивахъ тайной полиціи при дѣлѣ «бывшаго губернатора, тайнаго совѣтника Леонтія Артемьевича Коржина». Вотъ копія съ этого письма, написаннаго пофранцузски твердымъ, красивымъ почеркомъ, напоминающимъ почеркъ стараго коршуна, ея отца.

«Дражайшій братецъ, единственный другъ и уважаемый опекунъ.

«Ужасное и постыдное положеніе, въ которомъ я нахожусь, благодаря преступному моему поведенію, заставляетъ меня прибѣгать къ вашему милосердію, ибо только вы можете спасти меня отъ стыда и позора, угрожающихъ мнѣ, когда невозможно будетъ скрыть послѣдствія моей вины. И это будетъ скоро, братецъ мой и единственный покровитель, судите же о моихъ тревогахъ и сжальтесь надъ моимъ бѣдственнымъ положеніемъ. Не пытайте меня насчетъ моего недостойнаго сообщника, пусть гнусное его имя остается на вѣки погребено въ забвеніи. Низость его происхожденія и положенія, въ совокупности со множествомъ другихъ причинъ, еще поддѣе этихъ, дѣлаютъ невозможнымъ мой бракъ съ нимъ даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ мое отвращеніе къ нему не существовало. Злополучная судьба внушила мнѣ несчастную мысль поѣздки на богомолье въ Кіевъ, вопреки вашихъ усилій отвратить меня отъ столь пагубнаго намѣренія. Презирая ваши увѣщанія, я шла къ гибели. Будьте великодушны, братецъ и единственный покровитель, не покидайте меня. Во всемъ на васъ полагаюсь, дѣлайте со мной все, что хотите, безропотно покорюсь вашему рѣшенію, въ полной увѣренности, что, кромѣ блага, вы мнѣ ничего не пожелаете. Упованіе мое въ вашу мудрость и великодушіе безгранично. Ради самого Создателя не покидайте меня, умоляю васъ объ этомъ на колѣняхъ».

Слѣдуетъ подпись: «Ваша убитая стыдомъ, горемъ и раскаяніемъ сестра и питомица Катерина Коржина».

Много часовъ сочиняла она этотъ ложный на себя доносъ, много перепортила бумаги на черновыя, пока наконецъ не вылился изъ-подъ ея пера этотъ chef d'oeuvre правдоподобно и искусно подобранныхъ фактовъ и выраженій, совокупность которыхъ должна была вполне облить Леонтія Артемьевича въ глазахъ самаго предубѣжденнаго противъ него судьи и выставить его участіе въ постыдной и печальной исторіи, случившейся съ его питомицей, въ самомъ выгодномъ для него свѣтѣ.

XV.

Къ тому же 1829-му году относится и отъѣздъ Катерины Артемьевны въ Москву съ Демьяновной, съ горничной, прачкой, лакеемъ, кучеромъ, поваромъ, дѣвченками и казачками для мелкихъ услугъ.

Штатъ этотъ Демьяновна выбрала для своей госпожи изъ многочисленной Коржинской дворни. Изъ прислуги, наполнявшей губернаторскій домъ и состоявшей частью изъ людей, взятыхъ Катей изъ деревни при переселеніи въ городъ, старуха не остановилась ни на одномъ. У нея были на то свои причины. Благодаря этой предусмотрительности, о послѣдующей судьбѣ Кати никто въ той губерніи, изъ которой она выѣхала, до сихъ поръ ничего не знаетъ, хотя тамъ есть еще старожилы, помнящіе ее какъ нельзя лучше. Одинъ старикъ помѣщикъ, въ то время мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, рассказывалъ мнѣ, что братъ его, блестящій гвардейскій офицеръ, пріѣхавъ на побывку къ родителямъ, безъ ума влюбился въ сестру губернатора Коржина и посылалъ свою мать просить ея руки у ея брата и опекуна. На предложеніе отвѣтили категорическимъ отказомъ, при чемъ намекнули на то, что Катерина Артемьевна уже помолвлена. За кого? Тайну эту объясняли всячески. Однимъ вспоминалась смутная исторія съ польскимъ графомъ, дошедшая сюда и, безъ сомнѣнія, въ искаженномъ видѣ, чрезъ людей, привезенныхъ изъ Коржина; другіе были такого мнѣнія, что губернатору неудобно было выдавать свою сестру до ея совершеннолѣтія, пришлось бы сдавать отчетъ по опекѣ ея мужу, а это не то, что имѣть дѣло съ опекунами, которые, чтобы не ссориться съ такимъ вліятельнымъ лицомъ, какъ г. Коржинъ, подпишутъ все что угодно.

Слушая эти рассказы, я ждалъ, что дѣло дойдетъ и до болѣе интимныхъ отношеній г. Коржина къ его питомицѣ, но про сплетню эту, ходившую одно время очень упорно въ губерніи, теперь со всѣмъ забыли, и на всѣ мои разспросы отвѣчали рассказами о скабрезныхъ похожденіяхъ губернатора съ здѣшними хорошенькими мѣщаночками и чиновницами, на которыхъ онъ просаживалъ такую прорву денегъ, что всѣмъ это кидалось въ глаза. Впрочемъ, къ этому слѣшили прибавить, что любовныя интрижки не мѣшали ему всю свою жизнь оставаться примѣрнымъ отцомъ и нѣжнымъ супругомъ, окружая свою семью заботами и любовью.

Онъ оставилъ своимъ дѣтямъ прекрасное состояніе.

Изъ города, гдѣ около семидесяти лѣтъ тому назадъ губернаторствовалъ молодой коршунъ, я поѣхалъ въ Коржино. Имѣніе это, съ прекрасной суконной фабрикой и большимъ винокуреннымъ заводомъ, принадлежитъ теперь дѣтямъ старшаго сына Леонтія Артемьевича, никогда сюда не наѣзжающимъ, и сдано имѣніе въ долгосрочную аренду жидамъ.

Весьма интересна здѣсь барская усадьба, состоящая изъ строеній, воздвигнутыхъ въ концѣ прошлаго столѣтія старымъ коршунномъ такъ прочно, что они пережили все новое, что строилось тутъ съ тѣхъ поръ, какъ его не стало.

Я бродилъ по опустѣвшимъ комнатамъ съ прогнившими полами и рамами безъ стеколъ, и съ разваливающимися каминами изъ разноцвѣтнаго мрамора, вывезеннаго изъ Италиі, въ которыхъ жила та, которая до конца своей короткой и таинственной жизни носила кличку Куклы и чудовища; я осматривалъ одичавшій садъ, окружавшій принадлежавшіе ей барскіе хоромы, продрался даже, не безъ труда, сквозь колючій кустарникъ къ дубу у пруда, теперь уже высохшаго и заросшаго травой, въ которомъ погибла Маша; я слушалъ изъ устъ внуковъ очевидцевъ повѣствованіе о катастрофѣ, извѣстной уже мнѣ отъ Анны Никитишны.

Здѣсь помнили и Демьяновну и рассказывали мнѣ про ея пріѣздъ сюда ранней весной 1829 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до польскаго бунта. Она пріѣзжала въ Коржино только на недѣлку, но успѣла много дѣлать передѣлать: выбрала тѣхъ людей, которые должны были жить при барышнѣ въ Москвѣ, снарядила ихъ въ путь, уложила нѣсколько сундуковъ съ посудой, серебромъ, коврами, бѣльемъ и тому подобными домашними принадлежностями и, заперевъ все кладовыя и подвалы, все шкапы и комоды съ оставшимся добромъ, уѣхала въ той самой дорожной каретѣ, въ которой покойный старый баринъ вернулся изъ своего послѣдняго путешествія за границу, лѣтъ за десять до смерти. За нею слѣдовали двѣ крытыя повозки съ поклажей и wybranными ею людьми.

Въ Москвѣ барышня Коржина пріѣхала прямо въ свой домъ, тотъ самый, который былъ завѣщанъ въ пожизненное владѣніе несчастной Машѣ. Домъ этотъ и до сихъ поръ существуетъ въ одномъ изъ переулковъ близъ Поварской, въ углубленіи обширнаго мѣста, теперь тѣсно застроеннаго большими и малыми флигелями, съ каменнымъ, четырехъ-этажнымъ домомъ на улицу. Но тогда, около семидесяти лѣтъ тому назадъ, ни дома этого, ни флигелей не было, все мѣсто было занято садомъ съ тѣнистыми аллеями, клумбами цвѣтовъ и довольно большимъ прудомъ. На этотъ садъ выходила крытая терраса деревяннаго дома съ мезониномъ, съ глубокими, обширными покоями, наполненными картинами, изящными штучками изъ бронзы и фарфора, и прелестною мебелью, сдѣланной крѣпостными столярами по моделямъ, вывезеннымъ старымъ коршунномъ изъ за-границы, а частью скупленной по случаю изъ богатыхъ домовъ, вслѣдствіе смерти или разоренія ихъ владѣльцевъ. Ловкость, съ которою Леонтіи Артемьевичъ умѣлъ пользоваться чужими бѣдами, у многихъ москвичей до сихъ поръ на памяти.

Тутъ Катя, какъ того требовало ея положеніе, зажила такъ скромно, что даже родственники, которыхъ у нея было въ Москвѣ не мало, не подозрѣвали о ея переселеніи въ этотъ городъ.

Здѣсь она родила сына, котораго назвала Святославомъ, и съ появленіемъ на свѣтъ этого ребенка въ ней произошелъ такой нравственный переворотъ, что ее невозможно было узнать.

Этотъ годъ Леонтій Артемьевичъ навѣщалъ ее часто. Онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ, урвавшись отъ службы и отъ многочисленныхъ своихъ дѣлъ, пріѣхать въ Москву и прожить съ нею нѣсколько дней. Но она относилась къ этимъ посѣщеніямъ равнодушно, и ни о чемъ другомъ съ нею нельзя было говорить, какъ только объ ея сынѣ.

Весь пылъ своей страстной природы обратила она теперь исключительно на ребенка и въ полномъ смыслѣ этого слова жила исключительно только имъ. Ни на минуту не разставалась она съ нимъ, ко всѣмъ его ревновала, допускала кормилицу въ дѣтскую только въ тѣ минуты, когда она нужна была для кормленія, и такъ ревниво слѣдила за тѣмъ, чтобъ малютка никого не зналъ и не любилъ, кромѣ матери, что достигла цѣли,—онъ всѣхъ чуждался, засыпалъ только на ея рукахъ и льнулъ только къ ней да къ Демьяновнѣ.

Къ старой нянѣкѣ отношенія ея тоже значительно измѣнились за этотъ годъ.

Въ самое тяжелое время, когда позоръ барышни надо было скрывать отъ всѣхъ глазъ, и когда не было на свѣтѣ маленькаго существа, которое, наполняя жизнь Кати то радостью, то тревогой, заставляло ее забывать весь міръ, въ это тяжелое время Демьяновна окружала свою госпожу такою заботливостью, что только въ ней эта послѣдняя и находила себѣ поддержку и утѣшеніе.

Но для старухи этого было мало; ее мучила мысль, что барышня ея страдаетъ отъ стыда даже передъ нею, и въ одинъ прекрасный день она ей открыла свою тайну.

Катя узнала, что и нянька ея, строгая, непорочная, всѣми уважаемая Демьяновна, пользовавшаяся безграничнымъ довѣріемъ стараго барина, тоже согрѣшила въ молодости, любила и отдалась любимому человѣку.

Внѣ себя отъ изумленія и любопытства, барышня закидала ее вопросами:

— Кто онъ былъ? Гдѣ теперь?

— Давно ужъ было, барышня. Не то, что твоей милости, а и маменьки-то твоей на свѣтѣ еще не было.

— Ну, и какъ же ты? Удалось скрыть? Никто ничего не узналъ?

Катя теперь понимала, какъ это было бы ужасно для несчастной, безпомощной дворовой дѣвушки, если бы господа, у которыхъ она

находилась въ крѣпостной зависимости, прознали про случившуюся съ нею бѣду, и ей, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни стало жутко за ближняго.

Но старуха поспѣшила ее успокоить.

— И до сихъ поръ никто ничего не знаетъ,—объявила она съ усмѣшкой.—Я это къ тому тебѣ рассказываю, чтобъ ты знала, что не съ тобой одной такая напасть приключается... Знаю я и боярынь, которыя дѣвическій грѣхъ вѣнцомъ прикрыли и таперича, какъ ни въ чемъ не бывало...

— Какъ же ты устроилась, чтобъ родить?

— Да также. Отпросилась на богомолье къ московскимъ угодникамъ...

— И тебя пустили?

— Пустили. Тотъ самый, что погубилъ-то меня, и выпросилъ у господъ отпускъ мнѣ на лѣто.

— Да ктожь онъ такой былъ?

— На что тебѣ это знать, дѣло прошлое, онъ ужь умеръ...

— Все равно, скажи, я хочу знать.

— Ну, хочешь, такъ дѣлать нечего. Твоей покойницы маменьки родной дяденька, вотъ кто,—отрывисто и глядя въ сторону, проговорила старуха.

— И у тебя отъ него ребенокъ былъ?—продолжала свой допросъ барышня, помолчавъ немного.

— Онъ и теперъ живъ. Ужъ и женатъ давно, и дѣтки есть. На Петра и Павла тридцать шестой годъ ему пойдетъ. Коммерціей занимается. За женой хорошее приданое взялъ.

Но этого для барышни было мало. Любопытство ея было такъ возбуждено, что она успокоилась тогда только, когда подробно узнала всѣ тайны своей няни.

— И неужели онъ до сихъ поръ не знаетъ, что ты ему не крестная мать, а родная?

— Не знаетъ. Зачѣмъ ему знать? Онъ вольный, купецъ 2-й гильдіи, а я крѣпостная... Будетъ съ меня и того, что они за благодѣтельница свою меня почитаютъ, чего мнѣ еще?

— И ты никогда его не видала?

— Да какъ же мнѣ его видѣть-то? Ты только подумай. Допрежь тебя я все при твоей маменькѣ была, а какъ ты родилась—при тебѣ. А онъ въ городѣ Саратовѣ лавки имѣетъ и тамъ завсегда живетъ, гдѣ же мнѣ съ нимъ встрѣтиться? Прежде, какъ онъ еще холостъ былъ, ну, можно было надѣяться, что прїѣдетъ когданибудь меня провѣдать, а ужъ какъ семьей обзавелся, нечего объ этомъ и думать. У нихъ теперъ ужъ дочь невѣста.

— Какъ ее зовутъ?

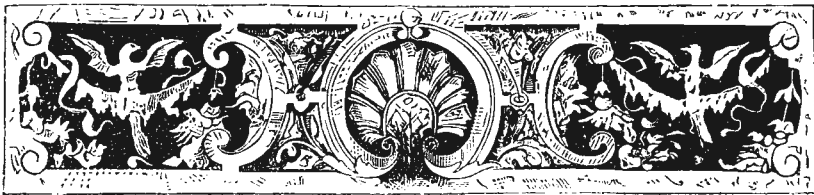
- Анной.
- А его какъ?
- Микитой. Микита Федорычъ, по прозвищу Кусточкинъ, а супругу его Аграфеной Яковлевной величаютъ, красивая, говорятъ, и права добраго; у нея братъ въ совѣсномъ судѣ до чина дослужился, ваше благородіе таперича, такъ-то, — распространялась она съ самодовольною усмѣшкой.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ БАРОНЕССЫ М. П. ФРЕДЕРИКСЪ ¹⁾.

(Посвящается другу дѣтства Его Императорскому Высочеству
Великому Князю Михаилу Николаевичу).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VIII.

ОСЛѢ нашей пасхи мы покинули Ниццу и отправились въ Римъ. Шли мы на «Олафѣ» до Чивитавеккіо, а оттуда въ экипажахъ, почтовымъ трактомъ.

Въ Римѣ наша жизнь была посвящена осмотру древностей и изученію всего интереснаго, чѣмъ Римъ такъ богатъ.

День нашъ начинался такимъ образомъ: рано утромъ графиня Гудовичъ и я, въ сопровожденіи графа Апраксина и Н. Д. Киселева, въ то время нашего посланника въ Римѣ, отправлялись осматривать достопримѣчательности; Киселевъ былъ нашимъ чирероне. Къ завтраку возвращались, кушали съ императрицей и потомъ съ ея величествомъ ѣхали опять осматривать что нибудь интересное. Я была въ такомъ восторгѣ отъ Рима, что совсѣмъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXII, стр. 44.

теряла голову, мнѣ ужасно тоже нравилась эта неизвѣстная мнѣ жизнь туриста.

Послѣ поздняго обѣда съ ея величествомъ бывало у нея всегда собраніе, на которое приглашались разныя замѣчательныя лица изъ высшаго общества, знаменитые художники и т. д. Между прочими кардиналь Антонелли бывалъ часто приглашаемъ. Онъ былъ чело-вѣкъ очень умный, тонко-хитрый и весьма пріятный собесѣдникъ; говорилъ хорошо пофранцузски, но съ сильнымъ итальянскимъ акцентомъ, и имѣлъ привычку всегда прибавлять ко всему слово «dunque» ¹⁾ въ разговорѣ.

Представлялись мы папѣ Пію IX-му. Императрица была у него и принимала его у себя въ официальной аудіенціи. По этому случаю въ апартаментѣхъ, занимаемыхъ ея величествомъ, въ домѣ русскаго посольства, стояли два одинакія кресла подъ балдахиномъ, на коихъ государыня и папа возсѣдали во время аудіенціи; между ними стоялъ столъ съ колокольчикомъ; по этикету они оставались одни въ залѣ; когда же аудіенція была кончена, то императрица должна была позвонить въ этотъ колокольчикъ, двери отворились настезь, и папа вышелъ въ галерею, гдѣ обѣ свиты ожидали. Мы, дамы, были въ черныхъ платьяхъ съ такими же длинными вуалями на головѣ. На колѣни мы не становились передъ его святѣйше-ствомъ; все это было предусмотрено и рѣшено заранѣе. Папа подошелъ къ каждому изъ насъ и говорилъ нѣсколько словъ; мнѣ онъ сказалъ: «j'espère que vous vous amusez à Rome» ²⁾. Эта фраза мнѣ показалась не подходящей для Рима. Піи IX былъ не интересенъ и походилъ на добродушную старуху въ своихъ кружевныхъ юбкахъ, красной шапочкѣ и красной мантии. Онъ держалъ свои руки сложенными въ рукава и разводилъ ими, когда разговаривалъ; не имѣя права насъ благословлять, онъ, видимо, не зналъ, что дѣлать съ своими руками. Обойдя насъ всѣхъ, онъ вышелъ изъ дома, предшествуемый своей многочисленной и пестрой свитой. Все это было очень чинно и важно до выхода на «Corso» ³⁾, но когда папа сѣлъ въ карету и уѣхалъ, то свита его разсыпалась и смѣшалась весьма нечинно по улицѣ. Несшіи св. распятіе передъ святѣйшимъ отцомъ, перевернули оное и стали на него упираться, какъ на трость; остальное было въ этомъ же родѣ; мы любовались на всю эту толпу распущенныхъ комедіантовъ изъ оконъ. Въ то время Римъ имѣлъ еще свой древній характеръ. На улицахъ встрѣчали кардиналовъ въ старинныхъ большихъ каретахъ или верхомъ на ослахъ, сопровождаемыхъ прислугой; у одного изъ лакеевъ былъ обязательно громадный красный дождевой зонтикъ подъ мышкой. Все было такъ

¹⁾ Дункуэ—слѣдовательно.

²⁾ Надѣюсь, что вы будете веселиться въ Римѣ.

³⁾ Корсо, главная улица Рима, гдѣ находится русское посольство.

оригинально и выходило изъ ряду вонъ обыкновенной жизни европейскихъ городовъ, что невольно представлялись далеко минувшіе вѣка христіанства.

Для императрицы былъ повторенъ, благодаря любезности папы, знаменитый фейерверкъ «Girandola», гдѣ изъ форта «St.-Angelo» вылетаютъ снопы огня, и иллюминація собора св. Петра съ перемѣной («le changement»), когда весь фасадъ и крестъ надъ куполомъ, освѣщенные шкаликами, по сигналу въ данную минуту, перемѣняются въ пылающіе огни. Зрѣлище дѣйствительно замѣчательное и поразительное. Эти фейерверкъ и иллюминація производились только разъ въ годъ на св. Пасху, и это была необыкновенная любезность папы повторить ихъ для русской императрицы.

Теперь вся эта старина утрачена! Я снова была въ Римѣ, когда тамъ уже водворился король Викторъ-Эмануилъ. Все обаяніе древняго Рима исчезло.

Изъ Рима мы отправились въ Женеву, чрезъ Туринъ, гдѣ ея величество посѣтила Викторъ-Эмануила; тутъ намъ пришлось видѣть нынѣшняго итальянскаго короля Гумберта, совсѣмъ еще мальчикомъ, носившимъ куртку.

Въ Фрейбургѣ мы ночевали и ѣздили слушать знаменитый органъ; это было вечеромъ; церковь была въ полумракѣ; помню, что заиграли, между прочимъ, нашъ русскій гимнъ; невозможно было удержаться отъ слезъ, слыша этотъ родной мотивъ, производившій на этомъ органѣ что-то магическое.

Около Женевы, въ своемъ маленькомъ имѣніи, проживала въ то время престарѣлая великая княгиня Анна Теодоровна, разведенная супруга покойнаго цесаревича, великаго князя Константина Павловича, сестра короля бельгійскаго Леопольда I. Она жила въ маленькомъ загородномъ домикѣ очень скромно; у нея была домовая православная церковь, при которой находился священникомъ отецъ Петровъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ; если не ошибаюсь, онъ и теперь еще при православномъ храмѣ, построенномъ впоследствии въ Женевѣ.

Штабъ великой княгини Анны Теодоровны состоялъ изъ духовника ея, отца Петрова, гофмаршала Воше и его уже немолодой дочери, фрейлины ея высочества. Сама великая княгиня была уже древняя, но добрая старушка, небольшого роста, съ огромными черными выразительными глазами; говорягъ, что въ молодости она была очень плѣнительна, но когда я ее видѣла, она изъ себя ничего интереснаго не представляла. Императрица ее посѣтила, и старая великая княгиня была очень тронута и осчастливлена вниманіемъ и добротой ея величества. Въ честь государыни и русскихъ, сопровождавшихъ императрицу, великая княгиня задала большой обѣдъ, да такой, что мы никогда не переживали—ни прежде, ни послѣ—подобнаго обѣда. Императрица, понятно, не выходила къ

общему столу, гдѣ изъ приглашенныхъ были только свита ея величества и штатъ изъ трехъ лицъ, названныхъ выше, ея высочества. Ея величество кушала во внутреннихъ покояхъ съ великой княгиней и ея братомъ королемъ Леопольдомъ, проживавшимъ въ то время у своей сестры. Мы же, въ большихъ туалетахъ, были истинными жертвами нашего же чествованія. Обѣдъ этотъ былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что для большаго торжества соединены были три обѣда въ одинъ, то есть, начиналось съ супа, слѣдовало нѣсколько блюдъ по порядку съ жаркимъ, кончаясь сладкимъ, какъ всегда; потомъ опять подавался супъ—и шло до сладкаго блюда включительно, и опять супъ—такимъ образомъ три раза... Вѣроятно, у Анны Ѳеодоровны осталось о русскихъ воспоминаніе, что они обладали какими-то исполинскими аппетитами!.. Можно себя представить, въ какомъ мы были состояніи, и какъ этотъ обѣдъ долго длился; мы не знали, какъ бы выскочить изъ-за стола. Послѣ этого кормленія всѣ вышли на балконъ, подали кофе, и тогда ихъ величества и ея высочество съ нами разговаривали.

Изъ Женевы мы проѣхали чрезъ Штутгартъ, гдѣ провели нѣсколько времени у великой княгини Ольги Николаевны, а оттуда опять въ Вильдбадъ. Это пребываніе лѣтомъ 1857 года въ Вильдбадѣ ознаменовалось помолвкой великаго князя Михаила Николаевича съ принцессой Сесиліей Баденской—великой княгиней Ольгой Ѳеодоровной. Императрица была очень счастлива, что еще при жизни своей могла женить своего Веніамина. Всѣ раздѣляли радость матери.

Государь пріѣзжалъ въ Вильдбадъ навѣстить свою августѣйшую мать, и сюрпризомъ привезъ въ своей свитѣ нареченнаго жениха графини Гудовичъ—князя Михаила Павловича Голицына. Можно себя представить, какъ моя подруга была тронута этимъ вниманіемъ государя и обрадована такимъ сюрпризомъ.

Замѣчательно, какъ наши цари всегда внимательны и добры къ лицамъ, окружающимъ ихъ. Императоръ Александръ Николаевичъ, въ этомъ отношеніи, впрочемъ, какъ и во многихъ другихъ, удивительно походилъ на свою мать, которая положительно вложила въ его душу часть своей души и сердца.

Конечно, Ольга Николаевна и ея супругъ жили въ Вильдбадѣ при матери.

Жилось очень весело въ продолженіе этого лѣта въ Вильдбадѣ. Старались праздновать и забавлять высоконареченныхъ жениха и невѣсту, пріѣхавшую съ своею матерью гроссъ-герцогиней Софіей Баденской и своею сестрою принцессою Маріей представиться будущей августѣйшей свекрови, которая приняла ее, какъ родную дочь. Постоянно совершались прогулки, разныя «parties de plaisir» въ окрестности, а вечеромъ танцевали.

На возвратномъ пути въ Россію императрица заѣхала въ Карльсруэ за принцессой Сесиль и повезла ее чрезъ Берлинъ и Ште-

тинъ, моремъ, въ Петербургъ. 16 августа этого же 1857 года, была свадьба великаго князя.

Флигель-адъютанта князя Голицына государь оставилъ въ свитѣ императрицы, чтобъ не разлучать его съ невѣстой, и онъ сопровождалъ ея величество на пароходѣ, перевозившемъ насъ изъ Штетина въ Петербургъ, такъ какъ Голицынъ былъ морякъ.

IX.

Осень и слѣдующую зиму императрица рѣшила провести дома, чувствуя себя относительно хорошо; она ни за что ни соглашалась и не хотѣла ѣхать опять за границу.

Очень невѣрно думаютъ, что эта постоянная ѣзда за границу въ послѣдніе годы жизни императрицы Александры Θεодоровны происходила по ея желанію; напротивъ того, всегда стоило много усилій, чтобы уговорить ея величество путешествовать. Но здоровье ея было до того расшатано, что опасались постоянно за ея дорогу для всѣхъ жизнь. Суровый климатъ Петербурга и вообще сѣвера императрица положительно не могла болѣе выносить; чтобъ ее поддержать и сохранить, насколько это человѣчески возможно было, ей необходимъ былъ южный воздухъ. На сѣверѣ малѣйшая перемѣна погоды, малѣйшее дуновеніе воздуха причиняли серіозныя болѣзни, заставлявшія императрицу недѣлями и даже мѣсяцами лежать въ постели; во избѣжаніе этого, она въ Петербургѣ совсѣмъ не выходила на воздухъ и всю зиму проводила въ своихъ комнатахъ, отъ чего еще больше теряла силы. Императрица очень тяготилась подобнымъ состояніемъ; съ ея живымъ характеромъ это была для нея настоящая пытка, такъ прозябать. Мы то и дѣло бѣгали за нею съ мантильями и шальями, чтобъ защищать ея величество отъ простуды; и семейство и всѣ дрожали постоянно за ея здоровіе. Иногда императрица старалась избѣгать нашихъ ухаживаній и часто говорила шутя, конечно, что мы ей ужасно надоѣдаемъ своими вѣчными безпокойствами и заботами о ней.

Я уже почти въ то время не отходила отъ нашей матушки. Всякій день, около двѣнадцати часовъ, если ея величество не звала меня съ утра къ первому завтраку, что часто случалось, я приходила съ нею здороваться и оставалась до четырехъ часовъ, часто обѣдала съ государыней, а вечеръ постоянно проводила у ея величества.

Императрица Александра Θεодоровна очень желала поѣхать на южный берегъ Крыма, въ ея имѣніе «Ореанду», гдѣ дворецъ, строившійся мало-по-малу годами, во избѣжаніе большихъ расходовъ, наконецъ былъ окончательно готовъ и устроенъ. Но доктора не пускали императрицу въ Крымъ, подъ впечатлѣніемъ мнимой крымской лихорадки, отъ которой скончался будто бы императоръ Александръ I. Государыня нерѣдко говорила: «добьются того, что я умру

за границей, какъ это будетъ прилично для всероссійской государыни!» Но настоятельная просьба сына-государя, по влiянiю врачей, и ихъ настойчивое требованiе брали вверхъ, и матушку императрицу снова увозили за границу противъ ея желанiя. Зимой 1857 на 1858 годъ ея величество рѣшительно объявила врачамъ, что никуда не поѣдетъ, поставила на своемъ и осталась въ Петербургѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ была свадьба моего друга графини Гудовичъ съ флигель-адъютантомъ княземъ М. П. Голицынымъ. Для меня это была большая радость видѣть ее счастливою и вмѣстѣ съ тѣмъ горе, потому что я ея лишилась при дворѣ, но отношенiя наши никогда не измѣнились, и Голицынъ сталъ для меня другомъ и братомъ.

Императрица очень желала и меня выдать замужъ, но случая не представлялось; она безпокоилась, что послѣ ея смерти мнѣ будетъ тяжело оставаться при дворѣ, при другой обстановкѣ.

X.

Теперь дѣлается большой пробѣлъ въ моей памяти: зима съ 1857 на 1858 годъ какъ-то сгладилась въ моихъ воспоминанiяхъ, да, кажется, ничего и не случилось, дни шли за днями, и жизнь наша текла по обыкновенiю.

Въ февралѣ или мартѣ мѣсяцѣ, 1858 года, императрица Александра Θεодоровна смертельно заболѣла. Съверъ взялъ свое... Весь Петербургъ съ утра до ночи толпился въ Зимнемъ дворцѣ, чтобъ читать выходившiе ежечасно бюллетени; ея величество, узнавъ это, приказала, чтобъ дежурная фрейлина всѣхъ принимала и давала бы отчетъ о ея состоянiи всѣмъ прiѣзжающимъ справляться объ ея здоровьи. Какое вниманiе!..

Однако, мало-по-малу, ея величеству стало легче. Господь, еще сохранилъ ее на радость семейства, всѣхъ ея близкихъ и всѣхъ несчастныхъ и нуждающихся, которыхъ она никогда не оставляла... Помню эту непритворную общую радость, когда мы могли давать лучшiя извѣстiя объ ея состоянiи.

Къ веснѣ ея величество поправилась, но ея организмъ еще больше пострадалъ, она была очень слаба и почти слѣпа. Эту весну проводили въ Царскомъ Селѣ и потомъ лѣтомъ, какъ всегда, въ Петергофѣ.

Среди лѣта, такъ какъ силы плохо возстановлялись, рѣшено было опять везти императрицу на воды. Сначала мы поѣхали въ Эмсъ. Лечили тогда государыню отъ болѣзни сердца и легкихъ— только послѣ ея кончины узнали грубую ошибку врачей...

Въ Эмсѣ ея величество занимала «Die Vier Thürme» ¹⁾. При

¹⁾ Домъ четырехъ башней.

императрицѣ жили: великая княгиня Ольга Николаевна съ супругомъ, княжна Марія Максимиліановна, которая послѣднее время почти всегда находилась съ августѣйшей бабушкой, и одновременно проживалъ тоже въ Эмсѣ братъ императрицы, принцъ прусскій, будущій германскій императоръ Вильгельмъ I. Тамъ же получено было извѣстіе объ ударѣ, постигшемъ короля прусскаго Фридриха-Вильгельма IV, старшаго брата ея величества: отъ этого удара онъ лишился ногъ, правой руки и впалъ въ совершенное дѣтство. Принцъ прусскій вызывался по телеграфу въ Берлинъ для принятія регентства. Онъ уѣхалъ прямо отъ насъ, простившись съ своей августѣйшей сестрой и провожаемый нашими искреннѣйшими пожеланіями; мы всѣ его очень любили; онъ былъ такъ добръ и простъ въ обращеніи.

Изъ Эмса мы отправились въ Фридрихсгафенъ ¹⁾ и довольно долгое время провели тамъ у великой княгини Ольги Николаевны. Къ зимѣ же мы возвратились въ Ниццу, подѣйствовавшую такъ благотворно на здоровье нашей матушки въ первый разъ. Свита состояла изъ тѣхъ же лицъ, за исключеніемъ графини Гудовичъ, вышедшей замужъ, какъ сказано выше.

Въ этотъ разъ мы проѣзжали «Mont Cénis», и опять чуть-чуть не случилось несчастье, ужасное несчастье, отъ котораго уже Богъ спасъ саму императрицу.

На вершинѣ «Mont Cénis» мы ночевали въ маленькомъ, гаденькомъ трактирѣ.

Припоминая наше страшное приключеніе на «Via mala», я сильно беспокоилась о спускѣ, предстоящемъ на другой день. Беспокоилась не о себѣ, а почему-то боялась за императрицу. Въ этомъ страхѣ я придумала надѣть на шею камердинера Дмитріева, сопровождавшаго постоянно ея величество на запяткахъ кареты,—крестъ съ частью мощей преподобнаго Сергія ²⁾, который всегда имѣла при себѣ, съ тѣхъ поръ какъ унаслѣдовала его отъ матери,—чтобы мощи преподобнаго Сергія были по близости нашей дорогой матушки и охраняли бы ея путь. Ей же лично я не хотѣла ихъ вручать, чтобы не выказать своего опасенія и не возбудить въ ея величествѣ напрасной тревоги.

Итакъ, на другой день, рано утромъ, мы всѣ вмѣстѣ завтракали и готовились къ этому предстоящему большому спуску. Всѣ экипажи были уже поданы, и мы всѣ ожидали только выхода императрицы, чтобы въ нихъ размѣститься и тронуться въ путь.

Внезапно сдѣлалась ужасная суета; камеръ-юнгфера и камердинеръ забѣгали, какъ сумасшедшіе; ея величество неожиданно потре-

¹⁾ На Констанскомъ озерѣ.

²⁾ Часть мощей преподобнаго Сергія была дана моей матери извѣстнымъ архимандритомъ Антоніемъ—настоятелемъ Свято-Троицкой сергіевской лавры, собственноручно вынувшаго часть мощей изъ раки преподобнаго Сергія; и въ настоящее время эта святыня постоянно находится при мнѣ.

бовала бульону, и гдѣ его было взять—все уже было уложено. Императрицѣ о томъ докладывали, но она непремѣнно требовала, чтобъ ей подали бульонъ. Уже не знаю, какъ достали какого-то бульона, подали... Но императрица осталась имъ недовольна и настойчиво требовала хорошаго бульона. Мы всѣ недоумѣвали, что это случилось съ нашей кроткой, терпѣливой и всегда такой снисходительной матушкой. Эта исторія съ бульономъ взяла довольно много времени, какъ можно себѣ представить, такъ что мы тронулись въ путь гораздо позже, чѣмъ предполагали.

Спустившись уже на довольно большое разстояніе отъ ночлега, мы вдругъ видимъ на дорогѣ толпу рабочихъ, кричащихъ и занятыхъ спѣшною уборкой груды камней, массы земли, валяющихся воловьихъ головъ, оторванныхъ, повидимому, только что отъ туловищъ. Мы въ изумленіи спрашиваемъ, что это все значить, и получаемъ въ отвѣтъ: только что случился страшный обвалъ, засыпавшій путь, и еле-еле успѣли очистить дорогу для проѣзда русской императрицы... По расчету оказалось, что когда ея величество такъ настойчиво требовала свой бульонъ, какъ разъ въ это время случился обвалъ и не потеряя она времени, вся эта масса обрушилась бы на насъ или... страшно и сказать... на нее... Какъ тутъ виденъ Перстъ Божій!..

XI.

На этотъ разъ мы жили въ Ниццѣ на виллѣ «Dé-Orestis»¹⁾—promenade des anglais. Графъ «Dé-Orestis»—ниццарь, былъ женатъ на русской—вдовѣ княгинѣ Девлетъ-Кильдѣевой, рожденной Чихачевой; поэтому онъ предложилъ свою виллу для жительства ея величества.

Проживала въ то время тоже въ Ниццѣ великая княгиня Марія Николаевна съ семействомъ, на малой виллѣ «Bermond».

Вокругъ императрицы много было молодежи, что матушка такъ любила. Марія Максимиліановна находилась постоянно у насъ, для нея императрица и устраивала разныя увеселенія, балы, прогулки и проч. Сама матушка не принимала въ нихъ участія ради своего здоровья, которое было не совсѣмъ удовлетворительно. Большею частью ея величество не выходила изъ своихъ внутреннихъ комнатъ; но все же, хотя заочно, старалась забавлять и развлекать окружающихъ ее. Въ эту зиму императрица очень слабѣла, ниццскій воздухъ не приносилъ уже болѣе той пользы, на которую такъ надѣялись... Ея величество очень страдала глазами, и зрѣніе ея становилось все хуже и хуже. Разъ въ мѣсяцъ, ея величеству ставили къ вискамъ отъ глазъ искусственныя пѣявки; въ тотъ день она принуждена была находиться въ совершенно темной комнатѣ, куда не проникалъ ни малѣйшій свѣтъ. Когда мы входили въ комнату къ ея величеству,

¹⁾ Дз-Орестисъ.

до того было темно, что камердинеръ вводилъ насъ за руку; онъ находился тоже въ полумракѣ, а то со свѣта ничего не было видно. Всѣ эти лѣченія очень мучили и тяготили государыню, не подходя къ ея привычкѣ быть всегда занятою; но она все переносила съ ея обыкновенной кротостью и преданностью волѣ Божіей.

Пріѣзжала въ то время въ Ниццу черногорская княгиня Даринька, чтобъ представиться ея величеству и просить покровительства юному тогда наслѣдному князю черногорскому, Николаю, ея племяннику ¹⁾. Юноша былъ не дурень собою, съ выразительными большими глазами. Княгиня была еще молодая женщина, небольшого роста, не очень красива собой, съ большимъ носомъ, но тоже съ черными проницающими глазами.

Эта зима 1859—1860 года ознаменовалась въ Ниццѣ разными событиями. Во-первыхъ, освященіемъ нашей православной церкви, вполне оконченной въ два года, къ самому возвращенію императрицы Александры Ѳеодоровны въ Ниццу. День освященія былъ радостный день для всѣхъ русскихъ. Къ этому дню прибылъ изъ Парижа протоіерей отецъ Евгеній Васильевъ, много лѣтъ служившій при нашей миссіи въ Парижѣ, его братъ, назначенный настоятелемъ ниццкой церкви, при томъ служили еще при освященіи наши придворные: протоіерей Сперанскій, протодіаконъ Божиковъ и небольшой хоръ придворныхъ пѣвчихъ, сопровождавшій ея величество. Освященіе это было великолѣпно; церковь была полна молящихся. Многіе и многіе отъ души молились со слезами счастья и благодарности за строительницу этого православнаго храма на чужбинѣ, императрицу Александру Ѳеодоровну.

Во-вторыхъ, смерть вдовствующей великой герцогини Стефаніи Баденской. Она уже была преклонныхъ лѣтъ, но очень бодрая, разговорчивая старушка, типъ старой француженки; она не разъ была у императрицы, и ея своеобразная болтовня забавляла ея величество. Потомъ, недолго проболѣвъ, сколько я знаю, воспаленіемъ легкихъ, скончалась. Тѣло ея увезено было моремъ прямо изъ Ниццы, мы сопровождали гробъ до парохода, принявшаго ея останки въ ниццкой гавани. На этомъ выносѣ тѣла герцогини Стефаніи насъ поразила и возмутила англійская холодность и сухость. Зять герцогини Стефаніи, герцогъ Гамильтонъ, прибылъ въ Ниццу для сопровожденія тѣла покойницы. Во-первыхъ, онъ явился на этотъ церемоніальный выносъ, гдѣ присутствующіе были въ полной формѣ, въ клѣтчатомъ пиджакѣ съ сѣрымъ цилиндромъ на головѣ. Не успѣвъ взойти на пароходъ, въ то время, какъ подымали гробъ со всѣми почестями, онъ усѣлся препокойно на палубѣ, тутъ же и сталъ читать газету.

¹⁾ Нынѣ царствующій въ Черногоріи князь Николай I.

Главное же, большое политическое событіе было присоединеніе Ниццы къ Франціи. Съ самаго начала нашего пребыванія шли толки объ этомъ присоединеніи. Ниццары очень волновались, не желая дѣлаться французскими подданными. Но, несмотря ни на что, кажется, въ февралѣ мѣсяцѣ—не упомню хорошо числа—это событіе совершилось въ 1860 году.

Для насъ, русскихъ, оно отозвалось только тѣмъ, что король Викторъ-Эммануиль пріѣхалъ окончательно проститься съ императрицей; что генераль-адъютантъ «Саласка», какъ мы его прозвали, бывший снова прикомандированнымъ къ ея величеству, былъ смѣненъ французскимъ генераломъ Фроссаромъ, что древній старикъ, маршалъ Кастелланъ, былъ присланъ отъ имени императора французомъ привѣтствовать всероссійскую государыню въ Ниццѣ, сдѣлавшейся французской территорій, и наконецъ, что произошла смѣна піемонтскаго караула, несшаго службу на виллѣ «Dé-Orestis» во время высочайшаго пребыванія, французской гвардіей.

Такъ какъ опасались столкновеній между піемонтскими и французскими солдатами при сдачѣ послѣднимъ караула, то онъ былъ сданъ сперва піемонтцами ниццкой національной гвардіи, а затѣмъ, на другой день, вступили въ караулъ, съ музыкой во главѣ, «зуавы».

Когда піемонтцы уходили, это было во время нашего завтрака, ея величество и мы всѣ вышли изъ-за стола и подошли къ окнамъ; піемонтцы кричали «evviva» и махали своими киверами, прощаясь съ нами.

Зуавы стояли въ караулѣ какъ разъ подъ занимаемымъ мною флигелемъ «villa-Dé-Orestis»; я часто проходила мимо ихъ, они знали меня хорошо, отдавали честь и постоянно возились съ моею собачкой; особенно одинъ унтеръ-офицеръ, съ громадною бородой, старался услуживать чѣмъ могъ. Много времени спустя я провела нѣсколько недѣль въ Парижѣ, съ моимъ другомъ княгиней Голицыной—Алинъ Гудовичъ. Однажды, иду я по улицѣ, а навстрѣчу мнѣ идетъ зуавъ, останавливается и съ радостной улыбкой отдаетъ мнѣ честь; я въ первую минуту очень удивилась, но потомъ признала въ немъ «le vieux troupiér», стараго солдата - бородача, узнаваемаго меня, спустя столько времени; признаюсь, это меня очень тронуло.

XII.

По выѣздѣ изъ Ниццы, весною 1860-го года, императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ пришлось перенести тяжелое испытаніе. Она принуждена была свидѣться съ императоромъ французомъ Наполеономъ III-мъ и императрицей Евгеніей. Это свиданіе происходило въ Лионѣ...

Изъ Лиона мы поѣхали въ Швейцарію, чрезъ Цюрихъ въ Интерлакенъ. Тамъ я заболѣла сильнымъ бронхитомъ, и Интерлакенъ

оставилъ во мнѣ самое непріятное впечатлѣніе. Ея величество занимала маленькую невзрачную гостиницу, какъ онѣ, впрочемъ, были все въ то время въ Интерлакенѣ. Жила я въ гаденькой низенькой комнаткѣ, въ коей не могла дышать. Поэтому наша добрая, ангельская императрица позволила мнѣ проводить все время моей болѣзни въ ея гостиной, бывшей побольше и повыше моей конуры; я сидѣла въ покойномъ креслѣ, больная и слабая весь день у ея величества. Передъ самыми окнами гостиной была «Jungfrau», я весь день имѣла эту ледяную массу передъ глазами, и когда солнце садилось, эта гора производила на меня впечатлѣніе умирающаго великана, мало-по-малу синѣвшаго и чернѣвшаго.

Въ Интерлакенѣ присоединились опять къ матушкѣ великая княгиня Ольга Николаевна и ея супругъ, прибывшіе туда прямо изъ Ниццы дня за два до насъ.

Проживъ недѣль шесть тамъ, мы поѣхали въ Веве, гдѣ тоже провели довольно долгое время. Въ Веве было очень пріятно жить.

Императрица, отдохнувъ съ своею возлюбленною дочерью, имѣвшею даръ успокоивать ее нравственно, чувствовала себя относительно довольно хорошо.

Увы, это было послѣднее, продолжительное свиданіе матери съ дочерью, послѣ котораго Ольга Николаевна увидала еще разъ свою мать—уже на смертномъ одрѣ...

Изъ Веве мы стали направляться домой, въ Петербургъ.

Ея величество заѣхала въ Берлинъ къ своему больному брату. Все было иначе теперь въ Берлинѣ; Сансуси, гдѣ отживалъ несчастный, парализемъ разбитый, король, былъ грустенъ и унылъ. Короля возили по чудному саду Сансуси въ колясочкѣ; видъ его внушалъ большое состраданіе; пораженная голова и руки его висѣли; онъ никого не уважалъ. Принималъ свою августѣйшую сестру принцъ-регентъ; но она жила въ Сансуси по старой памяти.

Мы, фрейлины, жили этотъ разъ въ Новомъ дворцѣ, занимаемомъ принцемъ Фридрихъ-Вильгельмомъ и его супругой, принцессой Викторіей. Старшему сыну ихъ Вильгельму¹⁾ былъ тогда только годъ; я часто его видѣла на рукахъ у няни или въ дѣтской колясочкѣ и играла съ нимъ; онъ меня зналъ, улыбался мнѣ — былъ миловидный, здоровый ребенокъ.

Послѣ нѣсколькихъ недѣль грустнаго пребыванія ея величества въ Сансуси мы отбыли въ Россію.

Императрица простилась съ своимъ прусскимъ семействомъ навсегда; она уже болѣе ихъ всѣхъ не видала... Это была ея послѣдняя поѣздка за границу.

¹⁾ Нынѣ императоръ германскій—Вильгельмъ II-й (1888-й годъ).

XIII.

Теперь начинается грустнѣйшій періодъ и тяжелый переломъ счастливой, беззаботной моей жизни...

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1860-го года, императрица Александра Θεодоровна возвратилась изъ-за границы въ Петергофъ и проводила лѣто въ «коттеджѣ» Александрія, близъ Петергофа.

Ея величество жила совсѣмъ спокойно въ кругу своего семейства, очень довольная, что возвратилась благополучно домой, и говорила, что теперь положительно ее уже никакая сила не заставить путешествовать, развѣ только она поѣдетъ на южный берегъ Крыма, въ Ореанду, но больше ни за что никуда, чтобъ оставаться въ Россіи.

Она была слаба, но здоровье ея было довольно удовлетворительно.

Меня же обуюало какое-то необычайное желаніе веселиться; танцевала я доупаду, устраивала прогулки, большія кавалькады, слонкомъ бросалась во всевозможныя удовольствія, что собственно вовсе на меня не походило. Въ концѣ концовъ я довозилась до того, что схватила дифтеритъ. Это былъ только второй случай этой болѣзни въ Петербургѣ, и ее называли еще «гнилой жабой». Что доктора у насъ ее тогда еще очень мало изслѣдовали, доказательствомъ служить то, что даже не опасались заразы этой страшной болѣзни, позволяя нашей дорогой матушкѣ меня навѣщать и сидѣть долго у моей кровати. Лейбъ-медикъ Карель, постоянно пользовавшій меня, былъ въ отпуску, и меня лѣчилъ въ то время докторъ Обермиллеръ съ другими; ихъ было трое или четверо около меня; они меня страшно мучили, вытаскивали изъ кровати, чтобъ передъ свѣтомъ осматривать и мазать внутри горла; но мнѣ дѣлалось все хуже, и я приготовилась умирать — со всѣми простилась и ожидала съ минуты на минуту, что меня совсѣмъ задушить. Но послѣ причастія Св. Тайнствъ и молитвъ любящихъ меня лицъ, — княгиня Голицына, рожденная графиня Гудовичъ, мой неизмѣнный другъ Алина, ходила пѣшкомъ по обѣщанію для моего выздоровленія въ самую ненастную погоду изъ Царскаго Села, гдѣ она тогда проживала съ мужемъ, въ Колпино, служить молебень передъ чудотворной иконой Николы Морского, — я мало-по-малу стала поправляться себѣ на горе.

Въ августѣ мѣсяцѣ, императрица переѣхала въ Царское Село, а я осталась съ моей сестрою Софіей Петровною въ Петергофѣ, будучи слишкомъ слабой, чтобы предпринять поѣздку. Странно, что выздоровленіе меня совсѣмъ не радовало; въ глубинѣ души я жалѣла, что меня не оставили спокойно умереть; но никому это не смѣла показывать; вокругъ меня всѣ такъ радовались, и меня это вмѣстѣ съ тѣмъ очень трогало. Недѣли черезъ двѣ-три меня перевезли въ Царское Село, гдѣ, по приказанію нашей матушки, я была помѣ-

щена въ царскія комнаты запасной половины Александровскаго дворца, чтобъ я пользовалась лучшимъ воздухомъ въ большихъ высокихъ покояхъ, чѣмъ во фрейлинскихъ низкихъ маленькихъ комнатахъ, и чтобъ я была также ближе къ ея величеству, въ томъ же этажѣ, на разстояніи отъ нея нѣсколькихъ залъ. Какъ только я вошла въ приготовленныя для меня комнаты, мнѣ передали «сoмше биен венце» ¹⁾ отъ императрицы, прелестную булавку, украшенную брильянтиками, а около вечера, когда я отдохнула отъ проѣзда изъ Петербурга въ Царское Село, ея величество пришла сама, принеся мнѣ нитку довольно крупныхъ жемчуговъ. Дорогая, незабвенная матушка сдѣлалась какъ-то трогательно-добрѣе и нѣжнѣе ко мнѣ, точно предчувствуя, что недолго мнѣ остается пользоваться ея милостивыми, материнскими заботами.

XIV.

Въ началѣ сентября, мнѣ было уже гораздо лучше; я ходила къ императрицѣ и подолгу оставалась у ея величества.

Нѣсколько дней спустя, императрица сильно заболѣла. 21 сентября, императрица Марія Александровна разрѣшилась отъ бремени великимъ княземъ Павломъ Александровичемъ; спѣшили его окрестить, дабы угасающая его августѣйшая бабушка могла еще быть его заочной воспріемницей. Крестины совершились наскоро, безъ всякой обыкновенной, по этому случаю, церемоніи; принимали изъ купели Павла Александровича его старшій братъ, наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ, и его малолѣтняя сестра, великая княжна Марія Александровна; крестины происходили въ большой церкви царскосельскаго большого дворца.

Нашей матушкѣ черезъ нѣсколько дней сдѣлалось немного легче; она даже встала съ постели и слушала по вечерамъ чтеніе. Впрочемъ, во все время этой смертельной болѣзни, какъ и всегда, ея величеству читали, а она слушая работала. Императрица вообще любила быть занятой рукодѣліемъ, когда она была свободна отъ серіозныхъ занятій; даже слушая доклады, она обыкновенно работала, вышивала и тому подобное. Когда же силы и зрѣніе стали измѣнять ея величеству, то она всегда вязала на вилочкѣ шнурочки или разныя одѣяла и прочее, которыя преимущественно шли на бѣдныхъ; она такъ изощрилась, что работала съ закрытыми глазами, чтобы ихъ не утомлять — ничего же не дѣлать она не выносила до послѣдней минуты жизни.

Государь самъ былъ нездоровъ — сильно кашлялъ, и такъ какъ была дурная, сырая осень, и здоровье его матери, казалось,

¹⁾ Хорошее прибытіе.

улучшается, то его величество рѣшилъ ѣхать въ Варшаву на нѣсколько времени, по совѣту врачей.

Въ октябрѣ, императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ стало гораздо хуже; она начала видимо слабѣть, и настали серьезныя опасенія за ея жизнь, на этотъ разъ, увы, не напрасныя.

17-го или 18-го октября, узнавъ, что матушкѣ совсѣмъ плохо, императрица Марія Александровна, несмотря на свою собственную слабость послѣ трудныхъ родовъ и на запрещеніе медиковъ двигаться, не утерпѣла и, не предупредивъ никого, сѣла въ карету и приѣхала изъ Большого въ Александровскій дворецъ.

Царская семья и мы всѣ, приближенные, были собраны, вечеромъ, въ большомъ кабинетѣ императрицы Александры Ѳеодоровны за двѣ комнаты отъ спальни, гдѣ ея величество страдала въ ожиданіи страшной минуты, которая должна была похитить у насъ всѣхъ обожаемую матушку... Всѣ уныло сидѣли, или стояли, или прохаживались по комнатѣ, тяжело страдая нравственно отъ неминуемаго угрожающаго горя... Каковъ же былъ нашъ испугъ и изумленіе, когда внезапно дверь быстро отворилась, и вошла въ кабинетъ слабая, блѣдная, какъ смерть, императрица Марія Александровна...

19-го октября, наканунѣ кончины матушки императрицы, прибылъ государь изъ Варшавы и великая княгиня Ольга Николаевна.

Императрица была уже близка къ агоніи, но въ полной памяти... Она исповѣдывалась и приобщилась.

Послѣ причастія вся царская семья окружила смертный одръ матери и простилась съ нею. Сейчасъ же потомъ государь спросилъ у умирающей, не хочетъ ли она и со мною проститься; тогда позвали меня изъ смежной комнаты, гдѣ я находилась съ другими приближенными лицами, и государь, взявъ меня за руку, подвелъ къ той, которая была все въ моей жизни... Она меня благословила... затѣмъ стали подходить прощаться всѣ приближенные. Я же, чувствуя себя дурно, вышла въ другую комнату, и со мной сдѣлался обморокъ; когда я очнулась, меня окружали лица, уже принадлежавшія ко двору императрицы Маріи Александровны.

Залы и комнаты были полны лицами общества, многіе приѣхали изъ Петербурга. Всѣ старались проникнуть въ смертную комнату, что было невозможно; они просили съ рыданіями, чтобъ ихъ пустили видѣть послѣдній разъ столь любимую императрицу Александру Ѳеодоровну.

Желая исполнять мои обязанности до послѣдней минуты и зная, какъ относилась наша матушка къ принимающимъ въ ней участіе и къ любящимъ ее,—я вышла въ залы, къ собравшимся тамъ особамъ, чтобъ передать имъ извѣстія о состояніи въ эту минуту императрицы, но силы мнѣ измѣнили, и со мной сдѣлался вторично обморокъ; тогда много добрыхъ душъ стали ухаживать за мною. Когда

я лежала еще въ полусознаніи, помню, что ко мнѣ подошелъ министръ просвѣщенія, Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ, и съ отчаяніемъ и слезами умолялъ меня, чтобъ я его пустила къ умирающей императрицѣ.

Съ ночи началась полная агонія. Все семейство и всѣ приближенные окружали смертный одръ. Императрица, хотя, повидимому, очень страдала, была въ памяти.

Отъ восьми часовъ утра, 20-го октября 1860 года, дыханіе стало слабѣть... ровно половина девятого... дыханіе прекратилось... все было кончено... не стало той, которая видѣла въ жизни столько счастья и скорби, которая была такъ любима и которая была провидѣніемъ для многихъ и многихъ...

Господь принялъ ея чистую, ангельскую душу мирно и спокойно, какъ была вся ея духовная жизнь...

Императрица Марія Алесандровна стояла у изголовья прямо противъ меня; я стояла у ногъ умирающей обожаемой матушки. Долгимъ, прочувствованнымъ взглядомъ, долго-долго смотрѣла Марія Алесандровна на меня; въ этомъ взглядѣ высказывалось все, что она мнѣ обѣщаетъ на будущее время... и что она и сдержала до конца жизни своей.

Не стану описывать горя, въ которое была погружена вся царская семья и всѣ несчастные, сироты, и любившіе такъ искренно и глубоко императрицу Александру Θεодоровну... Но не могу не упомянуть съ сердечной, незабывающейся благодарностью проявившуюся опять на мнѣ же, сердечную, задушевную доброту нашей императорской фамилии... Они въ эту ужасную, скорбную для нихъ минуту забыли свое собственное горе, чтобъ думать о той, которая, со смертью императрицы Александры Θεодоровны теряла все въ жизни...

Можно себѣ представить, въ какомъ я была состояніи! На меня нашелъ какой-то страшный столбнякъ; первую минуту я стояла, какъ вкопанная, у смертнаго одра моей второй матери, ничего не понимая. Тогда подошла ко мнѣ Ольга Николаевна и, положивъ мнѣ руки на плеча, сказала грустнымъ задушевымъ голосомъ «Маша!». Сначала я ея не узнала, но ея ангельски нѣжный взглядъ, смотрѣвшій упорно мнѣ въ глаза, и трогательный голосъ проникли въ мое замерзшее сердце, я очнулась и бросилась въ ея объятія; тогда всѣ они окружили эту несчастную «Машу» и самымъ нѣжнымъ образомъ, съ любовью, стали за ней ухаживать!.. Даже теперь послѣ 30-ти лѣтъ (1890 годъ) при этомъ воспоминаніи почти не вижу, что пишу, отъ слезъ.

Да не подумаютъ читающіе мое жизнеописаніе, что я хочу ради тщеславія высказать все то, что я пишу о себѣ въ этихъ запискахъ—это вовсе не въ моемъ характерѣ и привычкахъ. Моя мысль та, что, описывая всю милость въ Бозѣ почившей императрицы

Александры Ѳеодоровны и всей ея семьи ко мнѣ наглядными фактами, я хочу только этимъ выставить всю ихъ неограниченную, сердечную доброту и память о прошломъ. Я, конечно, глубоко цѣню ихъ милости ко мнѣ лично, сознаю и отлично понимаю, что не за мои личныя не существующія заслуги (развѣ только горячая искренняя любовь и благодарность, равно какъ и непоколебимая глубокая преданность имъ, но это нельзя считать заслугой) они всѣ и всегда были такъ много добры ко мнѣ, а въ память моей незабвенной матери, которую они такъ любили. Я даже прибавлю, что я много ихъ милостей, обращенныхъ ко мнѣ, пропускаю, потому что мнѣ совѣстно такъ много безъ того о себѣ говорить.

Начались панихиды и наши дежурства при дорогихъ останкахъ. Ко мнѣ всѣ наши были очень внимательны, не могу это не высказать въ ихъ память,—всякій дѣлалъ, что могъ, чтобъ поддержать нравственно осиротѣвшую «Машу», на примѣръ, гофмейстерина въ Бозѣ почившей государыни, графиня Ю. Ѳ. Баранова, приказала, чтобъ всѣ дежурства фрейлинъ при тѣлѣ назначала я,—чтобъ меня занять. Фрейлина княжна Александра Сергѣевна Долго-рукая ¹⁾ посвятила совсѣмъ себя, на это время, мнѣ,—она не отходила отъ меня ни день, ни ночь, и если на дежурствѣ у гроба, стоя неподвижно, мнѣ дѣлалось дурно, то она, слѣдя за мною все время, сейчасъ же являлась меня замѣнять; всѣ были очень добры ко мнѣ.

Въ первую ночь по кончинѣ государыни, когда я дежурила у ея кровати, пришли въ спальню матери ея два младшіе сына, Николай и Михаилъ Николаевичи; мы, три друга дѣтства, долго стояли вмѣстѣ передъ нею, припоминая всѣ минуты счастья, прожитыя около нея, съ самыхъ нашихъ юныхъ лѣтъ...

По вскрытіи тѣла оказалось, что императрица Александра Ѳеодорова вовсе не страдала болѣзнию сердца и легкихъ, какъ предполагали,—эти органы были совершенно невредимы,—но большая кишка была найдена совсѣмъ въ плохомъ состояніи. Несчастный докторъ Карель пришелъ въ отчаяніе отъ этой грубой ошибки; она ложилась всецѣло на него, такъ какъ пользовавшій передъ нимъ императрицу докторъ Мандтъ постоянно утверждалъ, что у ея величества страданіе кишечъ, и что ея періодическія біенія сердца были только нервнымъ явленіемъ. Поступившій послѣ кончины Николая Павловича къ его августѣйшей вдовѣ лейбъ-медикъ Карель сталъ ее лечить исключительно отъ сердца и легкихъ. Карель сейчасъ же послѣ этого добровольно удалился; его честная, добрая душа не могла перенести такого для него удара; онъ уѣхалъ за границу, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ, углубившись въ науку. Когда Карель возвратился въ Петербургъ, императоръ Александръ II взялъ его

¹⁾ Въ замужествѣ Альбединская.

опять къ себѣ, въ качествѣ личнаго, постоянного врача, такъ какъ находившійся при его величествѣ съ его конныхъ лѣтъ лейбъ-медикъ Енохинъ только что умеръ.

Въ одной изъ залъ Александровскаго дворца стоялъ походный иконостасъ для императрицы, потому что послѣднее время передъ болѣзнею она уже не выѣзжала и не могла присутствовать при обѣдняхъ въ Большомъ дворцѣ, а слухала ихъ дома у себя. Въ этой походной церкви и были выставлены останки ея величества на нѣсколько дней, до перенесенія ихъ въ Петербургъ въ императорскую усыпальницу. Везли тѣло въ Бозѣ почившей государыни по шоссе на трактѣ, по приказанію императора, въ память того, что 46 лѣтъ назадъ она ѣхала по этому же пути счастливой невѣстой... Вся свита покойной императрицы сопровождала печальную колесницу, равно какъ и взводъ Кавалергардскаго полка, коего ея величество была шефомъ, и также свиты малыхъ дворовъ, которыя въ Царскомъ Селѣ несли дежурство при тѣлѣ съ нами ¹⁾. На ночь печальное шествіе остановилось въ Чесменской богадѣльнѣ, гробъ былъ внесенъ въ церковь, гдѣ инвалиды были собраны для панихиды; мы же всѣ начали ночное дежурство при тѣлѣ; всю ночь инвалиды подходили прощаться съ высокою покойницей. Мы, фрейлины, уже порядочно усталыя отъ предыдущихъ дежурствъ у гроба въ Царскомъ Селѣ, смѣнялись каждый часъ въ эту утомительную ночь; а для отдыха намъ приготовили уже совсѣмъ посолдатски мѣшки, набитые соломой, положенные на полу въ одной изъ комнатъ. Рано утромъ на другой день, послѣ панихиды, печальное шествіе опять тронулось въ путь и около полудня прибыло къ Петербургской заставѣ. Въ одномъ деревянномъ, длинномъ съ фасаду домѣ, у самой заставы, собралась вся царская семья, для сопутствованія торжественнаго скорбнаго вѣзда останковъ дорогой покойницы въ столицу.

Въ этомъ же самомъ домѣ, принадлежавшемъ тогда нѣкому Татаринову, въ 1817 гѣду, принцесса Шарлота прусская, невѣстой великаго князя Николая Павловича, на пути изъ Царскаго Села оставалась, чтобы позавтракать и переодѣться для своего торжественнаго правдичнаго вѣзда въ столицу.

Наканунѣ погребенія императрицы, только что я вернулась изъ Петропавловской крѣпости въ Зимній дворецъ, послѣ панихиды, и не успѣла даже еще снять параднаго траура, ко мнѣ пришелъ государь сказать, что «онъ и его жена просятъ меня при нихъ остаться и надѣются, что я буду имъ также вѣрно служить, какъ ихъ матери, а что съ ихъ стороны—я не должна сомнѣваться—все будетъ сдѣлано для моего блага и спокойствія», что они и исполнили

---

¹⁾ Городекіи фрейлины въ Царскомъ Селѣ не назначались на дежурство при тѣлѣ, а приняли дежурство только въ крѣпости.

въ точности. Нечего и говорить, что это посѣщеніе обошлось не безъ слезъ...

Въ день погребенія государь приказалъ, чтобы дежурство при тѣлѣ состояло только изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ покойницѣ и только ея свитскихъ флейлинъ, такъ что приняли дежурство: за статсъ-даму — камеръ-фрейлина графиня Тизенгаузенъ; — сестра моя, Софія Петровна, Надежда Арсеніевна Бартенева, баронесса Анна Карловна Пиллеръ и я у самага гроба, по четыремъ угламъ онаго; княгиня Александра Василіевна Голицына, рожденная графиня Гудовичъ, въ качествѣ супруги генераль-майора свиты, и графиня Елисавета Ѳеодоровна Ферзенъ, рожденная Раухъ, въ качествѣ супруги чина высочайшаго двора. Генераль-адъютантъ графъ Степанъ Ѳеодоровичъ Апраксинъ, состоявшій при особѣ ея величества, и графъ Матвѣй Юрьевичъ Виельгорскій, гофмейстеръ двора въ Бозѣ почившей императрицы, Кавалергардскій полкъ и проч., и проч.

Все послѣднее держурство при тѣлѣ нашей дорогой матушки оставалось до послѣдней минуты замураванія надгробной плиты. Тѣмъ и окончилась наша служба при обожаемой, несравненной и незабвенной императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Возвратясь уныло около вечера домой въ Зимній дворецъ, я прошла прямо къ великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ, гдѣ пробыла часть вечера, а потомъ отправилась въ Царское Село на новую службу ¹⁾...

Баронесса Марія Фредерикъ.

---

¹⁾ Продолженіе моихъ «Воспоминаній» будетъ печататься вполнѣ только послѣ моей смерти.

ПОСЛѢДНЯЯ КНЯЖНА РОМОДАНОВСКАЯ.

ВѢТЪ ПЯТЬ тому назадъ, пришлось мнѣ побывать у одного моего пріятеля въ Великолуцкомъ уѣздѣ, Псковской губерніи. Жилъ онъ съ матерью и сестрами въ своемъ имѣніи, на берегу красиваго озера. Всѣ они такъ искренно обрадовались мнѣ, такъ радушно меня встрѣтили, что я вмѣсто того, чтобы пробыть у нихъ нѣсколько часовъ, какъ рѣшилъ было заранѣе, долженъ былъ остаться ночевать. Вечеромъ пріятель мой, между прочимъ, говоритъ мнѣ:

— Вотъ вы все ѣздите по матушкѣ Россіи, и такой любитель старины: не хотите ли повидать дѣйствительную рѣдкость? Не полѣнитесь проѣхать верстъ 35—40, въ сосѣднюю губернію, Витебскую. Тамъ живетъ старушка, княжна Ромодановская. Она уже сама по себѣ представляетъ величайшую рѣдкость, такъ какъ послѣдняя въ своемъ родѣ, и происходитъ по прямой линіи отъ князя кесаря, Федора Юрьевича Ромодановскаго, любимца Петра Великаго. У нея, вѣроятно, найдется не мало интереснаго и даже, быть можетъ, письма Петра. Я самъ, ежели желаете, поѣду съ вами на моихъ лошадяхъ. Встанемъ пораньше и къ обѣду доѣдемъ.

Отъ такого интереснаго предложенія отказаться, конечно, было невозможно, и мы рѣшили выѣхать туда чуть свѣтъ.

Это было въ началѣ августа. Утромъ, часовъ въ шесть, мы тронулись въ путь, въ маленькомъ тарантасѣ, на парѣ сытыхъ гнѣдыхъ лошадокъ. Погода стояла прекрасная. Хотя до границы разстояніе

было очень небольшое, а между тѣмъ, какъ только вѣхали мы въ Витебскую губернію, сейчасъ же повѣяло Польшей. Начали попадаться костелы, усадьбы съ высокими барскими каменными домами и крутыми черепичными крышами. Избы крестьянскія, да и сами крестьяне, казались какъ-то на другой ладъ. Словомъ, чувствовалось, что находишься не въ коренной матушкѣ Руси.

Около полудня мы поднялись на небольшой пригорокъ. Внизу, за мостомъ, виднѣлась бѣдная усадьба.

— Вотъ мы и пріѣхали,—радостно сказалъ мой спутникъ, показывая рукой на усадьбу.

— Какъ! въ этомъ жалкомъ домишкѣ живетъ княжна Ромодановская!—невольно воскликнулъ я. Мнѣ почему-то казалось, что она должна жить въ роскошныхъ палатахъ.

— Да вѣдь она бѣдная! Ихъ было двѣ сестры, одна недавно умерла. На нихъ числился еще отъ предковъ какой-то милліонный долгъ. Не знаю, какъ она съ нимъ поладила,—говорилъ пріятель.

Мы вѣхали во дворъ. Покосившійся на бокъ деревянный домъ очевидно давно не былъ отремонтированъ. Нужда и бѣдность сквозили изъ каждой щели обшивки, изъ каждаго сорвавагося съ петли ставня. На дворѣ ни души. Даже и собакъ не слышно. Усадьба точно вымерла. Маленькій садъ, обнесенный жидкою изгородью, заросъ крапивой и репейникомъ. Яблони и груши обросли мхомъ и на половину посохли. Между тѣнистыми акаціями гуляли телята, помахивая грязными хвостами. На дворѣ не замѣтно даже протоптанныхъ тропинокъ къ другимъ службамъ, конюшнямъ и амбарамъ, виднѣвшимся невдалекѣ.

Очевидно, обитателей здѣсь немного.

— Ну, пойдѣте въ домъ,—робко сказалъ мнѣ мой пріятель. Онъ выльзъ изъ тарантаса, вошелъ въ подъѣздъ и снялъ съ головы свою дворянскую фуражку съ краснымъ околышемъ. Онъ иначе не ѣздилъ по уѣзду, какъ въ такой фуражкѣ.

Мнѣ вдругъ тоже сдѣлалось не по себѣ.

— Право, какъ-то неловко входить ни съ того ни съ сего въ чужой домъ, да еще и къ незнакомой барынѣ,—съ нѣкоторымъ смущеніемъ говорю ему.—Вы давно съ ней знакомы?

Пріятель мой отъ этихъ словъ робѣетъ еще болѣе.

— Не особенно, раза два всего былъ у нея,—шепчетъ онъ мнѣ на ухо.

— Ну, что же вы скажете ей про меня, зачѣмъ мы пріѣхали?—допытываюсь я у него въ прихожей вполголоса, точно у насъ не было времени дорогой столковаться съ нимъ заранѣе объ этомъ.

— Ну, да, вотъ скажу ей, что ѣхали мимо, и что вы, какъ великій почитатель ея предка кесаря Ромодановскаго, пожелали представиться ей, какъ правнучкѣго,—объясняетъ пріятель, слегка прискивая выраженія.—Вѣдь не ворочаться же теперь назадъ,—резонно

добавляетъ онъ съ нѣкоторою досадою. — Пойдемъ, что тутъ трусить! — и мы смѣло входимъ въ обширную свѣтлую комнату, бѣдно мебелированную. Въ переднемъ углу виднѣются стѣнные англійскіе часы въ длинномъ красномъ футлярѣ. По стѣнамъ стоятъ простые березовые стулья, а по срединѣ — складной обѣденный столъ. Прислуга намъ до сихъ поръ еще не попадалась.

Мы начинаемъ нарочно громко ходить и кашлять. Наконецъ, показывается какая-то баба, съ подвязаннымъ передникомъ.

— Кого вамъ? — спрашиваетъ она.

— Что княжна дома? — обращается къ ней мой спутникъ.

— Барыня? — удивленно восклицаетъ она. — А вотъ сейчасъ доложу, — и исчезаетъ.

Вскорѣ двери въ сосѣднюю комнату отворились, и вошла женщина лѣтъ 60—65, богатырскаго тѣлосложенія, ярая брюнетка, вся въ черномъ. Даже косынка на плечахъ и та черная. На вискахъ волосы причесаны гладкими кольцами, какъ я видалъ у древнихъ барынь старушекъ.

Пріятель мой здоровается съ ней, а затѣмъ представляетъ меня. Хозяйка чрезвычайно любезно приглашаетъ насъ садиться. Разговоръ завязывается сначала о хозяйствѣ. Я же стараюсь поскорѣе свести его на князя кесаря, ея предка.

— Да, да! — жалостливо восклицаетъ княжна, покачивая головой, съ гладко причесанными черными волосами, — былъ у насъ когда-то и портретъ его, когда мы жили въ другомъ имѣніи. Помню, я еще ребенкомъ была, портретъ этотъ висѣлъ у насъ въ залѣ. И такой былъ страшный, что меня маленькую всегда пугали имъ. Онъ былъ во весь ростъ. Когда мнѣ случалось проходить черезъ залу, то я зажмурю бывало глаза да и пробѣгу. Потомъ его снесли на чердакъ, да тамъ онъ и пропалъ.

Во время разговора я пристально всматривался въ ея лицо. Оно было чрезвычайно оригинально. Въ немъ проглядывала какая-то величественность, привычка повелѣвать: глаза большіе, черные, выразительные. Брови густыя, дугой. Носъ — большой, горбатый. Старинная прическа очень шла къ ней. Вообще, вся ея фигура невольно напоминала, что передъ вами сидитъ не простая бѣдная старушка.

— Нѣтъ ли у васъ, княжна, письмаца какого или хотя одной строчки Петра Великаго? Не сохранилось ли? Мнѣ бы только взглянуть, — говорю ей, пользуясь ея молчаніемъ.

— Были, были, сударь, и печать Петра была, да все пораздарила, ничего не осталось. А ужъ больше всего мнѣ жаль крестовъ! Вотъ старинные-то были! — съ горечью восклицаетъ она.

— Что это за кресты? — спрашиваю её съ великимъ интересомъ.

— Два ихъ было, деревянные. Такіе древніе, отъ самого князя кесаря къ намъ перешли. Никто не знаетъ, какого и вѣка они были.

Одинъ любитель въ Петербургѣ семь тысячъ рублей за нихъ давалъ намъ.

— Ну, и куда же вы ихъ дѣли?—продолжаю я расспрашивать.

— А случилось это еще при покойномъ государѣ Александрѣ Николаевичѣ,—объясняетъ княжна и кладетъ руки на свои богатырскія колѣни.—Увидалъ у насъ эти кресты знакомый нашъ, графъ Сологубъ, и пришелъ въ великій восторгъ. Поднесите, говоритъ, ихъ государынѣ, началъ онъ упрашивать насъ. Вамъ непременно и долгъ вашъ простятъ, и еще другія милости окажутъ. Приѣзжайте только въ Петербургъ, а я тамъ уже все устрою и доложу. Онъ вхожъ былъ во дворецъ, и государыня, говорятъ, его очень любила,—добавляетъ княжна нѣсколько пониженнымъ тономъ.—Ну, вотъ, послушались мы его, собрались съ сестрой, взяли кресты и поѣхали въ Петербургъ. Графъ живо тамъ все намъ устроилъ, разузналъ и доложилъ. Государыня приняла насъ чрезвычайно милостиво. Усадила возлѣ себя и давай расспрашивать. Мы рассказали ей о нашемъ горестномъ положеніи. Государыня такъ расстроилась, что даже заплакала. А когда мы поднесли ей кресты, то расстроилась еще болѣе и повелѣла пригласить государя.—Тутъ княжна встаетъ и начинаетъ представлять въ лицахъ:—Какъ только государь взошелъ, мы, конечно, ему—глубокій поклонъ, а государыня сидитъ это въ креслѣ. На колѣняхъ у себя держитъ наши кресты и носовой платочекъ, которымъ все слезы вытираетъ. Показываетъ ему рукой на насъ и говоритъ:—Вотъ, государь, полюбуйся, это княжны Ромодановскія! Все состояніе ихъ осталось въ этихъ крестахъ, и тѣ онѣ намъ подносятъ. Это грустно! Нельзя ли имъ какъ нибудь помочь?—И тутъ государыня опять начала плакать. Княжна умолкаетъ и кажется растроганной.

— Ну, что же дальше было послѣ того?—спрашиваю ее.

— А намъ сложили нашъ долгъ,—со вздохомъ добавляетъ рассказчица.—Да что толку-то въ томъ? Вѣдь мы, все равно, никогда бы не уплатили его. Гдѣ же намъ взять миллионы! У дѣда-то нашего было 37 тысячъ душъ, да намъ-то одни долги достались. То ли бы дѣло семь-то тысячъ получить!—И она грустно опускаетъ голову на грудь.

— Ну, а съ крестами что случилось? Не знаете ли?

— А кресты, графъ говорилъ, государыня приказала снести въ церковь Зимняго дворца, чтобы они тамъ находились. Уже не знаю, тамъ ли они теперь, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ.

Мы посидѣли еще немного, потолковали и начали собираться въ обратный путь.

— Да какъ же это васъ такъ отпустить! Надо же что нибудь дать на память!—воскликнула княжна, и быстрою походкой ушла въ свою комнату. Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась и передала мнѣ небольшой образокъ въ старинной серебряной ризѣ, говоря:

— Образъ этотъ тоже древній... Много лѣтъ хранился въ нашемъ родѣ. Я все его берегла. Ну, да ужъ пускай вамъ остается на память обо мнѣ.

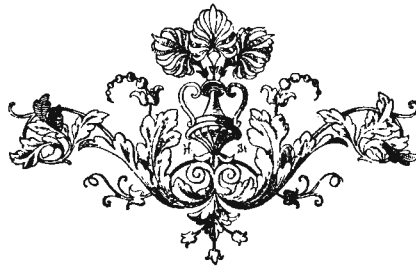
Я положительно не зналъ, какъ ее благодарить за такую любовь.

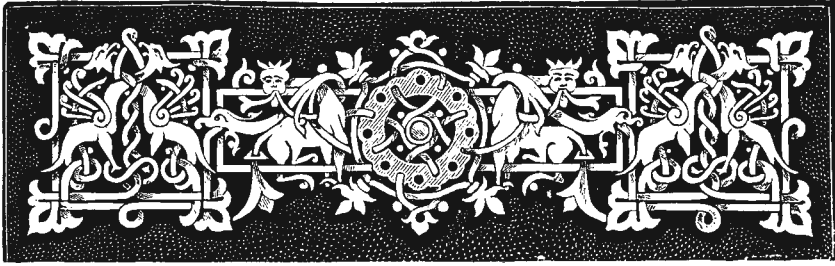
— Ну, ужъ ежели вы княжна такъ добры, дарите мнѣ этотъ образокъ, то не откажите и сдѣлать надпись на немъ.

Княжна съ удовольствіемъ согласилась, достала клочекъ бумаги, сдѣлала надпись и припечтала ее сургучемъ къ обратной сторонѣ образа. Подарокъ этотъ я храню до сихъ поръ, какъ святыню.

Вскорѣ послѣ этого княжна умерла, а съ ней прекратился и знаменитый родъ Ромодановскихъ.

Александръ Верещагинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ КОНСТАНТИНА КАРЛОВИЧА ЖЕРВЕ.

ОСЛѢ дѣла моего, генерала Константина Карловича Жерве, остались обширные мемуары (до восьми тысячъ страницъ большого формата), писанные имъ частью въ видѣ воспоминаній, частью въ видѣ дневника. «Воспоминанія» эти являются въ печати, такъ сказать, случайно и во всякомъ случаѣ авторомъ ихъ не назначались для этой цѣли: по его собственнымъ словамъ (въ предисловіи), онъ писалъ ихъ «безъ всякаго притязанія на особый литературный интересъ и вовсе не для гласности, а лишь для близкихъ родныхъ». И дѣйствительно, его «Воспоминанія» касаются преимущественно семейныхъ дѣлъ нашей фамилии, однако, прочитавъ ихъ, я нашелъ здѣсь не мало фактовъ, представляющихъ общій интересъ, и потому рѣшилъ извлечь изъ мемуаровъ дѣда все то, что, по моему мнѣнію, заслуживаетъ быть напечатаннымъ. Разумѣется, такія выписки не могутъ имѣть строгой общей связи, но я располагалъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, вслѣдствіе чего получается довольно цѣльная картина тѣхъ событій, участникомъ или свидѣтелемъ которыхъ былъ дѣдъ.

Викторъ Жерве.

I.

Мои родители.—Общая школа въ Выборгѣ въ 1811 году.—Ф. Ф. Вессонъ и лѣтартія его сына.—Гимназія; ея порядки.—Шведъ Ренбекъ и изгнаніе его учениками изъ гимназіи.—Выборгская аристократія въ началѣ этого столѣтія: баронъ Штейнцель, генераль-аншефъ Врангель, генераль Коль, баронъ Николаи.—Городъ Выборгъ.—Братъ Александръ Карловичъ; его характеръ.—Отличія на службѣ.—Братъ Любимъ Карловичъ и милость къ нему императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Важное порученіе отцу въ 1812 году: охрана царскихъ сокровищъ.—Партія плѣнныхъ; призрѣніе ихъ отцемъ.—Пожаръ въ Выборгѣ въ 1814 году.—Семейныя горести; смерть отца.—Мой отъѣздъ въ Петербургъ въ 1818 году.

Могу описывать все, что мнѣ памятно, конечно, лишь съ того времени, когда самъ сталъ сознательно относиться ко всему, меня окружающему, и началъ вникать въ жизнь и ея явленія. Пишу только о томъ, что самъ видѣлъ и слышалъ, или о томъ, что мнѣ было передано другими членами моего семейства, которые сами были дѣйствующими лицами или очевидцами, или, наконецъ, получили свѣдѣнія изъ вѣрныхъ источниковъ.

Но прежде, чѣмъ писать о себѣ, скажу нѣсколько словъ о покойныхъ моихъ родителяхъ. Отца я хорошо помню только съ того времени, когда онъ уже вернулся изъ шведской кампаніи 1809 года генераль-майоромъ и шефомъ Выборгскаго гарнизоннаго полка. Онъ былъ нѣсколько болѣе средняго роста, весьма красивой, привлекательной наружности, имѣлъ прекрасные, выразительные каріе глаза; умное, благородное лицо его имѣло нѣсколько гордое, но не надменное выраженіе. Онъ носилъ довольно коротко остриженные волосы, всегда бывалъ чисто выбритъ, чрезвычайно чистоплотенъ, одѣвался аккуратно и хорошими манерами и любезностью производилъ на всѣхъ пріятное впечатлѣніе. Отецъ любилъ общественную жизнь и дѣйствительно жилъ открыто, принималъ радушно. Многія пріѣзжавшія изъ Петербурга и изъ другихъ мѣстъ лица, въ особенности принадлежавшія къ высшему кругу общества, всегда приглашались имъ къ столу. Весьма рѣдко, чтобы кто нибудь изъ постороннихъ не обѣдалъ у него, служившіе же при немъ почти постоянно обѣдали у него и женатые очень часто съ женами. Изъ послужнаго списка отца знаю, что онъ «въ службу вступилъ кадетомъ декабря 1-го 1772 года; капраломъ 1-го декабря 1774 года; прапорщикомъ 1775 года іюля 31 дня лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ». Между прочимъ, въ полковники отецъ былъ произведенъ 20-го августа 1798 года, а въ генераль-майоры 15-го октября 1799 года и назначенъ шефомъ въ Елецкій мушкатерскій полкъ. Такое быстро производство покойнаго отца въ генералы черезъ годъ съ небольшимъ, вѣроятно, слѣдуетъ приписать личному благоволенію къ нему императора Павла, ибо отецъ часто вспоминалъ о покойномъ государѣ

и съ грустью говорилъ, что со смертью его онъ много потерялъ. Но почему императоръ Павелъ къ нему былъ особенно милостивъ, гдѣ и съ чего началось такое благоволеніе, объ этомъ до меня никогда никакіе слухи не доходили. Выборгскимъ комендантомъ онъ былъ назначенъ въ 1809 году и въ этой должности служилъ до самой своей смерти (18 іюля 1818 года). О кампаніяхъ покойнаго отца можно бы было написать много: онъ участвовалъ и въ сухопутныхъ и въ морскихъ сраженіяхъ и имѣлъ Георгія 4 степени.

Мать я помню уже болѣе пожилою женщиною, весьма бдительною хозяйкою, любившею мужа всею чистою, теплою своею душою. Угождать ему, исполнять его желанія, давать ему въ семейномъ кругу отдыхъ послѣ работъ и трудовъ—все это она считала первою своею обязанностью. Характера самаго добраго, кроткаго, чрезвычайно снисходительная къ недостаткамъ ближняго, она была слишкомъ строга къ себѣ. Она выѣзжала въ общество весьма рѣдко, одѣвалась очень просто, но прилично своему званію.

Мой отецъ былъ женатъ два раза, на двухъ родныхъ сестрахъ, и отъ обоихъ браковъ имѣлъ очень много дѣтей. Я былъ младшимъ сыномъ и не зналъ вовсе нѣкоторыхъ изъ братьевъ и сестеръ, которые умерли до моего рожденія. На воспитаніе дѣтей въ то время вообще мало обращали вниманія. Меня и брата Ивана отдали въ общую школу (Kreis-Schule)—окружное училище, гдѣ весь курсъ преподавался на нѣмецкомъ языкѣ. Я даже не помню, былъ ли тамъ учитель русскаго языка, кажется, не былъ. Курсъ былъ раздѣленъ на 4 класса, по окончаніи которыхъ ученики могли поступать въ гимназію безъ экзамена. За успѣхами нашими никто не слѣдилъ, и мы были предоставлены совершенно самимъ себѣ. Къ сестрамъ ходили какія-то учительницы, но ихъ воспитаніе болѣе всего лежало на обязанности старика Франца Францовича Бессонъ, который дѣйствительно занимался съ ними очень добросовѣстно. Онъ былъ очень добрый, умный старикъ, зналъ нѣмецкій и французскій языки, исторію, географію и ариметику; одѣвался довольно опрятно, но по-старинному, и носилъ небольшую косу, которая висѣла на спинѣ. Старшій его сынъ, Францъ, человекъ не очень образованный, добрый, съ небольшими способностями, нѣсколько замѣчательнъ тѣмъ, что однажды сильно заболѣлъ и затѣмъ впалъ въ глубокій летаргическій сонъ, который приняли за смерть. Онъ слышалъ, какъ его оплакивали, какъ съ него снимали мѣрку на гробъ, какъ его положили въ гробъ, но не имѣлъ силы сдѣлать малѣйшее движеніе. Когда пасторъ уже кончилъ обрядъ отпѣванія, и на него стали класть гробовую крышку, только тогда какимъ-то страшнымъ усиленіемъ ему удалось ударить рукою о крышку, такъ что она вылетѣла изъ рукъ мастерового. Стали давать разныя медицинскія средства, онъ очнулся, а затѣмъ и выздоровѣлъ. Онъ жилъ послѣ того еще лѣтъ пять-десять, но съ тѣхъ поръ у него на лицѣ явилась странная особен-

ность: носъ его всегда оставался бѣлымъ, какъ мѣлъ, преимущественно когда онъ сердился и краснѣлъ. Насъ, дѣтей, это очень забавляло, и мы часто старались посердить его, чтобы видѣть бѣлый носъ.

Насъ съ братомъ ежедневно привозили два раза въ школу, гдѣ мы занимались отъ 8 до 12 часовъ утра и отъ 2 до 4 часовъ дня. Инспекторомъ школы былъ тогда г. Тимме, довольно знающій, добрый, но взыскательный, когда нужно; самъ онъ не преподавалъ ничего. Въ школѣ уже и въ то время къ тѣлеснымъ наказаніямъ прибѣгали весьма рѣдко, и то только по приговору школьной конференціи. Въ такихъ случаяхъ наказаніе производилось публично, въ присутствіи всѣхъ учениковъ школы, при чемъ обыкновенно говорились рѣчи, въ которыхъ рѣзкими чертами указывалось на то унижительное положеніе, въ которое ставилъ себя наказуемый. Помню, что въ теченіе трехъ лѣтъ моего пребыванія въ школѣ такимъ образомъ было наказано человѣкъ пять, что эти наказанія имѣли громадное вліяніе на учениковъ, производили сильное впечатлѣніе и поэтому случались очень рѣдко. Въ гимназіи же тѣлесное наказаніе вовсе не существовало и за слишкомъ дурное поведеніе исключали изъ заведенія.

Кажется, въ 1814 году изъ старшаго класса школы я перешелъ въ гимназію. Лѣтомъ того же года я съѣздилъ съ отцемъ въ Петербургъ, гдѣ накупилъ разныхъ книгъ, и началъ усердно заниматься. Вообще какъ школы, такъ и гимназіи въ то время въ Финляндіи стояли гораздо выше, чѣмъ въ Россіи, въ чемъ я могъ удостовѣриться впоследствии. Здѣсь дѣйствительно давали средства хорошо учиться и можно сдѣлать упрекъ развѣ только за одно: на мертвые языки: латинскій, греческій и еврейскій, обращали слишкомъ много вниманія, а на живые, кромѣ нѣмецкаго,—никакого; но этотъ недостатокъ существуетъ, кажется, и по сіе время у насъ. По принятому во всѣхъ нѣмецкихъ гимназіяхъ обычаю, переходившіе изъ школъ ученики должны были посвящаться въ гимназисты. Этотъ обычай соблюдался и въ Выборгѣ. Съ новичковъ потребовали деньги, и въ складчину устроили вечеринку, такъ называемый фуксъ-коммерсъ (Fuchs-Commerse), въ которомъ принимали участіе учителя и профессора. Говорились разныя рѣчи, стихи, пѣлись студенческія пѣсни, пили очень много, шумѣли еще больше. Хотя я совершенно ничего не пилъ, однако долженъ былъ участвовать и въ попойкѣ и въ весельѣ. Въ то время на подобныхъ пирушкахъ пили, главнымъ образомъ, пуншъ, о шампанскомъ же на сходкахъ бѣдныхъ учениковъ и помину не могло быть. Чтобы я могъ пить пуншъ, для меня подсластили его елико возможно, и я совершенно опьянѣлъ, такъ что меня принесли на рукахъ домой въ безчувственномъ состояніи. Эта попойка имѣла на меня весьма благодѣтельное вліяніе: съ тѣхъ поръ даже издали я не могъ слышать запахъ рому, лѣтъ двадцать онъ мнѣ былъ совершенно противенъ, и только въ зрѣлыхъ годахъ это отвращеніе исчезло.

Учился я хорошо и на слѣдующій годъ успѣлъ перейти во 2-й классъ. При мнѣ директоромъ гимназіи былъ г. Магнусъ, профессоръ, учившійся въ нѣсколькихъ германскихъ университетахъ, образованный и свѣдущій, въ особенности въ древнихъ языкахъ; онъ преподавалъ латинскій, греческій и еврейскій языки въ высшихъ классахъ. Въ числѣ учителей былъ у меня шведъ Ренбекъ, который по случаю реформъ по присоединенію Старой Финляндіи къ Новой долженъ былъ преподавать шведскій языкъ. Онъ былъ человѣкъ молодой, пылкій и неравнодушно несъ нравственное бремя русскаго владычества. Въ третій же или четвертый урокъ Ренбекъ позволилъ себѣ расхваливать шведскія узаконенія и весьма неосторожно отнесся къ русскимъ учрежденіямъ. Какъ сынъ русскаго генерала, я сталъ спорить со шведомъ, надѣясь на поддержку товарищей, остановилъ его выходку и назвалъ его при всѣхъ возмутителемъ и вреднымъ для государства человѣкомъ. Меня поддержали нѣкоторые изъ русскихъ и преданныхъ Россіи учениковъ,—шведа согнали съ поля. Я тотчасъ поѣхалъ домой и все передалъ отцу. Хотя ему было очень непріятно, что я былъ замѣшанъ въ такую скверную исторію, однако нельзя было ее заглушить: слишкомъ много ушей слышали нашъ споръ. Директора гимназіи и Ренбека отецъ пригласилъ къ себѣ, и, во избѣжаніе слишкомъ дурныхъ послѣдствій для Ренбека, его удалили изъ гимназіи куда-то внутрь Финляндіи.

Покойный отецъ мой былъ назначенъ комендантомъ въ Выборгъ вслѣдъ за окончаніемъ шведской кампаніи, въ которой принималъ дѣятельное участіе. Новая Финляндія до Торнео включительно и Аландскіе острова были покорены и утверждены за Россією—частью храбростью войскъ и распоряженіями графа Каменскаго, частью, какъ носились слухи, и золотыми пулями. Такъ говорили, будто бы военный губернаторъ Свеаборгской крѣпости, графъ Кронштедтъ, струсиль или польстился и сдалъ Свеаборгъ тогда, когда онъ могъ еще долго держаться. Старикъ генералъ графъ Спренгпортенъ тоже перешелъ къ намъ и купилъ себѣ имѣніе около Выборга, за заставою по Фридрихсгамской дорогѣ. Старые финляндцы уже успѣли нѣсколько обрусѣть, и потому имъ не очень нравились реформы по шведскимъ законамъ, существовавшимъ въ Новой Финляндіи.

Когда мы жили въ Выборгѣ, аристократическое общество, съ которымъ семейство моего отца было въ постоянныхъ отношеніяхъ, состояло, въ числѣ прочихъ, изъ слѣдующихъ лицъ.

Генералъ-губернаторъ Финляндіи баронъ Оаддей Θεодоровичъ Штейнгель, давнишній знакомый и сослуживецъ моего отца, съ семействомъ котораго мы жили въ самыхъ хорошихъ и короткихъ отношеніяхъ до перевода барона въ Гельсингфорсъ, кажется, въ 1811 году. Супруга его, Наталья Николаевна была бойкая барыня, имѣла постоянно своихъ фаворитовъ. Такъ, напримѣръ, въ выборгскомъ почтамтѣ служилъ почтальономъ одинъ молодой человѣкъ, весьма

красивой наружности, который очень понравился баронессѣ. По ея протекціи, его произвели въ чиновники, затѣмъ она его перевела въ военную службу, опредѣлила адъютантомъ къ мужу, принялась за его образованіе, научила его французскому языку и проч. Это былъ Павелъ Петровичъ Эттеръ, впоследствии генераль-лейтенантъ и начальникъ дивизіи въ Финляндіи. Другой адъютантъ барона, Карлъ Леонтьевичъ Жерве¹⁾, былъ не въ фаворѣ у Натальи Николаевны, благодаря своему непокорному и неугодливому къ ея капризамъ характеру. У барона была только одна дочь, Елена Оаддевна, съ которой мы въ дѣтствѣ были очень дружны.

Генераль-отъ-инфантеріи, или генераль-аншефъ, какъ ихъ тогда звали, — Карлъ Романовичъ Врангель, служивый екатерининскихъ временъ, высокий, худощавый, весьма представительный старикъ. Онъ жилъ въ отставкѣ на петербургскомъ форштатѣ, нѣсколько отдаленно, въ собственномъ домѣ съ огромнымъ садомъ и оранжереею. Жена его, Марія Петровна, въ молодости, вѣроятно, была чрезвычайно красива, и при насъ она была еще очень недурная, нѣсколько дородная старушка, съ «тономъ», любила этикетъ и старалась имѣть ощутительное вліяніе на все ее окружавшее. У нихъ было трое дѣтей: сынъ Петръ Карловичъ, впоследствии мужъ сестры моей Анны Карловны, и двѣ дочери, Елизавета и Екатерина, обѣ очень хорошенькія и, по тогдашнему времени, довольно образованныя. Кажется, въ 1809 году лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ, по какому случаю не знаю, квартировалъ въ Выборгѣ, и командиромъ полка тогда былъ полковникъ Загряжскій. Онъ сильно ухаживалъ за Елизаветой Карловной Врангель, такъ что городская молва протрубила ихъ женихомъ и невѣстою. Загряжскій увидѣлъ тогда, что зашелъ слишкомъ далеко, дѣло плохо—и хотѣлъ улизнуть въ Петербургъ, но мамаша оказалась бабой-непромахъ: она узнала его продѣлку, поскакала вслѣдъ за нимъ, нагнала его, вернула и заставила жениться. Загряжскій уже послѣ былъ начальникомъ кавалерійской дивизіи, промотался, но поправилъ свои дѣла, играя постоянно въ карты со своимъ корпуснымъ командиромъ (не помню кто), холостымъ старикомъ, который пользовался благосклонностью Елизаветы Карловны и, послѣ смерти, все свое состояніе завѣщалъ Загряжскому.

Генераль-майоръ Карлъ Карловичъ Коль жилъ противъ плацъ-параднаго мѣста въ каменномъ наемномъ домѣ. О немъ ходилъ слѣдующій разсказъ. Коль былъ очень красивый, статный, представительный господинъ, но порядочно простъ, неразвитъ и безъ всякаго образованія, хотя съ достаточнымъ наружнымъ лоскомъ для сядона. Онъ былъ также въ фаворѣ у покойнаго императора Павла, хорошо принятъ при дворѣ и, благодаря красотѣ и благовидности своей, имѣлъ много интригъ. Между прочимъ, онъ приволокнулся

¹⁾ Двоюродный братъ дѣда.

не совсѣмъ осторожно къ женѣ одного изъ знатныхъ баричей. Однажды, при Дворѣ, когда уже начался довольно большой сѣвядъ, въ присутствіи многихъ ожидавшихъ выхода императора, этотъ баринъ присталъ къ Колю и началъ грозить ему. Тотъ не уступилъ, слово за слово—и этотъ господинъ публично далъ Колю пощечину. Узнавъ объ этомъ, императоръ страшно разсердился на дерзость магната, совершенную въ его дворцѣ: онъ сослалъ его въ Сибирь. Тѣмъ не менѣе Коля уже не могъ остаться ни на службѣ, ни при Дворѣ, хотя императоръ тутъ же произвелъ его въ генералы, далъ ему Анну 1-й степени, подарилъ 100 душъ, кажется, около Вышняго Волочка, и уволилъ отъ службы. Съ тѣхъ поръ онъ поселился въ Выборгѣ, женился на Екатеринѣ Карловнѣ Врангель и велъ тихую, скромную жизнь.

Тайный совѣтникъ баронъ Николай—дипломатъ въ отставкѣ, богатый владѣлецъ знаменитаго сада Мон-герос, въ трехъ верстахъ за городомъ направо отъ Фридрихсгамской дороги. Мужъ и жена—почтенная, очень образованная чета—принимали у себя хотя этикетно, но радушно; считались людьми важными какъ по своему состоянію, такъ и по значительнымъ связямъ со всею знатью и Дворомъ Петербурга. При всемъ томъ баронесса была нѣсколько скупенька: напимѣръ, она имѣла привычку въ концѣ обѣда спрашивать, не угодно ли кому нибудь еще вина, а сама въ это время забивала рукою пробку бутылки. Намъ, шалунамъ, доставляло большое удовольствіе дожидаться, когда баронесса крѣпко забьетъ пробку, и попросить тогда вина. Лѣтомъ мы проводили у нихъ нерѣдко цѣлые дни чрезвычайно пріятно, потому что насъ принимали всегда очень ласково, ягодъ и фруктовъ было много, а, кромѣ того, гулянье въ огромномъ очаровательномъ саду являлось истиннымъ наслажденіемъ. Садъ, дѣйствительно, былъ рѣдкій: огромныя оранжереи, несчетные сюрпризы, бесѣдки, статуи—все это содержалось прекрасно. Предъ широкою лѣстницею изъ дома въ садъ на террасѣ стояли два бюста—барона и баронессы, отлично изваянные изъ бѣлаго каррарскаго мрамора; подъ этими бюстами были устроены гранитные склены, въ которыхъ впоследствии должны были быть похоронены хозяева. Миѣ въ жизни только разъ удалось видѣть другой такого рода садъ, это Софійскій около городка Умани, Кіевской губерніи. Этотъ послѣдній, пожалуй, нѣсколько роскошнѣе, затѣйливѣе фонтанами и вообще игрою воды, но до своего очаровательнаго вида онъ доведенъ преимущественно искусствомъ, тогда какъ Мон-геросъ богатъ природою: въ немъ дикій гранитъ и окружающая его вода Финскаго залива составляютъ преобладающій элементъ. Хотя барскій домъ въ Мон-геросъ отлично устроенъ, богато меблированъ и комнаты его украшены многими замѣчательными картинами и другими произведеніями искусства, однако онъ далеко

уступаетъ дворцу въ Софіи, на постройку и украшеніе котораго употреблены громадныя капиталы.

Въ мое время Выборгъ имѣлъ уже видъ довольно благоустроеннаго города.

Когда покойный отецъ уже былъ комендантомъ въ Выборгѣ, братъ мой Александръ Карловичъ, съ поддержкою отца продолжая службу въ гвардіи ¹⁾, пріѣзжалъ почти ежегодно въ отпускъ къ отцу и почти всегда привозилъ съ собою одного, двухъ, а иногда и болѣе своихъ товарищей; чаще другихъ пріѣзжали Ушаковъ, Штевень и Галченковъ ²⁾. Пріѣздъ этихъ молодыхъ людей, навѣщавшихъ насъ обыкновенно на праздникахъ Рождества Христова, очень оживлялъ весь городъ: вечеринки, концерты, обѣды и балы непрерывно смѣнялись, и весь кругъ нашихъ знакомыхъ старался веселить пріѣзжихъ гостей. Надо сказать, что Александръ Карловичъ въ молодыхъ лѣтахъ былъ очень веселый, проказникъ, отлично пѣлъ простыя русскія пѣсни, особенно подражая ямщикамъ, и прекрасно копировалъ пьяныхъ. Такъ, однажды, уже будучи женихомъ ³⁾, онъ пріѣхалъ вечеромъ къ Писемскимъ въ мундирѣ и представился совершенно пьянымъ. Можно легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело его состояніе на важное, чопорное общество: невѣста—въ слезы, и свадьба чуть не разстроилась. Но Александръ Карловичъ еще нѣсколько выдержалъ роль и наконецъ бросилъ шутку, которая много насмѣшила общество.

Братъ принималъ участіе въ Отечественной войнѣ и былъ во всѣхъ сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ Финляндскій полкъ. Онъ командовалъ батальономъ и получилъ всѣ кресты, какіе могъ получить, въ числѣ ихъ св. Георгія 4 степени и орденъ св. Анны съ алмазами; кромѣ того, прусскій король пожаловалъ ему крестъ «Pour le mérite». Въ сраженіи подъ Лейпцигомъ 4 октября 1813 года, при деревнѣ Госсѣ, гренадеръ его батальона, Коренной, спасъ жизнь Александру Карловичу, самоотверженно защищая его отъ французовъ. Бравый солдатъ получилъ при этомъ 18 ранъ и, совершенно потерявъ силы, ваятъ въ плѣнъ. Но французы оцѣнили храбрость русскаго солдата: когда Наполеону рассказали о примѣрномъ поступкѣ Коренного, императоръ велѣлъ врачамъ имѣть за нимъ особый уходъ и, по совершенномъ выздоровленіи его, наградилъ и отправилъ изъ плѣна. Братъ за это сраженіе получилъ Георгія; кажется,

¹⁾ Александръ Карловичъ Жерве 10 декабря 1806 года изъ 2-го кадетскаго корпуса поступилъ поручикомъ во вновь сформированный тогда императорскій батальонъ милиціи, впоследствии лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ. Александръ Карловичъ служилъ въ полку до 25 февраля 1816 года, когда въ чинѣ полковника былъ назначенъ командиромъ 2-го егерскаго полка.

²⁾ Капитаны Штевень и Галченковъ и поручикъ Ушаковъ также вмѣстѣ съ нимъ вошли въ первоначальный составъ императорскаго батальона милиціи.

³⁾ Елизаветы Петровны Писемской, дочери ярославскаго помѣщика. В. Ж.

Коренному онъ выхлопоталъ потомъ пенсіонъ ¹⁾. Въ томъ же сраженіи, въ сильномъ изнеможеніи, Александръ Карловичъ присѣлъ на барабанъ. Въ это время подошелъ къ нему его батальонный адъютантъ, столь же изнуренный усталостью, и попросилъ его хоть на минутку дать присѣсть. Братъ уступилъ ему мѣсто, но чрезъ нѣсколько минутъ его адъютанта снесло съ барабана ядромъ. Въ тотъ же день Штевенъ былъ раненъ пулею въ горло на вылетъ; рану его вылѣчили, но онъ навсегда потерялъ голосъ ²⁾. Александръ Карловичъ вмѣстѣ съ полкомъ вступилъ въ Парижъ, затѣмъ благополучно окончилъ кампанію и, обвѣшанный орденами, въ 1814 году прибылъ въ Выборгъ, гдѣ долженъ былъ лѣчиться отъ раны въ ногу.

Другой братъ мой, Любимъ Карловичъ, родившійся въ 1787 году, былъ зачисленъ юнкеромъ въ Черниговскій мушкетерскій полкъ въ 1799 году, когда покойный отецъ былъ шефомъ этого полка (послѣ Елецкаго). Въ 1803 году, онъ отправился во французскую кампанію, и въ одномъ сраженіи ему раздробило лѣвую ногу, которую потомъ пришлось отнять ниже колѣна. Кажется, въ 1807 году изъ-за раны онъ долженъ былъ выйти въ отставку и двадцатилѣтнимъ юношей, уже безъ ноги, отставнымъ штабсъ-капитаномъ и съ Владиміромъ 4-ой степени съ бантомъ, вернулся въ Выборгъ къ отцу. Въ слѣдующемъ году онъ женился на Н. А. Лехнеръ. Будучи послѣ того въ Петербургѣ, онъ явился къ бывшему своему шефу полка, князю Голицыну, который далъ ему возможность быть представленнымъ вдовствующей императрицѣ Маріи Феодоровнѣ. Государынѣ онъ очень понравился; видя его такимъ молодымъ и такъ тяжело раненымъ, она приняла въ немъ участіе и предложила ему опять вступить въ военную службу. Но по неопытности онъ отказался отъ этого предложенія и просилъ гражданское мѣсто. Императрица Марія подарила ему механическую ногу (тогда еще весьма большая рѣдкость), которая вполне замѣнила ему потерянную и весьма мало отличалась отъ настоящей по наружному своему виду. Когда братъ имѣлъ счастье вторично представиться императрицѣ, она была чрезвычайно довольна, увидѣвъ его уже на двухъ ногахъ. Впрочемъ, такъ какъ искусственная нога при ходьбѣ причиняла нѣкоторую боль, то Любимъ Карловичъ впослѣдствіи не носилъ ея. Онъ получилъ затѣмъ мѣсто инспектора придворнаго госпиталя ³⁾.

¹⁾ Въ офицерскомъ собраніи лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка большая картина, писанная масляными красками, изображаетъ подвигъ Коренного. Копіи съ нея имѣются во всѣхъ частяхъ войскъ и военно-учебныхъ заведеніяхъ. В. Ж.

²⁾ Въ исторіи л.-гв. Финляндскаго полка, составленной полковникомъ Ростовскимъ (стр. 196), въ сраженіи подъ Лейпцигомъ значатся убитыми: поручикъ Крыловъ и прапорщики Траубенбергъ, Богдановичъ и Левашевъ. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ и упомянуть въ разсказѣ дѣда. Штевенъ (уже въ чинѣ полковника) также значится раненымъ въ этомъ сраженіи. В. Ж.

³⁾ Несмотря на тяжелую рану въ юныхъ годахъ, Любимъ Карловичъ

Уже съ середины 1811 года проносились слухи о разрывѣ Россіи съ Франціей и о предстоящей войнѣ съ Наполеономъ. Мнѣ не придется описывать Отечественную войну: я былъ далекъ отъ главнаго мѣста дѣйствій, да, наконецъ, эта великая эпоха путемъ печати теперь уже болѣе или менѣе извѣстна каждому. Отдѣльные эпизоды ея, по рассказамъ участниковъ, сохранились въ моей памяти; переживать же всѣ ужасы ея не пришлось намъ на отдаленномъ сѣверѣ. Помню только, что когда Наполеонъ вступилъ въ предѣлы Россіи, и безопасность Петербурга, порученнаго попеченію князя Витгенштейна, внушала опасенія,—покойный отецъ мой получилъ важное порученіе: при собственноручномъ письмѣ императора Александра I ему на сохраненіе были высланы на корабляхъ огромныя ящики съ драгоценностями изъ Эрмитажа и Двора, картины, брилліанты и разное другое имущество царской фамиліи. Это порученіе причинило очень много заботъ и безпокойства отцу. Съ большою осторожностью почти всѣ эти вещи онъ помѣстилъ въ шлюсъ, гдѣ былъ удвоенъ караулъ и учреждено особое дежурство штабъ-офицеровъ, которые должны были зорко слѣдить за цѣлостью вещей и при смѣнѣ подавать отцу особыя записки о благополучной сдачѣ дежурства. Отецъ былъ очень доволенъ, когда весною 1813 года сдалъ въ цѣлости всѣ вещи обратно на корабли.

Помню также, какъ зимою 1812 года проходили чрезъ городъ, иногда нѣсколькими партіями сразу, плѣнные французы, нѣмцы, итальянцы, шведы. Отецъ всегда угощалъ плѣнныхъ нижнихъ чиновъ обѣдомъ или ужиномъ, смотря по времени ихъ прибытія, горячею пищею, водкой и пивомъ, а офицеровъ и высшихъ чиновъ приглашалъ къ своему столу. Внизу, въ людскихъ, накрывались большіе столы для 200—250 человекъ, которые раздѣлялись на двѣтри очереди, такъ какъ всѣмъ сразу не доставало мѣстъ. Мы всегда съ любопытствомъ ходили смотрѣть плѣнныхъ. Надо было видѣть, какъ они были признательны отцу, съ какимъ восторгомъ благодарили его... Отецъ имѣлъ возможность дѣлать столь крупныя расходы, такъ какъ по должности коменданта получалъ весьма солидное содержаніе. Къ мѣсту коменданта Выборгской крѣпости тогда было приписано, отдававшееся въ аренду, алодіальное имѣніе, доходъ отъ котораго давалъ до 15 тысячъ рублей ассигнаціями; со смертью отца это имѣніе отошло отъ должности коменданта и было приписано къ доходамъ великаго княжества Финляндскаго. Годовой окладъ содержанія и аренда на 12 лѣтъ давали вмѣстѣ, какъ говорили, до 22 тысячъ рублей ассигнаціями. Но открытая, довольно роскошная жизнь и щедрая помощь бѣднымъ, которыхъ нѣсколько семействъ отецъ содержалъ на полномъ своемъ иждивеніи, имѣли

Жерве прожилъ очень долго: онъ скончался въ 1867 году 80 лѣтъ отъ роду, еще за 9 лѣтъ предъ тѣмъ отпраздновавъ золотую свадьбу. В. Ж.

слѣдствіемъ, что послѣ его смерти остались даже долги, впоследствии однако до копейки уплаченные матерью.

Кажется, въ 1814 году случился въ Выборгѣ большой пожаръ. У плацъ-параднаго мѣста горѣли два деревянныхъ дома, а отъ нихъ загорѣлись и два большихъ каменныхъ дома, въ одномъ изъ которыхъ жилъ генераль Колъ. Бѣдняга, совершенно растерявшись, въ халатѣ и туфляхъ прибѣжалъ къ намъ и притащилъ съ собою бѣлая глиняныя голландскія трубки, бывшія тогда въ большомъ употребленіи, а о своемъ семействѣ и имуществѣ совсѣмъ забылъ. Этотъ пожаръ былъ лѣтомъ. Часовъ около девяти вечера мы попли посмотреть пожарище. Выгребная яма около деревяннаго дома выгорѣла до самаго сруба, такъ что поровнялась съ горизонтомъ, и, покрывшись густымъ слоемъ золы, стала совсѣмъ незамѣтна. Дежурнымъ по карауламъ былъ тогда гарнизонный капитанъ Зеленый, который также пріѣхалъ на пожаръ и, увидя отца, сталъ подходить къ нему съ рапортомъ, но въ это самое время упалъ въ выгребную яму. По счастью, яма была не очень глубока, и капитанъ окунулся лишь по горло. Онъ выскочилъ весь запачканный, съ страшною вонью, на него тотчасъ направили пожарную трубу и обмыли его начисто.

Между тѣмъ нашъ семейный горизонтъ заволакивало тучами. Сестра моя, Екатерина Карловна, дѣвушка чрезвычайно красивая, умная и образованная, вышла замужъ за артиллерійскаго офицера Засса, но послѣ родовъ перваго ребенка скончалась. Ей не было даже 19 лѣтъ отъ роду, родители ее страшно любили, и горе ихъ было неописуемо. Обливаясь слезами, отецъ провожалъ ея гробъ и опустилъ ее въ тотъ самый склепъ, въ которомъ приготовилъ мѣсто для себя. Эта смерть была роковымъ ударомъ старику и первымъ гвоздемъ къ его гробу. Вскорѣ онъ самъ заболѣлъ и почувствовалъ, что ему недолго остается жить. Дѣйствительно, 18 іюля 1818 года, онъ скончался въ полномъ сознаніи, благословивъ всѣхъ насъ передъ смертью. Похороны отца были очень торжественны, такъ какъ онъ занималъ высокій постъ въ городѣ и былъ весьма популяренъ въ обществѣ; сочувствіе друзей и знакомыхъ выказалось въ полной силѣ, и всѣ искренно оплакивали этого достойнаго человѣка. Его похоронили въ склепѣ, рядомъ съ любимою дочерью.

Какъ я упомянулъ выше, послѣ смерти отца мать осталась безъ средствъ и мнѣ не приходилось оставаться въ Выборгѣ, чтобы продолжать тамъ свое воспитаніе. Мнѣ нужно было думать о возможности поступить на службу, а не проживать на содержаніи матери. Обсудивъ серьезно всѣ обстоятельства, мы рѣшили съ нею, что мнѣ необходимо ѣхать въ Петербургъ, и какъ ни была тяжела разлука съ матерью, я долженъ былъ разстаться съ нею.

II.

Мое поступленіе въ институтъ путей сообщенія.—Духъ этого заведенія.—Переходъ въ главное инженерное училище.—Оригинальная встрѣча и объясненіе съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ.—Порядки въ училищѣ.—К. И. Арсеньевъ.—Заботы о воспитанникахъ великаго князя Николая Павловича.—Исторія съ куртками.—Вступленіе въ лагерь.—Императрица Марія Ѳеодоровна.—Ученье въ присутствіи принца Прусскаго.—Посѣщеніе лагеря императрицей Маріей Ѳеодоровной.—Посѣщеніе лагеря императоромъ Александромъ Павловичемъ.—Обѣдъ у великаго князя Николая Павловича.—Завтракъ у императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Танцевальный вечеръ въ Розовомъ павильонѣ.—Нарышкинъ и его острофы.—Выпускные экзамены.

Въ августѣ 1818 года, я прибылъ въ Петербургъ, и здѣсь начались хлопоты объ опредѣленіи меня на службу. Братъ мой, Любимъ Карловичъ, вспомнилъ о весьма давнишнемъ пріятелѣ покойнаго отца, корпуса путей сообщенія генераль-майорѣ Меншѣ. Онъ обратился къ Меншу, и тотъ взялся опредѣлить меня въ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, если я выдержу вступительный экзамень. Такъ какъ я хорошо зналъ французскій языкъ и въ гимназіи учился хорошо, то выдержалъ экзамень удовлетворительно, потому что весь курсъ въ институтѣ преподавался исключительно на французскомъ языкѣ. Но въ математикѣ, которая въ институтѣ была главнымъ, спеціальнымъ предметомъ, я далеко отсталъ, такъ какъ ни въ школѣ, ни въ гимназіи математики почти не преподавали, исключая ариометики, и то не всей, а до самыхъ первоначальныхъ правилъ алгебры. Такъ какъ по всѣмъ остальнымъ предметамъ я экзаменовался довольно хорошо, то мнѣ разрѣшили догонять курсъ, и я ходилъ въ институтъ сентябрь, октябрь и почти до конца ноября въ партикулярномъ платьѣ.

Институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія помѣщался тогда не въ томъ отдѣльномъ строеніи, въ которомъ находится теперь ¹⁾, но во дворѣ дома, нынѣ занятаго министерствомъ путей сообщенія, въ тѣмъ комнатахъ, которыя впослѣдствіи долгое время занимались штабомъ корпуса путей сообщенія и канцеляріею главноуправляющаго, до перехода ихъ въ новое зданіе министерства путей сообщенія. Главноуправляющимъ при моемъ поступленіи былъ генераль-лейтенантъ Бетанкуръ, занявшій этотъ постъ послѣ Деволана; Бетанкуръ, родомъ изъ Испаніи, былъ хорошимъ инженеромъ, хорошо образованнымъ и ученымъ человѣкомъ.

Воспитанники института раздѣлялись на четыре класса, называвшіеся бригадами; 1-я и 2-я бригады составляли офицерскіе классы, 3-я и 4-я—классы воспитанниковъ. Всѣ воспитанники носили офицерскую форму, тогда обыкновенно синяго покроя, т. е. однобортный о девяти пуговицахъ мундиръ, съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ,

¹⁾ Въ 1859—1860 годахъ.

съ двумя вышитыми серебряными петлицами, съ зелеными выпушками и съ фалдами, зеленые штаны, впущенные въ ботфорты, шпагу съ серебрянымъ темлякомъ и треугольную шляпу съ кокардою, галунною петлицею и чернымъ султаномъ. Бригады же различались тѣмъ, что воспитанники 4-й, или младшей, бригады носили на рукавахъ черные бархатные клапаны съ 3-мя пуговицами; 3-я бригада имѣла на этихъ клапанахъ по три маленькія серебромъ вышитыя петлицы; 2-я бригада, кромѣ того, носила серебряные эполеты съ одною золотою звѣздочкою, а 1-я бригада—тотъ же мундиръ, но на эполетахъ по двѣ золотыхъ звѣздочки. Въ то время эти звѣздочки на эполетахъ носились только одними путейцами, у всѣхъ же другихъ войскъ ихъ не было. Профессора въ институтѣ были отличные: генераль-майоры: Сеноверъ, Дестремъ и Базенъ, отецъ французскаго маршала Базена, который совершилъ экспедицію въ Мексику и въ октябрѣ 1870 года измѣнительски сдалъ нѣмцамъ крѣпость Мецъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ Чижовъ; майоры: Андрей Даниловичъ Готманъ, преподававшій рисованіе и черченіе плановъ и эюръ для начертательной геометріи, и Трипольскій, имѣвшій надзоръ за воспитанниками во время классовъ. Всѣ воспитанники жили на вольныхъ квартирахъ внѣ института, на полномъ собственномъ содержаніи, и имѣли право только приходить слушать курсъ отъ 9-ти до 3-хъ часовъ утромъ и отъ 6-ти до 8-ми послѣ обѣда. Курсъ былъ обширный, такъ что механику, дифференціалы и интегралы преподавали въ младшемъ 4-мъ классѣ. Въ концѣ ноября я догналъ курсъ, меня проэкзаменовали, остались довольны и дали мнѣ право носить офицерскій мундиръ, присвоенный 4-й бригадѣ.

Ограниченныя средства матери послѣ смерти отца заставляли меня серьезно призадумываться; я не желалъ быть ей въ тягость, такъ какъ содержать меня въ институтѣ было очень трудно, не принося большихъ жертвъ. Одно обмундированіе стоило уже крайне дорого; напримѣръ, ботфорты стоили 80 и 100 рублей ассигн. Насъ, правда, учили прекрасно, профессора были толковые, знающіе и занимались съ нами крайне добросовѣстно, но духъ молодежи въ институтѣ былъ какой-то не русскій, все чужое имѣло гораздо болѣе поклонниковъ, чѣмъ свое коренное русское; вольнодумство и отчасти безнравственность были обычными явленіями. Большая часть молодежи были богачи, изъ аристократическихъ фамилій, такъ какъ дѣйствительно бѣдному человѣку содержать себя и ходить постоянно въ офицерской формѣ было недоступно. Свое мнѣніе я основываю на фактическихъ данныхъ, и въ этомъ, отчасти, можно убѣдиться, изъ слѣдующаго примѣра.

Не помню, за проказы или по жалобѣ одного изъ профессоровъ, насъ, нѣсколькихъ человѣкъ, посадили подъ арестъ—въ карцеръ, какъ называли двѣ огромныя свѣтлыя комнаты, запиравшіяся на ключъ. Въ числѣ арестованныхъ были: князь Голицынъ, графъ Ностицъ,

баронъ Лилиенфельдъ, Колокольцевъ, Голохвастовъ и др.— все богачи съ огромными средствами. Всѣ сторожа были подкуплены этими господами и слѣпо исполняли ихъ приказанія. Майоръ Трипольскій, имѣвшій надзоръ за остававшимися арестованными воспитанниками, вѣроятно, чтобы не имѣть непріятныхъ столкновеній съ родственниками молодыхъ аристократовъ и богачей, держался весьма практичной политики и навѣщалъ арестованныхъ только тогда, когда зналъ, что все въ порядкѣ. Не прошло и полу-часа послѣ ареста, какъ намъ всѣмъ накрыли въ карцерѣ хорошо сервированный столъ, съ прислугою тѣхъ же господъ и официантами; кушанье было изысканное, лилось вино и шампанское, пѣли, курили и пр. Ко времени сбора воспитанниковъ къ вечернимъ классамъ все было убрано, и мы всѣ пошли въ классы какъ ни въ чемъ не бывало, только немного веселенькіе. Послѣ вечернихъ занятій мы напильсь чаю съ такою же роскошью, затѣмъ намъ подали нѣсколько саней этихъ же господъ, и мы уѣхали. Остатокъ ночи провели въ томъ же родѣ, и это удовольствіе компаніи обошлось болѣе 800 рублей. Только въ 5 ч. утра мы вернулись въ свой карцеръ.

Всѣ эти продѣлки были виѣ моихъ правилъ, и я придумывалъ средства вырваться изъ подобной обстановки. Тутъ я вспомнилъ старика Оппермана, друга моего отца, часто бывавшаго у насъ въ домѣ: теперь онъ былъ, послѣ генераль-инспектора, главнымъ начальникомъ корпуса полевыхъ инженеровъ, впоследствии переименованнаго въ корпусъ военныхъ инженеровъ. Въ одно прекрасное утро я пошелъ прямо къ нему, и онъ, узнавъ, кто я, принялъ меня довольно ласково. Я рассказалъ ему, почему желалъ оставить институтъ. Старикъ Опперману понравилась моя откровенность, онъ принялъ во мнѣ участіе и разрѣшилъ подать прошеніе объ опредѣленіи моемъ въ полевой инженерный корпусъ. Я подалъ прошеніе въ институтъ объ увольненіи меня оттуда и другое—о принятіи въ инженерный корпусъ. Все это я дѣлалъ, не спросяся никого, не сказавъ ни слова даже у себя дома. Ко мнѣ присоединились два моихъ товарища, Агапьевъ и баронъ Дольстъ. Агапьевъ былъ очень хорошо образованный человѣкъ, учился прекрасно, имѣлъ хорошія способности и весьма порядочно игралъ на віолончели. Дольстъ былъ простоватъ, добрый малый, не слишкомъ развитъ, учился съ дѣнцою, посредственныхъ способностей. Вскорѣ нашему примѣру послѣдовали человѣкъ 30 или 40. Они оставили институтъ, потому что разнеслись слухи о совершенномъ преобразованіи его: офицерскіе классы должны были оставаться безъ измѣненія, но весь курсъ долженъ былъ преподаваться на русскомъ языкѣ; въ двухъ младшихъ классахъ предполагалось замѣнить офицерскую форму кадетскою, воспитанникамъ жить въ институтѣ, отпускать только на воскресенье и праздничные дни, дать имъ ружья и аммуницію и обучать ихъ

фронтальной службѣ. Эти-то слухи и испугали ихъ, хотя преобразование на самомъ дѣлѣ послѣдовало гораздо позже, кажется, въ 1826 году.

Намъ всѣмъ троемъ назначили экзаменъ и всѣ вопросы предлагали на русскомъ языкѣ. Мы ихъ рѣшительно не понимали, зная русскій языкъ вообще довольно плохо. Начальникомъ главнаго инженернаго училища былъ тогда инженеръ генераль-маіоръ графъ Егоръ Егоровичъ Сиверсъ. Онъ крайне удивился результату нашего экзамена, выходитъ къ намъ и говоритъ: «Вы приняты быть не можете, вы ничего не знаете». Мы отвѣчаемъ: «Да насъ никто и не спрашивалъ, мы поэтому и отвѣчать не могли, а что эти господа говорили—мы не поняли». Въ это время входитъ Карлъ Ивановичъ Опперманъ. Мы ему объяснили пофранцузски, въ чемъ дѣло, онъ и графъ разсмѣялись, назначили новый экзаменъ и экзаменаторами полковника барона Эльснера, подполковника Христіани и поручика Шаронъ-ла-Розе; всѣ трое отлично знали французскій языкъ, на которомъ насъ и проэкзаменовали. Мы всѣ отлично выдержали экзаменъ: Агапьевъ, какъ изъ 2-й бригады, прямо въ 1-й, а я и Дольсть во 2-й кондукторскіе классы. Но такъ какъ это было лѣтомъ, а курсъ въ училищѣ начинается только въ сентябрѣ, то насъ до вступленія въ главное инженерное училище прикомандировали къ С.-Петербургской инженерной командѣ, куда мы явились. Здѣсь намъ объявили, что мы должны приходиться каждое воскресенье къ 9 час. утра учиться фронту; одѣли же насъ въ кондукторскую форму въ главномъ инженерномъ училищѣ. Когда мы надѣли ее послѣ офицерской формы, она намъ не очень понравилась: какая-то кадушка въ видѣ кивера съ чешуями и этишкетами, краги, бѣлая широкая португеза черезъ плечо—все это намъ казалось дико и странно. Изъ швальни насъ повели къ какому-то офицеру на осмотръ и затѣмъ отпустили домой. Взяли мы тесаки подъ-мышку, подняли чешуи, обернули этишкеты около репейки кивера и идемъ. Видимъ, ѣдетъ какой-то генераль съ дамою, въ каретѣ, на четверкѣ цугомъ. Около насъ чудаковъ (я былъ вдвоемъ съ Агапьевымъ) карета остановилась, и генераль знаками подозвалъ насъ къ себѣ. Мы подошли, нисколько не перемѣняя принадлежности кивера и держа тесаки подъ-мышкой, очень вѣжливо раскланялись и приложились рукой къ киверу, что въ то время считалось преступленіемъ. Агапьевъ, обратясь къ генералу, спросилъ его: «*Que désirez vous, mon general?*»¹⁾. Генераль какъ-то странно посмотрѣлъ на насъ, а дама высунулась съ любопытствомъ изъ окна и обратила на насъ полное свое вниманіе. Генераль спросилъ порусски: «Что, вы не знаете меня?» Мы коротко отвѣтили: «нѣтъ». Онъ пожалъ плечами и опять порусски спросилъ: «Откуда вы?». Тогда Агапьевъ сказалъ ему: «*Excusez, mon général, nous venons d'être transporté de l'Institut des eaux et de voies, nous connaissons mal le russe et nous venons de mettre*

notre uniforme à l'instant même»²⁾). Дама, видно, очень заинтересовалась нами, сдѣлала намъ нѣсколько вопросовъ и получила очень вѣжливые и ловкіе отвѣты на самомъ чистомъ французскомъ языкѣ. Генераль приказалъ намъ тотчасъ вернуться въ сопровожденіи его лакея. Такъ какъ павильонъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ, то мы скоро добѣжали. Лакей что-то передалъ какому-то офицеру, прибѣжали другіе и самъ графъ Сиверсъ,—пошла тревога. Мы съ Агапьевымъ смотрѣли на всю эту кутерьму довольно хладнокровно и удивлялись общему безпокойству, нимало не подозрѣвая, что это мы надѣлали переполохъ. Наконецъ, графъ Сиверсъ растолковалъ намъ, что генераль, который насъ остановилъ,—великій князь Николай Павловичъ и нашъ генераль-инспекторъ. Мы стали убѣждать графа этимъ не тревожиться и увѣрять его, что мы какъ великому князю, такъ и великой княгинѣ отвѣчали очень вѣжливо. Но намъ опять растолковали, что наше главное преступленіе состояло въ томъ, что мы держали тесаки подъ мышкою, прикладывались рукой къ киверу и пр.; что великій князь приказалъ насъ арестовать и передать намъ нѣсколько правилъ, какъ должно поступать при встрѣчахъ съ офицерами и начальниками. Это насъ страшно обидѣло, и мы сказали графу, что вѣдь съ насъ требуютъ то, чего намъ не указывали, и взыскиваютъ за то, чего мы вовсе не знали. Но не прошло и двадцати минутъ, какъ великій князь прислалъ сказать, чтобы насъ не арестовывали и передали намъ правила воинскаго чинопочитанія и выпустили. Мы этому очень обрадовались, ушли и уже придерживались формы, насколько умѣли.

Дома я занимался исключительно русскимъ языкомъ и бралъ у товарищей книги, чтобы лучше приготовиться по военнымъ наукамъ. По воскресеньямъ, каждое утро, ходилъ я въ крѣпость, гдѣ какой-то военно-рабочій офицеръ училъ насъ фронтовой службѣ; кромѣ насъ троихъ, туда ходили еще человекъ восемь кондукторовъ для той же цѣли. Разъ какъ-то, когда онъ поставилъ всѣхъ насъ во фронтъ (Агапьевъ по росту былъ фланговый), старику что-то не понравилось въ выправкѣ и стойкѣ, и онъ началъ поправлять Агапьева. Тотъ распростеръ руки, какъ будто хотѣлъ его обнять, и заплѣлъ: «Мила бабушка, зачѣмъ ты сюда къ намъ влетѣла...». Всѣ расхохотались, старикъ сконфузился, и съ тѣхъ поръ мы трое только для прогулки приходили въ крѣпость, ученій намъ больше не дѣлали.

Приблизительно въ то время, когда произошла перемѣна въ моей службѣ, моя мать въ Выборгѣ все хлопотала о полученіи своей пенсіи, но не имѣла никакого успѣха. Кажется, въ 1819 году покойнаго государя Александра I ожидали въ Выборгѣ, проѣздомъ въ

1) «Что прикажете, генераль?».

2) «Извините, генераль, мы только что переведены изъ института путей сообщенія, плохо знаемъ русскій языкъ и только что надѣли нашу форму».

Свеаборгъ и на Аландскіе острова, куда онъ ѣздилъ для осмотра крѣпостныхъ работъ. Сестрѣ моей, Еленѣ Карловнѣ, было тогда лѣтъ 13—14, и всѣ считали ее прехорошенькою дѣвицею. Бывшій губернаторъ Шернваль умеръ еще раньше отца, и вдова его вышла замужъ за новаго губернатора Валлена. Въ память прежнихъ хорошихъ отношеній губернаторши къ моей матери, м-ше Валленъ предложила прислать къ ней сестру Елену во время проѣзда государя, который долженъ былъ остановиться въ домѣ губернатора; она вызвалась представить сестру государю, съ тѣмъ, чтобы Лена могла подать прошеніе о пенсіи, въ надеждѣ на то, что государь, вѣроятно, исполнитъ справедливую просьбу. Мать была очень благодарна м-ше Валленъ за ея любезность и въ день пріѣзда государя приодѣла сестру и отправила ее къ губернаторшѣ. Какъ умная и ловкая женщина, Валленъ умѣла устроить такъ, что государь замѣтилъ хорошенькую дѣвицу,—и воспользовалась случаемъ представить ее. Какъ видно было, сестра произвела пріятное впечатлѣніе на государя, который, замѣтивъ у нея въ рукахъ прошеніе, спросилъ, о чемъ она проситъ. Сестра, безъ всякой застѣнчивости, отвѣтила на французскомъ языкѣ, въ чемъ состоитъ ея просьба. Государю очень понравились ея объясненіе и манеры, онъ съ большою любезностью обѣщаль немедленно исполнить ея просьбу и даже поцѣловаль руку у сестры, чѣмъ она потомъ не мало гордилась. Прошеніе было приказано тотчасъ отправить въ Петербургъ и исполнить просьбу. Дѣйствительно, когда государь на возвратномъ пути вспомнилъ о сестрѣ, то губернаторъ доложилъ, что сестра очень желала бы благодарить государя, такъ какъ пенсія за годъ уже получена. Къ сожалѣнію, государь спѣшилъ уѣхать, и сестра была лишена счастья снова представиться ему.

Осенью 1819 года, наступило, наконецъ, время моего поступленія въ главное инженерное училище. Классы его находились въ среднемъ этажѣ Михайловскаго замка, окнами на Царицынъ лугъ и Лѣтній садъ. Мѣсяцевъ черезъ десять насъ перевели въ правый павильонъ замка и распредѣлили по камерамъ въ верхнемъ и среднемъ этажахъ, а въ нижнемъ была столовая и квартира командира роты. Съ переименованіемъ кондукторскихъ классовъ въ кондукторскую роту главнаго инженернаго училища, намъ измѣнили также форму. Последняя, отличаясь отъ формы крѣпостныхъ кондукторовъ, приближалась болѣе къ кадетской. На каски намъ дали гербы полусолнца, на красныхъ клапанахъ рукавовъ нашили позументъ, дали ружья, сумы и пр. Утромъ намъ подавали чай или сбитень съ булкою: обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ, всегда хорошихъ, сытныхъ и вдоволь; вечеромъ, послѣ классовъ, ставились въ разныхъ мѣстахъ большія корзины съ чернымъ хлѣбомъ, и никому не воспрещалось имѣть свой чай, покупать булки и пр.; къ ужину намъ давали два блюда. Великій князь Николай Павловичъ насъ очень часто навѣщаль во время обѣда и ужина и даже ночью.

Черезъ годъ, по выдержаніи экзамена, меня перевели въ старшій кондукторскій классъ. Тутъ уже начались занятія очень серьезныя и усидчивыя. Несмотря на трудность догнать курсъ военныхъ наукъ, о которыхъ я не имѣлъ никакого понятія при вступленіи въ въ училище, я поравнялся съ товарищами. Меня полюбили товарищи и учителя; послѣдніе—за то, что я учился хорошо. Болѣе всѣхъ учителей отличали меня преподаватель артиллеріи инженеръ-капитанъ Алексѣй Васильевичъ Дядинъ и профессоръ исторіи Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ,—оба рѣдкой доброты, знающіе, толковые и справедливые. Мы всѣ очень полюбили Арсеньева. Онъ читалъ исторію только въ старшемъ классѣ; имѣлъ отличный даръ слова, умѣлъ сдѣлать свой предметъ чрезвычайно интереснымъ, въ особенности эпоху новѣйшихъ временъ. Для нѣсколькихъ избранныхъ учениковъ, которые болѣе интересовались его предметомъ, онъ давалъ особые уроки по воскресеньямъ. Это были самыя пріятныя лекціи, и никто никогда не манкировалъ ими. Тутъ онъ прошелъ съ нами всю новѣйшую исторію Россіи, предметъ самъ по себѣ интересный, который онъ развивалъ до того подробно и увлекательно, что часто, снисходя къ нашимъ общимъ просьбамъ, продолжалъ уроки до двухъ и до трехъ часовъ. Онъ прошелъ со всѣми подробностями и нигдѣ не напечатанными эпизодами домашней и придворной жизни царствованія Петра I-го, Екатерины II-й и, дойдя до Павла I-го, рассказалъ намъ его вступленіе на престолъ, описалъ его эксцентрическій характеръ, испорченный нераціональнымъ воспитаніемъ, упомянулъ о многихъ его строгихъ требованіяхъ и распоряженіяхъ и, наконецъ, описалъ его пышныя похороны.

Великій князь Николай Павловичъ очень заботился о насъ, по-прежнему часто навѣщалъ кондукторскую роту, строго наблюдалъ, чтобы пища у кондукторовъ была хороша. И правда, наша пища была хотя незатѣйлива, но всегда свѣжая, вкусная и вдоволь. Ему показалось, что кондукторы въ классахъ очень связаны формою, и что всякій день ходить въ мундирахъ и крагахъ при серьезныхъ занятіяхъ довольно тяжело; поэтому, желая насъ нѣсколько облегчить, приказалъ спать намъ черныя куртки изъ толстаго солдатскаго сукна, съ красными выпушками, обтяжными суконными пуговицами и сѣрые панталоны. Костюмъ очень не красивый, похожій на девщичій, намъ крайне не понравился, и мы стоворились не надѣвать этихъ куртокъ. Когда утромъ ротный командиръ передъ классами приказалъ намъ переодѣться, мы прямо объявили ему, что этихъ куртокъ не надѣнемъ; несмотря ни на какіе уговоры мы не послушались, и онъ далъ знать графу Сиверсу. Тотъ также уговаривалъ, но безуспѣшно. Пріѣхалъ Опперманъ, сначала тоже уговаривалъ, а потомъ грозилъ, что слушники будутъ разжалованы въ солдаты, и приказалъ всѣмъ, кто не желаетъ надѣть куртки, перейти на другую сторону зала. Рота, какъ по командѣ,

вся повернулась и попла. Умный старикъ Опперманъ, видя, что силою и угрозою тутъ ничего не подѣлаешь, приказалъ намъ разойтись. Мы разбрелись по двумъ этажамъ. Тогда Опперманъ сталъ уговаривать насъ по одиночкѣ, обратившись сначала къ маленькимъ, и кое-какъ уговорилъ человѣкъ пять-шесть, которые измѣнили своему слову. Послѣ этого онъ обратился къ унтеръ-офицерамъ, которые должны подавать собою примѣръ покорности. Увидя, что человѣкъ десять уже надѣли куртки, и вполне сознавая, что наша сила—въ массѣ, мы надѣли куртки и пошли въ классы. Здѣсь мы пожаловались нашимъ профессорамъ: говорили, что сами видимъ въ этихъ курткахъ большое облегченіе для занятій, но что намъ не слѣдуетъ носить такого гадкаго, грубаго и унижительнаго для нашего званія платья. Профессора заступились за насъ. Обо всемъ этомъ было доложено великому князю. Онъ не желалъ дѣлать исторіи, обѣщалъ намъ шить другія куртки, но приказалъ объявить намъ свое неудовольствіе за то, что мы дѣйствовали массою, а не предупредили предварительно начальство; почти цѣлую недѣлю не ѣздилъ къ намъ и послѣ очень долго бывалъ только по ночамъ, а днемъ не пріѣзжалъ. Это насъ чрезвычайно огорчало, потому что великій князь былъ къ намъ всегда очень добрѣ. Вскорѣ затѣмъ намъ дѣйствительно сшили новыя куртки изъ тонкаго гвардейскаго сукна, со свѣтлыми пуговицами, красными выпушками и погонами; эти мы очень охотно носили.

Такъ прошла зима. Мы, первый классъ, учились отлично, жалобъ на насъ не было; какъ о поведеніи, такъ и о прилежаніи общіе отзывы были самые лестные. Полугодичный экзаменъ прошелъ великолѣпно,—и великій князь съ нами помирился совершенно. Настало время лагеря, нашего строеваго образованія, тригонометрическихъ съемокъ и практическихъ занятій геодезіей вообще.

День выступленія былъ назначенъ. Мы пошли по петергофской дорогѣ въ Красное Село, гдѣ должны были стоять лагеремъ въ Красномъ Селѣ, подлѣ л.-гв. сапернаго батальона, вмѣстѣ со всѣмъ гвардейскимъ корпусомъ. На дорогѣ, у Краснаго Кабачка, верстахъ въ 9-ти отъ города, мы остановились на привалѣ. Великій князь Николай Павловичъ нагналъ насъ, и, вѣроятно, по его распоряженію, насъ накормили полуобѣдомъ. Вмѣсто десерта подали намъ знаменитыя, въ то время бывшія въ большой славѣ, вафли, которыя дѣйствительно были замѣчательно хороши, и такъ какъ насъ потчевали не по порціямъ, а сколько кто хотѣлъ, то мы уплели ихъ громадное количество. При выступленіи нашемъ изъ Краснаго Кабачка, воздухъ былъ удупливъ, собирались тучи, но, несмотря на это, мы, какъ и до привала, продолжали пѣть хоромъ русскія, французскія и нѣмецкія пѣсни, что очень интересовало нашихъ офицеровъ, такъ какъ хоръ былъ достаточно стройный. Пошелъ сильный дождь, разразилась гроза, на штыкахъ засверкала молнія. Дождь полилъ какъ

изъ ведра, а укрыться было некуда. Насъ остановили, приказали отомкнуть штыки и воткнуть ихъ въ землю, составить ружья въ козлы, а самимъ разойтись. Когда гроза нѣсколько утихла, приказано было вынуть штыки изъ земли, примкнуть ихъ, — и мы пустились въ дальнѣйшій путь, хотя сильный дождь не переставалъ. Поздно вечеромъ, промокнувъ до костей, мы прибыли въ Красносельскій лагерь. Одинъ взводъ пошелъ въ карауль, а остальные отправились въ свои палатки. Здѣсь, отъ недавняго дождя, набросанная въ нихъ солома буквально плавала, лечь не было никакой возможности; всю ночь и весь слѣдующій день дождь не переставая лилъ. Великій князь не рѣшился оставить насъ въ лагерьъ въ такую погоду, и на третій день насъ перевели въ самое Красное Село и размѣстили въ чьемъ-то дворцѣ. Здѣсь намъ постлали сухую солому, покрыли ее чистыми простынями, дали сухое чистое бѣлье и наше промокшее платье взяли для просушки. Накормили насъ горячею пищею и послѣ обѣда мы повалились съ истиннымъ наслажденіемъ на сухую солому. Наконецъ погода стала проясняться, но занятій у насъ не было. Мы играли въ игры, пѣли, подъ вечеръ собирался кружокъ, рассказывали анекдоты, разныя приключенія. Какъ-то разъ коснулись предрасудковъ и трусости отъ воображенія и, между прочимъ, начали спорить, что никто, какъ бы ни былъ далекъ отъ всякихъ предрасудковъ, не пойдетъ, напримѣръ, ночевать одинъ на кладбище. Я сказалъ, что пойду, но съ условіемъ, чтобы всѣ товарищи дали честное слово не предпринимать никакихъ шалостей для испуга во время моего сна. Всѣ дали слово, на кладбище меня проводилъ товарищъ Венцель, котораго я очень любилъ. Кладбище это отстояло съ версту отъ дворца. Я прошелъ отъ входа шаговъ пятьдесятъ, положилъ на первый попавшійся мнѣ камень взятую съ собою подушку, завернулся въ шинель и легъ. Венцель ушелъ, а я очень скоро заснулъ и прелюбополучно проспалъ до самаго утра, такъ что нѣкоторые товарищи, придя очень рано, застали меня еще спящимъ. Ничего особеннаго не случилось.

Въ Красномъ Селѣ мы пробыли сутокъ двое. Между тѣмъ намъ приготовили лагерь около Павловска, лѣтней резиденціи и любимаго мѣста вдовствующей императрицы Маріи Феодоровны. Здѣсь мы занимались фронтвою службою и дѣлали тригонометрическую съемку Павловска и окрестностей его. Зная, что царская фамилія вблизи, мы вели себя очень скромно и осторожно. Въ праздничные дни Павловскій паркъ былъ открытъ намъ для гулянья. Императрица и лица свиты ея Двора, при встрѣчахъ, заговаривали съ нами по-французски или по-нѣмецки и получали всегда отвѣты очень вѣжливые и всегда на томъ же языкѣ, на которомъ съ нами говорили. Этимъ императрица была очень довольна и хвалила насъ великому князю Николаю Павловичу, который, въ свою очередь, благодарилъ насъ. Впослѣдствіи, когда поспѣли ягоды, императрица приказала

въ каждой бесѣдкѣ, куда мы имѣли входъ по воскресеньямъ и праздникамъ, ставить большія глубокія блюда съ ягодами, огромныя кружки со сливками, мелкій сахаръ и сладкіе пирожки; камеръ-лакеи накладывали огромныя порціи клубники или малины и угощали насъ пирожками. Императрица въ эти дни, при хорошей погодѣ, прогуливалась обыкновенно съ большой свитой по саду; всегда очень привѣтливо поклонится и то съ однимъ, то съ другимъ изъ насъ заговоритъ пофранцузски или понѣмецки и, какъ бы щеголяя передъ свитой, минами указывала: «каковъ отвѣтъ!» Преимуществомъ гулять въ паркѣ пользовались только два старшихъ класса, остальнымъ ягоды и пр. посылались въ лагерь. При томъ, тѣ изъ насъ, которые не знали хорошо иностранныхъ языковъ, избѣгали встрѣчъ съ императрицей, — вотъ почему эта продѣлка удавалась такъ хорошо.

Нашъ лагерь постоянно посѣщали разныя знатныя особы и иностранные принцы. До великаго князя дошли слухи, что мы порядочно поемъ хоровыя пѣсни, не только русскія, но нѣмецкія и французскія, и ему видимо хотѣлось щегольнуть этимъ передъ царской фамиліей. Намъ онъ не сказалъ объ этомъ ни слова, намекнулъ только ротному командиру. Мы смекнули, въ чемъ дѣло, выпросили себѣ чрезъ наше начальство кларнетиста изъ л.-гв. сапернаго батальона и спѣлись такъ, что насъ не могли уже застать врасплохъ.

Однажды, вечеромъ, часовъ въ 6—7, великій князь пріѣхалъ къ намъ съ какимъ-то иностраннымъ принцемъ, если не ошибаюсь, наследнымъ принцемъ прусскимъ и сдѣлалъ ученіе, которое удалось блистательно.

Великій князь былъ очень доволенъ, тотчасъ послѣ ученія самъ повелъ насъ къ ужину, скомандовалъ: «пѣсенники впередъ!»—и мы запѣли Körner'a: «Das Uorgefühl», предсмертное предчувствіе передъ сраженіемъ. Принцъ крайне удивился прекрасному выбору и стройному пѣнію. Потомъ пропѣли русскую «Во лузяхъ». Пришли къ столамъ; на нихъ дымилась гречневая каша. Послѣ хорошаго мѣнцона молодежь принялась усердно уплетать кашу. Принцъ нѣсколько разъ повторилъ: «каша, каша», и пожелалъ попробовать ее. Но онъ неосторожно хватилъ горячей каши, обжегъ ротъ и вскрикнулъ: «Verflucht heiss!». Наши всѣ разсмѣялись; великій князь и принцъ также расхохотались. Послѣ ужина насъ повели въ лагерь. Пробыли зарю, взяли «на молитву», прочли «Отче нашъ» и затѣмъ спѣли «Коль славенъ Богъ». Принцъ былъ восхищенъ. Великій князь три раза благодарилъ насъ и спросилъ, согласимся ли мы пѣть въ присутствіи императрицы. Мы передали великому князю, что желали бы очень выразить императрицѣ нашу всепреданнѣйшую признательность за ея вниманіе и милость къ намъ и просили, нельзя ли намъ исходатайствовать хоръ музыки. Великій

князь обѣщалъ непремѣнно достать намъ хоръ на все время лагеря, снялъ фуражку, поклонился намъ и уѣхалъ.

Дня черезъ три прибылъ къ намъ очень хорошій хоръ музыкантовъ батальона военныхъ кантонистовъ. Наши диллетанты занялись хоромъ и когда мы подготовили порядочный репертуаръ разныхъ арій и пѣсенъ, то, при удобномъ случаѣ, просили великаго князя исходатайствовать намъ честь посѣщенія императрицею нашего лагеря. Великій князь обѣщалъ просить¹⁾. Узнавъ, что императрица благоволила согласиться на пріѣздъ къ намъ въ лагерь, мы достали чрезъ одного изъ нашихъ товарищей, племянника генераль-кригскомиссара, великолѣпную огромную палатку съ раздѣленіями, поломъ и окнами, украсили ее, насколько возможно было, воинскими арматурами и зеленью; достали у графини Бобринской, тогда также жившей въ Павловскѣ, превосходный бюстъ императрицы изъ бѣлаго каррарскаго мрамора, приготовили чай, конфекты и устроили небольшой буфетъ. Всѣ мы были въ очень тревожномъ состояніи.

Императрица пріѣхала около 6 час. вечера. Мы встрѣтили ее съ полною военною почестью; великій князь самъ командовалъ. Когда взяли «на караулъ», хоръ музыки заигралъ «God save the King»²⁾; тогда нашего народнаго гимна «Боже, Царя храни» еще не было. Великій князь сдѣлалъ намъ небольшое ученіе,—больше для того, чтобы выказать нашу ловкость (о гимнастикѣ тогда еще и помину не было), и мы прошли церемониальнымъ маршемъ мимо императрицы. Послѣ ученія намъ приказано было снять аммуницію и взять на себя роль хозяевъ. Великій князь ввелъ въ палатку императрицу, которая всѣмъ осталась очень довольна; чаю однако не пила, дотронулась до конфектъ и выпила немного лимонаду. Она была очень любезна и, казалось, очень тронута нашею преданностью, со многими говорила и почти полчаса оставалась въ палаткѣ. Потомъ допустила къ рукѣ весь старшій классъ, простилась съ нами очень милостиво и уѣхала со всею своею свитою.

Великій князь, проводивъ императрицу, благодарилъ насъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ. Мы прокричали ему въ отвѣтъ «ура» и покачали его порусски. Когда онъ уже уходилъ, ему доложили, что у насъ приготовленъ небольшой фейерверкъ со щитомъ

¹⁾ Можетъ быть, покажется нѣсколько страннымъ, что мы сами просили великаго князя то о томъ, то о другомъ. Тогда подобныя просьбы не составляли ни малѣйшаго затрудненія. Его высочество часто пріѣзжалъ къ намъ по вечерамъ, оставался въ лагерѣ часами: мы при немъ играли и дурачились, онъ не разъ участвовалъ въ нашихъ играхъ, въ особенности любилъ играть съ нами въ свайку. Часто разспрашивалъ то того, то другого о разныхъ подробностяхъ нашей жизни, и тогда ему говорили съ полной откровенностью, чего мы желали бы. И это дѣлалось безъ всякихъ натяжекъ, совершенно натурально.

²⁾ Боже, Царя храни.

вензеля императрицы, и что не угодно ли будетъ ея величеству прокатиться и взглянуть на нашъ фейерверкъ. Великій князь предупѣдомилъ императрицу и пріѣхавшихъ въ Павловскъ государя императора Александра I-го, который съ императрицей, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, съ огромной свитой, въ сопровожденіи толпы жителей Павловска, прибыли на фейерверкъ. Онъ удался отлично, прекрасно горѣлъ вензель императрицы, «ура» кричали неумолкаемо, и наше «ура» подхватила вся публика. Послѣ отъѣзда царской фамиліи, чтобы довершить этотъ памятный день достойнымъ образомъ, мы пригласили всѣхъ нашихъ офицеровъ и нѣсколькихъ лицъ, бывшихъ у нихъ въ гостяхъ, въ палатку, гдѣ была приготовлена хорошая закуска и хорошее вино, и угостили ихъ на славу.

На другой день, довольно рано утромъ, пріѣхалъ великій князь и объявилъ, что государь императоръ желаетъ осчастливить насъ посѣщеніемъ лагеря, и что великій князь Михаилъ Павловичъ также прибудетъ съ нимъ. Мы всѣ знали, что Михаилъ Павловичъ—прекрасный фронтовикъ, и немного струсили, какъ бы не оскандалиться. Но великій князь Николай Павловичъ ободрилъ насъ и сдѣлалъ репетицію предстоявшаго ученія. На слѣдующее утро онъ сказалъ намъ, что если сегодня ученіе будетъ такое же, какое было вчера, то все будетъ хорошо. Мы готовились не на шутку: чистились, пригоняли аммуницію, каждый хлопоталъ о себѣ съ щепетильною аккуратностью и, надо правду сказать, мы были одѣты въ этотъ день чисто, опрятно, по формѣ, все на насъ блестяло, такъ что ротный командиръ и офицеры, а затѣмъ и великій князь, прибывшій съ своею свитой заранѣе, не могли на насъ налюбоваться. Скомандовали «смирно». Пріѣхалъ государь. Никогда еще мы такъ близко его не видали. Онъ былъ въ мундирѣ л-гв. сапернаго батальона, что намъ было очень пріятно. Поздоровался съ нами: «здравствуйте, господа». Мы отвѣтили и крикнули «ура». Онъ обошелъ шеренги, и началось ученье. Сначала ружейные приемы,—государь поблагодарилъ; затѣмъ—ротное ученье съ новыми сигналами. Государь остался очень доволенъ, благодарилъ за знаніе фронтовой службы, за прекрасное поведеніе и за преданность, такъ искренно выраженную нами вдовствующей императрицѣ, «которая, прибавилъ онъ, къ вамъ очень расположена; за это я васъ особенно благодарю». Мы опять прокричали «ура». Затѣмъ государь императоръ обошелъ весь лагерь, осмотрѣлъ его во всей подробности, очень привѣтливо благодарилъ великаго князя Николая Павловича, два раза обнялъ его и поцѣловалъ. Намъ приказали составить ружья въ козлы, снять аммуницію и проводить государя. Мы буквально внесли его величество въ коляску. Видно было, что ему пріятна была наша преданность, онъ благодарилъ насъ и уѣзжая раза три оборачивался и дѣлалъ знакъ рукою. Великій князь Николай Павловичъ былъ въ полномъ восторгѣ, многихъ кондукторовъ обнималъ и цѣло-

валъ и объявилъ намъ, что приглашаетъ весь старшій классъ на другой день къ себѣ обѣдать, а другимъ прилетѣть обѣдѣ въ лагерь. Великій князь Михаилъ Павловичъ также выразилъ намъ свое полное удовольствіе и, обращаясь къ брату, сказалъ: «Пріятно быть начальникомъ такой прекрасной молодежи».

На другой день мы встрепенулись рано. Намъ приказано было явиться во дворецъ въ мундирахъ, въ фуражкахъ, безъ аммуниціи. Надо было пріодѣться щегольски; осмотрѣли насъ весьма внимательно. Только что мы стали собираться идти, какъ великій князь прислалъ за нами шесть линейекъ; мы разсѣлись и поѣхали во дворецъ. Его высочество встрѣтилъ насъ, какъ самый любезный хозяинъ, въ первомъ залѣ, потомъ каждаго, порознь, подводилъ къ супругѣ своей великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, тогда еще очень молодой и красивой. Усадили насъ за столъ такъ, что каждый кондукторъ сидѣлъ между двумя дамами и только въ концѣ стола нѣсколько кондукторовъ сидѣли одинъ подлѣ другаго. Я сидѣлъ между двумя фрейлинами: одна уже въ лѣтахъ, другая—молодая. Разговоръ велся, большею частью, на французскомъ языкѣ и всѣ въ немъ принимали участіе. Великій князь очень оживлялъ разговоръ, великая княгиня была чрезвычайно внимательна. Мы припли въ совершенный восторгъ и послѣ обѣда просили великаго князя, чтобы онъ испросилъ разрѣшеніе великой княгини выбраннымъ изъ нашей среды пяти человѣкамъ подойти къ рукѣ ея высочества. Великій князь былъ видимо доволенъ тонкою догадливостью такихъ еще молодыхъ людей, подошелъ къ великой княгинѣ и передалъ ей наше желаніе.

— «Ah! quels charmants jeunes hommes,—сказала она:—je veux les voir tous, tous mes enfants; approchez-vous, mes chers amis» ¹⁾.

Тутъ мы подошли къ ней къ рукѣ; всѣмъ сказала она нѣсколько привѣтливыхъ словъ, съ нѣкоторыми разговоривала подольше. Случайно мы трое, Гизетти, Лобри и я, подошли къ открытому окну и смотрѣли на чудный садъ. Великій князь подошелъ къ намъ и похвалилъ насъ всѣхъ вообще за прекрасныя манеры, за умѣнье поддерживать разговоръ въ большомъ свѣтѣ и знаніе этикета.

— Поздравляю васъ,—добавилъ великій князь: это прекрасное начало, которое навѣрное дастъ хорошіе результаты.

(Я забылъ упомянуть, что великій князь жилъ не въ Павловскѣ, а въ Царскомъ Селѣ, недалеко отъ дворца, но гдѣ именно, не помню). Великая княгиня, разговоривая со многими, между прочимъ, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, откуда я родомъ; вѣроятно, она полагала по фамиліи, что я французъ, и крайне удивилась, узнавъ, что родина моя Финляндія. Послѣ обѣда всѣ пошли въ садъ. Великая

¹⁾ «А, какіе прекрасные молодые люди,—сказала она:—я хочу всѣхъ ихъ видѣть, дѣтей моихъ; подойдите, мои дорогіе друзья».

княгиня взяла какого-то генераль-адъютанта подъ руку, но продолжала разговаривать съ нами; придворныя дамы также гуляли съ нами и разговаривали. Въ саду играла музыка, общество было нарядное, знатное, любопытствовавшей и глазѣвшей публики около сада собралось множество, и намъ куда какъ пріятно было прогуливаться въ свитѣ ея высочества и съ придворными дамами въ виду всей публики. По возвращеніи изъ сада, намъ подали чай, и затѣмъ мы приготовились къ отъѣзду. Съ чувствомъ искренней привязанности благодарили мы высокую чету за ихъ милостивое къ намъ вниманіе. Такъ кончился для насъ этотъ незабвенный день.

Дней черезъ пять, великій князь, пріѣхавъ въ лагерь, передалъ, что вдовствующая императрица приглашаетъ насъ къ себѣ на завтракъ. Погода стояла великолѣпная; насъ опять повезли на линейкахъ. Завтракъ состоялся на открытомъ воздухѣ, и къ нему собрался чуть не весь Дворъ: государь Александръ I, императрицы Марія Ѳеодоровна и Елизавета Алексѣевна, великая княгиня Александра Ѳеодоровна, великій князь Николай Павловичъ — всѣ присутствовали. Здѣсь же находились графъ Орловъ, оба брата Нарышкины ¹⁾, графъ Аракчеевъ, котораго мы въ первый разъ увидѣли такъ близко, множество дамъ и между ними княгиня Ливень, Бобринская и другія. Насъ посадили за столъ, здѣсь также былъ только старшій классъ. Всѣ придворныя дамы и кавалеры угощали насъ наперерывъ одни послѣ другихъ, обѣ императрицы сами намазывали бутерброды и раздавали намъ, великіе князья также угощали. Намъ было просто совѣстно, что мы сидимъ за столомъ, а весь Дворъ и царская фамилія насъ угощаютъ; камеръ-лакеи только подносили блюда и мѣняли тарелки, а съ блюдъ раздавали угощавшіе насъ. Наливали желающимъ очень слабое бѣлое вино, легкое пиво, квасъ; ягоды со сливками, пирожныя стояли на столѣ. Все это угощеніе продолжалось около часа, въ продолженіе котораго играла музыка, но не близко, такъ что не мѣшала разговору. Послѣ завтрака обѣ императрицы и великая княгиня Александра Ѳеодоровна разрѣшили намъ подойти къ рукѣ; мы были вполнѣ счастливы. Потомъ насъ повели въ огромную залу, гдѣ подавали кофе. Спустя нѣсколько времени, когда мы уже нагулялись и собирались въ лагерь, великій князь подошелъ къ намъ и сказалъ, что у вдовствующей императрицы сегодня танцевальный вечеръ въ Розовомъ павильонѣ, и ея величество такъ милостива, что дозволила ему пригласить желающихъ на этотъ вечеръ, «кто хорошо танцуетъ»,—прибавилъ онъ отъ себя. Оказалось только восемь человѣкъ охотниковъ, другіе не надѣялись на свою ловкость въ танцахъ и не рискнули воспользоваться приглашеніемъ. Мы объяснили его высочеству, что по этому случаю намъ надо побы-

¹⁾ О младшемъ Нарышкинѣ на поляхъ мемуаровъ добавлена большая приписка. Помѣщая ее дальше, чтобы въ этомъ мѣстѣ не прерывать разсказа.

вать въ лагерѣ. «Это зачѣмъ?»—спросилъ онъ. Мы конфузились ему сказать, мялись, наконецъ рѣшились и сказали, что необходимо для танцевъ обуться въ тонкіе сапоги и взять перчатки. Великій князь разсмѣялся и сказалъ:

— Ахъ, вы, проказники! Такъ у васъ эта контрабанда водится.

Мы сказали ему, что часто танцуемъ въ высшемъ обществѣ, гдѣ безъ этого обойтись нельзя. Онъ согласился. Намъ подали линейки, и мы поѣхали снаряжаться. Надѣли тонкіе сапоги, взяли чистые тонкіе носовые платки, бѣлыя перчатки и поѣхали, какъ намъ приказано было, прямо во дворецъ великаго князя. Онъ насъ осмотрѣлъ и остался доволенъ, но, какъ мы уже впоследствии узнали отъ нашихъ офицеровъ, предупредилъ государя и великаго князя Михаила Павловича о такъ названной имъ «контрабандѣ», и тѣ очень смѣялись; однако, какъ говорили, имъ понравился нашъ *esprit d'étiquette*. Его высочество самъ привезъ насъ въ *Rosen-Pavillon*, передалъ насъ двумъ-тремъ генераламъ и флигель-адъютантамъ и просилъ ихъ позаботиться, чтобы мы не скучали. Императрицъ еще не было. Многія придворныя дамы, знавшія насъ по обѣду, завтраку и нашему вечеру, подходили къ намъ, любезно разговаривали, смѣялись; масса генераловъ, знати—и всѣ были къ намъ очень внимательны. Наконецъ, вышли императрицы; государя не было. Начался безконечный польскій, потомъ пошли другіе танцы, какъ обыкновенно, начиная съ экосеза. Дамы часто сами насъ ангажировали, въ особенности на вальсъ, который наша молодежь танцевала отлично. Чай, фрукты, питье и прочее не подавались, а все стояло въ открытыхъ буфетахъ. Дамы очень часто водили насъ въ буфетъ, и даже великіе князья заботились о томъ, чтобы насъ чаще подводили къ сладостямъ. Дамы знали наши фамиліи и обращались: «*M-g un tel, amenez moi au buffet*». Ужинъ былъ великолѣпный. На насъ этотъ вечеръ произвелъ самое пріятное впечатлѣніе, и почти всѣ мы прослыди отличными танцорами.

При дворѣ служило два брата Нарышкиныхъ: старшій былъ оберъ-егермейстеромъ, младшій—камергеромъ. Старшій, хотя имѣлъ всю тонкую полировку придворнаго, былъ, какъ и младшій, красивъ и высокаго роста, однако далеко не такъ развитъ и уменъ, какъ братъ, который славился умомъ, находчивостью, острою и весьма мѣткимъ саркастическимъ юморомъ. Оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ жилъ на Англійской набережной, въ огромномъ домѣ съ балкономъ. У него была роговая музыка, единственная въ цѣломъ мірѣ. Это не то, что нынѣшняя роговая музыка изъ мѣдныхъ трубъ съ клапанами и прочее: въ хорѣ Нарышкина каждая мѣдная труба издавала только одинъ звукъ въ извѣстномъ тонѣ. Поэтому, чтобы разыграть пьесу, требовавшую, на примѣръ, 7—8 октавъ, хоръ долженъ былъ состоять почти изъ сотни человекъ. Но такъ какъ для дискантовыхъ и среднихъ нотъ не достаточно по одному рожку и нужно

было минимум 3—4, и, кромѣ того, запасные музыканты, то хоръ состоялъ изъ 170 человекъ. Необходимо было самое бдительное вниманіе и огромный практическій навыкъ выдерживать паузы и вовремя подавать свою ноту. Это искусство доведено было въ хорѣ до непонятнаго совершенства, въ своей игрѣ онъ поражалъ райскою гармоніей, нѣжностью звуковъ и доставлялъ истинное наслажденіе.

Камергеръ Нарышкинъ очень часто забавлялъ государя и весь Дворъ своими остротами и разными выходками. Въ 1822-мъ или 1823-мъ году отношенія Россіи къ Оттоманской Портѣ были весьма натянуты. Однажды утромъ государь сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и что-то писалъ; тутъ былъ и камергеръ Нарышкинъ. Камердинеръ государя проходилъ нѣсколько разъ черезъ кабинетъ, отворяя и затворяя дверь, которая очень скригѣла. Государь замѣтилъ это слегка камердинеру, а Нарышкинъ сказалъ:

— C'est la porte qui désire de la cire, votre majesté!

Государь улынулся.

Главною мишенью остротъ Нарышкина былъ почти постоянно комендантъ, генераль-адъютантъ Башуцкій, жившій въ самомъ дворцѣ. Онъ былъ добрѣйшій, простѣйшій и недалекій человекъ; это всѣ знали, и поэтому ему многое сходило съ рукъ. Въ то время нѣмецкія пьесы Коцебу были въ славѣ, и государь пожелалъ, чтобы одну изъ самыхъ смѣшныхъ пьесъ Коцебу: «Rochuss-Pumpernikel, oder der Landjunker zum ersten Mal in der Residenz»,—представили въ дворцовомъ театрѣ. Тогда былъ на сценѣ знаменитый комикъ Линденштейнъ. Пьесу разыграли. Государь очень много смѣялся, особенно когда Линденштейнъ, der Landjunker, вѣхалъ на сцену подъ огромнымъ зонтикомъ, верхомъ на ослѣ. Государь спросилъ: «Какъ это провели осла на сцену». Нарышкинъ, тутъ же случившійся, тотчасъ подхватилъ и сказалъ: «По комендантской лѣстницѣ, ваше величество». Всѣ расхохотались.

Комендантъ за 25-ти-лѣтнюю службу свою въ офицерскихъ чинахъ получилъ, по тогдашнему уставу, св. Георгія 4-й степени; надѣлъ свой новый крестъ и усѣлся въ театрѣ въ комендантское кресло въ 1-мъ ряду. Немного спустя, входитъ Нарышкинъ, лорнируетъ, проходя мимо коменданта; потомъ нагнулся, увидѣлъ георгиевскій крестъ на груди коменданта, поздравилъ его и сказалъ: «Странно! Въ первый разъ вижу, что св. Георгій на конѣ»...

Придворный кофешенкъ, во дворцѣ, былъ маленькій, тучный господинъ съ огромнымъ животомъ. Покрой панталоновъ у гражданскихъ чиновниковъ и партикулярныхъ лицъ въ то время былъ не такой, какъ нынѣ: на животѣ былъ клапанъ, который подымался и застегивался на пуговицы. Нарышкинъ обѣдалъ во дворцѣ. После обѣда кофешенкъ приноситъ на большомъ подносѣ кофе. Нарышкинъ за что-то точилъ зубы на кофешенка, подошелъ къ нему и говоритъ на ухо: «У васъ клапанъ отъ панталоновъ отстегнулся»

Можете себѣ представить испугъ и отчаяніе бѣднаго кофешенка! Онъ сталъ сгибать колѣни, опускалъ поднось какъ можно ниже и въ такой уморительной позѣ, при его короткой, тучной фигурѣ, едва былъ въ состояніи поднести кофе всей царской фамилии. Всѣ замѣтили его уморительныя ужимки, смѣялись, но никто не могъ понять, что случилось съ несчастнымъ кофешенкомъ. Можно легко вообразить себѣ его мину, когда онъ, наконецъ, окончилъ свой мучительный обносъ кофе, пришелъ въ буфетную, поставилъ поднось на столъ и увидѣлъ, что страхъ его оказался напрасенъ: клапанъ былъ застегнуть какъ слѣдуетъ.

Наши лѣтнія занятія въ лагерѣ приходили къ концу, съемка Павловска и окрестностей его была окончена, черновые планшеты сданы. Императрица рано уѣхала въ Петербургъ, и празднества наши прекратились. Мы выступили изъ лагеря, благополучно вернулись въ Петербургъ и снова размѣстились въ нашемъ павильонѣ. Намъ распустили по домамъ на цѣлую недѣлю; изъ лагеря же въ городъ насъ вовсе не отпускали. Послѣ этихъ каникулъ надо было серьезно приниматься за ученье, готовиться къ офицерскому экзамену. Дѣла было очень много. Профессора, которые насъ дѣйствительно очень любили за прилежаніе, желали, чтобы мы блестяще сдали экзамены, занимались съ нами очень усердно и этимъ придавали намъ еще болѣшую охоту къ занятіямъ. Мы другъ другу помогали очень усердно, и въ нашемъ классѣ не было и помину о какихъ либо шалостяхъ или проказахъ, хотя въ другихъ классахъ онѣ случались.

Экзаменъ былъ назначенъ публичный. Опперманъ и графъ Северсъ безпрестанно твердили намъ подготовиться получше, такъ какъ государь императоръ обѣщалъ быть на экзаменѣ и привести гостей. И дѣйствительно на первый экзаменъ изъ артиллеріи пріѣхалъ государь и съ нимъ прусскій король, какой-то французскій посланникъ, графъ Аракчеевъ и довольно большая свита русскихъ и иностранныхъ офицеровъ. Николай Павловичъ пріѣхалъ съ своими адъютантами, гвардейскими полковниками: Адлербергомъ, Кавелинымъ и Деллингсгаузенемъ. Надо сказать, что недѣли за три до экзамена великій князь Николай Павловичъ прислалъ модель какого-то прусскаго орудія и приказалъ, чтобы кто нибудь изъ насъ снялъ орудіе съ природы и представилъ чертежъ на экзаменѣ. Алексѣй Васильевичъ Дядинъ поручилъ мнѣ эту работу. Я съ природы начертилъ все; но такъ какъ дѣла было гибель, что видѣлъ и самъ Дядинъ, то онъ мнѣ очень помогъ, отгушевавъ почти весь чертежъ.

Государь пожелалъ, чтобы отвѣчали на нѣмецкомъ языкѣ, дабы прусскій король могъ понимать отвѣты. Предложили нѣсколько вопросовъ, отвѣчали хорошо.

— Снято ли прусское орудіе съ природы? — спросилъ великій князь у Дядина.

— Снято, ваше высочество,—отвѣтилъ Дядинъ.

— Гдѣ чертежъ?—Показали.—Кто снималъ?

— Жерве.

— Вызови его.

Я подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли государь Александръ I и прусскій король, развернулъ свой чертежъ, отдѣланный на славу, и объяснилъ на нѣмецкомъ языкѣ всю конструкцію орудія, лафета, снарядовъ, заряда, прицѣла и проч. Король былъ просто удивленъ.

Затѣмъ Дядинъ сказалъ мнѣ порусски (онъ языковъ не зналъ), но громко:

— Объясните его величеству, какъ отливаютъ и какъ высверливаютъ орудія.

Дядинъ видѣлъ, что я бойко владѣю нѣмецкимъ языкомъ, и вызвалъ меня, опасаясь, что этотъ трудный и сложный вопросъ другой можетъ объяснить понѣмецки не такъ хорошо, хотя твердо былъ увѣренъ, что его предметъ всѣ знали отлично, его любили и у него учились прекрасно. Я обрадовался, связалъ этотъ вопросъ съ прежнимъ и объяснилъ прекрасно. Король остался очень доволенъ и громко сказалъ государю:

— Ich bin versichert, dass kein preussischer Officier, nicht nur ein Kadet im Stande wäre so bestimmt und kenntnissvoll diesen sehr interessanten Gegenstand zu verklären, wenn es darauf ankäme im Russischen Ew. Majestät zu übergeben ¹⁾.

Государь кивнулъ мнѣ и довольно громко сказалъ: «Благодарю васъ». Отъ радости я не помнилъ, какъ дошелъ до мѣста, и какъ кончился экзаменъ.

Когда государь съ королемъ уѣхали, графъ Аракчеевъ подошелъ къ Алексѣю Васильевичу и спросилъ его:

— Не желаешь ли ты въ артиллерію? Обиженъ не будешь, а выиграть можешь.

Алексѣй Васильевичъ на это отвѣтилъ очень спокойно:

— Покорнѣйше благодарю, ваше сіятельство. Не желаю быть въ третій разъ произведенъ въ офицеры: я уже слишкомъ старъ.

Аракчеевъ посмотрѣлъ на него, какъ гіенна на своего врага, но ничего не сказалъ, повернулся и ушелъ. Мы не поняли Дядина и просили его объяснить намъ-его слова.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—объясню, но въ другой разъ; теперь усталъ, да и голоденъ.—Потомъ обернулся ко мнѣ и сказалъ:—Ай да нѣмчикъ ²⁾! Вотъ отхваталъ, такъ отхваталъ! Молодцомъ! Да я и не думалъ, что ты такой пряткій. А чертежъ-то, а чертежъ: наглядѣться не могли, все самъ показываетъ.

¹⁾ «Я увѣренъ, что ни одинъ прусскій офицеръ, а тѣмъ болѣе кадетъ, не былъ бы въ состоянн объяснить этотъ интересный предметъ такъ отчетливо и умѣло, если бы пришлось изложить его вашему величеству порусски.

²⁾ Дѣдъ былъ лютеранинъ.

В. Ж.

— Спасибо вамъ, Алексѣй Васильевичъ. Это я вашими руками сегодня жаръ загорѣлъ.

— Эвона, что я тамъ помазалъ немного; такъ я вѣдь всѣмъ то же дѣлаю.

Онъ взялъ меня за руку и крѣпко пожалъ. Это была для меня лучшая награда.

Дня черезъ два государь опять посѣтилъ нашъ экзаменъ и, кажется, не предупредивъ никого. Былъ экзаменъ изъ исторіи. Государь подовалъ профессора Константина Ивановича Арсеньева и передалъ ему свое желаніе, нельзя ли спросить что нибудь изъ французской исторіи и на французскомъ языкѣ. Константинъ Ивановичъ поклонился.

— Полагаю, что это возможно, ваше величество,—сказалъ онъ и прямо подошелъ ко мнѣ.—Вы владѣете вполнѣ французскимъ языкомъ, вѣкъ Людовика XIV знаете хорошо. Приготовьтесь, я васъ вызову: отвѣчайте на французскомъ языкѣ.

Я немного струсилъ: боялся, что недостаточно краснорѣчиво передамъ періодъ, хотя зналъ его хорошо. Съ четверть часа мнѣ дали подумать. Потомъ Арсеньевъ вызвалъ меня, на французскомъ языкѣ довольно хорошо передалъ мнѣ предложенный вопросъ и опредѣлилъ періодъ времени блистательныхъ войнъ Людовика XIV. Я началъ съ предупрежденія, что предметъ проходилъ на русскомъ языкѣ, и заранѣе просилъ извинить меня, если не совсѣмъ ясно изложу рассказъ. Остановился немного и затѣмъ началъ нѣсколько нетвердымъ голосомъ. Потомъ сталъ говорить смѣлѣе, обрисовалъ положеніе Франціи въ указанную эпоху, побудительныя причины войнъ, описалъ дѣйствующихъ лицъ, потомъ самыя сраженія. Чѣмъ дальше я говорилъ, тѣмъ увѣреннѣе и тверже сталъ выражаться. Говорилъ минутъ двадцать пять, не останавливаясь, говорилъ съ жаромъ; надо было, наконецъ, перевести духъ. Посланикъ въ это время всталъ, поклонился мнѣ и сказалъ: «*Merci, monsieur*». Но Государь перебилъ его и сказалъ:

— *C'est tellement interessant, que je voudrais bien que vous finissiez la période* ¹⁾.

Я поклонился государю, сталъ продолжать и кончилъ великимъ *Condé*. Всѣ меня поблагодарили и французъ сказалъ мнѣ:

— *Je vois bien, monsieur, que notre histoire vous est bien connue* ²⁾.

Я отвѣтилъ: «*Excellence! pour nous jeunes gens, qui commencent seulement à vivre, nous avons besoin des beaux exemples pour être des fidèles sujets* ³⁾».

¹⁾ Это такъ интересно, что я очень желалъ бы, чтобы вы кончили періодъ.

²⁾ Я вижу хорошо, молодой человѣкъ, что вы хорошо знакомы съ нашей исторіей.

³⁾ Ваше превосходительство, намъ, молодымъ людямъ, которые только начинаютъ жить, необходимы прекрасныя примѣры, чтобы быть вѣрными подданными.

Государь очень благосклонно обернулся ко мнѣ и, видимо довольный, сказалъ:

— Bien, tres bien, mon cher. Merci ¹⁾.

Я поклонился и отступилъ. Вообще изъ всѣхъ предметовъ мы сдали блестящіе экзамены, въ особенности первые десять человѣкъ, у которыхъ по всѣмъ предметамъ были полные баллы. Когда государь изволилъ отбыть, великій князь Николай Павловичъ, проводивъ его, возвратился и благодарилъ насъ съ видимымъ восторгомъ. Онъ сказалъ:

— Я ожидалъ, что экзаменъ будетъ хорошъ, но чтобы онъ прошелъ такъ блистательно, этого я не ожидалъ; да, я думаю, и вы также,—обратился онъ къ Опперману, графу Сиверсу и профессорамъ.—Отлично, прекрасно!

Алексѣй Васильевичъ Дядинъ послѣ разсказалъ намъ, что прежде онъ служилъ въ артиллеріи и два раза изъ офицеровъ былъ разжалованъ: въ первый разъ въ солдаты, во второй—въ фурлейты. Однажды, на царскомъ смотрѣ, онъ какъ-то измѣнилъ въ своемъ взводѣ упряжку заряднаго ящика. Государь это замѣтилъ, и ему перемѣна понравилась. Онъ выразилъ Аракчееву свое мнѣніе, что такъ гораздо лучше, и тотъ согласился. Но за то, что Дядинъ сдѣлалъ эту перемѣну своевольно, не спросясь, Аракчеевъ разжаловалъ его въ рядовые. Когда Дядинъ былъ вновь произведенъ въ офицеры, ему пришлось въ арсеналѣ снимать копию съ какого-то огромнаго чертежа, подписаннаго графомъ Аракчеевымъ. Чтобы можно было скопировать верхъ чертежа, онъ вскарабкался ногами на чертежъ. Въ это время входитъ Аракчеевъ и видитъ ноги Дядина какъ разъ на его подписи. Какъ онъ смѣлъ, видите ли, топтать его подпись ногами? За это онъ разжаловалъ Дядина въ фурлейты. Дядинъ въ это же время сочинилъ и напечаталъ: «Наставленіе артиллерійскимъ генераламъ, изданное фурлейтомъ Дядинымъ». Какъ ни бѣсился Аракчеевъ, брошюра имѣла огромный успѣхъ. Дядина опять произвели, и тогда уже великій князь Николай Павловичъ перевелъ его къ себѣ въ инженеры²⁾.

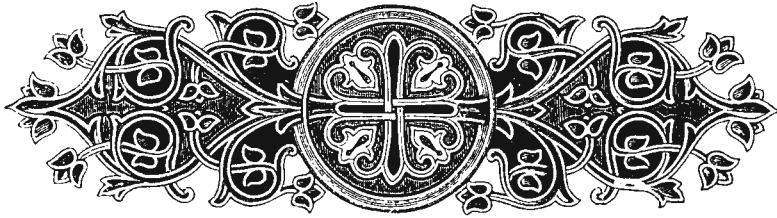
Викторъ Жерве.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Хорошо, очень хорошо, мой милый. Благодарю.

²⁾ 12 октября 1862 г. въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ (нынѣ 1-е военное Павловское училище), съ соизволенія е. и. в. главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, было отпраздновано сорокалѣтіе «учительской службы» А. В. Дядина, тогда уже генералъ-лейтенанта. Въ бумагахъ покойнаго дѣда случайно сохранилось приглашеніе на этотъ юбилей.

В. Ж.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ.

Очеркъ.

СТРАННИКЪ и скиталецъ по призванію. Быть прикованнымъ къ одному и тому же мѣсту земного шара круглый годъ для меня невысказуемо и невыносимо. Человѣкъ грѣшный, я, конечно, по смерти своей не рассчитываю попасть въ рай; но, если попаду, паче чаянія, полагаю, что никакія золотыя яблоки на серебряныхъ яблоняхъ, никакіе райскіе напѣвы не утѣшатъ меня въ моей посмертной осѣдлости. И, конечно, я не утерплю, найду какую нибудь лазейку, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть на чистилице, или, время отъ времени, дѣлать тайныя прогулки въ адъ, къ друзьямъ грѣшникамъ, пекомымъ на желѣзныхъ сковородахъ.

Считаюсь я, преимущественно, по странамъ южнымъ, гдѣ синее небо надъ синимъ моремъ, по вулканической почвѣ, которой мало трехъ отдушинъ Этны, Везувія и Стромболи, оставленныхъ европейскимъ континентомъ подземному огню, и которая, поэтому, нѣтъ-нѣтъ да и развернется подъ ногами населяющаго ее жителя, вспученная изверженіемъ огнедышащей горы или могучими ударами землетрясенія. Въ моихъ скитаньяхъ, какъ поетъ маркизъ изъ Корневильскихъ Колоколовъ, было много страданья и испытанья. Кромѣ желѣзнодорожнаго крушенія, пережиты всѣ бѣдствія странническаго авантюриста. Въ томъ счетѣ четыре землетрясенія, а въ ихъ числѣ страшная константинопольская катастрофа, въ іюлѣ 1894 года. Я попалъ тогда въ Константинополь изъ Болгаріи, вскорѣ послѣ паденія покойнаго Стамбулова. Къ событію этому тогда были прикованы взоры всей Европы, и переворотъ въ природѣ Балкан-

скаго полуострова прошелъ какъ-то мало замѣченнымъ, за переверотомъ въ его политикѣ. Разумѣется, однако, не для жителей Стамбула, пережившихъ ужасные дни: землетрясеніе вырвало изъ среды константинопольскаго населенія свыше 2.000 жертвъ.

Когда я возвратился въ Россію, меня постоянно спрашивали въ обществѣ:

— Ахъ, вы видѣли константинопольское землетрясеніе?! Ахъ, какъ это интересно! Ахъ, расскажите, пожалуйста, какъ это бываютъ землетрясенія?

Обыкновенно я отвѣчалъ.

— Очень просто, madame или mademoiselle N. (ибо спрашиваютъ по преимуществу дамы,—ужъ такъ сложилось руссійское общество, что женщины въ немъ больше интересуются сильными ощущеніями, чѣмъ мужчины), очень просто. Земля начинаетъ трястись, а дома — падать.

Признаю полную неудовлетворительность такого отвѣта. Признаю, что онъ очень напоминаетъ отвѣтъ артиллерійскаго офицера, который на вопросъ барышни:

— Какъ дѣлаютъ пушки?—объяснилъ кратко, но выразительно.

— Берутъ дыру-съ и обливаютъ ее мѣдью.

Но трудно было отвѣчать иначе по первымъ безотчетнымъ впечатлѣніямъ. Рассказывать и описывать явленія природы легче всего сравненіями. Но землетрясеніе рѣшительно не съ чѣмъ сравнить; это явленіе единственное въ своемъ родѣ и самодовлѣющее. Чтобы имѣть о немъ понятіе, надо его испытать, чего, впрочемъ, не сохѣту никому, кромѣ самоубійцъ, и не желаю даже самому заклѣтому своему врагу; а, сверхъ того, смѣю увѣрить, что, испытавъ одно землетрясеніе, вы, если случится вамъ пережить другое, испытаете отъ него совершенно новыя впечатлѣнія, и само оно покажется вамъ явленіемъ совершенно новымъ. Ко всему можно привыкнуть, говорятъ умные люди. Человѣкъ притерпѣлся къ самымъ пестрымъ и разнообразнымъ бѣдствіямъ. Уже одинъ фактъ существованія пожарныхъ командъ, громоотводовъ, плавательныхъ аппаратовъ доказываетъ, что онъ притерпѣлся къ бѣдствіямъ отъ огня, воды, электричества и выработалъ привычку борьбы съ ними. А нѣкій анекдотическій семинаристъ утверждалъ даже, будто возможно выработать привычку падать внизъ головою съ Исаакіевскаго собора. Но къ землетрясеніямъ не привыкають. До константинопольскаго я пережилъ землетрясенія въ Тифлисѣ и въ Генуѣ: послѣднее было непосредственнымъ отголоскомъ подземной грозы, обратившей въ прахъ Ментону и Ниццу. И что же? Когда землетрясеніе подступило къ Константинополю, я не узналъ его сразу, и двѣ-три секунды колебался: что это? старый знакомый, обоготворенный греками и наслѣдникомъ ихъ пантеистическаго язычества Гете, *Σεϊσμός* второй части «Фауста» или что-то еще не пережитое, какой-то новый еще не-

испытанный ужасъ? Окрестности Неаполя, гдѣ бурленіе Везувія часто колеблетъ почву, должны бы, казалось, за двухтысячелѣтнюю исторію свою, выработать какой нибудь *modus vivendi* со старымъ вулканомъ, исконнымъ ихъ губителемъ и благодѣтелемъ вмѣстѣ. Но я имѣлъ удовольствіе присутствовать при изверженіи Везувія и убѣдился, что неаполитанцы свыклись со всѣми палостями огнедышащей горы,—съ потоками лавы, пламенемъ, пепломъ, раскаленными камнями; одно, къ чему никакъ не могутъ они приучить свое жизнелюбивое нутро, что всякій разъ поражаетъ ихъ, пережившихъ на вѣку своемъ десятки легкихъ землетрясеній, такимъ же беспомощнымъ ужасомъ, какъ и нашего брата, переживающаго землетрясеніе впервые,—это шатаніе почвы подъ ногами, дрожь земляныхъ стѣнокъ великаго пароваго котла Европы. Нельзя привыкнуть! Землетрясенія капризно-разнообразны въ своихъ разрушительныхъ приступахъ. Однообразны только въ результатахъ: прахъ домовъ и трупы людей.

Я сказалъ: землетрясеніе подступило. Лучше сказать: подобралось и набѣжало. Оно подкрадывается, какъ звѣрь къ добычѣ, какъ киргизскій воръ къ стаду барановъ. Мнѣ кажется, что нѣкоторое подобіе смятенія, охватывающаго города, пораженные землетрясеніемъ, испытывали средневѣковыя степныя села при внезапныхъ, какъ молнія, нападеніяхъ половцевъ, печенѣговъ и татаръ. Вечерѣть. Небо чисто и прекрасно. Степь лоснится ковылемъ, нѣжась подъ послѣдними лучами уходящаго за курганы солнца. На десятки верстъ кругомъ шепчутся подъ тихимъ вѣтромъ камыши. Село спокойно; въ хатахъ зажигаются огоньки, семьи готовятся вечерять; пѣсня слышна—тягучая и широкая, пѣсня вольнаго степного человѣка... Но вотъ всѣ, сколько ни есть народа въ селѣ, разомъ, съ недоумѣніемъ поднимаютъ головы: въ сельскую тишь хлынулъ потокъ смутнаго шума—дробный и быстрый топотъ тысячи коней, вихремъ вылетѣвшихъ изъ глубины камышей, гдѣ лежала весь день насторожѣ никѣмъ не замѣченная и неожиданная засада вражьей силы. Никто еще не успѣлъ разрѣшить: что это за гулъ? откуда? а онъ уже выросъ въ бурю; онъ уже на дворѣ. Гиганье полулюдей, полувзвѣрей оглушаетъ мирно сидящихъ за ужиномъ. Крыши пылаютъ надъ ихъ головами; падаютъ подрубленные столбы хлѣбовъ и коновязей; скотина реветъ тоскливо и жалостно; съ церкви гудитъ запоздалый набатъ... Обезумѣвшій селянинъ бѣжитъ, куда глаза глядятъ, спотыкаясь о трупы своихъ родичей, о тѣла обомлѣвшихъ женщинъ и попадаетъ на арканъ прежде, чѣмъ разбереть, что за бѣда стряслась надъ нимъ? Кто эти звѣрообразные желтолицы не то люди, не то черти въ мохнатыхъ шапкахъ, съ разбойничьими глазами, съ криками людоедовъ?.. Людская буря проносится мимо. Какой либо, счастливымъ случаемъ уцѣлѣвшій, малецъ, чуя возвращенную степи тишину, выползаетъ изъ погре-

бицы на свѣтъ Божій и растерянно, ровно ничего не понимая, смотреть на груды углей, въ которую превратилось его родимое село. Какъ же, молъ, такъ? Было село, а осталась зола... Ни тятки... ни мамки... Десяткокъ холодныхъ, залитыхъ кровью труповъ... Вотъ настроеніе этого мальчишки будетъ отчасти похоже на настроеніе человѣка, «видѣвшаго» хорошее землетрясеніе.

Хотите еще сравненіе? Мнѣ сообщилъ его мой другъ англичанинъ г. Мальтенъ, такой же, какъ я, всесвѣтнѣйшій бродяга: единственный человѣкъ, кому я завидую: куда только не заносила его... нелегкая, скажутъ профаны; счастливая судьба,— съ завистью вздохнемъ мы, спортсмены скитальчества подѣ чужими небесами. Мальтенъ — человѣкъ рѣдкаго, поразительнаго хладнокровія; я самъ, смѣю похвалиться, не изъ теряющихся, но этотъ англичанинъ не разъ изумлялъ меня; онъ — воплощеніе присутствія духа, мужества нравственнаго и физическаго. Въ день константинопольскаго землетрясенія я встрѣтилъ его въ саду Aux petits champs. Кругомъ выли, кричали, рыдали, проклинали, валялись въ обморокъ, корчились въ истерическихъ конвульсіяхъ сотни женщинъ; я видѣлъ мужчинъ, офицеровъ,— а, конечно, никто не скажетъ, что турецкіе офицеры трусы, — синихъ съ лица, какъ сукно ихъ мундира. Но турки, по крайней мѣрѣ, держались и старались держаться прилично. Ихъ, по восточному ихъ фатализму, ничѣмъ не удивишь: кизметъ!— и все тутъ. И, хотя отъ этого кизмета приходится очень скверно, турка идетъ въ его пасть съ такимъ видомъ, будто все обстоитъ совершенно благополучно, и ничего лучшаго онъ и не ожидалъ. Греки же, армяне и итальянцы, даже пожилые люди съ полусѣдыми бородами, хныкали, какъ бабы, катались въ отчаяніи по землѣ, прислушиваясь къ ея замирающему трепету, звали поповъ и ждали свѣтопреставленія. Мнѣ никогда не забыть одного еврея: онъ спрятался подѣ садовую скамейку, уткнувъ лицо въ землю, какъ страусъ, задралъ кафтанъ на голову и такъ лежалъ, а ноги его выбивали судорожную дробь по дорожкѣ. Два знакомыхъ болгарина — атташе дипломатическаго агентства, бѣгутъ безъ шляпъ; лица буро-оливковыя; у обоихъ зубъ на зубъ не попадаетъ... принимаютъ, наперерывъ, беспорядочно рассказывать мнѣ, какъ они шли въ ресторанъ, и вдругъ дома въ переулкѣ наклонились надъ ними, какъ быки, готовые стукнуться рогами, и совсѣмъ было собрались рухнуть на злополучныхъ братушекъ... во вторымъ ударомъ улицу снова выпрямило. И вотъ, среди такого-то стада ошалѣвшихъ людей, я нечаянно наткнулся на Мальтена: онъ сидѣлъ у столика подѣ террасою садоваго ресторана и громко стучалъ, подзывая слугу; послѣдній выслушалъ его приказаніе съ помутившимися, полусознательными глазами и скрылся. Но такова сила служебной привычки и хладнокровнаго внушенія! Немедленно возвратился и поставилъ передѣ Мальтеномъ графинчикъ коньяку, стаканъ воды

и тарелки съ бисквитами. А затѣмъ выпучилъ глаза на страннаго гостя, видимо удивляясь и на него, да и на себя: какъ молъ это угораздило его заказать, а меня—послушаться и исполнить?

— Что это вы дѣлаете?!—укоризненно замѣтилъ я англичанину, здороваясь съ нимъ.

— А что?—удивленно возразилъ онъ, отправляя въ ротъ рюмку.

— Да какъ-то неловко... Кругомъ такой хаосъ отчаянія, а вы коньякъ пьете?

— Развѣ вышелъ законъ, воспреещающій пить коньякъ во время землетрясенія?

— Нѣтъ, но...

— И развѣ землетрясеніе прекратится оттого, что я, Джонъ Мальтенъ, эсквайръ, не буду пить коньякъ?.. Лучше садитесь-ка со мной и выпейте сами: судя по вашему усталому виду, это будетъ не лишнее.

Хладнокровіе Мальтена сперва показалось мнѣ, по русской сентиментальности, чуть не безсердечіемъ. Какъ это, молъ, видѣть бѣдствіе и не расчувствоваться? Но что же узналъ я впоследствии? Этотъ богатырь, въ моментъ землетрясенія находился въ Стамбулѣ, на томъ самомъ старомъ базарѣ, гдѣ камня на камнѣ не осталось, и, съ опасностью для собственной жизни, вытащивъ изъ-подъ развалинъ нѣсколькихъ турецкихъ ребятишекъ, на своихъ рукахъ перетаскалъ ихъ, одного за другимъ, къ баркамъ Золотого Рога... Да, послѣ такихъ подвиговъ человекъ имѣетъ, пожалуй, право пить коньякъ даже во время землетрясенія!

Такъ вотъ этотъ Мальтенъ рассказалъ мнѣ слѣдующее приключеніе. Его двоюродный братъ, унтеръ-офицеръ индійской арміи, въ одно прекрасное воскресенье отправился изъ Калькутты на загородную ферму, въ гости къ пріятелю. На фермѣ онъ засталъ праздникъ; къ вечеру было пьяно все—господа и слуги, англичане и индусы, люди и слоны. Кузень Мальтена—человѣкъ, склонный къ поэтическимъ настроеніямъ, даже стихи пишетъ. Чуть ли не ради поэтическихъ впечатлѣній и угораздило его попасть именно въ индійскую армію. Отдалясь отъ пьянаго общества, онъ одиноко стоялъ у колючей растительной изгороди, смотрѣлъ на закатъ солнца и, какъ очень хорошо помнитъ, обдумывалъ письмо въ Ливерпуль, къ своей невѣстѣ. Именно на полусловѣ: «... ваша фантазія не въ силахъ вообразить, дорогая миссъ Флоренса, неисчислимыя богатства индійской флоры и фау...», онъ слышитъ позади себя тяжкіе и частые удары. Точно какой нибудь исполинъ сверхъестественной величины и силы, Антей, Атласъ, съ размаху вбиваетъ въ землю одну за другой длинныя сваи. Не успѣлъ мечтатель обернуться, какъ его схватило сзади что-то необыкновенно крѣпкое, могучее, эластическое, подбросило высоко въ воздухъ и, поматавъ нѣсколько секундъ, какъ маятникъ, съ силою швырнуло въ иглистые кусты алоэ — полу-

мертваго, не столько отъ боли, сколько отъ ужаса непониманія и незнанія, самого опаснаго и могущественнаго изъ ужасовъ: его описали въ древности Гомеръ и Гезіодъ, а въ наши дни со словъ Тургенева — Гюи де-Мопассанъ. Бѣднягу съ трудомъ привели въ чувство. Разгадка происшествія оказалась очень простою: одинъ изъ рабочихъ слоновъ фермера добрался до кувшиновъ съ пальмовымъ виномъ, опустошилъ ихъ, опьянѣлъ и пришелъ въ ярость. Мундиръ унтеръ-офицера привлекъ вниманіе хмельнаго скота своей яркостью, и кузень Мальтена сталъ его жертвой... Такого разнообразія индійской фауны не только миссъ Флоренса, но и самъ горемычный женихъ ея, конечно, не могъ, себѣ ранѣе вообразить!.. Ощущеніе нежданно-негаданно схваченнаго слономъ солдата, въ ту минуту, когда онъ не только не думалъ о какомъ нибудь слонѣ опредѣленномъ, но, вѣроятно, позабылъ и самую «идею слона», вѣроятно, было близко къ ощущеніямъ человѣка въ первый моментъ землетрясенія.

Былъ ясный и жаркій полдень. Мы, пансіонеры Hôtel de France, въ Перѣ, только что сѣли завтракать. Рядомъ со мною сидѣлъ также русскій — адвокатъ изъ Петербурга, весьма оригинальный господинъ: спиритъ, мистикъ и... специалистъ по бракоразводнымъ дѣламъ. Четыре часа спустя, я долженъ былъ разстаться съ Константинополемъ и ѣхать моремъ въ Пирей. Вещи мои были уже увязаны. Мы рассчитывали весело посидѣть за завтракомъ на прощанье и устроить хорошую отвальную. Хозяинъ гостиницы, милѣйшій Herr Frankl, лучшій изъ венгерцевъ, какихъ посылалъ мнѣ Богъ на встрѣчу, притащилъ по обыкновенію новый, только что полученный съ почты номеръ «Neue Freie Presse» и принялся политиканствовать. Этому человѣку не гостиницу бы содержать, а первымъ министромъ быть, либо, по крайней мѣрѣ, президентствовать въ какой нибудь маленькой завалящей республикѣ. И вдругъ началось...

— Что это? — поразился мой сосѣдъ, прислушиваясь къ трепету пола, внезапно задрожавшаго подъ нашими ногами.

— Вѣроятно, пушки ѣдутъ, — спокойно возразилъ ему одинъ изъ пенсіонеровъ, французскій commis voyageur.

Но трепеть перешелъ въ размахи.

Я узналъ стараго знакомаго, всталъ и сказалъ поитальянски:

— Господа, бѣгите на улицу... Здѣсь нельзя оставаться... Это не пушки, это землетрясеніе.

Заль опустѣлъ мгновенно.

Я никакъ не могу сдѣлать привычки къ землетрясеніямъ, но у меня есть нѣкоторая опытность, какъ ихъ переносить и какія мѣры надо принимать, чтобы отъ нихъ не то, что не погибнуть, — ужъ если судьба пропасть, такъ пропадешь всенепремѣнно! — а все же передъ погибелью хоть немного побарахтаться. И вотъ я остался

одинъ въ готовомъ разрушиться домѣ, съ яснымъ, холоднымъ и отчетливымъ сознаниемъ въ умѣ, что переживаю сильное землетрясеніе, и что землетрясеніе это, по всей вѣроятности, смерть.

Слово «трястись», казалось бы, слово довольно опредѣленное: «трясется» значитъ «быстро колеблется вертикально, сверху внизъ». Но для землетрясенія такого опредѣленія мало. Землетрясеніе является трясеніемъ только въ первой своей атакѣ, когда подземный ударъ приближается, но еще не разразился. Вы чувствуете подъ ногами дрожь; отъ нея начинаютъ дребезжать стекла въ окнахъ, подпрыгиваетъ посуда на столѣ. Только что вы подумали, что, вѣроятно, по улицѣ провозятъ тяжелую кладь, или тянется артиллерійскій обозъ, только что собрались обругать архитекторовъ и хозяевъ, зачѣмъ строятъ такіе шаткіе дома, — какъ васъ оглушаетъ неистовый стихійный вопль разсвирѣпѣвшей матери земли... Да! вопль, рыкъ, пожалуй, стонъ, но непременно звукъ, связанный съ понятіемъ о живомъ существѣ. Это не стукъ, не грохотъ, не громъ, не ревъ морской бури, не пушечный залпъ, не рокогъ горнаго обвала, но живой голосъ, пугающій васъ прежде всего именно своей жизненностью. Болѣе всего онъ походитъ на крикъ огромной толпы — злобный или радостный, все равно: когда кричатъ десятки тысячъ, разница теряется; толкаясь въ толпѣ подъ Ходынку, я думалъ, что слышу «ура», а это вопили въ десяти саженьяхъ отъ меня попадавшіе въ давку люди. Помню еще: смотрѣлъ я звѣринецъ, съ великолѣпнымъ подборомъ медвѣдей. Ихъ было штукъ шесть. Вдругъ они изъ-за чего-то перегрызлись и мгновенно наполнили досчатый балаганъ звѣринца свирѣпымъ рыкомъ. Это былъ, пожалуй, изъ всѣхъ звуковъ наиболѣе похожій на вопль землетрясенія. Жизненность этого вопля такова, что, когда я услышалъ его впервые въ Тифлисѣ, я подумалъ сперва, что на улицѣ разыгрывается какая нибудь армянская манифестація. Я былъ занятъ, писалъ что-то... вдругъ — ррр... Изумленный вскакиваю отъ стола, и первымъ моимъ словомъ было: это что еще за безобразіе?! Но въ ту же минуту на голову мнѣ посыпалась штукатурка, заставившая понять, что дѣло идетъ не о безобразіи, а о несчастіи.

Разъ вы услышали страшный голосъ земли, васъ уже не трясеть, но шатаетъ; колебанія происходятъ не сверху внизъ, а изъ стороны въ сторону, продольными взмахами слѣва направо, справа налѣво. Сравните это опять-таки не съ чѣмъ. Нѣкоторые пробуютъ сравнить съ качкой при хорошемъ штормѣ. Нѣтъ, это не то. Мнѣ случалось выносить сильныя качки. Не говоря уже о томъ, что онѣ не возбуждали во мнѣ никакого ужаса, а были только любопытны, самое ощущеніе нетвердости пола подъ ногами — иное. Какъ бы ни были сильны размѣры качки, она все-таки — качели: размахъ вверхъ, стремительное паденіе внизъ. И это совершенно регулярно: секунда на взлетъ, секунда на нырокъ. У васъ захватываетъ духъ,

вамъ трудно стоять на ногахъ, но вы не теряете головы: вы очень хорошо понимаете, что съ вами дѣлается, и за какую веревку вамъ надо ухватиться, чтобы не полетѣть кубаремъ по палубѣ. Когда же землетрясеніе начинаетъ шатать дома, у васъ въ головѣ начинается страшный сумбуръ; этого избѣжать не можетъ самый хладнокровный человѣкъ. Дѣло въ томъ, что тутъ нѣтъ послѣдовательныхъ нырковъ и взлетовъ, порядокъ которыхъ можно и должно сознать и къ которымъ можно приготовиться. А просто такъ: васъ, положимъ, неожиданно опрокинуло спиною на стѣну; пребольно ударившись о нее, вы, однако, рады, что нашли, хоть со вредомъ для собственныхъ костей, точку опоры. Но едва обрадовались, вы уже не стоите, а сидите на полу, онъ же изъ ровнаго сталъ круто покатымъ; стѣна изъ-подъ вашей спины ушла, и вы едва догоняете ее своимъ затылкомъ. Въ то же время вы видите, какъ на васъ надвигается противоположная стѣна со всѣми ея картинами и канделябрами; они пляшутъ на своихъ гвоздяхъ, готовые сорваться. Вы закрываете глаза въ сознаніи, что еще мгновеніе—и вы покойникъ, но васъ перешвыриваетъ въ уголь, совѣмъ вами неожиданный. Вы бросаетесь прочь изъ угла, потому что чувствуете, какъ его стороны стремятся одна къ другой, какъ онъ изъ прямого готовъ сдѣлаться острымъ, сдавивъ ваше тѣло на всѣ градусы своего сокращенія. Съ невѣроятнымъ усиліемъ держаться на ногахъ, въ счастливый промежутокъ страшной тряски, вы выскакиваете на лѣстницу и не отдаете себѣ отчета: что это? никакъ я уже внизу? когда же Богъ поможетъ? Видите позади себя пляшущія ступени, рухнувшій карнизъ, обломанныя перила... Все это переживается, чувствуется, думается, исполняется въ срокъ меньше одной минуты...

Въ Тифлисѣ, гдѣ былъ мой первый дебютъ по землетрясеніямъ, меня учили: если *Séisme* застигнетъ васъ въ домѣ, надо немедленно стать въ дверяхъ или на подоконникѣ; окна и двери якобы разрушаются послѣдними изъ составныхъ частей дома. Можетъ быть, это и такъ, но самая хорошая теорія весьма часто оказывается трудно приложимою на практикѣ. Я только что, повинувъсь тифлисскому совѣту, выбралъ себѣ пунктъ спасенія въ выходныхъ дверяхъ, какъ вдругъ, на счастье свое, взглянулъ вверхъ и увидалъ, что надъ головою моею дрожать готовыя обрушиться ступени и перила парадной лѣстницы. Я забылъ всякую теорію, отложилъ въ сторону всѣ спасательныя затѣи, кромѣ быстроты своихъ ногъ, и въ два прыжка очутился на улицѣ.

Шатанія земли замерли; остался только легкій трепеть. Переулокъ гудѣлъ стенами и воплями; бѣжали мужчины безъ шляпъ, безъ сюртуковъ, растерзанныя женщины, — кто въ чемъ попало. Константинопольскія дамы дома не стѣсняются туалетомъ; измученныя жарою, онѣ по цѣлымъ днямъ валяются въ своихъ тем-

ныхъ спальняхъ, приче́мъ, разуме́ется, забота́тся объ одно́мъ — какъ можно болѣе облегчить себя отъ одежды. Такъ какъ землетрясе́нiе приключило́сь немного позже полдня, по-истинѣ палящаго, то легко представить, въ какихъ наивныхъ костюмахъ застало оно и выгнало на улицу злополучныхъ красавицъ Перы и Галаты. Въ саду *Aux petits champs*, куда сбѣжалось спасаться общество Перы, самыми приличными дамами оказались горничныя, продавщицы изъ лавочекъ, магазиновъ, кельнерши пивныхъ, то-есть женщины служащiя, обязанныя съ ранняго утра быть одѣтыми. Что же касается барынь... право, мудрено придумать художника, который бы рискнуть утѣшить публику точнымъ изображенiемъ ихъ группы въ первыя минуты по землетрясенiю. Наконецъ, нашлись рѣшительные люди, сжалились надъ конфузомъ бѣдняжекъ: вошли въ еще трепещущiе и готовые рухнуть при слѣдующемъ подземномъ ударѣ дома, набрали пледовъ, платковъ, манто, первыхъ, какiе подъ руку попались, и прикрыли горемычныхъ «Евъ поневолѣ».

Горничную нашего отеля угораздило свалиться мнѣ на руки въ глубочайшемъ обморокѣ, и мнѣ, попавъ въ рыцари тоже поневолѣ, пришлось удирать изъ узкаго и опаснаго переулка, спасая не только свою собственную особу, но и волоча добрыхъ пять пудовъ безчувственнаго тѣла. Это, конечно, значительно задерживало мою рысь, и ни одинъ галерный каторжникъ, я думаю, не проклиналъ свою тачку сильнѣе, чѣмъ я свою толстомясую ношу. Съ завистью поглядывалъ я на спины моихъ товарищ-ей по отелю, а въ особенности на спины нашего хозяина и отельной прислуги, улепетывавшихъ налегкѣ съ быстротою скаковыхъ лошадей. Вотъ, когда я практически понялъ значенiе гандикапа нашихъ спортсменовъ. Наконецъ, дотащился и я до сада и сложилъ на землю свой грузъ... кажется, съ меньшею бережливостiю, чѣмъ требовало того истинно христіанское милосердіе: по крайней мѣрѣ, толстомясая дѣвица что-то ужъ слишкомъ скоро пришла въ чувство и стала водить вокругъ себя дикими глазами, ощупывая себя: жива, молъ, я, или уже на томъ свѣтѣ? Кругомъ — дикое отчаянiе, во всѣхъ его градусахъ, отъ обмороковъ до истерическаго хохота, отъ колѣнопреклоненiй и молитвъ до проклятiй и богохульства; дѣти, къ удивленiю, вели себя лучше взрослыхъ. Словно—въ морской качкѣ. Дѣти очень рѣдко страдаютъ отъ морской болѣзни, и часто, когда весь пароходъ уже обращенъ волею Нептуна въ юдоль стенанiй, рвоты и проклятiй, ребята, какъ ни въ чемъ не бывало, рѣзвятся на ютѣ. Встрѣча съ Мальтеномъ послужила мнѣ твердою точкой опоры въ круговоротѣ искаженныхъ лицъ и горестныхъ звуковъ и спасла отъ возможности заразиться паникою, подавляюще царившей надъ садомъ. Кромѣ Мальтена, велъ себя довольно спокойно петербургскiй адвокатъ. Но его спокойствiе было какое-то жуткое, фаталистическое. Онъ стоялъ безъ шляпы, борода его вѣяла по вѣтру,

глаза горѣли мистическимъ огнемъ. Я окликнулъ его. Онъ вдрогнулъ.

— Какъ знать? — пробормоталъ онъ, сжимая мою руку, въ отвѣтъ на свои мысли, — можетъ быть, это за меня.

— Что «за васъ?»

— Страдаетъ Константинополь.

Я дико взглянулъ на него:

— Никакъ, компатріотъ сошелъ съ ума отъ страха?

У него въ глазахъ стояли слезы.

— Другъ мой, я великій грѣшникъ. Я разрушилъ тысячу шестьсотъ браковъ. Можетъ быть, Богъ караетъ Стамбулъ именно за то, что я здѣсь... за мое богомерзкое присутствіе...

— Ну, — возразилъ я бракоразводчику довольно рѣзко, — вы ужъ слишкомъ самонадѣянный грѣшникъ. Землетрясенія въ Царьградѣ не было четыреста лѣтъ, и — успокойтесь — за этотъ срокъ здѣсь совершались дѣянія не вашимъ чета. Если городъ не провалился сквозь землю послѣ разныхъ Махмудовъ, Селимовъ, Солимановъ и какъ, бишь, ихъ тамъ еще, то логика Немезиды не позволяетъ ему провалиться только потому, что его надумался посѣтить русскій бракоразводчикъ, съ хорошею практикою...

Мало-по-малу народъ успокаивался. Истерическаго визга и безчувственныхъ тѣлъ стало меньше. И почти тотчасъ же изъ-за плечъ трагедіи стали выглядывать комедія и водевиль. Дѣйствительность иной разъ создаетъ курьезныя нечаянности, какихъ не придумать самому бойкому юмористу. Послѣ землетрясенія прошло уже часа полтора. Одна дама, левантинка, среднихъ лѣтъ и замѣчательной красоты, прекрасно одѣтая, сидѣла близъ нашего столика; она продолжала плакать въ три ручья и закрывать лицо руками. Мы съ Мальтенемъ стали ее успокаивать, говоря, что отъ перваго землетрясенія, слава Богу, уцѣлѣли, стало быть, плакать уже не о чемъ; а втораго удара врядъ ли можно ждать раньше полуночи. Почему мы такъ храбро ручались за добропорядочное поведеніе землетрясенія, — рѣшительно не понимаю, но Мальтенъ диктовалъ программу дальнѣйшаго дня съ такою самоувѣренностью, точно онъ, по меньшей мѣрѣ, начальникъ отдѣленія въ небесной канцеляріи. Дама не унималась. Видя, что у нея нервы расходились не на шутку, я предложилъ ей стаканъ вина или рюмку коньяку. Она съ жадностью схватила за коньякъ, но, вижу, не проглотила его, а держитъ во рту. Послѣ нѣсколькихъ минутъ удивленнаго молчанія съ нашей стороны, красавица выплюнула коньякъ и заговорила:

— Вотъ теперь немножко легче. Представьте себѣ, какой со мною ужасный случай! Вѣдь я вовсе не отъ землетрясенія плачу. Я живу на дачѣ на островѣ Халкисъ. Простудилась купаясь, схватила зубную боль. Четыре дня мучилась, на пятый не вытерпѣла,

приѣхала въ Перу къ дантисту, и какова же моя несчастная звѣзда! Осмотрѣлъ онъ мой зубъ, растревожилъ, десну мнѣ исцарапалъ, говорить, что надо вырвать. Боль невыносимая. Ну, рвите! Только что онъ наложилъ ключъ на зубъ, какъ вдругъ это землетрясеніе. Онъ взвизгиваетъ не своимъ голосомъ, бросаетъ ключъ и меня и летитъ стрѣлою вонъ изъ кабинета. Я, забывъ на минуту боль, вслѣдъ за нимъ. Мы кубаремъ скатываемся, обгоняя другъ друга по лѣстницѣ, изъ четвертаго этажа, и вотъ я здѣсь. Пока не оправилась отъ страха, зубы не болѣли. Сейчасъ первое впечатлѣніе прошло, и вы вообразить не можете, какъ я страдаю. Ужъ лучше бы опять землетрясеніе!

Экономка нашего отеля бродила между постояльцами въ полномъ отчаяніи.

— Ну, что я теперь буду дѣлать, чѣмъ стану васъ кормить? Въ нашей кухнѣ потолокъ обрушился прямо надъ плитою, и весь завтракъ уничтоженъ.

— Но вы, *madame Louise*, обѣщали намъ, между прочимъ, устрицъ,— перебилъ я ее.— Устрицъ не ставятъ на плиту. Слѣдовательно, ихъ не раздавило, и мы ихъ съѣдимъ.

— Ахъ, *monsieur*, ихъ-то первыми и прихлопнуло. И ихъ мнѣ особенно жаль. Вѣдь это были первыя по разрѣшеніи торговать ими. Всѣми признано, что устрицы хорошее противохолерное средство, однако въ прошломъ году одинъ паша ухитрился умереть отъ холеры, заболѣвъ ею прямо послѣ ужина съ устрицами. И вотъ уже цѣлый годъ онѣ были контрабандою и были такъ дороги, что и не подступайся. А я ихъ такъ любила! Вчера, наконецъ, полиція сняла запрещеніе. Я накупила превосходнѣйшихъ устрицъ; нашъ Юсупъ вскрылъ ихъ, положилъ на блюдо, я разинула ротъ, чтобы проглотить первую... но... стукъ! грохотъ! съ полки летятъ кастрюли и горшки! Блюдо съ устрицами — вдребезги. Я не помню, какъ очутилась въ саду.

Глядя съ высоты садика *Aux petits champs* на Стамбуль,— наиболѣе пострадавшую часть Царьграда, что за Золотымъ Рогомъ,— я никакъ не могъ сообразить сразу: чего не хватаетъ какъ будто его великолѣпной, оригинальной, не имѣющей себѣ подобія по захвату зрителя панорамѣ? Что-то было, что-то исчезло, и теперь этого чего-то ужасно не достаетъ; а чего именно, не догадаешься. Мальтенъ тоже щурился, видимо недоумѣвая. Наконецъ мы оба переглянулись, сразу догадались и сразу оба расхохотались надъ своею долгою недогадливостью. Землетрясеніе срѣзало множество минаретовъ и, если можно такъ выразиться, «окургузило» великолѣпныя мечети Стамбула. Стрѣлки ихъ исчезли съ горизонта, и отсутствіе ихъ совершенно измѣнило пейзажъ — не въ пользу его красоты. Минареты надѣлали много бѣды. Длинные и тонкіе, они падали на далекое разстояніе: рухнутъ — и точно каменной плетью хлеснетъ

толпу нищихъ, всегда спящихъ близъ мечетей. Вѣсти изъ Стамбула приходили ужасныя. Число жертвъ,—сперва, по слухамъ, незначительное,— все росло и росло. Больше всего погибло людей на Старомъ Базарѣ Стамбула: онъ съ тѣхъ поръ такъ и остался не восстановленнымъ; обрушенные своды его лежатъ во прахѣ... мѣсто заустѣнія и проклятія! Пришла вѣсть, что и на проливѣ, и въ Мраморномъ морѣ тоже неблагополучно. Центръ землетрясенія былъ въ Брусѣ въ шести часахъ отъ Константинополя. Пострадали Принцезы острова. Халкисъ, откуда пріѣхала лѣчить свои зубы наша трагикомическая левантинка, былъ разрушенъ до основанія... Городъ понемножку одѣвался въ трауръ... Четыре часа спустя, я оставилъ Константинополь. Пароходъ «Чихачевъ» медленно прошелъ въ искаженныхъ, израненныхъ землетрясеніемъ берегахъ, оставляя за собою восемьсотъ тысячъ человѣкъ населенія унылаго, въ мрачномъ и безнадежномъ ужасѣ, ждущаго повторенія своей бѣды... Какъ извѣстно, оно не замедлило: черезъ сутки съ половиною Константинополь снова былъ потрясенъ, хотя и съ меньшею силою... И ужъ какъ же искренно воскликнулъ я, читая телеграмму объ этомъ въ далекихъ Аѳинахъ:

— Слава Богу, что во время убрался!

Надняхъ, сидя въ Павловскѣ, «на музыкѣ», я видѣлъ издали своего сотоварища по несчастіямъ константинопольскимъ — бракоразводнаго адвоката. Я указалъ его пріятелю — литератору; оказалось, что тотъ его прекрасно знаетъ.

— Вы не встрѣчались съ нимъ съ тѣхъ поръ?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, а что?

— Стало быть, не знаете, какъ на него подѣйствовала константинопольская катастрофа. Совсѣмъ другой человѣкъ сталъ!

— Да ну?

— Честное слово: практику свою бросилъ, набожный такой сдѣлался. Ну ее! — говоритъ,— вы, господа, на счетъ страшнаго суда всѣ довольно легкомысленны, и «не вѣсте ни дня, ни часа, въ онъ же»—это не про васъ писано. А вотъ, какъ я этотъ самый страшный судъ уже видѣлъ и внезапность его на своей шкурѣ испыталъ, то и могу понимать. Сказываютъ: кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не малывался. Нѣтъ, ты на землѣ потрясись,— тутъ вотъ, дѣйствительно, выучись молиться!

Вѣроятно, адвокатъ—не единственная заблудшая овца, обращенная константинопольскимъ землетрясеніемъ на путь истинный, и недаромъ «Всевышній граду Константинополя землетрясеніе послалъ». Смертный страхъ, что и говорить — лучшій изъ миссіонеровъ, лучшее лѣкарство противъ атеизма. Онъ снимаетъ невѣріе, какъ рукой. Но съ другой стороны, даже я—путешественникъ, привычный къ короткой памяти и легкомыслию южанъ—удивлялся, какъ быстро, послѣ катастрофы, вошли мѣстные греки, евреи, итальянцы

въ повседневный обиходъ своей лихорадочной жизни—полуторговой, полубезпутной. Надъ Стамбуломъ еще крутились облака пыли отъ распатанныхъ домовъ, лавокъ и минаретовъ, а, насупротивъ, черезъ Золотой Рогъ, уже кипѣлъ котель авантюризма, называемый коммерческимъ днемъ Перы и Галаты. Муллы въ мечетяхъ, священники въ православныхъ церквахъ, ксендзы въ костелахъ, равнины въ синагогахъ толковали своимъ паствамъ, что землетрясение—наказаніе Константинополю за его нечестіе, подобное нечестію Ниневіи. А едва я взошелъ на палубу «Чихачева», откуда-то вынырнулъ предо мною молодой грекъ и, озираясь, чтобы не поймалъ его кто либо изъ парходнаго начальства, предложилъ мнѣ изъподъ полы купить альбомъ картинъ гнуснѣйшаго содержания.

— Ты христіанинъ?—спросилъ его провожавшій меня Мальтень.

— Еще бы!—съ гордостью возразилъ онъ.

— А гдѣ ты живешь?

— Тамъ!

Онъ махнулъ рукою въ сторону Стамбула.

— Ты былъ сегодня на Старомъ Базарѣ? Кажется, я тебя видѣлъ.

— Во время землетрясенія? Какъ же! О Боже мой! Я едва остался живъ!... Купите картины, господа: такихъ, кромѣ какъ въ Константинополѣ, вы нигдѣ не достанете! Все съ природы; вѣрьте мнѣ — все съ природы.

Мальтень долго смотрѣлъ на малаго, молча, и потомъ обратился ко мнѣ:

— Нельзя сказать, чтобы небесная кара произвела на этого парня особенно воспитательное впечатлѣніе.

Я расхохотался, а онъ невозмутимо продолжалъ, обращаясь къ парню:

— Любезнѣйшій, тебѣ удалось улепетнуть сегодня изъ ада земнаго, но отъ ада загробнаго тебѣ не уйти, какъ отъ висѣлицы, — въ этомъ ужъ будь спокоенъ: я тебѣ порукою.

— Э, господинъ англичанинъ,—беззаботно возразилъ малый.—Я тоже человекъ и хочу ѣсть. А, чтобы ѣсть, надо торговать. А Богъ, вѣрно, не взыщетъ съ меня-бѣдняка, за то, что мнѣ приходится торговать этою дрянью; чѣмъ я виноватъ, если господа иностранцы, кромѣ подобныхъ картинъ, ничего не покупаютъ?!

— Негодяй знаетъ логику, какъ дьяволъ! Помните: *tu non credisti, che anch'io logico sono!*—задумчиво обратился ко мнѣ Мальтень. А я невольно вспомнилъ почти однородную сцену изъ Вольтера «Кандида».

Во время лиссабонскаго землетрясенія среди ужаса, смерти и развалинъ, Кандидъ и Панглось ищутъ сопровождающаго ихъ матроса. А тотъ тѣмъ временемъ, не только равнодушный къ ужасной катастрофѣ, но даже находя, что она ему очень на руку,— ограбилъ разрушенный домъ, разбилъ кабакъ, напился, какъ стелька,

и на послѣдній свой золотой купилъ себѣ любовь первой встрѣчной погибшей женщины.

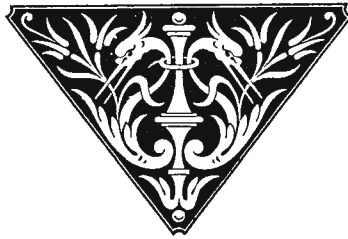
— Другъ мой,— говоритъ ему Панглось,— поступаая столь безобразно, не находите ли вы, что оскорбляете Высшій Разумъ?

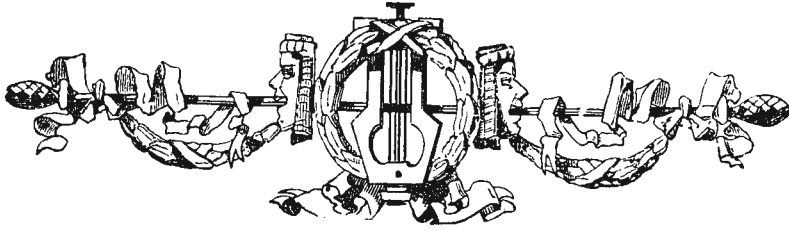
— Поди прочь! — зарычалъ матросъ,— я, братъ, родился въ Батавіи, трижды плавалъ въ Японію, трижды отрекался тамъ отъ Христа и попиралъ ногами Распятіе — нашелъ ты кого пугать своимъ Высшимъ Разумомъ!

Александръ Амфитеатровъ.

Теріоки.

2-го августа 1897 г.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Захолустье. — М. М. Магницкій. — Уѣздный клубъ. — Благородные спектакли. — Курьезные декорации и костюмы. — Казанскій театръ. — Айра Ольриджъ. — Ольриджъ Отеделло и маленкій Яго. — Стычка Ольриджа съ режиссеромъ. — Пловучій театръ. — Труппа Казанскаго театра. — Н. Х. Рыбаковъ. — Н. К. Милославскій. — Мыльниковъ. — Репертуаръ. — Надвигающаяся оперетка. — Ральфъ. — Проводы супруговъ Ральфъ и татарскій меценатъ. — Оперетка надвинулась. — Московскій Малый театръ. — Репертуаръ. — Великіе артисты.

АЧАЛО моихъ театральныхъ воспоминаній относится къ срединѣ и къ концу шестидесятихъ годовъ, къ тому времени, когда семья наша жила часть года въ г. Казани, а часть въ одномъ изъ дрянныхъ уѣздныхъ городишковъ Казанской же губерніи. И даже не въ самомъ городишкѣ, а, такъ сказать, бокъ о бокъ съ нимъ находилась наша, довольно большая, усадьба. Несмотря на глушь этой уѣздной труппы, въ городишкѣ жилось довольно весело, частью благодаря моему отцу, человѣку, любившему и широко пожить, и большому театралу, а частью вслѣдствіе удачнаго подбора уѣздной администраціи. Не малое оживленіе вносили также сосланные къ намъ, замѣшанные въ послѣднемъ возстаніи, поляки. Но главнымъ инициаторомъ всякихъ уѣздныхъ увеселеній и развлеченій былъ мѣстный судья (еще дореформеннаго суда), М. М. Магницкій. Его настояніями и при содѣйствіи моего

отца былъ организованъ маленькій уѣздный клубъ, а въ клубѣ этомъ часто давались любительскіе, или, какъ ихъ въ то время еще называли, «благородные» спектакли. Тотъ же Магницкій былъ и режиссеромъ и главнымъ персонажемъ маленькой любительской труппы. Онъ обладалъ большимъ комическимъ талантомъ и впоследствии, при новыхъ судахъ, оставшись за штатомъ, поступилъ актеромъ на сцену Казанскаго театра, подъ фамиліей Подгорѣльскаго, проребютировавъ довольно удачно въ роли городничаго въ «Ревизорѣ». Но на сценѣ пробылъ почему-то недолго. Чѣмъ кончилъ этотъ ярый любитель театра — не помню.

Молодые члены нашей семьи принимали въ этихъ спектакляхъ очень дѣятельное участіе. А отецъ мой, хотя самъ и не игралъ, но усердно способствовалъ процвѣтанію и клуба, и театра. Изъ нашего дома доставлялась почти вся обстановка сцены, — костюмы для исполнителей, — помню какъ сейчасъ, что въ одной исторической пьесѣ бояре фигурировали въ шапкахъ нашихъ кучеровъ. Наши же маляры писали и декораціи, и писали, должно быть, довольно скверно, потому что однажды, при поднятіи занавѣса, публика расхохоталась прямо таки надъ декораціей. Дѣло было вотъ въ чемъ: въ предшествовавшій спектакль, въ одномъ изъ дѣйствій, на сценѣ представлялась харчевня. Чтобы не устраивать буфетъ и не загромождать излишне сцену, полки и разставленные на нихъ бутылки съ разными водками были прямо намалеваны на задней стѣнѣ. Къ слѣдующему же спектаклю ту же декорацію перемалевали въ богатую гостиную и винный шкафчикъ передѣлали въ большой портретъ молодой женщины, но передѣлали, должно быть, наскоро и потому у свѣтской красавицы на томъ мѣстѣ, гдѣ привѣшиваются обыкновенно серьги, то-есть, къ ушамъ, оказались подвѣшенными двѣ незамазанныхъ косушки съ водкой.

Изъ пьесъ, игравшихся тогда въ нашемъ уѣздномъ клубѣ, особенно памятны остались мнѣ мелодрамы: «Материнское благословіе» и «Параша-сибирячка», да водевили: «Домъ на двѣ улицы», «Ножка» и «Симонъ-сиротинка».

Самъ я, по малолѣтству, въ число участвующихъ принятымъ быть не могъ, хотя и всей душой рвался на сцену. Съ восторгомъ, почти съ благоговѣніемъ, смотрѣлъ я на моего старшаго — на четыре года — брата, которому, тоже еще въ то время мальчику, дали роль Симона-сиротинки. Я даже расплакался отъ умиленія, созерцая героическіе подвиги этого полу-водевильнаго, полу-мелодраматическаго морячка.

Какъ играли наши лицедѣи-любители, теперь уже судить не могу, но тогда мнѣ казалось, конечно, превосходно. Изъ исполнительницъ выдѣлялись особенно тогда дочь исправника, Н. С. Зина, жена доктора Е. П. Бова, да двѣ моихъ родныхъ тетки, при чемъ старшая, восемнадцатилѣтняя барышня, играла роли

молодыхъ дѣвушекъ, а младшая пятнадцатилѣтняя — старухъ. И несмотря на ея почти дѣтское, миловидное личико и свѣжій голосокъ, тогда говорили, что очень хорошо играла (?!).

II.

Въ Казани у насъ въ домѣ часто появлялись актрисы, актеры и другія лица, къ театру причастныя, то-есть, антрепренеры и члены театральной дирекціи, когда таковая заправляла Казанскимъ театромъ.

Много толковъ возбуждалъ, гастролировавшій въ то время въ Россіи, знаменитый трагикъ — негръ Айра Ольриджъ. Казанскіе театралы, а въ томъ числѣ и мой отецъ, очень усердно хлопотали о приглашеніи этого феноменальнаго артиста въ Казань. Не могу утвердительно сказать, видалъ ли я когда нибудь Ольриджа на сценѣ, но знаю, что онъ пріѣзжалъ и въ Казань, игралъ на сценѣ мѣстнаго театра и бывалъ у насъ въ домѣ.

Въ кабинетѣ моего отца висѣлъ довольно большой портретъ Ольриджа, въ роли Отелло, съ собственноручною его подписью, и помню, что я съ какимъ-то всегда благоговѣйнымъ трепетомъ заглядывался на этотъ портретъ.

Много анекдотовъ тогда циркулировало объ этомъ чернокожемъ артистѣ. Большинство изъ нихъ уже появилось въ печати, но два, кажется, мало извѣстные, позволю себѣ рассказать.

Однажды, Ольриджу пришлось играть «Отелло» съ Дездемоной, бывшей въ интересномъ положеніи. Мужъ этой актрисы въ томъ же спектаклѣ изображалъ роль Яго. Когда подошла сцена, гдѣ Отелло душилъ Дездемону, бѣдный мужъ такъ перепугался свирѣпаго вида Ольриджа, съ какимъ тотъ приступилъ къ этой сценѣ, что ползкомъ прокрался изъ-за кулисъ въ альковъ, гдѣ лежала его жена, Дездемона, готовый своей грудью отстоять жертву отъ неистовствъ африканскаго трагика. Ворвавшійся въ альковъ Ольриджъ, къ удивленію своему, увидалъ выглядывавшую изъ-за подушекъ плачевную, испуганную физиономію Яго. Сообразивъ сразу все, онъ благодушно улыбнулся и успокоительно шепнулъ дрожавшему мужу, чтобы тотъ не беспокоился, что Отелло не имѣетъ ничего противъ маленькаго будущаго Яго и не нанесетъ ему никакого вреда. Публика, конечно, ничего этого не замѣтила. До нея доносилось только страшное рыканіе этого обезумѣвшаго въ своемъ гнѣвѣ льва. Изъ этого можно, пожалуй, вывести заключеніе, что Ольриджъ въ совершенствѣ владѣлъ собою въ самыхъ трагическихъ моментахъ своихъ ролей. Но зато за кулисами ему иногда приходилось и выходить изъ себя. Подобный случай былъ въ Петербургѣ, когда Ольриджъ репетировалъ какую-то пьесу на сценѣ казеннаго театра. Игралъ онъ, какъ извѣстно, съ нѣмецкой труппой, а не русской.

Упрямый режиссеръ, нѣмецъ, несмотря на указанія Ольриджа, разставилъ мебель на сценѣ не такъ, какъ этого желалъ африканскій трагикъ. Ольриджъ вспылить и приказалъ немедленно переставить всю мебель по-своему. Нѣмецъ-режиссеръ заупрямился и заявилъ, что онъ не намѣренъ исполнять приказаній чернокожаго раба или что-то въ родѣ этого. И тутъ, на репетиціи, произошла такая сцена, какой, конечно, публикѣ никогда не удавалось видѣть на спектаклѣ. Ольриджъ буквально исполосовалъ хлыстомъ забывшагося режиссера. Говорятъ, что тотъ жаловался начальству, и начальство ему посовѣтовало извиниться передъ Ольриджемъ, найдя, что оскорбленіе, которое нанесъ режиссеръ трагику, смывается иногда не только хлыстомъ, но даже и кровью.

III.

Шестидесятые года были эпохой процвѣтанія казанской сцены. Спектакли давались сначала въ отличномъ каменномъ зданіи городского театра, а послѣ того, какъ онъ сгорѣлъ, представленія перенесли во временно устроенный, деревянный театръ за городомъ, на Арскомъ полѣ. Къ тому же времени относится и попытка выстроить пловучій театръ на Волгѣ, попытка, окончившаяся крайне неудачно.

Нѣкто, господинъ Аверинъ, устроилъ на баржѣ или на двухъ, связанныхъ вмѣстѣ, какое-то подобіе зрительной залы и сцены, предполагая возить этотъ театръ изъ города въ городъ по всей Волгѣ и давать спектакли. Но все это сооруженіе сгорѣло раньше, чѣмъ его успѣли окончательно отдѣлать. Долго еще потомъ острили казанцы надъ этой попыткой, а въ единственной, дававшейся въ то время опереткѣ «Орфей въ аду», артистъ, игравшій аркадскаго принца, вспоминая объ Аверинѣ, распѣвалъ между прочимъ:

Построилъ онъ театръ пловучій,
Но самъ Господь не допустилъ,
Чтобъ онъ, найдя удобный случай,
Въ немъ полѣ-Казани утопилъ.

Публика очень охотно посѣщала свой театръ, несмотря даже на значительное до него разстояніе отъ города (когда онъ былъ на Арскомъ полѣ), ни на опасность позднего возвращенія по глухому полю, гдѣ въ то время довольно беззащитно орудовали грабители. Да и не мудрено: на казанской сценѣ въ то время играли такіе выдающіеся артисты, какъ: Н. Х. Рыбаковъ, К. Н. Полтавцевъ, Н. К. Милославскій, В. И. Виноградовъ, Прокофьева, Стрѣлкова, и мн. др. ихъ достойные артисты и артистки. Кромѣ драматическихъ спектаклей, ставились еще и балетныя представленія. Изъ танцовщицъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались: Жаркова и Голодкова. Къ тому же времени относится первое и послѣднее появ-

леніе въ Казани итальянской оперы, съ примадонною Гриняски во главѣ. Эта почтенная пѣвица такъ и осталась въ нашемъ полурусскомъ, полу-татарскомъ городѣ, занявшись преподаваніемъ уроковъ пѣнія, которые продолжаетъ, кажется, и до сихъ дней.

Къ числу первыхъ любимцевъ казанской публики принадлежалъ Н. Х. Рыбаковъ. Не только выдающійся артистъ, но и прекрасный человѣкъ и добрый товарищъ съ грубоватыми манерами, но мягкимъ сердцемъ. Про него существуетъ масса анекдотовъ, но большинство изъ нихъ отличается крайнимъ неправдоподобіемъ, да и, кромѣ того, много курьезовъ, случившихся съ другими артистами, приписано ему. Впрочемъ, явленіе это очень обычное: вѣдь и Пушкину приписывалось въ свое время не мало чужихъ и подчасъ довольно пошлыхъ стиховъ и эпиграммъ. Рассказываютъ, на примѣръ, что въ какомъ-то захолустѣ артистъ, которому была поручена роль венеціанскаго мавра, явился на сцену въ мундирѣ министерства внутреннихъ дѣлъ на томъ основаніи, что Отелло губернаторъ. И подобную, почти невѣроятную выходку, приписывали тоже Рыбакову, человѣку, если и не вполне просвѣщенному, то во всякомъ случаѣ настолько уже образованному и видѣвшему свѣтъ, что сдѣлать подобной грубой безсмыслицы онъ не могъ.

Другой любимецъ публики Н. К. Милославскій (баронъ Фридебургъ) держалъ себя настоящимъ джентльменомъ и былъ принятъ даже въ чопорное казанское, такъ называемое, аристократическое общество, что по тому времени считалось рѣдкимъ исключеніемъ для артиста. Всегда изящно, даже изысканно, одѣтый, нѣсколько надменный въ обращеніи, онъ не пользовался особенными симпатіями, какъ человѣкъ, но зато передъ нимъ благоговѣли, какъ передъ артистомъ. Талантъ его былъ громаденъ и разнообразенъ, и въ нѣкоторыхъ роляхъ онъ положительно не имѣлъ соперниковъ. Между нимъ и В. В. Самойловымъ было очень много общаго: оба одинаково блестящіе, оба эффектные и изящные, расцвѣчали они свои роли до послѣдней детали, поражали иногда самыми неожиданными нюансами въ исполненіи и при всемъ томъ рѣдко захватывали зрителя до глубины души, что такъ часто удавалось, по словамъ старыхъ театраловъ, Мочалову и Мартынову въ драматическихъ роляхъ. Даже и боевые кони, т. е. такъ называемыя коронныя роли, Самойлова и Милославскаго были почти одни и тѣ же: Кардиналь Ришелье, Кречинскій, Гувернеръ и др. Говорятъ, что они, съѣхавшись вмѣстѣ гдѣ-то, кажется, въ Одессѣ, устроили нѣкоторымъ образомъ состязаніе, выступивъ въ одной и той же пьесѣ: «Окно втораго этажа», и что публика не знала, кому отдать пальму первенства. Одною изъ излюбленныхъ ролей Н. К. Милославскаго была роль Морица въ мелодрамѣ: «Графиня Клара Д'Обервиль». Я самъ хорошо помню его въ этой пьесѣ. Дѣйствительно, впечатлѣніе, которое онъ производилъ на зрительную залу медленною смертью несчастнаго мужа, было потрясающее.

Существуетъ, между прочимъ, маленькій анекдотъ про Милославскаго въ этой роли: артистъ, игравшій съ нимъ въ этой пьесѣ доктора, плохо зналъ роль и перепуталъ какую-то реплику, и Милославскій, не выпадая изъ взятаго имъ уже тона, тѣмъ же слабымъ, разбитымъ голосомъ почти умирающаго человѣка проговорилъ: «Докторъ, ступайте за кулисы, подучите хорошенько вашу рольку, а то вы меня можете уморить на два акта раньше». Публика, наэлектризованная высокоталантливою игрой артиста, или не замѣтила этой вставки, а если замѣтила, то не подала и вида.

Н. К. Милославскій любилъ жить на широкую ногу и отъ этого часто запутывался въ долгахъ, а тѣ приемы, которые онъ употреблялъ для того, чтобы вывертываться изъ затруднительныхъ положеній, въ разсказахъ любителей анекдотовъ получаютъ иногда почти легендарную окраску. А какъ моталъ деньги Н. К. Милославскій, можно судить потому, что во время, напримѣръ, своего пребыванія въ Парижѣ, въ качествѣ режиссера русской труппы, Н. К. катался по городу не иначе, какъ на четверкѣ бѣлыхъ лошадей цугомъ. Объ этомъ мнѣ разсказывалъ одинъ старый театраль, нынѣ уже умершій, Влад. Ник. Пановскій, о которомъ еще рѣчь впереди.

Впослѣдствіи, будучи антрепренеромъ, Н. К. Милославскій подмѣтилъ и подарилъ русской сценѣ дѣйствительно нѣсколько талантливыхъ артистовъ. Изъ нихъ достаточно упомянуть только о лучшемъ въ настоящее время драматическомъ актерѣ Ѡ. П. Горевѣ, оцѣненномъ и выдвинутомъ впервые Милославскимъ, чтобы понять, какимъ тонкимъ чутьемъ обладалъ покойный Н. К.

Чего только не простила публика своему любимцу: не только иногда небрежности въ исполненіи, но и прямо-таки дерзости по отношенію къ ней. Будучи антрепренеромъ театра въ одномъ изъ южно-русскихъ городовъ, онъ поставилъ какую-то еврейскую пьесу на русскомъ языкѣ, въ которой дѣйствіе происходитъ чуть ли не въ библейскія еще времена. Мѣстный рецензентъ изъ евреевъ, давая на другой день отчетъ въ газетѣ, упрекнулъ Милославскаго въ небрежной постановкѣ, указавъ между прочимъ на то, что въ пьесѣ много разъ упоминается объ ослѣ, на которомъ пріѣзжаетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, а осла-то этого на сценѣ не было. Прочитавъ эту рецензію, Н. К. на другой день по окончаніи спектакля, вышелъ на сцену и сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: «Господинъ рецензентъ упрекнулъ меня за то, что я не озаботился пріобрѣтеніемъ осла для такой-то пьесы. Завтра мы повторяемъ эту пьесу, и если господинъ рецензентъ почтитъ своимъ присутствіемъ нашъ театръ, то могу завѣрить публику, что осель въ театрѣ будетъ». И подобная дерзкая, даже нахальная выходка пропла Милославскому безнаказанно: такъ любила его публика.

IV.

Къ числу же любимцевъ надо отнести еще одного актера, пользовавшагося очень странной репутаціей и извѣстностью. Это былъ нѣкто г. Мыльниковъ, человѣкъ совершенно не образованный и крайне бездарный. Не было, кажется, роли, которой бы не провалилъ онъ. И вотъ представьте, за это-то его публика и любила. Онъ былъ козломъ отпущенія въ театрѣ. Когда проваливалась какая нибудь пьеса, публика, особенно верхи, дружно начинали вызывать Мыльникова, хотя бы онъ въ этомъ спектаклѣ совсѣмъ и не участвовалъ. Каждый выходъ его на сцену привѣтствовался разными возгласами и смѣхомъ, въ какой бы роли онъ ни выступалъ. Правда, большихъ ролей ему и не давали, но случалось ему выходить вѣстникомъ или докторомъ въ драматическіе моменты трагедій или драмъ—и въ зрительной залѣ раздавался хохотъ. Фамилію этого злосчастнаго актера при вызовахъ верхи всегда коверкали умышленно самымъ невѣроятнымъ образомъ, производя иногда отъ предметовъ, къ наименованію неприличныхъ. Премьеры труппы скрежетали зубами, когда этотъ горькій актеръ портилъ имъ иногда самыя эффектныя мѣста ролей. Случалось, что Мыльниковъ, въ антрактѣ, прибѣгалъ въ галерку въ костюмѣ, загриммированный, и обращался къ студентамъ, бывшимъ всегда главными зачинщиками всякихъ демонстрацій, со слезными мольбами: «Господа студенты», лепеталъ онъ, «господа студенты! Не вызывайте вы меня, пожалуйста! Ради всего святаго—не вызывайте! А то наши первачи, завидуя моему успѣху, не только изъ театра меня выгонять, но и со свѣту сживутъ». Бѣдняга искренно вѣрилъ, что онъ большой талантъ, и что только изъ зависти артисты оттираютъ его на второй планъ и не даютъ ему играть.

Въ глухое время, когда театръ бездѣйствовалъ, Мыльниковъ, чтобы добыть себѣ пропитаніе, ходилъ по гостиному двору и читалъ Псалтирь и Четвы-Минеи. За это его кормили и дарили ему поношенное платье.

Репертуаръ Казанскаго театра того времени стоялъ еще очень высоко. Играли Шекспира, Шиллера, царилъ Островскій. Правда, между ними проскальзывали мелодрамы, но мелодрамы хорошія, дѣйствовавшія на публику не развращающимъ образомъ. Театръ считался школой, а не только мѣстомъ развлеченія. Его любили, и слова «святое искусство» не вызывали еще презрительной улыбки. Молодежь и интеллигенція, а таковой въ Казани, благодаря двумъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, было не мало, усердно посѣщали театръ и чуть ли не наравнѣ съ университетомъ считали своимъ святилищемъ. Любила публика и своихъ выдающихся артистовъ и любила не такъ, какъ вскорѣ потомъ начала любить разныхъ вы-

соко задиравшихъ ноги каскадныхъ пѣвуній. Но въ то время, про которое я говорю, до нашей азіатской Казани не дошла еще струя каскадной разнузданности, и цвоторяю—театръ считался еще храмомъ, а не притономъ дурнаго свойства. Но это были уже послѣдніе года процвѣтанія чистаго искусства,—оперетка уже «медленно, но вѣрно» надвигалась на насъ съ запада, и прежніе боги, краснѣя и конфузясь, отступали передъ ней, чтобы укрыться отъ нея высокимъ Ураломъ, въ далекой, таинственной Сибири. Но вскорѣ она настигла ихъ и тамъ, и, сорвавъ вѣнецъ Лира, замѣнила его дурацкимъ колпакомъ Менелая и короной короля Бобеша. Офенбахъ, съ чисто-жидовскимъ нахальствомъ, размахивая своей дирижерской палочкой, оказавшейся въ его рукахъ настоящимъ фельдмаршальскимъ жезломъ, ввелъ свои полчища развратныхъ, голыхъ женщинъ, и передъ современнымъ Атилой театры падали и открывали свои двери, какъ побѣжденные крѣпости, одинъ за другимъ, и тамъ, гдѣ вчера еще страдалъ благородный Отелло, метался, какъ разъяренный левъ, величавый Лиръ, гдѣ любилъ и плакалъ Ромео, тамъ сегодня, подъ гаденькую музыку, гаденькимъ голосомъ, жалкій шутъ распѣвалъ:

«Я царь... нѣтъ... мужъ у царицы
 Мужъ у царицы,
 Мужъ у царицы,
 Добрый, очень добрый Менелай».

А публика, вѣчно непостоянная, измѣнчивая, предательская публика, позабыла своихъ кумировъ и восторженно захлебнулась въ этой раззолоченной грязи. Долго, много лѣтъ, барахталась она въ этой вонючей опереточной лужѣ, и только недавно еще началъ русскій театръ понемногу очищаться, а очистится ли онъ когда нибудь совсѣмъ, выйдетъ ли онъ на прежнюю свѣтлую дорогу чистаго искусства—Богу извѣстно.

Но то время, о которомъ я пока еще говорю, для казанскаго театра было временемъ «до-упадочнымъ». Артистовъ и артистокъ не только любили, но и уважали. Мнѣ, пожалуй, на это возражать, что это неправда, что артистъ только послѣднее время пересталъ считаться за отщепенца общества, но это грустное заблужденіе. Просмотрите біографіи: Шушерина, Плавильщикова, Дмитревскаго, Щепкина, Сосницкаго,—и вы увидите, что выдающіеся артисты именно въ тѣ-то времена и были настоящими, желанными гостями въ высшемъ, избранномъ обществѣ, въ томъ обществѣ, гдѣ царил интеллигенція ума, въ обществѣ людей, истинно просвѣщенныхъ, людей, оставившихъ послѣ себя неувядающія имена. Опереточныхъ актеровъ туда, конечно, не допустили бы. Зато имъ раскрыли свои объятія разныя темныя выскочки, биржевые спекулянты, сомнительныя дѣльцы—всѣ опозоренные и безславные.

Оперетка провела глубокую черту и раздѣлила новую исторію русскаго театра на двѣ эпохи, рѣзко другъ отъ друга отличающіяся.

Трагедіи и драмы сдѣлались вдругъ для публики скучными, комедіи не интересными, мелодрама—смѣшной, водевиль—наивнымъ и не возбуждающимъ прежняго смѣха, но такъ какъ нельзя же было наполнять только одной опереткой весь репертуаръ, то и созданъ новый жанръ пьесы—передѣлки разныхъ французскихъ и нѣмецкихъ фарсовъ. Не буду называть ни главныхъ насадителей подобнаго рода произведеній, ни пересчитывать ихъ названія; все это еще у всѣхъ на памяти и даже на виду.

Но вернемся къ Казанскому театру. Подходило время, когда я долженъ былъ разстаться на многіе годы и съ Казанью, и съ ея храмомъ Мельпомены. И на прощанье я хочу упомянуть о двухъ выдающихся артистахъ, покидавшихъ, приблизительно въ то же самое время, Казанскій театръ. Это были супруги Ральфъ. Н. А. Немирова-Ральфъ была въ то время еще совсѣмъ молоденькой женщиной, съ большими, прекрасными глазами. Она играла роли *ingénue-dramatique* и была очень любима публикой. Но настоящимъ кумиромъ казанцевъ былъ ея мужъ, высоко-даровитый артистъ, А. А. Ральфъ. Въ немъ все, начиная съ наружности и кончая прекраснымъ, звучнымъ голосомъ, способно было очаровывать зрителей. Высокій, статный, съ благородными манерами,—Ральфъ по своему происхожденію принадлежалъ къ высшему петербургскому обществу, и настоящая его фамилія—Атиль, до сихъ поръ еще хорошо памятна старымъ петербургскимъ яхтсменамъ и любителямъ водянаго спорта,—онъ въ исполненіи нѣкоторыхъ ролей доходилъ до настоящаго вдохновенія. Слегка картавый говоръ его не только не портилъ впечатлѣнія, но придавалъ даже какую-то особую милую окраску его рѣчи. Появлялся онъ преимущественно въ такъ называемыхъ героическихъ роляхъ серьезнаго репертуара. Прекрасный артистъ, онъ въ то же время былъ и безукоризненнымъ товарищемъ—два сочетанія, увы, особенно рѣдкія на подмосткахъ. Ральфъ былъ принятъ и въ интеллигентныхъ кружкахъ казанскаго общества, и приглашаемъ даже въ старо-дворянскіе дома. Но смѣшная, чтобы не сказать больше, чопорность провинціальныхъ аристократовъ мало привлекала его. Его широкой и даже размахистой натурѣ было скучно и холодно между ними. Богато одаренный со всѣхъ сторонъ, Ральфъ имѣлъ одинъ крупный и для него фатальный недостатокъ: онъ былъ слабохарактеренъ. Слабохарактерность-то и сгубила этого прекраснаго человѣка и артиста.

Русскій любитель и покровитель талантовъ является въ то же время обыкновенно и губителемъ талантливыхъ людей. Мы ничѣмъ не умѣемъ выразить своего восторга передъ нашимъ любимцемъ, кромѣ безпардоннаго спаиванія его. Угостить любимаго артиста—вотъ главное стремленіе всякаго россійскаго мецената. И казанскіе любители и меценаты тоже весьма не безгрѣшны по этой части, Ральфа любили—стало быть, поили во что бы ни стало. Поили,

понли и допили до того, что подорвали и его богатырское здоровье. И уѣхавъ изъ Казани, недолго прожилъ этотъ выдающійся артистъ: онъ скончался отъ послѣдствій своей широкой жизни въ одномъ изъ курортовъ Швейцаріи.

Но когда супруги Ральфъ уѣзжали изъ Казани, имъ были устроены необычайно пышныя проводы. Во-первыхъ, былъ данъ прощальный обѣдъ, устроенный по инициативѣ, да, кажется, и на средства одного казанскаго богача, купца-татарина. Этотъ мусульманскій амфитріонъ на обѣдѣ даже пожелалъ сказать напутственную рѣчь, но такъ какъ по природѣ онъ былъ не краснорѣчивъ, да и порусски говорилъ плохо, то рѣчь для него была заготовлена заранее какимъ-то горькимъ прихлебателемъ, посаженнымъ за обѣденнымъ столомъ рядомъ съ татарскимъ меценатомъ. Насталъ моментъ и купецъ-татаринъ, поправивъ на своей бритой головѣ дорогую, расшитую золотомъ тюбетейку, поднялся, взявъ изъ рукъ прихлебателя листикъ бумаги, на которой была записана предстоящая рѣчь и... заговорилъ: «Два недѣла спуста (т. е. двѣ недѣли спустя)», проговорилъ онъ, устремляя уже увлажненные слезами глаза на сидѣвшихъ *vis-à-vis* съ нимъ супруговъ Ральфъ, «два недѣла спуста», повторилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, передвигая тюбетейку со лба на затылокъ, «два недѣля спуста», печально произнесъ онъ въ третій разъ, уже безъ всякаго стѣсненія посматривая на бывшую у него въ рукахъ записку. «Два недѣла»... началъ было онъ и въ четвертый разъ, но махнулъ рукой, сѣлъ и, сунувъ обратно рѣчь прихлебателю, грустно добавилъ: «Читай, пожалуйста, ничего не разберемъ, слеза мѣшаетъ». Но, помимо слезы, казанскому меценату мѣшала, кажется, и малограмотность.

Рѣчь была прочитана прихлебателемъ и произвела достодолжное впечатлѣніе, т. е. все выпили и полѣзли цѣловаться съ отѣзжавшимъ Ральфомъ и цѣловать ручки у его супруги. Кажется, если не ошибаюсь, впрочемъ, что Ральфы уѣзжали весною, и пароходъ, на которомъ они должны были ѣхать, былъ весь убранъ гирляндами цвѣтовъ. А на встрѣчу этому пароходу подходилъ уже другой, съ котораго неслись раздражающіе звуки партій Париса, пѣвшаго сильнымъ теноркомъ:

Скажите мнѣ, зачѣмъ вы грустны?
 Мотивы похоронныя намъ гнусны:
 Венера любить смѣхъ:
 Чтобы ей угодить, веселѣй надо быть...

И публика, не успѣвшая еще проводить жрецовъ настоящаго драматическаго искусства, уже восторженно привѣтствовала жрецовъ, ничего съ искусствомъ общаго не имѣющихъ.

Публика—это мѣръ цѣлый разомъ:
Смыслъ идіота и гения разумъ.
Но я никому не колю этимъ глазъ,
Вѣдь и не публика каждый изъ насъ ¹⁾.

V.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ меня отвезли въ Москву и помѣстили въ одну изъ первоклассныхъ московскихъ частныхъ гимназій. Рѣдко приходилось мнѣ тогда бывать въ театрѣ, но зато ни одного спектакля, ни одной пьесы, видѣнной мною на сценѣ тогдашняго Малаго московскаго театра, я не забылъ и вспоминаю о нихъ, какъ о лучшихъ наслажденіяхъ, когда либо почерпнутыхъ мною въ зрительной залѣ. Да и можно ли забыть игру такихъ удивительныхъ артистовъ, какіе тогда составляли труппу этой по истинѣ образцовой русской сцены? Имена ихъ начертаны въ исторіи русскаго театра неизгладимыми литерами. С. В. Шумскій, П. М. Садовскій, И. В. Самаринъ, В. И. Живокини, Никифоровъ, Медвѣдева, Никулина-Косицкая, Акимова, Рыкалова,—никогда не забудутся эти славныя имена, никогда не затмится ихъ слава. Какая бы пьеса ни попадала имъ въ руки, она всегда исполнялась съ неподражаемымъ образцовымъ ансамблемъ.

Но репертуаръ тогдашнихъ императорскихъ театровъ уже началъ падать, хотя въ Москвѣ все-таки еще меньше, чѣмъ въ Петербургѣ. Но и туда уже были занесены и французская оперетка, и нѣмецко-французскіе фарсы въ русской передѣлкѣ. Увы! даже такимъ артистамъ, какъ П. М. Садовскій, приходилось рядиться въ шутовскіе костюмы и распѣвать со сцены дурацкіе куплеты. Какъ сейчасъ, помню этого великаго артиста, съ его невозмутимой серьезностью, не столько пѣвшаго, сколько говорившаго въ опереткѣ «Всѣ мы жаждемъ любви», куплеты:

Человѣкъ вы въ саму пору
И пойдете понемногу
Въ гору... въ гору...

Но даже самыя оперетки въ исполненіи этихъ артистовъ какъ-то утрачивали свою пошлость и глупость. Они умѣли выдвигать не скабрзность, и разнузданность этихъ произведеній, а юморъ и сатиру, подчасъ скрывавшіеся въ нихъ. То же дѣлали они и въ фарсахъ. Творческія силы Шумскаго, Садовскаго и др. умѣли пользоваться мало-мальски счастливымъ положеніемъ въ пьесѣ, чтобы даже изъ скуднаго матеріала создавать живыя лица, типичныя фигуры. Но повторяю, что на сценѣ Малаго театра того времени паденіе репертуара было не такъ еще ярко. Островскій, Мольеръ, Го-

¹⁾ Четверостишіе Д. Д. Минаева.

голь, Грибоѣдовъ занимали еще добрую половину его. Артистамъ ближе всѣхъ былъ, конечно, свой, родной, даже москвичъ, Островскій. И его пьесы шли особенно удачно, разыгрывались особенно блестяще. Но и Мольеръ оказывался весьма по плечу этимъ артистамъ. Москвичи того времени, по крайней мѣрѣ, серьезно утверждали, что даже въ Парижѣ, на сценѣ Comedie Française, Мольеровскія комедіи не разыгрывались лучше. «Ревизоръ» и «Горе отъ ума» шли тогда на сценѣ Малаго театра, если можно такъ выразиться, классически. Еще живы были въ памяти артистовъ указанія самого Гоголя и образцовая игра въ этихъ пьесахъ Щепкина. Шумскій-Хлестаковъ, Садовскій-Осипъ, Самаринъ—только что перешедшій съ Чацкаго на Фамусова, Никифоровъ—въ такой маленькой, незамѣтной роли, какъ господинъ Д*,—навѣки врѣзались въ памяти видѣвшихъ ихъ въ этихъ роляхъ.

До чего, въ самомъ дѣлѣ, глубокое впечатлѣніе могутъ производить артисты, такіе артисты, какъ, напримѣръ, Шумскій или Садовскій, можно видѣть изъ того, что вотъ уже прошло болѣе четверти вѣка, а я до сихъ поръ ясно, живо, словно вчера только видѣнное, могу воскрешать въ своемъ воспоминаніи нѣкоторыя отдѣльныя сцены, разыгранныя ими. Напримѣръ, Садовскій въ Юсовѣ (Доходное мѣсто), съ сценѣ послѣ пляски въ трактирѣ. Я вижу его лицо, вижу этотъ взглядъ, тяжелый, недоброежелательный, брошенный имъ на сидящаго въ сторонкѣ Жадова; я слышу его голосъ, когда онъ говоритъ, что будетъ плясать и на площадяхъ, и на улицахъ; я вижу его жесты, вижу пальцы, которыми онъ поворачиваетъ старомодную табакерку—мнѣ кажется, что я до сихъ поръ испытываю тотъ страхъ за бѣднягу Жадова, не умѣвшаго заслужить расположенія сухого, угрюмаго крючка. А вотъ маленькая комнатка подъ лѣстницей, неряшливый и растрепанный Осипъ только что поднялся съ кровати, на которой онъ вспоминалъ о петербургскомъ житьѣ-бытьѣ, а невысокій, худощавый Шумскій, уже въ то время пожилой человѣкъ, но силой своего таланта заставлявшій забывать объ этомъ, входитъ въ комнатку и говоритъ со своимъ характернымъ пришептываніемъ: «На! возьми это. Опять валялся на кровати!» А Садовскій въ Любимѣ Торцовѣ, въ Подхалузинѣ, Расплюевѣ; а Шумскій въ Кречинскомѣ, Кучумовѣ, въ Скопенѣ, а Самаринъ въ Фамусовѣ, Телятевѣ, а Никифоровъ, а Акимова, а Живокини, да нѣтъ! Развѣ можно перечислить, пересказать тѣ прекрасныя, свѣтлыя минуты, которыя мы, зрители, переживали въ Маломъ театрѣ?

Молодежь всегда склонна думать, что люди предшествовавшаго имъ поколѣнія любятъ похвастаться своимъ временемъ и преувеличить его достоинство. Можетъ быть, это и такъ, но твердо стою на томъ, что ничего подобнаго спектаклямъ Малаго театра того времени нынѣшняя публика увидѣть не можетъ.

Горячо любили москвичи своихъ артистовъ. Рѣдко называли ихъ по фамилиі, а почти всегда по именамъ: Провъ Михайловичъ, Сергѣй Васильевичъ, Василій Игнатьевичъ. Интересовались даже ихъ личной семейной жизнью; подхватывали каждое остроумное словцо, сказанное ими, и разносили по городу. Всѣ эти слова, каламбуры и шутки давно записаны и напечатаны, и повторять ихъ не буду. Артисты жили домовито, осѣдло, своими домиками, своимъ хозяйствомъ. Впрочемъ, эта послѣдняя черта, кажется, перешла по традиціи и къ современнымъ артистамъ московскаго Малаго театра.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Новая эпоха Казанскаго театра. — Группа. — Антрепренеръ П. М. Медвѣдевъ. — Оперетка и жрицы ея. — Скандалъ. — Публика передъ судомъ. — М. В. Лентовскій, В. Н. Давыдовъ, К. А. Варламовъ и др. — В. А. Малова. — П. М. Медвѣдевъ, какъ артистъ. — Петербургскіе театры. — Итальянская опера. — Аделина Патти. — Мытарства при добываніи билетовъ. — Ночныя бѣднія. — Въ оперѣ, на верхахъ. — Русская опера. — Петровъ и Мельниковъ. — Первое представленіе оп. «Псковитянка». — Грандіозный концертъ и крупное недоразумѣніе. — Царицынъ — его театр, антрепренеръ и труппа. — Артистъ Смѣльскій, онъ же и маркеръ. — Инсарскій. — Тифлисъ. — Товарищество С. А. Пальма. — Семья драматурга А. И. Пальма. — А. И. Пальмъ. — «Старый баринъ». — Возвращеніе въ Тифлисъ послѣ войны. — Театроманія.

I.

На рождественскіе каникулы мнѣ приходилось ѣздить въ Казань. Конечно, я очень усердно посѣщала мѣстный театръ, но, увы, спектакли провинціальной труппы меня, вкушавшаго прелести Малаго театра, уже не приводили болѣе въ прежній восторгъ, несмотря на то, что подборъ артистовъ былъ всегда отличный, а если судить по нынѣшнимъ временамъ, то прямо таки первоклассный. Стоитъ только пересчитать имена актеровъ и актрисъ, игравшихъ въ тѣ года въ Казани и не на гастроляхъ, какъ завелось нѣсколько лѣтъ спустя, а служившихъ по цѣлымъ сезонамъ, чтобы понять, какъ высоко стоялъ тогда этотъ провинціальный театръ. Назову только изъ артистокъ М. Г. Савину, П. А. Стрепетову, М. М. Глѣбову, Е. Б. Піунову-Шмиттофъ, а изъ артистовъ В. Н. Давыдова, К. А. Варламова, А. П. Ленскаго, М. И. Писарева, Рѣшимова, при чемъ этотъ послѣдній перешелъ на сцену Малаго театра, гдѣ и занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ, и если къ этому добавлю, что эти артисты имѣли и во вторыхъ исполнителяхъ всегда достойныхъ себѣ партнеровъ, то будетъ ясно, какъ высоко бы могъ стоять этотъ театръ, если бы не репертуаръ. Да, репертуаръ уже былъ не тотъ: оперетка заняла первенствующее мѣсто, и артисты должны были тратить свои силы и талантъ на плоскія шуточки и канканъ.

Антрепренеромъ Казанскаго театра былъ въ то время извѣстный П. М. Медвѣдевъ (нынѣ артистъ императорскаго Александринскаго театра), считавшійся тогда, по справедливости, первымъ изъ провинціальныхъ антрепренеровъ. Дѣйствительно, дѣло свое онъ велъ безукоризненно, составлялъ всегда прекрасную труппу, не скупился на обстановку, заботился объ ансамблѣ и хорошей срепетовкѣ, но, уступая духу времени и требованіямъ наиболѣе вліятельныхъ и именитыхъ гражданъ, долженъ былъ отводить большое мѣсто опереткѣ.

Между публикой начался расколъ. Студенты и нѣкоторая интеллигентная ея часть всѣми силами боролись съ опереткой, стараясь выкурить ее изъ своего театра, но за оперетку стояли такія важныя, вліятельныя лица, поддерживаемыя почти всѣми дамами, военными, наиболѣе просвѣщеннымъ купечествомъ и почти всѣмъ губернскимъ служебнымъ персоналомъ, что протесты ненавистниковъ оперетки не оказывали ни малѣйшаго вліянія ни на театръ, ни на его репертуаръ. Случались иногда даже большія непріятности. Одна изъ опереточныхъ артистокъ, г-жа К., очень хорошенькая и удивительно изящная женщина, была въ особенномъ фаворѣ у высшихъ тузовъ мѣстной администраціи. Канканъ, чисто парижскій, канканъ г-жи К. приводилъ прямо таки въ восторгъ ея покровителей и ихъ приспѣшниковъ и почему-то былъ особенно ненавистенъ потѣтителямъ верхнихъ ярусовъ. Партерные остряки говорили, что это происходитъ оттого, что сверху не видно, какія граціозныя ножки у этой артистки, и стоитъ только пересадить протестантовъ изъ галерки въ партеръ, какъ они всѣ немедленно падутъ передъ очаровательницей. Та или другая была причина, но тѣмъ не менѣе каждое появленіе г-жи К. на сцену ознаменовывалось шумными демонстраціями: низы аплодировали, а верхи — шикали. И вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ эта демонстрація дошла до грандіозныхъ размѣровъ. Г-жа К. была въ особенномъ ударѣ, порхала по сценѣ, какъ снѣжинка, а передъ литерной ложей главнаго почитателя ея таланта выдѣлывала такія замысловатыя па и такъ вскидывала свои граціозныя ножки, что привела въ необузданный восторгъ весь партеръ и въ таковую же ярость балконъ и галерку. Ярость на этотъ разъ пересилила даже восторгъ. Нейтральная публика была смущена до крайности, дамы покидали ложи, а самъ представитель власти кинулся къ бунтующимъ верхамъ. Дѣло кончилось у мирового судьи. Обвиняемыхъ въ нарушеніи тишины и порядка въ общественномъ мѣстѣ явилось что-то до полутораэта человѣкъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ, конечно, далеко не всѣмъ, пришлось даже заплатить за любовь къ чистому искусству, а защитникъ на судѣ, говорятъ, позволилъ процитировать что-то нижеслѣдующее стихотвореніе:

Не знаю, кто сказать то могъ,
Что театральная гетера

Игрою плечъ, движенъемъ ногъ
 Стяжаетъ славу у партера.
 Но помню—это я сказалъ,
 Что при игрѣ такой задорной,
 Къ чему ей театральныи валь?
 Съ нея довольно и уборной.

Впрочемъ, можетъ быть, защитникъ этихъ стиховъ и не читалъ, но прочитатъ во всякомъ случаѣ имѣлъ бы основаніе.

II.

Попутно вспомню о нѣкоторыхъ артистахъ, подвизавшихся въ то время на казанской сценѣ. Извѣстный впоследствии импрессарио М. В. Лентовскій тоже служилъ въ то время въ Казани. Это былъ очень красивый, худощавый, молодой человекъ, съ черными, круто вьющимися волосами и горячими глазами. Артистъ этотъ всегда порывался играть серьезныя драматическія роли, до Гамлета включительно, но особеннаго успѣха въ нихъ не имѣлъ. За то вызывалъ цѣлыя бури восторговъ, когда въ дивертисментахъ, одѣтый въ русскій національный костюмъ, распѣвалъ народныя пѣсенки. Особенно славился его Комаринскій.

Какъ на улицѣ Варваринской,
 Спитъ Касьянъ, мужикъ Комаринскій,

распѣвалъ весь городъ, копируя Лентовскаго въ тѣ дни. Онъ былъ очень популяренъ среди публики.

В. Н. Давыдовъ, въ то время еще молодой артистъ, считался и по справедливости неподражаемымъ буффомъ. Право, я никогда въ жизни не видалъ болѣе веселаго актера въ опереткахъ, не исключая и многихъ прославленныхъ французскихъ знаменитостей. Но, помимо оперетокъ, В. Н. выдѣлялся и въ драмахъ, и въ комедіяхъ. К. А. Варламовъ, въ то время еще почти юноша, но, благодаря своей фигурѣ и таланту, считался однимъ изъ лучшихъ комиковъ и игралъ пожилыхъ людей. А. П. Ленскій, едва ли не лучший jeunepremier того времени, тоже, кажется, не избѣгнулъ горькой опереточной участи. Не избѣгнула ея и молоденькая, граціозная М. Г. Савина. Только П. А. Стрепетовой, кажется, удалось благополучно уйти отъ оперетки, да М. И. Писаревъ не опускался до нея.

Не могу не упомянуть объ одной артисткѣ, нѣсколько позже появившейся на казанской сценѣ. Это была дочь стараго актера, Вѣра Александровна Малова. Недолго она украшала нашу сцену: скоро выйдя замужъ, она покинула театръ, оставивъ прекрасную память у всѣхъ, когда либо видѣвшихъ ея игру. Ей предсказывали большую, свѣтлую будущность. Необычайная простота и задушевность, которыми отличалось ея исполненіе, сразу выдвинули ее на

первый планъ и сдѣлали одною изъ первыхъ любимицъ публики. Можно только искренно пожалѣть, что такая артистка оставила театръ столь преждевременно. До сихъ поръ я помню ее еще въ роли Лелечки въ пьесѣ Антропова «Блуждающіе огни». Ни одного умышленно эффектнаго движенія, ни одного рутинно-драматическаго приѣма, а между тѣмъ, глядя на ея тихое страданье, въ театрѣ плакали не одни женщины, но и мужи почтенные, и люди солидные, и молодежь.

Любимѣйшимъ артистомъ казанской публики въ то время былъ самъ импресарио театра—П. М. Медвѣдевъ. И въ драмѣ, и въ комедіи, и въ опереткѣ—вездѣ одинаково радостно привѣтствовала его появленіе публика, а молодые артисты, глядя на его опытную, талантливую игру, заимствовали не мало хорошими приѣмами этого почтеннаго артиста. Отличной комической старухой была и супруга его, П. Я. Медвѣдева. Особенно хороша она была въ роли купчихъ и свахъ Островскаго.

III.

Въ 1873 году я переселился въ Петербургъ и на время какъ бы отсталъ отъ русскаго театра. Не то чтобы Александринка (какъ тогда упорно называли Александринскій театръ) пришлось мнѣ ужъ очень не по вкусу,—этого, конечно, сказать, нельзя, потому что и здѣсь подвизалось немало весьма выдающихся и прекрасныхъ артистовъ,—но въ этотъ періодъ моей жизни я увлекся оперой. Да и трудно было не увлечься, когда въ составѣ итальянской оперной труппы были такіе пѣвцы и пѣвицы, какъ г-жи Вольпини, Альбани, Скалька, гг. Николіни, Марини, Котоньи, Багаджиоло, когда дирижерами оперы были: Ардити и Басси. Но кумиромъ тогдашнихъ меломановъ была, конечно, «единственная, несравненная, божественная» Аделина Патти. А если еще къ этому прибавить, что и Христина Нильсонъ, и Паулина Лукка пѣли, какъ гости, въ Большомъ театрѣ, то станетъ ясно, что такой итальянской оперы, какая была тогда, едва ли когда нибудь дождется Петербургъ. Трудно было достать билеты въ Большой театръ на тѣ спектакли, въ которыхъ участвовала Аделина Патти. Правда, что барышники работали во всю, но пѣны, которыя они заламывали, были для насъ, для учащейся молодежи, далеко не по карману. И вотъ, чтобы попасть въ это святилище, чтобы послушать диву, мы прибѣгали къ слѣдующему способу: только что кончался спектакль въ Большомъ театрѣ и запирались его двери, мы группой въ нѣсколько человекъ уже являлись подъ навѣсъ театра и становились на дежурство у дверей кассы. Медленно и скучно тянулась зимняя ночь, вѣтеръ пронизывалъ до костей, хотѣлось спать, дрожали ноги отъ усталости, а мы всѣ стояли на своемъ посту гуськомъ, одинъ за другимъ, наблюдая, какъ сзади насъ нарастаетъ хвостъ такихъ же ожидателей. Къ утру

становилось оообенно скверно: хотѣлось ѣсть, пить, но уйти было никакъ нельзя: теперь уже потерять очередь, это, стало быть, потерять всякую надежду на билетъ. Но тутъ иногда приходили наши товарищи къ намъ на смѣну, и мы, усталые и голодные, отправлялись въ ближающую кофейную или трактиръ, чтобы согрѣться и подкрѣпиться. За ночь заводились иногда довольно интересныя знакомства, такъ какъ въ хвостѣ ожидающей публики стояло иногда не мало дамъ и барышень. И мы, какъ галантные кавалеры, приносили имъ изъ кофейной горячихъ пирожковъ. Ровно въ девять часовъ утра гремѣлъ ключъ сторожа и распахивалась завѣтная дверь. Мы стремительно, но строго соблюдая очередь, влетали въ узенькіе, огороженные перильцами проходы къ кассѣ и опять замирали на нѣкоторое время въ ожиданіи. Но вотъ раскрывалось и кассовое окошечко, и кассиръ, выставивъ голову, громко объявлялъ «свободныхъ билетовъ 67». Боже мой! Какой гвалтъ тогда поднимался въ хвостѣ публики, состоявшей иногда изъ двухсотъ человекъ. «Выдавайте по одному билету!» кричали задніе. «По два!» наставляли передовые. «По одному!» «По два!» И это продолжалось до тѣхъ поръ, пока кассиръ категорически не объявлялъ, по скольку, то-есть по два или по одному билету, онъ будетъ выдавать на каждаго человѣка. И случалось, что люди, простоявшіе по семи и восьми часовъ на морозѣ, уходили ни съ чѣмъ. За то какъ торжественно счастливы были получившіе за свое долготерпѣніе этотъ завѣтный билетикъ. Цифра свободныхъ мѣстъ, оставшихся отъ абонемента, конечно, варьировалась, но на спектакли, въ которыхъ участвовала Патти, всегда была ничтожна.

Заполучивъ пятидесятикопеечный или трехъ-четвертаковый билетикъ, усталый и разбитый, но счастливый и довольный, отправлялся я домой и, право, даже мысль объ отдыхѣ не приходила въ голову. Перспектива великаго наслажденія бодрила душу, и обладатель завѣтнаго мѣста, я чувствовалъ себя въ эти дни настоящимъ именинникомъ. Но вотъ наступалъ вечеръ спектакля. Шумные, радостные раздѣваемся мы въ узенькихъ коридорахъ верхнихъ ярусовъ. Что-то праздничное написано у насъ на лицахъ; торопливо занимаемъ мы свои полтинничныя мѣста, о! полтинничныя мѣста это уже роскошь: изъ нихъ не только слышно, но и видно добрую половину сцены. А вотъ каково тѣмъ, кто въ парадисѣ, глаза которыхъ слѣпить ярко горящая люстра, гдѣ давка такова, что люди слабонервные падаютъ въ обморокъ, гдѣ не только ничего не видно, но даже и слышно, кажется, плохо, — каково имъ? И представьте себѣ, что и они счастливы, и они радостны. И это не только одна безусая молодежь, нѣтъ! Тутъ есть люди почтенные, съ большими бородами, и солидныя дамы, но молодежь, конечно, въ большинствѣ. А тамъ, внизу, подъ нами колеблется шумная, блестящая толпа празднично разодртой публики. Кто эти счастливыцы? Какъ

попали они въ эти завѣтныя мѣста? Неужели это все родственники театральныя чиновниковъ? Потому что, кто же, кромѣ театральныя чиновниковъ и ихъ родныхъ, можетъ достать въ театрѣ удобныя мѣста. Потомъ, въ послѣдствіи, я хорошо узналъ эту толпу, наполняющую партеръ и дорогія ложи, и узналъ, что ова далеко не такъ счастлива, какъ вонъ тѣ, обитатели верховъ, что перегибаютъ головы изъ-подъ самаго потолка театра. Но Ардити появился уже на своемъ дирижерскомъ мѣстѣ, взмахнулъ палочкой, и колоссальный оркестръ грянулъ увертюру. Мы наверху притихли и уже жадно слушаемъ музыку, а внизу еще движутся, ходятъ, разговариваютъ. Взялся занавѣсъ — началась опера и потекла своимъ порядкомъ. Вдругъ громовый взрывъ рукоплесканій сразу огласилъ всю зрительную залу. Это появилась Патти. Ахъ, Боже мой, что за минута!.. Я знаю, что тамъ, внизу, говорятъ: «да, да, у нея феноменальный голосъ, но мало души... Она очень мила, но Бозіо была лучше». Я знаю, что тамъ упоминаютъ имя и Біардо-Гарсія, да, да, есть такіе, но они говорятъ это потому, что или у нихъ у самихъ нѣтъ ни души, ни уха, или есть хорошій катарръ желудка и большая печень. Но мы, мы, верхніе, мы замерли въ святомъ восторгѣ, мы затаили дыханіе; широко раскрытыми глазами смотримъ мы бессмысленно другъ на друга и блаженно улыбаемся... Боже мой, какія есть счастливыя минуты!

Въ послѣдствіи я и самъ перебрался внизъ, получилъ возможность посѣщать партеръ опернаго театра, даже не породившись и не покумившись ни съ кѣмъ изъ театральныя чиновниковъ. Но, увы! никогда уже не выходилъ послѣ спектакля на широкую театральную площадь въ томъ радужномъ, въ томъ свѣтломъ настроеніи, хотя и тѣ же пѣлись пѣсни, да не тѣ были птицы, распѣвавшія ихъ, а съ другой стороны, можетъ быть, и самъ-то я былъ уже далеко не тотъ.

IV.

Русская опера того времени тоже блистала исполнителями, но посѣщалась далеко не такъ усердно. Глубоко осталось у меня въ памяти представленіе оперы «Русланъ и Людмила». И. А. Мельниковъ, въ расцвѣтѣ силъ, прямо таки очаровывалъ публику въ роли Руслана. Его свѣжій, чудный голосъ лился прямо въ дупу. Неподражаемо хорошъ былъ въ роли Фарлафа незабвенный О. А. Петровъ, но конькомъ этого единственнаго пѣвца-артиста были роли Ивана Сусанина и Мельника въ «Русалкѣ». Но, повторяю, русская опера посѣщалась тогда не усердно.

Репертуаръ ли былъ не по душѣ публикѣ или итальянцы, вѣрнѣе, итальянки перебивали успѣхъ нашихъ соотечественниковъ, но во всякомъ случаѣ русскій оперный театръ былъ не въ модѣ.

Помню, мнѣ пришлось быть на первомъ представленіи оперы Римскаго-Корсакова «Псковитянка». Право, не сумѣю даже сказать теперь, имѣла ли она успѣхъ. Знаю телько, что протестовъ было немало. Нашлись даже такіе шалуны, которые по окончаніи оперы принялись вызывать не композитора, ни даже исполнителей, а лошадей, появляющихся на сценѣ.

Борьба съ музыкой будущаго или «могучей кучкой», какъ называли ея представителей, велась тогда энергично, а итальянщина царила еще во всю, такъ что изъ-за деревьевъ иногда не видно было и лѣса. И такимъ удивительнымъ артистамъ и пѣвцамъ, какъ О. А. Петрову, И. А. Мельникову, Лавровской, приходилось иногда пѣть при на половину пустомъ театрѣ:

.....
 Балета я никогда не посѣщаль...
 .....

Вспоминается мнѣ теперь одинъ концертъ въ Большомъ театрѣ, на которомъ мнѣ пришлось присутствовать. Что это былъ за концертъ, то-есть въ пользу кого или чего, теперь уже вспомнить не могу, но помню только, что концертъ этотъ былъ грандіозный. Весь цвѣтъ музыкально-артистическаго петербургскаго міра участвовалъ въ немъ. Всѣ примадонны итальянской и русской оперы, всѣ первоклассные пѣвцы обѣихъ труппъ, лучшіе музыканты, между ними особенно выдѣлявшійся К. Ю. Давидовъ со своею виолончелью, всѣ участвовали въ этомъ концертѣ, къ сожалѣнію, ознаменовавшемся довольно порядочнымъ таки скандаломъ. Дѣло произошло вотъ изъ-за чего. Вольпини, прекрасная пѣвица, но меркнувшая въ сіяніи «дивы» — Патти, пѣвшая въ первомъ отдѣленіи концерта, послѣ нѣсколькихъ bis'овъ, подошла къ капельмейстеру и что-то ему заявила. Произошло маленькое замѣшательство и какъ бы пререканіе между пѣвицей и дирижеромъ, но потомъ оркестръ взялъ аккордъ, и Вольпини запѣла «Матушку-голубушку» порусски. Конечно, взрывъ восторга и шумныя рукоплесканія. Но вдругъ по театру, какъ искра, пробѣжалъ очень странный слухъ, что Вольпини спѣла «Матушку-голубушку» въ пику Аделинѣ Патти, которая тоже намѣревалась на bis пропѣть эту пѣсню и приказала спеціально для себя заготовить ноты. Говорили, что Патти совѣмъ въ этомъ концертѣ не выйдетъ. И дѣйствительно, въ номерѣ, въ которомъ должна была участвовать Патти, ее замѣнилъ кто-то другой. Боже мой, какой ревъ поднялся въ театрѣ! Публика неистово требовала Патти. Шумъ былъ невообразимый. Наконецъ появилась и она, какъ бы только уступая настойчивому требованію публики. Но на ея лицѣ, въ ея движеніяхъ сквозило, что она чѣмъ-то недовольна, чѣмъ-то обижена. На bis публика стала требовать «Матушку-голубушку». Патти упрячилась... но неособенно долго, и желаніе публики было исполнено, и, конечно, успѣхъ этой пѣсни въ испол-

нені Патти былъ прямо таки грандіозенъ, а когда она, уже какъ бы развеселившись, спѣла еще порусски же Алябьевскаго «Соловья», то театръ буквально задрожалъ отъ рукоплесканій.

Суета изъ суетъ и всяческая суета.

Въ Александринскомъ театрѣ я бывалъ мало. Оперетки я не любилъ, а изъ русскихъ драматическихъ артистовъ преклонялся только передъ однимъ Павломъ Васильевымъ. Да и репертуаръ, съ Дьяченкою во главѣ, не увлекалъ меня. Даже самъ В. В. Самойловъ не приводилъ меня въ восторгъ. Я былъ воспитанъ на комедіяхъ Островскаго, въ моихъ ушахъ еще звучали голоса Садовскаго, Шумскаго и Никифорова,—Московская закваска крѣпко еще сидѣла во мнѣ.

Въ 1875 году я опять перебрался въ Казань, но тамъ въ это время царила оперетка съ Зориной, Райчевой и др., да и не до театра мнѣ было въ это время. Наступилъ 1877 годъ, и судьба послала меня и самого на театръ: только уже военныхъ дѣйствій.

Молодымъ, только еще произведеннымъ офицеромъ, я перевелся въ Кавказскую дѣйствующую армію и поскакалъ въ Азіатскую Турцію, куда уже выступилъ полкъ, въ который я былъ зачисленъ, полкъ, перешедшій однимъ изъ первыхъ турецкую границу. Впрочемъ, слово «поскакалъ» не совсѣмъ подходящее, такъ какъ изъ Казани я выѣхалъ на пароходѣ. Была ранняя весна, по Волгѣ шелъ еще ледъ, а весенній бодрящій воздухъ взывалъ и манилъ куда-то въ таинственную даль, туда, гдѣ загромыхали уже русскія пушки, въ тѣ далекія мѣста, которыя приковывали вниманіе всей Россіи. Мой маршрутъ былъ таковъ: по Волгѣ до Царицына, отъ Царицына до Калача по желѣзной дорогѣ, а отъ Калача до Ростова — по Дону и т. д.

V.

Каково было мое огорченіе, когда, пріѣхавъ въ Царицынъ, я узналъ, что пароходъ по Дону только что отошелъ, а слѣдующій пойдетъ не ранѣе, какъ черезъ три-четыре дня. Сидѣть и ждать его въ скучномъ городишкѣ и терять дорогое время я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія и потому рѣшилъ на другой же день ѣхать по желѣзной дорогѣ черезъ Грязи (въ этотъ день поѣзда уже не было). Этимъ я хоть и дѣлалъ большой крюкъ, но все-таки значительно выгадывалъ время.

Царицынъ въ семидесятыхъ годахъ далеко еще не игралъ такой роли, какъ теперь, и имѣлъ видъ довольно жалкій. Гостиница, въ которой я остановился, была весьма мизерна. «Какъ скоротать время», думалъ я, поглядывая изъ окна на скучную, пыльную улицу, обставленную скверными домишками — было всего часовъ шесть вечера.

Позвать коридорнаго.

— Есть у васъ, спрашиваю, какія нибудь развлечения?

— Чего-съ?—не понялъ тотъ.

Я пояснилъ.

— Какъ же-съ, какъ же-съ,— обрадовался коридорный, — садъ у насъ есть «Конкордія» и тамъ актеры-съ.

— Играютъ?

— Нѣтъ еще-съ, а только пока приготавливаются-съ.

Я отправился въ «Конкордію».

Маленькій, дрянневъкій садикъ. Въ садикѣ деревянный домикъ съ верандой—ресторанъ. И ни въ саду, ни въ ресторанѣ — ни души. Только изъ-за буфетной стойки доносится легкій храпъ. Я заглянулъ за нее—лысый буфетчикъ, какъ-то неестественно перегнувшись и склонивъ свою голову на невысокій ларь, спитъ сладкимъ сномъ. Мухи ползаютъ у него по лицу, одна запугалась въ бородѣ и слегка жужжить. Лицо буфетчика красное, потное... Будить было жалко. Я вышелъ изъ ресторана и пошелъ бродить по саду. Въ одномъ изъ угловъ стоитъ какая-то амбарушка, дверь полуоткрыта. Заглянулъ—оказалось, что театръ, дрянневъкій, мизерный. Въмѣсто креселъ и стульевъ деревянные скамейки; сцена въ три шага. Прислушался, и въ театрѣ кто-то похрапываетъ. Опять пошелъ по саду и опять вернулся въ ресторанъ. Рядомъ съ буфетной комнатой—биллиардная. Кто-то тамъ кашлянулъ, я заглянулъ—вижу, стоитъ молодой человѣкъ, по всѣмъ признакамъ маркеръ. Обрадовался и ему.

— А что, говорю, можно на биллиардѣ сыграть?

— Можно, говорить,—давайте, сыграемте.

Вижу, маркеръ развязный, а вѣшность самая обтрепанная. Досталъ онъ откуда-то шары, поставилъ, и мы заиграли.

— А вы какъ это въ Царицынъ попали?—спрашиваетъ.

Я объяснилъ.

— Дрянной городишко, тоска, — продолжаетъ мой маркеръ: — трудно здѣсь хорошихъ дѣловъ ожидать.

— Какихъ дѣловъ?

— Да вотъ въ театрѣ? Какъ бы нашъ антрепренеръ не прогорѣлъ.

— А кто у васъ антрепренеръ?

— Инсарскій.

— Какой Инсарскій? Такой-то?

— Да, такой-то.

— Батюшки, да, вѣдь, это мой товарищъ по гимнази! Гдѣ онъ? Можно его повидать?

— Можно, говорить,—я сейчасъ его позову.

И маркеръ, бросивъ кій, куда-то убѣжалъ. Прошло съ полчаса, и «красавчикъ» Инсарскій влетаетъ въ биллиардную. Ну, конечно,

началось здорованье и объятія. Я поразсмотрѣлъ Инсарскаго и замѣтилъ въ немъ значительную перемѣну. Въ гимназіи онъ выдѣлялся между нами своимъ красивымъ, выразительнымъ личикомъ, ловкими и изящными манерами, и когда онъ рѣшилъ, бросивъ школьную премудрость, поступить на сцену, мы всѣ предсказывали ему большой успѣхъ. И не безъ основанія: помимо внѣшности, Инсарскій обладалъ пріятнымъ голоскомъ и очень недурно пѣлъ. Дебютировалъ онъ на казанской сценѣ довольно удачно и потомъ вскорѣ куда-то исчезъ. И вотъ послѣ пятилѣтней разлуки я встрѣчаю его антрепренеромъ Царицынскаго театра, одѣтаго нѣсколько экстравагантно, съ претензіей на дешевый шикъ, съ лицомъ, хотя попрежнему красивымъ, но уже слегка обрюзгшимъ и со слѣдами неумѣреннаго поклоненія Бахусу, съ манерами излишне развязанными и съ довольно замѣтной хрипотой въ голосѣ.

Пока мы здоровались и обмѣнивались съ Инсарскимъ первыми привѣтствіями, мой маркеръ юлилъ около насъ. И когда я взглянулъ на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ, онъ вдругъ обратился къ Инсарскому и попросилъ насъ познакомиться.

— Ахъ, да! — спохватился тотъ. — Артистъ Смѣльскій «простакъ».

Изволите видѣть! А я артиста Смѣльскаго принялъ за маркера, да еще очень дурного тона, если только вообще у маркеровъ можетъ быть тонъ хорошій.

Послѣ этого представленія мы съ Инсарскимъ отошли въ сторону и сѣли за столикъ.

— Ну, рассказывай, говорю, какъ это ты сдѣлался антрепренеромъ?

— Да что, — началъ Инсарскій, — дѣло довольно обыкновенное: умеръ у меня дядя, получилъ я послѣ него тысячи три наслѣдства; двѣ съ половиной тысячи постомъ промоталъ въ Москвѣ, а на остальные собралъ трупъ въ Царицынѣ.

— Т. е. это на пятьсотъ-то рублей?

— Да.

— И ты съ этими деньгами начинаешь антрепризу?

— Какъ съ этими? Да у меня и ихъ давно ужъ нѣтъ, — расхохотался Инсарскій.

— Что-жъ ты будешь дѣлать?

— Кредитоваться, mon cher, кредитоваться. Ну, да что объ этомъ разговаривать! — махнулъ онъ рукой. — Вотъ кстати собираются мои артисты. Давай, я тебя съ ними перезнакомлю.

Артисты показались мнѣ довольно-таки мухрастыми, со странными, двойными и даже тройными фамиліями, а одинъ изъ нихъ, долговязый дѣтина, носилъ просто кличку «Дитю», не смотря на его громоздкую фигуру, почему-то удивительно шедшую къ нему.

И такимъ образомъ этотъ вечеръ мнѣ пришлось скоротать въ Царицынѣ, въ кругу артистовъ.

На другой день, не успѣлъ я еще проснуться, какъ ко мнѣ въ номеръ явился артистъ Смѣльскій.

— Я пришель васъ проводить,—заявилъ онъ,—а Инсарскій и другіе прїѣдутъ прямо на вокзалъ.

Я началъ собираться. Увидѣвъ у меня на столѣ четверку чаю и фунтъ сахару, вещи, которыя каждый волгарь беретъ съ собой, отправляясь по Волгѣ на пароходѣ, и которыя теперь, въ виду дальнѣйшаго путешествія уже по желѣзной дорогѣ, мнѣ болѣе не были нужны, Смѣльскій, нѣсколько конфузясь, попросилъ ихъ ему подарить, что я исполнилъ, конечно, съ большимъ удовольствіемъ.

Инсарскій былъ уже на вокзалѣ, когда мы прїѣхали туда. Буфетчикъ, должно быть, большой патриотъ, узнавъ, что онъ прїѣхалъ проводить своего товарища, молодого офицера, ѣдущаго на войну, попросилъ у меня позволенія устроить мнѣ прощальный завтракъ. Я было началъ отказываться, ссылаясь на то, что въ такой ранній часъ я не ѣмъ, но артисты, видимо обрадовавшіеся даровому угощенію, настояли на завтракѣ. Появилось даже шампанское, и буфетчикъ, путаясь и краснѣя, рискнулъ сказать мнѣ напутственное слово, въ которомъ было много чувства и добрыхъ пожеланій. Я сердечно поблагодарилъ его и отправился въ вагонъ, такъ какъ уже было время.

Артисты, буфетчикъ и еще какія-то совершенно незнакомыя мнѣ лица вышли проститься со мной со стаканами вина въ рукахъ. Сердечно и горячо провожала тогда Россія своихъ воиновъ. И чѣмъ дальше происходило дѣло отъ театра военныхъ дѣйствій, тѣмъ выше былъ энтузіазмъ.

Распрощавшись съ провожавшими и горячо пожелавъ Инсарскому всякаго успѣха, я помчался въ дальнѣйшій путь. Увы! мои пожеланія не достигли цѣли, какъ я узналъ объ этомъ впоследствии—кредитъ его быстро изсякъ, и царицынская антреприза не состоялась. Актеры разбрелись, и самъ онъ скоро уѣхалъ изъ Царицына.

Недолго послѣ этого и прожилъ Инсарскій. Рано погибла эта богато одаренная натура, такъ много общавшая и такъ безпощадно разбитая безалаберной жизнью. По отзывамъ артистовъ, когда либо игравшихъ съ Инсарскимъ, можно заключить, что это былъ дѣйствительно талантливый актеръ. Миръ его праху!

VI.

Во Владикавказѣ я съѣхался съ труппой артистовъ, направлявшихся въ Тифлисъ. И въ виду того, что у меня была казенная подорожная, имѣлъ возможность оказать услугу одному изъ нихъ, г-ну А., взявъ его съ собой въ почтовую бричку.

Труппа эта представляла изъ себя одно изъ возникшихъ тогда товариществъ, во главѣ котораго стояла семья покойнаго писателя и драматурга Александра Ивановича Пальма. Въ Тифлисъ направлялись тогда супруга Александра Ивановича, нынѣ тоже уже покойная, Ксенія Григорьевна Пальмъ, два его сына, Сергѣй и Григорій (Арбенинъ) и дочь А. А. Слободина. Кромѣ нихъ, въ труппѣ еще находились А. И. Погонина-Долинская съ мужемъ, В. В. Пшумилинъ, Е. Г. Черновъ и нѣсколько другихъ, второстепенныхъ артистовъ.

Со всей этой труппой я перезнакомился тотчасъ же по приѣздѣ въ Тифлисъ, гдѣ мнѣ пришлось провести, въ ожиданіи дальнѣйшаго отправленія, нѣсколько сутокъ. Я остановился въ гостиницѣ «Кавказъ», въ которой квартировали супруги Долинскіе. Время у меня было все свободное, и я его проводилъ, почти не разлучаясь съ ними. А. И. Погонина-Долинская оказалась большой любительницей верховой ѣзды и очень порядочной наѣздницей, и мы съ ней ежедневно катались верхомъ, доставая напрокатъ прекрасныхъ, карабахскихъ лошадей.

Спектакли товарищества начались чуть ли не на третій же день по прибытіи труппы. И въ первое представленіе шла комедія «Въ осадномъ положеніи». Труппа понравилась сразу. И дѣйствительно, несмотря на ея малочисленность, она была составлена прекрасно.

Во второмъ представленіи уже участвовалъ до нѣкоторой степени и я, хотя и не персонально, а только моимъ мундиромъ. Ставили: «На хлѣбахъ изъ милости», и Арбенинъ, игравшій Савушку, фигурировалъ въ моемъ новенькомъ мундирчикѣ, но, конечно, безъ погонь. Я не пропускалъ ни одного представленія и почти все мое время проводилъ съ супругами Долинскими.

Но вотъ насталъ день, когда насъ, молодыхъ офицеровъ, собрали во дворецъ къ великому князю-намѣстнику, представили ему, выдали прогоны и отправили дальше, уже прямо въ отряды. Какъ ни рвался я туда, гдѣ въ настоящее время былъ весь смыслъ нашей военной жизни, но откровенно скажу, что расставаться съ моими новыми друзьями-артистами мнѣ было довольно-таки тяжело.

Въ августѣ мѣсяцѣ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, мнѣ пришлось опять заглянуть дня на два въ Тифлисъ. Конечно, тотчасъ же послѣ исполненія мною служебныхъ обязанностей, первый мой визитъ былъ въ театръ. Встрѣча была радостная, и я съ удовольствіемъ узналъ, что труппа эта, преобразовавшись изъ товарищества въ антрепризу С. А. Пальма, остается въ Тифлисѣ и на зимній сезонъ.

Въ этотъ мой приѣздъ я имѣлъ случай познакомиться и съ самимъ Александромъ Ивановичемъ Пальмомъ.

А. И. Пальму въ то время было лѣтъ уже за пятьдесятъ. Полу-сѣдой, всегда щеголевато одѣтый, съ выбритымъ подбородкомъ и

небольшими бачками (впослѣдствіи А. И. носилъ уже бороду), онъ произвелъ на меня впечатлѣніе скорѣе петербургскаго солиднаго чиновника, чѣмъ литератора. Совсѣмъ не такими представлялъ я ихъ себѣ. Первый, подвижной, А. И. былъ очень словоохотливъ и много бесѣдовалъ со мной. Онъ спрашивалъ про отрядъ, про военныя дѣйствія, обѣщалъ дать мнѣ рекомендацію къ одному важному генералу, къ которому мнѣ очень хотѣлось понасть въ адъютанты и котораго А. И. называлъ своимъ школьнымъ товарищемъ, но, вѣроятно, забылъ — напомнить же мнѣ было совѣстно, — такъ я и вернулся въ отрядъ безъ этой рекомендаціи.

Пальмъ въ то время былъ занятъ окончаніемъ своей комедіи «Нашъ другъ Неклюжевъ» и нѣсколько разъ передѣлывалъ конецъ ея.

Не помню ужъ, въ этотъ ли разъ или нѣсколько позже мнѣ довелось видѣть А. И. въ качествѣ исполнителя. Онъ игралъ роль Ополева въ своей извѣстной комедіи «Старый баринъ». Обаяніе ли автора, исполнявшаго имъ же созданную роль, или онъ дѣйствительно Ополева игралъ хорошо, но въ этой пьесѣ онъ мнѣ очень понравился, чего не могу сказать о другихъ спектакляхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ и о которыхъ еще рѣчь впереди.

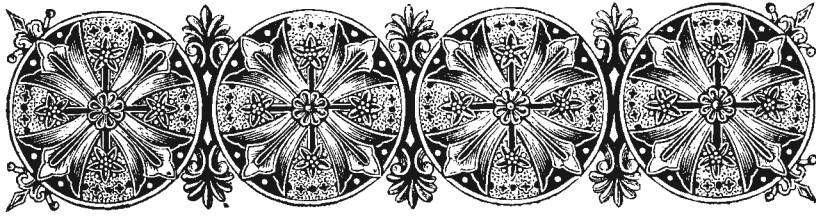
Пробывъ два-три дня въ Тифлисѣ, я вернулся въ отрядъ. Началось трудное время, тяжелая, боевая жизнь. Но все хорошо, что хорошо кончается. Кончилась и наша кампанія, и я, радостный и веселый, взявъ отпускъ, поскакалъ въ Тифлисъ, гдѣ у меня уже было сдѣлано нѣсколько милыхъ знакомствъ, и гдѣ я намѣревался прожить до окончательнаго возвращенія на родину.

Только что я пріѣхалъ въ столицу Закавказья, какъ сразу былъ охваченъ театральною атмосферой. Едва ли въ Россіи есть городъ, на столько любящій всякія сценическія представленія, какъ Тифлисъ. Помимо постояннаго казеннаго театра, гдѣ въ настоящее время играла субсидируемая казной труппа С. А. Пальма, въ Тифлисѣ было еще нѣсколько любительскихъ кружковъ, нѣсколько клубовъ, въ которыхъ были свои маленькія сценки—и все это въ то время было переполнено публикой, все это бредило театромъ и спектаклями. Многіе увѣряли, что происходитъ это потому, что Тифлисъ расположенъ, если только можно такъ выразиться, подъ сѣнью могилы величайшаго русскаго драматурга А. С. Грибоѣдова, погребеннаго въ монастырѣ св. Давида, на горѣ того же имени, возвышающейся надъ городомъ.

Театральная атмосфера Тифлиса заразила и меня. И я, всегда горячо любившій русскій театръ, изъ усерднѣйшаго зрителя самымъ естественнымъ образомъ преобразился въ актера.

В. А. Тихоновъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЭВАКУАЦІЯ.

Рассказъ офицера.

ТО БЫЛО во время послѣдней русско-турецкой войны. Военно-временный госпиталь, куда помѣстили меня, переполненъ былъ ранеными и больными. Въ патрахъ, гдѣ помѣщались офицеры, не оставалось ни одной свободной кровати, а въ юрты солдаты набивались, какъ сельди въ бочки. Рѣдкій день проходилъ, чтобы изъ отрядовъ не подвозили пострадавшихъ въ дѣлахъ съ турками и заболѣвшихъ разными недугами. Главный врачъ и смотритель госпиталя терялись, не зная, что дѣлать съ такимъ переполненіемъ, и съ нетерпѣніемъ ждали транспорта для эвакуаціи присланныхъ изъ отрядовъ. Но проходили дни, а о перевозочномъ обозѣ не было ни слуха ни духа. Онъ долженъ былъ прослѣдовать съ провіантомъ въ полки, стоявшіе на позиціи, а ужъ на обратномъ пути «захватить» насъ. Но его прибытіе замедлилось совпаденіемъ нашего сраженія съ дѣломъ подъ Плевной, гдѣ, какъ извѣстно, выбыли изъ строя тысячи людей, которыхъ и пришлось перевозить въ госпитали.

Я находился въ самомъ печальномъ положеніи. Не имѣя возможности не только свободно ворочаться отъ полученной раны, но даже кашлянуть и сдѣлать глубокой вздохъ, я еще мучился отъ безпощадно трепавшей меня лихорадки. Начавшаяся со второго дня раненія небольшимъ ознобомъ, она постепенно впиалась во все мое существо. Пароксизмы стали настолько сильными, что у меня не только не попадалъ зубъ на зубъ, и дрожь въ тѣлѣ походила на

сотрясеніе каммертона, но приступы болѣзни сопровождались невыносимой ломотой во всемъ тѣлѣ. Къ довершенію бѣды, подулъ сѣверный вѣтеръ, и въ воздухѣ такъ посвѣжѣло, что наши шатры не могли сопротивляться холоду. Особенно неприятно было озябнуть ночью. Чтобы укрыться, приходилось прибѣгать къ посторонней помощи и звать служителей, которые и безъ того были замучены нами. Не знали отдыха и доктора. Ихъ, сколько могу припомнить, было, кромѣ старшаго врача, четыре, да три курсистки медицинскихъ курсовъ выпускнаго класса. Не могу безъ умиленія вспомнить этихъ людей. Мы видѣли подлѣ себя не только медиковъ, но людей въ лучшемъ значеніи этого слова. Среди глубокой ночи, безъ зова они появлялись у изголовья тѣхъ «трудныхъ», надъ кѣмъ долженъ былъ быть досмотръ. Изъ курсистокъ отличалась одна миловидная блондинка, съ очень нѣжнымъ цвѣтомъ лица и кроткимъ взглядомъ. Это была по виду типичная кисейная барышня, и никто не повѣрилъ бы, что она считалась великой искусницей по части извлечения изъ тѣла застѣвшихъ пуль и рѣзала, какъ самый заправскій хирургъ.

Но, несмотря на заботы и попеченія о насъ, мы рвались по-пасть въ теплое помѣщеніе и выбраться изъ госпиталя, куда, къ крайнему негодованію старшаго врача Завадскаго, не было тогда доставлено даже необходимаго количества фуфаякъ.

День шелъ за днемъ, но транспортъ, ожидаемый нами съ такимъ нетерпѣніемъ, не показывался. Наконецъ, насталъ желанный часъ избавленія. Часовъ около девяти утра застучали по шоссе колеса, и обозъ съ сухарями прошелъ въ отрядъ, а на другой день на разсвѣтѣ прибылъ къ намъ. Нашъ муравейникъ зашевелился. Солдаты, назначенные къ отправкѣ, собрали свои пожитки и двигались къ телѣгамъ. Кого вели подъ руку, кто самъ ковылялъ, а кого несли и на носилкахъ.

Когда меня одѣли, я тоже выплелся изъ шатра и пошелъ поблагодарить докторовъ за ихъ сердечныя отношенія къ намъ и засталъ старшаго врача возлѣ кровати умирающаго болгарина. Онъ былъ страшно изуродованъ и метался въ предсмертной агоніи. Въ изголовьѣ стояла его жена и горько плакала. Въ другое время такая картина, конечно, потрясла бы насъ, но тамъ, гдѣ смерть вѣяла надъ многими, и послѣ только что видѣннаго поля сраженія, горе несчастной женщины вызывало не состраданіе, а чувство негодованія на то, что люди такъ звѣрски расправляются со своими ближними. Увидѣвъ меня, докторъ подошелъ проститься, и я сердечно пожалъ ему руку.

Въ это время начальникъ транспорта и докторъ, назначенный сопровождать насъ, усаживали больныхъ на телѣги. Очень тяжело раненыхъ клали по одному и по два на повозку, а кто могъ сидѣть—по четыре. Меня помѣстили съ товарищемъ по полку, боль-

шимъ шутникомъ и bon vivant'омъ Алексѣемъ Ивановичемъ Берцовымъ. Намъ положили два тюфяка, набитыхъ соломой, и двѣ подушки, а сверху устроили небольшой навѣсъ отъ дождя. Однимъ словомъ озаботились такъ, какъ только можно было озаботиться, но эти заботы не избавили меня отъ страшныхъ мученій. Несмотря на то, что отъ большихъ пріемовъ хины я почти оглохъ и чувствовалъ ужасный шумъ въ головѣ, пароксизмъ лихорадки приближался, и боль въ раненомъ мѣстѣ мучительно отзывалась при каждомъ толчкѣ и движеніи. Но я, боясь заболѣть тифомъ или дизентеріей, отъ которыхъ не одинъ изъ насъ отошелъ въ вѣчность, рѣшилъ все переносить.

Наконецъ, распоряженія окончены, больные размѣщены, и слышалась команда: «трогай!»

Пока обозъ ѣхалъ по грунтовой дорогѣ, тряску можно было еще терпѣть, но вотъ мы выбрались на шоссе: и тутъ начались терзанія. Каждый камешекъ, на который насакивало колесо, причинялъ жестокія страданія. Имѣя въ распоряженіи только одну руку, я не могъ даже съ достаточной силой удерживаться отъ качки и поворачиваться. Только благодаря любезности моего спутника, я не терялъ послѣдняго терпѣнія. Но эта попытка была только началомъ моихъ мукъ.

Проѣхавъ версты пять, я почувствовалъ, какъ по мнѣ сначала стала пробѣгать изрѣдка злобѣщая дрожь, потомъ носъ, уши и руки похолодѣли, и затѣмъ уже меня стало трепать. Я поднялъ воротникъ ватнаго пальто, закутался одѣяломъ, дышалъ въ край его, чтобы не втягивать свѣжаго воздуха, и напрягалъ всѣ силы, чтобы не издавать стонувъ и не выказывать малодушія передъ своимъ товарищемъ, и не имѣлъ силъ владѣть собой.

Рѣдко кто не болѣлъ перемежающейся лихорадкой, но она ничто по страданіямъ съ другой формой—болгарской, особенно съ такой, которая повторяется черезъ два дня въ третій. Сенкевичъ въ своихъ письмахъ изъ Африки рассказываетъ, какъ люди, заболѣвавшіе африканскою лихорадкой, отъ отчаянія бросались въ море, я понялъ это и съ восторгомъ встрѣтилъ бы смерть, лишь бы освободиться отъ нечеловѣческихъ мукъ. Къ довершенію всего нашъ обозъ, тянувшійся на версту, не могъ идти непрерывною линіей, нѣкоторыя изъ повозокъ отставали, и транспортный офицеръ то и дѣло командовалъ:

— Подтянись!

Это слово было для меня въ своемъ родѣ крикомъ палача: «бегись, ожгу!». Услышавъ приказаніе, солдатъ, правившій лошадыми, хлесталъ ихъ, и онѣ мчались по неровному шоссе, отъ ужасныхъ толчковъ насъ трепало, и мы подпрыгивали. Что я чувствовалъ въ эти минуты, и теперь вспомнить страшно!

Передъ вечеромъ ознобъ утихъ, и наступилъ жаръ. Въ такомъ положеніи, съ помощью другихъ, я вылѣзъ изъ телѣги, когда транс-

портъ прибылъ на пунктъ Краснаго Креста. Я едва двигалъ ногами, и меня, не раздѣвая, уложили на кровать.

— У васъ вѣрно сильная жажда? Не хотите ли вы чая?—обратилась ко мнѣ сестра милосердія.

Я старался разсмотрѣть черты лица говорившей, но воспаленные глаза плохо слушались, и я, не разобравъ, кто обращался ко мнѣ, тихо проговорилъ:

— Да, пожалуйста... дайте мнѣ чегонибудь...

Черезъ нѣсколько минутъ опять тихій голосъ раздался подлѣ меня:

— Вамъ, вѣроятно, неудобно будетъ самому держать стаканъ. Позвольте, я вамъ налью на блюдечко.

Впавшій въ забытѣе, я открылъ глаза и увидѣлъ стоявшую подлѣ меня средняго роста, миловидную дѣвушку, съ пріятнымъ выраженіемъ лица. Красный крестъ на бѣломъ фартукѣ придавалъ всей ея фигурѣ какую-то святость. Подлѣ нея стоялъ служитель со свѣчей въ рукѣ.

— Если это не обезпокоитъ, то мы немного приподнимемъ васъ и подложимъ подушку. Сидя, вамъ будетъ удобнѣе пить.

Я молча кивнулъ головой. Меня бережно приподняли и придали мнѣ полусидячее положеніе. Сестра налила на блюдечко чай, ложечкой остудила его и поднесла къ моимъ губамъ. Это сдѣлано было, вѣроятно, потому, что она не надѣялась на мою дрожавшую лѣвую руку. Я съ жадностью выпилъ стаканъ и попросилъ другой, но сестра замѣтила на это:

— Сразу это будетъ много, а погода съ удовольствіемъ принесу вамъ еще чаю.

Меня опустили на подушки, и я скоро впалъ въ забытѣе. Сколько я пролежалъ въ такомъ состояніи, не могъ сообразить, но черезъ нѣкоторое время услышалъ подлѣ себя шорохъ и тихій голосъ:

— Вы стонете. Вамъ вѣрно нехорошо? Я привела доктора, онъ осмотритъ васъ.

Врачъ, попробовавъ голову и пульсъ, проговорилъ:

— Пока жаръ не кончится, нужно терпѣть.

Сестра опять дала мнѣ стаканъ кислаго чаю, и я выпивъ снова погрузился въ безсознательное состояніе. Лежа съ закрытыми глазами, я видѣлъ то огненные круги, то огненныя фигуры, отъ чего вздрагивалъ и просыпался. Особенно мучила и преслѣдовала меня картина только что бывшаго боя. Въ ушахъ раздавались крики, стоны... я слышалъ пушечную пальбу, свистъ пуль... что-то выкрикивалъ и каждый разъ на нѣсколько мгновеній открывалъ глаза, чтобы опять впасть въ бредъ.

Это мучительное состояніе постепенно стало проходить, и я почувствовалъ легкую испарину. Наступило полное изнеможеніе. Мнѣ казалось, что я не существую. Въ такомъ состояніи я пролежалъ съ часъ, отдыхая отъ только что перенесенныхъ мученій. Придя

нѣсколько въ себя, я оглядѣлся и увидѣлъ, что нахожусь въ просторной болгарской хатѣ, посреди которой стоялъ столъ, накрытый бѣлою скатертью, у стѣнъ стояло нѣсколько кроватей. Это былъ промежуточный пунктъ для ночлега и отдыха эвакуированныхъ въ Зимницы. На этомъ пунктѣ находилась партія сестеръ милосердія.

Ночь, проведенная мною тамъ, навсегда врѣзалась въ памяти. Къ намъ нѣсколько разъ входили одна за другой сестры и, не желая беспокоить больныхъ, говорили въ полголоса, а затѣмъ уходили. Только бывшая моимъ добрымъ геніемъ была, вѣроятно, въ тотъ день дежурная, потому что безотлучно находилась при насъ. Я, какъ теперь, вижу ее, сидящую у стола съ опущенной головой на лѣвую руку и погруженную въ глубокую думу. И могла ли она оставаться спокойной, видя столько страданій? Я невольно спрашивалъ себя, что привело ее на этотъ подвигъ? Сознаніе ли гражданской обязанности, или христіанскій долгъ, посылающій творить добро и испытывать лишения?... И вотъ, когда я задавалъ себѣ подобные вопросы, на порогѣ появился офицеръ въ адъютантской формѣ и проговорилъ негромко:

— Позвольте мнѣ отдохнуть. Я ѣду въ главную квартиру, и меня порядкомъ расколотило.

Она молча показала ему рукой на стулъ.

— Я хочу васъ побеспокоить вопросомъ,—продолжалъ вошедшій,—здѣсь находится госпожа Гирсъ?

— Зачѣмъ она нужна вамъ? Вы, вѣроятно, имѣете къ ней какое нибудь порученіе?

— Да, имѣю. Но, кромѣ того, всякій русскій офицеръ не можетъ не интересоваться этой личностью. Дочь товарища министра и съ такимъ героизмомъ пошла служить дѣлу милосердія.

— Что же въ этомъ удивительнаго?—перебила она его.—Всякій, кто любитъ свою родину, не смѣетъ оставаться безучастнымъ и обязанъ служить, какъ можетъ. Удивляться этому нельзя.

Офицеръ сдѣлалъ невольное движеніе и почтительно проговорилъ:

— Вы такъ рѣшительно отвѣчаете загоспожу Гирсъ, что я невольно начинаю подозрѣвать, что вы именно то лицо, о которомъ я спросилъ.

— Да, это я. Но у меня нѣтъ здѣсь фамиліи, я сестра Анна и только.

Тутъ адъютантъ передалъ ей поклонъ отъ гусара Б. и сталъ рассказывать штабныя новости и подробности о плевненскомъ сраженіи.

Измученный переѣздомъ, изможденный пароксизмомъ, я заснулъ подъ ихъ разговоръ тяжелымъ сномъ и проснулся въ восьмомъ часу, когда вокругъ меня началось уже движеніе. Едва я открылъ глаза, какъ сестра Анна подошла ко мнѣ и заговорила съ участіемъ:

— Вашъ транспортъ скоро отправляется, но вы слишкомъ слабы. Не лучше ли вамъ пробить здѣсь день, другой?...

— Ахъ, нѣтъ... нѣтъ! Ради Бога, не удерживайте меня,—перебилъ я ее.—У меня дѣйствительно нѣтъ силъ, но тутъ я не наберусь ихъ, а мнѣ станетъ еще хуже. Какъ нибудь оттерплюсь дорогой, лишь бы добраться до Россіи. Если умирать, такъ на родинѣ.

По моему возбужденному тону и дрожащему голосу сестра увидѣла, что удержать меня не возможно, и, пожавъ плечами, проговорила:

— Я должна была вамъ передать мнѣніе доктора, но если вы такъ настойчиво желаете отправиться, мы не въ правѣ удерживать васъ. Все-таки вамъ надо подкрѣпиться. Я принесу сейчасъ рюмку портвейна и кусокъ жаренаго мяса.

Послѣ ея ухода, я хотѣлъ съ помощью служителя встать, но едва поднялся съ подушки, какъ почувствовалъ головокруженіе и долженъ былъ обратно лечь.

Огромная потеря крови послѣ раны, потрясающіе пароксизмы лихорадки, изнурительный потъ и огромное количество принятой хины распатали мой организмъ. Когда я закрывалъ глаза, то чувствовалъ себя несуществующимъ, только страшный шумъ въ ушахъ и беспорядочныя мысли, блуждающія въ головѣ, говорили мнѣ о томъ, что я еще живъ. Сознаніе своей безпомощности вызывало послѣднюю энергію, и я рѣшилъ бороться за жизнь до послѣдней возможности. Поднимая нѣсколько разъ голову отъ подушки, я овладѣлъ собой и сѣлъ на кровать. Меня поддерживали служитель и добродушный Алексѣй Ивановичъ Берцовъ, вступившій опять въ свои права добраго товарища.

Этотъ неугомонный человѣкъ былъ вездѣ, какъ дома, и никого не оставлялъ въ покоѣ. Когда я проснулся, первое, что донеслось до моего слуха, это были рядъ фразъ, сыпавшихся изъ устъ Алексѣя Ивановича.

— Такъ ты тутъ состоишь служителемъ?—обращался онъ къ подававшему ему сапоги.

— Такъ точно-съ, служителемъ.

— А какой ты губерніи?

— Калужской.

— Хорошая губернія! Я тамъ не разъ бывалъ и тѣсто ѣдалъ. Что же у тебя жена, дѣти?

— Такъ точно-съ, и жена, и дѣти.

— Какъ же ты пошелъ сюда?

— Хотѣлось послужить царю-батюшкѣ.

— Молодецъ!

— Радъ стараться!

— На вотъ тебѣ гривенникъ. Выпьешь за мое здоровье.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе.

Едва Берцовъ окончилъ свою бесѣду съ служителемъ, какъ вошла сестра. Алексѣй Ивановичъ съ развязностью подошелъ къ ней, протянулъ руку и проговорилъ:

— Вонъюг!

Та улыбнулась и поздоровалась.

— А что, сестрица, нельзя ли пропустить «маленькій килишекъ вудки», какъ говорятъ поляки? Потому въ настоящее время я чувствую большую слабость.

Сестра Анна взглянула на его бравое, здоровое лицо, кивнувъ головой, обѣщала исполнить его желаніе и подала мнѣ подносикъ, на которомъ стояла рюмка вина, хлѣбъ и жаркое.

Выпивъ съ жадностью портвейнъ, я съѣлъ съ аппетитомъ небольшой бифштекъ. Любезность сестры не ограничилась этимъ. Мнѣ подали большую чашку чернаго кофе. Подкрѣпившись, я не чувствовалъ уже прежней удручающей слабости и смѣло сталъ готовиться въ путь.

Прощаясь съ сестрой Анной, я не могъ удержаться, чтобы не высказать ей того, что чувствовалъ.

— Сестра, сегодня ночью я случайно узналъ, кто вы. Ваше положеніе въ обществѣ слишкомъ высоко, и вы не привыкли къ непосильному труду, который несете здѣсь. Но я не стану разсыпаться въ ненужныхъ похвалахъ, а скажу вамъ отъ имени русскаго человѣка братское спасибо!

Я протянулъ ей свою лѣвую руку и, разставаясь съ ней, едва удержался отъ слезъ. Съ тѣхъ поръ я не встрѣчалъ сестры Анны, но образъ ея до сихъ поръ живетъ въ моей памяти.

Транспортъ тронулся. Опять я лежалъ на тюфякѣ, и опять подлѣ меня находился Берцовъ. День былъ свободный отъ пароксизма, и этотъ неумолкающій говорунъ не былъ уже мнѣ въ тяжесть, а наоборотъ развлекалъ своими безконечными разсказами.

— Знаете, топ шер, а нашъ экипажъ не напоминаетъ вѣнской коляски. Впрочемъ, будемъ утѣшаться мыслью, что послѣ горькаго сладкое еще слаще покажется, и воскликнемъ: «терпи, казакъ! никогда атаманомъ не будешь». Я, знаете, думалъ, что въ рядахъ нашей побѣдоносной арміи совершу маленькое *partie de plaisir* въ Болгарію, получу крестикъ и вернусь героемъ на родину. Однако вышло не то, мы тащимся обратно, не солоно хлебавши.

На пути намъ попались на встрѣчу воинскія части, шедшія въ отрядъ, транспорты хлѣба, да изрѣдка болгарская каруца, запряженная парой буйволовъ.

Часовъ около четырехъ дня мы подъѣхали къ Дунаю. Невольно припомнилось то время, когда приходилось идти по этому же мѣсту, но съ совсѣмъ другими чувствами. Самая рѣка казалась тогда величественнѣе. Проѣхавъ низину, мы поднялись на гору и добрались, наконецъ, до Зимницы, куда свозились раненые и больные

со всѣхъ отрядовъ, и отсюда уже направлялись во Фратешты, гдѣ начинался желѣзнодорожный путь. Насъ размѣстили по правильно разставленнымъ шатрамъ огромнаго госпиталя, имѣвшаго большой составъ медиковъ и сестеръ милосердія. Изъ нихъ одни были доставлены общиной, а другія явились съ воли. Изъ послѣднихъ сформирована была организованная группа, имѣющая начальницу и старшую сестру, вѣдавшую хозяйственную часть.

Тутъ при обществѣ «Краснаго Креста» имѣлся громадный складъ всевозможныхъ больничныхъ вещей, теплаго платья и бѣлья. Намъ предлагали фуфайки, одѣяла, шерстяные носки и всевозможные платки. Мы увидѣли, что матушка Русь не скупилась для своихъ сыновъ, ушедшихъ на поле брани, и только удивлялись тому, что здѣсь было въволю, тогда какъ въ томъ госпиталѣ, откуда насъ отправили, всѣ мерзли по ночамъ и страшно простуживались, выходя изъ шатровъ безъ фуфаекъ. Перевязочныхъ средствъ тоже было изобиліе, но операций сравнительно дѣлалось немного, такъ какъ оперированныхъ нельзя было надолго задерживать въ Зимницахъ, куда везли массу раненыхъ изъ-подъ Плевны. И намъ сообщили, что мы на другой же день будемъ эвакуированы во Фратешты. Однако, послѣ переѣзда слишкомъ сорока верстъ мы положительно не были способны немедленно тронуться въ путь и имѣли дневку.

Всматриваясь въ жизнь такого большого госпиталя, какъ Зимницы, невольно пришлось убѣдиться, что русскіе нравы сопутствуютъ намъ всюду. Казалось бы, что было дѣлать сестрамъ милосердія, присланнымъ изъ общины съ тѣми, кто пришелъ добровольно? Однако между ними шла нескончаемая вражда. Объяснялось это тѣмъ, что въ общинѣ находилось большинство женщинъ простыхъ, часто совсѣмъ необразованныхъ, набранныхъ наскоро и не подготовленныхъ, тогда какъ другой отрядъ состоялъ изъ курсистокъ, гимназистокъ и вообще женщинъ воспитанныхъ. Волонтерки вызывали страшную ненависть у общинныхъ и именовались у нихъ не иначе, какъ «левантерки». Нерасположеніе главнымъ образомъ происходило отъ того, что офицеры всегда предпочитали пользоваться услугами молодыхъ дѣвушекъ, дѣлавшихъ необыкновенно ловко перевязки, бывшихъ хорошими собесѣдницами и посредницами между больными и докторами. Когда лежавшій офицеръ отказывался отъ услугъ общинной сестры, а требовалъ къ себѣ волонтерку, то нужно было видѣть взгляды, которыми окидывала ее забракovaná. Не разъ дѣло доходило до открытыхъ столкновений, вслѣдствіе чего, какъ я слышала потомъ, уже строго распредѣляли мѣсто для работъ, какъ для однѣхъ, такъ и для другихъ. При насъ же неудовольствія никогда не затихали, и общинныя, приступая къ дѣлу, ехидно спрашивали:

— А не позвать ли «левантерку»?

Отдохнувъ сутки, мы должны были тронуться въ Фратешты.

Я съ ужасомъ представлялъ себѣ то, что буду испытывать въ дорогѣ, такъ какъ подходилъ день пароксизма. Опять съ утра я почувствовалъ страшную тоску, вѣрный предвѣстникъ наступленія лихорадки. Благоразуміе подсказывало мнѣ остаться, но поразмысливъ я рѣшился рисковать и ѣхать. Во-первыхъ, потому, что свѣжія ночи очень беспокоили меня въ госпитальномъ шатрѣ, и я опасался, что непрерывное движеніе транспорта съ ранеными изъ-подъ Плевны можетъ отодвинуть мой отъѣздъ надолго. Поэтому, положившись на русское авось, я объявилъ, что не остаюсь больше.

Обыкновенно первые приступы пароксизма начинались у меня около часу дня, и я съ ужасомъ ожидалъ этого времени. И вотъ оно подошло. Холодъ уже пробѣгалъ полосами по спинѣ, и я уже готовился къ адскимъ мукамъ. Но, къ крайнему моему изумленію, ознобъ не разыгрался въ бурный и потрясающій, а постепенно затихалъ и перешолъ въ незначительный жаръ. Я чувствовалъ, что внутри меня есть какая-то задерживающая сила, не пускающая овладѣть мной болѣзни. Конечно, моей благодѣтельницей была хина, которую я принималъ по 15 и 20 гранъ въ день. Она не могла такъ быстро побороть овладѣвшую мною болѣзнь, но очевидно вела съ ней ожесточенный бой, и, какъ результатъ ихъ схватки, были тѣ слабыя ощущенія, которыя я испытывалъ.

Проѣхавъ верстъ пятнадцать по шоссе, мы свернули на проселокъ и отклонились въ сторону, направляясь въ имѣніе румынскаго помѣщика, уступившаго свой домъ «Красному Кресту» подъ промежуточный эвакуаціонный пунктъ. Больше десяти верстъ пришлось намъ тащиться до этого пункта, но я былъ доволенъ тѣмъ, что грунтовая дорога не такъ беспокоила мою рану.

Когда мы подъѣхали къ дому, на крыльцѣ стояли четыре сестры милосердія, а за ними виднѣлась стройная фигура красивой, полной, высокой брюнетки съ благороднымъ и гордымъ выраженіемъ лица. Это была начальница. Служителя подбѣжали высаживать привезенныхъ, а сестры помогали имъ. Затѣмъ насъ ввели въ комнаты, обставленныя со вкусомъ. Госпожа Маевская, какъ старшая, обратилась къ намъ съ маленькимъ привѣтствіемъ и объявила, чтобы мы не стѣснялись въ своихъ требованіяхъ и заявляли о томъ, въ чемъ нуждаемся. Такъ какъ мы ѣхали довольно долго и прибыли, когда уже солнце садилось, то всѣ отощали и просили чего нибудь поѣсть. Намъ подали очень хорошій бульонъ и довольно твердый бифштексъ; но оказалось, что лучшаго мяса трудно было добыть даже въ Зимницѣ. Утомившись отъ дороги, намъ очень хотѣлось поскорѣе снять верхнее платье и лечь; особенно тяготили меня большіе сапоги, отъ которыхъ ноги страшно ныли.

Когда насъ раздѣли, явился докторъ и при помощи сестеръ началась перевязка. Это необходимо было потому, что у многихъ бинты отъ тряски и качки сбились.

Когда перевязка кончилась и суতোлка прекратилась, намъ подали чай, и тутъ-то мы могли разобрать, кто тѣ милыя особы, ухаживавшія за нами. По произношенію мы сразу угадали, что это жительницы Западнаго края, такъ какъ всѣ говорили съ польскимъ акцентомъ. По части разспросовъ Берцовъ былъ незамѣнимымъ человекомъ. Усѣвшись за столъ, онъ сейчасъ же вступилъ съ одной въ разговоръ попольски. Слушая его ужасную рѣчь, она улыбалась, но также отвѣчала на своемъ родномъ языкѣ. Оказалось, что вся группа сестеръ была изъ семействъ средняго положенія и изъ учившихся, какъ учатся большинство. Меня же заинтересовала только начальница, то-есть госпожа Маевская. Она оказалась вдовой родовитаго барина, незадолго до войны потерявшая мужа и сына. Это такъ поразило жившую въ полномъ довольствѣ и счастьѣ, что она, желая заглушить свое горе, собрала маленькую группу желающихъ послужить дѣлу милосердія и отправилась въ Румынію. Госпожа Маевская отличалась необыкновеннымъ изиществомъ манеръ и такъ участливо и нѣжно относилась ко всѣмъ намъ, что мы не могли налюбоваться на эту страдающую и вмѣстѣ съ тѣмъ сострадательную женщину. Берцовъ, по пословицѣ «нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ», и тутъ оказался невоздержнымъ на языкъ. Желая выразить сочувствіе, онъ вступилъ съ ней въ безтактный разговоръ.

— Madame, мы вамъ очень благодарны...

Маевская сдѣлала движеніе рукой, желая прекратить дальнѣйшую тираду, и, изысканно-деликатно улыбнувшись, замѣтила:

— Господинъ офицеръ, здѣсь я не madame, а сестра милосердія, поэтому прошу васъ называть меня не иначе, какъ сестрой.

— Съ удовольствіемъ... съ удовольствіемъ, мнѣ все равно,—неудачно поправился Алексѣй Ивановичъ.—Я потому назвалъ васъ такъ, что вы, какъ слышно, изъ большого общества.

— Этотъ крестъ всѣхъ ровняетъ.

— Совершенно справедливо. Что же касается сердца, то оно у васъ должно сильнѣе чувствовать, такъ какъ вы имѣли потери и страдали.

Маевская закусила губу, брови ея дрогнули, и на глазахъ показались слезы, которыя она старалась скрыть, часто мигая.

— Люди не живутъ безъ потерь, и мы всѣ должны быть къ нимъ готовы. Я рада, что Богъ привелъ меня послужить страждущимъ и облегчить ихъ участь. Моихъ же чувствъ никто не долженъ знать, кромѣ меня, и прошу васъ не продолжать этого разговора.

Сказавъ это, она перемѣнила тонъ и опять сдѣлалась той же мягкой, ласковой сестрой, какою была раньше.

На утро насъ напоили кофе съ прекрасными сливками, желающимъ дали позавтракать, и мы опять потащились на своихъ колымагахъ къ конечному пункту нашихъ страданій.

Проѣхавъ безъ всякихъ приключеній двадцать пять верстъ, мы увидѣли издали Фратешты, а за нимъ на большой полянѣ нѣсколько госпитальныхъ шатровъ, юртъ и множество солдатскихъ палатокъ. Когда транспортъ остановился, и мы вылѣзли изъ повозокъ, то ужасная картина предстала передъ нашими глазами. Врачи, безъ сюртуковъ, съ засученными рукавами и нерѣдко окровавленными руками, то и дѣло сновали, сестры ходили съ тазами, рукомыльниками и полотенцами на плечѣ. Возлѣ палатокъ сидѣли и лежали раненые, которыхъ за многочисленностью некуда было положить. Шлебенскій погромъ и дѣла въ Руцукскомъ отрядѣ, дали такой контингентъ пострадавшихъ и изувѣченныхъ, что ими переполнены были всѣ госпитали, какъ находившіеся вблизи главной квартиры, такъ и отдаленные. Приходилось заботиться объ одномъ, какъ бы людей, неспособныхъ быть въ строю, отправить въ Яссы или препроводить на родину. Распорядители дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы сплавить этотъ боевой балластъ, и поѣзда, по мѣрѣ возможности, отвозили ихъ въ Россію.

Въ ожиданіи отправки, я опустился на землю и попросилъ себѣ чая. Едва я взялъ стаканъ, какъ ко мнѣ подошла полная пожилая женщина въ большихъ синихъ очкахъ, съ крестомъ сестры милосердія на груди. Посмотрѣвъ на нее, я вскрикнулъ отъ удивленія.

— Евгенія Александровна, вы ли это?

Она посмотрѣла на меня пристально и сказала:

— Я не узнаю васъ.

Это было неудивительно, такъ какъ я былъ въ такомъ состояніи, про которое говорятъ, что краше въ гробъ кладутъ. Но когда я назвалъ свою фамилію, она тоже слегка вскрикнула и, опустившись ко мнѣ, поцѣловала меня въ лобъ.

— Боже мой! Вотъ гдѣ опять пришлось встрѣтиться.

Разспросивъ, давно ли я раненъ и куда, она повела меня въ баракъ и уложила на свою кровать.

— Васъ-то, дорогая, что подвинуло идти сюда? — обратился я къ ней.

— Вы развѣ не знаете, что Петръ Ивановичъ умеръ?

Я долженъ былъ сознаться, что не слышалъ объ этомъ, и выразилъ искреннее сожалѣніе. Ея мужъ (полковникъ Арцыбашевъ), когда-то командовалъ полкомъ, въ которомъ я служилъ. Этого человека всѣ искренно почитали, начиная отъ старшаго офицера и кончая послѣднимъ солдатомъ. Съ Евгеніей Александровной мы устраивали благотворительные спектакли, и домъ Арцыбашевыхъ былъ самымъ пріятнымъ и гостепріимнымъ въ городѣ.

— Теперь вы понимаете меня, — продолжала она. — Я получаю пенсію за мужа, слѣдовательно обезпечена государствомъ. Чѣмъ же я могла лучше отблагодарить за это обезпеченіе, какъ не тѣмъ, чтобы пойти потрудиться?

Мы бесѣдовали, вспоминая былое время. Евгенія Александровна не удержалась и всплакнула, но тутъ вскорѣ пришли за ней изъ шатра, а за мной объявить, что я долженъ немедленно идти на вокзалъ, гдѣ для насъ готовъ уже поѣздъ.

Какъ легко вздохнулось намъ, когда мы почувствовали, что избавляемся отъ тѣхъ неудобствъ и лишеній, при которыхъ нельзя думать о восстановленіи разбитаго здоровья.

Вагоны были очень просты. По стѣнамъ въ два яруса, а по серединѣ въ одинъ рядъ устроены были постели, на которыхъ лежали тюфяки, подушки и байковыя одѣяла. Сестры милосердія, какъ и большинство добровольно шедшихъ въ отрядъ, были наполовину изъ молодыхъ дѣвушекъ. Въ нашемъ вагонѣ служила госпожа Тарнавцева, маленькая, пухленькая, необыкновенно миловидная, восемнадцати-лѣтняя южанка съ черными, выразительными глазами и нѣсколько вьющимися волосами. Сестра сразу вызвала нашу симпатію. Ея ребяческая улыбка и простодушная рѣчь не могли не располагать къ себѣ. Когда мы увидѣли, какою измученною она вошла въ вагонъ, то, конечно, Берцовъ не могъ оставить ее въ покоѣ и тутъ же высказалъ свое соображеніе.

— Должно быть, вы сильно, сестра, устали?

— Ухъ, какъ устала, страсть!—сядась на табуретку, говорила она.—Да какъ и не устать? Восемьдесятъ перевязокъ сдѣлала сегодня.

— Восемьдесятъ?—съ удивленіемъ спросилъ я.

— Что-жъ тутъ диковиннаго?—наивно спросила она.—Другія и больше сдѣлали, только мнѣ попадались все трудно раненные. У трехъ пришлось пинцетомъ червей изъ глазъ вытаскивать. Вотъ это неприятно... а съ остальными легко справилась. А что устала—за ночь высплосъ. Кажется, на мое счастье между вами нѣтъ такихъ, около которыхъ нужно ночь сидѣть.

Однако, бѣдненькая ошиблась. Рядомъ со мной помѣщенъ былъ контуженный въ голову. Когда его привели изъ Фрагештскаго госпиталя, онъ былъ угрюмъ, молчалъ, хватался то за темя, то за виски, но не проявлялъ безпокойства и, устроившись на своей койкѣ, скоро уснулъ. Но среди ночи ему вдругъ сдѣлалось нехорошо. Онъ сначала тихо стоналъ, потомъ слегка приподнялся на локтѣ и блуждающими глазами смотрѣлъ въ пространство. Безпокойство его постепенно усиливалось. Больной спустилъ ноги и сталъ покачиваться. Я, всегда чутко спавшій, проснулся, услышавъ его стоны, и съ участіемъ смотрѣлъ на страдающаго. Валянскій не обращалъ ни на что вниманія и оставался сосредоточеннымъ. Очевидно, въ его головѣ творилось что-то неладное, и нервы напряглись до послѣдней степени. Я окликнулъ его.

— Капитанъ, вамъ, кажется, нехорошо? Въ томъ отдѣленіи сидѣлка, она сдѣлаетъ вамъ, что нужно.

Больной словно не слышалъ того, что я ему говорилъ, и, под-

нявшись на ноги, озирался вокругъ. На мое счастье на другомъ концѣ вагона молодой поручикъ, также не спавшій отъ сильныхъ болей въ спинѣ, услышавъ нашъ разговоръ и увидя подозрительное движеніе контуженнаго, надѣлъ туфли и разбудилъ сидѣлку. Та побѣжала за сестрой милосердія и за докторомъ. Жаль было смотрѣть на измятое личико Тарнавцевой, когда она подошла ко мнѣ близко.

— Что съ вами?—обратилась она къ Валянскому.

— Нехорошо...—шепталь онъ.—Мнѣ страшно... я боюсь...

— Чего?

— Самъ не знаю... Въ ушахъ звенить, въ головѣ шумъ... я весь дрожу...

Тарнавцева взяла его за руку. Она была холодна, какъ ледъ. Вскорѣ явился врачъ. Осмотрѣвъ больного, онъ принесъ изъ походной аптечки пузырекъ, накапаль нѣсколько капель и далъ больному выпить. Исполнивъ это, докторъ, также, судя по лицу, измученный, ушелъ, оставивъ Валянскаго на попеченіе Тарнавцевой.

— Съ полъ-часа посидите, сестра. Вѣроятно, больной успокоится, тогда ложитесь.

Дѣйствительно безпокойство больного стало затихать, и онъ легъ на кровать, но Тарнавцева, думая, что экстазъ можетъ возвратиться, продолжала сидѣть на табуреткѣ. Мой сонъ прошелъ, и я рѣшилъ заговорить съ ней.

— Бѣдненькая сестра! Не удалось вамъ спокойно провести ночь.

— Что дѣлать?—съ покорностью отвѣтила она.—Не благодумствовать шла сюда, значить не о чемъ и тужить.

— Судя по вашей внѣшности, можно безъ ошибки сказать, что нелегко было вамъ войти въ новую роль.

— Вы хотите сказать, что я смотрю нѣженкой? Да, мое воспитаніе и образъ жизни мало подготовили меня къ тому, что я дѣлаю теперь, но, увѣряю васъ, ни разу никто не слышалъ отъ меня ропота, и я ни разу не упрекнула себя. Сначала было тяжело. Каждый стонъ, видъ страданія, глубоко отражались въ сердцѣ, но человѣкъ существо, быстро привыкающее ко всему, и я теперь равнодушно отношусь къ тому, что вижу. Заноситъ сердце и отойдетъ, какъ вспомню, что наше дѣло не плакаться, а помогать.

Я съ удивленіемъ и глубокимъ почтеніемъ смотрѣлъ на эту маленькую, хорошенькую дѣвушку съ измятымъ лицомъ, заспанными глазами и растрепанной шевелюрой. Въ ея словахъ не было торжественности, а напротивъ отъ Тарнавцевой вѣяло простотой и естественностью.

— Авось, война скоро кончится,—проговорилъ я, желая успокоить свою собесѣдницу,—и вы отдадитесь мирнымъ занятіямъ.

Сестра улыбнулась и, иронически покачавъ головой, повторила:

— Мирнымъ занятіямъ, то-есть какимъ же? Шляться по уро-

камъ за десять рублей въ мѣсяцъ, стоять за прилавкомъ книжнаго магазина или обратиться въ телеграфистку? Благодарю васъ. Здѣсь мнѣ трудно, но я чувствую себя человѣкомъ, на котораго смотрятъ съ уваженіемъ. Самое обращеніе съ нами здѣсь не такое, какъ дома. Барышня вѣдь что такое? Неземное созданіе, съ которымъ разговариваютъ о пустякахъ или любезничаютъ.

— Такъ идите учиться, сдѣлайтесь докторомъ, акушеркой.

— Акушеркой я ни за что не буду, потому что терпѣть не могу возиться съ женщинами, а сдѣлаться докторомъ не такъ-то легко. На это средства нужны, а ихъ нѣтъ у меня. Но мы чтонибудь придумаемъ—лѣчебницу откроемъ или хирургическую амбулаторію. Я уже объ этомъ говорила съ двумя докторами.

Я невольно улыбнулся и шутя сказалъ ей:

— Какая вы фантазерка! Вы вотъ старайтесь лучше не заболѣть тифомъ, а то приближается осень, вамъ привезутъ изъ отрядовъ столько этого товара, что рукъ не приложите.

— По правдѣ говоря, я только этого и боюсь. Ну, да Богъ не безъ милости, не всѣ же заболѣваютъ.

Подъ нашъ тихій разговоръ Валянскій заснулъ, и она проговорила:

— Ну, теперь, кажется, и я могу вздремнуть.

Послѣ ухода сестры, въ вагонѣ водворилась полная тишина. Слабо свѣтила лампа, висѣвшая на стѣнѣ, да монотонно гремѣли по рельсамъ колеса. Подъ этотъ однообразный стукъ невольно неотвязныя думы лѣзли въ голову. Опять передъ глазами неотступно являлась картина минувшаго боя, отодвинувшаго собой прежнія кровавыя схватки. Окровавленные лица, валявшіеся по полю трупы, гулъ выстрѣловъ изъ орудій, ружейная трескотня, свистъ пуль... все это не отошло еще въ прошедшее, а составляло ужасное настоящее. Но что вспоминалось съ болью въ сердцѣ и казалось страшнѣе ранъ и смерти—борьба съ природой, дождь, холодный вѣтеръ, мокрая земля, на которую приходилось ложиться отъ усталости и засыпать, положивъ голову на кочку, промокшее платье, чвякавшіе носки въ сапогахъ, невозможность нѣсколько дней раздѣться и лечь въ постель, что каждый человѣкъ считаетъ не только необходимостью, но величайшей потребностью. Вспоминая товарищей, оставшихся въ отрядѣ, мнѣ больно стало за нихъ, и война, на которую мы шли съ подъемомъ духа, постепенно стала казаться мнѣ бѣдствіемъ, озлобляющимъ душу человѣка.

Въ концѣ концовъ, философствованія мнѣ самому показались смѣшными, такъ какъ люди дерутся и, вѣроятно, никогда не дойдутъ до того, чтобы мирнымъ путемъ разрѣшать столкновенія.

Съ трудомъ дѣлая незначительныя движенія на твердомъ тюфякѣ, я промучился нѣсколько часовъ и наконецъ уснулъ. Утромъ меня разбудили голоса моихъ спутниковъ. Я повернулъ голову и увидѣлъ сестру милосердія умытою, причесанною, бодрою и въ чистомъ фартукѣ. Она разливала чай и подносила тѣмъ, кто лежалъ

Такъ добрались мы до Яссы, гдѣ должны были пересѣсть на другой поѣздъ, стоявшій уже на запасномъ пути. Не болѣе какъ черезъ часъ мы были на немъ.

Первое, что поразило насъ въ сестрахъ милосердія, ихъ костюмъ. Они были изъ общины «шаритокъ» и ходили въ огромныхъ бѣлыхъ чепцахъ съ вычурными разводами, что для непривычнаго глаза казалось очень забавнымъ. На поѣздѣ, кромѣ коменданта и доктора, находился еще ксендзъ, юркій человѣкъ, небольшого роста, лѣтъ сорока. Считая ли это своей обязанностью или по подвижности натуры, но патеръ споваль изъ вагона въ вагонъ, разспрашивалъ, кто куда раненъ, чѣмъ боленъ и предлагалъ все, чѣмъ только располагалъ поѣздной буфетъ. Меня, какъ не имѣющаго возможности подниматься на верхъ, положили внизу, а надо мной помѣстился Берцовъ, не желавшій отдаляться отъ товарища. Но я, признаюсь, не радъ былъ этому сосѣдству, потому что онъ утомлялъ меня своими нескончаемыми разговорами.

Вагоны отличались поразительною чистотой. Все было съ иголочки новенькое и приспособлено для перевозки раненыхъ. Начальницей надъ сестрами состояла очень важная панна, ходившая всегда съ четками въ рукахъ и напоминавшая собой скорѣе игуменью, чѣмъ женщину, посвятившую себя труду и дѣлу милосердія. Младшія сестры боялись ея и относились къ ней работѣпно.

Столъ намъ давали такой, какой мы давно не имѣли. Передъ обѣдомъ ксендзъ ходилъ съ графиномъ и, перемѣшивая русскія фразы съ польскими, выкрикивалъ:

— Панове, може, кто хце килишекъ вудки?

Такъ какъ охотниковъ находилось не мало, то патеръ, смакуя, наливалъ въ рюмку и, подавая, говорилъ:

— Будь, панъ, здрувъ!

Нѣкоторые были однимъ недовольны, что нельзя было сдѣлать повторенія, такъ какъ священникъ, обойдя всѣхъ, уже удалялся въ сосѣдній вагонъ. Чтобы подкрѣплять наши ослабѣвшія силы, кромѣ водки, намъ давали вино.

Первый день мы провели однообразно. Никто не выходилъ изъ вагона. Даже Берцовъ, всегда склонный прогуляться на вокзалъ и тамъ пропустить рюмочки двѣ, находилъ это путешествіе туда неудобнымъ, такъ какъ погода стояла отвратительная. Несмотря на то, что шли среднія числа сентября, въ окна, вмѣстѣ съ дождемъ, били хлопья снѣга, и вѣтеръ былъ такъ силенъ, что, казалось, вагоны не выдержатъ его напора и слетятъ съ полотна. Унылое завываніе ухудшало и безъ того наше невеселое настроеніе духа. Только Алексѣй Ивановичъ не унывалъ и, выспавшись днемъ, не выказывалъ ни малѣйшаго желанія дать другимъ покой. Лежа на верху, онъ никого изъ идущихъ не пропускалъ безъ того, чтобы не заговорить. Особенно лихо было ксендзу. Стоило ему войти къ намъ, какъ раздавался голосъ сверху:

— Святой отецъ, — говорилъ онъ попольски, — вы непременно будете въ царствіи небесномъ, потому что у васъ ангельская душа, и вы отлично разливаете водку.

— У пана хорошій вкусъ, и онъ очевидно понимаетъ толкъ въ томъ, кто хорошо наливаетъ, а кто нѣтъ, — огрызнулся съ язвительностью патерь.

— Вотъ, падре, вы и обидѣлись, а я васъ похвалилъ, чтобы сдѣлать удовольствіе.

— Вы сдѣлаете мнѣ его еще большее, если оставите посторонніе разговоры и будете обращаться ко мнѣ порусски, потому что такого польскаго языка, какъ вашъ, я не понимаю.

— Вижу, что въ настоящее время вы не въ духѣ, ну, такъ мы съ вами послѣ окончимъ бесѣду.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйте, избавьте! — махалъ руками ксендзъ, хватаясь за ручку двери, чтобы уйти.

Но нахалъ Берцовъ не унимался.

— Э-э-э! — остановилъ онъ ксендза. — Я хотѣлъ васъ спросить, не знали ли вы въ Сувалкахъ кюре Лашкевича, у него еще господыня была толстая, претолстая?

Ксендзъ на это только презрительно улыбнулся и ушелъ.

Нѣсколько человекъ замѣтили Берцову, что онъ непристойно поступать, но Алексѣй Ивановичъ не смутился и объяснилъ:

— Скучно!... Притомъ я очень люблю дразнить ксендзовъ.

Томительно шло время. Изолированные отъ всего міра, мы не знали ничего, кромѣ своего вагона. Никто изъ насъ не интересовался, по какой мѣстности мчался поѣздъ, около какихъ станцій останавливался. Намъ интересно было одно, что такого-то числа мы прибудемъ въ Москву.

Временные сожители по вагону не выражали склонности сойтись между собой, и разговоры отличались крайнею ординарностью. Сначала находились словоохотливые люди, рѣшавшіеся рассказывать эпизоды изъ тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ они участвовали, но это никого не занимало. Наши нервы настолько были притуплены, что подобныя сообщенія не вызывали вниманія. Напротивъ, рассказы дѣйствовали непріятно, такъ какъ говорившіе непременно старались подчеркнуть то, что они дѣлали, и выставить себя героями. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ охота продолжать сказанія исчезла, а такъ какъ мы отъ міра были оторваны и не знали, что дѣлается за стѣнами нашего вагона, то и ждали съ нетерпѣніемъ, когда будетъ оконченъ путь.

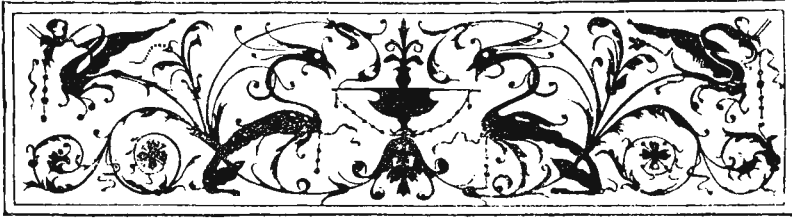
Наконецъ, въ назначенный день, около девяти часовъ утра, поѣздъ подошелъ къ станціи Курской желѣзной дороги. На платформѣ находилась масса народа. Мужчины, стоявшіе тамъ, обнажили головы. Это произвело на насъ глубокое впечатлѣніе. Мы почувствовали, что родина въ лицѣ явившихся на вокзалъ благодарить насъ за пролитую кровь.

Началось высаживание. Кто выходилъ самъ, кому помогали, а нѣкоторыхъ выносили на носилкахъ. Мы подходили къ генералу, прїѣхавшему по случаю прибытія поѣзда. Онъ привѣтливо встрѣчалъ насъ. Возлѣ него стоялъ уполномоченный Краснаго Креста и тотчасъ же дѣлалъ распределеніе, кому куда отправиться. А затѣмъ насъ посадили въ приготовленные экипажи и повезли въ назначенныя мѣста.

Я былъ доставленъ въ Ивановскій монастырь, тогда еще не открытый и гдѣ устроена была великолѣпная больница. Руководительство ею взялъ на себя покойный А. А. Шиловъ. Лучшаго человѣка дѣйствительно трудно было подыскать для такого дѣла. А. А. былъ неутомимъ. Мы видѣли его по нѣскольку разъ днемъ и ночью. Это былъ истинная гроза для служителей, нянекъ и всей прислуги. Чистота соблюдалась изумительная, и столь больнымъ давали прекрасный. Но я недолго пробылъ въ Ивановскомъ госпиталѣ. Вслѣдствіе раны и лихорадки у меня стали проявляться грозные симптомы нервнаго расстройства, и мнѣ рекомендовали перейти въ лазаретъ, устроенный въ частномъ домѣ и находившійся въ вѣдѣніи приватъ-доцента по нервнымъ болѣзнямъ А. П. Скаловуба. Въ этомъ лазаретѣ я пролежалъ все время, пока оправился настолько, что могъ покинуть больничныя халаты и туфли.

Дѣлая обзоръ тому, что пришлось видѣть и испытать на пути, невольно хочется помянуть добрымъ словомъ людей, являвшихся утѣшеніемъ въ тяжелыя и скорбныя минуты жизни, и спокойнымъ взглядомъ проникнуть во внутренній міръ тѣхъ, кто жилъ одной жизнью съ нами, бившимися съ врагомъ. Что влекло ихъ надѣвать эмблему милосердія — красныя кресты на грудь, и что заставляло ихъ безкорыстно жертвовать покоемъ, а иногда и жизнью? Если бы въ рядахъ ихъ стояли пожилые люди, для которыхъ наступила пора думать объ искупленіи грѣховъ и добрыми дѣлами загладить свои ошибки, а то большинство была молодежь свѣжая и полная надеждъ. Искали ли они сильныхъ ощущеній, или рвались изъ будничной, неинтересной жизни, чтобы сознать, что хоть разъ въ жизни они исполнили завѣтъ Бога-Человѣка, возвысились душой и приблизились къ Тому, именемъ Кого все доброе держится на свѣтѣ? То, въ чемъ намъ пришлось убѣдиться, это и было именно проявленіемъ тѣхъ святыхъ чувствъ, которыя ничѣмъ не могутъ быть заглушены, которыя рвутся при всякой возможности излиться въ благородныхъ поступкахъ. Эти порывы сердца всегда двигали міромъ и навсегда останутся величайшимъ рычагомъ, толкающимъ людей на путь любви и правды.

П. М. Невѣжинъ.

ВЪ СМѢШАННОЙ СЕМЬѢ.

(Изъ времянь польскаго востанія 1863—1864 г.).

ЕДАВНО мнѣ случилось быть въ д. Городищѣ, Волынской губерніи, въ гостяхъ у пріятеля, собственника этого имѣнія. По его просьбѣ, я разобралъ принадлежащую ему библіотеку и, между прочимъ, очищая большой, привинченный къ стѣнѣ, шкафъ отъ разнаго бумажнаго хлама, оставшагося еще отъ бывшаго пана «посессора»¹⁾ и заключающагося въ старыхъ счетахъ, вѣдомостяхъ и т. п., нашелъ небольшую рукопись, родъ дневника, писаннаго женскою рукою, судя по датѣ, въ началѣ 1870-го года. Мнѣ кажется, эта исповѣдь неизвѣстной можетъ имѣть нѣкоторый интересъ, какъ дополненіе къ характеристикѣ недавняго смутнаго періода. Поэтому я рѣшилъ привести рукопись въ порядокъ и, оставивъ ея смыслъ и отличительный характеръ въ неприкосновенности, препроводить на усмотрѣніе редакціи «Историческаго Вѣстника».

Событія конца 1862 года, происходившія въ Варшавѣ и царствѣ Польскомъ, печальнымъ эхомъ отразились въ нашемъ краѣ и, въ частности, коснулись нашего тихаго захолустья. Ежедневныя службы въ ближайшемъ отъ насъ мѣстечковомъ костелѣ, привлекавшія каждый разъ все больше и больше народа, среди котораго замѣчалось не мало новыхъ, неизвѣстныхъ въ нашемъ околоткѣ,

¹⁾ Арендаторъ имѣнія.

усердныхъ богомольцевъ, траурный характеръ службъ, сопровождавшихся пѣніемъ странныхъ гимновъ,—все это не предвѣщало ничего хорошаго. День ото дня получались свѣдѣнія, одно другого тревожнѣе. Ко мнѣ пріѣхали двѣ знакомыя дамы и съ негодованіемъ рассказали, что имъ въ костелѣ какіе-то мальчишки испакостили чернилами и сѣрною кислотой свѣтлыя платья и бурнусы; что домъ молитвы концунственно превратился въ средоточіе пропаганды. Говорили, что въ мѣстечкѣ и его окрестностяхъ устраиваются ночныя сборища неизвѣстныхъ людей, и что усилія разогнать ихъ со стороны мѣстной власти окончились печально, т.-е. избіеніемъ пристава и т. п.

Я чутко прислушивалась ко всему. Меня главное занимало, какъ онъ, т.-е. мой мужъ, отнесется къ происходящему. Его открытый и благородный, но вмѣстѣ съ тѣмъ пылкій и увлекающійся, а потому и ненадежный, характеръ мнѣ хорошо былъ извѣстенъ.

Съ началомъ «траурныхъ» служеній въ костелѣ къ намъ въ деревню стали довольно часто наѣзжать наши сосѣди. И раньше они пріѣзжали къ намъ со своими семействами погостить, повеселиться. Теперь они пріѣзжали одни, и визиты имѣли видъ дѣловыхъ: проходили въ серьезныхъ совѣщаніяхъ и обсужденіяхъ. Пользуясь тѣмъ, что я, какъ единственная между ними женщина, по временамъ уединялась за хозяйствомъ, они просиживали долго, зачастую до разсвѣта. Сначала я не придавала этимъ визитамъ особеннаго значенія: время было вообще интересное, и обмѣнъ мыслей по поводу текущихъ событій между сосѣдями былъ понятенъ. Но посѣщенія все учащались; я стала замѣчать новыхъ людей, до того у насъ никогда не гостившихъ. При моихъ случайныхъ посѣщеніяхъ мужняго кабинета шумный разговоръ вдругъ смолкаетъ, неловко обрывается.

Все это наводило меня на разныя мысли и предположенія. Предчувствіе недобраго помимо воли закрадывалось въ душу...

А тутъ и онъ наружно рѣзко измѣнился. Всегда оживленный, радостный, весь находящійся подъ очарованіемъ первыхъ лѣтъ счастливой нашей жизни, онъ вдругъ загрустилъ, сталъ часто и подолгу задумываться. Въ немъ, видимо, происходила борьба.

Надобно замѣтить, что ему было всего 25 лѣтъ; три года назадъ состоялся нашъ бракъ. Я вышла за него по страстной любви, на которую онъ такъ же отвѣчалъ. Мои родители, столбовые русскіе дворяне, сильно противились браку ихъ дочери съ полякомъ и уступили только моимъ отчаяннымъ слезнымъ мольбамъ.

Неужели счастье, съ такимъ трудомъ добытое, должно сразу рухнуть, едва дождавшись расцвѣта? А вѣдь это счастье было только въ немъ: безъ него и я, и нашихъ двое ангеловъ-малютокъ погибла бы навсегда.

Я недолго колебалась и вызвала его на объясненіе.

Сверхъ всякаго ожиданія, мужъ рассказалъ мнѣ все чистосер-

дечно. Онъ участвуетъ въ заговорѣ, все уже рѣшено и точно обусловлено. Открытіе было для меня ударомъ, какъ ни готовилась я... Со слезами на глазахъ я могла только воскликнуть:

— А дѣтки, а я?.. что съ нами, несчастными, будетъ?!..

— О!.. Это все хорошо обдуманно...—взволнованно говорилъ онъ.— Если меня... не станеть, имъ и тебѣ, дорогая, уже назначено обезпеченіе на всю жизнь. Ты получаешь имѣніе...

— Довольно... будетъ!..—отъ злобы не выдержала я:—вѣдь это все неправда! Панскія лживыя обѣщанія, и больше ничего!.. Молю тебя, заклинаю, одумайся!..

Тутъ я, не помня себя, бросилась на колѣни, обняла его ноги и зарыдала. Но онъ не двинулся. Лицо приняло выраженіе рѣшимости и какъ бы вдохновилось.

— Нѣтъ,—твердо сказалъ онъ:—напрасныя просьбы... Настало время всѣмъ пожертвовать для спасенія бѣдной моей отчизны!

И поняла, что доводы разсудка здѣсь бесполезны: онъ весь подъ опьяненіемъ сумасбродной идеей.

. . . . .

Я рѣшила во что бы ни стало спасти его.

Зловѣщіе признаки воплощались въ дѣло. Въ мартѣ 1863 г. разнеслись сначала не ясныя, а потомъ не оставляющіе болѣе сомнѣнія слухи о появленіи неподалеку отъ насъ многочисленной банды, во главѣ которой называли извѣстнаго организатора возстанія и грознаго рубаку Ружицкаго. вмѣстѣ съ этими слухами поднялась наша деревенская оборона, въ лицѣ вооруженныхъ дрекольями мужиковъ, а въ мѣстечко вступили казаки, наводнивъ развѣздами ближайшія окрестныя деревушки.

Посѣщенія сосѣдей продолжались такъ же часто. Только отношенія ихъ ко мнѣ измѣнились; паны сдѣлались смѣлѣе и даже, какъ мнѣ казалось, нахальными. Лъстивые возгласы, въ родѣ: «ахъ, дрога пани», «вельможна пани» и т. п., болѣе въ перебивку не повторялись. При моихъ появленіяхъ въ кабинетѣ дебаты не приостанавливались, и меня нѣкоторое время вовсе не замѣчали.

Кромѣ того, по ночамъ, со стороны кладовыхъ и двора я часто слышала какую-то возню, стукъ возовъ и экипажей, и неудомѣвала, что бы это могло значить...

Вѣрная своему рѣшенію, я нетерпѣливо выжидала случая, когда, по моему мнѣнію, наиболѣе удобно будетъ сразу прекратить чудовищный, нелѣпый замыселъ. Къ этому меня побуждала и горячая любовь къ мужу, и долгъ матери и, наконецъ, обязанность гражданки. Иначе я и не понимала себя...

За нѣсколько дней до свѣтлаго праздника я поѣхала въ мѣстечко за покупками. Вездѣ по дорогѣ сновали казаки съ пиками, а вмѣстѣ съ ними потрухивали мужички на своихъ тощихъ лошаденкахъ. При приближеніи къ мѣстечку такихъ развѣздовъ я встрѣтила очень много; всѣхъ проѣзжихъ они останавливали, опрашивали, куда и

зачѣмъ ѣдутъ, и обыскивали. У самой рогатки и мою «натычанку» остановили, при чемъ толпа мужиковъ и казаковъ окружила меня съ грубыми возгласами:

— Гей, хлопці, оцю паню берить і вяжить, це жінка повстанца!

И съ этими словами двое дюжихъ мужиковъ стали быстро влѣзть въ мою повозку. Я не растерялась и смѣло взглянула въ толпу. А въ то же время изъ середины выдѣлилось нѣсколько мужичковъ, которые, узнавъ меня, вступились:

— Геть, дурні! Не чипайте!.. Ми їи добре знаємъ. Це наша пані Мірецька зъ Городищъ. Не мало добра відъ неї зазнали!

Толпа при этомъ сняла шапки и, почтительно разступившись, пропустила меня.

— Звинить, пожалийста, звинить насъ, пані!.. въ догонку донеслось до моего слуха.

Въ самомъ мѣстечкѣ и на обратномъ пути, уже подъ вечеръ, кромѣ обычнаго почтительнаго ко мнѣ отношенія со стороны мужиковъ, я ничего другаго не замѣчала.

Возвращаясь домой, я все думала о мужѣ, втайнѣ мучилась и негодовала на всѣхъ тѣхъ, кто подговаривалъ и подстрекалъ его. Не сегодня, завтра, я хорошо знала, должны нагрнуть къ намъ власти... Темнѣло, когда я подъѣзжала, и еще издали замѣтила, что у насъ оживленіе не совсѣмъ обыкновенное: окна всѣ освѣщены, во дворѣ много экипажей. Изъ бѣглыхъ опросовъ прислуги я узнала, что съ полудня къ намъ одинъ за другимъ съѣзжаются разные «пань», ихъ наѣхало уже человекъ съ тридцать. Очевидно, собраніе было экстренное... Я не могла болѣе сдерживать своего негодованія. Что-то тайное подсказало, что теперь именно пора прекратить комедію. Недолго думая, я какъ была въ дорожномъ костюмѣ, такъ и вошла быстро въ залу.

Вѣроятно, выраженіе моего лица было рѣшительное и протестующее, потому что разговоръ мигомъ смолкъ; лица пановъ боязливо вытянулись, и многіе изъ нихъ поспѣшили ко мнѣ съ обычными льстивыми, но на сей разъ робкими привѣтствіями. Кромѣ извѣстныхъ мнѣ: Терлецкаго Дезидерія, Сарницкаго Гилярія, Черницкаго Вацлава и нѣсколькихъ другихъ, предъ моими глазами замелькалъ цѣлый рядъ фizioномій, вовсе мнѣ не знакомыхъ. Большинство изъ нихъ было одѣто въ простыя суконныя «чемерки» съ цвѣтными кушаками. Въ такомъ же странномъ костюмѣ былъ одѣтъ и мужъ. Отъ привѣтствій я рѣзко уклонилась и прямо перешла къ дѣлу.

— Панове,—заговорила я:—прошу васъ сейчасъ же оставить нашъ домъ!.. Я знаю, зачѣмъ ваши сборища. Они ведутъ къ вѣрной гибели, но я не позволю вамъ тащить за собой другихъ... Долго я молчала, рассчитывая на ваше благоразуміе, но ошиблась... Вы знаете, что я жена и мать его дѣтей, и вы въ русской семьѣ!.. Если, панове, сію минуту не оставите нашъ домъ, я дамъ знать властямъ!..

Голосъ больше мнѣ не повиновался, я задыхалась.

Дѣйствіе этой несвязной рѣчи было магическое. Сначала водворилось гробовое молчаніе; потомъ всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ и безъ словъ стали выходить изъ залы.

Ко мнѣ подбѣжалъ встревоженный мужъ. Онъ судорожно сжалъ мою руку и съ отчаяніемъ проговорилъ:

— Что ты надѣлала, что надѣлала! Гдѣ твой умъ, Юлія?!...

Я ничего не отвѣтила и упрямо не двигалась съ мѣста до тѣхъ поръ, пока залъ не опустѣлъ. Какъ только разбѣжалась компанія, изъ мѣстечка прискакалъ полицейскій казакъ и принесъ письмо на имя мужа. Нашъ близкій знакомый, становой Фирсовъ, просилъ, «не теряя ни секунды», пріѣхать къ нему по «экстренному» дѣлу. Казакъ назначался для сопровожденія и «свободнаго» пропуса.

Мужъ машинально пробѣжалъ письмо, но подъ вліяніемъ сей-часъ происшедшаго, казалось, ничего не понялъ, а только глядѣлъ разсѣянно. Я же чутьемъ догадалась, что Фирсовъ, вѣроятно, уже получившій кой-какія о насъ свѣдѣнія, пожелалъ самъ поговорить съ мужемъ, предупредить и, кстати, разъ навсегда уничтожить возникшія подозрѣнія. Что бы другое могло заставить столь экстренно вызывать въ ночное, неурочное время? Во всякомъ случаѣ медлить было нечего... Я велѣла осѣдлать для мужа лошадь...

Самъ Богъ, очевидно, помогалъ мнѣ.

Первымъ дѣломъ, по его отвѣздѣ, я бросилась къ кладовымъ, изъ которыхъ не разъ по ночамъ слышала непонятную возню.

Съ помощью желѣзныхъ клещей я собственными руками отбила замокъ одной изъ нихъ, и глазамъ моимъ представилось слѣдующее зрѣлище. Большіе, привинченные къ стѣнѣ шкафы были наполнены множествомъ разнородныхъ ружей, кинжаловъ, сабель и т. п. Такимъ же оружіемъ были наполнены и всѣ остальные шкафы, и двѣ другія кладовыя. Со страхомъ я захлопнула двери и побѣжала во дворъ, къ большой каморѣ. Пріотворивъ дверь, я увидѣла кучу мѣшковъ и деревянныхъ ящиковъ, которыя оказались наполненными порохомъ, пулями, патронами... Не оставалось сомнѣнія, что нашъ домъ сдѣланъ складочнымъ пунктомъ оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ цѣлой банды. Отъ такого открытія волосы мои стали дыбомъ, и кровь стыла въ жилахъ. Одно я лишь сознавала, что надобно сейчасъ же дѣйствовать, что каждая минута дорога... Счастливая мысль осѣнила мою голову.

Въ концѣ обширнаго нашего сада находилось озеро. Вотъ куда бы все это свалить!... Но кто поможетъ, если отъ прислуги надобно хранить тайну?... И это меня не остановило. Терпѣливо дождавшись, пока заснули дѣти, я разослала прислугу по хозяйству, а при себѣ оставила одну только «покоювку»¹⁾, мою вѣрную Зосю. Съ ней вдвоемъ, соблюдая полнѣйшую тишину, мы начали переноску на своихъ плечахъ мѣшковъ съ порохомъ, пулями и т. п., которые

¹⁾ Горничная.

высыпали и топили въ озерѣ. Намъ стоило неимоверныхъ усилій тащить по нѣскольکو пудовъ заразы. Потъ градомъ катился, ноги подкашивались; а тутъ еще, какъ на вло, почва въ аллеяхъ сада размякла отъ дождей и сильно затрудняла дѣло. Въ изнеможеніи я нѣскольکو разъ падала на грязную землю, и не будь со мною Зоси, моей доброй помощницы, я бы не въ силахъ была встать. Но что жъ дѣлать: надобно было, не отрываясь, убрать все. Съ минуты на минуту могли нагрязнеть...

Выбившись изъ послѣднихъ силъ, къ разсвѣту я, наконецъ, кончила переноску всего и принялась съ Зосей за сокрытие слѣдовъ. Въ кладовыхъ мы тщательно подмели, а алеи наскоро утробовали и разсыпанный по нимъ свинецъ убрали.

Обезсиленная, больная, я еле дотащила до своей кровати и замертво повалилась на ней... Сквозь сонъ я слышала, какъ возвратился мужъ.

Онъ только подошелъ къ кровати, взялъ меня за руку и съ тревогой прошепталъ:

— Прости... мы погибли... погибли!...

Я молчала, какъ будто ничего не слышала.

Вскорѣ меня разбудили.

Во дворъ тихо, безъ обычныхъ звонковъ, въ двухъ экипажахъ въѣхали власти: исправникъ, становой и еще какой-то важный офицеръ, въ сопровожденіи отряда казаковъ.

Извинившись предо мной за причиняемое безпокойство, старшій изъ нихъ сказалъ, что онъ не сомнѣвается въ ложности слуховъ о причастности моего мужа къ «дѣлу», но что долгъ его — окончательно разсѣять эти слухи, для чего «просить разрѣшить» сдѣлать подробный обыскъ. Домъ былъ мигомъ оцѣпленъ казаками, и приступлено къ дѣлу.

При первой возможности я взглянула на мужа. Онъ былъ убитъ горемъ, глаза безцѣльно блуждали.

Но когда, одна за другой, открывались кладовыя и каморы, въ которыхъ ничего какъ не бывало, лицо его прояснилось, и съ величайшимъ удивленіемъ онъ смотрѣлъ то на меня, то на пріѣзжихъ... Наконецъ, оцѣненный мыслью, понявъ, очевидно, все, повернулся и вышелъ...

Не найдя ровно ничего компрометирующаго, исправникъ и офицеръ сочли излишнимъ еще разъ извиниться и затѣмъ уѣхали по добру-здорову.

Я отыскала мужа въ самой крайней, дѣтской комнаткѣ. Стоя на колѣняхъ предъ образами, онъ высоко возносилъ свои руки и, какъ дитя, рыдалъ.

Я не мѣшала...

На этомъ рукопись обрывается.

А. Писанецкій.

ВОСПОМИНАНІЯ О ФЕДОРѢ ИВАНОВИЧѢ БУСЛАЕВѢ ¹⁾.

ЧАСТЛИВЪ тотъ, кто наслаждается хорошей музыкой, хорошей картиной, хорошей книгой, но всѣхъ счастливѣе тотъ, кто наслаждается обществомъ истинно хорошаго человѣка.

Такимъ счастьемъ наслаждался я много, много лѣтъ въ обществѣ Федора Ив. Буслаева, которому я бесконечно обязанъ, не только какъ учителю, но и какъ человѣку, и у меня осталось столько драгоценныхъ о немъ воспоминаній, что ихъ хватить мнѣ на всю мою остальную жизнь.

Позвольте подѣлиться съ вами нѣсколькими отрывками изъ нихъ, главнымъ образомъ тѣми отрывками, которые могутъ характеризовать отношенія Буслаева къ ученикамъ его и къ обязанностямъ профессора и ученаго.

И долженъ начать издалека.

36 лѣтъ назадъ, 1 апрѣля 1861 г., я 16-ти-лѣтнимъ юношей вступилъ въ первый разъ въ стѣны Московскаго университета. Изъ росписанія лекцій узналъ я, что первые два часа въ большой словесной читаетъ профессоръ Буслаевъ. Имя его мнѣ было извѣстно: во-первыхъ, я встрѣчалъ его подъ статьями «Отеч. Зап.» (статьями, впрочемъ, мало мнѣ понятными), а, во-вторыхъ, когда мы переходили изъ 6-го класса въ 7-ой, между двумя нашими словесниками, экзаминаторомъ и ассистентомъ, возникъ споръ о томъ, можно ли написать: «французы, вступающіе въ Москву, были встрѣчены...»,

¹⁾ Читано въ публичномъ засѣданіи Общества любителей россійской словесности, 21 декабря 1897 г.

или надо сказать: «французы, вступавшіе въ Москву, были встрѣчены...».

— Ну, спросимъ у Буслаева,—предложилъ ассистентъ.

— Извольте, съ удовольствіемъ; я знакомъ съ нимъ. Какъ онъ скажетъ, такъ тому и быть.

Можете себѣ представить, какимъ божествомъ показался намъ Буслаевъ, суду котораго безпрекословно подчинялся нашъ словесникъ, очень знающій и хорошій учитель!

Отыскавъ Буслаева въ словесной, я нашель въ ней толпу человѣкъ въ 200, если не больше: по дѣйствовавшему тогда уставу, русскую словесность слушали и юристы и математики. Кромѣ того, слава именно Буслаева, который тогда только что возвратился изъ Петербурга, гдѣ онъ училъ Наслѣдника, и только что издалъ свои монументальные очерки, привлекла на его лекцію много добровольцевъ изъ старшихъ курсовъ.

Я ожидалъ увидать маститаго старца, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на 30 старше нашего словесника и былъ пріятно пораженъ, увидѣвъ красиваго, симпатичнаго человѣка среднихъ лѣтъ, съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ, живого и изящнаго во всѣхъ своихъ движеніяхъ; уже по одной наружности онъ показался мнѣ идеаломъ профессора. Онъ окинулъ аудиторію смѣлымъ «соколинымъ» взглядомъ и началъ... Его лекція, почти дословно написанная, но превосходно читаемая, по живости и какой-то спокойной, увѣренной красотѣ своей формы вполне соответствовала его наружности. Ея содержаніе, увы! плохо далось мнѣ: несмотря на 3—4 тома Бѣлинскаго, мной прочитанные, несмотря на десятки сочиненій, мной написанныхъ, я былъ еще слишкомъ мало развитъ для настоящей науки; а Буслаевъ, какъ я потомъ присмотрѣлся, въ лекціяхъ не спускался до студентовъ, но поднималъ ихъ до себя. Кромѣ того, меня развлекала новость моего положенія (на университетской лекціи, и у кого же?—у самого Буслаева), а главное—я залюбовался лекторомъ и его чудной дикціей. На слѣдующихъ лекціяхъ я понималъ нѣсколько болѣе.

Не помню, послѣ этой ли лекціи, или черезъ недѣлю, я услышалъ при выходѣ изъ аудиторіи, какъ Буслаевъ говорилъ ожидавшимъ его студентамъ:

— Въ пятницу, въ пятницу ко мнѣ, кому угодно, милости просимъ, съ 6 часовъ.

Навелъ я справки у старшихъ товарищей и узналъ, что знаменитый профессоръ весьма доступенъ, конечно, не всегда, а въ опредѣленное время.

Въ одну изъ пятницъ, набравшись храбрости, отправился и я. Буслаевъ жилъ тогда въ нижнемъ этажѣ дома Афросимова, во Властьевскомъ переулкѣ. Крохотная передняя была сплошь завалена студенческими и штатскими шинелями (въ тотъ годъ форму доня

пивали). Въ первой комнатѣ за круглымъ столомъ сидѣло человѣкъ 12 студентовъ за работой; большинство списывали лекціи и поправляли свои замѣтки; нѣкоторые работали по книгамъ и старымъ рукописямъ. Всякаго, вновь приходившаго, хозяинъ спрашивалъ о факультетѣ и цѣли прихода; если это былъ юристъ или математикъ, являвшійся за лекціями или небольшой справкой, Буслаевъ устраивалъ его немедленно за столомъ; если же приходилъ филологъ, Буслаевъ вводилъ его въ кабинетъ, подробно разспрашивалъ о подготовкѣ, о намѣченныхъ цѣляхъ, давалъ совѣты, снабжалъ книгами, знакомилъ съ своей библіотекой.

Пятница была приемнымъ днемъ Буслаева не для однихъ студентовъ, и посѣтителей была масса: приходили учителя, магистранты, литераторы признанные и непризнанные. Трудно даже понять, какъ всѣ они умѣщались въ маленькой квартирѣ Буслаева.

Пока еще не всѣ студенты были устроены, Буслаевъ проводилъ другихъ гостей въ гостиную (она же и зала) и предоставлялъ имъ занимать другъ друга; часовъ съ 8-ми, когда наплывъ студентовъ прекращался, *Ө. И.* и самъ уходилъ въ гостиную, но часто возвращался къ намъ, давалъ совѣты, указанія. Папиросы домашняго издѣлія и чай не сходили со стола. Часамъ къ 10 студенты, списывавшіе лекціи, обыкновенно расходились; студенты, особенно заинтересованные бесѣдой съ хозяиномъ и уже нѣсколько освоившіеся въ домѣ, переходили въ гостиную. Въ началѣ 11-го часа на томъ же кругломъ столѣ, гдѣ недавно писали студенты, ставилась скромная закуска, къ которой, за неимѣніемъ мѣста, всѣ приступали стоя. Можно себѣ представить, какой отрадой, а иногда и якоремъ спасенія, бывали эти буслаевскія пятницы для иного первокурсника, который забрался въ Москву изъ Симбирска или Кишинева и на первое время вѣлъ студенческихъ дешевыхъ номеровъ не имѣлъ души знакомой! Скоро наши набѣги на квартиру Буслаева сдѣлались чаще: въ виду невозможности оканчивать свои работы въ 2—3 часа недѣльныхъ, а вѣрнѣе въ виду того, что мы не успѣвали досыта наговориться съ Буслаевымъ, котораго отвлекали другіе гости, онъ самъ предложилъ намъ приходиться по вторникамъ вечеромъ, предупредивъ насъ, что его круглый столъ и библіотека къ нашимъ услугамъ, а самъ онъ будетъ готовить лекцію на среду. Такъ это и было. Но въ 10-мъ часу, кончивъ работу, *Ө. И.* выходилъ къ намъ поболтать полчаса, которые растягивались иногда чуть не до полуночи. И здѣсь-то рѣчь профессора, окруженнаго его духовными дѣтьми и возбуждаемаго ихъ юношески-горячими запросами и задорными возраженіями, лилась особенно свободно и вдохновенно.

И этимъ дѣло не ограничилось: въ слѣдующемъ же году Буслаевъ предложилъ намъ читать у себя на дому по воскресеньямъ исторію русскаго языка по памятникамъ. Мы приходили часовъ въ

десять; Ѳ. И. раздавалъ намъ рукописи и книги для подготовительной работы, а въ 12 часовъ начиналась лекція, прерываемая вопросами. Здѣсь опять былъ намъ случай поговорить съ Буслаевымъ, но уже исключительно по дѣлу.

Филологи и тогда, какъ теперь, были бѣднѣйшіе изъ студентовъ (къ тому же тогда половина ихъ выходила изъ семинарій), да и будущее предстояло имъ не блестящее. Но наши постоянныя, почти дружескія сношенія съ Буслаевымъ и Тихонравовымъ дѣлали насъ предметомъ зависти для всего университета.

Понятно, что при такихъ частыхъ свиданіяхъ съ нами Буслаевъ зналъ насъ прекрасно и легко могъ отличить изъ насъ тѣхъ, кто выказывалъ охоту работать. Добръ и ласковъ онъ былъ ко всѣмъ безъ исключенія, но за такихъ онъ готовъ былъ, какъ говорится, душу положить; если такой студентъ попадалъ въ какую нибудь исторію, разумѣется, не безнравственнаго характера, Буслаевъ на выручку ему пускалъ въ ходъ всѣ свои связи, ѣздилъ, просилъ, кланялся (какъ никогда онъ не сталъ бы просить за родного сына) и нерѣдко спасалъ всю будущность молодого человѣка. Въ числѣ другихъ и я испыталъ это на самомъ себѣ.

Никогда и ни въ чемъ Буслаевъ не замыкался передъ нами въ свое профессорское достоинство. Все, что волновало студентовъ, было близко и его сердцу, хотя, конечно, на многое онъ смотрѣлъ иными глазами, чѣмъ мы. Во время большой студенческой исторіи, которая произошла какъ разъ, когда мы были на первомъ курсѣ, нѣкоторые профессора избѣгали всякихъ сношеній со студентами. Буслаевъ не только не прервалъ своихъ пятницъ и вторниковъ, но велъ съ нами болѣе продолжительныя бесѣды, чѣмъ когда бы то ни было; а въ самый разгаръ исторіи, когда лекціи прекратились, онъ неожиданно для насъ явился въ большую словесную и со слезами въ голосъ и на глазахъ сказалъ намъ рѣчь, въ которой, сколько помню, всячески щадя наше самолюбіе, называя насъ истинною надеждою Россіи (не по расчету, не изъ лести, а по искреннему убѣжденію), доказывалъ намъ, что, отдаваясь политикѣ, мы уклоняемся отъ нашего прямого долга—науки, и говорилъ о томъ, какъ это огорчаетъ его и всѣхъ тѣхъ, кто дѣйствительно любитъ насъ.

Мы проводили его аплодисментами, но въ сущности остались недовольны имъ... Мы лучше поняли его позднѣе, когда прошелъ пылъ увлеченія, и когда мы втянулись въ работу. Но вполне разъяснилъ намъ Буслаева одинъ изъ первыхъ учениковъ его по времени и безспорно первый по таланту и ученымъ заслугамъ, а въ то время уже товарищъ его по кафедрѣ, Н. С. Тихонравовъ. Дѣло было такъ.

Въ концѣ 1863 г. Буслаевъ уѣзжалъ за границу. Мы, филологи старшихъ курсовъ, въ количествѣ 20—30 человѣкъ, возымѣли

мысль устроить въ честь нашего любимаго профессора обѣдъ. Сообразивъ свои грошевыя средства, мы послали къ Буслаеву депутацію. О. И. хотя и очень былъ занятъ сборами, принялъ нашъ обѣдъ, не раздумывая ни минуты и ни о чемъ не разспрашивая. Уже передъ самымъ обѣдомъ мы догадались, что было бы хорошо пригласить и Тихонравова. Также не раздумывая, пріѣхалъ и Тихонравовъ, ничего до тѣхъ поръ не знавшій о нашемъ предпріятіи, и произнесъ за обѣдомъ рѣчь. Я не могу воспроизвести ея прекрасной формы, но ясно помню ея основную мысль.

«О. И.—а, — говорилъ онъ, — мы всѣ должны цѣнить, любить и уважать не только, какъ знаменитаго ученаго, автора «Исторической грамматики», «Очерковъ» и т. д. и т. д., не только какъ прекраснаго лектора и профессора-руководителя, но и какъ вѣчнаго студента въ лучшемъ и истинномъ значеніи этого слова. Вотъ и теперь: ему уже 45 лѣтъ; онъ уже такъ много сдѣлалъ и такъ высоко поставленъ; могъ бы онъ успокоиться на лаврахъ. Нѣтъ! Онъ ѣдетъ за границу и ѣдетъ не для того, чтобы отдохнуть и наслаждаться жизнью, а для того, чтобы снова сѣсть на студенческую скамью и снова учиться, а потомъ по возвращеніи учить насъ и снова работать. И такъ будетъ всегда, пока есть свѣтъ въ глазахъ его».

Послѣдующее показало, какъ хорошо Тихонравовъ зналъ своего учителя.

Высшимъ благодѣяніемъ судьбы моей я считаю тѣ обстоятельства, которыя поставили меня въ очень близкія отношенія къ Буслаеву. Прошу извиненія, что при изложеніи ихъ я принужденъ говорить объ объектѣ его рѣдкой доброты, то-есть о самомъ себѣ.

Съ 6-го класса гимназіи я вмѣстѣ съ матерью жилъ уроками. Когда я кончилъ курсъ, ихъ было больше, чѣмъ достаточно. То же продолжалось и на вакаціи между гимназіей и университетомъ; но затѣмъ старые уроки прекратились, а новыхъ не было. Гимназическіе учителя и начальство, естественно, забыли обо мнѣ. Въ концѣ сентября моего 1-го курса, я рѣшился, какъ это ни казалось неловкимъ мнѣ, ничѣмъ себя не заявившему, обратиться съ стереотипной просьбой къ Буслаеву: не будетъ ли уроковъ или другихъ занятій. Буслаевъ очень любезно обѣщаль похлопотать и записалъ мой адресъ. Черезъ 2—3 недѣли, возвратившись изъ университета, я нашелъ у себя записку Буслаева съ приглашеніемъ прійти къ нему поскорѣе для переговоровъ по дѣлу. Оказалось, что Буслаевъ самъ занесъ эту записку. Я, конечно, побѣждалъ немедленно и получилъ отъ него рекомендательное письмо и адресъ одного семейства, гдѣ требовался репетиторъ къ двумъ мальчикамъ на очень выгодныхъ для студента условіяхъ. Мнѣ удалось до нѣкоторой степени оправдать и рекомендацію Буслаева, и этотъ урокъ держался у меня все время моего студенчества, а черезъ него я пріобрѣталъ и другіе, такъ что уже года черезъ два я могъ считаться довольно

опытнымъ домашнимъ учителемъ преимущественно по латинскому языку. Буслаевъ, конечно, зналъ о моихъ педагогическихъ успѣхахъ, и когда я перешелъ на 4-й курсъ, сдѣлалъ мнѣ предложеніе, пріятнѣе котораго я, кажется, не получалъ во всю жизнь мою — учить полатыни его единственнаго сына, очень симпатичнаго мальчика лѣтъ 13-ти. Я, конечно, съ величайшею радостью взялся бы давать уроки бесплатно, но объ этомъ нечего было думать: очень категорически мнѣ было назначено такое вознагражденіе, какое я получалъ только на самыхъ выгодныхъ урокахъ.

Такимъ образомъ, я вошелъ въ постоянныя сношенія съ любимымъ профессоромъ и могъ, сколько угодно, пользоваться его совѣтами и его библиотекой. Къ сожалѣнію, я былъ слишкомъ молодъ и слишкомъ плохо подготовленъ, чтобы извлечь изъ этой счастливой случайности надлежащую пользу. Однако же, близкое общеніе съ такимъ выдающимся ученымъ не могло не оказать на меня сильнаго и благотворнаго вліянія и, что важнѣе всего, ввело меня, такъ сказать, въ лабораторію его работъ. Эта лабораторія была открыта для меня круглый годъ, такъ какъ мои уроки не прекращались, къ счастью, и лѣтомъ.

Буслаевъ много лѣтъ подъ рядъ жилъ въ Кунцевѣ, въ небольшомъ домикѣ священника, съ террасой и садомъ. Лѣто Буслаевъ, естественно, считалъ временемъ отдыха, когда онъ долженъ былъ набраться силъ. Вотъ какъ отдыхалъ онъ. Вставалъ онъ въ 8-мъ часу, пилъ кофе и гулялъ до 9-ти часовъ. Потомъ садился за работу, цѣлью которой было подготовленіе курса на зиму. Онъ намѣчалъ его задолго впередъ, и къ лѣту всѣ нужныя книги были уже у него подъ руками. Онъ работалъ безъ перерыва отъ 9-ти до 2-хъ съ карандашемъ въ рукахъ, дѣлая выписки, составляя конспекты, то подробныя, то краткія, смотря по обстоятельствамъ. Вся эта подготовительная работа носила явный даже и для неопытнаго глаза отпечатокъ солидности, особенно удивительной въ такомъ подвижномъ, какъ ртуть, и впечатлительномъ человѣкѣ, какимъ былъ тогда Буслаевъ. Онъ точно преображался, когда садился за работу. Всякая минута шла на существенное дѣло; все дѣлалось медленно, но вѣрно и не нуждалось въ поправкахъ и пересмотрѣ.

Положимъ, онъ намѣревался читать курсъ о средневѣковомъ эпосѣ и въ томъ числѣ опредѣлялъ нѣсколько лекцій на испанскую поэму о Сидѣ. Для этого онъ беретъ лучшее изданіе оригинала (въ то время Domas Hinard'a) и прежде всего внимательно изучаетъ текстъ, подводя параллели изъ былинъ. Затѣмъ онъ беретъ одно, много два пособія, опять-таки лучшихъ, какія въ то время были, и читаетъ ихъ такъ, что каждый интересный фактъ, каждая здравая мысль изъ нихъ становятся его собственностью. Вотъ и все; это стоило много времени, дало какъ будто немного; а въ результатѣ— 3—4 прекрасныхъ лекцій и небольшое, но цѣнное изслѣдованіе, до сихъ поръ остающееся единственнымъ въ русской литературѣ.

Отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ Буслаевъ гулялъ въ паркѣ, въ 3 часа обѣдалъ, а въ 5-мъ часу опять принимался за работу, но уже болѣе легкую. Послѣ чая, часовъ въ семь, онъ шелъ гулять съ женою и съ гостями, если таковыя случались, а отъ 8—10 час. опять читалъ. И такъ проводилъ онъ почти всѣ дни.

Лѣтомъ онъ охранялъ отъ посѣтителей только предобѣденные часы, а остальной день охотно принималъ гостей; самъ же, какъ и зимою, ходилъ «въ люди» только въ случаѣ крайней необходимости; чаще же всего отдѣлывался откровеннымъ объясненіемъ:

— Вы меня извините,—говорилъ онъ, когда его звали, положимъ, на обѣдъ,—но я долженъ много работать и почти отвыкъ отъ посѣщенія общества. Я очень радъ, если ко мнѣ приходитъ хорошей человѣкъ потолковать; но самъ я ужасно неподвиженъ: собраться въ гости для меня—цѣлая исторія: я и въ этотъ день не въ состояніи заниматься и на другой день буду, какъ разбитый. Вы ужъ меня освободите, пожалуйста.

И говоря это, онъ такъ ласково, такъ просительно смотрѣлъ въ глаза гостю, что самые щепетильные люди бывали у Буслаева десятки разъ раньше, чѣмъ онъ переступалъ ихъ порогъ.

Къ 1 сентября Буслаевъ переѣзжалъ въ городъ, и тогда началась работа серьезная, съ перомъ въ рукахъ, работа по 7—8 часовъ въ день, не прерываемая никакими случайностями. До крайности деликатный, терпимый и гуманный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, Буслаевъ въ одномъ пунктѣ былъ чуть не безжалостенъ: времени подготовленія къ лекціямъ онъ не отдавалъ никому и ни за что. Гостей просто-таки не принимали и просили пожаловать въ пятницу; пріятели могли приходиться къ вечернему чаю и пользоваться обществомъ Буслаева полъ-часа, часъ. Если же кто засиживался дольше, Буслаевъ безъ церемоніи оставлялъ его съ супругой и самъ затворялся въ кабинетъ. Если кто желалъ видѣть Буслаева по неотложному дѣлу, Буслаевъ принималъ его, выслушивалъ, давалъ отвѣтъ, но не могъ и не старался скрывать своего нетерпѣнія.

Только одинъ разъ за всѣ 3¹/₂ года, когда я слушалъ Буслаева, онъ не успѣлъ, вслѣдствіе экстренной поѣздки къ Троицѣ (ради работы, конечно), написать лекціи; но и въ этомъ экспромптѣ было строго обдуманно каждое слово.

Въ 1865 г. мы окончили курсъ, и я, поощряемый *Θ. И.*, изъяснилъ намѣреніе заняться исторіей всеобщей литературы.

Очень характернымъ считаю я такой, повидимому, мелкій фактъ, имѣвшій мѣсто именно лѣтомъ 1865 г. Я зналъ только пофранцузски и понѣмецки; теперь мнѣ предстояло расширить кругъ своего чтенія и для этого заняться итальянскимъ или англійскимъ, но какимъ изъ нихъ? Я рѣшилъ посоветоваться съ Буслаевымъ. Объ Италіи *Θ. И.* никогда не уставалъ говорить съ нами; поитальянски зналъ онъ превосходно, и въ его библіотекѣ мы видали сотни,

если не тысячи итальянскихъ книгъ; а поанглійски онъ не читалъ, никогда не выражалъ объ этомъ сожалѣнія, да и къ англичанамъ относился какъ будто съ нѣкоторою антипатіей. Обращаясь за совѣтомъ къ Буслаеву, я былъ почти увѣренъ, что онъ посоветуетъ мнѣ заняться итальянскимъ. Къ немалому моему удивленію, О. И., немного подумавъ, сказалъ мнѣ:

— Непремѣнно начинайте съ англійскаго; итальянскій отъ васъ не уйдетъ, да и я могу помочь вамъ. Англичане же—высоко культурный народъ и работаютъ прекрасно; а вамъ, какъ специалисту по всеобщей литературѣ, развѣ можно обойтись безъ чтенія Шекспира въ подлинникъ?

И всегда во всемъ Буслаевъ былъ совершенно свободенъ отъ той слабости, которою такъ часто страдаютъ даже лучшіе изъ ученыхъ—отъ страсти оказывать нравственное давленіе на младшихъ, насильственно тянуть всѣхъ за собой и именно по своей дорогѣ. Какъ живой, увлекающійся человѣкъ, онъ не могъ не говорить съ нами о томъ, что занимало его въ эту минуту; но, какъ человѣкъ безусловно справедливый и терпимый, онъ вовсе не требовалъ, чтобы его ученики увлекались именно тѣмъ же, чѣмъ онъ, и съ искреннимъ интересомъ слушалъ, когда юноша рассказывалъ ему о своихъ занятіяхъ въ области ему, Буслаеву, совершенно чуждой; при этомъ онъ умѣлъ своими вопросами навести собесѣдника на рядъ особыхъ соображеній, указать ему новые пути, расширить его задачи. Прочтя по указанію Буслаева 3—4 большихъ курса и 5—6 крупныхъ монографій, я по его же рекомендаціи сталъ выбирать себѣ тему, чтобы поработать самостоятельно. Къ сожалѣнію, я, по свойственному молодости самомнѣнію и по нежеланію трудиться надъ языкомъ памятника, не выбралъ ничего изъ того, на что мнѣ указывалъ Буслаевъ, а остановился на нѣмецкомъ возрожденіи, именно на такъ называемыхъ «Письмахъ Т. Л.». Ни однимъ звукомъ не упрекнулъ меня Буслаевъ, помогалъ мнѣ указаніями и книгами, и когда я съ юношескимъ бахвальствомъ ораторствовалъ объ этихъ письмахъ и о своихъ по поводу ихъ соображеніяхъ, онъ не только терпѣливо меня выслушивалъ и выспрашивалъ, но, и какъ бы гордясь мною, представлялъ меня знакомымъ, говоря:

— Нашъ молодой кандидатъ; занимается эпохой возрожденія, «Письмами Т. Л.». Очень интересная будетъ работа.

Не ручаюсь, чтобы въ этихъ похвалахъ не было крупинцы благодушной ироніи, но смѣло утверждаю, что въ нихъ не было и тѣни порицанія мнѣ, хотя я его и заслуживалъ. Черезъ три-четыре года я готовъ былъ негодовать на Б—а, отчего онъ строгимъ приказомъ не отвлекъ меня отъ малопродуктивной работы и не направилъ на необходимую. Но теперь, когда и черезъ мои руки прошло не мало молодыхъ людей, и я могу отнестись совсѣмъ объективно къ прошлому, я убѣжденъ, что способъ дѣйствія Буслаева былъ не только

самый гуманный, но и наиболее цѣлесообразный для привлеченія меня къ работѣ.

Дѣло въ томъ, что тогда педагогика была въ величайшей модѣ, и всѣ мы, кому только удалось получить мѣсто въ гимназiи, сильно колебались между учительствомъ и наукой. Еслибъ Буслаевъ засадилъ меня за изученіе старинныхъ текстовъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что я сбѣжалъ бы отъ него и отъ науки. Добрый и умный руководитель мой находилъ, что мнѣ лучше заниматься хоть чѣмъ нибудь, только бы не отставать отъ работы; потомъ молъ самъ поумнѣеть и возьмется за настоящее дѣло.

Вслѣдствіе моихъ колебаній, не легко было Буслаеву довести меня до магистерскаго экзамена, и еслибъ не неизмѣнная его доброта и не настойчивость, съ которою онъ внѣдрялъ въ насъ свое въ высшей степени определенное міросозерцаніе, мнѣ никогда бы не занимать ученой кассидры. Я попытаюсь формулировать основные пункты этого міросозерцанія. Все, что есть, и даже все, что было дурного въ Россiи, имѣетъ источникомъ нашу отсталость, наше невѣжество, обусловленное не какимъ либо недостаткомъ нашего народа, а тѣмъ, что онъ слишкомъ поздно вошелъ въ Европу. Съ этимъ зломъ призваны бороться мы, университетскіе люди, и должны бороться неустанно, всѣми силами. Главное орудіе въ этой борьбѣ—наука. Работа надъ наукой у насъ самое святое и великое дѣло, и въ то же время это полное счастье для того, кто отдается ему всецѣло, но, конечно, не до изсушенія мозга и не до забвенія своихъ обязанностей по отношенію къ ближнимъ. Да гуманныя науки по самой природѣ своей и не могутъ довести здороваго человѣка до такой односторонности, такъ какъ вмѣстѣ съ любовью къ истинѣ онѣ развиваютъ и дѣятельную любовь къ добру и способность наслаждаться прекраснымъ.

Основная задача этихъ наукъ—изученіе человѣка, не отвлеченнаго человѣка внѣ пространства и времени, какого никогда и на свѣтѣ не бывало, а человѣка живого, со всѣми условіями его жизни, въ средѣ ему подобныхъ, иначе сказать, изученіе народностей. Изученіе это всецѣло должно опираться на фактахъ, а не на домыслахъ; но факты эти важны не сами по себѣ, а по тѣмъ выводамъ, которые изъ нихъ извлекаются.

Тому, кто призванъ къ этому великому дѣлу, уклоняться отъ него по лѣни, по страсти къ удовольствіямъ или по увлеченію чѣмъ либо постороннимъ, и грѣшно и стыдно. Во всемъ безъ исключенія Буслаевъ былъ вѣренъ этой программѣ, начиная отъ самаго существеннаго—безустанной работы на пользу науки и студентовъ и до частныхъ. Званіе профессора онъ считалъ высшимъ, какое только есть на свѣтѣ, достойнымъ уваженія, почти поклоненія всѣхъ истинно-культурныхъ людей, но въ то же время возлагающимъ на своего носителя не легкія обязанности: профессоръ долженъ быть

не только трудолюбивымъ ученымъ, но и безупречнымъ человекомъ, живымъ образцомъ для всѣхъ и во всемъ.

Профессоръ безразличный или жадный къ деньгамъ былъ для Буслаева также не понятенъ, какъ и профессоръ карьеристъ и чиновникъ. Самъ Буслаевъ не принималъ на себя никакихъ административныхъ должностей ни по университету, ни внѣ его, и удивлялся, какъ другіе могутъ стремиться къ нимъ.

— Вѣрно, усталъ работать,—говорилъ онъ о такомъ товарицѣ.

— Да вѣдь и тамъ работа, и очень тяжелая, — возражали ему.

— Положимъ такъ, да вѣдь это работа не профессорская.

Онъ отказывался понимать и увлеченіе борьбою университетскихъ партій и вообще внутренней политикой университета.

— Не профессорское это дѣло,—говорилъ онъ.

Оттого и товарищи, преклонявшіеся передъ его учеными и преподавательскими заслугами, невысоко цѣнили его, какъ совѣтскаго дѣятеля, и Буслаевъ, слыша объ этомъ, не огорчался. И въ самомъ дѣлѣ говорилъ онъ: «какой я дѣлецъ?! я только профессоръ и ученый».

Уклоняясь отъ партій и администраціи, Буслаевъ не отказывался принимать на себя безплатныя должности, сопряженныя съ немалыми трудами, но трудами по характеру профессорскими.

Такъ, напримѣръ, на моихъ глазахъ Буслаевъ много лѣтъ состоялъ инспекторомъ по учебной части въ Александро-Маріинскомъ институтѣ (для бѣдныхъ дѣвушекъ) и, какъ таковой, не только искалъ туда учителей и направлялъ ихъ, но и самъ занимался съ старшими классами по вечерамъ исторіей искусства и привозилъ институтокъ къ себѣ по пятницамъ, и, какъ человекъ увлекающійся, одно время такъ много говорилъ и думалъ о своихъ «дѣвицахъ», что студенты стали его ревновать къ нимъ.

Но и въ дѣлахъ, не имѣющихъ отношенія къ наукѣ, въ такъ называемыхъ добрыхъ дѣлахъ, Буслаевъ никогда не ограничивался формальнымъ благодѣяніемъ, и къ своему трудовому рублю всегда прилагалъ и сердечное участіе и новый трудъ.

Я помню одинъ очень характерный случай еще въ бытность мою студентомъ. Былъ у насъ одинъ вольный слушатель, человекъ уже въ лѣтахъ и семейный. Назову его хоть Геракловымъ. Онъ окончилъ курсъ въ семинаріи, долго и усердно занимался еврейскимъ языкомъ и состоялъ гдѣ-то на югѣ его преподавателемъ. Нѣкто изъ лицъ, заботившихся объ интересахъ Московскаго университета, усмотрѣлъ его энергію и способности, рѣшилъ сдѣлать изъ него лектора еврейскаго языка и выхлопоталъ ему на два года императорскую стипендію съ тѣмъ, чтобы Геракловъ выдержалъ за это время экзаменъ на кандидата. Геракловъ занимался усердно, но часто болѣлъ и пропустилъ срокъ, вслѣдствіе чего съ женою и двумя дѣтьми

оказался въ нетопленной и неоплаченной квартирѣ, безъ копейки денегъ.

Кто-то изъ нашихъ семинаристовъ доложилъ объ этомъ курсу. Стали мы думать, какъ помочь горю, сложились, но могли собрать всего рублей 15—20. Когда мы въ словесной, внизу, были заняты обсужденіемъ вопроса, откуда бы добыть еще денегъ, входитъ инспекторъ Ив. Ив. Красовскій и спрашиваетъ:

— О чемъ вы, гг. филологи, шумите?

— Да вотъ, Ив. Ив., какое дѣло,—и мы рассказали ему о положеніи Гераклова и о печальныхъ результатахъ нашего коллекта.

— Позвольте, гг., и мнѣ принять участіе въ добромъ дѣлѣ,—говоритъ Ив. Ив. и протягиваетъ ассигнацію.

Мы переглянулись, поблагодарили и взяли.

Принявъ въ число вкладчиковъ инспектора, мы сочли себя даже не въ правѣ обойти нашихъ наставниковъ и приступили къ дѣлу немедленно. Результатъ оказался блестящій.

Положимъ, къ нѣкоторымъ профессорамъ, державшимъ насъ отъ себя въ почтительномъ отдаленіи, подходили мы не безъ страха, и были случаи, когда этотъ страхъ оказался не безосновательнымъ: нашихъ депутатовъ подозрительно оглядывали и выслушивали не очень любезно. Но въ концѣ концовъ намъ рѣшительно никто не отказалъ въ посильной помощи.

Такъ случилось по распредѣленію лекцій, что къ Ѳ. И. обратились мы чуть ли не послѣ всѣхъ. Легко было у насъ на душѣ: мы знали твердо, что здѣсь не встрѣтимъ ни подозрительности, ни отказа. Но Буслаевъ превзошелъ всѣ наши ожиданія.

— Хорошо, господа,—сказалъ онъ:—я, конечно, дамъ съ радостью: приличная сумма необходима, чтобы заплатить за квартиру, снабдить Геракловыхъ дровами и платьемъ; но если болѣзнь Гераклова продлится, чѣмъ же потомъ-то онъ и семья его жить будутъ? Не лучше ли намъ назначить ежемѣсячный взносъ, пока Геракловъ поправится, и дѣла его устроятся?

Мы чуть не бросились на шею нашему доброму и догадливому наставнику!

Эстетическому развитію Буслаевъ придавалъ огромное значеніе, и способность наслаждаться прекраснымъ развивалъ въ себѣ и въ окружающихъ всѣми мѣрами. Въ немъ самомъ все было красиво, начиная съ его манеръ и одежды (проведя въ юности нѣсколько лѣтъ учителемъ въ аристократическихъ домахъ старой Москвы и по своей эстетической натурѣ сочувствуя красотѣ формы, Буслаевъ былъ въ этомъ отношеніи очень требователенъ къ себѣ и благодушно, но настойчиво муштровалъ тѣхъ изъ насъ, кто выказывалъ нѣкоторую склонность къ этой внѣшней культурѣ. Но если между лучшими его учениками или младшими товарищами по наукѣ оказывался человѣкъ съ манерами ужасающими и неисправимыми, Ѳ. И.

быстро мирился съ этимъ маленькимъ недостаткомъ и кротко, но внушительно выговаривалъ тѣмъ изъ насъ, кто смѣялся надъ семинарской неуклюжестью хорошаго человѣка и ученаго).

Всякая фраза Буслаева, о чемъ бы ни писалъ онъ, хотя бы о палеографіи, была граціозна и гармонична. Чутье къ красотѣ слова было у него развито до такой степени, что онъ иногда приходилъ въ восхищеніе даже отъ хорошаго выраженія невѣрной мысли.

— Это вздоръ, нелѣпость,—говорилъ онъ бывало:—но посмотрите, какъ хорошо сказано!—И онъ по пяти разъ повторялъ мѣткую фразу.

Ө. И. совѣтъ не былъ музыкантомъ, но сильно любилъ музыку: цѣлыми годами его единственными выѣздами по вечерамъ были посѣщенія итальянской оперы, если таковая была въ Москвѣ не въ очень жалкомъ видѣ. Но онъ и здѣсь любилъ соединять свое удовольствіе съ пользой для другихъ: онъ абонировался на ложу и почти всякій разъ приглашалъ съ собою или кого нибудь изъ учениковъ своихъ, кому именно недоставало эстетическаго развитія, или ученаго отшельника товарища, который безъ этого не выдалъ бы, что называется, свѣту божьяго.

Буслаева, такъ увлекавшагося древней иконописью и миниатюрами, иные готовы были считать чуть не варваромъ въ живописи возрожденія и новой. Но это явная и грубая ошибка: все истинно прекрасное въ области пластическихъ искусствъ, какъ и все *das ewig bleibende* въ повѣи было равно близко художественной душѣ Буслаева. Свое тонкое и оригинальное пониманіе античнаго искусства онъ выразилъ въ статьѣ «Женскіе типы въ изваяніяхъ греческихъ богинь»; а искусство возрожденія и новое онъ изучалъ цѣлыми мѣсяцами во время своихъ заграничныхъ путешествій.

И никогда не забуду того ужаса, который выразился на лицѣ Ө. И., когда онъ, пріѣхавъ лѣтомъ 1874 г. въ Парижъ, гдѣ я, въ то время молодой доцентъ Харьковскаго университета, прожилъ уже съ мѣсяць, на вопросъ, часто ли я бывалъ въ Луврѣ, получилъ отвѣтъ:

— Всего одинъ разъ, да и то недолго.

Увидавъ, какое дѣйствіе произвели слова мои, я поспѣшилъ объяснить, что поджидалъ его, чтобы осмотрѣть Лувръ, какъ слѣдуетъ, подъ его руководствомъ. И дѣйствительно, я былъ потомъ въ Луврѣ съ Ө. И. раза четыре, а самъ онъ въ это свое сравнительно недолгое (и не первое) пребываніе во Франціи провелъ передъ памятниками искусства, мало, если я скажу, сто часовъ. Я позволю себѣ остановиться на этомъ одновременномъ житіи съ Ө. И. въ Парижѣ, такъ какъ это былъ почти единственный случай, когда я видѣлъ своего знаменитаго учителя внѣ его обычной обстановки, а извѣстно, что для уразумѣнія характера человѣка это также важно, какъ и знаніе обычныхъ условій его жизни.

Я приѣхалъ въ Парижъ въ срединѣ мая и поспѣшилъ явиться къ знаменитому уже и въ то время знатоку старофранцузской литературы и языка Гастону Парису, записался на лекціи въ *École des hautes études* и въ *École des Chartes* и поступилъ членомъ въ *Société de linguistique*.

О своемъ адресѣ я успѣлъ написать Ѳ. И. въ Москву. Недѣли черезъ 3—4 я нашелъ у себя его записку, что онъ съ супругой приѣхалъ и ждетъ меня. Конечно, я немедленно пустился въ путь и нашелъ Буслаевыхъ въ небольшомъ отеликѣ въ Елисейскихъ Поляхъ. Свою комнату Ѳ. И. уже успѣлъ превратить въ ученый кабинетъ, разложивъ книги, приобретенныя имъ по дорогѣ черезъ Германію.

Съ юношескимъ жаромъ Ѳ. И. рассказывалъ мнѣ, съ какими милыми людьми познакомился онъ въ Германіи; особенно былъ онъ въ восторгѣ отъ извѣстнаго историка литературы и фолкълориста Фел. Либрехта.

— Вы не можете себя представить,—говорилъ онъ,—какой это симпатичный и хорошій старикъ! Часы, которые я провелъ съ нимъ на берегахъ Рейна, изъ лучшихъ часовъ моей жизни!

Я съ своей стороны рассказалъ Ѳ. И. о своихъ учителяхъ: Г. Парисѣ, М. Бреалѣ и о *Société de linguistique*. Быстро воодушевившись, разумѣется, не вслѣдствіе искусства моихъ рассказовъ, а по живости своей натуры, Ѳ. И. сталъ настойчиво требовать, чтобы я познакомилъ его и съ тѣмъ, и съ другимъ, и съ третьимъ.

На другой день утромъ, послѣ лекціи въ *Collège de France*, я подошелъ къ Г. Парису и заявилъ ему, что въ Парижъ приѣхалъ мой учитель, профессоръ Московскаго университета Буслаевъ, который желалъ бы познакомиться съ нимъ и просить позволенія побывать у него на лекціи въ *École des hautes études* (доступъ туда закрытъ постороннимъ).

— Знаменитый Буслаевъ, авторъ «Исторической грамматики», лучший знатокъ русской народной поэзіи! Ну, конечно! Я буду очень радъ его видѣть. Необходимо бы устроить ему обѣдъ. Какая жалость, что онъ такъ поздно приѣхалъ! Сезонъ кончается: многіе разъѣхались. Но чтонибудь мы постараемся сдѣлать. Итакъ, сегодня вы привезете его въ Сорбонну.

— Если позволите.

— Непремѣнно, непременно. Жду его.

Безъ 5 минутъ въ 4 часа мы съ Ѳ. И. были уже въ маленькой залѣ *École*. Слушателей, или, вѣрнѣе, участниковъ семинаріи было у Париса человекъ 30, въ томъ числѣ на половину люди въ лѣтахъ, преподаватели въ коллежахъ и факультетахъ.

Мы всѣ уже знали другъ друга въ лицо, и потому появленіе Ѳ. И. произвело нѣкоторую сенсацію.

Ко мнѣ подошелъ одинъ южанинъ и тихонько спросилъ меня, кивая на Ѳ. И.:

— Членъ Петербургской академіи?

— Да, и вмѣстѣ съ тѣмъ профессоръ Московскаго университета, Буслаевъ.

— Слыхалъ. Какой онъ еще молодой и красивый! (Буслаеву въ это время было 56 лѣтъ).

Вошелъ Парисъ и сразу усмотрѣлъ Буслаева; я представилъ ихъ другъ другу. Парисъ выразилъ свой восторгъ, что видитъ знаменитаго русскаго ученаго, съ трудами котораго онъ знакомъ, къ сожалѣнію, только по наслышкѣ и по извлеченіямъ (онъ тогда едва начиналъ учиться порусски).

Признаюсь, я нѣсколько испугался, когда услышалъ, что *Ө. И.* отвѣчаетъ ему понѣмецки. Вѣдь это было въ 1874 г., и память о прусской осадѣ была слишкомъ свѣжа въ Парижѣ. Я былъ увѣренъ въ Парисѣ, который самъ долго учился въ Германіи, но его аудиторія?!

Но наружность и манеры *Ө. И.* были до того симпатичны, что я не замѣтилъ ни одного косога взгляда. *Ө. И.* извинился, что онъ очень давно не говорилъ пофранцузски, а теперь только что пріѣхалъ изъ Германіи; но черезъ 2—3 дня онъ надѣется снова привыкнуть къ языку прекрасной Франціи, и скавалъ нѣсколько заслуженныхъ любезностей молодому филологу и его отцу, когда-то извѣстному знатоку старофранцузской лутературы, Полэну Парису.

Спросивъ позволенія у *Ө. И.*, *Г. Парисъ* приступилъ къ лекціи. Въ *École des hautes études* нѣтъ скамеекъ и кафедръ, а профессора и студенты сидятъ кругомъ овальнаго стола; только для профессора, приблизительно посрединѣ, стоятъ кресла. *Ө. И.* и не могъ замѣтить, какъ ловко Парисъ посадилъ его на свое кресло, а самъ помѣстился налѣво отъ него. Передъ лекціей онъ въ немногихъ, но прекрасныхъ словахъ объяснилъ аудиторіи, какого гостя она имѣетъ честь принимать въ стѣнахъ своихъ, и, наконецъ, обратившись къ Буслаеву, сказалъ, чѣмъ мы будемъ заниматься сегодня. Это былъ разборъ Жуанвила и критика его текста.

По окончаніи лекціи, *Ө. И.* поблагодарилъ Париса и сдѣлалъ ему нѣсколько вѣскихъ замѣчаній по поводу разобранныхъ отрывковъ. При выходѣ изъ Сорбонны, Парисъ пригласилъ Буслаева (а кстати и меня) на другой день обѣдать въ ресторанъ, чтобы потомъ вмѣстѣ отправиться въ *Société de linguistique*.

Обѣдъ въ маленькомъ учено-литературномъ ресторанѣ прошелъ для меня, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно пріятно. По врожденной гибкости и разносторонности своего ума, по тонкости художественнаго чутья, *Г. Парисъ* очень подходилъ къ *Ө. И.*; но помимо возраста—Парису было лѣтъ 36—37—чувствовалась между ними характерная разница: на сторонѣ француза была бѣльшая, природенная культура и бѣльшая строгость анализа; на сторонѣ русскаго—бѣльше оригинальности и творчества.

Теперь мнѣ слѣдовало бы рассказать, съ какими оваціями принимали Ө. И. въ Société de linguistique, какъ ради него, чтобы слышать его мнѣніе о пѣсняхъ Верковича, по единоголосному постановленію нарушили уставъ (въ томъ же засѣданіи и предложили его и выбрали); но, чтобы не задержать васъ слишкомъ долго, я перехожу къ тому, въ чемъ проявлялись особенности характера и міровоззрѣнія Буслаева.

Въ нашихъ совмѣстныхъ прогулкахъ по Парижу и его окрестностямъ, я не могъ не поражаться жизнерадостностью 56-лѣтняго профессора, въ которомъ неустанная работа надъ наукой точно волшебствомъ какимъ сохранила вѣчную юность. Всякая черта народной жизни, всякое проявленіе французской веселости или добродушія, все, для него новое, неиспытанное (до кислаго нормандскаго сидра включительно) возбуждало въ немъ почти дѣтскую радость и увлеченіе. Всякій остатокъ старины и съ другой стороны всякое проявленіе культуры, у насъ еще отсутствовавшее, приводили его въ безграничное восхищеніе.

Не могу не сказать о его необыкновенной деликатности къ иностранцамъ. Мало того, что онъ безпрекословно и съ удовольствіемъ подчинялся всѣмъ мѣстнымъ обычаямъ, какъ бы ни были они для насъ стѣснительны; мало того, что онъ никогда не допускалъ мысли, что его обсчитали или обманули (что случалось довольно часто); мало того, что онъ первый кланялся гарсону и лавочнику и тѣмъ оставлялъ за флагомъ пресловутую французскую любезность,—онъ избѣгалъ, по возможности, пользоваться нашимъ законнымъ правомъ говорить при иностранцахъ между собою по-русски.

— Вѣдь имъ же обидно не понимать насъ,—говорилъ онъ,—за что же обижать людей?

Разъ мы завтракали въ саду отеля, гдѣ жили Буслаевы; на другомъ концѣ стола помѣстилась семья англичанъ довольно курьезнаго вида. Я сдѣлалъ объ нихъ какое-то замѣчаніе.

— Пожалуйста,—сказалъ Ө. И.,—не смотрите туда: они поймутъ, что объ нихъ говорятъ; да и не называйте ихъ англичанами: слово слишкомъ похоже,—а островитяне. Мы всегда съ Людмилой (имя его супруги) такъ дѣлаемъ.

Я замѣтилъ, что едва ли слѣдуетъ такъ церемониться съ островитянами, которые у себя дома—очень почтенный народъ, но на континентѣ рѣшительно не наблюдаютъ никакой деликатности.

— Богъ съ ними: пусть они будутъ грубы, если у нихъ такой характеръ или воспитаніе; а мы не будемъ имъ подражать: надо перенимать не дурное, а хорошее.

И дѣйствительно, этотъ человѣкъ, столь независимый, столь всѣми уважаемый, до глубокой старости готовъ былъ перенимать—учиться, какъ онъ называлъ это, у всѣхъ безъ исключенія тому,

что онъ считалъ разумнымъ, гуманнымъ и культурнымъ, до самыхъ мелочей.

Нужно ли говорить послѣ этого, что Ѡ. И. рѣшительно отказывался даже понимать племенную борьбу съ поляками, евреями или нѣмцами, на почвѣ научной или университетской, о которой ему рассказывали иногда ученики его, возвращавшіеся съ юга или запада? Да и на всякой почвѣ массовая ненависть была ему антипатична до послѣдней крайности.

Обыкновенно люди, въ такой степени, какъ Ѡ. И., охраняющіе чужое самолюбіе, и сами требуютъ къ себѣ вниманія и деликатности. Былъ въ этомъ отношеніи чувствителенъ и Буслаевъ. Но безконечная его доброта и терпимость дѣлали его будто мало доступнымъ для оскорбленій, липали его способности долго сердиться. Если кто нибудь дѣлалъ ему неприятности по недостатку благовоспитанности, Буслаевъ благодушно смѣялся надъ нимъ, но не измѣнялъ къ нему отношеній. Если кто расходился съ нимъ во мнѣніи и при этомъ настойчиво искалъ случаевъ поспорить съ нимъ и поссориться, Буслаевъ отъ спора не уклонялся, велъ его горячо и убѣжденно, но когда противникъ его переходилъ на личности, Буслаевъ говорилъ:

— Ну, какъ хотите, такъ и думайте, а если хотите браниться, я отвѣчать вамъ не буду; я не умѣю браниться, и учиться этому не желаю.

И онъ уходилъ огорченный; но если его противникъ былъ человѣкъ въ сущности порядочный, а только слишкомъ увлекающійся, Ѡ. И. черезъ нѣсколько дней забывалъ свою ссору съ нимъ и разговаривалъ попрежнему дружески.

Многочисленные ученики Буслаева, даже изъ болѣе близкихъ, по окончаніи курса или по полученіи мѣста, большею частію будто забывали его. Но никогда въ продолженіе 35 лѣтъ нашего знакомства я не слыхалъ отъ него жалобы на то, что вотъ молъ такой-то, всѣмъ или многимъ ему обязанный, забылъ его и не пишетъ и самъ не заѣзжаетъ.

Да онъ искренно былъ убѣжденъ, что никто ему ничѣмъ и не обязанъ. Онъ училъ, онъ давалъ свои книги, но это былъ его долгъ, и успѣхи студентовъ доставляли ему удовольствіе.

Онъ находилъ уроки и мѣста. «Экіе пустяки какіе! Да это всякій бы сдѣлалъ! Хорошій студентъ стѣбитъ и бѣдшаго». Онъ рекомендовалъ на каѳедры, велъ длинную переписку съ официальными учрежденіями. Такъ вѣдь это дѣлалось не для лица, а для пользы науки.

Короче, послушать его, такъ онъ былъ обязанъ намъ всѣмъ, а не мы ему.

Поѣздка въ Парижъ, о которой я рассказывалъ, была началомъ 4-го, довольно продолжительнаго заграничнаго путешествія Буслаева.

Во время него онъ трудился съ неустанною, юношескою энергіей и осенью 1875 года вернулся въ Москву не утомленный, но какъ бы съ возобновленными силами, и снова началъ свои лекціи и работы, теперь направлявшіяся главнымъ образомъ въ сторону исторіи русскаго искусства.

Въ концѣ 70-хъ годовъ, имѣя уже болѣе 60 лѣтъ отъ роду, онъ принялся за свой послѣдній большой трудъ—о русскомъ лицевомъ апокалипсисѣ; ради него онъ совершилъ свою 5-ю поѣздку за границу, во время которой просиживалъ въ рукописныхъ отдѣленіяхъ по 5—6 часовъ ежедневно. Чтобы всецѣло отдаться этой работѣ и чтобы, какъ онъ говорилъ, уступить мѣсто молодымъ силамъ, Ѡ. И. въ 1881 году покинулъ столь дорогую ему кафедру. Но связей съ университетскою молодежью онъ прерывать и не думалъ: попрежнему ходили къ нему и студенты и магистранты, и попрежнему Ѡ. И. руководилъ ихъ занятіями.

Исслѣдованіе объ апокалипсисѣ стоило Ѡ. И. пяти лѣтъ неустаннаго труда, и всякій, кто только возьметъ въ руки его книгу, подивится тому, какъ онъ успѣлъ въ пять лѣтъ покончить съ нею: почти 900 страницъ текста, въ которомъ каждая фраза есть результатъ или тщательныхъ наблюденій или упорной работы мысли, и атласъ in-f^o въ 300 таблицъ, въ которомъ каждая черточка срисована художникомъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ автора—это надорвало бы силы и молодого, свѣжаго работника, а у Ѡ. И. стояла за плечами цѣлая бібліотека его ученыхъ трудовъ! Буслаевъ не надорвался, не потерялъ свѣжести и ясности ума, но потерялъ надъ апокалипсисомъ зрѣніе. Можно себѣ представить, какой это былъ ударъ ученому, посвящавшему въ послѣдніе годы все свое время на исторію искусства и всѣ свои деньги на приобрѣтеніе гравюръ и иллюстрированныхъ изданій!

Но Ѡ. И. и полуслѣбшій не думалъ отдыхать: съ помощію чужихъ глазъ онъ принимается за собираніе своихъ статей и изслѣдованій, издаетъ ихъ въ двухъ сборникахъ, а потомъ немедленно начинаетъ диктовать свои интересныя и поучительныя воспоминанія. Параллельно съ ними онъ собираетъ матеріалы для обширной работы о слогѣ и языкѣ Тургенева; никогда исторія новой русской литературы не утѣшится въ томъ, что эта монографія Буслаева осталась неоконченною.

Въ маѣ 1888 года, газеты стали справляться о началѣ службы Буслаева, очевидно, имѣя въ виду устройство 50-ти-лѣтняго его юбилея.

Но Ѡ. И. рѣшительно и всѣми мѣрами отклонялъ отъ себя эту честь, ссылаясь на слабость своего здоровья, и буквально упрашивалъ лицъ, близкихъ къ нему, употребить все вліяніе, чтобы разстроить это «непріятное» для него дѣло.

Тѣмъ не менѣе въ августѣ этого года, послѣ обнаруженія вы-

сочайшей грамоты на его имя, со всѣхъ концовъ Россіи посыпались на него привѣтственные телеграммы, адреса и письма въ такомъ количествѣ, что ихъ отказывается перечислить специальное изданіе, посвященное этому случаю. Длинный рядъ ученыхъ учреждений и обществъ избралъ его своимъ почетнымъ членомъ. Во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ явились статьи его учениковъ и почитателей, посвященные указанію его заслугъ.

Такимъ образомъ, хотя юбилея и не было, но торжество приняло такіе размѣры и въ то же время отличалось такою задушевностью и искренностью, что другого такого примѣра единенія русскаго общества для выраженія почтенія къ ученому, сколько знаю, и не было. *Ө. И.* конфузился, минутами страдалъ отъ сутолоки и утомленія, но принималъ всѣ адреса и отвѣчалъ на нихъ, отвѣчалъ и на каждое письмо изъ отдаленной провинціи, чтобы не обидѣть людей, которые, какъ говорилъ онъ, чтуть его гораздо выше его заслугъ.

Послѣднія три зимы я чаще видалъ *Ө. И.*, нежели во всѣ предыдущіе годы. Онъ уже совсѣмъ ослѣпъ, почти не выходилъ изъ дому, и переутомленные вниманіе и память иногда отказывались служить ему.

Развѣ не естественно было ожидать, что бессильный слѣпецъ будетъ негодовать на судьбу свою, лишившую его раньше смертнаго часа всѣхъ радостей, будетъ пессимистически смотрѣть на новый міръ, какъ будто его забывающій, будетъ тяготиться жизнью и только по привычкѣ и старческой слабости будетъ бояться неизбежнаго конца?

Ө. И. не только не тяготился жизнью, онъ наслаждался ею до послѣдняго часа! Этотъ 79 лѣтній старикъ, едва двигавшійся по комнатѣ, былъ такъ же жизнерадостенъ и такъ же молодъ душою, какъ и много лѣтъ назадъ. Онъ былъ такъ же добръ, ласковъ, отзывчивъ и гуманенъ: онъ такъ же наслаждался поэзіей; онъ такъ же любилъ молодежь и вообще людей, минутами такъ же весело смѣялся, изрѣдка такъ же горячо негодовалъ...

Правда, онъ избѣгалъ говорить о смерти; но онъ, какъ Гёте, его любимый поэтъ въ послѣдніе годы, избѣгалъ такихъ темъ и въ былое время, именно въ силу своей жизнерадостности.

Къ своему прошлому онъ относился съ глубокою и трогательною благодарностью. Не одинъ разъ говорилъ онъ мнѣ:

— Я очень много испыталъ счастья въ жизни, счастья всякаго рода, отчасти и незаслуженнаго. Мнѣ есть чѣмъ помянуть и молодость, и мужество, и даже старость.

Даже въ своемъ ужасномъ несчастіи — слѣпотѣ, онъ умѣлъ найти отрадную сторону.

— Было бы, — сказалъ онъ мнѣ однажды, — очень тяжело сразу умереть, сразу всего лишиться. А у меня идетъ потепенно. Вотъ

я лишился возможности читать, видѣть картины, свои гравюры: половина прелести жизни пропала. Потому я оглохну: не буду въ состояніи читать и чужими глазами. Такъ и умру нечувствительно, понемножку. Не правда ли, вѣдь такъ лучше?

По тяжелой неволѣ отдаляясь отъ страстно любимой имъ науки, онъ и до послѣдняго дня сохранялъ съ нею связь посредствомъ учениковъ своихъ и своихъ духовныхъ «внуковъ», какъ онъ называлъ ихъ учениковъ. Какъ ни утомляли его несвоевременныя посѣщенія, онъ радовался отъ всей души, когда, напимѣрь, по случаю съѣзда къ нему заглядывали многочисленные продолжатели его дѣла, и настойчиво звали каждаго побывать у него въ воскресенье (его пріемный вечеръ).

— У насъ рано собираются,—говорилъ онъ:—зато рано и расходятся: вы успѣете и на другой вечеръ попасть.

А въ воскресенье онъ каждаго такого пріѣзжаго непремѣнно подзоветъ и усадитъ рядомъ съ собою для особаго разговора: расспроситъ о положеніи, о работахъ, сдѣланныхъ и задуманныхъ, искренно похвалитъ за первыя, воодушевитъ ко вторымъ, дастъ дорогой совѣтъ и иногда важное указаніе, расскажетъ, какъ онъ самъ работалъ на сходныя темы...

Намъ, старымъ студентамъ Буслаева, эти разговоры а parte и сладко и больно напоминали тѣ милые допросы, которымъ подвергалъ онъ 35 лѣтъ назадъ вновь приходившихъ къ нему словесниковъ.

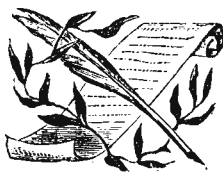
Такъ догорала эта все еще высокополезная жизнь, представлявшая младшимъ поколѣніямъ отрадное и поучительное зрѣлище, пока острый недугъ не подрѣзалъ ея нити.

Еслибъ Буслаевъ скончался зимою или весною, его похороны были бы трауромъ для всей интеллигентной Россіи. Но онъ, такъ старательно избѣгавшій при жизни всякой помпы и показности, и въ могилу сошелъ до крайности скромно и тихо, но благодарная память объ немъ будетъ жить, пока существуетъ русская наука.

А въ исторіи русскихъ университетовъ имя Буслаева будетъ сіять вѣчнымъ блескомъ, какъ имя образцоваго и вліятельнаго профессора, духовнаго родоначальника многихъ поколѣній профессоровъ, который идеально честно относился съ своимъ ученымъ и преподавательскимъ обязанностямъ, который при высокомъ пониманіи своей просвѣтительной миссіи и огромныхъ знаніяхъ и талантѣ, былъ безусловно свободенъ отъ ученой гордости и педантизма и отличался поразительною скромностью, гуманностью и терпимостью, который на университетскую молодежь смотрѣлъ, не только какъ на объектъ своей дѣятельности, а какъ на семью свою, какъ на дорогихъ товарищей, любовь которыхъ нечестно заискивать лестію и потворствомъ, но необходимо пріобрѣтать прямою, сердечнымъ участіемъ и готовностью жертвовать личными

интересами на пользу общую. Трудно, почти невозможно многочисленнымъ ученикамъ Буслаева, разсѣяннымъ по всему лицу земли Русской, подражать Буслаеву ученому, этому богатырю науки. Но они нравственно обязаны подражать Буслаеву профессору въ его горячей любви къ дѣлу и къ молодежи, въ его готовности полагать «душу свою за други своя».

А. Кирпичниковъ.

НАКАНУНЪ БѢЛИНСКАГО ¹⁾.

(Посвящается М. Л.).

ЛЯТЬДЕСЯТЬ лѣтъ тому назадъ вся истинно-интеллигентная Россія печалилась надъ гробомъ чловѣка, который въ теченіе пятнадцати лѣтъ былъ для нея глашатаемъ горячей и благородной проповѣди, провозвѣстникомъ свѣтлой истины, вождемъ въ высокіхъ порывахъ и истолкователемъ великаго богатства, заключеннаго въ художественныхъ произведеніяхъ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Скончался Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, — и осиротѣли всѣ, кто былъ связанъ съ нимъ духовнымъ родствомъ. Но вотъ прошло полвѣка съ тѣхъ поръ, и мы, вспоминая день кончины великаго критика, уже не грустимъ. Всемогущее время угасило печаль, и наше поколѣніе будетъ праздновать этотъ день торжествами въ честь чловѣка, которымъ смѣло можетъ гордиться Россія. Насъ отдѣляютъ отъ него полвѣка, а между тѣмъ онъ намъ такъ же близокъ и дорогъ, какъ и своимъ современникамъ. Каждый образованный русскій читаетъ и перечитываетъ его произведенія и постоянно находитъ въ нихъ обильную пищу для своей духовной жизни. Такой удѣлъ достается немногимъ истинно великимъ людямъ, которые умѣли не только отвѣтить на запросы своего вре-

¹⁾ Этотъ очеркъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, подъ заглавіемъ: «Культурный переломъ въ русской литературѣ», былъ прочитанъ въ качествѣ публичной лекціи въ Солянѣмъ городкѣ 26-го марта сего года, въ пользу общества вспомошествованія студентамъ С.-Петербургскаго университета.

мени, но и предусмотрѣть то, что долго еще будетъ оставаться существеннымъ и главнымъ. Вотъ отчего въ воспитаніи цѣлаго ряда поколѣній Бѣлинскій играетъ такую выдающуюся роль.

Но крупная фигура Бѣлинскаго является въ исторіи нашей литературы, не какъ *deus ex machina*. Характеръ, направленіе и содержаніе его литературной дѣятельности находится въ тѣснѣйшей связи съ предшествовавшимъ ходомъ нашей художественной и теоретической мысли. Поэтому для правильнаго пониманія и оцѣнки Бѣлинскаго необходимо внимательно всмотрѣться въ то, что дѣлалось у насъ до него. Безъ этого мы рискуемъ впасть въ грубую ошибку при истолкованіи его личности и значенія. Такое истолкованіе возможно только на исторической почвѣ, а для этого у насъ слишкомъ еще мало сдѣлано. Вотъ почему настоящій очеркъ посвященъ эпохѣ «наканунѣ Бѣлинскаго». Авторъ полагаетъ, что попытка выяснитъ ту атмосферу, въ которой выросъ и сложился великій критикъ, будетъ нелишней въ тотъ моментъ, когда приближающійся юбилей сосредоточиваетъ всеобщее вниманіе на самомъ Бѣлинскомъ.

I.

Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ русскомъ обществѣ ясно обозначается новое настроеніе, имѣющее источникомъ ростъ личности русскаго человѣка. Старая московская Русь выработала опредѣленное міросозерцаніе, опредѣленный взглядъ на основные вопросы общественной жизни и личной морали, и въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ русскій человѣкъ довольствовался этимъ міросозерцаніемъ, поправляя и видоизмѣняя многое въ частностяхъ, но не чувствуя потребности въ провѣркѣ самыхъ основъ его. Къ девятнадцатому вѣку русскій человѣкъ, постепенно выростая, наконецъ, переросъ старое міросозерцаніе, переросъ настолько, что оно перестало удовлетворять его, оказалось не только безсильнымъ дать отвѣтъ на вновь появившіеся запросы, но и стало въ коренное противорѣчіе съ цѣлымъ рядомъ народившихся фактовъ общественной и личной жизни. Конечно, это столкновеніе стараго міросозерцанія съ выросшей личностью возникло не семьдесятъ лѣтъ назадъ. Нѣтъ, оно несомнѣнно началось значительно ранѣе. Но въ двадцатыхъ годахъ текущаго вѣка мы впервые можемъ указать на яркіе плоды этого процесса въ литературѣ.

Я не беру на себя задачи изобразить полную картину постепеннаго роста русскаго человѣка, этого роста, который характеризуется стремленіемъ къ секуляризаціи всѣхъ сторонъ жизни и къ индивидуализму. Для моей цѣли можно ограничиться только констатированіемъ того факта, что старые и новые русскіе люди въ дѣлѣ лич-

ной морали стоять на диаметрально противоположныхъ точкахъ зрѣнія. Московскій человѣкъ какъ бы придавленъ мыслью о грѣховности природы людской и о неизбежной смерти, и эта роковая перспектива заслоняетъ передъ нимъ жизнь. Всѣ его помыслы устремлены на смертный часъ и лишь скользятъ по поверхности жизненныхъ явленій, которыя не возбуждаютъ въ немъ серьезнаго вниманія и лишь служатъ удовлетворенію его страстей, ничтожество и порочность коихъ онъ готовъ всегда признать. Сознаніе своей незначительности и неудовлетворительности заставляетъ человѣка прибѣгать къ внѣшнему авторитету, который опредѣляетъ его поступки и отношенія. Новый человѣкъ, наоборотъ, такъ прикованъ къ жизни, такъ много отъ нея получаетъ, что мысль о смерти отступаетъ передъ нимъ на задній планъ. Всѣ его помыслы здѣсь на землѣ, въ своей привязанности къ жизни, въ потребностяхъ своей природы онъ отнюдь не видитъ ничего грѣховнаго, онъ стремится найти смыслъ существованія не за предѣлами жизни, а въ ней самой. Онъ научился видѣть въ жизни красоту, которая является для него дивною оболочкою сокровенной святой истины. Онъ научился переживать чистые, безкорыстные и возвышенные восторги передъ великими произведеніями человѣческаго генія въ области искусства, онъ сталъ цѣнить успѣхи и завоеванія человѣческаго ума въ наукѣ, онъ стремится къ установленію максимума счастья для максимума лицъ, здѣсь, на землѣ,—и каждый шагъ человѣчества на пути этой побѣды жизни надъ смертью пріѣтствуетъ новый человѣкъ съ восторгомъ. Онъ сознаетъ и цѣнитъ свои силы, а потому отвергаетъ внѣшній авторитетъ, лишь въ себѣ самомъ ищетъ отвѣтовъ на всѣ вопросы и безстрашно отдается духу свободного изслѣдованія въ надеждѣ дойти въ концѣ концовъ до свѣтлой истины.

Дѣлая такую антитезу, я имѣю въ виду главнымъ образомъ міросозерцаніе, такъ сказать, организованное, отлившееся въ отчетливую форму, закрѣпленное и аргументированное теоретически. Но всегда бываетъ такъ, что никакая формула, никакая теорія не покрываетъ всего разнообразія жизненныхъ явленій. И, конечно, аскетизмъ и преклоненіе передъ церковнымъ авторитетомъ, ярко выразившіеся въ памятникахъ русской письменности московскаго періода, были такой же теоріей, какъ и всякая другая, то-есть, не охватывали всего содержанія тогдашней жизни. Поэтому въ московской Руси мы легко найдемъ факты, которые никакъ не умѣстятся на Прокрустово ложе аскетизма и церковности. Но я говорю не о скрытыхъ силахъ человѣческаго духа, которыя мы можемъ узнавать по ихъ фактическимъ проявленіямъ и которыя, надо полагать, вѣчно существуютъ и дѣйствуютъ. Нѣтъ, я говорю о томъ, что человѣкъ въ себѣ уже отчетливо созналъ, считаетъ самымъ главнымъ и законнымъ и во имя чего онъ сознательно передѣлываетъ себя и все

окружающее,—однимъ словомъ я разумѣю тутъ идеалы, выработанные наиболѣе крупными и сознательными представителями данной эпохи, идеалы, представляющіе вѣнецъ и квинтъ-эссенцію философствующей мысли въ данное время, хотя бы дѣйствительная жизнь и была далека отъ реализаціи этихъ идеаловъ.

Вотъ въ чисто схематическомъ видѣ разница между психическимъ складомъ старой и новой Руси. Тамъ преобладаетъ робость душевная и покореніе авторитету. Здѣсь—духъ воспрянулъ и дервнулъ на свободное изслѣдованіе. Эти новыя настроенія, овладѣвъ извѣстной группой нашей интеллигенціи, дали сильный толчекъ развитію всѣхъ сторонъ жизни. Они создали новыя общественныя и политическія взгляды, свѣтскую школу, свѣтскую науку и свѣтское искусство.

Но я буду говорить здѣсь только о томъ, какъ ярко отразился новый складъ понятій въ литературѣ, которая самымъ своимъ появленіемъ обязана именно развитію свѣтскихъ вкусовъ и стремленію внести въ жизнь высокія и чистыя наслажденія эстетическаго характера.

II.

Русская художественная литература начинается въ XVIII вѣкѣ рабскимъ подражаніемъ французскому классицизму, отъ котораго русскіе писатели заимствуютъ не только форму, но и содержаніе. Такая несамобытность показываетъ, что новыя потребности, эстетическія, и связанныя съ ними настроенія еще внѣшне прицѣпились къ жизни, не окрѣпли въ русскомъ человѣкѣ, не вошли въ плоть и кровь его. Поэтому-то всѣ наши писатели прошлаго вѣка, въ большей или меньшей степени, остаются учениками. Иногда эти ученики въ высшей степени талантливы и вносятъ въ свои произведенія много своего, чисто-русскаго, на примѣръ, Фонвизинъ, Державинъ, но все-таки у нихъ чувствуется отчасти ученическая робость передъ французскими литературными теоріями и ученическая неумѣлость совладать съ формой. Свободнаго порыва настоящаго мастера, широкаго и ничѣмъ нестѣсненнаго въ своей искренности, мы не найдемъ въ XVIII вѣкѣ. Лишь въ настоящемъ столѣтіи у насъ появляются такіе мастера, съ полною правдивостью показывающіе намъ современный имъ психическій складъ. Первый и самый крупный изъ нихъ—несомнѣнно Пушкинъ. На его произведенія нетрудно уже показать, какъ передвинулся русскій человѣкъ съ старой почвы на новую, какъ научился онъ свободно, критически относиться ко всякимъ авторитетамъ—и литературнымъ, и общественнымъ, и нравственнымъ,—какой громадный шагъ успѣло сдѣлать къ тому времени развитіе интенсивности интереса къ жизни, какъ къ абсолютному благу, самодовлѣющему, независимому ни отъ какихъ метафизическихъ построеній. Смыслъ

жизни усматривается въ прогрессивномъ развитіи благородныхъ основъ человѣческой личности. Искусство разсматривается, какъ одно изъ высшихъ проявленій человѣческаго генія, способствующее этому самому развитію. Я укажу лишь на самыя важныя черты въ Пушкинской поэзіи, которыя характеризуютъ въ Пушкинѣ именно новаго человѣка, и, не протѣживая каждой черты по всеѣмъ произведеніямъ его, остановлюсь лишь на немногихъ цитатахъ, наиболѣе ярко отразившихъ эти черты. И притомъ не буду слѣдить, какъ онѣ постепенно нарождались у поэта, за всеѣми его колебаніями, а возьму лишь кардинальные пункты.

Индивидуализмъ новаго человѣка сказывается у Пушкина прежде всего большимъ интересомъ къ самому себѣ, къ своему внутреннему міру. Въ каждомъ томѣ его сочиненій вы найдете массу автобіографическаго матеріала. Не говоря уже о мелкихъ стихотвореніяхъ, гдѣ поэтъ обстоятельно насъ знакомитъ съ своими лицейскими кутежами, съ любовными увлеченіями, съ своими друзьями, съ разными своими настроеніями, иногда минутными и случайными, съ мелкими впечатлѣніями, мимоходомъ поразившими его вниманіе, и т. п.,—возьмемъ даже крупныя его вещи. Относительно «Кавказскаго плѣнника» онъ самъ писалъ, что пробовалъ въ лицѣ героя изобразить свой портретъ, картины Кавказа и жизни горцевъ, — плодъ его личныхъ наблюденій, вынесенныхъ изъ кавказскаго путешествія; эпилоги къ «Бахчисарайскому фонтану» и «Цыганамъ» знакомятъ насъ съ обстоятельствами и настроеніями автора, побудившими его къ написанію этихъ поэмъ; «Евгеній Онѣгинъ» переполненъ личными размышленіями и автобіографическими отступленіями. Ближайшее знакомство съ личностью и біографіей поэта открываетъ намъ въ его типахъ и произведеніяхъ еще большую связь съ его жизнью и внутреннимъ міромъ. Такъ великъ интересъ поэта къ своей личной, психической жизни. За предѣлами своей личности онъ прежде всего останавливается опять таки на человѣкѣ же, на чужой психикѣ, на чужой индивидуальности.

Эти индивидуалистическіе интересы сопровождаются великимъ уваженіемъ къ свободѣ личности, для которой онъ требуетъ самаго широкаго простора. Вопреки аскетической морали, человѣкъ долженъ не убивать наклонности своей природы, а наоборотъ стремиться безпрепятственно развивать ихъ. Это отнюдь еще не значитъ, чтобы поэтъ признавалъ безукоризненность человѣческой природы и все ея инстинкты считалъ хорошими. Къ такой точкѣ зрѣнія онъ былъ близокъ развѣ только въ самыя юныя свои годы, когда онъ является передъ нами эпикурейцемъ, въ низшемъ смыслѣ слова. Въ немъ кипитъ силъ избытокъ, онъ безотчетно отдается юному веселью, воспѣваетъ вино, женщинъ, страстную любовь, красоту. Но чѣмъ дальше идетъ его жизнь, тѣмъ громче звучать въ душѣ поэта другія ноты, «минувшихъ лѣтъ угасшее веселье» ему «тяжело,

какъ смутное похмелье». Но это сознаніе юныхъ заблужденій, какой бы остроты оно ни достигало, не приводитъ поэта къ мысли о грѣховности и окончательной испорченности человѣческой природы, не заставляетъ его отрицать жизнь и личность во имя какого либо метафизическаго начала. Нѣтъ, самое отрицаніе страстей у него истекаетъ изъ внимательнаго прислушиванія къ струнамъ своей души, идеаль, во имя котораго онъ отрицаетъ, есть такой же продуктъ его личности, какъ и прежнія увлеченія. Борьба совершается, такъ сказать, въ предѣлахъ его личности, которая постепенно развиваетъ свои высшія силы и во имя ихъ отрицаетъ низшія. Такимъ образомъ нравственное совершенствованіе является продуктомъ свободнаго развитія человѣческой личности, а не возникаетъ подъ давленіемъ внѣшняго авторитета. Въ Пушкинской поэзіи мы уже чувствуемъ то настроеніе, которое скоро станетъ основой для созиданія новой свѣтской морали, опирающейся на самопознаніе, т. е. на внимательное изученіе человѣка и его психическаго строя. Но у самого Пушкина мы тщетно стали бы искать этой морали. Даже самая основа этой морали—вѣра въ благородство психической организаціи человѣка, у него не формулирована. Она чувствуется у него, лишь какъ настроеніе, лишь какъ интуитивная подпочва, на которой несознательно зиждутся лучшія его мечтанія и надежды на будущее человѣчества. Онъ пока только требуетъ полной свободы для развитой индивидуальности, не давая себѣ яснаго отчета, какая цѣль этой свободы, и почему это требованіе законно. Онъ только рвется на просторъ, но теоретическое обоснованіе этого порыва, его сущность и практическіе выводы изъ него—все это еще впереди. Почва для новаго міросозерцанія уже готова, но самаго міросозерцанія пока еще нѣтъ.

III.

Во всякомъ случаѣ въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Пушкина наряду съ эпикурействомъ звучатъ серьезныя ноты. Онъ пѣвецъ живыхъ, непосредственныхъ и искреннихъ настроеній и вмѣстѣ съ тѣмъ борецъ противъ всякой фальши и условности, противъ всѣхъ внѣшнихъ путей, которыя мѣшаютъ свободному развитію человѣческой личности. Онъ воспѣваетъ разнузданныя страсти юности, даже бравивируетъ разгуломъ, потому что въ такъ называемомъ приличномъ обществѣ ему претитъ показная степенность, свѣтскія пути, фальшивая условность. Онъ примыкаетъ къ обществу «Зеленой Лампы», «оргіаческому», какъ обозначено оно въ протоколахъ полиціи, которая заподозрѣла у этой секретной организаціи злонамѣренныя планы, но, наведя слѣдствіе, обнаружила, что это просто компанія молодыхъ кутилъ, устроивавшая кутежи, безпримѣрные по своей разнузданности. Что гнало Пушкина изъ свѣ-

скаго общества и бросало его въ объятія разврата, лучше всего видно изъ его «Посланія Горчакову»:

Признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе
 Младыхъ повѣсь счастливая семья,
 Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъ я,
 Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе,
 И гдѣ мы всѣ прекраснаго друзья,—
 Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
 Гдѣ умъ хранить невольное молчанье,
 Гдѣ холодомъ сердца поражены,
 Гдѣ... скука предсѣдатель,
 Гдѣ глупостью единой всѣ равны.

. . . . .
 Когда въ кругу Лаясь благочестивыхъ
 Затянутый невѣжда генераль
 Красавицамъ изношеннымъ и соннымъ
 Съ трудомъ острить французскій мадригалъ,
 Глядя на всѣхъ съ нахальствомъ благосклоннымъ,
 И всѣ вокругъ и дремлютъ, и молчатъ,
 Крутятъ усы, иль шпорами бренчатъ,
 Да изрѣдка съ улыбкою зѣваютъ,—
 Тогда, мой другъ, забытыхъ шалуновъ
 Свобода, Вакхъ и музы угощаютъ.
 Не слышу я въ то время острыхъ словъ,
 Политики смѣшнаго лепетанья,
 Не вижу я украшенныхъ глупцовъ,
 Святыхъ невѣждъ, почетныхъ подлецовъ
 И мистива придворнаго кривлянья!..

Но не противъ одной свѣтской условности возстаетъ молодой поэтъ. Онъ требуетъ также свободы для мысли и слова, рѣзко протестуя противъ тогдашней невѣжественной цензуры. Въ литературномъ лагерѣ онъ примыкаетъ къ новаторамъ, арзамасцамъ, ратовавшимъ противъ псевдоклассицизма съ его рамками, связывавшими свободу творчества, и требуетъ, чтобы единственнымъ закономъ художественнаго творчества было сознаніе самого творца. Сообразно съ этимъ онъ и въ области общественной сталъ на сторону либералистовъ, сочувствовалъ освободительнымъ идеямъ XVIII в. и былъ однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ проповѣдниковъ крестьянской эмансипаціи; онъ протестуетъ противъ разныхъ проявленій аракчеевщины, въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Провозглашеніе правдивости, искренности и правъ человѣческой личности, какъ основъ жизни, вышедшее изъ небольшого сравнительно кружка смѣлыхъ новаторовъ, встрѣтило сильную оппозицію со стороны косной массы нашего quasi-интеллигентнаго общества, и одною изъ жертвъ этой оппозиціи сталъ самъ поэтъ.

Его изгнали изъ Петербурга, оторвали отъ кружка родственныхъ душъ и послали подъ начальъ сухихъ чиновниковъ Инзова и Воронцова, а затѣмъ въ ссылку въ деревню. Жизнь повернулась къ нему своею темною стороною. Питомецъ музъ и вдохновенья, пѣвецъ нѣги и страстей, столкнулся самымъ реальнымъ образомъ съ тяжелыми фактами. Та самая среда, законами которой онъ прежде бравировалъ, надъ которой онъ зло издѣвался, теперь придавила его. Люди, которыхъ онъ считалъ своими друзьями, отвернулись отъ него. Зло оказалось гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, истина—слабѣе, чѣмъ онъ думалъ. Онъ проповѣдывалъ свободу, и слышалъ вокругъ себя хвалебный хоръ. Но вотъ постигла его бѣда за эту самую проповѣдь—и гдѣ же всѣ эти сочувствующія души? Кто на дѣлѣ доказалъ свое сочувствіе? Полно, въ самомъ ли дѣлѣ нужна людямъ свобода? Такъ ударъ, разразившійся надъ поэтомъ, вызвалъ у него чувство разочарованія въ людяхъ и въ смыслѣ своей дѣятельности.

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя;
Но потерялъ я только время,
Благія мысли и труды....
Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудить чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдье ихъ изъ рода въ роды—
Ярмо съ гремушками да бичъ.

Фактическая причина этого разочарованія вполне опредѣленно указана поэтомъ въ стихотвореніи, обращенномъ къ Глинкѣ:

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ.

И ниже въ томъ же стихотвореніи:

Мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь.

Разъ поэтъ такъ горько разочаровался въ людяхъ, то вполне понятны и тѣ строки, которыя слѣдуютъ за только что приведенными:

Безъ слезъ оставилъ я съ досадою
Вѣнки пировъ и блескъ Аенга...

И въ самомъ дѣлѣ, чего же стояли всѣ эти утѣхи молодости, если тѣ люди, съ которыми ихъ дѣлилъ поэтъ, оказались презрѣнными, робкими эгоистами, способными изъ шкурнаго страха измѣнить дружбѣ и любви. Такъ свободолюбивый эпикуреизмъ въ качествѣ жизненной программы оказался несостоятельнымъ.

Но ни удары судьбы, ни житейскія невзгоды, ни даже разочарованіе въ людяхъ, не могутъ убить въ поэтѣ силу жизнениости. Онъ не въ состояніи уйти отъ жизни и замкнуться въ помыслахъ о тщетѣ всего земнаго, онъ не можетъ купить себѣ душевное успокоеніе и опредѣленность міросозерцанія дѣною бѣгства отъ жизненныхъ явленій, дѣною уничтоженія собственной личности. Въстѣ съ тѣмъ, чтобы утолить свои муки, чтобы разрѣшить свои сомнѣнія, онъ не подчиняется никакому внѣшнему авторитету, а старается все это переварить въ самомъ себѣ и, чутко прислушиваясь къ голосу своей души, изъ нея самой взять основу для опредѣленія своихъ отношеній къ жизненнымъ явленіямъ. Собственная личность, собственныя чувства, настроенія и запросы, попрежнему остаются для поэта исходными пунктами въ выработкѣ новаго міросозерцанія. Только теперь онъ глубже и внимательнѣе изучаетъ свой психическій капиталъ и, кромѣ того, старается увеличить его обильнымъ чтеніемъ, преимущественно знакомствомъ съ великими поэтами Запада. Но и эти поэты не становятся для него авторитетомъ—онъ относится къ нимъ критически, не вѣритъ имъ на слово, а беретъ у нихъ лишь то, что является, по его мнѣнію, удачной формулой его личнаго настроенія, или что находитъ въ его душѣ отзвукъ и потому становится уже его личнымъ достояніемъ. Онъ не подражаетъ своимъ учителямъ, а самъ растетъ въ ихъ обществѣ, такъ сказать. Таково, напримѣръ, его отношеніе къ Байрону.

Это критическое отношеніе распространялъ Пушкинъ и на свои чувствованія, на свои мысли. Побудительнымъ мотивомъ такой критики было органическое отвращеніе поэта ко всякой фальши, натянутости и неправдѣ и въ другихъ и въ себѣ самомъ, а такая неустанная погоня за правдой, за одной только правдой показываетъ, какъ глубоко и искрененъ былъ у поэта интересъ къ выработкѣ новаго міросозерцанія. Всѣ его терзанія не были плодомъ празднаго, скучающаго ума,—нѣтъ, они свидѣлствуютъ о жгучей и глубокой потребности страстной натуры.

Какъ всегда бываетъ, старое міросозерцаніе оказывается гораздо легче отвергнуть, чѣмъ построить новое, между тѣмъ, безъ него жить трудно. И поэтъ это страшно чувствуетъ: онъ терзается, мучится отсутствіемъ твердаго жизненнаго принципа, мучится до такой степени, что по временамъ готовъ ухватиться за такое рѣшеніе задачи, которое не соотвѣтствуетъ его натурѣ. Онъ съ жаромъ начинаетъ проповѣдывать это рѣшеніе, но голосъ правды не умол-

каеть въ его душѣ. Этотъ голосъ не даетъ ему успокоиться на неправильномъ рѣшеніи, заставляетъ бросить искусственное построение и постоянно толкаетъ его все впередъ и впередъ въ поиски за лучшимъ, болѣе правдивымъ рѣшеніемъ,—и поэтъ, покорный неумолимому внутреннему суду, терзаясь и мучась, идетъ далѣе, оставляя потомству въ воспоминаніе о пройденномъ пути чудныя поэтическія произведенія, полныя художественной прелести и глубокаго нравственнаго смысла.

Необходимое замѣчаніе: какъ поэтъ, какъ художникъ, Пушкинъ шель не путемъ логическаго разсужденія, отвлеченнаго мышленія. Міросозерцаніе у него выработывалось путемъ борьбы между диаметрально противоположнымъ влеченіемъ его широкой и разнообразной натуры, всякую возможность выхода изъ своего душевнаго разлада онъ переживалъ цѣликомъ, онъ прямо отдавался извѣстному настроенію, которое указывало нѣкоторую точку зрѣнія на окружающій міръ, онъ, такъ сказать, перевоплощался въ порывѣ вдохновенія въ людей различнаго склада, онъ шель къ новому міросозерцанію порывами. Имѣя въ виду это, мы поймемъ, что въ настроеніяхъ, вылившихся въ его творчествѣ, напрасно искать строгой послѣдовательности. Они часто возникаютъ надъ давленіемъ случайныхъ и внѣшнихъ причинъ, и также случайно ослабѣваютъ и гаснутъ вовсе не потому, чтобы поэтъ разъ навсегда убѣдился въ ихъ несостоятельности. Иногда они возвращаются снова, и въ эпоху, когда поэтъ стоитъ уже на новой точкѣ зрѣнія, иногда вдругъ выпадетъ минута, наполненная прежнимъ настроеніемъ, давно уже забытымъ. Среди жизнерадостныхъ порывовъ вдругъ проскользнетъ нотка разочарованія, среди унынія вдругъ ярко вспыхнетъ лучъ жизнерадостности (примѣры: «Святель» и «Возстань, о Греція» написаны въ одномъ году; точно также—«Изъ VI Пиндемонте» и «Памятникъ»). Поэтому тотъ порядокъ, въ которомъ я излагаю настроенія Пушкина, не совпадаетъ съ хронологическими рамками. Но для моей цѣли не столько важно выяснить послѣдовательность настроеній поэта во времени, сколько выяснить ту сферу, въ которой вращались эти настроенія.

IV.

Амплитуда колебаній въ настроеніяхъ у Пушкина необыкновенно велика. Онъ способенъ былъ возвыситься до полной гармоніи, примирявшей всѣ житейскія противорѣчія въ какомъ-то высшемъ поэтическомъ синтезѣ, но иногда онъ доходилъ до крайняго отчаянія, до полнаго изнеможенія, и тогда ему казалось, что никакое примиреніе съ жизнью невозможно. Въ этихъ постоянныхъ колебаніяхъ онъ подвергалъ сомнѣнію всѣ возможные свѣтлые пункты, какіе только ему представлялись, но одни настроенія легче

подавались скепсису, другія обладали большею устойчивостью и глубже коренились въ душѣ поэта. Какія же ноты надо признать доминирующими въ психикѣ Пушкина? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ извѣстной «Элегіи» его:

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
 Мнѣ тяжело, какъ смутное похмелье.
 Но, какъ вино, печаль минувшихъ дней
 Въ моей душѣ, чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
 Мой путь уныль. Сулить мнѣ трудъ и горе
 Грядущаго волнуемое море.
 Но не хочу, о други, умирать!
 Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!
 И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
 Межъ горестей, заботъ и тревоженья:
 Порой опять гармоніей ушьюсь,
 Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
 И, можетъ быть, на мой закатъ печальный
 Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Итакъ, любовь и искусство—вотъ двѣ силы, которыя прочно приковываютъ поэта къ жизни. Какъ же понимаетъ Пушкинъ любовь и искусство?

Что такое для поэта любовь, лучше всего видно изъ его стихотворенія къ А. П. Кернъ. Чудное видѣніе, ненадолго посѣтившее поэта, скоро скрылось, но воспоминаніе о немъ остается въ душѣ поэта и поддерживаетъ его въ тяжелыя минуты. Но жизнь идетъ впередъ, годы летятъ за годами, милыя черты забываются,—и для поэта наступаетъ страшное время, онъ остается

Безъ божества, безъ вдохновенья,
 Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

И вдругъ передъ нимъ опять мелькнуло забытое видѣніе,—

И сердце бьется въ упоеньи,
 И для него воскресли вновь
 И божество, и вдохновенье,
 И жизнь, и слезы, и любовь.

Любовь тутъ является, какъ могучая сила, прикосновеніе которой къ душѣ поэта пробуждаетъ въ немъ всѣ лучшія стороны его, даетъ его настроенію мощный толчокъ, выводитъ его изъ вялаго и уныло-апатичнаго состоянія, наполняютъ бодростью, и такимъ образомъ ярко окрашиваетъ весь тонъ его психической жизни.

Читая стихотвореніе, обращенное къ Кернъ, вы чувствуете, что это не та вакхическая любовь, которую воспѣвалъ поэтъ въ юные годы буйнаго гусарства. Это совсѣмъ другое, высокое, просвѣт-

ляющее и облагораживающее чувство. И какъ ярко сказывается въ этомъ пунктѣ новый человѣкъ! Его прадѣдъ думалъ, что женщина—соблазнъ дѣвольскій, еще его отецъ былъ галантнымъ Екатерининскимъ вельможей, а нашъ поэтъ дошелъ уже до проникновенія въ великій идеалъ Гете—Das ewig Weibliche. Возьмите, на примѣръ, «Бахчисарайскій фонтанъ». Передъ вами два типа женщины, два типа любви. Съ одной стороны Зарема—страстная дочь юга, къ которой Гирей прикованъ жаркими лобзаніями. Эта чувственная страсть могуча, но она и останется только чувственною страстью, не имѣя никакого вліянія на Гирея за предѣлами гарема. А рядомъ гениальный поэтическій образъ польской панны Маріи, которая безъ всякихъ жертвъ и стараній внушаетъ дикому хану благоговѣйное чувство, заставляющее свирѣпаго татарина переродиться кореннымъ образомъ, бросить развратъ, отказаться отъ дикихъ грабежей и преклониться передъ непонятнымъ и недоступнымъ для него величіемъ души, обитающей въ беззащитномъ тѣлѣ его плѣнницы. И вотъ способность такой высокой любви поэтъ ощущаетъ въ себѣ,—какъ же ему порвать съ жизнью, въ которой есть такіе просвѣтляющіе моменты?

Да, могучая сила любви жила въ этомъ сердцѣ, и какія высокія гармоническія настроенія переживаетъ поэтъ подъ вліяніемъ этого чувства:

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная тѣнь,
Шумитъ Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко... Печаль моя легка.
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой! Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ оттого,
Что не любить оно не можетъ.

Во всей Пушкинской поэзіи я не знаю ни одной вещи, которая бы такъ ярко и глубоко передавала это всеобъемлющее и всепроникающее чувство органическаго сліянія съ любимымъ существомъ, присутствіе котораго каждую минуту ощущается душою и даетъ особый, неизъяснимый словами тонъ всѣмъ настроеніямъ и впечатлѣніямъ.

Что Пушкинъ цѣнилъ главнымъ образомъ въ искусствѣ, которое мы указали, какъ второй устой его души? На этотъ вопросъ лучше всего отвѣтить указаніемъ опять-таки на его стихотвореніе «Поэтъ»:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ.
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,

И межъ дѣтой ничтожныхъ міра,
 Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
 Но лишь божественный глаголь
 До слуха чуткаго коснется,
 Душа поэта встрепенется,
 Какъ пробудившійся орелъ.
 Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
 Людской чуждается молвы,
 Къ ногамъ народнаго кумира
 Не клонитъ гордой головы;
 Вѣжитъ онъ, дикій и суровый,
 И звуковъ и смятенья полнь,
 На берега пустынныхъ волнъ.
 Въ широкошумныя дубровы...

Ясно, что въ поэзіи поэтъ цѣнитъ то же самое, что въ любви. Поэтическое вдохновеніе важно и дорого для него, потому что порывъ этого вдохновенія нравственно перерождаетъ его, дѣлаетъ изъ ничтожнаго суетнаго человѣка сосудъ просвѣтленныхъ настроеній, отрываетъ его отъ пошлости житейской и влечетъ къ прозрѣнію какихъ-то высшихъ, вѣчныхъ истинъ, которыя наполняютъ душу его гармоніей и заставляютъ смотрѣть на все, что еще такъ недавно терзало его, сквозь какую-то особенную призму. И въ такія минуты поэтъ видитъ въ самыхъ обыденныхъ предметахъ поэтическую красоту, самые тяжелые факты окрашиваетъ такъ, что они, не измѣняя правдѣ, пріобрѣтаютъ новый примиряющій смыслъ. И всѣ жизненные страсти людскія стихаютъ передъ этой картиной высшей гармоніи и красоты, которыя неуловимо разлиты во весь міръ, но доступны только чуткому глазу и уху пробудившагося орла.

Такъ поэтъ, разочаровавшійся въ окружавшей его средѣ, нашелъ въ собственной душѣ настроенія, которыя не позволяли ему остановиться на пессимизмѣ и отреченіи отъ жизни. Это были тѣ высокія чувства, которыя возникали въ немъ въ просвѣтленныя минуты, когда душа его, отряхнувшись отъ хладнаго покоя подъ вліяніемъ любви или вдохновенія, становилась мягкой, чуткой и воспримчивой къ правдѣ, добру и красотѣ.

V.

Но Пушкинъ былъ слишкомъ впечатлителенъ для того, чтобы такія просвѣтленныя настроенія были у него устойчивыми и постоянно владѣли его душою. Ударъ судьбы, невзгода или просто пониженіе вдохновенной напряженности души, — и поэтъ беззащитенъ передъ тѣмъ злобнымъ демономъ, который такъ терзалъ его.

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу холодный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ провидѣнье искушалъ,
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновеніе презиралъ.
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ,
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Этотъ демонъ дѣйствительно былъ ужаснымъ врагомъ поэта, ибо поэтъ не зналъ, какъ съ нимъ бороться. Демонъ рассуждалъ, а поэтъ чувствовалъ. И въ минуты вдохновенія поэтъ бралъ верхъ надъ демономъ, ибо его воспарившая, прозрѣвшая душа наполнялась правдою любви, свободы, жизни, и демонъ съ своей логикой прятался, посрамленный этою явною несообразностью его инсинуаций съ дѣйствительностью. Но когда вдохновеніе покидало поэта, демоны торжествуютъ. Образы, такъ ярко только что стоявшіе въ душѣ поэта, теперь тускнѣли, теряли свою живость, становились смутнымъ воспоминаніемъ. Тогда-то демонъ и заявлялъ авторитетно, что всѣ эти образы — просто бредъ сумасшедшаго, что ихъ и видить только вдохновенный, т. е. ненормальный человѣкъ, а какъ ненормальность миновала, такъ ничего отъ нихъ и не осталось. Поэтъ пробуетъ протестовать, но логикъ онъ плохой. Разобраться спокойно въ жизненныхъ явленіяхъ и въ своихъ настроеніяхъ онъ еще безсиленъ, и демонъ шутя вышибаетъ подпорки изъ-подъ оправданія вдохновенныхъ порывовъ, какое попробуетъ склеить разсудкомъ тотъ, кто владѣетъ одной только вдохновенной интуиціей.

Подъ вліяніемъ такого скептическаго настроенія, вниманіе поэта сосредоточивается на темной сторонѣ жизни и человѣчества. Дружба обманываетъ, любовь измѣняетъ, зло, насиліе и косность торжествуютъ надъ благороднымъ идеализмомъ и самопожертвованіемъ, высокія натуры гибнуть на плахѣ или тщетно вопіютъ среди безчувственной толпы. Нѣтъ, жизнь не воплощеніе идеала, люди не жрецы его. Добро существуетъ лишь въ фантазіи жалкихъ безсильныхъ мечтателей, красота—обманъ, жизнь—тяжелый кошмаръ. И скорбныя звуки льются изъ устъ поэта, усомнившася въ самыхъ задушевныхъ своихъ мечтаніяхъ, потерявшаго вдохновенную бодрость души подъ тяжелымъ бременемъ страданій.

Вотъ ему кажется, что юная бодрость силъ—лишь быстротечная вспышка, что само вдохновеніе не даетъ прочнаго удовлетворенія, что счастливъ лишь тотъ, кто способенъ забыться, уйти отъ жизни:

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
 Таинственно пробились три ключа:
 Ключъ юности—ключъ быстрый и мятежный,
 Кипитъ, бѣжитъ, сверкаетъ и журча;
 Кастальскій ключъ волною вдохновенья
 Въ степи мірской изгнанниковъ поить;
 Послѣдній ключъ—холодный ключъ забвенья,
 Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

Или, какая грустная, безотрадная тоска слышится въ извѣстной «Элегіи»:

Я пережилъ свои желанья,
 И разлюбилъ свои мечты!
 Остались мнѣ одни страданья,
 Плоды сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
 Увяль цвѣтуцій мой вѣнецъ!
 Живу печальный, одинокій,
 И жду: придетъ ли мой конецъ?

Такъ, позднимъ хладомъ пораженный,
 Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
 Одинъ на вѣткѣ обнаженной
 Трепещеть запоздалый листъ.

Вышей напряженности разочарованіе и отчаяніе поэта достигаютъ въ стихотвореніи «26 мая 1828 г.»:

Даръ случайный, даръ напрасный,
 Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
 И зачѣмъ судьбою тайной
 Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
 Изъ ничтожества воззвалъ?
 Душу кто наполнилъ страстью,
 Умъ сомнѣньемъ вволновалъ?

Цѣли нѣтъ передо мною,
 Сердце пусто, празденъ умъ,
 И томитъ меня тоскою
 Однозвучный жизни шумъ.

Обращу ваше особое вниманіе на то, что въ «Элегіи» poeta гнетутъ «страданья— плоды сердечной пустоты». Въ послѣднемъ стихотвореніи онъ опять скорбитъ о томъ, что его «сердце— пусто». Позже, при разборѣ поэмъ Пушкина, намъ опять придется столкнуться съ тою же мыслью о пустотѣ сердечной, о вялости и дряб-

лости душевной, какъ о коренной причинѣ неудовлетворенности и внутренняго разлада.

Такъ терзался поэтъ подъ вліяніемъ того настроенія, которое воплощено имъ въ художественномъ образѣ демона-скептика.

Понятно, поэтому, какъ дорожилъ поэтъ всѣмъ, что давало пищу его идеальнымъ порывамъ, и какъ негодовалъ, когда факты помогали разрушительной работѣ демона. Онъ, такъ сказать, цѣплялся за всякій предлогъ къ идеализаціи человѣческой личности, къ взрыву жизнерадостныхъ чувствъ. Въ этомъ цѣпляньи онъ доходилъ до сознательнаго самообмана. Возьмемъ, для примѣра, его стихотворный діалогъ «Герой», гдѣ онъ восторгается неустрашимостью Наполеона, ходившаго въ Палестинѣ въ чумные бараки и жавшаго руки зараженнымъ. Другъ исторической справкой доказываетъ, что это басня, что это противорѣчитъ правдѣ. Поэтъ приходитъ въ ярость и кричитъ:

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
 Когда посредственности хладной,
 Завистливой, къ соблазну жадной,
 Онъ угождаетъ праздно. Нѣтъ,
 Тѣмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
 Насъ возвышающій обманъ!
 Оставь герою сердце! Что же
 Онъ будетъ безъ него? Тирани!

Но, конечно, на эти строки слѣдуетъ смотрѣть, какъ на отчаянный крикъ наболѣвшей души. Для поэта слишкомъ дорога вѣра въ благородство человѣческой природы, но въ дѣйствительной жизни онъ видитъ такъ много фактовъ, противорѣчащихъ этой вѣрѣ, что готовъ потерять ее. Тѣмъ страстнѣе привязывается онъ къ отдѣльнымъ личностямъ, которыя служатъ для него воплощеніемъ его идеаловъ и такимъ образомъ подтверждаютъ его вѣру, доказываютъ, что его лучшія мечтанія—не бредъ. Такими идеальными личностями для Пушкина были Наполеонъ, Байронъ, Барклай, Шенье и др. И онъ страстно любитъ этихъ людей, именно въ томъ ореолѣ, какой придавалъ имъ въ своей фантазіи. Понятно, что когда ему доказываютъ, что его земные боги въ дѣйствительности недалеко ушли отъ низкой толпы, то ему нелегко равняться съ давно лелѣянной мечтой, онъ съ страшною болью отрывается отъ сердца завѣтный идеаль, и эта боль вызываетъ изъ его груди вопль проклятій противъ свѣта той самой правды, которой онъ самъ всегда служилъ самоотверженно.

Такой же вопль наболѣвшаго сердца слышится и въ стихотвореніи «Чернь», которое вызывало столько нареканій на Пушкина. Если вы попытаете проникнуться настроеніемъ поэта, выраженнымъ въ этой пьесѣ, то вамъ станетъ ясно, что онъ измученъ

этою чернью, оскорбленъ въ самыхъ святыхъ мечтахъ своихъ, возмущенъ тупымъ непониманіемъ его возвышенной проповѣди. Толпа требуетъ отъ него прописной морали, а онъ чувствуетъ, что даетъ нѣчто гораздо высшее, чѣмъ пропись. Чернь ищетъ осязательной пользы и не понимаетъ той возвышенной пользы, которая сокрыта въ кумирѣ Бельведерскомъ, въ вдохновеніи поэта, въ его сладкихъ звукахъ. Эти сладкіе звуки только напрасно поражаютъ ухо тупой толпы и ничего не говорятъ ея сердцу. Эта тупость, невосприимчивость возмущаетъ поэта, и онъ въ гнѣвѣ восклицаетъ: «а! вы не понимаете прелести поэзіи, васъ не шевелитъ лиры гласъ, вы не способны хоть на мигъ оторваться отъ вашихъ низменныхъ потребъ,—ну, такъ и оставьте поэта въ покоѣ, оставьте его свободно предаваться вдохновенію, а сами возвращайтесь къ бичамъ, темницамъ, топорамъ— этому позорному порожденію вашей же практичности».

VI.

Въ болѣе спокойныя минуты поэтъ не такъ безнадежно относится къ толпѣ. Онъ вѣритъ въ способность толпы къ развитію, вѣритъ, что усилія отдѣльныхъ гениальныхъ личностей не остаются безплодными. Нѣтъ, рано или поздно ихъ идеи широко распространятся и сдѣлаются всеобщимъ достояніемъ. Современники гонятъ провозвѣстника правды, но потомство его оцѣнитъ и вспомнеть съ благодарностью:

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ,—
И гордый сынъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.
И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ нашъ жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Сила идеи такова, что какъ бы ее ни исказили и ни попирали, все равно она сохраняетъ свою чистоту и величіе, и рано или поздно, а восторжествуетъ.

Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! нѣтъ не виновна ты:
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—
Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
Завѣшенъ пеленой кровавой...
Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой—
И вновь твои враги падутъ.

Борецъ за идею, даже сраженный, остается гигантомъ передъ тупой силой:

Пей нашу кровь, живи губля:
Ты все пигмей, пигмей ничтожный!

Говорить Шенье Робеспьеру, восходя на эшафотъ.

Итакъ высшее свое назначеніе, все оправданіе своей жизни и дѣятельности поэтъ видитъ именно въ служеніи человѣчеству, въ указаніи идеаловъ, къ которымъ должны стремиться всѣ. Но для того, чтобы быть истиннымъ служителемъ этой священной идеи, поэтъ долженъ безтрепетно идти впередъ, повинуваясь одному лишь неумолкаемому голосу божества, живущаго въ его душѣ, не смущаясь воплями злобной толпы, не гоняясь за выгодами и личнымъ счастьемъ, довольствуясь лишь сознаниемъ выполненнаго долга.

Велѣнью Божію, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету приѣмля равнодушно
И не оспаривай глупца.

Въ своемъ постоянномъ стремленіи впередъ поэтъ рискуетъ очутиться въ концѣ концовъ въ одиночествѣ, людское сочувствіе не украситъ его жизненнаго пути, но онъ готовъ и на это. Сознаніе своей правоты наполняетъ его одинокую душу благородною гордостью.

Поэтъ, не дорожи любовію народнои!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной,
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

Ты царь! Живи одинъ, дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды высокихъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

Онъ въ тебѣ самомъ! Ты самъ свой высшій судъ,
Всѣхъ строже оцѣнить сумѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранить,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Такъ поэтъ до конца остается индивидуалистомъ: изъ столкновенія личныхъ настроеній возникаютъ его муки и терзанія, въ своей же душѣ находитъ онъ матеріаль для примиренія съ жизнью и для успокоенія. Идеаломъ для него является высокоразвитая личность, носительница лучшихъ сторонъ человѣческой натуры, высшихъ ея

идеаловъ и стремленій. Но такая личность не можетъ оставаться изолированной—она въ силу самой своей психической организаціи будетъ провозвѣстницей своего внутренняго богатства, будетъ работать на пользу общества, будетъ возвышать до себя окружающую среду. Въ этой дѣятельности индивидуумъ находитъ оправданіе и смыслъ своего существованія.

Въ основѣ подобныхъ выводовъ неперемѣнно должно лежать чувство живѣйшей связи между жизнью индивидуума и жизнью, развивающеюся за предѣлами данной личности. Только при сліяніи личной жизни съ жизнями другихъ людей и возможно, чтобы работа на пользу другихъ стала потребностью моей личности, чтобы мое личное благо сливалось съ благомъ человѣчества; словомъ, чтобы альтруизмъ сталъ органическою потребностью человѣка, *conditio sine qua non* его существованія, а не являлся ему внѣшнимъ долгомъ, подъ который онъ съ суровымъ стоицизмомъ гнетъ побужденія своихъ личныхъ потребностей, влекущихъ его въ діаметрально противоположную сторону.

Нетрудно показать, что такое гармоническое сліяніе личнаго и общаго было доступно Пушкину и владѣло имъ до такой степени, что самая смерть,—это уничтоженіе земной индивидуальности,—не ужасала его, а только вела къ просвѣтленному элегическому настроенію, умягчаемому помыслами о той могучей и непрерывной волнѣ жизни, которая будетъ катиться и послѣ исчезновенія его личной жизни. Подъ вліяніемъ именно такого настроенія написаны однѣ изъ лучшихъ лирическихъ пьесъ Пушкина: «Брожу ли» и «Вновь я посѣтилъ»... Въ первомъ стихотвореніи поэтъ рассказываетъ, какъ его неотступно преслѣдуетъ мысль о смерти, но его грустное настроеніе, вызванное этой мыслью, разрѣшается гармоническимъ аккордомъ:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сиять.

Во второй элегіи та же мысль, разрѣшающаяся тѣмъ же ощущеніемъ непрерывной преемственности жизни, ясно чувствуется въ задушевныхъ строкахъ:

На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоять: одна поодаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ

Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
 Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
 Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
 Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
 Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
 Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
 Теперь молодая роща разрослась;
 Зеленая семья кругомъ тѣснится
 Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
 Стоитъ угрюмый ихъ товарищъ,
 Какъ старый холостякъ, и вокругъ него
 Попрежнему все пусто.
 Здравствуй, племя
 Младое, незнакомое! Не я
 Увижу твой могучій, поздній возрастъ,
 Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
 И старую главу ихъ заслонишь
 Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
 Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
 Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
 Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
 Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
 И обо мнѣ вспомнеть...

Такъ ярки и разнообразны настроенія, отразившіяся въ пуш-
 кинской лирикѣ. Они вскрываютъ передъ нами такой психической
 строй, который не имѣетъ ничего общаго со старой точкой зрѣнія
 и потому не можетъ удовлетвориться традиціоннымъ міросозерца-
 ніемъ. Чуткой и впечатлительной натурѣ поэта доступна вся гамма
 человѣческихъ настроеній во всемъ ихъ разнообразіи, доходящемъ
 до вопіющихъ противорѣчій. Онъ то поддается порывамъ страстей,
 то возвышается до чистыхъ идеаловъ, то плачетъ объ утратѣ эгоисти-
 ческаго счастья, то наполняется благородною жаждою послужить
 истинѣ до полного самопожертвованія. Въ этомъ вихрѣ противо-
 положностей поэтъ мучится отсутствіемъ незыблемаго устоя, опре-
 дѣленнаго нравственнаго критерія, который позволилъ бы ему ра-
 зобраться въ противорѣчія его природы, разъяснилъ бы, какія его
 влеченія хороши, какія дурны, какимъ порывамъ надо дать сво-
 боду и какія подавить. Правда, въ глубинѣ души у него смутно
 чувствуется какой-то критерій, но онъ не можетъ ясно формулиро-
 вать свои идеалы. Тѣмъ менѣе способенъ онъ обосновать ихъ те-
 оретически и развить въ правильную систему, то-есть построить
 цѣльное міросозерцаніе. Пушкинъ тишичный выразитель той пере-
 ходной эпохи, когда душа свергла старыя вериги и наполнилась
 жаждой новаго слова, которое бы озарило сразу весь смыслъ
 жизни, — и этого слова юная душа не слышитъ. Но, и не слыша
 вѣщаго слова, она страстно вѣритъ, что оно рано или поздно раз-

дастся, и чувствуетъ, въ какомъ направленіи надо его искать. Но это предчувствіе—чисто интуитивное, оно не имѣетъ никакой объективной опоры и потому часто оказывается беззащитнымъ передъ скептицизмомъ.

VII.

Посмотримъ теперь, какъ новый психическій складъ, опредѣленный нами по пушкинской лирикѣ, — какъ онъ отразился на характерѣ художественнаго творчества. Какой отпечатокъ наложилъ онъ на выборъ матеріала для литературныхъ произведеній и на задачи литературы. Этотъ вопросъ разъяснится, если мы рассмотримъ крупныя произведенія Пушкина, его поэмы и драмы.

Сначала я остановлюсь на группѣ поэмъ: «Кавказскій плѣнникъ», «Братья Разбойники», «Цыганы» и «Евгеній Онѣгинъ». Во всѣхъ этихъ поэмахъ выводится типъ человѣка, который неудовлетворенъ жизнью окружающаго общества, порываетъ съ нимъ и стремится отыскать такую атмосферу, въ которой онъ могъ бы почувствовать удовлетвореніе. «Кавказскій плѣнникъ» и «Алеко» опредѣленно говорятъ, что бѣжали изъ общества, такъ какъ оно не даетъ простора личности, сковываетъ человѣка путами условности, не позволяетъ ему жить такъ, какъ онъ хочетъ, свободно отдаваться влеченіямъ своей природы. Общество гнетъ личность подъ пошлый шаблонъ. И вотъ люди, невынесшіе этого гнета, летятъ за веселымъ призракомъ свободы въ среду дикарей, гдѣ не должно быть путъ и условностей свѣтскаго общества. И дѣйствительно, кавказскій плѣнникъ находитъ у горцевъ «жизни простоту», свободное развитіе страстей, которыя ничѣмъ не стѣсняются. Но съ другой стороны плѣнникъ видитъ, что эта свобода ведетъ къ темнымъ фактамъ, съ которыми невозможно примириться культурному человѣку, досрощему до извѣстныхъ этическихъ понятій. Плѣнникъ пораженъ ихъ жестокостью даже къ своимъ, жаждой крови, рѣзней на пирахъ, горцы часто оказываются коварными хищниками и даже злодѣями. Среди нихъ физическая свобода и самая жизнь человѣка ничѣмъ не обезпечена, кромѣ оружія. Среди дикарей плѣнникъ оказывается еще болѣе чужимъ, чѣмъ среди свѣтскаго общества. Его удѣлъ — грустное одиночество.

Алеко попадаетъ изъ неволи душныхъ городовъ въ идеальную среду цыганъ, которые такъ характеризуютъ свои нравы:

«Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терваемъ, не казимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ.
.....
Мы робки и добры душею».

Идеальные цыгане съ незыблемымъ уваженіемъ относятся къ индивидуальной свободѣ; они не могутъ даже допустить мысли, чтобы одинъ человѣкъ имѣлъ право посягать на личность другого, какими бы тѣсными узами они ни были связаны. Мужъ не властелинъ жены, отецъ не властелинъ дѣтей. Казалось бы, что поборникъ свободы долженъ былъ найти въ такой средѣ полное удовлетвореніе. Но Алеко не можетъ удержаться среди цыганъ. Въ чемъ же причина? Въ томъ, что страстный защитникъ свободы въ обществѣ, гдѣ была стѣснена его личность, Алеко не умѣетъ относиться съ уваженіемъ къ свободѣ другого человѣка и смертью мститъ Земфирѣ, поддавшейся свободному влеченію своего сердца, промѣнявшей Алеко на другого. Значитъ, протестъ Алеко противъ свѣтскаго общества истекалъ изъ грубыхъ, эгоистическихъ мотивовъ. Причина неудовлетворенности оказывается въ его собственномъ характерѣ. Эта причина заставила его бѣжать отъ культурнаго общества, эта же причина заставила дикарей изгнать его изъ своей среды. Алеко остается въ безотрадномъ одиночествѣ.

Въ «Братьяхъ разбойникахъ» выведена среда людей, тоже ушедшихъ изъ культурнаго общества, но унесшихъ съ собою эгоистическое чувство ненависти къ этому обществу и жажду мести. Они сбросили съ себя всѣ путы общественности и нравственности и безъ удержа отдаются своимъ дикимъ страстямъ. «Въ сердцахъ ихъ дремлетъ совѣсть, она проснется въ черный день», — заканчиваетъ Пушкинъ эту поэму и тѣмъ самымъ подчеркиваетъ, что и такой исходъ для индивидуализма также мало удовлетворителенъ, какъ и оба предыдущіе.

Евгеній Онѣгинъ въ первой главѣ является передъ нами салоннымъ болтуномъ, свѣтскимъ фатомъ, подобнымъ вѣтренной Кипридѣ. Онъ гоняется за приманками свѣтской жизни, всѣ онѣ легко даются ему, и онъ наслаждается ими до пресыщенія, глотаетъ свѣтскій чадъ до того, что, наконецъ, все ему наскучило, все приѣлось, онъ на все безразлично ворчитъ, наконецъ, впадаетъ въ *degout de la vie* и бѣжитъ отъ людей. Но не одно пресыщеніе оттолкнуло Онѣгина отъ людей: онъ ихъ хорошо изучилъ, а «кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей». Источникъ этого презрѣнія, какъ намекаетъ Пушкинъ, заключался въ идеализмѣ. По крайней мѣрѣ поэтъ говоритъ, что ему нравилась въ Онѣгинѣ «мечтамъ невольная преданность». Въ другомъ мѣстѣ поэтъ вскользь намѣчаетъ и тѣ идеалы, которыхъ Онѣгинъ не находилъ въ людяхъ. Кое-кого «онъ очень отличалъ, и вчужѣ чувство уважалъ». А въ вариантѣ читаемъ:

«Не посвящаль друзей въ шпіоны,
Не думалъ, что добро, законы,
Любовь къ отечеству, права —
Лишь только звучныя слова».

Но эти идеалистическія нотки едва намѣчены поэтомъ; очевидно, не онѣ составляли господствующую черту въ характерѣ Онѣгина, и совершенно справедливы слова Бѣлинскаго: Онѣгинъ «не знаетъ, чего ему надо, чего ему хочется; но,—прибавляетъ къ этому критикъ,— онъ знаетъ, и очень хорошо знаетъ, что ему не надо, что ему не хочется того, чѣмъ такъ довольна, такъ счастлива самолюбивая посредственность». И вотъ онъ бѣжитъ изъ царства этой самолюбивой посредственности. Но находитъ ли онъ къ этому бѣгству спасеніе? Нѣтъ, и опять по той же причинѣ, что и Алеко: причины разлада и неудовлетворенности оказываются не только въ окружающей средѣ, но и въ его собственной натурѣ. Отъ себя не уйдешь, и Онѣгинъ остается одинаково неудовлетвореннымъ и въ Петербургѣ, и въ деревнѣ. Гдѣ же корень зла? Онъ ушелъ на лоно природы, но природа заняла его лишь на два дня. Онъ врагъ предразсудковъ, а самъ изъ глупѣйшаго предразсудка, сознавая свою виновность, становится на барьеръ съ другомъ и отправляетъ его на тотъ свѣтъ. Онъ презиралъ людей за подавленіе искреннихъ чувствъ, а когда самъ столкнулся съ чистымъ и искреннимъ чувствомъ Татьяны, не понялъ ее, въ немъ самомъ ничего не шевельнулось въ отвѣтъ на непосредственный порывъ горячаго женскаго сердца, и онъ сумѣлъ только произнести длинную, красивую и назидательную рѣчь. Что же это такое? Онѣгинъ почувствовалъ, что какая-то язва разъѣла наше общество, и бѣжитъ изъ этой зараженной среды, но, самъ того не замѣчая, онъ носитъ въ самомъ себѣ ту же заразу, его организмъ боленъ той же болѣзью, и онъ нигдѣ не можетъ найти облегченія своимъ страданіямъ, потому что самъ не знаетъ причины своей боли. Онъ ищетъ эту причину извнѣ, а она сидитъ въ немъ самомъ.

VIII.

Таковы герои пушкинскихъ поэмъ. Это все люди, которыхъ коснулось новое вѣяніе. Они уже выросли настолько, что рутиня ихъ не удовлетворяетъ, и они не могутъ жить жизнью массы, которая для нихъ пошла и мелка. Но новыя вѣянія не успѣли ихъ перевоспитать настолько, чтобы они почувствовали положительныя стороны этихъ вѣяній и здоровыми соками индивидуализма исцѣляли бы язвы традиціонной косности, подъ которой кроются самыя низменные инстинкты. Эти люди ищутъ свободы и искренности. Но вѣдь свобода и искренность — только формы, въ которыя можно влить разное содержаніе. Алеко пользуется свободой для того, чтобы зарѣзать измѣнившую ему женщину. Онѣгинъ не знаетъ, что дѣлать съ свободой, куда направить свои силы. Онъ же не знаетъ, что дѣлать и съ искренностью. Его душа холодна, ему нечего выражать, кромѣ своей неспособности къ сильному чувству. Таковы герои раз-

смотрѣнныхъ поэмъ. Они переросли старое общество и оторвались отъ него, но по всему своему складу они—дѣти этого общества и потому безсильны примкнуть къ новымъ людямъ, не могутъ найти опоры въ томъ, въ чемъ находилъ ее хотя бы самъ Пушкинъ—въ страстныхъ порывахъ къ какому-то идеалу. Для нихъ этого идеала нѣтъ, потому что въ ихъ душахъ не появились еще струны, громко говорящія о немъ, у нихъ «сердце пусто, празденъ умъ».

И такъ, въ «Кавказскомъ плѣнникѣ», «Братьяхъ разбойникахъ», «Цыганахъ» и «Евгеніи Онѣгинѣ» Пушкинъ, самъ себѣ не давая въ томъ отчета, преслѣдуетъ вполне опредѣленную задачу—уловить типъ новаго человѣка. На первыхъ порахъ этотъ типъ является ему въ образѣ человѣка, порвавшаго съ обществомъ, ушедшаго отъ толпы. Но чѣмъ дальше анализируетъ онъ этотъ образъ, чѣмъ ярче пробуетъ изобразить его, тѣмъ яснѣе для него становится, что онъ ошибся. Бѣглець отъ общества оказывается эгоистичною, мало впечатлительною натурой, бѣдною духовнымъ содержаніемъ, а потому и неспособною развить въ себѣ то обиліе и ту глубину настроеній, которыя являются идеаломъ индивидуализма. Стоя на старой почвѣ и располагая только старымъ матеріаломъ, эти люди пытаются возвести новое зданіе, и потому, конечно, терпятъ неудачу. Но во всякомъ случаѣ это уже пионеры новыхъ вѣяній, и ими открываются цѣлый рядъ типовъ въ нашей литературѣ, типовъ, которые рвутъ съ традиціей и ищутъ новыхъ основъ для выработки міросозерцанія и для переустройства жизни на основаніи его.

Наряду съ этимъ типомъ у Пушкина смутно намѣчается еще типъ человѣка дѣла, который не размышляетъ, не критикуетъ, не сомнѣвается, а прямо проводитъ въ жизнь новыя начала. Идеальнымъ представителемъ этого типа Пушкинъ считалъ, повидимому, Петра Великаго, надъ которымъ много работалъ, но котораго не успѣлъ воплотить въ художественный образъ. И этотъ типъ усердно, но малоуспѣшно разрабатывается въ послѣдующей литературѣ (Соломинъ, Инсаровъ, Штольцъ,—все они блѣдны).

Два типа любви, о которыхъ рѣчь была выше, породили у Пушкина и два женскихъ типа. Земфира, Зарема, отчасти и Ольга—все женщины, внушающія поверхностное влеченіе. Марія, Татьяна—типъ женщины, которая и сама любитъ глубоко и другимъ внушаетъ такое чувство, которое обязываетъ счастливаго избранника къ серьезной работѣ надъ собой. Человѣкъ, который способенъ къ второму чувству любви и, слѣдовательно, способенъ къ работѣ надъ собою, находитъ при поддержкѣ любимой женщины правильный выходъ изъ внутренней борьбы. Человѣкъ, неспособный на это, неспособенъ и на внутреннее перерожденіе (Онѣгинъ). Эти два типа женщины и два типа любви усердно разрабатываются въ дальнѣйшей литературѣ.

Работа Пушкина надъ типомъ, который показался ему сначала

выразителемъ народившагося индивидуализма, привела его къ сознанию, что причина неудовлетворенности этого типа лежитъ не только въ окружающей средѣ, но и въ его личномъ психическомъ складѣ. Въ человѣкѣ, освободившемся отъ традиціоннаго міросозерцанія и выступившемъ на путь свободнаго развитія, оказалось внутреннее противорѣчіе инстинктовъ, лишившее его равновѣсія. Такимъ образомъ сама собою оказалась потребность обслѣдовать основныя страсти человѣческой души, ихъ проявленія и ихъ конфликты. Плодомъ этой потребности явились объективные типы драматическихъ этюдовъ, гдѣ Пушкинъ изображаетъ психику людей, искаженную подъ вліяніемъ какой либо господствующей страсти (честолюбіе — Борисъ, чувственность — Жуанъ, скупость — Рыцарь, зависть — Сальери). Сюда же относится и поэма «Полтава», гдѣ типъ Мазепы является также попыткой создать типъ насквозь эгоистичной натуры, которая шагаетъ черезъ всѣ нравственные законы изъ-за удовлетворенія личныхъ грубо-эгоистическихъ страстей. Это объективное обслѣдованіе человѣческой психики необычайно разрослось и углубилось въ послѣдующей литературѣ, хотя велось въ формѣ романа и еще не дозрѣло до высшей литературной формы—до драмы.

Отмѣчу еще одинъ элементъ въ Пушкинской поэзіи. Это вниманіе къ народному элементу. Пушкинъ первый пытается изучать народъ такимъ, каковъ онъ есть, не считая его «подлымъ», какъ писатели XVIII вѣка, и не окутывая его въ фальшиво-сентиментальную дымку, какъ Карамзинъ и отчасти Жуковскій. Этотъ элементъ Пушкинскаго творчества находится опять-таки въ связи съ его широкими индивидуалистическими интересами, освободительными тенденціями и уваженіемъ къ человѣку вообще: поэтъ какъ бы думаетъ, что какъ низко ни стоитъ человѣкъ на соціальной лѣстницѣ, а онъ все-таки можетъ внести свою лепту въ дѣло выработки идеала. Всѣмъ извѣстно, какъ въ послѣдующей литературѣ этотъ интересъ къ народу и къ народному занялъ весьма видное мѣсто.

Наконецъ, индивидуалистическое же теченіе привело Пушкина къ широкому развитію лирическаго элемента въ поэзіи, какъ я уже указалъ ранѣе. И въ этомъ отношеніи тоже послѣдующая литература продолжала развивать дѣло Пушкина.

Вотъ какія разнообразныя темы стала разрабатывать русская литература подъ вліяніемъ новаго индивидуалистическаго склада понятій. И вся эта колоссальная работа направляется къ одной цѣли, одушевляется однимъ стремленіемъ—путемъ изученія человѣческой психики дойти до самопознанія, въ художественномъ образѣ воплотить новое міросозерцаніе и путемъ искусства заставить всѣхъ восчувствовать новые идеалы.

IX.

Поставивъ себѣ столь серьезную задачу, художественная литература приобретаетъ необыкновенно важное значеніе, которое отчетливо формулируется уже современниками Пушкина, особенно въ тѣхъ кружкахъ, которые въ философской системѣ нѣмца Шеллинга нашли теоретическое оправданіе тѣхъ самыхъ настроеній, которыя такъ ярко сказались въ поэзіи Пушкина. Возьмемъ, на примѣръ, Д. В. Веневитинова, юнаго поэта и философа, который прожилъ на свѣтѣ всего 22 года, и тѣмъ не менѣе оставилъ послѣ себя яркій слѣдъ. Небольшая книжечка сочиненій, оставшихся послѣ него, раскрываетъ передъ нами богато одаренную, впечатлительную и вдумчивую натуру. Но главное его значеніе не въ сочиненіяхъ, а въ личномъ вліяніи на тѣхъ людей, которые вошли въ составъ его дружескаго кружка. Эти люди до конца жизни сохранили благодарное воспоминаніе о другѣ своей юности, которому они были обязаны своимъ нравственнымъ развитіемъ и научнымъ образованіемъ. А изъ кружка Веневитинова вышли такіе люди, какъ И. Кирѣевскій, Хомяковъ, князь В. Одоевскій и др. Веневитиновъ умеръ въ 1827 г., черезъ два года друзья издали его сочиненія и въ предисловіи дали краткую характеристику скончавшагося поэта. По ихъ словамъ: «предметомъ его размысленій было его собственное, внутреннее чувство. Повѣрять, распознавать его, было главнымъ занятіемъ его разсудка... Всѣ мгновенные порывы души старался онъ навѣки удержать въ самомъ себѣ». Зачѣмъ надо было Веневитинову такъ внимательно наблюдать за своей внутренней жизнью? Затѣмъ, что, по словамъ его друзей, онъ «въ себѣ единственно искалъ отвѣта на всѣ загадки жизни». И эти слова вполне подтверждаются тѣмъ, что мы находимъ въ произведеніяхъ самого Веневитинова. Вотъ, на примѣръ, стихотвореніе, въ которомъ онъ прямо и опредѣленно ставитъ вопросъ о необходимости разобратъ въ жизненныхъ явленіяхъ:

Я вижу, жизнь перодо мной
 Кипитъ, какъ океанъ безбрежный...
 Найду ли я утесъ надежный,
 Гдѣ твердо обопрусь ногой?
 Пль, вѣчнаго сомнѣнья полный,
 Я буду горестно глядѣть
 На перемѣчивыя волны,
 Не зналъ, что любить, что нѣтъ?
 Открой глаза на всю природу. —
 Миѣ тайный голосъ отвѣчалъ. —
 Но дай имъ выборъ и свободу.
 Твой часъ еще не наступалъ:

Теперь гонись за жизнью дивной
 И каждый мигъ въ ней воскрешай,
 На каждый звукъ ея призывный
 Отзывной пѣснью отвѣчай!

Итакъ единственный путь получить отвѣтъ на вопросъ, что любить, что нѣтъ, то-есть выработать этическое міросозерцаніе, — это внимательное изученіе жизни и чуткое отношеніе ко всѣмъ ея проявленіямъ, но дѣло въ томъ, что

Природа не для всѣхъ очей
 Покровъ свой тайный подымаетъ!
 Мы все равно читаемъ въ ней,
 Но кто, читая, понимаетъ?
 Лишь тотъ, кто съ юношескихъ дней
 Былъ пламеннымъ жрецомъ искусства,
 Кто жизни не щадилъ для чувства
 . . . . .
 И сердца трепеть жаднымъ слухомъ,
 Какъ вѣщій голосъ изловилъ!

Значить, книга жизни открыта лишь для того, кто сумѣлъ изоощрить свои чувства, свою воспріимчивость путемъ искусства кто постоянно жаднымъ слухомъ ловилъ трепеть своего сердца Поэтому высшая похвала для поэта въ устахъ Веневитинова заключается въ словахъ: «Онъ дышитъ жаромъ красоты, въ немъ умъ и сердце согласились... Какъ зналъ онъ жизнь!» Истинно знать жизнь и понимать ея сокровенный смыслъ — удѣлъ не многихъ избранныхъ. Это сыны боговъ, питомцы музъ и вдохновенья, люди, владѣющіе какимъ-то особымъ даромъ видѣть и чувствовать то, что не могутъ видѣть и чувствовать обычные люди. Вотъ что говоритъ по этому поводу другъ Веневитинова, князь Одоевскій: «Эстетическая дѣятельность проникаетъ до души не посредствомъ искусственнаго логическаго построенія мыслей, но непосредственно; ея условіе есть то особое состояніе, которое называется вдохновеніемъ, — состояніе, понятное только тому, кто имѣетъ органъ сего состоянія, но имѣющее необъяснимую привилегію дѣйствовать и на того, у кого этотъ органъ на низшей степени». Этотъ взглядъ особенно долженъ былъ прійтись по душѣ нашимъ идеалистамъ двадцатыхъ годовъ, такъ какъ въ ихъ жизни искусство и поэзія занимали важное и святое мѣсто. Этотъ взглядъ освящалъ за поэтомъ право въ собственномъ вдохновеніи черпать объясненіе сокровеннѣйшихъ вопросовъ жизни и духа, и оправдывалъ тѣхъ, кто въ плодахъ поэтическаго вдохновенія искалъ отвѣтовъ на эти вопросы. Вникните, говоритъ князь Одоевскій, въ поэзію величайшихъ поэтовъ, каковъ Гомеръ, Дантъ, Шекспиръ... не видимъ ли во всякомъ ихъ стихѣ, что они глубоко изучили

природу, что они проникли въ міръ дѣйствительный до самой сокровеннѣйшей его глубины, что они въ немъ все замѣтили, отъ Бога до червя?» Сравните съ этими словами характеристику Гете, сдѣланную Баратынскимъ, тоже другомъ Веневитинова:

ничто не оставлено имъ
 Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта.
 На все отозвался онъ пѣснью своей,
 Что просить у сердца отвѣта.
 Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
 Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ!

Все умъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
 Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
 Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
 Цвѣтущихъ временъ упованья.
 Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
 И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
 Ручья разумѣлъ лепетанье,
 И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
 И чувствовалъ травъ прозябанье,
 Была ему звѣздная книга ясна,
 И съ нимъ говорила морская волна.
 Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!...

Достигнувъ такой глубины пониманія, поэтъ становится учителемъ жизни, истолкователемъ ея смысла. Но такихъ истинныхъ учителей немного. «Люби питомца вдохновенья»,—говоритъ Веневитиновъ,—

И гордый умъ предъ нимъ склоняя,
 Но въ чистой жаждѣ наслажденья
 Не каждой арфѣ слухъ ввѣряя!
 Немного истинныхъ пророковъ
 Съ печатью тайны на челѣ,
 Съ дарами выпренихъ уроковъ,
 Съ глаголомъ неба на землѣ...

Но зато эти немногіе становятся настоящими вождями человечества на пути къ самопознанію, которое является вѣнцемъ жизни. «Всякому человѣку, одаренному энтузіазмомъ,—пишетъ Веневитиновъ,—знакомому съ наслажденіями высокими, представлялся естественный вопросъ: для чего поселена въ немъ страсть къ познанію, и къ чему влечетъ его непреоборимое желаніе дѣйствовать? Къ самопознанію,—отвѣчаетъ намъ книга природы.—Самопознаніе—вотъ идея, одна только могущая одушевить вселенную; вотъ цѣль и вѣнецъ человѣка... Исторія убѣждаетъ насъ, что сія цѣль чело-

вѣка есть цѣль всего человѣчества; а любомудріе ясно открываетъ въ ней законъ всей природы».

Въ діалогѣ «Анаксагоръ» Веневитиновъ такъ характеризуетъ грядущій золотой вѣкъ: «Нравственная свобода будетъ общимъ удѣломъ—все познанія человѣка сольются въ одну идею о человѣкѣ, все отрасли наукъ сольются въ одну науку самопознанія. Что до времени? Намъ давно не станеть,—но меня утѣшаетъ эта мысль. Умъ мой гордится тѣмъ, что ее предузнавалъ, и, можетъ быть, ускорилъ будущее. Тогда пусть сбудется древнее египетское пророчество! Пусть солнце поглотитъ нашу планету, пусть враждебныя стихіи расхитятъ разнородныя части, ее составляющія!.. Она исчезнетъ, но, совершивъ свое предназначеніе, исчезнетъ, какъ ясный звукъ въ гармоніи вселенной».

Эта идея самопознанія—продуктъ развитія нѣмецкой философской мысли, и въ Россію она пришла прямо изъ Германіи. Тѣмъ не менѣе мы только что видѣли, что она въ скрытомъ видѣ лежитъ уже въ поэзіи Пушкина, что весь тотъ новый психическій складъ, выразителемъ коего явился Пушкинъ, неизбѣжнымъ образомъ велъ именно къ этой идеѣ, какъ къ единственному способу организовать новыя настроенія и новыя факты внутренней жизни къ цѣльному міросозерцанію. Такимъ образомъ идеи Шеллинга только помогли русскимъ людямъ удачно формулировать то движеніе, которое зародилось и развилось совершенно независимо отъ этой философіи и явилось естественнымъ результатомъ долгаго историческаго процесса. Появленіе у насъ шеллингизма не было результатомъ подражательности, царившей въ XVIII вѣкѣ. Наоборотъ, усерднѣйшій глашатай шеллингизма, Веневитиновъ, горячо возстаетъ противъ «чувства подражательности, которое самому таланту приносить въ дань не удивленіе, но раболѣпство,—оттуда совершенное отсутствіе всякой свободы и истинной дѣятельности». Онъ горячо ратуетъ противъ пассивнаго подчиненія какому бы то ни было авторитету, онъ требуетъ, чтобы человѣкъ всегда дѣйствовалъ собственнымъ умомъ, «безъ чего невозможна нравственная свобода». Органическая связь шеллингизма съ предшествовавшимъ и современнымъ ему ходомъ русской жизни одна только и можетъ объяснить, почему это ученіе имѣло у насъ такой успѣхъ и дало столь блестящіе результаты. На шеллингизмъ выросло наше славянофильство, на шеллингизмъ сошелся кружокъ Станкевича, имѣвшій такое значеніе въ нашей умственной жизни, съ шеллингизмомъ выступилъ на поприще критики Бѣлинскій. Идея самопознанія была дорога нашимъ идеалистамъ, потому что оправдывала ихъ вѣру въ благородство человѣческой природы, соотвѣтствовала ихъ влеченію къ разностороннему эстетическому развитію и почти реализировала ихъ надежду выработать новое міросозерцаніе, которое соотвѣтствовало бы новому психическому складу и отводило бы почетное мѣсто живой человѣческой

личности. Даже послѣ паденія шеллингизма этотъ интересъ къ человѣку и его психикѣ продолжаетъ царить въ нашей литературѣ. Онъ вызываетъ къ жизни славную школу сороковыхъ годовъ, Тургенева, Гончарова, Толстого, Достоевскаго, которые создаютъ психологическій романъ, по глубинѣ своего анализа возвышающійся до всемірнаго значенія. Помимо чисто художественнаго интереса, произведенія этой эпохи имѣютъ и великое философское значеніе, потому что ихъ анализъ не безцѣльный, а одушевляется все той же цѣлью, создать новое міросозерцаніе на психологической основѣ, гдѣ все выводилось бы не метафизически, а изъ основъ, лежащихъ въ глубинѣ человѣческой натуры. Эта работа не можетъ считаться оконченною и до сихъ поръ. Толстой и особенно Достоевскій очень близко подошли уже къ рѣшенію задачи, но послѣдняго слова еще не сказано. Разнообразіе человѣческой природы раскрыто съ поразительной силой, но не сведено къ единству. Наша литература не создала положительнаго типа, у насъ нѣтъ еще героя, который въ высшемъ синтезѣ соединилъ бы лучшія стороны новаго человѣка, какъ онѣ выяснены художественнымъ анализомъ, сталъ бы лицомъ къ лицу со всѣмъ мракомъ и зломъ жизни, помѣрялся бы силами и вышелъ бы побѣдителемъ. Тѣмъ не менѣе, если мы внимательно всмотримся въ ходъ нашей литературы за истекающій вѣкъ, то мы можемъ уловить, въ какомъ именно направленіи надо искать этотъ идеаль, уловимъ, быть можетъ, даже существенныя черты его, и ужъ во всякомъ случаѣ поймемъ, что является помѣхой въ стремленіи къ нему, противъ чего человѣкъ долженъ бороться всѣми своими силами.

Но я не имѣю въ виду анализировать новѣйшую русскую литературу. Я хотѣлъ только выяснитъ ту атмосферу, которая создавалась въ нашихъ литературныхъ кружкахъ двадцатыхъ годовъ подъ вліяніемъ культурнаго переворота, отразившагося на всѣхъ сторонахъ русской жизни, подъ вліяніемъ перехода отъ аскетическихъ теорій и преклоненія передъ авторитетомъ къ индивидуализму и свободѣ изслѣдованія. Искусство во всѣхъ своихъ проявленіяхъ заняло выдающееся мѣсто въ жизни лучшихъ представителей нашей интеллигенціи: они страстно увлекались музыкой, переживали высокіе восторги въ театрѣ, широко и глубоко изучали художественную литературу, не только русскую, но и иностранную. Поэтъ Мицкевичъ, попавъ въ Москву и познакомившись съ кружкомъ Веневитинова, былъ пораженъ серьезностью интересовъ, царившихъ въ этой средѣ, и ставилъ москвичей въ примѣръ своимъ варшавскимъ друзьямъ. «Въ литературѣ мы отстали на цѣлое столѣтіе,—писалъ онъ Одынцу.—Здѣсь (въ Москвѣ) каждое новое стихотвореніе Гете вызываетъ повсемѣстный энтузіазмъ, сейчасъ же переводится и комментируется. Каждый новый романъ Вальтеръ-Скотта сейчасъ же появляется въ книжныхъ магазинахъ»...

Восторги передъ произведеніями искусства шли рука объ руку

съ серьезными философскими занятіями, съ интересомъ къ теоретическимъ вопросамъ. Въ идеалистическихъ кружкахъ не только воспитывалась способность непосредственнаго воспріятія художественныхъ впечатлѣній, но и стремленіе разобратъ въ этихъ впечатлѣніяхъ, анализировать ихъ, раскрыть ихъ внутреннюю сущность и оцѣнить достоинство,—словомъ, нарождалась серьезная, настоящая литературная критика. Вскорѣ послѣ распадѣнія кружка Веневитинова въ Москвѣ же образовался новый точно такой же кружокъ — Станкевича, и этотъ новый дружескій союзъ еще расширилъ и углубилъ занятія своихъ предшественниковъ, продолжая дѣйствовать все въ томъ же духѣ и въ томъ же направленіи. Первымъ осязательнымъ и крупнымъ результатомъ этого кружка были «Литературныя мечтанія» В. Г. Бѣлинскаго.

С. Адриановъ.

БЪЛИНСКІЙ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

ОЧТИ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, А. Н. Пыпинъ, сперва въ видѣ ряда статей на страницахъ Вѣстника Европы (1874 г., кн. 3—4, 6, 10—12; 1875 г., кн. 2, 4—6) началъ печатать свой «опытъ біографіи Бѣлинскаго», а потомъ издалъ этотъ трудъ отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ: Бѣлинскій, его жизнь и переписка (Спб., 1876 г., два тома). Несмотря на нѣкоторые пробѣлы въ фактахъ и «сокращенія въ письмахъ», несмотря на небезпристрастное освѣщеніе нѣсколькихъ эпизодовъ, на что справедливо указывали многіе критики и рецензенты¹⁾, книга г. Пыпина все-таки осталась наиболѣе обширною біографіей Бѣлинскаго и, по собраннѣмъ матеріаламъ, сохранила свое значеніе до нынѣшняго дня; между прочимъ, въ ней впервые былъ данъ почти полный «списокъ біографическихъ и критическихъ книгъ, статей и замѣтокъ о Бѣлинскомъ», какія появились въ печати на протяженіи двадцати восьми лѣтъ (1848—1876 гг.); впрочемъ, въ этомъ «спискѣ», почему-то были пропущены: «Некрологъ Бѣлинскаго», К. Полеваго (С.-Петербургскія Вѣдомости, 1848 г., № 124, стр. 496), другой «Некрологъ», написанный неизвѣстнымъ (Пантеонъ, 1848 г., т. III, № 6, стр. 34—54), и «Нѣсколько словъ по поводу некролога г. Бѣлинскаго»—М. П. Погодина (Москвитянинъ, 1848 г., ч. IV, № 8, стр. 43—45).

Другой бібліографическій указатель «литературы о Бѣлинскомъ», появившійся одновременно со «спискомъ» г. Пыпина, былъ состав-

¹⁾ См. Систематическій каталогъ Межова, Спб., 1877 г., стр. 294.

вленъ Г. Н. Геннади для Справочнаго словаря о русскихъ писателяхъ и ученыхъ (Берлинъ, 1876 г., т. I, стр. 124—125 и 350), но онъ оказался еще болѣе краткимъ, а потому и неполнымъ.

Въ настоящее время, когда со дня смерти Бѣлинскаго исполняется уже полвѣка, къ библиографическимъ указаніямъ гг. Пыпина и Геннади естественно приходится присоединить еще болѣе длинный рядъ дополненій. Не имѣя въ виду представить самую полную библиографію о жизни и сочиненіяхъ покойнаго русскаго критика, мы рѣшаемся въ хронологическомъ порядкѣ указать лишь на тѣ извѣстные намъ и притомъ наиболѣе важныя «матеріалы» о немъ, какіе въ формѣ книгъ, статей и замѣтокъ были напечатаны послѣ изданія труда А. Н. Пыпина и Справочнаго словаря Г. Н. Геннади, то-есть, начиная съ половины 1876 года.

Здѣсь, прежде всего, слѣдуетъ указать, что, вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ сочиненія г. Пыпина, были изданы отдѣльною книгою Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ, Н. И. Панаева (Спб. 1876 г., 420 стр.), прежде помѣщенные въ журналѣ Современникъ (1861 г., кн. 1, 2, 9—11). Въ то же время появилось «Письмо Бѣлинскаго къ пріятелю его—И. И. Ханенкѣ», относящееся къ 1842 году (Русскій Архивъ, 1876 г., кн. 7, стр. 359—360).

Затѣмъ, въ хронологическомъ порядкѣ приходится отмѣтить слѣдующую «библиографію о Бѣлинскомъ»:

- 1877 г. «Бѣлинскій, какъ религиозный мыслитель», Н. Барсова (Церковный Вѣстникъ, № 17).
- 1879 г. «Былое и Думы», т. VII, глава XXV.
- 1880 г. «Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій» (Изъ моей студенческой съ нимъ жизни), Н. А. Аргиландера (Русская Старина, кн. 5, стр. 140—143).
- » «Замѣтка о сестрѣ В. Г. Бѣлинскаго», П. А. Мачинскаго (кн. 5, стр. 144).
  - » «Замѣчательное десятилѣтіе» (1838—1848 г.). П. В. Анненкова (Вѣстникъ Европы, кн. 1, стр. 216—243; кн. 2, стр. 461—510; кн. 3, стр. 5—52).—То же перепечатано въ книгѣ Анненкова «Воспоминанія и критическіе очерки» (Спб., 1881 г., т. III, стр. 1—224).
- 1881 г. «Письма В. Г. Бѣлинскаго къ К. С. Аксакову», 1837—1840 гг. (Русь, № 8, стр. 14—19).
- » «Матеріалы къ біографіи Лермонтова и Бѣлинскаго», Н. Рыбкина (Историческій Вѣстникъ, кн. 10, стр. 365—371), и «Портретъ Бѣлинскаго», съ замѣткою о немъ (стр. 456).
  - » «Біографическая замѣтка о Бѣлинскомъ», А. П. Корсакова (Русскій Архивъ, кн. 6, стр. 456), по поводу предыдущей статьи.
  - » «Бѣлинскій и Щепкинъ», приѣздъ Бѣлинскаго въ Харьковъ, въ 1846 году (Современныя Извѣстія, № 329).
- 1882 г. «Два приглашенія В. Г. Бѣлинскому явиться къ Л. В. Дубельту въ III-е Отдѣленіе, 20-го февраля и 27-го марта 1848 года» (Русская Старина, кн. 11, стр. 434—435).
- » «Просвѣдительныя идеи Бѣлинскаго». Н. Туркина (М., 1882 г., 56 стр.).

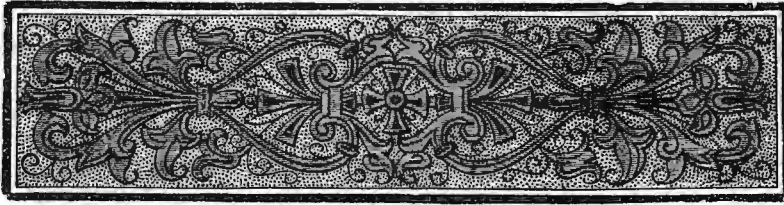
- 1884 г. «Сводъ мнѣній Бѣлинскаго о дѣтской литературѣ», И. Феокистова (Спб., 1884 г.).
- 1886 г. «Матеріалы для біографіи К. Д. Кавелина и Бѣлинскаго», Д. А. Корсакова (Вѣстникъ Европы, кн. 6, стр. 446—447, 454—456, 488—491).
- 1887 г. «Очерки развитія русской критики», В. Чуйко (Наблюдатель, кн. 8—10).
- 1888 г. «Катковъ и его время», С. Невѣднскаго (Спб., стр. 9 и слѣд.).
- 1889 г. «Письмо Бѣлинскаго къ Н. В. Гоголю», отъ 20-го апрѣля 1842 года (Русская Старина, кн. 1, стр. 143—145).
- > «Воспоминанія А. Я. Панаевой-Головачовой» (Историческій Вѣстникъ, кн. 2, стр. 291—333; кн. 3, стр. 545—551; 557—558; 568—576; кн. 4, стр. 35—55).—Позже эти «Воспоминанія» вышли отдѣльнымъ изданіемъ.
  - > «Бѣлинскій въ Пензенской гимназіи», А. О. Селиванова (Библиографъ, № 4—5, стр. 111—113).—Эта замѣтка составлена на основаніи «Историческаго очерка Пензенской 1-ой гимназіи», П. П. Зеленецкаго (Пенза, 1889 г.).
- 1890 г. «Марья Васильевна Бѣлинская, урожденная Орлова» (жена Бѣлинскаго), некрологъ и воспоминанія о ней (Московскій Листокъ, № 176, и Новое Время, №№ 5146 и 5147).
- 1891 г. «Неизданныя письма Бѣлинскаго къ А. И. Герцену», 1846 года (Русская Мысль, кн. 1, стр. 1—25).
- > «Бѣлинскій на смертномъ одрѣ», снимокъ съ литографіи Тимма (Новь, кн. 2).
  - > «О письмахъ Бѣлинскаго къ Бакунинымъ», В. Гольцева (Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности, М., стр. 277—282).
  - > «Дмитрій Калининъ, драматическая повѣсть въ пяти картинахъ», сочиненіе Бѣлинскаго, 1831 года (тамъ же, стр. 437—533).
  - > «Бѣлинскій, его жизнь и литературная дѣятельность», біографическій очеркъ М. А. Протопопова (Спб., 77 стр. съ портретомъ).
- 1892 г. «Сороковыя годы», А. Д. Галахова (Историческій Вѣстникъ, кн. 1, стр. 135—137).
- > «Два письма Бѣлинскаго къ К. Д. Кавелину», отъ 22 ноября и 7 декабря 1847 года, съ примѣчаніями и предисловіемъ Д. А. Корсакова (Русская Мысль, кн. 1, стр. 105—128).
  - > «Лепта Бѣлинскаго», въ пользу голодающихъ (М., 88 стр. съ двумя фототипіями).
  - > «Нѣсколько отрывковъ изъ неизданной переписки Бѣлинскаго» (Помощь голодающимъ, учено-литературный сборникъ, М., стр. 420—439).
  - > «Два письма Бѣлинскаго»: къ М. В. Орловой (со снимкомъ) и Н. С. Селивановскому (Тамъ же, стр. 440—446).
  - > «Воспоминанія о М. В. Бѣлинской», А. В. Орловой (стр. 447—449).
- 1893 г. «Письма Бѣлинскаго» (Отчетъ Императорской Публичной Библиотекѣ за 1889 годъ, Спб.).
- > «Воспоминанія», Д. В. Григоровича (Русская Мысль, кн. 1, стр. 9—41).
  - > «О педагогическихъ взглядахъ Бѣлинскаго», В. Александровской-Балталоной (Вѣстникъ Воспитанія, кн. 1).
  - > «Бѣлинскій о театрѣ», статья Ч. Вѣтринскаго (Артистъ, кн. 27, стр. 37—50).
  - > «Жизнь и труды М. П. Погодина», Н. П. Барсукова, Спб., книга седьмая, стр. 510—511.—На этихъ страницахъ находятся указанія, въ какихъ мѣстахъ II—VII книгъ труда г. Барсукова говорится о Бѣлинскомъ. За-

- тѣмъ о немъ упоминается на многихъ страницахъ VIII, IX и X книгъ того же сочиненія.
- 1893 г. «В. Г. Бѣлинскій», статья В. Е. Якушкина (Русскія Вѣдомости, №№ 142, 152, 171, 177).
- » «Воспоминанія В. А. Панаева» о Бѣлинскомъ въ сороковыхъ годахъ (Русская Старина, кн. 9, стр. 477—483).
  - » «Литературныя замѣтки», А. Волынского (Сѣверный Вѣстникъ, кн. 10, отд. II, стр. 120—156; кн. 11, стр. 129—171; кн. 12, стр. 146—196). — Потомъ этотъ трудъ вышелъ отдѣльною книгою.
- 1894 г. «Письмо Бѣлинскаго къ И. С. Тургеневу» (Русское Обозрѣнiе, кн. 5, стр. 404).
- » «Воспоминанія С. М. Сухотина» (Русскій Архивъ, кн. 9, стр. 73—75).
  - » «Бѣлинскій, его жизнь и литературная дѣятельность», біографическій очеркъ М. А. Протопопова (Сиб., 77 стр. съ портретомъ). — Это — второе изданіе книжки.
- 1895 г. «Письма Бѣлинскаго къ своей невѣстѣ — М. В. Орловой» (Русскія Вѣдомости, №№ 163, 166 и 185). — Эти «Письма» были перепечатаны въ Сѣверномъ Вѣстникѣ (1895 г., кн. 6, стр. 99—107), а затѣмъ въ болѣе полномъ видѣ появились на страницахъ сборника Починъ (1896 г., стр. 143—228).
- » «В. Г. Бѣлинскій» въ книгѣ М. А. Протопопова: Литературно-критическія характеристики, Сиб.
- 1896 г. «Забятая страница изъ біографіи Бѣлинскаго», дѣло объ опредѣленіи его въ управленіе Путей Сообщенія, въ 1841 году (Сынъ Отечества, № 23).
- » «Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго», съ портретомъ и факсимиле автора, гравюрой съ картины Наумова и статьей Н. К. Михайловскаго (Сиб., четыре тома).
- 1897 г. «Отрывки изъ переписки Бѣлинскаго съ женою (Братская Помощь, сборникъ, М.).
- 1898 г. «Мысли Бѣлинскаго о воспитаніи», Л. С. (Сиб., 34 стр.).

Заканчивая свои «библіографическія указанія», повторяемъ, что мы не задавались трудно выполнимою цѣлю — исчерпать всю литературу о Бѣлинскомъ за время съ 1876 до 1898 года, и ожидаемъ, что, можетъ быть, такой трудъ, при общихъ усиліяхъ, будетъ выполненъ ко дню пятидесятилѣтія со дня смерти этого русскаго критика.

Д. Я—въ.

РУССКІЕ ДИПЛОМАТЫ ХVIII СТОЛѢТІЯ ВЪ АНГЛІИ ¹⁾.

IV.

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ Екатерины II, русская дипломатія въ Англіи достигла своего апогея, и столбами его были два брата Воронцовы, изъ которыхъ графъ Александръ Романовичъ открываетъ эту эпоху, а графъ Семенъ Романовичъ заканчиваетъ ее. Сама Екатерина, хотя одно время склонялась къ союзу съ Франціей и по временамъ охладѣвала къ Англіи, въ виду ея интригъ, даже дѣйствовала враждебно противъ нея, на примѣръ, введеніемъ вооруженнаго нейтралитета, но вообще она питала теплое сочувствіе къ Англіи и англичанамъ, неоднократно выражая это прямо и открыто. Такъ, при самомъ вступленіи своемъ на престоль, она приказала канцлеру графу М. Л. Воронцову написать русскому послу въ Лондонѣ, что «находить себя склонною умножить и охотно утвердить согласіе между Россіей и Англіей»²⁾, чѣмъ подтверждала мнѣніе англійскихъ министровъ, увѣрявшихъ тогда, что «нѣтъ натуральнѣе союза, какъ между Россіей и Англіей»; потомъ она писала къ г-жѣ Бьелке: «записка англійскаго посланника (Кейта, состоявшаго прежде при петербургскомъ, а впоследствии при копенгагенскомъ дворахъ), который называетъ меня своей дорогой императрицей, доставила мнѣ большое удовольствіе;

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXII, стр. 243.

²⁾ Собраніе трактатовъ и конвенцій, т. IX, стр. 215.

я такъ привыкла къ дружбѣ англичанъ, что смотрю на каждого изъ нихъ, какъ на лицо, желающее мнѣ добра, и дѣйствую, насколько это отъ меня зависитъ, соображаясь съ этимъ»¹⁾; а въ своемъ знаменитомъ разговорѣ съ англійскимъ посломъ Гаррисомъ, въ 1780 году, она говорила: «вы знаете, что я люблю вашу націю; мои чувства къ ней искренни и неизмѣнны... Я другъ Англіи по влеченію и по интересу»²⁾. Наконецъ, въ послѣдніе свои годы, она была вѣрною и преданною союзницей Англіи противъ революціонной Франціи. Естественно, что у такой англomanки и представители ея въ излюбленной странѣ отличались англomanіей, чему наиболѣе блестящій примѣръ представляли братья Воронцовы.

Старшій изъ нихъ, графъ Александръ Романовичъ, воспитанный на французской литературѣ и знакомый съ двѣнадцати лѣтъ съ сочиненіями Вольтера, Расина, Корнеля, Буало, окончилъ свое образование за границей, гдѣ посѣтилъ Вѣну, Парижъ и Мадридъ, а по возвращеніи въ Россію онъ вступилъ на дипломатическую службу и былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, откуда переведенъ въ Лондонъ въ 1762 году. Тамъ онъ оставался менѣе двухъ лѣтъ, а затѣмъ былъ посломъ въ Гагѣ, президентомъ юстицъ-коллегіи, а при Александрѣ I министромъ иностранныхъ дѣлъ и государственнымъ канцлеромъ. Несмотря на свое кратковременное пребываніе въ Англіи и на неудачный результатъ его переговоровъ о возобновленіи союзнаго трактата 1742 г., срокъ которому кончился, графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, съ одной стороны, сильно къ ней привязался и оставилъ по себѣ прекрасныя воспоминанія, что способствовало впоследствии его брату завязать обширныя связи съ англійскимъ высшимъ свѣтомъ, а съ другой, записалъ свое имя въ исторію дипломатическихъ сношеній Россіи съ Англіей; именно, по его ходатайству увеличены были самостоятельность и значеніе посланника. Въ послѣднемъ отношеніи онъ откровенно жаловался въ своей реляціи отъ января 1769 года³⁾, что русскихъ представителей за границей обходятъ, и петербургскій кабинетъ прямо ведетъ переговоры съ иностранными послами на мѣстѣ; по его словамъ, «полезно и необходимо было бы, чтобъ каждый изъ русскихъ министровъ при европейскихъ дворахъ заблаговременно увѣдомленъ былъ о намѣреніяхъ, или объ отвѣтѣ, который предполагалось сообщить тому двору, при которомъ онъ состоялъ, ибо министерства (т. е. иностранныя правительства) размѣряютъ довѣренность свою къ нимъ всегда по той, какая оказывается имъ отъ своего двора». Графъ Воронцовъ при этомъ указывалъ, что такъ дѣйствовали кабинеты лондонскій, версальскій и вѣнскій, которые

¹⁾ Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., т. XIII, стр. 209.

²⁾ La diplomatie française, par P. Fauchill, стр. 587.

³⁾ Русскіе дипломатическіе агенты, т. I, стр. 45.

всякое свое сообщеніе иностраннымъ правительствамъ «передавали чрезъ своихъ представителей, а резидирующимъ у нихъ довольствовались сообщать словесно или письменно, даже спустя нѣсколько времени». Императрица, всегда сочувствовавшая этому взгляду, опредѣлила: «отвѣтствовать можно, что я за правило поставила, чтобъ трактовать чрезъ моихъ министровъ, у дворовъ обрѣтающихся, а не съ здѣшними чужестранными министрами»¹⁾. Графъ Воронцовъ на этомъ не остановился и пошелъ далѣе; считая, что непосредственныя сношенія съ своимъ государемъ могутъ усилить значеніе посланника, который, опираясь на личныя указанія государя, пріобрѣтаетъ большій авторитетъ въ глазахъ иностраннаго правительства, онъ просилъ 23-го іюля 1763 г. разрѣшенія въ случаѣ надобности адресовать свои донесенія прямо на имя императрицы, и она сдѣлала на его депешѣ отмѣтку: «сіе необходимо нужно и то съ такою откровенностью, какъ пишутъ къ вамъ» (къ канцлеру)²⁾. По замѣчанію г. Александренко, подобныя донесенія ко двору пріобрѣли важное значеніе въ царствованіе Екатерины II, которая, съ самаго вступленія своего на престоль, выразила желаніе принимать близкое участіе въ направленіи внѣшней политики, для чего приказала приносить къ ней подлинныя реляціи и писать ко всѣмъ министрамъ, что «она желаетъ знать состояніе всякаго двора, какія негодіи нынѣ производятся, также и внутреннія распоряженія»³⁾. Она очень строго относилась къ содержанию какъ общихъ реляцій, такъ и личныхъ ей донесеній, и не равъ высказывала свое неудовольствіе относительно наивныхъ депешъ графа Александра Романовича Воронцова, называя его разсужденія «жалкими», хотя очень цѣнила его познанія.

Въ дипломатической дѣятельности графа Александра Романовича Воронцова въ Лондонѣ нелишне еще отмѣтить его отношенія къ англійской печати; онъ не предпринималъ противъ нея никакихъ мѣръ, когда появлялись оскорбительныя статьи о Россіи, а только сообщалъ о нихъ въ Петербургъ, указывая на свою безпомощность и безсиліе для борьбы. Замѣчательно, что въ отвѣтъ на эти указанія Екатерина велѣла ему отвѣтить: «На сіе (т. е. борьбу) есть три способа: 1) зазвать автора, куда способно, и поколотить его, 2) деньгами унимать писать или уничтожить и 3) писать въ защиту (т. е. въ опроверженіе), а у двора, кажется, дѣлать нечего»⁴⁾. Однако, Воронцовъ не рѣшался прибѣгать ни къ одному изъ этихъ средствъ и вообще жилъ мирно и дружелюбно съ англичанами, которые его очень уважали, что доказывается словами

¹⁾ Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., т. XLVIII, стр. 372—373.

²⁾ Русскіе дипломатическіе агенты, т. I, стр. 46.

³⁾ Тамъ же, стр. 34.

⁴⁾ Собраніе трактатовъ, т. X, стр. 242.

«истор. вѣстн.», май, 1898 г., т. LXXII.

его брата, который писалъ ему изъ Лондона въ 1785 году. «Многіе здѣсь говорятъ мнѣ о васъ; г. Питтъ мнѣ сказалъ, что вы очень были близки къ его отцу (лорду Чатаму), и что онъ хорошо помнитъ, съ какимъ глубокимъ уваженіемъ отзывался его отецъ объ васъ. По словамъ лорда Сиднея, онъ васъ знаетъ очень хорошо, а маркизъ Ландсдоунъ пріѣхалъ ко мнѣ, чтобъ познакомиться со мною, такъ какъ онъ былъ вашимъ хорошимъ другомъ»¹⁾. Съ своей стороны, и Воронцовъ относился къ Англіи и англичанамъ съ такою любовью, что писалъ, уѣзжая изъ Лондона, герцогу Ньюкастлю, «что смотреть на себя въ нѣкоторомъ отношеніи, какъ на гражданина его земли, въ силу общности интересовъ двухъ державъ, и желаетъ всякаго благополучія глубоко имъ уважаемой странѣ, которую онъ покидаетъ»²⁾. Впослѣдствіи, давая совѣты брату при его назначеніи посломъ въ Англію, графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ говорилъ: «Нѣтъ народа, въ которомъ въ приватной жизни было болѣе добродѣтели, праводушія и дружбы, какъ у нихъ; хорошо жить и родиться тамъ»³⁾. Что касается до государственнаго строя Англіи, то онъ считалъ его образцовымъ, безпримѣрнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ и строго національнымъ, но, отличаясь практическимъ благоразуміемъ, онъ предупреждалъ брата не очень увлекаться и общей англomanіей. «Надо остерегаться, — говорилъ онъ, — и объ этомъ я тѣмъ удобнѣе говорить могу, что, признаться должно, по молодости моей, я не могъ отъ того спастись: чѣмъ больше ознакомишься въ Англіи, тѣмъ больше привяжешься къ ихъ дѣламъ, и это происходитъ незамѣтнымъ образомъ, такъ что сдѣлаешься участникомъ дворцовой партіи, или той, которая противъ министровъ». Несмотря на эти совѣты, графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ самъ остался и въ Россіи англomanомъ, заслуживалъ даже упреки Екатерины за то, что шельмъ слишкомъ далеко въ этомъ отношеніи, и до своей смерти въ 1805 году интересовался всѣмъ, что дѣлалось въ Англіи, постоянно слѣдилъ за ея литературой, получая черезъ брата всѣ важнѣйшія новыя книги, въ томъ числѣ знаменитое сочиненіе А. Смита «О богатствѣ народовъ», которое онъ, прочитавъ, послалъ Радищеву въ Сибирь.

Замѣнившій Воронцова въ Лондонѣ Генрихъ Грассъ былъ прежде частнымъ секретаремъ у князя А. Кантемира и долго находился въ Лондонѣ, такъ что былъ опытенъ въ дѣлахъ, но принадлежалъ къ противоположной школѣ братьевъ Воронцовыхъ и прислуживался всѣмъ, которые были въ силѣ. По словамъ графа Александра Романовича, «это былъ чловѣкъ очень дѣловитый и знающій, но съ гнусной фizioноміей и низкаго происхожденія»⁴⁾. Англійское правительство относилось къ

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, т. IX, стр. 40.

²⁾ Русскіе дипломатическіе агенты, т. II, стр. 101.

³⁾ Архивъ князя Воронцова, т. XXXI, стр. 438—441.

⁴⁾ Русскіе дипломатическіе агенты, т. I, стр. 37.

нему недовѣрчиво, и когда до Воронцова дошла рѣчь о его назначеніи полномочнымъ министромъ, то министръ Кейтъ заявилъ, что его личность не была угодна королю, который имѣлъ достовѣрныя свѣдѣнія о недоброжелательствѣ Грасса къ нему и его союзникамъ. Однако, каковъ бы ни былъ Грассъ, онъ велъ дѣла посольства осторожно и на своемъ посту умеръ въ 1765 году. Преемникомъ его сдѣлался Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ, но такъ какъ онъ былъ два раза чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Лондонѣ, всего въ продолженіе 13-ти лѣтъ, а въ промежутокъ времени полтора года занималъ эту должность генералъ-поручикъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, то скажемъ прежде нѣсколько словъ объ этомъ дипломатѣ, а затѣмъ уже представимъ общую характеристику Мусина-Пушкина, который заслуживаетъ бѣльшаго вниманія.

Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, начавшій свою дипломатическую службу дворяниномъ посольства при прусскомъ дворѣ, не проявилъ себя въ Лондонѣ ничѣмъ замѣчательнымъ, и относительно его посольства можетъ быть всего интереснѣе данная ему и собственноручно подписанная Екатериной инструкція, которая — наиболѣе полная и любопытная изъ всѣхъ инструкцій, полученныхъ въ XVIII вѣкѣ русскими дипломатами въ Англіи. Судя по отрывкамъ изъ нея, помѣщеннымъ въ книгѣ г. Александренка, такъ какъ она цѣликомъ еще не напечатана, эта инструкція обнимала не только изложеніе русской политики въ Европѣ и Азій, объясненіе задуманной Екатериной сѣверной системы и порученіе заключить съ Англіей союзный трактатъ, но и обстоятельныя правила, которыми посланникъ долженъ былъ руководствоваться въ своей посольской миссіи, причѣмъ между прочимъ регулировались отношенія его къ англійской печати, по поводу враждебныхъ Россіи статей, и посольскій церемоніаль. Относительно двухъ послѣднихъ вопросовъ нелишне сказать, что впервые русское правительство официально сознало въ этомъ важномъ документѣ силу свободной англійской прессы и, уже отложивъ попеченіе о карѣ, или даже прямо опроверженіи газетныхъ статей, указываетъ, какъ на единственный путь къ борьбѣ съ ними на «старанья подъ рукой, чтобъ разглашаемые газетами враждебныя Россіи слухи были ими же опровергаемы». Гораздо бѣльшую важность для дипломатовъ XVIII вѣка имѣлъ спорный вопросъ о первенствѣ пословъ, и онъ постоянно порождалъ непріятныя столкновенія. Въ инструкціи Чернышева было прямо предписано «наблюдать въ приватномъ и публичномъ обхожденіи всюду строгое равенство, ибо ни отъ одной державы первенства не требуемъ, но не желаемъ и его уступать». На основаніи этого принципа и еще въ силу рескрипта, въ которомъ прямо говорилось: «никакому послу, откуда бы онъ ни былъ, мѣста не уступать», графъ Чернышевъ на одномъ изъ королевскихъ баловъ не уступилъ мѣста подлѣ це-

сарскаго посла представителю Франціи, графу Шателе, и его поступокъ былъ одобренъ Екатериной.

Алексѣй Семеновичъ Мусинъ-Пушкинъ, хорошо образованный человѣкъ, поступилъ двадцати шести лѣтъ на дипломатическую службу и былъ сначала представителемъ Россіи въ Данцигѣ и Гагѣ, затѣмъ въ Лондонѣ, а послѣ продолжительнаго тамъ пребыванія возведенъ Іосифомъ II въ графское достоинство, вернулся въ Петербургъ и умеръ сенаторомъ. Въ дипломатическомъ отношеніи онъ не оказалъ никакихъ заслугъ, хотя въ его время заключенъ коммерческій трактатъ съ Англіей 1766 г., и графъ Панинъ говорилъ о немъ: «его министерство и реляціи сего министра составлены только изъ великихъ словъ, какъ: благословенная имперія, богатая казна и ему подобныхъ, а не основаны на дѣлѣ». Хотя, дѣйствительно, депеши Мусина-Пушкина были, по выраженію г. Александра слабы по вопросамъ, касающимся политическихъ событій, и даже онъ не увѣдомилъ императрицы объ объявленіи войны Испаніей Англіи въ 1779 г., за что очень прогнѣвалась Екатерина, узнавшая объ этомъ изъ газетъ, но Панинъ ошибался: въ депешахъ Мусина-Пушкина было многое, кромѣ великихъ словъ, и Екатерина читала ихъ съ интересомъ, такъ какъ въ нихъ заключались интересныя свѣдѣнія о государственныхъ учрежденіяхъ и внутреннемъ положеніи Англіи, даже статистическія данныя, совершенная новость въ дипломатическихъ реляціяхъ.

Впервые среди дипломатическихъ агентовъ, онъ обращаетъ вниманіе на развитіе промышленныхъ силъ Англіи и на ихъ вліяніе, въ связи съ земледѣліемъ, на національное богатство страны; такъ, въ особой приложенной къ реляціи отъ 1 октября 1773 г. запискѣ о внутреннемъ бытѣ Англіи онъ между прочимъ говоритъ: «фабрики стали здѣсь не прежде завидными, какъ тогда только, когда могли оныя установить на земледѣліи, яко на свойственнѣйшемъ оныхъ основаніи. Самая ошибка славнаго Кольбера научила англичанъ столько же печися о продажѣ продуктовъ, сколько и о всякой возможной у себя ихъ обдѣлкѣ. Оба сіи предмета получаютъ здѣсь ободреніе и награжденіе. Упражняющіеся въ томъ люди не изнуряются въ Англіи ни публичными работами, оставляя свои собственные, ниже тягостными налогами, но не меньше того государственныя здѣшніе долги заставляють правленіе разными образами собирать съ нихъ еле возможное, по мѣрѣ расхода каждаго, такъ что всѣ англичане платятъ въ казну гораздо болѣе всѣхъ другихъ народовъ... Земледѣліе, первый источникъ національнаго богатства, приведено здѣсь точно въ такое же цвѣтущее состояніе, какого можно только ожидать отъ законовъ, обнадеживающихъ каждаго полнымъ наслажденіемъ плодами всѣхъ своихъ трудовъ и поощряющихъ еще болѣе оныхъ вырабатывать» ¹⁾. Указавъ на причины, способствующи-

¹⁾ Русскіе дипломатическіе агенты, т. II, стр. 178—179.

Графъ Семень Романовичъ Воронцовъ.
Съ гравюры Буассена, сдѣланной съ портрета Эванса.

ція развитію производительныхъ силъ страны, на безпрепятственную свободу передвиженія, на улучшенные способы сообщенія моремъ, рѣками, каналами, на «форму правленія, гдѣ всѣ распоряженія и проекты подлежатъ, прежде всякаго по онимъ производства, подробному разсмотрѣнію не только всего министерства, но и всей націи, всякое же потому опредѣленіе остается правиломъ неизмѣннымъ», и, наконецъ, на сильную мощь, оказываемую житемъ въ деревняхъ дворянства, на иждивеніи котораго безпрепятственно дѣлаются опыты къ улучшенію, во всѣхъ частяхъ деревенскаго хозяйства,—Мусинъ-Пушкинъ не скрываетъ, что еще большому благосостоянію мѣшаютъ ограниченія на привозъ и вывозъ хлѣба, тогда какъ «только полная на ввозъ и вывозъ свобода можетъ содержать довольствіе въ припасахъ и умѣренность въ ихъ цѣнахъ», 2) овладѣвшее всѣми стремленіе какъ бы наискорѣе обогатиться, «благодаря чему вмѣсто свойственныхъ республикамъ экономіи и безкорыстія» администрація и даже депутаты только заботятся о своемъ обогащеніи, и 3) неравенство налоговъ, такъ какъ простой и ремесленный народъ платитъ по мѣрѣ дохода своего болѣе, нежели самые богатые люди, потому что наложено оныхъ болѣе на самыя нужныя вещи, чѣмъ на прихоти». Среди такихъ разумныхъ замѣчаній, конечно, у Мусина-Пушкина попадаются и странныя; такъ, найдя въ Англіи остатки «общихъ полей», онъ, по справедливому замѣчанію г. Александренка, не умѣетъ объяснить ихъ исторической судьбы и значенія, а считаетъ также помѣхой къ національному благосостоянію.

Въ другихъ своихъ реляціяхъ Мусинъ-Пушкинъ говоритъ объ основахъ государственнаго строя въ Англіи, объ организациіи парламента, о выборѣ лондонскаго лордъ-мэра, о попыткахъ къ реформѣ избирательнаго права, объ устройствѣ лондонскаго банка о финансовыхъ операціяхъ, объ остъ-индской компаніи и т. д.; причѣмъ онъ высказываетъ много любопытныхъ и дѣлающихъ ему честь, по прозорливости взглядовъ на вопросы, которые потомъ долго составляли и до сихъ поръ составляютъ злобу Англіи. Такъ, въ депешѣ на имя императрицы отъ 15 марта 1768 г. онъ говоритъ: «королевскія здѣсь преимущества какъ ни обширны и ни избыточны, но не могутъ по узаконеніямъ здѣшнимъ ни малаго подавать народнымъ правамъ опасенія. Охраняются оныя самымъ тѣмъ, что англійскій король не можетъ дѣлать худа. Опасенъ народу верхній только парламентъ, согласіе котораго, будучи столько же нужно для полезныхъ учрежденій, сколько и его великобританскаго величества, можетъ всегда остановить оныя по самопроизволію своему. Узаконеніе здѣшнее не приняло еще никакой насупротивъ того предосторожности, употребляя оную всю на сокращеніе королевской только власти. Опасаясь такого аристократическаго правленія перевѣса, кажется здѣсь быть желательнымъ, чтобъ избиратели депутатовъ въ нижній парламентъ могли иногда разсматривать и судить поведеніе своихъ депутатовъ, и чтобъ они

были избраны общимъ баллотированіемъ, а не голосами однихъ только помѣщиковъ, съ исключеніемъ всѣхъ наизажиточнѣйшихъ купцовъ и фабрикантовъ»¹⁾. Однако Мусинъ-Пушкинъ не довольствовался въ своихъ реляціяхъ картинами того, что дѣлалось въ Англіи, и разсужденіями, основанными на теоріяхъ Монтескье, Локка и фізіократовъ, но не разъ указывалъ на важность и необходимость реформъ въ Россіи, особенно по части торговли. Въ одной изъ депешъ 1766 г. онъ указываетъ на недостатокъ образованія у русскихъ купцовъ, на отсутствіе у нихъ взаимопомощи, кредита, капиталовъ и на невыгодную иностранную конкуренцію, а потому для развитія внѣшнихъ торговыхъ сношеній Россіи онъ совѣтовалъ учредить въ Петербургѣ «генеральную компанію» съ конторами въ извѣстныхъ торгующихъ городахъ²⁾.

Подобно тому, какъ Мусинъ-Пушкинъ ввелъ новый элементъ въ дипломатическія реляціи, онъ прибѣгнулъ и къ новому способу въ борьбѣ представителей Россіи съ враждебными ей иностранными сочиненіями, именно, къ покупкѣ рукописи у автора до ея печатанія. 2 марта 1772 г. онъ донесъ въ Петербургъ, что получено изъ Парижа и переводится для печати рукописное сочиненіе Гантье де Марвиля, подъ заглавіемъ «*Essai historique sur les revolutions politiques, les moeurs, les usages et le commerce des Russes* (Историческій очеркъ политическихъ переворотовъ, обычаевъ, порядковъ торговли въ Россіи)». Въ составленіи этого очерка принималъ, повидимому, участіе Дююи, секретарь барона Бретеля, получившій свѣдѣнія отъ какой-то дамы, г-жи Ришъ, будто бы имѣвшей доступъ къ императрицѣ Елисаветѣ, а содержаніе его обнимало: 1) политическія событія въ Россіи съ начала XVIII столѣтія, 2) анекдоты о всѣхъ лицахъ, игравшихъ роль въ государственныхъ переворотахъ, и 3) текущая политика, относительно польскаго и турецкаго вопросовъ. На основаніи скандальнаго и оскорбительнаго его характера, сочиненіе это предлагалось купить и уничтожить; императрица одобрила планъ своего представителя, выразила ему высочайшее благоволеніе и предлагала, приобрѣвъ рукопись, «предать ее огню до послѣдняго листа». Мусинъ-Пушкинъ отвѣчалъ въ депешѣ отъ 15 іюня: «на сихъ дняхъ, вручивъ скаредную рукописную книгу, въ трехъ частяхъ, со всѣми принадлежащими къ ней записками, самъ оную предалъ огню. При выдачѣ за то 200 гиней (около 1.200 рублей) я взялъ съ продавца росписку, чтобъ оную никогда и ни подъ какимъ видомъ олять не писать и не сочинять»³⁾.

Еще замѣчательнѣе была дѣятельность Мусина-Пушкина относительно попеченій о русскихъ молодыхъ людяхъ, учившихся въ

¹⁾ Русскіе дипломатическіе агенты, т. II, стр. 125—126.

²⁾ Тамъ же, стр. 117—124.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 296—297.

Англии. Впервые при Петрѣ Великомъ сдѣланъ опытъ посылки изъ Россіи въ Англію юношей для образованія, но тогда ихъ обученіе носило строго профессиональный характеръ, и они изучали исключительно морское дѣло. Въ 1761 г. прибыли въ Англію бывшіе студенты Московскаго университета: Иванъ Третьяковъ и Семенъ Десницкій; ихъ предполагалось помѣстить въ Оксфордъ, или Кембриджъ, но въ виду дорогой тамъ жизни кн. Голицынъ отправилъ ихъ въ Глазго, «гдѣ они учились прилежно и вели себя хорошо». Впослѣдствіи, одинъ изъ нихъ, Десницкій, былъ профессоромъ Московскаго университета и считался отцомъ русской науки права. Наконецъ, въ 1766 г. явились къ Мусину-Пушкину семинаристы: Быковъ, Суворовъ, Левшиновъ, Буховецкій и Матвѣевскій съ своимъ инспекторомъ Василиемъ Никитинымъ. Посланникъ принялъ ихъ очень радушно и сдѣлался, по словамъ гр. Панина, «первымъ, единственнымъ учредителемъ ихъ ученія и нужныхъ ресурсовъ какъ на оное, такъ и на пристойное ихъ содержаніе». Насколько онъ тепло относился къ этимъ молодымъ людямъ, руководя ихъ занятіями, слѣдя за ихъ поведеніемъ и заботясь о всѣхъ ихъ нуждахъ, доказываетъ напечатанная во II томѣ труда г. Александренка переписка его съ инспекторомъ Никитинымъ. Всѣ семинаристы вступили въ Оксфордскій университетъ, жили въ различныхъ коллегіяхъ и, по свидѣтельству англійскихъ профессоровъ и донесеніямъ Мусина-Пушкина, занимались очень хорошо, въ особенности, самъ инспекторъ Никитинъ и Суворовъ (впослѣдствіи профессоръ Московскаго университета, по кафедрѣ чистой математики), которые написали порусски и перевели на англійскій языкъ руководство по тригонометріи, а по окончаніи своихъ девятилѣтнихъ занятій, получили, по словамъ Мусина-Пушкина, «чинъ *maitre des arts*, по единственному уваженію ихъ достоинствъ, не только безъ всякихъ постороннихъ домогательствъ, но еще вопреки сильной противъ нихъ партіи». Не ограничиваясь узкою спеціальностью, русскіе студенты въ Оксфордѣ старались получить широкое общее образованіе, и изъ нихъ Никитинъ изучалъ философію, астрономію, высшую математику и химію, Суворовъ и Быковъ—юридическія науки, древніе и новые языки, математику, богословіе, философію и исторію, Левшиновъ—богословіе, діалектику, метафизику, географію, нравственную философію, церковную и всеобщую исторію, Буховецкій—философію и другія науки, Матвѣевскій—богословіе, философію, математику, гражданское право и древніе языки. Такъ какъ жизнь въ Оксфордѣ была очень дорога, русскіе студенты оставались тамъ отъ 6 до 9 лѣтъ, и они получали немного и неаккуратно денегъ изъ Россіи, то постепенно у нихъ завелись долги, и они пришли въ такое бѣдственное положеніе, что, по словамъ ихъ доброхота и заступника, Мусина-Пушкина, «не получая болѣе года содержанія, они находились (въ 1773 г.) въ такой у всѣхъ недовѣркѣ, что ни-

кто не хотѣлъ ихъ въ долгъ кормить и меньше того ссужать самонужнѣйшими вещами». Въ Петербургѣ удивлялись этому несчастному положенію русскихъ студентовъ, увѣряли, что они получаютъ больше, чѣмъ было необходимо, отказывались отъ пла-

Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ.

Съ миниатюры начала нынѣшняго столѣтія.

тежа ихъ долговъ, приказывали продавать ихъ вещи для уплаты кредиторамъ и предписывали сдѣлать объявленіе, чтобъ никто студентамъ въ кредитъ не вѣрилъ. Но послѣ долгихъ хлопотъ и переписокъ Мусину-Пушкину удалось все уладить, получить изъ

Петербурга денегъ для уплаты долговъ студентовъ и благополучно возвратить ихъ на родину.

Впослѣдствіи еще при Мусинѣ-Пушкинѣ и при его преемникѣ Симолинѣ, обучались въ Англіи другіе русскіе студенты, именно, кн. Дашковъ, Бакунинъ и Бахметьевъ въ Эдинбургскомъ университетѣ. Причемъ они занимались математикой, исторіей, правомъ и медициной. Были и специалисты; такъ, Григорій Сенявинъ учился мореплаванію, Демидовъ — минералогіи, металлургіи и механикѣ, а Ливановъ, Михайловъ, Клавуцкій и Пищиковъ изучали сельское хозяйство, подъ руководствомъ священника посольской церкви, Самборскаго, впослѣдствіи учителя Александра I. Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что будущіе сотрудники Александра I, въ его внутреннихъ реформахъ, В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцевъ и Н. С. Мордвиновъ политически образовались въ Англіи.

Иванъ Матвѣевичъ Симолинъ, замѣстившій Мусина-Пушкина, былъ сыномъ шведскаго пастора въ Ревелѣ и до Лондона находился секретаремъ посольства въ Регенбургѣ, и чрезвычайнымъ посланникомъ въ Стокгольмѣ, а, пробывъ въ Англіи 6 лѣтъ, переведенъ въ Парижъ. Какъ опытный, знающій дипломатъ, онъ имѣлъ значеніе при Екатеринѣ II, хотя увѣряли, что денеши составлялись имъ по газетамъ, съ измѣненіемъ только оборотовъ рѣчи. Но какъ человекъ, онъ пользовался дурной репутаціей, за свою невоздержную жизнь, такъ что гр. С. Р. Воронцовъ писалъ отъ 25 декабря 1786 г. своему брату: «нравы г. Симолина не соотвѣтствуютъ его способностямъ; онъ жилъ въ Лондонѣ и продолжаетъ жить въ Парижѣ въ самомъ дурномъ обществѣ, бывая въ дурныхъ мѣстахъ и знаясь лишь съ уличными женщинами» ¹⁾. Неудивительно, что въ Лондонѣ его не очень жаловали, и въ 1781 г. въ газетѣ «London Courant» напечатана была ядовитая статья, въ которой, не называя его по имени, говорилось, что г. С—нъ, р—скій посланникъ, не лучше шпиона; такъ, онъ передаетъ французскому правительству извѣстія изъ Англіи, что ранѣе онъ въ Царьградѣ едва спасъ свою жизнь, благодаря своему вѣроломству, и что изъ Швеціи его выслали по приказанію короля. Хотя, по жалобѣ Симолина, виновные были подвергнуты 12 и 6 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, а также штрафу, 100 и 50 ф. ст., но его популярность отъ этого нимало не возвысилась, хотя онъ былъ рьянымъ англоманомъ и даже вмѣшивался въ распри англійскихъ партій, что унижало его посольское достоинство. Относительно его дипломатической дѣятельности можно только сказать, что при немъ обнародована декларация о вооруженномъ нейтралитетѣ, и по предписанію Екатерины онъ держался «однѣхъ неопредѣленныхъ генеральностей», такъ какъ тогда не могло быть и рѣчи о возобновленіи союза съ

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова IX т., стр. 92.

Англійей, о которомъ, хотя и тщетно, хлопотали его ближайшіе предшественники. О его пребываніи въ Лондонѣ можно еще прибавить, что онъ купилъ себѣ домъ на Гарлейской улицѣ и потомъ продалъ его русскому правительству за 6.000 ф. ст. Въ этомъ казенномъ тогда домѣ жилъ гр. С. Р. Воронцовъ, который былъ назначенъ на мѣсто Симолина и былъ самымъ блестящимъ, самымъ замѣчательнымъ представителемъ Россіи въ Англійи въ XVIII столѣтіи.

V.

Пламенный англоманъ, но не менѣе пламенный патриотъ, графъ С. Р. Воронцовъ былъ почти идеальнымъ представителемъ Екатерины въ Англійи, хотя она по временамъ негодовала на его явное пристрастіе къ Англійи и на его стремленіе «съ своего поста учить». Однако это не мѣшало императрицѣ, по словамъ графа Завадовскаго, его «очень уважать и цѣнить по причинѣ его свѣтлаго ума, а также честности и прямоты»¹⁾. Дѣйствительно онъ былъ умный и образованный человѣкъ, съ независимыми, самостоятельными взглядами, и хотя получилъ не школьное, а домашнее воспитаніе, но достигъ замѣчательнаго умственнаго развитія, благодаря продолжительнымъ странствованіямъ въ юности по Россіи, въ томъ числѣ по Сибири, военнымъ походамъ и, наконецъ, долговременному пребыванію въ Европѣ. Когда онъ впервые прибылъ въ Англійю, гдѣ оставался всего 47 лѣтъ, а изъ нихъ 20 былъ посланникомъ, графу С. Р. Воронцову было 41 годъ, и, покинувъ военную службу, онъ уже до тѣхъ поръ находился полномочнымъ министромъ въ Испаніи и Венеціи. Въ короткое время онъ такъ сроднился съ Англійей, особенно съ тѣхъ поръ какъ выдалъ свою дочь замужъ за графа Пемброка, а сына, будущаго фельдмаршала, воспиталъ по англійской системѣ, которую онъ считалъ за лучшую, что смотрѣлъ на эту страну, какъ на свое второе отечество, хотя честно и энергично служилъ первому, гордо отстаивая его интересы и достоинство даже противъ излюбленныхъ имъ англичанъ. Хотя, по его собственнымъ словамъ, онъ былъ принятъ въ Англійи прекрасно, въ виду политическаго значенія, пріобрѣтеннаго Россіей при Екатеринѣ, и свѣтскихъ связей его брата, но положеніе его въ первые годы было очень затруднительно. Ревностный сторонникъ союза Россіи съ Англійей, онъ вынужденъ былъ вскорѣ сообщить въ Петербургъ, что «судьба не увѣнчала его трудовъ успѣхомъ, главнымъ образомъ, по причинѣ прусскаго вліянія при дворѣ, такъ какъ королева-пруссачка имѣетъ власть надъ мужемъ, а ею управляютъ ея чтець Демакъ, нѣмка Швалембергъ, которую королева горячо

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, XX т., стр. 59.

любить, и баронъ Секендорфъ». Это положеніе дѣль очень тревожило императрицу, и она писала въ 1789 году Воронцову: «старайтесь удержать Англію отъ дѣятельнаго участія въ злобныхъ умыслахъ берлинскаго кабинета». Графъ Безбородко, тогдашній канцлеръ, еще упорнѣе настаивалъ на томъ же. «Бога ради, старайтесь связать насъ съ Англіей,—писалъ онъ Воронцову;—и по торгу, и по политикѣ; великое вамъ спасибо и слава будутъ за столь важную заслугу». И графъ Семенъ Романовичъ оказалъ эту услугу. Онъ вступилъ въ прямую борьбу съ всемогущимъ Питтомъ, который отъ тайныхъ интригъ противъ Россіи перешолъ къ прямымъ приготовленіямъ войны съ этой страной, въ союзѣ съ Пруссіей, Турціей и даже Швеціей, а въ результатѣ получилась полная побѣда русскаго посланника, война не состоялась, и заключено мирное соглашеніе между обѣими странами.

Этотъ знаменательный эпизодъ борьбы Воронцова съ Питтомъ въ 1791 году составляетъ самую славную страницу въ исторіи не только его посольства, но и всей русской дипломатіи въ XVIII столѣтіи. Оригинальны и характерны, съ одной стороны, были совѣты Воронцова русскому правительству ни за что не уступать англійскимъ требованіямъ и твердо настаивать на своемъ, подготавливая мѣры для отраженія враговъ, что побуждало Екатерину говорить, въ виду робости, заявленной русскимъ правительствомъ и, преимущественно, Потемкинымъ: «одинъ Воронцовъ мыслить, какъ я», а съ другой, способъ веденія борьбы въ Англіи путемъ не интриги, а воздѣйствія на общественное мнѣніе политической агитаціей, веденой по всѣмъ правиламъ. Дѣйствительно, видя, что Питтъ сталъ рѣшительно дѣйствовать противъ Россіи, громилъ ее въ парламентѣ, приступилъ къ вооруженію флота изъ 48 кораблей для отправки въ Балтійское море и категорически требовалъ, чтобъ Россія немедленно заключила миръ съ Турціей, на основаніи прежнихъ трактатовъ, и не присоединивъ къ себѣ Очакова, Воронцовъ рѣшилъ помѣряться съ нимъ на чисто англійской почвѣ и чисто англійскими орудіями. Ему было извѣстно, что въ Англіи большинство не желало войны, хотя молчало, и онъ сталъ энергично агитировать съ помощью оппозиціонной партіи въ парламентѣ, съ Фоксомъ во главѣ, общественныхъ митинговъ, брошюръ и газетъ для того, чтобъ обращать общественное мнѣніе въ пользу Россіи. «Я поручалъ,—пишетъ онъ въ своей автобіографіи,—писать брошюры, для которыхъ я давалъ матеріалы, самые убѣдительные и достовѣрные, съ цѣлью доказать англійской націи, что ее влекли къ гибели и уничтоженію ея торговли, и то въ интересахъ, совершенно ей чуждыхъ. Распорядившись о переводѣ на англійскій языкъ и напечатаніи этихъ брошюръ, я распространялъ ихъ повсюду въ провинціи. Это возбудило тревогу въ мануфактурныхъ городахъ, а среди нихъ, въ Норичѣ, Векфильдѣ, Лидсѣ и Манчестерѣ созваны были митинги, на которыхъ рѣшено

представить въ парламентъ петиціи, съ протестомъ противъ мѣръ министерства относительно Россіи. Въ другихъ городахъ собирались послѣдовать этому примѣру, и многіе независимые избиратели писали своимъ депутатамъ, требуя отъ нихъ, чтобы они отдѣлились отъ Питта и подавали голоса прогивъ него. Въ Лондонѣ на стѣнахъ всѣхъ домовъ народъ писалъ мѣломъ: «Не надо войны съ Россіей!» Въ двадцати и болѣе газетахъ, выходящихъ здѣсь ежедневно, появлялись статьи, навѣяныя мною (хотя этого никто не зналъ) и открывавшія глаза народу, который все болѣе и болѣе возставалъ противъ министерства. Все это стоило моему двору не болѣе 250 ф. ст., но мнѣ и служащимъ въ моей канцеляріи причинило много хлопотъ и труда. Съ марта мѣсяца и по іюль, во время этой борьбы, ни я, ни они, не знали покоя, и мы ночью писали, а днемъ бѣгали во всѣ стороны, и когда я хоть на нѣсколько минутъ отдыхалъ, они не могли слѣдовать моему примѣру, такъ какъ они по ночамъ разносили въ редакціи различныхъ газетъ статьи, которыя должны были появиться на другой день»¹⁾.

Борьба эта длилась пять мѣсяцевъ, и Воронцову помогали въ ней не только русскіе, именно: совѣтникъ посольства Лизакевичъ, переводчикъ Назаревскій и священникъ Смирновъ, но иностранцы, какъ швейцарецъ Жоли, частный секретарь Воронцова, писавшій по его указанію брошюры, и англичане: купецъ Джаксонъ, который побудилъ одну изъ вліятельныхъ коммерческихъ компаній заявить протестъ противъ политики Питта, возбудилъ агитацію въ томъ же духѣ на биржѣ и помѣстилъ много статей въ газетахъ въ пользу Россіи, членъ парламента, баронъ Дисдаль, который разсорился съ Питтомъ по этому вопросу, привлекъ на свою сторону нѣсколькихъ членовъ палаты и какъ на словахъ, такъ и въ письмахъ въ провинцію, дѣятельно пропагандировалъ походъ противъ Питта, и ученый, по имени Парадизъ, переводившій брошюры Жоли. Самая замѣчательная изъ этихъ брошюръ была: «Серіозныя изслѣдованія причинъ и послѣдствій нашего вооруженія противъ Россіи», и также заслуживаетъ вниманія другая брошюра, продиктованная молодому адвокату Адлеру самимъ Фоксомъ, подъ заглавіемъ «Изслѣдованія по случаю приближенія войны и поведеніе министровъ». Конечно, знаменитый предводитель виговъ оказалъ наибольшее содѣйствіе Воронцову, и его рѣчь въ нижней палатѣ 28-го марта по поводу вотированія субсидій окончательно обезпечила побѣду русскаго посланника. «Фоксъ говорилъ, какъ ангель, — пишетъ Воронцовъ брату на слѣдующій день, — онъ доказалъ, что проклятый вооруженный нейтралитетъ, за который такъ вооружаются противъ Россіи, дѣло рукъ берлинскаго кабинета, онъ ясно выставилъ, что императрица права въ этой войнѣ, что для Англіи полезенъ союзъ съ Россіей, и убѣдилъ нѣсколькихъ друзей Питта

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, т. 8, стр. 22—23.

высказаться противъ него»¹⁾. Хотя большинство высказалось въ пользу министерства, но оно настолько уменьшилось, и общественное мнѣніе, возбужденное агитаціей Воронцова, такъ ясно высказалось противъ войны, что Питтъ уступилъ. Онъ заявилъ въ парламентѣ, что войны не будетъ, флотъ былъ разоруженъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ вмѣсто воинственнаго герцога Лидса назначенъ лордъ Гренвиль, который не соглашался на отправку эскадры въ Балтійское море, а въ Петербургъ отправленъ не ультиматумъ, какъ хотѣлъ прежде Питтъ, а новый посланникъ Фокнеръ, съ полномочіями согласиться на всѣ желанія Екатерины. Воронцовъ торжествовалъ. Конечно, императрица была въ восторгѣ отъ его побѣды, пожаловала ему орденъ Владимира I степени и прибавила 6.000 р. къ его жалованію, а относительно Фокса она писала гр. Безбородко: «Напишите гр. Воронцову, чтобы онъ досталъ мнѣ похожій бюстъ Ч. Фокса изъ бѣлаго мрамора; я хочу помѣстить его къ себѣ въ колонаду между Демосееномъ и Цицерономъ; своимъ краснорѣчіемъ онъ спасъ Россію и свое отечество отъ войны, несправедливой и безпричинной»²⁾.

Поборовъ могущественнаго министра, но все-таки оставаясь поборникомъ союза Россіи съ Англіей, гр. Воронцовъ приступилъ сначала къ переговорамъ о торговомъ трактатѣ, но любя болѣе Россію, чѣмъ Англію, онъ совѣтовалъ, чтобы русское правительство не торопилось съ этимъ дѣломъ, а напротивъ затормозило его года на два, а то иначе Питтъ можетъ хвалиться, что заставилъ императрицу заключить трактатъ своими вооруженіями. Въ этомъ случаѣ, быть можетъ, его отчасти подстрекало и желаніе отомстить Питту, который, по словамъ его письма къ брату, «имѣлъ глупость думать, что, имѣя друзей въ Англии и любя эту страну, онъ будетъ такъ низокъ, что пожелаетъ униженія своего отечества, чтобы только остаться на своемъ постѣ». «Какъ онъ меня знаетъ,—прибавляетъ Воронцовъ,—честь моей родины для меня дороже всего на свѣтѣ»³⁾. Согласно желанію Воронцова, дѣйствительно, только спустя два года подписана въ Лондонѣ имъ и лордомъ Гренвилемъ конвенція о продолженіи на 6 лѣтъ торговаго трактата 1766 г. и еще другая конвенція относительно общихъ дѣйствій Россіи и Англии противъ революціонной Франціи. Послѣднимъ актомъ гр. Воронцовъ, искренно ненавидѣвшій французскую революцію и, благодаря своимъ аристократическимъ стремленіямъ, не понимавшій ея настоящаго значенія, не былъ доволенъ и настаивалъ на заключеніи болѣе тѣснаго союза, который и былъ заключенъ въ Петербургѣ 7 февраля 1795 г. Воронцовъ снова торжествовалъ, но теперь его торжество раздѣлялъ Питтъ и даже англійскій король, который въ письмѣ къ

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, IX томъ, стр. 190.

²⁾ Русскіе дипломатическіе агенты, т. I, стр. 66.

³⁾ Архивъ кн. Воронцова, IX томъ, стр. 195.

лорду Гренвилю говорить: «Съ большимъ удовольствіемъ я подписалъ полномочія лорду Гренвилю для заключенія съ русскимъ дворомъ двухъ конвенцій, которыя совершенно уничтожаютъ всю русскую систему вооруженнаго нейтралитета» ¹⁾. Это удовольствіе вполнѣ ощущалъ и Воронцовъ, который былъ всегда противъ знаменитой мѣры Екатерины, называлъ ее проклятою и неохотно исполнялъ ея постановленія.

Со смертью Екатерины, положеніе гр. Семена Романовича ни въ чемъ не измѣнилось, и ему предписано было Павломъ стараться сохранять прежнія дружескія отношенія между обѣими странами, но это сближеніе уже объяснялось не обоюдностью интересовъ, а торжествомъ принциповъ. Вполнѣ раздѣляя ненависть Англии къ революціонной Франціи, Воронцовъ охотно помогалъ англійскому правительству въ побужденіи императору послать русскія войска противъ общаго врага, что окончилось присоединеніемъ Россіи къ новой коалиціи и походомъ Суворова въ Италію, но онъ не принималъ участія въ заключеніи выгоднаго для Англии торговаго трактата съ Россіей, который былъ подписанъ въ Петербургѣ въ 1797 г., при содѣйствіи камеръ-фрейлины Нелидовой, получившей, если вѣрить англійскому посланнику при русскомъ дворѣ Витворту, отъ него 30.000 рублей ²⁾. Но дружба Павла съ Англіей длилась недолго, и въ началѣ 1800 года послѣдовалъ разрывъ; Витворту было объявлено, что «его величество позволяетъ ему ѣхать», а вслѣдъ за тѣмъ, 4-го апрѣля, уволенъ отъ службы Воронцовъ, но не отозванъ. Эта опала была вызвана двукратнымъ отказомъ отъ предложеннаго ему Павломъ высшаго поста, сначала вице-канцлера, а потомъ канцлера, и неудовлетворительнымъ, по мнѣнію императора, исполненіемъ возложенной на него обязанности командующаго русскимъ корпусомъ, участвовавшимъ въ голландской экспедиціи, а затѣмъ зимовавшимъ на англійскихъ островахъ Гернсеѣ и Джерсеѣ. Мало того, когда Воронцовъ остался въ Англійи жить частнымъ человѣкомъ, то его имѣнія взяты подъ казенный секвестръ.

Такъ какъ русскій посланникъ въ Лондонѣ не былъ официально отозванъ, а Витвортъ, уѣзжая изъ Петербурга, оставилъ тамъ повѣреннаго въ дѣлахъ, то при англійскомъ дворѣ былъ акредитованъ, также въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, совѣтникъ посольства Лизакевичъ, но онъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, переведенъ въ Копенгагенъ, а священнику посольской церкви, Смирнову повелѣно въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ «извѣщать государя обо всемъ, что вы узнать можете, касательно предпріятій, вооруженій, отправленій, переводовъ денежныхъ и торговыхъ обо-

¹⁾ Русскіе дипломатическіе агенты, т. I, стр. 72.

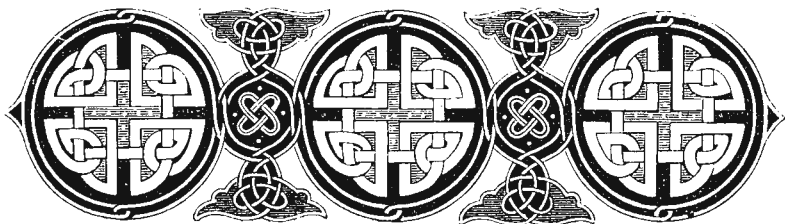
²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 110.

ротовъ англичанъ въ теченіе настоящей осени и зимы» ¹⁾). Такимъ образомъ, къ числу странныхъ фантазій, ознаменовавшихъ царствованіе Павла, надо прибавить единственный примѣръ въ Россіи духовнаго дипломата. Впрочемъ, Яковъ Ивановичъ Смирновъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, много помогаль Воронцову во время его борьбы съ Питтомъ и, по словамъ послѣдняго, вообще «имѣлъ по посольству больше хлопотъ, чѣмъ онъ и Бокстеръ (консулъ) вмѣстѣ». Недолго продолжалось это ненормальное положеніе дѣлъ, и, по воцареніи Александра I, снова акредитованъ въ Лондонѣ, съ титуломъ посла, графъ С. Г. Воронцовъ, а при его возвращеніи въ посольскій домъ изъ Саутгемптона, гдѣ онъ скромно жилъ, англійскіе друзья встрѣтили его со слезами радости. Однако, вторичное его посольство продолжалось только 5 лѣтъ, и онъ вышелъ въ отставку по разстроенному здоровью въ 1806 г., но не вернулся въ Россію, а остался жить въ своей любимой Англіи, гдѣ и умеръ въ 1832 г. По словамъ г. Александренка, онъ въ послѣдніе годы перешелъ въ протестанство и погребенъ протестантскимъ пасторомъ въ англиканской церкви св. Маріи, въ Новой улицѣ, въ кварталѣ Мерилебонъ, гдѣ сохраняется о немъ память, благодаря устроенной имъ богадѣльнѣ для больныхъ, которая существуетъ и теперь въ улицѣ, носящей названіе Воронцовской.

В. Тимирязевъ.

¹⁾ «Лондонскій священникъ Смирновъ», «Русскій Архивъ», 1879 г., № 3.

ВОСПОМИНАНІЯ ФРАНЦУЗСКАГО СОЛДАТА О ПОХОДѢ 1812 ГОДА ¹⁾.

ВШИРНАЯ, вѣчно разрастающаяся литература о войнѣ 1812 г. обогатилась надняхъ очень любопытнымъ и цѣннымъ трудомъ. Это—мемуары сержанта Бургоня, которые уже были извѣстны историкамъ, такъ какъ половина ихъ, хотя въ измѣненномъ видѣ, напечатана въ фельетонахъ газеты «L'Echo des Frontières» въ 1857 г., а подлинный текстъ безъ шестидесяти послѣднихъ страницъ появился въ 1896 г. въ историческомъ журналѣ «Nouvelle Revue Retrospective», который издается Полемъ Коттеномъ. Но эти органы печати не вѣдомы общимъ читателямъ, а потому, напечатанные теперь отдѣльнымъ изданіемъ и во всемъ ихъ объемѣ, эти мемуары французскаго солдата, лично перенесшаго всѣ ужасы отступленія Наполеоновской арміи изъ Россіи, составляютъ интересную новинку и должны обратить на себя особое вниманіе у насъ. Хотя много уже писано о 1812 г., и литература этой войны изобилуетъ всякаго рода воспоминаніями, отъ государей и полководцевъ до простыхъ солдатъ, но врядъ ли существуетъ такой простой, искренній и правдивый рассказъ объ ужасахъ войны, какъ эти записки сержанта, которыя, кромѣ вѣрной, поразительной, захватывающей душу, картины рокового отступленія, наполняющей почти всю книгу, представляютъ замѣчательный опытъ психологіи солдата и ужасающую «драму голода». Если въ чемъ можно упрекнуть Бургоня, то въ излишнемъ количествѣ мелочныхъ

¹⁾ *Memoires du sergent Bourgonne (1812—1813), publiés par P. Cottin. Paris. 1898.*

подробностей, которыя тиготятъ читателя, но за то онѣ увеличиваютъ общее впечатлѣніе и придаютъ разсказу большую достовѣрность. Конечно, это необыкновенное обиліе происшествій, случавшихся съ авторомъ чуть не каждый день, возбуждастъ сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли одному человѣку выпало на долю столько приключеній, но, въ сущности, записки Бургоня нисколько не теряютъ своего интереса и достовѣрности, даже еслибъ авторъ приписалъ себѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ то, что онъ самъ не видалъ и не испыталъ, а слышалъ отъ товарищей. Подобный приѣмъ, исполнѣ извинительный и нисколько не нарушающій общей правдивости его разсказа, можно было бы объяснить желаніемъ сохранить единство повѣствованія, а съ другой, тѣмъ обстоятельствомъ, что эти записки составлены уже въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, хотя по замѣткамъ, набросаннымъ въ 1813 году, и провѣрены воспоминаніями товарищей, такъ какъ, по словамъ автора, ему часто при этомъ трудѣ приходила въ голову мысль сомнѣваться, что не были ли многіе изъ перенесенныхъ имъ ужасовъ игрой его разстроенной фантазіи. Подобный способъ писанія мемуаровъ, съ помощью своихъ собственныхъ замѣтокъ, писемъ къ матери во время похода и воспоминаній товарищей, могъ неволью повести къ случайнымъ ошибкамъ и неточностямъ, благодаря тому, что, среди массы припоминаемыхъ событій, ему могло показаться, что онъ видѣлъ еще и то, что ему рассказывали товарищи. Но въ этомъ отношеніи не было ни малѣйшей недобросовѣстности со стороны Бургоня, такъ какъ онъ прямо указываетъ по именамъ на этихъ товарищей, въ числѣ 21 человѣка. Впрочемъ, въ описываемой имъ оборотной сторонѣ войны столько необычнаго и выходящаго изъ ряда вонъ, что, быть можетъ, и одинъ человѣкъ все вынесъ, все вытерпѣлъ, все видѣлъ и все испыталъ, что рассказываетъ Бургонь.

Въ предисловіи къ мемуарамъ сержанта Пьеръ Коттенъ представляетъ краткій очеркъ его жизни до и послѣ похода 1812 года. Сынъ торговца полотномъ и уроженецъ Кондэ, въ Сѣверномъ департаментѣ, Адриенъ-Жанъ-Батистъ-Франсуа Бургонь, поступилъ 19 лѣтъ, 1805 г., въ императорскую гвардію. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ молодой гренадеръ оставался въ Фонтенебло, гдѣ изучалъ ариметику, рисованіе, грамоту и гимнастику, такъ какъ онъ принадлежалъ къ особому корпусу велитовъ, или легкихъ ратниковъ, созданныхъ во время консульства и имперіи, по примѣру римлянъ, и батальоны или эскадроны которыхъ входили въ составъ пѣшихъ и конныхъ полковъ старой гвардіи, при чемъ отъ велитовъ требовался имущественный реверсъ, и самые способные изъ нихъ производились черезъ нѣсколько лѣтъ въ офицеры. Въ 1806 г. онъ впервые былъ крещенъ огнемъ въ Польшѣ, а спустя два года получилъ двѣ раны въ битвѣ подъ Еслингомъ; затѣмъ, съ 1809 до 1811 г., онъ сражался въ Австріи, Испаніи и Португаліи, а въ 1812 г. онъ

совершаетъ походъ въ Россію съ чиномъ сержанта. Вернувшись благополучно на родину, въ числѣ 26 человѣкъ, уцѣлѣвшихъ отъ его полка, Бургонь произведенъ въ подпоручики и принялъ участіе въ компаніи 1813 г. Раненый въ битвѣ подъ Дессау, онъ взятъ въ плѣнъ пруссаками и во время своего заточенія набросалъ замѣтки о русской кампаніи, по которымъ впоследствии уже написалъ свои мемуары. Возвращенный во Францію при бурбонахъ, онъ тотчасъ подалъ въ отставку, объясняя это очень просто въ примѣчаніи къ своимъ запискамъ: «Императора болѣе не было, и я вышелъ въ отставку». Поселившись въ своемъ родномъ городѣ Кондэ, онъ женился два раза, имѣлъ четырехъ дѣтей и сначала велъ по примѣру отца торговлю полотномъ, но потомъ пустился въ спекуляціи и потерялъ половину своего состоянія. Во время іюльской монархіи вспомнили о скромномъ сподвижникѣ Наполеона и дали ему орденъ Почетнаго Легіона, который онъ давно заслужилъ, такъ какъ лично участвовалъ, по его словамъ, «въ битвахъ подъ Іеной, Пултускомъ, Эйлау, Эльсбергомъ, Фридрихсгофомъ, Баграмомъ, Сомо-Сьерой, Беневентомъ, Смоленскомъ, Бородиномъ, Краснымъ, Березиною, Лютценомъ, Бауценомъ и во многочисленныхъ другихъ болѣе мелкихъ забавахъ». вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принятъ снова въ военную службу и назначенъ сначала помощникомъ плацъ-адъютанта въ Брестѣ, а затѣмъ плацъ-адъютантомъ въ Валансьенѣ. Въ 1859 г. онъ окончательно вышелъ въ отставку и умеръ въ 1867 г. на восемьдесятъ второмъ году своей долговременной и полной бурныхъ треволненій жизни.

«Не изъ самолюбія или изъ желанія, чтобы говорили обо мнѣ, я написалъ эти мемуары,—говоритъ Бургонь на послѣднихъ страницахъ своей любопытной книги:—я только хотѣлъ сохранить въ памяти людей эту гигантскую войну, столь гибельную для насъ, солдатъ, моихъ согражданъ, совершавшихъ этотъ походъ вмѣстѣ со мной, и ряды которыхъ, увы, очень рѣдѣютъ съ каждымъ днемъ. Разсказанные мною факты покажутся невѣроятными, но нельзя предполагать, что я прибавлялъ и украшалъ съ цѣлью увеличить интересъ моего разсказа. Напротивъ, я многого не досказалъ, такъ какъ нѣкоторые обстоятельства возбуждаютъ сомнѣніе во мнѣ самомъ, хотя я занесъ все это въ свои замѣтки о войнѣ 1812 г., во время моего плѣна въ 1813 г. и по моемъ возвращеніи во Францію въ 1814 г., подъ живымъ впечатлѣніемъ видѣнныхъ и перенесенныхъ ужасовъ. Участники этой несчастной, но славной войны единодушно признаютъ, что необходимо было имѣть желѣзную натуру, чтобъ пережить всѣ эти ужасы, какъ вѣрно говорилъ императоръ.

I.

Сержантъ Бургонъ съ своимъ гвардейскимъ полкомъ находился близъ Алмейды въ Португаліи въ мартѣ 1812 г., когда получился приказъ двинуться на русскую границу. Быстро прошли гренадеры чрезъ Испанію, хотя приходилось прокладывать себѣ путь штыкомъ, еще быстрѣе, пѣшкомъ и въ повозкахъ, пересѣкли Францію, Германію, Польшу и 25 іюня переправились черезъ Нѣманъ въ прекрасную погоду, а не въ дождь, какъ увѣрялъ въ своихъ запискахъ гр. Сегюръ. О первой части похода, то-есть, движеніи французовъ изъ Вильны на Москву, нашъ авторъ говоритъ очень мало, упоминаетъ въ нѣсколькихъ словахъ о первой стычкѣ подъ Витебскомъ, и о занятіи Смоленска, а если болѣе распространяется о Бородинѣ, то все-таки не передаетъ личныхъ впечатлѣній объ этой колоссальной рѣзнѣ, бывшей, по его словамъ, какъ большинство наполеоновскихъ сраженій, артиллерійскимъ боемъ, по той простой причинѣ, что онъ находился во все время битвы въ резервѣ, хотя надъ головой его летали ядра. Идя по стопамъ непріятеля, на третій день послѣ Бородинской битвы французы расположились вечеромъ на стоянку, и Бургоню поручили постъ невдалекѣ отъ богатаго помѣстья, гдѣ проводилъ ночь императоръ. «Я только что расположилъ часовыхъ вдоль дороги, которая вела къ помѣщичьему дому, — рассказываетъ онъ, — какъ слуга одного изъ польскихъ офицеровъ, состоявшихъ при императорѣ, прошелъ мимо меня, ведя лошадь, нагруженную багажемъ; она упала отъ утомленія и не могла подняться. Тогда слуга навалилъ себѣ на плечо багажъ и удалился, бросивъ лошадь. Солдаты съ моего поста тотчасъ убили лошадь и съ голода наѣлись вареной конины. Неожиданно на боковой тропинкѣ показался императоръ. Онъ шелъ пѣшкомъ къ большой дорогѣ, въ сопровожденіи Мюрата и одного аудитора государственнаго совѣта. Я приказалъ солдатамъ отдать честь императору, а онъ остановился, посмотрѣлъ на остовъ лошади, заграждавшій ему путь, и спросилъ у меня, мы ли съѣли мясо. Я отвѣчалъ утвердительно. «Потерпите, произнесъ онъ: черезъ четыре дня мы будемъ въ Москвѣ, гдѣ вы найдете покой и хорошую пицу, хотя и конина не дурная ѣда». Его предсказаніе осуществилось, и мы дѣйствительно черезъ четыре дня вступили въ русскую столицу».

Находясь въ авангардѣ, Бургонъ одинъ изъ первыхъ вошелъ въ Москву. День былъ свѣтлый, солнечный, и золотые купола блестя издали. «Ни одна изъ видѣнныхъ мною столицъ, — замѣчаетъ сержантъ: — ни Парижъ, ни Берлинъ, ни Вѣна, ни Варшава, ни Мадридъ, не произвела на меня такого впечатлѣнія; все это были обыкновенные города, но представившееся намъ зрѣлище казалось

волшебнымъ. Въ эту минуту забыты были всѣ испытанныя трудности и лишенія, мы думали только объ удовольствіи провести зиму въ Москвѣ и заняться другаго рода побѣдами, такъ какъ французская армія быстро переходитъ отъ битвы къ любви и отъ любви къ битвѣ». Занятіе города произошло очень мирно, по словамъ Бургоня, послѣ того, какъ были обращены въ бѣгство выпущенные изъ тюрьмы арестанты съ оружіемъ въ рукахъ, и французовъ очень удивило, что на улицахъ не было никого, и даже женщины не смотрѣли изъ оконъ. Полкъ Бургоня остановился на площади противъ генераль-губернаторскаго дома, и хотя было строго воспрещено солдатамъ отлучаться, но, спустя часъ, уже вся площадь была загромождена головами сахара, бутылками съ ликеромъ, банками варенья и т. д. Въ то же время начались пожары. «Многія изъ лицъ, не участвовавшихъ въ походѣ,—замѣчаетъ нашъ авторъ,—увѣряютъ, что пожаръ Москвы погубилъ нашу армію, но я и многіе другіе изъ очевидцевъ держатся противоположнаго мнѣнія. Русскіе могли бы вовсе не поджигать города, но увести съ собой или потопить въ рѣкѣ всѣ запасы, и опустошить окрестную страну на десять миль, что было бы вовсе нетрудно, такъ какъ часть этой мѣстности бесплодна, и черезъ двѣ недѣли мы были бы вынуждены покинуть Москву. Послѣ пожара, все же оставалось довольно жилищъ для размѣщенія арміи, и еслибъ даже всѣ дома сгорѣли, то погребѣ остались бы».

Какъ бы то ни было, пожаръ Москвы произвелъ панику среди французовъ, и Бургонъ былъ такъ пораженъ его перипетіями, что посвящаетъ описанію цѣлую его главу. Въ первый же вечеръ онъ былъ отправленъ съ пятнадцатью солдатами и однимъ офицеромъ въ видѣ патруля для изслѣдованія причины пожара, вспыхнушаго за генераль-губернаторскимъ домомъ. Они углубились въ узкіе, извилистые переулки и вскорѣ были встрѣчены ружейными выстрѣлами изъ большого дома. Выломавъ запертыя ворота, они увидѣли девять молодцовъ въ тулупахъ, съ ружьями въ рукахъ; живо покончивъ съ семьёю и взявъ остальныхъ двухъ въ проводники, французы пошли далѣе, но черезъ нѣсколько шаговъ огонь пресѣкъ имъ дорогу, такъ какъ дома горѣли справа и слѣва, крыши съ трескомъ проваливались, а большія головни разлетались по вѣтру на значительное пространство. Они повернули въ сторону, и вдругъ передъ ними изъ большого дома выбѣжало нѣсколько человекъ съ зажженными факелами. Этотъ домъ оказался, по словамъ Бургоня, великолѣпнымъ дворцомъ, съ такимъ роскошнымъ убранствомъ, какого онъ никогда не видывалъ. Въ особенности его поразила галерея итальянскихъ и фламандскихъ картинъ. Пока французы съ восхищеніемъ разглядывали многочисленныя сокровища и уничтожали коллекцію дорогаго оружія, изъ боязни, чтобъ его не употребили противъ нихъ, раздавался страшный трескъ, и потолокъ пре-

красной большой залы рухнулъ съ громадной хрустальной люстрой. Оказалось, что русскіе набили бомбами изразцовую печь и подожгли ихъ, отчего произошелъ взрывъ. Затѣмъ домъ загорѣлся съ разныхъ сторонъ, и французы едва спаслись на улицу, послѣ чего стали валиться пестрая крыша и стѣны роскошнаго зданія. Далѣе имъ представилось зрѣлище трехъ людей въ тулупахъ, поджигавшихъ церковь; двое бѣжали при видѣ непріятельскихъ солдатъ, а третій упорно продолжалъ свое дѣло, пока французы не доканали его ударами приклада по головѣ. Очевидно, русскіе сами поджигали свои жилища и по приказанію начальства, такъ какъ сержантъ Бургонъ съ товарищами, вбѣжавъ въ какой-то домъ, откуда доносились крики о помощи на французскомъ языкѣ, увидели двухъ французенокъ, тщетно возбранявшихъ четыремъ солдатамъ русской полиціи поджечь ихъ квартиру. Оказалось, что эти женщины были актрисы, дававшія представленія въ Москвѣ и покинутыя ихъ мужьями, которые были уведены изъ города русской арміей. Уже въ третьемъ часу ночи патруль вернулся на генераль-губернаторскую площадь, которая теперь походила на международную ярмарку, такъ какъ французскіе солдаты были одѣты кто калмыкомъ, кто персіяниномъ, кто китайцемъ, кто вельможей временъ Людовика XV и т. д.

«На слѣдующее утро въ десять часовъ,—рассказываетъ Бургонъ,—я увидѣлъ поджигавшаго верхомъ къ моему патрулю генерала Пернетти, который тащилъ за собой на веревкѣ молодого человѣка въ тулупѣ. Онъ позвалъ меня и спросилъ, я ли командую патрулемъ, а на мой утвердительный отвѣтъ воскликнулъ: «Хорошо, вы убьете этого человѣка ударами штыковъ. Я накрылъ его на мѣстѣ преступленія: онъ поджигалъ факеломъ дворецъ, въ которомъ я живу». Пришлось позвать четырехъ солдатъ и передать имъ приказаніе генерала. Но французскіе солдаты не способны быть палачами въ хладнокровную минуту, а потому ихъ штыки едва прорывали сукно тулупа, и мы, конечно, спасли бы жизнь несчастному, который былъ очень юнъ и вовсе не походилъ на освобожденнаго каторжника, но генералъ смотрѣлъ на эту казнь и только уѣхалъ, когда одинъ изъ солдатъ покончилъ дѣло выстрѣломъ изъ ружья. Мы оставили тѣло на улицѣ, и, спустя нѣсколько часовъ, явилась жена несчастнаго и, бросившись на трупъ, стала цѣловать его холодныя руки, съ мрачнымъ отчаяніемъ и безъ малѣйшей слезинки на глазахъ».

Рядомъ съ этой патетической сценой, рельефно рисующей оборотную сторону войны, французскій сержантъ рисуетъ цѣлый рядъ картинъ московскаго пожара, который прекращался въ одномъ мѣстѣ и снова возникалъ въ другомъ, травли за поджигателями, число коихъ все возросло, и грабежа французами домовъ и погребовъ, несмотря на приказъ императора, воспрещавшій мародерство. Нашъ

авторъ прямо сознается, что въ виду поджога города русскими было невозможно удержатъ французскихъ солдатъ, которые брали все, что имъ нужно, и даже то, что не нужно, называя этотъ грабежъ «московской ярмаркой». Мало того, что французы во время своихъ мародерскихъ экспедицій захватывали груды серебра, матерій, одежды, вина, рома и т. д., но они нагружали своей добычей нѣсколько дрожекъ и запрягали въ нихъ пойманныхъ русскихъ, которые должны были такимъ образомъ содѣйствовать грабежу ихъ имущества побѣдителями. Спустя недѣлю, пожары начали ослабѣвать, и маршалъ Мортъе, назначенный губернаторомъ Москвы, организовалъ городскую администрацію съ помощью жившихъ тамъ итальянцевъ, нѣмцевъ и французовъ, которые попрятались въ виду строгихъ мѣръ Ростопчина, а потомъ стали мало-по-малу являться. 24-го сентября Наполеонъ сдѣлалъ въ Кремлѣ смотръ своей арміи и роздалъ много орденовъ. Вообще, по словамъ Бургоня, императоръ много занимался въ это время устройствомъ своихъ войскъ на зимовку въ Москвѣ, такъ какъ всѣ ожидали скорого мира. Прежде всего озаботились открытъ больницы, затѣмъ въ различныхъ концахъ города сформировали склады стѣстныхъ припасовъ, возобновили службу въ католической церкви, для чего отыскивали патера-эмигранта, и пригласили актеровъ и актрисъ для французскихъ представленій во вновь отстроенномъ театрѣ. Что касается до солдатъ, то имъ очень весело жилось: каждый вечеръ они напивались пуншемъ, пѣли, плясали и даже въ батальонѣ Бургоня однажды устроили маскарадъ, при чемъ двѣ русскія крѣпостныя женщины, исполнявшія насильно обязанности прачекъ, были одѣты маркизами.

Однако не всегда коту масляница, и 19 октября французская армія начала очищать Москву, увозя и унося съ собою все, что могла захватить изъ своей добычи. Судя по тому, что заключали въ себѣ ранецъ и лядунка Бургоня, можно судить, какъ велика была эта добыча, и какъ она мѣшала быстрому движенію французовъ въ первыя времена отступленія, когда еще они не принимались все бросать по дорогѣ. Сокровища нашего сержанта состояли изъ нѣсколькихъ фунтовъ сахара и риса, небольшого количества сухарей, полбутылки ликера, шитаго золотомъ, китайскаго женскаго платья, зеленой бархатной амазонки, нѣсколькихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, въ томъ числѣ куска серебряной оковки креста на Ивановской колокольнѣ, двухъ серебряныхъ рельефныхъ картанъ, въ футъ длины, съ изображеніемъ суда Париса и Нептуна на морской колесницѣ, параднаго сержантскаго мундира, звѣзды русскаго вельможи, нѣсколькихъ медальоновъ, осыпанныхъ брильянтами, золотого распятія и китайской хрустальной вазочки.

II.

Сначала отступленіе французовъ совершалось медленно, благодаря громадному обозу и безчисленному числу всякаго рода повозокъ, нагруженныхъ добычей, но въ порядкѣ, и солдаты были здоровы, веселы и даже рассказывали между собой, что непобѣдимый императоръ ведетъ ихъ въ Индію и Китай, чтобъ сломать власть Англіи въ этихъ отдаленныхъ странахъ и позабавить своихъ молодецвъ ласками тамошнихъ красавицъ. Но когда въ концѣ октября, послѣ битвы подъ Малымъ-Ярославцемъ, Наполеонъ повернулъ отъ Калуги, куда благоразумно направлялся, на старую уже опустошенную дорогу прямо въ Вильну, то начались провозвѣстники будущихъ бѣдствій. Пошелъ снѣгъ, начались морозы, проявился недостатокъ въ пищѣ, стали кидать добычу и, по свидѣтельству Бургоня, прежде всего выбрасывали захваченныя въ Москвѣ книги, именно прекрасныя изданія Вольтера, Руссо, Бюффона, въ дорогихъ переплеткахъ съ золотымъ обрѣзомъ, которыя усѣивали дорогу. Онъ же рассказываетъ, что въ эти первые злополучные дни Наполеонъ едва не попалъ въ плѣнъ къ казакамъ, которые окружили его со всѣхъ сторонъ, и его свитѣ пришлось отбиваться сабельными ударами; подошедшая на помощь гвардейская кавалерія спасла императора, и онъ весело смѣялся съ Муратомъ насчетъ той опасности, которой подвергся. Черными красками рисуетъ сержантъ картину Бородинскаго поля, мимо котораго ему пришлось идти; уже прошло пятьдесятъ два дня послѣ кроваваго боя, а всюду еще валялись груды мертвыхъ тѣлъ, не имѣвшихъ человѣческаго образа. Рассказывали, что одинъ французскій гренадеръ былъ найденъ живымъ, и что онъ, лишенный обѣихъ ногъ, существовалъ благодаря дохлой лошади, мясомъ которой онъ питался, но Бургонъ его не видалъ, хотя считаетъ этотъ случай вѣроятнымъ. Въ сосѣднемъ монастырѣ находилось значительное число раненыхъ французовъ, и Наполеонъ приказалъ ихъ размѣстить по всѣмъ повозкамъ, начиная со своихъ, но фуражиры, на долю которыхъ они преимущественно выпали, просто бросали несчастныхъ по дорогѣ, чтобъ сохранить награбленную добычу.

Среди холода и голода, уже доходившаго до того, что солдаты варили похлебку изъ лошадиной крови, при чемъ, черпая руками это отвратительное мѣсиво, они пачкали себѣ все лице въ крови. Происходили драматическія сцены. Однажды, недалеко отъ Смоленска, Бургонъ съ товарищами замѣтили на дорогѣ уединенный почтовый дворъ, но когда хотѣли укрыться въ немъ, то ихъ не впустили, такъ какъ небольшое жилище было переполнено офицерами и солдатами съ ихъ лошадьми, въ числѣ восьмисотъ человѣкъ. Эти люди такъ дорожили своимъ убѣжищемъ, что стрѣляли по товарищамъ, которые пытались разобрать крышу для костровъ. Судьба

жестоко наказала ихъ за это. Среди ночи почтовый дворъ загорѣлся отъ разведеннаго внутри огня, и несчастные почти всѣ сгорѣли, такъ какъ не могли спастись, благодаря ими же укрѣпленнымъ баррикадами дверямъ. И смотря на это ужасающее зрѣлище, солдаты, окружавшіе постоялый дворъ, смѣялись, говоря: «Этого бы не случилось, еслибъ они дозволили намъ растащить крышу. По дѣломъ!» Въ этомъ пеклѣ погибли люди, похитившіе въ Москвѣ наибольшее количество драгоценныхъ камней, золота, серебра, и они такъ были корыстны, что тѣ немногіе, которымъ удалось спастись, вытаскивали изъ огня мертвыя тѣла, въ надеждѣ ихъ ограбить. Однако, были и примѣры геройскаго самоотверженія, но, къ стыду французовъ, приводимый Бургонемъ эпизодъ этого рода случился среди нѣмцевъ; солдаты Гессенскаго отряда спасли своего молодого герцога въ очень холодную, лютую ночь, когда было 27 градусовъ мороза, и погибло до 10.000 человекъ во всей арміи, благодаря тому, что они окружили его плотной, живой стѣной, крѣпко прижавшись другъ къ другу. Такъ простояли они всю ночь, и хотя къ утру три четверти изъ ихъ числа замерзло, но двадцатилѣтній герцогъ остался въ живыхъ.

Впрочемъ, и французы выказывали иногда гуманныя чувства; Бургонь рассказываетъ, что, несмотря на всѣ свои страданія и лишенія, онъ и его товарищи плакали, видя смерть русской дамы съ двумя взрослыми дочерьми и отчаяніе пожилого французскаго подполковника, который уговорилъ ихъ отправиться съ нимъ во Францію. Онъ долго ѣхали за французскими войсками въ красивой каретѣ, но, наконецъ, ихъ слабое здоровье поддалось холоду и голоду. Смерть скосила ихъ, и бѣдный французъ не могъ простить себѣ, что эти милыя существа погибли по его безумію. Впослѣдствіи, достигнувъ Эльбинга и переживъ всѣ ужасы отступленія, онъ умеръ съ горя. Не только въ солдатахъ, но и въ начальникахъ, несмотря на всю необходимость сохранять дисциплину, замѣчались проблески чело-вѣчности. Однажды, маршалъ Мортъе, проводя ночь въ сараѣ, гдѣ разведенъ былъ огонь, и видя, что у отворенной двери стоитъ полузамерзшій солдатъ, съ ружьемъ въ рукахъ, спросилъ, что онъ тамъ дѣлаетъ, и получилъ въ отвѣтъ: «Стою на часахъ», воскликнулъ: «Для кого и для чего? Ты не помѣшаешь войти сюда холоду и голоду. Иди къ намъ и садись къ огню». Наконецъ, Бургонь приводитъ трогательный случай, какъ солдаты въ продолженіе нѣсколькихъ дней несли на рукахъ своего раненаго офицера. Но рядомъ съ этимъ, не желая скрыть ни одной черты изъ оборотной стороны войны, онъ возбуждаетъ ужасъ читателя, рассказывая, какъ на его глазахъ одинъ солдатъ раздѣвалъ въ жестокую стужу еще живого, но близкаго къ смерти, товарища, а на упреки Бургоня онъ хладнокровно отвѣчалъ: «Что же? Онъ все-таки умретъ, а лучше мнѣ, его ближайшему другу, воспользоваться его одеждой, чѣмъ чужому».

Наконецъ, достигли Смоленска, и тамъ произошелъ одинъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ эпопеи Бургоня. Въ первый же вечеръ, немного отдохнувъ въ несчастной мазанкѣ, отведенной ему съ товарищами въ опустошенномъ, полусожженномъ городѣ, а также подкрѣпивъ силы похлебкой изъ отпущенной начальствомъ незначительной порціи муки, онъ отправился отыскивать своего друга сержанта Гранжье, котораго онъ не видалъ съ Вязьмы, и который, по слухамъ, уже прибылъ съ маршаломъ Бесьеромъ въ Смоленскъ, дня два передъ тѣмъ. Безуспѣшно пробродилъ онъ въ снѣгу и темнотѣ до одиннадцати часовъ и хотѣлъ уже вернуться домой, какъ неожиданно увидалъ баварскаго солдата, который быстро шелъ, держа на плечахъ боченокъ, вѣроятно, съ водкой. Бургонъ его окликнулъ, но тотъ ничего не отвѣчалъ и только ускорялъ свои шаги. «Я послѣдовалъ за нимъ,—разсказываетъ Бургонъ,—онъ сталъ спускаться куда-то внизъ, я также, но поскользнулся и, слетѣвъ съ высоты, ударился въ дверь какого-то подвала, которая подалась, и такимъ образомъ я опередилъ баварца. Не успѣлъ еще я опомниться и понять, гдѣ я, какъ услышалъ неистовые крики около дюжины французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, сидѣвшихъ на соломѣ вокругъ весело пылавшаго огня. Съ перваго же взгляда я узналъ въ нихъ шайку воровъ и грабителей, которые всегда шли впереди арміи, изъ опасенія непріятеля скрывались въ отдаленныхъ, пустынныхъ мѣстахъ, пробирались по ночамъ къ бивакамъ голодающихъ, полузамершихъ офицеровъ и солдатъ, обирали ихъ дочиста и удалялись, захвативъ лошадей, чемоданы и т. д. На утро они уже были далеко, и каждый день повторялось то же. Число этихъ шаекъ все увеличивалось, и въ одну изъ нихъ я теперь попалъ. При моемъ неожиданномъ появленіи, одинъ изъ мародеровъ всталъ, взялъ пучекъ соломы, зажегъ его и подойдя сталъ осматривать меня. По моему странному костюму и медвѣжьей шкурѣ, наброшенной на мои плечи, трудно было отличить, къ какому полку я принадлежалъ, но, замѣтивъ императорскій орелъ на моемъ киверѣ, онъ грубо закричалъ: «Гвардеецъ! вонъ, вонъ!» Остальные повторили въ одинъ голосъ: «Вонъ, вонъ!» Я нимало не смутился и просилъ дозволить мнѣ остаться тутъ до утра. Но предводитель шайки и его товарищи продолжали кричать: «Вонъ! вонъ!» Какой-то нѣмецъ хотѣлъ меня схватить и вытолкать, но я оттолкнулъ его съ такой силой, что онъ повалился на солому. Предводитель захопалъ въ ладоши и громко заявилъ, что колбаснику нѣмцу не подобало дотрогиваться до француза. Схватившись за рукоятку своей сабли, такъ какъ ружье выпало изъ моихъ рукъ, при паденіи, я сказалъ, что скорѣе умру здѣсь, чѣмъ пойду на улицу, гдѣ непременно замерзну. Одна изъ двухъ женщинъ, состоявшихъ, очевидно, при шайкѣ, стала за меня заступаться, но предводитель приказалъ ей замолчать и повторилъ приказаніе мнѣ немедленно удалиться по той причинѣ, что я мѣшалъ имъ продолжать

свою работу. Я отвѣчалъ просьбой оставить меня хоть нѣсколько минутъ въ теплѣ, обѣщая потомъ уйти. Онъ, наконецъ, согласился и дозволилъ мнѣ погрѣться, подѣ условіемъ покинуть ихъ, спустя полчаса, при чемъ приказалъ своему помощнику, какому-то барабанщику, выгнать меня силою, если я не уйду добромъ. Желая употребить съ пользою данный мнѣ роздыхъ, я спросилъ, не можетъ ли кто дать мнѣ за деньги водки и какой нибудь пищи.—«Еслибъ у насъ было то и другое, то мы оставили бы себѣ»,—отвѣчали мнѣ хоромъ. Но барабанщикъ спросилъ, есть ли у меня золото для размѣна на пятифранковыя монеты и водку.—«Нѣтъ»,—возразилъ я,—но у меня есть пятифранковики». Тогда женщина, заступившаяся за меня, подошла и, нагнувшись ко мнѣ, шепотомъ, промолвила: «Бѣгите отсюда, васъ убьютъ. Меня держатъ насильно. Вернитесь завтра съ отрядомъ и спасите меня». На мой вопросъ, кто другая женщина, она отвѣчала, что жидовка. Но шайка обратила вниманіе на нашъ разговоръ. «Что ты болтаешь? Молчи!»—послышалось со всѣхъ сторонъ. «Я указываю ему на жида, у котораго есть водка»,—произнесла женщина и, отойдя отъ меня, забила въ уголъ подвала.

Но Бургонъ понялъ, что онъ попалъ въ западню, и тихонько, незамѣтно пробрался къ двери, на порогѣ которой нашель свое ружье. Выйти изъ подвала было не трудно, но выбратся на улицу среди окружавшихъ грудъ снѣга представлялось невозможнымъ, и онъ уже хотѣлъ постучаться въ дверь и спросить, чтобъ ему указали дорогу, какъ неожиданно показался баварецъ, который, вѣроятно, отправлялся за добычей. Онъ молча махнулъ рукой, и сержантъ послѣдовалъ за нимъ. Черезъ нѣсколько шаговъ, они выбрались на лѣстницу, а затѣмъ на городскую стѣну. Тамъ баварецъ заматался, то бралъ направо, то налево, съ очевидной цѣлью сбить съ пути француза и заставить его забыть мѣстоположеніе подвала. Наконецъ онъ исчезъ за какимъ-то снѣжнымъ сугробомъ, и Бургонъ остался одинъ въ темнотѣ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ на удачу, онъ наткнулся на пушечный лафетъ и присѣлъ на него, чтобъ привести свои мысли въ порядокъ, но глаза его слипались, и онъ, вѣроятно, заснулъ бы такимъ сномъ, отъ котораго не просыпаются, еслибъ вдругъ не вскочилъ, услыхавъ какіе-то странные, мелодичные звуки. Онъ сталъ прислушиваться, но звуки замерли. Онъ пошелъ въ ту сторону, откуда они слышались, и вскорѣ эти звуки возобновились громче, яснѣе. Это были, очевидно, звуки отдаленнаго органа. Бургонъ ускорилъ шаги, но неожиданно остановился. Еще шагъ, онъ упалъ бы съ вершины городской стѣны, подѣ которой на разстояніи пятидесяти футовъ тянулся берегъ Днѣпра. Онъ съ ужасомъ отскочилъ и, взявъ въ сторону, сталъ пробираться въ снѣгу тихо, медленно. Наконецъ, онъ выбрался на дорогу. Чудные звуки органа умолкли, и ему уже казалось, что они были игрой его разстроенаго воображенія, такъ какъ кто

могъ заниматься музыкой въ подобное время и при подобныхъ обстоятельствахъ. «Размышляя такимъ образомъ,—говоритъ онъ,—я вдругъ спотыкнулся и упалъ на что-то твердое. Я вскрикнулъ отъ ужаса. Это былъ трупъ, и я прикоснулся щекой къ его лицу. Съ трудомъ я поднялся и узналъ въ мертвецѣ драгуна по его каскѣ. На мой крикъ кто-то откликнулся вблизи. Голосъ этотъ мнѣ казался знакомымъ, и, дѣйствительно, это былъ сержантъ моего полка Белока. Онъ караулилъ двухъ больныхъ, лежавшихъ на снѣгу, въ ожиданіи, что вернутся посланные имъ за помощью солдаты, которымъ уже было не подъ силу нести несчастныхъ. Я съ своей стороны рассказалъ ему о своихъ печальныхъ походахъ. Пока мы съ нимъ ходили взадъ и впередъ, чтобъ не замерзнуть, а больные стонали въ смертельной агоніи, снова слышались звуки органа, и я обратилъ на нихъ вниманіе Белока, который объяснилъ, что онъ уже давно слышитъ эту чудовищную музыку, которая по временамъ переходила въ дикій адскій шумъ. «Я думаю, что это мелодія смерти,—прибавилъ онъ въ полголоса, чтобъ его не слышали умирающіе,—насъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ смерть, и я увѣренъ, что я вскорѣ умру. Да будетъ воля Божья. Но право, можно бы умереть безъ такихъ страданій», и онъ указалъ на несчастныхъ, которыхъ мы караулили. Еще нѣсколько минутъ, и странные звуки прекратились. Наступила безмолвная тишина. Среди нея послышался раздражительный вопль одного изъ умирающихъ, и все было для него кончено».

Вскорѣ явился капралъ съ восемью солдатами, но имъ пришлось нести только одного товарища. Проводивъ немного печальное шествіе, Бургонъ простился съ своимъ товарищемъ и пошелъ по новому слѣду, указанному Белокомъ, отыскивать Гранжье. Не успѣлъ онъ сдѣлать одинъ и нѣсколькихъ шаговъ, какъ снова послышалась таинственная музыка. «Я остановился,—разсказываетъ онъ,—и, увидѣвъ передъ собою свѣтъ, пошелъ по тому направленію, но дорога стала спускаться, и вскорѣ свѣтъ исчезъ. Я продолжалъ идти, пока мнѣ не пересѣкла путь стѣна. Я вернулся назадъ, повернулъ направо, потомъ налево; наконецъ, очутился на улицѣ, окаймленной развалинами домовъ. Я продолжалъ идти туда, откуда слышались странные звуки; въ концѣ улицы показалось большое освѣщенное зданіе, въ которомъ слышалась музыка. Это была церковь, окруженная невысокой каменной оградой. Я обошелъ ее нѣсколько разъ, но не нашелъ входа. Чтобъ не терять времени, я съ помощью ружья взлѣзъ на ограду и оттуда соскочилъ въ снѣгъ. Но я попалъ на что-то жесткое, круглое. Оказалось, что я на кладбищѣ, среди двухъ сотенъ труповъ, положенныхъ на землю за недостаткомъ могилъ и засыпанныхъ снѣгомъ. Я сталъ пробираться къ церкви съ большимъ трудомъ, такъ какъ постоянно запутывался въ ногахъ и рукахъ мертвецовъ. Теперь я слышалъ уже не только звуки органа, но и

пѣніе. Я вздрогнулъ, мнѣ стало страшно, и я рѣшительно не понималъ, что со мною. Машинально я оцупалъ дверь и вошелъ въ церковь, оказавшуюся католическимъ костеломъ. Въ ней было такъ темно отъ густыхъ облаковъ дыма, что находившіяся въ ней человѣческія фигуры показались мнѣ призраками. Шумъ и гвалтъ были неописанные: одни кричали, другіе пѣли, третьи играли на органѣ. Неожиданно огонь разгорѣлся, дымъ немного разсѣялся. Одинъ изъ пѣвцовъ подошелъ ко мнѣ и воскликнулъ: «Это мой сержантъ». Я, дѣйствительно, очутился среди солдатъ своей роты. Они были всѣ пьяны и тотчасъ поднесли мнѣ водки въ серебряной чашѣ». Изъ ихъ разказовъ Бургонъ понялъ, что они нашли гдѣ-то боченокъ съ водкой, мѣшокъ съ рисомъ, небольшое количество сухарей, забрались въ церковь и устроили тамъ пирушку съ пѣніемъ подъ аккомпаниментъ органа. Утоливъ жажду и голодь, сержантъ заснулъ у огня, но его постоянно будили: то привезли фургонъ съ мертвыми тѣлами, и сопровождавшіе его солдаты объявили, что уже некуда дѣвать мертвецовъ, то послышался раздирающій вопль, и оказалось, что одинъ изъ музыкантовъ, игравшихъ на органѣ, сходя съ хоровъ, упалъ и сломалъ себѣ ногу, такъ какъ его товарищи разобрали нижнія ступени для поддержанія огня. Какъ бы то ни было, Бургонъ худо или хорошо проспалъ до утра, и, снова подкрѣпивъ свои силы жареной кониной, вернулся въ полкъ послѣ ночи, полной такими патетическими приключеніями.

III.

14-го ноября, Наполеонъ выступилъ изъ Смоленска съ гренадерами и стрѣлками, въ арьергардѣ которыхъ находился Бургонъ съ своимъ полкомъ. Какъ для французской арміи, такъ и для нашего сержанта настали самыя тяжелыя минуты отступленія. Все, что они перетерпѣли до тѣхъ поръ, было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ихъ ожидало на пути къ Березинѣ, впродолженіе роковыхъ тринадцати дней. Сначала имъ какъ бы придали бодрости битва подъ Краснымъ, въ которой, по словамъ Бургоня, нѣсколько тысячъ французовъ выдержало натискъ 90.000 русскихъ, которымъ не удалось, несмотря на многочисленность и свѣжесть своихъ силъ, совершенно уничтожить горсть французовъ, или пресѣчь имъ дальнѣйшій путь. Описывая эту страшную бойню, авторъ мемуаровъ рисуетъ одну кровавую картину за другой. Наканунѣ битвы отрядъ, въ которомъ онъ находился, напалъ врасплохъ на селеніе, занятое русскими, и на сосѣдній лагерь; рѣзня была самая жестокая, порядокъ и дисциплина исчезли, каждый сражался, какъ умѣлъ, французы и русскіе стрѣляли въ упоръ и грудью напирали другъ на друга. Дома въ селеніи пылали, и полуобгорѣвшіе трупы устилали землю, покрытую снѣгомъ. Самая битва отли-

чалась такими же кровавыми ужасами. Французы сражались, какъ безумные, хотя, благодаря отмерзшимъ пальцамъ, съ трудомъ могли владѣть оружіемъ; они бросались прямо на пушки, и цѣлые отряды погибали до послѣдняго человѣка. Отчаяніе овладѣло ими до такой степени, что раненные умоляли товарищей застрѣлить ихъ.

Послѣ Краснаго, остатки французской арміи пришли въ совершенное разстройство, и если вокругъ Наполеона среди 7.000 или 8.000 человѣкъ, сохранившихся отъ 35.000, еще былъ кое-какой порядокъ, то остальные офицеры и солдаты разбрелись во всѣ стороны, идя небольшими кучками, даже въ одиночку, сбиваясь съ дороги, падая на каждомъ шагѣ въ глубокой снѣгъ и погибая отъ холода и голода. «До Краснаго, — говоритъ Бургонь, — я все еще сохранялъ свое обычное веселое настроеніе и, несмотря на всѣ страданія, на всѣ лишенія, утѣшалъ себя мыслью, что чѣмъ больше приходится переносить горя, тѣмъ болѣе и славы. Но насмотрѣвшись всѣхъ ужасовъ этой битвы и не досчитываясь большаго числа своихъ товарищей, частью умершихъ, частью тяжело раненныхъ, я сталъ грустнымъ, мрачнымъ». И было отчего. Уныніе и отчаяніе царили повсюду, даже самъ Наполеонъ и его маршалы не могли придать бодрости своимъ истощеннымъ молодцамъ. Такъ, Наполеонъ, въ сопровожденіи Мюрата и принца Евгенія, по дорогѣ въ Оршу сформировалъ каре изъ гренадеровъ и стрѣлковъ, всталъ среди нихъ и сказалъ: «На берегахъ Березины насъ ждутъ русскіе; они поклялись не пропустить черезъ эту рѣку ни одного изъ насъ. Но и мы поклянемся съ своей стороны, — прибавилъ онъ, обнажая свою шпагу, — что мы лучше умремъ, сражаясь, чѣмъ откажемся отъ надежды вернуться во Францію». Маршалъ Мортъе произнесъ такую же рѣчь къ молодой гвардіи, и хотя ихъ слова возбуждали минутный энтузіазмъ, но онъ живо проходилъ. Также неудачны были и увѣщеванія маршала Лефевра. Онъ шелъ пѣшкомъ, опираясь на палку, во главѣ полка, гдѣ служилъ Бургонь, и видя, что много солдатъ выходятъ изъ рядовъ, отстаютъ и погибаютъ, громко восклицалъ: «Друзья мои, надо держаться вмѣстѣ; сомкнутые батальоны лучше, чѣмъ разбѣжавшіеся во всѣ стороны трусы и мародеры».

Впрочемъ, не всѣ отставшіе отъ своихъ полковъ были трусы и мародеры, это дѣлалось случайно и по необходимости. Такъ, Бургонь, потерявъ свою роту и сбившись съ дороги, долго бродилъ одинъ, пока не наткнулся ночью на своего товарища и земляка, гренадера Пикара. Эта встрѣча была самая странная и даже отличалась театральною обстановкой. Нѣсколько часовъ онъ съ трудомъ пробирался по гололедицѣ, падая на каждомъ шагѣ, и глазамъ его представлялись самыя мрачныя картины; со всѣхъ сторонъ его окружали трупы и раненые, оглашавшіе воздухъ раздражающими стонами. «Помогите», — слышалось справа; «остановитесь, сжальтесь, дайте пить», — шептали слѣва. Но помочь было нечѣмъ, а оста-

навливаясь значило рисковать жизнью, надо было идти, идти безъ конца, чтобы не окостенѣть, не замерзнуть. Но голосъ одного изъ несчастныхъ былъ такой трогательный, такой жалобный, что Бургонь не выдержалъ и пробрался къ нему черезъ канаву, полную снѣгомъ. «Спасите дядю, я умираю»,—пробормоталъ бѣднякъ, который, судя по эполетамъ, былъ полковникъ. Тотъ, кого онъ называлъ дядей, сидѣлъ подлѣ и дико хохоталъ съ предсмертнымъ колокольцемъ. Спустя нѣсколько минутъ, они оба умерли, и сержантъ продолжалъ свой путь, но вскорѣ онъ долженъ былъ остановиться, очутившись передъ громадной грудой труповъ человѣческихъ и лошадиныхъ, сломанныхъ повозокъ, фургоновъ, пороховыхъ ящиковъ и т. д. Въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда еще тлѣлись остатки костра, а вокругъ него валялись каски, мундиры, сабли, латы и т. д. Съ неимо- вѣрнымъ усиленіемъ онъ развелъ огонь, набросавъ на угли все, что попало подъ руку. Съ одной стороны, этотъ огонь его согрѣлъ и далъ ему возможность сжарить кусокъ конины, валавшейя неподалеку, но съ другой освѣтилъ столько ужасовъ, что ему казалось, что онъ все это видитъ не наяву, а подъ бременемъ тяжелаго кошмара. Вокругъ него трупы были нагромождены другъ на друга, такъ что, протянувъ руку, онъ попадалъ на чье нибудь ледяное лице или въ чей нибудь ротъ. Однако, подкрѣпивъ свои силы, такъ какъ онъ за послѣднія сутки питался только замерзшей вороной, Бургонь легъ къ огню и заснулъ, но онъ недолго отдыхалъ, а какой-то странный шумъ его разбудилъ. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ передъ собой что-то подвигавшееся начетверенькахъ къ огню; сперва ему показалось, что это медвѣдь, но, спустя минуту, онъ ясно разобралъ, что это былъ казакъ, тяжело раненый и жалобно просившій пощады, когда французъ замахнулся на него саблей. Дѣлать было нечего, пришлось дать ему мѣсто у огня; онъ растянулся во всю длину и сталъ оглашать воздухъ раздирающими стопами. Неожиданно послышались невдалекѣ звуки трубъ; очевидно, шла вблизи русская кавалерія, и французъ могъ попасться въ ихъ руки. Онъ вскочилъ и хотѣлъ уже быстро удалиться, какъ съ ужасомъ увидалъ, что сосѣдній пороховой ящикъ открылся, и изъ него показалась какая-то страшная фигура, вся въ бѣломъ, съ обнаженной саблей въ рукѣ. Этотъ наугавшій Бургоня призракъ оказался его другомъ Пикаромъ.

Теперь онъ былъ не одинъ. Они отвели душу, рассказавъ другъ другу о своихъ несчастіяхъ, потомъ захватили все, что могли изъ вещей въ пороховомъ ящикѣ, даже кастрюлю съ варенымъ мясомъ, и двинулись въ путь, боясь, чтобы не ихъ настигли русскіе, трубы которыхъ все еще слышались вблизи. Но не успѣли друзья сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ раздался лошадиный топотъ. «Ложись», прошепталъ Пикаръ, и они оба зарылись въ снѣгъ. Черезъ нѣсколько минутъ показался отрядъ русской кавалеріи. Онъ благополучно прошелъ надъ головами французовъ, которые лежали въ канавѣ. Отдѣ-

лавшись однимъ страхомъ, они продолжали идти, куда глаза глядѣли. Еще два раза они встрѣчались съ казаками, но, по словамъ Бургоня, въ первый они защитили семь французскихъ солдатъ отъ тридцати русскихъ, а во второй разъ не только отбили отъ враговъ, но и отняли у нихъ лошадь, на которой вскорѣ достигли лѣса. Но вскорѣ ихъ лошадь споткнулась, они упали въ канаву, а лошадь умчалась. Снова пришлось тащиться пѣшкомъ, но они не удалялись отъ лѣса, гдѣ, въ случаѣ появленія русскихъ, могли прятаться за деревьями; такъ, изъ подобной засады, они увидѣли цѣлый поѣздъ французскихъ плѣнныхъ, подъ прикрытіемъ казачковъ; раненые лежали въ двухъ фургонахъ, а остальные шли, едва передвигая ноги. Одинъ же солдатъ бросился на снѣгъ и отвѣчалъ на приказъ русскаго офицера, прекрасно говорившаго пофранцузски, встать: «Зачѣмъ, не все ли равно, гдѣ умирать?». Послѣ долгихъ, мучительныхъ странствій, наши друзья случайно попали на слѣдъ телѣгъ, который привелъ ихъ въ хижину, гдѣ хозяева оказались поляками. Они радушно пріютили французовъ, накормили и даже обмыли имъ ноги, что было для нихъ великимъ блаженствомъ. Наконецъ, спустя два дня, они догнали французскую армию.

«Это было 25 ноября,—разсказываетъ Бургонь,—день едва начиналъ бѣлѣть, какъ я увидалъ французскую колонну. Впереди были генералы и много штабъ-офицеровъ, принадлежавшихъ къ священному отряду, образованному для эскорта императора и въ нѣсколько дней исчезнувшему. Большинство шло пѣшкомъ, опираясь на палки, такъ какъ ихъ отмороженные ноги едва двигались, завернутыя въ куски овчины или различныя тряпки. Затѣмъ плелись остатки гвардейской кавалеріи, и шелъ самъ императоръ также пѣшкомъ, съ палкой въ рукѣ. На немъ была большая шуба, а на головѣ маленькая бархатная шапка, отороченная черной лисицей. Его сопровождали справа Мюратъ, а слѣва принцъ Евгеній, вице-король итальянскій, поодаль слѣдовали Бертье, Ней, Мортье, Лефевръ и другіе маршалы, корпуса которыхъ, были болѣе или менѣе уничтожены. Миновавъ насъ, императоръ сѣлъ на лошадь, и тоже сдѣлала часть его свиты, но у трехъ четвертей генераловъ не было лошадей. Тогда потянулась по дорогѣ толпа офицеровъ и унтеръ-офицеровъ въ семьсотъ или восемьсотъ человекъ, которые шли въ строгомъ порядкѣ и несли знамена, нѣкогда развѣвавшіяся въ столькихъ побѣдоносныхъ битвахъ. Это были остатки шестидесяти тысячъ человекъ. Наконецъ, мы увидѣли старую гвардію, во главѣ которой были егеря. Бѣдный Пикаръ смотрѣлъ на это тяжелое зрѣлище молча, но по судорожнымъ движеніямъ его лица было видно, какъ онъ страдалъ. По временамъ, онъ ударялъ ружьемъ по замерзшей землѣ, а по щекамъ его текли слезы, быстро превращавшіяся въ льдинки; наконецъ, онъ сказалъ: «Землякъ, я сплю или нахожусь наяву. Грустно видѣть императора, совершающаго путь пѣшкомъ,

опираясь на палку. Онъ ли это? мы всегда видѣли его такимъ великимъ и гордились имъ. Вы, замѣтили, что онъ посмотрѣлъ на насъ?» Дѣйствительно проходя мимо, императоръ обернулся въ нашу сторону. Онъ посмотрѣлъ на насъ, какъ всегда смотрѣлъ на попадавшихся ему на дорогѣ солдатъ старой гвардіи, какъ бы желая своимъ взглядомъ придать имъ мужества. Но Пикаръ увѣрялъ что императоръ его узналъ, что, впрочемъ, было возможно».

Дождавшись своихъ полковъ или той горсти людей, которая отъ нихъ оставалась, наши друзья заняли свои мѣста. Товарищи имъ очень обрадовались, и двое солдатъ повели подъ руку Бургоня, который до того измучился, что едва передвигалъ ноги. Поздно ночью достигли Борисова, гдѣ императоръ занялъ замокъ, а генералъ Рогэ, подъ начальствомъ котораго состоялъ полкъ Бургоня, помѣстился въ оранжереѣ.

IV.

Разсказъ Бургоня о переходѣ французовъ черезъ Березину составляетъ одинъ изъ самыхъ патетическихъ эпизодовъ его мемуаровъ, а потому мы приведемъ его почти цѣликомъ. «26 ноября,—пишетъ онъ,—мы заняли позицію на берегахъ Березины. Императоръ уже былъ тамъ съ утра, въ Студянкѣ, маленькомъ селеніи на противоположной высотѣ. Молодцы саперы всю ночь воздвигали мосты для нашего перехода и работали по плечи въ водѣ, среди льдинъ. Они жертвовали своею жизнью для спасенія арміи. Не только ихъ генералъ Еблэ, но и императоръ поощрялъ ихъ подвиги; одинъ изъ моихъ друзей разсказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ, какъ императоръ собственноручно подносилъ имъ вина. Къ двумъ часамъ дня первый мостъ былъ готовъ, какъ тяжела ни была его постройка, благодаря тому, что козлы постоянно уходили въ рѣчной иль. Немедленно корпусъ маршала Удино перешелъ по мосту, чтобъ атаковать русскихъ, которые хотѣли воспрепятствовать нашему переходу. Еще ранѣе кавалерія втораго корпуса перебралась вплавь на противоположную сторону, при чемъ каждый кавалеристъ взялъ себѣ на лошадь по пѣхотинцу. Къ четыремъ часамъ поспѣлъ и второй мостъ, предназначенный для кавалеріи, и артиллеріи. На слѣдующій день императоръ перешелъ черезъ Березину съ частью гвардіи и тысячею солдатами изъ корпуса Нея. Нашъ полкъ остался на берегу. Наканунѣ меня начала бить лихорадка, и я всю ночь пробредилъ, лежа на землѣ, прикрытый своей медвѣжьей шкурой, а день я провелъ въ хижинѣ, только что покинутой императоромъ, гдѣ съ трудомъ набралъ нѣсколько щепотокъ муки; съ этимъ сокровищемъ я вернулся на бивакъ нашего полка, гдѣ спекъ лепешку. Затѣмъ я легъ къ огню и ждалъ, когда насъ поведутъ черезъ мостъ. Но наша очередь не наступала, такъ велика была

человѣческая масса, двигавшаяся черезъ мостъ. На болотистомъ берегу Березины, между двумя громадными лѣсами, были скучены не только остатки большой арміи, отступавшей изъ Москвы, но и два корпуса маршаловъ Удино и Виктора, которые находились въ строевомъ порядкѣ и, простоявъ всю осень въ Литвѣ, не терпѣли никакихъ лишеній. Они давно бы могли перейти Березину, еслибъ имъ не помѣшали стычки съ русскими и сожженіе послѣдними моста. По наступленіи ночи, у меня снова сдѣлался бредъ, а когда я услышалъ къ утру пушечную пальбу, то, не отдавъ себѣ отчета въ томъ, что я дѣлалъ, вскочилъ, взялъ свое ружье и, никого не предупредивъ, пошелъ къ мосту и перешелъ его совершенно одинъ. По словамъ тѣхъ, которые дежурили на обѣихъ его сторонахъ, во всю ночь никто не являлся на мостъ, что было очень странно и непонятно. Очутившись на противоположномъ берегу, я увидалъ большой деревянный баракъ, гдѣ помѣщался императоръ. Подлѣ него былъ разведенъ огонь, и нѣсколько офицеровъ разсматривали карту; меня била лихорадка и я подошелъ къ нимъ, но они меня приняли такъ дурно, что я поспѣшно ретировался. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я встрѣтилъ одного солдата своего полка, и онъ мнѣ сказалъ, что полкъ тотчасъ послѣ моего ухода двинулся, перешелъ мостъ и примкнулъ къ корпусу Удино, который сражался съ русскими. Дѣйствительно, слышалась пальба, и даже ядра долетали до того мѣста, гдѣ я находился. Лучше было умереть въ бою, чѣмъ отъ холода и голода; поэтому я пошелъ по тому направленію, гдѣ стоялъ мой полкъ, и, встрѣтивъ въ лѣсу капрала Марселена, также едва волочившаго свои ноги отъ столь же сильной лихорадки, взялъ его подъ руки. Мы поплелись, поддерживая другъ друга, и намъ обоимъ было такъ худо, что когда достигнувъ полка, онъ упалъ мертвымъ отъ шальной пули, то я произнесъ громко: «какой ты счастливый, Марселенъ!». Замѣтивъ, что я не въ силахъ сражаться, полковникъ приказалъ мнѣ вернуться къ мосту, собрать тамъ всѣхъ оставшихъ солдатъ и догнать съ ними полкъ.

«Очутившись снова у моста,—продолжаетъ Бургонъ,—я увидѣлъ тамъ невообразимую сумятицу. Солдаты и офицеры, не хотѣвшіе воспользоваться ночью и утренними сумерками для свободнаго перехода, теперь, въ виду канонады, бросились толпами на мостъ. Среди давки я призналъ одного капрала нашего полка, прозваннаго товарищами Большимъ Жаномъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и со слезами на глазахъ спросилъ, не видалъ ли я его брата. Я отвѣчалъ, что нѣтъ. Тогда онъ мнѣ разсказалъ, что не покидалъ брата съ Краснаго, ухаживая за нимъ, такъ какъ онъ былъ боленъ проклятой лихорадкой, но въ это утро, при переходѣ черезъ мостъ, онъ потерялъ его и не можетъ розыскать. Не смотря на всѣ мои старанія удержать его, онъ вырвался изъ моихъ рукъ и пошелъ обратно на мостъ, говоря, что онъ или найдетъ брата, или погибнетъ. Передъ тѣмъ,

онъ снялъ свой ранецъ, передалъ мнѣ, а оружіе бросилъ, говоря, что, по возвращеніи въ полкъ, ему дадутъ все необходимое. Тщетно указывалъ я ему на загроможденную мостъ груды мертвыхъ тѣлъ и массы умирающихъ, которые, схватывая за ноги товарищей, низвергались вмѣстѣ съ ними въ рѣку. Жанъ не хотѣлъ ничего слушать; ему даже показалось, что онъ видитъ вдали брата, и онъ стремился въ этотъ человѣческій водоворотъ. Онъ сталъ отчаянно шагать черезъ трупы людей и лошадей, но его на каждомъ шагу отталкивали и сбивали съ ногъ. Однако онъ снова подымался и продолжалъ прокладывать себѣ дорогу къ брату. Я слѣдилъ за всѣми его движеніями и видѣлъ, что, достигнувъ до человѣка, котораго онъ принялъ за брата, Жанъ съ ужасомъ убѣдился въ своей ошибкѣ. Но его мужество отъ этого не уменьшилось; онъ продолжаетъ грудью бороться съ напавшей на него массой. Вотъ его сваливаютъ съ ногъ, черезъ него переходятъ, и онъ снова поднимается, схвативъ за ногу какого-то кирасира, но тотъ спотыкается и летитъ въ воду, увлекая съ собой Жана. Кирасиръ исчезъ подъ пловучими льдинами, но Жанъ, по счастью, ухватился за козлы моста и громко умоляетъ, чтобъ его вытащили. Никто не обращаетъ на него вниманія; наконецъ, саперы бросаютъ ему веревку и съ трудомъ вытаскиваютъ его на противоположный берегъ. Тутъ я потерялъ его изъ вида, а на слѣдующее утро узналъ, что онъ нашелъ брата у моста, но умирающаго, и самъ находился въ отчаянномъ положеніи. Конечно, они оба погибли, и хотя, вернувшись въ Парижъ, я старался успокоить его семью, увѣряя, что онъ былъ въ плѣну и вернется, но я былъ убѣжденъ, что онъ и его братъ находились въ числѣ жертвъ Березины. Въ то время, какъ происходили эти ужасы на мосту, гвардейскіе гренадеры бѣжали по различнымъ бивакамъ; нхъ сопровождалъ офицеръ, и они спрашивали сухого дерева, чтобъ развести огонь для императора. Всѣ спѣшили отдать все, что было у нихъ самаго дорогого; даже умирающіе поднимали голову и бормотали: «берите для императора». Въ одиннадцатомъ часу второй мостъ, предназначенный для кавалеріи и артиллеріи, грохнулся подъ тяжестью пушекъ, и при этомъ погибло много народа. Тогда безпорядокъ и свалка на первомъ мосту еще болѣе увеличились. Люди, женщины, дѣти, лошади, повозки, все смѣшалось, все спуталось и крики маршала Лефевра, стоявшаго у входа на мостъ и старавшагося водворить какой нибудь порядокъ были тщетны. Онъ самъ былъ, наконецъ, увлеченъ толпой и долженъ былъ перейти мостъ съ опасностью, что его во всякую минуту свалятъ, затопчутъ, задавятъ. Мнѣ удалось собрать пять солдатъ моего полка, и мы развели огонь. Но глаза мои были попрежнему прикованы къ мосту. Неожиданно я увидѣлъ человѣка въ бѣломъ плащѣ; выбившись черезъ силу изъ сдавившей его толпы, онъ упалъ на дохлую лошадь. Потомъ онъ поднялся и начетверенькахъ приползъ къ на-

шнему огню. Нѣсколько мннутъ онъ лежалъ такъ неподвижно, что мы приняли его за мертвеца и хотѣли снять съ него плащъ и оттолкнуть въ грудь труповъ. Но какъ только я приблизился къ нему, онъ открылъ глаза, и я узналъ въ немъ оружейника нашего полка. «Сержантъ,—промолвилъ онъ,—какое несчастье, я лишился всего: повозокъ, лошадей, вещей, мѣховъ, золота. У меня только оставался мулъ, котораго я привелъ изъ Италіи, но и тотъ пропалъ съ послѣдними моими сокровищами. Черезъ мостъ я не перешелъ, а меня перетащили на рукахъ». Я отвѣчалъ, что онъ долженъ благодарить Бога за свое спасенье, а не сокрушаться о пустякахъ».

Вотъ какъ передаетъ Бургонъ эпилогъ березинской катастрофы:

«Безпорядокъ на мосту все возросталъ и достигъ апогея, когда русскіе напали на маршала Виктора, охранявшаго отступление французовъ, и русскія ядра стали падать на спасавшіяся массы. Къ довершенію паники, поднялся рѣзкій, холодный вѣтеръ, и пошелъ снѣгъ. Въ девятомъ часу вечера маршалъ Викторъ сталъ самъ отступать черезъ мостъ или, лучше сказать, черезъ груды труповъ, его войска перебрались и худо или хорошо, оставивъ въ аррьергардѣ только небольшое количество солдатъ, насильно гнавшихъ отсталыхъ. Мостъ снова всю ночь былъ сравнительно возможенъ для перехода, но много несчастныхъ оставалось на противоположномъ берегу, чтобъ погрѣться у огня, который поддерживался разрушенными повозками. Въ 7 часовъ утра 29 ноября, я приблизился къ мосту, въ надеждѣ, не соберу ли еще отставшихъ солдатъ своего полка, число которыхъ уже достигало семнадцати. Несчастные, не хотѣвшіе воспользоваться ночью для перехода черезъ мостъ, теперь ринулись на него, какъ наканунѣ, громадными толпами. Многіе бросались въ рѣку, надѣясь добраться вплавь до противоположнаго берега, но погибали, тщетно стараясь вскарабкаться на льдины. Я увидѣлъ на мосту кантиньера, который несъ ребенка на головѣ, и въ сопровожденіи жены, оглашавшей воздухъ воплями, тщетно старался проложить себѣ дорогу среди давки. Неподалеку отъ этой группы, повозка съ больнымъ офицеромъ была столкнута въ воду. Я не могъ болѣе выдержать зрѣлища столькихъ ужасовъ и пошелъ назадъ. Въ эту минуту подожгли мостъ, и мнѣ потомъ рассказывали такія страшныя сцены, происшедшія послѣ этого, что въ сравненіи съ ними все переданное мною блѣднѣетъ».

Вернувшись въ свой полкъ, Бургонъ увидалъ другое, непривычное зрѣлище. Ряды его товарищей пополнились отсталыми, и всѣ радовались, обнимали и поздравляли другъ друга съ переходомъ черезъ Березину, словно она была Рейномъ, до котораго оставалось еще четырехста миль. Дѣйствительно, несчастнымъ еще предстояло много мукъ, страданій и лишеній до нѣмецкой границы. Хотя переходу отъ Березины до Эльбинга, продолжавшемуся отъ 20 ноября до 23 декабря, Бургонъ посвящаетъ третью своей книги, но приве-

денныя имъ мелочныя подробности, составляющія лишь дополнительные узоры по прежней канвѣ холода и голода, уже начинаютъ утомлять читателя, и онъ съ удовольствіемъ переводитъ дыханіе, когда доходитъ до конца этой эпопеи ужасовъ войны. Впрочемъ мѣстами попадаются поразительныя картинки, невольно приковывающія къ себѣ вниманіе. Напримѣръ, вблизи Вильны, Бургонь съ товарищами наполнили кастрюлю конской кровью, посолили ее порошкомъ и разогрѣли на огнѣ, но въ эту минуту на нихъ напали казаки, и имъ пришлось руками похватать крови изъ кастрюли, причемъ они запачкали себѣ лица до безобразія, и потому неудивительно, что при видѣ такихъ окровавленныхъ чудовищъ, казавшихся адскими призраками, готовыми ихъ растерзать, баденскій гарнизонъ Вильны въ страхѣ бѣжалъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ковно, Бургонь упалъ въ глубокой оврагъ, полный снѣга, и, не имѣя силъ выбраться изъ него, тщетно умолялъ о помощи проходивших мимо товарищей, одинъ изъ которыхъ печально сказалъ: «Какъ я васъ вытащу, у меня нѣтъ рукъ». Но онъ все-таки крикнулъ, чтобы сержантъ схватился за его плащъ руками, и такимъ образомъ несчастный былъ спасенъ. Въ Ковно французы ограбили водочныя склады, и многіе, напившись до самозабвенія, засыпали на улицахъ, чтобы болѣе не просыпаться; такихъ жертвъ пьянства и мороза было въ одну ночь до тысячи пятисотъ человѣкъ. Неудивительно, что подвергаемые ежедневной, ежечастной, ежеминутной пытке, несчастные забывали, что они люди, и становились звѣрями; такъ Бургонь рассказываетъ, что они раздѣвали еще живыхъ товарищей, которые не могли идти дальше, чтобы прикрыть себя отъ холода ихъ одеждой, а кроаты вытаскивали изъ огня обуглившіеся трупы, чтобы утолить свой голодъ. Кромѣ холода и голода, постоянныя стычки съ казаками истощали послѣднія силы нѣкогда блестящей, побѣдоносной Наполеоновской арміи, и въ этихъ стычкахъ принималъ личное участіе маршалъ Ней, пѣшкомъ, съ ружьемъ въ рукахъ. «Я никогда не забуду,—говоритъ Бургонь, какъ величествененъ былъ маршалъ въ эти минуты, какіе грозные взгляды бросалъ онъ на враговъ и какое слѣпое довѣріе внушалъ онъ къ себѣ всѣмъ намъ. Онъ дѣйствительно былъ тогда древнимъ героемъ, и по справедливости можно сказать, что онъ спасъ остатки нашей арміи при роковомъ отступленіи изъ Россіи».

Наконецъ, для Бургоня окончились всѣ ужасы этого отступленія. 1-е января 1813 года онъ весело провелъ въ Эльбингѣ, гдѣ отдохнулъ и набрался силъ, а въ мартѣ вернулся на родину офицеромъ.

Б. М. С.

ПО КИТАЙСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ¹⁾

II.

Талиенванъ и Портъ-Артуръ.

В ПЕРВЫХЪ числахъ декабря прошлаго 1897 года разнесся слухъ, что Россія рѣшила занять Портъ-Артуръ и Талиенванъ. Вслѣдъ затѣмъ стало извѣстно, что это занятіе обоихъ важнѣйшихъ заливовъ Лиаотунскаго полуострова въ сущности уже совершившійся фактъ. Онъ произвелъ довольно сильное впечатлѣніе у насъ и за границей.

Иностранная печать на всѣ лады обсуждала «новый русскій захватъ», при чемъ въ этомъ разноязычномъ и разноплеменномъ хорѣ голосъ Англіи сразу выдѣлился съ той особенной рѣзкостью, которая уже сама по себѣ достаточно свидѣтельствовала о чрезвычайной серьезности даннаго положенія. Оно дѣйствительно было очень серьезно.

Между тѣмъ, какъ намъ въ Европѣ грозили открытымъ разрывомъ, войной съ Японіей и Англіей, — въ Пекинѣ было пущено въ ходъ все, чтобы заставить китайское правительство отказаться отъ дальнѣйшихъ переговоровъ съ Россіей относительно Портъ-Артура и Талиенвана и возстановить въ водахъ, омывающихъ Лиаотунскій полуостровъ, тотъ status quo ante, который былъ такъ на руку всѣмъ нашимъ старымъ и новымъ сосѣдямъ на дальнемъ Востока. Почти 3¹/₂ мѣсяца прошли въ томительной неизвѣстности, чѣмъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXII, стр. 229.

кончится этотъ оглушительный шумъ на европейской сценѣ и тайная борьба вліяній за кулисами международной политики. Правительство сообщеніе отъ 16-го марта текущаго года явилось яснымъ отвѣтомъ на всѣ недоумѣнія. Послѣ айгунскаго договора графа Муравьева-Амурскаго, послѣ пекинскаго трактата графа Игнатьева, закрѣпившихъ за нами Амурскую область и Уссурійскій край, — во всей дѣятельности нашей дипломатіи не найдется другаго государственнаго акта, болѣе важнаго, чѣмъ это знаменитое «Соглашеніе», о которомъ правительство сочло нужнымъ сдѣлать слѣдующее сообщеніе:

«15-го марта, въ Пекинѣ состоялось подписаніе уполномоченными Россіи и Китая особаго соглашенія, въ силу коего императорскому правительству уступлены въ пользованіе на 25-лѣтній срокъ, который, по обоюдному согласію, можетъ быть затѣмъ продолженъ, — Портъ-Артуръ и Талиенванъ съ соответствующими территоріею и воднымъ пространствомъ; а равно предоставлена постройка желѣзнодорожной вѣтви на соединеніе этихъ портовъ съ великою сибирскою магистралію.

«Соглашеніе это является прямымъ и естественнымъ послѣдствіемъ установившихся дружественныхъ отношеній между обширными сосѣдними имперіями, всѣ усилія коихъ должны быть направлены къ охраненію спокойствія на всемъ огромномъ пространствѣ ихъ пограничныхъ владѣній на обоюдную пользу подвластныхъ имъ народовъ.

«Обусловленное дипломатическимъ актомъ 15-го марта мирное занятіе русскою военно-морскою силою портовъ и территоріи дружественнаго государства какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ, что правительство Богдыхана вполне вѣрно оцѣнило значеніе состоявшагося между нами соглашенія.

«Обезпечивая неприкосновенность верховныхъ правъ Китая и удовлетворяя насущнымъ потребностямъ Россіи, какъ сосѣдней великой морской державы, соглашеніе это отнюдь не нарушаетъ интересовъ какого либо иностраннаго государства; напротивъ того, оно даетъ всѣмъ націямъ міра возможность въ недалекомъ будущемъ войти въ общеніе съ этимъ замкнутымъ доселѣ краемъ на побережьи Желтаго моря; открытіе же коммерческимъ флотамъ всѣхъ иностранныхъ державъ порта Талиенвана создаетъ въ Тихомъ океанѣ новый обширный центръ для торговыхъ и промышленныхъ предпріятій этихъ державъ, при посредствѣ великаго сибирскаго сооруженія, призваннаго отнынѣ, благодаря дружественному уговору между Россіею и Китаемъ, соединить крайніе предѣлы двухъ материковъ Стараго Свѣта.

«Такимъ образомъ, подписанное въ Пекинѣ соглашеніе имѣетъ для Россіи глубокое историческое значеніе и должно быть радостно привѣтствуемо всѣми, кому дороги блага мира и успѣхи на почвѣ взаимнаго общенія народовъ».

Дополненіемъ къ сообщенію явилась слѣдующая циркулярная телеграмма министра иностранныхъ дѣлъ къ представителямъ Россіи за границей:

«Въ силу соглашенія, подписаннаго 15-го (27-го) марта въ Пекинѣ представителемъ Россіи и членами Цзунъ-ли-ямена, надлежащимъ образомъ на то уполномоченными, Портъ-Артуръ и Талиенванъ, а также прилегающія территоріи уступлены китайскимъ правительствомъ въ пользованіе Россіи.

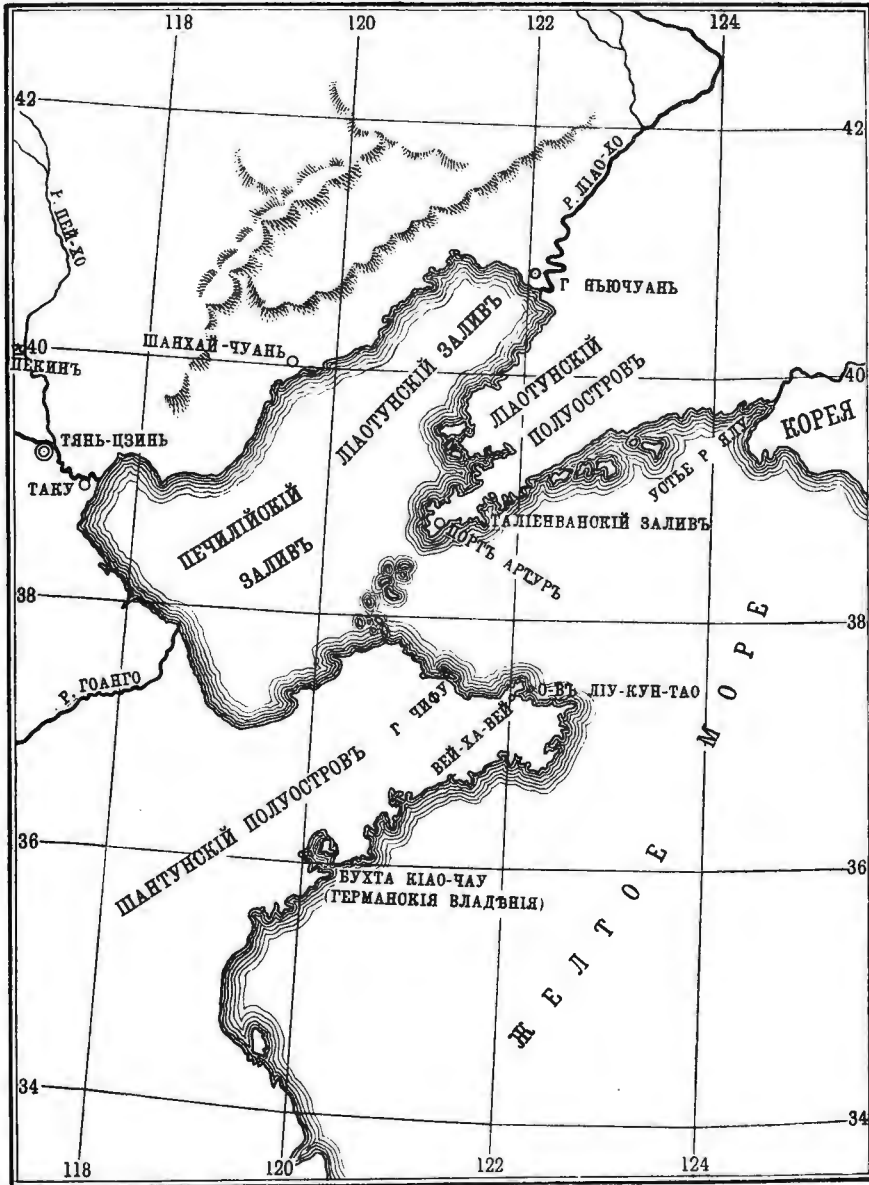
«Вамъ поручается сообщить о вышеизложенномъ правительству, при коемъ вы аккредитованы, и прибавить, что упомянутые порты и территоріи будутъ безотлагательно заняты войсками его императорскаго величества, августѣйшаго монарха, и что въ нихъ будетъ поднятъ русскій флагъ совмѣстно съ китайскимъ. Вы можете одновременно извѣстить министра иностранныхъ дѣлъ, что портъ Талиенванъ будетъ открытъ для иностранной торговли, и что суда всѣхъ дружественныхъ націй встрѣтятъ тамъ самое широкое гостеприимство».

Нѣсколько дней спустя, телеграммой изъ Шанхая міръ былъ оповѣщенъ, что текстъ русско-китайскаго соглашенія, подписаннаго великимъ совѣтомъ, опубликованъ въ китайскомъ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Въ документѣ—пять статей. Онъ гласитъ, что аренда сдана на 25 лѣтъ, арендуемая площадь имѣетъ въ длину 160 ли (53 англ. мили) и въ ширину—80 ли. Китайскія военныя суда и купеческіе пароходы имѣютъ право свободнаго входа въ Портъ-Артуръ, который Россія укрѣпитъ. Кромѣ того, дано разрѣшеніе продлить желѣзную дорогу отъ Талиенвана до любого пункта на западномъ берегу полуострова, гдѣ будетъ предоставлена Россіи соответственная аренда.

Занятіе нами Портъ-Артура и Талиенвана, понятно, должно было вызвать и вызвало безчисленное множество всевозможныхъ разсужденій и въ обществѣ, и въ печати. Намъ хотѣлось бы отмѣтить здѣсь лишь одну сторону послѣдняго шага нашего на Востокъ, о которой во всей этой массѣ рѣчей и статей, появившихся за послѣднее время, никто не обмолвился ни словомъ.

Соглашеніемъ 15 марта данъ не только надежный опорный базисъ нашему флоту въ водахъ Тихаго океана, открытъ не только выходъ Великой Сибирской желѣзной дорогѣ къ свободному, незамерзающему морю; но и положено прочное начало опредѣленію естественно-научныхъ границъ нашего распространенія на крайнемъ Востокѣ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, покойный лордъ Биконсфильдъ, по поводу, кажется, Герата, пустилъ въ первый разъ въ ходъ свою знаменитую фразу о научной границѣ. Надъ ней много смѣялись тогда, особенно у насъ, гдѣ такъ любятъ смѣяться надъ вещами, мало понятными, и гдѣ относительно англичанъ вообще и англійскихъ государственныхъ людей въ особенности установился такой удивитель-

Карта сѣверо-восточной части Китая.

тельно нелѣпый взглядъ. А между тѣмъ, въ этихъ словахъ знаменитаго государственнаго дѣятеля Англiи заключается глубокий смыслъ, гораздо болѣе глубокий и широкій, чѣмъ придавалъ ему самъ Биконсфильдъ въ данномъ случаѣ. Несомнѣнно, что для каж-

дой націи существуетъ своя, болѣе или менѣе широкая, естественно-научная граница распространенія, которую нельзя перейти безнаказанно. Огромное большинство европейскихъ народовъ никогда, конечно, не въ состояніи будетъ акклиматизироваться въ тропическихъ странахъ, не поступившись многими существенно-основными чертами своей и физической, и психической индивидуальности. Для многихъ изъ этихъ народовъ такая акклиматизація окажется совсѣмъ невозможной, и волей—неволей, рано или поздно, но они принуждены будутъ уйти отсюда на всегда. Къ великому счастью, у насъ нѣтъ колоній въ тропикахъ, да и вообще нѣтъ нигдѣ колоній. Россія представляетъ одно громадное сплошное пространство, большею частью лежащее въ холодномъ и умѣренномъ поясахъ. Въ борьбѣ съ суровыми естественными условіями этого астрономическаго, такъ сказать, положенія, народъ нашъ выработалъ въ себѣ извѣстныя черты, извѣстный складъ физической организаціи, извѣстныя отношенія къ климату и почвѣ, и съ этими особенностями намъ теперь необходимо считаться. Говорятъ, что лапландецъ, привезенный въ умѣрную полосу средней Россіи, куданибудь въ Московскую или Тамбовскую губернію, неминуемо гибнетъ: климатъ этихъ мѣстъ для него слишкомъ жаркій, испаренія почвы и всѣ тѣ процессы, которые совершаются въ ней, слишкомъ необычны, характеръ безчисленныхъ микроорганизмовъ, наполняющихъ воду, воздухъ, пищу,—все это совершенно чуждо ему; его организмъ не выработалъ въ прошломъ достаточной силы сопротивляемости противъ этихъ невѣдомыхъ ему раньше враждебныхъ вліяній, и онъ гибнетъ ихъ жертвой. Русская колонія гдѣнибудь въ тропикахъ, по тѣмъ же причинамъ, вымерла бы вся безъ остатка, неизбежно и очень скоро. Исторія европейской колонизаціи полна примѣрами такого рода.

Если представить себѣ, гдѣ естественно-научная граница нашего распространенія, то такую въ Азіи явились бы: Малоазіатскій полуостровъ, Персидскій заливъ и предгорья Гималаевъ, съ одной стороны, Манчурія и Корея—съ другой. Въ этихъ предѣлахъ только и можемъ мы тамъ существовать, и названныя сейчасъ южныя страны представляютъ крайнія границы нашего распространенія въ Азіи. Южнѣе мы жить не можемъ, не рискуя вырожденіемъ и полною гибелью расы. Роскошь тропиковъ намъ не по плечу, какъ не по плечу оказалась она даже южнымъ европейскимъ народамъ. Здѣсь въ будущемъ—вѣроятная арена развитія желтой расы и, прежде всего, конечно, китайскаго племени. Племя это, повидимому, самое выносливое изъ всѣхъ племенъ земного шара, обнаруживаетъ необыкновенную силу сопротивляемости губительнымъ вліяніямъ климата, лучше, чѣмъ всякій другой народъ, приспособляясь къ крайнимъ измѣненіямъ температуры, влажности и высоты надъ уровнемъ моря. Нѣкогда многіе изъ нынѣшнихъ южныхъ азиат-

скихъ народовъ, напримѣръ, малайцы, жили гораздо сѣвернѣе; ихъ вытѣснили къ югу китайцы, а теперь китайцами наполненъ и Малакскій полуостровъ; они перебираются на Филиппинскіе острова, Яву и т. д. Съ теченіемъ времени этотъ процессъ приметъ еще болѣе энергичный характеръ. Японцы представляютъ другую такую же выносливую расу, но выносливую именно къ особенностямъ жаркаго климата; на сѣверѣ они прививаются плохо. Что это—такъ, достаточно посмотрѣть, въ какомъ положеніи у нихъ находятся Курильскіе острова и островъ Матсмай, или Иессо (Хоккайдо тоже). Но къ югу они въ состояніи идти далеко, и здѣсь, быть можетъ, почва для нашего соглашенія съ нимъ въ будущемъ: пусть идутъ по тропическимъ островамъ на югъ хоть до Австраліи; только азіатскій материкъ имъ надо оставить въ покоѣ.

Наше послѣднее приобрѣтеніе—Портъ-Артуръ и Талиенванъ—пока только первые русскіе аванпосты въ Манчжуріи; но всякому ясно, что съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги вся Манчжурія рано или поздно будетъ наша. Корейскій вопросъ—тоже только вопросъ времени, конечно.

Посмотримъ же теперь, что представляютъ собою эти два маленькихъ пятнышка на картѣ Азіи, о которыхъ было поднято столько шума.

Талиенванъ и Портъ-Артуръ находятся на Куантонскомъ полуостровѣ, который, въ свою очередь, образуетъ самую южную оконечность большаго Ляотунскаго полуострова, входящаго въ составъ такъ называемой Шеньцзинской провинціи и врѣзывающагося отъ массива Манчжуріи далеко въ море. Длина Куантона (на японскихъ и англійскихъ картахъ онъ носитъ названіе Мечъ Регента) около 100 верстъ. На западномъ берегу его имѣются двѣ бухты: Цзинь-Чжоу и Портъ-Адамсъ; Талиенванъ и Портъ-Артуръ лежатъ на восточномъ. Талиенванъ съ одной стороны и бухта Society-bay съ другой отдѣляются другъ отъ друга перешейкомъ всего въ 3 версты шириной, которымъ полуостровъ Куантонъ ограничивается отъ Ляотуна. Близъ перешейка стоитъ небольшой старинный городъ Кинь-чжоу, обнесенный стѣнами, съ населеніемъ въ 20.000 жителей: административный центръ всего полуострова.

Талиенванъ представляетъ огромный, великолѣпный заливъ. Длина его около 12 верстъ, ширина—10. Передъ входомъ на гигантскій рейдъ, окруженный высокими угрюмыми холмами, — два острова Сан-шан-танъ, раздѣленные проливомъ версты $1\frac{1}{2}$ шириной; между крайнимъ западнымъ мысомъ материка и ближайшимъ къ нему островомъ находится западный проходъ въ 8 верстъ ширины; восточный проходъ значительно уже,—не болѣе 5 верстъ; его образуютъ восточный матерой берегъ залива и ближайшій къ этому берегу островъ. Первый проходъ глубже и для большихъ судовъ во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе. Массивнымъ высокимъ полуостровомъ

Го-шан-танъ, вдающимся въ заливъ, отъ вершины его, и мысами западнымъ и восточнымъ Талиенванская бухта дѣлится на три части, которыя на картахъ носятъ англійскія названія бухтъ Victoria, Yunk и Hand. Первая изъ нихъ—самая обширная и глубокая. Узкая полоска земли, прилегающая непосредственно къ морю,—низменна. Но тотчасъ же за нею начинаются холмы, переходящіе дальше въ Синія горы. Мѣстность угрюмая, безлѣсная. Незначительное прибрежное китайское населеніе воздѣлываетъ съ успѣхомъ просо, пшеницу, разные бобы и овощи. Одна изъ интересныхъ подробностей, между прочимъ: говорятъ, что устрицы, которыхъ здѣсь масса, очень вредны, особенно для европейцевъ, вызывая сильныя желудочно-кишечныя расстройства.

Съ 1858 по 1861 г. эта дивная бухта служила мѣстомъ стоянки англо-французскаго флота во время совмѣстныхъ дѣйствій союзниковъ противъ Пекина. Въ 1884 г., когда Франція и Китай находились въ войнѣ, здѣсь стояла эскадра адмирала Курбѣ. Талиенванъ въ эту пору былъ открытъ для всякихъ дѣйствій противъ него и съ суши, и съ моря. Японско-китайская война застаегъ его уже значительно укрѣпленнымъ. На командующихъ высотахъ сѣвернаго и западнаго берега залива германскимъ майоромъ фонъ-Ганнеке-номъ были построены 4 грозныхъ форта, какъ говорятъ, по всѣмъ правиламъ новѣйшей техники. Двадцать крупныхъ орудій и около 50 обыкновенныхъ полевыхъ и скорострѣльныхъ пушекъ составляли вооруженіе этихъ фортовъ, обильно снабженныхъ снарядами, зарядами, ружейными патронами и всевозможными припасами. Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 6.000 человекъ. Превосходныя пристани и всѣ приспособленія для выгрузки тяжестей съ пароходовъ были устроены здѣсь китайскимъ правительствомъ съ громадными издержками. Одинъ японскій офицеръ генеральнаго штаба говорилъ, что онъ съ батальономъ могъ бы держаться здѣсь неопредѣленно-долгое время противъ цѣлой дивизіи. Между тѣмъ взятіе этой чрезвычайно важной стратегической позиціи не стоило японцамъ ни капли крови.

Послѣ овладѣнія городомъ Кинчжоу, японцы, 7-го ноября 1894 г. тремя колоннами, изъ которыхъ каждую составляли всего полкъ пѣхоты, эскадронъ кавалеріи и одна батарея полевой артиллеріи, показали въ виду фортовъ Талиенвана. Это была больше чѣмъ дерзость: идти чуть не съ голыми руками на приступъ такихъ грозныхъ твердынь! Но японцы отлично знали, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, что съ такимъ противникомъ можно позволить себѣ безнаказанно самыя грубыя отступленія, не только отъ элементарнѣйшихъ требованій европейской тактики, но даже отъ простаго здраваго смысла: все, молъ, сойдетъ. И дѣйствительно сошло! Въ ночь на 7-е ноября китайскій гарнизонъ Талиенвана бѣжалъ съ такой поспѣшностью, что многіе изъ крѣпостныхъ орудій были найдены

Видъ Портъ-Аргура.

могутъ входить сюда только съ приливомъ. Но передъ этимъ проходомъ море образуетъ глубокой, хорошей рейдъ, шириною верстъ 11—12, удобный для маневрированія большого числа судовъ, прекрасно защищенный отъ сѣверныхъ и западныхъ вѣтровъ, но нѣсколько опасный при вѣтрахъ южныхъ и восточныхъ, разводящихъ здѣсь огромное волненіе. Въ этомъ отношеніи Талиенванъ имѣетъ несомнѣнное преимущество предъ Портъ-Артуромъ, и не разъ во время такихъ свѣжихъ вѣтровъ, большимъ судамъ, стоявшимъ на вѣшнемъ рейдѣ и лишеннымъ возможности воспользоваться Люшункауской бухтой приходилось, сниматься съ якоря и искать убѣжища въ Талиенванѣ. Отъ Портъ-Артура до Талиенвана моремъ около 40 верстъ, — два часа средняго 11-ти узловаго хода.

До 1882 года Лю-шунъ-Кау представлялъ собою ничтожный рыбацкій поселокъ, одинъ изъ безчисленнаго множества такихъ же поселковъ, разбросанныхъ по всѣмъ угламъ китайскаго побережья. Въ этомъ году китайское правительство приказало приступить къ работамъ по устройству здѣсь военнаго порта. Бухтѣ Лю-шунъ-Кау было отдано предпочтеніе передъ Талиенваномъ въ виду большей близости ея къ Печилийскому проливу и заливу.

Работы велись подъ руководствомъ европейскихъ инженеровъ. Оборудование порта взялъ на себя французскій синдикатъ; необходимыя машины были выписаны изъ Англій, Франціи и Америки; форты строились по указаніямъ англійскихъ и нѣмецкихъ инженеровъ подъ общимъ руководствомъ майора фонъ-Ганнекена; Крупшъ и Армстронгъ явились поставщиками крѣпостныхъ орудій. До 80 милліоновъ рублей, говорятъ, было затрачено на то, чтобы сдѣлать изъ деревушки Лю-шунъ-кау первоклассную крѣпость и военный портъ. Послѣ 12 лѣтъ огромныхъ усилій созданъ былъ, наконецъ, такой портъ, докъ и мастерскія котораго служили для всякаго рода починковъ и исправленій судовъ. Минное депо, морской арсеналъ, механическій заводъ, мастерскія, богато снабженныя всѣми инструментами, магазины боевыхъ припасовъ, продовольственные склады, — все было сосредоточено въ Портъ-Артурѣ. Всѣ учрежденія освѣщались электричествомъ и другъ съ другомъ соединялись конно-желѣзной дорогой.

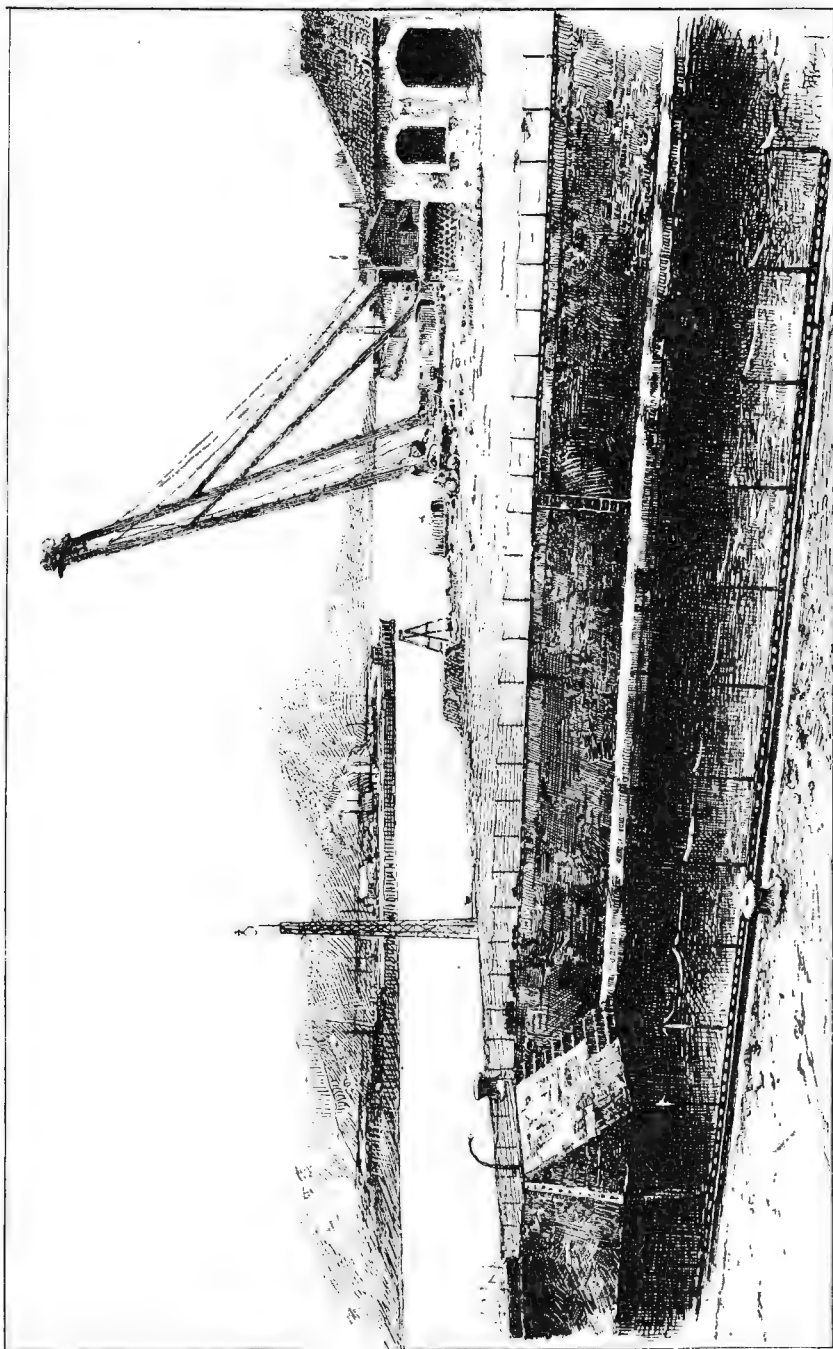
Вокругъ овальной внутренней бухты шла почти непрерывная цѣпь фортовъ, которые были такъ устроены, что могли оказывать другъ другу взаимную помощь. На сѣверо-западномъ берегу, въ довольно значительномъ разстояніи отъ бухты, на трехъ холмахъ, высотой отъ 300 до 450 футъ, были сооружены три форта; такъ какъ они находились позади главной оборонительной линіи и, въ силу своего положенія на командующихъ высотахъ, имѣли возможность стрѣлять въ тылъ другихъ фортовъ, то они составляли ключъ ко всей защитѣ Портъ-Артура. Немного восточнѣ этихъ трехъ грозныхъ фортовъ, на высокомъ холмѣ, мы находимъ четвертый фортъ. Далѣе

японцами даже заряженными. Помимо массы цѣннаго боеваго матеріала, въ руки «побѣдителей» достались очень важныя документы— между прочимъ, обстоятельный планъ миннаго загражденія бухты, Между тѣмъ, японская эскадра, въ составѣ 17 кораблей, ничего не зная, что Талиенванъ уже занятъ сухопутными японскими войсками, подошла, съ большими предосторожностями, въ то же утро 7-го ноября, ко входу въ бухгу и открыла пальбу по фортамъ. Отвѣтомъ было гробовое молчаніе, крайне озадачившее японцевъ. Только когда сигнальщики разобрали, наконецъ, что на фортахъ развѣваются не китайскіе, а японскіе флаги, суда прекратили стрѣльбу. Взятіе Талиенвана явилось самымъ важнымъ шагомъ въ предпринятой японцами компаніи противъ Портъ-Артура: были заняты не только грозныя апроши, составлявшіе надежную защиту съ суши этого порта; не только обезпечена чудная якорная стоянка для флота, но и упрощена до крайности задача выгрузки японцами тяжелыхъ орудій ихъ осаднаго парка въ возможно-близкомъ разстояніи отъ Портъ-Артура. Во время этой выгрузки произошелъ, между прочимъ, слѣдующій интересный и въ высшей степени характерный для японцевъ инцидентъ: 14-го ноября, на транспортѣ Цейши-мару, только что прибывшемъ въ Талиенванъ съ грузомъ боевой и матеріальной части осаднаго парка, вспыхнулъ пожаръ; огонь быстро принялъ угрожающіе размѣры; опасность взрыва, послѣдствіемъ котораго могло бы быть нанесеніе существеннаго вреда другимъ судамъ, стоявшимъ по сосѣдству, вызвала слѣдующую рѣшительную мѣру со стороны начальника эскадры: одному изъ военныхъ кораблей было приказано немедленно пустить ко дну горѣвшій транспортъ, и нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ было достаточно, чтобы привести приказъ въ исполненіе. Случай этотъ стоилъ жизни 100 человѣкамъ артиллерійской прислуги, военныхъ кули и судовой команды, находившихся въ тотъ моментъ на «Цейши-мару».

Портъ-Артуръ, по-китайски—Люшунъ-Кау, лежитъ въ самой южной оконечности Куантонскаго полуострова. Ряды высокихъ холмовъ, совершенно лишенныхъ растительности, окружаютъ кольцомъ Люшункаускую бухту, которая имѣетъ 2 версты въ длину и 1¹/₂ въ ширину. Близъ устья бухты въ нее глубоко врѣзывается отъ материка длинная полоса земли, которой китайцы дали характерное названіе Тигровый хвостъ, и которая, дѣйствительно, очень напоминаетъ хвостъ этого хищника, если смотрѣть на бухту съ одного изъ окрестныхъ холмовъ. Тигровымъ хвостомъ внутренній рейдъ дѣлится на двѣ части: восточную и западную. Восточная хороша для крупныхъ судовъ, но мала; а западная, хотя и достаточно велика для большой эскадры, зато мелка. Глубина узкаго прохода тоже недостаточна для большихъ современныхъ судовъ, которыя

къ востоку и къ югу—цѣлая группа изъ 7-ми фортвъ. Этотъ поясъ укрѣпленій окружавшихъ Портъ-Артуръ со стороны суши, заканчивался двумя крайними восточными фортами неподалеку отъ моря. Идя теперь отсюда вдоль берега на западъ, мы встрѣчаемъ фортъ на холмѣ въ 250 футъ высоты, одинъ изъ важнѣйшихъ во всей защитѣ. Его 20 орудій были поставлены такимъ образомъ, что обстрѣливали всѣ подступы къ форту по всѣмъ направлениямъ и не только дѣлали невозможнымъ нападеніе на него съ моря, но и могли помогать нѣкоторымъ другимъ фортамъ при атакѣ на нихъ съ суши. Этотъ фортъ находился на восточномъ берегу входа во внутренней рейдъ. Западную образуетъ вышеупомянутый Тигровый хвостъ. На этой узкой полосѣ земли и на прилегающемъ къ ней полуостровѣ были построены 8 батарей и фортвъ. Одинъ изъ нихъ, на холмѣ въ 350 футовъ высоты, могъ обстрѣливать всю бухту и оказывать помощь дальнимъ береговымъ фортамъ. До 300 современныхъ орудій, изъ которыхъ 60 были крупнаго калибра, составляли вооруженіе фортвъ Портъ-Артура. Многие изъ прибрежныхъ фортвъ были снабжены вращающимися панцырными башнями. Всѣ соединялись другъ съ другомъ закрытыми дорогами, телеграфомъ и телефономъ. Словомъ, «все, что способна была произвести строительная техника, что лучшіе заводы Европы и Америки могли доставить болѣе совершеннаго и дорогаго по части вооруженія, все было пущено въ дѣло правительствомъ Пекина съ огромными издержками. Оно позабыло только объ одномъ: что недостаточно имѣть солидныя крѣпостныя сооруженія, что нужно имѣть людей, которые бы сумѣли ихъ оборонять», — что «крѣпости спасаются не за каменными стѣнами, а за каменными сердцами гражданъ». Гарнизонъ Портъ-Артура передъ послѣдней войной состоялъ изъ 12.000 чаловѣкъ; но огромное большинство ихъ неумѣли даже обращаться со своимъ оружіемъ.

Адмиралъ Курбѣ, бывшій въ Портъ-Артурѣ тогда, когда фортификаціонныя сооруженія далеко еще не были закончены, говорилъ, что это — страшная крѣпость, которая очень долго можетъ держаться противъ сильнаго флота и 20-ти-тысячнаго армейскаго корпуса; а между тѣмъ, 22-го ноября 1894 года, Портъ-Артуръ былъ взятъ горстью японцевъ, не продержавшись и шести часовъ противъ нихъ. У японцевъ вышло изъ строя 29 чаловѣкъ убитыми и 233 ранеными. Китайцевъ же погибло до 5.000. Дѣло въ томъ, что японцы, по дорогѣ въ Портъ-Артуръ, нашли нѣсколько безобразно-изуродованныхъ труповъ своихъ товарищей, взятыхъ китайцами раньше въ плѣнъ. Это вызвало взрывъ бѣшеннаго гнѣва въ побѣдителейъ, и они, добравшись до Портъ-Артура, выместили на немъ всю свою злобу. Здѣсь была настоящая бойня, при чемъ, говорятъ, ни полъ, ни возрастъ не знали пощады, чѣмъ и объясняется такая огромная цифра — 5.000 убитыхъ.

Докъ въ Порть-Артурѣ.

Нѣсколько любопытныхъ эпизодовъ изъ эпохи взятія Портъ-Артура были отмѣчены въ свое время японской печатью. Мы возьмемъ два-три, наиболѣе характерныхъ изъ нихъ.

Послѣ паденія города Кинчжоу, когда японская армія готовилась идти на Портъ-Артуръ, японскія власти послали письмо китайскимъ генераламъ, командовавшимъ этой крѣпостью, съ совѣтомъ сдаться. Въ письмѣ говорилось, что такъ какъ японская армія, силою въ 50.000 человѣкъ, готова атаковать Портъ-Артуръ, слабо защищенный жалкимъ сбродомъ, и такъ какъ небесами предопредѣлено, что Китай долженъ быть побитъ въ этой войнѣ, то для защитниковъ Портъ-Артура самое лучшее отказаться отъ всякой попытки къ сопротивленію. Имъ выгоднѣе будетъ воспользоваться тѣмъ гостеприимствомъ, какое Японія оказываетъ своимъ военно-плѣннымъ, чѣмъ защищаться безъ надежды на успѣхъ, вызывая лишь бесполезное кровопролитіе. Боялись, что письмо не дойдетъ по назначенію; но оно оказалось потомъ среди бумагъ, захваченныхъ въ Портъ-Артурѣ. Здѣсь нашли и отвѣтъ, который китайскіе генералы, вѣроятно, послали, но котораго японцы не получили. Онъ былъ составленъ въ хвастливыхъ, напыщенныхъ выраженіяхъ. Пораженія, понесенныя китайцами до тѣхъ поръ, авторы отвѣта приписывали плохой подготовкѣ къ войнѣ и несчастному выбору Китаемъ своихъ генераловъ. Но японскіе офицеры предупреждали не быть черезчуръ довѣрчивыми и не оцѣнивать слишкомъ низко силы своихъ противниковъ въ данномъ случаѣ. Начальники Портъ-Артура — всѣ болѣе или менѣе герои, не разъ отличившіеся въ прежнихъ войнахъ (слѣдуетъ краткій послужной списокъ каждаго); а 30.000 человѣкъ гарнизона готовы драться на своихъ постахъ до послѣдней капли крови. Они будутъ биться, имѣя въ тылу у себя воду, — диспозиція, знаменитая съ древнихъ временъ, дѣлающая солдатъ отчаянными и побѣдоносными. Успѣхъ всегда награждаетъ правое дѣло, а право здѣсь — на сторонѣ Китая, ибо Корея въ теченіе двухъ вѣковъ была вассаломъ Средняго Царства. Письмо заканчивалось просьбой сообщить точно день, когда японцы намѣрены драться, такъ какъ они, начальники гарнизона, выйдутъ тогда изъ укрѣпленій во главѣ своихъ войскъ и вступятъ въ жестокій бой.

Во время штурма Портъ-Артура, командиръ одной изъ ротъ, шедшихъ въ штурмовой колоннѣ, капитанъ Кани, тяжело болѣвшій предъ тѣмъ, превозмогъ свою слабость и отправился въ бой во главѣ своей части. Неподалеку отъ форта Эр-люнь-шанъ онъ, однако, упалъ въ обморокъ, такъ что люди его пошли на приступъ уже безъ своего командира. Кани былъ положенъ въ госпиталь; черезъ нѣсколько дней онъ, совершенно больной, скрывается изъ госпиталя, приходитъ на то самое мѣсто, гдѣ онъ упалъ безъ чувствъ передъ штурмомъ и закалывается саблей. При немъ нашли слѣдую-

щую записку: «Здѣсь болѣзнь принудила меня остановиться и вынести то, что мои люди пошли на приступъ безъ меня; пока я живъ,—не смыть мнѣ съ себя этого позора. Умираю здѣсь, чтобы отмстить за свою поруганную честь, и оставляю это письмо говорить за меня».

Послѣ взятія Портъ-Артура, къ одному японскому посту подошелъ китаецъ, почти совсѣмъ голый, сѣлъ на землю, и крича, что онъ былъ солдатомъ, а теперь, послѣ позорнаго бѣгства своихъ товарищей, не хочетъ оставаться имъ больше, просилъ отрубить ему голову и представить ее японскому генералу. Сочтя его сумасшедшимъ, японцы прогнали его прочь, что страшно разсердило китайца; онъ отправился къ мѣсту стоянки 15-го японскаго пѣхотнаго полка и тамъ снова сталъ настойчиво повторять свое требованіе. На этотъ разъ нашелся японецъ, который согласился на просьбу несчастнаго; но понадобилось два удара саблей, чтобы его обезглавить; послѣ перваго удара онъ, говорятъ, поднялъ голову и гнѣвно сверкнулъ глазами.

Въ связи съ паденіемъ Портъ-Артура и Талиенвана находится рядъ любопытныхъ указовъ китайскаго императора, обнародованныхъ въ пекинскомъ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

Въ указѣ отъ ⁵/17 декабря 1894 года говорится слѣдующее:

«Получивъ свѣдѣнія о потерѣ Портъ-Артура, мы тотчасъ же приказали Ли-хунъ-чану произвести слѣдствіе, дабы узнать: виновенъ ли Кун-чао-ю, главный начальникъ арсенала и дока этого порта въ томъ, что онъ бѣжалъ и произвелъ панику среди своихъ подчиненныхъ. Ли-хунъ-чанъ въ докладѣ своемъ просилъ насъ разжаловать этого чиновника, но позволить ему остаться въ арміи и своимъ хорошимъ поведеніемъ искупить прошлыя ошибки. Мы, однако, отклонили такую просьбу на томъ основаніи, что сказанный Кун-чао-ю, будучи столь долгое время главнымъ начальникомъ въ Портъ-Артурѣ, также какъ главою военнаго и морскаго секретариата тамъ, не сдѣлалъ должныхъ приготовленій, чтобы встрѣтить непріятелей, когда они приблизились къ крѣпости, и не сумѣлъ объединить сердца защитниковъ ея для должнаго противодѣйствія. Вмѣсто этого, Кун-чао-ю бѣжалъ въ Чифу, какъ только врагъ овладѣлъ доками и проч. Поэтому, мы считаемъ разжалованіе наказаніемъ, не соответствующимъ преступленіямъ этого человѣка, и повелѣваемъ, чтобы онъ былъ арестованъ и отправленъ въ департаментъ наказаній, гдѣ онъ искупитъ свои вины. Что касается генераловъ, командовавшихъ бригадами, расположенными въ Портъ-Артурѣ, именно Вей-ю-чена, Хуанъ-се-лина, Чіанъ, Кіей-ти и Ченъ-юн-хо, которыхъ мѣстопробываніе въ настоящій моментъ неизвѣстно, то пусть Ли-хунъ-чанъ поторопится сдѣлать должное разслѣдованіе по этому поводу и донести намъ о результатахъ его. Относительно трусливаго командира Талиенванскихъ фортовъ, Тсянъ-хюай-и, Ли-хунъ-чану повѣллвается уз-

нать, гдѣ находится этотъ разжалованный офицеръ въ настоящее время и послѣдить съ его доставленіемъ въ Пекинъ.

«Относительно Тингъ-жю-чана, пониженнаго по службѣ адмирала Пейянскаго флота мы полагали; что его долгій опытъ, какъ начальника морскихъ силъ сѣвера, даетъ намъ основаніе рассчитывать найти его готовымъ ко всякой случайности. Хотя съ самаго начала настоящей войны мы посылали ему повторныя приказанія встрѣтить со своимъ флотомъ непріятеля въ открытомъ морѣ; но трусливое сердце этого человѣка предпочло искать спасенія въ уверткахъ и откладываніями своими онъ пропустилъ много удобныхъ случаевъ. Охраненіе доковъ и арсеналовъ Портъ-Артура должно было считаться его специальной заботой; но вмѣсто того, чтобы взять свой флотъ туда для защиты крѣпости отъ непріятеля, онъ этого не сдѣлалъ и доказалъ, слѣдовательно, свою бесполезность и трусость, — преступленія, кои прощены быть не могутъ. Въ виду этого объявляемъ нашу волю, чтобы... Тингъ-жю-чанъ былъ арестованъ и отправленъ подъ конвоемъ въ департаментъ наказаній, гдѣ онъ отвѣтитъ за свои преступленія»¹⁾.

Въ указѣ отъ 22-го декабря объявляется затѣмъ слѣдующее:

«Ли-хунъ-чанъ посылаетъ намъ донесеніе Сунъ-чина, только что переданное по телеграфу въ Тяньцзинъ изъ Манчжуріи. Сунъ утверждаетъ, что послѣ паденія Портъ-Артура бригадные генералы Чіанъ-кюэй-ти и Ченъ-юнь-хо немедленно покинули это мѣсто, окольными путями присоединились къ его арміи и съ тѣхъ поръ обнаружили большую дѣятельность, оказывая ему помощь въ битвахъ съ непріятелемъ.

«Сунъ-чинъ, поэтому, проситъ разрѣшить обоимъ упомянутымъ чиновникамъ и ихъ войскамъ остаться при его арміи, чтобы искупить будущимъ хорошимъ поведеніемъ прежнія ихъ ошибки. Что касается бригаднаго генерала Чанъ-куанъ-чiena, который завѣдывалъ миннымъ отдѣломъ въ Портъ-Артурѣ, то Сунъ-чинъ говоритъ, что этотъ генералъ послѣ паденія крѣпости присоединился къ правому крылу его арміи. Посему, вмѣсто ареста и отправленія подъ конвоемъ въ Пекинъ сказанныхъ офицеровъ, Сунъ-чинъ проситъ наказать ихъ сперва разжалованіемъ, но позволить имъ остаться при арміи. Хотя эти люди заслужили жестокое наказаніе за свою прошлую бездѣятельность и грубое неисполненіе долга, чему должно приписать паденіе Портъ-Артура, но мы хотимъ оказать имъ милость съ тѣхъ поръ, какъ они обнаружили желаніе загладить свои ошибки, и позволяемъ имъ остаться съ Сунъ-чиномъ на испытаніи, но съ потерей чиновъ и званій. Если же въ будущемъ окажется, что они все еще трусы, то мы повелѣваемъ Сунъ-чину обезглавить

¹⁾ Рѣчь здѣсь идетъ о томъ самомъ адмиралѣ Тангѣ, который впоследствии погибъ въ Вей-ха-веѣ.

Видъ форта Гошанъ въ Талиенванѣ.

ихъ для примѣра, безъ всякаго испрашаванія на то разрѣшенія отъ престола».

Въ указѣ отъ 9-го января 1895 года мы снова встрѣчаемся съ именами нѣкоторыхъ героевъ Портъ-Артура. «Ли-хунъ-чанъ донесъ намъ», гласить этотъ указъ, «что генералы Хуанъ-се-линъ, Тсаохюай и Вей-ю-ченъ, послѣ паденія Портъ-Артура, бѣжали къ себѣ на родину; посему повелѣваемъ губернаторамъ тѣхъ провинцій, гдѣ скрываются бѣглецы, розыскать ихъ и отправить скорой почтой въ Пекинъ для наказанія».

Наконецъ, въ указѣ отъ 16-го февраля, императоръ еще разъ возвращается къ своимъ бѣглымъ генераламъ: «Много мѣсяцевъ прошло», говоритъ онъ, «и до сихъ поръ еще эти люди на свободѣ, хотя ихъ преступленія такъ велики, что они не заслуживаютъ пощады отъ нашихъ рукъ. Еще разъ мы повелѣваемъ губернаторамъ тѣхъ провинцій, куда скрылись бѣглецы, приложить всѣ усилія, чтобы арестовать сказанныхъ офицеровъ, и, какъ предварительный шагъ, приказываемъ конфисковать всякое имущество, имъ принадлежащее».

Портъ-Артуръ лежитъ, какъ мы уже говорили, на Куантонскомъ полуостровѣ, составляющемъ южную оконечность Ляотуна. Внутренность обоихъ полуострововъ гориста, безлѣсна, носить крайне дикій, угрюмый характеръ. Это — самыя худшія части той обширной области, которая носитъ названіе Китайской Манчжуріи, или просто Манчжуріи. Но онѣ важны для насъ, помимо всѣхъ прочихъ соображеній, какъ ключи къ ней въ будущемъ. По словамъ извѣстнаго англійскаго путешественника, капитана Юнгхѣзбэнда, недавно посѣтившаго Манчжурію, эта страна обладаетъ такими же громадными богатствами, какъ и Трансвааль. Вся Средняя Африка отъ Уганды до Хартума ничего не стоитъ по сравненію съ Манчжуріей. Зимой здѣсь очень холодно; лѣтомъ — жарко, но лѣтнія жары не тягостны. Многочисленное населеніе ея, — сильное, рослое, прилежное, бережливое, — принадлежитъ къ лучшимъ земледѣльцамъ міра. Страна обладаетъ большими судоходными рѣками, богата роскошными сосновыми, дубовыми и другими лѣсами и удивительными полями для посѣва пшеницы, ячменя, риса, стручковыхъ плодовъ. Изъ Бѣлыхъ горъ вытекаютъ три рѣки, по которымъ сплаваются громадные плоты превосходнаго строеваго лѣса. Угольные залежи, золотыя, мѣдныя и желѣзныя руды представляютъ въ сущности еще совсѣмъ не початыя богатства.

Между прочимъ, англійскій путешественникъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Русскій солдатъ можетъ вытѣснить китайскаго солдата; но русскій крестьянинъ никогда не будетъ въ состояніи конкурировать съ китайскимъ. И даже русскому купцу придется выдержать тяжкую борьбу, пока ему не удастся побѣдить своего китайскаго соперника».

Въ февралѣ 1895 года, когда вся Японія была упоена своимъ торжествомъ надъ Китаемъ и въ умахъ многихъ ея государственныхъ дѣятелей, въ высшихъ военныхъ сферахъ, среди общества и въ простомъ народѣ, царствовала увѣренность, что Японія стала теперь прочной ногой въ Манчжуріи, одинъ японскій историкъ, Адачи-Ритсуентъ, напечаталъ интересный очеркъ о сношеніяхъ между Японіей и Манчжуріей въ древности. Согласно старымъ китайскимъ и корейскимъ книгамъ, говоритъ онъ, бѣльшая часть Манчжуріи была владѣніемъ Кудары, одного изъ трехъ княжествъ, на которыя раздѣлялась тогдашняя Корея. Кудара включала въ себя не только Шанкинъ и Гиринъ, но, кажется, простиралась до Владивостока и даже до Камчатки. При Тунской династіи, Китай, однако, овладѣлъ значительною частью земель Кудары, и Корея вошла въ предѣлы, ограниченные горной цѣпью Чохаку. Такимъ образомъ, страна, которая стала платить дань Японіи послѣ похода императрицы Джингу, была не одна только нынѣшняя Корея, но заключала въ себѣ также округа, нынѣ извѣстные подъ общимъ именемъ Манчжуріи. Послѣ того, какъ три княжества: Кома, Кудара и Шираги, вошли въ полуостровъ, нынѣ называемой Кореей, Шираги измѣнически предало остальные двѣ страны Китаю. Послѣдній подчинилъ ихъ себѣ, и онѣ стали смотрѣть на него, какъ на своего сюзерена, вмѣсто Японіи. Народъ Кудары не подчинился, однако, смиренно игу новыхъ господъ; результатомъ одного изъ возстаній явилось отдѣленіе Кудары въ особое княжество въ извѣстномъ округѣ Манчжуріи, которое они назвали Синъ. Постепенно государство Синъ поглотило окружающія его земли. Около 713 года нашей эры правившая Китаемъ династія сочла полезнымъ признать независимость новой страны и назвала ея главу королемъ Боххай. Имя государства было измѣнено въ Боххай, и бѣльшая часть Манчжуріи сдѣлалась, какъ она была прежде, владѣніемъ возрожденной Кудары. Когда послѣдняя учредилась на прочномъ основаніи, ея народъ, помня, какъ тѣсны были его прежнія сношенія съ Японіей, и зная выгоды обмѣна продуктовъ своей болѣе холодной страны на продукты страны теплой, отправилъ посольство въ Японію въ декабрѣ 727 года. Черезъ годъ изъ Японіи явилось въ Боххай посольство съ отвѣтнымъ визитомъ. Съ того времени возобновились старыя дружескія отношенія между двумя странами. Изъ Боххая доставляли ко двору въ Кіото разные мѣха, женшень, медъ и проч., тогда какъ японскіе послы привозили съ собой ткани. Послѣднее посольство изъ Боххая было въ 920 году. Шесть лѣтъ спустя, Боххай былъ разрушенъ племенемъ, имѣвшимъ большую силу въ то время, и всѣ сообщенія между Манчжуріей и Японіей прекратились.

Японскій историкъ подчеркиваетъ затѣмъ фактъ, что японскія войска занимаютъ нынѣ ту самую страну, которая уже больше

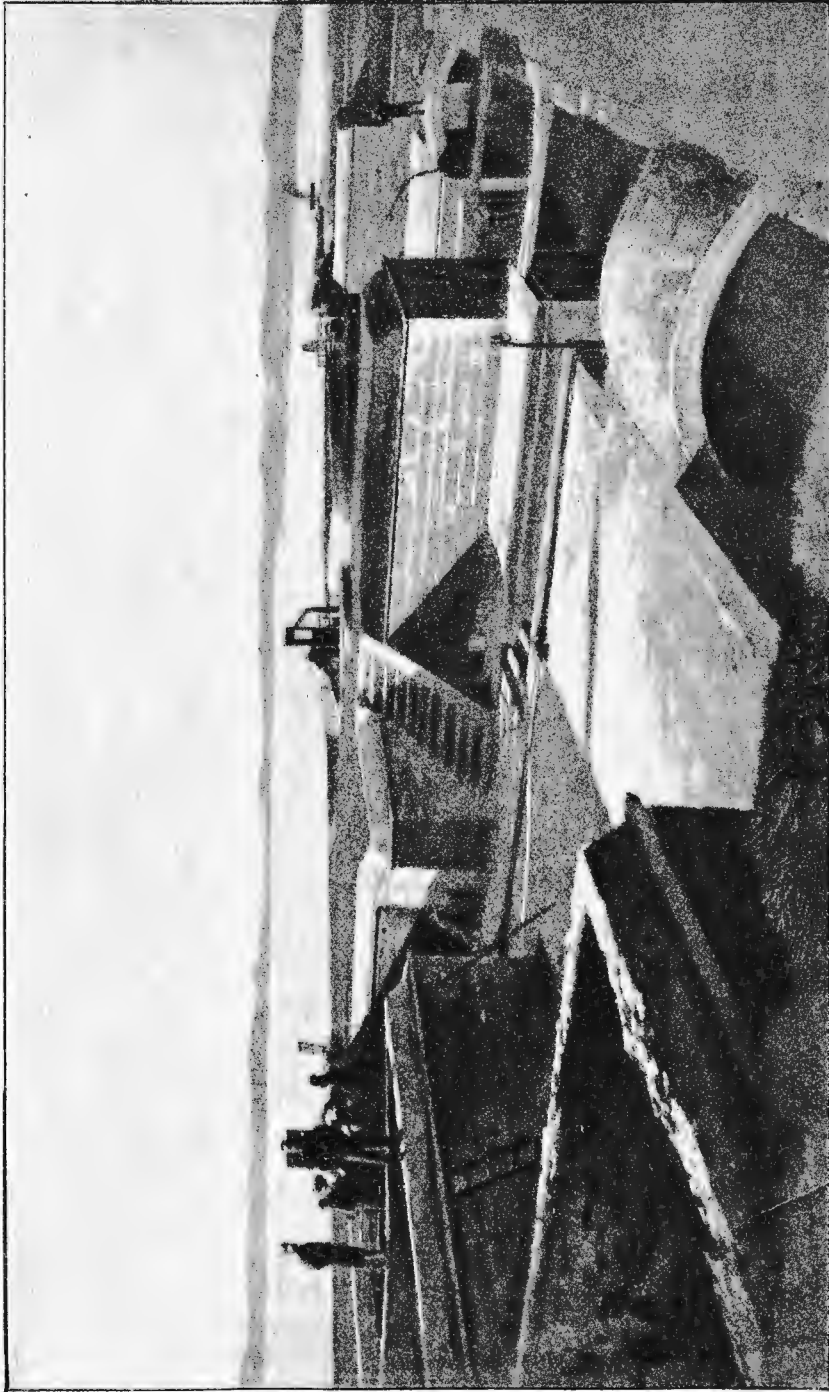
тысячи лѣтъ тому назадъ находилась въ положеніи вассала по отношенію къ Японіи.

Въ ноябрѣ 1895 года, японцы принуждены были очистить Манчжурію, Талиенванъ и Портъ-Артуръ, при чемъ взяли съ собой все, что только можно было увезти на пароходахъ, а крѣпостные форты обратили въ развалины.

Когда я былъ въ Портъ-Артурѣ въ 1896 году, только одинъ фортъ сохранялъ еще признаки жизни: надъ нимъ развѣвался желтый китайскій флагъ и въ его казармахъ ютился китайскій гарнизонъ. На всѣхъ прочихъ высотахъ отъ грозныхъ нѣкогда укрѣпленій остались однѣ безобразныя груды камней и мусора. Повсюду тишина, безмолвіе и безжизненныя, голыя, каменные скалы. Военный портъ, недавно полный такой кипучей дѣятельности, являлъ собою настоящее мертвое царство. Но въ небольшомъ китайскомъ городкѣ, раскинушемся по сосѣдству съ нимъ, продолжала идти, тихая, монотонная жизнь глухаго туземнаго мѣстечка. Много средствъ и силъ потребуется для того, чтобы обратить это мѣстечко въ русскій городъ, отвѣчающій всей важности его теперешняго положенія.— Зимы здѣсь, говорятъ, совсѣмъ безснѣжны; морозы доходятъ до 8 градусовъ; въ это время, какъ и во Владивостокѣ, свирѣствуютъ сѣверо-западные вѣтры, дующіе изо дня въ день съ тѣмъ постоянствомъ, какое представляетъ одно изъ характернѣйшихъ явленій на всемъ тихоокеанскомъ побережьи Азіи. Но зато зимою на этомъ побережьи стоятъ сплошь ясные солнечные дни, и темносинее небо такъ же ярко, какъ въ Ниццѣ.

Отъ Портъ-Артура до Владивостока около 2.000 верстъ моремъ кругомъ Кореи и 1.200 верстъ до станціи Никольской нашей Южно-Уссурійской желѣзной дороги сухимъ путемъ. Нагасаки отъ него въ 1.000 верстахъ, до Чемульпо, порта Сеула, вдвое ближе.

Паденіе Портъ-Артура представляетъ одинъ изъ самыхъ поучительныхъ эпизодовъ послѣдней войны: весь ужасъ китайщины, все ихъ глубокое невѣжество въ военномъ дѣлѣ, архаичность приемовъ, архаическій складъ мышленія правящихъ классовъ, жестокость, отъ которой вѣетъ надписями Тиглатъ-Пелассара,—все выступило здѣсь съ необыкновенной ясностью, не оставляющею никакого сомнѣнія въ томъ, что Китайская имперія въ настоящее время, дѣйствительно, только колоссальный анахронизмъ,—не больше. Но одно обстоятельство говоритъ, что здѣсь все-таки не смерть безъ воскресенія: Портъ-Артуръ палъ, не продержавшись и 12 часовъ; Вей-ха-вей держался чуть не мѣсяцъ, при чемъ китайцы обнаружили достаточно много мужества. Отчего такая разница? Въ Портъ-Артурѣ, среди начальствующихъ лицъ, не было ни одного европейца, не было ни европейски-обученныхъ офицеровъ, ни войскъ. Въ Вей-ха-вей глав-

Внутренность форта Гошанъ въ Талиенванѣ.

ное начальство принадлежало адмиралу Тингу, прошедшему въ свое время хорошую школу подъ руководствомъ коммодора Ланга; на одномъ кораблѣ съ нимъ все время находился англійскій вице-адмиралъ Мак-Клоръ, и до десяти англійскихъ офицеровъ были въ составѣ экипажей его эскадры. Это показываетъ, что подъ руководствомъ европейцевъ китайцы могутъ сдѣлаться хорошими солдатами, что ихъ можно выдресировать такъ, какъ выдресированы, напр., китайскіе слуги у всѣхъ иностранцевъ, живущихъ на востокѣ. И здѣсь лежитъ страшная угроза въ буду щемъ для Европы. Китай, вооруженный и обученный на европейскій образецъ, Китай, обращенный изъ жалкаго ничтожества, открытаго теперь всѣмъ аппетитамъ, въ грозную военную державу, и при этомъ Китай дешеваго труда, страшно умѣренный въ своихъ потребностяхъ, пробужденный отъ вѣковаго сна, это — такая сила, передъ которой можно и должно призадуматься.

Впрочемъ, все это еще болѣе или менѣе отдаленное будущее. Угроза для мира на Дальнемъ Востокѣ и для мира всего міра лежитъ въ настоящій моментъ въ той ревности, какую нѣкоторыя изъ великихъ державъ обнаружили недавно по отношенію къ Китаю.

6-го апрѣля (н. с.) текущаго года, въ палатѣ общинъ британскаго парламента, первый лордъ казначейства, м-ръ Бальфуръ, за отсутствіемъ маркиза Салисбюри исправляющій должность перваго министра, сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе: «Когда англійское правительство узнало, что Россія ведетъ переговоры относительно пріобрѣтенія Портъ-Артура, оно предложило Россіи воздержаться отъ этого пріобрѣтенія, при чемъ давало съ своей стороны обязательство, что Англія не займетъ никакого порта въ Печилійскомъ заливѣ. Россія отклонила это предложеніе, вслѣдъ затѣмъ она получила увѣдомленіе, что Англія считаетъ себя свободной принять свои мѣры для защиты англійскихъ интересовъ. Англія пріобрѣла Вей-ха-вей на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ и Россія получила Портъ-Артуръ. Вей-ха-вей, по своему положенію, стоитъ этого послѣдняго порта, и Англія такимъ образомъ препятствуетъ тому, чтобы Печилійскій заливъ попалъ подъ морской контроль одной державы. — Слѣдуетъ ли отсюда, что Англія пріивѣтствуетъ расчлененіе Китая? Ничуть. Въ своихъ дѣйствіяхъ она руководствуется слѣдующими тремя принципами:

«1) Всякаго территориальнаго пріобрѣтенія въ Китаѣ, долженствующаго служить единственно въ цѣляхъ военной или морской базы, должно избѣгать, какъ опаснаго фактора;

«2) англійскіе интересы — коммерческіе, а не территориальныя;

«и 3) коммерческіе интересы могутъ пострадать или отъ таможенныхъ стѣсненій, имѣющихъ быть въ послѣдствіи установленными другими націями на земляхъ, какія онѣ пріобрѣтутъ въ Китаѣ; или отъ давленія, какое иностранныя державы въ состояніи будутъ оказывать на Пекинъ.

«Мы думаемъ, что Россія могла бы удовольствоваться продолженіемъ своей Сибирской желѣзной дороги до порта, свободнаго отъ льдовъ, не нарушая равновѣсія вліянія державъ въ Пекинѣ; она могла бы получить также всѣ торговыя преимущества, какія ей нужны. Но Портъ-Артуръ не коммерческій портъ: это — стратегическая позиція, и Россія сама въ 1895 году противилась японской оккупации на томъ основаніи, что считала ее постоянной угрозой для Пекина. И когда Россія утвердилась въ Портъ-Артурѣ, который командуетъ военной дорогой въ Пекинъ, мы выставили русскому правительству опасности этой оккупации. Что же касается Германіи, — продолжалъ дальше Бальфуръ, — то интересы англійскіе идентичны съ интересами германскими, и мы будемъ работать съ Германіей рука объ руку въ цѣляхъ общей политики».

Вскорѣ послѣ этого заявленія Бальфура, британскій парламентъ получилъ часть оффиціальной переписки, которую правительство королевы вело съ своими представителями въ Пекинѣ, Петербургѣ, Берлинѣ и проч., и съ русскимъ посломъ въ Лондонѣ въ промежутокъ времени отъ 17-го ноября (н. с.) 1897 г. по 4 апрѣля (н. с.) 1898 года, откуда мы узнаемъ слѣдующее. Первое упоминаніе о Портъ-Артурѣ содержится въ телеграммѣ сэра Макдональда, представителя Англии въ Пекинѣ, къ маркизу Салисбюри отъ 23-го (11-го) декабря, сообщающей, что пекинское правительство согласилось на нѣкоторыя важныя уступки Россіи. Вскорѣ сэръ О'Коноръ, англійскій посолъ въ Петербургѣ, получилъ заявленіе, что Россія беретъ въ аренду два манчжурскихъ порта, съ сохраненіемъ надъ ними верховныхъ правъ Китая.

7-го марта, Салисбюри далъ знать Макдональду, что теперь время начать дѣйствовать, для того, чтобы уравновѣсить требованія Россіи относительно Портъ-Артура и Талиенвана, и что лучшимъ способомъ для этого явилась бы, можетъ быть, уступка Вей-ха-воя Великобританіи путемъ соглашенія, заключеннаго не только съ Китаемъ, но и съ Японіей. Въ своемъ отвѣтѣ англійскій представитель въ Пекинѣ сообщилъ, что мотивомъ, выставленнымъ Россіей въ извѣстныхъ ей домогательствахъ, является защита Манчжуріи противъ агрессивныхъ замысловъ другихъ державъ, и что китайское правительство проситъ немедленно лорда Салисбюри прійти ему на помощь, завѣривъ Россію въ отсутствіи со стороны Англии всякихъ видовъ на Манчжурію. Это завѣреніе было сдѣлано. Представитель Англии въ Петербургѣ увѣдомилъ лорда Салисбюри, что русскій министръ иностранныхъ дѣлъ тѣмъ не менѣе твердо рѣшилъ взять въ аренду два порта, въ виду неизвѣстности, какую приметъ ходъ событій на Дальнемъ Востокѣ. — 24-го (12-го) марта, англійскій посолъ въ Пекинѣ телеграфировалъ, что Китай, видя безвыходность своего положенія, рѣшилъ уступить требованіямъ Россіи.

25-го (13-го) марта, лордъ Салисбюри отвѣтилъ, что такъ какъ ин-

тересы державъ въ Печилійскомъ заливѣ нарушены, то необходимо приобрѣсти къ аренду Вей-ха-вей, послѣ удаленія отсюда японцевъ. Переговоры по этому поводу кончились 3-го апрѣля въ Пекинѣ уступкой Англии Вей-ха-вей, послѣ того, какъ Японія наканунѣ изъявила свое согласіе на такую сдѣлку.

На этомъ пока исторія съ Вей-ха-веемъ и Портъ-Артуромъ закончилась.

Въ самый разгаръ недавней японско-китайской войны нѣкто Норманъ, англичанинъ, находившійся на службѣ японскаго правительства, выпустилъ сочиненіе, которое прошло у насъ совершенно незамѣченнымъ, какъ проходило незамѣченнымъ многое, касавшееся Дальняго Востока. Въ немъ есть, между прочимъ, одна глава, въ высшей степени интересная, которая носитъ названіе «Азія для азіатовъ» съ вопросительнымъ знакомъ на концѣ.

«Когда миръ между Японіей и Китаемъ будетъ заключенъ», — говорилъ Норманъ, — «тогда-то и начнутся настоящія затрудненія. Быстро приближается время, когда Японія откроетъ свои карты, и тогда она увидитъ себя лицомъ къ лицу со всѣмъ комбинированнымъ соперничествомъ и взаимной ревностью европейскихъ державъ. Этотъ моментъ будетъ многозначителенъ для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, въ особенности для Японіи и Англии. Конечно, рисковано теперь какое либо пророчество, относительно ближайшихъ шести мѣсяцевъ, ибо извѣстно, что ни одно министерство иностранныхъ дѣлъ въ Европѣ не имѣетъ точныхъ свѣдѣній объ условіяхъ, какія Японія предъявитъ Китаю. Кромѣ того, существуютъ нѣкоторые взгляды на положеніе, не подлежащіе еще даже самому осторожному обсужденію; но во всякомъ случаѣ, оно таково, что каждый англичанинъ долженъ теперь заботливо смотрѣть впередъ, ибо отъ этого зависятъ весьма большія послѣдствія для насъ самихъ.

«Въ Японіи, въ умахъ ея гражданъ, публицистовъ, военныхъ, дипломатовъ, существуетъ чувство, о которомъ тамъ рѣдко говорятъ, и о которомъ, сколько я знаю, Европа даже и не догадывается. Это чувство можно формулировать въ слѣдующихъ словахъ: «Азія для азіатовъ». Здѣсь, я убѣжденъ, лежатъ зародыши наиболѣе знаменательныхъ событій въ соотношеніяхъ націй съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ Бонапартъ былъ отправленъ въ изгнаніе на островъ св. Елены. Чтобы оцѣнить это должнымъ образомъ, бросимъ взглядъ на положеніе вещей, какъ его рисуетъ предвидѣніе, основанное на вѣскихъ данныхъ. Допустимъ, что Японія уничтожила Китай, и ее спрашиваютъ объ условіяхъ, на которыхъ она согласилась бы заключить миръ. Таковыми могутъ быть: во-первыхъ, полная автономія Кореи подъ японскимъ протекторатомъ и съ японской арміей, расположенной въ Вижу; во-вторыхъ, контрибуція въ 50 милліо-

новъ фунтовъ стерлинговъ; въ-третьихъ, оккупация Портъ-Артура, какъ стратегическая гарантія и возможный контроль надъ китайскими таможенными въ Шанхаѣ, въ видѣ денежной гарантіи, до тѣхъ поръ, пока контрибуція не будетъ уплочена; въ-четвертыхъ, формальное признаніе верховныхъ правъ Японіи надъ Ликейскими островами и уступка Формозы: кажется, достаточно блистательныя условія для побѣдителя; но удовлетворяютъ ли даже они народъ Японіи? Я убѣжденъ, что нѣтъ.

«Японія уже обратила свои взоры на будущее, и то, что она видитъ тамъ,—возбуждаетъ и тревожитъ ее въ высшей степени. Японія—маленькая страна съ 40 миллионнымъ населеніемъ, Китай—огромная имперія съ 350 миллионами жителей. Китай легко можетъ доставить 500.000 солдатъ, великолѣпно сложенныхъ, рослыхъ и сильныхъ; онъ можетъ нанять европейскихъ или американскихъ инструкторовъ, чтобы обучить и дисциплинировать подобную армію; при хорошей платѣ и содержаніи солдаты эти будутъ такой хорошей массой пушечнаго мяса, какая только желательна. Онъ можетъ вооружить ихъ магазинными ружьями и скорострѣльными пушками, купить новый флотъ и поставить его подъ абсолютный контроль иностранныхъ офицеровъ: невѣроятно, чтобы даже на Китай не подействовали уроки этой войны. Тогда, черезъ 10—15 лѣтъ онъ сдѣлается дѣйствительно великой державой. Въ теченіе этого періода Японія принуждена была бы постоянно увеличивать свою армію и флотъ и нести бремя все растущихъ военныхъ издержекъ; а въ концѣ ея война снова должна была бы начаться при условіяхъ, безконечно менѣе благоприятныхъ для Японіи. Руководящіе туземные журналы и газеты уже объявили откровенно, что этого ни въ какомъ случаѣ допустить нельзя. Ставши на точку зрѣнія японцевъ, надо признать, что они имѣютъ свои основанія.

«Чего же желаетъ Японія?—Этотъ вопросъ приводитъ насъ назадъ къ тому подземному, скрытому отъ глазъ потоку національнаго чувства въ Японіи, о которомъ мы уже говорили, и который формулируется словами: «Азія для азіатовъ». Другими словами, я въ состояніи сказать, на основаніи положительныхъ свѣдѣній, что правительство Японіи задумало параллель доктрины Монроэ для Дальняго Востока съ собою, какъ центромъ его. Слова президента Монроэ, въ его знаменитомъ посланіи 1823 года, гдѣ эта доктрина была впервые провозглашена, выражаютъ точно, съ перемѣной только одного слова, которое мы подчеркнемъ, взгляды государственныхъ людей Японіи, стоящихъ нынѣ у власти:

«Въ дѣла существующихъ колоній или отдаленныхъ владѣній какой либо европейской державы мы не вмѣшивались и не будемъ вмѣшиваться; но относительно тѣхъ изъ нихъ, которыя объявили себя независимыми, сумѣли удержать свою независимость, и которыхъ, по зрѣломъ размысленіи и на основаніи чувства справед-

ливости, мы признали таковыми,—относительно нихъ мы не желаемъ никакихъ мѣръ, могущихъ послужить къ ихъ угнетенію, и на всякую попытку въ этомъ направленіи со стороны какой либо европейской державы мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на проявленіе недружелюбнаго расположенія къ Японіи».

«Наконецъ, Японія говоритъ, — и утвержденіе это вѣрно, — что Азія есть Азія, и между азіатомъ и европейцемъ, какъ бы ни были прозорливы коммерческіе инстинкты послѣдняго, или какъ бы прогрессивны ни были наклонности перваго, существуетъ всегдашняя бездна. Мы нашли это въ Индіи, въ словахъ Китлинга: «Востокъ есть Востокъ, и Западъ есть Западъ». Мы можемъ любить Японію, и удивляться ей, и торговать съ нею. И Японія можетъ любить насъ, и усваивать нашу науку, и торговать съ нами. Но англичанинъ, американецъ, французъ или германецъ, есть одинъ родъ человѣческихъ существъ, а японецъ — другой родъ. Между ними стоитъ и будетъ стоять всегда священное и неискоренимое отличіе расы. Китай, конечно, смутно чувствовалъ это, когда онъ (въ эпоху великихъ реформъ въ Японіи) объявилъ ее измѣнницей Азіи. Но Японія возражаетъ, что дѣйствительный измѣнникъ дѣлу Востока это — Китай, ибо онъ предпочитаетъ оставаться жертвой Запада, вмѣсто того чтобы, проснувшись, отбросить назадъ его приближающіяся волны. И Японія готовится привести Китай назадъ къ азіатскому вѣрноподданству. До сихъ поръ еще не поняли, что если первой задачей Японіи во время войны было побѣдить Китай, ея второй задачей было избѣгнуть какого либо шага, который могъ бы опрокинуть китайскую династію. Если бы она хотѣла этого, она могла бы оставить Портъ-Артуръ и Вей-ха-вей вариться въ собственномъ соку и отправить экспедицію прямо на Пекинъ. Она могла бы поднять китайскій народъ къ возстанію противъ ихъ чужеземныхъ правителей и уничтожить политическую организацію Китая, какъ карточный домикъ. При этомъ событіи, однако, Китаю явился бы только инертной массой членовъ безъ головы. Японія ничуть не сомнѣвается, что она можетъ реорганизовать Китай. Въ одной изъ очень вліятельныхъ токійскихъ газетъ («Хочи Симбунъ») недавно писалось слѣдующее: «китайцы—наиболѣе дурно управляемый народъ на свѣтѣ и, слѣдовательно, наиболѣе удобный для приведенія его подъ иностранное иго. Кромѣ того, они не имѣютъ сильной національной гордости, подобной той, какая есть у французовъ, германцевъ, англичанъ или японцевъ. Китайцы, подъ кроткимъ и цивилизованнымъ правленіемъ Японіи, увидятъ скоро, что имъ такъ жить гораздо лучше, чѣмъ при ихъ старыхъ господахъ. Относительно матеріальнаго благополучія это было бы несомнѣнно, и опытъ въ такой важной вещи само собою удовлетворилъ бы ихъ».

Въ одномъ изъ послѣдующихъ номеровъ той же газеты мы находимъ слѣдующее разсужденіе: «Китай присужденъ къ разрушенію

если не Японией, то Европой. Поэтому вопрос: «не должна ли Япония овладеть огромной империей послѣ нынѣшней войны?» требуетъ серьезнаго обсуждения. Если бы Китай палъ добычей одной или нѣсколькихъ европейскихъ державъ, положеніе Японіи сдѣлалось бы крайне опаснымъ. Поэтому, привести Китай подъ флагъ восходящаго солнца при первой возможности—является долгомъ Японіи, какъ блюстительницы мира на востокѣ».

Та же самая вѣра въ организаторскій талантъ Японіи была высказана въ Англии устами такого органа, какъ *St. James's Gazette* (номеръ отъ 6-го октября 1894 года): «Посмотрите, чѣмъ можетъ быть Китай, управляемый Японіей; подумайте о томъ, что такое китайцы; подумайте о ихъ силахъ молчаливой выносливости при страданіяхъ, о ихъ терпѣливомъ упорствѣ, медленной, упрямой настойчивости, о ихъ равнодушіи къ жизни. Вообразите этотъ народъ управляемымъ націей врожденныхъ организаторовъ, которые, будучи полуродственны ему, понимали бы его темпераментъ и привычки. Восточный человекъ не имѣетъ только высшихъ знаній, чтобы сравняться съ европейцемъ въ военномъ дѣлѣ, какъ и въ промышленности. Мы еще не научились, кромѣ того, смотрѣть на Микадо, какъ на цивилизованнаго монарха; а между тѣмъ это такъ. А если такъ, то мечты о верховенствѣ желтой расы въ Европѣ, Азіи и даже Африкѣ, быть можетъ, не одинъ только страшный кошмаръ. Въмѣсто того, чтобы предаваться разсужденіямъ, кто изъ трехъ: Англія, Германія или Россія, станутъ въ ближайшемъ будущемъ править міромъ, — мы могли бы увидѣть, что Японія стремится къ этому положенію».

«Дѣло въ домѣ, однако, что ни Великобританія, ни Россія не позволяютъ ей идти такъ далеко.

«Если бы китайскій императоръ былъ низвергнутъ съ престола, явился бы поводъ къ иностранному вмѣшательству; этого именно Японія старается избѣжать больше всего. Отсюда ея нежеланіе идти на Пекинъ, отсюда нервность Англии, попытки къ посредничеству, и могущественный британскій флотъ въ китайскихъ водахъ. Японскіе государственные люди очень чувствительны къ вышеприведеннымъ соображеніямъ. Какая альтернатива предъ ними? Очевидно, необходимость союза съ европейской державой. Но съ кѣмъ? Японія уже выбрала. Она боится Россіи, она не вѣритъ Франціи; Германія недостаточно сильна на морѣ, чтобы принимать ее въ расчетъ, если бы даже ея интересы были достаточно велики для оправданія сильной политики на Дальнемъ Востокѣ. Идеаломъ въ глазахъ наиболѣе просвѣщенныхъ японцевъ является союзъ съ Англіей. И на этотъ союзъ уже дѣлаются попытки. Коммерческіе интересы обѣихъ странъ тождественны (?); мы обѣ желаемъ обширнѣйшихъ рынковъ для нашихъ мануфактуръ; сердечная дружба царствуетъ между нами, ибо мы показали наше довѣріе къ Японіи, заключивши съ нею трак-

татъ на основахъ равправности. Единственно, въ чемъ нуждается Японія, это—въ силѣ на морѣ. На материкѣ въ Азїи ни одна азиатская нація не можетъ мечтать о сопротивленіи ей, и ни одна европейская держава не можетъ бороться съ нею тамъ въ настоящее время. Но на морѣ Японія слаба; а отъ владычества на морѣ зависитъ національная безопасность. Союзъ Англіи и Японіи на Дальнемъ Востокѣ былъ бы неодолимъ. Одна командовала бы морями, другая господствовала бы на землѣ. Британскій флотъ держалъ бы моря открытыми, и ничто не могло бы противостоятъ войскамъ императора. При такомъ союзѣ корейскій каналъ сдѣлался бы вскорѣ Дарданелами, и Японское море стало бы русскимъ Чернымъ моремъ Дальняго Востока. Въ вознагражденіе за союзъ съ нами, Японія охотно увидѣла бы Англію занимающею или Вейха-вей, или Чузанъ, какъ сѣверную морскую базу, и Кантонъ, какъ удобное мѣсто для расширенія отсюда сферы своихъ торговыхъ интересовъ. А Японія имѣла бы Формозу и держала Портъ-Артуръ! Какъ союзникъ, Японія была бы вѣрна, храбра и могущественна, и англо-японскій союзъ обезпечилъ бы миръ и свободу торговли. Они не изобрѣтали бы, подобно Франціи, всевозможные жалкіе фискальные предлоги, чтобы не допускать иныхъ мануфактуръ, кромѣ своихъ собственныхъ, которымъ она покровительствуетъ.

«Посмотримъ теперь, каковы возможны еще другіе союзы. Во-первыхъ, Японія можетъ заключить союзъ съ Франціей, или если не съ Франціей, то съ Россіей, при чемъ Франція смотрѣла бы на это дружественными глазами. Франко-японскій союзъ былъ бы несомнѣнно встрѣченъ во Франціи радостно, ибо онъ былъ бы направленъ прямо противъ Великобританіи, и Франція получила бы, наконецъ, возможность занять китайскую провинцію Юннанъ; такимъ образомъ мечта Гарнье оаъ открытіи рынковъ Южнаго Китая черезъ Тонкинъ была бы, наконецъ, реализирована.

«Противъ Франціи и Японіи, соединенныхъ вмѣстѣ, мы были бы безпомощны на Дальнемъ Востокѣ, и выйти изъ такого положенія можно было бы развѣ цѣною великой войны, на которую ни одинъ британскій государственный человекъ не рѣшится. И франко-японско-китайскій Zollverein въ непродолжительномъ времени закрылъ бы рынки Китая нашимъ товарамъ. Это было бы концомъ нашего вліянія и нашей торговли въ той части свѣта, гдѣ при небольшой дозѣ мудрости и смѣлости мы можемъ играть выдающуюся роль.

«Вторая возможность: союзъ Японіи и Россіи. Франція получила бы на свою долю почти все, что ей нужно; между тѣмъ какъ преимущества Россіи были бы колоссальны. Японія боялась въ прошломъ именно Россіи. Въ дѣйствительности, я могу идти дальше, и, рискуя быть обвиненнымъ въ нескромности, могу прибавить, что планы Японіи относительно враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи также совершенны и полны, каковы они были для занятія Кореи.

теченіе годовъ, въ государственныхъ умахъ извѣстныхъ людей Японіи зрѣла мысль предложить Китаю, при удобномъ случаѣ, союзъ, конечной цѣлью котораго было отбросить Россію отъ Дальняго Востока. Японскій генеральный штабъ владѣеть детально-разработанными планами для взятія Владивостока и для отрѣзки того клена русской территоріи, который врѣзывается между Манчжуріей и моремъ. Когда это стало бы совершившимся фактомъ, Японія предложила бы Китаю, чтобы Гиринъ былъ обращенъ въ большой укрѣпленный лагерь, при конечномъ пунктѣ стратегической китайской желѣзнодорожной линіи, какъ база, для того, чтобы держать отсюда Россію навсегда въ страхъ. Стремленіе осуществить такой планъ явилось бы, впрочемъ, результатомъ раздраженія противъ Англіи и боязни за будущее. Россія давно желала поглотить Манчжурію съ ея обширными скрытыми богатствами и укрѣпиться самой въ Портъ-Артурѣ. Это хорошо извѣстно тѣмъ, кто обязанъ знать такія вещи, и этимъ объясняется податливость Россіи на обѣщанія не дѣлать шагу въ Корей. Вотъ что Россія выиграла бы отъ союза съ Японіей; Франція получила бы кое-что для себя; изувѣченный Китай явился бы только полемъ для японской торговли; Вей-ха-вей, туземный городъ Шанхай и Формоза были бы японскіе, и съ Портъ-Артуромъ русскимъ и Юннаномъ французскимъ, гдѣ была бы Англія? Это не мечты. Если онѣ кажутся таковыми, то только потому, что столько уже времени не было передѣлки карты Европы въ большемъ масштабѣ, и мы потеряли привычку обсуждать такія случайности. Англо-русско-японскій союзъ, по мнѣнію Нормана, явился бы лучшимъ разрѣшеніемъ проблемы Дальняго Востока.

«Японія получила бы дѣйствительный сюзеренитетъ надъ Кореей и навсегда освободилась бы отъ страха предъ Россіей и Китаемъ.

«Долей Россіи явился бы треугольникъ территоріи, вокругъ которой намѣченъ ея сибирскій путь. Послѣдній пойдетъ тогда прямой линіей отъ Верхнеудинска или Кяхты до своего окончанія на берегу моря черезъ округъ, вѣроятно, болѣе способный къ развитію и владѣющій большими естественными богатствами, чѣмъ какая либо другая часть Дальняго Востока. Во-вторыхъ, она, конечно, получила бы незамерзающій портъ при окончаніи ея желѣзно-дорожнаго пути, и на это Японія должна была бы согласиться. Въ-третьихъ, Россія освободилась бы навсегда отъ боязни Китая вдоль 5.000 верстъ ея слабой и съ трудомъ защищаемой границы.

«Что касается выгодъ Англіи при этомъ соглашеніи, то, во-первыхъ, она должна была бы обезпечить себѣ необходимую сѣверную морскую базу въ Чузанѣ, Вей-ха-вей или гдѣ либо по близости. Во-вторыхъ, обширные рынки всего Китая стали бы открыты всему свѣту, и она имѣла бы свое привычное первенство на нихъ. Въ-третьихъ, ей позволили бы построить желѣзную дорогу отъ Каулуна

до Кантона, и развитіе Квантунской провинціи и Кантона должно было бы быть оставлено на ея попеченіи. Въ-четвертыхъ, правительству Индіи должны были бы быть развязаны руки въ Тибетѣ. Въ-пятыхъ, всё безпокойства, а они велики и тяжки, относительно ея будущности на Дальнемъ Востокѣ были бы счастливо уничтожены. Теперь рѣшительный моментъ для смѣлой и дальновидной государственной политики, моментъ — признать откровенно существованіе нашихъ злѣйшихъ враговъ и поискать друзей, заинтересованныхъ въ насъ самихъ. Франція на Дальнемъ Востокѣ будетъ всегда противникомъ Англіи. Германія въ настоящее время тоже враждебна ей. Отсюда для государственныхъ людей Великобританіи является настоятельнымъ долгомъ — поискать какого либо союза на хорошихъ условіяхъ, и послѣдній удобный случай для этого представляется именно на Дальнемъ Востокѣ.

Послѣднія событія на этомъ Востокѣ говорятъ, повидимому, за то, что союзъ между Англіей и Японіей если и не состоялся еще, то весьма близокъ къ своему осуществленію.

В. Д. Черевковъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Капиталъ. Критика политической экономіи. Сочиненіе Карла Маркса. Второе изданіе. Томъ первый. Спб. 1898.

ВРУССКОЕ ИЗДАНИЕ перваго тома «Капитала» К. Маркса появилось въ нашей печати болѣе 25 лѣтъ тому назадъ и быстро разошлось, сдѣлавшись библиографическою рѣдкостью. Съ тѣхъ поръ сочиненіе знаменитаго экономиста о процессѣ производства капитала выдержало въ Германіи четыре изданія, а у насъ только теперь появилось второе. Точно также и во Франціи, и въ Англии оно выдержало нѣсколько изданій. Оказывается, что, несмотря на огромную ученость автора, его абстрактную діалектику и своеобразную терминологию, онъ чрезвычайно распространенъ во всѣхъ образованныхъ

странахъ, и появленіе его вторымъ изданіемъ, въ русскомъ переводѣ, весьма своевременно, въ виду несомнѣнно возрастающаго въ нашемъ обществѣ интереса къ изученію экономическихъ вопросовъ.

Весь трактатъ К. Маркса о производствѣ современнаго капитала написанъ по триадѣ Гегеля, по которой высшая форма развитія схожа съ первоначальной, но только съ большимъ содержаніемъ. Напримѣръ, въ первобытной войнѣ каждый житель является воиномъ; потомъ образовались регулярныя войска изъ податнаго класса и, въ концѣ концовъ, современная всеобщая воинская повинность напоминаетъ первобытныя народныя ополченія, но только съ большимъ содержаніемъ. Точно также власть первобытной сродки преобразовалась въ центральную, но потомъ опять провозглашено всеобщее голосованіе. Земля, въ началѣ исторіи, принадлежала всему народонаселенію, и личной поземельной собственности не существовало; въ средніе моменты возникло мелкое земледѣліе, которое, въ конечной стадіи, возвращается къ первобытному положенію,

съ большимъ содержаніемъ и большимъ знаніемъ дѣла: къ общинному и мірскому землевладѣнію. К. Марксъ ту же триаду прослѣдилъ и въ промышленности. Въ древности трудъ былъ единственнымъ источникомъ богатствъ, и только одинъ трудъ былъ производителемъ, потому что работникъ не былъ отдѣленъ отъ орудій труда, отъ средствъ производства. Богатство накоплялось по мѣрѣ его работы и не возросло само по себѣ, какъ проценты на капиталъ. Затѣмъ, орудія труда экспроприруются, отчуждаются отъ работника, и послѣдній довольствуется заработной платой, а излишки производства переходятъ къ владѣльцу орудій труда, и его доходы растутъ сами по себѣ, независимо отъ его личного труда. Стоимость остается продуктомъ труда, но трудъ вознаграждается не тѣмъ, что онъ создалъ, а вычетомъ изъ стоимости дневной платы. Сверхплатныя же стоимости отнимаются капиталомъ, который закунаетъ на приращенный доходъ новыя фабрики, машины и все необходимое для новаго производства. Наконецъ, въ дальнѣйшей своей судьбѣ, капитализмъ, по Марксу, долженъ принять коллективную форму производства, гдѣ работникъ и орудія труда не разъединены и трудовая стоимость поступаетъ тѣмъ, кто создаетъ ее. Примѣненіе Гегелевской философіи къ экономической жизни западно-европейскихъ народовъ весьма обосновано К. Марксомъ и чрезвычайно упрощаетъ пониманіе исторіи народнаго богатства и его будущности. Не менѣе блестящей является у него картина современнаго положенія рабочихъ классовъ въ Англіи, первой половины текущаго столѣтія, и изложеніе «Первоначальнаго накопленія», съ экспроприаціей земель у крестьянъ, рабовладѣльчествомъ, колониальною системою и переходъ «накопленія» въ капитализмъ, съ концентраціей въ отдаленномъ будущемъ капитала все въ меньшей и меньшей группѣ людей, пока общество не увидитъ, что капиталъ обь одной головѣ, и что нѣтъ резона идти къ нему на вычку и подчиняться его условіямъ. Для болѣе глубокой оцѣнки трудовъ К. Маркса необходимо ясно представить себѣ сущность капиталистическаго производства мѣновыхъ цѣнностей на всемірный рынокъ, вышедшаго изъ натурального на мѣстный рынокъ средневѣковаго потребительнаго хозяйства, послѣ разрушенія его паровыми двигателями. Народное богатство состоитъ изъ товаровъ, а стоимость товаровъ измѣряется рабочимъ временемъ, овеществленнымъ въ нихъ, «окристаллизованнымъ». Мѣрплотъ всѣхъ цѣнностей является, такимъ образомъ, трудъ, со всѣми послѣдствіями спроса и предложенія. Въ этомъ заключается сущность трудовой цѣнности К. Маркса. По этой теоріи, при производствѣ трудовыхъ цѣнностей, часть ихъ поступаетъ къ рабочимъ, въ видѣ заработныхъ платъ, а всѣ остальные «рабочія количества», вся разница между суммою рабочихъ платъ и продажной цѣною продуктовъ на рынкѣ принадлежитъ владѣльцу орудій производства, въ видѣ «прибавочной стоимости» къ затратамъ на содержаніе рабочаго сословія. Весь «рабочій вопросъ» сводится къ тому, во что обходится содержаніе работника; какъ велика «прибавочная стоимость» капиталиста и какъ, при господствѣ всемірнаго рынка и сложной системы машинъ, номѣнялись своими ролями трудъ и капиталъ въ исторіи распределенія богатствъ, т. е. какъ производительность труда смѣнилась производительностью капитала. Болѣе талантливо излагаегъ мысли К. Маркса о трудѣ и капиталѣ его единомышленникъ, Лас-

саль, говоря: «обратите вниманіе на индѣйца съ лукомъ въ лѣсахъ Америки. Капиталистъ ли этотъ человѣкъ? Лукъ— «орудіе труда», лукъ представляетъ собою «накопленный трудъ», наконецъ, онъ и продуктъ, служащій для дальнѣйшаго производства (дикарь добываетъ въ лѣсахъ себѣ пропитаніе). Тѣмъ не менѣе лукъ нельзя помѣстить прибыльнымъ образомъ, чтобы онъ былъ самостоятельно производителемъ, доходенъ, помимо вашего труда. Онъ помогаетъ вамъ—на то онъ орудіе—въ вашемъ собственномъ трудѣ, направленномъ на добываніе пищи; но если вы устали гоняться за дичью или сломали себѣ ногу, лукъ вашъ ни къ чему уже болѣе не пригодится вамъ. Самъ по себѣ онъ не можетъ васъ кормить, давать вамъ доходъ помимо васъ. Отсюда выводъ: бываютъ историческія условія, гдѣ имѣются орудія труда, гдѣ есть даже возможность обмѣна, но нѣтъ еще капитала. Орудіе труда здѣсь производительно еще только въ рукахъ работника, иначе, здѣсь производитель еще только самый трудъ. Но самостоятельная производительность капитала, его производительность особо отъ труда, самовозрастающая стоимость возможна лишь при раздѣленіи труда и есть ея слѣдствіе. Въ древнемъ мірѣ при рабахъ были господа, а не капиталисты: есть цѣнности и богатства, но нѣтъ капиталовъ, нѣтъ нарощенія, процента, самовозростанія. Владѣлецъ земли и рабовъ производилъ потребительныя цѣнности, нужныя ему въ его собственномъ хозяйствѣ; излишекъ онъ продавалъ или копилъ. Вносить же свое золото въ производство на посторонній рынокъ онъ не могъ, такъ какъ у всѣхъ господъ была земля и рабы, которые производили все имъ нужное на мѣстное потребленіе. Вносить золото въ чужое производство, давать ссуды онъ не могъ опять потому самому, что у всѣхъ было все свое, и никто не нуждался въ кредитной системѣ, возможной при производствѣ мѣновыхъ цѣнностей на всемірный рынокъ. Почти всѣ рабы представляютъ собою предметы пользованія. Въ подобныхъ-то предметахъ пользованія, а не «капиталахъ», состоитъ древнее хозяйство. Его пріобрѣтательная форма—господство, а не капитало-хозяйство. Средневѣковой владѣлецъ можетъ потребить всѣ предметы или срыгать, но онъ не можетъ сдѣлать такъ, чтобы они размножались далѣе сами собою».

Натуральное хозяйство на мѣстное потребленіе мѣшало крупному производству и было разрушено паровой силою, уничтожившей индивидуальныи ручной трудъ и перемѣстившей его производительность въ систему машинъ съ производствомъ на всемірный рынокъ. Но для коллективнаго труда (съ машинами) у рабочаго нѣтъ средствъ, между тѣмъ теперь только таковой трудъ даетъ излишки надъ содержаніемъ рабочей силы. Все современное производство распадается на содержаніе рабочаго и на излишки капиталисту. Орудіе труда, говорятъ сторонники трудовой цѣнности, «отдѣляясь отъ работника, дѣлается самостоятельнымъ, притягиваетъ къ себѣ своимъ сосательнымъ хоботомъ всю производительность труда и дѣлаетъ трудъ непродуцибельнымъ, ограничивая его вознагражденіемъ необходимой въ работѣ потери жизненныхъ силъ. Какъ прежде (лукъ въ рукахъ индѣйца) производитель былъ только трудъ, такъ теперь производительно лишь отдѣленное отъ работника орудіе труда. Орудіе труда, ставшее самостоятельнымъ и помѣняв-

пеея ролями съ работникомъ, низведя живаго работника въ положеніе мертваго инструмента, а само мертвое орудіе, сдѣлавшееся живымъ производящимъ организмомъ,—вотъ что такое капиталъ!» Раздѣленіе труда, мыслимое при системѣ машинъ, есть источникъ всѣхъ богатствъ. Капиталисты, овладѣвъ этимъ источникомъ, овладѣваютъ продуктами труда. Чистѣйшее выраженіе нынѣшняго капиталистическаго общества мы находимъ въ азшютажѣ и биржѣ, въ помѣщенія имущества въ акціяхъ, государственныхъ бумагахъ и вообще въ кредитныхъ бумагахъ. Простое обладаніе машинами или этими бумагами даетъ владѣльцу доходъ, самовозрастающую капиталистическую стоимость.

Экономисты школы К. Маркса ратуютъ за то, чтобы мертвое орудіе труда не мѣнялось ролями съ живымъ работникомъ и не отнимало у него продуктовъ его труда, не передавало ихъ тому, кто владѣетъ, только силою раздѣленія труда, чтобы свести капиталъ обратно на принадлежащее ему положеніе мертваго, подчиненнаго орудія труда.

К. Марксъ даетъ полную картину капиталистическаго хода вещей и заканчиваетъ его торжество надъ ручнымъ и личнымъ трудомъ слѣдующими предсказаніями: «Какъ скоро древняя собственность, основанная на личномъ трудѣ, смѣнилась капиталистической; какъ скоро рабочіе превращены въ пролетаріевъ, а ихъ условія труда въ капиталъ; какъ скоро капиталистическій способъ производства поддерживается лишь силою хозяйственнаго порядка вещей, дальнѣйшее обобществленіе (*Vergessellschaftung*, *socialisation*) труда и дальнѣйшее превращеніе земли и другихъ средствъ производства въ общественно эксплуатируемыя, т. е. въ общинныя средства производства, другими словами, дальнѣйшая экспроприация частной собственности пріобрѣтаетъ новую форму. Теперь остается экспроприровать уже не независимаго работника, имѣющаго собственное хозяйство, а капиталиста, эксплуатирующаго многихъ работниковъ. Эта экспроприация совершается дѣйствіемъ законовъ, присущихъ самому капиталистическому производству, посредствомъ сосредоточенія капиталовъ. Одинъ капиталистъ постоянно побиваетъ многихъ другихъ. Рука объ руку съ этимъ сосредоточеніемъ или экспроприацией многихъ капиталистовъ немногими, развивается все въ большихъ и большихъ размѣрахъ кооперативная форма рабочаго процесса, сознательное техническое приложеніе науки, цѣлесообразная эксплуатация земли, превращеніе орудій труда въ такія, которыя могутъ прилагаться только сообща, и экономизированіе всѣхъ средствъ производства посредствомъ совмѣстнаго употребленія ихъ, какъ общихъ средствъ производства комбинированнаго, общественнаго труда. вмѣстѣ съ постоянно уменьшающимся числомъ магнатовъ капитала, которые похищаютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, возрастаетъ бѣдность, гнѣвъ, порабощеніе, униженіе, эксплуатация; но увеличивается и рабочій классъ, который постоянно возрастаетъ и постоянно обучается, объединяется и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства. Монополія капитала становится помѣхой того способа производства, который развился вмѣстѣ съ нею и подъ ея вліяніемъ. Сосредоточеніе средствъ производства и обобществленіе труда достигаетъ такой степени, что они не могутъ далѣе вы-

носятъ свою капиталистическую оболочку. Она разрывается. Бьетъ часть капиталистической частной собственности. Экспроприрующихъ экспроприруютъ».

Разумѣется, эти теоретическія перспективы капитализма требуютъ усиленной провѣрки. Множество ученыхъ устанавливаютъ болѣе свѣтлыя положенія капиталистическаго прогресса, проливающего на обѣ стороны свои благодѣянія: какъ на предпринимателя, такъ и на рабочаго. Факты подтверждаютъ, что рабочій капиталистическаго порядка и болѣе образованъ, и болѣе обезпеченъ въ политической и экономической жизни, чѣмъ рабочій восточныхъ странъ съ первобытнымъ хозяйствомъ и трудовой собственностью. Но, конечно, достиженія западно-европейскаго положенія рабочихъ классовъ едва ли необходимо «экспроприровать народныя массы немногими узурпаторами съ тѣмъ, чтобы потомъ экспроприровать немногихъ узурпаторовъ—народомъ». Едва ли можно мириться съ такимъ прогрессомъ и привѣтствовать, какъ обязательно для всѣхъ народовъ, явленіе, что всѣ классы погибаютъ при крупной промышленности и только пролетаріатъ есть ея собственный продуктъ, и потому мы должны привѣтствовать его ростъ, а не поворачивать колесо исторіи: радоваться тому, что капиталистическая собственность предполагаетъ уничтоженіе собственности, основанной на трудѣ—другими словами—предлагаетъ экспроприацію работника для торжества капиталиста. Въ такомъ несчастіи едва ли можно искать счастья! Переводчикъ К. Маркса снабдилъ его сочиненіе весьма умѣстнымъ предисловіемъ о томъ, что «экономическая теорія Маркса требуетъ не только безпристрастнаго критическаго анализа, но требуетъ еще дальнѣйшаго развитія, испытанія его фактической провѣркой, т. е. провѣркой фактами общественно-хозяйственной жизни. Это тѣмъ болѣе необходимо, что постоянно нарождаются новые хозяйственные факторы, получаютъ значительное развитіе старыя, бывшія въ зародышевомъ состояніи, когда Марксъ писалъ свой трудъ; на всемірномъ рынкѣ произошла новая группировка странъ, въ которыхъ упрочился капиталистическій способъ производства; способъ этотъ сталъ проникать въ такія страны, которыя до сихъ поръ были главнѣйшими рынками сбыта для странъ старой капиталистической культуры. Такое проникновеніе новыхъ условій производства не могло не повліять на весь общественный строй такихъ странъ, не могло не потрясти самыя основы этого строя, вызывая множество явленій, которыя для выясненія причинъ ихъ связи еще ждутъ своего изслѣдователя. Хотя первый томъ «Капитала» по законченности и отдѣлкѣ наиболѣе совершенный изъ всѣхъ трехъ томовъ, тѣмъ не менѣе самъ авторъ не былъ имъ доволенъ въ его настоящемъ видѣ, и не покидалъ намѣренія совершенно переработать его, развитъ основныя его положенія, освѣтить ихъ новыми данными, которыя накопились въ чрезвычайномъ количествѣ. Въ особенности его интересовали данныя хозяйственной жизни Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, съ одной стороны, какъ страны, не имѣющей за собой тѣхъ или другихъ традицій, слѣдовательно такой, въ которой капиталистическія условія производства могутъ развиваться безъ всякихъ болѣе или менѣе значительныхъ помѣхъ; но свободное развитіе которыхъ стало возможнымъ только лишь по уничтоженіи невольничества, слѣдовательно какъ разъ, начиная съ того времени, когда

книга его уже была написана. Съ другой же стороны, его не менѣе интересовала Россія, какъ страна, по освобожденіи крестьянъ, только что вступавшая на путь развитія капиталистическаго производства, но уже имѣющая за собою многовѣковую исторію развитія хозяйственныхъ отношеній и условій, совершенно отличныхъ отъ вновь нарождавшихся. И въ этомъ случаѣ, въ то время, когда онъ писалъ свою книгу, антагонизмъ старыхъ и новыхъ условій производства не имѣлъ еще времени обнаружиться. Какое огромное значеніе придавалъ Марксъ этимъ новымъ явленіямъ, возникшимъ при совершенно своеобразныхъ, исключительныхъ условіяхъ, можетъ служить, во-первыхъ, тотъ фактъ, что еще въ началѣ 70-хъ годовъ онъ все откладывалъ переработку какъ перваго, такъ и послѣдующихъ томовъ, чтобы воспользоваться статистическими и иными матеріалами, которые должны были появиться въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, и которые освѣщали вновь возникавшія тамъ условія хозяйственной жизни. Во-вторыхъ, и еще въ большой степени, тотъ огромный трудъ, который онъ потратилъ на изученіе явленій русской хозяйственной жизни, и для котораго онъ не остановился даже передъ потребовавшимся для этого изученіемъ русскаго языка. Такимъ образомъ, дальнѣйшее развитіе ученія Маркса требуетъ фактическаго изученія явленій хозяйственной жизни, притомъ безъ предвзятой мысли. Тотъ, кто берется за изученіе «Капитала» не для того, чтобы онъ вдохновилъ его на новыя изслѣдованія для дальнѣйшаго развитія науки, но смотреть на него такъ, какъ смотрѣли въ средніе вѣка на сочиненія Аристотеля, Птолемея, Гиппократы и другихъ мыслителей древности, т. е. какъ на такой авторитетъ, проникнуть за предѣлы ученія котораго было бы попыткой не только напрасной, но даже святотатственной, такой изслѣдователь сталъ бы въ прямое противорѣчіе и съ самымъ ученіемъ и съ тѣмъ методомъ, котораго придерживается Марксъ. Нечего уже и говорить, что такое отношеніе къ дѣлу только препятствуетъ достиженію истины».

Карлъ Марксъ не только признавалъ «множественность причинъ» въ человѣческой исторіи, но онъ прямо отрицалъ въ исторіи для всѣхъ странъ исключительность и обязательность западно-европейскаго «экономическаго матеріализма». Въ его собственноручномъ письмѣ, напечатанномъ послѣ его смерти въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» (за 1888 г., въ № 10), перепечатанномъ отчасти въ книгѣ С. Кривенко: «На распутьи», и въ книгѣ Л. Словимскаго: «Экономическое ученіе Маркса», читаемъ: «Въ главѣ о первоначальномъ накопленіи,—говоритъ Марксъ,—я только имѣлъ намѣреніе прослѣдить тотъ путь, которымъ въ Западной Европѣ экономическій капиталистическій строй вышелъ изъ нѣдръ экономическаго феодальнаго строя. А путь этотъ велъ къ тому, чтобы разъединить производителя отъ его средствъ производства, обращая перваго въ наемника (пролетарія въ современномъ смыслѣ этого слова), а послѣдній въ капиталъ. Если Россія стремится стать націей капиталистической, по образцу западно-европейскихъ націй,—она не достигнетъ этого, не преобразовавъ предварительно доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ; а послѣ этого, приведенная разъ на лоно капиталистическаго строя, она упадетъ подъ власть неумолимыхъ законовъ, какъ и всякая другая непосвященная нація. Въ послѣсловіи ко второму нѣмецкому изданію «Капитала» я

говору о «великомъ русскомъ ученомъ и критикѣ»¹⁾ съ тѣмъ высокимъ уваженіемъ, какого онъ заслуживаетъ. Ученый этотъ въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ изслѣдовалъ вопросъ, должна ли Россія, чтобы перейти къ капиталистическому строю, начать съ уничтоженія поземельной общины, какъ того добиваются либеральные экономисты, или же, наоборотъ, она можетъ, не претергивая всѣхъ мученій этого строя, усвоить всѣ плоды его, развивая собственныя историческія данныя. Онъ высказывается въ смыслѣ послѣдняго рѣшенія. И я,—говоритъ Марксъ,—раздѣляю эти взгляды. Но если Россія будетъ продолжать идти по тому же пути, по какому она шла съ 1861 года, относительно развитія своей фабричной промышленности и положенія деревенскаго населенія, то она лишится самаго прекраснаго случая, который когда либо представляла народу исторія, чтобы избѣжать всѣхъ перипетій капиталистическаго строя».

Теперь, съ возрожденіемъ у насъ неомарксизма, знакомство съ капитальнымъ произведеніемъ К. Маркса положительно необходимо, чтобы сознательно видѣть всѣ капиталистическіе порядки и не торопиться къ нимъ «на выучку», памятуя, что самъ К. Марксъ въ своемъ письмѣ протестовалъ противъ попытки «преобразовать очеркъ происхожденія капитализма въ Западной Европѣ въ историко-философскую теорію общаго хода развитія, которой фатально должны подчиниться всѣ народы, каковы бы ни были историческія условія, въ которыхъ они находятся, чтобы въ концѣ концовъ прійти къ такому экономическому строю, который обезпечиваетъ наибольшую свободу проявленія производительныхъ способностей общественнаго труда и всестороннее развитіе человѣка».

Русскій издатель К. Маркса совершенно правильно при этомъ замѣчаетъ:

«Какимъ путемъ могутъ быть открыты законы, которымъ подчиняются явленія экономической жизни при строго опредѣленныхъ условіяхъ, показываетъ настоящее сочиненіе Маркса. Читатель найдетъ въ немъ множество указаній на методъ, котораго придерживался авторъ при своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ; а слѣдовательно найдетъ указанія на то, какого пути слѣдуетъ держаться при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ для развитія и подтвержденія тѣхъ научныхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ авторъ, а, быть можетъ, и для опроверженія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой же книгѣ читатель найдетъ указанія на опасность, ненаучность приѣма огульнаго приложенія добытыхъ научныхъ результатовъ къ условіямъ хозяйственной жизни каждой страны, безъ фактическаго анализа явленій ея и безъ опредѣленія взаимнаго значенія cadaго изъ ея факторовъ».

Нужно вспомнить, что еще Милль писалъ когда-то, что законы производства богатствъ зависятъ отъ сущности вещей и отъ природы, а способы распределенія богатствъ зависятъ отъ человѣческой воли, и обязательной «материалистической концепціи исторіи» не существуетъ. Англійская революція 1648 г. и реформація въ Германіи были чисто религіозными движеніями, а не экономическими. Въ настоящее время въ странѣ наиболѣе капиталистиче-

¹⁾ Н. Г. Чернышевскомъ.

ской, Англии, сильнѣйшимъ факторомъ исторіи, повидимому, выступаетъ чисто политическій. Послѣ паденія баррикаднаго движенія и стараго уніонизма, борьба между капиталомъ и трудомъ переходитъ въ избирательную сферу. «Очень широкая автономія, недавно предоставленная совѣтомъ графствъ и городовъ,— пишетъ Альберъ Метенъ («Соціализмъ въ Англии»),— порождаетъ въ социализмѣ стремленія организоваться муниципально («муниципальный социализмъ»). Ограниченія избирательныя мѣшаютъ до сихъ поръ социалистамъ имѣть своихъ представителей въ палатѣ общинъ». Германскіе рабочіе также вотируютъ и наполняютъ рейхстагъ представителями Лассалевской программы для завоеванія предварительно чисто политической власти. Гуль и значеніе фабричныхъ трубъ заглушается избирательной программой: «Вотируйте! вотируйте!» Самый «Интернаціональ» въ духѣ К. Маркса распался еще при жизни послѣдняго, и дальнѣйшая судьба европейской исторіи обусловлена и исчерпывается, конечно, не исключительно колебаніями «рынка»...

А. Фаресовъ.

Архивъ исторіи литературы и просвѣщенія въ Польшѣ (Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce). Изданіе Академіи Наукъ въ Краковѣ. Томъ IX-й. 1898.

Опубликованные въ этомъ томѣ официальные документы составляютъ весьма существенное дополненіе къ исторіи тайныхъ обществъ, среди молодежи, преимущественно университетской на Литвѣ, за періодъ 1822—1827 гг.

Административное дѣло «Променистыхъ» (Лучистыхъ) и «Филаретовъ», съ участіемъ въ немъ Мицкевича, до 1888 г. извѣстно было только по рассказамъ и запискамъ современниковъ. Въ этомъ году проф. Варшавскаго университета Вержбовскій—въ «Bibliotece Warszawskiej»—къ статьѣ «Мицкевичъ въ Вильнѣ и Ковнѣ» приложилъ три документа, касающіеся показаній поэта передъ слѣдственной комиссіей въ 1823—1824 гг., не объясняя, однако, откуда эти документа взяты. Затѣмъ въ 1890 г. въ VI-мъ томѣ вышеуказаннаго «Архива» (стр. 170—332) д-ръ Шелига помѣстилъ статью: «Процессъ Филаретовъ въ Вильнѣ», заключающую 90 официальныхъ, относящихся къ сему документовъ (ч. II, №№ XLIII—CXXXII). Они найдены были въ бумагахъ покойнаго Юсифа Твардовскаго, бывшаго въ 1822—1824 гг. ректоромъ Виленскаго университета, и обнимаютъ собою время, когда дѣло попало въ руки слѣдственной комиссіи, состоящей изъ предсѣдателя Новосильцова, Шлыкова и Лавриновича. Изъ матеріаловъ, заключающихся въ этихъ документахъ, въ свое время извлекъ болѣе интересныя данныя и «Историческій Вѣстникъ».

Въ настоящее время г. Василевскій въ бумагахъ Вацлава Целикана, ректора Виленскаго университета (1826—1830 гг.), нашелъ два тома официальныхъ бумагъ, одинъ—относящійся къ процессу Лучистыхъ, другой Зорянъ. Томъ первый озаглавленъ: «Взятые обратно отъ г. попечителя кн. Чарторыжскаго акты по дѣлу «Променистыхъ» (Лучистыхъ) и дополненіе этихъ актовъ въ слѣдственной комиссіи». Въ концѣ, подъ печатью, число страницъ удостоверяетъ своей подписью полицеймейстеръ Шлыковъ.

Кромѣ того, въ одномъ изъ частныхъ архивовъ г. В. нашелъ бумаги, относящіяся къ Янковскому, который, какъ извѣстно, сознался и оговорилъ всѣхъ своихъ соучастниковъ.

Такимъ образомъ опубликованные Шелигой и Василевскимъ документы, дополняя другъ друга, даютъ вмѣстѣ полное опредѣленное представленіе объ упомянутыхъ тайныхъ обществахъ, въ общемъ скорѣе идеалистически-воспитательнаго, чѣмъ политическаго характера. Проф. Вержбовскій въ «Извѣстіяхъ Варшавскаго университета» уже отчасти воспользовался этими новыми матеріалами, и поэтому ограничимся здѣсь настоящей фактической замѣткой.

Въ томъ же IX-мъ томѣ помѣщена статья д-ра Шелиги: «Реформа Виленскаго университета и подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній во время ректорства Твардовскаго». Намѣченныя здѣсь преобразования были проведены только наполовину, такъ какъ полному ихъ осуществленію помѣшало равно обнаруженіе упомянутыхъ тайныхъ обществъ, какъ и вообще перемѣна направленія во внутренней политикѣ, въ послѣдніе годы царствованія Александра I-го. Статья включаетъ полный комплектъ относящихся къ реформѣ документовъ, извлеченныхъ изъ бумагъ, оставшихся послѣ Твардовскаго. I. К.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ (1821—1897 г.), біографическій очеркъ, составленъ М. Л. Златковскимъ. Изданіе второе, значительно дополненное. Спб. 1898.

Первыя главы этого интереснаго очерка, посвященнаго памяти почившаго поэта, были написаны спеціально ко дню отпразднованнаго въ апрѣлѣ 1888 года пятидесятилѣтняго юбилея его литературной дѣятельности. Вторая половина книги составлена послѣ кончины А. Н. Майкова, послѣдовавшей въ прошломъ году, и дополняетъ первую часть біографіи описаніемъ послѣднихъ ближайшихъ къ намъ лѣтъ жизни нашего незабвеннаго поэта-классика.

Въ эту эпоху жизни А. Н. Майковъ писалъ, какъ извѣстно, очень немного. Когда его спрашивали о причинѣ этого, онъ обыкновенно отвѣчалъ: «а потому, любезнѣйшій, что я на своемъ вѣку довольно согрѣшилъ перомъ, пора знать и честь,—не даромъ же я отпраздновалъ свои литературныя именины! Не въ многоглаголаніи спасеніе; не въ томъ заслуга поэта, чтобы пополнять томы своихъ сочиненій количественно: надо радѣть, чтобы въ каждомъ новомъ изданіи прежнія вещи появлялись, но мѣрѣ силъ, въ лучшемъ законченномъ видѣ! Если бы не мой издатель. Марксъ, я бы, кажется, добрую толику выбросилъ за бортъ, но, чтобы его не огорчать, я и полирую, и шлифую слабыя вещи, а это требуетъ не мало времени и труда»... Такъ добросовѣстно, просвѣщенно и любовно относился къ своей поэтической миссиіи одинъ изъ крупнѣйшихъ поэтовъ послѣднихъ періода, подражая и въ этомъ отношеніи своему учителю — гениальному творцу «Евгенія Онегина» и «Бориса Годунова», тщательно и по многу разъ исправлявшему и вновь передѣлывавшему каждую строчку своихъ бессмертныхъ произведеній. Надо было видѣть, во время вышеупомянутой обработки равнѣ изданнаго и предназначаемаго для новаго, послѣдняго, изданія,

ту неподдѣльную радость въ лицѣ Аполлона Николаевича, когда ему удалось приискать новый, болѣе подходящий эпитетъ или лучше отчеканить тотъ или другой стихъ. Какъ мало теперь, — къ слову сказать, — подражателей Майкову въ этой художественной обработкѣ стиха среди новѣйшей формаціи нашихъ поэтовъ, выпускающихъ зачастую въ свѣтъ прекрасныя по мысли и силѣ вдохновенія, но хромающія въ стилистикѣ стихотворенія. Достоинно вниманіе, что въ самыя послѣдніе годы жизни А. Н. Майкова его талантъ и свѣжесть творческой мысли ничуть не ослабѣли, — онъ, какъ «великій старецъ» Гете, перешелъ въ лучшій міръ такимъ же юнымъ и бодрымъ духомъ, какимъ былъ прежде, въ расцвѣтѣ силъ. Это доказываетъ между прочимъ превосходное по глубинѣ, продуманности, силѣ и поэтическому подъему стихотвореніе, носящее названіе «Къ портрету Государя Императора Александра Александровича» и написанное въ эту вторую половину жизни поэта. Это замѣчательное стихотвореніе, въ немногихъ, но мощныхъ словахъ характеризующее все царствованіе императора Александра III, было любимѣйшимъ стихотвореніемъ самого Аполлона Николаевича, въ немъ онъ вложилъ въ плоть и кровь свое «profession de foi» и еще за нѣсколько часовъ до смерти декламировалъ его, въ полузабытій, какъ бы находя въ немъ для себя особую отраду. Стихотвореніе заканчивается этими немногими, но неподражаемыми по силѣ и вѣрности словами:

Такъ слово Царское, летя изъ града въ градъ,
Откликнулось вездѣ народныхъ силъ подъемомъ—
И какъ живительнымъ весеннимъ первымъ громомъ.
Вдругъ къ жизни призваны: очнулись долъ и лѣсъ,
Воскресла духомъ Русь, сомнѣній мракъ исчезъ!
И все, что было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованной броней закрѣплено сознаньемъ!.

Съ фотографической вѣрностью съ одной стороны и задушевной теплотой преданнаго друга и сослуживца съ другой рисуетъ намъ М. Л. Златковскій дорогого поэта въ его, такъ сказать, будничныхъ, повседневныхъ отношеніяхъ, какъ предсѣдателя комитета цензуры иностранной. Эти отношенія были, по истинѣ, идеальныя: А. Н. Майковъ былъ прежде всего добрый товарищъ своимъ сослуживцамъ, а ужъ затѣмъ и начальникъ. Это дѣлало то, что А. Н. былъ въ полномъ смыслѣ слова всеми любимый начальникъ, котораго глубоко уважали, но не боялись, и смерть котораго и доселѣ оплакивается его сослуживцами. Вступивъ въ управленіе комитетомъ иностранной цензуры непосредственно послѣ поэта Ѳ. И. Тютчева, А. Н. продолжалъ традиціи своего знаменитаго предшественника, придавашаго засѣданіямъ комитета чисто литературный интересъ, который сдѣлалъ ихъ въ высокой степени привлекательными. То же обаяніе имѣли они и при А. Н. Майковѣ, обладавшемъ всесторонней начитанностью, громадной памятью и симпатичной своеобразностью рѣчи. Въ біографическомъ очеркѣ М. Л. Златковскаго находимъ мы и нѣсколько трогательныхъ подробностей, рисующихъ участливость покойнаго поэта къ чужому горю, чужой нуждѣ и умѣнье дѣлать добро безъ шума и рекламы. Къ очерку, въ послѣдней главѣ приложены статьи газетъ и журналовъ, вызванныя извѣстіемъ о смерти А. Н. Майкова, и приведены стихотворенія, читанныя на его

могилѣ, на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря. Лучшее изъ нихъ по оригинальности и силѣ, несомнѣнно, принадлежитъ К. М. Фофанову, въ которомъ покойный поэтъ всегда признавалъ большое поэтическое дарованіе, что не разъ высказывалъ, между прочимъ, и пишущему эти строки.

Брошюра М. Л. Златковскаго издана чрезвычайно изящно. На заглавномъ листѣ, украшенномъ красивой виньеткой работы художника Каразина, помѣщено пять прекрасно исполненныхъ портретовъ А. Н. Майкова, представляющихъ его въ разныхъ возрастахъ и въ разные эпохи жизни.

Биографическій этюдъ М. Л. Златковскаго поступилъ въ продажу какъ разъ предъ самымъ днемъ годовщины смерти поэта, 8 марта, и является достойнымъ вѣнкомъ на его могилу.

О. У—ць.

Извѣстія Русскаго Археологическаго института въ Константинополѣ. Томъ второй. Одесса. 1897.

Какъ извѣстно, въ 1895 году въ Константинополѣ былъ учрежденъ русскій археологическій институтъ, научныя задачи котораго заключаются въ изслѣдованіи монументальныхъ памятниковъ древности и искусства, изученіи древней географіи и топографіи, описаніи древнихъ рукописей, занятіяхъ по эпиграфикѣ и нумизматикѣ, изслѣдованіяхъ быта и обычнаго права, языка и устной словесности народностей, входившихъ въ составъ Византійской имперіи (нынѣшнихъ Греческаго королевства и Оттоманской имперіи). За три года своего существованія институтъ, руководимый извѣстнымъ нашимъ ученымъ — византологомъ, профессоромъ Ѳ. П. Успенскимъ, достигъ значительныхъ результатовъ въ осуществленіи возложеннаго на него дѣла и, между прочимъ, издалъ уже два выпуска своихъ «Извѣстій», съ послѣднимъ изъ коихъ любопытно ознакомиться читателямъ нашего журнала ¹⁾.

Разсматриваемый томъ «Извѣстій Русскаго Археологическаго института» предваряется отчетомъ о дѣятельности учрежденія въ 1896 году (стр. 1—44). Здѣсь подробно сообщается о засѣданіяхъ института, бесѣдахъ и сообщеніяхъ, происходившихъ въ теченіе года при участіи руководителей и членовъ института, объ археологическихъ экскурсіяхъ по Малой Азіи, Болгаріи и Палестинѣ, произведенныхъ г. директоромъ института и его помощниками, о научныхъ предпріятіяхъ и обработкѣ институтомъ, приобретенныхъ историко-археологическихъ матеріаловъ, о его библиотекѣ и кабинетѣ древностей. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ, что отчетъ прекрасно изображаетъ трудовую и многополезную научную дѣятельность русскаго учрежденія въ Константинополѣ, и теперь оказавшаго уже немалыя услуги византологіи.

¹⁾ Первый томъ «Извѣстій» вышелъ въ 1896 году и содержитъ въ себѣ отчетъ о дѣятельности института въ 1895 году и слѣдующіе научные труды: 1) Ѳ. И. Успенскій, Актъ отвода земли монастырю Богородицы Милостивой; 2) О. Вульфъ, Семь чудесъ Византіи и храмъ св. апостоловъ; 3) Е. Придикъ, Надписи изъ Оссалии; 4) О. И. Успенскій, Вновь найденный пурпуровый кодексъ Евангеліи, и 5) Хроника, гдѣ помѣщены интересныя сообщенія о древностяхъ Востока и ходѣ ихъ изученія, библиографическія свѣдѣнія и т. п.

Научный отдѣлъ «Извѣстій» состоитъ изъ слѣдующихъ статей. 1) Θ . П. Успенскій, «Дѣлопроизводство по обвиненію Іоанна Итала въ ереси» (стр. 1—66). Статья составлена на основаніи греческой рукописи XII вѣка, найденной авторомъ въ монастырѣ св. Діонисія на Аѳонѣ и касающейся одного виднаго представителя византійской науки XI вѣка, профессора Іоанна Итала, обвиненнаго въ ереси. Въ статьѣ помѣщены и подлинныя судебныя акты противъ Итала въ рускомъ переводѣ, знакомящіе насъ съ малоизвѣстнымъ византійскимъ судебнымъ процессомъ, его постановкой и формой дѣлопроизводства. Эти акты важны и въ другомъ отношеніи, а именно, — они приносятъ новыя данныя въ исторію византійской школы. Оказывается, что и въ Византіи существовалъ университетъ, начало которому положено еще узаконеніемъ императора Θεодосія, отъ 425 года, коимъ учреждена была ученая коллегія, наше специальное императорское учебное заведеніе, въ составѣ 31 профессора съ подраздѣленіемъ ихъ на группы по специальности (римское краснорѣчіе и словесность, греческое краснорѣчіе и словесность, философія и юридическія науки). Коллегія профессоровъ, назначенныхъ въ это учрежденіе, была принята на государственную службу, получила особыя преимущества по табели о рангахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей усвоено было одно изъ существенныхъ правъ ученаго коллегіальнаго учрежденія: совѣтъ этой коллегіи получилъ право оцѣнивать заслуги своихъ членовъ. Университетъ былъ основанъ по близости отъ императорскаго дворца въ Константинополѣ и назывался школой профессоровъ Капитолія. Университетъ процвѣталъ при императорѣ Юстиніанѣ, но отъ иконоборческой эпохи о немъ сохранились смутныя извѣстія. Въ IX вѣкѣ университетъ былъ возстановленъ кесаремъ Вардой при храмѣ Сорока Мучениковъ, снабженъ хорошими профессорами, которые получали казенное содержаніе, а обученіе въ немъ производилось бесплатно. Этому университету обязаны своимъ образованіемъ знаменитый патріархъ Фотій, славянскіе просвѣтители Кириллъ и Меѳодій и другіе византійскіе дѣятели. Университету покровительствовавали далѣе императоры Македонской династіи, а особенно Константинъ Мономахъ, который издалъ въ 1045 году весьма важную новеллу, рисующую жизнь византійскаго университета, знакомящую съ взглядами правительства на образованіе и на государственное значеніе правовѣднія. Интересная статья Θ . П. Успенскаго и заканчивается подробнымъ анализомъ этой весьма цѣнной для исторіи византійскаго образованія и воспитанія императорской новеллы. 2) На второмъ мѣстѣ въ «Извѣстіяхъ» находится статья В. К. Ернштедта подъ заглавіемъ: «Греческая рукопись Болгарскаго книжевнаго дружества № 6» (стр. 67—72), а на третьемъ 3) — статья Г. Джеффри, подъ заглавіемъ: «Остатки Константиновской базилики въ Іерусалимѣ (съ тремя планами)», (стр. 73—76); обѣ статьи представляютъ специальный интересъ. 4) Гг. П. Д. Погодинъ и О. Ф. Вульфъ помѣстили обширный историко-археологическій очеркъ о городѣ Никомидіи (стр. 77—184). Никомидія, нынѣ Измидъ, представляетъ большой историко-археологическій интересъ, а между тѣмъ мало изслѣдована учеными. Молодые члены русскаго института три раза были въ Никомидіи для научныхъ разысканій и результаты ихъ предлагаютъ вниманію читателей въ настоящемъ очеркѣ. Очеркъ состоитъ изъ двухъ частей, въ пер-

вой изъ коихъ сообщается исторія Никомидіи и описывается открытый здѣсь эпитафическій матеріалъ, а во второй изслѣдуется археологія Никомидіи. Городъ Никомидія былъ основанъ въ 264 году до Р. Х. вѣнскимъ царемъ Никомидомъ I и населенъ жителями разрушеннаго сосѣдняго города Астана. Въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. Никомидія сдѣлалась столицей римской провинціи Вѣнїи и достигла большаго процвѣтанія; въ это время она получила своеобразное административное устройство, которое подробно и описывается въ статьѣ на основаніи историческихъ и эпитафическихъ данныхъ. Въ дальнѣйшее время о Никомидіи сохранились отрывочныя свѣдѣнія, но съ именемъ Діоклетіана соединяется эпоха расцвѣта Никомидіи, ставшей излюбленнымъ мѣстопребываніемъ императорскаго двора. Она украсилась многими новыми величественными зданіями, получила новое внутреннее устройство, сдѣлалась центромъ просвѣщенія и языческой религіозности. Но въ то же время здѣсь стало усиливаться и христіанство, противъ котораго Діоклетіанъ поднялъ въ 303 году страшное гоненіе, унесшее безчисленное количество жертвъ и сопровождавшееся ужасными для христіанъ бѣдствіями. Ударъ, нанесенный благосостоянію города этимъ гоненіемъ и слѣдующимъ, значительно окрѣпилъ въ своей силѣ при императорѣ Константинѣ, который основалъ новую столицу въ Византіи. Послѣ этого лучшіе дни Никомидіи миновали, и она пошла на убыль, тѣмъ болѣе, что въ 358 году городъ постигло страшное землетрясеніе, отъ котораго она не оправилась и въ лучшую сравнительно эпоху своего дальнѣйшаго существованія, при императорѣ Юстиніанѣ, и въ эпоху Комниновъ. Въ XIV столѣтіи, именно, лѣтомъ 1337 года, Никомидія была покорена турками, несмотря на попытки со стороны византійскихъ императоровъ спасти ее отъ грозившей опасности. О былыхъ судьбахъ города много говорятъ сохранившіеся здѣсь существенные остатки древности, въ видѣ архитектурныхъ памятниковъ (стѣны города, зданія, водопроводъ и пр.) и надписей; тѣ и другіе подробно описываются и оцѣниваются въ разсматриваемой интересной статьѣ русскихъ ученыхъ. Кромѣ нея, въ «Извѣстіяхъ» находимъ еще 5) статью профессора М. Наранки о такъ называемомъ политическомъ стихѣ у византійцевъ (стр. 185—190) и интересно составленную хронику (стр. 1—34) о различныхъ достопримѣчательностяхъ Востока въ области литературы, палеографіи и археологій. Въ приложеніи (стр. 1—82) помѣщенъ синодикъ царя Бориса въ славянской редакціи, заимствованной изъ рукописи XIV вѣка въ Софійской народной бібліотекѣ; здѣсь же помѣщенъ и греческій текстъ этого замѣчательнаго литературнаго памятника.

Вообще, второй томъ «Извѣстій» Русскаго археологическаго института составленъ интересно и свидѣтельствуетъ о дѣятельности этого учрежденія съ самой лучшей стороны.

Σ.

Adam Darowski. Szkice historyczne. Serja trzecia. Petersburg. 1897.

Еще не такъ давно по адресу польскихъ историковъ градомъ сыпались упреки, что имъ остаются совершенно невѣдомыми труды русскихъ изслѣдователей, даже русскіе первоисточники, вслѣдствіе чего рисуемая ими картина

прошлыхъ судебъ своего государства и его отношеній къ своимъ сосѣдямъ страдаетъ односторонностью, недостаточно полна и правдива. Въ полной мѣрѣ упреки этого рода примѣнимы развѣ къ болѣе раннему періоду польской исторіографіи, но и то съ значительною оговоркой: развѣ такъ много было историческихъ изслѣдованій въ русской литературѣ въ эпоху расцвѣта школы Адама Нарушевича? Въ настоящее же время такой укоръ представляется совершенно запоздалымъ, и его нельзя было бы оправдать даже привычкой, потому что цѣлый рядъ изслѣдованій современныхъ польскихъ историковъ служить лучшимъ доказательствомъ того, насколько далеко подвинулось ознакомленіе послѣднихъ съ русскою историческою наукою и добытыми ею результатами. Что же касается г. Даровскаго, издавашаго отдѣльною книжкой напечатанныя раньше въ «Bibliotecie Warszawskiej» изслѣдованія, то для него труды русскихъ ученыхъ служатъ уже не побочнымъ только пособіемъ, вводимымъ въ кругъ авторскаго кругозора для полноты картины, а являются главнѣйшимъ фундаментомъ, на которомъ этотъ польскій историкъ основываетъ нить своего разсказа. Впрочемъ, авторъ не сводитъ своей задачи къ простому пересказу того, что онъ нашелъ у своихъ предшественниковъ, у г. Даровскаго видимъ попытку вполне самостоятельно отнестись къ взглядамъ и мнѣніямъ своихъ русскихъ собратьевъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣль его — почти полемическая: такъ, въ первомъ очеркѣ (Polacy w Kremeniu, 1610—1612) старается освѣтить болѣе мягкимъ свѣтомъ поведеніе польской рати въ Москвѣ въ 1612 г., считая напрасною извѣстія, на примѣръ, о грабежахъ ея въ Кремлѣ. Такимъ же характеромъ отличается очеркъ подъ заглавіемъ «Malborski jeniec», посвященный описанію пребыванія митрополита Филарета въ польскомъ плѣну.

Всего въ настоящемъ выпускѣ помѣщено четыре очерка. Изъ предшествующихъ выпусковъ особенный интересъ представляетъ выпускъ второй (изд. въ 1895 году), весь посвященный польско-русскимъ отношеніямъ въ эпоху самозванческихъ смутъ и въ первые годы послѣ избранія на царство Михаила Теодоровича.

Очерки написаны очень живо и читаются съ интересомъ. Если и не всегда можно согласиться съ авторомъ касательно освѣщенія, въ какомъ у него представлена трактуемая эпоха, то все же его доводы не настолько слабы и поверхностны, чтобы на нихъ не стоило обращать вниманія, не говоря уже о мудромъ правилѣ: *audiat et altera pars*. К. X.

Левъ Дембовскій. Мои воспоминанія. („Leon Dembowski. Moje Wspomnienia“). 2 тома. Спб. 1898.

Воспоминанія Льва Дембовскаго составляютъ извѣстный вкладъ прежде всего въ исторію войны 1831 года, которой посвященъ весь объемистый второй томъ. Авторъ родился въ 1789 году и получилъ блестящее воспитаніе при Пулавскомъ дворѣ князей Чарторыйскихъ. Сохранивъ на всю жизнь очень близкія, интимныя сношенія съ этою семьей, а также и съ большинствомъ

тогдашняго высшаго польскаго общества, онъ уже съ 1817 года принимаетъ прямое участіе въ дѣлахъ управленія царствомъ Польскимъ, въ качествѣ посла въ варшавскій сеймъ, затѣмъ какъ кастелянъ, сенаторъ, членъ верховнаго суда и проч. Прибывъ незадолго до возстанія, въ концѣ октября 1830 г., въ Варшаву для присутствованія на засѣданіяхъ въ судѣ, онъ, охваченный смутными предчувствіями надвигающейся грозы, спѣшитъ въ Бельведеръ, къ великому князю Константину Павловичу, но тамъ находитъ все кругомъ попрежнему довѣрчивое и беззаботное. Извѣстно, что когда, спустя мѣсяць, члены совѣта управленія краемъ пытались уговорить великаго князя энергическимъ воздѣйствіемъ сразу потушить неувѣренно еще всыхивающее пламя, то получили въ отвѣтъ слѣдующія слова: «Я далекъ отъ желанія совершить ту же ошибку, которую совершилъ въ Брюсселѣ мой кузень, принцъ Оранскій. Сражаться въ улицахъ значитъ подвергать себя опасности проливать кровь храбрыхъ, которыми я командую и за которыхъ я отвѣтственъ. Это вамъ, господа, должно принять мѣры, кои вы найдете наиболѣе дѣйствительными, для уснокоенія этого возмущенія».

Вообще изъ откровенныхъ и безхитростныхъ призваній автора записокъ явствуетъ, что и онъ самъ, и князь Чарторыйскій, и подавляющее большинство верхнихъ слоевъ польскаго общества, со страхомъ и недоброжелательствомъ взирали на разрастающееся внизу броженіе, не сочувствуя ему уже потому одному, что не видѣли никакихъ данныхъ ожидать благопріятной для Польши развязки кризиса.

Когда почти насильно герою Сарагоссы и многихъ походовъ Наполеона, генералу Хлопицкому, вручили диктаторскую власть надъ возстаніемъ, первыя слова диктатора были: «Наполеонъ во главѣ 500.000 лучшаго въ мірѣ войска не одолѣлъ Россіи, чего же ожидать вправѣ мы, имѣя десятую или двадцатую часть этихъ силъ? Защищаться буду до послѣдней крайности, но никакихъ надеждъ относительно будущаго не питаю». Характерна въ этомъ отношеніи сцена, когда, 25-го января 1831 года, подъ давленіемъ революціонной черни, кн. Чарторыйскій принужденъ былъ первый скрѣпить подписью актъ отреченія отъ союза съ Россіей. Понукаемый стоящими сзади братьями Островскими, взявъ въ руки перо, онъ сказалъ громко: «Вы погубили Польшу». Дембовскій едва ли не на каждой страницѣ порицаетъ революціонную дѣятельность Мохнацкаго, Лелеведа и др., тѣмъ не менѣе, не имѣя возможности идти противъ теченія, принимаетъ даже предложенный ему портфель министерства финансовъ, и здѣсь, впрочемъ, какъ всегда, не питая никакихъ иллюзіи относительно цѣлесообразности и пользы завѣдыванія пустыми кассами.

Хотя Дембовскій, между прочимъ, одного изъ вождей возстанія, Скржинецкаго, изображаетъ въ нѣсколько новомъ, различномъ отъ общепринятаго, освѣщеніи, тѣмъ не менѣе часть его записокъ, посвященная описанію военныхъ дѣйствій и движеній войскъ, представляетъ, пожалуй, наименѣе новаго и любопытнаго, особенно, послѣ обстоятельныхъ и авторитетныхъ трудовъ въ этомъ направленіи въ русской литературѣ генерала Пузыревскаго, въ польской—Прондзынскаго.

Общественная дѣятельность Дембовскаго продолжалась вплоть до шестидесятих годовъ, и онъ былъ въ послѣдствіи однимъ изъ довѣреннѣйшихъ сотрудниковъ маркиза Велепольскаго. Но воспоминанія его заканчиваются 1831-мъ годомъ.

Г. К.

Nasza literatura dramatyczna. Szkice nakreslone przez Piotra Chmielowskiego. Petersburg. 1898.

Среди современныхъ польскихъ критиковъ г. Хмѣлевскій занимаетъ безспорно первенствующее мѣсто. Его изслѣдованіе о Мицкевичѣ пользуется самою почетною репутаціею даже при наличности громадной по объему критической литературы объ этомъ писателѣ, а «Очерки новѣйшей польской литературы» («Zarys najnowszej literatury polskiej»), выдержавшіе четыре изданія въ сравнительно небольшой промежутокъ времени, вполне заслуженно сдѣлались настольной книгой для всѣхъ, кто интересуется польской литературой. Довольно долгое время занимая высокій постъ въ польской журналистикѣ (какъ редакторъ «Ateneum'a»), г. Хмѣлевскій принялъ на себя роль пѣстуна родной изящной словесности и выполняетъ эту нелегкую роль съ рѣдкимъ трудолюбіемъ и добросовѣстностью: объ этомъ свидѣлствуютъ объемистыя изслѣдованія, выходящія изъ-подъ его пера съ короткими промежутками, не говоря уже о бѣглыхъ журнальныхъ и газетныхъ замѣткахъ, которыми онъ привѣтствуетъ всякую, хотя бы очень маленькую искорку таланта и ума.

Именно—«привѣтствуетъ». Г. Хмѣлевскій—критикъ въ высшей степени милостивый, снисходительный и добродушный, гораздо больше любитъ сказать ласковое, теплое слово, чѣмъ ошеломить начинающаго писателя рѣзкими нападками и суровымъ осужденіемъ. Къ сожалѣнію, эту же привычку, вполне безвредную въ газетной и журнальной замѣткѣ, г. Хмѣлевскій переноситъ и въ свои систематическія изслѣдованія, вслѣдствіе чего характеристики его являются нѣсколько расплывчатыми; получается такое впечатлѣніе, какъ будто всякій писатель получаетъ у критика четверку за свои работы, одинъ—съ плюсомъ, другой—съ минусомъ... Этотъ недостатокъ, явственно выступавшій въ прежнихъ систематическихъ обзорѣніяхъ г. Хмѣлевскаго, присущъ и вновь выпущенной работѣ о польской драматической литературѣ. Прочитавъ характеристику любого драматурга, читатель все-таки не можетъ съ полною отчетливостью представить себѣ тѣхъ особенностей творчества и писательской манеры, которыя составляютъ индивидуальное свойство даннаго драматурга, и которыми онъ отличается отъ своихъ собратьевъ. «Изящный языкъ», «гладкій стихъ», «яркая обрисовка типовъ», «богатый психологическій анализъ»—вотъ излюбленныя и неизмѣнно чередующіяся одна за другой критическія аттестаціи, которыми г. Хмѣлевскій награждаетъ направо и налево, съ небольшими лишь вариациями, драматическихъ писателей. Много ли скажутъ читателю эти общія мѣста?

Этотъ недостатокъ съ лихвой выкупается, впрочемъ, многими положительными сторонами изслѣдованія, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить богатство свѣдѣній, такъ сказать, историко-литературнаго и отчасти

библиографическаго характера. Удѣливъ преимущественное вниманіе болѣе крупнымъ произведеніямъ того или другого драматурга, г. Хмѣлевскій двѣ, три фразы посвятитъ и болѣе мелкимъ вещамъ, вскользь упомянетъ объ изданіяхъ произведеній, приведетъ главнѣйшія біографическія свѣдѣнія о писателѣ, иногда укажетъ связь между выдающимся случаемъ его жизни и какимъ либо изъ произведеній и т. д., вслѣдствіе чего его обзоръ выигрываетъ въ полнотѣ и обстоятельности (хотя бы только съ внѣшней стороны). Не можемъ не отмѣтить и той черты, что г. Хмѣлевскій, какъ писатель весьма просвѣщенный и образованный, указываетъ связь и зависимость произведеній польской литературы отъ западно-европейской, гдѣ эта зависимость сказалась, причѣмъ выясняетъ не вообще, а въ деталяхъ, съ фактами въ рукахъ, эти сопоставленія много помогаютъ читателю прослѣдить ростъ и развитіе, которыхъ достигла польская драматическая литература.

Хотя г. Хмѣлевскій въ предисловіи скромно заявляетъ, что его книга не претендуетъ на значеніе исторіи польской драматической литературы, однако данный предметъ разработавъ въ ней съ такой полнотой, которая не заставляетъ прибѣгать къ особой снисходительности, чтобы признать за даннымъ трудомъ достоинства очень хорошаго историческаго изслѣдованія. Даже внѣшніе признаки налицо: неизбѣжная экскурсія въ область XIII—XV вѣковъ, перечень незатѣйливыхъ и иногда наивныхъ діалоговъ религіозно-нравственнаго характера, которые составляютъ первичную форму и зерно позднѣйшей драмы, краткія замѣчанія о мистеріяхъ и т. д. Съ Яна Кохановскаго, котораго обыкновенно считаютъ родоначальникомъ польской драмы, г. Хмѣлевскій ведетъ систематическій обзоръ драматической литературы въ лицѣ ея представителей вплоть до нашихъ дней. Наиболѣе обстоятельный очеркъ посвященъ Словацкому (т. I, стр. 312—397), остальнымъ отведено по 20—40 стр. Нельзя не пожалѣть, что г. Хмѣлевскій не приложилъ въ концѣ книги указателя, какъ это онъ сдѣлалъ въ своихъ «Очеркахъ новѣйшей литературы».

К. Х.

С. Л. Пташицкій. Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ. I. Повѣсти изъ Римскихъ дѣяній. (Gesta Romanorum). Спб. 1897.

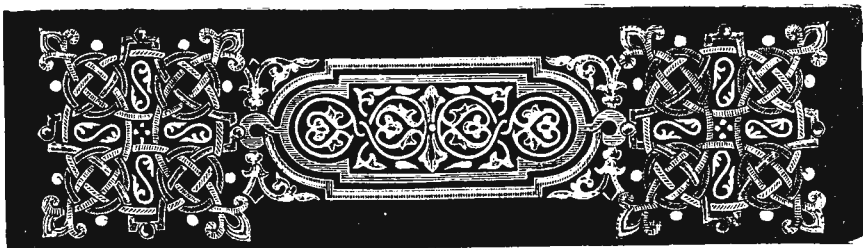
Римскія дѣянія—сборникъ занимательныхъ анекдотическихъ разсказовъ на мнимо-исторической почвѣ. Къ каждому изъ нихъ прибавляются нравоучительныя сентенціи. Не нужно думать, что содержаніе ихъ взято изъ римской исторіи. Черезъ классическій хитонъ, облакающій эти средне-вѣковыя повѣсти, просвѣчиваютъ восточныя формы. «Соединивъ въ себѣ ходившія отдѣльно сказанія—достояніе оригинальнаго смѣшенія восточной фантазіи съ поэзією классической и европейской, сборникъ этотъ сдѣлался богатымъ хранилищемъ преданій, повѣстей и сказокъ, и составляетъ весьма замѣчательное звено въ исторіи «странствующихъ» разсказовъ, которые занимаютъ такое важное мѣсто въ литературѣ среднихъ вѣковъ» (А. Пыпинъ: Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, стр. 181). Gesta Romanorumъ была одною

изъ любимѣйшихъ книгъ средне-вѣкового читателя: ихъ уснѣхъ создавался необыкновеннымъ интересомъ содержанія—существенной приманкой простой публики. Римскими дѣянiями зачитывались до полного уничтоженiя книгъ: изъ массы польскихъ печатныхъ изданiй до насъ дошли немногiя и сохранившiяся цѣнны, какъ рукописи. *Gesta Romanorum* уже издавна привлекли къ себѣ вниманiе западно-европейскихъ ученыхъ, и въ настоящее время имѣется обширная литература, сведенная въ трудахъ *Nerrlade* и *Oesterley*. Книжка г. Пташицкаго посвящена исторiи римскихъ дѣянiй въ славянскихъ литературахъ. Такъ какъ основанiемъ сужденiй послужили автору его собственныя розысканiя, принесшiя кое-что новенькое въ темную исторiю распространенiя сборника у славянъ, то изслѣдованiе г. Пташицкаго приобрѣтаетъ несомнѣнное значенiе. Важны сообщенiя о чешскихъ и польскихъ переводахъ, оставшихся неизвѣстными А. Н. Пышину, предшественнику г. Пташицкаго по изученiю римскихъ дѣянiй. Вопросъ объ оригиналѣ чешскаго перевода, при скудости наличныхъ данныхъ, остается неяснымъ. Г. Пташицкiй приходитъ къ тому выводу, что чешскiй переводчикъ, знакомый съ нѣмецкимъ и латинскимъ языками, пользовался текстомъ дѣянiй на томъ и другомъ языкахъ. Польскiй переводъ не расходился въ рукописяхъ, а былъ прямо напечатанъ. Число рассказовъ въ польской редакцiи сравнительно съ латинскими текстами не значительно. Авторъ полагаетъ, что это обстоятельство не позволяетъ возводить польскаго перевода къ особой латинской редакцiи, и только указываетъ на самостоятельность переводчика. Русскiе переводы были сдѣланы съ польскаго и имѣли лишь одну редакцiю. Вопреки Пышину, г. Пташицкiй думаетъ, что и переводъ былъ одинъ. «Слѣдуетъ признать, говоритъ онъ, что основной переводъ былъ одинъ, но при нѣкоторыхъ спискахъ переписчики имѣли подъ рукою польскiя изданiя, съ которыми иногда справлялись» (стр. 97). Нѣкоторыя изъ новѣстей, вошедшихъ въ римскiя дѣянiя, существовали въ русской литературѣ до ихъ составленiя. Однако, переводчикъ сборника не пользовался ими, а давалъ новый переводъ по текстамъ, вошедшимъ въ польскiя изданiя.

Книжка г. Пташицкаго, какъ можно видѣть изъ обзора ея содержанiя, принадлежитъ къ числу тѣхъ черновыхъ работъ, которыя нужно сдѣлать для того, чтобы постропить зданiе исторiи литературы. Она не даетъ значительныхъ выводовъ, широкихъ обобщенiй. Значенiе изслѣдованiя въ томъ, что оно является полезнымъ дополненiемъ къ очерку о «Римскихъ дѣянiяхъ», сдѣланному А. Н. Пышинымъ въ его извѣстной книгѣ. Трудъ г. Пташицкаго исправляетъ нѣкоторыя неточности и вноситъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнiя. Щ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

СТОРИЧЕСКІЯ и археологическія находки. Какъ извѣстно, до сихъ поръ считали, что рай, или эдемъ, находится въ западной Азіи, между рѣками Тигромъ и Евфратомъ; но въ этой мѣстности никогда не было открыто слѣдовъ первобытнаго человѣка, а потому ученые не считали этого вопроса доказаннымъ. Теперь англійскій путешественникъ, Сетонъ-Карръ, путешествуя по странѣ Сомали, на берегу Аденскаго залива, нашель въ этомъ отдаленномъ уголкѣ Африки, въ ста миляхъ отъ берега, на границѣ Харрара и Сомали, то самое мѣсто, гдѣ былъ рай. Доказательства, подтверждающія его гипотезу, двоякаго рода: съ одной стороны, найденные имъ остатки каменныхъ орудій принадлежатъ къ эпохѣ первобытнаго человѣка, что вполне удостовѣрено разсматривавшими ихъ авторитетными специалистами, какъ Джонъ Люббокъ, Джонъ Эвансъ, докторъ Гарсонъ и профессоръ Гладстонъ; а съ другой, по словамъ англійскаго путешественника, открытая имъ мѣстность вполне подходитъ подъ библейское описаніе рая. У Моисея говорится о четырехъ рѣкахъ, и тутъ находится четыре рѣчки; климатъ совершенно райскій, нигдѣ не видно слѣдовъ болота, и, благодаря близости моря, здѣсь никогда не жарко и никогда не холодно. Наконецъ, въ библіи упоминается о сосѣдней Эвилатской землѣ, гдѣ есть золото, и хотя самъ Сетонъ Карръ не нашель по близости открытаго имъ эдема золота, но бывшіе тамъ послѣ него путешественники свидѣтельствуютъ, что одинъ туземный шейхъ показывалъ имъ горсть золотоноснаго песку, при изслѣдованіи котораго оказалось, что золото въ этомъ пескѣ находилось въ пропорціи пятисотъ унцій на тонну. Въ пользу открытія рая въ сѣверо-восточной Африкѣ главнымъ образомъ говорить то обстоятельство, что въ Азіи, гдѣ до сихъ поръ его

искали, еще до сихъ поръ не найдено слѣдовъ первобытнаго человѣка, а напротивъ, Африка издавна считалась однимъ изъ мѣстопробываній этого первобытнаго человѣка, что и подтверждено находкой Сетона-Карра каменныхъ орудій. Что же касается до основнаго тезиса сторонниковъ старой теоріи, что эдемъ находится между Евфратомъ и Тигромъ, такъ какъ эти рѣки упомянуты въ библейскомъ описаніи рая, то англійскій путешественникъ совершенно справедливо указываетъ на то обстоятельство, что если, дѣйствительно, двѣ изъ рѣкъ, упомянутыхъ въ библіи, находятся въ Месопотаміи, то за то двѣ остальные не могутъ тамъ находиться, а по всей вѣроятности, именно, тѣ, которыя протекаютъ въ землѣ Сомали. Буквально Моисей говоритъ: «и насади Богъ рай въ эдемъ на востоцѣхъ. Рѣка же выходитъ изъ Эдема напоити рай, оттуда разлучается въ четыре начала. Имя единой—Фиссанъ; сія окружающая всю землю Эвилатскую, тамо убо есть золото... И имя рѣцѣ второй—Геоссъ, сія окружающая всю землю Эфіопскую». Такимъ образомъ, авторъ статьи объ открытіи Сетона-Карра въ *Pearson's Magazine*, Гербертъ Файфъ ¹⁾ приходитъ къ заключенію, что если новое мѣстоположеніе рая не исполнѣ доказано, то и доказательства въ пользу стараго азіатскаго эдема также не исполнѣ подтверждены, потому что за первую и вторую гипотезу стоятъ по двѣ изъ упомянутыхъ въ библіи рѣкъ, а остальные двѣ не подходятъ къ обѣимъ мѣстностямъ.

— Гробница Чингисъ-хана. Хотя многіе путешественники по Азіи упоминаютъ о гробницѣ Чингисъ-хана, но ни одинъ изъ нихъ лично не видалъ ея, и даже Пржевальскій, цвѣтывая легенду объ этой гробницѣ, говоритъ, что ему невозможно было убѣдиться, гдѣ именно находится эта легендарная могила. Но въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій прошедшаго года французской академіи надписей прочитанъ докладъ Бонена, французскаго вице-резидента въ Индо-Китаѣ, которому удалось первому посѣтить эту знаменитую гробницу. Въ *Revue Encyclopedique*, отъ 19-го марта, помѣщенъ отрывокъ изъ этого любопытнаго доклада ²⁾. — «Я, рассказываю, между прочимъ Боненъ,—находился въ іюль 1896 года, по официалъному порученію Индо-Китаѣ, къ сѣверу отъ Ордосской земли, въ центрѣ которой, по общему свидѣтельству путешественниковъ, должна была находиться легендарная гробница Чингисъ-хана. Я рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ и научно изслѣдовать эту мѣстность. Въ семь дней я достигъ до гробницы Чингисъ-хана, называемой помонгольски «дворцомъ великаго повелителя». Она находится въ пустынѣ, но окружена многочисленными шатрами. Ее накрываютъ два бѣлыхъ войлочныхъ шатра, которые возвышаются на каменной площадкѣ, огражденной деревяннымъ открытымъ заборомъ. Эти шатры ничѣмъ не отличаются отъ современныхъ монгольскихъ юртъ, но гораздо больше. Они тѣсно примкнуты другъ къ другу такъ, что изъ одной видно, что дѣлается въ другой, а на ихъ верхушкахъ видѣются бронзовые шары, какъ обыкновенно въ тибетскихъ храмахъ. Задній шатеръ служитъ мѣстомъ совершенія религіозныхъ

¹⁾ The Garden of Eden discovered, by Herbert Fyfe.—Pearsons Magasine, February, 1898.

²⁾ Le Tombeau de Gengis-Khan. *Revue Encyclopedique*, 19 mars 1898.

обридовъ: посреди находится жертвенникъ, покрытый желтой шелковой матеріей, а по сторонамъ стоятъ два высокихъ красныхъ лакированныхъ стола, потолокъ покрытъ шелковой фіолетовой тканью, очень древней и, быть можетъ, помнящей великаго завоевателя. Красный занавѣсъ отдѣляетъ этотъ шатеръ отъ другого, и его отдергиваютъ только для молитвъ и жертвоприношеній. Въ этихъ случаяхъ видѣнъ во второмъ шатрѣ большой, но низкій серебряный гробъ, въ которомъ находятся останки Чингисъ-хана. По формѣ—это громадный сундукъ, а на поверхности его выбиты большія розетки. Надъ нимъ, въ фонѣ шатра, виситъ большое зеркало, китайской фабрикаціи и въ рамѣ съ инкрустациями, а по обѣимъ его сторонамъ видѣются нѣсколько предметовъ, будто бы принадлежавшихъ Чингисъ-хану, между прочимъ его сѣдло и мечъ. Но въ сущности это только копіи, такъ какъ оригиналы старательно скрыты изъ опасенія, чтобы ихъ не украли, въ виду неоднократныхъ попытокъ этого рода. Религозныя церемоніи совершаются наслѣдственными хранителями гробницы, которые утверждаются мандаринами въ Пекинѣ. Эти церемоніи тройкаго рода: малое жертвоприношеніе, большое жертвоприношеніе, или жертвоприношеніе лошади, и великое торжество, въ память смерти Чингисъ-хана, на которое стекаются отовсюду толпы манголовъ. По этому случаю вынимаютъ изъ тайника подлинныя предметы, принадлежавшіе Чингисъ-хану, и ставятъ ихъ подлѣ гробницы для поклоненія».

— Юбилей Васко-де-Гама. Въ маѣ мѣсяцѣ Португалія торжественно празднуетъ четырехсотлѣтнюю годовщину славной экспедиціи ея соотечественника Васко-де-Гама, открывшаго морской путь въ Индію, ровно четыре вѣка тому назадъ. По странной случайности, Австрія предупредила Португалію и уже устроила юбилейное торжество по тому же случаю, а остальные европейскія страны, по видимому, собираются послѣдовать ея примѣру. Конечно, какъ всегда, юбилей Васко-де-Гама породитъ цѣлую литературу, но до сихъ поръ извѣстно только, что въ Парижѣ выйдетъ надняхъ большой юбилейный сборникъ, подъ редакціей г-жи Аданъ, съ рисунками извѣстныхъ французскихъ художниковъ: Бонна, Дюрана, Деталя и т. д., съ музыкальными произведеніями Масне, Сенъ-Санса и др., а также со статьями Коппе, Бурже, Сюлли Прюдона и многихъ другихъ. Кромѣ того, уже началась печататься въ *Nouvelle Revue*, отъ 15 апрѣля, обширная монографія о Васко-де-Гама современной представительницы его рода, донны Маріи Теллесъ-да-Гама ¹⁾. Въ вышедшей первой части этого труда авторъ представляетъ краткій біографическій очеркъ своего героя предка и, по видимому, въ дальнѣйшихъ главахъ подробно, по новѣйшимъ семейнымъ документамъ, она расскажетъ славное открытіе Васко-де-Гама, о которомъ теперь упоминаетъ только въ двухъ словахъ. Знаменитый путешественникъ происходилъ изъ древняго аристократическаго рода, представители котораго съ успѣхомъ служили въ арміи и при дворѣ португальскихъ королей. Отецъ знаменитаго мореплавателя былъ великимъ алькадомъ въ Синѣ, городѣ Алгарвіи, гдѣ родился Васко въ 1469 году. Получивъ настолько хорошее вос-

¹⁾ Vasco da Gama, par D. Maria Telles da Gama. Nouvelle Revue, 15 avril 1898.

питаніе, насколько было возможно въ ту отдаленную эпоху въ Португаліи, онъ съ юности выказаль стремленіе въ математикѣ и космографіи. Въ недавнее время отысканы документы, доказывающіе, что по желанію родителей онъ поступилъ въ патеры, чему, однако, не вѣрять Марія Теллесъ. Во всякомъ случаѣ, если онъ былъ когда вибудь духовнымъ лицомъ, то недолго и пошелъ въ моряки. Достигнувъ чина капитана, онъ совершилъ нѣсколько видныхъ военныхъ подвиговъ, между прочимъ, взялъ значительное число французскихъ судовъ въ отместку за подобный же захватъ французами одной португальской каравеллы въ мирное время. Хорошо зная храбрость и искусство молодого моряка, король Эммануилъ поручилъ ему начальство надъ экспедиціей для открытія морского пути въ Индію. Васко радостно взялся за это дѣло и приступилъ къ приготовленію экспедиціи, которая вышла изъ Лиссабона 8 іюля 1497 года. Спустя три мѣсяца, несмотря на многочисленныя бури и мятежъ матросовъ, онъ обогнулъ южную оконечность Африки и зашелъ по дорогѣ на сѣверъ въ нѣсколько невѣдомыхъ до тѣхъ поръ гаваней восточнаго берега Африки. Въ Мелиндѣ онъ, по счастью, наткнулся на очень образованнаго туземца Индіи, исполнявшаго должность лопмана, и при его помощи благополучно пересѣкъ Индійскій океанъ. Наконецъ, 20 мая 1498 года, онъ вышелъ на берегъ Индіи въ Каликутѣ (нынѣшняя Калькутта). Мѣстный раджа встрѣтилъ его не очень любезно, а аравійскіе купцы, въ рукахъ которыхъ тогда сосредоточивалась вся торговля Индіи, возбудили туземцевъ противъ португальцевъ, такъ что Васко-де-Гама принужденъ былъ отретироваться на свои суда, не утвердивъ португальскаго господства на открытомъ имъ Малабарскомъ берегу. По возвращеніи въ Лиссабонъ, Васко-де-Гама былъ торжественно принятъ королемъ, который произвелъ его въ адмиралы, съ ежегоднымъ содержаніемъ въ 300 тысячъ крузодовъ, и пожаловалъ ему титулъ «дона». Въ 1500 году, онъ былъ снова посланъ въ Индію съ большой эскадрой, чтобы отомстить королю Каликута, который нанесъ оскорбленіе Кабралю, замѣнившему въ индійскихъ водахъ Васко. Успѣшно исполнивъ это порученіе, онъ снова вернулся на родину, и король осыпалъ его новыми милостями, среди которыхъ было возведеніе его въ графы Видегейра, по имени города, даннаго ему въ качествѣ маіората. При Хозе III, преемникѣ короля Эммануила, Васко-де-Гама совершилъ третье путешествіе въ Индію, которое разительнo отличалось отъ его первыхъ двухъ экспедицій блескомъ и пышностью, благодаря уже тому, что онъ носилъ тогда титулъ вице-короля. Три года онъ пробылъ въ Гоа, утверждая и распространяя португальскія владѣнія, а 24 декабря 1524 года великій мореходецъ умеръ. Похороненный сначала въ Кохимѣ, гдѣ онъ скончался, онъ перенесенъ потомъ въ его городъ Видегейру и, наконецъ, въ 1578 году окончательно преданъ землѣ съ великимъ торжествомъ въ Лиссабонѣ. Слава Васко-де-Гама почти равняется славѣ Колумба, и въ честь его воздвигнутъ не только памятникъ въ Гоа, но Комоэнсъ воспѣлъ его подвиги въ «Луизіадѣ». Что касается до обвиненія его, какъ администратора, въ чрезвычайной жестокости и несправедливомъ обращеніи съ туземцами, то оно, главнымъ образомъ, поддерживается англичанами, которые, по справедливому замѣчанію Маріи Теллесъ, сами болѣе всѣхъ грѣшили въ этомъ отношеніи въ той же Индіи. По ея словамъ, подобное обвиненіе

не на чемъ не основано, а если Васко-де-Гама и обрапался не гуманно съ туземцами, то нельзя не вспомнить, что онъ жилъ четыреста лѣтъ тому назадъ, когда процвѣтали, даже въ Европѣ, всякаго рода ужасы. Что же касается до отличительныхъ свойствъ великаго мореходца, то всѣ его біографы единогласно признають за нимъ присутствіе духа, благоразуміе, благородство и религіозность.

— Французскій король Америки. Артуръ Гельяръ, извѣстный своими замѣчательными историческими трудами о Раблѣ, какъ юристъ и хирургъ, написалъ новое обширное сочиненіе, обращающее впервые вниманіе на почти невѣдомую, но очень оригинальную личность Виллеганьона, прозваннаго королемъ Америки и представляющаго одну изъ самыхъ необыкновенныхъ фигуръ XVI столѣтія, столь богатаго странными, своеобразными типами. Воинъ, морякъ, дипломатъ, историкъ, религіозный полемистъ, ученый, промышленникъ и земледѣлецъ,—онъ, послѣ длиннаго ряда всевозможныхъ приключеній, основалъ въ Бразиліи антарктическую Францію, королемъ которой и состоялъ. Разношерстную и высоколюбопытную дѣятельность этого замѣчательнаго француза, жившаго триста лѣтъ тому назадъ, взялся изобразить Артуръ Гельяръ и блестящимъ образомъ исполнилъ свою задачу ¹⁾. Родившись въ Провенсѣ въ 1510 году, Виллеганьонъ былъ сыномъ королевскаго прокурора, по имени Дюранъ, и воспитывался въ парижскомъ университетѣ, вмѣстѣ съ Кальвиномъ, съ которымъ впоследствии онъ велъ самую ожесточенную религіозную полемику. Получивъ степень бакалавра правъ, онъ сначала посвятилъ себя адвокатской дѣятельности, но ему не повезло, и, принявъ фамилію Виллеганьона, по небольшому помѣстью, принадлежавшему его семьѣ, онъ вступилъ въ число мальтійскихъ рыцарей и сталъ вести бурную жизнь авантюриста, что вполне подходило къ его физическимъ доблестямъ, мужеству, энергіи и рѣшимости. Трудно въ нѣсколькихъ словахъ пересчитать всѣ подвиги и приключенія этого храбраго рыцаря, странствовавшаго по свѣту и боровшагося со всевозможными врагами, по приказанію Мальтійскаго Ордена и французскаго короля. Въ продолженіе десяти лѣтъ онъ побывалъ въ Константинополѣ съ денешами отъ французскаго правительства, принялъ участіе въ неудачномъ штурмѣ Алжира войсками Карла V, воевалъ въ Венгріи, перевезъ Марію Стюартъ изъ Шотландіи въ Морлэ, защищалъ Мальту отъ турецкаго флота и, взятый въ плѣнъ, былъ заточенъ, по приказанію Карла V, въ Кремонѣ. Наконецъ, получилъ званіе вице-адмирала въ Брестѣ и наслушавшись рассказовъ моряковъ о чудесахъ Бразиліи, Виллеганьонъ рѣшилъ отправиться туда и основать антарктическую Францію. Онъ открылъ свой планъ королю Генриху II и получилъ отъ него 2.000 ливровъ на свою экспедицію. Но организація этой экспедиціи была дѣломъ очень труднымъ: сначала Виллеганьонъ сталъ приглашать переселенцевъ въ новую страну, но никто не явился; потомъ онъ сталъ звать, по его собственнымъ словамъ, «поддонки общества, въ видѣ промотавшихся кутиль и неоплатныхъ должниковъ», но и изъ нихъ никто не откликнулся, такъ что пришлось набрать экипажъ его трехъ судовъ изъ четырехъ сотъ тюремныхъ

¹⁾ Villegagnon, roi d'Amérique: un homme de mer au seizième siècle (1510--1572). par. A. Heulhard. Paris. 1898.

арестантовъ, уступленныхъ ему правительствомъ. Съ подобнымъ элементомъ колонизаціи онъ отправился основывать себѣ и Франціи новое королевство. 10-го ноября 1556 года, послѣ долгаго плаванія и многихъ бѣдствій, онъ вошелъ въ Рио-де-Жанейрскую, тогда Ганаварскую, бухту и занялъ небольшой островъ, доселѣ носящій названіе Виллеганьона. Провозгласивъ себя королемъ этого острова и водрузивъ тамъ французское знамя, онъ приступилъ къ завоеванію окрестныхъ береговъ, но, встрѣтивъ препятствіе отъ туземцевъ и португальцевъ, онъ обратился за помощью къ Генриху II. У короля не оказалось свободныхъ войскъ, а Колинъ послалъ ему на помощь протестантскую миссію, на вербованную самимъ Кальвиномъ въ Женевѣ. Подобная мѣра была не только странной, но прямо нелѣпой, такъ какъ Виллеганьонъ былъ ярый католикъ и энергично обращалъ въ католическую вѣру туземцевъ, такъ что, по прибытіи двухсотъ кальвинистовъ, между ними и французскимъ королемъ Америки завязалась упорная борьба. Спустя годъ, Виллеганьонъ собственною властью удалилъ протестантскихъ миссіонеровъ и снова остался одинъ. Однако, въ 1559 г., онъ былъ вынужденъ отправиться въ Парижъ для того, чтобы выпросить необходимую поддержку для антарктической Франціи. Но новый король Францискъ II не хотѣлъ и слышать объ этомъ дѣлѣ, а между тѣмъ португальцы изгнали французовъ изъ Бразиліи и овладѣли всей страной. Дѣлать было нечего, и Виллеганьону пришлось остаться во Франціи, гдѣ онъ сначала велъ ожесточенную полемику съ Кальвиномъ, а потомъ принималъ участіе въ религиозныхъ войнахъ. Наконецъ, онъ умеръ въ 1570 году, когда уже чувствовалъ себя неспособнымъ ни сражаться, ни писать.

— Вольтеръ, Людовикъ XV и Фридрихъ II. Съ прошлаго года въ *Correspondant* печаталась обширная монографія академика и бывшаго министра такъ называемаго нравственнаго порядка при Макъ-Магонѣ, герцога Брольи, о Вольтерѣ, передъ Семилѣтней войной и во время ея ¹⁾. Теперь она окончена и служитъ цѣннымъ вкладомъ въ вольтеровскую литературу, такъ какъ она составлена по неизданнымъ документамъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ. Авторъ, уже писавшій много о политикѣ Людовика XV, задался цѣлью выяснитъ, почему въ эту знаменательную эпоху Вольтеръ не принималъ виднаго участія въ политикѣ, тогда какъ ранѣе французскіе министры не разъ давали ему конфиденціальныя порученія къ его другу и покровителю, Фридриху II. Оказывается, что Вольтеръ, какъ и ранѣе, предлагалъ свои услуги Людовику XV, для предупрежденія разрыва съ прусскимъ королемъ, для выясненія публикѣ этого разрыва, когда онъ осуществился, и для устраниенія его вредныхъ послѣдствій, но, съ одной, стороны французскій король рѣшился болѣе не пользоваться услугами философа, а съ другой, Вольтеръ поссорился съ прусскимъ государемъ и поэтому не могъ разыгрывать успѣшно роли тайнаго дипломатическаго посредника. Напротивъ, прежде, которую онъ прежде исполнялъ съ успѣхомъ. Такъ, два раза онъ ѣздилъ въ Берлинъ съ секретнымъ порученіемъ французскаго двора: при вступленіи на престолъ Фридриха и

¹⁾ *Voltaire avant et pendant la guerre de sept Ans, par le duc de Broglie. Correspondant. 10—25 decembre 1897; 10—25 fevrier 1898.*

три года спустя, а что его дипломатическія услуги высоко цѣнились королями, кардиналомъ Флери и Д'Арженсономъ, доказывается тѣмъ, что никогда онъ не пользовался такимъ почетомъ и вліяніемъ при дворѣ и въ министерствѣ какъ въ эту эпоху своей жизни. Съ одной стороны, дружескія отношенія къ маркизѣ Помпадуръ, которыя начались еще задолго до ея славы, доставили ему мѣсто при дворѣ, гдѣ онъ завѣдывалъ всѣмъ, что касалось королевскихъ удовольствій, а съ другой, Д'Арженсонъ прибѣгалъ къ его помощи для составленія важныхъ дипломатическихъ документовъ; такъ, онъ написалъ декларацію къ Нидерландскимъ генеральнымъ штатамъ съ цѣлью убѣдить ихъ сохранить республиканскую форму правленія, воззванье къ Англіи для герцога Ришелье, который командовалъ эскадрой, предназначенной для десанта въ Англіи и возстановленія Стюартовъ, наконецъ, конфиденціальное письмо къ русской императрицѣ Елизаветѣ, въ которомъ, между прочимъ, находилась знаменитая фраза: «настоящая слава королей заключается въ счастіи ихъ подданныхъ». Но скорѣй ироническій тонъ философа оттолкнулъ отъ него, и короля, и министра; онъ почувствовалъ, что вѣтеръ въ Версалѣ перемѣнился, и переехалъ въ другой дворецъ, существовавшій во Франціи и отличавшійся болѣе буржуазнымъ характеромъ, именно, къ Станиславу Лещинскому въ Люневиль. Но и тамъ ему не повезло. Тогда онъ принялъ предложеніе Фридриха II поселиться въ Берлинѣ, гдѣ онъ былъ принятъ самымъ торжественнымъ образомъ не только королемъ, но и обществомъ, въ которомъ его имя было очень популярно. «Я пользуюсь здѣсь не только свободой,—писалъ онъ къ своему другу Д'Аржанталю,—но вниманіемъ и любезностью завоевателя Силезіи, который несетъ на своихъ плечахъ королевское бремя отъ 5 часовъ утра до обѣда и затѣмъ совершенно предается литературѣ, и три часа занимается со мною; что же касается ужина, то онъ въ это время самый пріятный и обворожительный человекъ». За этими ужинами, философа часто помѣщали между двумя королевами; жилъ онъ во дворцѣ, гдѣ все было къ его услугамъ. Но необходимо было урегулировать его положеніе при прусскомъ дворѣ, и Фридрихъ предложилъ ему мѣсто камергера, съ 20.000 франками содержанія и пенсію въ 4.000 фр. его племянницѣ, г-жѣ Дени, если онъ выпишетъ ее изъ Франціи и сдѣлаетъ хозяйкой своего дома, какъ въ Парижѣ. Вольтеръ съ удовольствіемъ согласился, но онъ хотѣлъ сохранить свои должности и содержаніе при версальскомъ дворѣ а потому съ помощью Фридриха переговоры объ этомъ съ Людовикомъ, который, однако, оказался долго непреклоннымъ и если подъ конецъ согласился оставить Вольтеру придворное званіе, нѣчто въ родѣ камеръ-юнкера, и 2.000 фр. пенсіи, то отнялъ у него титулъ исторіеграфа, съ присвоеннымъ ему содержаніемъ, и очень рѣзко велѣлъ сказать Фридриху: «очень радъ; у него будетъ однимъ шутомъ больше, а въ Версалѣ однимъ шутомъ меньше». Называть великаго писателя шутомъ было странно, но еще страннѣе, по справедливому замѣчанію Брольи, былъ непонятный отказъ Людовика и его правительства имѣть въ немъ тайнаго агента при Фридрихѣ, что могло бы принести столько пользы Франціи. Два года продолжалась дружба философа-короля и Вольтера, но дѣло кончилось послѣ длиннаго ряда ссоръ и непріятностей открытымъ разрывомъ. Фридрихъ, несмотря на свое пристрастіе къ иностраннымъ уче-

нымъ и литераторамъ, которыми онъ любилъ окружать себя, обращался съ ними круто, подъ маской любезности, и часто обнаруживалъ свое презрѣніе къ нимъ. Вольтеръ этого не выдержалъ, и у нихъ пошли пререканія за пререканіями, въ которыхъ былъ отчасти виновенъ и французскій философъ своими сомнительными финансовыми сдѣлками и постоянными столкновеніями съ Мопертюи, также французомъ и председателемъ королевской академіи въ Берлинѣ. Въ эти столкновенія вмѣшался Фридрихъ, и на анонимную рѣзкую брошюру Вольтера противъ Мопертюи онъ написалъ такой же анонимный отвѣтъ, въ которомъ назвалъ своего камергера «клеветникомъ безъ всякаго таланта». Вольтеръ вскипѣлъ злобой и, пользуясь данными ему королею привилегіями, выпустилъ въ свѣтъ свой извѣстный памфлетъ «Діатриба доктора Акакія, врача папы», въ которомъ Мопертюи былъ подвергнутъ самымъ грубымъ насмѣшкамъ. Злоба Фридриха перешла всѣ границы: онъ прямо написалъ своему камергеру, что «за его сочиненія ему слѣдовало воздвигать статуи, а за поведеніе заковать въ цѣпи». Хотя дѣло кончилось благополучно, и камергеръ прусскаго двора обѣщалъ своему королю оставить въ покоѣ председателя его академіи и уничтожить всѣ экземпляры памфлета, но французскій философъ долго не выдержалъ и сталъ тайнѣ распространять сохраненные экземпляры. Фридрихъ счелъ себя оскорбленнымъ и приказалъ не только сжечь черезъ палача на площади ненавистный ему памфлетъ, но напечатать, что авторъ памфлета Вольтеръ. Положеніе Вольтера въ Берлинѣ стало невыносимымъ, и онъ подалъ въ отставку, но Фридрихъ не согласился на это, и еще нѣсколько мѣсяцевъ продолжались между ними самыя натянутыя отношенія. Наконецъ, подъ предлогомъ необходимости отправиться для здоровья на воды въ Пломбьеръ, берлинскій камергеръ былъ отпущенъ, и, конечно, нервнымъ его дѣломъ, достигнувъ Лейпцига, было выпустить новое изданіе памфлета доктора Акакія, съ новыми добавленіями. Фридрихъ тогда сталъ открыто преслѣдовать своего недавняго друга, и послѣдній былъ арестованъ въ Франкфуртѣ, будто бы по ошибкѣ, но требованье, представленное ему полиціей, о возвратѣ сборника поэтическихъ произведеній Фридриха, въ очень порнографическомъ духѣ и чрезвычайно оскорбительныхъ для многихъ сильныхъ міра сего, обнаружило, что тутъ дѣйствовала рука прусскаго короля. Черезъ двѣ недѣли, Вольтеръ былъ выпущенъ на свободу, но этотъ скандалъ надѣлалъ много шума во всей Европѣ, и Фридрихъ задалъ головоломку неловкимъ исполнителямъ его приказаній. Сначала оскорбленный философъ обратился къ германскому императору съ предложеніемъ пріѣхать въ Вѣну, такъ какъ онъ имѣлъ кое-что сообщить ему, но, не получивъ отвѣта, обратился съ тѣмъ же къ Людовику, который не согласился видѣть въ Версалѣ берлинскаго изгнанника. Поэтому онъ поселился въ Страсбургѣ, по его выраженію, между двумя королями, какъ между двумя стульями, а спустя нѣсколько лѣтъ купилъ себѣ небольшое помѣстье близъ Женевы, на берегу Роны, названное имъ «Les Delices». Когда началась семилѣтняя война, Фридрихъ, Людовикъ и даже Марія-Терезія стали заигрывать съ опальнымъ философомъ, понимая, какую пользу они могутъ извлечь изъ его пера и популярнаго имени, но онъ, наученный опытомъ, уклонился отъ всѣхъ лестныхъ предложеній. Однако, при видѣ невз-

годъ, обрушившихся на его берлинскаго врага, который, тѣснимый отовсюду Франціей, Австріей, Россіей, писалъ своей сестрѣ, что ему остается только наложить на себя руку, Вольтеръ рѣшился доказатьъ міру свое великодушіе и посовѣтовалъ сестрѣ Фридриха, маркграфинѣ Байретской вступить въ мирныя переговоры съ французскимъ главнокомандующимъ маршаломъ Ришелье, которому онъ написалъ письмо; въ то же время онъ обратился къ самому Фридриху, съ увѣщаніемъ не прибѣгать къ самоубійству, недостойному его, какъ философа и великаго человѣка. Но всѣ переговоры, въ которыхъ принялъ даже личное участіе Фридрихъ, окончились ничѣмъ, и онъ написалъ Вольтеру въ стихахъ, что «намѣренъ пойти противъ грозы и думать, жить и умереть по-королевски», а сестрѣ объявилъ, что «въ виду нахальства и гордости французъ, онъ поговоритъ съ ними такъ, что они пожалѣютъ не заключеніи мира». Онъ сдержалъ слово и побѣдой подъ Росбахомъ повернулъ счастье въ свою сторону. Но, несмотря на это, онъ вступилъ въ переговоры съ Вольтеромъ на счетъ мира, за что философъ ухватился съ удовольствіемъ и напелъ дорогу къ герцогу Шуазелю, французскому министру иностранныхъ дѣлъ. Конечно, это ни къ чему не повело, и переписка между снова подружившимися врагами прекратилась до окончанія войны. Съ другой стороны, въ виду столькихъ неудачъ, Вольтеръ положилъ конецъ и своимъ хлопотамъ о возвращеніи въ Версаль. По справедливому замѣчанію Бродли, «изгнаніе Вольтера придавало ему гордое достоинство; освобожденный отъ страха лишиться милости за всякое неосторожное слово, онъ получилъ возможность смѣло нападать на все и всѣхъ. Удаленный отъ дворовъ, онъ создалъ самъ себѣ дворъ, въ которомъ ему курили фиміамъ. Вскорѣ настало время, когда всѣ государи Европы опасивали честь получить отъ него строчку, всѣ знатные путешественники, даже королевской крови, считали своимъ долгомъ, по дорогѣ во Францію, совершить паломничество въ Ферней. Когда же, наконецъ, Парижъ сталъ ему доступенъ, то онъ вернулся туда въ блескѣ торжества и умеръ окруженный всѣмъ, чего только могло жаждать самое безумное самолюбіе. Неограниченная власть часто приходитъ къ разочарованію, но врядъ ли исторія представляетъ болѣе неудачнаго примѣра преслѣдованія, результатомъ котораго было возвеличеніе предмета преслѣдованія».

— Автобіографія Артура Юнга. Послѣ извѣстнаго англійскаго писателя и агронома Артура Юнга, автора замѣчательной книги о Франціи въ концѣ XVIII вѣка, осталось много рукописнаго матеріала, который до сихъ поръ былъ не изданъ. Теперь миссъ Бетамъ Эдвардсъ мастерски воспользовалась имъ и напечатала автобіографію Юнга, значительно ею сокращенную, и избранныя его письма, заимствованныя изъ двѣнадцати томовъ его рукописной переписки¹⁾. Всѣми признано, что описаніе Артуромъ Юнгомъ трехъ своихъ путешествій по Франціи въ 1787, 1788 и 1789 годахъ представляетъ для историковъ самый драгоцѣнный матеріалъ при изученіи положенія Франціи наканунѣ революціи. Рядомъ съ этою классическою книгой, которая до сихъ поръ

¹⁾ The Autobiography of Arthur Young: with Selections from his Correspondence. By M. Betham Edwards. London. 1898.

служить руководством во французскихъ школахъ, можно поставить и другую книгу того же автора «Путешествіе по Ирландіи». Но, странно, что оказавъ такую громадную услугу исторіи, Артуръ Юнгъ, при своей жизни, нимало о ней не заботился, а думалъ лишь объ агрономіи, ради которой онъ исколесилъ три раза всю Францію, отъ Ламанша до Парижа, посѣтилъ Ирландію и провелъ большую часть своей жизни въ попыткахъ улучшенія земледѣльческихъ работъ. Съ юности онъ считалъ земледѣліе самымъ полезнымъ, самымъ благороднымъ занятіемъ и любилъ называть себя «человѣкомъ плуга» и «жрецомъ Цереры». Когда король Георгъ III подарилъ ему образцоваго барана изъ породы мериносовъ, то онъ публично заявилъ, что государь, заботящійся объ улучшеніи скота, понимаетъ настоящую славу, такъ какъ дать хорошаго барана фермеру славнѣе, чѣмъ одерживать побѣды и завоевывать королевства». Впрочемъ, ставя выше всего земледѣліе, онъ однако считалъ, что лучшимъ удобреніемъ для земли, какъ и для всего остальнаго, свобода и при этомъ свобода, по его мнѣнію, была только хороша, когда ея не злоупотребляли. Посѣщая Францію передъ самой революціей, онъ совѣтовалъ ея общественнымъ дѣятелямъ уничтожить всѣ феодальныя привилегіи, административныя злоупотребленія и несправедливыя налоги, а когда его совѣты были исполнены, то онъ настолько былъ убѣжденъ въ благотѣльномъ ихъ вліяніи, что громко предсказывалъ прекрасныя урожаи на поляхъ и побѣду Франціи надъ союзными державами, такъ какъ, по его словамъ, эта борьба была народная, и каждый человѣкъ, каждая женщина и каждый ребенокъ отстаивали свою, только что пріобрѣтенную, свободу. Тѣ же идеи, которыя Артуръ Юнгъ проводилъ въ его знаменитой книгѣ о Франціи, положены имъ въ основу и своей автобіографіи, которая написана очень ясно и рельефно, хотя и нельзя сказать, чтобы изложеніе была блестящее, или картинное. Что же касается до его жизни, то еѣ можно изложить въ двухъ словахъ, и она не представляетъ особыхъ интересныхъ перипетій. Сынъ провинціального пастора, онъ получилъ первоначальное воспитаніе въ Лавенгамской школѣ, а восемнадцати онъ лѣтъ хотѣлъ поступить въ контору одного изъ своихъ родственниковъ; но когда этотъ планъ не осуществился, то онъ отправился въ Лондонъ и сталъ издавать журналъ The Universal Museum, но эта попытка ему не удалась и, отказавшись по просьбѣ матери отъ предложеннаго ему офицерскаго патента, онъ посвятилъ себя всецѣло земледѣлію. Арендовавъ отъ плени матери ферму, онъ сталъ примѣнять на ней всѣ усовершенствованныя методы агрономіи и о результатахъ своей дѣятельности, а также посѣщенія различныхъ мѣстностей Англіи, Шотландіи и Ирландіи съ агрономической цѣлью, онъ печаталъ отчеты отдѣльными брошюрами, изъ которыхъ самыя замѣчательныя выходили подъ названіемъ «Письма фермера» и въ издаваемомъ имъ журналѣ «Записки земледѣлія», въ которомъ иногда даже сотрудничалъ король Георгъ III. По странной ироніи судьбы, при всей его авторитетности ученаго и образцоваго агронома, всѣ его попытки самому практически примѣнить свои знанія къ дѣлу не увѣнчивались успѣхомъ, тогда какъ напротивъ его совѣты приносили явную пользу всѣмъ, кто обращался къ нему за помощію, не только на его родинѣ, но и во всей Европѣ. Вслѣдствіе постоянныхъ сельскохозяйственныхъ неудачъ, Юнгъ долженъ былъ по-

стоянно обращаться къ другимъ источникамъ заработка, такъ онъ около года былъ парламентскимъ репортеромъ отъ газеты Morning Post, а потомъ нѣсколько времени исполнялъ должность поземельнаго агента лорда Кингсборо, въ Ирландіи. Наконецъ, при учрежденіи правительствомъ особаго вѣдомства земледѣлія, въ 1793 году, Юнгъ былъ назначенъ его секретаремъ; но это, по видимому созданное для него, мѣсто оказалось источникомъ многихъ неприятностей, такъ какъ онъ не могъ спѣться со своимъ ближайшимъ начальникомъ, хотя такіе передовые государственные люди, какъ Питтъ и Боркъ, постоянно обращались къ нему за совѣтомъ по всему, что касалось земледѣльческаго труда. Въ послѣдніе годы своей жизни Юнгъ подвергся двумъ горестямъ, нравственной и физической: потерѣ любимой дочери и слѣпотѣ. Благодаря этимъ двумъ обстоятельствамъ, онъ впалъ въ мистическій, суевѣрный методизмъ, и конецъ его автобіографіи наполненъ религіозными разсужденіями фанатическаго оттѣнка.

— Наполеонъ на Эльбѣ и Св. Еленѣ. Въ виду все еще неослабѣвающаго общаго вниманія къ Наполеону, естественно, что французскіе авторы и издатели съ пламеннымъ рвеніемъ отыскиваютъ невѣдомыя воспоминанія современниковъ о Наполеонѣ въ различныя эпохи его жизни. Такимъ образомъ, недавно появились въ Парижѣ двѣ книги, рисующія любопытную картину его пребыванія на Эльбѣ и Св. Еленѣ. Первая изъ нихъ совершенная новинка и представляетъ, подъ заглавіемъ «Воспоминанія и анекдоты объ островѣ Эльбѣ» А. Понса, извлеченіе изъ обширныхъ рукописей автора, хранящихся въ Каркасонской публичной бібліотекѣ¹⁾. Находясь во время ефемернаго царствованія Наполеона на миниатюрномъ островкѣ Средиземнаго моря постояннымъ свидѣтелемъ всего, что происходило при императорскомъ дворѣ, А. Понсъ, нѣкогда ярый республиканецъ и сторонникъ Робеспьера, а потомъ префектъ при имперіи и іюльской монархіи, наконецъ, членъ государственнаго совѣта во времена второй республики, намѣренъ былъ написать подробную апологію Наполеона и для этого набросалъ большое количество замѣтокъ, воспоминаній, разсужденій и т. д., изъ которыхъ профессоръ университета въ Монпелье, Леонъ Пелисье, составилъ настоящую книгу, онъ же общааетъ на основаніи тѣхъ же матеріаловъ, выпустить еще томъ, посвященный возвращенію Наполеона съ Эльбы въ Парижъ. Пока передъ нами интересный разсказъ А. Понса, занимавшаго мѣсто начальника горнаго вѣдомства на островѣ, о жизни Наполеона въ своемъ маленькомъ царствѣ, объ административномъ и военномъ его устройствѣ, объ организаціи двора, душой котораго былъ Бертравъ, о матери императора, раздѣлявшей его изгнаніе, о празднествахъ, которыя устраивала принцесса Полина, старавшаяся развеселить брата, объ его прогулкахъ по острову и т. д. Какъ серьезно ни относился Наполеонъ къ своей роли государя, но его административныя заботы оставляли ему время для бесѣдъ о современныхъ событіяхъ и о недавней кампаніи, неудачу которой онъ приписывалъ всецѣло измѣнѣ Мармона. Эти разговоры, приводимые въ извлеченіи

¹⁾ Souvenirs et anecdotes de l'île d'Elbe, par Pons (de L'Herault). Publiés par Leon Pelicier. Paris. 1898.

Понсомъ, хотя и не сообщаютъ ничего новаго, но служатъ нелишнимъ матеріаломъ для характеристики Наполеона. Книга, посвященная пребыванію императора на островѣ Св. Елены—не новость: это переводъ воспоминаній Бетси Балькомбъ, которыя появились впервые въ англійскомъ журналѣ «New Century Review» въ 1843 г., а потомъ въ трехъ отдѣльныхъ изданіяхъ, но такъ какъ экземпляры англійскаго подлинника сдѣлались библиографическою рѣдкостью, то французскій переводъ¹⁾, напечатанный сначала въ «Revue Hebdomadaire», является не лишнимъ вкладомъ въ наполеоновскую литературу. Авторъ этихъ мемуаровъ, Елизавета Балькомбъ, потомъ мистриссъ Абель, была дочерью англійскаго финансоваго агента на Св. Еленѣ, которому было поручено заботиться о матеріальныхъ трудахъ Наполеона и его свиты. Въ первые три мѣсяца его ссылки, императоръ даже жилъ въ его домѣ, пока приготавлили ему жилище въ Лингвудѣ, и вся семья Балькомбъ такъ подружилась съ нимъ, что Гудсонъ Ло, спустя три года, удалилъ съ острова слишкомъ сочувствовавшихъ его узнику, лицъ. Въ особенности четырнадцатилѣтняя Бетси была дружна съ Наполеономъ, который очень любилъ ее, подчинялся всѣмъ ея капризамъ, переносилъ всѣ ея иногда грубыя шутки, принималъ участіе въ ея дѣтскихъ играхъ, и вообще баловалъ ее, какъ собственнаго ребенка. Всѣ писавшіе объ изгнанникѣ Св. Елены: Ласъ-Казасъ, О'Меара, Манталонъ, Меншеню, Штюрмеръ, Бальмень и т. д., упоминаютъ о «маленькой Бетси», а баронъ Штюрмеръ, австрійскій комиссаръ, говоритъ между прочимъ: «Миссъ Бетси Балькомбъ, живая, граціозная и наипная дѣвочка, пятнадцати лѣтъ, заслужила славу, благодаря привязанности къ ней императора». Съ своей стороны балованная любимица Наполеона питала къ нему всю жизнь самый пламенный культъ и всегда поддерживала близкія отношенія съ родственниками своего «великаго друга», преимущественно съ Наполеономъ III, котораго знала въ Англии въ его молодости, потомъ въ эпоху его славы, и наконецъ, снова къ Англии, послѣ Седанскаго погрома. Когда она умерла въ концѣ 1871 г., то онъ написалъ изъ Чисельгорста очень сочувственное письмо къ ея дочери, мистриссъ Джонсонъ. Хотя воспоминанія Бетси Балькомбъ написаны спустя двадцать пять лѣтъ послѣ трехлѣтней дѣтской дружбы съ Наполеономъ, но онѣ отличаются свѣжестью, живостью и полной искренностью, такъ что врядъ ли существуетъ во всей обширной наполеоновской литературѣ болѣе драгоценный матеріалъ для его характеристики, какъ человека. Въ разсказѣ «Маленькой Бетси» онъ является нараспашку въ его домашней жизни, и надо признаться, производитъ самое пріятное, самое симпатичное впечатлѣніе. «Я вынесла изъ моихъ близкихъ, почти ежедневныхъ, отношеній къ великому человеку, — говоритъ она въ концѣ своихъ мемуаровъ, — что онъ отличался большой добротой, теплыми чувствами и надежной привязанностью, конечно, если это не противорѣчило его самолюбію, ради котораго онъ жертвовалъ всѣмъ. Эта доброта Наполеона доказывается воочію его привязанностью къ дѣтямъ, тѣмъ искреннимъ удовольствіемъ, которое онъ ощущалъ въ ихъ

¹⁾ Napoleon à Sainte-Hélène. Souvenirs de Betsy Balcombe, avec une introduction par L. Grasillier. Paris. 1898.

обществѣ, въ самую несчастную эпоху своей жизни, когда человекъ холодный, суровый, неспособный ни на какую привязанность, страдалъ бы молча, мрачно насупившись. Проработавъ нѣсколько часовъ, онъ допускалъ къ себѣ дѣтей и съ ними игралъ весело, сердечно; онъ самъ дѣлался ребенкомъ, и признаюсь, забавнымъ ребенкомъ. При этомъ все, что онъ дѣлалъ, игралъ ли съ дѣтьми, или любезничалъ съ старшими членами моей семьи, онъ сопровождалъ все нѣжной, обворожительной улыбкой и самыми пріятными предупредительными манерами. Дѣти отличаются большей наблюдательностью, и видѣвъ Наполеона во всякомъ настроеніи и въ такія минуты, когда онъ не наблюдалъ за собою, я убѣждена, что онъ никогда не разыгрывалъ роли и не принималъ на себя маски доброты и любезности. Впрочемъ, не я одна вынесла такое впечатлѣніе изъ дружескихъ съ нимъ отношеній, а всѣ окружавшіе его на Св. Еленѣ». Этотъ взглядъ на Наполеона, какъ человека, вполне подтверждаютъ передаваемые Бетси Валькомбъ мелкія подробности объ его домашней жизни и въ особенности объ его отношеніяхъ къ дѣтямъ, рассказъ о чемъ составляетъ главную прелесть ея воспоминаній. Онъ ежедневно цѣлыми часами возился съ дѣтьми, игралъ съ ними въ жмурки, входилъ во всѣ ихъ радости и горести, терпѣливо выносилъ всѣ выходки, часто непріятныя со стороны шаловливой Бетси, заступался за нее передъ родителями, развлекалъ ее шутками во время семидневнаго ареста въ подвалѣ, которому отецъ подвергъ Бетси за то, что она показала Наполеону оскорбительную на него карикатуру, бѣгалъ и перепрыгивалъ черезъ заборы съ дѣтьми, пугалъ Бетси сценами привидѣній, кормилъ ее всевозможными лакомствами и дарилъ ей драгоценные подарки, изъ которыхъ у нея сохранилась только прядь его волосъ. Всѣхъ этихъ человѣческихъ чертъ «людюда», какъ называли англичане своего узника, невозможно перечислить, и онѣ придають наибольшій интересъ книгѣ его «маленькаго друга Бетси».

— Любимицы Шатобриана. Знаменитый авторъ «*Martyrs*» пользовался необыкновеннымъ сочувствіемъ женщинъ, и его имя перешло въ потомство, окруженное цѣлой плеядой красавицъ, любившихъ его платонически и неплатонически. Въ недавнее время появилось нѣсколько журнальныхъ статей и даже книгъ, рисующихъ отношенія Шатобриана къ своимъ любимицамъ и возстановляющихъ ихъ болѣе или менѣе привлекательный образъ. Всего интереснѣе очеркъ Ипполита Бюфенуара о галереѣ этихъ замѣчательныхъ женщинъ ¹⁾ и книга А. Барду объ одной изъ нихъ, герцогинѣ Дюра ²⁾. Если Бюфенуаръ подробно говоритъ о семи главныхъ любимицахъ Шатобриана, кромѣ его сестры и жены, то этимъ вовсе не исчерпывается все количество женщинъ, игравшихъ роль въ его жизни, такъ какъ сверхъ этихъ, такъ сказать, первыхъ нумеровъ, былъ еще безконечный рядъ второстепенныхъ любимицъ которыхъ Бюфенуаръ упоминаетъ по имени: маркизу Таларю, г-жѣ Беранже, Монкальнъ, Койзаленъ, Гролье и Д'Агессо, а также принцессу Драго. Г-жа Сталь и Гортензія Меритенсъ также пользовались его милостями, а полного списка этихъ избранныхъ созданій даже невозможно теперь составить, такъ какъ

¹⁾ *Les amies de Chateaubriand*, par H. Buffenoir. Revue Bleue. Mars 12 et 19. 1898.

²⁾ *La Duchesse de Duras*, par A. Bardoux. Paris. 1898.

Шатобрианъ очаровывалъ три и четыре поколѣнія своихъ соотечественницъ. Первая женская любовь, которую узналъ Шатобрианъ, была любовь его сестры Люсилы, дѣлвшею съ нимъ всѣ радости и горести его дѣтства и юности. Хотя она имѣла романъ съ Шенедолемъ и вышла замужъ за старика графа Ко, но въ сущности она никого не любила, кромѣ своего брата, который представилъ ея идеальный портретъ въ Амелии, въ «Рене». Вторымъ другомъ Шатобриана была его жена, Селеста Ла-Винь Бюнесанъ, но въ сущности только она преданно его любила и оставалась вѣчно вѣрною, а онъ циталъ къ ней лишь холодное уваженіе, а счастье искалъ внѣ дома. Въ особенности оскорбили молодую наивную жену его отношенія къ молодой англичанкѣ, которую онъ увѣрилъ, что холостой, и послѣ этого неблагоприятнаго поступка г-жа Шатобрианъ рассталась съ нимъ на много лѣтъ. Только подъ старость они снова сошлись и жили вмѣстѣ, хотя сердце его сохраняло молодость и продолжало искать внѣшнихъ утѣшеній. Первымъ, настоящимъ предметомъ любви Шатобриана была графиня Бомонъ, которая посвятила ему всю жизнь съ перваго дня ихъ знакомства. Дочь Монморена, министра Людовика XVI и разводная жена, она отличалась удивительной красотой, неподдѣльной граціей, замѣчательнымъ умомъ и прекраснымъ образованіемъ. Въ ея салонѣ собирались замѣчательнѣйшія личности обоого пола того времени, и неудивительно, что при такой обстановкѣ и при такихъ блестящихъ качествахъ она сумѣла плѣнить Шатобриана. Между ними завязалась идеально-поэтическая связь, которую расторгнуть могла только смерть, въ 1803 году, графини Бомонъ. Она внушила знаменитому писателю его лучшія сочиненія: «Атала», «Рене» и «Духа христіанства». Несмотря на отчаяніе, которое возбудила въ немъ смерть этой необыкновенной женщины, онъ вскорѣ утѣшился съ графиней Дельфиной Кюстинъ, веселой, прелестной представительницей XVIII в. Не смотря на то, что она отличалась прекраснымъ здоровьемъ, въ чемъ представляла рѣзкій контрастъ съ вѣчно больной графиней Бомонъ, частыя измѣны Шатобриана такъ разстроили ее, что она также умерла прямой жертвой своей любви къ нему. Еще грустнѣе кончилась его любовь съ герцогиней Муши, въ честь которой онъ написалъ: «Послѣдняго изъ Абенсеражей»; хотя вывелъ ее въ образѣ героини этого романа, какъ образецъ всего, что есть благороднаго въ женщинѣ, онъ, по обыкновенію, быстро покинулъ ее для новой любви, а несчастная сошла съ ума. Послѣ непродолжительной связи съ бѣдной герцогиней Муши и платоническихъ отношеній къ г-жамъ Вентиминъ и Лабордъ, которыя были очень преданными его друзьями, Шатобрианъ сошелся съ герцогиней Дюра, и хотя по увѣренію ея восторженнаго біографа Барду, она въ продолженіе двадцатилѣтнихъ отношеній къ нему была только его другомъ, но, по своимъ блестящимъ качествамъ и по роли, которую она играла въ жизни Шатобриана, ей принадлежитъ второе мѣсто въ галлерей его любимицъ послѣ графини Бомонъ. Послѣдняя его любовь, извѣстная г-жа Рекамье, несмотря на свою красоту и искреннюю привязанность къ нему, не переходила никогда границъ платоническаго чувства. Ихъ трогательная, горячая привязанность сохранилась до старости; послѣ его смерти, на восемьдесятъ первомъ году, она прожила только одинъ годъ и скончалась, произнося его дорогое имя.

— Отголоски 1848 года. Пятидесятилѣтній юбилей народнаго движенія въ европейскихъ странахъ въ 1848 году прошелъ официально незамѣченнымъ, но до сихъ поръ въ журналахъ особенно нѣмецкихъ появляются статьи и воспоминанія о событіяхъ того времени. Въ мартовской книжкѣ «Deutsche Rundschau», Карлъ Френцель, вспоминаетъ о своихъ личныхъ приключеніяхъ во время берлинской революціи, а А. Бухольцъ дѣлаетъ любопытный сводъ всего, что до сихъ поръ написано по этому поводу¹⁾. Профессоръ Гейнъ въ Daheim²⁾ поставилъ себѣ ту же цѣль, но выполняетъ ее въ болѣе живой и обстоятельной формѣ, наконецъ, въ «Preussische Jahrbücher», «Velhagen» и «Die Zeit» появились болѣе или менѣе любопытныя статьи о событіяхъ въ Германіи въ 1848 году³⁾. Но, быть можетъ, наибольшій интересъ возбуждаетъ очеркъ Стэда въ апрѣльскомъ нумерѣ «Review of Reviews», въ которой онъ опредѣляетъ значеніе народнаго движенія 1848 г. въ Европѣ и указываетъ на его результаты. По словамъ англійскаго публициста, событія 1848 г. вполне достойны юбилейныхъ празднествъ, такъ какъ, хотя тогдашнее движеніе, охватившее всю Европу, было побѣждено реакціей, но оно въ концѣ концовъ, хотя и спустя много лѣтъ, одержало полную побѣду. Въ сущности въ чемъ состояло это движеніе? — спрашиваетъ Стэдъ и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ по пунктамъ: 1) во Франціи была низвергнута монархія и восстановлена республика; 2) въ Италіи произведены попытки достиженія независимости и единства страны, а также уничтоженія свѣтской папской власти; 3) Венгрія возстала противъ Австріи, съ цѣлью образованія самостоятельнаго государства; 4) въ Австріи стремились къ введенію конституціи; 5) въ Германіи добивались такой же конституціи и единства. Всѣ эти стремленія къ прогрессивнымъ цѣлямъ были ознаменованы мученичествомъ многочисленныхъ героевъ, и всѣ ихъ усилія уничтожены торжествующей реакціей. Но, въ концѣ-концовъ, то, чего добивались герои 1848 года, осуществлено, хотя и не въ томъ видѣ, какъ они желали. То, что казалось пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ фантастической утопией, теперь трезвая дѣйствительность. Во Франціи уже двадцать семь лѣтъ процвѣтаетъ республика, Германія и Италія достигли единства. Венгрія вполне самостоятельна, хотя и подъ скипетромъ Габсбурговъ. Даже многое, чего требовалъ въ Англии чартизмъ, этотъ отголосокъ событийъ на континентѣ въ 1848 году, теперь уже давно составляетъ дѣйствительный фактъ, а еще большее внесено въ программу будущихъ либеральныхъ реформъ. Такъ уже осуществлена широкая избирательная реформа и тайная подача головъ, а также поставлены на очередь вопросы объ ежегодныхъ парламентахъ и вознагражденіи депутатовъ. Въ заключеніе своей статьи Стэдъ выражаетъ сожалѣніе, что нигдѣ не отпразднованъ достойнымъ образомъ юбилей народнаго движенія 1848 года, и предлагаетъ учредить въ честь этой годовщины международное общество федераціи

1) Die Berliner Märztag, von K. Frenzel.—Die Literatur der Berliner Märztag, von A. Buch. Deutsche Rundschau.—März.

2) Ruchholtz.—Die Märztag in Berlin, von E. Heick.—Daheim. 5 mars.

3) 1848, von Max Sens. Preussische Jahrbücher — März 1848, von prof. E. Marcks. Velhagen und Klasing's Monatshefte. März. Anastasius Grün und Baurnefeld 13 März 1848. von dr. Bruno von Franke-Hochwar. Die Zeit. 12 März.

всѣхъ европейскихъ государствъ, первую мысль о которой подали дѣятели 1848 года, самоотвержено отстаивавшіе свои идеалы человѣческаго братства.

— Письма Виктора Гюго. Второй и послѣдній томъ переписки Виктора Гюго¹⁾ обнимаетъ собою сорокъ шесть лѣтъ, отъ 1836 до 1882 года. Онъ раздѣленъ на четыре части: въ первую вошли коротенькія записки, адресованныя поэтомъ въ 1851 году различнымъ лицамъ, преимущественно его друзьямъ: Ламаргину, Теофилю Готье, Арсену Гуссе и т. д.; вторая часть посвящена десяти письмамъ изъ Брюсселя, куда Гюго бѣжалъ послѣ 2 декабря; а третья обнимаетъ эпоху изгнанія поэта *Miserables*, на Джерсей и Гернсей отъ 1852 до 1870 г., а четвертая заключаетъ въ себѣ письма изъ Франціи по всевозможнымъ политическимъ и общественнымъ дѣламъ, отъ возвращенія во Францію до его смерти. Хотя вся эта обширная переписка не сообщаетъ о великомъ поэтѣ и общественномъ дѣятелѣ ничего новаго для характеристики автора, но знакомитъ съ его взглядами на различные вопросы, литературные, политическіе и общественные, а такъ какъ онъ всегда высказываетъ благородныя, возвышенныя и гуманныя идеи, то его письма составляютъ далеко не бесполезное чтеніе. Въ каждомъ изъ нихъ и въ ихъ общемъ цѣломъ Викторъ Гюго отражается во всей полнотѣ его таланта и служенія человѣчеству. Изъ писемъ, относящихся къ первой эпохѣ, быть можетъ, всего любопытнѣе его отвѣтъ въ 1845 году на статью одной провинціальной газеты, распространившейся на счетъ его богатства. — «Я работаю двадцать восемь лѣтъ, — писалъ онъ: — а принялся за литературный трудъ съ пятнадцати лѣтъ. Въ это время я заработалъ своимъ перомъ около 500 тысячъ франковъ, а теперь у меня остается до 300 тысячъ. Эти деньги я внесъ въ банкъ такимъ образомъ, чтобы моя жена и дѣти могли существовать на нихъ послѣ моей смерти безъ всякихъ правительственныхъ или общественныхъ пенсій. Я живу, содержу семью въ одиннадцать человѣкъ на процентъ съ этого капитала, а также на то, что теперь зарабатываю, и на получаемые мною 83 франка въ мѣсяцъ, въ качествѣ академика». Но наибольшей интересъ представляютъ письма Гюго изъ Брюсселя къ его женѣ. Они живо рисуютъ его положеніе въ бельгійской столицѣ, послѣ 2 декабря и прекрасно характеризуютъ его тогдашнее положеніе. «Я не страдаю, — пишетъ онъ между прочимъ отъ 6 декабря 1852 года: — я созерцаю и жду. Я боролся и исполнилъ свой долгъ. Я побѣжденъ, но счастливъ. Спокойная совѣсть — это ясное небо внутри человѣка». Свои досуги поэтъ сначала посвятилъ составленію исторіи 2 декабря, но потомъ измѣнилъ свой планъ и написалъ въ стихахъ *Napoleon le petit*, гдѣ онъ пригвоздилъ къ позорному столбу, тогда торжествующаго, героя государственнаго переворота, а историческій его трудъ былъ доконченъ и выпущенъ въ свѣтъ много лѣтъ спустя. Жизнь онъ велъ въ Брюсселѣ самую скромную, трудолюбивую: вставалъ въ 8 часовъ утра, работалъ до одиннадцати, завтракалъ, принималъ друзей до трехъ часовъ, снова работалъ до пяти и въ третій разъ принимался за работу въ десять, а въ двѣнадцать ложился спать. Такъ какъ всѣ, даже враги, глубоко его уважали, то каждый французъ, проявившій себя чѣмъ бы то ни было, считалъ своимъ долгомъ по-

¹⁾ Correspondance de Victor Hugo. Vol. II. Paris. 1898.

сѣтитъ изгнанника. Между прочимъ къ нему явился одинъ его старый другъ, перешедшій на сторону декабрьскаго героя. Въ разговорѣ онъ счелъ вужнымъ заявить, что Луи Бонапартъ былъ очень огорченъ случившимся въ отношеніи Гюго, которому его семья многимъ была обязана. «Вѣрите мнѣ,—пробавилъ этотъ посѣтитель:— что онъ пять дней колебался, прежде чѣмъ внести ваше имя въ списокъ изгнанниковъ». — «Конечно!»— воскликнулъ съ смѣхомъ поэтъ:— онъ съ большимъ удовольствіемъ записалъ бы меня въ списокъ сенаторовъ. Скажите ему, что его сенатъ—настоящее мѣсто изгнанія. Быть изгнаннымъ изъ Франціи—только горе, а быть изгнанникомъ изъ области чести—несчастіе и позоръ». Послѣ выхода въ свѣтъ «Маленькаго Наполеона», благодаря поднятому имъ шуму и интригамъ французскаго правительства, Гюго нельзя было оставаться въ Брюсселѣ, и онъ перебрался въ Лондонъ, откуда уже отправился на Джерсей. Въ числѣ писемъ, относящихся до политическихъ вопросовъ, любопытны два, въ которыхъ говорится о волеизъявленіи теперь общественное мнѣніе Европы вопросахъ на счетъ Кубы и Крита. «Республика на Кубѣ мужественно отстаиваетъ дѣло свободы. Изгнаніе испанцевъ изъ Америки—вотъ цѣль, вотъ долгъ, вотъ обязанность американцевъ». Эти слова были писаны въ 1867 году, а теперь, спустя тридцать два года, они кажутся вполне современными. Такими же кажутся и мысли высказанныя имъ относительно Крита. «Дѣло Крита,—пишетъ онъ:— есть дѣло Греціи, а дѣло Греціи—дѣло всей Европы. Эта логическая связь понятій очевидна для всякаго, за исключеніемъ европейскихъ правительствъ. Мой голосъ тонетъ въ торжествующемъ хорѣ царящихъ всюду нечестій, но я долженъ возвышать его въ пользу того, что справедливо, слушаютъ ли меня или нѣтъ. Я столь же принадлежу Греціи, сколько Франціи, и готовъ отдать Греціи мою музу, какъ Тиртей, и мою кровь какъ Байронъ. Я не могу думать объ Афинахъ иначе, какъ о лучезарномъ солнцѣ».

— Воспоминанія американки о мексиканскомъ императорѣ. Максимилианѣ. «Century Magazine» окончилъ въ апрѣльской книжкѣ длившійся съ прошедшаго года рядъ статей о царствованіи австрійскаго эрцгерцога Максимилиана въ Мексикѣ, объ его отношеніяхъ къ французамъ, о мексиканскомъ обществѣ того времени и о паденіи злополучнаго императора ¹⁾. Авторъ этихъ любопытныхъ и прекрасно иллюстрированныхъ очерковъ, мистрисъ Сара Стивенсонъ, уроженка Филадельфіи, случайно провела большую часть максимилиановскаго царствованія въ Мексикѣ и лично была знакома съ главными дѣйствующими лицами этой драмы, потому ея рассказъ основанъ на томъ, что она сама видѣла и слышала. Не имѣя притязанія на историческій трудъ, или политическій трактатъ, она поставила себѣ цѣлью только свести въ одно интересное цѣлое свои воспоминанія объ этомъ интересномъ эпизодѣ современной исторіи, и это ей вполне удалось, хотя когда она принялась рисовать свои картины Мексики при Максимилианѣ, ее уже отдѣляли тридцать лѣтъ отъ описываемыхъ событій. Въ первомъ очеркѣ она живо рассказываетъ, какъ, находясь

¹⁾ A woman's reminiscences of Mexico during the french intervention, with glimpses of Maximilian, his allies and enemies, by Sara Stevenson. Century.— November 1897. — January, February, March, April 1897.

въ Парижѣ, гдѣ оканчивала свое воспитаніе въ 1862 г., она впервые услышала о новой «Наполеоновской идеѣ» основать латинскую имперію въ Америкѣ и о намѣреніи французскаго императора, который, по собственнымъ словамъ, всегда любилъ заниматься «разрѣшеніемъ неразрѣшимыхъ задачъ» открыть для цивилизаціи Эль-Дорадо, раздѣливъ съ австрійскимъ эрцгерцогомъ Максимилианомъ «ложе розъ на золотомъ рудникѣ». «Несмотря на всѣ предостереженія людей благоразумныхъ, — прибавляетъ американка, — онъ два года стремился осуществить свою императорскую мечту, повидимому, не сознавая, что миражъ все болѣе и болѣе удалялся отъ него и когда, наконецъ, спохватился, то было уже поздно, и сдѣланная имъ глупость не кончилась взрывомъ общаго презрительнаго смѣха лишь потому, что она стояла потери многихъ человѣческихъ жизней и привела къ роковой трагедіи въ Кверетаро». Но тогда никто не подозрѣвалъ этого результата мексиканской экспедиціи, возбужденной не только «императорской мечтой», но и корыстными расчетами французскихъ дѣльцовъ съ Морни во главѣ, а напротивъ, всѣ въ придворныхъ, официальныхъ и финансовыхъ кружкахъ Парижа считали вполне обеспеченнымъ успѣхъ французской экспедиціи и Максимилиана, которому по совѣту одной изъ политическихъ партій въ Мексикѣ была предложена императорская корона. Молодая американка, долженствовавшая отправиться въ эту критическую минуту въ Мексику по семейнымъ обстоятельствамъ, сама слышала, какъ Морни, бывший душой мексиканской экспедиціи, — сказалъ ея попечителю, французскому депутату, Жибиною: «Не беспокойтесь, къ тому времени, когда она достигнетъ города Мексико, тамъ все будетъ нами измѣнено. Главнокомандующій нашей арміей займетъ городъ и возстановитъ вездѣ порядокъ». Пароходъ, на которомъ отправилась молодая дѣвушка, принадлежалъ Заатлантической компаніи и совершалъ первый свой рейсъ, такъ что выходъ его въ море изъ гавани Сень-Назера былъ обставленъ самымъ торжественнымъ образомъ, и блестящее общество финансистовъ, политическихъ дѣятелей и журналистовъ восторженно привѣтствовало первый шагъ въ открытіи новаго Эль-Дорадо для французскаго вліянія и французской предприимчивости. «При такихъ блестящихъ надеждахъ началось мое путешествіе въ Мексику, — замѣчаетъ мистрисъ Стивенсонъ, — а ему суждено было сдѣлаться однимъ изъ самыхъ мрачныхъ разочарованій моей жизни». Первымъ проблескомъ этого разочарованія было извѣстіе, полученное ею при достиженіи Веракруца, о пораженіи французскаго корпуса генерала Ларосисуа подъ Пуэблою, «этомъ первомъ ударѣ, — по словамъ американки, — нанесенномъ злополучной французской имперіи, похороненной вполнѣ въ Седаномъ». Несмотря на то, что вся страна между Веракруцомъ и Мексико была занята враждующими отрядами, молодая дѣвушка благополучно достигла съ своими знакомыми, которые охраняли ее въ дорогѣ, мексиканской столицы, гдѣ все было спокойно и мирно, благодаря успѣшнымъ дѣйствіямъ президента Жуареца, главы либеральной партіи, который прекратилъ междоусобную борьбу, ввелъ благотворныя реформы и возстановилъ благоденствіе страны, которую неожиданно вздумали завоевать и просвѣтлить французы. Цѣлый годъ наша американка весело жила среди мексиканскаго общества и кружка дипломатическихъ резидентовъ, какъ неожиданно раз-

неся слухъ о взятіи, наконецъ, французами, подрѣвленными корпусомъ генерала Форей, Пуэблы послѣ двухмѣсячной геройской защиты. Жуарець распустилъ парламентъ, сосредоточилъ въ своихъ рукахъ диктаторскую власть, заявилъ, что будетъ продолжать борьбу съ чужестранцами, покинулъ столицу и направился въ Савъ-Луисъ. На другой день, 21-го мая 1863 года, въ Мексико ступили французы. По прибытіи генерала Форей, въѣхавшаго въ городъ съ блестящимъ торжествомъ, началась политическая комедія: создана была изъ представителей консервативной партіи, преданныхъ Франціи, а частью просто подкупленныхъ, юнта, которая образовала временное правительство подъ покровительствомъ Франціи и выбрала подъ давленіемъ французовъ въ императоры Мексики эрцгерцога Максимилиана. До его прибытія, генеральъ Базень, замѣнившій Форей, отозваннаго за полную неспособность къ административной дѣятельности во Францію, энергично принялся за распространеніе новой имперіи и въ короткое время, пользуясь многочисленностью и образцовой организаціей своей арміи, подчинилъ Максимилиану почти всю страну, которую не могли защитить кучки патріотическихъ партизановъ, которыми только располагалъ Жуарець. Кромѣ того, если вѣрить американкѣ, онъ очень искусно привелъ въ порядокъ и внутреннія дѣла, отгмѣнивъ всѣ непопулярныя мѣры консервативной юнты и тактично примирившись съ многими либералами. Когда Максимилианъ и его несчастная жена Шарлотта прибыли въ Мексику въ маѣ 1864 г., то во всей ихъ имперіи царствовали миръ и порядокъ, за исключеніемъ двухъ южныхъ провинцій, гдѣ держались патріоты подъ начальствомъ генерала Порфиріо Діаза, теперешняго президента Мексиканской республики, и сѣверной границы, гдѣ Жуарець сохранялъ призракъ власти. Мексиканская имперія была торжественно провозглашена, и царствованіе Максимилиана началось среди блестящихъ торжествъ, устроенныхъ какъ французами, такъ и мѣстными клерикалами, расчитывавшими забрать въ свои руки государя, который являлся съ благословеніемъ папы. Придворныя празднества, необыкновенный расцвѣтъ торговли и промышленности, благодаря притоку французскихъ капиталовъ, устройство телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ, открытіе различныхъ акціонерныхъ компаній для эксплуатаціи производительныхъ силъ страны и тому подобные факты внѣшняго благоденствія въ первое время царствованія Максимилиана какъ бы гарантировали успѣхъ миража, плѣнншаго Наполеона III. «Но, по мѣткому выраженію мистриссъ Стивенсонъ, если легко создать имперію штыками въ чужой землѣ, то дѣло другое, — организовать ее на прочныхъ основахъ». Впослѣдствіи принцъ Наполеонъ, прозванный Плонъ-Плономъ, очень остроумно говорилъ: «Со штыками можно все сдѣлать, но сидѣть на нихъ неудобно», а именно въ теченіе двухъ лѣтъ Наполеонъ III старался заставить Максимилиана исполнить этотъ фокусъ, съ какимъ результатомъ — извѣстно всему свѣту». Неудачному царствованію Максимилиана американка посвящаетъ особый очеркъ, подъ заглавіемъ «Какъ австрійскій эрцгерцогъ управлялъ американской имперіей». Она очень рельефно указываетъ на роковыя ошибки, которыя въ концѣ концовъ довели его до гибели. Сначала онъ сосредоточилъ всю власть въ рукахъ своего любимца, бельгійца Франца Флоэна, ненавидѣвшаго французовъ и мексиканцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не понимавшаго въ дѣлахъ

Новаго Свѣта. Причинивъ этимъ много вреда, онъ былъ удаленъ, и Максимиліанъ мало-по-малу подпалъ совершенно подъ вліяніе мѣстныхъ клерикаловъ. Онъ окружилъ себя австрійскимъ и бельгійскимъ отрядами, а также различными чужестранцами, сталъ ссориться съ французами, противодѣйствовалъ всѣмъ ихъ начинаніямъ, издалъ такъ называемый «черный декретъ», которымъ предписывалось разстрѣливать всѣхъ республиканцевъ, безумно тратилъ вырученныя изъ займовъ деньги на свой роскошный дворъ и своей явной неспособностью къ управленію возстановлялъ противъ себя какъ мексиканцевъ, такъ и французовъ. Несмотря на грозныя симптомы близкой катастрофы отъ внутренняго неустройства, тайной помощи, оказываемой Жуарцу и его сторонникамъ Соединенными Штатами, и приближавшагося удаленія французовъ, Максимиліанъ продолжалъ громоздить ошибку на ошибкѣ, и слѣпо довѣрялъ клерикаламъ, которые окончательно его губили своими реакціонными, непопулярными мѣрами. Между тѣмъ, по увѣренію мистриссъ Стивенсонъ, общество въ Мексико ни о чемъ не думало, веселилось, танцовало, давало любительскіе спектакли, и душой всѣхъ этихъ забавъ были французы съ графомъ Клари и маркизомъ Массой во главѣ. Но дни Максимиліана и его имперіи были сочтены. Когда удалились французы, благодаря давленію Соединенныхъ Штатовъ, несчастному оставалось одно спасеніе — отказаться отъ престола и вернуться въ Европу. Но по внушенію ли клерикаловъ, или изъ самолюбія, онъ вдругъ выказалъ геройство, сталъ смѣло защищать быстро ускользавшую изъ его рукъ, власть противъ вновь овладѣвшаго всей страной Жуарца, и, взятый въ плѣнъ, благодаря измѣнѣ, разстрѣлянъ въ Кверетаро 19-го юля 1867 года. Онъ умеръ съ благороднымъ достоинствомъ, и его послѣднія слова были: «Да здравствуетъ Мексика! Да здравствуетъ ея независимость». Хотя, по словамъ мистриссъ Стивенсонъ, «въ то время вторая имперія находилась въ апогеѣ своей славы, и всѣ государи Европы стекались въ Парижъ на торжество всемірной выставки, но Иезида караулила свою жертву, и вскорѣ послѣ Кверетаро наступили Седанъ, Мецъ, Чизльгерстъ, какъ неизбежныя послѣдствія мексиканской трагедіи».

— Англійскія книги, статьи и пьесы о Россіи. Съ легкой руки Валишевскаго, книга котораго о Петрѣ переведена на англійскій языкъ, Петръ Великій царитъ въ англійской литературѣ: о немъ пишутъ историческіе труды, романы и пьесы. Къ первымъ принадлежатъ: «Петръ Великій», Оскара Браунинга ¹⁾ и «Ученики Петра; исторія русской имперіи и двора съ 1697 по 1740 г.», Низбета Бэна ²⁾. Обѣ эти книги составлены добросовѣстно, не искажаютъ фактовъ и отличаются сравнительно не многими ошибками, а если Браунингъ исключительно составилъ свою краткую монографію по иностраннымъ источникамъ, то Низбетъ пользовался и русскими источниками для своей анекдотической компіляціи. Конечно, ни та, ни другая книга не отличается серьезнымъ историческимъ значеніемъ, но въ скудной англійской литературѣ

¹⁾ Peter the Great. by Oscar Brauning. London. 1897.

²⁾ The pupils of Peter the Great; Hystory of the Russian Court and Empire from 1697 to 1740. by N. Bain. London. 1898.

о Россіи онъ не лишні. Что касается до взгляда Браунинга на Петра, то онъ преклоняется передъ нимъ, какъ передъ создателемъ современной Россіи и великимъ гениемъ, одареннымъ громадною силой воли, но критикуетъ данное имъ Россіи направленіе на сѣверъ, тогда какъ полезнѣе было бы двинуться на Константинополь, и выставляетъ его жестокость и грубость, называя своего героя европейцемъ по уму, азіатомъ по забавамъ и дикаремъ по варварству. Бэнъ высказываетъ мало собственныхъ взглядовъ, а довольствуется собраніемъ анекдотовъ о дворѣ Петра Великаго, Екатерины I, Петра II и Анны Іоанновны, которыхъ онъ называетъ старшими учениками Петра, а къ младшимъ относитъ его любимцевъ: Меншикова, Апраксина, Остермана, Толстого и др. Не только Петръ Великій вдохновляетъ историческихъ кампильаторовъ, но является героемъ драмы Лоренса Ирвинга ¹⁾, сына знаменитаго актера, и романа Джемса Грэма подъ заглавіемъ «Сынъ Царя» ²⁾, которые оба построены на отношеніяхъ Петра къ царевичу Алексѣю. Первое изъ этихъ произведеній, несмотря на то, что его авторъ провелъ нѣсколько времени въ Россіи, гдѣ состоялъ при англійскомъ посольствѣ, отличается самой безобразною фантастичностью и незнаніемъ исторіи, такъ что написанная имъ историческая пьеса является какой-то балаганной белибердой, которую не могла спасти отъ паденія даже картинная игра его отца, сэра Генри Ирвинга. Болѣе близки къ исторіи эпизодъ царевича Алексѣя и характеристика какъ его, такъ и Петра въ романѣ Грэма, хотя и тамъ много перепутано, много наврано. Если мы перейдемъ къ англійской журналистикѣ, то встрѣтимъ цѣлый рядъ политическихъ статей о современной Россіи и ея отношеніяхъ къ Восточному вопросу, Китаю, Корей и т. д., причѣмъ рядомъ съ враждебными взглядами на русскую политку встрѣчаются и очень сочувственные о ней отзывы, какъ, напр., въ статьяхъ анонимнаго автора въ февральской книжкѣ «Blackwood Magazine» ³⁾ и апрѣльской «Contemporary Review», ⁴⁾ подписанной псевдонимомъ «Quorum pars fui». Неизвѣстные авторы той и другой превозносятъ прямодушную политику Россіи, указываютъ на ея преобладающую роль въ Европѣ и Азій, восхваляютъ справедливость и гуманность русскихъ и т. д. Наряду съ этими теоретическими разсужденіями, появилась статья «О движеніи русскихъ на Индію», помѣщенная въ февральскомъ номерѣ «National Review» англійскимъ вице-консуломъ въ Хоросанѣ, Р. Томсономъ, много путешествовавшимъ по Россіи и Центральной Азій ⁵⁾. Онъ предсказываетъ, что рано или поздно Россія двинется на Кабуль и если встрѣтитъ тамъ сопротивленіе, то произведетъ рѣзню, которая врядъ ли, по его мнѣнію, будетъ жестокосердѣе колебательной политики Англии, израсходовавшей въ двадцать лѣтъ 50 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, чтобы удержать Россію отъ того шага, путь къ которому она очистила своими ошибочными дѣйствіями. Затѣмъ, онъ отзывается очень сочувственно о русскомъ солдатѣ, котораго ставитъ вообще наравнѣ съ англійскимъ, а въ нѣкоторыхъ от-

¹⁾ Peter de Great, a play in 5 acts. by L. Irving.

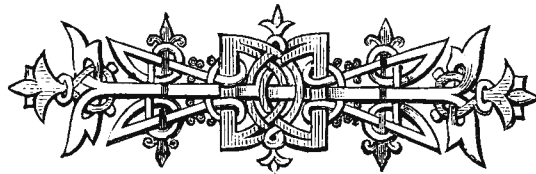
²⁾ The son of the Csar, by S. Graham. London. 1898.

³⁾ The crisis in China.—Blackwood Magazine. February.

⁴⁾ The balance of Power, Contemporary Review. April.

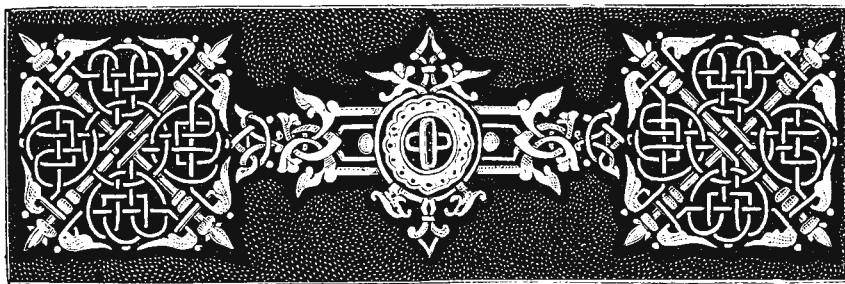
⁵⁾ The Russian advance in India, by R. Thomson, National Review. Februar.

ношеніяхъ выше. Наконецъ, онъ рисуеъ очень симпатичный портретъ новаго русскаго военнаго министра, генерала Куропаткина, котораго онъ считаетъ русскимъ изъ русскихъ, очень способнымъ, хладнокровнымъ, распорядительнымъ, обожаемымъ солдатами военачальникомъ, прекраснымъ администраторомъ, сдержаннымъ, скромнымъ человѣкомъ и опаснымъ врагомъ, если Англіи придется когда либо мѣряться съ нимъ силами, хотя, по словамъ Томсона, Куропаткинъ не разъ ему говорилъ, что Россія нимало не желаетъ воевать съ Англіей, а мысль о вторженіи въ Индію нелѣпа. О вторженіи русскихъ въ Индію говоритъ и нѣмецкій подполковникъ фонъ-Биберштейнъ, въ статьѣ, напечатанной въ «North American Review», за апрѣль,¹⁾ По его мнѣнію, очень сомнительно, чтобы Россія могла проникнуть въ Индію и завоевать ее, а если это и возможно, то будетъ стоить громаднхъ усилій, главнымъ образомъ потому, что подобное дѣло нельзя совершить иначе, какъ со стотысячной арміей, съ твердымъ базисомъ на Индѣ, куда русскимъ нельзя достигъ скорѣе пяти мѣсяцевъ, тогда какъ англичане могутъ употребить на это менѣе четырехъ мѣсяцевъ.

---

¹⁾ Could Russia take India. by R. von Biberstein. N. Amer. Review. April.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ исторіи декабристовъ.

БЕЗЪ СОМНѢНІЯ, всѣ помнятъ въ извѣстномъ произведеніи покойнаго Н. А. Некрасова «Русскія женщины» трогательный и вызывающій на глаза слезы разговоръ княгини Трубецкой съ губернаторомъ, убѣждающимъ ее не ѣхать далѣе къ ея сосланному мужу.

Душевная твердость, съ которой княгиня противостояла всѣмъ ужасамъ, представляемымъ ей губернаторомъ, въ случаѣ приведенія въ исполненіе принятаго ею рѣшенія, вызываетъ у каждаго невольное преклоненіе передъ величіемъ души истинно русской женщины, не страшущейся ничего для исполненія своего долга. А страшиться было чего; разговоръ былъ нешуточнымъ.

Всѣ доводы и убѣжденія, вложенные поэтомъ въ уста губернатора, хотя и въ сильно сгущенныхъ краскахъ и съ поэтическими прикрасами, основывались на дѣйствительномъ, данномъ 1-го сентября 1826 г. генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Лавинскимъ иркутскому губернатору Цейдлеру предписаніи, которое и приводится здѣсь цѣликомъ:

«Изъ числа преступниковъ, верховнымъ уголовнымъ судомъ къ ссылкѣ въ каторжную работу осужденныхъ, отправлены нѣкоторые въ Нерчинскіе горные заводы.

«За сими преступниками могли послѣдовать жены ихъ, не знающія ни мѣстныхъ обстоятельствъ, ни существующихъ о ссыльно-каторжныхъ поста-

новленій и не предвидящія, какой, по принятымъ въ Сибири правиламъ, подвергнуть онѣ себя участи, соединясь съ мужьями въ теперешнемъ ихъ состояніи.

«Мѣстное начальство неукоснительно обязано вразумить ихъ со всею тщательностью, съ какимъ пожертвованіемъ сопрягается такое ихъ преднамѣреніе, и стараться, сколько возможно, отъ онаго отвратить.

«Притомъ легко статься можетъ, что многія изъ нихъ, имѣя достаточное состояніе, возьмутъ съ собою значительныя суммы и драгоценныя вещи, ввозъ коихъ въ край бѣдный, населенный людьми буйными и развратными, не обѣщаетъ добрыхъ послѣдствій и потому не долженъ быть дозволенъ.

«Самые крѣпостные люди, которые могли бы съ ними прибыть, не обязаны раздѣлять участи, добровольно господами ихъ принимаемой.

«Сообразивъ сіе и зная, что жены осужденныхъ не иначе могутъ слѣдовать въ Нерчинскъ, какъ чрезъ Иркутскъ, я возлагаю на особенное попеченіе вашего превосходительства употребить всевозможныя внушенія и убѣжденія къ остановленію ихъ въ семь городѣ и къ обратному отъѣзду въ Россію.

«Внушенія могутъ состоять въ томъ:

«1) что слѣдуя за своими мужьями и продолжая супружескую съ нимъ связь, онѣ, естественно, сдѣлаются причастными ихъ судьбѣ и потеряютъ прежнее званіе, т.-е. будутъ уже признаваемы не иначе, какъ женами ссыльно-каторжныхъ, а дѣти, которыхъ приживутъ въ Сибири, поступятъ въ казенныя крестьяне;

«2) что ни денежныхъ суммъ, ни вещей многоцѣнныхъ взять имъ съ собою, коль скоро отправятся въ Нерчинскій край, дозволено быть не можетъ; ибо сіе не только воспрещается существующими правилами, но необходимо и для собственной ихъ безопасности, какъ отправляющихся въ мѣста, населенныя людьми, на всякія преступленія готовыми, и, слѣдственно, могущихъ подвергнуться, при провозѣ съ собою денегъ и вещей, опаснымъ происшествіямъ, и

«3) что съ отбытіемъ ихъ въ Нерчинскъ уничтожится также и право ихъ на крѣпостныхъ людей, съ ними прибывшихъ.

«Съ тѣмъ вмѣстѣ должно обратиться къ убѣжденіямъ, что переѣздъ въ осеннее время черезъ Байкаль чрезвычайно опасенъ и невозможенъ, и представить, хотя мнимо, недостатокъ транспортныхъ казенныхъ судовъ, безнадежность таковыхъ у торгующихъ людей состоящихъ и прочія тому подобныя учтивыя отклоненія, а чтобы успѣхъ въ оныхъ вѣрнѣе былъ достигнутъ, то, ваше превосходительство, не оставьте принять и въ самомъ домѣ вашемъ, который, безъ сомнѣнія, будутъ онѣ посѣщать, такихъ мѣръ, чтобы и въ частныхъ съ ними разговорахъ находили онѣ подтвержденіе таковыхъ убѣжденій.

«По исполненіи сего съ надлежащею точностью, ежели и затѣмъ окажутся въ числѣ сихъ женъ нѣкоторыя непреклонныя въ своихъ намѣреніяхъ, въ такомъ разѣ, не препятствуя уже имъ въ выѣздѣ изъ Иркутска въ Нерчинскій край, перемѣнить совершенно ваше съ ними обращеніе и, принявъ въ отношеніи къ нимъ, какъ къ женамъ ссыльно-каторжныхъ, тонъ начальника губерніи, соблюдающаго строго свои обязанности, исполнить на самомъ дѣлѣ то, что сперва сказано будетъ въ предостереженіе и вразумленіе, именно:

«а) всѣ имѣющіяся у нихъ деньги, драгоценныя вещи и прочее, по надле-

жащемъ описанія лично при нихъ и по утвержденіи описи собственноручнымъ подписаніемъ тѣхъ, кому сіе имущество принадлежать будетъ, отобразъ отъ нихъ и, опечатавъ, отдать къ храненію въ иркутское губернское казначейство. Но мѣру сію, для отклоненія всякаго сомнѣнія, привести въ дѣйствіе чрезъ нарочитую комиссію, составивъ оную подѣ предсѣдательствомъ вашимъ изъ одного или двухъ членовъ главнаго управленія, предсѣдателя губернскаго правленія и губернскаго прокурора. Впрочемъ, прогоны на проѣздъ до Нерчинска выдать имъ изъ числа собственныхъ ихъ денегъ;

«б) изъ крѣпостныхъ людей, съ ними прибывшихъ, дозволить слѣдовать за каждую токмо по одному человѣку, но и то изъ числа тѣхъ, которые добровольно на сіе согласятся и дадутъ или подински собственноручныя или, за неумѣніемъ грамотѣ, личныя показанія въ полномъ присутствіи губернскаго правленія; остальнымъ же предоставить возвратиться въ Россію и снабдить ихъ пропусками.

«Указавъ, съ моей стороны, средства, на законныхъ постановленіяхъ основанныя, которыя должны служить руководствомъ въ дѣйствіяхъ по сему предмету, и ожидая отъ вашего превосходительства исполненія оныхъ въ совершенной точности, я надѣюсь, что вы, и по собственной предусмотрительности своей, не оставите употребить всѣхъ возможныхъ способовъ къ достиженію собственно той цѣли, чтобы послѣдовавшихъ за осужденными преступниками женъ рѣшительно отвратить отъ исполненія ихъ намѣренія, происшедшаго отъ незнанія мѣстныхъ обстоятельствъ Сибири и постановленій, о семъ краѣ существующихъ; но если бы всѣ усилія ваши оказались тщетными, то, ваше превосходительство, дѣйствуя въ отношеніи къ нимъ по назначенію сему, не оставьте немедленно увѣдомить меня о всѣхъ обстоятельствахъ, къ симъ женамъ относящихся, и вообще о мѣрахъ, какія вами будутъ принимаемы.

«Наконецъ, ежели бы которая либо изъ нихъ проѣхала Иркутскъ прежде, нежели вы сіе получите, въ такомъ разѣ прошу ваше превосходительство принять на себя трудъ отправиться лично для возвращенія ея въ губернскій городъ или приказать остановить въ Верхнеудинскѣ, ибо примѣръ одной можетъ побудить и другихъ къ домогательствамъ о равномѣрномъ пропускѣ въ Нерчинскъ».

Сообщено А. Е. П.

С М Ъ С Ъ.

УССКІЙ музей императора Александра III. 7-го марта послѣдовало открытіе русскаго музея императора Александра III. Утромъ, въ 10 часовъ, былъ отслуженъ протопресвитеромъ Янышевымъ молебенъ съ водосвятиемъ, и все помѣщеніе музея окроплено святою водою. Присутствовали его императорское высочество великій князь Георгій Михайловичъ, управляющій музеемъ, хранители музея гг. Бенуа, Брюлловъ, Боткинъ и служебный персоналъ. Въ исходѣ второго часа дня начался сѣздъ въ музей приглашенныхъ на торжество лицъ. Сѣхались высшіе чины администраціи, первые и вторые чины высочайшаго двора, лица государевой свиты и состоящіе при великихъ князьяхъ. На торжество были приглашены также всѣ художники, проживающіе въ Петербургѣ и картины которыхъ или скульптурныя произведенія находятся въ музеѣ. Къ двумъ часамъ прибыли особы императорской фамиліи. Высочайшія особы и приглашенные собрались въ средней залѣ меморіальнаго отдѣла, посвященнаго памяти императора Александра III. Сюда были заранѣе принесены изъ домовой церкви хоругви, поставленныя по сторонамъ аналоевъ съ иконою Спасителя и св. евангеліемъ. Мѣсто для богослуженія приготовлено впереди боковыхъ колоннъ залы. Тутъ же въ своихъ малиновыхъ кафтанахъ и мундирахъ сталъ сбоку хоръ придворныхъ пѣвчихъ. Въ другой половинѣ залы густая, плотная стѣна блестящихъ мундировъ, среди которыхъ выдѣляются группы дамскихъ туалетовъ и черные фраки большинства художниковъ. Тутъ члены государственнаго совѣта, андреевскіе кавалеры, генералъ-адъютанты, вице-президентъ академіи художествъ гр. Толстой. Въ числѣ группы художниковъ были Н. К. Айвазовскій, оба Маковскіе, скульпторъ Антокольскій. Въ 2 часа прибыли ихъ величества государь императоръ, государыня императрица Марія Феодоровна и ихъ императорскія высочества великій князь Михаилъ Александровичъ и великая княжна Ольга Александровна.

Внизу ихъ величества встрѣтилъ августѣйшій управляющій музеемъ. Ихъ величества поднялись наверхъ, вошли въ золоченую залу меморіальнаго отдѣла, и здѣсь протопресвитеръ Янышевъ съ придворными протоіереями совершилъ молебствіе Спасителю, въ концѣ котораго возглашены многолѣтія: ихъ величествамъ, наслѣднику цесаревичу Георгію Александровичу, великому князю Георгію Михайловичу и Царствующему Дому, вѣчная память императору Александру III и многолѣтіе «труждающимся на пользу искусства, благотворителямъ и посѣтителямъ» открываемаго учрежденія. Ихъ величества и особы Императорской Фамиліи приложились ко кресту и прошли затѣмъ въ кабинетъ августѣйшаго управляющаго, гдѣ ихъ величествамъ и августѣйшимъ особамъ поднесены медали въ память совершившагося событія; медали розданы также и министрамъ. Ихъ величества обозрѣвали затѣмъ музей, обойдя залы верхняго этажа, спустились внизъ, гдѣ обошли залы нижняго этажа, и въ 3 часа 35 мин. отбыли изъ музея.

Для музея приобрѣтенъ великолѣпный по архитектурѣ Михайловскій дворецъ, занимающій огромную площадь до 35.000 квадр. саж. съ прекраснымъ садомъ. Дворецъ этотъ, по порученію императора Александра I, строилъ знаменитый тогда Росси для великаго князя Михаила Павловича. Онъ имѣетъ два фасада—въ садъ и на площадь. Величественное зданіе это признавалось тогда однимъ изъ лучшихъ сооруженій современной архитектуры. Съ площади центральная часть огорожена желѣзной рѣшеткой, за которой широкая площадка для подѣзда экипажей. Огромное крыльцо, съ гипсовыми львами по сторонамъ, ведетъ къ парадной лѣстницѣ; вверху грандіозная колоннада съ величественнымъ фронтономъ; съ обѣихъ сторонъ отъ центральной части выходятъ на площадь флигеля. Внутри дворецъ замечательно отдѣланъ, преимущественно въ стилѣ «empire». Приспособленіе этого величественнаго зданія—изъ жилого въ музей—было дѣло очень трудное и исполнено архитекторомъ г. Свиньинымъ. Устроены круговой ходъ по заламъ, отопленіе, вентиляція, сдѣлано новое покрытие на всей грандіозной лѣстницѣ, во всемъ музеѣ снято съ оконъ дерево, подоконники облицованы мраморомъ, деревянные широкіе перешлеты рамъ замѣнены желѣзными, черезъ это получилось много свѣта, такъ необходимаго для картинъ, и получилось впечатлѣніе чистоты и изящества. Подъ мраморными подоконниками скрыто отопленіе; оно—водяное низкаго давленія. Для устройства круговаго входа, необходимаго въ музеѣ, пришлось передѣлать почти всѣ двери. Нигдѣ нѣтъ бьющей въ глаза роскоши, золота и блеска; во всемъ безконечномъ разнообразіи тоновъ и орнамента вы видите соединеніе богатой солидности съ изяществомъ. Общій тонъ стѣнъ—преимущественно свѣтло-коричневый, потолки—бѣлые, со множествомъ нюансовъ. Отдѣлка залъ гармонируетъ ихъ назначенію и своею вышностью не разсѣветъ вниманіе зрителя, не отыметъ его отъ художественныхъ произведеній. Есть одна только золоченая комната,—гостиная. Утварь музея, всѣ эти скамейки, стулья—новые, сдѣланы по рисункамъ архитектора и символизируютъ физическіе законы механики, равновѣсія, устойчивости и т. п. Также всѣ дверныя ручки, всѣ карнизики у дверей, на панеляхъ—все изготовлено по спеціальнымъ рисункамъ и это безконечное разнообразіе ихъ мотивовъ соста-

вляеть богатство внутренней архитектурной отдѣлки. Сдѣлано болѣе 300 рисунковъ. Музей занимаетъ 3 этажа, всѣхъ парадныхъ залъ, открытыхъ для публики—37. Всѣ коллекціи музея можно подраздѣлить на слѣдующіе отдѣлы: I. Меморіальный, посвященный памяти императора Александра III. II. Отдѣлъ картинъ—масляными красками. Сюда перенесены и всѣ русскія картины изъ Императорскаго Эрмитажа; здѣсь онѣ еще болѣе выиграли отъ богатства освѣщенія. III. Коллекція портретовъ русскихъ царскихъ особъ и ихъ сподвижниковъ, приобрѣтенная отъ наслѣдниковъ покойнаго министра иностранныхъ дѣлъ князя Лобанова-Ростовскаго государемъ императоромъ и пожертвованная музею. IV. Акварели, сеіи, пастель, рисунки и картоны русскихъ художниковъ. V. Коллекція акварелей и картинъ, пожертвованная княгиней Тенишевой. VI. Коллекція рисунковъ бывшаго вице-президента Академіи Художествъ, князя Гагарина. VII. Отдѣлъ христіанскихъ древностей, перенесенный сюда изъ Академіи Художествъ. VIII. Скульптура. IX. Архитектура (еще устраивается). X. Библіотека. Въ числѣ цѣнныхъ художественныхъ предметовъ находятся дары государя императора, великихъ князей Михаила Николаевича, Николая Михайловича, Георгія Михайловича, художниковъ: Айвазовскаго, Боголюбова и дочери покойнаго Венеціанова. Внизу, въ первомъ этажѣ, расположенъ отдѣлъ христіанскихъ древностей. Тутъ, въ старинныхъ иконахъ, церковной утвари вы найдете образцы русскаго искусства первыхъ вѣковъ христіанской жизни Россіи. Внизу также помѣщены живопись и скульптура, преимущественно до 70-хъ годовъ, и часть коллекціи князя Лобанова и Тенишевская коллекція акварелей. Во второмъ этажѣ помѣщены картины и скульптура. Первая, роскошно отдѣланная, съ позолотою, комната будетъ служить гостиною. Чудная амфилада комнатъ открывается направо и налево изъ двухъ дверей верхней галереи, которая образуется съ четырехъ сторонъ лѣстницы. Три другія двери ведутъ: одна — въ кабинетъ хранителей музея; средняя — въ центральный залъ меморіальнаго отдѣла и третья — въ кабинетъ августѣйшаго предсѣдателя, великаго князя Георгія Михайловича. Если повернемъ налево изъ галереи—предъ нами цѣлый рядъ комнатъ съ пейзажами и жанромъ. Ядро музея составляютъ художественныя произведенія, картины и статуи, перевезенныя сюда изъ Императорскаго Эрмитажа и Академіи Художествъ и изъ дворцовъ: Зимняго, Большаго Царскосельскаго, Александровскаго Царскосельскаго и Гатчинскаго. Картины размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ, при этомъ, если имѣются бюсты художниковъ, картины которыхъ есть въ музеѣ, то бюсты поставлены противъ ихъ картинъ. Произведенія скульптуры не выдѣлены, какъ предполагено, а размѣщены пока въ залахъ съ живописью. Впослѣдствіи скульптура будетъ собрана въ одномъ изъ боковыхъ флигелей музея. Начнемъ бѣглый обзоръ музея снизу. Изъ сѣней, если повернуть налево, проходимъ въ первый залъ. Въ ней, среди нѣсколькихъ нестаринныхъ картинъ, находимъ картину Матвѣева, гофмалера императора Петра I, изображающую Куликовскую битву (Мамаево побоище) и написанную Матвѣевымъ по царскому указу въ 1716 г. Это самая старая картина въ музеѣ. Матвѣевъ былъ одинъ изъ первыхъ трехъ русскихъ художниковъ, посланныхъ Петромъ учиться живописи за границу. Картина другого

художника Никитина есть въ собственномъ его величества дворцѣ (Аничковомъ), а картины третьяго, Захарова, къ сожалѣнію, совершенно исчезли. Въ этомъ и послѣдующихъ залахъ мы видимъ много старинныхъ шедевровъ. Тутъ портреты знаменитаго портретиста и художника Екатерины II—Лампи (портретъ персидскаго шаха Фетъ-Али), Левитскаго, прозывавшагося русскимъ Грезомъ, Боровиковскаго, ученика Лампи, и Левитскаго, рѣдкостныя работы Танькова, Дурново, Бѣльскаго, Плахова, Егорова, которому Александръ I далъ названіе знаменитаго, послѣ того какъ художникъ въ 28 дней нарисовалъ громадный съ 90 фигурами плафонъ для дворца, изображающій «Благоденствіе мира»,—Шебуева, отличающагося сложностью композицій, Тропинина—тоже русскаго Греза, Кипренскаго, портретъ котораго просила у художника Флорентинская академія, Воробьева, Лобейо, пейзажи которыхъ, полные воздуха и свѣта, встрѣчаются рѣдко,—Венеціанова—отца русскаго жанра и др. вплоть съ I-го до VII-го зала. Въ IV залѣ галерея картинъ прерывается, здѣсь исключительно поставлены скульптурныя произведенія. Коллекція знаменитыхъ лошадей барона Клодта, также знаменитая серія медальоновъ покойнаго вице-предсѣдателя Академіи Художествъ графа Ѳ. Толстого, аллегорически изображающая Отечественную войну 1812 г. На изумительно тонкую работу ихъ невольно заглядишься. Въ VIII и IX залахъ находятся картины и эскизы разныхъ извѣстныхъ художниковъ. Черезъ залъ—акварели; тутъ рисунки Бенуа, Шишкина, Парланда. X-й залъ опять занятъ скульптурой. Въ немъ бюсты: Екатерины II, Карамзина и др. Въ XI—коллекція рисунковъ князя Гагарина. XII-й залъ—акварели, съ VIII по XII залы находятся подъ портикомъ, выходящимъ въ садъ. Въ XIII залѣ помѣщена часть портретовъ изъ коллекціи князя Лобанова-Ростовскаго. Въ XIV и XV—коллекція акварелей княгини Тенишевой, богатое собраніе современныхъ русскихъ акварелистовъ. Дубовая красивая отдѣлка стѣнъ, дубовыя скамьи для зрителей—все даръ музею отъ княгини. Въ XVII залѣ обращаетъ на себя вниманіе писанная масляными красками плащаница Васнецова для Владимірскаго кіевскаго собора, въ которомъ теперь съ этой плащаницы находится художественное воспроизведеніе вышивкой шелками; плащаница—даръ музею его августѣйшаго предсѣдателя. Съ XIII зала идетъ отдѣлъ христіанскихъ древностей, имѣющій своего спеціальнаго хранителя, М. П. Боткина, и устроенный знатокомъ нашихъ древностей, проф. Лихачевымъ, распредѣлившимъ предметы съ ихъ строгою послѣдовательностью. Здѣсь собрано множество старинныхъ русскихъ иконъ, начиная съ XIII вѣка. Коллекція, можно сказать, единственная въ мірѣ. Древняя Русь не знала иной живописи, кромѣ иконописи, и въ ней первоначальная форма нашей живописи, ячейка ея развитія. Тутъ образцы византійскаго, древнегреческаго письма, архангельскаго, поморскаго, уманьской и строгановской школъ и фразъ. Много здѣсь и церковныхъ предметовъ замѣчательной чеканки и рѣзбы, драгоценныхъ вещей съ самоцвѣтными камнями, старинныя кіоты, царскіе врата и пр., и воспоминаніе древняго обряда, печнаго дѣйства,—деревянная, расписная, халдейская печь XVI вѣка изъ Софійскаго собора (въ Новгородѣ). Замѣчательно собраніе русскихъ скульптурныхъ изображеній святыхъ. Скульптурныя изображенія ихъ запрещены при Петрѣ Великомъ, какъ

не соответствующія духу православной церкви. Осмотрѣвъ христіанскія древности, изъ XXI зала выходите опять въ стѣны и поднимаетесь по лѣстницѣ во второй этажъ. По серединѣ лѣстницы взоръ падаетъ на монументальный бюстъ императора Александра Третьяго. Надъ нимъ мраморная доска съ датами объ основаніи музея и открытіи. На противоположной стѣнѣ другая мраморная доска съ словами Высочайшаго указа объ учрежденіи музея, 15-го апрѣля 1895 г. Поднявшись на верхъ, среди грандіозной колоннады лѣстницы, бѣлѣють 18 группъ произведеній скульптурныхъ. Начиная обзоръ второго этажа, гдѣ собраны современная живопись и скульптура, опять слѣва вы входите въ XXII залъ (въ каждомъ залѣ вездѣ надъ дверями ея цифра). Здѣсь находятся произведенія Карла Брюллова. Стѣны свѣтло-шоколаднаго тона, производящаго впечатлѣніе глубины. Низъ обитъ деревянной узорчатой панелью. Широкій потокъ свѣта съ потолка льется свободно на огромныя картины, покрывающія стѣны. Скажу нѣсколько словъ объ архитектурѣ зала. Въ немъ 2 портала, которые напоминаютъ собою двери парижскаго Пантеона. Въ верхней части подъ карнизомъ устроены рѣшетки для притока свѣжаго воздуха. Интересенъ орнаментъ, украшающій верхъ зала. Въ немъ сказалась идея архитектора художника, который всякое украшеніе ставилъ въ связь съ общей идеей зданія, съ его назначеніемъ. На плафонѣ въ орнаментѣ помѣщены изображенія медали за соревнованіе, которыя съ 1829 г., въ теченіе 70-ти лѣтъ, выдавались по старому уставу лучшимъ ученикамъ Академіи. Большинство, если не всѣ учившіеся художники, картины которыхъ выставлены въ залѣ, имѣютъ эту медаль. Въ углахъ зала во вьющемся орнаментѣ помѣщены лиры, какъ эмблема всѣхъ родовъ поэзіи и поэтическаго творчества. Карнизы стѣнъ, фризы украшены широкою лентою живописнаго орнамента, въ которомъ аллегорически изображены: живопись, архитектура, скульптура, гравюра. Второй залъ, съ верхнимъ свѣтомъ, такой же огромный. Карнизъ его стѣнъ имѣетъ своего рода историческое значеніе: на немъ запечатлѣна исторія русской скульптуры въ нашей Академіи. На каждой стѣнѣ въ карнизѣ помѣщены программы скульптурныхъ работъ академистовъ, получившихъ за выполненіе ихъ большую золотую медаль. Подлинники размѣщены частью въ музей Академіи, частью въ темныхъ коридорахъ Академіи и пропадаютъ для публики; здѣсь же, въ орнаментѣ карниза, эти работы воспроизведены посредствомъ пантографа и всѣ въ одинаковомъ масштабѣ, самымъ точнымъ образомъ. Кругомъ, въ антаблеманѣ, расположено 20 нишъ съ скульптурными медальонами съ работъ Чиждова, Пименова, Токарева, Панфилова, Мартоса и друг. И въ этомъ залѣ порталы, скамейки для зрителей—все сдѣлано въ соответствующемъ стилѣ. Эти громадныя залы составляютъ главную сокровищницу музея. Въ нихъ поставлены и громадныя полотна, передъ которыми подолгу останавливается зритель. Въ XXIV залѣ—знаменитый «Послѣдній день Помпеи» Карла Брюллова; на этой же стѣнѣ «Осада Пскова», «Мѣдный змій» Бруни, захватывающая духъ «Буря» Айвазовскаго, картины: «Покореніе Казани», «Привзаніе на царство Михаила Ѳеодоровича» и др. и картины: Флавицкаго «Мученики въ Колизеѣ», дивная по письму «Явленіе Христа Спасителя» Иванова, «Моленіе о чашѣ» Бруни и пр. Въ XXV залѣ—громадныя картины: Су-

рикова «Покореніе Сибири», Полѣнова «Блудная жена», Семирадскаго «Фрина», Маковского «Поцѣлуйный обрядъ», Рѣпина «Запорожцы» и «Николай Чудотворецъ» (останавливающий казнь). Три зала XXVI, XXVII и XXVIII заняты мемориальнымъ отдѣломъ императора Александра III. Главный, средний залъ—вездѣ спокойные тона, прекрасные плафоны и роскошные мозаичные полы изъ амаранта, гафра, пальмы, березы и черного дерева,—это наслѣдіе дворца, Стѣны залъ обиты зеленымъ плюшемъ. На нихъ блестятъ художественныя блюда, поднесенныя императору Александру III, и другіе предметы искусства; здѣсь и картины, изображающія эпизоды его царствованія. Тутъ Блинова—«Входъ русской эскадры на Тулонскій рейдъ»; Васильковскаго—«Крушеніе царскаго поѣзда въ Боркахъ»; Мазуровскаго—«Послѣдній зимній парадъ императора Александра III». Въ цѣломъ рядѣ слѣдующихъ залъ съ XXIX по XXXVII вы можете разсматривать современные шедевры русскаго искусства. Среди этого множества картинъ въ XXX залѣ вы увидите сидящаго Іоанна Грознаго—Антокольскаго. Нельзя перечислить всѣхъ картинъ,—это значить, печатать весь каталогъ. Нельзя передать и всѣхъ впечатлѣній. Только что мы насмотрѣлись, какъ нимфы Ставассера, Неффа, улыбаются вамъ съ полотень, какъ ехидный взглядъ скульптурнаго Мефистофеля вызываетъ у васъ дрожь по тѣлу. Отъ колоссальныхъ фигуръ восторженнаго слѣпца Баяна, грознаго Ермака и спокойнаго лѣтописца Нестора вы переходите къ граціозной группѣ перваго шага ребенка. Ужасъ впечатлѣнія мученій христіанъ замѣнится улыбкой при взглядѣ на сватовство Ѳедотовскаго майора. Широко, разнообразно и мощно проявленіе русскаго таланта, и мы можемъ гордиться нашимъ музеемъ, гдѣ онъ такъ блистательно представленъ.

Музей изящныхъ искусствъ имени императора Александра III въ Москвѣ. Заимствуемъ изъ № 7919 «Новаго Времени» слѣдующее сообщеніе профессора И. Цвѣтаева. Созиданіе музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III при Московскомъ университетѣ быстро подвигается впередъ. Комитетъ по устройству этого учрежденія, поставленный подъ августѣйшее покровительство великаго князя Сергія Александровича и ободряемый общимъ участіемъ къ задачамъ будущаго музея, по необходимости расширяетъ первоначально задуманную программу. Нѣсколько видныхъ лицъ изъ среды московскаго населенія и нѣкоторые прежніе питомцы Московскаго университета прикнули къ этому полезному дѣлу со щедрой матеріальной помощью. Подготовительныя работы по составленію музея уже настолько подвинулись впередъ, что нынѣ является возможнымъ говорить съ большею положительностью о задачахъ этого учрежденія, его составѣ, мѣстѣ, размѣрахъ и способахъ его организаци. Музей изящныхъ искусствъ имени императора Александра III, учреждаемый при Московскомъ университетѣ, имѣетъ цѣлью дать учащемуся юношеству въ частности и московскому населенію вообще возможность нагляднаго ознакомленія съ искусствомъ, нагляднаго его изученія. Музей несомнѣнно будетъ способствовать облагороженію вкуса и развитію эстетическихъ понятій своихъ многочисленныхъ посѣтителей, вѣчно смѣняющихся и стекающихся въ Москву со всѣхъ концовъ Россіи. Тутъ, въ музеѣ, они будутъ знакомиться, въ историческомъ порядкѣ, съ судьбами скульптуры, зодчества и

живописи у древнихъ и новыхъ народовъ. Скульптура будетъ представлена здѣсь въ гипсовыхъ слѣпкахъ, изготовляемыхъ въ натуральную величину оригиналовъ и съ математическою точностью въ лучшихъ мастерскихъ Западной Европы, преимущественно же въ самихъ государственныхъ и частныхъ музеяхъ, гдѣ хранятся знаменитые оригиналы. Множество статуй, группъ, рельефовъ и бюстовъ уже доставлены изъ-за границы въ Москву для ея будущаго музея. Скульптура въ лучшихъ и главнѣйшихъ памятникахъ будетъ расположена здѣсь по странамъ и историческимъ эпохамъ: 1) Египетъ, 2) Ассирія и древняя Персія, 3) Финикія и Малая Азія, 4) Греція въ различные періоды ея искусствъ (11 залъ и кабинетовъ), 5) Римъ, 6) средніе вѣка, 7) эпоха возрожденія и 8) новыя времена и народы. Этотъ скульптурный музей, въ такомъ видѣ и въ такихъ размѣрахъ, будетъ первымъ собраніемъ въ Россіи, создаваемымъ по образцу лучшихъ европейскихъ и американскихъ музеевъ гипсовыхъ слѣпковъ. Нѣкоторые отдѣлы его будутъ, къ тому же, заключать не только гипсовые копіи, но, сверхъ всякихъ ожиданій, и цѣнные въ научномъ отношеніи оригиналы. Такъ, въ послѣдніе дни получено извѣстіе о систематической организаціи отдѣленія египетскаго искусства для нашего музея въ Каирѣ и частію въ Лондонѣ бывшимъ питомцемъ Московскаго университета, гофмейстеромъ Ю. С. Нечаевымъ-Мальцовымъ, лично составляющимъ, при дружественномъ содѣйствіи египтолога Бругшъ-бея, значительную коллекцію памятниковъ не только въ копіяхъ, но и въ подлинникахъ. Часть этихъ драгоценныхъ приобрѣтеній находится уже на пути въ Москву. Зодчество древнихъ и новыхъ временъ въ Александровскомъ музеѣ предполагается представить въ моделяхъ памятниковъ наиболѣе характерныхъ по стилю и замѣчательныхъ по своимъ историческимъ судьбамъ храмовъ. Нѣкоторыя модели храмовъ и различныхъ общественныхъ построекъ въ древней Греціи и Римѣ уже получены Московскимъ университетомъ и ждутъ лишь достойнаго помѣщенія въ связи съ скульптурою. Мѣстами приобрѣтенія архитектурныхъ моделей являются Лондонъ, Вѣна, Дрезденъ, Парижъ, Неаполь и Римъ. Въ отдѣлѣ живописи будетъ обращено особое вниманіе на составленіе собранія пособій для изученія этого искусства въ его исторіи, каковы фотографіи, рисунки, гравюры, художественныя изданія различныхъ европейскихъ галлерей, отдѣльные увражи, посвященные той или другой школѣ живописи или тому или другому мастеру. Весь этотъ обширный матеріалъ будетъ расположенъ въ рядѣ небольшихъ кабинетовъ по народностямъ, школамъ и мастерамъ. Живопись классической древности въ Помпеяхъ, Геркуланумѣ и Римѣ предполагается представить въ художественныхъ копіяхъ, снятыхъ съ оригиналовъ. Для живописи римскихъ катакомбъ уже имѣется обширное и единственное въ мірѣ собраніе картоновъ кисти русскаго художника Ѳ. П. Реймана, работавшаго въ подземельяхъ Рима девять лѣтъ, при матеріальномъ пособіи К. С. Попова, и имѣющаго работъ еще на три года, при благосклонной поддержкѣ князя Ф. Ф. Юсунова графа Сумарокова-Эльстона. За катакомбнымъ періодомъ будутъ слѣдовать образцы христіанской живописи и мозаики другихъ историческихъ эпохъ. Начало этому собранію положено также Ю. С. Нечаевымъ-Мальцовымъ. Сверхъ вышеозначенныхъ отдѣловъ, въ музеѣ проектируются еще

слѣдующія учрежденія: Антикварій музея—въ этомъ отдѣленіи предполагается помѣститъ нумизматическій кабинетъ, собраніе камней и художественныхъ медалей, бронзы въ видѣ бюстовъ, статуетокъ, рельефныхъ досокъ, предметовъ домашняго и общественнаго быта у древнихъ народовъ, въ средніе вѣка и въ эпоху возрожденія. Здѣсь же займутъ мѣсто геркуланскія и помпейскія бронзы неаполитанскаго музея въ художественныхъ репродукціяхъ лучшихъ итальянскихъ мастерскихъ. Начало этого любопытнаго собранія положено дарами Московскому университету со стороны московскихъ гражданъ изъ прежнихъ воспитанниковъ Московскаго университета. При музеѣ устроена будетъ, конечно, и бібліотека специально историко-художественнаго содержанія, съ читальнымъ заломъ для студентовъ и публики. Основаніе бібліотеки этого рода университетомъ уже положено. Весьма важнымъ учрежденіемъ при Московскомъ музеѣ изящныхъ искусствъ явится также его «аудитория». Преподаваніе исторіи искусствъ, съ развитіемъ фотографіи и усовершенствованіями въ области техники, требуетъ въ настоящее время особыхъ приспособленій. На это обращено будетъ при устройствѣ специальной аудиторіи музея преимущественное вниманіе. Возможность чтенія публичныхъ курсовъ по исторіи и различнымъ отдѣльнымъ вопросамъ искусства также принята во вниманіе при устройствѣ этого помѣщенія, которое по акустическимъ условіямъ и по размѣрамъ будетъ вполне удовлетворять своему назначенію. Таковы задачи и составъ музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III при Московскомъ университетѣ. Обширная программа, которую пришлось, въ интересахъ дѣла, начертать для этого учрежденія, опредѣлила и соответственные обширные размѣры будущаго зданія музея. Оно будетъ двухэтажнымъ и потребуетъ для себя площади свыше 1.700 кв. саж., не считая служебныхъ построекъ (сарай, служительская казарма и пр.). Въ настоящее время возбуждается Московскимъ университетомъ ходатайство передъ московскою городскою думою объ уступкѣ подъ музей и скверъ уже всей площади бывшаго Колымажнаго двора, а не одной только передней ея части, какъ это испрашивалось университетомъ раньше. И есть полная надежда, что ходатайство это будетъ уважено, такъ какъ учреждаемый музей предназначенъ служить не только студентамъ, но и всей московской публикѣ, мѣстной и пріѣзжей. Это сооруженіе украситъ въ то же время одну изъ видныхъ мѣстностей Москвы: площадь бывшаго Колымажнаго двора находится, какъ извѣстно, на Волхонкѣ, близъ храма Христа Спасителя, въ самой аристократической части города. Августѣйшее имя, даруемое музею, назначеніе самаго учрежденія служить эстетическому развитію учащихся поколѣній и нашего общества и драгоценное мѣсто будущаго сооруженія выдвинули на первый планъ вопросъ объ особо изящной формѣ и достаточности размѣровъ зданія музея. Съ этой цѣлью Московскій университетъ въ 1896 г. обратился съ ходатайствомъ къ Императорской Академіи Художествъ о проектѣ этой специальной и сложной постройки. Академія, отнесшись весьма сочувственно къ высокопросвѣтительной задачѣ старѣйшаго въ Россіи университета, вызвала путемъ архитектурнаго конкурса значительное число разнообразныхъ проектовъ. Московскій университетъ послѣ того поручилъ дальнѣйшую разработку этого вопроса

архитектору Р. И. Клейну. Чертежи музея въ настоящее время уже готовы. Главный фасадъ, съ центральнымъ портикомъ и двумя колонадами по бокамъ его, исполненъ въ Ионическомъ стилѣ лучшей поры древнегреческаго зодчества. Боковые же фасады этого сооруженія, въ силу необходимости, обработаны въ ново-греческомъ характерѣ.

Двадцатилѣтіе казанскаго археологическаго общества. 18 марта исполнилось двадцать лѣтъ со времени учрежденія общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ. По этому поводу въ собраніи С.-Петербургскаго археологическаго института 5 марта слушателемъ института В. Л. Борисовымъ было сдѣлано сообщеніе, посвященное обзору дѣятельности казанскаго общества за минувшій періодъ его существованія.

Указавъ на роль IV-го археологическаго съѣзда, происходившаго въ Казани осенью 1877 года, въ дѣлѣ возникновенія общества и познакомивъ съ проектами его, представленными Н. В. Калачовымъ и проф. Д. А. Корсаковымъ, референтъ остановился, далѣе, на задачахъ новаго общества, насколько онѣ нашли себѣ выраженіе въ уставѣ и, затѣмъ, въ рѣчи проф. С. М. Шпилевскаго, специально затронувшей и разъяснившей этотъ вопросъ. Далѣе, была отмѣчена дѣятельность, такъ сказать, охранительная, выразившаяся въ мѣропріятіяхъ общества, направленныхъ къ сохраненію знаменитыхъ Болгарскихъ развалинъ въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, и въ составленіи обширнаго музея и архива рукописей и актовъ; здѣсь въ качествѣ дефектовъ, имъ было отмѣчено отсутствіе указателя музея и описи архива, что стоитъ въ связи съ недостаткомъ и неудобствомъ помѣщенія, занимаемаго собраніями общества. Во вторую рубрику включено разсмотрѣніе дѣятельности чисто научной, проявлявшейся въ видѣ засѣданій, на которыхъ обсуждались тѣ или другіе научные вопросы, а также въ видѣ органа, издаваемаго обществомъ, подъ заглавіемъ «Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи». Какъ на характеристическую черту этого изданія, указывалось на меньшее развитіе исторической секціи, въ сравненіи съ секціями археологической и этнографической, что ясно замѣчается по слишкомъ неравномѣрному соотношенію статей того и другого характера, помѣщенныхъ въ «Извѣстіяхъ».

Резюмируя все сказанное, референтъ пришелъ къ заключенію, что дѣятельность общества, въ общемъ, сопровождалась значительнымъ успѣхомъ и дала много цѣнныхъ результатовъ, подвинувъ значительно впередъ изученіе мѣстной археологіи и этнографіи. Что же касается до того, что историческое изученіе края далеко не соответствовало изученію его обществомъ въ отношеніи археологическомъ и этнографическомъ, то фактъ этотъ никоимъ образомъ, по мнѣнію референта, не можетъ быть поставленъ въ вину обществу, лишь подтверждая лишній разъ то общее положеніе, что разнородныя задачи несомнѣстны въ рукахъ однихъ и тѣхъ же учрежденій. Этотъ пробѣлъ въ дѣятельности общества могъ бы быть восполненъ, какъ полагаетъ г. Борисовъ, возникновеніемъ въ Казани учрежденія, специально занятаго разработкою мѣстныхъ историческихъ матеріаловъ, — ученой архивной комиссіи.

Историческое общество. 25 февраля, на годовомъ засѣданіи, проф. Карѣевъ прочелъ докладъ на тему «Ог. Контъ, какъ основатель социологіи».

Рѣчь эта, за недостаткомъ времени, не была заслушана на прошломъ засѣданіи общества. Знаменитое сочиненіе Ог. Конта появилось въ свѣтъ въ 40-хъ годахъ. Долго, однако, идеи, высказанныя философомъ, не встрѣчали сочувствія: его не понимали и потому не обращали на него вниманія. Съ шестидесятихъ годовъ произошелъ крупный переворотъ мысли на Западѣ. Реальныя, положительныя знанія въ сферѣ естественныхъ наукъ обратили мысль чело-вѣческую на исканіе реальныхъ основаній, твердыхъ методовъ и въ наукѣ общественной. Сочиненіе Ог. Конта было оцѣнено и за нимъ, по мнѣнію докладчика, надо признать основателя и родоначальника соціологіи, какъ чистой науки, какъ такой системы знаній, которая познается путемъ методовъ и которая устанавливаетъ законы явленій. Лекторъ указалъ на значеніе законовъ сосуществованія общественныхъ явленій и ихъ послѣдовательности, установленныхъ Ог. Контомъ. Перейдя къ вопросу о значеніи Конта для настоящаго времени, при настоящемъ состояніи науки соціологіи, Н. И. Карѣевъ охарактеризовалъ недостатки, которые свойственны философу, являющемуся продуктомъ его времени. Ог. Контъ отрицалъ значеніе психологіи, политическую экономію и несправедливо относился къ наукѣ права. Онъ не считалъ этихъ наукъ способными освѣтить явленія и совершенно не признавалъ ихъ значенія. Въ этомъ отношеніи Ог. Контъ—дитя своего времени и мѣста, и господствовавшія понятія отразились на немъ, несмотря на оригинальность и самостоятельность его ума. Зачаточное же слабое развитіе этихъ наукъ въ то время также не могло не содѣйствовать такому отношенію къ нимъ ученаго. Ог. Контъ теперь для насъ явленіе историческое, его идеи положили основаніе наукѣ, но заслуга ихъ въ прошломъ. Первый познакомилъ русское общество съ Ог. Контомъ—Писаревъ. Затѣмъ по этому вопросу написалъ популярную статью одинъ изъ публицистовъ «Современника». Это было въ 1868 г. Съ тѣхъ поръ интересъ къ идеямъ философа въ русской литературѣ возрасталъ. Его читали, изучали и пользовались имъ для научныхъ сочиненій. На засѣданіи были прочитаны отчетъ о состояніи и дѣятельности историческаго общества за 1897 годъ, докладъ ревизіонной комиссіи и была рассмотрѣна смѣта на 1898 годъ. По смѣтѣ прихода предполагается 1687 р. 6 к., расхода—693 р. 61 к. Затѣмъ происходили выборы предсѣдателя и двухъ членовъ комитета. Избраны: Н. И. Карѣевъ—предсѣдателемъ; А. С. Лаппо-Данилевскій и В. И. Семевскій—членами комитета.

Общество любителей древней письменности. 1. 6-го марта было доложено секретаремъ о новыхъ прибрѣтеніяхъ общества, и затѣмъ прочитаны слѣдующія доклады: В. Н. Перетцъ въ своемъ сообщеніи характеризовалъ рядъ древнерусскихъ статей, носящихъ заглавіе «Сказаніе» или «Слово о составленіи псалтири». Такихъ статей было извѣстно нѣсколько, изъ коихъ нѣкоторыя подписываются именемъ такихъ церковныхъ авторитетовъ, какъ Евсеій Памфилъ; другія являются болѣе или менѣе баснословными, апокрифическими, разумѣя подъ этимъ терминомъ не только то, что вошло въ индексъ запрещенныхъ книгъ, но и вообще все слишкомъ отступающее отъ св. писанія и несогласное съ преданіемъ, признаваемымъ церковью. Изъ числа сказаній, приписываемыхъ Евсеію Памфилу, намъ извѣстны два, по сличенію съ грече-

скимъ текстомъ, оказывающіяся далеко отступающими отъ него. Одно сказаніе—по рукоп. XIII в. новг. соф. библ. (вариантъ — ркп. Погод. собранія XVII в.) даетъ стройный рассказъ, довольно близкій къ даннымъ Евсевія; но другое, извѣстное въ рукописи Погодина XVI вѣка, является свободной компиляціей, едва ли не составленной въ Россіи по готовымъ переводнымъ источникамъ: здѣсь масса отступленій, заключающихъ въ себѣ описаніе музыкальных инструментовъ, рассказъ о перенесеніи ковчега Завѣта (повторенъ дважды), толкованіе непонятныхъ словъ и т. п. Въ то время, какъ первое сказаніе, извѣстное уже въ древности, представляетъ языкъ правильный, литературный,— во второмъ, помимо нескладнаго стиля, обращаютъ на себя вниманіе особенности народнаго говора. Кромѣ этихъ сказаній, не заключающихъ въ себѣ ничего апокрифическаго, извѣстно еще «Сказаніе о составленіи псалтирномъ», находящееся въ рукописяхъ Соловецкаго монастыря, московскаго публичнаго музея и императорской публичной бібліотеки въ собраніи Погодина. Первая глава сообщаетъ, что Давиду псалмы были подсказаны ангеломъ, что видѣлъ вельможа Виоръ; во второй—рассказывается, какъ Давидъ велѣлъ избить жабъ, мѣшавшихъ ему сочинять псалмы: тогда явилась ему жаба, поразила лапой писаніе и упрекала царя за то, что хочетъ помѣшать жабамъ по своему хвалить Господа. Давидъ повелѣлъ прекратить избіеніе и вписалъ въ псаломъ: «всякое дыханіе да хвалить Господа». Третья глава содержитъ рассказъ о томъ, что сначала псалмовъ было гораздо больше—600, и что Давидъ бросилъ ихъ въ море, заливъ оловомъ. Когда Соломонъ вынулъ ихъ—оказалось всего 153. Сходный рассказъ со второй главой—читаеиъ въ еврейской книгѣ ялкушъ, содержащей мидраши на книгѣ ветхаго завѣта. Къ послѣдней—въ рукописи Ундольскаго имѣемъ параллель: «указъ како псалтырь бысть въ моря», но текстъ послѣдняго значительно разнится отъ третьей главы апокрифа и является особымъ переводомъ. Въ имѣющихся пока трехъ спискахъ апокрифическаго сказанія можно различать два чтенія: одно (Солов. Погод.) болѣе распространенное, другое (Маса)— краткое. Но эта краткость не результатъ механическаго сокращенія. Порою московскій текстъ исправляетъ непонятныя, испорченныя мѣста другихъ рукописей. Въ языкѣ апокрифа мы не находимъ очень древнихъ формъ и словъ: зато есть слѣды новгородскаго нарѣчія. Можно предположить, что переводъ этого апокрифа сдѣланъ въ сравнительно позднее время. Затѣмъ было прочтено г. секретаремъ присланное о. протоіереемъ А. Свирѣлинымъ сообщеніе о Курсунскомъ св. Крестѣ, находящемся въ Николаевскомъ мужскомъ монастырѣ въ г. Переяславлѣ Залѣбскомъ. Крестъ этотъ дубовый, обложенъ мѣдными позолоченными листами съ изображеніями праздниковъ и серебряными ковчезцами съ мощами святыхъ. Вышина креста—3 аршина 7 вершковъ, ширина 1 аршинъ 14 вершковъ. Весь крестъ украшенъ драгоценными камнями и жемчугомъ. Авторъ сообщенія указываетъ на сходство этого креста съ имѣющимися въ московскомъ Успенскомъ соборѣ и полагаетъ, что Переяславскій крестъ несомнѣнно Курсунскій. Вѣроятно, онъ присланъ изъ Кіева къѣмъ либо изъ первыхъ ростовскихъ епископовъ. Что касается ковчезцевъ и крестиковъ, украшающихъ крестъ, то они сдѣланы не позже Іоанна Грознаго. Когда и къѣмъ былъ принесенъ крестъ въ

Николаевскій монастырь—неизвѣстно. Вѣроятно же всего, онъ попалъ сюда во время нашествія непріятелей или вообще болѣе или менѣе случайно; едва ли онъ былъ пожертвованъ кѣмъ либо изъ князей, такъ какъ монастырь Никольскій никогда не былъ болѣе или менѣе выдающимся въ ряду другихъ—и наконецъ перешелъ въ разрядъ заштатныхъ. П. 20-го марта, по прочтеніи протокола предыдущаго засѣданія, г. секретарь сообщилъ о новыхъ приобрѣтеніяхъ общества, изъ коихъ наиболѣе интереснымъ является картина, изображающая аллегорически воинствующую церковь; картина пожертвована г. Опочининымъ. Н. К. Никольскій сдѣлалъ три сообщенія изъ исторіи старинной русской литературы. Въ первомъ референтъ, рассматривая вопросъ о происхожденіи русскихъ списковъ Изборника Святославова 1073 г., старался установить при помощи Кирилло-Бѣлозерскаго списка Изборника № 1152, что оригиналъ, соотвѣтствовавшій оглавленію Изборника (1073 г.) московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ № 902 — 1468, былъ написанъ на Руси не ранѣе XIII вѣка, такъ какъ дополнительныя статьи къ Изборнику, перечисленныя въ томъ же оглавленіи, были заимствованы изъ Кормчей сербской редакціи, принесенной на Русь не ранѣе 1262 или 1270 года. Вліяніе списковъ названнаго Изборника, вошедшаго въ книжный оборотъ въ XIII—XIV вѣкѣ, замѣтно на той группѣ Златыхъ Цѣпей, изъ которыхъ одинъ списокъ включенъ въ іюльскую книгу Великихъ Четвѣхъ Минеи митр. Макарія. Во второмъ сообщеніи г. Никольскій обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на копію неизданнаго поученія митрополита Теоноста (XIV в.), находящуюся въ рукописи В. Ундольскаго въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, № 1411. Наконецъ, въ третьемъ сообщеніи референтъ остановился на неизвѣстномъ доселѣ посланіи ватопедскаго монаха къ в. кн. Василию Іоанновичу. Посланіе состоитъ изъ двухъ частей; одна содержитъ описаніе двухъ формъ монастырской жизни на Аѳонѣ: общежитія и келліотской жизни, и объясняетъ причины возникновенія послѣдней формы. Во этой части авторъ посланія доказываетъ, что гора Аѳонская соблюдается божественнымъ предмышленіемъ, а не людскою силою. Въ заключеніи—льстивая похвала благотворительности великаго князя и пожеланіе ему здоровья. Г. З. Кунцевичъ въ своемъ сообщеніи указалъ на два небольшіе разсказа, находящіеся въ рукописяхъ Императорской публичной бібліотеки; одинъ—о казанскомъ походѣ 1550 г., другой о походѣ также на Казань въ 1552 г. и о взятіи ея. Разсказъ о походѣ 1550 г. интересенъ по нѣкоторымъ подробностямъ, не встрѣчающимся въ другихъ памятникахъ этого времени, напримѣръ, въ обновленіи града Владиміра; здѣсь, же упоминаются нѣкоторыя лица, объ участіи которыхъ въ 1550 г. мы узнаемъ впервые (архимандритъ Нифонтъ, воздвиженскій игуменъ Сергій). Второй разсказъ замѣчательнъ по своему близкому сходству съ тою частью отрывка русской лѣтописи (VI т., II. С. Р. Л.), которая говоритъ о походѣ 1552 г. и взятіи Казани. По мнѣнію референта, этотъ разсказъ является однимъ изъ источниковъ лѣтописнаго «отрывка». Разсказъ же о походѣ 1550 г., весьма вѣроятно, принадлежитъ архимандриту ново-спасскаго монастыря Нифонту, участвовавшему въ походѣ и составившему сборники, гдѣ находятся сообщенныя разсказы. Кѣмъ написанъ второй разсказъ о походѣ 1552 г. — рѣшить

трудно, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, но судя по подневной записи, имѣющей видъ дневника, можно думать, что здѣсь мы имѣемъ записки очевидца и современника описываемаго событія.

Союзъ ревнителей русскаго слова. Въ залѣ Владимірскаго городского училища состоялось въ концѣ марта первое общее собраніе членовъ недавно учрежденнаго въ Петербургѣ союза ревнителей русскаго слова, цѣль котораго пробуждать въ русскомъ обществѣ уваженіе къ самобытности и кореннымъ свойствамъ русской рѣчи, поддерживать и развивать любовь къ ней, способствовать сближенію книжнаго языка съ народнымъ и этимъ содѣйствовать разработкѣ общепонятнаго русскаго языка, какъ главнѣйшаго орудія распространенія просвѣщенія во всѣхъ слояхъ русскаго народа. При открытіи собранія предсѣдатель совѣта союза Ф. А. Витбергъ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой, указавъ на главные цѣли союза, представилъ краткій обзоръ всего, что сдѣлано было первыми ревнителями русскаго слова въ періодъ отъ 1735 года по 1841 годъ. Вопросъ о необходимости обработки языка впервые возникъ въ Россіи еще въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія, и инициатива этого дѣла принадлежитъ основанной въ 1725 году Императорской Академіи Наукъ. По инициативѣ барона Корфа для большей успѣшности занятій при академіи въ 1735 году было организовано, такъ называемое, російское собраніе, поставившее себѣ задачей разработку языка путемъ образованія новыхъ словъ, очистку языка отъ иностранныхъ словъ, сокращеніе числа совершенно лишнихъ частицъ и буквъ и т. д. Непродолжительная дѣятельность этого собранія (до 1743 г.), плодомъ которой былъ появившійся словарь, весьма благотворно отозвалась на дѣятельности автора многихъ статей, касающихся обработки русскаго языка и автора словаря — Тредьяковскаго. Указавъ на твердую рѣшительность первыхъ ревнителей русскаго слова служить своему дѣлу, ораторъ, характеризуя подробно дѣятельность, въ этомъ отношеніи, Тредьяковскаго, указавъ на его попытки передавать на русскій языкъ иностранныя слова и создать теорію поэзіи. Переходя къ дальнѣйшимъ дѣятелямъ въ томъ же направленіи, ораторъ отмѣтилъ дѣятельность послѣдователя Тредьяковскаго, М. В. Ломоносова, который опредѣлилъ границу между литературнымъ языкомъ и церковно-славянскимъ и много напоминавшимъ послѣдній древнерусскимъ. Выдающимся плодомъ дѣятельности Ломоносова является его грамматика. Характеризуя дѣятельность А. П. Сумарокова, ораторъ, между прочимъ, указавъ на мысль послѣдняго о необходимости учрежденія specialнаго общества для борьбы съ насильно вводимыми въ русскій языкъ иностранными словами и дальнѣйшей разработки языка. Мысль эта находитъ себѣ примѣненіе съ учрежденіемъ въ 1755 году Московскаго университета, первый русскій профессоръ котораго, Поповскій, начинаетъ пронагандировать мысль о необходимости введенія чтенія лекцій на русскомъ языкѣ вмѣсто латинскаго, нѣмецкаго и французскаго. Затѣмъ для разработки языка при университетѣ по инициативѣ бывшаго впоследствии его ректоромъ Мелиссино въ 1771 году организуется первое, такъ называемое, вольное российское собраніе, въ составъ котораго, кромѣ профессоровъ университета, вошли и другія лица, сочувствовавшія цѣли этого собранія, то-есть обра-

боткѣ русскаго языка. Результатомъ 12-лѣтней дѣятельности этого собранія явился внослѣдствіи извѣстный словарь, о значеніи котораго распространялись Срезневскій и Сухомлиновъ. Съ прекращеніемъ дѣятельности російскаго собранія, члены его отчасти перешли въ составъ вновь организованной академіи, плодомъ дѣятельности которой были словопроизводный и алфавитный словари, о которыхъ дали прекрасные отзывы Шлецеръ, Карамзинъ, Срезневскій, Сухомлиновъ, и организованное внослѣдствіи при академіи наукъ нынѣшнее II Отдѣленіе русскаго языка и словесности. Организациія этого Отдѣленія относится къ 1741 году, когда по августѣйшей волѣ императрицы Екатерины російская академія была присоединена къ императорской академіи наукъ и составила собой отдѣленіе русскаго языка и словесности. Охарактеризовавъ вкратцѣ дѣятельность учрежденнаго въ 1811 году московскаго общества любителей словесности и упомянувъ вкратцѣ о дѣятельности Сухомлинова, Срезневскаго, Востокова, Даля, Грота и нѣкоторыхъ другихъ, ораторъ, заканчивая свою рѣчь, указалъ на важное значеніе организованнаго союза ревнителей русскаго слова, поставившаго своей цѣлью такія высокія задачи, и выразилъ надежду, что совмѣстная и дружная работа членовъ союза послужитъ залогомъ того, что, какъ онъ выразился, «и нашего меда капля попадетъ въ общую сокровищницу языка знанія».

Московскій библиографическій кружокъ. 13 марта состоялось общее собраніе членовъ библиографическаго кружка. На засѣданіи разсматривался проектъ устава русскаго библиографическаго общества. Послѣднее должно замѣнить собою нынѣ существующій библиографическій кружокъ. Русское библиографическое общество ставитъ своими главными задачами: разработку русской библиографіи, изслѣдованія по исторіи отечественной литературы и распространеніе свѣдѣній о книжномъ дѣлѣ въ Россіи. Для достиженія означенныхъ задачъ общество имѣетъ право: 1) собирать матеріалы по біо- и библиографіи, исторіи литературы и книжному дѣлу; 2) собирать библіотеку сообразно главнымъ цѣлямъ общества; 3) составлять музей изъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи и техникѣ печатнаго дѣла и палеографіи; 4) устраивать публичныя чтенія по вопросамъ, касающимся задачъ общества, съ выставками соответственныхъ коллекцій; 5) издавать библиографическіе труды; 6) выдавать преміи и награды за труды на пользу общества. Члены общества раздѣляются на почетныхъ, дѣйствительныхъ, членовъ-соревнователей и сотрудниковъ. Годовой взносъ для дѣйствительныхъ членовъ опредѣляется въ три рубля и, кромѣ того, при вступленіи члены должны платить единовременно 5 рублей. Дѣйствительные члены, уплатившіе единовременно не менѣе 75 рублей, освобождаются отъ ежегоднаго взноса. Члены-соревнователи вносятъ единовременно не менѣе 200 рублей. Члены-сотрудники избираются изъ лицъ, могущихъ быть полезными своими познаніями и дѣятельностью. Собраніе не закончило разсмотрѣніе проекта и будетъ продолжать его въ слѣдующемъ засѣданіи. Въ началѣ засѣданія г. Фрейманъ сдѣлалъ сообщеніе, посвященное памяти Н. И. Носова, бывшаго однимъ изъ учредителей библиографическаго кружка.

Географическое общество. I. Въ соединенномъ засѣданіи отдѣленій математической и физической географіи, 3 марта, членъ совершившей минувшимъ

лѣтомъ путешествіе памирской экспедиціи геологъ Д. В. Ивановъ сдѣлалъ сообщеніе о результатахъ своихъ геологическихъ изслѣдованій на западной окраинѣ Памира въ области Дарваза, Рошана и Шугнана. Исходнымъ пунктомъ экскурсіи былъ Самаркандъ, откуда докладчикъ прошелъ по слѣдующему маршруту: на города Китабъ, Якка-багъ, Байсунъ, Денау, Юрги, Сарыджуй, Каратагъ, Гиссаръ, Бальджуанъ, Кала-и-Хумъ, Кала-и-Рахарфъ. Ванчъ, гдѣ были оставлены собранныя коллекціи, въ виду трудности дальнѣйшаго пути. Изъ Ванча путешественникъ направился въ область Рошана, черезъ Дарвазскій хребетъ, долиной Язгулеша и перевалами Гушкономъ, высотой 4.407 метровъ, на который приходилось подыматься по снѣгу подъ угломъ около 70 град., и Абха-Юдуди, высотой 4.552 метра, на городъ Кала-и-Вамаръ и далѣе на югъ къ Горону, откуда, вернувшись къ устью рѣки Гунда, прошелъ въ область Памира, гдѣ, между прочимъ, имъ были изслѣдованы озера Сысы-Куль, оказавшіяся высохшими, Ракъ-Куль и Кара-Куль. Докладчикъ сообщил подробныя свѣдѣнія о характерѣ пройденныхъ мѣстностей въ геологическомъ отношеніи, направленіи горныхъ хребтовъ, рѣкъ и проч. Существующее мнѣніе, что Памиръ былъ весь покрытъ ледниками, по его словамъ, оказывается преувеличеннымъ, такъ какъ онъ встрѣчалъ ледники лишь только въ восточной части Памира, въ западной же ихъ не видѣлъ. Между прочимъ, имъ встрѣчены между Гиссаромъ и Бальджуаномъ мощныя залежи гипса и интересныя, хотя и небогатыя, мѣсторожденія соли. Послѣдняя добывается мѣстнымъ населеніемъ въ количествѣ 180 пудовъ въ день и сбывается въ окрестныя бухарскіе города. По долинамъ горныхъ рѣчекъ Дарваза мѣстное населеніе занимается добываніемъ золота, но въ очень ограниченномъ количествѣ. У Горона докладчикъ видѣлъ извѣстныя рубиновыя копи, заключающія въ себѣ драгоценныя камни разныхъ сортовъ. До занятія русскими Шугнана эти копи разрабатывались мѣстными обитателями, таджиками, конечно, самымъ первобытнымъ способомъ. По мнѣнію докладчика, основываясь на разныхъ признакахъ, при болѣе подробномъ изслѣдованіи, область мѣсторожденій рубиновъ можетъ быть расширена. Сообщение было иллюстрировано весьма интересными діаповитивами, изображавшими ландшафтъ различныхъ мѣстностей. Въ засѣданіи доложены поступившія въ общество ходатайства объ оказаніи содѣйствія отъ профессора Краснова, намѣреющагося отправиться въ Полинезію для окончанія начатыхъ ранѣе наблюденій, профессора московскаго Константиновскаго межевого института И. А. Иверонова, предполагающаго заняться изслѣдованіемъ астрономическихъ долготъ въ Московской губерніи, и князя Ширинскаго-Шихматова, отправляющагося на сѣверъ, въ Олонецкую и Архангельскую губерніи. Ходатайства будутъ рассмотрѣны совѣтомъ общества. II. Въ засѣданіи 6 марта состоялся докладъ И. И. Бока: «Объ организаціи переписи въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и о главнѣйшихъ ея результатахъ». Перепись произведена была впервые въ 1790 г. и съ тѣхъ поръ повторяется регулярно каждыя десять лѣтъ. Программы ея становятся все шире и шире, такъ что одиннадцатая перепись 1890 г. заключала въ себѣ уже почти тысячу вопросовъ по всѣмъ отраслямъ статистики. Необходимо отмѣтить, что въ Соединенныхъ Штатахъ не существуетъ вовсе постоянныхъ статистическихъ учре-

жденій; каждый разъ, какъ приближается срокъ переписи, конгрессъ Штатовъ разсматриваетъ вновь вопросъ о стоимости предстоящей переписи и разрѣшаетъ возникающія по переписи затрудненія. Распределение счетныхъ работъ производится суперинтендентомъ, чиновникомъ, назначаемымъ президентомъ республики и утверждаемымъ сенатомъ. Последняя перепись произведена была въ 1890 г., въ ней приняло участіе 50.000 счетчиковъ, расходъ по переписи составилъ 11.546.000 долл., изданіе переписныхъ трудовъ заключается въ 25 книгахъ in 4° съ 22.000 стр. Статистическій матеріалъ, добытый переписью, отличается большою цѣнностью, сама система его добыванія довольно проста. Въ городахъ перепись производилась двѣ недѣли, въ селеніяхъ даже по мѣсяцу, пріурочена она была къ 1-му юня, вносились въ списки лишь лица, имѣющія въ данномъ мѣстѣ свое постоянное мѣстожителство. Счетчики дѣйствовали подъ присягой. Вопросыые листы заключали въ себѣ слѣдующія свѣдѣнія: о населеніи, о смертности его, о земледѣліи и рыболовствѣ, о горномъ дѣлѣ и горнозаводской промышленности, о страхованіи транспортныхъ предпріятій, о церквяхъ, религіяхъ и учебномъ дѣлѣ, объ имущественныхъ условіяхъ, о долгахъ и налогахъ, объ инвалидахъ, о призрѣніи и о преступности. Исслѣдовалась также задолженность частныхъ корпорацій и лицъ. Въ переписи приняли участіе за денежное вознагражденіе 46.804 счетчика, съ платою поденно или по числу переписанныхъ. Уплачено 2.485.786 долл., что составитъ 50 долл. на счетчика. Черезъ 25 дней отъ начала переписи уже производилась разработка собраннаго матеріала при помощи электрическаго аппарата Гольриджа. Опубликованныя данныя показываютъ слѣдующее: въ 1890 г. (къ 1 юня) населеніе Штатовъ состояло изъ 62.982.244 человека, или 6,⁸² на 1 кв. в.; на 1000 мужчинъ приходится 953 женщины. Въ 1790 г. населенія было всего 3.929,827, въ 1860 г.—31.443.321. 41 проц. всего населенія живетъ въ городахъ (у насъ въ среднемъ—12,⁸ проц., исключая Привислянскаго края—гдѣ городское населеніе составляетъ 21,⁷ проц.). Изъ другихъ данныхъ заслуживаютъ вниманія: число учащихся въ приходскихъ школахъ, а также частныхъ заведеній—14.250.000. По вѣроисповѣданіямъ жители распались на 130 группъ, больше всего католиковъ, методистовъ, баптистовъ, лютеранъ. Желѣзныя дороги растутъ чрезвычайно быстро. Въ 1879 г. находимъ 131.682 кил. ж. д., въ 1889 г.—259.657, въ 1890 г. 274.497 кил. Затрата на дороги достигаетъ огромной суммы 10.625.000.000 долл. По окончаніи доклада происходили выборы предсѣдателя отдѣленія статистики. Избранъ Д. П. Семеновъ. III. Въ статистическомъ отдѣленіи К. В. Николаевымъ сдѣланъ былъ 27-го марта докладъ о всеобщей переписи населенія Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской областей. Сообщение представляло значительный интересъ съ точки зрѣнія характеристики отношенія къ переписи мѣстнаго разнообразнаго инородческаго населенія. У крестьянъ-переселенцевъ, связывавшихъ, между прочимъ, съ переписью предложенную будто бы новую надѣлку имъ земли, и у казаковъ сибирскаго казачьяго войска перепись прошла безъ затрудненій. Осѣдлые инородцы края отнеслись къ переписи подозрительно. Такъ, таранчи опасались, что она повлечетъ за собою воинскую повинность, и всюду совершали моленія, чтобы она прошла для нихъ благополучно. Среди дунганъ ходили на-

стойчивые слухи, что ихъ послѣ переписи выселятъ въ Китай. Сарты отнеслись довольно спокойно, хотя были не особенно откровенны и не хотѣли говорить имѣть женщинъ, что считается у нихъ неприличнымъ. Выходцы и бѣглецы изъ Китая (разные преступники) полагали, что ихъ отправятъ въ Китай, чего они, конечно, ужасно боялись; съ большимъ трудомъ удалось ихъ разубѣдить въ этомъ, хотя все же волненіе среди нихъ было все время сильное. Татары, ярые носители мусульманства, хотя и вели себя корректно, но боялись могущаго послѣдовать стѣсненія ихъ въ религіозной свободѣ. Киргизы, кочующіе вблизи городовъ и казачьихъ поселеній, сильно опасались переписи; среди нихъ распространялись слухи и толки о принудительномъ поголовномъ крещеніи, объ отбываніи ими воинской повинности и насильственномъ прикрѣпленіи ихъ къ землѣ; возбужденные, они не хотѣли давать никакихъ свѣдѣній и пускать къ себѣ, говоря, что за свою вѣру готовы кровь пролить, а слухи о прикрѣпленіи къ землѣ обращали даже многихъ въ бѣгство, сопровождавшееся большимъ разореніемъ. Но, затѣмъ, участіе въ переписи ихъ сородичей и корректное поведение татарскаго населенія подѣйствовали на нихъ успокоительно. Киргизъ, кочующихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ, пугали слухи о новыхъ налогахъ. Въ особенно же глухихъ мѣстахъ, куда не проникало никакихъ слуховъ, киргизы отнеслись весьма хорошо и даже пускались затѣмъ въ погоню за счетчиками верстъ за 50 — 60, если забыли что либо сказать. Въ горахъ и глухой степи перепись была крайне тяжела. Успѣхъ зависѣлъ, напр., отъ бурана, во время котораго могло все погибнуть. Нѣкоторые участники переписи срывались съ горъ и калѣчились. Чернила нерѣдко замерзали, и приходилось ихъ усиленно отогрѣвать. Кромѣ этого, значительныя затрудненія представляли также и обстоятельства экономическаго свойства, какъ, напр., развѣзды, для которыхъ требовалась поставка большого числа лошадей. Придорожные киргизы, отбывающіе въ данномъ случаѣ натуральную повинность, нерѣдко удалялись въ сторону и угоняли табуны лошадей, такъ что приходилось или насильно отбивать у нихъ лошадей, или же ходить пѣшкомъ отъ аула къ аулу. Въ общемъ, однако, несмотря на всѣ трудности, перепись удалась вполне и не вызвала никакихъ ни полицейскихъ, ни судебныхъ вмѣшательствъ.

Философское общество. I. 7-го марта состоялось первое посвященное памяти Огюста Конта засѣданіе, открытое вступительною рѣчью г. Соловьева. Говорившій вслѣдъ затѣмъ г. Савичъ посвятилъ рѣчь взглядамъ Конта на математику и математическія понятія, и затѣмъ говорилъ проф. О. Д. Хвольсонъ, подробно разсмотрѣвшій отношеніе Конта къ современнымъ и предшествовавшимъ ему ученымъ трудамъ въ области физики, и отмѣтилъ ошибочный взглядъ Конта на основную цѣль физическихъ наукъ, заключавшійся, какъ извѣстно, въ томъ, что, по мнѣнію Конта, слѣдуетъ исключить изъ физики всякое исканіе причинъ и допускать въ ней только гипотезы, касающіяся исключительно законовъ самихъ явленій, а не ихъ способовъ возникновенія. Ораторъ указалъ далѣе, насколько не основательна была контовская классификація, согласно которой физика ставилась въ зависимость отъ астрономіи и математики, и какъ доказательно было опровергнуто мнѣніе Конта, что отдѣлы физики будутъ всегда разграничены другъ отъ друга. Проф. Хволь-

сонъ закончилъ свою рѣчь выраженіемъ надежды, что рознь, существовавшая до послѣдняго времени между представителями чисто-философской мысли, съ одной стороны, и натуралистами, съ другой, будетъ уничтожена окончательно; Конту сдѣлать это не удалось, да и врядъ ли это по силамъ одному человѣку; только дружной работой многихъ умовъ, подъ знаменемъ взаимнаго уваженія и довѣрія, процвѣтетъ истинное знаніе. «Дай Богъ, — закончилъ свою рѣчь профессоръ, обращаясь къ членамъ общества, — чтобы эта работа и въ нашемъ кругу служила прогрессу во славу русской науки!». II. Во второмъ юбилейномъ засѣданіи 14-го марта С. М. Лукьяновъ произнесъ рѣчь о позитивной біологіи Конта. Заявивъ, что великія заслуги Конта въ области біологіи не подлежатъ сомнѣнію, ораторъ разъяснилъ основы контовской классификаціи біологическихъ наукъ и указалъ важность отмѣченнаго имъ постоянного отношенія между строеніемъ и отправленіемъ органовъ. При этомъ было обращено вниманіе на то, что Контъ первое мѣсто въ приемахъ біологическаго изслѣдованія отдавалъ сравненію. Все это имѣло большое значеніе для науки, и быстрое развитіе животной фізіологіи слѣдуетъ объяснить вліяніемъ Конта. Однако, контовское опредѣленіе жизни, установленное съ точки зрѣнія біологіи, нельзя признать единственнымъ и окончательнымъ. Вѣдь разобраться въ вопросахъ жизни хотятъ не одни только біологи, а всѣ люди, и этимъ широкимъ запросамъ человѣчества не отвѣчаетъ теорія жизни Конта съ ея односторонними ограниченіями. Нормальнымъ состояніемъ человѣческаго сознанія является ненасытное бытіе, которое не можетъ успокоиться на благоразумномъ наставленіи: *ignovimus et ignorabimus*. Если наука до сихъ поръ не разрѣшила нѣкоторыхъ вопросовъ, то это не даетъ намъ права утверждать, что она никогда не разрѣшитъ ихъ. Наконецъ, если наука окажется безсильной въ ихъ разрѣшеніи, то все-таки нельзя запрещать человѣку конечные вопросы жизни при помощи другихъ (не научныхъ) типовъ познанія — философіи, религіи и искусства. Контъ, считая научное, біологическое опредѣленіе жизни единственно истиннымъ, смѣшиваетъ понятіе ненаучнаго съ противонаучнымъ. Однако, жизнь шире науки, и всеобъединяющее сознаніе заключаетъ въ себѣ стремленія не только къ знанію, но также къ вѣрѣ и любви. А. С. Лаппо-Данилевскій произнесъ рѣчь о позитивномъ методѣ въ «соціологіи» Конта. По мнѣнію профессора, методологическія указанія Конта имѣли большое значеніе въ исторіи соціологіи. Онъ выставилъ на первый планъ важность начала развитія въ объясненіи соціальныхъ явленій, придавъ новый характеръ ученію о средѣ и разъяснилъ значеніе для соціолога знанія математики, біологіи, астрономіи и физико-химическихъ наукъ. При этомъ г. Лаппо-Данилевскій указалъ, что, сопоставляя общество съ организмомъ, Контъ понималъ организмъ не только въ біологическомъ, но и въ психологическомъ смыслѣ, и среди факторовъ прогресса на первомъ мѣстѣ ставилъ идеи. III. 27-го марта Н. Г. Дебольскій прочелъ рефератъ на тему: «Понятіе красоты». Въ началѣ реферата докладчикъ установилъ различіе между понятіемъ и идеей красоты. Понятіе красоты — низшая ступень въ ея пониманіи, когда красота разсматривается только, какъ нѣчто противоположное безобразію; идея же красоты есть нѣчто высшее, въ чемъ уничтожаются данныя противоположности. Свой

докладъ г. Дебольскій посвятилъ разсмотрѣнію понятія красоты въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. По его мнѣнію, слѣдуетъ признать, что красота есть предметъ незаинтересованнаго наслажденія. Ея признаками являются показность, совершенная объективность и данность въ тѣлесныхъ образахъ. Естественное возраженіе, что едва ли могутъ существовать состоянія сознанія, характеризующіяся признаками совершенной объективности и чистой показности, г. Дебольскій постарался устранить разъясненіемъ, что зато, быть можетъ, и не существуетъ чисто-эстетическихъ состояній (безъ примѣси не эстетическихъ элементовъ), а бываетъ лишь приближеніе къ нимъ. Цѣнной стороною эстетическаго созерцанія слѣдуетъ признать проявляющуюся въ немъ цѣлостность пониманія природы. Эта цѣлостность не дается намъ въ опытныхъ наукахъ. Напротивъ, эти науки приводятъ насъ къ неискоренимому дуализму, непримиримому противоположенію внѣшняго и внутренняго міра. Всѣ научныя попытки примирить этотъ дуализмъ г. Дебольскій признаетъ неудачными. Въ эстетическомъ созерцаніи этотъ дуализмъ разрѣшается. Въ красотѣ мы находимъ цѣлостный образъ природы, еще не порозненный эмпирическимъ знаніемъ на вещество и душу. Красота есть чаемая и любимая нами въ чувственномъ образѣ природы ея сверхчувственная цѣлостность. Она—радость для созерцанія, мука для мысли и законная область мистики, выдающей въ ней откровеніе Бога черезъ природу. Словомъ, созерцаніе красоты есть мистическое погруженіе нашего духа въ сущность природы. Исходя изъ такого пониманія красоты, г. Дебольскій призналъ, что психологическое направленіе эстетики (какъ низшее) должно подчиняться направленію метафизическому (какъ высшему).

Романовскій отдѣлъ при Костромской архивной комиссіи. Высочайше утвержденнымъ 15-го февраля 1897 года положеніемъ комитета министровъ, между прочимъ, разрѣшено образовать при костромской губернской ученой архивной комиссіи особый Романовскій отдѣлъ, для собиранія и храненія свѣдѣній и данныхъ о предкахъ родоначальника нынѣ благополучно царствующаго дома—царя Михаила Теодоровича; а предсѣдателю помянутой комиссіи предоставлено право обращаться съ приглашеніемъ къ частнымъ лицамъ—доставлять въ комиссію документы, записки и проч., касающіеся предковъ вышеуказаннаго родоначальника дома Романовыхъ. Вслѣдствіе этого, предсѣдатель Костромской губернской ученой архивной комиссіи, статсъ-секретарь Н. Н. Селифонтовъ, обращается къ частнымъ лицамъ съ просьбою о доставленіи въ названную архивную комиссію,—находящуюся въ г. Костромѣ, въ домѣ костромскаго дворянства,—не имѣющихъ для нихъ практическаго значенія старинныхъ межевыхъ, писцовыхъ, переписныхъ, ревизскихъ и служебныхъ актовъ, а равно купчихъ, поступныхъ и иныхъ крѣпостей и записей и родословныхъ росписей, почему либо касающихся предковъ царя Михаила Теодоровича Романова, по отцу изъ рода бояръ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ, а по родительницѣ изъ рода костромскихъ дворянъ Шестовыхъ, а также касающихся родственниковъ и свойственниковъ названныхъ двухъ родовъ. Во-первыхъ, по даннымъ, которыми уже теперь располагаетъ Романовскій отдѣлъ Костромской губернской ученой архивной комиссіи, извѣстно, что въ концѣ XVI

вѣка боярамъ Романовымъ принадлежали различныя вотчины и помѣстья въ 18 уѣздахъ. За Иваномъ Васильевичемъ (дѣдомъ) и Василиемъ Михайловичемъ (прадѣдомъ царя Михаила Ѳеодоровича) Шестовыми была извѣстная вотчина Домнинская (нынѣ Буевского уѣзда) и село Климятино съ 14 деревнями въ Угличскомъ уѣздѣ, въ бывшемъ городскомъ стану; самой Ксеніи Ивановнѣ Шестовой принадлежали: родовая вотчина въ Рязскомъ уѣздѣ на р. Воронежѣ и купленная въ Касимовскомъ уѣздѣ Увень; наконецъ ей же принадлежало подмосковное село Рубцово-Покровское. Во-вторыхъ, родственными предкамъ Михаила Ѳеодоровича Романова родами слѣдуетъ считать: Беззубцовыхъ, Бобарыкиныхъ, Голтяевыхъ, Захарьиныхъ-Юрьевыхъ, Кобылиныхъ, Кокоревыхъ, Колычовыхъ, Коновницкихъ, Кошкиныхъ Захарьиныхъ, Лодыгинныхъ, Лошаковыхъ, Лятскихъ, Немятыхъ, Неплюевыхъ, Облязовыхъ, Образцовыхъ, Синихъ, Сухово-Кобылиныхъ, Хлуденевыхъ, Хлызневыхъ, Шереметевыхъ (графовъ и дворянъ), Юрьевыхъ-Романовыхъ и Яковлевыхъ (дѣти, внуки и правнуки Якова Захарьевича); въ свойствѣ съ боярами Романовыми были, кромѣ царя Іоанна Васильевича Грознаго: князя Боровскіе, князя Бѣлевскіе, князя Бѣльскіе, князя Воротынскіе, бояре Годуновы, князя Голицыны, князя Горбатые-Шуйскіе, князя Катыревы-Ростовскіе, дворяне Козловы-Морозовы, князя Литвиновы-Масальскіе, князя Лыковы-Оболенскіе, князя Микулинскіе, дворяне Погожевы, дворяне Плещеевы, дворяне Собакины, князя Сицкіе (по 2-мъ бракамъ), дворяне Сукины, князя Троекуровы, дворяне Тучковы-Морозовы, князя Ушатые, дворяне Ховрины, князя Черкасскіе и князя Шестуновы. Шестовы были въ родствѣ и свойствѣ съ Жостовыми, Морозовыми, Русалкиными, Салтыковыми, Тучковыми, Филимоновыми, Чоглоковыми и Шейными. Въ-третьихъ, документы, не могущіе быть окончательно переданными на вѣчное храненіе въ Романовскій отдѣлъ Костромской архивной комиссіи, будутъ, по снятіи съ нихъ списковъ или сдѣланіи изъ нихъ извлеченій, возвращены ихъ владѣльцамъ, въ цѣлости.

Преміи митрополита Макарія и епископа Михаила присуждены въ за-сѣданіи совѣта Московской духовной академіи 23-го марта профессорамъ: ординарному В. Ѳ. Кипарисову за его сочиненіе: «О церковной дисциплинѣ, Сергіевъ Посадъ», 1897, и экстраординарному — В. А. Соколову за сочиненіе: «Іерархія англиканской епископальной церкви, Сергіевъ Посадъ, 1897». Двойная премія епископа Михаила присуждена профессору И. Н. Корсунскому за его трудъ: «Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и словесности. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1897». Одна премія того же имени присуждена профессору М. Д. Муретову за его сочиненіе: «Чудовская рукопись Новаго Завѣта принадлежитъ ли св. Алексію митрополиту московскому? (По поводу мнѣнія профессора А. И. Соболевскаго), Сергіевъ Посадъ, 1897», и малая Макарьевская премія — доценту И. В. Попову за его магистерское сочиненіе: «Естественный законъ, Сергіевъ Посадъ, 1897».

† **И. Ш. Шишкинъ.** 8-го марта въ С.-Петербургѣ внезапно скончался извѣстный пейзажистъ, Иванъ Ивановичъ Шишкинъ. Покойный, сынъ купца, родился 13-го января 1831 г. въ Елабугѣ, Вятской губ., учился до 5-го класса въ первой казанской гимназіи, затѣмъ прошелъ всѣ классы московскаго училища

живописи, ваянія и зодчества и поступилъ въ академію художествъ въ ученики проф. С. М. Воробьева. Художественныя способности юноши быстро выдѣлили его изъ ряда сотоварищей. Уже въ первый годъ пребыванія въ академіи ему были присуждены двѣ малыя серебряныя медали за рисунокъ и пейзажъ изъ окрестностей Петербурга; въ слѣдующіе годы большая серебряная медаль за «Виды на островъ Валаама», малая золотая — за пейзажъ изъ петербургскихъ окрестностей и большая золотая медаль за два вида мѣста, называемаго по-фински «Кукко», на островѣ Валаамѣ. Отправившись въ 1861 году за границу пенсіонеромъ академіи, покойный провелъ зиму въ Мюнхенѣ, гдѣ посѣщалъ мастерскія извѣстныхъ художниковъ, между прочимъ мастерскія братьевъ Бено и Франца Адамъ, пользовавшихся большой популярностью за свою звѣрпись. Въ 1863 г. онъ переселился въ Цюрихъ и занимался тамъ въ мастерской проф. Коллера, копируя и рисуя съ натуры животныхъ. Здѣсь же И. И. впервые началъ заниматься гравированіемъ на мѣди крѣпкой водкой. Изъ Цюриха онъ ѣздилъ въ Женеву, съ цѣлью ознакомиться съ работами Калама и Диде. Результатомъ его пребыванія въ Швейцаріи явились 12 этюдовъ и четыре картины, бывшія на академической выставкѣ въ 1864 году — «Пастушка и корова подъ деревомъ», «Двѣ коровы у ручья», «Спускъ съ горы» и «Стадо въ лѣсу». Изъ Швейцаріи онъ отправился въ Дюссельдорфъ, гдѣ, по заказу Н. Д. Быкова, написалъ «Видъ изъ окрестностей Дюссельдорфа», доставившій ему въ 1865 году званіе академика. Помимо занятій живописью, покойный тогда же воспроизвелъ замѣчательные рисунки перомъ, вызвавшіе удивленіе среди заграничныхъ художниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ были помѣщены въ Дюссельдорфскомъ музеѣ, на ряду съ работами первыхъ мастеровъ Европы. По возвращеніи изъ-за границы въ 1866 году, И. И. путешествовалъ съ художественною цѣлью по Россіи, почти ежегодно выставлялъ свои произведенія на выставкахъ сперва академическихъ, потомъ «передвижниковъ», производилъ рисунки перомъ, занимался офортомъ и съ каждымъ годомъ упрочивалъ свою извѣстность, какъ одинъ изъ первыхъ живописцевъ пейзажа и первоклассный аквафортистъ. Въ 1873 г. академія художествъ возвела его въ званіе профессора пейзажной живописи за пріобрѣтенную ею замѣчательную картину «Лѣсная глушь». Главенствуя въ пейзажной живописи и въ офортѣ, покойный пытался, между прочимъ, найти такой способъ размноженія своихъ композицій, который соединялъ бы въ себѣ достоинства мѣднаго офорта съ удобствами печатанія на обыкновенномъ станкѣ. Эти цинкографическіе опыты, которые покойный художникъ называлъ «выпуклымъ офортомъ», помѣщались въ журналъ «Пчела» въ 1875 и 1877 гг., но вскорѣ, съ развитіемъ техники фотоцинкотипіи, утратили свое значеніе. Всѣ художественныя произведенія покойнаго невозможно перечислить въ краткой замѣткѣ. Въ ноябрѣ 1891 г. И. И. устраивалъ въ академіи художествъ ретроспективную выставку того огромнаго художественнаго матеріала, который былъ собранъ имъ въ періодъ его дѣятельности за 40 лѣтъ (съ 1849 по 1890 г.). Глубокое изученіе природы, многосторонность дарованія и неутомимое трудолюбіе наглядно были подтверждены этой выставкой, гдѣ находилось болѣе 500 его работъ. Многія изъ нихъ академія пріобрѣла въ качествѣ образцовъ для своихъ классовъ. И эти работы надолго останутся поучительными для интересующихся пейзажною живописью, такъ какъ каждая изъ нихъ носитъ на себѣ слѣды любви къ дѣлу, строгаго

изученія природы и вниканія въ отдѣльныя подробности и малѣйшія особенности изображаемаго сюжета, отличааясь блестящимъ и сильнымъ рисункомъ съ необыкновенно тщательной отдѣлкой формъ. Образцы его живописи и рисунковъ воспроизведены автогитишей и фотогитишей въ особомъ альбомѣ, изданномъ Ѳ. И. Булгаковымъ, его превосходные офорты были напечатаны самимъ покойнымъ, причемъ А. Е. Пальчиковымъ изданъ пояснительный «Перечень печатныхъ видовъ И. И. Шишкина». Въ недавнее время г. Марксъ приобрѣлъ отъ покойнаго мѣдныя доски его офортовъ и выпустилъ въ свѣтъ альбомъ изъ 60 офортовъ. Имѣется и литографическое изданіе (Бегтрова) 12 его рисунковъ углемъ. Особенною извѣстностью пользуются слѣдующія картины Шишкина: «Лѣсная глушь» (собственность академіи художествъ), «Сосновый лѣсъ», «Утро въ сосновомъ лѣсу», «Лѣсныя дали», «Дремучій лѣсъ», «Лѣсной уголокъ», «Дубовая роща», «Буреломъ» (изъ вологодскихъ лѣсовъ), «Въ лѣсу», «Зановѣдныи боръ», «Туманъ» (собственность великаго князя Павла Александровича), «Первый свѣтъ», «Сумерки», «Рожь», двѣнадцать крымскихъ этюдовъ и др. Въ настоящее время на XXVI передвижной выставкѣ имѣются картины покойнаго: «Заброшенная мельница», «Корабельная роща» (приобрѣтена государемъ императоромъ для русскаго музея имени императора Александра III), «Прудъ въ старомъ паркѣ», «Дорога въ сосновомъ лѣсу», «Дубовая роща» (великолѣпный рисунокъ перомъ) и «Водопадъ Суучъ-Ханъ въ Крыму, близъ Алушты» (тоже рисунокъ перомъ). Въ 1890 годахъ покойный былъ призванъ руководить классомъ пейзажной живописи въ Академіи Художествъ, но преподавателемъ состоялъ недолго, вынужденный различными обстоятельствами покинуть Академію и передать руководство своимъ классомъ А. И. Куинджи. Въ послѣднее время И. И. часто хворалъ, но работать не переставалъ, можно сказать, до самаго момента кончины. Смерть Шишкина вызвала множество некрологическихъ отзывовъ и характеристики. (Ср. некрологи и замѣтки «Нов. Вр.» №№ 7914, 7915 и 7916; «Нов.» №№ 68 и 70; «Русск. Вѣд.» №№ 72 и 76; «Моск. Вѣд.» № 68).

† **И. Ш. Паульсонъ.** Въ Оспедалетти (близъ Ниццы) скончался 21-го марта, послѣ тяжелой болѣзни, одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ педагоговъ Іосифъ Ивановичъ Паульсонъ. Покойный родился въ Петербургѣ 16-го августа 1825 года. Его отецъ былъ портнымъ и готовилъ своего сына къ занятію тѣмъ же ремесломъ. И. И. чувствовалъ призваніе къ другой дѣятельности. Онъ выдержалъ экзаменъ на домашняго учителя и вскорѣ заявилъ себя выдающимся учителемъ русскаго языка. Въ первые годы преподавательская дѣятельность покойнаго сосредоточивалась въ нѣсколькихъ частныхъ пансіонахъ, затѣмъ онъ былъ инспекторомъ педагогическихъ курсовъ, учрежденныхъ великою княгиней Екатериною Михайловною для подготовленія учительницъ патріотическихъ школъ, экспертомъ по учебной части петербургскихъ начальныхъ училищъ, членомъ совѣта школъ Патріотическаго общества и попечителемъ дворцовой школы великой княгини Екатерины Михайловны. Въ 60-хъ годахъ И. И. основалъ вмѣстѣ съ Н. Х. Весселемъ первый русскій педагогическій журналъ «Учитель», имѣвшій большое вліяніе въ то время на организацію школьнаго дѣла въ Россіи. Въ этомъ журналѣ покойный напечаталъ мно-

жество статей педагогическаго характера, затѣмъ передалъ журналъ педагогу Резенеру. Еще раньше изданія «Учителя» І. И. обратилъ вниманіе на недостатокъ русскихъ пособій при обученіи письму, чтенію и началамъ роднаго языка и составилъ «Первую» и «Вторую» учебныя книжки, которыя нашли широкое распространеніе въ русскихъ школахъ. Учебныя книжки были составлены покойнымъ раньше «Роднаго Слова» К. П. Ушинскаго и до сихъ поръ остаются распространенными и цѣнными пособиями при первоначальномъ обученіи русскому языку. Немного позже І. И. составилъ дидактическое руководство къ своимъ книжкамъ съ множествомъ практическихъ упражненій. Кромѣ того, имъ же составлены и изданы «Задачникъ письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ», «Ариметика по способу Грубе», «Ариметическій задачникъ», «Элементарная физика по Крюгеру», «Практическое руководство къ изученію стенографіи» (выѣстъ съ Я. Мессеромъ), «Методика грамоты по историческимъ и теоретическимъ даннымъ» (въ двухъ частяхъ) и др. Изъ переводовъ покойнаго распространены «Новый способъ обученія начальной геометріи» Я. Фальке и «Человѣческое тѣло, его строеніе и жизнь» К. Бока. («Нов. Вр.», № 7935).

† **И. И. Святскій.** 19-го марта, въ Петропавловской больницѣ, въ С.-Петербурѣ, скончался одинъ изъ скромныхъ тружениковъ литературы Иванъ Ивановичъ Святскій. Окончивъ въ 1882 году горный институтъ, онъ занимался своею специальностью въ копанияхъ Донецкаго бассейна, въ Крыму и на Кавказѣ около семи лѣтъ. Затѣмъ, оставивъ службу, поселился въ Петербургѣ и отдался литературѣ, посвятивъ себя популяризаціи науки. Знаніе языковъ, большая начитанность, умѣнье ясно излагать свои мысли, дѣлали его отличнымъ популяризаторомъ. Послѣднія 5—6 лѣтъ онъ исключительно работалъ въ журналѣ «Природа и Люди», состоя секретаремъ редакціи. Изъ книгъ, изданныхъ имъ, вниманіемъ пользуются «Драгоценныя камни» и переводныя: «Міры дѣйствительныя и воображаемыя» К. Фламмаріона и «Начало и конецъ міра» Рижара. Для того же журнала онъ былъ занятъ въ послѣднее время переводомъ капитальнаго сочиненія Фр. Гельвальда «Земля и ея народы». Умеръ И. И. 39 лѣтъ, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ. («Новое Время», № 7925; «Нов.», № 79).

† **А. А. Григорьевъ.** Въ психіатрической больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ скончался въ 20-хъ числахъ марта, Александръ Аполлоновичъ Григорьевъ—сынъ извѣстнаго критика-публициста Аполлона Григорьевича. Покойный помѣстилъ въ «Недѣлѣ» и «Новомъ Времени» рядъ воспоминаній о своемъ отцѣ. Кромѣ того, онъ работалъ въ нѣсколькихъ газетахъ, печатая въ нихъ мелкія замѣтки. («Нов. Вр.», № 7932).

† **И. Г. Шильдеръ.** 13-го марта, въ С.-Петербурѣ, скончался жанристъ академикъ Николай Густавовичъ Шильдеръ. Покойный учился въ Академіи Художествъ въ 50-хъ годахъ подъ руководствомъ Б. П. Виллевалде. Въ 1859 г. онъ получилъ малую золотую медаль за картину «Ростовщикъ». Онъ рѣдко экспонировалъ на художественныхъ выставкахъ. Изъ его немногихъ картинъ назовемъ: «Два дѣтскихъ портрета» (пастелью) и «Портретъ ген.-майора Пѣтухова». («Нов. Вр.», № 7919).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Еще объ усыпальницѣ Шуйскихъ.

(Замѣтка на «Отвѣтъ» г. Воробьева).

Въ своей статьѣ «Къ вопросу объ усыпальницѣ Шуйскихъ въ Варшавѣ» («Историческій Вѣстникъ», 1898 г., февр. кн.) мы, вынуждаемые на это обстоятельствами, подѣлились съ читателями нѣкоторыми изъ научно-историческихъ по данному предмету выводовъ, добытыхъ нами изученіемъ, кромѣ печатной литературы, обширнаго количества новыхъ архивныхъ и рукописныхъ матеріаловъ, за дальнѣйшими свѣдѣніями и документами отсылая къ нашимъ монографіямъ, изъ которыхъ три уже напечатаны, и въ особенности къ наготовляемому нами историческому изслѣдованію «Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ» и къ тому приложенію, представляющему сборникъ важнѣйшихъ архивныхъ документовъ и болѣе 20 видовъ и плановъ мѣстности и зданій. Все изложено безъ полемики, строго фактически, но приведенъ и самый ранній архивный документъ (изъ времени, когда каплица еще существовала), показывающій, что зданіице за Варшавскою первою мужскою гимназіей, въ ея саду, выдаваемое нынѣ за подлинную усыпальницу или каплицу, было простою садовою бесѣдкой съ погребомъ («iodownia pod altanką tą») сосѣдняго владѣльца; къ гимназіи присоединена она недавно.

Умалчивая о такихъ задачахъ и характерѣ нашей статьи и о нашихъ работахъ, къ которымъ мы отсылаемъ желающихъ ознакомиться съ предметомъ подробнѣе, г. Воробьевъ въ своемъ «Отвѣтѣ» («Историческій Вѣстникъ», апрѣл. кн., 358—360 стр.) на нее показываетъ видъ, будто онъ не понимаетъ, зачѣмъ мы, вмѣсто того, чтобы подкрѣплять свои выводы ссылками на документы и планы, рассказываемъ исторію костела при монастырѣ доминиканъ обсервантовъ, передаемъ о самоубійствѣ въ алтарѣ этого костела кс. каноника Даниковского, и проч. Правильность отвѣта требовала отъ г. Воробьева, чтобы онъ, вмѣсто этого, хотя бы указалъ на дѣйствительно историческіе факты или документы, свидѣтельствующіе, что здѣсь не было преемственности или причинной связи, что костель, напримѣръ, явился не изъ прежней усыпальницы, что усыпальница не была превращена въ костель, а стояла и сохранялась отдѣльно и на значительномъ разстояніи (болѣе 200 локтей) отъ него, что самоубійство Даниковского въ алтарѣ не было причиной закрытія костела, и проч. Монографіи, въ которыхъ раскрывается нами данный предметъ изложеніемъ подлинныхъ документовъ и ссылками на нихъ, уже появились въ печати ¹⁾ и обозначаются нами въ статьѣ. Интересами той же преем-

¹⁾ «Исторія московской каплицы въ Варшавѣ» (Варшав. универс. извѣстія, 1895 г., VIII и IX кн.) и «Закрытіе варшавскаго монастыря доминиканъ обсервантовъ», гл. I (тамъ же, 1897 г., VII кн.; остальные главы монографіи помѣщены въ IV кн. за текущій годъ; она вышла теперь и отдѣльно).

ственности и сообщенія точныхъ фактическихъ свѣдѣній, пока краткихъ, вызывалось у насъ и дальнѣйшее.

Для прикрытія себя и въ наше поученіе г. Воробьевъ ссылается на «свѣдѣнія» бывшаго директора гимназіи г. Стефановича, какъ якобы неизвѣстныя намъ. Новость указаль, нечего сказать! «Свѣдѣнія» эти, появившіяся въ 1893 году ¹⁾, были сообщены намъ учебнымъ начальствомъ вскорѣ послѣ отпечатанія ихъ, съ тѣмъ, чтобы мы представили свое сужденіе о предметѣ, и они критически отмѣчены нами еще въ 1894 году (Варшавскія Университ. Извѣстія, 1894 т., IV кн., въ нашей монографіи о Шуйскомъ, стр. 14).

Г. Стефановичъ, первый издавшій въ печати зданьице за московскую каплицу и показывавшій ее пріѣзжавшему въ Варшаву русскому археологу, основаль свое предположеніе на сходствѣ зданій. Отъ сходства, къ тому же очень условнаго, еще слишкомъ далеко до тождества. Для своей исторической записки г. Стефановичъ пользовался одною печатной литературой, въ которой онъ не могъ найти прочныхъ основаній для рѣшенія вопроса о зданьицѣ, и ему оставался лишь путь догадокъ. Когда, затѣмъ, мы произвели поиски по архивамъ и рукописнымъ собраніямъ и показали ему важнѣйшіе изъ найденныхъ нами старинныхъ плановъ и инвентарныхъ описей мѣстности и зданій, то онъ, въ присутствіи другихъ, имѣль честность и добросовѣстность признать свою ошибку ²⁾. По рассмотрѣннн представленныхъ нами документовъ, признали это и тѣ, кому о томъ вѣдать надлежитъ.

Догадками г. Стефановича о происхожденіи зданьица, безъ ссылки на «Свѣдѣнія», вскорѣ воспользовался авторъ брошюры «Z dziejów Warszawy. Grobowiee carów Szujskich» (Kraków, 1894). Рецензіями на этотъ историческій очеркъ теорія о зданьицѣ была принята. Наконецъ, съ данной теоріей, во всей ея рѣшительности, встрѣчаемся въ статьѣ г. Воробьева «Усыпальница Шуйскихъ въ Варшавѣ» («Историческій Вѣстникъ», 1897, дек. кн.). О своемъ «источникѣ» г. Воробьевъ умалчиваетъ здѣсь, излагаетъ отъ своего лица, какъ очевидецъ зданьица, и прилагаетъ снимокъ съ него. Каждый читатель, не знакомый съ литературой вопроса и довѣрившійся другимъ цитатамъ въ статьѣ, необходимо долженъ подумать и признать, что «авторъ нашель эту гробницу со-

¹⁾ «Записка о первыхъ мужской и женской гимназіяхъ въ Варшавѣ съ предложеніемъ «свѣдѣній» о временномъ погребеніи тѣла царя Василія Іоанновича Шуйскаго на мѣстности, нынѣ занимаемой варшавскою 1-ю мужскою гимназіей», Варшава, 1893.—«Свѣдѣнія», съ означеніемъ «Изъ представленія директора гимназіи г-ну попечителю Варшавскаго учебнаго округа», помѣщаются въ концѣ этой «Записки», на 33—37 страницахъ. «Записка», въ видѣ брошюры, была приложена при «Циркулярѣ по Варшавскому учебному округу», 1893 г., № 6, выпущена и отдѣльно.

²⁾ Въ своихъ мотивированныхъ отчетахъ о ходѣ строительныхъ работъ по гимназіи онъ уже не отождествляль бесѣдку съ усыпальницей и писалъ, что сооруженная Сигизмундомъ усыпальница или каплица, въ которой нѣкоторое время покоились тѣла Шуйскихъ, была перестроена доминиканцами обсервантами въ костель, который былъ потомъ закрытъ и разобранъ; мѣсто усыпальницы и перестроеннаго изъ нея костела онъ означаль въ районѣ и нѣсколько впереди главнаго зданія гимназіи, въ которомъ сооружается церковь. См., напримѣръ, «Варшавскій Дневникъ», 1895 г., № 243.

крытою, велѣлъ скопировать ее и для напоминанія народу (очевидно, польскому) о временахъ его славы (и въ укоръ русской власти, главнымъ образомъ учебной) разсказалъ исторію гробницы»¹⁾. На самомъ же дѣлѣ, не только въ соотвѣтственной исторической части о капищѣ (съ 1643 г.), но и въ описаніи современнаго состоянія бесѣдки онъ слѣпо зависитъ лишь отъ краковской брошюры, и обнаруживаетъ, что тогда онъ не былъ знакомъ даже со «Свѣдѣніями» г. Стефановича²⁾. Изъ брошюры онъ взялъ и снимокъ зданьяца.

Г. Воробьевъ утверждаетъ, что погребъ стоящаго зданьяца «мраморный». Такимъ онъ оказывается по словамъ краковской брошюры. Никакого мрамора тамъ нѣтъ; весь погребъ, сохраняющійся во всей его цѣлости, сложенъ изъ обычнаго кирпича, который не можетъ превратиться въ мраморъ, несмотря на категорическое заявленіе г. Воробьева, что «все это было, когда мы разсматривали разрушенный памятникъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ» (953 стр.). Относительно историческаго значенія бесѣдки г. Стефановичъ высказалъ съ археологомъ лишь предположеніе («очевидно», «можетъ быть», «полагаетъ»), и при томъ въ интересахъ оправданія предпринимавшейся перестройки главнаго, передняго гимназическаго дома. Авторъ краковской брошюры приписы-

¹⁾ За исключеніемъ поставленнаго въ скобахъ, это слова рецензін на краковскую брошюру. *Przewodnik naukowy i literacki*. 1894, XXII, 662—663.

²⁾ Говоря, напримѣръ, о поводѣ, побудившемъ обратить вниманіе на бесѣдку, г. Стефановичъ писалъ въ своихъ «Свѣдѣніяхъ»: «Въ 1872 году, я, будучи помощникомъ директора бывшихъ русскихъ учебныхъ заведеній въ Варшавѣ, приглашенъ однимъ былъ изъ б. воспитателей гимназій къ ученику I класса, который гуляя въ саду возлѣ старой каменной бесѣдки, упалъ и будто бы сломалъ себѣ ногу... При разслѣдованіи того, какъ это случилось, оказалось, что мальчикъ, играя возлѣ бесѣдки, попалъ ногой въ дыру, причемъ упалъ и повредилъ ногу» (37 стр., по изданію въ «Запискѣ»). Въ краковской брошюрѣ повторяется это коротко: «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ученикъ I гимназій, играя съ товарищами вблизи этой каменной бесѣдки, споткнулся и упалъ» («Przed kilkoma laty, uczen gimnazjum piarwszego, bawiąc się z towarzyszami w okolicach owej altany szrowanej, potknął się i upadł»; стр. 27). Такая сжатая форма выраженія повела къ тому, что г. Воробьевъ, не понявъ его, написалъ: «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ учениковъ I-й гимназій, игралъ съ своимъ товарищемъ въ саду, забѣжалъ въ полуразрушенный мавзолей и провалился» (953 стр.). Несчастье съ ученикомъ случилось не въ «мавзолеѣ», а сваружи, какъ это вполне ясно у г. Стефановича (слово «возлѣ» онъ повторяетъ даже два раза). Отверстіе для входа въ погребъ, куда провалился было ученикъ, находится не внутри, а извнѣ зданья, подъ правой стѣной, и было засыпано землей и щебнемъ; полъ же внутри зданьяца, покоясь на крѣпкомъ сводѣ погреба, совершенно сплошной и способенъ выдержать очень большую тяжесть. — Г. Стефановичъ продолжалъ: «Дыра (въ которую провалился было воспитанникъ) оказалась въ сводѣ небольшого погреба» (37 стр.). Въ брошюрѣ: «Провѣрено, что подъ бесѣдкою находится мраморный погребъ» («Sprawdzono, iż pod altaną znajduje się piwnica marmurowa», стр. 27). У г. Воробьева: «Произведеннымъ, затѣмъ, осмотромъ этой постройки было установлено существованіе подъ нею мраморнаго склепа или погреба» (953 стр.). — Изображать бѣдственное состояніе зданьяца г. Стефановичъ не задавался цѣлюю, а г. Воробьевъ, усиливая штрихи описанія въ брошюрѣ, присоединяетъ еще «мервость запустѣнія» — опредѣленіе, вполне соотвѣтствующее такому «священному» мѣсту... Больше подробное сопоставленіе мы дадимъ въ «Варшавскомъ Дневникѣ».

ваеъ ей такое значеніе утвердительно, съ тенденціей противъ предпринятой перестройки дома, а о судьбѣ зданья присоединяетъ: «будутъ ли, при нынѣшней перестройкѣ дома Стапица и постройкѣ новаго дома для училищнаго интерната, развалины бывшаго мавзолея Шуйскихъ разрушены или возобновлены, какъ цѣнный историческій памятникъ, приносящій честь бывшимъ побѣдителямъ и побѣжденнымъ, это покажетъ близкое будущее» (29 стр.). И г. Воробьевъ, слѣдя за краковскимъ авторомъ и усиливая его тонъ, съ задромъ восклицаетъ: «Итакъ, усыпальница Шуйскихъ въ Варшавѣ существуетъ и существуетъ вотъ въ какомъ видѣ! Зачѣмъ же, спрашивается, было уродовать палацъ Стапица (то-есть домъ гимнази)?.. Не проще ли было бы привести въ благопріятный видъ мавзолей Шуйскихъ? Этимъ было бы... удовлетворено національное достоинство и дана возможность каждой благочестивой душѣ возвести молитву за многоятежную душу Василія Ивановича Шуйскаго на мѣстѣ его первоначальнаго царскаго погребенія» (954 стр.).

На какомъ же основаніи г. Воробьевъ теперь, въ своемъ «Отвѣтѣ», становится подъ флагъ «Свѣдѣній» г. Стефановича, называя ихъ, для большей убѣдительности его словъ, «официальнымъ документомъ»? Уже слишкомъ запоздалъ онъ сослаться на нихъ, да они и не въ помощь ему. А форму, въ какой онъ, въ нашихъ «интересахъ», «позволяетъ себѣ порекомендовать» намъ «обратиться» къ этому «официальному документу, который, строго говоря, долженъ былъ бы давнымъ давно быть извѣстенъ» намъ, «какъ профессору Варшавскаго университета», такую форму сего указанія и вообще всего «Отвѣта» по достоинству оцѣнять сами читатели и безъ нашихъ разъясненій.

Г. Воробьевъ укоряетъ, зачѣмъ «мавзолею» не приданъ церковный видъ. Конечно, это было бы такъ «просто» и этимъ такъ превосходно «было бы удовлетворено національное достоинство»!. А зачѣмъ, что испытали бы строители, какое сужденіе высказывалось бы о нихъ и объ ихъ совѣтникахъ и какъ пришлось бы поступить съ освященною бесѣдкой и образами въ ней, когда обнаружился бы потомъ дѣйствительное происхожденіе и дѣйствительная роль этого зданья?..

И потому, читатели, надѣмся, вполне раздѣляютъ тактичное заключеніе г. Воробьева: «Нельзя не пожалѣть, что мнѣніе извѣстнаго ученаго и знатока древностей, къ которому обращалось за совѣтомъ учебное начальство въ 1893 году, чрезъ два года было совѣмъ игнорировано тѣмъ же самымъ начальствомъ».

Да, нельзя не пожалѣть...

Профессоръ Дм. Цвѣтаевъ.

II.

Къ біографіи А. П. Щапова.

Прочитавъ статью г. Юдина въ Февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» «Къ біографіи А. П. Щапова», — считаю долгомъ справедливости указать неточность, въ нее вкрапшуюся, несомнѣнно, помимо желанія автора.

Г. Юдинъ пишетъ, что событіе въ селѣ Безднѣ Щаповъ «настолько близко принялъ къ сердцу, что отправился со студентами въ Куртины» и т. д.

Участвіе въ студенческой демонстраціи должно быть признано важнѣйшимъ моментомъ въ біографіи А. П., какъ повлекшее немедленное устраненіе его отъ учено-педагогической дѣятельности и, — мнѣ кажется, — необходима наибольшая точность въ изложеніи этого событія, такъ безповоротнo измѣнившаго характеръ и теченіе всей послѣдующей его трудовой жизни...

Между тѣмъ изъ разсказа г. Юдина слѣдуетъ, что Щаповъ дѣйствовалъ при панихидѣ единомышленно со студентами, отправившись вмѣстѣ съ ними на Куртины; болѣе того, разсказъ наводитъ на мысль, что и самая инициатива отслужить панихиду по «убиеннымъ въ смятеніи» могла принадлежать ему, какъ имѣвшему большое вліяніе на мѣстное студенчество...

На самомъ же дѣлѣ, какъ я слышалъ въ концѣ 60-хъ годовъ не одинъ разъ отъ самаго А. П. ¹⁾, было такъ: о волненіи крестьянъ въ селѣ Безднѣ Щаповъ зналъ, но о ропотѣ и движеніи студенческомъ по поводу печальныхъ послѣдствій этого бунта, особенно о замыслѣ студентовъ отслужить демонстративно панихиду ²⁾ по убитымъ крестьянамъ ему ничего не было извѣстно, ибо онъ въ это самое время кутилъ, получивъ передъ Пасхой авторскій гонораръ. О панихидѣ онъ узналъ случайно, находясь въ гостиницѣ и въ то время, когда студенты были въ сборѣ. Изъ гостиницы, подъ вліяніемъ минутнаго порыва, онъ полетѣлъ въ церковь, гдѣ засталъ уже конецъ панихиды и дѣйствительно сказалъ такую рѣчь, какая рисуется г. Юдинымъ. Слѣдовательно, участіе Щапова въ панихидѣ явилось результатомъ мимолетнаго увлеченія въ возбужденномъ состояніи, не было обдуманнмъ, тѣмъ болѣе — не имѣло злонамѣренной подкладки. Весьма вѣроятно, что въ официальныхъ актахъ Щапову придана роль руководителя въ этомъ происшествіи, а покойный ради студенчества не пытался устранить такого направленія разслѣдованій, хотя онъ, — правду сказать, — не дѣлалъ сообщеній въ этомъ смыслѣ.

Есть еще маленькая неточность въ разсказѣ г. Юдина. Князь Вяземскій не скрылъ отъ Щапова, что командировка въ Петербургъ мнимая и дѣлается въ тѣхъ видахъ, какъ объясняется у г. Юдина. Поэтому А. П. зналъ, что со вступленія на пароходъ онъ будетъ состоять подъ надзоромъ, и онъ разсказывалъ: «на пароходѣ меня встрѣтилъ переодѣтый жандармъ, съ которымъ я ѣхалъ до Нижняго и дальше».

О вѣ.

¹⁾ Разсказъ А. П. подтверждала О. Н., но предпочтительнѣе удостовѣреніе его однимъ изъ любимыхъ учениковъ Щапова того времени, впоследствии моего уважаемаго учителя.

²⁾ Кстати сказать, я встрѣчалъ одного изъ служившихъ панихиду священнослужителей.

III.

Письмо въ редакцію.

Въ статьѣ г. Захарына-Якунина «Бѣлинскій и Лермонтовъ въ Чембарѣ», напечатанной въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», между прочимъ (на стр. 909) сказано: «Чембарскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства былъ тогда М. Н. Владыкинъ, который, впоследствии, разорившись, поступилъ на сцену Московскаго Малаго театра артистомъ на вторыя роли, съ жалованьемъ что-то 600 рублей въ годъ». Сообщение это невѣрно въ томъ отношеніи, что М. Н. Владыкинъ поступилъ на сцену Малаго театра не вслѣдствіе разоренія или недостатка средствъ къ жизни, а единственно по страсти и любви къ театру. Мнѣ, какъ человѣку, хорошо знавшему М. Н. Владыкина, и его душеприказчику, положительно извѣстно, что онъ при жизни своей никогда не нуждался въ средствахъ и послѣ своей смерти оставилъ значительное состояніе въ русскихъ процентныхъ бумагахъ и въ незаложенныхъ имѣніяхъ въ Пензенской и Саратовской губерніяхъ.

Сергѣй Протопоповъ.

Отчетъ Кассы взаимопомощи при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, за 1897 годъ.

Къ 1-му января 1897 г. въ составѣ Кассы было 470 членовъ.

Согласно постановленію Общаго Собранія 26-го марта 1895 г. и примѣнительно къ § 20 устава, въ теченіе года были избираемы новые участники въ видѣ запасныхъ членовъ, взаменъ выбывающихъ. Благодаря этому порядку, Касса попрежнему имѣла возможность выдавать полностью тѣ суммы, которыя были исчислены на отчетный годъ, не уменьшая ихъ размѣра соотвѣтственно убыли членовъ, внесенныхъ въ списки даннаго года.

Въ теченіе 1897 г. прибыло 35 членовъ, выбыло 22 и умерло 4. Въ настоящее время Касса имѣетъ 479 членовъ, болѣе предшествующаго года на 9 членовъ. Слѣдующая таблица показываетъ приростъ новыхъ членовъ за семь лѣтъ дѣятельности Кассы:

	95	Болѣе на
При основаніи Кассы состояло .	95	
Къ 1-му января 1892 г. состояло	154	59
» » » 1893 » »	180	26
» » » 1894 » »	208	28
» » » 1895 » »	346	138
» » » 1896 » »	403	57
» » » 1897 » »	470	67
» » » 1898 » состоитъ	479	9

Слѣдующая таблица показываетъ распределеніе по разрядамъ за тѣ же семь лѣтъ:

Разряды:	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.
50 р.	2	3	2	2	2	2	3	3
25 »	—	—	1	2	1	4	4	3
20 »	1	2	2	2	3	3	3	3
15 »	3	4	4	4	4	4	5	4

Разряды:	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.
10 »	20	25	27	34	45	52	54	58
5 »	20	35	45	51	77	94	116	123
3 »	23	44	53	64	112	122	151	154
1 »	26	41	46	49	102	122	134	131
	95	154	180	208	346	403	470	479

По возрасту члены Кассы распредѣляются такъ:

Отъ 25 до 30 лѣтъ	49 чл.	Отъ 50 до 55 лѣтъ	41 чл.
» 30 » 35 »	80 »	» 55 » 60 »	18 »
» 35 » 40 »	90 »	» 60 » 65 »	5 »
» 40 » 45 »	97 »	» 65 » 70 »	2 »
» 45 » 50 »	70 »	Свыше 70 »	1 »

Средній возрастъ составляетъ 41 годъ. Отъ 26 участниковъ Кассы свѣдѣнія о возрастѣ не получены.

Въ отчетномъ году произведено три выдачи по случаю смерти членовъ Кассы по Кіевскому ея Отдѣленію — В. И. Джуринаго и П. С. Иващенко и члена Кассы по Московскому Отдѣленію Н. М. Городецкаго. Первые двѣ выдачи были по рублевому разряду, а послѣдняя по трехрублевому. Всего же выдано, за удержаніемъ 5% въ пользу Кассы, 1.975 р. 5 к., болѣе предшествующаго года на 316 р. 25 к.

Съ основанія Кассы дѣйствительно произведенныя выдачи распредѣлились слѣдующимъ образомъ:

Въ 1892 г. выдано	977 р. 55 к.
» 1893 » »	168 » 15 »
» 1894 » »	879 » 70 »
» 1895 » »	2.613 » 25 »
» 1896 » »	1.658 » 80 »
» 1897 » »	1.975 » 5 »
Итого	8.272 р. 50 к.

Размѣръ выдачъ по 1898 г. включительно явствуетъ изъ слѣдующей таблицы:

Разряды.	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.
	В ъ р у б л я х ъ.							
50 р.	510	800	891	1036	1468	1748	2042	2083
25 »	—	—	866	1011	1443	1723	1992	2033
20 »	480	740	856	996	1433	1698	1692	2008
15 »	470	720	836	971	1408	1658	1917	1968
10 »	445	680	791	926	1363	1598	1847	1908
5 »	320	515	611	711	1093	1278	1507	1558
3 »	230	379	447	523	831	962	1141	1172
1 »	94	153	179	207	345	402	469	478

Въ Ощемъ Собраніи членовъ Кассы 9-го мая 1897 г., постановлено было оставить исчисленіе размѣра нормированныхъ платежей безъ измѣненія. Въ настоящее время имѣется полное подтвержденіе предположеній Правленія, на основаніи которыхъ размѣръ нормировки, не смотря на значительный приростъ членовъ, оставленъ безъ измѣненій. Именно въ отчетномъ году прошло пять лѣтъ съ того времени, когда нѣкоторые изъ участниковъ Кассы приступили къ нормировкѣ. На основаніи ст. 5-й правилъ о нормировкѣ излишки, образовавшіеся послѣ пятилѣтней нормировки, поступаютъ въ полное распоряженіе участника Кассы, за вычетомъ лишь 5% въ ея пользу. Къ началу 1898 г. излишки эти исчислены:

а) для одного члена 15 руб. разряда въ суммѣ	151 р. 34 к.
б) для одного члена 10 руб. разряда	140 » 89 »
в) для двухъ членовъ 5 руб. разряда по 14 р. 28 к., всего	228 » 56 »
г) для двухъ членовъ 3 руб. разряда для одного 79 р. 23 к., для другого 69 р. 35 к., всего	145 » 58 »
Итого	
669 р. 37 к.	

Образованіе столь значительныхъ излишковъ показываетъ, что повышать нормировку и на 1898 г. нѣтъ основаній, тѣмъ болѣе, что и число членовъ почти не измѣнилось. Размѣры нормировки показаны въ нижеслѣдующей таблицѣ:

	1893 г. и 1894 г.	1895 г. 1896 г. 1897 г. 1898 г.
50 руб. разрядъ	31 руб.	50 руб.
25 » »	30 »	49 »
20 » »	29 »	48 »
15 » »	28 »	47 »
10 » »	27 »	45 »
5 » »	21 »	36 »
3 » »	15 »	25 »
1 » »	6 »	12 »

На 1898 г. нормируютъ свои платежи 17 членовъ, приписанныхъ къ Правленію, 6 членовъ Кіевскаго Отдѣленія, 2 члена Московскаго Отдѣленія, а всего 25 участниковъ.

Общій оборотъ суммъ Кассы въ 1897 г. равнялся 11.590 р. 68 к. по приходу и 7700 р. 48 к. по расходу.

Дѣйствительнаго прихода было:

1) вступныхъ взносов	522 р.
2) обязательныхъ платежей	1045 » 53 к.
3) нормированныхъ »	753 » 10 »

4) пожертвованій и отъ предпріятій	2555 » 20 »
5) разныхъ поступленій	706 » 50 » ¹⁾
6) % по фондамъ Кассы ²⁾	402 » 55 »
7) 10% вычеты въ пенсіонный капиталъ	105 » 80 »
Итого	6.090 р. 68 к.

Дѣйствительный расходъ:

1) Выданы три суммы	1.975 р. 5 к.
2) На канцелярскіе и почтовые расходы, плата за несгораемый шкапъ и залъ для засѣданій	91 » 32 »
3) покупка % бумагъ	94 » 71 »
4) оставалось за Отдѣленіями	39 » 40 »
Итого	2.200 р. 48 к.

Прихода болѣе, нежели расхода, на	3.890 р. 20 к.
Оставалось отъ 1896 г.	18.047 » 18 ¹ / ₄ »

Состоитъ въ Кассѣ . . . . . 21.937 р. 38¹/₄ к.

Изъ означенныхъ 21.937 р. 38 к. хранятся (въ 5% закладныхъ листахъ Сиб. Тульского поземельнаго и Дворянскаго банковъ) въ Государственномъ банкѣ 21.100 р., а остальные 837 р. 38¹/₄ к. состояли къ 1-му января 1898 г. на текущемъ счету и въ наличности. Въ суммѣ капиталовъ состоитъ капиталъ имени А. Ф. Маркса 3000 р. и имени М. И. Долиной 423 р. 51 к.

Поступленія по отдѣльнымъ капиталамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

I. Расходный капиталъ.

а) оставалось къ 1897 г.	5.920 р.
б) поступило	522 »

6.442 р.

II. Пенсіонный капиталъ.

а) оставалось къ 1897 г.	11.321 р. 91 к.
б) поступило:	
а) пожертвова- ній и отъ предпріятій	2.555 р. 20 к.

¹⁾ Въ эту рубрику заносились поступленія изъ Отдѣленій въ томъ случаѣ, если при переводѣ денегъ не было указаній, по какимъ статьямъ онѣ распределяются.

²⁾ Проценты получены лишь на срокъ 1-го іюля 1896 г., а на срокъ 1-го января 1897 г. включены въ отчетъ за 1897 г.

β) 10 ^o /о прибавки къ обяз. плат.	105 р. 80 к.	
γ) 10 ^o /о отчисленія отъ нормированныхъ взносов	75 » 31 »	
δ) ^o /о на капиталъ	269 »	3.005 р. 31 к.
		14.327 р. 22 к.

III. Запасный капиталъ.

1) оставалось къ 1897 г.	805 р. 27 ¹ / ₄ к.
2) поступило:	
а) обязательные платежи	1.045 р. 53 к.
б) нормиров. платежи, за вычетомъ 10 ^o /о	677 » 79 »
в) ^o /о на капиталъ	133 » 55 »
г) безъ опредѣленнаго назначенія.	706 » 50 » 2.563 р. 40 к.
	3.368 р. 64 ¹ / ₄ к.

Израсходовано изъ запаснаго капитала:

а) на выдачу суммъ	1.975 р. 5 к.
б) на покупку ^o /о бумагъ	94 » 71 »
в) канцеляр., почтов. и пр.	91 » 32 »
г) оставшіеся за Отдѣл.	39 » 40 »
	2.200 р. 48 к.

Остается къ 1-му янв. 1898 г. . . . . 1.168 р. 16¹/₄ к.

Если принять во вниманіе, что въ Юрьевскомъ Отдѣленіи къ 1-му января 1898 г. остается 287 р. 49 к., въ Московскомъ 132 р. 13 к., то весь капиталъ Кассы къ 1-му января 1898 г. составитъ 22.357 р. ¹/₄ к., болѣе предшествующаго года на 4.046 р. 14 к.

Увеличеніе суммъ Кассы можно видѣть изъ слѣдующей таблицы.

Къ 1-му января 1892 г.	состояло	1.935 р. 20 к.
» 1893 »	»	2.579 » 15 »
» 1894 »	»	4.251 » 40 »
» 1895 »	»	9.676 » 21 ³ / ₄ »
» 1896 »	»	12.754 » 96 ¹ / ₄ »
» 1897 »	»	18.310 » 86 ¹ / ₄ »
» 1898 »	»	22.357 » ¹ / ₄ »

Особенно отрадно постоянное возрастаніе пенсіоннаго фонда:

Въ 1892 г.	состояло	206 р.
» 1893 »	»	295 » 85 к.
» 1894 »	»	1.106 » 88 »
» 1895 »	»	5.783 » 3 »
» 1896 »	»	7.132 » 13 »
» 1897 »	»	11.321 » 91 »
» 1898 »	состоитъ	14.327 » 22 »

Сумма постоянныхъ пожертвованій въ пенсіонный капиталъ осталась въ отчетномъ году безъ измѣненій (580 р.), но часть ихъ поступила еще въ началѣ 1897 г. и отнесена къ 1896 г.

Въ отчетномъ году Касса попрежнему пользовалась содѣйствіемъ и сочувствіемъ журналистики и многихъ редакцій, въ особенности же въ петербургской, московской и кievской печати.

Въ Кіевѣ и Юрьевѣ собранія мѣстныхъ участниковъ Кассы пользуются помѣщеніями, любезно предоставленными имъ университетскимъ начальствомъ.

Кромѣ поименованныхъ въ настоящемъ отчетѣ лицъ, оказавшихъ тѣ или инныя услуги Кассѣ, конторы «Новостей» и «Новаго Времени» въ Петербургѣ и «Русскихъ Вѣдомостей» въ Москвѣ принимали, какъ и прежде, взносы отъ членовъ Кассы. По распоряженію А. С. Суворина, типографія «Новаго Времени» напечатала безвозмездно 1000 экз. отчета Кассы за 1896 и 1897 годы.

ФЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ БУСЛАЕВЪ.

добр. ценз. 25 АПРѢЛЯ 1898 г. СЪБ.

— У меня нѣсколько помѣстій, — пробормоталъ онъ: — преимущественно въ графствѣ Берке, но есть... и въ другихъ мѣстахъ.

Въ это время сэръ Джорджъ находился въ первомъ расцвѣтѣ возмужалости; высокаго роста, хорошо сложенный, широкоплечій, онъ отличался правильными чертами лица, розовыми щеками, свидѣтельствовавшими о прекрасномъ здоровьѣ, добрыми, мягкими глазами, рѣшительнымъ очертаніемъ рта и общимъ серьезнымъ выраженіемъ, ясно говорившимъ, что онъ сознавалъ всю тяжесть лежавшей на немъ ответственности.

Моряка я по его собственной просьбѣ всегда называла просто Эдуардомъ. Всѣ его черты носили отпечатокъ необыкновенной живости; онъ былъ оживленъ въ словахъ, въ движеніяхъ, во взглядахъ; онъ всегда былъ веселъ и счастливъ, постоянно шутилъ и смѣялся. Но по временамъ онъ, подобно брату, принималъ гордый, повелительный видъ. По внѣшности онъ былъ ниже ростомъ и тоньше брата; одежда его, именно морской мундиръ, была проще, но къ нему удивительно шла.

Ихъ разговоръ во время перваго визита былъ гораздо формальнѣе, чѣмъ въ послѣдующіе раза. Нашихъ новыхъ друзей очень интересовали квакеры, съ представителями которыхъ они никогда не встрѣчались, и, узнавъ, что я принадлежу къ этой сектѣ, а Изабелла находилась одно время въ ней, стали спрашивать съ любопытствомъ о квакерскихъ обычаяхъ.

— Я думалъ, — сказалъ сэръ Джорджъ, — что у квакеровъ особая одежда.

— Въ старину въ этомъ отношеніи они доходили до эксцентричныхъ крайностей, — отвѣчала Изабелла, — но теперь ограничиваются для мужчинъ драпомъ чернаго цвѣта, а для женщинъ той же матеріей одинаковаго цвѣта или сѣраго.

— Значить, миссъ Нанси не квакерша.

— Она еще не покинула общество друзей, но, живя у меня, она одѣвается, какъ всѣ. По смерти моего мужа я вернулась въ англиканскую церковь, въ которой родилась.

— Сударыня, — отвѣчалъ съ жаромъ сэръ Джорджъ, — позвольте мнѣ сказать, что вы поступили совершенно правильно. Англиканская вѣра болѣе всѣхъ религій обезпечиваетъ человѣку счастье на землѣ и надежду на будущую жизнь, къ тому же ни въ одной религии не было столько замѣчательныхъ богослововъ, ученыхъ и философовъ.

— Смѣю прибавить, — замѣтилъ Эдуардъ, — что не надо позволять миссъ Нанси вернуться къ сѣрому драпу, а то она введетъ его въ моду, а пока она одѣвается, какъ всѣ, нашимъ дамамъ не грозитъ опасности.

— Можетъ быть, ее удастся уговорить болѣе никогда не надѣвать квакерской одежды, — произнесла Изабелла.

— Помилюйте, сѣрый драпъ идетъ только къ монахинѣ, а вѣдь вы, миссъ Нанси, не предназначаете же себя для монашеской жизни.

Мы продолжали долго разговаривать, касаясь различныхъ предметовъ. Наконецъ, сэръ Джорджъ сталъ разсматривать картины Изабеллы, отзываясь о нихъ съ большою похвалою, а между тѣмъ Эдуардъ спрашивалъ меня, кого я знаю въ Сентъ-Джемскомъ кварталѣ, и выражалъ удивленіе, что никогда не встрѣчался со мною.

— Я не только квакерша, но и дочь фабриканта, — отвѣчала я, — потому я не имѣю доступа въ свѣтское общество. Мы живемъ здѣсь между аристократіей, но не имѣемъ друзей въ ея средѣ.

— И однако, — произнесъ онъ съ улыбкой, — клянусь, что вы достойны украшать любой дворъ.

— Какъ вы счастливы, что не бываете при дворѣ, — замѣтилъ сэръ Джорджъ, окончивъ осмотръ картинъ на стѣнахъ и подходя ко мнѣ, — вы не можете себѣ представить, что за скука слышать свѣтскія сплетни о томъ, что леди Бетти вчера проиграла въ карты груды золота, леди Шарлота убѣжала отъ мужа съ своимъ грумомъ. Пожалуйста, миссъ Нанси, не измѣняйте своей жизни въ этомъ отношеніи.

Пересматривая портфель съ гравюрами, Эдуардъ попалъ случайно на изображеніе морской битвы и тотчасъ пустился въ безконечные рассказы о сраженіяхъ на морѣ, о буряхъ, о кораблекрушеніяхъ и личныхъ его воспоминаніяхъ на счетъ морской жизни. При этомъ онъ оживился болѣе обыкновеннаго; щеки его горѣли, глаза сверкали, а когда онъ дошелъ до рассказа о взятіи непріятельскаго корабля, въ чемъ онъ принималъ участіе, то вскочилъ съ кресла и, махая руками, воскликнулъ:

— Ура! Ура!

Братъ слушалъ его съ такимъ волненіемъ, какъ мы.

— Счастлива страна, — сказалъ онъ, — счастливъ король, которымъ служатъ такіе молодцы.

— Но я привыкла считать, что всякая драка грѣхъ, — отвѣчала я, — квакеры исповѣдываютъ принципъ непротивленія. Они строго придерживаются евангельскаго ученія и подставляютъ лѣвую щеку, когда ихъ ударяютъ по правой.

— Но если война грѣхъ, то и грѣхъ любовь къ родинѣ и преданность къ королю, — серьезно произнесъ сэръ Джорджъ, — а равно грѣхъ презрѣніе къ смерти и самопожертвованіе. Можетъ быть, придетъ время, когда левъ будетъ спокойно лежать рядомъ съ агнцемъ, но повѣрьте мнѣ, это время еще не пришло. Относительно оскорбленій между честными людьми еще можно допустить для нѣкоторыхъ людей теорію о подставленіи щеки, но вообще эти евангельскія слова слѣдуетъ принимать за пророчество, а не за обязательную заповѣдь.

Въ девять часовъ Молли подала ужинъ. Изабелла бросила безпокойный взглядъ на поднось, такъ какъ обыкновенно нашъ ужинъ

состоялъ изъ куска хлѣба съ сыромъ и стакана вина, но на ея лицѣ тотчасъ показалась улыбка. Видя, что гости засидѣлись, Молли сбѣгала въ сосѣднюю лавку и принесла холодную жареную курицу, ветчины, паптетъ и тортъ, а изъ домашняго погреба захватила бутылку старой мадеры, которою очень гордился покойный мужъ хозяйки. Въ такомъ видѣ и среди бѣлой скатерти, синей фарфоровой посуды и серебряныхъ приборовъ наша скромная трапеза могла возбудить аппетитъ любого джентельмена.

— Пожалуйста, господа, не покидайте насъ,—сказала Изабелла, когда оба брата встали и начали раскланиваться, — мы не можемъ предложить вамъ утонченной пищи, но были бы очень счастливы, если бы вы поужинали съ нами.

Они сѣли за столъ: хозяйка разрѣзала курицу, а Эдуардъ налилъ въ стаканы вино, причемъ прикоснулся къ своему стакану лишь послѣ того, какъ братъ попробовалъ вино.

— Помилуйте,—воскликнулъ онъ весело,—да это пиръ для боговъ Олимпа. Если-бъ вы только знали, какъ часто въ морѣ мы довольствуемся черствыми сухарями и сухою солониной. Благодарю васъ, сударыня, вы какъ бы отгадали мой вкусъ, я всегда предпочитаю ножку всѣмъ остальнымъ частямъ всякой птицы, но позвольте мнѣ положить вамъ ветчины. Братъ, отчего ты не пьешь? Это не хорошо. Опорожни скорѣе свой стаканъ. Эта ветчина, сударыня, вѣроятно, изъ Вестфалии, она такъ хороша и сочна, а мадера, конечно, нѣсколько разъ съѣздила въ Индію.

— Да, вы правы, она побывала тамъ три раза,—отвѣчала Изабелла съ гордою улыбкой,—мой мужъ понималъ толкъ въ винѣ.

Послѣ ужина гости просили насъ сыграть чтонибудь на фортепіано. Изабелла охотно исполнила ихъ желаніе, такъ какъ она играла очень искусно и съ большимъ чувствомъ. Сначала она исполнила нѣсколько пьесъ знаменитаго композитора Генделя, а потомъ перешла къ болѣе легкимъ произведеніямъ и кончила народными пѣснями. Гости слушали съ большимъ вниманіемъ, особливо сэръ Джорджъ.

— Нанси, спой чтонибудь,—сказала она, отходя отъ фортепіано,—у нея, господа, прекрасный голосъ, хотя онъ еще не со всѣмъ обработанъ.

Братья такъ усердно стали просить меня, что я не могла имъ отказать и спѣла романсъ, которому меня научила Изабелла. Слова были сочинены ею самою, а музыку она подобрала изъ извѣстныхъ мотивовъ.

— Благодарю васъ, миссъ Нанси,—произнесъ сэръ Джорджъ,—рѣдко можно встрѣтить такую красоту и такой божественный голосъ въ одной особѣ. Можетъ быть, вы осчастливите насъ и споете еще чтонибудь.

— Нѣтъ, господа,—отвѣчала Изабелла, закрывая фортепіано:—

теперь довольно, но если вы еще разъ посѣтите насъ, то мы съ удовольствіемъ будемъ пѣть и играть для васъ. Теперь позвольте вамъ предложить пуншу, по обычаю лондонскаго Сити, къ которому принадлежали мой отецъ и мужъ.

Молли принесла горячей воды, лимоны, сахаръ, пряности, графинъ рома и красивую пуншевую чашу, а Эдуардъ воскликнулъ:

— Позвольте мнѣ приготовить пуншъ поморскому. Никто лучше моряковъ не умѣетъ варить пуншъ, единственное ихъ утѣшеніе на морѣ, вдали отъ мидой и любви.

Онъ взялся за дѣло: засучилъ рукава и сталъ священнодѣйствовать самымъ серіознымъ, торжественнымъ образомъ. Сначала онъ разрѣзалъ лимоны, затѣмъ обтеръ коркой чашку внутри, выжалъ лимоны и вылилъ графинъ рома до конца.

— Эге,—произнесъ онъ,—я не даромъ служу во флотѣ. Это настоящій ромъ съ Барбадоса, и ему не менѣе двадцати лѣтъ. Оказывается, вашъ мужъ блаженной памяти былъ такимъ же знатокомъ рома, какъ и мадеры.

— Онъ одинаково смаковалъ хересъ и рейнвейнъ.

— Надо надѣяться, что онъ имѣетъ случай примѣнять эти почтенныя способности въ томъ значномъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь находится,—продолжалъ Эдуардъ, выливая въ чашу два стакана мадеры.

Затѣмъ онъ старательно всыпалъ туда большую порцію сахара, положилъ пряности и, наконецъ, влилъ немного горячей воды.

— Миссъ Нанси,—сказалъ онъ, подавая мнѣ ложку,—помѣшайте хорошенько. Вотъ этого недостаетъ на морѣ. Увѣряю васъ, никто не можетъ такъ смѣшать пунша, какъ хорошенькая ручка хорошенькой женщины.

Я повиновалась со смѣхомъ; тогда Эдуардъ объявилъ, что пуншъ готовъ, и, благодаря мнѣ, долженъ быть великолѣпнѣе.

Онъ налилъ пять стакановъ, въ томъ числѣ удивленной Молли, и воскликнулъ:

— Ну, Джорджъ, предлагай гостъ.

— Я пью за здоровье прелестной квакерши, миссъ Нанси,—сказалъ старшій братъ.

Покраснѣвъ, какъ дѣвица, онъ выпилъ полстакана и поставилъ на столъ. Но Эдуардъ опорожнилъ залпомъ два стакана, одинъ за другимъ и объяснилъ, что такой гостъ слѣдовало пить сто разъ.

Было уже десять часовъ, и они удалились, общая вскорѣ вернуться.

VII.

Утромъ я пошла въ книжную лавку Роберта Сторея въ такое время, когда еще тамъ не бываетъ ученыхъ и литераторовъ. Онъ стоялъ за прилавкомъ въ коричневомъ сюртукѣ, очень довольный

собой; его приказчики стирали пыль и приводили въ порядокъ книги, а одинъ изъ его литературныхъ кліентовъ мялся съ ноги на ногу, держа подъ мышкой рукопись и, очевидно, испрашивая авансъ въ гинею. Увидавъ меня, Робертъ перемѣнился въ лицѣ.

— Я только хочу поздравить васъ, мистеръ Робертъ,— сказала я,— съ вашей вчерашней краснорѣчивой рѣчью. Вашъ горячій протестъ противъ порока, конечно, произвелъ сильное впечатлѣніе.

— Правда, я удалился,—отвѣчалъ Сторей въ смущеніи,— но я не хотѣлъ присутствовать при легкомысленныхъ разговорахъ и понималъ, что излишни были всякіе протесты передъ такими суетными франтами. Къ тому же, эти джентльмены могли когда нибудь заглянуть въ мою книжную лавку, и тогда имъ было бы очень неловко признать въ ея хозяинѣ человѣка, котораго они встрѣчали въ гостиниѣ хорошенькой женщины. Я удалился въ ихъ интересъ.

— Это было очень любезно съ вашей стороны, мистеръ Робертъ.

— Необходимо соблюдать градацію классовъ,— произнесъ Сторей и прибавилъ, обращаясь къ бѣдному литератору, ожидавшему его отвѣта,— уходите, мнѣ теперь не время. Вернитесь въ болѣе удобную минуту. Да, миссъ Нанси, надо соблюдать градацію классовъ, а то мы превратились бы въ беспорядочную чернь. Вотъ, напримѣръ, литераторы, произведенія которыхъ я покупаю, не ожидаютъ же, что я буду ихъ приглашать къ своему столу.

— Конечно, нѣтъ, г. Сторей,— отвѣчалъ бѣдный писатель, покраснѣвъ отъ стыда,— я былъ бы болѣе у мѣста за другимъ столомъ, съ вашими гинеями въ карманѣ.

— Вотъ и я не пригласилъ бы къ себѣ вашихъ знакомыхъ,— продолжалъ Сторей,— такъ какъ, по выраженію моего автора, имъ было бы умѣстнѣе находиться въ другомъ мѣстѣ; одинаково и они не позвали бы меня обѣдать, кто бы они ни были. Что касается до меня, то я ихъ считаю за самозванцевъ.

— Ничто въ ихъ поведеніи этого не доказываетъ.

— Погодите, все вскорѣ обнаружится. Это, можетъ быть, ирландскіе искатели приключеній, гоняющіеся за богатой невѣстой.

— Въ такомъ случаѣ, узнавъ правду, они болѣе къ намъ не вернутся,— отвѣчала я,— не имѣя никакого понятія о своемъ состояніи.

— Нѣтъ, миссъ Нанси, узнавъ правду, они будутъ еще болѣе упорствовать. Но, можетъ быть, они не джентльмены, а просто лавочники, выдающіе себя за джентльменовъ и модныхъ франтовъ. Даже признаюсь, у старшаго изъ вашихъ знакомыхъ очень подозрительныя манеры.

— Я недавно живу въ Лондонѣ, но я увѣрена, что вы ошибаетесь, и что этотъ джентльменъ не самозванецъ.

— Я не обвиняю никого и ни въ чемъ, а я только предупреждаю васъ. Мы живемъ въ нечестивое время и въ нечестивомъ городѣ.

— Мнѣ много говорили о нечестіи Лондона, но съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь...

— А что бы вы сказали, если-бъ ваши пріятели оказались разбойниками?

— Но что дѣлать разбойникамъ въ нашемъ скромномъ жилищѣ?

— Они проникають всюду. Младшій изъ нихъ своей дерзкой смѣлостью возбудилъ во мнѣ мысль о разбойникѣ.

— Но развѣ вы такъ близко знакомы съ разбойниками, что знаете ихъ примѣты?

— Я видалъ, какъ многихъ изъ нихъ везли на казнь, но нѣкоторые сохраняли дерзкую смѣлость до послѣдней минуты.

— Какъ вамъ не стыдно, мистеръ Сторей, сравнивать живого, легкоподвижнаго джентльмена съ преступникомъ.

— О, миссъ Нанси, мнѣ такой нечестивый,— отвѣтилъ книгопродавецъ, печально качая головой.

— И, однако, вы убѣждали, оставивъ насъ на произволь ихъ хитрости и насилія. Развѣ это хорошо?

Онъ ничего не отвѣчалъ, а я ушла.

Трудно повѣрить, въ виду его словъ, что онъ съ первой минуты зналъ, кто такіе наши знакомые, и я до сихъ поръ не понимаю смысла его предостереженій и подозрѣній.

Напротивъ, Изабелла нимало не сомнѣвалась въ цѣли знакомства съ нами этихъ джентльменовъ.

— Милая Нанси,— говорила она,— одинъ изъ нихъ влюбленъ въ извѣстную особу, а другой ходитъ съ нимъ по дружбѣ, или, быть можетъ, онъ также влюбленъ.

— Не знаю,— отвѣчала я,— они ничѣмъ еще не доказываютъ своей любви.

— Во всякомъ случаѣ пламя любви обнаружится въ скоромъ времени. Теперь еще трудно сказать, кто изъ нихъ влюбленъ, то, мнѣ кажется, одинъ, то другой. Подождемъ, время покажетъ, а куда будемъ одѣваться, какъ можно, лучше.

Дѣйствительно, она стала съ этой минуты болѣе, чѣмъ когда, заботиться о моихъ туалетахъ, и признаюсь, мнѣ доставляло удовольствіе замѣчать, какъ во время нашихъ прогулокъ по парку многія модницы оборачивались и смотрѣли съ завистью на мой прелестный костюмъ.

— Если-бъ меня теперь видѣлъ братъ, что бы онъ сказалъ? — воскликнула я, примѣривъ передъ зеркаломъ мое первое нарядное платье.

— Ахъ, ты, глупая квакерша,— отвѣчала Изабелла съ громкимъ смѣхомъ,— ты все еще думаешь о своемъ братѣ. Я не палагаю, чтобъ кто-то дозволилъ тебѣ когда нибудь вернуться къ брату.

Но, по совѣсти, я нимало не хотѣла привлечь чьейнибудь любви своими прелестными костюмами, а просто надѣвала ихъ потому, что, меня, какъ всякую женщину, забавляло хорошо одѣваться.

Между тѣмъ наши новые друзья посѣтили насъ во второй разъ, а затѣмъ въ третій и т. д.; они всегда подыскивали предлогъ своему визиту, принося намъ то рисунокъ, то книжку, то какуюнибудь любопытную бездѣлушку. Спусти двѣ недѣли, они уже стали приходить каждый день, то утромъ, то вечеромъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ аристократическая часть Лондона пустѣетъ. Модный свѣтъ живетъ въ городѣ отъ января до іюня, а потомъ разѣзжается. Потому въ это время паркъ почти совершенно пустъ, и мы часто гуляли съ нашими друзьями по аллеямъ Сентъ-Джемскаго парка, или смотрѣли на ученье солдатъ въ Гринъ-паркѣ. Не разъ, встрѣчавшіеся намъ люди останавливались, снимали шляпы и смотрѣли на насъ съ удивленіемъ.

— Это, вѣроятно, мои знакомые, — говорилъ тогда сэръ Джорджъ, — я знаю половину Лондона, но не могу всякаго признать. Однако, миссъ Нанси, они смотрятъ болѣе на васъ, чѣмъ на меня, и это очень понятно.

Мало-по-малу я стала ясно понимать, что старшій братъ приходилъ къ намъ ради меня, а младшій просто по любви къ нему. Вообще Эдуардъ обращался съ сэромъ Джорджемъ очень почтительно, хотя подружески, а послѣдній принималъ оказываемую честь съ достоинствомъ и сознаниемъ своего превосходства, хотя безъ всякой самонадѣянности.

Я уже говорила, что сэръ Джорджъ былъ очень красивый молодой человекъ. Его большое, открытое лицо дышало благородствомъ его души, честностью, мужествомъ, а глаза лучезарно блестѣли. Волоса его были напудрены и собраны на затылкѣ въ косу, перевязанную черною лентой. Говорилъ онъ быстро, повелительно, но голосъ его звучалъ нѣжно, мелодично. Въ манерахъ онъ былъ изященъ, простъ; добрая, любезная улыбка не сходила съ его губъ, хотя онъ не терпѣлъ противорѣчій.

Иногда, во время ихъ посѣщеній, мы читали стихи, но оба брата не долюбивали поэзію, и хотя Изабелла декламировала, какъ хорошая актриса, она не производила на нихъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. На мое замѣчаніе, что меня удивляетъ и холодное отношеніе сэра Джемса къ музѣ, онъ отвѣчалъ:

— Еслибъ я былъ женщиной, то читалъ бы съ наслажденіемъ стихи. Люди дѣйствуютъ, а женщины смотрятъ на ихъ дѣйствія, а такъ какъ имъ нельзя видѣть ихъ подвиги воочию, то они довольствуются ихъ отраженіемъ въ поэзіи.

— Но вѣдь не однѣ женщины читаютъ поэтовъ, и не о всѣхъ мужчинахъ пишутъ поэты.

— Въ такомъ случаѣ, вѣрнѣе сказать, что поэты пишутъ не для людей дѣйствія, не для королей и принцевъ, епископовъ и адмираловъ, администраторовъ и судей. Смотрите, какое большое число людей исключается изъ аудиторіи поэтовъ. И также, вѣроятно, буду современемъ въ числѣ людей дѣйствія, а потому не могу интересоваться стихоплетами, которые пишутъ диѳирамбы удачнымъ людямъ дѣйствія и клеветаютъ на несчастныхъ. Нѣтъ, я рѣшительно не понимаю того восторженнаго поклоненія, которымъ окружаютъ поэтовъ. Нашего короля обвиняютъ въ томъ, что онъ не покровительствуетъ поэтамъ, но къ чему это покровительство? Хорошимъ поэтамъ оно не нужно; вотъ Елисавета не поощряла Шекспира, а онъ отлично обходился и безъ ея поощренія. Дѣло другое—солдаты, защищающіе страну и увеличивающіе ея славу, государственные люди, управляющіе ею, купцы, умножающіе ея богатство, ученые богословы, поддерживающіе ея религію,—вотъ имъ короли обязаны покровительствовать. А поэтовъ пусть поощряютъ тѣ, для которыхъ они пишутъ, то-есть, управляемые, повинующіеся, а не правители и повелители. Поэтому я рѣшительно предпочитаю тѣхъ, которые создаютъ исторію, то-есть королей, чѣмъ людей, воснѣвающихъ ихъ подвиги.

— Но, сэръ,—отвѣчала я,—вѣдь существуютъ не одни эпическіе поэты, есть поэзія буколическая, лирическая, сатирическая...

— Поздравляю васъ, миссъ Нанси, съ ихъ произведеніями. Въ буколикахъ воспѣваются красоты природы, но чтобъ восхищаться ими, я не нуждаюсь въ помощи поэтовъ. Что же касается до сатиръ, то онѣ полны клеветами и ложью. Вотъ о стихотвореніяхъ, посвященныхъ любви, я долженъ отозваться съ уваженіемъ, такъ какъ мой отецъ, очень любившій искусство, во всѣхъ его видахъ, написалъ два сонета. Одинъ изъ нихъ я хорошо помню, и онъ посвященъ предмету его любви, то-есть, женѣ.

— Прочтите намъ эти стихи?

— Я лучше спою ихъ.

Такимъ образомъ оказалось, что онъ игралъ на фортепіано и пѣлъ. Голосъ его былъ пріятный, музыкальный, а стихи звучные, проникнутые чувствомъ. Послѣ этого онъ часто пѣвалъ у насъ, и мы слушали его съ удовольствіемъ.

О писателяхъ и книгахъ онъ былъ не высшаго мнѣнія, чѣмъ о поэтахъ.

— Если люди желаютъ передать свои мысли другимъ,—говорилъ онъ,—то достойнѣе дѣлать это на словахъ, въ кружкѣ друзей, какъ и поступаютъ многіе ученые и мыслители. Что же касается до оборванцевъ, ухаживающихъ за издателями и за деньгами, готовыхъ бранить и хвалить, кого угодно, то это—гнусные торгаши.

— Но писатели заставляютъ міръ плакать и смѣяться своими романами и драмами. Напримѣръ, что вы скажете о «Клариссѣ» Ричардсона?

— Если и такъ, то ваши писатели гаеры, и болѣе ничего. Относительно «Клариссы» я могу только сказать, что я ее не читалъ, но не полагаю, чтобъ добродѣтель могла выиграть отъ выставленія пороковъ, да еще торжествующихъ. Я признаю полезными только книги серьезныя, напримѣръ, о земледѣліи, о медицинѣ, о ремеслахъ, объ искусствахъ и т. д. Но вообще слишкомъ много читать нехорошо: человѣкъ тогда перестаетъ надѣяться на себя, а возлагаетъ всю надежду на книги. Вотъ я гораздо болѣе люблю слушать, чѣмъ читать: изъ устъ знающаго человѣка научишься гораздо большему, чѣмъ изъ книгъ, авторы которыхъ болѣе говорятъ о себѣ, чѣмъ о предметѣ своего сочиненія.

Насчетъ театра онъ высказывалъ ту идею, что весь интересъ пьесы сосредоточивается въ актерахъ, а не въ авторѣ.

— Слова ничего, — увѣрялъ онъ, — а все игра и производимое ею впечатлѣніе. Вотъ, еслибъ я былъ учитель, то я устраивалъ бы въ школахъ спектакли: дѣло учителя составить подробную программу пьесы, а ученики уже сами, играя, подбирали бы подходящія слова.

Кромѣ разговоровъ, мы иногда играли съ нашими друзьями въ карты: Любимой ихъ игрой была комета. Сэръ Джорджъ игралъ съ интересомъ, но всегда возставалъ противъ страсти къ азартнымъ играмъ. По его словамъ, джентельменъ, а тѣмъ болѣе дама должны проигрывать только то, что ихъ не разорить, а выигрывать то, что ихъ не обогатитъ. Конечно, во время нашей игры мы продолжали болтать.

Въ особенности меня удивляло полное невѣдѣніе обоими братьями низшихъ классовъ, что они объясняли иностраннымъ происхожденіемъ ихъ матери и замкнутой жизнью въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ. Гордясь болѣе всего тѣмъ, что онъ родился англичаниномъ, сэръ Джорджъ вовсе не зналъ англійскаго народа, но питалъ глубокое уваженіе къ купцамъ.

— Классъ, къ которому вы принадлежите, сударыни, — произнесъ онъ однажды съ чувствомъ, — составляетъ главную славу страны; вы обогащаете и даете работу народу. Вѣрьте, мы это цѣнимъ и глубоко уважаемъ вашъ классъ. Что же касается до меня и моего брата, то мы считаемъ за особое счастье, что мы пользуемся обществомъ такихъ добродѣтельныхъ и образованныхъ лицъ, какъ вы обѣ. Здѣсь я нахожу удовольствіе безъ тѣни грубости и дружбу безъ заискиванія.

Сказавъ это, онъ всталъ и поцѣловалъ руки намъ обѣимъ.

VII.

Въ это время я уже не могла сомнѣваться, что сэръ Джорджъ приходилъ къ намъ для меня. Онъ смотрѣлъ на меня съ такой любовью, что ошибиться было невозможно. Но, право, я не понимаю,

что напелъ во мнѣ этотъ человѣкъ, стоявшій такъ высоко надо мною? Я уже понимала, что онъ знатенъ и богатъ; для меня былъ ясенъ смыслъ однажды переданнаго имъ мнѣ разсказа о томъ, какъ важный лордъ влюбился въ простую молодую поселанку и, женившись на ней, взялъ ее въ свой замокъ. По словамъ сэра Джорджа, ему не слѣдовало этого дѣлать, а лучше было поселить ее въ коттеджъ, среди цвѣтовъ и зелени, гдѣ онъ посѣщалъ бы ее въ свободныя минуты. Онъ часто потомъ возвращался къ этой исторіи. Что же касается до тѣхъ нивостей, которыя разсказывали обо мнѣ, то я увѣрена, что имъ не повѣритъ никто, прочитавшій эти строки. Никогда, никогда, никогда эта благородная душа не загрязнила бы себя ничѣмъ позорнымъ. Иначе я не могла бы его уважать. Иначе я не считала бы его достойнымъ моей любви, которая принадлежитъ ему всецѣло до сихъ поръ.

Вскорѣ произошло важное событіе въ моей жизни. Я перешла въ англиканскую вѣру и главнымъ образомъ по желанію сэра Джорджа. Онъ былъ религіозный человѣкъ и питалъ неограниченную преданность къ установленной церкви. Онъ горячо ее отстаивалъ, доказывая, что это была древняя церковь Христова, очищенная отъ позднѣйшихъ злоупотребленій, что она основана на словахъ евангелія и библіи, что ею управляютъ, какъ при апостолахъ, служители алтаря, что въ ней сохранились древнія таинства и древнія молитвы, что она создала многихъ достойныхъ богослововъ и философовъ.

— Одною только недостаеъ въ этой прелестной дѣвицѣ, — говорилъ онъ не разъ Изабеллѣ, — она еретичка.

— Она никогда не вернется къ квакерамъ, — отвѣчала моя кузина.

— Этого мало, Нанси, — продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — церковь ждетъ васъ съ распростертыми объятіями.

Въ концѣ концовъ, я пошла къ пастору церкви св. Іакова на Пикадилли, и почтенный служитель алтаря посвятилъ нѣкоторое время на обученіе меня англиканскому катехизису. Затѣмъ былъ назначенъ день для церемоніи крещенія, и моей крестной матерью была Изабелла.

Въ церкви было очень мало народа. Сэръ Джорджъ стоялъ въ уголкѣ, гдѣ его никто не видѣлъ.

— Теперь, — шепотомъ сказалъ онъ, подходя ко мнѣ послѣ церемоніи, — мы одной вѣры, однихъ убѣжденій. Я совершенно счастливъ.

Между нами еще не было сказано ни слова любви, но я такъ же, какъ онъ, была совершенно счастлива.

Естественно, мы интересовались семьей нашихъ друзей, но на всѣ наши разспросы они только отвѣчали, что отецъ ихъ умеръ, а мать, иностранка, жила съ ними въ Лондонѣ, что у нихъ былъ дѣдушка, о которомъ они отзывались съ особымъ уваженіемъ, что, наконецъ,

у старшаго брата было помѣстье въ Кью, а младшій довольствовался положеніемъ морского офицера.

— Всѣ знаютъ о семьѣ Сторей,—говорила Изабелла,—и всегда на лондонской биржѣ есть хоть одинъ извѣстный Сторей. Я знаю всѣхъ въ лондонскомъ Сити и расскажу исторію любого изъ выдающихся въ немъ семействъ. Но насчетъ знатныхъ особъ я ничего не знаю.

Поэтому мы не имѣли никакого понятія объ исторіи и современномъ положеніи семьи Ле-Бретонъ.

И однако всѣмъ вокругъ насъ было вполне извѣстно, кто такіе наши друзья: и капитану Селлинджеру, и сержанту Бетцу, и доктору, и Роберту Сторею. Еще было удивительнѣе, что всѣ они знали и не говорили намъ объ этомъ ни слова, полагая, что мы хорошо вѣдали, съ кѣмъ имѣемъ дѣло.

Въ особенности, поведеніе доктора меня удивляло. Я уже упоминала, что этотъ старикъ занималъ комнату въ нижнемъ этажѣ нашего дома, и его средства къ жизни не были никому извѣстны. Онъ называлъ себя мистеромъ Чемберомъ, но впослѣдствіи оказалось, что эта фамилія была фальшивая, а мы дали ему кличку доктора, не знаю почему, такъ какъ онъ не практиковалъ. Большую часть дня онъ смотрѣлъ въ отворенную дверь на лѣстницѣ, какъ бы поджидая кого-то. У него бывало много гостей, и нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ выпускалъ въ садовую калитку, выходящую въ паркъ. Всякій разъ, какъ я выходила съ Изабеллой, онъ широко открывалъ дверь своей квартиры и, стоя на порогѣ, говорилъ мнѣ самые чудовищные комплименты, которые меня, однако, очень забавляли.

Однажды утромъ онъ пригласилъ насъ войти въ его комнату. Изабелла давно желала посмотреть жилище этой таинственной личности, и потому она охотно приняла его приглашеніе. Комната, въ которую мы вошли, была очень скудно меблирована; въ ней находились деревянная кровать, накрытая простыней, столъ, заваленный бумагами, два или три простые стула, платяной шкафъ и большой деревянный сундукъ съ желѣзными скобами. Шляпа, шпага, сюртукъ и парикъ висѣли на стѣнѣ, а на самомъ докторѣ былъ поношенный, выцвѣтшій халатъ и ночной колпакъ въ видѣ тюрбана.

— Мое помѣщеніе очень скромное,—сказалъ онъ,—но для стараго моряка лучшаго не надо.

Предложивъ намъ стулья, онъ продолжалъ:

— Я живу здѣсь десять лѣтъ, и впервые меня удостоили своимъ посѣщеніемъ дамы. Чѣмъ же бы васъ угостить?

Онъ подошелъ къ шкафу и вынулъ изъ него бутылку странной формы и двѣ маленькія рюмки.

— Это,—сказалъ онъ,—напитокъ, приготовляемый монахами Шартрезской обители. Попробуйте его, сударыни. Не бойтесь, хоть онъ очень крѣпокъ, но я налилъ вамъ лишь нѣсколько капель.

Дѣйствительно, я никогда не пила лучшаго нектара, но онъ слишкомъ крѣпокъ для дамъ.

— Мой смиренный уголокъ,—продолжалъ докторъ,—посѣщаютъ только немногіе друзья, такіе же старики, какъ я; мы вспоминаемъ о прошломъ и горюемъ, что его нельзя вернуть. Въ старости единственное развлеченіе вспоминать о быломъ и нюхать табакъ.

Онъ вынулъ табакерку и, взявъ щепотку табаку, поднесъ ее къ своему носу.

Въ его выговорѣ слышался иностранный акцентъ, а потому Изабелла спросила:

— Вы бывали за границей?

— Да, я извѣздилъ почти всю Европу. Я бывалъ въ королевскихъ дворцахъ и въ хижинахъ бѣдняковъ. Я могу говорить на бѣльшей части европейскихъ языковъ.

— Вы, должно быть, видѣли много интереснаго?

— Различіе между народностями сначала васъ интересуеъ, но подъ старость оно теряетъ значеніе. Мужчины и женщины всѣ одинаковы во всѣхъ странахъ; ихъ высшія добродѣтели тѣ же, которымъ учатъ у насъ дѣтей.

— Что вы подъ этимъ разумѣете?

— Честность, повиновеніе, цѣломудріе, трудолюбіе и преданность. Еслибъ эти основныя добродѣтели царили вездѣ, то не было бы бѣдности, недовольства, стряпчихъ, тюремъ, висѣлицъ, проповѣдей. Еслибъ люди были честны, то всѣ вѣрили бы другъ другу; повиновеніе породило бы порядокъ и спокойствіе; цѣломудріе поддержало бы достоинство женщинъ; трудолюбіе обогатило бы свѣтъ, а преданность власти обезпечивала бы правильный ходъ общественнаго колеса.

— Ну, слава Богу, мы здѣсь всѣ преданы королю,—замѣтила я.

— Всѣ преданы королю! — повторилъ докторъ съ кислой гримасой,—о, какъ бы я радъ былъ, еслибъ всѣ въ странѣ были преданы своему законному королю. И, напротивъ, сколько несчастій порождено отсутствіемъ этой преданности. Послѣ убійства Карла I сколько бѣдствій пережила страна, а низверженіе Іакова II не навлекло ли на нее одну напасть за другой.

— Что вы говорите, сэръ! — воскликнула Изабелла.

Дѣйствительно, странно было слышать такія теоріи въ царствованіе Георга II.

— И, однако, несмотря на все, преданность законному государю сохранилась въ странѣ. Еще живы мученики событій 1715 и 1745 годовъ. Духъ Дервенватера не исчезъ.

Изабелла вскочила и съ ужасомъ воскликнула:

— Нанси! Это іаковитъ.

— Полноте, садитесь, сударыня. Что значать слова и мнѣнія стараго философа? Они безвредны. Но вѣдь никто не можетъ оспо-

ритель того факта, что претендентъ законный король по наслѣдству, если не по Божьей воли. Говорятъ, тысячи людей въ странѣ готовы обнажить мечъ, хотя я не оправдываю насилія и предпочелъ бы, чтобъ они подождали десять, двадцать, сто лѣтъ. Въ концѣ концовъ, право и справедливость восторжествуютъ.

— Прекратимъ-те, сэръ, этотъ разговоръ,—замѣтила Изабелла,—онъ опасенъ и ни къ чему не ведетъ.

— Не безпокойтесь,—отвѣчалъ докторъ,—мои политическія убѣжденія сходятся съ вашими. Вотъ, посмотрите, я пью за здоровье короля.

И онъ опорожниль рюмку шартреза.

— А теперь, — продолжалъ онъ,—я покажу вамъ кое-что любопытное. Всѣ старики любятъ собирать коллекціи, и вотъ я собралъ нѣсколько миниатюръ самыхъ прелестныхъ женщинъ въ свѣтѣ. Это дѣйствительно красавицы, но, конечно, ни одной изъ нихъ не сравниться съ миссъ Нанси, которая затмитъ ихъ всѣхъ своей славой.

Онъ открылъ небольшой ящикъ и досталъ изъ него значительное число миниатюръ въ золотыхъ рамкахъ. Я стала съ любопытствомъ ихъ разсматривать. Это дѣйствительно была галерея красавицъ.

— Вотъ портретъ, который вамъ, миссъ Нанси, никогда не поднесъ бы джентельменъ, который посѣщаетъ васъ ежедневно,—сказалъ докторъ, указывая на одну изъ миниатюръ, изображавшую молодую дѣвушку въ шотландскомъ костюмѣ.

— Отчего?

— Не могу сказать. Если вы не знаете, и я не долженъ знать. Это портретъ Флоры Макдональдъ, которая спасла жизнь принца Карла Эдуарда.

— Молодого претендента,—поправила его Изабелла.

— Какъ хотите, принца или претендента, но дѣло въ томъ, что она спасла ему жизнь и была утѣшеніемъ его несчастной жизни, подобно Клементинѣ Ванькинессо, Джени Камеронъ и лэди Макинтошъ. Ну, теперь вы понимаете, почему ваши друзья не могутъ вамъ подарить портрета Флоры Макдональдъ.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ и я не понимаю. Оставимъ-те этотъ вопросъ. Посмотрите на остальные портреты. Это все фаворитки королей и принцевъ. Вотъ Агнеса Сорель, любимица французскаго короля Карла VII, и красавица Габриелль, сводившая съ ума Генриха IV, а вотъ Ла-Вальеръ, г-жа Монтеспанъ, также француженки. Ну, а теперь перейдемъ къ англичанкамъ: тутъ Розамунда, Алиса Ферорсъ, Джени Ширъ, но у нихъ всѣхъ печальныя лица. Я, право, не знаю, почему любимицы королей никогда не бывали долго счастливы. А вотъ Нелли Гвинъ...

— Спрячьте ихъ, спрячьте скорѣе, сэръ,—воскликнула Изабелла гнѣвно:—развѣ можно показывать такіе портреты молодой дѣвушкѣ?

Докторъ знаменательно улыбнулся, но ничего не отвѣтилъ.

— Пойдемъ, Нанси,—продолжала расходившаяся Изабелла,—моя нога никогда не будетъ въ вашей комнатѣ, мистеръ Чемберъ. Не смѣйте даже заговаривать съ нами. Скажите, пожалуйста, показывать молодой дѣвушкѣ Розамунду и Нелли Гвинъ...

Она быстро вывела меня на лѣстницу и, вернувшись домой, долго не могла успокоиться.

— Что значить эта дерзость низкаго старика?—говорила она... Я не знаю, кто были его французенки, но англичанки всѣмъ извѣстны. Что же касается до его глупой болтовни, то она прямо обнаруживаетъ въ немъ іаковита. Но вотъ я не могу понять, на что онъ намекалъ, говоря, что наши друзья не подарили бы намъ портрета шотландки.

VIII.

Около этого времени Робертъ Сторей сдѣлалъ мнѣ визитъ очень знаменательный. Онъ зашелъ утромъ, полагая, что въ эти часы Изабелла уходитъ съ Молли на рынокъ. Дѣйствительно, я была одна дома, именно, по этой причинѣ. Съ того вечера, когда онъ убѣждалъ при видѣ нашихъ друзей, книгопродавецъ не былъ у насъ ни разу, и я нимало объ этомъ не сожалѣла.

Теперь на немъ была его обычная одежда, въ которой онъ сидѣлъ въ своей лавкѣ и принималъ кліентовъ. Хотя его самонадѣянный тонъ не шелъ къ этому скромному костюму, но въ глазахъ его виднѣлось какое-то тревожное, безпокойное выраженіе.

— Вотъ неожиданный гость мистеръ Робертъ,—сказала я, когда онъ сѣлъ, съ достоинствомъ, и засунувъ правую руку за жилетку,—вѣдь въ это время вы всегда заняты.

— Я оставилъ въ лавкѣ много поэтовъ и авторовъ, умоляющихъ моего покровительства, но я сказалъ имъ, чтобъ они подождали. Меня звалъ сюда голосъ долга, а вы знаете, миссъ Нанси, что я никогда не ослушаюсь голоса долга.

— Неужели? Во всякомъ случаѣ, ваше посѣщеніе очень лестно для меня.

— Когда существу, къ которому я питаю дружескія, а быть можетъ, еще болѣе теплыя чувства, грозитъ гибель, то медлить было бы преступленіемъ. Прочь всякое благоразуміе, и впередъ, несмотря на всѣ опасности.

— Это очень благородно, но достойна ли причина такого благородства?

— Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ право заступиться за погибающее существо родственникъ или старый другъ, даже человѣкъ, который питаетъ пламенную любовь. Такова сила, такова святость любви! Любовь, даже не признанная и отвергнутая, даетъ права.

Любить достойную женщину возвышаетъ человѣка и какъ бы даетъ ему патентъ на благородство. Венера беретъ у Марса его мечъ и имъ посвящаетъ въ рыцари влюбленнаго въ нее человѣка.

Эти цвѣтистыя фразы, очевидно, были заранѣе придуманы, и онъ говорилъ бы безъ конца, если бы я, потерявъ терпѣніе, не перебила его:

— Ради всего святаго, бросьте этотъ торжественный языкъ, который вы заимствовали у вашихъ голодающихъ писателей, и переходите къ дѣлу. Что вы разумѣете подъ вашими правами, вашимъ долгомъ и вашей пламенной любовью?

Онъ покраснѣлъ, вынулъ правую руку изъ жилета и, нагнувшись ко мнѣ, скавалъ шепотомъ, хотя въ комнатѣ никого не было, кромѣ насъ:

— Миссъ Нанси, я не могу забыть, что я былъ первымъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Вы не можете же отрицать, что я былъ первымъ.

— Въ чемъ первымъ?

— Вы очень хорошо знаете, въ чемъ. Два мѣсяца я ухаживалъ за вами, какъ благородный, трезвый, приличный гражданинъ лондонскаго Сити, прежде чѣмъ явился другой.

— Вы ухаживали за мной, мистеръ Робертъ! — воскликнула я въ неописанномъ удивленіи, — я никогда не подозрѣвала этого. Вы обходились со мною такъ же, какъ съ Изабеллой, а потому прошу прекратить этотъ разговоръ и выбить изъ вашей головы мысль, что вы имѣете какое нибудь право на вмѣшательство въ мои дѣла...

Онъ глубоко вздохнулъ, скрестилъ руки, поднялъ глаза къ небу и торжественно произнесъ:

— Какъ скоро можетъ свѣтъ развратить женское сердце! Какъ скоро прозрачная душа можетъ омрачиться! Какъ скоро безсердечное кокетство можетъ наполнить даже квакерское сердце?

— Вы уже позволяете себѣ говорить грубости, мистеръ Робертъ Сторей. Увѣряю васъ, что я не имѣла ни малѣйшаго понятія о вашихъ чувствахъ ко мнѣ.

— Не могу повѣрить! Вѣдь я вамъ носилъ книги. Я проводилъ у васъ цѣлыя вечера, вмѣсто того, чтобы ходить въ клубъ, гдѣ я почетнымъ членомъ.

— Прошу меня извинить, сэръ, я воспитана въ такомъ захолустѣ, что не поняла смысла этихъ любезностей.

— Мало того, вы дозволили мнѣ льстить себя надеждой, что я не былъ вамъ непріятенъ.

— Правда, я не считала васъ непріятнымъ, но вѣдь, еслибъ вы и дѣйствительно были мнѣ непріятны, то не могла же я сказать вамъ это въ глаза.

— Потомъ неожиданно явился на сцену другой, ослѣпилъ васъ своимъ блескомъ, и вы меня забыли. Вотъ на основаніи этого про-

шедшаго, я и считаю себя въ правѣ васъ предупредить. Съ тѣхъ поръ, какъ молодые джентльмены стали васъ посѣщать каждый вечеръ, честнаго купца выгнали за дверь.

— Не правда, васъ никто не выгонялъ, а вы сами убѣжали. Двери для васъ не закрыты. Милости просимъ; приходите, когда угодно!

— Вы знаете, что я не могу водить знакомство съ такими лицами.

— Однако, вы когда-то были убѣждены, что это самозванцы и даже разбойники. Что же, вы признаете себя теперь неправыми въ вашемъ мнѣніи о нихъ?

— Если мой утвердительный отвѣтъ можетъ васъ заставить одуматься,— произнесъ книгопродавецъ,—то я готовъ признать свою ошибку. Какъ вы сами знаете, они люди очень высокопоставленные, но ихъ свѣтъ — не мой свѣтъ, и я даже не рѣшусь сѣсть передъ ними.

— Вы прежде считали ихъ развратными кутилами. Что же, вы и въ этомъ отношеніи перемѣнили свое мнѣніе? Впрочемъ, это все равно. Лучше скажите, отъ чего вы желаете меня предупредить.

— Они проводятъ каждый вечеръ у васъ, миссъ Нанси. Подумали ли вы или ваша родственница о томъ, что скажетъ свѣтъ о подобныхъ отношеніяхъ?

— Мы живемъ такъ далеко отъ свѣта, что не слышимъ его говора.

— Ни одна женщина не должна пренебрегать тѣмъ, что говорить о ней свѣтъ!

— Вы очень добры, мистеръ Робертъ, что заботитесь обо мнѣ, но я сомнѣваюсь, чтобы можно было истолковать во зло посѣщенія двухъ братьевъ молодой вдовы и ея родственницы.

Онъ всталъ и, какъ бы не находя словъ для отвѣта, подошелъ къ окну. Постоявъ тамъ нѣсколько минутъ, онъ вернулся къ столу и медленно произнесъ:

— Я вамъ передамъ, что о васъ говорятъ. Вчера вы прошли мимо моей лавки, а я стоялъ въ дверяхъ и разговаривалъ съ однимъ изъ постоянныхъ моихъ покупателей объ известной вамъ особѣ. Онъ посмотрѣлъ на васъ и на сопровождавшую васъ родственницу и сказалъ: «вотъ у этихъ дамъ «онъ» бываетъ каждый вечеръ». Потомъ онъ отвернулся и покачалъ головой.

— Это все? Ну, такъ что же?

— Свѣтъ всегда любитъ злословить, миссъ Нанси. Вы не знаете, какъ онъ безжалостенъ.

— Но какое намъ дѣло до безжалостнаго свѣта? Джентльменъ, о которомъ вы говорите, приходитъ не одинъ, а съ братомъ, и я принимаю его не одна, но съ родственницей. Вѣрьте мнѣ, что они ведутъ себя прилично, да и не могли бы поступать иначе. Они хорошо воспитанные молодые люди, и съ ними очень пріятно разго-

варивать. Къ тому же я убѣждена, что они не принадлежатъ къ тому развратному обществу, о которомъ вы упоминаете.

— Положимъ, что и такъ, но зачѣмъ они къ вамъ ходятъ? Если хотите, то я вамъ прямо скажу, зачѣмъ они ходятъ. Они не разбойники, не самозванцы и не авантюристы, но вы не хотите называть ихъ настоящими именами, ну, и я ихъ не назову.

— И хорошо сдѣлаете. Если они, дѣйствительно, скрыли свое настоящее имя, то я подожду, чтобы они сами открыли мнѣ эту тайну. Впрочемъ, послѣ вашей ошибки относительно ихъ я бы и не повѣрила вамъ, что бы вы ни говорили.

— Значитъ, я прямо перейду къ дѣлу,—произнесъ Робертъ Сторей торжественнымъ тономъ,—въ этой странѣ существуетъ строго опредѣленная іерархія или, иначе сказать, общественная лѣстница, на ступеняхъ которой каждый изъ англичанъ родится. Переходъ съ одной ступени на другую влечетъ за собою гибель и горе. Люди, стоящіе на верхнихъ ступеняхъ, не могутъ жениться на женщинахъ низшихъ ступеней. Однако, иногда эти люди высшихъ ступеней влюбляются и ухаживаютъ за женщинами низшихъ ступеней. Они или увлекаютъ ихъ въ бездну своимъ блескомъ и дорогими подарками, или обманываютъ обѣщаніями, которыхъ никогда не исполнять, или, наконецъ, влюбляютъ въ себя такъ, что несчастныя созданія рѣшаются на все, ради любимаго человѣка. Ну, а остальное понятно.

— Что остальное?—воскликнула я съ негодованіемъ,—говорите прямо, а не туманными намеками.

— Подъ остальнымъ я разумѣю то, что всегда бываетъ съ женщинами, которыя поддаются вліянію такихъ людей, какъ ваши новые пріятели. Въ подобномъ случаѣ одинъ исходъ. Неужели вы думаете, миссъ Нанси, что эта особа можетъ жениться на васъ? На купчихѣ, на квакершѣ! Даже, если бы онъ сошелъ съ ума отъ любви къ вамъ и сдѣлалъ бы такую глупость, то ему пришлось бы скрывать этотъ бракъ отъ всего свѣта и отречься отъ него передъ всѣми. Какъ бы вы перенесли всю тяжесть, весь позоръ подобнаго положенія! Никто бы тогда не захотѣлъ васъ знать: ваши и его друзья одинаково бы отвернулись отъ васъ. Мужчины со смѣхомъ говорили бы о васъ, а женщины не оставили бы камня на камнѣ, чтобы рассорить васъ съ мужемъ.

— Мистеръ Сторей,—отвѣтила я на эту цвѣтистую рѣчь,—вы, кажется, перешли всѣ границы приличія, но я готова вѣрить, что вы дѣйствуете искренно. Увѣряю васъ, что во всѣхъ вашихъ опасеніяхъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія. А теперь прекратимъ этотъ разговоръ.

— Еще одно слово, если позволите. Опасность существуетъ; въ этомъ я твердо убѣжденъ, и отъ этого убѣжденія я, можетъ быть, скавалъ что нибудь лишнее. Прошу меня въ этомъ извинить. Теперь

выслушайте меня хладнокровно. Есть средство положить конецъ всѣмъ подозрѣнiямъ и скандаламъ: выходите за меня замужъ.

Произнося эти слова, онъ всталъ и протянулъ ко мнѣ обѣ руки.

— Выходите за меня замужъ,— повторилъ онъ,— вы сдѣлаете счастливымъ честнаго человѣка и...

— Какъ! Вы хотите, чтобы я была вашей женой?

— Да. Тогда свѣтъ, не обращающій вниманiя на честныхъ женъ честныхъ гражданъ, оставитъ васъ въ покоѣ и станетъ клеветать на другую женщину, быть можетъ, на Изабеллу. Выходите за меня замужъ, Нанси.

— Это не возможно... Это не возможно,— произнесла я.

— При мысли, что извѣстная особа играетъ твоимъ сердцемъ, Нанси, моя душа застываетъ отъ злобы. Вѣрь мнѣ, я тебя искренно люблю! Твой образъ всегда передо мною, днемъ и ночью. По вечерамъ я часто прихожу сюда подъ окно и схожу съ ума, думая, что онъ сидитъ съ тобой. Нанси, я не могу этого болѣе терпѣть!

— Мистеръ Робертъ! это не возможно. Не говорите болѣе ни слова, а уходите, если сожальете меня.

— Нѣтъ, я не уйду, прежде чѣмъ не выскажу всего. Повторяю, извѣстная особа только играетъ вами, а я искренно желаю, чтобы вы сдѣлались моей женой. Вы меня знаете: я человѣкъ благоразумный, у меня приличныя манеры, я происхожу изъ почтенной семьи, меня знаютъ съ лучшей стороны на лондонской биржѣ, я получаю хорошiй доходъ, и у меня немало сбережено денегъ. Я человѣкъ образованный и читалъ болѣе многихъ, а на счетъ моихъ религиозныхъ убѣжденiй могу сказать...

— Довольно, довольно! Уходите, оставьте меня.

— Я буду любящимъ и преданнымъ мужемъ!

— Мистеръ Робертъ, я не могла бы быть вашей женой, даже если бы никогда не видѣла этихъ джентельменовъ.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, взялъ шляпу и сказалъ:

— Я вижу, что ваши глаза, Нанси, не хотятъ смотрѣть на меня. Они ждутъ когонибудь другого. Я больше не скажу ни слова, но вспомни, Нанси, когда наступитъ тебя горе,—а это будетъ неминуемо,—что былъ человѣкъ, добрый, набожный, почтенный, который тебя любилъ, и что отъ тебя зависѣло предупредить обрушившееся на тебя горе.

— Благодарю васъ, мистеръ Робертъ,— отвѣчала я, протягивая ему руку, которую онъ, однако, не взялъ,—если, дѣйствительно, меня посѣтитъ горе, то я охотно признаю, что съ вами мнѣ бы не извѣдать такого горя. Но знайте, что я скорѣе перенесу такое горе безъ васъ, чѣмъ иное съ вами.

Онъ ушелъ молча, безъ цвѣтистыхъ фразъ, безъ искусственныхъ позъ. На лицѣ его было написано искреннее горе, неподдѣльное отчаянiе. Онъ, вѣроятно, любилъ меня, но какъ могла я выйти за него замужъ, когда мнѣ постоянно мерещился образъ другого!

IX.

Такъ прошли августъ и сентябрь. О счастливое время! По вечерамъ мы пѣли, играли въ карты, танцевали, читали, разговаривали и смѣялись. Всегда я видѣла въ устремленныхъ на меня глазахъ старшаго брата тотъ взглядъ, который отлично понимаетъ самая невинная, неопытная женщина, а меньшей постоянно смотрѣлъ на меня съ нѣжнымъ братскимъ, но безпокойнымъ сочувствіемъ. Всѣ мы были счастливы.

Иногда, но не часто мы гуляли въ паркѣ по утрамъ, когда тамъ не бываетъ свѣтскаго общества. На мой вопросъ однажды, что дѣлаютъ въ это лучшее время для прогулокъ знатныя дамы, сэръ Джорджъ отвѣчалъ презрительнымъ тономъ:

— Онѣ еще въ постели. Онѣ провели всю ночь за картами и вернулись домой въ пять часовъ, утомленные, разстроенныя. Въ одиннадцать часовъ онѣ потребуютъ шоколадъ, а потомъ горничныя станутъ ихъ одѣвать и раскрашивать. Я не понимаю, какъ можно влюбиться въ существо съ раскрашенными щеками, какъ у актрисы, и головой, полною картъ. Добродѣтелей у нихъ нѣтъ никакихъ; онѣ глупы и невѣжественны; онѣ не имѣютъ ни талантовъ, ни способностей; онѣ не любятъ дѣтей и оставляютъ ихъ на попеченіе служанокъ; ихъ религія дѣло пастора, ихъ вкусъ—дѣло горничной; онѣ завистливы, сердиты и постоянно ссорятся между собою. Вотъ съ какими женщинами я до сихъ поръ встрѣчался, и онѣ еще удивлялись, что я за ними не ухаживалъ. Какъ же я могу говорить о любви подобнымъ существамъ, въ особенности теперь, когда въ моемъ сердцѣ запечатлѣнъ образъ чистоты, правды и красоты.

И онъ нѣжно пожалъ мнѣ руку.

Какъ-то, разговаривая объ удовольствіяхъ Лондона, Изабелла замѣтила, что для мужчинъ были клубы, скачки, ярмарки, таверны, пѣтушиный бой, боксъ и т. д., но на долю женщинъ не приходилось ни одного развлеченія.

— Сударыня,—отвѣчалъ сэръ Джорджъ, переговоривъ въ полголоса съ братомъ,—мы до сихъ поръ пользовались вашимъ любезнымъ гостепріимствомъ, позвольте же и намъ въ свою очередь доставить вамъ хоть маленькое удовольствіе.

— Слышишь, Нанси, что предлагаетъ сэръ Джорджъ? Куда бы ты желала отправиться?

— Не знаю, развѣ пойти въ церковь св. Павла или на биржу?—произнесла я, не зная, что сказать.

Оба брата переглянулись, и сэръ Джорджъ сказалъ, что мало удовольствія было толкаться по улицамъ, среди грубой толпы.

— Такъ не пойти ли намъ во дворецъ,—продолжала я,—гово-

рять, что туда пускаютъ днемъ всѣхъ прилично одѣтыхъ лицъ. Я бы желала увидѣть хоть разъ короля.

— Нѣтъ,—возразилъ послѣшно сэръ Джорджъ,—король старъ, и для него необходимо спокойствіе. Но при первомъ удобномъ случаѣ я покажу вамъ Сентъ-Джемскій дворецъ.

— Въ такомъ случаѣ, сэръ Джорджъ, мы предоставимъ выборъ вамъ самимъ,—произнесла я.

— Вы возлагаете на меня тяжелую отвѣтственность,—сказалъ онъ,—а какія есть увеселенія сегодня или завтра вечеромъ, Эдуардъ?

— Сегодня балъ по подпискѣ въ Карлайль-гаузѣ.

— Нѣтъ, можетъ быть, ты въ состояніи тамъ бывать,—сказалъ сэръ Джорджъ, качая головой,—но для меня это невозможно.

— Поѣдемъ въ Ваксалъ.

— Въ прошедшее мое посѣщеніе тамъ были все торговцы саломъ.

— Ну, такъ что же? Благо бы они только оставляли дома сало. Еще есть Рапелъ.

— Нашимъ дамамъ будетъ скучно все ходить взадъ и впередъ среди толпы незнакомыхъ людей.

— Ну, такъ завтра большой маскарадъ въ Мерилебонскомъ саду.

— Это лучше. Мы можемъ всѣ надѣть маски, и, вѣроятно, нашимъ дамамъ зрѣлище маскарада будетъ забавной новинкой. Вы никогда не бывали, сударыня, въ маскарадахъ?—прибавилъ онъ, обращаясь къ Изабеллѣ.

— Я всегда слышала, что тамъ бываютъ только дамы, которыя не дорожатъ своей репутаціей,—отвѣчала она.

— Я съ удовольствіемъ вижу, какъ дамы лондонскаго Сити разборчивы насчетъ удовольствій,—отвѣчалъ сэръ Джорджъ,— правда, послѣ двѣнадцати часовъ на маскарадахъ бываютъ скандалы; но раньше тамъ весело, оживлено и даже иногда очень пріятно. Повѣрьте, сударыня, что мы не пригласили бы васъ на оргію.

— Конечно, сэръ, мы вполнѣ вамъ довѣряемъ, и если вы полагаете, что намъ можно.....

— Не только можно, но должно разъ взглянуть на маскарадъ. Это, въ сущности, веселое, невинное, безвредное зрѣлище.

Признаюсь, мнѣ очень хотѣлось увидѣть такое свѣтское собраніе, гдѣ всѣ замаскированы, и къ тому же я замѣтила, по выраженію лица сэра Джорджа, что онъ очень желалъ отправиться съ нами въ Мерилебонскій садъ. Но Изабелла, вспоминая квакерскіе предрасудки, долго не соглашалась; наконецъ, ее уломали, и было рѣшено, что мы поѣдемъ вчетверомъ на маскарадъ, съ тѣмъ условіемъ, что немедленно послѣ ужина вернемся домой.

Затѣмъ явился вопросъ о нашихъ костюмахъ, и братья пересчитали цѣлый рядъ историческихъ личностей, которыхъ я могла бы изобразить. Но всѣ онѣ, одна за другой, были забракованы по раз-

нымъ вполне основательнымъ причинамъ; царица Баодицея, Розамунда, Нелли Гвинъ, Анна Болейнъ, королева Елисавета, Марія Стюартъ, Прекрасная Елена, царица Дидона, весталка, Юдиѳъ и т. д. не оказались подходящими. Оставалось перейти къ литературнымъ типамъ, но Офелии, Кордели, Джульеттѣ, Розалиндѣ также не посчастливилось. Наконецъ, Эдуардъ воскликнулъ:

— Мы даромъ теряемъ время: миссъ Нанси можетъ и должна явиться богиней любви, Венерой.

— Венерой?—воскликнула Изабелла,—но какъ мы ее одѣнемъ?

— Очень просто. Она надѣнетъ свое обыкновенное, бѣлое платье, въ которомъ сама Венера не могла бы быть прелестнѣе ея, а золотой поясъ, скипетръ и золотое яблоко ясно обнаружатъ, кто она. Ты помнишь, братъ, что пастухъ далъ золотое яблоко Венерѣ, какъ первой красавицѣ.

— Онъ былъ правъ,—отвѣчалъ сэръ Джорджъ:—такъ какъ тамъ не было миссъ Нанси.

— Вы оба заставляете меня краснѣть отъ вашихъ комплиментовъ,—сказала я со смѣхомъ,—я согласна держать въ рукѣ золотое яблоко, но моимъ скипетромъ будетъ вѣеръ.

Покончивъ съ моимъ костюмомъ, перешли къ Изабеллѣ, и снова Эдуардъ разрѣшилъ трудную задачу:

— Вамъ лучше всего одѣться Діаной, съ полумѣсяцемъ на головѣ, колчаномъ за спиной и съ лукомъ въ рукахъ.

— А придется мнѣ когонибудь пронзить стрѣлой?—спросила она съ улыбкой.

— Если ктонибудь окажетъ вамъ грубость, то вы превратите его въ оленя и застрѣлите безмилосердно.

Слѣдующее утро мы посвятили приготовленію туалетовъ, а среди нашихъ хлопотъ Молли внесла въ комнату большой пакетъ, который, по ея словамъ, былъ привезенъ лакеемъ въ блестящей ливреѣ. Мы съ любопытствомъ его открыли и увидели золотой поясъ венеціанской филигранной работы, золотое яблоко и красивый вѣеръ, съ изображеніемъ Венеры, выходящей изъ воды, а также лукъ въ три фута длины, украшенный лентами, полдюжины золоченныхъ стрѣлъ и серебряный полумѣсяцъ и вѣеръ съ изображеніемъ несчастной судьбы Актеона.

— Все это, конечно, суета суетъ!—воскликнула Изабелла,—что бы сказали квакеры и твой братецъ, если бы они были здѣсь. Но это ничего, Нанси, я увѣрена, что не грѣхъ невинныя удовольствія. Что касается до этихъ молодыхъ людей, то они, очевидно, богаты, и по временамъ я думаю, что они еще болѣе высокаго класса, чѣмъ говорятъ. Ну, да все равно, кто бы они ни были, будемъ сегодня веселиться, не думая ни о чемъ. Вскорѣ все выяснится, такъ какъ влюбленный юноша не можетъ долго молчать. Ну, ну, хорошо, я болѣе не скажу ни слова.

Я выбрала лучшее свое платье, бѣлое, атласное, а Изабелла украсила его своими кружевами. На шеѣ у меня была серебряная цѣпочка, въ волосахъ бѣлыя ленты, а на рукахъ бѣлыя перчатки. Парикмахеръ пришелъ въ пять часовъ и возился съ нашей прической болѣе часа.

Въ 7 часовъ пріѣхали наши кавалеры въ каретѣ четверней. Они привезли хорошенькія маленькія полумаски.

— Надѣньте ихъ дома,—сказалъ сэръ Джорджъ,—тогда васъ никто не узнаетъ даже на лѣстницѣ.

Сами же они послѣдовали нашему примѣру только въ каретѣ. Одѣты они были очень богато, въ пурпурныхъ кафтанахъ, съ бѣлой шелковой подкладкой, въ пестрыхъ жилетахъ и башмакахъ съ золотыми пряжками.

Мерилебонскій садъ находился на Тиборнской улицѣ, и близъ входа толпилось много народа, среди котораго слышались громкія сужденія о костюмахъ подѣзжавшихъ мужчинъ и женщинъ. Признаюсь, я была очень взволнована и смущена, когда мы очутились въ саду, такъ какъ я еще никогда не бывала въ общественномъ мѣстѣ. Главная аллея была блестяще иллюминирована разноцвѣтными фонарями, а въ концѣ ея виднѣлось ярко освѣщенное зданіе. Публики было уже много, но я не смотрѣла на нее, а любовалась открывшимся передо мною волшебнымъ зрѣлищемъ. Черезъ нѣсколько шаговъ мы очутились на большой площадкѣ передъ крытымъ балкономъ, гдѣ играла музыка, и пѣла какая-то роскошно одѣтая женщина.

— Послѣдуемъ-те за публикой въ залу,—сказалъ сэръ Джорджъ,—а потомъ мы можемъ вернуться въ садъ.

Зала была четырехугольная, украшенная картинами и зеркалами, въ которыя смотрѣлись всѣ дамы. На галлерей играла музыка, но такъ какъ въ этотъ вечеръ была хорошая погода, то танцы происходили на чистомъ воздухѣ.

Всѣ дамы были въ маскахъ и нарядныхъ костюмахъ. Кого-кого тутъ не было? И королева Елисавета, и турецкая султанша, и дюжины Венеръ, Діанъ и другихъ богинь, а также безконечное число нимфъ, драматическихъ типовъ и т. д. Мужчины были частью въ маскахъ и домино, а частью безъ нихъ.

Сэръ Джорджъ шелъ со мной впереди, а за нами слѣдовали Эдуардъ и Изабелла. Мой кавалеръ смотрѣлъ на публику съ презрительнымъ пренебреженіемъ.

— Я удивляюсь,—говорилъ онъ,—что это все за народъ. Какъ они неловко подражаютъ свѣтскому обществу!

— Почему вы знаете, что они не принадлежатъ къ высшему свѣту,—отвѣчала я,—они такъ хорошо одѣты.

— Одежда не дѣлаетъ человѣка; все, что видите, обезьяничанье, да еще не искусное. Я бы желалъ видѣть всѣхъ этихъ блестящихъ кавалеровъ въ ихъ конторахъ и лавкахъ.

— Не забывайте, сэръ Джорджъ, что и я дочь....

— Мнѣ все равно, чья вы дочь, миссъ Нанси. Мнѣ достаточно знать, что вы самая прелестная женщина въ свѣтѣ съ самыми лучшими манерами. Вѣрьте мнѣ, что съ вами нельзя сравнить ни одной придворной дамы.

Говоря это, онъ нѣжно пожалъ мою руку. Тутъ я неожиданно замѣтила, что у него на груди большая брильянтовая звѣзда. Хотя я мало знала свѣтъ, но все-таки мнѣ было извѣстно, что такія звѣзды носятъ только очень знатныя особы.

— Что означаетъ эта звѣзда, сэръ Джорджъ?—спросила я,— вы что-то скрыли отъ меня?

— Если я и скрытъ, прелестная Нанси, то на это была уважительная причина. Но если хотите, я все вамъ скажу.

— Нѣтъ, я буду ждать, когда вы найдете нужнымъ все объяснить. Мнѣ довольно и того, что вы обращаетесь со мной не такъ, какъ съ окружающею насъ публикой.

— Благородный лордъ,—произнесъ сэръ Джорджъ, возвращаясь къ своей любимой исторіи,—женившись на поселянкѣ, дурно сдѣлалъ, что перевезъ ее въ свой замокъ. Ему слѣдовало оставить ее на всю жизнь въ ея деревнѣ. Ему было бы лучше самому жить съ ней скромно, тихо. О Нанси,—прибавилъ онъ почти шепотомъ,—если бы мнѣ выпало счастье такой жизни съ существомъ невиннымъ, чистымъ, безкорыстнымъ, любящимъ!

— Обойдя два или три раза вокругъ залы, мы вышли въ садъ и тотчасъ встрѣтили тамъ Эдуарда съ Изабеллой.

— Джорджъ,—сказалъ меньшей братъ,—танцуютъ снаружи на досчатомъ полу. Протанцуемъ съ нашими дамами хоть одинъ разъ. Ты забылъ снять свою звѣзду,—прибавилъ онъ вполголоса,—но это ничего: она сойдетъ за маскарадное украшеніе. Здѣсь есть звѣзда еще ббльшаго размѣра и болѣе блестящая, на груди, вѣроятно, какого нибудь лавочнаго приказчика.

Въ это время къ намъ подошелъ распорядитель танцевъ и, низко поклонившись серу Джорджу или скорѣе его звѣздѣ, произнесъ:

— Не угодно ли вамъ, почтенный лордъ, протанцовать придворный менуэтъ съ богиней любви?

И онъ сочувственно окинулъ взоромъ мой костюмъ.

— Съ удовольствіемъ, если божественная Венера удостоитъ танцовать со мной.

Сэръ Джорджъ вывелъ меня на середину, и глаза всѣхъ присутствующихъ устремились на насъ. Въ публикѣ слышались толки о томъ, кто были господинъ со звѣздой и его дама. Эта таинственность еще болѣе усиливала общее любопытство, и всѣ ожидали увидѣть примѣръ того, какъ танцуютъ менуэтъ въ высшемъ обществѣ.

Между тѣмъ, музыка заиграла, и начался танецъ. Хотя я учи-

лась танцамъ у Изабеллы, но я нѣсколько разъ танцевала дома съ сэромъ Джорджемъ и заимствовала у него нѣкоторые его пріемы. Онъ самъ танцевалъ съ особымъ достоинствомъ и изяществомъ. При видѣ такого образцоваго исполненія менуэта, всѣ остальные пары мало-по-малу ступевались, и мы одни окончили танецъ при шумныхъ рукоплесканіяхъ.

— Нанси, — сказала Изабелла, когда я вернулась къ ней, — нельзя не гордиться тобою: всѣ отъ тебя въ восторгѣ.

— А ея кавалеръ болѣе всѣхъ, — прибавилъ сэръ Джорджъ.

Мало-по-малу заиграли другіе танцы, и значительное число паръ приняла въ нихъ участіе. Начался шумъ, гамъ, суетолака.

— Не довольно ли? — сказали мнѣ сэръ Джорджъ, — пойдемте лучше ужинать. Братъ послѣдуетъ за нами съ своей дамой.

Мы помѣстились за отдѣльнымъ столикомъ, и намъ подали заранее заказанный ужинъ, состоявшій изъ дичи съ салатомъ, бутылки лиссабонскаго вина и пунша.

Издали намъ было видно, какъ веселились маски, оглашая воздухъ смѣхомъ и криками. Неожиданно я увидела между деревьями, прямо противъ насъ, доктора Чембера, съ тремя или четырьмя неизвѣстными господами. Всѣ они были въ маскахъ, но я тотчасъ узнала доктора по его длинной, сухощавой фигурѣ и по поношенному коричневому сюртуку. Что онъ дѣлалъ? Зачѣмъ пристально смотрѣлъ на насъ и какъ будто чего-то поджидалъ вмѣстѣ со своими товарищами?

Это странное зрѣлище меня безпокоило, но я еще болѣе удивилась, когда замѣтила вдали въ одной изъ заднихъ аллей капитана Селлинджера и сержанта Бетца. Зачѣмъ они тутъ были и почему вмѣстѣ?

Въ половинѣ двѣнадцатаго мы встали и направились къ выходу. Тотчасъ за нами послѣдовали докторъ съ товарищами, но имъ перерѣзали дорогу капитанъ и сержантъ, которые такимъ образомъ составили нашъ почетный эскортъ.

Садясь въ карету, я оглянулась и увидѣла, что попрежнему близъ насъ находились капитанъ и сержантъ, а докторъ съ компаніей стояли поодаль, очевидно чѣмъ-то недовольные.

X.

Чтобы читателю было ясно странное появленіе въ Мерилебонскомъ саду, съ одной стороны, доктора и его товарищей, а съ другой, капитана и сержанта, я должна передать то, что мнѣ потомъ рассказала Молли.

Отъ нечего дѣлать, она съ любопытствомъ слѣдила за всѣми жильцами нашего дома, и особое ея вниманіе обращалъ на себя докторъ, котораго посѣщали таинственные друзья. Сначала она

сообщала мнѣ и Изабеллѣ свои подозрѣнія на счетъ доктора, но, види наше равнодушіе къ этому предмету, она нашла себѣ сочувственныхъ собесѣдниковъ въ сержантѣ Бетцѣ и его женѣ, съ которыми она скоро подружилась.

Первое время сержантъ слушалъ ее разсѣянно, находя, что всякій человѣкъ могъ принимать, кого хотѣлъ, и что въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго, но когда Молли сообщила, что докторъ говорилъ со своими посѣтителями на какомъ-то иностранномъ языкѣ, вѣроятно, на французскомъ, онъ насторожилъ уши. Тогда Англія воевала съ Франціей, и сержантъ изъ патриотическихъ цѣлей рѣшилъ выяснить, зачѣмъ французы собирались у доктора, если, дѣйствительно, это были французы. Впервые въ жизни онъ принялъ на себя роль шпиона, но изъ благородныхъ побужденій, хотя къ нимъ и примѣшивалась надежда, что если ему удастся открыть что либо серьезное, то это могло доставить ему офицерскій чинъ.

— Главное,—говорилъ онъ Молли,—надо составить себѣ планъ дѣйствій и повести правильную осаду. Жизнь доктора разсчитана по часамъ: онъ уходитъ обѣдать въ два часа и возвращается домой въ шесть. Я достану ключъ, открывающій всѣ замки, и когда завтра докторъ пойдетъ обѣдать, то произведу первую рекогносцировку.

Онъ такъ и поступилъ, попросивъ изъ предосторожности Молли запереть наружную дверь. Осмотрѣвъ всю комнату доктора и не найдя въ ней ничего подозрительнаго, сержантъ вернулся къ Молли.

— Ну, на первый разъ довольно,—сказалъ онъ,—теперь можно отпереть дверь, и пусть докторъ пожалуетъ, когда ему угодно.

Но, очевидно, сержантъ видѣлъ въ комнатѣ доктора кое-что интересное, потому что въ нашей кухнѣ, которая была рядомъ съ этой комнатою, онъ отсчиталъ нѣсколько шаговъ отъ задняго угла, отодралъ обои и выбилъ нѣсколько кирпичей изъ стѣн. Когда его рука прикоснулась къ обоямъ сосѣдней комнаты, то онъ осторожно просверлилъ въ нихъ нѣсколько маленькихъ незамѣтныхъ отверстій.

— Ну, теперь, Молли, я могу слышать все, что будутъ говорить въ комнатѣ доктора. Днемъ я буду вставлять обратно кирпичи, а вы завѣсьте ихъ чѣмъ нибудь или скройте какой нибудь посудой, а вечеромъ, когда соберутся гости доктора, я займу мѣсто на своей обсерваторіи.

Все это было исполнено, и какъ только, въ девять часовъ, явились друзья доктора, въ числѣ четырехъ или пяти человѣкъ, то сержантъ занялъ свой обсервационный пунктъ.

— Правда, Молли,—промолвилъ онъ шепотомъ, спустя нѣсколько времени,—они говорятъ пофранцузски. Хорошо, что я понимаю этотъ языкъ.

Онъ снова првльнулъ къ обоямъ и весь обратился въ слухъ.

— Молли, — произнесъ онъ снова, — это величайшіе разбойники. Они измѣнники, заговорщики и...

Онъ замолчалъ и до одиннадцати часовъ не отходилъ отъ стѣны. Когда же докторъ проводилъ своихъ гостей чрезъ садовую калитку, то сержантъ возстановилъ порядокъ въ кухнѣ и ушелъ домой, очень озабоченный и не сказавъ ни слова Молли.

На слѣдующее утро онъ все-таки казался очень озабоченнымъ.

— Молли, — сказалъ онъ, — ни слова объ этомъ даже твоимъ барынямъ. Помни, что отъ малѣйшей неосторожности могутъ произойти роковыя послѣдствія, можетъ пролиться человѣческая кровь. Ну, позови теперь мою жену.

Это была простая, терпѣливая, трудолюбивая женщина, работавшая безъ устали цѣлый день и заботившаяся только о своемъ мужѣ и дѣтяхъ.

— Милая жена, — сказалъ Бетцъ, — будемъ веселиться. Вскорѣ случится нѣчто очень важное, и я, наконецъ-то, получу офицерскій чинъ. Молли и жена, выпьемъ вмѣстѣ за мою удачу.

— Да что ты, голубчикъ, съ ума сошелъ? — воскликнула добрая женщина.

— Нисколько. Я очень радъ и веселъ. Вотъ и все. Ну, теперь, когда я промочилъ глотку, я пойду посоветоваться съ капитаномъ Селлинджеромъ на счетъ важнаго государственнаго дѣла.

— Теперь не стоитъ къ нему идти, — произнесла Молли, — его поздно ночью принесли совершенно пьянымъ, и онъ, вѣроятно, теперь еще спитъ.

Такъ и оказалось на дѣлѣ, а потому сержанту пришлось отложить свою бесѣду съ капитаномъ до двѣнадцати часовъ, когда послѣдній всталъ и началъ одѣваться.

— Извините, что я васъ беспокою, сэръ, въ такую неудобную минуту, но я пришелъ къ вамъ по очень важному, не терпящему отлагательства, дѣлу.

— У васъ, сержантъ, есть свой офицеръ, и если дѣло идетъ о службѣ, то вы должны обратиться къ нему.

— Нѣтъ, сэръ, мое дѣло не служебное, и я хочу прежде всего передать его вамъ, а потомъ, если вы посоветуете, то я обращусь къ своему офицеру.

— Хорошо. Говорите, но прежде дайте мнѣ опохмелиться пивомъ; это очень здорово.

Сержантъ подождалъ, пока капитанъ залпомъ выпилъ кружку пива, а затѣмъ рассказалъ, что докторъ, живущій въ ихъ домѣ, оказался іаковитомъ и французскимъ шпиономъ. Его друзья, также іаковиты, были, повидимому, англичане, но, судя по ихъ прекрасному французскому выговору, они, вѣроятно, были сыновьями или внуками тѣхъ, которые составляли дворъ Іакова II, во время его изгнанія. Собираясь у доктора и разговаривая изъ предосторожно-

сти пофранцузски, они готовили возстаніе на случай смерти семидесяти-семи-лѣтняго короля.

— Вы все это сами слышали? — произнесъ капитанъ, когда сержантъ окончилъ свой рассказъ, — и видѣли, что у нихъ есть бумаги, списки и т. д.?

— Да.

— Если эти бумаги хранятся у доктора, то мы можемъ ихъ легко добыть; но, послушайте, сержантъ, мнѣ кажется, что вамъ слѣдуетъ обо всемъ этомъ доложить своему офицеру. Если возникнетъ изъ этого судебное дѣло, то въ вашихъ же интересахъ необходимо, чтобы оно началось правильно.

— Позвольте мнѣ, сэръ, сказать еще два слова.

— Если они хотятъ провозгласить королемъ претендента, — продолжалъ капитанъ, не обращая вниманія на слова сержанта, — то я полагаю, что надо дать имъ полную свободу дѣйствій. Пусть они зарвутся хорошенько, и тогда обнаружится, кто стоитъ за нихъ въ странѣ.

— Это еще не все, сэръ.

— Чего же они еще хотятъ? Не намѣрены же они похитить короля!

— Не короля, а кого-то другого. Они составили дьявольскій планъ, который хотятъ привести въ исполненіе сегодня или завтра вечеромъ.

— Въ чемъ состоитъ этотъ планъ?

— Какъ извѣстно вамъ, нашъ домъ посѣщаютъ каждый вечеръ два джентльмена. Вы такъ же, какъ я, знаете, кто они такіе, но они окружаютъ себя тайной, а потому не будемъ ихъ называть. Представьте себѣ, что эти джентльмены, выходя изъ нашего дома, часовъ въ одиннадцать, попали бы въ засаду. Докторъ со своими пріятелями набросился бы на нихъ, заткнулъ бы имъ чѣмъ нибудь ротъ и, посадивъ въ приготовленную карету, отвезъ бы къ Вестминстерскому мосту, откуда на лодкѣ доставилъ бы на корабль, отходящій во Францію.

— Вы лжете и нахально лжете, сержантъ Бетцъ! — воскликнулъ капитанъ, вскакивая со стула.

— Нисколько. И если бы я не былъ такъ честенъ и правдивъ, то давно уже дослужился бы до офицерскаго чина.

— Этого не можетъ быть, — продолжалъ капитанъ въ сильномъ волненіи, — но все-таки надо принять мѣры; король старъ и можетъ умереть со дня на день. Сколько ихъ?

— Я видѣлъ шестерыхъ, но, можетъ быть, ихъ и больше.

— Знаете, сержантъ, если вы только лжете...

— Я клянусь на библіи, — сказалъ торжественно Бетцъ, кладя руку на священную книгу, которая, неизвѣстно, какъ и для чего, находилась въ квартирѣ капитана, — клянусь Господомъ Богомъ, что

я сказать правду! Вы сами можете, капитанъ, убѣдиться сегодня вечеромъ, лжецъ я или нѣтъ. Корабль, который ихъ ждетъ, — амстердамскій бригъ, подъ названіемъ «Брильскій Замокъ». Заговорщики подкупили шкипера, хотя я не полагаю, чтобы онъ зналъ имена тѣхъ двухъ джентльменовъ, которыхъ ему поручено перевезти во Францію. Карета также ужъ нанята, а кучеромъ будетъ одинъ изъ заговорщиковъ. Сегодня они хотятъ привести въ исполненіе свой планъ, но еще не рѣшено, гдѣ напасть на своихъ жертвъ, въ коридорѣ или на улицѣ?

— Приходится вамъ вѣрить, сержантъ, — произнесъ капитанъ, задумавшись, — дайте сообразить, какъ лучше помѣшать этимъ негодяямъ.

Онъ медленно одѣлся и, серьезно обдумывая планъ дѣйствія, задавалъ по временамъ сержанту вопросы:

- Вы готовы драться?
- Съ удовольствіемъ, въ фехтованіи я собаку съѣлъ.
- Вы умѣете молчать?
- Я солдатъ, а слѣдовательно нѣмъ, какъ рыба. Я учу новичковъ всѣмъ обязанностямъ солдата.
- У васъ жена, можетъ ли она держать языкъ за зубами?
- Она ничего не знаетъ.
- Кому нибудь въ домѣ извѣстно объ этихъ таинственныхъ посѣтителяхъ?

— Нѣтъ. Молли знаетъ, что они приходятъ, но только намъ двоимъ извѣстенъ ихъ планъ.

— Ну, сержантъ, это такое дѣло, что о немъ нечего доводить до свѣдѣнія полиціи. Сохраняя его въ тайнѣ, мы окажемъ большую услугу правительству. Невозможно опредѣлить роковыхъ послѣдствій этого заговора, еслибъ онъ удался, и того скандала, который произошелъ бы въ случаѣ открытаго преслѣдованія заговорщиковъ. Нѣтъ, мы должны вдвоемъ съ вами помѣшать осуществленію этого плана, ради нашихъ дамъ и ихъ кавалеровъ. Наши подвиги не будутъ пропечатаны въ газетахъ, и намъ не дадутъ официальныхъ наградъ, но вы можете быть увѣрены, что вы отъ этого ничего не проиграете.

Бѣдный сержантъ поникъ головой. Ему приходилось дѣйствовать въ тайнѣ, а онъ жаждалъ открытаго боя и офицерскихъ эполетъ въ награду за свое геройство.

— Повторяю, сержантъ, что вы не останетесь въ накладѣ. Мы оба должны зорко караулить этихъ негодяевъ, со времени ихъ прибытія сюда до ухода, а потомъ намъ слѣдуетъ незамѣтно проводить до дома нашихъ джентльменовъ.

- Вы увѣрены, что дамы ничего не знаютъ?
- Увѣренъ.
- Вотъ дайте Молли гинею, чтобъ она молчала.

И капитанъ снова задумался.

— Вотъ планъ нижняго этажа, — сказалъ Бэтцъ, вынимая изъ кармана бумагу и раскладывая ее на столъ, — это комната доктора, тутъ лѣстница, здѣсь кухня, а тамъ задній ходъ, садъ и калитка. Набросалъ я этотъ планъ сегодня для бѣльшей наглядности.

— Прекрасно. У васъ много талантовъ, сержантъ. Я думаю, не мѣшаетъ всыпать немного песку въ замочную скважину калитки, чтобы помѣшать быстрому отступленію негодяевъ, въ случаѣ открытой схватки, до чего врядъ ли дойдетъ. Сегодня вечеромъ, сержантъ, вы будете на часахъ въ проходѣ и въ саду, а если увидите, что ктонибудь прячется, то убейте его на мѣстѣ. Я отвѣчаю за послѣдствія.

— Съ удовольствіемъ.

— Не скрывайтесь, а напротивъ по временамъ поднимайте шумъ, чтобы доказать свое присутствіе, и поставьте по зажженной свѣчкѣ въ проходѣ и на кухнѣ. Я буду караулить дворъ и наружную дверь. Поймите, что вамъ надо помѣшать осуществленію ихъ плана, а не вызвать ихъ на бой. Наша дѣль спасти джентельменовъ и ихъ дамъ отъ скандала.

Въ эту ночь друзья доктора явились, и карета ждала; но заговорщики, хотѣвшіе спрятаться на лѣстницѣ, увидѣли тамъ горѣвшую свѣчку и солдата, ходившаго взадъ и впередъ, а кучеръ замѣтилъ, что передъ наружной дверью караулитъ офицеръ. Около десяти часовъ докторъ выглянулъ изъ своей комнаты, а затѣмъ изъ нея вышли два его пріятели. Они остановились на порогѣ; и тотчасъ по обѣ ихъ стороны очутились капитанъ и сержантъ. Спустя нѣсколько минутъ, они направились къ каретѣ; капитанъ и сержантъ послѣдовали за ними. Они уѣхали, а капитанъ и сержантъ продолжали караулить.

Никто не зналъ объ этомъ ночномъ дежурствѣ, но появленіе добровольнаго патруля въ Мерилеобнскомъ саду обратило на себя мое вниманіе.

— Мы не принцессы и не нуждаемся въ почетномъ караулѣ, — сказала я капитану Селлинджеру на слѣдующій день.

— Никто этого не заслуживаетъ болѣе васъ, миссъ Нанси, — отвѣчалъ онъ, смотря на меня съ какимъ-то страннымъ безпокойствомъ.

— Вы, кажется, караулили насъ?

— Теперь столько разбойниковъ, воровъ и мошенниковъ въ Лондонѣ, что необходимо охранять безопасность дамъ.

— Благодарю васъ. Но у насъ есть свои покровители, два храбрые молодые человѣка.

— Лондонъ полонъ опасностями, хотя вы, повидимому, миссъ Нанси, не признаете, чтобы вамъ грозила какая нибудь опасность

XI.

Послѣ маскарада замѣчательнѣйшимъ событіемъ нашей тихой, скромной жизни была прогулка по Темзѣ. Она состоялась въ началѣ октября, вечеромъ, когда солнце садится послѣ пяти часовъ. Погода была теплая, хотя уже наступила осень, и потому вечерняя прохлада была очень пріятна. Когда наши кавалеры предложили намъ это удовольствіе, то я думала, что мы поѣдемъ въ обыкновенной лодкѣ съ двумя гребцами, и не ожидала ничего хорошаго отъ такой прогулки, кромѣ, конечно, счастья, которое я всегда чувствовала въ обществѣ сэра Джорджа.

По уговору, мы отправились на Вайтголскую пристань, въ четыре съ половиною часа, подъ прикрытіемъ сержанта Бетца, такъ какъ въ этой мѣстности и вообще по всѣмъ берегамъ Темзы молодымъ дѣвушкамъ было не безопасно ходить однѣмъ. Намъ пришлось ждать недолго, и черезъ нѣсколько минутъ къ пристани подошелъ нарядный золоченый ботъ, въ родѣ тѣхъ судовъ, на которыхъ любила кататься королева Елисавета, а лордъ-мэръ ежегодно, 9 ноября, совершаетъ свой торжественный переѣздъ изъ Сити въ Вестминстеръ. На носу бота сидѣло шесть гребцовъ, въ красныхъ ливреяхъ, а рулемъ управлялъ боцманъ, также весь въ красномъ; на кормѣ была устроена каюта изъ рѣзного дерева, а внутри находился столъ и вокругъ него стояли скамьи, покрытыя коврами. По срединѣ же бота помѣщался оркестръ музыки, подлѣ котораго стояло нѣсколько лакеевъ, одинаково въ красныхъ ливреяхъ.

Едва ботъ присталъ къ пристани, какъ раздались звуки арфы, моего самаго любимаго инструмента, и сэръ Джорджъ, соскочивъ на берегъ, воскликнулъ:

— Милости просимъ. Намъ удалось достать этотъ красивый ботъ, и я надѣюсь, что вамъ будетъ удобно и пріятно прокатиться на немъ.

Онъ протянулъ мнѣ руку и провелъ меня въ каюту, гдѣ посадилъ на первое мѣсто, а самъ помѣстился рядомъ со мной. Его братъ съ Изабеллой заняли мѣста по другую сторону стола.

Въ ту же минуту ботъ отчалилъ и торжественно двинулся, весь изукрашенный флагами, вверхъ по рѣкѣ. Солнце роскошно садилось на западѣ, а мнѣ съ Изабеллой подобное зрѣлище было такъ не привычно, что мы спрашивали другъ друга безмолвными взглядами, не былъ ли это чудный сонъ.

— Я никогда не видывала ничего подобнаго!—воскликнула Изабелла.

— Я съ вами совершенно согласенъ, хотя видалъ закатъ солнца и на Атлантическомъ океанѣ, и на Средиземномъ морѣ,—отвѣчалъ Эдуардъ:—но ничто не сравнится съ нашей родной Темзой.

— Мой братъ счастливѣе меня,—прибавилъ сэръ Джорджъ: — онъ морякъ и можетъ кататься по всему свѣту, а я долженъ сидѣть дома, потому я радъ слышать, что на Темзѣ можно видѣть столь же великолѣпное зрѣлище, какъ на самыхъ знаменитыхъ водахъ въ свѣтѣ.

Я молчала и, вполнѣ счастливая, наслаждалась, какъ окружавшими меня красотами природы, такъ и мелодичными звуками арфы.

Мало-по-малу солнце сѣло и стало смеркаться.

— Не желаютъ ли дамы закусить, братъ?—спросилъ Эдуардъ.

— Какъ вы можете говорить объ ѣдѣ въ такой романтической обстановкѣ?—замѣтила Изабелла.

Но по тону ея голоса было слышно, что и она не прочь что нибудь съѣсть. По знаку Эдуарда два лакея быстро накрыли столъ и установили его жаренымъ фазаномъ, парой тетеревей и безконечнымъ числомъ всякаго рода фруктовъ.

Когда ужинъ былъ готовъ, то уже совершенно стемнѣло, и весь ботъ мгновенно иллюминировался цвѣтными фонариками, а на столѣ въ каютѣ появились канделябры съ зажженными свѣчами. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжную арфу замѣнили веселый хоръ трубочей.

— Ну, посмотримъ,—произнесъ сэръ Джорджъ:—чѣмъ угостить нашихъ милыхъ гостей мой братъ, такъ какъ онъ взялся устроить всю эту прогулку. Я боюсь, что онъ осрамится, и наши любезныя гости подымутъ насъ обоихъ насмѣхъ.

Я уже сказала, что ужинъ былъ великолѣпный, а послѣ него подали пуншъ въ серебряной чашѣ.

Сэръ Джорджъ сидѣлъ подлѣ меня и болѣею частью молчалъ и не сводилъ съ меня глазъ, дышавшихъ, очевидно, пламенною любовью, къ которой примѣшивалась, однако, какая-то тайная печаль.

— Какъ вамъ нравится наша музыка, прекрасная Нанси?—спросилъ онъ наконецъ, нагибаясь ко мнѣ.

— Музыка довершаетъ всѣ прелести этого чуднаго вечера,—отвѣчала я:—она такъ трогаетъ меня, что я готова расплакаться.

Онъ робко обвилъ лѣвой рукой мой станъ, а правой взялъ мою руку и поцѣловалъ ее.

— Прелестная Нанси,—промолвилъ онъ шепотомъ:—вѣрьте мнѣ, что я скорѣе умру, чѣмъ вызову слезы на ваши хорошенькіе глазки. Если музыка васъ печалитъ, то я велю ей умолкнуть.

— Но есть слезы радости,—отвѣчала я и хотѣла взять свою руку, но онъ держалъ ее такъ крѣпко, что неожиданно я поняла, что любила его всѣмъ сердцемъ, всей душой.

Хотя изъ каюты послѣ ужина были вынесены канделябры, но, благодаря фонарикамъ, въ ней не могло быть такъ темно, чтобы Изабелла и Эдуардъ не видѣли этой сцены; но мнѣ и сэру Джорджу было все равно въ пылу нашей первой любви.

Дѣйствительно, какъ впоследствии оказалось, онъ никого не любилъ до меня, и я заняла въ его сердцѣ первое мѣсто.

— Счастье мое, любовь моя,—шепталъ онъ и, забывъ все, прижималъ меня къ своему сердцу, покрывая поцѣлуями мои щеки, губы и шею.

Что касается меня, то я молча поддавалась его ласкамъ и теперь безъ стыда вспоминаю о нихъ, такъ какъ мы искренно и невинно любили другъ друга.

Мы оба очнулись, услыхавъ голосъ Эдуарда:

— Джорджъ! Что ты заснулъ? Мы уже подходимъ къ пристани.

— Нѣтъ, братъ,—отвѣчалъ сэръ Джорджъ:—я никогда въ жизни не былъ такъ далекъ отъ сна, какъ въ эту минуту. Неужели мы вернулись къ пристани? Пойдемъ назадъ и начнемъ снова эту чудную прогулку.

— Это было бы недурно,—отвѣчалъ со смѣхомъ Эдуардъ:—но насъ ждуть сегодня вечеромъ.

— Да, это правда. Насъ съ братомъ ждетъ самая скучная партія въ карты, миссъ Нанси.

Выходя на берегъ, я увидѣла съ изумленіемъ, что насъ ждали совершенно трезвый капитанъ Селлинджеръ и сержантъ Бетцъ.

— Если вы позволите, сэръ,—сказалъ капитанъ, снимая шляпу и низко кланаясь сэру Джорджу:—то я провожу этихъ дамъ до дому.

— Сдѣлайте одолженіе,—отвѣчалъ сэръ Джорджъ, который, по видимому, зналъ капитана.

Онъ взявъ мою руку, снова поцѣловалъ ее и произнесъ шепотомъ:

— Я никогда въ жизни не забуду этого вечера.

Онъ съ братомъ вернулся на ботъ, который быстро сталъ удаляться внизъ по рѣкѣ.

Къ моему изумленію, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани стояли докторъ Чемберъ и трое его друзей. Они о чемъ-то пошептались, съ неудовольствіемъ поглядѣвъ вслѣдъ удалявшемуся боту, и тихо удалились.

Капитанъ проводилъ насъ до дому, а сержантъ Бетцъ слѣдовалъ за нами въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Такъ вы знаете сэра Джорджа Ле-Бретона? —спросила я у капитана:—вы давно съ нимъ знакомы?

— Я знакомъ ли съ сэромъ Джорджемъ Ле-Бретономъ? Нѣтъ... Да... конечно, я его знаю.

— Близко?

— Нѣтъ, я не достоинъ этой чести, но, конечно, я его знаю, хотя не такъ хорошо, какъ вы, миссъ Нанси.

Я покраснѣла и прибавила:

— Мы съ Изабеллой находимъ, что оба брата очень пріятное общество.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ
ІЮНЬ, 1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

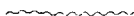
ЮНЬ, 1898 г.

	стр.
I. Коржинскіе коршуны. (Романъ-хроника). XVI—XVII. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	713
II. Воспоминанія Константина Карловича Жерве. III—IV. (Продолженіе).	
III. Деревенскіе дѣльцы. (Изъ воспоминаній земскаго начальника). Г. Радѣтель, В. А. Тимашева-Беринга	
IV. Забытый поэтъ. (Психологическій этюдъ). С. А. Адрианова	
V. Театральныя воспоминанія. (Продолженіе). Главы III—IV. В. А. Тихонова	
VI. Китайская казнь. Н. А. фонъ-Фохта	
VII. Изъ исторіи лютеранскаго сектантства въ Эстлянді. (Очерки). С. И. Уманца	
VIII. Правда о бояринѣ М. Б. Шейнѣ, Н. Н. Оглоблина	
IX. Виновники польскаго восстанія 1863 года. (По польскимъ источникамъ). Ив. Н. Захарьина (Якунина)	
X. Крайности сравнительнаго метода. П. Е. Щеголева	
XI. В. Г. Бѣлинскій и чествованія его памяти. I—VIII. Б. Б. Глинскаго	
Иллюстраціи: 1 и 2) Два портрета В. Г. Бѣлинскаго .— 3) Жена, дочь и сестра Бѣлинскаго ,—4) Бѣлинскій передъ смертью.	
XII. Новый трудъ по расколу	
XIII. Разработка данныхъ о языкѣ въ Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ. С. К. Патканова	
XIV. Памяти Гладстона, В. А. Тимирязева	1
Иллюстраціи: Видмамъ Эвартъ Гладстонъ .	
XV. По китайскому побережью. III. Городъ Чи-фу . IV. Городъ Нин-по-фу . (Продолженіе). В. Д. Черевкова	10
XVI. Критика и библиографія.	10

1) Думы о счастьѣ **М. О. Меньшикова**. Спб. 1898. **А. Фаресова**.— 2) Картины жизни Византии въ X-мъ вѣкѣ. По **Г. Шлюмберже, М. Н. Ремезова**. Москва. 1898. С.—3) Хива («Зимній походъ въ Хиву **Перовскаго** въ 1889 году» и «Первое посольство въ Хиву въ 1842 году»). **И. Н. Захарьина (Якунина)**. Спб. 1898. Б.—4) **Ал. Лазаревскій**. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Вып. IV. Съ рисункомъ. Кіевъ. 1898. н. х.— 5) **Г. Карнуа**. Легенды Франціи. Переводъ съ французскаго **С. Лыцовой**. Съ рисунками **Н. Н. Соболева**. Москва. 1898. н. **Лосснаго**.—6) **Драматическій театръ въ Кіевѣ (1808—1893)**. Историческій очеркъ **Н. И. Николаева**. Кіевъ. 1898. В. н.— 7) **А. В. Кругловъ**. Лѣсные люди. Очерки и впечатлѣнія. Изд. 2-е, **Спиридонова**. М. 1898. А. н.—8) **Л. Волковъ**. **Адамъ Мицкевичъ** и его произведенія. Критико-біографическій очеркъ. Спб. 1898. н. л.— 9) **Игорь, князь Сѣверскій**. Древне-русская поэма въ поэтическомъ переложеніи **Д. Божана**. Съ введеніемъ, примѣчаніями и историческими комментаріями. Минскъ. 1897. п. щ.

Оп. слѣд. стр.

	стр.
XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи	1050
1) Авторша Одиссея.— 2) Возстаніе английскихъ поселянъ въ XIV вѣкѣ.— 3) Прототипъ шекспировскаго Фальстафа.— 4) Частная жизнь въ старой Франціи.— 5) Мемуары графа Молліена.— 6) Политическія предсказанія Наполеона I.— 7) Юбилей Мишле.— 8) Египетъ въ XIX вѣкѣ.— 9) Прусскій военный агентъ въ Вѣнѣ во время Крымской кампаніи.— 10) Воспоминанія двухъ итальянскихъ генераловъ.— 11) Взглядъ американскаго посланника на К. П. Побѣдоносцева.	
XVIII. Смѣсь	1066
1) Муравьевскій музей.— 2) Чествованіе памяти П. С. Мочалова.— 3) Общество любителей древней письменности.— 4) Премія Г. Ѳ. Карпова.— 5) Воронежская публичная библіотека.— 6) Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки.— 7) Книжный складъ и типографія Саратовскаго земства.— 8) Городецкій музей Волынской губерніи.— 9) Некрологи: Л. П. Сабанъевъ; Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій; Ѳ. Г. Топоровъ; П. В. Дворжецкій-Богдановичъ; А. И. Лебедевъ.	
XIX. Замятки и поправки	1077
1) О пресѣкшихся дворянскихъ родахъ князей Ромодановскихъ и князей Ромодановскихъ-Лодыженскихъ. Дмитрія Анучина.— 2) Путешествіе русскаго матроса. в. ч.	
XX. Объявленія.	
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Ивана Петровича Клошникова.— 2) Невѣста проля. (A. Fountain Sealet). Романъ Вальтера Безанта. Переводъ съ англійскаго. Гл. XI—XX. (Оковчаніе).	

СОДЕРЖАНІЕ СЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ 1898 года).

	СТР.
Коржинскіе коршуны. (Романъ-хроника). IX — XVII. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ 5, 361,	713
Изъ воспоминаній баронессы М. П. Фредериксъ . (Посвящается другу дѣтства Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу). Часть вторая. (Окончаніе). 49,	396
Лента вдовицы. (Разсказъ). И. Н. Поталенно	80
На царскомъ пути. (Черты изъ жизни графа Д. Е. Остенъ-Сакена). Д. В. Ѳедорова	103
Неудобоносимое иго. (Изъ давнихъ воспоминаній). П. Н. Полевого . . .	122
Недавніе люди. (Характеристики и воспоминанія). Стенанъ Стамбуловъ. (Окончаніе). А. В. Амфитеатрова	132
Къ біографіи Н. В. Успенскаго. Я. П. Полонскаго	148
Повѣдка на Мурманѣ. (Шутевыя замѣтки). III—V. (Окончаніе). А. Г. Слезнинскаго	152
иллюстраціи: 1) Становище Еретики (портъ Владимира).—2) Колонія Малая Мотка.—3) Колонія Печенга.—4) Церковь въ Печенгскомъ монастырѣ.—5) Домъ общежитія въ Печенгскомъ монастырѣ.—6) Гостиница въ Печенгскомъ монастырѣ.—7) Пазвѣцкій погостъ. Церковь св. Вориса и Глѣба.—8) Городъ Кола.—9) Лопарская тула.—10) Островъ Маланья на Имандрѣ.—11) Расноволоцкая станція.—12) Поморская казарма.	
Еврейскія колоніи въ Аргентинѣ. Марка Басанина	192
По китайскому побережью. I. Городъ Вей-ха-вей. II. Таліенванъ и Портъ-Артуръ. III. Городъ Чи-фу. IV. Городъ Ниш-по-фу. В. Д. Черевнова	229, 606, 1012
иллюстраціи: 1) Карта сѣверо-восточной части Китая.—2) Видъ Портъ-Артура. 3) Довъ въ Портъ-Артурѣ.—4) Видъ форта Гошанъ въ Таліенванѣ.—5) Внутренность форта Гошанъ въ Таліенванѣ.	
Русскіе дипломаты XVIII столѣтія въ Англіи. В. А. Тимирязева	243, 567
иллюстраціи: 1) Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ.—2) Князь Борисъ Ивановичъ Буракинъ.—3) Князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ.—4) Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ.—5) Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ.	

	стр.
Литературный памятникъ Н. В. Гоголю. Б. Б. Глинскаго	267
Послѣдняя княжна Ромодановская. А. В. Верещагина	414
Воспоминанія Константина Карловича Жерве . I—IV.	419, 732
Землетрясеніе. (Очеркъ). А. В. Амфитеатрова	450
Театральныя воспоминанія. I—IV. В. А. Тихонова	464, 811
Эвакуація. (Разсказъ офицера). П. М. Невѣжина	489
Въ смѣшанной семьѣ. (Изъ временъ польскаго возстанія 1863—1864 гг.). А. И. Писанецкаго	506
Воспоминанія о Федорѣ Ивановичѣ Буслаевѣ. А. И. Кирпичникова	512
Наканунѣ Бѣлинскаго. (Посвящается М. Л.). С. А. Адрианова	532
Бѣлинскій въ русской литературѣ. Д. Я—ва	563
Воспоминанія французскаго солдата о походѣ 1812 года. Б. М. С.	585
Деревенскіе дѣльцы. (Изъ воспоминаній земскаго начальника). I—VI. В. А. Тимашева-Беринга	777
Забытый поэтъ. (Психологическій этюдъ). С. А. Адрианова	805
Китайская казнь. Сообщеніе Н. А. фонъ-Фохта	844
Изъ исторіи лютеранскаго сектантства въ Эстляндіи. (Очерки). С. И. Уманца	850
Правда о бояринѣ М. Б. Шейнѣ. Н. Н. Оглоблина	877
Виновники польскаго возстанія 1863 года. (По польскимъ источникамъ). Ив. Н. Захарьина (Янунина)	898
Крайности сравнительнаго метода. П. Е. Щеголева	923
В. Г. Бѣлинскій и чествованія его памяти. I—VIII. Б. Б. Глинскаго	936
Иллюстраціи: Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.—2) Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.—3) Жена Бѣлинскаго—Марья Васильевна, сестра ея—дѣвица Агрипина Васильевна Орлова, дочь Бѣлинскаго—Ольга.—4) Бѣлинскій передъ смертью.	
Новый трудъ по расколу	978
Разработка данныхъ о языкѣ въ центральномъ статистическомъ комитетѣ. С. К. Патканова	985
Памяти Гладстона. В. А. Тимирязева	1003
Иллюстрація: Вилліамъ Эвартъ Гладстонъ.	
КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ	276, 635, 1037

1) Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Варсукова. Книга двѣнадцатая. Спб. 1898. Б. Глинскаго. — 2) А. Сорель. Монтестье. Переводъ М. Г. Васильевскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. И. Карѣева. Спб. 1898. и—снаго. — 3) Ф. М. Уманецъ. Гетманъ Мазепа. Историческая монографія. Спб. 1897. ц. — 4) А. Газо. Шуты и скоморохи всѣхъ временъ и народовъ. Переводъ и дополненія Н. Федоровой. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1898. в. п. — 5) У синя моря. Кн. Дм. Голицынъ (Муравинъ). Спб. 1898. А. Фаресова. — 6) Очеркъ жизни и дѣятельности въ Востѣ почивающаго великаго князя Михаила Павловича. Къ столѣттю со дня его рожденія. 1798—1898. Съ двумя портретами. Составилъ генералъ-отъ-артиллерій М. С. Лалаевъ. Спб. 1898. Первый царственный генералъ-фельдцейхмейстеръ, великій князь Михайлъ Павловичъ, 1798—1898. Біографическій очеркъ съ 8-ю портретами и автографомъ. Составилъ И. Н. Вожеряновъ. Спб. 1898. в. т. — 7) А. Н. Неустровъ. Литературные дѣятели XVIII вѣка. I. Василій Григорьевичъ Рубанъ. Спб. 1898. Н. С. Тихонравовъ. Сочиненія. III, ч. I. М. 1898. Проф. А. Архангельскаго. — 8) Н. Дружининъ. Юридическое положеніе крестьянъ. Спб. 1897. б. г. — 9) На сибирскихъ золотыхъ пріискахъ. Н. Латинъ. Спб. 1898. А. Фаресова. — 10) И. Е. Тимошенко. Литературные первоисточники и прототипы трехсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1897. с. — 11) Очерки современной Японіи. Женщины-врача А. А. Черевковой. Съ 12-ю гравюрами. Спб. 1898. л. ж. — 12) Альбомъ картинъ

и рисунокъ Н. Е. Рѣпина. Изданіе В. В. Матѣ. Выпускъ первый. Спб. 1898. С. ш.—13) Гаспари Адольфъ. Исторія итальянской литературы. Томъ II-й. Итальянская литература эпохи возрожденія. Переводъ К. Вальмонта. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1897. А. м.—14) Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго, г. Муркоса (по рукописи московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ). Выпускъ второй (отъ Днѣстра до Москвы). Москва. 1897. С.—15) Капиталь. Критика политической экономіи. Сочиненіе Карла Маркса. Второе изданіе. Томъ первый. Спб. 1898. А. Фаресова.—16) Архивъ исторіи литературы и просвѣщенія въ Польшѣ (Archiwum do dziejow literatury i oswiaty w Polsce). Изданіе академіи наукъ въ Краковѣ. Томъ IX-й. 1898. I. м.—17) Аполлонъ Николаевичъ Майковъ (1821—1897 г.), біографическій очеркъ, составленъ М. Л. Златковскимъ. Изданіе второе, значительно дополненное. Спб. 1898. С. У—ца.—18) Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Томъ второй. Одесса. 1897. С.—19) Adam Dąrowski. Szkice historyczne. Serja trzecia. Petersburg. 1897. К. Х.—20) Левъ Дембовскій. Мои воспоминанія. «Leon Dembowski. Moje wspomnienia». 2 тома. Спб. 1898. I. м.—21) Nasza literatura dramatyczna. Szkice nakresione przez Piotra Chmielowskiego. Petersburg. 1898. К. Х.—22) С. Л. Пташницкій. Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ I. Повѣсти изъ Римскихъ дѣяній. (Gesta Romanorum). Спб. 1897. Ц.—23) Думы о частяхъ М. О. Меньшикова. Спб. 1898. А. Фаресова.—24) Картины жизни Византии въ X-мъ вѣкѣ. По Г. Шлюмберже. М. Н. Ремезова. Москва. 1898. С.—25) Хива («Зимній походъ въ Хиву Перовскаго въ 1839 году» и «Первое посольство въ Хиву въ 1842 году»). И. Н. Захарьина (Якунина). Спб. 1898. Б.—26) Ал. Лазаревскій. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Вып. IV. Съ рисункомъ. Кіевъ. 1898. К. Х.—27) Г. Карнуа. Легенды Франціи. Переводъ съ Французскаго С. Лыцовой. Съ рисунками Н. Н. Соболева. Москва. 1898. К. Лоссаго.—28) Драматическій театръ въ Кіевѣ (1803—1893). Историческій очеркъ Н. И. Николаева. Кіевъ. 1898. В. м.—29) А. В. Кругловъ. Ясные люди. Очерки и впечатлѣнія. Изд. 2-е, Спиридонова. М. 1898. А. м.—30) Л. Волковъ. Адамъ Мицкевичъ и его произведенія. Критико-біографическій очеркъ. Спб. 1898. И. л.—31) Игорь, князь Сѣверскій. Древне-русская поэма въ поэтическомъ переложеніи. Д. Вохана. Съ введеніемъ, примѣчаніями и историческими комментаріями. Минскъ. 1897. П. ц.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ и МЕЛОЧИ . . . 310, 653, 1050

1) Новая монографія о Платонѣ.—2) Легенда о Тангейерѣ.—3) Іоанна д'Аркъ и ея подвижники.—4) Вылъ ли Леонардъ Да-Винчи магомъ?—5) Мазаньелло.—6) Окончательное разрѣшеніе вопроса о Желѣзной Маскѣ.—7) Воспоминанія герцогини Деказъ о княгинѣ Д. Х. Ливенѣ.—8) Новая біографія Гладстона.—9) Портной-радикаль.—10) Столѣтній юбилей «*Algemeine Zeitung*».—11) Пятидесятилѣтіе перваго германскаго парламента.—12) Новооткрытая сокровища Ватиканской бібліотеки.—13) Платоническая любовь графини Христіны Фонтанъ къ Александру I.—14) Историческія и археологическія находки.—15) Гробница Чингисъ-хана.—16) Юбилей Васко-де-Гама.—17) Французскій король Америки.—18) Вольтеръ, Людовикъ XV и Фридрихъ II.—19) Автобіографія Артура Юнга.—20) Наполеонъ на Эльбѣ и св. Еленѣ.—21) Любимцы Шатобріана.—22) Отголоски 1848 года.—23) Письма Виктора Гюго.—24) Воспоминанія американки о мексиканскомъ императорѣ.—25) Англійскія книги, статьи и пьесы о Россіи.—26) Авторша Одиссеи.—27) Возстаніе англійскихъ поселенъ въ XIV вѣкѣ.—28) Прототипъ шекспировскаго Фальстафа.—29) Частная жизнь въ старой Франціи.—30) Мемуары графа Молліена.—31) Политическія предсказанія Наполеона I.—32) Юбилей Мишле.—33) Египетъ въ XIX вѣкѣ.—34) Прусскій военный агентъ въ Вѣнѣ во время Крымской кампаніи.—35) Воспоминанія двухъ итальянскихъ генераловъ.—36) Взглядъ американскаго посланника на К. П. Побѣдоносцева.

ИЗЪ ПРОШЛАГО 238, 675

1) Велікопостное посланіе. п. м. Григорьева.—2) Къ исторіи декабристовъ. Сообщено А. Е. п.

СМѢСЬ 335, 678, 1066

стр.

1) Археологическое общество въ Москвѣ. — 2) Киевское общество Нестора лѣтописца. — 3) Общество любителей древней письменности. — 4) Собрание общества ревнителей русскаго просвѣщенія. — 5) Историческое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ. — 6) Географическое общество. — 7) Философское общество. — 8) Археологическій институтъ. — 9) Чествованіе памяти Ѳ. И. Буслаяна. — 10) Русскій музей императора Александра III. — 11) Музей изящныхъ искусствъ имени императора Александра III въ Москвѣ. — 12) Двадцатилѣтіе казанскаго археологическаго общества. — 13) Историческое общество. — 14) Общество любителей древней письменности. — 15) Союзъ ревнителей русскаго слова. — 16) Московскій библиографическій кружокъ. — 17) Географическое общество. I. — 18) Философское общество. — 19) Романовскій отдѣлъ при востромской архивной комиссіи. — 20) Премія митрополита Макарія и епископа Михаила. — 21) Муравьевскій музей. — 22) Чествованіе памяти П. С. Мочалова. — 23) Общество любителей древней письменности. — 24) Премія Г. Ѳ. Карпова. — 25) Воронежская публичная бібліотека. — 26) Отчетъ Одесской городской публичной бібліотеки. — 27) Книжный складъ и типографія Саратовскаго земства. — 28) Городецкій музей Волынской губерніи. — 29) Некрологи: П. А. Вессоновъ; Г. П. Смирновъ-Платоновъ; Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ; В. Н. Чиколевъ; А. Ворковская; И. И. Шипкинъ; I. И. Паульсонъ; Н. И. Святскій; А. А. Григорьевъ; Н. Г. Шильдеръ; Л. П. Сабанѣевъ; Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій; Ѳ. Г. Топоровъ; П. В. Дворжецкій-Вогдановичъ; А. И. Лебедевъ.

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ. 355, 701, 1077

1) Къ статьѣ «Товарищи Достоевскаго», м. Базанова. — 2) Отвѣтъ проф. Д. В. Цветаеву, Г. А. Воробьева. — 3) Еще объ усыпальницѣ Шуйскихъ. (Замѣтка на «Отвѣтъ» г. Воробьева). Профессора Дм. Цветаева. — 4) Къ біографіи А. П. Шапова. С. ва. — 5) Письмо въ редакцію. Сергѣя Протопопова. — 6) О пресѣвшихся дворянскихъ родахъ князей Ромодановскихъ и князей Ромодановскихъ-Лодыженскихъ. Дмитрія Анучина. — 7) Путешествіе русскаго матроса. В. Ч.

Отчетъ Кассы взаимопомощи при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за 1897 годъ. 707

Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты графа Остенъ-Сакена, Ѳ. И. Буслаяна и И. П. Ключникова. — 2) Невѣста короля. (A. Fountain Sealet). Романъ Вальтера Безанта. Переводъ съ англійскаго.

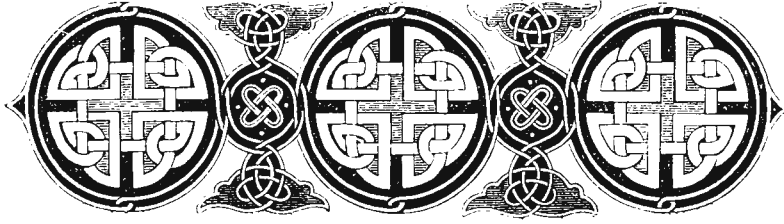

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КЛЮШНИКОВЪ

ДОВВ. ЦЕНЗ. 26 МАЯ 1898 Г. СПБ.

КОРЖИНСКІЕ КОРШУНЫ ¹⁾.

Романъ-хроника.

XVI.

АСТУПИЛЪ день совершеннолѣтія Екатерины Артемьевны.

Наканунѣ пріѣхалъ Леонгій Артемьевичъ. Онъ былъ озабоченъ и нѣсколько разъ принимался говорить съ нею о счетахъ и отчетахъ опеки, но вся поглощенная тревогой о ребенкѣ, у котораго начинали прорѣзываться зубы, разстроенная, съ кое-какъ подколотыми волосами, выбивавшимися густыми локонами изъ-подъ черенаховой гребенки, въ перемѣтомъ батистовомъ пудрмантелѣ и въ туфелькахъ, блѣдная и измученная бессонными ночами, она изъ всѣхъ его словъ одно только поняла, что ей надо будетъ завтра съ утра быть одѣтой, видѣться съ чужими людьми, что-то такое читать и подписывать, и что, можетъ быть, это продлится долго, нѣсколько часовъ...

— А нельзя какъ нибудь обойтись безъ этого?—спросила она, безпрестанно оглядываясь на дверь, отпертую въ сосѣднюю комнату, гдѣ была дѣтская, чтобъ сорваться съ мѣста и бѣжать туда при малѣйшемъ шорохѣ.

— Я долженъ сдать тебѣ твое состояніе,—съ завтрашняго дня ты совершеннолѣтняя, и опекуна тебѣ больше не надо...

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXII, стр. 361.

Ему не дали кончить, въ дѣтской раздался крикъ, и Катя опрометью побѣжала туда. Минуть черезъ пять она вернулась съ ребенкомъ на рукахъ, завернутымъ въ теплое одѣяло.

— Посмотри его глазки! Совсѣмъ мутные! И все жаръ... А старый дуракъ, Людвигъ Францевичъ, увѣряетъ, что ему сегодня гораздо лучше, чѣмъ вчера, и повторяетъ, чтобъ я не беспокоилась... Какъ будто я могу быть покойна, когда мой Свѣтикъ страдаетъ!— вскричала она съ отчаяніемъ. — Я хочу другого доктора, Леонтій, привези мнѣ самаго лучшаго,—продолжала она съ возрастающимъ жаромъ, прижимая къ своему лицу покраснѣвшую щечку мальчика и тревожно ощупывая его горячую головенку, съ торчащими бѣлокурными вихрами.

— Я привезу тебѣ кого хочешь, но ты напрасно беспокоишься: у этого молодца ровно ничего нѣтъ опаснаго, у всѣхъ дѣтей бываетъ жаръ, когда у нихъ прорѣзываются зубы,—попытался было уговорить ее Леонтій Артемьевичъ, но это ни къ чему не повело, и она тогда только немножко успокоилась, когда послали челоуѣка на дрожкахъ за лучшимъ, т. е. самымъ дорогимъ, докторомъ въ городѣ.

Ребенокъ тихо лежалъ на колѣняхъ матери, прижимаясь головенкой къ ея груди и, устремивъ пристальный взглядъ своихъ большихъ черныхъ глазъ въ пространство, смотрѣлъ съ тѣмъ серьезнымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ, съ которымъ смотрятъ на Божій міръ дѣти, явившіяся на свѣтъ при исключительныхъ обстоятельствахъ и отъ матерей съ искалѣченной душой, а она то прислушивалась къ его дыханію, то щупала его тѣльце, съ ужасомъ убѣждаясь, что жаръ усиливается съ каждой минутой.

Леонтій Артемьевичъ опять заговорилъ про дѣла, но она съ раздраженіемъ объявила, что не можетъ его слушать.

— Я слишкомъ разстроена... Неужели ты не можешь все это устроить безъ меня? Развѣ я могу управлять моимъ состояніемъ?.. развѣзжать по имѣніямъ, хлопотать съ управляющими... развѣ для меня это мыслимо, когда у меня ребенокъ, котораго я ни на минуту не могу покинуть!.. Возьми отъ меня какую хочешь довѣренность, только оставь меня, ради Бога, въ покоѣ.

— Ну, смотри, не попрекай меня потомъ,—со смѣхомъ замѣтилъ на это Леонтій Артемьевичъ.

Слова эти скользнули тогда мимо ея ушей, ни на мгновение не останавливая ея вниманія, но какъ часто приходилось ей впослѣдствіи ихъ вспоминать и проклинать свое ослѣпленіе!

Все благопріятствовало Коржину. Въ ночь ребенку стало хуже. Знаменитаго доктора не нашли дома, пришлось посылать за другимъ, который пріѣхалъ только къ утру и скорчилъ такую глубокомысленную гримасу, осматривая Свѣтика, что если Катя не лишилась чувствъ, то только благодаря тому, что она напрягла всѣ свои силы, чтобъ сохранить сознаніе и устоять на ногахъ.

За эту ночь она так осунулась, что на нее страшно было смотреть; уходя, новый доктор сказал Демьяновнѣ, чтобъ она ни на минуту не оставляла свою госпожу одну, и употребила бы всѣ усилія, чтобъ заставить ее принять тѣ сонные порошки, которые онъ ей прописалъ.

— Если она не заснетъ, скверно можетъ кончиться,—прибавилъ онъ, краснорѣчивымъ жестомъ притрогиваясь пальцемъ къ своему лбу.

Леонтія Атемьевича не было дома; онъ чуть свѣтъ уѣхалъ по дѣламъ и вернулся только къ обѣду и не одинъ, а съ какимъ-то чиновникомъ, въ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами и съ портфелемъ подъ мышкой. Оба прошли въ кабинетъ, и, побывъ тамъ съ полчаса, г. Коржинъ, съ бумагой въ рукахъ, вышелъ въ залу, куда ведѣлъ позвать Демьяновну.

— Ну, что у васъ дѣлается?

Старуха, находясь все еще подъ впечатлѣніемъ предостереженія доктора, стала жаловаться на то, что барышня не хочетъ и слышать о сонномъ порошокѣ, а дохтуръ сказалъ, что она въ умѣ можетъ помѣшаться, если хоть на часочекъ не заснетъ.

— Вторую ночь не раздѣвается, въ ротъ крохи не беретъ; какъ еще жива, дивится только надо.

— А маленькаго онъ какъ нашелъ?

— Свѣтикъ ничего, слава Богу, по всѣмъ примѣтамъ видать, что зубокъ безпремѣнно сегодня прорѣжется, на деснѣ ужъ шишечка вздулась.

Не дослушавъ ея рѣчи, Леонтій Артемьевичъ отправился въ дѣтскую, и, повидимому, ему удалось подѣйствовать на молодую мать, потому что не прошло и десяти минутъ, какъ онъ снова прошелъ большими шагами и съ улыбающимся лицомъ черезъ залу; приказавъ мимоходомъ Демьяновнѣ, чтобъ она шла скорѣе дать лѣкарство, прописанное барышнѣ докторомъ, онъ вошелъ въ кабинетъ, посидѣлъ тамъ еще нѣсколько минутъ съ своимъ гостемъ, а затѣмъ съ нимъ же и уѣхалъ, объявивъ лакею, провожавшему ихъ, что кушать онъ дома не будетъ, но вернется домой непременно въ седьмомъ часу.

Катя приняла лѣкарство и тотчасъ же заснула крѣпкимъ сномъ, а когда она часа черезъ три проснулась, ей объявили, что у малышки прорѣзался зубокъ, и что онъ тоже започивалъ.

Не помня себя отъ радости, она кинулась обнимать свою старую няньку, потомъ, упавъ на колѣни передъ кіотомъ съ образами, вслухъ произнесла обѣтъ выстроить церковь во имя Богородицы «Утоли мои печали» и подарила горничной Агашкѣ свою, совсѣмъ еще новую, атласную душегрѣйку съ дорогимъ мѣхомъ, которую эта самая Агашка накидывала ей на плечи, когда она ночью сидѣла у колыбельки ребенка или, напѣвая пѣсенку, чтобъ его усыпить, ходила съ нимъ по комнатѣ взадъ и впередъ, безъ усталы, по многу часовъ сряду, пока

онъ не забудется. Теперь ничего этого не нужно было, чтобъ его успокоить; онъ такъ крѣпко спалъ, что можно было къ нему подходить, притрогиваться къ его головкѣ съ сырыми отъ обильнаго пота волосиками и съ полуоткрытымъ алымъ ротикомъ, изъ котораго вылетало ровное дыханіе.

Внѣ себя отъ радости, Катерина Артемьевна забыла все, что предшествовало этой блаженной минутѣ. Она вспомнила про Леонтія Артемьевича только тогда, когда ей пришли доложить, что обѣдъ поданъ, и къ этому прибавили, что баринъ дома не кушаетъ, но къ вечеру обѣщаль непремѣнно пріѣхать. Баринъ? Да! вѣдь Леонтіій здѣсь... Онъ пріѣхалъ по дѣламъ опеки и надоѣдалъ ей вчера какими-то отчетами... Это было, когда Свѣтикъ горѣлъ въ жару, когда глазки у него были мутные, и ей казалось, что онъ непремѣнно умретъ... Какъ далеко это время! Нельзя даже себѣ представить, чтобъ это было только нѣсколько часовъ тому назадъ.

Вернувшись домой, Леонтіій Артемьевичъ засталъ Катю играющей съ ребенкомъ на широкой, двуспальной кровати. Мальчикъ былъ еще блѣденъ и слабъ, но веселъ, а мать его совсѣмъ оживила, даже принарядилась и съ радостно сверкающими глазами, непрерывно прерывая свою рѣчь веселымъ смѣхомъ, рассказывала про потѣшныя выходки своего малютки.

Весь вечеръ прошелъ въ этихъ разговорахъ, а на другой день Леонтіій Артемьевичъ уѣхалъ изъ Москвы, и о томъ, что послѣдовало затѣмъ, мы узнаемъ только изъ его переписки съ Катериной Артемьевной, весьма небогатой событіями и почти исключительно посвященной съ ея стороны—ребенку, а съ его—дѣламъ. Тутъ, въ его письмахъ, время отъ времени, проскальзываютъ намеки на необходимость экономіи, для поправленія какихъ-то хозяйственныхъ неудачъ и денежныхъ утратъ, и упреки за то, что она не хочетъ думать о будущемъ. На это она отвѣчаетъ подробностями о ребенкѣ, о его умѣ, красотѣ и любви къ ней. На замѣчаніе, что она его нестерпимо балуетъ и сдѣлаетъ изъ него несноснаго и ни къ чему неспособнаго человѣка, она выставляетъ въ примѣръ себя: развѣ она не выучилась въ два года тому, чему его дочери и въ десять лѣтъ не могли научиться? И развѣ, безъ всякихъ стараній съ ея стороны, она не заставляла въ себя влюбляться до безумія такихъ кавалеровъ, которыхъ нельзя упрекнуть въ неразборчивости? А какъ она умѣетъ любить, ему это лучше, чѣмъ кому либо, извѣстно. Знаетъ это также и Свѣтикъ. Одной ей будетъ онъ всѣмъ обязанъ, и никого, кромѣ ея, не будетъ знать. Пріѣзжала изъ деревни кормилица его навѣстить, онъ ее даже не узналъ. Мать ему всѣхъ замѣнить—нянекъ, учителей, товарищей.

Между тѣмъ, ужь и теперь, когда ребенку идетъ всего только третій годъ, издержки на него возрастаютъ съ каждымъ мѣсяцемъ. Чтобъ катать его по улицамъ, заводится экипажъ; чтобъ ему веселѣе было бѣгать по саду, садъ всячески украшаютъ: для этого покупаютъ садовника съ семьей и выписываютъ ему на помощь двухъ парней изъ Коржина. Цѣлое лѣто Катя такъ занята садомъ, что письма ея полны описаніемъ новыхъ бесѣдокъ и аллей, которыя въ немъ строятся и насаживаются по ея указаніямъ. Но ей этого мало, и она мечтаетъ о преобразованіи оранжереи при домѣ въ зимній садъ, который соединялся бы теплой галлереей съ столовой.

Изъ писемъ, относящихся къ тому же году (1832-му), мы видимъ, что въ Москву пріѣзжала нарочно, чтобъ навѣстить ее, Лизавета Артемьевна и прожила у нея двѣ недѣли.

«Наскучила до смерти. Вся въ запахъ да въ монахахъ, и все у нея грѣхъ. Заживо всѣхъ отпѣваетъ. Послушать ее—родного ребенка пѣствовать соблазнъ непростительный, за который на томъ свѣтѣ вѣки вѣченскіе въ смолѣ будешь кипѣть. Мы со Свѣтикомъ смѣхомъ на это отвѣчаемъ. Онъ ужь азбуку выучилъ. Вотъ пріѣдешь—самъ увидишь. А какъ чисто говорить сталъ»!.

Однако, слова сестры произвели таки впечатлѣніе на Катерину Артемьевну, и она съ этой зимы начинаетъ все чаще и чаще останавливаться на мысляхъ о будущности ребенка и мучиться сознаніемъ, что онъ незаконнорожденный. Она требуетъ отъ Леонтія Артемьевича, чтобъ онъ устроилъ какъ нибудь это дѣло, и по его отвѣтамъ видно, что она ужь сама и черезъ Демьяновну, совѣтовалась на этотъ счетъ съ знающими людьми, которые ее увѣрили, что съ деньгами все можно.

Но г. Коржинъ относится къ этому вопросу довольно равнодушно: онъ или вовсе не отвѣчаетъ на ея требованія и вопросы, или совѣтуетъ не волноваться, не беспокоиться и не торопиться, выслушивая ея заботы съ каждымъ разомъ все безцеремоннѣе и безсердечнѣе. Вообще, по этой перепискѣ можно прослѣдить, какъ нельзя лучше, его охлажденіе къ Катѣ, какъ къ женщинѣ; въ ней часто проскальзываетъ алая иронія и раздраженіе. Есть письма безъ единого нѣжнаго слова, и даже встрѣчаешь подпись въ концѣ письма: «вашъ покорный слуга Л. Коржинъ». И наконецъ, въ одномъ изъ этихъ посланій, съ извѣщеніемъ о томъ, что онъ больше не губернаторъ, а получилъ важное назначеніе при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и переселяется на постоянное житъе въ Петербургъ, молодой коршунъ совѣмъ ужь явно выпускаетъ когти и очень развязно рекомендуетъ «сестрицѣ» избрать для жительства мѣсто болѣе отдаленное отъ Петербурга, чѣмъ Москва, чтобъ какъ нибудь до его семьи и до ихъ общихъ знакомыхъ и родственниковъ не доподала вѣсть о ея позорѣ.

Тутъ въ первый разъ начинаетъ ясно проглядывать система,

которой онъ будетъ держаться съ нею до конца, и благодаря которой онъ во всей этой исторіи вышелъ не только сухимъ изъ воды, но еще съ торжествомъ и почетомъ.

Есть письмо съ такими словами: «до сихъ поръ, благодаря принятымъ мною предосторожностямъ, всѣ думаютъ, что вы по нездоровью пребываете въ тепломъ климатѣ. Поразмысливъ, вы сами должны понять, сколь выгодно для васъ не нарушать этого заблужденія, и переселеніемъ вашимъ въ Одессу подтвердить въ ономъ всеобщее мнѣніе».

Ему удалось опять сойтись съ сестрой Лизаветой (вѣроятно, потому-то ея странностямъ, благодаря которымъ вся остальная родня отдалилась отъ нея), и она тоже умоляетъ Катю «поступить, какъ братецъ желаетъ».

Несчастную Лизавету Артемьевну, оглуфѣвшую отъ тирании отца и робѣвшую передъ всѣми, Леонтій Артемьевичъ сумѣлъ такъ напугать и покорить своей волѣ, что она безпрекословно подчиняется всѣмъ его требованіямъ и, наконецъ, даетъ ему полную довѣренность на управленіе всѣмъ ея состояніемъ. Съ этого дня она ужъ смотритъ изъ рукъ брата и за деньги, которыя онъ ей даетъ изъ доходовъ съ ея же имѣнія, униженно благодаритъ, какъ за милость.

Въ семьѣ Коржиныхъ до сихъ поръ рассказываютъ анекдоты про ея дѣтскую наивность, граничащую съ идиотизмомъ: какъ она, напримѣръ, влюбившись въ первый разъ въ жизни, конфузилась при мысли выйти замужъ, терялась при появленіи жениха, ни за что не хотѣла оставаться съ нимъ наединѣ и, наконецъ, когда привезли приданое изъ магазиновъ, гдѣ оно шилось, она такъ испугалась при видѣ бѣлья, перевязаннаго розовыми лентами, капотовъ изъ матерій нѣжныхъ цвѣтовъ, дамскихъ чепцовъ и уборовъ,—ей показалось, что она будетъ такъ смѣшна и несчастна въ новомъ положеніи, что она точно въ припадкѣ безумія, забывъ свойственную ей робость, стала кричать: «не пойду замужъ! не пойду! не пойду!».

И, увы, настояла на своемъ въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни. Года три спустя, ничего подобнаго этому упорству она не въ силахъ была противопоставить брату, когда онъ, пользуясь ея безпомощностью, неопытностью и одиночествомъ, мало-по-малу забралъ въ руки и ее и ея состояніе; до конца своей жизни она трепетала передъ нимъ, и мы не разъ видимъ ее изумляющеюся характеру Куклы, у которой хватаетъ духу бороться противъ него.

Такъ, напримѣръ, о переѣздѣ въ Одессу эта послѣдняя первое время и слышать не хотѣла.

Вся поглощенная сыномъ, она не понимала, какъ смѣютъ отъ нея требовать жертвъ во имя свѣтскихъ приличій и удобства родныхъ.

Что ей свѣтъ и родные? Развѣ она нуждается въ нихъ? Да она и сына своего такъ будетъ воспитывать, чтобъ онъ только на себя

разсчитываль въ жизни и ни на кого бы не надѣялся,—съ горечью объявляетъ она.

Но Леонтію Артемьевичу нужно ее отдалить, и онъ, разумѣется, достигаетъ цѣли. Въ 1832 году, Катя узнаетъ, что домъ, въ которомъ она живетъ въ Москвѣ и который потому ужь ей особенно дорогъ, что въ немъ родился ея ребенокъ, ей больше не принадлежитъ.

Леонтію Артемьевичъ, по настоянію жены, долженъ былъ продать его своему зятю Ладогину, который къ зимѣ и переселится въ него съ семьей.

Коржинъ нарочно приѣхалъ въ Москву, чтобъ лично сообщить эту новость Катеринѣ Артемьевнѣ.

Тутъ произошла между ними первая стычка изъ-за денегъ, и въ первый разъ Катя задумывается надъ будущностью своего ребенка, ужь не по одному только вопросу о его имени, а также опасаясь и за его состояніе. Невзирая на увѣреніе Леонтія Артемьевича, что онъ имѣлъ въ виду ея же интересы, уступая за хорошую цѣну домъ, на ремонтъ котораго пришлось бы истративать вдвое больше, чѣмъ онъ стоитъ, она недовольна, что онъ это сдѣлалъ безъ ея позволенія. Оскорбленный ея упреками, онъ предлагаетъ ей искать другаго управляющаго и уѣзжаетъ въ Коржино, гдѣ дѣла на фабрикѣ требуютъ его присутствія, обѣщая вернуться за отвѣтомъ недѣли черезъ три.

Всѣ эти три недѣли Катя не трогается съ мѣста и никого не видитъ; за нее суетится и хлопочетъ Демьяновна, но изъ этого ничего не выходитъ: человѣка, который взялся бы управлять дѣлами ея барышни, не находится. Всѣ опасаются мести Леонтія Артемьевича; онъ такъ ловокъ, уменъ, такъ искусно сумѣлъ подбититься къ начальству, такія важныя завелъ себѣ связи, что тягаться съ нимъ не подь силу.

XVII.

Срокъ, назначенный Леонтіемъ Артемьевичемъ для пріисканія себѣ замѣстителя, близился къ концу, но Демьяновна энергіи не теряла. Съ лѣтами ея преданность и любовь къ барышнѣ не только не ослабѣвали, но еще усиливались, и, чѣмъ хуже складывались обстоятельства для той, которой она отдала свою жизнь, тѣмъ усерднѣе служила она ей.

Само собою разумѣется, что и въ ребенкѣ ея Демьяновна души не чаяла, и мысль о томъ, что онъ не настоящій баринъ, мучительно угнетала ей сердце. Давно ужь утратила она всякую вѣру въ Леонтія Артемьевича и, осудивъ его въ глубинѣ души, считала его злодѣемъ и погубителемъ своей барышни. Ничего, кромѣ зла, не ждала она отъ него, но, опасаясь его мести, она тщательно скрывала отъ всѣхъ свои подозрѣнія, и про ея неудавшіеся поиски за новымъ покровителемъ даже и Катя знала только отчасти.

Впрочемъ, эта послѣдняя была такъ поглощена заботами о Свѣ-тикѣ, что готова была со всѣмъ примириться, лишь бы только ее оставили спокойно утѣшаться сыномъ, и о причинахъ, побуждающихъ старуху измѣнить взглядъ на предложеніе Леонтія Артемьевича и даже одобрять это предложеніе послѣ того, какъ она въ первую минуту пришла отъ него въ негодованіе и ужасъ, Катѣ и въ голову не приходило допытываться.

— Ну, чтожъ, въ Одессу ѣхать, такъ въ Одессу, — говорила Демьяновна, убѣдившись, что имъ въ Москвѣ Леонтія Артемьевича не одолѣть:—здѣсь ихъ слишкомъ хорошо знаютъ и слишкомъ опасаются его прогнѣвить. Можетъ, тамъ мы еще лучше устроимся, чѣмъ здѣсь. Городъ хорошій, говорятъ, большой, зимы, почитай, что и не бываетъ, круглый годъ тепло, фруктовъ много, море, воздухъ такой легкой, что больныхъ туда для поправки возятъ.

Переѣздъ изъ Москвы съ каждымъ днемъ улыбался ей все больше и больше. Смутно сознавала она, что чѣмъ дальше уѣдутъ они отъ своего тирана и угѣснителя (давно ужъ Демьяновна про себя иначе Леонтія Артемьевича не называла), тѣмъ скорѣе удастся имъ найти отъ него защиту, не говоря ужъ о томъ, что и съ барышней ей будетъ вольнѣе разговаривать вдали отъ него и отъ его вліянія. А у нея накопилось много соображеній, которыми она считала необходимымъ съ нею подѣлиться.

Осторожно разспрашивая знакомыхъ людей о ихъ мнѣніи относительно положенія Катерины Артемьевны, ей пришлось, между прочимъ, услышать такой совѣтъ: надо найти ей супруга, благороднаго и чиновнаго господина, который далъ бы имя ея ребенку и высвободилъ бы ея состояніе изъ цѣпкихъ рукъ ея бывшаго опекуна.

Разумѣется, это было бы всего лучше. Чѣмъ больше думала Демьяновна объ этомъ планѣ, тѣмъ соблазнительнѣе онъ ей улыбался. Но чтобъ привести его въ исполненіе, надо было уѣхать въ такое мѣсто, гдѣ никто ихъ не знаетъ, и гдѣ Катерина Артемьевна не стѣснялась бы показываться людямъ. Здѣсь она даже и въ церковь иначе, какъ къ ранней обѣднѣ, не ѣздитъ, изъ опасенія расплоскать лишніе толки, а когда катается съ сыномъ по улицамъ, то не иначе, какъ въ закрытой каретѣ и подъ густымъ вуалемъ, чтобъ въ окошко ее кто не увидѣлъ. Тамъ ей не для чего будетъ такъ остерегаться, и мало-по-малу можно будетъ съ хорошими господами знакомство завести, а ужъ тогда быть не можетъ, чтобъ женихи не объявились.

Мечтанія эти Демьяновна скрывала отъ своей барышни еще тщательнѣе, чѣмъ свои неудавшіяся хлопоты отыскать управителя, на котораго можно было бы положиться, но, тѣмъ не менѣе, она такъ искусно готовила ее къ мысли о переѣздѣ изъ Москвы, что когда Леонтіи Артемьевичъ, вернувшись изъ Коржина, спросилъ у нея: рѣшилась ли она послѣдовать его совѣту, Катерина Артемьевна

объявила, что ничего не имѣеть противъ того, чтобъ пожить въ Одессѣ.

Очень довольный этимъ рѣшеніемъ, онъ похвалилъ ее за благоуміе, про размолвку, происшедшую между ними до его отъѣзда, ни единымъ словомъ не упомянулъ и принялся дѣятельно хлопотать о томъ, чтобъ обставить ея жизнь въ новомъ мѣстѣ по возможности удобнѣе и приличнѣе. У него были въ Одессѣ преданные люди, которые найдутъ ей отдѣльный домъ съ садомъ, на окраинахъ города, поближе къ морю, а мебель, экипажи и лошадей можно изъ Коржина туда доставить.

— На сколько же времени ты насъ туда ссылаешь? — спросила Катя съ улыбкой, совершенно успокоенная его ласками и перспективой здороваго климата для Свѣтика, который крѣпкимъ сложеніемъ не отличался и былъ очень чувствителенъ къ простудѣ.

— Пока мы не урегулируемъ положеніе ребенка, тебѣ неудобно сюда возвращаться, — возразилъ Коржинъ. — Ты знаешь, что я, какъ семейный человѣкъ, усыновить его и дать ему мое имя не имѣю права...

— Такъ какъ же?

— Надо найти ему подставного отца...

— Чужого?!

— Какъ же быть-то?

— И человѣкъ этотъ будетъ имѣть на него права? Никогда я на это не соглашусь, никогда! — вскричала она съ ужасомъ. — Не смѣй мнѣ про это и говорить.

— Глупая! Развѣ я могу предлагать тебѣ отказаться отъ твоихъ правъ на сына? Найду такую личность, и непременно изъ потомственныхъ дворянъ, которая только для формы согласилась бы его усыновить, чтобъ дать ему имя и ничего больше.

— Даромъ? Гдѣ же ты такого человѣка найдешь?

— Да онъ у меня уже, можетъ быть, и есть въ виду, — возразилъ Коржинъ съ загадочной улыбкой. — Ты не забывай, что мнѣ приходится сталкиваться со множествомъ людей на свѣтѣ, многимъ оказывать услуги, многихъ выпутывать изъ бѣды. Есть люди, которые и состояніемъ своимъ, и честью своею мнѣ обязаны.

Онъ говорилъ правду, и ей стоило только вспомнить то время, когда онъ повѣрялъ ей всѣ свои дѣла, чтобъ повѣрить его словамъ. Да, многіе, очень многіе люди находились отъ него въ зависимости и готовы были на все, чтобъ доказать ему свою преданность. Изъ страха больше, но не все ли равно, такъ или иначе, а ему стоитъ только захотѣть, чтобъ устроить судьбу ихъ сына.

Рѣшено было, что тѣ самые люди, которые служили ей здѣсь, отправятся съ нею и въ Одессу.

— И тамъ ты ужъ имъ не позволяй себя барышней величать. Можешь выдавать себя за вдову. Впрочемъ я напишу губернатору,

мы съ нимъ пріятели, и онъ сумѣетъ тебя, какъ слѣдуетъ, обставить, не безпокойся.

— А фамилія какъ же?

— Фамилію мѣнять не стоитъ. Коржиныхъ такъ много, что они даже сами другъ друга не знаютъ, и допытываться, какого именно Коржина ты вдова, никто не будетъ. Жизнь ты тамъ будешь вести такую же уединенную, какъ и здѣсь, разумѣется...

— О, конечно!—поспѣшила она заявить.

Но вполнѣ успокоился онъ только послѣ разговора съ Демьяновной. Старуха такъ искусно сумѣла притвориться, такъ убѣдила его въ слѣпой къ нему преданности, съ такимъ чувствомъ и обливаясь слезами цѣловала его руки, умоляя не покидать своими милостями ея барышню и заботиться о ней, какъ раньше, когда она была несовершеннолѣтней, что на него нашло затменіе, и онъ остался въ убѣжденіи, что имѣетъ въ ней вѣрную сообщницу.

Съ Демьяновной толковалъ онъ также и о хозяйственныхъ вопросахъ, разсчитывалъ, сколько имъ надо денегъ на дорожную жизнь въ Одессѣ, приказывалъ ей во всемъ соблюдать строжую экономію и не переходить за предѣлы назначенной суммы, вляя на видъ необходимость поправить дѣла, разстроеными непредвидѣнными обстоятельствами, а также безумными на ребенка.

Тутъ онъ въ первый разъ и вскользь намекнулъ на то, что еслибъ Катя съ самаго перваго дня повела себя благоразумнѣе и согласилась бы разстаться съ мальчикомъ, она теперь была бы въ иномъ положеніи и навѣрное была бы ужъ давно замужемъ за знатнымъ бариномъ, жила бы гдѣ ей угодно и не было бы ей никакой надобности скрывать отъ всѣхъ глазъ свой позоръ.

Все это онъ высказывалъ съ апломбомъ человѣка, ни душой, ни тѣломъ не причастнаго къ этому позору и не отвѣтственнаго за него. И съ каждымъ словомъ Демьяновна все больше и больше убѣждалась въ безпомощномъ положеніи своей барышни и въ необходимости, какъ можно скорѣе найти и ей, и ея несчастному ребенку, покровителя.

Тутъ въ первый разъ она явно выступаетъ защитницей ея интересовъ, крайне осторожно, правда, и какъ будто въ пустякахъ, но, какъ мы увидимъ позже, съ рѣдкой предусмотрительностью. Замѣчательно ловко заставляеть она Леонтія Артемьевича сдать на аренду саратовскому купцу Никитѣ Лексѣеву Катины земли въ Оренбургской губерніи.

Земли эти приносили такъ мало дохода, что Леонтій Артемьевичъ искалъ на нихъ покупателя, и когда сама Катя, подстрекаемая старой нянькой, выразила желаніе, чтобъ ихъ сдать знакомому Демьяновнѣ купцу, онъ безъ труда на это соглашается и по довѣренности, данной ему владѣлицей, подписываетъ условіе съ protégé

старухи, который нарочно для этого прѣѣзжаетъ въ Москву со старшей дочерью своей Анной, въ то время дѣвицей пятнадцати лѣтъ.

Мы знаемъ, чѣмъ доводился этотъ саратовскій купецъ Демьяновнѣ, а потому намъ легко себѣ уяснить причину Катинаго расположенія къ этому человѣку и къ его дочери. Эту послѣднюю барышня такъ заласкала, что приобрѣла въ ней преданнѣйшую рабу на всю жизнь, а отецъ ея такъ понравился Леонтію Артемьевичу, что, невзирая на послѣдующія событія, онъ продолжалъ довѣрять ему. Сохранились письма, въ которыхъ г. Коржинъ уже въ сороковыхъ годахъ ведетъ съ Никитой Лексѣевымъ переговоры о приобретеніи имѣнія для его старшаго сына въ Симбирской губерніи, высылаетъ ему крупную сумму для задатка и тому подобное.

Безъ сомнѣнія, Демьяновна, найдя въ сынѣ человѣка серьезнаго, во всемъ ему открылась при этомъ первомъ съ нимъ свиданіи, потому что впоследствии мы видимъ его дѣйствующимъ вполне согласно съ ея желаніями и въ преданности ея барышнѣ Екатеринѣ Артемьевнѣ ни передъ чѣмъ не останавливающимся. Даже и дочку свою онъ не задумывается оставить при ней, когда узнаетъ, что его Аннушка сумѣла ей понравиться, и что барышнѣ, въ ея одинокомъ положеніи, невозможно обойтись безъ компаньонки, которую и въ экипажъ съ собой не стыдно было бы посадить, когда выѣдетъ покататься, и съ которой словомъ можно было бы при случаѣ перекинуться отъ скуки.

Сама Анна Никитишна, припоминая эту эпоху изъ своей жизни, объясняла мнѣ это событіе такими словами:

— Батюшка меня тогда въ Москву для того взялъ съ собой, чтобъ жениху показать, котораго родные матери сватали. Шестнадцатый годокъ мнѣ тогда только шелъ, и замужъ мнѣ идти страсть какъ не хотѣлось. Но противиться родительской власти, понятно, не смѣла и только, бывало, ночью, когда никто не видитъ, горькими слезами обливалась. Остановились мы на постояломъ дворѣ, и въ тотъ же день тятенька пошелъ къ своей крестной, Аксинѣ Демьяновнѣ, въ домъ господина Коржина. А я осталась одна его ждать. И вдругъ этта хозяйка, ко мнѣ съ чужимъ мужчиной въ горенку входитъ и говоритъ: «за вами дрожки прислали». А тотъ чужой-то: «Наша барышня желаетъ съ вами познакомиться, говоритъ, собирайтесь скорѣе, онѣ ждать не любятъ». Ну, я и поѣхала, думала на часочекъ, а вышло иначе, барышнѣ я полюбилась, и она меня у себя оставила на всю жизнь. Такъ меня женихъ и не видѣлъ,—прибавила старушка съ усмѣшкой.

— И вы никогда не жалѣли, что не вышли замужъ?—спросилъ я, всматриваясь въ круглое, еще свѣжее лицо съ кроткими голубыми глазами и милой улыбкой, окаймленное туго накрахмаленными кисейными оборками старушечьяго чепца съ большимъ лиловымъ бантомъ на макушкѣ.

На вопросъ мой она только махнула рукой.

— Да когда было жалѣть-то, вы вотъ что лучше спросите! Сейчасъ это меня, съ перваго же дня, въ дѣло впрягли, вѣдь цѣлымъ домомъ въ дорогу-то поднимались, однѣхъ вещей сколько надо было уложить! А ужъ тамъ, въ Одессѣ-то, такія у насъ пошли дѣла, что о себѣ и подумать-то некогда было. Не для забавы взяла меня отъ родителей крестная,—замѣтила она со вздохомъ.

И помолчавъ немного, прибавила, что вотъ тутъ-то, въ Москвѣ, она и увидала въ первый и послѣдній разъ въ жизни Леонтія Артемьевича.

— И такъ напужана я была слухами о строгости ихъ и строптивости отъ тятеньки и отъ маменьки, что совѣмъ обробѣла, когда они вошли въ спальню барышни и спросили, указывая на меня пальцемъ: «эта дѣвушка и есть дочь Никиты Лексѣева, которую вы берете съ собой?» И заговорили пофранцузски, посмѣиваясь и на меня посматривая. А меня въ жаръ такъ и бросаетъ, такъ и бросаетъ. И глазъ не смѣю на него поднять. Ужъ потомъ, какъ зачали они вмѣстѣ дитятей заниматься, набралась я храбрости и стала на него исподтишка поглядывать. Красавецъ писанный и даромъ, что за сорокъ ему ужъ тогда перевалило, совѣмъ молодымъ онъ мнѣ показался. Высокій да стройный, взглядъ пронзительный, зубы бѣлые промежъ алыхъ губъ такъ и сверкаютъ, отъ черныхъ бакенговъ лицо казалось еще бѣлѣе, волосы кудреватые и во всей осанкѣ благородная гордость. Настоящій Малекъ Адель однимъ словомъ,—съ восхищеніемъ рассказывала Анна Никитишна.

И, слушая ее, я думалъ, что дѣйствительно человѣкъ этотъ долженъ былъ обладать неотравимою прелестью, когда даже люди, коротко знавшіе его коварство и безнравственность, не могли безъ восхищенія вспоминать про его красоту и обаятельность.

Надежды Демьяновны не сбылись; питомица ея повела и въ Одессѣ такую же отшельническую жизнь, какъ и въ Москвѣ. Съ отвращеніемъ отказываясь отъ знакомствъ съ здѣшнимъ обществомъ, отъ выѣздовъ въ такія мѣста, гдѣ можно было встрѣчаться съ публикой, и отъ всякихъ свѣтскихъ раввлеченій, она продолжала всецѣло отдаваться воспитанію сына, къ которому привязывалась все сильнѣе и сильнѣе. И одновременно съ этою привязанностью, постепенно росло и развивалось духовное ея перерожденіе. Съ каждымъ днемъ яснѣе смотрѣла она на окружающій ее міръ, справедливѣе относилась къ людямъ, сознательнѣе входила въ ихъ положеніе и ощущала потребность дѣлать имъ добро. Завѣса эгоизма, тщеславія и самовластія, закрывавшая передъ ея духовными очами вѣчный свѣтъ любви и правды, мало-по-малу раздиралась, и то, что она начинала прозрѣвать за нею, было такъ прекрасно и от-

радно, что она все чаще и чаще спрашивала себя, съ ужасомъ оглядываясь на свое прошлое: какъ могла она такъ долго бродить во тьмѣ, когда свѣтъ былъ такъ отъ нея близокъ?

А какъ хорошъ Божій міръ!

Вся поглощенная злыми страстями, она его до сихъ поръ не замѣчала или, лучше сказать, не проникалась имъ всѣмъ своимъ существомъ, какъ теперь, когда въ теплую лѣтнюю ночь, сидя съ своимъ мальчикомъ на берегу моря, съ отражающимися звѣздами въ его черной безднѣ, или прогуливаясь по берегу раннимъ утромъ, когда восходящее солнце, весело играя въ волнахъ, золотило ихъ пурпурнымъ блескомъ, она вся уходила душой въ необъятный, разлитый вокругъ нея чудный міръ, до сихъ поръ недоступный ея духовнымъ очамъ. Какъ мерзки и грязны казались ей тогда прежнія ея вожделѣнія, какъ ничтожны и преступны пѣли, которымъ она посвящала всѣ силы своего ума и сердца! И сколько зла, страшнаго, непоправимаго зла она ужъ успѣла свершить, невзирая на свои юные годы! И ни капли добра ни себѣ, ни другимъ.

Мелькали въ воображеніи блѣдный образъ Маши, ея матери, измученныхъ дворовыхъ...

За что же Господь послалъ ей одного изъ своихъ ангеловъ съ неба на радость и утѣшеніе? Чѣмъ заслужила она такую великую милость?

Впрочемъ, восхищеніе ея Свѣтикомъ раздѣлялось всѣми, кто его видѣлъ. Прелестиѣ ребенка трудно было найти. Не говоря ужъ о замѣчательной красотѣ его, унаслѣдованной отъ родителей, при самомъ счастливомъ сочетаніи нѣжной граціи и миниатюрности матери съ правильностью очертаній отца, у него были свѣтло золотистые волосы, вьющіеся крупными кудрями, а въ темносинихъ глазахъ столько глубины и осмысленной нѣжности, что тотъ, на комъ онъ останавливался взглядъ, долго не могъ его забыть.

И не однимъ только этимъ отличался отъ другихъ дѣтей этотъ странный ребенокъ; съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ стало пробуждаться сознаніе, проявлялъ онъ кротость, терпѣніе и сердечную чувствительность, приводившія въ умиленіе окружающихъ. Никогда не требуя ничего для себя, никогда не жалуясь на боль, которую испытывалъ, какъ всѣ дѣти и отъ болѣзней, и отъ случайныхъ причинъ, онъ обливался горькими слезами при видѣ чужихъ страданій, блѣднѣлъ и содрогался, слыша крикъ и брань, кидался цѣловать обиженныхъ, заставлялъ мать и Демьяновну слѣдовать своему примѣру и тогда только былъ счастливъ, когда вокругъ него тѣснились довольныя лица.

Съ лѣтами свойства эти въ немъ развивались все больше и больше; онъ не могъ видѣть равнодушно плохо одѣтаго или больного человѣка, приходилъ въ отчаяніе и заболтывалъ, когда при немъ били животное, и раздавалъ свои игрушки и лакомства ни-

щимъ дѣтямъ или дворовымъ ребятишкамъ съ такимъ восторгомъ, что лишать его этого счастья никто бы не рѣшился.

Когда онъ сталъ лепетать и началъ пытаться проникнуть въ великія тайны жизни, вопросы его часто приводили въ замѣшательство его мать и Демьяновну. Ему хотѣлось знать, почему есть больные и бѣдные, почему Богъ, Который такой добрый, не пошлетъ первымъ здоровья, а вторымъ всего, что имъ надо и чего у нихъ нѣтъ? Онъ могъ по цѣлымъ часамъ сидѣть неподвижно, устремивъ пристальный взглядъ на небо, улыбаясь таинственнымъ видѣніямъ, которыхъ никто, кромѣ его, не видѣлъ. На вопросъ: «на что онъ смотритъ?» Свѣтикъ, не спуская взгляда съ пространства, прикладывалъ пальчикъ къ губамъ въ знакъ того, чтобъ ему не мѣшали созерцать невидимое. И, убѣдившись, что всякое противодѣйствіе, даже самое ласковое и нѣжное, пагубно вліяетъ на его здоровье, возбуждаетъ въ немъ безсонницу и безпокойство, а иногда и жаръ мать зорко слѣдила за тѣмъ, чтобъ не мѣшали ему предаваться его склонности къ созерцательной жизни. Сидя вонѣ него неподвижно на ступенькахъ террасы, что вела къ морю, или прохаживаясь, держа его за руку, подъ тѣнистыми сводами старыхъ каштановъ, въ саду, медленными шагами и затаивъ дыханіе, чтобъ не нарушить его мечтательное настроеніе, Катерина Артемьевна часто и сама, постепенно поддаваясь этому настроенію, уходила мыслями далеко отъ земли, съ ея дрязгами, грязью и страстями.

Но этимъ минутамъ блаженнаго забвенія всегда предшествовали мучительныя воспоминанія изъ прошлой жизни, и тоска по неправимому злу, содѣянному въ то время, когда совѣсть въ ней еще не пробуждалась, и въ душѣ ея царилъ мракъ, мучила ее по временамъ нестерпимо.

Слава Богу, что у ея сына никогда не будетъ такихъ угрызеній и воспоминаній! Когда онъ выростетъ и духъ въ немъ окрѣпнетъ на столько, что можно будетъ подвергать его нравственнымъ испытаніямъ, не опасаясь омрачить чистоты его помысловъ и душевной твердости, она расскажетъ ему, какую она была до появленія его на свѣтъ. Все откроетъ она ему, до мельчайшихъ подробностей, и (она въ этомъ не сомнѣвалась) кромѣ состраданія къ ней и еще большей любви, исповѣдь эта ничего въ немъ не возбудитъ. Тогда они будутъ вмѣстѣ еще счастливѣе, чѣмъ теперь; любовь ихъ сдѣлается сознательнѣе, и они будутъ еще лучше понимать другъ друга.

Рядомъ съ этою таинственною, внѣ времени и пространства, жизнью, которою они наслаждались вдвоемъ и которая была понятна только имъ однимъ, шла другая жизнь, явная и земная, представлявшая Катеринѣ Артемьевнѣ широкое поле для примѣненія ея блестящихъ способностей, какъ воспитательницы и учительницы. Сохранились ея тетрадки съ выписками изъ всеобщей исторіи, гео-

графіи, ботаники и зоологіи, атласы систематически расположенныхъ рисунковъ, сдѣланныхъ ея рукой къ этимъ предметамъ, чтобъ наглядно ознакомить сына съ флорой и фауной далекихъ странъ. Показывали мнѣ также сочиненные ею итальянскіе вокабулы и выбранные съ большимъ вкусомъ отрывки изъ стихотвореній французскихъ классиковъ, а также клавесинъ изъ розоваго дерева, на которомъ Свѣтикъ, сидя на стулѣ съ подушкой, вышитой au petit point шерстями и шелкомъ, разыгрывалъ отчетливо и съ чувствомъ сонаты Моцарта, упражненія Баха и др. произведенія модныхъ въ то время композиторовъ.

Не по лѣтамъ серьезный и съ болѣзненно развитымъ воображеніемъ, мальчикъ до страсти любилъ учиться и всѣхъ изумлялъ своими способностями, особенно къ музыкѣ. Никогда не надоѣдало ему слушать пѣніе матери.—Еще, пожалуйста, еще!—умоляюще складывая ручки, какъ на молитвѣ, и съ сверкающими восторженнымъ умиленіемъ глазами, повторялъ онъ, когда она смолкала. Слушать музыку на ночь его такъ волновало, что ему только по утрамъ доставляли это наслажденіе. Катерина Артемьевна знала біографію Моцарта и была увѣрена, что изъ ея сына выйдетъ такой же гоній, если не выше.

Про эти два года она до самой смерти вспоминала съ упоеніемъ. Она забыла бы про прошлое, еслибъ Демьяновна не напоминала ей, что счастье ея построено на пескѣ и можетъ рушиться при первомъ ураганѣ, и что благосостояніе ея находится въ полнѣйшей зависимости отъ Леонтія Артемьевича, которому стоитъ захотѣть, чтобъ лишить ихъ средствъ къ существованію.

— Вѣдь какую ты бумагу-то ему подписала, вспомни только!—шипѣла старуха.—Самую что ни на есть для себя зловредную. Съ этой бумагой ему ничего не стоитъ тебя съ ребенкомъ по міру пустить.

Катя зажимала уши, чтобъ не слышать зловѣщихъ намековъ, сердилась, приказывала ей молчать и помнить, что братецъ дворянинъ и не можетъ дойти до такой нивости, чтобъ злоупотребить ея довѣріемъ къ нему и безпомощностью. И наконецъ развѣ Свѣтикъ ему чужой? И развѣ онъ не знаетъ, что изъ-за ребенка, чтобъ спасти его отъ нужды, она на все пойдетъ, ни передъ чѣмъ не остановится? Для себя ей ничего не нужно, ей все равно, гдѣ ни жить, во что одѣваться, пѣшкомъ ли ходить или въ каретѣ ѣздить, дорогими кушаньями или однимъ чернымъ хлѣбомъ питаться, но Свѣтикъ—дѣло другое... Онъ ни въ чемъ не будетъ терпѣть лишенія, она этого не допуститъ, ни за что!

Старуха, съ глубокимъ вздохомъ, покачивая головой, смолкала, и до перваго удобнаго случая все шло попрежнему.

Демьяновна завела знакомства въ городѣ. Она заходила отъ обѣдни къ попу того прихода, къ которому принадлежалъ занимаемый ими домъ, зналась съ семьей участкаго пристава, носила гостинцы его женѣ и дѣтямъ и учила варить варенье помосковски экономку предводителя дворянства, которая знала всѣхъ господъ не только въ городѣ, но и въ окрестностяхъ. Были у нея также пріатели между чиновниками казенной палаты и губернскаго правленія. Благодаря этимъ связямъ, у барышни ея вскорѣ послѣ ея переселенія сюда образовалась довольно многочисленная партія доброжелателей, готовыхъ всѣмъ и каждому рекомендовать ея умъ, красоту, благородство, богатство и знатное происхожденіе.

Разумѣется, Демьяновна все это клонила къ тому, чтобъ пріискать ей жениха. И дѣло бы наладилось, еслибъ Катерина Артемьевна согласилась хоть крошечку измѣнить свой образъ жизни и хоть немножко заинтересоваться господами, желавшими съ нею познакомиться. Но она такъ втянулась въ одиночество, что слышать объ этомъ не хотѣла. Демьяновна начинала уже приходиться въ отчаянье, какъ вдругъ неожиданное событіе воскресило въ ея душѣ надежду и заставило ее съ удвоеннымъ рвеніемъ снова приняться за осуществленіе завѣтной мечты.

Случай былъ безподобный, и упустить его было бы истиннымъ несчастьемъ. Тогда ужъ конецъ всѣмъ надеждамъ на поправленіе судьбы несчастной барышни; такого рода случаи два раза въ жизни не повторяются. Демьяновна сознавала это, какъ нельзя лучше. Понимала она также, какъ много успѣхъ зависитъ отъ перваго приступа, а потому съ каждымъ днемъ все отылаживала этотъ приступъ, выжидая благоприятной минуты.

Но и тутъ судьба ей улыбнулась; въ первый затѣмъ почтовый день, завидя изъ окна переходившаго черезъ ихъ дворъ почтальона, старуха подумала: «ужъ не письмо ли отъ Леонтія Артемьича?»— и сердце ея сладостно забилось. Каждый разъ по полученіи отъ него письма барышня приходила въ разстройство; это не одна Демьяновна, а всѣ въ домѣ давно ужъ замѣтили.

Откуда взялась у старухи притъ, чтобъ сбѣжать съ лѣстницы и раньше всѣхъ выхватить изъ рукъ почтальона письмо съ знакомою гербовою печатью, которое онъ, завидя ее, вынулъ изъ сумки?

Наградивъ, по положенію, мѣднымъ пятакомъ посланца, Демьяновна отправилась въ садъ, гдѣ, укрывшись отъ жары подъ тѣнистымъ деревомъ, госпожа ея занимала сына книжкой съ картинками, и подала ей письмо.

Взглянувъ на адресъ, Катя измѣнилась въ лицѣ, и конвертъ слегка задрожалъ въ ея похолодѣвшихъ пальцахъ.

Все это Демьяновна подмѣтила и, сообразивъ, что болѣе удобной минуты ей не дожидаться, рѣшилась дѣйствовать.

— Ну, ты тутъ читай, а мы съ Свѣтикомъ по двору погуляемъ да голубей покормимъ, страсть сколько ихъ тамъ слетѣлось,—сказала она.

И не дожидаясь отвѣта, взяла ребенка за руку и вышла съ нимъ изъ саду.

По двору, дѣйствительно, разгуливали голуби въ ожиданіи обычной подачки, и Свѣтикъ весело захлопалъ въ ладоши отъ предвкушенія любимаго удовольствія.

Принесли тарелку съ крошками, рассыпали ихъ по травѣ, и началось угощеніе. Помогая мальчику защищать слабыхъ отъ сильныхъ и распредѣлять поровну крошки между воркующей пернатой толпой, Демьяновна безпрестанно оглядывалась къ калиткѣ въ садъ, въ ожиданіи Катерины Артемьевны, но время шло, а она не являлась. Наконецъ, ужъ и Свѣтикъ забеспокоился.

— Чтожъ это мама неидетъ?—спросилъ онъ.

— Она письмо читаетъ.

— Отъ дяди?

— Отъ дяди. Ей мѣшать не надо. Погуляй здѣсь съ Аннушкой, а я къ ней пойду и позову тебя, когда она кончитъ читать.

Внучка Демьяновны была единственная личность, которой Катя, за исключеніемъ самой Демьяновны, довѣряла сына, и, оставивъ съ нею мальчика, старуха отправилась въ садъ, гдѣ застала свою барышню, прохаживающуюся въ сильномъ волненіи по аллеѣ, съ перемѣтымъ письмомъ въ рукахъ. Она была блѣдна, и, какъ всегда въ минуты сильнаго душевнаго волненія, отъ внутренней дрожи губы ея судорожно сжимались. При появленіи Демьяновны на лицѣ ея выразился испугъ.

— Что случилось? Гдѣ Свѣтикъ?—отрывисто спросила она.

— Свѣтикъ на дворѣ съ Аннушкой голубей кормить. А я припла на тебя посмотрѣть,—съ обычною рѣзкостью проговорила старуха, устремляя на нее пытливый взглядъ.

Барышня въ смущеніи отвернулась.

— Что на меня глядѣть...

— А то, что лица на тебѣ нѣтъ, вотъ что. Ты, можетъ, думаешь, мнѣ легко на твою муку смотрѣть—такъ это ты напрасно, я, можетъ, больше тебя терзаюсь, на тебя да на Свѣтика гляючи...

Напоминаніе о ребенкѣ сломило гордую волю Катерины Артемьевны, у нея не хватило больше силъ сдерживать слезы, подступавшія къ ея горлу, и она разрыдалась.

Демьяновна побѣжала въ домъ и, минутою спустя, вернулась назадъ съ стаканомъ воды. Отпивъ нѣсколько глотковъ, барышня успокоилась настолько, что можно было съ нею говорить.

— Что онъ тебѣ пишетъ? Не таись отъ меня, дурного я тебѣ не присовѣтую. Я, можетъ, всѣ ночи напролетъ не сплю, все о

твою дѣлѣ думаю, отъ меня худа тебѣ не будетъ, я самой себя для васъ обоихъ не пожалѣю,—прибавила съ угрюмою твердостью старуха.

— Ничего тебѣ противъ него не сдѣлать,—неохотно процѣдила сквозь зубы барышня.

— Почему знать!

— Пыталась ужъ въ Москвѣ, ничего не вышло.

— То въ Москвѣ.

— А здѣсь и подавно не найти человѣка, который взялся бы моими дѣлами управлять...

— Да что жъ онъ пишетъ-то?—спросила Демьяновна, указывая на письмо, которое барышня продолжала сжимать въ рукѣ.

— Ничего путнаго. Въ Петербургъ запрещаетъ ѣхать... все объ экономіи толкуетъ... чтобъ денегъ у него до зимы не просить... А сколько вышлетъ, на какую сумму могу я рассчитывать—про это ни слова... Вотъ также про Свѣтлика,—продолжала она съ возрастающимъ волненіемъ,—какъ вѣдь обѣщать устроить, чтобъ у него было имя! И до сихъ поръ—ничего! А ужъ два года прошло, какъ я сюда изъ-за этого переѣхала... и все ему простила... и что домъ мой онъ безъ моего позволенія продать, и все...

По мѣрѣ того, какъ она говорила, лицо ея омрачалось, подъ сдвинутыми бровями глаза злобно сверкали, а на лбу начинала про-рѣзываться морщинка.

Демьяновна узнавала свою прежнюю барышню. Давно ужъ не видѣла она ее въ такомъ гнѣвѣ.

— Ну, вотъ, я тебѣ все сказала, что же ты можешь?—запальчиво вскричала Катя, выведенная, наконецъ, изъ терпѣнія упорною сдержанностью старой няньки.—Нашла, что ли, когонибудь, кто бы не побоялся взяться за наше дѣло? Такъ приведи его сюда, я сейчасъ возьму его въ управляющіе и дамъ ему довѣренность, какую онъ потребуетъ... Что же мнѣ дѣлать по-твоему? говори!

Демьяновна только и ждала этого вопроса, чтобъ приступить къ осуществленію вздѣланнаго плана.

— Я бы сказала, почему не сказать,—начала она нерѣшительно и запинаясь:—да ты меня не послушаешь, вотъ въ чемъ бѣда-то.

— Все равно, скажи, тамъ видно будетъ.

— А ужъ какъ было бы хорошо! Такой человѣкъ, преданнѣе тебѣ не найдешь, въ огонь и въ воду за тебя пойдетъ съ радостью...

— Развѣ есть на свѣтѣ такой человѣкъ? Кто онъ такой? Гдѣ ты его видѣла? Неужели здѣсь?—прервала ее барышня.

Любопытство ея было возбуждено до такой степени, что она за-

была и про письмо Леонтія Артемьевича, и про досаду и горе, которыя причинило ей это письмо.

— Ну, говори же! — повторила она, возвышая голосъ и топая запальчиво ногой.

— А ты меня не понукай, дай съ мыслями собраться, надо все по порядку рассказать, — съ самодовольною усмѣшкой возразила Демьяновна.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ КОНСТАНТИНА КАРЛОВИЧА ЖЕРВЕ¹⁾.

III.

Производство въ офицеры. — Назначеніе меня въ Свеаборгскую инженерную команду. — Чухонскій супъ. — Приѣздъ въ Гельсингфорсъ. — Новые сослуживцы и знакомые. — Радуніе барона Штейнгеля и неожиданный завистникъ. — Полковникъ Абрютинъ и судьба его семейства. — Полковникъ Штрикеръ. — Свеаборгскій клубъ; веселиющіяся старушки. — Женитьба подполковника Шведера и обѣдъ у него: мои проказы и ревность «молодого». — Препровожденіе времени въ Гельсингфорсъ. — Шведско-русскія антипатіи въ обществѣ. — «Война со шведомъ». — Два слова о шведахъ. — Нелюбовь офицеровъ къ Шведеру. — Русская молодежь и ея успѣхи въ обществѣ. — Кузинъ-скоодъ. — Первая работа. — Взрывъ порохового погреба. — Рискованная продѣлка ради отпуса. — Назначеніе депутатомъ въ судъ. — Дерзость финляндскихъ чиновниковъ. — Хорошій для нихъ урокъ. — Окончаніе слѣдствія. — Поѣздка въ Петербургъ. — Пикникъ. — Столкновеніе съ Латынинымъ и его послѣдствія. — Кончина императора Александра I и вступленіе на престолъ императора Николая I. — Осмотръ финляндскихъ крѣпостей. — Погребеніе императора Александра Павловича.

ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ 5-го декабря 1821 года мы были произведены въ офицеры, и къ этому времени насъ экипировали по ходатайству великаго князя, который приказалъ намъ выдать по 200 рублей ассигнаціями. Чтобы болѣе однообразно одѣть молодыхъ офицеровъ и удешевить обмундированіе, одинъ портной, по подряду, сшилъ намъ платье, а одинъ магазинъ поставилъ офицерскія вещи. Намъ сшили мундиръ, панталоны, сюртукъ и холодную шинель; дали пару эполетъ, треугольную шляпу съ перомъ, шагау, шарфъ и одну пару ботфортъ. Чего изъ денегъ не-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXII, стр. 419.

достало на экипировку, великій князь доплатилъ. Въ ближайшее воскресеніе мы должны были явиться къ его высочеству. Онъ насъ принялъ очень ласково и вмѣстѣ съ нами отправился въ Зимній дворецъ для представленія государю. По особой милости къ намъ государь, какъ всегда, былъ очень ласковъ и пріятливъ.

Послѣ производства я посѣщаль еще офицерскіе классы, а затѣмъ меня назначили въ Свеаборгскую инженерную команду. По дорогѣ въ Свеаборгъ мнѣ пришлось остановиться, между прочимъ, въ городѣ Борго. Я былъ утомленъ и очень проголодался; время было обѣденное. Зашелъ я въ гостиницу и велѣлъ служанкѣ подать мнѣ супъ. Она принесла мнѣ въ графинѣ водки и поставила на столъ. Жду, жду—больше ничего не несутъ. Я опять крикнулъ, горничная пришла. Говорю ей: «супъ, супъ!». Она показала на столъ, что-то сказала пошведски, проворно обернулась и ушла. Я подождать еще, наконецъ, потерялъ терпѣніе, спустился внизъ въ общую залу и спрашиваю, что это значитъ, что мнѣ не дадутъ обѣдать, что я жду уже Богъ знаетъ сколько времени. Тутъ напелся какой-то господинъ, знавшій русскій языкъ; онъ и передалъ мое желаніе хозяйкѣ. Служанка что-то сказала ему, тотъ расхохотался, обратился ко мнѣ и спросилъ:

— Вы просили супъ?

— Да.

— Не прогнѣвайтесь, — отвѣчалъ онъ мнѣ:—слово «супъ» на шведскомъ языкѣ значитъ «водка»; служанка поставила вамъ водки на столъ и была увѣрена, что васъ удовлетворила вполне.

Дѣло объяснилось, я пообѣдалъ и поѣхалъ дальше въ Гельсингфорсъ.

Я зналъ, что тамъ при генераль-губернаторѣ состоитъ мой старшій товарищъ, инженерный поручикъ Теше, и потому, пріѣхавъ въ городъ, разыскалъ его и на первыхъ порахъ остановился у него. Мы другъ другу очень обрадовались, и онъ съ удовольствіемъ пріютилъ меня у себя. На другое утро и поѣхалъ черезъ заливъ въ Свеаборгъ представляться по начальству. Явился къ командиру Свеаборгской инженерной команды, полковнику Шведеру, — сладкій, недалекій нѣмецъ, недуренъ собою, но противная фигура. Затѣмъ къ командиру Финляндскаго инженернаго округа генераль-лейтенанту Труссону 1-му, — человекъ умный, образованный, начитанный и вѣжливый, но страшный чудакъ: ни у кого не бывалъ и ни съ кѣмъ, кромѣ какъ по службѣ, не видался и не знакомился, жилъ одинъ, безъ семейства. Явился также къ коменданту, генераль-майору Павлу Николаевичу Гебнеру, бывшему саперу. Это презанимательная личность: всегда веселъ, пріятливъ, обходителенъ и добръ. Послѣ этого я пошелъ къ своимъ новымъ товарищамъ, изъ которыхъ больше всѣхъ мнѣ понравился поручикъ Павель Ивановичъ Чеснокъ, славный малый, хохоль по происхожде-

нію. Мы другъ другу сразу припились по душѣ и начали свое знакомство съ того, что онъ предложилъ мнѣ, пока я отыщу себѣ квартиру или получу казенную, поселиться вмѣстѣ съ нимъ; квартиру онъ занималъ довольно большую, и къ тому же у него было свое маленькое хозяйство. Я очень поблагодарилъ его и обѣщалъ воспользоваться его милымъ предложеніемъ. Вообще всѣ мои новые сослуживцы показались мнѣ очень хорошими людьми и товарищами, приняли меня очень ласково и даже дружески, но меня обдало холодомъ, когда я увидѣлъ, что среди нихъ всякое образованіе и даже воспитаніе почти отсутствовали, какія-то странныя, совсѣмъ не свѣтскія манеры меня поразили, никто не зналъ ни одного иностраннаго языка. Одинъ только Чеснокъ имѣлъ вполне приличныя и болѣе свѣтскія манеры, за то онъ какъ-то мало бывалъ въ обществѣ, рѣдко показывался въ клубѣ, а больше сидѣлъ дома и сибаритничалъ. Когда я возвратился въ Гельсингфорсъ къ Теше, онъ повелъ меня въ трактиръ т-ше Валундъ, лучший въ городѣ, особенно усердно посѣщавшійся болѣе аристократическою военною молодежью. Кормили тамъ очень хорошо и почти за безцѣнокъ: за 30 абонементныхъ билетовъ на обѣды мы платили 12 рублей ассигнаціями и получали всегда 5 блюдъ, чашку кофе и рюмку водки (кто ее пилъ). Обѣдъ подавался сытный, аппетитный, прислуживали хорошенькія, молодыя дѣвушки.

Генералъ-губернаторомъ Финляндіи былъ тогда баронъ Штейнгель, старый другъ моего покойнаго отца. Когда я явился къ нему, онъ принялъ меня чрезвычайно любезно и прямо повелъ къ супругѣ своей Натальѣ Николаевнѣ. Она также приняла меня очень ласково, просила бывать во всякое время, когда пожелаю и могу, и сказала, что мнѣ они всегда будутъ рады. Мнѣ, конечно, было весьма пріятно быть коротко знакомымъ въ такомъ важномъ домѣ. Баронъ напомнилъ мнѣ, что здѣсь же я могу найти другихъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, и прежде всего направилъ меня къ Валлену; еще при покойномъ отцѣ онъ былъ губернаторомъ въ Выборгѣ послѣ Шернвалля, вдова котораго вышла потомъ за него замужъ. Я отправился къ нимъ и былъ принятъ такъ же ласково и радушно. Дня черезъ три послѣ визита къ Штейнгелю онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать; у него собралось въ этотъ день довольно много представителей мѣстной знати, которымъ онъ представилъ меня и просилъ подлюбить, какъ сына его стараго друга. Барона всѣ очень любили и уважали; вѣроятно, съ его легкой руки я вездѣ былъ принятъ какъ нельзя лучше. Познакомился я также съ состоявшими при баронѣ офицерами и былъ принятъ въ ихъ кругъ, какъ близкій товарищъ. По рекомендаціи барона, мнѣ пришлось еще явиться къ дивизионнымъ командирамъ: русскихъ войскъ—генералу Теслену и финскихъ—генералу Эрнроту.

Изъ Свеаборга, гдѣ я поселился съ поручикомъ Чеснокомъ, каждый день ѣздить я въ Гельсингфорсъ на званые обѣды и вечера.

Какъ очень молодой офицеръ и лихой танцоръ, вполне владѣвшій французскимъ и нѣмецкимъ языками, я былъ вездѣ принятъ очень хорошо; мои свеаборгскіе товарищи, не имѣвшіе знакомыхъ въ Гельсингфорсѣ, завидовали моей счастливой звѣздѣ, впрочемъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей, а моему командиру команды Шведеру очень не нравилось, что, помимо его, генераль-губернаторъ и вся знать постоянно приглашаютъ меня къ себѣ на обѣды и вечера. Къ тому же случилось однажды, что 28 февраля генераль-губернаторъ (день его именинъ: Fabian—русское Фаддей) устроилъ великолѣпный балъ, на который былъ приглашенъ весь Гельсингфорсъ, а изъ Свеаборга только генераль Труссонъ, комендантъ и я. Это взорвало Шведера окончательно, и онъ началъ кое въ чемъ придирается ко мнѣ. Товарищи, которые радовались моимъ успѣхамъ въ свѣтѣ, удерживали его, а я прямо объявилъ ему, что если онъ не оставитъ меня въ покоѣ, то я напишу въ Петербургъ Опперману, который меня знаетъ очень коротко, такъ какъ я часто проводилъ у него время; всѣ знавшіе о томъ дѣйствительно подтвердили мои слова. Унялся мой нѣмецъ.

Я познакомился также съ плацъ-майоромъ, полковникомъ Абрютинимъ, человѣкомъ очень старымъ, болѣзненнымъ и съ огромнымъ семействомъ. Когда я обѣдалъ у него въ первый разъ, за столомъ насъ сидѣло 22 человѣка, и я одинъ былъ чужой, всѣ же остальные были самые близкіе родные. Двѣ дочери были замужемъ за флотскими офицерами, старшій сынъ также служилъ во флотѣ. Странная и жестокая участь постигла это семейство. Въ короткій промежутокъ времени оба его зятя замерзли, кажется, въ 1824 году на какомъ-то кораблѣ, шедшемъ изъ Архангельска около и въ виду самага Кронштадта; жены ихъ съ дѣтьми поѣхали въ деревни покойныхъ своихъ мужей. Лѣтомъ же 1824 года старикъ Абрютинъ умеръ, главнымъ образомъ, отъ горя. Сынъ его, флотскій лейтенантъ, былъ тогда на брантвахтѣ въ Гангеудѣ. Такъ какъ Свеаборгъ островъ, и на немъ кладбища нѣтъ, то при печальныхъ обрядахъ погребенія покойнику отдають послѣднюю воинскую честь въ ту минуту, когда гробъ ставится на катеръ для отвоза его чрезъ заливъ за Гельсингфорсъ на кладбище. Когда батальонъ матросовъ провожалъ тѣло Абрютина послѣднимъ залпомъ, въ ту же минуту слѣдовалъ салютъ изъ пушки съ корабля, входившаго чрезъ проливъ на рейдъ мимо Густавъ-Сверда. Гробъ былъ поставленъ на катеръ, и когда мы причалили къ берегу у кладбища и процессія двинулась дальше, корабль успѣлъ также причалить. На этомъ кораблѣ оказался молодой Абрютинъ. Трудно описать горе несчастнаго сына: встрѣча его съ старухой матерью насъ всѣхъ тронула до слезъ. Черезъ годъ изъ огромнаго семейства остались только мать и сынъ...

Про Абрютина мнѣ рассказывали такой эпизодъ. Графъ Гейденъ ¹⁾ сдѣлалъ представленіе къ Царю о награжденіи старика Абрю-

¹⁾ Бывшій ранѣе барона Штейнгеля генераль-губернаторомъ въ Финляндіи.

тина окладомъ жалованья, въ виду его долголѣтней службы и огромнаго семейства. Но награда эта не вышла, тогда какъ многіе нѣмцы и шведы получили награды. Когда графъ Гейденъ похристосовался со старикомъ въ своемъ пріемномъ залѣ, въ присутствіи всѣхъ генераловъ и офицеровъ гарнизона, и передалъ ему, что награда его не состоялась, старикъ Абрютинъ при всѣхъ сталъ на колѣни предъ образомъ, перекрестился и со слезами на глазахъ громко произнесъ: «Господи милосердный и всесильный! Перекрести меня хоть въ какогонибудь Шванценштрема, — авось тогда помилуютъ!». Графъ очень сконфузился. Старика еле вывели.

Познакомился я также съ другимъ плацъ-майоромъ, полковникомъ Штрикеромъ, также весьма старымъ человѣкомъ и раненымъ въ ротъ: у него не было нѣба, такъ что при разговорѣ онъ долженъ былъ вставлять въ ротъ пробку вмѣсто нѣба. Онъ былъ женатъ на простой чухонкѣ, которая при всемъ своемъ низкомъ происхожденіи умѣла довольно хорошо держаться въ обществѣ; лишь въ нѣкоторыхъ, исключительныхъ случаяхъ общественной жизни проглядывали ея простыя замашки, да иногда обнаруживалась страсть къ мелочнымъ сплетнямъ.

Спустя недѣли двѣ послѣ моего пріѣзда, въ свеаборгскомъ собраніи былъ назначенъ танцевальный вечеръ. Клубъ помѣщался въ одномъ изъ офицерскихъ флигелей Вестерсварда; залъ довольно большой, но низкій, освѣщеніе не важное. Когда я пришелъ, помоему, очень рано, то уже танцевали экосезъ. Собралось всего не болѣе 12 дамъ и въ числѣ ихъ только одна молоденькая, хорошенькая дѣвица Казанцева, прочія же все жены плацъ-майоровъ и другихъ мѣстныхъ жителей, болшею частью разряженныя старухи въ огромныхъ чепцахъ и наколкахъ. Какъ вошелъ я въ залъ, такъ и покатился со смѣху и скорѣе выбрался отсюда. Любезные кавалеры не преминули передать о моей веселости дамамъ, и тѣ, конечно, возстали противъ меня. Не видя никакого интереса въ собраніи, я скорѣе ушелъ отсюда. Моему командиру команды передали о моей нескромности; онъ нахмурился и собрался, вѣроятно, мнѣ чтонибудь замѣтить по поводу этого, но поудержался.

Надо сказать, что мѣсяца за два передъ тѣмъ Шведеръ уѣзжалъ въ отпускъ въ Ревель и женился тамъ на очень хорошенькой молодой дѣвицѣ. Сдѣлавъ всѣмъ визиты и получивъ отвѣтныя, Шведеръ расщедрился и устроилъ большой обѣдъ для свеаборгской знати и для всѣхъ офицеровъ команды; меня онъ не долюбивалъ, но все-таки исключить было неловко. Я уѣлся за обѣдомъ подлѣ старика Штрикера и противъ Маріи Николаевны Гебенеръ (сестры коменданта). Мы завели съ нею очень оживленный разговоръ и мало обращали вниманія на нѣмецкій этикетъ, царившій вокругъ насъ; я часто смѣшилъ ее, заставляя своего старика-сосѣда то вкладывать въ ротъ пробку вмѣсто неба, то вынимать ее. Какъ водится,

подавали денщики. Супъ обошелся благополучно; но когда подали соусъ, молодая хозяйка замѣтила, что ложки нѣтъ, нечѣмъ взять,—покраснѣла, а денщикъ стоитъ задумавшись и не знаетъ, что ему дѣлать. Я обернулся къ нему и шепнулъ: «Поставь блюдо на полъ и принеси ложку». Денщикъ такъ и сдѣлалъ: блюдо на полъ, а самъ за ложкой. Поднялся общій смѣхъ. Марья Николаевна смѣясь погрозила мнѣ пальцемъ и сказала: «какой вы злой!». Шведеръ изъ себя выходитъ, но поправить дѣло уже поздно. Прибѣжалъ денщикъ, поднялъ блюдо, положилъ ложку и сталъ обносить. Одно къ одному, бѣсилъ я моего командира на каждомъ шагу. По своему глупому характеру, онъ не умѣлъ отшучиваться и давалъ лишь постоянно поводъ къ столкновеніямъ. Всѣ его выходки привели къ тому, что онъ вооружилъ противъ себя всѣхъ офицеровъ, которые, видя во мнѣ ловкаго коновода, перешли на мою сторону. Послѣ обѣда надо было помириться съ хозяйкой. Я шепнулъ Марьѣ Николаевнѣ: «посмотрите, какъ задобрю хозяйку». Она сидѣла окруженная дамами, которыя были всѣ злы на меня за продѣлку въ собраніи и точили язычки на мой счетъ, но я, нисколько не конфузясь, взялъ стулъ и сѣлъ противъ хозяйки. Я началъ говорить съ нею понѣмечки, рассказывалъ о знакомыхъ въ Ревелѣ, каковыхъ у меня ни души тамъ не было, приплелъ кое-какіе анекдоты, однимъ словомъ, мы разговорились, любезничали и хохотали безъ умолку. Къ намъ присоединились и другіе гости, а дамы, видя, что съ такимъ шалуномъ лучше жить въ мирѣ, чѣмъ ссориться, также примкнули къ нашему кружку. Всѣ мы отъ души развеселились, и хозяйка такъ мило разговаривала со мною, что мужъ даже началъ ревновать; ходитъ блѣдный, ежится, а моя помощница Марья Николаевна еще подтруниваетъ надъ нимъ. Къ нашему же кружку и подойти трудно: всѣ помираютъ со смѣху и не обращаютъ никакого вниманія на бѣснующагося хозяина. Наконецъ, онъ вышелъ изъ себя, попросилъ сыграть вальсъ, бѣжитъ къ женѣ и кричитъ: «*Ein Tänzchen, meine Liebe, ein Tänzchen!*». Я, какъ бы не замѣчая его, пригласилъ хозяйку и пошелъ съ нею вальсировать. Шведеръ и руки опустилъ. Гебенеръ, который слѣдилъ за моими продѣлками, хочеть такъ, что трясется весь, а Шведеръ потихоньку говоритъ то тому, то другому: «*So ein Naseweis schnappt mir meine Dame vor der Nase weg!*¹⁾». Наконецъ я кончилъ вальсъ и поблагодарилъ свою даму за танецъ и за тѣ очаровательныя минуты, которыя провелъ въ ея обществѣ. Моя нѣмка растаяла и съ своей стороны поблагодарила меня также довольно горячо за то, что я оживилъ все общество,—и все это въ присутствіи мужа; онъ навѣрное сѣлъ бы меня съ досады, но долженъ былъ также поблагодарить, чтобы не выдать себя.

¹⁾ «Такой проказникъ, отбиваетъ у меня даму передъ носомъ!»

Въ Свеаборгѣ вообще я бывалъ очень мало, только по утрамъ, а послѣ обѣда, иногда же ранѣе, обыкновенно отправлялся въ Гельсингфорсъ, гдѣ имѣлъ очень большой кругъ знакомыхъ. Мои лихіе товарищи составляли славный кружокъ разбитной молодежи, среди которой жилось прекрасно. На официальныхъ обѣдахъ и вечерахъ многіе старики и почтенныя дамы, ломая языкъ, съ трудомъ говорили со мною пофранцузски, что было для нихъ невѣроятно трудно. Мнѣ стало совѣстно передъ ними, и я рѣшилъ, во что бы то ни стало, выучиться шведскому языку, что при знаніи другихъ языковъ мнѣ удалось довольно скоро: черезъ мѣсяцъ я уже началъ говорить, а послѣ усвоилъ себѣ языкъ совершенно. Дамскій кругъ Гельсингфорса полюбилъ нашу молодежь, и мы вездѣ были приняты. Такъ какъ я былъ очень молодъ и худенькій, то меня прозвали «*lilla leutenant*» («маленькій лейтенантъ»). Штатская шведская молодежь стала коситься на насъ за успѣхи у дамъ и дѣвицъ и, гдѣ только можно было, всюду выказывала намъ свое нерасположеніе. Въ Гельсингфорсѣ танцевальныя вечера и балы въ *Société* устраивались каждое воскресенье и были посѣщаемы всеми сословіями: тутъ былъ *beau monde*, и купцы и *commis*. На одномъ изъ вечеровъ наша молодежь была въ особенномъ ударѣ, и шведы что-то сильно точили на насъ зубы. Впрочемъ, самый вечеръ обошелся благополучно; шведы знали, что мы порядочные сорви-головы, ничего даромъ не спустимъ, да и рука-то у насъ сильная: всѣ дамы и аристократія на нашей сторонѣ,—бороться-то трудненько. Подъ конецъ вечера подходитъ къ намъ Гизингеръ ¹⁾ и спрашиваетъ: «Послѣ бала ужинаемъ мы вмѣстѣ?»—«Идетъ»,—отвѣчали мы всѣ въ одинъ голосъ:—«иди, заказывай». Для насъ накрыли столъ въ особой комнатѣ; мы проводили всѣхъ нашихъ дамъ и потомъ сѣли ужинать. Шведы расположились въ общемъ залѣ. Тамъ скромно, тихо, а у насъ веселье, шампанское льется—кутимъ, однимъ словомъ. Чтобы намъ насолить, два шведа набили себѣ трубки и прямо идутъ съ трубками въ нашу комнату. Я увидѣлъ ихъ, мигнулъ Гизингеру. Мы дали обоимъ подойти близко къ дверямъ—и въ мигъ обѣ половинки разомъ захлопнулись, трубки полетѣли, а мы дверь на замокъ. Поднялся хохотъ, вивать, ура, а шведы бѣсятся, стучатся въ дверь, но ихъ, конечно, не пустили. Прислуга также, получая отъ насъ всегда достаточно, распорядилась такъ, чтобы все лучшее подавалось намъ. Долго мы пировали и, наконецъ, начали собираться по домамъ. Выходимъ, а шведы стоятъ тѣсно и выжидаютъ насъ. Комнено, уже порядочно навеселѣ, и графъ Армфельдъ ²⁾ шли

¹⁾ Гизингеръ былъ адъютантомъ начальника финской дивизіи генерала Эрнота.

²⁾ Л.-гв. Гренадерскаго полка капитанъ Дмитрій Комнено и л.-гв. Преображенскаго полка капитанъ графъ Александръ Армфельдъ состояли адъютантами при баронѣ Штейнгейлѣ.

впередѣ. Комнено обернулся: «ну, господа, напрямикъ, грудью впередъ»,—и мы дружнымъ натискомъ раздвинули стѣну. Шведы разлетѣлись, а мы себѣ прѣблагополучно отправились всею гурьбою по домамъ. Шведы, вѣроятно, ожидали разговора или объясненій, но не тутъ-то было: разомъ, приступомъ и конецъ.

Балы и вечера въ Гельсингфорсѣ устраивались чуть не каждыи день. Дамы и дѣвицы очень любили танцовать, и гг. сенаторы, дивизионные начальники, комендантъ и генераль-губернаторъ чередовались балами, такъ что танцовали мы до упаду и вообще время проводили очень пріятно. Иногда эти вечера принимали болѣе интимный характеръ: приглашали не на чай или на вечеръ, а на кофе: это значило собираться въ 4 часа послѣ обѣда, и танцы начинались днемъ, причѣмъ въ нихъ участвовалъ только избранный кружокъ близкихъ знакомыхъ. Такіе вечера мы особенно пріятно проводили въ домахъ графа Маннергейма и сенаторовъ Рихтера и барона Котена; хозяйки и дочери ихъ особою любезностью умѣли сдѣлать эти кафѣ очень оживленными и пріятными. Вообще же шведы, за исключеніемъ аристократіи, жили довольно тихо. Это былъ народъ очень серьезный, опирающійся вездѣ и всегда на свои законы, крайне трудолюбивый, но упрямый и мстительный, нравственности въ городахъ довольно легкой. Дѣвушки и женщины въ Новой Финляндіи вообще очень красивы, услужливы, но любятъ деньгу и весьма легко заманчивы, молодежи раздолье въ особенности военнымъ, но если не полюбятъ, такъ ничѣмъ ихъ не уговоришь, а полюбятъ—все на распашку. За то въ деревняхъ нравственность гораздо строже. Народъ вообще не долюбливаетъ русскихъ, что вкоренено въ нихъ еще прежнимъ поколѣніемъ. Ново-финляндцы крайне удивились, найдя между русскими образованныхъ людей и, надо сказать, гораздо лучше образованныхъ, чѣмъ они сами.

Между тѣмъ, у насъ смѣнили окружного начальника, генераль-лейтенанта Труссона, и кто займетъ его мѣсто, было неизвѣстно. Въ это междуцарствіе, не помню почему, всѣ наши офицеры были крайне недовольны Шведеромъ. Мы затѣяли какъ-то большое празднество и къ обѣду пригласили военнаго губернатора Шельшинга, коменданта, многихъ лицъ изъ Гельсингфорса и всю знать Свеаборга, но Шведера не пригласили. Мы отпраздновали этотъ день блистательно, воспользовавшись для этого пустою квартирою окружного начальника, бокъ о бокъ съ квартирою Шведера, который долженъ былъ все видѣть и слышать музыку.

Наша молодежь попрежнему была вездѣ принята очень радушно, и мы, въ особенности русскіе офицеры, никогда не позволяли себѣ какихъ нибудь выходокъ, скандальчиковъ и пр., и потому пользовались большимъ расположеніемъ милыхъ дамъ; за то намъ многое сходило съ рукъ, что другимъ не позволялось ни подъ какимъ видомъ. Въ Гельсингфорсѣ, кажется, и во всей Новой Финляндіи былъ

обычай, что послѣ каждаго большого обѣда или бала вся молодежь черезъ день или два дѣлала визитъ тому семейству, которое приглашало насъ. Такъ какъ знакомыхъ домовъ у насъ было чрезвычайно много, а званые вечера устраивались почти ежедневно, то не было никакой возможности успѣвать дѣлать всѣмъ визиты. Поэтому мы дежурили понедѣльно, и всѣ отдавали свои визитныя карточки, по числу визитовъ, очередному дежурному, который развозилъ за насъ карточки по домамъ. Лѣтомъ мы, бывало, цѣлою гурьбою отправлялись за городъ, гдѣ за стаканомъ вина или пива проводили время постуденчески: пѣли, болтали, курили трубки и пр. Къ намъ часто прїѣзжали туда наши друзья съ женами и дочерьми, вполне увѣренные, что мы никогда не переступимъ границъ приличія. Случалось, ѣдутъ они обратно въ коляскахъ, а мы идемъ по бокамъ и поемъ пѣсни по выбору дамъ. Иногда мы задавали серенады передъ окнами тѣхъ дамъ и дѣвицъ, которыхъ все наше общество особенно любило и уважало. Случалось, что иногда мы заранѣе заказывали загородное помѣщеніе съ приличной обстановкой, хорошею музыкой и угощеніемъ и приглашали туда дамъ и дѣвицъ. Веселились мы тамъ дѣйствительно отъ души и, бывало, какъ старички начнутъ собираться по домамъ, упрасиваніямъ остаться еще подольше нѣтъ конца.

Въ Новой Финляндіи существовалъ еще такой обычай. Если молодой человѣкъ близко познакомится съ дамою или дѣвицею и его найдутъ вполне добропорядочнымъ, то имъ предлагаютъ такъ называемый «кузинъ-скооль»: дама и кавалеръ, скрепивъ правыя руки, держатъ по бокалу шампанскаго, который должны выпить залпомъ до дна. Послѣ этого они цѣлуются, называютъ съ тѣхъ поръ другъ друга *cousin* и *cousine* и говорятъ «ты» (въ родѣ нѣмецкаго *Bruderschaft*). Это дѣлается при всемъ обществѣ, и никто, даже родители, не осуждаютъ обычая; напротивъ, чѣмъ болѣе у дамы или дѣвицы *cousin*, тѣмъ болѣе она выигрываетъ во мнѣніи другихъ.

На лѣто мнѣ дали работу: производить каменную ломку и по шаблонамъ грубо притесывать каменные параллелоэдры для Ревельскаго рейда. Работа эта должна была производиться на Скотъ-Ландѣ, голомъ каменномъ островѣ, лежащемъ противъ Густавъ-Сверда. Этими двумя островами для судовъ Свеаборгскаго рейда образуется не широкій, но глубокій проходъ. На островъ командировали 300 человѣкъ арестантовъ, около 30 человѣкъ военнорабочихъ и для содержанія постовъ у острога офицерскій караулъ, который смѣнялся ежедневно. Я квартировалъ въ отдѣльномъ домѣ, въ двухъ комнатахъ. Положеніе было весьма незавидное. Зная мстительный и суровый характеръ финляндскихъ арестантовъ, ихъ угрюмость и ненависть ко всему русскому, я всегда ходилъ съ палкою, свитою изъ желѣзныхъ шомполовъ, и съ двумя заряженными пистолетами въ карманѣ. Арестанты работали отдѣльными группами, разбросан-

ными по всему острову, очень неохотно исполняли приказанія русскаго офицера, особенно такого молодого, какимъ былъ я, вынуждали имъ дѣлать выговоры за медленность или за отступленіе отъ шаблона. Только смѣлость и настойчивость со стороны офицеровъ и убѣжденіе въ арестантахъ, что при первомъ дерзкомъ приѣмѣ каждаго изъ нихъ наповаль положить на мѣстѣ,—держали ихъ въ границахъ полного повиновенія. Грубо обтесанные камни нагружались на суда и отвозились въ Ревель. Кончалась моя нагрузка и вмѣстѣ съ нею моя работа.

Пять мѣсяцевъ я провелъ почти безвыходно одинъ на этомъ печальномъ голомъ островѣ, только въ праздничные дни бывалъ я въ Свеаборгѣ или Гельсингфорсѣ.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ я былъ у нашего офицера Смирнова, который жилъ въ Вестерсвардѣ, въ офицерскомъ флигелѣ, построенномъ лицомъ къ площади на довольно высокой скалѣ. Онъ съ товарищами игралъ въ карты, а я смотрѣлъ ихъ игру. Началась довольно сильная гроза, и одинъ ударъ былъ настолько силенъ, что мы, сколько насъ было, были сброшены со стульевъ. Послышался страшный взрывъ. Дѣйствительно, молнія ударила въ пороховой погребъ на равнинѣ, между Вестерсвардомъ и Густавъ-Свардомъ, и его снесло безслѣдно. Мы всѣ выбѣжали на улицу. Поднявшійся столбъ камней, осколковъ, пыли и мусора сдѣлалъ буквально затменіе, и долго-долго спустя все это начало сыпаться внизъ, большею частью на побережье Гельсингфорса и пролива. Какъ только паденіе крупныхъ предметовъ нѣсколько прекратилось, мы пошли осмотрѣть мѣстность, гдѣ былъ погребъ, и нашли ее, какъ ладонь, гладкою. О часовомъ ни слуху, ни духу. Затѣмъ пошли въ Густавъ-Свардъ и увидѣли, что ударомъ молніи въ противоположащую скалу Скотланда ее расколело такъ, что образовалась трещина вершковъ въ восемь шириною, а отъ внизу стоявшихъ лодочекъ поплыли только два пучечка самыхъ мелкихъ щепочекъ. Трудно себѣ вообразить силу подобнаго удара, такъ какъ въ погребѣ было до двадцати тысячъ пудовъ пороху. Не будь погребъ такъ далеко отъ крѣпостныхъ стѣнъ, онъ навѣрное повредилъ бы ихъ сильно.

Хотя зиму проводилъ я пріятно, но меня все-таки очень тянуло въ Петербургъ, къ роднымъ. Просился я въ отпускъ у подполковника Шведера 2-го, такъ какъ окружнаго начальника не было, но онъ отказалъ, тѣмъ болѣе, что я просилъ и денегъ въ счетъ жалованья на проѣздъ. Встрѣчаю коменданта Штевена и рассказываю свое горе. Старикъ утѣшаетъ заявленіемъ, что, молъ, и здѣсь повеселимся. А я ему говорю, что очень хочется съѣздить домой. Старикъ на это мнѣ говорить: «Коли нужна помощь,—готовъ, буду служить». По какому-то случаю попался мнѣ въ руки «Инвалидъ» или приказъ по инженерному корпусу. Въ этомъ приказѣ Шведера 1-го, который тогда былъ командиромъ инженерной команды въ Бобруйскѣ,

произвели изъ подполковниковъ въ полковники. Пришла же мнѣ блажная мысль въ голову: взялъ да подмочилъ подлѣ фамиліи Шведера единицу и приклеилъ 2. Съ этимъ приказомъ и съ радостнымъ лицомъ иду къ Шведеру, поздравляю его съ производствомъ въ полковники и показываю приказъ. Тотъ сдуру-то и повѣрилъ. Тутъ я вынулъ свой отпускъ и приказаніе цейхвахтеру ¹⁾ о выдачѣ мнѣ впередъ третнего жалованья. Шведеръ съ радости подписалъ мнѣ все. Я тотчасъ же къ Мельгунову, который любилъ меня за мой всегда веселый характеръ; онъ сію же минуту выдалъ деньги подъ росписку. Отъ него—къ коменданту; рассказалъ ему всю подробку. Тотъ хохоталъ до слезъ. Тотчасъ приказалъ выдать мнѣ подорожную, какъ можно скорѣе велѣлъ запрячь сани и самъ съ сестрою повезъ меня въ Гельсингфорсъ. Спѣшили мы, ибо легко могло случиться, что Шведеръ опомнится, и тогда не обошлось бы безъ исторіи. Они меня благословили, и я полетѣлъ въ Петербургъ. Проказникъ комендантъ, какъ послѣ рассказывалъ мнѣ, чтобы поддержать меня, на другой день надѣлъ мундиръ и поѣхалъ поздравлять Шведера, будто, молъ, и онъ прочелъ въ приказѣ о его производствѣ. Шведеръ принялъ его и очень благодарилъ, а тотъ едва удерживался, чтобы не расхохотаться.

При возвращеніи изъ отпуска, подѣзжая къ Свеаборгу, я чувствовалъ себя не совѣшь ловко, и на душѣ было не ясно. Прибывъ на мѣсто, я поѣхалъ являться къ Шведеру. Принялъ онъ меня, разумѣется, холодно, сухо, видно было, что былъ взбѣшонъ, но на столько хватило ума, что о производствѣ ничего не упомянулъ. Такъ дѣло и осталось.

Лѣтомъ въ томъ же году я получилъ порученіе быть военнымъ депутатомъ по одному уголовному дѣлу. Суть въ томъ, что денщикъ нашего инженернаго капитана Шатаева, по дѣламъ своего барина, былъ посланъ въ какую-то деревню за покупками. Онъ проходилъ мимо корчмы, по большой почтовой дорогѣ, въ воскресенье, въ то время, когда совершалось богослуженіе. Въ корчмѣ было нѣсколько мужиковъ (Bunde—хозяевъ-собственниковъ), которые подкутили. Подстрекнули ли ихъ или просто забрало ихъ, но, увидя проходившаго солдата, они вскрикнули: «güsse! güsse!», выскочили изъ корчмы и побили денщика такъ сильно, что разбили ему голову. Уже послѣ его нашли безъ чувствъ на дорогѣ и отвезли въ лазаретъ, гдѣ онъ пролежалъ мѣсяца четыре. Шатаевъ подалъ рапортъ по командѣ. По законамъ финляндскимъ, дѣло представлялось очень серьезнымъ, вслѣдствіе увеличивающихъ вину обстоятельствъ: времени—воскресный день и мѣста—большая дорога. Произвели дознаніе, нашли виновныхъ, всѣ доводы оказались очень тяжкими. Когда дали знать суду, что денщикъ выздоровѣлъ, его

¹⁾ Инженерный чиновникъ.

вытребовали къ мѣсту засѣданія суда, въ деревню, верстахъ въ 20-ти отъ Гельсингфорса. По этому-то дѣлу меня и назначили депутатомъ.

Пріѣзжаю въ эту деревню, вижу довольно большой домъ и около него порядочный съѣздъ, много экипажей. Спрашиваю, гдѣ мнѣ назначена квартира,—никто не обращаетъ вниманія. Спрашиваю, гдѣ судья,—показываютъ на большой домъ, а тамъ, я вижу, суетня, страшня. Дѣлать нечего, гдѣ-то въ углу умылся я, надѣлъ мундиръ, считая неловкимъ явиться къ судѣ въ первый разъ въ дорожномъ костюмѣ, въ скюртукѣ, и вхожу въ домъ. Около огромнаго стола сидятъ человекъ двадцать, обѣдаютъ. Мнѣ показали, что судья сидитъ на концѣ стола на хозяйскомъ мѣстѣ. Подхожу къ нему и говорю порусски, что прибылъ сюда депутатомъ. Я зналъ шведскій языкъ, хорошо читалъ и писалъ пошведски, но не хотѣлъ показать этого шведамъ, такъ какъ для военнаго депутата вовсе не обязательно знать ихъ языкъ, при томъ, когда они увѣрены, что я не знаю языка, то могутъ сказать что нибудь такое, что мнѣ можетъ пригодиться. Судья повернулъ голову, не всталъ съ мѣста и опять сталъ хлебать свой супъ, не сказавъ мнѣ ни слова. Тогда я обратился громогласно къ обществу и спросилъ, нѣтъ ли въ числѣ присутствующихъ кого нибудь, кто бы могъ перевести г-ну судѣ, что русскій офицеръ, по порученію начальства, прибылъ депутатомъ въ судъ. Какой-то господинъ передалъ ему это пошведски; тотъ сказалъ, что, молъ, хорошо, и когда очередь дѣлу наступить, меня позовутъ. Господинъ передалъ мнѣ все это довольно порядочно порусски. На это я попросилъ господина передать судѣ, что когда русскій офицеръ пріѣзжаетъ по казенному дѣлу, ему вездѣ отводятъ квартиру, а потому я прошу судью о распоряженіи отвести мнѣ какую либо комнатку на время моего пребыванія. Судья черезъ господина отвѣтилъ мнѣ, что у него нѣтъ для меня квартиры. Тогда я попросилъ этого же господина передать судѣ, что русскій офицеръ говоритъ съ нимъ вѣжливо и стоя и желалъ бы, чтобы тотъ, къ кому онъ обращается, былъ также вѣжливъ и не отворачивался, а такъ какъ г-нъ судья явно невѣжливъ относительно меня и квартиры у меня нѣтъ, то пусть г. судья меня ужъ извинить, если я отплачу ему тою же монетою и распоряжусь по-своему.

Въ концѣ этой обширной залы стоялъ большой диванъ и передъ нимъ столъ. Я повернулся отъ общества и слышалъ, какъ господинъ слово-въ-слово передалъ все мною сказанное судѣ, а тотъ разсмѣялся. Тогда я подошелъ къ двери, крикнулъ денщика и сказалъ ему:

— Принеси сюда мой чемоданъ, погребецъ, шинель и пистолеты; скажи ямщику, чтобы помогъ тебѣ.

Внесли вещи; я заплатилъ ямщику, тотъ поблагодарилъ и отправился.

Открылъ я чемоданъ, вынулъ халатъ, положилъ свою подушку на диванъ, снялъ саблю (которая по формѣ тогда еще не полагалась; я возилъ ее съ собою только въ дорогѣ), мундиръ, надѣлъ халатъ и закурилъ трубку. Громко приказалъ денщику купить водки и хлѣба, отварить нѣсколько яицъ, достать сливокъ или чего-нибудь другого; велѣлъ не торговаться и платить, что спросятъ, и, когда будетъ готово, принести все сюда. Самъ разлегся на диванѣ и курю, зная, что всѣ шведы вообще считаютъ большимъ невѣжествомъ курить тамъ, гдѣ другіе ѣдятъ. Саблю и пистолеты я положилъ на столъ такъ, чтобы въ случаѣ нужды они тотчасъ были подъ рукою. Шведы мои стали что-то шептаться; судья замѣтно поблѣднѣлъ. Въ чемъ было дѣло, я никакъ не могъ разслышать, потому что они говорили очень тихо. Вижу, одинъ изъ господъ вышелъ изъ комнаты, а другой подошелъ къ моему столу. Я тотчасъ положилъ саблю на диванъ и оба пистолета подлѣ себя. Этотъ господинъ довольно чисто порусски сказалъ мнѣ, что г. судья проситъ меня не обращать ихъ столовой въ казарму, и что тамъ, гдѣ другіе обѣдаютъ, курить и лежать неприлично. На это я отвѣтилъ:

— Передайте г. судьѣ, что я былъ изысканно вѣжливъ, пришелъ къ нему въ мундирѣ, а онъ принялъ меня, какъ невѣжа, и что съ такими людьми, которые съ перваго раза берутъ на себя смѣлость оскорблять русскаго офицера, я никакихъ дальнѣйшихъ правилъ общежитія соблюдать не намѣренъ. А если ему это не нравится, то я предоставляю его доброй волѣ или объясниться со мною или жаловаться. Но пусть онъ будетъ увѣренъ, что еще малѣйшая попытка съ его стороны оскорбить меня еще разъ, и я всажу ему пулю въ лобъ безъ всякихъ разговоровъ.

Шведъ даже отскочилъ, какъ будто я уже цѣлилъ въ него. Судьѣ передали мои слова. Вслѣдъ затѣмъ и тотъ господинъ, который со мною говорилъ, также вышелъ. Спустя минутъ десять, возвратились оба и сообщили, что очистили мнѣ квартиру. Я позвалъ челоуѣка и приказалъ перенести свои вещи. Вижу, дѣвушка накрываетъ на столъ, подають обѣдъ, какъ слѣдуетъ; я пообѣдалъ. Денщикъ мнѣ доложилъ, что и его накормили и не приказали ничего не покупать, что все будетъ готово.

Между тѣмъ, жду часъ, два... Наконецъ, приходитъ какой-то господинъ и проситъ меня пожаловать въ судъ. Я взялъ денщика, вхожу въ залъ. Съ правой стороны, на скамейкахъ, поставленныхъ амфитеатромъ, сидятъ 12 мужиковъ; посреди комнаты большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ; зерцала нѣтъ. За этимъ столомъ сидятъ всѣ тѣ лица, которыхъ я видѣлъ во время обѣда. При входѣ я раскланялся очень вѣжливо; судья привсталъ и также поклонился. Смотрю, мнѣ стула нѣтъ. Я понимаю, подсудимый и обвинитель должны стоя давать показанія, но депутату-то зачѣмъ стоять? Пока

я присѣлъ на окно, позади судьи. Окинувъ всѣхъ взглядомъ, я замѣтилъ, что кто-то изъ присутствующихъ всталъ и вышелъ. Я подошелъ къ его мѣсту, взялъ стулъ, поставилъ его поодаль отъ судьи и сѣлъ. Никто не пикнулъ. Выходившій господинъ возвратился; не найдя стула, посмотрѣлъ на меня, но не сказалъ ни слова, подошелъ къ двери и велѣлъ себѣ принести стулъ. Дѣло начали читать пошведски громко. Правда, кое въ чемъ обвинили мужика, который избилъ денщика, но обо многомъ, что увеличивало вину подсудимаго и размѣръ штрафовыхъ денегъ, умолчали. Я все слушаю. Наконецъ, судъ дѣлаетъ свое заключеніе, что мужикъ по закону подлежитъ такому-то наказанію. Если же онъ согласенъ внести 150 рублей ассигнаціями, то будетъ освобожденъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, при чемъ изъ этихъ денегъ 70 рублей слѣдуетъ суду за веденіе дѣла и гербовую бумагу, а остальные 80 рублей денщику. Вмѣстѣ съ этимъ мнѣ подносятъ бумаги для подписи. Я спрашиваю:

— А что, русскаго перевода этой резолюціи нѣтъ?

Они мнѣ отвѣтили, что русскій переводъ пошлется по начальству, а теперь пока надо подписать эти бумаги.

Я спрашиваю ихъ, какимъ образомъ они требуютъ отъ меня подписи въ дѣлѣ, котораго я не знаю, и говорю, что подписать дѣла не могу. Тогда они сказали мнѣ:

— Напишите это объясненіе особой запиской.

— Извольте, напишу, — отвѣтилъ я, — и прибавлю еще, что недоволенъ рѣшеніемъ суда, такъ какъ въ дѣлѣ главные пункты обвиненія подсудимаго вовсе не упомянуты, и судъ явно пристрастно судилъ о поступкахъ мужика.

На это спросили меня:

— Какимъ же образомъ вы можете это доказать?

— Очень легко: у васъ пропущено, что дѣло было въ воскресенье, во время богослуженія и на большой почтовой дорогѣ.

Они очень сконфузились, не зная, почему мнѣ могло быть это извѣстно, и передали мой отвѣтъ судѣ. Тотъ сильно встревожился, очень пристально посмотрѣлъ на меня и передалъ, чтобы я объяснилъ ему, на чемъ я основываю свой выводъ. Тогда я началъ громко читать шведскую бумагу!.. Надо было видѣть ихъ фізіономіи! Я чуть не расхохотался имъ въ лицо. Пошли извиненія и Негг Lieutenant и проч. и проч. Мнѣ надоѣло возиться съ ними; они передѣлали указанныя мною мѣста въ бумагѣ и присудили мужика къ штрафу въ 600 рублей. Мнѣ выдали 530 рублей, приготовили лошадей и безъ прогоновъ довели меня до Гельсингфорса. Оттуда я пріѣхалъ въ Свеаборгъ, гдѣ сдать бумаги и деньги денщика.

Послѣ мнѣ говорили, что съ судьи и всего его синклита я могъ бы содрать порядочный кушъ денегъ, да и судья навѣрное слетѣлъ бы съ мѣста. На это я отвѣчалъ, что русскому офицеру вятки брать не приходится и въ такія дѣла пускаться не слѣдуетъ, а

прошколить иногда не мѣшаетъ. Я въ послѣдствіи встрѣчался съ этимъ судьей въ Гельсингфорсѣ; онъ всегда мнѣ очень вѣжливо кланялся. Денщикъ считалъ себя богачемъ и капиталистомъ, тѣмъ болѣе, что въ томъ же году онъ выходилъ въ отставку. Дня черезъ два послѣ моего приѣзда мы, нѣсколько товарищей, зашли къ Шатаеву пить чай. Денщикъ его вдругъ таинственно подходитъ ко мнѣ и что-то говорить шепотомъ по секрету. Оказалось, что онъ предлагалъ мнѣ за мои хлопоты 50 рублей. Мы всѣ расхохотались; но это навело меня на мысль, зачѣмъ я даромъ съѣздить въ судъ. Я тутъ же предложилъ Шатаеву, чтобы онъ отъ себя написалъ въ судъ бумагу съ извѣщеніемъ, что деньги за перенесенные побои денщикъ получилъ, но что съ него требуютъ въ госпиталь 64 рубля за то, что онъ пролежалъ тамъ 4 мѣсяца и 9 дней. Шатаевъ сначала не соглашался, потому что судъ могъ не выплатить денегъ и, пожалуй, довести до свѣдѣнія начальства его требованіе; но я увѣрилъ его, что судъ такъ напуганъ, что навѣрное вышетъ деньги. Тогда мы, всѣ товарищи, общими силами написали бумагу въ судъ. И что же вы думаете? Не прошло и пяти дней, какъ судъ прислалъ деньги съ нарочнымъ прямо къ Шатаеву. Тотъ росписался въ полученіи денегъ, но, конечно, не послалъ ихъ въ госпиталь, который ихъ никогда и не требовалъ. Въмѣсто того мы рѣшили въ ближайшій праздникъ устроить загородную поѣздку и пригласить всѣхъ нашихъ знакомыхъ дамъ и нѣсколькихъ товарищей изъ Гельсингфорса. Черезъ главнаго командира и коменданта мы достали катера и музыки и отправились на Сандъ-Гаммъ чрезъ заливъ. Цѣлый день провели прекраснѣйшимъ образомъ. Коменданту потомъ мы рассказали всю подробку съ начала до конца. Онъ ужасно хохоталъ.

— Экій проказникъ, — сказали онъ мнѣ, — и все съ рукъ сходитъ. Ну, молодецъ! А мы на твое здоровье и шведскія денежки отлично погуляли.

Зимою 1824 года я ѣздить въ отпускъ въ Петербургъ, гдѣ останавливался у брата Любима Карловича. Этотъ годъ памятенъ навсегда Петербургу наводненіемъ 7-го ноября, слѣды котораго я видѣлъ ясно въ февралѣ 1825 года. Братъ жилъ въ нижнемъ этажѣ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, и при наводненіи вода проникла въ его квартиру, поднявшись тамъ на высоту болѣе аршина; вся мебель его поплыла, фортепіано расклеилось, вещи и бѣлье пострадали. Поэтому ему немедленно отвели такую же квартиру, какую онъ занималъ, только этажемъ выше, а убытки вознаградили какимъ-то пособіемъ. Мать наша также жила въ Петербургѣ, и я съ большимъ удовольствіемъ провелъ время въ обществѣ ея и другихъ родныхъ.

По возвращеніи изъ отпуска я явился Латынину, который не задолго до того былъ назначенъ къ намъ окружнымъ начальникомъ. Онъ какъ будто обрадовался моему приѣзду и пригласилъ меня къ

себѣ на танцевальный вечеръ на слѣдующій день. Комендантъ и его сестра встрѣтили меня чрезвычайно дружески; они также собирались на балъ къ Латынинымъ. На балу собралось довольно много народу, но изъ Гельсингфорса почти никого не было, все больше свой кружокъ.

Въ ту же зиму былъ большой балъ у генераль-губернатора, и на этомъ балу въ первый разъ танцовали только что вошедшую тогда въ моду французскую кадрили; она оказалась довольно схожею съ шведскою кадрилию, которая всѣмъ намъ была знакома. Вообще и эта зима пролетѣла довольно весело. Лѣтомъ, кажется, въ июнѣ, были именины или рожденіе m-me Матизент¹⁾, и она предположила этотъ день отпраздновать на славу. Меня пригласили заранѣе, и я пожелалъ на этотъ разъ непременно сдѣлать ей сюрпризъ. Въ этотъ день, — то было воскресенье, — я обѣдалъ у Павла Николаевича и выпросилъ у него его большой комендантскій 12-ти-весельный катеръ и чрезъ него же досталъ полный хоръ флотской музыки. Погода стояла великолѣпная. Послѣ обѣда я сѣлъ на катеръ, посадилъ музыкантовъ и отплылъ къ мызѣ Munksnäs, гдѣ должна была собраться вся наша компанія. Подъѣзжая къ мызѣ, я приказалъ музыкѣ заиграть, и легко себѣ представить, какое это произвело впечатлѣніе на все общество; всѣ высыпали мнѣ на встрѣчу и въ томъ числѣ милая хозяйка, которая сердечно благодарила меня за сюрпризъ. Долго мы веселись, такъ что музыку я отпустилъ уже очень поздно.

Я завѣдывалъ въ то время небольшимъ казеннымъ кирпичнымъ заводомъ, отстоявшимъ отъ Гельсингфорса верстъ на шесть. Заводъ лежалъ недалеко отъ Финскаго залива, а казарма для мастеровыхъ и въ одномъ концѣ ея моя квартира стояли на пригоркѣ въ лѣсу. На заводѣ состояла команда челоуѣкъ изъ 40 или 45 военно-рабочихъ и 3-хъ унтеръ-офицеровъ. Съ завода я очень часто пріѣзжалъ въ Гельсингфорсъ и Свеаборгъ. Однажды я пріѣхалъ въ Свеаборгъ, въ субботу, по дѣламъ, на своей казенной шлюпкѣ. Это было послѣ обѣда. Выхожу на берегъ и вижу — идетъ Латынинъ пошатываясь (онъ часто попивалъ). Встрѣтясь съ нимъ, я поклонился какъ слѣдуетъ. Отвѣта на поклонъ не послѣдовало, а онъ прямо спрашиваетъ меня:

— Вы по какому случаю прибыли сюда?

Меня нѣсколько удивилъ этотъ вопросъ, но я отвѣтилъ, что имѣю дѣло въ командѣ.

— А вы спрашивали у командира команды разрѣшенія прибыть сюда?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я, — потому что по сіе время это никогда не водилось.

¹⁾ Жена помѣщика Матизентъ, владѣлица мызы Munksnäs.

— Безъ спроса вы не должны отлучаться съ вашего поста. Пожалуйте завтра утромъ къ девяти часамъ ко мнѣ.

Своимъ солдатскимъ обхожденіемъ и суровостью Латынинъ уже успѣлъ вселить нѣкоторый страхъ во всѣхъ окружавшихъ. На другой день я пришелъ къ нему, какъ водится, въ мундирѣ и засталъ у него нѣсколькихъ собравшихся офицеровъ, военно-рабочихъ, ординарца и вѣстового, командира роты, окружного адъютанта поручика Тванева, окружного помощника подполковника Богданова и другихъ. Вышелъ Латынинъ съ подобающею начальническою надутостью, принялъ ординарцевъ и затѣмъ обратился прямо ко мнѣ:

— Вы отлучаетесь съ мѣста вашего служенія безъ спроса.

Я отвѣтилъ, что по данной мнѣ инструкціи имѣю право по дѣламъ службы отлучаться безъ всякаго разрѣшенія.

— А что за ливрея на васъ? — обращается онъ ко мнѣ. — Это не мундиръ.

Ему показались, вѣроятно, петлицы слишкомъ длинными.

— Въ этой «ливреѣ» я представлялся его высочеству генералъ-инспектору и генералу Опперману, и никто изъ нихъ мнѣ не сдѣлалъ замѣчанія.

— Это не въ порядкѣ вещей, — нашелся Латынинъ. — Вы позволяете себѣ слишкомъ много отвѣчать начальству, я васъ арестую. Поручикъ Тваневъ, потрудитесь отвести г. Жерве на гауптвахту.

Я не выдержалъ и засмѣялся. Латынинъ весь затрясся отъ злости и сказалъ мнѣ:

— Я донесу объ этомъ въ Петербургъ.

— Да и я не смолчу, полковникъ, и все подробно опишу генералу Опперману, — отвѣтилъ я вѣжливо и спокойно.

Отправились мы къ коменданту. Павелъ Николаевичъ ужасно разсердился. «Экая пьяная рожа!» — сказалъ онъ громко. Эти слова впоследствии были переданы Латынину. Дѣлать нечего, пошелъ я на гауптвахту противъ дома коменданта. Онъ послалъ со мною плацъ-адъютанта Жукова, и мнѣ очистили въ этомъ флигелѣ комнату. Марья Николаевна прислала мнѣ отличный обѣдъ и велѣла передать, что вечеромъ она съ братомъ будетъ чай пить у меня. Такъ и сдѣлала. Пришелъ ко мнѣ комендантъ съ сестрою и привелъ съ собою майора Мазылева, командира какого-то армейскаго баталіона, его близкаго знакомаго, очень добраго и хорошаго человѣка; пришелъ также нашъ поручикъ Чеснокъ, который всегда меня очень любилъ. Отъ Марьи Николаевны принесли мнѣ чай и разное угощеніе. Спустя около часу послѣ этого, я сидѣлъ съ Марьей Николаевной на окнѣ, а между нами стоялъ Павелъ Николаевичъ и рассказывалъ что-то очень смѣшное. Какъ разъ въ это время проходитъ Латынинъ и только взглянулъ на наше веселое общество. Мы всѣ видѣли, какъ онъ поблѣднѣлъ, но сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ и не слышитъ, хотя окно было раскрыто. Онъ и

все его семейство прошли очень медленно, но никакихъ поклоновъ и привѣтствій не было. Четверть часа спустя, прислали коменданту бумагу объ освобожденіи меня изъ-подъ ареста. Мы тотчасъ всѣ вмѣстѣ отправились къ коменданту, а потомъ поѣхали кататься на катерѣ. Такъ обошлась эта исторія. Латынинъ не писалъ въ Петербургъ, я, конечно, также, а ѣздилъ попрежнему съ завода, когда хотѣлъ, и никакихъ придирокъ больше не было.

Уже мѣсяца два спустя, чрезъ Гельсингфорсъ проѣзжалъ на Аландъ инженеръ-генераль-маіоръ Труссонъ 2-й для составленія тамъ проекта оборонительныхъ казармъ. Латынинъ представлялся ему, и чрезъ него мнѣ было приказано явиться къ Труссону. Не знаю, струсилъ ли Латынинъ, только передавая это приказаніе, предупредилъ меня, чтобы я былъ остороженъ, что это человѣкъ близкій къ Опперману. Я явился къ Труссону. Онъ принялъ меня очень вѣжливо и, какъ весьма умный человѣкъ, дипломатически старался вывѣдать у меня кое-что-о Латынинѣ; намекалъ, что если я имѣю что либо противъ него, то меня легко перевести, куда я пожелаю. Но я счелъ неблагороднымъ принять вспышку Латынина за оскорбленіе и постарался обойти этотъ щекотливый вопросъ, не высказываясь откровенно. Повидимому, Труссонъ остался мною очень доволенъ и сказалъ, что если я пожелаю перевода, чтобы написалъ ему только слово, и мое желаніе будетъ исполнено. Я очень поблагодарилъ его и ушелъ. Послѣ того Латынинъ былъ у него еще разъ, кажется, также остался мною очень доволенъ, и съ тѣхъ поръ мы оставались съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Однако, я не могъ себѣ объяснить, почему изъ всей команды Труссонъ пожелалъ видѣть именно меня и имѣть со мною подобный разговоръ. Но дѣло объяснилось. Вскорѣ послѣ этого я былъ у Павла Николаевича и выразилъ ему свое недоумѣніе по поводу бесѣды съ Труссономъ. Павелъ Николаевичъ сознался мнѣ тогда, что о поступкѣ Латынина онъ написалъ въ Петербургъ одному своему пріятелю, который передалъ объ этомъ Опперману — и, благодаря этому, я поставленъ впредь въ болѣе или менѣе независимое положеніе. Немного спустя, Латынинъ возвратилъ меня съ завода въ команду, найдя мнѣ подходящую должность; зиму я проводилъ пріятно и очень часто ѣздилъ въ Гельсингфорсъ, на что Латынинъ смотрѣлъ очень благосклонно, поощряя всѣ мои связи съ городомъ и даже высказывая полное свое удовольствіе по поводу того, что его офицеръ такъ хорошо принятъ во всѣхъ аристократическихъ домахъ Гельсингфорса.

Осенью 1825 года до насъ начали доходить смутные слухи о болѣзни императора Александра I. Я исполнялъ тогда должность дежурнаго офицера свеаборгской команды. Однажды, въ двадцатыхъ числахъ ноября, меня ночью будятъ. «Прислана, — говорятъ, — эстафета отъ генераль-губернатора. Объявляютъ, что государь императоръ Александръ I скончался 19-го ноября въ Таганрогѣ». На мнѣ

лежала неприятная обязанность будить всѣхъ начальствующихъ лицъ и объявить имъ страшную вѣсть. Нечего дѣлать, я одѣлся, пошелъ къ Латынину ¹⁾. Его разбудили. Онъ встрѣтилъ меня съ встревоженнымъ и испуганнымъ видомъ, и когда я объявилъ ему печальную вѣсть, онъ страшно зарыдалъ. Я показалъ ему полученную бумагу и заявилъ, что тотчасъ же иду къ коменданту. Павелъ Николаевичъ ²⁾ уже всталъ, былъ одѣтъ и въ слезахъ. Онъ уже зналъ все и дѣлалъ распоряженіе, чтобы къ 9-ти часамъ утра былъ собранъ весь гарнизонъ, которому будетъ объявлена печальная вѣсть; затѣмъ надлежало привести гарнизонъ къ присягѣ вступившему на царскій престолъ великому князю цесаревичу Константину Павловичу. Такъ гласила полученная бумага. Гарнизонъ былъ собранъ къ утру на большой площади. Комендантъ самъ прочелъ манифестъ; слезы лились у него ручьемъ и голосъ прерывался часто. Затѣмъ священникъ прочелъ листъ присяги, и мы всѣ присягнули новому царю—Константину. Черезъ часъ всѣ отправились въ церковь отслужить панихиду за упокой благочестивѣйшаго государя Александра I. Надо сказать правду, потеря для всѣхъ была весьма чувствительная, печаль о смерти государя была общая, какъ для русскихъ, такъ и для финляндцевъ. Къ нему были всѣ привязаны и очень его любили. Всѣ безъ исключенія дамы въ Гельсингфорсѣ наложили на себя глубокой трауръ: черныя суконныя платья съ плечами на подолѣ и рукавахъ, бѣлые тонкіе батистовые передники, которые закрывали и грудь, черный рюшъ на воротникахъ; дамы всѣ въ бѣлыхъ чепцахъ съ фалборами особаго покроя. Такъ одѣвались всѣ безъ исключенія, такъ что въ обществѣ всѣ дамы имѣли однообразно печальный видъ.

Между тѣмъ до насъ доходили смутные слухи, что въ Петербургѣ несовсѣмъ благополучно, что тамъ бунтъ. Не было видно, чтобы у насъ, на всякій случай, принимались особыя мѣры предосторожности; но явно было и въ администраціи, и въ начальствующихъ лицахъ страшное безпокойство, уныніе, какое-то тягостное положеніе. И дѣйствительно, послѣ короткаго промежутка времени, присланъ былъ новый манифестъ, въ которомъ объявлялось отъ высшей государственной комиссіи, что цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ отказывается отъ престола и всѣ свои права передаетъ младшему своему брату Николаю Павловичу, который и вступилъ на всероссійскій престолъ. Опять былъ собранъ весь гарнизонъ, и всѣ принесли вновь присягу—императору Николаю I. Между тѣмъ общее безпокойство продолжалось, слышно было уже болѣе ясно, что 14-го декабря былъ бунтъ въ Петербургѣ, что Милорадовичъ убитъ, что стрѣляли въ бунтовщиковъ

¹⁾ Полковникъ, окружной командиръ.

²⁾ П. Н. Гебенеръ, свеаборгскій комендантъ.

и проч. и проч. Все-таки слухи были еще неполные, неясные. Наконецъ, спустя нѣсколько времени, Латынинъ получаетъ чрезъ курьера предписаніе осмотрѣть всѣ крѣпости въ Финляндіи и какъ можно скорѣе приспособить казематы для принятія арестантовъ. Латынинъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ, такъ какъ ему былъ нуженъ человѣкъ, который хорошо знаетъ нѣмецкій и шведскій языки. Собрались, поѣхали на курьерскихъ. Прежде заѣхали въ Фридрихсгамъ, затѣмъ въ Швартгольмъ. Здѣсь мы нашли старика арестанта, о которомъ никто не зналъ, какъ и когда поступилъ онъ въ казематы. Такъ какъ эти казематы оказались очень удобными, то Латынинъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы старика перевели въ богадѣльню въ Выборгъ, и донесъ объ этомъ распоряженіи въ Петербургъ. Затѣмъ поѣхали въ Сердоболь. Тутъ дорога идетъ лѣсами, въ глуши; станціи настолько отвратительны, что на одной изъ нихъ въ жиломъ помѣщеніи съ хозяиномъ, его женою и дѣтьми мы нашли телятъ и свиней, запахъ былъ нестерпимый. Хотя мы порядочно проголодались, все-таки никакъ не могли рѣшиться остановиться въ этой гадости; на слѣдующей станціи то же самое. Дѣло было уже къ утру; намъ отыскивали избу какого-то хозяина-мужика; тамъ мы откололи хорошій кусокъ замороженныхъ щей, которые везли съ собою, съѣли нѣсколько яицъ, напились чаю и отправились въ Сердоболь. Осмотрѣвъ тамъ казематы, мы вернулись обратно домой. Латынинъ вездѣ на мѣстѣ разрѣшалъ командирамъ командъ необходимыя приспособленія и назначалъ сроки, къ которымъ работы должны были быть окончены. Съ cadaго пункта онъ доносилъ въ Петербургъ какъ о своемъ распоряженіи, такъ и о количествѣ людей, которыхъ можно было помѣщать въ казематахъ; всѣмъ же комендантамъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія, далъ отъ себя отзывъ, чтобы они всѣми возможными средствами содѣйствовали командирамъ инженерныхъ командъ окончить къ сроку предположенныя работы. Въ Финляндіи все было совершенно тихо, все подавлено было неліцемерною грустью. Даже рождественскіе праздники прошли чрезвычайно тихо; собирались иногда, но не иначе, какъ въ платяхъ глубокаго траура, разговоры даже общіе имѣли какой-то особый отпечатокъ грусти и страха. Какъ видно было, императора Николая побаивались не на шутку: не зная почему, но по какому-то внутреннему голосу, всѣ ожидали переменъ и, какъ можно было полагать по грустнымъ и напряженнымъ разговорамъ,—не къ лучшему. Фельдъегеря летали непрерывно къ генераль-губернатору и отъ него въ Петербургъ. Сенатъ финляндскій нѣсколько разъ собирался экстренно, но что тамъ дѣлалось, что говорилось, что писалось—намъ, молодежи, было недоступно.

Въ это время сдѣлалось официально извѣстно, что тѣло покойнаго государя привезутъ въ маргъ въ Петербургъ. Мнѣ очень хо-

тѣлось видѣть эту процессію, и я отпросился въ отпускъ. Пріѣхалъ я въ Петербургъ 16-го февраля 1826 года, явился по начальству, въ томъ числѣ и новому генераль-инспектору великому князю Михаилу Павловичу. Онъ спросилъ меня, имѣю ли я здѣсь родныхъ; я отвѣтилъ, что мать моя живетъ здѣсь. Въ инженерномъ департаментѣ меня спросили, не желаю ли я участвовать въ процессіи погребенія; я отказался, потому что хотѣлъ видѣть всю процессію. Выхлопотали мы себѣ очень хорошія мѣста во флигелѣ ассигнаціоннаго банка, окнами на Большую Садовую, противъ Апраксиныхъ лавокъ.

Въ назначенный для погребенія день весь гвардейскій корпусъ былъ поставленъ шпалерами отъ Московской заставы до Казанской церкви. Въ 11^{1/2} часовъ государь проѣхалъ верхомъ изъ Зимняго дворца къ Московской заставѣ. Началось шествіе кортежа. Впереди оберъ-полицеймейстеръ и жандармы, за ними ямщики и крестьяне окрестныхъ селъ, многіе въ дарованныхъ кафтанахъ съ золотыми позументами. Затѣмъ мѣщане, разные цехи со своими значками, кучество. Потомъ разныя министерства и вѣдомства, всѣ безъ исключенія въ длинныхъ черныхъ мантияхъ, плоскихъ, круглыхъ шляпахъ съ большими полями. Одинъ рыцарь на черномъ конѣ въ черныхъ латахъ, другой на бѣломъ конѣ въ золотыхъ латахъ. Тогда говорили, что такъ какъ латы эти довольно тяжелы, то въ черныя латы одѣли выписаннаго изъ Ярославля мясника, а въ золотыхъ латахъ былъ актеръ Каратыгинъ 1-й, здоровенный, высокій мужчина. Затѣмъ понесли государственныя знамена и гербы, за ними гербы губерній, областей, булавы и знамена казачьихъ земель; потомъ государственныя регалии и короны царства Польскаго, великаго княжества Финляндскаго, казанскую и проч. Пошло духовенство по обѣимъ сторонамъ всего кортежа; въ равномерномъ разстояніи одни отъ другого шли воспитанники военно-учебныхъ заведеній, имѣя ружья «на погребеніе». Затѣмъ вплоть за митрополитомъ печальная колесница въ 8 лошадей. Кучеръ покойнаго императора Илья сидѣлъ на козлахъ, и слезы градомъ текли по его лицу. У кистей и подлѣ гроба находились генераль-адъютанты. Вплоть за гробомъ шелъ государь Николай I, имѣя ассистентами артиллерійскихъ генераловъ Эйлера и Костенецкаго, оба огромнаго роста. Государь былъ пѣшкомъ, какъ и всѣ прочіе члены (мужчины) царской фамилии, въ длинной, черной мантии и въ круглой съ широкими полями шляпѣ. За нимъ члены царской семьи, боевой конь покойнаго, затѣмъ рядъ траурныхъ каретъ, эскадроны и полки гвардейской кирасирской дивизіи, гусары, уланы, казаки, пѣхота и проч., съ музыкою, игравшею траурныя марши поочередно.

Послѣ обѣда я пошелъ въ Казанскій соборъ, гдѣ стояло тѣло императора. Соборъ внутри весь былъ обтянутъ чернымъ сукномъ съ бѣлыми каймами и фестонами, по которому были разсыпаны

большія посеребренныя медали въ память 1812 года, гербы губерній, государственный орелъ и проч. Гробъ стоялъ на огромномъ возвышеніи, ступеней въ двадцать; весь катафалкъ былъ обитъ чернымъ сукномъ и отдѣланъ серебряными позументами. Почетный караулъ, дежурные генераль-адъютанты, флигель-адъютанты, придворные чины и проч. соблюдали строжайшую тишину и порядокъ. Народъ впускался для прикладыванія въ извѣстные часы. Такимъ образомъ тѣло стояло 8 дней. Уже на девятый день его перевезли почти съ тѣмъ же церемоніаломъ, какъ выше описано, въ крѣпость, гдѣ оно и погребено.

IV.

Переходъ на службу въ Бобруйскую крѣпость. — Бобруйское общество. — Исторія Розенмарка съ Мельниковымъ. — Семейство командира Берга. — Генераль Нагеля. — Ссора съ Латынинымъ. — Полковникъ Козьминъ. — Арестантскія роты. — Разжалованный офицеръ Бекъ. — Посѣщеніе Бобруйска императоромъ Николаемъ I. — Балъ въ честь Нагеля. — Иванъ Никитичъ Скобелевъ. — Моя женитьба. — Командировка генерала К. Л. Жерве для осмотра чумныхъ госпиталей и ея послѣдствія. — Приведеніе Бобруйска на военное положеніе. — Столкновеніе съ Мочульскимъ. — Финскіе стрѣлки. — Генераль Дентъ. — Полковникъ Дзичканецъ. — Интриги противъ него. — Генераль Фельдманъ. — Два приключенія со мной. — Дѣятельность плацъ-майора Пушкарева. — Осмотръ государемъ моихъ инженерныхъ работъ. — Смерть Берга.

Послѣ этого я еще нѣсколько дней оставался въ Петербургѣ и затѣмъ уѣхалъ обратно въ Свеаборгъ. Время текло тамъ нѣсколько тише, чѣмъ прежде, но все-таки я проводилъ его пріятно. Въ это время женился плацъ-адъютантъ Жуковъ, здоровенный огромнаго роста, изъ фельдфебелей. Вздумалъ онъ меня просить въ шафера. Когда въ церкви мнѣ пришлось держать надъ нимъ вѣнецъ, я долженъ былъ стоять чуть не на ципочкахъ и вытягивать руку. Комендантъ подошелъ ко мнѣ. «Что, братъ?—сказалъ онъ. — Натура не помогаетъ? Ну, я помогу». Взялъ меня подъ бока, поднялъ и продержалъ такъ съ минуту. Всѣ расхохотались, даже священникъ улыбнулся. Вообще Павелъ Николаевичъ ¹⁾ былъ преселый, прелюбезный всегда, въ особенности со мною.

Уже ближе къ лѣту полученъ былъ приказъ, что полковникъ Латынинъ назначается строителемъ Бобруйской крѣпости. Какъ это могло случиться, я не понимаю, потому что Латынинъ далеко не былъ знатокомъ въ строительномъ искусствѣ, въ особенности въ долговременныхъ фортификаціонныхъ сооруженіяхъ. Онъ, естественно, былъ очень доволенъ своимъ назначеніемъ и предложилъ мнѣ быть переведеннымъ также въ Бобруйскъ. Въ Свеаборгѣ положеніе мое, какъ инженернаго офицера, натурально, было незавидное; тутъ

¹⁾ Гебенеръ, комендантъ Свеаборга.

ничему не выучишься и никакой карьеры не сдѣлаешь, вѣчно просидишь прапорщикомъ, а въ Бобруйскѣ, гдѣ открывались большія инженерныя работы, конечно, можно было имѣть больше видовъ выиграть по службѣ. Какъ ни грустно мнѣ было расстаться съ тѣми искренними друзьями, которыхъ я приобрѣлъ въ Свеаборгѣ и Гельсингфорсѣ, какъ ни притягивалъ меня магнитъ дамскаго ко мнѣ расположенія, я рѣшился на переводъ. Латынинъ объявилъ мнѣ, что онъ тотчасъ отправляется въ Петербургъ, тамъ устроить мой переводъ и отбудетъ къ новому своему назначенію. Чтобы дорога мнѣ ничего не стоила, онъ поручилъ мнѣ свое семейство, которое въ собственномъ экипажѣ, въ большой четырехмѣстной каретѣ, отправилось вслѣдъ за нимъ, какъ только получило о томъ извѣщеніе изъ Петербурга. Мнѣ оставалось только благодарить Латынина за его попеченіе обо мнѣ и довѣріе.

До прїѣзда моего въ Бобруйскъ командиромъ команды и строителемъ крѣпости былъ инженеръ - полковникъ Розенмаркъ. Это былъ славный командиръ, дѣловой и знающій и вмѣстѣ съ тѣмъ добрый, отличный человекъ, славный товарищъ; любилъ иногда и кутнуть. Онъ былъ женатъ на дочери инженеръ-полковника Кульмана, который былъ командиромъ Выборгской инженерной команды, когда отецъ мой былъ тамъ комендантомъ. Кульманъ былъ высокаго роста, сырой человекъ, замѣчательный своей неимоверной толщиной; по тяжести своей, онъ не могъ иначе ѣздить, какъ въ дрожкахъ тройкою. Впрочемъ, въ Бобруйскѣ я засталъ еще почтмейстера и жену его, обоихъ также неимоверной толщины; съ форштадта въ костель они ѣздили отдѣльно, каждый въ дрожкахъ, запряженныхъ тройками. М-ме Розенмаркъ была очень милая, красивая, хорошо воспитанная дама, общая любимица бобруйскаго общества. Бывшій смотритель госпиталя Мельниковъ, набившій себѣ карманъ разными неопозволительными средствами, скопилъ порядочный капиталъ и любилъ разыгрывать роль grand-seigneur'a. Когда онъ уже достаточно разбогатѣлъ, то подобру-поздорову убрался и вышелъ въ отставку съ незапятнаннымъ аттестатомъ. Жена его была очень добрая, образованная женщина, держала себя очень прилично. Дѣла Мельникова, какъ и всѣмъ другимъ, были извѣстны Розенмарку, который въ одной веселой компаніи, рассказывая его продѣлки, назвалъ Мельникова подлецомъ и воромъ. Неизвѣстно кто изъ присутствовавшихъ въ этой компаніи передалъ все Мельникову. Тотъ хотя чувствовалъ, что Розенмаркъ попалъ этимъ въ глаза, зналъ, однако, что для оправданія этихъ эпитетовъ ни у Розенмарка, ни у кого либо другого документальныхъ доказательствъ нѣтъ, такъ какъ онъ вышелъ въ отставку по собственному прошенію и получилъ ее совершенно чисто и законно. Между тѣмъ, онъ рассчитывалъ и на то, что если не прекратить сразу подобныхъ слуховъ, то они могутъ дойти и выше;

немудрено, если обратятъ на нихъ вниманіе и при малѣйшемъ подозрѣніи въ справедливости ихъ, несмотря на чистую отставку, потянуть къ суду. Мельниковъ, какъ человѣкъ неглупый и ловкій, разсчиталъ все довольно вѣрно. Оставалось одно только средство оправдать себя предъ всею публикою и начальствомъ: прикинуться отзывами Розенмарка крайне обиженнымъ, надѣлать какойнибудь скандалъ или заставить Розенмарка вять свои слова назадъ и извиниться передъ нимъ. Вскорѣ послѣ этого былъ обѣдъ у коменданта на дачѣ, за городомъ. Обѣдъ кончился благополучно. Розенмаркъ, по обыкновению, подпилъ порядкомъ. Мельниковъ подмѣтилъ, когда около Розенмарка собрался кружокъ, въ которомъ находился и комендантъ, втерся въ него и прямо сталъ требовать у Розенмарка объясненія, на какомъ основаніи и по какому праву онъ шельмуетъ его за спиною; что если онъ честный человѣкъ, то долженъ относиться прямо къ лицу, а не клеветать за спиною. Розенмаркъ оказался въ очень неприятномъ положеніи и увидѣлъ, что сказанныя въ интимномъ кружкѣ слова его переданы самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Между тѣмъ онъ никогда не отрекался отъ своихъ словъ и сказалъ тутъ же, при всѣхъ: «Что же? вѣдь всѣмъ и мнѣ очень хорошо извѣстно, что ты воришка и подлецъ». Мельниковъ, недолго думая, тутъ же отвѣсилъ Розенмарку звонкую оплеуху. Это было при свидѣтеляхъ. Пока Розенмаркъ опомнился, Мельниковъ скрылся. Изловить его было негдѣ, на вызовъ онъ не шелъ. Розенмаркъ ѣздилъ нѣсколько дней по городу съ пистолетами, обѣщая убить Мельникова, гдѣ бы ни встрѣтилъ его, но нигдѣ его не нашеть. Между тѣмъ все это имѣло громадное вліяніе на Розенмарка; къ тому же его жена заболѣла серьезно и скорѣ умерла, а за нею въ весьма непродолжительномъ времени умеръ его единственный сынъ, мальчикъ лѣтъ 6—7. Это страшно потрясло всю натуру его, онъ сталъ сильно кутить, пилъ горькую чашу. Въ этомъ поддерживалъ его какой-то пьяница, двоюродный братъ его, Иванъ Сутгофъ, съ нимъ вмѣстѣ жившій, такъ что дѣло Мельникова уже отодвинулось далеко на второй планъ. Вскорѣ Розенмарка произвели въ генералы и назначили окружнымъ начальникомъ въ Финляндію. Онъ туда отправился и взялъ съ собой двухъ страшныхъ пьяницъ: вышеупомянутаго Сутгофа и еще одного офицера бобруйской команды—Прохорова. Когда Розенмаркъ былъ въ Бобруйскѣ, я нѣсколько разъ у него обѣдалъ, и всегда было разливное море; при сдачѣ же команды оказалось на 25.000 рублей ассигнаціями недостатковъ. Шведеръ ¹⁾ не зналъ, что дѣлать, но офицеры просили его принять команду и дать Розенмарку чистую квитанцію, а долгъ обѣщали пополнить, что и исполнили въ томъ же году.

---

¹⁾ Е. О. Шведеръ I, инженеръ-полковникъ, начальникъ инженерной команды послѣ Розенмарка.

Розенмаркъ прибылъ въ Финляндію благополучно, жилъ въ Выборгѣ, но недолго, спился и умеръ.

Шведеръ, имѣвпій большое семейство, жилъ въ большомъ деревянномъ домѣ, который назначался окружному командиру, а Латынинъ въ каменномъ флигелѣ, подлѣ офицерскаго корпуса; послѣдній весь былъ занятъ инженерными офицерами, и я тамъ жилъ. Приказомъ по командѣ я былъ назначенъ состоять по особымъ порученіямъ при Латынинѣ и дистанціи не имѣлъ. Не помню, чтобы Латынинъ когда нибудь давалъ мнѣ «особыя порученія» по службѣ, но мое дѣло было всякій день обѣдать и даже ужинать у него. Цѣль его была сблизить меня какъ можно болѣе съ дочерью Лизаветой Ивановной и, вѣроятно, женить меня на ней, потому что я пользовался весьма большимъ расположеніемъ какъ матери, такъ и дочери. Благодаря моему веселому и беззаботному характеру, я вскорѣ сдѣлался общимъ любимцемъ своихъ товарищей. Нельзя не сказать, что и товарищи были отличные люди, но крайней мѣрѣ тѣ, съ которыми я болѣе сблизился: Дзичканецъ, Теше, Мерле, Руденковъ и Аврежіо; мы всегда были неразлучны. Познакомился я также съ комендантомъ Бергомъ, полковникомъ Девелемъ, плацъ-майоромъ Пушкаревымъ, подполковникъ Витковскимъ. Вездѣ меня принимали очень хорошо. Комендантъ жилъ въ крѣпости, въ деревянномъ, довольно большомъ домѣ. У него была дочь и три сына. Комендантша была маленькая, толстая, проворная и добрая финляндка, у которой все дѣлалось живо, но безъ всякихъ церемоній. Они имѣли для лѣтняго пребыванія на Минскомъ форштадтѣ очень хорошую дачу съ большимъ садомъ и огородомъ, у самаго берега Березины. Тутъ мы часто веселились, когда собирались по вечерамъ. Все было очень просто, и часто, натанцовавшись, ужинали биркевомъ, бутербродами и холоднымъ жаркимъ или картофелемъ въ мундирѣ. Комендантъ Бергъ былъ добрѣйшій, отличный человекъ, но любилъ рассказывать анекдоты объ удалствѣ въ своей молодости и страшно вралъ. Надъ его анекдотами много посмѣивались, особенно надъ его рассказами о томъ, какъ онъ верхомъ на щукѣ выѣхалъ изъ моря и шпорилъ ее, какъ онъ выточилъ, по недостатку тарелокъ въ деревнѣ, гдѣ принималъ графа Штейнгеля, изъ сосны въ два часа двѣ дюжины тарелокъ, и пр. и пр. Но эту слабость ему охотно прощали, потому что, при всемъ томъ, онъ былъ все-таки честнѣйшимъ и добрѣйшимъ человекомъ.

Генералъ Нагель¹⁾ жилъ подлѣ коменданта въ деревянномъ большомъ домѣ, также съ садикомъ. Жена его была очень нѣжная, всегда хвораая женщина, съ огромнымъ семействомъ. Нагель жили также очень хорошо, у нихъ обыкновенно по воскресеньямъ

¹⁾ Генералъ-майоръ П. Л. Нагель командовалъ въ Бобруйскѣ отрядомъ, находившимся тамъ постоянно лѣтомъ на работахъ.

бывали обѣды, въ которыхъ я нерѣдко участвовалъ. Въ этомъ домѣ я былъ знакомъ короче другихъ моихъ товарищей, потому что двоюродный братъ мой, Карлъ Леонтьевичъ Жерве, служилъ подъ начальствомъ Нагеля. Вообще же наши офицеры не долюбливали его за разныя его выходки относительно формы, дисциплины и пр. Но онъ не могъ сладить съ ними, что и было причиною нѣсколько холодныхъ отношеній между Нагелемъ и его подчиненными.

... Между тѣмъ Латынинъ, находясь иногда въ нетрезвомъ видѣ, имѣлъ уже разныя стычки съ офицерами. Самъ небожко понимая дѣла, онъ принималъ начальнической тонъ, оскался, а отъ такихъ дѣловыхъ и славныхъ офицеровъ отпоръ бывалъ иногда очень чувствителенъ. Латынинъ, котораго я посѣщалъ по обязанности всякій день, былъ постоянно въ раздраженномъ состояніи духа. Въ Бобруйскѣ семейство подполковника Витковского было мнѣ очень близко, потому что дочь генеральши Реренъ, Марья Ивановна, была его женою. Витковскій женился тогда, когда отецъ мой былъ еще комендантомъ въ Выборгѣ, и такъ какъ генеральша Реренъ была бѣдная женщина и очень коротко знакома съ нашимъ семействомъ, то и свадьба была у насъ въ домѣ. Генеральша Реренъ, веселая, умная и славная старушка, жила съ дочерью и, естественно, въ память прежней дружбы съ моими родителями, я у нихъ былъ принятъ, какъ свой человѣкъ. При ней жила еще младшая ея дочь Дарья Ивановна, только что выпущенная изъ института, молоденькая, недурненькая дѣвица. Онѣ жили на Минскомъ форштадтѣ въ домѣ капитана герцога Веллингтона полка Воронова, женатаго на родной сестрѣ нашего офицера Дзичканца. У нихъ какъ-то я былъ на вечерѣ, гдѣ повеселились, поужинали, и я довольно поздно возвратился домой. Дома мнѣ сказали, что Латынинъ уже два раза присылалъ за мной, но такъ какъ уже было поздно, то я сталъ раздѣваться, чтобы лечь спать, и думалъ на другой день утромъ пойти къ нему. Вдругъ прибѣгаетъ посланный въ третій разъ и требуетъ меня къ Латынину. Я пошелъ. Прихожу, а они всѣ трое — онъ, жена и дочь — сидятъ за ужиномъ и ждутъ меня. Я вхожу и спрашиваю: «Что вамъ угодно, Иванъ Николаевичъ?» Онъ былъ уже порядочно подъ хмелькомъ и весьма грубо отвѣтилъ: «Да что вы заставляете насъ ждать себя? Мы уже давно сидимъ и ждемъ васъ». Я возразилъ ему, что былъ на вечерѣ и что никакъ не полагалъ своею обязанностью быть всякій день за ужиномъ у нихъ, что у меня много знакомыхъ въ городѣ, и я себя связывать такимъ образомъ не могу, — однако сѣлъ на приготовленное мнѣ мѣсто. Латынинъ на мой отвѣтъ взбѣсился и сказалъ мнѣ какую-то дерзость. Я вскочилъ, взялъ въ руки ножъ и навѣрное пырнулъ бы его, если бы меня не удержала Анна Васильевна¹⁾.

¹⁾ М-мо Латынина.

Я бросилъ ножъ и убѣжалъ. За мною выбѣжала дочь, плакала и просила не сердиться, говоря, что ея папа сказалъ это сторяча и пр. и пр., но я тутъ же объявилъ, что моя нога у нихъ въ домѣ больше не будетъ, и ушелъ. На другое утро я разсказалъ все своимъ товарищамъ, которые и такъ уже были довольно раздражены противъ Латынина. Рѣшили мы общимъ совѣтомъ, чтобы я къ нему больше не ходилъ, ждалъ, что будетъ дальше, и при малѣйшей съ его стороны выходкѣ далъ бы дѣлу официальный ходъ. Между тѣмъ старшіе офицеры сочли долгомъ пойти къ командиру команды и передать, что случилось со мною. Командиромъ команды былъ Шведеръ, добрый, но не энергичный человекъ; офицеровъ уважалъ, но для нихъ что нибудь предпринять не было въ его характерѣ. Въ тотъ же день я не пошелъ обѣдать къ Латынину, такъ же и въ слѣдующіе дни, несмотря на то, что Анна Васильевна присылала мнѣ пирожное и разныя лакомства, а Лизавета Ивановна— записочки съ приглашеніями и изъявленіями искренней дружбы и любви. Ничто не помогло: я отсталъ совершенно отъ дома и былъ впослѣдствіи назначенъ въ помощь Дзичканцу на дистанцію. Встрѣчались мы съ Латынинымъ только по службѣ и всегда холодно.

Шведера вскорѣ послѣ этого перевели отъ насъ, и на мѣсто его изъ Архангельска былъ назначенъ къ намъ командиромъ полковникъ Алексѣй Васильевичъ Козьминъ. Онъ былъ изъ простаго званія, служилъ барабанщикомъ въ архангельскомъ гарнизонномъ батальонѣ, потомъ переименовался въ писаря, затѣмъ въ кондукторы, занялся науками и былъ произведенъ въ полевые инженеръ-прапорщики. Въ то время это было весьма возможно: училище еще не существовало. Козьминъ былъ, впрочемъ, прекрасный, толковый, дѣловой и энергичный старикъ. Хотя по строительной части онъ не имѣлъ очень обширныхъ знаній, зато предоставлялъ тѣмъ офицерамъ, у которыхъ работы были на рукахъ, производить ихъ согласно новыхъ правилъ науки. Разсматривая проекты и смѣты и видя производство работъ, своимъ практичнымъ взглядомъ на нихъ онъ приносилъ много пользы. Командныя дѣла онъ зналъ превосходно, велъ ихъ честно, довѣрчиво и благородно. Мы всѣ его любили отъ души; онъ умѣлъ это цѣнить и съ нами обходился скорѣе, какъ старый опытный товарищъ, чѣмъ какъ начальникъ. Умный старикъ очень хорошо и скоро замѣтилъ, что это былъ лучший путь, потому что, видя его довѣріе къ намъ, офицеры оказывали ему еще больше довѣрія и, дѣйствительно, безъ его согласія шагу не дѣлали. Разъяснили ему положеніе офицеровъ относительно Латынина, поразсказали его продѣлки. Козьминъ увѣрилъ насъ, что каждый изъ насъ найдетъ въ немъ защиту, если только правда на нашей сторонѣ.

Между тѣмъ натянутыя отношенія офицеровъ и Латынина усиливались все болѣе и болѣе. Даже и въ обществѣ онъ имѣлъ нѣ-

сколько весьма неприятныхъ столкновений, такъ что, наконецъ, мы всё рѣшили не ходить въ тѣ общества, въ которыя будетъ приглашенъ Латынинъ или, если мы не знаемъ, будетъ онъ или нѣтъ, то по приходѣ его тотчасъ уходить. Сказано—сдѣлано. Мы составляли, такъ сказать, душу общества, и вездѣ, гдѣ желали веселья и видѣть нашъ кружокъ офицеровъ, Латынина не приглашали, зная, что мы непременно уйдемъ, если онъ будетъ. Случился опять танцевальный вечеръ въ клубѣ. Всѣ наши офицеры пришли въ клубъ, начались танцы. Такъ какъ всѣ дамы насъ очень любили, то мы и ангажировали ихъ съ тѣмъ, что если Латынинъ придетъ въ клубъ хотя бы среди танца, мы тотчасъ уходимъ; всѣ согласились. И дѣйствительно, уже послѣ польскаго, во время экосеза, Латынинъ входитъ. Мы тотчасъ же сдѣлали поклонъ нашимъ дамамъ, надѣли шляги, взяли шляпы и ушли. Латынину было очень неловко, но онъ все-таки съ часокъ остался, потомъ ушелъ. Дамы тотчасъ дали намъ знать, что Латынинъ ушелъ, и мы мигомъ вернулись назадъ, танцовали очень долго и затѣмъ ужинали.

Въ это лѣто ¹⁾ къ намъ пріѣхалъ генераль Опперманъ осмотрѣть работы. До него дошли слухи о столкновенияхъ офицеровъ съ Латынинымъ, и говорили даже, что Опперманъ пожурилъ его, но дѣло обошлось безъ особыхъ послѣдствій. При осмотрѣ работъ, въ свитѣ слѣдовали и всѣ частные начальники крѣпостного гарнизона, такъ какъ производились постройки, касавшіяся ихъ. Между прочимъ былъ отстроенъ внутри крѣпости понтонный сарай для храненія обоза и принадлежностей саперныхъ понтоновъ. Всѣмъ извѣстно было, что Опперманъ не долубливалъ генерала Нагеля именно за то, что онъ съ нашими офицерами былъ всегда несовсѣмъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Понтонный сарай былъ легкой, дешевой постройки, а потому для многихъ скрѣпленій, дабы не тратить денегъ на гвозди, были употреблены деревянные толстые гвозди, которые съ наружной стороны расклинивались (эти деревянные гвозди технически называются нагелями); такъ было предположено и по смѣтѣ. Опперманъ очень хорошо понималъ, что такое скрѣпленіе для этой постройки достаточно, но обратился съ вопросомъ къ дистанціонному офицеру: «А при сильномъ вѣтрѣ не повредится ли сарай, будучи скрѣпленъ этими деревянными скрѣпками?» Офицеръ отвѣтилъ, что сарай очень хорошо скрѣпленъ нагелями. На это Опперманъ сказалъ: «Ужъ эти мнѣ нагели, нагели!»—намекая на генерала Нагеля.

У насъ въ Бобруйскѣ содержалось много декабристовъ изъ числа бунтовавшихъ 14-го декабря: Норовъ, Дивовъ, Бодиско, человекъ десять студентовъ бывшей Виленской медицинской академіи и еще другіе. Мы уговорили плацъ-майора содержать ихъ нѣсколько отдѣльно. На день отвели имъ въ нашихъ мастерскихъ двѣ отдѣль-

¹⁾ 1827 года.

ныя комнаты, гдѣ они свободно могли читать, писать и заниматься чѣмъ хотѣли. Они часто получали отъ родныхъ деньги, которыя приходили на имя кого нибудь изъ нашихъ офицеровъ и потомъ передавались имъ; такимъ образомъ, они имѣли свой чай и улучшенную пищу, которая имъ варилась по ихъ назначенію въ мастерскихъ. Молодые люди были большею частью хорошо образованные и изъ хорошихъ фамилій. Все это имъ позволялось, но только съ тѣмъ условіемъ, что, въ случаѣ пріѣзда высшихъ лицъ или членовъ царской фамиліи, имъ тотчасъ брили головы и высылали на работы, на что всѣ эти молодые люди согласились, не желая за дѣлаемое имъ добро подвергать свое прямое начальство отвѣтственности весьма серьезной. Такъ, однажды, при пріѣздѣ нашего генералъ-инспектора великаго князя Михаила Павловича вся эта молодежь была выслана на работу. Великій князь, проходя мимо кухни, увидѣлъ Бодиско, который приводилъ въ движеніе мѣха, и тотчасъ узналъ его: «А, Бодиско!»—сказалъ великій князь и отвернулся. Бодиско служилъ мячманомъ въ гвардейскомъ экипажѣ, въ корпусѣ, въ которомъ командовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ. По необыкновенной памяти почти всѣхъ членовъ царской фамиліи, великій князь зналъ фамиліи если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, огромнаго большинства гвардейскихъ офицеровъ.

Арестантскія роты раздѣлялись тогда на нѣсколько разрядовъ. Первый—вѣчно каторжные. Они ходили въ черныхъ курткахъ, брюкахъ и шапкахъ, съ четверугольникомъ сѣраго сукна въ видѣ бубноваго туза на спинѣ. У нихъ головы были обриты поперекъ, отъ затылка ко лбу, вся правая половина. Въ этомъ разрядѣ было много закоренѣлыхъ преступниковъ, и большая половина ихъ всегда была закована въ цѣпяхъ; такъ въ кандалахъ и выходили на работу. Второй разрядъ—временные, на долгіе сроки—15, 12 и 10 лѣтъ. Они одѣвались въ сѣрыя куртки, брюки и шапки, имѣя на спинѣ бубноваго туза изъ чернаго сукна. Имъ брили полъ-головы отъ уха до уха. Третій разрядъ—исправительныя роты: онѣ ходили въ одеждѣ такой же, какъ и второй разрядъ, но имъ головъ не брили, за хорошее поведеніе переводили изъ второго разряда въ третій и уменьшали сроки заключенія. Изъ третьяго разряда, отличавшихся хорошимъ поведеніемъ выбирали рядовыми въ военно-рабочія роты. Арестанты раздѣлялись на роты; каждая рота имѣла своего ротнаго командира, двухъ-трехъ субалтернъ-офицеровъ и до двадцати унтеръ-офицеровъ. Офицеры и унтеръ-офицеры носили ту же форму, что и офицеры и унтеръ-офицеры военно-рабочихъ ротъ, только у офицеровъ арестантскихъ ротъ на рогожкѣ эполетъ, кромѣ № роты, была вышита еще буква А (арестантской). Всѣ офицеры и унтеръ-офицеры имѣли толстыя камышевыя трости, съ набалдачникомъ и ремешкомъ, съ которыми они выходили во фронтъ и на работы.

Сначала, когда плацц-майоръ Пушкаревъ вступилъ въ командование батальономъ арестантскихъ ротъ, порядокъ у нихъ былъ очень плохой. Часто случались побѣги, а за каждого бѣжавшаго арестанта, о которомъ обязаны были доносить въ Петербургъ, всегда получались отъ генераль-инспектора болѣе или менѣе строгія замѣчанія. Какъ ни старался Пушкаревъ искоренить зло, это сопряжено было съ большими затрудненіями; съ каждымъ десяткомъ арестантовъ на работы выходилъ одинъ унтеръ-офицеръ и два конвойныхъ; работы были разбросаны большею частью за крѣпостью, укрываться было легко, а затѣмъ ужъ и бѣжать не трудно, тѣмъ болѣе, что Бобруйскъ былъ окруженъ лѣсами, гдѣ арестанты, бывало, скрывались, пока не отостутъ волосы, а потомъ безъ труда, переодѣвшись въ крестьянское платье, бродяжничали. Хотя Пушкаревъ завелъ такой порядокъ, что весь десятокъ отвѣчаетъ за бѣжавшаго изъ среды его и наказывалъ оставшихся, однако не могъ искоренить побѣговъ. Поэтому, дабы по крайней мѣрѣ избавиться отъ упрековъ и замѣчаній изъ-за неизбѣжнаго зла, Пушкаревъ мало-помалу набралъ изъ проходящихъ арестантскихъ командъ чело-вѣкъ десять, которые нигдѣ по спискамъ не показывались. Какъ только одинъ убѣжитъ, его тотчасъ замѣняютъ запаснымъ, котораго крестятъ именемъ и фамиліей бѣжавшаго; если же поймается первый, то отрекаются отъ него. Такимъ образомъ отдѣлялись отъ всякихъ послѣдствій. Арестанты жили въ крѣпости, въ свѣтлыхъ и сухихъ казармахъ, которыя, какъ и кухни, попеченіемъ плацц-майора содержались дѣйствительно въ отличномъ состояніи; чистота, хороший воздухъ были строго соблюдаемы, и арестантскія казармы могли вполне служить образцовыми. Другой отдѣлъ арестантовъ жилъ въ особо устроенныхъ помѣщеніяхъ въ редюитахъ рavelиновъ въ укрѣпленіи «Фридрихъ-Вильгельмъ», а третій отдѣлъ на казенномъ кирпичномъ заводѣ, верстахъ въ четырехъ за городомъ, въ отдѣльномъ острогѣ. Пушкаревъ и туда часто заглядывалъ и за всякое упущеніе строго взыскивалъ съ ротныхъ командировъ, которымъ, впрочемъ, доставлялъ и нѣкоторыя льготы, такъ что они жили въ довольно порядочныхъ отношеніяхъ.

Въ это время уже разнеслись слухи о разрывѣ съ Турціей и о приближеніи войны. И дѣйствительно съ весны 1828 года началось движеніе войскъ. Наши отношенія съ отряднымъ начальникомъ генераль-лейтенантомъ Нагелемъ очень улучшились съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря его стараніямъ, Латынинъ былъ смѣненъ. Незадолго до этого случился эпизодъ, крайне неприятный какъ для него, такъ для Карла Леонтьевича¹⁾ и полкового командира Симишина. Въ

¹⁾ К. Л. Жерве, двоюродный братъ дѣда, командовалъ въ Бобруйскѣ бригадою.
В. Ж.

Бобруйскъ былъ присланъ, по сентенціи военнаго суда, разжалованный изъ капитановъ въ рядовые, Бекъ или Бекеръ, который поступилъ въ Могилевскій пѣхотный полкъ. Снисходительное и доброе къ такимъ несчастливцамъ судьбы начальство разрѣшило жить рядовому Беку на форштадтѣ въ наемной квартирѣ, дабы хоть нѣсколько облегчить его горькую участь. Впрочемъ, свою скромностью и вообще видомъ порядочнаго человѣка Бекъ всѣмъ понравился; жилъ онъ тихо и о немъ какъ-то всѣ забыли. Но дѣло въ томъ, что Бекъ считалъ себя совершенно правымъ въ дѣлѣ, изъ-за котораго онъ пострадалъ, умственные же его способности отъ постигшаго его несчастья нѣсколько разстроились. Видя, что начальство о немъ совершенно забыло, онъ воспользовался этимъ и отправился тайкомъ въ Петербургъ прямо къ генераль-инспектору и объявилъ, что онъ невинно разжалованъ. Его, конечно, схватили, и великій князь отправилъ его къ Опперману, который предпринималъ поѣздки въ Динабургъ и Бобруйскъ. Опперманъ пріѣзжаетъ въ Бобруйскъ, къ нему является отрядный начальникъ генераль-лейтенантъ Нагель. Опперманъ его спрашиваетъ:

— Скажите, Павелъ Ларионовичъ, того-того (привычка Оппермана), у васъ есть здѣсь какой-то разжалованный изъ капитановъ рядовой Бекъ?

— Есть, ваше высокопревосходительство.

— Потрудитесь приказать привести его ко мнѣ.

— Сейчасъ, — былъ отвѣтъ.

Передали приказаніе генерала Оппермана Карлу Леонтьевичу, тотъ—полковому командиру Симишину. Полетѣли искать Бека, но въ квартирѣ его и слѣдъ простылъ; знали только, что онъ уже съ мѣсяцъ тому назадъ ушелъ, будто бы, въ лагерь и послѣ уже не возвращался. Какъ ни непріятно было, но, нечего дѣлать, Нагель донесъ Опперману, что Бекъ бѣжалъ, и только потому, что имѣлась въ виду турецкая война, дѣло обошлось не очень строгимъ взысканіемъ: замѣчанія и выговоры порѣшили все. Бекъ уже не былъ возвращенъ, и что съ нимъ случилось, я не знаю.

Нагель, Карлъ Леонтьевичъ и Рупертъ ¹⁾ отправились въ походъ. Мы очень любили Руперта и задали ему и саперамъ предъ выступленіемъ обѣдъ на славу. Попировали и распростились съ нашими милыми саперами. Къ намъ поступили на работы другія армейскія войска, сначала дивизія генераль-лейтенанта Юшкова.

Между тѣмъ Карлъ Ефимовичъ Теше, по обширности ему порученныхъ работъ, долженъ былъ сдать должность дежурнаго при командѣ офицера, и меня назначили на его мѣсто. Въ этой должности было весьма трудно ладить съ Мочульскимъ ²⁾, съ которымъ

¹⁾ Вильгельмъ Яковлевичъ Рупертъ командовалъ въ Бобруйскѣ саперной бригадой.

²⁾ Полковникъ Мочульскій былъ назначенъ въ Бобруйскъ строителемъ крѣпости вмѣсто переведеннаго въ Кіевъ Латынина.

ежедневно приходилось быть въ сношеніяхъ; а съ такимъ вбаламошнымъ и притомъ совершенно не знавшимъ ни искусственной инженерной части, ни хода командныхъ дѣлъ не легко было ужиться. Это видѣлъ хитрый Теше и отдѣлался отъ этой должности. Кое-какъ я ладилъ съ нимъ.

Государь Николай I посѣтилъ насъ въ 1828 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, проѣдомъ въ дѣйствующую противъ Турціи армію. Онъ осматривалъ работы и остался очень доволенъ. Государь долженъ былъ переночевать въ Бобруйскѣ и на другой день утромъ отправиться дальше. Въ эту ночь изъ турецкой арміи было получено множество трофеевъ, въ особенности значковъ, знаменъ и бунчуковъ. Въ ночь надѣлали для нихъ древокъ, кое-какъ выкрасили, прибили къ нимъ значки и, воткнувъ въ землю, поставили ихъ по всему бульвару около церкви, предъ окнами дворца, занятаго государемъ. Вставъ утромъ, онъ увидѣлъ всѣ эти трофеи и остался очень доволенъ; приказалъ отправить ихъ въ Петербургъ, оставивъ въ нашей церкви два знамени.

Въ 1829 году, зимой, Павелъ Ларіоновичъ Нагель на нѣсколько дней пріѣхалъ въ отпускъ повидаться съ семействомъ своимъ. Онъ узналъ отъ жены, какъ инженерные офицеры заботились объ ея спокойствіи, какъ мило предупреждали всѣ ея желанія и пр., и поэтому принялъ насъ чрезвычайно ласково. А такъ какъ до насъ дошли слухи изъ нѣдръ дѣйствующихъ войскъ, что Нагель въ кампаніи отличный начальникъ, всегда очень ласковъ и предупредителенъ къ нашимъ офицерамъ, которымъ доставляетъ при всякой возможности награды и отличія, то мы рѣшили дать ему большой балъ. Балъ устроили въ клубномъ залѣ, гдѣ все было убрано военными арматурами и зеленью. Ужинъ былъ отличный, шампанское лилось, тосты ему и ей повторялись не разъ, мы его качали. Нагель былъ тронутъ до слезъ и не зналъ, какъ выразить намъ свою благодарность за настоящее вниманіе и за ту любезность, которую мы оказывали его семейству въ его отсутствіе. Наконецъ, дабы вполне выразить, какъ глубоко онъ цѣнитъ такое общее къ нему расположеніе, онъ посреди залы сталъ на одно колѣно и выпилъ за наше дорогое ему здоровье. Восторгъ достигъ апогея. Вскорѣ онъ уѣхалъ въ армію, и ни мы, ни семейство его болѣе не увидѣли: онъ умеръ въ Силистріи отъ страшной чумной эпидеміи. Мы крѣпко о немъ пожалѣли.

Я забылъ упомянуть, что въ началѣ этого года Карлъ Леонтьевичъ вернулся изъ турецкой арміи совершенно изнуренный злокачественною лихорадкою, но онъ мѣсяца черезъ два-три поправился. Когда государь проѣзжалъ черезъ Бобруйскъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, то Карлъ Леонтьевичъ представлялся ему, какъ выздоровѣвшій и отправлявшійся обратно въ дѣйствующую армію. Между тѣмъ дивизія генерала Юшкова отправилась дальше, а мѣсто ея заступила въ 1830 году 10-я дивизія. Начальникомъ дивизіи былъ генералъ-лей-

тенантъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ, замѣчательный старикъ, достигшій высшихъ чиновъ изъ простаго званія и бойко владѣвшій перомъ. Онъ былъ видный, высокій, статный мужчина, пріятный собесѣдникъ, и рассказы его изъ солдатской и походной жизни были увлекательны. Онъ былъ женатъ на калужской помѣщицѣ, довольно дородной, высокой и еще красивой женщицѣ, съ довольно хорошимъ состояніемъ. У нихъ были сынъ и дочь. Скобелевъ жилъ хорошо и въ царскіе дни давалъ обыкновенно торжественные обѣды, на которые собиралъ всю знать крѣпости и большую часть нашихъ офицеровъ. На одномъ изъ такихъ обѣдовъ онъ рассказывалъ свои походы въ отечественную войну и, между прочимъ, прибавилъ, что многіе также были въ кампаніи, а изъ нея ничего не вынесли, не умѣя придать настоящей энергіи и настоящаго значенія походной жизни. Нашъ любезнѣйшій городничій Кобылинскій всталъ и сказалъ Ивану Никитичу:

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, я имѣю награду за отличіе (у него была Анна 4 ст. на шпагѣ).

Иванъ Никитичъ разсмѣялся и отвѣтилъ: «Да, я и забылъ, что у тебя какая-то короста на шпагѣ». Онъ не долюбливалъ Кобылинскаго, какъ поляка. Тогда уже смутно ходили какіе-то не совѣмъ пріятные слухи о полякахъ.

Въ Бобруйскѣ я близко познакомился съ семействомъ плацъ-майора Пушкарева, и мнѣ чрезвычайно понравилась сестра м-ше Пушкаревой, Софья Семеновна Буссау. Мы скоро почувствовали взаимную симпатію, которая затѣмъ перешла въ любовь. Въ апрѣлѣ 1830 года я сдѣлалъ ей предложеніе, на которое она отвѣтила полнымъ согласіемъ. Послѣ этого я написалъ матери въ Петербургъ и получилъ отъ нея благословеніе; она крайне сожалѣла, что ея преклонныя лѣта лишали ее возможности пріѣхать въ Бобруйскъ, такъ что изъ близкихъ родныхъ на моей свадьбѣ никому не пришлось быть. День свадьбы былъ назначенъ на 17-е августа 1830 года. Посаженымъ отцомъ я просилъ нашего дивизионнаго генерала Ивана Никитича Скобелева, который охотно согласился меня благословить; посаженою матерью я просилъ родную тетку Софіи Семеновны, Лизавету Евстафьевну Гебель. Но когда я пріѣхалъ домой отъ Скобелева, онъ прислалъ за мною и объявилъ, что жена его желаетъ быть у меня посаженою матерью, чѣмъ считаетъ обязанною показать мнѣ свое особое вниманіе. Мнѣ было это очень пріятно, но сколько стоило труда уговорить старушку Гебель уступить свое мѣсто. Вѣнчаніе было назначено въ 6 часовъ вечера въ крѣпостной церкви. Весь лучшій кругъ города былъ приглашенъ на свадьбу, цугъ экипажей стоялъ огромный. Изъ церкви всѣ гости поѣхали въ домъ Я. П. Пушкарева. Вечеръ провели съ музыкой и танцами и закончили егоужиномъ. Молодежь много веселилась и только въ 3 часа утра всѣ разошлись. Старикъ полковникъ Де-

вель всегда очень любилъ и уважалъ мою жену еще дѣвицею и, въ честь насъ, на другой день свадьбы устроилъ балъ въ своемъ загородномъ домѣ за Минскимъ форштадтомъ.

Подъ конецъ турецкой кампаніи между войсками русской арміи развилась сильнѣйшая чума. Генераль-фельдмаршалъ Дибичъ положилъ непремѣнно послать кого либо изъ генераловъ подробно осмотрѣть всѣ чумные лазареты и госпитали. Онъ предлагалъ уже двумъ генераламъ эту командировку, но оба подъ разными предлогами успѣли отказаться. Тогда корпусный командиръ генераль Ротъ посовѣтовалъ фельдмаршалу послать генерала Жерве,— тотъ не откажется. Фельдмаршалъ и предложилъ Карлу Леонтьевичу съѣздить въ Сизополь, главный притонъ чумы и средоточіе госпиталей. Карлъ Леонтьевичъ, имѣя правиломъ никогда не отказываться отъ какихъ бы то ни было порученій по службѣ, принялъ предложеніе и готовился въ дорогу. Онъ тогда жилъ вмѣстѣ съ генераломъ Капелемъ, командиромъ саперной бригады. Такъ какъ Карлъ Леонтьевичъ ѣхалъ почти на вѣрную смерть, то написалъ женѣ своей Лизаветѣ Алексѣевнѣ письмо, приговляя ее къ тому, что онъ скоро умретъ, сдѣлать всѣ распоряженія по своимъ дѣламъ, относительно семейства и дѣтей. Письмо было написано въ страшномъ состояніи духа, и онъ просилъ генерала Капеля отправить это письмо къ женѣ своей, а самъ пустился въ дорогу, взявъ съ собою одного только молодого офицера Малѣева, который впоследствии былъ у него бригаднымъ адъютантомъ. Онъ нашелъ лазареты и госпитали въ отвратительномъ безпорядкѣ. Чумные лежали скученными вмѣстѣ съ другими больными, подлѣ живого лежало тѣло умершаго чумнаго безъ малѣйшаго присмотра; нельзя было нигдѣ отыскать ни смотрителей, ни доктора, ни даже фельдшера. Смотрителя выводили огромные счета, а на мѣстѣ никого не было. Карлъ Леонтьевичъ ходилъ по всѣмъ лазаретамъ и госпиталямъ безъ всякой предосторожности, но не допускалъ ни за что Малѣева слѣдовать за собою, говоря, что молодому человѣку надо еще жить. Но Богъ помиловалъ Карла Леонтьевича, и онъ возвратился живъ и здоровъ. Согласно данному ему лично фельдмаршаломъ приказанію, онъ доложилъ, въ какомъ видѣ нашелъ госпитали и лазареты, присокоупивъ, что слѣдуетъ употребить самыя энергическія и скорыя мѣры, чтобы уничтожить существующія злоупотребленія и страшныя упущенія, а не то никто тамъ отъ чумы не спасется. Фельдмаршалъ очень благодарилъ Карла Леонтьевича, но страшно разсердился, узнавъ все это, тотчасъ же послалъ за Ротомъ, разбранилъ его за всѣ найденные безпорядки и приказалъ принять строжайшія мѣры, чтобы тотчасъ же все привести въ надлежащій порядокъ. Приказанія фельдмаршала были исполнены, дѣло поправили, но Карлъ Леонтьевичъ нажилъ въ лицѣ Рота непримиримаго врага. Ротъ ему выговаривалъ, почему онъ прежде не при-

шелъ къ нему, а прямо доложилъ фельдмаршалу обо всемъ, что онъ нашелъ. Карлъ Леонтьевичъ отвѣтилъ, что сдѣлалъ это потому, что хотя бы онъ и передалъ Роту прежде все, что видѣлъ, — все-таки передъ фельдмаршаломъ не солгалъ бы и сказалъ бы всю правду, какъ она есть. Къ несчастью Карла Леонтьевича, онъ былъ назначенъ командиромъ бригады въ корпусъ Рота. Тотъ его послалъ послѣ кампаніи въ Севастополь, а туда прибыли съ Кавказа полки, обмундированные изъ рукъ вонъ дурно, не знавшіе фронтовой части, такъ что Карлъ Леонтьевичъ ахнулъ, увидя этотъ сбродъ. А Ротъ тотчасъ же назначилъ смотръ этой бригадѣ. Тогда Карлъ Леонтьевичъ сказался больнымъ и предоставилъ старшему полковому командиру представить бригаду.

У Карла Леонтьевича была еще большая непріятность съ севастопольскимъ комендантомъ полковникомъ Печковскимъ. Однажды, въ воскресенье, онъ дѣлаетъ разводъ. Въ это время подъѣзжаетъ комендантъ, останавливаетъ разводъ и говоритъ Карлу Леонтьевичу, что онъ не имѣетъ права дѣлать разводъ безъ него, коменданта. Тутъ завязался споръ передъ фронтомъ, но Карлъ Леонтьевичъ докончилъ разводъ и, какъ ни былъ всегда тихъ и скромнень, донесъ однако рапортомъ по командѣ о поступкѣ коменданта. Того смѣнили, посадили на 3 мѣсяца на гауптвахту и потомъ назначили комендантомъ на Кавказъ, въ Шемаху.

Между тѣмъ Ротъ поѣхалъ въ Петербургъ и, будучи у государя за обѣдомъ, началъ чернить Карла Леонтьевича ужасно. Но покойный государь вспомнилъ, что онъ командовалъ бригадой въ отрядѣ въ Бобруйскѣ и былъ всегда на отличномъ счету. Однако Ротъ увѣрялъ государя, что послѣ турецкой кампаніи онъ сдѣлался болѣзненнымъ, желчнымъ и вялымъ. Послѣдствіемъ этого наговора было то, что Карлъ Леонтьевичъ былъ назначенъ комендантомъ въ Тирасполь вмѣсто того, чтобы получить дивизію, на которую имѣлъ всѣ права. Надо же было случиться, что сынъ его Константинъ, тогда уже бывший камеръ-пажомъ, находился при столѣ во время клеветы Рота и слышалъ весь разговоръ его съ государемъ. Онъ послѣ рассказывалъ, что едва съ ногъ не свалился, зная всю несправедливость наговора на его отца. Вотъ почему и вся продѣлка Рота сдѣлалась извѣстною ¹⁾.

¹⁾ Въ доказательство справедливости словъ дѣда объ отличной службѣ Карла Леонтьевича Жерве, позволю себѣ сослаться на послужной списокъ послѣдняго. Страницы его даютъ длинный списокъ походовъ и сраженій, въ которыхъ участвовалъ К. Л. Онъ былъ въ кампаніяхъ 1806—1809, 1810—1813, 1828—1829 гг. и личнымъ участникомъ болѣе чѣмъ 25 сраженій. Не перечисляю всѣхъ сраженій, упомяну лишь пункты важнѣйшихъ изъ нихъ: Преишъ-Эйлау, Фридландъ, Шумла и Руцукъ, переправа французовъ черезъ Березину, Дашцигъ, Варна и др. За отличіе въ сраженіи 7 и 8 октября 1812 г. при р. Ушачѣ К. Л. переведенъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. «За отличіе оказанное при покореніи крѣпости Кленгенки и въ дѣлахъ, оному предшествовавшихъ, получилъ Именное Высочайшее

Въ 1830-мъ году вспыхнулъ польскій мятежь. Бобруйскъ приказано было привести въ оборонительное положеніе, вооружить артиллеріей. Закипѣла работа. Мы проработали всѣ праздники Рождества по колѣна въ снѣгу. Крѣпость была объявлена на военномъ положеніи; съ сумерекъ всѣ крѣпостныя ворота заперлись, безъ пароля и лозунга никого не пропускали. Къ намъ то и дѣло привозили плѣнныхъ, многихъ безъ означенія именъ и фамилій, подъ номерами; привезли какого-то епископа въ каретѣ съ конвоемъ изъ 18 человекъ казаковъ. Вскорѣ у насъ набралось до 500 штабъ и оберъ-офицеровъ и 3.000 человекъ нижнихъ чиновъ польскихъ плѣнныхъ. Довольствоваться ихъ пищею и одеждою было очень трудно, такъ какъ у насъ находилось уже 2.000 человекъ плѣнныхъ турокъ. Войска же въ крѣпости было очень мало: всего 5 армейскихъ резервныхъ батальоновъ и резервный саперный батальонъ, который былъ ненадеженъ потому, что въ немъ большая часть людей состояла изъ уроженцевъ Виленской губерніи. Случалось, что ставятъ часового, когда же приходитъ смѣна, оказывается, что амуниція виситъ въ будкѣ, а часовой бѣжалъ. Много покушеній было со стороны поляковъ къ бѣгству. Такъ, одному капитану Таубе удалось бѣжать съ гауптвахты; въ погоню за нимъ по всѣмъ дорогамъ послали жандармовъ, на Глусской дорогѣ его поймали и уже закованнаго привезли въ крѣпость. Распространились слухи, что даже въ

благоволеніе, объявленное въ Высочайшемъ приказѣ 5 іюня (1828 г.)... «За отличіе по прекращенію существовавшей въ г. Сизополѣ заразы, Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Анны 2-ой степени, императорскою короною украшеннымъ 1830 г. августа 22». Кромѣ другихъ наградъ, К. Л. удостоился получить 8 разъ Именное Высочайшее благоволеніе и два раза—«въ числѣ прочихъ». Въ гражданской службѣ, въ которой, быть можетъ, онъ надѣялся найти больше счастья, чѣмъ въ военной, К. Л. также имѣлъ случай обратить на себя вниманіе, когда занималъ должность начальника Гродненскаго таможеннаго округа: «Высочайшимъ рескриптомъ, на имя г. министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовавшимъ, объявлена признательность и совершенное Всемилостивѣйшее благоволеніе за своевременное окончаніе 5-го рекрутскаго набора».—К. Л. скончался 18 февраля 1852 года.

Сынъ его, Константинъ Карловичъ Жерве, о которомъ упоминается въ интересномъ разказѣ дѣда, блестяще окончилъ курсъ въ Пажескомъ корпусѣ въ 1836 году. Въ этомъ году, какъ фельдфебель и первый ученикъ, онъ былъ записанъ на мраморную доску, но, за недостиженіемъ 18-ти лѣтняго возраста, отставленъ отъ производства въ офицеры. По Высочайшему повелѣнію, К. К. былъ награжденъ золотымъ шеврономъ и на особыхъ льготныхъ условіяхъ оставленъ на 1 годъ въ корпусѣ. Въ слѣдующемъ (1837 году) онъ снова записанъ на мраморную доску и выпущенъ л.-гв. въ Измайловскій полкъ. Если не ошибаюсь, въ томъ же году онъ поступилъ въ академію генеральнаго штаба, откуда былъ зачисленъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Къ сожалѣнію, молодая жизнь, а съ нею блестящая карьера человека, которому такъ улыбалась судьба, скоро прекратилась: въ чинѣ капитана, кажется, на Кавказѣ, онъ былъ сброшенъ лошадыю и при паденіи ударился спиною о камень, послѣ чего вскорѣ скончался въ городѣ Ковно, 3 іюня 1849 годѣ.

В. Ж.

самой крѣпости есть приверженцы возстанія. Надо отдать справедливость, что одинъ только Пушкаревъ въ это время дѣйствовалъ энергически и дѣятельно. Онъ слѣдилъ ворко за поляками внутри крѣпости и по всему околотку, имѣлъ всюду своихъ лазутчиковъ.

Такъ прошла зима. Отношенія нашихъ офицеровъ съ Мочульскимъ принимали болѣе и болѣе непріязненный характеръ. На Святую офицеры всего корпуса пошли къ Мочульскому христосоваться. Онъ долго не выходилъ; мы узнали, что онъ намѣренъ прежде христосоваться съ командою писарей и мастеровыхъ, и дѣйствительно онъ пошелъ къ нимъ. Офицеры разсердились и ушли. Возвратившись въ пустую залу и узнавъ, что офицеры ушли, Мочульскій страшно разсердился, но съ цѣлаго корпуса офицеровъ взять нечего было, а потому онъ придрался ко мнѣ, почему я, какъ дежурный офицеръ, не находился при командѣ. Въ этомъ отчасти онъ былъ правъ и потому отправилъ меня съ окружнымъ адъютантомъ подъ арестъ. Прихожу я къ коменданту. Старикъ взбѣсился, началъ ругать Мочульскаго, прямо объявилъ, что меня на гауптвахту не принимаетъ и тотчасъ донесетъ въ Петербургъ о поступкѣ Мочульскаго. Никакія просьбы мои, ни убѣжденія, что изъ этого можетъ произойти весьма непріятная исторія, которая повредитъ ему и мнѣ, — ничто не помогло. Вышли мы отъ коменданта, адъютантъ Деметьевъ уже повернулъ было къ Мочульскому, но я вернулъ его, и мы пошли къ старику Девелю. Когда ему передали о случившемся, пылкій старикъ также взбѣсился, разразился бранью, но все-таки, по моимъ убѣжденіямъ, предвидя послѣдствія, понять, что для старика коменданта можетъ выйти весьма скверная исторія. Онъ пошелъ съ нами, сталъ уговаривать Берга, и мы насилу-насилу уговорили добрѣйшаго старика дать приказаніе плацъ-майору посадить меня на гауптвахту, куда я пожелаю. Я зашелъ къ женѣ. Сначала она встревожилась, но, видя меня совершенно веселымъ, успокоилась, такъ какъ мы уже заранѣе сговорились всѣ сегоднешній день провести у Мерле на заводѣ. Плацъ-майоръ поѣхалъ самъ на гауптвахту на кирпичный заводъ и передалъ караульному офицеру, что у него на гауптвахтѣ будетъ числиться такой-то; но что онъ, плацъ-майоръ, и комендантъ берутъ на себя всю отвѣтственность въ томъ, что офицеръ на гауптвахту не явится, чтобы такъ передавали и офицерамъ, которые поступаютъ на смѣну. Мерле, узнавъ о продѣлкѣ Мочульскаго, тотчасъ самъ поѣхалъ къ коменданту и къ Девелю и просилъ ихъ къ себѣ обѣдать. Всѣ пріѣхали, и мы провели у него этотъ день очень весело. Мочульскій же, считая себя глубокимъ дипломатомъ, былъ у моей жены съ визитомъ, но не засталъ ея дома. Чтобы мнѣ не скучно было, Мерле и на другой день пригласилъ кое-кого къ себѣ. На третій день я явился къ Мочульскому, онъ извинился предо мною и сказалъ: «Вы жертва политики». Я разсмѣялся и ушелъ.

Однако Мочульскому стало неловко въ обществѣ: его нигдѣ, кромѣ какъ по службѣ, не принимали. Чтобы загладить свой поступокъ, онъ приготовилъ большой обѣдъ и письменно всѣхъ пригласилъ къ себѣ къ обѣду, но никто на обѣдъ не пріѣхалъ, и онъ обѣдалъ вдвоемъ съ адъютантомъ. Это его окончательно взбѣсило. Мочульскій сталъ сильно придираяться къ Мерле и добился его ареста.

Тогда всѣ офицеры собрались къ нему и предупредили его серьезно, что если онъ не уймется, то конецъ будетъ очень плачевный. Когда же Мочульскій сталъ отговариваться и обвинять Мерле, то Мерле подошелъ къ нему и хотя на ухо и вполголоса, но такъ, что близко стоявшіе все могли слышать, разругалъ его послѣдними словами, прибавивъ, что если онъ только пикнетъ, то при всѣхъ разобьетъ ему всю рожу въ кровь. Мочульскій поблѣднѣлъ, какъ полотно, и выбѣжалъ изъ комнаты. Съ этихъ поръ онъ никогда ни одного офицера, въ томъ числѣ и меня, какъ дежурнаго офицера, обязаннаго приходить къ нему ежедневно по утру съ рапортомъ, принималъ не иначе, какъ призвавъ предварительно вѣстового, который долженъ былъ присутствовать во все время аудіенціи: онъ боялся, что его поколотятъ. Между тѣмъ все здѣшнее начальство, въ томъ числѣ и нашъ командиръ команды, старикъ Козьминъ, написали въ Петербургъ весьма нелестные отзывы о Мочульскомъ. Лѣтомъ Мочульскій поѣхалъ въ Кіевъ дѣлать инспекторскій смотръ, но ему показали высочайшій приказъ, которымъ онъ уволенъ отъ службы съ полнымъ пенсіономъ. Это его, какъ громомъ, поразило. Онъ возвратился, забралъ свои вещи и отправился куда-то на югъ. Такъ мы избавились отъ этого господина.

На мѣсто Мочульскаго, командиромъ Кіевскаго инженернаго округа и строителемъ Бобруйской крѣпости назначили инженеръ генераль-майора Христофора Ѳедоровича Клеменса, добрейшаго старика, но мало развитого, плохо понимавшаго строительную часть, находившагося подъ башмакомъ супруги своей, но какъ-то мало чувствовалъ свою ферулу.

Въ Польшѣ возстаніе приняло обширные размѣры; двинули туда гренадерскій корпусъ и гвардію. Фельдмаршалъ Дибичъ былъ главнокомандующимъ и пилъ горькую чашу, говорили, что въ день онъ выпивалъ по восьми бутылокъ рому. Великій князь цесаревичъ выѣхалъ изъ Варшавы и по дорогѣ въ Петербургъ захворалъ въ Витебскѣ; здѣсь онъ болѣлъ недѣли двѣ и умеръ. Тѣло его привезли въ Петербургъ и похоронили съ подобающими почестями. Гренадерскій корпусъ, свѣжій, не бывшій въ дѣлахъ съ 1812 года, пустили въ дѣло въ первый разъ, кажется, подъ Остроленкою, и гренадеры такъ остервенились, что ни отбой, ни личныя приказанія великаго князя Михаила Павловича не помогли: они прекратили бой тогда, когда перебили всѣхъ поляковъ и не осталось съ кѣмъ сражаться.

Великій князь Михаилъ Павловичъ командовалъ тогда гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами. Въ составъ гвардіи входилъ и Гвардейскій Финскій стрѣлковый батальонъ—отличные стрѣлки. Покойный государь Николай I много слышалъ объ отличной стрѣльбѣ этого батальона, захотѣлъ самъ удостовѣриться въ этомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поощрить стрѣлковъ. Для этого государь приказалъ остановить батальонъ въ Царскомъ Селѣ. Батальонъ былъ въ полномъ составѣ 1.000 человекъ. Государь подѣхалъ къ стрѣлкамъ, повдоровался съ ними и объявилъ, что дастъ каждому, кто попадетъ въ яблоко мишени, по 10 рублей. Началась стрѣльба, и ни одинъ человекъ не далъ промаха, всѣ безъ исключенія попали въ яблоко. Государь былъ чрезвычайно доволенъ, смѣясь сказалъ: «Хорошо наказали»,—и приказалъ выдать 10.000 рублей.

Во время польской кампаніи великій князь Михаилъ Павловичъ однажды выѣхалъ на пригорокъ около рѣчки, чтобы осмотрѣть мѣстность и сдѣлать дизлокацію войскамъ. При немъ былъ весь его штабъ. На другой сторонѣ рѣчки, съ высокаго берега ея кавой-то польскій офицеръ, сидя на бѣлой лошади, нѣсколько разъ стрѣлялъ въ то мѣсто, гдѣ былъ великій князь, въ толпу окружавшихъ его. Наконецъ, это надоѣло великому князю. Онъ оглянулся и недалеко отъ себя увидѣлъ Финскаго стрѣлковаго батальона капитана Вендта, бывшаго моего товарища, отличнаго стрѣлка. Михаилъ Павловичъ обратился къ нему и сказалъ:

— Вендтъ, нельзя ли уговорить этого нахальнаго поляка?

Вендтъ взялъ ружье и, когда всадникъ подѣхалъ, такъ что былъ виденъ, прицѣлился, выстрѣлилъ, и всѣ видѣли, какъ въ тотъ же моментъ полякъ свалился съ лошади. Великій князь кивнулъ Вендту и сказалъ:

— Молодецъ!..

Скобелевъ со своей дивизіей также былъ въ дѣйствующей арміи. Не помню, въ какомъ дѣлѣ, когда онъ велъ дивизію, ему оторвало лѣвую руку. Скобелеву сдѣлали ампутацію. Замѣчательно, съ какимъ самоотверженіемъ и съ какою силою воли этотъ почтенный старикъ переносилъ ампутацію; во время самой операціи онъ диктовалъ приказъ по дивизіи, въ которомъ прощался съ нею, такъ какъ ему надо было вернуться въ Россію лѣчиться. Приказъ былъ замѣчательно хорошо написанъ. Въ дивизіи Скобелева служилъ сначала полковымъ командиромъ (тогда я его зналъ въ Бобруйскѣ), а потомъ бригаднымъ генераль-майоръ фонъ-деръ-Бриггенъ. У него было прекрасное семейство, мы были знакомы. При штурмѣ Варшавы, во главѣ своей бригады, онъ былъ однимъ изъ первыхъ убитъ наповаль, оставивъ вдову и большое семейство безъ средствъ. Вдовѣ дали хорошій пенсіонъ, благодаря вліянію Скобелева, и самъ онъ всегда поддерживалъ это семейство, сколько могъ. Слышалъ я, что Скобелевъ получалъ какой-то пожизненный пенсіонъ, данный

ему въ прежнія времена, и будто онъ отдавалъ этотъ пенсіонъ сполна генеральшѣ Бриггенъ; насколько это справедливо, не знаю.

Наконецъ Варшаву взяли, поляковъ усмирили, войска возвращались домой. Началась разборка, и конфисковали огромное количество имѣній тѣхъ лицъ, которыя бѣжали за границу. Покойный императоръ Николай I щедрою рукою раздавалъ почти всѣмъ начальствующимъ лицамъ и даже нѣкоторымъ полковымъ командирамъ майораты. Генералъ Денъ, который командовалъ раньше въ Бобруйскѣ сапернымъ баталіономъ и провелъ все время въ Польской кампаніи, былъ назначенъ начальникомъ инженеровъ царства Польскаго.

Чтобы нѣсколько обрисовать характеръ Дена, я расскажу всѣмъ извѣстный въ Бобруйскѣ случай, бывший тамъ еще до моего приѣзда. Когда государь Николай I до вступленія на престолъ былъ генералъ-инспекторомъ по инженерной части, онъ приѣхалъ однажды въ Бобруйскъ, сдѣлалъ смотръ саперной бригадѣ, остался очень недоволенъ ею, разсердился и посадилъ на гауптвахту всѣхъ трехъ батальонныхъ командировъ: Дена, Гебенера и Руперта, при чемъ Дену приказалъ прибыть къ нему съ гауптвахты въ 3 часа послѣ обѣда. Денъ приѣхалъ и говоритъ человѣку великаго князя:

— Доложи его высочеству, что полковникъ Денъ приѣхалъ.

Тотъ возражаетъ, что его высочество отдыхаетъ, и онъ не можетъ доложить.

На это Денъ ему отвѣчаетъ:

— Не твое дѣло разсуждать. А я, полковникъ Денъ, приказываю тебѣ доложить его высочеству, что я приѣхалъ.

— Много такихъ полковниковъ,—отвѣтилъ человѣкъ.

— Ахъ, ты мерзавецъ!—воскликнулъ Денъ, схватилъ его зашиворотъ и вытащилъ на дворъ. (Великій князь останавливался въ деревянномъ домѣ коменданта). Тамъ какъ разъ случились ординарцы его батальона. Онъ приказалъ придержать человѣка и велѣлъ ординарцу дать ему 25 ударовъ тесакомъ. По экзекуціи, Денъ сказалъ человѣку:

— Теперь иди, доложи.

Тотъ избитый, весь въ слезахъ, побѣжалъ къ великому князю. Минуть черезъ пять великій князь вышелъ, поговорилъ съ Деномъ по службѣ, но о человѣкѣ не сказалъ ни слова.

Когда въ 1832 году государь былъ у насъ въ Бобруйскѣ, то чрезвычайно остался доволенъ работами подполковника Дзичканца ¹⁾ по третьему полигону и на мѣстѣ произвелъ его въ слѣдующій чинъ. Вслѣдствіе польскаго мятежа нужно было принять болѣе строгія мѣры, и Кіевъ казался государю довольно важнымъ пунктомъ, который положено было укрѣпить. Для производства работъ

¹⁾ Юсифъ Гедеоновичъ.

и проектовъ государь самъ назначилъ Дзичканца командиромъ Кіевской инженерной команды. Когда государь въ 1834 году былъ проездомъ въ Кіевѣ, то начатыми работами остался чрезвычайно доволенъ, отличалъ Дзичканца на всякомъ шагу и постоянно приглашалъ его къ себѣ къ обѣду. Генераль-адъютантъ Фельдманъ испугался особаго расположенія государя къ Дзичканцу и, управляя тогда инженернымъ департаментомъ, придумывалъ разныя средства, какъ бы повредить Дзичканцу во мнѣніи государя,—и вотъ что наконецъ придумалъ.

У него былъ племянникъ, инженерный поручикъ Кесслеръ. Онъ послалъ его въ Кіевъ и далъ ему наставленіе, какъ дѣйствовать, чтобы на какойнибудь незаконности поймать Дзичканца. Дзичканецъ былъ увѣренъ, что работы, назначенныя на слѣдующее лѣто и указанныя самимъ государемъ, будутъ утверждены и, дабы къ открытію работъ поставка матеріаловъ не задержала возможно ранняго ихъ производства, разрѣшилъ подрядчикамъ ставить матеріалъ для неразрѣшенныхъ еще работъ будущаго года; нѣкоторымъ изъ нихъ на это онъ выдалъ даже квитанціи и небольшія суммы денегъ. Положимъ, что по строгому смыслу закона нельзя допускать поставку матеріаловъ для работъ, которыя еще не получили полнаго утвержденія и не разрѣшены къ производству, но такъ какъ это дѣлалось въ виду выигрыша времени и для успѣшности работъ, то въ этомъ особаго вреда не могло быть. Кесслеръ, выслѣдивъ всѣ дѣйствія Дзичканца, сдѣлалъ доносъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ его въ такомъ видѣ, будто это дѣлалось для выгодъ подрядчиковъ и въ стачкѣ съ ними. Доносъ этотъ Кесслеръ отправилъ не въ инженерный департаментъ, а чрезъ жандармскаго штабъ-офицера въ III Отдѣленіе, которое и обязано было довести обо всемъ до свѣдѣнія государя. Государю это было очень непріятно, но, дѣлать было нечего, онъ приказалъ произвести слѣдствіе. У Дзичканца въ Петербургѣ было много друзей; они ему и дали тайкомъ знать о доносѣ и о предполагаемомъ слѣдствіи. Такъ какъ офицеры и подрядчики очень любили Дзичканца за его аккуратность и честность, то онъ, получивъ это извѣстіе, собралъ тѣхъ и другихъ,—и всѣ выданныя квитанціи были тотчасъ уничтожены, деньги возвращены и весь поставленный матеріалъ свезенъ съ дистанціи чуть ли не въ одну ночь. Slѣдствіе прибыло и ничего не нашло. Дзичканца совершенно оправдали, но то, чего желалъ Фельдманъ, достигнуто удалось: Дзичканецъ, какъ бывшій подъ слѣдствіемъ, не получилъ званія флигель-адъютанта, котораго ожидалъ. Кесслера же за фальшивый доносъ сослали на Кавказъ.

Фельдманъ былъ выпущенъ поручикомъ изъ главнаго инженернаго училища и посланъ на казенный счетъ за границу для объѣзда крѣпостей и усовершенствованія въ инженерной наукѣ. Онъ былъ вообще добрый старикъ, но мало сдѣлалъ пользы инже-

нерному корпусу. Уже въ чинѣ подполковника онъ былъ командиромъ ревельской инженерной команды. Когда великій князь Николай Павловичъ женился въ Берлинѣ, то молодая супруга его дала себѣ зарокъ употребить всѣ силы, чтобы вліяніемъ своимъ составить счастье первому русскому офицеру, котораго она встрѣтитъ, вступая на Русскую землю, и который заговоритъ съ нею при этомъ на ея родномъ нѣмецкомъ языкѣ. Великая княгиня Александра Ѳеодоровна изъ Пруссіи прибыла въ Россію на пароходѣ и вышла на берегъ въ Ревелѣ. Тутъ, въ числѣ прочихъ, встрѣтила ее и Фельдманъ, который заговорилъ съ нею на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ. Вотъ что было причиною того, что, по протекціи великой княгини, Фельдманъ сдѣланъ былъ флигель-адъютантомъ.

Когда, въ 1832 году, государь посѣтилъ Бобруйскъ, у меня были огромныя работы по засыпкѣ рѣки Бобруйки, провода канала со шлюзами около укрѣпленія «Фридрихъ-Вильгельмъ», по устройству эспланады и проч., а вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ и дежурнымъ по командѣ офицеромъ. У меня работали на дистанціи люди изъ двухъ дивизій. Два штабъ-офицера и нѣсколько офицеровъ дежурили съ людьми. Работали 2.000 плѣнныхъ турокъ, 2 арестантскія роты, около 3.000 вольнонаемныхъ мастеровыхъ и 800 подводъ, такъ что всѣхъ рабочихъ было около 11.000. Государь, осматривая работы по укрѣпленію «Фридрихъ-Вильгельмъ», много ходилъ и спускался по лѣстницамъ и валгангамъ. Старикъ Опперманъ усталъ, и ему сдѣлалось дурно. Его посадили на кресло, принесли кусокъ чернаго хлѣба съ солью, воды,—оправился старичекъ, и тутъ государь поздравилъ его съ титуломъ графа и далъ въ аренду на 50 лѣтъ огромное имѣніе въ 50-ти верстахъ около Бобруйска. А тому, у кого на дистанціи возвели Оппермана въ графское достоинство, по представленію любезнаго начальства, дали 125 рублей ассигнаціями въ награду. Вотъ какъ тогда награждали!

За нѣсколько времени до пріѣзда государя, когда люди къ обѣденному времени сходили съ работы, бѣжали четыре арестанта изъ числа работавшихъ у меня на дистанціи. Видно было, какъ они бѣжали по эспланадѣ берега къ Березинѣ, чтобы, вѣроятно, переплыть ее и укрыться въ лѣсу на противоположномъ берегу. Арестанты были въ сборѣ. Я тотчасъ же послалъ всѣхъ конвойныхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ въ погоню за бѣжавшими и приказалъ хоть стрѣлять по нимъ, но возвратитъ живыми или мертвыми. Только тогда замѣтилъ я, что остался одинъ съ двумя ротами арестантовъ, которые могли бы меня убить весьма легко и разбѣжаться. Изъ четырехъ бѣжавшихъ одного убили на мѣстѣ, трехъ другихъ ранили значительно, и черезъ часъ времени всѣ возвратились назадъ. Признаюсь откровенно, я былъ крайне доволенъ, когда всѣ вернулись, хотя въ этомъ довольно непріятномъ положеніи не подавалъ ни малѣйшаго вида опасенія, а стоялъ смѣло и поддержи-

валъ охотниковъ крикомъ и знаками. Усердно перекрестился я, когда вся эта процедура кончилась.

Почти въ это же время былъ со мной другой случай. Устраивался новый деревянный заборъ на довольно большой пустынной площади противъ казенной кузницы. Наверху, на не очень высокихъ подмосткахъ, работалъ плотникъ-арестантъ и ставилъ обшивку около заборнаго столба криво. Я велѣлъ обшивку отодрать и показаль потомъ, какъ надо дѣлать. Спросилъ:

— Понялъ?

— Понялъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ мнѣ плотникъ.

Послѣ обѣда, обходя работу, подхожу къ этому же плотнику и вижу, что онъ опять такъ же криво прибиваетъ обшивку. Тутъ я уже выругалъ его порядкомъ, опять приказаль отодрать обшивку и передѣлать. Возвращаясь уже подъ вечеръ назадъ, иду мимо работы, а плотникъ попрежнему криво прибиваетъ обшивку и прехладнокровно продолжаетъ свою работу, видя, что я подхожу. Здѣсь уже замѣтно было явное и намѣренное непослушаніе; меня это взбѣсило, и я приказаль унтеръ-офицеру стащить его съ подмостковъ. Пока, однако, унтеръ-офицеръ успѣлъ подойти къ нему, онъ со всего розмаха пустиль въ меня топоромъ. Къ счастью, я замѣтилъ его движеніе, нагнулся и топоръ, завенѣвъ, впился въ заборъ. Если бы я не нагнулся, онъ на мѣстѣ убилъ бы меня. Голубчика схватили. Какъ разъ тутъ случился и плацъ-майоръ. На всѣ спросы арестантъ не отвѣчалъ ничего. Дѣло же сейчасъ рѣшили: какъ только люди собрались съ работы, его сію же минуту пропустили черезъ 2.000 человекъ сквозь строй. Удивляюсь, какъ онъ выдержаль это наказаніе: никто такъ жестоко не наказываетъ, какъ арестанты своего брата. Вскорѣ его отправили въ каторжную работу въ рудники.

Въ томъ же 1832 году государь, пріѣхавъ къ намъ, смотрѣлъ арестантскія роты, остался чрезвычайно доволенъ всѣми распоряженіями плацъ-майора Пушкарева, произвелъ его на мѣстѣ въ подполковники и далъ ему Владиміра 4-й степени. Но, кажется, сверхъ того, и другое обстоятельство много повліяло на удовольствіе государя. Во время польской кампаніи въ окрестностяхъ Бобруйска было очень неспокойно. Поляки шайками пробирались до самаго Минска и были даже ближе къ Бобруйску, верстахъ въ 80-ти, грабили, жгли, и только страхъ сильной крѣпости Бобруйска, можетъ быть, удержаль всю страну эту если не отъ возстанія, то, по крайней мѣрѣ, отъ тревожныхъ безпорядковъ. Поляки распространяли свои сѣти въ самую крѣпость Бобруйскъ; были агенты, которые имѣли сношенія съ повстанцами. Пушкаревъ не зѣваль: также разсылаль разныхъ личностей въ окрестности и энергично дѣйствовалъ черезъ жидовъ, которые ему были очень преданы изъ-за выгодъ въ разныхъ поставкахъ для арестантскихъ ротъ и въ другихъ коммерче-

скихъ оборотахъ. Онъ положительно узналъ, что нѣкоторыя личности замѣшаны въ заговорѣ, и просилъ коменданта Берга, генерала Клеменса, но тѣ никакъ не рѣшались помочь ему. Пушкиревъ рѣшился, наконецъ, дѣйствовать самостоятельно, принимая всѣ послѣдствія на свою отвѣтственность. Онъ арестовалъ городничаго капитана Кобылинскаго, начальника уѣзднаго училища Кукеля и помѣщика Жабу, проживавшаго въ городѣ на форштадтѣ. Этого послѣдняго арестовали въ костелѣ, когда онъ лежалъ распростертый на полу и молился. Всѣхъ за преступныя сношенія съ поляками Пушкиревъ посадилъ въ казематы и прямо отъ себя донесъ въ Петербургъ. Для суда надъ ними ихъ увезли, но куда—неизвѣстно. Кобылинскаго спасла его сестра, вдова генерала Нагеля; его исключили изъ службы. Жабу сначала сослали въ Сибирь, какъ и многихъ другихъ, но потомъ онъ былъ солдатомъ. Изъ осмотрѣнныхъ тогда арестантовъ государь многихъ освободилъ, въ томъ числѣ и декабристовъ Норова и Дивова. Послѣдняго отправили на Кавказъ, Бодиско—въ Польшу. Бодиско посчастливилось выслужиться: онъ былъ произведенъ въ офицеры и получилъ Анну 3-й степени, потомъ вышелъ въ отставку и жилъ у себя въ имѣннн. Норовъ умеръ на Кавказѣ, а Дивовъ, кажется, былъ убитъ.

Въ 1833 году, государь, опять будучи въ Бобруйскѣ, очень заинтересовался моими обширными работами. Я устраивалъ эспланаду между крѣпостью и укрѣпленіемъ «Фридрихъ-Вильгельмъ», прорывалъ каналъ со шлюзами и проч. Онъ прѣбжалъ на мою дистанцію очень часто, а иногда въ совершенно неурочное время. Такъ, государь разъ прѣхалъ на мои работы около 9 часовъ вечера, вдвоемъ съ прусскимъ генераломъ Редереромъ. Я встрѣтилъ государя. Онъ спросилъ меня:

— Отчего люди работаютъ такъ поздно?

— Это, ваше величество, плѣнные турки,—отвѣтилъ я.—Они съ десятого часа утра уходятъ съ работы, просили, чтобы ихъ не заставляли работать въ жаръ, и приходятъ вновь на работу уже около пяти часовъ.

— А уроки вырабатываютъ?—спросилъ государь.

— Вырабатываютъ, ваше величество.

Государь подошелъ къ туркамъ. Они собрались около него большою толпою, въ нѣсколько рядовъ, и не могли надивиться, что государь и я въ одинаковой одеждѣ (мы оба были въ сюртукахъ), и насъ различаютъ только эполеты. Всѣ дотрогивались до моего сюртука и говорили: «Султанъ, султанъ» и «паша»,—пашой они называли меня. Изъ рядовъ вышелъ одинъ турокъ и, показывая на плечо, сказалъ порусски: «Султанъ, больно». Государь приказалъ обнажить плечо, оно оказалось красноватымъ; приказалъ открыть другое—оказалось здоровымъ. Государь показалъ турку, чтобы онъ положилъ мѣшокъ на здоровое плечо, и сказалъ ему: «гайда!» Турки всѣ разсмѣялись и долго-долго не умолкали.

Государь съ Редереромъ пошелъ на возвышенное мѣсто около укрѣпленія и началъ понѣмецки объяснять Редереру переправу французовъ черезъ Березину въ 1812 году. Государь сказалъ что-то смѣшное, и я разсмѣялся, хотя тихо; но государь оглянулся и сказалъ Редереру: «Ich habe ganz vergessen dass dieser Offizier besser deutsch spricht, als ich; das ist ihr wahrer Bruder»¹⁾. Съ тѣхъ поръ, гдѣ бы я ни повстрѣчалъ генерала Редерера, онъ тотчасъ протягивалъ мнѣ руку: «Ah, Herr Bruder!» и начиналъ говорить со мною понѣмецки. Въ этотъ прїездъ государь пожаловалъ Пушкиреву Анну на шею.

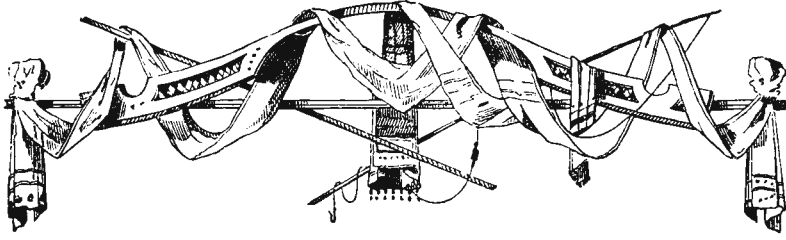
Въ томъ же году, лѣтомъ, нашъ добрѣйшій комендантъ К. К. Бергъ сильно заболѣлъ. Во время болѣзни онъ жилъ постоянно въ своемъ загородномъ домѣ на Минскомъ форштадтѣ. Онъ не перенесъ болѣзни и умеръ. Надо было видѣть общую печаль, которую выразили всѣ сословія города. Такъ какъ нѣмецкаго пастора въ Бобруйскѣ не было, а самъ старикъ и все его семейство совершенно обрусѣли и въ душѣ были русскіе, то, по общему желанію, рѣшено было похоронить его по русскому обряду. Священники служили панихиды, въ день похоронъ его вывезли съ дачи въ православную крѣпостную церковь, народъ выпрягъ лошадей изъ печальной колесницы, самъ впрягся и везъ колесницу до самой церкви на себѣ; огромное количество евреевъ, и даже изъ болѣе значительныхъ, впряглись и везли наравнѣ съ другими. Въ церкви поставили гробъ на приготовленный катафалкъ, отпѣли какъ слѣдуетъ и потомъ вновь съ подною почестью отвезли, также опять народомъ, на кладбище и похоронили.

Викторъ Жерве.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ «Я совсѣмъ забылъ, что этотъ офицеръ говоритъ понѣмецки лучше меня; это вашъ настоящій братъ».

ДЕРЕВЕНСКІЕ ДѢЛЬЦЫ.

(Изъ воспоминаній земскаго начальника).

I.

Радѣтель.

А ПЛОЩАДИ маленькаго уѣзднаго городка средней Россіи было людно. Группы мужиковъ стояли, разговаривая между собою. Но разговоръ ихъ не былъ оживленъ. Они скучливо перебра-сывались отрывочными фразами, поглядывая на окна большаго казеннаго дома, выкрашеннаго въ свѣтло-желтый цвѣтъ. Другія группы ютились на крыльцѣ этого дома, гдѣ помѣщалось воинское присутствіе. Между мужиками толклись «партикулярные» люди въ пиджакахъ и пальто, съ панталонами поверхъ сапогъ.

На площади отдѣльно отъ мужиковъ стояли бабы старыя и молодыя, дѣвки и молодые ребята. Здѣсь было больше движенія, говоръ былъ оживленнѣе, шумнѣе. Въ иныхъ группахъ бабъ даже слышался тотъ напряженный визгъ женскихъ голосовъ, который всегда сопровождаетъ бесѣду деревенскихъ бабъ, гдѣ либо встрѣтившихся и говорящихъ разомъ, въ нѣсколько голосовъ.

На крутой неопрятной лѣстницѣ, ведущей во второй этажъ казеннаго дома, почти сплошь стояли молодые люди призывнаго возраста. Здѣсь было тихо. Не только не было слышно крика, но даже громкаго разговора. Лишь изрѣдка доносился чей нибудь шепотъ.

Многіе курили, и облака дымаплыли надъ головами къ настѣжъ открытымъ выходнымъ дверямъ.

На верху шелъ пріемъ новобранцевъ.

Въ довольно большой залѣ присутствія, гдѣ за краснымъ сукномъ сидѣли чиновники въ мундирахъ, было душно. Раздѣтые догола, будущіе новобранцы смотрѣли на товарищей, которые стояли подѣ мѣркою и выслушивались, или осматривались врачами, особенно напряженно ожидая рѣшающаго «годенъ» или «негоденъ». Въ углу стояли старшины тѣхъ волостей, коихъ новобранцы ставились. Позади ихъ, вытянувъ шею и внимательно слѣдя за всѣмъ, что дѣлалось, стоялъ одинъ изъ «партикулярныхъ»¹⁾, землевладѣлецъ новой формациі, господинъ Лисичкинъ. Онъ носилъ длинныя сѣдые волосы, закинутыми назадъ, отчего большой покатыи лобъ его казался еще больше. Длинный, прямой носъ на худомъ бритомъ лицѣ, маленькіе, сѣрые, постоянно бѣгавшіе подѣ густыми бровями, глаза, довольно острый и выступающій впередъ подбородокъ, придавали Лисичкину сходство съ Францемъ Листомъ. На немъ была короткая сѣренькаго трико поддевка и высокіе, поверхъ панталонъ, сапоги.

Въ послѣдній дореформенный годъ, Ванька Лисичкинъ, нынѣ Иванъ Ѳедоровичъ, такъ же, какъ и сверстники его, бѣгаль по улицѣ родного села, шлепая по пыли и по грязи босыми ногами, такъ же, какъ они, пахалъ землю, косилъ траву и работалъ въ домѣ своего отца, крутого, но дѣльнаго старика.

Село, гдѣ жилъ Ванька Лисичкинъ, было большое, торговое: въ немъ находились двѣ церкви, два или три мучныхъ лабаза и нѣсколько «царевыхъ» кабаковъ. Была и школа; учитель попался въ село не пьяный, толковый и весьма усердный, поэтому и учениковъ было много, и свѣдѣнія, выносимыя ими изъ училища, были не показныя, а довольно основательныя.

Ванька Лисичкинъ, обладавшій прекрасными способностями, кончилъ курсъ въ сельскомъ училищѣ блестяще, и, когда наступила реформа, за смышленость, хорошіи почеркъ и бойкое чтеніе попалъ въ помощники волостнаго писаря, который становился старъ и плохо сталъ видѣть. Съ этой поры Ванька пересталъ быть Ванькой и сталъ Иваномъ. Нѣкоторые уже звали Лисичкина Иваномъ Ѳедоровичемъ, хотя волостное начальство продолжало именовать его просто Иваномъ, несмотря на триковый пиджакъ и серебряныя часы съ бронзовой цѣпочкой, которые Иванъ скоро успѣлъ приобрѣсти на получаемые невинныя доходы.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Лисичкинъ продолжалъ усердно заниматься дѣлопроизводствомъ въ волостномъ правленіи, приобрѣтая

¹⁾ «Партикулярными» или «вольными» крестьяне называютъ всякаго, носящаго некрестьянскаго и невоенное платье.

служебныя знанія, выигрывая въ то же время и со стороны матеріальной, хотя опредѣленнаго жалованья и не получалъ. У него уже завелся весьма приличный, пузатый самоваръ, чайный приборъ, новенькое бѣлье, длинная шейная, уже не бронзовая, а серебряная цѣпочка для часовъ и суконная черная «пара». Впрочемъ о незаконныхъ поборахъ Лисичкина не было слышно. Всего вѣроятнѣе, что, ставъ правою рукою писаря и пріобрѣтя такимъ образомъ извѣстное вліяніе на старшину и дѣла волости, Лисичкинъ не брезговалъ добровольными даянiями, то-есть тѣмъ, что въ настоящее время носить скромное названіе «благодарности». Съ другой стороны все шире и шире расходилась въ народѣ слава о немъ, какъ о «ловкачѣ» въ дѣлахъ тяжбныхъ, и на самомъ дѣлѣ выходило почти всегда такъ, что тѣ дѣла, по которымъ Лисичкинъ давалъ совѣты, оканчивались къ удовольствію его довѣрителей. Такіе результаты имѣли свои послѣдствія. Все болѣе закрѣпляя за собою репутацію ловкаго дѣльца, Лисичкинъ въ то же время самъ увѣривалъ въ свой умъ и служебную опытность; соразмѣрно съ этимъ онъ сталъ «много о себѣ понимать» и, какъ выражались мужики, «загордѣлъ» не только въ отношеніяхъ своихъ къ простому народу, но и съ волостнымъ начальствомъ, не встрѣчая ни отъ кого хоть сколько нибудь вѣскаго отпора...

Послѣ 19 февраля, когда съ сокрушеніемъ старыхъ устоевъ послѣдовало и преобразование волостей, слѣпой писарь былъ уволенъ, а на мѣсто его опредѣленъ Лисичкинъ, который сумѣлъ заслужить милостивое расположеніе и новаго старшины и посредника.

Ставъ прочно на служебной почвѣ, Лисичкинъ еще выше поднялъ голову и сдѣлался смѣлѣе въ дѣлѣ совѣтовъ, подаваемыхъ своимъ кліентамъ. Онъ такъ ловко умѣлъ направлять дѣла, что не проходило дня безъ посѣщенія кліентовъ. Но теперь уже Иванъ Ѳедоровичъ мало стѣснялся и сталъ брать «за совѣты» по опредѣленной таксѣ. Случалось, что онъ одновременно направлялъ и истца и отвѣтника, и обвинителя и обвиняемаго, беря съ обоихъ за «труды», и затѣмъ улаживалъ дѣло такъ (если оно рѣшалось въ томъ судѣ, гдѣ Иванъ Ѳедоровичъ состоялъ дѣлопроизводителемъ), что гражданскій отвѣтъ или уголовное обвиненіе кончались ничѣмъ. Въ случаяхъ обжалованія, Лисичкину стоило только поѣхать въ городъ и зайти къ своему куму и пріятелю, секретарю уѣзднаго присутствія, и дѣло всегда налаживалось такъ, какъ этого хотѣлъ Иванъ Ѳедоровичъ. Забравъ такимъ образомъ силу, Лисичкинъ совѣмъ обнаглѣлъ и, отбросивъ всякія церемоніи и личину безсребренника, не только сталъ брать весьма солидные куши за то, чтобы «провести дѣла» по инстанціямъ, но началъ изобрѣтать такія «штуки», которыя прямо могли бы показаться невѣроятными, если бы доказательства не были на лицо. Такъ достовѣрно извѣстно, что въ бытность свою писаремъ Иванъ Ѳедоровичъ созвалъ сельскихъ старостъ и объявилъ

по волости, что вышелъ указъ, чтобы къ предстоящему рекрутскому набору готовили ставить въ казаки деревенскихъ дѣвокъ. Какъ ни мало вѣроятно было объявленное распоряженіе, но народъ повѣрилъ ему¹⁾. По деревнямъ пошелъ вопль и плачь. Громче всѣхъ, конечно, были дѣвки, а за ними и бабы, стали служить молебны, подымать иконы. Мужики образумились довольно скоро и, полагая, что нѣтъ того положенія, отъ котораго нельзя было бы откупиться, прямо взяли «быка за рога» и просили «его милость» Ивана Ѳедоровича не оставить ихъ совѣтомъ: нельзя ли де откупить дѣвокъ отъ «казачества» помощью рекрутскихъ квитанцій, такъ какъ эти послѣднія тогда были узаконены и имѣлись въ достаточномъ количествѣ. Этого и было нужно Ивану Ѳедоровичу. Онъ устроилъ такъ, что всѣ дѣвки «призывнаго возраста» оказались свободными, и по деревнямъ по этому случаю народъ учинилъ такое пьянство, какого никто не запомнить.

Чтобы никого не соблазнять и не дразнить гусей, Лисичкинъ выждалъ года полтора, два, и приобрѣлъ съ торговъ на имя жены прекрасное имѣніе въ нѣсколько сотъ десятинъ земли съ усадьбой.

Прежній Васька сталъ крупнымъ землевладѣльцемъ.

Правда, противъ Лисичкина и по этому дѣлу было возбуждено судебное преслѣдованіе, но... потому ли, что на слѣдствіи фактъ подложнаго указа о наборѣ «дѣвокъ въ казаки» и обнародованіи его Лисичкинымъ съ цѣлью извлечь для себя пользу недостаточно подтвердился, потому ли, что начальство его, въ то время необыкновенно любезничавшее съ меньшей братіей, нашло наборъ дѣвокъ чрезвычайно остроумною и даже милою шуткой, или, можетъ быть, по другимъ причинамъ, оставшимся тайной,—это дѣло въ судебномъ порядкѣ «за недоказанностью» окончилось безъ непріятныхъ послѣдствій для Ивана Ѳедоровича. Пріятныхъ послѣдствій для него, наоборотъ, оно имѣло достаточно. Не считая приобрѣтенія большой земельной собственности, оно дало возможность новому Цинцинату почитать отъ служебныхъ дѣлъ своихъ, удалясь въ свою усадьбу, и не только сажать тамъ капусту, какъ нѣкогда это дѣлалъ славный римскій диктаторъ, но и открыть «совѣщательный кабинетъ» для всѣхъ, нуждавшихся въ его просвѣщенной помощи и совѣтѣ. Народъ бѣжалъ къ новому землевладѣльцу за совѣтомъ и руководствомъ такъ же усердно, какъ тогда, когда онъ былъ волостнымъ писаремъ, и Лисичкинъ, усугубивъ горделивую осанку и щеголяя вновь приобрѣтеннымъ носовымъ говоркомъ, уснащалъ рѣчь иностранными выраженіями, смыслъ которыхъ оставался непонятнымъ не только другимъ, но даже иногда и ему самому. Теперь Иванъ Ѳедоровичъ считалъ себя бариномъ и притомъ той именно либеральной окраски, кака въ 1860-хъ годахъ была въ модѣ. Онъ разыгрывалъ изъ себя

¹⁾ Производство по этому дѣлу хранится въ мѣстномъ губернскомъ правленіи.

народника; тамъ, гдѣ заводилось какое нибудь выкупное дѣло или размежеваніе крестьянъ съ помѣщикомъ, тамъ уже непременно фигурировалъ Иванъ Ѳедоровичъ, считавшій пріятнѣйшимъ долгомъ натравливать крестьянъ на ихъ бывшихъ помѣщиковъ, вертѣть, кутермить и путать, насколько было возможно, затыгивая самое простое, незамысловатое дѣло въ мертвый узелъ, чаще всего къ неудовольствію и убытку обѣихъ сторонъ.

II.

Осмотръ новобранцевъ шелъ своимъ порядкомъ. Слышалось звяканье поднимаемой и опускаемой надъ головами новобранцевъ мѣрки, холодныя, равнодушныя «годень» и «негодень» врачей и глухой топотъ босыхъ ногъ по крашенному полу.

Предводитель разсѣянно чертилъ что-то перомъ на развернутомъ передъ нимъ листѣ бумаги. Исправникъ, старый человѣкъ въ синихъ очкахъ, совершенно раскисъ. Нижняя губа его отвисла. Правой рукой онъ опирался на шашку, а лѣвой барабанилъ по столу, покрытому чернымъ съ золотыми кистями сукномъ. Остальные члены смотрѣли также безотрадно. Одинъ только воинскій начальникъ, бѣлый, какъ лунь, старикъ, тщательно одѣтый, бодро и ловко сидѣлъ на своемъ креслѣ и дѣлалъ отмѣтки въ лежавшемъ передъ нимъ журналѣ.

Боковая дверь залы, воулѣ которой стояли старшины и Лисичкинъ, слегка скрипнула. Лисичкинъ обернулся и увидалъ въ дверную щель вспутанную голову сторожа Бориса, который дѣлалъ ему знаки глазами. Лисичкинъ вышелъ въ прихожую.

Борисъ объяснилъ ему, что на лѣстницѣ его ожидаетъ какой-то мужичекъ, который непременно хочетъ говорить съ нимъ.

— Какой такой мужичекъ?..

— Говорить, дѣло есть.

— Да мужикъ-то какой?—переспросилъ настойчиво Лисичкинъ своимъ грубоватымъ баскомъ.

— Выйдите за дверь, да и посмотрите... мужикъ съ бородой, въ зипунѣ да въ шапкѣ, мужикъ уполнѣ по всей хвормѣ...

Лисичкинъ надѣлъ фуражку, накиннулъ на плечи полушубокъ и вышелъ на лѣстницу. Сквозь облака табачнаго дыма онъ сначала ничего не могъ разобрать. Но кто-то дернулъ его за рукавъ, Лисичкинъ обернулся и увидалъ передъ собою небольшого роста мужика съ черноватой бородой, въ зипунѣ и шапкѣ, какъ сказалъ ему сторожъ. Мужикъ смотрѣлъ на Ивана Ѳедоровича красными, воспаленными, плутовски бѣгающими, глазами и широко улыбался беззубымъ ртомъ, изъ котораго пахло виномъ.

— Чего тебѣ?..—спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Не узнаешь?.. Милости твоей поклонъ, значить... — неловко кривляясь и шутовскимъ тономъ проговорилъ мужикъ, снимая мѣ-

ховую, не по головѣ просторную, шапку обѣими руками, отвѣшивая поклонъ Лисичкину.

— Да ты чей?..

— Царевъ да Божій, матушкинъ да дядюшкинъ, изъ своей деревни... ослабился мужиченокъ.

Иванъ Ѳедоровичъ въ упоръ воззрися на мужиченка изъ-подъ нависшихъ бровей и, сдѣлавъ шагъ по направленію къ двери, сказалъ не безъ достоинства: «Матушкинъ да дядюшкинъ?.. ну, и ступай въ свою деревню, а мнѣ зубоскалить некогда»... Мужиченокъ сейчасъ же пересталъ склабиться и, остановивъ Лисичкина, сказалъ:

— Эхъ, милъ человекъ, чаво гвѣваться... не съ обидой мы... этта, значить,... а съ открытой душой... потому, значить, дѣло до тебя у насъ есть.

Лисичкинъ остановился.

— Какое-жъ дѣло?

— Га... снова весело ослабился выпившій мужиченокъ, заморгавъ воспаленными глазами. — Га, дѣло?... Ужъ одно слово—дѣло...

— Да ты, братъ, надо полагать, хлебнулъ малость...—презрительно вымолвилъ Лисичкинъ.

— Что-жъ, може, и хлебнулъ...—возразилъ мужиченокъ, ядовито посмотрѣвъ на Лисичкина,—може, и хлебнулъ... На свои, вишь, не на ваши!.. Виновать, что не успросился!..

Лисичкинъ равнодушно повелъ плечами.

— Вотъ, значить, какъ мы къ твоей милости таперича за дѣломъ...—продолжалъ онъ, снова широко распустивъ улыбку на своемъ лицѣ,—а тутъ-отъ-ка, ишъ кольки народу крещенаго... стало быть.. пойдѣмъ у трахтеръ... потому тамъ ослобона... поговоримъ, то-ись.. по душамъ!..

Иванъ Ѳедоровичъ какъ будто колебался.

— Не сумлявайся, братецъ ты мой... Деньги есть... На твои нонче угощаться не согласны,—весело добавилъ мужиченокъ, отвернувъ полу зинуна и побрякивая рукою по карману, въ которомъ зазвенѣло нѣсколько мѣдныхъ монетъ.

Лисичкинъ ничего не отвѣтилъ и, вмѣстѣ съ мужиченкомъ спустившись съ лѣстницы, вышелъ на площадь, гдѣ толпился народъ.

Здѣсь говоръ сталъ оживленнѣе, чѣмъ прежде, со всѣхъ концовъ площади доносились пронзительные голоса бабъ. Слышалась пьяная пѣсня нѣсколькихъ голосовъ. Мѣстами встрѣчались группы, къ которымъ уже присоединились не принятые на службу новобранцы. Здѣсь слышался веселый голосъ, смѣхъ и оживленные рассказы о томъ, какъ у одного не вышла мѣра въ груди, у другого обнаруженъ старый поломъ руки, ноги, подслѣповатость глазъ, неправильность посадки реберъ, какой нибудь нарость, вывихъ сустава...

Лисичкинъ и его спутникъ, переходя грязную площадь, наткнулись на иную группу. Старый мужикъ съ окладистой серебристою

бороною шелъ впереди, заложивъ руки за спину и сосредоточенно глядя подъ ноги. Рядомъ съ нимъ, заломивъ новенькую, очевидно только-что купленную фуражку набекрень, съ выбившеюся изъ-подъ нея прядью жирныхъ намасленныхъ волосъ на лбу, въ разстегнутомъ пиджакѣ поверхъ жилетки съ яркими пуговицами, шелъ молодой безусый малый, слегка пошатываясь, грызя подсолнухи и беззаботно сплевывая шелуху. Лицо его выражало отупѣлое равнодушіе. Проходя мимо собора, онъ, однако же, пересталъ лакомиться, набожно снялъ новенькую фуражку и, встряхивая жирными волосами, сталъ быстро креститься. Позади ихъ двѣ старухи, должно быть, мать и какая нибудь родственница, вели подъ руки молодую и довольно красивую бабенку, которая едва переставляла ноги и отчаянно голосила на всю площадь. Никто не обращалъ на нее вниманія.

— Экъ, ее разобрало...—хладнокровно замѣтилъ спутникъ Ивана Ѳедоровича.

III.

Они прошли, не останавливаясь, первую комнату трактира. Мужичекъ, снявъ шапку и не позаботившись хоть нѣсколько пригладить свои взъерошенные волосы, остановился передъ иконою въ углу, гдѣ теплилась лампада, и сталъ истово креститься. Иванъ Ѳедоровичъ не снялъ своей шапки и прошелъ между столами, отвѣчая горделивыми кивками головы на привѣтствія конторщика за прилавкомъ и нѣкоторыхъ случившихся здѣсь знакомыхъ посѣтителей.

Они помѣстились въ особой, почему-то называемой дворянской, комнатѣ трактира. Комната эта была ни болѣе ни менѣе, какъ отгороженный досками грязный уголъ. Оборванные, мѣстами засаленные клочки обоевъ плохо прикрывали щелистыя стѣнки, единственное окно было завѣшено ситцевой, на отвисломъ шнурѣ мотавшейся, занавѣской...

— Ну, какое же дѣло?—забасилъ Лисичкинъ, усаживаясь противъ мужиченка за столикъ, накрытый криво посланной тканевой скатерткой...

— Дѣловъ много, хоть отбавляй...—отвѣчалъ мужиченокъ, зачесавъ всей пятерней всключенные волосы.

— Это на счетъ чего же?

— А вотъ перво-наперво, значить, на счетъ тово... Илюшки... Этта, то-ись, самаважнѣющее...—началъ мужиченокъ, когда «прислужающій» принесъ и уставилъ на столѣ пеструю и неопрятную «пару чаю».

— Ну, что-жь?..—хладнокровно спросилъ Лисичкинъ.

— А то-жь, вотъ вишь, завтра этому самому Илюшкѣ, моему сыну, подъ «шланбомъ» становиться... Вотъ оно, дѣло-то какое...—сказалъ

мужиченокъ, мигая и ухмыляясь, какъ будто сообщилъ Лисичкину невѣсть какую радость.

— Такъ что-жь?—тѣмъ же тономъ спросилъ снова Лисичкинъ:— коли становиться, то нехай и становится... — и Лисичкинъ сосредоточенно втягивалъ въ себя горячій чай изъ блюдечка, которое очень искусно держалъ на четырехъ пальцахъ лѣвой руки, какъ на подставкахъ.

Мужиченокъ пересталъ ухмыляться и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Ивана Ѳедоровича.

Лисичкинъ выдержалъ взглядъ, не проронивъ ни слова.

— Иванъ Хведоровичъ, а Иванъ Хведорычъ... Ай не слышишь? Илюшку завтра ставить.

— Ну, слышу,—еще холоднѣе пробасилъ Лисичкинъ, шумно откусывая кусокъ сахару и втягивая въ себя горячій чай.

— Выручи, кормиляцъ... стань за отца—за мать...

— Ты самъ-то собковскій будешь?—спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ, взглянувъ на мужиченка изъ-подъ нависшихъ бровей.

— Собковскій, кормиляцъ, собковскій,—обрадовался мужиченокъ, распуская лицо въ широкую улыбку и усиленно замигавъ воспаленными глазами.—Крючковъ, собковскій... Ишшо надьсь, когда ты прѣзжалъ въ Собково на сходъ... объ дѣловъ толковать, супротивъ моей хаты конь твой стоялъ, у ракиты, коли у память?.. Ужь и конь.., то-ись... этга... усѣмъ конямъ конь, право, велико слово!..

— Можетъ быть,—равнодушно сказалъ Лисичкинъ,—что-то не въ память: нешто мнѣ мало доводилось перевидать вашей братья на своемъ вѣку...

Лисичкинъ говорилъ неправду; онъ не только припоминалъ обстоятельства, при которыхъ видалъ Крючкова, но и помнилъ отлично, что Крючковъ былъ одинъ изъ тѣхъ горлановъ, которые въ прошломъ году разстроили собковскій сходъ уступить Лисичкину аренду общественныхъ луговъ, которой онъ домогался.

— Постой, братъ, посчитаемся,—подумалъ Иванъ Ѳедоровичъ взглянувъ на Крючкова еще разъ, какъ бы стараясь припомнить его лицо, и потомъ прибавилъ громко: — не въ память что-то... за-памятовалъ.

— Гдѣ ужъ... звѣстное дѣло,—согласился Крючковъ.

Наступило молчаніе. Лисичкинъ продолжалъ усердно втягивать чай губами и внимательно смотрѣлъ на блюдечко.

Крючковъ, видимо, хотѣлъ начать разговоръ. Онъ вертѣлся на стулѣ, покручивалъ головой, поминутно запуская руки въ всклощенные волосы. Иванъ Ѳедоровичъ упорно молчалъ, выжидая, чтобы мужиченокъ самъ началъ говорить о своемъ дѣлѣ.

— Иванъ Ѳедоровичъ,—наконецъ, не выдержавъ, сказалъ Крючковъ.

— Ну?..

— Какъ же... то-ись... насчетъ Илюшки-то? Заберутъ похоже?
 — Почему я-то знаю?—равнодушно пробасилъ Иванъ Ѳедоровичъ.
 — То-то... Мы и сами такъ-то про себя... этга мекаемъ: откелѣ-жѣ табѣ знать?.. Нужно бы... то-ись... объ эвтимъ рассказать, погово- рить промежь себя...

— Ну, и рассказывай... Затѣмъ сюда и шли,—процѣдилъ Лисич- кинъ, опрокидывая чашку на блюдце и кладя обгрызанный кусо- чекъ сахара на дно чашки.

Крючковъ принялся рассказывать. Илюшка, родной его сынъ, подлежалъ ставкѣ въ солдаты. Второму сыну Крючкова въ это время еще не было восемнадцати лѣтъ, почему Илюшка долженъ былъ пользоваться льготой. Но о лѣтахъ младшаго сына и о томъ, что въ виду его собственнаго возраста, Илюшка могъ пользоваться льготой, Крючковъ узналъ слишкомъ поздно и притомъ совершенно случайно, разговорившись съ приходскимъ псаломщикомъ, такъ что при повѣркѣ призывныхъ списковъ по семьямъ онъ не заявилъ старшинѣ о правѣ на льготу. Теперь, въ моментъ набора, когда Илюшка уже вытянулъ жребій, и завтра ему предстояло становиться «подъ шланбомъ», заявлять было уже поздно.

— Какъ же быть-то?.. Ась?.. Болѣзна-а-а-й!.. Какъ, этга... зна- чить, малаго мово ослобонить?—спросилъ Крючковъ, окончивъ раз- сказъ и умильно поглядывая на Лисичкина.

Иванъ Ѳедоровичъ сидѣлъ, оперевъ голову на обѣ руки, какъ будто погруженный въ глубокую думу. Помолчавъ довольно долго, онъ откинулся на спинку стула и сказалъ:

— Ну, что же?.. Можно, пожалуй...

Ефремъ весь просіялъ и привскочилъ на своемъ стулѣ.

— Батюшка... Кормилиця... Отецъ родной,—запищалъ Крючковъ слезливымъ голосомъ:—заставь за себя вѣчно Богу молить... А ужъ мы табѣ во какъ... Что хошь, значить, эвтихъ самыхъ благодар- ностей... не то что, право велико слово...

— Врешь все,—оборвалъ Лисичкинъ холодно.

Мужиченко опѣшилъ.

— А кто лѣтось на сходѣ, когда я затѣялъ снять у васъ луга на аренду, громче всѣхъ горланилъ на сходѣ?.. А?.. Кто отважи- валъ общество?.. А?.. Не помнишь? Ну, такъ я теперь вспомнилъ, другъ любезный, харю-то твою неумытую,—быстро и желчно вы- палилъ Лисичкинъ, стрѣляя въ мужиченка своими ястребинными глазами.

Крючковъ еще больше растерялся отъ неожиданной отповѣди и, не зная, что сказать, бессмысленно мигалъ подслѣповатыми гла- зами, тупо устремленными на Лисичкина. «Ишь,—думалъ онъ,—въ ротъ ти лапотъ... Помнить, праликъ»... И потомъ, справившись съ одолѣвшимъ было его смущеніемъ и принявъ слезливый, обижен- ный видъ, сказалъ:

— Да что вы, Иванъ Хведорычъ, Бога-бъ ты побоялся на меня, сироту, такую напраслину взводить... Это, похоже, и не я былъ-то... Ей-Богу, не я... Мы, этта... то-ись... завсегда съ пріятностью, а не токмо что горланить, аль отводъ дѣлать... Нешто это возможно?.. Помилуй, Богъ...

— Врешь,—отрѣзалъ Лисичкинъ,—я твой патретъ хорошо запомнилъ.

— Истинный Господь, не я... Крючковъ перекрестился на уголь коморки, гдѣ предполагался образъ,—не дойдитъ до двора...

— А я говорю, брешишь,—еще настойчивѣе проговорилъ Лисичкинъ, зная по опыту, какую цѣну надо придавать божбѣ мужика.— Ну, да ладно, не божись, все одно, не повѣрю,—перебилъ онъ Крючкова, желая прекратить этотъ ни къ чему не ведущій споръ:—Богъ съ тобой ужъ, я зла не помню, изволь, помогу...

Крючковъ снова было забожился и принялся убѣждать Лисичкина въ своей преданности, но Лисичкинъ сейчасъ же остановилъ его.

— Сядь,—сказалъ онъ повелительно,—сядь и слушай, что буду говорить... Помочь, пожалуй, помогу... конечно, не даромъ...

Крючковъ завозился на стулѣ и сдѣлалъ жестъ безусловнаго согласія. Иванъ Ѳедоровичъ продолжалъ: денегъ у тебя, конечно, нѣтъ, не было, да и не будетъ никогда... Возьму съ тебя натурой... Слышь, чтоль?.. Перва-на-перво, ты долженъ помочь, чтобы у васъ въ Собковѣ былъ кабакъ...

Крючковъ при этомъ словѣ распустилъ лицо въ широкую улыбку. Глаза сдѣлались масляными.

— Кабакъ?—повторилъ онъ умиленно:—на что-жъ лучше?

— У меня одинъ хорошій человекъ на примѣтѣ есть,—продолжалъ Иванъ Ѳедоровичъ,—онъ не прочь снять. Обществу платилъ бы за кабакъ хорошія деньги. Какъ думаешь, дадутъ мужики приговоръ?

— Для-че не дать,—ухмыльнулся Крючковъ.—Кабакъ ставить—не поданя платить, всякому, то-ись, къ примѣру—лестно.

Лисичкинъ ядовито улыбнулся.

— То-то... извѣстно, не поданя,—подтвердилъ онъ,—датолько, вишь, боюсь я человека, человека обнадежишь, анъ, гляди, ничего и не выйдетъ. Общество-то ваше маненько ненадежно.

— Этта... то-ись... насчетъ кабака-то?—переспросилъ Крючковъ.

— Да, тверезыхъ много.

— Да и питуховъ кольки нибудь сыщется,—радостно возразилъ Крючковъ.

— А Иванъ Алифановъ-то?—какъ бы невзначай замѣтилъ Лисичкинъ.

— Иванъ Алифанычъ что?—презрительно поморщился Крючковъ,—нешто онъ, то-ись, противъ міра могитъ пойти одинъ?.. Небось усѣхъ не одолѣетъ... Почестъ онъ одинъ изъ тверезыхъ-то со своимъ кумомъ бобылемъ, только всяго.

— Гм... стало быть, дѣло-то повести можно?—пробасилъ Иванъ Ѳедорычъ послѣ недолгаго раздумья.

— Отчего-жь... уполнѣ можно. Не сумлявайся, Иванъ Хведорычъ.

— Теперь то же и объ лугахъ,—сказалъ Лисичкинъ.

— А объ луговъ-то, что жа?—спрочилъ Крючковъ, морща лобъ и какъ бы не понимая Лисичкина.

— Что, что?—передразнилъ Лисичкинъ,—снять хочу луга ваши, вотъ что. Кабы не ты лѣтошній годъ помѣшалъ...

Крючковъ опять было запротестовать, но Лисичкинъ перебилъ его:

— Ну, ладно, молчи ужъ... Коли говорю, такъ не зря, знаю... И потомъ, смягчивъ тонъ, продолжалъ:—подсобить надо, поговорить тамъ кое съ кѣмъ изъ вашихъ, понялъ? и на сходѣ тожъ... Чай знаешь, какъ у васъ: одинъ загадить и всѣ за нимъ.

— Что и говорить, Иванъ Хведорычъ... Этта... значить, вы точно...

Крючковъ снова началъ клясться и божиться, завѣряя Ивана Ѳедоровича, что онъ и на счетъ кабака и на счетъ луговъ будетъ стараться изо всѣхъ силъ и вообще готовъ сдѣлать для него все, что только онъ прикажетъ.

— Ну, ладно, стало быть,—сказалъ Лисичкинъ,—давай писать будемъ. Но если ты, с...ъ с...ъ, обманешь,—прошипѣлъ онъ съ угрозой въ голосѣ, когда по требованію его были принесены бумага, чернила и перо,—смотри ужъ, не прощу... Не думай, что за дурно, какъ въ этотъ разъ отвертишься... Я те со дна морского добуду!

Онъ погрозилъ пальцемъ передъ самымъ носомъ Крюčkова. Крючковъ снова разсыпался въ увѣреніяхъ, божбѣ и клятвахъ.

Иванъ Ѳедоровичъ обмокнулъ запачканное чернилами перо и сталъ бойко писать прошеніе. Въ этомъ прошеніи, на имя воинскаго присутствія, Лисичкинъ не только излагалъ обстоятельства, по коимъ сыну Крюčkова слѣдовала льгота перваго разряда, но и жаловался на мѣстнаго старшину, обвиняя его въ томъ, что онъ не повѣрялъ, какъ это требуется, льготныхъ списковъ, почему Крючковъ де былъ лишенъ возможности заявить объ этомъ своевременно.

Раздѣлывая старшину, какъ на голую кость,—Лисичкинъ враждовалъ съ нимъ по какимъ-то старымъ счетамъ,—онъ зацѣпилъ мимоходомъ и земскаго начальника, такъ какъ въ качествѣ «либерала» ненавидѣлъ это учрежденіе.

— Ну, смотри же, Крючковъ, помни мой совѣтъ,—пробасилъ Лисичкинъ, когда мужиченокъ поставилъ на прошеніи три креста по неграмотству и, получивъ бумагу изъ рукъ Ивана Ѳедоровича, бережно опустилъ ее въ карманъ.—Помни, с...ъ с...ъ, со дна морского, говорю, достану, ежели что сфальшивишь!..

Не дослушавъ клятвы и божбы Крюčkова служить Лисичкину «по гробъ доски», Лисичкинъ не безъ нѣкоторой гадливости пожалъ немытую, потную руку Крюčkова и вышелъ изъ трактира.

IV.

На другой день, въ обширномъ селѣ Собковѣ было людно и оживленно на улицѣ. Наступалъ вечеръ. Убирали скотину, только что пригнавъ ее съ водопоя. На широкой улицѣ, гдѣ лѣтняя грязь застыла отъ бывшаго въ тотъ день мороза, еще бродили кое-гдѣ коровы, телята, лошади, овцы, свиньи. На дальнемъ концѣ села слышался отчаянный лай собакъ, гонявшихся за теленкомъ, который, высоко задравъ хвостъ, носился, какъ угорѣлый, вышвыривая задними ногами. За собаками бѣжали босоногіе чумазые ребяташки и, притворяясь, что унимаютъ ихъ, кидали въ нихъ комками земли и камешками.

У колодца стояли бабы съ коромыслами и ведрами. Двѣ изъ нихъ качали воду, заткувъ концы занавѣсокъ за подпояски, и громко перегорланивали между собою. Молодые надъ чѣмъ-то пересмѣивались, старыя пересуживали отсутствующихъ односельчанокъ.

Противъ одной избы, которая рѣзко выдѣлялась изъ ряда остальныхъ новымъ, опрятнымъ видомъ, съ расписными ставнями у оконъ, между развѣсистыми ракетами, сытый меринъ, оброставшій уже длинной зимней шерстью на животѣ и ляжкахъ, сосредоточенно лизалъ развѣшанныя на жердяхъ еще мокрыя рубахи и портки.

Бѣлоголовый мальчуганъ, лѣтъ 4-хъ или 5-ти, босоногій и безъ шапки, но въ плотно застегнутомъ полушубикѣ, тщетно старался отогнать мерина, не безъ дѣтской робости изловчаясь ударить его обротью, которую держалъ въ рукѣ. Но меринъ не обращалъ никакого вниманія на мальчугана, возившагося около него, и продолжалъ лизать развѣшенное бѣлье и даже подергивать его зубами.

На крыльцѣ новенькаго дома сидѣлъ осанистый, лѣтъ пятидесяти, мужикъ въ нагольномъ полушубкѣ и теплой шапкѣ. Онъ смотрѣлъ на тщетныя попытки своего внука, мальчугана, и широко улыбался.

— Здорово, Иванъ Алифанычъ,—сказалъ чей-то голосъ на улицѣ, сзади крыльца.

Мужикъ обернулся и, не вставая съ лавки, приподнял шапку и спросилъ:—ты что, Семень?

— Да вотъ,—отвѣчалъ пришедшій,—чутьчку нехватка, Иванъ Алифанычъ. Завтра надумалъ было на мельницу... да вишь мѣшка одного не хватаетъ! Одолжи, сдѣлай такую милость.

— Ну, что жъ, дадимъ сосѣду! Ай много задумалъ молотъ?—сказалъ Иванъ Алифанычъ, вставая съ лавки и облокачиваясь грудью на перильца.

— Какое!.. уныло отвѣтилъ Семень, махнувъ рукой,—двѣ четверточки. Мѣрки три и не влѣзли, а мѣшка-то и нѣтути! Э-эхъ!

Головушка безталанная... Какіе у насъ—бобылье дѣло, достатки? Самъ небось знаешь!

Алифанычъ молча глядѣлъ въ темнѣвшую даль изъ-подъ банной шапки, сдвинутой имъ на самыя брови.

— Максимъ, а Максимъ!—позвалъ онъ, не перемѣняя позы.

На зовъ его изъ сѣнецъ вышелъ рослый, широкоплечій, еще безусый, парень. Онъ пережевывалъ что-то и рукавомъ рубашки вытиралъ ротъ.

— Максимъ, вынеси мѣшокъ, вотъ Семену зандобился!—сказалъ сыну Алифанычъ и, увидавъ жующій ротъ его, прибавилъ:— аль ужинать собрали?

— Собрали! Ступай, тятя, поспѣдай! — отвѣтилъ парень, удаляясь въ избу за мѣшкомъ.

— Эко, малый-то,—подмигнулъ Семень на уходящаго Максима,— красота, одно слово...

Алифанычъ довольно ухмыльнулся.

— Благодарить Господа!—сказалъ онъ,—они у меня оба ребягата хорошіе, смиренные, покорливые...

— Э-хъ, ма,—въ тонъ отвѣтилъ Семень,—такъ-то такъ. Да вотъ рѣшили одного Господь.

— На то воля Божія!.. отвѣтилъ Алифанычъ, глубоко вздохнувъ.

— Звѣстно, кто говоритъ!—убѣжденно подтвердилъ Семень Бобыль и потомъ снова съ печалью и участіемъ онъ прибавилъ:— Божья-то воля—это, двистительно точно! Одначе и не на солдатскую лямку, похоже, растилъ ты малаго то... Ась?..

— Честной компанія...—вдругъ послышался сиповатый голосъ позади разговаривавшихъ.

Иванъ Алифанычъ и Бобыль оглянулись на говорившаго. Въ стусившихся сумеркахъ и нельзя было разсмотрѣть того, кто говорилъ. Только при свѣтѣ изъ окна избы, когда тотъ подошелъ къ крыльцу ближе, они узнали моргавшую и ослабленную фізіономію Крючкова.

— Здорово, сосѣдъ,—сказалъ Бобыль довольно сухо.

Иванъ Алифанычъ только приподнял шапку.

Крючковъ былъ по обыкновенію выпивши.

— О чемъ это гуторите?—спросилъ онъ, не обращая никакого вниманія на сухой приѣмъ.

Онъ продолжалъ стоять у крыльца, поставивъ одну ногу на внѣшній край его, на ногу онъ оперся локтемъ, подперевъ щеку рукой.

Бобыль и Алифанычъ молчали и только, когда нахальный Крючковъ повторилъ вопросъ, Бобыль неохотно процѣдилъ:

— Такъ, промежь себя объ своихъ дѣловъ...

Крючковъ хихикнулъ.

— Что, братъ, Иванъ Алифанычъ,—обратился онъ уже въ упоръ

къ послѣднему,—что не весель?.. Чай сына жалѣешь, у солдатчину проводимши?

— Божья воля...—угрюмо сказалъ Иванъ Алифанычъ, не обращиваясь на Крючкова.

Въ эту минуту Максимъ вынесъ мѣшокъ и, подавъ его Бобылю, тотчасъ же вернулся въ избу.

— Такъ-то оно такъ,—началь Крючковъ, отвѣчая на слова Алифаныча,—анъ вонъ вишь, у меня-то и безъ яго воли дѣло обоплось... Мово-то Илюху, значить, ослобонили увовся, вотъ что!

— Ишь, вотъ,—качнулъ Бобыль въ сторону Крючкова, какъ бы въ самомъ дѣлѣ удивляясь этой новости, хотя зналъ такъ же, какъ и вся деревня, о томъ, что Илюхѣ дана льгота.

— Пра!..—продолжалъ словоохотливый Крючковъ, которому, очевидно, хотѣлось рассказать подробно о томъ, какъ его Илюха отдѣлался отъ солдатчины.—Выводилъ кормиляцъ Иванъ Хведорычъ, дай Богъ яму, чаво ему хотится,—восторженно сказалъ Крючковъ, искоса поглядывая въ сторону Алифаныча.

Алифаныча передернуло при этой похвалѣ Лисичкину, котораго онъ ненавидѣлъ.

— Выводилъ?—спросилъ Бобыль, представляясь удивленнымъ.

— Ужъ вотъ уродился ковырь, пра!.. — принялся рассказывать Крючковъ, всходя на ступеньку крыльца и облакачиваясь на перила.

— Какъ я рассказалъ яму, у чемъ дѣло, онъ... этта... сичасъ за бумагу и прошенію эву ту самую, братецъ ты мой, однимъ, то-ись, духомъ и написалъ... хорошо!.. прихожу этта я сичасъ у присутствію и баць у ноги. Вотъ, молъ, значить, моя прошенія, говорю, станьте за отца, за мать, господа честные, ваша благородія!.. Ну, оны, значить, сичасъ этта переглянулись между собой. Ты, говорить, кто таковъ будешь, добрый мужичекъ?.. Такъ и такъ говорю, Крючковъ—я, крестьянинъ, значить, съ Собковой деревни!.. Ну, значить, этта... объяснимши, они сичасъ... тае... прошенію-то мою узяди и говорятъ: завтра, молъ, приходи сюда, усѣ, значить, дѣла табѣ справимъ!..

Крючковъ остановился и перевелъ духъ.

— Ну?..—подогналъ его Бобыль.

Крючковъ чвакнулъ губами, вытеръ усы рукавомъ дранаго полушубка и продолжалъ:

— Ну, значить, назавтра прихожу, этта, я опять у присутствію. Выходить ко мнѣ членъ, что ли ейный, самый, то-ись... за-памятовалъ я чтой-то, какъ его звать-то, пра...

— Исправникъ, чтоль-ча?—спросилъ Бобыль.

— А-а-а... не... не исправникъ... похожа, яшно выша!..

— Призводитель?..

— Не!..

— Эхъ, братецъ ты мой,—укорилъ Бобыль рассказчика,—какъ же ты такъ? Ну, регистраторъ, што-ль, какой?..

— Дытъ хто-жъ е знаетъ?—отозвался Крючковъ, махнувъ рукой.—Запамятоваль, значить... Ну, да все одно, наплявать!

Онъ снова чавкнулъ губами и продолжалъ:

— Выходить этотъ самый членъ, значить, и говорить: кто, говорить, здѣсь Крючковъ, Ехремъ Халимоновъ, Собковскій?—пра, велико слово, такъ и отлепортоваль!—Подхожу, эта, я сичасъ, ну, и объявился: говорю, я—Крючковъ съ Собковой.—Ехремъ Халимоновъ? говорить.—Такъ точно, говорю, Ехремъ, значить, Халимоновъ.—Это, ты, говорить, увчера прошенію подалъ насчетъ сына у присутствію?—Я, молъ, говорю, ваша благородія.—А кто-жъ, говорить, табѣ прошенію-то эту самую писалъ, а?—Ну, значить, я тутъ маненечко эта замаялся... Потому, значить, какъ мы, эта, посулились Лисичкину-то про этви дѣла не упоминать, значить, неловко!.. Тамъ, говорю, одинъ человѣчекъ написалъ!.. Какъ енъ топнетъ ногой-то, этотъ самый членъ, братцы мои, альни я сробѣлъ чуточку.—Какой такой человѣчекъ, говорить? Ай ты, говорить, не знаешь, кто писалъ?..—Не могу знать, говорю, ваша милость, потому, значить, не помню, запамятоваль!..—А какое-жъ ты, говорить, полное право имѣешь на старшину мараль пуцать?.. Я, братцы мои, тутъ такъ и обомлѣлъ, потому Лисичкинъ-то, пострѣли яго, прошенію-то, значить, мнѣ не читаль. Ну, одначе, хоша мнѣ чуточку жутко стало, ну, я, тѣ-ись, на нѣтъ не сошелъ!.. Пра!.. Говорю эттому самому члену: каку таку мараль, ваша благородія, потому мы объ этвихъ дѣловъ ничаво, значить, не понимаемъ!.. А таку, говорить, мараль, быдто старшина списковъ некрутскихъ по вашему сяду не повѣрять?.. Ну, думаю, этга промежъ себя, все одно ужъ такъ, значить, написано, надо то-ись такъ и потрафлять!.. Такъ что, говорю, ваша благородія, этга правильно... уполнѣ... потому старшина не повѣрять, значить, у насъ списковъ-то!.. И ты, говорить, можешь уполнѣ доказать?.. Могу, то-ись, уполнѣ... потому, значить, у прошеніи правильно усе показано!.. Ну, значить, прошенію твою, говорить, въ ходъ пустимъ, а малаго твоео сичасъ, усе рамно, принимать станемъ, потому, говорить, законъ!

Крючковъ снова остановился, обтеръ усы рукавомъ полушубка, чавкнулъ губами и продолжалъ:

— Да!.. Ну, значить, какъ членъ-то ушелъ у канцелярію, я тожъ сабѣ, то-ись, выхожу у прихожую, глянулъ, а Иванъ-то Хведорычъ—вотъ анъ! Полушубокъ скидаетъ. Я, значить, къ яму. Такъ и такъ, молъ, говорю... меня, молъ, членъ пыталъ. Смотрю, смѣется. Какой, говорить, членъ? Эвто, говорить, никакой не членъ, а во кто! Ну, все одно... говорю—запамятоваль, какъ енъ, то-ись, прозывается! Что-жъ, говорить, спрашиваль, кто прошенію писалъ? Какъ же, говорю, не спросить, спрашиваль! Ну, а ты что-жъ? Да

ничаво, говорю! Неузли-жъ я, то-ись, трехъ день молодень, что скажу? Нябось!.. То-то, говорить, смотри, не болтай зря! Ну, а между прочимъ, говорить, по мнѣ хошь болтай, хошь нѣтъ. Плявать, говорить, мнѣ по ту сторону зубовъ, потому, этта мы, говорить, мы ишшо не такія дѣла отводили! Во что!.. Да... Тутъ, этта, значить, пошелъ онъ у кальцелярю, къ писарямъ, чтоль-ча!.. Маненько повременивши, гляжу, началась присутствія. Нашу волость стали выкликать. Гряха не утаишь, братцы, душа застыла! Жуть добре узяла! Вотъ словно ворогуша затряпала меня на отдѣлку, шабашъ!.. Стою, этта, я—ни живъ, ни мертвъ, рамно по спинѣ кто льдиной водить сталъ, а самъ весь, какъ мышъ, мокрый, добре взопрѣлъ, ей-Богу, пра!

Крючковъ опять чвакнулъ губами и, кашлянувъ, продолжалъ:

— Да... стали выкликать, этта, Моховскихъ допрежь, потомъ Леонтьевскихъ, Калининскихъ. Потомъ, этта, вдругъ слышу: Илья Ехремовъ Крючковъ, деревни Собковой, кричатъ. Этта самого, мово-то малаго, значить, Илюху выкликаютъ. Тутъ ужъ и вовсе я памяти рѣшился... глазами-то гляжу, а голова замутилась!.. Быдто кто обухомъ, къ примѣру, вдарилъ по затылку, аккуратъ!.

Крючковъ остановился и тяжело перевелъ духъ.

— Такъ-то, братцы мои...—продолжалъ онъ нѣсколько спокойнѣе.—То-жъ, дѣтшиша родная!.. Какъ ни на есть, поилъ, кормилъ, ростилъ, то-ись, къ примѣру! А тутъ, вишь, отымаютъ! Ну, потомъ оглядѣлся, значить, вижу, Иванъ-то Хведорычъ воколо меня стоитъ, ухмыляется... чтой-то, говорить, ты на покойника сталъ похожъ?.. Ай, говорить, за сердце узяло? Не замай, говорить, вызволимъ малаго-то! Въ ту-жъ пору слышу, этта, члены-то ейные межъ собой: «не годится», говорятъ, да ишшо, этта, межъ собой шушукуются чтой-то... Добре, то-ись, у головѣ колясомъ заходило. А Лисичкинъ, этта, толкъ меня у бокъ. Не упомяну, какъ я за имъ на лѣстницу выкатился. Вишь, говорить, вызволилъ я малаго-то! А тутъ Илюха оттеда выскочилъ, реветъ: «отпустили!» а самъ въ присядку, этта, по лѣстницѣ!.. Обезумѣлъ малый на отдѣлку.

— Что-жъ малаго-то вызволилъ, а старшину въ пролубъ?—сказалъ Алифанычъ, неожиданно прерывая разсказъ Крючкова, въ увлеченіи и за темнотою совершенно забывшаго о его присутствіи.

— Экъ ты, чтобъ табѣ!—выругался Крючковъ мысленно, сообразивъ только теперь, что говорилъ много лишняго, и что о Лисичкинѣ никакъ не слѣдовало распространяться при Алифанычѣ.

— Нѣтъ, братецъ ты мой, обождать надоть,—продолжалъ Алифанычъ, не оглядываясь на Крючкова.—Ты себѣ колдуй со своимъ собачьимъ сыномъ, Иваномъ Хведоровымъ, а старшину не замай! Потому звто у прошеніи набрехано—старшина былъ и списки повѣрялъ. Я самъ былъ на сходѣ у ту пору. Малаго-то у меня узяли, кажись, а я вотъ ничаво, потому по закону! Помни, коли

ежели что—мы съ Бобылемъ у свидѣтели пойдѣмъ, потому вызво-
лять-то ты своего малаго вызволяй, а кляузы на людей писать не
моги! Во что!

Крючковъ молчалъ, не проронивъ ни одного звука.

— Прошшавай, Семень, пора мнѣ на печку...—сказалъ Алифа-
нычъ, приподнимая шапку въ сторону Бобыля и не удостоивъ
даже кивкомъ головы растерявшагося Крючкова. Онъ, не слѣша,
вошелъ въ избу и задвинулъ за собою деревянный засовъ.

Хотя на улицѣ давно уже было темно, но бабій говоръ еще слы-
шался у колодца. Среди крупнаго смѣха и взрыва голосовъ можно
было различить взвизги хохота Агаѣи, жены старшаго сына Али-
фаныча, того самаго, что недавно угнали въ солдаты. Она бойко
разговаривала съ солдатомъ, сосѣдомъ по избѣ, недавно пришед-
шимъ домой на побывку. Солдатъ, со всѣми ухватками просвѣщен-
наго службой человѣка, перебрасывался шуточками съ красивой мо-
лодухой и курилъ папиросу.

Агаѣя не безъ задора отвѣчала ему, но ради соблюденія де-
ревенскихъ обычаевъ отъ времени до времени заговаривала со ста-
рухами или со стоявшей съ нею рядомъ пріятельницей своей, Сош-
кой, дочерью Ефрема Крючкова. Сошкинъ ушатъ былъ давно по-
лонъ, но она не двигалась съ мѣста и стояла молча, опершись на
водоносъ и прислушиваясь къ рѣчамъ Агаѣи, а въ особенности
солдата.

Максимъ, второй сынъ Алифаныча, стоялъ тутъ же. Не спу-
ская жаднаго взгляда съ Сошки Крючковой, онъ разсѣянно вер-
тѣлъ колесо колодца, выкачивая воду.

Выкачавъ, наконецъ, воду и поставивъ плескавшуюся бадью на
комагу, онъ незамѣтно протолкнулся между стоявшими къ Сошкѣ
Крючковой. Она отвернулась немного, притворяясь, что не замѣ-
чаетъ его.

— Подсобить, что ль?—спросилъ Максимъ, видя, что Сошка со-
бирается поднять водоносъ на плечи.

— Ну, что-жъ,—отозвалась она, оборачиваясь къ парню и улы-
баясь ему.

Максимъ вдѣлъ водоносъ съ полными бадьями на свое могу-
чее плечо и тихо пошелъ по направленію хаты Крючкова. Сошка
шла рядомъ съ нимъ.

— Типа, лѣшій!.. Воду расплескаешь...—слышался въ темнотѣ
смѣющійся голосъ Сошки. Максимъ, тоже смѣясь, отвѣчалъ что-то.
Но они уже отошли далеко, и разобрать словъ было нельзя.

На крыльцѣ Крючковскаго дома Максимъ и Сошка столкнулись
съ Крючковымъ, возвращавшимся отъ Алифаныча. Сошка сейчасъ
же прошмыгнула въ избу.

— Вотъ парню спасибо,—сказалъ Крючковъ Максиму, осторожно снимавшему водоносъ изъ-подъ дужекъ ведеръ.—Вотъ, то-ись, настоящинскій малый, дѣвку, значить, пожалѣлъ.

Максимъ, немного смущенный, пробормоталъ что-то и, простившись наскоро съ Крючковымъ, поспѣшилъ домой.

— Ишь разругивилась, — думалъ Крючковъ, сидя за столомъ, гдѣ ужинала Сошка съ домашними, и взглядывая на свою красивую дочь плутовскими глазами. — Ну, что-жь, нехай погуляють покель что... только бы Алихванычъ не заартачился, песь яго возьми, а не то и окрутить можно... Будеть день, нябось...

V.

Черезъ нѣсколько дней, утромъ, у воротъ старостинаго дома въ Собковѣ, стояла сытая вороная лошадь, запряженная въ дрожки. Лошадь, повидимому, стояла тутъ уже давно. Выставивъ правую заднюю ногу впередъ, понурия косматую голову и отвѣсивъ нижнюю губу, она сладко дремала, пригрѣтая солнцемъ, и повременамъ вздрагивала холкой около сѣделки.

У старосты въ избѣ сидѣлъ кабатчикъ изъ уѣзднаго города, мѣщанинъ Сергѣй Даниловъ. Тутъ же находились человѣкъ пять, шесть собковскихъ «стариковъ». Въ хатѣ было душно и накурено махоркой.

Кабатчикъ, небольшого роста человѣкъ, въ сѣрой поддевкѣ и черныхъ суконныхъ штанахъ на выпускъ, имѣлъ какой-то унылый видъ. Лицо его было блѣдно-сѣраго цвѣта, глаза никогда прямо не смотрѣли, а какъ-то неожиданно вскидывались куда-то кверху такъ, что не представлялось даже возможнымъ опредѣлить ихъ цвѣта. Онъ почти никогда ничего не говорилъ, даже со своими домашними, и только въ крайнихъ неизбѣжныхъ случаяхъ ронялъ нѣсколько словъ и то съ такимъ очевиднымъ трудомъ, какъ будто это стоило ему громадныхъ усилій. Вообще, вся личность Сергѣя Данилова носила отпечатокъ неопредѣленности, но чувствовалось какъ-то невольно, при первомъ же взглядѣ на него, что онъ изъ породы тѣхъ именно собакъ, которыя, хотя и не лають, но больно кусаются.

На столѣ стояла немного недопитая бутылъ вина съ яркимъ пестрымъ этикетомъ, миска съ остатками соленыхъ огурцовъ, лежали корки объѣденнаго хлѣба. За столомъ, на лавкѣ, засѣдало нѣсколько человѣкъ мужиковъ и среди нихъ Крючковъ, успѣвшій уже замѣтно охмелѣть. Остальные хотя тоже выпили, но меньше.

— Выгорить, нябось,—ораторствовалъ одинъ изъ нихъ, русый, съ включенной головой и густой бородой, начинавшейся у самыхъ главъ, — выгорить безпремѣнно, потому—миръ, противу міра кто-жь могить супротивничать. Дѣло обнаковенное... Потому миръ Значить миръ и есть, болѣ ничаво...

— Выгорить... — не то съ сомнѣніемъ, не то съ укоризной кому-то заговорилъ другой, болѣе степенный, совершенно лысый, но съ огромной «библейской» бородой...—Выгорить? А ну-ка-съ земской не пропуститъ... тая, приговора? Ась?.. — и на жестъ включеннаго мужика, что, молъ, это пустякъ, надъ которымъ и задумываться не слѣдуетъ, продолжалъ:—Воченно просто... нонѣ не то время, когда, значитъ, безпремѣнные члены спали по угламъ, нонѣ земской, слышь, всѣ дѣла орудуетъ. А нашъ-то, и вовсе приговоръ подъ орѣхъ раздѣлаеть... Да. Нябось не знаешь яво? На кабакъ, какъ на тигру лютую глядитъ, не въ обиду чести твоей,—онъ глянулъ въ сторону Сергѣя Даниловича.

Кабатчикъ ничего на это не сказалъ и только еще ниже опустилъ глаза, метнувъ ими предварительно въ сторону говорившаго.

— Какъ на тигру лютую, истинный Господь...— продолжалъ мужикъ.—Надысь, слышь, былъ я у яво въ кальцеларіи... Въ ту-жъ пору и кабашникъ изъ Верховой. Вотъ тутъ-то я, братцы, слыхалъ, какъ енъ, значитъ, этаго самаго кабашника раздѣлывалъ. Бяда... Альни меня-то у потъ вдарило... Ахъ, ты, говоритъ, мошенникъ, кровопивецъ. Изъ народа кровь пьешь, на грабительскія деньги дома да земли скупаешь... Да какъ пошелъ яму разборку, значитъ, дѣлать — шабашъ... Всѣ кабашники іудова племени, христордавцы — это земской яму, — всегда готовы кого ни на есть продать... Да...

Мужики хохотали надъ рассказомъ и отпускали по поводу этого довольно тяжеловѣсныя шуточки. Сергѣй Даниловъ, по обыкновенію, молчалъ. Онъ только одинъ разъ вскинулъ глазами на рассказчика и сейчасъ же снова опустилъ ихъ.

— О чемъ это вы? — слышался басокъ вошедшаго въ избу Ивана Ѳедоровича Лисичкина.

Ему рассказали.

— Ну, такъ что-жъ?.. И очень глупо, если земской ртачится противъ кабаковъ,—проговорилъ онъ, окидывая присутствующихъ взглядомъ, искавшимъ сочувствія.

— Развратъ, говоритъ, только одинъ, ваши кабаки и боля начаво...—перебилъ Лисичкина мужикъ, который рассказывалъ только что о земскомъ начальникѣ и верховскомъ кабатчикѣ.

— Какой же развратъ, когда одна только польза... — возразилъ Лисичкинъ.—Вѣдь, что-жъ тутъ толковать, надо-жъ рабочему челоуѣку гдѣ ни на есть душу отвести, собраться вмѣстѣ, поговорить о дѣлахъ...

— Тэ-э-э-к-съ, — протянулъ Крючковъ изъ своего угла, — т-э-э-э-к-съ, Иванъ Хведорычъ, это вы точно... потому рабочему челоуѣку, наморемши, то-ись... гдѣ-жъ и выпить, какъ не въ кабакъ.

Лисичкинъ презрительно кинулъ взглядъ на пьяненькаго Крючкова.

— Это справедливо,—согласился и мужикъ-разказчикъ, встряхнувъ мохнатой головой, — не токмо, что выпить, да и поговорить съ нужнымъ человѣчкомъ объ своихъ дѣловъ надоть... Это вы справедливо, Иванъ Хведорычъ...

— Поговорить-то надо, — сказала Лисичкинъ, принимая не то грустное, не то соболѣзнующее выраженіе, — да толковать-то вы не умѣете. Плакать вамъ надо, горько плакать, да и того вы не разумѣете...

— Это вы насчетъ чаво, Иванъ Хведорычъ?—отозвался мужикъ-разказчикъ, хитро поглядѣвъ на Лисичкина, а потомъ, незамѣтно для послѣдняго, обведя остальныхъ быстрымъ взглядомъ.—Это, значитъ, вы объ какихъ такихъ слезъ-то толкуете?.. Похоже, плакать-то намъ покель не о чемъ?..

— И не видите вы своего горя, не чувствуете его, — продолжалъ Лисичкинъ тѣмъ же тономъ.—Отъ рожденія до самой смерти горбъ гнуть и все-жъ околѣтъ нищимъ, не веселая штука. А на кого вы работаете-то? А?.. Подумали ли вы когда нибудь объ этомъ?.. Куда эта уймаища денегъ-то идетъ, что съ васъ собираютъ каждый годъ становые да земство?.. На нихъ же на голодаевъ идетъ, не на васъ... Вамъ-то что же легче отъ нихъ жить?.. Какъ допрежъ дорогъ нѣтъ, мостовъ нѣтъ, такъ и теперь. Какъ допрежъ доктора морили васъ, такъ и теперь морятъ. И аптеку-то порядочную завести не умѣютъ... Хлѣбъ ни по чемъ, жрать вволю и то не даютъ, а у васъ-то шкуры трещать. Такъ, что-ль, говорю я?..

Мужики молча переглянулись между собою.

— А не будь этихъ самыхъ обиральщиковъ-то, и платежей было бы много меньше. Вѣдь жалованье-то имъ идетъ отъ васъ, — продолжалъ Лисичкинъ.—Опять съ землей... вишь, земли-то надѣльной совсѣмъ мало стало. Народу сколько прибавилось противъ прежняго, а земли-то столько же... А гдѣ же земля-то?.. Вся у господъ, вся... Пора бы подумать объ этомъ.

Лисичкинъ замолкъ. Мужики тоже молчали. Даже Крючковъ пересталъ ухмыляться, видимо отрезвѣлъ, что дѣлалось у него очень быстро.

— Ну, что-жъ вы бороды-то оставили? — забасилъ Лисичкинъ, видя, что неловкое молчаніе продолжается.

Мужики снова переглянулись и какъ-то выпрямились разомъ.

— Да что, Иванъ Хведорычъ... — началъ староста, поглядывая на мужиковъ и запуская руку въ волосы на затылкѣ,—такъ-то оно такъ, може... Потому, може, и справедливо. Кто-жъ е знаетъ... А вамъ-то, какъ будто, говорить про эвти самыя дѣла не гожається... Потому, то-ись, къ примѣру, подань... подань и есть. Какъ же, значитъ, поданей не платить?.. Требуютъ — ну, мы, значитъ, тае, не супротивничаемъ, плотимъ... Дѣло казенное, какъ не платить?..

— Звѣстное дѣло, какъ жа не платимши,—согласился кудлатый мужикъ.

— Знамо, надо платить, — отозвались остальные, — что говорить..

Въ эту минуту десятскій съ улицы постучалъ пальцами по стеклу и, заслонивъ руками лицо отъ свѣта, посмотрѣлъ внутрь избы.

— Староста, ребята, выходите на сходку, почестъ всѣ уже собрались, — проговорилъ онъ.

Мужики стали выходить изъ избы на улицу. Лисичкинъ, недовольный результатами закинутой имъ «удочки», бормоталъ себѣ что-то подъ носъ и вслѣдъ за другими вышелъ изъ избы на улицу.

Сходка, дѣйствительно, была уже въ сборѣ. Группа мужиковъ на заваленкѣ сосѣдняго дома сидѣла и курила. Нѣкоторые разговаривали между собой. Другіе окружили вышедшихъ изъ избы старосту, Крючкова, Лисичкина и Сергѣя Данилова, толковали о чемъ-то съ ними и между собой. Отдѣльно отъ всѣхъ стоялъ Иванъ Алифанъчъ и, не говоря ни съ кѣмъ, повидному, крѣпко задумавшись, тыкалъ длиннымъ костью въ мерзлую землю. Рядомъ съ нимъ стоялъ Семень Бобылевъ и тоже молчалъ. Никто не обращалъ на нихъ вниманія.

Крючковъ и нѣкоторые другіе мужики, единомышленники его, перебѣгали отъ одной группы мужиковъ къ другой и о чемъ-то шушукались и смѣялись съ ними. Всѣ были возбуждены. Лисичкинъ и съ нимъ нѣсколько мужиковъ составили отдѣльную группу. Онъ толковалъ имъ что-то, поминутно тыкая пальцемъ то въ того, то въ другого, а иногда бралъ кого нибудь изъ собесѣдниковъ за застежку полушубка, шепча ему на ухо.

Мало-по-малу группы сблизились въ одну общую, которая не переставала громко говорить, спорить и перебраниваться. Галдежъ стономъ стоялъ надъ толпой, такъ что староста, нѣсколько разъ пытавшійся перекричать ее, бросилъ свои попытки и сталъ выжидать минуты, когда крикъ утихнетъ самъ по себѣ.

Говорили о собковскихъ лугахъ и спорили о томъ, кому отдать ихъ въ аренду предстоящей зимой и за какую цѣну. Прошлые года луга эти сдавались по двадцати рублей за десятину купцу изъ сосѣдняго уѣзднаго городка, хотя по качеству своему стоили чуть ли не вдвое. Большая половина схода была недовольна не дешевизной арендной платы, а тѣмъ самымъ купцомъ, который снималъ ихъ. Его укоряли въ томъ, что онъ будто бы не въ срокъ платилъ деньги, мало обходителенъ и «не хочетъ уважить обществу».. Нехотѣніе «уважить обществу» состояло въ томъ, что купецъ, будучи изъ старовѣровъ, никогда самъ не пилъ вина и не любилъ ставить маргарычи, чтѣ, по понятіямъ крестьянъ, составляетъ главную прелесть и непремѣнное условіе каждой сдѣлки. Лисичкинъ, тайно мечтавшій снять эти луга, былъ доволенъ заварившеюся кашей и стоялъ теперь въ самой серединѣ образовавшагося круга, ехидно улыбаясь.

— Ну, что-жь... не желается вамъ Хрячковъ (такъ звали купца), нехай, другой у насъ будетъ, — прокричалъ староста, воспользовавшись минутнымъ затишьемъ схода.

— Не желается, не желается... Ну, яго къ сухарямъ...¹⁾ Давай изыщемъ другого...—слышались голоса. И снова все спуталось, перемѣшалось и слилось въ общій гомонъ.

— Что-жь, видимое дѣло, не желается имъ Хрячекъ,—пробасилъ Лисичкинъ на ухо старостѣ.—Не желается — я сниму луга. Скажи имъ, староста. Небось, и я деньги заплачу.

Староста махнулъ рукой и крикнулъ что-то, но за общимъ гуломъ его совершенно не было слышно.

Многія головы, однако же, вытянулись и стали переспрашивать старосту, не дослышавъ за шумомъ то, что онъ сказалъ.

— Замолчите, дьяволы...—изо всей силы крикнулъ староста.—Замолчите, окаянные... Ипъ, раззяпались... Нешто я одинъ перекричу усю громаду?..

У него надулись жилы на лбу и на шеѣ, лицо его побагровѣло отъ усилія.

— Вотъ тутотка Иванъ Хведорычъ хотить вамъ сказать,—сказалъ онъ тише, когда сходка стихла.

Лисичкинъ откашлянувся, тщательно отеръ рукою углы бритаго рта и проговорилъ неспѣша:

— Что-жь, братцы, не желается вамъ Хрячекъ — можно и другого. Земля не клиномъ сошлась. Неужли-жь другого охотника на свои луга не найдете? Вѣдь собственность-то ваша — вольны вы распорядиться своимъ имуществомъ, какъ вамъ желается. Не крѣпостное право нонче.

— Звѣстно, не крѣпостные мы. Какъ хотимъ, такъ и отдадимъ... Луга—наши, не чьи нибудь.

— Вотъ и думайте теперь,—досказалъ Иванъ Федоровичъ, когда всѣ зачихли.

Настало молчаніе. Мужики задумались и переглядывались между собою.

— То-то, вотъ... этта... толковать-то мы толкуемъ... то-ись... объ луговъ, а, къ примѣру... съемшиковъ, опричь Хрячка, похоже, не предвидится,—прокричалъ изъ толпы тонкій голосъ Крючкова.

— Экъ, политику-то подводитъ,—подумалъ Лисичкинъ.

— Какъ такъ — съемшиковъ нѣтъ?—сказалъ онъ вслухъ, не давъ сходу снова загалдѣть.—Найдутся охотники, луга-то ваши не бросовые.

— Чтобы вамъ-то узять, Иванъ Хведорычъ, ась?—сказалъ Крючковъ, протискиваясь изъ толпы на середину круга и распуская улыбку во всю ширину беззубаго рта.

¹⁾ Намекъ на сухія, безъ могорычей, заключенія сдѣлокъ Хрячкова.

— Да вѣдь я лѣтошній годъ предлагалъ вамъ — не пожелали тогда, — сказали онъ съ укоризной. — А впрочемъ спасибо, что не отдали, — прибавилъ онъ, поклонясь сходу. — Тяжело... не одолѣлъ бы.

— Нябось одолѣлъ бы, — весело засмѣялся кудлатый мужикъ, который вмѣстѣ съ другими былъ въ старостинной избѣ и пилъ вино.

— Одолѣешь, одолѣешь, Иванъ Хведорычъ... Чаго тутъ... — слышались голоса.

Лисичкинъ, повидимому, оставался спокоенъ.

— А какую-жъ вы цѣну положите? — спросилъ онъ. — Противъ Хрячка-то надѣть уважить сколько нибудь. Сами знаете? Только вамъ хочется удовольствіе сдѣлать. Пожалѣйте, братцы, я человѣчекъ махонькій.

— Махонькій... э-хо-хо... — съ злой усмѣшкой сказалъ Иванъ Алифанычъ, незамѣтно протискавшійся въ кругъ и виваясь своими черными, какъ уголь, глазами въ Лисичкина. — Махонькій... отъ семисотъ-то десятинъ земли? Нябось и Хрячкова, и насъ усѣхъ, живмя слопаешь, не помордишься.

Мужики захохотали.

Лисичкинъ злобно воззрился на Алифаныча, но, не выдержавъ его взгляда, отвернулся и сталъ выжидательно смотрѣть на толпу.

— Какую-жъ цѣну положите, братцы? — переспросилъ онъ, желая отвлечь общее вниманіе въ другую сторону и загладить невыгодное для себя впечатлѣніе, произведенное на сходѣ насмѣшкой Алифаныча.

— Надо бы накинуть противъ Хрячка, — заговорили мужики.

— Нѣтъ! — сказалъ Лисичкинъ твердо. — Накинуть противъ Хрячка — я не накину, потому — не изъ чего. Желаете — буду платить то же, что и онъ.

Мужики снова молча переглянулись.

— А не накинеть, чаво-жъ намъ, братцы, и домогаться, — спокойно сказалъ Алифанычъ.

Лисичкинъ не смотрѣлъ на Алифаныча и даже показавъ видъ, что не слышитъ его словъ.

— Вѣдь вотъ, вы, небось, знаете, — продолжалъ онъ, обращаясь къ мужикамъ, — что не нынче-завтра вамъ неминуючи придется вести размежевку съ помѣщикомъ. Что-жъ, ежели желаете, возьмите меня повѣреннымъ. Я, пожалуй, труды свои накину на цѣну.

— Слышь, малый... — сказалъ Крючковъ сосѣднему мужику, подталкивая его локтемъ. — Этта ёнъ правильно, потому, то-ись, аблаката намъ, братъ, не миновать. Вотъ полтораста рублевъ — на кости... Этта ёнъ точно.

Еще нѣсколько мужиковъ изъ единомышленниковъ Крюčkова подхватили эту мысль и пошли шушукаться съ сосѣдами.

— А кольки-жъ, по вашему, накинули вы намъ своими, значить, трудами? — спросилъ Алифанычъ Лисичкина.

Послѣдній отлично слышалъ вопросъ, но, избѣгая отвѣта, воспользовался снова подымавшимся на сходѣ шумомъ и отвернулся.

Алифаньчъ, не торопясь, подошелъ къ Ивану Федорову и, ставъ передъ нимъ такъ, что тому уже отвернуться было некуда, повторилъ вопросъ.

Сходка затихла. Лисичкинъ снова хотѣлъ было увернуться, но Алифаньчъ остановилъ его за рукавъ.

— Нѣтъ, ты постой, — говорилъ Алифаньчъ. — Ты отвѣчай-ка: сколько твоихъ трудовъ-то этихъ самыхъ будетъ? На рубли покажь. Знаемъ мы... неча темнить...

Лисичкинъ, который чувствовалъ, что уйти отъ этого вопроса уже нельзя, беспомощно сверкалъ на Алифаньча сердитымъ взглядомъ.

— Да что ты прилипъ?—огрызнулся онъ.—Какъ тутъ на рубли показать? Нешто возможно? Дѣло большое, путанное, сами, я чай, понимаете?—прибавилъ онъ, обращаясь къ Крючкову и его единомышленникамъ.

— Оно, конечно... то-ись... къ примѣру... рублей на двѣсти этихъ самыхъ трудовъ... потому... нешто мало за ими хлопоть?.. И прошенію писать и отвѣтъ держать.

— А сколько разъ въ «губернію-то»¹⁾ придется махать?—подхватилъ Лисичкинъ, обрадовавшись поддержкѣ. — Опять же вамъ хорошо извѣстно, что ужъ я не проморгаю. Десятокъ-то десятинъ барской земли, а, можетъ быть, и больше, занепремѣнно къ вамъ отойдетъ. Это вѣрно. Вы, небось, знаете меня?

— Какъ не знать, наслышаны... Не даромъ дѣвокъ у казаки отдавалъ, да вотъ по волѣ ходишь,—злобно крикнулъ Алифаньчъ.

Нѣсколько человѣкъ фыркнуло, гдѣ-то въ толпѣ громко захохотали.

Лисичкинъ позеленѣлъ отъ злости.

— Кажись, чаво бы ишшо?..—подхватилъ Крючковъ, обращаясь къ сходу.—Давай, рябята, ударимъ по рукамъ... потому для насъ эвта самая дѣла, значить, самая полезительная...—И не дождавшись отвѣта, онъ обернулся къ Ивану Федоровичу и своею грязной, молистой рукой какъ-то неловко, одними концами пальцевъ, пожалъ руку Лисичкина.

Увлеченные примѣромъ Крюčkова, и другіе мужики стали подходить къ Лисичкину и тоже жали его руку. Лисичкинъ, тяжело отдуваясь послѣ одержанной побѣды, отвѣчалъ на пожатія, въ промежуткахъ утирая платкомъ струившійся по лицу потъ.

— Стало, всѣ согласны?..—спросилъ онъ, обводя всѣхъ торжествующимъ взглядомъ и останавливая его на Алифаньчѣ съ непередаваемымъ отгѣнкомъ злой ироніи.

— Стало, усѣ! — крикнулъ Крючковъ погромче, чтобы всѣ слышали.

¹⁾ Губернскій городъ.

— Я не согласенъ,—громко сказалъ Алифанъчъ, который молчалъ все время послѣ того, какъ его протестъ противъ сдѣлки съ Лисичкинымъ былъ обойденъ молчаніемъ.

— И я тоже, значить, не въ согласіи,—робко проговорилъ стоявшій рядомъ съ Алифанъчемъ кумъ, Семень Бобыль. Лисичкинъ гордо воззрился на нихъ и со злой усмѣшкой пробасилъ:

— Га, и не требуется оно, ваше согласіе-то... безъ васъ почти всѣ согласны.

Алифанъчъ знаменательно сплюнулъ въ сторону Лисичкина и, не проговоривъ ни одного слова, медленно побрелъ съ Бобылемъ къ своей хатѣ.

— Серчаетъ,—глядя ему въ слѣдъ, сказалъ Лисичкину Крючковъ, снова распуская беззубый ротъ въ обычную улыбку и бѣгая плутоватыми глазами.

VI.

Между тѣмъ, могорычъ, невидимо появившійся откуда-то, какъ по мановенію волшебнаго жезла, дѣлалъ свое дѣло. Мужики пьянѣли и горланили громче прежняго. Сходъ рѣдѣлъ, снова образовались группы. Многіе курили, сидя по заваленкамъ и разговаривая между собою. Лисичкинъ, староста и цѣлая толпа мужиковъ удалились въ сборную избу писать приговоръ объ отдачѣ луговъ Лисичкину. Молчаливый кабатчикъ, Сергѣй Даниловъ, ходилъ по мужикамъ и «подносилъ», наливая вино изъ полуведерной бутылки.

Иванъ Алифанъчъ видѣлъ все это съ крыльца своего дома и злобствовалъ.

«Подавитесь вы вашимъ зельемъ,—думалъ онъ, угрюмо взирая на картину пьянства передъ собой.—Подавитесь, прогуляли луга-то... И достались кому же? Лисичкину! А? Антихристь... Истинный Господь, антихристь... Прости Богъ мое согрѣшеніе».

Тѣмъ временемъ приговоръ о сдачѣ собковскихъ луговъ Лисичкину былъ написанъ и разносился для подписи по опьянѣвшимъ мужикамъ. За неграмотныхъ подписывался какой-то молодой безусый парень въ драной кумачевой рубашкѣ съ густо напомаженными рыжеватыми волосами. Многихъ, значившихся, хотя и не было на лицо, но парень, побуждаемый Крючковымъ, старательно выводилъ ихъ на бумагѣ. Когда всѣ были подписаны, и староста, накопивъ должностную печать, приложилъ ее къ приговору и передалъ послѣдній десятскому для доставленія земскому начальнику на разсмотрѣніе, сходъ снова собрался въ кружокъ для рѣшенія другихъ общественныхъ вопросовъ, между прочимъ и учрежденія въ Собковѣ питейнаго заведенія. Этотъ вопросъ прошелъ совершенно гладко, безъ всякаго возраженія. Угощеніе водкой продолжалось. Наливалъ вино уже не самъ Даниловъ, а успѣвшій совершенно

«набраться» Крючковъ, который при этомъ съ трудомъ попадалъ въ стаканъ и беззаботно проливалъ вино на землю. Приговоръ объ открытіи кабака въ Собковѣ появился изъ кармана кабатчика готовымъ. Оставалось только отобрать подписи, въ чемъ уже не было затрудненія. Въ приговорѣ значилось, что согласіе на открытіе кабака въ Собковѣ дано было въслѣдствіе крайне затруднительнаго экономическаго положенія крестьянъ, что кабатчикъ по новому закону обязуется платить обществу за содержаніе заведенія въ селѣ сто рублей ежегодно, что эта сумма предназначается крестьянами на покрытіе недоимокъ, что наконецъ мѣщанинъ Сергѣй Даниловъ хорошо имъ, собковскимъ крестьянамъ, извѣстенъ за отличнаго, безупречнаго поведенія человѣка, и что такимъ образомъ открытіе въ Собковѣ питейнаго заведенія «никакого вреда, окромя только великой пользы для населенія, принести не можетъ». Словомъ, по приговору крестьянъ выходило такъ, что неподобный человѣкъ, кабатчикъ Даниловъ, собираясь учредить собковскій кабакъ, какъ бы являетъ примѣръ необычайной доблести и великодушія, собираясь облагодѣтельствовать своимъ заведеніемъ мѣстное населеніе. По исполненіи всѣхъ надлежащихъ формальностей, староста, собиравшійся передать и этотъ приговоръ десятскому для представленія земскому начальнику, былъ остановленъ Лисичкинымъ, который сказалъ:

— Погоди... что-жъ не всѣмъ домохозяевамъ далъ подписать-то?...

— Какъ не всѣмъ?—усомнился староста.

— А что-жъ Алифаньча-то забылъ?

— Эге, и то,—отозвался староста, ища глазами вокругъ себя:— да куда же онъ пропалъ?

— Вонъ на крыльцѣ сидитъ,—отозвался Лисичкинъ, указывая по направленію Алифаньчева дома.—Ишь вонъ пузырится... сердчаетъ, что его не взяла.

Оба дружно расхохотались.

— А ну-ка, мы съ тобой, староста, пойдемъ, не подмахнетъ ли приговора,—добавилъ Иванъ Ѳедоровичъ съ ѣдкою улыбкой.

— Ну яво,—сказалъ староста, махнувъ рукой,—что жъ яво тревожить, нехай отойдетъ.

Но Лисичкинъ, у котораго созрѣлъ новый планъ по поводу местки Алифаньчу за его непокорливость и всѣ выходки противъ него, настоялъ на требованіи предложить Алифаньчу къ подписи приговоръ о кабакѣ, и онъ вмѣстѣ со старостой, Крючковымъ и нѣсколькими крестьянами двинулся по направленію дома Алифаньча.

— Дядя Алифаньчъ... Вотъ мы, стало быть, къ тебѣ,—сказалъ староста, подойдя къ крыльцу вмѣстѣ съ Лисичкинымъ и остальными.

— Что прикажешь?—сказалъ Алифаньчъ, вставая съ лавки и дѣлая шагъ впередъ.

— Да вотъ приговорецъ подписать требуется,—сказалъ староста, смущенно переминаясь съ ноги на ногу и глядя куда-то въ сторону.

— Это насчетъ чаво?—сурово спросилъ Алифанычъ.

— Да, нябось, знаешь... Тутъ... этта... объ эвтимъ самомъ заведеніи...—еще болѣе смущаясь, проговорилъ староста, ворочая плечами въ полушубкѣ и поправляя знакъ безъ всякой надобности, какъ будто онъ жаль ему шею.

— Нѣтъ, староста, не подпишу,—серьезно и твердо сказалъ Алифанычъ.—Не подпишу, потому эфтогъ самый кабатчикъ кровь нашу пить станетъ... Рукъ на себя налагать не могу, такого аблиманту ¹⁾ на себя принять не жалаю.

— Однако же, подписать приговоръ долженъ каждый домохозяинъ... такъ въ законѣ сказано...—нахально сказалъ Лисичкинъ, выхвативъ приговоръ изъ рукъ старосты и помахивая бумагою передъ старикомъ.

— Эхъ-ма... староста, староста,—съ печальнымъ укоромъ въ голосѣ продолжалъ Алифанычъ, не обращая никакого вниманія на выходку Лисичкина. Одумайтесь, братцы, что вы дѣлаете?... И сейчасъ плохо живемъ, во тьмѣ ходимъ, а станетъ кабакъ торговать, значить, и вовсе мы усѣ на нѣтъ сойдемъ... Бяда... Истинный Господь, пропадемъ... И что за неволя вамъ приспѣла закабалить себя всякому прохожему «шарлатану» ²⁾, а?... Не пойму я...

— Это кто-жъ такой шарлатанъ по-твоему?—вызывающе спросилъ Лисичкинъ, перебивая Алифаныча.—Тебя никто не спрашиваетъ про эти дѣла, а вотъ староста велить приговоръ подписать,—добавилъ онъ, подымаясь на камень у порога крыльца и почти насильно всовывая бумагу въ руку Алифаныча. Старикъ при этой новой дерзости вспыхнулъ, глаза его заискрились. Не помня себя отъ раздраженія, онъ высоко поднялъ сложенный вчетверо приговоръ рукой и, потрясая имъ въ воздухѣ, заревѣлъ на Ивана Ѳедорова:

— Кто шарлатанъ у насъ?... Да ты шарлатанъ, да кабанникъ твой—шарлатанъ, бездомцы, проходимые люди, кровопійцы наши, душегубители, вотъ кто шарлатаны... Будь вамъ пусто на томъ и на этомъ свѣтѣ... И бросивъ въ Лисичкина сложеннымъ приговоромъ, Алифанычъ повернулся и быстро вошелъ въ избу, затворивъ за собою дверь на засовъ. Лисичкинъ широко улыбнулся, но, спохватившись, сейчасъ же состроилъ обиженное лицо и, поднимая съ земли растрепанный приговоръ, сказалъ сопровождавшему его старостѣ, мужикамъ и притулившемуся къ заваленкѣ Крючкову:

— Ну, братцы, будьте же свидѣтелями... Слышали, видѣли? Я жаловаться буду за оскорбленіе на словахъ и дѣйствіемъ въ публичномъ мѣстѣ.

¹⁾ Мѣстное выраженіе, употребляемое въ смыслѣ: покорь, стыдъ. Этимологія этого слова неизвѣстна.

²⁾ Это слово у крестьянъ употребляется въ смыслѣ болѣе сильномъ, чѣмъ настоящее его значеніе.

«Погоди же, голубчикъ, я изъ тебя спесь-то вышибу... поклонисься... И мнѣ и кабаку поклонисься...—думалъ Иванъ Федоровъ по адресу Алифаньча, нѣсколько времени спустя, когда онъ вмѣстѣ съ кабатчикомъ, чрезвычайно довольный успѣхомъ дня, возвращался домой изъ Собкова». Погоди, дай срокъ... Сломаю я тѣ голову... По-забудешь ты, какъ Иванъ Федоровъ Лисичкинъ дѣвокъ въ казаки отдавалъ»...

В. Тимашевъ-Берингъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАБЫТЫЙ ПОЭТЪ.

(Психологическій этюдъ).

ЗАБЫВАЮТЪ ЛЮДИ, которымъ удастся разъ въ жизни сыграть крупную роль, обратить на себя всеобщее вниманіе. Про ихъ существованіе узнаетъ широкій кругъ людей, о нихъ много говорятъ. Но затѣмъ человѣкъ, совершивъ свое дѣло или сказавъ свое слово, снова удаляется изъ небольшого, ярко освѣщеннаго круга исторіи и пропадаетъ въ туманъ частной жизни. И всѣ забываютъ про него. А онъ продолжаетъ жить въ безвѣстности. Проходитъ одно десятилѣтіе за другимъ, нарождаются и вступаютъ въ жизнь новыя поколѣнія, гибнутъ старыя интересы и стремленія, вырастаютъ новыя; событія, съ которыми уже навѣки связано имя того уединившагося человѣка, отходятъ въ область исторіи, о нихъ говорятъ уже, какъ о какой-то старинѣ, былшемъ поросшей. И вдругъ въ газетахъ появляется краткое извѣстіе о томъ, что умеръ такой-то. «Какой это? — съ изумленіемъ спрашиваетъ публика, — неужели тотъ, который тогда?... Неужели онъ до сихъ поръ живъ былъ? Да вѣдь это же такая старина стародавняя!..»

Такъ было и въ 1895 году, когда скончался Иванъ Петровичъ Ключниковъ, который въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ считался однимъ изъ талантливейшихъ нашихъ поэтовъ, которымъ восторгался Бѣлинскій, предъ которымъ преклонялась публика. А черезъ полвѣка никто уже не могъ хорошенько рассказать, что такое собственно былъ Ключниковъ, и почему постигло его такое странное забвеніе. И теперь совсѣмъ уже немного осталось людей, которые лично знали Ключникова въ лучшую пору его жизни. Одинъ изъ этихъ немногихъ — нашъ маститый поэтъ, Я. П. Полонскій. Я не разъ имѣлъ случай бесѣдовать съ нимъ объ его старомъ другѣ и вынесъ изъ этихъ разговоровъ яркое пред-

ставленіе о Ключниковѣ, которое даетъ возможность уяснить забытую, но весьма характерную для своего времени фигуру этого поэта.

Иванъ Петровичъ Ключниковъ родился въ 1811 году. Отецъ его былъ помѣщикъ Сумскаго уѣзда Харьковской губерніи. Первоначальное воспитаніе поэтъ получилъ въ деревнѣ подъ руководствомъ гувернера учителя, продолжалъ образованіе въ московской первой гимназіи, а въ 1831 году поступилъ на словесное отдѣленіе Московскаго университета, въ которомъ и окончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1835 году. Университетскіе годы Ключниковъ провелъ въ усиленныхъ занятіяхъ и приобрѣлъ обширныя и солидныя познанія, особенно въ области исторіи и литературы. Въ то же время онъ сблизился съ кружкомъ Станкевича и сталъ ближайшимъ другомъ самого главы кружка и Бѣлинскаго. Увлеченіе нѣмецкой философійю, царившее въ кружкѣ Станкевича, не прошло и мимо Ключникова, который изучалъ вмѣстѣ съ Станкевичемъ Шеллинга, а затѣмъ «Критику чистаго разума» Канта. Но занятія философійю, въ которыя сверстники и друзья Ключникова вкладывали всю свою душу, не увлекали его самого. Обладая недюжиннымъ умомъ, онъ быстро и легко воспринималъ основы германской метафизики, но былъ далекъ отъ того, чтобы искать въ ней отвѣта на жгучіе жизненные запросы. Онъ предпочиталъ наблюдать самую жизнь и людей, вникать въ смыслъ подмѣченныхъ фактовъ, анализировать психику чужую и свою. Вредныя послѣдствія напряженнаго самоанализа не замедлили пагубно отразиться на его натурѣ. Уже отъ природы у него умъ перевѣшивалъ сердце, а постоянное самоуглубленіе окончательно убило у него непосредственное чувство и превратило его въ головного, разсудочнаго человѣка, въ рефлектика, въ прототипъ «Гамлета Щигровскаго уѣзда» и его родственниковъ, «заѣденныхъ рефлексіей». А между тѣмъ у Ключникова постоянно стояли передъ глазами такія сердечныя и искреннія личности, какъ Станкевичъ и Бѣлинскій. Онъ не могъ не понимать, что при всемъ своемъ умѣ онъ стоитъ гораздо ниже этихъ людей, потому что потерялъ цѣльность и непосредственность, безъ которой невозможно ни глубокихъ чувствъ, ни стойкихъ убѣжденій, ни искренней вѣры въ какое нибудь дѣло, а слѣдовательно, невозможно и самое дѣло. Ключниковъ понялъ, что онъ «лишний человѣкъ», что его бесплодное сердце неспособно хоть сколько нибудь приблизиться къ прекрасному идеалу, который онъ постигъ умомъ, а на половинѣ онъ мириться не хотѣлъ: онъ требовалъ всего, либо отказывался отъ всего. Первое оказалось недостижимымъ, и Ключниковъ съ удивительною твердостью отрекся отъ всего, что составляло прелесть его юности.

Уже съ самаго вступленія въ кружокъ Станкевича Ключниковъ оказался неподходящимъ къ юнымъ энтузіастамъ. Оставаясь холоднымъ среди ихъ увлеченій, онъ сдѣлался Мефистофелемъ кружка, зло и ѣдко подсмѣиваясь надъ идеальными стремленіями

своихъ пріятелей. Когда Станкевичъ благоговѣнно вникалъ въ философскія построенія Шеллинга и Канта, Ключниковъ сопровождалъ чтеніе такими комментаріями, что смѣтливый Станкевичъ помиралъ отъ хохота, и въ концѣ концовъ отказался отъ совмѣстнаго чтенія съ Ключниковымъ, который мѣшалъ ему серьезно отнестись къ занятіямъ. Обладая замѣчательнымъ остроуміемъ, Ключниковъ сыпалъ экспромтами, каламбурами и шуточными стихотвореніями, въ которыхъ его пріятели видѣли живость ума и истинный юморъ, не замѣчая, что за насмѣшливымъ расположеніемъ его скрывалась тяжелая тоска, вызванная сознаніемъ собственной неспособности серьезно и всею душою отдаться чему нибудь. А между тѣмъ не всегда удавалось Ключникову спрятаться за личиною веселости, настроить себя на саркастическій ладъ, и въ такія минуты имъ овладѣвала ипохондрія, которой онъ не въ силахъ уже былъ скрыть. Во всякомъ случаѣ, въ сознаніи своихъ университетскихъ друзей Ключниковъ оставался талантливымъ и веселымъ малымъ.

По окончаніи университета Ключниковъ попробовалъ заняться дѣломъ. Въ 1835 году, онъ принялъ участіе въ редакціи «Телескопа», который послѣ отъѣзда Надеждина за границу перешелъ въ руки кружка Станкевича. Но этотъ журналъ вскорѣ совсѣмъ прекратился. Въ томъ же 1835 году Ключниковъ поступилъ учителемъ въ Московскую первую гимназію и, кромѣ того, занялся частными уроками. Первое время его преподаваніе сопровождалось блестящимъ успѣхомъ. Обиліе свѣдѣній, передаваемыхъ въ яркихъ, красочныхъ формахъ, глубина и новизна идей — все это покоряло его учениковъ и создало ему славу превосходнаго педагога. Онъ попалъ во многіе московскіе аристократическіе и интеллигентные дома, обучалъ, между прочимъ, Юрія Самарина, его брата и сестру. Но вскорѣ душевный разладъ, царившій въ душѣ Ключникова, отразился и на его преподаваніи. Ведя своихъ учениковъ къ познанію прекраснаго идеала, онъ въ концѣ концовъ оказывался не въ состояніи отвѣтить на тѣ самые запросы, которые самъ же будилъ въ нихъ. Онъ съ самаго начала бралъ тонъ не столько учителя, сколько воспитателя, а между тѣмъ могъ ли человѣкъ, не умѣвшій правильно воспитать себя, воспитывать другихъ? Особенно ярко сказался этотъ фактъ въ отношеніяхъ Ключникова съ Самаринымъ. «Сначала Ключниковъ совершенно овладѣлъ мною, говорилъ Самаринъ, но вліяніе это стало наконецъ тягостно, ужасно; я убѣжалъ отъ него, иначе развязаться я не могъ бы никакъ». Пламенная, впечатлительная натура ученика чуяла мертвенность безплоднаго сердца въ Ключниковѣ и невольно отшатнулась отъ учителя. Ключниковъ самъ быстро понялъ, что изъ него не выйдетъ педагога, и уже въ 1837 году оставилъ гимназію, а вслѣдъ затѣмъ одинъ за другимъ бросилъ и частные уроки.

Онъ рѣшилъ испробовать свои силы на другомъ поприщѣ. Еще студентомъ писалъ онъ много стиховъ, и при томъ не только шу-

точныхъ. Нѣтъ, обладая истиннымъ лирическимъ талантомъ, онъ изливалъ въ поэтической формѣ всѣ свои душевныя состоянія: и порывы къ идеалу, и психическій разладъ, и попытки найти почву для примиренія этого разлада. Долгое время онъ не рѣшался пустить въ публику эти автобіографическіе отрывки, желая сохранить въ тайнѣ свои сердечныя раны. Только мысль явиться на судъ общества подъ псевдонимомъ успокоила его. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ избралъ для своей подписи букву ѳиту съ двумя тире по бокамъ (—ѳ—) и, подписавъ этимъ знакомъ два своихъ стихотворенія, отправилъ ихъ въ 1838 году въ редакцію «Московского Наблюдателя». Эти пьески вскорѣ были напечатаны и вызвали одобреніе публики и критики. Особенно восторгался ими Бѣлинскій. Успѣхъ ободрилъ Ключникова и въ теченіе 1839 и 1840 годовъ онъ помѣстилъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ» еще 24 стихотворенія. Въ 1841 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась еще одна его пьеса: «Воспоминаніе»,— безспорно лучшая изъ всего, писаннаго Ключниковымъ. Этимъ и оборвалась надолго его литературная дѣятельность, если не считать плохенькаго разсказа: «Привидѣніе перваго мужа» (въ «Литературной Газетѣ» 1841 года) и шаблонной повѣсти: «Любовная сказка» (въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1849 года).

Содержаніе лирики Ключникова немногосложно. Всѣ попытки изобразить бодрое настроеніе, могучій порывъ къ идеалу или заняться объективнымъ творчествомъ,— все это не удавалось ему совершенно, и это понятно при дряблости его сердца. Но тѣмъ искреннѣе звучать у него струны душевнаго разлада, тѣмъ правдивѣе жалобы на сердечное безсиліе. Онъ вполне понимаетъ, «какъ немного надобно для счастья»:

На грудь любви довѣрчиво склонясь,
За мигъ одинъ горячаго участя
Я-бъ отдалъ эту жизнь сто разъ...

Но въ то же время это счастье для него недоступно: онъ слишкомъ холоденъ, слишкомъ разсудоченъ, онъ

прекрасное въ природѣ
Не сердцемъ, а умомъ бесплодно понималъ.

Это было его мукою, онъ пытался воззвать свое сердце къ жизни, пытался разбудить въ немъ любовь. Но, если даже онъ и успѣвалъ вызвать искреннее чувство у женщины, то все же изъ этого ничего не выходило, потому что его-то собственное сердце оставалось безмолвнымъ, а онъ былъ слишкомъ честенъ для того, чтобы «обладать не любя». И вотъ онъ обрываетъ романъ въ самомъ началѣ. Причиной разрыва онъ иногда выставляетъ прошедшую, утраченную любовь, не рѣшаясь прямо сознаться въ томъ, что повелъ нехорошую игру:

Непостижимой, тайной силой
Она всегда, вездѣ со мной,—
И на груди твоей, другъ милый,
Я сталъ бы думать о другой.

Между тѣмъ въ другомъ стихотвореніи онъ на вопросъ: «Любилъ ли я когданибудь?» отвѣчаетъ прямо: «Нѣтъ!.. Мнѣ нечѣмъ юность помянуть!».

Въ другой разъ онъ уже прямо кается въ своемъ сердечномъ безсиліи:

больной моей душою

Я никого не буду здѣсь любить...
О, не кляни меня! Я обманулъ природу,
Тебя, себя, когда въ волшебный мигъ
Я сердце праздное и бѣдную свободу
Повергъ въ слезахъ у милыхъ ногъ твоихъ.
Я не люблю тебя. Но, полюбивъ другую,
Я проклиналъ бы горько самъ себя,
И, какъ безумный, я и плачу, и тоскую,
И все о томъ, что не люблю тебя..

Поэтъ ищетъ любви, но какъ только ему улыбнется успѣхъ, такъ сейчасъ же обнаруживается отсутствіе у него истиннаго чувства. Иллюзія любви поддерживается въ немъ только до тѣхъ поръ, пока онъ добивается взаимности. Въ случаѣ если его искательства остаются отвергнутыми или даже просто нераздѣленными, эта иллюзія достигаетъ такой напряженности, что вызванные ею стихи звучать неподдѣльнымъ чувствомъ. Этимъ объясняется искренность стихотворенія «Воспоминаніе».

Я васъ любилъ... давно, безъ упованья...
За арфою, въ вечерней тишинѣ,
Неясны души моей желанья
Вы звуками высказывали мнѣ.

Лилися въ душу сладостные звуки;
Внимая имъ, въ восторгъ я рыдалъ —
И счастливъ былъ: блаженство сладкой муки
Любить и плакать я впервые зналъ.

Онъ былъ далеко не ребенокъ,
Я васъ любилъ... Невѣста молодая...
Онъ васъ плѣнилъ, красавецъ молодой —
И, радостью небесною сіяя,
Вы шли къ вѣнцу прекрасною четой...

Я былъ въ толпѣ... и, притаивъ дыханье,
Спокойно на обрядъ святой глядѣлъ...
Я спряталъ отъ людей свое страданье,
Я въ тишинѣ оплакалъ свой удѣлъ...

Я васъ любилъ! Склонясь на изголовье
Младенца-ангела прозрачною рукой;
Глядѣли вы съ надеждой и любовью
На первенца любви своей святой.

И я глядѣлъ — и сердцемъ забывался...
Души моей завѣтный идеалъ
Я видѣлъ въ васъ — я вами любовался,
И свято васъ любилъ — и не страдалъ.

Всего три года печаталъ Ключниковъ свои стихотворенія, и въ короткій срокъ успѣлъ вылить всѣ настроенія, которыя были ему доступны. И опять-таки онъ прежде всѣхъ понялъ, что уже сказалъ все, что могъ сказать. Несмотря на настоянія друзей, пророчившихъ ему славную поэтическую карьеру, онъ отказался отъ поэзіи. И въ этой сферѣ дѣятельности его хватило ненадолго, и на этомъ поприщѣ онъ оказался лишнимъ. Тогда Ключниковъ рѣшилъ совершенно порвать съ кружкомъ интеллигентныхъ тружениковъ, гдѣ ему не нашлось мѣста, и въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ, покинувъ Москву, уединился въ свое наслѣдственное имѣніе, гдѣ и сталъ жить вдали отъ всякой литературной и общественной дѣятельности. Лишь въ 1880 году онъ ненадолго покинулъ деревню и посѣтилъ Москву. Тогда же редація «Русскаго Вѣстника» получила отъ него четыре стихотворенія, которыя и напечатаны въ февральской книжкѣ этого журнала за 1883 годъ. Но въ этихъ пьесахъ не видно уже и тѣни прежняго поэтического таланта Ключникова. Въ деревнѣ онъ видимо опустился и совсѣмъ уже не походилъ на того человѣка, про котораго Я. П. Полонскій нѣкогда сказалъ:

Все понималъ: и жизнь, и вѣкъ,
 Зло и добро — былъ добръ и тонокъ,
 Но — въ свѣтѣ лишній человѣкъ.
 Какъ часто, самъ сознавшись въ этомъ,
 Искалъ онъ дѣла — и грустилъ;
 Хотѣлъ ученымъ быть, поэтомъ,
 Рвался и выбился изъ силъ.
 Онъ бѣденъ былъ, но не нуждался,
 Хотѣлъ любить — и не влюблялся,
 Какъ будто жаръ его любви
 Былъ въ головѣ, а не въ крови.

Эта превосходная характеристика Ключникова находится въ поэмѣ «Свѣжее преданіе», гдѣ онъ выведенъ въ качествѣ главнаго героя подъ именемъ Камкова. Знакомство Я. П. Полонскаго съ Ключниковымъ относится къ самому концу 30-хъ годовъ. Характеръ поэта, обстановка его жизни и тогдашнее отношеніе Я. П. Полонскаго къ нему переданы съ полною правдивостью въ «Свѣжемъ преданіи», но вся романическая часть поэмы — плодъ поэтического творчества. «Я желалъ представить, — говоритъ Я. П. Полонскій, — какъ поступилъ бы Ключниковъ, если бы попалъ въ такое положеніе». Насколько такая задача удалась нашему маститому поэту, видно изъ того, что Ключниковъ, прочитавъ «Свѣжее преданіе», сразу узналъ въ Камковѣ свой портретъ ¹⁾.

С. Адриановъ.

¹⁾ При составленіи этой статьи я пользовался слѣдующими источниками: Личные разказы Я. П. Полонскаго. — П. В. Анненковъ. «Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Переписка его и біографія», М. 1857. — П. В. Гербель. «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ». Спб. 1873. — «Черезъ сорокъ лѣтъ» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1883 года, февраль). — Письма Ю. Самарина къ К. С. Аксакову (въ «Русскомъ Архивѣ», 1880 года, II, 273). — Къ біографіи Надеждина (тамъ же 1885 года, августъ, 583). — Лучшія пьесы Ключникова перепечатаны въ Христоматіяхъ Гербеля и Щербины.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ ¹⁾.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Домашні спектакли. — Спектакли въ пансіонѣ. — Авторство. — Тифлисскіе любители: кн. А. И. Сумбатовъ и Вл. И. Немировичъ-Данченко. — Тифлисскіе клубы. — Общественная жизнь. — «Тифлисскій кружокъ». — Любительская труппа кружка, ея распорядители и организація. — Мой дебютъ. — Непреодолима робость. — «На бойкомъ мѣстѣ» и «Счастливый день». — Счастливый вечеръ. — Я становлюсь членомъ кружковской труппы. — Первая рецензія. — Буква «л». — Пятидесятилѣтіе со дня кончины Грибоѣдова. — Юбилейное представленіе ком. «Горе отъ ума», на сценѣ Тифлисскаго кружка. — Цѣны на мѣста. — Отставка. — Поступленіе на сцену городскаго Тифлисскаго театра. — Актеръ въ мундирѣ.

I.

АЧАЛОСЬ это, конечно, съ любительскихъ спектаклей.

До сихъ поръ я никогда не дерзалъ появляться на сценѣ. Одна мысль подойти къ освѣщенной рампѣ и заговорить передъ публикой — приводила меня въ трепетъ. Конечно, нельзя считать игрою на сценѣ тѣ дѣтскія попытки, на которыя я рѣшался у себя дома и въ пансіонѣ въ Москвѣ. Дома мы устраивали спектакли самаго неожиданнаго характера: сшивали двѣ, три простыни и, перегородивъ ими какойнибудь коридоръ, лицедѣйствовали передъ домочадцами, то-есть экономями, няньками, горничными. Декорацию клеили изъ писчей бумаги и при одной и той же разыгрывали «Прощаніе Гектора съ Андромахой», сцены изъ «Аскольдовой могилы» и все, что

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXII, стр. 464.

мы могли найти въ хрестоматіяхъ и разныхъ книжечкахъ. Очень часто импровизировали пьесы даже прямо на сценѣ, и невзыскательная публика, въ числѣ которой появлялся иногда даже нашъ кучеръ Иванъ, оставалась вполне довольна. Болѣе серьезными попытками надо считать мое участіе въ двухъ спектакляхъ, устроенныхъ у насъ въ пансіонѣ. Въ первомъ играли второй актъ изъ «Ревизора», «Тяжбу» Гоголя и какой-то водевиль. Въ «Ревизорѣ» я игралъ городничаго и, по отзывамъ товарищей, игралъ бы и недурно, если бы могъ сдѣлать свой голосъ поглубже, «а то, говорили они, играешь ты городничаго, а говоришь, какъ дѣвчонка». Въ водевилѣ я игралъ роль молоденькой жены и тутъ, должно быть, не совѣмъ удачно, потому что при женскомъ голосѣ у меня прорывались мужскія манеры. Тогда мнѣ было лѣтъ четырнадцать, голосъ ломался и изъ сопрано превращался въ баритонъ.

Во второмъ пансіонскомъ представленіи я фигурировалъ уже, какъ драматургъ. Товарищи мои устроили кукольный театръ и разыграли на немъ пьесу моего сочиненія, подъ названіемъ «Путаница». Путаница была, кажется, дѣйствительно невообразимая.

И во всѣхъ этихъ случаяхъ, я помню, что робѣлъ невыносимо. Въ городничемъ у меня буквально подкашивались ноги, а когда разыгрывали мою «Путаницу», я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. А между тѣмъ, кажется, чего бы робѣть-то? Вѣдь зрителями были мои же товарищи, съ которыми я ежедневно учился, шалилъ, бранился и даже дирался.

«Какая же робость должна охватить меня, думалось мнѣ, если я рѣшусь выступить въ большомъ любительскомъ спектаклѣ. Да я рта не раскрою, слова не вымолвлю»... А между тѣмъ желаніе пофигурировать на сценѣ, сыграть ту или другую облюбованную роль, уже зародилось въ моей душѣ и разрасталось.

Пріѣхавъ послѣ кампаніи въ Тифлисъ, я какъ-то сразу попалъ въ кружокъ ярыхъ любителей театра. Весной, на каникулы, въ Тифлисъ пріѣхалъ молодой студентъ, князь А. И. Сумбатовъ. Мы скоро съ нимъ познакомились и даже подружились. А. И. былъ тогда уже завзятымъ театраломъ и, кажется, поигрывалъ въ Петербургѣ на клубныхъ сценахъ.

Вмѣстѣ съ нимъ гостилъ въ Тифлисъ другой молодой человекъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко. Оба они теперь уже стяжали ивѣстность, какъ драматурги, а Сумбатовъ, кромѣ того, занялъ мѣсто премьера, подъ фамиліей Южина, на сценѣ Малаго московскаго театра.

Въ Тифлисъ къ нимъ примкнуло еще нѣсколько молодыхъ любителей, изъ которыхъ могу упомянуть г-жу Бродовскую и г. Черникова. Этотъ импровизированный кружокъ поставилъ нѣсколько спектаклей, изъ которыхъ я помню только одинъ, гдѣ играли комедію Дьяченки «Современная барышня» и водевиль «Вспышку у

домашняго очага». Героями этого вечера были: Сумбатовъ и Немировичъ-Данченко. Но я оставался все еще зрителемъ, не рѣшаясь еще переступить завѣтную черту, отдѣляющую публику отъ артистовъ.

А въ Тифлисъ, между тѣмъ, была масса маленькихъ любительскихъ кружковъ. Во многихъ изъ нихъ я имѣлъ знакомыхъ и легко бы могъ пристроиться къ любому въ качествѣ исполнителя, но робость заставляла каждый разъ отказываться отъ лестныхъ предложеній. Бывали случаи даже, что я бралъ роль, училъ ее, приходилъ въ восторгъ отъ разныхъ монологовъ, но на первой же репетиціи отказывался подъ разными благовидными предлогами, стыдясь сознаться въ главномъ, то-есть, непреодолимомъ страхѣ передъ сценой.

Настала осень, и въ тифлисскихъ клубахъ, перебравшихся изъ лѣтнихъ квартиръ на зимнія, закипѣла усиленная дѣятельность. Тифлисъ жилъ въ то время весело. Нѣкоторые изъ клубовъ его, какъ, на примѣръ, «Кружокъ» и «Общественное Собраніе», насчитывали до полуторы тысячи членовъ каждый. Попытаюсь, впрочемъ, сдѣлать краткую характеристику тифлисскихъ клубовъ, начиная снизу. Во-первыхъ:—«Ремесленное собраніе», членами-старшинами котораго были тифлисскіе ремесленники и разныхъ скромный людъ. Въ клубѣ этомъ устраивались танцевальные вечера и маскарады. Подборъ публики, конечно, былъ довольно сѣрый и нравы развязны. Затѣмъ—«Нѣмецкій клубъ». Составъ членовъ чуточку повыше, но собраніе имѣло уже свою сцену, на которой изрѣдка давались любительскіе спектакли, а танцевальные вечера и маскарады въ этомъ клубѣ носили характеръ уже весьма разнузданный и пьяный. Далѣе—«Общественное собраніе», или, какъ его называли тифлискы, «Бурдючный клубъ». Посѣщался этотъ клубъ главнымъ образомъ мѣстнымъ купечествомъ и кореннымъ кавказскимъ дворянствомъ. Собраніе занимало обширное и прекрасное помѣщеніе, было очень богато, въ немъ велась крупная картежная игра, а на танцевальныхъ вечерахъ собирался, что называется, весь городъ или, вѣрнѣе, верхніе и средніе слои его. У клуба было отличное лѣтнее помѣщеніе въ одномъ изъ садовъ за Курой. Здѣсь можно было прекрасно поужинать, послушать «сазандари»—національныхъ кавказскихъ музыкантовъ и пѣвцовъ. Хорошенькія грузинки и армянки изъ тифлисской аристократіи и буржуазіи нерѣдко танцевали здѣсь лезгинку. Клубъ этотъ можно было бы назвать мѣстнымъ національнымъ клубомъ. Кавказское дворянство и купечество щедро поддерживало это собраніе. Помѣщалось оно на лучшей въ городѣ улицѣ, на Головинскомъ проспектѣ, въ домѣ князя Баграціонъ-Мухранскаго.

Рядомъ съ нимъ по богатству и обилію членовъ можно было поставить «Тифлисскій кружокъ». Къ этому клубу я сейчасъ вернусь и

поговору поподробнѣе. Затѣмъ слѣдовало «Военное собраніе», прекрасно организованное учрежденіе, щедро субсидируемое военнымъ вѣдомствомъ и представлявшее, такъ сказать, сборный пунктъ для всего офицерства кавказской арміи. Танцевальные вечера бывали здѣсь рѣдко, но отличались многолюдствомъ и оживленіемъ. Баснословно дешевая кухня давала возможность небогатымъ офицерамъ прилично и дешево продовольствоваться здѣсь. Вечера этого собранія иногда удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ великій князь-на-мѣстникъ.

Затѣмъ слѣдовалъ «Англійскій клубъ», строго замкнутое собраніе высшихъ сановниковъ края и наиболѣе видныхъ представителей мѣстнаго населенія. Здѣсь никакихъ вечеровъ не бывало, дамы не допускались а почтенные посѣтители этого клуба солидно поигрывали въ карты да лакомились хорошей кухней. Кромѣ того, было въ Тифлисѣ еще «Музыкальное общество», но такъ какъ я тамъ никогда не бывалъ, то и сказать ничего не могу.

Весело и богато жилъ въ то время Тифлисъ и, несмотря на дороговизну всякихъ развлеченій и особенно ресторановъ, всюду жизнь кипѣла ключомъ, всюду было шумно, людно и весело. Театры, концерты были всегда полны публикой. Дамы щеголяли нарядами, тратились большія деньги, иногда, можетъ быть, и послѣднія... Но вернемся къ «Тифлисскому кружку». Помѣщался онъ въ громадномъ и великолѣпномъ домѣ Аршакуни, къ несчастію, построенномъ на одной изъ плохенькихъ и грязныхъ улицъ. Но это не мѣшало быть ему самымъ любимымъ мѣстомъ сборищъ тифлисцевъ. Клубъ этотъ въ противоположность «Городскому Общественному собранію» являлся созданіемъ пришлаго на Кавказѣ люда. Членами здѣсь были чиновники, военные, доктора, педагоги, адвокаты, и между ними русскій элементъ не терялся, какъ это было въ другихъ клубахъ, среди массы туземцевъ. Каждый поселившійся или хотя на время пріѣхавшій въ Тифлисъ русскій чиновникъ дѣлался посѣтителемъ кружка. Среди старшинъ этого клуба особенно выдѣлялся своей дѣятельностью и заботами о процвѣтаніи его тифлисскій плацъ-майоръ полковникъ Эрнстъ¹⁾. Эрнстъ былъ горячій любитель театра, и «Тифлисскій кружокъ» много обязанъ ему по части устройства всякихъ развлеченій. Помѣщеніе этого клуба, какъ я уже сказалъ выше, было обширно и богато. Помимо нѣсколькихъ большихъ столовыхъ, нѣсколькихъ карточныхъ и биллиардныхъ комнатъ, цѣлой амфилады изящно убранныхъ гостиныхъ, въ «Собраніи» еще было два громадныхъ зала, одно для танцевъ и другое специально театральное, съ отлично устроенной сценой и даже уборными для артистовъ. Вотъ здѣсь-то мнѣ и пришлось впервые испытать свои силы въ качествѣ лицедейя.

¹⁾ Впослѣдствіи генералъ и сначала александропольскій, а затѣмъ и тифлисскій комендантъ.

II.

При «Тифлисскомъ кружкѣ» была почти правильно организованная и постоянная труппа любителей. Богатыя средства клуба и хорошіе сборы со спектаклей давали возможность распорядителямъ не останавливаться передъ расходами, и, благодаря этому, каждый, исполнитель, участвовавшій въ спектакляхъ, могъ не тратить ничего изъ своихъ средствъ. Всѣ, даже самые обыкновенные костюмы, какъ, напимѣръ, сюртуки, пиджаки и фраки, а такъ же и дамскія платья, поставлялись портнымъ и портнихами за извѣстную прокатную плату на счетъ кружка. Мало того, даже извозчики для г. г. любителей, приѣзжавшихъ на репетиціи и на спектакли, оплачивались «Собраніемъ». Труппа Кружка состояла главнымъ образомъ изъ молодыхъ офицеровъ, ихъ женъ и родственницъ. Были, конечно, и штатскіе, но военный элементъ все-таки преобладалъ. Во главѣ труппы, въ то время, когда я примкнулъ къ ней, стоялъ энергичный и распорядительный капитанъ Т—овъ, а постояннымъ его помощникомъ былъ горячій любитель театральнаго искусства, штабсъ-капитанъ Пр—скій. Оба они, конечно, были въ то же время и первыми персонажами труппы. Изъ женскаго персонала особенно выдѣлялись жена одного офицера, г-жа Н—ова, обладавшая прелестнымъ голоскомъ, благодаря чему кружокъ могъ ставить даже такія вещицы, какъ «Дочь второго полка», и двѣ родныя сестры, одна г-жа О. С. П—ева и вторая, еще дѣвица, Е. С. М—съ. Всѣ эти три исполнительницы ранѣе были настоящими профессиональными артистками и только по разнымъ семейнымъ обстоятельствамъ оставили сцену, не переставая, однако, усердно подвизаться на любительскихъ спектакляхъ.

Всѣ пьесы разыгрывались на сценѣ кружка съ такою стройностью и ансамблемъ, какіе нечасто встрѣтишь даже и на большихъ провинціальныхъ сценахъ. Зато и публика посѣщала эти спектакли необычайно усердно. Пустыхъ мѣстъ почти никогда не было, а давалось спектаклей не менѣе шести въ мѣсяцъ, иногда же доходили и до десяти представленій.

Разскажу теперь о моемъ первомъ дебютѣ. Я участвовалъ сразу въ обѣихъ пьесахъ, шедшихъ въ одинъ спектакль, правда, играя и въ той, и въ другой вторыя роли. Первой шла комедія Островскаго «На бойкомъ мѣстѣ» и второй—комедія Островскаго же и Соловьева: «Счастливый день». Въ первой комедіи я игралъ роль Пыжикова, во второй доктора Нивина. Боже мой, какъ я робѣлъ! На репетиціяхъ еще шло туда-сюда, но уже ночь наканунѣ спектакля я провелъ всю безъ сна. То и дѣло мнѣ казалось, что я забьлъ роли, я съ ужасомъ вскакивалъ съ постели, зажигалъ свѣчу, хватался за тетрадки и каждый разъ убѣждался, что знаю ихъ отъ

перваго до послѣдняго слова; то мнѣ представлялось, что завтра, выйдя на сцену, я не въ состояніи буду разинуть рта, и начиналъ уже придумывать благовидные предлоги, подъ которыми я бы могъ отказаться отъ участія въ спектаклѣ. Правда, минутами проскальзывала робкая надежда, что я сыграю недурно, можетъ быть, даже хорошо, можетъ быть, даже отлично, но я быстро гналъ эту надежду прочь, и мое воображеніе сейчасъ же рисовало полный провалъ, позоръ, поношеніе...

Настало утро дня спектакля. Я едва могъ принудить себя выпить стаканъ чая и намного раньше всѣхъ явился на репетицію въ «Кружокъ». Право, ни передъ однимъ серьезнымъ боемъ только что минувшей кампаніи я не робѣлъ такъ, какъ робѣлъ передъ предстоящимъ дебютомъ. Но какъ только явились другіе артисты нашей любительской труппы, я сейчасъ же овладѣлъ собой, и едва ли ктонибудь изъ нихъ могъ замѣтить во мнѣ хотя какіе либо признаки волненія въ то время, кога я внутренно весь содрогался. Мнѣ вспомнилось, какъ во время одной канонады подъ Карсомъ я заслужилъ похвалу моего рогнаго командира за полное хладнокровіе и выдержку въ то время, когда я самъ внутренно чувствовалъ, что моя душа уходитъ въ пятки. Такъ было и теперь.

Репетиція прошла благополучно, и послѣ нея кое-кто изъ участниковъ, въ томъ числѣ и я, остались въ «Собраніи», чтобы пообѣдать, да тутъ же и отдохнуть до спектакля. Раньше всѣхъ одѣлся и загримировался я. Штатскій костюмъ Пыжикова меня порядкомъ таки стѣснялъ, но, не подавая никому вида, я съ наружнымъ спокойствіемъ ожидалъ поднятія занавѣса. Вотъ она взвилась, и я, стоя за кулисами, слышу уже, какъ Пр — скій началъ свою роль Безсуднаго, придавая голосу грубоватые, басовые оттѣнки. Внимательно слушалъ я, что дѣлалось на сценѣ, и тутъ только замѣтилъ, что не только свою роль, но и всю пьесу я знаю наизусть.

— Намъ выходить, — сказалъ мнѣ Т — евъ, игравшій Миловидова, и распахнулъ дверь.

Яркій свѣтъ рампы рѣзнулъ мнѣ глаза, ноги задрожали, застучало въ вискахъ, стиснулись зубы... и я вышелъ на сцену. Что-то сѣрое, туманное клубится по ту сторону рампы. Я знаю, что это публика, но не вижу ея. И какъ это хорошо, что не вижу. Какъ хорошо, что я снялъ пенсне съ моихъ близорукихъ глазъ, а то, можетъ быть, разглядѣлъ бы чьенибудь лицо, прочиталъ бы на немъ насмѣшку надъ моею робостью и тогда пропалъ бы совсѣмъ. Какъ дрожать у меня руки, но это ничего: у Пыжикова, котораго я изображаю, онѣ тоже, навѣрное, дрожали... Но вотъ я слышу реплику, и не успѣлъ еще суфлеръ подать мнѣ, какъ я уже совсѣмъ во-время, безъ малѣйшей паузы, говорю мои первыя слова. Но что это? Развѣ это я сказалъ? Какой чужой, незнакомый голосъ про-

звучаль у меня въ груди?.. Вотъ и опять... и опять... «Боже мой, какъ, должно быть, скверно я играю!» лѣзетъ мнѣ въ голову, а игры-то вѣдь всего нѣсколько словъ. Да, это для публики, а для меня это цѣлый кусокъ моей жизни... Но вотъ ужъ я и за кулисами, и актъ кончился. Кто-то подошелъ ко мнѣ и поздоровался. Я хотѣлъ спросить:

— Ну, что?

Но языкъ не повернулся. Да зачѣмъ? Я уже зналъ, что я былъ гадокъ и скверенъ. Кончилась первая пьеса, начался «Счастливыи день». И опять тѣ же муки, та же пытка. Даже еще хуже. Во-первыхъ, роль несравненно больше, а, во-вторыхъ, если Пыжикову и позволительно дрожать, то Нивину это не полагалось никоимъ образомъ. Но я уже махнулъ на все рукой и играю, а сердце мучительно ноетъ, голова кружится... Вотъ у меня сцена съ Липочкой. Мнѣ грустно и въ то же время какъ-то тепло становится на сердцѣ. Три акта—цѣлая пытка, цѣлая жизнь—прошли, занавѣсъ опускается, публика энергично хлопаетъ и вызываетъ всѣхъ исполнителей. Меня тоже тащить на сцену, я прячусь за спины другихъ и даже не кланяюсь. Зачѣмъ? Вѣдь не по моему адресу раздаются эти шумные аплодисменты, и принимать ихъ на свой счетъ было бы съ моей стороны глупо и смѣшно...

Спектакль оконченъ. Я уже въ уборной, раздѣваюсь и стираю гримировку.

— Прекрасно, прекрасно!—говорить кто-то сзади меня и треплеть по плечу.

Я смотрю въ зеркало, стоящее напротивъ меня на столикѣ, и вижу, что за спиной у меня добродушно улыбается лицо одного моего добраго знакомаго.

— Прекрасно, прекрасно,—повторяетъ онъ.

Я молчу, потому что знаю, что это не похвала, а просто слова утѣшенія добраго друга.

— Какъ вы хорошо играли,—шепчетъ мнѣ молоденькая барышня, когда я, уже переодѣтый, прохожу въ общую артистическую комнату.

Я готовъ сразу влюбиться въ нее за это. Я чувствую, что и она жалѣетъ меня, и сердце мое преисполнено благодарности. Я не успѣваю влюбиться только потому, что нашъ режиссеръ, Пр—скій, подхватываетъ меня подъ руку и подводитъ къ какому-то почтенному генералу.

— Прекрасно, прекрасно, молодой человѣкъ,—говоритъ генералъ, кивая мнѣ бровями.—И того, знаете... этого... мелкопомѣстнаго... и доктора... Очень хорошо. Типы настоящіе, цѣльные типы.

«Что за чортъ? Что со мной дѣлается?» По ногамъ у меня бѣгаютъ мурашки, пробираются на спину, и я чувствую, какъ губы мои растягиваются въ сладчайшую улыбку. Вотъ какая-то почтенная дама подошла ко мнѣ и говорить:

— Мило! Очень мило!

— Ну, и я то же говорю: настоящіе, цѣльные типы,—повторяетъ опять генераль съ видомъ истиннаго цѣнителя.

Кто-то крѣпко жметъ мнѣ руку. Я оборачиваюсь. Одинъ изъ мѣстныхъ педагоговъ, съ которымъ я до этого вечера былъ знакомъ только шапочно, вытягиваетъ шею и почти прямо въ ухо шепчетъ мнѣ:

— Отлично-съ, отлично-съ... Пять съ крестомъ!

Я уже влюбленъ и въ педагога, и въ почтенную даму, и въ генерала, и въ барышню... Не правда ли, какіе они всѣ милые, прекрасные люди? На барышнѣ я готовъ даже жениться!..

Итакъ, я не провалился! Итакъ, позора нѣтъ, и я смѣло могу принять участіе... въ общемъ ужинѣ, который обыкновенно дѣлаетъ собраніе для всѣхъ исполнителей спектакля.

За ужиномъ я счастливъ выше мѣры. Пьютъ за здоровье исполнителей, не забываютъ и меня. Правда, тутъ вниманіе уже отвлечено на первыхъ персонажей, но и я далеко не въ загоны. Начинаются толки о слѣдующихъ спектакляхъ, распредѣляются роли, и режиссеръ то и дѣло упоминаетъ мою фамилію. Я принять въ труппу кружка, я тутъ уже свой, я артистъ... хотя еще любитель.

Слѣдующій день у меня весь свободенъ, и я хожу по знакомымъ и то и дѣло выслушиваю комплименты моей вчерашней игрѣ. Никто и не думаетъ, что вчера я первый разъ вышелъ на сцену. Со мной говорятъ, какъ съ любителемъ уже опытнымъ, и я не тороплюсь разочаровывать никого. Пускай думаютъ, что хотятъ. Развѣ мнѣ хуже отъ этого? Да, я и дѣйствительно опытенъ. Развѣ не выросъ я среди театральной атмосферы? Развѣ не былъ я самымъ усерднымъ посѣтителемъ всякихъ спектаклей? Развѣ не переигралъ я въ своемъ воображеніи сотни ролей?

Но вотъ проходитъ еще день, я являюсь на репетицію въ кружокъ съ довольно уже серьезной ролью въ карманѣ, а тамъ меня ждетъ самый пріятный сюрпризъ: въ «Тифлисскомъ Листкѣ» появилась подробная рецензія о нашемъ спектаклѣ, и, о верхъ счастья! рецензентъ не только не позабылъ меня, но даже подчеркнул особенно и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Ну, теперь все свершилось—я достигъ всего: меня признала пресса, и все улынулось мнѣ, всѣ препятствія пройдены—остается только буква «л». Да, для полного благополучія нужно преодолѣть только букву «л», и то не во всѣхъ случаяхъ, а только когда послѣ нея стоять «а», «о», «у», «ы» и «ъ». Для артиста непростительно вмѣсто «молоко» говорить «моуоко», вмѣсто «калачъ» — «кауачъ», вмѣсто «былъ» — «быуъ». А я говорю именно такимъ образомъ. Но, вѣдь, Демосеенъ побѣдилъ свое косноязычіе, отчего же мнѣ не быть вторымъ Демосееномъ и не побѣдить буквы «л» всего въ пяти случаяхъ? И я принялся за дрессировку моего языка. Не прошло и двухъ недѣль,

какъ побѣда была почти полная, буква «л» поддалась, я торжествовалъ, и даже мой денщикъ, Василій Лелюшкинъ, понялъ теперь, почему я, по цѣлымъ часамъ расхаживая по своей комнатѣ, настойчиво твердилъ: «ла», «ло», «лы» и т. д.

Теперь дѣло вошло въ свою колею, и я участвовалъ почти въ каждомъ спектаклѣ кружка.

III.

Приближался 1879 годъ, и наши распорядители стали подумывать о юбилейномъ спектаклѣ въ день пятидесятилѣтія со дня кончины А. С. Грибоѣдова. Рѣшено было поставить «Горе отъ ума», съ строгимъ соблюденіемъ обстановки и костюмовъ того времени. Средства кружка были прекрасны, да, кромѣ того, мы не безъ основанія рассчитывали на три полныхъ сбора, при чемъ на первое представленіе, 30-го января, рѣшено было цѣны на мѣста значительно повысить, чтобы не только окупить расходы, но и получить значительный излишекъ для цѣли благотворительной, въ память Грибоѣдова.

Хлопоты господъ распорядителей увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ: юбилейный спектакль удался на славу. Билеты задолго еще были всѣ распроданы, несмотря на то, что цѣны на мѣста были непомерно высоки. Такъ: кресла отъ 1-го до 5-го ряда стояли десять рублей, отъ 5-го до 10-го — восемь, отъ 10-го до 15-го — пять, отъ 15-го до 20-го — три и самыя послѣднія мѣста — по два рубля. Не даромъ же тифлисы такъ высоко чтутъ память Грибоѣдова, а комедія «Горе отъ ума» — ихъ излюбленнѣйшая пьеса.

Въ городскомъ театрѣ въ этотъ вечеръ, конечно, ставили тоже эту бессмертную комедію, и тамъ всѣ мѣста, даже съ приставными, были задолго распроданы.

Спектакль кружка удостоилъ своимъ посѣщеніемъ великій князь намѣстникъ Михаилъ Николаевичъ. Помню, что для его высочества и для нѣкоторыхъ лицъ его свиты было поставлено десять мягкихъ креселъ передъ первымъ рядомъ. Послѣ спектакля, закончившагося апофеозомъ памяти Грибоѣдова, великій князь изволилъ милостиво бесѣдовать съ нѣкоторыми исполнителями и благодарилъ распорядителей кружка.

Спектакль сошелъ крайне удачно. Главныя женскія роли исполнялись опытными артистками: О. С. П—вой (Лиза), Е. С. М—ксъ (Софья), а для роли Хлестовой и для этого спектакля рѣшилась вспомнить старину одна изъ старѣйшихъ и почтеннѣйшихъ русскихъ артистокъ того времени, Васса Петровна Марксъ, уже задолго передъ этимъ оставившая сцену и жившая на покоѣ у своей дочери О. С. П—вой.

Мужской персоналъ тоже блисталъ исполнителями, хотя между нимъ находился только одинъ профессиональный артистъ, гостив-

шій въ то время въ Тифлисѣ, С. С. Марксъ, сынъ Вассы Петровны, игравшій Загорѣцкаго. Правда, Чацкій (кн. Давидъ Эристовъ) говорилъ съ грузинскимъ акцентомъ, но съ такимъ незначительнымъ, что онъ нисколько не рѣзалъ привычнаго къ нему тифлискаго уха. Роль Репетилова въ этомъ спектаклѣ игралъ съ большимъ успѣхомъ мѣстный товарищъ прокурора, П. А. Опочининъ, литераторъ и драматургъ, сынъ тифлискаго коменданта А. П. Опочинина, если не ошибаюсь, лично и хорошо знавшаго самого Грибоѣдова. Мاستитый генералъ, конечно, присутствовалъ на этомъ спектаклѣ въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ великаго князя.

Спектакль этотъ былъ повторенъ еще два раза при нѣскольکو измѣненномъ персоналѣ и по обыкновеннымъ цѣнамъ и далъ полныя сборы, такъ что благотворительная цѣль была вполне достигнута.

Я долженъ прибавить, что день 30-го января 1879 г. прошелъ въ Тифлисѣ вообще очень торжественно. На могилѣ Грибоѣдова служилась литургія и панихида, въ учебныхъ заведеніяхъ чествовали память поэта докладами, рѣчами, лекціями и т. п., но я, весь поглощенный нашимъ спектаклемъ, никуда не попалъ.

IV.

— А что бы вамъ не попробовать силы на настоящей сценѣ?— сказалъ мнѣ однажды Александръ Ивановичъ Пальмъ, издавшій нѣсколько разъ мое исполненіе на любительскихъ спектакляхъ.

— Вѣдь я слышалъ, что вы въ отставку собираетесь.

— Да, А. И., я и въ отставку собираюсь, и думаю всецѣло посвятить себя сценѣ,—подтвердилъ я.

— Ну, вотъ и отлично. Хотите, я васъ устрою въ труппу къ моему сыну? Конечно, сразу большого жалованья вамъ не дадутъ, потому что актерская игра—это, вѣдь, не любительскіе спектакли, но я думаю, что и тамъ вы недолго пробудете на второмъ мѣстѣ. Хотите?

Я горячо поблагодарилъ почтеннаго драматурга и заявилъ, что заранѣе принимаю всѣ условія. Съ С. А. Пальмомъ я былъ уже знакомъ давно, и наши переговоры кончились, что называется, въ два слова, и я былъ принятъ въ составъ тифлисской труппы на жалованье шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, что, по тогдашнему времени, считалось довольно сноснымъ окладомъ. Служба моя началась 2-го апрѣля 1879 года. Прошеніе объ отставкѣ было мною уже подано, но отставка еще не выходила, и я числился въ отпуску впредь до нея, носилъ еще военное платье, но уже брилъ усы. Моя завѣтная, давнишняя мечта сдѣлаться настоящимъ артистомъ наконецъ-таки исполнилась.

По многимъ обстоятельствамъ, я не могъ служить на сценѣ подъ своей фамиліей, нужно было выбрать псевдонимъ, и я, подумавъ

немного, изъ Тихонова преобразился въ Старцева. Затѣмъ явился вопросъ о гардеробѣ, и вопросъ для меня, военнаго, отставшаго отъ статскихъ модъ, довольно затруднительный. Но нашлись опытные люди и преподали мнѣ добрые совѣты. Фрачная и скюртучная пара, само собою разумѣется, стали во главѣ гардероба, но въ виду того, что я долженъ былъ играть разныхъ молодыхъ людей, необходимо было заказать щегольской и фатовской костюмы. Въ фатовскомъ костюмѣ главную роль играли широкіе, свѣтленькіе брюки и яркіе, цвѣтные галстуки. Неотъемлемою принадлежностью фата, въ то время между провинціальными артистами, считался почему-то очень бѣлокурыи парикъ съ среднимъ проборомъ отъ лба до самой шеи и съ завитыми «капулками» на лбу. Я и парикъ заказалъ. Затѣмъ, накупивъ себѣ гримировальныхъ принадлежностей, я почувствовалъ себя вооруженнымъ съ ногъ до головы для предстоящей дѣятельности.

Итакъ, жребій брошенъ. Я—актеръ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тифлисская труппа: антрепренеръ С. А. Пальмъ и его семья.— Е. Г. Черновъ.— М. К. Стрѣльскій.— В. В. Шумилинъ.— В. Н. Андреевъ-Бурлакъ: первое мое знакомство съ нимъ.— Ссора и примиреніе.— Талантъ Бурлака.— Незнаніе ролей и «отсебятины».— Вставка въ «Гамлетѣ».— Коронныя роли.— Неровность исполненія.— «Талантъ» особаго рода.— «Записки сумасшедшаго» и «Сцены» изъ Достоевскаго.— Разказы изъ народнаго быта.— Разказы въ пользу армянъ.— Имитаторъ.— Докторъ У. и рестораторъ Ш. на сценѣ и въ партерѣ.— Саратовскіе купцы.— Отзвы А. Н. Островскаго и А. Ф. Писемскаго о Бурлакѣ.— Вторая встрѣча съ Бурлакомъ, его замыслы и мечты написать пьесу.— Лебединая пѣснь въ Костромѣ.— Смерть Бурлака въ Казани.— Оркестръ.— Труффи.— Зданіе театра и его садикъ.— Мой первый дебютъ на настоящей сценѣ—Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ.— Проклятый звукъ.— Наши порядки.— Репетиціи.— Курьезы.— Неожиданныя замѣны.— Репертуаръ.— А. И. Пальмъ въ «Королѣ Лирѣ».— Драма «Велизарій», превращенная въ оперетку.— Боржомъ.— Воздушный театръ.— Нѣмецъ-учитель гимнастики.— Конецъ сезона.— Прощаніе съ товарищами и мой отъѣздъ на родину.— Въ семьѣ не безъ урода.

I.

Мое появленіе среди труппы тифлискаго театра не произвело, кажется, ни малѣйшей сенсаціи, несмотря на то, что среди штатскихъ фигуръ артистовъ мой офицерскій китель и побрякивающая сбоку сабля должны были бы сильно выдѣляться. Но такъ какъ я былъ знакомъ уже ранѣе почти со всѣмъ наличнымъ составомъ труппы и постоянно толкался между ними за кулисами, то ко мнѣ всѣ давно привыкли и присмотрѣлись. Новыхъ лицъ въ труппѣ

было немного, и я почувствовалъ себя среди моихъ товарищей сразу, какъ дома.

Труппа тифлисскаго театра состояла въ то время изъ артистовъ болѣе или менѣе извѣстныхъ и выдающихся. Антрепренеромъ ея былъ талантливый, молодой комикъ Сергѣй Александровичъ Пальмъ, всегда весело улыбавшійся и державшій себя съ артистами добрымъ товарищемъ, а такъ какъ дѣла его антрепризы въ то время шли блестяще, то и жалованіе онъ платилъ не только аккуратно, но и щедро. У него служила почти вся его семья: его мать, Ксенія Григорьевна, считалась въ то время въ провинціи одной изъ первыхъ комическихъ старухъ. Это была женщина интеллигентная, умная и пріятная. Она вполне заслуженно пользовалась любовью, какъ публики, такъ и товарищей. Затѣмъ, въ роляхъ простаковъ и въ опереткахъ подвизался младшій братъ антрепренера—Григорій Ал. Арбенинъ. Подъ фамиліей Слободиной играла сестра антрепренера Кс. Ал. Пальмъ. Другая сестра его, Ал. Ал., по мужу Тхоржевская, принимала тоже иногда участіе въ спектакляхъ, подъ фамиліей Островской. Наконецъ, отецъ ихъ, драматургъ, Алекс. Ив. Пальмъ тоже время отъ времени появлялся на сценѣ нашего театра. Я не буду перечислять всѣхъ другихъ членовъ нашей труппы, но не могу умолчать о нѣкоторыхъ изъ нихъ, напимѣръ, о милѣйшемъ и добродушнѣйшемъ Е. Г. Черновѣ, игравшемъ у насъ резонеровъ и много облегчившемъ мнѣ первые шаги на сценѣ своими дружескими совѣтами, а главное чисто товарищескимъ участіемъ. Этого человека любила вся труппа за его прекрасный, незлобивый характеръ и сердечное отношеніе ко всѣмъ до самыхъ третьестепенныхъ актеровъ. Затѣмъ, такую же любовью и уваженіемъ пользовался талантливый артистъ М. К. Стрѣльскій. Не могу не упомянуть и о В. В. Шумилинѣ. Это одна изъ самыхъ замѣчательныхъ фигуръ, встрѣченныхъ мною на театральномъ поприщѣ. Въ то время молодой и очень красивый собою, всегда изящно, но безъ малѣйшаго фатовства, одѣтый, В. В. считался однимъ изъ лучшихъ драматическихъ любовниковъ въ провинціи. Но странная судьба была у этого артиста. Въ то время, какъ въ одномъ городѣ (какъ, напимѣръ, въ Тифлисѣ) его превозносили до небесъ, въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ публика относилась къ нему холодно, почти равнодушно. Въ Тифлисѣ появленіе Шумилина на сценѣ всегда сопровождалось громомъ рукоплесканій и безконечными вызовами, а исполненіе его роли Чацкаго считалось прямо таки образцовымъ, и это въ Тифлисѣ, гдѣ каждый зритель зналъ «Горе отъ ума» почти что наизусть, гдѣ каждое представленіе этой комедіи являлось событіемъ, гдѣ не мало Чацкихъ уходило за кулисы ошканныхъ и освистанныхъ взыскательною къ исполненію этой пьесы публикою. И этотъ же самый Шумилинъ, какъ говорили мнѣ, не могъ дослужить въ нѣкоторыхъ городахъ до конца сезона, совершенно обезкуражен-

ный равнодушіемъ публики. И страннѣе всего, что, по словамъ людей, хорошо и давно знавшихъ В. В., онъ дѣйствительно въ одномъ городѣ игралъ совсѣмъ не такъ, какъ въ другомъ. Нервный и впечатлительный, онъ, вѣроятно, не могъ сдерживать своего волненія, и потому игра его была такъ неровна. Я прослужилъ съ Шумилинымъ одиннадцать мѣсяцевъ и сохранилъ о немъ самое лучшее воспоминаніе, какъ объ артистѣ, такъ и о человѣкѣ. Сцену и вообще театральное дѣло Шумилинъ любилъ, какъ никто. Не было артиста болѣе добросовѣстнаго въ исполненіи своихъ актерскихъ обязанностей. Говорить нечего, что всѣ свои роли онъ зналъ наизусть и волновался на сценѣ не только за себя, но и за всѣхъ товарищей, всегда готовый помочь и выручить ихъ въ критическую минуту. Какъ человѣкъ, В. В. отличался щепетильною честностью. Онъ не только ни разу не покривилъ душой даже въ самыхъ мелочахъ, но не переносилъ этого и въ другихъ, и всегда горячо, съ юношескимъ энтузіазмомъ набрасывался на всякую неправду. Много лѣтъ вращался я въ актерскомъ мірѣ, но такого рыцаря правды и чести не встрѣчалъ среди русскихъ лицедѣевъ. Съ грустью мнѣ пришлось потомъ слышать, что успѣхъ этого артиста съ каждымъ годомъ все падалъ и падалъ, и въ концѣ концовъ В. В. больной, разочарованный, оставилъ сцену, отдавъ ей предварительно всѣ лучшіе годы жизни, всѣ струны своего сердца и свое здоровье. Всегда нервный, слегка желчный въ разговорахъ, онъ держался въ труппѣ почти особнякомъ. Онъ не любилъ актерскаго амигошонства, не участвовалъ въ попойкахъ, сторонился всякихъ сплетенъ, былъ рѣзокъ и правдивъ въ своихъ замѣчаніяхъ, и потому его не только уважали и любили, но даже и побаивались.

— Скажите, пожалуйста, Старцевъ,—обратился онъ однажды ко мнѣ,—зачѣмъ это вы такъ усердно добиваетесь ролей молодыхъ людей съ драматическимъ отгѣнкомъ? Развѣ вы не замѣчаете, какъ вы плохи и деревянны въ нихъ?

Я такъ и опѣшилъ: драматическіе любовники были моею всегдашнею завѣтною мечтою. Максъ Холминъ и ему подобные страдающіе нервные молодые люди были моимъ идеаломъ.

— А между тѣмъ,—продолжалъ Шумилинъ,—у васъ есть несомнѣнный комическій талантъ, есть мимика, очень характерная, и вы не идете по этой дорогѣ. Мой совѣтъ — выбросить изъ головы любовниковъ и вырабатывать изъ себя комика, и вы сдѣлаетесь актеромъ.

Мое самолюбіе было уязвлено. Я былъ огорченъ выше мѣры, мои мечты рушились, но я любилъ Шумилина, вѣрилъ въ искренность его словъ и послѣдовалъ его совѣту. И если впоследствии у меня когда нибудь были удачныя роли, то всегда изъ комическаго или характернаго репертуара.

II.

Изъ другихъ моихъ сослуживцевъ того времени я долженъ отвести большое мѣсто извѣстному всей Россіи артисту Василю Николаевичу Андрееву-Бурлаку. Слава его уже и въ то время была громка въ провинціи и предшествовала его появленію въ Тифлисѣ. Помню ясно первую встрѣчу и первое мое знакомство съ нимъ.

— Андреевъ-Бурлакъ, — указаль мнѣ одинъ изъ моихъ новыхъ товарищей на человѣка средняго роста, худощаваго, слегка сутуловатаго, одѣтаго въ довольно поношенный черный сюртучекъ и чуть ли не въ стоптанные сапоги.

Бурлака мы ждали уже съ недѣлю, но онъ почему-то опоздалъ прїѣздомъ и появился, когда сезонъ уже начался. Тогда ему было немного болѣе тридцати лѣтъ, а между тѣмъ онъ производилъ впечатлѣніе пожилого человѣка. Въ темнорусыхъ, короткихъ волосахъ его уже кое-гдѣ блестѣли бѣлыя нити; довольно большой, красивой формы, лобъ былъ перерѣзанъ глубокою вертикальною морщиною, придававшюю его лицу серьезный, вдумчивый видъ. Сѣрые глаза на выкатѣ смотрѣли не то насмѣшливо, не то презрительно. Глубокія складки, шедшія отъ носа къ губамъ, а отъ губъ къ подбородку, придавали всему лицу брюзгливое и надменное выраженіе, а очень большая и выпятившаяся нижняя губа это выраженіе еще болѣе усиливала. Говорилъ онъ отрывисто, хриповатымъ голосомъ. И лицо и фигуру его нельзя было назвать красивыми, но въ нихъ было что-то значительное, что-то сразу выдѣлявшее его изъ гладко выбритой и если не всегда изящно, то во всякомъ случаѣ претенціозно одѣтой актерской братіи.

Въ тотъ же вечеръ мнѣ пришлось и познакомиться съ В. Н. Насъ представилъ другъ другу въ лѣтнемъ помѣщеніи тифлискаго кружка, за ужиномъ, одинъ изъ артистовъ нашей труппы. Бурлакъ отнесся ко мнѣ крайне небрежно, почти презрительно. Насмѣшливо поглядывалъ на меня своими сѣрыми, вызывающими глазами и раза два прошелся на мой счетъ болѣе или менѣе остроумно. Я стерпѣлъ, въ душѣ проклиная мою ненаходчивость и даже нѣкоторую робость передъ извѣстнымъ артистомъ. Изъ клуба мы вышли довольно поздно, и такъ какъ извозчиковъ уже не оказалось, то втроемъ попли пѣшкомъ домой. А путь былъ дальній: кружокъ лѣтомъ помѣщался за Курой. Былъ ли Бурлакъ въ подпитіи, что съ нимъ случалось часто, или просто я не понравился ему, но онъ всю дорогу продолжалъ подтрунивать на мой счетъ, а я, какъ на зло, не могъ прибрать ни одного насмѣшливаго слова, ни одной остроумной фразы ему въ отместку. Видя мою безотвѣтность, Бурлакъ становился все смѣлѣе и даже нахальнѣе. Наконецъ, я потерялъ терпѣніе и сказалъ ему, что пора и прекратить потокъ его остроумія,

что я уже ясно убѣдился въ томъ, что онъ можетъ занять первое мѣсто по части острословія въ любой лакейской. Это его взорвало, онъ сказалъ какую-то дерзость, и... не будь съ нами нашего спутника, человѣка энергичнаго, Богъ знаетъ, чѣмъ кончилась бы эта размолвка, но во всякомъ случаѣ—очень печально. Вмѣстительство же третьяго лица отрезвило Бурлака, и онъ совершенно искренно попросилъ извиненія, видимо понявъ, что за предѣломъ моего терпѣнія для него крылось нѣчто весьма опасное и нешуточное.

На другой день, на репетиціи, Бурлакъ первый подошелъ ко мнѣ и вторично очень горячо извинился. И съ этого дня наши отношенія приняли самый дружескій оттѣнокъ. Даже въ подпитіи, когда Бурлакъ былъ особенно неразборчивъ въ выраженіяхъ, со мной онъ бывалъ всегда остороженъ и ровенъ. А между тѣмъ, мы съ нимъ проводили много времени вмѣстѣ, нерѣдко одѣвались и гримировались въ одной и той же уборной, но никогда болѣе ни малѣйшихъ недоразумѣній между нами не было.

Въ труппѣ Бурлакъ сразу занялъ первенствующее мѣсто и послѣ двухъ-трехъ спектаклей сдѣлался однимъ изъ самыхъ горячихъ любимцевъ публики.

Пестрый и неровный человѣкъ былъ В. Н., какъ въ жизни, такъ и на сценѣ. Это былъ артистъ вдохновенія, съ одной стороны, и артистъ мельчайшей детальной отдѣлки ролей—съ другой. Чего бы кажется лучше? И вдохновеніе и работа вмѣстѣ, а между тѣмъ при его громадномъ талантѣ онъ бывалъ въ исполненіи нѣкоторыхъ ролей неузнаваемо плохъ. Пробурчить куда-то себѣ подъ носъ всю роль, и дѣло съ концомъ. Иногда же вдругъ поразить публику такой тонкой, такъ сказать, филигранной работой, такимъ глубокимъ внутреннимъ комизмомъ или теплотой, что долго, долго, ходятъ всѣ подъ впечатлѣніемъ его игры, какъ очарованные. Прежде всего Бурлакъ былъ замѣчательный гримеръ, и когда бывало не лѣнился, то давалъ удивительно живыя и типичныя фізіономіи. Гримировался онъ очень своеобразно, чуть что не лѣпилъ свое лицо, и смѣшны были рядомъ съ нимъ гримы другихъ артистовъ, шаблонно превращавшихъ свои лица въ какія-то географическія карты съ системой рѣкъ и линій желѣзныхъ дорогъ. Слаба ли память была у этого артиста или вообще онъ былъ лѣнивъ учить роли, но онъ не только широко пользовался услугами суфлера, но сплошь да рядомъ позволялъ себѣ разныя «отсебятинны» и иногда всю роль цѣликомъ передавалъ своими словами. Къ сожалѣнію, ни имя автора, ни полная законченность пьесы не останавливали въ этомъ отношеніи Андреева-Бурлака. Я помню, какъ я былъ пораженъ и оскорбленъ даже въ моемъ уваженіи къ геніальнымъ писателямъ, когда Бурлакъ, играя городничаго, самымъ беззаастѣнчивымъ образомъ переименовывалъ слова Гоголя, а другой разъ, изображая перваго могильщика въ Гамлетѣ, позволилъ себѣ самую непростительную «отсебятину».

«истор. вѣстн.», июнь, 1898 г., т. LXXII.

8

Дѣло было такимъ образомъ: роль второго могильщика игралъ третъестепенный актерикъ, Митя (такъ называли его постоянно въ труппѣ). Митя этотъ отличался тѣмъ, что всегда дѣлалъ ошибки въ удареніяхъ. И вотъ, копая могилу, онъ обратился съ слѣдующими словами къ первому могильщику:

— А скажи, дяденька, что всего прочнѣе строится на свѣтѣ?

— Ахъ ты, дуракъ, дуракъ! Играешь Шекспира, а порусски говорить не умѣешь. Надо сказать «стрѣится», а не «строится»,— ничто же сумняшеса и совершенно громко замѣтилъ ему Бурлакъ и сталъ продолжать свою роль.

И публика простила ему эту беззастѣнчивую выходку, какъ простила многое за художественные моменты, которыми Бурлакъ нерѣдко дарилъ ее со сцены.

Кто видѣлъ Бурлака въ роли денщика Архипа (Маіорша, др. Шпажинскаго), Порфирія Головлева (др. Іудушка), Аркашки Счастлицева и Оброшенова (ком. Островскаго: Лѣсъ и Шутники), тотъ видѣлъ передъ собою неподражаемаго, чуднаго артиста. Да трудно пересчитать всѣ удачныя роли Василія Николаевича, тѣмъ болѣе, что неудачная сегодня роль завтра возводилась чуть ли не въ перлъ созданія и наоборотъ. Такъ, наприимѣръ, дебютируя ролью Оброшенова на сценѣ Александринскаго театра, одною изъ своихъ лучшихъ ролей, Бурлакъ былъ плохъ и не имѣлъ никакого успѣха.

Въ большинствѣ случаевъ это зависѣло отъ той свѣжести головы, съ которою онъ выступалъ на сцену, а голова его, къ прискорбію, рѣдко была совершенно свѣжа, а иногда даже бывала и вовсе туманна. В. Н. былъ неводержанъ по части питій, и это губило его талантъ, подрывало его здоровье и въ концѣ-концовъ свело въ преждевременную могилу. Помню, бывало за кулисами неизмѣнно присутствуетъ его лакей, Игнатъ, съ большою кружкой, всегда наполненною бѣлымъ кахетинскимъ виномъ.

— Игнатъ, таланту!—прохрипѣтъ В. Н. передъ выходомъ, отопьетъ добрую треть кружки, откашляется и пойдетъ на сцену.

И такъ чуть ли не въ каждомъ явленіи.

— Василій Николаевичъ—это не талантъ твой носить Игнатъ за тобою въ кружкѣ, а гибель твоего таланта, смерть твою,—сказала однажды ему одна почтенная, пожилая актриса.

— Игнатъ, гибель таланта!—прохрипѣлъ Бурлакъ и выпилъ всю кружку залпомъ.

Андрееву-Бурлаку первому пришла мысль читать съ полной сценической обстановкой отрывки изъ нѣкоторыхъ произведеній выдающихся русскихъ писателей, и благодаря ему «Записки Сумаспешаго» (Гоголя), «Диалогъ Мармеладова съ Раскольниковымъ» и «Капитана Снигирева съ Алешей Карамазовымъ» (Достоевскаго)—сдѣлались достояніемъ русской сцены. Необычайно художественно и съ глубокимъ пониманіемъ созданныхъ писателями лицъ читалъ

Бурлакъ эти отрывки. Я знаю, что передъ чтеніемъ «Записокъ Сумасшедшаго», Бурлакъ посѣщалъ палату умалишенныхъ и присматривался къ больнымъ.

— Больше для гриму,— говорилъ онъ мнѣ, когда я выразилъ сомнѣніе, чтобы онъ могъ встрѣтить больнаго, читающаго вслухъ такіе монологи, которые Поприщинъ писалъ въ своихъ запискахъ.

Кромѣ того, В. Н. Андреевъ-Бурлакъ былъ неподражаемый рассказчикъ сценъ изъ народнаго быта, и рассказы, созданные имъ, отличались всегда не одними смѣшными словечками, а серьезнымъ, литературнымъ содержаніемъ. Онъ не глумился надъ невѣжествомъ простаго народа, а скорбѣлъ всѣмъ своимъ русскимъ сердцемъ за него, находящагося еще во власти тьмы. Кто не слышалъ, тотъ, навѣрное, читалъ, а кто не читалъ, пусть прочтетъ рассказы Андреева-Бурлака, имѣющіе полное право встать на ряду съ нѣкоторыми произведеніями Левитова, Николая Успенскаго, Стѣпцова.

Публика, даже тифлисская, т. е. почти совсѣмъ не русская публика, слушала рассказы В. Н. съ самымъ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Послѣ И. О. Горбунова только одинъ В. Н. Андреевъ-Бурлакъ имѣетъ право называться рассказчикомъ-художникомъ, рассказчикомъ-беллетристомъ, потому что всѣ другіе артисты этого рода, ужъ не говоря о равности въ талантахъ съ двумя выше названными артистами, или жалко перековеркивали ихъ же рассказы или сочиняли свои, ничего не значащія, пустыя сценки, въ лучшемъ случаѣ, вызывавшія мимолетный смѣхъ у публики.

Съ любителями рассказовъ В. Н. произошелъ однажды довольно курьезный случай. Почтенный артистъ, окончивши спектакль, пріѣхалъ поужинать въ лѣтнее помѣщеніе Тифлискаго кружка, ну, и, конечно, сейчасъ же былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ горячими поклонниками его таланта.

— Къ намъ, Василій Николаевичъ, къ намъ, за нашъ столъ!.. Съ нами поужинайте!—упрашивали его со всѣхъ сторонъ.

И Бурлакъ почти насильно былъ усаженъ за большой столъ веселой компаніи, состоявшей, впрочемъ, изъ людей почтенныхъ и солидныхъ. Врядъ ли и половину изъ нихъ Бурлакъ зналъ въ лицо, но они-то хорошо его знали и, конечно, небезкорыстно затащили въ свою компанію: «авось, дескать, поужинаетъ, подопьетъ слегка, да и расскажетъ намъ чтонибудь». Бурлакъ поужиналъ, подпилъ, но рассказывать, кажется, и не думалъ совсѣмъ. Начались намеки, но и они какъ-то скользили мимо ушей артиста. Наконецъ кто-то довольно откровенно заявилъ Бурлаку, что всѣ здѣсь присутствующіе съ нетерпѣніемъ ждутъ, не расскажетъ ли онъ имъ какую-нибудь сценку. Съ неменьшею откровенностью Бурлакъ заявилъ имъ на это, что даромъ рассказывать сегодня онъ не хочетъ, а вотъ если они согласятся заплатить, ну, хоть по три рубля каждый за каждую же рассказанную имъ сцену, то онъ готовъ рассказывать

до утра. Всѣ охотно согласились, нѣкоторые, можетъ быть, принимая это просто за шутку, а нѣкоторые и впрямь не жалѣя какойнибудь трехрублевки — и Бурлакъ началъ. Разказалъ одну сцену, попросили другую, третью, четвертую, пятую ужъ онъ предложилъ самъ, на шестой начали заминаться и посматривать косо на этого беззаастѣнливаго артиста, отъ седьмой нѣкоторые думали уже уклониться и ужъ съ досадою благодарили разказчика. Бурлакъ кончилъ и сталъ собирать деньги. Нѣкоторые платили очень весело, охотно, нѣкоторые ежились, но дѣлали *bonne mine*, нѣкоторые почти фыркали, уплачивая сумму составлявшую можетъ быть только десятую часть ихъ ежедневнаго проигрыша въ карты, но Бурлакъ, словно не замѣчая ничего, спокойно собиралъ деньги. Составилась очень солидная сумма. И тогда В. Н. обратился къ бывшему тутъ же дежурному старшинѣ и попросилъ у него книгу, въ которую вписывались пожертвованія въ пользу голодающихъ армянъ, переселенцевъ изъ Азіатской Турціи. Пожертвованія эти собирались тогда по всему Закавказью, но шли, кажется, не особенно ходко, и вотъ В. Н., пересчитавъ собранныя деньги, внесъ ихъ въ книгу отъ имени любителей разказовъ и сценъ изъ русскаго народнаго быта, а затѣмъ, доставъ свой тощій бумажникъ, вынулъ оттуда едва ли не послѣдніе пятьдесятъ рублей и присоединилъ ихъ къ общей суммѣ «для круглаго счета», какъ сказалъ онъ, не отмѣтивъ даже своей фамиліи.

Сцена эта произвела, конечно, на всѣхъ самое благопріятное впечатлѣніе, но гг. тифлисскіе любители «разказовъ изъ народнаго быта» съ тѣхъ поръ почему-то рѣдко приставали къ Андрееву-Бурлаку съ просьбой разказать чтонибудь.

Будучи не только прекраснымъ гримѣромъ, но и замѣчательнымъ имитаторомъ, В. Н. позволялъ себѣ иногда на сценѣ разныя шутки, копируя то того, то другаго изъ своихъ знакомыхъ. Такъ однажды онъ обратился къ антрепренеру съ заявленіемъ, что хочетъ сыграть роль доктора въ одной изъ стоявшихъ на репертуарѣ пьесъ, — роль, совершенно не подходившую къ его средствамъ, да и не блестящую, не эффектную. Антрепренеръ, конечно, удивился, что В. Н. полѣзъ вдругъ во «вторые любовники», но тотъ настойчиво повторилъ свое желаніе, и роль ему была передана. Насталъ спектакль, и мы всѣ были крайне смущены, встрѣтивъ за кулисами одного изъ очень популярныхъ тифлисскихъ врачей рука объ руку съ какимъ-то своимъ двойникомъ. Оказалось, что Бурлакъ загримировался для роли доктора своимъ пріятелемъ, докторомъ У. Въ публикѣ же эффектъ былъ еще большій, когда одинъ докторъ У. уже послѣ поднятія занавѣса прошелъ въ первый рядъ, а другой докторъ У. въ то же самое время вышелъ на сцену. Многіе потомъ увѣряли даже, что на сценѣ былъ настоящій докторъ У., а въ партерѣ сидѣлъ загримированный Андреевъ-Бурлакъ.

Другой случай былъ еще комичнѣе и эффективнѣе. Въ Тифлисѣ, въ городскомъ Александровскомъ саду помѣщался очень недурной ресторанъ, содержимый нѣкимъ Ш. Этотъ г. Ш. былъ великой руки оригиналомъ и, благодаря этому, однимъ изъ популярнѣйшихъ лицъ въ городѣ. Ресторанъ его посѣщали очень охотно не только вслѣдствіе его удачнаго мѣстоположенія, но и ради его забавника-хозяина. Ш. подходилъ почти къ каждому посѣтителю и заговаривалъ въ шутливо-грубоватомъ тонѣ. Пользуясь преимуществомъ шутовъ, онъ позволялъ себѣ говорить прямо-таки грубости и рѣзкости и все ему сходило съ рукъ. Такъ ужъ это принято было. Неопытныхъ предупреждали заранѣе, что Ш., во-первыхъ, большой шутникъ, а, во-вторыхъ, находится постоянно въ слегка подогрѣтомъ видѣ. Последнее обстоятельство всегда привлекало Ш. къ тоже любившему выпить Бурлаку, но В. Н. дѣлалъ видъ, что совершенно не замѣчаетъ заигрываній съ нимъ ресторатора-нѣмца. Да, надо еще прибавить, что Ш. былъ раньше капельмейстеромъ театрального оркестра и, благодаря этому, считалъ себя театру не чуждымъ. Какъ-то разъ Бурлакъ зашелъ позавтракать въ ресторанъ Ш. и занялъ столикъ на открытой террасѣ. Ш., сидѣвшій не вдалекѣ за бутылкой кахетинскаго, сейчасъ же началъ «придираться» къ своему посѣтителю.

— Плохой актеръ... Ничего не понимайтъ и по сценѣ ходитъ, какъ слѣпая козла,—бурчалъ онъ себѣ подъ носъ, какъ бы и не глядя на В. Н.

А тотъ, въ свою очередь, отвернувшись куда-то въ сторону, съ поразительною точностью копируя Ш., забурчалъ себѣ подъ носъ:

— Дрянная кабакъ... Какая старая осла содержитъ его?

— И нисколько не похуже, — закричалъ вдругъ Ш., замѣтивъ, что Бурлакъ старается его копировать.—Эта актершикъ не умѣйтъ подражать и копировать меня не можить.

Бурлакъ вдругъ круто повернулся къ нему и совершенно фамиллярно заявилъ:

— А давай пари, что можетъ!

Ш. подскочилъ къ нему.

— Давай! Давай!—загорячился онъ.

Пари состоялось и пари довольно крупное. Было условлено, что Бурлакъ изобразить Ш. на сценѣ въ одномъ изъ ближайшихъ спектаклей. Выбраны были судьи, которые должны были рѣшить: хорошо или нехорошо скопируетъ онъ Ш. и, слѣдовательно, выиграетъ или проиграетъ пари. Ш. оказался настолько великодушнымъ, что самъ предложилъ Бурлаку и свой костюмъ и свою фотографическую карточку для грима. Пари это заинтересовало посвященныхъ въ него, впрочемъ, очень немногихъ членовъ нашей труппы, и мы ждали его рѣшенія съ нетерпѣніемъ, но разыгралось оно совершенно неожиданно. Черезъ нѣсколько дней на сценѣ нашего театра была поставлена оперетка «Легкая кавалерія». Сборъ, по обыкновенію, былъ

полный, и все шло своимъ порядкомъ. Вдругъ въ одномъ изъ явленій, когда члены муниципалитета распѣваютъ свои куплеты, изъ-за кулисъ на сцену, пятясь спиной и видимо горячо перебраниваясь съ помощникомъ режиссера, вышелъ Ш. Повернувшись къ публикѣ и съ удивленіемъ замѣтивъ, что занавѣсъ поднятъ и на сценѣ идетъ представленіе, онъ сначала хотѣлъ было юркнуть за кулисы, но потомъ, махнуль рукой, подошелъ къ самой рампѣ и сталъ слѣдить и за оркестромъ и за актерами, то и дѣло вмѣшиваясь въ исполненіе и вставляя свои замѣчанія. Въ публикѣ произошло необычайное смятеніе. Можно съ увѣренностью сказать, что тамъ не было ни одного человѣка, который бы сомнѣвался въ подлинности стоявшаго на сценѣ Ш., да и появленіе его между актерами было дѣломъ возможнымъ: «Толкался, дескать, за кулисами и будучи въ высокомъ градусѣ, сначала по разсѣянности выпятился на сцену, а потомъ осмѣлѣлъ и принялся куролесить». Часть публики неудержимо хохотала, другая же часть начинала протестовать. Раздавались крики: «что это за безобразіе! Да уберите же Ш. со сцены! Долой Ш.! Уберите пьянаго Ш.!». Эти крики вывели изъ терпѣнія настоящаго Ш., сидѣвшаго спокойно въ первомъ ряду. Онъ всталъ и, громко заявивъ, что «это не онъ, пьяный, а Андреевъ-Бурлакъ!» пошелъ вонъ изъ партера. Единоновременно съ этимъ исчезъ Ш. и со сцены.

Боже мой! Какой гомерическій хохоть поднялся въ театрѣ. Оперетку уже почти не слушали и единодушно и нескончаемо вызывали Андреева-Бурлака. Ш. самъ призналъ, что пари было имъ проиграно.

— Дѣйствительно онъ, Бурлакъ, копировалъ меня хорошо,—бурчалъ онъ, стоя въ антрактѣ возлѣ буфета,—но только я никогда не былъ такимъ пьянымъ, какъ онъ изображалъ меня сегодня на сцена.

Въ этомъ послѣднемъ многіе и не безъ основанія сомнѣвались.

По истинѣ Андреевъ-Бурлакъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ любимцевъ тифлисской публики, да и не одной тифлисской. Всюду, гдѣ только ни служилъ онъ, его не менѣе горячо любили. Рассказываютъ, между прочимъ, что, прослуживъ сезонъ въ Саратовѣ, онъ, не возобновивъ контракта съ антрепренеромъ, уѣхалъ въ Москву. Мѣстные театралы были страшно опечалены этимъ извѣстіемъ и пристали къ своему импрессарию съ требованіемъ пригласить Бурлака и на слѣдующій сезонъ.

— Невозможно! Не пріѣдетъ онъ ни за что,—заявилъ импрессарию.

— Почему такъ?

— Да очень ужъ онъ много вдѣшнимъ купцамъ задолжалъ.

— Напишите ему,—скопомъ заявили саратовскіе купцы,—что мы всѣ прежніе его долги пустимъ на смарку, а на будущее время готовы и устроить ему кредитъ, лишь бы пріѣхалъ.

Про Бурлака существуетъ масса анекдотовъ, появившихся уже въ печати, и потому повторять ихъ я не считаю нужнымъ. Упомяну только о томъ, какъ А. Н. Островскій, увидавъ его играющимъ въ своей пьесѣ «Лѣсъ» роль Аркашки Счастливецва, пришелъ къ нему за кулисы и сталъ горячо расхваливать его исполненіе.

— Прекрасно играете, безукоризненно,—говорилъ маститый драматургъ, пожимая руку совсѣмъ посвѣтлѣвшаго отъ этой похвалы артиста.—Вотъ вамъ бы у меня въ «Лѣсѣ» Аркашку сыграть!

Бурлакъ даже назадъ попятился.

— Да я же, Александръ Николаевичъ, и играю Аркашку въ «Лѣсѣ?»—сконфузаясь отвѣтилъ онъ.

— Аркашку?—какъ бы изумляясь, проговорилъ Островскій,—а я и не узналъ. Вижу, что другіе-то артисты «Лѣсъ» играютъ, а вы что-то свое.

Этимъ замѣчаніемъ Бурлакъ получилъ заслуженный урокъ за свою слабость не учить роли и позволять себѣ всякія «отсебятины».

Другой нашъ знаменитый драматургъ А. Ѳ. Писемскій, человѣкъ на похвалы вообще очень скупой, пришелъ почти въ восторгъ, увидавъ Андреева-Бурлака въ своей драмѣ «Горькая Судьбина» въ роли бурмистра,

Спустя безъ малаго десять лѣтъ, мнѣ пришлось опять встрѣтиться съ Андреевымъ-Бурлакомъ въ Москвѣ, я даже испугался, увидѣвъ его: это была какая-то руина, вѣчно кашляющая и тяжело, со свистомъ, дышащая. По всему было видно, что дни его сочтены. Неумѣренныя возліанія на жертвенникъ Бахуса доканали его окончательно, но самъ онъ, видимо, не замѣчалъ этого. Въ головѣ у него зрѣли разные планы и проекты на будущее.

— Поѣдемъ со мной въ Парижъ,—почти съ первыхъ же словъ предложилъ онъ мнѣ.

— Зачѣмъ?—удивился я.

— Да, видишь ли—я хочу тамъ читать «Записки Сумасшедшаго» и монологи изъ Достоевскаго... Ну, и еще кое-какія вещички я приготовилъ. А съ тобой бы мнѣ было это очень удобно: ты бывалый человѣкъ, ну, и прочее.

А на другой день онъ запелъ ко мнѣ въ номеръ уже съ новымъ предложеніемъ:

— Послушай, давай, напишемъ вмѣстѣ пьесу,—заговорилъ онъ хрипя и кашляя.—Знаешь, у меня даже... этакъ... и планъ въ головѣ вертится. Возьмемъ быть бѣдныхъ и раздраженныхъ бѣдностью людей. Понимаешь, все ихъ раздражаетъ. Поднимается занавѣсъ... на сценѣ мать и дочь... мать спрашиваетъ: «Глаша, куда ты мой наперстокъ дѣвала?»—А дочь ей: «Ахъ, маменька! Что это, право? Я за вашими наперсткомъ, какъ собаченка бѣгать буду?» Ну, и... понимаешь? Все въ ней дрожить ужъ отъ этой бѣдности-то...

И вдругъ передо мной ясно, совсѣмъ ясно обозначилась малень-

кая бѣдная комнатка, надорванная жизнью и горемъ старуха мать и надрывающаяся надъ работой, чувствующая и въ будущемъ одни темные, ненастные дни да горе безпросвѣтное, да нужду, да лишене молодая, красивая, но уже почти больная, дѣвушка. Онѣ горячо любятъ другъ друга, онѣ готовы умереть одна за другую, а между тѣмъ самый пустой вопросъ уже раздражаетъ ихъ, измученныхъ трудомъ и бѣдностью...

И всю эту картину нарисоваль мнѣ Бурлакъ двумя-тремя фразами, освѣтивъ ихъ своей необычайной мимикой и отгннивъ неожиданными интонаціями своего глубокаго, словно изъ могилы вырывающагося уже голоса. Такова была сила таланта этого человѣка.

Бурлакъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нашей этой встрѣчи. Весной онъ собралъ товарищество артистовъ и поѣхалъ съ ними по Волгѣ, давать спектакли. Но самъ почти уже не могъ принимать въ нихъ участія, несмотря на то, что рвался къ тому всѣми силами своей артистической души.

Одинъ изъ участниковъ этого товарищества рассказывалъ мнѣ, что лебединою пѣсню В. Н. былъ монологъ Мармеладова, читанный имъ въ Костромѣ и читанный съ такимъ необычайнымъ воодушевленіемъ и силой, что нельзя было и повѣрить, что этотъ человѣкъ стоитъ уже одной ногой въ могилѣ.

Онъ умеръ въ г. Казани, по окончаніи спектакля, въ которомъ, впрочемъ, не участвовалъ и даже не присутствовалъ въ театрѣ вслѣдствіе нездоровья, но на другой день онъ собирался непременно выступить передъ казанской публикой. По окончаніи представленія нѣсколько артистовъ зашли къ нему въ номеръ гостиницы, гдѣ онъ квартировалъ. Онъ ихъ спрашивалъ, какъ сошелъ спектакль, говорилъ, что завтра онъ непременно будетъ играть, что онъ уже отдохнулъ, и ему гораздо лучше. Говоря все это, онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ вдругъ остановился, схватился за грудь, захрипѣлъ... Къ нему бросились, подхватили подъ руки, посадили въ кресло, и... одного изъ даровитѣйшихъ русскихъ артистовъ-художниковъ не стало.

Погребенъ Василій Николаевичъ Андреевъ-Бурлакъ на казанскомъ кладбищѣ, называемомъ Куртино. Надъ его могилой поставленъ небольшой памятникъ, а память о немъ, вѣроятно, надолго еще сохранится въ обитателяхъ Поволжья, уроженцомъ котораго онъ былъ, и какъ всякій волгарь, горячо любилъ кормилицу-Волгу и въ молодости своей даже служилъ въ качествѣ командира одного изъ волжскихъ пароходовъ, въ честь котораго и присоединилъ къ своей фамиліи Андреевъ и названіе его: Бурлакъ.

III.

За два сезона, которые я прослужилъ въ труппѣ С. А. Пальма, мнѣ пришлось, конечно, столкнуться съ очень многими артистами. Перечислять ихъ всѣхъ не считаю нужнымъ и, упомянувъ еще кое о комъ, перейду прямо къ нашему дѣлу.

Изъ артистокъ выдавались и пользовались большимъ успѣхомъ М. М. Глѣбова, С. П. Волгина и прїѣзжавшая къ намъ на десять гастролей О. Ф. Козловская, сразу очаровавшая меня не столько своей игрой и наружностью, какъ чуднымъ, мягкимъ, незлобивымъ характеромъ. Въ опереткѣ подвизались жена нашего антрепренера О. В. Кольцова и начинавшая еще тогда Волынская. Объ остальныхъ можно и не упоминать. Впрочемъ скажу два-три слова о нашемъ оркестрѣ. Дирижировалъ имъ маэстро Труффи, молодой, красивый итальянецъ, прекрасный капельмейстеръ и симпатичный человѣкъ. Оркестръ имъ былъ составленъ отлично. Было нѣсколько прекрасныхъ солистовъ, изъ которыхъ нельзя не вспомнить о талантливомъ и симпатичномъ Торіани (віолончель).

Тифлисскій театръ въ то время помѣщался и зиму и лѣто въ деревянномъ зданіи съ примыкавшимъ къ нему хорошенькимъ, уютнымъ садомъ. Старый каменный театръ въ караванъ-сараѣ Тамамшева уже сгорѣлъ, а вновь проектированный грандіозный городской театръ былъ еще не выстроенъ. Нашъ театрикъ былъ не великъ. Полный сборъ, по обыкновеннымъ цѣнамъ, немногимъ превышалъ семьсотъ рублей. Зато сборы были дѣйствительно почти всегда полные. При театрѣ не было фойе—его и зимой и лѣтомъ замѣнялъ садъ, любимый уголокъ тифлисской публики. Очень нерѣдко бывало, что когда всѣ мѣста въ партерѣ и въ ложахъ проданы, публика прямо брала билеты на входъ въ садъ и, не смотря, на то, что плата за этотъ входъ непомерно высока—1 рубль сер.—охотниковъ посѣщать это мѣсто и поужинать въ театральномъ буфетѣ, помѣщавшемся на особой верандѣ въ саду же, было всегда очень достаточно. Тифлисъ тогда освѣщался керосиномъ, но театрикъ имѣлъ свой небольшой заводикъ, и нашъ садикъ всегда весело сіялъ огнями газовыхъ фонариковъ. Въ саду были фонтанчики, и ужъ благодаря праву не знаю чему, былъ самый прохладный уголокъ въ несносно жаркомъ Тифлисѣ. Мы, артисты, цѣлые дни проводили здѣсь, обѣдая, завтракая и ужиная въ нашемъ недорогомъ театральномъ буфетѣ.

— Въ чемъ вы хотите первый разъ выступить?—весело улыбаясь, спросилъ меня С. А. Пальмъ.

Я даже испугался этого вопроса. Выступить первый разъ на настоящей сценѣ, съ настоящими актерами—это, вѣдь, не шутка.

— Въ какойнибудь безсловесной роли,—робко заявилъ я.

Пальмъ расхохотался.

— Почему же въ безсловесной?—спросилъ онъ.

— Да мнѣ, видите ли, на первый разъ хотѣлось бы просто посидѣть на сценѣ, посмотрѣть на публику и послушать актеровъ, когда они говорятъ не черезъ рампу отъ меня, а рядомъ.

— Ну, когда такъ, такъ вотъ послѣ завтра у насъ идетъ «Ревизоръ», и для вашего дебюта я вамъ назначаю роль Христiana Ивановича Гибнера, знаете, доктора, который только выражается звуками, а не словами.

Помощникъ режиссера вручилъ мнѣ рольку, въ которой въ нѣсколькихъ мѣстахъ было обозначено, что докторъ издаетъ звукъ средній, между «э» и «и».

— Что же это за чортовъ звукъ?—ломалъ я себѣ голову, не умѣя подыскать ничего соответствующаго среднему между «э» и «и». У меня все выходило или «эй» или «ээ». И къ чему это Гоголю понадобилось такое точное опредѣленіе звука? Ну, развѣ не могъ онъ написать: «утвердительно мычить», «хрипить», «кряхтитъ» или чтонибудь въ родѣ этого? А то извольте отыскивать среднее между «э» и «и». А не отыскать это среднее, замѣнить его какимънибудь другимъ звукомъ я считалъ себя не вправѣ, видя въ этомъ искаженіе мысли автора. Долго я ломалъ не голову, конечно, а свой голосъ, и наконецъ подыскалъ требуемый звукъ. Теперь нужно было обдумать гримъ. Воображаю, какъ разсмѣялись бы мои товарищи, если бы они узнали, сколько я труда кладу на отдѣлку такой роли, какъ Христiанъ Ивановичъ Гибнеръ, но, поступая на сцену, я выбралъ себѣ девизомъ, что «дрянныхъ ролей нѣтъ, а есть только дрянные актеры», и рѣшилъ разъ навсегда всякую роль, какъ бы ни ничтожна казалась она, отдѣлывать до послѣдней детали и относиться къ ней съ немалымъ уваженіемъ, какъ и къ самымъ первокласснымъ ролямъ. Къ стыду моему я долженъ сознаться, что впоследствии я частенько отступалъ отъ этого рѣшенія не только въ роляхъ ничтожныхъ, но и въ первоклассныхъ. Но роль Христiana Ивановича Гибнера, роль, состоящая всего только изъ нѣсколько разъ повтореннаго звука, была отдѣлана мною самымъ детальнымъ образомъ.

Но вотъ настала часъ спектакля, мнѣ тщательно загримированному и «обдуманно» одѣтому, указали мое мѣсто на сценѣ, гдѣ-то сзади, въ углу. Я усѣлся на мой стулъ, другіе артисты размѣстились на первомъ планѣ, занавѣсъ взвился и... у меня совершенно также, какъ при первомъ выходѣ въ роли Пыжикова, задрожали ноги. Мой, съ тяжелымъ трудомъ выработанный, звукъ я произносилъ во время съ соответствующей мимикой и жестами, я внимательно слушалъ,—что говорятъ другіе, и старательно изображалъ на своемъ лицѣ, что, какъ истый нѣмецъ, плохо понимаю

русскую рѣчь, но во всякомъ случаѣ принимаю горячее участіе въ общемъ дѣлѣ. Когда настало время уйти со сцены, я и ушелъ понѣмецки и не просто понѣмецки, а понѣмецки докторски. Было ли хоть одно лицо среди публики, которое оцѣнило мою добросовѣстную работу? Да нѣтъ, что оцѣнило? Замѣтилъ ли ктонибудь просто, что я былъ на сценѣ? Навѣрное—нѣтъ. Но, снимая парикъ и стирая гримъ, я настойчиво повторялъ себѣ: «помни, что нѣтъ дрянныхъ ролей, а есть дурные актеры».

Я не скажу, чтобы теперь я вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе: есть дурные актеры, да много и дурныхъ ролей, но мало найдется зрителей, умѣющихъ отличать актера отъ роли. Какъ часто мы видимъ, что публика неистово аплодируетъ бездарному и деревянному лицедею только потому, что онъ со сцены произноситъ хорошія слова, и какъ нерѣдко другой, талантливый артистъ, тутъ же, рядомъ, безукоризненно играющій свою третьестепенную рольку, уходитъ незамѣченнымъ, неоцѣненнымъ. Вспоминаютъ, напримѣръ, про знаменитаго московскаго актера Никифорова, замѣчательно игравшаго въ «Горе отъ ума» роль господина Д., но и только! Да и то вспоминаютъ только потому, что это былъ Никифоровъ, артистъ прославившійся уже ранѣе, а какъ часто публика просматриваетъ художественное исполненіе ролей второстепенныхъ. Но пусть исполнители не унываютъ, пусть они также добросовѣстно продолжаютъ дѣлать свое маленькое дѣло, пусть они не опускаютъ рукъ, а терпѣливо ждутъ, когда колесо фортуны вынесетъ ихъ на первое мѣсто. Выдвинутые туда честнымъ трудомъ, они займутъ его прочно и затмятъ сразу дутыхъ знаменитостей, обязанныхъ своимъ успѣхомъ нахальству, съ которымъ они хватаются за все и выѣзжаютъ на фальшивомъ паеосѣ ихъ игры да на хорошихъ словахъ, вложенныхъ въ ихъ уста авторами пьесъ. А если и не вынесетъ колесо фортуны, если судьба такъ и обречетъ остаться на второмъ мѣстѣ, то сознаніе честно выполненнаго долга, право, есть уже хорошая награда. Да наконецъ, найдется же ктонибудь въ этой многотысячной толпѣ зрителей, кто замѣтитъ, пойметъ и оцѣнитъ. Право, оцѣнка одного такого зрителя для настоящаго артиста должна быть дороже, чѣмъ неистовый ревъ полумыслящей толпы. Меня, вотъ, навѣрное въ Христіанѣ Ивановичѣ Гибнерѣ никто не замѣтилъ, не понялъ и не оцѣнилъ, а право, я былъ счастливъ въ тотъ вечеръ сознаніемъ добросовѣстно исполненнаго долга и потомъ часто и горячо скорбѣлъ о томъ, что не выполнилъ согрѣвавшаго меня тогда рѣшенія, отступилъ отъ тяжелаго и тернистаго пути, опустилъ руки, сталъ небрежничать и кончилъ тѣмъ, что совсѣмъ бросилъ опостылѣвшую мнѣ сцену. А относись-ка я къ каждой послѣдующей роли съ тою же любовью, съ тою же добросовѣстностью, какъ къ Христіану Ивановичу, я, можетъ быть... Ну, да что объ этомъ говорить—дѣло непоправимое.

IV.

Съ легкой руки Христіана Ивановича Гибнера я сталъ играть каждый день. Рольки мнѣ все давались крупнѣе и крупнѣе, и относился я къ нимъ все небрежнѣе и небрежнѣе, зараженный общимъ царившимъ въ нашей труппѣ, халатнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Трудно себѣ представить, какимъ образомъ, при существовавшихъ у насъ порядкахъ, или, вѣрнѣе сказать, беспорядкахъ, дѣло могло идти. Такъ, напримѣръ, ролей не училъ никто, за исключеніемъ Шумилина, Тернова, да двухъ-трехъ дамъ. Репетицій никогда не было болѣе двухъ, да и двѣ репетиціи бывали на долю какихънибудь трехъ-четырехъ пьесъ въ продолженіе двухъ сезоновъ. Да и единственная-то эта репетиція велась Богъ знаетъ какъ. Собираются артисты и артистки съ тетрадами въ рукахъ, въ шляпкахъ, а зимой въ пальто и калошахъ, у всѣхъ въ зубахъ папиросы, и всѣ что-то бурчатъ себѣ подъ носъ, переходя съ мѣста на мѣсто. И у всѣхъ одна главная забота, какъ можно болѣе сократить свою роль. Нѣкоторыя роли зачастую совсѣмъ вычеркивались. Вычеркивались и цѣлые акты изъ пьесы. Рѣдко кто имѣлъ представленіе о всей пьесѣ цѣликомъ: каждый интересовался только своей ролькой, да и то не особенно. Потому происходило, конечно, не мало курьезовъ. Такъ иногда, актеръ играющій старика, являлся на сцену въ гримѣ молодого человѣка. Лѣтомъ всѣ старались избѣгать наклеекъ, т. е. наклеиванія усовъ и бородъ: отъ жары они то и дѣло отклеивались, и потому случалось, что по пьесѣ о дѣйствующемъ лицѣ до его появленія говорятъ, какъ о черноусомъ красавцѣ, а онъ является на сцену плѣшивенькимъ старичкомъ съ гладковыбритой физиономіей. Былъ такой даже случай: артистъ К. въ одной изъ пьесъ игралъ благороднаго отца и занятъ былъ только въ первомъ и пятомъ дѣйствіи. Окончивъ роль въ первомъ дѣйствіи, онъ снялъ съ себя лысый паричекъ, сорвалъ маленькіе усыки и эспаньолку и отправился гулять или даже чуть не въ гости куда-то. Передъ самымъ пятымъ актомъ, онъ вернулся опять въ театръ и торопливо принялся снова гримироваться. Публика была немало удивлена, когда въ пятомъ дѣйствіи, по смыслу пьесы отстоящемъ всего отъ перваго на какихънибудь два-три дня, появился на сцену украшенный густыми сѣдыми вьющимися волосами и съ сѣдыми же длинными бакенбардами, но безъ усовъ и эспаньолки тотъ же благородный отецъ, совсѣмъ въ иномъ видѣ фигурировавшій въ первомъ актѣ. А метаморфоза эта произошла чрезвычайно просто: артистъ К., уѣзжая изъ театра, сбросилъ свой паричекъ и усыки на свой столикъ въ уборной, парикмахеръ же, думая, что онъ совсѣмъ окончилъ свою роль, убралъ ихъ въ шкафъ, а на мѣсто нихъ приготовилъ на столѣ сѣдой парикъ съ локонами и сѣдыя бакенбарды для

другого артиста, занятаго въ водевилѣ. К., вернувшись къ себѣ въ уборную, забылъ, какъ онъ былъ загримированъ въ первомъ дѣйствіи, и надѣлъ лежавшій на его столѣ парикъ.

Трудно и пересчитать всякіе курьезы, происходившіе у насъ отъ отсутствія режиссерскаго наблюденія. А режиссера у насъ не имѣлось. Самъ антрепренеръ, С. А. Пальмъ, очень талантливый артистъ, обходительный и веселый человѣкъ, рѣдко бралъ на себя режиссерскія обязанности, находя, что артисты сами между собой спокуются лучше всего. И въ самомъ дѣлѣ: хорошо ли, худо ли, а спѣвались. Пьесы шли, и нѣкоторыя изъ нихъ имѣли даже большой успѣхъ, какъ, напримѣръ: «Сестра Тереза», «Убіеніе Коверлей» и нѣкоторыя оперетки. Ансамбля, конечно, не было никакого и выѣзжали мы на игрѣ отдѣльныхъ, талантливыхъ артистовъ, какихъ въ нашей труппѣ было немало. Смѣло можно сказать, что ни одна пьеса не была поставлена не только хорошо, но даже мало-мальски сносно, но за то отдѣльные исполнители бывали въ своихъ роляхъ сплошь да рядомъ прекрасны. Играли мы каждый день, не исключая и субботы. Играли и великимъ постомъ, кромѣ первой и страстной недѣли. Повторенія удостоивались только оперетки да нѣсколько излюбленныхъ пьесъ, большею частью мелодрамъ. Поэтому почти каждый день шло что нибудь новое. Гдѣ жъ тутъ было готовиться, учить роли, дѣлать нѣсколько репетицій? Прошли кое-какъ «мѣста», сдѣлали «купюры» и ваяя! Авось кривая вывезетъ. Для начинающаго актера школа была не важная, но было въ этомъ кое-что и полезнаго,—этотъ порядокъ вещей невольно заставлялъ быть насторожѣ и развивалъ находчивость. Случалось, что актеру приходилось играть взамѣнъ кого нибудь, неожиданно, не только безъ репетицій, но и не зная даже ни роли, ни самой пьесы. И ничего! сходило иногда довольно удачно. Были такіе случаи и со мной. Одинъ я помню особенно хорошо. Шли у насъ «Бѣшенныя деньги»,—Островскаго. Я этой пьесы еще не видалъ на сценѣ и не читалъ даже, а потому, хотя я въ этомъ спектаклѣ и не былъ занятъ, я пришелъ въ театръ, чтобы посмотреть на комедию изъ партера. Музыка уже начала увертюру, когда я вошелъ за кулисы. Вдругъ ко мнѣ подлетаетъ помощникъ режиссера (режиссера у насъ не было, а помощникъ былъ, но вся его обязанность состояла въ томъ, чтобы слѣдить за выходами, то-есть выпустить актеровъ во время на сцену).

— Г. Старцевъ,—говоритъ онъ,—мы васъ ищемъ. Идите поскорѣй, одѣвайтесь. Сергѣй Александровичъ просилъ васъ сыграть сегодня за Гарина, роль Глумова.

— Какъ? Почему?—удивился я.

— Да Гаринъ шелъ въ театръ и по дорогѣ сломалъ ногу, такъ вотъ, чтобы не отмѣнять спектакля, просятъ сыграть васъ.

— Сергѣй Александровичъ,—взмолился я подоспѣвшему къ намъ

антрепренеру.—Какъ же я буду играть, когда я даже ни малѣйшаго понятія о самой пьесѣ не имѣю?

— Ничего, ничего, голубчикъ, сыграйте,—торопился тотъ,—я вамъ все расскажу, только поскорѣй, пожалуйста, уже пора начинать.

— Да позвольте! У меня и гардеробъ-то весь дома.

— Ничего, ничего, Гарина гардеробъ весь ужъ принесли. Одѣвайтесь въ его костюмы.

Мы отправились вдвоемъ въ уборную, я принялся одѣваться, а онъ мнѣ въ это время рассказывалъ приблизительно, конечно, въ чемъ состоитъ роль.

Не прошло и десяти минутъ, какъ я былъ уже на сценѣ и игралъ Глумова и игралъ даже не безъ успѣха, потому что въ одномъ мѣстѣ сорвалъ довольно дружный аплодисментъ. И это произошло черезъ какихъ нибудь шесть мѣсяцевъ послѣ моего поступленія на сцену. И случай этотъ далеко не единичный. Да! въ подобной школѣ, какъ нашъ театръ, волей-неволей разовьешь въ себѣ находчивость и въ совершенствѣ выучишься слушать суфлера. Но также въ совершенствѣ отучишься учить роли и обрабатывать ихъ.

V.

Благодаря ежедневнымъ спектаклямъ, репертуаръ у насъ былъ самый смѣшанный. Половину мѣста занимали оперетки, а другая половина наполнялась современной комедіей, драмой, мелодрамой и даже трагедіями. Изъ трагедій у насъ шли только «Гамлетъ», «Отелло» и «Укрощеніе строптивой» со Стрѣльскимъ въ главныхъ роляхъ и «Король Лиръ», поставленный специально для Александра Ивановича Пальма. Почтенному драматургу очень хотѣлось сыграть роль Лира, а такъ какъ своя рука владыка, то онъ ее и сыгралъ и даже два раза и оба одинаково плохо. Не буду разбирать подробно его исполненіе. Во-первыхъ, оно уже не свѣжо у меня въ памяти, а, во-вторыхъ, оно и не заслуживаетъ этого. Въ Лирѣ-Пальмѣ не было не только королевскаго, но даже и актерско-королевскаго ничего не было. По сценѣ метался какой-то старичекъ, зачѣмъ-то на всѣхъ покрикивалъ и очень потѣшно пѣтушился. А когда дѣло дошло до одного изъ самыхъ потрясающихъ мѣстъ трагедіи, до того мѣста, гдѣ обезумѣвшій отъ горя Лиръ рыдаетъ надъ прахомъ прекрасной Корделии, А. И. Пальмъ до слезъ... разсмѣшилъ всю публику, потерявъ свою длинную сѣдую бороду и представъ передъ удивленными зрителями съ растрепанной сѣдой шевелюрой Лира и съ тщательно причесанными сѣренькими бачками петербургскаго чиновника, какіе въ то время носилъ нашъ покойный драматургъ. На второмъ представленіи борода была привязана крѣпче и не отвалилась, но эффекта со стороны публики все-таки не послѣдовало.

Но съ нашей публикой вообще не церемонились. Давали ей что хотѣли и какъ хотѣли, а она все-таки валомъ валила въ театръ. Объяснить это можно главнымъ образомъ, тѣмъ, что и настроеніе общества послѣ кампаніи было сильно поднято, да и денегъ было много на окраинахъ, къ каковымъ можно было отнести и Тифлисъ того времени. Въ театрѣ было всегда и весело и оживлено, и даже самыя слезоточивыя драмы и мелодрамы смотрѣлись чуть не съ улыбками на лицахъ. Правда, и мы, артисты, больше всего, кажется, хлопотали о томъ, чтобы посмѣшить и развеселить публику, невзирая на то, что играемъ. Не забуду никогда, какъ весело разыграли мы жестокою мелодраму «Велизарій». Многіе изъ публики искренно думали, что это какая-то разудалая оперетка. Серьезно къ своему дѣлу изъ всѣхъ исполнителей относился только самъ Велизарій, г. Черновъ. Остальные же всѣ дурачились и кричались неудержимо. Особенно весело прошла сцена, когда Велизарій грозитъ вслѣдъ уходящимъ аланамъ и эффектно произноситъ:

«Не водрузить знаменъ вамъ на стѣнахъ священной Византии:
Тамъ встрѣтите меня, въ лицѣ моихъ полковъ».

Только что аланы (солдаты мѣстнаго гарнизона) скрылись за кулисами и только что замолкли послѣдніе звуки ихъ марша, г. Черновъ, торжественно приподнявъ руку, началъ:

«Не водрузить знаменъ вамъ...

вдругъ изъ-за противоположной кулисы снова грянулъ маршъ алановъ, и снова эти воины замаршировали черезъ сцену. А маршъ былъ веселый, самый масляничный, да и дѣло-то на масляницѣ происходило: музыканты одного изъ военныхъ оркестровъ, тоже переряженные аланами и маршировавшіе во главѣ шествія, лихо наигрывали подъ темпъ марша.

«Ахъ, вы сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои!»

Г. Черновъ опустилъ руку и снова сталъ выжидать, когда эти герои, предводительствуемые однимъ изъ наиболѣ лихихъ на всякія продѣлки артистовъ нашей труппы, скроются и когда замолкнетъ ихъ воинственный маршъ, чтобы снова произнести имъ свое патетическое напутствіе.

Скрылись. Маршъ замолкъ. Велизарій-Черновъ поднялъ руку и началъ:

«Не водрузить знаменъ вамъ на стѣнахъ священной Визан...»
«Ахъ вы сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои!»

грянуло изъ-за кулисъ, и предводитель алановъ, артистъ В., для особаго шика, надѣвъ даже на носъ пенсне, снова замаршировалъ во главѣ своихъ когортъ черезъ сцену.

И это повторилось чуть ли не пять разъ. Наконецъ разобиженный г. Черновъ махнулъ рукой и ушелъ со сцены. Занавѣсъ опустился, и радостная, оживленная публика дружно вызывала милыхъ забавниковъ.

Весело играли мы тогда на Тифлисской сценѣ, и ничто не останавливало насъ. Даже на справедливые упреки мѣстныхъ газетъ мы не обращали ни малѣйшаго вниманія. Театръ всегда набитъ биткомъ, касса полна денегъ, а что касается до святаго искусства... Да ну, полноте! Какое тамъ святое искусство! Всякіе разговоры о немъ у насъ вызывали только глумленіе и смѣхъ. Даже простое знаніе ролей и мало-мальски серьезное отношеніе къ дѣлу считалось чуть ли не юродствомъ, и всякій голосъ, рѣшавшійся протестовать противъ того порядка вещей, какъ слова Велизарія:

«Не водрузить знаменъ вамъ на стѣнахъ...»

заглушался разухабистыми звуками опереточныхъ мотивовъ... Всѣ были сыты, всѣ были довольны, а два, три протестанта, въ родѣ Шумилина, не принимавшихъ участія въ милыхъ забавахъ и шуткахъ стояли особнякомъ, махнувъ рукой на насъ, какъ Черновъ-Велизарій на неугомонныхъ алановъ.

Весело служилось тогда въ Тифлискомъ театрѣ.

VI.

Лѣтомъ часть нашей труппы нѣсколько разъ ѣздила, такъ сказать, на гастроли въ Боржомъ, имѣніе великаго князя-намѣстника. Чудныя это были поѣздки! Послѣ довольно долгаго и томительнаго отъ жары пути, сначала по желѣзной дорогѣ, а потомъ нѣсколько верстъ на лошадахъ, мы въѣзжали наконецъ въ роскошную долину рѣки Боржомки. Что за растительность! Что за зелень! А главное, что за воздухъ! Истомленные зноемъ и духотой въ Тифлисѣ, мы, словно по волшебству какому, сразу оживлялись и жадно тянули въ себя свѣжія волны насыщеннаго озономъ воздуха. Лица у всѣхъ веселѣли, на щекахъ выступалъ румянецъ, хотѣлось пѣть, плясать и веселиться. Не даромъ же говорятъ туземцы, что рай, гдѣ согрѣшили Адамъ и Ева, былъ именно здѣсь. Дѣйствительно, чисто райскій уголокъ, да и согрѣшить не мудрено здѣсь, когда весь организмъ начинаетъ жить всякою своею порою.

Любили мы эти поѣздки, и быть назначеннымъ играть въ Боржомъ считалось за особое счастье. Въ самомъ дѣлѣ! Не неся никакихъ расходовъ, побывать въ земномъ раю—развѣ это не счастье?

Останавливались мы въ Боржомѣ въ такъ называемомъ Кавалерскомъ домѣ, гдѣ намъ заранѣе уже были приготовлены комнаты. Кормили насъ сытно, вино было отличное. Играли мы въ малень-

комъ деревянномъ театрикѣ. Впрочемъ, деревянными были только одна стена да уборная, а зрители помѣщались-таки прямо подъ бѣлымъ парусиннымъ наметомъ. Благодаря такому устройству, получился одинъ очень забавный акустическій курьезъ: когда актеры говорили на сценѣ при поднятой занавѣси, въ публику, кромѣ переднихъ рядовъ, голоса ихъ доносились очень глухо и неясно. За то каждое слово, сказанное въ уборныхъ, совершенно отчетливо долетало до ушей зрителей, такъ что къ намъ въ уборныя то и дѣло присылали сказать, чтобы мы не то что говорили тише, а были разборчивѣе въ выраженіяхъ.

Великій князь Михаилъ Николаевичъ и его семейство изволили посѣщать каждое наше представленіе въ Боржомѣ. Многочисленные же дачники всегда усердно наполняли партеръ.

Дольше всѣхъ гостилъ въ Боржомѣ Андреевъ-Бурлакъ. Такъ ему тамъ нравилось, что трудно его было и вытащить въ Тифлисъ. Онъ, благодаря своей общительности, завелъ тамъ много знакомствъ и жилъ, какъ на дачѣ. Любимое мѣсто его прогулки была небольшая площадка, гдѣ какой-то почтенный нѣмецъ училъ дѣтей гимнастикѣ. Нѣмецъ былъ педантъ и строго требовалъ исполненія всевозможныхъ, выдуманныхъ имъ кунштптюковъ.

— Забавный разговоръ пришлось мнѣ тутъ подслушать,—разсказывалъ мнѣ Андреевъ-Бурлакъ въ Боржомѣ.—Учить нѣмецъ ребятишекъ ходить по бревну. Все идетъ благополучно, только вдругъ какой-то бойкій карапузъ лѣтъ семи начинаетъ протестовать.

— Не хочу, говорить, ходить по бревну.

Нѣмецъ удивленъ.

— Какъ не хочешь, когда это необходимо въ жизни?

— Почему необходимо?—допрашиваетъ мальчуганъ.

— Какъ почему? Мало ли какой случай? Идешь ты, напимѣръ, по полю, и вдругъ рѣка...—начинаетъ пояснять нѣмецъ.

— Ну, я ее въ бродъ перейду,—бойко отрѣзываетъ мальчуганъ.

— Ну, а если она глубока?

— Я ее переплыву.

— А если она широка?

— Ну, что-жъ? Тогда все равно и бревно съ берега на берегъ не доставеть.

Нѣмецъ на минутку задумывается и потомъ вдругъ сразу выпаливаетъ:

— А если медвѣдь?

Мальчикъ въ недоумѣніи. Другіе всѣ—тоже, но нѣмецъ очень доволенъ своимъ доказательствомъ и тащитъ маленькаго слушника на бревно.

Поѣздки въ Боржомъ прекрасно разнообразили нашу ежедневную утомительную работу, подкрѣпляли и освѣжали насъ, но осенью онѣ прекратились, и мы опять заиграли по семи спектаклей въ недѣлю.

Прошла и зима, подходилъ и великій постъ, то-есть начало новаго сезона. Каждый изъ насъ думалъ и гадалъ, что его ждетъ въ будущемъ. Прошелъ слухъ, что нашъ антрепренеръ рѣшилъ сильно сократить драматическую труппу и оставить ее только такъ, на всякій случай, ядромъ же своей антрепризы сдѣлать оперу. Мы знали, что оперная труппа формировалась уже. Называли фамиліи извѣстныхъ солистовъ, ангажированныхъ уже С. А. Пальмомъ. Что было сему причиной—я не знаю. Надоѣло ли нашему импрессарио ставить комедіи, драмы и мелодрамы, другое ли что, но во всякомъ случаѣ опера должна смѣнить насъ. Но результаты этой перемѣны оказались для г. Пальма довольно ощутительными. Все, что заработалъ онъ съ русской драматической труппой, а заработалъ онъ, по его же собственнымъ словамъ, кушъ очень почтенный, все это поглотила опера, и дѣла С. А. Пальма, успѣваго уже прослыть однимъ изъ самыхъ солидныхъ, добросовѣстныхъ и щедрыхъ антрепренеровъ, на нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ, сильно покачнулись.

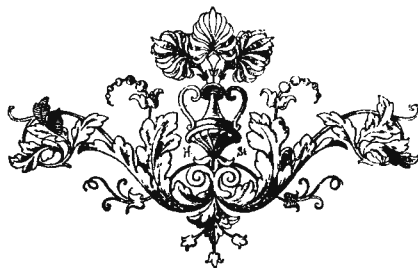
Отслуживъ два сезона въ тифлисскомъ театрѣ, я рѣшилъ разстаться съ Кавказомъ и вернуться къ себѣ на родину въ Казань. Тоска по роднымъ мѣстамъ была такъ велика, что я не справлялся, буду ли я имѣть мѣсто въ казанскомъ театрѣ, не интересовался даже о томъ, кто возьмъ тамъ антрепризу. Я просто рвался домой, забывъ даже на нѣкоторое время о сценѣ. Распростившись съ моимъ антрепренеромъ, на котораго я не имѣлъ ни малѣйшаго повода претендовать или быть имъ чѣмъ нибудь недовольнымъ, напротивъ, горячо поблагодаривъ его за все сдѣланное мнѣ, распростившись съ моими сослуживцами и товарищами, о которыхъ я сохранилъ самую добрую память, а къ нѣкоторымъ даже умѣлъ сильно привязаться и полюбить ихъ, какъ, на примѣръ, Шумилина, Чернова, Стрѣльскаго, Бурлака и нѣкоторыхъ другихъ, я собралъ свои скромные пожитки и полетѣлъ на далекую родину.

Впрочемъ, во имя истины, я долженъ сказать, что не всѣ товарищи оставили во мнѣ прекрасное воспоминаніе. Было одно исключеніе. И исключеніемъ этимъ являлся мой сравнительно давнишній знакомецъ, встрѣченный мною когда-то въ Царицынѣ и принятый при первомъ взглядѣ за маркера, актерикъ Смѣльскій, игравшій у насъ уже, впрочемъ, подъ другою фамиліей П—скаго. Субъектъ этотъ оказался не только очень жалкимъ актеромъ, не шедшимъ у насъ далѣе третьестепенныхъ ролей, но и человѣкомъ тоже третьестепеннымъ. Наша тифлисская актерская семья состояла чуть ли не изъ сорока человѣкъ. Правда, для такой семьи одно исключеніе не много. Остальные же всѣ были народъ хорошій и добрый. Впоследствии, когда мнѣ придется говорить о собирательномъ, такъ сказать, характерѣ актера, я волей-неволей долженъ буду упомянуть о нѣкоторыхъ его коренныхъ недостаткахъ, но недостатки эти

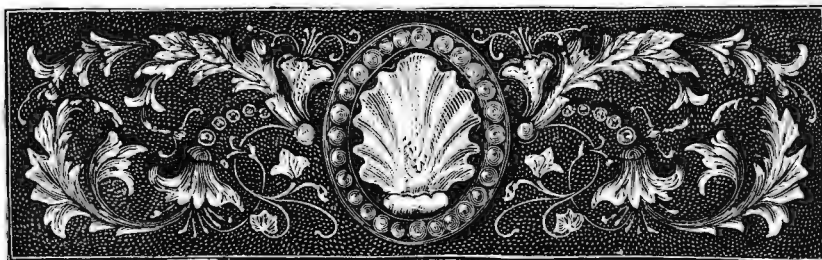
нельзя особенно строго ставить въ вину русскому лицедѣю, какъ нельзя винить трубочиста за то, что онъ выпачканъ сажей, кучера за то, что отъ него пахнетъ конюшной, портного—что у него искривлены ноги, швею—что у нея исколоты пальцы иголкой, такъ нельзя и винить актера за то, что... ну, да объ этомъ еще рѣчь впереди, а пока—до свиданія, мои тифлискіе товарищи.

Вл. А. Тихоновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КИТАЙСКАЯ КАЗНЬ ¹⁾.

КОЛО двадцатыхъ чиселъ декабря 1870 года привезли въ Ургу 24 человекъ монголъ западнаго Халхаскаго аймака Сайнь-Ноина ²⁾, которые во время взятія инсургентами города Улясутая ³⁾ и нападенія ихъ на западныя Халхаскія хняжества присоединились къ нимъ и вмѣстѣ производили грабежи; изъ нихъ нѣкоторые были шпионами. Когда инсургенты послѣ разоренія Улясутая ушли обратно, то эти монголы отстали отъ нихъ и бродили на родинѣ въ Сайнь-Ноинскомъ аймакѣ.

Монгольскій отрядъ, расположенный нынѣ въ Куренѣ Эрдыни-Цзоо ⁴⁾, во время развѣдки поймалъ этихъ несчастныхъ монголъ и представилъ ихъ ургинскимъ правителямъ—амбаниямъ, которые, находя ихъ виновными въ грабегѣ и другихъ пре-

¹⁾ Статья эта доставлена намъ Николаемъ Александровичемъ фонъ-Фохтомъ при слѣдующемъ письмѣ: «Покойный братъ мой, служившій въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ чиновникомъ особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ Восточной Сибири, М. С. Корсаковѣ, незадолго передъ своею кончиною, передалъ мнѣ различныя бумаги, между которыми я нашелъ препровожаемое при семь интересное описаніе казни 24-хъ человекъ монголъ въ Ургѣ», въ декабрѣ 1870 г. Описаніе это составлено, по словамъ брата, переводчикомъ, состоявшимъ при русскомъ консульствѣ въ Маймачинѣ и сопровождавшимъ брата во время одной изъ его командировокъ къ границамъ Китая. Къ сожалѣнію, фамилія этого переводчика у меня изгладилась изъ памяти».

²⁾ Одно изъ 4-хъ Халхаскихъ княжествъ.

³⁾ Главный военный пунктъ въ сѣверной Монголіи.

⁴⁾ Гдѣ жилъ первый хутукта.

ступленіяхъ, приговорили ихъ къ смертной казни и отправили приговоръ свой въ Пекинъ къ богдыхану на утверженіе. Вскорѣ былъ полученъ богдыханскій указъ, которымъ повелѣно отрубить всѣмъ 24-мъ человѣкамъ головы.

Старшій ургинскій манчжурскій амбанъ предлагалъ младшему амбаню Цыцень-хану разстрѣлять этихъ монголь на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ разставлены пушки, привезенныя изъ Пекина; но Цыцень-ханъ на это не согласился, отзвываясь тѣмъ, что, во-первыхъ, предлагаемое манчжурскимъ амбанемъ мѣсто для казни преступниковъ очень близко къ Ургѣ—святымъ мѣстамъ, гдѣ имѣютъ пребываніе хутукта и прочіе великіе ламы, и, во-вторыхъ, потому, что съ этого мѣста видна священная гора «Ханъ-ола» (царь горъ), въ виду которой по законамъ монголь нельзя совершать казней и проливать человѣческую кровь. Въ случаѣ нарушенія сего закона, духъ, вѣчно живущій въ этой горѣ, можетъ послать великія бѣдствія на окрестныхъ жителей. Такимъ образомъ Цыцень-ханъ настоялъ на томъ, чтобы казнить преступниковъ за китайскимъ городомъ Маймаченомъ на сѣверномъ склонѣ горы «Шара-хада», откуда не видна величественная гора «Ханъ-ола».

Маймачень, торговый городъ, расположенъ въ 3-хъ верстахъ восточнѣе отъ Урги, гдѣ имѣетъ мѣстопробываніе русское консульство. Въ Ургѣ казнь преступниковъ всегда совершается до разсвѣта. Однажды два преступника, которые за буйство были приговорены къ смертной казни, избавились отъ нея, благодаря лишь тому случайному обстоятельству, что маймаченскій цзаргучей, которому было препоручено исполненіе приговора, за темнотою ночи заблудился и прибылъ къ мѣсту казни, когда уже было совершенно свѣтло.

Вообще въ Китаѣ казнятъ преступниковъ на публичномъ мѣстѣ днемъ, а Урга потому составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе, что представляетъ ламайскій монастырь, въ которомъ постоянно живетъ до 10 тысячъ ламъ и хутукта—живой представитель Абиды-бурхана. Монголы почитаютъ непристойнымъ производить въ этихъ святыхъ мѣстахъ казнь днемъ и крайне недовольны, что манчжурскія власти въ недавнее время стали казнить преступниковъ въ Ургѣ. Они твердо убѣждены, что такое нарушеніе народныхъ обычаевъ было причиною наступленія весьма холодныхъ дней, ниспосланныхъ разгнѣваннымъ духомъ-хранителемъ священной горы.

Меня крайне интересовало увидѣть картину казни несчастныхъ монголь, и я рѣшился ѣхать на мѣсто, гдѣ должна была происходить эта ужасная церемонія. Въ 3 часа утра 4-го февраля я былъ извѣщенъ нашими часовыми, что преступниковъ повезли на телѣгахъ съ зажженными фонарями къ мѣсту казни. Я поспѣшилъ за ними, взявъ съ собою нѣсколько человѣкъ изъ консульства. Когда мы пріѣхали на мѣсто, было еще совершенно темно. Преступники были уже здѣсь и ожидали прибытія двухъ манчжурскихъ чинов-

никовъ. На открытомъ пространствѣ была приготовлена монгольская войлочная юрта, въ которой для сидѣнія чиновниковъ была поставлена скамейка, покрытая краснымъ бухарскимъ войлокомъ, а предъ ней два столика, съ разставленными на нихъ пятью китайскими блюдами, съ китайскими конфетами и плодами; на каждомъ столикѣ горѣла коротенькая и толстая красная свѣчка. Сзади юрты была раскинута палатка, для помѣщенія наемныхъ палачей-китайцевъ, которые, въ числѣ 10 человекъ, приняли на себя исполненіе казни по 50 ланъ ¹⁾ за каждую голову. Палачи эти обыкновенно принадлежатъ къ рабочему классу населенія и въ праздничные дни принимаютъ на себя роли актеровъ въ театрахъ. Возлѣ юрты въ 3 желѣзныхъ котлахъ варилось мелкоискрошенное мясо съ китайской лапшей, а въ палаткѣ грѣлась въ двухъ такихъ же котлахъ вода.

Преступниковъ привезли на 12 телѣгахъ, запряженныхъ верблюдами, подѣ конвоемъ 100 человекъ монгольскихъ солдатъ, вооруженныхъ фитильными ружьями и пиками съ длинными бамбуковыми древками, и 20 человекъ монгольскихъ чиновниковъ, также вооруженныхъ саблями, весьма древняго образца. Преступники размѣщались на каждой телѣгѣ по два, закованные въ кандалы. Какъ монгольскіе чиновники, такъ и солдаты были уже пьяны, что дѣлалось, вѣроятно, для храбрости. Преступники не вступали въ разговоръ съ посторонними, и каждый читалъ и бормоталъ тибетскія молитвы, отпѣвая себя и молясь за свою душу; по временамъ слышалось между ними восклицаніе «ай гыгенъ» ²⁾.

Черезъ часъ послѣ нашего пріѣзда прибыли два манчжурскихъ чиновника въ китайскихъ телѣгахъ, весьма похожихъ на гробницу; оба чиновника были одѣты въ красные плащи и башлыки. Остановившись у юрты, они вышли изъ телѣгъ, и старшій изъ нихъ обратился къ монгольскимъ чиновникамъ, привѣтствовавшимъ его колѣноприклоненіемъ, съ вопросомъ, всѣ ли преступники на лицо. Получивъ утвердительный отвѣтъ и не заходя въ юрту, онъ отдалъ приказаніе, чтобы солдаты расположились по своимъ мѣстамъ. Изъ нихъ десять человекъ съ заряженными ружьями стали у юрты, а остальные построились покоемъ, оставивъ по срединѣ довольно большую квадратную площадь. Надъ дверьми юрты была вывѣшена красная китайка около 3 аршинъ длины. Приказавъ затѣмъ угостить преступниковъ, распорядитель съ другимъ чиновникомъ вошли въ юрту. Монголы тотчасъ же понесли къ осужденнымъ два котла съ супомъ, а тотъ монголъ, который несъ третій котелъ съ мясомъ, второпяхъ споткнулся и пролилъ весь супъ; кромѣ того, были принесены нѣсколько флаговъ китайской водки. Преступники съ жад-

¹⁾ 50 ланъ составляютъ 100 рублей серебряною монетою.

²⁾ Гыгенъ—ургинскій хутока.

ностью набросились на принесенную пищу и особенно не забывали угощать себя водкой; нѣкоторые ѣли и пили сидя, другіе — лежа. Въ то же время между телѣгами, въ виду преступниковъ, въ двухъ котлахъ въ горячей водой, принесенныхъ изъ-за палатки палачей, нагрѣвались двѣ желѣзныя сѣкиры, длиною около пяти четвертей и шириною вершка полтора, съ деревянными коротенькими рукоятками, 4 ножа немного меньшихъ размѣровъ и 2 топора съ длинными топорницами. Палачи сидѣли возлѣ котловъ, постоянно подкладывая подъ нихъ дрова и любуясь своими инструментами, старались ихъ нагрѣть возможно болѣе, чтобы при совершеніи казни желѣзо смертоносныхъ орудій не прилипало къ человѣческому тѣлу ¹⁾). На всѣхъ лицахъ палачей было замѣтно выраженіе крайняго довольства, ибо, кромѣ непримиримой вражды къ монголамъ, они получили возможность заработать въ самый короткій срокъ 2.400 рублей серебр. монетою.

Палачи были одѣты въ красные передники и съ колпаками на головахъ, а у каждого преступника на спинѣ за поясомъ была воткнута длинная доска съ надписью: «По высочайшему повелѣнію подлежащій къ смертной казни такой-то».

Затѣмъ были привезены 24 клѣтки, выкрашенныя красною краской. Каждая отсѣченная голова помѣщалась въ отдѣльной клѣткѣ, съ привязанною къ ней дощечкою съ надписью: «Саинъ-Ноинскаго аймака, хошуна такого-то князя, такой-то». Отрубленныя головы подлежали отсылкѣ на родину казненныхъ, для устрашенія народа, а деньги наемнымъ палачамъ по закону платять родовичи преступниковъ.

Окончивъ кормленіе осужденныхъ, монгольскіе чиновники доложили объ этомъ манчжурскимъ и получили приказаніе приступить къ казни.

Всѣ телѣги были поставлены въ одну прямую линію, а палачи начали привязывать къ нимъ преступниковъ, положивъ ихъ поперекъ телѣгъ, cadaго головой къ колесу такъ, чтобы шея преступника приходилась на ободъ колеса. Сорвавъ съ несчастныхъ шапки, палачи оставили ихъ въ тѣхъ костюмахъ, въ которыхъ они были привезены. Преступники въ это время были совершенно пьяны, ничего не говорили и безропотно покорялись своей участи. Черезъ нѣсколько мгновеній палачи засуетились, блеснулъ топоръ, и первая голова, отдѣлившись отъ туловища, покатила на холодную землю... Я ушелъ въ юргу, чтобы избавиться отъ столь ужаснаго зрѣлища. Манчжурскіе чиновники сидѣли на скамейкѣ рядомъ, соблюдая между собою старшинство. Столики съ разными яствами и свѣчами, о которыхъ я упомянулъ выше, были теперь поставлены у самаго входа въ юргу, что, вѣроятно, означало жертвоприношеніе какому нибудь

¹⁾ Такъ какъ казнь происходила зимою.

богу войны или другому невидимому покровителю Китая. Другихъ священныхъ обрядовъ при этомъ не исполнялось; конфирмація преступникамъ была прочитана еще наканунѣ казни въ тюремѣ.

Рубка головъ продолжалась съ четверть часа, причеиъ палачи кричали, шумѣли и производили какой-то шипящій звукъ: жа-жа-жа и уо-уо-уо и т. п. Крика преступниковъ не было слышно, ибо они были такъ плотно привязаны, что не могли кричать.

Чиновники, исполнители этой казни, ни разу не подходили къ преступникамъ и не осмотрѣли ихъ, такъ что вмѣсто виновныхъ могли быть казнены другіе, если бы того захотѣли монголы или требовали какія либо обстоятельства. Я, между прочимъ, спросилъ ихъ шутя: «отчего они лично не осмотрѣли преступниковъ, быть можетъ, ихъ подмѣнили дорогой другими?» Чиновники отвѣтили мнѣ, что подлогъ невозможенъ, а смотрѣть ихъ они боятся.

Страхъ ихъ былъ понятенъ, потому что распорядители были старшіе секретари амбанскаго ямуна, люди письменные и мирные. Нашъ разговоръ былъ прерванъ вошедшимъ монгольскимъ чиновникомъ, который, преклонивъ колѣно предъ жертвоприношеніемъ и манчжурскими чиновниками, произнесъ: «отрублены 23-мъ преступникамъ головы». Въ тотъ же моментъ два монгола, стоявшіе по сторонамъ жертвоприношенія, швырнули столики съ яствами въ блюдахъ и горѣвшія свѣчи. Когда же всѣ вышли изъ юрты, 10 солдатъ дали залпъ изъ ружей, что означало исполненіе богдыханскаго велѣнія.

Палачи, окончивъ свое дѣло, возвращались въ палатку съ обрызганными кровью лицами и руками; они разговаривали между собою шутливымъ тономъ и смѣялись. Я пошелъ къ обезглавленнымъ трупамъ, изъ которыхъ ручьями струилась свѣжая кровь и шелъ теплый паръ; головы лежали на землѣ съ совершенно побѣлѣвшими лицами и закрытыми глазами.

Мнѣ послѣ рассказывали наши русскіе, которые ѣздили вмѣстѣ со мной, что сѣкиры и топоры палачей ступились послѣ отсѣченія нѣсколькихъ головъ, и что потомъ не могли отрубить головы съ двухъ и трехъ ударовъ, такъ что послѣдніе несчастные должны были вынести до 10 ударовъ.

Толкаясь между монголами и возвращаясь къ санямъ своимъ, я спросилъ одного монгольскаго чиновника: «отчего 23-мъ преступникамъ отрублены головы, а 24-го пощадили?» Онъ отвѣтилъ мнѣ, что у нихъ есть иногда обыкновеніе прощать одному изъ преступниковъ, поэтому одного увели къ манчжурскимъ чиновникамъ просить прощенія. Но, увы, ему не прощено и приказано отрубить голову. Несчастнаго снова повлекли къ мѣсту бойни. Онъ горько заливался слезами и умолялъ палачей не рубить ему головы. Но все было напрасно. Его положили на телѣгу къ двумъ обезглавленнымъ трупамъ и привязали головою къ колесу. Палачъ съ какимъ-то оже-

сточи́емъ началъ наносить удары топоромъ по шеѣ. Преступникъ, не издавая звука, только страшными конвульсіями давалъ знать о теплящейся еще искрѣ жизни въ его существѣ. Но прекратились и эти предсмертныя движенія, и съ девятымъ ударомъ отлетѣла послѣдняя 24-я голова.

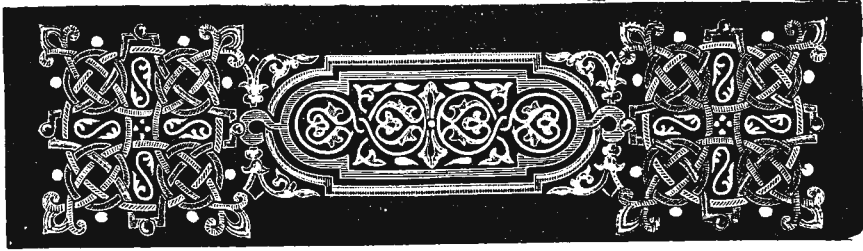
Этимъ окончилась казнь. Монголы вдругъ засуетились, стали развязывать трупы и разбрасывать ихъ на всѣ четыре стороны, а отрубенныя головы запирать въ клѣтки для отсылки на родину казненныхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я покинулъ это страшное и позорное зрѣлище. Любопытство мое было удовлетворено, но и оставило тяжелое, неизгладимое впечатлѣніе.

Сообщилъ Н. фонъ-Фохтъ.

Г. Ровно. 1898 г.

ИЗЪ ИСТОРИИ ЛЮТЕРАНСКАГО СЕКТАНТСТВА ВЪ ЭСТЛЯНДИИ.

(Очерки).

СЕФОРМАЦІЯ проникла въ Прибалтійскій край въ XVI вѣкѣ, встрѣченная довольно сильнымъ протестомъ со стороны земельного дворянства и горожанъ и принятая совершенно пассивно сельскимъ населеніемъ, которому въ сущности было совершенно все равно, будетъ ли оно въ подчиненіи у ксендза или у пастора. Какъ прежнее католичество, такъ и явившееся ему на смѣну въ краѣ лютеранство, было одинаково чуждо простому народу, въ глазахъ котораго, въ виду спутанности и неустойчивости его религиозныхъ воззрѣній, это была религія господъ. Жившіе на днѣ народной души остатки прежнихъ вѣрованій, въ тайнѣ соблюдаемые языческіе обычаи и обряды восполняли собою въ туземномъ населеніи неудовлетворенную религиозную потребность, ощущаемую въ официальной церкви съ безжалостнымъ вотчинно-начальническимъ отношеніемъ духовенства къ своей паствѣ.

«Просвѣтительная» дѣятельность лютеранскаго духовенства въ краѣ, до покоренія его Швеціей, выразилась лишь въ томъ, что въ 1555 году былъ впервые изданъ на мѣстномъ языкѣ краткій катехизисъ Лютера. Только въ XVII вѣкѣ, по покореніи Ливоніи шведами при Густавъ-Адольфѣ, стали появляться тамъ школы и посылались въ Балтійскій край миссіонеры для искорененія язычества и просвѣщенія народа, о которомъ мало пеклись ливонскіе пасторы.

Шведское правительство заботилось не только объ одномъ просвѣщеніи народа, но и объ ограниченіи произвола помѣщиковъ, распоряжавшихся на своихъ земляхъ по средневѣковымъ обычаямъ, стремясь постепенно къ полному уничтоженію въ краѣ крѣпостного права. Эти стремленія вызывали громкіе протесты со стороны мѣстнаго дворянства. Когда, въ началѣ XVIII столѣтія, по покореніи края Петромъ Великимъ, русское правительство возвратило мѣстнымъ землевладѣльцамъ ихъ прежнія права и привилегіи, дѣятельность шведскихъ миссіонеровъ сразу ослабла, а затѣмъ и совершенно прекратилась. Нѣмецкіе же пасторы держались вдали отъ народа, болѣе заботясь о взиманіи церковныхъ повинностей, чѣмъ о просвѣщеніи паствы...

Трудно и безысходно было положеніе этой несчастной паствы въ прежнія времена, когда кирка была прежде всего лобнымъ мѣстомъ, такъ какъ близъ ея стѣнъ ставился позорный столбъ, у котораго производились экзекуціи надъ крѣпостными, по приказанію свѣтскихъ и духовныхъ господъ, а въ стѣнахъ храма раздавались лишь проповѣди о покорности помѣщикамъ и, конечно, пасторамъ, у которыхъ угнетенный народъ не находилъ ни совѣта, ни утѣшенія, ни поддержки!

Это ужасное время, къ счастью, навсегда миновало, но оно оставило по себѣ, какъ и слѣдовало ожидать, слѣды въ народѣ, въ его теперешнемъ отношеніи къ пасторамъ и киркѣ,—отношеніи, далеко несочувственномъ къ представителямъ лютеранской церкви въ краѣ, и по сіе время недостаточно заботящимся о духовной жизни населенія.

Лютеранскій пасторъ въ краѣ является въ отношеніи населенія тѣмъ же помѣщикомъ. Онъ сдаетъ свой пасторатскій участокъ въ аренду своимъ же «пасомымъ» и частенько на условіяхъ гораздо болѣе тяжкихъ, чѣмъ помѣщикъ-землевладѣлецъ. Совершенно естественно, что крестьяне не могутъ отдѣлится въ своихъ понятіяхъ личности своего пастора, какъ духовнаго наставника, отъ арендателя и хозяина, то-есть уважать въ немъ духовный санъ, находясь у него въ то же время въ матеріальной кабалѣ. При этомъ корыстолюбіе большинства пасторовъ¹⁾, ихъ требовательность при взиманіи съ крестьянъ церковныхъ повинностей и общность ихъ интересовъ съ интересами помѣщиковъ,—все это, къ сожалѣнію, возбуждаетъ противъ нихъ крестьянское населеніе края и роняетъ ихъ авторитетъ въ глазахъ послѣдняго.

Что же остается дѣлать народу, не находящему нравственнаго успокоенія въ своей церкви съ пасторомъ-помѣщикомъ во главѣ?

¹⁾ По всему Прибалтійскому краю ходитъ изъ устъ въ уста масса анекдотовъ, въ которыхъ вышучивается, главнымъ образомъ, корыстолюбіе и жадность мѣстныхъ пасторовъ.

Искать истины въ молитвенныхъ собесѣдованіяхъ такихъ же алчущихъ, устраиваемыхъ въ частныхъ домахъ, внѣ кирки. Тамъ ищущіе правды и нравственнаго успокоенія сходятся во имя любви и, позабывъ хоть на время неизбежнаго пастора съ безсердечной проповѣдью о геенѣ огненной за неповиновеніе ему паствы, читаютъ и толкуютъ Евангеліе и Св. Писаніе, толкуютъ часто неправильно... Но, прочтя вышеизложенное, скажите, читатель, можно ли осуждать «малыхъ сихъ»?...

Такъ подготовлялась сама собой почва для сектантства, достигнуаго большого распространенія въ краѣ.

Предлагаемые ниже очерки сектантскаго движенія въ Эстляндіи дадутъ читателямъ общее понятіе о лютеранскомъ расколѣ въ Балтійскомъ краѣ и той удивительной роли, которую играетъ въ этомъ движеніи кирка.

I.

Начнемъ съ гернгутеровъ.

Въ Россіи гернгутеры особенно извѣстны по своей колоніи «Сарептѣ», въ Саратовской губерніи. Начало этой секты относится къ XV вѣку. Основателемъ ея былъ чешскій полякъ Чельчицкій, ревностный ученикъ Яна Гуса. Называясь прежде «моравскими» или «богемскими братьями» и сильно разнясь въ своемъ ученіи отъ лютеранства, гернгутеры претерпѣвали, въ первую эпоху основанія своей общины, гоненія и отъ католиковъ, и отъ послѣдователей Лютера. Затѣмъ, въ XVII вѣкѣ, между «братьями» и реформаціей состоялось соглашеніе, и исповѣданіе секты было разрѣшено особымъ эдиктомъ императора Рудольфа II. Подвергшись снова упорному преслѣдованію во время 30-ти-лѣтней войны, «моравскіе братья» нашли себѣ сильнаго покровителя въ лицѣ либеральнаго и просвѣщеннаго графа Цинцелдорфа, крупнаго саксонскаго землевладѣльца, который предложилъ имъ убѣжище въ своемъ имѣніи, гдѣ сектанты и устроили впоследствии свою колонію «Гернгуть» (Hernhut), давшую собой названіе общинѣ. Въ 1750 году гернгутеры приняли «аугсбургское исповѣданіе» и съ того времени считаются сектой въ лютеранской церкви подъ названіемъ «Евангелическое братское общество».

Гернгутеры отличаются отъ лютеранства взглядомъ на «аугсбургское исповѣданіе», какъ на символическую книгу, которую можно толковать произвольно, и главнымъ образомъ своимъ церковнымъ устройствомъ, имѣя своихъ собственныхъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, словомъ, свою совершенно особую іерархію.

Въ Прибалтійскій край, а именно въ Лифляндію, гернгутеры проникли въ началѣ прошлаго столѣтія, въ 1729 году, когда мѣст-

ное дворянство пригласило ихъ къ себѣ, будучи недовольно своимъ духовенствомъ. Отсюда вскорѣ гернгутеры проникли и въ сосѣднюю Эстляндію.

Быстрымъ успѣхамъ гернгутеровъ въ Балтійскомъ краѣ очень много способствовали указы императрицы Екатерины II (1764 г.) о разрѣшеніи сектантамъ поселенія въ Россіи съ правомъ свободы совѣсти, исповѣданія и церкви, и императора Александра I (1817), подтвердившаго милости въ отношеніи гернгутеровъ своей великой бабки. Въ 1834 г. секта достигла полного процвѣтанія въ Россіи. Въ 1893 г. гернгутеры имѣли въ Эстляндской губерніи 47 молитвенныхъ домовъ въ 36 приходохъ, а въ Лифляндской губерніи 157 молитвенныхъ дома въ 57 приходохъ. Эти 204 молитвенныхъ дома посѣщались, по приблизительному вычисленію, 60.000 постоянныхъ и 30.000 случайныхъ прихожанъ.

Въ послѣдніе годы число посѣтителей гернгутерскихъ молитвенныхъ домовъ, особенно въ эстонской части Лифляндіи, простиралось, въ 1893 г., до 50.000 человѣкъ.

Какъ относится и относилось къ гернгутерамъ современное лютеранское духовенство? Сначала оно строго запрещало своей паствѣ посѣщать гернгутерскія богомоленія, но затѣмъ начало относиться къ этому вопросу съ мудростью практика, заботящагося лишь о формѣ, а не о сущности ученія. Пасторы, приблизительно съ сороковыхъ годовъ, начали позволять лютеранамъ бывать на собраніяхъ гернгутеровъ, но подъ условіемъ не отдѣляться отъ лютеранства и посѣщать по воскресеньямъ и въ праздники кирку. Этимъ лютеранская церковь какъ бы молчаливо санкціонировала гернгутерство въ краѣ. Съ своей стороны гернгутеры не требовали отъ посѣтителей своихъ молитвенныхъ собраній отпаденія отъ той церкви, къ которой они принадлежали. Приходящихъ къ нимъ молиться гернгутеры радостно принимаютъ, признавая ихъ и себя «соединенными между собою братскою любовью и принадлежащими Единому Господу Богу Иисусу Христу» и считая себя и ихъ «одной общиной передъ Господомъ». Члены лютеранской церкви, посѣщающіе молитвенные дома гернгутеровъ, всецѣло остаются въ своей прежней церкви, исполняя ея обряды, прибывшіе же изъ-за границы и принадлежащіе къ «братской церкви» составляютъ совершенно независимую общину, независимую отъ лютеранской церкви, со своимъ особымъ духовенствомъ, рукополагаемымъ особыми епископами. Пресвитеровъ, замѣняющихъ у гернгутеровъ пасторовъ, было въ Эстляндіи, въ 1893 г., пятнадцать человѣкъ. Секта гернгутеровъ въ Эстляндіи въ сущности сама по себѣ не особенно обширна по числу своихъ членовъ, а прибывшихъ сюда изъ-за границы «братьевъ» весьма немного. Значеніе и роль гернгутеровъ въ Балтійскомъ краѣ сказались, главнымъ образомъ, во время религіознаго броженія среди эстонцевъ. Лютеранская церковь очень

ловко воспользовалась тогда гернгутерами для удержанія отпадавших отъ нея эстовъ: посѣщая молитвенныя собранія «моравскихъ братьевъ», вполне разрѣшенныя киркой, эстонцы оставались тѣмъ самымъ въ лонѣ лютеранства, такъ какъ гернгутеры не требовали отъ нихъ отпаденія отъ прежней церкви. Находя въ гернгутерскихъ богомоленіяхъ нравственное удовлетвореніе, эстонцы, посѣщая ихъ, тѣмъ самымъ не прерывали общенія и съ лютеранствомъ.

Молитвенныя собранія гернгутеровъ происходятъ въ особыхъ домахъ, специально для этого отведенныхъ, и находятся подъ надзоромъ «діаконовъ» и ихъ помощниковъ. На этихъ собраніяхъ происходитъ чтеніе и пѣніе молитвъ, толкованіе св. писанія, проповѣди и чтеніе назидательныхъ книгъ.

Кромѣ этихъ общихъ (разъ въ мѣсяцъ) молитвенныхъ собраній и собраній административно-хозяйственнаго характера, устраиваемыхъ братствомъ для укрѣпленія внутренняго порядка общины, — въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Эстляндіи, гдѣ гернгутерство особенно процвѣтаетъ, учреждаются особыя молитвенныя сборища для холостыхъ, женатыхъ, замужнихъ, незамужнихъ и дѣтей. Здѣсь каждому члену братства разъясняются лежащія на немъ религіозно-нравственныя обязанности.

Окружныя гернгутерскія управленія въ Эстляндіи находятся: въ Либерте, въ приходѣ Кошь, Ревельскаго уѣзда, въ гор. Галсалѣ и въ имѣніи Тудолинѣ, въ приходѣ Исаакъ, Вевенбергскаго уѣзда.

Вслѣдъ за гернгутерами идутъ, по своему значенію въ край, скакуны.

Начало секты положилъ нѣкто Эстербломъ, назначенный въ 1872 г. евангелически-отечественнымъ институтомъ въ Стокгольмѣ¹⁾ учителемъ въ содержимую институтомъ на о-вѣ Вормсѣ школу. Хотя миссіонеръ Викандеръ, посѣтившій въ 1884 и 1885 гг. о-ва Вормсъ и Наргенъ, и увѣрялъ въ своихъ отчетахъ, представленныхъ тогдашнему эстляндскому губернатору, князю С. В. Шаховскому, что упомянутый институтъ противодѣйствуетъ развитію секты, врядъ ли, однако, можно отнестись съ довѣріемъ къ этому заявленію, такъ какъ названный Эстербломъ, вскорѣ по прибытіи на о-въ Вормсъ, сталъ дѣятельно распространять среди островитянъ брошюры известнаго «скакуна» Вальденстрема. Въ 1879 г. скакунство на о-вѣ Вормсѣ стало обращать на себя особенное вниманіе. Вышедшіе изъ народа скакунскіе проповѣдники перенесли

¹⁾ Евангелически-отечественный институтъ въ Стокгольмѣ имѣетъ главною цѣлью обращеніе въ христіанство язычниковъ, главнымъ образомъ, въ Африкѣ. Въ Эстляндіи же институтъ работаетъ лишь въ мѣстахъ, населеніе которыхъ говоритъ пошведски, дѣйствуя, будто бы, въ пользу шведской государственной церкви (отчетъ миссіонера Викандера эстляндскому губернатору, см. дѣло канцел. Эстляндск. губерніи, по 1 ст. за № 62). Институтъ содержитъ на Вормсѣ и Наргенѣ училища и учителей.

его на о-въ Даго и полуостровъ Нукэ. Вскорѣ затѣмъ мы видимъ послѣдователей ученія Эстерблома въ приходахъ Пеналь, Ретель, Мартенсъ, Гольденбекъ, въ Леалѣ, Кфеферѣ и, наконецъ, въ приходахъ Мерьямскомъ, Нисскомъ и Крейцскомъ.

Въ чемъ же заключается ученіе скакуновъ?

Кто читалъ про нашихъ скакуновъ и хлыстовъ, тотъ уже имѣетъ представленіе и о лютеранскомъ скакунствѣ. Произвольное толкованіе св. писанія, составляя общелютеранскій церковный принципъ, соединяется у скакуновъ съ вѣрой въ «освященіе» Св. Духомъ избранниковъ, получающихъ чрезъ это особую духовную прозорливость и даръ проповѣди. Это освященіе свыше происходитъ, по понятію учениковъ Эстерблома, при помощи экстаза. Доведеніе себя искусственными способами до такого именно состоянія и составляетъ всю цѣль скакунскихъ радѣній.

Собравшіеся топаютъ ногами, хлопаютъ въ ладоши, скачутъ, прыгаютъ, вертятся и, доходя до изнеможенія, зачастую впадаютъ въ эпилепсію. Доведя себя до высшей степени экзальтаціи, скакуны начинаютъ «проповѣдывать», и такъ какъ каждый толкуетъ св. писаніе по-своему,—получается полная дисгармонія въ религіозныхъ понятіяхъ, воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ этихъ экзальтированныхъ искателей истины.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такія собранія сектантовъ не обходятся безъ прискорбныхъ уклоненій, дѣлающихъ изъ нихъ безпутныя оргіи, полныя грубаго разврата ¹⁾. Не говоря уже о томъ, что состояніе духа, до котораго сознательно доводятъ себя скакуны на своихъ сходкахъ, весьма способствуетъ всевозможнымъ физиологическимъ эксцессамъ, самое понятіе объ общественной нравственности у послѣдователей Эстерблома настолько оригинально, что всевозможныя распутства считаются въ скакунствѣ дѣломъ зауряднымъ. Отрицаніе семьи и брачныхъ союзовъ весьма способствуетъ этой разнузданности. Свальный грѣхъ въ корчмахъ, на сѣновалахъ или даже... въ самомъ молитвенномъ домѣ является самымъ обыкновеннымъ концемъ радѣній. Бываетъ также, что доведенные до экстаза «алчущіе Духа Божія» выбѣгаютъ совершенно нагими на крышу дома, гдѣ происходила «духовная бесѣда», и ожидаютъ облака, которое должно унести ихъ на небо ²⁾... Одинъ изъ послѣдователей секты ирвингіанъ, о которой будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ, передавалъ намъ, что, насколько ему извѣстно, скакунскія радѣнія въ Эстляндіи сопровождаются иногда кровоиспусканіемъ и противоестественными пороками. Принимая во вниманіе экстазъ «радѣющихъ», въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго.

Скакунство имѣетъ большой успѣхъ въ Эстляндіи, особенно въ

¹⁾ «Рижскія Епархіальныя Вѣдомости», № 14, 1891 г.

²⁾ Ibid.

простомъ народѣ, поощряя его чувственные инстинкты. По официальнымъ даннымъ, количество скакуновъ въ Эстляндской губерніи доходило въ 1893 г. до 840 человекъ, что составляетъ 6,4%¹⁾ всѣхъ вообще сектантовъ въ этой губерніи, считая также и гернгутеровъ; если же откинуть послѣднихъ, что было бы вполне справедливо, такъ какъ эстляндскіе гернгутеры, какъ уже знаютъ читатели, находятся въ единеніи съ лютеранской церковью, то около 84% всѣхъ сектантовъ въ Эстляндіи падаетъ на долю скакуновъ, причемъ 20% изъ числа всѣхъ скакуновъ въ Эстляндіи приходится на Гапсаль и его уѣздъ¹⁾).

Достоинно также вниманія то обстоятельство, что среди эстонскихъ скакуновъ преобладающимъ элементомъ являются женщины: изъ 840 сектантовъ—533 особы прекраснаго пола. Такимъ образомъ секта скакуновъ въ Эстляндіи держится главнымъ образомъ правнучками Евы. Чѣмъ объясняется это, склонностью ли слабаго пола къ ученію, покровительствующему легкому отношенію къ морали и отрицающему тяжелья «цѣпи Гименея», или тѣмъ, что экстазу, процвѣтающему въ скакунствѣ, особенно подвержены женщины, обладающія болѣе воспримчивой нервной системой, чѣмъ мужчины,—трудно сказать.

По свѣдѣніямъ ревельской полиціи²⁾, скакуны не посѣщаютъ кирокъ, отрицаютъ лютеранскихъ пасторовъ, причащаются св. тайнъ единолично, т. е. каждый причащается св. Тѣла и Крови самъ и затѣмъ передаетъ св. дары другому, а таинство крещенія совершаютъ надъ взрослыми, подготовленными къ понятію о святости таинства.

Мы сказали уже, что въ скакунствѣ является проповѣдникомъ всякій, кто почувствуетъ въ себѣ даръ проповѣди, причемъ каждый объясняетъ св. писаніе по своему. Определеннаго ученія секты поэтому нѣтъ и быть не можетъ. Хотя секта эта и имѣетъ значительный успѣхъ въ Эстляндіи, однако, при процвѣтаніи тамъ другихъ сектъ, болѣе определеннаго характера, скакунство можетъ быть поглощено ими и перестать существовать, какъ отдѣльная община.

Ирвингянство, о которомъ мы упомянули выше, явилось въ Россію и Прибалтійскій край въ тридцатыхъ годахъ³⁾ изъ Англіи, гдѣ пасторы Левисъ Вэй (Way) и Эдвардъ Ирвингъ проповѣдывали о близости второго пришествія Иисуса Христа и о необходимости людямъ приготовиться къ достойной Его встрѣчѣ.

Въ Эстляндію ирвингянство проникло въ 1874 г. Проповѣдникомъ его въ Ревелѣ былъ нѣкій унтеръ-офицеръ, по фамиліи Карлъ

¹⁾ «Лютеранскія секты въ Эстляндской губерніи», Ревель, 1893 г., стр. 13. (Составлено канцеляріей бывшаго эстляндскаго губернатора князя С. В. Шаховскаго).

²⁾ Ibid., стр. 12.

³⁾ Г. Линденбергъ, Протестантскія секты, «Рижскія Епархіальныя Вѣдомости», № 12, 1891 г.

Крейцманъ, латышъ по происхожденію. Отсюда секта проникла въ волость Кюрьемяги Пенальскаго прихода, гдѣ сразу приобрѣла 60 прозелитовъ.

По ученію ирвингіанъ, христіанство со временъ апостоловъ со-вратилось съ пути истины, преподанной людямъ Христомъ Спасителемъ.

Сдѣлать церковь Христову, при помощи реформъ въ области догмы, іерархіи и обряда, такую, какою она была въ вѣкъ апостольскій, составляетъ священную задачу разсматриваемой нами секты.

Въ отличіе отъ лютеранъ, ирвингіане признають таинствами, кромѣ причащенія и крещенія, миропомазаніе, священство, покаяніе и бракъ. Особой оригинальностью, напоминающею собою организацію древне-христіанской общины вѣка апостольскаго, отличается іерархія ирвингіанъ. Такъ, мы видимъ у нихъ «апостоловъ», «пророковъ», «ангеловъ» (епископы въ древне-христіанской общинѣ) и «евангелистовъ». «Апостолы», которыхъ должно быть всегда двѣнадцать, являются высшими правителями ирвингіанской секты, рукополагая церковнослужителей. «Пророки» сектантовъ претендуютъ на всестороннее знаніе и пониманіе ветхозавѣтныхъ книгъ. «Евангелисты» получаютъ отъ «апостоловъ» право проповѣдывать Евангеліе. «Ангелы» руководятъ отдѣльными церковными общинами, совершаютъ богослуженіе, требы и проповѣдуютъ. У ирвингіанъ есть еще «діаконы», которые, не представляя собой особой іерархической степени, специально завѣдуютъ дѣлами благотворительности.

Одно изъ важнѣйшихъ вѣрованій ирвингіанъ—это ученіе о двухъ грядущихъ пришествіяхъ въ міръ І. Христа. Первое пришествіе Сына Божія будетъ, по убѣжденію сектантовъ, тайное, видимое только ирвингіанамъ, второе же явное, которое узрятъ всѣ истинно вѣрующіе. Во время второго пришествія І. Христа всѣ, оставшіеся вѣрными Словоу Божію, будутъ вознесены облакомъ на небо,—такимъ образомъ вся церковь земная и видимая сдѣлается церковью небесной и невидимой и избавится отъ будущихъ бѣдствій: пришествія антихриста, царства сатаны и свѣтопреставленія...

Ирвингіане имѣютъ, кромѣ послѣдователей секты, проживающихъ въ Ревелѣ и Галсалѣ и ихъ уѣздахъ, прозелитовъ въ Ригѣ, Митавѣ, Либавѣ и Петербургѣ ¹⁾.

Въ Ревелѣ въ 1886 г. ирвингіанъ насчитывалось 60—70 человекъ, въ 1891 г. ихъ было уже 110 (75 женщинъ и 35 мужчинъ).

Въ настоящее время въ Эстляндской губерніи, по частнымъ, имѣющимся у насъ, свѣдѣніямъ, ихъ свыше 250 человекъ—секта, очевидно, прогрессируетъ весьма успѣшно.

¹⁾ Прошеніе членовъ апостольской церкви (ирвингіанъ), поданное бывшему эстляндскому губернатору, князю С. В. Шаховскому, въ мартѣ 1886 г.

«истор. вѣстн.», июнь, 1898 г., т. LXXII.

Въ Петербургѣ ирвингіанская община находится подъ непосредственнымъ наблюдениемъ «епископа» В. А. Дитмана, доктора-гомеопата по специальности.

Община, называющая себя въ официальныхъ сношеніяхъ «апостольской церковью», имѣетъ свою особую церковь въ лучшей части столицы, а именно на Сергіевской улицѣ, въ домѣ подъ № 10. Церковь довольно помѣстительна и находится во дворѣ. Въ воскресенье и четвергъ здѣсь совершается богослуженіе по ирвингіанскому обряду; въ четвергъ служба происходитъ на русскомъ языкѣ и предназначается специально для русскихъ прозелитовъ секты.

Спѣшимъ подѣлиться здѣсь съ читателями нашими личными впечатлѣніями отъ посѣщенія ирвингіанской церкви въ Петербургѣ.

Въ одно изъ воскресеній, осенью прошлаго года, мы поѣхали, въ одиннадцатомъ часу утра «къ Дитману», какъ принято обозначать ирвингіанскія богомоленія на Сергіевской улицѣ въ «свѣтѣ», гдѣ ирвингіанская община пользуется немалымъ успѣхомъ и гдѣ имѣетъ сторонниковъ и покровителей болѣе сильныхъ, чѣмъ всякая иная лютеранская секта въ Россіи... Утро было сѣренькое, слегка моросилъ дождь. Пройдя обширный дворъ, мы повернули направо и черезъ небольшія сѣни очутились въ длинноватой, слабо освѣщенной свѣтомъ изъ оконъ, комнатѣ, уставленной поперекъ скамьями, на подобіе внутренности лютеранскаго храма. Направо отъ входной двери, въ глубинѣ комнаты, на нѣкоторомъ возвышеніи помѣщался алтарь обшлутеранскаго типа.

Мы сѣли на одну изъ серединныхъ скамеекъ и стали прислушиваться къ богослуженію. Какой-то господинъ съ сѣдыми бакенами, красноватымъ лицомъ и сосредоточенно-безучастнымъ взглядомъ, напоминающій собою нѣмецкаго коммерсанта Балтійскаго края, молча подвинулъ къ намъ лежавшую на пюитрѣ, предъ скамейкой, книгу въ черномъ кожаномъ переплетѣ и затѣмъ указалъ въ ней уже заложное мѣсто. Это была книга псалмовъ общины, а мѣсто, указанное сосѣдомъ, — псаломъ, только что исполненный присутствовавшими. «Пресвитеръ» въ бѣлой одеждѣ читалъ предъ алтаремъ нѣмецки какую-то молитву. Мы оглянули ряды молящихся. Въ заднихъ рядахъ — мелкіе мастерове нѣмецкой внѣшности, въ переднихъ — смѣшанный людъ, не имѣющій опредѣленной физіономіи. Здѣсь мы увидѣли и фигуры, напоминающія петербургскихъ чиновниковъ, и военныхъ, и бѣдно одѣтыхъ старушекъ-салопницъ, и сестеръ милосердія въ полумонашескихъ одеждахъ и бѣлоснѣжныхъ капюшонахъ, и свѣтскихъ дамъ и кавалеровъ. У всѣхъ были молитвенники въ рукахъ. «Пресвитеръ» все читалъ молитвы, то быстро и невнятно, то отчеканивая слова и съ разстановкой. Отъ времени до времени присутствовавшіе сразу всѣ вставали и пѣли въ одинъ голосъ и довольно нескладно псалмы, держа передъ глазами молитвенники. Но вотъ чей-то сначала невнятный женскій голосъ съ

первыхъ скамеекъ вдругъ сталъ сперва тихо, а потомъ все громче и громче, выкрикивать что-то совершенно непонятное. Какіе-то удивительные звуки на несуществующемъ въ мірѣ языкѣ сыпались, какъ горохъ, при общемъ благоговѣйномъ молчаніи...

«Пресвитеръ» и его помощники также притихли и внимали полной пожилой дамѣ въ темномъ дорогомъ ватерпруфѣ (присутствующіе сидѣли въ верхнихъ платьяхъ), уже начинавшей выкрикивать непонятныя слова съ возрастающей экзальтаціей. «Духъ Святыи одарилъ ее даромъ языковъ», пояснилъ мнѣ понѣмецки мой сосѣдъ, а между тѣмъ дама продолжала уже кричать во весь голосъ съ замѣтной хрипотой. Вдругъ она неожиданно умолкла, упавъ въ изнеможеніи на руки сидѣвшей возлѣ другой дамы. Ее мгновенно окружили, стараясь привести въ чувства. «Счастливица, — услышали мы вблизи себя, — c'est le Saint Esprit qui l'a fait parler!» — «Oh, yes!» — раздался флегматическій отвѣтъ. Мы оглянулись: это пятнадцатилѣтняя барышня-подростокъ разговаривала съ своей бонной-англичанкой...

Вернемся, однако, къ эстляндскимъ ирвингіанамъ.

Въ мартѣ 1886 г. настоятелемъ ирвингіанской общины Михелемъ Мутсу, діакономъ Парманомъ и подъ-діакономъ П. Мутсу было подано тогдашнему эстляндскому губернатору князю С. В. Шаховскому прошеніе отъ имени прихожанъ Кирьемегскаго общества, Ретельскаго прихода, о разрѣшеніи имъ собираться для молитвы въ особо устроенномъ для сего домѣ. Мотивомъ къ этому ходатайству послужило закрытіе, въ февралѣ того же года, штрандвикскимъ гаккенрихтеромъ (уѣздный начальникъ дореформенной эпохи въ Прибалтійскомъ краѣ) молитвенныхъ собраній ирвингіанъ, по настоянію мѣстнаго пастора Михельсона, старавшагося предотвратить развитіе секты, въ выстроенномъ сектантами собственномъ домикѣ на 50 человекъ, куда они перенесли свои бесѣды изъ деревенской избы, послѣ того какъ названнымъ пасторомъ были лишены св. причастія. Слишкомъ ревностный пасторъ своимъ неумѣлымъ образомъ дѣйствій добился совершенно не того, чего желалъ.

Такъ какъ ирвингіанство было рассматриваемо сначала, по малому знакомству съ сектой, какъ баптизмъ, что совершенно ошибочно, — вышеприведенное ходатайство было удовлетворено 7 апрѣля 1886 г., на основаніи высочайше утвержденнаго 27 марта 1879 г. мнѣнія государственнаго совѣта. Однако, впослѣдствіи гапсальскимъ ирвингіанамъ было запрещено собираться для богослуженій¹⁾.

Въ декабрѣ 1892 г. ирвингіанскій пресвитеръ въ Ревелѣ, Мальмъ, рукоположенный уже знакомымъ читателямъ «епископомъ» В. Дитманомъ, снова подаль эстляндскому губернатору прошеніе объ официальномъ признаніи за общиной права существованія и проповѣди

¹⁾ Лютеранскія секты въ Эстляндской губ., Ревель, 1893 г., стр. 19.

повсемѣстно въ губерніи. Просьба эта объяснялась тѣмъ, что лютеранское духовенство причиняетъ де сектѣ всевозможныя затрудненія, отказывая ей въ совершѣніи христіанскихъ требъ и таинствъ ¹⁾.

Намъ неизвѣстно въ точности о результатѣ этого ходатайства пресвитера Мальма, но въ бытность нашу въ Ревелѣ, въ 1893 — 1895 г.г., тамъ безпрепятственно происходили ирвингянскія богомоленія въ одномъ изъ домовъ лучшей улицы въ Ревелѣ, Нарвской, соединяющей русскій рынокъ съ Екатерининскимъ. Тогда же намъ привелось видѣть и одного изъ поборниковъ этой секты, графа С., принадлежащаго къ мѣстной аристократіи. Графъ, по слухамъ, пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла секты, какъ въ Эстляндіи, такъ и въ Петербургѣ, гдѣ, благодаря своимъ сильнымъ связямъ, ему удавалось оказывать сектѣ немало услугъ.

Родственникъ графа С., живущій въ настоящее время безвыѣздно въ г. Венденѣ, Лифляндской губ., былъ нѣкогда директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Наружность графа С., его манера держаться сразу останавливаютъ на немъ вниманіе. Предъ вами средняго роста пожилой человѣкъ съ удивительно большими, черными, блестящими глазами, взглядъ которыхъ трудно выдержать, — до такой степени они какъ бы проникаютъ къ вамъ въ душу и читаютъ ваши сокровеннѣйшія мысли. На губахъ графа играетъ грустно-скептическая улыбка, а когда онъ говоритъ, то вы невольно заслушаетесь: кого-кого онъ только не знаетъ, съ кѣмъ только не встрѣчался въ жизни, чего только не испыталъ! При этомъ всѣ рассказы графа С. покрыты нѣкоторой таинственностью, они всегда словно недосказаны на самомъ интересномъ мѣстѣ, подчасъ даже иносказательны, и съ туманнымъ указаніемъ мѣстъ, лицъ (зачастую историческихъ) и источниковъ, откуда они почерпнуты...

Баптистовъ Эстляндской губерніи, за которыхъ одно время ошибочно принимали ирвингянъ, какъ развѣтвленіе этой секты, не должно смѣшивать съ анабаптистами Германіи XVI в., образовавшими въ Мюнстерѣ свое государство и выдѣлившими впоследствии отъ себя менонитовъ.

Эстляндскіе баптисты выродились изъ такъ называемыхъ «новыхъ баптистовъ», появившихся въ началѣ XVII в. въ Англіи, подъ вліяніемъ пуританъ и индепендентовъ. «Новые баптисты» держатся буквы св. писанія, не дѣлая различія между Вѣтхимъ и Новымъ Заветами и допускаютъ произвольное толкованіе Библии, причемъ отвергаютъ какую бы то ни было опредѣленную норму вѣроученія. Секта распадается на множество всевозможныхъ толковъ.

Изъ Англіи баптисты проникли въ Америку, а оттуда перешли въ Германію, гдѣ имѣли большой успѣхъ.

¹⁾ Лютеранскія секты въ Эстляндской губ., Ревель, 1893 г., стр. 19.

Дѣятельность баптистовъ въ Эстляндіи сравнительно недавняя, она появилась тамъ съ 1882 г. ¹⁾ Въ 1883 г. у баптистовъ въ Гапсалѣ былъ уже особый домъ для богомоленій и молитвенныхъ собраний. Въ ноябрѣ того же года крестьяне Михель Краббе, Августъ Югансенъ и Тенно Лаасъ обратились къ губернскому начальству съ просьбою о разрѣшеніи имъ совершать богослуженіе по баптистскому обряду.

Первоначальное движеніе баптизма стало обнаруживаться на о. Вормсѣ, гдѣ процвѣтало скакунство, и почва для воспріятія всевозможныхъ расколоученій была вполне благопріятна. Ретельскій церковный попечитель доноситъ, отъ 20-го октября 1883 г., инаугулярвикскому гаккенрихтеру, что кое-кто изъ молодежи ретельскаго прихода побывалъ, въ сентябрѣ 1882 г., на о. Вормсѣ, и что съ тѣхъ именно поръ въ Ретелѣ обнаружилось движеніе къ баптизму. Во главѣ движенія стояли молодые люди 20—30 лѣтъ. Число баптистовъ ретельскаго прихода въ 1883 г. насчитывалось до 70 чел.

Немало содѣйствовалъ также развитію баптизма въ Эстляндіи бывший проповѣдникъ петербургскаго баптистскаго прихода, пасторъ Шиве, перешедшій въ 1884 г. въ Гапсальскій уѣздъ. Въ первое же время пребыванія своего въ Гапсальскомъ уѣздѣ онъ присоединилъ къ баптизму, по официальнымъ свѣдѣніямъ, 30 человекъ, а въ іюлѣ того же года перешло въ Гапсалѣ въ баптизмъ 150 человекъ. Далѣе, подъ прошеніемъ, поданнымъ мѣстной администраціи, въ октябрѣ 1884 г., объ утвержденіи въ званіи баптистскихъ проповѣдниковъ предназначенныхъ для этого лицъ, значилось уже 173 подписи.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ баптистскомъ движеніи Балтійскаго края, какъ и въ скакунствѣ, численный перевѣсъ опять остается за женщинами, а именно изъ 173 вышеупомянутыхъ подписей 115 принадлежало женщинамъ и только 58 мужчинамъ.

Изъ Гапсаля Шиве перенесъ свою дѣятельность въ Ревель (гдѣ особаго успѣха не имѣлъ), на Нукэ и на Вормсѣ.

Особенностью баптистской секты должно считать церковныя пѣснопѣнія, составляющія главнѣйшую часть богомоленія у баптистовъ. Этимъ пѣснопѣніямъ баптизмъ обязанъ своимъ быстрымъ успѣхомъ среди эстовъ, необыкновенно склонныхъ къ пѣнію, что между прочимъ сказывается и въ великомъ множествѣ у эстонцевъ нашего Балтійскаго края всевозможныхъ пѣвческихъ обществъ. У сосѣднихъ латышей Лифляндіи также обнаруживается страсть къ пѣснѣ. Эта любовь къ пѣнію у народностей, населяющихъ наше балтійское побережье, объясняется угрюмымъ, замкнутымъ и грустнымъ характеромъ этихъ племенъ, сложившимся подъ непрерывнымъ гнетомъ судьбы, отдававшей ихъ попеременно во власть ордена, датчанъ и

¹⁾ Линденбергъ, *op. cit.*, и Лютеранскія секты въ Эстляндской губ.

шведовъ, что поселило въ ихъ душѣ скрытую злобу и ненависть къ притѣснителямъ и наложило на нравственный обликъ эстовъ и латышей тотъ отгалкивающій отпечатокъ, который кладетъ на челоуѣка беспросвѣтное рабство. Только въ своихъ пѣсняхъ, заунывныхъ и нагоняющихъ тоску на самое веселое сердце, маленькія народности нашей Балтики «отводили душу», находили отдохновение, хоть на минуту, отъ мрачной дѣйствительности.

Пѣсни баптистскихъ молитвенныхъ собраній охотно распѣваются эстами и привлекаютъ въ баптизмъ голубоглазыхъ и златокудрыхъ потомковъ легендарнаго Калевы. Пѣсни эти изображаютъ мрачными красками все ужасы земной юдоли и вмѣстѣ съ тѣмъ воспѣваютъ блаженства вѣрующихъ «въ новомъ Іерусалимѣ», который они обрящутъ на томъ свѣтѣ.

Съ лютеранскою церковью баптизмъ не могъ прійти къ соглашенію, и лютеранскіе пасторы чуждаются баптистовъ, которые въ свою очередь упорно держатся своей среды и не посѣщаютъ кирки, что дѣлаютъ гернгутеры, имѣющіе въ своей средѣ множество лютеранъ, о чемъ подробно говорено выше.

По официальнымъ даннымъ, баптистовъ въ Эстляндской губерніи насчитывалось въ 1893 г. 381 чел., изъ которыхъ около 60% женщины.

Большинство сектантовъ проживаетъ въ г. Гапсалѣ и Гапсальскомъ уѣздѣ.

По самымъ послѣднимъ извѣстіямъ, замѣчается сильное развитіе секты въ Лифляндской губерніи, а именно въ г. Перновѣ. Каждый вечеръ, по словамъ эстонской газеты «Eesti Postimees», въ молитвенныхъ собраніяхъ перновскихъ баптистовъ выступаютъ все новые и новые проповѣдники, прибывающіе сюда изъ Ревеля, Гапсаля и Везенберга. Въ послѣднее время съ большимъ успѣхомъ выступалъ на этихъ собраніяхъ А. Фрей, авторъ извѣстной книги «Земля, гдѣ жилъ Христосъ», и проповѣдывалъ въ теченіе двухъ вечеровъ сряду. Такъ какъ г. Фрей, латышъ изъ Риги, слабоватъ въ эстонскомъ языкѣ и предпочиталъ говорить на своемъ родномъ, то для многочисленныхъ эстонцевъ, присутствовавшихъ на собраніи, проповѣдь пришлось переводить на эстонскій языкъ.

II.

До сихъ поръ мы говорили о сектахъ Эстляндской губерніи, имѣющихъ хотя какую нибудь организацію.

Слѣдуетъ перейти теперь къ такимъ сектантскимъ ученіямъ, которыя не имѣютъ никакой организаціи и представляются въ нравственно-хаотическомъ состояніи. Ранѣе, однако, чѣмъ перейти къ нимъ, скажемъ нѣсколько словъ еще объ одной сектѣ, подходящей подъ первую категорію сектъ, а именно о сектѣ мальцфельдов-

цевъ, почти уже совсѣмъ въ настоящее время исчезнувшей изъ Эстляндіи ¹⁾).

Секта эта названа именемъ своего основателя народнаго учителя Іоганна Мальцфельда, изъ деревеньки Лаактъ, подъ Ревелемъ.

Первоначально Мальцфельдъ проповѣдывалъ нравственную этику и возставалъ противъ пороковъ.

Со временемъ, однако, подъ вліяніемъ успѣха своей проповѣди и возросшаго вслѣдствіе этого самомнѣнія, онъ сталъ мнить себя пророкомъ, а затѣмъ во всеуслышаніе объявилъ себя Моисеемъ, предсказывалъ освобожденіе своихъ прозелитовъ «отъ рабства египетскаго» и обѣщалъ вывести «новый Израиль въ обѣтованную землю».

Въ 1862 году Мальцфельдъ, разочаровавшись въ дальнѣйшемъ развитіи своего ученія, которое состояло въ принципѣ воздержанія отъ излишествъ и аскетическихъ подвиговъ, удалился изъ Эстляндіи въ Симбирскую губернію къ нѣмецкимъ колонистамъ, куда вмѣстѣ съ нимъ ушли и нѣкоторые изъ его послѣдователей.

Послѣ Мальцфельда его секту поддерживалъ нѣкоторое время нѣкто Рейцъ, также народный учитель. При немъ сектанты, за усиленное почитаніе субботы, вмѣсто воскреснаго дня, стали называться субботниками.

По переписи 1881 года, въ Эстляндіи насчитывался лишь одинъ послѣдователь ученія Мальцфельда.

Очевидно, секта распалась, и ея приверженцы слились съ другими сектами.

По нашимъ свѣдѣніямъ, въ настоящее время существуетъ, однако, нѣсколько мальцфельдовцевъ въ Гапсальскомъ уѣздѣ, особенно богатомъ всевозможными сектами.

На секту «пробужденная вѣра» слѣдуетъ обратить главнымъ образомъ вниманіе, какъ на реакцію противъ безобразнаго и безнравственнаго скакунства, процвѣтающаго въ Эстляндіи, о которомъ мы подробно говорили въ своемъ мѣстѣ.

Основателемъ секты былъ прежній скакунъ, нѣкто Адо Поомъ, начавшій въ 1884 году уличать товарищей въ отступленія отъ св. писанія. Онъ учредилъ свою особую общину, не имѣющую опредѣленной фивіономіи. У послѣдователей Поома обряды совершаются отчасти по правиламъ лютеранской церкви, но встрѣчаются и значительныя отъ нихъ отступленія. Община, какъ кажется, отрицаетъ бракъ и крестить дѣтей не тотчасъ послѣ рожденія ²⁾).

Послѣдователи секты пытались, въ 1890 году, получить признаніе секты правительствомъ, но безуспѣшно.

Число прозелитовъ секты насчитывается въ настоящее время до 60 человѣкъ.

¹⁾ Лютеранскія секты въ Эстляндской губерніи. Ревель. 1893 г.

²⁾ Ibidem.

«Общество причащенія Св. Тайнъ» или «отдѣльные причастники» (Nattvarssforeningor)—секта, также выдѣлившаяся изъ скакунства, съ которымъ ее и смѣшиваютъ постоянно. Точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній объ этой сектѣ у насъ нѣтъ, и врядъ ли они гдѣ либо имѣются. «Отдѣльныхъ причастниковъ» немного; они встрѣчаются на о. Наргенѣ, близъ Ревеля.

Начало секты относится, кажется, къ 1881 году, а основателемъ ея былъ нѣкій 17-лѣтній юноша, который ввелъ въ употребленіе обычай причащаться каждому отдѣльно у себя на дому. Какъ кажется, послѣдователи этой секты во время своихъ молитвенныхъ собраній, также, какъ и скакуны, приходятъ въ экзальтацію, но, какъ утверждаютъ, они не доходятъ при этомъ до такихъ болѣзненныхъ и часто аномальныхъ явленій, какія мы видимъ въ скакунствѣ. «Отдѣльное» причащеніе объясняется у сектантовъ нежеланіемъ причащаться св. тайнъ въ киркѣ, вмѣстѣ съ «грѣшниками», т. е. не принадлежащими къ ихъ толку. Они рѣзко нападаютъ на лютеранскихъ пасторовъ, обвиняя ихъ въ ереси, и осуждаютъ тѣхъ, которые ходятъ причащаться въ кирку.

Въ самое послѣднее время въ Эстляндіи, а именно въ Гапсальскомъ уѣздѣ, появилась новая секта, обязанная своимъ основаніемъ мѣстному миллионеру изъ аристократической среды — барону Вольдемару Икскюлю.

Завербовавъ себя въ разныхъ мѣстахъ Ревельскаго и Гапсальскаго уѣздовъ до 850 человекъ прозелитовъ (по словамъ самого барона) и устроивъ нѣсколько «приходовъ» съ 44 приходскими старшинами и смотрителями во главѣ, баронъ В. Икскюль обратился, въ 1892 году, къ губернской власти съ ходатайствомъ объ утвержденіи правительствомъ права существованія новаго толка, названнаго его основателемъ «свободною Христовою церковью».

Основанная очень недавно, «свободная церковь» уже завоевываетъ себя, однако, твердую почву и является болѣе организованнымъ лютеранскимъ толкомъ, чѣмъ только что описанныя нами «согласія», стремясь къ полному отпаденію отъ кирки и совершенно самостоятельному существованію. Секта, несомнѣнно, развивается, такъ какъ многіе изъ членовъ другихъ расколоученій примкнули къ ней и стали во главѣ ея «приходовъ».

Краеугольный камень ученія барона Икскюля—свободное толкованіе св. писанія, основная канва всевозможныхъ расколовъ лютеранства, явившагося на пути своего стремленія къ произвольному объясненію боговдохновенныхъ книгъ также расколомъ на лонѣ католической церкви. Въ обрядовой сторонѣ «свободной Христовой церкви» есть своя система. Такъ, напримѣръ, крещеніе у сектантовъ производится или однократнымъ обливаніемъ водою или троекратнымъ погруженіемъ въ воду, по преимуществу проточную; бракъ производится посредствомъ наложенія однимъ изъ старѣйшихъ чле-

новъ «прихода» рукъ на головы брачующихся и произнесенія надъ ними мѣста изъ Библіи и особой молитвы.

У послѣдователей барона Иксюля уже обнаруживаются въ обрядовой сторонѣ нѣкоторыя разновидности, какъ было констатировано во время губернаторской ревизіи 1892 года, что является въ данномъ случаѣ новымъ доказательствомъ успѣха и развитія секты.

Молитвенныя собранія «свободной церкви» носятъ, по официальнымъ даннымъ, характеръ гернгутерскихъ сходокъ съ чтеніемъ молитвъ, пѣніемъ псалмовъ, чтеніемъ св. писанія, проповѣдью, колѣнопреклонными молитвами и снова пѣніемъ, но, по нѣкоторымъ достовѣрнымъ слухамъ, иногда на этихъ собраніяхъ происходитъ нѣчто другое, что дѣлаетъ ихъ болѣе похожими на раднія скакуновъ со всѣми ихъ послѣдствіями.

Мы обладаемъ многими свѣдѣніями частнаго характера объ основателѣ секты, такъ какъ имѣли случай лично познакомиться въ Ревелѣ, въ 1893—1895 годахъ, съ супругой барона Иксюля (получившей высшей властью право отдѣльнаго жительства) и матерью этой послѣдней, маркизой де Т***, вдовой французскаго дипломата, русской по происхожденію. Упомянемъ здѣсь лишь о томъ, что баронъ В. Иксюль былъ долгое время совершенно равнодушнымъ къ какой бы то ни было церкви, къ религіи и ея обрядамъ вообще относился насмѣшливо и казался атеистомъ, въ лучшемъ случаѣ — человѣкомъ безъ религіозныхъ убѣжденій. Переходъ его въ другую крайность произошелъ совершенно неожиданно, во время заграничнаго путешествія его супруги и тещи. По возвращеніи ихъ въ Лайцъ, родовое имѣніе Иксюлей, въ Гапсальскомъ уѣздѣ, онѣ нашли въ баронѣ страшную переменъ: онъ сталъ говорить только о спасеніи души и окружилъ себя духовными книгами. Насколько ранѣе онъ казался атеистомъ, настолько онъ теперь имѣлъ видъ ханжи.

Такъ началось его обращеніе къ сектантству...

Существуетъ также предположеніе, что баронъ Вольдемаръ Иксюль-Лайцъ душевно больной.

Основываясь на томъ, что намъ приходилось о немъ слышать отъ близкихъ ему лицъ и хорошихъ его знакомыхъ, есть много данныхъ въ пользу этого предположенія. Однако, съ другой стороны, трудно допустить явное душевное разстройство у главы религіозной общины, собирающаго вокругъ себя ежедневно послѣдователей, внимающихъ его толкованіямъ св. писанія. Мы склонны поэтому допустить существованіе у барона В. Иксюля психическаго разстройства лишь въ очень слабой мѣрѣ и лишь въ той дозѣ, въ какой оно вообще присуще всѣмъ склоннымъ къ разнымъ излишествамъ...

Намъ остается, наконецъ, сказать еще нѣсколько словъ о шіэтистахъ, евангеликахъ и «чтецахъ», которыхъ отнюдь нельзя считать за какія либо особыя секты, такъ какъ они въ сущности находятся

въ полномъ согласіи съ лютеранскою церковью и устраиваютъ свои молитвенныя собранія подъ руководствомъ пасторовъ, съ ихъ вѣдома и даже поощренія. На этихъ сходкахъ читается и толкуется св. писаніе или спеціально Евангеліе (у евангеликовъ). Собравшіеся предлагаютъ объясняющему и другъ другу всевозможные вопросы, относящіеся къ разбираемому мѣсту писанія; иногда при этомъ возникаютъ жаркія пренія и споры. Принявъ этотъ видъ раскола «алчущихъ и жаждущихъ правды» подъ свое покровительство, пасторы тѣмъ самымъ отклонили цѣлыя сотни неудовлетворенныхъ киркой отъ окончательнаго отпаденія отъ нея и такъ или иначе удержали ихъ въ лонѣ лютеранства, какъ герингутеровъ.

III.

Таковы, въ общихъ чертахъ, лютеранскія секты Эстляндскаго края.

Интересенъ и, несомнѣнно, важенъ вопросъ: какъ относится къ нимъ мѣстное населеніе Эстляндіи вообще?

Несмотря на довольно сильное и успѣшное распространеніе въ край нѣкоторыхъ изъ описанныхъ нами сектъ, онѣ, въ сущности, не дѣлаютъ тѣхъ завоеваній въ умахъ и сердцахъ населенія, какъ бы можно было ожидать.

Такъ, напримѣръ, треть жителей о-ва Вормса, что составляетъ 800 человекъ, говорящихъ лишь пошведски и никогда дотолѣ не бывавшихъ въ русской православной церкви¹⁾, выразило, въ 1886 г., категорическое желаніе перейти въ православіе.

Очевидно, проповѣди Эстерблома не слишкомъ привлекали къ скаунству островитянъ, и они, не желая переходить въ эту секту и въ то же время оставаться подъ нравственнымъ и физическимъ игомъ пасторовъ, рѣшили перейти въ православную вѣру, хотя и не имѣли о ней вполне яснаго представленія.

Баптистскій проповѣдникъ Шиве, о которомъ читатели уже знаютъ, подвергся, въ 1884 году, на о-вѣ Даго весьма нелюбезному приему со стороны мѣстныхъ крестьянъ, яростно осаждавшихъ всю ночь домъ, гдѣ проповѣдникъ долженъ былъ произвести обрядъ крещенія надъ вновь принятыми въ баптизмъ прозелитами секты. Шиве жаловался на это мѣстному гаккенрихтеру фонъ-Людеру, но жалоба была оставлена безъ послѣдствій. Мало того: гаккенрихтеръ арестовалъ баптистскаго проповѣдника А. Цейзига и отправилъ въ Ревель, къ губернскому начальству.

Успѣхи остальныхъ сектъ довольно ограничены.

¹⁾ Письмо преосвященнаго Доната, бывшаго епископа рижскаго и литовскаго, къ эстляндскому губернатору, князю С. В. Шаховскому, отъ 16 августа 1886 г. (въ дѣлѣ о переходѣ жителей о-ва Вормса въ православіе).

Мрачный взгляд на жизнь, узкій аскетизмъ, почти полное отсутствіе сколько нибудь развитой догмы, замѣненной скучными и малознаменательными обрядами, внутреннія распри, ненависть къ другимъ сектамъ,—вотъ что находитъ эстонецъ въ окружающихъ его расколоученіяхъ. Не находя нравственнаго удовлетворенія у пастора, смотрящаго на прихожанъ скорѣе, какъ на бабракъ, работающихъ на пасторатъ, чѣмъ на «духовныхъ чадъ», мѣстные крестьяне не встрѣчаютъ душевнаго успокоенія и въ сектахъ съ однообразно повторяющимися проповѣдниками съ одной стороны и дикими оргіями съ другой.

Этимъ объясняется, что въ періодъ времени съ 1882 по 1887 г. въ православіе перешло 8.201 человекъ¹⁾, а въ сектантство въ теченіе вдвое большаго времени—всего лишь 1.000 человекъ съ небольшимъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что въ отношеніяхъ сектантовъ къ православію въ Эстляндіи наблюдается два рѣзко-противоположныхъ другъ другу направленія: во время массоваго движенія въ пользу православія, въ 1883—1886 гг., сектанты не относились къ нему враждебно; въ послѣднее же время замѣчается совершенно противоположное явленіе.

Однимъ изъ злѣйшихъ враговъ православной церкви былъ много разъ упомянутый нами скакунъ Эстербломъ, который энергически противодействовалъ переходу въ православіе жителей острова Вормса, убѣждая ихъ не переходить въ вѣру, которая учитъ «поклоняться дереву»²⁾.

Эстерблomu удалось, благодаря довольно значительному, сравнительно, успѣху его проповѣди скакунства, отвлечь отъ перехода въ православіе довольно значительное число уже рѣшившихся на этотъ благой шагъ: изъ 800 желавшихъ присоединиться отказались отъ своего намѣренія 200³⁾.

Ревностный сектантъ старался помѣшать переходу въ правое—даже во время самаго акта присоединенія! Такъ въ первые два дня присоединенія на островѣ Вормсѣ Эстербломъ почти непрерывно находился на мѣстѣ присоединенія, вслѣдствіе чего многія женщины, желавшія присоединиться, но напуганныя страшными проповѣдями Эстерблома противъ православія, завидя его приближеніе, возвращались обратно домой⁴⁾.

И Эстербломъ и вожаки другихъ сектантовъ всячески старались противодействовать распространенію православія на островѣ Вормсѣ.

¹⁾ Сборникъ свѣдѣній по географіи и статистикѣ Эстляндской губерніи.

²⁾ Лютеранскія секты въ Эстляндской губ., Ревель, 1893 г., стр. 29.

³⁾ Письмо преосвященнаго Доната отъ 8 октября 1886 г. къ эстляндекому губернатору.

⁴⁾ Ibid.

Эта упорная антиправославная агитація имѣла несомнѣнное вліяніе: многіе изъ уже перешедшихъ въ православную вѣру либо снова переходили въ лютеранство, либо свращались въ какую нибудь секту.

Какъ трудно было положеніе присоединившихся къ православію на островѣ Вормсѣ, видно изъ поданнаго прошенія ихъ преосвященному Донату, отъ 20 декабря 1886 г., въ которомъ они горько жалуются на свою судьбу, указывая на всевозможныя притѣсненія и оскорбленія отъ окружающихъ ихъ сектантовъ, одушевляемыхъ Эстербломомъ и «его друзьями», которые де утверждаютъ, что они, перешедшіе въ православіе, «продали душу нечистому», и что тотъ, «кто не хлопаетъ руками и не топчетъ ногами, — въ томъ нѣтъ Духа Божія»...

Такого рода дѣятельность Эстерблома побудила бывшаго эстляндскаго губернатора князя С. В. Шаховскаго принять самыя энергичныя мѣры для пресѣченія вреднаго вліянія этого закоренѣлаго сектанта на населеніе. Въ февралѣ 1887 г. онъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ на родину съ лишеніемъ права вѣзда въ Россію. Слухъ объ удаленіи Эстерблома произвелъ большую сенсацію среди скакуновъ острова Вормса. Такъ гапсальскій благочинный о. Николай Полетаевъ, въ рапортѣ своемъ эстляндскому губернатору отъ 24 февраля 1887 г., приводитъ въ дословномъ переводѣ слѣдующее письмо православныхъ крестьянъ деревни Ферби (на островѣ Вормсѣ) вормскому священнику о. Орлову: «Сямъ сообщаемъ мы, православные, о нашемъ горѣ. Случилось 17-го февраля, что друзья и апостолы (sic) Эстерблома обходили каждую деревню и старались уговаривать православныхъ и обманывать ихъ разными любезными словами; ходили они по всѣмъ деревнямъ съ дома на домъ и просили желающихъ снова возвратиться въ прекрасную эстербломовскую вѣру, подписаться и поставить три креста, чтобы Эстерблома оставили на островѣ Вормсѣ. Ходившіе же по деревнямъ и обманывавшіе православныхъ суть тѣ, которые мутятъ народъ и заставляютъ хлопать руками и топтать ногами (то-есть скакуны)... Они обманули пять душъ».

Удаленіе Эстерблома съ острова Вормса не помѣшало, однако, его сторонникамъ продолжать вести упорную борьбу противъ православія, чему много способствовалъ мѣстный волостной старшина, самъ принадлежавшій къ скакунству и скакунскій проповѣдникъ Матсъ Ренбергъ, ученикъ Эстерблома. Ренбергъ постоянно объѣзжалъ островъ и особенно часто посѣщаль тѣ деревни, гдѣ преобладало православное населеніе, которое онъ всячески, и не безъ успѣха, старался свращать въ секту.

IV.

Отношеніе къ сектантству Эстляндской губерніи мѣстнаго лютеранскаго духовенства весьма характерно и являетъ во всемъ блескъ практическій смыслъ представителей кирки съ одной стороны и ихъ ненависть къ православію съ другой. Пасторы стали въ послѣднее десятилѣтіе на сторону сектантства, дабы тѣмъ предотвратить замѣчаемое въ краѣ, съ 40-хъ годовъ этого столѣтія, стремленіе населенія въ переходу въ православную вѣру.

Здѣсь нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что наиболѣе интеллигентныя лица изъ мѣстныхъ пасторовъ хорошо сознавали недостатки лютеранства, породившіе въ его лонѣ множество сектъ и толковъ. Не разъ раздавались на мѣстныхъ синодахъ (съѣздъ пасторовъ) рѣчи ¹⁾, предлагавшія различныя мѣры къ поднятію авторитета лютеранскаго духовенства въ краѣ и привлеченія къ нему населенія, которое видѣло въ своихъ церковнослужителяхъ не что иное, какъ гнѣвныхъ и суровыхъ помѣщиковъ, облачающихся по воскреснымъ днямъ въ ризы и говорящихъ банальныя проповѣди, мало трогавшія сердца крестьянъ, съ которыхъ каждый возвышенный проповѣдникъ чуть не съ ножомъ у горла требовалъ тяжелыхъ пасторскихъ повинностей.

Однако, все это сводилось, въ большинствѣ случаевъ, къ академическимъ разглагольствованіямъ, утѣшавшимъ болѣе всего самихъ ораторовъ и мало приносившимъ пользы дѣлу, ради котораго говорились всѣ эти пышныя фразы о сліянніи народной церкви съ національною жизнью, о единеніи пастырей съ пасомыми въ духѣ истины и взаимной любви, о пасторѣ, какъ носителѣ національной идеи, о мирномъ культурномъ завоеваніи пасторомъ сердець мѣстнаго населенія и т. д.

Недоброжелательность эстонцевъ къ пасторамъ, какъ народнымъ эксплуататорамъ, не прекращалась, какъ не угасала никогда ихъ прежняя вражда къ христіанскимъ рыцарямъ-пришельцамъ, явившимся насаждать огнемъ и мечомъ слово Божіе на балтійскомъ поморѣ. Сектантское движеніе, какъ протестъ алчущаго духа мало говорящей сердцу простотѣ, сухости и прозаичности лютеранскаго вѣроученія, продолжалось, продолжался и массовый переходъ эстонцевъ въ православную вѣру съ ея полнымъ глубины и возвышенности богослуженіемъ и священниками, всецѣло липенными вотчиннаго духа пасторовъ.

Не будучи въ силахъ удержать прихожанъ отъ перехода въ православіе, пасторы должны были поневолѣ избрать одно изъ двухъ:

---

¹⁾ Напримѣръ, пастора Галлера, на ревельскомъ синодѣ 1874 г., пастора Нерлинга въ 1873 г., пастора Гиргенсона и др.

или спокойно смотрѣть на отпаденіе отъ лютеранства въ православіе, или снисходительно относиться къ увлеченію своей паствы всевозможными сектами.

Пасторы, не задумываясь, избрали, конечно, второе и тѣмъ положили начало союза кирки съ сектантствомъ, которое пасторы зачастую стали брать подъ свое покровительство, лишь бы только парализовать стремленіе паствы къ переходу въ православіе. Сектантъ въ глазахъ пастора былъ лишь «заблудшимъ», который можетъ еще вернуться къ родной вѣрѣ; перешедшій же въ православіе считается уже навсегда потеряннымъ для лютеранства.

Отсюда вполне понятно, съ точки зрѣнія пасторской логики, снисходительное отношеніе кирки къ расколу, какъ противовѣсу обращенія прихожанъ въ православную вѣру.

Взявши подъ свое покровительство наименѣе характерныя и вредныя секты, пасторы старались придать имъ миролюбивый характеръ и повернуть дѣло въ свою пользу. Если генераль-суперъинтендентъ Шульцъ и говорилъ на эстляндскомъ синодѣ 1883 года, что «пасторы, въ виду своихъ упущеній, должны бить себя въ грудь и подчиниться суду Божию»¹⁾, то, съ другой стороны, онъ же представляетъ на видъ и то, что «Господь своимъ судомъ не имѣетъ другой цѣли, кромѣ очищенія и возвеличенія своего дома!».

Тотъ же генераль-суперъинтендентъ и наиболѣе рьяные изъ пасторовъ силились объяснить религиозное броженіе въ Эстляндіи «благодатнымъ дѣйствіемъ Св. Духа»...

Вотъ почему пасторы не только не запрещаютъ прихожанамъ домашнія сходы для религиозныхъ собесѣдованій и толкованіе Св. Писанія, но даже и сами присутствуютъ на нихъ, какъ бы тѣмъ санкционируя эти собранія, которыя являются краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ неудовлетворенности тѣхъ же прихожанъ своимъ пасторомъ.

Въ высшей степени характернымъ фактомъ для надлежащаго освѣщенія отношеній лютеранства къ сектантамъ и православію является слѣдующій курьезный эпизодъ.

Когда вредная дѣятельность Эстерблома на островѣ Вормсѣ, о которой мы подробно говорили въ своемъ мѣстѣ, стала приносить свои плоды, вышеупомянутый генераль-суперъинтендентъ Шульцъ обратился къ мѣстной административной власти съ просьбой объ удаленіи Эстерблома изъ Россіи, въ виду его пагубнаго вліянія на населеніе острова. Вскорѣ затѣмъ, когда на Вормсѣ движеніе въ православіе сдѣлало громадныя успѣхи, а пропаганда Эстербломомъ скакунства начала переходить всѣ границы, вслѣдствіе чего онъ и былъ высланъ на родину, то тотъ же самый генераль-суперъин-

¹⁾ Е. В. Культурно-религіозныя движенія въ Эстляндіи, стр. 94.

тендентъ сталъ на сторону Эстерблома и былъ противъ его удаленія изъ предѣловъ Россіи.

Еще интересный фактъ въ томъ же духѣ.

Какъ только отечественно-евангелическій институтъ въ Швеціи, о которомъ мы уже говорили при описаніи секты скакуновъ и дѣятельности Эстерблома, узналъ о стремленіи населенія острова Вормса къ православію, то рѣшился скорѣе примириться съ тѣмъ, что имъ же посланный на островъ Вормсъ учителемъ Эстербломъ сталъ проповѣдывать скакунство, чѣмъ допустить, чтобы населеніе безповоротно ушло изъ лютеранства въ православіе! Посланный же въ 1884—1885 гг. институтомъ на островъ Вормсъ миссіонеръ Викандеръ, для утвержденія въ вѣрѣ мѣстныхъ шведовъ, защищалъ въ своихъ проповѣдяхъ Эстерблома и нападалъ на православіе, чѣмъ сознательно развивалъ секту и задерживалъ населеніе къ переходу въ шведскую государственную церковь, въ пользу которой долженъ былъ дѣйствовать,—и все это только для того, чтобы не дать восторжествовать православной вѣрѣ!

Если отечественно-патріотическій институтъ бралъ подъ свое покровительство вормскихъ скакуновъ, то въ этомъ дѣлѣ ревностнымъ ему помощникомъ явился мѣстный землевладѣлецъ, баронъ Ш***.

Когда мѣстный пасторъ Нордгрень поссорился съ Эстербломомъ, и послѣдній долженъ былъ покинуть пасторатъ, гдѣ сначала проживалъ, то тотчасъ же нашелъ себѣ пріютъ у барона Ш***, который, по мѣрѣ силъ, содѣйствовалъ успѣхамъ скакунства на островѣ. У него же нашелъ себѣ пристанище и миссіонеръ Викандеръ. Баронъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ вполне солидарно съ пасторами: сочувствуя скакунству, онъ старался лишь объ одномъ: затормозить переходъ населенія въ православіе...

Характерно отношеніе барона Ш***, послѣ удаленія съ острова Вормса Эстерблома, къ скакунамъ и принявшимъ уже православіе мѣстнымъ крестьянамъ. Баронъ требовалъ отъ этихъ послѣднихъ чрезмѣрно большой арендной платы, которую они были не въ состояніи платить ему. Велѣдствіе этого между крестьянами и барономъ происходили постоянные споры, вынудившіе крестьянъ обратиться къ преосвященному Донату, епископу рижскому и литовскому, въ декабрѣ 1886 г., съ просьбой о присылкѣ на островъ православнаго землемѣра ¹⁾.

Совершенно противоположность представляетъ собою отношеніе барона Ш*** къ скакунству.

Когда, послѣ удаленія съ острова Вормса Эстерблома, массовое движеніе населенія въ православіе замѣтно усилилось, а сходбища сектантовъ были запрещаемы по распоряженію мѣстнаго начальства, баронъ сталъ всею властью разрѣшать устройство такихъ собра-

¹⁾ Лютеранскія секты въ Эстляндской губ., Ревель, 1893 г., стр. 42.

ній, увѣряя крестьянъ, что онъ, баронъ, затѣялъ уже процессъ о неправильномъ, будто бы, удаленіи Эстерблома изъ предѣловъ Россіи.

Результатомъ этого было то, что многіе изъ островитянъ, начавшіе было усердно посѣщать православное богослуженіе, охладѣли постепенно къ новой вѣрѣ и снова примкнули къ скакунской сектѣ.

Вообще пасторы и помѣщики Эстляндской губерніи всюду самыми энергичными мѣрами противодѣйствовали укрѣпленію въ краѣ православія, даже цѣною усиленія сектъ.

Для этой цѣли жена пастора Шпиндлера, въ Леалѣ, стала между прочимъ устраивать для мѣстнаго населенія такъ называемые «бибельштунденъ» (bibelstunden), т. е. часы, посвященные чтенію и толкованію Библии и вообще душеспасительнымъ бесѣдамъ, на которыхъ, главнымъ образомъ, присутствовавшимъ рассказывались разные ужасы про вѣру, «гдѣ поклоняются дереву», дабы отвлечь отъ перехода въ православіе.

Впослѣдствіи такіе «bibelstunden» стали устраиваться и въ другихъ мѣстахъ Эстляндіи, гдѣ замѣчалось стремленіе къ переходу населенія въ православіе, такъ что, собственно говоря, главнѣйшая забота пасторовъ и помѣщиковъ была направлена не противъ распространенія расколовъ и толковъ въ краѣ, но противъ православія.

Такъ, въ отчетѣ о ревизіи Пюхаленскаго прихода, въ іюнѣ 1885 г., главнымъ церковнымъ попечителемъ фонъ-цуръ-Мюленомъ и другими, прикосновенными къ дѣлу лицами читаемъ, что попечитель подвѣялъ вопросъ объ очень важномъ для лютеранской церкви обстоятельстве, а именно о многочисленныхъ случаяхъ отпаденія отъ оной. Попечитель желалъ знать точную причину такихъ отпаденій. Собраніе пришло къ заключенію, что главнѣйшая тому, будто бы, причина—это надежда отпадающихъ на будущее, съ переходомъ въ православіе, облегченіе въ вопросѣ о «платежахъ и повинностяхъ въ пользу школъ». Услышавъ это, одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, баронъ У., весьма расчетливый человекъ, не расположенный къ какимъ бы то ни было льготамъ въ пользу крестьянъ, не задумался заявить, что всѣ такія повинности беретъ онъ на себя въ чертѣ своихъ Г—скихъ владѣній.

То же было сдѣлано мѣстными помѣщиками и въ другихъ мѣстахъ Эстляндской губерніи.

Яростными гонителями православной идеи являются въ Прибалтійскомъ краѣ также и такъ называемые «чтецы», о которыхъ мы упоминали. Эти «чтецы», толкователи св. Писанія, пользуются покровительствомъ пасторовъ, хотя и значительно отстаютъ въ своихъ объясненіяхъ Библии и Евангелія отъ лютеранскаго вѣроученія.

Пасторы дѣлаютъ это «снисхожденіе», конечно, не безъ цѣли: «чтецы» ведутъ неустанную борьбу съ ненавистнымъ киркѣ право-

славіемъ и этимъ самымъ заслуживаютъ и покровительство и поощреніе.

Характерныя свѣдѣнія объ этихъ пресловутыхъ «чтецахъ» находимъ мы въ одномъ изъ рапортовъ младшаго помощника Ревельскаго уѣзда 3-го участка, въ январѣ 1891 г.

Мы узнаемъ изъ этого рапорта, что нѣкому «чтецу», Марту Кальбеку, было разрѣшено евангелическо-лютеранской консисторіей устраивать частныя молитвенныя собранія, выходящія изъ предѣловъ домашняго или семейнаго чтенія. Такое собраніе состоялось, между прочимъ, въ декабрѣ 1890 г., въ усадьбѣ Куллама, Оденкатской волости, у крестьянина Ганца Саара. Одинъ изъ присутствовавшихъ на сходкѣ, православный псаломщикъ Михаилъ Коэль, вступилъ въ собесѣдованіе съ Кальбекомъ, упрекая его и его единомышленниковъ въ томъ, что, толкуя о христіанствѣ, они пренебрегаютъ священнымъ его символомъ, крестомъ, и не носятъ его на груди. «Я ношу крестъ внутри, а не снаружи, — отвѣчалъ Кальбекъ и прибавилъ:— зачѣмъ мнѣ носить на себѣ какойнибудь жестяной или деревянный чурбанъ?!» Тутъ собесѣдники горячо заспорили о крестѣ, причѣмъ Кальбекъ презрительно назвалъ висѣвшій на груди псаломщика крестъ «побрякушкой». Споръ о крестѣ взволновалъ собраніе. Поднялся шумъ и говоръ... «Что вы говорите», — накинулся на Коэля другой «чтець», нѣкій Іусъ, — «да развѣ мы должны носить крестъ? Я вотъ во время военной службы поклонялся русскимъ богамъ (sic) и платилъ имъ деньги (?), но никто меня не спрашивалъ о крестѣ!» Шумъ и гамъ усиливались... Для прекращенія беспорядка хозяинъ, Ганць Сааръ, долженъ былъ унести изъ избы лампу, чтобы присутствующіе, наконецъ, разошлись! Эта картинка можетъ служить интересною и яркою иллюстраціей подобныхъ «собраній», устраиваемыхъ «чтецами», гдѣ грубо издѣваются надъ православіемъ и готовы дойти до рукопашной...

Между тѣмъ мѣстная консисторія, хорошо зная о безчинномъ характерѣ такихъ сходокъ, не только не заботится объ ихъ уменьшеніи, но напротивъ старается о распространеніи необразованныхъ, грубыхъ и рѣдко подготовленныхъ къ своей роли «чтецовъ», которые служатъ киркѣ застрѣльщиками въ дѣлѣ борьбы противъ православія въ краѣ.

Въ 1890—1891 гг. консисторіей было дано разрѣшеніе устраивать «молитвенныя собранія» 106 лицамъ, причѣмъ 10 «чтецамъ» одновременно въ 5 селеніяхъ; проповѣдники сгруппировались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ замѣчалось наибольшее стремленіе къ переходу въ православіе.

V.

О враждебно-пессимистическомъ настроеніи лютеранскаго духовенства Прибалтійскаго края вообще за послѣднее время узнаемъ мы также изъ многочисленныхъ данныхъ, заключающихся въ свѣдѣніяхъ о лютеранскихъ синодахъ Эстляндской губерніи.

Такъ въ синодальныхъ протоколахъ бывшаго Ревельскаго городского консисторіальнаго округа за 1885—1886 г. находимъ рѣчь предсѣдателя синода 1885 г., генераль-суперъинтендента Гиргенсона, открывшаго собраніе привѣтственными словами на текстъ: «одною рукою они совершали работу, въ другой держали оружіе» (Неем. IV, 17). Рѣчь началась характеристикой внутренней жизни церкви въ наше время. «Нынѣ, — говорилъ ораторъ, — враждуетъ противъ стада вѣрующихъ преслѣдованіемъ и соблазномъ сила Антихриста, внутри же раздоръ между вѣрующими, духовная лѣнь и низкая трусость, самые пагубные враги человѣческаго рода!.. Вѣрующіе, въ особенности же носящіе на себѣ духовный санъ, обязаны вмѣстѣ и строить и бороться!»

На синодѣ 1886 г. предсѣдатель генераль-суперъинтендентъ Галлеръ назвалъ переживаемыя времена особенно тяжелыми.

Тотъ же генераль-суперъинтендентъ открылъ синодъ 1888 г. рѣчью на текстъ одного изъ посланій Ап. Павла къ евреямъ (X, 36—39).

Указывая на древнихъ христіанъ, подвергавшихся гоненіямъ, приходившихъ въ отчаяніе и готовыхъ отступить отъ истинной вѣры, пасторъ Галлеръ заявилъ, что и теперь лютеранской церкви грозитъ опасность. Поэтому падающіе духомъ нуждаются въ увѣщаніи: «не оставляйте упованія вашего!»

Мы могли бы привести и еще немало примѣровъ пасторскаго пессимизма изъ деликатнаго матеріала, представляемаго протоколами синодскихъ засѣданій въ Эстляндской губ., матеріала недоступнаго непосвященному глазу, но и приведеннаго, въ общемъ, достаточно, чтобы дать нѣкоторое понятіе о намекахъ, ясныхъ для собравшихся, которыми переполняются рѣчи предсѣдателей пасторскихъ съѣздовъ.

Для знающихъ край и тамошнее отношеніе кирки къ православію совершенно понятно, что желаютъ сказать ораторы усиленными указаніями на «тяжелыя времена», «силу антихриста» и «опасность», угрожающую лютеранству...

Если читатели думаютъ, что все это относится къ многочисленнымъ расколамъ, свившимъ себѣ гнѣздо въ лютеранствѣ на балтійскомъ берегу, то они ошибаются. Гораздо правильнѣе будетъ отнести эти полуслова и полумысли къ православію, мѣшающему киркѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Православіе, несомнѣнно, привлекаетъ къ себѣ безпочвенныхъ искателей истины и нравственнаго успокоенія на лонѣ кирки; принявшіе его уже не возвращаются

въ лютеранство, что сплошь и рядомъ случается въ сектантствѣ; православіе прогрессивно расширяетъ свое благотворное вліяніе въ Балтикѣ и является вмѣстѣ съ тѣмъ оплотомъ русской идеи — и вотъ съ пасторскихъ кафедръ и на синодахъ пасторовъ раздаются голоса объ опасностяхъ для кирки, о тяжелыхъ временахъ, о попущеніяхъ антихриста! Расколъ заботитъ пасторовъ въ значительно меньшей степени. Онъ уже давно у нихъ подъ контролемъ, какъ уже сказано, и служить въ ихъ рукахъ силой, отвлекающей мѣстное населеніе отъ перехода въ православіе. Насколько эстляндскіе пасторы спокойны за расколъ, насколько онъ ихъ мало смущаетъ, видно изъ откровеннаго заявленія пастора Гана на синодѣ 1891 г., что лютеранскому духовенству удалось удержать расколъ «въ здоровой (?) колѣѣ», т. е. сдѣлать изъ него послушное орудіе въ томъ направленіи, о которомъ мы только что говорили.

Роль мѣстнаго дворянства въ дѣлѣ религіознаго броженія въ Эстляндской губерніи вполнѣ аналогична съ тѣмъ положеніемъ, которое занимаетъ въ этомъ отношеніи лютеранское духовенство. Эстляндское дворянство (или «рыцарство»—*ritterschaft*, какъ оно себя все еще величаетъ по средневѣковому) заботится гораздо болѣе о противодѣйствіи православію, чѣмъ объ искорененіи сектъ въ краѣ.

Знаменательной, мало кому извѣстной и въ высшей степени поучительной иллюстраціей въ этомъ отношеніи служитъ одинъ фактъ, обнаруженный при сооруженіи православнаго храма на Богородицкой горѣ, въ Пюхтицѣ, созданнаго неусыпной энергіей бывшаго эстляндскаго губернатора князя С. В. Шаховскаго.

Какъ извѣстно, на Богородицкой горѣ, въ Везенбергскомъ уѣздѣ, въ мѣстности, называемой эстами «Пюхтица», т. е. святое мѣсто, въ виду явленной тамъ иконы Успенія Божіей Матери, стали было строить кирку. Благодаря быстрому и рѣшительному вмѣшательству въ это дѣло тогдашняго губернатора князя С. В. Шаховскаго, сооруженіе кирки было высшей властью приостановлено и приступлено къ перестройкѣ уже наполовину возведеннаго зданія подъ православный храмъ.

Вотъ при этихъ-то работахъ по перестройкѣ, въ іюлѣ 1893 г., каменщики случайно нашли замурованный въ стѣнѣ, у праваго клироса, жестяной ящикъ, въ которомъ оказалась вложенной бумага, написанная на нѣмецкомъ языкѣ. Въ этомъ документѣ, предназначавшемся, разумѣется, не для тѣхъ, въ руки которыхъ онъ волею судьбы попалъ, совершенно откровенно изложены причины, вызвавшія постройку кирки на Богородицкой горѣ, и указаны источники, изъ которыхъ были получены средства для осуществленія этого предпріятія. Мы считаемъ совершенно невозможнымъ и несвоевременнымъ приводить интересный текстъ этого документа, обнаруживающаго (съ указаніемъ именъ) ревностное стремленіе мѣстныхъ помѣщиковъ и дворянства въ губерніи во что бы то ни стало проти-

востоятъ вліянію православной проповѣди и стремленію населенія къ переходу въ православіе въ Эстляндской губерніи...

А между тѣмъ дѣло сооруженія кирки на Богородицкой горѣ всецѣло находилось въ рукахъ нынѣ уже упраздненной мѣстной комиссіи ¹⁾ по увеличенію лютеранскихъ приходоѡ, дѣятельность которой должна бы была быть направлена не противъ православія въ краѣ, а лишь противъ распространенія лютеранскаго сектантства—путемъ увеличенія лютеранскихъ приходоѡ.

Заговоривъ о лютеранскомъ сектантствѣ въ Эстляндіи, мы невольно во время изложенія перешли къ вопросу о борьбѣ кирки съ православной церковью на нашемъ балтійскомъ поморьѣ... Что же дѣлать, вопросы эти, къ сожалѣнію, слишкомъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, такъ какъ сектантство является тамъ главнѣйшимъ способомъ отвлекать жаждущихъ дароѡ вѣры православной отъ ея спасительнаго вліянія.

Мы присутствуемъ такимъ образомъ при изумительномъ и ни гдѣ, думаемъ мы, не встрѣчающемся явленіи: сектантство покровительствуется въ Балтійскомъ краѣ самой же киркой изъ ненависти къ нашей церкви, при чемъ лютеранство готово скорѣе видѣть своихъ чадъ отпавшими въ расколъ, чѣмъ перешедшими въ нашу вѣру...

С. Уманецъ.

¹⁾ Такія комиссіи были учреждены въ 1843 г. для противодѣйствія распространявшемуся тогда съ особою силою въ Прибалтійскомъ краѣ сектантству. Комиссіи были поставлены подъ главенство губернскихъ предводителей дворянства, и имъ отнускалась ежегодная субсидія изъ дворянскихъ суммъ.

ПРАВДА О БОЯРИНѢ М. Б. ШЕИНѢ.

I.

МЕРТВАЯ КАЗНЬ боярина Михаила Борисовича Шеина въ 1634 году принадлежитъ къ числу выдающихся трагическихъ эпизодовъ нашей исторіи, какими особенно изобиловало смутное время и слѣдовавшая за нимъ переходная эпоха, когда долго еще бурлило и не входило въ берега взволнованное смутною морю русской жизни. Невольное участіе вызываетъ трагическая судьба этого незауряднаго человѣка. Въ 1609—1611 гг. онъ мастерски выдерживаетъ почти двухлѣтнюю осаду Смоленска польскимъ королемъ Сигизмундомъ III, подвергается даже, по волѣ короля, пыткамъ за свою необычную воинскую стойкость и затѣмъ 8 лѣтъ томится въ польскомъ полону, откуда возвращается только въ 1619 г., вмѣстѣ съ митрополитомъ Филаретомъ Романовымъ, думнымъ дьякомъ Томилию Луговскимъ и др. Въ народномъ сознаніи той эпохи имя Шеина всегда занимало одно изъ почетныхъ мѣстъ въ ряду тѣхъ рѣдкихъ «прямыхъ» дѣятелей смутнаго времени, которыми была крѣпка «земля», испатанная «кривыми»... Недаромъ «земская грамота» отъ ярославцевъ къ казанцамъ, въ 1611 г., приравнивала Шеина къ патриарху Гермогену—этому «утѣшенію скорбныхъ людей» въ то тяжелое время ¹⁾. И вдругъ, черезъ нѣсколько

¹⁾ «Исторія Россіи» Соловьева. 11, 972.

лѣтъ, когда буря смуты уже пронеслась, и русская жизнь входила въ свое нормальное русло, бояринъ Шеинъ, этотъ безспорный «прямой» временъ смуты, объявляется «измѣнникомъ» Русской земли и предается смертной казни...

«Боярскій приговоръ» отъ 18-го апрѣля 1634 г. ¹⁾, конечно, утвержденный царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, присуждаетъ Шеина къ смертной казни именно за «измѣну», якобы обнаружившуюся въ неудачахъ такъ называемаго «второго смоленскаго похода», въ 1632—1634 гг. «Измѣну» здѣсь нашли единственно въ томъ, что, послѣ полуторагодичной и, въ сущности, довольно удачной борьбы съ польскими войсками, бояринъ Шеинъ, оставленный Москвою безъ всякой помощи, вынужденъ былъ съ остатками своего измученнаго и изголодавашагося отряда сдаться полякамъ, но на почетномъ условіи пропуска сдавшихся въ Москву.

Долго въ нашей исторической литературѣ господствовала болѣе или менѣе вѣра въ боярскую мотивировку казни Шеина. Но уже С. М. Соловьевъ ²⁾ своимъ глубокимъ историческимъ чутьемъ прозрѣлъ истину и рѣшительно заявилъ, что «измѣны со стороны Шеина не видно никакой», а всѣ неудачи его второго смоленскаго похода объясняются самымъ естественнымъ образомъ. Главною причиною неудачнаго исхода смоленской операціи Шеина было полное отсутствіе своевременной и сильной поддержки московскихъ резервовъ, обѣщанной Шеину самимъ царемъ и почему-то не осуществленной. А побочными причинами неудачи были «несостоятельность» русскаго войска предъ польскимъ, особенно, по части «воинской дисциплины», стратегическія неудобства положенія Шеина подъ Смоленскомъ, отвратительная организація или, вѣрнѣе сказать, полное отсутствіе какой бы то ни было организаціи провіантской части и т. п.

Соловьевъ пошелъ дальше и угадалъ, что небывалая казнь полководца за естественныя неудачи похода, лежавшія внѣ его воли, была вызвана совсѣмъ не этими неудачами, но единственно местию бояръ: «сильные люди спѣшили отомстить за свое безчестье»... Историкъ разумѣетъ здѣсь знаменитую «рѣчь» Шеина на царской аудіенціи передъ отправленіемъ въ смоленскій походъ, въ 1632 г., о которой мы узнаемъ изъ «боярскаго приговора» 1634 г. Бояре не забыли этой рѣчи гордаго своею службою землѣ боярина Шеина, который съ полнымъ правомъ «вычиталъ» на царской отпускной аудіенціи «прежнія свои службы, съ большою гордостью», упрекая, вполне справедливо, свою «братью бояръ», что когда онъ «служилъ», въ то время «многіе» изъ этой «братьи бояръ» только и дѣ-

¹⁾ «Акты археограф. экспед.», 111, 251. Подлинникъ этого позорнаго для боярства акта, считавшійся въ послѣднее время утраченнымъ, найденъ мною въ столбцахъ сибирскаго приказа, въ моск. архивѣ мин. юстиціи (см. мое «Обозр. столбц. и книгъ сибирск. прик.», 1, 272, 273).

²⁾ II. 1208. 1209.

ляли, что «по запечью сидѣли», и сыскать ихъ было не мочно... Мало того: Шеинъ, все въ той же рѣчи, «поносилъ всю свою братью передъ государемъ съ большою укоризною, и службою, и отечествомъ никого сверстникомъ (себѣ) не поставилъ» ¹⁾.

«Боярскій приговоръ» отмѣчаетъ, что на эти «многія грубыя и поносныя слова» и царь, и бояре тогда «умолчали» и, именно, потому, какъ наивно сознается актъ боярской мести, что Шеинъ тогда былъ нуженъ и царю, и боярамъ: царь де промолчалъ, «жалуя и щадя тебя, Михайла, для своего государева и земскаго дѣла, и не хотя тебя на путь оскорбить», а бояре де «умолчали» и скупали горькую правду Шеина даже не по тѣмъ высшимъ соображеніямъ, какія руководили царемъ, но изъ боязни «государя раскручинити»...

Но «грубыя и поносныя слова» Шеина глубоко запали въ сердце этихъ ничтожныхъ людей, и они вспомнили о рѣчи боярина въ трудную для него минуту, когда онъ, измученный и разбитый своею послѣднею неудачею, но смѣлый своею правотою, вернулся въ Москву на судъ своихъ враговъ... И бояре ему жестоко отомстили, воспользовавшись тѣмъ, что уже не было въ живыхъ патриарха Филарета, который, несомнѣнно, отстоялъ бы своего сотоварища по польскому плѣну. Слабохарактерный царь Михайлъ не сумѣлъ побороть вліянія боярской партіи и повѣрилъ выдуманной ею «измѣнѣ» Шеина.

Дѣлая намекъ на боярскую месть, доведшую Шеина до плахи, Соловьевъ ²⁾ основывался только на своемъ историческомъ чутьѣ и проворливости, не имѣя здѣсь почти никакой фактической документальной основы. Очевидно, тутъ приходилось или вѣрить, или не вѣрить Соловьеву. И ему вѣрило большинство историковъ, не разъ и на многихъ примѣрахъ убѣждавшихся въ необыкновенной чуткости Соловьева, когда онъ, на основаніи самыхъ шаткихъ, казалось, и очень скудныхъ данныхъ, а иногда и при полномъ отсутствіи послѣднихъ, но пользуясь какими нибудь слабыми намеками и блѣдными штрихами, вдохновенно рисовалъ цѣлую картину событія или восстанавливалъ образъ историческаго лица, а послѣдующія открытія въ исторіи блистательно подтверждали правдивость этихъ картинъ и образовъ.

Но наивные историки, не обладавшіе и тѣнью исторической прозорливости Соловьева, не шли за нимъ въ шеинскомъ вопросѣ и продолжали вѣрить лживой мотивировкѣ «боярскаго приговора» 1634 г. Еще недавно одинъ изъ этихъ историковъ рѣшился приравнять Шеина—невинную жертву боярскихъ интригъ—къ французскому маршалу Баену и назвать «русскимъ Бавеномъ XVII в.» того человѣка, котораго народъ въ смутное время ставилъ рядомъ

¹⁾ «Акты археогр. эксп.», 111, 251.

²⁾ II, 1206.

съ патриархомъ Гермогеномъ, какъ «прямаго» дѣятеля, честно служившаго землѣ...

Такому несправедливому отношенію къ памяти одного изъ выдающихся русскихъ людей XVII в. долженъ теперь наступить конецъ. Чутье С. М. Соловьева относительно правды въ шейнскомъ дѣлѣ и на этотъ разъ его не обмануло; эта правда рѣшительно подтверждается недавно открытыми въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи А. Н. Зерцаловымъ ¹⁾ новыми архивными матеріалами о смоленскомъ походѣ Шеина 1632—1634 гг. ²⁾. Приводя существенныя выдержки изъ этихъ матеріаловъ и дополняя ихъ другими недавно опубликованными данными ³⁾, Зерцаловъ приходитъ къ выводу, фактически подтверждающему прозорливый намекъ Соловьева, что Шеинъ неповиненъ ни въ какой «измѣнѣ», а палъ жертвою единственно личной ненависти къ нему боярѣ.

Нельзя не пожалѣть, что смерть помѣшала Зерцалову довести до конца архивныя розысканія по дѣлу Шеина; при его отличномъ знаніи документовъ московскаго архива министерства юстиціи и рѣдкомъ «архивномъ чутьѣ», Зерцаловъ, несомнѣнно, сумѣлъ бы раскрыть всѣ еще сохранившіеся документы этого дѣла, необходимыя для всесторонняго раскрытія его. Но и того, что онъ успѣлъ открыть, если еще мало для уясненія нѣкоторыхъ побочныхъ вопросовъ шейнской исторіи, за то вполне достаточно для полнаго освѣщенія главной сути дѣла—позорной роли боярскаго клики.

Именно, съ этой главной стороны дѣла я и буду разсматривать открытыя Зерцаловымъ новыя данныя. По своему обыкновенію, почтенный розыскатель ограничивается однимъ фактическимъ изложеніемъ своихъ матеріаловъ, почти безъ всякаго освѣщенія ихъ и безъ послѣдовательной группировки фактовъ. А то и другое необходимо сдѣлать теперь же, чтобы окончательно «сдать въ архивъ» вздорную и возмутительную версію объ «измѣнѣ» Шеина, какъ основанную на лживо и пристрастно составленномъ «боярскомъ приговорѣ» 1634 г.

Излагая дѣло Шеина по новымъ даннымъ Зерцалова, я буду пользоваться и старыми для болѣе полнаго освѣщенія нѣкоторыхъ деталей событія.

¹⁾ Недавно скончавшійся (26-го ноября 1897 г.) дѣйствительный членъ моск. общ. ист. и древн., извѣстенъ многочисленными архивными розысканіями по исторіи земскихъ соборовъ, народныхъ движеній и другихъ цѣнныхъ вопросовъ XVII в.

²⁾ Налечтаны подъ заглавіемъ «М. В. Шеинъ подъ Смоленскомъ» во 2-й книгѣ «Чтеній моск. общ. ист. и древн.» за 1897 г., въ отдѣлѣ «Смѣсь», стр. 11—29.

³⁾ «Акты Московскаго государства». т. I (изд. академіи наукъ) и др.

II.

Еще со временъ царя Бориса Годунова начались у М. Б. Шеина большіе нелады съ значительною и сильною своимъ вліяніемъ кликою московскаго боярства, именно, съ тою частью его, которая во весь періодъ смуты занята была лишь ловлею для себя рыбы въ мутной водѣ, а интересы «земли» ставила на послѣднемъ планѣ. Никогда Шеинъ не принадлежалъ къ этой кликѣ и никогда не служилъ ей низменнымъ эгоистическимъ цѣлямъ, педшимъ въ разрѣвъ съ истиннымъ служеніемъ землѣ.

Молодой «чашникъ» Шеинъ, сынъ «окольничаго», неожиданно и быстро выдвинулся изъ рядового боярства въ началѣ 1605 г., когда явился въ Москву съ «сеунчемъ» (вѣстью) о побѣдѣ царскихъ войскъ надъ Лжедмитріемъ I при Добрыничахъ (21-го января). Вѣсть такъ порадовала несчастнаго царя Бориса, что онъ произвелъ молодого «сеунщика» прямо въ окольничіе, т. е. въ «чинъ», предшествовавшій чину боярина. Естественно, что такая большая и рѣдкая награда привязала Шеина къ Борису, и первый остался до конца вѣренъ этому незаурядному царю, испортившемуся въ концѣ своего царствованія подъ страхами боярскихъ интригъ... Да и помимо этого чувства признательности, прямой и благородный по характеру Шеинъ не могъ не почувствовать личныхъ симпатій къ трагическому положенію царя, котораго боярство окончательно затравливало...

Понятно, что Шеинъ не могъ принять никакого участія въ той грандіозной боярской интригѣ, которая если не создала самозванца, то очень ловко сумѣла эксплуатировать дѣло самозванца въ интересахъ своей клики и добилась первой своей цѣли — сверженія новой царской династіи Годуновыхъ... Клика тутъ въ первый разъ поняла, что Шеинъ никогда не станетъ въ ея ряды и навсегда останется ея врагомъ—мстителемъ за Годуновыхъ.

Лжедмитрію I Шеинъ присягнулъ въ числѣ послѣднихъ, когда почти вся уже земля ударила ему челомъ, и когда не было никакого другого исхода. Шеинъ позже говорилъ (въ 1611 г., на пыткѣ у поляковъ, послѣ сдачи Смоленска): «когда другіе поклонились Гришкѣ, то и я поклонился...»¹⁾. Преданность Шеина сверженной династіи стала извѣстна Лжедмитрію, конечно, чрезъ бояръ, и недаромъ новый царь, — какъ говорилъ (тогда же) Шеинъ, — «сначала на меня сердить былъ, потомъ сталъ ласковъ, звалъ на службу...». Эта перемѣна могла произойти только вслѣдствіе личнаго знакомства царя съ Шеинимъ, достоинства котораго не могъ не оцѣнить

¹⁾ Соловьевъ, II, 990.

умный Лжедимитрій, искавшій энергичныхъ людей, на которыхъ могъ бы опереться.

Очень цѣнна вырвавшаяся тогда же у Шеина фраза, что «при смерти его (Лжедимитрія) я не былъ...». Очевидно, Шеинъ здѣсь намекаетъ на свое полное безучастіе въ новой интригѣ все той же боярской клики, которая свергла Лжедимитрія и очистила дорогу къ престолу одному изъ своей «братъи бояръ...». Прямо и открыто дѣйствовавшій всегда Шеинъ не могъ принять участія въ какой бы то ни было интригѣ, тѣмъ болѣе, если она была направлена противъ лица, становившагося ему симпатичнымъ, и если интрига велась старыми недругами Шеина и исключительно въ ихъ узкихъ личныхъ цѣляхъ.

Рѣшительное столкновение и полный разрывъ Шеина съ этой партіей произошли въ 1609—1611 гг., когда осажденный въ Смоленскѣ Сигизмундомъ Шеинъ энергично боролся съ послѣднимъ и тѣмъ самымъ являлся главною помѣхою для осуществленія боярскихъ замысловъ, направленныхъ къ возведенію польскаго короля на московскій престолъ. Шеинъ такъ рѣзко шелъ противъ этихъ плановъ и такъ открыто дѣйствовалъ въ пользу кандидатуры королевича Владислава, что даже во время пытки, т. е., находясь всецѣло въ рукахъ Сигизмунда, не постѣснялся заявить, что онъ «всѣмъ сердцемъ былъ преданъ королевичу...». Недаромъ же боярская клика, дѣйствовавшая въ пользу Сигизмунда, поздравляя послѣдняго со взятіемъ Смоленска, причисляетъ (въ своей грамотѣ) Шеина къ числу «лихихъ людей»¹⁾, т. е., «лихихъ» для этой партіи и для ея дѣла.

Въ глазахъ этой партіи Шеинъ навсегда остался «лихимъ» челоуѣкомъ, которому нельзя было простить его политической и нравственной чистоты, проявившейся особенно въ то шаткое время смуты, когда рѣдкій государственный дѣятель оставался не замараннымъ, такъ или иначе. И послѣ смуты боярская клика «кривыхъ» оставалась сильна вліяніемъ и ждала только случая, чтобы отомстить своему давнему и принципиальному противнику... Послѣдній, отличаясь прямою и рѣзкою характера, только подливалъ масло въ огонь своими постоянными столкновениями съ боярствомъ, къ которому онъ не могъ не относиться свысока и презрительно, сравнивая свою службу землѣ съ боярскимъ служеніемъ личнымъ интересамъ и аппетитамъ.

Этой розни между Шеиннымъ и московскимъ боярствомъ много содѣйствовало долговременное пребываніе перваго въ Польшѣ. За 8 лѣтъ польскаго плѣна Шеинъ хорошо ознакомился съ иною жизнью и лучшими порядками, такъ не похожими на московскіе. Сильно развитая личная и общественная свобода, какую пользова-

¹⁾ Соловьевъ, II, 992.

лось польское шляхетство, не могла не прельщать гордаго и независимаго Шеина, вынужденнаго на Москвѣ снова превратиться въ «государева холопа»... Такое превращеніе нелегко давалось гордой натурѣ Шеина, привыкшаго и въ долгій періодъ смуты дѣйствовать самостоятельно, а не въ рамкахъ «государева холопства». Естественно, что, надышавшись свободнымъ польскимъ духомъ, Шейнъ не могъ уже хладнокровно выносить московскій духъ съ его холопствомъ и прочими атрибутами... Естественно также, что на этой почвѣ у Шеина происходили постоянныя столкновенія съ московскимъ боярствомъ и помимо розни политической. Возможно, что польскій плѣнъ отразился на Шейнѣ и во внѣшности—въ его обстановкѣ, обычаяхъ, условіяхъ жизни и проч. Все это, конечно, подмѣчалось его старыми недругами изъ боярства, которымъ не трудно было пустить даже легенду о тайномъ «крестномъ цѣлованіи» Шеина польскому королю, а позже и о прямой «измѣнѣ» боярина Москвѣ...

Насколько Шейнъ освоился съ европейскими порядками польскаго общества и полюбилъ ихъ, это доказываютъ многіе факты его жизни, напр., его дружба съ литовскимъ гетманомъ Радзивиломъ и съ рыцаремъ Мальтійскаго ордена Новодворскимъ ¹⁾, почетная капитуляція Смоленска и т. п. Вообще, не будетъ ошибки, если мы признаемъ М. Б. Шеина однимъ изъ первыхъ русскихъ «европейцевъ» (въ родѣ князя И. А. Хворостивина), которые естественно не пришли къ двору въ Москвѣ и должны были такъ или иначе погибнуть...

Если сопоставить все это—давнюю политическую рознь между Шейнымъ и боярскою кликою «кривыхъ», его глубокую антипатію къ эгоистической дѣятельности послѣднихъ, его честный, прямой и открытый характеръ, его честную службу землѣ, наконецъ, эти зачатки въ немъ началъ европеизма, — тогда станетъ понятно, что московское боярство не могло не съѣсть Шеина, какъ поѣдало оно не разъ и раньше, и позже многихъ выдающихся людей, даже своей среды, но стоявшихъ особнякомъ и цѣлою головою выше зауряднаго большинства...

Знаменитая рѣзкая рѣчь Шеина противъ бояръ, произнесенная имъ на отпускной царской аудіенціи въ 1632 г., была каплею, переполнившю чашу боярскаго долготерпѣнія... Боярство закипѣло старою ненавистью къ своему гордому и самостоятельному собрату, шедшему въ разрѣзъ съ большинствомъ, и поклялось ему отомстить, пользуясь своимъ вліяніемъ въ Москвѣ. Боярскія интриги противъ Шеина, ловко тормозившія ходъ его военныхъ операцій, начались чуть ли не съ первыхъ же дней приготовленій къ Смоленскому походу 1632—1634 г.г. Перехожу къ изложенію исторіи этихъ интригъ, на основаніи новыхъ матеріаловъ, открытыхъ А. Н. Зерцаловымъ.

¹⁾ Соловьевъ, 11, 1138, 1215, 1216.

III.

М. Б. Шеинъ и его товарищи по походу были у царя на прощальной аудіенціи 9 августа 1632 г., а уже 15 августа разрядный приказъ (военное министерство того времени) сообщилъ помѣстному приказу царскій указъ о конфискаціи въ казну помѣстій и вотчинъ Василія Васильевича Волынскаго «за ослушаніе идти съ денежною казною въ походъ съ бояриномъ Шеинымъ»... Кромѣ «отписки» имѣнія на государя, Волинскій былъ еще наказанъ ссылкой въ Казань.

Это былъ первый пробный и сравнительно безобидный выстрѣлъ боярской клики противъ Шеина, ясно однако говорившій объ истинныхъ чувствахъ ея къ человѣку, посланному противъ общаго врага... Намъ извѣстенъ только одинъ этотъ случай съ Волинскимъ, но, въ дѣйствительности, такихъ случаевъ отказа идти съ Шеинымъ въ походъ могло быть много среди московскаго боярства разныхъ ранговъ. Шеинъ не могъ не обратить на нихъ вниманія, пожаловался царю, и тотъ отнесся серьезно къ дѣлу, строго наказавъ Волинскаго, какъ, вѣроятно, и другихъ ослушниковъ царской воли. Но это вниманіе царя сказалось только на первыхъ порахъ, пока Шеинъ былъ еще подъ Москвою, и пока живъ былъ патріархъ Филаретъ, при которомъ бояре не могли вполне овладѣть волею царя... Дальше мы увидимъ, что уже и царь ничего не могъ подѣлать противъ интригъ бояръ, задумавшихъ Шеина...

Съ такимъ недобрымъ предзнаменованіемъ Шеинъ выступилъ къ Смоленску, имѣя въ своемъ корпусѣ болѣе 32 тысячъ человѣкъ. Его торопили выходомъ изъ Москвы, чтобы скорѣе отдѣлаться отъ него, оборвать его личное вліяніе на царя и за глазами приняться за свое злое дѣло мести... Между тѣмъ, корпусъ Шеина далеко не былъ организованъ для похода, и всего удобнѣе было бы заняться его организаціей, снабженіемъ провіантомъ, военными запасами и проч., именно, въ Москвѣ, гдѣ всего было изобильно, и все было подъ руками. Но Шеина такъ торопили, якобы въ интересахъ защиты погибающаго отечества, что онъ вышелъ изъ Москвы почти съ голыми руками; довольно сказать, что Шеину, отправленному осаждать первоклассную крѣпость того времени, не дали осадныхъ орудій — «большого пушечнаго наряда»... Обѣщали выслать его немедленно, въ догоню за ушедшимъ корпусомъ, а въ дѣйствительности онъ получилъ нарядъ, послѣ самыхъ настоячивыхъ требованій, только черезъ полгода — въ мартѣ 1633 г. Этого мало: нарядъ прислали, но... безъ «пушечныхъ запасовъ»! Послѣдніе пришли подъ Смоленскъ только черезъ 1½ мѣсяца ¹⁾.

¹⁾ Зерцаловъ, 26, 26.

До чего доходило подлое издѣвательство московскаго боярства надъ Шейнымъ уже въ самомъ началѣ похода, достаточно ясно изъ того, что Шейна выпустили изъ Москвы безъ главнаго «нерва войны»—безъ денегъ... 9 августа онъ вышелъ изъ Москвы, 10 августа былъ въ Можайскѣ и здѣсь ровно мѣсяць сидѣлъ, до 10 сентября, дожидаясь денегъ, безъ которыхъ не могъ двинуться дальше, такъ какъ нечѣмъ было кормить ратныхъ людей и платить имъ жалованье. Разрядный приказъ только 2 сентября распорядился послать Шейну деньги, въ количествѣ 78 тысячъ рублей ¹⁾.

Всѣ эти незадачи, вызванныя кознями сидѣвшихъ въ Москвѣ «по запискѣ» бояръ, не испугали Шейна: онъ бодро двинулся изъ Можайска въ походъ и, по мѣткому выраженію «Хронографа» ²⁾, брать у поляковъ города, «какъ птичьи гнѣзда»...

И это, несмотря на то, что осенній походъ былъ крайне труденъ и изнурителенъ для войска, о чемъ не разъ Шейнъ писалъ царю. Такъ, о походѣ къ Вязьмѣ Шейнъ пишетъ: «шли мы... несиѣшно, потому дорога нужна (т. е. нудная, тяжелая) и грязи великія... людямъ въ кормахъ нужда была великая, купити запасовъ не у кого...». Съ дороги къ Дорогобужу Шейнъ снова жалуется: «а ходъ у насъ мѣшкотенъ, потому что дорогою грязи великія и многія лошади... стали..., и мосты водою поносило...». Въ отпискѣ его изъ Дорогобужа читаемъ: «людямъ въ запасахъ нужда великая, вашихъ государевыхъ запасовъ нѣтъ, а купити не у кого, а изъ Вязьмы запасовъ привозятъ понемногу... Русскіе люди съ голоду бѣгаютъ, а нѣмецкіе люди отъ голода заболѣли и помираютъ... Нѣмецкая де пѣхота зимней нужи подняти не могутъ...». По 22 ноября сбѣжало 292 ратныхъ людей ³⁾.

Очень характерна эта голодовка войска, начавшаяся уже подъ Дорогобужемъ, т. е., въ двухъ шагахъ отъ Москвы, богатой всякими запасами и могшей изобильно прокормить вдвое-втрое большую армію, чѣмъ какая была у Шейна. Очевидно, корпусъ Шейна выпустили налегкѣ, безъ провіантскаго обоза, и позже, несмотря на всѣ его настоянія, не торопились высылкою ему «кормовъ». Объ этомъ ясно говоритъ выраженіе его дорогобужской отписки, что у него «государевыхъ запасовъ нѣтъ». Послѣдніе подвозились въ Вязьму, а оттуда доставлялись въ Дорогобужъ, но совсѣмъ въ обрѣзъ—«понемногу, телѣгъ по 10 и по 15, и того запаса на одинъ день не становится»...

Если въ оправданіе Москвы замѣтятъ, что она рассчитывала на прокормленіе корпуса Шейна мѣстными средствами, то вѣдь такой расчетъ на средства земли, сильно истощенной рядомъ предше-

¹⁾ Ibid., 12.

²⁾ Соловьевъ, 11, 1209.

³⁾ Зерцаловъ, 12, 13.

ствовавшихъ войнъ, черезчуръ былъ бы наивенъ даже для тогдашнихъ московскихъ стратеговъ и военныхъ администраторовъ, засѣдавшихъ въ разрядномъ приказѣ и оттуда руководившихъ операціями Шеина. Но если и былъ такой ошибочный расчетъ разряда, послѣдній обязанъ былъ спохватиться и немедленно поправить свою ошибку послѣ того, какъ Шеинъ въ цѣломъ рядѣ своихъ отписокъ настойчиво твердилъ царю и разряду, что на мѣстѣ «купити запасовъ не у кого...». Насколько онъ настойчивъ былъ въ этихъ указаніяхъ, и какъ нагло разрядъ молчалъ на всѣ требованія Шеина о кормѣ для войска, показываетъ невольно вырвавшійся вопль Шеина въ его дорогобужской отпискѣ, что онъ «напередъ сего многажда писалъ» о нуждѣ въ кормахъ, да толку де нѣтъ: плютъ ему на 30-ти-тысячный корпусъ по 10—15 телѣгъ хлѣба на день!..

Естественно, что Шеинъ, видя начинающуюся отъ голодовки деморализацію въ своемъ корпусѣ, не рисковалъ идти дальше, тѣмъ болѣе, что все поджидаль изъ Москвы осадныхъ орудій и припасовъ къ нимъ. Болѣе 1½ мѣсяца онъ стоялъ въ Дорогобужѣ, но не дождавшись ни осаднаго парка, ни достаточнаго провіанта, вынужденъ былъ двинуться (24 ноября) къ Смоленску, и именно вслѣдствіе настойчивыхъ приказаній царя, понуждаемаго къ тому московскими благопріятелями Шеина... Послѣдній рискнулъ на это опасное для полуголоднаго корпуса движеніе, можетъ быть, только въ тѣхъ видахъ, что около Дорогобужа все было съѣдено его войскомъ, что только можно было добыть изъ мѣстныхъ средствъ, а подъ Смоленскомъ еще возможно было рассчитывать на кое-какія средства мѣстнаго населенія. Съ другой стороны, Шеинъ могъ думать о какой нибудь случайности, которая отдастъ въ его руки богатый запасами Смоленскъ еще до прихода туда сильной помощи изъ Польши, о чемъ уже ходили слухи.

IV.

6 декабря 1632 г. Шеинъ былъ уже подъ Смоленскомъ и засѣлъ здѣсь надолго, совершенно брошенный Москвою, вопреки всѣмъ увѣреніямъ царя, постоянно обѣщавшаго Шеину всякую и сильную помощь, но ничего не исполнившаго... Шеинъ, однако, упорно вѣрилъ въ царскую поддержку, т. е., собственно, въ поддержку патріарха Филарета, издавна къ нему расположеннаго. Но государь-патріархъ уже былъ на закатѣ своей жизни и не принималъ прежняго дѣятельнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. А съ его смертію (въ 1633 г.) Шеинъ потерялъ послѣднюю свою опору и всецѣло очутился въ рукахъ боярской клики, ясно поставившей себѣ задачу—довести Шеина до гибели... Шеинъ не могъ этого не знать

и не вѣдать, но, какъ человѣкъ прямой и честный, онъ шелъ напроломъ, наивно вѣря въ правду и пользу своего дѣла и полагая, что, именно, это начало восторжествуетъ надъ подлыми кознями недруговъ... Врядъ ли ему могло и во снѣ тогда сниться, что онъ погибнетъ съ позорною кличкою «измѣнника» отъ руки дѣйствительныхъ предателей земли, не поцеремонившихся связать свою личную месть съ гибелью дѣла, полезнаго землѣ.

Первое время подъ Смоленскомъ корпусъ Шейна нѣсколько отдохнулъ и оправился послѣ Дорогобужской голодовки, дѣятельно собирая мѣстные кормы ближайшими и мѣстными фуражировками. Но скоро и мѣстные средства были истощены, а далекія фуражировки стали опасны, вслѣдствіе приближенія польской арміи. Подвозы же провіанта изъ Москвы становились все рѣже и рѣже. Снова началось голоданіе шейнскаго корпуса, со всѣми его послѣдствіями.

Авторъ «Хронографа» говоритъ: «русскіе люди въ острожкахъ отъ тѣсноты и скудости въ пищи оцѣнжали, и сдѣлался моръ большой, изъ Москвы же имъ помощи не даютъ и запасовъ не присылаютъ...» ¹⁾. До чего ратные люди ослабли, видно ²⁾ изъ того, что они уже не могли сами работать надъ возведеніемъ «земляныхъ городковъ и землянныхъ шанцовъ», и Шейнъ вынужденъ былъ нанимать для этихъ работъ крестьянъ и «вольныхъ людей». Дороговизна хлѣба была поражающая: «хлѣбнымъ торговцамъ подъ Смоленскомъ за каждый печеный хлѣбъ платили по алтыну», то-есть, столько, сколько въ то время, при нормальныхъ условіяхъ жизни, стоилъ въ Россіи пудъ муки ржаной. Чтобы добыть денегъ на это дорогое пропитаніе, ратные люди продавали порохъ и проч. Вообще, достаточно сказать, что въ отрядѣ Шейна «умерло съ голоду до 500 человѣкъ» ³⁾.

Начались побѣги ратныхъ людей въ ужасающей прогрессіи. Въ сентябрьской (1633 г.) отпискѣ Шейнъ жалуется: «писали мы... многіжда, что ...ратные люди изъ полковъ сбѣгутъ ежедень...», а 25 августа, то-есть, въ день прихода подъ Смоленскъ короля Владислава—«дворянъ и дѣтей боярскихъ сбѣжало однимъ днемъ 271 человѣкъ...» ⁴⁾. Побѣги послѣднихъ были вызваны не одною голодовкою, но и дошедшими подъ Смоленскъ вѣстями о вызванномъ Польшкою вторженіи крымскихъ татаръ въ московскую Украину и разореніи ими дворянскихъ помѣстій и вотчинъ. Всего, по даннымъ Зерцалова ⁵⁾, за первые 8 мѣсяцевъ стоянія Шейна подъ

¹⁾ Ibid., 17.

²⁾ Соловьевъ, 11, 1209.

³⁾ Зерцаловъ, 16.

⁴⁾ Ibid., 17.

⁵⁾ Ibid., 15.

Смоленскомъ сбѣжало у него ратныхъ людей «не менѣе 4.000 человекъ».

Не менѣе людей страдали отъ безкормицы и лошади, падавшія въ громадномъ количествѣ, такъ что Шейнъ въ одной отпискѣ заявляетъ царю: «съ нами конные ратные остаются немногіе». Безлошадица была до того полная, что когда Шейнъ стянулъ всѣ свои отряды въ одинъ «большой острогъ» (въ сентябрѣ 1633 г.), то для перевозки туда осадныхъ и полевыхъ орудій взяли 586 стрѣльцовъ, пушкарей и солдатъ, которые и «отвезли на себѣ большой и меньшей пушечный нарядъ», за что получили по рублю на человека.

Выше уже отмѣчено, какъ поздно былъ доставленъ осадный паркъ Шейну, и даже безъ снарядовъ къ орудіямъ. Нужда въ снарядахъ была такъ велика, что Шейнъ платилъ своимъ людямъ большія деньги за собираемые ими неприятельскіе снаряды; «за ядро большого наряда» платилось 3—6 алтынъ и такъ далѣе.

О всѣхъ этихъ вопіющихъ безпорядкахъ Шейнъ доносилъ царю «многжда», требуя ихъ исправленія, что вполне было возможно для Москвы. Но Москва, то-есть бояре, сидѣвшіе по приказамъ, клали эти отписки подъ сукно, да отдѣлывалась словами на всѣ требованія Шейна и, какъ бы въ насмѣшку, дарили изрѣдка боярина царскимъ «милостивымъ словомъ» за его крѣпкое стояніе подъ Смоленскомъ, несмотря на полную деморализацію войска...

А подъ покровомъ этого «милостиваго слова» продѣлывались возмутительныя вещи... Объ одной изъ этихъ продѣлокъ враговъ Шейна рассказываетъ любопытная отписка царю, полковника рейтарскаго строя Самойла-Карла де-Эберта, въ августѣ 1633 г. ¹⁾ Рейтарскій полкъ его былъ отправленъ къ Шейну «наспѣхъ», для чего приказано «и коши (обозъ) пометать» (бросить). Но полковникъ шелъ не самостоятельно, а подъ командою посланныхъ изъ Москвы Ивана Вельямина и А. Исупова, везшихъ къ Шейну «государеву казну». Въ походѣ рейтаръ вышла большая «мѣшкота», въ которой московскіе посланцы кругомъ обвинили предъ царемъ Эберта, взявшаго будто бы неправильный и неудобный маршрутъ. Но полковникъ съ негодованіемъ отвергаетъ это обвиненіе и прямо говоритъ, что Вельяминъ и Исуповъ нарочно повели рейтаръ по дальней и скверной дорогѣ, чтобы замедлить его движеніе къ Смоленску... Вотъ слова Эберта: «куды они меня съ вожами (проводниками) вели, туда я дорогою и шелъ; а то они на меня писали къ тебѣ государю ложно. А которая была... мѣшкота, то учинилось отъ нихъ: завели они меня съ войскомъ въ бездорожицу и въ грязь... А все, государь, они (продѣлали) для своей бездѣльной корысти».

Полковникъ не раскрываетъ послѣдняго намека... Выраженіемъ «бездѣльная корысть» на языкѣ XVII вѣка обозначалось не одно

¹⁾ Зерцаловъ, 28—29.

только корыстолюбіе, но вообще всякое непохвальное дѣйствіе, направленное къ личной выгодѣ, матеріальной или иной, но связанной съ ущербомъ для другихъ. Никакой прямой корысти Вельяминовъ и Исуповъ не могли сейчасъ же получить отъ того, что замедлили движеніе рейтаръ къ Смоленску. Но если они продѣлали это по внушеніямъ московскихъ благопріятелей Шеина, въ чаяніи какихъ либо милостей отъ нихъ, а, можетъ быть, и цѣною прямого подкупа, тогда понятенъ намекъ Эберта на ихъ «бездѣльную корысть».

Цѣнна здѣсь еще одна характерная подробность. Отписки Вельяминова и Исупова, съ ложными обвиненіями противъ Эберта, дошла до царя и вызвала оправдательную отписку полковника. Но послѣдняя застряла въ иноземскомъ приказѣ и не была «внесена на верхъ», то-есть къ царю. Если бы царь ее прочелъ, то-есть выслушалъ, самъ ли, или въ боярской думѣ, то на отпискѣ стояла бы помѣта: «государю чтена», или съ прибавкою: «а и боярамъ вѣдома». А на отпискѣ Эберта (подлинной, съ его нѣмецкимъ рукоприкладствомъ) именно и нѣтъ такой помѣты, а находимъ другую, сдѣланную въ иноземскомъ приказѣ и очень многозначительную въ данномъ случаѣ. Въ этой приказной помѣтѣ читаемъ: «вклеить (отписку) въ столпъ», то-есть сдать ее въ архивъ, какъ пустую и безсодержательную бумагу, которую де не стоитъ доводить до свѣдѣнія царя...

И такихъ возмутительныхъ случаевъ было, вѣроятно, немало въ шейнской трагикомедіи... Нужно еще удивляться, какъ онъ долго держался подъ Смоленскомъ, несмотря на всѣ эти козни и помѣхи враговъ, травившихъ его на каждомъ шагу... Несомнѣнно отсюда, что все его сидѣніе подъ Смоленскомъ, особенно со времени прихода туда польскаго короля Владислава III съ 23 тысячнымъ войскомъ (25 августа 1633 г.), есть громкій воинскій подвигъ, свидѣтельствующій о крупномъ военномъ талантѣ Шеина. Если бы С. М. Соловьевъ зналъ всѣ эти подробности о смоленскомъ походѣ Шеина, открытыя А. Н. Зерцаловымъ, онъ отказался бы отъ своихъ, правда, очень осторожныхъ намековъ на отсутствие у Шеина военнаго таланта ¹⁾. Въ талантливости Шеина нельзя сомнѣваться уже по тому одному, что онъ со своимъ голоднымъ, ослабѣвшимъ отрядомъ несомнѣнно взялъ бы Смоленскъ, если бы Владиславъ не подошелъ туда вовремя, почти наканунѣ сдачи Шеину смоленскаго губернатора Станислава Воеводскаго.

Съ приходомъ короля роли перемѣнились, и шейнскій корпусъ изъ осаждавшаго превратился въ осажденнаго.

¹⁾ 11, 1208.

«Истор. вѣстн.», июнь, 1898 г., т. LXII.

V.

Перехожу къ предпоследнему и самому возмутительному акту шейнской исторіи—къ преслывутой «боярской вырубкѣ» Шейна...

Почти полгода (съ 25 августа 1633 г. до 16 февраля 1634 г.) Шейнъ держался съ своимъ измученнымъ и ослабѣвшимъ отрядомъ противъ свѣжаго и хорошо организованнаго польскаго войска, держался въ самыхъ невозможныхъ стратегическихъ и физическихъ условіяхъ, съ скудными остатками провіанта и военныхъ припасовъ, въ холодѣ и голодѣ. Отъ Москвы онъ былъ совершенно отрѣзанъ: «дороги московскія польскіе и литовскіе люди заняли всѣ, и проѣзду ни откуда нѣтъ». Только одиночные гонцы отъ Шейна въ Москву и обратно да дезертиры могли кое-какъ пробираться тайкомъ, да и тѣ часто гибли. При такомъ отчаянномъ положеніи продержаться цѣлыхъ полгода, съ вполне деморализованнымъ войскомъ (достаточно вспомнить эти побѣги, по нѣскольکو сотъ человекъ въ одинъ день, или извѣстный ¹⁾ случай, когда полковникъ Лесли на глазахъ у Шейна застрѣлилъ полковника Сандерсона, подозрѣвая его въ измѣнѣ, и остался безнаказаннымъ), противъ свѣжаго и европейски устроеннаго непріятеля—это опять таки говорить о незаурядномъ военномъ талантѣ Шейна.

Шейнъ стойко выдерживалъ свое невозможное положеніе въ надеждѣ на скорую помощь изъ Москвы. Уже въ сентябрѣ 1633 г., какъ только въ Москвѣ узнали о приходѣ Владислава подъ Смоленскъ и о крайне затруднительномъ положеніи Шейна, царь писалъ ²⁾ боярину и его товарищу окольникову кн. Семену Васильевичу Прозоровскому, что посылаетъ къ нимъ на помощь «большую рать»; «и вы бы нашихъ ратныхъ людей къ себѣ на помощь ожидали вскорѣ»... Это царское обѣщаніе скорой помощи повторялось и въ другихъ грамотахъ къ Шейну, бодрило его и войско, поддерживало ихъ духъ до послѣдней крайности. Цѣлыхъ полгода Шейнъ жилъ только надеждою на обѣщанную помощь, но такъ и не дождался отъ Москвы ни одного воина, ни фунта пороху, ни куска хлѣба!.. А взамѣнъ всего этого—одни слова и слова...

А между тѣмъ, съ приходомъ Владислава, Москва, несомнѣнно, зашевелилась, такъ какъ теперь опасность угрожала уже не одному Шейну, но и самой Москвѣ. Въ Можайскѣ стали формировать корпусъ подъ начальствомъ бояръ князя Дмитрія Мамстрюковича Черкаскаго и князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго (извѣстный дѣятель смутнаго времени). Можайскій корпусъ имѣлъ прямое назна-

¹⁾ Соловьевъ, II, 1202, 1203.

²⁾ Зерцаловъ, 19.

ченіе—«идти подѣ Смоленскъ выручать боярина М. Б. Шейна съ товарищи» и вообще «помогать ему всячески».

Сборъ ратныхъ людей подѣ Можайскомъ и организація корпуса предполагались еще въ сентябрѣ 1633 г., если вѣрить сентябрьской царской грамотѣ къ Шейну. Однако, рѣшительный царскій указъ о сформированіи вспомогательнаго корпуса состоялся — вслѣдствіе «смоленскихъ вѣстей» — только 18 октября. «Воеводскій наказъ» князьямъ Черкасскому и Пожарскому, и ихъ дьякамъ Никифору Шипулину и Василью Волкову выданъ изъ разряда только 30 декабря. Раньше этого дня, то-есть, безъ наказа, они не могли и выѣхать изъ Москвы; значить, если ратные люди и собирались раньше пріѣзда своего начальства въ Можайскъ, то подѣ наблюдениемъ мѣстныхъ воеводъ. Бояре же, назначенные для скорой «выручки» Шейна, предпочитали сидѣть въ Москвѣ «по запечью» и тронулись оттуда ровно черезъ 4 мѣсяца послѣ того, какъ царь угѣшилъ Шейна обѣщаніемъ выручить его «вскорѣ»... Вотъ какъ торопились въ Москвѣ «выручать» Шейна и какъ осуществляли царское обѣщаніе «скорой» помощи!..

Сборъ ратныхъ людей для «смоленской службы» производился и въ другихъ пунктахъ—въ Калугѣ, Ржевѣ-Володимеровой и проч. Въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи сохранилась 21 «десятина» о верстанѣ ратныхъ людей въ этихъ городахъ и раздачѣ имъ для похода денежнаго жалованья. Наказы стольникамъ и дьякамъ, посланнымъ въ эти города, выданы разрядомъ въ первыхъ числахъ декабря. Но все же здѣсь, вдали отъ Москвы и ея зловреднаго вліянія, дѣло велось довольно добросовѣстно, и ратные быстро собирались. Спѣшка была такая очевидная, что, напримѣръ, въ Калугѣ и Ржевѣ верстанье производилось «днемъ и ночью». Въ половинѣ января 1634 г. въ Калугѣ собралось уже около 1½ тысячи ратныхъ.

Между тѣмъ, въ главномъ вспомогательномъ корпусѣ, въ Можайскѣ, 3 января было всего 357 ратныхъ, какъ видно изъ отписки бояръ князя Черкаскаго и князя Пожарскаго, тронувшихся, наконецъ, изъ Москвы на «выручку» Шейна... Впрочемъ, бояре-воеводы начали просыпаться, и къ концу января подѣ ихъ командою собрался значительный корпусъ въ 12 тысячъ людей.

Съ такимъ составомъ можно было бы если не выручить Шейна изъ польскихъ тисковъ, то хотя бы сдѣлать рѣшительную диверсію къ Смоленску и тѣмъ остановить Владислава отъ его послѣднихъ дѣйствій противъ Шейна, а этого воздержать отъ рѣшенія сдаться королю. Въ концѣ января еще не поздно было произвести съ польскою такою выручку или диверсію. Отъ Можайска до Смоленска 12-ти-тысячный корпусъ могъ легко передвинуться въ 6—7 дней, а то при желаніи и скорѣе. Выручка явилась бы въ самый критическій моментъ, когда Шейну ничего уже не оставалось, кромѣ сдачи... Даже простая диверсія къ Смоленску произвела бы громадный эффектъ

на поляковъ. Есть данныя, говорящія, что «поляки боялись русскаго войска, стоявшаго въ Можайскѣ», и преувеличивали его составъ до 30 тысячъ ¹⁾).

Но бояре продолжали сидѣть въ Можайскѣ и пальца о палець не ударили, чтобы показать хотя тѣнь готовности идти на выручку Шеина... Есть только одинъ намекъ на какую-то слабую рекогносцировку около Вязьмы ²⁾).

Особенно характерны нечестныя отношенія Москвы къ Шеину въ послѣдніе моменты его борьбы съ королемъ Владиславомъ... 1-го февраля получена въ Москвѣ послѣдняя отписка Михаила Борисовича изъ-подъ Смоленска, гдѣ онъ ясно рисовалъ свое отчаянное положеніе—полное «утѣсненіе» отъ польскихъ войскъ и «большое оскудѣніе въ хлѣбныхъ запасахъ и въ соли»...

Казалось бы, такъ естественно, при нормальномъ ходѣ вещей и честномъ отношеніи къ дѣлу, что Москва сейчасъ же строго-настрого прикажетъ князьямъ Черкасскому и Пожарскому идти «наспѣхъ» къ Смоленску и рѣшительно выручать Шеина... Но, нѣтъ! Москва, очевидно, только нагло смѣялась надъ попавшимъ въ западню гордымъ бояриномъ и своею «волокиетою» издѣвалась надъ нимъ вволю...

Судите сами: 1 февраля получена отчаянная отписка Шеина, а царь только 2 февраля надумался послать въ Можайскъ окольниковъ князя Григорья Волконскаго и совѣтъ не для того, чтобы двинуть къ Смоленску бояръ-сидней, но... чтобы «съ ними посовѣтовать, какъ бы... Шеину съ товарищи... помочь учинити» ³⁾). И это, когда дорогъ каждый моментъ, когда въ Москвѣ отлично знали, что Шеинъ виситъ на волоскѣ, когда Москва отлично понимала, что съ гибелью Шеина погибнутъ крупныя интересы государства... Но какое было дѣло этимъ жалкимъ людямъ до интересовъ земли, разъ имъ представился такой благопріятный случай погубить своего личнаго врага!..

Князь Волконскій «совѣтовался» съ княземъ Черкасскимъ и княземъ Пожарскимъ ровно... трое сутокъ! Только 6 февраля онъ вернулся въ Москву и «доложилъ государю о готовности (sic!..) князя Черкаскаго идти на помощь Шеину»... Цѣлыя сутки еще Москва обсуждала эту «готовность» бояръ вытѣзть изъ «запечья» и только 8 февраля рискнула отдать приказъ князю Черкасскому «о выступленіи въ походъ» къ Смоленску.

Когда князь Черкасскій получилъ о томъ царскую грамоту и когда въ дѣйствительности выступилъ въ походъ,—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что разрядный приказъ его не торо

¹⁾ Зерцаловъ, 22, 23.

²⁾ Ibid., 29.

³⁾ Ibid., 21.

пилъ, ибо только 11 февраля отправилъ грамоту въ Калугу, къ воеводамъ князю Куракину и князю Волконскому, формировавшимъ тамъ отрядъ ратныхъ людей, съ приказомъ—идти имъ въ Можайскъ, «на сходъ» (соединеніе) къ князю Черкасскому, чтобы съ нимъ двинуться къ Смоленску «для освобожденія Шеина». Значить, и 11-го февраля князь Черкасскій еще стоялъ въ Можайскѣ, дожидаясь калужскаго отряда, и, вѣроятно, не дождался его и 16 февраля, когда никакая уже «выручка» не нужна была Шеину, сдавшемуся въ этотъ день королю Владиславу на условіяхъ почетной капитуляціи, то-есть, съ пропускомъ его геройскаго отряда въ Москву...

Бояре могли ликовать, что добились своего—унизили врага... Но на этомъ они не остановились и довели свое подлое дѣло до желаннаго для нихъ конца—до казни открытаго ими «измѣнника»... боярскимъ интересамъ и боярской «бездѣльной корысти»...

VI.

Шеинъ вернулся въ Москву въ первыхъ числахъ марта, съ остатками своего корпуса, около 8 тысячъ человѣкъ (изъ 32 тысячъ). Возвращался онъ смѣло, имѣя въ рукахъ тысячи доказательствъ того, что виною неудачнаго конца его похода была именно Москва, съ ея нарочитою и усиленною «волокитею» и всяческими помѣхами. Но... участь его была уже предрѣшена боярскою кликою, ловко пустившею въ оборотъ легенду объ «измѣнѣ» Шеина... Послѣдній еще только подходилъ къ Москвѣ, а уже 2 марта состоялся царскій указъ объ образованіи надъ нимъ и его товарищами судной комиссіи изъ бояръ князя А. И. Шуйскаго и князя А. В. Хилкова, окольногочаго В. И. Стрешнева и дьяковъ Т. Бормосова и Д. Прокофьева. Суду преданы бояринъ М. Б. Шеинъ, его товарищи, окольные: князь С. В. Прозоровской, Артемій Васильевичъ Измайловъ, князь Михайлъ Васильевичъ Бѣлосельской, сынъ Шеина Иванъ, сыновья Измайлова Василій и Сементъ и другія лица изъ штаба Шеина. Изъ всѣхъ этихъ лицъ сравнительно слабо были наказаны (ссылкою и конфискаціей имѣнія) именно самые «породные» и имѣвшіе большія связи въ боярствѣ, князья Прозоровской и Бѣлосельской... Князь Прозоровской черезъ годъ былъ уже прощенъ и вернулся изъ своей нестрашной ссылки въ Нижнемъ Новгородѣ. Вѣроятно, то же было и съ княземъ Бѣлосельскимъ.

Больше же всѣхъ пострадали—погибли на плахѣ, кромѣ самого «слихого» для боярства человѣка Шеина, его близкій другъ и помощникъ, но невидный человѣкъ въ боярствѣ, окольныйчій А. В. Измайловъ, да сынъ послѣдняго, стольникъ Василій. Главною виною послѣдняго—по «боярскому приговору»—были разныя «непригожія

рѣчи» на счетъ «московскаго плюгавства»¹⁾ и, вообще, хорошо подмѣченная боярскими «пишами» (шпіонами, очевидно кишѣвскими въ станѣ Шеина) склонность молодого стольника къ порядкамъ и условіямъ польской, то-есть, европейской жизни... За такія же рѣчи о «московскомъ плюгавствѣ»²⁾ и, вообще, за «непригожія рѣчи» наказаны кнутомъ и ссылкой въ Сибирь Семень Измайловъ, Гаврило Бакинъ и Любимъ Ананьевъ. Послѣдній былъ «пишомъ» у Шеина, то-есть человѣкомъ, стоявшимъ поперекъ дороги у боярскихъ «пишей»; за то онъ и пострадалъ...

Нарочно обращаю вниманіе на этотъ трагикомическій элементъ въ «боярскомъ приговорѣ» 1634 г. Ниоткуда, какъ только отъ пишей, Москва не могла бы узнать этихъ тайныхъ «непригожихъ рѣчей» Измайловыхъ и др. лицъ. А разъ Шеинъ, какъ и его близкіе, былъ окруженъ боярскими шашами, слѣдившими за каждымъ его шагомъ, за всякимъ словомъ и чуть ли не помышленіемъ, значитъ, какой богатый матеріалъ они должны были собрать въ улику «измѣны» Шеина! А между тѣмъ пиши ровно ничего не могли собрать противъ Шеина, не подслушали ни одного его «непригожаго слова» и не отмѣтили ни одного его тайнаго дѣянія; уже это одно рѣшительно говоритъ противъ обвиненія Шеина въ «измѣнѣ». Боярскій приговоръ построилъ свои обвиненія на другой основѣ, еще болѣе шаткой и совершенно бездоказательной...

Но напередъ отмѣчу, что судъ надъ Шеиннымъ тянулся болѣе мѣсяца (2 марта—18 апрѣля), очевидно, потому, что никакихъ прямыхъ и сразу уличающихъ «измѣну» фактовъ у судей не было, и они ревностно собирали отовсюду всякія косвенныя и шаткія улики, чтобы мотивировать ими заранѣе уже предрѣшенный смертный приговоръ надъ несчастными бояриномъ и Измайловыми... Несомнѣнно, съ другой стороны, что Шеинъ, по натурѣ своей, не могъ молчать, тѣмъ болѣе, что имѣлъ въ свою защиту массу и документальныхъ оправданій, и показаній очевидцевъ. Его защитительныя рѣчи намъ неизвѣстны, но они, несомнѣнно, были, и, судя по его натурѣ и по знаменитой анти-боярской рѣчи 1632 г., его рѣчи въ судной комиссіи были самыя горячія, страстныя, содержательныя, надъ которыми московскимъ дьякамъ приходилось немало поломать голову, чтобы, хотя для соблюденія формальности и хотя бы съ внѣшней стороны, подорвать ихъ значеніе.

Знаменательно, что боярскій приговоръ начинаетъ перечень своихъ обвиненій противъ Шеина не съ его «измѣны», о которой трактуется много ниже, а именно, съ того оскорбленія, которое онъ нанесъ боярамъ въ своей рѣчи 1632 г.; вотъ главная вина Шеина въ

¹⁾ Соловьевъ, II. 1207.

²⁾ Ibid. 1208.

глазахъ бояръ—измѣна боярству!.. Такъ оно и было на дѣлѣ—именно, за эту измѣну и погибъ Шейнъ..

Не стоитъ серьезно останавливаться надъ тѣми наивными доказательствами другой — политической—«измѣны» Шеина, измѣны яко бы государству, о которой говорить боярскій приговоръ. Все это обвиненіе шито такими бѣлыми нитками, которыхъ не могутъ видѣть развѣ только такіе историки, которые смѣло, но бездоказательно приравниваютъ Шеина къ маршалу Базену... Но эти историки одного не могутъ сообразить, что если бы Шейнъ продался Владиславу, то развѣ посмѣлъ бы онъ явиться въ Москву и развѣ не могъ бы «отгѣхать» (даже временно, подъ видомъ плѣна) въ Польшу, къ которой у него, несомнѣнно, были симпатіи послѣ долгаго польскаго полона?! Кромѣ того, если бы Владиславъ одержалъ верхъ надъ Шейнымъ, благодаря измѣнѣ его, то развѣ не проговорились бы объ этомъ при случаѣ сами поляки? А между тѣмъ, мы какъ разъ имѣемъ совершенно обратное доказательство съ польской стороны.

Объ этомъ фактѣ ¹⁾ стоитъ напомнить въ поученіе «наивнымъ» историкамъ. Во время Поляновскихъ переговоровъ о мирѣ (весною 1634 г.) московскіе послы съ истинно «московскимъ плюгавствомъ» потребовали возвращенія шейнскаго «народа», взятаго подъ Смоленскомъ, и особенно тѣхъ 12 пушекъ, «которыя король отдалъ Шейну, но тотъ не взялъ измѣною своему государю»... Эти 12 пушекъ фигурируютъ въ боярскомъ приговорѣ, какъ одно изъ доказательствъ «измѣны» Шеина. На это требованіе одинъ изъ польскихъ пословъ, литовскій гетманъ Радзивиль, съ искреннимъ негодованіемъ отвѣтилъ, по поводу брошеннаго москвичами намека на «измѣну» Шеина: «вамъ бы такого слова не говорить и въ письмѣ не писать, потому взялъ весь нарядъ государь нашъ своею ратною силою, а не по чьей нибудь измѣнѣ! 12 же пушекъ, которыя были Шейну отданы, онъ подарилъ мнѣ по любви, а не по неволѣ, и тѣ пушки у меня, а не у короля, и отдать ихъ назадъ непригоже, потому что Шейнъ ими меня подарилъ». Пусть Шейнъ и не имѣлъ права дарить царскій нарядъ своему пріятелю, но не могъ же онъ заставить своихъ измученныхъ людей тащить на себѣ (лошадей не было) нарядъ до Москвы, т. е., цѣлыхъ двѣнадцать дней пути.

Вотъ единственное польское свидѣтельство о пресловутой «измѣнѣ» Шеина и, притомъ, сдѣланное лицомъ, несомнѣнно близкимъ Шейну, которое въ случаѣ какихъ либо малѣйшихъ подозрѣній на счетъ честности Шеина промолчало бы на обвиненіе, высказанное московскими послами. Но для Радзивила это обвиненіе было такъ нелѣпо, что онъ не смолчалъ и рѣшительно выступилъ на защиту друга.

¹⁾ Соловьевъ. 11, 1215, 1216.

Помимо отдачи полякамъ этихъ 12 пушекъ и остального наряда, приговоръ видитъ «измѣну» Шеина въ томъ, что онъ «крестнымъ цѣлованіемъ» подтвердилъ святость своего договора съ Владиславомъ о почетной сдачѣ, а въ числѣ статей договора были и такія, что Шеинъ съ своимъ отрядомъ не будетъ принимать участія въ польской войнѣ въ продолженіе 4 мѣсяцевъ, что въ моментъ сдачи русскія знамена преклоняются предъ польскимъ королемъ и проч. Но если для Москвы эти и другія церемоніи и условія почетной капитуляціи казались не только не слыханною диковинкою, но даже прямою «измѣною» московскому государю, то для Шеина съ его европейскими симпатіями и замашками всѣ эти условія сдачи были вполне нормальными, какъ издавна практиковавшіяся въ европейскихъ арміяхъ.

Наконецъ, еще одна курьезная улика боярскаго приговора на счетъ «измѣны» Шеина: будто бы онъ въ литовскомъ полону «цѣловаль крестъ» на вѣрность Сигизмунду и Владиславу, а, вернувшись въ Москву, о томъ «не объявилъ» и 15 лѣтъ «содержалъ это крестное цѣлованіе тайно», а нынѣ де подъ Смоленскомъ «исполнялъ» цѣлованіе—«во всемъ радѣлъ» Владиславу. Авторъ «Хронографа», напротивъ, увѣряетъ, что эта тайная клятва «была извѣстна и царю, и патриарху»...

Но въ послѣднемъ случаѣ Шеинъ давно уже былъ бы наказанъ Москвою, именно сейчасъ же по возвращеніи изъ плѣна, а теперь (въ 1632 г.) царь не рискнулъ бы отправить противъ поляковъ клятвopеступника и завѣдомаго «измѣнника». Если же вѣрить боярскому приговору, тогда странно, почему же Шеинъ не постарался отбояриться отъ тяжелого для него порученія быть главнокомандующимъ въ войнѣ противъ того Владислава, которому онъ, 15 лѣтъ назадъ, «цѣловаль крестъ»? При своемъ видномъ положеніи стараго, заслуженнаго боярина, да еще при несомнѣнномъ покровительствѣ всемогущаго государя-патриарха, Шеину ничего не стоило отдѣлаться отъ назначенія въ походъ и подъ самыми благовидными предлогами усѣсться на «запечѣ» въ Москвѣ или въ своей вотчинѣ.

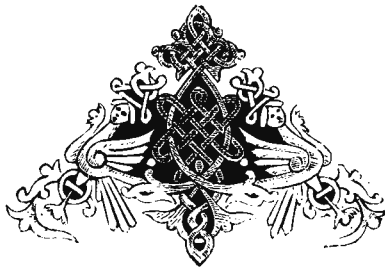
Такими же бѣлыми нитками сшиты и всѣ остальные обвиненія боярскаго приговора, ставящаго въ вину Шеину тѣ неудачи его военныхъ операцій, въ которыхъ, какъ мы видѣли, цѣликомъ была повинна сама Москва, съ умыленною «волокитею» и всякими нарочитыми помѣхами... Тутъ обвиненія и въ медленности движенія къ Смоленску, и въ голодовкѣ ратныхъ людей, и въ отсутствіи будто бы «промысла» надъ непріателемъ, и въ рѣдкой посылкѣ царю отписокъ изъ-подъ Смоленска (вспомнимъ постоянную фразу шеинскихъ отписокъ, что онъ писалъ въ Москву «многизда!») и проч., и проч.

Но вся эта наглая ложь и возмутительная подтасовка фактовъ блистательно опровергнута новыми данными, открытыми А. Н. Зерцаловымъ и вышеприведенными. Для интересующихся подробностями

отмѣчу, что г. Зерцаловъ сдѣлалъ (сс. 24—27) параллельныя выписки лживыхъ обвинительныхъ пунктовъ боярскаго приговора и документальныхъ оправданій Шеина. Теперь этотъ боярскій приговоръ 18 апрѣля 1634 г. смѣло слѣдуетъ назвать однимъ изъ позорнѣйшихъ актовъ, созданныхъ русскимъ боярствомъ...

Жертва и мученикъ боярскихъ интригъ, Михайль Борисовичъ Шеинъ казненъ (вмѣстѣ съ А. В. и В. А. Измайловыми) 28 апрѣля 1634 года. Какое страшно тяжелое впечатлѣніе произвела эта возмутительная казнь на народъ, слишкомъ далекій отъ боярскихъ интригъ, достаточно свидѣтельствуетъ приводимое Соловьевымъ (11, 1211) показаніе современника-москвича, что когда «на Москвѣ Шеина и Измайлова казнили, и за это учинилась въ людяхъ рознь великая, да на Москвѣ же были пожары большіе, выгорѣла Москва мало не вся»... Этими пожарами, когда выгорѣла масса боярскихъ дворовъ, народъ отомстилъ боярамъ за неповинную кровь Шеина...

Н. Оглоблинъ.

ВИНОВНИКИ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ 1863 ГОДА.

(По польскимъ источникамъ).

«Исторія Польши, съ самаго начала ея, можетъ быть опредѣлена словами: постепенный упадокъ. Цивилизація ея въ средніе вѣка была не что иное, какъ восточная роскошь: литература ея — только контрафакція латинизма, а республика — лексиконъ, заимствованный изъ древняго быта, или оперная декорація; ея набожность — крайнее ханжество. У нея не было ничего истиннаго; ничего не было опредѣленнаго у этихъ чувственныхъ людей, преданныхъ изступленію всѣхъ страстей. Кого поляки должны обвинять въ своихъ несчастіяхъ? — Самихъ себя, и только самихъ себя»...

Прудонъ.

ОСЛѢ раздѣла 1772 года, политическая дѣятельность и жизнь всѣхъ выдающихся лучшихъ людей Польши была направлена къ восстановленію утраченной государственной самостоятельности. Въ послѣдніе годы владычества императора Наполеона I, надежды эти сильно оживились, но не осуществились. Возстаніе 1831 года было новою попыткою въ томъ же родѣ: получить самостоятельное государственное устройство — «крулевство». Возстаніе 1863 года было послѣднимъ порывомъ поляковъ — добиться осуществленія своей завѣтной мечты. Главная ошибка польскихъ патріотовъ заключалась, въ данномъ случаѣ, лишь въ томъ, что они не желали уразумѣть великаго историческаго закона, въ силу коего, по

образному выраженію нашего великаго поэта, всё «славянскіе ручки» должны были «слиться въ русскомъ морѣ»... Пылкая, несчастная нація не желала этого понять и, легко доступная иллюзіямъ и обману, позволила вовлечь себя, еще разъ, въ политику приключеній, и поплатилась за это легковѣріе цѣлыми потоками своей горячей крови и страшнымъ разореніемъ своей прекрасной страны.

Но кто же главные виновники этихъ не битвъ, а боевъ 1863 года? Почему до сихъ поръ несчастный польскій народъ несетъ на себѣ одномъ, en masse, всю тяжкую отвѣтственность за свою мнимую вину? Почему виновники сумѣли такъ долго выгораживать себя и передъ судомъ исторіи, и предъ лицомъ той многострадальной націи, которая, «въ испугѣ не понявъ несчастья своего», отвернулась отъ своихъ русскихъ единоплеменныхъ друзей и стародавнихъ сосѣдей и бросилась въ продажныя объятія и предательскія ласки политическихъ интригановъ?..

Все это произошло потому, что истинные виновники смуты 1863 года сумѣли тщательно замести свой слѣдъ и ушли за кулисы, предоставивъ погубленные ими массы людей самимъ себѣ и ихъ злой судьбѣ; произошло потому, что еще не наступилъ судъ исторіи, а увлекающаяся нація долго и старательно скрывала подробныя дѣянія своихъ иноземныхъ смутьяновъ, не желая, при томъ, по чувству ложнаго стыда, признаться въ главной и едва ли не единственной своей винѣ—легковѣріи.

Но вотъ, со времени этого кроваваго безумія прошло 35 лѣтъ, и исторія начинаетъ мало-по-малу вступать въ свои права и приподнимать завѣсу съ минувшихъ событій... Находятся мужественные и образованные люди, которые рѣшаются, наконецъ, не только открыто признаться въ этомъ массовомъ безуміи, которому они отдались въ 1863 году, но и рассказать подробно, шагъ за шагомъ, всю кровавую эпопею этого «замѣшанья», и даже назвать главныхъ виновниковъ, на которыхъ и должна лечь вся неповинно и бесполезно пролитая кровь лучшихъ силъ Польши того времени — ея юношества.

Таковъ именно трудъ г. Станислава Козьмяна «Rzecz o roku 1863», заслуживающій внимательнаго изученія и являющій собою цѣнный вкладъ въ историческую литературу. Передъ нами — первая непристрастная исторія возстанія 1863 года, написанная полякомъ. Тотъ капитальный и талантливо исполненный трудъ вышелъ недавно въ Краковѣ, въ трехъ томахъ, — и его авторъ не только самолично участвовалъ въ дѣлѣ возстанія, но, по своему исключительному и привилегированному положенію (какъ сынъ интимнаго друга графа Валевскаго и какъ сотрудникъ газетъ «Часъ» и «Парижское Бюро»), былъ въ довольно близкихъ и постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми главарями и руководителями возстанія, находившимися въ Варшавѣ, Галиціи и Парижѣ.

Мы внимательно ознакомились со всѣми тремя томами сочиненія г. Козьмяна и находимъ интереснымъ остановиться на тѣхъ именно событіяхъ, которыя собственно предшествовали возстанію 1863 года, подготовили и создали его. Мы, при этомъ, не будемъ вовсе говорить о самомъ возстаніи, такъ какъ эти событія, въ качествѣ фактовъ, происшедшихъ у всѣхъ на глазахъ, описаны давно уже, очень подробно и много разъ,— и повторять ихъ здѣсь, въ нашей короткой статьѣ, было бы совершенно излишне.

1.

Благопріятныя условія для возстанія.— Провозглашеніе принципа народностей.— Сочувствіе къ полякамъ со стороны императора Наполеона III, императрицы Евгении и принца Плонъ-Плона.— Двудличіе Австріи и сочувствіе Англіи.— Два князя Горчаковыхъ и генераль Назимовъ.— Ожиданіе революціи въ Россіи.— Надежды на «уступки» императора Александра II.— Подготовительныя работы къ возстанію.— Сельско-хозяйственное общество и графъ Андрей Замойскій.— Маркизы Александръ Велепольскій.— Оппозиція «красныхъ» и покушенія на жизнь Велепольскаго, Лидерса и великаго князя Константина Николаевича.— Неадежность Литвы.— Отецъ Ламбергъ въ Парижѣ.— Комитетъ въ Краковѣ и общество «Лавы» въ Львовѣ.— Циркуляръ «Лавы» и революціонная присяга.

Все, повидимому, благопріятствовало давно уже подготовляемому политическому взрыву въ Польшѣ и Литвѣ. Незадолго передъ тѣмъ, императоромъ Франціи Наполеономъ III былъ провозглашенъ принципъ народностей, въ силу коего и свершилось объединеніе Италіи и даже маленькой Румыніи ¹⁾. На престолѣ Франціи сидѣлъ человекъ съ большимъ умомъ и недюжинными способностями, который, задолго еще до своего воцаренія, заигрывалъ съ Польшей, называя ее «сестрой Франціи» и утверждая, что она, подобно Италіи, имѣетъ право требовать единенія, во имя измышленнаго имъ принципа національностей. Потомъ, во время Крымской войны, тотъ же Наполеонъ прямо хотѣлъ, чтобы въ Польшѣ началась революція (чтобы Россія скорѣе склонилась къ миру), а затѣмъ не только допустилъ сформированіе князьями Чарторыйскими, въ Турціи, особаго польскаго легіона, но еще и принялъ на себя обмундированіе этого войска. Впослѣдствіи, во время наступившаго послѣ войны парижскаго конгресса, со стороны представителей Франціи не разъ были дѣлаемы попытки поднять польскій вопросъ, и лишь энергичный отпоръ русскаго уполномоченнаго князя Орлова воспрепятствовалъ дальнѣйшимъ сужденіямъ объ участи Польши.

¹⁾ Во имя этого самаго принципа, Польшѣ слѣдовало бы слиться воедино съ Россіей и всѣми остальными славянскими племенами; но она желала поступить какъ разъ наоборотъ, то-есть, отдѣлится отъ Россіи и образовать изъ себя особое государство. Въ этомъ и заключается вся роковая ошибка этого роковаго вопроса.

Тѣмъ, не менѣе, въ слѣдующемъ же 1857 году, во время свиданія съ императоромъ Александромъ II въ Штуттартѣ, Наполеонъ дозволилъ себѣ еще разъ завести рѣчь о Польшѣ... Едва ли, конечно, надо говорить о томъ, что всѣ эти авансы французскаго императора быстро доходили до поляковъ и, вдобавокъ, въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ.

Постъ министра иностранныхъ дѣлъ въ той же Франціи занималъ графъ Валевскій, побочный сынъ Наполеона I, личность въ высшей степени даровитая, блестяще образованная и съ выдающимися государственными способностями. Онъ, будучи сыномъ польки, не только не скрывалъ своихъ симпатій и тяготѣній къ Польшѣ, но, какъ увидимъ ниже, громко и открыто сочувствовалъ возстанію и былъ, въ сущности, однимъ изъ главныхъ виновниковъ того обстоятельства, что искра раздута была въ пожаръ.

Немалую долю вліянія на иностранную политику Франціи имѣлъ въ то время и двоюродный братъ императора принцъ Наполеонъ (Плонъ-Плонъ), личность, какъ извѣстно, мелкая и недостойная; но онъ явно сочувствовалъ Польшѣ и подготовлявшемуся въ ней возстанію и въ этомъ именно смыслѣ и велъ свою политику интриги противъ Россіи. Полякамъ сочувствовала также и императрица Евгенія и не скрывала этого: польскій вопросъ былъ для нея вопросомъ католицизма ¹⁾.

Правительство сосѣдней Австріи было тоже очень расположено къ полякамъ и питало даже несбыточные иллюзіи, что польскій престолъ, по его возстановленіи, долженъ будетъ перейти къ австрійскому дому. Въ силу такой двоядушной политики, столь свойственной Австріи, она потомъ смотрѣла сквозь пальцы на переходы на русскую территорию изъ Галиціи цѣлыхъ вооруженныхъ бандъ, сформированныхъ въ ея предѣлахъ.

Въ Англіи, какъ мы видимъ изъ книги Козьмяна, въ верхней палатѣ, лордъ Элленборугъ произнесъ рѣчь, въ которой прямо выразилъ слѣдующее мнѣніе о польскомъ вопросѣ: онъ находилъ, что было бы странно, если бы англійское правительство, разъ уже признавшее принципъ національности (въ дѣлѣ объединенія Италіи), не признало бы этотъ же принципъ и въ дѣлѣ поляковъ. Въ нижней же палатѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Россель прямо

¹⁾ Императрица имѣла неосторожность выражать свои симпатіи къ возстанію публично. Такъ, однажды, на балу въ Тюильри, во время кадрили, когда австрійскій посланникъ, князь Меттернихъ, подавалъ ей руку, то императрица спросила его: «Развѣ вы нисколько не сочувствуете этимъ бѣднымъ полякамъ?» (она хотѣла сказать: «подадите ли вы точно также руку помощи полякамъ?»). На это Меттернихъ отвѣтилъ: «Не такъ уже мы безчувственны по отношенію къ нимъ, какъ думаете, ваше величество»... Это были пробные шары относительно Австріи, которую Франція желала втянуть въ свою политику открытаго вмѣшательства въ польскія дѣла.

осуждалъ несправедливое, по его мнѣнію, поведеніе Россіи относительно поляковъ.

Во главѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ стоялъ заслуженный канцлеръ князь Горчаковъ, который, въ данномъ случаѣ, ставилъ выше національныхъ интересовъ заботу о томъ что скажетъ о насъ Европа... который разрѣшеніе польскаго вопроса видѣлъ въ политикѣ примиренія и натворилъ въ этомъ роковомъ «спорѣ» такъ много неизвиняемыхъ политическихъ ошибокъ, которыя едва ли даже были искуплены послѣдовавшею затѣмъ дипломатическою побѣдою извѣстной отвѣтной ноты князя на дерзкій со стороны Англии и Франціи вопросъ по поводу происходившей у насъ польской смуты.

Намѣстникомъ въ царствѣ Польскомъ былъ другой князь Горчаковъ (М. Д.), замѣнившій суровый режимъ князя Паскевича благосклонною политикою колебаній и послабленій. Князь Горчаковъ былъ, за его смертію, замѣненъ бывшимъ военнымъ министромъ, престарѣлымъ генераломъ Сухозанетомъ, котораго вскорѣ смѣнилъ полуфранцузъ графъ Ламбертъ, незнакомый ни съ Россіей, въ которой онъ служилъ, ни съ Польшей, которою призванъ былъ управлять. Затѣмъ, его опять смѣнилъ Сухозанетъ, далѣе—великій князь Константинъ Николаевичъ,—и всѣ эти перемѣны и смѣщенія произошли втеченіе какихъ нибудь 4—5 лѣтъ... Въ то же время, генералъ-губернаторомъ Литвы (въ Вильнѣ) былъ генералъ Назимовъ, не избѣжавшій всесильнаго польскаго вліянія.

Въ самой Россіи, по предположеніямъ поляковъ (Козьянъ, т. I, гл. VIII), должна была неминуемо вспыхнуть революція и начаться внутреннія междоусобія, вслѣдствіе несовершенства реформы 19-го февраля 1861 года, освободившей крестьянъ: ожидалось, что крестьяне, недовольные, будто бы, этою реформою, повѣрятъ раскидываемымъ по Волгѣ (польскими эмиссарами) золотымъ грамотамъ и начнутъ бунтъ и рѣзню помѣщиковъ.

Главное же, что поддерживало поляковъ въ ихъ политическихъ иллюзіяхъ и вождедѣніяхъ, это была кроткая и гуманная личность государя Александра II, миролюбивѣйшаго изъ царей, занимавшаго въ то время всероссійскій престолъ. На «уступкахъ» съ его стороны и сооружалось величественное зданіе будущей Польши—«отъ моря до моря», отъ Одера до Карпатъ и Днѣпра...

Вотъ, какіе розовые горизонты представлялись пламенному воображенію поляковъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ!.. Нечего, конечно, и говорить о томъ, что большинство этихъ надеждъ были тщетны,—начиная, напр., съ вѣры въ сердечность расположенія Австріи и кончая ожидаемыми междоусобицами внутри самой Россіи и «уступками» со стороны императора Александра II.

Подготовительныя работы, въ цѣляхъ возбужденія возстанія, шли почти одновременно—въ различныхъ мѣстахъ: въ Варшавѣ, въ Парижѣ, въ Львовѣ, въ Краковѣ, въ Литвѣ...

Въ Варшавѣ существовало такъ называемое сельско-хозяйственное общество, съ графомъ Андреемъ Замоискимъ во главѣ и съ многочисленными членами, въ числѣ коихъ были крупные и вліятельные землевладѣльцы края, какъ, на примѣръ, графъ Оома Потоцкій, Александръ Островскій, Адольфъ Курць, Людвигъ Гурскій, графъ Александровичъ, Венглинскій, Желинскій и мн. др. Президентъ общества графъ Андрей Замоискій былъ непримиримымъ врагомъ Россіи, отрицавшимъ всякое соглашеніе съ нею на почвѣ уступокъ, мирныхъ переговоровъ и компромиссовъ.

Совершенно иного взгляда на дѣло былъ маркизь Велепольскій, человѣкъ чрезвычайно богатый, со всестороннимъ образованіемъ и твердою, непреклонною волею. Онъ вскорѣ былъ поставленъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ во главѣ гражданскаго управленія царства Польскаго, добившись въ Петербургѣ согласія почти на все проектированныя имъ реформы. Маркизь, какъ и государственный канцлеръ кн. Горчаковъ, вѣрилъ, что политика примиренія погаситъ начинающійся пожаръ, и явился въ Варшаву (изъ Петербурга) въ званіи всевластнаго министра, свободнаго отъ подчиненія русскимъ властямъ и съ самыми широкими полномочіями и прерогативами: такъ, на примѣръ, съ учрежденіемъ въ Варшавѣ особаго «государственнаго совѣта», коему подчинялись все власти и чиновники въ царствѣ Польскомъ, за исключеніемъ военныхъ властей, которыя и были совсѣмъ отдѣлены отъ гражданскаго управленія въ краѣ.

Но поляки крайней, красной партіи, добивавшіеся непремѣнно возстанія, встрѣтили мирнаго диктатора Польши, маркиза Велепольскаго, крайне враждебно и, предводительствуемые тайнымъ комитетомъ, «рѣшѣномъ народовымъ», и агентами проживавшаго въ Парижѣ генерала Мѣрославскаго, отвѣтили на примирительную политику маркиза цѣлымъ рядомъ покушеній на жизнь высокопоставленныхъ лицъ, начиная съ того же Велепольскаго и кончая командующимъ войсками генераломъ Лидерсомъ и, наконецъ, самимъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, только что прибывшимъ въ Варшаву въ санѣ наместника царства. Тайный заговоръ покрылъ сѣтью всю Польшу, возникнувъ вначалѣ между молодежью—воспитанниками медицинской академіи, которые образовали вскорѣ особые конспиративные кружки, распространившіеся въ различныхъ мѣстностяхъ царства Польскаго и въ западныхъ губерніяхъ.

Въ Вильнѣ и Ковнѣ нѣсколько магнатовъ, какъ, на примѣръ, графы Плятеры, Тышкевичи и др., открыто высказывали свое сочувствіе подготовлявшемуся возстанію и, исподоволь, устраивали для него, при помощи своего вліянія и матеріальныхъ средствъ, будущую почву.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что все добрыя мѣропріятія рус-

скаго правительства были парализованы въ самомъ началѣ самими же поляками, то-есть тѣмъ пассивнымъ отпоромъ, а также явнымъ и тайнымъ многоначаліемъ, которые существовали въ самой Варшавѣ.

Въ то же время въ Парижѣ существовалъ такъ называемый отель Ламберъ, во главѣ котораго стоялъ вначалѣ знаменитый князь Адамъ Чарторыйскій, а затѣмъ, когда онъ въ 1861 году умеръ, его замѣнилъ столь же «непримиримый» сынъ Владиславъ Чарторыйскій, при которомъ группировались и многіе другіе выдающіеся польскіе магнаты, какъ, напримѣръ, графъ Владиславъ Замойскій (родной братъ варшавскаго князя Андрея), Эдуардъ Козьмянъ, Юліанъ Клячко и др. При отелѣ Ламберъ была основана даже особая газета «Парижское Бюро», въ которой, какъ мы упоминали, участвовалъ авторъ инкриминируемаго нами сочиненія, г. Станиславъ Козьмянъ. Главари отеля Ламберъ склонялись болѣе въ сторону дѣйствія и шли, иногда, по камертону тюильрійскаго кабинета.

Въ Краковѣ и Львовѣ образовались тоже отдѣльные комитеты для подготовленія возстанія. Такъ, въ первомъ изъ этихъ городовъ сформировалась «Краковская Община», главная задача которой, по требованію отеля Ламберъ, состояла въ томъ, что она посылала чрезъ тотъ же отель французскому правительству и заграничнымъ газетамъ, главнымъ образомъ, парижскимъ, телеграммы и письма съ извѣстіями о возстаніи и вообще о событіяхъ, происходящихъ въ Польшѣ. Свѣдѣнія эти, къ сожалѣнію, не всегда были правдивы, а когда шла рѣчь объ успѣхахъ польскаго оружія, то свѣдѣнія эти были совсѣмъ мнимыя; но—«это было необходимо для того, чтобы подогрѣвать общественное мнѣніе»,—поясняетъ г. Козьмянъ...

Нѣсколько иной характеръ имѣло тайное общество «Лавы», образовавшееся во Львовѣ. Оттуда, изъ среды этого общества, раздавались иногда и трезвые голоса, предостерегавшіе своихъ соотечественниковъ отъ излишнихъ порывовъ. Въ этомъ отношеніи весьма характеренъ, вообще, циркуляръ «Лавы» отъ 21 ноября 1862 года, который мы и приведемъ здѣсь, такъ какъ интересъ его заключается еще и въ томъ, что онъ даетъ нѣкоторое представленіе объ организаци и цѣляхъ «Лавы». Вотъ этотъ циркуляръ:

«Львовская Лавъа къ своимъ подчиненнымъ.

«Центральный народный комитетъ, находящійся въ Варшавѣ, отдалъ приказаніе, дабы было приступлено какъ можно поспѣшнѣе, къ устройству народной организаци въ Галиціи. Вслѣдствіе этого, львовская «Лавъа», въ качествѣ автономной власти (въ Галиціи) объявляетъ всѣмъ принявшимъ присягу, что она постановляетъ слѣдующее:

1) «До «Лавы» дошло извѣстіе, что нѣсколько молодыхъ людей, не принадлежащихъ вовсе къ организаци, желаютъ подать ей руку отъ имени воспитанниковъ низшихъ учебныхъ заведеній, общаю-

щихъ будущю весною присоединиться къ отрядамъ генерала Мѣрославскаго. Не говоря уже о легкомыслии подобнаго поступка, безъ нужды отрывающаго отъ занятій молодежь низшихъ учебныхъ заведеній, мы не можемъ допустить такихъ дѣйствій на собственный рискъ, учреждая новый порядокъ организациі на ряду съ существующею, состоящею въ вѣдѣніи центральнаго народнаго комитета.

2) «Обращаемъ вниманіе своихъ подчиненныхъ на то, что появляются новые организаторы, которые увѣряютъ всѣхъ, будто они дѣйствуютъ по распоряженію центральнаго народнаго комитета; но они напрасно ссылаются на этотъ комитетъ. Въ дѣйствительности же ихъ агитація ведется подъ руководствомъ генерала Мѣрославскаго, съ которымъ, какъ извѣстно, названный комитетъ не имѣетъ ничего общаго. А потому объявляется для тѣхъ, кто желалъ бы присоединиться къ нимъ: у нихъ есть свой статутъ революціоннаго союза, состоящій изъ 11-ти пунктовъ и короткой присяги; на печати же у нихъ — молотъ и надпись «свобода».

3) «До свѣдѣнія «Лавы» дошло также, что лица, не принадлежащія къ организациі нашей, отправлялись уже въ нѣкоторыя мѣстности собирать подати. Поэтому мы увѣдомляемъ своихъ подчиненныхъ, что никто не имѣетъ права брать подати отъ частныхъ лицъ безъ особаго разрѣшенія «Лавы», даннаго на имя сборщика, и безъ особой шнуровой книги и квитанцій, которыя сотскіе должны выдавать десятскимъ, а десятскіе — членамъ, вносящимъ въ кассу подати.

4) «Всѣмъ, состоящимъ подъ присягой, повелѣваемъ: не принимать никого въ свою среду, не сообщивъ объ этомъ, предварительно, начальству.

5) «Въ виду усиленнаго надзора со стороны правительства, мы положительно воспрещаемъ принимать въ нашу среду постороннихъ лицъ, и просимъ соблюдать, вообще, крайнюю осторожность, въ то же время стараться распространить военную и податную организациі среди вполне надежныхъ и развитыхъ людей. Кромѣ того, наши подчиненные обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы молодежь низшихъ учебныхъ заведеній не отрывалась отъ занятій, сбитаая съ толку постороннею агитаціею, такъ какъ это скорѣе всего можетъ обратить на себя вниманіе правительства и компрометировать наши организационныя работы предъ посторонними, непосвященными людьми. Вообще, всѣ подчиненные должны наблюдать за поведеніемъ молодежи низшихъ учебныхъ заведеній, которая должна узнать обо всемъ лишь за нѣсколько дней до возстанія.

«Ни подъ какимъ видомъ не разрѣшается показывать это распоряженіе постороннимъ лицамъ».

(Печать — польскій одноглавый орелъ).

Здѣсь, кстати, приведемъ форму присяги общества «Лава»:

«Клянусь съ оружіемъ въ рукахъ возстать противъ нашихъ враговъ. Не буду просить ни у кого помощи,—и одного лишь Бога желаю имѣть въ качествѣ союзника. Обѣщаю покаяніе въ грѣхахъ и исправленіе образа жизни; буду уповать на Господа. Отрекаюсь отъ гордости, лжи и мести (?), дабы оказаться достойнымъ помощи Господа и его Пресвятой Богородицы, царицы моей, какъ теперь, такъ и послѣ смерти моей за родину. Отнынѣ я принадлежу къ народной организаціи,—и всѣ свои силы, всю жизнь и имущество жертвую въ пользу освобожденія родины. Клянусь добросовѣстно исполнять свои обязанности, съ готовностью и при первомъ вызовѣ являться на указанное мѣсто и сражаться съ врагами отечества. Клянусь хранить тайну какъ на свободѣ, такъ и въ темницѣ, не смотря ни на какія мученія (?). Могущество мое въ молчаніи и надеждѣ. Если нарушу сію клятву и сдѣлаюсь предателемъ отечества, да не минуетъ меня заслуженное наказаніе какъ со стороны Бога, такъ и со стороны людей. Да помогутъ мнѣ Богъ, Пресвятая Богородица и всѣ святые!»

Для иновѣрцевъ (предполагались поляки моисеева закона, т. е. евреи, а также и ополчившіеся татары, проживающіе въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края) въ этой присягѣ дѣлались соотвѣтственныя измѣненія.

II.

Голоса благоразумія.—«Актъ» львовскаго комитета.—Лозунги руководителей возстанія.—Двуличіе Австріи.—Попытки русскаго правительства къ примиренію.—Сигналы къ дѣйствію со стороны отеля Ламбергъ.—Миссія Л. Водзицкаго.—Бесѣды В. Чарторыйскаго съ Наполеономъ.—Зажигательная рѣчь принца Плонъ-Плона въ сенатѣ.—Мнимыя польскія побѣды надъ русскими войсками.—Горькія воспоминанія г. Козьмяна.

Не одна львовская «Лава» отличалась нѣкоторымъ благоразуміемъ и жалостью, по крайней мѣрѣ, относительно тѣхъ молодыхъ людей «изъ низшихъ учебныхъ заведеній», которые стремились принять активное участіе въ возстаніи. Раздавалось много и другихъ голосовъ предосторожности, которые всячески пытались пріостановить и даже не допускать самое начало кровавыхъ столкновеній польскихъ повстанцевъ съ русскими войсками. Такъ, на примѣръ, изъ книги Козьмяна мы узнаемъ, что даже изъ отеля Ламбергъ чрезвычайный «гонецъ», нѣкто Г. Ф., извѣщалъ главарей Галиціи, что «возстаніе представляетъ собою безумный, плачевный поступокъ», потому что оно не можетъ рассчитывать, навѣрняка, на помощь со стороны Наполеона III. «Богъ слишкомъ высоко, а Франція очень далеко»,—этими словами прекрасно характеризуется положеніе дѣлъ,

такъ какъ общее мнѣніе (во Франціи) не одобрило бы войны за освобожденіе Польши». А графъ Левъ Ржевусскій прямо, однажды, высказалъ г. Козьмяну: «L'empereur n'aime pas la cuisine qu'il n'a pas faite»,—намекая этимъ на всѣмъ извѣстную любовь Наполеона къ устроению самолично заговорить.

Или, напримѣръ, вотъ какой сравнительно умѣренный «актъ» былъ составленъ и опубликованъ партіею бѣлыхъ въ Львовѣ, которая, по примѣру краковскаго «Комитета о раненыхъ», настаивала на выжидательномъ положеніи:

«Добросовѣстно разсмотрѣвъ полученныя нами свѣдѣнія о волненіяхъ въ Конгрессовкѣ, мы, къ несчастію, должны считать этотъ шагъ преждевременнымъ, такъ какъ онъ сдѣланъ безъ надлежащей осмотрительности и даже безъ подготовки съѣстныхъ припасовъ и денежныхъ средствъ, не вовремя и при совершенно неподходящихъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ условіяхъ. Оправдывать (?) его можетъ только то ужасное положеніе, въ которомъ находится теперь Польша. Упомянутое волненіе (т. е. возстаніе) не можетъ быть названо народнымъ возстаніемъ, а только защитой отъ жестокихъ наборовъ. Если бы, съ первой же минуты, мы (львовскіе поляки) приняли въ немъ дѣятельное участіе, неосмотрительно увлекая и нашу молодежь, плохо или даже совсѣмъ не вооруженную, туда (т. е. въ Польшу), гдѣ недостатокъ оружія превосходитъ недостатокъ людей, гдѣ нѣтъ никакой организаціи, то этимъ мы не принесли бы отечеству никакой пользы; лишеніе же нашей стороны этой молодежи, безъ всякой для польскаго вопроса выгоды, или съ весьма сомнительной, было бы если не преступленіемъ, то во всякомъ случаѣ легкомысліемъ по отношенію къ дѣлу, которому мы хотимъ помогать. И вотъ, мы, проникнутые горячей любовью къ отечеству и полагая, что священный долгъ нашъ состоитъ въ томъ, чтобы высказать это наше глубокое убѣжденіе, обращаемся ко всѣмъ своимъ соотечественникамъ, проживающимъ въ этой части Польши (т. е. въ Галиціи), и предлагаемъ имъ: какъ бы ни было горячо ихъ желаніе помочь отечеству, пусть все-таки примкнутъ къ намъ и примутъ, въ качествѣ пароля, слово—«ждать».

«Ждать слѣдуетъ потому, что неблагопріятныя въ настоящую минуту внѣшнія обстоятельства могутъ въ самомъ скоромъ времени сдѣлаться весьма благопріятными, и тогда намъ понадобятся значительныя свѣжія силы. Всѣ благоразумные полководцы, обыкновенно, посылаютъ прежде всего передовые отряды, а затѣмъ уже выступаютъ сами съ главнымъ корпусомъ, оставляя все еще часть войска въ запасъ; и уже неоднократно бывали примѣры, что запасный отрядъ выигрывалъ битву. Этимъ запаснымъ отрядомъ должны быть мы (т. е. поляки австрійскихъ провинцій). Но да не будетъ наше выжиданіе мертвымъ и бездѣтельнымъ, тѣмъ выжиданіемъ, которое поощряетъ праздность, лѣнь и низкій эгоизмъ!—мы должны

поддерживать воодушевленіе, собирая при этомъ средства и военныя силы. Итакъ, мы повторяемъ, что настоящее волненіе въ Конгрессовкѣ не представляетъ собой всеобщаго возстанія. Подобно тому, какъ въ 1846 и 1848 годахъ, во время возстанія въ княжествѣ Познанскомъ, жителямъ другихъ частей Польши не только никто не ставилъ въ упрекъ, что они не торопились жертвовать своею жизнью и имуществомъ,—напротивъ, всѣ признавали, что благоразуміе и истинный патриотизмъ повелѣваетъ не обречь всѣхъ польскихъ силъ на вѣрную гибель въ этомъ мятежѣ, который никоимъ образомъ не можетъ послужить къ освобожденію отечества, такъ и теперь мы совѣтуемъ, прежде чѣмъ примкнуть къ возстанію, хорошенько подумать, можетъ ли это принести пользу нашему общему дѣлу, или нѣтъ? По нашему мнѣнію, Галиція только тогда можетъ и должна примкнуть со всѣми силами къ мятежу въ Конгрессовкѣ, когда послѣдній, не имѣющій въ настоящее время большого значенія, сдѣлается всеобщимъ, то-есть, когда въ немъ примутъ участіе всѣ классы населенія, въ особенности, если къ нему, хотя отчасти, присоединятся крестьяне, или же, если хотя сколько нибудь измѣнятся вѣдшія обстоятельства: главнымъ образомъ, если въ Россіи произойдутъ болѣе значительныя волненія среди крестьянъ и въ войскѣ, или же, если весной (1863 г.) вспыхнетъ война на Востокѣ, потому что то и другое должно будетъ отвлечь значительную часть русской военной силы; выступивъ же противъ всей ея массы, мы не можемъ питать ни малѣйшей надежды на успѣхъ. Но мы должны признать, что всѣ эти необходимыя условія возстанія могутъ наступить скоро, а потому мы не осуждаемъ его, а только напоминаемъ, что долгъ каждаго патриота—ждать и въ то же время немедленно приступать къ приготовленіямъ, которыя, въ случаѣ надобности немедленно примкнуть къ мятежу въ Конгрессовкѣ, дадутъ намъ возможность оказать могущественную и дѣятельную помощь».

Этотъ въ высшей степени интересный «актъ», изданный въ Львовѣ 4-го февраля 1863 года, довольно рельефно обрисовываетъ не только то выжидательное положеніе, которое приняли львовскій и краковскій комитеты относительно начавшагося уже въ русской Польшѣ открытаго мятежа, но и тѣ несбыточные мечты и расчеты, которые, повидимому, питали всѣ вожаки и главари возстанія по части ожидаемыхъ бѣдствій и смуть внутри самой Россіи...

Всѣ болѣе благоразумные и опытные люди въ Польшѣ и Литвѣ не одобряли террора, установленнаго тайнымъ правительствомъ въ Варшавѣ, а равно злоупотребленій и самовольныхъ экзекуцій, коимъ подвергали очень часто, по доносамъ и ошибкамъ, совсѣмъ неповинныхъ людей. Самъ авторъ книги, г. Козьянъ, находилъ въ то

время, что было трудно, почти невозможно, съ расчетомъ на какой бы то ни было успѣхъ, защищать сторонниковъ идеи о восстановленіи Польши въ границахъ 1772 года; а между тѣмъ, этотъ «народный догматъ» былъ лозунгомъ, основаннымъ на совершившемся фактѣ только что объединенной Италіи, и этотъ лозунгъ былъ на знамени взбунтовавшейся Польши и у всѣхъ руководителей возстанія.

Интересно при этомъ сопоставить только что приведенный нами «актъ» львовскаго комитета съ официальными распоряженіями австрійскаго правительства, которыя, по удивительной случайности, совпали одновременно съ появленіемъ на свѣтъ божій этого акта. Такъ, того же 4-го февраля 1863 года, по угламъ краковскихъ улицъ были развѣшаны объявленія «отъ полицейской дирекціи» слѣдующаго содержанія:

«Правительство принуждено предостеречь жителей Кракова, что всякія дѣйствія, ведущія къ измѣнѣ отечеству или къ нарушенію общественной безопасности, хотя бы таковыя были предприняты противъ другого государства, съ которымъ Австрія связана особыми договорами, имѣющими силу закона, составляютъ преступленіе и, на основаніи § 66 положенія о наказаніяхъ, будутъ преслѣдуемы заключеніемъ въ тюрьмѣ, отъ одного года до пяти лѣтъ. И такъ, мы совѣтуемъ жителямъ Кракова воздержаться отъ какого бы то ни было участія въ возстаніи, вспыхнувшемъ въ царствѣ Польскомъ. Полагаясь на здравый рассудокъ населенія, надѣемся, что никакіе подобнаго рода безпорядки не нарушатъ покоя и безопасности страны, и что правительство не будетъ вынуждено направлять противъ преступниковъ всю суровость закона».

Въ то же время, и во Львовѣ, всего лишь двумя днями раньше, то-есть, 2-го февраля, было опубликовано слѣдующее «объявленіе»:

«Уже втеченіе нѣсколькихъ дней въ здѣшней столицѣ вербуютъ людей съ цѣлью перейти границу и соединиться съ повстанцами. Уже значительное количество вооруженной молодежи оставило нашъ городъ. Поэтому дирекція полиціи вынуждена предостеречь, что не только наборъ людей съ указанною цѣлью, но и переходъ черезъ границу, хотя бы только предпринятый, повлекутъ за собою примѣненіе § 66 положенія о наказаніяхъ».

Это были официальные, гласныя, такъ сказать, распоряженія австрійскихъ властей. Въ дѣйствительности же, это двуличное правительство допускало, какъ указываетъ г. Козьянъ въ своемъ сочиненіи, явное потворство формированію возстанія и прямо-таки закрывало глаза на все, что происходило съ этою цѣлью на австрійской территоріи. Такъ, наприимѣръ, наборъ отрядовъ посредствомъ списка происходилъ въ Краковѣ явно. «Военныя власти ни въ чемъ не препятствовали молодежи, принявшей присягу и сѣдшившей въ царство Польское. Наказанія, положенныя за утрату ружей, были настолько незначительны, что какъ бы поощряли эти «утраты»... Газеты, даже подцензурныя, могли свободно писать о возстаніи и

почти всё были благосклонны къ полякамъ. Вообще, снисходительность австрійскихъ властей, несмотря на вывѣщенные ими объявленія, доходила до того, что если иногда и задерживали на границѣ немногочисленныя группы (до 40 человекъ), направлявшіяся въ царство Польское, то ихъ, по арестованіи, выпускали вскорѣ на волю и не мѣшали, затѣмъ, добраться до лагеря въ Ойцовѣ. Далѣе, официальная «Львовская газета» объявила, того же 4-го февраля 1863 года, что покупка оружія въ Львовѣ и Краковѣ допускается лишь съ соизволенія полиціи; между тѣмъ эта покупка продолжалась почти безпрепятственно и на глазахъ у всѣхъ. «Для виду, производились иногда обыски у лицъ, не особенно подозрительныхъ, напримѣръ, въ Краковѣ, у драматической актрисы Германтъ; а въ то же время, тайное общество «Лава» (расходившееся съ партией бѣлыхъ, или умѣренныхъ, существовавшей въ томъ же Львовѣ) могло безнаказанно посылать молодежь въ польскіе отряды. Случалось, конфисковали иногда кое-какой номеръ «Часа» и «Газеты народной», но вообще позволяли послѣднимъ писать многое о событіяхъ въ Конгрессовѣ и одобительно отзываться о нихъ...

Эти интересныя свѣдѣнія о двоедушіи Австріи сообщаетъ г. Козьянъ въ своей книгѣ, и мы, такимъ образомъ, находимъ въ рядахъ главныхъ виновниковъ возстанія 1863 года еще одного и совершенно неожиданно...

Русское правительство, съ своей стороны, дѣлало все, что только было возможно сдѣлать, не нарушая своего государственнаго достоинства, чтобы предотвратить кровавыя столкновенія войскъ съ собирающимися въ варшавскихъ костелахъ и на площадяхъ, а равно и въ лѣсахъ царства, нафанатизированными массами польской молодежи. Воспослѣдовалъ цѣлый рядъ милостей и амнистій, рядомъ съ особыми правами и привилегіями для гражданскаго управленія царства, которыхъ не имѣли коренныя великорусскія провинціи имперіи. Мы уже говорили выше о тѣхъ особыхъ полномочіяхъ, которыя были даны правителю гражданской части въ царствѣ маркизу Велепольскому. Затѣмъ, когда умершаго князя Горчакова смѣнили, быстро слѣдуя одинъ за другимъ, генералы Сухозанетъ и Ламбертъ, взаимно ихъ былъ назначенъ, въ маѣ 1862 года, намѣстникомъ царства родной братъ государя великій князь Константинъ Николаевичъ. Еще ранѣе, была объявлена амнистія всѣмъ тѣмъ изъ повстанцевъ, кто сложитъ оружіе до 1-го мая. Манифестъ императора Александра II, объявлявшій эту амнистію, обѣщаль, въ то же время, продолжать реформенную организацію въ царствѣ Польскомъ, начатую, какъ извѣстно, маркизомъ Велепольскимъ, при которой всё русскіе гражданскіе чиновники изгонялись со службы въ царствѣ Польскомъ поголовно и замѣнялись поляками, мѣстными уроженцами.

Но, по мѣрѣ уступокъ со стороны Россіи, требованія поляковъ становились смѣлѣе и обширнѣе, и они стали уже выражать желаніе о восстановленіи автономной Польши въ границахъ цвѣтущаго ягеллоновскаго времени. Становилось очевидно, что злая судьба поляковъ подготовляла разрѣшеніе этого рокового вопроса оружіемъ и кровью... Къ этой развязкѣ наталкивали поляковъ со всѣхъ сторонъ.

Изъ отеля Ламберъ пришло распоряженіе, чтобы начинали и, по возможности, долѣе поддерживали войну. Полуправительственныя парижскія газеты и даже «Moniteur» старались придавать повстанцамъ энергію и стали помѣщать о событіяхъ въ Польшѣ очень подробныя извѣстія и разбирать дѣйствія поляковъ съ большою снисходительностью. Наконецъ, самъ Наполеонъ и его правительство, какъ оповѣстилъ комитеты отель Ламберъ, стали высказывать совершенно иное, чѣмъ до сихъ поръ, мнѣніе о возстаніи; они открыто выразили убѣжденіе, что оно послужитъ къ поднятію польскаго вопроса. Дипломатическія дѣйствія уже начаты. Французское правительство сдѣлало первые шаги въ Берлинѣ по случаю конвенціи. «Существованіе возстанія,—говорилось въ письмахъ отеля,—необходимо для благопріятнаго исхода начатаго дѣла и для успѣшности переговоровъ». Затѣмъ, стало извѣстно, что князь Владиславъ Чарторыйскій былъ лично у императора Наполеона и бесѣдовалъ съ нимъ. Въ словахъ послѣдняго видна была нерѣшительность, но онъ не былъ противъ возстанія и далъ понять, что дѣятельность его будетъ зависѣть отъ Англіи и Австріи, къ которымъ онъ, правитель Франціи, и обратился съ вопросомъ по этому дѣлу».

Для большаго убѣжденія поляковъ въ необходимости открытаго возстанія отель Ламберъ, по разсказу Козьяна, требовалъ, чтобы къ нимъ въ Парижъ выслано было особое уполномоченное отъ комитетовъ лицо, которое бы могло убѣдиться *de visu et auditu*, каковы шансы на внѣшнюю помощь и поддержку. Такимъ уполномоченнымъ лицомъ былъ избранъ Людовикъ Водзицкій, и вотъ разсказъ Козьяна объ этой миссіи.

«Водзицкій прибылъ въ Парижъ въ минуту, если можно это сказать, удачную, даже самую подходящую для нашего дѣла: именно, тогда происходили серьезные переговоры между державами. Наполеонъ и его правительство были воодушевлены лучшими надеждами и желаніемъ помочь полякамъ. Это желаніе уже поддерживалось въ то время содѣйствіемъ Англіи, а въ особенности Австріи. Водзицкій былъ въ отелѣ Ламберъ, а также у французскихъ министровъ, имѣвшихъ преимущественное вліяніе на внѣшнюю политику у графа Валевскаго и Друэнъ-де-Люиса и видѣлся съ довѣреннымъ лицомъ и секретаремъ императора Моккар'омъ. Всюду и отъ всѣхъ онъ слышалъ то же самое, а именно, что еще ни разу, со времени раздѣла Польши, послѣдняя не имѣла больше шансовъ на помощь со стороны Европы, чѣмъ теперъ. Министры поддерживали и распространяли это мнѣніе

и до нѣкоторой степени наталкивали на него тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, не долженъ былъ оставаться равнодушнымъ къ ихъ словамъ. Брядъ ли нужно прибавлять, что главнымъ содержаніемъ ихъ разговоровъ съ Водзицкимъ была необходимость поддерживать возстаніе. Графъ Валевскій особенно долго бесѣдовалъ съ Водзицкимъ, объяснилъ ему положеніе дѣлъ и указалъ на необыкновенно благоприятныя условія рѣшенія польскаго вопроса въ данное время: «Правительство,—говорилъ онъ,—вступило въ переговоры съ Англіей и Австріей для того, чтобы начать дѣйствія, первымъ изъ которыхъ будетъ предъявленіе Россіи требованія дать Польшѣ то устройство, которое было въ 1831 году, и при томъ расширить территорію... Въ случаѣ отказа, Польша будетъ объявлена независимой, и на престолъ ея взойдетъ эрцгерцогъ австрійскій. Для исполненія этого,—говорилъ Валевскій,—необходимо, чтобы возстаніе не прекращалось, необходимо, чтобы оно получило характеръ общенародный и было очищено отъ революціонной окраски: *«Faites durer et faites élargir les limites de l'insurrection»*,—прибавилъ онъ...

«Наконецъ, Водзицкій видѣлся съ человѣкомъ, пользовавшимся наибольшимъ довѣріемъ Наполеона, съ человѣкомъ, перо котораго чаще всего выражало мнѣнія самого императора,—съ его личнымъ секретаремъ Моккар'омъ. Онъ подтвердилъ во всей полнотѣ то, что Водзицкій только что услышалъ отъ государственнаго министра графа Валевскаго, но при этомъ Моккаръ еще въ болѣе яркихъ краскахъ представилъ ему необходимость продолженія возстанія и съ еще большей выразительностью сказалъ: *«Etendez l'insurrection territorialement, car cela peut influer sur les limites dans les quelles la reconnaissance des droits nationaux sera exigée et comprise»*.

Такъ какъ князь В. Чарторыйскій въ первую свою аудіенцію у Наполеона не добился разрѣшенія главнаго вопроса относительно продолженія возстанія, то онъ, вскорѣ же, имѣлъ возможность говорить съ императоромъ еще разъ и, желая непременно узнать его мнѣніе, прямо спросилъ: «Думаете ли, ваше величество, что продолженіе возстанія еще необходимо?» — Да,—отвѣтилъ императоръ,—и я даже уполномочиваю васъ сказать «да!»..

Принцъ же Наполеонъ (Плонъ-Плонъ) пошелъ еще далѣе. Во время разбирательства въ сенатѣ петицій, касающихся польскаго вопроса, начатаго 17-го марта (1863 г.), принцъ произнесъ длинную и красивую по своей формѣ рѣчь въ пользу Польши и заключилъ ее слѣдующими словами: «Печально было бы совѣтовать Польшѣ прекращеніе возстанія, такъ какъ обстоятельства теперь особенно благоприятны: императоръ въ расцвѣтѣ лѣтъ и генія своего, а имя Франціи пользуется въ настоящую минуту громаднымъ авторитетомъ. Пришло время дѣйствовать. Дѣйствуйте поэтому, какъ можно, скорѣе! Какимъ образомъ?—не знаю, не могу этого знать, но дѣй-

ствуйте. Возстаніе будетъ продолжаться, если его будутъ поощрять. Пусть императоръ дѣлаеть, что хочетъ. Жребій брошенъ; всякій пусть повинуется голосу своей совѣсти. Что касается меня, то я увѣренъ, что дѣло, за которое принялся императоръ, окончится благополучно».

Вотъ какія авторитетныя уста бросали искры въ пороховой погребъ легковѣрной польской націи!.. И несчастная нація слѣпо повѣрила этимъ политическимъ авантюристамъ и начала «дѣйствовать»... Посыпались телеграммы и корреспонденціи въ парижскія и вѣнскія газеты о поголовномъ, будто бы, возстаніи народа въ русской Польшѣ и Литвѣ, о постоянныхъ сраженіяхъ и побѣдахъ, одержанныхъ надъ русскими войсками.. «Побѣды» эти были иногда настолько невѣроятны, что имъ не вѣрили даже сами поляки, когда имъ приходилось читать о нихъ! Такъ, напр., однажды вышелъ такой забавный случай, рассказанный Козьмяномъ: когда онъ прибылъ изъ Кракова въ Парижъ и зашелъ въ отель Ламберъ, то въ это время какъ разъ была получена въ отелѣ телеграмма, извѣщающая о большой побѣдѣ, одержанной польскими войсками. Клячко прочиталъ эту телеграмму (изъ Кракова) вслухъ Козьмяну и спросилъ:—Возможно ли это?—«Да,—отвѣтилъ Козьмянъ,—коль скоро не я выслалъ эту телеграмму»...

«Безразсудныя предпріятія,—съ горечью говоритъ и вспоминаетъ г. Козьмянъ, — въ большей мѣрѣ, чѣмъ всякія другія, нуждаются во лжи. Умышленно преувеличенныя и оптимистическія извѣстія первоначально принесли пользу, но послѣдствія были вредны. Дурными средствами можно помочь разумнымъ предпріятіямъ, но безразсудныхъ предпріятій они не спасаютъ и только оставляютъ послѣ себя унижающее воспоминаніе о пользованіи ими».

III.

Послабленія русскихъ властей и занскиванія предъ поляками.—Взглядъ Бисмарка на это дѣло.—Приглашеніе на вечеръ къ великому князю Константину Николаевичу.—Вареломесевская ночь.—Роль въ возстаніи польскаго духовенства и женщинъ.—Рекрутскій наборъ въ царствѣ.—Открытый мятежъ и первые отряды въ лѣсахъ.—Сочувствіе простаго народа русскимъ властямъ.—Взаимныя жестокости на войнѣ.—Объявленіе амнистіи и непринятіе ея.—Вмѣшательство западныхъ державъ.—Отпоръ князя Горчакова и результаты вмѣшательства.—Результаты возстанія.

Если бы русскія власти въ 1861 и 1862 гг. были хотя немножко суровѣе и, въ виду обостряющихся событій, перестали бы вести опасную игру въ великодушіе, то, по всей вѣроятности, не было бы вовсе возстанія, а если бы и проявились вспышки мятежа, то

онъ не охватилъ бы всей Польши и западныхъ губерній ¹⁾); кровавыхъ жертвъ было бы принесено, вѣроятно, вдесятеро меньше, и край не былъ бы такъ опустошенъ и разоренъ, какъ это произошло потомъ. Не только сами поляки того времени, т. е. болѣе благо-разумные изъ нихъ, сѣтовали на эту неумѣстную галантность и колебанія русскихъ властей, но даже и теперь, спустя 35 лѣтъ, г. Козьянъ не разъ указываетъ въ своемъ правдивомъ сочиненіи на этотъ удивительный фактъ постоянныхъ расшаркиваній русскихъ властей предъ поляками, въ Варшавѣ, наканунѣ, такъ сказать, возстанія.. Мы просто поражаемся, видя на каждомъ шагѣ неумѣстныя послабленія, робкія заигрыванія и даже искательства, недостойныя сильной власти, представительницы такого мощнаго государства, какъ Россія.

Эти наши авансы предъ поляками немало удивляли бывшего въ то время въ Петербургѣ прусскаго посланника фонъ-Бисмарка, который рѣшился даже высказать свои по этому поводу недоумѣнія нашему государственному канцлеру, объяснивъ ему, что въ либеральныхъ реформахъ ²⁾, даруемыхъ Польшѣ, западныя государства склонны увидѣть уступки и страхъ предъ политическимъ натискомъ поляковъ... Но князь Горчаковъ, однако, не только отвергъ мудрый совѣтъ великаго дипломата нашего времени, но еще и далъ ему понять, что его совѣты—излишни, что Россіи уже наскучило быть въ глазахъ Европы какимъ-то варварскимъ государствомъ, вѣчно давящимъ Польшу...

Еще болѣе могло придать чванства и бодрости польской аристо-

¹⁾ Пишущему эти строки довелось быть, всего годъ спустя послѣ окончанія возстанія, мировымъ посредникомъ въ Могилевской губерніи, въ которой во время возстанія 1831 года были приняты бывшимъ въ то время губернаторомъ М. Н. Муравьевымъ слѣдующія мѣры. Какъ только начался бунтъ въ Варшавѣ, Муравьевъ вызвалъ въ Могилевъ всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства и объявилъ имъ слѣдующее: что всѣ они вызваны сюда въ видѣ, такъ сказать, заложниковъ и останутся въ губернскомъ городѣ до конца возстанія, происходящаго въ Польшѣ. Если же произойдутъ въ ихъ уѣздахъ бунты или политическія убійства, то гг. маршалки отвѣтятъ не только своею свободою, но и жизнью... Муравьевъ хорошо зналъ, конечно, что всѣ польскія смуты—дѣло панскихъ рукъ, а не народа,—и достигъ цѣли: въ 1831 году Могилевская губернія была спокойна. И. З.

²⁾ Реформы эти, въ главномъ, сводились къ слѣдующему: по проекту маркиза Велепольскаго, предполагалось возстановить конституцію, или, во всякомъ случаѣ, либеральное устройство, дарованное Польшѣ въ 1815 году, оставить неприкосновеннымъ варшавскій сенатъ, произвести должныя реформы въ сферѣ высшаго образованія, при обязательномъ открытіи вновь Варшавскаго университета; затѣмъ разрѣшить, въ либеральномъ же духѣ, крестьянскій вопросъ, даровать евреямъ всѣ гражданскія права, а прежде всего улодить всѣхъ русскихъ чиновниковъ въ край, замѣнивъ ихъ мѣстными уроженцами. Эта послѣдняя «реформа», приведенная въ исполненіе, дала потомъ, во время испыхнувшей революціи, доминирующее положеніе нѣсколькимъ стамъ агентамъ этой революціи.

кратіи, то-есть главарямъ возстанія, такое, напримѣръ, происшествіе, передаваемое въ книгѣ г. Козьмяна.

«Когда, однажды, пришло въ Варшаву извѣстіе о какомъ-то кровопролитномъ сраженіи русскаго войска съ поляками, члены варшавскаго сената получили приглашеніе на вечеръ къ великому князю Константину Николаевичу. Братья Левонскіе—генераль и сенаторъ,—Грушецкій, Александръ Куржъ, Венглинскій и другіе собрались, чтобы посовѣтоваться, что имъ дѣлать... На этомъ собраніи присутствовали и не сенаторы. А. Куржемъ было громко высказано мнѣніе, что въ то время, когда проливается кровь, нельзя идти пить чай къ великому князю... Венглинскій тотчасъ же согласился съ Куржемъ. Но одинъ изъ сенаторовъ настаивалъ на томъ, чтобы принять приглашеніе великаго князя, чтобы отказомъ не оскорбить его, а главное, чтобы изъ-за такого пустяка не перемѣнить направленіе въ принятой ими политикѣ (?)... Кто-то даже предостерегъ, что могутъ быть дурныя послѣдствія, и что, принимая ихъ во вниманіе, приглашенные должны идти. Рѣшили, однако, не ходить. Тотъ сенаторъ, который былъ противоположнаго мнѣнія, исполнилъ по крайней мѣрѣ приличіе и написалъ графу Хребтовичу, управляющему дворомъ великаго князя, что по болѣзни матери не можетъ прійти...

«Уайтъ, замѣнявшій англійскаго консула, бывшій въ тотъ вечеръ во дворцѣ въ числѣ же приглашенныхъ, сказалъ потомъ одному изъ неявившихся сенаторовъ: «Что же вы сдѣлали?! Глаза великаго князя были все время обращены на дверь, и онъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ, придете ли вы»...

«Всѣ эти господа не видѣлись больше съ великимъ княземъ»,—прибавляетъ г. Козьмянъ. Но зато они еще смѣлѣе стали подливать масло въ огонь...

Собственно возстаніе, или открытый мятежъ, началось рѣзною ни въ чемъ не повинныхъ русскихъ солдатъ въ ночь съ 23 на 24 января 1863 года. Къ сожалѣнію, русскія военныя власти не были достаточно предувѣдомлены, такъ какъ всѣ служащіе, даже мелкіе полицейскіе чины и варшавскіе городовые, были поляки и считали, конечно, своимъ долгомъ служить «ойчизнѣ», а не русскому правительству.

Вслѣдъ за этою безжалостною, ночью рѣзней, возстаніе открыто заявило себя въ краѣ и охватило постепенно даже такія исконныя русскія области, какъ, напримѣръ, Бѣлоруссію (гдѣ даже былъ взятъ польскимъ отрядомъ и разграбленъ уѣздный городъ Горки) и Кіевскую губернію... Пожаръ захватывалъ очень большой раіонъ,—и совершенно неожиданно для русскихъ властей, такъ что, напримѣръ, въ Могилевской губерніи не оказалось вовсе войскъ... Въ лѣсахъ Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и даже Кіевской и Волынской губерніи появились многочисленныя польскіе отряды, сформированныя изъ

шляхты, учащейся молодежи, дворовой челяди и разнаго городского люда. Отряды эти не были ни достаточно вооружены, ни обучены, такъ что обрекались на вѣрнѣйшую гибель. Польское духовенство стало въ костелахъ призывать всѣхъ къ оружію и фанатизировало женщинъ, а тѣ, въ свою очередь, посылали въ лѣса своихъ сыновей, мужей и братьевъ...

Стало извѣстно, что распространеніе пожара идетъ по сигналу изъ Тюильри: по крайней мѣрѣ, Козьянъ въ одномъ мѣстѣ своего повѣствованія говоритъ: «Я долженъ замѣтить, что князь В. Чарторыйскій совершенно ясно помнитъ, какъ гр. Валевскій, въ присутствіи моего отца, употребилъ выраженіе, что «кровь возстанія обозначитъ будущія границы Польши»,—и Чарторыйскій при этихъ словахъ сдѣлалъ движеніе, выражающее удивленіе и нѣкоторое опасеніе». И вотъ, когда, напримѣръ, во Львовѣ стали формироваться отрядъ для похода въ Волынь и Подолію, и всѣ благоразумные и честные патріоты, какъ Францискъ Смолка, стали умолять не дѣлать этого, не губить польскихъ мужей и юношей, посылая ихъ на вѣрную смерть, то «Комитетъ» восточной Галиціи, во главѣ котораго стоялъ князь Адамъ Сапѣга, прямо объявилъ, что онъ выполняетъ лишь желаніе Парижскаго правленія «расширить область возстанія до дальнихъ странъ», такъ какъ границы будущей Польши будутъ означены кровію возстанія...

Такимъ образомъ, изъ нашего бѣлаго очерка читатели видятъ, кто были главные виновники польскаго возстанія въ 1863 году, кто его подготовилъ, сложилъ пригодный для него горючій матеріалъ и поджегъ... Западныя историки возстанія утверждаютъ, что искрою, брошенною въ порохъ, было, будто бы, распоряженіе русскаго правительства произвести рекрутскій наборъ въ царствѣ Польскомъ. Но едва ли можно ставить въ вину правительству, что оно задумало привести въ исполненіе самое ординарное и законное свое распоряженіе произвести наборъ, котораго давно уже, то-есть со времени крымской войны, не было. Правда, наборъ этотъ, или конскрипція, какъ называли его поляки, происходилъ не особенно удачно: предполагалось забрать въ рекруты самые безпокойные элементы въ Варшавѣ и въ краѣ, а между тѣмъ, когда начался наборъ, то изъ намѣченныхъ къ призыву 4.500 молодыхъ людей явилось въ присутствіе менѣе трети; все остальное и какъ разъ всѣ подозрѣваемые въ политической неблагонадежности успѣли скрыться и затѣмъ образовали изъ себя первые отряды въ лѣсахъ вблизи Варшавы, Люблина и Петрокова. Наборъ можно признать лишь удачнымъ предлогомъ, послужившимъ къ открытому бунту: такъ, наборъ былъ производимъ въ ночь съ 14 на 15 января 1863 года, а всего десять дней спустя, именно въ ночь съ 24 на 25 января, поляки устроили новую варшавскую ночь и пустили въ дѣло цѣлый

отрядъ жандармовъ-вѣшателей, послѣ чего, понятно, спала завѣса съ глазъ русскаго правительства, и никакіе уже компромиссы съ виновниками пролитія русской крови стали немислимы.

Въ Польшу и въ западныя губерніи были двинуты войска. Въ царство Польское назначенъ былъ намѣстникомъ графъ Бергъ, въ Вильну посланъ былъ всевластнымъ диктаторомъ М. Н. Муравьевъ, и возстаніе было въ нѣсколько мѣсяцевъ совершенно подавлено. Это было тѣмъ легче для русскихъ войскъ, что простой народъ, крестьяне, только что получившіе предъ тѣмъ свободу, не только не участвовали въ мятежѣ, но открыто стали на сторону законной власти и много даже помогали отрядамъ русскихъ войскъ при преслѣдованіи и разбитіи бандъ, скрывавшихся въ громадныхъ лѣсахъ Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и Волыни.

При подавленіи возстанія было немало, конечно, пролито крови съ обѣихъ сторонъ и немало учинено жестокостей. Поляки немилосердно казнили всѣхъ, кого подозрѣвали въ измѣнѣ, часто ошибочно, иногда казнили даже безоружныхъ и беззащитныхъ стариковъ и женщинъ, нѣсколькихъ священниковъ и старообрядцевъ, заподозрѣнныхъ въ услугахъ русскимъ войскамъ; въ Горкахъ раненыхъ русскихъ солдатъ (изъ мѣстной инвалидной команды) брали за руки и за ноги, раскачивали и кидали въ середину горящихъ домовъ. Русскіе одинаково казнили жандармовъ-вѣшателей и разстрѣливали главныхъ начальниковъ бандъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, а равно и всѣхъ тѣхъ бывшихъ русскихъ офицеровъ, которые дезертировали въ лѣса, въ польскіе отряды, изъ рядовъ арміи.

Какъ только были разбиты и уничтожены главные отряды польскихъ повстанцевъ и мятежъ утратилъ уже свой общій характеръ, русское правительство, не желая далѣе проливать кровь своихъ подданныхъ, объявило 12 апрѣля 1863 года всеобщую амнистію всѣмъ, кто сложитъ оружіе до 1-го мая. Газета «Часть» получила, по словамъ г. Козьяна, депешу объ этой амнистіи въ тотъ же день, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Манифестъ императора Александра даетъ полякамъ амнистію, съ условіемъ сложить оружіе до 1-го мая (ст. стила). При этомъ, государь обѣщаетъ продолжать организацію царства Польскаго, начатую маркизомъ Велепольскимъ».

Тутъ, кажется, и должно бы было покончиться возстаніе... Самъ Козьянъ находилъ, что эта амнистія «представляла собою, въ данномъ случаѣ, ниспосылаемый Провидѣніемъ исходъ изъ плачевнаго, почти отчаяннаго положенія»... Между тѣмъ, нашлось очень немного истинно мужественныхъ людей, какъ графъ А. Потоцкій, которые настаивали на принятіи амнистіи. Но ихъ не слушали,—и тогда Потоцкій, въ порывѣ краснорѣчія, кинулъ въ лицо «непримиримымъ» краковскаго Комитета слѣдующую фразу: «На ваши головы упадетъ вся кровь, которая отнынѣ будетъ пролита!» — и ушелъ изъ собранія...

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ редакціи «Часа» была получена другая телеграфическая депеша тайнаго польскаго «правительства» изъ Варшавы, гласящая, что «ноты державъ посланы въ Петербургъ»... Было ясно, что эта депеша, извѣщающая о нотахъ, которыя въ то время еще не были посланы, хотѣла парализовать доброе впечатлѣніе, произведенное манифестомъ, объявляющимъ амнистію, и не допустить окончательнаго прекращенія возстанія и примиренія поляковъ съ русскими,—и коварная цѣль была достигнута: въ особомъ «прибавленіи» къ газетѣ «Часъ», вышедшемъ въ тотъ же день вечеромъ, были помѣщены обѣ телеграммы рядомъ: одна сообщала о высочайшемъ манифестѣ, а другая объ отправленіи въ Петербургъ нотъ европейскихъ державъ... А на другой день, въ слѣдующемъ номерѣ той же газеты, появилась, по словамъ г. Козьмина, статья, «нисколько не отступавшая отъ стараго гибельнаго направленія и указывающая на поводъ, по которому, очевидно (?), хочеть дать амнистію русское правительство, на связь ея съ посылкою нотъ и возлагающая всѣ надежды на дипломатическое вмѣшательство державъ. Въ этой статьѣ между прочимъ говорилось:

«Манифестъ, обѣщающій амнистію полякамъ, добывающимся съ оружіемъ въ рукахъ народныхъ правъ и свободы, стремится прежде всего сдѣлать польскій вопросъ изъ общеевропейскаго чисто внутреннимъ вопросамъ. Россія не признаетъ за Европой права вмѣшиваться въ ея отношенія къ Польшѣ, и однимъ этимъ шагомъ хочеть отдѣлаться отъ дипломатическихъ нотъ, которыя уже посланы въ Петербургъ изъ Вѣны, Парижа и Лондона—словомъ, хочеть поставить дѣло въ тѣсныя границы системы политическаго единства Россійской имперіи. Состояніе польскаго вопроса не столько можетъ измѣниться, сколько выясниться вслѣдствіе этого указа (то-есть, манифеста). Правительства, которыя послали свои представленія въ Петербургъ, застигнуты, такъ сказать, врасплохъ. Указъ вышелъ не до посылки нотъ и не послѣ полученія ихъ; поѣтому онъ не могъ быть сдѣланъ по доброй волѣ (?) и не представляетъ собою уступки, вызванной этимъ первымъ шагомъ дипломатическихъ дѣйствій¹⁾. Дальнѣйшіе поступки державъ не могутъ быть предвидѣны, такъ какъ они будутъ зависѣть отъ того, какъ отнесется къ манифесту Польша... Итакъ, три правительства ожидаютъ результатовъ, которые обнаружатся 1-го (12) мая. Если эти результаты окажутся таковыми, какихъ желаетъ русское правительство, то тремъ державамъ останется только согласиться съ волею народа, который онѣ взяли за защитца. Въ противномъ случаѣ, онѣ не могутъ представить рѣшеніе польскаго вопроса русскому государю,—чѣмъ онѣ показали бы, что отрекаются отъ правъ, которыя принадлежатъ

¹⁾ «Указъ» этотъ, увя!—представлялъ именно «уступку», никѣмъ и ничѣмъ не вызванную, если не считать великодушнаго сердца императора Александра II.

имъ, державамъ, что дало бы Россіи побѣду въ данной дипломатической борьбѣ».

Если мы припомнимъ, что «Часъ» былъ очень вліятельнымъ органомъ въ Польшѣ, и что во главѣ его стояли всесильные люди, рѣшавшіе въ то время судьбу возстанія, то будетъ понятно, что сдѣлала эта статья въ смыслѣ совершенной парализаціи благихъ намѣреній всепрощенія, выраженныхъ въ манифестѣ русскаго правительства...

Наконецъ, въ концѣ апрѣля, были дѣйствительно представлены Россіи первыя ноты трехъ державъ. Г. Козьмянъ такъ характеризуетъ эти ноты: «Французская нота, адресованная къ кн. Монтебелло, французскому посланнику въ Петербургѣ, подписанная Дрюэнъ-де-Люисомъ, отличалась умѣренностью и серьезностью. Англійская, написанная гр. Росселемъ къ англійскому послу лорду Напиру, самая горячая изъ всѣхъ трехъ, основывавшаяся на вѣнскомъ трактатѣ, сильно возставала противъ претензіи Россіи, считавшей польскій вопросъ чисто внутреннимъ дѣломъ. Самой блѣдной изъ этихъ нотъ и въ то же время самой важной была австрійская. Она написана была гр. Рехбергомъ и адресована къ графу Ревертеру, chargé d'affaires въ Петербургѣ. Нота исходила изъ того, что возстаніе принимаетъ уже меньшіе размѣры послѣ того, какъ уже разбиты всѣ наиболѣе значительные отряды, и указывала на опасность для Галиціи въ случаѣ продолженія возстанія. Каждая изъ этихъ трехъ нотъ въ отдѣльности налегала на то, чтобы русское правительство придумало средство, которое бы могло дать Польшѣ условія незыблемаго мира. Лицамъ, получившимъ эти ноты, было поручено прочесть ихъ князю Горчакову, государственному канцлеру».

На эти предварительныя ноты, или, вѣрнѣе, пробныя шары ¹⁾, кн. Горчаковъ отвѣчалъ отъ себя г. Балабину, послу въ Вѣнѣ, барону Будбергу въ Парижѣ и барону Бруннову въ Лондонѣ. особыми письмами, въ которыхъ съ большою осторожностью, не исключаящей необходимости въ дальнѣйшихъ переговорахъ, обращалъ вниманіе кабинетовъ, при которыхъ были аккредитованы эти господа, на то обстоятельство, что онѣ сами—Англія, Франція и Австрія—могутъ способствовать успокоенію царства Польскаго, «такъ какъ надежда и вѣра въ постороннюю помощь суть главные мотивы возстанія».

¹⁾ Мы находимъ не безынтереснымъ упомянуть здѣсь, со словъ г. Козьмяна, еще объ одной курьезной «нотѣ»—святѣйшаго отца изъ Рима; папа, какъ оказывается, дважды вступался за поляковъ: въ первый разъ онъ обратился къ императору Францу-Иосифу, прося его заступничества за поляковъ, а затѣмъ присоединился къ манифестаціи Европы и самымъ горячимъ образомъ поддерживалъ первыя ноты трехъ державъ въ особомъ своемъ письмѣ къ императору Александру II.

Въ отвѣтъ на эти нерѣшительныя депеши кн. Горчакова, посланныя 26 апрѣля, были отправлены въ Петербургъ французская и англійская ноты, а затѣмъ и австрійская. Онѣ заключали въ себѣ шесть пунктовъ, составленныхъ Австріей и нѣсколько измѣненныхъ двумя другими кабинетами. Вотъ эти знаменитые пункты:

- 1) Полная и всеобщая амнистія.
- 2) Національное представительство, принимающее участіе въ областномъ законодательствѣ.
- 3) Доступъ поляковъ къ публичнымъ правительственнымъ должностямъ, дающій возможность развиться особой народной администраціи.
- 4) Совершенная и полная свобода совѣсти и устраненіе ограниченій въ исполненіи католическихъ обрядовъ.
- 5) Употребленіе исключительно польскаго языка, какъ офиціальнаго, въ администраціи, судопроизводствѣ и школахъ, и
- 6) Правильная и законная рекрутская система.

Кромѣ того, въ этихъ нотахъ былъ намекъ на созваніе международной конференціи державъ, подписавшихся на трактатѣ 1815 г., а графъ Россель прибавилъ пожеланіе, чтобы обѣ воюющія стороны сложили оружіе...

Вотъ до какой неслыханной дерзости дошли непрошенные заступники Польши!.. «Князь Горчаковъ, какъ извѣстно, далъ на эти ноты одинъ изъ самыхъ надменныхъ, смѣлыхъ и дерзкихъ отвѣтовъ, какіе только мы знаемъ,—говоритъ г. Козьянъ,—въ исторіи международныхъ отношеній. Онъ приобрѣлъ своимъ отвѣтомъ необыкновенную популярность среди своего народа, усилилъ ненависть его къ польскому народу, лишилъ польскій вопросъ общеевропейскаго характера и превратилъ его передъ глазами изумленнаго свѣта въ чисто русскій вопросъ, нанеся въ то же время ударъ внѣшнему блеску Наполеона, а также и поколебавъ общее убѣжденіе въ неогрѣшимости его политики».

Вотъ какъ неудачно было вмѣшательство иноземной политики въ нашъ «домашній, давній споръ», окончившееся полнѣйшимъ фіаско!.. Къ сожалѣнію, это безтактное дипломатическое вмѣшательство державъ, по словамъ г. Козьяна, имѣло очень тяжкія послѣдствія именно для тѣхъ, кому оно мнило помочь, то-есть для самихъ поляковъ: «оно не только затянуло возстаніе со всѣми сопряженными съ нимъ дѣйствіями, но и вовлекло въ него цѣлыя толпы благоразумныхъ людей (пребывавшихъ до того въ выжидательномъ положеніи) и побудило «Краковское Общество» поддерживать возстаніе въ теченіе долгаго времени. Въ то же время, это вмѣшательство воспрепятствовало соглашенію поляковъ съ русскимъ правительствомъ и, задѣвая и оскорбляя самолюбіе Россіи, породило и развило глубокую ненависть (?) русскаго общества къ польскому»...

Такъ говоритъ почтенный авторъ «Rzecz'и o roku 1863»,

забывающій, повидимому, отличительную черту характера русскаго народа, его незлопамятность, исключаящую всякую «ненависть» русскаго общества къ польскому.

Не по винѣ добродушнаго и незлобиваго русскаго народа польскій вопросъ сталъ роковымъ: какъ мы видимъ изъ книги того же г. Козьмяна, немало находится виновниковъ этой междуусобной вражды двухъ родственныхъ славянскихъ націй. Самое возбужденіе въ 1863 году вопроса объ автономіи Польши, въ силу провозглашеннаго передъ тѣмъ Наполеономъ III принципа національностей, являлось чистѣйшимъ политическимъ абсурдомъ, такъ какъ въ силу именно этого самаго принципа Польша, какъ государство славянское, должна была слиться воедино съ болѣе крупнымъ славянскимъ же государствомъ—Россіей, а не отдѣляться отъ него.

Замѣтимъ еще, что злой рокъ помѣпалъ полякамъ въ томъ же 1863 году познать и еще одну политическую истину, ясную, какъ божій день: къ числу своихъ друзей и, въ то же время, враговъ ненавистной имъ Россіи они сопричисляли и Австрію, которая всего лишь за 15 лѣтъ передъ тѣмъ самымъ безпощаднымъ образомъ подавила въ Галиціи вспыхнувшее въ то время (въ 1848 году) польское движеніе, ту самую Австрію, которая не разъ уже изумляла міръ дуализмомъ своей иностранной политики, и которая, владѣя обширною польскою провинціей, едва ли могла настойчиво и искренно желать автономіи польскаго государства, хотя бы и съ австрійскимъ принцемъ на ея престолѣ, какъ о томъ фантазировали поляки нѣмецкаго происхожденія.

Наконецъ, какіе устои были подъ этимъ съ виду величественнымъ зданіемъ, выстроеннымъ на пескѣ? Какъ могло удаться возстаніе этой несчастной и легковѣрной, хотя въ то же время въ высшей степени симпатичной и благородной націи, при томъ хаосѣ и усобицѣ, которые не прекратились даже и съ наступленіемъ кроваваго 1863 года? Какая революція изъ всѣхъ, бывшихъ когда либо въ мірѣ, представляетъ такой чудовищный и маловѣроятный фактъ, какъ тотъ, что произошелъ въ Варшавѣ въ самомъ началѣ возстанія, когда двѣнадцать отчаяннѣйшихъ молодыхъ людей, образовавъ изъ себя самозванный «комитетъ» и заказавъ подходящую для того печать, объявили себя распорядителями судебъ возстанія и терроризировали весь край, послушно исполнявшій всѣ приказы—до убійствъ включительно — этихъ таинственныхъ незнакомцевъ, наименовавшихъ себя «ржондомъ народowymъ?»...¹⁾ Это, впрочемъ, нисколько не мѣшало образованію многочисленныхъ другихъ распорядителей и

¹⁾ Этотъ «ржондъ» издавалъ иногда такіа безтактныя распоряженія, которыя лишь дискредитировали все дѣло, называя враговъ въ лицѣ Австріи и Пруссіи. Таково, напримѣръ, было обращеніе «ржонда» «Do Narodu», отъ 31 іюля, гдѣ обѣщалося возстановленіе Польши въ границахъ 1772 года. И. З.

руководителей возстанія, другъ другу противодѣйствующихъ и противорѣчащихъ. Вѣдь стоитъ только припомнить, что «бѣлые» противодѣйствовали «краснымъ», отель Ламберъ шелъ въ разрѣзъ съ распоряженіями галицкаго и львовскаго комитетовъ, дѣйствія Лангевича не согласовались съ распоряженіями Мѣрословскаго и пр... Во всемъ этомъ несчастномъ возстаніи было такое многоначаліе, такой хаосъ и путаница, такія неурядицы и междоусобія, что слѣдуетъ, по истинѣ, удивляться, какъ могло оно просуществовать и продолжаться въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ!..

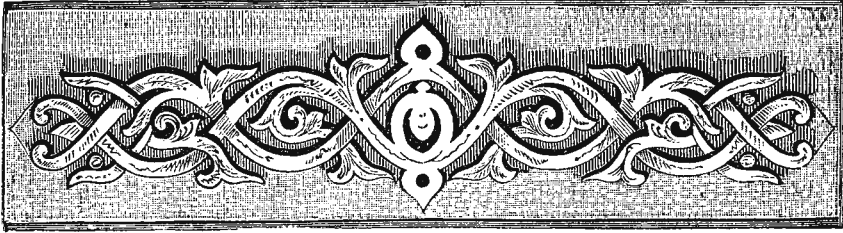
Неумолимый рокъ,—говоритъ г. Козьянъ,—родившійся вслѣдствіе незаконной связи заблужденія безумныхъ съ ошибкою разумныхъ, создалъ это ужасное дѣло и толкалъ людей все далѣе и далѣе, все къ новымъ событіямъ и бѣдствіямъ...

Дай Богъ, конечно, чтобы эти «заблужденія» не повторялись, и чтобы уроки исторіи, за которые полякамъ пришлось заплатить своею кровью, послужили имъ на пользу!

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

С.-Петербургъ
24 февраля, 1898 г.

КРАЙНОСТИ СРАВНИТЕЛЬНОГО МЕТОДА ¹⁾.

В ОДНОЙ изъ аудиторій С.-Петербургскаго университета профессоръ Варшавскаго университета Созоновичъ защищалъ, 3-го мая, диссертацию, представленную имъ для получения степени доктора русской словесности. «Всѣмъ своимъ содержаніемъ трудъ г. Созоновича входитъ въ область сравнительнаго изученія памятниковъ европейской письменности и народной словесности» (стр. XVI). Авторъ разсмотрѣлъ исторію двухъ поэтическихъ мотивовъ, извѣстныхъ въ многочисленныхъ пересказахъ почти всѣмъ европейскимъ національностямъ. Содержаніе этихъ мотивовъ хорошо знакомо и русской публикѣ: первый—о женихѣ мертвецѣ—послужилъ сюжетомъ бюргеровской «Леноры», переведенной В. А. Жуковскимъ, второй—о мужѣ, возвращающемся къ свадьбѣ своей жены, выходящей за другого,—разработанъ объ былинахъ о Добрынѣ и, между прочимъ, въ кавказской сказкѣ объ Ашикъ-Керибѣ, доступной намъ въ поэтическомъ переложеніи М. Ю. Лермонтова. Г. Созоновичъ собралъ и пересказалъ въ своей книгѣ всѣ извѣстные ему поэтическіе и прозаическіе письменные варианты этихъ мотивовъ. Чтобы дать представленіе о кропотливости такого труда, достаточно указать на то, что авторъ знакомитъ своихъ читателей съ версиями, изводами, редакціями и вариантами древне-классическими, шведскими, датскими, англійскими, шотландскими, венгерскими, цыганскими, кельтскими, армян-

¹⁾ Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію. Исслѣдованіе И. Созоновича, проф. Варшавскаго университета. Варшава. 1898. XX+567.

скими, лужицкими, чешскими, прусскими, литовскими, польскими, галицко-русскими, малорусскими, бѣлорусскими, албанскими, болгарскими, провансальскими, итальянскими, нормандскими, еврейскими, румынскими, португальскими, ново-греческими и пр. и пр. Но г. Созоновичъ не ограничился одной сводкой матеріала (впрочемъ, было бы довольно странно получить ученую степень за собраніе матеріала!), онъ попробовалъ обработать собранные имъ варианты, разобраться въ ихъ генетической связи и сдѣлать культурно-историческіе выводы. Вкратцѣ, они сводятся къ слѣдующему. Русскія сказки, воспроизводящія мотивъ о живомъ мертвецѣ, русскія былины о Добрынь, отразившія мотивъ о мужѣ, возвращающемся послѣ долгаго отсутствія на свадьбу жены, получили непосредственное начало въ западно и южно-славянскихъ пѣсняхъ съ подобнымъ содержаніемъ. Послѣднія въ свою очередь воспроизводятъ западныя, нѣмецкія и романскія версіи этихъ мотивовъ. Наконецъ, эти версіи восходятъ къ древне-классическимъ источникамъ—сказанію о Протезилаѣ и Лаодаміи и міеу объ Одиссеѣ, возвращающемся къ своей Пенелопѣ. Вотъ эти-то положенія диссертациі г. Созоновича и подлежали обсужденію на диспутѣ.

Официальные оппоненты, проф. И. Н. Ждановъ и А. И. Соболевскій, въ своихъ замѣчаніяхъ, къ сожалѣнію, едва коснулись выводовъ г. Созоновича. Оставивъ въ сторонѣ методологическіе приемы диспутанта, оппоненты обратили преимущественно вниманіе на диссертацию, какъ на собраніе матеріаловъ, и съ этой точки зрѣнія критиковали трудъ г. Созоновича. Какъ это всегда водится, въ работахъ, подобныхъ этому труду, г. Созоновичъ не могъ, конечно, не просмотрѣть кое-какихъ западно-европейскихъ вариантовъ. И. Н. Ждановъ отмѣтилъ отсутствіе въ трудѣ диспутанта указаній на соотвѣтствующій матеріалъ у Dunlop'a, Liebrecht'a, Hahn'a, Landau и др. Главнѣйшія же упущенія въ собраніи матеріала, какъ это ни странно для диссертациі на степень доктора русской словесности, сдѣланы г. Созоновичемъ въ области русскихъ сказаній. Г. Созоновичъ не принялъ во вниманіе даже всѣхъ тѣхъ былинъ, какія можно найти въ извѣстныхъ и общедоступныхъ сборникахъ, какъ, напр., въ изданіи Н. С. Тихонравова и проф. В. Ф. Миллера «Русскія былины старой и новой записи». Диспутантъ оправдывалъ свое незнакомство съ русскими источниками ссылкой на неблагоприятное положеніе русскаго книгопродавческаго дѣла. А. И. Соболевскій указалъ на незнакомство г. Созоновича съ изданіями, вышедшими въ Варшавѣ—мѣстѣ его постоянного пребыванія. Совершенно не изученъ авторомъ диссертациі кругъ восточныхъ и европейскихъ сказаній, хотя онъ и дѣлаетъ нѣкоторые выводы о зависимости восточныхъ сказаній. Конечно, подобныя промахи не могли остаться безъ вліянія на степень достовѣрности заключеній г. Созоновича. Защита г. Созоловича была признана удовлетворительной, и факультетъ

представилъ его къ полученію степени доктора русской словесности.

Безъ сомнѣнія, та или другая наличность матеріала вліяетъ на степень достовѣрности выводовъ, но какъ бы тщательно ни былъ собранъ матеріалъ, какъ бы широко авторъ ни ставилъ своей темы, этого еще недостаточно. Однимъ изъ важнѣйшихъ условій правильности выводовъ является правильность методологическихъ приѣмовъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи мы и остановимся на научныхъ приѣмахъ г. Созоновича. Наши замѣчанія будутъ основываться на второй части его труда: «Поэтическій мотивъ о внезапномъ возвращеніи мужа ко времени свадьбы своей жены, собиравшейся выйти замужъ за другого». Первая часть, разсматривающая мотивъ о женихѣ-жертвѣ, не имѣетъ интереса новизны, такъ какъ она первоначально была напечатана въ видѣ отдѣльной книги подъ заглавіемъ: «Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты etc.». Въ свое время эта часть труда г. Созоновича нашла оцѣнку во многихъ статьяхъ и рецензіяхъ, между прочимъ, и въ рецензіи нашего журнала (1893 г., сент., стр. 799—803).

Предварительно подробнѣе ознакомимъ читателя съ содержаніемъ второй части изслѣдованія г. Созоновича. Вы помните былину о Добрынѣ и Алешѣ Поповичѣ... Добрыня собирается въ далекій путь, прощается съ родимой матушкой, съ дорогой женой Настасьей Микуличной. Онъ приказываетъ ей ждать его возвращенія 12 (6, 9) лѣтъ, а потомъ вольна она выйти замужъ за кого угодно, только не за Алешу Поповича... Много времени прошло со времени отъѣзда Добрыни... Тутъ Алешенька догадливъ былъ: онъ сообщилъ, что видѣлъ Добрыню, убитаго въ чистомъ полѣ. Владиміръ-князь приневоливаетъ Настасью выйти за Алешу. Настасья оттягиваетъ срокъ свадьбы еще на нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, больше не ждутъ. Назначенъ день свадьбы. Добрыня узнаетъ о немъ чудеснымъ образомъ и мчится домой. Добрыня ѣдетъ прямо во дворъ матери. Мать, спустя нѣкоторое время, узнаетъ сына и сообщаетъ ему, что въ этотъ часъ играютъ свадьбу. Переодѣвшись скоморохомъ, идетъ богатырь на свадьбу. Князь, удивленный его игрой, приглашаетъ его за столъ. Добрыня выпиваетъ поднесенную Настасьей чашу съ виномъ, наливаетъ другую, опускаетъ свой золотой перстень. Настасья пьетъ чашу, находитъ перстень и узнаетъ мужа. Вставала тутъ Настасья на рѣзвыя ноги, «скачила черезъ тѣ столы да дубовые», пала на грудь Добрынѣ.

Задавшись цѣлью опредѣлить генезисъ русской былины, г. Созоновичъ находитъ, что она сложилась подъ вліяніемъ польскихъ пѣсенъ, сказанія о Бовѣ и, главнымъ образомъ, южно-славянскихъ пѣсенъ. Польскія пѣсни внесли въ русскія былины двѣ подробности: а) возвратившійся мужъ подъ видомъ музыканта помѣщается на пир у сперва у печки, а затѣмъ лишь приближается къ столу; б) жена

узнаетъ мужа и прыгаетъ къ нему черезъ столы. Вліяніе сказанія о Бовѣ г. Созоновичъ видитъ въ томъ обстоятельствѣ, что нѣкоторыя русскія былины повторяютъ слѣдующую подробность. Входя въ домъ матери, взапелъ Добрыня отгалкиваетъ привратниковъ. Всѣмъ остальнымъ своимъ содержаніемъ русскія былины примыкаютъ къ южно-славянскимъ пѣснямъ. Западно-славянскія версіи нашего мотива восходятъ къ романскимъ обработкамъ, ближайшимъ образомъ, къ итальянскимъ и французскимъ народнымъ пѣснямъ. Эти народныя произведенія возникли изъ книжныхъ обработокъ нашего сюжета, сдѣлавшихся особенно распространенными послѣ крестовыхъ походовъ. Книжныя обработки идутъ еще дальше. Въ разсказѣ хроники Wace'a изъ XII в. о приключеніи Ричарда Безстрашнаго поэтической мотивъ о внезапномъ возвращеніи мужа передается впервые съ типичными подробностями средневѣковой своей обработки. Въ провансальскомъ разсказѣ изъ XI вѣка про возвращеніе Раймунда du Bousquet изъ плѣна обнаруживается несомнѣнно отраженіе классическаго сказанія о возвращеніи Одиссея.

Г. Созоновичъ увлекся соблазнительной задачей—возвести къ одному источнику всѣ найденныя имъ многочисленныя произведенія, разсказывающія о возвращеніи мужа къ свадьбѣ жены, и установитъ между ними генетическую связь. Результатомъ изслѣдованія явилась стройная схема развитія нашего сюжета по всѣмъ европейскимъ литературамъ; оказалось возможнымъ привязать къ миѳу объ Одиссеѣ даже сказку объ Ашикъ-Керибѣ («не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что... предполагаемый источникъ въ видѣ турецкой сказки объ Ашикъ-Керибѣ оказывается отраженіемъ западно-европейскаго романическаго течения, вышедшаго изъ Франціи»... стр. 547).

Если бы не предубѣжденный читатель изъ всей книги г. Созоновича познакомился только съ резюме его выводовъ, сдѣланнымъ въ введеніи, онъ отнесся бы съ большимъ сомнѣніемъ къ этимъ выводамъ. Какъ! неужели всѣ разсказы о возвращеніи мужа, и русскіе, и французскіе, восходятъ къ одному источнику? Неужели нѣтъ ни одного, самостоятельно возникшаго? Вѣдь, кажется, въ бытовой исторіи всякаго народа можно найти множество аналогичныхъ фактовъ, на почвѣ которыхъ вполне самостоятельно могло возникнуть произведеніе съ бытовымъ содержаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ является чѣмъ-то страннымъ и необыкновеннымъ для какой либо страны мужъ, бывший долгое время въ отлучкѣ и при своемъ возвращеніи находящій жену вышедшей замужъ или пока только собирающейся выйти? Еще до чтенія самой книги г. Созоновича въ сердце непредубѣжденнаго читателя начинается заползать сомнѣніе, а изученіе ея даетъ новую пищу сомнѣнію. Мы обратимъ вниманіе читателя на то, какъ г. Созоновичъ работаетъ надъ своимъ матеріаломъ. Если мы увидимъ, что приемы г. Созоновича по своему логи-

ческому несовершенству не годятся для полученія достовѣрныхъ выводовъ, мы въ правѣ не принимать ихъ.

Если у насъ подъ руками находится такой обширный матеріалъ, какой собранъ авторомъ разбираемаго труда, то, понятно, прежде, чѣмъ приступить къ какой нибудь работѣ надъ нимъ, его нужно классифицировать. Классификація—необходимое условіе работы. А какой принципъ положить въ основу дѣленія, это каждый изслѣдователь долженъ рѣшать всякій разъ особо, примѣнительно къ своей задачѣ. Можно раздѣлить всѣ варианты на группы по національностямъ, содержанию, времени возникновенія и т. д. У г. Созоновича мы, къ большому удивленію, не встрѣчаемъ даже попытокъ классифицировать, и мы совершенно не можемъ сказать, почему г. Созоновичъ передаетъ варианты въ томъ порядкѣ, а не въ другомъ, принципа дѣленія у него нѣтъ. Сначала у него какъ будто варианты идутъ въ хронологическомъ порядкѣ, потомъ этотъ порядокъ мѣняется на раздѣленіе по національностямъ и т. д. ¹⁾ Отсутствіе классификаціи дѣлаетъ изученіе книги г. Созоновича крайне затруднительнымъ.

Но какой бы принципъ дѣленія ни выставлялъ авторъ, онъ для правильности и вѣрности своихъ выводовъ долженъ строго различать два ряда памятниковъ: произведенія искусственныя, письменныя, могущія быть датированными, и произведенія народныя, безъ хронологіи. Смѣшеніе этихъ двухъ рядовъ должно вести къ ошибочнымъ построеніямъ: если авторъ начинаетъ опредѣлять генетическую связь различныхъ вариантовъ, не дѣлая различія между письменными и устными, то здѣсь заключенія являются сомнительными. Таковы всѣ выводы г. Созоновича, касающіеся зависимости народныхъ пѣсенъ отъ литературныхъ обработокъ. Для г. Созоновича эта зависимость является вполне доказанной, и онъ даже дѣлаетъ слѣдующія теоретическія соображенія: «чѣмъ старше произведеніе, или чѣмъ ближе стоитъ оно къ письменнымъ литературнымъ источникамъ, тѣмъ выдержаннѣе и цѣльнѣе передаетъ оно первоначальную форму схемы, выработанную въ свое время въ высшихъ общественныхъ кругахъ» и т. д... (стр. 356).

Всѣ эти соображенія имѣютъ мѣсто лишь тогда, когда будетъ установлена хронологія народныхъ пѣсенъ, а до тѣхъ поръ мы имѣемъ дѣло съ произвольнымъ допущеніемъ первенства во времени литературныхъ обработокъ, и до тѣхъ поръ я не знаю, почему мнѣ вѣрить г. Созоновичу. Съ равнымъ правомъ я могу утверждать, что формальная сторона народныхъ пѣсенъ возникла гораздо раньше письменныхъ обработокъ на ту же тему, и что народныя пѣсни и есть то ядро, изъ котораго возникли послѣднія. Пренебреженіе къ строгому раздѣленію

---

¹⁾ На отсутствіе классификаціи указалъ во время диспута проф. П. Н. Ждановъ.

вариантовъ — это неудачный методологическій приёмъ, не позволяющій считать достовѣрными всѣ выводы г. Созоновича о зависимости между книжными обработками и народными пѣснями. Такимъ образомъ приходится вынуть одинъ камень изъ стройнаго зданія, возведеннаго г. Созоновичемъ и символизирующаго развитіе нашего сюжета. Посмотримъ теперь, вѣрно ли понята г. Созоновичемъ зависимость между письменными версиями, съ одной стороны, и между устными, съ другой.

Передъ нами—море вариантовъ, изводовъ, редакцій... Какъ найти между ними родственныя связи, которыя дали бы намъ возможность установить зависимость одна отъ другой группы? Для этой цѣли г. Созоновичъ прибѣгаетъ къ сравненію, и только къ нему. О генетической связи различныхъ произведеній онъ заключаетъ по единству комбинаціи отдѣльныхъ чертъ и по сходству отдѣльныхъ подробностей. Самымъ слабымъ изъ всѣхъ аргументовъ въ пользу заимствованія нужно признать доказательство, основанное на сходствѣ отдѣльныхъ подробностей. Въ большинствѣ случаевъ это сходство вызывается или естественными условіями развитія сюжета, т. е. одинаковостью положенія, или же единствомъ законовъ народно-поэтического творчества. Г. Созоновичъ не часто прибѣгаетъ къ такого рода доказательствамъ, но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, что онъ совершенно отказался отъ нихъ. На стр. 391 мы, напр., встрѣчаемъ слѣдующее сопоставленіе нѣсколькихъ вариантовъ: «если о возвратившемся изъ плѣна рыцарѣ Hugh de Hatton'ѣ говорится, что онъ былъ неузнаваемъ, потому что *«overgrown with hair»* (обросъ волосами), то слѣдуетъ припомнить, что про возвратившагося при тѣхъ же условіяхъ и равнымъ образомъ неузнаваемаго герцога Брауншвейгскаго говорится *«mit langen haar umbhangen etc.* и что точно также обрисовывается въ испанскомъ романсѣ графъ Дирлосъ... Точно также герой сербскаго эпоса Марко Краевичъ возвращается домой въ одѣяніи чернаго болгарина съ бородой, отросшей «до шелковаго пояса» и т. д.

Но что же доказываетъ это совпаденіе? На взглядъ непредубѣжденнаго читателя ровно ничего. Стоитъ только принять во вниманіе то обстоятельство, что для цѣлей разсказа (все равно, гдѣ бы онъ ни возникъ) нужно было ввести неузнаваемаго героя. А разъ онъ долженъ былъ быть неузнаваемымъ, то различныя версіи будутъ рисовать образъ неузнаваемаго героя одними и тѣми же красками, такъ какъ всѣ пѣвцы и составители дадутъ одинъ и тотъ же отвѣтъ на вопросъ, что дѣлаетъ человѣка неузнаваемымъ (то-есть черезъ нѣсколько лѣтъ онъ обросетъ волосами).

Очень шатки также заключенія г. Созоновича, основанныя на слѣдующемъ совпаденіи. Въ одной версіи жена, узнавъ мужа, бросается черезъ столъ съ такою стремительностью, что опрокидываетъ столъ (стр. 365); въ другихъ жена отъ радости при видѣ мужа прыгаетъ че-

резь нѣсколько ступеней; въ третьихъ—прыгаетъ черезъ столъ. Опираясь на эту подробность, г. Созоновичъ дѣлаетъ заключеніе о единствѣ источника для всѣхъ сказаній «съ прыжкомъ». Въ нѣкоторыхъ вариантахъ былины о Добрынѣ Настасья, узнавъ мужа, кричитъ: «прямо скочу, безчещу столы»; въ польскихъ пѣсняхъ жена прыгаетъ черезъ 4 стола. Сопоставляя польскія пѣсни съ русскими былинами, г. Созоновичъ допускаетъ извѣстное вліяніе польской народной поэзіи на русскую. Кромѣ этого «прыганія черезъ столъ», нашъ авторъ видитъ основаніе для своего допущенія еще и въ томъ, что какъ въ польскихъ, такъ и въ русскихъ версияхъ мужъ, переодѣтый музыкантомъ, сидитъ сначала у печки, а потомъ лишь придвигается къ столу. Мы, напримѣръ, склонны объяснять эти совпаденія единственно сходствомъ естественныхъ условій развитія сюжета. Наше объясненіе имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и допущеніе г. Созоновича ¹⁾.

Иногда сходство отдѣльныхъ чертъ въ разсказѣ объясняется одинаковыми условіями народно-поэтического творчества и вовсе не указываетъ на отношенія заимствованія. Г. Созоновичъ видитъ эти отношенія даже въ совпаденіи чиселъ (стр. 508). Жена ждетъ уѣхавшаго мужа 7, 9, 12 лѣтъ. Но можно ли заключать объ единствѣ источника изъ того, что въ романскихъ и польскихъ пѣсняхъ жена ждетъ мужа 7 лѣтъ (стр. 462)? Семь—обычное, излюбленное число народно-поэтического творчества. Или, напримѣръ, можно ли предполагать зависимость между русскими былинами и южно-славянскими пѣснями, если и въ тѣхъ, и въ другихъ герой получаетъ извѣщеніе о свадьбѣ жены отъ своего коня (стр. 470, 527). Конь, или вообще животное, провозвѣщающее о случившемся,—обычный приѣмъ въ народномъ творествѣ. Г. Созоновичъ не обращаетъ никакого вниманія на теорію народно-поэтического творчества, а, несомнѣнно, только послѣ пристального изученія процесса народнаго творчества и можно сдѣлать какіе либо выводы о заимствованіи. Онъ нѣсколько разъ подчеркиваетъ заимствованіе формы разсказа, традиціонной эпической формулы и совершенно не останавливается на вопросѣ, какъ далеко можетъ идти сходство въ формальной обработкѣ подробностей, основанное на существованіи въ народномъ творествѣ извѣстныхъ повторяющихся всегда и вездѣ приемовъ. Этого вопроса не ставилъ себѣ г. Созоновичъ, а безъ его рѣшенія нельзя и дѣлать выводовъ о заимствованіи въ фольклорѣ.

Врядъ ли, такимъ образомъ, можно назвать достовѣрными заклю-

¹⁾ Последнее доказательство въ пользу польскаго вліянія на русскія былины г. Созоновичъ видитъ въ совпаденіи именъ тѣхъ героевъ, къ которымъ прикрѣпленъ мотивъ о возвращеніи мужа, Добровы и Добрыни. Ничто не мѣшаетъ считать это совпаденіе случайнымъ. Такимъ образомъ, рухнетъ вся теорія польскаго вліянія на русскія былины о Добрынѣ.

ченія, основанныя на совпаденіи отдѣльныхъ чертъ разсказа, и врядь ли можно считать правильнымъ методъ, пользующійся ими.

Кромѣ этихъ заключеній, г. Созоновичъ для выясненія генетической зависимости различныхъ версій пользуется еще доказательствами, основанными на единствѣ комбинаціи. Конечно, единство комбинаціи, выражающееся въ одинаковой послѣдовательности отдѣльныхъ подробностей разсказа, можетъ служить доказательствомъ зависимости одного разсказа отъ другого. Но возникаетъ вопросъ, всегда ли? Не является ли это сходство въ послѣдовательности отдѣльныхъ звеньевъ результатомъ чего либо другого, а не заимствования? Очень легко впасть въ ошибку и построить схему распространенія сюжетовъ, принявъ естественную послѣдовательность отдѣльныхъ чертъ разсказа за заимствованную. Нѣкоторые сюжеты, гдѣ бы они ни возникали, всякій разъ и вездѣ будутъ передаваться съ одинаковымъ порядкомъ отдѣльныхъ чертъ. Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ отвѣтить на вопросъ, какъ будутъ народные пѣвцы разсказывать о мужѣ, возвращающемся домой и застающемъ свадьбу своей жены ¹⁾.

Во всякомъ разсказѣ будутъ слѣдующія подробности 1) мужъ уходитъ на долгое время (куда—всякій пѣвецъ рѣшитъ по-своему, но если западно-европейскіе пѣвцы согласно говорятъ, что онъ уходитъ на поклоненіе гробу Господню, то изъ этого обстоятельства вовсе нельзя заключать о заимствованияхъ); 2) жена, считая мужа погибшимъ, соглашается выйти замужъ; 3) возвращается мужъ послѣ долгой разлуки, очевидно, сильно измѣнившимся; 4) его узнаютъ по знакамъ на тѣлѣ или по какому либо предмету. Такъ какъ кольцо употреблялось при обрученіи у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ и являлось символомъ супружеской связи, то естественнѣе всего для узнаванія героя ввести въ разсказъ кольцо, и такъ далѣе. Эти подробности (назовемъ ихъ что ли основными) своимъ присутствіемъ почти во всѣхъ извѣстныхъ версіяхъ нашего мотива ничего не доказываютъ. Г. Созоновичъ совершенно не отличаетъ этихъ основныхъ подробностей. По крайней мѣрѣ, онъ настаиваетъ на заимствovanіи, находя сходной схему или планъ. Схему же или планъ г. Созоновичъ думаетъ получить, выдѣляя нѣкоторыя черты или, какъ онъ ихъ называетъ, существенныя звенья. А что онъ называетъ главнѣйшими звеньями, объ этомъ нигдѣ въ его книгѣ ничего нельзя узнать. А безъ этихъ объясненій соста-

¹⁾ Намъ могутъ замѣтить, что присутствіе такой постановки темы и указываетъ на заимствование. Почему мужъ возвращается и застаётъ свадьбу жены, а не находитъ ее замужемъ за другимъ? Не говоря о томъ, что существуютъ рассказы второго рода, мы можемъ сослаться на то, что такое рѣзкое сопоставленіе—возвращающійся мужъ и свадьба жены, объясняется стремленіемъ къ эффекту, лежащимъ въ основѣ народнаго творчества и возникающимъ вполнѣ независимо отъ какихъ либо вліяній.

вление схемъ и доказательства, основанныя на нихъ, мы можемъ считать вполне произвольными. Отмѣтимъ, что построение схемъ и сравнение ихъ—любимѣйшій приемъ г. Созоновича (см. стр. 275, 462, 476). Если мы теперь обратимся къ схемамъ, совпаденіе которыхъ имѣетъ такое важное значеніе для выводовъ г. Созоновича, то мы увидимъ въ числѣ звеньевъ основныя подробности. Напрямѣръ, на стр. 275 авторъ строитъ такую схему для романа о Раймундѣ du Bousquet:

«а) рыцарь отправляется на поклоненіе гробу Господню; б) считая его погибшимъ, жена выходитъ замужъ за другого; в) послѣ долгихъ скитаній онъ возвращается домой, получивъ въ то же время въ сновидѣніи указаніе объ ожидающемъ его какомъ-то несчастіи; г) онъ возвращается на родину, переодѣтый пилигримомъ; д) по знакамъ на тѣлѣ его узнаетъ бывшая его возлюбленная; е) силой онъ возвращаетъ себѣ свои владѣнія и прогоняетъ своего соперника; ж) жена, какъ невѣрная, несетъ наказаніе—изгнаніе».

Мы видимъ, что подробности подъ а, б, в, г, д—суть основныя черты разсказа, своимъ присутствіемъ въ различныхъ версияхъ ничего не доказывающія. Построеніе схемъ и ничѣмъ не мотивированное выдѣленіе существенныхъ звеньевъ, внесеніе въ ихъ число основныя подробности не приносятъ существенной пользы изслѣдователю, такъ какъ не можетъ дать достовѣрныхъ выводовъ.

Исключивъ изъ своихъ схемъ случайныя черты и включивъ основныя подробности, г. Созоновичъ приступаетъ къ сравненію схемъ или плановъ. Насчитавъ нѣсколько сходствъ въ отдѣльныхъ подробностяхъ (выше мы указывали, какъ нужно относиться къ нимъ), г. Созоновичъ дѣлаетъ выводы о зависимости версій. При этомъ въ большинствѣ случаевъ дѣло обстоитъ такъ, что можно насчитать столько же, если не больше, несходствъ и такимъ образомъ отрицать всякую зависимость. Остановлюсь для примѣра на извѣстномъ всѣмъ разсказѣ Одиссея и романѣ о Раймундѣ du Bousquet. Г. Созоновичъ заключаетъ о зависимости романа отъ мифа, указывая на слѣдующія сходства между тѣмъ и другимъ: «Авторъ этого романа, очевидно, изъ подражанія Гомеру, заставляетъ Раймунда носиться по волнамъ цѣлыхъ три дня и непрерывно звать о помощи къ св. Вѣрѣ, подобно Улиссу, вызывавшему къ Минервѣ; б) арабы пираты даютъ ему напитокъ, заставляющій его забыть свой домъ и семью, подобно тому, какъ лотофаги съ тою же цѣлью даютъ спутникамъ Улисса отвѣдать свой чудодѣйствующій лотосъ; в) возвращаясь домой, Раймундъ находитъ свой замокъ въ рукахъ своего соперника и скрывается въ хижинѣ одного изъ крестьянъ, подобно тому, какъ Улиссъ находитъ убѣжище у своего пастуха Евмея, г) оба эти героя возвращаются домой переодѣтыми, какъ чужеземцы, признаніе ихъ происходитъ аналогичнымъ образомъ; д) тому и другому приходится возстановлять свои права силой» (стр. 272).

Подробности подъ б изъ сравненія можно исключить, такъ какъ здѣсь и сходства-то никакого нѣтъ; черта г — основная черта разсказа. За вычетомъ двухъ подробностей остаются 2 сходства. Достаточно теперь насчитать 2 несходства, чтобы признать выводы г. Созоновича недостоверными, а это сдѣлать легко. Одиссей по своемъ возвращеніи застаётъ жениховъ, а Раймундъ мужа своей жены; это — первая несходная черта; жена Раймунда оказывается враждебной мужу, Пенелопа остается вѣрной; — вторая несходная черта. При наличности 2 несходствъ, вопросъ объ отраженіи классическаго мѣта въ провансальскомъ романѣ не можетъ быть рѣшенъ ни въ положительную, ни въ отрицательную сторону. Если зависимость между романомъ о Раймундѣ du Bousquet и классическимъ мѣтомъ подлежитъ сомнѣнію, то безъ всякаго сомнѣнія никакой зависимости отъ классическаго разсказа нельзя найти въ отрывкѣ о Ричардѣ Безстрашномъ изъ хроники Was'a XII вѣка.

«Здѣсь имѣются слѣдующія подробности, отсутствующія въ романѣ о Раймундѣ du Bousquet: уходя на войну, рыцарь дѣлитъ свое кольцо на двѣ части, одну оставляетъ женѣ, другую беретъ съ собой; онъ попадаетъ въ плѣнъ, гдѣ остается цѣлыхъ семь лѣтъ; жена считаетъ его умершимъ и собирается выйти замужъ за другого; третье лицо, въ данномъ случаѣ Ричардъ, чудеснымъ образомъ попадаетъ на востокъ, сообщаетъ мужу о предстоящемъ событіи, получаетъ отъ него половину кольца, за день до свадьбы возвращается на родину, доказываетъ женѣ рыцаря, что мужъ ея живъ, и та оставляетъ своего новаго жениха и дожидается возвращенія» (стр. 284).

Эти подробности отличаютъ и разсказъ Одиссеи отъ хроники Was'a. Изъ всѣхъ извѣстныхъ обработокъ г. Созоновичъ лишь двѣ изъ нихъ, только что разобранныя, рѣшается цѣликомъ возводить къ классическимъ источникамъ. Мы видѣли, каково отношеніе этихъ двухъ обработокъ къ классическимъ сюжетамъ. Слѣдовательно, совершенно недоказаннымъ является тезисъ о заимствованіи изъ классическихъ литературныхъ источниковъ темы западно-европейскихъ романтическихъ обработокъ. Такимъ образомъ, изъ-подъ стройнаго зданія, возведеннаго г. Созоновичемъ, приходится взять фундаментъ.

Не касаясь промежуточныхъ выводовъ, остановимся на главнѣйшемъ, возводящемъ русскія былины о Добрынѣ къ южно-славянскимъ. И этотъ выводъ нельзя считать достовернымъ, опять по несовершенству приемовъ, послужившихъ для доказательства. И здѣсь г. Созоновичъ устанавливаетъ схему или основу сказанія въ сербскихъ пѣсняхъ.

«Если сгруппировать отдѣльныя черты разсказа, удержавшіяся въ сербскихъ пѣсняхъ, то получимъ слѣдующую основу сказанія: а) герой долгое время не возвращается домой въ силу того, что попадаетъ въ плѣнъ или же занятъ войной; б) прождавъ мужа условленное время, жена его собирается вторично выйти замужъ въ

силу принужденія; в) отсутствующій мужъ получаетъ предупрежденіе объ этомъ, благодаря вѣщему свовидѣнію; г) онъ возвращается какъ разъ къ моменту свадебнаго пира, встрѣчая на пути или у дома, обыкновенно, мать, не узнающую сына; д) подъ видомъ нищаго или монаха онъ получаетъ доступъ на пиръ, гдѣ жена его подноситъ ему чашу съ виномъ, куда онъ и опускаетъ свое обручальное кольцо; иной разъ онъ играетъ и поетъ, пѣсню намекая на свое возвращеніе; е) происходитъ признаніе супруговъ, и мужъ, иной разъ, въ замѣнъ своей жены, отдаетъ своему сопернику въ жены свою сестру» (стр. 467, 468).

Какъ видимъ, и въ этой схемѣ въ числѣ звеньевъ попадаютъ основныя подробности, какъ, на примѣръ, подробности, отмѣченныя подъ а, б, г, отчасти подъ д и е. Съ русскими былинами г. Созоновичъ поступаетъ очень оригинальнымъ и совершенно ненаучнымъ способомъ. Во-первыхъ, онъ очень мало почему-то пользовался доступнымъ намъ былиннымъ матеріаломъ ¹⁾ и тѣмъ лишилъ себя извѣстной широты обобщеній. Во-вторыхъ, говоря о русскихъ былинахъ, г. Созоновичъ не устанавливаетъ даже и схемы, а просто-напросто сводитъ всѣ подробности извѣстныхъ ему нѣсколькихъ былинъ, а затѣмъ, сравнивая русскія быliny съ южно-славянскими пѣснями, беретъ сходныя подробности изъ своего свода и отбрасываетъ несходныя. На примѣръ, въ болгарской пѣснѣ мужъ, находящійся въ отлучкѣ, узнаетъ о свадьбѣ жены чрезъ своего коня. По былинамъ, Добрыня узнаетъ объ этомъ или отъ Ильи Муромца, или отъ калики, или отъ коня, или же, наконецъ, отъ голубя. Такъ какъ г. Созоновичу нужно доказать извѣстнаго рода зависимость, то онъ сближаетъ славянскія и русскія версіи, указывая на встрѣчающаеся въ нѣкоторыхъ былинахъ узнаніе черезъ коня и совершенно не обращая вниманія на другіе способы узнанія.

Если даже оставить въ сторонѣ эти ненаучныя методологическія приемы, не обезпечивающіе вѣрныхъ выводовъ, то и тогда родственныя связи, соединяющія южно-славянскія пѣсни съ русскими былинами, подлежатъ очень и очень большому сомнѣнію. Несмотря на то, что г. Созоновичъ щедрой рукой черпаетъ сходства изъ свода подробностей различныхъ былинъ, все-таки несходствъ желающій можетъ найти еще больше. Размѣры статьи не позволяютъ намъ привести цѣликомъ плана русскихъ былинъ, изложеннаго г. Созоновичемъ сравнительно съ отмѣченными имъ основными звеньями южно-славянскихъ пѣсенъ и западно-европейскихъ сказаній (стр. 524—536). Советуемъ всякому, кому попадется въ руки книга г. Созоновича, просмотрѣть указанныя намъ страницы. Изъ нихъ читатель

---

¹⁾ Очень интересный матеріалъ можно найти въ «Былинахъ старой и новой записи». Любопытны также пѣсни, помѣщенныя въ первомъ томѣ издаваемыхъ проф. Соболевскимъ «Великорусскихъ народныхъ пѣсенъ», стр. 420 и дальше.

могъ бы убѣдиться какъ разъ въ ложности вывода, дѣлаемаго г. Созоновичемъ. Одно изъ важнѣйшихъ отличій—отсутствіе въ южно-славянскихъ пѣсняхъ лица, играющаго роль, присвоенную Алешѣ Поповичу. Появленіе Алеши въ русскихъ былинахъ объясняется г. Созоновичемъ слѣдующимъ образомъ: «Добрыня, оставляя жену, приказываетъ ей ждать его возвращенія определенное время; затѣмъ она можетъ выйти замужъ, за кого захочетъ, но только не за Алешу Поповича и не за Чурилу Пленковича. То же самое говоритъ Марко своей женѣ, разрѣшая ей черезъ девять лѣтъ выйти замужъ за кого угодно, даже за сердаря Пилипа, который сватался къ ней ужъ раньше. Роль Пилипа, сердаря сербской пѣсни, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ могла подать поводъ ввести въ дѣйствіе Алешу Поповича или Чурилу Пленковича» (стр. 525).

Этотъ научный приѣмъ не требуетъ комментарій. Мы старались отмѣтить несовершенство методологическихъ приѣмовъ г. Созоновича, такъ какъ залогомъ правильности выводовъ служитъ правильность метода. Мы едва коснулись положеній г. Созоновича, такъ какъ, по нашему мнѣнію, нельзя ни слова говорить о достовѣрности выводовъ, если мы видимъ, что эти выводы получены при помощи неправильныхъ приѣмовъ.

Несостоятельность же методологіи г. Созоновича зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что въ его работѣ мы собственно наблюдаемъ «вырожденіе» метода, ибо передъ нами голое, абстрактное сравненіе, не осложненное никакими другими критеріями. Мы указывали на то, что г. Созоновичъ считаетъ возможнымъ обойтись даже безъ экскурсій въ область теоріи народно-поэтическаго творчества. Впрочемъ, иногда и онъ дѣлаетъ теоретическія наблюденія, въ родѣ слѣдующихъ:

«Какимъ образомъ объяснить, что часто историческія лица попадаютъ въ герои странствующихъ сказаній? Мнѣ думается, что въ такихъ случаяхъ играетъ преимущественную роль извѣстная аналогія между дѣятельностью историческаго лица и легендой, въ силу которой эта послѣдняя и притягивается съ тѣмъ или инымъ нарушеніемъ исторической правды въ видѣ готовой уже иллюстраціи походовъ того или другаго выдающагося историческаго дѣятеля» (стр. 421).

Это теоретическое наблюденіе такъ же говоритъ само за себя, какъ новое положеніе: «мнѣ думается, $2 \times 2 = 4$ ». Изъ этихъ примѣровъ можно достаточно видѣть, что даже богатѣйшее собраніе матеріала безъ уясненія основъ изслѣдованія способно приводить къ крайне бѣднымъ выводамъ въ теоретическомъ смыслѣ. Но г. Созоновичъ чрезвычайно высоко цѣнитъ свои выводы культурно-историческіе. Въ предисловіи онъ указываетъ, что ему пришлось «знакомиться съ условіями литературнаго развитія (не слишкомъ ли сильно сказано?) каждой народности, усвоившей изучаемый мотивъ,

и, въ особенности, съ условіями возникновенія каждаго относящагося къ темѣ его произведенія» (стр. XVIII). Такимъ образомъ главное приобрѣтеніе книги—изученіе литературнаго развитія, т. е. культурная исторія; однако результатомъ такихъ изысканій является глава 3-я въ 1-й части изслѣдованія г. Созоновича (мотивъ о женихѣ мертвецѣ). Въ ней по произведеніямъ индо-европейскихъ народовъ г. Созоновичъ открылъ, что у индо-европейскихъ народовъ существовала вѣра въ загробную жизнь и въ возвращеніе мертвыхъ (это наблюденіе положено въ основу 2-го тезиса «Основныхъ положеній» диссертациі). Столь же новые выводы даетъ и гл. II-я о значеніи крестовыхъ походовъ.

Всѣ эти соображенія позволяютъ смотрѣть на книгу г. Созоновича только, какъ на собраніе матеріаловъ, не болѣе.

П. Щеголевъ.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ И ЧЕСТВОВАНІЯ ЕГО ПАМЯТИ.

I.

ВЪ МАЪ (26-го) текущаго года исполнилось 50 лѣтъ со смерти величайшаго нашего критика и истиннаго основателя русской журнальной публицистики — Виссаріона Григорьевича БѢлинскаго. Это событіе, само по себѣ не представляющее ничего особенно радостнаго, веселаго и утѣшительнаго, вызвало, однако, въ столичныхъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ нашего отечества рядъ торжествъ, приравненныхъ общественнымъ мнѣніемъ къ разряду самыхъ свѣтлыхъ праздниковъ русскаго слова, русскаго мысли. И дѣйствительно, что, казалось бы, можетъ быть утѣшительнаго и отраднаго въ томъ, что полвѣка тому назадъ преждевременно скончался, сломленный жизнью и невзгодами, непосильными трудами и борьбою за народное и общественное благо, писатель, котораго при жизни даже друзья и близкіе люди мало понимали, котораго враги травили, преслѣдовали, и который всю жизнь былъ обреченъ на жестокую борьбу за существованіе? Казалось бы, тутъ нечему радоваться, нечему рукоплескать и, однако, что же мы видимъ? рядъ торжествъ смѣняется одно другимъ, и сословіе писателей, призывая на эти торжества русскій народъ въ лицѣ разнообразныхъ его представителей, съ гордостью восклицаетъ: «на нашей улицѣ праздникъ!» праздникъ того великаго солнца, которое властно и беспощадно гонитъ духовную тьму челоѣчества и обдаетъ его жизнь мощными лучами свободы, братства и любви.

Такое явное противорѣчіе изъ двухъ положеній, двухъ моментовъ исторической жизни, раздѣленныхъ между собою 50-ти-лѣтнимъ промежуткомъ времени, — противорѣчіе только наружное, внѣшнее, служащее наглядною иллюстраціей тому, какъ жестокъ, труденъ и безпощаденъ процессъ достиженія человѣчествомъ счастья на землѣ, и какъ высоко, неизмѣримо высоко, должны мы ставить и чтить память тѣхъ, на чьихъ слезахъ, костяхъ и крови создается наше скудное духовное благополучіе. И вотъ, когда мы сравниваемъ и сопоставляемъ начало борьбы за это благополучіе съ тѣмъ, что стало въ настоящее время неотъемлемымъ нашимъ достояніемъ, какъ бы ничтожно оно ни было, когда мы вспоминаемъ имена героевъ-борцовъ, мы отменяемъ прочь все мрачное и печальное изъ нашей памяти, оставаемся лишь на благихъ результатахъ и духовныхъ побѣдахъ, на нихъ, какъ таковыхъ, сосредоточиваемъ вниманіе современниковъ и ихъ-то приравниваемъ къ торжествамъ, достойнымъ радости и ликованія.

Бѣлинскій, одинъ изъ самыхъ видныхъ и блестящихъ борцовъ за просвѣщеніе и свободу русскаго народа, былъ физически раздавленъ непосильнымъ бременемъ жизни. Процессъ его житейской гибели трагиченъ, полонъ ужаса и мрака; но то, во имя чего онъ несъ свой земной крестъ, ради чего онъ боролся, что непрестанно провозглашалъ устно, въ письмахъ, на страницахъ журналовъ, что составляло его истинную жизнь, чѣмъ онъ дышалъ и въ чемъ находилъ настоящую радость и счастье, о! это все, въ противность житейскому фону сѣрыхъ дней, въ противность повседневному невзрачнымъ кулисамъ жизни, все это отличается удивительно свѣтлымъ колоритомъ, отражено тѣмъ сіяніемъ, что свидѣтельствуетъ и твердитъ намъ о праведности, о чистѣйшей красотѣ, съ чѣмъ соединены главнѣйшіе стимулы нашей жизни — вѣра, надежда, любовь. Вѣра—въ правоту своего дѣла и его святость, надежда—на побѣду этого дѣла надъ неправдою жизни и окружающимъ зломъ, любовь—къ человѣчеству, ради котораго подъята борьба и принесено въ жертву свое земное житейское я.

Каждая народность, каждое сословіе, каждая группа лицъ, объединенныхъ какою нибудь возвышенною задачею, имѣетъ своихъ праведниковъ-героевъ, которыхъ они могутъ въ любой моментъ представить съ гордостью на строгій судъ исторіи. Бѣлинскій—тотъ праведникъ-герой съ чистымъ сердцемъ, чистыми помыслами и непорочною жизнью, котораго именно русская литература можетъ выдвинуть передъ всѣми прочими своими дѣятелями на любой судъ, какъ бы строгъ и безпощаденъ онъ ни былъ. Обращаясь къ памяти великаго критика, Некрасовъ такъ характеризовалъ его:

Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,

«истор. вѣстн.», июнь, 1898 г., т. LXXII.

15

Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шель къ одной высокой цѣли,
Кипѣль, горѣль—и быстро ты угась!

.....
Ты по судьбѣ печальной безпримѣренъ:
Твой трудъ живетъ и долго не умретъ,
А ты погнѣь, несчастливъ и незнаемъ!

Въ этихъ строфахъ рядомъ съ вѣрной, хотя и нѣсколько блѣдной, характеристикой нашего критика, встрѣчается и нѣкоторая неточность. Бѣлинскій умеръ дѣйствительно «несчастливъ», будучи «безпримѣренъ печальной судьбой», но зато далеко не незнаемъ. Литературная извѣстность и слава его гремѣли уже и при жизни, хотя полная оцѣнка его дѣятельности, поскольку она отразилась на позднѣйшей русской дѣйствительности, выясняется только въ наши дни, когда 50-ти-лѣтнее чествованіе его памяти обращается въ яркое общественное торжество. Вотъ почему и дальнѣйшіе стихи поэта, стихи пророческаго характера, не встрѣчаютъ подтвержденія въ современной дѣйствительности.

«И съ дерева невѣдомаго плодъ»,— продолжаетъ Некрасовъ,—

Безпечные безопасно мы вкушаемъ.
Намъ дѣла нѣтъ, кто возростилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ, и время,
И о тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ сдержанное племя...
И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй,
Затеряна давно твоя могила.
И память благородная друзей
Дороги къ ней не проторила...

Пророчество настоящихъ стиховъ не сбылось: современное поколѣніе черезъ своихъ представителей и ихъ бывшихъ предшественниковъ знаетъ въ полной мѣрѣ, съ какого дерева мы вкушаемъ плоды нѣкоторой свободы и нѣкотораго просвѣщенія, и къ могильному памятнику Бѣлинскаго проторена уже широкая «народная тропа». Вотъ почему въ настоящіе дни, посвященные памяти великаго учителя, съ бѣльшею охотою вспоминаются другіе стихи того же поэта, написанные нѣсколько позднѣе, гдѣ мастерски изображено значеніе Бѣлинскаго, и которые всѣхъ лучше объясняютъ намъ, почему поминки его вполне законно относятся русскимъ обществомъ къ категоріи радостныхъ торжествъ. Стихи эти являются отрывкомъ изъ поэмы «Медвѣжья охота»:

«...Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и работѣствуя позорно,

Твой умъ кипѣлъ—и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.

Ты не гнушался никакимъ трудомъ:
«Чернорабочій я—не бѣлоручка»,
Говаривалъ ты намъ—и на проломъ
Шелъ къ истинѣ, великій самоучка!

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едвадь не первый вспомнилъ о народѣ,
Едвадь не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ...».

Эти-то великія и неоспоримыя заслуги передъ родною землею, мѣтко обрисованныя Некрасовымъ, въ соединеніи съ «безпримѣрно печальной судьбою» въ личной жизни, въ соединеніи съ наивностью, съ голубиною чистотою души, окружаютъ имя Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго ореоломъ праведника-героя, о которомъ я говорилъ выше, вѣнцомъ мученика за правду жизни. Это же содержаніе его литературной дѣятельности—проповѣдь гуманности, равенства, свободы и любви къ народу, создаютъ изъ него провозвѣстника позднѣйшихъ «великихъ реформъ», которыми мы по всей справедливости гордимся. Неразрывная связь дѣятельности гениальнаго критика съ лучшими сторонами нашей современной гражданской жизни—фактъ неоспоримый, и вотъ потому-то, переносясь памятью за полвѣка назадъ, къ печальнымъ днямъ мучительной кончины Бѣлинскаго, мы испытываемъ на первыхъ порахъ не чувство щемящей тоски, а горячую признательность «великому самоучкѣ», чувство радости и бодрости передъ сознаніемъ тѣхъ уже завоеванныхъ преимуществъ и благъ общественной жизни, которыми мы пользуемся нынѣ, благодаря его самоотверженной дѣятельности, упорному труду, и беззавѣтной любви къ русскому народу.

Посмотримъ же, какъ отмѣтило общество пятидесятую годовщину смерти своего лучшаго представителя и чѣмъ помянуло оно день его кончины. Эта маленькая хроника нашей общественной жизни и составляетъ главную тему моего текущаго очерка, но составить эту хроникау и ничего не сказать о жизни, дѣятельности того, кому посвящается эта хроника, я не считаю удобнымъ, почему и обращаюсь прежде всего къ біографіи и характеристикѣ Бѣлинскаго, но при этомъ считаю долгомъ оговориться. Тѣхъ—кто интересуется предметомъ болѣе обстоятельно и подробно, отсылаю къ извѣстному труду А. Н. Пыпина «Бѣлинскій, его жизнь и переписка» и «Очеркамъ гоголевскаго періода» Чернышевскаго, а также къ новѣйшимъ работамъ, посвященнымъ нашему критику: С. А. Венгерова «Великое сердце» («Русское Богатство» 1898 г.), книгѣ Е. Соловьева «В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ» и «Публичнымъ лекціямъ» В. Острогорскаго «В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ

и педагогъ». О послѣднихъ трехъ работахъ я буду говорить въ свое время, когда пойдетъ рѣчь объ общественныхъ чествованіяхъ памяти Бѣлинскаго. Кромѣ названныхъ статей и сочиненій, полезно также ознакомиться съ статьями М. М. Филиппова «Философскія убѣжденія Бѣлинскаго» («Научное обозрѣніе», 1897 г.), И. И. Иванова «Исторія русской критики», часть 3-я («Міръ Божій», 1898 г.) и съ небольшою кievскою брошюрой г. Александровскаго «Къ пятидесятилѣтію смерти В. Г. Бѣлинскаго». Я указалъ лишь на работы самаго послѣдняго времени, гдѣ авторы взяли предметъ въ полномъ его объемѣ и обосновали его на всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ печатныхъ матеріалахъ, въ числѣ которыхъ «переписка» критика играетъ существеннѣйшую роль; полная же литература о Бѣлинскомъ помѣщена уже въ статьѣ г. Языкова «Бѣлинскій въ русской литературѣ» («Историческій Вѣстникъ», 1898 г., май), гдѣ интересующіеся могутъ найти указанія на равныя стороны жизни критика и на отдѣльные эпизоды изъ этой жизни.

II.

Биографія Бѣлинскаго чрезвычайно бѣдна внѣшними фактами, скудна смѣною обстоятельствъ жизни. Вся эта недолгая жизнь протекла въ литературѣ и ради литературы, почему и интересъ жизнеописанія такихъ людей, какъ Бѣлинскій, главнымъ образомъ заключается въ томъ, поскольку ихъ литературная дѣятельность отразилась на складѣ ихъ собственной жизни, а еще болѣе на жизни общественной,—съ одной стороны, и съ другой—какіе общественные мотивы вносила эта жизнь (жизнь индивидуальная и жизнь современнаго имъ общества) въ ихъ литературную дѣятельность, въ работу ихъ ума и сердца. Но какъ бы тамъ ни было, безъ фактовъ не бываетъ жизни, а потому и обратимся къ нимъ прежде всего.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій родился въ 1810 году въ Свеаборгѣ, гдѣ въ тотъ годъ отецъ его, будучи лѣкаремъ флота, стоялъ съ экипажемъ, но собственно родословная его идетъ изъ села Бѣлыни, Пензенской губерніи, Нижнеломовскаго уѣзда. Тамъ, въ с. Бѣлыни, дѣдъ нашего критика состоялъ священникомъ, и отъ имени этого же села была дана ему фамилія Бѣлынскій (которую Виссаріонъ Григорьевичъ впослѣдствіи уже самъ передѣлалъ въ Бѣлинскій). Такимъ образомъ, по свидѣтельству Тургенева, «въ жилахъ Бѣлинскаго текла непримѣсная кровь—принадлежность нашего великорусскаго духовенства, столько вѣковъ недоступнаго вліянію иностранной породы». Въ 1816 году Григорій Никифоровичъ Бѣлинскій бросилъ службу въ флотѣ и переѣхалъ на жительство въ родную Пензенскую губернію, гдѣ въ городѣ Чембарѣ занялъ должность уѣзднаго врача. Одно лицо, близко стоявшее къ В. Г. Бѣлинскому, такъ описываетъ домашній бытъ и обстановку, среди которыхъ протекло его дѣтство.

«Матеріальныя средства семейства были въ среднемъ уровнѣ уѣздной жизни. У Бѣлинскихъ былъ свой довольно просторный домикъ съ обычными хозяйственными принадлежностями; прислуга состояла изъ семи крѣпостныхъ дворовыхъ людей. Но жалованье уѣзднаго лѣваря было очень небольшое, а практика въ уѣздѣ, кажется, довольно значительная, мало вознаграждалась деньгами, а всего чаще при-

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

Съ литографіи Астафьева.

сылкой къ большимъ праздникамъ разной провизіи, причѣмъ особенною щедростію отличалась г-жа Владыкина, родная племянница Бѣлинскаго-отца, бывшая за мужемъ за богатымъ помѣщикомъ. Подъ конецъ средства семьи стали еще уменьшаться, какъ вообще стали разстроиваться отношенія Бѣлинскаго-отца съ чѣмбарскимъ обществомъ и самая домашняя жизнь. Это объясняется съ одной стороны

его характеромъ, съ другой—несчастною слабостью, которой онъ сталъ больше и больше поддаваться. Это былъ, по-своему, все-таки образованный человекъ и могъ стоять выше малограмотнаго уѣзднаго люда. Отъ многихъ предрасудковъ онъ былъ свободенъ и, склонный къ насмѣшливости, онъ не стѣснялся высказывать мнѣнія, которыя иногда казались слишкомъ рѣзкими. Въ религиозныхъ предметахъ Григорій Никифоровичъ, какъ говорятъ, пользовался репутаціей гоголевскаго Амоса Федоровича, и все грамотное население города и уѣзда обвиняло его въ безбожїи, нехожденїи въ церковь, въ чтенїи Вольтера, съ которымъ онъ, впрочемъ, соединялъ Эккартсгаузена и Юнга-Штиллинга. Недовѣрчивый и подозрительный, а вмѣстѣ лѣнивый и беспечный, онъ разошелся съ уѣзднымъ обществомъ; не находя и дома разумнаго сочувствїя, онъ окончательно предался пьянству и мало заботился о семьѣ; съ этимъ стала уменьшаться практика и средства; онъ неохотно брался за лѣченїе, обнаруживалъ притворство, гдѣ оно было, и закончилось тѣмъ, что помѣщицья публика стала избѣгать его».

Несмотря на такое семейное нестройство, при которомъ, конечно, нельзя было ожидать слишкомъ добрыхъ отношенїй между мужемъ и женою, положенїе маленькаго Виссарїона въ домѣ было достаточно сносное, и ничто не препятствовало его умственному развитїю. Напротивъ даже, между отцомъ и сыномъ существовала явная симпатїя, при чемъ Бѣлинскій—отецъ «не могъ не отличить и остроумїя рѣчей, и страсти къ чтенїю, и пытливой любознательности, съ которою мальчикъ прислушивался къ разговорамъ отца о прошедшемъ, къ его сужденїямъ о предметахъ, вызывающихъ на размышленїе». Въ бесѣдахъ съ отцомъ, въ книгахъ его библіотеки, онъ уже въ раннемъ возрастѣ почерпнулъ начала борьбы, протеста и умственнаго упорства, каковыми качествами такъ богата его послѣдующая литературная дѣятельность. Шести лѣтъ уже Виссарїонъ обучился грамотѣ у вольнопрактиковавшей учительницы Ципровской, а тринадцати онъ былъ опредѣленъ въ только-что открывшееся тогда чембарское уѣздное училище. Обстановка и педагогическїй персоналъ этого захолустнаго учебнаго заведенїя были незavidные, но все же пребыванїе здѣсь юнаго Бѣлинскаго было сносное, благодаря мягкой натурѣ смотрителя училища, и не наложило на его душу никакихъ особенно мрачныхъ слѣдовъ. Тогда же онъ обратилъ на себя вниманїе директора Пензенскихъ училищъ, извѣстнаго романиста Лажечникова. По этому предмету Лажечниковъ рассказываетъ слѣдующее:

«Въ 1823 г. ревизовалъ я чембарское училище. Новый домъ для него былъ только-что отстроенъ. Во время дѣлаемаго мною экзамена выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманїе. Любовь его была прекрасно развита, въ глазахъ свѣтился разумъ не по лѣтамъ; худенькїй и маленькїй, онъ между тѣмъ на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ очень серьезно... На всѣ дѣлаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностью, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего я тутъ же прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ большою частїю своими словами, прибавляя

ими то, что не было даже въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросаюсь съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывал ихъ непрерывною цѣпью и, признаюсь, старался сбить его... Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ. Это меня приятно изумило, также и то, что штатный смотритель не конфузился, что его ученикъ говорить не слово въ слово по учебной книжкѣ... Напротивъ, лицо добраго и умнаго смотрителя сіяло радостно, какъ будто онъ видѣлъ въ этомъ торжествѣ собственное свое. Я спросилъ его, кто этотъ мальчикъ. «Виссаріонъ Бѣлинскій, сынъ здѣшняго уѣзднаго штабъ-лѣкаря», сказалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ Бѣлинскаго въ лобъ, съ душевною теплотою привѣтствовалъ его, тутъ же потребовалъ изъ продажной бібліотеки какую-то книжонку, на заглавномъ листѣ которой подписалъ «Виссаріону Бѣлинскому за прекрасныя успѣхи въ ученіи (или что-то подобное) отъ такого-то, тогда-то». Мальчикъ принялъ отъ меня книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которыми учать бѣдняковъ съ малолѣтства».

Этотъ разсказъ Лажечникова чрезвычайно важенъ для характеристики маленькаго Бѣлинскаго. Онъ рисуется намъ, какъ мальчикъ серьезный, съ обширною памятью, выдержанный, самостоятельный, съ независимымъ характеромъ, не привыкшій гнуть спины передъ сильными и властными міра сего.

Въ 1825 году, Бѣлинскій, на шестнадцатомъ году жизни, поступилъ въ четырехклассную Пензенскую гимназію, поселившись вмѣстѣ съ тѣмъ въ городѣ на вольной квартирѣ, гдѣ имѣли жительство и семинаристы. Это сожительство оказало на его умственное развитіе и знакомство съ отвлеченными вопросами формальнаго знанія доброе вліяніе. Въ силу этого онъ вскорѣ заслужилъ среди товарищей-гимназистовъ прозвище «философа» и оказывалъ прекрасныя успѣхи по логикѣ, исторіи, географіи и словесности, но плохо учился по математикѣ. Пережившій на много лѣтъ Бѣлинскаго, учитель естественной исторіи и словесности М. Поповъ повѣствуетъ о гимназическихъ годахъ нашего критика слѣдующее:

«Бѣлинскій, несмотря на малые успѣхи въ наукахъ и языкахъ, не считался плохимъ мальчикомъ. Многое мимоходомъ запало въ его крѣпкую память; многое онъ понималъ самъ, своимъ пылкимъ умомъ, еще больше въ немъ набиралось свѣдѣній изъ книгъ, которыя онъ читалъ въ гимназіи. Бывало, поэкзаменуйте его, какъ обыкновенно экзаменуютъ дѣтей,—онъ изъ послѣднихъ, а поговорите съ нимъ дома, подружески, даже о точныхъ наукахъ—онъ первый ученикъ. Онъ бралъ у меня книги и журналы, пересказывалъ мнѣ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросы за вопросами... По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ, онъ былъ неровный мнѣ; но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ. Домашнія бесѣды наши продолжались и послѣ того, какъ Бѣлинскій поступилъ въ высшіе классы гимназіи. Дома мы толковали о словесности; въ гимназіи онъ съ другими учениками слушалъ у меня естественную исторію. Но въ Казанскомъ университетѣ я шелъ по филологическому факультету, и русская словесность всегда была моею исключительной страстью. Можете представить себѣ, что иногда происходило въ классѣ естественной исторіи, гдѣ передъ страстнымъ,

еще молодымъ въ то время учителемъ, сидѣлъ такой же страстный къ словесности ученикъ. Раазумѣется, начиналъ я съ зоологій, ботаники или орнитологій и старался держаться этого берега, но съ середины, а случилось и съ начала лекціи, отъ меня ли, отъ Бѣлинскаго ли, Богъ знаетъ, только естественныя науки превращались у насъ въ теорію или исторію литературы. Отъ Бюффона-натуралиста я переходилъ къ Бюффону-писателю, отъ Гумбольдтовой географіи растений къ его «Картинамъ природы», отъ нихъ къ поэзіи разныхъ странъ, потомъ... къ цѣлому міру въ сочиненіяхъ Тацита и Шекспира, къ поэзіи въ сочиненіяхъ Шиллера и Жуковскаго. А гербаризація? Бывало, когда отправлюсь съ учениками за городъ, во всю дорогу, пока не дойдешь до пасѣки, что позади городского гулянья, или до роши, что за рѣкой Пензой, Бѣлинскій пристаеетъ ко мнѣ съ вопросами о Гёте, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодыя сердца».

Въ тѣхъ же своихъ воспоминаніяхъ Поповъ даетъ еще слѣдующія свѣдѣнія о Бѣлинскомъ-гимназистѣ:

«Въ гимназій,—повѣствуетъ онъ,—по возрасту и возмужалости, Бѣлинскій во всѣхъ классахъ былъ старше многихъ сотоварищей. Наружность его мало измѣнилась вполнѣтствіи; онъ и тогда былъ неуклюжъ, угловатъ въ движеніяхъ. Неправильныя черты лица его между хорошенькими личиками другихъ дѣтей казались суровыми и старыми. На экзаменѣ онъ ѣдилъ въ Чембарь, но не помню, чтобы отецъ его прѣбавалъ къ нему въ Пензу; не помню, чтобы кто нибудь принималъ въ немъ участіе. Онъ видимо былъ безъ женскаго призора, носилъ платье кое-какое, иногда съ непочиненными прорѣхами. Другой на его мѣстѣ смотрѣлъ бы жалкимъ, заброшеннымъ мальчикомъ, а у него взглядъ и поступки были смѣлые, какъ бы говорившіе, что онъ не нуждается ни въ чьей помощи, ни въ чьемъ покровительствѣ. Таковъ онъ былъ и послѣ, такимъ пошелъ и въ могилу»...

Одинъ изъ товарищей Бѣлинскаго такъ описываетъ внѣшкольное жите Бѣлинскаго: «Онъ жилъ въ большой бѣдности,—говоритъ Ивановъ,—зимой ходилъ въ нагольномъ тулупѣ; на квартирѣ жилъ въ самой дурной части города, вмѣстѣ съ семинаристами; мебель имъ замѣняли квасныя боченки... онъ спорилъ съ семинаристами о достоинствѣ произведеній Сумарокова и Хараскова и восхищался романами Радклифъ. Изъ дома моего отца Бѣлинскій впервые получилъ для чтенія романы Вальтеръ-Скотта на русскомъ языкѣ и произведенія лучшихъ нашихъ писателей». Тогда же онъ началъ сильно увлекаться театромъ, который въ Пензѣ содержался помѣщикомъ Гладковымъ.

Сожитель Бѣлинскаго, г. Ивановъ раскрываетъ передъ нами и работу духа своего товарища, освѣщаетъ ту нравственную атмосферу, въ которой складывались его убѣжденія, формировался его характеръ.

«Совмѣстное жите съ семинаристами было благодѣтельно для насъ во многихъ отношеніяхъ,—говоритъ онъ. Видя передъ своими глазами суровую, полную патріархальной простоты жизнь этихъ закаленныхъ въ нуждѣ тружениковъ школьнаго ученія, умѣвшихъ довольствоваться самыми малыми средствами... мы сами

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

Съ гравированнаго портрета Пожалостина.

невольнo учились безропотному перенесенію житейскихъ невзгодъ, мужали и крѣпли духомъ, запасались тою силою, безъ которой не возможна никакая борьба ни съ самими собою, ни съ жизнью. Не малую пользу приносили Бѣлинскому оживленные споры и бесѣды семинаристовъ о предметахъ, касавшихся философіи, богословія, общественной и частной жизни; при этихъ спорахъ онъ не всегда былъ только простымъ внимательнымъ слушателемъ, но принималъ въ нихъ и самое дѣятельное участіе; уже здѣсь изощрилась его діалектическая сила... Семинаристы, жившіе съ нами, считали себя въ литературныхъ познаніяхъ ниже Бѣлинскаго,

и настолько довѣряли его вкусу, что нерѣдко просили его выслушать школьные произведенія пера своего. Бѣлинскій, бывало, читалъ имъ вслухъ статьи изъ добытыхъ имъ журналовъ, сообщалъ свои мнѣнія, дѣлился впечатлѣнїями...».

Приводимыя показанія современниковъ Бѣлинскаго-гимназиста свидѣтельствуютъ, что ко времени перехода въ старшій классъ Пензенской гимназїи онъ стоялъ головою выше не только своихъ товарищей по классу, и становился по интересамъ къ вопросамъ литературы, науки и искусства въ ровень не только старшимъ его семинаристамъ, но и учителямъ. Онъ уже не подчиняется глухо и слѣпо ихъ авторитету, но анализируетъ самостоятельно предметъ изученія и по каждому вопросу смѣетъ имѣть свое сужденіе. «Бѣлинскій и въ то время не скоро поддавался на чужое мнѣніе,—говоритъ Поповъ. Когда я объяснялъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возростаніе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался или говорилъ: «дайте, подумаю, дайте, еще прочту». Если же съ чѣмъ онъ соглашался, то, бывало, отвѣчалъ со страшною увѣренностью: «совершенно справедливо».

Такое свободное отношеніе къ учительскому авторитету ясно показываетъ, что Бѣлинскій переросъ гимназію, которая ни по своему педагогическому персоналу, ни своими учителями, ни программой прохожденія курса уже оказывается не въ силахъ удовлетворить его запросамъ, его жаждѣ знанія. Прямымъ слѣдствіемъ было то, что онъ пересталъ посѣщать опротивѣвшую ему гимназію, а это въ свою очередь послужило основаніемъ къ его исключенію изъ числа воспитанниковъ «за нехождение въ классъ». Это «нехождение», кромѣ разочарованія въ пользѣ гимназїи для его умственнаго развитія, находилось также въ тѣсной связи съ влеченіемъ къ университету, гдѣ онъ надѣялся найти отвѣты одолѣвшимъ его вопросамъ, надѣялся обрѣсти душевный покой.

Но если гимназія не могла выдать своему питомцу диплома о благополучномъ окончаніи курса, если она снабдила его скуднымъ багажемъ фактическаго знанія, то все-же мы не можемъ отнести ученическихъ годовъ Бѣлинскаго къ пропадавшимъ годамъ, поглотившимъ массу времени и не давшимъ взамѣнъ ничего. Въ этотъ періодъ времени, подъ вліяніемъ во всякомъ случаѣ счастливыхъ обстоятельствъ, встрѣтившихся совершенно случайно на его жизненномъ пути (М. Поповъ, семинаристы, обильное чтеніе, театръ), складываются въ опредѣленномъ направленіи его характеръ, его вкусы, его стремленія. Не только на гимназической скамейкѣ, но даже еще когда онъ былъ ученикомъ уѣзднаго училища, въ немъ сказывается будущій литераторъ, которому никогда не суждено избѣгнуть своей участи, для котораго литература и только литература будетъ всегда единой стихїей.

«Еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища,—говоритъ онъ въ одной рецензїи,—я въ огромныя кипы тетрадей неутомимо, денно и ночью, и безъ

Жена Бѣлинскаго, Марья Васильевна (слѣва), сестра ея, дѣвица Агриппина Васильевна Орлова (справа), дочь Бѣлинскаго, Ольга (посрединѣ).

Съ фотографіи, святой въ концѣ пятидесятихъ годовъ.

всякаго разбору, списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитриева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и другихъ..., и плакалъ, читая «Бѣдную Лизу» и «Марыну Рошу», и вмѣнялъ себѣ въ священную обязанность бродить по полямъ при томномъ свѣтѣ луны, съ понурымъ лицомъ à la Эрастъ Чертополоховъ. Воспоминанія дѣтства такъ обольстительны, къ тому же природа мнѣ дала самое чувствительное сердце и сдѣлала меня поэтомъ, ибо, еще будучи ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковского, не хуже «Рансы» Карамзина, отъ которой я тогда сходилъ съ ума».

А. Н. Пыпинъ въ своей основной и до настоящихъ дней биографіи Бѣлинскаго подчеркиваетъ писательство нашего критика въ дѣтскихъ еще и юношескихъ годахъ... «Чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ въ Бѣлинскомъ сказывалось влеченіе, которое, развиваясь, превратилось въ страсть, наполнившую всю его жизнь,—говоритъ онъ. Въ его натурѣ глубоко вкоренилось это стремленіе къ прекрасному и доброму, и самая любовь къ литературѣ была именно выраженіемъ этого стремленія, для котораго онъ почти исключительно здѣсь находилъ пищу. Бѣлинскій не былъ, что называется, «воспитанъ» на какомъ нибудь изъ великихъ писателей, напротивъ, онъ читалъ безъ разбора все, что попадалось подъ руку; уже съ той поры ему знакома была не только новая, но и старая литература русская; онъ даже восхищался Сумароковымъ... Бѣлинскій вносилъ въ свое чтеніе всю свою страсть; въ нескладныхъ произведеніяхъ XVIII-го вѣка или сентиментальной школѣ онъ могъ находить себѣ удовлетвореніе, потому что и въ нихъ умѣлъ отыскивать и почувствовать проблески истиннаго чувства и намеки на поэзію. Для одного и чтеніе Шекспира или Гёте останется безплодно; для Бѣлинскаго довольно было произведеній, гораздо болѣе скромныхъ, чтобы поддержать въ немъ уже готовыя идеальныя стремленія. Кромѣ того, какова бы ни была литература, которую перечитывалъ тогда Бѣлинскій, это была литература того общества, къ которому онъ самъ принадлежалъ, которому онъ долженъ былъ нѣкогда служить; и для его «воспитанія» не осталось безъ значенія то обстоятельство, что именно и только эта литература была ему тогда доступна: въ своемъ чтеніи онъ, такъ сказать, пережилъ ее, тѣмъ опредѣленнѣе и ярче было потомъ его представленіе объ ея историческомъ развитіи. Отсутствіе выбора въ чтеніи не повредило и его эстетическому пониманію. Неразвѣтый дѣтскій вкусъ удовлетворялся и грубоватыми произведеніями XVIII-го вѣка; мало-по-малу этотъ вкусъ развился, становился требовательнѣе, и гимназистъ Бѣлинскій былъ не только поклонникомъ Пушкина, но имѣлъ свои опредѣленные предпочтенія, и не вдругъ поддавался возраженіямъ, хотя бы они и были довольно авторитетны».

III.

Въ началѣ 1829 г., по выдержаніи вступительнаго экзамена, Бѣлинскій былъ принятъ въ Московскій университетъ казеннокоштнымъ студентомъ и поселился въ № 11 студенческаго общежитія. Въ университетѣ съ нимъ повторилась почти та же исторія, что и въ Пензенской гимназіи. Само по себѣ высшее учебное заведеніе, какъ таковое, съ его профессорами и обязательными лекціями и административнымъ режимомъ не послужило для него источникомъ умственнаго и душевнаго просвѣтленія, котораго такъ пламенно искала его страстная натура. Увлеченіе университетомъ на первыхъ порахъ вскорѣ уступило мѣсто разочарованію, недовольству и даже антипатіи къ формальной наукѣ. Вся его духовная жизнь, всѣ интересы сосредоточились, какъ нѣкогда на родинѣ, въ товарищескомъ кружкѣ, сплотившемся въ № 11 общежитія, въ спорахъ, въ чтеніи, а также въ близости къ нѣкоторымъ представителямъ тогдашней передовой московской интеллигенціи. № 11-му общежитія суждено было сыграть въ жизни критика выдающуюся роль. Тутъ собралась компанія съ хорошо развитыми литературными вкусами, страстно тяготившая къ театру, восторженная и шумная, шумная въ хорошемъ смыслѣ слова.

«Умственная дѣятельность въ 11-мъ номерѣ шла бойко,—разсказываетъ Прозоровъ:—споръ о классицизмѣ и романтизмѣ еще не прекращался тогда между литераторами, несмотря на глубокомысленное и многостороннее рѣшеніе этого вопроса Надеждинымъ въ его докторскомъ разсужденіи о происхожденіи и судьбѣ поэзіи романтической... И между студентами были свои классики и романтики, сильно ратовавшіе между собою на словахъ. Нѣкоторые изъ старшихъ студентовъ, слушавшіе теорію краснорѣчія и поэзіи Мерзлякова и напитанные его переводами изъ греческихъ и римскихъ поэтовъ, были въ восторгѣ отъ его перевода Тассова «Иерусалима» и очень неблагоклонно отзывались о «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина, только что появившемся въ печати, съ торжествомъ указывая на глумливые о немъ отзывы «Вѣстника Европы». Первогодичные студенты, воспитанные въ школахъ Жуковскаго и Пушкина и не заставшіе уже въ живыхъ Мерзлякова, мало сочувствовали его переводамъ и взамѣнъ этого знали наизусть прекрасныя пѣсни его и безпрестанно декламировали цѣлыя сцены изъ комедіи Грибоедова, которая тогда еще не была напечатана. Пушкинъ приводилъ насъ въ неописанный восторгъ. Между младшими студентами самымъ ревностнымъ поборникомъ романтизма былъ Бѣлинскій, который отличался необыкновенной горячностью въ спорахъ и, казалось, готовъ былъ вызвать на битву всѣхъ, кто противорѣчилъ его убѣжденіямъ. Увлекаясь пылкостью, онъ ѣдко и безпощадно преслѣдовалъ все прошлое и фальшивое, былъ жестокимъ гонителемъ всего, что отзывалось риторикою и литературнымъ старовѣрствомъ. Доставалось отъ него не только Ломоносову, но и Державину за риторическіе стихи и пустозвонныя фразы».

Рядомъ съ интересами къ литературѣ высоко стоялъ въ номерѣ 11-мъ и интересъ къ театру. Уже въ Пензѣ театръ Гладкова былъ

тѣмъ прибѣжищемъ, гдѣ гимназистъ-Бѣлинскій находилъ истинное утѣшеніе въ сѣрой окружавшей его жизни; теперь, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ жизни, опять-таки московскій театръ и игра Мочалова становится для него храмомъ, куда онъ страстно несетъ свои молитвы искусству и творчеству, гдѣ его восторженная натура обрѣтаетъ неизсякаемый источникъ блаженства и наслажденій.

Театръ и литература становятся центрами всѣхъ его помысловъ и мечтаній, заслоняя собою все остальное въ жизни, не исключая и университета и профессоровъ. Зачатки литературныхъ наклонностей, проявленные имъ еще въ Чембарскомъ училищѣ, встрѣчаютъ въ эти дни благодарную почву, такъ что на ней рано или поздно неминуемо долженъ былъ реализоваться какой нибудь опредѣленный фактъ литературно-общественнаго характера.

Послѣдній дѣйствительно не заставилъ себя долго ожидать: въ 1831 году онъ преподноситъ товарищамъ по общежитію трагедію въ 5 дѣйствіяхъ, произведеніе очень слабое въ литературномъ отношеніи, но въ высшей степени замѣчательное, какъ явленіе общественнаго характера, сыгравшее въ жизни нашего критика рѣшающую, роковую роль. Я не стану передавать здѣсь содержаніе пьесы, уже достаточно извѣстной въ нашей литературѣ, отмѣчу лишь ея общественное значеніе. Въ этой пьесѣ Бѣлинскій первый послѣ Радищева выступаетъ рѣзкимъ обличителемъ крѣпостнаго права, истолкователемъ его зла и позора. Въ одномъ изъ монологовъ герой пьесы говоритъ: «Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?.. Кто далъ это гибельное право однимъ людямъ поработать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться надъ правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба, можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердный Боже! Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ змѣевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ, и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?»

Пьесу свою Бѣлинскій представилъ въ комитетъ цензуры, состоявшій тогда изъ профессоровъ университета, и вотъ каковы дальнѣйшія слѣдствія этого представленія, изложенныя Бѣлинскимъ въ письмѣ къ роднымъ:

«Собравши всѣ обстоятельства моей жизни,—писалъ онъ,—я въ правѣ назвать себя несчастливѣйшимъ человѣкомъ. Въ моей груди сильно пылаетъ пламя тѣхъ чувствъ, высокихъ и благородныхъ, которые бывають удѣломъ немногихъ избранныхъ, и при всемъ томъ меня очень рѣдкіе могутъ цѣнить и понимать... Всѣ мои желанія, намѣренія и предпріятія самыя благородныя, какъ въ разсужденіи самого

Бѣлинскій передъ смертью.
Съ картины художника Наумова.

себя, такъ и другихъ, оканчивались или неудачами, или ко вреду мнѣ же и, что всего хуже, навлекали на меня нареканіе и подозрѣніе въ дурныхъ умыслахъ. Доказательства передъ глазами. Вы сами знаете, какъ сладки были лѣта моего младенчества... Учась въ гимназіи, я жилъ въ бѣдности... Поѣхалъ въ Москву съ пламеннымъ желаніемъ опредѣлиться въ университетъ; мое желаніе сбылось. По вѣтренности, а болѣе по неопытности, истратилъ данную мнѣ сумму денегъ, которая въ моихъ глазахъ казалась огромною, неистощимою. Потомъ поступилъ на казенный коштъ... о, да будетъ проклятъ этотъ несчастный день!.. Осужденный страдать на казенномъ коштѣ, я вознамѣрился избавиться отъ него и для этого написалъ книгу (т. е. тетрадь), которая могла скоро разойтись и доставить мнѣ немалыя выгоды. Въ этомъ сочиненіи, со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовію къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, я въ картинѣ, довольно живой и вѣрной, представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ. Герой моей драмы есть человѣкъ пылкій, съ страстями дикими и необузданными: его мысли вольны, поступки бѣшены, и слѣдствіемъ ихъ была его гибель. Вообще скажу, что мое сочиненіе не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности, и что цѣль его есть самая нравственная. Подаю его въ цензуру—и что же вышло?.. Прихожу черезъ недѣлю въ цензурный комитетъ и узнаю, что мое сочиненіе цензоровалъ Л. А. Цвѣтаевъ (заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ). Прошу секретаря, чтобы онъ выдалъ мнѣ мою тетрадь; секретарь, вмѣсто отвѣта, подбѣжалъ къ ректору, сидѣвшему на другомъ концѣ стола, и вскричалъ: «Иванъ Алексѣевичъ! Вотъ онъ, вотъ г. Бѣлинскій!» Не буду много распространяться, скажу только, что, несмотря на то, что мой цензоръ, въ присутствіи всѣхъ членовъ комитета, расхвалилъ мое сочиненіе и мои таланты какъ нельзя лучше, оно признано было безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ, и о немъ составили журналъ!.. Но послѣ—дѣло улажено, и ректоръ сказалъ мнѣ, что обо мнѣ ежемѣсячно будутъ ему подавать особыя донесенія... Каково это?.. Я надѣялся на вырученную сумму откупиться отъ казны, жить на квартирѣ и хорошенъко экипироваться—и всѣ мои блестящія мечты обратились въ противную дѣйствительность, горькую и бѣдственную».

Таковъ былъ печальный финалъ первой встрѣчи литературнаго опыта съ повседневною дѣйствительностью. Кромѣ печали, разочарованія и горя, ничего отсюда не вышло. Мало того, что идеальныя стремленія юноши были отнесены къ разряду безнравственныхъ дѣяній, они были занесены и въ рубрику поступковъ, достойныхъ отмщенія. Начальство его отмѣтило, держало на виду, готовясь при первомъ случаѣ опустить на его голову возмездіе и наказаніе. Неудача съ комедіей окончательно оттолкнула Бѣлинскаго отъ университетскаго режима, онъ затосковалъ, захандрилъ и сталъ усиленно пропускать лекціи. Вся жизнь его и энергія сосредоточились въ спорѣ съ товарищами, гдѣ онъ заслужилъ, благодаря своей запальчивости, прозвище «неистоваго Виссаріона», въ сходкахъ, въ книгахъ и театрѣ. Все это вмѣстѣ взятое усугубило недовольство начальства, и въ сентябрѣ 1832 г. мы уже видимъ его исключеннымъ изъ университета «за неспособность», выброшеннымъ за порогъ общежитія, на улицу, гдѣ его приняли въ свои объятія голодъ,

нужда и страхъ передъ каждымъ завтрашнимъ днемъ... Какъ отнесся самъ Бѣлинскій къ своему исключенію изъ университета, всего лучше выясняется изъ письма его къ матери, которое рисуетъ намъ исключеннаго студента въ удивительно симпатичномъ свѣтѣ.

«Девять мѣсяцевъ таилъ я отъ васъ свое несчастіе,—писаль онъ—обманывалъ всѣхъ чембарскихъ, бывшихъ въ Москвѣ, лгалъ и лицемѣрилъ, скрѣпя сердце, по теперь не могу болѣе. Вѣдь когда нибудь надобно же узнать вамъ. Можетъ даже быть, что вы уже знаете, можетъ быть, сообщено это съ преувеличеніями, а вы—женщина, мать. Чего не надумается вы? При одной мысли объ этомъ сердце мое обливается кровью. Я потому такъ долго молчалъ, что еще надѣялся хоть сколько нибудь поправить свои обстоятельства, чтобы вы могли узнать объ этомъ хладнокровнѣе... Я не щадилъ себя, употреблялъ всѣ усилія къ достиженію своей цѣли, ничего не улускалъ, хватался за каждую соломинку и, претерпѣвая неудачу, не унывалъ и не приходилъ въ отчаяніе—для васъ, только для васъ. Я всегда живо помнилъ и хорошо понималъ мои къ вамъ отношенія и обязанности, терпѣлъ все, боролся съ обстоятельствами, сколько доставало силъ, трудился и, кажется, не безъ успѣха. Вы знаете, что проходитъ уже четвертый годъ, какъ я поступилъ въ университетъ; вы, можетъ быть, считаете по пальцамъ мѣсяцы, недѣли, дни, часы и минуты, насъ раздѣляющіе; думаете съ восторгомъ о томъ времени, о той блаженной минутѣ, когда нежданый и незванный я, какъ снѣгъ на голову, упаду въ объятія семейства кандидатомъ или по крайней мѣрѣ студентомъ!.. Мечта очаровательная! И меня обольщала она нѣкогда! Но, увы, въ сентябрѣ исполнится годъ, какъ я выключенъ изъ университета!!! Предчувствую, что это вамъ будетъ стоить большихъ слезъ, тоски и даже отчаянія, — и это-то самое меня и сокрушаетъ... Но, маменька, все-таки умоляю васъ не отчаиваться и не убивать себя безплодною горестію. Есть счастье въ несчастіи, есть утѣшеніе и въ горести, есть благо и въ самомъ злѣ. Я видѣлъ людей въ тысячу разъ несчастнѣе себя и потому смѣюсь надъ своимъ несчастіемъ».

Также горячо написано и письмо къ отцу.

«Я уже не мальчикъ и свой собственный умъ для меня всего страшнѣе,—говорить онъ. Но счастливъ тотъ, кто еще можетъ остановиться во время и употребить себя въ пользу собственныя ошибки и суровые уроки судьбы! Я еще только выѣхалъ на своемъ челнѣ въ это открытое море свѣта, а до сего времени держался у береговъ; слѣдовательно, еще не все потеряно. Конецъ вѣнчаетъ дѣло, говорятъ умные люди. Только тогда при плескахъ вызываютъ или освящаютъ актѣра, когда совсѣмъ разыграетъ свою роль; только тогда можно произнести судъ челоуѣку, когда онъ совсѣмъ окончилъ свое поприще. Впрочемъ... вы можете быть всегда твердо увѣренными, что ничѣмъ предосудительнымъ не обезчестилъ имени своего отца. Я живу не для себя, помню, что я крѣпкими узами связанъ съ кровными—и вотъ только потому-то и огорчаюсь. Итакъ, простите!».

Въ этихъ письмахъ къ родителямъ сказывается горячее, благодарное сердце Бѣлинскаго. Онъ не сваливаетъ вины цѣликомъ на другихъ, постороннихъ, или на независящія обстоятельства; онъ готовъ принять въ значительной мѣрѣ постигшее его несчастіе за свой счетъ, ни о чемъ родныхъ не просить, но спѣшить лишь ихъ успокоить словомъ ободренія, спѣшить вселить въ нихъ бодрость,

«истор. вѣстн.», июнь, 1898 г., т. LXXII.

16

а главное выражаетъ опасеніе, чтобъ что нибудь грязное, пошлое, недостойное не легло клеймомъ на его благородное сердце, не оскорбило его дѣвственно-чистой души; его совѣсть чиста, ему не за что и не передъ кѣмъ краснѣть, ну, а съ горемъ, съ невзгодами жизни онъ сумѣетъ справиться... Пусть не будетъ только упрековъ, пусть не возмущаютъ понапрасну его и безъ того скорбнаго душевнаго состоянія!

IV.

Итакъ, Бѣлинскій за порогомъ университета, въ состояніи интеллигентнаго нищаго, у котораго просвѣщенное начальство отняло даже казенное платье... «Невесела ты, родная картина!» Вспоминается рядъ послѣдующихъ литературныхъ силуетовъ, которыхъ на зарѣ жизни встрѣтили тоже матеріальныя невзгоды и общественныя неудачи. Мы знаемъ, что было тамъ, мы достаточно оплакивали ихъ паденіе, ихъ разрушеніе духа и тѣла, но Бѣлинскій не былъ созданъ, чтобы пасть, опуститься или прійти къ отчаянію и самоотреченію. Его восторженный духъ разгорался съ каждой невзгодой все пышнѣе, все ярче и чище, и не какимъ нибудь внѣшнимъ обстоятельствомъ суждено было воспрепятствовать его духовной побѣдѣ, которая впослѣдствіи вознесла его выше «главою непокорной Александрійскаго столпа».

По исключеніи изъ университета, для Бѣлинскаго наступаетъ періодъ хроническаго голоданія, въ самомъ прямомъ смыслѣ этого ужаснаго слова; съ этимъ голоданіемъ на сцену выступаютъ и неизбѣжныя спутники его—болѣзни. Бѣлинскій начинаетъ страдать одышкою, болью въ груди, кашлемъ. Зловѣщіе симптомы будущей чахотки уже рѣютъ надъ молодою жизнью, кладбищенство откуда-то издали произноситъ свое первое грозное слово... Онъ борется, однако, мужественно за каждый завтрашній день, бѣгая по грошевымъ урокамъ, въ поискахъ любого интеллигентнаго труда, хватаясь даже за переводъ романовъ Поль-де-Кока; какъ ни тяжело, какъ ни больно, онъ вынужденъ обратиться за помощью и въ Чембаръ, въ родительскій домъ, надъ которымъ уже давно повисли черныя дни, гдѣ отецъ шилъ мертвую, гдѣ мать выбивалась изъ силъ ради дѣтей, куда нужда уже глубоко запустила свои костлявыя и цѣпкіе пальцы. Вотъ одинъ изъ эпизодовъ тогдашняго періода его жизни.

Онъ получилъ свѣдѣнія, что съ оказіей, черезъ одну знакомую барыню г-жу Горнъ, ему высланъ изъ родительскаго дома рубль денегъ; за этимъ рублемъ надо къ Горнъ сходить, но какъ это сдѣлать, когда буквально не въ чемъ выйти на улицу, когда въ гардеробѣ полнѣйшая пустота? Наконецъ, кое-какъ онъ собралъ «съ міра» одежду и отправился.

«Я хотѣлъ занять денегъ на извозчика, ибо идти мнѣ нужно было, по крайней мѣрѣ, версты три. Къ счастью, что ни у кого не было ихъ, и мнѣ никто не далъ. Являюсь къ Горнѣ, и хотя чужое платье было и не совсѣмъ по мнѣ, однако же я не уронилъ себя. Сынъ ея расцѣловался со мною, какъ со стариннымъ знакомцемъ, и повелъ меня въ гостиницу къ своей матери, которая сначала меня не узнала. Я говорилъ съ нею и о томъ, и о семь, а объ деньгахъ не рѣшался упомянуть, ибо ждалъ, чтобы она сама мнѣ ихъ вручила. Наконецъ я увидѣлъ, что уже пора убираться восвояси, вручилъ ей письмо, простился и ушелъ. Она оставляла меня обѣдать, но я не остался, ибо мнѣ нужны были деньги, а не обѣдь ея. Вышедши, позабылъ калоши. На другой день я пишу записку къ ея сыну, въ которой прошу его напомнить своей маменькѣ о моихъ деньгахъ, и чтобы онъ велѣлъ отдать калоши, и записку сію послать съ сапожникомъ... Какой же я отвѣтъ получилъ? Сына ея не было дома, и потому записку прочла она сама и сказала, что цѣлковый она возвратила моей маменькѣ, и что если бы деньги были у ней, то она бы и безъ записки сама отдала бы мнѣ. Потому стали искать калоши, но онѣ сплыли, и слѣдъ пропалъ».

Обстановка его жизни въ это тяжкое время описана Лажечниковымъ, пожелавшимъ навѣстить своего пензенскаго «ястребенка». Бѣлинскій квартировалъ, по его словамъ, въ бельэтажѣ, въ какомъ-то переулкѣ между Трубой и Петровкой. Бельэтажъ этотъ былъ ужасенъ. Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться къ нему надо было по грязной лѣстницѣ; рядомъ съ его коморкой была прачешная, изъ которой безпрестанно неслись къ нему испаренія мокраго бѣлья и вонючаго мыла. Каково было дышать этимъ воздухомъ, особенно ему, съ слабой грудью! Каково было слышать за дверями упоительную бесѣду прачекъ и подъ собой стукотню отъ молотовъ русскихъ циклоповъ, если не подземныхъ, то подпольныхъ! Обстановка комнаты была самая несчастная, причемъ сама комната не запиралась, такъ какъ изъ нея нечего было украсть; прислуги, конечно, не было, а столоваться приходилось тою же пищею, чѣмъ прокармливались сосѣди. Лажечниковъ принялъ сердечное участіе въ судьбѣ Бѣлинскаго, выхлопоталъ ему мѣсто домашняго секретаря въ одномъ аристократическомъ домѣ, и этимъ самымъ, казалось, судьба его была устроена. Но Бѣлинскій недолго выдержалъ аристократическій режимъ; его плебейскіе вкусы и демократическія убѣжденія пришли въ скорое столкновеніе съ устоями генеральскаго дома; на компромиссы и уступки онъ оказался неспособенъ, и вотъ, въ одно прекрасное утро, завязавъ все свое имущество въ носовой платокъ (!), онъ бѣжалъ снова въ трущобу, обрекая себя на знакомый уже голодъ, но сохраняя притомъ свою независимость, свою свободу духа и неподкупность убѣжденій.

Послѣ того, не безъ содѣйствія добрыхъ людей, онъ пытался, было, подыскать себѣ новыхъ обезпечивающихъ его постоянныхъ занятій, но ничего путнаго отсюда не выходило, и всѣ замыслы разлетались прахомъ. Надъ его судьбой тяготѣлъ какой-то неизбѣжный рокъ, который точно сознательно и систематически отрѣзалъ его

отъ всякихъ путей жизни, стягивалъ его непреодолимымъ рядомъ несчастій и злослученій... И изъ всѣхъ этихъ путей лишь одна дорога оставалась для него не закрытой, лишь она одна все болѣе и болѣе, день ото дня, согласовалась съ стремленіями, можетъ быть, нѣсколько не оформленными и неясными, его пытливаго ума и бурнаго чувства. Дорога эта была—дорога «литературы російской», которой нашъ критикъ и отдалъ всецѣло свою «плоть и кровь». Мы уже знаемъ, что, еще будучи въ уѣздномъ училищѣ, онъ писалъ стихи и мнилъ видѣть въ своемъ лицѣ опаснаго соперника Жуковскому; въ университетѣ онъ дѣлаетъ рѣшительный шагъ по литературному пути и терпитъ на первыхъ же порахъ настоящій погромъ. Въ этомъ погромѣ—наличность ряда моментовъ, столь знаковыхъ писательскому сословію въ его прошломъ, настоящемъ и, вѣроятно, еще далекомъ будущемъ. Тутъ съ одной стороны литературный успѣхъ и признаніе даже со стороны врага достоинствъ и качествъ, съ другой, тутъ же — цензорское чернильное крещеніе и административная кара, ломающая всю жизнь и накладывающая на эту жизнь опредѣленный, рѣзко-отчеканенный штампель. Это одна сторона дѣла, формальная и внѣшняя, но тѣмъ не менѣе для того времени чрезвычайно характерная. Другая же сторона — характеръ писательства, содержаніе литературнаго произведенія и настроеніе ума и чувства въ молодомъ авторѣ. Сѣрая дѣйствительность и проза жизни въ дѣтствѣ и юности, въ обстановкѣ родимой семьи, въ училищѣ, гимназіи и въ университетѣ, рано поставили нашего писателя лицомъ къ лицу съ вопросами о правдѣ и злѣ, съ вопросами о счастіи и горѣ людскомъ, съ задачами социальнаго порядка. Умъ острый и глубоко-проникающій, чувство пылкое и благородное не могли не остановиться на величайшемъ современномъ злѣ—крѣпостномъ правѣ, и вотъ мы видимъ въ его первомъ литературномъ произведеніи социальные мотивы, которые здѣсь доминируютъ надъ всѣми другими. Онъ сразу выступаетъ въ роли публициста, чутьемъ предугадывая свое призваніе, сразу становясь на ту дорогу, гдѣ его въ будущемъ ожидаетъ слава и громкая извѣстность. Въ этомъ выборѣ жизненнаго пути онъ повиновался болѣе велѣнію сердца, нежели холоднаго разсудка, и безъ всякаго сторонняго руководительства и вліянія прямо подошелъ къ такой сторонѣ русской жизни, разработка которой лишь черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ стала общимъ дѣломъ всей русской литературы въ лицѣ лучшихъ передовыхъ ея представителей. Писательство дѣлается отнынѣ его почти постояннымъ занятіемъ, тѣмъ средствомъ, гдѣ онъ въ тяжкія минуты жизни обрѣтаетъ даже скудное пропитаніе. «Телескопъ», «Молва», «Листокъ» — вотъ тѣ случайные очаги, у коихъ онъ иногда находилъ себѣ тепло, принося сюда то стихотворенія, то рецензіи, то переводы. Но все это было неопредѣленно, урывчато. Нуженъ былъ человекъ, нуженъ былъ заправскій дѣятель печати, который бы тѣснѣе сблизилъ его съ

столь привлекавшей его писательской профессіей, который бы, угадавъ въ немъ зачатки великаго таланта, явился бы его крестнымъ отцомъ отъ литературы. И такой человекъ нашелся въ лицѣ профессора Московскаго университета, издателя «Молвы» и «Телескопа», Надеждина — этого предшественника Бѣлинскаго, которому суждено было сыграть въ жизни нашего критика такую рѣшающую роль.

Именно Надеждину русская литература обязана поддержкой Бѣлинскаго въ самый тяжелый періодъ жизни, когда, казалось, всѣ злыя силы собрались, чтобъ раздавить эту уже надломленную и физически-слабую юную жизнь. Эта поддержка еще недостаточно оцѣнена нашей литературой, и въ дни юбилейныхъ торжествъ Бѣлинскаго мало кто вспомнилъ о бурсакѣ—Надеждинѣ, пригрѣвшемъ и въ своемъ журналѣ и въ своей квартирѣ будущаго автора «Литературныхъ мечтаній». И каковы бы ни были впоследствии ошибки этого злополучнаго дѣятеля нашей литературы, мы во всякомъ случаѣ обязаны ему тѣмъ, что онъ и только онъ вывелъ намъ Бѣлинскаго на широкую дорогу общественнаго служенія Россіи. Это уже одно сама по себѣ столь великая заслуга, за которую Надеждину должны быть отпущены многія его вольныя и невольныя прегрѣшенія... Уже въ августѣ 1834 г. Бѣлинскій писалъ къ брату: «Я перебрался къ Надеждину и живу у него уже двѣ недѣли, жить мнѣ очень недурно; у меня особенная комната... и такъ я совершенно обезпеченъ со стороны содержанія... Вотъ видишь ли, и на моей улицѣ настаетъ праздникъ; терпѣль, терпѣль, да и вытерпѣль. Теперь Надеждинъ уѣхалъ... ревизовать Тульскую и Рязанскую губернію, и поручилъ мнѣ журналъ и домъ, гдѣ я теперь полный хозяинъ... пользуюсь его бібліотекой, и живу прищѣвючи»...

Итакъ, Надеждинъ не только обогрѣлъ и приютилъ своего сотрудника, но, что еще важнѣе, онъ призналъ въ немъ настоящаго профессиональнаго писателя, чьи произведенія не только можно печатать, но которому можно даже поручить отвѣтственность за журналъ. Письмо къ брату было писано въ августѣ, а уже съ сентября мѣсяца начался въ «Молвѣ» рядъ статей подъ названіемъ «Литературныя мечтанія. Элегія въ прозѣ», которыя подобно электрической искрѣ обѣжали всю Россію, явились преддверіемъ славы Бѣлинскаго и составили вступительную главу къ исторіи новой русской литературы.

Когда умираетъ какойнибудь нашъ общественный дѣятель, и мы съ благоговѣніемъ обращаемся памятью къ обстановкѣ его жизни и лицамъ, его окружавшимъ, его любившимъ и лелѣявшимъ, мы вполне послѣдовательно переносимъ и на нихъ частицу нашей любви къ почившему. Такъ и съ Надеждинымъ въ отношеніи Бѣлинскаго. «Молва» была тою колыбелью, гдѣ геній нашего критика впервые увидѣлъ свѣтъ, а Надеждинъ былъ тѣмъ пѣстуномъ, который далъ возможность этому генію окрѣпнуть и созрѣть. Вотъ почему и въ

настоящіе юбилейные дни Бѣлинскаго благодарное потомство должно съ признательностью вспомнить и предтечу Бѣлинскаго, чья судьба была также безпримѣрно-печальна, но у котораго не хватало лишь нравственной силы противоборствовать невзгодамъ жизни...

V.

Важный моментъ въ жизни Бѣлинскаго — открытое вступленіе на литературное поприще, совпалъ и съ другимъ не менѣе серьезнымъ моментомъ, имѣвшимъ неотразимое вліяніе на всю его послѣдующую дѣятельность, какъ писателя, какъ философа-публициста. Я разумѣю его сближеніе съ кружкомъ Станкевича, выразителемъ большинства взглядовъ котораго онъ и явился въ своихъ «Литературныхъ мечтаніяхъ». Отсюда, изъ нѣдръ этого кружка, на него хлынули шумнымъ и бурнымъ потокомъ выводы послѣдняго слова философскаго знанія, здѣсь онъ тѣснѣе сроднился съ корифеями европейской литературы—Шекспиромъ, Шиллеромъ, Гёте, а въ особенности Гофманомъ. Кружокъ Станкевича, умственные интересы этого кружка, содержаніе бесѣдъ и споровъ, здѣсь происходившихъ, явились для Бѣлинскаго своего рода новымъ университетомъ, который пополнилъ тотъ фактическій матеріалъ знаній, съ которымъ онъ прибылъ въ Москву еще четыре слишкомъ года тому назадъ изъ глуши Пензенской губерніи и котораго не дали ему официальной университетъ и профессорскія лекціи. Интересы театра и искусства, вопросы религіозные и философскіе въ самыхъ мудреныхъ туманныхъ формахъ и проявленіяхъ— вотъ та пища духовная, которой питались члены кружка и къ которой припалъ жадными устами неопитъ-Бѣлинскій. Далѣе я еще скажу, каковъ былъ запасъ идей, почерпнутыхъ авторомъ «Литературныхъ мечтаній», здѣсь же мнѣ важно лишь отмѣтить, что онъ сблизился съ самой блестящей толпой молодой интеллигентной Москвы 30-хъ годовъ, которой суждено было имѣть такое рѣшающее вліяніе на дальнѣйшія судьбы русскаго просвѣщенія. Каковы же были отношенія кружка къ Бѣлинскому, и какъ онъ самъ относился къ своимъ новымъ друзьямъ-учителямъ?

Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что отношенія эти носили въ высшей степени ненормальный характеръ, причемъ всѣ симпатіи должны быть положены на вѣсы Бѣлинскаго. Съ одной стороны, мы видимъ кружокъ баричей-дворянъ, наслаждающихся плодами жизни, существующихъ за счетъ крѣпостнаго труда, а потому не понимающихъ значенія этого труда, не интересующихся никакими социальными болѣзнями и невзгодами. Искусство, литература, религія, философія были для нихъ тѣми роскошными блюдами, которыми они, подобно древнимъ эллинамъ-эпикурейцамъ, наслаждались, запивая свои возвышенныя бесѣды бокалами дорогихъ и тонкихъ

винъ. Съ другой стороны, передъ нами въ ихъ средѣ голодный разночинецъ, прошедшій уже, несмотря на свои юные годы, страшную школу нужды и бѣды, человѣкъ, для котораго во всѣхъ этихъ диспутахъ и бесѣдахъ былъ интересенъ не самый процессъ диспута и словопрений, но тотъ конечный финалъ, къ которому они должны были привести. Въ центрѣ этого финала у него положено было человѣческое я, благо этого я, философское значеніе этого я. Но, кромѣ того, свѣдѣнія изъ всѣхъ этихъ областей были для него дороги не только сами по себѣ, но и какъ орудія, долженствовавшія принести ему даже насущный кусокъ хлѣба. Они, эти новые друзья, знакомы съ послѣднимъ словомъ европейской науки, онъ— малосвѣдущъ, односторонне-образованъ и то только въ области нѣкоторыхъ вопросовъ родной жизни. Они разглагольствуютъ, они поучаютъ, онъ жадно внимаетъ всякому слову, впитываетъ въ себя всякую громко высказанную мысль, перерабатываетъ ее на свой ладъ и спѣшитъ набросать ее на листъ писчей бумаги. И результатъ такого неравенства положенія и состоянія быстро даетъ о себѣ знать: друзья относятся къ нему съ нѣкоторымъ высокомеріемъ, погосподски-покровительственно, готовы даже отрицать его талантъ и право на общественное руководство; больше того, они требуютъ, чтобы Бѣлинскій прекратилъ свою критическую дѣятельность въ журналѣ Надеждина, такъ какъ у него слишкомъ мало «эстетическаго вкуса». Въ этомъ отношеніи кружокъ Станкевича оказался, по своему чутью на людей, ниже издателя «Молвы».

Но какъ ни какъ, а все же этотъ кружокъ, независимо отъ своего личнаго отношенія къ нашему критику, своими духовными интересами принесъ громадную пользу его умственному развитію и снабдилъ его цѣнными богатствами изъ сокровищницы европейскаго знанія.

Что касается душевныхъ, интимныхъ отношеній къ членамъ кружка, какъ они сложились сначала и какъ они, съ видоизмѣненіями впослѣдствіи въ составѣ членовъ, въ свою очередь видоизмѣнялись, то ближе всего онъ сошелся съ Боткинымъ. Этотъ представитель интеллигентной Москвы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ былъ ему особенно дорогъ, какъ знатокъ европейской изящной литературы и философіи, какъ человѣкъ съ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, какъ цѣнитель всего красиваго, изящнаго. Отношенія съ Боткинымъ у него установились сразу самыя лучшія, и таковыми же они оставались до конца дней, если не считать одной временной размолвки. Сблизился онъ, по отъѣздѣ Станкевича за границу, и съ Бакунинымъ, сошелся съ его семьей, бывалъ у него въ деревнѣ и даже одно время окончательно подпалъ подъ влияніе этого неистоваго гегеліанца; но впослѣдствіи, съ переѣздомъ въ Петербургъ, его отношенія къ Бакунину значительно охладѣли, онъ сбросилъ съ себя умственное иго будущаго «апостола анархіи»

и окончательно съ нимъ разошелся. Что касается Герцена, когда онъ послѣ изгнанія появился снова на горизонтѣ московской жизни, то отношенія къ нему Бѣлинскаго прошли нѣсколько стадій; сначала они, было, подружились, потомъ рѣзко разошлись изъ-за принципиальныхъ разногласій по общественнымъ вопросамъ, а затѣмъ снова помирились. Какъ Бѣлинскій Герцена, такъ послѣдній Бѣлинскаго, ставили другъ друга очень высоко, но въ ихъ отношеніяхъ не было тѣхъ элементовъ теплоты и сердечности, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ Боткину или Герцена къ Огареву.

Во всякомъ случаѣ индивидуальное одиночество нашего критика въ Москвѣ для меня несомнѣнно. Онъ близокъ и въ добрыхъ отношеніяхъ со всѣми новыми знакомыми, но близость эта имѣетъ главнымъ своимъ основаніемъ не личныя дѣла, не дѣла сердца, а скорѣе элементъ общности—интересы науки, искусства, журналистики. Бѣлинскій принималъ мало непосредственнаго участія въ домашнихъ дѣлахъ и дразгахъ своихъ друзей; ихъ ссоры, романы и драмы протекали какъ-то мимо его, не вызывая съ его стороны какого либо активнаго вмѣшательства. Онъ тутъ какъ тутъ, онъ на первомъ планѣ лишь тогда, когда на сцену выступаютъ принципы, идеи, опредѣленныя научныя и философскія положенія. О, тогда онъ весь жизнь, весь кипѣніе, тогда мы видимъ его ссорящимся и мирящимся, дружащимъ и враждующимъ.

Изъ всѣхъ литературныхъ дѣятелей Москвы того времени онъ обнаруживаетъ, даже въ періодъ временно постигшаго его умственнаго квіетизма, наибольшее тяготѣніе къ вопросамъ общественнымъ, наибольшую общественную нервность, столь необходимыя для публициста, для передоваго общественнаго дѣятеля, для общественнаго руководителя. И эта общественная жилка сказывается и видится во всѣхъ его даже первоначальныхъ статьяхъ, главнымъ образомъ сильныхъ своимъ нервнымъ настроеніемъ, своей страстностью, своимъ повышеннымъ темпераментомъ—тѣми атрибутами, которые являются неотъемлемымъ достояніемъ крупнаго передоваго публициста, общественнаго трибуна. Недаромъ же первая оцѣнка его явилась не изъ круга друзей или людей науки, свысока смотрѣвшихъ на молодаго писателя, какъ на недоучившагося гимназиста и студента, а со стороны читающей публики, той интеллигентной толпы, которая вѣчно ищетъ своего героя, вѣчно чутко прислушивается къ каждому независимому, оригинальному и громкому голосу.

«Литературныя мечтанія» были той ракетой въ дѣятельности Бѣлинскаго, которая возвѣстила читателямъ и обществу, что новый блестящій вождь уже явился на сцену русской жизни, что недалеко то время, когда этотъ вождь займетъ прочное мѣсто, укрѣпится въ занятомъ положеніи и скажетъ то новое, оригинальное и власт-

ное слово, въ которомъ въ данный моментъ чувствуется такая настоятельная надобность.

Послѣ «Литературныхъ мечтаній» въ журналахъ Надеждина появляется непрерывный рядъ статей Бѣлинскаго, онъ временно даже редактируетъ, за отсутствіемъ издателя изъ Москвы, его изданія и становится такимъ образомъ все болѣе извѣстенъ, все болѣе на виду у публики. Послѣ тяжелыхъ годовъ неудачъ и бѣдствій, для Бѣлинскаго, видимо, наступили счастливые дни, принесшіе ему нѣкоторое матеріальное обезпеченіе и душевный покой; но этимъ днямъ не суждено было долго длиться—во второй половинѣ 1836 г., благодаря извѣстному «философическому письму» Чаадаева, «Телескопъ» и «Молва» были запрещены, издательству Надеждина положенъ конецъ, и Бѣлинскій снова остается не у дѣла, безъ работы, безъ куса хлѣба. Конецъ 1836 г. и весь 1837 г. проходятъ для него въ безработицѣ; онъ ведетъ переговоры то съ Полевымъ, то съ Плюшаромъ, то съ Краевскимъ, но изъ всѣхъ этихъ сношеній не выходитъ ничего путнаго и только весной 1838 г. ему удается стать во главѣ «Московского Наблюдателя», который подъ его умѣлымъ руководствомъ становится лучшимъ журналомъ того времени, гдѣ принимаютъ самое живое участіе лучшія силы кружка Станкевича. Но благодаря разнымъ обстоятельствамъ, въ числѣ которыхъ играли немалую роль и цензурныя строгости, журналъ шелъ плохо, а еще хуже складывались обстоятельства самого Бѣлинскаго, который въ виду этого все чаще и чаще начинаетъ помышлять о Петербургѣ, въ надеждѣ найти себѣ тамъ болѣе обезпеченный кусокъ хлѣба. Каково было его матеріальное положеніе и состояніе духа въ тѣ дни, всего лучше видно изъ сохранившагося его письма къ Панаеву и изъ воспоминаній послѣдняго о своемъ посѣщеніи нашего критика. Къ Панаеву Бѣлинскій писалъ:

«Безъ 2.000 мнѣ нельзя даже и пѣшкомъ пройти заставу: около этой суммы на мнѣ самаго важнаго долгу, а сверхъ того,—я хожу, какъ нищій въ рубищѣ. Кромѣ г-на Краевскаго, поговорите съ другими, сами отъ себя или черезъ когонибудь: я продаю себя всѣмъ и каждому отъ Сеньковскаго до (тьфу, гадость кака!) Булгарина,—кто больше дастъ, не стѣсня притомъ моего образа мыслей, выраженія, словомъ—моей литературной совѣсти, которая для меня такъ дорога, что во всемъ Петербургѣ нѣтъ и приблизительной суммы для ея купли. Если дѣло дойдетъ до того, что мнѣ скажутъ: независимость и самобытность убѣжденій, или голодная смерть,—у меня достанетъ силы скорѣе издохнуть, какъ собакѣ, нежели живому отдаться на позорное съѣденіе псамъ... Я готовъ взять на себя даже черновую работу, корректуру и тому подобное, если только за все это будетъ платиться соразмѣрно трудамъ. Денегъ! Денегъ! А работать я могу, если только мнѣ дадутъ мою работу. Итакъ, скорѣе отвѣтъ...»

Въ виду переговоровъ между Бѣлинскимъ и Краевскимъ, Панаевъ, въ качествѣ посредника, посѣтилъ критика въ Москвѣ, и вотъ что онъ рассказываетъ о положеніи Бѣлинскаго и дѣлахъ «Наблюдателя».

«Къ Бѣлинскому и заходилъ каждое утро,—повѣствуетъ Панаевъ.—Онъ очень хандрить и жаловался на боль въ груди... Обстоятельства его были въ то время печальныя. Степановъ, издатель «Московского Наблюдателя», платилъ ему помѣсячно (да и то неаккуратно) какія-то ничтожныя деньги за редакцію. Бѣлинскій сначала былъ увлеченъ мыслию стать во главѣ журнала, сотрудниками котораго должны были сдѣлаться всѣ его молодые и талантливыя друзья... Онъ твердо былъ убѣжденъ, что при ихъ содѣйствіи, соединенномъ съ его кипучей, энергической дѣятельностью, — усиѣхъ журнала будетъ несомнѣненъ... Но надежды не оправдались. Подписка на «Наблюдатель» оказалась незначительной, и при выходѣ пятой книжки всѣ средства издателя уже совершенно были прекращены. Причинами этого были: невозможность объявить о томъ, что журналъ переходитъ подъ редакцію Бѣлинскаго; непрактичность и издателя и редактора, пустившихъ очень небольшое число объявленій о преобразованіи журнала, въ которыхъ, притомъ, глухо и неопредѣленно сказано было о переходѣ «Наблюдателя» отъ г. Андросова (бывшаго редактора) подъ новую редакцію, и наконецъ, то примирительное направленіе первыхъ книжекъ возобновленнаго «Наблюдателя»,—направленіе, которому публика не могла симпатизировать».

Весною 1839 г. онъ бросилъ «Наблюдатель», и снова очутился временно почти въ безвыходномъ положеніи, а осенью того же года онъ уже становится сотрудникомъ Краевскаго, съ каковаго времени начинается новый, Петербургскій періодъ его жизни.

VI.

Панаевъ повѣствуетъ, что переѣздъ Бѣлинскаго въ Петербургъ былъ рѣшенъ такимъ образомъ. Онъ согласился на условія Краевскаго, который долженъ былъ выслать ему незначительную сумму на уплату долговъ и на отъѣздъ, и обѣщалъ платить ему 3500 руб. асс. въ годъ, съ тѣмъ чтобы Бѣлинскій принялъ на себя весь критическій и библиографическій отдѣлъ «Отеч. Записокъ». Условія эти, конечно, были очень тяжкія, особенно если принять во вниманіе, ту массу, и при томъ безобразную по содержанию библиографіи, которая выпадала на долю нашего критика въ журналѣ Краевскаго, но разсуждать не приходилось много, благо дѣло, литературное дѣло было найдено. Кромѣ того, Бѣлинскому пора была уже ѣхать вонъ изъ Москвы. Москва тогдашнихъ дней дала ему все, что она могла лишь дать, извѣстность его достаточно окрѣпла, за нимъ былъ признанъ авторитетъ всѣми кружками, не исключая и вражескихъ, а публика, чуткій читатель, уже привыкли смотрѣть на него, какъ на глашатая новыхъ истинъ. Содержанія этимъ истинамъ въ Москвѣ не находилось, воздухъ здѣсь для него былъ слишкомъ спертъ; надо было освѣжиться, разорвать съ кружковщиной, надо было перекочевать на новое мѣсто, памятуя то положеніе, «что пророку не бывать въ своемъ отечествѣ».

Петербургъ произвелъ цѣлый переворотъ въ мысляхъ и душѣ Бѣлинскаго; «онъ поразилъ его,—говоритъ Пыпинъ,—какъ новое явленіе».

ніе русской жизни, невольно приковывавшее къ себѣ вниманіе. Та «дѣйствительность», которой съ такой ревностью доискивался Бѣлинскій въ своихъ кабинетныхъ теоріяхъ, предстала предъ нимъ во всей своей реальности и была рѣшительно не похожа на теорію. Эта дѣйствительность сама бросалась въ глаза; отъ нея нельзя было укрыться, какъ въ Москвѣ, въ своемъ кружкѣ, гдѣ друзья жили, какъ въ укромномъ захолустѣ, не видя и не слыша той машины, которая управляла ихъ теоретической дѣйствительностью. Здѣсь машина была на лицо, и Бѣлинскій, какъ ни избѣгалъ встрѣчь съ чужимъ ему міромъ, не могъ ея не видѣть и не чувствовать на себѣ ея толчковъ»...

Послѣднія книжки «Отечеств. Записокъ» 1839 г. и первая 1840 г. могутъ быть, по статьямъ здѣсь Бѣлинскаго, разсматриваемы, какъ послѣдній отголосокъ его московскаго настроенія, но уже въ дальнѣйшемъ мы видимъ его охваченнымъ новыми петербургскими вѣяніями, въ роли того учителя и публициста-борца, которому суждено было сдѣлать настоящій переворотъ въ исторіи нашей литературы, въ нашей журналистикѣ, которому по силѣ слова, по страстности рѣчи и ясности мысли, не было равнаго до тѣхъ поръ, нѣтъ равнаго и о сю пору. Со вступленіемъ Бѣлинскаго въ «Отечественныя Записки», въ соупутствіи блестящей плеяды московскихъ друзей, уже успѣвшихъ къ тому времени признать право на учительство автора «Литературныхъ мечтаній», органъ Краевскаго обращается въ арену кипучей борьбы за гражданскія и человѣческія права русскаго народа, въ ту арену, которая становится историческимъ подножіемъ послѣдующей русской публицистики, отъ временъ сороковыхъ годовъ по наши дни.

Своей высоко-художественной кистью Герценъ рисуетъ намъ Бѣлинскаго тѣхъ дней и его значеніе въ «Отечеств. Запискахъ» слѣдующими красками:

«Въ рядѣ критическихъ статей, онъ кстати и некстати касается всего, вездѣ вѣрный своей ненависти къ авторитетамъ, часто поднимаясь до поэтическаго одушевленія. Разбираемая книга служила ему по большей части матеріальной точкой отправленія, на подорогѣ онъ бросалъ ее и впадалъ въ какой нибудь вопросъ. Ему достаточно стихъ:

Родные люди вотъ какіе—

въ Онегинѣ, чтобы вызвать къ суду семейную жизнь и разобрать до нити отношенія родства. Кто не помнитъ его статей о «Тарантасѣ», о «Парашѣ» Тургенева, о Державинѣ, о Мочаловѣ, о Гамлетѣ? Какая вѣрность своимъ началамъ, какая неустрашимая послѣдовательность, ловкость плаванія между цензурными отмелями и какая смѣлость въ нападкахъ на литературную аристократію, на писателей первыхъ трехъ классовъ, на статсъ-секретарей литературы, готовыхъ взять противника не мытьемъ, такъ катаньемъ, не антикритикой, такъ доносомъ. Бѣлинскій стегалъ ихъ безопадно, терзая мелкое самолюбіе чопорныхъ ограниченныхъ творцевъ эклога, любителей образованія, благотворительности и нѣжно

стей; онъ отдавалъ на посмѣяніе ихъ дорогія, задушевныя мысли, ихъ поэтическія мечтанія, цвѣтушія подъ сѣдинами, ихъ наивность, прикрытую лентой! Какъ же за то его и ненавидѣли! Славянофилы съ своей стороны начали официально существовать съ войны противъ Бѣлинскаго; онъ ихъ додразнилъ до мурмулокъ и зипуновъ. Статьи Бѣлинскаго судорожно ожидались въ Москвѣ и Петербургѣ съ 25-го числа каждаго мѣсяца. Пять разъ хаживали студенты въ кофейныя спрашивать, получены ли О. З., тяжелый Ж рвали изъ рукъ въ руки— «есть Бѣлинскаго статья?» Есть — и она поглощалась съ лихорадочнымъ сочувствіемъ, со смѣхомъ, со спорами... и трехъ-четырехъ вѣрованій, уваженій какъ не бывало. Недаромъ Скобелевъ, комендантъ крѣпости, говорилъ шутя Бѣлинскому, встрѣчаясь на Невскомъ проспектѣ: «Когда же къ намъ, у меня совсѣмъ готовъ тепленькій казематъ, такъ для васъ его и берегу».

Къ этому описанію общественной роли и общественнаго значенія Бѣлинскаго въ началѣ сороковыхъ годовъ, сдѣланному Герценомъ, не приходится много прибавлять. Воспользуемся тѣми же воспоминаніями, чтобъ дорисовать и портретъ нашего критика, характерныя черты его духовнаго образа...

«Въ этомъ застѣнчивомъ человѣкѣ, въ этомъ хиломъ тѣлѣ обитала мощная, гладиаторская натура! Да, это былъ сильный боецъ! Онъ не умѣлъ проповѣдовать, научать, ему надобенъ былъ споръ. Безъ возраженій, безъ раздраженія, онъ не хорошо говорилъ, но когда онъ чувствовалъ себя уязвленнымъ, когда касались до его дорогихъ убѣжденій, когда у него начинали дрожать мышцы щекъ и голосъ прерывался, тутъ надобно было его видѣть: онъ бросался на противника барсомъ, онъ рвалъ его на части, дѣлалъ его смѣшнымъ, дѣлалъ его жалкимъ и по дорогѣ съ необычайной силой, съ необычайной повзвѣй развивалъ свою мысль. Споръ оканчивался очень часто кровью, которая у больного лилась изъ горла; блѣдный, вадыхающійся, съ глазами, остановленными на томъ, съ кѣмъ говорилъ, онъ дрожащей рукой поднималъ платокъ ко рту и останавливался, глубоко огорченный, уничтоженный своей физическою слабостью... Притѣсняемый денежно-литературными подрядчиками, притѣсняемый нравственно цензурой, окруженный въ Петербургѣ людьми мало-симпатичными, страдаемый болѣзнію, для которой балтійскій климатъ былъ убійствененъ, Бѣлинскій становился раздражительнѣе и раздражительнѣе. Онъ чуждался постороннихъ, былъ до дикости застѣнчивъ и иногда недѣли цѣлыя проводилъ въ мрачномъ бездѣйствіи. Тутъ редація посылала записку за запиской, требуя оригинала, а закабаленный литераторъ со скрежетомъ зубовъ брался за перо и писалъ тѣ ядовитыя статьи, трепещущія негодованіемъ, тѣ обвинительные акты, которые такъ поражали читателей».

Въ этихъ словахъ чрезвычайно важно отмѣтить три указанія Герцена: указаніе на болѣзненное состояніе Бѣлинскаго, на душевное одиночество и на притѣсненія со стороны литературныхъ подрядчиковъ, то-есть со стороны Краевскаго. Дѣйствительно, хотя съ переѣздомъ въ Петербургъ матеріальныя обстоятельства Бѣлинскаго улучшились, но за то непомерно возросла и тягота работы. Въ Москвѣ онъ голодалъ, бѣдствовалъ, но не надрывался трудомъ, здѣсь же исчезъ факторъ голоданія, но взамѣнъ явился новый, не менѣе жестокой. Человѣкъ такимъ образомъ явно попалъ изъ огня да въ

полымя. Мы знаемъ, на какихъ условіяхъ Бѣлинскій вступилъ въ журналъ Краевскаго, и должны сказать, что издатель «Отечественныхъ Записокъ» съ лихвой бралъ отъ таланта своего сотрудника погашенія на затрачиваемый капиталъ. Помимо ежемѣсячной статьи, тотъ вынужденъ былъ рецензировать уймащу книгъ самаго вздорнаго содержанія, въ числѣ которыхъ попадались сонники и сочиненія, посвященныя домашнему хозяйству.

Въ послѣднее время въ нашей печати раздался голосъ, пытавшійся, было, реабилитировать Краевскаго заявленіемъ, что по тому времени онъ рассчитывался съ Бѣлинскимъ добросовѣстно, и съ его стороны не было никакой эксплуатаціи силъ главнаго сотрудника журнала. Лицо, утверждавшее это, очевидно, никогда не жило чисто-литературнымъ трудомъ и не дало себѣ труда, принявшись за благодарную защиту, соразмѣрить качество продаваемого товара съ его покупной цѣной. Если вспомнить, что каждая статья Бѣлинскаго была настоящимъ событіемъ, если вдуматься въ созданный имъ журналу успѣхъ, если дать себѣ трудъ подсчитать, сколькихъ крупныхъ дѣятелей печатнаго слова привелъ за собою къ Краевскому Бѣлинскій, если сообразить, на какую высоту поставилъ онъ журналъ, то, конечно, фактъ эксплуатаціи и выжиманія послѣднихъ соковъ становится безспорнымъ, какъ это уже давно признано и установлено въ литературѣ. При этомъ необходимо имѣть въ виду и то обстоятельство, на какого сорта работу направлялись силы критики и ради какого вздора требовалось напряженіе его большого организма!.. Можетъ быть, на это возразятъ, что таковъ неумолимый законъ издательскаго дѣла, которое не сообразуется съ внутренними и внѣшними обстоятельствами сотрудника и которому нѣтъ дѣла до крови, льющейся изъ горла литературнаго поденщика... можетъ быть, но согласитесь, что тутъ чувствуется какая-то звѣрская жестокость, слышится что-то хищное и злобное. И вотъ почему, какъ бы кто ни старался облить Краевскаго, измученный образъ Бѣлинскаго, съ впалыми блѣдными щеками, лихорадочно блестящими глазами и съ скомканнымъ облитымъ кровью платкомъ въ рукѣ, становится еще болѣе трагичнымъ и достойнымъ слезъ и горечи, по сравненію съ кругленькой и жирненькой фигуркой издателя «Отечеств. Записокъ», уже тогда преисправно откладывавшаго въ банкъ деньги для покупки будущей недвижимой собственности.

Итакъ, во внѣшнія условія жизни Бѣлинскаго Петербургъ мало внесъ утѣшительнаго; достатокъ явился не Богъ вѣсть какой и во всякомъ случаѣ далеко несоразмѣрный затрачиваемымъ силамъ. Жестокая болѣзнь, начало которой положили московскія голодовки и неблагоприятныя санитарныя условія жилыхъ помѣщеній, въ содѣйствіе съ прачешными и кузницами, подъ вліяніемъ непомѣрнаго труда, журнальныхъ огорченій и петербургскаго климата, разгоралась все сильнѣе и сильнѣе, предвѣщая недалекій конецъ этой много-

страдальной жизни. Ко всему еще одиночество, одиночество большого холостяка, брошеннаго въ водоворотъ огромнаго нервнаго города, гдѣ нѣтъ по близости ни добраго друга, ни любящаго женскаго сердца, съ которымъ бы можно было подѣлить радость и горе. А именно Бѣлинскій, по всей организаціи своей нѣжной души, по своему рыцарски-высокому поклоненію передъ женщиной, болѣе чѣмъ кто нибудь изъ его друзей нуждался въ другѣ женѣ, которая бы внесла тепло и ласку, уходъ и попеченіе въ его сирое и страдальческое существованіе.

VII.

Въ Петербургѣ Бѣлинскій нашелъ знакомыхъ, много знакомыхъ, которые его высоко ставили, какъ человѣка, какъ писателя, какъ журнальнаго вождя, но онъ не обрѣлъ здѣсь новыхъ друзей, могшихъ замѣнить ему старыхъ московскихъ пріятелей, тѣхъ самыхъ, какъ бы хороши или дурны они ни были, съ которыми пережито столько увлеченій и волненій, столько духовныхъ и матеріальныхъ радостей и горестей. Всѣ чувства и ощущенія такого рода остались позади, тамъ, въ Бѣлокаменной, откуда такъ недавно онъ бѣжалъ, отряхая прахъ ногъ своихъ. Въ Петербургъ же онъ пріѣхалъ съ готовымъ, вполне созрѣвшимъ чувствомъ любви къ дѣвушкѣ, которая платила ему горячей взаимностью, и которую онъ страстно стремился назвать скорѣе своею, на всю жизнь. Дѣвушка эта была Марія Васильевна Орлова, классная дама Екатерининскаго института, съ которой нашъ критикъ познакомился еще въ 1835 г.

Орлова родилась въ 1812 г., воспитаніе получила въ Александровскомъ институтѣ, гдѣ кончила курсъ первою съ медалью. Выдѣляясь среди сверстницъ своими умственными способностями, Марія Васильевна отличалась и замѣчательной красотой, на которую еще обратилъ вниманіе Николай I во время коронаціонныхъ празднествъ 1826 г. По окончаніи курса, Орлова оставлена была пепиньеркою при институтѣ, затѣмъ она была гувернанткою въ семьѣ племянницы Лажечникова, а въ 1835 г. поступила классной дамой въ Екатерининскій институтъ. Знакомство ея съ Бѣлинскимъ относится именно къ этому году. Раньше она зачитывалась Бѣлинскимъ, при чемъ особенное впечатлѣніе произвели на нее извѣстныя «Литературныя мечтанія». Познакомилась Орлова съ критикомъ въ домѣ Петрова, впоследствии ученаго ориенталиста. Бѣлинскій посѣщалъ Марію Васильевну въ институтѣ и приносилъ ей книги для чтенія. Лѣтомъ 1843 г. онъ сдѣлалъ ей предложеніе, и въ ноябрѣ того же года состоялась ихъ свадьба.

Это была не первая привязанность Бѣлинскаго. Еще въ тридцатыхъ годахъ, на зарѣ юной жизни, у него былъ романъ, который, однако, кончился неудачно—ему не отвѣтили взаимностью.

Второй романъ былъ удачливѣе; влюбленные вполне сознательно относились другъ къ другу, обоюднo высоко цѣнили нравственныя качества и шли къ разрѣшенію конечной цѣли ихъ отношеній твердымъ, увѣреннымъ шагомъ. Этотъ второй романъ Бѣлинскаго въ настоящее время, благодаря отпечатаннымъ въ 1896 г. его письмамъ къ М. В. Орловой въ «Починѣ», извѣстенъ намъ во всѣхъ подробностяхъ и представляетъ собою удивительно свѣтлыя страницы жизни критика, является матеріаломъ высокой цѣнности для характеристики его нравственного облика. По силѣ выразеній, по огненности языка и смѣлости мысли, эти письма къ невѣстѣ должны быть поставлены на ряду съ его знаменитымъ письмомъ къ Гоголю, и во всякомъ случаѣ они стоятъ неизмѣримо выше многого изъ того, что имъ было напечатано въ журналахъ.

Уже въ первомъ письмѣ къ невѣстѣ онъ говоритъ:

«Я разорванъ пополамъ и чувствую, что не достааетъ цѣлой половины меня самого, что жизнь моя не полна, и что я тогда только буду жить, когда вы будете со мною, подлѣ меня. Бываютъ минуты страстнаго, тоскливаго стремленія къ вамъ. Вотъ подетѣль бы хоть на минуту, крѣпко, крѣпко пожалъ бы вамъ руку, тихо сказалъ бы вамъ на ухо, какъ много я люблю васъ, какъ пуста и бессмысленна для меня жизнь безъ васъ. Нѣтъ, нѣтъ скорѣе, скорѣе, или я съ ума сойду»

Въ слѣдующій разъ онъ пишетъ въ заключеніи письма:

«Прощайте. Храни васъ Господь! Пусть добрые духи окружаютъ васъ днемъ, нашептываютъ вамъ слова любви и счастья, а ночью посылаютъ вамъ хорошіе сны. А я—я хотѣлъ бы теперь хоть на минуту увидать васъ, долго, долго посмотреть вамъ въ глаза, обнять ваши колѣна и поцѣловать край вашего платя. Но нѣтъ, лучше дольше, какъ можно дольше не видѣться, совсѣмъ, нежели увидѣться на одну только минуту, и вновь разстаться, какъ мы уже разстались разъ. Простите меня за эту глупую болтовню; грудь моя горитъ, на глазахъ накипаютъ слеза: въ такомъ глупомъ состояніи обыкновенно хочется сказать много, и ничего не говорится, или говорится очень глупо. Странное дѣло! Въ мечтахъ я лучше говорю съ вами, чѣмъ на письмѣ, какъ нѣкогда заочно я лучше говорилъ съ вами, чѣмъ при свиданіи. Что-то теперь Сокольники? Что завѣтная дорожка, зеленая скамеечка, великолѣпная аллея? Какъ грустно вспоминать обо всемъ этомъ, и сколько отрады и счастья въ грусти этого воспоминанія!»

Въ письмѣ отъ 20-го сентября Бѣлинскій, шутливо возражая на замѣчанія невѣсты о ея недостаткахъ, говоритъ:

«Что же касается до старой, больной, бѣдной, дурной жены, зачуже въ обществѣ и не смыслищей ничего въ хозяйствѣ, которымъ наказываетъ меня Богъ, то позвольте имѣть честь донести вамъ, Marie, что вы изволите говорить глупости. Я особенно благодаренъ вамъ за эпитетъ бѣдной; въ самомъ дѣлѣ, вы погубили меня своею бѣдностью: вѣдь я было располагалъ жениться на толстой купчихѣ съ черными зубами и 100.000 приданаго. Что касается до вашей старости, я былъ бы отъ нея въ совершенномъ отчаяніи, если бы, во-первыхъ, мнѣ хотѣлось имѣть молоденькую жену, à la madame Maniloff, и, во-вторыхъ, если бы я не видѣлъ и не зналъ людей, которые отъ молодости женъ своихъ страдаютъ

такъ, какъ другіе отъ старости. Изъ этого я заключаю, что дѣло ни въ старости, ни въ молодости, и вообще нѣтъ ничего бесполезнѣе, какъ заглядывать впередъ и говорить утвердительно о томъ, что еще только будетъ, но ничего еще нѣтъ. Я надѣюсь, что мы будемъ счастливы; но рѣшеніе на этотъ вопросъ можетъ дать не надежда, не предчувствіе, не расчетъ, а только сама дѣйствительность. И потому пойдѣмъ впередъ безъ оглядохъ и будемъ готовы на все—быть человѣчески достойными счастья, если судьба дастъ намъ его, и съ достоинствомъ, почеловѣчески, нести несчастіе, въ которомъ никто изъ насъ не будетъ виноватъ. Кто не стремится, тотъ и не достигаетъ, кто не дерзаетъ, тотъ и не получаетъ».

Но не только однимъ упоеніемъ любви и бодрымъ призывомъ на новую разумную жизнь были наполнены письма Бѣлинскаго къ невѣстѣ, нѣтъ и тутъ наплись черныя тучи, которыя заволокли, было, чистое небо и грозили бурями и непогодами. Орлова по какимъ-то соображеніямъ пожелала, чтобы ихъ свадьба состоялась въ Москвѣ, по всѣмъ правиламъ стараго этикета, въ присутствіи родныхъ и знакомыхъ. Такія требованія задѣли Бѣлинскаго, противорѣча его убѣжденіямъ и вызывая его на уступки и сдѣлки съ совѣстью, къ которымъ онъ менѣе всего былъ способенъ. Между женихомъ и невѣстой возникла размолвка, поднялась по настоящему предмету дѣлая переписка, и раздраженный Бѣлинскій писалъ между прочимъ:

«Я не думалъ ни о дядюшкахъ и тетюшкахъ, ни о м-мъ Чагріот... ни объ офиціальномъ обѣдѣ, съ шампанскимъ и поздравленіями, съ идиотскими улыбками и, можетъ быть, infame! — съ чиновческими шутками и любезностями. Въ этой поистинѣ плѣнительной картинѣ не достаетъ только свахи, смотринъ, сговора, дѣвичника съ свадебными пѣснями. Кажется, и при этой мысли ужасъ проникаетъ холодомъ до костей монхъ—въ посаженомъ отцѣ и посаженной матери недостатокъ не будетъ, и насъ съ вами встрѣтятъ съ образомъ, и мы будемъ кланяться въ ноги. Знаете ли что!—мнѣ больно не одно то, что вы осуждаете меня на эту позорную пытку, но то, что вы обнаруживаете столько resignation въ этомъ случаѣ въ отношеніи къ самой себѣ. Это для меня всего тяжелѣе. Вы даже не хотите понять причины моего ужаса и отвращенія къ этимъ позорнымъ церемоніямъ и приписываете это трусости Подколесина. Во мнѣ такъ много недостатковъ, что уже ради одной ихъ многочисленности не слѣдуетъ мнѣ приписывать не существующихъ во мнѣ. Подколесинъ труситъ мысли, что вотъ де все былъ неженатъ и вдругъ женатъ. Я понимаю такую мысль, но она не можетъ же испугать меня до того, чтобы я хотя на секунду въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою пожалѣлъ о моемъ рѣшеніи жениться. Въ такомъ случаѣ, я чувствовалъ бы себя недостойнымъ васъ и сталъ бы самъ себя презирать. Такая мысль (т. е. Подколесинскій страхъ женатаго состоянія) можетъ меня беспокоить, какъ необходимость вѣхаться въ собраніе или пройти по улицѣ въ мундирѣ, но не больше. Подколесинъ пугается не церемоній и неприличныхъ приличій; напротивъ, онъ не понимаетъ возможности брака безъ нихъ, и безъ нихъ пропалъ бы отъ ужаса, при мысли, что объ этомъ говорить. Изъ окна я не выброшусь, но не ручаюсь, что наканунѣ вѣнчанья не проснусь съ сильною просѣдью въ головѣ и что въ эту ночь не переживу длиннаго, длиннаго времени тяжелой внутренней тревоги. И пиша эти строки, я глубоко скорблю и глубоко страдаю отъ мысли, что вы не

поймете моего отвращенія къ поворнымъ приличіямъ и шутовскимъ церемоніямъ. Для меня противны слова: невѣста, жена, женихъ, мужъ. Я хотѣлъ бы видѣть въ васъ *ma bien aimée, amie de ma vie, ma Eugénie...* По моему кровному убѣжденію, союзъ брачный долженъ быть чуждъ всякой публичности, это дѣло только двоихъ—больше никого. Вы бонтесъ *scandale*, анаэмы и толковъ—этого я просто не понимаю, ибо и давно позволилъ безнаказанно проклинать меня и говорить обо мнѣ все, что угодно, тѣмъ, съ которыми я на всю жизнь разстался. Таковыя для меня не существуютъ. У меня есть свой кругъ и свое общество, состоящее все изъ людей, женившихся совѣмъ не пороссійски. Вы пишете, что теперь поняли всю дикость нашего общества и проч. Знаете ли, что вѣдь ваши слова не болѣе, какъ слова, слова и слова? Ибо они не оправдываются дѣломъ. Общество улучшается черезъ благородныхъ своихъ представителей, и вѣдь кому нибудь надо же начинать. Вы похожи на раба-отпущеника, который хотя и знаетъ, что его бывший баринъ не имѣетъ надъ нимъ никакой власти, но все, по старой привычкѣ, почтительно снимаетъ передъ нимъ шапку и робко потупляетъ передъ нимъ глаза; мнѣ кажется, что разумъ данъ человѣку для того, чтобы онъ разумно жилъ, а не для того только, чтобы онъ видѣлъ, что неразумно живеть».

Послѣ долгихъ увѣщеваній и доводовъ Бѣлинскій переубѣдил Орлова. Она пріѣхала въ Петербургъ, и свадьба ихъ состоялась, какъ онъ на томъ настаивалъ, безъ всякой помпы и торжествъ. Съ этихъ поръ для Бѣлинскаго начинается новая полоса жизни, гдѣ уже исчезаетъ скука и тоска одиночества, но взамѣнъ которыхъ являются новыя тревоги и волненія, сопряженныя съ обязанностями семейнаго человѣка.

Въ нашей литературѣ послѣдняго времени былъ поставленъ вопросъ, дала ли Орлова и семейная жизнь счастье Бѣлинскому, при чемъ нѣкоторые изслѣдователи приходили въ рѣшеніи этого вопроса къ неблагоприятному выводу. Рядомъ съ этимъ живая и понынѣ свояченица Бѣлинскаго, А. В. Орлова, опровергаетъ такое утверженіе и свидѣтельствуетъ о полномъ согласіи и любви, царившихъ въ семейной жизни ея сестры. Мнѣ кажется, что въ этихъ противорѣчивыхъ показаніяхъ кроется нѣкоторое недоразумѣніе, проистекающее изъ неправильной постановки самаго вопроса: что называется счастьемъ, и кто можетъ считаться истинно-счастливымъ человѣкомъ? Абсолютнаго счастья на землѣ, конечно, нѣтъ, а есть только счастье относительное, условное. Бѣлинскій, женившись на Орловой, нашелъ въ ней жену-друга, которая высоко ставила его, не только какъ человѣка, но и какъ писателя, какъ общественнаго дѣятеля; она берегла, лелѣяла его, и никакія личныя ссоры и дразги не нарушали ихъ домашняго покоя. Но она тоже была женщина больная, нервная, и вотъ эта-то нервность отражалась на всемъ, что она дѣлала и говорила. Она слишкомъ, можетъ быть, горячо относилась къ мелочамъ жизни—вопросамъ хозяйства, вопросамъ домашняго обихода, можетъ быть, слишкомъ явно для больного оберегала его здоровіе и опекала отъ всѣхъ и вся; Бѣлинскій же не всегда былъ терпѣливъ, былъ мнителенъ, какъ чахоточный, часто

раздражителенъ, переходя безъ достаточнаго основанія отъ восторженнаго состоянія духа къ унынію и огорченію. Отсюда повышенная нервная температура въ ихъ домѣ, кажущіяся мелкія тучи на ясномъ по существу горизонтѣ ихъ жизни, которыя производили неблагоприятное впечатлѣніе на окружающихъ. Сошлись на жизненномъ пути двѣ нервныя больныя натуры, которыя, страстно любя другъ друга, причиняли вмѣстѣ съ тѣмъ другъ другу огорченія и недовольства. Въ одномъ изъ своихъ заграничныхъ писемъ къ жёнѣ ¹⁾ Бѣлинскій говоритъ:

«Ты пишешь, что разлука сдѣлаетъ насъ уступчивѣе въ отношеніи другъ друга, но и болѣе чуждыми другъ другу. Мнѣ кажется то и другое равно хорошо. Почему хорошо первое, толковать нечего, и такъ ясно; второе хорошо потому, что даетъ случай познакомиться вновь на лучшихъ основаніяхъ. Я уже не въ той порѣ жизни, чтобы тѣшить себя фантазіями, но еще не дошелъ до того сухого отчаянія, чтобы не знать надежды. Я потому жду много добра для обоихъ насъ отъ нашей разлуки. Я никакъ, напримѣръ, не могъ понять твоихъ жалобъ на меня, что будто я дурно съ тобою обращаюсь, и видѣлъ въ этомъ, въ этихъ жалобахъ, величайшую несправедливость ко мнѣ съ твоей стороны, а теперь, когда въ новой для меня сферѣ я смотрю на нашу прежнюю жизнь, какъ на что-то прошедшее, виѣ меня находящееся, то вижу, что если ты была не вполне права, то и не совсѣмъ неправа. Я опирался на глубокомъ сознаніи, что не имѣлъ никакого желанія оскорблять тебя, а ты смотрѣла на факты, а не на внутреннія мои чувства и, въ отношеніи самой себѣ, была права. Ежели разлука и тебя заставитъ войти поглубже въ себя и увидѣть кое-что такое, чего прежде ты въ себѣ видѣть не могла, то разлука эта будетъ очень полезна для насъ: мы будемъ снисходительнѣе, терпимѣе къ недостаткамъ одинъ другаго, и будемъ объяснять ихъ болѣзненностію, нервическою раздражительностію, недостаткомъ воспитанія, а не какими нибудь дурными чувствами, которыхъ, надѣюсь, мы оба чужды. Что же касается до твоихъ словъ, что мужъ, безъ причины оставляющій жену и дѣтей, не любить ихъ, — ты права; но, во-первыхъ, я говорилъ тебѣ о разлукѣ съ причиною, хотя бы эта причина была просто желаніемъ разсѣяться и освѣжиться прогулкою, или и прямо желаніемъ освѣжить ею свои семейныя отношенія, и, во-вторыхъ, я кажется, уѣхалъ не безъ причины».

Рядомъ съ этимъ письмомъ, однако, мы находимъ и другія, написанныя въ такомъ повышенно-любовномъ тонѣ, съ такими заботами о домѣ, домочадцахъ, даже и домашней собакѣ, которыя пишутся и посылаются только при наличности большого запаса любви и въ полномъ сознаніи своего семейнаго счастья. Онъ пишетъ, напримѣръ, въ другой разъ:

«Письмо твое отъ 3 (15) іюля, *chère Marie*, я получилъ въ *poste restante*, на третій день по приѣздѣ въ Парижъ. Хоть ты въ немъ и не говоришь положительно, что твое положеніе опасно, но оно тѣмъ не менѣе почему-то произвело на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Я теперь только о томъ и думаю, какъ бы поскорѣе домой, да чтобы ужъ больше одному не ѣздить отъ семейства дальше, какъ

¹⁾ См. Армянскій сборникъ, изданный Г. А. Джаншѣевымъ.

изъ Петербурга въ Москву. Вообще все письмо твое дышитъ нездоровымъ. Конечно, къ нездоровью намъ давно уже пора привыкнуть, какъ къ нормальному нашему положенію, но мнѣ почему-то кажется, что ты не совсѣмъ въ безопасномъ положеніи. День, въ который новое письмо твое разувѣритъ меня въ этомъ предположеніи, будетъ однимъ изъ лучшихъ дней въ моей жизни. Мнѣ такъ тяжело и грустно отъ мысли о твоёмъ здоровьѣ, что не хочется писать о себѣ, и если я сдѣлаю это, то потому только, что могу сообщить тебѣ положительно хорошія извѣстія о состояніи моего здоровья и надѣюсь разсѣять твои болѣзненные предположенія на мой счетъ.»

Еще незадолго передъ тѣмъ, изъ Харькова онъ посылалъ женѣ слѣдующія строки, свидѣтельствующія, сколько нѣжной любви, заботы и трогательнаго чувства питалъ онъ къ своему домашнему очагу.

«Я радъ, что наши псы съ вами, радъ и за нихъ, и еще больше за васъ. И потому Милкѣ жму лапу, и даже дураку Дюку посылаю поклонъ. Объ Ольгѣ не знаю что писать—хотѣлось бы много, а не говорится ничего. Что ты не говоришь мнѣ ни слова, начинаеть ли она ходить, болтать, и что ея 8-й зубъ? Ахъ, собачка, барашекъ, какъ она теперь уже перемѣнилась для меня—вѣдь уже полтора мѣсяца! Поблагодари ее за память о моемъ портретѣ и за угощеніе его молокомъ и кашею. Она чѣмъ богата, тѣмъ и рада, и понюхать готова дать всякое кушанье. Должно быть, она очень довольна поведеніемъ своего портрета, который позволяеть ей угощать себя не въ ущербъ ея аппетиту. Изъ Харькова я еще пошлю къ тебѣ письмо. А теперь пока прощай. Будь здорова и спокойна духомъ, та мѣ, и успокой скорѣе меня на счетъ твоего здоровья. Жму руку Агриппинѣ и желаю ей всего хорошаго, а я не объѣдаюсь и не простужаюсь, какъ она обо мнѣ думаетъ.»

Итакъ, я думаю, что вопросъ о семейномъ счастьѣ Бѣлинскаго и высказанныя по настоящему предмету подозрѣнія разрѣшаются вполне его письмами къ женѣ и свидѣтельствомъ почтенной А. В. Орловой. Бѣлинскій былъ счастливъ, любилъ, былъ любимъ и, если тучки заволакивали подчасъ его жизнь, то у кого же этихъ маленькихъ тучъ не бываетъ, а особенно въ средѣ писательской, гдѣ нервность и бѣдность такъ часто идутъ рука объ руку и такъ часто накладываютъ тѣни тамъ, гдѣ при иныхъ условіяхъ социальной жизни имъ не было бы мѣста.

VIII.

Въ 1843 г. Бѣлинскій пріѣхалъ въ Петербургъ, вскорѣ затѣмъ женился и въ томъ же году начинаеть печатаніе въ «Отечественныхъ Запискахъ» рядъ статей о Пушкинѣ, считающихся по всей справедливости классическою работою въ нашей литературѣ, посвященной гениальному поэту. Тогда же онъ открываетъ свою блестящую полемику съ славянофилами, въ которой приняли горячее участіе и остальные его друзья и единомышленники, полемику, столь оживившую напу журналистику, при помощи которой и подъ

флагомъ которой стало возможнымъ косвенно касаться и современныхъ устоевъ русской жизни, мрачныхъ началъ тогдашней дѣйствительности. Благодаря статьямъ Бѣлинскаго (о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Кольцовѣ, Грибоѣдовѣ и друг.), а также его друзей-единомышленниковъ, журналъ Краевскаго сталъ по количеству подписчиковъ, по живости и занимательности, первымъ журналомъ въ Россіи, увеличивая тѣмъ изъ году въ годъ благоденствіе издателя и высасывая послѣдніе жизненные соки главнаго сотрудника, основной силы журнала. Подъ тяжестью громадной срочной работы Бѣлинскій положительно изнывалъ, чувствовалъ отупеніе, впадалъ все въ большую раздражительность и задумывалъ все чаще разорвать съ Краевскимъ. Касаясь своего тогдашняго состоянія, онъ писалъ московскимъ друзьямъ:

«Я теперь рѣшился оставить «Отечественныя Записки». Это желаніе давно уже было моею *idée fixe*; но я все надѣялся выполнить его чудеснымъ способомъ, благодаря моей фантазіи, которая у меня услужлива не менѣе фантазіи г. Манилова, и надеждамъ на богатыхъ земли... журнальная срочная работа высасываетъ изъ меня жизненные силы, какъ вампиръ кровь. Обыкновенно я недѣли двѣ въ мѣсяцъ работаю съ страшнымъ лихорадочнымъ напряженіемъ, до того, что пальцы деревенеютъ и отказываются держать перо; другія двѣ недѣли я, словно съ похмелья послѣ двухнедѣльной оргіи, празднопатаюся и считаю за трудъ прочесть даже романъ. Способности мои тупеютъ, особенно память, страшно заваленная грязью и соромъ російской словесности. Здоровье видимо разрушается. Но трудъ мнѣ не опротивѣлъ. Я больной писалъ большую статью о жизни и сочиненіяхъ Кольцова и работалъ съ наслажденіемъ; въ другое время я въ три недѣли чуть не изготовилъ въ печати цѣлой книги, и эта работа была мнѣ сладка, сдѣлала меня веселымъ, довольнымъ и бодрымъ духомъ. Стало быть, мнѣ не выносива и вредна только срочная журнальная работа; она тупитъ мою голову, разрушаетъ здоровье, искажаетъ характеръ»...

Насколько тяжело ему было въ журналѣ Краевскаго, видно изъ того, что онъ сравнивалъ «Отечественныя Записки» со скалою, себя съ Прометеємъ, а Краевскаго съ коршуномъ, клюющимъ его тѣло и высасывающимъ его кровь. Отношенія сотрудника и издателя становились натянутѣе, обостреннѣе и, наконецъ, Бѣлинскій рѣшился на важный шагъ—разорвать съ Краевскимъ, оставшись такимъ образомъ съ семьей на плечахъ безъ всякаго обезпеченнаго заработка. Надежды матеріальнаго характера были основаны на выпускѣ подѣ его редакціей обширнаго «Сборника», куда всѣ пріятели, московскіе и петербургскіе, должны были сдѣлать свои вклады; но пока шли по этому предмету переговоры, и дѣло затягивалось, состояніе его духа, а еще болѣе здоровья, становилось со дня на день хуже и опаснѣе. Въ видахъ поправленія расшатавшихся нервовъ, упадка силъ и возстановленія здоровья, его уговорили предпринять путешествіе на югъ Россіи; деньги для того были найдены, и вотъ 16 мая 1846 г. онъ вмѣстѣ съ Щепкинымъ, предпринимавшимъ артистическое турне по Россіи, двинулся въ путь.

Путешествіе его продолжалось до сентября мѣсяца, а тѣмъ временемъ пріятели успѣли приготовить ему самый лучший сюрпризъ, котораго онъ только могъ желать или видѣть во снѣ. На средства Панаева былъ приобрѣтенъ отъ Плетнева захирѣвшій «Современникъ» главнымъ образомъ, какъ говорили въ литературныхъ кружкахъ, для того, чтобы избавить Бѣлинскаго отъ безработицы, отъ угнетавшей его поденщины и вѣчной кабалы у предпринимателей-капиталистовъ. Когда велись переговоры съ Плетневымъ, то дѣло рисовалось такъ, какъ будто Бѣлинскій будетъ полнымъ хозяиномъ журнала, и его имя будетъ стоять на обложкѣ, какъ редактора изданія; на дѣлѣ же оказалось иначе—хозяевами фактическими и юридическими стали Панаевъ и Некрасовъ, Бѣлинскій же снова очутился въ ряду чернорабочихъ, хотя и съ повышенной заработной платой. Несмотря на такую новую невзгуду судьбы, Бѣлинскій горячо принялся за работу и оказалъ журналу сразу такую поддержку, которая и послужила главнымъ основаніемъ успѣха «Современника». Пыпинъ по этому предмету повѣствуетъ:

«Когда появились первыя книжки журнала, въ который перенесена была дѣятельность Бѣлинскаго, гдѣ собрались такія произведенія, какъ «Кто виновать?» (полное изданіе) и другіе рассказы Герцена, «Обыкновенная исторія» г. Гончарова, первые «Разказы охотника» г. Тургенева, повѣсти Григоровича, Дружинина, Достоевскаго, воспоминанія Щепкина, стихотворенія г. Некрасова, статьи Кавелина... Соловьева и проч.,—эти первыя книжки произвели сильное впечатлѣніе, и успѣхъ журнала могъ считаться обезпеченнымъ. Большая доля этого успѣха была именно дѣломъ Бѣлинскаго, нравственный и литературный авторитетъ котораго собралъ эти замѣчательныя силы. Но уже вскорѣ изъ этихъ отношеній журнала возникли тягостныя для Бѣлинскаго недоразумѣнія. Московскіе друзья, горячо принимавшіе къ сердцу интересы Бѣлинскаго, считали новый журналъ не иначе, какъ журналомъ Бѣлинскаго; но уже скоро, недовольные устройствомъ дѣла редакціи, гдѣ интересы Бѣлинскаго, по ихъ мнѣнію, не получили достаточнаго къ себѣ вниманія,—начали даже устраняться отъ «Современника».

Такимъ образомъ, и новое дѣло, не сулившее, какъ казалось, ничего иного, какъ счастье и общее довольство, принесло на самомъ дѣлѣ массу душевныхъ волненій и горестей. Не поправило оно и матеріальныхъ обстоятельствъ нашего критика—онъ продолжалъ нуждаться и мучительно биться въ тискахъ жизни. Не принесли облегченія здоровью и поѣздка по Россіи — чахотка разгоралась все сильнѣе и сильнѣе, и доктора гнали его за границу; но на такую поѣздку денегъ не было, и Бѣлинскій печально говорилъ: «поѣздка моя на воды—миѣ». Однако, этотъ миѣ вскорѣ обратился въ дѣйствительный фактъ и въ маѣ 1847 года онъ былъ уже въ Берлинѣ, гдѣ его поджидалъ Тургеневъ. Въ эту поѣздку имъ было написано знаменитое «письмо» къ Гоголю по поводу вышедшей «Переписки съ друзьями», облетѣвшее всю Россію и составившее Бѣлинскому репутацію самаго сильнаго и страстнаго

борца за свободу русскаго народа. Письмо это почти полностью напечатано нынѣ въ трудѣ о Погодинѣ г. Барсукова, и при чтеніи его даже въ настоящіе дни, по прошествіи 50 лѣтъ, оно производитъ впечатлѣніе одного изъ самыхъ сильныхъ произведеній, которое только когда либо появлялось въ русской литературѣ. Можно же себѣ представить, сколь сильное впечатлѣніе произвело оно тогда, когда все кругомъ, по словамъ поэта, «раболѣпствовало покорно», и всякое проявленіе свободнаго мнѣнія принималось чуть ли не за призывъ къ оружію, чуть ли не за государственное преступленіе. Да и въ наши дни нашлось немало людей, которые пытались, было, набросить тѣнь на письмо Бѣлинскаго и приняли на себя неблагодарную роль реабилитаціи Гоголевской «переписки», дѣлая изъ нея чуть ли не евангеліе, изъ котораго русскому обществу надлежитъ почерпнуть правила жизни и руководство къ разумнѣю задачъ русскаго просвѣщенія. По счастью, однако, эти не въ мѣру старавшіеся голоса успѣха не имѣли и даже въ трудѣ Шенрока, посвященномъ специально произведеніямъ и біографіи Гоголя, «Переписка съ друзьями» не отнесена къ числу его лучшихъ произведеній и причислена къ литературѣ психіатрическаго свойства.

Въ теченіе 1848 г. Бѣлинскій успѣлъ сдать въ «Современникъ» работы только для четырехъ книжекъ, и на этомъ прекратилась его литературная дѣятельность, вслѣдъ за чѣмъ вскорѣ и онъ самъ отошелъ въ вѣчность, при самыхъ печальныхъ послѣднихъ минутахъ своей многострадальной жизни.

«Зима 1847—1848 г. тянулась для Бѣлинскаго мучительно,—повѣствуетъ Панаевъ, часто его выдавшій.—Съ физическими силами падали и силы его духа. Онъ выходилъ изъ дому рѣдко; дома, когда у него собирались пріятели, онъ мало одушевлялся и часто повторялъ, что ему уже не долго остается жить. Говорятъ, что больные чахоткой обыкновенно не сознаютъ опасности своего положенія... У Бѣлинскаго не было этой иллюзіи; онъ не рассчитывалъ на жизнь и не утѣшалъ себя никакими надеждами... Болѣзненные страданія его развились страшно въ послѣднее время отъ петербургскаго климата, отъ разныхъ огорченій, непріятностей и отъ тяжелыхъ и смутныхъ предчувствій чего-то недобраго. Стали носиться какіе-то неблагоприятные для него слухи, все какъ-то душнѣе и мрачнѣе становилось кругомъ его, статьи его разсматривались все строже и строже. Онъ получилъ два весьма непріятныя письма, написанныя, впрочемъ, съ большою деликатностью, отъ одного изъ своихъ прежнихъ наставниковъ, котораго онъ очень любилъ и уважалъ. Ему надобно было по поводу ихъ ѣхать объясняться, но онъ уже въ это время не выходилъ изъ дому...»

Эти два письма, о которыхъ упоминаетъ Панаевъ, присланныя ему съ жандармомъ, и послужили канвою для легенды о бывшемъ, будто, у Бѣлинскаго обыскѣ, о появленіи накануне его смерти въ его квартирѣ толпы жандармовъ, пришедшихъ его арестовать. Эта легенда повторена въ напечатанномъ г. Захарьинымъ очеркѣ о Бѣлинскомъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника», и она же по-

служила какъ будто моментомъ для картины г. Наумова, которая воспроизводится при настоящей статьѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ по наведеннымъ мною архивнымъ справкамъ вполне устанавливается, что никакого обыска и никакой толпы жандармовъ въ квартирѣ Бѣлинскаго не было. То же утверждаетъ и г. Якушкинъ, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», который со словъ г. Ефремова даетъ слѣдующее объясненіе картины Наумова.

«Художникъ представилъ на картинѣ, какъ около больнаго Бѣлинскаго, лежащаго на диванѣ, сидитъ Некрасовъ и Панаевъ,—говоритъ онъ. И вотъ приходится слышать, что Некрасовъ съ Панаевымъ не были при самой кончинѣ Виссаріона Григорьевича. Панаевъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Въ минуту смерти я не присутствовалъ», и что такимъ образомъ картина «Бѣлинскій передъ смертью» даетъ вымышленныя подробности. Здѣсь недоразумѣніе, происходящее отъ не вполне, быть можетъ, точнаго названія картины, отъ буквального ея пониманія. «Передъ смертью» не означаетъ при самой кончинѣ, и художникъ изобразилъ Бѣлинскаго во время его послѣдней тяжелой болѣзни, но не въ самые послѣдніе дни, за нѣкоторое время передъ смертью. Извѣстно, что въ 1848 г. бывшій пензенскій учитель Бѣлинскаго Поповъ, служившій тогда въ канцеляріи III Отдѣленія, писалъ ему, вызывая явиться для объясненій. Первое письмо Попова было послано 20 февраля; больной Бѣлинскій не могъ явиться на этотъ зовъ, но былъ встревоженъ такимъ требованіемъ. Прошло болѣе мѣсяца; Бѣлинскому становилось хуже и хуже; 27 марта послѣдовало второе письмо отъ Попова, въ которомъ бывшій учитель успокоивалъ, что приглашаютъ его только затѣмъ, что «желаютъ познакомиться» съ нимъ. Вотъ, 28 марта 1848 года, когда явился посланный со вторичнымъ письмомъ Попова, у больнаго Бѣлинскаго сидѣли Некрасовъ и Панаевъ. Послѣ этого втораго письма Попова, опять повторяшаго приглашеніе явиться, одинъ изъ пріятелей Бѣлинскаго отправился къ Попову для переговоровъ, и бывшій учитель великаго критика «просилъ успокоить больнаго и объяснить ему, что онъ вызывался не по какому либо частному дѣлу или обвиненію, но какъ одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ русской литературы, единственно для того, чтобы познакомиться съ начальникомъ вѣдомства (гдѣ служилъ Поповъ), хозяиномъ русской литературы»... Такимъ образомъ Наумовъ изобразилъ на своей картинѣ, какъ 27 марта 1848 г. при Некрасовѣ и Панаевѣ въ квартирѣ Бѣлинскаго явился посланный Попова».

И г-жа Орлова, присутствовавшая въ домѣ, когда умиралъ Бѣлинскій, ничего не говоритъ объ обыскѣ и жандармахъ, но въ слѣдующемъ простомъ и безыскусственномъ разсказѣ повѣствуетъ о послѣднихъ минутахъ Бѣлинскаго ¹⁾.

«Наканунѣ смерти, 25 мая, онъ былъ очень тихъ, совсѣмъ не кашлялъ. Нѣсколько ночей сряду сестра плохо спала, утомилась сильно и часовъ въ 10 вечера пришла ко мнѣ въ комнату, чтобы уснуть. Я осталась сидѣть въ спальнѣ прямо противъ его постели; взяла какую-то книгу и дѣлала видъ, что читаю, а сама изъ-за книги взглядывала на него. Онъ лежалъ тихо, не кашлялъ, ничего не говорилъ, а глядѣлъ какъ будто на меня такими большими глазами; отъ его взгля-

¹⁾ «Лента Бѣлинскаго» въ пользу голодающихъ», М., 1892 г.

довъ я не знала, куда дѣваться, а между тѣмъ должна была казаться покойной. Онъ часто просилъ пить и спрашивалъ, который часъ, а самъ все двигался къ краю постели. Я подложила подушку подъ матрасъ, чтобы не упалъ. Сначала онъ пилъ изъ стакана, а потомъ прямо изъ графина и такъ много пилъ, тоска становилась все сильнѣе; все чаще спрашивалъ, который часъ. Такъ пробыла я до 1 часу, потомъ онъ говоритъ: «Позовите жену!» Я побѣжала за ней; она пришла и видитъ, что онъ уже не лежитъ, а сидитъ на постели, волосы поднялись дыбомъ, глаза испуганные. — Ты вѣрно чего нибудь испугался? — «Какъ не испугаться!—живого человѣка жарить хотять». Сестра успокоила его, говоря, что это ему приснилось; она уложила его покойнѣе и бѣгомъ побѣжала сказать мнѣ, что агонія началась. Но я заснула крѣпко, она не захотѣла меня будить. Вернувшись въ спальню, видитъ, что Бѣлинскій поднимается; она подложила ему подъ спину подушки и сама рукой поддерживала его. Необыкновенно громко, но отрывочно началъ онъ произносить какъ будто рѣчь къ народу. Онъ говорилъ о гени, о честности, слѣшилъ, задыхался. Вдругъ съ невыразимой тоской, съ болѣзненнымъ воплемъ говоритъ: «А они меня не понимаютъ, совсѣмъ не понимаютъ!»—«Это ничего: теперь не понимаютъ—послѣ поймутъ.»—«А ты-то понимаешь ли меня?»—Конечно. понимаю.—«Ну, такъ растолкуй имъ и дѣтямъ». И все тише и невнятнѣе дѣлалась его рѣчь. Сестра уложила его. Онъ все продолжалъ говорить. Вдругъ заплакала его дочь; онъ услышалъ ее: «Бѣдный ребенокъ, ее одну, одну оставили!»—Нѣтъ, она не одна—сестра съ ней.—А я, какъ успокоила ее, тотчасъ же опять уснула. Наконецъ, въ шестомъ часу утра, 22 мая, онъ умеръ тихо. Сестра все время оставалась съ нимъ одна. Въ день смерти пришелъ Панаевъ, прошелъ въ заднюю комнату, гдѣ была сестра, и сказалъ ей захлебывающимся отъ рыданій голосомъ: «Ради Бога, ни о чемъ не заботьтесь, все будетъ сдѣлано». И дѣйствительно, похоронили его въ складчину пріатели, которые и содержали насъ до конца ноября: тутъ мы отправились съ двумя дѣтьми и съ собакой Бѣлинскаго въ Москву, страшно бѣдствовали дорогой.

«Весной передъ смертью Бѣлинскаго денегъ въ домѣ совсѣмъ не было. За квартиру и прислугу за нѣсколько мѣсяцевъ не заплачено; пришлось еще при жизни его продать рубашки, что онъ привезъ изъ-за границы. Трауръ не на что было купить, и сестра носила крашеное шолковое платье».

Таковъ былъ печальный конецъ жизни Бѣлинскаго, такъ много поработавшаго на пользу своей отчизны и такъ слабо вознагражденнаго при жизни и по смерти за свои труды. Онъ умеръ нищимъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, и оставилъ по себѣ семью въ нищетѣ и горѣ, столь рельефно описанныхъ дочерью Бѣлинскаго (Ольгою Васильевною Бензи) въ ея недавней бесѣдѣ съ парижскимъ сотрудникомъ «Новостей», г. Семеновымъ.

«Послѣ смерти отца мы остались совершенно безъ средствъ,—говорила О. В.—матушка въ положеніи (она вскорѣ родила сестру Вѣру), тетушка и я. Я, разумеется, не помню бѣдствій перваго времени. Но уже помню, хотя смутно, наши переѣзды въ Москву. Матушка до замужества воспитывалась и служила въ Александровскомъ институтѣ въ Москвѣ. Начальница института, швейцарка родомъ, г-жа Шарпио, узнавъ о ея положеніи, предложила ей мѣсто кастелянши въ институтѣ, съ жалованьемъ 11 рублей съ мѣсяць... Между голодной смертью и этимъ

заработкомъ выбора, конечно, не могло быть, и мы въ ноябрѣ или декабрѣ отъ правились въ Москву. Должность кастелянши состояла въ надзорѣ за прачками и за бѣльемъ въ институтѣ (своего рода *lingère en chef*). Вы можете себѣ представить общественное положеніе, трезвость и, вообще, поведеніе этихъ прачекъ особенно въ то время, когда понятія о человѣческомъ достоинствѣ, о гигиенѣ и т. п. были менѣе, чѣмъ элементарны. Никогда не забуду перваго впечатлѣнія, перваго появленія этихъ 6 прачекъ, встрѣчи ихъ будущей начальницы! Когда я впоследствии читала сцену вѣдьмъ въ «Макбетѣ», предо мною всегда возставало это первое появленіе подчиненныхъ моей матушки... Намъ отвели большую комнату, какъ разъ надъ прачешной. Съ содроганіемъ вспоминаю эту комнату во флигелѣ, угловую, большую въ 5 оконъ: 2 окна въ одной стѣнѣ и три въ другой рядомъ; отовсюду дуло; холодъ былъ такой, что вода въ графинѣ замерзала черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ ее приносили въ комнату. У насъ у всѣхъ были тѣнечные—какъ ихъ звали—сапоги на мѣху, и то ноги мерзли! Тетушка—мастерица на этотъ счетъ—обила всѣ окна войлокомъ, оставивъ одно только оконцо для свѣта, но это, разумѣется, мало помогло. Меня, я помню, держали изъ-за холода 8 мѣсяцевъ въ году въ постели,—меня, живого, рѣзваго ребенка! Я ужасно отъ этого страдала. Къ этому холоду надо прибавить жизнь почти впроголодь. Намъ было четыре человѣка на одну порцію, которую отпускали матушкѣ, а на одиннадцать рублей въ мѣсяцъ многого не прибавишь къ одной порціи на четверыхъ! Но ужаснѣе всего были постоянный угаръ и дымъ, проникавшіе къ намъ снизу. И до сихъ поръ не могу понять, какъ мы остались живы... Потомъ, правда, прачешную перевели въ другое мѣсто и нижнюю комнату топили только разъ въ мѣсяцъ, но и разъ въ мѣсяцъ угаръ, какъ диверсія отъ холода,—это было ужасно! Сестра скорѣе сдѣлалась жертвой этой ужасной жизни и обстановки и умерла... Я тоже заболѣла, призванный институтскій врачъ оказался разумнымъ человекомъ и понималъ мою болѣзнь: «Да ее кормить надо—не то и она умретъ!». Вынесла же горя и страданій моя матушка: всѣ несчастія обрушились на нее. Даже съ квартирой ей не повезло: у нея была помощница, такъ та уже давно была на мѣстѣ и имѣла свою квартиру, а моя матушка пріѣхала новичкомъ, и ей отвели первую попавшуюся комнату. Да, вотъ, эта помощница! Она, очевидно, относилась враждебно къ моей матушкѣ, которую она, вѣроятно, считала помѣхой для своей карьеры (!), для своего положенія—*une intruse*—и интриговала, какъ и гдѣ могла. Помню, какъ всѣ эти матеріальныя и моральныя мученія отражались на матушкѣ, которая всегда и раньше была нервная, больная... Боже мой! эти семейныя сцены горя и слезъ въ комнатѣ кастелянши! А подчиненная матушки! Сцены, при которыхъ ей приходилось присутствовать! Рѣчи, которыя ей приходилось слышать! Помню, разъ приближала помощница съ крикомъ: «барыня, барыня! Идите скорѣе внизъ; такая-то и такая-то подрались». Матушка поспѣшила внизъ, я, воспользовавшись суматохой, изъ дѣтскаго любопытства шмыгнула въ открытую дверь за матушкой, и Боже мой! какая картина представилась моимъ глазамъ: двѣ прачки въ изодранномъ въ клочки платьѣ, съ распущенными, расстрепанными въ дракѣ волосами, съ окровавленными лицами, оглашали прачешную ужасной бранью!».

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НОВЫЙ ТРУДЪ ПО РАСКОЛУ

АЯ 17-го, въ актовомъ залѣ университета, въ присутствіи многочисленной публики приватъ-доцентъ университета, А. К. Бороздинъ, защищалъ представленную имъ для получения степени магистра русской словесности диссертацию—«Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества XVII вѣка».

Г. Бороздинъ—давній сотрудникъ «Историческаго Вѣстника», старый знакомый нашихъ читателей, почему намъ особенно пріятно отмѣтить на страницахъ нашего журнала его праздникъ и принести ему искреннія поздравленія съ осуществленіемъ его завѣтной мечты—официально, во всеоружіи завоеванныхъ правъ, занять мѣсто въ рядахъ ученой корпораціи того университета, который еще 12 лѣтъ тому назадъ обратилъ столь лестное вниманіе на даровитаго своего питомца. Намъ тѣмъ пріятнѣе выразить одушевляющія насъ чувства автору ученой диссертации, что, помимо личныхъ нашихъ отношеній къ г. Бороздину по журналу, сама диссертация, какъ добросовѣстный ученый трудъ, по всей справедливости должна занять видное мѣсто въ свѣтской литературѣ по расколу. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ трудѣ и диспутѣ 17-го мая, приведемъ краткое *сиггилум vitae* новаго магистра.

А. К. Бороздинъ, изъ дворянъ Псковской губ., родился въ 1863 году. Сначала онъ воспитывался во 2-й слб. гимназіи, затѣмъ перешелъ въ реформатское училище, откуда, по окончаніи курса въ 1881 г., поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Здѣсь онъ рано обратилъ своими

дарованіями, прилежаніемъ и обширной начитанностью на себя вниманіе товарищей и профессоровъ, которые, когда онъ былъ еще на третьемъ курсѣ, прочили его единодушно въ будущіе ученые. По выбору товарищей онъ завѣдывалъ изданіемъ и составленіемъ нѣкоторыхъ лекцій (по русской исторіи, по расколу), а также являлся виднымъ представителемъ отъ студентовъ историко-филологовъ въ тогдашнемъ студенческомъ «научно-литературномъ обществѣ». Не менѣе товарищей цѣнили его и профессора факультета, изъ коихъ въ особенности слѣдуетъ помянуть въ настоящемъ случаѣ покойныхъ Ореста Ѳедоровича Миллера, Егора Егоровича Замысловскаго и благополучно здравствующаго В. И. Ламанскаго. Когда въ 1883 г. была предложена Ор. Миллеромъ студентамъ тема на медаль по расколу, Бороздинъ представилъ обширную и прекрасную работу, посвященную характеристикѣ и критико-біографическому изслѣдованію личности протопопа Аввакума, каковая работа, удостоенная тогда первой золотой медали, и легла въ основаніе нынѣ вышедшей его диссертаци.

По окончаніи курса со степенью кандидата въ 1885 г., онъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, и около того же времени начинается и его литературная дѣятельность. Тогда же онъ былъ причисленъ къ министерству государственныхъ имуществъ для занятій по составленію описанія архива горнаго департамента. Въ 1888 г. Бороздинъ былъ командированъ на Кавказъ въ распоряженіе уполномоченнаго министра государственныхъ имуществъ, а въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ чиновникомъ статистической части при закавказскомъ статистическомъ комитетѣ, съ откомандированіемъ къ тифлисскому губернатору. Съ этого же времени начинается и его педагогическая дѣятельность въ тифлисскомъ женскомъ учебномъ заведеніи св. Нины. И здѣсь, какъ нѣкогда студентомъ на историко-филологическомъ факультетѣ въ университетѣ, онъ быстро занялъ видное положеніе и обнаружилъ чрезвычайную энергію въ организациі добавочныхъ лекцій воспитанницамъ по новѣйшей русской литературѣ. Въ должности преподавателя г. Бороздинъ прослужилъ до 1894 г., когда переведенъ на службу въ Петербургъ при государственной канцеляріи по архивной части. Въ 1895 г. онъ сдалъ экзаменъ на степень магистра русской словесности и началъ чтеніе лекцій въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія и на педагогическихъ женскихъ курсахъ; съ 1896 же года онъ открылъ въ качествѣ приватъ-доцента курсъ новой русской литературы при здѣшнемъ университетѣ. Съ 1897 г. онъ былъ приглашенъ преподавателемъ словесности въ Екатерининскій институтъ, а въ теченіе настоящаго 1898 г. принималъ, какъ организаторъ и лекторъ, самое дѣятельное участіе на общеобразовательныхъ курсахъ при обществѣ взаимопомощи педагогамъ. Эта обширная и кипучая педагогическая дѣятельность въ

теченіе какихъ нибудь неполныхъ даже четырехъ лѣтъ создала г. Бороздину репутацію прекраснаго лектора и опытнаго педагога, могущаго имѣть плодотворное вліяніе на самыя разнообразныя аудиторіи. Вотъ почему и провинціальныя города въ настоящее время начинаютъ обращать на него серьезное вниманіе и приглашаютъ его къ себѣ для чтенія публичныхъ чтеній.

Педагогическое поприще не отвлекло силъ г. Бороздина отъ излюбленныхъ имъ литературныхъ занятій, и онъ, несмотря на громадное напряженіе своей учительской и профессорской дѣятельности, находитъ, однако, достаточно времени, чтобы иногда появляться въ ученыхъ собраніяхъ съ рефератами и передъ читателями съ небольшими литературными очерками и добросовѣстно составленными рецензіями, напечатанными по преимуществу на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

Литературныя труды г. Бороздина, со времени окончанія имъ курса въ университетѣ, слѣдующіе. Съ 1886 г. онъ помѣстилъ рядъ статей и рецензій въ «Историческомъ Вѣстникѣ», перечень которыхъ можно найти въ указателяхъ къ журналу. Въ 1888—1889 гг. имъ напечатаны въ «Христіанскомъ Читаніи» нѣкоторыя сочиненія Аввакума, извлеченныя изъ рукописей императорской публичной бібліотеки, казанской духовной академіи, черниговской духовной семинаріи и В. Г. Дружинина. Въ 1886 г. онъ помѣстилъ нѣсколько фельетоновъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» подъ заглавіемъ «Съ Преображенскаго кладбища». Въ бытность свою на Кавказѣ онъ редактировалъ XVI вып. «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», а также составилъ «Статистическое приложеніе къ всеподданнѣйшему отчету тифлискаго губернатора за 1889 годъ». Съ переѣздомъ въ Петербургъ и съ поступленіемъ на службу въ государственную канцелярію ему поручаютъ редактированіе обзора дѣятельности государственнаго совѣта въ царствованіе императора Александра III, а также привлекаютъ къ участию въ изданіи описаній архива государственнаго совѣта. Кромѣ этихъ работъ, онъ участвуетъ иногда въ газетахъ «Кавказъ», «Новое Время» и др. и въ «Біографическомъ словарѣ императорскаго русскаго историческаго общества» и въ «Словарѣ писателей» С. А. Венгерова.

Г. Бороздинъ состоитъ членомъ кавказскаго отдѣленія императорскаго географическаго общества, императорскаго общества любителей древней письменности, неофилологическаго общества, союза русскихъ писателей, общества взаимопомощи педагогамъ, Амоса Коменскаго и многихъ другихъ.

Трудъ г. Бороздина «Протопопъ Аввакумъ», какъ уже сказано было выше, представляетъ собою основательный вкладъ въ литературу объ этомъ «богатырѣ-протопопѣ», какъ его нѣкогда назвалъ нашъ незабвенный историкъ, С. М. Соловьевъ. Авторъ даетъ намъ первую

настоящую подробно обследованную біографію знаменитаго расколоучителя въ связи съ тѣми культурными движеніями, которыя вызвали протестъ защитниковъ старины и обусловили выступленіе Аввакума въ качествѣ литературно-общественнаго бойца. Г. Бороздинъ прежде всего указалъ связи, соединяющія Аввакума съ общимъ движеніемъ по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, вслѣдствіе чего и остановился на всякаго рода столкновеніяхъ, возникавшихъ въ русской жизни, благодаря усилению западныхъ новшествъ. При разсмотрѣніи литературныхъ произведеній Аввакума, авторъ старается вездѣ, гдѣ только есть возможность, приурочить ихъ къ обстоятельствамъ его жизни, которыми многое въ нихъ объясняется, и старательно отмѣчаетъ тѣ ихъ стороны, которыя представляются наиболѣе оригинальными и которыми обуславливается сила Аввакума, какъ расколоучителя; при этомъ г. Бороздинымъ обращено вниманіе и на источники, которыми Аввакумъ могъ пользоваться для своихъ писаній, потому что они опредѣляютъ достаточно полно характеръ и степень его образованія. Исследователь счелъ излишнимъ вдаваться въ детальныя разъясненія въ этомъ направленіи главнымъ образомъ потому, что въ способѣ пользованія источниками Аввакумъ обнаруживаетъ большую самостоятельность, постоянно приравливая книгу къ пониманію своихъ послѣдователей.

Такая постановка задачъ работы привела г. Бороздина къ слѣдующимъ выводамъ, которые и явились на диспутѣ главными тезисами диссертаци:

- 1) Движеніе, выразившееся въ дѣятельности Аввакума, было чисто церковнаго характера; національный же и социальный элементы, значенія которыхъ нельзя отрицать, играютъ роль подчиненную. Национальныя столкновенія въ XVII вѣкѣ являлись причиною усиленія религіозныхъ опасеній, развивавшихся на почвѣ апокалипсическихъ представленій.
- 2) Доктрина раскола въ главныхъ чертахъ выработалась въ самое первое время его существованія, уже до собора 1666 года.
- 3) Ученіе объ антихристѣ было въ это время особенно развито Спиридономъ Потемкинымъ, но уже тогда явились такіе взгляды, противъ которыхъ впослѣдствіи возражалъ Аввакумъ.
- 4) Всѣ сочиненія Аввакума по существу полемическія.
- 5) Полемикой объясняется рядъ противорѣчій въ сочиненіяхъ Аввакума.
- 6) Источники сочиненій не всегда выбирались Аввакумомъ осторожно.
- 7) Пользованіе источниками всегда свободное, обнаруживающее оригинальность Аввакума; часто, вѣроятно, источники цитировались на память, за неимѣніемъ книгъ.
- 8) Оригинальность проявляется въ реализмѣ толкованій и въ яркости русскаго стиля Аввакума.
- 9) По вопросу объ отношеніяхъ къ еретикамъ Аввакумъ колеблется между двумя противоположными направленіями, существовавшими у насъ съ конца XV вѣка.
- 10) Аввакумъ разработалъ

основы безпоповщины, исходя изъ безразличнаго отношенія къ простецамъ и новопоставленнымъ попамъ, переходящимъ въ расколъ. 11) Еретичество Аввакума объясняется, какъ результатъ полемическаго увлеченія, стремленія опровергнуть воображаемую ересь противника и неумѣнія точно выражаться объ отвлеченныхъ богословскихъ предметахъ. 12) Самосожженіе одобрялось Аввакумомъ, не какъ средство душевнаго спасенія, но какъ единственный въ нѣкоторыхъ случаяхъ способъ избѣжать рукъ противниковъ. 13) Многія сочиненія Аввакума подвергались его собственной переработкѣ, а также и передѣлкѣ его послѣдователей.

Врядъ ли приходится много распространяться на тему, какъ добросовѣстно воспользовался авторъ всею литературою, имѣющею въ печати по настоящему предмету. Но, кромѣ печатныхъ источниковъ, г. Бороздинъ далъ въ своей книгѣ критическое описаніе рукописей, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ личности и литературному творчеству Аввакума, почерпнутыхъ имъ главнымъ образомъ изъ архива Казанской духовной академіи и впервые обнародованныхъ имъ въ настоящее время въ качествѣ «Приложеній» къ диссертаци. «Приложенія» придаютъ большую цѣнность работѣ г. Бороздина, и, несмотря на нѣкоторыя неточности здѣсь въ установленіи текста, происшедшія, повидимому, отъ торопливости при печатаніи книги, они даютъ возможность всякому по первоисточнику провѣрить выводы и утвержденія автора. Этихъ «приложеній» имѣется въ книгѣ тридцать одинъ нумеръ, и они занимаютъ почти четверть ея объема.

Главное достоинство книги, какъ литературнаго произведенія, ясность ея изложенія, картинность воспроизведенія эпохи, въ которую дѣйствовалъ Аввакумъ, и обстоятельность подбора фактическаго матеріала, необходимаго для біографіи расколоучителя. Къ сожалѣнію, авторъ поспешилъ дать единую цѣльную и художественную характеристику своего героя, не собравъ для того въ особую главу разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ книги отдѣльныя черты его характера. Это значительно ослабляетъ яркость впечатлѣнія отъ знакомства съ работой г. Бороздина и побуждаетъ читателя дѣлать усиліе, чтобъ воспроизвести передъ своими глазами оригинальную фигуру одного изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени. Означенное обстоятельство даетъ поводъ придирчивой критикѣ поставить г. Бороздину вопросъ: кто же такой былъ Аввакумъ—былъ ли онъ консерваторомъ только въ религіозной области, или консерваторомъ въ широкомъ смыслѣ слова, былъ ли онъ челоувѣкомъ по тому времени образованнымъ, или коснымъ невѣждой? Конечно, г. Бороздинъ можетъ отвѣтить на это, что вопросы эти разрѣшаются изъ пониманія самой эпохи, когда вопросы объ образованности и о консерватизмѣ разрѣшались самимъ отношеніемъ къ тогдашнимъ интересамъ церкви и къ фактическому участию въ

этихъ интересахъ. Но какъ бы то ни было, все же прямыя отвѣты на поставленные выше вопросы не мѣшало бы дать, такъ какъ это избавило бы г. Бороздина отъ возможныхъ придиорокъ и строгихъ замѣчаній.

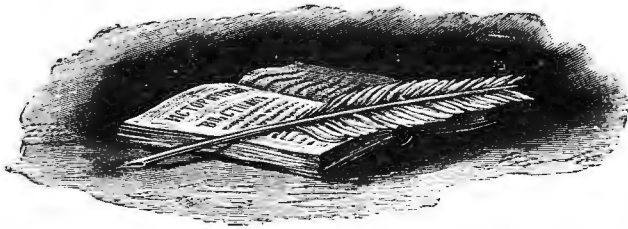
Сопоставляя далѣе работу г. Бороздина съ новѣйшими трудами по расколу, мы видимъ, что онъ стремится воспринять все лучшее, что даютъ разныя школы въ области изученія русскаго религіознаго движенія, избѣгая вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣзкихъ крайностей этихъ школъ. Онъ не примыкаетъ по своимъ симпатіямъ къ школѣ Щапова, видѣвшаго въ расколѣ исключительно земское, социальное явленіе; не примыкаетъ онъ и къ Влад. Соловьеву, усматривающему въ этомъ движеніи исключительное проявленіе національнаго русскаго духа. Равнымъ образомъ не ограничиваетъ онъ задачъ своего изслѣдованія лишь добросовѣстнымъ подборомъ фактическаго матеріала, каковая тенденція усматривается въ новѣйшихъ работахъ гг. Каптерева, Дружинина, Смирнова и другихъ. Примыкая ближе всего къ изслѣдователямъ послѣдней категоріи, онъ не останавливается лишь на воспроизведеніи фактовъ, а дѣлаетъ попытки осторожнаго ихъ обобщенія въ интересахъ общихъ выводовъ относительно разнообразныхъ сторонъ русской культурной жизни. Но къ этимъ общимъ выводамъ г. Бороздинъ подходитъ чрезвычайно осторожно и не вдается въ крайности и увлеченія, которыми нѣкогда грѣшилъ его покойный руководитель научныхъ занятій, Орестъ Федоровичъ Миллеръ, памяти котораго совмѣстно съ памятью отца г. Бороздинъ и посвятилъ настоящій свой трудъ.

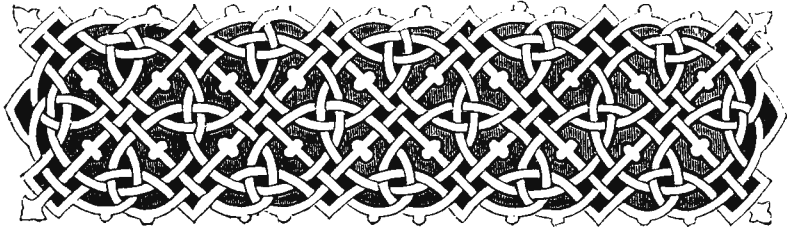
Диспутъ г. Бороздина, несмотря на глухое время сезона, привлекъ въ актовъ залъ университета многочисленную публику. Нельзя сказать, однако, чтобы диспутъ протекъ уже очень оживленно. Первый официальный оппонентъ, профессоръ И. Н. Ждановъ, слишкомъ долго сосредоточилъ свои возраженія на разныхъ мелкихъ недочетахъ книги, не могшихъ представить особеннаго интереса для публики и лишившихъ возможности диспутанта блеснуть передъ слушателями широкимъ запасомъ своихъ знаній. По мнѣнію г. Жданова, самый существенный недостатокъ работы г. Бороздина, — характеръ послѣдности и нѣкоторой небрежности, благодаря чему особенно пострадали «Приложенія». Второй официальный оппонентъ, профессоръ А. И. Соболевскій, именно указалъ на невыясненность вопроса въ книгѣ, къ какой категоріи слѣдуетъ отнести Аввакума — къ консерваторамъ ли въ общемъ смыслѣ, или къ консерваторамъ исключительно въ религіозной области.

Возражавшими изъ публики были профессора здѣшней духовной академіи, гг. Барсовъ и Смирновъ. Первый изъ нихъ вздумалъ, было, обвинить г. Бороздина въ томъ, что онъ не воспользовался въ Румянцевскомъ музеѣ всѣми имѣющимися тамъ рукописными сочиненіями Аввакума, но такое обвиненіе было разрушено воз-

раженіемъ г. Смирнова, который заявилъ, что въ Румянцевскомъ музеѣ, какъ ему досконально это извѣстно, никакихъ рукописныхъ сочиненій Аввакума болѣе не имѣется, кромѣ тѣхъ, которыя использованы авторомъ диссертаци. Что касается возраженій г. Смирнова, то они носили довольно таки серьезный характеръ, такъ какъ этотъ специалистъ по расколу и знатокъ церковной исторіи нашелъ въ работѣ г. Бороздина нѣсколько, повидимому, дѣйствительно серьезныхъ оплошностей, относящихся главнымъ образомъ къ установленію хронологическихъ датъ. Диспутантъ, однако, не нашелъ возможнымъ согласиться со сдѣланными ему возраженіями г. Смирновымъ, и вопросъ о хронологіи такимъ образомъ остался невыясненнымъ. Можно съ большею или меньшею вѣроятностью предполагать, что споръ между г. Бороздинымъ и его оппонентомъ перейдетъ со временемъ на страницы журналовъ, и тогда только будетъ возможность опредѣлить, кто правъ — представитель ли университетской свѣтской литературы или представитель литературы церковной.

Диспутъ затянулся до 5-го часа и кончился признаніемъ со стороны факультета защиты диссертаци удовлетворительною и диспутанта достойнымъ искомой степени магистра русской словесности. Рѣшеніе факультета было встрѣчено дружными аплодисментами присутствовавшей публики.

РАЗРАБОТКА ДАННЫХЪ О ЯЗЫКѢ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ СТАТИСТИЧЕСКОМЪ КОМИТЕТѢ.

АКЪ ВСЯКОЕ новое дѣло, производство первой всенародной переписи въ Россійской имперіи и ея разработка естественно нашли отголосокъ въ столичной періодической прессѣ. Нѣкоторыя изъ статей, посвященныхъ въ послѣднее время этому вопросу¹⁾, пошли однако дальше спокойнаго обсуждения тѣхъ или другихъ способовъ организаціи переписи, ея значенія и такъ далѣе, и стали критиковать самую разработку ея въ Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ, подвергая рѣзкому осужденію изданная имъ для означенной цѣли пособія. Въ виду того, что въ этихъ статьяхъ, написанныхъ авторитетнымъ тономъ, многое указываетъ на неясное пониманіе авторами ихъ самыхъ основъ дѣла, и Комитету приписываются такіе приемы и методы, которыхъ онъ никогда не придерживался, мы считаемъ необходимымъ, въ видахъ выясненія дѣла и возстановленія истины, вкратцѣ изложить тѣ принципы, которые легли въ основаніе пособій для размѣтки языковъ, а также познакомить читателя съ методами, которыми Центральный Статистическій Комитетъ дѣйствительно руководствуется при разработкѣ данныхъ о языкахъ и нарѣчіяхъ. Сначала же въ нѣсколькихъ словахъ выяснимъ, въ чемъ заключается разработка переписи вообще.

Общій комплексъ работъ, ведущихъ къ подсчету и классификаціи населенія, распадается на три главныхъ фазиса: размѣтку пе-

¹⁾ «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 89.

«истор. вѣсти.», июль, 1898 г., т. LXXII.

реписнаго матеріала, пробивку личныхъ карточекъ и подсчетъ послѣднихъ на счетныхъ машинахъ. Самой отвѣтственной и серьезной изъ этихъ работъ является размѣтка переписнаго матеріала, состоящая собственно изъ двухъ почти самостоятельныхъ моментовъ: 1) изъ разбора и провѣрки переписныхъ листовъ съ внѣшней стороны и 2) изъ размѣтки записей на этихъ вѣдомостяхъ и ихъ исправленія.

Первая работа заключается въ томъ, что рабочій тщательно разбираетъ весь переписной матеріалъ, по каждому счетному участку особо, съ цѣлью удостовѣриться, находятся ли въ немъ въ наличности все листы разныхъ категорій (формы А, Б и В), которые поименованы въ подсчетныхъ вѣдомостяхъ.

Вторая ея часть начинается съ того, что размѣтчикъ опредѣляетъ по 10 графѣ, въ связи съ показаніями въ другихъ графахъ, находится ли каждое лицо, значащееся въ переписной вѣдомости, въ данномъ мѣстѣ въ наличности (во временномъ пребываніи или на постоянномъ жительствѣ) или во временной или постоянной (или вообще долговременной) отлучкѣ. Затѣмъ рабочій приступаетъ къ внимательному просмотру записей на переписныхъ листахъ и на основаніи ихъ старается составить себѣ опредѣленное понятіе о каждомъ лицѣ. При этомъ обращается вниманіе на то, соответствуетъ ли показаніе вопросу, поставленному въ заголовкѣ графы, и требованіямъ, которыя предъявляются правилами заполнения переписныхъ листовъ. Въ отрицательныхъ случаяхъ невѣрные или неясные отнѣты исправляются при размѣткѣ листа по соображенію съ показаніями того же лица въ другихъ графахъ, съ отмѣтками счетчика на наружной сторонѣ листа, а также съ соответствующими наставленіями.

Самая размѣтка заключается въ замѣнѣ показаній или отвѣтовъ на вопросы каждой графы особыми условными знаками, установленными для этой цѣли и состоящими изъ большихъ и малыхъ буквъ и цифръ. Благодаря этимъ знакамъ, является возможнымъ перенести показанія каждаго лица, путемъ пробивки дырочекъ, на небольшую карточку, удобную для манипуляцій при подсчетѣ населенія на электрическихъ машинахъ, при классификаціи его по тѣмъ или другимъ признакамъ и т. д.

На каждой личной карточкѣ умѣщается всего 264 дырочки или прокола, которые и составляютъ предѣлъ того, что можетъ дать машина. Въ виду того, однако, что число всехъ видовъ признаковъ населенія, которые подлежатъ разработкѣ, въ нѣсколько разъ превышаетъ указанное предѣльное число проколовъ, явилась необходимость въ цѣлесообразной граппировкѣ ихъ. Съ этой цѣлью Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ и былъ изданъ цѣлый рядъ пособій для пользованія размѣтчиковъ и, кромѣ того, нѣсколько пособій, носящихъ характеръ справочныхъ книжекъ и предназначен-

ныхъ исключительно для лицъ, наблюдающихъ за ходомъ разработки переписи. Такимъ образомъ, въ пособіи № 7, принадлежащемъ къ первой категоріи, показано, какъ слѣдуетъ воспользоваться для регистраціи 295 № учебныхъ заведеній, значащихся въ ихъ перечнѣ, семью условными знаками, или, что то же самое, семью проколами, которые могли быть отведены для этого признака; въ пособіи № 8—77 вѣроисповѣданій и сектъ сгруппированы въ 16 группъ, соответственно 16 проколамъ, которыми можно было располагать для этой цѣли, и т. д.

Размѣченный переписной матеріалъ, послѣ тщательной двойной и даже тройной провѣрки лучшими рабочими и лицами, завѣдывающими этой частью разработки переписи, поступаетъ въ пробойное отдѣленіе, гдѣ, какъ указано выше, условные знаки на переписныхъ вѣдомостяхъ переносятся въ видѣ проколовъ на личныя карточки.

Не останавливаясь дольше на описаніи тѣхъ приѣмовъ, которые примѣняются при пробивкѣ карточекъ и при подсчетѣ ихъ на счетныхъ машинахъ, что завлекло бы насъ слишкомъ далеко, мы переходимъ къ главному содержанію нашей статьи—разсмотрѣнію способовъ разработки данныхъ о родномъ языкѣ въ Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ.

Разработкѣ данныхъ о языкахъ и нарѣчіяхъ посвящены три пособія—подъ №№ 10, 15 и 16. Послѣднее представляетъ изъ себя группировку въ лингвистическомъ отношеніи всѣхъ проживающихъ въ предѣлахъ Россійской имперіи народовъ и племенъ въ шесть крупныхъ и довольно рѣзко опредѣленныхъ отдѣловъ или категорій. Нѣкоторые изъ этихъ отдѣловъ прочно установлены наукой. Таковы: индо-европейцы или арійцы и семиты, представляющіе изъ себя цѣлые циклы по большей части родственныхъ народовъ, говорящихъ на языкахъ, между которыми можно прослѣдить генетическую связь. Таковы и урало-алтайцы, населяющіе большую часть Азіи и раздѣляющіеся на множество народовъ, языки которыхъ близки другъ къ другу по строенію.

Другіе отдѣлы, напротивъ, носятъ болѣе или менѣе искусственный характеръ, какъ, на примѣръ, отдѣлы, въ которые сгруппированы народы Кавказа, культурные народы восточной Азіи (китайцы, корейцы, японцы) и полярныя племена крайняго сѣверно-востока Азіи. Языки народовъ послѣдней категоріи мало изслѣдованы, въ виду чего представляется возможнымъ, что нѣкоторые изъ нихъ по надлежащемъ изученіи будутъ отнесены къ одному изъ предыдущихъ двухъ отдѣловъ.

Каждый изъ этихъ отдѣловъ языковъ подраздѣленъ въ свою очередь на группы и подгруппы, которыя уже состоятъ изъ одного, двухъ или нѣсколькихъ болѣе или менѣе близко стоящихъ другъ къ другу языковъ. Такимъ образомъ, языки индо-европейскаго корня были сгруппированы въ 9 группъ: индусскую, иранскую, роман-

скую, германскую, славянскую и три болѣе мелкихъ; кавказскіе языки—въ 4 почтисамостоятельныя группы (картвельскую, черкесскую, чеченскую и лезгинскую), которыя въ сущности, кромѣ географическаго распространенія, не имѣютъ почти ничего общаго между собою. Далѣе урало-алтайскіе языки были подраздѣлены на 5 довольно прочно установленныхъ группъ (тюркскую, финскую, самоѣдскую, монгольскую и тунгусскую). Всѣ перечисленные въ пособіи № 16 народности съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ мелкихъ и маловажныхъ приведены въ алфавитномъ порядкѣ въ пособіи № 15, гдѣ особые знаки (римскія и арабскія цифры и буквы), соотвѣтствующіе таковымъ же въ пособіи № 16, даютъ возможность сразу опредѣлить ихъ мѣсто среди другихъ народовъ и ихъ взаимную генетическую связь.

Здѣсь необходимо сдѣлать небольшое отступленіе и еще разъ напомнить читателю, что пособія, изданныя Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, не являются руководствами для самообученія размѣткѣ и не рассчитаны для пользованія безъ надлежащихъ указаній. Дѣйствительно, при размѣткѣ переписныхъ вѣдомостей, какъ въ языкѣ, такъ и въ занятіяхъ, сословіяхъ и другихъ признакахъ, постоянно встрѣчаются случаи, разрѣшеніе которыхъ не подѣ силу размѣтчикамъ, въ общемъ не обладающимъ большою опытностью. Такъ, напримѣръ, на нашъ взглядъ было бы рискованно предоставить на ихъ рѣшеніе такой вопросъ, куда отнести языкъ «ламайскій», «тибетскій» и «корсацкій» въ Астраханской губерніи и «фильманскій» въ Кольскомъ уѣздѣ Архангельской, а такіе случаи уже встрѣчались. Послѣдній языкъ размѣтчикъ весьма легко могъ бы принять за искаженіе слова «финляндскій» и отнести его къ финскому, тѣмъ болѣе, что уроженцы вел. кн. Финляндскаго встрѣчаются въ небольшомъ числѣ въ означенномъ уѣздѣ. На дѣлѣ же фильманами русскіе православные лопари называютъ своихъ сородичей и сосѣдей—норвежскихъ и шведскихъ лопарей-лютеранъ, которые говорятъ на особомъ нарѣчій лопарскаго языка. Что же касается до языка «ламайскаго» и «тибетскаго», то эти выраженія должны означать языкъ калмыковъ ламаитовъ, главный религіозный центръ которыхъ лежитъ въ предѣлахъ Тибета, откуда происходитъ и большая часть ихъ духовной литературы; наконецъ «корсацкій» языкъ есть не что иное, какъ искаженіе слова (киргизъ) «кайсацкій».

Число всѣхъ признаковъ населенія, которые подлежатъ разработкѣ, настолько велико, что языкамъ и нарѣчіймъ представилось возможнымъ удѣлить лишь 43 отверстія, которыхъ, какъ не трудно понять, оказывается далеко недостаточнымъ для того, чтобы каждый языкъ,—общая численность которыхъ, считая и мелкіе, простирается по нашей номенклатурѣ до 200,—могъ бы быть зарегистрированъ особо.

Вотъ какимъ образомъ Комитетъ разрѣшилъ эту задачу при составленіи пособій подѣ № 10, 15 и 16. Изъ общаго состава язы-

ковъ онъ выдѣлилъ и снабдилъ соответствующими буквами 14 важнѣйшихъ и имѣющихъ болѣе или менѣе широкое распространѣніе, каковы русскій, малороссійскій, бѣлорусскій, польскій, нѣмецкій, татарскій, этскій и т. д., коимъ и было приурочено по одному простому отверстію (прямая отмѣтка). На долю всѣхъ прочихъ языковъ и нарѣчій осталось такимъ образомъ всего 39 проколовъ, комбинированныхъ изъ двухъ отверстій (одно для десятковъ, другое для единицъ). Если бы для всѣхъ языковъ и для всѣхъ мѣстностей была сохранена однообразная нумерація, то, въ виду ограниченности отверстій, пришлось бы искусственно группировать подъ однимъ знакомъ часто малосходные языки. Но, конечно, такъ поступить было неудобно, потому что подобная искусственная группировка языковъ, которые намъ должны служить главнымъ критеріумомъ для сужденія о національности, не дала бы никакихъ результатовъ, могущихъ послужить на пользу этнографіи, демографіи и государственныхъ нуждъ.

Разбивъ поэтому Россійскую имперію въ географическомъ отношеніи на три большихъ района, довольно рѣзко отличающихся другъ отъ друга по этнографическому и лингвистическому составу своего населенія, именно на Европейскую Россію и Привислянскій край, Кавказъ и Азіатскую Россію и введя въ каждомъ изъ нихъ самостоятельную нумерацію, Комитетъ этимъ путемъ увеличилъ число показаній, которыя могутъ дать 43 простыхъ и комбинированныхъ прокола, до 112, т. е. почти утроилъ ихъ число. Вотъ какими соображеніями было вызвано то однообразное дѣленіе языковъ въ каждомъ районѣ на 39 группъ, которое привело въ такое смущеніе автора одной изъ критическихъ статей.

Не вошли въ эту нумерацію языки лишь тѣхъ народностей, пребываніе которыхъ въ данномъ районѣ носитъ чисто случайный характеръ и численность которыхъ въ каждомъ изъ нихъ не превышаетъ нѣсколькихъ единицъ или десятковъ, развѣ въ исключительномъ случаѣ сотни лицъ. О нихъ рѣчь ниже.

Но и при указанной комбинаціи нельзя было вполнѣ обойтись безъ соединенія нѣкоторыхъ языковъ въ группы, хотя въ настоящемъ своемъ видѣ эти группы и носятъ тѣсный и родственннй характеръ. Такимъ образомъ, въ Европейской Россіи № 14 заключаетъ въ себѣ языки испанскій и португальскій, № 25 норвежскій и датскій, № 28 сербскій и хорватскій; на Кавказѣ: № 2 представляетъ аварско-андійскую, № 7 даргинскую, № 22 кюринскую и т. д. подгруппы лезгинскихъ языковъ, перечисленныхъ въ пособіи № 16 (отд. III 4 а-д), далѣе подъ № 5 значатся языки горскихъ или кабардинскихъ татаръ (балкаръ, чегемцевъ и др.) и т. д.

Въ пособіи № 15 показано, какой № присвоентъ каждому изъ народовъ, проживающихъ въ предѣлахъ имперіи, а въ № 10, предназначенномъ для пользованія размѣтчиковъ, приведены языки лишь

тѣхъ народовъ и племенъ, которые имѣютъ особый номеръ, и тѣ, которые являются, такъ сказать, представителями цѣлой группы, напр., аварскій, даргинскій для аварско-андійской и даргинской группы языковъ, сербскій для сербскаго и хорватскаго, самоѣдскій для всѣхъ самоѣдскихъ нарѣчій и т. д.

Подобная предлагаемая Комитетомъ группировка населенія имперіи по языкамъ достаточно подробно и однородна, чтобы удовлетворить главнымъ нуждамъ государства. Но съ этнографической, лингвистической и отчасти съ демографической точки зрѣнія въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ встрѣтиться необходимость разбить нѣкоторыя группы на ихъ составныя части.

Способовъ такого обособленія отдѣльныхъ національностей или точнѣе группъ населенія, говорящихъ на одномъ языкѣ, въ распоряженіи Комитета имѣется нѣсколько. При однихъ изъ нихъ размѣтка переписнаго матеріала, пробивка карточекъ и подсчетъ населенія совершается обычнымъ порядкомъ, причемъ необходимыя выводы дѣлаются лишь изъ сопоставленія по-уѣздныхъ или по-губернскихъ итоговъ вѣдомостей или таблицъ, въ которыя имѣетъ быть облеченъ переписной матеріалъ. Другіе же способы требуютъ нѣкоторыхъ измѣненій въ работахъ, ведущихъ къ подсчету населенія.

Къ первой категоріи принадлежитъ способъ, основанный на дѣленіи отдѣльныхъ племенъ, сгруппированныхъ подъ однимъ номеромъ, по мѣсту ихъ обитанія. Этотъ способъ можетъ быть съ удобствомъ примѣняемъ для опредѣленія численности родственныхъ вѣтвей того же народа, представляющихъ большое сходство по всѣмъ признакамъ. Необходимымъ условіемъ его является лишь то, чтобы подобныя родственныя племена имѣли рѣзкія границы обитанія, другими словами, чтобы они не встрѣчались совместно въ однихъ и тѣхъ же уѣздахъ. Возьмемъ примѣръ. Хотя буква Т служитъ для обозначенія татаръ казанскихъ, астраханскихъ, крымскихъ и сибирскихъ, но тѣмъ не менѣе, зная распредѣленіе по имперіи отдѣльныхъ вѣтвей татарскаго племени и игнорируя отдѣльныхъ лицъ, проживающихъ вдали отъ родины, можно съ достаточною точностью опредѣлить численность татаръ: казанскихъ (Европ. Россія, кромѣ губерній Таврической, Херсонской и Астраханской), крымскихъ (губ. Таврическая и Херсонская), астраханскихъ (Астраханская губ.), западно-сибирскихъ (Тобольская и отчасти Томская губ. и Степныя области) и барабинскихъ (Каинскій окр. Томской губ.). Такимъ же образомъ китайцы и дунгане, говорящіе на одномъ языкѣ и обозначенные поэтому однимъ знакомъ (№ 14), легко могутъ быть раздѣлены, благодаря этому способу. Именно, послѣдніе проживаютъ почти исключительно въ Иссыккульскомъ и Токмакскомъ уѣздахъ Семирѣченской области ¹⁾, а первые въ южной полосѣ Приморской

¹⁾ «Алфав. списокъ народовъ, обитающихъ въ Росс. имп.», 1895, стр. 30.

и Амурской областей и въ меньшемъ числѣ въ другихъ пограничныхъ съ Китаемъ областяхъ Восточной Сибири. Также и индейцы, входящіе въ одну изъ группъ картвельскаго племени (подъ № 10), проживая исключительно въ Закавказскомъ округѣ, легко могутъ быть отдѣлены этимъ путемъ отъ прочихъ относящихся сюда племенъ (хевсуровъ, тушиновъ, мтиулетиновъ, пшавовъ), обитающихъ въ другихъ уѣздахъ Тифлисскаго губерніи.

Близокъ къ вышеописанному способу дѣленія извѣстной группы народностей подъ однимъ № на основаніи другихъ ихъ признаковъ, которыми они болѣе или менѣе рѣзко отличаются другъ отъ друга. Такими признаками являются: вѣроисповѣданіе, подданство, мѣсто рожденія и въ отдѣльныхъ случаяхъ сословіе. Вѣроисповѣданіе, напримѣръ, даетъ возможность раздѣлить лицъ, говорящихъ въ Таврической и Херсонской губерніяхъ на крымско-татарскомъ нарѣчій, на крымскихъ татаръ и караимовъ. По этому же признаку можно опредѣлять отдѣльно численность татовъ и горскихъ евреевъ, говорящихъ на татскомъ же языкѣ и обозначенныхъ поэтому однимъ номеромъ. Подданство даетъ возможность раздѣлить лицъ подъ № 14 на представителей испанскаго и португальскаго языка. Руководствуясь сословіемъ, можно изъ числа лицъ, показавшихъ въ Зап. Сибири роднымъ языкомъ татарскій, выдѣлить проживающихъ среди инородцевъ-татаръ бухарцевъ. Нечего и говорить о томъ, что, при примѣненіи подобныхъ приемовъ не представляется возможнымъ уловить отдѣльныхъ лицъ, которыя въ томъ или другомъ отношеніи составляютъ исключеніе среди своихъ сородичей. Напримѣръ, еврей или караимъ, принявшій мусульманскую вѣру, будетъ сосчитанъ: въ первомъ случаѣ крымскимъ татаринимъ, во второмъ—татомъ. Бѣды впрочемъ въ этомъ большой не будетъ, такъ какъ подобныя лица, измѣнившія вѣрѣ своихъ отцевъ и еще ранѣе утратившія родной языкъ и часто нравы и обычаи своей національности, тѣмъ самымъ уже примкнули къ другой. Въ виду этого соображенія подобныя единичные случаи, составляющіе впрочемъ сравнительно рѣдкія исключенія, нисколько не могутъ умалять достоинства этого весьма простаго способа для раздѣленія нѣкоторыхъ группъ населенія на ихъ составныя части.

Переписной матеріалъ покажетъ, какія еще нарѣчія придется включить въ перечень языковъ того или другого района. Весьма возможно, что для Сибири будетъ признано желательнымъ выдѣлить изъ общей массы языковъ, не имѣющихъ отдѣльнаго номера, нарѣчія кавказскихъ горцевъ, образовавъ изъ нихъ общую группу, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если среди ссыльнаго населенія ихъ окажется достаточное число. Эту группу можно было бы присоединить къ чукотскому языку (№ 36), на которомъ говоритъ народецъ, обитающій на крайнемъ сѣверо-востокѣ Азіи, гдѣ нѣтъ обитателей кавказскихъ горъ. Къ тому же различія тѣхъ и другихъ въ религіи,

мѣсгорожденіи, сословіи и занятіяхъ исключаетъ въ данномъ случаѣ всякую возможность ошибки.

Весьма полезными пособіями для ознакомленія съ вопросомъ о географическомъ расселеніи различныхъ племенъ въ Россійской имперіи, объ ихъ языкахъ, вѣроисповѣданіяхъ и т. д. могутъ служить изданные Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ «Списки населенныхъ мѣстъ», имѣющіеся для всѣхъ губерній Европейской Россіи и для Западной Сибири, а также «Приложенія ко всеподданнѣйшимъ отчетамъ губернаторовъ», памятные книжки и губернскіе календари. Главнѣйшіе выводы изъ этихъ сборниковъ съ добавленіями изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ сгруппированы въ брошюрѣ подъ названіемъ «Алфавитный списокъ народовъ, обитающихъ въ Россійской имперіи» (изданіе канцеляріи Комитета Министровъ). Специально по Закавказью, по которому не имѣется «Списковъ населенныхъ мѣстъ», существуетъ прекрасный трудъ мѣстнаго статистическаго комитета, озаглавленный: «Сводъ статистическихъ данныхъ о населеніи Закавказскаго края по посемейнымъ спискамъ 1886 г.» (изданіе 1893 г.). Конечно, этимъ перечнемъ пособій не исключаются и другіе серьезныя труды, посвященные описанію отдѣльных мѣстностей имперіи въ географическомъ, этнографическомъ, экономическомъ и другихъ отношеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для разрѣшенія вопроса о предѣлахъ распространенія различныхъ языковъ съ успѣхомъ можно прибѣгнуть къ лексическимъ матеріаламъ, собраннымъ на мѣстахъ, одновременно съ производствомъ однодневной переписи. Само собою однако понятно, что рассмотрѣніе этихъ матеріаловъ и рѣшеніе относящихся сюда вопросовъ можетъ быть поручено лишь специалистамъ дѣла.

Весьма практиченъ также и слѣдующій способъ, примѣняемый Комитетомъ для раздѣленія двухъ и болѣе языковъ, вѣроисповѣданій и другихъ признаковъ, обозначенныхъ однимъ номеромъ. Размѣтка переписнаго матеріала представляетъ въ данномъ случаѣ лишь то отличіе, что, кромѣ отмѣтки въ 12 графѣ на поляхъ вѣдомости пишется еще названіе одного (или двухъ) изъ языковъ, стоящихъ подъ общимъ №, обыкновенно того, который въ данномъ уѣздѣ или въ данной губерніи пользуется меньшимъ распространеніемъ. Карточки пробиваются, какъ однородныя, причемъ и здѣсь языку, который въ данной мѣстности имѣетъ меньшее значеніе, дѣлають сверхъ того вышеуказанную отмѣтку карандашемъ (см. пособіе № 2, гр. 11. IX).

Послѣ того, какъ надъ карточками продѣланы всѣ необходимыя при подсчетѣ манипуляціи, изъ общаго ихъ числа отбираются ручнымъ способомъ тѣ, которыя снабжены отмѣтками карандашемъ, и подсчитываются. Полученный итогъ и будетъ представлять общее число лицъ, говорящихъ на данномъ языкѣ. Вычтя это число изъ наличнаго числа населенія, для котораго въ графѣ 12 стоитъ об-

цій №, мы узнаемъ, какъ велика численность представителей языка, пользующагося бѣльшимъ распространеніемъ въ данномъ уѣздѣ или губерніи.

Благодаря такимъ приемамъ, можно, напримѣръ, легко опредѣлить численность какъ сербовъ, такъ и хорватовъ, значащихся подъ № 28. Воспользоваться же для этой цѣли однимъ изъ предыдущихъ способовъ нельзя, потому что обѣ эти національности живутъ до известной степени черезполосно другъ съ другомъ и въ общемъ не отличаются болѣе или менѣе рѣзко другъ отъ друга ни по вѣроисповѣданію, ни по подданству, ни по мѣсторожденію.

Весьма хорошіе результаты во многихъ болѣе сложныхъ случаяхъ можно получить путемъ примѣненія двухъ или болѣе подобныхъ способовъ одновременно. Пояснимъ это на примѣрѣ. Подъ № 09 на Кавказѣ значится группа языковъ западно-грузинскихъ народовъ, состоящая изъ имеретинскаго и гурійскаго. Предположимъ, что намъ почему либо желательно опредѣлить численность представителей того и другого. Какъ имеретины, такъ и гурійцы, состоятъ русскими подданными и принадлежатъ къ православной церкви. Значитъ, способъ раздѣленія этой группы грузинскаго племени по признакамъ ея составныхъ частей здѣсь не примѣнимъ, хотя данныя о мѣсторожденіи и могутъ дать нѣкоторыя указанія въ этомъ направленіи. Обращаясь къ «Своду данныхъ о населеніи Закавказскаго края», мы въ соотвѣтствующей таблицѣ находимъ, что въ уѣздахъ: Кутаисскомъ, Рачинскомъ, Шаропанскомъ, Лечгумскомъ, Сенакскомъ и Сухумскомъ Кутаисской губерніи изъ обѣихъ группъ населенія подъ № 09 проживаютъ исключительно имеретины, а въ Озургетскомъ уѣздѣ только гурійцы (10.800 душъ). Раздѣлять сельское населеніе той и другой національности не представляетъ такимъ образомъ затрудненій: для этого достаточно картельцевъ Озургетскаго уѣзда подъ № 09 считать гурійцами, таковыхъ же въ другихъ уѣздахъ той же губерніи имеретинами, хотя бы при этомъ и пришлось пожертвовать единичными лицами той или другой національности, проживающими среди сплошной массы другой. Иначе дѣло обстоитъ въ городахъ данной губерніи: въ Батумѣ, Поти, Озургетахъ и др., гдѣ имеретины и гурійцы живутъ рядомъ и въ перемѣшку другъ съ другомъ (въ 1886 г. около 20.000 д.). Здѣсь численность каждой народности можно опредѣлить лишь по послѣднему способу, именно снабжая тѣ изъ карточекъ подъ № 09, которыя соотвѣтствуютъ менѣе многочисленному племени, въ данномъ случаѣ гурійцамъ, особой отмѣткой.

Этотъ же способъ позволяетъ опредѣлить и численность весьма немногочисленныхъ представителей тѣхъ племенъ и нарѣчій, которыя въ данномъ районѣ не имѣютъ особаго знака. Всѣ подобныя племена или языки можно было бы собрать въ одну группу, хотя бы подъ № 14, подъ которымъ значатся языки испанскій и порту-

гальскій. Число представителей этихъ послѣднихъ, не превышающее въ цѣлой имперіи, 80 человекъ, можетъ быть опредѣлено по подданству, а численность лицъ, говорящихъ на другихъ болѣе или менѣе важныхъ языкахъ подъ этимъ №—при помощи только что изложеннаго способа. Всѣ же остальные языки этой категоріи, не имѣющіе въ каждомъ районѣ никакого значенія, можно было бы въ сводныхъ таблицахъ соединить въ одну общую графу подъ заголовкомъ «прочіе» языки.

Практичнѣе, однако, найдено въ данную минуту, въ видахъ болѣе точной регистраціи всѣхъ языковъ этой категоріи, ввести въ упомянутый выше способъ слѣдующее измѣненіе. Въ 12 графѣ ихъ вовсе не размѣчаютъ, а на поляхъ переписной вѣдомости прямо пишутся первыя буквы каждаго языка, не имѣющаго въ данномъ районѣ своего знака. Личныя карточки, соответствующія такимъ лицамъ, не пробиваются въ VIII полѣ, но взамѣнъ этой пробивки на ней ставится та же отмѣтка, которая была сдѣлана на переписной вѣдомости. На машинахъ эти карточки подлежатъ подсчету по всѣмъ признакамъ, кромѣ языка. Когда очередь дойдетъ до этого послѣдняго, то отмѣченныя карточки, какъ не имѣющія соответствующихъ дырочекъ, въ счетъ не пойдутъ и выбрасываются машиной. Онѣ сортируются по отдѣльнымъ языкамъ и подсчитываются ручнымъ способомъ, какъ указано выше.

Народы, о которыхъ идетъ рѣчь, суть: въ Европейской Россіи—японцы, китайцы, буряты, сарты и др.; на Кавказѣ—финны, шведы, болгары, мордва, и въ Сибири—единичные представители почти всѣхъ племенъ Европейской Россіи и Кавказа, проживающіе тамъ по большей части въ видѣ ссыльныхъ.

Спѣшимъ оговориться, что въ число языковъ этой сборной группы не имѣлось въ виду включать такіе, которые удобно могли бы быть присоединены къ имѣющимъ въ данномъ районѣ особый знакъ. Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что нѣтъ надобности регистрировать особо языки единичныхъ мингрельцевъ, имеретинъ и др. картвельцевъ, проживающихъ въ столицахъ, также и представителей разныхъ горскихъ племенъ Кавказа. Языки первыхъ съ полнымъ успѣхомъ можно было бы присоединить къ грузинскому, съ которымъ они находятся въ близкомъ родствѣ, а вторыхъ къ черкесскому, тѣмъ болѣе, что въ общегити подъ именемъ «черкесовъ» подразумеваются почти всѣ кавказскіе горцы.

Вообще, число подобныхъ чужестранцевъ въ каждомъ районѣ весьма не велико. Доказательствомъ этому могутъ служить послѣднія однодневныя переписи въ наиболѣе крупныхъ городахъ Европейской Россіи: въ С.-Петербургѣ (въ 1890 г.), Москвѣ (1882 г.), и Одессѣ (1891 г.), въ которыхъ, какъ вообще во всѣхъ большихъ торгово-промышленныхъ центрахъ, есть основаніе предполагать наибольшее скопленіе уроженцевъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей имперіи

и подданныхъ разныхъ государствъ. За исключеніемъ одного случая всѣ языки, которые въ перечнѣ языковъ по Европейской Россіи (пособ. № 10 и 15) не имѣютъ своего знака, и въ вѣдомостяхъ этихъ переписей соединены въ общую группу «прочихъ языковъ», въ которую часто включены и тѣ, о характерѣ которыхъ переписные листы не дали никакихъ указаній и которые при разработкѣ настоящей переписи будутъ обозначены знакомъ 00. Исключеніе, о которомъ мы упомянули выше, составляетъ японскій языкъ въ С.-Петербургѣ, представителей котораго въ нашей столицѣ въ 1890 г. числилось, однако, всего лишь 9 человекъ. Мы не упоминаемъ здѣсь о персидскомъ языкѣ, которому въ вѣдомости однодневныхъ переписей въ городахъ тоже была отведена особая графа, въ виду того, что онъ уже включенъ въ списокъ языковъ Европейской Россіи.

Возвращаясь еще разъ къ способамъ для опредѣленія численности отдѣльныхъ племенъ, замѣтимъ, что ни для цѣлей экономическихъ, ни для государственныхъ нуждъ не представляется необходимымъ дробить всѣ родственныя группы народовъ, говорящихъ на близкихъ языкахъ, на ихъ составныя части. Во-первыхъ, подобная работа, несмотря на кажущуюся простоту приемовъ, все же требуетъ времени и труда, а главное самаго внимательнаго надзора и контроля, при малѣйшемъ послабленіи которыхъ полученные результаты не соотвѣтствовали бы дѣйствительности. Во-вторыхъ, при недостаточной изученности многихъ племенъ имперіи, напримѣръ, алтайскихъ и енисейскихъ тюрковъ, полярныхъ народцевъ, кавказскихъ горцевъ и т. д. въ этнографическомъ, антропологическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ, подобная попытка во многихъ случаяхъ встрѣтила бы почти непреодолимые затрудненія. Дѣйствительно, нѣкоторыя изъ относящихся сюда народностей распадаются на множество болѣе мелкихъ, связанныхъ другъ съ другомъ цѣлымъ рядомъ переходныхъ ступеней и находящихся въ самыхъ разнообразныхъ степеняхъ родства другъ съ другомъ. Да и самыя названія, подъ которыми извѣстны нѣкоторыя изъ этихъ племенъ, могутъ служить причиной не малыхъ заблужденій, такъ какъ нерѣдко одно и то же племя носитъ нѣсколько именъ, изъ коихъ однимъ оно называетъ себя само, а подъ другими оно извѣстно у его сосѣдей. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, двое и болѣе племенъ, иногда говорящихъ на разныхъ языкахъ, извѣстны подъ однимъ именемъ. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ: койбалы, маторы, бельтиры, составляющіе, какъ и сагайцы, небольшія до извѣстной степени самостоятельныя народности, по языку принадлежащія къ алтайскимъ тюркамъ, иногда всѣ вмѣстѣ называются сагайцами или сагайскими татарами, такъ какъ послѣдніе имѣютъ наиболѣе важное значеніе среди всѣхъ племенъ, образующихъ Аскызскую Степную думу. Часть теленгутовъ (теленгетовъ), живущихъ въ Кузнецкой равнинѣ, образуетъ какъ бы особое племя, называемое апкиштымами. Одно тюркское племя Бій-

скаго округа—сойоты, называетъ себя, туба, а у монголовъ оно извѣстно подъ именемъ урянхайцевъ. Это же послѣднее имя монголы даютъ и другимъ племенамъ языческихъ тюрковъ, имѣющихъ въ свою очередь свои собственные названія. Подъ именемъ туба или тубинцевъ, съ другой стороны, извѣстны, кромѣ урянхайцевъ, еще другія народности Алтая, такъ, на примѣръ, это названіе даютъ алтайцы своимъ сосѣдямъ—черневымъ татарамъ, которые себя сами называютъ именемъ: «йижъ-киши», т. е. «люди черни». Во всѣхъ этихъ случаяхъ, слѣдовательно, слово: сагайскій, тубинскій и т. д., языкъ имѣетъ двойное и тройное значеніе. Иногда бываютъ и такіе случаи, что однимъ и тѣмъ же именемъ называются, съ одной стороны, извѣстный народецъ, и съ другой—одинъ какой нибудь родъ другого, носящаго самостоятельное имя—слѣдъ племеннаго родства между обоими племенами. Такимъ образомъ туба называются не только урянхайцы, карагасы и черневые татары, но и одно изъ поколѣній качинскихъ татаръ, а среди родовъ шорцевъ мы встрѣчаемъ семь носящихъ названія столькихъ же поколѣній сагайскихъ татаръ.

Разобраться во всѣхъ этихъ случаяхъ, пользуясь почти лишь одною записью о названіи языка, сдѣланною къ тому же по большей части невѣжественными счетчиками, рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Даже самая добросовѣстная разработка подобныхъ данныхъ дала бы результаты на столько сомнительнаго достоинства, что полученные выводы могли бы послужить лишь для введенія новой путаницы, этотъ разъ на статистической подкладкѣ, въ безъ того весьма слабо изученныя и крайне неясныя соотношенія между отдѣльными вѣтвями подобныхъ сборныхъ народностей. Въ виду этого Центральный Статистическій Комитетъ, конечно, и не станетъ слишкомъ дробить подобныя сложныя группы и ограничится, быть можетъ, выдѣленіемъ изъ нихъ языковъ болѣе или менѣе крупныхъ и типичныхъ народностей, оставивъ всѣ остальные нераспределенными.

Такимъ же образомъ, нѣтъ никакой необходимости, даже если бы это позволилъ переписной матеріалъ, подраздѣлить на основаніи данныхъ о языкѣ каждую изъ группъ лезгинскихъ народовъ на ихъ составныя части, которыхъ не менѣе 30 (пособіе № 16 III, 4 а-д), принимая во вниманіе, съ одной стороны, громадность подобной работы—всѣхъ лезгинъ свыше 600.000 душъ—и, съ другой, недостаточную ихъ изученность и возможность неизбѣжныхъ ошибокъ. Мы идемъ дальше и допускаемъ возможность такого случая, что большая часть народностей этой группы покажетъ своимъ роднымъ языкомъ просто лезгинскій, или такое обобщеніе сдѣлаетъ интеллигентный счетчикъ. Въ такомъ случаѣ намъ придется вовсе отказаться отъ подраздѣленія этого народа даже на пять подгруппъ и соединить всѣхъ ихъ въ одну, избравъ для нея хотя бы знакъ первой (аварско-андійской) группы этого языка (№ 1).

Вообще же во всех подобных случаях лучше воздержаться рѣшать что либо а priori, такъ какъ та или другая группировка языковъ въ значительной степени будетъ зависеть отъ качества и характера записей переписнаго матеріала.

Если мы до сихъ поръ упоминали слово «народность» и «національность», то мы подразумѣвали подъ этими выраженіями болѣе или менѣе однородныя группы населенія, говоряція на однихъ языкахъ. Вообще же языкъ и національность суть два понятія, которыя далеко не всегда и не всюду покрываютъ другъ друга.

Напримѣръ, извѣстно, что значительная часть мордвы, зырянъ, вотяковъ, вогуловъ и другихъ финновъ окончательно обрусѣла, что большая часть мещеряковъ и тептярей приняла башкирскій и татарскій языкъ, и часть башкиръ говоритъ на татарскомъ языкѣ. Руководствуясь однимъ указаніемъ языка, всѣ эти ассимилировавшіяся съ сосѣдями племени пришлось бы причислить къ этимъ послѣднимъ и полученныя въ результатѣ данныя представили бы довольно вѣрную картину распространенія языковъ. Но, принимая во вниманіе, что для государственныхъ нуждъ важно знать также и распредѣленіе населенія по національностямъ, а между тѣмъ языкъ, главный напѣ критеріумъ въ этомъ случаѣ, не всегда даетъ нужныя указанія, для данной цѣли пришлось воспользоваться и другими признаками населенія, которые можно было найти въ переписномъ матеріалѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшающее значеніе можетъ имѣть вѣроисповѣданіе; такъ, оно опредѣляетъ національность евреевъ, караимовъ, отчасти армянъ, монголовъ и тюрокъ. Въ другихъ случаяхъ 6 графа о сословіи можетъ намъ помочь до извѣстной степени возстановить настоящую національность лица, усвоившаго чужой языкъ. Одинъ такой случай мы видѣли уже выше (бухарцы). Вернемся къ нашимъ примѣрамъ. Обрусѣлыхъ финновъ, которые, какъ и большая часть русскихъ, являются крестьянами, мы по этому признаку не можемъ выдѣлить изъ состава русскаго населенія извѣстной мѣстности, исключая впрочемъ вогуловъ и остяковъ, которые принадлежатъ къ сословію инородцевъ. Съ нѣсколькимъ большимъ успѣхомъ возможно за то воспользоваться этимъ признакомъ для опредѣленія національности башкиръ, тептярей и мещеряковъ, какъ это и рекомендуется въ пособіи № 2 (гр. 12, § VIII).

Дѣйствительно, хотя всѣ эти народности и перечислены въ крестьяне, но все-же въ качествѣ бывшаго служилаго сословія (башкирское войско) они показываютъ себя: первые—просто башкирами, вторые—по большей части башкирами изъ мещеряковъ и тептярей. Не служилые представители послѣднихъ двухъ племенъ обыкновенно обозначаютъ себя въ графѣ 6 инородцами изъ мещеряковъ и тептярей.

Какъ ни практиченъ на первый взглядъ выше приведенный совѣтъ инструкціи—пользоваться для исправленія 12-й графы ука-

заніями графъ 6 и другихъ и отмѣчать языкъ отатарившихся мещеряковъ и тептярей не знакомъ 1), а № 21 и № 29, но на дѣлѣ оказывается, что этимъ путемъ можно опредѣлить лишь минимальную численность этихъ и имъ подобныхъ національностей, до известной степени утратившихъ свой языкъ. Мы сказали «минимальную», потому что далеко не всюду можно рассчитывать найти требуемыя указанія въ 6-й графѣ. Такимъ образомъ, небольшая часть мещеряковъ и тептярей, какъ обнаружилось изъ просмотра переписнаго матеріала по Уфимской губерніи, показала себя просто башкирами и инородцами, а обрусѣлые представители этихъ племенъ, численность которыхъ простирается до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ ¹⁾, вѣроятно, отмѣтятъ себя государственными крестьянами.

Комитету слишкомъ хорошо извѣстно изъ практики, что опредѣленіе національности по языку, даже при идеальной разработкѣ переписнаго матеріала, будетъ достигнуто лишь отчасти и должно заключать въ себѣ недочеты. Укажемъ хотя бы еще на то обстоятельство, что выраженіе «родной языкъ» не отличается особою опредѣленностью и ясностью и позволяетъ двоякое толкованіе, тѣмъ болѣе, что въ инструкціи для счетчиковъ не сдѣлано никакихъ разъясненій въ этомъ направленіи. Дѣйствительно, одна часть совершенно обрусѣлыхъ нѣмцевъ и финновъ, вѣроятно, показала при опросѣ своимъ языкомъ русскій, на которомъ многіе говорятъ съ малолѣтства, другіе напротивъ правильно поняли выраженіе «родной языкъ» въ смыслѣ языка той національности, къ которой они принадлежатъ по происхожденію, и показали своимъ языкомъ нѣмецкій и финскій. Также, вѣроятно, поступили и многія изъ тѣхъ лицъ, которыя, живя въ мѣстностяхъ, обитаемыхъ совмѣстно двумя-тремя племенами, въ одинаковомъ совершенствѣ владѣютъ двумя и болѣе языками. Таковы, напримѣръ, многіе латыши и эсты въ городахъ Прибалтійскаго края, въ особенности тѣ, которые происходятъ отъ перекрестныхъ браковъ другъ съ другомъ и съ нѣмцами; таковы литовцы, усвоившіе польскій языкъ, и т. д. Къ тому же одинаковость вѣроисповѣданія и въ большинствѣ случаевъ и сословія не позволяетъ при разработкѣ переписнаго матеріала сдѣлать нужныя поправки, если бы таковыя были признаны необходимыми.

Практичнѣе поэтому поступаютъ, повидимому, финляндцы и бельгійцы, которые въ своихъ переписяхъ требуютъ отъ лицъ, одинаково хорошо владѣющихъ двумя и тремя языками, показаніе каждаго изъ этихъ послѣднихъ. Но, конечно, этотъ способъ регистраціи языковъ, весьма практичный для маленькихъ странъ, представляющихъ мало разнообразія въ своемъ этнографическомъ составѣ, оказался бы непримѣнимымъ для многоплеменной и разноязычной

¹⁾ Въ губерніяхъ Саратовской и Пензенской числится свыше 35,000 обрусѣлыхъ мещеряковъ.

Россіи, гдѣ значительная часть населенія говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ.

Не лучшіе результаты получились бы, конечно, и въ томъ случаѣ, если бы населенію былъ прямо предложенъ вопросъ о его національности. Въ мѣстностяхъ, напримѣръ, гдѣ населеніе носитъ смѣшанный характеръ, а таковыхъ въ имперіи не мало, отвѣты его на указанный вопросъ далеко не всегда соответствовали бы дѣйствительности. Въ виду этого соображенія поневолѣ приходится мириться съ нѣкоторыми неудобствами опредѣленія національности по родному языку, въ особенности, если принять во вниманіе, что языкъ является признакомъ вполне объективнымъ и реальнымъ, чего нельзя сказать про національность.

Теперь, когда мы выяснили, какъ организована разработка языковъ въ Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ и насколько разнообразны средства, которыя находятся въ его распоряженіи для упрощенія дѣла классификаціи населенія по этому признаку, а также для устраненія могущихъ при этомъ вкратиться ошибокъ, мы возвратимся къ упомянутой выше статьѣ. Въ этой статьѣ говорится, что, «благодаря тому, что въ перечнѣ языковъ (брошюра № 10) разные языки показаны подъ одними и тѣми же нумерами, японцы на карточкахъ могутъ превратиться въ шведовъ или чеченцевъ, сарты въ молдаванъ или норвежцевъ, остяки въ турокъ (? курдовъ) и пр. Эти удивительныя превращенія совершаются вполне легко». Авторъ критической замѣтки при этомъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Размѣтчикъ, который замѣняетъ всѣ показанія населенія особыми знаками, переходящими потомъ въ видѣ проколовъ на карточку, не найдя въ спискѣ языковъ для Европейской Россіи японца, принужденъ искать его въ перечнѣ языковъ другихъ районовъ. Онъ его дѣйствительно находитъ среди языковъ Азіатской Россіи и отмѣчаетъ тѣмъ номеромъ, подъ которымъ онъ тамъ значится (№ 39). Такимъ же образомъ, отыскивая мѣсто для норвежца въ Азіатской Россіи, онъ заимствуетъ для него знакъ изъ перечня языковъ Европейской—№ 25, а для случайно забредшаго на Кавказъ остяка знакъ, подъ которымъ онъ значится въ родной Сибири—№ 21. Такъ какъ, однако, во всѣхъ районахъ языки подраздѣлены на тѣ же 39 группъ, то естественно, что подъ одними нумерами оказываются зарегистрированными три различныхъ языка, напримѣръ, № 39 будетъ означать какъ шведскій языкъ, такъ и чеченскій и японскій; № 25 норвежскій, молдаванскій и сартскій, № 21 остяцкій, мещерякскій и курдскій.

Когда отмѣтки о языкахъ перенесены въ видѣ проколовъ на карточки и переписной матеріалъ поступилъ въ архивъ, то «лицо, занимающееся разработкой матеріала, говорится въ статьѣ, вдругъ къ своему немалому удивленію должно замѣтить, что японца (нор-

ножца, остяка) на карточкѣ и слѣдъ простылъ, и передъ нимъ стоитъ уже не японецъ (норвежецъ, остякъ), а шведъ (саргъ, мещерякъ) или даже чеченецъ (молдаванъ, курдъ), такъ какъ подъ тѣмъ же номеромъ показаны именно шведъ и чеченецъ; а такъ какъ къ тому же изъ всего переписнаго листа одна 12-я графа указываетъ на національность лица, о которомъ составленъ листъ, то съ потерей языка опредѣлить дѣйствительную національность уже нельзя».

Начнемъ съ того, что мы находимъ болѣе чѣмъ страннымъ утвержденіе автора статьи, что отмѣтчикъ, не найдя извѣстнаго языка, напримѣръ, въ перечнѣ ихъ, предназначенномъ для Европейской Россіи, долженъ заимствовать для него знакъ, подъ которымъ онъ показанъ въ спискѣ азіатскихъ или кавказскихъ языковъ. Мы, съ своей стороны, смѣемъ удостовѣрить, что размѣтчикъ, не знающій, куда отнести народность, для языка которой не имѣется соотвѣтствующаго знака, долженъ, не мудрствуя лукаво, обратиться къ лицу, подъ руководствомъ котораго онъ работаетъ и которое, обладая болѣе опытною въ этомъ отношеніи, поможетъ ему выйти изъ затруднительнаго положенія. Но допустимъ на время, что размѣтчикъ, воспользовавшись временнымъ отсутствіемъ редактора, все-таки снабдилъ японца знакомъ, подъ которымъ въ Европейской Россіи значится шведъ, что размѣченныя переписныя вѣдомости были переданы на пробойники и что лишь послѣ пробивки карточекъ обнаружилось недоразумѣніе.

Вопреки заявленію смѣлаго критика, что лишь 12 графа указываетъ на національность лица, редакторъ, не прибѣгая къ подлинному матеріалу, легко разсортируетъ ошибочно пробитыя карточки на группы, соотвѣтствующія языку каждой національности. Онъ начнетъ съ того, что всѣ карточки подъ № 39, если онѣ касаются, напримѣръ, Прибалтійскаго края, гдѣ числятся до 5.000 шведовъ, но гдѣ не имѣется японцевъ, отнесетъ сполна къ первымъ. Если же эти карточки должны служить иллюстраціей населенія Петербурга или вообще крупнаго торгово-промышленнаго центра, гдѣ можно предполагать присутствіе отдѣльныхъ представителей тѣхъ и другихъ, а также чеченцевъ, то онъ, отобравъ изъ этихъ карточекъ весьма немногія, въ которыхъ въ VIII полѣ будетъ отмѣчено японское подданство, узнаетъ численность всѣхъ японцевъ, проживающихъ въ данномъ городѣ. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ, какъ мы видѣли, можетъ прибѣгнуть къ ихъ мѣсторожденію и религіи, которыми представители этого племени рѣзко отличаются отъ шведовъ и чеченцевъ—японцевъ христіанъ очень мало. Затѣмъ онъ изъ оставшихся карточекъ выдѣлитъ лицъ, исповѣдывающихъ мусульманскую вѣру, которыхъ и зачислитъ чеченцами, и очищенную этимъ путемъ отъ японцевъ и чеченцевъ группу карточекъ будетъ считать принадлежащею шведамъ.

Подобнымъ же образомъ онъ легко отдѣлитъ отъ сарговъ-мусуль-

мань Средней Азии единичныхъ, проживающихъ въ этой области, норвежцевъ-лютеранъ и православныхъ молдаванъ. Не представило бы для него затрудненія раздѣлить подобнымъ же образомъ мещеряковъ, остяковъ и курдовъ, хотя въ данномъ случаѣ ему не пришлось бы даже трудиться надъ разборомъ карточекъ. Онъ могъ бы прямо всѣхъ жителей Закавказья, снабженныхъ № 21, отнести къ курдамъ, таковыхъ же въ губерніяхъ Оренбургской, Пермской, Уфимской, Пензенской и Саратовской считать мещеряками, а въ сѣверныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи—угорскими остяками. Въ данномъ случаѣ почти невозможна ошибка, такъ какъ остяки внѣ своей родины не проживаютъ, курдовъ нельзя встрѣтить въ восточныхъ губерніяхъ и въ Западной Сибири, а мещеряковъ нѣтъ въ Закавказьѣ.

Но сдѣлаемъ еще одну уступку автору статьи и предположимъ, что ни провѣрщики, ни контроль, ни редакторы, не замѣтили ошибку, которая была допущена, и что карточки были разработаны на машинахъ, какъ однородныя. Постараемся опредѣлить, насколько отъ подобнаго упущенія могли бы пострадать общіе результаты переписки.

Общая численность представителей народностей, языки которыхъ не имѣютъ особаго знака для Европейской Россіи, врядъ ли превышаетъ 700—800 человекъ, а съ персами, которыхъ мы уже включили въ перечень подъ № 18, можетъ простираться до 1.000—1.100 душъ, что при населеніи Европейской Россіи и Привислянскаго края въ 1897 году въ 103¹/₂ милліона душъ составляетъ не болѣе $\frac{1}{100.000}$ части его. Если бы, такимъ образомъ, размѣтчикъ, не обращая вниманія ни на какія указанія редактора, предоставилъ бы полную волю своему расхолодившемуся воображенію и дѣлалъ самыя невозможныя толкованія пособій, редакторъ же все время отсутствовалъ, а контроль бездѣйствовалъ бы, то и въ этомъ случаѣ получилась бы ошибка, не превышающая $\frac{1}{1.000}$ ‰. На Кавказѣ число подобныхъ лицъ можетъ простираться до 700—800 человекъ. Это выясняется изъ слѣдующаго соображенія. Изъ свода данныхъ о населеніи Закавказья явствуетъ, что въ 8 губерніяхъ и областяхъ этого края общее число лицъ, принадлежащихъ къ національностямъ, которыя въ пособіи № 15 не имѣютъ особаго знака для Кавказа, простиралось въ 1886 году приблизительно до 400 человекъ (въ числѣ которыхъ числилось 107 болгаръ, 250—300 (?) шведовъ и финляндцевъ, показанныхъ совмѣстно съ нѣмцами, и 25 прочихъ). Сопоставивъ число 400 съ наличнымъ населеніемъ Закавказья въ 1886 году въ 4.700.000, мы получаемъ, что подобные чужестранцы составляли всего 0,07‰ его. Приблизительно таковъ же можетъ быть процентъ представителей «прочихъ» національностей и языковъ въ Сѣверномъ Кавказѣ и развѣ немного болѣе въ Азиатской Россіи,

именно въ Сибири. Какъ не трудно убѣдиться, эти ошибки, даже если предположить, что онѣ допущены, настолько ничтожны, что о нихъ не стоитъ и говорить.

Предоставляемъ теперь судить читателю, насколько былъ правъ авторъ цитированной критической статьи, утверждая, что въ Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ при разработкѣ переписи совершаются превращенія цѣлыхъ народовъ однихъ въ другіе.

Младшій редакторъ Центрального Статистическаго Комитета

С. Паткановъ.

ПАМЯТИ ГЛАДСТОНА.

НОГО было писано о Гладстонѣ въ «Историческомъ Вѣстникѣ»¹⁾, и теперь въ виду его смерти остается только резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ его шестидесятилѣтнюю благотворную дѣятельность, очертить бѣглыми штрихами его великую фигуру, нарисовать картинку настоящихъ національныхъ похоронъ, устроенныхъ ему всѣми слоями англійскаго общества безъ различія партій или убѣжденій, и указать на то, что писано о

немъ за послѣднее время.

Гладстоновская литература уже и при жизни великаго старика имѣла значительные размѣры, а теперь, конечно, она съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе расширяется. Но до сихъ поръ, по случаю его смерти, появилось еще немного стѣящихъ вниманія статей, воспоминаній и этюдовъ²⁾, такъ что можно указать только на подробныя

¹⁾ Великій Старикъ. Историко-биографическій очеркъ. «Историч. Вѣстникъ». сентябрь—октябрь 1892 г.

Преемники Гладстона. «Ист. Вѣстн.», апрѣль 1894 г.

Гладстонъ на закатѣ своихъ дней. «Ист. Вѣстн.», февраль 1897 г.

²⁾ Конечно, лондонскіе издатели уже ухитрились выпустить нѣсколько книгъ послѣ смерти Гладстона, но это или новыя изданія старыхъ сочиненій, или перепечатки журнальныхъ статей, или наскоро состряпанныя брошюры. Къ первымъ принадлежатъ: «Жизнь Гладстона», Г. Люси, въ «Серіи государственныхъ людей», «Популярная біографія Гладстона» А. Мельрота; обѣ онѣ снабжены нѣсколькими строчками о смерти ихъ героя, очевидно, напечатанными ручнымъ способомъ на чистой страницѣ, оставленной нарочно для этого въ давно подготовленныхъ книгахъ. Ко вторымъ можно отнести собраніе статей В. Стэда, появившихся въ различное время въ «Review of Reviews», и «Почеркъ Гладстона»—Е. Дальтона, который находитъ, что по живой энергіи штриховъ сверхъ и подъ строчками почеркъ

біографіи Гладстона, напечатанныя въ Times ¹⁾ безъ подписи автора и въ американской газетѣ «Evening Post» ²⁾, которая принадлежитъ перу его друга, члену его послѣдняго министерства и извѣстнаго публициста, Брайса, на очерки Криспи въ «La Tribuna» ³⁾ и Карла Блинда въ вѣнскомъ «Neue Freie Presse» ⁴⁾, на статьи въ «Academy» объ афоризмахъ Гладстона, о Гладстонѣ, какъ критикѣ, и о мнѣніи Макколея о Гладстонѣ ⁵⁾, на воспоминанія о разговорѣ съ Гладстонемъ, Шарля Жиродо, въ «Revue Bleue» ⁶⁾ и на нѣсколько страницъ, посвященныхъ въ «Correspondant» Маріей Бронсартъ недостаткамъ Гладстона ⁷⁾. Если мы прибавимъ къ этому ряду глубоко сочувственныхъ къ народному Вильяму отзывовъ, среди которыхъ фальшивую нотой звучать только разглагольствованія Маріи Бронсартъ, старающейся развѣнчать Гладстона и поставить выше его Льва XIII и Бисмарка, прибавимъ хотя и написанную ранѣе смерти великаго старика, но напечатанную въ майскомъ номерѣ «English Illustrated Magazine» ⁸⁾ краткую, но очень любопытную статейку Меткальфа Вуда о первой избирательной кампаніи Гладстона въ Нью-Йоркѣ въ 1892 г., то исчерпаемъ все, что появилось интереснаго за послѣдніе дни о «величайшемъ гражданинѣ нашего времени», какъ называютъ Гладстона американскія газеты. Мы постараемся извлечь изъ этого матеріала всѣ черты, которыя бросаютъ новый свѣтъ на великаго старика, и для большей полноты позаимствуемъ невѣдомыя, оригинальныя свѣдѣнія о немъ изъ недавно написанныхъ книгъ въ теченіе года, именно изъ новой біографіи Гладстона, извѣстнаго ирландскаго парламентскаго дѣятеля и англійскаго романиста Д. Маккарти ⁹⁾, сборника его мыслей, изданнаго Ф. Унвиномъ ¹⁰⁾, личныхъ воспоминаній Гарри Фурнлея ¹¹⁾ о Гладстонѣ въ парламентѣ и статьи М. Вудворда объ его частной жизни ¹²⁾.

Гладстона можно только сравнить съ почеркомъ Кромвеля и Бисмарка. Совершенно новыхъ брошюръ только три: краткая біографія, изданная Раутледжемъ, «Гладстонъ какъ человекъ»—Д. Вильямсона и «Анекдоты и воспоминанія о Гладстонѣ»—С. Макниля.

¹⁾ William Ewart Gladstone. Times. 20 may. (14 столбцовъ).

²⁾ W. E. Gladstone by M. Bruce.—Evening Post.—19 may. (15 столбцовъ).

³⁾ Gladstone di F. Crispi.—Tribuna.—20 maggio.

⁴⁾ Gladstone, von Karl Blind.—Neue Freie Presse. 21 may.

⁵⁾ Ms. Gladstone in Settle.—Mr. Gladstone as a reader and critic.—Macaulay on Gladstone.—Academy.—28 may.

⁶⁾ Une entrevue avec M. Gladstone, par Ch. Giraudeau. Revue Bleue, 28 may.

⁷⁾ Gladstone, par Marie Bronsart.—Correspondant. 25 mai.

⁸⁾ The field of Mr. Gladstone's first campaign, by Metcalfe Wood. English Illustrated Magazine.—May.

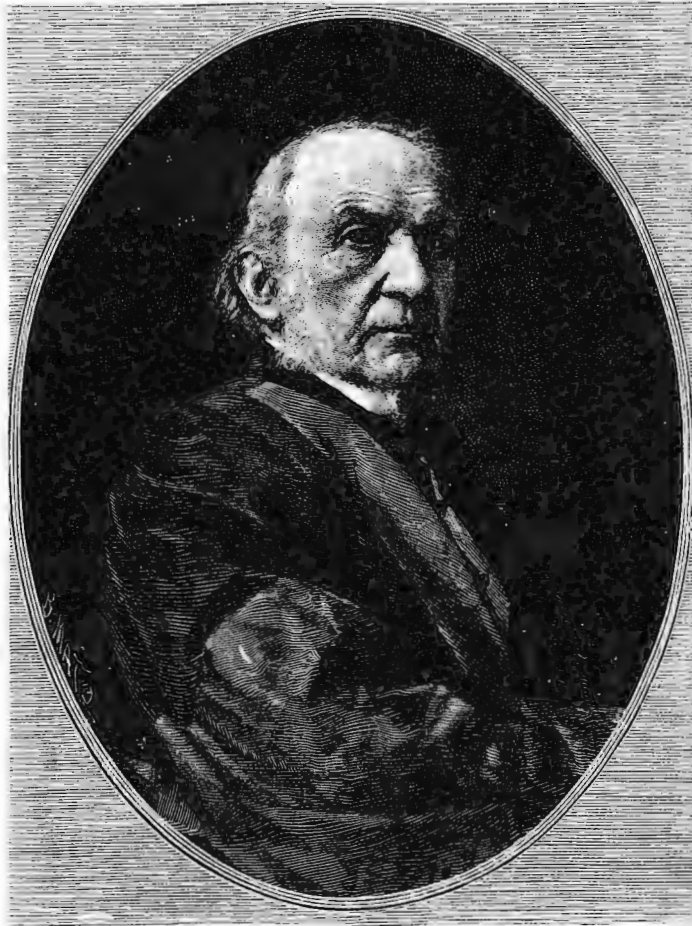
⁹⁾ Story of the life of Gladstone, by J. Maccarthy. London. 1898.

¹⁰⁾ A roll of thoughts from M. Gladstone. Edited by Fishes Unwin.—London. 1898.

¹¹⁾ Glimpses of Gladstone, by H. Furnley.—Century. September. 1897.

¹²⁾ The personal interests of M. Gladstone, by M. Woodword.—Pearsons Magazine. March.

Шестьдесятъ одинъ годъ неустанно трудился Гладстонъ на пользу своего народа и всего человѣчества; даже въ послѣдніе четыре года, проведенные имъ не у дѣль, онъ не переставалъ, когда словомъ, когда перомъ, отстаивать оскорбленныхъ и униженныхъ во всемъ свѣтѣ. Дебютировалъ на парламентской аренѣ

Виліамъ Эвартъ Гладстонъ.

23 лѣтъ отъ роду, въ лагерѣ торіевъ въ 1832 году, онъ постепенно прошелъ всѣ стадіи, отдѣляющія торію отъ радикала, которымъ онъ покинулъ залу св. Стефана въ 1894 г.; въ этотъ длинный періодъ времени онъ былъ двадцать лѣтъ торіемъ и консерваторомъ, занимаемая второстепенныя должности въ кабинетахъ сэра Роберта Пиля, которому много помогалъ въ проведеніи имъ отмѣны хлѣбной пош-

лины и въ установленіи свободной торговли, потомъ шестнадцать лѣтъ въ качествѣ либерала состоялъ то министромъ финансовъ, то вожакомъ оппозиціи, защищая финансовыя и избирательныя реформы, наконецъ, двадцать шесть лѣтъ, какъ радикаль, былъ четыре раза первымъ министромъ, а въ промежутки времени на скамьяхъ оппозиціи продолжалъ бороться съ торіями, верхней палатой и измѣнившими ему либеральными отщепенцами за торжество его излюбленныхъ мѣропріятій на благо Англии, Ирландіи и всего человѣчества. Всѣ съ перваго взгляда странныя превращенія въ его политической и общественной жизни не были шатаніемъ то въ одну, то въ другую сторону изъ самолюбія или корысти, а логической эволюціей по пути прогресса. Онъ стойко, неустанно шель впередъ и, по словамъ Брайса, все стремился къ свѣту! Онъ постоянно учился, совершенствовался и развивался, а когда являлась необходимость жертвовать для этого своими отжившими убѣжденіями, то онъ дѣлалъ это безъ сожалѣнія, ради блага народа, все равно своего или чужестраннаго; онъ не жалѣлъ порвать связи съ прошедшимъ и постоянно дѣйствовалъ только въ виду потребностей настоящаго и высшихъ идеаловъ будущаго. Строго нравственная подкладка лежала въ основѣ всѣхъ его дѣйствій, всѣхъ его поступковъ, и вотъ почему его родина и весь свѣтъ проводили въ могилу съ такимъ всеобщимъ сочувствіемъ этого перваго государственнаго человѣка нашего времени, котораго по его нравственнымъ качествамъ и великимъ заслугамъ дѣлу свободы и народнаго блага во всѣхъ странахъ нельзя и сравнивать съ такъ называемыми великими современными государственными дѣятелями: Тьеромъ, Кавуромъ, Бисмаркомъ и лордомъ Биконсфилдомъ.

Какъ министръ, общественный реформаторъ, парламентскій боецъ и народный трибунъ, Гладстонъ десятью головами возвышается надъ всѣми своими современниками. Его колоссальная, благородная, чистая фигура одиноко паритъ надъ юркими Диззи, хитрыми, кровожадными, Тьерами, ловкими, увертливыми Кавурами и желѣзными канцлерами, творцами теоріи огня и желѣза. А какъ человѣкъ, онъ соединялъ въ себѣ такія качества, которыхъ трудно найти въ одной личности: онъ былъ прямой и правдивый, добрый и гуманный, энергичный и не устаный въ трудѣ, мужественный, твердый и отзывчивый на все хорошее и чуткій на все справедливое; онъ откликался на стоны несчастныхъ жертвъ насилія и на нужды бѣдняковъ, онъ является передъ нами образцовымъ семьяниномъ и примѣрнымъ помѣщикомъ, вѣрующимъ христіаниномъ и вѣротерпимымъ мыслителемъ, серьезнымъ ученымъ, изслѣдовавшимъ Гомера и Данте, и рьянымъ живымъ публицистомъ, писавшимъ до послѣдней своей болѣзни безъ устали о всевозможныхъ предметахъ,—однимъ словомъ, въ Шекспировскомъ смыслѣ,—это былъ человѣкъ и ничто человѣческое не было ему чуждо.

Никто не может так ясно и рельефно охарактеризовать Гладстона со всѣхъ сторонъ, какъ афиризмы, извлеченные изъ его рѣчей, книгъ, брошюръ, статей и писемъ. Приведемъ на удачу нѣкоторые изъ нихъ:

— Однимъ изъ обыкновенныхъ площадныхъ заблужденій служить привычка принимать пламенное, сердечное чувство, жгучую впечатлительность и ничѣмъ не сдерживаемую искренность за нахальное, неистовое выраженіе крайнихъ мнѣній.

— Если мы встанемъ на достаточное возвышеніе, чтобъ объять весь нравственный кругозоръ, то поймемъ, что во время войны и мира часто побѣдитель является ниже побѣжденнаго.

— Для своего собственнаго развитія и совершенствованія, человѣкъ обязанъ приобретать наиболѣе полезныхъ знаній, которыми потомъ ему слѣдуетъ дѣлиться со всѣми нуждающимися въ образованіи.

— Между многими благородными мыслями, высказанными Гомеромъ, нѣтъ ни одной благороднѣе его сужденія о рабствѣ. «Въ тотъ день, когда свободный человѣкъ становится рабомъ, — говоритъ онъ, — всевидящій Зевсъ отнимаетъ у него половину его человѣческаго бытія». Онъ такъ говоритъ не потому, что въ то время рабство отличалось жестокостью, чего въ дѣйствительности не было, но по той простой причинѣ, что рабство было рабствомъ.

— Въ комнатѣ, наполненной книгами, никто не можетъ считать себя одинокимъ, такъ какъ книги — лучшіе друзья.

— Для произведеній ума не можетъ быть ни старости, ни вымиранія. Невозможно себя представить такого времени, когда Гомеръ, Данте и Шекспиръ не находили бы отголоска въ умѣ образованнаго человѣка.

— Поэзія, это зеркало міра, не можетъ только отражать привлекательную сторону жизни, но должна представлять и отталкивающія ея черты для контраста.

Восьмидесяти-восьми-лѣтняя жизнь Гладстона представляетъ цѣлый рядъ поразительныхъ сценъ, которыя такъ и просятся на полотно. Попробуемъ набросать самыя любопытныя изъ нихъ.

29 октября 1825 г., шестнадцатилѣтній, хорошенькій, кудрявый мальчикъ вступаетъ въ общество «Literati», существовавшее тогда въ Итонской школѣ, и произноситъ свою дѣвственную рѣчь на тему: «Полезно ли воспитаніе для бѣдныхъ?» «Въ нашъ вѣкъ быстро развившагося и развивающагося образованія» — были первыя слова, произнесенныя публично будущимъ великимъ ораторомъ, и это зародышъ народнаго Вильяма, ясно, опредѣленно высказавшагося въ пользу всеобщаго образованія.

Прошло семь лѣтъ, и 22 сентября 1892 г. юноша, только что вышедшій изъ Оксфорда, безбородый, съ большими выразительными глазами и умнымъ лицомъ, явился въ маленькій, уединенный горо-

докъ Англіи, Нью-аркъ, и смѣло поставилъ свою кандидатуру въ депутаты. «На слѣдующій день,—разсказываетъ онъ самъ,—въ 8 часовъ мы начали избирательную агитацію и проработали девять часовъ среди криковъ толпы, оглушительныхъ звуковъ оркестра и безконечнаго числа флаговъ и стакановъ пива или вина; затѣмъ обѣдъ на тридцать или сорокъ человѣкъ съ рѣчами и пѣснями; наконецъ игра въ вистъ, и только въ 1 часъ ночи я легъ въ постель, но не могъ спать отъ волненія и усталости».

Теперь перенесемся въ Неаполь 1850 года. Тамъ царилъ реакція и неистовствовалъ король Бомба. Бывшій его же конституціонный министръ Карло Поеріо былъ осужденъ и ввергнутъ въ тюрьму за то, что онъ желалъ единства Италіи. Проводившій зимніе мѣсяцы въ Неаполѣ, извѣстный англійскій депутатъ, бывшій сотрудникъ экономическихъ реформъ сэръ Роберта Пиля, присутствовалъ при несправедливомъ судѣ, посѣтилъ тюрьму со всѣми ея ужасами и все это къ изумленію Европы описалъ въ письмахъ къ лорду Абердину, прямо называя политику Фердинанда «отрицаемъ Бога, возведеннымъ въ правительственную систему».

Спустя три года, пламенный защитникъ угнетенной Италіи дебютировалъ 18 апрѣля 1859 года въ роли министра финансовъ и поразилъ всю палату, всю страну, весь свѣтъ, не только предложенной имъ смѣлой экономической реформой, но, невиданнымъ до него и послѣ него, умѣніемъ придать въ своей рѣчи, продолжавшейся пять часовъ, глубокой интересъ, даже обворожительную прелесть сухимъ цифрамъ. Сразу онъ былъ признанъ первымъ финансистомъ своего времени, и общій восторгъ дошелъ до того, что королева и принцъ Уэльскій написали ему поздравительныя письма, а провинціальныя муниципалитеты вотировали благодарственные адреса чудодѣйственному министру.

Минуло семнадцать лѣтъ, первый въ свѣтѣ министръ финансовъ сдѣлался премьеромъ, провелъ цѣлый рядъ благотворныхъ реформъ и, находясь теперь во главѣ оппозиціи, чтобы спасти Англію отъ позорной африканской политики юркаго Диззи, превратившагося въ лорда Биконсфильда, предпринялъ на семьдесятъ первомъ году своей жизни избирательную кампанію въ Единбургѣ, твердынѣ торіевъ. Среди зимней непогоды, онъ безостановочно произносилъ по два, по три раза въ день длинныя, блестящія рѣчи, и кончилъ тѣмъ, что одержалъ побѣду, низвергнулъ Биконсфильда и образовалъ свое второе министерство. Въѣзжая въ Единбургъ послѣ своего избранія, онъ былъ встрѣченъ восторженными криками рабочихъ: «Да здравствуетъ Гладстонъ, первый человѣкъ въ свѣтѣ».

2 мая 1886 г. произошла въ палатѣ общинъ сцена, съ которой едва ли можетъ сравниться какой либо другой эпизодъ ея исторіи. Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи въ переполненной до того залѣ св. Стефана, что въ первый разъ послѣ столькихъ вѣковъ существо-

ванія въ ней появились стулья, семидесятисемилѣтній старикъ, бывшій тогда въ третій разъ премьеромъ, предложилъ баллотировать его билль объ ирландскомъ самоуправленіи. Онъ прямо объявилъ, что наконецъ намѣренъ разомъ покончить съ ирландскимъ вопросомъ, и заключилъ свою рѣчь, которая была убѣдительною и краснорѣчивою всего, что онъ когда либо говорилъ, словами: «Подумайте хорошо, подумайте разумно не въ виду настоящаго, а въ виду будущаго, прежде чѣмъ вы отвергнете этотъ билль. Вѣдь на вашей сторонѣ отливъ, а на нашей приливъ». Вся палата безъ различія партій разразилась рукоплесканіями въ честь великаго оратора и великаго государственнаго дѣятеля, приносившаго себя въ жертву справедливости къ вѣкамъ угнетенной странѣ. Затѣмъ среди такого волненія, какого никогда не видала и, по словамъ очевидцевъ, никогда не увидитъ палата общинъ, были поданы голоса, и билль проваленъ.

Еще разъ, но уже въ послѣдній произнесъ въ февралѣ 1894 г. неутомимый парламентскій боецъ историческую рѣчь на аренѣ столь долгихъ его успѣховъ. Въ четвертый разъ министръ и видя, что всѣ его реформы, начиная отъ ирландскаго самоуправления, принятаго наконецъ палатой общинъ, отвергаются лордами, онъ произнесъ пламенную филиппику противъ верхней палаты, прямо заявивъ, что во главѣ всѣхъ политическихъ и общественныхъ вопросовъ отнынѣ стоитъ вопросъ объ устраненіи права лордовъ тормозить благотворную дѣятельность народныхъ представителей. Бросая такимъ образомъ перчатку наслѣдственнымъ врагамъ англійскаго народа, восьмидесятичетырехлѣтній старикъ никогда не казался такимъ бодрымъ и свѣжимъ, никогда голосъ его не раздавался такъ ясно, какъ въ этотъ моментъ его прощанія съ парламентомъ. Дѣйствительно, спустя два дня, онъ подалъ въ отставку, а затѣмъ отказался отъ депутатства.

Но эта рѣчь не была еще лебединой пѣснью великаго защитника народной свободы, и въ послѣдній разъ его могучій голосъ раздавался 24 сентября 1896 года въ Ливерпулѣ на публичномъ митингѣ. Онъ говорилъ за мучениковъ-армянъ и противъ убійцы султана; онъ громилъ хладнокровное безучастіе европейскихъ державъ и гнѣвно клеймилъ армянскіе ужасы, называя ихъ «самой ужасной и чудовищной страницей въ печальной исторіи человѣческихъ преступленій». Когда умолкъ на этотъ разъ его краснорѣчивый голосъ, то уже міру не суждено было его болѣе слышать.

Достоиннымъ увѣнчаніемъ этихъ памятныхъ сценъ въ жизни Гладстона была его мирная и тихая смерть въ Гаварденѣ и національныя похороны, устроенныя ему парламентомъ и всей страной.

Въ началѣ нынѣшняго года, невралгія, которою страдалъ великій старикъ, настолько обострилась, что онъ вернулся изъ Канна въ Гаварденъ и три мѣсяца терпѣливо сносилъ мучительныя стра-

данія, отвѣчая на всѣ вопросы о томъ, какъ онъ себя чувствуетъ: «Мнѣ хорошо, но я жду, жду». Но длинной агоніи, за которою съ лихорадочнымъ сочувствіемъ слѣдилъ весь свѣтъ, все-таки наступилъ конецъ. Умирающій заснулъ 18-го мая и рано утромъ на слѣдующій день во снѣ скончался. Послѣдними его словами передъ роковымъ сномъ были: «Доброта, доброта, доброта со всѣхъ сторонъ». Эти слова относились къ заботамъ окружавшей его семьи. Затѣмъ его губы пролепетали «Аминь», и навѣки замолкъ могучій голосъ, такъ долго будившій человѣческую совѣсть, такъ долго отстаивавшій свободу, правду и возвышенные идеалы въ нашу прозаическую эпоху огульной погони за наживой.

«Свѣтъ лишился своего величайшаго гражданина», характеристично выразилась американская газета «Трибуне», и эту вѣрную мысль на всѣ лады повторяла печать Старога и Новаго Свѣта за послѣдніе дни. Но для Англіи было мало славословить своего народнаго Вильяма, она чувствовала, что ей предстояло показать всему міру примѣръ, какъ слѣдуетъ отдавать послѣдній долгъ великому гражданину, и она достойно исполнила этотъ, возложенный на нее судьбою долгъ. Палата общинъ постановила, по примѣру Чатама и Пита, похоронить Гладстона на государственнѣйшій счетъ и въ Вестминстерѣ, гдѣ находятся могилы или по крайней мѣрѣ памятники почти всѣхъ великихъ людей страны. Эти настоящія національныя похороны продолжались четыре дня. Прежде всего тѣло покойнаго было выставлено въ Гаварденской библиотекѣ, и десятки тысячъ сосѣдей, преимущественно поселянъ, поклонились праху великаго дровосѣка, затѣмъ отпѣли его въ Гаварденской церкви, перевезли въ Вестминстеръ, среди сбѣгавшейся со всѣхъ сторонъ несмѣтной толпы, выставили для прощанія въ историческомъ Вестминстеръ-голлѣ, гдѣ въ старину короновались англійскіе короли и происходилъ судъ надъ Карломъ I-мъ, и наконецъ послѣ того, какъ передъ гробомъ прошло болѣе четырехъ сотъ тысячъ человѣкъ, принадлежавшихъ всѣмъ сословіямъ общества, перенесли его въ церковь св. Маргариты въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, гдѣ послѣ церковной службы гробъ опустили въ склепъ, такъ какъ собственно преданіе землѣ Гладстона произойдетъ надняхъ въ присутствіи одного его семейства. Шествіе тѣла изъ Вестминстера въ аббатство представляло никогда еще невиданное зрѣлище: въ немъ участвовали обѣ палаты въ полномъ составѣ, министерство, лондонскій, эдинбургскій и дублинскій лорды-мэры, депутаціи отъ арміи, флота, администраціи, муниципалитетовъ, правительственныхъ совѣтовъ университетовъ, ученыхъ обществъ и т. д.; кисти держали, кромѣ лорда Сальсбери и другихъ представителей теперешняго и Гладстоновскихъ кабинетовъ, герцогъ Уэльскій и старшій его сынъ герцогъ Йоркскій. Такъ какъ мистриссъ Гладстонъ заявила желаніе присутствовать при службѣ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, хотя обыкновенно въ Англіи дамы не бываютъ

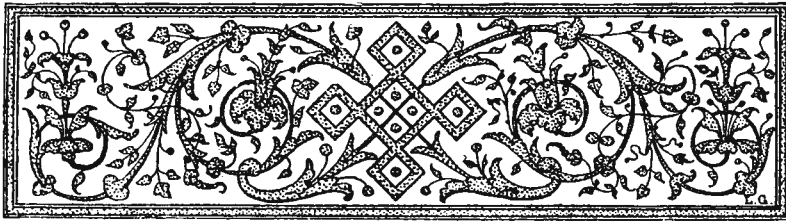
на похоронахъ, то герцогини Уэльская и Йоркская встрѣтили ее тамъ. Несмотря на національный характеръ похоронъ, онѣ отличались необыкновенною простотой и скромностью, безъ всякаго внѣшняго блеска, который вполнѣ замѣнился всеобщей искренней печалью. Въ этотъ день Лондонъ имѣлъ траурный видъ: почти всѣ магазины были заперты, причеъ на ставняхъ красовалась надпись: «Національный трауръ», а во всѣхъ церквахъ совершались торжественныя службы. То же происходило во всѣхъ городахъ и селеніяхъ Англїи, Шотландїи и Ирландїи.

Гладстонъ умеръ, и его проводила до могилы вся страна, весь народъ, безъ различїя сословїй, положенїй, партїй, мнѣній. Національныя похороны широко отворили ему дверь въ безсмертную область исторїи.

В. Тимирязевъ.

ПО КИТАЙСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ ¹⁾

III.

Городъ Чи-фу.

И-ФУ лежитъ на сѣверѣ Шантунскаго полуострова подь $37^{\circ}37'56''$ сѣв. шир. и $124^{\circ}22'33''$ вост. долготы, считая отъ Гринвичскаго меридіана.

Огромный, открытый рейдъ его окаймленъ съ сѣвера группой маленькихъ острововъ, нисколько не защищающихъ отъ волненія, какое разводятъ въ осеніе и зимніе мѣсяцы сѣверные вѣтры, господствующіе здѣсь въ это время года. На одномъ изъ такихъ острововъ, при самомъ входѣ на рейдъ, виднѣтся бѣлый маякъ; тутъ же небольшой фортъ.

Верстахъ въ трехъ къ востоку отъ города, уже на материковомъ выступѣ, который зовется Middle Point, другой фортъ. На материкѣ къ югу и западу поднимаются высокіе холмы; по гребню одного изъ нихъ, сбѣгающаго къ морю, вѣтся длинной лентой старая зубчатая стѣна. Европейская часть Чи-фу ютится на выдавшемся въ море мысѣ, высокомъ и скалистомъ, откуда открывается красивый видъ на заливъ. Собственно говоря, здѣсь нѣтъ рѣзко-обособленнаго европейскаго селенія, какъ въ другихъ открытыхъ китайскихъ портахъ, и это обстоятельство представляетъ одно изъ крупныхъ неудобствъ Чи-фу.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXII, стр. 606.

Въ городѣ имѣются четыре европейскія гостиницы, изъ которыхъ Beech-Hotel и Sea-Vew Hotel, обѣ рядомъ на морскомъ берегу, считаются лучшими. Есть нѣсколько магазиновъ; одинъ изъ нихъ—нѣкоего Сетаса, представляетъ огромное учрежденіе, гдѣ можно найти все, отъ духовъ, перчатокъ, принадлежностей платья и квартирной обстановки до снастей, якорей и предметовъ судового обихода,—общій типъ большихъ европейскихъ магазиновъ Дальняго Востока.

Европейцевъ, служащихъ въ разныхъ здѣшнихъ консульствахъ, торговыхъ конторахъ, таможнякъ, гостиницахъ и проч., говорятъ, наберется человекъ до 200. Русское вицеконсульство основалось въ Чи-фу совсѣмъ недавно. Но русское вліяніе давно уже даетъ себя знать въ этомъ порту. Сказывается она въ весьма оригинальной формѣ, въ видѣ русской рѣчи, которую вы въ первый разъ съ удивленіемъ и страннымъ волненіемъ слышите изъ устъ лодочника-китайца, перевозящаго васъ по бухтѣ. Поразговорившись, вы узнаете, что возница вашъ жилъ болѣе или менѣе долгое время во Владивостокѣ, гдѣ у него остались и родные, и знакомые, и что онъ думаетъ опять пробраться туда же на заработки. Положимъ, вы и раньше знали, что владивостокское китайское населеніе образуютъ почти исключительно выходцы изъ Шантунской провинціи, главнымъ образомъ изъ Чи-фу и его ближайшихъ окрестностей, знали, что, накопивши деньжонокъ, многіе изъ нихъ уѣзжаютъ на родину; казалось бы, поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго встрѣтить, напримеръ, въ Чи-фу китайца, говорящаго порусски; и тѣмъ не менѣе все-таки вы какъ-то радостно теряетесь отъ звуковъ родной, хотя и исковерканной рѣчи, слышимой въ столь необычной обстановкѣ. Между вами и этимъ грязнымъ китайцемъ устанавливается вдругъ какая-то странная связь: вы съ нимъ точно земляки, встрѣтившіеся неожиданно-негаданно на чужой сторонѣ; у васъ — общія знакомыя мѣста и лица; въ результатѣ, вы нежножко даже растроганы, и вашъ «землякъ», въ качествѣ «вещественнаго знака невещественныхъ отношеній», получаетъ лишніе 10—20 центовъ, что и требовалось, конечно, хитрому китайцу.

Туземный городъ не представляетъ ничего достопримѣчательнаго: жалкіе домишки и нестерпимая грязь и вонь. Жителей въ немъ до 40.000 душъ.

Въ Чи-фу существуетъ, между прочимъ, францисканскій женскій монастырь и при немъ школа для дѣтей. Весною 1895 года, когда наша эскадра стояла здѣсь, готовясь ко всѣмъ случайностямъ тогдашняго смутнаго времени, на дворѣ этого монастыря кипѣла спѣшная работа: наши матросы свозили сюда паруса и все дерево, какое только можно было снять съ кораблей безъ ущерба для дѣла; опытъ недавней войны показалъ, какую роковую роль играютъ деревянные части въ судовыхъ пожарахъ во время боя, и какія страшныя раны людямъ наносить щепы разбиваемаго снарядами дерева;

рѣшено было, поэтому, освободиться отъ него по возможности, и францисканскій монастырь любезно открылъ намъ свои двери, обративъ свой дворъ временно въ складъ русскихъ рей, стеньгъ, парусовъ и проч.

Лѣтъ 20 тому назадъ, миссіонерское дѣло въ Шантунской провинціи находилось исключительно въ рукахъ францисканцевъ. Но затѣмъ произошло раздѣленіе области въ этомъ отношеніи на два епископства: сѣверное и южное. Сѣверное, къ которому принадлежить и Чи-фу, осталось за францисканцами; южное перешло къ германскимъ католическимъ священникамъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, личный составъ и учрежденія перваго изъ нихъ составляли: одинъ епископъ, 13 европейскихъ священниковъ, 13 священниковъ-туземцевъ, 212 часовень и церквей, 2 семинаріи, 56 мужскихъ школъ съ 2.000 воспитанниковъ, 38 школъ женскихъ съ 1.000 человѣкъ учащихся, одинъ приютъ для сиротъ-мальчиковъ, въ которомъ числилось 64 пансіонера, 4 такихъ же приюта для дѣвочекъ, съ 580 воспитанницами, и 28.000 душъ католиковъ-туземцевъ.

Во второмъ: одинъ епископъ, 14 европейскихъ священниковъ, 20 церквей и часовень, одна школа и католиковъ-туземцевъ до 3¹/₂ тысячъ человѣкъ. Протестантская миссія насчитывала тогда же 120 миссіонеровъ и до 10.000 китайцевъ-протестантовъ.

Чи-фу—одинъ изъ самыхъ оживленныхъ пунктовъ прибрежнаго Китая: не говоря уже о массѣ являющихся сюда китайскихъ парусныхъ судовъ, между которыми большія морскія джонки изъ южныхъ портовъ насчитываются многими сотнями,—число пароходовъ, заходящихъ въ Чи-фу, достигаетъ 2.500 въ годъ.

О размѣрахъ торговыхъ оборотовъ мѣстнаго порта даютъ понятіе слѣдующія цифры за 1891 годъ: ввозъ—8.300,000 тѣль (21.000.000 р.), вывозъ—9.125,000 тѣль (23.000,000 р.).

Главные предметы иностраннаго ввоза составляютъ: хлопчатобумажные товары, причемъ американскихъ ввозится вдвое больше, чѣмъ англійскихъ; металлы, преимущественно старое желѣзо, идущее здѣсь на нужды мѣстной кузнечной промышленности; индійскій опиумъ, количество котораго, однако, изъ года въ годъ падаетъ, благодаря увеличивающейся культурѣ туземнаго мака; наконецъ керосинъ, главнымъ образомъ американскій; русскій керосинъ появился здѣсь впервые, кажется, въ 1889 году; количество его пока сравнительно ничтожно. Главными предметами туземнаго ввоза являются: сахаръ, бумага, шелкъ, хлопокъ и деревянное масло.

Вывозятъ же изъ Чи-фу: мѣстныя издѣлія изъ соломы, шантунскій шелкъ, бобы и вермишель.

Ввозъ индійскаго, т. е. англійскаго, опиума постоянно падаетъ, благодаря, какъ мы сказали, увеличивающейся культурѣ собственнаго опиума въ Китаѣ и значительно низшей цѣнѣ туземнаго продукта, сравнительно съ привознымъ. Китайскій опиумъ продается

приблизительно по 1 р. за фунтъ, индiйскiй же стоит не менѣе 2 р. Одна только Шантунская провинцiя производитъ ежегодно около 100.000 пудовъ опиума. Изъ 132 заведенiй для куренiя опиума, существующихъ въ Чи-фу, только 5 продаютъ своимъ потребителямъ чистый индiйскiй опиумъ, 30 — индiйскiй въ смѣси съ китайскимъ; наконецъ, 97 — торгуютъ исключительно чистымъ туземнымъ опиумомъ. Аналогичное явленiе замѣчается и во всѣхъ остальныхъ открытыхъ портахъ Китая, и недалеко время, когда индiйскаго опиума на рынкахъ Небесной имперiи вовсе не будетъ. Такимъ образомъ, естественной силой вещей, англичанамъ въ недалекомъ будущемъ суждено освободиться отъ позорной клички отравителей Китая, какою ихъ такъ охотно клеймятъ, особенно у насъ, совершенно забывая, что водка, по своему непосредственному разрушительному дѣйствию на организмъ человѣка, болѣе могучiй агентъ, чѣмъ опиумъ; по неисчислимому же вреду, оказываемому ею на народную нравственность, по той роли, какую она играетъ въ преступленiяхъ, болѣзняхъ, всякаго рода несчастiяхъ, она несомнѣнно стоитъ выше опиума. Китай, «отравляемый» англичанами, тѣмъ не менѣе не вырождается, по крайней мѣрѣ, нѣтъ ни одного признака такого вырожденiя. Если онъ пороку голодаетъ, то не отъ собственнаго глубокаго невѣжества, не отъ ужасовъ безпомощной темноты народной, а дѣйствительно отъ такихъ стихiйныхъ силъ, съ какими ужъ ничего не подѣлаешь. Преступленiя подъ влиянiемъ опиума тамъ неизвѣстны; у насъ подъ влиянiемъ водки они такъ велики, что и подсчету-то не поддаются. Мы только знаемъ, что тюрьма и ссылка, гдѣ роль производящихъ причинъ играютъ главнымъ образомъ бѣдность, невѣжество и пьянство, стоятъ Россiи ежегодно 13 миллiоновъ рублей, какъ разъ столько, сколько отпускается и на народное образованiе: совпаденiе цифръ удивительно краснорѣчивое. А во что обходится прогулъ рабочихъ дней отъ пьянства, и что стоятъ дни, проводимые алкоголиками въ больницахъ, объ этомъ трудно составить себѣ даже приблизительно представление.

Жителей въ Чи-фу, какъ мы сказали, около 40.000 душъ. Изъ нихъ до 5.000 человекъ занимаютъ исключительно кузнечнымъ ремесломъ. Они дѣлаютъ все, начиная отъ якорей для своихъ джонокъ и кончая иглками для шитья; работа изяществомъ не блещетъ, но по прочности можетъ поспорить съ кѣмъ угодно. Главнымъ же образомъ здѣшнiе кузнецы мастерятъ подковы, спросъ на которыя громаденъ. Дѣло въ томъ, что Чи-фу конечный пунктъ вьючнаго тракта, идущаго изнутри Шантунской области къ главному морскому порту ея, и сюда ежедневно приходятъ до 3.000 вьючныхъ муловъ, которыхъ, передъ тѣмъ, какъ имъ пуститься въ обратный путь, непремѣнно перековываютъ.

Торговля Чи-фу изъ года въ годъ растетъ. Съ именемъ этого города, благодаря его близости къ Печилiйскому заливу, а слѣдо-

нательно и къ Пекину, связаны всѣ крупныя событія новѣйшей исторіи Китая, и всѣ они влекли за собой болѣе или менѣе значительное усиленіе торговыхъ оборотовъ этого порта. На ростъ Чи-фу, въ свое время, оказало особенное вліяніе учрежденіе морскихъ станцій въ Вей-ха-веѣ и Портъ-Артурѣ, вызвавшее большой привозъ иностранныхъ машинъ и другихъ вещей, необходимыхъ для оборудованія этихъ портовъ, а также различныхъ орудій и военныхъ матеріаловъ для воздвигавшихся тамъ фортовъ. Все это ввозилось изъ-за границы черезъ Чи-фу и вызвало оживленную дѣятельность его. Какъ отразится на Чи-фу утвержденіе нѣмцевъ въ Кіао-чау, въ 150 миляхъ къ югу отсюда, сказать пока трудно. Больше шансовъ за то, что неблагоприятно; но утвержденіе англичанъ въ Вей-ха-веѣ, а въ особенности наше въ Портъ-Артурѣ скажется на первое время значительнымъ увеличеніемъ торговыхъ оборотовъ Чи-фу. Помимо всѣхъ прочихъ обстоятельствъ, здѣсь сыграетъ свою роль и то, что Чи-фу все-таки пока единственный портъ въ области Печилійскаго залива, гдѣ есть извѣстныя европейскія удобства, сносныя гостиницы, порядочное общество и гдѣ возможно устроиться сравнительно недорого. Такъ какъ Талиенвань представляетъ настоящую пустыню, а Портъ-Артуръ только жалкое китайское мѣстечко, то, вѣроятно, многимъ семьямъ нашихъ моряковъ и другихъ служащихъ, которыхъ судьба закинетъ на эти новыя наши окраины, придется жить въ Чи-фу, пока въ Портъ-Артурѣ устроится хоть что нибудь, похожее на русское жилье. Вообще устройство это, если только правительство не возьметъ въ свои руки дѣло возведенія квартиръ для своего служащаго персонала тамъ или не откроетъ ему какой либо долгосрочной кредитъ для этой цѣли, едва ли окажется подъ силу даже лицамъ, получающимъ исключительно хорошее содержаніе. Когда возникалъ и росъ Владивостокъ, подъ руками у насъ тамъ были превосходные дремучіе мѣса, и срубить себѣ домъ не представляло въ тѣ времена слишкомъ большого расхода. Въ Портъ-Артурѣ ни о какихъ лѣсахъ и помину нѣтъ: все голо. Строить придется каменные зданія, а кирпичъ, строительные матеріалы, да и все вообще тамъ теперь, конечно, безумно дорого. Какъ бы тамъ ни было, но пока трудно жить въ Портъ-Артурѣ русскимъ служащимъ семейнымъ людямъ будетъ прямо-таки невозможно, и волей неволей ихъ семьямъ придется устроиваться въ Чи-фу.

Лѣтомъ Чи-фу—одинъ изъ самыхъ здоровыхъ пунктовъ Китая. Расположенный на берегу моря, обвѣваемый вѣтрами, умѣряющими жаръ лѣтняго солнца, имѣющій прекрасный песчаный берегъ, удобный для морскаго купанья, онъ славится, какъ отличное дачное мѣсто, куда на сезонъ пріѣзжаютъ многіе европейцы изъ Тянь-цзина, Пекина, Шанхая. Но прелести Чи-фу все-таки очень и очень относительно: весною нерѣдки довольно злокачественныя перемежаю-

щіяся лихорадки; лѣтомъ—тяжелыя желудочно-кишечныя разстрой-ства; холера тоже иногда навѣщаетъ Чи-фу. Какъ бы тамъ ни было, однако, все же лѣтомъ онъ имѣетъ огромное преимущество передъ портами внутренняго Китая уже въ силу своего непосредственно-приморскаго положенія, дѣлающаго его непохожимъ на тѣ томительныя гигантскія паровыя бани, какія изображаютъ изъ себя въ лѣтніе мѣсяцы, напримѣръ, Тянь-цзинь, Шанхай, Фу-Чжоу и въ особенности Ханькоу, гдѣ при обычномъ штилѣ и температурѣ, держащейся неизмѣнно (и днемъ, и ночью) около 28—30° R., масса водяныхъ паровъ переполняетъ воздухъ, давая около 100⁰/₁₀ влажности. Въ сравненіи съ такимъ адомъ, конечно, и Чи-фу рай; но ни онъ, да и никакой другой пунктъ Дальняго Востока не можетъ быть поставленъ въ гигиеническомъ отношеніи на одну доску ни съ однимъ изъ русскихъ тихоокеанскихъ портовъ, ибо какъ ни плохо вообще устроены наши тамошніе порты, но ихъ умѣренный климатъ, рѣдкость эпидемическихъ кишечныхъ заболѣваній, прекрасныя условія для морскихъ купаній, представляемыя многими изъ нихъ, — все это даетъ имъ, въ глазахъ европейца, неизмѣримое преимущество, въ извѣстную пору года, передъ любымъ портомъ Китая и Японіи, не говоря уже о тихо-океанскихъ островахъ субтропическаго и тропическаго поясовъ.

Всякій изъ нашихъ морскихъ врачей, походивши по всеѣмъ этимъ южнымъ морямъ и океанамъ, съ приходомъ во Владивостокъ, напримѣръ, замѣчаетъ сейчасъ же уменьшеніе числа больничныхъ дней у себя на суднѣ и общее улучшеніе санитарнаго состоянія команды. А Владивостокъ далеко еще не блещетъ своимъ благоустройствомъ! То же самое наблюдается и на европейскихъ эскадрахъ, являющихся къ берегамъ нашего Уссурийскаго края или Приморской области. Нѣкоторые пункты этого побережья, напримѣръ, заливъ Посьета, бухты Славянка и Находка могли бы играть весьма важную роль въ качествѣ санитарныхъ станцій и мѣстъ морскихъ купаній для многочисленныхъ европейцевъ, попадающихъ волею судебъ на Крайній Востокъ, если бы нашлись средства и люди, которые и пожелали бы и смогли бы устроить это чрезвычайно важное дѣло.

Осень въ Чи-фу, какъ вездѣ на Дальнемъ Востокѣ, представляетъ лучшее время года, когда ясные, тихіе, солнечные дни, полные глубокаго мира, смѣняютъ лѣтніе туманы, ураганы и дожди. Фруктовъ здѣсь тогда много: яблоки, груши, виноградъ, дыни наполняютъ мѣстный рынокъ. Иностранцы, главнымъ образомъ американцы, пробовали разводить въ окрестностяхъ западныя разновидности этихъ плодовъ. Результаты получились блестящіе; но такъ какъ европейскія растенія требуютъ особеннаго ухода, а туземцы не умѣютъ или не хотятъ заботиться о нихъ, то дѣло не прививается, и нѣкоторые прекрасные фруктовые сады, говорятъ, теперь уже не приносятъ ничего.

Чи-фу лежитъ въ Шантунской провинціи; въ 40 миляхъ отъ него на востокъ, въ Вей-ха-веѣ, временно устроились англичане; въ 150 миляхъ къ югу, въ бухтѣ Кіао-чау, все въ той же Шантунской провинціи,—нѣмцы, надо полагать, тоже только временно; по другую сторону Желтаго моря, въ Портъ-Артурѣ, на южной оконечности Манчжуриі, основались мы, вѣроятно, прочно, разъ навсегда. Любопытно сравнить теперъ эти обѣ провинціи: Манчжурию и Шантунгъ, какъ ихъ рисуютъ въ высшей степени добросовѣстные отчеты такъ называемыхъ комиссаровъ императорскаго морскаго таможеннаго вѣдомства въ Китаѣ, находящагося уже слишкомъ 30 лѣтъ подъ верховнымъ начальствомъ знаменитаго сэра Роберта Харта.

Шантунская область представляетъ 65.184 квадр. мили горъ, долинъ, рѣкъ и озеръ. Она считается самой здоровой частью Китая, благодаря тому, что болѣе половины ея окружности изрѣзано моремъ, умѣряющимъ крайности жара и холода. Дожди выпадаютъ главнымъ образомъ лѣтомъ въ іюнѣ и іюлѣ; зимою въ декабрѣ и январѣ бываетъ порядочно снѣга. Населеніе 29.000.000 душъ,—около 445 на кв. милю. Въ этой провинціи родились Конфуцій и Ментсе; но народъ здѣсь гораздо менѣе грамотенъ, чѣмъ въ другихъ частяхъ имперіи: только 30% изъ всего населенія умѣютъ читать и писать. Гоанго, или Желтая рѣка, держитъ въ вѣчномъ страхѣ значительную часть области. Почти ежегодно, лѣтомъ или ранней весной, разливы ея затопляютъ ту или другую часть провинціи, оставляя послѣ себя сухой песокъ, гальки и т. п. отложенія, совершенно уничтожающія поля. Тысячи разоренныхъ семействъ принуждены бываютъ тогда отправляться въ другія далекія и сравнительно мало населенныя провинціи, въ родѣ Шанзи и Шензи, чтобы начать тамъ наново устроить свою жизнь. Масса крестьянъ и войскъ несутъ тяжелую повинность исправленія прорывовъ въ тѣхъ плотинахъ, что сдерживаютъ рѣку въ ея берегахъ. Бездна труда тратится на возведеніе новыхъ и укрѣпленіе старыхъ плотинъ. Засухи и наводненія, во время которыхъ люди гибнутъ десятками и сотнями тысячъ, частыя голодовки и выселенія сдѣлали то, что населеніе Шантунской провинціи уже лѣтъ 20 остается какъ бы безъ всякаго прироста: все тѣ же 29.000.000.

Особенно тяжелъ былъ для края 1888 годъ. Масса народа погибла отъ внезапнаго прорыва гигантской рѣкою ея плотинъ; солдаты, посланные поправлять ихъ, возмутились, считая этотъ трудъ совершенно бессмысленнымъ, тѣмъ болѣе, что заработія деньги, имъ отпускавшіяся, попадали въ карманы мандариновъ; они разсѣялись по всему несчастному краю, наводя своими грабежами ужасъ на мирныхъ обывателей. Крестьяне бросились въ города искать спасенія, оставивъ на произволъ судьбы поля съ неубраннымъ хлѣбомъ. Три мѣсяца продолжались страшные беспорядки. Въ то же время на сѣверѣ и западѣ провинціи появилась холера, быстро унесшая до милліона человѣческихъ жизней.

Но всё эти ужасы не мѣшаютъ, однако, Шантунской провинціи быть одною изъ богатѣйшихъ областей Китая. Почва ея чрезвычайно плодородна. Нѣдра ея содержатъ въ себѣ золото, серебро, ртуть, желѣзо, мѣдь, свинець. Мощныя залежи угольныхъ пластовъ открыты не менѣе, чѣмъ въ 17 мѣстахъ. Въ настоящее время уголь добывается туземцами преимущественно въ Вей-хсиенѣ, По-шан-хсиенѣ и Тсючуанѣ. Въ первомъ ежегодная добыча достигаетъ 300.000 пудовъ. Особенно хорошъ, говорятъ, уголь въ По-шан-хсиенѣ. Только на Тсючуанскихъ угольныхъ копанияхъ работаютъ съ помощью европейскихъ машинъ; въ остальныхъ мѣстахъ идетъ самое безобразное, первобытное ковырянье въ родѣ того, какъ у насъ въ Приморской области.

Главныя культурныя растенія провинціи: макъ, бобы, пшеница, просо, маисъ, земляные орѣхи, кунжутъ, финики, хлопокъ, грецкіе орѣхи.

Бобы прессуются здѣсь въ особые круги, которые идутъ частью на кормъ скоту, частью для удобренія полей, при чемъ во время процесса прессовки изъ нихъ извлекается масло, поступающее также въ продажу. Ежегодно черезъ Чи-фу въ другія мѣстности Китая проходитъ нѣсколько миллионовъ пудовъ прессованныхъ бобовъ.

Пшеница и лучшіе сорта тамошняго пшена составляютъ главную пищу житочныхъ семей; мансъ и болѣе грубое пшено — рабочихъ классовъ; рисъ не пользуется особой популярностью въ Шантунгѣ: даже тѣ, кто въ состояніи покупать его, предпочитаютъ пшеницу и просо.

Соломенные издѣлія составляютъ главную промышленность во многихъ частяхъ провинціи. Несомнѣнно, что мѣстные кустари по этой части могутъ соперничать съ европейскими; но въ Италіи, на примѣръ, воздѣлываютъ пшеницу специально для соломы, идущей на плетеніе; тогда какъ въ Китаѣ её сѣять преимущественно для зерна, утилизируя потомъ солому, причемъ различныя плетенья дѣлаются изъ одной разновидности соломы, цвѣтъ которой разнится, смотря по почвѣ.

Шелкъ представляетъ чрезвычайно важную отрасль мѣстной промышленности. Онъ дѣлится на два сорта: одинъ получается отъ червей, кормимыхъ дубовыми листьями, другой — отъ червей, вскормленныхъ листьями шелковицы. Первый имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе для области, хотя онъ и низшаго качества, такъ какъ, благодаря болѣе легкой ухода за червемъ, шелкъ этого сорта производится въ громадныхъ количествахъ. Чтобы черви могли давать хорошій шелкъ, дубовыя деревья, листьями которыхъ они кормятся, должны имѣть не меньше 8-ми лѣтъ. Коконы, собранные съ одного акра такихъ деревьевъ, даютъ отъ 8 до 11 фунтовъ шелка. Шелковичныя деревья иногда разсаживаются маленькими плантаціями, при чемъ на 1 акръ приходится ихъ отъ 10 до 20, смотря по

почвъ; но большею частью ихъ сажаютъ по окраинамъ полей и въ другихъ уголкахъ, которые не могутъ быть употреблены на что либо другое. Шелковица должна имѣть 10 лѣтъ отъ роду, чтобы годиться для червей, дающихъ хорошій шелкъ; такое дерево производитъ до 2-хъ пудовъ листьевъ ежегодно; 2 пуда листьевъ даютъ 5 фунтовъ коконовъ, изъ которыхъ получается около $\frac{1}{3}$ фунта шелку. Шелковичныя деревья повторно обрѣзаютъ; такимъ путемъ получается масса молодыхъ побѣговъ, распускающихся ранней весной, и эти нѣжные листья употребляются для кормленія молодыхъ червей, какъ только они вылупятся. Заведеній для производства шелковыхъ тканей здѣсь немного: 10 сосредоточены въ городѣ Чинч-ау-фу, въ 350 верстахъ отъ Чи-фу, и одно въ самомъ Чи-фу. Туземныя шелка плохо окрашиваются, что объясняется избыткомъ соды, употребляемой во время разматыванія, для того, чтобы растворить клей коконовъ; и такъ какъ здѣшніе китайцы не знаютъ способа извлекать щелочь химическимъ путемъ, то матеріи не принимаютъ иныхъ цвѣтовъ, кромѣ темно-краснаго, чернаго или сѣраго, и всѣ краски смотрятъ блеклыми. Это относится къ шелку отъ червей, вскормленныхъ дубовыми листьями. Шелкъ отъ червей, воспитанныхъ на листьяхъ шелковицы, окрашивается гораздо лучше.

Теперь Шантунская область не производитъ больше шелковъ для императорскаго двора и знатныхъ фамилій. Ханчеу, Сучжоу и Нанкинъ—главныя мѣста такого производства.

Лучшіе шелка, вообще, идутъ изъ провинцій: Ссечуанъ, Хупе, Чекіанъ и Кіаннанъ. Въ Чекіанской провинціи до 600 станковъ дѣлаютъ шелковыя ткани исключительно для двора и высшихъ сановниковъ. Для императора, согласно образцамъ, посылаемымъ изъ Пекина, производится особенный сортъ парчи, которую прочіе смертные носить не могутъ. Здѣсь же, въ этой провинціи, выдѣлывается золотой, тисненый сатинъ исключительно для знаменныхъ войскъ въ Пекинѣ и къ сѣверу отъ него. Такого сорта матеріи стоитъ и здѣсь громадныхъ денегъ.

Шантунская область производитъ, главнымъ образомъ, шелкъ-сырецъ, шелковыя нитки и простыя шелковыя ткани, извѣстныя у насъ подъ именемъ че-чун-чи и фанзы. Здѣшній шелкъ, даже отъ червей, вскормленныхъ листьями шелковичнаго дерева, значительно ниже шелка Кіансу и Чекіана, потому что въ Шантунѣ шелковица разводится черенками, а тамъ прививками; при прививкахъ же получается листъ болѣе толстый и сочный.

Производство вермишели является тоже очень важною отраслью Шантунской промышленности: ея выдѣлывается ежегодно на 5 милліоновъ рублей. Лучшая вермишель готовится изъ зеленыхъ бобовъ; низшій сортъ изъ желтыхъ бобовъ или проса, смѣшаннаго съ зелеными бобами: бобы обращаются въ муку и затѣмъ въ тѣсто, которое пропускается черезъ сито съ дырами одинаковой величины;

сито виситъ надъ котломъ съ кипящей водой, куда и падаютъ нити пропускаемаго тѣста. Спустя немного времени, ихъ вынимаютъ, всполаскиваютъ въ холодной водѣ и затѣмъ сушатъ на солнцѣ.

Соль, добываемая въ Шантунской провинціи выпариваніемъ въ громадныхъ количествахъ, посылается главнымъ образомъ въ Хонань. 8.000.000 рублей представляютъ ежегодную стоимость этой промышленности. Такъ какъ въ Китаѣ существуетъ налогъ на соль, то Шантунгъ даетъ казнѣ до 1½ миллионъ рублей одной казенной пошлины.

Но, несмотря на всѣ природныя богатства области, несмотря на крайнее трудолюбіе и умѣренность ея населенія,— народъ здѣсь очень бѣденъ, благодаря постоянной смѣнѣ одного стихійнаго несчастія другимъ: то засуха, то дожди не во время, то Гоанго прорветъ плотины и пуститъ по міру, а то и совсѣмъ на тотъ свѣтъ отправить тысячи семей; трудно богатѣть при такихъ условіяхъ.

Манчжурія во многихъ отношеніяхъ представляетъ несравненно большія естественныя преимущества, чѣмъ Шантунгъ. Подъ общимъ собирательнымъ именемъ Манчжуріи извѣстны три сѣверо-восточныя провинціи Китая: Фентіенъ, Гиринь и Хейлюнчянъ.

Манчжурія граничитъ: на сѣверѣ Амуромъ; на востокѣ—рѣкою Усури, нашей Приморской областью и Кореей; на югѣ—Желтымъ моремъ и Ляотунскимъ заливомъ; на западѣ—Монголіей. Эта обширная страна, занимающая пространство въ 280.000 кв. миль, чрезвычайно гориста. Въ сѣверной провинціи—Хейлюнчянской, горы представляютъ развѣтвленія Хинганскаго хребта; въ средней—Гиринской, — величественный Чан-бо-шанъ является центральнымъ узломъ, отъ котораго отходятъ гряды горныхъ группъ, покрывающихъ значительную часть области и простирающихся отсюда въ южную—Фентіенскую провинцію и Корею. Климатъ Манчжуріи—здоровый, чуждый крайностей томительнаго зноя южно-азиатскихъ странъ и свирѣпой продолжительности зимней стужи нашей даже южной Сибири.

Горы Манчжуріи изобилуютъ драгоцѣнными минералами. Въ обѣихъ сѣверныхъ провинціяхъ найдены мѣдь и свинецъ, но они не разрабатываются; желѣзо добывается туземцами близъ Ляо-янга; угольныя залежи занимаютъ обширныя пространства земли въ провинціи Фентіенъ, и нѣсколько угольныхъ копей работаютъ въ окрестностяхъ Ляо-янга, у западнаго Кин-чау, Фучау и въ долинѣ рѣки Ялу. Близъ Гирина находятся также обширныя угольныя залежи; тамъ даже добывается довольно значительное количество угля для снабженія мѣстнаго арсенала и пороховыхъ заводовъ необходимыхъ топливомъ.

Долины центральной и сѣверной Манчжуріи болѣе или менѣе

богаты отложениями аллювиальнаго золота. До 1888 года добыча золота была здѣсь запрещеннымъ промысломъ; въ этомъ же году разработка нѣкоторыхъ залежей была сдана въ аренду одной туземной компании, во главѣ которой, хотя и негласно, стоитъ самъ Лихун-чанъ. Неподалеку отъ нашей крайней южной границы съ Китаемъ, близъ города Хунчуна, открыто, говорятъ, очень богатое золото. Тамъ же, по слухамъ, найдена мощная серебряная жила, гдѣ китайцы будто бы примѣнили даже иностранныя машины.

Населеніе Манчжуріи простирается до 10.000.000 душъ.

Въ 1881 году, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Шантунскаго полуострова, были вывѣшены правительственныя объявленія, въ которыхъ населеніе области, сильно пострадавшее тогда отъ наводненія, приглашалось эмигрировать въ Манчжурію, и селиться въ такихъ мѣстахъ, какъ Хунчунъ, Сан-синъ и Нингута. Китайское правительство преслѣдовало, при этомъ, несомнѣнно и политическія цѣли, стараясь заселить погуще именно тѣ части Манчжуріи, которыя находятся по сосѣдству съ нашимъ южно-уссурійскимъ краемъ. Многіе бѣдняки изъ Шантунской и Чжилійской провинцій бросились на новыя мѣста, и 10 лѣтъ этотъ потокъ эмигрантовъ не прекращался. Правительство сдѣлало съ своей стороны всё, чтобы облегчить переселенцамъ первое время пребыванія въ новой обстановкѣ, и, между прочимъ, освободило ихъ отъ поземельныхъ платежей втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Впрочемъ, лишь немногіе пришли сюда съ семьями; масса явилась безъ женъ. Въ настоящее время большинство переселенцевъ работаютъ, какъ батраки, у другихъ, болѣе зажиточныхъ мѣстныхъ обывателей; многіе занялись исканіемъ золота, собираніемъ дикаго женьшена, охотой, наконецъ, просто разбоемъ.

Тогда какъ переселеніе въ области, сосѣднія съ южно-уссурійскимъ краемъ, всячески поощрялось,—китайское правительство совершенно иначе отнеслось къ вопросу о заселеніи сѣверной, Хейлюнчянской провинціи Манчжуріи.

Въ 1889 году, генераль-губернаторъ этой провинціи предположилъ открыть обширныя, пустыя земли ея для эмигрантовъ изъ внутренняго Китая. Но изъ Пекина отвѣтили, что горы и долины Хейлюнчяна должны храниться для знаменныхъ войскъ, какъ пастбища для ихъ лошадей и мѣста, гдѣ сами они могутъ заниматься охотой.

Мы сказали, что многіе изъ Шантунскихъ переселенцевъ въ Манчжуріи обратились въ простыхъ придорожныхъ разбойниковъ. Надобно замѣтить, что гористая страна между Гиринонъ, Лалинонъ, Ашико, рѣкой Сунгари, Сансинонъ и Нингудой кишмя-кишитъ разбойниками. Говорятъ, что въ Гириинѣ мѣстныя власти ежегодно обезглавливаютъ 400 разбойниковъ, 80% которыхъ—уроженцы Шантунской провинціи.—Чтобы обезпечить свои караваны отъ дерзкихъ нападений, тамошніе китайскіе купцы прибѣгаютъ къ своеобразной

страховкѣ противъ разбойниковъ; страховыя учрежденія этого рода существуютъ во всѣхъ городахъ Манчжуріи и имѣютъ въ своемъ распоряженіи большое число вольнонаемной вооруженной стражи. Купецъ заключаетъ контрактъ съ такимъ обществомъ, уплачивая ему известную сумму, смотря по товару и по количеству провожатыхъ, на каждую повозку его водружается маленькій флагъ того учрежденія, гдѣ она застрахована, и только тогда караванъ можетъ тронуться въ путь. Несомнѣнно, что эти учрежденія имѣютъ тайное соглашеніе съ бандитами.

Важнѣйшими продуктами Манчжуріи являются: шелкъ, который производится главнымъ образомъ въ провинціи Фентіенъ, къ востоку отъ Ліао, въ области, занимающей 100 верстъ съ востока на западъ и 200 верстъ съ сѣвера на югъ. Здѣсь существуютъ два сбора шелковыхъ коконовъ въ годъ: первый,—весенній, такъ называемый малый сборъ; получаемый тогда шелкъ очень тонокъ и нѣженъ; второй, осенній, большой сборъ, результатомъ котораго является продуктъ, гораздо болѣе грубый. Этотъ послѣдній главнымъ образомъ и вывозится. Шелкъ-сырецъ получается въ Манчжуріи преимущественно отъ коконовъ червей, вскормленныхъ листьями дуба, именно той разновидности его, которая зовется *Quercus Mongolica*. Небольшія количества шелка получаютъ отъ червей, воспитанныхъ на шелковицѣ и на *Ailanthus glandulosa*. Въ окрестностяхъ Каучау производится одинъ сортъ природнаго чернаго шелка. Онъ получается отъ червя—*Bombix Pernyi*, который поѣдаетъ не только мякоть дубоваго листа, но также его черешки, жилки и ребра, отчего тѣло червя и шелкъ, производимый имъ, дѣлаются черными.

Здѣсь коконы продаются не по вѣсу, а по числу: 1000 штукъ стоятъ отъ 1 р. 20 к. до 2 р., смотря по урожаю.—Цѣна дубоваго шелка-сырца около 70 р. за пудъ.

Требуется отъ 4¹/₂ до 5 тысячъ весенняго, или 4.200 осенняго сбора коконовъ, чтобы выткать на туземномъ станкѣ кусокъ шелка въ 20¹/₂ арш. длины и ¹/₂ аршина ширины, и 4.100 весеннихъ или 3.500 осеннихъ коконовъ для куска въ 20 арш. дл. и ¹/₂ аршина ширины.

Для производства одного куска шелку одинъ ткачъ работаетъ 2 дня и получаетъ отъ 50 коп. до 1 р. за кусокъ, смотря по работѣ; каждый кусокъ продается на вѣсъ; вѣсъ же варьируетъ отъ 2¹/₄ до 3 фунтовъ, и цѣна соотвѣтственно этому измѣняется отъ 2¹/₂ до 7 р. за обыкновенный кусокъ и до 10 р. за кусокъ лучшаго сорта.

Одного шелка-сырца вывозится отсюда на 2¹/₂ милліона рублей въ годъ.

Табакъ является тоже важной отраслью туземной промышленности. Больше всего воздѣлывается его въ провинціи Фентіенъ. Тотъ сортъ, который растетъ на сѣверѣ ея, больше цѣнится, какъ въ

Манчжурія, такъ въ Чжили и Шантунгѣ. Ежегодная добыча его простирается до 400.000 пудовъ. Въ Манчжуріи сильно развита фабрикація одного опьяняющаго напитка, такъ называемаго самшу, который гонится изъ пшена: въ качествѣ бродильнаго фермента употребляютъ ячмень и маленькіе бобы, вмѣстѣ истолченные, спрессованные въ кирпичики и высушенные на солнцѣ. Около 100 кирпичиковъ такого фермента идетъ на 40 приблизительно пудовъ пшена, при чемъ получается отъ 17 до 20 пудовъ спирта. Цѣна одной бутылки въ 1½ пуда вѣсомъ — около 2½ рублей.

Масло изъ бобовъ добывается здѣсь въ громадныхъ количествахъ. Въ послѣднее время, черезъ одну Ньючуанскую таможену, проходитъ его до 350.000 пудовъ; но это лишь часть того, что въ дѣйствительности вывозится изъ страны, такъ какъ китайцы, вслѣдствіе хрупкости посудинъ, въ которыхъ перевозится масло, предпочитаютъ грузить его на джонки, а не на пароходы. Бобовъ и бобовыхъ выжимокъ вывозится отсюда болѣе 10 милліоновъ пудовъ.

Знаменитый женьшень занимаетъ тоже видное мѣсто въ вывозѣ. Его три сорта: корейскій, искусственно разводимый; такой же туземный и дико-растущій корень. Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ корейскій, не только потому, что онъ идетъ въ значительно большемъ количествѣ, но и потому, что онъ превосходитъ остальные сорта своей стоимостью. Ежегодно изъ Манчжуріи вывозится около семисотъ пудовъ этого женьшеня, тщательно отсортированнаго, такъ какъ цѣна продукта зависитъ главнымъ образомъ отъ величины (большіе и старые корни цѣнятся дороже); 1 фунтъ такого женьшеня стоитъ отъ 7 до 10 р.; корни упаковываются въ деревянные ящики, содержащіе около 18 ф. каждый. Что касается туземнаго манчжурскаго корня, культивируемаго искусственно, то количество его постоянно падаетъ, а стоимость растетъ. Такъ, напр., въ 1882 году вывезено было 7.000 пудовъ на сумму около 200.000 р.; въ 1891 году всего 2.500 пудовъ, но уже на сумму 340.000 р. Такъ много было писано о громадныхъ деньгахъ, платимыхъ даже за одинъ корень дикаго женьшеня, что многіе считаютъ этотъ сортъ гораздо цѣннѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Въ 1891 году черезъ таможену Ньючуана его прошло около 7 пудовъ по 50 р. за фунтъ; нерѣдко однако, цѣна доходитъ и до 75 р. фунтъ; въ таможенѣ былъ разъ случай, что нѣсколько корней дикаго манчжурскаго женьшеня были оцѣнены по 150 р. за фунтъ.

Роговъ молодыхъ оленей вывозится около 1.500 паръ на 125.000 р. Шкуръ—на ½ милліона рублей. Это—главнымъ образомъ коврики изъ собачьихъ и козлиныхъ шкуръ, которые идутъ въ большомъ количествѣ въ сѣверную Америку. Главнымъ центромъ торговли болѣе дорогой пушниной является городъ Мукденъ. Здѣсь существуетъ нѣсколько большихъ учрежденій, гдѣ шкуры, скупаемыя отъ охотниковъ, выдѣлываются въ мѣха, мѣховыя опушки, отдѣлки для платковъ, шапки и проч.

Въ 1891 г. весь вывозъ изъ Манчжуріи равнялся 24.000.000 рублей. Ввозъ въ то же время былъ 16.000.000 рублей.

Главные предметы ввоза: хлопокъ и хлопчато-бумажные товары, дрель, холстъ, сахаръ, керосинъ и шелковые товары.

Ввозъ индійскаго опиума и здѣсь поразительно падаетъ, благодаря тому, что въ Манчжуріи начинаетъ широко культивироваться собственный макъ. — Относительно дрели и холста идетъ упорная борьба между англійскими и американскими фабрикантами. По части же хлопка и хлопчато-бумажныхъ издѣлій, помимо Англии и Америки, выступили на рынки Манчжуріи въ послѣднее время фабрики Шанга и Японіи.

Съ 1848 г. въ Манчжуріи основалась католическая миссія: «La société des missions étrangères de Paris». Личный ея составъ теперь: одинъ епископъ, 23 католическихъ священника, 12 сестеръ францисканскаго ордена, завѣдующихъ двумя благотворительными учрежденіями для туземцевъ; число китайцевъ католиковъ доходить до 30.000 душъ.

Протестантскія миссіонерскія общества учредились здѣсь въ 1862 году; въ настоящее время ихъ два съ 17-го миссіонерами. Протестантовъ-туземцевъ—4.000 душъ.

IV.

Городъ Нин-по-фу.

Въ числѣ первыхъ пяти портовъ, открытыхъ Китаемъ для иностранной торговли въ 1842 году, былъ и городъ Нин-по-фу. Онъ лежитъ на рѣкѣ Юнгъ, въ провинціи Чекіангъ, подъ 29°55' 12" сѣверн. шир. и 121°22' вост. долготы.

Мнѣ пришлось побывать въ немъ въ первый разъ въ 1885 году, вскорѣ послѣ того, какъ кончились тогдашнія крупныя недоразумѣнія Китая съ Франціей. Юнгъ недоступенъ для большихъ судовъ: на барѣ самая большая глубина — 20 футъ; отсюда, на разстояніи 18—20 верстъ до города, плаваніе возможно во всякое время лишь для судовъ съ осадкой до 12 футовъ; при приливѣ же для тѣхъ изъ нихъ, которые сидятъ не больше 16-ти. При входѣ въ устье рѣки, на лѣвомъ берегу, на выдавшемся въ море мысѣ, высокоомъ и скалистомъ, виднѣтся красивая крѣпость, окруженная зубчатыми стѣнами съ башенками въ классическомъ китайскомъ стилѣ, съ загнутыми углами и ребрами, состоящая какъ бы изъ трехъ этажей: нижній этажъ, въ формѣ полукруглой башни, вооруженъ однимъ 24-хъ сантиметровымъ орудіемъ; изъ трехъ амбразуръ второго этажа глядятъ жерла трехъ тоже крупныхъ орудій; въ третьемъ—еще четыре пушки,

одна изъ нихъ въ 24 сант. У этой крѣпости оканчивается знаменитый Шаогинскій мостъ, идущій отъ города Шаогина (на южномъ берегу Ханчжеуской бухты) къ морю. «Мостъ этотъ имѣетъ около 130 верстъ въ длину и состоитъ почти изъ 40.000 прямоугольныхъ каменныхъ пролетовъ, по которымъ настланъ путь, защищенный каменнымъ же парапетомъ, и относится къ той эпохѣ, когда весь югъ Ханчжеуской бухты представлялъ одно обширное соляное болото. Теперь, когда эта мѣстность уже достаточно осушена, древняя дорога является бесполезной; но она была такъ прочно построена, что ею всегда пользовались и пользуются, какъ бичевникомъ для сосѣдняго канала. Здѣсь люди построили самый длинный путеводъ, или мостъ на аркахъ, какой существуетъ на земномъ шарѣ; можно сказать даже, что со времени развитія новѣйшей индустрии западные народы не соорудили ни одного шоссе, которое могло бы сравниться по прочности съ этой насыпной дорогой, построенной китайцами слишкомъ тысячу лѣтъ тому назадъ». За крѣпостью, немного дальше вверхъ по рѣкѣ—фортъ, вооруженный 5 или 6 орудіями средняго калибра. Рѣка затѣмъ образуетъ небольшой заливъ, на оконечности котораго стоятъ рядомъ два форта: одинъ изъ нихъ, имѣющій форму круглой башни, вооруженъ 24 сантм. орудіемъ; другой—тремя орудіями средняго калибра. За этимъ заливомъ, все по тому же лѣвому берегу, верстахъ въ двухъ отъ устья, расположился маленькій городокъ, Цзинхай, или Чинхай, обнесенный каменной стѣной съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ передъ нею: здѣсь постоянно толкуются сотни джонокъ, образуя собою волнующееся продолженіе города. Лѣтомъ 1884 года, ожидая нападенія на городъ французовъ, воевавшихъ тогда съ Китаемъ, мѣстные туземныя власти распорядились забаррикадировать рѣку у Цзинхая кольями, причѣмъ былъ оставленъ только очень узкій проходъ, который, въ случаѣ дѣйствительной опасности подобнаго нападенія, долженъ былъ быть закрытъ совѣмъ путемъ потопленія здѣсь одного судна, нагруженнаго камнями и поставленнаго вплотную къ баррикадѣ. Въ февралѣ 1885 года три китайскихъ военныхъ корабля явились въ Цзинхай, ища здѣсь спасенія отъ преслѣдовавшей ихъ французской эскадры. Туземныя власти, въ избѣжаніе столкновенія съ французами, приказали командирамъ китайскихъ военныхъ судовъ немедленно удалиться отсюда въ Шангай; но командиры,—по пословицѣ: отъ добра добра не ищутъ,—рѣшили, что остаться на якорѣ, подъ защитой собственныхъ береговыхъ фортовъ, будетъ не въ примѣръ благоразумію, чѣмъ идти въ Шангай, рискуя каждую минуту нарваться на французовъ. Такъ и не вышпъ, пока недоразумѣнія Китая съ Франціей не кончились къ общему благополучію. Если бы французы вздумали тогда форсировать входъ въ рѣку, китайцы дѣйствительно закрыли бы ворота своей баррикады, что, конечно, повело бы къ неисчислимымъ потерямъ для города и страны. Въ ноябрѣ 1885 года мы

еще видѣли эту баррикаду изъ колеевъ близъ входа въ рѣку. Окончательно она была удалена лишь годъ спустя. Съ правой стороны устье рѣки защищаютъ семь фортовъ: у самаго берега моря — одинъ, съ 5 орудіями средняго калибра; далѣе, на высокомъ мысѣ другой, съ четырьмя 24 сантим. орудіями; неподалеку—третій, у подножія высокога холма,—съ 5 орудіями меньшаго калибра; на самомъ этомъ холмѣ—грозный фортъ, съ однимъ 24 сантим. орудіемъ; неподалеку отсюда еще фортъ съ 15 или 16 мелкими пушками; далѣе на небольшой скалѣ, повидимому, островѣ—опять фортъ, съ двумя 24 сантим. орудіями; седьмой и послѣдній фортъ лежитъ уже на равнинѣ; вооруженіе его составляютъ съ полдюжины старыхъ пушекъ.

Юнгъ протекаетъ по обширной долинѣ, окаймленной синѣющими на горизонтѣ хребтами горъ. Рѣка то расширяется на сотню — другую сажень, то суживается на десятки ихъ. Берега ровны, низменны. Деревьевъ мало; дерево вообще здѣсь рѣдко и очень дорого цѣнится.

Близъ города Нин-по, въ Юнгъ впадаетъ другая рѣка, такая же судоходная. «Это положеніе при сліянніи двухъ судоходныхъ рѣкъ и въ точкѣ встрѣчи каналовъ, соединяющихся со всѣми городами провинціи Чекіангъ и Кіанси, сдѣлало Нин-по стражемъ богатыхъ равнинъ, которыя простираются на западъ до Великой Рѣки. Всѣ выгоды мѣстоположенія соединились здѣсь: хорошая якорная стоянка, обиліе продовольствія, удобства защиты». И Нин-по издавна служилъ приманкой для различныхъ завоевателей. Въ 1130 г. его безуспѣшно пытались взять татары. Въ 1554 г. не надолго утвердились здѣсь японскіе пираты. Въ 1523 году въ Нин-по явились португальцы, чтобы завязать торговые сношенія съ Китаемъ. Ихъ приняли хорошо и отвели имъ зданія близъ главныхъ городскихъ воротъ. Ободренные первыми успѣхами, португальцы выхлопотали себѣ право построить свои собственныя зданія для жилья и товарныхъ складовъ. Имъ разрѣшили строиться, но ниже Нин-по, близъ Цзинхая. Мало-по-малу европейская колонія стала разрастаться, и можно было надѣяться на ея полное процвѣтаніе въ будущемъ. Однако же ожиданія эти не оправдались. Мошенничества, насилія всякаго рода и другія грязныя дѣянія колонистовъ заставили правительство рѣзко измѣнить свои взгляды по отношенію къ нимъ, и въ 1542 г. губернаторъ Чекіанга приказалъ истребить европейское поселеніе у Цзинхая. Изъ 1200 португальцевъ были убиты при этомъ больше 800 человекъ, остальнымъ удалось бѣжать. Втеченіе почти полтораго года потомъ, со стороны европейцевъ не было даже и попытокъ завести торговлю съ этимъ городомъ. Въ концѣ 17-го столѣтія Остъ-Индская компанія рѣшила учредить факторію на островѣ Чусанѣ, въ 40 миляхъ отъ Нин-по. Опытъ оказался, однако, неудачнымъ, и факторія вскорѣ была оставлена, послѣ чего портъ Нин-по снова надолго былъ забытъ европейцами. Во время знаме-

нитой войны изъ-за опиума англичане заняли между прочимъ и Нин-по. Взятый въ октябрѣ 1841 года, онъ, вмѣстѣ съ рейдомъ своего передового порта Цзинхая и островами Чусанскаго архипелага, сдѣлался главной опорной базой англичанъ для дѣйствій противъ Нанкина. По мирному договору, въ августѣ 1842-го года, Нин-по, въ числѣ первыхъ пяти портовъ, былъ открытъ для иностранной торговли.

Населеніе Нин-по считается въ 300.000 душъ. Внѣшняя торговля его не особенно велика, что слѣдуетъ приписать близкому сосѣдству Шанга. Общая сумма оборотовъ порта равнялась, однако, въ 1891 году, 13 милліонамъ тѣль (около 34 милліон. кред. руб.), которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: ввозъ иностранныхъ товаровъ 6 милл. тѣль, ввозъ туземныхъ товаровъ 2 милл., общая сумма вывоза—5 милл. тѣль. Главными предметами иностраннаго ввоза являются: хлопокъ, хлопчато-бумажные товары, металлы, сахаръ и керосинъ. Русскій керосинъ въ послѣднее время начинаетъ и здѣсь серьезно конкурировать съ американскимъ, благодаря своей сравнительной дешевизнѣ. Ввозъ индійскаго опиума рѣзко падаетъ изъ года въ годъ.

Главные предметы туземнаго ввоза: лѣкарственныя вещества, табакъ, индиго, деревянное масло, краски, пенька и олово изъ Юннана. Вывозятся же отсюда: зеленый чай, хлопокъ-сырецъ, шелкъ, лѣкарственныя вещества, тростниковыя шляпы, бумажные вѣера, деревянныя рѣзныя издѣлія, масло земляного орѣха и одинъ видъ морскихъ животныхъ изъ породы, повидимому, каракатицъ, которыя во множествѣ появляются близъ устья рѣки Юнгъ ежегодно въ маѣ, доставляя порядочный заработокъ тысячамъ жителей прибрежныхъ селеній.

Нин-по лежитъ на лѣвомъ берегу Юнга, причемъ другая рѣка, впадающая здѣсь въ Юнгъ, тоже слѣва, дѣлитъ городъ на двѣ части: на правомъ берегу ея помѣщается центръ, самая большая и самая главная часть Нин-по, на лѣвой—городское предмѣстье. Европейцы живутъ въ предмѣстьѣ; ихъ немного: человекъ 70. Европейскія зданія вытянулись въ одну линію вдоль рѣки, на протяженіи какой нибудь версты, и отъ каждаго дома идетъ каменная лѣстница, спускающаяся прямо въ воду. Позади всѣхъ европейскихъ жилищъ идетъ параллельная рѣкѣ улица. Отсюда начинается уже китайская часть предмѣстья, съ ея магазинами, мастерскими, съѣстными лавками, толкотней, шумомъ, грязью и вонью. Особенно донимаетъ чадъ кунжутнаго масла, который густыми клубами носится по улицѣ отъ походныхъ кухонь, гдѣ готовится пища для разной уличной голи и рабочихъ, которые тутъ же и истребляютъ эту стряпню. Въ Европѣ славятся своею грязью и вонью Константинополь и Москва; но византійско-московская грязь ничто въ сравненіи съ мерзостью большого и богатаго Нинъ-по. Движеніе громадное; но ни

лошадей, ни быковъ здѣсь на улицахъ нѣтъ: все переносится и перевозится людьми, — гораздо больше переносится: носильщики, съ огромными тяжестями на плечахъ, бѣгущие какой-то особенной, быстрой походкой: на первый взглядъ кажется, что люди идутъ обыкновеннымъ шагомъ; но попробуйте пойти съ ними врозь, и вамъ нельзя будетъ угоняться; да впрочемъ, въ европейской обуви и опасно идти скоро по этой скользкой, слизистой грязи, покрывающей широкія плиты мостовой: всѣ отбросы валяются здѣсь прямо на улицу, гдѣ они частью сгниваютъ, частью пожираются худыми, облѣзлыми собаками и жирными, безобразными, свиньями. Интересный фактъ, между прочимъ: несмотря на обиліе собакъ на Дальнемъ Востокѣ, пользующихся тамъ полной свободой, — о случаяхъ бѣшенства между ними вовсе не слышно. Многочисленныя группы острововъ, разбѣянныхъ по Тихому океану, и всё побережье Восточной Азіи, омываемое его водами, повидимому, совершенно незнакомы съ этой страшной болѣзнью. Вернемся, однако, къ европейской части Нин-по. Изъ домовъ здѣсь болѣе всего бросаются въ глаза: таможня, англійское консульство, почтовое бюро и зданія католическаго миссіонерскаго ордена St. Vincent de Paul. Послѣднія расположены близъ моста, соединяющаго городъ съ предместьемъ. Мостъ деревянный, плашкоутный, длиною сажень триста. На немъ всегда толкотня и давка. По рѣкѣ снуютъ сотни шлюпокъ, на видъ страшно неуклюжихъ, но удивительно поворотливыхъ, плывутъ огромныя джонки, полныя людскаго шума, гама, такихъ неистовыхъ воплей, какъ будто на нихъ идетъ не обычный разговоръ, а отчаянная ругань, которая вотъ-вотъ перейдетъ въ драку; вездѣ ключемъ бьетъ странная жизнь, шумная, крикливая, оставляющая въ душѣ смутно-тяжелое чувство чего-то подавляюще-огромнаго. Съ моста мы попадаемъ черезъ ворота и нѣсколько кривыхъ закоулковъ въ одну изъ главныхъ улицъ: начинается какая-то сплошная толчея... Глядя на эти волны народа, шумно текущаго по улицамъ, начинаешь сильно заподозрѣвать вѣрность официальной цифры населенія Нин-по: 300 тысячъ. Кто считалъ ихъ? А эти тысячи люда, ежедневно прибывающаго изъ окрестностей Нин-по пѣшкомъ, по рѣкамъ и многочисленнымъ каналамъ? А подвижное рѣчное населеніе, образующее цѣлыя водяные пригороды? Это — тотъ человѣческій муравейникъ, тотъ сказочный Китай, о которомъ нѣкогда на улицахъ Венеціи повѣствовалъ Марко-Поло, сыпля милліонами, какъ единственной подходящей мѣрой громадности впечатлѣній... Волны народа катятся назадъ и впередъ во всю ширину длинной улицы. Повсюду пестрѣютъ тысячи вывѣсокъ: узкія деревянные доски, бѣлыя и черныя, лакированныя, съ красными и золотыми китайскими письменами. Онѣ или висятъ перпендикулярно къ землѣ, и вы идете тогда точно между тысячами колоннами, или раскинулись отъ зданія къ зданію, образуя родъ

арокъ. Во многихъ мѣстахъ улица закрыта еще сверху голубыми или желтыми, прозрачными покрывалами. Эффектно, оригинально, странно до крайности! Идешь будто во снѣ. Кругомъ кипитъ могучая, далекая тебѣ жизнь, и чувствуешь себя такимъ заброшеннымъ, одинокимъ, покинутымъ въ этой чуждой, страшно—чуждой толпѣ...

Главная улица—это сплошной рядъ богатыхъ магазиновъ, со всевозможными предметами китайскаго обихода. Вотъ громадныя магазины китайской обуви,— мужской, женской, дѣтской: ничего, кромѣ обуви. Вотъ магазины оловянныхъ и мѣдныхъ издѣлій: чайники, чашки, кружки, подсвѣчники, котелки, и проч., и проч.: все—такое непохожее на наше европейское, странное, почти фантастическое по своимъ формамъ. Дальше—магазины фарфора, дешеваго и дорогаго,—цѣлыя груды чашъ, вазъ, статуэтокъ, божковъ и т. д. А тамъ—огромныя склады фонарей всевозможныхъ формъ и величины. По словамъ свѣдущихъ людей, китайцы, въ производствѣ фонарей, несомнѣнно превосшли всѣ другіе народы. Причудливое разнообразіе формъ, изящная рѣзьба, красивая поволота и живопись, въ связи съ замѣчательнымъ вкусомъ общей конструкции, дѣлаютъ эти китайскія издѣлія одними изъ лучшихъ украшеній жилищъ. Ихъ готовятъ изъ бумаги, шолка, холста, стекла, рога, соломы, бамбука, — на всякій вкусъ и на любой карманъ: отъ маленькихъ ручныхъ, стоящихъ 3 копейки штука, до великолѣпныхъ люстръ 15-ти футъ въ діаметрѣ и цѣною въ 600—800 рублей. Кромѣ своихъ фонарей, Нин-по славится еще рѣзными издѣліями, деревянной мебелью и лакомъ.

Множество мастерскихъ заняты здѣсь выдѣлываніемъ инкрустированной мебели, не имѣющей себѣ равной по изяществу во всемъ Китаѣ и составляющей предметъ довольно обширной внутренней торговли. Въ одномъ изъ мебельныхъ магазиновъ меня поразило устройство богатой китайской спальни. Представьте себѣ деревянный кубъ мѣрою въ одну сажень: на передней сторонѣ его—выдвижная дверь, остальные стѣны—глухія; нижняя половина каждой сплошь деревянная; верхняя изображаетъ раму, затянутую особенной, плотной, нѣжнаго цвѣта бумагой, на которой нарисованы разныя сцены изъ китайской жизни: все дерево лакировано и снаружи изукрашено инкрустаціями изъ слоновой кости и рѣзными фигурами; внутри этого куба, у стѣнки противъ входа, придѣлана широкая, деревянная, лакированная кушетка, съ мелкозаплетенной соломой, почти во всю ширину ея: здѣсь же стоятъ лакированные столъ, тубаретъ и умывальникъ. Все это сооруженіе ставится внутрь большой комнаты, назначенной для сна.

Лакъ Нин-по извѣстенъ на всемъ Востокѣ. Онъ представляетъ темнокрасную жидкость, своеобразнаго, противнаго запаха, содержится въ глиняныхъ сосудахъ, закупоренныхъ смоляной бумагой и является веществомъ, далеко не индифферентнымъ: въ комнатахъ,

гдѣ имъ покрыты полы, лѣстницы или мебель (а здѣсь, въ Нин-по во всѣхъ европейскихъ и китайскихъ домахъ все лакировано), до тѣхъ поръ, пока не выдохнется, не высохнетъ окончательно краска,—жить невозможно; иначе, говорятъ, опухаютъ лице, ноги, руки, развивается общая водянка, упадокъ силъ и можетъ даже послѣдовать смерть. Эти свойства лака Нин-по, цвѣтъ его и способъ укупорки заставляютъ думать, что онъ идентиченъ съ веществомъ, которое описывалъ еще старикъ Де-Гинь, и которое добывается изъ одного дерева, относящагося къ роду сумаховыхъ (*Rhus vernicifera*). Дерево это своею листвою и корою походитъ на ясень; вышина его около 15 футъ: когда дереву исполнится 7 лѣтъ, кору его ствола надрѣзаютъ и вытекающій сокъ собираютъ лѣтними ночами: съ 1000 деревьевъ въ одну ночь можно получить до 25 фунтовъ соку. Лучшій сортъ сока принимаетъ въ сгущенномъ видѣ красноватый цвѣтъ: держать его хорошо закрытымъ отъ воздуха, закупоривая сосудъ, просмоленной бумагой; на рынокъ онъ поступаетъ въ боченкахъ, содержащихъ сгустившіеся куски его. Люди, занимающіеся собираніемъ и приготовленіемъ этого вещества въ продажу, принимаютъ извѣстныя мѣры предосторожности, чтобы предохранить лице и руки отъ соприкосновенія съ нимъ, такъ какъ онъ оказываетъ чрезвычайно раздражающее дѣйствіе на кожу и легкія. Для приготовления лака изъ сгущеннаго сока, послѣдній разводятъ ключевой водой, прибавляютъ масло землянаго орѣха, свиную желчь и рисовый уксусъ, и все это тщательно размѣшиваютъ кистью при яркомъ солнечномъ освѣщеніи. Интересно, что лакъ Нин-по, намазанный прямо на дерево, никогда не засыхаетъ, остается жидкимъ, а на солнцѣ прямо скипается, вздувается пузырями и выгораетъ. Для того, чтобы онъ высохъ, необходимо предварительно смазать дерево особеннымъ составомъ, который съ виду похожъ на жидкую кашицу, состоящую изъ бѣлыхъ раздавленныхъ бобовъ, чего-то въ родѣ сметаны и такой же неизвѣстнаго происхожденія розоватой жидкости. Говорятъ, что составъ этой смазки—секретъ корпораціи мѣстныхъ лакировщиковъ.

Дальнѣйшій осмотръ города и его достопримѣчательностей былъ сдѣланъ нами подъ руководствомъ католическихъ миссіонеровъ, съ которыми мы познакомились по слѣдующему случаю: одинъ изъ нашихъ офицеровъ заболѣлъ перемежающеюся лихорадкой, и его рѣшили помѣстить на время стоянки въ лазаретъ миссіонеровъ. Мы отправились въ St. Vincent de Paul. Высокія, каменные, мрачныя стѣны ограды скрываютъ отъ взоровъ улицы рядъ уютныхъ, привѣтливыхъ зданій, маленькіе палисадники и садики, разбитые на монастырскомъ дворѣ; вездѣ—идеальная чистота и порядокъ. Комната, которую отвели нашему больному, была очень высока, свѣтла, суха. За помѣщеніе, съ прислугой, съ очень порядочнымъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ, взяли всего два кредитныхъ рубля въ день.

Мы осмотрѣли благотворительныя учрежденія св. Винцента для китайцевъ. Больницу изображаетъ обыкновенный двухъэтажный домъ, гдѣ китайцы, — болѣе состоятельные за плату (очень небольшую), а бѣдные даромъ, — получаютъ содержаніе и лѣкарства; комнаты — безъ признаковъ европейской мебели, съ рядами кроватей, на которыхъ лежатъ туземныя постели: циновка, ватное одѣяло и продолговато-цилиндрическая подушка. Между бѣдняками больше всего больныхъ перемежающейся лихорадкой, а изъ людей состоятельныхъ тѣ, что лѣчатся отъ куренія опиума; послѣднихъ монахини лѣчатъ опиѣмъ же, давая его въ пилюляхъ, въ постепенно убывающихъ дозахъ; намъ говорили, будто достаточно двухъ-трехъ-недѣльнаго курса, чтобы вылѣчиться отъ этой несчастной страсти. Въ возможности такого чуда, впрочемъ, позволительно усомниться. Приходящихъ больныхъ бываетъ ежедневно масса; болѣе трудные оставляются, съ ихъ согласія, въ лазаретѣ; а другимъ сестры-фельдшерицы раздають лѣкарства на руки и отпускають домой. Докторъ-англичанинъ бываетъ здѣсь не каждый день, а пріѣзжаетъ — по требованію сестеръ, всякій разъ, когда надо поставить діагнозъ, болѣе сложный, или когда, по его мнѣнію, необходимо сдѣлать операцію одному изъ палатныхъ больныхъ. Кромѣ лазарета, въ монастырѣ св. Винцента существуетъ дѣтская школа для китайскихъ ребятишекъ (мальчиковъ и дѣвочекъ) и пріютъ для маленькихъ сиротъ (главнымъ образомъ, дѣвочекъ), которыхъ бросили отцы и матери, чтобы избавиться отъ лишнихъ ртавъ.

Другая половина монастыря, гдѣ помѣщаются братья ордена св. Иисуса, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, небольшую церковь въ готическомъ стилѣ, построенную по плану Notre Dame de Paris.

Отцы-иезуиты приняли насъ съ изысканной любезностью, угостили порядочнымъ виномъ, сигарами, сладостями китайскаго производства и показали храмъ, — красивый, католическій храмъ, гдѣ особенность составляли только китайскія письмена на ряду съ латинскими; затѣмъ мы разстались, причемъ отцы-иезуиты взялись быть нашими проводниками въ другой храмъ, — соборъ мѣстной католической епархіи, расположенный въ центрѣ китайскаго города.

Въ назначенный день и часъ мы застали у Saint-Vincent'a большое количество паланкиновъ, усѣвшись въ которыя, двинулись черезъ мостъ въ городъ. Миновавъ нѣсколько кривыхъ закоулковъ, мы очутились, наконецъ, у высокой каменной стѣны, на одной изъ самыхъ бойкихъ улицъ. Черезъ маленькую дверь въ этой стѣнѣ, изъ-за которой съ улицы ничего не видно, мы попали на обширный дворъ, чистый, прекрасно вымощенный, усаженный громадными, старыми деревьями. Мы вошли въ церковь. Строгая пропорциональность частей, чрезвычайная простота и вмѣстѣ изящество всѣхъ внутреннихъ мелочей обстановки, искусно подобранныя цвѣт-

ныя стекла и узоры въ окнахъ, сквозь которыя внутрь храма падалъ чудный, мягкій свѣтъ, причудливая, громадная китайская люстра, спускающаяся съ вершины купола, и множество фонарей, висящихъ въ разныхъ углахъ храма, большія золотыя письма на стѣнахъ,—все это было такъ красиво, что мы невольно останавливались, пораженные изумленіемъ.

Во время нашего пребыванія въ храмѣ, туда же вошли нѣсколько китайцевъ. Оказалось, что это—туземные католики. Скоро ихъ набралась цѣлая толпа, которая и принялась во всѣ глаза разсматривать насъ, слѣдя за каждымъ нашимъ движеніемъ. Одинъ изъ офицеровъ перекрестился поправославному; китайцы быстро переглянулись, бросились въ ризницу, около которой мы стояли, и начали что-то искать въ висѣвшей на стѣнѣ табличкѣ: вѣроятно, тамъ имѣлись объясненія различныхъ крестныхъ знаменій; затѣмъ они еще съ большимъ любопытствомъ уставились на насъ и все о чемъ-то шептались. Здѣсь же при храмѣ находится помѣщеніе сестеръ ордена «Jesus Enfant» и рядъ обширныхъ благотворительныхъ учрежденій для туземцевъ: школы грамотности, садоводства и повареннаго искусства, золотошвейная мастерская, сиротскій пріютъ.

Мы побывали какъ-то и въ одной изъ здѣшнихъ протестантскихъ миссій, у которой есть также своя каменная церковь; миссія эта американская, и строгая, пуританская простота, немного холодная, царитъ во всемъ ея обиходѣ; при ней также имѣются школы и пріюты.

Отцы-іезуиты вздумали угостить насъ китайскимъ обѣдомъ. Онъ состоялъ изъ сорока блюдъ, приготовленныхъ китайскимъ поваромъ изъ мѣстныхъ продуктовъ. Я не буду описывать его; я не могъ запомнить даже названій всей этой массы кушаній, которыя приходилось пробовать первый разъ въ жизни. Осталось только общее впечатлѣніе чего-то необыкновенно-оригинальнаго и вкуснаго. Вина были европейскія. Я не пилъ ничего, чтобы не портить оригинальности впечатлѣнія, но тѣмъ не менѣе чувствовалъ странное опьяненіе послѣ этого гомерическаго пиршества: вѣроятно, въ нѣкоторыхъ блюдахъ заключались какія нибудь наркотическія вещества. «Китайцы любятъ покушать, европейскимъ гастрономамъ есть чему поучиться у нихъ, здѣсь цѣлая непочатая еще область наслажденій для этихъ людей»,—сказалъ мнѣ сосѣдъ мой, молодой патеръ, когда я похвалилъ чудесный обѣдъ.

Намъ удалось посмотрѣть и китайскіе храмы Нин-по. Изъ буддійскихъ особенно замѣчательнъ древній монастырь, лежащій въ уединенной части города и занимающій обширное пространство. Высокія стѣны охватываютъ его со всѣхъ сторонъ; но ворота открыты, и входъ совершенно свободенъ. Вы проходите черезъ длинную улицу, идущую отъ воротъ во дворъ, гдѣ вырытъ небольшой прудъ, покрытый зеленою тиною и осѣненный вѣковыми деревьями, и всту-

паете въ преддверье главнаго храма; по обѣимъ сторонамъ входа— двѣ огромныя раззолоченныя фигуры самаго грознаго, непривѣтливаго вида: это—духи, стражи святаго мѣста. Самый храмъ внутри представляетъ очень большую и очень высокую комнату, съ колоссальной золоченой статуей Будды недалеко отъ задней стѣны, и такими же золочеными фигурами двухъ другихъ боговъ по бокамъ; передъ ними жертвенникъ съ чашечками, наполненными рисомъ, съ красными бумажками и курительными свѣчами въ видѣ длинныхъ желтыхъ палочекъ, чуть-чуть тлѣющихъ. Въ одномъ углу виситъ «тамъ-тамъ», издающій унылый, протяжный звукъ при ударѣ. Посрединѣ — ряды маленькихъ, низкихъ скамеечекъ, покатыхъ сзади, на которыя преклоняютъ колѣни молящіеся, съ маленькимъ аналоемъ передъ каждой. Прямые колонны, поддерживающія потолокъ и всѣ испещренныя письменами и изображеніями религіозныхъ сценъ, идутъ рядами по храму. Цѣлыми рядами стоятъ раззолоченные идолы по двумъ боковымъ стѣнамъ его. Изъ главнаго святилища идемъ въ другія комнаты; тамъ тоже идолы; но главное мѣсто ихъ на верху, во второмъ этажѣ одного изъ боковыхъ крыльевъ зданія, гдѣ цѣлыя десятки ихъ стоятъ, раззолоченные, вдоль стѣнъ: все это геніи, духи и святые китайскаго буддизма. Кое-гдѣ бродятъ, съ четками и книжками въ рукахъ, въ бѣлыхъ и сѣрыхъ балахонахъ, бритые монахи: лица тупыя, непріятныя; они здѣсь же и живутъ, въ многочисленныхъ кельяхъ при монастырѣ. Повсюду очень чисто.

Кромѣ этого монастыря, мы осмотрѣли еще три храма, но тѣ были гораздо меньшихъ размѣровъ. Одинъ изъ нихъ помѣщается на площади самой бойкой части города, близъ древней пагоды, возвышающейся футъ на семьдесятъ и далеко видной во всѣ стороны. Пагода, состоящая изъ девяти, постепенно убывающихъ, этажей, съ окошками въ каждомъ изъ нихъ, и увѣнчанная остроугольнымъ куполомъ съ загнутыми ребрами, осѣла, покривилась на одну сторону, и кажется, — вотъ, вотъ рухнетъ. Изъ всѣхъ щелей лѣзетъ мохъ; во многихъ мѣстахъ вывалились камни; на все налегла тяжелая рука времени. Съдой китайской стариной и вмѣстѣ какой-то заброшенностью вѣетъ отъ этого памятника.

Не помню, въ какомъ изъ буддійскихъ храмовъ Нин-по я видѣлъ въ первый разъ большую статую женщины съ золотымъ сіяніемъ вокругъ головы и съ младенцемъ на рукахъ, божественное происхожденіе котораго отмѣчено было такимъ же сияющимъ ореоломъ. Сходство этой статуи съ католическими изображеніями Мадонны было до того поразительно и казалось такимъ страннымъ въ окружающей обстановкѣ, что я попросилъ разъясненій у патера, сопровождавшаго насъ. Онъ мнѣ сказалъ только, что богиню зовутъ Куаньинь, что при жизни она была въ числѣ самыхъ близкихъ учениковъ Будды, а послѣ смерти сдѣлалась богиней мило-

сердця. Только впоследствии, ознакомившись ближе съ исторіей религій, я понялъ отчасти это удивительное сходство двухъ, повидимому, столь различныхъ образовъ, какъ буддійская богиня милосердця и христіанская богоматерь. Культъ Куаньинь, таинственнаго божества, имѣющаго, повидимому, связь съ цѣлымъ цикломъ древнѣйшихъ легендъ Азіи, широко распространенъ по всему лицу Востока и представляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ еще мало изслѣдованныхъ вопросовъ въ исторіи его религіозныхъ ученій.

Бродя по Нин-по, мы не разъ видали особыя арки, состоящія изъ двухъ каменныхъ колоннъ, скрѣпленныхъ сверху широкой и толстой каменной доской съ разными украшеніями на ней. Намъ говорили, что это—монументы, воздвигнутые въ честь разныхъ прославившихся чѣмъ либо въ старину гражданъ Нин-по. Есть тамъ и еще сортъ памятниковъ, составляющихъ очень оригинальную достопримѣчательность города. Дѣло вотъ въ чемъ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Китая существуетъ обычай воздвигать памятники, въ видѣ такихъ же каменныхъ столбовъ или арокъ, въ честь вдовъ, не пожелавшихъ вторично выйти замужъ; на этихъ колоннахъ пишутся имена чествуемыхъ и изображаются иногда разныя бытовыя сцены. Такъ вотъ въ Нин-по была цѣлая длинная улица, которая вся сплошь состояла изъ подобныхъ арокъ. Теперь ихъ осталось всего 5 или 6, украшенныхъ причудливой рѣзбой.

Центральный городъ, то-есть тотъ, что лежитъ за рѣкой, на сторонѣ, противоположной европейской части, обнесенъ высокими, толстыми стѣнами, имѣющими шесть верстъ въ окружности. Мы рѣшили предпринять экскурсію на вершину этихъ стѣнъ и въ одно жаркое послѣобѣденное время, усѣвшись въ паланкины, приготовленные заранѣе, двинулись въ путь. Несли насъ, по обыквенію, очень скоро. Миновавъ мостъ и пройдя ворота, мы сейчасъ же свернули въ одну изъ боковыхъ улицъ, чтобы избѣжать толкотни и давки главныхъ артерій города, и черезъ нѣсколько времени остановились въ довольно пустынной мѣстности у городскихъ стѣнъ. Особенность ея составляло большое количество простыхъ, деревянныхъ китайскихъ гробовъ—колоды, на глухо заколоченныхъ, обернутыхъ циновками и заключавшихъ въ себѣ, какъ намъ сказали, трупы бѣдныхъ людей, умершихъ въ Нин-по, но уроженцовъ другихъ городовъ или сель. Эти покойники ждали здѣсь, когда за ними придутъ родственники отвезти ихъ на родину похоронить въ родной землѣ. При нашемъ путешествіи по городскимъ стѣнамъ, мы видѣли еще нѣсколько такихъ же временныхъ открытыхъ кладбищъ. Трупы богатыхъ людей, умершихъ вдали отъ мѣсть, гдѣ они родились, до времени своего окончательнаго погребенія на этихъ мѣстахъ, хранятся въ храмахъ или ратушахъ.

Стѣны Нин-по выстроены изъ кирпича очень основательно и прочно и имѣютъ почти 25 футъ высоты; ширина ихъ у основанія—22, а на вершинѣ—15 футъ. По одному изъ широкихъ, пологихъ скатовъ мы взобрались на вершину: высокій парапетъ обрамляетъ наружный край стѣнъ; узкія прорѣзы въ немъ и даютъ этотъ характерный зубчатый видъ; черезъ извѣстные промежутки, въ равномъ разстояніи другъ отъ друга, виднѣются башенки съ бойницами и сторожки для часовыхъ; на всемъ печать унылой заброшенности; кое-гдѣ стоятъ или лежатъ прямо на землѣ, безъ всякой охраны и прикрытія, ржавыя, старинныя, чугуныя пушки, которыя были втащены сюда въ дни ожиданія нападенія французовъ въ 1884 году, да такъ тутъ и остались брошенныя, ненужныя, позабытыя. Видъ на самый Нин-по не представлялъ особаго интереса: кучи однообразныхъ темныхъ зданій и сѣрыхъ крышъ; кое-гдѣ торчащіе кверху шесты, указывающіе на присутствіе правительственныхъ мѣстъ или жилища чиновниковъ, по временамъ—оригинально-изящныя очертанія крышъ кумирень и храмовъ, и высоко вознесшаяся къ небу, царящая надъ городомъ, старинная пагода,—вотъ и все. Я взглянулъ въ одну изъ прорѣзей въ стѣнѣ на окрестности города: внизу, подъ ногами, тянулся параллельно стѣнѣ широкой каналъ; въ него вливались другіе каналы, и одинъ проходилъ сквозь городскую стѣну, подъ высокой каменной аркой; по каналамъ плыли джонки, наполненныя народомъ, нагруженныя тюками товаровъ; а дальше разстилалась широкая, широкая долина, гдѣ, какъ въ чудесной панорамѣ, виднѣлись деревни, города, купы зелени и сверкающія ленты воды, зеленые и бурые квадраты полей, между ними двигались толпы людей, а на горизонтѣ въ голубоватой мглѣ темнѣли горы... Предо мною разстилались равнины, «классическія въ исторіи китайскаго земледѣлія, поля, гдѣ, по преданію, слишкомъ четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, императоръ Шунъ держалъ ручку плуга, запряженнаго слономъ»,—и глубокое волненіе охватывало душу при видѣ этой страны стародавней непрерывной цивилизаціи...

В. Д. Черевковъ.

~~~~~

Въ майской книжкѣ журнала, въ статьѣ «По Китайскому побережью» вкрались слѣдующіе ошибки:

На страницѣ 607 внизу въ выноскѣ напечатано: окончаніе, слѣдуетъ читать: продолженіе.

На стр. 609, вмѣсто «Шанхай-Чуань» слѣдуетъ: Шаньгай-Гуань.

Затѣмъ перепутаны страницы такимъ образомъ, что послѣ 612-й страницы надо читать 616-ю, 614-ю и 616-ю.

На 633 стр. въ 1-й строкѣ, въ самомъ началѣ ея пропущена буква В. Въ той же строкѣ вмѣсто напечатанныхъ словъ: «въ государственныхъ умахъ извѣстныхъ людей», слѣдуетъ читать: въ умахъ извѣстныхъ государственныхъ людей.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Думы о счастьѣ. М. О. Меньшикова. Спб. 1898.

НИГА Г. МЕНЬШИКОВА читается легко и съ интересомъ, хотя содержаніе ея исчерпывается предметами чрезвычайно сложными, какъ семья, народъ, природа, трудъ, цивилизація, прогрессъ и Богъ. Несмотря на обычность и общность темы, г. Меньшиковъ умѣлъ о каждомъ элементѣ счастья сказать оригинальное и прочувствованное слово. Мысли его вполне христіанскаго настроенія, клонящіяся доказать, что все несчастье современнаго человѣка въ томъ, что онъ одинокъ и замкнутъ исключительно въ самомъ себѣ. Между тѣмъ, говоритъ авторъ: «изъ тѣлесной оболочки человѣка какъ бы исходить нѣчто, обнимающее собою внѣшній міръ и какъ бы присутствующее въ близкихъ мнѣ людяхъ. Я чувствую и сострадаю этимъ людямъ, значить, душою живу въ нихъ. Есть предрасудокъ, будто человѣкъ любить всего больше самого себя. Однако, всякій, кто хоть однажды въ жизни искренно любилъ, сознается, что любить можно, кого угодно, только не себя. Свои потребности удовлетворяешь равнодушно, машинально, а потребности тѣхъ, кого любишь, — съ наслажденіемъ. Больно и страшно самому страдать, но видѣть страданія любимаго существа невыносимо. Жизнь своя безсознательно дорога себѣ, но жизнь искренне любимаго человѣка еще дороже, и чѣмъ естественнѣе человѣкъ, чѣмъ менѣе онъ испорченъ ложною культурой,

тѣмъ это чувство проявляется рѣзче, такъ что, въ сущности, любить, какъ и ненавидѣть, можно только другихъ, тотъ маленькій міръ близкихъ, въ которыхъ живешь душою».

Но, горетѣмъ, у кого нѣтъ маленькаго міра близкихъ людей, въ которыхъ живетъ душа... Г. Меньшиковъ въ своемъ трудѣ доказываетъ, что наша культура не даетъ человѣку именно близкихъ ему людей: «культурная жизнь, соединяя громадныя людскія массы механически, разъединяетъ маленькія естественныя психическія группы, въ которыхъ только и можетъ жить человѣкъ, разрушаетъ тѣсныя семейныя и родовыя кружки людей, столь крѣпкіе въ прегнія времена. Пути сообщенія, желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, газеты, книги, соединяютъ человѣчество, но не сближаютъ людей до непосредственнаго, сердечнаго общенія; они даютъ возможность имѣть въ сто разъ больше знакомыхъ, но часто отрываютъ отъ насъ немногихъ истинныхъ друзей. Старинныя, мало-подвижныя времена были выгоднѣе для семьи и дружбы; большинство людей тогда, гдѣ родились, тамъ и росли и кончали жизнь, въ чертѣ своего околотка, среди нѣсколькихъ десятковъ односельчанъ. Теперь же и образованный, и рабочій классъ кочуютъ съ раннихъ лѣтъ, отыскивая лучшія условія образованія, службы, работы, непрерывно перемѣшиваясь и поминутно обрывая завязывающіяся отношенія; знакомства пріобрѣтаютъ мимолетный характеръ, не переходятъ въ дружбу, въ родственное чувство долгаго сожителства. Но и кромѣ этихъ чисто механическихъ причинъ, въ цивилизованномъ быту есть могущественныя психическія условія, отдѣляющія человѣка отъ человѣка. Чѣмъ богаче, знатнѣе, образованнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе суживается кругъ возможныхъ для него знакомствъ: сынъ крестьянина, дѣлаясь образованнымъ, сразу какъ бы выселяется изъ многомилліоннаго ему роднаго міра въ мірокъ изъ нѣсколькихъ тысячъ образованныхъ людей, ему равныхъ. Даже и въ этомъ міркѣ образованіе соединяетъ людей менѣе прочно, чѣмъ въ большемъ народномъ мірѣ ихъ сплочивало невѣжество. Чаше всего образованіе разобщаетъ. По условіямъ нынѣшняго просвѣщенія, чѣмъ человѣкъ ученѣе, тѣмъ онъ болѣе специалистъ, то-есть, тѣмъ болѣе чуждъ всему остальному міру».

Казалось бы, что могло быть ближе человѣку, какъ не его собственная семья? А между тѣмъ, «въ городѣ глава семьи, погруженный въ свою спеціальность, непонятную ни женѣ, ни дѣтямъ, органически не связанъ съ ежедневной домашней жизнью; черезъ тридцать, сорокъ лѣтъ совмѣстнаго житія жена ровно ничего не понимаетъ въ работѣ мужа. Подумать вслухъ о своемъ жизненномъ трудѣ у «домашняго очага» человѣкъ уже не можетъ, какъ думаетъ мужикъ и ремесленникъ».

Въ томъ же направленіи современная жизнь разобщаетъ насъ съ народомъ и съ природой; трудъ создаетъ «переутомленіе» и «вырожденіе»; цивилизація состоитъ изъ множества ненужныхъ и искусственныхъ благъ, отнимая у насъ естественный міръ. «Цивилизація не въ техническихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, а во внутреннемъ богатствѣ человѣческаго духа, въ облагороженіи его, въ изяществѣ его мысли и чувства. Надо запастись рано сокровищами званій, чтобы потомъ они освѣщали вамъ всю жизнь и особенно старость,

когда въ утѣшеніе человѣку, за потухшими страстями, остается одна память, одно воображеніе. Вспомните, какъ утѣшала образованность декабристовъ въ рудникахъ Сибири. Старость та же ссылка, и если кто въ молодости сжился съ великими откровеніями природы, съ чудесами мысли, вся жизнь того будетъ полна счастливыхъ видѣній. Образованность создаетъ родство съ человѣчествомъ и міромъ». Но это родство съ человѣчествомъ и міромъ едва ли возможно тамъ, гдѣ прогрессъ выражается въ милитаризмѣ, капитализмѣ, монополіяхъ, пролетаріатѣ, эмиграціяхъ, революціяхъ и реставраціяхъ. Глубоко потрясающую картину современной жизни рисуетъ г. Меньшиковъ, но безнадёжную и neroковую. Онъ указываетъ на сближеніе съ природой, съ народомъ и естественнымъ трудомъ въ преобразованной семьѣ въ деревнѣ. «Роль деревенской семьи огромна,— говоритъ онъ,— въ ея власти судьбы будущаго. Каждая семья должна сдѣлаться культурнымъ центромъ для созданія новой общественной души, и такъ какъ въ будущемъ зданіи придется жить многимъ поколѣніямъ, элементы для постройки должны быть взяты самые драгоценные, самые чистые. Каждый домъ въ деревнѣ можетъ быть не только жилищемъ, не только мастерской, но и школой, библіотекой, музеемъ, лабораторіей и прежде всего храмомъ. И въ зародышѣ такого патріархальной крестьянской семьи. Она—общая мастерская, такъ какъ весь трудъ семьи сосредоточивается около дома и семейнаго гнѣзда. Она—школа, такъ какъ грамотѣ ребятишекъ учитъ мать или старики, или старшія сестры. Она—библіотека, такъ какъ въ ней, въ божницѣ или въ сундукахъ, всегда найдете старинныя доиконовскія книги, библію, житія святыхъ, то-есть, то, что считается сдѣятымъ вѣчнаго чтенія. Наконецъ, такая изба и храмъ, такъ какъ лучшій передній уголь занять божницею, маленькимъ алтаремъ, къ которому возносится молитва всей семьи много разъ ежедневно. Такова истинно культурная, хотя и первобытная семья. Есть великія вѣчныя книги, которыя всегда будутъ неизсякаемымъ источникомъ самаго святаго счастья, но ихъ не много, и каждая такая книга стоитъ не дорого. Не увлекайтесь только корыстью и тщеславіемъ; не собирайте вещей ненужныхъ, и тогда даже самыхъ скромныхъ средствъ хватить на необходимыя. Но за то не будетъ «правъ», чина X класса въ 20 лѣтъ и проч. и проч. Да, но съ этимъ ужъ, конечно, нужно примириться; одно изъ двухъ—или естественное счастье, или искусственное. Я говорю лишь о естественномъ счастьѣ, а не о томъ, какъ приспособиться къ химерамъ».

Такимъ образомъ, книга г. Меньшикова исполнена практическаго идеализма и, въ особенности, полезна теперь, когда идетъ усиленная проповѣдь исключительно матеріальнаго прогресса, подъ видомъ «экономическаго матеріализма» или философской «эволюціи», съ неизбѣжною «меньшихъ золъ» и т. д. Проповѣдь г. Меньшикова направлена къ жизнерадостному идеалу христіанской жизни, и его разсужденія о счастьѣ рѣзко отличаются отъ многочисленныхъ книжныхъ и сухихъ трактатовъ о томъ же.

А. Фаресовъ.

**Картины жизни Византіи въ X-мъ вѣкѣ. По Г. Шлюмберже.
М. Н. Ремезова. Москва. 1898.**

Возникшій у насъ въ послѣднее время интересъ къ изученію исторіи Византіи выражается въ появленіи не только ученыхъ изслѣдованій, посвященныхъ разработкѣ различныхъ сторонъ церковно-общественной жизни мало-извѣстной и на западѣ Византіи, но и популярныхъ статей, имѣющихъ цѣлью ознакомить и читателя-неспециалиста съ полной глубокаго интереса исторіей средневѣковой греко-восточной имперіи. Нельзя не привѣтствовать и появленіе этихъ послѣднихъ, такъ какъ онѣ удовлетворяютъ хотя и запоздалому, но естественному и вполне понятному стремленію русскаго общества ознакомиться съ судьбами Византіи, связанной съ Русью многосложными и разнообразными связями и оказавшей громадное вліяніе на церковно-общественный строй нашего отечества.

Къ популярнымъ изданіямъ по исторіи Византіи слѣдуетъ отнести и выше-указанную брошюру г. Ремезова, печатавшуюся раньше на страницахъ «Русской Мысли» (1898, январь и февраль).

Брошюра г. Ремезова не имѣетъ самостоятельнаго значенія, но представляетъ передѣлку нѣкоторыхъ главъ изъ прекрасныхъ сочиненій французскаго ученаго, члена французской академіи, Густава Шлюмберже (Gustave Schlumberger), именно: «Un empereur byzantin au dixième siècle — Nicéphore Phocas» и «L'Épopée byzantine à la fin du dixième siècle». Бѣды въ этомъ, конечно, нѣтъ, — разъ авторъ не въ состояніи писать самостоятельно; важно то, насколько правильно съ научной стороны онъ воспользовался чужимъ трудомъ.

Въ своей брошюрѣ г. Ремезовъ изображаетъ весьма интересную сторону въ исторіи Византіи — придворно-политическую жизнь въ X-мъ вѣкѣ. Жизнь и бытъ византійскаго двора отличались такими особенностями, какія трудно встрѣтить въ иныхъ государствахъ. Эта жизнь была по истинѣ бурнымъ волнующимся моремъ, съ которымъ ее сравнивали еще византійскіе писатели, она была полна интригъ, заговоровъ, переворотовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своеволія и деспотизма. Атмосфера козней и фактическаго абсолютизма пропитала всѣхъ, подавила все. Народъ потерялъ довѣріе къ правительству, правительство не довѣряло народу. Ни одинъ императоръ не чувствовалъ себя прочно сидящимъ на престолѣ, такъ какъ былъ окруженъ врагами, одержимыми болѣзнью порфиры. Главною причиною дворцовыхъ революцій было отсутствіе закона о престолонаслѣдствіи, почему византійскій престолъ всегда имѣлъ многихъ претендентовъ, искавшихъ случая занять его. И такіе случаи, дѣйствительно, представлялись... Съ другой стороны, придворная жизнь въ Византіи отличалась особенною блестящею и роскошною, проявлялась въ торжественныхъ празднествахъ и церемоніяхъ и проводилась необыкновенно пышно и богато. Кромѣ того, въ десятомъ вѣкѣ Византія вела рядъ непрерывныхъ и побѣдоносныхъ войнъ съ сарацинами и болгарами, создавшихъ новыхъ претендентовъ на престолъ; а при дворѣ блистала своею молодостью и красотой императрица Теофано, бывшая героиней одного изъ самыхъ захватывающихъ историческихъ романовъ. Таковъ фонъ, на которомъ Шлюмберже, а за нимъ г. Ремезовъ, пишетъ рядъ кар-

тинъ изъ придворно-политической жизни Византіи X-го вѣка. Въ указанной брошюрѣ сначала описывается царствованіе императора Романа II, найдяшагося подъ вліяніемъ своей очаровательной супруги Теофано и совершенно не занимавшагося дѣлами имперіи; затѣмъ изображается великій полководецъ Никифоръ Фока, покорившій Критъ, который много лѣтъ находился подъ властью сарацинъ, и одержавшій другія славныя побѣды; въ награду за это онъ получилъ византійскій престолъ и руку красавицы Теофано, овдовѣвшей послѣ внезапной смерти Романа II. Время царствованія Никифора Фоки было блестящею порою въ исторіи Византіи, такъ какъ императоръ достигъ и внѣшняго умиротворенія государства послѣ цѣлаго ряда удачныхъ походовъ противъ враговъ, и внутренняго благоустройства въ странѣ посредствомъ разнообразныхъ реформъ. Но придворныхъ интригъ онъ уничтожить не могъ и даже цаль жертвою ихъ и по винѣ той же красавицы Теофано: онъ былъ убитъ полководцемъ-армяниномъ Іоанномъ Цимисхіемъ, дѣйствовавшимъ въ союзъ съ Теофано. Послѣ Никифора престолъ былъ занятъ Цимисхіемъ.

Указанныя два царствованія—Романа II и Никифора Фоки—и описываются русскимъ авторомъ. Безспорно, г. Ремезовъ избралъ довольно рельефный моментъ въ исторіи Византіи и описалъ его, при содѣйствіи своего руководителя, довольно живо и картинно. Книга его читается съ интересомъ, который въ значительной мѣрѣ вызывается и самымъ свойствомъ предмета. Но намъ думается, что для составленія популярныхъ книгъ и брошюръ недостаточно одного знанія иностраннаго языка, на которомъ написано то или иное произведеніе, интересное для русскихъ читателей. Составитель популярной книги долженъ обладать и научными знаніями въ той области, популяризировать которую онъ желаетъ. Научныя познанія предохраняютъ его отъ ошибокъ, свойственныхъ неспеціалисту, и помѣшаютъ ему вновь распространять среди читателей популярныхъ книгъ тѣ ошибки, которыя имѣются въ оригиналѣ. Правда, популяризаторъ всегда скрывается за какимъ либо авторитетомъ, но и это, по нашему мнѣнію, не избавляетъ его отъ необходимости быть до известной степени научно-образованнымъ, потому что нѣтъ авторитетовъ непогрѣшимыхъ, тѣмъ болѣе въ наукѣ византиновѣднія. Занимающимся византологіей хорошо извѣстно, какъ мало была разработана до недавняго времени эта наука у насъ и за границей, какъ, съ другой стороны, бойко пошла она въ послѣднее время и какъ ежегодно обогащается новыми источниками и документами. Византологія растетъ на нашихъ глазахъ и развивается довольно быстро: вотъ, между прочимъ, почему нужно постоянно и внимательно слѣдить за ея ростомъ, а съ другой стороны нельзя слѣпо подчиняться тѣмъ или инымъ относительнымъ авторитетамъ въ этой области и рабски копировать ихъ.

Подобныя мысли неизбѣжно возникнутъ у всякаго знакомаго съ византологіей читателя по прочтеніи брошюры г. Ремезова. Слово нѣтъ, — брошюра написана бойко и живо, но она не свободна отъ ошибокъ, изобличающихъ автора въ невѣдѣніи византійской исторіи. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ. На стр. 4 г. Ремезовъ пишетъ, что императоръ «Романъ Лакапинъ былъ низвергнутъ Константиномъ (Багрянороднымъ) и заточенъ вмѣстѣ съ сыновьями въ монастырь Проти, гдѣ онъ и умеръ». Но Романъ Лакапинъ былъ лишонъ пре-

стола своими сыновьями Стефаномъ и Константиномъ (не—императоръ) и отвезенъ на одинъ изъ принцевыхъ острововъ (въ Пропонтидѣ)—Проту, и здѣсь постриженъ въ монастырѣ Богородицы. Заключивъ своего отца въ монастырь, Стефанъ и Константинъ составили измѣнническій планъ убить и Константина Багрянороднаго, но измѣна была открыта, оба узурпатора схвачены, пострижены въ монахи и отправлены въ тотъ же монастырь на островѣ Протѣ. Встрѣча отца съ сыновьями была необыкновенно трогательна... Но Романъ просилъ Константина не оставлять его съ тѣми, которые не потерпѣли его присутствія во дворцѣ. Уступивъ этимъ просьбамъ, императоръ удалил Стефана на островъ Антигону, а Константина на островъ Теревиней. Объ этомъ подробности можно читать у Кедрина, Зонары, Георгія Амартола и другихъ византийскихъ историковъ. На стр. 7 говорится, что при погребеніи умершаго Константина Порфирогенета находилось высшее духовенство, «безчисленное множество священнослужителей и монаховъ столицы и ея окрестностей, всѣ облаченные въ одеждѣ ангельскаго чина, всѣ сенаторы» и пр. Но подѣ «облаченными въ одеждѣ ангельскаго чина» и слѣдуетъ разумѣть, по византийской терминологіи, монаховъ. Значитъ, здѣсь—тождество. Неяснымъ представляется и отношеніе императора Никифора Фоки къ монахамъ: съ одной стороны—явное къ нимъ нерасположеніе, а съ другой—щедрая помощь и покровительство (стр. 77—79) и пр.

Итакъ, и для составленія хорошихъ популярныхъ книгъ нужна до известной степени научная подготовка, а безусловное довѣріе популяризатора знаній известному относительному авторитету можетъ иногда принести мало пользы читателямъ-неспеціалистамъ. Σ.

Хива („Зимній походъ въ Хиву Перовскаго въ 1839 году“ и „Первое посольство въ Хиву въ 1842 году“). И. Н. Захарьина (Якунина). Спб. 1898.

Книжка эта состоитъ, собственно, изъ двухъ вышеназванныхъ статей, съ одною изъ которыхъ читатели «Историческаго Вѣстника» уже знакомы, такъ какъ она была напечатана въ этомъ журналѣ въ 1894 году. Въ настоящее время,—какъ объясняетъ авторъ въ своемъ предисловіи,—въ виду 25-лѣтія со времени взятія Хивы покойнымъ К. П. Кауфманомъ, эти статьи, нѣсколько исправленныя, соединены въ одну книжку и издаются подѣ общимъ заглавіемъ «Хива».

Зимній походъ Перовскаго, въ описаніи г. Захарьина, не вполне согласуется съ тѣми официальными донесеніями и сообщеніями объ этомъ походѣ, которыя были напечатаны когда-то въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», а равно и въ книгѣ, составленной и изданной полковникомъ Иванинымъ. Самая отличительная разница заключается въ донесеніяхъ и цифрахъ о количествѣ нижнихъ чиновъ и офицеровъ, погибшихъ въ этомъ несчастномъ походѣ отъ страшныхъ морозовъ и степныхъ бурановъ въ суровую зиму 1839—1840 г. Такъ, напримѣръ, по официальнымъ донесеніямъ

значилось, что «умерло во время похода офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ—1054, да исключительно цынготныхъ умерло 609 человекъ. Следовательно, вышло, что умерло всего 5 офицеровъ и 1663 человека солдатъ; между тѣмъ, въ дѣйствительности умерло 11 офицеровъ и болѣе трехъ тысячъ нижнихъ чиновъ, такъ какъ изъ пятитысячнаго отряда, вышедшаго изъ Оренбурга, вернулось обратно менѣе двухъ тысячъ человекъ.

Страданія и лишенія, испытанныя отрядомъ генерала Перовскаго въ этомъ ужасномъ походѣ, можно сравнить развѣ лишь съ тѣми, что испытывала армія Наполеона I при отступленіи изъ Россіи. Но и тогда морозъ никогда не доходилъ до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ онъ достигалъ при походѣ въ Хиву, въ декабрѣ 1839 года отъ 32 до 40° по R., при сильнѣйшемъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ и при совершенномъ отсутствіи, въ стени, матеріала, способнаго для горѣнія, — такъ что приходилось разрывать глубокой снѣгъ, рубить топорами, желѣзными мотыгами мерзлую землю и выбирать изъ нея корни степенныхъ травъ, чтобы развести огонь для кипяченія чайника...

Тѣмъ не менѣе, выступившая изъ Оренбурга колонна прошла все-таки до Черика-Кульскаго укрѣпленія, на разстояніи 670 верстъ. «Путь этотъ со всеми его лишеніями и бѣдствіями, — говоритъ авторъ, — пройденъ былъ, по истинѣ, съ тѣмъ героизмомъ, которому позавидовали бы закаленные въ походахъ воины Александра Македонскаго и столь же достославные легионы Юлія Цезаря. Еще не суждено было русскому знамени развѣваться на стѣнахъ древней Хивы, — и необычайная, по своей суровости, зима съ глубокимъ снѣгомъ явилась, на этотъ разъ, преградою на пути нашего отряда».

Военныхъ же, собственно, стычекъ съ непріятелемъ отрядъ генерала Перовскаго почти не имѣлъ, — если не считать нападенія двухтысячнаго коннаго отряда туркменъ-іомудовъ на маленькій рекогносцировочный нашъ отрядъ, находившійся подъ командою поручика Ерофеева, — нападенія, очень счастливо отбитаго.

Весь разсказъ г. Захарьина о «Зимнемъ походѣ въ Хиву» носитъ на себѣ, такъ сказать, характеръ повѣствованія, разнящагося по живости языка и литературному изложенію отъ военныхъ реляцій и сухихъ официальныхъ донесеній. Живости разсказа способствуетъ, независимо отъ таланта разсказчика, главнымъ образомъ еще и то обстоятельство, что свое повѣствованіе г. Захарьинъ составилъ не по официальнымъ документамъ и рапортамъ, а по запискамъ участника похода, подполковника Зеленина, передавашаго эти свои записки автору книги. Наконецъ, — что всего важнѣе и интереснѣе, — г. Захарьинъ, проживая нѣсколько лѣтъ въ Оренбургѣ, встрѣтился и познакомился тамъ «съ нѣсколькими, еще находящимися въ живыхъ, свидѣтелями и участниками несчастнаго похода нашихъ войскъ въ Хиву въ 1839 году и слышалъ отъ нихъ живые разсказы и многія интересныя подробности объ этомъ походѣ». Вслѣдствіе этого его книжка представляетъ большой интересъ, какъ для лицъ, спеціально знакомящихся съ нашими военными дѣлами на Востокъ, такъ и для тѣхъ русскихъ людей, которые вѣрятъ въ необходимость и неизбѣжность нашего дальнѣйшаго поступательнаго движенія въ Среднюю Азію, каковое является, по мнѣнію автора, высказанному имъ въ предисловіи къ

своей книгѣ, «лишь вопросомъ времени—не болѣе,—и должно неминуемо осуществиться при первомъ же вооруженномъ столкновеніи Россіи съ владычицею морей и нашею вѣковѣчною соперницею на Востокъ — съ Англіею».

В.

Ал. Лазаревскій. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Вып. IV. Съ рисункомъ. Кіевъ. 1898.

Вновь вышедшій томикъ «очерковъ» г. Лазаревского, подобно прежнимъ выпускамъ, содержитъ много новаго и чрезвычайно любопытнаго историческаго матеріала. Въ статьѣ о графѣ П. А. Румянцовѣ авторъ сосредоточиваетъ вниманіе на административной дѣятельности знаменитаго полководца, по званию президента малороссійской коллегіи. Въ обширной инструкціи, полученной Румянцовымъ отъ императрицы, предъ вступленіемъ своимъ въ управленіе краемъ, встрѣчаемъ весьма интересныя указанія на тѣ ближайшія задачи, которыми озабочивалось тогда правительство въ отношеніи Малороссіи, и выполненіе которыхъ возлагалось на новоназначеннаго президента. «Закоснѣлая почти во всемъ народѣ,—говорится въ инструкціи,—къ земледѣлію и другимъ полезнымъ трудамъ лѣность и также примѣчаемая въ немъ внутренняя противъ великороссійскаго нежаривость представляютъ вамъ весьма пространную значительнаго наблюденія и старанія вашего матерію». Въ общемъ, инструкція рекомендуетъ Румянцову мѣры гуманности: «хотя время само собою откроетъ глаза народу и докажетъ, сколь много онъ облегченъ... однако-жъ и въ нынѣшнее время разные способы поспѣшествовать вамъ могутъ праводушіемъ, безкорыстливостью, снисхожденіемъ и ласкою употребить неосновательныя его опасенія и приобрести къ себѣ любовь его и довѣренность». И Румянцовъ, воинскіе таланты котораго такъ высоко были оцѣнены Фридрихомъ II, въ его фразѣ къ своимъ генераламъ—«остерегайтесь, сколь можно, этого собаки Румянцова!», оказался сверхъ того довольно искуснымъ администраторомъ. Г. Лазаревскій приводитъ нѣсколько случаевъ, когда Румянцевъ обходилъ законныя строгости, выигрывая этимъ довѣріе и расположеніе къ себѣ народа. Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій случай. Изъ отряда полковника Кулябки, посланнаго въ 1768 г. усмирять «возмутившихся» жителей с. Клищинецъ, 77 козаковъ, тяготаясь бездѣйствіемъ въ рабочее лѣтнее время (Кулябка держалъ село въ осадѣ и ничего рѣшительнаго не предпринималъ), «запрягли вozy и отѣхали въ дома свои самовольно». Преступленіе — очень тяжкое и строго наказуемое вездѣ и всегда. Что же дѣлаетъ Румянцовъ? Онъ выпускаетъ на волю заключенныхъ въ острогъ бѣглецовъ и постановляетъ такое рѣшеніе: «хотя ихъ важное преступленіе надлежало бы большому истязанію, но по единому снисхожденію къ ихъ буйству и сопряженному съ тѣмъ унынію... упущается строгость наказанія, ими заслуженнаго».

Другая болѣе значительная по размѣру статья — «Александръ Михайловичъ Марковичъ» — посвящена жизнеописанію этого малоизвѣстнаго изыскателя малорусской старины и почти вся написана на основаніи рукописнаго матеріала. Весьма любопытна также замѣтка «Какъ основалась «Кіевская Ста-

рина», написанная по поводу высказаннаго въ «Трудахъ кievской духовной академіи» голословнаго замѣчанія, будто бы «настоящимъ инициаторомъ въ основаніи этого журнала» былъ протоіерей П. Г. Лебединцевъ, и нельзя не пожалѣть, что авторъ почему-то не назвалъ тѣхъ «двухъ любителей малорусской старины» (кievлянина и черниговца), у которыхъ впервые зародилась благая мысль объ изданіи этого журнала, и къ проекту которыхъ протоіерей Лебединцевъ отнесся хотя съ сочувствіемъ, но «посмѣиваясь». Въ статьѣ «Поѣздка въ Полтаву» есть нѣсколько небезынтересныхъ біографическихъ свѣдѣній о Котляревскомъ; г. Лазаревскому удалось ихъ добыть изъ дневника харьковскаго старожила Стеблинъ-Каменскаго.

Въ настоящемъ выпускѣ всего помѣщено 15 статей и замѣтокъ, въ томъ числѣ четыре — библиографическаго характера. Добрая треть книжки замѣщена свѣдѣніями, имѣющими характеръ первоисточника; имя автора служитъ лучшимъ ручательствомъ полной достовѣрности извѣстій, какія сообщаются впервые.

Съ живѣйшимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ книжку г. Лазаревскаго и желаемъ автору подольше сохранить за собою тотъ передовой наблюдательный постъ, какой онъ занимаетъ среди современныхъ изслѣдователей малорусской старины.

К. Х.

Г. Карнуа. Легенды Франціи. Переводъ съ французскаго С. Лысцовой. Съ рисунками Н. Н. Соболева. Москва. 1898.

За послѣдніе два года въ нашемъ обществѣ какъ будто пробуждается интересъ къ средневѣковой народной литературѣ; объ этомъ свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, появленіе за это время на русскомъ языкѣ нѣсколькихъ сборниковъ произведеній этой литературы, изъ коихъ «Рейнскія легенды», а совмѣстно съ ними и «Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани», собранныя г-жею Балобановой, были разобраны нами на страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ минувшемъ году. Мы указали тогда на тотъ фактъ, что эти прекрасные сборники, съ одной стороны, могутъ обогатить запасомъ новыхъ свѣдѣній каждаго любителя средневѣковой литературы, съ другой же, являются безусловно интереснымъ чтеніемъ и для всякаго другого читателя, въ особенности, для дѣтей школьнаго возраста. Въ послѣднемъ отношеніи вполнѣ удовлетворительными можно признать и вышедшія нынѣ въ очень добропорядочномъ русскомъ переводѣ «Легенды Франціи». Но любитель средневѣковой народной литературы не позаимствуется изъ этой книги ничѣмъ новымъ, что давно не было бы ему извѣстно: такія легенды, какъ «Паладинъ Роландъ и измѣнникъ Ганелонъ», «Вѣчный жидъ», «Робертъ Дьяволь», «Чудесные подвиги Гаргантюа» и т. п., извѣстны даже и большинству русскихъ читателей по довольно многочисленнымъ переложеніямъ и переводамъ. Къ тому же, надо замѣтить, что Карнуа мало разборчивъ въ выборѣ редакцій собранныхъ имъ легендъ и часто беретъ слишкомъ близкія къ нашему времени, а потому и значительно искаженные позднѣйшими вставками, между тѣмъ какъ существуютъ гораздо болѣе раннія редакціи, сравнительно ярче передающія безыскусственность и на-

ивность религиозных и политических воззрѣній средневѣковаго человѣчества. Такъ, напримѣръ, легенда о Гаргантюа помѣщена въ сборникѣ въ очень поздней редакціи: въ ней фигурируютъ уже пушки и ядра, о которыхъ нѣтъ и помина въ болѣе древнихъ спискахъ. Въ сущности говоря, «Подвиги Гаргантюа» даже не легенда, въ тѣсномъ смыслѣ, а скорѣе сказка, и притомъ самаго грубаго пошиба; ее съ успѣхомъ можно бы было выбросить изъ сборника, и во всякомъ случаѣ ей не мѣсто находится рядомъ съ такой прелестной, безыскусственной и глубоко-нравственной легендой, какъ легенда объ Иванѣ-Медвѣдѣ, гальскомъ Геркулесѣ. Чтобы этотъ герой, созданный фантазіей французскаго народа, особенно напоминалъ собою Геркулеса, сказать нельзя, такъ какъ та христіански-нравственная подкладка, на которой основаны подвиги Ивана-Медвѣдя, не имѣетъ ничего общаго со стимулами дѣятельности героя древней Греціи; Иванъ-Медвѣдь изъ героевъ напоминаетъ собою болѣе всѣхъ главнаго богатыря былинъ нашихъ — стараго казака Илью Муромца: оба они не заботятся о самихъ себѣ и собственномъ благѣ, оба стремятся къ торжеству правды на землѣ, оба защищаютъ христіанство отъ нападеній невѣрныхъ. Одна изъ любимѣйшихъ во Франціи легендъ, принадлежащая къ циклу тѣхъ, въ коихъ дѣйствующимъ лицомъ является наиболѣе историческій, а вмѣстѣ и наиболѣе легендарный герой французскій, императоръ Карлъ Великій, легенда о гибели племянника Карла Роланда отъ руки сарацинъ въ Ронсевальской долинѣ, благодаря коварству Ганелона, изложена у Карнуа крайне безвѣтно и кратко; за то изложеніе легендъ о Робертѣ Дьяволѣ, о Гаснарѣ, благочестивомъ тампьерѣ, который пятьсотъ лѣтъ, по милости Божіей, слушалъ пѣніе очаровавшаго его соловья и благодаря этому избѣгъ печальной участи, постигшей его собратій при уничтоженіи ордена, объ Агасферѣ, вѣчномъ жидѣ, о благочестивой Женевиевѣ Брабантской, не оставляетъ желать ничего лучшаго и ставитъ книгу Карнуа въ разрядъ такихъ, которыя самый разборчивый воспитатель, не задумываясь, можетъ дать въ руки каждому ребенку школьнаго возраста и быть вполне увѣреннымъ, что чтеніе ея послужитъ лишь къ развитію и упорядоченію литературнаго вкуса юнаго читателя.

Е. Лосскій.

Драматическій театръ въ Кіевѣ. (1803—1893) Историческій очеркъ Н. И. Николаева. Кіевъ. 1898.

Мы вообще очень бѣдны трудами по исторіи нашихъ провинціальныхъ театровъ. Актерскій съѣздъ въ Москвѣ въ прошломъ году, отчеты объ немъ и статьи по его поводу нѣсколько познакомили съ дѣятельностью провинціальныхъ сценъ; кромѣ того, объ нихъ встрѣчаются свѣдѣнія въ разныхъ мемуарахъ, въ воспоминаніяхъ актеровъ и т. п. Къ сожалѣнію, на съѣздѣ проявлено было немало страстности, которая заполонила дебаты съѣзда большимъ количествомъ прайднорѣчія, такъ что въ немъ трудно разбраться съ крупными истинами и типичности. Мемуарамъ тоже можно довѣрять только съ крайнею осторожностью, такъ какъ ихъ авторы часто или стараются говорить больше о себѣ, чѣмъ о дѣлѣ, или наполняютъ свои воспо-

минанія вздорными анекдотами, нерѣдко перевранными, которые легко читаются публикой, легко забываются и никакой характеристики не даютъ. Книга г. Николаева есть первая работа, послѣдовательная, обстоятельная, представляющая любителю театра и будущему историку его хорошій матеріалъ, чтобы составить себѣ картину театральнаго движенія въ Кіевѣ. Авторъ въ концѣ своей книги говоритъ: «До тѣхъ поръ, покуда не будутъ собраны и сведены въ нѣчто цѣлое и систематическое матеріалы по исторіи развитія и дѣятельности театровъ, хотя бы въ крупныхъ провинціальныхъ центрахъ нашего обширнаго отечества, до тѣхъ поръ невозможна и исторія всероссійскаго театра, а слѣдовательно, и исторія нашего общественнаго развитія. Вотъ, именно, мысль—облегчить задачу будущему историку нашего драматическаго театра, сдѣлавъ за него, по мѣрѣ силъ и возможности, черновую работу собиранія и группировку фактовъ театральной жизни Кіева, и поддерживала автора въ его занятіяхъ. Онъ былъ бы счастливъ и доволенъ, если бы ему удалось, какъ онъ искренно этого желаетъ, сдвинуть своими слабыми усиліями хоть нѣсколько лишнихъ камней съ дороги будущаго историка «русскаго драматическаго всероссійскаго театра». Этотъ нѣсколько восторженный подъемъ задачъ исторіи русскаго театра показываетъ въ авторѣ горячаго любителя сцены, на трудъ котораго можно положиться. Изслѣдованіе г. Николаева вполне отвѣчаетъ намѣченной имъ себѣ задачѣ. Послѣ бѣглаго обзора первыхъ зародышей театрального дѣла въ Кіевѣ, въ видѣ представленій въ духовной академіи, хожденія студентовъ академіи съ вертепами, народныхъ интермедій и т. п., авторъ переходитъ къ описанію болѣе правильнаго театрального дѣла въ началѣ текущаго столѣтія, когда (1803 г.) былъ построенъ первый постоянный театръ. Первые антрепризы въ Кіевѣ были, однако, польскія, спектакли давались на польскомъ языкѣ. Только въ 1821 году изъ Полтавы привезъ въ Кіевъ малорусско-русскую труппу М. С. Щепкинъ, впоследствии знаменитый артистъ московскаго императорскаго театра, но тогда еще молодой предприимчивый антрепренеръ. Его попытка не удалась, и уже значительно позже (1829 г.) окончательно установился въ Кіевѣ русскій театръ. Г. Николаевъ изъ года въ годъ слѣдитъ за дѣятельностью этого театра, приводя довольно подробную хронику всѣхъ явленій этой области и, по возможности, сторонясь отъ всякой критической оцѣнки ихъ. Передъ нами проходитъ цѣлый рядъ артистовъ, какъ постоянныхъ, такъ и наѣзжихъ гастролеровъ, съ помѣткою ихъ исполненій, списки игранныхъ въ разное время пьесъ, отзывы рецензій, постройки новыхъ зданій и проч.; конечно, чѣмъ ближе авторъ подходитъ къ нашему времени, тѣмъ подробнѣе становится его изслѣдованіе. Мы здѣсь встрѣчаемся съ первыми шагами впоследствии очень извѣстныхъ столицамъ актеровъ: Виноградова, Арди, Новикова, Никитина, Ф. Козловской и др. Такимъ образомъ книга г. Николаева есть тщательный статистическій трудъ, за который, несомнѣнно, будетъ автору благодаренъ всякій занимающійся судьбами нашего театра, такъ какъ найдетъ въ этой книгѣ много интереснаго. Было бы очень желательно, чтобы такого рода работы освѣтили театральную жизнь и другихъ городовъ нашей провинціи.

В. К.

А. В. Кругловъ. Лѣсные люди. Очерки и впечатлѣнія. Изд. 2-е, Спиридонова. М. 1898.

Суровый Зырянскій край, съ его природою и полудикими аборигенами, обращенными въ христіанство св. Стефаномъ Пермскимъ, — край очень интересный, но онъ недостаточно знакомъ обыкновенной публикѣ. Книга А. В. Круглова, вышедшая 2-мъ изданіемъ, довольно полно знакомитъ съ «коми-войтырь», какъ зовутъ себя зыряне, написана интересно и читается легко. Авторъ рисуетъ величественныя картины сѣверной природы, полной своеобразной красоты, и отмѣчаетъ въ жизни зыряннина такія характерныя особенности быта и нравовъ, что очеркъ, помимо интереса, представляетъ собою и социальное значеніе. Образъ зыряннина, несмотря на всю его некультурность, обладаетъ такими чертами, которыя дѣлаютъ его симпатичнымъ и заставляютъ любить этого полуномада сѣвера. Очень живо описаны зырянскія «лѣсованья» — одна изъ поэтическихъ страницъ зырянской жизни. Авторъ касается и зырянскаго языка, народной словесности, приводитъ въ переводѣ и въ оригиналѣ нѣсколько зырянскихъ пѣсенъ. По внѣшности 2-е изданіе во много разъ лучше перваго. Успѣхъ книжки показываетъ, что въ нашей публикѣ уже народился запросъ на этнографическія сочиненія въ беллетристической формѣ.

А. Н.

Л. Волковъ. Адамъ Мицкевичъ и его произведенія. Критико-биографическій очеркъ. Спб. 1898.

Въ виду близкаго юбилея А. Мицкевича въ нашихъ газетахъ и журналахъ появилась масса замѣтокъ, характеризующихъ личность поэта и его произведеній. Къ числу подобныхъ статей относится и настоящій очеркъ г. Волкова, имѣющій цѣлью «представить біографію этого писателя въ связи съ безпристрастной оцѣнкой его литературной и политической дѣятельности».

Приступая къ разбору первыхъ произведеній Мицкевича, авторъ заявляетъ, что уже въ нихъ видны основные мотивы его поэзіи: «коварство» и «обманъ». Поэма «Дяды» оказывается «произведеніемъ больного ума, исполосованнаго (?) вліяніями «Вертера», «Валеріи» и «Новой Элоизы»; «Ода къ молодости», высокопарная, фразистая и вычурная, не имѣющая никакихъ художественныхъ достоинствъ, побуждала поляковъ къ мятежамъ и революціонной пропагандѣ; а «Гражина», съ исполненнымъ противорѣчіями (? противорѣчій) и неправдоподобностями (стей) содержаніемъ, дорога полякамъ за политическія идеи». Критика, очевидно, не сложная: ложь, клевета и ненависть, — вотъ единственныя слова, достойныя, по мнѣнію автора, музы польскаго поэта. Но критическій пылъ г. Волкова на этомъ не останавливается. «Въ «Валенродѣ» М. воспѣваетъ «ненависть къ русскимъ и рекомендуетъ разрушить Россію путемъ коварства, измѣны, обмана и притворства». Поэма «Панъ Тадеушъ», полная художественной прелести, оказывается, «произведеніемъ, полнымъ противорѣчій и натяжекъ, въ которомъ М. унижался до балаганнаго остроумія и ненависть свою къ Россіи довелъ до предѣла». Эти отрывки въ достаточной степени характеризуютъ критическій тактъ г. Волкова.

Интересны приемы, при помощи которых авторъ старается доказать безнравственность, коварство и трусость М. «М. до того боялся разбойниковъ, что даже еврей оказался храбрѣе его; а еврей, — глубокомысленно замѣчаетъ авторъ, — храбростью не отличаются». Вообще, по части курьезовъ въ этомъ очеркѣ можно найти немало любопытнаго. Слово «полякъ» и «либераль» являются для автора браннымъ терминомъ. Этотъ патриотъ до того увѣренъ въ своей правотѣ, что считаетъ излишнимъ разсматривать М. съ художественной точки зрѣнія и, объявляя поэта «лжецомъ» и «измѣнникомъ», считаетъ всякаго несоглагошающагося съ нимъ «полонофиломъ». Беззастѣнчивость г. Волкова, шокирующая здравый смыслъ, доходитъ до крайности; по адресу поэта сыплется цѣлый рядъ отборныхъ ругательствъ. «Всякій вправѣ бросить грязью въ М., — говоритъ авторъ въ концѣ своего очерка, — потому что это пѣвецъ змѣиныхъ чувствъ и змѣиной тактики, пасквильныя произведенія котораго дышатъ клеветой и испещрены выходками балаганнаго остроумія, это лукавый и гнусный рабъ, ползавшій, какъ змѣя, у ногъ господина своего и старавшійся исподтишка ужалить его въ пятю».

Очевидно, о научномъ значеніи этого тенденціознаго очерка говорить не приходится, остается только пожелать ему возможно меньшаго распространенія.

Н. Л.

Игорь, князь Сѣверскій. Древне-русская поэма въ поэтическомъ переложеніи Д. Бохана. Съ введеніемъ, примѣчаніями и историческими комментаріями. Минскъ. 1897.

Еще одинъ переводъ «Слова о полку Игоревѣ»! Не понимаемъ, кому и для чего нужна эта маленькая неопытно изданная книжка. Азбучная истина, что ни одинъ переводъ, хотя бы онъ принадлежалъ и А. Н. Майкову, не можетъ дать никакого представленія о такомъ древнемъ памятникѣ, какъ «Слово»: всѣ переводы являются болѣе или менѣе талантивыми, вполне современными варіаціями на «Слово». Г. Боханъ скромнень; онъ пишетъ: «не соревнованіе побудило меня взяться за переводъ «Слова», я знаю, что не переведу лучше А. Н. Майкова, Н. В. Гербеля, Л. А. Мея, а желаніе ознакомить возможно большій кругъ читателей съ такимъ произведеніемъ нашей древней литературы, которое смѣло можетъ стать на ряду съ лучшими произведеніями литературы всемірной». Желаніе г. Бохана является не совсѣмъ понятнымъ; изъ его словъ вовсе не ясно, почему нужно было печатать свой переводъ «Слова». Ознакомиться съ варіаціями на тему «Слова» всякій читатель можетъ, не прибѣгая къ помощи г. Бохана; переводы «Слова», кажется, не сдѣлались библиографическими рѣдкостями.

Впрочемъ, варіаціи г. Бохана если не лучше, то и не хуже большинства другихъ передѣлокъ.

П. Щ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВТОРША ОДИССЕИ. Подъ этимъ заглавіемъ вышла недавно въ Лондонѣ курьезная книга ¹⁾, которая возбудила живую полемику какъ въ Англии, такъ и въ Германіи. Недовольствуясь тѣмъ, что ученые критики уже давно развѣнчали Гомера признавъ, что *Иліада* и *Одиссея* написаны не однимъ великимъ поэтомъ, а представляютъ народный эпосъ, или, другими словами, сборникъ народныхъ былинъ, Бутлеръ теперь старается доказать, что авторомъ *Одиссеи* была молодая женщина Навзикая, которая, какъ извѣстно, была дочерью царя Алкиноя и Ареты, а, главное, спасла самого *Одиссея*. Для того, чтобы обставить, какъ можно, научнѣе и основательнѣе свой парадоксъ, англійскій писатель изучилъ топографію *Одиссеи*, провелъ нѣсколько времени въ Сициліи и, въ концѣ концовъ, пришелъ къ тому заключенію, что вторая поэма Гомера написана въ Тропанѣ между 1100 и 1200 годами этой самой Навзикаей. Но, по его изслѣдованіямъ, она была дочерью не царя, а простого жителя Тропаны, извѣстнаго своей болтливостью. Мать ея, по его словамъ, была хорошей хозяйкой, а она сама, несмотря на свою молодость, мужественно отстаивала честь и интересы своего пола. Такимъ образомъ, если вѣрить Бутлеру, Навзикая была не только авторшей *Одиссеи*, но и прародительницей феминизма. Конечно, англійскіе, а въ особенности, нѣмецкіе критики даже оскорбились при такомъ легкомысленномъ отношеніи къ Гомеру, въ существованіе котораго вѣрятъ еще многіе почтенные авторитеты, между прочимъ, Гладстонъ. Они признаютъ, что трудъ Бутлера, во всякомъ случаѣ очень любопытный, представляетъ серьезный интересъ только относительно новыхъ географическихъ свѣдѣній, собранныхъ имъ на мѣстѣ;

¹⁾ The Authoress of the Odyssey. By Samuel Butler. London. 1898.

но самая его гипотеза объ авторствѣ Навзикаи, по общему мнѣнію компетентныхъ лицъ, не заслуживаетъ даже обсуждения, тѣмъ болѣе, что всѣ его аргументы главнымъ образомъ сводятся къ тому, что въ Одиссеѣ вездѣ женщины обнаруживаютъ явное превосходство надъ мужчинами; такъ, самъ Одиссей, хитрый, но лживый, трусъ; Полифемъ—дуракъ; Эльпеноръ—пьяница, Телемакъ—слабодушный простякъ, и т. д.; а, напротивъ, Елена, Пенелопа, Калипсо, Авриклея и, наконецъ, сама Навзикая являются настоящими героинями, достойными всякаго уваженія. Несомнѣнно, что Одиссея отличается этой чертой превосходства женщинъ надъ мужчинами, и много разъ объ этомъ было писано, но всетаки основывать на этомъ цѣлую теорію о томъ, что поэму, приписываемую Гомеру, создала Навзикая—слишкомъ смѣло, чтобы не сказать больше. Другихъ же аргументовъ, которые имѣли бы хоть малѣйшій смыслъ, Бутлеръ вовсе не приводитъ, а потому приходится только пожалѣть, что онъ употребилъ столько труда и остроумія на подобный парадоксъ.

— Возстаніе англійскихъ поселянъ въ XIV вѣкѣ. Въ *Revue Encyclopedique*, отъ 7-го мая, помѣщенъ рефератъ Пети-Дюгальи, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій французской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, за прошедшій годъ, о возстаніи поселянъ въ Англии въ 1381 году. ¹⁾ Хотя этотъ очеркъ знаменательнаго историческаго событія составленъ мастерски, но напрасно его авторъ увѣряетъ, что означенный эпизодъ англійской исторіи оставался необъясненнымъ до выхода, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, труда по этому предмету Андре Левиля, нашедшаго во французскихъ и англійскихъ архивахъ много драгоценныхъ, дотогѣ никому невѣдомыхъ, документовъ, которые пролили свѣтъ на настоящія политическія, экономическія и соціальныя причины этого историческаго факта. Уже многіе англійскіе историки, и въ томъ числѣ Гринъ, въ своей краткой исторіи англійскаго народа, давно установили правильный взглядъ на означенный вопросъ, и гораздо ранѣе молодого французскаго профессора всѣмъ, занимающимся англійской исторіей, было извѣстно, что привело къ народному движенію, возбужденному Ватомъ Тайлеромъ. За два столѣтія до этого событія крестьяне въ Англии пользовались лучшимъ положеніемъ, чѣмъ на континентѣ, потому что старинныя обычаи охраняли ихъ отъ помѣщичьяго деспотизма. Мало-по-малу, они сдѣлались свободными арендаторами, благодаря замѣнѣ барщины рентой, а наконецъ, даже частью превратились въ собственниковъ-фермеровъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда землевладѣльцы, не желая сами эксплуатировать своей земли, дѣлили ее на участки и продавали поселянамъ. Однако, всетаки большинство сельскаго населенія состояло изъ рабочихъ, постоянныхъ и поденщиковъ. Во время земледѣльческаго кризиса, наступившаго въ половинѣ XIV вѣка, благодаря двумъ значительнымъ голодовкамъ и чумѣ 1348 года, Эдуардъ III не нашелъ лучшаго исхода изъ затруднительнаго положенія, какъ издать въ 1350 году «статутъ о рабочихъ», который обязывалъ всякаго ничѣмъ не

¹⁾ Sociétés Savantes: Academie des sciences morales et politiques. *Revue Encyclopedique*. 7 mai 1898.

занятаго и немѣвшаго никакихъ средствъ человѣка поступать въ работу къ лицамъ, заявлявшимъ на то требованіе, и по рыночной цѣнѣ на рабочій трудъ, существовавшій въ 1346 году. Вслѣдъ за этимъ «статутомъ» были изданы другія строгія постановленія, а землевладѣльцы, съ своей стороны, возстановили свои прежнія привилегіи и даже вернули крестьянъ къ барщинѣ. А такъ какъ суды систематично рѣшали не въ пользу бѣдныхъ поселянъ, если они осмѣливались жаловаться, то имъ осталось одно средство—возстаніе. Къ этимъ основнымъ причинамъ возстанія англійскихъ поселянъ въ XIV вѣкѣ надо еще прибавить непопулярность Плантагенетовъ, административныя злоупотребленія, недовольство мелкаго духовенства, притѣсняемаго крупными прелатами, и вліяніе народной литературы того времени, въ особенности же, коммунистическихъ балладъ о Робинѣ Гудѣ и мистической поэмы Вильяма Лангганда. Прежде всего возстали поселяне въ графствѣ Эссексъ, а затѣмъ оно быстро распространилось во всѣ стороны, и Ватъ Тайлеръ, бывшій солдатъ, принявъ начальство надъ стотысячной рабочей арміей. Онъ прямо пошелъ на Лондонъ, ворота котораго были открыты, благодаря измѣнѣ королю, и когда Тайлеръ овладѣлъ лондонскою башнею, то молодой шестнадцатилѣтній король пошелъ на сдѣлку. Онъ вышелъ на встрѣчу поселянамъ и сказалъ имъ: «я вашъ король и повелитель, добрые люди. Что вамъ надо?» Они отвѣчали: «намъ надо, чтобы ты навсегда освободилъ насъ и наши земли». Король громко произнесъ: «я согласенъ, ступайте по домамъ, а я обещаю тотчасъ обнародовать указы о всеобщей амнистіи и свободѣ». Онъ сдержалъ свое слово, и дѣйствительно, въ канцеляріяхъ стали писать обѣщанныя бумаги, но тридцать тысячъ поселянъ, подъ начальствомъ Тайлера, остались въ Солотфильдѣ, чтобы наблюдать за исполненіемъ королевскихъ обѣщаній. Часть ихъ случайно столкнулась съ королевскими войсками, и произошла свалка, въ которой былъ убитъ Тайлеръ. Пользуясь этимъ счастливымъ для нихъ обстоятельствомъ, знатныя лица, бывшія вмѣстѣ съ тѣмъ и землевладѣльцами, убѣдили короля взять назадъ данное слово и затушить кровью народное возстаніе. Молодой Эдуардъ послушался и потомъ съ гордостью говорилъ матери: «радуйся и благодари Бога: я вернулъ свое наслѣдіе, которое, было, потерялъ». Хотя народное движеніе было прекращено, но оно осталось навсегда знаменательнымъ историческимъ фактомъ, бросающимъ яркій свѣтъ на социальное положеніе Англии въ XIV вѣкѣ.

— Прототипъ шекспировскаго Фальстафа. Сэръ Вальтеръ Безантъ продолжаетъ въ Pall Mall Magazine свои интересные очерки южнаго Лондона въ старину, и въ пятомъ изъ нихъ, помѣщенномъ въ іюльской книжкѣ этого журнала ¹⁾, онъ рассказываетъ жизнь и приключенія сэра Джона Фастольфа, который признается оригиналомъ шекспировскаго Фальстафа. По его словамъ, если дѣйствительно, великій драматургъ списывалъ своего несравненнаго Фальстафа съ историческаго сэра Джона Фастольфа, то его портретъ не имѣетъ ни одной черты сходства съ оригиналомъ. Послѣдній былъ не трусъ, не пьяница, не ку-

¹⁾ South London. Y. A. Forgotten Worthy. By Sir Walter Besant. Pall Mall Magazine. June 1898.

тила, не завсегдагай кабачковъ, а храбрый воинъ, сорокъ лѣтъ воевавшій во Франціи, энергичный администраторъ и достойный, трезвый человекъ. Въ одномъ отношеніи только Фальстафъ можетъ напоминать Фастольфа, именно, въ томъ, что хотя послѣдній не былъ трусомъ, но военачальникъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ, лордъ Тальботъ, дѣйствительно, обвинялъ его въ трусости, чтобы спасти себя отъ нареканія въ потерѣ сраженія подъ Пате. Эта легенда такъ распространилась въ Англіи, что, дѣйствительно, трусости Фастольфа приписывали поражение англійскихъ войскъ и чуть не удаленіе ихъ изъ Франціи. Шекспиръ не имѣлъ никакого понятія о Фастольфѣ, кромѣ этого легендарнаго обвиненія въ трусости, и упоминаетъ въ двухъ мѣстахъ своего «Короля Генриха VI» о бѣгствѣ Джона Фастольфа отъ французовъ изъ трусости. Затѣмъ онъ уже превратилъ этого бѣднаго, ни въ чемъ неповиннаго, воина въ сэра Джона Фальстафа, этого типичнаго труса и пьяницу. Все это, по словамъ Безанта, основавшаго свой рассказъ на достовѣрныхъ документальныхъ фактахъ, — одинъ пустой вымыселъ. Въ дѣйствительности, сэръ Джонъ Фастольфъ, происходя отъ знатной норфольской семьи, родился въ 1378 г., началъ службу пажемъ у герцога Норфольскаго, а затѣмъ долго воевалъ во Франціи и занималъ видныя мѣста губернатора въ Гарфлерѣ и Конде, коменданта парижской Бастиліи и управляющаго дворомъ герцога Бетфорда, бывшаго регентомъ Франціи. Наконецъ, онъ исполнялъ должность намѣстника Нормандіи и всегда пользовался самой почетной репутаціей. Даже послѣ несчастной для Англіи битвы при Пате, отвѣтственность за которую Тальботъ старался свалить на Фастольфа, онъ продолжалъ занимать высокія должности, именно, былъ губернаторомъ Казена и два раза посланникомъ. Мало того, чтобы избавиться онъ несправедливаго обвиненія въ трусости, онъ потребовалъ слѣдствія и былъ судомъ вполне оправданъ; но въ Англіи, въ особенности, въ народѣ, не было извѣстно объ этомъ оправданіи, и упорно сохранилась легенда о трусости Фастольфа, которая послужила Шекспиру основой для созданія безсмертнаго типа. Послѣ всѣхъ своихъ подвиговъ и оказанныхъ родинѣ услугъ, прототипъ Фальстафа вернулся въ Англію въ 1440 году, шестидесяти лѣтнимъ старикомъ, и получилъ правительственную пенсію. Что касается до его качествъ, какъ человека, то нѣтъ никакихъ доказательствъ, по словамъ Безанта, чтобы онъ хоть въ чемъ нибудь походилъ на Фальстафа. Напротивъ, сохранилось немало свидѣтельствъ современниковъ о томъ, что онъ въ старые годы былъ именитымъ гражданиномъ Лондона, жилъ въ прекрасномъ собственномъ домѣ, владѣлъ девяностю четырьмя помѣстьями, жертвовалъ большія суммы на устройство коллегій въ Кембриджъ и Оксфордъ, намѣревался устроить новую коллегію въ своемъ замкѣ Кесторъ и, вообще, пользовался почетной репутаціей и, конечно, никогда не подозрѣвалъ, что сдѣлается прототипомъ Фальстафа.

— Частная жизнь въ старой Франціи. Альфредъ Франклинъ продолжаетъ свои изслѣдованія о нравахъ, обычаяхъ, художествахъ, ремеслахъ, торговлѣ и модахъ во Франціи отъ XII до XVIII столѣтій¹⁾. Только что вышед-

¹⁾ La vie privée d'autrefois, par A. Franklin. XX—XXI. Paris. 1898.

шіе томики 20 и 21, снабженные попрежнему копіями съ рѣдкихъ эстамповъ того времени, знакомятъ читателей, съ одной стороны, съ парижскими магазинами бѣлья, обуви, мѣховъ, тростей и зонтиковъ, въ доброе старое время, а съ другой, съ домашней жизнью и положеніемъ слугъ при Людовикѣ XIV. Авторъ до послѣднихъ мелочей исчерпываетъ свой предметъ, напримѣръ, посвящаетъ нѣсколько главъ исторіи рубашки и носового платка, которые считались въ старину такой дорогой роскошью, что нѣкоторые франты, одѣваясь по послѣдней модѣ, имѣли по одной рубашкѣ и по одному платку, которые они сами мыли рано утромъ на берегу Сены, тогда какъ люди богатые, знатные, посылали стирать свое тонкое бѣлье въ Голландію и даже на островъ Санъ-Доминго, а бѣдняки вовсе обходились безъ бѣлья. Весь томикъ, посвященный частной жизни въ царствованіе Короля-Солнца, занятъ перепечаткой, съ примѣчаніями и комментаріями, двухъ очень рѣдкихъ сочиненій Одиже «*La maison réglée*» (Регулированный домъ) и аббата Локъ-Дьё «*Les devoirs des maitres et domestiques*» (Обязанности господъ и слугъ), вышедшихъ въ 1692 и 1688 г. Первый изъ этихъ авторовъ былъ дворецкимъ во многихъ знатныхъ, богатыхъ семьяхъ и передаетъ намъ все, что знаетъ о господахъ и слугахъ, на основаніи своей долгой опытности, а послѣдній указываетъ, не безъ краснорѣчія, на то, какъ понимали въ XVII вѣкѣ взаимныя обязанности господъ и слугъ. Но, быть можетъ, интересѣ этой обширной серіи маленькихъ книгъ для знакомства съ частной жизнью предковъ теперешнихъ французовъ служить небольшая статья Эрнеста Божита въ «*Revue Hebdomadaire*» о дворянахъ — стекольщикахъ въ Аргоннѣ¹⁾. Оказывается по достовѣрнымъ документальнымъ справкамъ, что съ XIV столѣтія существовали во Франціи дворяне, занимавшіеся производствомъ стекла, и по королевскимъ актамъ они сохранили свои дворянскія права, а бывали случаи, что и простолюдиновъ-стекольщиковъ производили въ дворянъ, но исключительно тѣхъ, которые производили стекла для церковныхъ оконъ. Что касается до дворянъ-стекольщиковъ въ Аргоннѣ, то они стали появляться только въ XV вѣкѣ на берегахъ Бьемы, въ теперешнемъ департаментѣ Марны, а въ концѣ XVI, они завели цѣлый рядъ стекольныхъ заводовъ, на которыхъ преимущественно работали бутылки для бургундскаго и шампанскаго вина. Въ виду того, что они, пользуясь дворянскими привилегіями, не платили никакихъ податей и налоговъ, мѣщане и поселяне сильно протестовали, доказывая, что ремесло этихъ дворянъ гораздо ниже ихъ занятій, такъ какъ первые работали почти голые, въ одной длинной женской рубашкѣ, среди огненнаго пекла. Чтобы положить конецъ этимъ постояннымъ пререкательствамъ, дворяне-стекольщики въ концѣ XVII столѣтія обратились къ Генриху IV, при проѣздѣ чрезъ Аргонну въ Мець, съ просьбой урегулировать ихъ положеніе. Король ихъ уважилъ и далъ имъ патенты на производство стекла безъ нарушенія дворянскаго достоинства. Съ тѣхъ поръ никто уже не стѣснялъ этихъ труженниковъ, но они все-таки подтвердили свои права и привилегіи при Людовикахъ XIII, XIV и XV. Но зато аристократія, кичившаяся тѣмъ, что ничего не дѣлала, презрительно издѣвалась

¹⁾ Les gentilshommes verrier de l'Argonne, par Ernest Beaugitte. Revue Hebdomadaire. 26 mars.

надъ ними, а мѣстные поселяне преслѣдовали ихъ самыми грубыми шутками. Но съ другой стороны, пользуясь правительственной поддержкой, дворяне-стекольщики не позволяли никому заводить стекольные заводы въ этой мѣстности, а когда одинъ богатый сосѣдъ буржуазнаго происхожденія, Вотье, вздумалъ устроить такой заводъ, то они судомъ заставили его снести всѣ возведенныя имъ постройки. Такимъ образомъ, они мирно существовали до революціи, не вмѣшиваясь въ общественныя дѣла, а исключительно занимаясь своимъ ремесломъ. Уничтоженіе ихъ привилегій и замѣна ихъ титула *chevalier* на всѣхъ документахъ словомъ гражданъ очень оскорбили дворянъ-стекольщиковъ, и нѣкоторые изъ нихъ эмигрировали, а большинство хотя продолжало свою работу, но безъ большой пользы. Только при реставраціи они снова подняли голову, и ихъ годовой оборотъ достигъ 2 милліоновъ франковъ. Съ 1820 г. начался новый упадокъ въ дворянскомъ стекольномъ дѣлѣ Аргонны, такъ что изъ 13 заводовъ, процвѣтавшихъ въ XVIII вѣкѣ, передъ франко-прусской войной сохранилось только четыре, а теперь лишь одинъ, принадлежащій сестрамъ Шарфенрю.

— Мемуары графа Молліена. Эти мемуары одного изъ самыхъ способныхъ министровъ Наполеона I уже были давно извѣстны, но составляли рѣдкую диковину въ немногихъ специальныхъ библіотекахъ. Теперь, наконецъ, они напечатаны для всѣхъ и снабжены предисловіемъ Шарля Гомеля, почтеннаго изслѣдователя французскихъ финансовъ во время революціи ¹⁾. Почти всѣ записки и воспоминанія о наполеоновской эпохѣ, которыми съ нѣкоторыхъ поръ такъ наводнена французская литература, имѣютъ военный характеръ, а потому мемуары Молліена являются чѣмъ-то новымъ, оригинальнымъ. Читатель, которому надобно описанія походовъ, сраженій и т. д., съ любопытствомъ знакомится въ этихъ объемистыхъ трехъ томахъ съ финансовой, экономической и административной сторонами консульства и имперіи; при этомъ авторъ очень обстоятельно указываетъ, какъ на почвѣ старыхъ порядковъ королевской Франціи развился новый строй революціонной и императорской эпохъ. Графъ Молліенъ родился въ 1758 году и происходилъ отъ семьи руанскихъ купцовъ. Въ молодости онъ готовился въ адвокаты, но знаменитый представитель тогдашняго судебного краснорѣчія, Жербье, уговорилъ его бросить это намѣреніе, такъ какъ онъ предвидѣлъ въ скоромъ времени общественный переворотъ, который долженъ былъ, по его мнѣнію, унести съ собою все судебное устройство. Тогда Молліенъ предался изученію финансовъ и поступилъ сначала приказчикомъ къ одному изъ государственныхъ откупщиковъ, а потомъ чиновникомъ въ вѣдомство, контролировавшее откупа. Въ этихъ должностяхъ онъ основательно и практически познакомился съ положеніемъ французскихъ финансовъ, а въ извѣстной книгѣ Адама Смита почерпнулъ здравые экономическіе принципы. При подобномъ направленіи, очевидно, онъ не могъ отнестись сочувственно къ революціи и считалъ, что она только приведетъ къ разоренію страны. Удалившись отъ всякой общественной дѣятельности, онъ завелъ бумагопрядильную

---

¹⁾ Comte Mollien. *Memoires d'un ministre du tresor public (1780—1815)*. Paris, 1898. 3 vol.

фабрику, и хотя это не спасло его от тюрьмы, куда его посадили, какъ соучастника въ дѣлѣ откушчиковъ, которыхъ преслѣдовало республиканское правительство, но благополучно миновалъ гильотину. Не желая вторично подвергнуться опасности, онъ посѣтилъ Германію, Голландію и Англію, а на родину вернулся только послѣ 18 брюмера. Тогдашній министръ финансовъ, Годенъ, зналъ его, какъ опытнаго финансиста, а потому назначилъ его директоромъ комиссіи погашеній. Первый консулъ въ то время очень заботился о поднятіи финансовъ, и онъ часто по нѣскольку часовъ разговаривалъ съ Молліеномъ о финансовыхъ вопросахъ какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ. Каждый вечеръ Молліенъ записывалъ все, что говорилъ ему Наполеонъ, а такъ какъ его близкія отношенія съ нимъ продолжались четырнадцать лѣтъ, то, очевидно, рассказъ о нихъ представляетъ большой интересъ и является наиболѣе любопытной частью его мемуаровъ. Наполеонъ часто жаловался Молліену на недостатки своихъ министровъ, а они, завидуя его близости къ консулу, повели противъ него интригу. Одинъ изъ нихъ какъ-то сказалъ очень ехидно Наполеону: «говорятъ, Молліенъ вашъ учитель по финансовымъ дѣламъ». Эти слова оскорбили гордаго и щекотливаго диктатора; онъ прекратилъ съ нимъ всякія отношенія и въ продолженіе пяти мѣсяцевъ даже не приглашалъ его къ себѣ. Но при созданіи имперіи онъ собралъ особый финансовый совѣтъ, и въ числѣ приглашенныхъ въ него экспертовъ находился Молліенъ. Засѣданіе было очень бурное, и тогдашніе министры финансовъ и казначейства подверглись страшному разносу со стороны Наполеона. Выходя изъ совѣта, онъ остановился передъ Молліеномъ и отрывисто сказалъ: «вы министръ казначейства и присягаете сегодня вечеромъ». Когда же на лицѣ Молліена выразилось сомнѣніе, то онъ прибавилъ: «вы не старайтесь меня увѣрить, что не хотите быть министромъ: отъ министерства никто не отказывается». Въ продолженіе восьми лѣтъ Молліенъ былъ министромъ казначейства и совершилъ чудо изъ чудесъ, именно, добывалъ постоянно средства для войнъ Наполеона безъ одного займа. Не входя въ подробности всѣхъ проведенныхъ имъ финансовыхъ мѣръ, слѣдуетъ замѣтить, что онъ первый ввелъ въ своемъ министерствѣ двойную бухгалтерію и учредилъ контрольную палату. Конечно, во все это время онъ ежедневно видался съ Наполеономъ, который лично входилъ въ самыя мелочныя подробности финансоваго дѣла, а во время его отсутствія постоянно съ нимъ переписывался. Несмотря на рѣзкія манеры Наполеона и на его привычку всегда ставить на своемъ, онъ иногда подчинялся вліянію Молліена, который старался проводить въ каждомъ вѣренномъ ему дѣлѣ разумныя финансовыя и экономическія теоріи. Естественно, что въ отношеніе коньковъ Наполеона, какъ, на примѣръ, континентальной системы, Молліенъ былъ обязанъ молчать и повиноваться, но за то онъ ясно понималъ, къ чему приведетъ отрицаніе Наполеономъ здравой финансовой политики, и прямо говорилъ: «Англія ведетъ борьбу современную, а Наполеонъ старомодную, въ которыхъ есть случаи, а анахронизмъ смертеленъ». Когда его предсказаніе осуществилось, и начались прежде пораженія, а потомъ катастрофы, Молліенъ лѣзъ изъ кожи, чтобы создать средства для войны. Въ январѣ 1814 года, онъ предложилъ перевести государственное казначейство за Луару, на случай нападенія

непріятеля на Парижъ, но императоръ цинично отвѣчалъ: «если непріятель дойдетъ до стѣнъ Парижа, то имперія перестанетъ существовать». При первой реставраціи, конечно, графъ Молліенъ не былъ призванъ къ участию въ правительствѣ, а во время ста дней, по просьбѣ Наполеона, вернулся въ свое министерство. Послѣ Ватерлоо онъ снова сдѣлался частнымъ человѣкомъ, и хотя впоследствии Ришелье и Деказь предлагали ему портфель министра финансовъ, но онъ отказался, по причинѣ разстроеннаго здоровья, и принялъ только званіе пэра, которое сохранилъ и при іюльской монархіи. Умеръ онъ, имѣя девяносто лѣтъ, въ 1848 году.

— Политическія предсказанія Наполеона I. Въ «Nouvelle Revue», отъ 15-го мая, помѣщены подлинныя слова Наполеона, слышанныя его послѣднимъ частнымъ секретаремъ, барономъ Флери-де-Шабулономъ, въ 1815 г. ¹⁾ Эти слова были имъ записаны и найдены въ оставшихся послѣ него бумагахъ, которыя перешли къ его другу Биксіо, затѣмъ къ Барралю и, наконецъ, къ сыну послѣдняго Жоржу Барралю, напечатавшему ихъ теперь съ своими примѣчаніями. Онѣ не даромъ названы имъ пророчествами, такъ какъ, дѣйствительно, имѣютъ характеръ политическихъ предсказаній, и нѣкоторыя изъ нихъ уже давно, или недавно осуществились, хотя, конечно, попадаютъ и такія, которыя совершенно фантастичны, или все еще относятся къ области будущаго. Во время ста дней, именно, 31-го марта 1815 г., Наполеонъ сказалъ при Шабулонѣ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Карно: «Русскіе очень самолюбивы, и если они однажды сдѣлаются повелителями Европы, то все перевернутъ вверхъ дномъ. Когда меня не будетъ, они добьются первенства, и для этого они станутъ ухаживать за Франціей. Европа узнаетъ, чего я хотѣлъ, только лишившись меня. Тогда она пойметъ, что только я былъ достаточно силенъ, чтобы одной рукой укрощать Англію, а другой сдерживать Россію. Теперь я бросаю мысль о созданіи великой западной имперіи, основы которой я только положилъ въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, и впредь лишь счастье и прочность французской имперіи будутъ предметомъ всѣхъ моихъ усилій. Александръ не понималъ меня въ Тильзитѣ, а иначе мы не были бы съ нимъ въ томъ положеніи относительно другъ друга, въ какомъ мы находимся теперь. Что касается до всесвѣтной монархіи, то я никогда о ней не мечталъ, и подобная утопія никогда не приходила мнѣ въ голову. Если же я погибну въ подготовляющейся борьбѣ, то Пруссія увеличится и, можетъ быть, составитъ ядро возстановленной Германіи, но это долго не продлится, и она исчезнетъ подъ ударами внутренней анархіи, или ее задушитъ славянскій элементъ, который ее поглотитъ и приведетъ къ ея первобытной формѣ. Франція возьметъ рано или поздно французскую Бельгію и сосѣднія провинціи, а также свою естественную границу на Рейнѣ, который столь же указанъ Богомъ ей въ предѣлы, какъ Альпы и Пиринеи. Италія достигнетъ единства. Испанія, овдовѣвъ относительно своихъ колоній, сдѣлается достояніемъ Португаліи. Греція пріобрѣтетъ Македонію и Іоническіе острова. Въ Балканахъ возникнутъ независимыя государства, которыя сдѣлаются, подобно Швейцаріи и Голландіи, нейтральными центрами. Австрія уступитъ

¹⁾ Les propheties de Napoleon I, par Georges Barral. Nouvelle Revue. 15 mai.

мѣсто обширной венгерской имперіи. Россія утвердится въ Константинополѣ и вмѣстѣ съ Англіей, которая заберетъ въ свои руки Африку, подѣлитъ коммерческое и матеріальное первенство. Франція останется всегда великодушной страной и лучезарнымъ свѣточемъ прогресса. Для чести чело-вѣчества, она исчезнуть не можетъ, но ея роль будетъ преимущественно философская и интеллектуальная. Видя, что Александръ не понялъ меня въ 1812 г., я долженъ былъ возстановить польское королевство. Это было бы вмѣстѣ актомъ справедливости и ловкимъ политическимъ шагомъ. Наконецъ, я не могъ сдѣлать меньшаго для вѣрныхъ рыцарскихъ поляковъ». Произнося эти слова, Наполеонъ, по увѣренію Шабуллона, прослезился, и голосъ у него задрожалъ.

— Юбилей Мишле. 23-го іюня будутъ праздновать во Франціи столѣтнюю годовщину рожденія знаменитаго историка, Жюля Мишле. Хотя онъ родился мѣсяцемъ позже, именно, 21 іюля 1798 года, но рѣшено ускорить это торжество, такъ какъ иначе учащаяся молодежь, въ виду наступающихъ каникулъ, не была бы въ состояніи принять въ немъ участіе. Программа празднествъ еще не установлена, но, по справедливому замѣчанію вдовы Мишле, преданной подруги его жизни и его помощницы въ литературныхъ трудахъ, необходимо, чтобъ приняли въ нихъ участіе, съ одной стороны, университетъ и школы, а съ другой, народъ, такъ какъ онъ одинаково служилъ дѣлу образованія и любилъ всѣми фибрами своего сердца народъ, не только на своей родинѣ, но во всемъ свѣтѣ. Эта мысль высказана г-жею Мишле въ только что напечатанной ею брошюрѣ, которая открываетъ собою юбилейную литературу. До сихъ поръ появились, кромѣ нея, еще только три статьи въ журналахъ и одна въ газетахъ, которыя заслуживаютъ вниманія, именно: «Столѣтіе Мишле», Жюля Лева-луа¹⁾, въ первой майской книжкѣ «Revue des Revues», «Римская исторія Мишле», академика Гастона Буасье, въ первомъ апрѣльскомъ номерѣ «Revue des deux Mondes»²⁾, «Неизданныя письма Мишле», Етьена Шаравей въ «Revue Bleue» отъ 28 мая³⁾ и «Юбилей Мишле», анонимнаго автора въ «Temps» отъ 16-го мая⁴⁾. Левалуа бѣгло характеризуетъ Мишле, какъ любимѣйшаго во Франціи историка, какъ писателя, впервые открывшаго широко двери исторической науки, какъ пламенно-живаго профессора, сдѣлавшаго изъ кафедрѣ трибуну, какъ возстановителя старой Франціи и патріотическаго учителя новой, какъ философа и художника, постоянно будившаго, по мѣткому выраженію Тэна, своихъ читателей и слушателей. Буасье, въ своемъ взглядѣ на Римскую исторію Мишле, который составитъ предисловіе къ готовящемуся новому изданію этого труда, указываетъ на крупныя его достоинства и приходитъ къ тому заключенію, что хотя онъ напечатанъ впервые шестьдесятъ семь лѣтъ тому назадъ, но не потерялъ своего значенія, даже въ виду гигантскихъ шаговъ, сдѣланныхъ съ тѣхъ поръ историческими изслѣдователями древности, по той простой причинѣ, что Мишле умѣлъ воскресить прошедшее сначала въ своемъ со-

¹⁾ Le centenaire de Michelet, par J. Levalois. Revue des Revues. 1 mai.

²⁾ L'histoire Romaine de Michelet, par G. Bouassier. Revue des deux Mondes. Avril. 1898.

³⁾ Lettres inedites de Michelet, par E. Charavay. Revue Bleue. 28 mai.

⁴⁾ Le centenaire de Michelet. Temps. 16 mai.

знаніи, а потомъ передъ глазами читателей; поэтому, понявъ, чѣмъ Франція была обязана Риму, онъ счелъ нужнымъ, прежде чѣмъ взяться за исторію своей родины, составившей задачу всей его жизни, предпослать ей исторію Рима, которая читается до сихъ поръ съ интересомъ. Хотя статейка анонимаго автора въ «Temps» очень краткая, но въ ней мастерски выяснена причина, почему всѣ во Франціи, безъ различія партій и убѣжденій, любятъ Мишле, зачитываются до сихъ поръ его сочиненіями и принимаютъ одинаково живое участіе въ подготовленіяхъ къ достойному празднованію его предстоящаго юбилея. По его словамъ, никто не сумѣлъ такъ, какъ онъ, соединить воедино двѣ любви, обыкновенно царящія по одиночкѣ въ человѣческомъ сердцѣ; одни любятъ прошедшее, а другіе—настоящее, но сердце Мишле было слишкомъ обширно, слишкомъ пламенно, чтобы удовольствоваться одной любовью прошедшаго или настоящаго; онъ соединялъ ту и другую, да еще прибавлялъ къ ней любовь къ будущему, а любя французскій народъ въ его прошедшемъ, настоящимъ и будущемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ любилъ и все человѣчество. Что касается до отрывковъ изъ неизданныхъ писемъ Мишле, напечатанныхъ въ «Revue Bleue», то въ нихъ встрѣчаются любопытныя строки, бросающія яркій свѣтъ на его чистую, незапятнанную личность. Въ запискѣ къ одному публицисту, котораго онъ просилъ написать сочувственный отзывъ о брошюрѣ Герцена, вышедшей въ 1851 г., онъ прямо говоритъ: «Мой другъ Герценъ написалъ дружеское опроверженіе того, что я говорилъ о Россіи; это очень ново, намъ неизвѣстно и дышитъ глубокимъ интересомъ». Въ другомъ письмѣ къ одному французскому академику, Мишле горячо поддерживалъ кандидатуру Александра Ходзко на кафедре Мицкевича въ французской коллегии и, между прочимъ, говорилъ: «Ходзко воспитывался въ Петербургѣ, былъ долго русскимъ консуломъ на Востокѣ и одинъ изъ лучшихъ лингвистовъ Европы; къ тому же, онъ былъ другомъ и товарищемъ Мицкевича, хотя онъ столько же позитивистъ, сколько нашъ милый и великій поэтъ былъ мистикомъ». Наконецъ, въ письмѣ къ М. Проту, отъ 30-го января 1859 г., онъ рассказываетъ, какъ былъ профессоромъ исторіи у дочерей короля Луи-Филиппа, изъ которыхъ одна принцесса Клементина, мать болгарскаго князя, до сихъ поръ жива. «Я недолго былъ преподавателемъ принцессъ, которыхъ очень любилъ, говоритъ онъ, и отказавшись отъ получаемаго содержанія, которое мнѣ предлагали сохранить, я задолго до февральской революціи разстался съ своими ученицами. Я не ждалъ паденія монархіи, а убѣдившись, что и ученицы мнѣ не вѣрятъ такъ всецѣло, какъ я надѣялся, не вѣрятъ больше, чѣмъ отцу, я ушелъ; а какъ онѣ были прелестны, я полагаю, что люблю ихъ до сихъ поръ. Да проститъ мнѣ республика!» Во всѣхъ указанныхъ статьяхъ нѣтъ никакихъ біографическихъ свѣдѣній о Мишле, кромѣ этихъ строкъ, но въ сущности, его жизнь была очень однообразна и не представляетъ интересныхъ перипетій. Сынъ бѣднаго разорившагося типографщика, онъ, однако, получилъ хорошее воспитаніе въ лицей Карла Великаго и поступилъ сначала репетиторомъ въ частный пансіонъ, а потомъ былъ учителемъ коллегии Sainte-Barbe и профессоромъ въ нормальной школѣ. Въ 1830 году онъ посѣтилъ Италію, а въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ директоромъ историческаго отдѣла въ національномъ архивѣ. Три

года онъ замѣнялъ Гизо на кафедрѣ исторіи въ Сорбоннѣ, а въ 1838 году занялъ такую же кафедру въ College de France. Благодаря своему отказу присягнуть декабрьскому герою, онъ лишился этой кафедры и мѣста въ архивѣ. Послѣдніе годы онъ провелъ частью въ окрестностяхъ Парижа и въ Нанси, а частью въ Женевѣ; умеръ же онъ въ 1874 г.

— Египетъ въ XIX вѣкѣ. По поводу египетскаго вопроса и происходящаго въ настоящее время новаго завоеванія Египтомъ Судана вышли двѣ книги, одна на англійскомъ, а другая на французскомъ языкахъ. Авторъ первой Д. Камеронъ ¹⁾, бывшій судья въ Каирскомъ мѣстномъ судѣ, а теперь англійскій консулъ въ Портъ-Саидѣ, рисуетъ полную картину Египта за послѣднія столѣтія, отъ французской экспедиціи 1798 года до занятія Египта англичанами. Конечно, главнымъ центромъ этой вѣковой исторіи служить эпоха знаменитаго Мегмета-Али, но чтобы его личность и необыкновенные успѣхи были понятны, то Камеронъ представляетъ бѣглый очеркъ могущества мамелюковъ въ средніе вѣка. Это могущество, выразившееся содержаніемъ многочисленной арміи, роскошнымъ дворомъ въ Каирѣ и великолѣпными зданіями, поддерживалось тѣмъ, что въ ихъ рукахъ были всѣ морскіе и сухопутные пути на востокъ. До открытія пути вокругъ мыса Доброй Надежды въ 1498 г., мамелюки пользовались исключительной монополіей индійской торговли съ Левантомъ, а Венеція была ихъ агентомъ на континентѣ. Насколько велики были ихъ доходы, можно судить по одному подлинному документу, найденному Камерономъ въ консульскихъ архивахъ; въ немъ говорится, что одинъ аравійскій купецъ провезъ чрезъ Суецъ партію шелка, индиго и пряностей на 10.000 фун. стерл. а одной пошлины заплатилъ 4000. Пораженіе египетскаго флота на Красномъ морѣ португальцами въ 1509 году и послѣдовавшее затѣмъ завоеваніе Сиріи и Египта турками положило конецъ силѣ и монополіи мамелюковъ. По исполнѣнію справедливого замѣчанію Камерона, желаніе забрать въ свои руки египетскую транзитную торговлю породило и экспедицію Наполеона, и политику Мегмета-Али, и оппозицію противъ нея Пальмерстона. Большая часть книги Камерона занята обстоятельнымъ разсказомъ о томъ, какъ Мегметъ-Али сдѣлался изъ табачнаго торговца въ Турціи и потомъ арнаутскаго вожака могущественнымъ пашей, который не только овладѣлъ всѣмъ Египтомъ и сдѣлался независимымъ отъ турокъ, но и успѣшно, долгое время, боролся съ европейскими державами. Также подробно описываетъ онъ уничтоженіе мамелюковъ, войны съ окрестными африканскими племенами, завоеваніе Судана и сирійскій походъ, во время котораго Мегметъ-Али столкнулся съ Англійей, послѣ чего его могущество поколебалось. Исторія Египта, отъ смерти великаго паши до появленія тамъ англичанъ въ 1882 году, передана болѣе въ сжатомъ видѣ. Что касается до французской книги объ Египтѣ, то она представляетъ не общій очеркъ, а специальную монографію завоеванія Судана при Мегметѣ-Али и тогдашнее положеніе²⁾. Ея авторъ, Генри Дегюрень, рисуетъ рельефную картину Судана въ то время, когда Мегметъ-Али задумалъ его присоединеніе

¹⁾ Egypt in the nineteenth century. By D. Cameron. London. 1898.

²⁾ Le Soudan Egyptien sous Mehemet-Ali, par H. Dehurain. Paris. 1898.

къ Египту съ политической цѣлью. Завоеваніе этой обширной страны, занимавшей тогда значительную часть африканскаго континента, продолжалось два года. Затѣмъ Мегметъ-Али занялся эксплуатаціей этой страны и не только установилъ тамъ спокойствіе и безопасность, но развилъ производительныя ея силы, сдѣлалъ изъ Хартума большой коммерческой центръ и посылалъ нѣсколько экспедицій для открытія источниковъ Нила. При преемникахъ Мегмета-Али, хедивахъ Измаилѣ и Теффикѣ, предѣлы египетскаго Судана распространились на югъ до озера Альберта, на востокъ до Краснаго моря и Абиссиніи, а на западъ до Удая. Какъ извѣстно, вслѣдствіе событій 1881 и 1882 годовъ, восточный Суданъ былъ потерянъ для Египта, и только теперь египетская армія, подъ начальствомъ англичанъ, старается вернуть потерянное.

— Прусскій военный агентъ въ Вѣнѣ во время Крымской кампаніи. Недавно вышедшій первый томъ мемуаровъ генерала князя Гогенлоэ¹⁾ бросаетъ яркій свѣтъ на роль современныхъ военныхъ агентовъ и тѣ способы, которыми они пріобрѣтаютъ необходимыя свѣдѣнія. Въ началѣ 1854 года молодому князю, родственнику теперешняго канцлера и тогда гвардейскому артиллерійскому офицеру, предложено было занять постъ прусскаго военнаго агента въ Вѣнѣ. Хотя до тѣхъ поръ онъ только слушалъ лекціи въ военной академіи и велъ веселую жизнь въ свѣтскомъ обществѣ, но оказалось, что выборъ военнаго начальства былъ удаченъ. Онъ получилъ самую общую инструкцію и странныя совѣты; такъ, напримѣръ, король сказалъ ему на прощанье: «веселитесь въ Вѣнѣ», а графъ Вальдерзее прибавилъ: «въ Австріи можно все узнать, только ухаживая за женщинами». Но, прибывъ на мѣсто, Гогенлоэ тотчасъ обнаружилъ замѣчательную ловкость, а когда австрійскія военныя власти, несмотря на то, что Пруссія была союзницей Австріи, отказались сообщать ему, подъ разными предлогами, свѣдѣнія о составѣ и дислокаціи своей арміи, то онъ сталъ собирать ихъ инымъ путемъ. То, что ему не удавалось узнать отъ австрійскихъ офицеровъ, во время дружеской бесѣды и веселой попойки, онъ узнавалъ чрезъ шпионовъ, въ числѣ которыхъ главную роль игралъ нѣкто, котораго онъ называетъ Іереміей. Въ 1848 году, этотъ Іеремія участвовалъ въ вѣнскомъ возстаніи, а потомъ въ венгерской революціи; когда Россія явилась на помощь Австріи, то сталъ играть двойную роль, продавая русскимъ венгерцамъ и венгерцамъ русскимъ. Потомъ онъ былъ гражданскимъ инженеромъ у Лессепса на Суэзскомъ каналѣ, но такая работа ему не понравилась, и онъ снова вернулся къ любимому шпионству, въ которомъ ему такъ везло, что онъ находился въ личныхъ отношеніяхъ съ императоромъ Наполеономъ III, Францемъ-Иосифомъ и турецкимъ султаномъ. Онъ находился въ Штутгартѣ при свиданіи Наполеона III съ Александромъ II, въ 1857 году, но два года спустя, передъ самымъ началомъ войны между Франціей и Австріей, Іеремію нашли однажды утромъ мертвымъ въ постели и тотчасъ похоронили безъ вскрытія тѣла по распоряженію полиціи. По словамъ князя Гогенлоэ, онъ никогда не видывалъ такого красавца, какъ этотъ шпионъ, и его красота, его лазуревые глаза, свѣтлорусые

¹⁾ Aus meinen Leben. Aufzeichnungen des Prinzen Kraft zu Hohenloe Ingelfingen. Berlin. 1898.

волосы и мягкій, благородный, любезный взгляд много помогали ему въ его позорномъ ремеслѣ. Заручившись его помощью, князь въ короткое время близко узналъ всю подноготную австрійской арміи и обо всемъ подробно донесъ въ Берлинъ. Эти свѣдѣнія были чрезвычайно важны для Пруссіи, такъ какъ въ то время Франція, воюя съ Россіей, всячески старалась переманить на свою сторону Австрію и Пруссію. Однако, не вполне довѣряя Іереміи, князь Гогенлоэ самъ повѣрялъ доставляемые имъ свѣдѣнія свидѣтельствомъ австрійскихъ офицеровъ, съ которыми онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и среди которыхъ образовалъ клубъ поклонниковъ Тальони. Въ этомъ клубѣ, гдѣ будто бы говорили и думали о балетѣ и балетной звѣздѣ, онъ хитро разставлялъ свои сѣти и ловилъ неопытныхъ юношей. Благодаря ловкости своего военнаго агента, Пруссія узнала всю правду о недостаткахъ военнаго устройства Австріи и, убѣдившись такимъ образомъ, что на свою союзницу рассчитывать плохо, сохранила сама нейтралитетъ и принудила ее къ тому же во все время крымской кампаніи. Относительно Іереміи еще слѣдуетъ прибавить, что, по увѣренію князя Гогенлоэ, онъ ему ничего не стоилъ, такъ какъ дѣйствовалъ подъ опасеніемъ, что князь, зная всѣ его тайны, предастъ его суду, а такъ какъ онъ получалъ жалованье отъ Россіи, то выходило, что русское правительство оплачивало прусскаго шпіона.

— Воспоминанія двухъ итальянскихъ генераловъ. Итальянскіе генералы Делла-Рока и Баратieri написали свои воспоминанія: первый — относительно борьбы за свободу и независимость родины ¹⁾, а послѣдній — о своемъ несчастномъ походѣ въ Абиссинію ²⁾. Книга Делла-Рока называется автобіографіей и продиктована старымъ генераломъ, умершимъ недавно на девяностомъ году жизни. Вышедшій первый томъ доходитъ до 1859 года, и старикъ запретилъ выпускать второй и послѣдній томъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока не улягутся національныя и личныя страсти. Хотя эти воспоминанія страдаютъ многими длиннотами, но въ нихъ заключается немало интереснаго и даже новаго о важныхъ историческихъ событіяхъ, въ которыхъ принималъ участіе авторъ. Въ особенности, онъ старается обълить роль Наполеона III, какъ освободителя Италіи, такъ какъ въ послѣднее время принято въ Италіи умалять значеніе французской помощи и даже приписывать Наполеону постыдныя цѣли. Что касается до «Африканскихъ воспоминаній» Баратieri, то, конечно, побѣжденный генералъ лѣзетъ изъ кожи, чтобы доказать свою невиновность въ пораженіи абиссинцами итальянской арміи. По его словамъ, подтвержденнымъ фактами, во всемъ виновны были ошибочная итальянская политика и плохой составъ ввѣренныхъ ему войскъ, въ которыхъ большинство солдатъ были волонтеры и различные искатели приключеній. Конечно, онъ гнѣвно отрицаетъ взведенное на него обвиненіе въ томъ, что онъ рискнулъ напасть при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ на болѣе многочисленнаго врага, изъ злобы, что на его мѣсто уже былъ назначенъ генералъ Бальдисера. Его защиту призналъ вполне правильной военный

¹⁾ Autobiografia di un Veterano. Di Enrico della Rocca. Bologna. 1898.

²⁾ Memoria d'Africa 1892—1896. Di Baratieri. Torino. 1898.

судъ, оправдавшій его, и вообще его книга ясно доказываетъ, если въ этомъ было еще сомнѣніе, что подъ Адуей не былъ разбитъ неспособный генераль, а была разбита неумѣлая политика Криспи.

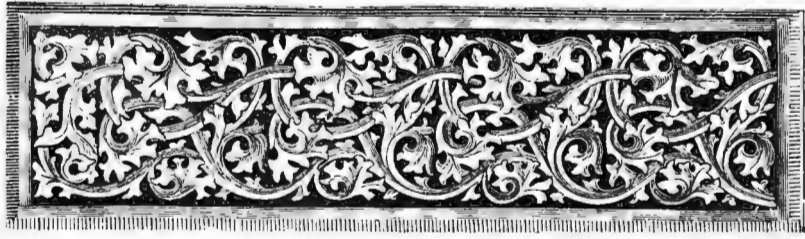
— Взглядъ американскаго посланника на К. П. Побѣдоносцева. Съ нѣкоторыхъ поръ представители американской республики при европейскихъ дворахъ начали печатно высказывать свое мнѣніе о государяхъ, при которыхъ они были акредитованы, и о государственныхъ людяхъ, съ которыми они приходили въ столкновение. Въ майской книжкѣ «Century Magazine» появилась статья бывшаго американскаго посланника въ Петербургѣ и занимающаго теперь тотъ же постъ въ Берлинѣ, Андру Вайта, подъ заглавіемъ «Одинъ изъ государственныхъ людей Россіи: Константинъ Побѣдоносцевъ» ¹⁾. «Прибывъ въ Петербургъ въ ноябрѣ 1892 г.,— начинаетъ онъ свой очеркъ,— я желалъ познакомиться наиболѣе изъ всѣхъ русскихъ съ К. П. Побѣдоносцевымъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ англійскихъ и американскихъ газетахъ, этого человѣка обвиняли въ самыхъ ненавистныхъ человѣческихъ качествахъ: въ ханжествѣ, лицемеріи и жестокости; его называли прямо «Торквемадой XIX столѣтія» и гонителемъ католиковъ въ Польшѣ, лютеранъ въ балтійскихъ провинціяхъ и въ Финляндіи, штундистовъ и другихъ сектантовъ во всѣхъ частяхъ Россіи. Фактически онъ всѣми признавался за самаго вліятельнаго человѣка въ Русской имперіи при Александрѣ III, какъ въ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ дѣлахъ. Естественно, что я очень желалъ видѣть и понять такую личность, а потому былъ очень радъ, что мнѣ дали порученіе изъ министерства войти съ нимъ въ соглашеніе, относительно разрѣшенія нѣкоторыхъ щекотливыхъ вопросовъ, возникшихъ между греческой церковью и властями на Аляскѣ, а также о представительствѣ Россіи на выставкѣ въ Чикаго. Признаюсь, я посѣтилъ его впервые въ его министерскомъ дворцѣ съ чувствомъ сомнѣнія. Но все въ его обстановкѣ напоминало о бывшемъ профессорѣ, а окружавшая его прекрасная библіотека доказывала его любовь къ искусству и литературѣ. Повидимому, это былъ добрый, ученый человѣкъ, и онъ охотно приступилъ къ обсужденію тѣхъ вопросовъ, которые я по порученію своего правительства представилъ его вниманію, обнаруживая большой интересъ къ общественнымъ дѣламъ. Конечно, было мало политическихъ или религіозныхъ вопросовъ, по которымъ наши мнѣнія сходились, но онъ обнаружилъ, насколько могъ, полную готовность удовлетворить желаніямъ моего правительства, и такимъ образомъ, началось одно изъ самыхъ интересныхъ знакомствъ, которое когда нибудь выпадало на мою долю. Онъ обыкновенно принималъ своихъ друзей по воскресеньямъ, вечеромъ, между девятью и двѣнадцатью часами, и много такихъ вечеровъ провелъ я съ нимъ въ кабинетѣ, обсуждая за стаканомъ ароматичнаго русскаго чая всевозможные вопросы съ полнѣйшей свободой». Затѣмъ Вайтъ излагаетъ мнѣнія К. П. Побѣдоносцева по главнѣйшимъ пунктамъ обвиненій, предъявляемыхъ противъ него въ англійской и американской прессѣ, и по словамъ американскаго посланника при-

¹⁾ A statesman of Russia: Constantine Pobedonostzeff, by A. White. Century Magazine. May.

чины, побуждающія его держаться политики, называемой нѣкоторыми англійскимп и американскими публицистами репрессивной и реакціонной, далеко не такъ поверхностны, какъ думаютъ эти публицисты. «Она основана на его религиозныхъ вѣрованіяхъ, — говоритъ Вайтъ, — и на его убѣжденіяхъ, какъ государственнаго человѣка. Считаая въ качествѣ православнаго установленную въ имперіи церковь первобытнѣйшей, чистѣйшей формой существующаго нынѣ христіанства и вида съ эстетической точки зрѣнія въ ея обрядахъ и въ православномъ церковномъ искусствѣ осуществленіе его идеаловъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ государственный человѣкъ, признаетъ ее великимъ связующимъ началомъ для того громаднаго государства, въ предѣлахъ котораго она распространена. Ни въ одномъ изъ нашихъ разговоровъ онъ не произнесъ рѣзкаго слова о религиозныхъ идеяхъ или о церквахъ, противоположныхъ его идеямъ и церкви, но ясно было, что онъ считаетъ протестанство и вообще всѣ секты элементами той дезинтеграціи, которая въ его глазахъ близится въ Европѣ къ кризису, и католическую церковь къ Польшѣ политической силой, враждебной русской имперіи и русскому вліянію. Что касается до православной церкви, то г. Побѣдоносцевъ вполне видитъ ея слабыя стороны и жаждетъ устранить вкравшіяся въ нее злоупотребленія. Относительно евреевъ онъ не высказывалъ миѣ никакихъ враждебныхъ чувствъ, но мѣры противъ нихъ объясняются имъ тѣмъ мотивомъ, что нигдѣ нѣтъ столько евреевъ, какъ въ Россіи, что они не ассимилируются съ политическимъ строемъ Россіи, и что ихъ изолированье необходимо для огражденія сельскаго населенія. Для него социализмъ и анархизмъ, со всѣми ихъ послѣдствіями, симптомы широко-распространеннаго политическаго и общественнаго недуга, который приведетъ къ гибели цивилизацію, отвергнувшую православіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ отвернувшуюся отъ Богомъ данной власти, даровавшую силу закона капризамъ неграмотнаго большинства и признавшую голосомъ Божьимъ голосъ толпы, не понимающей ни своего высшаго блага, ни даже своихъ матеріальныхъ интересовъ. Ясно, что онъ смотритъ на Россію, какъ на носительницу среди другихъ націй идеи Богомъ данной и церковью освященной власти, какъ на имперію, которой суждено спасти принципъ божественнаго права». Среди другихъ миѣній К. П. Побѣдоносцева, высказанныхъ Вайту и передаваемыхъ имъ въ его статьѣ, укажемъ на главнѣйшія. «Относительно воспитанія, замѣчаетъ американецъ, онъ придерживается того принципа, проводимаго повсюду въ Россіи, что для высшаго класса, управляющаго страной, необходимо высшее образованіе, но что народныя массы всего болѣе нуждаются въ религиозно-правственномъ воспитаніи, которое научитъ ихъ быть довольными смиреннымъ положеніемъ, выпавшимъ по волѣ Божьей на ихъ долю». По словамъ Вайта, его собесѣдникъ высказывалъ во всемъ, что онъ русскій и гордится всѣмъ русскимъ, какъ бы противоположны ни были явленія, которыми онъ гордится, отъ петербургскихъ дрожжекъ, хуже которыхъ трудно придумать, по миѣнію американца, способа передвиженія, до Льва Толстого, миѣнія котораго онъ считаетъ въ корнѣ ложными, но литературная слава котораго ему дорога. Обвиненіе англійскими и американскими публицистами К. П. Побѣдоносцева въ лицемѣрїи Вайтъ отвергаетъ, какъ вполне несправедливое, и видитъ въ

немъ искренно религіознаго человѣка, хотя исключительно православнаго; что касается до страннаго на первый взглядъ пристрастія К. П. Побѣдоносцева къ американскимъ писателямъ, въ особенности къ Готорпу, Лавелю и Емерсону, то Вайтъ объясняетъ это литературнымъ талантомъ К. П. Побѣдоносцева, сочиненія котораго, въ особенности рукописная поэма, отличаются, по замѣчанію американца, глубокимъ поэтическимъ чувствомъ и замѣчательной стилистической силой. Не менѣе любви своего героя къ американской литературѣ поразили Вайта приведенный имъ мотивъ противъ единенія православной и англиканской церкви. На вопросъ, мѣшаетъ ли этому единенію, о которомъ столько говорено было въ послѣднее время, разногласіе катехизисовъ, онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, это просто вопросъ діалектики. Но съ кѣмъ намъ соединиться: съ высокой англиканской церковью, съ широкой или съ низшей? Въ англиканской церкви существуютъ три опредѣленныхъ вѣтви съ различными идеями о церковномъ строѣ, съ различными догматами, которую же изъ нихъ православная церковь должна считать настоящей представительницей англиканской вѣры?» Въ концѣ концовъ, американецъ приходитъ къ тому заключенію, что К. П. Побѣдоносцевъ не только замѣчательный юристъ и богословъ, но человѣкъ съ замѣчательной силой характера, вполне преданный русскимъ идеямъ, которыя такъ отличаются отъ европейскихъ, и производящій на всѣхъ глубокое впечатлѣніе своими крупными умственными способностями и искренностью.

С М Ъ С Ь.

УРАВЬЕВСКИЙ музей. Открытіе въ Вильнѣ памятника графу Михаилу Николаевичу Муравьеву громко говоритъ, какъ высоко цѣнить Россія подвигъ знаменитаго государственнаго дѣятеля, не только положившаго конецъ всѣмъ мечтаніямъ объ отторженіи Сѣверо-Западнаго края Россіи, но и направившаго жизнь этой окраины по историческому ея руслу. Не засыпаютъ и ненависть къ графу Муравьеву, возбужденная въ тѣхъ, чьи планы онъ разрушилъ въ 1863 году. Въ настоящее время въ Вильнѣ, какъ и во всемъ краѣ, уже порѣдѣли ряды русскихъ людей, предъ глазами которыхъ совершилась въ теченіе двухъ лѣтъ пребыванія графа М. Н. Муравьева въ Вильнѣ коренная перемѣна въ положеніи края; а ближайшихъ сотрудниковъ графа, которые могли бы разсказать о дѣятельности его современнымъ работникамъ, почти совсѣмъ нѣтъ. Съ другой стороны, усиленно работаетъ и ненависть къ памяти графа М. Н. Муравьева и его дѣлу во всѣхъ сферахъ жизни. Полагаясь на двухъ своихъ союзниковъ — время и нашу забывчивость къ прошлому, она все сильнѣе пыгается воздѣйствовать на сознаніе современнаго русскаго человѣка и представить ему дѣятельность графа въ искаженномъ видѣ. И работа эта совершается, къ сожалѣнію, не совсѣмъ безуспѣшно: уже теперь встрѣчаются русскіе люди, которые начинаютъ пѣть съ чужаго голоса, что мятежъ при графѣ Муравьевѣ былъ незначительный, что въ Ковенской губерніи его совсѣмъ не было. Пожалуй, скоро скажутъ, что мѣры, вызванныя мятежемъ, были при-

няты графомъ М. Н. Муравьевымъ ради собственнаго его удовольствія. Такимъ образомъ, съ одной стороны, постепенное удаленіе отъ эпохи дѣятельности графа Муравьева, а съ другой усилія противниковъ его памяти и его дѣлъ затемняютъ дѣятельность графа М. Н. Муравьева, которую необходимо изучать по документамъ, по дѣламъ его. Но это не легкое дѣло; документы хранятся въ архивахъ, доступныхъ лишь избраннымъ, а вещественные памятники его дѣятельности разсыяны по всему краю. Достиженію того, чтобъ эти препятствія къ изученію дѣятельности графа М. Н. Муравьева были устранены, чтобъ изученіе его дѣятельности было вполнѣ облегчено, можетъ способствовать Муравьевскій музей, который имѣетъ въ виду устроить въ Вильнѣ генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ Троцкій. Въ этомъ музеѣ предполагается сосредоточить: 1) Муравьевскій архивъ, куда вошли бы дѣла по различнымъ отраслямъ управленія, рѣшенныя графомъ. 2. Муравьевскую бібліотеку, въ составъ которой вошли бы періодическія изданія, выходившія въ край при графѣ Муравьевѣ, а равно и книги и статьи періодической прессы, посвященныя описанію событій 1863—1865 годовъ и оцѣнкѣ трудовъ графа, записки и воспоминанія сотрудниковъ Муравьева. 3) Фотографическія изображенія тѣхъ церквей и часовенъ православныхъ, которыя возстановлены изъ развалинъ графомъ Муравьевымъ (желательно было бы имѣть фотографіи ихъ и въ состояніи разрушенія) и вновь построены; а равно и другихъ сооруженій 1863—1865 г. для правительственныхъ и общественныхъ учреждений. 4) Памятныя записки о томъ, что сдѣлано графомъ для улучшенія различныхъ учреждений. 5) Портреты графа Муравьева и его сотрудниковъ и картины, изображающія эпизоды изъ жизни края въ 1863—1865 гг. 6) Вещи, оставшіяся послѣ графа Муравьева, имѣющія отношенія къ пребыванію его въ Вильнѣ.

Такой музей могъ бы стать новымъ прекраснымъ памятникомъ графу Муравьеву, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прекраснымъ воспитательнымъ учрежденіемъ для многихъ и многихъ изъ русскихъ людей. Посѣщающіе музей и изучающіе его легко могли бы составить себѣ опредѣленное понятіе о томъ, въ какое тяжелое, безотрадное положеніе поставлена была Россія въ началѣ 1863 года системой уступокъ полонизму, съ одной, и разыгравшимся вслѣдствіе этого польскимъ мечтаніямъ, съ другой стороны; какъ быстро, энергично и умѣло подавилъ графъ Муравьевъ вспыхнувшій мятежь и какъ удачно повелъ онъ затѣмъ трудное дѣло возрожденія края. Прослѣдить ходъ этой работы, обоснованной на несомнѣнно-вѣрномъ историческомъ положеніи, что Сѣверо-Западный край былъ искони русскимъ краемъ, въ высшей степени интересно и поучительно, не только потому, что такимъ путемъ легче всего прійти къ правильному взгляду на значеніе подвига графа Муравьева, но и особенно потому, что изученіе дѣятельности Михаила Николаевича въ указанномъ направленіи не можетъ не содѣйствовать воспитанію вѣрнаго историческаго смысла, вѣрнаго пониманія задачъ, которыя, по завѣту исторіи, должна выполнить Россія въ этомъ край. («Виленскій Вѣстникъ»).

Чествованіе памяти П. С. Мочалова. 26-го апрѣля, общество любителей російской словесности въ Москвѣ чествовало въ торжественномъ публичномъ

засѣданіи память знаменитаго артиста-писателя Павла Степановича Мочалова, по поводу исполнншагося пятидесятилѣтія со дня его кончины. Актовая зала университета, гдѣ происходило засѣданіе, была переполнена публикой. Каѳедра была убрана тропическими растеніями; среди зелени возвышался портретъ П. С. Мочалова, представляющій артиста въ роли Мейнау. Программа засѣданія была украшена снимкомъ съ этого портрета. Засѣданіе открылось заявленіемъ секретаря Д. Д. Языкова, сообщившаго, что общество любителей россійской словесности, признавая тѣсную связь литературы съ театромъ и съ давнихъ поръ имѣя въ ряду своихъ сочленовъ извѣстныхъ артистовъ-писателей, не могло не почтить память П. С. Мочалова по случаю пятидесятилѣтія со дня его кончины. Поэтому общество постановило устроить въ память П. С. Мочалова торжественное засѣданіе вмѣстѣ съ выставкой портретовъ, картинъ, афишъ и рѣдкихъ изданій. Предсѣдатель общества Н. И. Стороженко привѣтствовалъ прибывшую спеціально на засѣданіе дочь покойнаго артиста Е. П. Шумилову. Отъ общества ей былъ поднесенъ роскошный букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Послѣ этого Н. И. Стороженко произнесъ вступительное слово о П. С. Мочаловѣ, а В. Е. Якушкинъ прочелъ очеркъ жизни Мочалова. Послѣ перерыва, во время котораго публика осматривала выставку, князь А. И. Сумбатовъ (Южинъ) произнесъ рѣчь на тему: «Мочаловъ въ жизни и на сценѣ». Въ концѣ засѣданія почетный членъ общества, артистка М. Н. Ермолова продекламировала стихотвореніе А. А. Григорьева о Мочаловѣ. Рѣчи были покрыты аплодисментами. Устроенная обществомъ выставка въ память П. С. Мочалова была открыта 27-го апрѣля съ 10 до 5 час. дня. Дочь артиста доставила на выставку большіе портреты отца, матери и жены Мочалова.

Общество любителей древней письменности. I. 10-го апрѣля состоялось общее собраніе, подъ предсѣдательствомъ члена комитета общества И. А. Бычкова. Предсѣдателемъ было заявлено о томъ, что сербскій король прислалъ въ даръ обществу экземпляръ драгоценнаго изданія: «Евангеліе князя Мiroслава». Затѣмъ П. К. Симоны сдѣлалъ сообщеніе: «Нѣсколько замѣтокъ къ исторіи Сносудца или Сонника, какъ одной изъ отреченныхъ и гадательныхъ книгъ». Изложивъ вкратцѣ исторію ониромантики у народовъ древняго міра: евреевъ, ассиріянъ, вавилонянъ и особенно грековъ, и указавъ на фрагменты снотолкованій на глиняныхъ дощечкахъ, найденныхъ въ 1866 году въ Ниневіи въ развалинахъ Ассурбанапала, какъ на самый древній образецъ сонниковъ вообще, докладчикъ коснулся ониромантическихъ трудовъ византійцевъ и отчасти народовъ западнаго міра въ средніе вѣка и въ новѣйшія времена. Перейдя затѣмъ къ ониромантіи у славянъ, докладчикъ перечислилъ замѣчанія о сносудцахъ и относящихся къ нимъ суевѣріяхъ по спискамъ книгъ истинныхъ и ложныхъ и по обличеніямъ русскихъ проповѣдниковъ, кончая Максимомъ Грекомъ, и представилъ собранію отрывокъ сербскаго Сновника по рукописи В. И. Григоровича XV вѣка. Въ заключеніе референтъ предложилъ вниманію общества два рукописныхъ русскихъ перевода Сонниковъ XVIII вѣка съ польскихъ изданій 1696 и 1700 гг. и сообщенные докладчику г. Вольскимъ латинскій текстъ гадальной книги XV вѣка и польскій текстъ книжки «Wyklad snów», много помогающіе изученію текста русскихъ Сонниковъ XVIII

вѣка. С. Л. Пташицкій сдѣлалъ нѣсколько дополненій къ реферату П. К. Сямони. Далѣе было прочитано присланное Н. М. Петровскимъ сообщеніе: «Къ исторіи русскаго театра». Авторъ сообщенія въ библиотекѣ Казанскаго университета нашель не упоминавшуюся до сихъ поръ въ нашей научной литературѣ «Комедію о графѣ Фарсонѣ». Найденный списокъ ея сдѣланъ, повидимому, въ 1738 году Алексѣемъ Ратоболевскимъ въ Пензѣ, но испорченность текста позволяетъ предполагать, что копія 1738 года—не близкій потомокъ оригинала. По мнѣнію автора сообщенія, пьеса является неумѣлымъ опытомъ переложенія въ драматическую форму романа, перешедшаго изъ нѣмецкой литературы въ русскую при посредствѣ польскаго перевода. II. Въ послѣднемъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, единогласно выбраны на новое трехлѣтіе: предсѣдателемъ графъ С. Д. Шереметевъ, членами комитета П. А. Бычковъ, Д. Ѳ. Кобеко, Л. Н. Майковъ, членами ревизіонной комиссіи, А. П. Барсуковъ и Г. Ѳ. Штендманъ, въ почетные члены Д. Ѳ. Кобеко. Затѣмъ былъ прочитанъ отчетъ за 1897—1898 гг. По даннымъ отчета, общество состоитъ въ настоящее время изъ 9 почетныхъ членовъ, 29 дѣйствительныхъ и 102 члена-корреспондента. Дѣятельность общества выражалась въ собраніяхъ комитета, для обсужденія и рѣшенія вопросовъ, вызывавшихся жизнью общества, въ общихъ собраніяхъ, гдѣ читались научныя сообщенія, и въ изданіи памятниконъ древне-русской письменности и древне-русскаго искусства. Въ заключеніе, по словамъ «Правительственнаго Вѣстника», было указано на то, что въ истекшемъ году его императорское высочество наследникъ цесаревичъ и великій князь Георгій Александровичъ оказалъ обществу высокую честь подписаться на изданія общества. Въ томъ же засѣданіи С. Ѳ. Платоновъ сдѣлалъ сообщеніе: «Первые политическіе шаги Бориса Годунова», высказавъ главнымъ образомъ слѣдующія положенія. Московская титулованная знать была подвергнута такому преслѣдованію со стороны Грознаго, что среди «земскихъ» бояръ къ 1584 году не осталось ни одного Рюриковича, кромѣ окольничаго князя Ѳ. Троекурова. По смерти Грознаго государствомъ правила не «пентархія» бояръ, а ближайшіе родственники царя Феодора, Н. Р. Юрьевъ, а затѣмъ Годуновъ съ помощью братьевъ Щелкаловыхъ. Князья же Мстиславскіе и Шуйскіе оставались въ роли первыхъ чиновъ двора, не имѣя дѣйствительнаго вліянія на дѣла. Незамѣтно, чтобы среди бояръ въ первые годы по смерти Грознаго успѣли образоваться правильныя партіи. Высылка въ Угличъ царевича Димитрія не была поэтому результатомъ борьбы придворныхъ партій, а имѣла лишь предупредительное значеніе. И столкновенія Годунова съ Мстиславскимъ и Шуйскими не имѣли характера борьбы «будущихъ династій», какъ выражался С. М. Соловьевъ, а было простою ссорой отдѣльныхъ семей за придворное положеніе и вліяніе. Однако, эта ссора побудила Годунова оформить свое положеніе у власти. Съ 1587 года, въ особенности съ того времени, когда Шуйскіе пытались составить мірское челобитіе о расторженіи царскаго брака, Годуновъ начинаетъ распространять свой титулъ «правителя», добивается права постояннаго участія въ дипломатическихъ сношеніяхъ, организуетъ свой дворъ и усваиваетъ ему особый этикетъ. Всѣ эти отличія дѣлають

его формальнымъ регентомъ государства. Не позднѣе 1595 года Борисъ вводитъ въ церемоніи своего двора, въ качествѣ дѣйствующаго при посольскихъ приѣмахъ лица, сына своего Теодора, и въ этомъ впервые сказывается его мысль о пріобрѣтеніи наслѣдственной власти въ государствѣ.

Премія Г. О. Карнова. 24-го апрѣля состоялось засѣданіе императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ въ Москвѣ для объявленія о результатахъ VI присужденія преміи имени Г. О. Карнова. Избранная обществомъ коммиссія по присужденію этой преміи, въ составѣ профессора Д. П. Пловайскаго, профессора В. О. Ключевскаго и членовъ общества С. А. Бѣлокурова, В. О. Эйнгорна и А. П. Сапунова, по выслушаніи представленныхъ ей избранными ею рецензентами отзывовъ о трехъ представленныхъ на соисканіе преміи сочиненіяхъ, постановила удостоить преміи сочиненіе В. А. Ульяницкаго, — «Историческое развитіе русскихъ консульствъ за границею» — часть 1-я, и присудила золотую медаль профессору М. К. Любавскому за рецензію одного изъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій.

Воронежская публичная бібліотека. Изъ доставленнаго намъ отчета бібліотеки и ея отдѣленій имени А. В. Кольцова и И. С. Никитина въ Воронежѣ и отдѣленія въ г. Бобровѣ за 1897 г. мы заимствуемъ слѣдующія свѣдѣнія. 19-го октября 1897 г. открыто отдѣленіе имени И. С. Никитина; комитетъ отдѣленія, впрочемъ, былъ выбранъ еще въ январѣ, но былъ занятъ пересмотромъ и разборкой пожертвованныхъ книгъ, переплетеніемъ ихъ, составленіемъ каталога, присканіемъ помѣщенія и проч. Библіотека помѣщена на окраинѣ города, близъ пригородной слободы Чижевки, и потому, сообразно характеру мѣстности, абонементъ установленъ чрезвычайно дешевый. Такъ какъ средства отдѣленія очень ограничены, то оно могло дѣйствовать главнымъ образомъ благодаря кредиту со стороны книжныхъ магазиновъ и сбору со спектакля въ пользу бібліотеки. Приходъ отдѣленія составилъ 1.165 р. 84 коп., расходъ 1.125 р. 29 к., причѣмъ расходы пошли почти исключительно на первоначальное обзаведеніе. Книгъ состояло 1.648 томовъ, журналовъ 1.035 томовъ, дешевыхъ книгъ 523 тома, всего 3.206 книгъ, изъ которыхъ пожертвовано 2.585 и куплено 621 томъ. За 2 мѣсяца 12 дней дѣятельности отдѣленія поступило абонентовъ 630, выбыло 111, къ 1-му января 1898 г. состояло 519. Изъ статистическихъ матеріаловъ отдѣленія очень интересна таблица причинъ выbytія подписчиковъ, среди которыхъ встрѣчаемъ болѣзни, отъѣзды, недосугъ, дальность разстоянія (наибольшее относительно число выbytій между учащимися дѣтми), отсутствіе теплой одежды, денегъ передъ праздниками, неимѣніе въ отдѣленіи книгъ о войнѣ (2 выbytія — рабочіе разныхъ разрядовъ) и проч. Наиболее вліятельны, повидимому, отъѣзды, недосугъ, дальность разстоянія и неудовлетворенность разныхъ видовъ (послѣдняя составляетъ 9% всего числа выbytій). Еще скромнѣе была дѣятельность Бобровскаго отдѣленія, въ которомъ приходъ составилъ 634 р. 80 к., расходъ 333 р. 44 к., остатокъ 301 р. 36 к., въ томъ числѣ 80 р. залоговъ. Подписчиками состояло 76 лицъ, инвентарь увеличился на 292 тома. Отчетъ Кольцовской бібліотеки отсутствуетъ въ доставленномъ намъ экземплярѣ. Наконецъ, центральное учрежденіе, Воронежская публичная бібліотека, продолжала свою дѣятельность безъ

особыхъ измѣненій сравнительно съ прежними годами. Приходъ составилъ 4.288 р. 3 к., расходъ 3.634 р. 12 к., остатокъ на 1 января 1898 г. 653 р. 91 к. Залоговъ къ отчетному году состояло 1.739 р., поступило 2.199 р., возвращено 2.044 р., осталось 1.814 р. Къ 1 января 1897 г. книгъ состояло 43.876 томовъ, въ отчетномъ году куплено 402 названія въ 1.027 томахъ, пожертвовано 927 названій въ 2.033 томахъ, а всего 1.329 названій въ 3.060 томахъ; къ концу года состояло 46.936 томовъ. Посѣтителей въ читальнѣ было 12.791 чел., подписчиковъ состояло 1.218. Изъ пожертвованій особенно выдаются вклады П. П. Кривошеина, П. П. Олсуфьева, священн. Ингенцкаго и П. И. Макарова.

Отчетъ Одесской городской публичной библиотеки за 1897 г. свидѣтельствуетъ о непрекращающемся ростѣ этого учрежденія, хотя на содержаніе библиотеки городскимъ общественнымъ управленіемъ было въ этомъ году ассигновано 8.220 р., т. е. менѣе, чѣмъ въ предъидущемъ, на 300 р. Обогащалась библиотека книгами 4.074 названія въ 8.023 томахъ на сумму до 10.240 р., изъ числа которыхъ пожертвовано 3.541 названіе въ 6.672 томахъ на сумму до 8.500 р., куплено 451 названіе въ 1.169 томахъ на сумму 1.558 р. 84 к. и обмѣнено на дублиеты 82 названія въ 182 томахъ на 181 р. 47 к., такъ что къ 1 января 1898 г. инвентарь библиотеки включалъ 53.169 названій въ 101.561 томѣ. Кромѣ книгъ, библиотека имѣетъ 15 рукописей, 177 гравюръ (нѣсколько очень рѣдкихъ), 280 автографовъ (въ отчетномъ году поступили автографы М. Н. Каткова, Н. П. Кондакова и друг.) и нѣсколько портретовъ. Сверхъ того, при городской публичной библиотекѣ находится въ распоряженіи ея правленія и для пользованія ея посѣтителей библиотека Одесскаго славянскаго благотворительнаго общества изъ 2.545 названій въ 3.647 томахъ и небольшой коллекціи рукописей и старопечатныхъ книгъ— 54 экз., которая въ отчетномъ году ничѣмъ не пополнилась, какъ и въ предъидущемъ. Изъ поступленій въ библиотеку на первомъ мѣстѣ должно поставить пожертвованіе барона П. Ф. Бюлера, принесшаго въ даръ библиотеку своего покойнаго отца, барона Ф. А. Бюлера, въ 2.029 томахъ, изъ которой очень цѣнными и рѣдкими изданіями пополнились отдѣлы исторіи, археологіи и всеобщей литературы. Освѣдомившись о столь цѣнномъ вкладѣ въ библиотеку, Одесская городская дума выразила пожертвователю благодарность отъ имени города особымъ приговоромъ. Засимъ, при особомъ содѣйствіи Г. Г. Маразли, наследники одесскаго врача Д. К. Далласа пожертвовали его библиотеку изъ 760 томовъ исключительно медицинскихъ книгъ, и гг. Звенигородскій, Щукинъ, Ленцъ, Бранденбургъ и др. обогатили библиотеку цѣнными изданіями. Вилетовъ на право занятія въ библиотекѣ въ отчетномъ году выдано 5.065: мужчинамъ 4.339, женщинамъ 726, больше противъ прошлаго года на 215. Означенныя лица посѣтили библиотеку 54.833 раза; требованій въ отчетномъ году удовлетворено 83.268; отказано было въ 293 требованіяхъ книгъ, изъятыхъ изъ обращенія по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ; статистика же отказовъ по другимъ причинамъ не велась, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ, напримѣръ, отказы за неизмѣненіемъ той или другой книги очень характерны для дѣятельности каждой библиотеки.

Книжный складъ и типографія Саратовскаго земства. Отчетный годъ губернской управы охватываетъ 1½ года, съ 1-го мая 1896 г. по 1-е ноября 1897 г., ибо по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ все земскіе отчеты должны составляться по однообразнымъ вѣдомостямъ и отчетные годы считаться отъ 1-го января по 1-е января. Изъ отчета по 1-е мая 1897 года видно, что чистой прибыли отъ всѣхъ операцій получено 8.417 руб. 30 коп., на лицо состояло 6.765 р. 99 к., а капиталы возросли съ 47.730 р. 24 к. до 54.764 р. 18 к., причемъ этотъ успѣхъ объясняется расширеніемъ операцій, особенно книжнаго склада, давашаго чистой прибыли 1.073 р. 86 к. За дальнѣйшее полугодіе, по 1-е ноября 1897 г. обороты еще болѣе увеличились и прибыль составила 4.352 р. 88 к. За отчетное время книжнымъ складомъ продано на 105.676 р. 56 к., причемъ возрастаніе его оборотовъ соотвѣтствуетъ росту его популярности даже внѣ Саратовской губерніи. Въ числѣ покупателей складъ насчитываетъ, кромѣ уѣздныхъ земствъ, народныхъ школъ и библиотекъ, также и средне-учебныя заведенія, разныя школы, врачей, священниковъ, учителей, юристовъ и проч. Одной изъ главныхъ своихъ задачъ складъ считаетъ распространеніе въ губерніи лучшихъ народныхъ книгъ по возможно дешевой цѣнѣ и на удобныхъ условіяхъ, для чего въ гг. Петровскѣ и Аткарскѣ и сс. Баландѣ, Базарномъ-Карбулакѣ и друг. открыты отдѣленія, а въ Аткарскомъ уѣздѣ имѣется особый книгоноша. Сверхъ того, увеличивая сбытъ учебныхъ книгъ и пособій, складъ дешевле ихъ приобрѣтаетъ и потому дешевле продаетъ,—въ текущемъ году съ 15% уступки (въ прошломъ году—12%, а до того—10%), причемъ выписка по почтѣ изъ склада обходится, при маломъ разстояніи, въ 4—5 разъ дешевле, чѣмъ отъ издателей или изъ столицъ. На прочія же, кромѣ учебныхъ, книги складъ уступаетъ попрежнему 10% и лишь въ исключительныхъ случаяхъ повышаетъ скидку до 15%. Видное мѣсто въ дѣятельности склада занимаютъ народныя библиотеки, причемъ нерѣдко покупатели обращаются съ просьбой о высылкѣ книгъ по выбору склада. Наконецъ, складъ беретъ на себя и посредничество по выпискѣ книгъ, не имѣющихся въ немъ на лицо. Заслуживаетъ вниманія дѣятельность аткарскаго книгоноши, на которой можно изучать особенности и выработать цѣлесообразные приемы книжной торговли по деревнямъ.

Городецкій музей Волынской губерніи. Годъ тому назадъ («Историческій Вѣстникъ», т. LXVIII, стр. 613 сл.) мы сообщали объ открытіи Городецкаго музея Волынской губерніи барона Ф. Р. Штейнгель; въ настоящее время намъ доставленъ отчетъ за первый годъ существованія музея (25 ноября 1896—25 ноября 1897 г.), составленный г. Бѣляшевскимъ и посвященный XI-му археологическому съѣзду. Въ отчетномъ году музей пополнился вкладами гг. Мошкова (предметы народнаго быта, фотографіи, записи произведеній народнаго творчества, описанія различныхъ мѣстностей), Матвѣева (фотографіи съ памятниковъ старины), Яремича и друг. Приведеніе въ порядокъ, разборка и описъ предметовъ производились при особомъ содѣйствіи баронессы Н. К. Врангель и графа Б. Г. Толстого. Всего поступило въ музей 950 №№, изъ коихъ въ географическомъ отдѣлѣ состоитъ 354, въ антропологическомъ 16, въ археологическомъ 103, въ этнографическомъ 252, библиотекъ 179 и

не вошедшихъ въ отдѣлы 46 №№; естественный отдѣлъ еще не приведенъ въ порядокъ. Географическій отдѣлъ состоитъ главнымъ образомъ изъ фотографій, какъ новыхъ, такъ и старыхъ, изображающихъ различныя мѣстности Волынскаго края, и историко-географическихъ матеріаловъ: актовъ, церковно-приходскихъ лѣтописей и т. п. Антропологическій отдѣлъ составилъ изъ раскопокъ четырехъ могильниковъ въ Ровенскомъ уѣздѣ, произведенныхъ въ іюль и августъ 1897 г. барономъ Ѡ. Р. Штейнгелемъ и Н. Ф. Бѣляшевскимъ. Археологическій отдѣлъ, кромѣ того же источника, пополнился изъ разрытаго въ с. Большомъ Олекснѣ Ровенскаго уѣзда стариннаго (XVI в. ?) склепа и пожертвованій. Очень богатъ отдѣлъ этнографическій, состоящій изъ утвари, костюмовъ, обрядовыхъ принадлежностей и т. п.

† **Л. П. Сабанѣевъ.** 25 марта въ Ялтѣ скончался извѣстный охотникъ-зоологъ, редакторъ издатель журнала «Природа и Охота», Леонидъ Павловичъ Сабанѣевъ. Сынъ инженеръ-полковника, покойный родился въ Ярославлѣ въ 1844 г. и получилъ образованіе въ петербургскомъ 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда перешелъ въ ярославскій лицей (имѣвшій въ то время характеръ средняго камеральнаго училища) и, наконецъ, поступилъ вольнымъ слушателемъ въ Московскій университетъ по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета. Своею склонностью къ естественнымъ наукамъ Л. П. былъ обязанъ, главнымъ образомъ, А. С. Петровскому, преподавателю естественной исторіи въ ярославской гимназіи, а потомъ и въ лицей, и основателю мѣстнаго общества для изученія природы и населенія Ярославской губ. Знатокъ мѣстной флоры, любитель природы, человекъ увлекающійся и энергичный, А. С. Петровскій умѣлъ возбуждать и въ другихъ интересъ къ естественнымъ наукамъ, что сказывалось и на Л. П. Сабанѣевѣ, которому онъ давалъ уроки на дому. Еще ребенкомъ Л. П. собиралъ растенія, охотился, разводилъ пѣвчихъ птицъ, занимался уженіемъ рыбы; во время пребыванія въ университетѣ занятія эти приняли болѣе осмысленный характеръ и выразились, между прочимъ, въ изученіи водящихся въ Ярославской губ. звѣрей и птицъ, въ раскопкахъ мѣстныхъ кургановъ и т. п., давшихъ матеріалъ для статей, напечатанныхъ въ «Запискахъ ярославскаго общества» и въ «Трудахъ ярославскаго статистическаго комитета». Получивъ въ 1870 году степень кандидата, Л. П. отправился вскорѣ по окончаніи курса, по порученію общества испытателей природы, на Уралъ, гдѣ провель около года, занимаясь охотою и изученіемъ мѣстной фауны. Вернувшись на нѣкоторое время въ Москву, онъ затѣмъ вторично посѣтилъ Уралъ, пробывъ тамъ въ общей сложности около двухъ лѣтъ. Плодомъ этого пребыванія на Уралѣ было нѣсколько статей («Зауральскія озера», «Княспинское озеро» и др.), помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ, а также общій обзоръ фауны въ книгѣ «Позвоночныя средняго Урала». По возвращеніи въ Москву, Л. П. задумалъ основать, вмѣстѣ съ покойнымъ профессоромъ А. С. Усовымъ, научно-популярный естественно-историческій сборникъ, который и сталъ выходить съ 1872 года подъ названіемъ «Природа», четырьмя книжками въ годъ. Сборникъ издавался роскошно, на хорошей бумагѣ, съ хромолитографіями (исполнявшимися за границей), фототипіями, политипажками въ текстѣ, при участіи многихъ

извѣстныхъ ученыхъ; средства на изданіе Л. П. употребилъ отчасти свои, отчасти полученныя отъ владѣльца желѣзодѣлательныхъ заводовъ г. Пастухова. «Природа» издавалась нѣсколько лѣтъ, но не встрѣтила достаточной поддержки въ публикѣ и въ 1877 году прекратилась, принесла Л. П.—вичу одни убытки. Въ 70-хъ же годахъ Л. П. основалъ другой органъ — «Журналъ Охоты», преобразованный впоследствии въ «Природу и Охоту». Въ 1887 г. при этомъ журналѣ онъ сталъ издавать «Охотничью Газету». Изданіе это было въ цѣломъ, несомнѣнно, лучшимъ охотничьимъ журналомъ, который когда либо издавался въ Россіи, и въ немъ появилась масса статей, весьма интересныхъ и содержательныхъ какъ въ охотничьемъ, такъ и въ зоологическомъ отношеніи. Въ истекшемъ году исполнившееся двадцатипятилѣтіе издательской дѣятельности Леонида Павловича послужило поводомъ къ подачѣ ему адреса отъ императорскаго общества правильной охоты, котораго онъ былъ однимъ изъ членовъ-учредителей. Помимо редактированія журнала и газеты, Л. П. Сабанѣевъ напечаталъ и выпустилъ въ свѣтъ большое количество научныхъ трудовъ, изъ которыхъ многіе составляютъ цѣнный вкладъ. Капитальнымъ его сочиненіемъ является «Рыбы Россіи» въ двухъ томахъ. Изъ другихъ научныхъ трудовъ его слѣдуетъ указать: «Очеркъ позвоночныхъ средняго Урала» и «Монографіи птицъ». Составленный имъ «Указатель» книгъ и статей охотничьяго и зоологическаго содержанія былъ награжденъ императорскимъ обществомъ акклиматизаціи животныхъ и растений большою золотою медалью. Общество признало эту книгу замѣчательною по полнотѣ собраннаго въ ней матеріала. Особенно популярностью среди охотниковъ пользуется «Охотничій Календарь» Л. П. Сабанѣева, представляющій полную справочную книгу по вопросамъ охоты. Очень цѣнное и самостоятельное изслѣдованіе составляетъ недоведенный покойнымъ до конца трудъ «Собаки». Въ послѣднее время, по порученію министерства земледѣлія, Л. П. Сабанѣевъ готовилъ къ изданію «Библиографическій указатель» по рыболовству и рыбнымъ промысламъ, который въ рукописи почти доведенъ до конца. Покойный принималъ дѣятельное и близкое участіе по приглашенію министерства государственныхъ имуществъ и земледѣлія въ выработкѣ закона объ охотѣ и въ послѣднее время состоялъ постояннымъ членомъ высочайше утвержденной комиссіи по пересмотру законовъ объ охотѣ.

Л. П. Сабанѣевъ состоялъ членомъ многихъ естественно-историческихъ и охотничьихъ обществъ. Въ императорскомъ обществѣ испытателей природы онъ занималъ одно время въ началѣ своей дѣятельности мѣсто секретаря; въ императорскомъ обществѣ правильной охоты онъ былъ непремѣннымъ членомъ. Покойный былъ однимъ изъ учредителей Русскаго охотничьяго клуба. Онъ устроилъ въ Москвѣ первую выставку Общества правильной охоты; выставки птицеводства, рыбоводства также стали устраиваться по его инициативѣ. Своими многочисленными статьями Л. П. Сабанѣевъ подготовилъ почву для новаго закона объ охотѣ. На Уралѣ имъ были собраны богатые зоологическія коллекціи, которыя были переданы въ разные музеи. Покойный отличался крѣпкимъ здоровьемъ и лѣтъ до 50-ти едва ли когда болѣлъ; эта увѣренность въ своихъ силахъ, повидимому, и была причиной его преждевре-

менной смерти. Онъ проводилъ, напримѣръ, цѣлые часы въ холодные осенніе дни на рѣкѣ, ночевалъ даже въ лодкѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ и т. д. Въ молодости такіе эксперименты еще сходили, но въ извѣстномъ возрастѣ они уже стали рискованными, и схваченный однажды и запущенный бронхитъ перешелъ на легкія и въ концѣ концовъ сломилъ крѣпкій организмъ на 54-мъ году жизни («Русск. Вѣд.» № 94; «Моск. Вѣд.» № 95; «Нов.» № 96).

† **Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій.** 21-го апрѣля, въ Москвѣ, скончался послѣ тяжелой болѣзни (отъ саркомы) извѣстный художникъ, профессоръ баталистической живописи Николай Дмитріевичъ Дмитріевъ-Оренбургскій. Сынъ помѣщика Оренбургской губерніи, Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій родился въ Нижнемъ Новгородѣ 1-го ноября 1838 г. Получивъ образованіе въ уфимской гимназіи, онъ готовился къ военной службѣ, но, по настоянію почетнаго вольнаго общника академіи художествъ Задѣпина и Ростовцева, поступилъ въ академію художествъ, гдѣ занимался у тогдашняго ректора академіи **Θ. А. Бруни.** Получивъ четыре малыхъ и одну большую серебряныя медали, онъ въ 1860 г. получилъ малую золотую медаль за программу «Олимпийскія игры», а затѣмъ сталъ готовиться къ конкуррированію на большую золотую медаль. Два года подъ рядъ попытки его не увѣнчивались успѣхомъ (картины «Великая княгиня Софія Витовтовна на свадьбѣ великаго князя Василія Темнаго» и «Стрѣлецкій бунтъ»), а на третій годъ онъ, вмѣстѣ съ 12 товарищами, отказался отъ исполненія программы, заданной совѣтомъ, вышелъ вмѣстѣ съ ними изъ академіи съ званіемъ класснаго художника 2-й степени и образовалъ первую въ Россіи художественную артель. Выступивъ изъ академіи, онъ отказался также отъ духовно-историческихъ картинъ, по отдѣлу которыхъ онъ шелъ въ академіи, а сталъ писать портреты, рисунки для иллюстрацій и картины чисто народнаго жанра, за одну изъ которыхъ — «Утопленникъ въ деревнѣ», академія художествъ дала ему въ 1868 г. званіе академика. Въ слѣдующемъ году онъ совершилъ путешествіе въ свитѣ въ Бозѣ почивающаго великаго князя Николая Николаевича по Кавказу и Закавказью; результатомъ этой поѣздки явился альбомъ изъ 42 карандашныхъ рисунковъ. Въ 1871 г. онъ былъ отправленъ на 3 года въ Германію, гдѣ работалъ подъ руководствомъ Кнауса и Вотье въ Дюссельдорфѣ. По истеченіи этого срока, Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій оставался за границею въ Парижѣ около 10 лѣтъ и въ теченіе этого времени написалъ рядъ картинъ изъ русскаго народнаго жанра, сюжеты для которыхъ онъ бралъ во время своихъ лѣтнихъ пріѣздовъ въ Россію. Живя въ Парижѣ, онъ внимательно слѣдилъ за ходомъ русско-турецкой войны, по окончаніи которой представилъ эскизы нѣкоторыхъ картинъ изъ этой войны императору Александру II. Эскизы понравились, и императоръ поручилъ художнику написать рядъ картинъ. Н. Д. горячо принялся за работу и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ написалъ свыше 30 картинъ, находящихся въ Зимнемъ дворцѣ (въ Помпеевской галлерей), въ великокняжескихъ дворцахъ и у частныхъ любителей. Изъ этихъ картинъ наибольшую извѣстностью пользуются «Аттика Зеленыхъ горъ 27-го августа 1877 г.», «Представленіе Османа-паша императору Александру II», «Вѣздъ великаго князя главнокомандующаго въ г. Тырново 30-го іюня 1877 г.», «Пожаръ въ деревнѣ», «Эпизодъ изъ бол-

гарской войны» и др. Въ 1883 г. онъ получилъ званіе профессора баталистической живописи. Произведенія его выставялись преимущественно въ парижскомъ салонѣ, и лишь съ 1885 г., когда онъ переселился въ Петербургъ, они стали появляться на петербургскихъ выставкахъ. Въ Петербургѣ имъ былъ открытъ, при его мастерской, рисовальный классъ, который, однако, не далъ художнику матеріальныхъ выгодъ. Кромѣ баталистическихъ и чисто народныхъ жанровыхъ картинъ, покойнымъ было сдѣлано много рисунковъ для разныхъ иллюстрированныхъ изданій, а также иллюстраціи на сюжеты изъ произведеній Пушкина, Некрасова и Тургенева. (Новости» № 111; «Нов. Вр.» № 7957).

† **О. Г. Топоровъ.** Въ первыхъ числахъ апрѣля, въ Москвѣ, скончался академикъ живописи Ома Гавриловичъ Топоровъ. Покойный родился въ 1820 году. Будучи сыномъ крестьянина, онъ провелъ дѣтство въ одной изъ деревень Галичскаго уѣзда, Костромской губерніи. Художественное дарованіе обнаружилось въ покойномъ съ раннихъ лѣтъ. Безъ руководителя, онъ еще мальчикомъ научился прекрасно владѣть углемъ и своими рисунками, преимущественно изъ священной исторіи, удивлялъ односельчанъ. Когда онъ узналъ о намѣреніи отца отправить его въ Москву для обученія ремеслу, то рѣшилъ бѣжать туда, гдѣ можно научиться рисовать. Вскорѣ представился удобный случай: одинъ изъ односельчанъ ѣхалъ въ Петербургъ и захватилъ съ собою будущаго художника. О. Г. поступилъ въ Петербургъ въ ученье къ маляру, узналъ здѣсь объ академіи художествъ и сталъ усиленно стремиться попасть въ составъ академическихъ учениковъ. Стремленіе его осуществилось, и онъ кончилъ въ 1846 году академію по классу живописи, получивъ нѣсколько наградъ за свои картины. Въ 1855 году былъ удостоенъ званія академика живописи. Съ 1849 по 1884 годъ покойный преподавалъ рисованіе въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. Имъ произведено много работъ по церковной и портретной живописи. Нѣсколько его произведеній были приобретены для Эрмитажа. («Новое Время» № 7943).

† **П. В. Дворжецкій-Богдановичъ.** 2-го апрѣля, въ мѣстечкѣ Шавли, Ковенской губерніи скончался Павелъ Викторовичъ Дворжецкій-Богдановичъ, много поработавшій на поприщѣ провинціальной прессы. Съ 1885 г. по 1890 годъ онъ работалъ въ качествѣ секретаря редакціи «Курскаго Листка», гдѣ былъ помѣщенъ длинный рядъ статей его по вопросамъ мѣстной и общественной жизни; нѣкоторое время онъ состоялъ фактическимъ редакторомъ «Листка». Кромѣ того, онъ помѣстилъ множество замѣтокъ, корреспонденцій, рассказовъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Орловскомъ Вѣстникѣ», «Минскомъ Листкѣ», «Русскомъ Курьерѣ», «Новостяхъ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Кіевской Старинѣ» и др. Смерть произошла отъ отравленія нашатырнымъ спиртомъ, принятымъ по ошибкѣ вмѣсто раствора бромистаго калия. («Русск. Вѣд.» № 86).

† **А. И. Лебедевъ.** Въ первыхъ числахъ апрѣля, въ С.-Петербургѣ, похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ художникъ-иллюстраторъ Александръ Игнатьевичъ Лебедевъ. Покойный, по окончаніи курса въ училищѣ топографовъ, служилъ недолго землемѣромъ, затѣмъ избралъ для своей дѣятельности поприще художника-иллюстратора. Въ 50-хъ годахъ онъ былъ приглашенъ со-

трудничать въ «Искрѣ» В. С. Курочкина и Н. Степанова, вносльдствіи помѣщаль свои рисунки въ различныхъ юмористическихъ журналахъ—«Шутѣ», «Осколкахъ» и др. Особенно удавались покойному изображенія купцовъ, мелкихъ чиновниковъ и столичной богемы. Въ 60-хъ годахъ А. И. издалъ альбомъ рисунковъ подъ заглавіемъ «Погибшія, но милыя созданья» съ текстомъ, составленнымъ имъ вмѣстѣ съ покойнымъ Всеволодомъ Крестовскимъ. («Новое Время» № 7944).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

О пресѣкшихся дворянскихъ родахъ князей Ромодановскихъ и князей Ромодановскихъ-Лодыженскихъ.

Въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущей годъ А. В. Верещагинъ помѣстилъ небольшой рассказъ о посѣщеніи имъ «послѣдней княжны Ромодановской». Къ ней его свезъ пріятель его, помѣщикъ Великолудскаго уѣзда, едва знавшій княжну и видѣвшій ее всего раза два. Очевидно, что онъ не могъ сообщить автору рассказа основательныхъ данныхъ, а потому въ напечатанную статейку вкрались нѣкоторыя неточности. Имѣя въ своемъ распоряженіи несомнѣнныя документальныя свѣдѣнія о послѣдней представительницѣ рода Ромодановскихъ, считаю полезнымъ огласить ихъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» для возстановленія дѣйствительныхъ фактовъ.

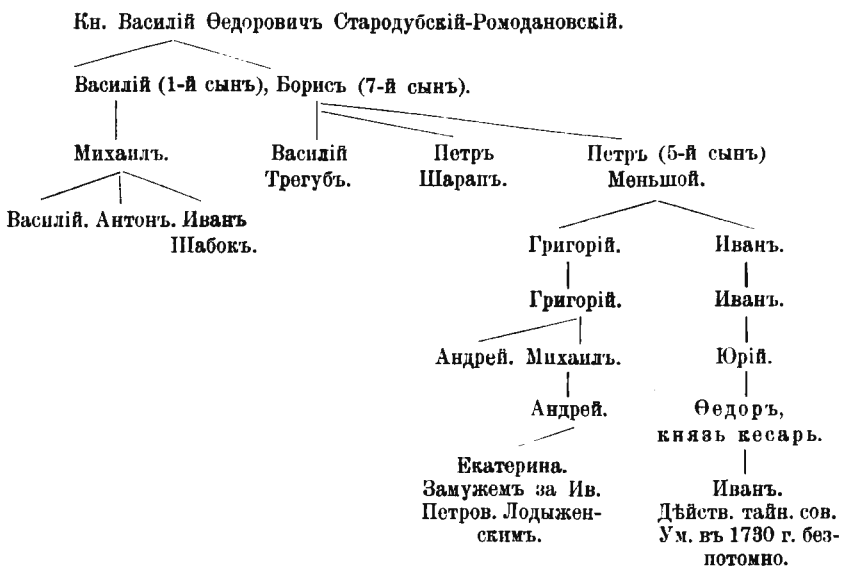
Время своего свиданія съ послѣдней представительницей рода памятнаго «князя-кесаря» А. В. Верещагинъ относитъ къ 1892 или 1893 г., говоря, что ѣздилъ къ ней «лѣтъ пять тому назадъ», и представляетъ ее женщиной «лѣтъ 60—65, богатырскаго сложенія». Со словъ, безъ сомнѣнія, своего пріятеля онъ считаетъ ее послѣдней Ромодановской.

По документамъ же выходитъ такъ. Личность, которую посѣтилъ А. В. Верещагинъ, была княжной Софіей Александровной Ромодановской-Лодыженской, дочерью генераль-лейтенанта Александра Николаевича и внучкой дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора Николая Ивановича, перваго князя Ромодановскаго-Лодыженскаго. По метрическому свидѣтельству она родилась 20-го сентября 1811 года. Точное время ея смерти мнѣ неизвѣстно, но послѣднее прошеніе по ея семейному дѣлу, поданное отъ ея имени довѣреннымъ, подписано 11-мъ апрѣля 1890 года. Въ октябрѣ того же 1890 года ея дѣло вступило въ окончательный фазисъ, и насколько припомню, ея уже тогда не было въ живыхъ. Слѣдовательно, въ 1890 году, когда отъ ея имени поступило прошеніе, ей было 79 лѣтъ, и она, конечно, во время свиданія съ А. В. Верещагинымъ, въ началѣ 1890-хъ годовъ, будучи уже на девятомъ десяткѣ своей жизни, едва ли могла казаться женщиною 60—65 лѣтъ. Надо допустить, что

она, вѣроятно, благодаря своему богатырскому сложенію, сохранила необыкновенную молодость.

Родъ князей Ромодановскихъ записанъ въ Бархатной книгѣ и происходилъ отъ удѣльныхъ князей Стародубскихъ, родоначальникомъ коихъ былъ князь Иванъ Всеволодовичъ (потомокъ Рюрика въ десятомъ колѣнѣ), получившій Стародубъ въ удѣлъ отъ роднаго своего брата великаго князя Ярослава Всеволодовича. Потомокъ его, въ шестомъ поколѣніи, князь Василій Ѳеодоровичъ Ромодановскій былъ родоначальникомъ княжеской фамиліи этого имени.

Вотъ родословная князей Ромодановскихъ.

Въ 1730 году, послѣдній изъ рода Ромодановскихъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Иванъ Ѳеодоровичъ — сынъ «князя-кесаря», умеръ безпотомно, и родъ этотъ пресѣкъся, причемъ съ точностью я не знаю, пережила ли его княжна Екатерина Андреевна Ромодановская, по мужу Лодыженская, или ея тогда не было въ живыхъ.

Во всякомъ случаѣ, шестьдесятъ восемь лѣтъ князей Ромодановскихъ не существовало, и только 8-го апрѣля 1798 года сыну Екатерины Андреевны (рожденной княжны Ромодановской) и мужа ея Ивана Петровича Лодыженскихъ, дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору Николаю Ивановичу Лодыженскому, именнымъ указомъ императора Павла I, всемилоостивѣйше дозволено принять титулъ и фамилію князей Ромодановскихъ и именоваться впредъ потомственно княземъ Ромодановскимъ-Лодыженскимъ.

Новый княжескій родъ, какъ видно изъ приводимой вслѣдъ засимъ родословной, не существовалъ и столѣтія и имѣлъ всего четырехъ представителей мужскаго пола, изъ которыхъ двое были князьями по возведенію и двое (князья Константинъ и Юрій) по рожденію.

Кн. Екатерина Ромодановская—за Ив. Петр. Лодыженскимъ.

Николай, д. т. сов. сенаторъ,
князь Ромодановскій-Лодыженскій

Князь Александръ, ген.-лейт. съ 14-го ноября 1799 г.

Кн. Константинъ. Ум. въ 1871 г.	Кн. Юрій. Ум. въ 1869 г.	Княжна Марія. Ум. въ 1873 г.	Княжна Софія. Род. 20-го сент. 1811 г. Ум. въ 1890 (?).	Княжна Дарія. За отет. подпо- ручникомъ Боч- ковскимъ. Ум. въ 1887 г.
------------------------------------	-----------------------------	---------------------------------	--	---

Со смертью въ 1871 году князя Константина новый родъ князей Ромодановскихъ-Лодыженскихъ тоже пресѣлся въ мужскомъ поколѣніи и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась по смыслу закона (т. I, IX, Зак. сост. изд. 1876 г.) возможность ходатайства о передачѣ фамиліи какому либо соотвѣтственному лицу, потому что о передачѣ дворянской фамиліи, герба и титула можетъ просить только послѣдній представитель угасающей фамиліи.

Княжна Софія Александровна Ромодановская-Лодыженская, оставшись за смертью братьевъ и сестеръ послѣднею представительницею своего рода, исходатайствовала, въ путяхъ монаршаго милосердія, особое разрѣшеніе о томъ, чтобы ея заявленіе о передачѣ ея фамиліи было рассмотрѣно въ надлежащемъ порядкѣ, не стѣсняясь тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдовало отъ лица женскаго пола. Дѣло это разсматривалось въ 1890—1892 г. въ правительствующемъ сенатѣ, и ходатайство княжны Софіи Александровны оставлено безъ послѣдствій, такъ какъ лицо, которому она просила передать фамилію, не доказало своего родства съ фамиліей просительницы.

Такимъ образомъ оба рода князей Ромодановскихъ-Лодыженскихъ совершенно пресѣклись въ мужскомъ и женскомъ колѣнахъ.

Дмитрій Анучинъ.

II.

Путешествіе русскаго матроса.

Рукопись, съ этимъ заглавіемъ, досталась мнѣ совершенно случайно во время послѣдняго плаванія у береговъ Восточной Сибири. По своему характеру, это курьезное произведеніе является, несомнѣнно, однимъ изъ тѣхъ продуктовъ новѣйшаго народнаго творчества, какихъ теперь на Руси такъ много. Привожу его здѣсь безъ всякихъ дополненій или измѣненій.

«Отставной русскій матросъ однажды былъ въ Англіи. Пришелъ онъ въ церковь при совершеніи божественной литургіи, вынулъ изъ кармана колоду картъ и началъ оныя разбирать. Зрители тотчасъ увидали и приступили къ

нему, и вывели его изъ церкви, и отвели на гауптвахту, и сдали караульному офицеру. Офицеръ спросилъ того матроса:

— «Для чего ты, при совершении божественной литургіи, разбиралъ карты? За такое нарушение литургіи будешь строго наказанъ.

«Матросъ караульному офицеру на это отвѣчаетъ:

— «Ваше благородіе! Я—отставной русской службы матросъ; за выслугу лѣтъ службы своему отечеству получилъ малый пенсіонъ; потому изъ такого пенсіона купить библію не въ состояніи, для знанія Бога; а сіи карты были куплены моимъ родителемъ передъ вступленіемъ моимъ на службу и даны мнѣ не для вранья, а для познанія Бога.

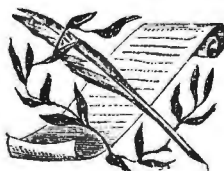
«Офицеръ спросилъ того матроса:

— «А какое ты понятіе имѣешь объ нихъ?

«Матросъ началъ ему показывать:

— «Первый тузъ сей—Богъ; кромѣ его, нѣтъ другаго по всей вселенной. Двойка означаетъ небо и землю. Тройка—вспоминаніе о святой Троицѣ: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ—духъ святой. Четверка—четырехъ евангелистовъ: Іоанна Богослова, Матвѣя, Марка, Луку. Пятерка означаетъ пять мудрыхъ и пять глухихъ дѣвъ. Шестерка—это семейство Ноя, оставшееся послѣ потопа, отъ котораго произошли всѣ люди-человѣки, всѣ мы, братія на землѣ. Семерка означаетъ, что Богъ сотворилъ все въ семь дней. Восьмерка означаетъ святіе со креста Спасителя, при положеніи Коего во гробъ было восемь человекъ, а именно: Іоаннъ-Богословъ, Никодимъ-старецъ, Іосифъ, Марія Магдалина, Лазарь и двѣ сестры Лазаря. Девятка означаетъ дары Духа Святаго: любовь, радость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе, милость и смиреніе. Десятка показываетъ десять заповѣдей божіихъ, данныхъ Моисею на горѣ Синайской для познанія Бога и самого себя. А валетъ—тотъ самый глупый, который привелъ меня къ вашему благородію. Краля—восточная гроза, первая царица (?). Король есть основатель Россіи. Во всѣхъ картахъ, 4 масти означаютъ четыре страны свѣта: сѣверъ, югъ, востокъ и западъ. Въ колодѣ, 52 карты показываютъ 52 недѣли въ году. Въ колодѣ 365 очковъ означаютъ 365 дней въ году, кромѣ високоснаго.

«Офицеръ удивился такому острому отвѣту и представилъ матроса къ своему правительству, которое за такое острое познаніе въ сихъ картахъ Бога щедро вознаградило и освободило его съ гауптвахты»... В. Ч.

— А они, конечно, скажутъ то же о васъ.

— Они, кажется, очень достойные люди?

— О! да. Въ особенности сэръ Джорджъ. Онъ отличается всѣми добродѣтелями. Это у нихъ въ семьѣ: они всѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе образцы добродѣтели.

— Я васъ не понимаю, капитанъ Селлинджеръ, вы какъ будто подсмѣиваетесь надъ ихъ добродѣтелью, а вѣдь, признайтесь, они не бываютъ пьяны каждый вечеръ, какъ одинъ мой хорошій знакомый.

— Признаю, но не могу помочь горю! Если я утромъ просыпаюсь съ головою болью, то сожалѣю, что наканунѣ пилъ, а если голова свѣжа, то сожалѣю, что наканунѣ былъ трезвъ.

Въ это время мы уже достигли дверей нашего дома, и капитанъ съ нами распрощался.

— Теперь, прощайте!—сказалъ онъ:—я пойду вернуть потерянное время и напьюсь до чертиковъ послѣ всего, что я видѣлъ сегодня.

Что видѣлъ капитанъ, я рѣшительно не понимала, но по выраженію лица Изабеллы было очевидно, что отъ ея вниманія не ускользнула сцена въ каютѣ. Поэтому я нашла лучшимъ безъ всякихъ объясненій броситься къ ней на шею, какъ только мы остались вдвоемъ въ комнатѣ.

— Какъ я счастлива, — промолвила я: — нѣтъ женщины, счастливѣе меня! Онъ меня любитъ.

И я убѣжала въ свою спальню.

На слѣдующее утро добрая Изабелла не спрашивала меня ни о чемъ, а только была еще добрѣе и любезнѣе со мной, чѣмъ обыкновенно. Послѣ завтрака она отпустила меня гулять въ Гринъ-паркъ, такъ какъ я хотѣла остаться одна и на досугѣ обдумать свое новое положеніе.

По возвращеніи домой, я увидѣла въ дверяхъ доктора.

— Я надѣюсь, миссъ Нанси, — сказалъ онъ, почтительно кланяясь,—что вы вчера пріятно провели вечеръ? Я видѣлъ, какъ вы выходили изъ лодки, въ которой вы катались съ блестящимъ кавалеромъ. Позвольте мнѣ, миссъ Нанси, предложить вамъ одну изъ моихъ миниатюръ, которыя я уже вамъ показывалъ.

И онъ подаль мнѣ портретъ прелестной женщины съ голубыми глазами и русыми волосами, какъ у меня.

— Это дѣвица Лавальеръ, первая любовь Людовика XIV, — продолжалъ онъ:—она была также невинна и прелестна, какъ вы. Ее ослѣпила любовь молодого принца, и говорятъ, что Людовикъ никогда и никого не любилъ такъ, какъ этотъ первый предметъ своей любви. Возьмите портретъ, миссъ Нанси, въ немъ есть что-то, схожее съ вами.

Я тогда не подозрѣвала, на что намекалъ докторъ, и взяла портретъ. Онъ до сихъ поръ находится у меня. И теперь, смотря на него послѣ столькихъ лѣтъ, я не могу не согласиться, что онъ былъ правъ. Въ глазахъ этой любимицы французскаго короля есть что-то родное мнѣ. Въ нихъ блеститъ такая же любовь, такая же печаль, какъ въ моихъ.

XI.

Вскорѣ, если не оба брата, то одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что за ними караулятъ и ихъ эскортируютъ два добровольныхъ стража. Конечно, вниманіе на это обратилъ младшій братъ, а не старшій, у котораго голова была слишкомъ наполнена любовью, чтобы заниматься подобными пустяками. Я увѣрена, что, приходя ко мнѣ и уходя изъ моего дома, онъ мысленно выдерживалъ тяжелую борьбу. Умъ ему говорилъ: она дочь кушца и не имѣетъ никакихъ связей. Она гораздо ниже тебя по положенію, а потому тебѣ не слѣдуетъ о ней думать. Но сердце возражало: нѣтъ, ты ее любишь, ты ей признался въ своей любви, и она отвѣчаетъ тебѣ взаимностью. Бросить ее—низко, жестоко; придумай какой нибудь способъ, чтобы тебѣ было возможно любить ее. Наконецъ, и совѣсть возвышала свой голосъ: помни Джорджъ, что люди высокостоящіе должны подавать примѣръ. Если, дѣйствительно, подобная борьба происходила въ его головѣ, то до того ли ему было, чтобы смотрѣть, караулить его кто, или нѣтъ.

Дѣло другое—Эдуардъ. У него умъ былъ свободный и всегда насторожѣ. Какъ только онъ замѣтилъ, что двое людей караулятъ его съ братомъ и провожаютъ ихъ издали по Сентъ-Джемской площади, то, выбравъ удобный случай, когда братъ вошелъ въ квартиру, онъ остался на лѣстницѣ и, приблизясь къ капитану, сказалъ довольно рѣзко:

— Послушайте, сэръ, я вижу, что вы устроили почетный караулъ и таковой же эскортъ для меня и брата.

— Позвольте мнѣ объяснить мое поведеніе,—отвѣчалъ Селлинджеръ, низко кланаясь.

— Я васъ хорошо знаю, и вы также хорошо знаете меня съ братомъ.

— Имѣю эту честь.

— Хорошо. Ваше усердіе очень похвально, но оно вовсе не прошено и нежелательно, поэтому я прошу васъ, даже приказываю, чтобы вы оставили это дѣло.

— Но позвольте мнѣ прежде объяснить...

— Какое тутъ объясненіе! Если я хочу сохранить инкогнито, и у меня есть пшпага для защиты своей чести, то я никогда не позволю, чтобы мнѣ назойливо надоѣдали.

— Конечно, вы можете говорить, что угодно,—началъ спокойно капитанъ, но Эдуардъ его перебилъ:

— Да, и буду говорить, что хочу, а если скажу что лишнее, то всегда готовъ дать отвѣтъ, какъ подобаетъ между джентльменами. Я, право, не понимаю, почему вы не приведете сюда вашихъ солдатъ и не устроите парадъ передъ окнами нашихъ дамъ.

— Я васъ увѣряю, что у меня есть серьезная причина для подобнаго поведенія, и я нимало не желаю быть назойливымъ, или неприятнымъ для васъ и вашего брата. Будьте такъ добры, выслушайте меня.

— Хорошо, говорите.

И онъ прислонился къ притолку наружной двери.

— Я не злоупотреблю вашимъ временемъ,—произнесъ капитанъ, понижая голосъ: — прежде всего я долженъ вамъ сказать, что въ этомъ домѣ живетъ ярый іаковитъ, а, можетъ быть, и французскій шпионъ.

— Іаковитъ, іаковитъ! Ну, такъ чтожь? Неужели вы такъ глупы, что считаете іаковитовъ опасными? Вѣдь младшему претенденту сорокъ лѣтъ, и онъ бездѣтенъ, а его братъ—католикъ. Если этотъ человекъ только іаковитъ, то чортъ съ нимъ. А если онъ еще и французскій шпионъ, то скажите полиціи, и его живо повѣсятъ. Такъ вы изъ-за такого вздора слѣдите за каждымъ шагомъ моего брата?

— Нѣтъ. У меня причина поважнѣе. Выслушайте меня терпѣливо до конца. Каждый вечеръ у этого человека собирается пять или шесть пріятелей. Это, вѣроятно, внуки англійскихъ и ирландскихъ сторонниковъ Іакова. Они говорятъ прекрасно поанглійски, а потому ихъ никто не трогае; вотъ они спокойно и живутъ, надѣясь, что когда нибудь имъ удастся возстановить Стюартовъ на англійскомъ престолѣ, а пока они составили заговоръ, въ которомъ и заключается вся суть.

— Какой заговоръ?

— А вотъ послушайте. Каждый вечеръ вы можете замѣтить, что у этого дома стоитъ карета. Въмѣсто кучера сидитъ на козлахъ одинъ изъ заговорщиковъ. У Вайтгольской пристани ждетъ лодка съ двумя гребцами, также заговорщиками. Они втроемъ готовы доставить двухъ пассажировъ на амстердамскій корабль, стоящій посреди Темзы, у Редрифа. Капитанъ подкупленъ ими, и онъ доставитъ пассажировъ въ Кале, гдѣ французы примутъ ихъ.

— А кто же эти пассажиры?

— Вы и вашъ братъ.

— Чортъ возьми! Да какъ же они насъ захватятъ?

— Очень просто. Каждый вечеръ пріятели іаковита только ждутъ удобной минуты, чтобы схватить васъ и отправить во Францію.

— Полноте! Это вздоръ!.. Это глупая шутка.

Однако Эдуардъ произнесъ эти слова шепотомъ.

— Нѣтъ, не шутка, и я могу всегда доказать справедливость

своихъ словъ. Ну, теперь скажите, правъ ли я былъ, что вмѣшался въ это дѣло, или мнѣ слѣдовало обо всемъ донести судью и выставить вашихъ дамъ свидѣтелями?..

— Капитанъ Селлинджеръ,—сказалъ Эдуардъ, протянувъ ему руку,—это дѣло серьезное. Дайте мнѣ подумать.

Послѣ продолжительнаго молчанія онъ прибавилъ:

— Вы вполне убѣждены въ основательности вашихъ свѣдѣній? Отъ кого вы ихъ узнали?

— Отъ сержанта моего же полка, человѣка образованнаго и говорящаго пофранцузски. Онъ самъ слышалъ разговоры сообщниковъ, и я могу вамъ доставить случай сдѣлать то же. Экипажъ же вы можете сами видѣть на улицѣ.

— Благодарю васъ, капитанъ Селлинджеръ,—сказалъ Эдуардъ, протянувъ ему руку, до которой офицеръ едва дотронулся, съ глубокимъ поклономъ,—простите меня за мое легкомысліе. Мнѣ слѣдовало сразу понять, что джентльменъ не рѣшится на такой странный поступокъ безъ уважительной причины. Ну, какъ же вы, сэръ, совѣтуете мнѣ поступить?

— Если позволите высказать мнѣ свое мнѣніе, то я полагаю, что намъ слѣдуетъ продолжать свой караулъ. Пока мы насторожѣ, заговорщики не рѣшатся на открытое насиліе. Пятеро или шестеро человѣкъ могутъ напасть на двухъ, но на четырехъ, да еще вооруженныхъ, они никогда не рѣшатся. Къ тому же подобныя дѣла творятся всегда въ тайнѣ, и заговорщики больше всего боятся огласки. Если же они будутъ продолжать свои продѣлки, то не дурно было бы ихъ предупредить о грозящей имъ опасности.

— Подобное дѣло требуетъ большой осторожности. Ни наши дамы, ни мой братъ не должны подозрѣвать объ этомъ. Вашъ сержантъ честный человѣкъ?

— Я полагаю и даже убѣжденъ. Конечно, онъ самолюбивъ, но за его благородство я ручаюсь.

— Что касается меня, то я не прочь вмѣстѣ съ вами и съ вашимъ сержантомъ вступить въ рукопашную съ заговорщиками, но я боюсь, чтобы дѣло не дошло до моего брата, и чтобы мы не впутали его въ какой нибудь скандалъ. Пока продолжайте съ сержантомъ вашу добровольную службу, а я, на досугѣ, серьезно подумаю, и когда рѣшу что нибудь, то сообщу вамъ.

Впродолженіе слѣдующихъ дней все шло по-старому. Съ одной стороны, заговорщики собирались въ опредѣленное время, карета стояла на улицѣ, а съ другой, добровольные сторожа караулили.

— Вы очень поздно гуляете по ночамъ, капитанъ Селлинджеръ,—сказалъ однажды докторъ, встрѣтивъ капитана утромъ на лѣстницѣ,—я иногда выхожу поздно, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, и всегда вижу, что вы ходите или около дома, или на площади.

— А если бы вы, докторъ, имѣли свиданіе съ кѣмъ нибудь, и вамъ постоянно мозолила бы глаза карета, которая каждый вечеръ стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, то было ли бы вамъ это пріятно?

— Если дѣло идетъ о женщинѣ, капитанъ, то... и я бывалъ молодъ.

— О комъ бы дѣло ни шло, но я полагаю, что это скоро прекратится: вѣдь ночи стали холодными.

Въ этотъ вечеръ никто не приходилъ къ доктору, и карета не показывалась, но, спустя нѣсколько дней, снова стали появляться и заговорщики, и карета.

— Капитанъ, — сказалъ докторъ, встрѣтившись съ офицеромъ въ другой разъ, — посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать. Сержантъ Бетцъ, живущій въ нашемъ домѣ, на чердакѣ, беспокоитъ меня постоянной ходьбой по коридору.

— Онъ не въ моемъ эскадронѣ, и я не могу съ нимъ переговорить. Лучше всего обратитесь къ Молли, или приударьте за его женой.

Такимъ образомъ докторъ не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха въ своихъ переговорахъ съ капитаномъ, котораго, очевидно, онъ сталъ подозрѣвать.

Что касается до меня и до Изабеллы, то мы рѣшительно ничего не знали. И не удивительно; по крайней мѣрѣ, мнѣ было не до того, чтобы обращать вниманіе на заговорщиковъ и добровольныхъ сторожей. Я жила въ какомъ-то заколдованномъ мірѣ и думала только о томъ, кто меня любилъ и предпочиталъ всѣмъ богатымъ, всѣмъ знатнымъ красавицамъ.

XII.

Я уже говорила, что сэръ Джорджъ ловко уклонился отъ исполненія моей просьбы показать намъ съ Изабеллой королевскій дворецъ, подъ предлогомъ, что король старъ, и что мы докажемъ свои вѣрноподданническія чувства, если не станемъ его беспокоить. Поэтому я очень удивилась, когда однажды онъ сказалъ мнѣ:

— Вы какъ-то хотѣли посмотреть дворецъ. Приходите завтра утромъ къ дворцовой рѣшеткѣ, во время смѣны караула, и я вамъ все покажу.

Мы обѣ были очень рады этому предложенію, и на слѣдующій день въ одиннадцать часовъ утра пошли къ Сентъ-Джемскому дворцу. Не успѣвъ смѣниться караулъ, какъ къ намъ подошелъ сэръ Джорджъ, въ красномъ мундирѣ, съ лентой и звѣздой.

— Я здѣсь, какъ бы власть имѣющій, а потому не удивляйтесь, что мнѣ будутъ всѣ кланяться. Я приказалъ никого не пускать сегодня утромъ во дворецъ, кромѣ лицъ, вызванныхъ королемъ по

дѣлу. Весь дворецъ въ вашемъ распоряженіи, кромѣ личныхъ покоевъ короля.

Съ этими словами, онъ повелъ насъ по заламъ, и всѣ попадашіеся намъ навстрѣчу какъ лакеи, такъ и придворные чины при видѣ его останавливались и почтительно кланялись.

Я, право, не помню всего, что я видѣла во дворцѣ, потому что въ моей памяти сохранились не блескъ и роскошь королевскаго жилища, а тѣ знаменательныя слова, которыя сказалъ сэръ Джорджъ въ этотъ счастливый для меня день.

Прежде всего мы посѣтили часовню, въ которой короли въ старину творили чудеса однимъ прикосновеніемъ своей руки къ больнымъ и страждущимъ.

— Если,—произнесъ сэръ Джорджъ,—дѣйствительно короли царятъ Божьею милостью, то нѣтъ ничего страннаго, они совершали чудеса, но Георгъ I отмѣнилъ этотъ обычай.

— Однако,—отвѣчала я,—вѣдь и мы всѣ живемъ Божьею милостью, но никто изъ насъ не творитъ чудесъ.

— Я не настаиваю на этомъ,—продолжалъ нашъ спутникъ,—и вообще преклоняюсь передъ всѣмъ, что установлено королевскою властью и церковью. Если короли больше не творятъ чудесъ, и церковь на это согласна, то нечего и разговаривать. Ну, а теперь пойдѣте въ парадные апартаменты.

Въ числѣ этихъ парадныхъ покоевъ были тронная зала, комната королевы Анны, оружейная палата и т. д., потому что всѣхъ названій я не помню. Всѣ эти комнаты были большія, высокія, съ коврами на полу и тяжелыми занавѣсами на окнахъ и дверяхъ; мебели было мало; преимущественно, золоченые стулья, картежные столы, диваны, громадныя зеркала и т. д. Всюду видѣлись гербы, короны и вензеля, между которыми мнѣ бросились въ глаза вензеля Генриха VIII и Анны Болейнъ. На стѣнахъ висѣли картины, преимущественно, портреты. Мнѣ понравились портреты двухъ принцевъ Уэльскихъ, умершихъ въ юности: Артура, сына Генриха VII, Генриха, сына Іакова I, а также Дженни Симаръ, герцогини Йоркской и Карла I. Еще я помню большую картину, изображавшую Адама и Еву въ раю. Самыя комнаты напоминали трогательныя и важныя историческія событія, а потому я съ любопытствомъ смотрѣла вокругъ себя. Здѣсь умерла королева Марія, тамъ спалъ, если онъ только могъ спать, Карлъ I, наканунѣ своей казни, а далѣе жила и умерла королева Анна. Вообще, тутъ происходили придворные банкеты, балы, приемы и т. д.

— Да,—произнесъ сэръ Джорджъ:—этотъ дворецъ возбуждаетъ много интересныхъ воспоминаній, какъ всякое королевское жилище. Но большая ихъ часть грустнаго характера, словно надъ этимъ дворцомъ тяготѣетъ злой рокъ.

— Однако, нельзя назвать несчастнымъ дворецъ Георга I и Георга II.

— Но нельзя сказать, чтобы семья этихъ обоихъ королевъ была очень счастлива. Но пора намъ перейти въ другую часть дворца. Я вамъ теперь покажу такія комнаты, въ которыя обыкновенно публику не пускаютъ.

Онъ провелъ насъ по нѣсколькимъ пустымъ коридорамъ и, наконецъ, отворилъ дверь въ комнату, въ которой сидѣлъ полудремавшій дежурный лакей. При видѣ сэра Джорджа онъ вскочилъ и молча стоялъ передъ нимъ, вытянувшись во весь ростъ.

— Гдѣ король?—спросилъ нашъ спутникъ.

— Его величество въ дворцовомъ саду,—отвѣчалъ лакей.

— Значитъ, мы можемъ войти,—продолжалъ сэръ Джорджъ,—я вамъ покажу собственные покои короля, а прежде зайдемъ въ комнаты покойной королевы.

Въ этой серіи комнатъ были спальня съ богато-украшенной золоченой кроватью, маленькая комнатка, гдѣ жила камеръ-юнгфера королены, гардеробная, уборная и т. д.

— Здѣсь все осталось постарому,—произнесъ шепотомъ сэръ Джорджъ,—мебель стоитъ на томъ же мѣстѣ, и платья висятъ на томъ же мѣстѣ, какъ и въ минуту ея жизни. Она была прекрасная женщина.

— А вы ее видали?

Онъ на минуту задумался, а потомъ произнесъ:

— Нѣтъ, она умерла за годъ до моего рожденія, но я много слышалъ о ней и право удивляюсь, почему ея сынъ разсорился съ такою доброй и замѣчательной женщиной. На ея смертномъ одрѣ она послала ему свое прощеніе. Король, никогда не оправившись отъ удара, нанесеннаго ему ея смертью, всегда говоритъ, что онъ никогда не видалъ женщины, которая была достойна застегнуть пряжку ея башмака. А многіе государственные люди увѣряли меня, что ея умъ былъ столь же замѣчательнъ, какъ ея сердце.

Мнѣ тогда показалось страннымъ, отчего, при имени покойной королевы, онъ обнаруживалъ замѣтное волненіе.

— Вотъ и ея портретъ,—продолжалъ онъ, указывая на одну изъ картинъ, висѣвшихъ на стѣнѣ,—внѣшній міръ мало знаетъ о внутренней жизни двора. И тѣмъ лучше. Дворъ полонъ интригъ, и короля обманываетъ одинъ ложный другъ за другимъ, такъ что все искусство быть государемъ заключается въ томъ, чтобы умѣть распознавать правду.

Я ничего не отвѣчала, и онъ повелъ насъ далѣе въ собственные комнаты короля: спальню, кабинетъ, приемную, столовую и т. д. Меня особенно удивила ихъ простота и отсутствіе всякой роскоши.

— Вы понимаете, — замѣтилъ съ улыбкой сэръ Джорджъ, — почему сюда не пускаютъ публику. Короли должны всегда представляться въ глазахъ народа въ парадной одеждѣ и, если возможно, съ

короной на головѣ, а если они верхомъ и съ оружіемъ въ рукахъ то еще лучше. Если бы народъ увидѣлъ своего короля въ видѣ добродушнаго старичка, спокойно и скромно живущаго въ обыденной обстановкѣ, то, быть можетъ, уменьшился бы его престижъ. Авторитетъ сильныхъ міра сего поддерживается ихъ достойной внѣшностью. Міръ еще не научился раздѣлять понятія о королѣ и человѣкѣ, иначе, король могъ бы въ свободную минуту свободно гулять по лондонскимъ улицамъ и сидѣть на скамеечкѣ въ паркѣ въ лѣтній вечеръ.

Вообще, я не могла не замѣтить, что не только въ комнатахъ короля, но и во всемъ дворцѣ преобладала какая-то странная простота, и все какъ будто невозмутимо спало.

— Говорятъ, здѣсь все было иначе при жизни королевы,—продолжалъ сэръ Джорджъ,—тогда всѣ придворные, лакеи и т. д. ходили по стрункѣ, и никто не зѣвалъ, никто не дремалъ, какъ теперь. Король старъ, и теперь уже не даются балы, не играютъ въ карты и т. д. Если его наслѣдникъ вздумаетъ возстановить старыи блескъ и прежнее веселье, то ему придется потратить не мало труда. Вообще, королямъ не легко жить, они никогда не могутъ дѣлать, что хотятъ, а всегда должны быть на показъ.

Онъ тяжело вздохнулъ и прибавилъ:

— Ну, теперь, кажется, ничего не осталось вамъ показывать. Свою библіотеку король отдалъ въ британскій музей, гдѣ она сослужитъ большую службу, чѣмъ здѣсь. Въ послѣднее время мало читаютъ во дворцахъ, а это жаль. Не мѣшало бы англійскому королю знать, что Ричардъ II дурно поступилъ, наложивъ секвестръ на сбереженія лондонскихъ купцовъ, и что Стюарты до сихъ поръ царили бы, если бы Карлъ II не ограбилъ лондонское Сити на полтора милліона, чего ему никогда не простили. Вотъ библіотеку королевы вы можете видѣть, если желаете.

Эта библіотека находилась отдѣльно отъ дворца и помѣщалась въ маленькомъ зданіи посреди сада.

— Библіотека построена для королевы Каролины,—сказалъ сэръ Джорджъ,—а она часто проводила тамъ время съ придворными дамами. У нея собрано много книгъ, болѣе легкаго содержанія, чѣмъ тяжелые фоліанты, наполнявшіе библіотеку короля.

Нѣкоторыя изъ книгъ лежали на столахъ, другія были разставлены на полкахъ, а были и такія, которыя валялись на полу.

— Вы, можетъ быть, желаете узнать, какія книги любила покойная королева?—сказалъ сэръ Джорджъ, обращаясь къ Изабеллѣ,—такъ не угодно ли вамъ обойти библіотеку и посмотрѣть любую книгу.

Изабелла улыбнулась и отошла отъ насъ, а онъ взялъ меня за руку и повелъ къ креслу, которое стояло у окна, выходящаго въ садъ.

Въ эту минуту въ противоположномъ концѣ комнаты отворилась

дверь, и вошелъ старикъ, опиравшійся на палку. За нимъ слѣдовали два лакея, которые остановились на порогѣ.

— Это король,—промолвилъ шепотомъ сэръ Джорджъ,—мнѣ надо съ нимъ поговорить.

Онъ подошелъ къ старику и преклонилъ одно колѣно.

— Это ты, Джорджъ? — промолвилъ съ удивленіемъ король, — какъ ты попалъ сюда?

— Да, это я. Надѣюсь, что ваше величество въ добромъ здравіи

— Такъ себѣ. Зайди ко мнѣ послѣ того, какъ проводишь своихъ друзей.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня и покачалъ головой, словно тщетно старался припомнить мое лицо. Затѣмъ онъ медленно вышелъ изъ комнаты.

— Король пришелъ въ бібліотеку только потому, что она принадлежала королевѣ,—сказалъ сэръ Джорджъ,—онъ вообще не любить книгъ, но питаетъ культъ къ тому, что напоминаетъ ему жену.

И все-таки я ничего не поняла, и все-таки я не имѣла ни малѣйшаго подозрѣнія.

— Сядьте, Нанси, милая, милая Нанси,—произнесъ сэръ Джорджъ, взявъ мои руки и покрывая ихъ поцѣлуями, несмотря на присутствіе Изабеллы,—я васъ привелъ сюда для того, чтобы здѣсь рассказать вамъ конецъ исторіи благороднаго лорда и красавицы-поселянки, въ томъ видѣ, въ какомъ, я полагаю, долженъ былъ бы кончиться этотъ рассказъ. По моему, онъ долженъ былъ показать ей свой замокъ, во всемъ его великолѣпіи, и когда она поняла, кто онъ такой, ему слѣдовало отвести ее обратно въ ея скромное жилище и сказать: «милая моя, вамъ жить не въ золоченомъ дворцѣ, а въ хорошенькомъ сельскомъ домикѣ, гдѣ я буду проводить съ вами все свободное время отъ государственныхъ дѣлъ». Что бы вы отвѣтили, Нанси, если бы находились на мѣстѣ красавицы-поселянки?

— А вы развѣ очень высокая особа, въ родѣ лорда Вурлея?

— Повыше. У меня дома почти такая же обстановка, какъ здѣсь.

И все-таки я ничего не отгадала, а, протянувъ ему руку, произнесла шепотомъ.

— Я ваша. Дѣлайте со мной, что хотите, что подскажетъ вамъ сердце и дозволитъ ваша честь.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ меня въ лобъ.

— Моя честь,—отвѣчалъ онъ,—велитъ мнѣ показать вамъ все это, а сердце говоритъ мнѣ, чтобы я отказался отъ всего и посвятилъ вамъ свою жизнь до гробовой доски.

XIII.

Робертъ Сторей пришелъ еще разъ, но уже въ послѣдній. Это было на другой день послѣ нашего посѣщенія дворца, когда я еще находи-

лась подъ живымъ впечатлѣніемъ всего, что тамъ произошло. По выраженію его лица я тотчасъ поняла, что почтенный книгопродавецъ явился ко мнѣ съ извѣстною цѣлью.

— Я оставилъ Изабеллу въ своей лавкѣ, — сказалъ онъ, — она разговариваетъ съ какимъ-то путешественникомъ, который только что вернулся изъ Сибири, если вѣрить его словамъ, хотя путешественники очень часто врутъ. Онъ рассказываетъ ей о своихъ приключеніяхъ среди людоѣдовъ; но одинъ поэтъ увѣрялъ меня вчера, что видѣлъ этого путешественника на лондонскихъ улицахъ въ то самое время, когда онъ, по его словамъ, жилъ съ людоѣдами. Онъ намѣренъ издать описаніе своего путешествія и продавать его по подпискѣ, по гинеѣ за экземпляръ. По всей вѣроятности, онъ такъ обворожитъ Изабеллу своей болтовней, что она сдѣлается первой подписчицей на его книгу.

Онъ замолчалъ и, покойно усѣвшись въ кресло, продолжалъ:

— Когда я былъ здѣсь въ послѣдній разъ, то позволилъ себѣ наговорить вамъ лишнее по поводу продолженія знакомства съ вами одной неравной вамъ особы.

— Говорите прямо, мистеръ Робертъ.

— Я всегда говорю прямо. Одинъ изъ моихъ пріятелей сатириковъ, которому я вчера далъ авансъ въ три гинеи, сказалъ мнѣ, что мои слова дороже золота.

— Будьте такъ добры, скажите сейчасъ все, что имѣете передать мнѣ, а то каждую минуту можетъ вернуться Изабелла.

— Хорошо. Такъ вотъ, извольте видѣть, джентельменъ, о которомъ идетъ рѣчь, бываетъ здѣсь каждый день, и его видѣли съ вами въ Мерилебонскомъ саду и на Темзѣ въ золоченой лодкѣ съ музыкой. Все это очень естественно для него. Онъ недаромъ джентельменъ, ему и подобаетъ увлекаться хорошенькимъ лицомъ. Вотъ мы, книгопродавцы, не обращаемъ вниманія на лица своихъ клиентовъ, да и въ свободное время, напримѣръ, я, дорожа своей репутаціей, никогда не бѣгаю за красавицами.

— Я вамъ охотно вѣрю, мистеръ Робертъ, но къ чему вы мнѣ объ этомъ говорите?

— Для контраста. Впрочемъ, я не только, по принципу, не бѣгаю за красавицами, а и по той причинѣ, что если бы былъ грѣшенъ въ этомъ отношеніи, то не считалъ бы себя въ правѣ явиться къ вамъ сегодня и высказать снова свои чувства. Переходя къ предмету моего посѣщенія, я прямо долженъ сказать, что простой книгопродавецъ можетъ питать такую же пламенную любовь, какъ первый человѣкъ въ королевствѣ.

— Я въ этомъ увѣрена.

— Прежде всего я позволю себѣ указать вамъ на различіе, которое существуетъ между мною и джентльменомъ. Послѣднему нечего дѣлать, и онъ можетъ на досугѣ заниматься своей любовью,

а я, какъ человѣкъ занятой, не могу терять время на любовную канитель; но, повѣрьте мнѣ, моя любовь надежнѣе и преданнѣе того чувства, которое питаетъ къ вамъ кто-то.

— Вы снова оскорбляете моихъ друзей, мистеръ Робертъ, и, право, это напрасно.

— Я пришелъ съ другою болѣе важною цѣлью. Зачѣмъ мнѣ оскорблять вашего друга? По словамъ Изабеллы, онъ ведетъ себя очень прилично, и я, конечно, ей вѣрю. Я не сомнѣваюсь, что вы ему нравитесь, и что, можетъ быть, онъ любитъ васъ; но я хотѣлъ спросить васъ, миссъ Нанси, чѣмъ все это кончится.

— А какое право имѣете вы объ этомъ спрашивать?

Онъ не отвѣчалъ на мой вопросъ, а воскликнулъ съ большимъ оживленіемъ:

— Подумайте только о его высокомъ положеніи.

— А вы знаете, кто онъ?

— Ещѣ бы не знать!

По тону его голоса было ясно, что онъ не вѣрилъ моему невѣдѣнію.

— Не обманывайте себя надеждой, что никому неизвѣстно его настоящее положеніе. Я съ перваго взгляда узналъ его и его брата. Всѣ знаютъ его: и капитанъ Селлинджеръ, и сержантъ Бетцъ, и сухощавый докторъ, котораго завсегдатаи моей книжной лавки называютъ іаковитомъ.

Итакъ, всѣ знали, кто былъ тотъ, кого я любила всѣмъ сердцемъ; одной мнѣ это было неизвѣстно, но я нимало этимъ не интересовалась, предоставляя ему самому открыть эту тайну, когда онъ захочетъ.

— Вы видите, миссъ Нанси,—продолжалъ Сторей— что всему міру извѣстна ваша исторія.

— Какая исторія?—воскликнула я, выходя изъ себя,—развѣ молодой человѣкъ не свободенъ ухаживать, за кѣмъ хочетъ, если даже признать, что онъ ухаживаетъ за мной.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что онъ недолго будетъ свободенъ! Вѣдь старику-то восемьдесятъ лѣтъ.

— Я не знаю ни о какомъ старикѣ!

— Полноте!—произнесъ книгопродавецъ съ нетерпѣніемъ,—будемъ говорить серьезно. Вѣдь онъ не можетъ на васъ жениться. Это безусловно невозможно! Вѣдь вы должны же съ этимъ согласиться!

— Я не считаю нужнымъ въ чемъ либо съ вами соглашаться!

— Но вѣдь вы не можете надѣяться быть его женой. Это просто было бы безуміемъ!

— Мистеръ Робертъ, я не желаю болѣе говорить съ вами объ этомъ предметѣ.

— Но если вы не можете быть его женой, чѣмъ же вы будете?

— Мистеръ Робертъ! Ваши слова до того неприличны,—воскликнула я, вскакивая съ кресла,—что если вы сейчасъ не замолчите, то я выйду изъ комнаты!

— Ну, хорошо. Я больше не буду говорить,—отвѣчалъ онъ, не вставая съ мѣста,—но, пожалуйста, присядьте, я имѣю сообщить вамъ еще кое-что. Я вчера встрѣтилъ въ кофейной вашего брата, мистера Джозефа, и сообщилъ ему, что вы здоровы и живете у вдовы моего двоюроднаго брата, близъ Сентъ-Джемскаго дворца. Онъ отвѣчалъ, что вы это сдѣлали съ его согласія, и что онъ зайдетъ въ слѣдующій разъ, когда придетъ въ Лондонъ.

— Мой братъ былъ въ Лондонѣ?

— Да. Подумайте, если онъ зайдетъ сюда, то вѣдь ему много не понравится въ вашей новой жизни, и вамъ будетъ трудно объяснить, почему вы отказались отъ квакерскихъ обычаевъ.

Я молчала. Признаюсь, я никогда не вспоминала о моемъ братѣ и совершенно забыла о его существованіи.

— Джозефъ вамъ опекунъ, и хотя вы черезъ нѣсколько дней будете совершеннолѣтней, но онъ, конечно, постарается удержать, какъ можно, дольше въ своихъ рукахъ ваше состояніе, которое, говорятъ, очень крупное. Могу я васъ спросить: намѣрены вы вернуться въ Дартфордъ?

— Никогда!—воскликнула я, вспоминая съ ужасомъ о своей жизни въ этомъ провинціальномъ захолустѣ.

— Ну, какъ бы то ни было, вы должны ожидать его скорого посѣщенія, и вамъ придется сказать ему, что вы желаете переимѣнить, или уже переимѣнили вашу религію. Я принадлежу къ установленной церкви, и меня очень радуешь, что вы перешли въ нашу церковь; но вѣдь Джозефу это не понравится.

Извѣстіе о томъ, что братъ посѣтитъ меня, поразило меня, какъ громомъ, и хотя я рѣшилась сказать ему всю правду, но неизбежное столкновеніе съ нимъ было мнѣ очень непріятно, и я невольно почувствовала, что свѣтлые дни приходили къ концу.

— Конечно, я не сказалъ ни слова брату о вашихъ друзьяхъ, но, подумайте, какое впечатлѣніе произведетъ на него подобный фактъ.

— Джозефъ мой братъ и опекунъ, но я ему ни въ чемъ не подчинена и никогда не буду отъ него зависѣть. Если вы не имѣете болѣе ничего сообщить мнѣ, то, право, мистеръ Робертъ, напрасно вы беспокоились заходить сюда.

— Нѣтъ, миссъ Нанси, мнѣ еще надо сказать вамъ два слова. Я теперь спокойно повторю то предложеніе, которое сдѣлалъ вамъ сгоряча. Вы находитесь въ очень опасномъ положеніи, и ваша репутація можетъ быть на вѣки запятнанной. Но мнѣ это все равно,—прибавилъ онъ, опускаясь на колѣни:—я предлагаю вамъ свое сердце и руку. Мнѣ все равно, что бы объ васъ ни говорили, и я женюсь

на васъ, несмотря ни на что. Ваше состояніе можно вложить въ мое книжное дѣло. Оно идетъ очень хорошо, и вашимъ капиталомъ будетъ завѣдывать человекъ честный и знающій, а мужъ у васъ будетъ самый нѣжный и самый любящій!

— Встаньте, мистеръ Робертъ,—сказала я, не понимая ни оскорбительнаго смысла его словъ, ни его корыстнаго желанія присвоить мое состояніе,—встаньте! Ваше предложеніе неосуществимо.

— Отчего?—произнесъ онъ, попрежнему стоя на колѣняхъ,—ничто не можетъ помѣшать нашему браку. Я женюсь на васъ хотъ завтра. Вамъ нечего и прощаться съ вашимъ другомъ. Вы просто покинете этотъ домъ и никогда болѣе его не увидите. Что касается вашего состоянія, то я заставлю Джозефа отдать его и потребую полного отчета въ долговременномъ завѣдываніи имъ. Подумайте серьезно, Нанси, милая Нанси, что будетъ съ вами, если вы не примете моего предложенія.

Онъ старался схватить мою руку и поцѣловать ее, но тщетно.

— Встаньте, мистеръ Робертъ! Какъ можетъ человекъ, уважающій себя, разыгрывать роль такого дурака?

Онъ поднялся съ пола и, вынувъ изъ кармана платокъ, отеръ себѣ колѣни.

— Во всякомъ случаѣ,—продолжалъ онъ,—вамъ понадобится дѣлецъ для того, чтобы добыть ваши деньги изъ рукъ брата и помѣстить ихъ выгоднымъ образомъ. Выйдя за меня замужъ, вы пріобрѣтаете даромъ услуги опытнаго дѣльца. Я выгодно помѣщу ваши деньги, и вы будете имѣть все, что пожелаете: экипажъ, дачу съ прекраснымъ садомъ; мнѣ же все равно, что ваша репутація съ грѣшкомъ.

— Низкій плуть!—воскликнула я, вторично вскакивая съ кресла,—вы прикрываете любовью желаніе обобрать меня! И вы еще смѣете клеветать на благороднѣйшаго, честнѣйшаго человека въ свѣтѣ. Уходите! или я...

— Хорошо, я уйду,—отвѣчалъ Сторей, едва сдерживая свою злобу,—но вы дорого заплатите за то, что назвали меня низкимъ плутомъ. Я скажу обо всемъ вашему брату, и онъ, явившись сюда, потребуетъ отъ васъ отвѣта не только въ томъ, что вы перемѣнили вѣру, но и во многомъ другомъ.

И онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

XIV.

Однако, прошла недѣля, прежде чѣмъ явился Джозефъ; и когда онъ дѣйствительно пришелъ, то засталъ свою сестру въ такомъ настроеніи, что ей было не до его упрековъ, или угрозъ. Ея сердце было тогда переполнено такими заботами и такими опасе-

ніями, что гнѣвъ Джозефа не могъ произвести на нее никакого впечатлѣнія.

Я очень хорошо помню, что это было 24 октября, наканунѣ катастрофы, омрачившей всю мою жизнь. Я сидѣла у окна и смотрѣла на паркъ, залитый осеннимъ солнцемъ и полный пестрой толпой. Я была одна дома, такъ какъ Изабелла отправилась куда-то по дѣламъ. Хотя въ рукахъ у меня была книга, но я не читала, а думала о немъ.

Неожиданно я услышала шаги, но не того, о комъ я думала. Дверь отворилась, и Эдуардъ вошелъ одинъ.

— Эдуардъ!—воскликнула я, вскакивая съ мѣста,—а гдѣ Джорджъ?

— Я его не видалъ сегодня. Онъ не знаетъ, что я пошелъ сюда. Вы одни, Нанси?

— Да, Изабелла ушла по дѣламъ, съ Молли.

— Я очень радъ, что засталъ васъ одной. Мнѣ надо поговорить съ вами серьезно.

Онъ сѣлъ на стулъ и, взявъ мою руку, поцѣловалъ ее.

— Нанси,—произнесъ онъ съ чувствомъ,—вы знаете, что я васъ люблю, какъ сестру, и желаю вамъ всего, что вы сами себѣ желаете.

— Вы всегда были очень добры ко мнѣ, Эдуардъ; вы мой братъ, или будете моимъ братомъ.

— Я не слѣпой и не глухой, Нанси, а потому видѣлъ и слышалъ кое-что на лодкѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Джорджъ любитъ васъ до безумія, и вы... могу я сказать прямо?

— Нѣтъ, не говорите, но можете думать, что хотите.

— Бѣдная Нанси... Я во всемъ виноватъ.

— Какъ вы можете быть виновными въ томъ, что мы любимъ другъ друга и счастливы.

— Мы случайно встрѣтились съ вами въ первый разъ. На Джорджа эта встрѣча произвела большое впечатлѣніе, такъ какъ онъ не привыкъ къ подобнымъ приключеніямъ и, благодаря обстоятельствомъ, никогда не пользовался свободой, безъ чего они не мыслимы. Что же касается меня, то мнѣ, какъ младшему сыну, дозволяли дѣлать все, что угодно. Я всегда сожалѣлъ, что мой братъ не знаетъ общества внѣ тѣснаго свѣтскаго кружка, и былъ очень радъ, что явился случай показать ему людей изъ того почтеннаго класса, гдѣ мужья и братья работаютъ для своей семьи, а жены и сестры—сознательныя существа, вмѣсто куколъ, какъ въ большомъ свѣтѣ. Вотъ, почему я привелъ его сюда, и вы, конечно, замѣтили, какъ Джорджъ сначала былъ не ловокъ въ вашемъ обществѣ.

— Да, я замѣтила, что онъ совсѣмъ не зналъ жизни.

— А главное, онъ не зналъ женщинъ, а молодому человѣку необходимо знать кое-что по этому предмету.

— Но въ чемъ же вы упрекаете себя? Вы привели его сюда съ добрымъ намѣреніемъ, а онъ уже самъ сдѣлалъ все остальное.

— Да. Сначала Джорджъ пришелъ къ вамъ чисто изъ учтивости, чтобы узнать о вашемъ здоровьѣ; но потомъ вы овладѣли его сердцемъ. Онъ никогда не видывалъ такого простого, безхитро-стнаго и прелестнаго существа, какъ вы. Удивительно ли, что онъ потерялъ и сердце, и голову? День за днемъ, онъ сталъ приходить сюда, и я долженъ былъ его сопровождать. Утромъ онъ только и говорилъ, что о васъ, вечеромъ разговаривалъ съ вами, а во все остальное время молчалъ, какъ рыба.

— Что же тутъ дурного?—спросила я со смѣхомъ.

— Нанси, онъ полюбилъ первый разъ въ жизни, а ему двадцать два года. Я—дѣло другое, хотя мнѣ только двадцать лѣтъ; мы, моряки, живо увлекаемся. Онъ впервые понялъ, что такое женщина, и вашъ образъ всецѣло наполняетъ его душу.

— Ну, такъ что же?

— Вотъ въ этомъ-то и бѣда,—произнесъ Эдуардъ съ такимъ печальнымъ лицомъ, что я невольно вздрогнула,—время, которое мы проводили у васъ такъ весело и счастливо, никогда не забудется нами. Джорджъ въ вашемъ обществѣ не только научился любить, но и понялъ, что простая, хорошая женщина выше всѣхъ свѣтскихъ и придворныхъ красавицъ. А я съ удовольствіемъ видѣлъ его постепенное развитіе. Все это хорошо,—прибавилъ онъ со слезами на глазахъ,—но пришло время положить конецъ нашимъ пріятнымъ отношеніямъ.

— Отчего?

— Повторяю, я во всемъ виноватъ: надо было прекратить это знакомство, прежде чѣмъ Джорджъ потерялъ свое сердце, а вы...

— Зачѣмъ же прекратить? Вы не знаете, Эдуардъ, какъ мнѣ больно слышать ваши слова.

— Развѣ Джорджъ ничего вамъ не говорилъ?... Развѣ вы сами ничего не подозреваете?

— Джорджъ—джентльменъ высокаго происхожденія. Вотъ все, что я знаю, и мнѣ нѣтъ причины въ чемъ либо подозревать его.

— Пусть онъ самъ скажетъ вамъ правду. Я обѣщалъ ему не открывать вамъ этой тайны. Но поймите, Нанси, что онъ не можетъ жениться на васъ. Это невозможно и не зависитъ отъ него. Онъ обязанъ заключить бракъ, достойный его высокаго положенія.

— Такъ зачѣмъ же онъ клянется, что любить меня?—промолвила я послѣ минутнаго молчанія.

— Онъ говоритъ совершенную правду. Онъ, дѣйствительно, любить васъ. Его мнѣ не жаль: не ему одному приходится отказаться отъ любимой женщины. Но вы, вы, Нанси, меня озабочиваете.

— Зачѣмъ вы мнѣ все это говорите, чего вы отъ меня хотите?

— Я самъ не знаю. Какъ жаль, Нанси, что вы любите не меня. Я бы тогда показалъ всему міру, что не ставлю его въ грошъ; но мой братъ—дѣло другое. Вы не можете быть его женою, Нанси;

вѣрите мнѣ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, а предложить вамъ другую любовь онъ никогда и не подумаетъ: онъ слишкомъ васъ любить и уважаетъ. Что же дѣлать, Нанси? Что дѣлать?

— Вы пришли сюда по порученію Джорджа?

— Нѣтъ, онъ ничего объ этомъ не знаетъ. Онъ на седьмомъ небѣ отъ счастья, что вы его любите, и не думаетъ ни о чемъ. Я пришелъ къ вамъ по собственному почину, съ цѣлью предупредить васъ. Надо, во что бы то ни стало, положить всему конецъ.

— Вы всегда были моимъ добрымъ другомъ, Эдуардъ,—сказала я послѣ продолжительнаго молчанія,—и я вѣрю, что вы не желаете мнѣ зла. Помните, что Джорджъ самъ ухаживалъ за мною, а не черезъ ваше посредство. Онъ просилъ моей любви. Я всецѣло принадлежу ему, и только онъ можетъ порвать связывающія насъ узы. Я все сдѣлаю, что онъ мнѣ прикажетъ. Если онъ пожелаетъ жениться на мнѣ и скрыть отъ всѣхъ мое существованіе, то я радостно подчинюсь его волѣ. Я его раба, и онъ воленъ дѣлать со мной, что хочетъ.

— Милая Нанси, вы рѣжете меня тупымъ ножомъ. Дѣлать нечего, приходится сказать вамъ, чего я желаю. Увѣжайте тайно, Нанси, и всему будетъ конецъ.

— Нѣтъ, я ни за что не убѣгу отъ Джорджа. Отъ него зависитъ моя судьба. Пусть онъ располагаетъ мною, какъ хочетъ.

— Такъ я напрасно теряю время, а все-таки конецъ настанетъ по весь свѣтъ узнаетъ объ этой исторіи. Вы всю жизнь, Нанси, будете ненавидѣть меня.

— Нѣтъ, Эдуардъ, я всю жизнь буду считать васъ братомъ, хотя бы...

И я залилась слезами. Онъ также заплакалъ.

— Ну, пусть будетъ, что будетъ,—произнесъ онъ послѣ долгаго молчанія,—рѣшайте съ Джорджемъ, какъ знаете, я болѣе не вмѣшиваюсь въ ваше дѣло. Джорджъ васъ любитъ, и ему слѣдуетъ найти выходъ изъ этого невозможнаго положенія.

XV.

Онъ пошелъ къ дверямъ и удалился бы, если бы на порогѣ не показалась фигура моего брата Джозефа.

Эдуардъ посторонился и хотѣлъ пропустить Джозефа, но тотъ преградилъ ему дорогу и грубо произнесъ:

— Другъ, что ты тутъ дѣлаешь? Что ты дѣлаешь съ моей сестрой?

— Хотя она ваша сестра, и я у нея въ гостяхъ, но вамъ бы слѣдовало, сэръ, вести себя болѣе прилично, болѣе достойно вашего квалерскаго положенія.

— Я не хочу слушать твоихъ замѣчаній, а повторяю, что ты дѣлаешь съ моей сестрой?

— Въ такомъ случаѣ, я не желаю болѣе съ вами разговаривать. Миссъ Нанси, вашъ братъ, если онъ дѣйствительно вашъ братъ, очень сердитъ, и не останется ли мнѣ, чтобы оградить васъ отъ него?

— Пожалуйста, останьтесь, — отвѣчала я.

Очевидно, Джозефъ видѣлъ Роберта Сторея, и тотъ разсказалъ ему самую ужасную исторію о моемъ нравственномъ паденіи. Иначе нельзя было понять его гнѣвнаго настроенія. Но онъ попалъ ко мнѣ въ самую неудобную минуту. Мнѣ грозило гораздо бѣльшее несчастье, чѣмъ его гнѣвъ, который только раздражалъ меня, но нисколько не пугалъ.

Остановившись посреди комнаты, Джозефъ молча осмотрѣлъ ее во всѣхъ подробностяхъ и потомъ спросилъ:

— Сестра, это твоя квартира или Изабеллы?

— Изабеллы. Она тебѣ нравится, Джозефъ?

— А эти дьявольскія навожденія, — продолжалъ онъ, указывая на картины мистическаго содержанія, — принадлежатъ Изабеллѣ или тебѣ?

— Изабеллѣ, но я очень сожалѣю, что они не мои.

— Нанси, я сяду съ вашего позволенія? — сказалъ Эдуардъ.

— Пожалуйста. Я боюсь, что мой братъ еще болѣе разсердится отъ дальнѣйшаго разговора со мной.

Джозефъ взглянулъ на него съ неудовольствіемъ, но ничего не сказалъ.

— Если бы эти картины принадлежали тебѣ, то я тотчасъ бы уничтожилъ ихъ, — продолжалъ онъ, — а эти цимбалы, подъ звуки которыхъ грѣшники низвергаются въ геенну огненную, твои или ея?

— Ея. Все, что здѣсь въ комнатѣ, принадлежитъ Изабеллѣ: и картины, и фортепiano, и ноты, и книги, и молитвенникъ англиканской церкви.

— Что же это такое? Здѣсь потѣшался дьяволъ?

— Просто Изабелла вернулась въ англиканскую церковь, къ которой она принадлежала до замужества.

— Робертъ Сторей мнѣ объ этомъ уже говорилъ; но ты, сестра, что дѣлаешь? Что значитъ этотъ свѣтскій человѣкъ, съ которымъ я засталъ тебя наединѣ?

— Ты узнаешь, Джозефъ, много новаго. Во-первыхъ, я навѣки покинула квакеровъ.

— Пойдемъ отсюда, сестра, пойдемъ изъ этого проклятаго вертепа! — воскликнулъ Джозефъ, внѣ себя отъ ярости и ударяя своей палкой по столу, — пойдемъ, или я вытащу тебя отсюда за волосы. Какъ тебѣ не стыдно покрыть такимъ позоромъ наше доброе имя!

— Братъ, нахаль, — сказалъ Эдуардъ, вставая и подходя къ Джозефу, — я остался здѣсь, чтобы охранить твою сестру отъ тебя, и если ты еще скажешь одно грубое слово, то я спущу тебя по лѣстницѣ головой впередъ.

Эдуардъ говорилъ спокойно, но съ твердою рѣшимостью исполнить свою угрозу.

— Пойдемъ, сестра,—продолжалъ Джозефъ, значительно понижая свой тонъ,—вернись въ лоно друзей и покинь этотъ адъ кромѣшный!

— Джозефъ,—сказала я, подходя къ нему и смотря ему прямо въ глаза,—развѣ ты не видишь, что я совершенно и во всемъ измѣнилась. Къ тому же,—я прибавила, неожиданно вспомнивъ это обстоятельство,—мнѣ сегодня минуло двадцать одинъ годъ; слѣдовательно, я сама себѣ барыня.

— Какъ бы не такъ! это мы еще увидимъ. Слушайся своего опекуна, или я тебя силой вытащу отсюда.

— Ну, ужъ нѣтъ, другъ, ты этого не сдѣлаешь,—замѣтилъ спокойно Эдуардъ.

— Наконецъ, я перешла въ англиканскую церковь,—промолвила я,—и никогда не вернусь въ нашъ старый домъ.

— Другъ,—произнесъ снова Эдуардъ,—хотя никому не слѣдуетъ вмѣшиваться между братомъ и сестрой, такъ же, какъ между мужемъ и женой, но я позволю себѣ замѣтить, что если, дѣйствительно, этой молодой дѣвушкѣ минуло двадцать одинъ годъ, то никто не можетъ распоряжаться ею.

— Ты ничего не понимаешь!

— Но если ты имѣешь право такъ поступать съ ней, то обратись въ судъ. Я, слава Богу, не законникъ, но сомнѣваюсь, чтобы судъ позволилъ квакеру силой подчинить своей волѣ молодую дѣвушку, перешедшую въ установленную церковь.

— Это одинъ изъ твоихъ новыхъ друзей, о которыхъ мнѣ говорилъ Робертъ Сторей? Они принадлежатъ ко двору, къ развратному, безбожному двору и обольщаютъ неопытныхъ женщинъ. Ну, сестра, я не стану говорить крупныхъ словъ, не стану угрожать, но выбирай одно изъ двухъ: адъ или небо, меня или твоего...

— Миссъ Нанси совершеннолѣтняя,—перебилъ его Эдуардъ,—и поступить такъ, какъ пожелаетъ.

— Нанси? Ее зовутъ Ганна, а поступить она такъ, какъ я хочу, или не получить ни гроша. Слышишь, Ганна!

— Ну, ужъ нѣтъ,—произнесъ Эдуардъ,—повидимому, вашъ отецъ оставилъ значительное состояніе, и одно изъ двухъ: или онъ оставилъ это состояніе Нанси по завѣщанію, и вы не имѣете права имъ распоряжаться, по достиженіи ею совершеннолѣтія, или завѣщанія не осталось, и тогда состояніе нужно подѣлить по закону между вами обоими. Поэтому ваши слова не основательны и просто глупы. Знайте, что ея друзья обратятся въ судъ, для защиты ея правъ. Потому я вамъ совѣтую вернуться домой и приготовить всѣ отчеты по опекѣ.

— Судомъ или безъ суда, но она не получитъ ни гроша, если не уйдетъ отсюда со мной.

— Судомъ или безъ него, но я не пойду съ тобой,—сказала я.

— Выслушай меня, другъ,—промолвилъ Джозефъ, обращаясь къ Эдуарду,—нѣсколько времени тому назадъ, Ганна подверглась тяжелымъ припадкамъ меланхоліи, что случается нерѣдко между нашими сестрами, живущими въ вѣчномъ созерцаніи своихъ грѣховъ. Моя двоюродная сестра предложила мнѣ взять ее къ себѣ для перемѣны воздуха, и я согласился, такъ какъ эта женщина вдова и принадлежала къ нашему обществу.

— И вы поступили очень разумно,—замѣтилъ Эдуардъ.

— Нѣтъ, теперь оказывается, что меня обманули. Мою бѣдную сестру совратили съ истиннаго пути и научили свѣтскому нечестію. Она отказалась отъ своей вѣры и стоитъ на краю геенны огненной. Ты видишь, другъ, что я не даромъ выхожу изъ себя: мою бѣдную сестру погубили, ея душу ввергли въ тьму кромѣшную!

— Но мнѣ кажется, сэръ, что вы преувеличиваете послѣдствія случившагося.

— Джозефъ,—произнесла я,—пора прекратить этотъ разговоръ. Мы такъ глубоко расходимся съ тобою во всемъ, что намъ нечего и пытаться убѣдить другъ друга. Но я желаю объяснить все, что случилось со мною, этому господину, котораго ты такъ оскорбилъ безъ всякой причины.

Джозефъ покачалъ головой, но ничего не отвѣтилъ.

— Я почти сошла съ ума,—продолжала я,—отъ ужаса, нагнаннаго на меня квакерскими порядками, и только благодаря Изабеллѣ, вырвавшей меня изъ квакерской среды, я стала человѣкомъ. Потомъ, Эдуардъ, благодаря вашему брату, я перешла въ англиканскую церковь и... Тутъ я расплакалась, сама не зная почему.

— Успокойтесь, Нанси,—сказалъ Эдуардъ,—пора покончить этотъ непріятный разговоръ. Вы бы лучше ушли, сэръ.

— И всѣмъ этимъ я обязана добрѣйшей и лучшей женщинѣ на свѣтѣ Изабеллѣ Сторей,—продолжала я,—я ни за что не вернусь въ твой домъ, Джозефъ, и скорѣе пойду служанкой къ Изабеллѣ, чѣмъ буду жить съ тобой. При одной мысли о твоёмъ домѣ я дрожу, и голова моя кружится. Твоя власть надо мной кончилась. Уходи и оставь меня въ покоѣ.

— Если я уйду, то навѣки, и ты не получишь ни гроша изъ твоихъ денегъ.

— Нѣтъ, она всѣ получить,—замѣтилъ Эдуардъ.

— Еще послѣдній вопросъ,—произнесъ Джозефъ,—пойдешь со мной, сестра?

— Еще послѣдній отвѣтъ: не пойду, братъ.

Джозефъ молча вышелъ изъ комнаты.

Я его болѣе никогда не видала и, по всей вѣроятности, никогда не увижу. Говорятъ, онъ женился, и его жена, навѣрное, квакерша.

Что касается до угрозы Джозефа удержать мои деньги, то

Эдуардъ исполнилъ свое обѣщаніе. Недѣли черезъ полторы или двѣ явился ко мнѣ какой-то законовѣдъ и предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, а затѣмъ поѣхалъ въ Дартфордъ и переговорилъ подробно обо всемъ съ Джозефомъ. Оказалось, что послѣ смерти отца не сказалося никакого духовнаго завѣщанія, и Джозефъ забралъ въ свои руки все наслѣдство, которымъ и владѣлъ до сихъ поръ. Узнавъ отъ законовѣда, что ему придется уступить мнѣ половину всего состоянія, которое было очень велико, какъ движимое, такъ и недвижимое, онъ пришелъ въ такую ярость, что съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ, и, придя въ себя, онъ расплакался, какъ ребенокъ.

— Половину,—бормоталъ онъ въ отчаяніи,—мнѣ надо отдать половину? Никогда! Скорѣе я умру, чѣмъ уступлю то, что мнѣ принадлежитъ.

Это отчаяніе ясно доказывало, что, несмотря на его квакерскія убѣжденія, онъ высоко цѣнитъ земныя блага.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, я, дѣйствительно, получила значительное наслѣдство, но, какъ увидить впоследствии читатель, я уже тогда ни въ чемъ не нуждалась и стала посвящать большую часть денегъ на добрыя дѣла.

Но возвратимся къ моему разсказу.

Послѣ ухода Джозефа, Эдуардъ возобновилъ прерванный разговоръ, но я его перебила.

— Не забывайте, что я только отъ самого Джорджа готова выслушать все. Я все сдѣлаю, что онъ прикажетъ; но пусть онъ самъ скажетъ мнѣ, что мы должны разстаться. Васъ я никогда не послушаюсь, хотя увѣрена, что вы меня любите. Джорджъ придетъ сегодня вечеромъ, и я попрошу Изабеллу оставить насъ вдвоемъ. Тогда онъ можетъ сказать мнѣ все, что хочетъ, и я послушаюсь его приказаній.

XVI.

Уходя отъ меня, Эдуардъ не пошелъ внизъ по лѣстницѣ, а, напротивъ, поднялся наверхъ, въ квартиру капитана Селлинджера.

При видѣ такого неожиданнаго гостя капитанъ, бывший безъ сюртука, растерялся и пробормоталъ:

— Какая неожиданность! Какая честь!

— Я только что былъ съ визитомъ у вашихъ прекрасныхъ сосѣдокъ,—отвѣчалъ Эдуардъ, отказываясь отъ предложеннаго стула и сядя на столъ,—пожалуйста, не церемоньтесь: безъ сюртука можно также разговаривать, какъ и въ сюртукѣ. Такъ я прямо перейду къ дѣлу.

— Сдѣлайте одолженіе, сэръ.

— Ночь за ночью, экипажъ стоитъ во дворѣ, и я слышу голоса въ нижнемъ этажѣ. Когда это кончится?

— Не знаю.

— Неужели имъ никогда не надоѣстъ ждать удобнаго случая, который все не является?

— Вѣдь намъ не надоѣдаетъ слѣдить за ними.

— Можетъ быть, вамъ не надоѣдаетъ, но мнѣ положительно противно уходить отсюда каждый вечеръ подъ конвоемъ, хотя бы и гвардейцевъ, и все изъ-за какихъ-то проклятыхъ полдюжины іаковитовъ.

— Однако, сэръ, съ вашего позволенія...

— Знаю, знаю,—перебилъ его Эдуардъ, — моего брата нельзя подвергать опасности, и его репутація не должна омрачаться ни малѣйшей клеветой. Что же касается до молодой дѣвушки внизу, то она не должна быть вмѣшана ни въ какой скандалъ. Слышите, капитанъ!

— Да вѣдь до сихъ поръ, кажется, нѣтъ никакого скандала?

— Я все это время обдумывалъ дѣло и, наконецъ, нашелъ средство успѣшно покончить съ нимъ. Но мнѣ нужна помощь какъ ваша, такъ и сержанта.

— Мы оба къ вашимъ услугамъ.

— И вы обязываетесь до окончанія дѣла не проговориться ни пьяные, ни трезвые?

— Я никогда не напиваюсь, прежде чѣмъ вашъ братъ не достигнетъ безопасно своего дома.

— Это ничего не значить. Но скажите мнѣ, капитанъ Селлинджеръ, къ какому роду пьяницъ вы принадлежите? Одни во хмелю болтаютъ безъ устали, а другіе молчатъ. Вы въ числѣ первыхъ или послѣднихъ?

— Послѣднихъ; но если вы сомнѣваетесь, то я готовъ обязаться не пить болѣе двухъ бутылокъ въ день, пока не окончится это дѣло. Что же касается до нашей усталости, то не думайте объ этомъ. Они же, безъ сомнѣнія, поймутъ, наконецъ, что ихъ подозреваютъ, и сами откажутся отъ своего плана, тѣмъ болѣе, что вѣдь голландскій шкиперъ стоитъ имъ недешево, и ночи становятся холоднѣе,—даже иногда идетъ снѣгъ.

— Трудно разсчитывать, чтобы они сами отказались отъ своего плана.

— Но вѣдь нижнія дамы могутъ перемѣнить квартиру?

— Конечно. Но ужъ это дѣло касается не меня, а брата. Однако глупую исторію съ іаковитами я хочу самъ покончить, и какъ можно скорѣе. Сколько ихъ?

— Шестеро безъ доктора.

— Хорошо. А насъ трое. Вотъ мой планъ. Сержантъ спрячется въ назначенный день на кухнѣ или подъ лѣстницей, а вы останетесь насторожѣ въ своей комнатѣ. Въ половинѣ десятаго вы сойдете внизъ и постучитесь въ дверь мистриссъ Сторей. Я выйду

къ вамъ, и мы станемъ вмѣстѣ спускаться по лѣстницѣ, какъ можно, шумнѣе, давъ сигналъ сержанту, чтобы онъ былъ наготовѣ. Наши друзья-яковиты, конечно, подумаютъ, что это выходитъ мой братъ. Они бросятся на насъ, а мы ихъ встрѣтимъ шпагой въ рукахъ. Что вы на это скажете, капитанъ?

— Я полагаю, что планъ прекрасный, и отвѣчаю за сержанта; вамъ стоитъ только назначить день для забавы.

— Мнѣ очень не нравится, что вы стѣсняете себя ради насъ, а потому устроимъ эту потѣху сегодня вечеромъ, а завтра вы спокойно вернетесь къ своей бутылочкѣ.

— Сегодня вечеромъ? И прекрасно!

Такъ дѣло и было рѣшено.

Въ половинѣ девятого братъ, по обыкновенію, пришли къ намъ. Джорджъ былъ очень взволнованъ, онъ сѣлъ за фортепіано и сталъ играть, но вскорѣ вскочилъ и, усѣвшись рядомъ со мной, началъ разговаривать о постороннихъ предметахъ. Эдуардъ нетерпѣливо ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, часто посматривая на часы.

Мы всѣ четверо были не въ своей тарелкѣ.

Наверху капитанъ сидѣлъ у окна и ждалъ, а во дворѣ стоялъ экипажъ, и подлѣ него находилось два человѣка.

Внизу, предупрежденный обо всемъ капитаномъ, сержантъ подслушивалъ въ устроенномъ имъ отверстіи, что говорили за стѣной. Заговорщики заявляли, что пора бросить дѣло, такъ какъ, очевидно, ихъ подозрѣваютъ и слѣдятъ за ними. Напротивъ, докторъ просилъ подождать еще нѣсколько дней, доказывая, что капитанъ Селлинджеръ узналъ высокихъ посѣтителей второго этажа и оказываетъ имъ честь, провожая ихъ до дому. Поэтому было глупо отказаться отъ хорошо подготовленнаго плана.

Съ этими словами онъ вышелъ, чтобы произвести рекогносцировку. Онъ прошелъ вдоль и поперекъ всю Сентъ-Джемскую площадь, а также заглянулъ въ Сентъ-Джемскую улицу, но капитана и сержанта нигдѣ не было видно. Тогда онъ вернулся и осмотрѣлъ всю лѣстницу. Она была совершенно пуста, и дверь въ садъ заперта. Убѣдившись въ этомъ, онъ постучалъ въ дверь кухни.

— Кто тамъ?—спросила Молли.

— Гдѣ капитанъ?

— Не знаю. Куда-то ушелъ.

— А сержантъ?

— Не знаю. Онъ также ушелъ.

Докторъ вернулся къ своимъ друзьямъ и объявилъ имъ, что, наконецъ, представился случай для выполненія ихъ плана, тѣмъ болѣе, что ночь была темная и вполне способствовала осуществленію такъ давно подготовленнаго событія.

У доктора въ это время сидѣло четыре человѣка. Одно изъ

нихъ, рослаго, дороднаго молодца, сержантъ принялъ за шкипера голландскаго корабля, тѣмъ болѣе, что онъ былъ одѣтъ, какъ матросъ, и говорилъ на ломаномъ французскомъ языкѣ.

— Вы меня наняли, господа, и я готовъ вступить въ драку ради васъ, а также отвезти во Францію вашихъ плѣнниковъ. Но если вы будете откладывать это дѣло, то мы попадемся. Вы видите, что за нами слѣдятъ, и, конечно, наши молодцы никогда не выйдутъ изъ дома безъ прикрытія.

— Но вамъ говорятъ, что сегодня нѣтъ часовыхъ.

— Можетъ быть, они гдѣ нибудь скрываются? Я нанять вами, но не согласенъ рисковать своей жизнью и попасть въ руки солдатъ и офицеровъ.

Водворилось молчаніе, и сержантъ болѣе ничего не слышалъ.

Въ девять часовъ съ четвертью онъ пересталъ подслушивать и, обращаясь къ Молли, сказалъ:

— Еще нѣсколько минутъ, и счастье, наконецъ, мнѣ улыбнется. Я могу теперь говорить откровенно, такъ какъ вполне увѣренъ, что вы никому не скажете ни слова объ этомъ.

— Я не болтунья, сержантъ.

— Такъ узнай же, милая Молли, что черезъ нѣсколько минутъ я буду или офицеромъ, или мертвымъ.

— Избави Богъ!

— Конечно, избави Богъ, и я, на двадцать девятомъ году жизни, предпочитаю быть офицеромъ, чѣмъ переселиться въ другой міръ. Дай мнѣ, Молли, кружку пива. Вотъ, спасибо! Теперь я тебѣ скажу, что господа въ сосѣдней комнатѣ хотятъ напасть на двухъ джентльменовъ, проводящихъ ежедневно вечера у твоей госпожи, и отвезти ихъ во Францію.

— Зачѣмъ?

— Это я тебѣ расскажу въ другой разъ, а теперь пора готовиться къ дѣлу. Смотри, какая у меня твердая рука и вѣрный глазъ. Но еще рано, надо подождать, хоть руки у меня чешутся, чтобы вступить въ бой съ негодяями.

Наконецъ, пробило девять съ половиною часовъ, послышались шаги на лѣстницѣ и условленный сигналъ. Сержантъ выхватилъ шпагу и вышелъ на лѣстницу, которая смутно была освѣщена двумя свѣчами.

Капитанъ и Эдуардъ шли по лѣстницѣ съ обнаженными шпагами, а черезъ минуту дверь изъ квартиры доктора открылась, и четверо людей бросилось на своихъ двухъ соперниковъ. Они не были вооружены, но, видимо, надѣялись на стремительность своего натиска.

Сержантъ бросился впередъ и встрѣтился съ дороднымъ шкиперомъ, который навалился на него. Сержантъ вонзилъ свою шпагу неизвѣстно въ какую часть его тѣла, и несчастный грохнулся на

поль. Остальные трое обнажили шпаги, а сержантъ командоваль, какъ на урокъ фехтованія:

— Разъ, два, три! Впередъ!

Его громкій крикъ достигъ до нашихъ ушей, и сэръ Джорджъ сказалъ:

— Это вашъ другъ сержантъ кому-то даетъ урокъ фехтованія. Но странное онъ выбралъ для этого время и мѣсто.

Дѣйствительно, онъ давалъ урокъ, но совершенно другого рода.

Старый докторъ взялъ со стола своей комнаты двѣ свѣчки и освѣтилъ ими побоище. По словамъ капитана, который потомъ рассказывалъ мнѣ всю эту исторію, неизвѣстно, чѣмъ окончилось бы дѣло и сколько бы оказалось мертвыхъ, кромѣ толстаго голландца, который, впрочемъ, можетъ быть, былъ только раненъ, если бы на сцену не явилось новое дѣйствующее лицо—Молли. Она послѣдовала за сержантомъ и, видя, что началась свалка, взяла съ очага чугунокъ съ кипѣвшей въ немъ похлебкой и вылила ее въ лицо тремъ противникамъ сержанта.

Они громко завопили, шпаги выпали у нихъ изъ рукъ. Въ глазахъ у нихъ потемнѣло, а лица покрылись сильными ожогами.

Между тѣмъ сэръ Джорджъ вскочилъ съ мѣста и хотѣлъ выбѣжать на лѣстницу, говоря:

— Это не урокъ, а какая-то драка!

Но я его не пустила и сказала:

— Пустяки, это какаянибудь шутка капитана.

На лѣстницѣ драма продолжалась: сержантъ поднялъ шпагу и сказалъ своимъ тремъ противникамъ:

— Сдавайтесь, господа!

— Я думаю, сэръ,—произнесъ капитанъ, обращаясь къ Эдуарду,— что Молли покончила бой. Что намъ теперь дѣлать?

— Ну, что же, господа,—произнесъ Эдуардъ,—неужели вы отъ ожоговъ не можете отвѣчать, сдается ли вы, или я поручу сержанту покончить съ вами?

— Сдаемся,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Сдаемся,—прибавилъ докторъ, уходя со свѣчами въ свою комнату.

— Господа,—сказалъ Эдуардъ,—мнѣ очень жаль, что дѣло кончилось вопреки всѣмъ правиламъ, и, если вамъ угодно, я всегда готовъ дать вамъ удовлетвореніе. Теперь же я вамъ вотъ что скажу. Вашъ разговоръ пустяшный, и чѣмъ меньше о немъ будутъ говорить, тѣмъ лучше. Садитесь въ экипажъ, приготовленный моему брату и мнѣ, отправляйтесь на нанятый вами корабль и снимайтесь тотчасъ съ якоря. Если же завтра утромъ ваше судно будетъ стоять на Темзѣ, то васъ арестуютъ и повѣсятъ.

Никто ничего не отвѣчалъ.

— Возьмите съ собой вашего раненаго или умершаго товарища.

Полуослѣпленные и испытывая ужасныя страданія, заговорщики взяли на руки шкипера и понесли его въ экипажъ.

Капитанъ послѣдовалъ за ними и потомъ рассказывалъ, что шкиперъ жалобно стоналъ. Значить, онъ былъ живъ.

Когда всѣ помѣстились въ экипажъ, капитанъ подошелъ къ окну кареты и торжественно произнесъ:

— Господа, я васъ поздравляю. Вы произвели смѣлую вылазку, но не разсчитали, что къ намъ на помощь явится женщина. Вѣрьте мнѣ, что если вашъ католическій претендентъ когданибудь явится въ Англiю, то съ нимъ поступать такъ же. А также не забывайте, что если кто изъ васъ вернется въ Англiю, то самъ будетъ виноватъ, если покончитъ свою жизнь на висѣлицѣ. Ну, а теперь— добраго пути!

Произнеся эту рѣчь, капитанъ вернулся въ комнату доктора, въ которой засталъ хозяина и Эдуарда, сидѣвшаго за столомъ.

— Такъ они уѣхали, капитанъ?—спросилъ онъ, увидавъ Селлинджера,—а что толстякъ раненъ или убитъ?

— Не знаю. Другой заговорщикъ немного оцарапанъ. Вотъ и все. Имъ измѣна обошлась очень дешево.

— Вотъ руководитель и глава заговора,—продолжалъ Эдуардъ, указывая на доктора,—я задержалъ его, чтобы поговорить съ нимъ серьезно.

Докторъ былъ одѣтъ подорожному и въ шляпѣ съ широкими полями. Сундукъ, въ которомъ онъ держалъ документы, былъ открытъ и пустъ, такъ что, очевидно, онъ приготовился къ бѣгству, каковъ бы ни былъ результатъ осуществленія его плана. Онъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, и на морщинистомъ лицѣ его не было ни малѣйшаго слѣда волненія. У дверей караулили сержантъ съ обнаженной шпагой. На столѣ лежала пачка бумагъ.

— Эти бумаги, капитанъ Селлинджеръ,—продолжалъ Эдуардъ,—были взяты изъ кармана арестанта, называвшаго себя докторомъ. Онъ собирался бѣжать и хотѣлъ ихъ взять съ собою. Я уже успѣлъ просмотрѣть нѣкоторыя изъ нихъ, и онѣ вполне доказываютъ его двойную измѣну. Что мнѣ съ нимъ дѣлать?

— Повѣсить, если вы не найдете другой болѣе мучительной для него формы смерти.

Докторъ не дрогнулъ и не произнесъ ни слова.

— Послѣ моего разговора съ вами, капитанъ, я навелъ справки о томъ, что это за человѣкъ. Вы видите, что онъ старикъ и близокъ къ могилѣ, значить, ему слѣдовало бы вести себя честно и благородно.

— Не забывайте, сэръ,—промолвилъ докторъ,—что я не могу вызвать васъ на дуэль.

— Еще бы. Я дерусь только съ джентльменами, а вы... Фи! Представьте себѣ, капитанъ Селлинджеръ, что этотъ человѣкъ ви ро-

долженіе двадцатипяти лѣтъ былъ шпиономъ на жалованьи англійскаго правительства и все это время доставлялъ свѣдѣнія объ арміи и флотѣ Франціи.

— Эге! значить, онъ дѣйствительно былъ двойнымъ измѣнникомъ, — отвѣчалъ капитанъ, — но вѣдь отъ шпиона нечего ожидать, кромѣ подлости.

— Я, право, не знаю, какъ его такъ долго терпѣли, вѣроятно, по привычкѣ. Сегодня я узналъ, что онъ іаковитъ, сынъ одного изъ англичанъ, сопровождавшихъ Іакова II, одинъ изъ приближенныхъ претендента и шпионъ французскаго правительства въ Англии. Вы понимаете, что, ведя двойную игру, онъ былъ вполне безопасенъ въ обѣихъ странахъ.

— Повѣсить его! — промолвилъ капитанъ.

— Что касается до составленнаго имъ заговора, то онъ, конечно, удался бы, если бы случайно его не открылъ сержантъ Бетцъ. Конечно, поимка меня съ братомъ не принесла бы никакой пользы ни претенденту, ни Франціи, такъ какъ, рано или поздно, безъ драки намъ не обойтись. Ну, сэръ, — прибавилъ Эдуардъ, обращаясь къ доктору, — что вы можете сказать въ свое оправданіе?

Докторъ поднялъ голову, снялъ шляпу и воскликнулъ громкимъ, твердымъ голосомъ:

— Да здравствуетъ король Іаковъ!

— Хорошо. Но не имѣете ли вы что либо прибавить, прежде чѣмъ мы васъ отправимъ въ тюрьму?

— Знайте, сэръ, — произнесъ докторъ съ достоинствомъ, — что я и мои друзья люди благородные и, по истинѣ, преданные своему королю. Вѣрность іаковита — все терпѣливо переносятъ: глупость одного короля, развратъ другого и упрямство третьяго, такъ какъ для него король, какъ бы онъ ни былъ дурень, Божій помазанникъ. Іаковъ II бросилъ свою корону, но онъ не могъ заставить своихъ сторонниковъ бросить его. Наша преданность королю безгранична, и мы готовы жертвовать для него не только жизнью, но и честью. Я джентльменъ, но исполняю обязанности шпиона. Я надѣваю на себя маску шпиона англійскаго правительства и будто бы передаю ему тайны своего короля, а въ сущности развѣдываю, что дѣлается при англійскомъ дворѣ, и доношу королю Іакову. Я беру отъ васъ деньги и сообщаю вамъ ложныя свѣдѣнія о французскомъ флотѣ.

— Вотъ подлецъ-то! — воскликнулъ капитанъ.

— За то, что я прикидываюсь шпиономъ, меня здѣсь всюду пускаютъ, и я свободно разговариваю съ министрами, отъ которыхъ узнаю всѣ ихъ планы. Я не спорю, что подобное поведеніе при другихъ обстоятельствахъ было бы въ высшей степени позорнымъ, но мы, іаковиты, считаемъ его честнымъ и благороднымъ. Мои дѣйствія вполне одобряются моимъ королемъ и моими друзьями, а до вашихъ мнѣній мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

— Такъ по вашему, поддерживая правое дѣло, можно нарушать всѣ десять заповѣдей?

— Я знаю только одно, что преданно служу своему королю, и этого достаточно. Нечего болѣе разговаривать, я готовъ идти въ тюрьму. Мнѣ семьдесятъ пять лѣтъ, и я не слишкомъ старъ, чтобы умереть за моего короля, но слишкомъ старъ, чтобы бояться смерти.

— Можетъ быть, мы обойдемся и безъ тюрьмы. Вы, слуга претендента, однажды удалившись изъ нашей страны, не можете приносить намъ вреда. Поэтому мы заберемъ всѣ ваши бумаги, а васъ отпустимъ. Сержантъ, обыщите арестанта. Нѣтъ ли на немъ еще бумагъ?

Но обыскъ оказался лишнимъ: всѣ бумаги, находившіяся у него, уже лежали на столѣ.

— Ну, ступайте. Вы еще поспѣете на голландскій корабль, прежде чѣмъ онъ снимется съ якоря. Но помните, что если это судно будетъ завтра утромъ на Темзѣ, то васъ повѣсятъ вмѣстѣ съ вашими товарищами. Этотъ сержантъ знаетъ пофранцузски и можетъ быть свидѣтелемъ противъ васъ.

— О! — воскликнулъ докторъ, — вы понимаете пофранцузски? Такъ, можетъ быть, вы также слуга законнаго короля?

— Да, короля брауншвейгскаго дома!

— И вы подслушивали насъ, и вы донесли на насъ? Вотъ мерзавецъ! Да вы шпионъ, подлый шпионъ!

— А ты самъ-то кто! — воскликнулъ капитанъ, — ну, убирайся, да поживѣй, дьявольскій измѣнникъ!

Докторъ вышелъ изъ комнаты, гордо поднявъ голову.

— Сержантъ Бетцъ, — сказалъ Эдуардъ, когда докторъ исчезъ, — я никогда не забуду событій сегодняшняго дня. Если бы не вы, то этотъ заговоръ могъ бы удался, и мы съ братомъ сидѣли бы въ какой нибудь французской тюрьмѣ. Или мы могли бы быть убитыми въ свалкѣ. Будьте увѣрены, что я при первой возможности расскажу брату о вашемъ подвигѣ, а теперь возьмите вотъ этотъ кошелекъ на память обо мнѣ.

Сержантъ взялъ кошелекъ, въ которомъ было около пятидесяти гиней, и молча поклонился. Онъ ожидалъ другой награды и, видимо, былъ не доволенъ.

— Я знаю, сержантъ Бетцъ, что вы человѣкъ способный, знаете нѣсколько языковъ, хорошо фехтуете и даете уроки фортификаціи, что вы, кромѣ того, трезвый человѣкъ, женаты на приличной женщинѣ и вообще не посрамите офицерскихъ эполетъ.

Сержантъ псблѣднѣлъ отъ счастья.

— Мнѣ извѣстно отъ капитана Селлинджера, что вы болѣе всего желаете быть офицеромъ.

— Да, это совершенно справедливо.

— Хорошо. Я буду ходатайствовать за васъ у его величества.

Лице сержанта вытянулось.

Капитанъ Селлинджеръ сказалъ что-то на ухо Эдуарду, и тотъ громко произнесъ:

— А, можетъ быть, вы желали бы сдѣлаться офицеромъ морской пѣхоты?

— Почель бы за величайшую честь.

— Такъ дѣло въ шляпѣ. Капитанъ Селлинджеръ, поручика Бетца перваго полка морской пѣхоты.

Новый поручикъ упалъ на колѣни, и слезы радости потекли по его щекамъ.

— Я теперь желаю только одного,—сказалъ онъ, — чтобы мнѣ удалось отличиться въ дѣлѣ передъ вашими глазами и тѣмъ заслужить оказанную мнѣ милость.

— Ну, господа, сегодня мы не нуждаемся въ эскортѣ. Прощайте!

И онъ удалился съ любезнымъ поклономъ.

— Поручикъ Бетцъ,—сказалъ капитанъ, оставшись наединѣ съ бывшимъ сержантомъ,—мы теперь съ вами братья по оружію и можемъ вмѣстѣ пить. Намъ придется провозгласить много новыхъ тостовъ: «за достойную кару измѣнниковъ и шпионовъ», «за здоровье младшаго офицера на службѣ его величества короля», «за счастье божественной Нанси». Ну, пойдѣмъ, поручикъ, я васъ сегодня потоплю въ пуншѣ.

XVII.

Передъ приходомъ Джорджа въ этотъ день я откровенно передала Изабеллѣ все, что мнѣ говорилъ Эдуардъ.

— Какъ! Сэръ Джорджъ не можетъ жениться на тебѣ? Вотъ вздоръ. Положимъ, что онъ какой-то важный лордъ,—не даромъ онъ носить звѣзду, а мы съ тобой принадлежимъ къ купеческому сословію. Но вѣдь любовь равняетъ всѣхъ, и онъ мнѣ не разъ говорилъ, что онъ никогда не видалъ среди важныхъ барынь такой умной, пріятной и обворожительной красавицы, какъ ты.

— И все-таки Эдуардъ говорилъ, что онъ не можетъ на мнѣ жениться.

— Значить, онъ, подлець, женатъ!

— Нѣтъ, я въ этомъ убѣждена. Онъ мнѣ самъ объ этомъ говорилъ, и Эдуардъ утверждаетъ, что онъ до меня никого никогда не любилъ.

— Но въ такомъ случаѣ что это значить? Онъ совершеннолѣтній, отецъ его умеръ, и, значить, онъ можетъ дѣлать, что хочетъ. Можетъ быть, его въ дѣтствѣ обручили съ кѣмънибудь; вѣдь это не можетъ помѣшать ему жениться на тебѣ, если онъ дѣйствительно тебя любитъ.

— О! въ его любви я не сомнѣваюсь!

— Такъ говорятъ всѣ женщины. Но не въ этомъ дѣло: намъ надо непремѣнно узнать, Нанси, почему онъ не можетъ на тебѣ жениться.

— Онъ долженъ самъ мнѣ сказать причину, не позволяющую ему жениться на мнѣ.

— Не лучше ли мнѣ поговорить съ нимъ, а ты сегодня не выходи изъ своей комнаты.

— Нѣтъ. Я не хочу, чтобы кто либо вмѣшивался между мной и имъ. Пусть онъ самъ мнѣ скажетъ. И ужъ если разставаться...

Я горько расплакалась.

— Пустяки, не плачь. Онъ не можетъ бросить такой красавицы, какъ ты. Развѣ онъ король? Но вѣдь это невозможно. Успокойся, онъ поведетъ тебя къ алтарю. Зачѣмъ же онъ уговорилъ тебя перейти въ его вѣру и такъ упорно ухаживалъ за тобой, если намѣревался тебя бросить? Нѣтъ, онъ не похожъ на измѣнника.

— Но если женитьба на мнѣ принесетъ ему вредъ, то лучше я умру.

— Полно, полно, истинная любовь никогда не можетъ вредить. Кто бы онъ тамъ ни былъ, лордъ или герцогъ, но онъ тебя любитъ и никогда не обидитъ тебя.

Несмотря на утѣшеніе Изабеллы, у меня было тяжело на сердцѣ, и я предчувствовала, что мнѣ грозитъ большая бѣда.

Вечеромъ, по обыкновенію, къ намъ пришли наши друзья. Изабелла ушла изъ дому подъ предлогомъ какого-то дѣла, и когда Эдуардъ вышелъ на лѣстницу и долго пропадалъ тамъ по неизвѣстной причинѣ, то я осталась одна съ сэромъ Джорджемъ.

Мы еще впервые были съ нимъ наединѣ, и онъ, упавъ на колѣни передо мною, схватилъ мою руку и сталъ покрывать ее поцѣлуями.

— О Нанси!—говорилъ онъ,—моя любовь, сердце моего сердца

Я уже не помню всѣхъ нѣжныхъ, пламенныхъ словъ, которыя онъ произнесъ, но знаю только, что никто никогда не любилъ такъ женщины, какъ онъ любилъ меня. Я слушала его радостно и плакала отъ счастья.

— О Нанси,—промолвилъ онъ, нѣсколько успокоившись,—мы еще никогда не оставались вдвоемъ. Поговоримъ съ тобою по душѣ. Хочешь быть моею... моею женой?

— Дѣлай со мной, что хочешь! Я вся твоя!

— Я поговорю объ этомъ съ Эдуардомъ, такъ какъ я безъ него ничего не дѣлаю, и мы рѣшимъ, когда назначить свадьбу.

— Но онъ былъ у меня сегодня и говорилъ, что есть причина, по которой ты не можешь жениться на мнѣ.

— Какая причина? Что можетъ мнѣ помѣшать поступить, какъ я хочу.

— Не знаю. Онъ мнѣ не открылъ тайны, и я не настаивала,

такъ какъ желаю узнать только отъ тебя свою судьбу. Но если намъ суждено разстаться, то пусть это будетъ поскорѣй!

Онъ молча обнялъ меня, привлекъ на свою грудь и сталъ цѣловать пламенно, безумно.

— Намъ разстаться! — воскликнулъ онъ со смѣхомъ, — нѣтъ, Нанси, насъ разлучить только смерть! Пойми, дитя мое, что я не могу жить безъ тебя. Эдуардъ уже не разъ говорилъ мнѣ о какихъ-то преградахъ, но я ихъ не знаю и не признаю. Мнѣ все равно, что будетъ говорить свѣтъ, а если, дѣйствительно, мнѣ не дадутъ сдѣлать то, что я хочу, такъ я уйду и откажусь отъ всего въ пользу Эдуарда.

— Нѣтъ, — отвѣчала я, не понимая, на что онъ намекалъ, — я слишкомъ люблю тебя, Джорджъ, чтобы быть причиной твоего несчастія. Мнѣ довольно и твоей любви, но мы разстанемся, и ты будешь помнить, какую жертву я тебѣ принесла.

— Нѣтъ, я никогда съ тобой не разстанусь, Нанси, выслушай меня. Дѣйствительно, есть причина, по которой я не могу открыто жениться на тебѣ, но я женюсь тайно, и мы будемъ жить съ тобою въ уединенномъ уголкѣ, вдали отъ всѣхъ. Теперь я тебѣ все откровенно скажу. Мы уже порѣшили съ Эдуардомъ, что моя свадьба будетъ завтра утромъ. Я даже не знаю, въ какой церкви, но все это устроить Эдуардъ. Онъ нашелъ пастора, и они согласились, что я буду вѣнчаться подь именемъ Лебретона. Въ восемь часовъ утра пріѣдетъ за тобой карета, а послѣ церемоніи мы поѣдемъ въ маленькій домикъ въ паркѣ, купленный и омеблированный Эдуардомъ. Въ этомъ уютномъ гнѣздѣ мы будемъ счастливы, будемъ любить, любить и любить другъ друга. Вѣрь мнѣ, что я никогда не зналъ, что такое любовь, прежде чѣмъ увидѣлъ тебя. Я всегда жаждалъ встрѣтить такую женщину, которой я могъ бы посвятить себя всецѣло и отдать ей мой умъ, мое сердце. И вотъ я нашелъ такую женщину въ тебѣ. Такого счастья, дѣйствительно, достоинъ только король, а оно выпало на мою долю; но ты должна жить со мной вдали отъ всѣхъ и быть моей тайной женой. Согласна ли ты на такую жертву?

— Я такъ люблю тебя, Джорджъ, что готова умереть за тебя!

Онъ снова сталъ безумно цѣловать меня, но скоро вернулся Эдуардъ, и нашему счастью наступилъ конецъ.

— Что это у васъ была за драка? — спросилъ Джорджъ у брата.

— Важная, — отвѣчала тотъ, — но это пустяки, а ты, Джорджъ, сказалъ ли прелестной Нанси о томъ, что ожидаетъ ее завтра?

— Да, и она согласна.

— Такъ, значитъ, Нанси, мы завтра съ вами будемъ братомъ и сестрой; но я начинаю думать, что Джорджъ васъ не достоинъ, хотя онъ искренно и преданно васъ любитъ. Я надѣюсь, Нанси, что выбранный мною домъ вамъ понравится. Хотя комнаты маленькія, но

хорошенькія, а одно венеціанское окно съ балкономъ выходитъ прямо въ паркъ.

— А вѣдь мы, братъ, еще не говорили ей нашего настоящаго имени,— произнесъ сэръ Джорджъ.

— Нѣтъ, не теперь,—отвѣчала я,—я сегодня и такъ слишкомъ счастлива, а завтра будь чѣмъ хочешь: барономъ, графомъ или герцогомъ.

— Хорошо. Я завтра буду тѣмъ, кѣмъ родился.

— Я помню, что вы мнѣ рассказывали о благородномъ лордѣ, который женился на поселянкѣ и перевезъ ее въ свой большой домъ. У васъ также большой домъ?

— У меня ихъ два или три, а со временемъ будетъ больше.

— Такъ не берите меня въ эти роскошныя жилища, а дозвоьте мнѣ жить въ маленькомъ домикѣ, нанятомъ Эдуардомъ. Мнѣ не надо быть вашей женой для всего свѣта, а я буду довольствоваться сознаниемъ, что я принадлежу вамъ, и что вы меня любите.

Онъ снова обнялъ меня и началъ попрежнему пламенно цѣловать.

Въ эту минуту вошла въ комнату Изабелла.

— Извините, сэръ Джорджъ, что я такъ долго замѣшкалась, но мнѣ надо было навѣстить бѣдную вдову съ шестью дѣтьми.

— Позвольте мнѣ содѣйствовать вамъ въ этомъ добромъ дѣлѣ,— сказалъ сэръ Джорджъ, подавая ей кошелекъ, полный гинеями,— я такъ счастливъ сегодня, что хочу, чтобы и другіе были счастливы. Мы сегодня покончили съ Нанси, и она согласилась быть моей женой, какъ только мнѣ позволятъ обстоятельства устроить это дѣло, какъ слѣдуетъ. Вѣрьте, мистриссъ Изабелла, что я буду имѣть въ виду только желанія и счастье Нанси.

— Я въ этомъ увѣрена, но, признаюсь, хотя и ожидала такой развязки, никакъ не могу понять, что вы находите съ братомъ въ такихъ проступкахъ, какъ мы.

— Моя Нанси,—отвѣчала сэръ Джорджъ,—далеко не простушка: она научила меня многому, чего я не зналъ, вращаясь въ большомъ свѣтѣ. Вамъ неизвѣстно, какъ тяжела наша жизнь. Мы не работаемъ, а потому ничѣмъ не наслаждаемся; мы думаемъ, что все намъ доступно, и ничѣмъ не дорожимъ. Мы не заботимся о своей судьбѣ и увѣрены, что будемъ спокойны всегда. Конечно, исторія учитъ насъ, что иногда бываютъ печальные результаты подобнаго существованія. Но въ наше время не убиваютъ принцевъ въ Лондонской башнѣ и не казнятъ королей въ Вайтхолѣ. Мы не вѣдаемъ жизненной борьбы и дѣлаемся черствыми эгоистами, тѣмъ болѣе, что никто намъ не противорѣчитъ. Моя милая Нанси, напротивъ, часто мнѣ противорѣчитъ, она мнѣ доказала, что я ничего не знаю, и что люди, о которыхъ я всегда отзывался съ пренебреженіемъ, гораздо лучше большого свѣта. Моя гордость унижена, но зато я

нравственно выросъ. Она безсознательно сдѣлала меня болѣе достойнымъ ея руки, хотя, увѣряю васъ, что нѣтъ никого на свѣтѣ, какого бы онъ ни былъ высокаго положенія, который былъ бы вполне достоинъ ея.

XVIII.

Братья ушли отъ насъ очень поздно, и, оставшись со мной наединѣ, Изабелла бросилась ко мнѣ на шею.

— Ты рождена для любви, Нанси,— воскликнула она,— и что бы тамъ ни говорили, а жизнь безъ любви не полна! Одна любовь свѣтитъ и грѣетъ; ну, теперь пора спать. Тебѣ завтра нужно быть свѣжей, прелестной. Нельзя идти къ алтарю съ блѣдными щеками и мутными глазами.

Я легла спать, но во всю ночь не сомкнула глазъ.

Въ семь часовъ утра Молли подала мнѣ письмо, которое, по ея словамъ, принесъ лакей въ блестящей ливреѣ. Это было первое и единственное любовное письмо, когда либо мною полученное. Вотъ оно:

«Милая, милая, милая Нанси! Всю ночь я думалъ только о тебѣ и о нашей любви. Теперь шесть часовъ, и я пишу тебѣ эти строки, которыя застанутъ тебя въ постели. Часа черезъ два ты будешь моей. Эдуардъ все устроить, и намъ только остается исполнять его распоряженія. Это будетъ первымъ шагомъ на томъ новомъ пути, на который я вступаю сегодня. Отнынѣ я всегда буду повиноваться моей Нанси, хотя бы весь міръ повиновался мнѣ. Я сегодня въ церкви произнесу монашескій обѣтъ нищеты, повинovenія и нравственной чистоты, то-есть, я дамъ клятву, что у меня не будетъ ни гроша своего, а все будетъ принадлежать тебѣ, что я никогда не нарушу повинovenія твоей волѣ и никогда не буду знать другой женщины, кромѣ тебя. Голубушка моя, прочти эти слова въ постели, а потомъ встань и въ своей молитвѣ помяни меня. Затѣмъ одѣнься и спѣши въ церковь: сегодня день нашего счастья. Моя любовь, моя все!

Твой Джорджъ».

Я повиновалась. Покрывъ письмо поцѣлуями, я встала и одѣлась. Потомъ я разбудила Изабеллу и показала ей письмо. Молли я также объявила, что черезъ нѣсколько часовъ я буду женой сэра Джорджа, и обѣщала оставить ее у себя въ услуженіи.

Причесывая меня, она рассказала о вчерашней схваткѣ, и я поздравила ее съ ея геройствомъ.

Я надѣла свое бѣлое атласное платье, которое Изабелла украсила кружевами и бѣлыми лентами. Мою шляпку она также убрала бѣлыми лентами и дала мнѣ бѣлыя шелковыя перчатки.

— Одно жаль,—говорила Изабелла, суетясь вокругъ меня,—что на твоей свадьбѣ никого не будетъ. Я желала бы, напротивъ, чтобы съ нашей стороны былъ твой братъ Джозефъ, Робертъ Сторей и цѣлая вереница квакеровъ, а съ его стороны—блестящій рядъ придворныхъ красавицъ, которыя кусали бы свои губы изъ зависти.

— Ничего, мнѣ никого не нужно, кромѣ тебя, Молли и Эдуарда

— Ну, ужъ нечего сказать, ты прелестная невѣста!—воскликнула она, осматривая меня съ ногъ до головы,—и какая ты веселая. Какъ у тебя блестятъ глаза и горятъ щеки! Но знаешь, Нанси,—прибавила она, горячо меня обнимая:—мнѣ сегодня очень радостно и вмѣстѣ съ тѣмъ грустно: что я буду дѣлать безъ тебя? Вѣдь эти три мѣсяца мы были такъ счастливы съ тобой.

Когда мой туалетъ былъ оконченъ, я подошла къ комоду и выбрала вещи, которыя Молли должна была отнести въ мое новое жилище. Ихъ было немного, но я положила въ число ихъ миниатюрный портретъ Лавальеръ, которая почему-то печально смотрѣла на меня.

Сердце мое екнуло, и мнѣ стало страшно за мое будущее счастье, словно что-то ужасное ему грозило.

XIX.

Въ половинѣ восьмого я была совершенно готова и стала ожидать жениха. Изабелла сидѣла рядомъ со мною и безъ умолку болтала, но я ея не слушала и только смотрѣла на часы, негодую на стрѣлки, которыя слишкомъ медленно двигались.

Ровно въ восемь часовъ послышался стукъ колесъ, и черезъ минуту въ комнату вбѣжалъ сэръ Джорджъ.

Онъ бросился ко мнѣ, крѣпко меня обнялъ и сталъ горячо цѣловать.

— Милая моя, милая!—могъ онъ только промолвить.

Подъ его поцѣлуями я забыла о горькихъ мысляхъ и была снова счастлива.

— Извините, мистриссъ Изабелла, — сказалъ онъ, отходя отъ меня,—я васъ не замѣтилъ.

— Еще бы, въ такую радостную минуту. Я васъ охотно извиняю и поздравляю съ днемъ вашей свадьбы!

Онъ поцѣловалъ ея руку и со смѣхомъ произнесъ:

— Вы правы, я такъ счастливъ сегодня, что не помѣнялся бы ни съ кѣмъ своимъ положеніемъ.

— Даже съ королемъ?

Онъ поблѣднѣлъ, но тотчасъ оправился и отвѣчалъ:

— Я нисколько не хочу быть королемъ. Но гдѣ Эдуардъ?

— Онъ еще не пришелъ.

— Странно, Эдуардъ всегда очень аккуратенъ. Впрочемъ, еще рано, и мы можемъ его подождать десять минутъ, а если онъ и тогда не придетъ, то мы повѣнчаемся безъ него.

— А въ какой церкви?

— Не знаю. Эдуардъ знаетъ. Да не беспокойтесь, онъ придетъ.

— Не выпьете ли вы покуда шоколаду?—спросила Изабелла.

— Полноте, развѣ кто пьетъ или ѣстъ въ день своей свадьбы!? Но, право, куда это запропастился Эдуардъ?

Однако, когда Молли принесла шоколадъ, онъ выпилъ чашку и даже съѣлъ поджареннаго хлѣба съ масломъ.

— Эдуардъ—лучшій изъ братьевъ,—продолжалъ онъ,—и готовъ на все ради меня, тогда какъ бывали случаи, что младшіе братья желали смерти старшаго. Знаешь, Нанси, онъ тебя любить не меньше моего, но нисколько не ревнуетъ меня. Вѣдь онъ устроилъ нашу свадьбу. Заведя объ этомъ разговоръ надняхъ, онъ сталъ требовать, чтобы я покончилъ съ тобой, такъ какъ нашъ бракъ, по его словамъ, не мыслимъ. Онъ увѣрялъ, что англичане не любятъ подобныя mesalliance, и что не разъ происходили отъ этого междоусобія. «Конечно,—говорилъ онъ,—тебѣ за это не отрубятъ голову, но будетъ общее неудовольствіе». А я ему на это отвѣчалъ: «будетъ, что будетъ, а женюсь, и завтра же утромъ, на моей Нанси». Тогда мы съ нимъ порѣшили, какъ устроить это дѣло. Ты будешь, Нанси, моей женой, но въ тайнѣ, и никто объ этомъ не узнаетъ. Не думай, однако, Нанси, что я гнушаюсь тобой. Нѣтъ, я вѣчно буду тобой гордиться!

— Ну, теперь мы, наконецъ, узнаемъ, кто вы такіе,—сказала Изабелла.

— Конечно, хотя признаюсь, что ваше незнаніе увеличивало прелесть нашего знакомства. Сначала мы съ братомъ думали, что вы знаете, кто мы, такъ какъ странно было, что только вы оставались въ невѣдѣніи, когда всѣ вокругъ знали насъ. Но теперь пришла минута сказать вамъ все. Ты хочешь, Нанси,—прибавилъ онъ, взявъ меня за руку и цѣлуя ее,—чтобы я сейчасъ открылъ свою тайну, а не послѣ нашего вѣнчанія?

— Нѣтъ, Джорджъ,—отвѣчала я,—я хочу прежде всего принадлежать тебѣ, а потомъ говори мнѣ все, что хочешь.

— Быть по-твоему. Но вотъ и Эдуардъ!

Я вскочила и взглянула въ окно. Эдуардъ бѣжалъ черезъ площадь, блѣдный и взволнованный. Снова дрогнуло у меня сердце, и снова закралось въ него предчувствіе грозившей мнѣ бѣды.

Черезъ нѣсколько минутъ Эдуардъ стоялъ въ дверяхъ и смотрѣлъ на насъ дикими блуждающими глазами.

— Джорджъ!—промолвилъ онъ, задыхаясь.

— Какъ ты опоздалъ, братъ, но все-таки время не ушло. Пойдемъ, Нанси.

— Оставь ее и иди со мной! — воскликнулъ Эдуардъ, — иди со мной!

— Съ тобой? Нѣтъ, ты пойдешь съ нами въ церковь.

— Это невозможно, Джорджъ!

— Да ты съ ума сошелъ?

— Къ несчастью, нѣтъ. Мистриссъ Сторей, уведите бѣдную Нанси въ ея комнату и снимите съ нея вѣнчальное платье.

— Что это такое? Что случилось? — воскликнулъ сэръ Джорджъ.

— Всѣ тебя ищутъ, всѣ тебя ждутъ. Пойдемъ скорѣй.

— Что это значитъ? Говори!

— Если ты хочешь, чтобы я сказалъ при ней, — изволь: король умеръ.

Преклонивъ колѣно, онъ поцѣловалъ руку брата и торжественно произнесъ:

— Да здравствуетъ король!

Наступило тяжелое молчаніе. Я не знаю, сколько оно длилось. Джорджъ стоялъ неподвижно, поднявъ глаза къ небу.

Я все поняла и едва не упала въ обморокъ.

На лицѣ моего Джорджа я прочла ясно свою судьбу. Оно вдругъ измѣнилось. Глаза его болѣе не дышали любовью, а въ нихъ свѣтилась забота о благѣ вѣренной ему страны. Что значила для него простая, молодая дѣвушка въ сравненіи съ цѣлымъ народомъ, благоденствіе котораго зависѣло отъ него. Любовь внезапно исчезла изъ его сердца, и онъ былъ теперь король и болѣе ничего.

— Да будетъ воля Божія! — промолвилъ онъ, наконецъ, и, обернувшись ко мнѣ, сказалъ торжественно:

— Нанси, мы должны покориться судьбѣ. Я король, хотя и не достойный. Забудь меня и молись обо мнѣ. Братъ тебя не оставитъ. Ты, Нанси, добрая, прости меня!

Онъ нагнулся и поцѣловалъ меня въ лобъ.

Въ глазахъ у меня потемнѣло, и я лишилась чувствъ.

Часто я потомъ думала, что напрасно я не умерла въ этотъ несчастный день; но нѣтъ, я бы тогда не могла вспоминать о немъ, о его любви. Я была его первой любовью, и когда мы съ нимъ встрѣтимся на томъ свѣтѣ, я подойду прямо къ нему и скажу:

— Джорджъ, ты меня любилъ прежде той, которую ты выписалъ изъ-за моря. Я твоя первая любовь, и такъ какъ я никогда не переставала тебя любить, то мы все-таки принадлежимъ другъ другу.

XX.

О дняхъ, слѣдовавшихъ за этимъ омрачившимъ всю жизнь событіемъ, нечего много говорить. Эдуардъ часто приходилъ ко мнѣ и старался меня утѣшить, хотя часто плакалъ вмѣстѣ со мной.

— Подумайте,—говаривалъ онъ не разъ,—король не можетъ жениться, на комъ онъ хочетъ. Его невѣста должна принадлежать къ королевскому роду, такъ какъ отъ этого зависитъ польза всего государства. Если бы онъ женился на комънибудь, не столь высокаго положенія, то вся страна могла бы отъ этого пострадать. Я согласился на его тайный бракъ съ вами только потому, что онъ безумствовалъ, но я предчувствовалъ, что вамъ грозитъ бѣда. Вѣдь, еслибъ дѣйствительно вы вышли за него замужъ, и онъ потомъ сдѣлался бы королемъ, то какова бы была ваша роль. Вамъ пришлось бы вѣчно скрываться, и все-таки когданибудь все обнаружилось бы; парламентъ вмѣшался бы въ дѣло и потребовалъ бы вашего развода. А если бы онъ сталъ упорствовать, то ему оставался бы одинъ выходъ—отказаться отъ престола. Наконецъ, какова бы была судьба вашихъ дѣтей? Они были бы рождены въ законномъ бракѣ, но не имѣли бы ни имени, ни титула.

Однако его слова меня нисколько не утѣшали.

— Что касается меня, — продолжалъ Эдуардъ, — то я не имѣлъ ни минуты покоя съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о вашей любви. Повѣрьте мнѣ, что онъ теперь очень несчастливъ. Онъ васъ искренно любилъ и не можетъ разлюбить въ одинъ день, но онъ будетъ скрывать свое горе отъ всѣхъ, даже отъ меня.

Долго я ждала отъ него письма или какойнибудь вѣсточки, но ни того, ни другого не пришло, а Эдуардъ утѣшалъ меня тѣмъ, что лучше было разстаться разомъ, чѣмъ постоянно растревлять ужасную рану.

Не только моя судьба, но и судьба всѣхъ въ нашемъ домѣ совершенно измѣнилась. У капитана Селлинджера умеръ братъ, и онъ наследовалъ его титулъ виконта Делиса и большое помѣстье, гдѣ и поселился, выйдя въ отставку. Поручикъ Бетцъ уѣхалъ на войну, и вскорѣ мы узнали о его славной смерти. Докторъ исчезъ, и никто никогда не зналъ ничего о его дальнѣйшей судьбѣ.

Наконецъ, въ концѣ ноября принцъ Эдуардъ, навѣщавшій меня ежедневно, сказалъ, что пора рѣшить вопросъ о моей дальнѣйшей жизни.

— Я уже давно хотѣла поговорить съ вами объ этомъ серьезно, — отвѣчала я. — Изабелла проситъ меня остаться жить съ нею, но я считаю себя вдовой, хотя никогда не была женой, и желаю жить отдѣльно.

— Вполнѣ разумно.

— Я не хочу жить въ Лондонѣ, а хотѣла бы поселиться въ маленькомъ сельскомъ домикѣ, съ моими книгами и Молли.

— Полноте! Вы молоды, и не пройдетъ много времени, какъ станете сохнуть по Лондонѣ.

— Какъ вы меня мало знаете, Эдуардъ!

— Во всякомъ случаѣ вы можете исполнить свой капризъ. Стряпчіе, которымъ я поручилъ дѣло о вашемъ наслѣдствѣ, говорятъ, что оно скоро кончится, и вы будете богаты, получивъ половину отцовскаго наслѣдства.

— Да, я буду очень рада имѣть свои деньги, хотя не для меня, а для бѣдныхъ, которыхъ такъ много на свѣтѣ. Но, Эдуардъ, я имѣю къ вамъ большую просьбу: не забывайте, что если бы вы пришли получасомъ позже, то я была бы законной женой вашего брата, а, слѣдовательно, вашей сестрой.

— Я и теперь вамъ братъ и всегда останусь имъ!

— Въ такомъ случаѣ поступите согласно этому. Подарите мнѣ сельскій домикъ, и пусть онъ будетъ моимъ свадебнымъ подаркомъ. Я проведу всю свою жизнь въ этомъ домикѣ и буду съ удовольствіемъ помнить, что обязана своимъ жилищемъ брату своего жениха.

Мой рассказъ конченъ. Домъ, въ которомъ я теперь живу, подаренъ мнѣ Эдуардомъ, герцогомъ Йоркскимъ, а не королемъ, какъ говорятъ злые языки. Живу же я на свое собственное довольно крупное состояніе.

Что касается до моего бывшаго жениха, то я никогда болѣе не видѣла его и не получала отъ него никакой вѣсточки. Я слышала, что онъ женился и былъ очень счастливъ. Я нимало не сержусь на него, а, напротивъ, утромъ и вечеромъ молюсь о немъ, утѣшая себя мысленно, что все-таки я была его первую любовью.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Магазиновъ „Новаго Времени“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Сиратовъ).

ВЪ МАѢ 1898 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 5-й.

- Агаповъ, Д. Собраніе наиболѣ трудныхъ задачъ по математикѣ, служившихъ во всѣхъ учебныхъ округахъ Россіи темами на испытанія зрѣлости въ гимназіяхъ и на выпускныхъ экзаменахъ въ реальныхъ училищахъ, съ подробнымъ рѣшеніемъ и объясненіемъ ихъ. Арифметика, алгебра, геометрія и тригонометрія. Второе переработан. и дополнен. изданіе. Оренбургъ. 1898 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Адреса Правленій акціонерныхъ предприятий Россіи. Изд. П. Пушкина Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Аленсѣвъ, М., Варшавскій, Е., и Гедройць, А. Способы леченія и рецепты С.-Петербургскихъ клиникъ. Часть II. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Альфэнсовъ, И. Механическій способъ повѣрки первыхъ четырехъ арифметическихъ дѣйствій. Казань. 1898 г. Ц. 10 к.
- Анастасевъ, А. Методика обученія начальной грамматикѣ. Казань. 1898 г. Ц. 35 к.
- Angerstein и Eskler. Домашняя гимнастика для здоровыхъ и больныхъ. Переводъ съ нѣмец. подъ ред. проф. К. П. Ковальковского. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Андръ. Къ сѣверному полюсу на аэростатѣ. Кіевъ. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Армениковъ, Н. Сборникъ арифметическихъ задачъ и примѣровъ для начальныхъ училищъ. Гошъ второй. Первая сотня. Первая тысяча. М. 1898 г. Ц. 15 к.
- Безгинъ, И. Нормальный карточный каталогъ всѣхъ русскихъ книгъ и повременныхъ изданій. Отдѣлъ I за 1890 — 1899 годы. Первая сотня карточекъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Березовскій, В. Русская музыка. Критико-историческій очеркъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 90 к.
- Бехтеревъ, В. (проф.). Роль внушенія въ общественной жизни. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Бриллиантовъ, А. Вліяніе восточнаго божества на западное въ произведеніяхъ Іоанна Свота Эригены. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Булозскій, А. Казенная винная монополія. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Бурже, П. Мучительная загадка. Съ иллюстраціями и портретомъ автора. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Бучинскій, А. О культурѣ масличнаго растенія земляного гороха или земляной фиштакши на югѣ Россіи. Одесса. 1898 г. Ц. 50 к.
- Вереха, П. (проф.). Опытъ лѣсоводственнаго терминологическаго словаря. Съ 211 рисунками. Спб. 1898 г. Ц. 4 р.
- Виндельбандъ, В. Исторія философіи. Переводъ съ нѣмецк. П. Рудина. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Володихинъ, И. Архитектурный стиль. Часть первая. Архитектурные стили древняго міра. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Вольмскій, А. П. С. Лѣсковъ. Критическій очеркъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Вотчала, Е. О движеніи пасоки (воды) въ растеніи. Критическое и экспериментальное изслѣдованіе. М. 1897 г. Ц. 3 р.
- Гальперинъ, С. Отголоски закона о ростовщичествѣ. Екатеринославъ. 1897 г. Ц. 15 к.
- Права и обязанности присяжнаго почителя по дѣлу торговой несостоятельности. (Практ. замѣтки). Екатеринославъ. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гаринъ, И. Студенты. Изъ семейной хроники. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Гимнасты. Изъ семейной хроники. Изданіе второе. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Герасимовъ, Н. Философія сознанія бытія безконечнаго. М. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Госдѣрферъ, М. Комнатное садоводство. Уходъ за комнатными растеніями, ихъ выборъ и размноженіе. Вып. 3-й. Спб. 1898 г.

- Ц. за 5 вып. 4 р. 50 к. Отдѣльно каждый выпускъ по 1 р.
- Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Перев. съ 4-го англ. изд. А. Каменскаго. Изд. 2. Спб. 1898 г. Ц. 80 к.
- Гигіена шюльмина. Перев. съ голландскаго. Спб. 1898 г. Ц. 6 к.
- Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма. Съ предисловіемъ автора, писаннымъ для этого изданія. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гогель, С. Проектъ швейцарскаго уголовнаго уложенія. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Горьскій, М. Очерки и рассказы. Т. II. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Гоффманъ, К. (проф.). Обязанности молодой матери. Отношенія суруговъ. Указанія для жены и матери. Уходъ за дѣтми. Перев. съ нѣмец. подъ ред. д-ра мед. В. И. Рамма съ приложеніемъ календаря беремен. д-ра мед. Я. А. Дедулина. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гофманъ, К. Ботаническій атласъ по системѣ Де-Кандоля. Изд. 2-е, испр. и дополн. Вып. 5. Ц. 1 р. 10 к.
- Граціанскій, А. (д-ръ). Бесѣды о заразныхъ болѣзняхъ. (Оспа, корь, скарлатина, тифы, дифтеритъ, коклюшъ, холера, кровавый поносъ, сибирская язва, водобоязнь, чахотка, чума и др.). Свойства, признаки, лечение и предохраненіе. Руководство для родителей, учителей и духовенства. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Даниловъ, И. Сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената по крестьянскимъ дѣламъ, съ приведеніемъ положеній, извлеченныхъ изъ означенныхъ рѣшеній 1890—1898 гг. (по январь). Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Двадцать четыре часа на воздушномъ шарѣ. Спб. 1898 г. Ц. 15 к.
- Десятилѣтіе Харьковской Общественной Библиотеки. (26-го сент. 1886 г.—26-го сент. 1896 г.) Харьков. 1898 г. Ц. 50 к.
- Дойль, И. Записки знаменитаго сыщика. Аристократы-убійцы и мененники. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Друмининъ, Н. Общепонятное законовѣдѣніе. Научно-практическое пособие съ приложеніемъ образцовъ и формъ дѣловыхъ бумагъ: прошеній, заявленій, жалобъ, договоровъ, завѣщаній и пр. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Ддуммондъ, Г. Естественный законъ въ духовномъ мірѣ. Съ приложеніемъ рѣчей: «Какъ преобразить нашу жизнь» и «миръ съ вами». Перев. съ англ. М. 1898 г. Ц. 2 р.
- Жизнь. Литературный, научный и политическій журналъ. Апрель. 1898 г. Ц. 40 к.
- Жизнь замѣчательныхъ людей. Александръ Македонскій и Юлій Цезарь. Ихъ жизнь и военная дѣятельность. Биографич. очеркъ. Е. Орлова. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.
- Жизнь. Литературный, научный и политическій журналъ. Апрель. № 11. Ц. 40 к.
- Журналъ журналовъ и энциклопедическое обозрѣніе. Апрель. Ц. 50 и 75 к.
- Журналъ Юридическаго Общества. Книга V. Ц. 2 р.
- Занолдованный (извозчикій) вопросъ и комическая сценка. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.
- Залѣтскій, В. Нужды земледѣлія юга Россіи. Можно ли предвидѣть степень урожая и особенности будущаго вегетаціоннаго періода? Курскъ. 1898 г. Ц. 25 к.
- Записки Горона, бывшаго начальника парижской сыскной полиціи. Перев. съ франц. К. Военскій. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Зуевъ, В. Вани и ванны, ихъ свойства, гигиеническое значеніе и историческое развитіе. Съ 65-ю рисунк. и чертежами въ текстѣ. 1 одесса. 1898 г.
- Идельсонъ, Е. Алфавитный указатель болѣзнямъ и тѣлеснымъ недостаткамъ при освидѣтельствованіи лицъ, призванныхъ къ исполненію воинской повинности. Казань. 1898 г. Ц. 15 к.
- Первая помощь на полѣ сраженія. Пособіе для носильщиковъ. Казань. 1898 г. Ц. 10 к.
- Иерархія Всероссійской Церкви отъ начала христіанства въ Россіи и до настоящаго времени. I. Д. Вып. III. М. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Индійскія повѣсти. 2. Сакунтала или узнанная по кольцу. Изд. 3-е. М. 1898 г. Ц. 8 к.
- Истоминъ, В. Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній М. М. Хераскова, А. П. Сумарокова и Императрицы Екатерины II въ лексическомъ, этимологическомъ, синтаксическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ. Варшава. 1898 г. Ц. 1 р.
- Исторія бѣдной сироты. Съ рис. Перев. съ франц. А. В. Погожвой. М. 1898 г. Ц. въ папѣ 75 к.
- Ивельинъ, И. Собраніе сочиненій. Т. 2-й. Публицистика. I. Крестьянскій вопросъ, дворянство и земледѣльице. — II. Сельскій бытъ и самоуправленіе. — III. Общественныя направленія и политическіе вопросы. — IV. Воспоминанія и разныя статьи. Съ портретомъ автора, вступительной статью В. Д. Спасовича и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова. Спб. 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Карстанъенъ, Фр. Введеніе въ «критику чистаго опыта». Перев. В. Лесевича. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Карѣевъ, Н. Исторія западной Европы въ новое время. Т. I. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Ч. I. Политическія и социальныя отношенія въ концѣ среднихъ вѣковъ. Вып. I. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Общедоступное изложеніе основныхъ космологическихъ вопросовъ. Съ многими рисунками. Перев. съ послѣд. нѣмец. изд. К. Ш. Пятницкаго. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Коринъ, В. Зарницы. Стихи и пѣсни. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Клинге, А. Культура и обработка (добываніе эфирныхъ маселъ) лекарственныхъ и душистыхъ растений. Вып. I. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Кнейпъ, С. Мое водолеченіе, испытанное въ теченіе болѣе сорока лѣтъ. Съ 29 рис. 1898 г. Ц. 80 к.
- Мозловъ, А. О развитіи христіанскаго искусства и основахъ его, въ примѣненіи къ церковной живописи. М. 1898. Ц. 30 к.

- Коренблѣтъ, А. Нѣмецко-русскій техническій словарь. М. 1898. Ц. 13 р. 50 к.
- Корняковъ, В. Измѣреніе площадей, поверхностей и объемовъ тѣлъ. 180 чертежей. Спб. 1898. Ц. 70 к.
- Cosmopolis. Revue internationale. Mai. 1898. Ц. 1 р. 25 к.
- Космополисъ. Русскій отдѣлъ. Май. 1898. Ц. 60 к.
- Кравскій, А. Практическія замѣтки по вопросу о достиженіи скорости въ гражданскомъ судопроизводствѣ. М. 1898. Ц. 50 к.
- Кренинъ. Руководство къ разбивкѣ закругленій на обыкновенныхъ и желѣзныхъ дорогахъ. Съ полными таблицами и чертежами. Изд. 2-е, испр. Спб. 1898. Ц. 80 к.
- Мурдюмовъ, Е. О вліаніи велосипедной ѣзды на здоровье. М. 1898. Ц. 20 к.
- Левенфельдъ, Л. (д-ръ). Половая нейрастенія. (Нервная разстройства полового происхожденія). Перев. съ нѣм. Изд. 2-е. Одесса. 1898. Ц. 60 к.
- Лейкивъ, И. Ребятинки. Разказы. Изд. 3-е, дополненное. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Липицкій, П. Есть ли какая-либо связь между религіозной вѣрой и наукою. Харьковъ. 1898. Ц. 50 к.
- Лоренцъ, М. Орнаментъ всѣхъ временъ и стилей. Вып. 3-й. Спб. 1898. Ц. за 10 вып. 15 р.
- Лысанъ, В. Подорожникъ. Разказы. М. 1898. Ц. 80.
- Люцэрнъ. Озеро четырехъ кантоновъ и большія экскурсіи по Швейцаріи. Путеводитель, составленный по новѣйшимъ даннымъ, Цюрихъ. 1897. Ц. 1 р.
- Лясноронскій, Вас. Иностранныя карты и атласы XVI и XVII вв., относящіяся къ южной Россіи. Кіевъ. 1898. Ц. 2 р. 50 к.
- М. м. Критическія наброски. I. «Тотонувшій колоколь» сказка-драма Г. Гауптмана. II. Певца. III. Водавра. Спб. 1898. Ц. 25 к.
- Marssiaux, L. (prof.). Праксископъ (Зеркальный стробоскопъ) и его изготавленіе. Руководство для любителей. Перев. съ англ. Л. А. Боровичъ. М. 1898. Ц. 40 к.
- Матвѣевъ, Ф. Индивидуализація, какъ основа образованія. Спб. 1898. Ц. 50 к.
- Материалы къ пересмотру общаго тарифа желѣзныхъ дорогъ I и II группъ. Отдѣлъ II. Руды, металлы не въ дѣлѣ и въ издѣлкахъ и ихъ отбросы. Составлено подъ руководствомъ завѣдующаго дѣлами общихъ тарифныхъ създовъ I. П. Зайцева. Спб. 1898. Ц. 6 р.
- Миллеръ, В. Руководство консервативнаго зубоврачеванія. Съ 420 рис. Перев. съ нѣм. д-ра А. Г. Фейнберга. Спб. 1898. Ц. 2 р.
- Молассанъ (де), Гюк. Любовь. Веселые разказы. Перев. съ франц. Г. П. Спб. 1898. Ц. 40 к.
- Моргулисъ, М. Современныя опасенія западно-европейскихъ евреевъ. Спб. 1898. Ц. 40 к.
- Мюнцъ, А., и Жираръ, А. Исслѣдованіе кормоваго значенія люцерны. Перев. съ франц. Одесса. 1898. Ц. 30 к.
- Назарьева, М. Любовь. Везъ любви «Ракитинская исторія». Спб. 1898. Ц. 1.
- Мелочи жизни. Разказы. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Научное обозрѣніе. Ежемѣсячный научно-философскій журналъ. Апрель. Ц. 75 к.
- Немировичъ-Данченко, Вас. Великій старикъ. Романъ. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Новое торжество православія. Обращеніе Сиро-халдейскихъ несторіанъ въ доно православной церкви (25-го марта 1898 г.). Спб., 1898. Ц. 30 к.
- Новый всеобщій путеводитель по жел. дор. и пароходнымъ путямъ Россіи. Лѣтнее движеніе. 1898. Ц. 40 к.
- Нормальный уставъ потребительныхъ обществъ съ приложеніемъ указаній для ихъ учредителей. Спб. 1898. Ц. 20 к.
- Орнешко, Э. Жертвы адвоката. Романъ. Переводъ съ польскаго. Спб. 1898. Ц. 60 к.
- Орловъ, М., проф. Походъ Суворова въ 1799 г. по запискамъ Грязева. Съ портретами, рисунк. и планами. Спб. 1898. Ц. 2 р.
- Орловскій, Петръ (протоіерей). Св. Софія Кіевская, нынѣ Кіево-Софіискій кафедральный соборъ. Кіевъ. 1898. Ц. 25 к.
- Отчего и почему. Маленькій Сусанны. Съ рис. М. 1898. Ц. въ папѣт 75 к.
- Паргаминъ (врачъ). Женщина съ медицинскою точки зрѣнія. Спб. 1898. Ц. 2 р.
- Плющевскій-Плющинъ, Я. Сужденія и толки народа объ однодневной переписи 28-го января 1897 г. Материалы для исторіи первой всеобщей переписи народонаселенія. Спб. 1898. Ц. 75 к.
- Побѣдоносцевъ, К. П. Московскій сборникъ. Съ портретомъ К. П. Побѣдоносцева. Изд. 4-е. М. 1897. Ц. 1 р. 40 к.
- Помровскій, Г. Право и фактъ въ римскомъ правѣ. Часть 1-я. Право и фактъ, какъ матеріальное основаніе исковъ. Кіевъ. 1898. Ц. 1 р. 50 к.
- Помровскій, И. Значеніе высшей русской іерархіи и историческія условія ея служенія церкви и государству до XVIII вѣка. Казань. 1898. Ц. 20 к.
- Польновъ, А. Монетный вопросъ. М. 1898. Ц. 2 руб.
- Полный нарманный путеводитель. Лѣто и осень. 1898. Ц. 50 к.
- Половъ, И. Самоубійство. Этико-психологическій очеркъ. Сергіевъ-Посадъ. 1898. Ц. 25 к.
- Преву, Марсель. Женщины (Lettres de femmes). Съ иллюстраціями и портретомъ автора. Изд. 3-е. Спб. 1898. Ц. 60.
- Послѣднія письма женщинъ. Пер. съ франц. М. 1898. Ц. 60 к.
- Мелкіе разказы. Перев. съ франц. М. 1898. Ц. 75 к.
- Прессансъ, Е. Христіанская семья. Перев. съ франц. подъ ред. проф. Н. И. Варсова. М. 1898. Ц. 75 к.
- Путеводитель по кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Пятигорскъ, Желѣзноводскъ, Ессентуки, Кисловодскъ. Съ 22 цинкографіями. Пятигорскъ, 1898. Ц. 50 к.
- Пыляевъ, М. Замѣчательные чудеса и оригиналы. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.
- Пѣтуховъ, Е. Лужицкіе сербы (лужичане). Изъ путевыхъ замѣтокъ лѣтомъ 1897 года. Юрьевъ. 1898. Ц. 25 к.

- Регесты и надписи.** Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80 г. — 1800 г.). Вып. II (до 1600 г.). Спб. 1897. Ц. 1 р.
- Риббингъ, Сведъ.** Половая гигиена и ея нравственныя послѣдствія. Изд. 4-е. Одесса. 1898. Ц. 1 р.
- Рибо, Т.** Эволюція общихъ идей. Перев. съ франц. М. Гольдсмитъ. Спб. 1898. Ц. 60 коп.
- Riedel (prof).** Руководство въ операціямъ на трутѣ и живомъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на практическую, врачебную дѣятельность. Пер. съ нѣм. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Риль, Алоизъ, Г. Зimmelъ, Фридрихъ Ницше.** Одесса. 1898. Ц. 60 к.
- Робине (д-ръ).** Положительная философія Юста Кюнга. Перев. съ франц. Спб. 1898. Ц. 50 к.
- Ростанъ, Эдм. Сирано де-Вержеракъ.** Героическая комедія въ 5 актахъ. Переводъ Т. А. Щепкиной-Куперникъ. М. 1898. Ц. 2 р.
- Русскій біографическій словарь.** Т. II. Ибакъ-Ключаревъ. Спб. 1897. Ц. 10 р.
- Рябининъ, И. Адалалонди.** Химико-физиологическіе очерки. Подъ ред. А. А. Волкова и М. М. Тихвинскаго. Спб. 1898. Ц. 60 к.
- Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.** Томы 101, 103 и 104. Спб. 1898. Ц. каждого тома 3 р.
- Свѣтловъ, В.** Звѣзда любви. Флорентійская новелла въ двухъ частяхъ (1692 — 1695). Спб. 1898. Ц. 75 к.
- Свѣтловъ, П. (свящ.).** Опытъ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣроученія. Часть вторая. Т. II. Понетология и христология. Кіевъ. 1888. Ц. 2 руб. 75 коп.
- Свирскій, А.** Несчастныя дѣти. (Очерки). Съ портретами. Спб. 1898. Ц. 15 к.
- Сеньюбовъ, И.** Политическая исторія современной Европы (1814—1896). Перев. съ франц., подъ ред. проф. А. Трачевскаго. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.
- Слонимскій, Л.** Экономическое ученіе Карла Маркса. Изложеніе и критическій разборъ. Спб. 1898. Ц. 1 р. 25 к.
- Смирновъ, В.** Турецкія легенды о святой Софіи и о другихъ византійскихъ древностяхъ. Спб. 1898. Ц. 3 р. 50 к.
- Симоновъ, Л. (д-ръ).** Пивовареніе (заводское и домашнее), квасовареніе и медовареніе. Производство солода, хмѣля и дрожжей. Разведеніе чисто-породныхъ дрожжей. Необходимыя справ. таблицы. Сост. при участіи М. С. Пумпянскаго. Съ 75 рис. Спб. 1898. Ц. 3 р. 50 к.
- Квасовареніе и домашнее пивовареніе. Съ 16 рис. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Медовареніе, заводское и домашнее. Спб. 1898. Ц. 75 к.
- Сахарометрическія Таблицы Mategczek'a и Schetbler'a съ необход. объясненіями. Для винокуровъ, медоваровъ и вообще для лицъ, имѣющихъ дѣло съ растворами, содержащими сахаръ. Спб. 1898. Ц. 25 коп.
- Соколовъ, В.** О соединеніи церквей. Публичное чтеніе. Сергіевъ-Посадъ. 1898. Ц. 20 коп.
- Иерархіи англиканской епископальной церкви. Сергіевъ-Посадъ. 1899. Ц. 2 р.
- Соловьевъ, Евг. (Скриба), В. Г. Бѣлинскій** въ его письмахъ и сочиненіяхъ (1810 — 1848). Спб. 1898. Ц. 1 р. 75 к.
- Сообщенія С.-Петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ.** Вып. 13-й. Спб. 1898. Ц. 50 к.
- Сорокинъ, Н.** Учебникъ вексельнаго права. Спб. 1898. Ц. 80 к.
- Сперанскій, М.** Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи. М. 1898. Ц. 1 р.
- Спутникъ по Россіи, В. М. Ландцверга.** Лѣтнее движеніе. 1898. Изданіе, составленное по официальнымъ свѣдѣніямъ. Ц. 60 к.
- Сумпакъ, И.** Новѣйшее открытіе въ области метеороантіи. Пер. съ эстонск. Ревель. 1898. Ц. 50 к.
- Таблицы для скорого и точнаго вычисленія объемовъ земляныхъ работъ по способу инженера Ф. Ф. Мурзо.** Изд. 2-е. М. 1898. Ц. 1 р. 50 к.
- Татищевъ, С.** Дипломатическія бесѣды о внѣшней политикѣ Россіи. Годъ второй. 1890. Спб. 1898. Ц. 2 р.
- Телешовъ, М.** Маленькій романъ. М. 1898. Ц. 60 к.
- Тихонизовъ, Н.** Сочиненія. Томъ первый. Древняя русская литература. М. 1898. Ц. за 3 тома 7 р. 50 к.
- Толби, Ари.** Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII столѣтіи. Перев. съ англ. подъ ред. проф. А. И. Чупрова. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Толстой, Л. Н.** Что такое искусство? М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Тромцкій, Іоаннъ (свящ.).** Духовный даръ законоучителя учащагося и подростающему поколѣнію русскихъ женщинъ. Кіевъ. 1898 г. Ц. 40 к.
- Тураевъ, Б.** Богъ Тотъ. Опытъ изслѣдованія въ области исторіи древне-египетской культуры. Лейпцигъ. 1898 г. Ц. 2 р.
- Указатель желѣзнодорожныхъ, паровозныхъ и другихъ пассажирскихъ сообщеній.** Лѣтнее движеніе. 1898 г. Ц. 70 к., въ переп. 1 р.
- Уоллесъ, А.** Дарвинизмъ. Изложеніе теоріи естественнаго подбора и нѣкоторыхъ изъ ея приложеній. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Урусовъ, С. (внзъ).** Наружный осмотръ лошади. (Къ ученію объ экстерьерѣ). Практич. руководство для гг. кавалеристовъ и любителей верховыхъ лошадей. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Генеалогическія таблицы чистокровныхъ, англійскихъ жеребцовъ. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фанштейнъ, С.** Искусство укрѣпленія памяти. Изданіе восьмое, исправленное и дополнен. Одесса. 1898 г. Ц. 25 к.
- Федотовъ, Н.** Новый Иллюстрированный путеводитель на Иматру. Съ картою, планами и чертежами Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- Филатовъ, Н. (проф.).** Гигіена дѣтей. Съ 30 рис. М. 1898 г. Ц. 2 р.

- Филипповъ, А.** Гигіена дѣтей. Съ предисловіемъ проф. Н. О. Филатова. Съ 30 рис. М. 1898 г. Ц. 2 р.
- Фишеръ, В.** Краткое руководство къ специальной архитектурѣ и инженерному дѣлу для помощниковъ инженеровъ. Текстъ и атласъ, съ 39 таблицами. Спб. 1898 г. Ц. 8 р.
- Фрэнцонъ, Г.** Акварель. Натюръ-мортъ. Перев. г. Осѣвскаго. М. 1898 г. Ц. 1 р. 20 к.
— Акварель, головки, яйца и фигуры. Искусство писать фигуры. Перев. съ франц. Г. Вуттъа. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Цытовичъ, А.** Къ учению о постоянныхъ множителяхъ. (Опытъ облегченія повѣрки начисленныхъ процентовъ по текущимъ и специальнымъ счетамъ). Кіевъ. 1898 г. Ц. 25 к.
- Черепнинъ, М.** Вѣсѣды врача о заразныхъ болѣзняхъ. Законоположенія о нихъ, мѣры къ ограниченію, леченіе и прописи лекарствъ. Одобрены Ученымъ Комитетомъ М-ства Народнаго Просвѣщенія для учительскихъ библиотекъ, народныхъ школъ. При Свят. Синодѣ для библиотекъ церковно-приходскихъ школъ. При М-ствѣ Земледѣлія и Госуд. Имущ. для библиотекъ сельско-хозяйств. школъ. Изданіе пятое, печатано съ дополн. и свѣрен. по послѣднимъ источникамъ изданія 4-го. Спб. 1898 г. Ц. 70 к.
- Чеховъ, Антонъ.** Мужики и моя жизнь. Изд. пятое. 1898 г. Ц. 1 р.
- Шалтепи-де-ля-Соссей, Д.** Иллюстрированная религія. Вып. 3-й. М. 1898 г. Ц. по подпискѣ 7 р.
- Шевляновъ, М.** Изъ области приключеній. По рассказамъ бывшаго начальника с.-петербургскій сыскной полиціи И. Д. Путилина. Съ его портретомъ и биографіей. Спб. 1898 г. Ц. 80 к.
- Шениъ, Л.** (проф.). Опредѣленіе пола потомства. Перев. съ нѣмец. подъ ред. д-ра А. Г. Фейнберга. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
— Вліяніе на образованіе пола. Теорія, имѣ самимиъ изложенная. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Шерръ, Г.** Всеобщая исторія литературы. Вып. XXV (послѣдній). М. 1898 г. Ц. за все сочин. 9 р.
- Шершеневичъ, Г.** Въ свою сащиту. Казань. 1898 г. Ц. 10 к.
- Шоленгауеръ, Арт.** Метафизика любви. Перев. съ нѣмецкаго. А. Г. Изданіе второе. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.
- Шпановскій, Б.** На судъ общественный. Правда объ одесской психіатрической эпошеѣ. Одесса. 1898 г. Ц. 85 к.
- Шредеръ, В.** (проф.). Женскій врачъ. Сущность, причины, предупрежденіе и лѣченіе женскихъ болѣзней. Перев. съ нѣмец. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Энциклопедическій словарь.** Полутомъ 46-й. Петропавловскій—Поватажное. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Эспинасъ, А.** Соціальная жизнь животныхъ. Опытъ сравнительной социологіи. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. Второе пересмотрѣнное изданіе. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Ярмонинъ, В.** Звуки сердца. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА А. С. СУВОРИНА.

60 коп.—каждый томъ—60 коп.

1. Дома, Ал. Королева Марго. Ром. въ 6-ти част. Книга I-я, части 1-я, 2-я и 3-я. 2. — То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я. 3. — Три мушкетера. Ром. Книга I-я. 4. — То же. Книга II-я. 5. Бальзанъ. Шагреновая кожа. Романъ. 6. Превю, аббатъ. Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Грие. Ром. 7. Кракъ, А. Д. Эмилиѣ. Повѣсть изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деци и Валеріи. Переводъ съ англійскаго. 8. Мингслей, Ч. Ипатія или новые враги подъ старой личиною. Романъ. Томъ I-й. 9. — То же. Томъ II. 10. Морнкъ-Зандъ. Орасъ. Романъ. 11. Мериме, П. Жаверія. Сцены изъ феодальныхъ временъ. 12 и 13. Диннесъ, Ч. Лаввадревностей. Ром. 14. Гете, В. Страданія молодого Вертера. Ром. 15. Басаминъ, Маркъ. Клубъ козицкаго дворянства. Романъ. 16. Фильдингъ. Исторія Тома Джомса Найденыша. Романъ. Томъ I-й. 17. — То же. Томъ II-й. 18. — То же. Томъ III-й. 19. Ясинскій, Іер. Старый другъ. Романъ. 20. Дюма, А. Двадцать лѣтъ спустя. Ром. Т. I-й. 21. — То же. Томъ II-й.	22. Золя, Эмиль. Докторъ Паскаль. Ром. 23. Бульверъ, Эдвардъ, лордъ Литтонъ. Последніе дни Помпеи. Ром. Томъ I-й. 24. — То же. Томъ II-й. 25. Бичеръ-Стоу, Генр. Хижина дяди Тома. Съ приложеніемъ библиографіи этого произведенія Джоржа Вуллена. Томъ I-й. 26. — То же. Томъ II-й. 27. Сю, Евгений. Въчный жидъ. Ром. Первый, полный безъ пропусковъ переводъ съ французскаго. Томъ I-й. 28. — То же. Томъ II-й. 29. — То же. Томъ III-й. 30. — То же. Томъ IV-й. 31. — То же. Томъ V-й. 32. Бальзанъ. Женщина тридцати лѣтъ. Ром. 33 и 34. Флоберъ, Г. Госпожа Бовари. Провинціальныя нравы. Ром. Перев. съ франц. 35. Царь изъ дома Давида. Съ англ. Е. М. 36. Янушкинъ, П. Великъ Богъ земли русской! и другіе рассказы. 37 и 38. Грандъ, Сара. Небесныя близнецы. Перев. съ нѣм. А. Гердъ. 39 и 40. Поз, Эдгаръ. Необыкновенныя рассказы. Переводъ съ англійскаго. Книга первая и вторая.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

Библиотека "Руниверс"

